ИСТОРІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

IV

Исторія

Императорскаго Казанскаго Университета

IV

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета отъ 3 апрѣля 1900 года.

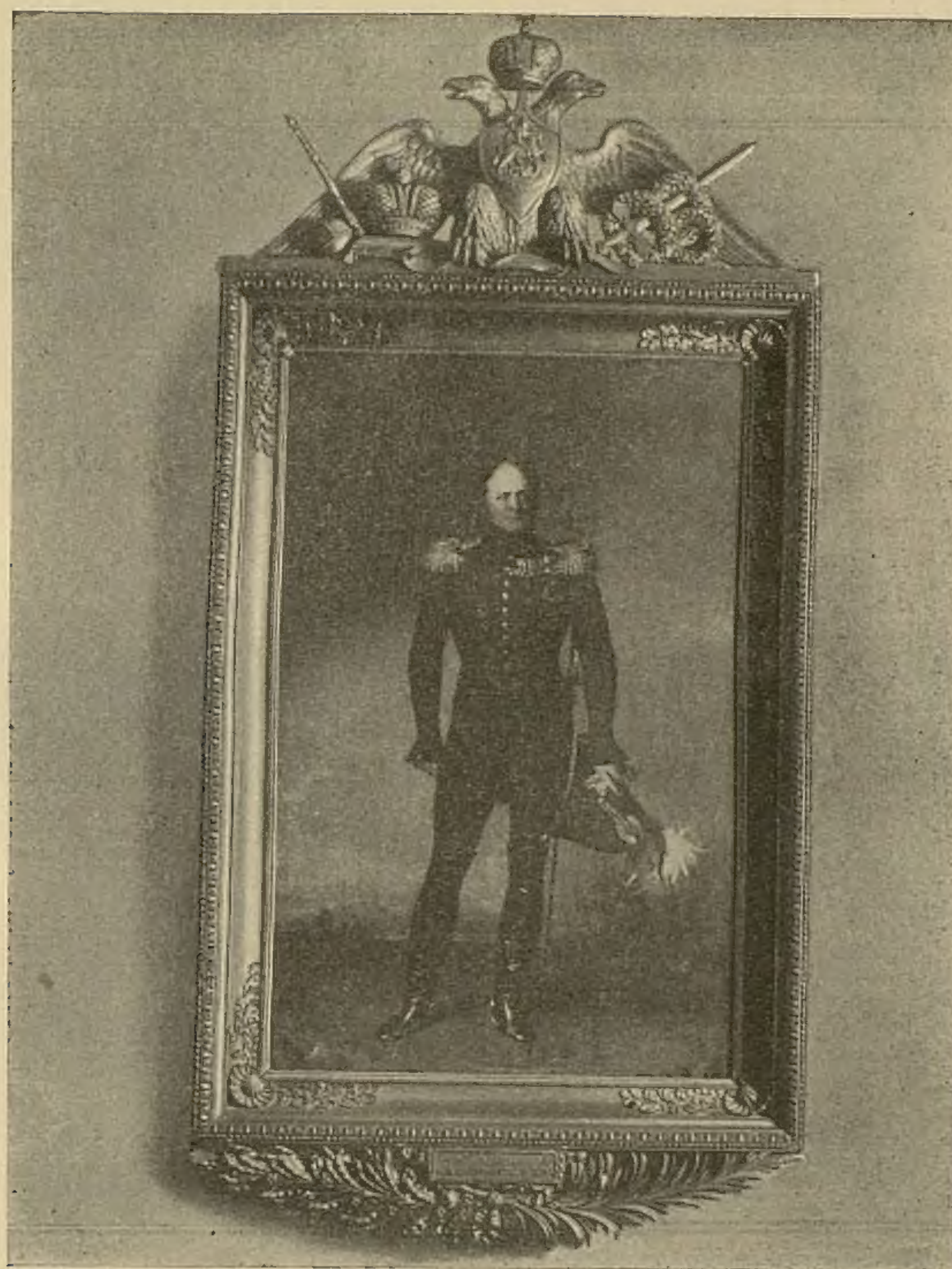
Ректоръ Университета *Д. Дубяго.*

Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета

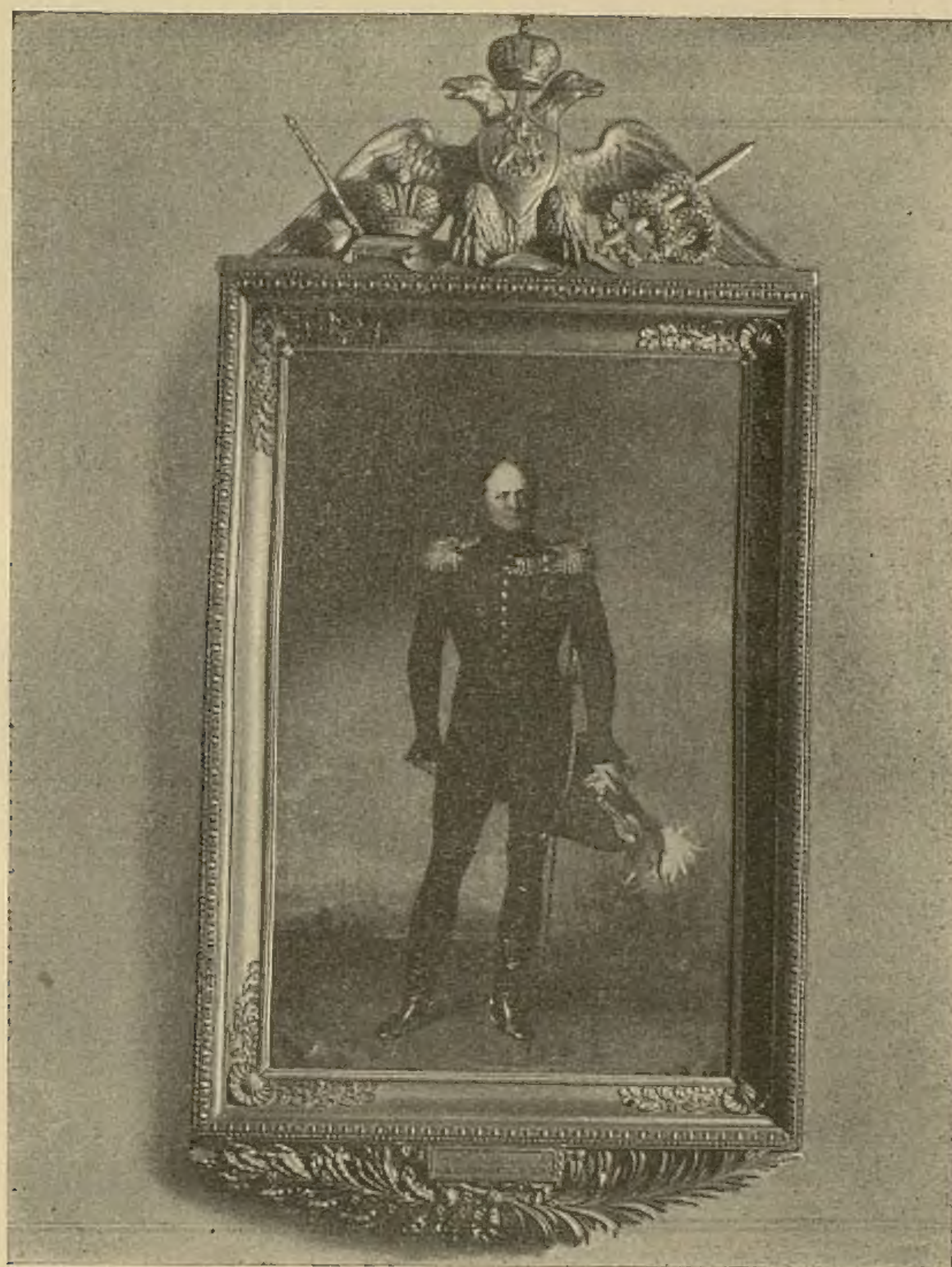
Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета отъ 3 апрѣля 1900 года.

Ректоръ Университета *Д. Дубяго.*

Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета



Императоръ Александръ I,
„Обновитель" Казанскаго университета
(1824)



Императоръ Александръ I,
„Обновитель" Казанскаго университета
(1824)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Эпоха попечительства Магницкаго

(1819—1826)

(Окончаніе)

ГЛАВА III

Черты внутренней жизни казанскаго университета въ эпоху попечительства Магницкаго

(1819—1826)

А. Научно-литературная дѣятельность университета въ эпоху Магницкаго. Цензурно-охранительныя начинанія попечителя.—Б. Учащіе и учащіеся казанскаго университета въ эпоху Магницкаго. Педагогическій институтъ университета.—В. Учебно-вспомогательныя учрежденія университета.—Г. Училищныя отношенія университета.

А

Научно-литературная дѣятельность университета въ эпоху Магницкаго. Цензурно-охранительныя начинанія попечителя.

Аттрофированное положеніе научно-литературной дѣятельности университета въ эпоху Магницкаго.—Попытки привлеченія къ этой дѣятельности членовъ университета.—Важнѣйшія научныя начинанія этой эпохи.—Собраніе данныхъ историко-археологическихъ.—Проектъ розысканія памятниковъ древней армянской письменности.—Кругосвѣтное плаваніе И. М. Симонова.—Несостоявшееся американское путешествіе В. И. Тимьянскаго.—Уральская экскурсія К. Ѳ. Фукса.—Прикаспійское путешествіе Э. И. Эйхвальда.—Кельтическія древности и путешествіе Ф. И. Эрдмана.—Санитарное свидѣтельствованіе военнаго госпиталя.—Общество любителей отечественной словесности.—Издательская дѣятельность университета эпохи Магницкаго.—Новый повременный органъ казанскаго университета — «Казанскій Вѣстникъ».—Исторія возникновенія и условія изданія этого журнала.—Вопросъ о печатаніи ученыхъ записокъ.—Университетское типографское дѣло и состояніе его при Магницкомъ.

Цензура въ эпоху попечительства Магницкаго.—Цензурныя ограниченія общаго характера.—Вторженія попечителя въ область университетской цензурной компетенціи.—Цензурныя злоключенія проф. Эрдмана.—Инцидентъ съ курсомъ «Геометріи» Н. И. Лобачевскаго.—«Матросское горе» проф. Городчанинова.—Цензурно-охранительныя неистовства Магницкаго.—Конфликтъ попечителя съ графомъ Н. П. Румянцевымъ.—Вылазка противъ повременнаго органа министерства народнаго просвѣщенія.—Обличеніе россійскаго библейскаго общества.—Дерзкая выходка противъ преосвящ. Филарета и обличеніе іерарха въ анти-православномъ направленіи.—Извѣтъ на «Библіографическіе Листки» Кеппена.—Обличеніе сборника «Real Encyclopaedie».—Отголоски охранительныхъ неистовствъ казанскаго попечителя.

Уже первыя двѣ главы текущей части нашего труда, въ которыхъ мы подробно ознакомились съ ревизіею Магницкимъ казанскаго университета,

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Эпоха попечительства Магницкаго

(1819—1826)

(Окончаніе)

ГЛАВА III

Черты внутренней жизни казанскаго университета въ эпоху попечительства Магницкаго

(1819—1826)

А. Научно-литературная дѣятельность университета въ эпоху Магницкаго. Цензурно-охранительныя начинанія попечителя.—Б. Учащіе и учащіеся казанскаго университета въ эпоху Магницкаго. Педагогическій институтъ университета.—В. Учебно-вспомогательныя учрежденія университета.—Г. Училищныя отношенія университета.

А

Научно-литературная дѣятельность университета въ эпоху Магницкаго. Цензурно-охранительныя начинанія попечителя.

Аттрофированное положеніе научно-литературной дѣятельности университета въ эпоху Магницкаго.—Попытки привлеченія къ этой дѣятельности членовъ университета.—Важнѣйшія научныя начинанія этой эпохи.—Собраніе данныхъ историко-археологическихъ.—Проектъ розысканія памятниковъ древней армянской письменности.—Кругосвѣтное плаваніе И. М. Симонова.—Несостоявшееся американское путешествіе В. И. Тимьянскаго.—Уральская экскурсія К. Ѳ. Фукса.—Прикаспійское путешествіе Э. И. Эйхвальда.—Кельтическія древности и путешествіе Ф. И. Эрдмана.—Санитарное свидѣтельствованіе военнаго госпиталя.—Общество любителей отечественной словесности.—Издательская дѣятельность университета эпохи Магницкаго.—Новый повременный органъ казанскаго университета — «Казанскій Вѣстникъ».—Исторія возникновенія и условія изданія этого журнала.—Вопросъ о печатаніи ученыхъ записокъ.—Университетское типографское дѣло и состояніе его при Магницкомъ.

Цензура въ эпоху попечительства Магницкаго.—Цензурныя ограниченія общаго характера.—Вторженія попечителя въ область университетской цензурной компетенціи.—Цензурныя злоключенія проф. Эрдмана.—Инцидентъ съ курсомъ «Геометріи» Н. И. Лобачевскаго.—«Матросское горе» проф. Городчанинова. — Цензурно-охранительныя неистовства Магницкаго.—Конфликтъ попечителя съ графомъ Н. П. Румянцевымъ.—Вылазка противъ повременнаго органа министерства народнаго просвѣщенія.—Обличеніе россійскаго библейскаго общества.—Дерзкая выходка противъ преосвящ. Филарета и обличеніе іерарха въ анти-православномъ направленіи.—Извѣтъ на «Библіографическіе Листки» Кеппена.—Обличеніе сборника «Real Encyclopaedie».—Отголоски охранительныхъ неистовствъ казанскаго попечителя.

Уже первыя двѣ главы текущей части нашего труда, въ которыхъ мы подробно ознакомились съ ревизіею Магницкимъ казанскаго университета,

съ начальными мѣропріятіями его по „обновленію“ университета и съ общимъ характеромъ постановки имъ здѣсь учебнаго дѣла—въ достаточно яркомъ свѣтѣ обрисовали передъ нашими глазами то угнетенное и полное дезорганизаціи состояніе, въ какое приведенъ былъ злосчастный казанскій университетъ въ годы попечительства надъ нимъ Магницкаго. Всецѣлое и пассивное подчиненіе фарисейскимъ и фантастическимъ замысламъ попечителя, усердно поддерживавшимся и проводившимся на мѣстѣ его казанскими клевретами, полный упадокъ автономной жизни и самостоятельности профессорской коллегіи, безпощадное гоненіе на свободную науку и на ея представителей—таковы черты глубоко деморализующаго характера, намѣчающія собою общій фонъ такъ называемой „эпохи попечительства Магницкаго“.

Познакомившись съ дѣятельностью Магницкаго, направленною къ преобразованію общаго строя университета, къ постановкѣ въ немъ учебной части и къ обезпеченію благонамѣреннаго духа преподаванія и преподавателей, намъ предстоитъ въ настоящее время перейти къ обозрѣнію „обновительной“ дѣятельности его въ области цѣлаго ряда другихъ проявленій внутренней жизни разгромленнаго казанскаго университета, причемъ мы будемъ стараться придерживаться той же послѣдовательности изложенія, какой держались въ главахъ III—VI второй части нашего труда. Мы начнемъ, поэтому, наше дальнѣйшее изложеніе съ вопроса о постановкѣ научно-литературной дѣятельности казанскаго университета въ предѣлахъ занимающей насъ эпохи.

Приступая къ выполненію только что намѣченной задачи и будучи уже въ достаточной мѣрѣ знакомы съ общимъ характеромъ преобразовательной дѣятельности Магницкаго, мы въ состояніи впередъ пріити къ заключенію въ томъ смыслѣ, что литературная жизнь казанскаго университета должна была оставаться, въ семилѣтній періодъ его попечительства, въ положеніи весьма близкомъ къ аттрофированному. Да это и не должно представляться сколько нибудь удивительнымъ. И въ самомъ дѣлѣ: многимъ ли изъ самостоятельно мыслящихъ дѣятелей университета могла приходить охота выступать на этомъ скользкомъ, по условіямъ времени, поприщѣ, когда тема любой работы, ея общее развитіе и построеніе, проводимыя въ ней мысли и положенія, отдѣльная фраза, даже отдѣльное слово—легко могли породить мнительное отношеніе къ себѣ суроваго принципала или его клевретовъ, возбудить подозрѣнія въ пресловутомъ поклоненіи „лжеименному разуму“, въ отсутствіи благонамѣренности, въ проповѣданіи „нечестивыхъ“ и „разрушительныхъ“ началъ, привести даже

съ начальными мѣропріятіями его по „обновленію" университета и съ общимъ характеромъ постановки имъ здѣсь учебнаго дѣла—въ достаточно яркомъ свѣтѣ обрисовали передъ нашими глазами то угнетенное и полное дезорганизаціи состояніе, въ какое приведенъ былъ злосчастный казанскій университетъ въ годы попечительства надъ нимъ Магницкаго. Всецѣлое и пассивное подчиненіе фарисейскимъ и фантастическимъ замысламъ попечителя, усердно поддерживавшимся и проводившимся на мѣстѣ его казанскими клевретами, полный упадокъ автономной жизни и самостоятельности профессорской коллегіи, безпощадное гоненіе на свободную науку и на ея представителей—таковы черты глубоко деморализующаго характера, намѣчающія собою общій фонъ такъ называемой „эпохи попечительства Магницкаго".

Познакомившись съ дѣятельностью Магницкаго, направленною къ преобразованію общаго строя университета, къ постановкѣ въ немъ учебной части и къ обезпеченію благонамѣреннаго духа преподаванія и преподавателей, намъ предстоитъ въ настоящее время перейти къ обозрѣнію „обновительной" дѣятельности его въ области цѣлаго ряда другихъ проявленій внутренней жизни разгромленнаго казанскаго университета, причемъ мы будемъ стараться придерживаться той же послѣдовательности изложенія, какой держались въ главахъ III—VI второй части нашего труда. Мы начнемъ, поэтому, наше дальнѣйшее изложеніе съ вопроса о постановкѣ научно-литературной дѣятельности казанскаго университета въ предѣлахъ занимающей насъ эпохи.

Приступая къ выполненію только что намѣченной задачи и будучи уже въ достаточной мѣрѣ знакомы съ общимъ характеромъ преобразовательной дѣятельности Магницкаго, мы въ состояніи впередъ пріити къ заключенію въ томъ смыслѣ, что литературная жизнь казанскаго университета должна была оставаться, въ семилѣтній періодъ его попечительства, въ положеніи весьма близкомъ къ аттрофированному. Да это и не должно представляться сколько нибудь удивительнымъ. И въ самомъ дѣлѣ: многимъ ли изъ самостоятельно мыслящихъ дѣятелей университета могла приходить охота выступать на этомъ скользкомъ, по условіямъ времени, поприщѣ, когда тема любой работы, ея общее развитіе и построеніе, проводимыя въ ней мысли и положенія, отдѣльная фраза, даже отдѣльное слово—легко могли породить мнительное отношеніе къ себѣ суроваго принципала или его клевретовъ, возбудить подозрѣнія въ пресловутомъ поклоненіи „лжеименному разуму", въ отсутствіи благонамѣренности, въ проповѣданіи „нечестивыхъ" и „разрушительныхъ" началъ, привести даже

къ печальнымъ послѣдствіямъ подобнымъ тѣмъ, какія постигли Лейтера, Солнцева и цѣлый рядъ другихъ, изгнанныхъ Магницкимъ, членовъ университета? Только исключительный и случайный характеръ носятъ, въ силу этого, тѣ немногія серьезныя начинанія, которыми можетъ быть отмѣчена научно-литературная продуктивность казанскаго университета эпохи Магницкаго.

Нельзя не отмѣтить, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно сказавшагося и въ эту мрачную эпоху стремленія привлечь „ученое сословіе“ казанскаго университета къ работамъ научно-литературнаго характера. Не рѣшаемся утверждать, насколько сказалась въ данномъ случаѣ иниціатива самого Магницкаго, но попытка склонить представителей университета къ работамъ подобнаго рода была предпринята уже въ самомъ началѣ 1820 года и исходила отъ ректора Г. И. Солнцева, 29-го января этого года вошедшаго въ совѣтъ съ предложеніемъ слѣдующаго содержанія:

„Въ § 26-мъ университетскаго устава сказано, между прочимъ: 1) Каждый профессоръ (преподаватель) для чтенія лекцій избираетъ книгу своего сочиненія или другаго ученаго мужа и пр. Конечно, предлагать лекціи по своимъ сочиненіямъ, исключая россійскаго правовѣдѣнія — не есть необходимость для преподавателя, однако жъ нельзя не предполагать того, что бы учебное высшее начальство не имѣло въ виду желанія видѣть собственные ученые труды каждаго преподавателя. Для ученыхъ чиновъ, по мнѣнію моему, не можетъ быть и лучшаго способа къ отличіямъ и наградамъ, какъ произведенія ума ихъ и дѣятельности. Ученыя занятія, въ кругъ обязанностей нашихъ входящія, можно заключить въ двухъ статьяхъ: а) собственныя сочиненія руководствующихъ книгъ и другія творенія, въ области учености полезныя, и б) переводы иностранныхъ классическихъ писателей.

Имѣя въ виду отъ сихъ занятій общественную выгоду какъ для отечественной службы, такъ и для самихъ преподавателей личную пользу, поелику таковыми занятіями расширяются и укрѣпляются собственныя наши познанія, нужнымъ нахожу почтеннымъ господамъ членамъ совѣта предложить: не благоугодно ли будетъ каждому предварительно объявить въ слѣдующее собраніе — какимъ кто особеннымъ трудомъ заняться намѣренъ въ теченіи сего академическаго курса, разумѣя сочиненіемъ какой либо руководительной книги, или отличнымъ переводомъ какого либо классическаго писателя, или другимъ какимъ либо полезнымъ трудомъ по учености“.

къ печальнымъ послѣдствіямъ подобнымъ тѣмъ, какія постигли Лейтера, Солнцева и цѣлый рядъ другихъ, изгнанныхъ Магницкимъ, членовъ университета? Только исключительный и случайный характеръ носятъ, въ силу этого, тѣ немногія серьезныя начинанія, которыми можетъ быть отмѣчена научно-литературная продуктивность казанскаго университета эпохи Магницкаго.

Нельзя не отмѣтить, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно сказавшагося и въ эту мрачную эпоху стремленія привлечь „ученое сословіе" казанскаго университета къ работамъ научно-литературнаго характера. Не рѣшаемся утверждать, насколько сказалась въ данномъ случаѣ инициатива самого Магницкаго, но попытка склонить представителей университета къ работамъ подобнаго рода была предпринята уже въ самомъ началѣ 1820 года и исходила отъ ректора Г. И. Солнцева, 29-го января этого года вошедшаго въ совѣтъ съ предложеніемъ слѣдующаго содержанія:

„Въ § 26-мъ университетскаго устава сказано, между прочимъ: 1) Каждый профессоръ (преподаватель) для чтенія лекцій избираетъ книгу своего сочиненія или другаго ученаго мужа и пр. Конечно, предлагать лекціи по своимъ сочиненіямъ, исключая россійскаго правовѣдѣнія — не есть необходимость для преподавателя, однако жъ нельзя не предполагать того, что бы учебное высшее начальство не имѣло въ виду желанія видѣть собственные ученые труды каждаго преподавателя. Для ученыхъ чиновъ, по мнѣнію моему, не можетъ быть и лучшаго способа къ отличіямъ и наградамъ, какъ произведенія ума ихъ и дѣятельности. Ученыя занятія, въ кругъ обязанностей нашихъ входящія, можно заключить въ двухъ статьяхъ: а) собственныя сочиненія руководствующихъ книгъ и другія творенія, въ области учености полезныя, и б) переводы иностранныхъ классическихъ писателей.

Имѣя въ виду отъ сихъ занятій общественную выгоду какъ для отечественной службы, такъ и для самихъ преподавателей личную пользу, поелику таковыми занятіями расширяются и укрѣпляются собственныя наши познанія, нужнымъ нахожу почтеннымъ господамъ членамъ совѣта предложить: не благоугодно ли будетъ каждому предварительно объявить въ слѣдующее собраніе — какимъ кто особеннымъ трудомъ заняться намѣренъ въ теченіи сего академическаго курса, разумѣя сочиненіемъ какой либо руководительной книги, или отличнымъ переводомъ какого либо классическаго писателя, или другимъ какимъ либо полезнымъ трудомъ по учености".

Заявивъ, съ своей стороны, что лично онъ будетъ „продолжать на сей годъ начертаніе россійскаго гражданскаго частнаго права", ректоръ заканчиваетъ свое предложеніе выраженіемъ увѣренности въ томъ, что оно „не будетъ оставлено безъ вниманія, ибо общее благо всѣхъ и каждаго воодушевляетъ къ дѣятельности, общее усердіе и готовность споспѣшествовать намѣреніямъ правительства — наполняетъ духъ всѣхъ". Увѣренности проф. Солнцева не было суждено оправдаться и его нѣсколько своеобразное воззваніе осталось безрезультатнымъ: не взирая на разосланныя всѣмъ университетскимъ преподавателямъ, согласно постановленію совѣта, „выписки" изъ этого ректорскаго предложенія, ни въ ближайшее, ни въ позднѣйшія засѣданія совѣта—никакихъ отзывовъ относительно предполагаемыхъ трудовъ „по учености" получено отъ нихъ не было [1].

Сюда же можетъ быть отнесена попытка привлечь какъ „ученое сословіе" университета, такъ и педагогическій персоналъ округа къ участію своими трудами въ „Журналѣ департамента народнаго просвѣщенія", начатаго изданіемъ въ 1821 г., взамѣнъ прежняго „Періодическаго сочиненія объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія". Согласно полученному имъ предписанію министра отъ 9-го мая 1821 г., Магницкій предложилъ совѣту университета постараться привлечь „господъ членовъ казанскаго университета и другихъ чиновниковъ округа" къ доставленію „извѣстій по учебной части, описаній чрезвычайныхъ какихъ происшествій, свѣдѣній достойныхъ вниманія и тому подобныхъ, для помѣщенія оныхъ въ журналѣ, издаваемомъ отъ департамента народнаго просвѣщенія". Совѣтъ университета, въ свою очередь, циркулярно предложилъ о томъ всѣмъ дирекціямъ училищъ округа, директора училищъ не преминули предписать о томъ же смотрителямъ училищъ, но создавшеюся на этой почвѣ канцелярскою перепискою все дѣло и ограничилось, если не принимать въ разсчетъ доставленнаго директоромъ училищъ пермской губерніи „извѣстія изъ Ирбити о бывшей тамъ іюня 1-го числа 1821 года бурѣ",—да и то сдано было, „по его малозначительности", для напечатанія въ прибавленіяхъ къ „Казанскому Вѣстнику" [2].

Другая попытка аналогичнаго характера относится уже къ концу попечительства Магницкаго. Намъ извѣстны мѣропріятія высшаго учебнаго начальства, направленныя къ требованію отъ профессоровъ конспектовъ ихъ преподаваній; знакомы мы и съ стараніями его, имѣвшими цѣлью побужденіе профессоровъ къ составленію учебниковъ по преподаваемымъ

Заявивъ, съ своей стороны, что лично онъ будетъ „продолжать на сей годъ начертаніе россійскаго гражданскаго частнаго права", ректоръ заканчиваетъ свое предложеніе выраженіемъ увѣренности въ томъ, что оно „не будетъ оставлено безъ вниманія, ибо общее благо всѣхъ и каждаго воодушевляетъ къ дѣятельности, общее усердіе и готовность споспѣшествовать намѣреніямъ правительства — наполняетъ духъ всѣхъ". Увѣренности проф. Солнцева не было суждено оправдаться и его нѣсколько своеобразное воззваніе осталось безрезультатнымъ: не взирая на разосланныя всѣмъ университетскимъ преподавателямъ, согласно постановленію совѣта, „выписки" изъ этого ректорскаго предложенія, ни въ ближайшее, ни въ позднѣйшія засѣданія совѣта—никакихъ отзывовъ относительно предполагаемыхъ трудовъ „по учености" получено отъ нихъ не было [1].

Сюда же можетъ быть отнесена попытка привлечь какъ „ученое сословіе" университета, такъ и педагогическій персоналъ округа къ участію своими трудами въ „Журналѣ департамента народнаго просвѣщенія", начатаго изданіемъ въ 1821 г., взамѣнъ прежняго „Періодическаго сочиненія объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія". Согласно полученному имъ предписанію министра отъ 9-го мая 1821 г., Магницкій предложилъ совѣту университета постараться привлечь „господъ членовъ казанскаго университета и другихъ чиновниковъ округа" къ доставленію „извѣстій по учебной части, описаній чрезвычайныхъ какихъ происшествій, свѣдѣній достойныхъ вниманія и тому подобныхъ, для помѣщенія оныхъ въ журналѣ, издаваемомъ отъ департамента народнаго просвѣщенія". Совѣтъ университета, въ свою очередь, циркулярно предложилъ о томъ всѣмъ дирекціямъ училищъ округа, директора училищъ не преминули предписать о томъ же смотрителямъ училищъ, но создавшеюся на этой почвѣ канцелярскою перепискою все дѣло и ограничилось, если не принимать въ разсчетъ доставленнаго директоромъ училищъ пермской губерніи „извѣстія изъ Ирбити о бывшей тамъ іюня 1-го числа 1821 года бурѣ",—да и то сдано было, „по его малозначительности", для напечатанія въ прибавленіяхъ къ „Казанскому Вѣстнику" [2].

Другая попытка аналогичнаго характера относится уже къ концу попечительства Магницкаго. Намъ извѣстны мѣропріятія высшаго учебнаго начальства, направленныя къ требованію отъ профессоровъ конспектовъ ихъ преподаваній; знакомы мы и съ стараніями его, имѣвшими цѣлью побужденіе профессоровъ къ составленію учебниковъ по преподаваемымъ

ими предметамъ *. Подобнаго же рода мѣропріятіе встрѣчается и въ началѣ 1826 года, въ видѣ предъявленнаго требованія относительно составленія профессорами „книгъ, называемыхъ компендіи“, — каждымъ по предмету его спеціальности. „Извѣстно совѣту,— предложилъ ректоръ Фуксъ отъ 5-го февраля 1826 г.,—что есть воля господина министра народнаго просвѣщенія, дабы сочинены были такъ называемые компендіи тѣми изъ преподавателей, которые къ сему имѣютъ способность; я полагаю, что сіе удобнѣе будетъ произвесть въ дѣйство чрезъ факультеты, а г.г. деканы оныхъ въ непродолжительномъ времени долженствуютъ дать свѣдѣніе о тѣхъ преподавателяхъ, кои имѣютъ способность къ сочиненію вышеозначенныхъ компендіевъ“.

Стали поступать по этому поводу отзывы декановъ факультетовъ. Деканъ словеснаго отдѣленія Эрдманъ донесъ, что „находитъ способными для сочиненія компендіевъ всѣхъ профессоровъ сего отдѣленія, каждаго по своей кафедрѣ“, но просилъ выяснить вопросъ—„въ какомъ видѣ составлять оные компендіи и чѣмъ руководствоваться при составленіи оныхъ“. Деканъ отдѣленія нравственно - политическихъ наукъ Караблиновъ отозвался, что „въ семъ отдѣленіи, по ненахожденію на лицо всѣхъ профессоровъ, исключая одного профессора Городчанинова, который отъ себя, какъ извѣстно совѣту, представилъ уже краткое сочиненіе въ видѣ конпендіи по естественному праву (рѣчь идетъ объ его пресловутомъ „Мнѣніи христіанина объ естественномъ правѣ“), не имѣетъ никого, кому бы поручить сочиненіе компендій по другимъ предметамъ“. Деканъ физико-математическаго отдѣленія Симоновъ писалъ, что, „почитая всѣхъ г.г. преподавателей способными къ составленію компендій“, онъ „предлагалъ имъ на выборъ, кто по какимъ наукамъ желаетъ составлять оныя, вслѣдствіе чего они и подписали на повѣсткѣ слѣдующее: г. Никольскій займется по времени (sic) сочиненіемъ компендій для обѣихъ тригонометрій и коническихъ сѣченій; г. Лобачевскій приготовитъ три книги—а) объ аналитической механикѣ, б) о практической механикѣ и в) для математической физики; г. Дунаевъ по времени будетъ сочинять руководство къ преподаванію технической химіи; г. Купферъ представитъ три сочиненія— а) кристаллографію, б) руководство для экспериментальной физики и в) со временемъ руководство къ химіи; г. деканъ Симоновъ началъ уже сочинять руководство для теоретической астрономіи и займется таковымъ же для практической“. Сверхъ того, „отдѣленіе постановило поручить г.г. адъюнктамъ

---

* См. т. III, стр. 489 и слѣд., 491 и слѣд.

ими предметамъ *. Подобнаго же рода мѣропріятіе встрѣчается и въ началѣ 1826 года, въ видѣ предъявленнаго требованія относительно составленія профессорами „книгъ, называемыхъ компендіи“, — каждымъ по предмету его спеціальности. „Извѣстно совѣту,— предложилъ ректоръ Фуксъ отъ 5-го февраля 1826 г.,—что есть воля господина министра народнаго просвѣщенія, дабы сочинены были такъ называемые компендіи тѣми изъ преподавателей, которые къ сему имѣютъ способность; я полагаю, что сіе удобнѣе будетъ произвесть въ дѣйство чрезъ факультеты, а г.г. деканы оныхъ въ непродолжительномъ времени долженствуютъ дать свѣдѣніе о тѣхъ преподавателяхъ, кои имѣютъ способность къ сочиненію вышеозначенныхъ компендіевъ“.

Стали поступать по этому поводу отзывы декановъ факультетовъ. Деканъ словеснаго отдѣленія Эрдманъ донесъ, что „находитъ способными для сочиненія компендіевъ всѣхъ профессоровъ сего отдѣленія, каждаго по своей кафедрѣ“, но просилъ выяснить вопросъ—„въ какомъ видѣ составлять оные компендіи и чѣмъ руководствоваться при составленіи оныхъ“. Деканъ отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ Карабливовъ отозвался, что „въ семъ отдѣленіи, по ненахожденію на лицо всѣхъ профессоровъ, исключая одного профессора Городчанинова, который отъ себя, какъ извѣстно совѣту, представилъ уже краткое сочиненіе въ видѣ конпендіи по естественному праву (рѣчь идетъ объ его пресловутомъ „Мнѣніи христіанина объ естественномъ правѣ“), не имѣетъ никого, кому бы поручить сочиненіе компендій по другимъ предметамъ“. Деканъ физико-математическаго отдѣленія Симоновъ писалъ, что, „почитая всѣхъ г.г. преподавателей способными къ составленію компендій“, онъ „предлагалъ имъ на выборъ, кто по какимъ наукамъ желаетъ составлять оныя, вслѣдствіе чего они и подписали на повѣсткѣ слѣдующее: г. Никольскій займется по времени (sic) сочиненіемъ компендій для обѣихъ тригонометрій и коническихъ сѣченій; г. Лобачевскій приготовитъ три книги—а) объ аналитической механикѣ, б) о практической механикѣ и в) для математической физики; г. Дунаевъ по времени будетъ сочинять руководство къ преподаванію технической химіи; г. Купферъ представитъ три сочиненія— а) кристаллографію, б) руководство для экспериментальной физики и в) со временемъ руководство къ химіи; г. деканъ Симоновъ началъ уже сочинять руководство для теоретической астрономіи и займется таковымъ же для практической“. Сверхъ того, „отдѣленіе постановило поручить г.г. адъюнктамъ

* См. т. III, стр. 489 и слѣд., 491 и слѣд.

составить слѣдующія руководства: г. Брашману—для дифференціальнаго и интегральнаго вычисленій и аналитической геометріи, г. Васильеву—для фортификаціи, артиллеріи и начертательной геометріи, г. Кайсарову—два руководства для преподаванія физики въ гимназіяхъ и училищахъ; имѣть особое сужденіе о порученіи составленія компендій для общей геодезіи, зоологіи, ботаники и минералогіи, равно о формѣ, пространствѣ и способѣ изложенія самыхъ компендій". Отзыва врачебнаго отдѣленія при дѣлѣ не оказалось. Разумѣется само собою, что дальше чисто формальнаго бумажнаго дѣлопроизводства—дѣло объ этомъ подневольномъ составленіи „компендіевъ" такъ и не пошло, тѣмъ болѣе, что дни владычества Магницкаго надъ казанскимъ университетомъ были въ ту пору уже сочтены [3].

Разсматривая учено-литературную продуктивность казанскаго университета за первую половину двадцатыхъ годовъ, мы невольно поражаемся немногочисленностью серьезныхъ научныхъ трудовъ, сошедшихъ со станковъ университетской типографіи за время попечительства Магницкаго. Объясняется это, конечно, тѣмъ, что лишь весьма немногіе изъ членовъ университетской коллегіи выказывали готовность ставить истинные интересы науки и свои научныя воззрѣнія на почву компромиссовъ съ тѣми, хорошо уже знакомыми намъ, требованіями, которыя предъявлялись въ этомъ отношеніи попечителемъ и суммировались какъ въ пресловутой „инструкціи ректору", такъ и въ конспектахъ преподаванія, проходившихъ черезъ суровую цензуру самого Магницкаго. Съ этими требованіями приходилось считаться и въ трактатахъ чисто научнаго характера, и въ статьяхъ, помѣщавшихся въ университетскомъ повременномъ органѣ того времени („Казанскій Вѣстникъ" съ „Прибавленіями" къ нему, смѣнившій собою прежнія „Казанскія Извѣстія"), и въ рѣчахъ, произносившихся на публичныхъ торжественныхъ собраніяхъ университета *.

Трудно представить себѣ болѣе безпощадное и болѣе неосмысленное стѣсненіе свободы мысли и слова нежели то, которое тяжелымъ гнетомъ лежало въ это роковое семилѣтіе на умственной жизни казанскаго университета. Бдительно охраняя „благонамѣренный духъ" въ ввѣренномъ ему университетѣ, также бдительно заставляя охранять его и своихъ ка-

* Въ этомъ послѣднемъ отношеніи не безъ вліянія остался уже знакомый намъ инцидентъ (см. томъ III, стр. 359 и слѣд.) съ университетскимъ актомъ 1820 года; ничѣмъ инымъ не можемъ мы объяснить, напримѣръ, той категоричности, съ которою, въ 1821 году, всѣ члены университета, а въ числѣ ихъ и Н. И. Лобачевскій, уклонились отъ произнесенія рѣчей на актѣ этого года (см. архивное дѣло: Сов., 1821 г., № 47).

составить слѣдующія руководства: г. Брашману—для дифференціальнаго и интегральнаго вычисленій и аналитической геометріи, г. Васильеву—для фортификаціи, артиллеріи и начертательной геометріи, г. Кайсарову—два руководства для преподаванія физики въ гимназіяхъ и училищахъ; имѣть особое сужденіе о порученіи составленія компендій для общей геодезіи, зоологіи, ботаники и минералогіи, равно о формѣ, пространствѣ и способѣ изложенія самыхъ компендій". Отзыва врачебнаго отдѣленія при дѣлѣ не оказалось. Разумѣется само собою, что дальше чисто формальнаго бумажнаго дѣлопроизводства—дѣло объ этомъ подневольномъ составленіи „компендіевъ" такъ и не пошло, тѣмъ болѣе, что дни владычества Магницкаго надъ казанскимъ университетомъ были въ ту пору уже сочтены [8].

Разсматривая учено-литературную продуктивность казанскаго университета за первую половину двадцатыхъ годовъ, мы невольно поражаемся немногочисленностью серьезныхъ научныхъ трудовъ, сошедшихъ со станковъ университетской типографіи за время попечительства Магницкаго. Объясняется это, конечно, тѣмъ, что лишь весьма немногіе изъ членовъ университетской коллегіи выказывали готовность ставить истинные интересы науки и свои научныя воззрѣнія на почву компромиссовъ съ тѣми, хорошо уже знакомыми намъ, требованіями, которыя предъявлялись въ этомъ отношеніи попечителемъ и суммировались какъ въ пресловутой „инструкціи ректору", такъ и въ конспектахъ преподаванія, проходившихъ черезъ суровую цензуру самого Магницкаго. Съ этими требованіями приходилось считаться и въ трактатахъ чисто научнаго характера, и въ статьяхъ, помѣщавшихся въ университетскомъ повременномъ органѣ того времени („Казанскій Вѣстникъ" съ „Прибавленіями" къ нему, смѣнившій собою прежнія „Казанскія Извѣстія"), и въ рѣчахъ, произносившихся на публичныхъ торжественныхъ собраніяхъ университета *.

Трудно представить себѣ болѣе безпощадное и болѣе неосмысленное стѣсненіе свободы мысли и слова нежели то, которое тяжелымъ гнетомъ лежало въ это роковое семилѣтіе на умственной жизни казанскаго университета. Бдительно охраняя „благонамѣренный духъ" въ ввѣренномъ ему университетѣ, также бдительно заставляя охранять его и своихъ ка-

---

* Въ этомъ послѣднемъ отношеніи не безъ вліянія остался уже знакомый намъ инцидентъ (см. томъ III, стр. 359 и слѣд.) съ университетскимъ актомъ 1820 года; ничѣмъ инымъ не можемъ мы объяснить, напримѣръ, той категоричности, съ которою, въ 1821 году, всѣ члены университета, а въ числѣ ихъ и Н. И. Лобачевскій, уклонились отъ произнесенія рѣчей на актѣ этого года (см, архивное дѣло: Сов., 1821 г., № 47).

занскихъ клевретовъ, Магницкій доходилъ на этой почвѣ до невѣроятныхъ почти неистовствъ, распространяя въ этомъ отношеніи сферу своего вмѣшательства на лица и отношенія, даже не входившія въ сферу его непосредственной компетенціи. Мы сгруппируемъ рядъ краснорѣчивыхъ фактовъ этого рода ниже, когда будемъ вести рѣчь о положеніи цензурной дѣятельности казанскаго университета въ эпоху попечительства Магницкаго.

Если научно-литературная дѣятельность казанскаго университета и оставалась въ эпоху попечительства Магницкаго на весьма низкомъ уровнѣ, то слѣдуетъ, тѣмъ не менѣе, указать рядъ болѣе или менѣе крупныхъ научныхъ начинаній, которыми отмѣчена таже мрачная пора историческаго прошлаго казанскаго университета. Мы будемъ имѣть въ своемъ мѣстѣ случай убѣдиться въ томъ, что Магницкій, въ которомъ самый суровый критикъ этого полнаго контрастовъ человѣка не станетъ отрицать ни ума, ни талантливости, ни разносторонности знаній, былъ большимъ любителемъ разнаго рода начинаній и изысканій ученаго характера, въ значительномъ рядѣ отдѣльныхъ случаевъ облекавшихся въ его воображеніи въ форму грандіозныхъ и фантастическихъ проектовъ, которые были заранѣе обречены оставаться мертворожденными, въ возможность практическаго осуществленія которыхъ едва ли всегда могъ серьезно вѣрить и самъ авторъ ихъ. И на этой, уже чисто научной, почвѣ—казанскій попечитель оставался лишь такимъ же тщеславно-неисправимымъ прожектеромъ, какимъ видѣли мы его на почвѣ замысловъ относительно полной и коренной реорганизаціи всего дѣла русскаго народнаго образованія.

Рядъ начинаній ученаго характера, которыми отмѣчена эпоха попечительства Магницкаго, открывается заботами о собираніи и систематизаціи историко-археологическихъ данныхъ, могущихъ служить къ изученію прошлаго мѣстнаго края. Ближайшій починъ и въ данномъ случаѣ исходилъ отъ ректора Г. И. Солнцева, въ собраніи совѣта 29-го января 1820 года обратившагося къ своимъ сочленамъ съ слѣдующимъ воззваніемъ:

„Не безъизвѣстно почтеннымъ членамъ совѣта, что учебный округъ казанскаго университета, заключавшій въ себѣ нѣкогда славныя въ исторіи иноплеменныя царства казанское, астраханское, сибирское, также Булгарію и другія самостоятельныя владѣнія, нынѣ подъ россійскимъ скипетромъ находящіяся, представляетъ ученымъ мужамъ обширное поле для розыска древностей историческихъ сего

занскихъ клевретовъ, Магницкій доходилъ на этой почвѣ до невѣроятныхъ почти неистовствъ, распространяя въ этомъ отношеніи сферу своего вмѣшательства на лица и отношенія, даже не входившія въ сферу его непосредственной компетенціи. Мы сгруппируемъ рядъ краснорѣчивыхъ фактовъ этого рода ниже, когда будемъ вести рѣчь о положеніи цензурной дѣятельности казанскаго университета въ эпоху попечительства Магницкаго.

Если научно-литературная дѣятельность казанскаго университета и оставалась въ эпоху попечительства Магницкаго на весьма низкомъ уровнѣ, то слѣдуетъ, тѣмъ не менѣе, указать рядъ болѣе или менѣе крупныхъ научныхъ начинаній, которыми отмѣчена таже мрачная пора историческаго прошлаго казанскаго университета. Мы будемъ имѣть въ своемъ мѣстѣ случай убѣдиться въ томъ, что Магницкій, въ которомъ самый суровый критикъ этого полнаго контрастовъ человѣка не станетъ отрицать ни ума, ни талантливости, ни разносторонности знаній, былъ большимъ любителемъ разнаго рода начинаній и изысканій ученаго характера, въ значительномъ рядѣ отдѣльныхъ случаевъ облекавшихся въ его воображеніи въ форму грандіозныхъ и фантастическихъ проектовъ, которые были заранѣе обречены оставаться мертворожденными, въ возможность практическаго осуществленія которыхъ едва ли всегда могъ серьезно вѣрить и самъ авторъ ихъ. И на этой, уже чисто научной, почвѣ—казанскій попечитель оставался лишь такимъ же тщеславно-неисправимымъ прожектеромъ, какимъ видѣли мы его на почвѣ замысловъ относительно полной и коренной реорганизаціи всего дѣла русскаго народнаго образованія.

Рядъ начинаній ученаго характера, которыми отмѣчена эпоха попечительства Магницкаго, открывается заботами о собираніи и систематизаціи историко-археологическихъ данныхъ, могущихъ служить къ изученію прошлаго мѣстнаго края. Ближайшій починъ и въ данномъ случаѣ исходилъ отъ ректора Г. И. Солнцева, въ собраніи совѣта 29-го января 1820 года обратившагося къ своимъ сочленамъ съ слѣдующимъ воззваніемъ:

„Не безъизвѣстно почтеннымъ членамъ совѣта, что учебный округъ казанскаго университета, заключавшій въ себѣ нѣкогда славныя въ исторіи иноплеменныя царства казанское, астраханское, сибирское, также Булгарію и другія самостоятельныя владѣнія, нынѣ подъ россійскимъ скипетромъ находящіяся, представляетъ ученымъ мужамъ обширное поле для розыска древностей историческихъ сего

края. Пріобрѣтеніе основательныхъ свѣдѣній по сей части—будетъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для отечественной исторіи. Университетъ казанскій сдѣлалъ по сей части уже нѣкоторые опыты. Историческія записки, многія уже разсмотрѣнныя особо составленнымъ для сего комитетомъ *, останутся памятникомъ трудолюбія и усердія къ общему благу лицъ, въ томъ участвующихъ. Желательно бы было, что бы кто либо изъ г.г. почтенныхъ членовъ совѣта въ особенности принялъ на себя трудъ точнѣйшихъ розысканій историческихъ древностей, въ учебномъ нашемъ округѣ обрѣтающихся, и изложенія оныхъ въ особой систематической книгѣ. Честь сія клонится болѣе къ профессорамъ и адъюнктамъ наукъ историческихъ. По долгу званія моего обязуясь споспѣшествовать намѣреніямъ правительства, не неприличнымъ нахожу предложить о семъ совѣту на разсужденіе, при чемъ увѣряюсь, что ученые мужи по части исторіи примутъ сей случай, какъ самый благопріятный къ открытію своихъ знаній, своей дѣятельности и усердія къ общему благу".

Въ протоколѣ интересующаго насъ засѣданія совѣта было отмѣчено, что „опредѣлено поручить розысканіе историческихъ древностей въ казанскомъ учебномъ округѣ г. профессору Перевощикову, который, съ своей стороны, изъявилъ на сіе совершенную свою готовность", о чемъ тогда же постановлено донести попечителю округа; Магницкій не замедлилъ особымъ письмомъ поблагодарить Перевощикова за выраженную имъ готовность, прибавивъ, что ожидаетъ „отъ способностей его лучшаго успѣха", хотя не преминулъ тутъ же потребовать отъ него „планъ работы по сему предмету". Порученіе это осталось безрезультатнымъ уже потому, что въ концѣ года послѣдовало перемѣщеніе проф. В. М. Перевощикова въ дерптскій университетъ [4].

Осенью того же года, на этотъ разъ уже по открытому почину попечителя, въ совѣтѣ университета обсуждался вопросъ объ изученіи памятниковъ древней армянской письменности. 5-го октября 1820 года въ совѣтѣ было доложено слѣдующее предложеніе Магницкаго отъ 14-го сентября:

„По новонайденному въ Италіи армянскому переводу Евсевія заключить можно, что въ армянскихъ монастыряхъ могутъ находиться и другіе важные для словесности и наукъ переводы древнихъ, коихъ подлинники до насъ не дошли или потеряны.

---

* См. томъ II, стр. 232 и слѣд.

края. Пріобрѣтеніе основательныхъ свѣдѣній по сей части—будетъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для отечественной исторіи. Университетъ казанскій сдѣлалъ по сей части уже нѣкоторые опыты. Историческія записки, многія уже разсмотрѣнныя особо составленнымъ для сего комитетомъ *, останутся памятникомъ трудолюбія и усердія къ общему благу лицъ, въ томъ участвующихъ. Желательно бы было, что бы кто либо изъ г.г. почтенныхъ членовъ совѣта въ особенности принялъ на себя трудъ точнѣйшихъ розысканій историческихъ древностей, въ учебномъ нашемъ округѣ обрѣтающихся, и изложенія оныхъ въ особой систематической книгѣ. Честь сія клонится болѣе къ профессорамъ и адъюнктамъ наукъ историческихъ. По долгу званія моего обязуясь способствовать намѣреніямъ правительства, не неприличнымъ нахожу предложить о семъ совѣту на разсужденіе, при чемъ увѣряюсь, что ученые мужи по части исторіи примутъ сей случай, какъ самый благопріятный къ открытію своихъ знаній, своей дѣятельности и усердія къ общему благу".

Въ протоколѣ интересующаго насъ засѣданія совѣта было отмѣчено, что „опредѣлено поручить розысканіе историческихъ древностей въ казанскомъ учебномъ округѣ г. профессору Перевощикову, который, съ своей стороны, изъявилъ на сіе совершенную свою готовность", о чемъ тогда же постановлено донести попечителю округа; Магницкій не замедлилъ особымъ письмомъ поблагодарить Перевощикова за выраженную имъ готовность, прибавивъ, что ожидаетъ „отъ способностей его лучшаго успѣха", хотя не преминулъ тутъ же потребовать отъ него „планъ работы по сему предмету". Порученіе это осталось безрезультатнымъ уже потому, что въ концѣ года послѣдовало перемѣщеніе проф. В. М. Перевощикова въ дерптскій университетъ [4].

Осенью того же года, на этотъ разъ уже по открытому почину попечителя, въ совѣтѣ университета обсуждался вопросъ объ изученіи памятниковъ древней армянской письменности. 5-го октября 1820 года въ совѣтѣ было доложено слѣдующее предложеніе Магницкаго отъ 14-го сентября:

„По новонайденному въ Италіи армянскому переводу Евсевія заключить можно, что въ армянскихъ монастыряхъ могутъ находиться и другіе важные для словесности и наукъ переводы древнихъ, коихъ подлинники до насъ не дошли или потеряны.

* См. томъ II, стр. 232 и слѣд.

По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ я имѣю основаніе думать, что въ семъ отношеніи особенное вниманіе заслуживаетъ монастырь, такъ называемый у армянъ—Трехъ Церквей.

Почему и предлагаю совѣту сказать мнѣ свое мнѣніе: не имѣетъ ли онъ въ виду въ Грузіи или въ ближайшихъ къ ней губерніяхъ, либо въ самомъ университетѣ, кого либо способнаго къ употребленію для объѣзда армянскихъ монастырей, въ намѣреніи отысканія переводовъ потерянныхъ въ подлинникѣ сочиненій классической словесности?

Вмѣстѣ съ сими усмотрѣніями не оставитъ совѣтъ представить и проектъ инструкціи предполагаемому въ сію поѣздку чиновнику".

Только что приведенное попечительское предложеніе породило обширную, но совершенно безплодную, переписку, затянувшуюся до лѣта 1824 года. Отвѣчая Магницкому, совѣтъ поставилъ въ видъ (представленіе отъ 14-го октября), что для выполненія предположенныхъ изысканій „необходимы свѣдѣнія въ армянскомъ языкѣ, познанія классическихъ сочиненій и способности мѣстныя къ исполненію порученія для отысканія сихъ переводовъ", вслѣдствіе чего „чиновникъ сей долженъ имѣть свѣдѣнія въ словесности европейской и, вмѣстѣ, азійской, особенно армянской". Не имѣя въ виду такой разносторонне свѣдущей особы, совѣтъ полагалъ „назначить къ сему двѣ особы", причемъ рекомендовалъ съ этою цѣлью адъюнкта Манасеина, въ то время находившагося въ кавказской губерніи съ цѣлью визитаціи и устройства училищъ, и учителя армянскаго языка въ кизлярскомъ уѣздномъ училищѣ Егора Хубова. Выборъ Манасеина мотивировался близостью его мѣстопребыванія отъ „назначаемыхъ къ осмотру мѣстъ", его „знакомствомъ и довѣренностью весьма многихъ почтенныхъ армянъ", „благорасположеніемъ архіепископа всѣхъ обитающихъ въ россійской имперіи армянъ Іоаннеса" и обладаніемъ „разныхъ мѣстныхъ свѣдѣній объ армянахъ и ихъ словесности". Рекомендація Хубова обусловливалась тѣмъ, что онъ „происходитъ изъ эриванскихъ князей, обучался въ армянскомъ монастырѣ подъ надзоромъ дяди своего, армянскаго патріарха Семіона", что „по его благоразумію и усердію владѣтели араратскіе неоднократно отправляли его съ секретными отношеніями къ князю Потемкину, графу Зубову и князю Циціанову", что онъ въ теченіи нѣкотораго времени состоялъ учителемъ армянскаго языка въ московскомъ Лазаревскомъ училищѣ, числитъ за собою нѣсколько трудовъ по исторіи Арменіи и т. п. Попечитель отклонилъ рекомендацію Манасеина, сославшись на желаніе, что бы онъ „былъ полезенъ въ самомъ университетѣ", относительно же кандидатуры Хубова вошелъ

По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ я имѣю основаніе думать, что въ семъ отношеніи особенное вниманіе заслуживаетъ монастырь, такъ называемый у армянъ—Трехъ Церквей.

Почему и предлагаю совѣту сказать мнѣ свое мнѣніе: не имѣетъ ли онъ въ виду въ Грузіи или въ ближайшихъ къ ней губерніяхъ, либо въ самомъ университетѣ, кого либо способнаго къ употребленію для объѣзда армянскихъ монастырей, въ намѣреніи отысканія переводовъ потерянныхъ въ подлинникѣ сочиненій классической словесности?

Вмѣстѣ съ сими усмотрѣніями не оставитъ совѣтъ представить и проектъ инструкціи предполагаемому въ сію поѣздку чиновнику".

Только что приведенное попечительское предложеніе породило обширную, но совершенно безплодную, переписку, затянувшуюся до лѣта 1824 года. Отвѣчая Магницкому, совѣтъ поставилъ въ видъ (представленіе отъ 14-го октября), что для выполненія предположенныхъ изысканій „необходимы свѣдѣнія въ армянскомъ языкѣ, познанія классическихъ сочиненій и способности мѣстныя къ исполненію порученія для отысканія сихъ переводовъ", вслѣдствіе чего „чиновникъ сей долженъ имѣть свѣдѣнія въ словесности европейской и, вмѣстѣ, азійской, особенно армянской". Не имѣя въ виду такой разносторонне свѣдущей особы, совѣтъ полагалъ „назначить къ сему двѣ особы", причемъ рекомендовалъ съ этою цѣлью адъюнкта Манасеина, въ то время находившагося въ кавказской губерніи съ цѣлью визитаціи и устройства училищъ, и учителя армянскаго языка въ кизлярскомъ уѣздномъ училищѣ Егора Хубова. Выборъ Манасеина мотивировался близостью его мѣстопребыванія отъ „назначаемыхъ къ осмотру мѣстъ", его „знакомствомъ и довѣренностью весьма многихъ почтенныхъ армянъ", „благорасположеніемъ архіепископа всѣхъ обитающихъ въ россійской имперіи армянъ Іоаннеса" и обладаніемъ „разныхъ мѣстныхъ свѣдѣній объ армянахъ и ихъ словесности". Рекомендація Хубова обусловливалась тѣмъ, что онъ „происходитъ изъ эриванскихъ князей, обучался въ армянскомъ монастырѣ подъ надзоромъ дяди своего, армянскаго патріарха Семіона", что „по его благоразумію и усердію владѣтели араратскіе неоднократно отправляли его съ секретными отношеніями къ князю Потемкину, графу Зубову и князю Циціанову", что онъ въ теченіи нѣкотораго времени состоялъ учителемъ армянскаго языка въ московскомъ Лазаревскомъ училищѣ, числитъ за собою нѣсколько трудовъ по исторіи Арменіи и т. п. Попечитель отклонилъ рекомендацію Манасеина, сославшись на желаніе, что бы онъ „былъ полезенъ въ самомъ университетѣ", относительно же кандидатуры Хубова вошелъ

въ личную переписку съ директоромъ кавказскихъ училищъ,—что относится уже къ началу 1822 г., когда должность эту занималъ бывшій адъюнктъ Манасеинъ. Когда комбинація эта не состоялась, то весною 1823 г. порученіе осмотра армянскихъ монастырей возложено было Магницкимъ на самого Манасеина,—но и это предположеніе не осуществилось, послѣ чего, уже весною 1824 г., университетъ безуспѣшно рекомендовалъ для той же цѣли казеннокоштнаго кандидата Гурьева. Ничего изъ всего этого широковѣщательнаго начинанія—не вышло и, прежде всего, конечно, потому, что для выполненія его въ распоряженіи Магницкаго и университета не оказалось ни достаточныхъ знаній, ни способовъ, ни людей. Вся переписка по поводу изслѣдованія памятниковъ армянской древности обрывается на 2-мъ числѣ іюня 1824 г. и никакихъ слѣдовъ дальнѣйшаго движенія этой попечительской затѣи мы въ дѣлахъ университетскаго архива уже не встрѣчаемъ [5].

Если фантастическое путешествіе по Арменіи съ цѣлью розысканія памятниковъ древней письменности и не пошло далѣе безплодной канцелярской переписки, то за то эпоха попечительства Магницкаго даетъ намъ нѣсколько примѣровъ путешествій и экскурсій, увѣнчавшихся крупнымъ научнымъ результатомъ и представляющихъ собою видную страницу въ историческомъ прошломъ казанскаго университета.

Во главѣ ученыхъ путешествій, совершенныхъ въ интересующую насъ эпоху членами казанскаго университета, мы считаемъ справедливымъ поставить участіе профессора астрономіи И. М. Симонова въ кругосвѣтномъ плаваніи, снаряженномъ въ южно-полярныя моря на военныхъ шлюпахъ „Востокъ" и „Мирный", подъ главнымъ начальствомъ капитанъ-командора Ѳ. Ѳ. Беллингсгаузена, имѣвшаго свой флагъ на „Востокѣ", тогда какъ вторымъ судномъ командовалъ знаменитый впослѣдствіи М. П. Лазаревъ.

Профессоръ И. М. Симоновъ былъ назначенъ въ экспедицію Беллингсгаузена въ качествѣ астронома, съ сохраненіемъ на все время плаванія получаемаго имъ по университету содержанія, о чемъ попечитель увѣдомилъ совѣтъ университета предложеніемъ отъ 30-го іюня 1819 года. Маршрутъ экспедиціи, считавшейся одною изъ самыхъ важныхъ и трудныхъ, когда либо совершенныхъ, и опровергнувшей господствовавшее со временъ Кука мнѣніе объ ограниченной доступности южно-полярныхъ морей, въ общемъ обрисовывается въ слѣдующихъ чертахъ. Выйдя изъ Кронштадта 3-го іюля 1819 года, экспедиція (въ которой Симоновъ шелъ, вмѣстѣ съ Беллингсгаузеномъ, на „Востокѣ") прибыла 2-го ноября въ

въ личную переписку съ директоромъ кавказскихъ училищъ,—что относится уже къ началу 1822 г., когда должность эту занималъ бывшій адъюнктъ Манасеинъ. Когда комбинація эта не состоялась, то весною 1823 г. порученіе осмотра армянскихъ монастырей возложено было Магницкимъ на самого Манасеина,—но и это предположеніе не осуществилось, послѣ чего, уже весною 1824 г., университетъ безуспѣшно рекомендовалъ для той же цѣли казеннокоштнаго кандидата Гурьева. Ничего изъ всего этого широковѣщательнаго начинанія—не вышло и, прежде всего, конечно, потому, что для выполненія его въ распоряженіи Магницкаго и университета не оказалось ни достаточныхъ знаній, ни способовъ, ни людей. Вся переписка по поводу изслѣдованія памятниковъ армянской древности обрывается на 2-мъ числѣ іюня 1824 г. и никакихъ слѣдовъ дальнѣйшаго движенія этой попечительской затѣи мы въ дѣлахъ университетскаго архива уже не встрѣчаемъ [5].

Если фантастическое путешествіе по Арменіи съ цѣлью розысканія памятниковъ древней письменности и не пошло далѣе безплодной канцелярской переписки, то за то эпоха попечительства Магницкаго даетъ намъ нѣсколько примѣровъ путешествій и экскурсій, увѣнчавшихся крупнымъ научнымъ результатомъ и представляющихъ собою видную страницу въ историческомъ прошломъ казанскаго университета.

Во главѣ ученыхъ путешествій, совершенныхъ въ интересующую насъ эпоху членами казанскаго университета, мы считаемъ справедливымъ поставить участіе профессора астрономіи И. М. Симонова въ кругосвѣтномъ плаваніи, снаряженномъ въ южно-полярныя моря на военныхъ шлюпахъ „Востокъ“ и „Мирный“, подъ главнымъ начальствомъ капитанъ-командора Ѳ. Ѳ. Беллингсгаузена, имѣвшаго свой флагъ на „Востокѣ“, тогда какъ вторымъ судномъ командовалъ знаменитый впослѣдствіи М. П. Лазаревъ.

Профессоръ И. М. Симоновъ былъ назначенъ въ экспедицію Беллингсгаузена въ качествѣ астронома, съ сохраненіемъ на все время плаванія получаемаго имъ по университету содержанія, о чемъ попечитель увѣдомилъ совѣтъ университета предложеніемъ отъ 30-го іюня 1819 года. Маршрутъ экспедиціи, считавшейся одною изъ самыхъ важныхъ и трудныхъ, когда либо совершенныхъ, и опровергнувшей господствовавшее со временъ Кука мнѣніе объ ограниченной доступности южно-полярныхъ морей, въ общемъ обрисовывается въ слѣдующихъ чертахъ. Выйдя изъ Кронштадта 3-го іюля 1819 года, экспедиція (въ которой Симоновъ шелъ, вмѣстѣ съ Беллингсгаузеномъ, на „Востокѣ“) прибыла 2-го ноября въ

Ріо-Жанейро, откуда взяла курсъ на югъ и, обогнувъ юго-западный берегъ открытаго Кукомъ острова Новой Георгіи (около 56° ю. ш.), открыла острова маркиза де-Траверсе, осмотрѣла группу южныхъ Сандвичевыхъ острововъ и два раза продвигалась въ южно-полярныя области, достигнувъ здѣсь 69° ю. ш. Въ началѣ 1820 г. экспедиція прошла до тѣхъ поръ никѣмъ еще непосѣщавшіяся пространства Индійскаго и Южно-Полярнаго океановъ (55° шир. и 9° долг.), направилась, затѣмъ, въ Тихій океанъ, гдѣ открыла нѣсколько островововъ, посѣтила Австралію (Портъ-Джаксонъ), а въ началѣ слѣдующей зимы снова направилась въ южнополярныя области, причемъ три раза пересѣкла полярный кругъ; встрѣтивъ здѣсь въ началѣ 1821 г. сплошные льды—ушла на сѣверъ и, сдѣлавъ рядъ новыхъ открытій, достигла островововъ Новой Шотландіи и 23 іюля 1821 г. возвратилась обратно въ Кронштадтъ. И. М. Симоновъ не тотчасъ же возвратился отсюда въ Казань, оставшись въ Петербургѣ до февраля 1822 года.

Профессоръ Симоновъ былъ первымъ русскимъ астрономомъ, совершившимъ кругосвѣтное плаваніе, причемъ главныя астрономическія работы его заключались, во время экспедиціи, въ слѣдующемъ: а) Опредѣленіе состоянія и хода хронометровъ, б) Опредѣленіе географическихъ координатъ мѣстъ стоянки экспедиціи, в) Наблюденіе неподвижныхъ звѣздъ и г) Наблюденіе колебанія ртути въ барометрѣ между тропиками. За отсутствіемъ при экспедиціи другихъ ученыхъ спеціалистовъ, И. М. Симоновъ занимался также „предметами, до естественной исторіи и статистики относящимися", а равно коллекціонированіемъ.

Магницкій сумѣлъ по достоинству оцѣнить научную заслугу Симонова и, предложеніемъ отъ 12-го августа 1821 года, въ слѣдующихъ выраженіяхъ увѣдомлялъ совѣтъ университета о возвращеніи казанскаго ученаго изъ его далекаго плаванія:

„Профессоръ Симоновъ, отправлявшійся къ южному полюсу на шлюпѣ Востокъ, благополучно возвратился, совершивъ дѣло свое съ отличною честью для себя и для университета.

Онъ представилъ мнѣ посылаемый у сего краткій отчетъ, изъ котораго усмотритъ совѣтъ цѣну астрономическихъ трудовъ его. По совершеніи общаго изъ нихъ и подробнаго сочиненія, посвятитъ онъ его казанскому университету, который, разсмотрѣвъ оное, можетъ сообщить ученому свѣту чрезъ издаваемый имъ журналъ и переводъ на французскій языкъ.

По неимѣнію на шлюпахъ Востокъ и Мирный ученыхъ, кромѣ

Ріо-Жанейро, откуда взяла курсъ на югъ и, обогнувъ юго-западный берегъ открытаго Кукомъ острова Новой Георгіи (около 56° ю. ш.), открыла острова маркиза де-Траверсе, осмотрѣла группу южныхъ Сандвичевыхъ острововъ и два раза продвигалась въ южно-полярныя области, достигнувъ здѣсь 69° ю. ш. Въ началѣ 1820 г. экспедиція прошла до тѣхъ поръ никѣмъ еще непосѣщавшіяся пространства Индійскаго и Южно-Полярнаго океановъ (55° шир. и 9° долг.), направилась, затѣмъ, въ Тихій океанъ, гдѣ открыла нѣсколько островововъ, посѣтила Австралію (Портъ-Джаксонъ), а въ началѣ слѣдующей зимы снова направилась въ южнополярныя области, причемъ три раза пересѣкла полярный кругъ; встрѣтивъ здѣсь въ началѣ 1821 г. сплошные льды—ушла на сѣверъ и, сдѣлавъ рядъ новыхъ открытій, достигла островововъ Новой Шотландіи и 23 іюля 1821 г. возвратилась обратно въ Кронштадтъ. И. М. Симоновъ не тотчасъ же возвратился отсюда въ Казань, оставшись въ Петербургѣ до февраля 1822 года.

Профессоръ Симоновъ былъ первымъ русскимъ астрономомъ, совершившимъ кругосвѣтное плаваніе, причемъ главныя астрономическія работы его заключались, во время экспедиціи, въ слѣдующемъ: а) Опредѣленіе состоянія и хода хронометровъ, б) Опредѣленіе географическихъ координатъ мѣстъ стоянки экспедиціи, в) Наблюденіе неподвижныхъ звѣздъ и г) Наблюденіе колебанія ртути въ барометрѣ между тропиками. За отсутствіемъ при экспедиціи другихъ ученыхъ спеціалистовъ, И. М. Симоновъ занимался также „предметами, до естественной исторіи и статистики относящимися", а равно коллекціонированіемъ.

Магницкій сумѣлъ по достоинству оцѣнить научную заслугу Симонова и, предложеніемъ отъ 12-го августа 1821 года, въ слѣдующихъ выраженіяхъ увѣдомлялъ совѣтъ университета о возвращеніи казанскаго ученаго изъ его далекаго плаванія:

„Профессоръ Симоновъ, отправлявшійся къ южному полюсу на шлюпѣ Востокъ, благополучно возвратился, совершивъ дѣло свое съ отличною честью для себя и для университета.

Онъ представилъ мнѣ посылаемый у сего краткій отчетъ, изъ котораго усмотритъ совѣтъ цѣну астрономическихъ трудовъ его. По совершеніи общаго изъ нихъ и подробнаго сочиненія, посвятитъ онъ его казанскому университету, который, разсмотрѣвъ оное, можетъ сообщить ученому свѣту чрезъ издаваемый имъ журналъ и переводъ на французскій языкъ.

По неимѣнію на шлюпахъ Востокъ и Мирный ученыхъ, кромѣ

г. Симонова, занялся онъ и предметами, до естественной исторіи и статистики относящимися.

Означенныя въ прилагаемой у сего описи различныя произведенія природы и искусства приноситъ онъ въ даръ казанскому университету.

Разныя любопытныя происшествія будетъ онъ сообщать, въ видѣ записокъ, для изданія ихъ въ Казанскомъ Вѣстникѣ.

Ежели совѣтъ найдетъ труды и приношенія г. Симонова достойными награды, то, на томъ самомъ основаніи, на коемъ могутъ быть предлагаемы иностранцы, учеными трудами своими извѣстные, къ высшимъ университетскимъ степенямъ, я предлагаю совѣту произвесть баллотированіе профессора Симонова въ ординарные профессоры. Желая же въ лицѣ его ободрить отечественныхъ ученыхъ,—ибо г. Симоновъ есть первый русскій, изъ столь дальняго и опаснаго путешествія доставившій столь важные труды,—представилъ я его къ знаку отличія и, по бывшимъ примѣрамъ, къ пенсіону въ 300 червонныхъ.

Къ довершенію отличной чести, которую принесъ г. Симоновъ мѣсту его воспитанія, пріятно мнѣ увѣдомить совѣтъ, что Его Императорское Величество, посѣтить изволивъ на сихъ дняхъ возвратившіеся шлюпы, изъявилъ лично благодарность свою всѣмъ лицамъ, на нихъ плававшимъ, и, при представленіи профессора Симонова, удостоилъ говорить съ нимъ".

Возвращаясь къ коллекціямъ, привезеннымъ проф. Симоновымъ въ даръ университету, Магницкій не упускаетъ случая высказать слѣдующую сентенцію:

„Совѣтъ, безъ сомнѣнія, замѣтитъ, что въ числѣ оружія жителей острова Оно—находится значекъ или родъ знамя, отличающій его начальника. Любопытно и, вмѣстѣ, утѣшительно, что, вопреки всѣмъ неистовымъ теоріямъ естественнаго права о равенствѣ и безначаліи естественнаго человѣка, предъ глазами нашими открытые дикіе, истинные сыны природы—присылаютъ намъ непреложный знакъ ихъ покорности и естественнаго единодержавія. Я почиталъ бы нужнымъ сообщить нѣкоторое о семъ разсужденіе, къ свѣдѣнію ученаго нашего свѣта, въ Казанскомъ Вѣстникѣ".

Заслушавъ это попечительское предложеніе, совѣтъ опредѣлилъ принять его „къ свѣдѣнію", сочиненіе же для университетскаго журнала „разсужденія о знакѣ"—поручить предсѣдателю издательнаго комитета профессору Городчанинову *. Исполнено было и предложеніе попечителя

* Плодомъ этого порученія явилась замѣтка Городчанинова: «Нѣчто о естественномъ единодержавіи у дикихъ», помѣщенная въ Казанскомъ Вѣстникѣ» (1821, ч. III).

г. Симонова, занялся онъ и предметами, до естественной исторіи и статистики относящимися.

Означенныя въ прилагаемой у сего описи различныя произведенія природы и искусства приноситъ онъ въ даръ казанскому университету.

Разныя любопытныя происшествія будетъ онъ сообщать, въ видѣ записокъ, для изданія ихъ въ Казанскомъ Вѣстникѣ.

Ежели совѣтъ найдетъ труды и приношенія г. Симонова достойными награды, то, на томъ самомъ основаніи, на коемъ могутъ быть предлагаемы иностранцы, учеными трудами своими извѣстные, къ высшимъ университетскимъ степенямъ, я предлагаю совѣту произвесть баллотированіе профессора Симонова въ ординарные профессоры. Желая же въ лицѣ его ободрить отечественныхъ ученыхъ,—ибо г. Симоновъ есть первый русскій, изъ столь дальняго и опаснаго путешествія доставившій столь важные труды,—представилъ я его къ знаку отличія и, по бывшимъ примѣрамъ, къ пенсіону въ 300 червонныхъ.

Къ довершенію отличной чести, которую принесъ г. Симоновъ мѣсту его воспитанія, пріятно мнѣ увѣдомить совѣтъ, что Его Императорское Величество, посѣтить изволивъ на сихъ дняхъ возвратившіеся шлюпы, изъявилъ лично благодарность свою всѣмъ лицамъ, на нихъ плававшимъ, и, при представленіи профессора Симонова, удостоилъ говорить съ нимъ".

Возвращаясь къ коллекціямъ, привезеннымъ проф. Симоновымъ въ даръ университету, Магницкій не упускаетъ случая высказать слѣдующую сентенцію:

„Совѣтъ, безъ сомнѣнія, замѣтитъ, что въ числѣ оружія жителей острова Оно—находится значекъ или родъ знамя, отличающій его начальника. Любопытно и, вмѣстѣ, утѣшительно, что, вопреки всѣмъ неистовымъ теоріямъ естественнаго права о равенствѣ и безначаліи естественнаго человѣка, предъ глазами нашими открытые дикіе, истинные сыны природы—присылаютъ намъ непреложный знакъ ихъ покорности и естественнаго единодержавія. Я почиталъ бы нужнымъ сообщить нѣкоторое о семъ разсужденіе, къ свѣдѣнію ученаго нашего свѣта, въ Казанскомъ Вѣстникѣ".

Заслушавъ это попечительское предложеніе, совѣтъ опредѣлилъ принять его „къ свѣдѣнію", сочиненіе же для университетскаго журнала „разсужденія о знакѣ"—поручить предсѣдателю издательнаго комитета профессору Городчанинову*. Исполнено было и предложеніе попечителя

* Плодомъ этого порученія явилась замѣтка Городчанинова: «Нѣчто о естественномъ единодержавіи у дикихъ», помѣщенная въ Казанскомъ Вѣстникѣ» (1821, ч. III).

относительно избранія Симонова въ ординарные профессоры: 25 февраля 1822 года состоялось избраніе, а 24 мая и утвержденіе его въ этомъ званіи. Въ августѣ 1821 г. подвигъ Симонова былъ увѣнчанъ награжденіемъ его орденомъ св. Анны второй степени и назначеніемъ ему, на все время несенія службы, двойного оклада жалованья.

Мы не имѣемъ возможности входить въ подробное изложеніе хода и итоговъ наблюденій и работъ, произведенныхъ И. М. Симоновымъ во время совершеннаго имъ кругосвѣтнаго плаванія *. Описаніе экспедиціи и ея результатовъ послужило ему темою для двухъ актовыхъ рѣчей: „Слово объ успѣхахъ плаванія шлюповъ Востока и Мирнаго около свѣта" (1822 г.) и „О разности температуры въ южномъ и сѣверномъ полушаріяхъ" (1825 г.); рѣчи эти были въ свое время переведены на языки, нѣмецкій—І. А. Литтровомъ, французскій—барономъ Цахомъ. Частичныя описанія наблюденій, произведенныхъ имъ во время плаванія, были напечатаны Симоновымъ въ астрономическомъ журналѣ бар. Цаха („Correspondance astrom. etc.") въ теченіи 1823—1824 годовъ (наблюденія на Тенерифѣ, въ Ріо-Жанейро, Портъ-Джаксонѣ, Новой Голландіи, Новой Зеландіи и на Отаити). Что касается полнаго свода наблюденій И. М. Симонова, представленнаго имъ совѣту университета на 36½ писанныхъ листахъ, то изданіе его было предпринято, на университетскій счетъ, въ С.-Петербургѣ, при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Первоначально изданіе это было выпущено въ 1824 г. въ количествѣ 1200 экземпляровъ, но весь складъ его былъ подмоченъ и приведенъ въ негодность петербургскимъ наводненіемъ 7-го ноября того же года; тогда приступлено было къ новому, но уже въ количествѣ всего 300 экз., изданію этой же книги, которое и вышло въ свѣтъ подъ заглавіемъ: „Опредѣленіе географическаго положенія мѣстъ якорнаго стоянія шлюповъ Востокъ и Мирный, часть I" (СПБ., 1828). Общедоступныя и эпизодическія описанія экспедиціи даны были И. М. Симоновымъ въ 1829 („Изъ воспоминаній кругосвѣтнаго плаванія", Каз. Вѣстн., ч. XXV) и въ 1854 („Ночи", Журн. мин. нар. пр., литерат. приб., и отдѣльно) годахъ [6].

Къ 1823—1824 годамъ относится вторая командировка въ дальнее плаваніе на военномъ суднѣ, въ качествѣ натуралиста, профессора казанскаго университета—В. И. Тимьянскаго, на этотъ разъ къ русскимъ берегамъ Сѣверной Америки, но эта экспедиція прервалась, какъ

* Упоминаемый Магницкимъ краткій отчетъ о занятіяхъ проф. Симонова во время его плаванія, а равно списокъ принесенныхъ имъ университету въ даръ предметовъ интересующіеся найдутъ въ дѣлѣ архива совѣта подъ № 207-мъ, за 1819 годъ

относительно избранія Симонова въ ординарные профессоры: 25 февраля 1822 года состоялось избраніе, а 24 мая и утвержденіе его въ этомъ званіи. Въ августѣ 1821 г. подвигъ Симонова былъ увѣнчанъ награжденіемъ его орденомъ св. Анны второй степени и назначеніемъ ему, на все время несенія службы, двойного оклада жалованья.

Мы не имѣемъ возможности входить въ подробное изложеніе хода и итоговъ наблюденій и работъ, произведенныхъ И. М. Симоновымъ во время совершеннаго имъ кругосвѣтнаго плаванія *. Описаніе экспедиціи и ея результатовъ послужило ему темою для двухъ актовыхъ рѣчей: „Слово объ успѣхахъ плаванія шлюповъ Востока и Мирнаго около свѣта" (1822 г.) и „О разности температуры въ южномъ и сѣверномъ полушаріяхъ" (1825 г.); рѣчи эти были въ свое время переведены на языки, нѣмецкій—І. А. Литтровомъ, французскій—барономъ Цахомъ. Частичныя описанія наблюденій, произведенныхъ имъ во время плаванія, были напечатаны Симоновымъ въ астрономическомъ журналѣ бар. Цаха („Correspondance astrom. etc.") въ теченіи 1823—1824 годовъ (наблюденія на Тенерифѣ, въ Ріо-Жанейро, Портъ-Джаксонѣ, Новой Голландіи, Новой Зеландіи и на Отаити). Что касается полнаго свода наблюденій И. М. Симонова, представленнаго имъ совѣту университета на 36½ писанныхъ листахъ, то изданіе его было предпринято, на университетскій счетъ, въ С.-Петербургѣ, при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Первоначально изданіе это было выпущено въ 1824 г. въ количествѣ 1200 экземпляровъ, но весь складъ его былъ подмоченъ и приведенъ въ негодность петербургскимъ наводненіемъ 7-го ноября того же года; тогда приступлено было къ новому, но уже въ количествѣ всего 300 экз., изданію этой же книги, которое и вышло въ свѣтъ подъ заглавіемъ: „Опредѣленіе географическаго положенія мѣстъ якорнаго стоянія шлюповъ Востокъ и Мирный, часть I" (СПБ., 1828). Общедоступныя и эпизодическія описанія экспедиціи даны были И. М. Симоновымъ въ 1829 („Изъ воспоминаній кругосвѣтнаго плаванія", Каз. Вѣстн., ч. XXV) и въ 1854 („Ночи", Журн. мин. нар. пр., литерат. приб., и отдѣльно) годахъ [6].

Къ 1823—1824 годамъ относится вторая командировка въ дальнее плаваніе на военномъ суднѣ, въ качествѣ натуралиста, профессора казанскаго университета—В. И. Тимьянскаго, на этотъ разъ къ русскимъ берегамъ Сѣверной Америки, но эта экспедиція прервалась, какъ

* Упоминаемый Магницкимъ краткій отчетъ о занятіяхъ проф. Симонова во время его плаванія, а равно списокъ принесенныхъ имъ университету въ даръ предметовъ интересующіеся найдутъ въ дѣлѣ архива совѣта подъ № 207-мъ, за 1819 годъ

намъ это уже извѣстно, въ самомъ началѣ, не проникнувъ далѣе побережья Норвегіи *. Къ этимъ же годамъ пріурочивается большое путешествіе по западной Европѣ профессоровъ И. М. Симонова и А. Я. Купфера, о которомъ подробнѣе будетъ разсказано нами ниже, при обзорѣ состоянія въ интересующую насъ эпоху астрономической обсерваторіи и физическаго кабинета.

Въ концѣ лѣта и въ началѣ осени 1823 года состоялась свыше двухмѣсячная научная поѣздка на Уралъ профессора и ректора К. Ѳ. Фукса. Починъ этой экскурсіи принадлежалъ сенатору В. Ю. Соймонову, въ то время находившемуся въ Казани на правахъ временнаго генералъ-губернатора, встрѣтившему надобность побывать по дѣламъ службы на Уралѣ и по этому поводу, въ началѣ мая 1823 г., обратившемуся къ и. д. директора университета съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

„Находящійся въ числѣ сотрудниковъ вашихъ г. профессоръ Фуксъ, занимающійся, по особенной страсти его, съ извѣстною пользою древностями, минералогіею и ботаникою, желалъ бы, по случаю поѣздки моей въ Екатеринбургъ вслѣдствіе высочайшей воли, употребить ученыя изысканія свои въ тамошней странѣ, много отъ здѣшняго края отличной, а тѣмъ способствовать казанскому университету къ обогащенію кабинета его предметами изъ царства ископаемыхъ и растеній. Полагая, что поѣздка его со мною можетъ доставить ученому свѣту новыя и полезныя открытія, къ чему и я, съ своей стороны, постараюсь способствовать ему всѣми по возможности средствами, имѣю честь отнестись, не будетъ ли университетомъ признано полезнымъ испросить отъ начальства позволеніе послать г. Фукса въ (sic) Уральскій хребетъ, для изысканій и открытій по части натуральной исторіи".

Просьба Соймонова граничила, по своей авторитетности, съ прямымъ предписаніемъ и представляется вполнѣ естественнымъ, что Магницкій не преминулъ дать полное согласіе свое на поѣздку Фукса, вмѣстѣ съ сенаторомъ, на Уралъ, съ сохраненіемъ жалованья, выдачею прогонныхъ денегъ изъ визитаторской суммы и съ временною передачею и. д. ректора проф. Городчанинову. Фуксъ пробылъ въ поѣздкѣ 2 мѣсяца и 10 дней—съ 15-го іюля по 25 сентября [7]. Результатами уральской экскурсіи Фукса явились: его латинская рѣчь—„De morbis incolarum montium Uralensis" (напечатана въ брошюрѣ „Ad solemnem promotionem gladiosorum medicinae etc.", Каз. 1824), трактующая о профессіональныхъ заболѣва-

---

* См. томъ I, стр. 282—283.

намъ это уже извѣстно, въ самомъ началѣ, не проникнувъ далѣе побережья Норвегіи *. Къ этимъ же годамъ пріурочивается большое путешествіе по западной Европѣ профессоровъ И. М. Симонова и А. Я. Купфера, о которомъ подробнѣе будетъ разсказано нами ниже, при обзорѣ состоянія въ интересующую насъ эпоху астрономической обсерваторіи и физическаго кабинета.

Въ концѣ лѣта и въ началѣ осени 1823 года состоялась свыше двухмѣсячная научная поѣздка на Уралъ профессора и ректора К. Ѳ. Фукса. Починъ этой экскурсіи принадлежалъ сенатору В. Ю. Соймонову, въ то время находившемуся въ Казани на правахъ временнаго генералъ-губернатора, встрѣтившему надобность побывать по дѣламъ службы на Уралѣ и по этому поводу, въ началѣ мая 1823 г., обратившемуся къ и. д. директора университета съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

„Находящійся въ числѣ сотрудниковъ вашихъ г. профессоръ Фуксъ, занимающійся, по особенной страсти его, съ извѣстною пользою древностями, минералогіею и ботаникою, желалъ бы, по случаю поѣздки моей въ Екатеринбургъ вслѣдствіе высочайшей воли, употребить ученыя изысканія свои въ тамошней странѣ, много отъ здѣшняго края отличной, а тѣмъ способствовать казанскому университету къ обогащенію кабинета его предметами изъ царства ископаемыхъ и растеній. Полагая, что поѣздка его со мною можетъ доставить ученому свѣту новыя и полезныя открытія, къ чему и я, съ своей стороны, постараюсь способствовать ему всѣми по возможности средствами, имѣю честь отнестись, не будетъ ли университетомъ признано полезнымъ испросить отъ начальства позволеніе послать г. Фукса въ (sic) Уральскій хребетъ, для изысканій и открытій по части натуральной исторіи“.

Просьба Соймонова граничила, по своей авторитетности, съ прямымъ предписаніемъ и представляется вполнѣ естественнымъ, что Магницкій не преминулъ дать полное согласіе свое на поѣздку Фукса, вмѣстѣ съ сенаторомъ, на Уралъ, съ сохраненіемъ жалованья, выдачею прогонныхъ денегъ изъ визитаторской суммы и съ временною передачею и. д. ректора проф. Городчанинову. Фуксъ пробылъ въ поѣздкѣ 2 мѣсяца и 10 дней—съ 15-го іюля по 25 сентября [7]. Результатами уральской экскурсіи Фукса явились: его латинская рѣчь—„De morbis incolarum montium Uralensis“ (напечатана въ брошюрѣ „Ad solemnem promotionem gladiosorum medicinae etc.“, Каз. 1824), трактующая о профессіональныхъ заболѣва-

---

* См. томъ I, стр. 282—283.

ніяхъ уральскихъ горнозаводскихъ рабочихъ, статья—„О состояніи золотого промысла по хребту Уральскихъ горъ“ (Каз. Вѣстн. 1824 г., № 1) и отрывки изъ недошедшихъ до нашихъ дней путевыхъ замѣтокъ—„Путешествіе по башкирскому Уралу“ (Каз. Вѣстн. 1832 г., ч. XXXV и XXXVI).

Крупнымъ ученымъ начинаніемъ казанскаго университета, относящимся къ интересующей насъ эпохѣ, является путешествіе профессора Э. И. Эйхвальда, предпринятое въ 1825—1826 годахъ съ цѣлью изслѣдованія Каспійскаго моря и прилегающихъ къ нему странъ. Планъ этого путешествія созрѣлъ въ умѣ Эйхвальда уже къ началу 1824 г. и былъ изложенъ имъ въ брошюрѣ „Introductio in historiam naturalem Caspii maris“ (Каз., 1824), ближайшій же шагъ въ дѣлѣ осуществленія предпріятія сдѣланъ былъ имъ въ видѣ слѣдующаго представленія совѣту университета (отъ 1-го марта того же года), въ общихъ чертахъ знакомящаго насъ съ намѣченными Эйхвальдомъ задачами и средствами выполненія путешествія:

„Относительно путешествія по Каспійскому морю честь имѣю представить совѣту слѣдующее:

1. Таковое путешествіе доставитъ свѣдѣнія о столь мало извѣстныхъ еще странахъ нашего отечества въ отношеніяхъ минералогическомъ, ботаническомъ и зоологическомъ, ибо всѣ сдѣланныя путешествія, особенно Гмелиномъ, Гильденстетомъ и Палласомъ—содержатъ въ себѣ весьма мало свѣдѣній по части естественной исторіи. Сіе заставляло естествоиспытателей нетерпѣливо желать новаго подробнѣйшаго описанія природы сихъ любопытныхъ странъ. Университетъ, совершивъ подобное предпріятіе, окажетъ ученому свѣту великую услугу. Помянутыя земли, принадлежа къ здѣшнему учебному округу, должны ожидать изслѣдованій со стороны университета.

2. Чрезъ него университетскій кабинетъ естественной исторіи обогатится собраніемъ произведеній, свойственныхъ сему краю, въ которыхъ чувствителенъ совершенный недостатокъ. Тогда открылась бы возможность снабдить излишними экземплярами и прочія учебныя заведенія, какъ россійскія, такъ и иностранныя, получая въ замѣну оныхъ другія произведенія, которыя при преподаваніи естественной исторіи весьма нужны.

Потомъ я почитаю нужнымъ изъяснить мои предположенія касательно пути, коимъ совершено должно быть оное:

1) До Астрахани намѣренъ я отправиться сухопутно; оттуда—Волгою и Каспійскимъ моремъ до Тюленьяго острова.

2) Отселѣ путь направленъ будетъ моремъ, на другой берегъ онаго, къ Мангишлакскому заливу. Здѣсь предполагается испытаніе самаго берега.

ніяхъ уральскихъ горнозаводскихъ рабочихъ, статья—„О состояніи золотого промысла по хребту Уральскихъ горъ" (Каз. Вѣстн. 1824 г., № 1) и отрывки изъ недошедшихъ до нашихъ дней путевыхъ замѣтокъ—„Путешествіе по башкирскому Уралу" (Каз. Вѣстн. 1832 г., ч. XXXV и XXXVI).

Крупнымъ ученымъ начинаніемъ казанскаго университета, относящимся къ интересующей насъ эпохѣ, является путешествіе профессора Э. И. Эйхвальда, предпринятое въ 1825—1826 годахъ съ цѣлью изслѣдованія Каспійскаго моря и прилегающихъ къ нему странъ. Планъ этого путешествія созрѣлъ въ умѣ Эйхвальда уже къ началу 1824 г. и былъ изложенъ имъ въ брошюрѣ „Introductio in historiam naturalem Caspii maris" (Каз., 1824), ближайшій же шагъ въ дѣлѣ осуществленія предпріятія сдѣланъ былъ имъ въ видѣ слѣдующаго представленія совѣту университета (отъ 1-го марта того же года), въ общихъ чертахъ знакомящаго насъ съ намѣченными Эйхвальдомъ задачами и средствами выполненія путешествія:

„Относительно путешествія по Каспійскому морю честь имѣю представить совѣту слѣдующее:

1. Таковое путешествіе доставитъ свѣдѣнія о столь мало извѣстныхъ еще странахъ нашего отечества въ отношеніяхъ минералогическомъ, ботаническомъ и зоологическомъ, ибо всѣ сдѣланныя путешествія, особенно Гмелиномъ, Гильденстетомъ и Палласомъ—содержатъ въ себѣ весьма мало свѣдѣній по части естественной исторіи. Сіе заставляло естествоиспытателей нетерпѣливо желать новаго подробнѣйшаго описанія природы сихъ любопытныхъ странъ. Университетъ, совершивъ подобное предпріятіе, окажетъ ученому свѣту великую услугу. Помянутыя земли, принадлежа къ здѣшнему учебному округу, должны ожидать изслѣдованій со стороны университета.

2. Чрезъ него университетскій кабинетъ естественной исторіи обогатится собраніемъ произведеній, свойственныхъ сему краю, въ которыхъ чувствителенъ совершенный недостатокъ. Тогда открылась бы возможность снабдить излишними экземплярами и прочія учебныя заведенія, какъ россійскія, такъ и иностранныя, получая въ замѣну оныхъ другія произведенія, которыя при преподаваніи естественной исторіи весьма нужны.

Потомъ я почитаю нужнымъ изъяснить мои предположенія касательно пути, коимъ совершено должно быть оное:

1) До Астрахани намѣренъ я отправиться сухопутно; оттуда—Волгою и Каспійскимъ моремъ до Тюленьяго острова.

2) Отселѣ путь направленъ будетъ моремъ, на другой берегъ онаго, къ Мангишлакскому заливу. Здѣсь предполагается испытаніе самаго берега.

3) Далѣе предпринятъ будетъ путь на западный берегъ моря—къ Дербенту, а оттуда, по берегу—въ Баку.

4) Потомъ предполагается обратный переѣздъ на восточный берегъ—къ Балханскому заливу, для осмотра древняго теченія рѣки Оксуса.

5) Отселѣ начнется испытаніе южныхъ береговъ моря, прилежащихъ къ персидскимъ владѣніямъ, въ областяхъ: Астрабадѣ, Мазандеранѣ, Гиланѣ и Ширванѣ.

6) Окончивъ морской путь въ Баку, имѣю я намѣреніе путешествовать въ Тифлисъ, по берегамъ рѣки Куры, а потомъ, черезъ Кавказскія горы—въ Георгіевскъ, Моздокъ, Кизляръ и Астрахань.

Для того, что бы съ надлежащимъ успѣхомъ могло быть совершено сіе полезное путешествіе, я нужнымъ почитаю испрашивать нѣкоторой помощи со стороны университета:

1) Для вспомоществованія въ изысканіяхъ моихъ нахожу нужнымъ просить о назначеніи со мною г. кандидата Кулакова, одного способнаго для рисунковъ человѣка и, сверхъ того, чучельника.

2) Просить мѣстныя начальства тѣхъ странъ объ оказаніи мнѣ во всѣхъ случаяхъ нужной помощи,—особенно же г. управляющаго Грузіею генерала Ермолова.

3) Просить объ изготовленіи для морского пути вооруженнаго судна и снабженіи онаго достаточнымъ конвоемъ, каковой потребенъ будетъ и при проѣздѣ чрезъ Кавказскія горы.

4) Дозволить мнѣ взять изъ библіотеки нужныя книги и другія пособія, какъ то: микроскопъ, барометръ, термометръ, достаточное количество банокъ и спирта.

5) Сверхъ получаемаго жалованья и прогонныхъ денегъ нахожу нужнымъ испрашивать три тысячи рублей для покупки могущихъ встрѣтиться любопытныхъ вещей и для нужныхъ въ семъ пути издержекъ.

6) Для сего путешествія считаю достаточнымъ употребить шесть мѣсяцевъ, начиная путь, по крайней мѣрѣ, съ 1-го мая".

Совѣтъ университета вполнѣ одобрилъ всѣ предположенія Эйхвальда и, сдѣлавъ соотвѣтствующее представленіе попечителю, выразилъ увѣренность, что „чиновникъ сей совершитъ свое предпріятіе съ отличною пользою и честью для университета". Магницкій отнесся, и съ своей стороны, весьма сочувственно къ новому научному начинанію казанскаго университета. Завязались необходимыя по этому поводу сношенія, въ результатѣ которыхъ, предложеніемъ отъ 30-го декабря 1824 г., попечитель могъ дать знать университету, что главноуправляющій Грузіею генералъ Ермоловъ обѣщалъ будущей экспедиціи полное содѣйствіе свое, до снаряженія въ ея распоряженіе военнаго судна и „приличнаго" конвоя, включительно; генералъ Ермоловъ обѣщалъ даже войти въ сношенія съ персид-

3) Далѣе предпринятъ будетъ путь на западный берегъ моря—къ Дербенту, а оттуда, по берегу—въ Баку.

4) Потомъ предполагается обратный переѣздъ на восточный берегъ—къ Балханскому заливу, для осмотра древняго теченія рѣки Оксуса.

5) Отселѣ начнется испытаніе южныхъ береговъ моря, прилежащихъ къ персидскимъ владѣніямъ, въ областяхъ: Астрабадѣ, Мазандеранѣ, Гиланѣ и Ширванѣ.

6) Окончивъ морской путь въ Баку, имѣю я намѣреніе путешествовать въ Тифлисъ, по берегамъ рѣки Куры, а потомъ, черезъ Кавказскія горы—въ Георгіевскъ, Моздокъ, Кизляръ и Астрахань.

Для того, что бы съ надлежащимъ успѣхомъ могло быть совершено сіе полезное путешествіе, я нужнымъ почитаю испрашивать нѣкоторой помощи со стороны университета:

1) Для вспомоществованія въ изысканіяхъ моихъ нахожу нужнымъ просить о назначеніи со мною г. кандидата Кулакова, одного способнаго для рисунковъ человѣка и, сверхъ того, чучельника.

2) Просить мѣстныя начальства тѣхъ странъ объ оказаніи мнѣ во всѣхъ случаяхъ нужной помощи,—особенно же г. управляющаго Грузіею генерала Ермолова.

3) Просить объ изготовленіи для морского пути вооруженнаго судна и снабженіи онаго достаточнымъ конвоемъ, каковой потребенъ будетъ и при проѣздѣ чрезъ Кавказскія горы.

4) Дозволить мнѣ взять изъ библіотеки нужныя книги и другія пособія, какъ то: микроскопъ, барометръ, термометръ, достаточное количество банокъ и спирта.

5) Сверхъ получаемаго жалованья и прогонныхъ денегъ нахожу нужнымъ испрашивать три тысячи рублей для покупки могущихъ встрѣтиться любопытныхъ вещей и для нужныхъ въ семъ пути издержекъ.

6) Для сего путешествія считаю достаточнымъ употребить шесть мѣсяцевъ, начиная путь, по крайней мѣрѣ, съ 1-го мая".

Совѣтъ университета вполнѣ одобрилъ всѣ предположенія Эйхвальда и, сдѣлавъ соотвѣтствующее представленіе попечителю, выразилъ увѣренность, что „чиновникъ сей совершитъ свое предпріятіе съ отличною пользою и честью для университета". Магницкій отнесся, и съ своей стороны, весьма сочувственно къ новому научному начинанію казанскаго университета. Завязались необходимыя по этому поводу сношенія, въ результатѣ которыхъ, предложеніемъ отъ 30-го декабря 1824 г., попечитель могъ дать знать университету, что главноуправляющій Грузіею генералъ Ермоловъ обѣщалъ будущей экспедиціи полное содѣйствіе свое, до снаряженія въ ея распоряженіе военнаго судна и „приличнаго" конвоя, включительно; генералъ Ермоловъ обѣщалъ даже войти въ сношенія съ персид-

скимъ правительствомъ относительно оказанія экспедиціи всяческаго содѣйствія, оговорившись, тѣмъ не менѣе, что его предстательство въ этомъ направленіи, „по невѣжеству персіянъ, можетъ остаться неудовлетвореннымъ". Министерство народнаго просвѣщенія, съ своей стороны, разрѣшило отпускъ проф. Эйхвальду, сверхъ сохраняемаго имъ жалованья, изъ экономическихъ суммъ университета, 2-хъ тыс. рублей на расходы по экспедиціи и одной тысячи рублей на пріобрѣтеніе коллекцій.

Начало путешествія пришлось отложить до весны слѣдующаго года. Зима прошла въ необходимыхъ подготовленіяхъ къ экспедиціи и только 7-го марта 1825 года проф. Эйхвальдъ, снабженный необходимыми книгами, инструментами и другими пособіями, оказался въ состояніи покинуть Казань и отправиться въ свой далекій и трудный, по условіямъ того времени, путь. Его сопровождали, въ качествѣ помощниковъ, прикомандированный къ нему ботаникъ императорскаго ботаническаго сада Поморцевъ, препараторъ и чучельникъ Истоминъ и студентъ-медикъ казанскаго университета Финке; этотъ послѣдній осенью того же года, по окончаніи путешествія по Каспійскому морю, былъ отпущенъ обратно въ Казань—„дабы не упущалъ долѣе академическихъ лекцій". Шестимѣсячнаго срока, первоначально исчисленнаго Эйхвальдомъ для окончанія его предпріятія, оказалось, какъ и слѣдовало ожидать, недостаточнымъ и уже 2-го октября срокъ этотъ былъ министерствомъ продленъ на 6 мѣсяцевъ, съ дополнительнымъ ассигнованіемъ еще 2-хъ тысячъ рублей изъ экономическихъ суммъ университета.

Не почитая возможнымъ входить въ изложеніе подробностей экспедиціи проф. Эйхвальда и отсылая интересующихся къ подлинному отчету его *, мы ограничимся лишь самыми краткими свѣдѣніями изъ этого послѣдняго.

Выѣхавъ изъ Казани 7-го марта 1825 г., экспедиція 29-го числа прибыла въ Астрахань, гдѣ болѣе мѣсяца прошло въ приготовленіяхъ къ морскому плаванію, причемъ время это было проф. Эйхвальдомъ использовано на коллектированіе въ окрестностяхъ города и въ дельтѣ Волги; отсюда отправленъ былъ имъ въ Казань первый транспортъ собранныхъ естественно-историческихъ предметовъ **. Путешествіе по

* См. въ архивѣ каз. унив. дѣло—Сов. 1824, № 399, л.л. 98—109. Въ этомъ же дѣлѣ заключается и рядъ донесеній Эйхвальда съ пути о предметахъ, по мѣрѣ накопленія высылавшихся имъ для естественно-историческаго кабинета университета.

** Представляется не безъинтереснымъ, что этотъ транспортъ былъ отправленъ въ Казань на пароходѣ («на паровомъ суднѣ») титул. совѣтника Евреинова, отходившемъ вверхъ по Волгѣ.

скимъ правительствомъ относительно оказанія экспедиціи всяческаго содѣйствія, оговорившись, тѣмъ не менѣе, что его предстательство въ этомъ направленіи, „по невѣжеству персіянъ, можетъ остаться неудовлетвореннымъ". Министерство народнаго просвѣщенія, съ своей стороны, разрѣшило отпускъ проф. Эйхвальду, сверхъ сохраняемаго имъ жалованья, изъ экономическихъ суммъ университета, 2-хъ тыс. рублей на расходы по экспедиціи и одной тысячи рублей на пріобрѣтеніе коллекцій.

Начало путешествія пришлось отложить до весны слѣдующаго года. Зима прошла въ необходимыхъ подготовленіяхъ къ экспедиціи и только 7-го марта 1825 года проф. Эйхвальдъ, снабженный необходимыми книгами, инструментами и другими пособіями, оказался въ состояніи покинуть Казань и отправиться въ свой далекій и трудный, по условіямъ того времени, путь. Его сопровождали, въ качествѣ помощниковъ, прикомандированный къ нему ботаникъ императорскаго ботаническаго сада Поморцевъ, препараторъ и чучельникъ Истоминъ и студентъ-медикъ казанскаго университета Финке; этотъ послѣдній осенью того же года, по окончаніи путешествія по Каспійскому морю, былъ отпущенъ обратно въ Казань—„дабы не упущалъ долѣе академическихъ лекцій". Шестимѣсячнаго срока, первоначально исчисленнаго Эйхвальдомъ для окончанія его предпріятія, оказалось, какъ и слѣдовало ожидать, недостаточнымъ и уже 2-го октября срокъ этотъ былъ министерствомъ продленъ на 6 мѣсяцевъ, съ дополнительнымъ ассигнованіемъ еще 2-хъ тысячъ рублей изъ экономическихъ суммъ университета.

Не почитая возможнымъ входить въ изложеніе подробностей экспедиціи проф. Эйхвальда и отсылая интересующихся къ подлинному отчету его *, мы ограничимся лишь самыми краткими свѣдѣніями изъ этого послѣдняго.

Выѣхавъ изъ Казани 7-го марта 1825 г., экспедиція 29-го числа прибыла въ Астрахань, гдѣ болѣе мѣсяца прошло въ приготовленіяхъ къ морскому плаванію, причемъ время это было проф. Эйхвальдомъ использовано на коллектированіе въ окрестностяхъ города и въ дельтѣ Волги; отсюда отправленъ былъ имъ въ Казань первый транспортъ собранныхъ естественно-историческихъ предметовъ **. Путешествіе по

* См. въ архивѣ каз. унив. дѣло—Сов. 1824, № 399, л.л. 98—109. Въ этомъ же дѣлѣ заключается и рядъ донесеній Эйхвальда съ пути о предметахъ, по мѣрѣ накопленія высылавшихся имъ для естественно-историческаго кабинета университета.

** Представляется не безъинтереснымъ, что этотъ транспортъ былъ отправленъ въ Казань на пароходѣ («на паровомъ суднѣ») титул. совѣтника Евреинова, отходившемъ вверхъ по Волгѣ.

Каспію экспедиція совершила на военномъ корветѣ „Геркулесъ", находившемся подъ командою лейтенанта Ладыженскаго. Покинувъ Астрахань 7-го мая, экспедиція, послѣ цѣлаго ряда промежуточныхъ остановокъ, во время которыхъ не прекращались естественно-историческія изысканія, 21 іюня бросила якорь передъ г. Дербентомъ, гдѣ Эйхвальдъ сдѣлалъ снимки съ древнихъ куфическихъ и арабскихъ надгробныхъ и иныхъ надписей и пополнилъ свои коллекціи. Августъ мѣсяцъ былъ проведенъ экспедиціею въ Баку, гдѣ, помимо естественно-историческихъ и археологическихъ изысканій, Эйхвальдъ изслѣдовалъ нефтяныя мѣсторожденія и причины горѣнія такъ называемаго „вѣчнаго огня", обнаруживъ ихъ въ „водотворномъ гасѣ". Не имѣвъ возможности посѣтить Астрабадское побережье, въ виду опасенія мѣстныхъ „хищныхъ трухменцевъ", и ограничившись изслѣдованіемъ близъ лежащихъ островов восточныхъ прибрежныхъ полосъ, экспедиція 12-го октября бросила якорь въ Мазандеранѣ, откуда Эйхвальдъ предпринялъ сухопутную поѣздку въ глубь персидской территоріи. 20-го октября путешественники прибыли въ Энзели, гдѣ „персіяне, по своему невѣжеству, не допустили ихъ до берега, что уже два года случается съ русскими военными судами", и 29-го октября снова бросили якорь на рейдѣ г. Баку. Въ Баку Эйхвальдъ зазимовалъ, отправивъ отсюда въ Казань „ящики съ животными въ спиртѣ, чучелами птицъ и болѣе тысячи рѣдкихъ растеній, собранныхъ въ послѣднее путешествіе по Балханскому заливу, по Астрабадскому и Мазандеранскому берегу". Оставивъ въ началѣ весны Баку, Эйхвальдъ осмотрѣлъ каспійскія рыбныя вытаги, гдѣ „открылъ новыя двѣ породы рыбъ", послѣ чего направился къ Тифлису. Предпринявъ, какъ по пути въ Тифлисъ, такъ и по выѣздѣ изъ этого города, цѣлый рядъ экскурсій по южному и сѣверному Кавказу, Эйхвальдъ черезъ Ставрополь, Новочеркасскъ и Саратовъ 8-го сентября 1826 года благополучно возвратился въ Казань [8].

Экспедиція проф. Эйхвальда обогатила кабинетъ естественной исторіи значительными зоологическими, ботаническими, геогностическими и даже археологическими коллекціями, хотя научная разработка результатовъ его путешествія, за исключеніемъ представленнаго имъ университету краткаго отчета, явилась достояніемъ уже послѣ-казанскихъ годовъ научной дѣятельности Э. И. Эйхвальда *.

* См. списокъ трудовъ Э. И. Эйхвальда въ «Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Императ. Казанскаго университета» (Каз. 1904 г.), ч. I, стр. 547, подъ литтерами *а—д*.

Каспію экспедиція совершила на военномъ корветѣ „Геркулесъ", находившемся подъ командою лейтенанта Ладыженскаго. Покинувъ Астрахань 7-го мая, экспедиція, послѣ цѣлаго ряда промежуточныхъ остановокъ, во время которыхъ не прекращались естественно-историческія изысканія, 21 іюня бросила якорь передъ г. Дербентомъ, гдѣ Эйхвальдъ сдѣлалъ снимки съ древнихъ куфическихъ и арабскихъ надгробныхъ и иныхъ надписей и пополнилъ свои коллекціи. Августъ мѣсяцъ былъ проведенъ экспедиціею въ Баку, гдѣ, помимо естественно-историческихъ и археологическихъ изысканій, Эйхвальдъ изслѣдовалъ нефтяныя мѣсторожденія и причины горѣнія такъ называемаго „вѣчнаго огня", обнаруживъ ихъ въ „водотворномъ гасѣ". Не имѣвъ возможности посѣтить Астрабадское побережье, въ виду опасенія мѣстныхъ „хищныхъ трухменцевъ", и ограничившись изслѣдованіемъ близъ лежащихъ островов восточныхъ прибрежныхъ полосъ, экспедиція 12-го октября бросила якорь въ Мазандеранѣ, откуда Эйхвальдъ предпринялъ сухопутную поѣздку въ глубь персидской территоріи. 20-го октября путешественники прибыли въ Энзели, гдѣ „персіяне, по своему невѣжеству, не допустили ихъ до берега, что уже два года случается съ русскими военными судами", и 29-го октября снова бросили якорь на рейдѣ г. Баку. Въ Баку Эйхвальдъ зазимовалъ, отправивъ отсюда въ Казань „ящики съ животными въ спиртѣ, чучелами птицъ и болѣе тысячи рѣдкихъ растеній, собранныхъ въ послѣднее путешествіе по Балханскому заливу, по Астрабадскому и Мазандеранскому берегу". Оставивъ въ началѣ весны Баку, Эйхвальдъ осмотрѣлъ каспійскія рыбныя вытаги, гдѣ „открылъ новыя двѣ породы рыбъ", послѣ чего направился къ Тифлису. Предпринявъ, какъ по пути въ Тифлисъ, такъ и по выѣздѣ изъ этого города, цѣлый рядъ экскурсій по южному и сѣверному Кавказу, Эйхвальдъ черезъ Ставрополь, Новочеркасскъ и Саратовъ 8-го сентября 1826 года благополучно возвратился въ Казань [8].

Экспедиція проф. Эйхвальда обогатила кабинетъ естественной исторіи значительными зоологическими, ботаническими, геогностическими и даже археологическими коллекціями, хотя научная разработка результатовъ его путешествія, за исключеніемъ представленнаго имъ университету краткаго отчета, явилась достояніемъ уже послѣ-казанскихъ годовъ научной дѣятельности Э. И. Эйхвальда *.

* См. списокъ трудовъ Э. И. Эйхвальда въ «Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Императ. Казанскаго университета» (Каз. 1904 г.), ч. I, стр. 547, подъ литтерами *а—д*.

Къ веснѣ 1825 года пріурочивается ученое путешествіе профессора Ф. И. Эрдмана, разсчитанное на обозрѣніе въ историко-археологическомъ отношеніи казанской, вятской и оренбургской губерній и инициатива котораго,—въ основѣ своей довольно фантастическая,—всецѣло принадлежала уже самому Магницкому. Дѣло въ томъ, что въ началѣ 1822 года французскій археологъ и президентъ парижской „Цельтической (sic) академіи“, графъ Гранпре, обратился къ Магницкому съ письмомъ, въ которомъ обращалъ вниманіе попечителя казанскаго учебнаго округа на возможность нахожденія въ предѣлахъ подвѣдомственнаго ему района остатковъ кельтическихъ древностей и выразилъ пожеланіе, что бы подвѣдомственные ему чины обратили свое вниманіе на розысканіе памятниковъ этого рода; къ этому письму былъ приложенъ довольно обширный рукописный мемуаръ („Notice sur les monumentsCeltiques“), иллюстрированный рисунками кельтическихъ древностей *. Магницкій препроводилъ этотъ мемуаръ въ казанскій университетъ, съ порученіемъ его „разсмотрѣть и сказать свое мнѣніе, нѣтъ ли подобныхъ памятниковъ и у насъ“. Заключеніе по этому вопросу было поручено проф. Эрдману, который высказалъ мнѣніе, что въ мемуарѣ графа Гранпре „онъ нашелъ много такого, что не доказано и не можетъ быть доказано“, присовокупивъ къ этому, что, „по повѣствованію нѣкоторыхъ ученыхъ и путешествующихъ въ южную Россію и въ Сибирь, находятся древности, которыя, по хорошемъ разсмотрѣніи, можетъ быть дали бы тоже, или подробнѣе, объясненіе“. Мысль о розысканіи кельтическихъ древностей не покидала Магницкаго и, не взирая на то, что заключеніе Эрдмана было признано имъ „недостаточнымъ“, въ началѣ осени 1824 года въ засѣданіи совѣта ректоромъ университета было заявлено, что попечителю округа „было бы весьма пріятно, если бы г. профессоръ Эрдманъ взялъ на себя трудъ срисовать древности, находящіяся по берегу рѣки Камы и въ оренбургской губерніи, и представить въ совѣтъ свое разсужденіе о семъ предметѣ“; да и самъ Эрдманъ, въ печатномъ отчетѣ о своемъ путешествіи, ставитъ это послѣднее въ непосредственную связь съ вопросомъ объ изысканіи кельтическихъ памятниковъ. За позднимъ временемъ года путешествіе было отложено до весны слѣдующаго года, причемъ, за невозможностью впередъ исчислить сумму необходимыхъ расходовъ, въ вре-

* Этотъ мемуаръ сохранился въ дѣлахъ университетскаго архива. См. дѣло попечит. канцел. 1820, № 55, л.л. 6—14.

Къ веснѣ 1825 года пріурочивается ученое путешествіе профессора Ф. И. Эрдмана, разсчитанное на обозрѣніе въ историко-археологическомъ отношеніи казанской, вятской и оренбургской губерній и инициатива котораго,—въ основѣ своей довольно фантастическая,—всецѣло принадлежала уже самому Магницкому. Дѣло въ томъ, что въ началѣ 1822 года французскій археологъ и президентъ парижской „Цельтической (sic) академіи", графъ Гранпре, обратился къ Магницкому съ письмомъ, въ которомъ обращалъ вниманіе попечителя казанскаго учебнаго округа на возможность нахожденія въ предѣлахъ подвѣдомственнаго ему района остатковъ кельтическихъ древностей и выразилъ пожеланіе, что бы подвѣдомственные ему чины обратили свое вниманіе на розысканіе памятниковъ этого рода; къ этому письму былъ приложенъ довольно обширный рукописный мемуаръ („Notice sur les monumentsCeltiques"), иллюстрированный рисунками кельтическихъ древностей *. Магницкій препроводилъ этотъ мемуаръ въ казанскій университетъ, съ порученіемъ его „разсмотрѣть и сказать свое мнѣніе, нѣтъ ли подобныхъ памятниковъ и у насъ". Заключеніе по этому вопросу было поручено проф. Эрдману, который высказалъ мнѣніе, что въ мемуарѣ графа Гранпре „онъ нашелъ много такого, что не доказано и не можетъ быть доказано", присовокупивъ къ этому, что, „по повѣствованію нѣкоторыхъ ученыхъ и путешествующихъ въ южную Россію и въ Сибирь, находятся древности, которыя, по хорошемъ разсмотрѣніи, можетъ быть дали бы тоже, или подробнѣе, объясненіе". Мысль о розысканіи кельтическихъ древностей не покидала Магницкаго и, не взирая на то, что заключеніе Эрдмана было признано имъ „недостаточнымъ", въ началѣ осени 1824 года въ засѣданіи совѣта ректоромъ университета было заявлено, что попечителю округа „было бы весьма пріятно, если бы г. профессоръ Эрдманъ взялъ на себя трудъ срисовать древности, находящіяся по берегу рѣки Камы и въ оренбургской губерніи, и представить въ совѣтъ свое разсужденіе о семъ предметѣ"; да и самъ Эрдманъ, въ печатномъ отчетѣ о своемъ путешествіи, ставитъ это послѣднее въ непосредственную связь съ вопросомъ объ изысканіи кельтическихъ памятниковъ. За позднимъ временемъ года путешествіе было отложено до весны слѣдующаго года, причемъ, за невозможностью впередъ исчислить сумму необходимыхъ расходовъ, въ вре-

* Этотъ мемуаръ сохранился въ дѣлахъ университетскаго архива. См. дѣло попечит. канцел. 1820, № 55, л.л. 6—14.

менное возмѣщеніе послѣднихъ Эрдману выдано было впередъ жалованье за треть года.

Профессоръ Эрдманъ выѣхалъ въ свое путешествіе 24-го апрѣля 1825 года. Маршрутъ его намѣчался въ весьма широкихъ размѣрахъ: кромѣ вятскаго Прикамья и оренбургскаго края, въ районъ изслѣдованій проектировалось включить поѣздку по рѣкамъ Медоту, Узени, Ахтубѣ, Кумѣ и Метчетнѣ—„находящихся въ астраханской и саратовской губерніяхъ и изобилующихъ древностями". Предпринятое научное путешествіе оказалось совершенно неудавшимся: пробывъ въ экскурсіи всего 17 дней, Эрдманъ уже 10-го мая возвратился обратно въ Казань, „встрѣтивъ на пути своемъ,—какъ донесъ онъ совѣту,—многія неудобства къ розысканію древностей, какъ по сильнымъ дождямъ, такъ и по приключившейся болѣзни". Такое скорое возвращеніе экскурсанта оказалось какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ отъ попечителя, въ отвѣтъ на донесеніе объ отъѣздѣ Эрдмана, получено было грозное предложеніе отъ 19-го мая, въ которомъ Магницкій ставилъ совѣту на видъ, что „въ настоящее время не слѣдовало отправлять профессора Эрдмана потому, что всѣ преподаватели университета должны быть при своихъ должностяхъ на случай посѣщенія государемъ императоромъ Казани, о чемъ изъ многихъ распоряженій совѣту должно быть извѣстно"; что, во всякомъ случаѣ, его „не слѣдовало въ учебное время отрывать отъ преподаванія" и что „ежели найдутся неисправности по предметамъ восточной словесности, то не токмо ихъ, но и сумму, выданную на путешествіе", онъ возложитъ „на отвѣтственность совѣта". Профессоръ Эрдманъ преднамѣревался возобновить въ слѣдующемъ году такъ неожиданно прерванное имъ путешествіе, но вся исторія съ розысканіемъ „цельтическихъ древностей" на кратковременной экскурсіи весны 1825 г. и покончилась, тѣмъ болѣе, что съ началомъ слѣдующаго 1826 года, попавшему подъ строгую ревизію Желтухина, казанскому попечителю было уже не до археологическихъ или иныхъ начинаній.

Результаты семнадцатидневной экскурсіи проф. Эрдмана, во время которой онъ на-спѣхъ доѣхалъ до г. Елабуги, оттуда до г. Уфы и черезъ г. Чистополь возвратился обратно въ Казань—должны быть признаны весьма незначительными: описаніе елабужскаго „Чертова городища", да четырехъ надгробныхъ камней, открытыхъ близь деревни Тирма—таковы единственные фактическіе итоги этой кратковременной поѣздки, въ которую обра-

менное возмѣщеніе послѣднихъ Эрдману выдано было впередъ жалованье за треть года.

Профессоръ Эрдманъ выѣхалъ въ свое путешествіе 24-го апрѣля 1825 года. Маршрутъ его намѣчался въ весьма широкихъ размѣрахъ: кромѣ вятскаго Прикамья и оренбургскаго края, въ районъ изслѣдованій проектировалось включить поѣздку по рѣкамъ Медоту, Узени, Ахтубѣ, Кумѣ и Метчетнѣ—„находящихся въ астраханской и саратовской губерніяхъ и изобилующихъ древностями“. Предпринятое научное путешествіе оказалось совершенно неудавшимся: пробывъ въ экскурсіи всего 17 дней, Эрдманъ уже 10-го мая возвратился обратно въ Казань, „встрѣтивъ на пути своемъ,—какъ донесъ онъ совѣту,—многія неудобства къ розысканію древностей, какъ по сильнымъ дождямъ, такъ и по приключившейся болѣзни“. Такое скорое возвращеніе экскурсанта оказалось какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ отъ попечителя, въ отвѣтъ на донесеніе объ отъѣздѣ Эрдмана, получено было грозное предложеніе отъ 19-го мая, въ которомъ Магницкій ставилъ совѣту на видъ, что „въ настоящее время не слѣдовало отправлять профессора Эрдмана потому, что всѣ преподаватели университета должны быть при своихъ должностяхъ на случай посѣщенія государемъ императоромъ Казани, о чемъ изъ многихъ распоряженій совѣту должно быть извѣстно“; что, во всякомъ случаѣ, его „не слѣдовало въ учебное время отрывать отъ преподаванія“ и что „ежели найдутся неисправности по предметамъ восточной словесности, то не токмо ихъ, но и сумму, выданную на путешествіе“, онъ возложитъ „на отвѣтственность совѣта“. Профессоръ Эрдманъ преднамѣревался возобновить въ слѣдующемъ году такъ неожиданно прерванное имъ путешествіе, но вся исторія съ розысканіемъ „цельтическихъ древностей“ на кратковременной экскурсіи весны 1825 г. и покончилась, тѣмъ болѣе, что съ началомъ слѣдующаго 1826 года, попавшему подъ строгую ревизію Желтухина, казанскому попечителю было уже не до археологическихъ или иныхъ начинаній.

Результаты семнадцатидневной экскурсіи проф. Эрдмана, во время которой онъ на-спѣхъ доѣхалъ до г. Елабуги, оттуда до г. Уфы и черезъ г. Чистополь возвратился обратно въ Казань—должны быть признаны весьма незначительными: описаніе елабужскаго „Чертова городища“, да четырехъ надгробныхъ камней, открытыхъ близь деревни Тирма—таковы единственные фактическіе итоги этой кратковременной поѣздки, въ которую обра-

тилось широко задуманное попечителемъ ученое начинанiе *. Съ паденiемъ Магницкаго, дѣло объ отчетности по этому „путешествiю" затянулось вплоть до начала 30-хъ годовъ, надѣлавъ не мало хлопотъ какъ самому Эрдману, такъ и словесному отдѣленiю университета. Первоначально напечатанный, въ переводѣ съ нѣмецкаго проф. Н. И. Лобачевскаго и безъ конца, въ „Казанскомъ Вѣстникѣ" за 1826 годъ (часть XVII, стр. 140—173), отчетъ Эрдмана былъ перепечатанъ, уже съ окончанiемъ (весьма, впрочемъ, небольшимъ—всего девять страничекъ), въ „Заволжскомъ Муравьѣ" за 1834 годъ (ч. I, стр. 76—89, 324—347, ч. II, стр. 157—165). Такъ закончилось это неудавшееся ученое начинанiе Магницкаго, оставивъ совершенно открытымъ вопросъ о существованiи въ казанскомъ учебномъ округѣ памятниковъ „цельтическихъ" древностей [9].

Выпадали на казанскiй университетъ и въ интересующую насъ эпоху труды, разсчитанные на удовлетворенiе практическаго характера запросовъ постороннихъ по отношенiю къ нему вѣдомствъ. Весьма любопытнымъ представляется въ этомъ направленiи дѣло объ освидѣтельствованiи санитарныхъ условiй казанскаго военнаго госпиталя, предпринятомъ ректоромъ Фуксомъ и проф. Эйхвальдомъ по приглашенiю мѣстнаго военнаго начальства,—дѣло, иллюстрирующее то пренебрежительное отношенiе, какое сказывалось въ казанскомъ обществѣ по отношенiю къ своему университету и которое уже не разъ констатировалось нами раньше. Въ свое время мы видѣли, что экспертизы подобнаго же рода поручались казанскому университету еще въ 1806-мъ, а затѣмъ и въ 1819-мъ годахъ **. Въ концѣ апрѣля 1824 года казанскiй комендантъ Соколовскiй обратился въ совѣтъ университета съ отношенiемъ, въ которомъ, ссылаясь на замѣченное имъ непомѣрное усиленiе въ военномъ госпиталѣ смертности, дошедшее до того, что за перiодъ времени въ 22 дня умерло здѣсь 48 человѣкъ, просилъ совѣтъ „откомандировать въ означенный госпиталь свѣдущаго по части медицинской чиновника, для общаго заключенiя о таковой смертности и изысканiя—не служитъ ли къ сему какое либо упущенiе со стороны госпитальныхъ медиковъ и все ли ими ординуемое, какъ то пища и лекарства, производятся по роду болѣзней и въ свое ли время"; къ этому свидѣтельствованiю при-

* Во второмъ томѣ нашего труда (см. стр. 35) мы дали этому путешествiю эпитетъ—«обширнаго». Охотно беремъ теперь, по ближайшемъ ознакомленiи съ соотвѣтствующими архивными матерiалами, этотъ эпитетъ назадъ.

** См. томъ II, стр. 381—382, 388—389.

тилось широко задуманное попечителемъ ученое начинанiе *. Съ паденiемъ Магницкаго, дѣло объ отчетности по этому „путешествiю“ затянулось вплоть до начала 30-хъ годовъ, надѣлавъ не мало хлопотъ какъ самому Эрдману, такъ и словесному отдѣленiю университета. Первоначально напечатанный, въ переводѣ съ нѣмецкаго проф. Н. И. Лобачевскаго и безъ конца, въ „Казанскомъ Вѣстникѣ“ за 1826 годъ (часть XVII, стр. 140—173), отчетъ Эрдмана былъ перепечатанъ, уже съ окончанiемъ (весьма, впрочемъ, небольшимъ—всего девять страничекъ), въ „Заволжскомъ Муравьѣ“ за 1834 годъ (ч. I, стр. 76—89, 324—347, ч. II, стр. 157—165). Такъ закончилось это неудавшееся ученое начинанiе Магницкаго, оставивъ совершенно открытымъ вопросъ о существованiи въ казанскомъ учебномъ округѣ памятниковъ „цельтическихъ“ древностей [9].

Выпадали на казанскiй университетъ и въ интересующую насъ эпоху труды, разсчитанные на удовлетворенiе практическаго характера запросовъ постороннихъ по отношенiю къ нему вѣдомствъ. Весьма любопытнымъ представляется въ этомъ направленiи дѣло объ освидѣтельствованiи санитарныхъ условiй казанскаго военнаго госпиталя, предпринятомъ ректоромъ Фуксомъ и проф. Эйхвальдомъ по приглашенiю мѣстнаго военнаго начальства,—дѣло, иллюстрирующее то пренебрежительное отношенiе, какое сказывалось въ казанскомъ обществѣ по отношенiю къ своему университету и которое уже не разъ констатировалось нами раньше. Въ свое время мы видѣли, что экспертизы подобнаго же рода поручались казанскому университету еще въ 1806-мъ, а затѣмъ и въ 1819-мъ годахъ **. Въ концѣ апрѣля 1824 года казанскiй комендантъ Соколовскiй обратился въ совѣтъ университета съ отношенiемъ, въ которомъ, ссылаясь на замѣченное имъ непомѣрное усиленiе въ военномъ госпиталѣ смертности, дошедшее до того, что за перiодъ времени въ 22 дня умерло здѣсь 48 человѣкъ, просилъ совѣтъ „откомандировать въ означенный госпиталь свѣдущаго по части медицинской чиновника, для общаго заключенiя о таковой смертности и изысканiя—не служитъ ли къ сему какое либо упущенiе со стороны госпитальныхъ медиковъ и все ли ими ординуемое, какъ то пища и лекарства, производятся по роду болѣзней и въ свое ли время“; къ этому свидѣтельствованiю при-

---

* Во второмъ томѣ нашего труда (см. стр. 35) мы дали этому путешествiю эпитетъ—«обширнаго». Охотно беремъ теперь, по ближайшемъ ознакомленiи съ соотвѣтствующими архивными матерiалами, этотъ эпитетъ назадъ.

** См. томъ II, стр. 381—382, 388—389.

глашался военнымъ вѣдомствомъ и членъ отъ казанской врачебной управы. Для выполненія порученія былъ откомандированъ проф. Эйхвальдъ, причемъ къ освидѣтельствованію, по приглашенію коменданта, былъ привлеченъ и ректоръ университета Фуксъ. По совершеніи требовавшагося освидѣтельствованія, проф. Фуксъ далъ слѣдующее заключеніе, возстановляемое нами въ полномъ видѣ, въ виду несомнѣннаго интереса его для обрисовки медико-санитарныхъ воззрѣній того времени:

„При моемъ осмотрѣ всѣхъ больныхъ было 542 человѣка,—пишетъ здѣсь Фуксъ.—Главныя болѣзни суть: лихорадки, скорбутъ и скорбутныя язвы. Другихъ же болѣзней, исключая венерической и чесотки, число не такъ велико; собственно же такъ именуемыхъ заразительныхъ и опасныхъ для жизни болѣзней—совсѣмъ не находилось.

Состояніе воздуха, качество воды, мѣстоположеніе города и другія, можетъ быть, обстоятельства—производятъ то, что здѣсь перемежающіяся лихорадки ни въ какое почти время года не прекращаются. Если присоединить къ сему обыкновенное употребленіе растительной пищи и одежду, то не удивительно, что страждущіе лихорадкою военнослужащіе составляютъ почти пятую часть всѣхъ больныхъ. Число страждущихъ лихорадкою еще отъ того кажется большимъ, что подверженные оной весьма не скоро освобождаются отъ сей болѣзни или, по крайней мѣрѣ, вылечиваются не совершенно. Причина упорности и долгопродолжительности лихорадокъ зависитъ здѣсь отъ недостатка собственно дѣйствующаго противу ее средства, т. е. хины; другимъ лекарствамъ лихорадка рѣдко уступаетъ, если же сіе иногда случается—по крайней мѣрѣ возвраты ея не восхищаются. Такимъ образомъ, продолжительность лихорадокъ и частые возвраты оной причиняютъ разстройство въ орудіяхъ пищеваренія, завалы, не надлежащую выработку питательныхъ соковъ, отчего неминуемо слѣдуетъ разслабленіе тѣла, наклонность соковъ къ порчѣ и разложенію. Сіе внутреннее тѣла расположеніе, т. е. слабость въ твердыхъ частяхъ и неправильное смѣшеніе соковъ тѣлесныхъ, при данныхъ другихъ содѣйствующихъ причинахъ, производятъ въ солдатахъ скорбутъ и язвы. Къ образованію сихъ послѣднихъ, особливо на ногахъ, споспѣшествуетъ еще теплое и сырое зимнее время, частое хожденіе въ караулы и ученье или, вообще, долгопродолжительное стояніе.

Лихорадки, какъ я сказалъ уже, продолжительностью своею или не подлежащимъ пользованіемъ, производятъ разстройство въ пищевареніи, отчего рождаются водянки и изнурительные поносы—болѣзни всегда почти смертельныя какъ по своему происхожденію, такъ и по недостатку лекарствъ, наипаче противу послѣднихъ, то есть—соннаго зелія.

глашался военнымъ вѣдомствомъ и членъ отъ казанской врачебной управы. Для выполненія порученія былъ откомандированъ проф. Эйхвальдъ, причемъ къ освидѣтельствованію, по приглашенію коменданта, былъ привлеченъ и ректоръ университета Фуксъ. По совершеніи требовавшагося освидѣтельствованія, проф. Фуксъ далъ слѣдующее заключеніе, возстановляемое нами въ полномъ видѣ, въ виду несомнѣннаго интереса его для обрисовки медико-санитарныхъ воззрѣній того времени:

„При моемъ осмотрѣ всѣхъ больныхъ было 542 человѣка,—пишетъ здѣсь Фуксъ.—Главныя болѣзни суть: лихорадки, скорбутъ и скорбутныя язвы. Другихъ же болѣзней, исключая венерической и чесотки, число не такъ велико; собственно же такъ именуемыхъ заразительныхъ и опасныхъ для жизни болѣзней—совсѣмъ не находилось.

Состояніе воздуха, качество воды, мѣстоположеніе города и другія, можетъ быть, обстоятельства—производятъ то, что здѣсь перемежающіяся лихорадки ни въ какое почти время года не прекращаются. Если присоединить къ сему обыкновенное употребленіе растительной пищи и одежду, то не удивительно, что страждущіе лихорадкою военнослужащіе составляютъ почти пятую часть всѣхъ больныхъ. Число страждущихъ лихорадкою еще отъ того кажется большимъ, что подверженные оной весьма не скоро освобождаются отъ сей болѣзни или, по крайней мѣрѣ, вылечиваются не совершенно. Причина упорности и долгопродолжительности лихорадокъ зависитъ здѣсь отъ недостатка собственно дѣйствующаго противу ее средства, т. е. хины; другимъ лекарствамъ лихорадка рѣдко уступаетъ, если же сіе иногда случается—по крайней мѣрѣ возвраты ея не восхищаются. Такимъ образомъ, продолжительность лихорадокъ и частые возвраты оной причиняютъ разстройство въ орудіяхъ пищеваренія, завалы, не надлежащую выработку питательныхъ соковъ, отчего неминуемо слѣдуетъ разслабленіе тѣла, наклонность соковъ къ порчѣ и разложенію. Сіе внутреннее тѣла расположеніе, т. е. слабость въ твердыхъ частяхъ и неправильное смѣшеніе соковъ тѣлесныхъ, при данныхъ другихъ содѣйствующихъ причинахъ, производятъ въ солдатахъ скорбутъ и язвы. Къ образованію сихъ послѣднихъ, особливо на ногахъ, споспѣшествуетъ еще теплое и сырое зимнее время, частое хожденіе въ караулы и ученье или, вообще, долгопродолжительное стояніе.

Лихорадки, какъ я сказалъ уже, продолжительностью своею или не подлежащимъ пользованіемъ, производятъ разстройство въ пищевареніи, отчего рождаются водянки и изнурительные поносы—болѣзни всегда почти смертельныя какъ по своему происхожденію, такъ и по недостатку лекарствъ, наипаче противу послѣднихъ, то есть—соннаго зелія.

Палаты, вообще, чисты и воздухъ хорошъ—кромѣ одной, въ которой лежатъ многіе скорбутные; въ сей палатѣ воздухъ весьма сырой и гнилой. По недостатку мѣста для толикаго числа больныхъ кровати поставлены весьма близко между собою, что имѣетъ иногда великое вліяніе на теченіе и исходъ болѣзней.

По замѣчанію моему, леченіе нѣкоторыхъ болѣзней слишкомъ обще и количество прописанныхъ лекарствъ недостаточно, поелику болѣе нежели тридцати человѣкамъ дается одна разводящая микстура, которой едва ли достаетъ по двѣ ложки на каждаго больнаго въ сутки. Тоже можно сказать и о прочихъ лекарствахъ; нѣкоторыхъ же, какъ то настойки соннаго зелія—совсѣмъ не было.

Обыкновенная больныхъ пища состоитъ изъ кашицы, съ гречневыми крупами и снѣдками приготовленной, и киселя. Въ первой крупа была прогорклая, снѣдки также, по нѣжности ихъ, легко подвергаются порчѣ; посему такое кушанье, не доставляя хорошаго питанія тѣлу, болѣе разслабляетъ, можетъ даже производить, поддерживать и усиливать скорбутъ и другія худосочія".

Не въ особенно розовомъ свѣтѣ представило состояніе госпиталя и заключеніе проф. Эйхвальда. Здѣсь констатируется „не столь чистый воздухъ, каковъ бы долженъ быть въ больницѣ", обновляемый не посредствомъ вентиляціи, но раскрываніемъ въ холодное время оконъ въ палатахъ, занятыхъ даже тяжело-больными; „не довольно питательная пища", „не совсѣмъ прилично выбираемыя лекарства" и недостатокъ въ нихъ, причемъ „больные безъ различія степени болѣзней лечатся всѣ на-ряду одними средствами" и т. п.

Экспертиза Фукса и Эйхвальда не удовлетворила коменданта, потребовавшаго отъ университета второго и, наконецъ, третьяго освидѣтельствованія; это послѣднее требованіе показалось совѣту уже настолько оскорбительнымъ, что Соколовскому было отвѣчено, что „совѣтъ университета, увидѣвъ съ прискорбіемъ совершенное пренебреженіе высочайше присвоеннаго ему достоинства—счелъ уже безполезнымъ производить третье свидѣтельство" и препровождаетъ все дѣло, вмѣстѣ съ заключеніями Фукса и Эйхвальда, попечителю округа, для доведенія объ немъ до свѣдѣнія военнаго министерства. Въ своемъ представленіи по этому поводу попечителю совѣтъ горько сѣтуетъ, что „сіи обстоятельства удостовѣрили, что ни ученость, ни доброе поведеніе сочленовъ—не достаточны къ возбужденію въ постороннихъ чинахъ должнаго уваженія къ университету, соотвѣтственно коллегіальному его достоинству"; что образъ дѣйствій казанскаго коменданта ясно обнаруживаетъ „странное мнѣніе здѣш-

Палаты, вообще, чисты и воздухъ хорошъ—кромѣ одной, въ которой лежатъ многіе скорбутные; въ сей палатѣ воздухъ весьма сырой и гнилой. По недостатку мѣста для толикаго числа больныхъ кровати поставлены весьма близко между собою, что имѣетъ иногда великое вліяніе на теченіе и исходъ болѣзней.

По замѣчанію моему, леченіе нѣкоторыхъ болѣзней слишкомъ обще и количество прописанныхъ лекарствъ недостаточно, поелику болѣе нежели тридцати человѣкамъ дается одна разводящая микстура, которой едва ли достаетъ по двѣ ложки на каждаго больнаго въ сутки. Тоже можно сказать и о прочихъ лекарствахъ; нѣкоторыхъ же, какъ то настойки соннаго зелія—совсѣмъ не было.

Обыкновенная больныхъ пища состоитъ изъ кашицы, съ гречневыми крупами и снѣдками приготовленной, и киселя. Въ первой крупа была прогорклая, снѣдки также, по нѣжности ихъ, легко подвергаются порчѣ; посему такое кушанье, не доставляя хорошаго питанія тѣлу, болѣе разслабляетъ, можетъ даже производить, поддерживать и усиливать скорбутъ и другія худосочія".

Не въ особенно розовомъ свѣтѣ представило состояніе госпиталя и заключеніе проф. Эйхвальда. Здѣсь констатируется „не столь чистый воздухъ, каковъ бы долженъ быть въ больницѣ", обновляемый не посредствомъ вентиляціи, но раскрываніемъ въ холодное время оконъ въ палатахъ, занятыхъ даже тяжело-больными; „не довольно питательная пища", „не совсѣмъ прилично выбираемыя лекарства" и недостатокъ въ нихъ, причемъ „больные безъ различія степени болѣзней лечатся всѣ на-ряду одними средствами" и т. п.

Экспертиза Фукса и Эйхвальда не удовлетворила коменданта, потребовавшаго отъ университета второго и, наконецъ, третьяго освидѣтельствованія; это послѣднее требованіе показалось совѣту уже настолько оскорбительнымъ, что Соколовскому было отвѣчено, что „совѣтъ университета, увидѣвъ съ прискорбіемъ совершенное пренебреженіе высочайше присвоеннаго ему достоинства—счелъ уже безполезнымъ производить третье свидѣтельство" и препровождаетъ все дѣло, вмѣстѣ съ заключеніями Фукса и Эйхвальда, попечителю округа, для доведенія объ немъ до свѣдѣнія военнаго министерства. Въ своемъ представленіи по этому поводу попечителю совѣтъ горько сѣтуетъ, что „сіи обстоятельства удостовѣрили, что ни ученость, ни доброе поведеніе сочленовъ—не достаточны къ возбужденію въ постороннихъ чинахъ должнаго уваженія къ университету, соотвѣтственно коллегіальному его достоинству"; что образъ дѣйствій казанскаго коменданта ясно обнаруживаетъ „странное мнѣніе здѣш-

ней публики, что университетъ, не имѣя никакого вліянія на прочія части управленія—не заслуживаетъ того уваженія, которымъ пользуются прочія присутственныя мѣста"....

Надо отдать Магницкому полную справедливость въ томъ, что онъ энергично принялъ въ этомъ конфликтѣ сторону оскорбленнаго университета. Доведя о всемъ этомъ дѣлѣ до свѣдѣнія высшаго военнаго начальства, онъ, предложеніемъ отъ 17-го іюня 1824 г., поручилъ совѣту отъ своего имени „изъявить г.г. Фуксу и Эйхвальду благодарность за неуклонное показаніе истинной причины смертности въ казанскомъ военномъ госпиталѣ"; эта благодарность была даже занесена въ формулярные списки обоихъ профессоровъ[10].

Однимъ изъ видныхъ проявленій умственно-духовной академической жизни является, какъ извѣстно, существованіе подъ эгидою университетовъ ученыхъ и литературныхъ обществъ, порождающихъ обоюдную связь между университетами и обслуживаемою ими общественностью города и края. Мы уже знаемъ, что вопросъ объ учрежденіи при немъ такихъ обществъ возникъ съ самаго основанія казанскаго университета, найдя себѣ осуществленіе въ возникшемъ въ 1806 году Обществѣ любителей отечественной словесности, исторія зарожденія и начальнаго развитія котораго уже въ достаточной степени знакомы намъ*. Мы знаемъ также и то, что это научно-литературное общество, дѣятельность котораго уже въ 1819 г. свелась почти къ нулю, въ теченіи всей эпохи Магницкаго оставалось въ совершенно аттрофированномъ состояніи, не только не проявляя никакихъ признаковъ дѣятельности, но совершенно игнорируясь и попечителемъ и, рабски покорнымъ ему, университетомъ, годичные отчеты котораго систематически замалчиваютъ самое, хотя бы только и номинальное, существованіе общества. Магницкій, уже во время ревизіи своей аттестовавшій Общество любителей отечественной словесности въ качествѣ—„совершенно пустого", съ предвзятой точки зрѣнія относился къ нему и во все время своего попечительства, сознавая, безъ сомнѣнія, затруднительность примѣненія къ этому обществу, личный составъ членовъ котораго простирался далѣе узкихъ предѣловъ университетской корпораціи, тѣхъ обскурантныхъ начинаній, которыми онъ нисколько не стѣснялся по отношенію къ университету и учебному округу. Едва ли не единственнымъ актомъ дѣятельности Магницкаго, касавшимся

* См. томъ I, стр. 157—159, томъ II, стр. 248 и слѣд.

ней публики, что университетъ, не имѣя никакого вліянія на прочія части управленія—не заслуживаетъ того уваженія, которымъ пользуются прочія присутственныя мѣста"....

Надо отдать Магницкому полную справедливость въ томъ, что онъ энергично принялъ въ этомъ конфликтѣ сторону оскорбленнаго университета. Доведя о всемъ этомъ дѣлѣ до свѣдѣнія высшаго военнаго начальства, онъ, предложеніемъ отъ 17-го іюня 1824 г., поручилъ совѣту отъ своего имени „изъявить г.г. Фуксу и Эйхвальду благодарность за неуклонное показаніе истинной причины смертности въ казанскомъ военномъ госпиталѣ"; эта благодарность была даже занесена въ формулярные списки обоихъ профессоровъ[10].

Однимъ изъ видныхъ проявленій умственно-духовной академической жизни является, какъ извѣстно, существованіе подъ эгидою университетовъ ученыхъ и литературныхъ обществъ, порождающихъ обоюдную связь между университетами и обслуживаемою ими общественностью города и края. Мы уже знаемъ, что вопросъ объ учрежденіи при немъ такихъ обществъ возникъ съ самаго основанія казанскаго университета, найдя себѣ осуществленіе въ возникшемъ въ 1806 году Обществѣ любителей отечественной словесности, исторія зарожденія и начальнаго развитія котораго уже въ достаточной степени знакомы намъ*. Мы знаемъ также и то, что это научно-литературное общество, дѣятельность котораго уже въ 1819 г. свелась почти къ нулю, въ теченіи всей эпохи Магницкаго оставалось въ совершенно аттрофированномъ состояніи, не только не проявляя никакихъ признаковъ дѣятельности, но совершенно игнорируясь и попечителемъ и, рабски покорнымъ ему, университетомъ, годичные отчеты котораго систематически замалчиваютъ самое, хотя бы только и номинальное, существованіе общества. Магницкій, уже во время ревизіи своей аттестовавшій Общество любителей отечественной словесности въ качествѣ—„совершенно пустого", съ предвзятой точки зрѣнія относился къ нему и во все время своего попечительства, сознавая, безъ сомнѣнія, затруднительность примѣненія къ этому обществу, личный составъ членовъ котораго простирался далѣе узкихъ предѣловъ университетской корпораціи, тѣхъ обскурантныхъ начинаній, которыми онъ нисколько не стѣснялся по отношенію къ университету и учебному округу. Едва ли не единственнымъ актомъ дѣятельности Магницкаго, касавшимся

* См. томъ I, стр. 157—159, томъ II, стр. 248 и слѣд.

общества, является конфиденціальное письмо его на имя директора университета Владимірскаго, отъ 11 января 1821 г., въ которомъ попечитель предлагаетъ Владимірскому „внушить частно члену Общества любителей отечественной словесности Москотильникову", что онъ, попечитель, „не почитаетъ приличнымъ ему, послѣ бывшаго надъ нимъ слѣдствія, оставаться въ сословіи казанскаго университета" и проситъ Москотильникова, добровольнымъ выходомъ изъ общества—„предупредить удаленіе изъ онаго" *. Во время происходившей въ началѣ 1826 г. ревизіи университета Желтухинымъ, на запросъ ревизора относительно имѣющихся при казанскомъ университетѣ ученыхъ обществъ, Магницкій далъ отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что при университетѣ, „кромѣ Общества любителей отечественной словесности—никакихъ ученыхъ обществъ не находится, да и то, за выбытіемъ однихъ и за умертвіемъ (sic) другихъ членовъ, совсѣмъ упало". Только съ низложеніемъ Магницкаго послѣдовало возрожденіе общества, въ силу предложенія отъ 21-го іюня 1826 г., которымъ министръ народнаго просвѣщенія А. С. Шишковъ выразилъ свое согласіе на возобновленіе очередныхъ собраній членовъ Общества любителей отечественной словесности [11].

Продолжалась при Магницкомъ, хотя и получившая въ эту эпоху совершенно новое и своеобразное направленіе, и издательская дѣятельность университета, въ смыслѣ существованія при немъ періодическаго органа печати. Въ своемъ мѣстѣ мы съ достаточною подробностью останавливались на исторіи университетскихъ „Казанскихъ Извѣстій", изданіе которыхъ открылось съ 1811 года; мы тогда же предприняли попытку выяснить и культурное значеніе этого органа повременной прессы, который, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, обусловливавшихся обстоятельствами времени и мѣста, а также ограниченностью средствъ и опыта въ веденіи дѣла, не мало посодѣйствовалъ, тѣмъ не менѣе, популяризаціи идеи университетской науки и установленію болѣе или менѣе живого единенія между университетомъ и мѣстною общественностью **.

„Казанскія Извѣстія" не долго пережили произведенное Магницкимъ „обновленіе" казанскаго университета. Въ своемъ предвзято-отрицательномъ отношеніи къ предшествовавшимъ годамъ существованія послѣдняго,

---

* О Саввѣ Андреевичѣ Москотильниковѣ (1768—1852) см. выше, томъ I, стр. 217, томъ II, стр. 281, а также въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона, полутомъ XXXIX, стр. 20—21.

** См. томъ II, стр. 279—321.

общества, является конфиденціальное письмо его на имя директора университета Владимірскаго, отъ 11 января 1821 г., въ которомъ попечитель предлагаетъ Владимірскому „внушить частно члену Общества любителей отечественной словесности Москотильникову", что онъ, попечитель, „не почитаетъ приличнымъ ему, послѣ бывшаго надъ нимъ слѣдствія, оставаться въ сословіи казанскаго университета" и проситъ Москотильникова, добровольнымъ выходомъ изъ общества—„предупредить удаленіе изъ онаго" *. Во время происходившей въ началѣ 1826 г. ревизіи университета Желтухинымъ, на запросъ ревизора относительно имѣющихся при казанскомъ университетѣ ученыхъ обществъ, Магницкій далъ отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что при университетѣ, „кромѣ Общества любителей отечественной словесности—никакихъ ученыхъ обществъ не находится, да и то, за выбытіемъ однихъ и за умертвіемъ (sic) другихъ членовъ, совсѣмъ упало". Только съ низложеніемъ Магницкаго послѣдовало возрожденіе общества, въ силу предложенія отъ 21-го іюня 1826 г., которымъ министръ народнаго просвѣщенія А. С. Шишковъ выразилъ свое согласіе на возобновленіе очередныхъ собраній членовъ Общества любителей отечественной словесности [11].

Продолжалась при Магницкомъ, хотя и получившая въ эту эпоху совершенно новое и своеобразное направленіе, и издательская дѣятельность университета, въ смыслѣ существованія при немъ періодическаго органа печати. Въ своемъ мѣстѣ мы съ достаточною подробностью останавливались на исторіи университетскихъ „Казанскихъ Извѣстій", изданіе которыхъ открылось съ 1811 года; мы тогда же предприняли попытку выяснить и культурное значеніе этого органа повременной прессы, который, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, обусловливавшихся обстоятельствами времени и мѣста, а также ограниченностью средствъ и опыта въ веденіи дѣла, не мало посодѣйствовалъ, тѣмъ не менѣе, популяризаціи идеи университетской науки и установленію болѣе или менѣе живого единенія между университетомъ и мѣстною общественностью **.

„Казанскія Извѣстія" не долго пережили произведенное Магницкимъ „обновленіе" казанскаго университета. Въ своемъ предвзято-отрицательномъ отношеніи къ предшествовавшимъ годамъ существованія послѣдняго,

* О Саввѣ Андреевичѣ Москотильниковѣ (1768—1852) см. выше, томъ I, стр. 217, томъ II, стр. 281, а также въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона, полутомъ XXXIX, стр. 20—21.

** См. томъ II, стр. 279—321.

въ своемъ настойчивомъ стремленіи наложить тяжелую руку на все, получившее начало и развитіе при „старомъ порядкѣ" университетской жизни—казанскій попечитель не преминулъ открыть походъ и противъ скромнаго и безобиднаго университетскаго повременнаго изданія, найденнаго имъ „весьма не успѣшнымъ" и „не довольно благовиднымъ",—совершенно общаго и неопредѣленнаго характера обвиненія, за которыми скрывалось желаніе создать новый органъ печати, уже всецѣло проникнутый духомъ обновительныхъ экспериментовъ, продѣлывавшихся Магницкимъ и его клевретами надъ злополучнымъ казанскимъ университетомъ.

26-го марта 1820 года Магницкій вошелъ къ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія съ представленіемъ, въ которомъ, заявляя, что изданіе „Казанскихъ Извѣстій" идетъ „весьма не успѣшно", предлагалъ „изданіе такъ называемыхъ (sic) Казанскихъ Извѣстій замѣнить изданіемъ журнала". Доказательство неуспѣшности существующаго университетскаго органа печати попечитель усматриваетъ, прежде всего, въ матеріальной сторонѣ изданія: „Въ 1819 году расходилось листовъ сихъ 130 экземпляровъ, сборъ за нихъ составлялъ 1300 рублей, да за припечатаніе объявленій доставлено 400 рублей, всего—1700 рублей. Изданіе ихъ стоило 1200 рублей. И такъ чистый типографскій доходъ составляютъ 500 рублей. Предшествовавшіе годы не были благопріятнѣе",—добавляетъ попечитель. Перечисляются Магницкимъ и „причины безуспѣшности" изданія, которыя онъ видитъ въ слѣдующемъ: а) „Планъ газеты слишкомъ обширенъ, а источники недостаточны", причемъ касались, преимущественно, учебныхъ заведеній и, „будучи единообразны, недовольно были занимательны для публики"; б) Неудачный составъ издательнаго комитета, члены котораго избирались „безъ дальняго вниманія къ способностямъ, тѣже, кои могли бы съ пользою трудиться, не имѣли никакого къ сему ободренія"; в) Неудачная организація комитета, члены котораго распредѣляли между собою работу помѣсячно, вслѣдствіе чего „каждый изъ нихъ исправлялъ свою очередь съ равнодушіемъ, обыкновеннымъ въ дѣлѣ скоропреходящемъ и безвыгодномъ". Указываются попечителемъ и положительныя стороны вопроса о замѣнѣ существующей газеты—журналомъ: а) Журнальныя статьи подлежатъ болѣе строгому выбору и болѣе тщательной обработкѣ; б) Студенты и кандидаты „имѣли бы случай и побужденіе къ занимательной работѣ"; в) Проектируемый журналъ, „въ добромъ духѣ, занимательно составленный и хорошо расположенный", могъ бы послужить „средствомъ къ направленію умовъ къ той цѣли, какую правительство себѣ предположитъ". Не можетъ пред-

въ своемъ настойчивомъ стремленіи наложить тяжелую руку на все, получившее начало и развитіе при „старомъ порядкѣ" университетской жизни—казанскій попечитель не преминулъ открыть походъ и противъ скромнаго и безобиднаго университетскаго повременнаго изданія, найденнаго имъ „весьма не успѣшнымъ" и „не довольно благовиднымъ",—совершенно общаго и неопредѣленнаго характера обвиненія, за которыми скрывалось желаніе создать новый органъ печати, уже всецѣло проникнутый духомъ обновительныхъ экспериментовъ, продѣлывавшихся Магницкимъ и его клевретами надъ злополучнымъ казанскимъ университетомъ.

26-го марта 1820 года Магницкій вошелъ къ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія съ представленіемъ, въ которомъ, заявляя, что изданіе „Казанскихъ Извѣстій" идетъ „весьма не успѣшно", предлагалъ „изданіе такъ называемыхъ (sic) Казанскихъ Извѣстій замѣнить изданіемъ журнала". Доказательство неуспѣшности существующаго университетскаго органа печати попечитель усматриваетъ, прежде всего, въ матеріальной сторонѣ изданія: „Въ 1819 году расходилось листовъ сихъ 130 экземпляровъ, сборъ за нихъ составлялъ 1300 рублей, да за припечатаніе объявленій доставлено 400 рублей, всего—1700 рублей. Изданіе ихъ стоило 1200 рублей. И такъ чистый типографскій доходъ составляютъ 500 рублей. Предшествовавшіе годы не были благопріятнѣе",—добавляетъ попечитель. Перечисляются Магницкимъ и „причины безуспѣшности" изданія, которыя онъ видитъ въ слѣдующемъ: а) „Планъ газеты слишкомъ обширенъ, а источники недостаточны", причемъ касались, преимущественно, учебныхъ заведеній и, „будучи единообразны, недовольно были занимательны для публики"; б) Неудачный составъ издательнаго комитета, члены котораго избирались „безъ дальняго вниманія къ способностямъ, тѣже, кои могли бы съ пользою трудиться, не имѣли никакого къ сему ободренія"; в) Неудачная организація комитета, члены котораго распредѣляли между собою работу помѣсячно, вслѣдствіе чего „каждый изъ нихъ исправлялъ свою очередь съ равнодушіемъ, обыкновеннымъ въ дѣлѣ скоропреходящемъ и безвыгодномъ". Указываются попечителемъ и положительныя стороны вопроса о замѣнѣ существующей газеты—журналомъ: а) Журнальныя статьи подлежатъ болѣе строгому выбору и болѣе тщательной обработкѣ; б) Студенты и кандидаты „имѣли бы случай и побужденіе къ занимательной работѣ"; в) Проектируемый журналъ, „въ добромъ духѣ, занимательно составленный и хорошо расположенный", могъ бы послужить „средствомъ къ направленію умовъ къ той цѣли, какую правительство себѣ предположитъ". Не можетъ пред-

ставляться ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что эта то послѣдняя цѣль, въ результатѣ которой должно было явиться созданіе университетскаго повременнаго изданія съ тенденціознымъ характеромъ личнаго органа попечителя и проводимыхъ имъ начинаній—и была основнымъ мотивомъ интересующаго насъ представленія министру.

Князь Голицинъ не преминулъ испросить высочайшее соизволеніе на удовлетвореніе ходатайства Магницкаго, о чемъ и увѣдомилъ казанскаго попечителя отъ 19-го мая 1820 года. Магницкій, въ свою очередь, поставилъ университетъ въ извѣстность относительно предстоящей перемѣны слѣдующимъ предложеніемъ отъ 31-го мая того же года, на имя директора университета,—предложеніемъ, обстоятельно возстановляющимъ новую постановку издательскаго дѣла:

„Господину директору Императорскаго Казанскаго университета.

Найдя изданіе Казанскихъ Извѣстій не довольно благовиднымъ, я входилъ съ представленіемъ къ г. министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія о замѣненіи газеты сей изданіемъ журнала. Нынѣ г. министръ увѣдомилъ меня, что Государь Императоръ, по положенію комитета г.г. министровъ, учиненному вслѣдствіе внесенной отъ него записки, высочайше соизволилъ на изданіе при казанскомъ университетѣ, вмѣсто Казанскихъ Извѣстій—журнала, на слѣдующихъ правилахъ:

1. Планъ журнала будетъ раздѣленъ на двѣ части. Первую часть составятъ начальственныя распоряженія, къ учебному устройству относящіяся. Вторую—сочиненія и переводы, извѣстія политическія, ученыя и о пожертвованіяхъ благотворителей. Въ разсужденіе времени журналъ расположится такъ, чтобъ каждый мѣсяцъ выходила одна книжка.

2. Для изданія журнала составится комитетъ постоянный изъ людей, отличныхъ способностей къ отечественной словесности.

3. Журналъ долженъ печататься на счетъ хозяйственныхъ суммъ, безъ вычета издержекъ до того времени, какъ будетъ приносить 5000 рублей, послѣ чего издержки будутъ возвращаться въ казну. Вся прибыль должна раздѣляться между членами издательнаго комитета. Выборъ членовъ и раздѣленіе прибыли предоставляются въ распоряженіе директора университета.

Сообщая о семъ, я предоставляю вамъ, м. г. мой, все вышеизъясненное исполнить слѣдующимъ образомъ:

1. Изданіе Казанскихъ Извѣстій должно продолжаться въ настоящемъ ихъ видѣ до того времени, какъ все будетъ готово къ появленію журнала. Между тѣмъ—

2. Вы немедленно приступите къ избранію членовъ издательнаго комитета и представите ихъ къ утвержденію.

ставляться ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что эта то послѣдняя цѣль, въ результатѣ которой должно было явиться созданіе университетскаго повременнаго изданія съ тенденціознымъ характеромъ личнаго органа попечителя и проводимыхъ имъ начинаній—и была основнымъ мотивомъ интересующаго насъ представленія министру.

Князь Голицинъ не преминулъ испросить высочайшее соизволеніе на удовлетвореніе ходатайства Магницкаго, о чемъ и увѣдомилъ казанскаго попечителя отъ 19-го мая 1820 года. Магницкій, въ свою очередь, поставилъ университетъ въ извѣстность относительно предстоящей перемѣны слѣдующимъ предложеніемъ отъ 31-го мая того же года, на имя директора университета,—предложеніемъ, обстоятельно возстановляющимъ новую постановку издательскаго дѣла:

„Господину директору Императорскаго Казанскаго университета.

Найдя изданіе Казанскихъ Извѣстій не довольно благовиднымъ, я входилъ съ представленіемъ къ г. министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія о замѣненіи газеты сей изданіемъ журнала. Нынѣ г. министръ увѣдомилъ меня, что Государь Императоръ, по положенію комитета г.г. министровъ, учиненному вслѣдствіе внесенной отъ него записки, высочайше соизволилъ на изданіе при казанскомъ университетѣ, вмѣсто Казанскихъ Извѣстій—журнала, на слѣдующихъ правилахъ:

1. Планъ журнала будетъ раздѣленъ на двѣ части. Первую часть составятъ начальственныя распоряженія, къ учебному устройству относящіяся. Вторую—сочиненія и переводы, извѣстія политическія, ученыя и о пожертвованіяхъ благотворителей. Въ разсужденіе времени журналъ расположится такъ, чтобъ каждый мѣсяцъ выходила одна книжка.

2. Для изданія журнала составится комитетъ постоянный изъ людей, отличныхъ способностей къ отечественной словесности.

3. Журналъ долженъ печататься на счетъ хозяйственныхъ суммъ, безъ вычета издержекъ до того времени, какъ будетъ приносить 5000 рублей, послѣ чего издержки будутъ возвращаться въ казну. Вся прибыль должна раздѣляться между членами издательнаго комитета. Выборъ членовъ и раздѣленіе прибыли предоставляются въ распоряженіе директора университета.

Сообщая о семъ, я предоставляю вамъ, м. г. мой, все вышеизъясненное исполнить слѣдующимъ образомъ:

1. Изданіе Казанскихъ Извѣстій должно продолжаться въ настоящемъ ихъ видѣ до того времени, какъ все будетъ готово къ появленію журнала. Между тѣмъ—

2. Вы немедленно приступите къ избранію членовъ издательнаго комитета и представите ихъ къ утвержденію.

3. Комитетъ, воспріявъ свое образованіе, приготовитъ матеріалы въ томъ видѣ и порядкѣ, какъ они должны быть помѣщаемы въ журналѣ, на шесть книжекъ, что должно продолжаться и впредь такъ, что бы на полгода впередъ журналъ всегда былъ готовъ. Каждая книжка должна заключать до трехъ печатныхъ листовъ.

4. Приготовленные матеріалы, на первый разъ, предварительно имѣютъ быть представлены ко мнѣ для просмотрѣнія, на будущее же время присылать ко мнѣ только вторую часть журнала, но также на шесть мѣсяцевъ впередъ. Вы доставите также мнѣ немедленно форму журнала, образецъ бумаги, на которой журналъ долженъ быть печатаемъ, и обертку его.

Журналъ долженъ быть названъ—Вѣстникомъ Казанскимъ.

5. Началомъ первыхъ книжекъ журнала могутъ быть распоряженія по новому устройству университета.

6. Выборъ всѣхъ піесъ долженъ быть устремленъ къ той цѣли, что бы доказывать, что христіанское благочестіе—есть основаніе истинно-добраго воспитанія.

7. Вы сдѣлаете и представите мнѣ ваши соображенія относительно издержекъ изданія, назначенія подписной платы и раздѣленія прибыли между членами комитета.

8. Вы сдѣлаете также ваши усмотрѣнія, не можетъ ли какимъ либо образомъ быть соединено съ журналомъ припечатаніе и статей хозяйственныхъ, въ видѣ прибавленій, листковъ еженедѣльныхъ или какъ окажется сіе удобнымъ.

Я надѣюсь, что члены комитета, кои избраны будутъ, употребятъ всѣ возможные способы, дабы журналъ былъ достоенъ издающаго оный сословія".

Въ исполненіе предписанія попечителя, начались приготовленія къ изданію „Казанскаго Вѣстника" и, прежде всего, избраніе членовъ издательнаго комитета. Отъ 22-го іюня 1820 года директоръ университета Владимірскій уже могъ донести попечителю, что комитетъ этотъ составился изъ нижеслѣдующихъ семи лицъ: ординарные профессоры Городчаниновъ (онъ же „президентъ" комитета) и Перевощиковъ, экстраординарные профессоры Пальминъ и Тимьянскій, адъюнкты Дунаевъ и Булыгинъ и учитель Грацинскій. Къ директорскому донесенію была приложена и составленная вновь сформированнымъ комитетомъ программа журнала. Возстановляемъ полностью эту программу, въ достаточно яркомъ свѣтѣ характеризующую общее направленіе и духъ будущаго журнала:

3. Комитетъ, воспріявъ свое образованіе, приготовитъ матеріалы въ томъ видѣ и порядкѣ, какъ они должны быть помѣщаемы въ журналѣ, на шесть книжекъ, что должно продолжаться и впредь такъ, что бы на полгода впередъ журналъ всегда былъ готовъ. Каждая книжка должна заключать до трехъ печатныхъ листовъ.

4. Приготовленные матеріалы, на первый разъ, предварительно имѣютъ быть представлены ко мнѣ для просмотрѣнія, на будущее же время присылать ко мнѣ только вторую часть журнала, но также на шесть мѣсяцевъ впередъ. Вы доставите также мнѣ немедленно форму журнала, образецъ бумаги, на которой журналъ долженъ быть печатаемъ, и обертку его.

Журналъ долженъ быть названъ — Вѣстникомъ Казанскимъ.

5. Началомъ первыхъ книжекъ журнала могутъ быть распоряженія по новому устройству университета.

6. Выборъ всѣхъ піесъ долженъ быть устремленъ къ той цѣли, что бы доказывать, что христіанское благочестіе—есть основаніе истинно-добраго воспитанія.

7. Вы сдѣлаете и представите мнѣ ваши соображенія относительно издержекъ изданія, назначенія подписной платы и раздѣленія прибыли между членами комитета.

8. Вы сдѣлаете также ваши усмотрѣнія, не можетъ ли какимъ либо образомъ быть соединено съ журналомъ припечатаніе и статей хозяйственныхъ, въ видѣ прибавленій, листковъ еженедѣльныхъ или какъ окажется сіе удобнымъ.

Я надѣюсь, что члены комитета, кои избраны будутъ, употребятъ всѣ возможные способы, дабы журналъ былъ достоенъ издающаго оный сословія".

Въ исполненіе предписанія попечителя, начались приготовленія къ изданію „Казанскаго Вѣстника" и, прежде всего, избраніе членовъ издательнаго комитета. Отъ 22-го іюня 1820 года директоръ университета Владимірскій уже могъ донести попечителю, что комитетъ этотъ составился изъ нижеслѣдующихъ семи лицъ: ординарные профессоры Городчаниновъ (онъ же „президентъ" комитета) и Перевощиковъ, экстраординарные профессоры Пальминъ и Тимьянскій, адъюнкты Дунаевъ и Булыгинъ и учитель Грацинскій. Къ директорскому донесенію была приложена и составленная вновь сформированнымъ комитетомъ программа журнала. Возстановляемъ полностью эту программу, въ достаточно яркомъ свѣтѣ характеризующую общее направленіе и духъ будущаго журнала:

ПРОГРАММА КАЗАНСКАГО ВѢСТНИКА.

А. Его содержанie.

Журналъ сей раздѣлится на двѣ части.

Первая будетъ содержать въ себѣ начальственныя распоряженiя, къ учебному устройству относящiяся.

Вторая часть будетъ содержать въ себѣ слѣдующiя статьи:

1. Воспитанie.

а) О духѣ народнаго воспитанiя, вообще.

б) О необходимости благочестиваго воспитанiя.

в) О благочестивомъ духѣ воспитанiя въ древней Россiи.

г) О жизни первыхъ христiанъ.

2. Переводы.

а) Изъ церковныхъ писателей.

б) Изъ греческихъ и латинскихъ классиковъ.

в) Изъ новѣйшихъ лучшихъ писателей.

3. Исторiя.

а) Примѣчательнѣйшихъ университетовъ.

б) Императорскаго казанскаго университета.

4. Рѣчи.

а) Произнесенныя въ казанскомъ университетѣ.

б) Въ подвѣдомственныхъ учебныхъ заведенiяхъ, высшимъ начальствомъ одобренныя—тѣ и другiя.

5. Стихотворенiя.

6. Критика.

а) Разсмотрѣнie важнѣйшихъ книгъ, издаваемыхъ въ Россiи.

б) Разсмотрѣнie книгъ, вышедшихъ какимъ либо образомъ въ моду, хотя бы онѣ и не были сами по себѣ важны.

в) Замѣчанiя о философизмѣ XVIII-го вѣка.

7. Описанie губернiй, принадлежащихъ къ казанскому округу, или частей ихъ.

8. Извѣстiя.

а) Политическiя.

б) Объ открытiяхъ въ наукахъ и художествахъ.

в) Библейскiя.

г) О христiанскихъ нововведенiяхъ въ домашнемъ быту казанскаго университета.

ПРОГРАММА КАЗАНСКАГО ВѢСТНИКА.

А. Его содержаніе.

Журналъ сей раздѣлится на двѣ части.

Первая будетъ содержать въ себѣ начальственныя распоряженія, къ учебному устройству относящіяся.

Вторая часть будетъ содержать въ себѣ слѣдующія статьи:

1. Воспитаніе.

а) О духѣ народнаго воспитанія, вообще.

б) О необходимости благочестиваго воспитанія.

в) О благочестивомъ духѣ воспитанія въ древней Россіи.

г) О жизни первыхъ христіанъ.

2. Переводы.

а) Изъ церковныхъ писателей.

б) Изъ греческихъ и латинскихъ классиковъ.

в) Изъ новѣйшихъ лучшихъ писателей.

3. Исторія.

а) Примѣчательнѣйшихъ университетовъ.

б) Императорскаго казанскаго университета.

4. Рѣчи.

а) Произнесенныя въ казанскомъ университетѣ.

б) Въ подвѣдомственныхъ учебныхъ заведеніяхъ, высшимъ начальствомъ одобренныя—тѣ и другія.

5. Стихотворенія.

6. Критика.

а) Разсмотрѣніе важнѣйшихъ книгъ, издаваемыхъ въ Россіи.

б) Разсмотрѣніе книгъ, вышедшихъ какимъ либо образомъ въ моду, хотя бы онѣ и не были сами по себѣ важны.

в) Замѣчанія о философизмѣ XVIII-го вѣка.

7. Описаніе губерній, принадлежащихъ къ казанскому округу, или частей ихъ.

8. Извѣстія.

а) Политическія.

б) Объ открытіяхъ въ наукахъ и художествахъ.

в) Библейскія.

г) О христіанскихъ нововведеніяхъ въ домашнемъ быту казанскаго университета.

д) Годовые отчеты университета, читаемые при публичныхъ собраніяхъ.

е) О пожертвованіяхъ благотворителей.

ж) Хозяйственныя объявленія.

В. Наружный видъ, число книжекъ и подписная цѣна изданія.

Въ концѣ каждаго мѣсяца будетъ выходить одна книжка, содержащая въ себѣ отъ 3-хъ до 4-хъ печатныхъ листовъ. Первая страница оной будетъ имѣть сверху крестъ, съ сіяніемъ и надписью: „Во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ". Обертка избирается свѣтлоголубого цвѣта.

Хозяйственныя объявленія будутъ печататься на особенныхъ листкахъ, того жъ формата, и разсылаемы еженедѣльно.

Подписная цѣна за 12 книжекъ—15 рублей, а для иногороднихъ вѣсовыя деньги означены будутъ по сношеніи съ почтамтомъ.

Програма заканчивается изложеніемъ „правилъ", которыми будутъ руководствоваться члены издательнаго комитета въ дѣлѣ редактированія журнала. Эти правила, изложенныя въ духѣ попечителя и его обновительныхъ начинаній, служатъ краснорѣчивымъ дополненіемъ самой программы:

„Какъ главною цѣлью второй части Казанскаго Вѣстника полагается внушеніе и объясненіе правилъ благочестиваго воспитанія, то первою обязанностью издателей будетъ то, что бы и прочія статьи сей части по возможности сообразовать съ оною цѣлью. Посему:

а) И для перевода будутъ избираемы преимущественно такія мѣста, которыя или прямо содержатъ въ себѣ упомянутыя правила, либо примѣры исполненія оныхъ, или могутъ дать поводъ къ размышленіямъ о благочестіи, которыя и должны быть немедленно присоединяемы къ онымъ.

б) Рѣчи и стихотворенія должны быть преимущественно тогожь содержанія.

в) Въ исторіи примѣчательнѣйшихъ университетовъ предполагается показать: 1) обстоятельства ихъ основанія, 2) направленіе духа ихъ къ благочестію, 3) причины, измѣнявшія сіе направленіе, 4) усилія благонамѣренныхъ людей остановить вредное стремленіе, 5) причина успѣха ихъ стараній или неудачи и т. д."

Нечего и говорить, конечно, о томъ, что Магницкій остался вполнѣ доволенъ угодливою прозорливостью будущихъ редакторовъ журнала и, предложеніемъ отъ 10-го августа, увѣдомилъ Владимірскаго, что „на всѣ предположенія относительно изданія Казанскаго Вѣстника согласенъ". Слѣдомъ за тѣмъ открылись дѣйствія издательнаго комитета, а въ номерахъ уже доживавшихъ свои послѣдніе дни Казанскихъ Извѣстій появи-

д) Годовые отчеты университета, читаемые при публичныхъ собраніяхъ.

е) О пожертвованіяхъ благотворителей.

ж) Хозяйственныя объявленія.

В. Наружный видъ, число книжекъ и подписная цѣна изданія.

Въ концѣ каждаго мѣсяца будетъ выходить одна книжка, содержащая въ себѣ отъ 3-хъ до 4-хъ печатныхъ листовъ. Первая страница оной будетъ имѣть сверху крестъ, съ сіяніемъ и надписью: „Во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ". Обертка избирается свѣтлоголубого цвѣта.

Хозяйственныя объявленія будутъ печататься на особенныхъ листкахъ, того жъ формата, и разсылаемы еженедѣльно.

Подписная цѣна за 12 книжекъ—15 рублей, а для иногороднихъ вѣсовыя деньги означены будутъ по сношеніи съ почтамтомъ.

Программа заканчивается изложеніемъ „правилъ", которыми будутъ руководствоваться члены издательнаго комитета въ дѣлѣ редактированія журнала. Эти правила, изложенныя въ духѣ попечителя и его обновительныхъ начинаній, служатъ краснорѣчивымъ дополненіемъ самой программы:

„Какъ главною цѣлью второй части Казанскаго Вѣстника полагается внушеніе и объясненіе правилъ благочестиваго воспитанія, то первою обязанностью издателей будетъ то, что бы и прочія статьи сей части по возможности сообразовать съ оною цѣлью. Посему:

а) И для перевода будутъ избираемы преимущественно такія мѣста, которыя или прямо содержатъ въ себѣ упомянутыя правила, либо примѣры исполненія оныхъ, или могутъ дать поводъ къ размышленіямъ о благочестіи, которыя и должны быть немедленно присоединяемы къ онымъ.

б) Рѣчи и стихотворенія должны быть преимущественно тогожь содержанія.

в) Въ исторіи примѣчательнѣйшихъ университетовъ предполагается показать: 1) обстоятельства ихъ основанія, 2) направленіе духа ихъ къ благочестію, 3) причины, измѣнявшія сіе направленіе, 4) усилія благонамѣренныхъ людей остановить вредное стремленіе, 5) причина успѣха ихъ стараній или неудачи и т. д."

Нечего и говорить, конечно, о томъ, что Магницкій остался вполнѣ доволенъ угодливою прозорливостью будущихъ редакторовъ журнала и, предложеніемъ отъ 10-го августа, увѣдомилъ Владимірскаго, что „на всѣ предположенія относительно изданія Казанскаго Вѣстника согласенъ". Слѣдомъ за тѣмъ открылись дѣйствія издательнаго комитета, а въ номерахъ уже доживавшихъ свои послѣдніе дни Казанскихъ Извѣстій появи-

лись подробныя извѣщенія (см. №№ 84 и 140) о новомъ журналѣ и объ открытіи на него подписки. Съ исходомъ 1820 года закончили, такимъ образомъ, свое почти десятилѣтнее существованіе старыя „Казанскія Извѣстія", а съ начала 1821 года взамѣнъ ихъ сталъ выходить въ свѣтъ новый университетскій повременный органъ—„Казанскій Вѣстникъ".

За первыя $5^1/_2$ лѣтъ своего существованія, совпавшія съ годами попечительства Магницкаго, „Казанскій Вѣстникъ" вполнѣ оправдалъ тѣ намѣренія, которыми руководился попечитель при созданіи этого журнала, оправдалъ и тѣ „правила", которыя, въ угоду попечителю, положены были въ основу изданія его первыми руководителями. Ежемѣсячныя книжки „Вѣстника" напоминали собою скорѣе лубочнаго издѣлія сборники нравоучительно-богословскаго характера, нежели журналъ научно-литературнаго направленія, издаваемый университетомъ и редактируемый людьми серьезной науки. „Казанскій Вѣстникъ эпохи Магницкаго,—говоритъ историкъ этого журнала Н. П. Лихачевъ,—носитъ какой то странный характеръ; это не серьезный богословскій органъ, это не журналъ для ученыхъ и, въ тоже время, нѣтъ въ немъ статей литературныхъ. По содержанію своему онъ много ниже простодушныхъ Казанскихъ Извѣстій, соприкасавшихся съ мѣстною жизнью и ея интересами и не ограничивавшихся риторическими словоизмышленіями,—но за то онъ живой свидѣтель эпохи; его путаница—слѣдъ той мистической бури, которая нѣсколько лѣтъ коверкала нормальное теченіе русской учебной жизни" *. Насколько проникнутъ былъ Казанскій Вѣстникъ эпохи Магницкаго напускнымъ клерикальнымъ направленіемъ, видно изъ подсчета Н. П. Лихачева, изъ котораго обнаруживается, что за время 1821—1825 г.г. (эпоха попечительства Магницкаго) статей богословскаго содержанія было помѣщено здѣсь не менѣе 56-ти, тогда какъ за время 1826—1832 г.г. (эпоха попечительства Мусина-Пушкина) такихъ статей насчитывается здѣсь не болѣе 8-ми. Наука, сама по себѣ, не признавалась въ „Казанскомъ Вѣстникѣ" эпохи Магницкаго вовсе. Читателямъ ученаго университетскаго журнала преподавалось, напримѣръ, такое нравоученіе:

„Нѣкоторые изъ приходившихъ къ Антонію философовъ спросили,— въ чемъ можетъ онъ проводить время въ своей пустынѣ, лишенъ будучи чтенія?

---

* Н. П. Лихачевъ: «Казанскій Вѣстникъ. Исторія изданія и указатель содержанія» (журналъ «Книговѣдѣніе», 1894, № 2, стр. 17—18).

лись подробныя извѣщенія (см. №№ 84 и 140) о новомъ журналѣ и объ открытіи на него подписки. Съ исходомъ 1820 года закончили, такимъ образомъ, свое почти десятилѣтнее существованіе старыя „Казанскія Извѣстія“, а съ начала 1821 года взамѣнъ ихъ сталъ выходить въ свѣтъ новый университетскій повременный органъ—„Казанскій Вѣстникъ“.

За первыя $5\frac{1}{2}$ лѣтъ своего существованія, совпавшія съ годами попечительства Магницкаго, „Казанскій Вѣстникъ“ вполнѣ оправдалъ тѣ намѣренія, которыми руководился попечитель при созданіи этого журнала, оправдалъ и тѣ „правила“, которыя, въ угоду попечителю, положены были въ основу изданія его первыми руководителями. Ежемѣсячныя книжки „Вѣстника“ напоминали собою скорѣе лубочнаго издѣлія сборники нравоучительно-богословскаго характера, нежели журналъ научно-литературнаго направленія, издаваемый университетомъ и редактируемый людьми серьезной науки. „Казанскій Вѣстникъ эпохи Магницкаго,—говоритъ историкъ этого журнала Н. П. Лихачевъ,—носитъ какой то странный характеръ; это не серьезный богословскій органъ, это не журналъ для ученыхъ и, въ тоже время, нѣтъ въ немъ статей литературныхъ. По содержанію своему онъ много ниже простодушныхъ Казанскихъ Извѣстій, соприкасавшихся съ мѣстною жизнью и ея интересами и не ограничивавшихся риторическими словоизмышленіями,—но за то онъ живой свидѣтель эпохи; его путаница—слѣдъ той мистической бури, которая нѣсколько лѣтъ коверкала нормальное теченіе русской учебной жизни“ *. Насколько проникнутъ былъ Казанскій Вѣстникъ эпохи Магницкаго напускнымъ клерикальнымъ направленіемъ, видно изъ подсчета Н. П. Лихачева, изъ котораго обнаруживается, что за время 1821—1825 г.г. (эпоха попечительства Магницкаго) статей богословскаго содержанія было помѣщено здѣсь не менѣе 56-ти, тогда какъ за время 1826—1832 г.г. (эпоха попечительства Мусина-Пушкина) такихъ статей насчитывается здѣсь не болѣе 8-ми. Наука, сама по себѣ, не признавалась въ „Казанскомъ Вѣстникѣ“ эпохи Магницкаго вовсе. Читателямъ ученаго университетскаго журнала преподавалось, напримѣръ, такое нравоученіе:

„Нѣкоторые изъ приходившихъ къ Антонію философовъ спросили,—въ чемъ можетъ онъ проводить время въ своей пустынѣ, лишенъ будучи чтенія?

---

* Н. П. Лихачевъ: «Казанскій Вѣстникъ. Исторія изданія и указатель содержанія» (журналъ «Книговѣдѣніе», 1894, № 2, стр. 17—18).

— Природа,—отвѣчалъ онъ,—моя книга, всѣ другія замѣняющая.

Когда философы хотѣли обратить въ посмѣяніе незнаніе его въ человѣческихъ наукахъ, то онъ съ удивительною простотою вопрошалъ ихъ:

— Что было прежде: разумъ или наука, и разумъ произвелъ науку или наука разумъ?

— Конечно, разумъ,—отвѣчали они.

— Такъ и довольно одного разума!—заключилъ святой.

Такъ оспаривалъ и побѣждалъ св. Антоній Великій гордыхъ суемудровъ своего времени,—комментируетъ университетскій журналъ.—Пораженные невыученною мудростью его, отходили они съ досадою и удивленіемъ" *.

Ничего удивительнаго не представляется въ томъ, что, при общемъ характерѣ, принятомъ „Казанскимъ Вѣстникомъ", тщательно избѣгали сотрудничества въ этомъ журналѣ, въ годы попечительства Магницкаго, тѣ профессоры университета, которые не желали идти на компромиссъ съ свою совѣстью, лицемѣрно юродствуя, въ угоду попечителю, на страницахъ „ученаго" журнала. Актовыя рѣчи, оффиціальные отчеты—такова за эти годы форма участія въ журналѣ лучшихъ представителей университета; только послѣ паденія Магницкаго начинаемъ мы встрѣчать на страницахъ „Вѣстника", въ качествѣ добровольныхъ сотрудниковъ, имена Лобачевскаго, Симонова, Фукса....

Въ высшей степени странное впечатлѣніе производитъ содержаніе „Казанскаго Вѣстника" первой половины двадцатыхъ годовъ, когда книжки журнала заполнялись почти исключительно сочиненіями и переводами или самихъ членовъ издательнаго комитета, или же руководимыхъ ими студентовъ и кандидатовъ. Спеціальность автора въ большинствѣ случаевъ не имѣла при этомъ никакого соотношенія къ направленію его писательства. Профессоръ русской словесности Городчаниновъ изощряется, напримѣръ, въ разсужденіяхъ „О превосходствѣ библейскаго и св. отцовъ краснорѣчія надъ витійствомъ древнихъ языческихъ писателей", „О разрушительной системѣ воспитанія, противоположной духу св. писанія", высказываетъ „Благоговѣйный взглядъ христіанина на нѣкоторые ирмосы въ канонѣ св. Пасхи", печатаетъ размышленія „На великій четвертокъ и о смерти", переводитъ разсужденія Фенелона на дни различныхъ праздниковъ („На день великія субботы", „На день св. Пятидесятницы", „На праздникъ женъ Мироносицъ", „На день св. евангелиста Іоанна" и т. п.), „Жизнеописаніе аббата Флери", „Жизнь Боссюэта" и пр. Профессоръ

* Тамъ же, стр. 16.

— Природа,—отвѣчалъ онъ,—моя книга, всѣ другія замѣняющая.

Когда философы хотѣли обратить въ посмѣяніе незнаніе его въ человѣческихъ наукахъ, то онъ съ удивительною простотою вопрошалъ ихъ:

— Что было прежде: разумъ или наука, и разумъ произвелъ науку или наука разумъ?

— Конечно, разумъ,—отвѣчали они.

— Такъ и довольно одного разума!—заключилъ святой.

Такъ оспаривалъ и побѣждалъ св. Антоній Великій гордыхъ суемудровъ своего времени,—комментируетъ университетскій журналъ.—Пораженные невыученною мудростью его, отходили они съ досадою и удивленіемъ" *.

Ничего удивительнаго не представляется въ томъ, что, при общемъ характерѣ, принятомъ „Казанскимъ Вѣстникомъ", тщательно избѣгали сотрудничества въ этомъ журналѣ, въ годы попечительства Магницкаго, тѣ профессоры университета, которые не желали идти на компромиссъ съ свою совѣстью, лицемѣрно юродствуя, въ угоду попечителю, на страницахъ „ученаго" журнала. Актовыя рѣчи, оффиціальные отчеты—такова за эти годы форма участія въ журналѣ лучшихъ представителей университета; только послѣ паденія Магницкаго начинаемъ мы встрѣчать на страницахъ „Вѣстника", въ качествѣ добровольныхъ сотрудниковъ, имена Лобачевскаго, Симонова, Фукса....

Въ высшей степени странное впечатлѣніе производитъ содержаніе „Казанскаго Вѣстника" первой половины двадцатыхъ годовъ, когда книжки журнала заполнялись почти исключительно сочиненіями и переводами или самихъ членовъ издательнаго комитета, или же руководимыхъ ими студентовъ и кандидатовъ. Спеціальность автора въ большинствѣ случаевъ не имѣла при этомъ никакого соотношенія къ направленію его писательства. Профессоръ русской словесности Городчаниновъ изощряется, напримѣръ, въ разсужденіяхъ „О превосходствѣ библейскаго и св. отцовъ краснорѣчія надъ витійствомъ древнихъ языческихъ писателей", „О разрушительной системѣ воспитанія, противоположной духу св. писанія", высказываетъ „Благоговѣйный взглядъ христіанина на нѣкоторые ирмосы въ канонѣ св. Пасхи", печатаетъ размышленія „На великій четвертокъ и о смерти", переводитъ разсужденія Фенелона на дни различныхъ праздниковъ („На день великія субботы", „На день св. Пятидесятницы", „На праздникъ женъ Мироносицъ", „На день св. евангелиста Іоанна" и т. п.), „Жизнеописаніе аббата Флери", „Жизнь Боссюэта" и пр. Профессоръ

* Тамъ же, стр. 16.

русской исторіи Булыгинъ печатаетъ переводы „О чудѣ, совершившемся въ царствованіе Іуліана“ и „Объ іерусалимской церкви“ и статью „О высотѣ индѣйскихъ горъ“. Профессоръ химіи Дунаевъ печатаетъ „О пользѣ и злоупотребленіяхъ наукъ физическихъ и необходимости основывать ихъ на христіанскомъ благочестіи“ и выборку изъ сочиненія Флери „О нравахъ христіанъ въ трехъ первыхъ столѣтіяхъ“, даетъ переводы: „О состояніи язычниковъ предъ ихъ обращеніемъ“, „О молитвѣ“, „О постѣ“, „О смиренномудріи христіанъ“ и т. д. Профессоръ русской словесности Суровцовъ помѣщаетъ „Историческія доказательства христіанской вѣры“, „О времени и мѣстѣ прехожденія израильтянъ черезъ Чермное море“, „О духѣ краснорѣчія проповѣдническаго по сравненіи съ древнимъ языческимъ“. Профессоръ всеобщей исторіи Баженовъ выступаетъ съ статьями „Опытъ историческаго разсужденія о дѣйствіяхъ Промысла въ устроеніи царствъ земныхъ и народовъ“ и „О необходимости чтенія книгъ св. Писанія и древнихъ отцовъ церкви“. Профессоръ математики Никольскій даетъ разсужденіе „О достоинствѣ и важности воспитанія и просвѣщенія, основанныхъ на вѣрѣ христіанской“. Преподаватель латинскаго языка Грацинскій переводитъ для журнала статьи „Св. Іоанна Златоуста бесѣда“ и „О ложной мудрости“. Студентами, подъ руководствомъ членовъ издательнаго комитета, помѣщаются оригинальныя и переводныя статьи: „Любовь къ Богу долженствуетъ быть для насъ все во всемъ“, „Наставленія относительно молитвы и благочестивыхъ занятій“, „О церкви, домѣ Божіемъ, алтарѣ, жертвѣ священнической и о томъ, что не должно куплю творить въ церкви“ (студентамедика, впосл. професссора, Н. А. Скандовскаго), „О молитвѣ и плодахъ ея“ (его же) и т. д. и. т. д.

Переходя къ вопросу о самой организаціи дѣла изданія „Казанскаго Вѣстника“, мы должны отмѣтить, что образовавшійся еще лѣтомъ 1820 г. личный составъ издательнаго комитета въ ближайшіе годы подвергся измѣненіямъ. Уже осенью 1822 г. изъ состава его выбыли проф. Пальминъ и препод. Грацинскій, взамѣнъ которыхъ членомъ комитета былъ назначенъ проф. Суровцовъ. Къ концу 1823 г. составъ комитета совершенно разстроился вслѣдствіе болѣзни Булыгина и временнаго отсутствія Тимьянскаго и Суровцова, въ виду чего членами его 14 декабря были вновь назначены проф. Лобачевскій и ад. Рыбушкинъ, а 29 марта 1826 г., въ виду ходатайства комитета о необходимости, въ интересахъ „успѣшнаго хода изданія“, усиленія его состава—къ издательному комитету были причислены проф. Баженовъ и ад. Краузе.

русской исторіи Булыгинъ печатаетъ переводы „О чудѣ, совершившемся въ царствованіе Іуліана“ и „Объ іерусалимской церкви“ и статью „О высотѣ индѣйскихъ горъ“. Профессоръ химіи Дунаевъ печатаетъ „О пользѣ и злоупотребленіяхъ наукъ физическихъ и необходимости основывать ихъ на христіанскомъ благочестіи“ и выборку изъ сочиненія Флери „О нравахъ христіанъ въ трехъ первыхъ столѣтіяхъ“, даетъ переводы: „О состояніи язычниковъ предъ ихъ обращеніемъ“, „О молитвѣ“, „О постѣ“, „О смиренномудріи христіанъ“ и т. д. Профессоръ русской словесности Суровцовъ помѣщаетъ „Историческія доказательства христіанской вѣры“, „О времени и мѣстѣ прехожденія израильтянъ черезъ Чермное море“, „О духѣ краснорѣчія проповѣдническаго по сравненіи съ древнимъ языческимъ“. Профессоръ всеобщей исторіи Баженовъ выступаетъ съ статьями „Опытъ историческаго разсужденія о дѣйствіяхъ Промысла въ устроеніи царствъ земныхъ и народовъ“ и „О необходимости чтенія книгъ св. Писанія и древнихъ отцовъ церкви“. Профессоръ математики Никольскій даетъ разсужденіе „О достоинствѣ и важности воспитанія и просвѣщенія, основанныхъ на вѣрѣ христіанской“. Преподаватель латинскаго языка Грацинскій переводитъ для журнала статьи „Св. Іоанна Златоуста бесѣда“ и „О ложной мудрости“. Студентами, подъ руководствомъ членовъ издательнаго комитета, помѣщаются оригинальныя и переводныя статьи: „Любовь къ Богу долженствуетъ быть для насъ все во всемъ“, „Наставленія относительно молитвы и благочестивыхъ занятій“, „О церкви, домѣ Божіемъ, алтарѣ, жертвѣ священнической и о томъ, что не должно куплю творить въ церкви“ (студента-медика, впосл. професссора, Н. А. Скандовскаго), „О молитвѣ и плодахъ ея“ (его же) и т. д. и. т. д.

Переходя къ вопросу о самой организаціи дѣла изданія „Казанскаго Вѣстника“, мы должны отмѣтить, что образовавшійся еще лѣтомъ 1820 г. личный составъ издательнаго комитета въ ближайшіе годы подвергся измѣненіямъ. Уже осенью 1822 г. изъ состава его выбыли проф. Пальминъ и препод. Грацинскій, взамѣнъ которыхъ членомъ комитета былъ назначенъ проф. Суровцовъ. Къ концу 1823 г. составъ комитета совершенно разстроился вслѣдствіе болѣзни Булыгина и временнаго отсутствія Тимьянскаго и Суровцова, въ виду чего членами его 14 декабря были вновь назначены проф. Лобачевскій и ад. Рыбушкинъ, а 29 марта 1826 г., въ виду ходатайства комитета о необходимости, въ интересахъ „успѣшнаго хода изданія“, усиленія его состава—къ издательному комитету были причислены проф. Баженовъ и ад. Краузе.

Мы уже констатировали тотъ фактъ, что, въ силу соображеній вполнѣ понятнаго характера, лучшая часть научныхъ силъ университета старалась всѣми мѣрами отстранять себя отъ участія въ „Казанскомъ Вѣстникѣ". Это не замедлило, конечно, сказаться на самомъ содержаніи журнала и на успѣхѣ его въ публикѣ; послѣднее наглядно иллюстрируется уже тѣмъ, что тиражъ журнала, достигшій въ первый годъ изданія почтенной, по условіямъ того времени, цифры 500 экземпляровъ, уже въ 1822 г. упалъ до количества 300 экземпляровъ, а подписная или „пренумераціонная" сумма съ 2596 р. 82 коп., вырученныхъ въ первый годъ изданія—въ 1822 г. упала до цифры 1825 р. 47 коп.*). Хотя Магницкій могъ, лучше нежели кто либо другой, дать себѣ ясный отчетъ въ истинныхъ причинахъ неуспѣха затѣяннаго имъ журнала, тѣмъ не менѣе онъ уже осенью 1823 года обратился къ директору университета съ нареканіями, сообщенными проф. Никольскимъ совѣту университета въ формѣ слѣдующаго предложенія отъ 8-го октября:

„Его превосходительство г. попечитель казанскаго учебнаго округа, получивъ за мѣсяцъ іюнь седьмую книжку Казанскаго Вѣстника уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ, замѣчаетъ, что назначенный порядокъ для сего журнала нарушенъ не токмо позднимъ выходомъ онаго, но и несообразнымъ помѣщеніемъ въ немъ статей, состоящихъ, большею частью, изъ переводовъ студентовъ. Изданіе же Казанскаго Вѣстника установлено съ тѣмъ, что бы въ немъ были печатаемы труды г.г. профессоровъ, которые бы, и по содержанію своему и по выработанности слога, могли быть занимательны, особенно открытіями въ наукахъ, сдѣланными профессоромъ какой либо части или заимствованными изъ иностранныхъ журналовъ, кои для сего и выписываются въ довольномъ количествѣ. Но, такъ какъ сего не выполняется, то выходитъ, что напрасно издерживается сумма на напечатаніе Казанскаго Вѣстника, далеко отставшаго отъ предназначенной ему цѣли, и на выписку иностранныхъ журналовъ.

Сообщая о семъ совѣту университета, предлагаю сдѣлать общее сужденіе къ принятію мѣръ для улучшенія Казанскаго Вѣстника, что бы онъ соотвѣтствовалъ цѣли изданія".

Директорское предложеніе ставило совѣтъ въ довольно затруднительное положеніе: отъ него требовали „принятія мѣръ" по дѣлу, которое уже при самомъ началѣ своемъ было совершенно изъято изъ его компе-

---

* Это паденіе «пренумераціонной» суммы продолжалось и въ слѣдующіе годы: въ 1823 г.—1588 р. 40 к., въ 1824 г.—1392 р. 62½ к.; въ 1825 г. подписная сумма нѣсколько повысилась—1471 р. 36½ к., но въ 1826 г. снова пала до 1395 р. 96½ коп.

Мы уже констатировали тотъ фактъ, что, въ силу соображеній вполнѣ понятнаго характера, лучшая часть научныхъ силъ университета старалась всѣми мѣрами отстранять себя отъ участія въ „Казанскомъ Вѣстникѣ". Это не замедлило, конечно, сказаться на самомъ содержаніи журнала и на успѣхѣ его въ публикѣ; послѣднее наглядно иллюстрируется уже тѣмъ, что тиражъ журнала, достигшій въ первый годъ изданія почтенной, по условіямъ того времени, цифры 500 экземпляровъ, уже въ 1822 г. упалъ до количества 300 экземпляровъ, а подписная или „пренумераціонная" сумма съ 2596 р. 82 коп., вырученныхъ въ первый годъ изданія—въ 1822 г. упала до цифры 1825 р. 47 коп. *). Хотя Магницкій могъ, лучше нежели кто либо другой, дать себѣ ясный отчетъ въ истинныхъ причинахъ неуспѣха затѣяннаго имъ журнала, тѣмъ не менѣе онъ уже осенью 1823 года обратился къ директору университета съ нареканіями, сообщенными проф. Никольскимъ совѣту университета въ формѣ слѣдующаго предложенія отъ 8-го октября:

„Его превосходительство г. попечитель казанскаго учебнаго округа, получивъ за мѣсяцъ іюнь седьмую книжку Казанскаго Вѣстника уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ, замѣчаетъ, что назначенный порядокъ для сего журнала нарушенъ не токмо позднимъ выходомъ онаго, но и несообразнымъ помѣщеніемъ въ немъ статей, состоящихъ, большею частью, изъ переводовъ студентовъ. Изданіе же Казанскаго Вѣстника установлено съ тѣмъ, что бы въ немъ были печатаемы труды г.г. профессоровъ, которые бы, и по содержанію своему и по выработанности слога, могли быть занимательны, особенно открытіями въ наукахъ, сдѣланными профессоромъ какой либо части или заимствованными изъ иностранныхъ журналовъ, кои для сего и выписываются въ довольномъ количествѣ. Но, такъ какъ сего не выполняется, то выходитъ, что напрасно издерживается сумма на напечатаніе Казанскаго Вѣстника, далеко отставшаго отъ предназначенной ему цѣли, и на выписку иностранныхъ журналовъ.

Сообщая о семъ совѣту университета, предлагаю сдѣлать общее сужденіе къ принятію мѣръ для улучшенія Казанскаго Вѣстника, что бы онъ соотвѣтствовалъ цѣли изданія".

Директорское предложеніе ставило совѣтъ въ довольно затруднительное положеніе: отъ него требовали „принятія мѣръ" по дѣлу, которое уже при самомъ началѣ своемъ было совершенно изъято изъ его компе-

---

* Это паденіе «пренумераціонной» суммы продолжалось и въ слѣдующіе годы: въ 1823 г.—1588 р. 40 к., въ 1824 г.—1392 р. 62½ к.; въ 1825 г. подписная сумма нѣсколько повысилась—1471 р. 36½ к., но въ 1826 г. снова пала до 1395 р. 96½ коп.

тенціи, будучи всецѣло ввѣрено директору университета. Совѣту не оставалось ничего болѣе, какъ прійти въ засѣданіи 3-го ноября 1823 г. къ слѣдующему опредѣленію, не лишенному нотки протеста по поводу положенія всего издательнаго дѣла: „Какъ совѣтъ не имѣетъ никакого свѣдѣнія ни о положеніи комитета издателей Казанскаго Вѣстника, ни о числѣ членовъ оного, ни о томъ, кто избираетъ и кто утверждаетъ ихъ, такъ какъ сей комитетъ состоялъ доселѣ въ непосредственномъ вѣдѣніи г. директора университета, то предварительно потребовать дѣло о его учрежденіи". Требуемое дѣло было совѣту доставлено, но дальнѣйшаго движенія вопросъ объ улучшеніи изданія въ совѣтѣ, повидимому, не имѣлъ.

Между тѣмъ дѣло изданія журнала продолжало оставаться въ прежнемъ неприглядномъ видѣ и, предложеніемъ на имя и. д. директора университета отъ 16-го декабря 1824 года, попечитель разражается слѣдующею филиппикою по адресу издательнаго комитета:

„Издаваемый Казанскій Вѣстникъ, по единообразному его содержанію и помѣщенію въ немъ безъ строгаго выбора піесъ, не представляетъ собой никакой занимательности и, слѣдовательно, не достигаетъ той цѣли, для которой изданіе его установлено.

Сколько ни внушалъ я приватно и, даже, оффиціально, чтобы журналу сему дано было направленіе, сообразное съ планомъ, для изданія онаго принятымъ, но успѣха и исправленія не видно, ибо самый первый и занимательный источникъ для журнала—иностранныя газеты, на значительную сумму выписываемыя, остается безъ всякаго вниманія, хотя и самъ я нерѣдко назначалъ изъ оныхъ многія статьи къ переводу на россійскій языкъ, для помѣщенія въ Казанскомъ Вѣстникѣ.

По симъ причинамъ поручаю вамъ войти въ разсмотрѣніе, почему издательный комитетъ такъ худо ведетъ дѣло свое и нѣтъ ли способа поправить оное, ибо въ настоящемъ положеніи не могу я оставить изданіе сего журнала, кромѣ убытка и безславія ничего не приносящаго университету".

Издательный комитетъ отписался, какъ могъ, на предъявленныя ему попечителемъ обвиненія и, слѣдомъ затѣмъ, выработалъ слѣдующія мѣры „исправленія" дѣла изданія журнала, сообщенныя совѣту университета представленіемъ отъ 10-го января 1825 года: 1) Ходатайствовать передъ совѣтомъ, что бы „всѣ журналы, какъ россійскіе, такъ и иностранные, немедленно по полученіи оныхъ доставляемы были въ издательный комитетъ", 2) Предписать циркулярно всѣмъ г.г. директорамъ гимназій и старшимъ учителямъ, что бъ они „каждомѣсячно на имя издательнаго коми-

тенціи, будучи всецѣло ввѣрено директору университета. Совѣту не оставалось ничего болѣе, какъ прійти въ засѣданіи 3-го ноября 1823 г. къ слѣдующему опредѣленію, не лишенному нотки протеста по поводу положенія всего издательнаго дѣла: „Какъ совѣтъ не имѣетъ никакого свѣдѣнія ни о положеніи комитета издателей Казанскаго Вѣстника, ни о числѣ членовъ оного, ни о томъ, кто избираетъ и кто утверждаетъ ихъ, такъ какъ сей комитетъ состоялъ доселѣ въ непосредственномъ вѣдѣніи г. директора университета, то предварительно потребовать дѣло о его учрежденіи". Требуемое дѣло было совѣту доставлено, но дальнѣйшаго движенія вопросъ объ улучшеніи изданія въ совѣтѣ, повидимому, не имѣлъ.

Между тѣмъ дѣло изданія журнала продолжало оставаться въ прежнемъ неприглядномъ видѣ и, предложеніемъ на имя и. д. директора университета отъ 16-го декабря 1824 года, попечитель разражается слѣдующею филиппикою по адресу издательнаго комитета:

„Издаваемый Казанскій Вѣстникъ, по единообразному его содержанію и помѣщенію въ немъ безъ строгаго выбора піесъ, не представляетъ собой никакой занимательности и, слѣдовательно, не достигаетъ той цѣли, для которой изданіе его установлено.

Сколько ни внушалъ я приватно и, даже, оффиціально, чтобы журналу сему дано было направленіе, сообразное съ планомъ, для изданія онаго принятымъ, но успѣха и исправленія не видно, ибо самый первый и занимательный источникъ для журнала—иностранныя газеты, на значительную сумму выписываемыя, остается безъ всякаго вниманія, хотя и самъ я нерѣдко назначалъ изъ оныхъ многія статьи къ переводу на россійскій языкъ, для помѣщенія въ Казанскомъ Вѣстникѣ.

По симъ причинамъ поручаю вамъ войти въ разсмотрѣніе, почему издательный комитетъ такъ худо ведетъ дѣло свое и нѣтъ ли способа поправить оное, ибо въ настоящемъ положеніи не могу я оставить изданіе сего журнала, кромѣ убытка и безславія ничего не приносящаго университету".

Издательный комитетъ отписался, какъ могъ, на предъявленныя ему попечителемъ обвиненія и, слѣдомъ затѣмъ, выработалъ слѣдующія мѣры „исправленія" дѣла изданія журнала, сообщенныя совѣту университета представленіемъ отъ 10-го января 1825 года: 1) Ходатайствовать передъ совѣтомъ, что бы „всѣ журналы, какъ россійскіе, такъ и иностранные, немедленно по полученіи оныхъ доставляемы были въ издательный комитетъ", 2) Предписать циркулярно всѣмъ г.г. директорамъ гимназій и старшимъ учителямъ, что бъ они „каждомѣсячно на имя издательнаго коми-

тета представляли какое либо сочиненіе, относящееся къ словесности, исторіи, статистикѣ и пр.", 3) Просить совѣтъ, „дабы онъ, принявъ съ своей стороны дѣятельное участіе въ изданіи Казанскаго Вѣстника, поручилъ каждому изъ г.г. профессоровъ и адъюнктовъ доставлять въ издательный комитетъ, по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ годъ, какое либо сочиненіе или переводъ", и 4) Просить распоряженія совѣта относительно доставленія въ комитетъ иностранныхъ журналовъ за 1823 и 1824 годы, такъ какъ въ нихъ содержатся „многія любопытныя ученыя статьи". Всѣ эти ходатайства совѣтомъ, въ засѣданіи того же 10-го января, опредѣлено было удовлетворить *.

Не помогло дѣлу и только что приведенное нами предположеніе о „подневольномъ" доставленіи для журнала матеріаловъ какъ чинами университета, такъ и педагогическимъ персоналомъ округа,—начинаніе, бывшее, какъ мы это знаемъ, не чуждымъ и руководителямъ блаженной памяти „Казанскихъ Извѣстій". Дѣло изданія „Казанскаго Вѣстника" не поправлялось и Магницкій 8-го апрѣля 1826 г.,—слѣдовательно всего за мѣсяцъ до увольненія отъ должности попечителя и, повидимому, не предвидя еще своего окончательнаго паденія,—шлетъ на имя и. д. директора университета новое укоризненное предложеніе, въ которомъ ставитъ на видъ, что „издательный комитетъ опаздываетъ и не брежетъ къ своему дѣлу, ибо піесы содержатся, большею частью, единообразныя и не занимательныя", что „Казанскій Вѣстникъ время отъ времени дѣлается хуже и приноситъ одни нареканія и убытки университету", грозитъ членамъ комитета „измѣненіемъ правила, по которому раздѣляются между ими получаемыя за Вѣстникъ деньги" въ томъ случаѣ, если они „не обратятъ вниманія къ славѣ и пользѣ университета", и, наконецъ, указываетъ на возможность улучшенія дѣла изданія: „Издательный комитетъ,—заявляетъ Магницкій,—имѣетъ обильные источники, что бы представить публикѣ изда-

* Циркулярное обращеніе къ директорамъ училищъ было формулировано слѣдующимъ образомъ:

«Казанскій округъ, по чрезвычайной своей обширности, обнимаетъ цѣлыя страны, ознаменованныя важнѣйшими историческими происшествіями, имѣвшими вліяніе на благосостояніе государства нашего, страны, имѣющія совсѣмъ особенный, одна отъ другой, характеръ. Сибирь, Астрахань, Грузія и край Кавказскій—представляютъ наблюдательному взору обширное поле для историческихъ изысканій и разныхъ описаній.

Начальство университета, желая имѣть способъ удостовѣриться непреложнымъ доказательствомъ о ученыхъ трудахъ чиновниковъ округа и чрезъ то болѣе имѣть побужденій къ ходатайству о награжденіи трудолюбивѣйшихъ, поручаетъ вамъ предложить г.г. старшимъ учителямъ подвѣдомой вамъ гимназіи, что бъ они каждомѣсячно представляли, на имя издательнаго комитета, какое либо сочиненіе или переводъ, относящіеся къ словесности, исторіи, статистикѣ и проч.».

тета представляли какое либо сочиненіе, относящееся къ словесности, исторіи, статистикѣ и пр.", 3) Просить совѣтъ, „дабы онъ, принявъ съ своей стороны дѣятельное участіе въ изданіи Казанскаго Вѣстника, поручилъ каждому изъ г.г. профессоровъ и адъюнктовъ доставлять въ издательный комитетъ, по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ годъ, какое либо сочиненіе или переводъ", и 4) Просить распоряженія совѣта относительно доставленія въ комитетъ иностранныхъ журналовъ за 1823 и 1824 годы, такъ какъ въ нихъ содержатся „многія любопытныя ученыя статьи". Всѣ эти ходатайства совѣтомъ, въ засѣданіи того же 10-го января, опредѣлено было удовлетворить *.

Не помогло дѣлу и только что приведенное нами предположеніе о „подневольномъ" доставленіи для журнала матеріаловъ какъ чинами университета, такъ и педагогическимъ персоналомъ округа,—начинаніе, бывшее, какъ мы это знаемъ, не чуждымъ и руководителямъ блаженной памяти „Казанскихъ Извѣстій". Дѣло изданія „Казанскаго Вѣстника" не поправлялось и Магницкій 8-го апрѣля 1826 г.,—слѣдовательно всего за мѣсяцъ до увольненія отъ должности попечителя и, повидимому, не предвидя еще своего окончательнаго паденія,—шлетъ на имя и. д. директора университета новое укоризненное предложеніе, въ которомъ ставитъ на видъ, что „издательный комитетъ опаздываетъ и не брежетъ къ своему дѣлу, ибо піесы содержатся, большею частью, единообразныя и не занимательныя", что „Казанскій Вѣстникъ время отъ времени дѣлается хуже и приноситъ одни нареканія и убытки университету", грозитъ членамъ комитета „измѣненіемъ правила, по которому раздѣляются между ими получаемыя за Вѣстникъ деньги" въ томъ случаѣ, если они „не обратятъ вниманія къ славѣ и пользѣ университета", и, наконецъ, указываетъ на возможность улучшенія дѣла изданія: „Издательный комитетъ,—заявляетъ Магницкій,—имѣетъ обильные источники, что бы представить публикѣ изда-

* Циркулярное обращеніе къ директорамъ училищъ было формулировано слѣдующимъ образомъ:

«Казанскій округъ, по чрезвычайной своей обширности, обнимаетъ цѣлыя страны, ознаменованныя важнѣйшими историческими происшествіями, имѣвшими вліяніе на благосостояніе государства нашего, страны, имѣющія совсѣмъ особенный, одна отъ другой, характеръ. Сибирь, Астрахань, Грузія и край Кавказскій—представляютъ наблюдательному взору обширное поле для историческихъ изысканій и разныхъ описаній.

Начальство университета, желая имѣть способъ удостовѣриться непреложнымъ доказательствомъ о ученыхъ трудахъ чиновниковъ округа и чрезъ то болѣе имѣть побужденій къ ходатайству о награжденіи трудолюбивѣйшихъ, поручаетъ вамъ предложить г.г. старшимъ учителямъ подвѣдомой вамъ гимназіи, что бъ они каждомѣсячно представляли, на имя издательнаго комитета, какое либо сочиненіе или переводъ, относящіеся къ словесности, исторіи, статистикѣ и проч.».

ваемый имъ журналъ въ видѣ занимательномъ, ибо казанскій округъ вмѣщаетъ въ себѣ рѣдкія и весьма любопытныя свѣдѣнія и древности, а библіотека университетская каждогодно снабжается иностранными журналами и газетами".

Изъ попечительскаго предложенія относительно изданія „Казанскаго Вѣстника" (отъ 31-го мая 1820 г.) намъ уже извѣстно, что Магницкій,—совершенно, впрочемъ, произвольно,—далъ директору университета полномочіе выпускать при журналѣ особыя еженедѣльныя прибавленія. Такія „Прибавленія" въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ еженедѣльно и выпускались при Казанскомъ Вѣстникѣ", въ видѣ листковъ одинакаго съ журналомъ формата (in 8⁰), заключая въ себѣ иностранныя извѣстія, мѣстную хронику, сообщенія изъ другихъ городовъ округа и частныя объявленія. Эти „Прибавленія" представляли собою для обывателя, конечно, несравненно бо́льшій интересъ, нежели сухія и тенденціозно составляемыя книжки самого журнала, и въ редакцію послѣдняго нерѣдко заявлялись желанія подписываться на одни прибавленія, въ виду чего издательный комитетъ въ концѣ 1822 г. и возбудилъ ходатайство относительно разрѣшенія объявить на эти „Прибавленія" съ 1823 года отдѣльную отъ „Вѣстника" подписку, опредѣливъ подписную плату въ размѣрѣ 5-ти рублей. Магницкій возбудилъ въ министерствѣ соотвѣтствующее ходатайство, которое не только не встрѣтило здѣсь разрѣшенія въ положительномъ смыслѣ, но породило совершенно неожиданный вопросъ о самомъ правѣ на существованіе этихъ еженедѣльныхъ прибавленій, какъ не предусмотрѣнныхъ первоначальнымъ высочайшимъ соизволеніемъ на изданіе „Казанскаго Вѣстника". Не помогли дѣлу и два повторныя представленія Магницкаго о томъ же предметѣ и 19-го сентября 1823 г. послѣдовалъ окончательный и категорическій отказъ министра на ходатайство казанскаго попечителя, мотивированный тѣмъ, что отдѣльное отъ журнала изданіе прибавленій „совершенно походило бы на вѣдомости, печатавшіяся въ Казани подъ названіемъ Казанскихъ Извѣстій, каковыя, по признаніи ихъ безполезными, предположено замѣнить симъ самымъ журналомъ, издаваемымъ на лучшемъ основаніи, какъ было сказано въ самомъ представленіи вашемъ (т. е. попечителя) ко мнѣ". Съ начала 1824 года печатаніе „Прибавленій къ Казанскому Вѣстнику" въ силу этого прекратилось, будучи возобновлено лишь съ 1828 года и продолжаясь до конца 1834 года *, такъ что этимъ „Прибавленіямъ" было суждено почти на два года

* Издавались въ 1828 г.—in 8⁰, въ 1829—1832 г.г.—in 4⁰, въ 1833—1834 г.г.—in f⁰.

6

ваемый имъ журналъ въ видѣ занимательномъ, ибо казанскій округъ вмѣщаетъ въ себѣ рѣдкія и весьма любопытныя свѣдѣнія и древности, а библіотека университетская каждогодно снабжается иностранными журналами и газетами".

Изъ попечительскаго предложенія относительно изданія „Казанскаго Вѣстника" (отъ 31-го мая 1820 г.) намъ уже извѣстно, что Магницкій,—совершенно, впрочемъ, произвольно,—далъ директору университета полномочіе выпускать при журналѣ особыя еженедѣльныя прибавленія. Такія „Прибавленія" въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ еженедѣльно и выпускались при Казанскомъ Вѣстникѣ", въ видѣ листковъ одинакаго съ журналомъ формата (in 8°), заключая въ себѣ иностранныя извѣстія, мѣстную хронику, сообщенія изъ другихъ городовъ округа и частныя объявленія. Эти „Прибавленія" представляли собою для обывателя, конечно, несравненно бóльшій интересъ, нежели сухія и тенденціозно составляемыя книжки самого журнала, и въ редакцію послѣдняго нерѣдко заявлялись желанія подписываться на одни прибавленія, въ виду чего издательный комитетъ въ концѣ 1822 г. и возбудилъ ходатайство относительно разрѣшенія объявить на эти „Прибавленія" съ 1823 года отдѣльную отъ „Вѣстника" подписку, опредѣливъ подписную плату въ размѣрѣ 5-ти рублей. Магницкій возбудилъ въ министерствѣ соотвѣтствующее ходатайство, которое не только не встрѣтило здѣсь разрѣшенія въ положительномъ смыслѣ, но породило совершенно неожиданный вопросъ о самомъ правѣ на существованіе этихъ еженедѣльныхъ прибавленій, какъ не предусмотрѣнныхъ первоначальнымъ высочайшимъ соизволеніемъ на изданіе „Казанскаго Вѣстника". Не помогли дѣлу и два повторныя представленія Магницкаго о томъ же предметѣ и 19-го сентября 1823 г. послѣдовалъ окончательный и категорическій отказъ министра на ходатайство казанскаго попечителя, мотивированный тѣмъ, что отдѣльное отъ журнала изданіе прибавленій „совершенно походило бы на вѣдомости, печатавшіяся въ Казани подъ названіемъ Казанскихъ Извѣстій, каковыя, по признаніи ихъ безполезными, предположено замѣнить симъ самымъ журналомъ, издаваемымъ на лучшемъ основаніи, какъ было сказано въ самомъ представленіи вашемъ (т. е. попечителя) ко мнѣ". Съ начала 1824 года печатаніе „Прибавленій къ Казанскому Вѣстнику" въ силу этого прекратилось, будучи возобновлено лишь съ 1828 года и продолжаясь до конца 1834 года *, такъ что этимъ „Прибавленіямъ" было суждено почти на два года

* Издавались въ 1828 г.—in 8°, въ 1829—1832 г.г.—in 4°, въ 1833—1834 г.г.—in f°.

пережить самый „Вѣстникъ“, прекратившій свое существованіе съ наступленіемъ 1833 года.

Что бы покончить съ вопросомъ объ организаціи дѣла изданія „Казанскаго Вѣстника“, намъ остается сказать нѣсколько словъ о финансовой сторонѣ этого дѣла. Мы видѣли, что, на основаніи „правилъ изданія“ журнала, всѣ расходы по изданію падали на хозяйственныя суммы университета, съ постепеннымъ возвращеніемъ издержекъ лишь послѣ того, какъ доходъ отъ журнала достигнетъ суммы 5 тыс. рублей; до тѣхъ же поръ, а затѣмъ въ предѣлахъ этой суммы, прибыль подлежала распредѣленію, взамѣнъ гонорара, между членами издательнаго комитета, сообразно размѣру понесенныхъ каждымъ изъ нихъ трудовъ. Это чисто случайное вознагражденіе колебалось въ предѣлахъ довольно широкихъ. Такъ, за 1821 годъ высшій размѣръ его выпалъ на долю Городчанинова—649 р. 20½ коп., низшій на долю Пальмина, Булыгина и Грацинскаго—по 324 р. 60¼ коп.; за 1825 годъ высшій размѣръ вознагражденія достался Суровцову—667 р. 7¾ коп., низшій Булыгину—111 р. 74½ коп. *. Что касается бюджета журнала, то для характеристики его можетъ быть взятъ первый и лучшій (1821-й) годъ его, когда, при общей подписной суммѣ въ 2596 р. 82 коп., расходъ по изданію выразился въ суммѣ 2883 р. 4 коп.

Любопытно, что осенью 1826 года, слѣдовательно уже вскорѣ послѣ паденія Магницкаго, въ совѣтѣ университета возбуждался вопросъ о прекращеніи изданія „Казанскаго Вѣстника“, съ замѣною его прежними „Казанскими Извѣстіями“. Инціатива этого вопроса исходила отъ ректора Фукса, вошедшаго въ совѣтъ съ слѣдующимъ предложеніемъ отъ 11-го сентября:

„Издаваемый при нашемъ университетѣ Казанскій Вѣстникъ, при всей дѣятельности и учености г.г. членовъ издательнаго комитета, къ сожалѣнію не достигаетъ своей цѣли ни въ отношеніи къ публикѣ, ни въ отношеніи къ пользамъ университета. Главною причиною тому полагать должно то, что нынѣ слишкомъ увеличилось число журналовъ и газетныхъ листковъ, болѣе приноровленныхъ къ удовольствію и пользѣ всѣхъ состояній.

---

* Въ архивныхъ дѣлахъ по изданію »К. В.» сохранились погодныя табели напечатанныхъ статей, съ означеніемъ авторовъ ихъ. Эти табели представляютъ крупный библіографическій интересъ въ виду того, что въ самомъ журналѣ статьи большею частью печатались безъ указанія авторовъ или переводчиковъ. Онѣ воспроизведены Н. П. Лихачевымъ въ приложеніяхъ (см. приложенія подъ №№ 27—29, 43 и 44) къ цитированному нами выше труду его по исторіи «Казанскаго Вѣстника».

пережить самый „Вѣстникъ“, прекратившій свое существованіе съ наступленіемъ 1833 года.

Что бы покончить съ вопросомъ объ организаціи дѣла изданія „Казанскаго Вѣстника“, намъ остается сказать нѣсколько словъ о финансовой сторонѣ этого дѣла. Мы видѣли, что, на основаніи „правилъ изданія“ журнала, всѣ расходы по изданію падали на хозяйственныя суммы университета, съ постепеннымъ возвращеніемъ издержекъ лишь послѣ того, какъ доходъ отъ журнала достигнетъ суммы 5 тыс. рублей; до тѣхъ же поръ, а затѣмъ въ предѣлахъ этой суммы, прибыль подлежала распредѣленію, взамѣнъ гонорара, между членами издательнаго комитета, сообразно размѣру понесенныхъ каждымъ изъ нихъ трудовъ. Это чисто случайное вознагражденіе колебалось въ предѣлахъ довольно широкихъ. Такъ, за 1821 годъ высшій размѣръ его выпалъ на долю Городчанинова—649 р. $20^1/_2$ коп., низшій на долю Пальмина, Булыгина и Грацинскаго—по 324 р. $60^1/_4$ коп,; за 1825 годъ высшій размѣръ вознагражденія достался Суровцову—667 р. $7^3/_4$ коп., низшій Булыгину—111 р. $74^1/_2$ коп. *. Что касается бюджета журнала, то для характеристики его можетъ быть взятъ первый и лучшій (1821-й) годъ его, когда, при общей подписной суммѣ въ 2596 р. 82 коп., расходъ по изданію выразился въ суммѣ 2883 р. 4 коп.

Любопытно, что осенью 1826 года, слѣдовательно уже вскорѣ послѣ паденія Магницкаго, въ совѣтѣ университета возбуждался вопросъ о прекращеніи изданія „Казанскаго Вѣстника“, съ замѣною его прежними „Казанскими Извѣстіями“. Инціатива этого вопроса исходила отъ ректора Фукса, вошедшаго въ совѣтъ съ слѣдующимъ предложеніемъ отъ 11-го сентября:

„Издаваемый при нашемъ университетѣ Казанскій Вѣстникъ, при всей дѣятельности и учености г.г. членовъ издательнаго комитета, къ сожалѣнію не достигаетъ своей цѣли ни въ отношеніи къ публикѣ, ни въ отношеніи къ пользамъ университета. Главною причиною тому полагать должно то, что нынѣ слишкомъ увеличилось число журналовъ и газетныхъ листковъ, болѣе приноровленныхъ къ удовольствію и пользѣ всѣхъ состояній.

---

* Въ архивныхъ дѣлахъ по изданію «К. В.» сохранились погодныя табели напечатанныхъ статей, съ означеніемъ авторовъ ихъ. Эти табели представляютъ крупный библіографическій интересъ въ виду того, что въ самомъ журналѣ статьи большею частью печатались безъ указанія авторовъ или переводчиковъ. Онѣ воспроизведены Н. П. Лихачевымъ въ приложеніяхъ (см. приложенія подъ №№ 27—29, 43 и 44) къ цитированному нами выше труду его по исторіи «Казанскаго Вѣстника».

Почему предлагаю совѣту Императорскаго Казанскаго университета на его разсужденіе—не будетъ ли признано за полезнѣйшее издавать, вмѣсто Вѣстника, по прежнему Казанскія Извѣстія, въ коихъ бы помѣщались распоряженія начальства, статьи, касающіяся до наукъ, искусствъ, ремеслъ и новыхъ по онымъ открытій, разныя объявленія отъ присутственныхъ мѣстъ и частныхъ лицъ и пр. Ежели сіе предположеніе мое будетъ принято совѣтомъ, то предлагаю составить планъ Казанскимъ Извѣстіямъ и представить оный г. министру народнаго просвѣщенія на утвержденіе".

Совѣтъ вполнѣ присоединился къ этому предположенію, возложивъ на проф. Суровцова выработку „плана" возстановляемаго изданія. Суровцовъ не замедлилъ выполненіемъ этого порученія; представленный имъ планъ 28-го того же сентября совѣтомъ утвержденъ, 18-го октября отправлено соотвѣтствующее представленіе министру—но дальнѣйшаго движенія дѣло о возобновленіи „Казанскихъ Извѣстій" не получило [12].

Нашъ разсказъ о начинаніяхъ въ области университетской повременной печати былъ бы не полонъ, если бы мы не коснулись еще одного предположенія въ этомъ направленіи. Это—вопросъ о печатаніи ученыхъ записокъ по университету и округу. Мы уже знакомы съ дѣятельностью университета по сосредоточенію и систематизаціи свѣдѣній научнаго характера, подъ именемъ „ученыхъ записокъ" поступавшихъ въ него, въ силу § 52-го училищнаго устава, изъ училищъ округа. Мы видѣли, что для этой цѣли въ 1816 году образованъ былъ при университетѣ особый „комитетъ для веденія ученыхъ записокъ", что въ 1818—1820 годахъ возбуждался даже вопросъ объ изданіи этихъ ученыхъ записокъ въ видѣ ежегоднаго повременнаго сборника—начинаніе, осуществленію котораго поставлена была Магницкимъ преграда въ лицѣ начавшагося изданіемъ „Казанскаго Вѣстника" *. Вопросъ объ „ученыхъ запискахъ" совершенно заглохъ въ эпоху попечительства Магницкаго, да едва ли и продолжали онѣ поступать изъ терроризированныхъ попечителемъ училищъ округа, какъ объ этомъ можно судить по приведенному нами выше циркулярному обращенію къ директорамъ училищъ, предпринятому издателями „Казанскаго Вѣстника", при которомъ данныя этого рода должны были теперь концентрироваться. Впрочемъ, дѣло о доставленіи изъ округа „ученыхъ записокъ" получило въ 1821 году еще новый оборотъ. Въ этомъ году при министерствѣ народнаго просвѣщенія, взамѣнъ жур-

* См. томъ II, стр. 232—243.

Почему предлагаю совѣту Императорскаго Казанскаго университета на его разсужденіе—не будетъ ли признано за полезнѣйшее издавать, вмѣсто Вѣстника, по прежнему Казанскія Извѣстія, въ коихъ бы помѣщались распоряженія начальства, статьи, касающіяся до наукъ, искусствъ, ремеслъ и новыхъ по онымъ открытій, разныя объявленія отъ присутственныхъ мѣстъ и частныхъ лицъ и пр. Ежели сіе предположеніе мое будетъ принято совѣтомъ, то предлагаю составить планъ Казанскимъ Извѣстіямъ и представить оный г. министру народнаго просвѣщенія на утвержденіе".

Совѣтъ вполнѣ присоединился къ этому предположенію, возложивъ на проф. Суровцова выработку „плана" возстановляемаго изданія. Суровцовъ не замедлилъ выполненіемъ этого порученія; представленный имъ планъ 28-го того же сентября совѣтомъ утвержденъ, 18-го октября отправлено соотвѣтствующее представленіе министру—но дальнѣйшаго движенія дѣло о возобновленіи „Казанскихъ Извѣстій" не получило [12].

Нашъ разсказъ о начинаніяхъ въ области университетской повременной печати былъ бы не полонъ, если бы мы не коснулись еще одного предположенія въ этомъ направленіи. Это—вопросъ о печатаніи ученыхъ записокъ по университету и округу. Мы уже знакомы съ дѣятельностью университета по сосредоточенію и систематизаціи свѣдѣній научнаго характера, подъ именемъ „ученыхъ записокъ" поступавшихъ въ него, въ силу § 52-го училищнаго устава, изъ училищъ округа. Мы видѣли, что для этой цѣли въ 1816 году образованъ былъ при университетѣ особый „комитетъ для веденія ученыхъ записокъ", что въ 1818—1820 годахъ возбуждался даже вопросъ объ изданіи этихъ ученыхъ записокъ въ видѣ ежегоднаго повременнаго сборника—начинаніе, осуществленію котораго поставлена была Магницкимъ преграда въ лицѣ начавшагося изданіемъ „Казанскаго Вѣстника" *. Вопросъ объ „ученыхъ запискахъ" совершенно заглохъ въ эпоху попечительства Магницкаго, да едва ли и продолжали онѣ поступать изъ терроризированныхъ попечителемъ училищъ округа, какъ объ этомъ можно судить по приведенному нами выше циркулярному обращенію къ директорамъ училищъ, предпринятому издателями „Казанскаго Вѣстника", при которомъ данныя этого рода должны были теперь концентрироваться. Впрочемъ, дѣло о доставленіи изъ округа „ученыхъ записокъ" получило въ 1821 году еще новый оборотъ. Въ этомъ году при министерствѣ народнаго просвѣщенія, взамѣнъ жур-

* См. томъ II, стр. 232—243.

нала „Періодическое сочиненіе“, предпринято было изданіе „Журнала департамента народнаго просвѣщенія“ (1821—1823 г.г.) и департаментъ въ началѣ мая обратился къ попечителю округа съ предложеніемъ потребовать отъ училищнаго персонала округа доставленія для журнала „извѣстій по учебной части, описаній чрезвычайныхъ какихъ происшествій, свѣдѣній достойныхъ вниманія, и тому подобнаго“. Отрицательный результатъ этого начинанія намъ уже извѣстенъ.

Вопросъ о печатаніи университетскихъ „ученыхъ записокъ“,—но уже на основаніяхъ совершенно отличныхъ отъ предположеній, существовавшихъ на этотъ счетъ въ 1818—1820 годахъ,—возникъ осенью 1825 года въ отдѣленіи физико-математическихъ наукъ, по почину декана этого отдѣленія И. М. Симонова, какъ свидѣтельствуетъ о томъ слѣдующее представленіе совѣту отъ 30-го сентября, возстановляющее и самыя основанія этого факультетскаго предположенія:

„Въ засѣданіи отдѣленія физико-математическихъ наукъ 29-го сентября сего года г. деканъ онаго, ординарный профессоръ и кавалеръ Симоновъ, предложилъ объ издаваніи на французскомъ и латинскомъ языкахъ ученыхъ записокъ, кои должны состоять изъ одного тома оригинальныхъ сочиненій въ четвертую долю листа ежегодно, съ тѣмъ, что бы каждый членъ факультета доставилъ въ оный по крайней мѣрѣ одно сочиненіе или какія наблюденія и опыты касательно наукъ физическихъ и естественныхъ, также сочиненія относительно до топографическаго, историческаго, географическаго и статистическаго описанія тѣхъ земель Россіи, кои или мало извѣстны, или чрезвычайно любопытны для ученаго свѣта.

При семъ г. ректоръ университета (т. е. проф. Фуксъ), присутствовавшій въ семъ засѣданіи, объявилъ, что онъ, съ своей стороны, представитъ въ семъ году для напечатанія въ предполагаемыхъ ученыхъ запискахъ свое сочиненіе: „Путешествіе къ Булгарскимъ развалинамъ“, и еще другое, къ 1-му числу апрѣля 1826 года: „Статистическое обозрѣніе города Казани“. Господинъ деканъ факультета обѣщалъ доставить въ нынѣшнемъ году свое сочиненіе: „О колебаніи ртути въ барометрѣ въ мѣстахъ тропическихъ“, а г. профессоръ Лобачевскій, съ своей стороны, сообщилъ два сочиненія, относящіяся до чистой математики.

Отдѣленіе, находя сіе предложеніе весьма полезнымъ, полагаетъ:

1. Просить членовъ физико-математическаго факультета доставить въ оный по крайней мѣрѣ по одному сочиненію къ 1-му числу января 1826 года, дабы возможно было успѣть напечатать томъ сихъ сочиненій къ лѣтнему собранію будущаго года.

нала „Періодическое сочиненіе“, предпринято было изданіе „Журнала департамента народнаго просвѣщенія“ (1821—1823 г.г.) и департаментъ въ началѣ мая обратился къ попечителю округа съ предложеніемъ потребовать отъ училищнаго персонала округа доставленія для журнала „извѣстій по учебной части, описаній чрезвычайныхъ какихъ происшествій, свѣдѣній достойныхъ вниманія, и тому подобнаго“. Отрицательный результатъ этого начинанія намъ уже извѣстенъ.

Вопросъ о печатаніи университетскихъ „ученыхъ записокъ“,—но уже на основаніяхъ совершенно отличныхъ отъ предположеній, существовавшихъ на этотъ счетъ въ 1818—1820 годахъ,—возникъ осенью 1825 года въ отдѣленіи физико-математическихъ наукъ, по почину декана этого отдѣленія И. М. Симонова, какъ свидѣтельствуетъ о томъ слѣдующее представленіе совѣту отъ 30-го сентября, возстановляющее и самыя основанія этого факультетскаго предположенія:

„Въ засѣданіи отдѣленія физико-математическихъ наукъ 29-го сентября сего года г. деканъ онаго, ординарный профессоръ и кавалеръ Симоновъ, предложилъ объ издаваніи на французскомъ и латинскомъ языкахъ ученыхъ записокъ, кои должны состоять изъ одного тома оригинальныхъ сочиненій въ четвертую долю листа ежегодно, съ тѣмъ, что бы каждый членъ факультета доставилъ въ оный по крайней мѣрѣ одно сочиненіе или какія наблюденія и опыты касательно наукъ физическихъ и естественныхъ, также сочиненія относительно до топографическаго, историческаго, географическаго и статистическаго описанія тѣхъ земель Россіи, кои или мало извѣстны, или чрезвычайно любопытны для ученаго свѣта.

При семъ г. ректоръ университета (т. е. проф. Фуксъ), присутствовавшій въ семъ засѣданіи, объявилъ, что онъ, съ своей стороны, представитъ въ семъ году для напечатанія въ предполагаемыхъ ученыхъ запискахъ свое сочиненіе: „Путешествіе къ Булгарскимъ развалинамъ“, и еще другое, къ 1-му числу апрѣля 1826 года: „Статистическое обозрѣніе города Казани“. Господинъ деканъ факультета обѣщалъ доставить въ нынѣшнемъ году свое сочиненіе: „О колебаніи ртути въ барометрѣ въ мѣстахъ тропическихъ“, а г. профессоръ Лобачевскій, съ своей стороны, сообщилъ два сочиненія, относящіяся до чистой математики.

Отдѣленіе, находя сіе предложеніе весьма полезнымъ, полагаетъ:

1. Просить членовъ физико-математическаго факультета доставить въ оный по крайней мѣрѣ по одному сочиненію къ 1-му числу января 1826 года, дабы возможно было успѣть напечатать томъ сихъ сочиненій къ лѣтнему собранію будущаго года.

2. Факультетъ, желая что бъ члены и другихъ отдѣленій участвовали въ семъ полезномъ дѣлѣ, проситъ совѣтъ университета о содѣйствіи въ ономъ.

3. Доставлять непремѣнно ежегодно по одному сочиненію.

4. Назначивъ редакторами сихъ изданій, съ собственнаго согласія: г. профессора Лобачевскаго—по математикѣ, г. профессора Симонова—по астрономіи, г. профессора Купфера—по естественнымъ наукамъ, и г. адъюнкта Краузе—по предметамъ историческимъ, географическимъ и статистическимъ, поручить имъ представить въ факультетъ 6-го числа октября сего года планъ сихъ изданій, и—

5. Просить совѣтъ, что бы представилъ г. попечителю казанскаго учебнаго округа о позволеніи печатать таковыя сочиненія на счетъ хозяйственныхъ суммъ университета, съ его одобренія, и просить его превосходительство объ учрежденіи при университетской типографіи литографіи и объ улучшеніи самой типографіи въ разсужденіи шрифтовъ латинскихъ и россійскихъ, равно и знаковъ".

Препровожденное на усмотрѣніе попечители, это представленіе оставлено было Магницкимъ безъ всякаго движенія и идея Симонова нашла себѣ осуществленіе лишь девятью годами позже, когда, съ 1834-го года, началось продолжающееся и понынѣ изданіе университетомъ своего журнала—„Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета". Безучастіе Магницкаго къ университетскому научно-литературному начинанію не должно насъ удивлять: попечитель не могъ не усмотрѣть въ немъ выраженія затаенной оппозиціи противъ единолично и такъ неудачно основаннаго имъ „Казанскаго Вѣстника" [13].

Продолжая обозрѣніе чертъ духовно-умственной жизни казанскаго университета эпохи попечительства Магницкаго и слѣдуя, по возможности, постепенности изложенія, которой держались въ III-ей главѣ второй части нашего труда, мы перейдемъ въ настоящее время къ положенію университетскаго книгопечатнаго и цензурнаго дѣла на протяженіи семилѣтія, обнимаемаго этою мрачною въ исторіи нашего университетета эпохою.

Университетское типографское дѣло въ эпоху Магницкаго не подверглось никакимъ сколько нибудь выдающимся измѣненіямъ или новшествамъ, какія выпали за эти годы на долю другихъ сторонъ и проявленій внутренней жизни университета. Мы знаемъ, что Магницкій засталъ здѣсь двѣ университетскія типографіи,—русскую и „азіатскую",—носившія характеръ совершенно самостоятельныхъ учрежденій и вопросъ относительно сліянія которыхъ въ одно цѣлое возбужденъ былъ

2. Факультетъ, желая что бъ члены и другихъ отдѣленій участвовали въ семъ полезномъ дѣлѣ, проситъ совѣтъ университета о содѣйствіи въ ономъ.

3. Доставлять непремѣнно ежегодно по одному сочиненію.

4. Назначивъ редакторами сихъ изданій, съ собственнаго согласія: г. профессора Лобачевскаго—по математикѣ, г. профессора Симонова—по астрономіи, г. профессора Купфера—по естественнымъ наукамъ, и г. адъюнкта Краузе—по предметамъ историческимъ, географическимъ и статистическимъ, поручить имъ представить въ факультетъ 6-го числа октября сего года планъ сихъ изданій, и—

5. Просить совѣтъ, что бы представилъ г. попечителю казанскаго учебнаго округа о позволеніи печатать таковыя сочиненія на счетъ хозяйственныхъ суммъ университета, съ его одобренія, и просить его превосходительство объ учрежденіи при университетской типографіи литографіи и объ улучшеніи самой типографіи въ разсужденіи шрифтовъ латинскихъ и россійскихъ, равно и знаковъ".

Препровожденное на усмотрѣніе попечители, это представленіе оставлено было Магницкимъ безъ всякаго движенія и идея Симонова нашла себѣ осуществленіе лишь девятью годами позже, когда, съ 1834-го года, началось продолжающееся и понынѣ изданіе университетомъ своего журнала—„Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета". Безучастіе Магницкаго къ университетскому научно-литературному начинанію не должно насъ удивлять: попечитель не могъ не усмотрѣть въ немъ выраженія затаенной оппозиціи противъ единолично и такъ неудачно основаннаго имъ „Казанскаго Вѣстника" [13].

Продолжая обозрѣніе чертъ духовно-умственной жизни казанскаго университета эпохи попечительства Магницкаго и слѣдуя, по возможности, постепенности изложенія, которой держались въ III-ей главѣ второй части нашего труда, мы перейдемъ въ настоящее время къ положенію университетскаго книгопечатнаго и цензурнаго дѣла на протяженіи семилѣтія, обнимаемаго этою мрачною въ исторіи нашего университетета эпохою.

Университетское типографское дѣло въ эпоху Магницкаго не подверглось никакимъ сколько нибудь выдающимся измѣненіямъ или новшествамъ, какія выпали за эти годы на долю другихъ сторонъ и проявленій внутренней жизни университета. Мы знаемъ, что Магницкій засталъ здѣсь двѣ университетскія типографіи,—русскую и „азіатскую",—носившія характеръ совершенно самостоятельныхъ учрежденій и вопросъ относительно слиянія которыхъ въ одно цѣлое возбужденъ былъ

въ совѣтѣ какъ разъ въ ту пору, когда Магницкій, закончивъ грозную ревизію свою, уже подготовлялъ основы задуманнаго имъ „обновленія" казанскаго университета. Магницкій, какъ мы видѣли, оказался не только рѣшительнымъ противникомъ такого слiянія, которое, въ силу этого, и получило осуществленіе лишь въ 1829 году, уже въ начальные годы попечительства Мусина-Пушкина, но осенью 1821 года возбудилъ даже вопросъ о совершенномъ упраздненіи при университетѣ азіятской типографіи, путемъ продажи ея магометанскому духовному вѣдомству *. Вопросъ этотъ возникъ вслѣдствіе полученія попечителемъ, для министерства народнаго просвѣщенія, двухъ экземпляровъ алкорана, отпечатаннаго въ азіятской типографіи университета. Препровождая министру эти экземпляры при представленіи отъ 8-го ноября 1821 года, Магницкій почелъ удобнымъ тутъ же войти къ князю Голицину съ слѣдующими соображеніями:

> „При семъ долгомъ считаю изъяснить: въ бытность мою еще въ Казани я принялъ въ примѣчаніе печатаніе сего рода книгъ, но, не осмотрясь еще тогда совершенно въ дѣла, упомянулъ о семъ въ отчетѣ моемъ побочнымъ образомъ. По вступленіи въ настоящую должность я обратилъ ближайшее вниманіе на сей предметъ и нашелъ нужнымъ затруднить сіе печатаніе возвышеніемъ цѣны, въ чемъ и успѣлъ, но успѣхъ сей только тѣмъ ограничился, что университету прибавился доходъ. Находя, между тѣмъ, вовсе не благоприличнымъ, что христіанскій университетъ служитъ орудіемъ къ распространенію лжеученія Магометова, я бы полагалъ продать татарскую типографію университета духовному магометанскому вѣдомству, съ тѣмъ, что бы она оставалась подъ ценсурою университета и печатала, по особому договору, учебныя для него книги".

Предположеніе казанскаго попечителя не встрѣтило себѣ со стороны министра сочувствія и князь Голицинъ увѣдомилъ Магницкаго отъ 26-го того же ноября, что находитъ „типографію сію передавать въ вѣдомство магометанскаго духовенства неудобнымъ по той причинѣ, что она состоитъ въ зависимости университета вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія" и что „университетскому начальству остается только наблюдать, что бъ не было печатаемо алкорановъ болѣе настоящей ихъ потребности"; въ этомъ послѣднемъ смыслѣ правленію университета и было попечителемъ сдѣлано соотвѣтственное указаніе [14].

Въ эпоху попечительства Магницкаго, — цинично заявлявшаго, что

* См. томъ II, стр. 332—347.

въ совѣтѣ какъ разъ въ ту пору, когда Магницкій, закончивъ грозную ревизію свою, уже подготовлялъ основы задуманнаго имъ „обновленія“ казанскаго университета. Магницкій, какъ мы видѣли, оказался не только рѣшительнымъ противникомъ такого слiянія, которое, въ силу этого, и получило осуществленіе лишь въ 1829 году, уже въ начальные годы попечительства Мусина-Пушкина, но осенью 1821 года возбудилъ даже вопросъ о совершенномъ упраздненіи при университетѣ азіятской типографіи, путемъ продажи ея магометанскому духовному вѣдомству *. Вопросъ этотъ возникъ вслѣдствіе полученія попечителемъ, для министерства народнаго просвѣщенія, двухъ экземпляровъ алкорана, отпечатаннаго въ азіятской типографіи университета. Препровождая министру эти экземпляры при представленіи отъ 8-го ноября 1821 года, Магницкій почелъ удобнымъ тутъ же войти къ князю Голицину съ слѣдующими соображеніями:

„При семъ долгомъ считаю изъяснить: въ бытность мою еще въ Казани я принялъ въ примѣчаніе печатаніе сего рода книгъ, но, не осмотрясь еще тогда совершенно въ дѣла, упомянулъ о семъ въ отчетѣ моемъ побочнымъ образомъ. По вступленіи въ настоящую должность я обратилъ ближайшее вниманіе на сей предметъ и нашелъ нужнымъ затруднить сіе печатаніе возвышеніемъ цѣны, въ чемъ и успѣлъ, но успѣхъ сей только тѣмъ ограничился, что университету прибавился доходъ. Находя, между тѣмъ, вовсе не благоприличнымъ, что христіанскій университетъ служитъ орудіемъ къ распространенію лжеученія Магометова, я бы полагалъ продать татарскую типографію университета духовному магометанскому вѣдомству, съ тѣмъ, что бы она оставалась подъ цензурою университета и печатала, по особому договору, учебныя для него книги“.

Предположеніе казанскаго попечителя не встрѣтило себѣ со стороны министра сочувствія и князь Голицинъ увѣдомилъ Магницкаго отъ 26-го того же ноября, что находитъ „типографію сію передавать въ вѣдомство магометанскаго духовенства неудобнымъ по той причинѣ, что она состоитъ въ зависимости университета вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія“ и что „университетскому начальству остается только наблюдать, что бъ не было печатаемо алкорановъ болѣе настоящей ихъ потребности“; въ этомъ послѣднемъ смыслѣ правленію университета и было попечителемъ сдѣлано соотвѣтственное указаніе [14].

Въ эпоху попечительства Магницкаго, — цинично заявлявшаго, что

* См. томъ II, стр. 332—347.

„свобода книгопечатанія есть ничто иное, какъ безпрепятственное волненіе и необузданность мнѣнія общественнаго, то есть труба для глаголовъ князя тьмы, какъ можно болѣе широкая, громкая и всегда отверзтая“ (см. томъ III, стр. 466—467),—мы едва ли вправѣ были бы искать особенныхъ начальственныхъ заботъ о лучшей постановкѣ университетскаго типографскаго дѣла. А состояніе этого послѣдняго успѣло прійти въ большой упадокъ, какъ наглядно свидѣтельствуютъ намъ изданія того времени, въ особенности же журналъ „Казанскій Вѣстникъ“, какъ свидѣтельствуютъ о томъ же и соотвѣтствующія дѣла университетскаго архива. Въ 1824—1826 годахъ создалось цѣлое „дѣло о выпискѣ новыхъ шрифтовъ, матрицъ и гарту для типографіи императорскаго казанскаго университета“. Исходнымъ пунктомъ этого дѣла явилось представленіе директора университета на имя попечителя, отъ 19-го мая 1824 г., о томъ, что „буквы, которыми печатается Казанскій Вѣстникъ, такъ стерлись, что къ концу сего года могутъ сдѣлаться вовсе неспособными къ печатанію, въ чемъ удостовѣряетъ и факторъ Вейнеръ“; для „отвращенія сего важнаго недостатка“ директоръ призналъ необходимымъ „выписать лучшія буквы и матрицы и достаточное количество гарту на отливку буквъ“, а также заказать „фигурный станъ“. Начались сношенія по этому поводу съ различными столичными типографіями, выяснившія, съ одной стороны — трудность сдѣлать необходимый заказъ, а съ другой стороны—сопряженныя съ послѣднимъ финансовыя затрудненія: общая цифра заказа была исчислена въ суммѣ до 8-ми тыс. рублей, тогда какъ свободной типографской суммы оказалось на лицо всего около 2-хъ тысячъ. Волею-неволею пришлось ограничиться чисто палліативными мѣрами поддержанія типографіи, не прибѣгая къ улучшеніямъ болѣе капитальнаго характера.

Возбуждался и вопросъ объ учрежденіи при университетской типографіи литографіи, искусства въ ту пору еще сравнительно новаго, поднятый весною 1825-го года самимъ Магницкимъ, въ виду письма къ нему преподавателя рисованія Крюкова, въ которомъ послѣдній ходатайствовалъ о пріобрѣтеніи необходимыхъ литографскихъ принадлежностей, предполагая съ помощью ихъ „сдѣлать опытъ“, который „былъ бы въ силахъ оказать въ непродолжительномъ времени пользу университету“. Совѣтъ, съ своей стороны, призналъ учрежденіе литографіи „весьма нужнымъ“, но предположеніе это не состоялось, такъ какъ „г. министръ заведеніе литографіи при казанскомъ университетѣ почелъ излишнимъ“.

Довольно рано завелось при казанскомъ университетѣ весьма недурно поставленное граверное дѣло, хотя и чисто спеціальнаго назначенія—

„свобода книгопечатанія есть ничто иное, какъ безпрепятственное волненіе и необузданность мнѣнія общественнаго, то есть труба для глаголовъ князя тьмы, какъ можно болѣе широкая, громкая и всегда отверзтая“ (см. томъ III, стр. 466—467),—мы едва ли вправѣ были бы искать особенныхъ начальственныхъ заботъ о лучшей постановкѣ университетскаго типографскаго дѣла. А состояніе этого послѣдняго успѣло прійти въ большой упадокъ, какъ наглядно свидѣтельствуютъ намъ изданія того времени, въ особенности же журналъ „Казанскій Вѣстникъ“, какъ свидѣтельствуютъ о томъ же и соотвѣтствующія дѣла университетскаго архива. Въ 1824—1826 годахъ создалось цѣлое „дѣло о выпискѣ новыхъ шрифтовъ, матрицъ и гарту для типографіи императорскаго казанскаго университета“. Исходнымъ пунктомъ этого дѣла явилось представленіе директора университета на имя попечителя, отъ 19-го мая 1824 г., о томъ, что „буквы, которыми печатается Казанскій Вѣстникъ, такъ стерлись, что къ концу сего года могутъ сдѣлаться вовсе неспособными къ печатанію, въ чемъ удостовѣряетъ и факторъ Вейнеръ“; для „отвращенія сего важнаго недостатка“ директоръ призналъ необходимымъ „выписать лучшія буквы и матрицы и достаточное количество гарту на отливку буквъ“, а также заказать „фигурный станъ“. Начались сношенія по этому поводу съ различными столичными типографіями, выяснившія, съ одной стороны — трудность сдѣлать необходимый заказъ, а съ другой стороны—сопряженныя съ послѣднимъ финансовыя затрудненія: общая цифра заказа была исчислена въ суммѣ до 8-ми тыс. рублей, тогда какъ свободной типографской суммы оказалось на лицо всего около 2-хъ тысячъ. Волею-неволею пришлось ограничиться чисто палліативными мѣрами поддержанія типографіи, не прибѣгая къ улучшеніямъ болѣе капитальнаго характера.

Возбуждался и вопросъ объ учрежденіи при университетской типографіи литографіи, искусства въ ту пору еще сравнительно новаго, поднятый весною 1825-го года самимъ Магницкимъ, въ виду письма къ нему преподавателя рисованія Крюкова, въ которомъ послѣдній ходатайствовалъ о пріобрѣтеніи необходимыхъ литографскихъ принадлежностей, предполагая съ помощью ихъ „сдѣлать опытъ“, который „былъ бы въ силахъ оказать въ непродолжительномъ времени пользу университету“. Совѣтъ, съ своей стороны, призналъ учрежденіе литографіи „весьма нужнымъ“, но предположеніе это не состоялось, такъ какъ „г. министръ заведеніе литографіи при казанскомъ университетѣ почелъ излишнимъ“.

Довольно рано завелось при казанскомъ университетѣ весьма недурно поставленное граверное дѣло, хотя и чисто спеціальнаго назначенія—

для гравированія снимковъ съ восточныхъ монетъ. Насадителемъ въ Казани этого искусства явился еврей Леви Кальмеръ (онъ же Леонъ Кальмонъ), по настоянію проф. Френа въ 1815 году на собственный счетъ вызванный изъ Нижняго-Новгорода профессоромъ Фуксомъ, для гравированія снимковъ съ наиболѣе любопытныхъ экземпляровъ его замѣчательной коллекціи восточныхъ монетъ, обработку которой принялъ на себя Френъ. Въ теченіи трехъ лѣтъ Кальмеръ „съ величайшею добросовѣстностью“ выгравировалъ на 18-ти мѣдныхъ доскахъ изображенія 355-ти монетъ изъ нумизматическаго собранія Фукса (почти исключительно джучидскихъ), которыя впослѣдствіе и были приложены къ извѣстному труду Френа: „Die Münzen der Chane vom Ulus Dschutschi's etc.“ (Спб., 1832). Ученикомъ Кальмера явился въ Казани шкловскій мѣщанинъ Борисъ Озерскій, въ 1826 г. ходатайствовавшій о выдачѣ ему аттестата въ удостовѣреніе доброкачественности дѣлавшихся имъ, по порученію университета, гравированныхъ снимковъ съ древнихъ монетъ.

Обращаясь къ продуктивности обѣихъ университетскихъ типографій за время попечительства Магницкаго, мы не можемъ признать ее сколько нибудь значительною, а тѣмъ менѣе признать ее прогрессивною въ сравненіи съ предшествовавшими годами жизни университета. По цитировавшимся уже нами въ свое время даннымъ академика Б. А. Дорна, за интересующую насъ эпоху, присоединяя къ ней даже и первые три года, слѣдовавшіе за паденіемъ Магницкаго (до 1829 г.), со станковъ азіятской типографіи сошло всего 13 изданій на восточныхъ языкахъ. Со станковъ русской типографіи за время 1819—1826 годовъ сошло—62 названія изданій (противъ 114-ти названій за 1809—1818 годы); исключая изъ этой цифры отдѣльные оттиски изъ другихъ изданій, а также разнаго рода отчеты и случайные листки, не представляющіе научно-литературнаго интереса, мы будемъ имѣть на лицо не болѣе 25 названій изданій болѣе или менѣе самостоятельнаго литературнаго характера [15].

Цензурная дѣятельность казанскаго университета, которая олицетворялась въ особомъ цензурномъ комитетѣ, составлявшемся изъ декановъ всѣхъ отдѣленій, особенною мягкостью не отличалась, какъ мы это уже видѣли, и въ предшестовавшіе Магницкому годы жизни университета, нагляднымъ доказательствомъ чему служатъ почти десять, изъ общаго количества просмотрѣнныхъ сочиненій, процентовъ трудовъ, безусловно не допущенныхъ ею къ печати *. Послѣднее пятилѣтіе царство-

---

* См. томъ II, стр. 349—361.

для гравированія снимковъ съ восточныхъ монетъ. Насадителемъ въ Казани этого искусства явился еврей Леви Кальмеръ (онъ же Леонъ Кальмонъ), по настоянію проф. Френа въ 1815 году на собственный счетъ вызванный изъ Нижняго-Новгорода профессоромъ Фуксомъ, для гравированія снимковъ съ наиболѣе любопытныхъ экземпляровъ его замѣчательной коллекціи восточныхъ монетъ, обработку которой принялъ на себя Френъ. Въ теченіи трехъ лѣтъ Кальмеръ „съ величайшею добросовѣстностью“ выгравировалъ на 18-ти мѣдныхъ доскахъ изображенія 355-ти монетъ изъ нумизматическаго собранія Фукса (почти исключительно джучидскихъ), которыя впослѣдствіе и были приложены къ извѣстному труду Френа: „Die Münzen der Chane vom Ulus Dschutschi's etc.“ (Спб., 1832). Ученикомъ Кальмера явился въ Казани шкловскій мѣщанинъ Борисъ Озерскій, въ 1826 г. ходатайствовавшій о выдачѣ ему аттестата въ удостовѣреніе доброкачественности дѣлавшихся имъ, по порученію университета, гравированныхъ снимковъ съ древнихъ монетъ.

Обращаясь къ продуктивности обѣихъ университетскихъ типографій за время попечительства Магницкаго, мы не можемъ признать ее сколько нибудь значительною, а тѣмъ менѣе признать ее прогрессивною въ сравненіи съ предшествовавшими годами жизни университета. По цитировавшимся уже нами въ свое время даннымъ академика Б. А. Дорна, за интересующую насъ эпоху, присоединяя къ ней даже и первые три года, слѣдовавшіе за паденіемъ Магницкаго (до 1829 г.), со станковъ азіятской типографіи сошло всего 13 изданій на восточныхъ языкахъ. Со станковъ русской типографіи за время 1819—1826 годовъ сошло—62 названія изданій (противъ 114-ти названій за 1809—1818 годы); исключая изъ этой цифры отдѣльные оттиски изъ другихъ изданій, а также разнаго рода отчеты и случайные листки, не представляющіе научно-литературнаго интереса, мы будемъ имѣть на лицо не болѣе 25 названій изданій болѣе или менѣе самостоятельнаго литературнаго характера [15].

Цензурная дѣятельность казанскаго университета, которая олицетворялась въ особомъ цензурномъ комитетѣ, составлявшемся изъ декановъ всѣхъ отдѣленій, особенною мягкостью не отличалась, какъ мы это уже видѣли, и въ предшестовавшіе Магницкому годы жизни университета, нагляднымъ доказательствомъ чему служатъ почти десять, изъ общаго количества просмотрѣнныхъ сочиненій, процентовъ трудовъ, безусловно не допущенныхъ ею къ печати *. Послѣднее пятилѣтіе царство-

* См. томъ II, стр. 349—361.

ванія императора Александра I, такъ тяжело отозвавшееся на постановкѣ дѣла народнаго просвѣщенія, оставило печальный по себѣ слѣдъ и въ исторіи русской цензуры, вѣдавшейся тѣми же правительственными органами, которымъ ввѣрены были и задачи просвѣтительныя; не удивительно, поэтому, что достаточно знакомое уже намъ реакціонное направленіе въ области политики народнаго посвѣщенія—не преминуло отразиться и на постановкѣ въ ту пору дѣла цензуры. Не въ мѣру усердствовали на этой почвѣ органы центральной правительственной власти—въ еще большей мѣрѣ усердствовали, въ угоду имъ, и мѣстные органы цензурнаго надзора.

Практика казанскаго университетскаго цензурнаго комитета даетъ намъ цѣлый рядъ указаній на ограниченія свободы печати, предпринимавшіяся по распоряженіямъ и указаніямъ центральныхъ органовъ власти.

Такъ, напримѣръ, въ мартѣ 1821 года министромъ народнаго просвѣщенія было, черезъ попечителя округа, секретно предписано казанскому цензурному комитету строго слѣдить за тѣмъ, „дабы ни подъ какимъ видомъ не были пропускаемы никакія сочиненія, касающіяся до настоящаго политическаго состоянія крестьянъ въ Россіи и какихъ либо со стороны частвыхъ людей въ отношеніи къ тому видовъ, каковые, по неизвѣстности намѣреній правительства, всегда будучи ложными, могутъ вводить и другихъ въ заблужденіе". Это распоряженіе было вызвано „неповиновеніемъ и неправильнымъ исканіемъ свободы", проявленными крестьянами полтавскаго помѣщика Кочубея и поводъ къ которымъ былъ, будто бы, данъ статьею, напечатанною въ апрѣльской (за 1820 г.) книжкѣ „Историческаго, статистическаго и географическаго журнала", гдѣ авторъ высказалъ мысль, что „главное къ возведенію Россійскаго государства на высочайшую степень благосостоянія соститъ въ томъ, что бы доставить крестьянамъ бо́льшую гражданскую свободу и даровать въ полной мѣрѣ права и преимущества, приличныя имъ, как существамъ разумнымъ". Послѣдствіемъ этого инцидента явилось общее запрещеніе касаться въ печати вопроса о „политическомъ состояніи крестьянъ", профессоръ же московскаго университета Черепановъ, пропустившій инкриминируемую статью, былъ по высочайшему повелѣнію наказанъ опубликованіемъ его проступка и воспрещеніемъ на будущее время избранія въ деканы и цензоры.

Лѣтомъ того же 1821 года цензурнымъ комитетомъ было получено секретное и основанное на высочайшемъ повелѣніи предписаніе не до-

ванія императора Александра I, такъ тяжело отозвавшееся на постановкѣ дѣла народнаго просвѣщенія, оставило печальный по себѣ слѣдъ и въ исторіи русской цензуры, вѣдавшейся тѣми же правительственными органами, которымъ ввѣрены были и задачи просвѣтительныя; не удивительно, поэтому, что достаточно знакомое уже намъ реакціонное направленіе въ области политики народнаго посвѣщенія—не преминуло отразиться и на постановкѣ въ ту пору дѣла цензуры. Не въ мѣру усердствовали на этой почвѣ органы центральной правительственной власти—въ еще большей мѣрѣ усердствовали, въ угоду имъ, и мѣстные органы цензурнаго надзора.

Практика казанскаго университетскаго цензурнаго комитета даетъ намъ цѣлый рядъ указаній на ограниченія свободы печати, предпринимавшіяся по распоряженіямъ и указаніямъ центральныхъ органовъ власти.

Такъ, напримѣръ, въ мартѣ 1821 года министромъ народнаго просвѣщенія было, черезъ попечителя округа, секретно предписано казанскому цензурному комитету строго слѣдить за тѣмъ, „дабы ни подъ какимъ видомъ не были пропускаемы никакія сочиненія, касающіяся до настоящаго политическаго состоянія крестьянъ въ Россіи и какихъ либо со стороны частвыхъ людей въ отношеніи къ тому видовъ, каковые, по неизвѣстности намѣреній правительства, всегда будучи ложными, могутъ вводить и другихъ въ заблужденіе“. Это распоряженіе было вызвано „неповиновеніемъ и неправильнымъ исканіемъ свободы“, проявленными крестьянами полтавскаго помѣщика Кочубея и поводъ къ которымъ былъ, будто бы, данъ статьею, напечатанною въ апрѣльской (за 1820 г.) книжкѣ „Историческаго, статистическаго и географическаго журнала“, гдѣ авторъ высказалъ мысль, что „главное къ возведенію Россійскаго государства на высочайшую степень благосостоянія соститъ въ томъ, что бы доставить крестьянамъ бо́льшую гражданскую свободу и даровать въ полной мѣрѣ права и преимущества, приличныя имъ, какъ существамъ разумнымъ“. Послѣдствіемъ этого инцидента явилось общее запрещеніе касаться въ печати вопроса о „политическомъ состояніи крестьянъ“, профессоръ же московскаго университета Черепановъ, пропустившій инкриминируемую статью, былъ по высочайшему повелѣнію наказанъ опубликованіемъ его проступка и воспрещеніемъ на будущее время избранія въ деканы и цензоры.

Лѣтомъ того же 1821 года цензурнымъ комитетомъ было получено секретное и основанное на высочайшемъ повелѣніи предписаніе не до-

пускать къ печати „масонскія пѣсни и другія сочиненія, какъ произведенія такого сословія, которое не имѣетъ никакого явнаго характера и никакими открытыми постановленіями и правилами въ государствѣ не дозволено къ существованію".

Въ іюлѣ 1824 года послѣдовало распоряженіе министра народнаго просвѣщенія, дававшее цензурнымъ учрежденіямъ широкую сферу личнаго усмотрѣнія и въ силу котораго имъ рекомендовалось съ „разсмотрѣніемъ" допускать къ печати статьи критическаго содержанія, наблюдая, что бы такія статьи „заключались въ предѣлахъ благопристойной критики, отнюдь не похожей на такъ называемые пасквили, содержащіе въ себѣ порывы колкими и не принадлежащими къ дѣлу выраженіями повреждать честь сопротивника"; мотивировано было это распоряженіе тѣмъ, что „въ повременныхъ изданіяхъ выходятъ, подъ названіемъ критикъ и антикритикъ, не столько полезныя сужденія, сколько бранныя переписки, часто имѣющія цѣлью одно только, несообразное съ благонравіемъ, публичное оскорбленіе другъ друга".

Къ тому же 1824 году относится рядъ министерскихъ предписаній, которыми воспрещалось „печатаніе въ періодическихъ изданіяхъ статей, касающихся до императорскихъ театровъ и актеровъ, такъ какъ сужденія о сихъ предметахъ тогда только могли бы быть позволительными, если бы театры зависили отъ частныхъ содержателей", совершенно запрещалось помѣщеніе въ журналахъ „отрывковъ изъ театральныхъ пьэсъ", не дозволялось печатаніе, безъ особаго разрѣшенія медицинскаго начальства, объявленій о различныхъ врачебныхъ предметахъ, какъ то о врачахъ, аптекаряхъ, лекарствахъ, больныхъ и т. п.—„къ отвращенію обмана публики изъ корыстолюбивыхъ видовъ шарлатановъ".

Въ декабрѣ 1825 года состоялось распоряженіе министра народнаго просвѣщенія, въ силу котораго, безъ особаго и даваемаго на каждый отдѣльный случай разрѣшенія самого министра, запрещалось печатаніе какихъ бы то ни было статей „о происходившихъ торжествахъ въ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ, также въ ученыхъ обществахъ, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія, исключая статей о пожертвованіяхъ въ пользу ученыхъ и учебныхъ заведеній"; это странное распоряженіе было направлено противъ тѣхъ, и безъ того ограниченныхъ, путей гласности, которыми хотя отчасти установлялась извѣстнаго рода связь между обществомъ и обслуживающими его духовные интересы учрежденіями просвѣтительнаго харак-

пускать къ печати „масонскія пѣсни и другія сочиненія, какъ произведенія такого сословія, которое не имѣетъ никакого явнаго характера и никакими открытыми постановленіями и правилами въ государствѣ не дозволено къ существованію".

Въ іюлѣ 1824 года послѣдовало распоряженіе министра народнаго просвѣщенія, дававшее цензурнымъ учрежденіямъ широкую сферу личнаго усмотрѣнія и въ силу котораго имъ рекомендовалось съ „разсмотрѣніемъ" допускать къ печати статьи критическаго содержанія, наблюдая, что бы такія статьи „заключались въ предѣлахъ благопристойной критики, отнюдь не похожей на такъ называемые пасквили, содержащіе въ себѣ порывы колкими и не принадлежащими къ дѣлу выраженіями повреждать честь сопротивника"; мотивировано было это распоряженіе тѣмъ, что „въ повременныхъ изданіяхъ выходятъ, подъ названіемъ критикъ и антикритикъ, не столько полезныя сужденія, сколько бранныя переписки, часто имѣющія цѣлью одно только, несообразное съ благонравіемъ, публичное оскорбленіе другъ друга".

Къ тому же 1824 году относится рядъ министерскихъ предписаній, которыми воспрещалось „печатаніе въ періодическихъ изданіяхъ статей, касающихся до императорскихъ театровъ и актеровъ, такъ какъ сужденія о сихъ предметахъ тогда только могли бы быть позволительными, если бы театры зависили отъ частныхъ содержателей", совершенно запрещалось помѣщеніе въ журналахъ „отрывковъ изъ театральныхъ пьэсъ", не дозволялось печатаніе, безъ особаго разрѣшенія медицинскаго начальства, объявленій о различныхъ врачебныхъ предметахъ, какъ то о врачахъ, аптекаряхъ, лекарствахъ, больныхъ и т. п.—„къ отвращенію обмана публики изъ корыстолюбивыхъ видовъ шарлатановъ".

Въ декабрѣ 1825 года состоялось распоряженіе министра народнаго просвѣщенія, въ силу котораго, безъ особаго и даваемаго на каждый отдѣльный случай разрѣшенія самого министра, запрещалось печатаніе какихъ бы то ни было статей „о происходившихъ торжествахъ въ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ, также въ ученыхъ обществахъ, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія, исключая статей о пожертвованіяхъ въ пользу ученыхъ и учебныхъ заведеній"; это странное распоряженіе было направлено противъ тѣхъ, и безъ того ограниченныхъ, путей гласности, которыми хотя отчасти установлялась извѣстнаго рода связь между обществомъ и обслуживающими его духовные интересы учрежденіями просвѣтительнаго харак-

тера,—связь, о поддержаніи которой такъ усердно старались первые дѣятели казанскаго университета, до Румовскаго и Яковкина включительно.

Кромѣ распоряженій по цензурѣ, предпринимавшихся, такъ сказать—ad hoc, руководящая въ данномъ направленіи роль центральныхъ органовъ министерства народнаго просвѣщенія выражалась и въ періодическомъ сообщеніи мѣстнымъ цензурнымъ учрежденіямъ списковъ запрещенныхъ книгъ. Въ этомъ отношеніи весьма любопытно сохранившееся въ архивѣ казанскаго университета „Дѣло о запрещенныхъ книгахъ", заключающее въ себѣ списки запрещенныхъ книгъ, доставленные въ цензурный комитетъ съ 31-го мая 1824 г. по 23-е декабря 1826 г. и къ которому, не имѣя возможности входить въ болѣе или менѣе подробное его разсмотрѣніе, мы и направляемъ интересующихся * [16].

До сихъ поръ мы вели рѣчь о цензурныхъ ограниченіяхъ, инціатива которыхъ исходила отъ центральныхъ органовъ министерства народнаго просвѣщенія. Такія ограниченія,—порою соприкасавшіяся съ произволомъ,—предпринимались, однако, и мѣстными органами цензуры, предпринимались они и самимъ попечителемъ учебнаго округа, безъ всякаго стѣсненія вторгавшимся въ кругъ дѣятельности цензурнаго комитета. Эпоха Магницкаго, съ пѣною у рта заявлявшаго, что „свобода книгопечатанія—есть труба для глаголовъ князя тьмы", являлась какъ нельзя болѣе благопріятною для всякаго рода неистовствъ въ этомъ направленіи.

Первый примѣръ вторженія Магницкаго въ область непосредственной компетенціи университетскаго цензурнаго комитета относится уже къ первому году его попечительства: въ ноябрѣ 1819 года онъ запрещаетъ печатаніе труда яранскаго гражданина Шевелева—„Руководство для волостныхъ правленій и крестьянъ, къ нимъ приписанныхъ и пр.", передъ тѣмъ только разрѣшеннаго къ печати университетскимъ цензурнымъ комитетомъ на основаніи отзыва цензуровавшаго рукопись профессора правовѣдѣнія Солнцева, давшаго заключеніе, что „книга сія по содержанію можетъ быть полезною для ея цѣли" и что „законопротивнаго въ сей рукописи ничего не усматривается". Не взирая на все это, попечитель вытребовалъ рукопись къ себѣ на просмотръ и настоялъ передъ министромъ на запрещеніи выпуска ея въ свѣтъ.

Совершалъ Магницкій покушенія и на самостоятельность цензуры собственно факультетской, гарантированную университету самымъ уставомъ его. Особенно часто приходилось терпѣть на этой почвѣ профессору Ф. И. Эрдману. Злосчастному представителю казанской оріенталистики

* Дѣло попечит. канцеляріи, 1824, № 124.

тера,—связь, о поддержаніи которой такъ усердно старались первые дѣятели казанскаго университета, до Румовскаго и Яковкина включительно.

Кромѣ распоряженій по цензурѣ, предпринимавшихся, такъ сказать—ad hoc, руководящая въ данномъ направленіи роль центральныхъ органовъ министерства народнаго просвѣщенія выражалась и въ періодическомъ сообщеніи мѣстнымъ цензурнымъ учрежденіямъ списковъ запрещенныхъ книгъ. Въ этомъ отношеніи весьма любопытно сохранившееся въ архивѣ казанскаго университета „Дѣло о запрещенныхъ книгахъ", заключающее въ себѣ списки запрещенныхъ книгъ, доставленные въ цензурный комитетъ съ 31-го мая 1824 г. по 23-е декабря 1826 г. и къ которому, не имѣя возможности входить въ болѣе или менѣе подробное его разсмотрѣніе, мы и направляемъ интересующихся* [16].

До сихъ поръ мы вели рѣчь о цензурныхъ ограниченіяхъ, иниціатива которыхъ исходила отъ центральныхъ органовъ министерства народнаго просвѣщенія. Такія ограниченія,—порою соприкасавшіяся съ произволомъ,—предпринимались, однако, и мѣстными органами цензуры, предпринимались они и самимъ попечителемъ учебнаго округа, безъ всякаго стѣсненія вторгавшимся въ кругъ дѣятельности цензурнаго комитета. Эпоха Магницкаго, съ пѣною у рта заявлявшаго, что „свобода книгопечатанія—есть труба для глаголовъ князя тьмы", являлась какъ нельзя болѣе благопріятною для всякаго рода неистовствъ въ этомъ направленіи.

Первый примѣръ вторженія Магницкаго въ область непосредственной компетенціи университетскаго цензурнаго комитета относится уже къ первому году его попечительства: въ ноябрѣ 1819 года онъ запрещаетъ печатаніе труда яранскаго гражданина Шевелева—„Руководство для волостныхъ правленій и крестьянъ, къ нимъ приписанныхъ и пр.", передъ тѣмъ только разрѣшеннаго къ печати университетскимъ цензурнымъ комитетомъ на основаніи отзыва цензуровавшаго рукопись профессора правовѣдѣнія Солнцева, давшаго заключеніе, что „книга сія по содержанію можетъ быть полезною для ея цѣли" и что „законопротивнаго въ сей рукописи ничего не усматривается". Не взирая на все это, попечитель вытребовалъ рукопись къ себѣ на просмотръ и настоялъ передъ министромъ на запрещеніи выпуска ея въ свѣтъ.

Совершалъ Магницкій покушенія и на самостоятельность цензуры собственно факультетской, гарантированную университету самымъ уставомъ его. Особенно часто приходилось терпѣть на этой почвѣ профессору Ф. И. Эрдману. Злосчастному представителю казанской оріенталистики

* Дѣло попечит. канцеляріи, 1824, № 124.

ставились на пути его научно-литературной дѣятельности тормазы, способные сломить энергію и охладить научные порывы ученаго даже съ достаточно развитыми силою воли и упорствомъ въ трудѣ. Намъ уже знакомъ инцидентъ съ актовою (1820 года) рѣчью проф. Эрдмана, найденною Магницкимъ противною духу христіанства, въ виду чего и было имъ предписано „изгладить, сколько возможно, слѣды ея существованія", благодаря чему этой рѣчи такъ и не суждено было увидѣть свѣта *. Не довольствуясь установленіемъ строгой цензуры на мѣстѣ и требованіями гарантій благонамѣренности, попечитель иногда вытребовывалъ труды Эрдмана, конечно въ переводахъ, къ себѣ, для своего личнаго просмотра. Въ концѣ 1821 года проф. Эрдманомъ представлена была къ напечатанію снабженная его примѣчаніями арабская рукопись сочиненія Такгедина-Магомета „О царяхъ, калифахъ и шерифахъ Меккской имперіи"; рукопись была дозволена попечителемъ къ печати, за неимѣніемъ православнаго цензора восточныхъ сочиненій, лишь послѣ письменнаго удостовѣренія Эрдмана въ томъ, что въ ней „нѣтъ ничего, противнаго благонравію, благочестію и правительству". Такая же точно гарантія потребована была отъ Эрдмана по отношенію къ рѣчи „Arabsiaden ex noto ignoto Ibn-Schonach etc.". Въ томъ же 1822 году, не смотря на послѣдовавшее одобреніе ея къ печати словеснымъ отдѣленіемъ, попечитель вытребовалъ къ себѣ и передалъ на заключеніе профессора петербургскаго университета Сенковскаго рукопись Эрдмана „De manuscripto persico Iskenderi Menesii etc"., приготовленную для годичнаго акта; рукопись эта была дозволена Магницкимъ къ напечатанію только послѣ одобрительнаго отзыва Сенковскаго, заявившаго, что трудъ Эрдмана „не только приноситъ честь казанскому университету, но можетъ доставить пользу и другимъ университетамъ". Въ 1825 г. Эрдману пришлось столкнуться съ новымъ цензурнымъ тормазомъ со стороны попечителя. Лѣтомъ этого года онъ испросилъ разрѣшеніе совѣта на изданіе составленной имъ „Персидской антологіи или христоматіи", какъ необходимой въ интересахъ болѣе успѣшнаго преподаванія восточной словесности. Высказавшись по этому ходатайству въ положительномъ смыслѣ, совѣтъ университета счелъ необходимымъ, тѣмъ не менѣе, представить его на благоусмотрѣніе попечителя, который, не взирая на письменное удостовѣреніе Эрдмана въ томъ, что въ его трудѣ „нѣтъ ничего противнаго религіи, законамъ гражданскимъ и благопри-

---

* См. томъ III. стр, 362—365.

ставились на пути его научно-литературной дѣятельности тормазы, способные сломить энергію и охладить научные порывы ученаго даже съ достаточно развитыми силою воли и упорствомъ въ трудѣ. Намъ уже знакомъ инцидентъ съ актовою (1820 года) рѣчью проф. Эрдмана, найденною Магницкимъ противною духу христіанства, въ виду чего и было имъ предписано „изгладить, сколько возможно, слѣды ея существованія", благодаря чему этой рѣчи такъ и не суждено было увидѣть свѣта *. Не довольствуясь установленіемъ строгой цензуры на мѣстѣ и требованіями гарантій благонамѣренности, попечитель иногда вытребовывалъ труды Эрдмана, конечно въ переводахъ, къ себѣ, для своего личнаго просмотра. Въ концѣ 1821 года проф. Эрдманомъ представлена была къ напечатанію снабженная его примѣчаніями арабская рукопись сочиненія Такгедина-Магомета „О царяхъ, калифахъ и шерифахъ Меккской имперіи"; рукопись была дозволена попечителемъ къ печати, за неимѣніемъ православнаго цензора восточныхъ сочиненій, лишь послѣ письменнаго удостовѣренія Эрдмана въ томъ, что въ ней „нѣтъ ничего, противнаго благонравію, благочестію и правительству". Такая же точно гарантія потребована была отъ Эрдмана по отношенію къ рѣчи „Arabsiaden ex noto ignoto Ibn-Schonach etc.". Въ томъ же 1822 году, не смотря на послѣдовавшее одобреніе ея къ печати словеснымъ отдѣленіемъ, попечитель вытребовалъ къ себѣ и передалъ на заключеніе профессора петербургскаго университета Сенковскаго рукопись Эрдмана „De manuscripto persico Iskenderi Menesii etc"., приготовленную для годичнаго акта; рукопись эта была дозволена Магницкимъ къ напечатанію только послѣ одобрительнаго отзыва Сенковскаго, заявившаго, что трудъ Эрдмана „не только приноситъ честь казанскому университету, но можетъ доставить пользу и другимъ университетамъ". Въ 1825 г. Эрдману пришлось столкнуться съ новымъ цензурнымъ тормазомъ со стороны попечителя. Лѣтомъ этого года онъ испросилъ разрѣшеніе совѣта на изданіе составленной имъ „Персидской антологіи или христоматіи", какъ необходимой въ интересахъ болѣе успѣшнаго преподаванія восточной словесности. Высказавшись по этому ходатайству въ положительномъ смыслѣ, совѣтъ университета счелъ необходимымъ, тѣмъ не менѣе, представить его на благоусмотрѣніе попечителя, который, не взирая на письменное удостовѣреніе Эрдмана въ томъ, что въ его трудѣ „нѣтъ ничего противнаго религіи, законамъ гражданскимъ и благопри-

---

* См. томъ III. стр, 362—365.

стойности", потребовалъ рукопись къ себѣ—„для предварительнаго здѣсь разсмотрѣнія". Изданіе это такъ и не состоялось.

Но особенно не посчастливилось проф. Эрдману съ его стихотворнымъ переводомъ на нѣмецкій языкъ творенія знаменитаго персидскаго поэта Низама (Шейхъ Низамоддинъ Абу-Мохаммедъ Ильясъ ибнъ-Юсофъ)—„Магазинъ тайнъ", въ мартѣ 1824 года представленнымъ имъ къ напечатанію, причемъ переводчикомъ выражена увѣренность, что „совѣтъ сіе сочиненіе моральнаго содержанія удостоитъ быть напечатаннымъ, тѣмъ болѣе, что сочинитель столь важенъ для одной части древней россійской исторіи и тѣмъ, кажется, пріобрѣлъ себѣ право на признательность Россіи". Совѣтъ передалъ рукопись, на разсмотрѣніе, профессорамъ К. Ѳ. Фуксу и Н. И. Лобачевскому,—„какъ знающимъ нѣмецкій языкъ",—которые и дали отзывъ слѣдующаго содержанія:

„Разсмотрѣвъ переводъ г. профессора Эрдмана, подъ названіемъ Nisami's Magasin der Geheimnisse, нашли, что онъ не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго въ нравственномъ отношеніи, хотя во многихъ басняхъ, гдѣ упоминается о Іисусѣ Христѣ, не говорится съ должною возвышенностью для Сына Божія. Но всякій читатель не можетъ забыть при этомъ, что сочинитель подлинника былъ неправовѣрный, почему и проститъ ему сей недостатокъ. За то, съ другой стороны, христіанинъ съ удовольствіемъ увидитъ здѣсь, что самые магометане воздаютъ почтеніе Искупителю рода человѣческаго".

Совѣтъ университета постановилъ испросить разрѣшеніе попечителя на напечатаніе перевода проф. Эрдмана, но ректоръ К. Ѳ. Фуксъ почелъ нужнымъ сопроводить соотвѣтствующее представленіе частнымъ письмомъ попечителю отъ 27-го марта, въ которомъ, вопреки опредѣленію коллегіи, высказался противъ печатанія его, настаивая на томъ, что „сочинитель притчей сихъ пишетъ о Спасителѣ нашемъ хотя и очень высоко, но какъ магометанинъ, а не какъ христіанинъ, признающій въ немъ Сына Божія". Въ результатѣ оказалось то, что Магницкій вытребовалъ рукопись на свой собственный просмотръ и, слѣдомъ затѣмъ, далъ совѣту знать, что на напечатаніе творенія Низама онъ не можетъ согласиться потому, что оно „ничего особеннаго не содержитъ, что подобныя сочиненія лучшими классиками восточной словесности—не уважаются, и что полезнѣе бы было, ежели бы г. профессоръ Эрдманъ избиралъ для перевода и ученаго разбора рукописи, относящіяся до поясненія историческихъ происшествій и древностей востока" [17].

стоимости", потребовалъ рукопись къ себѣ—„для предварительнаго здѣсь разсмотрѣнія". Изданіе это такъ и не состоялось.

Но особенно не посчастливилось проф. Эрдману съ его стихотворнымъ переводомъ на нѣмецкій языкъ творенія знаменитаго персидскаго поэта Низама (Шейхъ Низамоддинъ Абу-Мохаммедъ Ильясъ ибнъ-Юсофъ)—„Магазинъ тайнъ", въ мартѣ 1824 года представленнымъ имъ къ напечатанію, причемъ переводчикомъ выражена увѣренность, что „совѣтъ сіе сочиненіе моральнаго содержанія удостоитъ быть напечатаннымъ, тѣмъ болѣе, что сочинитель столь важенъ для одной части древней россійской исторіи и тѣмъ, кажется, пріобрѣлъ себѣ право на признательность Россіи". Совѣтъ передалъ рукопись, на разсмотрѣніе, профессорамъ К. Ѳ. Фуксу и Н. И. Лобачевскому,—„какъ знающимъ нѣмецкій языкъ",—которые и дали отзывъ слѣдующаго содержанія:

> „Разсмотрѣвъ переводъ г. профессора Эрдмана, подъ названіемъ Nisami's Magasin der Geheimnisse, нашли, что онъ не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго въ нравственномъ отношеніи, хотя во многихъ басняхъ, гдѣ упоминается о Іисусѣ Христѣ, не говорится съ должною возвышенностью для Сына Божія. Но всякій читатель не можетъ забыть при этомъ, что сочинитель подлинника былъ неправовѣрный, почему и проститъ ему сей недостатокъ. За то, съ другой стороны, христіанинъ съ удовольствіемъ увидитъ здѣсь, что самые магометане воздаютъ почтеніе Искупителю рода человѣческаго".

Совѣтъ университета постановилъ испросить разрѣшеніе попечителя на напечатаніе перевода проф. Эрдмана, но ректоръ К. Ѳ. Фуксъ почелъ нужнымъ сопроводить соотвѣтствующее представленіе частнымъ письмомъ попечителю отъ 27-го марта, въ которомъ, вопреки опредѣленію коллегіи, высказался противъ печатанія его, настаивая на томъ, что „сочинитель притчей сихъ пишетъ о Спасителѣ нашемъ хотя и очень высоко, но какъ магометанинъ, а не какъ христіанинъ, признающій въ немъ Сына Божія". Въ результатѣ оказалось то, что Магницкій вытребовалъ рукопись на свой собственный просмотръ и, слѣдомъ затѣмъ, далъ совѣту знать, что на напечатаніе творенія Низама онъ не можетъ согласиться потому, что оно „ничего особеннаго не содержитъ, что подобныя сочиненія лучшими классиками восточной словесности—не уважаются, и что полезнѣе бы было, ежели бы г. профессоръ Эрдманъ избиралъ для перевода и ученаго разбора рукописи, относящіяся до поясненія историческихъ происшествій и древностей востока" [17].

Могутъ быть указаны и другія несостоявшіяся, по независившимъ отъ авторовъ ихъ причинамъ, издательскія начинанія членовъ казанскаго университета. Въ концѣ 1822 года, напримѣръ, профессоръ К. Ѳ. Ф у к с ъ, замѣтивъ, что „при училищахъ казанскаго учебнаго округа нѣтъ никакихъ классическихъ (т. е. учебныхъ) книгъ по части самой пріятнѣйшей отрасли натуральной исторіи, а именно—ботаники, и движимъ будучи желаніемъ содѣйствовать къ успѣхамъ сей, толико нужной для хозяйства, науки", вошелъ въ совѣтъ университета съ заявленіемъ относительно своего намѣренія собственнымъ иждивеніемъ издать р у к о в о д с т в о п о д ъ н а з в а н і е м ъ „Р о с с і й с к а я Ф л о р а", включивъ въ него все, имъ лично „собранныя и испытанныя дикорастущія въ россійской имперіи травы"; осуществленіе этого начинанія Фуксъ обусловливалъ, однако, тѣмъ, что бы изданіе было гарантировано пріобрѣтеніемъ по одному экземпляру его для всѣхъ училищъ округа. Ходатайство Фукса, съ приложеніемъ печатнаго образца будущаго руководства, было препровождено на усмотрѣніе попечителя, который не ограничился требованіями чисто формальнаго характера (наприм. относительно предположенной цѣны книги), но счелъ возможнымъ вторгнуться и въ научную сторону изданія, затребовавъ дополнительнаго свѣдѣнія даже о томъ—„по какой системѣ книга, издаваемая г. профессоромъ Фуксомъ подъ названіемъ Россійская Флора, составлена". Изданіе такъ и не состоялось [18].

Предубѣжденная мнительность Магницкаго распространялась даже на такую безобидную и чуждую страстямъ міра сего науку, какою можетъ быть признана чистая математика, нагляднымъ примѣромъ чему можетъ служить любопытный и н ц и д е н т ъ 1823 г о д а с ъ у ч е б н и к о м ъ г е о м е т р і и, п р и г о т о в л е н н ы м ъ к ъ п е ч а т и з н а м е н и т ы м ъ т в о р ц о м ъ н е э в к л и д о в о й г е о м е т р і и—п р о ф е с с о р о м ъ Н. И. Л о б а ч е в с к и м ъ. Лѣтомъ 1823 года проф. Лобачевскій обратился къ попечителю съ представленіемъ, при которомъ препроводилъ составленный имъ курсъ геометріи, испрашивая разрѣшеніе „напечатать оный на казенный счетъ, какъ учебную книгу". Не прибѣгнувъ къ предусмотрѣнному уставомъ нормальному порядку разрѣшенія университетомъ къ печати издаваемыхъ членами его научныхъ трудовъ, Магницкій препроводилъ рукопись Лобачевскаго на заключеніе академика Н. И. Фусса, которымъ 3-го августа того же года и данъ былъ весьма неблагопріятный отзывъ, приводимый нами, въ виду несомнѣннаго историческаго интереса его, въ полномъ видѣ:

Могутъ быть указаны и другія несостоявшіяся, по независившимъ отъ авторовъ ихъ причинамъ, издательскія начинанія членовъ казанскаго университета. Въ концѣ 1822 года, напримѣръ, профессоръ К. Ѳ. Фуксъ, замѣтивъ, что „при училищахъ казанскаго учебнаго округа нѣтъ никакихъ классическихъ (т. е. учебныхъ) книгъ по части самой пріятнѣйшей отрасли натуральной исторіи, а именно—ботаники, и движимъ будучи желаніемъ содѣйствовать къ успѣхамъ сей, толико нужной для хозяйства, науки", вошелъ въ совѣтъ университета съ заявленіемъ относительно своего намѣренія собственнымъ иждивеніемъ издать руководство подъ названіемъ „Россійская Флора", включивъ въ него всѣ, имъ лично „собранныя и испытанныя дикорастущія въ россійской имперіи травы"; осуществленіе этого начинанія Фуксъ обусловливалъ, однако, тѣмъ, что бы изданіе было гарантировано пріобрѣтеніемъ по одному экземпляру его для всѣхъ училищъ округа. Ходатайство Фукса, съ приложеніемъ печатнаго образца будущаго руководства, было препровождено на усмотрѣніе попечителя, который не ограничился требованіями чисто формальнаго характера (наприм. относительно предположенной цѣны книги), но счелъ возможнымъ вторгнуться и въ научную сторону изданія, затребовавъ дополнительнаго свѣдѣнія даже о томъ—„по какой системѣ книга, издаваемая г. профессоромъ Фуксомъ подъ названіемъ Россійская Флора, составлена". Изданіе такъ и не состоялось [18].

Предубѣжденная мнительность Магницкаго распространялась даже на такую безобидную и чуждую страстямъ міра сего науку, какою можетъ быть признана чистая математика, нагляднымъ примѣромъ чему можетъ служить любопытный инцидентъ 1823 года съ учебникомъ геометріи, приготовленнымъ къ печати знаменитымъ творцомъ неэвклидовой геометріи—профессоромъ Н. И. Лобачевскимъ. Лѣтомъ 1823 года проф. Лобачевскій обратился къ попечителю съ представленіемъ, при которомъ препроводилъ составленный имъ курсъ геометріи, испрашивая разрѣшеніе „напечатать оный на казенный счетъ, какъ учебную книгу". Не прибѣгнувъ къ предусмотрѣнному уставомъ нормальному порядку разрѣшенія университетомъ къ печати издаваемыхъ членами его научныхъ трудовъ, Магницкій препроводилъ рукопись Лобачевскаго на заключеніе академика Н. И. Фусса, которымъ 3-го августа того же года и данъ былъ весьма неблагопріятный отзывъ, приводимый нами, въ виду несомнѣннаго историческаго интереса его, въ полномъ видѣ:

„Милостивый государь мой Михаилъ Леонтьевичъ!

Сочиненіе, присланное мнѣ при почтеннѣйшемъ отношеніи В. П. отъ 31-го іюля, за № 912, подъ заглавіемъ Геометрія, содержитъ въ себѣ разныя геометрическія разсужденія и изслѣдованія, которыя, подъ симъ или другимъ подобнымъ названіемъ, по надлежащемъ выправленіи ошибочнаго и выпущеніи безполезнаго или уже извѣстнаго, могли бы быть представлены Вашему Превосходительству. Но сочиненіе сіе не есть геометрія или полное и систематическое изложеніе всей науки, и если сочинитель думаетъ, что оно можетъ служить учебною книгою—то онъ симъ доказываетъ, что онъ не имѣетъ точнаго понятія о потребностяхъ учебной книги, т. е. о полнотѣ геометрическихъ истинъ, всю систему начальнаго курса науки составляющихъ, о способѣ математическомъ, о необходимости точныхъ и ясныхъ опредѣленій всѣхъ понятій, о логическомъ порядкѣ и методическомъ расположеніи предметовъ, о надлежащей постепенности геометрическихъ истинъ, о неупустительной и, по возможности, чисто-геометрической строгости ихъ доказательствъ и пр. О всѣхъ сихъ необходимыхъ качествахъ и слѣду нѣтъ въ разсмотрѣнной мною Геометріи, въ которой, между прочимъ, и то странно, что сочинитель принимаетъ французскій метръ за единицу при измѣреніи прямыхъ линій и сотую часть четверти круга, подъ именемъ градуса, за единицу при измѣреніи дугъ круга. Извѣстно, что сіе раздѣленіе выдумано было во время французской революціи, когда бѣшенство націи уничтожить все прежде бывшее распространилось даже до календаря и дѣленія круга; но сія новина нигдѣ принята не была и въ самой Франціи давно уже оставлена, по причинѣ очевидныхъ неудобствъ.

Впрочемъ, хотя сочинитель и назвалъ представленное В. П. сочиненіе—Геометріею, но едва ли онъ самъ думать можетъ, что онъ написалъ учебную книгу сей науки. Главная цѣль его, по моему мнѣнію, была та: чтобъ объяснить нѣкоторые предметы геометрическаго ученія, кои, по причинѣ введеннаго въ оныя, для сокращенія, понятія безконечно-малаго, казались ему темными. Но, при стараніи избѣжать употребленія сего понятія, случилось ему то самое, что и другимъ, при подобномъ намѣреніи, случается. Безконечно-малое явно находится и въ его Геометріи, но подъ другимъ именемъ и видомъ, ибо онъ изъ общихъ формулъ, посредствомъ способа его найденныхъ, для полученія истинныхъ и во всѣхъ учебныхъ книгахъ доказанныхъ выраженій, бросаетъ члены лишніе потому самому, что они, какъ онъ говоритъ—меньше всякаго числа, т. е. безконечно малы; а если бъ не были безконечно малы—то какъ же могъ бы онъ выпускать сіи члены безъ непростительной погрѣшности?

При изъясненныхъ мною недостаткахъ сей Геометріи и при значительномъ количествѣ полныхъ и къ употребленію, хотя и не всѣ

„Милостивый государь мой Михаилъ Леонтьевичъ!

Сочиненіе, присланное мнѣ при почтеннѣйшемъ отношеніи В. П. отъ 31-го іюля, за № 912, подъ заглавіемъ Геометрія, содержитъ въ себѣ разныя геометрическія разсужденія и изслѣдованія, которыя, подъ симъ или другимъ подобнымъ названіемъ, по надлежащемъ выправленіи ошибочнаго и выпущеніи безполезнаго или уже извѣстнаго, могли бы быть представлены Вашему Превосходительству. Но сочиненіе сіе не есть геометрія или полное и систематическое изложеніе всей науки, и если сочинитель думаетъ, что оно можетъ служить учебною книгою—то онъ симъ доказываетъ, что онъ не имѣетъ точнаго понятія о потребностяхъ учебной книги, т. е. о полнотѣ геометрическихъ истинъ, всю систему начальнаго курса науки составляющихъ, о способѣ математическомъ, о необходимости точныхъ и ясныхъ опредѣленій всѣхъ понятій, о логическомъ порядкѣ и методическомъ расположеніи предметовъ, о надлежащей постепенности геометрическихъ истинъ, о неупустительной и, по возможности, чисто-геометрической строгости ихъ доказательствъ и пр. О всѣхъ сихъ необходимыхъ качествахъ и слѣду нѣтъ въ разсмотрѣнной мною Геометріи, въ которой, между прочимъ, и то странно, что сочинитель принимаетъ французскій метръ за единицу при измѣреніи прямыхъ линій и сотую часть четверти круга, подъ именемъ градуса, за единицу при измѣреніи дугъ круга. Извѣстно, что сіе раздѣленіе выдумано было во время французской революціи, когда бѣшенство націи уничтожить все прежде бывшее распространилось даже до календаря и дѣленія круга; но сія новина нигдѣ принята не была и въ самой Франціи давно уже оставлена, по причинѣ очевидныхъ неудобствъ.

Впрочемъ, хотя сочинитель и назвалъ представленное В. П. сочиненіе—Геометріею, но едва ли онъ самъ думать можетъ, что онъ написалъ учебную книгу сей науки. Главная цѣль его, по моему мнѣнію, была та: чтобъ объяснить нѣкоторые предметы геометрическаго ученія, кои, по причинѣ введеннаго въ оные, для сокращенія, понятія безконечно-малаго, казались ему темными. Но, при стараніи избѣжать употребленія сего понятія, случилось ему то самое, что и другимъ, при подобномъ намѣреніи, случается. Безконечно-малое явно находится и въ его Геометріи, но подъ другимъ именемъ и видомъ, ибо онъ изъ общихъ формулъ, посредствомъ способа его найденныхъ, для полученія истинныхъ и во всѣхъ учебныхъ книгахъ доказанныхъ выраженій, бросаетъ члены лишніе потому самому, что они, какъ онъ говоритъ—меньше всякаго числа, т. е. безконечно малы; а если бъ не были безконечно малы—то какъ же могъ бы онъ выпускать сіи члены безъ непростительной погрѣшности?

При изъясненныхъ мною недостаткахъ сей Геометріи и при значительномъ количествѣ полныхъ и къ употребленію, хотя и не всѣ

равномѣрно, гораздо болѣе годныхъ курсовъ геометріи на русскомъ языкѣ (изъ коихъ я упоминаю только, о подлинныхъ: Румовскаго, Осиповскаго, Гамалеи и Гурьева, и о переведенныхъ: съ греческаго—Эвклидовыхъ началъ, Суворова и Никитина и Петрушевскаго, съ французскаго—Безу, Лежандра, Лакроа и пр.), само собою разумѣется, что сія Геометрія, какъ учебная книга, нигдѣ принята быть не можетъ и что оную къ напечатанію на казенный счетъ я рекомендовать никакъ не могу.

Честь имѣю и пр.".

Въ силу этого суроваго отзыва, Н. И. Лобачевскому было объявлено черезъ директора университета, что „сколько бы онъ, попечитель, ни желалъ ободрить ученые труды г.г. профессоровъ казанскаго университета", но, къ сожалѣнію, по изложеннымъ въ мнѣніи г. Фусса недостаткамъ въ сочиненіи г. Лобачевскаго, не можетъ приступить къ изданію его труда, и „потому желалъ бы я,—добавляетъ Магницкій,—что бы г. Лобачевскій или исправилъ помянутое сочиненіе, или подалъ на замѣчанія г. Фусса изъясненіе". Самолюбивый и „характерный" казанскій математикъ не пожелалъ сдѣлать ни того, ни другого, даже не взявъ своего труда обратно, и подлинная рукопись его Геометріи считалась утраченною до начала 1898 года, когда намъ посчастливилось открыть ее среди старыхъ дѣлъ архива попечительской канцеляріи. Согласно постановленію совѣта, этотъ любопытный автографъ великаго русскаго геометра переданъ, вмѣстѣ съ самымъ дѣломъ, на храненіе въ геометрическій кабинетъ казанскаго университета.

Замѣтимъ здѣсь попутно, что неудачею окончилась,—но на этотъ разъ уже не по винѣ попечителя, но по небрежному отношенію къ дѣлу самого университета,—и относящаяся къ 1825 году попытка Н. И. Лобачевскаго издать учебникъ алгебры. Въ засѣданіи физико-математическаго отдѣленія отъ 11-го сентября 1825 года профессоръ Г. Б. Никольскій вошелъ съ представленіемъ, при которомъ предъявилъ факультету составленный профессоромъ Лобачевскимъ курсъ алгебры, давъ о немъ такого рода отзывъ: „Хотя, по объему своему, содержитъ сія Алгебра только 96 четвертинъ мелкаго письма, но г. авторъ въ семъ небольшомъ пространствѣ помѣстилъ всѣ нужныя статьи и обработалъ ихъ своимъ способомъ съ такою точностью и всеобщностью, что трудно сказать, что бы еще къ нимъ прибавить слѣдовало; а потому она съ большою пользою можетъ быть введена въ употребленіе въ гимназіяхъ". Дѣло перешло въ совѣтъ, который опредѣлилъ ходатайствовать передъ попечителемъ округа отно-

равномѣрно, гораздо болѣе годныхъ курсовъ геометріи на русскомъ языкѣ (изъ коихъ я упоминаю только, о подлинныхъ: Румовскаго, Осиповскаго, Гамалеи и Гурьева, и о переведенныхъ: съ греческаго—Эвклидовыхъ началъ, Суворова и Никитина и Петрушевскаго, съ французскаго—Безу, Лежандра, Лакроа и пр.), само собою разумѣется, что сія Геометрія, какъ учебная книга, нигдѣ принята быть не можетъ и что оную къ напечатанію на казенный счетъ я рекомендовать никакъ не могу.

Честь имѣю и пр.".

Въ силу этого суроваго отзыва, Н. И. Лобачевскому было объявлено черезъ директора университета, что „сколько бы онъ, попечитель, ни желалъ ободрить ученые труды г.г. профессоровъ казанскаго университета", но, къ сожалѣнію, по изложеннымъ въ мнѣніи г. Фусса недостаткамъ въ сочиненіи г. Лобачевскаго, не можетъ приступить къ изданію его труда, и „потому желалъ бы я,—добавляетъ Магницкій,—что бы г. Лобачевскій или исправилъ помянутое сочиненіе, или подалъ на замѣчанія г. Фусса изъясненіе". Самолюбивый и „характерный" казанскій математикъ не пожелалъ сдѣлать ни того, ни другого, даже не взявъ своего труда обратно, и подлинная рукопись его Геометріи считалась утраченною до начала 1898 года, когда намъ посчастливилось открыть ее среди старыхъ дѣлъ архива попечительской канцеляріи. Согласно постановленію совѣта, этотъ любопытный автографъ великаго русскаго геометра переданъ, вмѣстѣ съ самымъ дѣломъ, на храненіе въ геометрическій кабинетъ казанскаго университета.

Замѣтимъ здѣсь попутно, что неудачею окончилась,—но на этотъ разъ уже не по винѣ попечителя, но по небрежному отношенію къ дѣлу самого университета,—и относящаяся къ 1825 году попытка Н. И. Лобачевскаго издать учебникъ алгебры. Въ засѣданіи физико-математическаго отдѣленія отъ 11-го сентября 1825 года профессоръ Г. Б. Никольскій вошелъ съ представленіемъ, при которомъ предъявилъ факультету составленный профессоромъ Лобачевскимъ курсъ алгебры, давъ о немъ такого рода отзывъ: „Хотя, по объему своему, содержитъ сія Алгебра только 96 четвертинъ мелкаго письма, но г. авторъ въ семъ небольшомъ пространствѣ помѣстилъ всѣ нужныя статьи и обработалъ ихъ своимъ способомъ съ такою точностью и всеобщностью, что трудно сказать, что бы еще къ нимъ прибавить слѣдовало; а потому она съ большою пользою можетъ быть введена въ употребленіе въ гимназіяхъ". Дѣло перешло въ совѣтъ, который опредѣлилъ ходатайствовать передъ попечителемъ округа отно-

сительно напечатанія труда Лобачевскаго; было заготовлено, за подписью ректора Фукса и и. д. секретаря совѣта Суровцова, и надлежащее представленіе попечителю—но это представленіе почему то отправлено не было, такъ и сохранившись подшитымъ къ соотвѣтствующему совѣтскому дѣлу. Оскорбленный такимъ отношеніемъ къ своему ходатайству, Н. И. Лобачевскій въ концѣ сентября слѣдующаго года потребовалъ рукопись свою обратно, сославшись на то, что она „осталась неотосланной“ попечителю и выразивъ сожалѣніе „о напрасномъ трудѣ“, имъ предпринятомъ. Извѣстно, что мысль Лобачевскаго издать курсъ алгебры осуществилась лишь въ 1832 г., когда вышелъ въ свѣтъ его трудъ: „Алгебра или вычисленіе конечныхъ“ [19].

Неумолимая бдительность Магницкаго простиралась не только на научные труды членовъ „его“ университета, но даже и на совершенно невинныя досужія упражненія ихъ въ стихоплетствѣ, по части котораго особенно плодовитъ былъ, какъ мы знаемъ, пресловутый профессоръ „краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго“ Г. Н. Городчаниновъ. На этой почвѣ весною 1824 года разыгралось трагикомическое событіе, которое можетъ быть приведено здѣсь развѣ только въ видѣ курьеза. Въ началѣ лѣта предшествовавшаго 1823 года оставилъ свою службу капитанъ-командоръ существовавшаго въ то время казанскаго адмиралтейства И. Г. Перелешинъ, въ теченіи продолжительной службы своей въ Казани завязавшій здѣсь обширныя связи и, въ числѣ ихъ, кумовство съ проф. Городчаниновымъ. Желая воздать дань сожалѣнія оставившему Казань куму, профессоръ „краснорѣчія и стихотворства“ при обстоятельствахъ, подробностей которыхъ мы касаться не будемъ, состряпалъ и напечаталъ въ университетской типографіи и съ разрѣшенія университетской цензуры довольно лубочнаго характера стихотворное произведеніе „Матросское горе“, въ которомъ живописалось горе казанскихъ адмиралтейскихъ матросовъ при вѣсти объ уходѣ ихъ любимаго начальника. Какими то судьбами одинъ листокъ этихъ виршей попалъ въ руки Магницкаго и привелъ его въ состояніе полнаго негодованія. Особенно предосудительнымъ показался попечителю послѣдній куплетъ виршей, въ которомъ авторъ влагаетъ въ уста матросовъ слѣдующее сожалѣніе по поводу отставки начальника:

Другова
Такова
Ужъ намъ не найти!

сительно напечатанія труда Лобачевскаго; было заготовлено, за подписью ректора Фукса и и. д. секретаря совѣта Суровцова, и надлежащее представленіе попечителю—но это представленіе почему то отправлено не было, такъ и сохранившись подшитымъ къ соотвѣтствующему совѣтскому дѣлу. Оскорбленный такимъ отношеніемъ къ своему ходатайству, Н. И. Лобачевскій въ концѣ сентября слѣдующаго года потребовалъ рукопись свою обратно, сославшись на то, что она „осталась неотосланной" попечителю и выразивъ сожалѣніе „о напрасномъ трудѣ", имъ предпринятомъ. Извѣстно, что мысль Лобачевскаго издать курсъ алгебры осуществилась лишь въ 1832 г., когда вышелъ въ свѣтъ его трудъ: „Алгебра или вычисленіе конечныхъ" [19].

Неумолимая бдительность Магницкаго простиралась не только на научные труды членовъ „его" университета, но даже и на совершенно невинныя досужія упражненія ихъ въ стихоплетствѣ, по части котораго особенно плодовитъ былъ, какъ мы знаемъ, пресловутый профессоръ „краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго" Г. Н. Городчаниновъ. На этой почвѣ весною 1824 года разыгралось трагикомическое событіе, которое можетъ быть приведено здѣсь развѣ только въ видѣ курьеза. Въ началѣ лѣта предшествовавшаго 1823 года оставилъ свою службу капитанъ-командоръ существовавшаго въ то время казанскаго адмиралтейства И. Г. Перелешинъ, въ теченіи продолжительной службы своей въ Казани завязавшій здѣсь обширныя связи и, въ числѣ ихъ, кумовство съ проф. Городчаниновымъ. Желая воздать дань сожалѣнія оставившему Казань куму, профессоръ „краснорѣчія и стихотворства" при обстоятельствахъ, подробностей которыхъ мы касаться не будемъ, состряпалъ и напечаталъ въ университетской типографіи и съ разрѣшенія университетской цензуры довольно лубочнаго характера стихотворное произведеніе „Матросское горе", въ которомъ живописалось горе казанскихъ адмиралтейскихъ матросовъ при вѣсти объ уходѣ ихъ любимаго начальника. Какими то судьбами одинъ листокъ этихъ виршей попалъ въ руки Магницкаго и привелъ его въ состояніе полнаго негодованія. Особенно предосудительнымъ показался попечителю послѣдній куплетъ виршей, въ которомъ авторъ влагаетъ въ уста матросовъ слѣдующее сожалѣніе по поводу отставки начальника:

Другова
Такова
Ужъ намъ не найти!

Ударимте, братцы, мы чарками въ ладъ
Да батюшкѣ нашему грянемъ „виватъ"!

Магницкій усмотрѣлъ въ этихъ строкахъ прямое оскорбленіе морского вѣдомства, яко бы не способнаго дать достойнаго замѣстителя ушедшему капитанъ-командору, и обратился къ директору университета съ слѣдующимъ выговоромъ:

„Найдя здѣсь случайно листокъ, напечатанный въ типографіи казанскаго университета подъ названіемъ Матросское Горе и находя въ немъ послѣдній куплетъ для настоящаго въ Казани морского начальства оскорбительнымъ, прошу доставить мнѣ свѣдѣнія:

1) Какимъ образомъ вы, обязанный наблюдать, чтобы не прошло что нибудь вредное въ цензурѣ, пропустили помянутый листокъ, который содержитъ въ себѣ открытую интригу?

2) Кто былъ редакторъ сего листка и не изъ числа ли г.г. профессоровъ университета?

При семъ нужнымъ считаю замѣтить, что ежели морское казанское начальство протестуетъ противъ сего напечатаннаго на него пасквиля (!), то отвѣтственность прямо упадетъ на васъ. Я не могу не пожалѣть, что честь казанскаго университета весьма можетъ терпѣть отъ сего площаднаго сочиненія, имъ одобреннаго. Впрочемъ, я уже заявилъ о семъ безпорядкѣ предъ г. министромъ, что онъ произошелъ совершенно мимо меня".

Разслѣдованіемъ директора университета обнаружилось, что авторомъ злополучнаго стихотворенія былъ профессоръ Городчаниновъ *. Инцидентъ этотъ дальнѣйшихъ послѣдствій не имѣлъ, такъ какъ казанское морское начальство никакихъ претензій, конечно, не заявило, самъ же профессоръ „краснорѣчія и стихотворства" представлялся такою persona grata съ точки зрѣнія отношеній къ нему попечителя, что о какихъ бы то ни было репрессивныхъ по отношенію къ нему мѣрахъ не могло быть и рѣчи [20].

Провозгласивъ открытую борьбу противъ свободы книгопечатанія и подвизая на ту же борьбу своихъ казанскихъ клевретовъ и приспѣшниковъ, Магницкій, сознававшій себя безпощаднымъ цензоромъ-гасильникомъ по самому призванію и еще въ бытность симбирскимъ губернаторомъ провозглашавшій, какъ мы видѣли, крестовый походъ противъ произведеній печати **, простиралъ свою дѣятельность въ этомъ направленіи даже

* Инцидентъ съ стихотвореніемъ «Матросское Горе» былъ въ свое время подробно возстановленъ нами на страницахъ журнала «Историческій Вѣстникъ» (1900 г., № 10), гдѣ приведенъ и полный текстъ этого произведенія музы Городчанинова.

** См. томъ III, стр. 282.

Ударимте, братцы, мы чарками въ ладъ
Да батюшкѣ нашему грянемъ „виватъ"!

Магницкій усмотрѣлъ въ этихъ строкахъ прямое оскорбленіе морского вѣдомства, яко бы не способнаго дать достойнаго замѣстителя ушедшему капитанъ-командору, и обратился къ директору университета съ слѣдующимъ выговоромъ:

„Найдя здѣсь случайно листокъ, напечатанный въ типографіи казанскаго университета подъ названіемъ Матросское Горе и находя въ немъ послѣдній куплетъ для настоящаго въ Казани морского начальства оскорбительнымъ, прошу доставить мнѣ свѣдѣнія:

1) Какимъ образомъ вы, обязанный наблюдать, чтобы не прошло что нибудь вредное въ цензурѣ, пропустили помянутый листокъ, который содержитъ въ себѣ открытую интригу?

2) Кто былъ редакторъ сего листка и не изъ числа ли г.г. профессоровъ университета?

При семъ нужнымъ считаю замѣтить, что ежели морское казанское начальство протестуетъ противъ сего напечатаннаго на него пасквиля (!), то отвѣтственность прямо упадетъ на васъ. Я не могу не пожалѣть, что честь казанскаго университета весьма можетъ терпѣть отъ сего площаднаго сочиненія, имъ одобреннаго. Впрочемъ, я уже заявилъ о семъ безпорядкѣ предъ г. министромъ, что онъ произошелъ совершенно мимо меня".

Разслѣдованіемъ директора университета обнаружилось, что авторомъ злополучнаго стихотворенія былъ профессоръ Городчаниновъ *. Инцидентъ этотъ дальнѣйшихъ послѣдствій не имѣлъ, такъ какъ казанское морское начальство никакихъ претензій, конечно, не заявило, самъ же профессоръ „краснорѣчія и стихотворства" представлялся такою persona grata съ точки зрѣнія отношеній къ нему попечителя, что о какихъ бы то ни было репрессивныхъ по отношенію къ нему мѣрахъ не могло быть и рѣчи [20].

Провозгласивъ открытую борьбу противъ свободы книгопечатанія и подвизая на ту же борьбу своихъ казанскихъ клевретовъ и приспѣшниковъ, Магницкій, сознававшій себя безпощаднымъ цензоромъ-гасильникомъ по самому призванію и еще въ бытность симбирскимъ губернаторомъ провозглашавшій, какъ мы видѣли, крестовый походъ противъ произведеній печати **, простиралъ свою дѣятельность въ этомъ направленіи даже

---

* Инцидентъ съ стихотвореніемъ «Матросское Горе» былъ въ свое время подробно возстановленъ нами на страницахъ журнала «Историческій Вѣстникъ» (1900 г., № 10), гдѣ приведенъ и полный текстъ этого произведенія музы Городчанинова.

** См. томъ III, стр. 282.

за предѣлы отношенiй собственно университетскихъ, нерѣдко самымъ щекотливымъ образомъ затрогивая такiя лица и такiя сферы, борьба съ которыми была далеко не по силамъ временщику-попечителю. Краснорѣчивымъ образцомъ только что сказаннаго можетъ служить дерзкiй, восходившiй на высочайшее разрѣшенiе, конфликтъ Магницкаго съ такимъ влiятельнымъ и сильнымъ лицомъ, какимъ являлся въ ту пору графъ Н. П. Румянцевъ,— государственный канцлеръ и извѣстный меценатъ и ревнитель историческаго знанiя, подарившiй русскую литературу цѣлымъ рядомъ цѣнныхъ научныхъ изданiй.

Въ 1820 году, конечно не безъ участiя въ этой инициативѣ бывшаго профессора казанскаго университета и извѣстнаго орiенталиста академика Х. Д. Френа, графъ Н. П. Румянцевъ задумалъ издать на джагатайскомъ языкѣ сочиненiе хивинскаго хана Абу'л-Гази Багадуръ-хана—„Шэджэрэ-и Турки (Тюркское родословiе)", мотивируя свое намѣренiе интересомъ изданiя для орiенталистовъ всей Европы и крайнею неудовлетворительностью и искаженностью существующихъ переводовъ этого творенiя. Печатать изданiе рѣшено было въ азiятской типографiи казанскаго университета и въ томъ же 1820 году Френомъ, отъ имени графа Н. П. Румянцева, присланы были въ университетъ рукопись сочиненiи Абу'л-Гази и одна тысяча рублей на расходы по изданiю. Начальникъ типографiи, адъюнктъ Дунаевъ, при рапортѣ препроводилъ рукопись въ университетскiй цензурный комитетъ, который впалъ, однако, въ недоумѣнiе относительно порядка цензурованiя ея, такъ какъ „въ казанскомъ университетѣ искусный въ татарскомъ языкѣ находится одинъ только лекторъ сего языка Ибрагимъ Хальфинъ, который происхожденiемъ изъ татаръ и исповѣдуетъ магометанскую вѣру". Дѣло было передано на разрѣшенiе попечителя и Магницкiй, не сочтя даже нужнымъ войти по этому поводу въ сношенiе съ графомъ Румянцевымъ, 9 мая 1821 года постановилъ слѣдующую рѣзкую резолюцiю: „Одобряя осторожность, принятую въ разсужденiе рукописи на татарскомъ языкѣ, подъ названiемъ—Исторiя о монголахъ и татарахъ, предлагаю печатанiе оной остановить, деньги на сiе присланныя возвратить и доставить ко мнѣ переводъ всей рукописи". Въ такомъ положенiи дѣло оставалось до весны 1823 года, когда графъ Румянцевъ обратился съ письменною жалобою къ министру народнаго просвѣщенiя князю А. Н. Голицину, который не замедлилъ оффицiально запросить попечителя казанскаго учебнаго округа—„по какимъ причинамъ отказано императорскимъ казанскимъ университетомъ графу Нико-

за предѣлы отношеній собственно университетскихъ, нерѣдко самымъ щекотливымъ образомъ затрогивая такія лица и такія сферы, борьба съ которыми была далеко не по силамъ временщику-попечителю. Краснорѣчивымъ образцомъ только что сказаннаго можетъ служить дерзкій, восходившій на высочайшее разрѣшеніе, конфликтъ Магницкаго съ такимъ вліятельнымъ и сильнымъ лицомъ, какимъ являлся въ ту пору графъ Н. П. Румянцевъ,—государственный канцлеръ и извѣстный меценатъ и ревнитель историческаго знанія, подарившій русскую литературу цѣлымъ рядомъ цѣнныхъ научныхъ изданій.

Въ 1820 году, конечно не безъ участія въ этой иниціативѣ бывшаго профессора казанскаго университета и извѣстнаго оріенталиста академика Х. Д. Френа, графъ Н. П. Румянцевъ задумалъ издать на джагатайскомъ языкѣ сочиненіе хивинскаго хана Абу'л-Гази Багадуръ-хана—„Шэджэрэ-и Турки (Тюркское родословіе)", мотивируя свое намѣреніе интересомъ изданія для оріенталистовъ всей Европы и крайнею неудовлетворительностью и искаженностью существующихъ переводовъ этого творенія. Печатать изданіе рѣшено было въ азіятской типографіи казанскаго университета и въ томъ же 1820 году Френомъ, отъ имени графа Н. П. Румянцева, присланы были въ университетъ рукопись сочиненіи Абу'л-Гази и одна тысяча рублей на расходы по изданію. Начальникъ типографіи, адъюнктъ Дунаевъ, при рапортѣ препроводилъ рукопись въ университетскій цензурный комитетъ, который впалъ, однако, въ недоумѣніе относительно порядка цензурованія ея, такъ какъ „въ казанскомъ университетѣ искуссный въ татарскомъ языкѣ находится одинъ только лекторъ сего языка Ибрагимъ Хальфинъ, который происхожденіемъ изъ татаръ и исповѣдуетъ магометанскую вѣру". Дѣло было передано на разрѣшеніе попечителя и Магницкій, не сочтя даже нужнымъ войти по этому поводу въ сношеніе съ графомъ Румянцевымъ, 9 мая 1821 года постановилъ слѣдующую рѣзкую резолюцію: „Одобряя осторожность, принятую въ разсужденіе рукописи на татарскомъ языкѣ, подъ названіемъ—Исторія о монголахъ и татарахъ, предлагаю печатаніе оной остановить, деньги на сіе присланныя возвратить и доставить ко мнѣ переводъ всей рукописи". Въ такомъ положеніи дѣло оставалось до весны 1823 года, когда графъ Румянцевъ обратился съ письменною жалобою къ министру народнаго просвѣщенія князю А. Н. Голицину, который не замедлилъ оффиціально запросить попечителя казанскаго учебнаго округа—„по какимъ причинамъ отказано императорскимъ казанскимъ университетомъ графу Нико-

лаю Петровичу въ напечатаніи сей книги?“ Увѣдомивъ князя Голицина, донесеніемъ отъ 20-го апрѣля 1823 года, о положеніи дѣла, Магницкій заканчиваетъ свой отвѣтъ слѣдующими сентенціями, которыя не могли, конечно, не задѣть за живое самолюбія вліятельнаго мецената-вельможи:

„Изъ перевода я увидѣлъ,—доноситъ Магницкій:

1) Что въ заглавіи рукописи графъ Николай Петровичъ названъ главою христіанскихъ князей.

2) Что въ ней искажены восточнымъ фанатизмомъ многія важнѣйшія истины, заимствованныя изъ книги Бытія.

3) Что въ ней распространеніе исламизма приписывается даже патріарху Ною.

4) Что, по сему извороту ея, она принадлежитъ не столько къ книгамъ историческимъ, сколько къ тѣмъ, кои косвеннымъ образомъ нападаютъ на Библію.

И такъ,—заключаетъ попечитель,—полагая, что христіанскому университету ни почему не свойственно распространять такія книги, я запретилъ печатаніе помянутой рукописи, предложивъ совѣту университета возвратить, по принадлежности, и присланныя для сего деньги; ибо, ежели мы терпимъ печатаніе алкорановъ, то потому только, что правительство не возбраняетъ сего, а вновь выходящія сочиненія, служащія подкрѣпленіемъ магометанства и ослабленіемъ главнѣйшихъ библейскихъ истинъ, по моему мнѣнію—печатать не слѣдуетъ. Почему въ правѣ почитаю себя сказать при семъ случаѣ, что россійскому академику и христіанину Френу не подлежало бы принимать на себя обязанность распространять подобныя сочиненія“.

Заключавшіяся въ этомъ донесеніи укоризны, непосредственно направленныя противъ академика Френа, далеко не двусмысленнымъ образомъ задѣвали, само собою разумѣется, и государственнаго канцлера,—тягаться же съ графомъ Н. П. Румянцевымъ рискованнымъ представлялось не только попечителю казанскаго учебнаго округа, но и самому министру народнаго просвѣщенія. Князь А. Н. Голицинъ представилъ все дѣло, присовокупивъ къ нему и мнѣніе Магницкаго, на благоусмотрѣніе государя императора, которымъ и было высочайше соизволено на безпрепятственное напечатаніе рукописи въ типографіи казанскаго университета * [21].

Однимъ изъ дальнѣйшихъ геркулесовыхъ столповъ неистовствъ и нахальной дерзости Магницкаго, проявлявшихся имъ въ фанатичной

* Книга вышла въ свѣтъ въ 1825 году, подъ заглавіемъ: شجرهٔ ترکی—Шеджэрэ-и Турки (тюркское родословіе). Издана на джагатайскомъ языкѣ, съ латинскимъ заглавіемъ, въ количествѣ 1028 экземпляровъ.

лаю Петровичу въ напечатаніи сей книги?" Увѣдомивъ князя Голицина, донесеніемъ отъ 20-го апрѣля 1823 года, о положеніи дѣла, Магницкій заканчиваетъ свой отвѣтъ слѣдующими сентенціями, которыя не могли, конечно, не задѣть за живое самолюбія вліятельнаго мецената-вельможи:

„Изъ перевода я увидѣлъ,—доноситъ Магницкій:

1) Что въ заглавіи рукописи графъ Николай Петровичъ названъ главою христіанскихъ князей.

2) Что въ ней искажены восточнымъ фанатизмомъ многія важнѣйшія истины, заимствованныя изъ книги Бытія.

3) Что въ ней распространеніе исламизма приписывается даже патріарху Ною.

4) Что, по сему извороту ея, она принадлежитъ не столько къ книгамъ историческимъ, сколько къ тѣмъ, кои косвеннымъ образомъ нападаютъ на Библію.

И такъ,—заключаетъ попечитель,—полагая, что христіанскому университету ни почему не свойственно распространять такія книги, я запретилъ печатаніе помянутой рукописи, предложивъ совѣту университета возвратить, по принадлежности, и присланныя для сего деньги; ибо, ежели мы терпимъ печатаніе алкорановъ, то потому только, что правительство не возбраняетъ сего, а вновь выходящія сочиненія, служащія подкрѣпленіемъ магометанства и ослабленіемъ главнѣйшихъ библейскихъ истинъ, по моему мнѣнію—печатать не слѣдуетъ. Почему въ правѣ почитаю себя сказать при семъ случаѣ, что россійскому академику и христіанину Френу не подлежало бы принимать на себя обязанность распространять подобныя сочиненія".

Заключавшіяся въ этомъ донесеніи укоризны, непосредственно направленныя противъ академика Френа, далеко не двусмысленнымъ образомъ задѣвали, само собою разумѣется, и государственнаго канцлера,—тягаться же съ графомъ Н. П. Румянцевымъ рискованнымъ представлялось не только попечителю казанскаго учебнаго округа, но и самому министру народнаго просвѣщенія. Князь А. Н. Голицинъ представилъ все дѣло, присовокупивъ къ нему и мнѣніе Магницкаго, на благоусмотрѣніе государя императора, которымъ и было высочайше соизволено на безпрепятственное напечатаніе рукописи въ типографіи казанскаго университета * [21].

Однимъ изъ дальнѣйшихъ геркулесовыхъ столповъ неистовствъ и нахальной дерзости Магницкаго, проявлявшихся имъ въ фанатичной

* Книга вышла въ свѣтъ въ 1825 году, подъ заглавіемъ: شجرهٔ ترکی—Шеджэрэ-и Турки (тюркское родословіе). Издана на джагатайскомъ языкѣ, съ латинскимъ заглавіемъ, въ количествѣ 1028 экземпляровъ.

борьбѣ съ печатнымъ словомъ и порою, дѣйствительно, ставившихъ казанскаго попечителя въ трагикомическое положеніе „несчастнѣйшаго Донъ-Кихота, что прекратить драку съ мельницами не могъ“ *—долженъ быть признанъ походъ, предпринятый имъ противъ собственнаго повременнаго органа министерства народнаго просвѣщенія—„Періодическаго сочиненія объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія“, объявленнаго имъ исполненнымъ „нечестія и началъ возмутительныхъ“.

Этотъ почти невѣроятный эпизодъ изъ области охранительныхъ потугъ казанскаго попечителя разыгрался на почвѣ производившагося имъ по библіотекамъ учебныхъ заведеній округа сыска зловредныхъ книгъ, на чемъ ниже будемъ мы имѣть случай остановиться съ бо́льшею подробностью. Войдя къ министру народнаго просвѣщенія съ представленіемъ отъ 20-го ноября 1823 года, въ которомъ докладывалъ князю Голицину о предпринятомъ имъ, съ самаго утвержденія инструкцій для казанскаго университета, пересмотрѣ книгъ въ училищахъ округа, причемъ много было обнаружено и отобрано книгъ „вредныхъ“, Магницкій совершенно неожиданно заявляетъ, что, къ его „крайнему удивленію“, оказалось, что „опаснѣйшею изъ всѣхъ оказалась книга оффиціальная—періодическое изданіе министерства народнаго просвѣщенія“. Слѣдуя и на этотъ разъ своему излюбленному пріему, попечитель представилъ выписки изъ различныхъ,—совершенно невинныхъ, конечно,—статей этого изданія, съ собственноручными отмѣтками и примѣчаніями на поляхъ. Изъ этихъ выписокъ министръ, по мнѣнію Магницкаго, долженъ былъ усмотрѣть всю опасность этого изданія, въ виду того, что изложенныя въ немъ „правила (училищныя и др.) покрыты оффиціальностью и изданы какъ бы въ руководство, чего нѣтъ ни въ Ла-Метри, ни въ Вольтерѣ, гдѣ все излагается только въ видѣ философскихъ гипотезъ“. Имѣя это въ виду и сознавая неловкость прямо запретить обращеніе въ публикѣ оффиціальнаго изданія, Магницкій предлагалъ сдѣлать изъ него выборку всѣхъ „нужныхъ“ узаконеній и, по ихъ пересмотрѣ, издать особою книгою подъ заглавіемъ „Собранія законовъ и правилъ учебнаго управленія“, а затѣмъ, разославъ это изданіе (по образцу „Almanach de l'Université de France“)—„Періодическое сочиненіе, какъ исполненное классическаго нечестія и началъ возмутительныхъ“, вытребовать изъ училищъ въ министерство.

* Сравненіе, принадлежащее самому Магницкому,—см. томъ III, стр. 273.

борьбѣ съ печатнымъ словомъ и порою, дѣйствительно, ставившихъ казанскаго попечителя въ трагикомическое положеніе „несчастнѣйшаго Донъ-Кихота, что прекратить драку съ мельницами не могъ“ *—долженъ быть признанъ походъ, предпринятый имъ противъ собственнаго повременнаго органа министерства народнаго просвѣщенія—„Періодическаго сочиненія объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія“, объявленнаго имъ исполненнымъ „нечестія и началъ возмутительныхъ“.

Этотъ почти невѣроятный эпизодъ изъ области охранительныхъ потугъ казанскаго попечителя разыгрался на почвѣ производившагося имъ по библіотекамъ учебныхъ заведеній округа сыска зловредныхъ книгъ, на чемъ ниже будемъ мы имѣть случай остановиться съ бо́льшею подробностью. Войдя къ министру народнаго просвѣщенія съ представленіемъ отъ 20-го ноября 1823 года, въ которомъ докладывалъ князю Голицину о предпринятомъ имъ, съ самаго утвержденія инструкцій для казанскаго университета, пересмотрѣ книгъ въ училищахъ округа, причемъ много было обнаружено и отобрано книгъ „вредныхъ“, Магницкій совершенно неожиданно заявляетъ, что, къ его „крайнему удивленію“, оказалось, что „опаснѣйшею изъ всѣхъ оказалась книга оффиціальная—періодическое изданіе министерства народнаго просвѣщенія“. Слѣдуя и на этотъ разъ своему излюбленному пріему, попечитель представилъ выписки изъ различныхъ,—совершенно невинныхъ, конечно,—статей этого изданія, съ собственноручными отмѣтками и примѣчаніями на поляхъ. Изъ этихъ выписокъ министръ, по мнѣнію Магницкаго, долженъ былъ усмотрѣть всю опасность этого изданія, въ виду того, что изложенныя въ немъ „правила (училищныя и др.) покрыты оффиціальностью и изданы какъ бы въ руководство, чего нѣтъ ни въ Ла-Метри, ни въ Вольтерѣ, гдѣ все излагается только въ видѣ философскихъ гипотезъ“. Имѣя это въ виду и сознавая неловкость прямо запретить обращеніе въ публикѣ оффиціальнаго изданія, Магницкій предлагалъ сдѣлать изъ него выборку всѣхъ „нужныхъ“ узаконеній и, по ихъ пересмотрѣ, издать особою книгою подъ заглавіемъ „Собранія законовъ и правилъ учебнаго управленія“, а затѣмъ, разославъ это изданіе (по образцу „Almanach de l'Université de France“)—„Періодическое сочиненіе, какъ исполненное классическаго нечестія и началъ возмутительныхъ“, вытребовать изъ училищъ въ министерство.

* Сравненіе, принадлежащее самому Магницкому,—см. томъ III, стр. 273.

Явная дерзость и неприличіе домоганій казанскаго попечителя не помѣшали князю Голицыну передать проектъ Магницкаго на разсмотрѣніе ученаго комитета главнаго правленія училищъ, который весьма уклончиво (предложеніе министра попечителю отъ 15-го декабря того же года) отозвался, что, обремененный другими работами, онъ „почитаетъ весьма затруднительнымъ для себя дѣломъ, а не менѣе—и не нужнымъ, пересматривать заключающіяся въ помянутомъ періодическомъ изданіи постановленія и сочиненія, такъ какъ изданіе сіе давно уже напечатано и разошлось" *. Министръ вполнѣ согласился съ заключеніемъ комитета, о чемъ и увѣдомилъ казанскаго попечителя. Магницкій на этомъ не успокоился и 31-го декабря вошелъ къ князю Голицыну съ новымъ и уже совершенно неумѣстнымъ представленіемъ, въ которомъ заявлялъ, что, „не смѣя входить въ сужденія о мнѣніи ученаго комитета, какъ скоро утверждено оно вашимъ сіятельствомъ и сообщено мнѣ только къ исполненію", онъ проситъ, тѣмъ не менѣе, дозволенія „начать и окончить то дѣло, отъ котораго комитетъ отказывается по многодѣлію, в ъ к а з а н с к о м ъ у н и в е р с и т е т ѣ, ибо по инструкціи, данной директору онаго (отд. III, § 6), н е м о ж е т ъ о н ъ т е р п ѣ т ь в ъ с в о и х ъ (sic) у ч и л и щ а х ъ в р е д н ы х ъ к н и г ъ—н и н о в ы х ъ, н и с т а р ы х ъ". Предложеніемъ отъ 5-го января 1824 г. князь Голицынъ отвѣтилъ на новое домогательство попечителя, что, въ силу уже состоявшагося постановленія ученаго комитета, онъ не считаетъ себя въ правѣ допустить того пересмотра „Періодическаго сочиненія" въ казанскомъ университетѣ, которое предлагаетъ попечитель, тѣмъ болѣе, что „оное сочиненіе издавалось отъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія" и, къ тому же, не употребляется ни въ классахъ, въ качествѣ учебной книги, ни для чтенія воспитанниковъ [22].

Магницкій—не унимался, и весьма вѣроятно, что только что описанный отпоръ, встрѣченный имъ со стороны князя А. Н. Голицына, былъ однимъ изъ стимуловъ в ы х о д к и, п р е д п р и н я т о й и м ъ в е с н о ю 1 8 2 4 г о д а п р о т и в ъ р о с с і й с к а г о б и б л е й с к а г о о б щ е с т в а, иначе говоря—противъ самого Голицына, бывшаго, какъ извѣстно, основателемъ, президентомъ и душою этого общества, на почвѣ котораго, какъ мы это уже видѣли, произошло и первоначальное, роковое для казанскаго университета, сближеніе министра народнаго просвѣщенія съ будущимъ попечителемъ казанскаго учебнаго округа, въ ту пору надѣв-

* «Періодическое сочиненіе» издавалось министерствомъ съ 1803 г. по 1817 годъ. Преемниками его явились: «Журналъ департамента народнаго просвѣщенія» (1821—1823 г.г.), «Записки д-та народн. просвѣщенія» (1825—1828 г.г.) и, наконецъ, «Журналъ министерства народнаго просвѣщенія» (съ 1834 года).

Явная дерзость и неприличіе домоганій казанскаго попечителя не помѣшали князю Голицину передать проектъ Магницкаго на разсмотрѣніе ученаго комитета главнаго правленія училищъ, который весьма уклончиво (предложеніе министра попечителю отъ 15-го декабря того же года) отозвался, что, обремененный другими работами, онъ „почитаетъ весьма затруднительнымъ для себя дѣломъ, а не менѣе—и не нужнымъ, пересматривать заключающіяся въ помянутомъ періодическомъ изданіи постановленія и сочиненія, такъ какъ изданіе сіе давно уже напечатано и разошлось" *. Министръ вполнѣ согласился съ заключеніемъ комитета, о чемъ и увѣдомилъ казанскаго попечителя. Магницкій на этомъ не успокоился и 31-го декабря вошелъ къ князю Голицину съ новымъ и уже совершенно неумѣстнымъ представленіемъ, въ которомъ заявлялъ, что, „не смѣя входить въ сужденія о мнѣніи ученаго комитета, какъ скоро утверждено оно вашимъ сіятельствомъ и сообщено мнѣ только къ исполненію", онъ проситъ, тѣмъ не менѣе, дозволенія „начать и окончить то дѣло, отъ котораго комитетъ отказывается по многодѣлію, въ казанскомъ университетѣ, ибо по инструкціи, данной директору онаго (отд. III, § 6), не можетъ онъ терпѣть въ своихъ (sic) училищахъ вредныхъ книгъ—ни новыхъ, ни старыхъ". Предложеніемъ отъ 5-го января 1824 г. князь Голицинъ отвѣтилъ на новое домогательство попечителя, что, въ силу уже состоявшагося постановленія ученаго комитета, онъ не считаетъ себя въ правѣ допустить того пересмотра „Періодическаго сочиненія" въ казанскомъ университетѣ, которое предлагаетъ попечитель, тѣмъ болѣе, что „оное сочиненіе издавалось отъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія" и, къ тому же, не употребляется ни въ классахъ, въ качествѣ учебной книги, ни для чтенія воспитанниковъ [22].

Магницкій—не унимался, и весьма вѣроятно, что только что описанный отпоръ, встрѣченный имъ со стороны князя А. Н. Голицина, былъ однимъ изъ стимуловъ выходки, предпринятой имъ весною 1824 года противъ россійскаго библейскаго общества, иначе говоря—противъ самого Голицина, бывшаго, какъ извѣстно, основателемъ, президентомъ и душою этого общества, на почвѣ котораго, какъ мы это уже видѣли, произошло и первоначальное, роковое для казанскаго университета, сближеніе министра народнаго просвѣщенія съ будущимъ попечителемъ казанскаго учебнаго округа, въ ту пору надѣв-

* «Періодическое сочиненіе» издавалось министерствомъ съ 1803 г. по 1817 годъ. Преемниками его явились: «Журналъ департамента народнаго просвѣщенія» (1821—1823 г.г.), «Записки д-та народн. просвѣщенія» (1825—1828 г.г.) и, наконецъ, «Журналъ министерства народнаго просвѣщенія» (съ 1834 года).

шимъ на себя личину фанатичнаго адепта библейскаго общества *. Новая выходка Магницкаго относится уже къ ближайшимъ днямъ по оставленіи княземъ Голицинымъ поста министра народнаго просвѣщенія, что было, какъ извѣстно, результатомъ ожесточенной интриги, поведенной противъ него, подъ авторитетомъ имени графа Аракчеева, митрополитомъ новгородскимъ и петербургскимъ Серафимомъ, юрьевскимъ архимандритомъ Фотіемъ и адмираломъ А. С. Шишковымъ, къ которымъ примкнулъ и Магницкій, предательски забывъ все добро, такъ недавно еще оказанное ему княземъ Голицинымъ. Интрига была поведена на почвѣ дѣятельности Голицина по библейскому обществу, а потому и не представляется нисколько удивительнымъ то, что пронырливый карьеристъ-попечитель, почуявъ новыя вѣянія (преемникомъ кн. Голицина по министерству былъ назначенъ какъ разъ адмиралъ А. С. Шишковъ—антагонистъ бывшаго министра), измѣнилъ библейскому обществу съ такимъ же легкимъ сердцемъ, съ какимъ измѣнилъ онъ и своему бывшему патрону. Направленіе, господствовавшее въ описываемое нами переходное время, было весьма удачно охарактеризовано много лѣтъ позже однимъ изъ ревностныхъ сторонниковъ павшаго министра, знаменитымъ впослѣдствіе московскимъ митрополитомъ Филаретомъ: „Думаю,—писалъ въ 1857 г. московскій іерархъ,—что въ 1824 году возстаніе противъ министра (т. е. кн. Голицина) и противъ библейскаго общества образовали люди, водимые личными выгодами, которые, что бы увлечь за собою другихъ, благонамѣренныхъ, употребляли не только изысканныя и преувеличенныя подозрѣнія, но и выдумывали и клеветали". Предположеніе митроп. Филарета какъ нельзя болѣе подтверждается вылазкою Магницкаго противъ библейскаго общества, предпринятою имъ,—всего черезъ девять дней послѣ выхода изъ министерства кн. Голицина и на почвѣ все той же борьбы съ неблагонамѣренностью печатнаго слова,—въ формѣ слѣдующаго письма на имя новаго президента библейскаго общества, митрополита Серафима, отъ 24-го мая 1824 года:

„Ваше высокопреосвященство изволите, я думаю, припомнить, что въ засѣданіяхъ библейскаго комитета два раза была рѣчь о богохульномъ выраженіи, поставленномъ въ персидскомъ переводѣ Новаго Завѣта, котораго не смѣю и произнесть. Въ первый разъ просилъ я, что бы важное дѣло сіе было основательно изслѣдовано, а во второй, что бы всѣ оставшіеся экземпляры сего перевода были—сожжены.

* См. томъ III, стр. 280—282.

шимъ на себя личину фанатичнаго адепта библейскаго общества *. Новая выходка Магницкаго относится уже къ ближайшимъ днямъ по оставленіи княземъ Голицинымъ поста министра народнаго просвѣщенія, что было, какъ извѣстно, результатомъ ожесточенной интриги, поведенной противъ него, подъ авторитетомъ имени графа Аракчеева, митрополитомъ новгородскимъ и петербургскимъ Серафимомъ, юрьевскимъ архимандритомъ Фотіемъ и адмираломъ А. С. Шишковымъ, къ которымъ примкнулъ и Магницкій, предательски забывъ все добро, такъ недавно еще оказанное ему княземъ Голицинымъ. Интрига была поведена на почвѣ дѣятельности Голицина по библейскому обществу, а потому и не представляется нисколько удивительнымъ то, что пронырливый карьеристъ-попечитель, почуявъ новыя вѣянія (преемникомъ кн. Голицина по министерству былъ назначенъ какъ разъ адмиралъ А. С. Шишковъ—антагонистъ бывшаго министра), измѣнилъ библейскому обществу съ такимъ же легкимъ сердцемъ, съ какимъ измѣнилъ онъ и своему бывшему патрону. Направленіе, господствовавшее въ описываемое нами переходное время, было весьма удачно охарактеризовано много лѣтъ позже однимъ изъ ревностныхъ сторонниковъ павшаго министра, знаменитымъ впослѣдствіе московскимъ митрополитомъ Филаретомъ: „Думаю,—писалъ въ 1857 г. московскій іерархъ,—что въ 1824 году возстаніе противъ министра (т. е. кн. Голицина) и противъ библейскаго общества образовали люди, водимые личными выгодами, которые, что бы увлечь за собою другихъ, благонамѣренныхъ, употребляли не только изысканныя и преувеличенныя подозрѣнія, но и выдумывали и клеветали“. Предположеніе митроп. Филарета какъ нельзя болѣе подтверждается вылазкою Магницкаго противъ библейскаго общества, предпринятою имъ,—всего черезъ девять дней послѣ выхода изъ министерства кн. Голицина и на почвѣ все той же борьбы съ неблагонамѣренностью печатнаго слова,—въ формѣ слѣдующаго письма на имя новаго президента библейскаго общества, митрополита Серафима, отъ 24-го мая 1824 года:

„Ваше высокопреосвященство изволите, я думаю, припомнить, что въ засѣданіяхъ библейскаго комитета два раза была рѣчь о богохульномъ выраженіи, поставленномъ въ персидскомъ переводѣ Новаго Завѣта, котораго не смѣю и произнесть. Въ первый разъ просилъ я, что бы важное дѣло сіе было основательно изслѣдовано, а во второй, что бы всѣ оставшіеся экземпляры сего перевода были—сожжены.

* См. томъ III, стр. 280—282.

Первое мнѣніе мое оставлено безъ вниманія. Не знаю, той же ли участи подвержено и второе,—но знаю то, что чѣмъ болѣе воспоминаю страшное дѣло сіе, тѣмъ сильнѣе тревожитъ меня совѣсть слѣдующими разсужденіями:

1. Заключающій въ себѣ богохульное выраженіе персидскій переводъ распространенъ въ Персіи и оффиціально поднесенъ шаху. Какъ увѣрить теперь персіянъ, что въ подлинникѣ выраженія сего нѣтъ, а въ переводѣ—ошибка?

2. Ежели въ преложеніи на персидскій языкъ, одинъ изъ классическихъ восточныхъ, могло проскользнуть, по ошибкѣ, богохульство—то чего не можетъ быть въ тѣхъ торопливыхъ переводахъ на многіе языки дикихъ, у коихъ нѣтъ еще и письменъ?

3. Послѣ сего величайшаго на землѣ несчастія для библейскаго общества—можно ли еще думать, что бы на дѣлѣ его было Божіе благословеніе?

4. Каждый членъ общества не будетъ ли отвѣчать предъ Богомъ за всѣ дѣла его, участвуя въ нихъ и деньгами, и согласіемъ?.....

Нынѣ правленіе императорскаго казанскаго университета, представляя мнѣ о раздачѣ книгъ св. писанія ученикамъ, въ награду за успѣхи, упоминаетъ и о евангеліи на персидскомъ языкѣ, изъ чего вижу я, что книга сія не только не уничтожена, но еще и распространяется библейскими отдѣленіями".

Письмо заканчивается просьбою Магницкаго принять его „торжественное отреченіе отъ всѣхъ богопротивныхъ дѣйствій библейскаго общества" и ходатайствомъ о „совершенномъ отъ онаго увольненіи" [23].

Дальнѣйшею дерзкою и самоувѣренною выходкою ознаменовалась охранительная дѣятельность казанскаго попечителя весною 1825 года, когда Магницкій, съ удивительнымъ даже для него нахальствомъ, выступилъ въ роли обличителя виднаго и вліятельнаго іерарха русской церкви, будущаго властнаго московскаго митрополита, а въ то время еще московскаго архіепископа, преосвященнаго Филарета, лица, довѣренная близость котораго къ престолу уже въ то время была настолько интимною, что онъ выступилъ одною изъ трехъ довѣренныхъ особъ, посвященныхъ въ тайны престолонаслѣдія, комбинированныя на случай смерти императора Александра. Смѣлая выходка Магницкаго противъ архіепископа Филарета была, опять таки, отраженіемъ той кампаніи, которую, подъ эгидою всевластнаго временщика Аракчеева, передъ тѣмъ только вели противъ князя А. Н. Голицина и къ которой предательски примкнулъ, какъ мы только что видѣли, казанскій попечитель. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что архіепископъ Филаретъ дол-

Первое мнѣніе мое оставлено безъ вниманія. Не знаю, той же ли участи подвержено и второе,—но знаю то, что чѣмъ болѣе воспоминаю страшное дѣло сіе, тѣмъ сильнѣе тревожитъ меня совѣсть слѣдующими разсужденіями:

1. Заключающій въ себѣ богохульное выраженіе персидскій переводъ распространенъ въ Персіи и оффиціально поднесенъ шаху. Какъ увѣрить теперь персіянъ, что въ подлинникѣ выраженія сего нѣтъ, а въ переводѣ—ошибка?

2. Ежели въ преложеніи на персидскій языкъ, одинъ изъ классическихъ восточныхъ, могло проскользнуть, по ошибкѣ, богохульство—то чего не можетъ быть въ тѣхъ торопливыхъ переводахъ на многіе языки дикихъ, у коихъ нѣтъ еще и письменъ?

3. Послѣ сего величайшаго на землѣ несчастія для библейскаго общества—можно ли еще думать, что бы на дѣлѣ его было Божіе благословеніе?

4. Каждый членъ общества не будетъ ли отвѣчать предъ Богомъ за всѣ дѣла его, участвуя въ нихъ и деньгами, и согласіемъ?.....

Нынѣ правленіе императорскаго казанскаго университета, представляя мнѣ о раздачѣ книгъ св. писанія ученикамъ, въ награду за успѣхи, упоминаетъ и о евангеліи на персидскомъ языкѣ, изъ чего вижу я, что книга сія не только не уничтожена, но еще и распространяется библейскими отдѣленіями".

Письмо заканчивается просьбою Магницкаго принять его „торжественное отреченіе отъ всѣхъ богопротивныхъ дѣйствій библейскаго общества" и ходатайствомъ о „совершенномъ отъ онаго увольненіи" [23].

Дальнѣйшею дерзкою и самоувѣренною выходкою ознаменовалась охранительная дѣятельность казанскаго попечителя весною 1825 года, когда Магницкій, съ удивительнымъ даже для него нахальствомъ, выступилъ въ роли обличителя виднаго и вліятельнаго іерарха русской церкви, будущаго властнаго московскаго митрополита, а въ то время еще московскаго архіепископа, преосвященнаго Филарета, лица, довѣренная близость котораго къ престолу уже въ то время была настолько интимною, что онъ выступилъ одною изъ трехъ довѣренныхъ особъ, посвященныхъ въ тайны престолонаслѣдія, комбинированныя на случай смерти императора Александра. Смѣлая выходка Магницкаго противъ архіепископа Филарета была, опять таки, отраженіемъ той кампаніи, которую, подъ эгидою всевластнаго временщика Аракчеева, передъ тѣмъ только вели противъ князя А. Н. Голицина и къ которой предательски примкнулъ, какъ мы только что видѣли, казанскій попечитель. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что архіепископъ Филаретъ дол-

женъ былъ сознавать положеніе, которое ему, другу князя Голицина, суждено было занять въ интригѣ противъ этого послѣдняго, лишь однимъ изъ отголосковъ которой явилась вылазка противъ него Магницкаго, рѣшившагося обличать знаменитаго составителя „Православнаго катехизиса" ни болѣе, ни менѣе, какъ.... въ антиправославномъ складѣ его умовоззрѣнія,—безразсудная попытка, дальше которой трудно было, кажется, идти даже самому казанскому попечителю!

Извѣстно, что послѣдніе два года царствованія императора Александра I ознаменовались крайнимъ напряженіемъ реакціонной политики, которая не замедлила отразиться и на положеніи печати. Почти невѣроятныхъ предѣловъ достигли въ эту пору цензурныя стѣсненія, фанатическимъ представителемъ которыхъ явился казанскій попечитель учебнаго округа. Толчокъ къ этому крестовому походу на свободу печати данъ былъ высочайшимъ именнымъ указомъ на имя министра народнаго просвѣщенія отъ 17-го ноября 1824 года, которымъ предписывалось „строгое наблюденіе, дабы какъ въ изданныхъ, такъ и впредь издаваемыхъ сочиненіяхъ и переводахъ, особливо же въ преподаваніи наукъ, ничего колеблющаго вѣру и благонравіе не укрывалось". 11-го декабря высочайшій указъ этотъ былъ торжественно прочтенъ въ засѣданіи главнаго правленія училищъ, послѣ чего вновь назначенный весною того же года новый министръ народнаго просвѣщенія А. С. Шишковъ обратился къ присутствовавшимъ съ рѣчью, въ которой приглашалъ всѣхъ членовъ правленія „содѣйствовать ему въ истребленіи книгъ, которыя содержатъ въ себѣ несогласныя съ вѣроисповѣданіемъ нашимъ толкованія о вѣрѣ".

Само собою разумѣется, что для попечителя казанскаго учебнаго округа въ повтореніи этого „приглашенія" не было ни малѣйшей надобности и Магницкій уже весною 1825 года ополчился въ духѣ министерскаго воззванія, смѣло избравъ предметомъ своихъ обличеній „Начертаніе церковно-библейской исторіи" архіепископа Филарета, въ пору изданія имъ этой книги (1816 г.) находившагося еще въ санѣ архимандрита и въ званіи ректора петербургской духовной академіи. 21-го мая 1825 г. Магницкій вошелъ къ своему министру съ представленіемъ, въ которомъ обращалъ его вниманіе на антиправославное направленіе „Начертанія церковно-библейской исторіи" Филарета и, по обыкновенію, въ подтвержденіе своего обличенія приложилъ цѣлую тетрадь выписокъ и извлеченій изъ этой книги, снабдивъ ихъ своими критико-полемическими замѣчаніями. Какъ необычайность разсказывае-

женъ былъ сознавать положеніе, которое ему, другу князя Голицына, суждено было занять въ интригѣ противъ этого послѣдняго, лишь однимъ изъ отголосковъ которой явилась вылазка противъ него Магницкаго, рѣшившагося обличать знаменитаго составителя „Православнаго катехизиса" ни болѣе, ни менѣе, какъ.... въ антиправославномъ складѣ его умовоззрѣнія,—безразсудная попытка, дальше которой трудно было, кажется, идти даже самому казанскому попечителю!

Извѣстно, что послѣдніе два года царствованія императора Александра I ознаменовались крайнимъ напряженіемъ реакціонной политики, которая не замедлила отразиться и на положеніи печати. Почти невѣроятныхъ предѣловъ достигли въ эту пору цензурныя стѣсненія, фанатическимъ представителемъ которыхъ явился казанскій попечитель учебнаго округа. Толчокъ къ этому крестовому походу на свободу печати данъ былъ высочайшимъ именнымъ указомъ на имя министра народнаго просвѣщенія отъ 17-го ноября 1824 года, которымъ предписывалось „строгое наблюденіе, дабы какъ въ изданныхъ, такъ и впредь издаваемыхъ сочиненіяхъ и переводахъ, особливо же въ преподаваніи наукъ, ничего колеблющаго вѣру и благонравіе не укрывалось". 11-го декабря высочайшій указъ этотъ былъ торжественно прочтенъ въ засѣданіи главнаго правленія училищъ, послѣ чего вновь назначенный весною того же года новый министръ народнаго просвѣщенія А. С. Шишковъ обратился къ присутствовавшимъ съ рѣчью, въ которой приглашалъ всѣхъ членовъ правленія „содѣйствовать ему въ истребленіи книгъ, которыя содержатъ въ себѣ несогласныя съ вѣроисповѣданіемъ нашимъ толкованія о вѣрѣ".

Само собою разумѣется, что для попечителя казанскаго учебнаго округа въ повтореніи этого „приглашенія" не было ни малѣйшей надобности и Магницкій уже весною 1825 года ополчился въ духѣ министерскаго воззванія, смѣло избравъ предметомъ своихъ обличеній „Начертаніе церковно-библейской исторіи" архіепископа Филарета, въ пору изданія имъ этой книги (1816 г.) находившагося еще въ санѣ архимандрита и въ званіи ректора петербургской духовной академіи. 21-го мая 1825 г. Магницкій вошелъ къ своему министру съ представленіемъ, въ которомъ обращалъ его вниманіе на антиправославное направленіе „Начертанія церковно-библейской исторіи" Филарета и, по обыкновенію, въ подтвержденіе своего обличенія приложилъ цѣлую тетрадь выписокъ и извлеченій изъ этой книги, снабдивъ ихъ своими критико-полемическими замѣчаніями. Какъ необычайность разсказывае-

маго нами эпизода, такъ и историческій интересъ личности знаменитаго московскаго іерарха, побуждаютъ насъ познакомить читателей съ нѣкоторыми изъ этихъ выписокъ, вмѣстѣ съ замѣчаніями на нихъ казанскаго попечителя:

Выписки и извлеченія изъ книги Филарета:	Замѣчанія на нихъ Магницкаго:
«Цѣлость исторіи церковной слагается изъ внѣшней исторіи церкви и внутренней исторіи вѣры».	Раздѣленіе сіе есть необычайность, чуждая правовѣрію.
«Во второй день Богъ раздѣлилъ воды твердію. Можно думать, что то были первоначальныя воды, содержащія въ себѣ вещество темныхъ тѣлъ небесныхъ, которыя теперь, плотнѣе сложась у своихъ центровъ и заключаясь въ постоянныхъ предѣлахъ, оставили болѣе удобопроницаемое для свѣта пространство или—твердь».	Такъ изъясняли сотвореніе свѣтилъ небесныхъ,—но не отцы церкви, а нѣкоторыя тайныя общества. Да и можно ли что нибудь думать о семъ предметѣ учителю церкви произвольно, когда все къ нему относящееся уже истолковано отцами?
«Къ царству растительному, созданному въ третій день, безъ сомнѣнія отнести должно также сотвореніе царства ископаемаго».	Объ ископаемомъ царствѣ писаніе умолчало не безъ причины. Земля измѣнилась отъ проклятія. Какъ же тутъ заключать произвольно, да еще—«безъ сомнѣнія»?
Сочинитель приводитъ языческія сужденія о началѣ человѣка и, исчисливъ нѣкоторыя изъ нихъ, заключаетъ: «Такія нелѣпости доказываютъ ту истину, что разумъ не можетъ дать опредѣлительнаго свѣдѣнія о началѣ рода человѣческаго».	На что же приводить нелѣпости? А, между тѣмъ, онѣ могутъ быть вредны, ибо сжели бы авторъ ихъ не привелъ, то ученикъ и не подумалъ бы сомнѣваться.
«Первобытную религію представлять можно въ видѣ завѣта между Богомъ и человѣкомъ. Условія сего завѣта со стороны человѣка состоятъ въ томъ, что бы онъ искренне любилъ Бога и ближнихъ и оказывалъ Творцу своему совершенное послушаніе во всѣхъ его повелѣніяхъ. Условія же со стороны Бога были сіи: продолженіе блаженнаго состоянія человѣка, его безопасность отъ смерти или болѣзненнаго разрушенія тѣла и, наконецъ, жизнь вѣчная».	О завѣтѣ семъ ничего не сказано въ св. писаніи. Когда же настало время сдѣлать завѣтъ съ человѣкомъ,—но не сей завѣтъ, подразумѣваемый и изъ науки естественнаго права заимствованный, а положительный,—тогда самъ Богъ объявилъ сіе Аврааму. Какое же право имѣетъ авторъ выдумывать завѣты?
«Послѣ паденія Адама на мѣсто перваго завѣта былъ поставленъ завѣтъ благодати».	Въ какомъ св. отцѣ почерпнута сія новизна?
Въ примѣчаніи къ страницѣ 25-й сказано: «Блаженный Августинъ производитъ рабство отъ проклятія, которымъ Ной поразилъ Ханаана. Напротивъ того, Ной говоритъ о рабствѣ, какъ о чемъ то извѣстномъ. Бѣдность и невѣжество и до потопа имѣли уже время породить рабовъ, особенно во времена исполиновъ».	Здѣсь происхожденіе рабства выведено отъ невѣжества и бѣдности, т. е. отъ хитрости и насилія, согласно съ германскою наукою естественнаго права. Между тѣмъ мы видимъ рабовъ, упомянутыхъ и въ заповѣди Божіей на горѣ Синайской; да и мнѣніе блаженнаго Августина едва ли не уважительнѣе заключеній автора.

маго нами эпизода, такъ и историческій интересъ личности знаменитаго московскаго іерарха, побуждаютъ насъ познакомить читателей съ нѣкоторыми изъ этихъ выписокъ, вмѣстѣ съ замѣчаніями на нихъ казанскаго попечителя:

Выписки и извлеченія изъ книги Филарета:	Замѣчанія на нихъ Магницкаго:
«Цѣлость исторіи церковной слагается изъ внѣшней исторіи церкви и внутренней исторіи вѣры».	Раздѣленіе сіе есть необычайность, чуждая правовѣрію.
«Во второй день Богъ раздѣлилъ воды твердію. Можно думать, что то были первоначальныя воды, содержащія въ себѣ вещество темныхъ тѣлъ небесныхъ, которыя теперь, плотнѣе сложась у своихъ центровъ и заключаясь въ постоянныхъ предѣлахъ, оставили болѣе удобопроницаемое для свѣта пространство или—твердь».	Такъ изъясняли сотвореніе свѣтилъ небесныхъ,—но не отцы церкви, а нѣкоторыя тайныя общества. Да и можно ли что нибудь думать о семъ предметѣ учителю церкви произвольно, когда все къ нему относящееся уже истолковано отцами?
«Къ царству растительному, созданному въ третій день, безъ сомнѣнія отнести должно также сотвореніе царства ископаемаго».	Объ ископаемомъ царствѣ писаніе умолчало не безъ причины. Земля измѣнилась отъ проклятія. Какъ же тутъ заключать произвольно, да еще—«безъ сомнѣнія»?
Сочинитель приводитъ языческія сужденія о началѣ человѣка и, исчисливъ нѣкоторыя изъ нихъ, заключаетъ: «Такія нелѣпости доказываютъ ту истину, что разумъ не можетъ дать опредѣлительнаго свѣдѣнія о началѣ рода человѣческаго».	На что же приводить нелѣпости? А, между тѣмъ, онѣ могутъ быть вредны, ибо сжели бы авторъ ихъ не привелъ, то ученикъ и не подумалъ бы сомнѣваться.
«Первобытную религію представлять можно въ видѣ завѣта между Богомъ и человѣкомъ. Условія сего завѣта со стороны человѣка состоятъ въ томъ, что бы онъ искренне любилъ Бога и ближнихъ и оказывалъ Творцу своему совершенное послушаніе во всѣхъ его повелѣніяхъ. Условія же со стороны Бога были сіи: продолженіе блаженнаго состоянія человѣка, его безопасность отъ смерти или болѣзненнаго разрушенія тѣла и, наконецъ, жизнь вѣчная».	О завѣтѣ семъ ничего не сказано въ св. писаніи. Когда же настало время сдѣлать завѣтъ съ человѣкомъ,—но не сей завѣтъ, подразумѣваемый и изъ науки естественнаго права заимствованный, а положительный,—тогда самъ Богъ объявилъ сіе Аврааму. Какое же право имѣетъ авторъ выдумывать завѣты?
«Послѣ паденія Адама на мѣсто перваго завѣта былъ поставленъ завѣтъ благодати».	Въ какомъ св. отцѣ почерпнута сія новизна?
Въ примѣчаніи къ страницѣ 25-й сказано: «Блаженный Августинъ производитъ рабство отъ проклятія, которымъ Ной поразилъ Ханаана. Напротивъ того, Ной говоритъ о рабствѣ, какъ о чемъ то извѣстномъ. Бѣдность и невѣжество и до потопа имѣли уже время породить рабовъ, особенно во времена исполиновъ».	Здѣсь происхожденіе рабства выведено отъ невѣжества и бѣдности, т. е. отъ хитрости и насилія, согласно съ германскою наукою естественнаго права. Между тѣмъ мы видимъ рабовъ, упомянутыхъ и въ заповѣди Божіей на горѣ Синайской; да и мнѣніе блаженнаго Августина едва ли не уважительнѣе заключеній автора.

«Исторія перваго міра не дошла въ цѣлости до писателей языческихъ: однако, слѣды ея остаются доселѣ въ нѣкоторыхъ преданіяхъ, ими сохраненныхъ, и въ басняхъ, такъ что, посему, въ самыхъ басняхъ языческихъ можно находить достойныя вниманія свидѣтельства о достовѣрности бытописанія библейскаго» и пр.

Весьма назидательно утверждать бытописанія Библіи—срамными превращеніями Овидія и прочими языческими искаженіями библейскихъ истинъ!

Сочинитель, доказывая всеобщность потопа, утверждаетъ: «Мы не должны сомнѣваться въ возможности всеобщаго потопа не только со стороны всемогущества Божія, но и по причинамъ естественнымъ».

Какъ скоро могъ быть потопъ по причинамъ естественнымъ, то уже нѣтъ чуда, да и опять, не взирая на обѣтованіе Божіе, быть можетъ.

Состояніе церкви до призыванія Авраама: «Въ сіе время церковь и вѣра находились, повидимому, въ крайней опасности. Правда, не можно съ полною довѣренностью положиться на тѣхъ, которые повѣствуютъ, что еще Серугъ ввелъ идолопоклонство между патріархами, что Ѳарра занимался дѣланіемъ идоловъ, будто Авраамъ не иначе, какъ изъ разсматриванія природы познаъ единаго Бога» и т. д.

Откуда сіи преданія и можно ли вводить слова «будто» и «повѣствуютъ»—въ самыя основныя событія церковно-библейской исторіи, а особенно, когда сіи сказки возводятъ хулу на мужа святого, какъ Авраамъ, отца вѣрующихъ, говоря, яко бы онъ познаъ Бога по философски—изъ природы?!

«Добродѣтели Авраама доказываютъ, что онъ не былъ подобенъ прочимъ идолопоклонникамъ и что небесный свѣтъ еще боролся въ немъ со тьмою, которую распространялъ господствующій духъ времени».

Здѣсь продолжается хула на Авраама.

Подъ статьею о жертвоприношеніяхъ: «Сей родъ жертвы прежде, нежели утвержденъ закономъ, былъ уже, повидимому, извѣстенъ Іофору, тестю Моисея и самимъ язычникамъ».

На что сіе указаніе и не возбудитъ ли оно ту мысль, что и весь законъ перенятъ Моисеемъ, какъ утверждаютъ германцы, божественность Библіи отвергающіе?

«Патріархальное правленіе было не иное что, какъ власть, которую имѣли отцы семействъ и главы племенъ надъ своею фамиліею. Она основывается на природной зависимости дѣтей отъ отца....... По сему подчиненные члены фамиліи пользовались такою же властью надъ своими дѣтьми, какою надъ ними общій глава. Въ случаяхъ, соединенныхъ съ опасностью или посрамленіемъ цѣлой фамиліи, они употребляли иногда право войны и мира и право жизни и смерти..... Но, какъ таковые поступки были больше слѣдствіемъ общихъ обычаевъ, нежели самодержавной воли, и какъ патріархи и потомство ихъ, находясь въ чужой землѣ, болѣе или менѣе зависили отъ мѣстныхъ обладателей, то правленіе ихъ не можно почитать монархическимъ».

Все сіе разсужденіе, не взирая на искусственную простоту его, ведетъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Власть патріарховъ происходитъ отъ права естественнаго.

2. Они не только не имѣли права самодержавія, ниже монархическаго; слѣдовательно, ни права самодержцевъ, ни права царей—отъ нихъ выводить не можно.

Къ чему сія республиканская черта въ церковно-библейской исторіи?

«Исторія перваго міра не дошла въ цѣлости до писателей языческихъ: однако, слѣды ея остаются доселѣ въ нѣкоторыхъ преданіяхъ, ими сохраненныхъ, и въ басняхъ, такъ что, посему, въ самыхъ басняхъ языческихъ можно находить достойныя вниманія свидѣтельства о достовѣрности бытописанія библейскаго» и пр.

Весьма назидательно утверждать бытописанія Библіи—срамными превращеніями Овидія и прочими языческими искаженіями библейскихъ истинъ!

Сочинитель, доказывая всеобщность потопа, утверждаетъ: «Мы не должны сомнѣваться въ возможности всеобщаго потопа не только со стороны всемогущества Божія, но и по причинамъ естественнымъ».

Какъ скоро могъ быть потопъ по причинамъ естественнымъ, то уже нѣтъ чуда, да и опять, не взирая на обѣтованіе Божіе, быть можетъ.

Состояніе церкви до призыванія Авраама: «Въ сіе время церковь и вѣра находились, повидимому, въ крайней опасности. Правда, не можно съ полною довѣренностью положиться на тѣхъ, которые повѣствуютъ, что еще Серугъ ввелъ идолопоклонство между патріархами, что Ѳарра занимался дѣланіемъ идоловъ, будто Авраамъ не иначе, какъ изъ разсматриванія природы познаѵъ единаго Бога» и т. д.

Откуда сіи преданія и можно ли вводить слова «будто» и «повѣствуютъ»—въ самыя основныя событія церковно-библейской исторіи, а особенно, когда сіи сказки возводятъ хулу на мужа святого, какъ Авраамъ, отца вѣрующихъ, говоря, яко бы онъ познаѵъ Бога по философски—изъ природы?!

«Добродѣтели Авраама доказываютъ, что онъ не былъ подобенъ прочимъ идолопоклонникамъ и что небесный свѣтъ еще боролся въ немъ со тьмою, которую распространялъ господствующій духъ времени».

Здѣсь продолжается хула на Авраама.

Подъ статьею о жертвоприношеніяхъ: «Сей родъ жертвы прежде, нежели утвержденъ закономъ, былъ уже, повидимому, извѣстенъ Іофору, тестю Моисея и самимъ язычникамъ».

На что сіе указаніе и не возбудитъ ли оно ту мысль, что и весь законъ перенятъ Моисеемъ, какъ утверждаютъ германцы, божественность Библіи отвергающіе?

«Патріархальное правленіе было не иное что, какъ власть, которую имѣли отцы семействъ и главы племенъ надъ своею фамиліею. Она основывается на природной зависимости дѣтей отъ отца....... По сему подчиненные члены фамиліи пользовались такою же властью надъ своими дѣтьми, какою надъ ними общій глава. Въ случаяхъ, соединенныхъ съ опасностью или посрамленіемъ цѣлой фамиліи, они употребляли иногда право войны и мира и право жизни и смерти..... Но, какъ таковые поступки были больше слѣдствіемъ общихъ обычаевъ, нежели самодержавной воли, и какъ патріархи и потомство ихъ, находясь въ чужой землѣ, болѣе или менѣе зависили отъ мѣстныхъ обладателей, то правленіе ихъ не можно почитать монархическимъ».

Все сіе разсужденіе, не взирая на искусственную простоту его, ведетъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Власть патріарховъ происходитъ отъ права естественнаго.

2. Они не только не имѣли права самодержавія, ниже монархическаго; слѣдовательно, ни права самодержцевъ, ни права царей—отъ нихъ выводить не можно.

Къ чему сія республиканская черта въ церковно-библейской исторіи?

«Къ числу распространителей языческаго богопочитанія,по мнѣнію нѣкоторыхъ,должна быть отнесена секта сабеевъ, въ которой самъ Авраамъ, если вѣрить Маймониду, былъ воспитанъ».

Хулы на Авраама отъ часа становятся сильнѣе и потому, кажется, приведены не совсѣмъ безъ намѣренія.

«Нѣкоторые думаютъ, что праздникъ опрѣсноковъ начатъ вмѣстѣ съ пасхою» и пр.

Кто эти – нѣкоторые? Должно именовать источники. Авторъ, кажется, потому сего не можетъ, что всѣ страницы его были бы покрыты жидовскими именами.

«Сенека приписываетъ плодородіе женщинъ въ Египтѣ дѣйствію нильской воды».

Доказательство изъ отца Сенеки, что умноженіе евреевъ въ Египтѣ—не чудесно.

Описывая услажденіе горькихъ водъ Мерры, авторъ говоритъ: «Невѣроятно, что бы сіе дерево естественною силою перемѣнило свойство такого количества водъ, какое нужно было для толь многочисленнаго народа.... Должно думать, что его дѣйствіе было символическое и что въ немъ показана была истиннымъ израильтянамъ сила Креста, услаждающаго самыя горькія искушенія».

Ежели и сіе кажется автору невѣроятнымъ, то и всю Библію можетъ онъ измѣнить также иносказательно. Но учителю церкви и въ книгѣ классической (т. е. учебной) кто сіе позволитъ?

«Обратный по семъ станъ евреевъ у Чермнаго моря можетъ быть послужилъ къ удовлетворенію ихъ потребностей посредствомъ рыбной ловли».

Можно ли изъяснять ухою шествіе евреевъ, самимъ Богомъ ведомыхъ?

«Гражданскіе законы евреевъ, хотя писаны не для всѣхъ временъ, однако всегда заслуживаютъ уваженіе..... Они, какъ справедливо замѣчаетъ Филонъ, ознаменованы печатію природы».

Такъ можно хвалить законодательство Ликурга и Солона, а не Божіе. Страннѣе же всего заключить сіе похвалою самою неумѣстною—жида.

«Нѣкоторые новѣйшіе писатели думаютъ, что Моисей, какъ писатель, былъ тайнымъ источникомъ почти всей богословіи языческой, и что онъ, какъ лицо историческое, скрывался въ Меркуріи египетскомъ, въ Озирисѣ аравійскомъ, въ Вакхѣ индійскомъ и въ страшномъ для египтянъ Тифонѣ».

Такимъ образомъ Моисей, мало по малу, изъ хитраго обманщика сдѣлался—Б а х у с о м ъ, а наконецъ и Тифономъ! Хороша библейская исторія подъ перомъ учителя церкви!

«Іисуса Навина и Сампсона язычники называли—Геркулесами».

Опять сводъ языческихъ мерзостей съ священною исторіею.

«Іонаѳанъ, сынъ царя Саула, сдѣлалъ нападеніе на филистимлянъ и убилъ двадцать человѣкъ; прочее войско въ ужасѣ начало междоусобную брань. Нѣкоторые думаютъ, что ужасъ произвело землетрясеніе».

Чему же прикажете вѣрить: Библіи или— н ѣ к о т о р ы м ъ?

«Давидъ возложилъ на себя вѣнецъ аммонитскій,и народъ, несоблюдшій права народнаго, осудилъ на переселеніе, тяжкое рабство».....

Какое—п р а в о н а р о д н о е? Это было прежде французской революціи!

«Къ числу распространителей языческаго богопочитанія, по мнѣнію нѣкоторыхъ, должна быть отнесена секта сабеевъ, въ которой самъ Авраамъ, если вѣрить Маймониду, былъ воспитанъ».

Хулы на Авраама отъ часа становятся сильнѣе и потому, кажется, приведены не совсѣмъ безъ намѣренія.

«Нѣкоторые думаютъ, что праздникъ опрѣсноковъ начатъ вмѣстѣ съ пасхою» и пр.

Кто эти — нѣкоторые? Должно именовать источники. Авторъ, кажется, потому сего не можетъ, что всѣ страницы его были бы покрыты жидовскими именами.

«Сенека приписываетъ плодородіе женщинъ въ Египтѣ дѣйствію нильской воды».

Доказательство изъ отца Сенеки, что умноженіе евреевъ въ Египтѣ—не чудесно.

Описывая услажденіе горькихъ водъ Мерры, авторъ говоритъ: «Невѣроятно, что бы сіе дерево естественною силою перемѣнило свойство такого количества водъ, какое нужно было для толь многочисленнаго народа.... Должно думать, что его дѣйствіе было символическое и что въ немъ показана была истиннымъ израильтянамъ сила Креста, услаждающаго самыя горькія искушенія».

Ежели и сіе кажется автору невѣроятнымъ, то и всю Библію можетъ онъ измѣнить также иносказательно. Но учителю церкви и въ книгѣ классической (т. е. учебной) кто сіе позволитъ?

«Обратный по семъ станъ евреевъ у Чермнаго моря можетъ быть послужилъ къ удовлетворенію ихъ потребностей посредствомъ рыбной ловли».

Можно ли изъяснять ухою шествіе евреевъ, самимъ Богомъ ведомыхъ?

«Гражданскіе законы евреевъ, хотя писаны не для всѣхъ временъ, однако всегда заслуживаютъ уваженіе..... Они, какъ справедливо замѣчаетъ Филонъ, ознаменованы печатію природы».

Такъ можно хвалить законодательство Ликурга и Солона, а не Божіе. Страннѣе же всего заключить сіе похвалою самою неумѣстною—жида.

«Нѣкоторые новѣйшіе писатели думаютъ, что Моисей, какъ писатель, былъ тайнымъ источникомъ почти всей богословіи языческой, и что онъ, какъ лицо историческое, скрывался въ Меркуріи египетскомъ, въ Озирисѣ аравійскомъ, въ Вакхѣ индійскомъ и въ страшномъ для египтянъ Тифонѣ».

Такимъ образомъ Моисей, мало по малу, изъ хитраго обманщика сдѣлался—Бахусомъ, а наконецъ и Тифономъ! Хороша библейская исторія подъ перомъ учителя церкви!

«Іисуса Навина и Сампсона язычники называли—Геркулесами».

Опять сводъ языческихъ мерзостей съ священною исторіею.

«Іонаѳанъ, сынъ царя Саула, сдѣлалъ нападеніе на филистимлянъ и убилъ двадцать человѣкъ; прочее войско въ ужасѣ начало междоусобную брань. Нѣкоторые думаютъ, что ужасъ произвело землетрясеніе».

Чему же прикажете вѣрить: Библіи или—нѣкоторымъ?

«Давидъ возложилъ на себя вѣнецъ аммонитскій, и народъ, несоблюдшій права народнаго, осудилъ на переселеніе, тяжкое рабство».....

Какое—право народное? Это было прежде французской революціи!

«Іиуй, собравъ пророковъ Ваала подъ видомъ торжественнаго богослуженія, умертвилъ ихъ. . . . . . . Сіе дѣло похвально само по себѣ, но едва ли извинить можно употребленное при немъ ухищреніе» и т. д.

И за пророковъ Ваала авторъ вступается!

«. . . . Тафеѳъ. Имя сіе означаетъ—тимпанное мѣсто, гдѣ священнодѣйствія Молоха совершались при звукѣ тимпановъ».

Можно ли назвать священнодѣйствіями—мерзости требищъ Молоха?

«Но его (Товита) назидательное, впрочемъ, жизнеописаніе, какое находится въ книгѣ, носящей его имя, не удовлетворительно для ищущаго чистой истины».

Вотъ дошло дѣло и до охужденія цѣлыхъ книгъ св. писанія! Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше ....

«Что принадлежитъ до повѣствованія Варуха о богослуженіи въ Іерусалимѣ по сожженіи города . . . . . . то симъ преданіямъ трудно найти мѣсто въ истинной исторіи».

Да что же авторъ называетъ истинною исторіею, ежели Библія—не истинная исторія? Неужели раввиновъ и жидовскихъ историковъ?

«Между іудеями усилились расколы и родились общества и секты, изъ коихъ нѣкоторыя прямо направлены были къ возстановленію благочестія»....

Это мысль масонская.

«Чудодѣйственная сила Его (т. е. Іисуса Христа), еще до претворенія воды въ вино, была извѣстна Его Матери».

О выраженіи—«Его Матери» можно замѣтить, что такъ не дозволено сказать и о матери царя земного, говорится—«августѣйшей матери»; а о Матери Царя небеснаго сказать должно: «Пресвятой Его Матери».

«Церковь апостольская представляла: образъ единоначалія—въ Іисусѣ Христѣ, который, очевидно, управлялъ ею посредствомъ откровеній и дарованія Духа Святаго; многоначалія—въ апостолахъ и соборахъ; народоначалія—въ избраніи священнослужителей».

Стало церковь была: сперва—управляема монархически, потомъ—аристократически, а теперь управляется демократически, то есть—республика!

«Церковь кориноская, едва устроенная Павломъ, показала примѣръ раскола, то есть такого раздѣленія, которое происходитъ отъ несогласія въ нѣкоторыхъ частныхъ мнѣніяхъ, не опровергая общихъ основаній вѣры».

Какое снисходительное опредѣленіе раскола! Но по этому, однако же, собственному его опредѣленію, и книга его—раскольничья; ибо онъ показываетъ въ ней несогласіе съ св. толковниками, съ церковью, съ соборами и съ св. отцами.

Министръ народнаго просвѣщенія не могъ не остаться озадаченнымъ полемически-сыскными матеріалами, препровожденными ему казанскимъ попечителемъ, въ которыхъ Магницкій позволялъ себѣ не только глумиться надъ выдающимся по своему положенію іерархомъ русской церкви, но даже открыто провозглашалъ Филарета распространителемъ раскола и лже-

«Іиуй, собравъ пророковъ Ваала подъ видомъ торжественнаго богослуженія, умертвилъ ихъ. . . . . . . Сіе дѣло похвально само по себѣ, но едва ли извинить можно употребленное при немъ ухищреніе» и т. д.

И за пророковъ Ваала авторъ вступается!

«. . . . Тафеѳъ. Имя сіе означаетъ—тимпанное мѣсто, гдѣ священнодѣйствія Молоха совершались при звукѣ тимпановъ».

Можно ли назвать священнодѣйствіями—мерзости требищъ Молоха?

«Но его (Товита) назидательное, впрочемъ, жизнеописаніе, какое находится въ книгѣ, носящей его имя, не удовлетворительно для ищущаго чистой истины».

Вотъ дошло дѣло и до охужденія цѣлыхъ книгъ св. писанія! Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше ....

«Что принадлежитъ до повѣствованія Варуха о богослуженіи въ Іерусалимѣ по сожженіи города . . . . . . то симъ преданіямъ трудно найти мѣсто въ истинной исторіи».

Да что же авторъ называетъ истинною исторіею, ежели Библія—не истинная исторія? Неужели раввиновъ и жидовскихъ историковъ?

«Между іудеями усилились расколы и родились общества и секты, изъ коихъ нѣкоторыя прямо направлены были къ возстановленію благочестія»....

Это мысль масонская.

«Чудодѣйственная сила Его (т. е. Іисуса Христа), еще до претворенія воды въ вино, была извѣстна Его Матери».

О выраженіи—«Его Матери» можно замѣтить, что такъ не дозволено сказать и о матери царя земного, говорится—«августѣйшей матери»; а о Матери Царя небеснаго сказать должно: «Пресвятой Его Матери».

«Церковь апостольская представляла: образъ единоначалія—въ Іисусѣ Христѣ, который, очевидно, управлялъ ею посредствомъ откровеній и дарованія Духа Святаго; многоначалія—въ апостолахъ и соборахъ; народоначалія—въ избраніи священнослужителей».

Стало церковь была: сперва—управляема монархически, потомъ—аристократически, а теперь управляется демократически, то есть—республика!

«Церковь коринѳская, едва устроенная Павломъ, показала примѣръ раскола, то есть такого раздѣленія, которое происходитъ отъ несогласія въ нѣкоторыхъ частныхъ мнѣніяхъ, не опровергая общихъ основаній вѣры».

Какое снисходительное опредѣленіе раскола! Но по этому, однако же, собственному его опредѣленію, и книга его—раскольничья; ибо онъ показываетъ въ ней несогласіе съ св. толковниками, съ церковью, съ соборами и съ св. отцами.

Министръ народнаго просвѣщенія не могъ не остаться озадаченнымъ полемически-сыскными матеріалами, препровожденными ему казанскимъ попечителемъ, въ которыхъ Магницкій позволялъ себѣ не только глумиться надъ выдающимся по своему положенію іерархомъ русской церкви, но даже открыто провозглашалъ Филарета распространителемъ раскола и лже-

учителемъ. Уклончивый старецъ Шишковъ, въ отвѣтъ на извѣтъ Магницкаго, предложеніемъ отъ 26-го мая поставилъ попечителю на видъ, что „какъ церковно-библейская исторія архимандрита Филарета издана собственно для духовныхъ училищъ", то онъ, министръ, полагаетъ для Магницкаго „приличнѣйшимъ обратиться по настоящему случаю или прямо въ святѣйшій синодъ, или къ первенствующему онаго члену Серафиму, митрополиту новгородскому и с.-петербургскому". Вмѣстѣ съ тѣмъ Шишковъ вернулъ казанскому попечителю обратно доставленную имъ тетрадь выписокъ изъ книги Филарета, совершенно устранивъ себя, такимъ образомъ, отъ этого въ высшей степени щекотливаго дѣла. Магницкій избралъ второй изъ путей, рекомендованныхъ ему министромъ, и изготовилъ оффиціальное (отъ 5-го іюня) письмо на имя митрополита Серафима, въ которомъ, препровождая свои пресловутыя „выписки", возобновлялъ обвиненія противъ книги Филарета. „Какъ замѣчанія мои на сію книгу не суть примѣчанія богослова, но болѣе сомнѣнія гражданскаго чиновника, начальству изъ одной осторожности представленныя, поелику Церковно-Библейская исторія въ училищахъ и университетахъ нашихъ принята классическою,—писалъ Магницкій,—то покорнѣйше прошу ваше высокопреосвященство, буде бы я въ сихъ сомнѣніяхъ моихъ, по невѣдѣнію, ошибался—благоволить вразумить меня", послѣ чего обѣщалъ „положить, безъ малѣйшаго умствованія, предѣлъ всѣмъ недоумѣніямъ".

Очевидно, однако, что письмо на имя митрополита по какимъ то причинамъ осталось попечителемъ или неотправленнымъ, или же Серафимомъ непринятымъ и возвращеннымъ, такъ какъ подписанный, датированный и занумерованный подлинный бѣловой экземпляръ его оказался подшитымъ, вмѣстѣ съ черновикомъ, къ соотвѣтствующему дѣлу архива попечительской канцеляріи. На этомъ дерзкая вылазка Магницкаго противъ преосв. Филарета и окончилась [24].

Къ числу цензурно-обличительныхъ выходокъ Магницкаго, проявленныхъ имъ на почвѣ воззванія Шишкова къ содѣйствію ему въ дѣлѣ истребленія анти-религіозныхъ книгъ, долженъ быть отнесенъ и его извѣтъ на изданіе П. И. Кеппена—„Библіографическіе листки", предпринятое нашимъ извѣстнымъ статистикомъ въ 1825 г., въ цѣляхъ реферированія выдающихся произведеній славяно-русской литературы. Одна изъ помѣщенныхъ въ этомъ изданіи статей („Критическое изслѣдованіе о Кириллѣ и Меѳодіѣ") и явилась поводомъ къ инциденту, являющемуся достойнымъ добавленіемъ къ уже разсказаннымъ нами цензурнымъ неистовствамъ попечителя казанскаго учебнаго округа. Ближайшимъ толч-

учителемъ. Уклончивый старецъ Шишковъ, въ отвѣтъ на извѣтъ Магницкаго, предложеніемъ отъ 26-го мая поставилъ попечителю на видъ, что „какъ церковно-библейская исторія архимандрита Филарета издана собственно для духовныхъ училищъ“, то онъ, министръ, полагаетъ для Магницкаго „приличнѣйшимъ обратиться по настоящему случаю или прямо въ святѣйшій синодъ, или къ первенствующему онаго члену Серафиму, митрополиту новгородскому и с.-петербургскому“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Шишковъ вернулъ казанскому попечителю обратно доставленную имъ тетрадь выписокъ изъ книги Филарета, совершенно устранивъ себя, такимъ образомъ, отъ этого въ высшей степени щекотливаго дѣла. Магницкій избралъ второй изъ путей, рекомендованныхъ ему министромъ, и изготовилъ оффиціальное (отъ 5-го іюня) письмо на имя митрополита Серафима, въ которомъ, препровождая свои пресловутыя „выписки“, возобновлялъ обвиненія противъ книги Филарета. „Какъ замѣчанія мои на сію книгу не суть примѣчанія богослова, но болѣе сомнѣнія гражданскаго чиновника, начальству изъ одной осторожности представленныя, поелику Церковно-Библейская исторія въ училищахъ и университетахъ нашихъ принята классическою,—писалъ Магницкій,—то покорнѣйше прошу ваше высокопреосвященство, буде бы я въ сихъ сомнѣніяхъ моихъ, по невѣдѣнію, ошибался—благоволить вразумить меня“, послѣ чего обѣщалъ „положить, безъ малѣйшаго умствованія, предѣлъ всѣмъ недоумѣніямъ“.

Очевидно, однако, что письмо на имя митрополита по какимъ то причинамъ осталось попечителемъ или неотправленнымъ, или же Серафимомъ непринятымъ и возвращеннымъ, такъ какъ подписанный, датированный и занумерованный подлинный бѣловой экземпляръ его оказался подшитымъ, вмѣстѣ съ черновикомъ, къ соотвѣтствующему дѣлу архива попечительской канцеляріи. На этомъ дерзкая вылазка Магницкаго противъ преосв. Филарета и окончилась [24].

Къ числу цензурно-обличительныхъ выходокъ Магницкаго, проявленныхъ имъ на почвѣ воззванія Шишкова къ содѣйствію ему въ дѣлѣ истребленія анти-религіозныхъ книгъ, долженъ быть отнесенъ и его и з в ѣ т ъ н а и з д а н і е П. И. К е п п е н а—„Б и б л і о г р а ф и ч е с к і е л и с т к и“, предпринятое нашимъ извѣстнымъ статистикомъ въ 1825 г., въ цѣляхъ реферированія выдающихся произведеній славяно-русской литературы. Одна изъ помѣщенныхъ въ этомъ изданіи статей („Критическое изслѣдованіе о Кириллѣ и Меѳодіѣ“) и явилась поводомъ къ инциденту, являющемуся достойнымъ добавленіемъ къ уже разсказаннымъ нами цензурнымъ неистовствамъ попечителя казанскаго учебнаго округа. Ближайшимъ толч-

комъ къ извѣту на „Библіографическіе листки“ послужило Магницкому предложеніе на его имя министра народнаго просвѣщенія отъ 7-го апрѣля 1825 года, въ которомъ А. С. Шишковъ просилъ содѣйствія казанскаго попечителя въ „обезпеченіи Библіографическихъ Листковъ г. Кеппена подпискою учебныхъ заведеній“, добавивъ, что „находитъ изданіе сіе весьма полезнымъ и намѣреніе издателя заслуживающимъ особеннаго поощренія“. Ни литературное имя и просьба автора „Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка“ (А. С. Шишкова), ни авторитетъ государственнаго канцлера графа Н. П. Румянцева, горячо покровительствовавшаго Кеппену, не удержали охранительнаго добровольничества Магницкаго, отвѣтившаго министру слѣдующимъ представленіемъ отъ 12-го мая:

„Честь имѣю донести вашему высокопревосходительству, что въ газетѣ Библіографическіе Листки, №№ 8, 9 и 10—заключаются статьи, кои гражданская цензура, на основаніи высочайшаго указа 27 іюля 1787, подтвержденнаго 9-го февраля 1802 и 17-го ноября 1824 годовъ, не въ правѣ была пропустить.

Статьи сіи, основанныя на иноземныхъ источникахъ, содержатъ въ себѣ:

1. Обличеніе святцовъ нашихъ, церковью утвержденныхъ и издаваемыхъ, въ невѣрности.

2. Совершенно искаженное превращеніе жизнеописаній св.св. Кирилла и Меѳодія, въ опроверженіе священно-церковной книги Четьи-Минеи, клонящееся къ тому, что бы доказать, въ противность положительному преданію церкви, что не они переводили наши священныя книги.

3. Клевету на Святополка, исповѣдовавшаго православную вѣру, яко бы онъ заставлялъ народъ свой вѣровать то Христу, то дьяволу, и другія подобныя сему непозволительныя и вредныя нелѣпости.

По моему мнѣнію, ежели не самый журналъ сей, то номера онаго 8-ой, 9-ый и 10-ый—подлежатъ запрещенію, а на будущее время нужно взять ту осторожность, что бы статьи о духовныхъ книгахъ были просматриваемы духовною ценсурою“.

Шишковъ, всего пять мѣсяцевъ тому назадъ самъ же кликнувшій кличъ на брань противъ книгъ анти-религіознаго направленія, не могъ оставить этого извѣта безъ движенія и отъ 18-го іюня увѣдомилъ Магницкаго, что, получивъ его представленіе, онъ „приказалъ тогда же истребовать объясненіе отъ издателя сихъ листковъ, коллежскаго асессора Кеппена“, получивъ же его объясненіе и признавъ его подлежащимъ компетенціи духовнаго вѣдомства—„препроводилъ какъ объясненіе сіе, такъ

комъ къ извѣту на „Библіографическіе листки“ послужило Магницкому предложеніе на его имя министра народнаго просвѣщенія отъ 7-го апрѣля 1825 года, въ которомъ А. С. Шишковъ просилъ содѣйствія казанскаго попечителя въ „обезпеченіи Библіографическихъ Листковъ г. Кеппена подпискою учебныхъ заведеній“, добавивъ, что „находитъ изданіе сіе весьма полезнымъ и намѣреніе издателя заслуживающимъ особеннаго поощренія“. Ни литературное имя и просьба автора „Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка“ (А. С. Шишкова), ни авторитетъ государственнаго канцлера графа Н. П. Румянцева, горячо покровительствовавшаго Кеппену, не удержали охранительнаго добровольничества Магницкаго, отвѣтившаго министру слѣдующимъ представленіемъ отъ 12-го мая:

„Честь имѣю донести вашему высокопревосходительству, что въ газетѣ Библіографическіе Листки, №№ 8, 9 и 10—заключаются статьи, кои гражданская цензура, на основаніи высочайшаго указа 27 іюля 1787, подтвержденнаго 9-го февраля 1802 и 17-го ноября 1824 годовъ, не въ правѣ была пропустить.

Статьи сіи, основанныя на иноземныхъ источникахъ, содержатъ въ себѣ:

1. Обличеніе святцовъ нашихъ, церковью утвержденныхъ и издаваемыхъ, въ невѣрности.

2. Совершенно искаженное превращеніе жизнеописаній св.св. Кирилла и Меѳодія, въ опроверженіе священно-церковной книги Четьи-Минеи, клонящееся къ тому, что бы доказать, въ противность положительному преданію церкви, что не они переводили наши священныя книги.

3. Клевету на Святополка, исповѣдовавшаго православную вѣру, яко бы онъ заставлялъ народъ свой вѣровать то Христу, то дьяволу, и другія подобныя сему непозволительныя и вредныя нелѣпости.

По моему мнѣнію, ежели не самый журналъ сей, то номера онаго 8-ой, 9-ый и 10-ый—подлежатъ запрещенію, а на будущее время нужно взять ту осторожность, что бы статьи о духовныхъ книгахъ были просматриваемы духовною цензурою“.

Шишковъ, всего пять мѣсяцевъ тому назадъ самъ же кликнувшій кличъ на брань противъ книгъ анти-религіознаго направленія, не могъ оставить этого извѣта безъ движенія и отъ 18-го іюня увѣдомилъ Магницкаго, что, получивъ его представленіе, онъ „приказалъ тогда же истребовать объясненіе отъ издателя сихъ листковъ, коллежскаго асессора Кеппена“, получивъ же его объясненіе и признавъ его подлежащимъ компетенціи духовнаго вѣдомства—„препроводилъ какъ объясненіе сіе, такъ

и представленіе ваше, къ преосвященному Серафиму, митрополиту новгородскому и с.-петербургскому, прося покорнѣйше подвергнуть разсмотрѣніе сего дѣла духовной академіи и о послѣдующемъ меня увѣдомить, съ присовокупленіемъ и собственнаго его заключенія". Получивъ сообщеніе министра народнаго просвѣщенія, преосв. Серафимъ передалъ все дѣло на разсмотрѣніе конференціи петербургской духовной академіи, которая и подвергла его сужденію совмѣстно съ членами цензурнаго комитета. Говоря иными словами—надъ Кеппеномъ, по доносу казанскаго попечителя, наряжено было формальное судбище. Трудно сказать, чѣмъ бы окончилось это послѣднее, если бы энергичную защиту Кеппена не принялъ на себя вліятельный государственный канцлеръ графъ Н. П. Румянцевъ, незадолго до того лично на себѣ испытавшій, какъ мы это знаемъ, одну изъ охранительныхъ вылазокъ казанскаго попечителя *.

Какъ бы то ни было, но уже 20-го августа того же года министръ народнаго просвѣщенія далъ знать Магницкому, что „конференція духовной академіи, въ совокупности съ членами цензурнаго комитета, разсмотрѣвъ какъ обвиненія, вашимъ превосходительствомъ представленныя, такъ и отвѣтъ на оные г. Кеппена, представила его высокопреосвященству, что оная находитъ отвѣтъ сей основательнымъ и удовлетворительнымъ, каковымъ находитъ оный и преосвященный митрополитъ Серафимъ" [25].

Если разсмотрѣнныя нами цензурныя вылазки казанскаго попечителя противъ „Періодическаго сочиненія" своего же собственнаго министерства, противъ преосв. Филарета и противъ Кеппена—потерпѣли полное фіаско, то за то полнымъ успѣхомъ увѣнчалось обличительное представленіе Магницкаго по поводу сборника „Real Encyclopaedie", относящееся къ тому же 1825 году. 9 мая этого года Магницкій вошелъ къ министру народнаго просвѣщенія съ представленіемъ слѣдующаго содержанія:

„Узнавъ отъ извѣстнаго мнѣ чиновника **, что у книгопродавца Грефа продается ужаснѣйшая книга Real Encyclopaedie, поручилъ я ему купить ее и сдѣлать изъ отмѣченныхъ мною мѣстъ

---

* См. выше стр. 59—60.

** Этимъ «чиновникомъ» оказывается докторъ медицины Т. Е. Любомировъ, относительно котораго какъ разъ въ то время велись разговоры о назначеніи его директоромъ казанскаго университета.

и представленіе ваше, къ преосвященному Серафиму, митрополиту новгородскому и с.-петербургскому, прося покорнѣйше подвергнуть разсмотрѣніе сего дѣла духовной академіи и о послѣдующемъ меня увѣдомить, съ присовокупленіемъ и собственнаго его заключенія". Получивъ сообщеніе министра народнаго просвѣщенія, преосв. Серафимъ передалъ все дѣло на разсмотрѣніе конференціи петербургской духовной академіи, которая и подвергла его сужденію совмѣстно съ членами цензурнаго комитета. Говоря иными словами—надъ Кеппеномъ, по доносу казанскаго попечителя, наряжено было формальное судьбище. Трудно сказать, чѣмъ бы окончилось это послѣднее, если бы энергичную защиту Кеппена не принялъ на себя вліятельный государственный канцлеръ графъ Н. П. Румянцевъ, незадолго до того лично на себѣ испытавшій, какъ мы это знаемъ, одну изъ охранительныхъ вылазокъ казанскаго попечителя *.

Какъ бы то ни было, но уже 20-го августа того же года министръ народнаго просвѣщенія далъ знать Магницкому, что „конференція духовной академіи, въ совокупности съ членами цензурнаго комитета, разсмотрѣвъ какъ обвиненія, вашимъ превосходительствомъ представленныя, такъ и отвѣтъ на оные г. Кеппена, представила его высокопреосвященству, что оная находитъ отвѣтъ сей основательнымъ и удовлетворительнымъ, каковымъ находитъ оный и преосвященный митрополитъ Серафимъ" [25].

Если разсмотрѣнныя нами цензурныя вылазки казанскаго попечителя противъ „Періодическаго сочиненія" своего же собственнаго министерства, противъ преосв. Филарета и противъ Кеппена—потерпѣли полное фіаско, то за то полнымъ успѣхомъ увѣнчалось обличительное представленіе Магницкаго по поводу сборника „Real Encyclopaedie", относящееся къ тому же 1825 году. 9 мая этого года Магницкій вошелъ къ министру народнаго просвѣщенія съ представленіемъ слѣдующаго содержанія:

„Узнавъ отъ извѣстнаго мнѣ чиновника **, что у книгопродавца Грефа продается ужаснѣйшая книга Real Encyclopaedie, поручилъ я ему купить ее и сдѣлать изъ отмѣченныхъ мною мѣстъ

* См. выше стр. 59—60.

** Этимъ «чиновникомъ» оказывается докторъ медицины Т. Е. Любомировъ, относительно котораго какъ разъ въ то время велись разговоры о назначеніи его директоромъ казанскаго университета.

краткую выписку. У Грефа объявили ему, что она запрещена и можетъ быть продаваема только докторамъ и генераламъ,—странное ограниченіе продажи безбожныхъ и возмутительныхъ книгъ! Онъ объявилъ себя докторомъ, какъ и есть дѣйствительно, и чрезъ нѣсколько дней получилъ книгу подъ росписку.

Доводя до васъ, м. г., на основаніи предложенія вашего высокопревосходительства, выписку изъ сей книги, вышеозначеннымъ чиновникомъ сдѣланную, я не могу удержаться отъ изъясненія моихъ мыслей о продажѣ посреди Петербурга подобныхъ книгъ.

Ежели бы ее кто либо до запрещенія читалъ, то не только продавать докторамъ и генераламъ, а немедленно сжечь было должно, да и торгующаго подобными произведеніями книгопродавца выслать слѣдовало.

Какого лучше пожелать тайнаго общества возмутителямъ германскимъ, ежели будетъ имъ дозволено высылать къ намъ подобныя книги съ тѣмъ только, что бы таинственность и ограниченіе двумя родами покупателей—любопытство къ онымъ возбуждало и цѣну ихъ увеличивало?"....

Министръ народнаго просвѣщенія вошелъ по поводу представленія казанскаго попечителя въ сношенія съ управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, высказавъ при этомъ мнѣніе, что „продажа сей книги должна быть подвергнута запрещенію безъ всякаго, въ пользу кого бы то ни было, исключенія". Результатомъ явилось объявленіе книгопродавцу Грефу, черезъ петербургскаго генералъ-губернатора, что „впредь при первомъ подобномъ случаѣ онъ будетъ преданъ суду, для поступленія съ нимъ по всей строгости законовъ" [26].

Насколько проникся въ ту пору охранительно-цензурными тенденціями своего попечителя самъ совѣтъ университета, видно изъ преслѣдованій, которымъ подвергались даже непричастныя университету лица, въ прошломъ которыхъ усматривались совѣтомъ какія либо сомнѣнія по части благонамѣренности ихъ въ области печатнаго слова. Такъ, въ августѣ 1822 года совѣтъ университета отказалъ въ допущеніи горбатовскаго уѣзднаго судьи, коллежскаго ассессора Кужелева, къ обученію въ горбатовскомъ уѣздномъ училищѣ французскому языку только потому, что имъ переведена была съ французскаго языка „дурная книга"—какое то „Путешествіе въ нѣдра земли", запрещенная въ свое время цензурою, а въ сентябрѣ было опротестовано предложеніе проф. Эрдманомъ въ почетные члены университета извѣстнаго геттингенскаго богослова и оріенталиста I. Г. Эйхгорна на томъ основаніи, что его сочиненія („Geschichte der drei letzten Jahrhunderte", Goett. 1806, и „Einleitung in das alte

краткую выписку. У Грефа объявили ему, что она запрещена и можетъ быть продаваема только докторамъ и генераламъ,—странное ограниченіе продажи безбожныхъ и возмутительныхъ книгъ! Онъ объявилъ себя докторомъ, какъ и есть дѣйствительно, и чрезъ нѣсколько дней получилъ книгу подъ росписку.

Доводя до васъ, м. г., на основаніи предложенія вашего высокопревосходительства, выписку изъ сей книги, вышеозначеннымъ чиновникомъ сдѣланную, я не могу удержаться отъ изъясненія моихъ мыслей о продажѣ посреди Петербурга подобныхъ книгъ.

Ежели бы ее кто либо до запрещенія читалъ, то не только продавать докторамъ и генераламъ, а немедленно сжечь было должно, да и торгующаго подобными произведеніями книгопродавца выслать слѣдовало.

Какого лучше пожелать тайнаго общества возмутителямъ германскимъ, ежели будетъ имъ дозволено высылать къ намъ подобныя книги съ тѣмъ только, что бы таинственность и ограниченіе двумя родами покупателей—любопытство къ онымъ возбуждало и цѣну ихъ увеличивало?"....

Министръ народнаго просвѣщенія вошелъ по поводу представленія казанскаго попечителя въ сношенія съ управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, высказавъ при этомъ мнѣніе, что „продажа сей книги должна быть подвергнута запрещенію безъ всякаго, въ пользу кого бы то ни было, исключенія". Результатомъ явилось объявленіе книгопродавцу Грефу, черезъ петербургскаго генералъ-губернатора, что „впредь при первомъ подобномъ случаѣ онъ будетъ преданъ суду, для поступленія съ нимъ по всей строгости законовъ" [26].

Насколько проникся въ ту пору охранительно-цензурными тенденціями своего попечителя самъ совѣтъ университета, видно изъ преслѣдованій, которымъ подвергались даже непричастныя университету лица, въ прошломъ которыхъ усматривались совѣтомъ какія либо сомнѣнія по части благонамѣренности ихъ въ области печатнаго слова. Такъ, въ августѣ 1822 года совѣтъ университета отказалъ въ допущеніи горбатовскаго уѣзднаго судьи, коллежскаго ассессора Кужелева, къ обученію въ горбатовскомъ уѣздномъ училищѣ французскому языку только потому, что имъ переведена была съ французскаго языка „дурная книга"—какое то „Путешествіе въ нѣдра земли", запрещенная въ свое время цензурою, а въ сентябрѣ было опротестовано предложеніе проф. Эрдманомъ въ почетные члены университета извѣстнаго геттингенскаго богослова и оріенталиста I. Г. Эйхгорна на томъ основаніи, что его сочиненія („Geschichte der drei letzten Jahrhunderte", Goett. 1806, и „Einleitung in das alte

Testament", Leipz. 1803) были когда то признаны цензурою министерства внутреннихъ дѣлъ—неблагонадежными....

Какъ относилось современное общество къ охранительнымъ изувѣрствамъ Магницкаго? Вотъ вопросъ, невольно напрашивающійся въ виду всѣхъ изложенныхъ нами выше, въ отдѣльныхъ случаяхъ почти невѣроятныхъ, фактовъ, но на который мы не въ состояніи дать категорическаго отвѣта. Едва ли можетъ существовать, тѣмъ не менѣе, хотя какое либо сомнѣніе въ томъ, что лучшая часть русскаго, въ частности казанскаго, общества—относилась къ нимъ отрицательно; что это отрицательное отношеніе къ дѣятельности Магницкаго не было чуждо и сознанію большей части членовъ казанскаго университета, лишь временно терроризированныхъ обскурантнымъ самодурствомъ временщика-попечителя и, съ паденіемъ Магницкаго, смѣло сбросившихъ съ себя фарисейскую маску лицемѣрія, надѣтую въ угоду требованіямъ самовластнаго принципала.

До насъ дошелъ любопытный, въ только что указанномъ направленіи, отзывъ одного изъ современниковъ, бывшаго орловскаго предводителя дворянства и помощника попечителя дерптскаго учебнаго округа Н. И. Шенига, приписывающій Магницкому коварные маккіавеллистическіе разсчеты, которые едва ли могутъ быть приняты на вѣру, но которые свидѣтельствуютъ, во всякомъ случаѣ, о томъ отношеніи, какое существовало въ свое время въ обществѣ и къ казанскому попечителю, и къ его, не совсѣмъ обыкновенной, политической и педагогической дѣятельности:

„Цензурнымъ его притязаніямъ не было конца, они сдѣлались посмѣшищемъ,—пишетъ Шенигъ въ своихъ мемуарахъ.—Въ этомъ, кажется, и была цѣль Магницкаго: онъ хотѣлъ раздражать умы и, упрочивая достоинство верховной власти, дѣлать ее смѣшною и нелѣпою".... Только императоръ Николай Павловичъ „постигъ вредный умъ Магницкаго и во время сумѣлъ отстранить его съ поприща политической дѣятельности" [27].

Мы оставляемъ этотъ смѣлый выводъ на отвѣтственности самого автора воспоминаній.

Testament", Leipz. 1803) были когда то признаны цензурою министерства внутреннихъ дѣлъ—неблагонадежными....

Какъ относилось современное общество къ охранительнымъ изувѣрствамъ Магницкаго? Вотъ вопросъ, невольно напрашивающійся въ виду всѣхъ изложенныхъ нами выше, въ отдѣльныхъ случаяхъ почти невѣроятныхъ, фактовъ, но на который мы не въ состояніи дать категорическаго отвѣта. Едва ли можетъ существовать, тѣмъ не менѣе, хотя какое либо сомнѣніе въ томъ, что лучшая часть русскаго, въ частности казанскаго, общества—относилась къ нимъ отрицательно; что это отрицательное отношеніе къ дѣятельности Магницкаго не было чуждо и сознанію большей части членовъ казанскаго университета, лишь временно терроризированныхъ обскурантнымъ самодурствомъ временщика-попечителя и, съ паденіемъ Магницкаго, смѣло сбросившихъ съ себя фарисейскую маску лицемѣрія, надѣтую въ угоду требованіямъ самовластнаго принципала.

До насъ дошелъ любопытный, въ только что указанномъ направленіи, отзывъ одного изъ современниковъ, бывшаго орловскаго предводителя дворянства и помощника попечителя дерптскаго учебнаго округа Н. И. Шенига, приписывающій Магницкому коварные маккіавеллистическіе разсчеты, которые едва ли могутъ быть приняты на вѣру, но которые свидѣтельствуютъ, во всякомъ случаѣ, о томъ отношеніи, какое существовало въ свое время въ обществѣ и къ казанскому попечителю, и къ его, не совсѣмъ обыкновенной, политической и педагогической дѣятельности:

„Цензурнымъ его притязаніямъ не было конца, они сдѣлались посмѣшищемъ,—пишетъ Шенигъ въ своихъ мемуарахъ.—Въ этомъ, кажется, и была цѣль Магницкаго: онъ хотѣлъ раздражать умы и, упрочивая достоинство верховной власти, дѣлать ее смѣшною и нелѣпою".... Только императоръ Николай Павловичъ „постигъ вредный умъ Магницкаго и во время сумѣлъ отстранить его съ поприща политической дѣятельности" [27].

Мы оставляемъ этотъ смѣлый выводъ на отвѣтственности самого автора воспоминаній.

Б

Учащіе и учащіеся казанскаго университета въ эпоху Магницкаго.—Педагогическій институтъ университета

I. Учащіе казанскаго университета.—Общая характеристика отношеній Магницкаго къ преподавательскому персоналу университета.—Непослѣдовательность попечителя въ сужденіяхъ о профессорахъ.—Мѣры воздѣйствія его на личный составъ университета.—Требованіе подписокъ о непринадлежности къ масонству и тайнымъ обществамъ.—Мѣры водворенія абсолютной трезвости.

II. Учащіеся казанскаго университета.—Дисциплинарный строй университета въ воспоминаніяхъ современниковъ.—Первыя мѣропріятія по регламентаціи быта студенчества.—«Общее начертаніе благоповеденія» и «Обычаи по воспитанію студентовъ», составленные директоромъ университета Владимірскимъ.—Изложеніе содержанія этихъ актовъ.—«Наставленіе директору университета» попечителя Магницкаго.—Картина жизни студенчества, возстановляемая «Наставленіемъ».—Чрезвычайныя мѣры взысканій, самовольно введенныя попечителемъ.—Студенческіе проступки и наказанія.—Регистрація студентовъ по нравственности и поведенію ихъ.—Отзывъ Желтухина о системѣ Магницкаго и полемика съ нимъ попечителя.—Мѣры водворенія въ студентахъ благочестія.—Другія мѣры по устроенію внутренней жизни студенчества.—Судьба дисциплинарныхъ начинаній Магницкаго.

III. Педагогическій институтъ въ эпоху Магницкаго.—Условность вопроса.—Мѣры по подготовленію питомцевъ университета къ ученой дѣятельности.—Ученыя командировки: Лебедевичъ-Драевскій, Соханскій, Кручининъ, Сыромятниковъ, Дмитріевскій, Скандовскій, Протопоповъ.—Изъ области фантастическихъ предположеній Магницкаго.

I. Учащіе казанскаго университета

Предвзятыя тенденціи, съ которыми приступилъ Магницкій въ началѣ 1819 года къ ревизіи казанскаго университета, его отношенія къ наукѣ и преподаванію, черты охранительной дѣятельности его на протяженіи послѣдующихъ лѣтъ попечительства — уже заранѣе предопредѣляютъ собою и тѣ отношенія, въ которыя суждено было ему стать къ двумъ краеугольнымъ элементамъ казанской академической жизни, учащимъ и учащимся казанскаго университета. И въ этой сферѣ предстанутъ передъ нами выпуклыя, подъ-часъ чудовищныя, отраженія изступленнаго обскурантизма и самодурства, которыми проникнута была вся административно-педагогическая дѣятельность казанскаго попечителя и съ отдѣльными проявленіями которыхъ мы теперь уже въ достаточной мѣрѣ ознакомлены.

Самое вступленіе Магницкаго въ должность попечителя округа и уже первые шаги его въ дѣлѣ пресловутаго „обновленія" казанскаго университета ознаменовались, какъ извѣстно, массовымъ устраненіемъ профессоровъ, сразу терроризировавшимъ „ученое сословіе" казанскаго университета,—первая задача, къ которой новый попечитель, повидимому, и стре-

Б

Учащіе и учащіеся казанскаго университета въ эпоху Магницкаго.—Педагогическій институтъ университета

I. Учащіе казанскаго университета.—Общая характеристика отношеній Магницкаго къ преподавательскому персоналу университета.—Непослѣдовательность попечителя въ сужденіяхъ о профессорахъ.—Мѣры воздѣйствія его на личный составъ университета.—Требованіе подписокъ о непринадлежности къ масонству и тайнымъ обществамъ.—Мѣры водворенія абсолютной трезвости.

II. Учащіеся казанскаго университета.—Дисциплинарный строй университета въ воспоминаніяхъ современниковъ.—Первыя мѣропріятія по регламентаціи быта студенчества.—«Общее начертаніе благоповеденія» и «Обычаи по воспитанію студентовъ», составленные директоромъ университета Владимірскимъ.—Изложеніе содержанія этихъ актовъ.—«Наставленіе директору университета» попечителя Магницкаго.—Картина жизни студенчества, возстановляемая «Наставленіемъ».—Чрезвычайныя мѣры взысканій, самовольно введенныя попечителемъ.—Студенческіе проступки и наказанія.—Регистрація студентовъ по нравственности и поведенію ихъ.—Отзывъ Желтухина о системѣ Магницкаго и полемика съ нимъ попечителя.—Мѣры водворенія въ студентахъ благочестія.—Другія мѣры по устроенію внутренней жизни студенчества.—Судьба дисциплинарныхъ начинаній Магницкаго.

III. Педагогическій институтъ въ эпоху Магницкаго.—Условность вопроса.—Мѣры по подготовленію питомцевъ университета къ ученой дѣятельности.—Ученыя командировки: Лебедевичъ-Драевскій, Соханскій, Кручининъ, Сыромятниковъ, Дмитріевскій, Скандовскій, Протопоповъ.—Изъ области фантастическихъ предположеній Магницкаго.

I. Учащіе казанскаго университета

Предвзятыя тенденціи, съ которыми приступилъ Магницкій въ началѣ 1819 года къ ревизіи казанскаго университета, его отношенія къ наукѣ и преподаванію, черты охранительной дѣятельности его на протяженіи послѣдующихъ лѣтъ попечительства — уже заранѣе предопредѣляютъ собою и тѣ отношенія, въ которыя суждено было ему стать къ двумъ краеугольнымъ элементамъ казанской академической жизни, учащимъ и учащимся казанскаго университета. И въ этой сферѣ предстанутъ передъ нами выпуклыя, подъ-часъ чудовищныя, отраженія изступленнаго обскурантизма и самодурства, которыми проникнута была вся административно-педагогическая дѣятельность казанскаго попечителя и съ отдѣльными проявленіями которыхъ мы теперь уже въ достаточной мѣрѣ ознакомлены.

Самое вступленіе Магницкаго въ должность попечителя округа и уже первые шаги его въ дѣлѣ пресловутаго „обновленія" казанскаго университета ознаменовались, какъ извѣстно, массовымъ устраненіемъ профессоровъ, сразу терроризировавшимъ „ученое сословіе" казанскаго университета,—первая задача, къ которой новый попечитель, повидимому, и стре-

мился. Фактически подчинивъ университетъ своему ставленнику, директору университета, и пополнивъ ряды профессоровъ своими безотвѣтными, часто жалкими, креатурами, суровый попечитель задался цѣлью совершенно овладѣть и волею, и умами, и убѣжденіями, и совѣстью членовъ университета, заставивъ ихъ надѣть на себя ту же личину фарисейской благонамѣренности, въ которую онъ и самъ облекся въ угоду наступившимъ вѣяніямъ; стремленіемъ лишить университетскую коллегію даже тѣхъ законныхъ правъ, которыя были съ высоты престола гарантированы ей утвердительною грамотою и уставомъ 5-го ноября 1804 года. Угодничество и происки передъ грознымъ принципаломъ и его ближайшими приспѣшниками, напускное фарисейство, дѣланная благонамѣренность, вынужденная ложь, извѣты, интриги—таковы факторы отрицательнаго характера, явившіеся лишь логическимъ послѣдствіемъ всей системы Магницкаго и внесшіе глубокую деморализацію въ жизнь „обновленнаго" имъ казанскаго университета....

„Въ іюнѣ 1819 года Магницкій назначенъ попечителемъ казанскаго университета. Съ сего времени,—свидѣтельствуетъ одинъ изъ современниковъ,—наступаетъ новая эпоха этого заведенія, ознаменованная изгнаніемъ или добровольнымъ удаленіемъ отличнѣйшихъ профессоровъ и принятіемъ на мѣсто ихъ новыхъ, столько же неизвѣстныхъ въ ученомъ мірѣ, сколько извѣстны были ихъ предмѣстники; множествомъ странныхъ нововведеній, закрытіемъ однѣхъ, учрежденіемъ другихъ, разъединеніемъ или соединеніемъ кафедръ, опредѣленіемъ новаго начальственнаго лица, подъ названіемъ директора университета; изданіемъ инструкціи директорской и ректорской, совершенно нарушающихъ уставъ, унижающихъ достоинство ректора и дающихъ произвольное направленіе преподаванію наукъ. Эта эпоха, именовавшаяся возобновленіемъ, отличалась отъ прежней видимою заботливостью объ одной наружности и пренебреженіемъ сущности, распространеніемъ между наставниками и воспитанниками духа лицемѣрія и ханжества, какъ вѣрнаго средства къ снисканію благосклонности попечителя; происками и враждою членовъ университета, щедрыми наградами и возвышеніемъ окладовъ довѣренныхъ лицъ" и т. д.

„Ниспровергнуты были самыя важныя права совѣта,—свидѣтельствуетъ намъ уже источникъ оффиціальный, донесеніе ген.-маіора П. Ѳ. Желтухина.—Все стремленіе обращено было къ тому, что бы сыскать средства обратить на себя вниманіе попечителя и чрезъ то достигнуть, какими бы ни было путями, до профессорскихъ званій. Отсюда родились въ ученомъ сословіи междоусобія, доносы, происки.... При таковомъ упадкѣ университета, отцы перестали отдавать въ университетъ дѣтей своихъ".

мился. Фактически подчинивъ университетъ своему ставленнику, директору университета, и пополнивъ ряды профессоровъ своими безотвѣтными, часто жалкими, креатурами, суровый попечитель задался цѣлью совершенно овладѣть и волею, и умами, и убѣжденіями, и совѣстью членовъ университета, заставивъ ихъ надѣть на себя ту же личину фарисейской благонамѣренности, въ которую онъ и самъ облекся въ угоду наступившимъ вѣяніямъ; стремленіемъ лишить университетскую коллегію даже тѣхъ законныхъ правъ, которыя были съ высоты престола гарантированы ей утвердительною грамотою и уставомъ 5-го ноября 1804 года. Угодничество и происки передъ грознымъ принципаломъ и его ближайшими приспѣшниками, напускное фарисейство, дѣланная благонамѣренность, вынужденная ложь, извѣты, интриги—таковы факторы отрицательнаго характера, явившіеся лишь логическимъ послѣдствіемъ всей системы Магницкаго и внесшіе глубокую деморализацію въ жизнь „обновленнаго" имъ казанскаго университета....

„Въ іюнѣ 1819 года Магницкій назначенъ попечителемъ казанскаго университета. Съ сего времени,—свидѣтельствуетъ одинъ изъ современниковъ,—наступаетъ новая эпоха этого заведенія, ознаменованная изгнаніемъ или добровольнымъ удаленіемъ отличнѣйшихъ профессоровъ и принятіемъ на мѣсто ихъ новыхъ, столько же неизвѣстныхъ въ ученомъ мірѣ, сколько извѣстны были ихъ предмѣстники; множествомъ странныхъ нововведеній, закрытіемъ однѣхъ, учрежденіемъ другихъ, разъединеніемъ или соединеніемъ кафедръ, опредѣленіемъ новаго начальственнаго лица, подъ названіемъ директора университета; изданіемъ инструкціи директорской и ректорской, совершенно нарушающихъ уставъ, унижающихъ достоинство ректора и дающихъ произвольное направленіе преподаванію наукъ. Эта эпоха, именовавшаяся возобновленіемъ, отличалась отъ прежней видимою заботливостью объ одной наружности и пренебреженіемъ сущности, распространеніемъ между наставниками и воспитанниками духа лицемѣрія и ханжества, какъ вѣрнаго средства къ снисканію благосклонности попечителя; происками и враждою членовъ университета, щедрыми наградами и возвышеніемъ окладовъ довѣренныхъ лицъ" и т. д.

„Ниспровергнуты были самыя важныя права совѣта,—свидѣтельствуетъ намъ уже источникъ оффиціальный, донесеніе ген.-маіора П. Ѳ. Желтухина.—Все стремленіе обращено было къ тому, что бы сыскать средства обратить на себя вниманіе попечителя и чрезъ то достигнуть, какими бы ни было путями, до профессорскихъ званій. Отсюда родились въ ученомъ сословіи междоусобія, доносы, происки.... При таковомъ упадкѣ университета, отцы перестали отдавать въ университетъ дѣтей своихъ".

Съ какими предвзятыми по отношенію къ личному составу казанскаго университета мыслями вступилъ Магницкій въ должность попечителя и какъ смотрѣлъ онъ на преподавательскій персоналъ его во время своего попечительства—нагляднѣе всего обрисовывается передъ нами свидѣтельствомъ самого эксъ-попечителя, относящимся къ 30-мъ годамъ, слѣдовательно къ порѣ одесскаго изгнанія его. Онъ видѣлъ въ профессорахъ „отступниковъ" отъ тѣхъ началъ благочестія и условной благонамѣренности, которыя такъ фанатично проповѣдывались имъ и въ Петербургѣ и въ Казани: „Вы не можете себѣ представить,—говорилъ Магницкій,—что такое чиновникъ въ провинціи и профессоръ-отступникъ..... Кончивъ борьбу съ симбирскими чиновниками, татарами и помѣщиками, я началъ ее съ профессорами казанскаго университета. Здѣсь мнѣ было еще труднѣе.... Очищеніе и усмиреніе личнаго состава университета, къ чему я считалъ долгомъ прибѣгнуть, какъ христіанинъ и русскій, надѣлали мнѣ много опасныхъ враговъ, оклеветавшихъ меня въ Петербургѣ и бывшихъ причиною назначенія надо мною слѣдствія" [28].

Крайняя односторонность * и непослѣдовательность сужденій Магницкаго о профессорахъ казанскаго университета, которыя ложились, однако, въ основу весьма многихъ и въ высшей степени рѣшительныхъ мѣропріятій его, до увольненія изъ университета включительно, фигурировали даже въ числѣ обвинительныхъ противъ него положеній, выставленныхъ въ 1826 году въ главномъ правленіи училищъ. Вотъ отдѣльные факты этого рода, выясненные слѣдствіемъ по поводу дѣйствій казанскаго попечителя:

> При произведенной имъ въ 1819 году ревизіи университета, Магницкимъ сдѣланы были министру народнаго просвѣщенія слѣдующія донесенія о профессорахъ казанскаго университета:
>
> 1. Профессоръ Срезневскій слѣдуетъ системѣ Якоба (введенной, однако же, по предписанію бывшаго министра гр. Разумовскаго),

* Кстати объ этой «односторонности»—какъ понималъ ее самъ Магницкій. По разсказу эксъ-попечителя, относящемуся къ одесской порѣ его жизни, одна дама обратилась къ нему съ такимъ замѣчаніемъ:

— Вы часто говорите правду.... Но для чего быть одностороннимъ?

— А позвольте васъ спросить: сколько сторонъ будетъ на страшномъ судѣ?—возразилъ Магницкій.

— Разумѣется, двѣ!—отвѣтила дама.

— Вотъ я и стараюсь выбрать правую, а это вы называете—односторонностью!

(Изъ воспоминаній П. Т. Морозова, Русск. Арх. 1875, III, стр. 249).

Съ какими предвзятыми по отношенію къ личному составу казанскаго университета мыслями вступилъ Магницкій въ должность попечителя и какъ смотрѣлъ онъ на преподавательскій персоналъ его во время своего попечительства—нагляднѣе всего обрисовывается передъ нами свидѣтельствомъ самого эксъ-попечителя, относящимся къ 30-мъ годамъ, слѣдовательно къ порѣ одесскаго изгнанія его. Онъ видѣлъ въ профессорахъ „отступниковъ" отъ тѣхъ началъ благочестія и условной благонамѣренности, которыя такъ фанатично проповѣдывались имъ и въ Петербургѣ и въ Казани: „Вы не можете себѣ представить,—говорилъ Магницкій,— что такое чиновникъ въ провинціи и профессоръ-отступникъ..... Кончивъ борьбу съ симбирскими чиновниками, татарами и помѣщиками, я началъ ее съ профессорами казанскаго университета. Здѣсь мнѣ было еще труднѣе.... Очищеніе и усмиреніе личнаго состава университета, къ чему я считалъ долгомъ прибѣгнуть, какъ христіанинъ и русскій, надѣлали мнѣ много опасныхъ враговъ, оклеветавшихъ меня въ Петербургѣ и бывшихъ причиною назначенія надо мною слѣдствія" [28].

Крайняя односторонность * и непослѣдовательность сужденій Магницкаго о профессорахъ казанскаго университета, которыя ложились, однако, въ основу весьма многихъ и въ высшей степени рѣшительныхъ мѣропріятій его, до увольненія изъ университета включительно, фигурировали даже въ числѣ обвинительныхъ противъ него положеній, выставленныхъ въ 1826 году въ главномъ правленіи училищъ. Вотъ отдѣльные факты этого рода, выясненные слѣдствіемъ по поводу дѣйствій казанскаго попечителя:

> При произведенной имъ въ 1819 году ревизіи университета, Магницкимъ сдѣланы были министру народнаго просвѣщенія слѣдующія донесенія о профессорахъ казанскаго университета:
>
> 1. Профессоръ Срезневскій слѣдуетъ системѣ Якоба (введенной, однако же, по предписанію бывшаго министра гр. Разумовскаго),

---

* Кстати объ этой «односторонности»—какъ понималъ ее самъ Магницкій. По разсказу эксъ-попечителя, относящемуся къ одесской порѣ его жизни, одна дама обратилась къ нему съ такимъ замѣчаніемъ:

— Вы часто говорите правду.... Но для чего быть одностороннимъ?

— А позвольте васъ спросить: сколько сторонъ будетъ на страшномъ судѣ?—возразилъ Магницкій.

— Разумѣется, двѣ!—отвѣтила дама.

— Вотъ я и стараюсь выбрать правую, а это вы называете—односторонностью!

(Изъ воспоминаній П. Т. Морозова, Русск. Арх. 1875, III, стр. 249).

„руководствуется духомъ не весьма полезнымъ и, по счастью, лекціи свои читаетъ такъ дурно, что ихъ никто не понимаетъ". Между тѣмъ, въ запискѣ о профессорахъ отзывается о немъ же такъ: „Обладаетъ хорошо русскимъ языкомъ, изъясняется съ дарованіемъ", и далѣе: „Отличныя способности Срезневскаго не укроются отъ вниманія начальства". Срезневскій тѣмъ не менѣе былъ въ 1819 г. уволенъ, но въ томъ же году Магницкій проситъ у министра содѣйствія къ опредѣленію „сего одареннаго отличными способностями чиновника при министерствѣ юстиціи или полиціи".

2. О профессорѣ баронѣ Врангелѣ донесъ, что онъ „ни понятія о преподаваемомъ предметѣ, ни познанія языка русскаго, на которомъ преподаетъ—не имѣетъ", причемъ представилъ его къ увольненію. Между тѣмъ, въ 1820 г., на запросъ начальства царскосельскаго лицея далъ отвѣтъ, что „Врангель уволенъ по мѣстнымъ обстоятельствамъ, что въ удаленіи его не было ничего предосудительнаго въ отношеніи его нравственности,—напротивъ, онъ слышалъ о немъ весьма лестные отзывы".

3. О профессорѣ Арнгольдтѣ отозвался: „Человѣкъ, не знающій латинскаго языка и не умѣющій собрать остава тѣла человѣческаго, человѣкъ, котораго незнаніе въ хирургіи обличается сдѣланными операціями, преподаетъ лекціи хирургіи". Весьма плохо рекомендовалъ онъ и нравственную сторону этого профессора, яко бы лишившагося даже уваженія въ городѣ. Арнгольдтъ былъ уволенъ, но затѣмъ перемѣнилъ вѣру и сталъ снова искать кафедру. Попечитель его поддерживалъ въ этомъ, но министръ—отказалъ.

4. Профессора Яковкина Магницкій обвинялъ въ расхищеніи университета и гимназіи и онъ былъ уволенъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, „по особому повелѣнію получаетъ изъ человѣколюбиваго общества тайно, въ видѣ милостыни, по двѣ тысячи рублей въ годъ, кои отсылаются въ сіе общество изъ пенсіонной кассы университета" *.

5. О профессорѣ Городчаниновѣ въ 1819 г. Магницкій отозвался, какъ о „человѣкѣ способностей весьма слабыхъ", а въ 1820 году превозноситъ его похвалами, говоря, что „мнѣніе его объ естественномъ правѣ должно составить важную эпоху во всемъ ученомъ свѣтѣ" [29].

Намъ уже извѣстенъ произволъ, которымъ руководствовался Магницкій въ дѣлѣ опредѣленія въ университетъ профессоровъ и другихъ преподавателей, совершенно игнорируя въ этомъ отношеніи избиратель-

* Добавимъ отъ себя любопытный фактъ, найденный нами въ архивныхъ дѣлахъ университета: уволивъ Яковкина въ 1819 г., Магницкій уже въ 1821 году ходатайствовалъ о предоставленіи ему въ Казани мѣста удѣльнаго начальника (см. дѣло Директорской Канц., 1821, № 15).

„руководствуется духомъ не весьма полезнымъ и, по счастью, лекціи свои читаетъ такъ дурно, что ихъ никто не понимаетъ". Между тѣмъ, въ запискѣ о профессорахъ отзывается о немъ же такъ: „Обладаетъ хорошо русскимъ языкомъ, изъясняется съ дарованіемъ", и далѣе: „Отличныя способности Срезневскаго не укроются отъ вниманія начальства". Срезневскій тѣмъ не менѣе былъ въ 1819 г. уволенъ, но въ томъ же году Магницкій проситъ у министра содѣйствія къ опредѣленію „сего одареннаго отличными способностями чиновника при министерствѣ юстиціи или полиціи".

2. О профессорѣ баронѣ Врангелѣ донесъ, что онъ „ни понятія о преподаваемомъ предметѣ, ни познанія языка русскаго, на которомъ преподаетъ—не имѣетъ", причемъ представилъ его къ увольненію. Между тѣмъ, въ 1820 г., на запросъ начальства царскосельскаго лицея далъ отвѣтъ, что „Врангель уволенъ по мѣстнымъ обстоятельствамъ, что въ удаленіи его не было ничего предосудительнаго въ отношеніи его нравственности,—напротивъ, онъ слышалъ о немъ весьма лестные отзывы".

3. О профессорѣ Арнгольдтѣ отозвался: „Человѣкъ, не знающій латинскаго языка и не умѣющій собрать остава тѣла человѣческаго, человѣкъ, котораго незнаніе въ хирургіи обличается сдѣланными операціями, преподаетъ лекціи хирургіи". Весьма плохо рекомендовалъ онъ и нравственную сторону этого профессора, яко бы лишившагося даже уваженія въ городѣ. Арнгольдтъ былъ уволенъ, но затѣмъ перемѣнилъ вѣру и сталъ снова искать кафедру. Попечитель его поддерживалъ въ этомъ, но министръ—отказалъ.

4. Профессора Яковкина Магницкій обвинялъ въ расхищеніи университета и гимназіи и онъ былъ уволенъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, „по особому повелѣнію получаетъ изъ человѣколюбиваго общества тайно, въ видѣ милостыни, по двѣ тысячи рублей въ годъ, кои отсылаются въ сіе общество изъ пенсіонной кассы университета" *.

5. О профессорѣ Городчаниновѣ въ 1819 г. Магницкій отозвался, какъ о „человѣкѣ способностей весьма слабыхъ", а въ 1820 году превозноситъ его похвалами, говоря, что „мнѣніе его объ естественномъ правѣ должно составить важную эпоху во всемъ ученомъ свѣтѣ" [29].

Намъ уже извѣстенъ произволъ, которымъ руководствовался Магницкій въ дѣлѣ опредѣленія въ университетъ профессоровъ и другихъ преподавателей, совершенно игнорируя въ этомъ отношеніи избиратель-

---

* Добавимъ отъ себя любопытный фактъ, найденный нами въ архивныхъ дѣлахъ университета: уволивъ Яковкина въ 1819 г., Магницкій уже въ 1821 году ходатайствовалъ о предоставленіи ему въ Казани мѣста удѣльнаго начальника (см. дѣло Директорской Канц., 1821, № 15).

ныя права, дарованныя совѣту университета уставомъ 1804 года и пользуясь слабохарактерностью и довѣріемъ къ себѣ министра народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицина. Протекція вліятельныхъ лицъ, напускныя ханжество и благонамѣренность, умѣнье угодить, подмѣтивъ слабыя струны его умовоззрѣнія, самому попечителю—таковы пружины, которыми ловко пользовались различные проходимцы и авантюристы, добиваясь полученія кафедръ въ казанскомъ университетѣ, причемъ не всегда предъявлялись по отношенію къ аспирантамъ требованія не только ученаго, въ смыслѣ наличности необходимой степени и хотя какого нибудь литературнаго имени, ценза *, но даже и ценза образовательнаго, вообще. Въ эпоху Магницкаго понятіе „чиновника", болѣе нежели когда либо, заслоняло собою представленіе о званіи профессора и о достоинствѣ ученаго. Если мы присоединимъ ко всему этому безпорядочное распредѣленіе профессоровъ по кафедрамъ, произвольное упраздненіе однѣхъ кафедръ и такое же произвольное созданіе новыхъ, соединеніе кафедръ въ лицѣ одного преподавателя, наконецъ подчиненіе самаго преподаванія строго опредѣленнымъ требованіямъ и шаблоннымъ конспектамъ—то мы будемъ имѣть передъ собою общую картину хаотическаго состоянія, созданнаго Магницкимъ въ яко бы „обновленномъ" имъ казанскомъ университетѣ, паденіе науки и научнаго строя котораго представляетъ собою въ ту пору явленіе, едва ли имѣющее примѣръ въ исторіи университетовъ всего цивилизованнаго міра. Читателей, желающихъ болѣе рельефно и болѣе подробно возстановить въ своей памяти всю эту картину созданной Магницкимъ административной и педагогической неурядицы—мы направляемъ къ главѣ второй III-й части нашего труда, посвященной дѣятельности его именно въ этомъ отрицательномъ направленіи **. Будучи въ эпоху министерства кн. Голицина почти безотчетнымъ распорядителемъ и вершителемъ судебъ казанскаго университета, привыкшимъ по собственному произволу распоряжаться кафедрами и назначеніемъ на нихъ профессоровъ, Магницкій вынужденъ былъ нѣсколько умѣрить себя въ этомъ отношеніи

* Въ числѣ пунктовъ обвиненія, предъявленныхъ въ 1826 г. въ главномъ правленіи училищъ Магницкому, имѣлся, между прочими, и тотъ, что, исходатайствовавъ въ январѣ 1820 года постановленіе главнаго правленія училищъ о распространеніи на казанскій университетъ § 79-го устава дерптскаго университета, въ силу котораго никто не можетъ быть профессоромъ, не имѣя степени доктора, исключая лицъ, пользующихся особою извѣстностью въ наукѣ—Магницкій въ февралѣ того же года предоставилъ званіе профессора учителю Пальмину, «не имѣющему ни докторской степени, ни извѣстности, а затѣмъ представлялъ и многихъ другихъ такихъ же» (Архивъ мин. народн. просвѣщ., 1826 г., № 32—130283, § LI).

** См. томъ III, стр. 389 и слѣд., въ особенности же страницы: 415—418, 432—436, 442—444, 449—451, 462—464, 470 и слѣд.

ныя права, дарованныя совѣту университета уставомъ 1804 года и пользуясь слабохарактерностью и довѣріемъ къ себѣ министра народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицина. Протекція вліятельныхъ лицъ, напускныя ханжество и благонамѣренность, умѣнье угодить, подмѣтивъ слабыя струны его умовоззрѣнія, самому попечителю—таковы пружины, которыми ловко пользовались различные проходимцы и авантюристы, добиваясь полученія кафедръ въ казанскомъ университетѣ, причемъ не всегда предъявлялись по отношенію къ аспирантамъ требованія не только ученаго, въ смыслѣ наличности необходимой степени и хотя какого нибудь литературнаго имени, ценза *, но даже и ценза образовательнаго, вообще. Въ эпоху Магницкаго понятіе „чиновника", болѣе нежели когда либо, заслоняло собою представленіе о званіи профессора и о достоинствѣ ученаго. Если мы присоединимъ ко всему этому безпорядочное распредѣленіе профессоровъ по кафедрамъ, произвольное упраздненіе однѣхъ кафедръ и такое же произвольное созданіе новыхъ, соединеніе кафедръ въ лицѣ одного преподавателя, наконецъ подчиненіе самаго преподаванія строго опредѣленнымъ требованіямъ и шаблоннымъ конспектамъ—то мы будемъ имѣть передъ собою общую картину хаотическаго состоянія, созданнаго Магницкимъ въ яко бы „обновленномъ" имъ казанскомъ университетѣ, паденіе науки и научнаго строя котораго представляетъ собою въ ту пору явленіе, едва ли имѣющее примѣръ въ исторіи университетовъ всего цивилизованнаго міра. Читателей, желающихъ болѣе рельефно и болѣе подробно возстановить въ своей памяти всю эту картину созданной Магницкимъ административной и педагогической неурядицы—мы направляемъ къ главѣ второй III-й части нашего труда, посвященной дѣятельности его именно въ этомъ отрицательномъ направленіи **. Будучи въ эпоху министерства кн. Голицина почти безотчетнымъ распорядителемъ и вершителемъ судебъ казанскаго университета, привыкшимъ по собственному произволу распоряжаться кафедрами и назначеніемъ на нихъ профессоровъ, Магницкій вынужденъ былъ нѣсколько умѣрить себя въ этомъ отношеніи

* Въ числѣ пунктовъ обвиненія, предъявленныхъ въ 1826 г. въ главномъ правленіи училищъ Магницкому, имѣлся, между прочими, и тотъ, что, исходатайствовавъ въ январѣ 1820 года постановленіе главнаго правленія училищъ о распространеніи на казанскій университетъ § 79-го устава дерптскаго университета, въ силу котораго никто не можетъ быть профессоромъ, не имѣя степени доктора, исключая лицъ, пользующихся особою извѣстностью въ наукѣ—Магницкій въ февралѣ того же года предоставилъ званіе профессора учителю Пальмину, «не имѣющему ни докторской степени, ни извѣстности, а затѣмъ представлялъ и многихъ другихъ такихъ же» (Архивъ мин. народн. просвѣщ., 1826 г., № 32—13028, § LI).

** См. томъ III, стр. 389 и слѣд., въ особенности же страницы: 415—418, 432—436, 442—444, 449—451, 462—464, 470 и слѣд.

лишь съ вступленіемъ въ званіе министра адмирала А. С. Шишкова, когда въ составѣ министерства появились дѣятели, сумѣвшіе создать здѣсь теченіе неблагопріятное какъ для самой личности казанскаго попечителя, такъ и для созданнаго имъ направленія. Особенно рѣзкій отпоръ встрѣтилъ себѣ здѣсь Магницкій въ началѣ 1826 г.,—значитъ уже на самомъ канунѣ своего паденія,—по поводу сдѣланнаго имъ осенью 1825 года представленія о назначеніи въ казанскій университетъ, на кафедру политической экономіи и дипломатики, профессора одесскаго Ришельевскаго лицея Симоновича. Министръ отвѣтилъ на это (отъ 25 февраля 1826 г.), что „какъ изъ представленія попечителя не видно, что бы г. Симоновичъ избранъ былъ въ профессоры казанскаго университета совѣтомъ онаго, которому предоставлено выбирать въ таковыя званія, то дѣлу сему слѣдуетъ дать теченіе, предписанное закономъ, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ, предписываемыхъ уставомъ казанскаго университета". Недовольный такимъ оборотомъ дѣла, Магницкій самъ снялъ кандидатуру претендента, не особенно деликатно заявивъ министру, что „ему неизвѣстно, пожелаетъ ли г. Симоновичъ подвергнуться избранію совѣта, а посему полагаетъ дѣло сіе считать конченнымъ" [30].

Помимо рѣшительнаго вліянія въ дѣлѣ назначенія профессоровъ, въ рукахъ попечителя сосредоточивались средства всегда держать личный составъ университета въ своихъ суровыхъ рукахъ и во время прохожденія службы, чему не мало способствовали казанскіе попечительскіе клевреты, неуклонно и усердно оріентировавшіе Магницкаго во всемъ томъ, что дѣлалось, говорилось и даже думалось въ мѣстной профессорской средѣ. Ректоръ К. Ѳ. Фуксъ нисколько не находилъ для себя, напримѣръ, циничнымъ или хотя бы только щекотливымъ открыто сознаваться въ томъ, что, „для познанія ихъ образа мыслей и даже чувствъ", онъ привлекалъ „къ короткому въ домѣ своемъ знакомству" университетскихъ преподавателей, устраивая для нихъ „назначенные дни для обѣдовъ и бесѣдъ" съ тою предательскою цѣлью, что бы „въ свободѣ приватныхъ и пріятельскихъ отношеній, въ коихъ открывается безъ принужденія образъ мыслей каждаго, могъ онъ легко узнать направленіе ихъ мнѣній"; не стѣснялся тотъ же Фуксъ сознаваться и въ томъ, что онъ прибѣгалъ къ „приватному разспросу студентовъ" для того, что бы вывѣдать свѣдѣнія о направленіи въ преподаваніи отдѣльныхъ профессоровъ,—глубоко деморализующая мѣра, дальше которой трудно, кажется, и идти *.... Могучимъ средствомъ

* См. томъ III, стр. 470—471.

лишь съ вступленіемъ въ званіе министра адмирала А. С. Шишкова, когда въ составѣ министерства появились дѣятели, сумѣвшіе создать здѣсь теченіе неблагопріятное какъ для самой личности казанскаго попечителя, такъ и для созданнаго имъ направленія. Особенно рѣзкій отпоръ встрѣтилъ себѣ здѣсь Магницкій въ началѣ 1826 г.,—значитъ уже на самомъ канунѣ своего паденія,—по поводу сдѣланнаго имъ осенью 1825 года представленія о назначеніи въ казанскій университетъ, на кафедру политической экономіи и дипломатики, профессора одесскаго Ришельевскаго лицея Симоновича. Министръ отвѣтилъ на это (отъ 25 февраля 1826 г.), что „какъ изъ представленія попечителя не видно, что бы г. Симоновичъ избранъ былъ въ профессоры казанскаго университета совѣтомъ онаго, которому предоставлено выбирать въ таковыя званія, то дѣлу сему слѣдуетъ дать теченіе, предписанное закономъ, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ, предписываемыхъ уставомъ казанскаго университета". Недовольный такимъ оборотомъ дѣла, Магницкій самъ снялъ кандидатуру претендента, не особенно деликатно заявивъ министру, что „ему неизвѣстно, пожелаетъ ли г. Симоновичъ подвергнуться избранію совѣта, а посему полагаетъ дѣло сіе считать конченнымъ" [30].

Помимо рѣшительнаго вліянія въ дѣлѣ назначенія профессоровъ, въ рукахъ попечителя сосредоточивались средства всегда держать личный составъ университета въ своихъ суровыхъ рукахъ и во время прохожденія службы, чему не мало способствовали казанскіе попечительскіе клевреты, неуклонно и усердно оріентировавшіе Магницкаго во всемъ томъ, что дѣлалось, говорилось и даже думалось въ мѣстной профессорской средѣ. Ректоръ К. Ѳ. Фуксъ нисколько не находилъ для себя, напримѣръ, циничнымъ или хотя бы только щекотливымъ открыто сознаваться въ томъ, что, „для познанія ихъ образа мыслей и даже чувствъ", онъ привлекалъ „къ короткому въ домѣ своемъ знакомству" университетскихъ преподавателей, устраивая для нихъ „назначенные дни для обѣдовъ и бесѣдъ" съ тою предательскою цѣлью, что бы „въ свободѣ приватныхъ и пріятельскихъ отношеній, въ коихъ открывается безъ принужденія образъ мыслей каждаго, могъ онъ легко узнать направленіе ихъ мнѣній"; не стѣснялся тотъ же Фуксъ сознаваться и въ томъ, что онъ прибѣгалъ къ „приватному разспросу студентовъ" для того, что бы вывѣдать свѣдѣнія о направленіи въ преподаваніи отдѣльныхъ профессоровъ,—глубоко деморализующая мѣра, дальше которой трудно, кажется, и идти *.... Могучимъ средствомъ

* См. томъ III, стр. 470—471.

воздѣйствія на преподавательскій персоналъ университета,—по крайней мѣрѣ на не особенно стойкую съ точки зрѣнія гражданскаго мужества часть его,—являлись въ рукахъ властнаго попечителя и награды, расточеніемъ которыхъ онъ не скупился по отношенію къ своимъ фаворитамъ или къ лицамъ, умѣвшимъ угодить его требованіямъ: денежныя награды, чины, ордена, дополнительныя кафедры и должности и сопряженные съ ними прибавочные оклады, визитаціонныя и другія командировки—являлись реальною, помимо платоническихъ выраженій благодарности, оцѣнкою практической смѣкалки лицъ, умѣвшихъ впасть въ теченіе обновительной дѣятельности казанскаго попечителя. Не говоря уже о награжденіяхъ чинами и орденами, не одно слабовольное сердце могло оказаться покореннымъ въ ту смутную пору такими мѣрами поощренія, какими являлись ходатайство попечителя о пожалованіи полуторы тысячъ десятинъ земли (директору университета Владимірскому въ 1821 г.), выдача заимообразно изъ университетскихъ суммъ 2000 р., съ разсрочкою на четыре года, для покупки дома (протоіерею Нечаеву въ 1821 г.), пожалованіе 2500 (проф. Никольскому въ 1824 г.), 2000 (проф. Городчанинову въ 1822 г.) и 1000 (проф. Булыгину въ 1824 г.) рублей денежной награды или придача дополнительнаго предмета чтенія (лектору Краузе въ 1821 г.) въ „уваженіе христіанскаго образа мыслей".... Суровыя преслѣдованія и репрессаліи ожидали, за то, со стороны попечителя и его приспѣшниковъ тѣхъ членовъ университетской корпораціи, которые оказывались неподатливыми къ требованіямъ Магницкаго и дѣлали попытки отстоять свою независимость и самостоятельность своего слова и дѣла. Мы уже подробно знакомы съ позорнымъ эпизодомъ университетскаго суда надъ профессоромъ Солнцевымъ, являющимся въ высшей степени характернымъ образцомъ тѣхъ средствъ, къ какимъ способенъ былъ прибѣгать Магницкій въ борьбѣ съ самостоятельными членами университетской коллегіи, рѣшавшимися стать на пути разрушительной дѣятельности попечителя и его казанскихъ угодниковъ. Возникали у попечителя какія то,—подробностей ихъ намъ не удалось выяснить,—контраверзы и съ проф. Н. И. Лобачевскимъ: въ концѣ 1823 года Магницкій требовалъ отъ ректора „подробнаго описанія неблагопристойностей и противности порядку подчиненности", оказанныхъ Лобачевскимъ при уклоненіи отъ избранія въ секретари совѣта,—должность, крайне щекотливую по условіямъ того времени и въ которой творцу неэвклидовой геометріи предстояла непріятная перспектива вписать свое имя наряду съ именами такихъ, сомнительнаго качества, дѣятелей, какими должны быть признаны Пальминъ, Булыгинъ, Суровцовъ. Насколько мало

воздѣйствія на преподавательскій персоналъ университета,—по крайней мѣрѣ на не особенно стойкую съ точки зрѣнія гражданскаго мужества часть его,—являлись въ рукахъ властнаго попечителя и награды, расточеніемъ которыхъ онъ не скупился по отношенію къ своимъ фаворитамъ или къ лицамъ, умѣвшимъ угодить его требованіямъ: денежныя награды, чины, ордена, дополнительныя кафедры и должности и сопряженные съ ними прибавочные оклады, визитаціонныя и другія командировки—являлись реальною, помимо платоническихъ выраженій благодарности, оцѣнкою практической смѣкалки лицъ, умѣвшихъ впасть въ теченіе обновительной дѣятельности казанскаго попечителя. Не говоря уже о награжденіяхъ чинами и орденами, не одно слабовольное сердце могло оказаться покореннымъ въ ту смутную пору такими мѣрами поощренія, какими являлись ходатайство попечителя о пожалованіи полуторы тысячъ десятинъ земли (директору университета Владимірскому въ 1821 г.), выдача заимообразно изъ университетскихъ суммъ 2000 р., съ разсрочкою на четыре года, для покупки дома (протоіерею Нечаеву въ 1821 г.), пожалованіе 2500 (проф. Никольскому въ 1824 г.), 2000 (проф. Городчанинову въ 1822 г.) и 1000 (проф. Булыгину въ 1824 г.) рублей денежной награды или придача дополнительнаго предмета чтенія (лектору Краузе въ 1821 г.) въ „уваженіе христіанскаго образа мыслей"…. Суровыя преслѣдованія и репрессаліи ожидали, за то, со стороны попечителя и его приспѣшниковъ тѣхъ членовъ университетской корпораціи, которые оказывались неподатливыми къ требованіямъ Магницкаго и дѣлали попытки отстоять свою независимость и самостоятельность своего слова и дѣла. Мы уже подробно знакомы съ позорнымъ эпизодомъ университетскаго суда надъ профессоромъ Солнцевымъ, являющимся въ высшей степени характернымъ образцомъ тѣхъ средствъ, къ какимъ способенъ былъ прибѣгать Магницкій въ борьбѣ съ самостоятельными членами университетской коллегіи, рѣшавшимися стать на пути разрушительной дѣятельности попечителя и его казанскихъ угодниковъ. Возникали у попечителя какія то,—подробностей ихъ намъ не удалось выяснить,—контраверзы и съ проф. Н. И. Лобачевскимъ: въ концѣ 1823 года Магницкій требовалъ отъ ректора „подробнаго описанія неблагопристойностей и противности порядку подчиненности", оказанныхъ Лобачевскимъ при уклоненіи отъ избранія въ секретари совѣта,—должность, крайне щекотливую по условіямъ того времени и въ которой творцу неэвклидовой геометріи предстояла непріятная перспектива вписать свое имя наряду съ именами такихъ, сомнительнаго качества, дѣятелей, какими должны быть признаны Пальминъ, Булыгинъ, Суровцовъ. Насколько мало

стѣснялся Магницкій съ подвластными ему профессорами видно изъ свидѣтельства проф. Суровцова о томъ, что въ 1825 году, въ бытность свою въ Казани, Магницкій, недовольный имъ за то, что тотъ, въ качествѣ секретаря совѣта, отказывался подписать аттестатъ попечительскому фавориту Жобару—„позвалъ его въ кабинетъ особо, гдѣ послѣ многихъ угрозъ и ругательствъ требовалъ, что бъ тотчасъ подписанъ былъ аттестатъ и угрожалъ властью, силою и даже именемъ государя". Стѣсненіе личности профессора доходило въ ту пору до того, что даже полученіе простого отпуска должно было сопровождаться самою детальною, даже интимною, мотивировкою со стороны просителя. Такъ, проф. Фуксъ, испрашивая осенью 1820 г. отпускъ въ С.-Петербургъ, съ откровенною наивностью пояснялъ, что „вслѣдствіе семейныхъ потерь и огорченій ему необходимо развлеченіе: онъ потерялъ свою наставницу (sic) и друга мистриссъ Haddon *; къ тому же, онъ хочетъ опредѣлить въ С.-Петербургѣ въ хорошій пансіонъ находящуюся при немъ сироту-воспитанницу" [31].

Кромѣ благонамѣренности и благочестія ихъ съ точекъ зрѣнія служебной и педагогической, къ профессорамъ и преподавателямъ предъявлялись и требованія, простиравшіяся на ихъ убѣжденія и внутреннюю совѣсть. 1-го августа 1822 года послѣдовалъ извѣстный высочайшій именной указъ „о уничтоженіи масонскихъ ложъ и всякихъ тайныхъ обществъ", которымъ положенъ былъ конецъ оффиціальной терпимости франкъ-масонскихъ братствъ, подвергнувшихся суровымъ преслѣдованіямъ въ концѣ царствованія Екатерины II, но съ восшествіемъ на престолъ императора Александра и въ продолженіи этого царствованія снова, за исключеніемъ послѣднихъ лѣтъ его, отмѣченныхъ усиленною религіозною реакціею, распространившихъ сѣть свою почти по всей Россіи. Мнительность правящихъ сферъ стала отожествлять масонскія организаціи съ тайными организаціями чисто политическаго характера, появившимися у насъ съ окончаніемъ великихъ наполеоновскихъ войнъ и уже подготовлявшихъ извѣстныя декабрьскія событія 1825 года. Съ изданіемъ цитированнаго выше закона, отъ служащихъ стали требовать подписки о непринадлежности ихъ „къ масонскимъ и другимъ тайнымъ обществамъ", которыя особенно тщательно отбирались отъ педагогическаго персонала университетовъ и другихъ училищъ. Весьма вѣроятно, что это всеобщаго характера мѣропріятіе обязано было своимъ осуществленіемъ именно казанскому попечителю, какъ объ этомъ можно судить по оправдательной запискѣ Магницкаго,

* Объ этой мистриссъ Haddon (Гаттонъ) см. томы I, стр. 370, II, 455.

стѣснялся Магницкій съ подвластными ему профессорами видно изъ свидѣтельства проф. Суровцова о томъ, что въ 1825 году, въ бытность свою въ Казани, Магницкій, недовольный имъ за то, что тотъ, въ качествѣ секретаря совѣта, отказывался подписать аттестатъ попечительскому фавориту Жобару—„позвалъ его въ кабинетъ особо, гдѣ послѣ многихъ угрозъ и ругательствъ требовалъ, что бъ тотчасъ подписанъ былъ аттестатъ и угрожалъ властью, силою и даже именемъ государя". Стѣсненіе личности профессора доходило въ ту пору до того, что даже полученіе простого отпуска должно было сопровождаться самою детальною, даже интимною, мотивировкою со стороны просителя. Такъ, проф. Фуксъ, испрашивая осенью 1820 г. отпускъ въ С.-Петербургъ, съ откровенною наивностью пояснялъ, что „вслѣдствіе семейныхъ потерь и огорченій ему необходимо развлеченіе: онъ потерялъ свою наставницу (sic) и друга мистриссъ Haddon *; къ тому же, онъ хочетъ опредѣлить въ С.-Петербургѣ въ хорошій пансіонъ находящуюся при немъ сироту-воспитанницу" [31].

Кромѣ благонамѣренности и благочестія ихъ съ точекъ зрѣнія служебной и педагогической, къ профессорамъ и преподавателямъ предъявлялись и требованія, простиравшіяся на ихъ убѣжденія и внутреннюю совѣсть. 1-го августа 1822 года послѣдовалъ извѣстный высочайшій именной указъ „о уничтоженіи масонскихъ ложъ и всякихъ тайныхъ обществъ", которымъ положенъ былъ конецъ оффиціальной терпимости франкъ-масонскихъ братствъ, подвергнувшихся суровымъ преслѣдованіямъ въ концѣ царствованія Екатерины II, но съ восшествіемъ на престолъ императора Александра и въ продолженіи этого царствованія снова, за исключеніемъ послѣднихъ лѣтъ его, отмѣченныхъ усиленною религіозною реакціею, распространившихъ сѣть свою почти по всей Россіи. Мнительность правящихъ сферъ стала отожествлять масонскія организаціи съ тайными организаціями чисто политическаго характера, появившимися у насъ съ окончаніемъ великихъ наполеоновскихъ войнъ и уже подготовлявшихъ извѣстныя декабрьскія событія 1825 года. Съ изданіемъ цитированнаго выше закона, отъ служащихъ стали требовать подписки о непринадлежности ихъ „къ масонскимъ и другимъ тайнымъ обществамъ", которыя особенно тщательно отбирались отъ педагогическаго персонала университетовъ и другихъ училищъ. Весьма вѣроятно, что это всеобщаго характера мѣропріятіе обязано было своимъ осуществленіемъ именно казанскому попечителю, какъ объ этомъ можно судить по оправдательной запискѣ Магницкаго,

* Объ этой мистриссъ Haddon (Гаттонъ) см. томы I, стр. 370, II, 455.

представленной имъ императору Николаю Павловичу, въ которой бывшій попечитель въ числѣ причинъ воздвигнутыхъ на него „гоненій" ссылается и на обличеніе имъ „духовнаго якобинства", которое,—заявляетъ Магницкій,—„ведетъ явнымъ образомъ, какъ и вольнодумство, къ возмущеніямъ; ибо ежели потрясутъ вѣру народа къ церкви, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, потрясутъ и почтеніе къ помазанникамъ Божіимъ, сею церковью освящаемымъ", и подтверждалъ это тѣмъ доказательствомъ, „что вездѣ за реформою Лютера слѣдовали бунты народные".

Не трудно представить себѣ ту неуклонную строгость, съ какою примѣнялось это требованіе въ казанскомъ университетѣ эпохи Магницкаго. На этой почвѣ создалось цѣлое дѣло „объ отобраніи отъ чиновъ казанскаго учебнаго округа подписокъ въ силу высочайшаго повелѣнія о закрытіи масонскихъ ложъ и другихъ тайныхъ обществъ", изъ котораго узнаемъ, что даже самому ректору и профессору К. Ѳ. Фуксу пришлось давать письменное объясненіе по поводу заподозрѣнности его въ принадлежности къ масонству,—именно къ симбирской ложѣ князя Баратаева, едва ли не имѣвшей отдѣленія и въ Казани. Это письменное объясненіе Фукса представляется настолько интереснымъ, что мы почитаемъ умѣстнымъ привести его здѣсь въ подлинникѣ:

> „На письмо вашего превосходительства отъ 31-го января,—читаемъ въ объясненіи Фукса, помѣченномъ 14-мъ февраля 1824 года,—честь имѣю донести, что я въ теченіи жизни моей никогда и ни въ какой масонской ложѣ не былъ и никогда и ни съ кѣмъ изъ масоновъ переписки не имѣлъ, исключая, что я изъ Симбирска отъ князя Баратаева раза два или три получалъ деньги для раздачи бѣднымъ казанскимъ, каковое порученіе сдѣлано мнѣ было, какъ извѣстному здѣсь врачу, которое я по христіанскому долгу и выполнилъ и, по пріѣздѣ его сюда, отдалъ ему лично надлежащій въ томъ отчетъ. Я слышалъ, будто бы князь Баратаевъ, за усердную мою раздачу денегъ бѣднымъ, намѣренъ былъ записать меня въ члены своего общества.
>
> Во всю бытность мою здѣсь, въ Казани, я даже не слыхалъ, что бъ здѣсь была ложа. Нѣсколько лѣтъ назадъ съ нѣкоторыми знакомыми имѣли мы христіанскія бесѣды, по два раза въ недѣлю, подъ предсѣдательствомъ Василія Васильевича Романовскаго. Въ сихъ бесѣдахъ, которыя были открыты для всѣхъ, проводили мы цѣлыя ночи въ чтеніи Штиллинговыхъ* сочиненій и въ мо-

* Юнгъ-Штиллингъ—извѣстный германскій мистикъ, оказавшій огромное вліяніе на русское мистическое движеніе первой четверти XIX вѣка.

представленной имъ императору Николаю Павловичу, въ которой бывшій попечитель въ числѣ причинъ воздвигнутыхъ на него „гоненій“ ссылается и на обличеніе имъ „духовнаго якобинства“, которое,—заявляетъ Магницкій,—„ведетъ явнымъ образомъ, какъ и вольнодумство, къ возмущеніямъ; ибо ежели потрясутъ вѣру народа къ церкви, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, потрясутъ и почтеніе къ помазанникамъ Божіимъ, сею церковью освящаемымъ“, и подтверждалъ это тѣмъ доказательствомъ, „что вездѣ за реформою Лютера слѣдовали бунты народные“.

Не трудно представить себѣ ту неуклонную строгость, съ какою примѣнялось это требованіе въ казанскомъ университетѣ эпохи Магницкаго. На этой почвѣ создалось цѣлое дѣло „объ отобраніи отъ чиновъ казанскаго учебнаго округа подписокъ въ силу высочайшаго повелѣнія о закрытіи масонскихъ ложъ и другихъ тайныхъ обществъ“, изъ котораго узнаемъ, что даже самому ректору и профессору К. Ѳ. Фуксу пришлось давать письменное объясненіе по поводу заподозрѣнности его въ принадлежности къ масонству,—именно къ симбирской ложѣ князя Баратаева, едва ли не имѣвшей отдѣленія и въ Казани. Это письменное объясненіе Фукса представляется настолько интереснымъ, что мы почитаемъ умѣстнымъ привести его здѣсь въ подлинникѣ:

„На письмо вашего превосходительства отъ 31-го января,—читаемъ въ объясненіи Фукса, помѣченномъ 14-мъ февраля 1824 года,—честь имѣю донести, что я въ теченіи жизни моей никогда и ни въ какой масонской ложѣ не былъ и никогда и ни съ кѣмъ изъ масоновъ переписки не имѣлъ, исключая, что я изъ Симбирска отъ князя Баратаева раза два или три получалъ деньги для раздачи бѣднымъ казанскимъ, каковое порученіе сдѣлано мнѣ было, какъ извѣстному здѣсь врачу, которое я по христіанскому долгу и выполнилъ и, по пріѣздѣ его сюда, отдалъ ему лично надлежащій въ томъ отчетъ. Я слышалъ, будто бы князь Баратаевъ, за усердную мою раздачу денегъ бѣднымъ, намѣренъ былъ записать меня въ члены своего общества.

Во всю бытность мою здѣсь, въ Казани, я даже не слыхалъ, что бъ здѣсь была ложа. Нѣсколько лѣтъ назадъ съ нѣкоторыми знакомыми имѣли мы христіанскія бесѣды, по два раза въ недѣлю, подъ предсѣдательствомъ Василія Васильевича Романовскаго. Въ сихъ бесѣдахъ, которыя были открыты для всѣхъ, проводили мы цѣлыя ночи въ чтеніи Штиллинговыхъ* сочиненій и въ мо-

* Юнгъ-Штиллингъ—извѣстный германскій мистикъ, оказавшій огромное вліяніе на русское мистическое движеніе первой четверти XIX вѣка.

литвахъ, но сіе удовольствіе наше не долго продолжалось, ибо преосвященный нашъ Амвросій и тогдашній губернаторъ графъ Толстой сдѣлали намъ препятствіе и собранія наши чрезъ полицію запретили.

Вотъ все, что я знаю на счетъ требуемаго вашимъ превосходительствомъ съ моей стороны объясненія".

Подписки о непринадлежности ихъ къ масонскимъ ложамъ стали затѣмъ отбираться и отъ профессоровъ, вновь опредѣлявшихся въ казанскій университетъ, какъ русскихъ такъ и иностранныхъ; такъ, при требованіи ея со стороны адъюнкта Пелатье выяснилось, что онъ принадлежалъ къ французской масонской ложѣ „Parfaite union", въ г. Монпелье, въ виду чего въ подписку было включено отреченіе Пелатье отъ дальнѣйшаго участія въ этомъ союзѣ. Въ 1824 году, по почину попечителя казанскаго учебнаго округа, требованіе такихъ же подписокъ было распространено на всѣхъ „ищущихъ ученыхъ степеней", а также на „иностранцевъ, получающихъ свидѣтельства на обученіе юношества" [32].

Притязательныя требованія Магницкаго простирались до вторженія его въ чисто интимную, внѣслужебную, жизнь какъ чиновъ университета, такъ и служащихъ по учебному округу, вообще. Мы уже имѣли случай говорить о томъ, что казанскій попечитель былъ фанатичнымъ трезвенникомъ и усиленно преслѣдовалъ въ своемъ вѣдомствѣ не только пьянство, но даже и самое умѣренное употребленіе вина. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, вспоминая прошлое казанскаго университета, К. Ѳ. Фуксъ разсказывалъ Н. И. Второву, что Магницкій потребовалъ отъ профессоровъ подписки въ абсолютномъ неупотребленіи ими вина и что дать таковую, будто бы, категорически отказались только онъ, Фуксъ, да еще проф. Солнцевъ. По свидѣтельству П. Т. Морозова, одинъ изъ профессоровъ казанскаго университета громко жаловался, что „Магницкій въ высшей степени притѣсняетъ профессоровъ и даже заставляетъ ихъ давать подписки въ томъ, что не будутъ пить пуншу, который, по словамъ почтеннаго профессора, сильно способствуетъ обильному отдѣленію всякой испарины, а въ томъ числѣ (sic!) и мыслей". И. И. Лажечниковъ вспоминаетъ, что требованіе отъ нихъ безусловной трезвости простиралось до того, что профессора не иначе какъ тайно и съ оглядкою разрѣшали себѣ выпить передъ обѣдомъ рюмку водки, а В. И. Панаевъ свидѣтельствуетъ, что запрещеніе употреблять вино простиралось въ эпоху Магницкаго до такихъ строгихъ предѣловъ, что профессора и другіе служащіе „въ торжественные дни здоровье высшихъ начальниковъ и даже государя должны были пить медомъ".

литвахъ, но сіе удовольствіе наше не долго продолжалось, ибо преосвященный нашъ Амвросій и тогдашній губернаторъ графъ Толстой сдѣлали намъ препятствіе и собранія наши чрезъ полицію запретили.

Вотъ все, что я знаю на счетъ требуемаго вашимъ превосходительствомъ съ моей стороны объясненія".

Подписки о непринадлежности ихъ къ масонскимъ ложамъ стали затѣмъ отбираться и отъ профессоровъ, вновь опредѣлявшихся въ казанскій университетъ, какъ русскихъ такъ и иностранныхъ; такъ, при требованіи ея со стороны адъюнкта Пелатье выяснилось, что онъ принадлежалъ къ французской масонской ложѣ „Parfaite union", въ г. Монпелье, въ виду чего въ подписку было включено отреченіе Пелатье отъ дальнѣйшаго участія въ этомъ союзѣ. Въ 1824 году, по почину попечителя казанскаго учебнаго округа, требованіе такихъ же подписокъ было распространено на всѣхъ „ищущихъ ученыхъ степеней", а также на „иностранцевъ, получающихъ свидѣтельства на обученіе юношества" [32].

Притязательныя требованія Магницкаго простирались до вторженія его въ чисто интимную, внѣслужебную, жизнь какъ чиновъ университета, такъ и служащихъ по учебному округу, вообще. Мы уже имѣли случай говорить о томъ, что казанскій попечитель былъ фанатичнымъ трезвенникомъ и усиленно преслѣдовалъ въ своемъ вѣдомствѣ не только пьянство, но даже и самое умѣренное употребленіе вина. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, вспоминая прошлое казанскаго университета, К. Ѳ. Фуксъ разсказывалъ Н. И. Второву, что Магницкій потребовалъ отъ профессоровъ подписки въ абсолютномъ неупотребленіи ими вина и что дать таковую, будто бы, категорически отказались только онъ, Фуксъ, да еще проф. Солнцевъ. По свидѣтельству П. Т. Морозова, одинъ изъ профессоровъ казанскаго университета громко жаловался, что „Магницкій въ высшей степени притѣсняетъ профессоровъ и даже заставляетъ ихъ давать подписки въ томъ, что не будутъ пить пуншу, который, по словамъ почтеннаго профессора, сильно способствуетъ обильному отдѣленію всякой испарины, а въ томъ числѣ (sic!) и мыслей". И. И. Лажечниковъ вспоминаетъ, что требованіе отъ нихъ безусловной трезвости простиралось до того, что профессора не иначе какъ тайно и съ оглядкою разрѣшали себѣ выпить передъ обѣдомъ рюмку водки, а В. И. Панаевъ свидѣтельствуетъ, что запрещеніе употреблять вино простиралось въ эпоху Магницкаго до такихъ строгихъ предѣловъ, что профессора и другіе служащіе „въ торжественные дни здоровье высшихъ начальниковъ и даже государя должны были пить медомъ".

Борьба, не на животъ, а на смерть, съ нетрезвостью предпринята была Магницкимъ уже въ начальную пору его попечительства и поводъ къ общему съ его стороны мѣропріятію въ этомъ направленіи былъ данъ магистромъ и преподавателемъ греческой словесности Д. П. Самсоновымъ. Получивъ отъ директора университета донесеніе о нетрезвомъ образѣ жизни Самсонова, попечитель 23-го ноября 1820 года обратился къ директору съ предложеніемъ, въ которомъ предписывалъ ему уволить Самсонова отъ службы, „отказавъ въ аттестатѣ добраго поведенія", и объявить въ совѣтѣ, что „ежели бы,—чего Боже насъ сохрани,—замѣченъ былъ еще кто либо изъ преподавателей и чиновниковъ университета, какого бы чина или званія онъ ни былъ, въ нетрезвенномъ состояніи, отдать его подъ стражу и донести немедленно мнѣ", и что „преподаватель или чиновникъ сей будетъ выключенъ изъ университета за пьянство, что и отмѣтится во всѣхъ актахъ, до исключенія его относящихся". Это попечительское предписаніе было тогда же объявлено, съ отобраніемъ отъ нихъ въ томъ подписокъ, всѣмъ профессорамъ и другимъ служащимъ университета [33].

Только съ паденіемъ Магницкаго и съ наступленіемъ попечительства Мусина-Пушкина, не взирая на строгій режимъ, установленный новымъ попечителемъ, болѣе свободно вздохнуло терроризированное и обезличенное „ученое сословіе" казанскаго университета.

II. Учащіеся казанскаго университета.

Начинанія образовательнаго и воспитательнаго характера, которыми задавался Магницкій въ дѣлѣ коренной реорганизаціи казанскаго университета и которыя получили въ эпоху его попечительства такую своеобразно-отрицательную окраску, могутъ уже впередъ предрѣшить то положеніе, что, послѣ вопросовъ, касавшихся постановки и направленія преподаванія, вопросы дисциплинарно-педагогическаго строя студенческой семьи должны были занимать доминирующее мѣсто среди охранительныхъ начинаній попечителя. И, дѣйствительно, въ этой сферѣ дѣятельность какъ самого Магницкаго, такъ и руководимая имъ дѣятельность его казанскихъ приспѣшниковъ—является особенно типичною, пріобрѣтаетъ особенно яркую окраску, раскрывая передъ нами рядъ почти невѣроятныхъ даже и для той эпохи, къ которой они относятся, фактовъ.

Современники оставили намъ полныя ужаса и негодованія воспоминанія объ этой мрачной годинѣ исторіи русскаго просвѣщенія, вообще, и

Борьба, не на животъ, а на смерть, съ нетрезвостью предпринята была Магницкимъ уже въ начальную пору его попечительства и поводъ къ общему съ его стороны мѣропріятію въ этомъ направленіи былъ данъ магистромъ и преподавателемъ греческой словесности Д. П. Самсоновымъ. Получивъ отъ директора университета донесеніе о нетрезвомъ образѣ жизни Самсонова, попечитель 23-го ноября 1820 года обратился къ директору съ предложеніемъ, въ которомъ предписывалъ ему уволить Самсонова отъ службы, „отказавъ въ аттестатѣ добраго поведенія", и объявить въ совѣтѣ, что „ежели бы,—чего Боже насъ сохрани,—замѣченъ былъ еще кто либо изъ преподавателей и чиновниковъ университета, какого бы чина или званія онъ ни былъ, въ нетрезвенномъ состояніи, отдать его подъ стражу и донести немедленно мнѣ", и что „преподаватель или чиновникъ сей будетъ выключенъ изъ университета за пьянство, что и отмѣтится во всѣхъ актахъ, до исключенія его относящихся". Это попечительское предписаніе было тогда же объявлено, съ отобраніемъ отъ нихъ въ томъ подписокъ, всѣмъ профессорамъ и другимъ служащимъ университета [33].

Только съ паденіемъ Магницкаго и съ наступленіемъ попечительства Мусина-Пушкина, не взирая на строгій режимъ, установленный новымъ попечителемъ, болѣе свободно вздохнуло терроризированное и обезличенное „ученое сословіе" казанскаго университета.

II. Учащіеся казанскаго университета.

Начинанія образовательнаго и воспитательнаго характера, которыми задавался Магницкій въ дѣлѣ коренной реорганизаціи казанскаго университета и которыя получили въ эпоху его попечительства такую своеобразно-отрицательную окраску, могутъ уже впередъ предрѣшить то положеніе, что, послѣ вопросовъ, касавшихся постановки и направленія преподаванія, вопросы дисциплинарно-педагогическаго строя студенческой семьи должны были занимать доминирующее мѣсто среди охранительныхъ начинаній попечителя. И, дѣйствительно, въ этой сферѣ дѣятельность какъ самого Магницкаго, такъ и руководимая имъ дѣятельность его казанскихъ приспѣшниковъ—является особенно типичною, пріобрѣтаетъ особенно яркую окраску, раскрывая передъ нами рядъ почти невѣроятныхъ даже и для той эпохи, къ которой они относятся, фактовъ.

Современники оставили намъ полныя ужаса и негодованія воспоминанія объ этой мрачной годинѣ исторіи русскаго просвѣщенія, вообще, и

исторіи казанскаго университета, въ частности. Вотъ что пишетъ, напримѣръ, въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ бывшій студентъ казанскаго университета В. И. Панаевъ: „Въ 1823 году пріѣхалъ я въ Казань для свиданія съ родными. Тутъ картина жалкаго положенія университета раскрылась передо мною во всей полнотѣ и усилила мое негодованіе къ виновнику этого зла, возбужденное уже пресловутою его ревизіею. Я не скрывалъ въ тамошнемъ обществѣ моего мнѣнія объ этомъ и никакъ не подозрѣвалъ, что приверженцы попечителя обо всемъ ему сообщаютъ. Я служилъ тогда подъ начальствомъ князя А. Н. Голицына и пользовался уже литературною извѣстностью, слѣдственно—былъ не безъинтересенъ для агентовъ Магницкаго. Казанскою епархіею управлялъ тогда знаменитый архіепископъ Амвросій, а губерніею вице-губернаторъ А. Я. Жмакинъ. Два эти человѣка, каждый съ своей стороны, сообщили мнѣ многое о удивительныхъ дѣйствіяхъ Магницкаго, жалуясь, притомъ, что онъ, при столкновеніи нѣкоторыхъ университетскихъ дѣлъ съ епархіальными и губернскими, высказываетъ въ сношеніяхъ своихъ тонъ самовластія и вредитъ имъ въ Петербургѣ.... Отзывы этихъ уважаемыхъ лицъ только распаляли мое негодованіе и, конечно, не положили храненія устамъ моимъ“.

Нашъ извѣстный романистъ И. И. Лажечниковъ, въ теченіи непродолжительнаго времени (1825 г.) отправлявшій въ казанскомъ университетѣ должность инспектора студентовъ, отмѣчаетъ чисто монастырскій режимъ, которому подчинено было въ ту пору студенчество: „Отъ стѣнъ университета, хотя и обновленныхъ,—пишетъ онъ,—вѣяло какимъ то холодомъ, какою то гнилью старыхъ аббатствъ“.... Съ тяжелымъ чувствомъ переступилъ нашъ романистъ, назначенный инспекторомъ, порогъ обновленнаго Магницкимъ университета: „Я переѣхалъ въ университетъ—и за мною затворились двери въ свѣтлый міръ моей жизни“. Какъ разъ къ тому времени закончено было внѣшнее переустройство университета, послѣ котораго главный корпусъ его былъ приведенъ въ теперешній видъ. Разсказывая про старанія Магницкаго объ украшеніи университета, Лажечниковъ съ горечью замѣчаетъ, что все это было бы прекрасно, если бы юноши находили здѣсь „для ума и сердца здоровую, съ потребностями времени и успѣхами наукъ обновляемую, пищу“. „Что жъ,—продолжаетъ онъ,—если для утоленія голода хочешь припасть къ груди матери, а тебѣ предлагаютъ коровій рожокъ, хотя бы и въ золотой оправѣ, съ прокислымъ молокомъ?!“... За то съ радостнымъ чувствомъ вспоминаетъ Лажечниковъ тотъ часъ, когда, оставивъ службу въ казанскомъ университетѣ, онъ покидалъ городъ: „Выѣзжая изъ Казани,—писалъ онъ,—

исторіи казанскаго университета, въ частности. Вотъ что пишетъ, напримѣръ, въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ бывшій студентъ казанскаго университета В. И. Панаевъ: „Въ 1823 году пріѣхалъ я въ Казань для свиданія съ родными. Тутъ картина жалкаго положенія университета раскрылась передо мною во всей полнотѣ и усилила мое негодованіе къ виновнику этого зла, возбужденное уже пресловутою его ревизіею. Я не скрывалъ въ тамошнемъ обществѣ моего мнѣнія объ этомъ и никакъ не подозрѣвалъ, что приверженцы попечителя обо всемъ ему сообщаютъ. Я служилъ тогда подъ начальствомъ князя А. Н. Голицына и пользовался уже литературною извѣстностью, слѣдственно—былъ не безъинтересенъ для агентовъ Магницкаго. Казанскою епархіею управлялъ тогда знаменитый архіепископъ Амвросій, а губерніею вице-губернаторъ А. Я. Жмакинъ. Два эти человѣка, каждый съ своей стороны, сообщили мнѣ многое о удивительныхъ дѣйствіяхъ Магницкаго, жалуясь, притомъ, что онъ, при столкновеніи нѣкоторыхъ университетскихъ дѣлъ съ епархіальными и губернскими, высказываетъ въ сношеніяхъ своихъ тонъ самовластія и вредитъ имъ въ Петербургѣ.... Отзывы этихъ уважаемыхъ лицъ только распаляли мое негодованіе и, конечно, не положили храненія устамъ моимъ“.

Нашъ извѣстный романистъ И. И. Лажечниковъ, въ теченіи непродолжительнаго времени (1825 г.) отправлявшій въ казанскомъ университетѣ должность инспектора студентовъ, отмѣчаетъ чисто монастырскій режимъ, которому подчинено было въ ту пору студенчество: „Отъ стѣнъ университета, хотя и обновленныхъ,—пишетъ онъ,—вѣяло какимъ то холодомъ, какою то гнилью старыхъ аббатствъ“.... Съ тяжелымъ чувствомъ переступилъ нашъ романистъ, назначенный инспекторомъ, порогъ обновленнаго Магницкимъ университета: „Я переѣхалъ въ университетъ—и за мною затворились двери въ свѣтлый міръ моей жизни“. Какъ разъ къ тому времени закончено было внѣшнее переустройство университета, послѣ котораго главный корпусъ его былъ приведенъ въ теперешній видъ. Разсказывая про старанія Магницкаго объ украшеніи университета, Лажечниковъ съ горечью замѣчаетъ, что все это было бы прекрасно, если бы юноши находили здѣсь „для ума и сердца здоровую, съ потребностями времени и успѣхами наукъ обновляемую, пищу“. „Что жъ,—продолжаетъ онъ,—если для утоленія голода хочешь припасть къ груди матери, а тебѣ предлагаютъ коровій рожокъ, хотя бы и въ золотой оправѣ, съ прокислымъ молокомъ?!“... За то съ радостнымъ чувствомъ вспоминаетъ Лажечниковъ тотъ часъ, когда, оставивъ службу въ казанскомъ университетѣ, онъ покидалъ городъ: „Выѣзжая изъ Казани,—писалъ онъ,—

я съ замираніемъ сердца взглянулъ въ послѣдній разъ на Сумбекину башню, вздохнулъ свободнѣе и.... перекрестился за избавленіе меня изъ плѣна казанскаго".

Въ недоумѣніи останавливаясь передъ изумительными неистовствами Магницкаго, вдумываясь въ дѣянія этого „нравственнаго феномена" и пытаясь найти имъ то или другое объясненіе, нѣкоторые авторы впадали на этой почвѣ въ выводы прямо таки парадоксальные. Мы нѣсколько выше (см. стр. 74) видѣли, что Н. И. Шенигъ считалъ возможнымъ допустить политическо-злонамѣренную предумышленность поступковъ казанскаго попечителя, разсчитанную на возстановленіе умовъ противъ верховной власти. Въ менѣе категорической формѣ высказывается относительно послѣдствій образа дѣйствій Магницкаго П. И. Бартеневъ, заявляющій, что „Магницкому Россія обязана тѣмъ, что лучшіе юноши шли въ лагерь враговъ правительства и трудно сказать, до чего бы дошли дѣла, если бы императоръ Николай Павловичъ, немедленно по воцареніи, не поспѣшилъ выслать изъ столицы смиренномудраго шепотника и непрошеннаго защитника божескихъ и царскихъ правъ" [34].

Мѣры по реорганизаціи всего строя студенческой жизни предприняты были Магницкимъ уже въ первые мѣсяцы его попечительства. 23-го сентября 1819 года онъ возлагаетъ на директора университета Владимірскаго порученіе составить „проектъ о наблюденіи за сохраненіемъ порядка въ зданіяхъ и заведеніяхъ университета, въ жилищахъ студентовъ и о наблюденіи за поведеніемъ ихъ". Владимірскій не особенно спѣшилъ съ выполненіемъ этого порученія и только послѣ напоминанія ему о томъ попечителемъ въ январѣ 1822 года, 3-го августа того же года представилъ Магницкому три записки, носившія слѣдующія заглавія: 1) „Общее начертаніе благоповеденія воспитанника императорскаго казанскаго университета", 2) „Уставы гимназическіе по нравственному образованію" и 3) „Обычаи по воспитанію студентовъ казанскаго университета, кратко изложенные". Изъ этихъ трехъ записокъ мы съ нѣкоторою подробностью остановимся лишь на первой и послѣдней, какъ представляющихъ непосредственный интересъ для предмета нашего текущаго повѣствованія.

„Общее начертаніе благоповеденія"—представляетъ собою что то невозможное и по содержанію, и по формѣ изложенія. Не касаясь практической стороны вопроса, это директорское произведеніе изображаетъ собою нѣчто въ родѣ искусственно, въ угоду попечителю, вымучен-

я съ замираніемъ сердца взглянулъ въ послѣдній разъ на Сумбекину башню, вздохнулъ свободнѣе и.... перекрестился за избавленіе меня изъ плѣна казанскаго".

Въ недоумѣніи останавливаясь передъ изумительными неистовствами Магницкаго, вдумываясь въ дѣянія этого „нравственнаго феномена" и пытаясь найти имъ то или другое объясненіе, нѣкоторые авторы впадали на этой почвѣ въ выводы прямо таки парадоксальные. Мы нѣсколько выше (см. стр. 74) видѣли, что Н. И. Шенигъ считалъ возможнымъ допустить политическо-злонамѣренную предумышленность поступковъ казанскаго попечителя, разсчитанную на возстановленіе умовъ противъ верховной власти. Въ менѣе категорической формѣ высказывается относительно послѣдствій образа дѣйствій Магницкаго П. И. Бартеневъ, заявляющій, что „Магницкому Россія обязана тѣмъ, что лучшіе юноши шли въ лагерь враговъ правительства и трудно сказать, до чего бы дошли дѣла, если бы императоръ Николай Павловичъ, немедленно по воцареніи, не поспѣшилъ выслать изъ столицы смиренномудраго шепотника и непрошеннаго защитника божескихъ и царскихъ правъ" [34].

Мѣры по реорганизаціи всего строя студенческой жизни предприняты были Магницкимъ уже въ первые мѣсяцы его попечительства. 23-го сентября 1819 года онъ возлагаетъ на директора университета Владимірскаго порученіе составить „проектъ о наблюденіи за сохраненіемъ порядка въ зданіяхъ и заведеніяхъ университета, въ жилищахъ студентовъ и о наблюденіи за поведеніемъ ихъ". Владимірскій не особенно спѣшилъ съ выполненіемъ этого порученія и только послѣ напоминанія ему о томъ попечителемъ въ январѣ 1822 года, 3-го августа того же года представилъ Магницкому три записки, носившія слѣдующія заглавія: 1) „Общее начертаніе благоповеденія воспитанника императорскаго казанскаго университета", 2) „Уставы гимназическіе по нравственному образованію" и 3) „Обычаи по воспитанію студентовъ казанскаго университета, кратко изложенные". Изъ этихъ трехъ записокъ мы съ нѣкоторою подробностью остановимся лишь на первой и послѣдней, какъ представляющихъ непосредственный интересъ для предмета нашего текущаго повѣствованія.

„Общее начертаніе благоповеденія"—представляетъ собою что то невозможное и по содержанію, и по формѣ изложенія. Не касаясь практической стороны вопроса, это директорское произведеніе изображаетъ собою нѣчто въ родѣ искусственно, въ угоду попечителю, вымучен-

наго и пересыпаннаго текстами изъ св. писанія теоретическаго нравственно-богословскаго разсужденія о тѣхъ коренныхъ основаніяхъ, на которыхъ должна быть основана воспитательная задача университета:

„§ 1. Тройственная цѣль правительства,—такъ начинается эта записка,—въ пріуготовленіи университетскихъ воспитанниковъ вѣрными сынами православной церкви, вѣрными подданными государю и добрыми и полезными гражданами отечеству, изъясняется тройственнымъ также преданіемъ св. Петра: Братство возлюбите, Бога бойтеся, Царя чтите (1 Петр. 11—17), или: Да отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ. Въ тріехъ сихъ и великій языковъ учитель (къ Титу 11—12) поставляетъ украшеніе воли человѣка, какъ слѣдствіе или обѣтованіе предъидущаго ученія.

§ 2. Но три сіи принадлежности духовнаго достоинства такъ связаны между собою, что отдѣленно одна изъ нихъ или двѣ—не имѣютъ ни жизни, ни бытія. Возьмите,—вѣщаетъ Спаситель,—иго мое на себя и научитеся отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ (Матѳ. XI—29). И поклонь колѣна молитеся, глаголя: Отче! Аще волиши мимо нести чашу сію отъ мене, обаче не моя воля, но твоя да будетъ (Лук. XXII—42). И бывъ въ подвизѣ прилежнѣ моляшеся, бысть же потъ его яко капли крове, каплющія на землю (Лук. XXII—44). И нося крестъ свой, изыде на глаголемое лобное мѣсто (Іоан. XIX—17).

Се образъ земной жизни Богочеловѣка, преобразующій вѣру, надежду, любы, больши же сихъ любы (1 Кор. XIII—13), но потому больше, что она въ лѣствицѣ ближайшая къ престолу Агнца, отъ сложенія міра заколеннаго. Безъ вѣры или преданія воли Отчей—та же любовь своекорыстна; а безъ упованія, сообщающаго искусство—къ поднятію креста вѣроломна. И вѣра искушается видѣніями и знаменіями, когда, вмѣстѣ съ симъ, трепещетъ бремени креста и раздражается уязвленіями міра. Слѣпотствуетъ и надежда, не озаряемая обличеніемъ вещей невидимыхъ, допуская же равеніе и тщеславіе—падаетъ. Посему ни малѣйшаго не можетъ быть разстоянія между степенями въ лѣствицѣ духовной: вѣрующій, уповающій и любящій—существенно суть одно христіанское лицо, и недостатокъ котораго либо изъ сихъ качествъ всѣ другія дѣлаетъ ничего не значущими. Иже бо весь законъ соблюдетъ, согрѣшитъ же во единомъ, бысть всѣмъ повиненъ,—обличаетъ св. Іаковъ (II—10).

§ 3. Таковое единство трояко внутренняго человѣка изображается и во внѣшнемъ, какъ живущемъ въ обществѣ. Пререкающій предержащей власти и оскорбитель ближняго есть по-

наго и пересыпаннаго текстами изъ св. писанія теоретическаго нравственно-богословскаго разсужденія о тѣхъ коренныхъ основаніяхъ, на которыхъ должна быть основана воспитательная задача университета:

„§ 1. Тройственная цѣль правительства,—такъ начинается эта записка,—въ пріуготовленіи университетскихъ воспитанниковъ вѣрными сынами православной церкви, вѣрными подданными государю и добрыми и полезными гражданами отечеству, изъясняется тройственнымъ также преданіемъ св. Петра: Братство возлюбите, Бога бойтеся, Царя чтите (1 Петр. II—17), или: Да отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ. Въ тріехъ сихъ и великій языковъ учитель (къ Титу II—12) поставляетъ украшеніе воли человѣка, какъ слѣдствіе или обѣтованіе предъидущаго ученія.

§ 2. Но три сіи принадлежности духовнаго достоинства такъ связаны между собою, что отдѣленно одна изъ нихъ или двѣ—не имѣютъ ни жизни, ни бытія. Возьмите,—вѣщаетъ Спаситель,—иго мое на себя и научитеся отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ (Матѳ. XI—29). И поклонь колѣна молитеся, глаголя: Отче! Аще волиши мимо нести чашу сію отъ мене, обаче не моя воля, но твоя да будетъ (Лук. XXII—42). И бывъ въ подвизѣ прилежнѣ моляшеся, бысть же потъ его яко капли крове, каплющія на землю (Лук. XXII—44). И нося крестъ свой, изыде на глаголемое лобное мѣсто (Іоан. XIX—17).

Се образъ земной жизни Богочеловѣка, преобразующій вѣру, надежду, любы, больши же сихъ любы (1 Кор. XIII—13), но потому больше, что она въ лѣствицѣ ближайшая къ престолу Агнца, отъ сложенія міра заколеннаго. Безъ вѣры или преданія воли Отчей—та же любовь своекорыстна; а безъ упованія, сообщающаго искусство—къ поднятію креста вѣроломна. И вѣра искушается видѣніями и знаменіями, когда, вмѣстѣ съ симъ, трепещетъ бремени креста и раздражается уязвленіями міра. Слѣпотствуетъ и надежда, не озаряемая обличеніемъ вещей невидимыхъ, допуская же рвеніе и тщеславіе—падаетъ. Посему ни малѣйшаго не можетъ быть разстоянія между степенями въ лѣствицѣ духовной: вѣрующій, уповающій и любящій—существенно суть одно христіанское лицо, и недостатокъ котораго либо изъ сихъ качествъ всѣ другія дѣлаетъ ничего не значущими. Иже бо весь законъ соблюдетъ, согрѣшитъ же во единомъ, бысть всѣмъ повиненъ,—обличаетъ св. Іаковъ (II—10).

§ 3. Таковое единство трояка́го внутренняго человѣка изображается и во внѣшнемъ, какъ живущемъ въ обществѣ. Пререкающій предержащей власти и оскорбитель ближняго есть по-

рожденіе эхидново (Матѳ. XXIII—33). Ни единому ничимъ же должни бывайте, точію же любити другъ друга (Къ Римл. XXIII—8). Аще кто речетъ яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложь есть (1 Іоан. IV—20). Презрители вѣры, съ жестокими сердцами къ промышленію добрыхъ предъ всѣми человѣки, въ гражданственномъ ихъ значеніи суть Кромвели, Мараты, Робеспьеры, великіе или малые по кругу дѣйствій каждаго и по тѣмъ обстоятельствамъ, кои допускаютъ болѣе или менѣе бояться Того,—кто не безъ ума мечь носитъ, Божій бо слуга есть, отмститель въ гнѣвъ зло творящему (Къ Римл. XIII—4) и т. д.“

Не легко уяснить себѣ, какое соотношеніе, хотя бы и съ точекъ зрѣнія Магницкаго и Владимірскаго, могли имѣть всѣ эти тексты и разсужденія къ задачѣ составленія правилъ для студентовъ, но такими разсужденіями отвлеченно-богословскаго характера заполнены $6^1/_2$, убористаго письма, большихъ листовъ творенія директора университета, гдѣ трактуется и „О стяжаніи цѣломудрія“ и о томъ—„Въ чесомъ исправить путь свой“, и „О молитвѣ и покаяніи“, и „О стояніи на молитвѣ въ тишинѣ почи“, и „О посѣщеніи святыхъ мѣстъ“, и „О моленіи въ храмахъ Божіихъ“, и „О стезяхъ праведности“, и „О сыновнемъ повиновеніи наставникамъ“, и „О отчужденіи ложнаго равенства“, и „О благопокореніи себя начальственнымъ распоряженіямъ“, и „О духѣ смиренія и кротости“, и „О жизни благочестной“ и т. п. Трактатъ заканчивается слѣдующимъ обращеніемъ: „Прочее же, братіе моя, елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродѣтель и аще кая похвала—сія помышляйте. О, дабы отсѣчени были развращающіе васъ!“....

Третья записка Владимірскаго: „Обычаи по воспитанію студентовъ казанскаго университета“—представляетъ собою уже сборникъ данныхъ практическаго характера, изложеніе тѣхъ правилъ, которые были приняты въ казанскомъ университетѣ въ дѣлѣ организаціи строя студенческой жизни, въ виду чего мы и остановимся на этой запискѣ съ довольно значительною подробностью.

Записка открывается описаніемъ распорядка нормальнаго студенческаго дня:

„Въ 6 часовъ утра,—читаемъ мы здѣсь,—звукъ колокола возвѣщаетъ студентамъ утро и часъ бодрствованія.

Въ 7 часовъ студенты собираются въ залъ, становятся въ ряды покомнатно и по старшинству студентовъ, такъ, что въ началѣ ря-

рожденіе эхидново (Матѳ. XXIII—33). Ни единому ничимъ же должни бывайте, точію же любити другъ друга (Къ Римл. XXIII—8). Аще кто речетъ яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложь есть (1 Іоан. IV—20). Презрители вѣры, съ жестокими сердцами къ промышленію добрыхъ предъ всѣми человѣки, въ гражданственномъ ихъ значеніи суть Кромвели, Мараты, Робеспьеры, великіе или малые по кругу дѣйствій каждаго и по тѣмъ обстоятельствамъ, кои допускаютъ болѣе или менѣе бояться Того,—кто не безъ ума мечь носитъ, Божій бо слуга есть, отмститель въ гнѣвъ зло творящему (Къ Римл. XIII—4)
и т. д."

Не легко уяснить себѣ, какое соотношеніе, хотя бы и съ точекъ зрѣнія Магницкаго и Владимірскаго, могли имѣть всѣ эти тексты и разсужденія къ задачѣ составленія правилъ для студентовъ, но такими разсужденіями отвлеченно-богословскаго характера заполнены $6^1/_2$, убористаго письма, большихъ листовъ творенія директора университета, гдѣ трактуется и „О стяжаніи цѣломудрія" и о томъ—„Въ чесомъ исправить путь свой", и „О молитвѣ и покаяніи", и „О стояніи на молитвѣ въ тишинѣ нощи", и „О посѣщеніи святыхъ мѣстъ", и „О моленіи въ храмахъ Божіихъ", и „О стезяхъ праведности", и „О сыновнемъ повиновеніи наставникамъ", и „О отчужденіи ложнаго равенства", и „О благопокореніи себя начальственнымъ распоряженіямъ", и „О духѣ смиренія и кротости", и „О жизни благочестной" и т. п. Трактатъ заканчивается слѣдующимъ обращеніемъ: „Прочее же, братіе моя, елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродѣтель и аще кая похвала—сія помышляйте. О, дабы отсѣчени были развращающіе васъ!"....

Третья записка Владимірскаго: „Обычаи по воспитанію студентовъ казанскаго университета"—представляетъ собою уже сборникъ данныхъ практическаго характера, изложеніе тѣхъ правилъ, которые были приняты въ казанскомъ университетѣ въ дѣлѣ организаціи строя студенческой жизни, въ виду чего мы и остановимся на этой запискѣ съ довольно значительною подробностью.

Записка открывается описаніемъ распорядка нормальнаго студенческаго дня:

„Въ 6 часовъ утра,—читаемъ мы здѣсь,—звукъ колокола возвѣщаетъ студентамъ утро и часъ бодрствованія.

Въ 7 часовъ студенты собираются въ залъ, становятся въ ряды покомнатно и по старшинству студентовъ, такъ, что въ началѣ ря-

довъ стоятъ старшіе, за ними подстаршіе и т. д. По прибытіи въ оный инспектора студентовъ или его помощника, чередный студентъ читаетъ утреннія молитвы. Онѣ суть: 1) Слава въ вышнихъ Богу и пр., 2) Спаси, Господи, люди Твоя и пр., 3) Помолимся: о еже ниспослати въ сердца и во умы духа премудрости, разума же и благочестія и страха Господня, и просвѣтити свѣтомъ Богоразумія и подати силу и крѣпость во еже скоро пріяти и спѣшно навыкнути Божественнаго закона наказанію и всѣмъ добрымъ и полезнымъ ученіямъ и пр. На стихъ, проговоренный въ окончаніи молитвъ, предстоящіе отвѣчаютъ подтвердительнымъ: Аминь.

Послѣ чего студенты обращаются съ привѣтствіями добраго дня сперва къ своимъ старшимъ, а потомъ всѣ, вообще, къ инспектору или его помощнику. Въ сіе время дежурный старшій рапортуетъ помощнику о состояніи какъ студентовъ, такъ и казеннаго имущества, въ студентскихъ комнатахъ находящагося; помощникъ же доноситъ о томъ инспектору, а сей директору университета.

Тѣмъ же самымъ порядкомъ отправляются и вечернія молитвы, за ужиномъ вскорѣ послѣдуемыя (слѣдуетъ исчисленіе этихъ молитвъ).

За утреннимъ молитвословіемъ слѣдуетъ завтракъ, а потомъ покомнатное чтеніе одной или двухъ главъ изъ евангелистовъ и апостольскихъ посланій, подъ наблюденіемъ старшихъ. Впрочемъ сіе бываетъ токмо въ дни ученія, а въ воскресные и праздничные дни, за часъ до литургіи, какъ казенные, такъ и своекоштные студенты собираются въ главную аудиторію, гдѣ, въ присутствіи инспектора и его помощниковъ, читается евангеліе или преданія отцовъ церкви. Какъ скоро начнется церковный благовѣстъ, инспекторъ, его помощники и студенты идутъ къ слушанію божественной литургіи, въ продолженіи коей, равно и другихъ церковныхъ служеній, соблюдается строжайшій порядокъ и благочиніе".

Въ дни учебные студенты до полудня слушаютъ лекціи—опять таки подъ неусыпнымъ надзоромъ инспектора, его помощниковъ и старшихъ.

„Въ 12 часовъ дня студенты идутъ въ столовую, покомнатно и въ порядкѣ, въ сопровожденіи помощника инспектора. По занятіи мѣстъ читается молитва тѣмъ же студентомъ, который обязанъ молитвословить поутру и ввечеру того дня. Во время перемѣны кушанья одинъ изъ студентовъ читаетъ книгу св. писанія или „О подражаніи Іисусу Христу" или другую какую либо, по слову и духу назидательную...

Въ 11 часовъ студенты оставляютъ занятія свои и престаютъ бодрствовать (sic!), послѣ чего засвѣщаются въ комнатахъ ночники на продолженіе всей ночи".

Этотъ нормальный распорядокъ студенческаго дня видоизмѣнялся „въ дни воскресные и знаменитыхъ праздниковъ":

довъ стоятъ старшіе, за ними подстаршіе и т. д. По прибытіи въ оный инспектора студентовъ или его помощника, чередный студентъ читаетъ утреннія молитвы. Онѣ суть: 1) Слава въ вышнихъ Богу и пр., 2) Спаси, Господи, люди Твоя и пр., 3) Помолимся: о еже ниспослати въ сердца и во умы духа премудрости, разума же и благочестія и страха Господня, и просвѣтити свѣтомъ Богоразумія и подати силу и крѣпость во еже скоро пріяти и спѣшно навыкнути Божественнаго закона наказанію и всѣмъ добрымъ и полезнымъ ученіямъ и пр. На стихъ, проговоренный въ окончаніи молитвъ, предстоящіе отвѣчаютъ подтвердительнымъ: Аминь.

Послѣ чего студенты обращаются съ привѣтствіями добраго дня сперва къ своимъ старшимъ, а потомъ всѣ, вообще, къ инспектору или его помощнику. Въ сіе время дежурный старшій рапортуетъ помощнику о состояніи какъ студентовъ, такъ и казеннаго имущества, въ студентскихъ комнатахъ находящагося; помощникъ же доноситъ о томъ инспектору, а сей директору университета.

Тѣмъ же самымъ порядкомъ отправляются и вечернія молитвы, за ужиномъ вскорѣ послѣдуемыя (слѣдуетъ исчисленіе этихъ молитвъ).

За утреннимъ молитвословіемъ слѣдуетъ завтракъ, а потомъ покомнатное чтеніе одной или двухъ главъ изъ евангелистовъ и апостольскихъ посланій, подъ наблюденіемъ старшихъ. Впрочемъ сіе бываетъ токмо въ дни ученія, а въ воскресные и праздничные дни, за часъ до литургіи, какъ казенные, такъ и своекоштные студенты собираются въ главную аудиторію, гдѣ, въ присутствіи инспектора и его помощниковъ, читается евангеліе или преданія отцовъ церкви. Какъ скоро начнется церковный благовѣстъ, инспекторъ, его помощники и студенты идутъ къ слушанію божественной литургіи, въ продолженіи коей, равно и другихъ церковныхъ служеній, соблюдается строжайшій порядокъ и благочиніе".

Въ дни учебные студенты до полудня слушаютъ лекціи—опять таки подъ неусыпнымъ надзоромъ инспектора, его помощниковъ и старшихъ.

„Въ 12 часовъ дня студенты идутъ въ столовую, покомнатно и въ порядкѣ, въ сопровожденіи помощника инспектора. По занятіи мѣстъ читается молитва тѣмъ же студентомъ, который обязанъ молитвословить поутру и ввечеру того дня. Во время перемѣны кушанья одинъ изъ студентовъ читаетъ книгу св. писанія или „О подражаніи Іисусу Христу" или другую какую либо, по слову и духу назидательную...

Въ 11 часовъ студенты оставляютъ занятія свои и престаютъ бодрствовать (sic!), послѣ чего засвѣщаются въ комнатахъ ночники на продолженіе всей ночи".

Этотъ нормальный распорядокъ студенческаго дня видоизмѣнялся „въ дни воскресные и знаменитыхъ праздниковъ":

„Въ сіи святые дни, послѣ обѣда, помощникъ инспектора приглашаетъ желающихъ студентовъ въ одну изъ аудиторій на христіанское чтеніе, которое продолжается одинъ часъ, а иногда и болѣе. Оно производится, черезъ самого помощника, изъ книгъ: Училище благочестія, Четь-миней и лучшихъ церковныхъ ораторовъ"....

„Въ воскресные и праздничные дни четыре студента, по отслушаніи литургіи, приглашаются къ директору на чаи̂, въ продолженіи коего директоръ, въ числѣ прочихъ чиновныхъ посѣтителей, бесѣдуетъ съ ними о матеріяхъ, возрасту, состоянію и цѣли воспитанія ихъ приличныхъ. Нерѣдко студенты приглашаются на вечерній чай и къ инспектору студентовъ, который въ лѣтнее время угощаетъ онымъ въ университетскомъ саду, вмѣстѣ съ чиновниками; и тотъ вечеръ проводится въ общихъ играхъ и забавахъ весьма пріятно"......

„Высокоторжественные (т. е. царскіе) дни студенты особенно свѣтло празднуютъ. Въ сіи счастливѣйшіе для россіянъ дни они обѣдаютъ въ главномъ университетскомъ залѣ, вмѣстѣ съ директоромъ, инспекторомъ и прочими чиновниками университета, при чемъ за здравіе государя пьютъ медъ".

„Въ свѣтлые праздники Рождества и Воскресенія Господа нашего Іисуса Христа студенты посѣщаютъ здѣшнія мѣста невольнаго заключенія. Тамъ, при посильномъ отъ каждаго приношеніи, по мрачнымъ сводамъ, заключающимъ въ себѣ людей преступныхъ, раздается радостное взаимное: Христосъ воскресе!, или иное христіанское, приличное празднику, восклицаніе. Во всѣ сіи знаменитые дни воспитанники университета ревнуютъ, такъ сказать, другъ предъ другомъ въ дѣлахъ вѣры и благочестія".

Записка весьма подробно излагаетъ, затѣмъ, многія другія стороны нравственно-религіознаго быта студенчества, въ подробности которыхъ мы входить не можемъ: точнѣйшимъ образомъ регулируетъ время земныхъ поклоновъ во время церковныхъ службъ, говоритъ о чтеніи студентами во время богослуженій „часовъ, апостола, шестопсалмія, каноновъ" и пр., о соблюденіи ими постовъ, объ „очищеніи себя покаяніемъ и принятіемъ св. тайнъ", объ участіи студентовъ въ торжествѣ принесенія въ городъ св. иконы Смоленской Божіей Матери, о привлеченіи ихъ къ дѣламъ благотворенія и т. п. и т. п.

Касается записка и порядка пребыванія студентовъ внѣ стѣнъ университета: установляетъ весьма сложный порядокъ „увольненія ихъ въ домы родственниковъ и знакомыхъ" (на время не позднѣе 4-хъ часовъ зимою и 6-ти часовъ въ лѣтнее время); разрѣшаетъ имъ „зимою, въ дни праздничные, прогуливаться въ городѣ, а лѣтомъ и внѣ онаго,—но не иначе, какъ съ помощникомъ инспектора или съ старшими комнатъ"; подъ та-

„Въ сіи святые дни, послѣ обѣда, помощникъ инспектора приглашаетъ желающихъ студентовъ въ одну изъ аудиторій на христіанское чтеніе, которое продолжается одинъ часъ, а иногда и болѣе. Оно производится, черезъ самого помощника, изъ книгъ: Училище благочестія, Четь-миней и лучшихъ церковныхъ ораторовъ"....

„Въ воскресные и праздничные дни четыре студента, по отслушаніи литургіи, приглашаются къ директору на чаї, въ продолженіи коего директоръ, въ числѣ прочихъ чиновныхъ посѣтителей, бесѣдуетъ съ ними о матеріяхъ, возрасту, состоянію и цѣли воспитанія ихъ приличныхъ. Нерѣдко студенты приглашаются на вечерній чай и къ инспектору студентовъ, который въ лѣтнее время угощаетъ онымъ въ университетскомъ саду, вмѣстѣ съ чиновниками; и тотъ вечеръ проводится въ общихъ играхъ и забавахъ весьма пріятно"......

„Высокоторжественные (т. е. царскіе) дни студенты особенно свѣтло празднуютъ. Въ сіи счастливѣйшіе для россіянъ дни они обѣдаютъ въ главномъ университетскомъ залѣ, вмѣстѣ съ директоромъ, инспекторомъ и прочими чиновниками университета, при чемъ за здравіе государя пьютъ медъ".

„Въ свѣтлые праздники Рождества и Воскресенія Господа нашего Іисуса Христа студенты посѣщаютъ здѣшнія мѣста невольнаго заключенія. Тамъ, при посильномъ отъ каждаго приношеніи, по мрачнымъ сводамъ, заключающимъ въ себѣ людей преступныхъ, раздается радостное взаимное: Христосъ воскресе!, или иное христіанское, приличное празднику, восклицаніе. Во всѣ сіи знаменитые дни воспитанники университета ревнуютъ, такъ сказать, другъ предъ другомъ въ дѣлахъ вѣры и благочестія".

Записка весьма подробно излагаетъ, затѣмъ, многія другія стороны нравственно-религіознаго быта студенчества, въ подробности которыхъ мы входить не можемъ: точнѣйшимъ образомъ регулируетъ время земныхъ поклоновъ во время церковныхъ службъ, говоритъ о чтеніи студентами во время богослуженій „часовъ, апостола, шестопсалмія, каноновъ" и пр., о соблюденіи ими постовъ, объ „очищеніи себя покаяніемъ и принятіемъ св. тайнъ", объ участіи студентовъ въ торжествѣ принесенія въ городъ св. иконы Смоленской Божіей Матери, о привлеченіи ихъ къ дѣламъ благотворенія и т. п. и т. п.

Касается записка и порядка пребыванія студентовъ внѣ стѣнъ университета: установляетъ весьма сложный порядокъ „увольненія ихъ въ домы родственниковъ и знакомыхъ" (на время не позднѣе 4-хъ часовъ зимою и 6-ти часовъ въ лѣтнее время); разрѣшаетъ имъ „зимою, въ дни праздничные, прогуливаться въ городѣ, а лѣтомъ и внѣ онаго,—но не иначе, какъ съ помощникомъ инспектора или съ старшими комнатъ"; подъ та-

кимъ же надзоромъ „иногда ходить въ театръ, съ предварительнаго, однако же, разсмотрѣнія той пьэсы, которая будетъ разыгрываться“, также смотрѣть привозимыя сюда рѣдкости“.

Трактуетъ записка и о предоставляемыхъ студентамъ развлеченіяхъ: „Музыка, танцованье, мячь, кегли и качель, устроенные въ университетскомъ саду, служатъ пріятными забавами для студентовъ,—читаемъ мы здѣсь.—Въ вышепомянутомъ саду, лѣтомъ, въ свободное отъ ученія время, занимаются студенты обдѣлываніемъ земельныхъ участковъ въ различные виды, для чего изготовляются имъ потребныя вещи и матеріалы, какъ то: садовыя орудія, дернъ, цвѣты, растенія и пр.“. Но были развлеченія и времяпрепровожденія, представлявшія для университетской молодежи запретный плодъ: „Чтеніе романическихъ книгъ, куреніе табака, употребленіе всякаго рода винъ и послѣобѣденный сонъ—строго воспрещаются“; безусловно запрещалось, также, „хожденіе въ маскарады и другія шумныя собранія“. Скрупулезность регламентацій записки доходитъ до поясненія о томъ, что „каждую субботу студенты очищаются паровою банею, куда ходятъ вмѣстѣ съ старшими и съ надлежащею осторожностью и благопристойностью“....

Установляется запискою и лѣствица исправительныхъ студенческихъ наказаній, сводящаяся къ слѣдующимъ видамъ каръ: а) выговоръ, съ подраздѣленіемъ его на выговоръ черезъ старшаго, черезъ помощника инспектора, наединѣ или при товарищахъ, и черезъ инспектора, б) лишеніе на опредѣленное время мундира, в) „дневной постъ“, г) неувольненіе къ родственникамъ или знакомымъ, д) „лишеніе дневного свѣта“ или заключеніе „въ мрачное уединеніе“ [85].

Таковы были „обычаи“, введенные директоромъ Владимірскимъ въ дисциплинарно-нравственную жизнь университетской молодежи, сдѣлавшіе изъ студенческаго интерната нѣчто среднее между монастыремъ и аракчеевскою казармою и создавшіе здѣсь удушающую атмосферу, отъ которой съ такимъ ужасомъ бѣжалъ „инспекторъ на часъ“—романистъ Лажечниковъ. Разсмотрѣнныя нами записки представляли собою, впрочемъ, уже лебединую пѣснь Владимірскаго въ казанскомъ университетѣ: разойдясь съ попечителемъ округа, онъ въ исходѣ того же года вынужденъ былъ оставить должность директора, такъ и не выполнивъ до конца порученія, еще за два года до того возложеннаго на него Магницкимъ. Кодифицированнаго собранія правилъ для студентовъ не появилось и въ ближайшіе затѣмъ годы попечительства Магницкаго, вслѣдствіе чего весь режимъ этой существенной стороны университетской жизни продолжалъ

кимъ же надзоромъ „иногда ходить въ театръ, съ предварительнаго, однако же, разсмотрѣнія той пьэсы, которая будетъ разыгрываться", также смотрѣть привозимыя сюда рѣдкости".

Трактуетъ записка и о предоставляемыхъ студентамъ развлеченіяхъ: „Музыка, танцованье, мячь, кегли и качель, устроенные въ университетскомъ саду, служатъ пріятными забавами для студентовъ,—читаемъ мы здѣсь.—Въ вышепомянутомъ саду, лѣтомъ, въ свободное отъ ученія время, занимаются студенты обдѣлываніемъ земельныхъ участковъ въ различные виды, для чего изготовляются имъ потребныя вещи и матеріалы, какъ то: садовыя орудія, дернъ, цвѣты, растенія и пр.". Но были развлеченія и времяпрепровожденія, представлявшія для университетской молодежи запретный плодъ: „Чтеніе романическихъ книгъ, куреніе табака, употребленіе всякаго рода винъ и послѣобѣденный сонъ—строго воспрещаются"; безусловно запрещалось, также, „хожденіе въ маскарады и другія шумныя собранія". Скрупулезность регламентацій записки доходитъ до поясненія о томъ, что „каждую субботу студенты очищаются паровою банею, куда ходятъ вмѣстѣ съ старшими и съ надлежащею осторожностью и благопристойностью"....

Установляется запискою и лѣствица исправительныхъ студенческихъ наказаній, сводящаяся къ слѣдующимъ видамъ каръ: а) выговоръ, съ подраздѣленіемъ его на выговоръ черезъ старшаго, черезъ помощника инспектора, наединѣ или при товарищахъ, и черезъ инспектора, б) лишеніе на опредѣленное время мундира, в) „дневной постъ", г) неувольненіе къ родственникамъ или знакомымъ, д) „лишеніе дневного свѣта" или заключеніе „въ мрачное уединеніе" [85].

Таковы были „обычаи", введенные директоромъ Владимірскимъ въ дисциплинарно-нравственную жизнь университетской молодежи, сдѣлавшіе изъ студенческаго интерната нѣчто среднее между монастыремъ и аракчеевскою казармою и создавшіе здѣсь удушающую атмосферу, отъ которой съ такимъ ужасомъ бѣжалъ „инспекторъ на часъ"—романистъ Лажечниковъ. Разсмотрѣнныя нами записки представляли собою, впрочемъ, уже лебединую пѣснь Владимірскаго въ казанскомъ университетѣ: разойдясь съ попечителемъ округа, онъ въ исходѣ того же года вынужденъ былъ оставить должность директора, такъ и не выполнивъ до конца порученія, еще за два года до того возложеннаго на него Магницкимъ. Кодифицированнаго собранія правилъ для студентовъ не появилось и въ ближайшіе затѣмъ годы попечительства Магницкаго, вслѣдствіе чего весь режимъ этой существенной стороны университетской жизни продолжалъ

зиждиться на „обычномъ правѣ“, нашедшемъ себѣ отраженіе въ третьей запискѣ Владимірскаго, на чисто отвлеченныхъ положеніяхъ, изложенныхъ въ его первой запискѣ, а въ еще большей степени—на отдѣльныхъ руководительныхъ указаніяхъ ad hoc попечителя и директора; проще говоря—на личномъ усмотрѣніи, вносившемъ величайшія случайность и произволъ въ дисциплинарно-воспитательную систему казанскаго университета.

Только 26-го сентября 1825 года препровождено было Магницкимъ на имя директора университета Вишневскаго лично имъ составленное „Наставленіе директору университета о внутреннемъ и наружномъ благоустройствѣ для студентовъ казанскаго университета“. Въ препроводительномъ предложеніи своемъ попечитель указывалъ, что это „Наставленіе“ слѣдуетъ „или обратить въ постоянное употребленіе, представивъ на утвержденіе министра, или исправить и дополнить“, откуда усматривается, что этому своду правилъ самъ составитель его придавалъ какъ бы временный характеръ, вводя его въ видѣ опыта. „Наставленіе“ получило, тѣмъ не менѣе, полное примѣненіе на практикѣ, не только не нося на себѣ санкціи министра, но не будучи даже представленнымъ ему на разсмотрѣніе,—что нѣсколькими мѣсяцами позже, въ эпоху ревизіи Желтухина, и было поставлено этимъ послѣднимъ попечителю въ вину. Слагая съ себя это обвиненіе, Магницкій пояснялъ, что „не могъ представить сего распоряженія на утвержденіе начальства потому, что оно еще испытывается, для удостовѣренія на самомъ дѣлѣ въ его пользѣ“, что „осторожность сія была необходима въ нѣкоторой постепенности и пробѣ на опытѣ“, причемъ не преминулъ добавить, что „на опытѣ порядокъ сей оказался весьма важнымъ для охраненія нравственности студентовъ отъ всякаго вреднаго поползновенія, а съ тѣхъ поръ, какъ онъ установленъ, не случилось еще ни одного безпорядка, даже и изъ весьма обыкновенныхъ въ мѣстахъ публичнаго воспитанія“ (представленіе Желтухину отъ 10-го февраля 1826 г.).

Перейдемъ къ разсмотрѣнію устройства и регламентаціи студенческой жизни, установляемыхъ попечительскимъ „Наставленіемъ директору“. И эти правила, подобно „обычаямъ“ Владимірскаго, подробно излагаютъ порядокъ нормальнаго студенческаго дня:

Студенты просыпаются въ 5 часовъ утра, по звонку проходящаго по спальнямъ служителя. Черезъ пять минутъ проходятъ, для контроля, надзиратели, а еще черезъ пять минутъ входитъ дежурный помощникъ инспектора, который „долженъ найти каждаго студента одѣ-

зиждиться на „обычномъ правѣ“, нашедшемъ себѣ отраженіе въ третьей запискѣ Владимірскаго, на чисто отвлеченныхъ положеніяхъ, изложенныхъ въ его первой запискѣ, а въ еще большей степени—на отдѣльныхъ руководительныхъ указаніяхъ ad hoc попечителя и директора; проще говоря—на личномъ усмотрѣніи, вносившемъ величайшія случайность и произволъ въ дисциплинарно-воспитательную систему казанскаго университета.

Только 26-го сентября 1825 года препровождено было Магницкимъ на имя директора университета Вишневскаго лично имъ составленное „Наставленіе директору университета о внутреннемъ и наружномъ благоустройствѣ для студентовъ казанскаго университета“. Въ препроводительномъ предложеніи своемъ попечитель указывалъ, что это „Наставленіе“ слѣдуетъ „или обратить въ постоянное употребленіе, представивъ на утвержденіе министра, или исправить и дополнить“, откуда усматривается, что этому своду правилъ самъ составитель его придавалъ какъ бы временный характеръ, вводя его въ видѣ опыта. „Наставленіе“ получило, тѣмъ не менѣе, полное примѣненіе на практикѣ, не только не нося на себѣ санкціи министра, но не будучи даже представленнымъ ему на разсмотрѣніе,—что нѣсколькими мѣсяцами позже, въ эпоху ревизіи Желтухина, и было поставлено этимъ послѣднимъ попечителю въ вину. Слагая съ себя это обвиненіе, Магницкій пояснялъ, что „не могъ представить сего распоряженія на утвержденіе начальства потому, что оно еще испытывается, для удостовѣренія на самомъ дѣлѣ въ его пользѣ“, что „осторожность сія была необходима въ нѣкоторой постепенности и пробѣ на опытѣ“, причемъ не преминулъ добавить, что „на опытѣ порядокъ сей оказался весьма важнымъ для охраненія нравственности студентовъ отъ всякаго вреднаго поползновенія, а съ тѣхъ поръ, какъ онъ установленъ, не случилось еще ни одного безпорядка, даже и изъ весьма обыкновенныхъ въ мѣстахъ публичнаго воспитанія“ (представленіе Желтухину отъ 10-го февраля 1826 г.).

Перейдемъ къ разсмотрѣнію устройства и регламентаціи студенческой жизни, установляемыхъ попечительскимъ „Наставленіемъ директору“. И эти правила, подобно „обычаямъ“ Владимірскаго, подробно излагаютъ порядокъ нормальнаго студенческаго дня:

Студенты просыпаются въ 5 часовъ утра, по звонку проходящаго по спальнямъ служителя. Черезъ пять минутъ проходятъ, для контроля, надзиратели, а еще черезъ пять минутъ входитъ дежурный помощникъ инспектора, который „долженъ найти каждаго студента одѣ-

тымъ, закрывшимъ кровать свою, подлѣ нея стоящимъ и, по примѣру старшаго каждой комнаты, дѣлающимъ въ продолженіи пяти минутъ краткое молитвенное возношеніе пославшему свѣтъ". Затѣмъ студенты становятся парами, въ порядкѣ комнатныхъ списковъ, и „инспекторъ, осмотрѣвъ наружную ихъ опрятность, волосы, платье и обувь, идетъ передъ ними въ столовую; за каждою комнатою слѣдуетъ старшій, за всѣми вмѣстѣ—дежурный помощникъ". По прибытіи въ столовую, очередной изъ отличнѣйшихъ студентовъ, по приказанію инспектора, читаетъ „утреннія молитвы по канонику, заключивъ ихъ положенными моленіями за церковь и государя".

Въ 6 часовъ студенты садятся за завтракъ, во время котораго „тѣмъ же студентомъ дѣлается чтеніе изъ Библіи и иныхъ христіанскихъ книгъ". Послѣ завтрака, на который полагалось полчаса, студенты идутъ тѣмъ же порядкомъ въ занимательныя комнаты, а чтецъ остается въ столовой завтракать.

Въ 8 часовъ студенты, у которыхъ есть лекціи, идутъ въ сборный залъ, гдѣ уже находятся и своекоштные студенты съ своими старшими. Дежурный изъ адъюнктовъ „разставляетъ ихъ по аудиторіямъ и назначаетъ въ каждую старшаго", изъ которыхъ каждый „ведетъ студентовъ своей аудиторіи на лекцію, гдѣ занимаютъ они свои мѣста", послѣ чего надзиратель и старшій „доносятъ инспекторскому помощнику, что студенты въ аудиторію вступили, и съ сего времени отвѣтственность за поведеніе ихъ переходитъ на старшихъ". Въ продолженіи дня производятся „въ неопредѣленное время", т. е. внезапные, осмотры классовъ дежурнымъ адъюнктомъ, дежурнымъ помощникомъ инспектора, инспекторомъ, директоромъ и ректоромъ. Такимъ же порядкомъ студенты выходятъ изъ аудиторіи въ сборный залъ, гдѣ остаются между лекціями и гдѣ находится и инспекторъ. Студенты, у которыхъ нѣтъ лекцій, пребываютъ въ занимательныхъ.

Въ 12 часовъ изъ сборнаго зала студенты идутъ тѣмъ же „комнатнымъ порядкомъ" и въ сопровожденіи инспектора, въ столовую—для обѣда, во время котораго производится опять чтеніе. Послѣ обѣда, ежели позволитъ время, „ведутся студенты, въ комнатномъ порядкѣ до сѣней, на прогулку въ садъ, на дворъ или по улицамъ, дежурнымъ надзирателемъ и старшими". Послѣ часовой прогулки собираются они въ сѣняхъ университета и оттуда ведутся въ занимательныя комнаты, изъ которыхъ „какъ показано выше идутъ въ сборный залъ, оттуда въ аудиторіи, по окончаніи лекцій изъ аудиторій въ сборный залъ, изъ онаго—въ занимательныя комнаты, изъ нихъ—къ ужину, за которымъ присутствуетъ инспекторъ, а оттуда, по прочтеніи молитвъ по канонику за церковь и государя, какъ и поутру, въ комнатномъ порядкѣ приходятъ въ занимательныя комнаты, изъ которыхъ въ 9 часовъ идутъ ложиться спать". Регулируется и процедура этого отхода ко сну: „Войдя въ спальную, старшій каждой комнаты становится

тымъ, закрывшимъ кровать свою, подлѣ нея стоящимъ и, по примѣру старшаго каждой комнаты, дѣлающимъ въ продолженіи пяти минутъ краткое молитвенное возношеніе пославшему свѣтъ". Затѣмъ студенты становятся парами, въ порядкѣ комнатныхъ списковъ, и „инспекторъ, осмотрѣвъ наружную ихъ опрятность, волосы, платье и обувь, идетъ передъ ними въ столовую; за каждою комнатою слѣдуетъ старшій, за всѣми вмѣстѣ—дежурный помощникъ". По прибытіи въ столовую, очередной изъ отличнѣйшихъ студентовъ, по приказанію инспектора, читаетъ „утреннія молитвы по канонннику, заключивъ ихъ положенными моленіями за церковь и государя".

Въ 6 часовъ студенты садятся за завтракъ, во время котораго „тѣмъ же студентомъ дѣлается чтеніе изъ Библіи и иныхъ христіанскихъ книгъ". Послѣ завтрака, на который полагалось полчаса, студенты идутъ тѣмъ же порядкомъ въ занимательныя комнаты, а чтецъ остается въ столовой завтракать.

Въ 8 часовъ студенты, у которыхъ есть лекціи, идутъ въ сборный залъ, гдѣ уже находятся и своекоштные студенты съ своими старшими. Дежурный изъ адъюнктовъ „разставляетъ ихъ по аудиторіямъ и назначаетъ въ каждую старшаго", изъ которыхъ каждый „ведетъ студентовъ своей аудиторіи на лекцію, гдѣ занимаютъ они свои мѣста", послѣ чего надзиратель и старшій „доносятъ инспекторскому помощнику, что студенты въ аудиторію вступили, и съ сего времени отвѣтственность за поведеніе ихъ переходитъ на старшихъ". Въ продолженіи дня производятся „въ неопредѣленное время", т. е. внезапные, осмотры классовъ дежурнымъ адъюнктомъ, дежурнымъ помощникомъ инспектора, инспекторомъ, директоромъ и ректоромъ. Такимъ же порядкомъ студенты выходятъ изъ аудиторіи въ сборный залъ, гдѣ остаются между лекціями и гдѣ находится и инспекторъ. Студенты, у которыхъ нѣтъ лекцій, пребываютъ въ занимательныхъ.

Въ 12 часовъ изъ сборнаго зала студенты идутъ тѣмъ же „комнатнымъ порядкомъ" и въ сопровожденіи инспектора, въ столовую—для обѣда, во время котораго производится опять чтеніе. Послѣ обѣда, ежели позволитъ время, „ведутся студенты, въ комнатномъ порядкѣ до сѣней, на прогулку въ садъ, на дворъ или по улицамъ, дежурнымъ надзирателемъ и старшими". Послѣ часовой прогулки собираются они въ сѣняхъ университета и оттуда ведутся въ занимательныя комнаты, изъ которыхъ „какъ показано выше идутъ въ сборный залъ, оттуда въ аудиторіи, по окончаніи лекцій изъ аудиторій въ сборный залъ, изъ онаго—въ занимательныя комнаты, изъ нихъ—къ ужину, за которымъ присутствуетъ инспекторъ, а оттуда, по прочтеніи молитвъ по канонннику за церковь и государя, какъ и поутру, въ комнатномъ порядкѣ приходятъ въ занимательныя комнаты, изъ которыхъ въ 9 часовъ идутъ ложиться спать". Регулируется и процедура этого отхода ко сну: „Войдя въ спальную, старшій каждой комнаты становится

предъ образомъ, для обращенія студентовъ къ молитвѣ, послѣ которой черезъ 5 минутъ они раздѣваются и ложатся. Черезъ 10 минутъ комнатные служители уносятъ одежду и обувь для чистки оныхъ, гасятъ свѣчи, а экзекуторъ осматриваетъ—нѣтъ ли гдѣ огня, ни подъ какимъ видомъ, кромѣ ночниковъ въ каждой комнатѣ и въ корридорѣ, не дозволеннаго".

Съ этого момента оканчивается дневной круговоротъ внутренней студенческой жизни и начинается „надзоръ ночной", представляющій собою также довольно сложную организацію:

Этотъ ночной дозоръ открывается тѣмъ, что два часовые, находившіеся днемъ при входахъ въ этажи, смѣняются экзекуторомъ, а ночные часовые „начинаютъ ходить одинъ къ другому на встрѣчу по корридору", смѣняемые черезъ 4 часа другими, которые и остаются уже до 5-ти часовъ утра, когда унтеръ-офицеръ приводитъ дневную смѣну. Въ теченіи ночи „дежурный истекающаго дня инспекторскій помощникъ обязанъ смотрѣть въ неопредѣленное время спальни студентовъ, для повѣрки часовыхъ, и отдать билетъ съ своимъ именемъ; ночная стража отдаетъ при своемъ рапортѣ полученные ею билеты экзекутору, который, при донесеніи о благосостояніи ночи, представляетъ ихъ директору".

Далѣе съ большими подробностями дается порядокъ „донесеній (въ сложномъ іерархическомъ порядкѣ) о благосостояніи дня и ночи", съ точнымъ указаніемъ въ этомъ отношеніи „правъ и отвѣтственности каждаго изъ исполнителей". Эти подробности интересовать насъ не могутъ, а потому мы перейдемъ къ болѣе любопытной части „Наставленія",—къ опредѣленіямъ, касающимся проступковъ и наказаній студентовъ.

Всѣ нарушенія порядка раздѣлены здѣсь на проступки—легкіе, тяжкіе и дурные навыки. Первые влекутъ за собою: а) „приватный" выговоръ инспектора, б) „приватный" выговоръ директора, в) публичный (передъ всѣми студентами, въ сборномъ залѣ) выговоръ инспектора и г) публичный выговоръ директора. Вторые влекутъ за собою: а) „арестъ отъ инспектора, т. е. лишеніе шпаги на срокъ", назначенный директоромъ; въ случаѣ повторенія проступка—б) „лишеніе до исправленія общаго стола", въ случаяхъ же болѣе серьезныхъ—в) переводъ въ „комнату исправляемыхъ"; ежели и эти мѣры наказанія оказались бы недѣйствительными—г) заключеніе на опредѣленное директоромъ время въ „комнату уединенія, въ которой всѣ средства къ нравственному исправ-

предъ образомъ, для обращенія студентовъ къ молитвѣ, послѣ которой черезъ 5 минутъ они раздѣваются и ложатся. Черезъ 10 минутъ комнатные служители уносятъ одежду и обувь для чистки оныхъ, гасятъ свѣчи, а экзекуторъ осматриваетъ—нѣтъ ли гдѣ огня, ни подъ какимъ видомъ, кромѣ ночниковъ въ каждой комнатѣ и въ корридорѣ, не дозволеннаго".

Съ этого момента оканчивается дневной круговоротъ внутренней студенческой жизни и начинается „надзоръ ночной", представляющій собою также довольно сложную организацію:

Этотъ ночной дозоръ открывается тѣмъ, что два часовые, находившіеся днемъ при входахъ въ этажи, смѣняются экзекуторомъ, а ночные часовые „начинаютъ ходить одинъ къ другому на встрѣчу по корридору", смѣняемые черезъ 4 часа другими, которые и остаются уже до 5-ти часовъ утра, когда унтеръ-офицеръ приводитъ дневную смѣну. Въ теченіи ночи „дежурный истекающаго дня инспекторскій помощникъ обязанъ смотрѣть въ неопредѣленное время спальни студентовъ, для повѣрки часовыхъ, и отдать билетъ съ своимъ именемъ; ночная стража отдаетъ при своемъ рапортѣ полученные ею билеты экзекутору, который, при донесеніи о благосостояніи ночи, представляетъ ихъ директору".

Далѣе съ большими подробностями дается порядокъ „донесеній (въ сложномъ іерархическомъ порядкѣ) о благосостояніи дня и ночи", съ точнымъ указаніемъ въ этомъ отношеніи „правъ и отвѣтственности каждаго изъ исполнителей". Эти подробности интересовать насъ не могутъ, а потому мы перейдемъ къ болѣе любопытной части „Наставленія",—къ опредѣленіямъ, касающимся проступковъ и наказаній студентовъ.

Всѣ нарушенія порядка раздѣлены здѣсь на проступки—легкіе, тяжкіе и дурные навыки. Первые влекутъ за собою: а) „приватный" выговоръ инспектора, б) „приватный" выговоръ директора, в) публичный (передъ всѣми студентами, въ сборномъ залѣ) выговоръ инспектора и г) публичный выговоръ директора. Вторые влекутъ за собою: а) „арестъ отъ инспектора, т. е. лишеніе шпаги на срокъ", назначенный директоромъ; въ случаѣ повторенія проступка—б) „лишеніе до исправленія общаго стола", въ случаяхъ же болѣе серьезныхъ—в) переводъ въ „комнату исправляемыхъ"; ежели и эти мѣры наказанія оказались бы недѣйствительными—г) заключеніе на опредѣленное директоромъ время въ „комнату уединенія, въ которой всѣ средства къ нравственному исправ-

ленію приняты будутъ". Студентъ, оказавшійся совершенно неисправимымъ, если онъ пансіонеръ или полупансіонеръ—исключается изъ университета, если онъ казенный—опредѣляется въ одну изъ канцелярій университета. Студентъ, попавшійся въ чемъ либо безнравственномъ—„сдается экзекутору для помѣщенія въ одной изъ солдатскихъ университетскихъ казармъ, впредь до его исключенія".

Весьма характерную карательную мѣру представляла собою только что упомянутая нами комната уединенія (по просту—карцеръ), какъ по самой обстановкѣ этого мѣста заключенія, такъ и по примѣнявшемуся здѣсь къ заключеннымъ режиму: „Комната уединенія,—читаемъ мы въ Наставленіи директору,—располагается слѣдующимъ образомъ. Надъ стеклянною въ корридорѣ дверью выставляется публичная надпись. На двери и въ окнахъ желѣзныя рѣшетки. На стѣнѣ, противъ двери—живописное распятіе, широкая деревянная скамья и простой работы деревянный столъ. На противоположной съ скамьею сторонѣ—картина страшнаго суда". Провинившійся студентъ, попадавшій въ эту „комнату уединенія", возстановляющую въ нашей памяти мрачные застѣнки старыхъ инквизиціонныхъ судилищъ, получалъ наименованіе—грѣшника; къ нему прикомандировывался университетскій духовникъ для надлежащаго увѣщанія и назиданія, а товарищи обязаны были возносить молитвы объ освобожденіи его отъ грѣха. Духовно-нравственное воздѣйствіе на „грѣшника" составляло обязанность университетскаго духовника протоіерея А. И. Нечаева, которому эта миссія доставалась, конечно, не легко * [36].

Наказаніе „комнатою уединенія" или,—какъ она раньше называлась,—„темнымъ убѣжищемъ", практиковалось уже довольно рано. Въ высшей степени любопытное и характерное описаніе всей обстановки этого наказанія воспроизводится въ „Собраніи бумагъ по обозрѣнію г. генераломъ-маіоромъ Желтухинымъ нравственной и учебной части въ

---

* «То было время,—пишетъ профессоръ богословія А. В. Смирновъ въ принадлежащей его перу біографіи о. Нечаева,—когда попечитель Магницкій проявлялъ особенную ревность къ насажденію религіозности и уничтоженію свободомыслія въ средѣ студентовъ, и пособника себѣ въ этомъ хотѣлъ видѣть, прежде всего, въ духовникѣ университета. Для достиженія своихъ цѣлей, Магницкій иногда давалъ о. Нечаеву такія щекотливыя порученія, которыя для человѣка съ глубокимъ христіанскимъ чувствомъ должны были казаться очень тяжелыми, но протестовать противъ всесильнаго попечителя было очень рискованно... Вотъ почему прот. Нечаевъ вынужденъ былъ,—можетъ быть не безъ душевной скорби,—дѣйствовать по указаніямъ своего властнаго начальника: читать наставленія заключеннымъ въ карцеръ, выпытывать направленіе мыслей студентовъ, мириться съ показною религіозностью ихъ и т. п.» («За сто лѣтъ. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей И. Казанскаго университета», Каз. 1904, часть I, стр. 13).

ленію приняты будутъ". Студентъ, оказавшійся совершенно неисправимымъ, если онъ пансіонеръ или полупансіонеръ—исключается изъ университета, если онъ казенный—опредѣляется въ одну изъ канцелярій университета. Студентъ, попавшійся въ чемъ либо безнравственномъ—„сдается экзекутору для помѣщенія въ одной изъ солдатскихъ университетскихъ казармъ, впредь до его исключенія".

Весьма характерную карательную мѣру представляла собою только что упомянутая нами комната уединенія (попросту—карцеръ), какъ по самой обстановкѣ этого мѣста заключенія, такъ и по примѣнявшемуся здѣсь къ заключеннымъ режиму: „Комната уединенія,—читаемъ мы въ Наставленіи директору,—располагается слѣдующимъ образомъ. Надъ стеклянною въ корридорѣ дверью выставляется публичная надпись. На двери и въ окнахъ желѣзныя рѣшетки. На стѣнѣ, противъ двери—живописное распятіе, широкая деревянная скамья и простой работы деревянный столъ. На противоположной съ скамьею сторонѣ—картина страшнаго суда". Провинившійся студентъ, попадавшій въ эту „комнату уединенія", возстановляющую въ нашей памяти мрачные застѣнки старыхъ инквизиціонныхъ судилищъ, получалъ наименованіе—грѣшника; къ нему прикомандировывался университетскій духовникъ для надлежащаго увѣщанія и назиданія, а товарищи обязаны были возносить молитвы объ освобожденіи его отъ грѣха. Духовно-нравственное воздѣйствіе на „грѣшника" составляло обязанность университетскаго духовника протоіерея А. И. Нечаева, которому эта миссія доставалась, конечно, не легко * [36].

Наказаніе „комнатою уединенія" или,—какъ она раньше называлась,—„темнымъ убѣжищемъ", практиковалось уже довольно рано. Въ высшей степени любопытное и характерное описаніе всей обстановки этого наказанія воспроизводится въ „Собраніи бумагъ по обозрѣнію г. генераломъ-маіоромъ Желтухинымъ нравственной и учебной части въ

---

* «То было время,—пишетъ профессоръ богословія А. В. Смирновъ въ принадлежащей его перу біографіи о. Нечаева,—когда попечитель Магницкій проявлялъ особенную ревность къ насажденію религіозности и уничтоженію свободомыслія въ средѣ студентовъ, и пособника себѣ въ этомъ хотѣлъ видѣть, прежде всего, въ духовникѣ университета. Для достиженія своихъ цѣлей, Магницкій иногда давалъ о. Нечаеву такія щекотливыя порученія, которыя для человѣка съ глубокимъ христіанскимъ чувствомъ должны были казаться очень тяжелыми, но протестовать противъ всесильнаго попечителя было очень рискованно... Вотъ почему прот. Нечаевъ вынужденъ былъ,—можетъ быть не безъ душевной скорби,—дѣйствовать по указаніямъ своего властнаго начальника: читать наставленія заключеннымъ въ карцеръ, выпытывать направленіе мыслей студентовъ, мириться съ показною религіозностью ихъ и т. п.» («За сто лѣтъ. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей И. Казанскаго университета», Каз. 1904, часть I, стр. 13).

казанскомъ университетѣ", въ ея примѣненіи къ воспитаннику Алексѣю Горбунову, лѣтомъ 1820 года подвергнувшемуся преслѣдованію по обвиненію въ воровствѣ „изъ лакомства". По предложенію директора университета Владимірскаго, Горбунову присуждена была слѣдующая мѣра наказанія:

а) Отлученіе отъ сообщества воспитанниковъ, съ облаченіемъ „въ рубаху, порты, лапти и кафтанъ мужичьи—въ прообразованіе того, что за мотовствомъ слѣдуетъ бѣдность, за развращеніемъ—презрѣніе".

б) Лишеніе дневного свѣта заключеніемъ „въ темное убѣжище", съ предоставленіемъ лишь „твердой кровати и двухъ пучковъ соломы".

в) Пищу давать лишь два раза въ сутки—хлѣбъ и квасъ.

г) Отецъ протоіерей Александръ (Нечаевъ) посѣщаетъ заключеннаго, когда захочетъ, и „во власти его находится изводить его изъ темницы освѣжаться воздухомъ, не при солнечномъ свѣтѣ и не днемъ".

д) „Я бы желалъ,—добавляетъ директоръ университета,—что бы о несчастномъ Горбуновѣ учреждены были всеобщія молитвы въ храмѣ Божіемъ; когда же и какія—испросить назначенія отца-духовника, въ чемъ и я, съ христіанскою любовью, участвовать намѣренъ",—фарисейски добавляетъ Владимірскій.

Около мѣсяца протомился несчастный юноша въ „темномъ убѣжищѣ", имѣя тюремщика въ лицѣ университетскаго духовника, пока о. Нечаевъ не далъ заключенія, что, „по изъясненіи пагубныхъ слѣдствій, отъ грѣхопаденій происходящихъ, и по возбужденіи за общими молитвами къ возстанію отъ оныхъ, упоминаемый Горбуновъ въ прошлый, въ честь Пресвятыя Богородицы установленный, постъ, по исповѣди, удостоенъ св. Евхаристіи, Божественною силою коея грѣхи каждаго, хотя бы и багряное и червленное, убѣляются, яко снѣгъ". Очищенный грѣшникъ былъ послѣ этого прощенъ, съ „преданіемъ забвенію" совершеннаго имъ проступка [37].

Осенью 1820 же года наказанъ былъ, за дерзкое поведеніе, четырнадцатидневнымъ заточеніемъ въ „темномъ уединеніи", на хлѣбѣ и водѣ, студентъ Бѣльскій-Буянскій, причемъ эта мѣра наказанія мотивирована желаніемъ черезъ „лишеніе свѣта внѣшняго возбудить въ немъ свѣтъ внутренній".

Церковное покаяніе назначалось и безъ соединенія его съ наказаніемъ „темнымъ убѣжищемъ" или „комнатою уединенія". Такъ, въ ноябрѣ 1820 года оно было опредѣлено за нетрезвость студенту Макдакову, проступокъ котораго былъ попечителемъ истолкованъ „послѣдствіемъ отпадшаго сердца отъ вѣры и отсутствія въономъ благодати".

казанскомъ университетѣ", въ ея примѣненіи къ воспитаннику Алексѣю Горбунову, лѣтомъ 1820 года подвергнувшемуся преслѣдованію по обвиненію въ воровствѣ „изъ лакомства". По предложенію директора университета Владимірскаго, Горбунову присуждена была слѣдующая мѣра наказанія:

а) Отлученіе отъ сообщества воспитанниковъ, съ облаченіемъ „въ рубаху, порты, лапти и кафтанъ мужичьи—въ прообразованіе того, что за мотовствомъ слѣдуетъ бѣдность, за развращеніемъ—презрѣніе".

б) Лишеніе дневного свѣта заключеніемъ „въ темное убѣжище", съ предоставленіемъ лишь „твердой кровати и двухъ пучковъ соломы".

в) Пищу давать лишь два раза въ сутки—хлѣбъ и квасъ.

г) Отецъ протоіерей Александръ (Нечаевъ) посѣщаетъ заключеннаго, когда захочетъ, и „во власти его находится изводить его изъ темницы освѣжаться воздухомъ, не при солнечномъ свѣтѣ и не днемъ".

д) „Я бы желалъ,—добавляетъ директоръ университета,—что бы о несчастномъ Горбуновѣ учреждены были всеобщія молитвы въ храмѣ Божіемъ; когда же и какія—испросить назначенія отца-духовника, въ чемъ и я, съ христіанскою любовью, участвовать намѣренъ",—фарисейски добавляетъ Владимірскій.

Около мѣсяца протомился несчастный юноша въ „темномъ убѣжищѣ", имѣя тюремщика въ лицѣ университетскаго духовника, пока о. Нечаевъ не далъ заключенія, что, „по изъясненіи пагубныхъ слѣдствій, отъ грѣхопаденій происходящихъ, и по возбужденіи за общими молитвами къ возстанію отъ оныхъ, упоминаемый Горбуновъ въ прошлый, въ честь Пресвятыя Богородицы установленный, постъ, по исповѣди, удостоенъ св. Евхаристіи, Божественною силою коея грѣхи каждаго, хотя бы и багряное и червленное, убѣляются, яко снѣгъ". Очищенный грѣшникъ былъ послѣ этого прощенъ, съ „преданіемъ забвенію" совершеннаго имъ проступка [37].

Осенью 1820 же года наказанъ былъ, за дерзкое поведеніе, четырнадцатидневнымъ заточеніемъ въ „темномъ уединеніи", на хлѣбѣ и водѣ, студентъ Бѣльскій-Буянскій, причемъ эта мѣра наказанія мотивирована желаніемъ черезъ „лишеніе свѣта внѣшняго возбудить въ немъ свѣтъ внутренній".

Церковное покаяніе назначалось и безъ соединенія его съ наказаніемъ „темнымъ убѣжищемъ" или „комнатою уединенія". Такъ, въ ноябрѣ 1820 года оно было опредѣлено за нетрезвость студенту Маклакову, проступокъ котораго былъ попечителемъ истолкованъ „послѣдствіемъ отпадшаго сердца отъ вѣры и отсутствія въономъ благодати".

Провинившемуся предписано „въ теченіи сего поста строгимъ воздержаніемъ и таинствами очиститься отъ содѣяннаго преступленія и соблазна"; къ этому присоединены: лишеніе права ношенія мундира, запрещеніе общенія съ нимъ товарищей, какъ „съ человѣкомъ, нанесшимъ стыдъ благородному ихъ сословію", и устраненіе отъ общаго студенческаго стола [38].

Въ эпоху Магницкаго, какъ самъ попечитель, такъ и университетское начальство, были, вообще, въ высшей степени изобрѣтательны по части измышленія наказаній для студентовъ. Модифицировались въ различныхъ направленіяхъ кары, предусмотрѣнныя „Обычаями" Владимірскаго и „Наставленіемъ" самого Магницкаго, создавались и совершенно неизвѣстные этимъ дисциплинарнымъ сборникамъ виды наказаній.

Такъ, 1824-й годъ даетъ намъ примѣръ отдачи двухъ студентовъ, Александра Левенгофа и Александра Бовина, въ видѣ наказанія—въ солдаты. Въ 1826 г., въ эпоху обсужденія дѣйствій Магницкаго, инцидентъ Левенгофа и Бовина былъ выдвинутъ въ главномъ правленіи училищъ въ качествѣ одного изъ многихъ обвинительныхъ пунктовъ противъ казанскаго попечителя. Въ заслушанномъ здѣсь представленіи по этому дѣлу Желтухина ставилось на видъ, что оба студента „отданы въ солдаты за проступки, отъ коихъ, по молодости, ихъ можно было бы еще исправить"; что „наказаніе это представляется тѣмъ болѣе еще замѣчательнымъ, что, въ противность общихъ нашихъ законовъ, они наказаны безъ суда и приговора". А вотъ въ чемъ заключалась вина перваго изъ этихъ молодыхъ людей—Левенгофа. Изъ справокъ оказалось, что онъ „замѣченъ былъ нетрезвымъ, въ чемъ, однако же, не признался, а между тѣмъ отъ него чувствованъ винный запахъ, хотя онъ былъ въ порядкѣ, никакихъ непристойностей не дѣлалъ и держалъ себя, какъ трезвый". Попечитель, имѣя въ виду, что Левенгофъ попадается въ нетрезвости уже въ третій разъ, предписалъ „строгое слѣдствіе". По произведенному „при духовникѣ (sic!)" слѣдствію выяснилось, что обвиняемый „въ трактирѣ выпилъ бутылку полпива и что тогдашнее состояніе его не произвело никакого соблазна, что, кромѣ сей несчастной слабости, онъ не замѣченъ ни въ чемъ дурномъ, но еще обладаетъ нѣкоторыми весьма хорошими качествами сердца, кротостью, простотою, христіанскимъ смиреніемъ и добродушіемъ, также прилежаніемъ и, по объявленію духовника, въ классѣ богословія считается въ числѣ отличныхъ слушателей"; одобрительно отозвался объ этомъ юношѣ и самъ директоръ. Второй обвиняемый, Бовинъ, дѣйствительно учинилъ уже форменное буйство: явившись въ университетъ „пьянымъ, въ самомъ безобразномъ видѣ" и будучи

Провинившемуся предписано „въ теченіи сего поста строгимъ воздержаніемъ и таинствами очиститься отъ содѣяннаго преступленія и соблазна"; къ этому присоединены: лишеніе права ношенія мундира, запрещеніе общенія съ нимъ товарищей, какъ „съ человѣкомъ, нанесшимъ стыдъ благородному ихъ сословію", и устраненіе отъ общаго студенческаго стола [38].

Въ эпоху Магницкаго, какъ самъ попечитель, такъ и университетское начальство, были, вообще, въ высшей степени изобрѣтательны по части измышленія наказаній для студентовъ. Модифицировались въ различныхъ направленіяхъ кары, предусмотрѣнныя „Обычаями" Владимірскаго и „Наставленіемъ" самого Магницкаго, создавались и совершенно неизвѣстные этимъ дисциплинарнымъ сборникамъ виды наказаній.

Такъ, 1824-й годъ даетъ намъ примѣръ отдачи двухъ студентовъ, Александра Левенгофа и Александра Бовина, въ видѣ наказанія—въ солдаты. Въ 1826 г., въ эпоху обсужденія дѣйствій Магницкаго, инцидентъ Левенгофа и Бовина былъ выдвинутъ въ главномъ правленіи училищъ въ качествѣ одного изъ многихъ обвинительныхъ пунктовъ противъ казанскаго попечителя. Въ заслушанномъ здѣсь представленіи по этому дѣлу Желтухина ставилось на видъ, что оба студента „отданы въ солдаты за проступки, отъ коихъ, по молодости, ихъ можно было бы еще исправить"; что „наказаніе это представляется тѣмъ болѣе еще замѣчательнымъ, что, въ противность общихъ нашихъ законовъ, они наказаны безъ суда и приговора". А вотъ въ чемъ заключалась вина перваго изъ этихъ молодыхъ людей—Левенгофа. Изъ справокъ оказалось, что онъ „замѣченъ былъ нетрезвымъ, въ чемъ, однако же, не признался, а между тѣмъ отъ него чувствованъ винный запахъ, хотя онъ былъ въ порядкѣ, никакихъ непристойностей не дѣлалъ и держалъ себя, какъ трезвый". Попечитель, имѣя въ виду, что Левенгофъ попадается въ нетрезвости уже въ третій разъ, предписалъ „строгое слѣдствіе". По произведенному „при духовникѣ (sic!)" слѣдствію выяснилось, что обвиняемый „въ трактирѣ выпилъ бутылку полпива и что тогдашнее состояніе его не произвело никакого соблазна, что, кромѣ сей несчастной слабости, онъ не замѣченъ ни въ чемъ дурномъ, но еще обладаетъ нѣкоторыми весьма хорошими качествами сердца, кротостью, простотою, христіанскимъ смиреніемъ и добродушіемъ, также прилежаніемъ и, по объявленію духовника, въ классѣ богословія считается въ числѣ отличныхъ слушателей"; одобрительно отозвался объ этомъ юношѣ и самъ директоръ. Второй обвиняемый, Бовинъ, дѣйствительно учинилъ уже форменное буйство: явившись въ университетъ „пьянымъ, въ самомъ безобразномъ видѣ" и будучи

посаженъ въ „темную компату", онъ изъ послѣдней „вылезъ, проломавъ дверь, не смотря на сопротивленіе поставленнаго къ нему часоваго", а на допросѣ признался, что, „бывши въ кондитерской лавкѣ, пилъ ликеръ". Обсудивъ это дѣло, главное правленіе училищъ пришло къ заключенію, что „попечитель, скрывъ отъ министра свидѣтельство университетскаго начальства о Левенгофѣ—увлекъ министра въ наложеніе ему незаслуженнаго наказанія", что отдача въ солдаты Бовина, хотя и учинившаго буйство—„также не можетъ назваться наказаніемъ, соразмѣрнымъ преступленію", въ силу чего и постановило: „просить г. министра ходатайствовать предъ его императорскимъ величествомъ о прощеніи Левенгофа и о смягченіи наказанія Бовину".

Дѣло о нетрезвости Левенгофа имѣлось въ производствѣ еще и раньше—лѣтомъ предшествовавшаго 1823 года. Оказалось, что онъ безъ спроса отлучился изъ университета въ харчевню и здѣсь „выпилъ два стакана хлѣбной водки", а на вопросъ, для чего это сдѣлалъ—„забывъ честь высшаго заведенія, его воспитывающаго, и свою собственную", отвѣчалъ, что онъ „сдѣлалъ это потому, что въ сей день его не отпустили къ брату", и чтобы доказать, что „стѣны—ненадежная ограда воздержанія". Не смотря на то, что на другой день Левенгофъ выразилъ полное раскаяніе въ своемъ поступкѣ и что „вмѣстѣ съ виномъ и смѣлыя его мысли прошли", ему было опредѣлено слѣдующее наказаніе: „содержать въ уединеніи, первую недѣлю на хлѣбѣ и водѣ, а потомъ лишить одного кушанья и вмѣсто постели дать рогожу, что и продолжать до рѣшенія его участи отъ высшаго начальства". Во время заточенія, продолжавшагося до рѣшенія его участи въ Петербургѣ самимъ попечителемъ, виновнаго навѣщалъ духовникъ о. Нечаевъ и донесъ, что „нашелъ его въ полномъ раскаяніи, такъ что и самъ, смотря на него, прослезился" [39].

Изъ ряда сохранившихся до нашихъ дней дисциплинарныхъ производствъ по студенческимъ проступкамъ, относящихся къ интересующей насъ эпохѣ, мы приходимъ къ заключенію, что, съ одной стороны—н е т р е з в о с т ь в ы с т у п а л а, какъ и въ предшествовавшіе Магницкому годы жизни казанскаго университета, п р е о б л а д а ю щ и м ъ п о р о к о м ъ у н и в е р с и т е т с к о й м о л о д е ж и, съ которымъ былъ причинною связью соединенъ и цѣлый рядъ другихъ студенческихъ прегрѣшеній противъ дисциплины и порядка подчиненности, и что, съ другой стороны—безсильными противъ этого зла являлись всѣ, даже наиболѣе суровыя, мѣры борьбы съ нимъ, изобрѣтавшіяся какъ самимъ попечителемъ, такъ и его казанскими агентами.

посаженъ въ „темную комнату“, онъ изъ послѣдней „вылезъ, проломавъ дверь, не смотря на сопротивленіе поставленнаго къ нему часоваго“, а на допросѣ признался, что, „бывши въ кондитерской лавкѣ, пилъ ликеръ“. Обсудивъ это дѣло, главное правленіе училищъ пришло къ заключенію, что „попечитель, скрывъ отъ министра свидѣтельство университетскаго начальства о Левенгофѣ—увлекъ министра въ наложеніе ему незаслуженнаго наказанія“, что отдача въ солдаты Бовина, хотя и учинившаго буйство—„также не можетъ назваться наказаніемъ, соразмѣрнымъ преступленію“, въ силу чего и постановило: „просить г. министра ходатайствовать предъ его императорскимъ величествомъ о прощеніи Левенгофа и о смягченіи наказанія Бовину“.

Дѣло о нетрезвости Левенгофа имѣлось въ производствѣ еще и раньше—лѣтомъ предшествовавшаго 1823 года. Оказалось, что онъ безъ спроса отлучился изъ университета въ харчевню и здѣсь „выпилъ два стакана хлѣбной водки“, а на вопросъ, для чего это сдѣлалъ—„забывъ честь высшаго заведенія, его воспитывающаго, и свою собственную“, отвѣчалъ, что онъ „сдѣлалъ это потому, что въ сей день его не отпустили къ брату“, и чтобы доказать, что „стѣны—ненадежная ограда воздержанія“. Не смотря на то, что на другой день Левенгофъ выразилъ полное раскаяніе въ своемъ поступкѣ и что „вмѣстѣ съ виномъ и смѣлыя его мысли прошли“, ему было опредѣлено слѣдующее наказаніе: „содержать въ уединеніи, первую недѣлю на хлѣбѣ и водѣ, а потомъ лишить одного кушанья и вмѣсто постели дать рогожу, что и продолжать до рѣшенія его участи отъ высшаго начальства“. Во время заточенія, продолжавшагося до рѣшенія его участи въ Петербургѣ самимъ попечителемъ, виновнаго навѣщалъ духовникъ о. Нечаевъ и донесъ, что „нашелъ его въ полномъ раскаяніи, такъ что и самъ, смотря на него, прослезился“ [39].

Изъ ряда сохранившихся до нашихъ дней дисциплинарныхъ производствъ по студенческимъ проступкамъ, относящихся къ интересующей насъ эпохѣ, мы приходимъ къ заключенію, что, съ одной стороны—нетрезвость выступала, какъ и въ предшествовавшіе Магницкому годы жизни казанскаго университета, преобладающимъ порокомъ университетской молодежи, съ которымъ былъ причинною связью соединенъ и цѣлый рядъ другихъ студенческихъ прегрѣшеній противъ дисциплины и порядка подчиненности, и что, съ другой стороны—безсильными противъ этого зла являлись всѣ, даже наиболѣе суровыя, мѣры борьбы съ нимъ, изобрѣтавшіяся какъ самимъ попечителемъ, такъ и его казанскими агентами.

Въ началѣ 1823 года было попечителю донесено, что студентъ Викторъ Лубкинъ, будучи ненадолго отпущенъ для свиданія съ братомъ, возвратился въ университетъ „весьма нетрезвымъ и признался, что былъ въ трактирѣ, гдѣ выпилъ бутылку винограднаго вина“, причемъ, подыскивая причину такого поступка со стороны юноши, который до того „въ трактиръ и дороги на зналъ“, и. д. директора проф. Никольскій высказываетъ предположеніе, что Лубкинъ, „будучи обольщенъ духомъ прелести и лукавства, заведенъ былъ въ сіе мѣсто, какъ агнецъ на закланіе“, почему наказаніе ему и было ограничено „лишеніемъ стола вмѣстѣ съ прочими товарищами“. Попечитель опротестовалъ этотъ приговоръ, найдя его „несоразмѣрнымъ съ преступленіемъ“ и, оставивъ въ сторонѣ директорскія соображенія относительно обольщенія его „духомъ прелести и лукавства“, велѣлъ примѣнить къ Лубкину слѣдующую совокупность наказаній: а) отдѣленіе отъ совмѣстнаго съ товарищами жительства, съ отдачею подъ особый надзоръ, б) запрещеніе общенія съ нимъ товарищей, в) лишеніе права носить мундиръ и д) отдачу „на покаяніе университетскаго духовника, дабы онъ очистился покаяніемъ“. Магницкій предписалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, объявить отъ его имени студентамъ, что „сіе снисхожденіе мое къ нимъ будетъ уже послѣднее и что надъ первымъ, послѣ сего, поступкомъ подобнаго неблагоповеденія ихъ показанъ будетъ примѣръ горестнаго наказанія“. Въ слѣдующемъ же году эта угроза осуществилась, какъ мы знаемъ, надъ присужденными къ сдачѣ въ солдаты студентами Левенгофомъ и Бовинымъ. Легче, сравнительно, наказывались дерзостные поступки студентовъ въ тѣхъ случаяхъ, если они не были сопряжены съ нетрезвостью; такъ въ 1825 году наказаніе студенту Кремпину, грубо обошедшемуся съ инспекторомъ, ограничилось лишеніемъ носить въ теченіи года шпагу, съ перечисленіемъ въ разрядъ „исправляемыхъ“.

Въ началѣ 1824 года, также за нетрезвость, подверглись наказаніямъ студенты: Дмитріевскій* (отдѣленіе отъ прочихъ студентовъ и привлеченіе къ обязанностямъ писца при архивѣ), Парначевъ (лишеніе серебряной медали, мундира и общаго стола), Базилевъ (лишеніе общаго стола и мундира) и Тимашевъ (весьма своебразное наказаніе: отдача на поруки проф. Сергѣеву, съ тѣмъ, что бы отецъ при немъ же наказалъ [?] его). Эта группа присужденныхъ самимъ попечителемъ наказаній любопытна тѣмъ, что ею вызвано было слѣдующее суровое

* Иванъ Степановичъ—будущій (1837—1865 г.г.) адъюнктъ терапевтической клиники.

Въ началѣ 1823 года было попечителю донесено, что студентъ Викторъ Лубкинъ, будучи ненадолго отпущенъ для свиданія съ братомъ, возвратился въ университетъ „весьма нетрезвымъ и признался, что былъ въ трактирѣ, гдѣ выпилъ бутылку винограднаго вина“, причемъ, подыскивая причину такого поступка со стороны юноши, который до того „въ трактиръ и дороги на зналъ“, и. д. директора проф. Никольскій высказываетъ предположеніе, что Лубкинъ, „будучи обольщенъ духомъ прелести и лукавства, заведенъ былъ въ сіе мѣсто, какъ агнецъ на закланіе“, почему наказаніе ему и было ограничено „лишеніемъ стола вмѣстѣ съ прочими товарищами“. Попечитель опротестовалъ этотъ приговоръ, найдя его „несоразмѣрнымъ съ преступленіемъ“ и, оставивъ въ сторонѣ директорскія соображенія относительно обольщенія его „духомъ прелести и лукавства“, велѣлъ примѣнить къ Лубкину слѣдующую совокупность наказаній: а) отдѣленіе отъ совмѣстнаго съ товарищами жительства, съ отдачею подъ особый надзоръ, б) запрещеніе общенія съ нимъ товарищей, в) лишеніе права носить мундиръ и д) отдачу „на покаяніе университетскаго духовника, дабы онъ очистился покаяніемъ“. Магницкій предписалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, объявить отъ его имени студентамъ, что „сіе снисхожденіе мое къ нимъ будетъ уже послѣднее и что надъ первымъ, послѣ сего, поступкомъ подобнаго неблагоповеденія ихъ показанъ будетъ примѣръ горестнаго наказанія“. Въ слѣдующемъ же году эта угроза осуществилась, какъ мы знаемъ, надъ присужденными къ сдачѣ въ солдаты студентами Левенгофомъ и Бовинымъ. Легче, сравнительно, наказывались дерзостные поступки студентовъ въ тѣхъ случаяхъ, если они не были сопряжены съ нетрезвостью; такъ въ 1825 году наказаніе студенту Кремпину, грубо обошедшемуся съ инспекторомъ, ограничилось лишеніемъ носить въ теченіи года шпагу, съ перечисленіемъ въ разрядъ „исправляемыхъ“.

Въ началѣ 1824 года, также за нетрезвость, подверглись наказаніямъ студенты: Дмитріевскій* (отдѣленіе отъ прочихъ студентовъ и привлеченіе къ обязанностямъ писца при архивѣ), Парначевъ (лишеніе серебрянной медали, мундира и общаго стола), Базилевъ (лишеніе общаго стола и мундира) и Тимашевъ (весьма своебразное наказаніе: отдача на поруки проф. Сергѣеву, съ тѣмъ, чтобы отецъ при немъ же наказалъ [?] его). Эта группа присужденныхъ самимъ попечителемъ наказаній любопытна тѣмъ, что ею вызвано было слѣдующее суровое

* Иванъ Степановичъ—будущій (1837—1865 г.г.) адъюнктъ терапевтической клиники.

предложеніе директору университета, проф. Никольскому, отъ 4-го января 1824 года:

> „Безпорядки по надзору за студентами, обнаруженные вами, навлекали бы строгій выговоръ инспектору оныхъ *, но, снисходя единственно неопытности его, по недавнему отправленію сей должности, и слабости здоровья, я ограничился на сей только разъ личнымъ ему замѣчаніемъ, что бы на будущее время сохранилъ онъ непремѣнно обязанности чинопочитанія и службы.
>
> Вамъ же, милостивый государь мой, долгомъ поставляю сказать, что хотя бы сіи печальные опыты удержали васъ отъ того послабленія, которымъ нерѣдко увлекались вы въ защиту студентовъ и учителей, подверженныхъ пьянству, ибо доселѣ ни одного изъ несчастныхъ не вижу совершенно исправленнымъ".

Если борьба съ дефектами въ поведеніи казенныхъ студентовъ выпадала почти исключительно на долю университетскихъ властей, то за то борьба съ проявленіями разгула и буйствъ своекоштныхъ студентовъ не мало озабочивала собою полицію городскую. Особенно бдительныя мѣры по усиленію обще-полицейскаго надзора за студентами были предприняты осенью 1825 года, въ виду случая, разыгравшагося въ Харьковѣ, гдѣ одинъ изъ студентовъ былъ убитъ при возвращеніи его изъ шинка; осенью того же года казанскимъ губернаторомъ дано было полиціи предписаніе усилить наблюденіе за поведеніемъ студентовъ въ городѣ. Строгости по отношенію къ студенческимъ провинностямъ, сказавшіяся въ эпоху попечительства Магницкаго, находили себѣ не только отголосокъ, но и подражаніе въ училищахъ округа. Такъ, въ 1823 году учитель пензенской гимназіи Дмитріевскій утѣшалъ мѣстнаго дворянина Данилевскаго, возмущеннаго заключеніемъ сына его въ карцеръ, тѣмъ, что „это еще не велика строгость: въ казанскомъ университетѣ запираютъ студентовъ въ темное подполье на трое сутокъ и больше, безъ хлѣба и воды", и что сынъ его „отъ этого, де, не умретъ" [40].....

„Наставленіе директору университета" вводитъ и опредѣленные способы постояннаго контроля и регистраціи нравственности и поведенія студентовъ. Для этой цѣли устанавливается раз-

---

* Вишневскому, Гавр. Өедор.—Воспользуемся случаемъ перечислить лицъ, находившихся въ должности инспектора за время попечительства Магницкаго: Булыгинъ Влад. Яковл., и. д. (11 апр.—20 дек. 1819 г.), Барсовъ Өед. Петр. (5 сент. 1819—2 авг. 1822), Баженовъ Вас. Яковл. (31 авг. 1822—28 мая 1823), Вишневскій Гавр. Өед. (7 янв. 1823—3 авг. 1826), Миллеръ Як. Алекс., и. д. (6 марта—28 сент. 1825), Лажечниковъ Ив. Ив. (27 сент.—15 окт. 1825), Брашманъ Ник. Дм., и. д. (8 янв.—1 іюня 1826).

предложеніе директору университета, проф. Никольскому, отъ 4-го января 1824 года:

„Безпорядки по надзору за студентами, обнаруженные вами, навлекали бы строгій выговоръ инспектору оныхъ *, но, снисходя единственно неопытности его, по недавнему отправленію сей должности, и слабости здоровья, я ограничился на сей только разъ личнымъ ему замѣчаніемъ, что бы на будущее время сохранилъ онъ непремѣнно обязанности чинопочитанія и службы.

Вамъ же, милостивый государь мой, долгомъ поставляю сказать, что хотя бы сіи печальные опыты удержали васъ отъ того послабленія, которымъ нерѣдко увлекались вы въ защиту студентовъ и учителей, подверженныхъ пьянству, ибо доселѣ ни одного изъ несчастныхъ не вижу совершенно исправленнымъ“.

Если борьба съ дефектами въ поведеніи казенныхъ студентовъ выпадала почти исключительно на долю университетскихъ властей, то за то борьба съ проявленіями разгула и буйствъ своекоштныхъ студентовъ не мало озабочивала собою полицію городскую. Особенно бдительныя мѣры по усиленію обще-полицейскаго надзора за студентами были предприняты осенью 1825 года, въ виду случая, разыгравшагося въ Харьковѣ, гдѣ одинъ изъ студентовъ былъ убитъ при возвращеніи его изъ шинка; осенью того же года казанскимъ губернаторомъ дано было полиціи предписаніе усилить наблюденіе за поведеніемъ студентовъ въ городѣ. Строгости по отношенію къ студенческимъ провинностямъ, сказавшіяся въ эпоху попечительства Магницкаго, находили себѣ не только отголосокъ, но и подражаніе въ училищахъ округа. Такъ, въ 1823 году учитель пензенской гимназіи Дмитріевскій утѣшалъ мѣстнаго дворянина Даниловскаго, возмущеннаго заключеніемъ сына его въ карцеръ, тѣмъ, что „это еще не велика строгость: въ казанскомъ университетѣ запираютъ студентовъ въ темное подполье на трое сутокъ и больше, безъ хлѣба и воды“, и что сынъ его „отъ этого, де, не умретъ“ [40].....

„Наставленіе директору университета“ вводитъ и опредѣленные способы постояннаго контроля и регистраціи нравственности и поведенія студентовъ. Для этой цѣли установляется раз-

* Вишневскому, Гавр. Өедор.—Воспользуемся случаемъ перечислить лицъ, находившихся въ должности инспектора за время попечительства Магницкаго: Булыгинъ Влад. Яковл., и. д. (11 апр.—20 дек. 1819 г.), Барсовъ Өед. Петр. (5 сент. 1819—2 авг. 1822), Баженовъ Вас. Яковл. (31 авг. 1822—28 мая 1823), Вишневскій Гавр. Өед. (7 янв. 1823—3 авг. 1826), Миллеръ Як. Алекс., и. д. (6 марта—28 сент. 1825), Лажечниковъ Ив. Ив. (27 сент.—15 окт. 1825), Брашманъ Ник. Дм., и. д. (8 янв.—1 іюня 1826).

дѣленіе всѣхъ учащихся на разряды: „Всѣ студенты,—читаемъ здѣсь,—дѣлятся на: а) отличныхъ, б) весьма хорошихъ и хорошихъ, в) нововступившихъ или испытуемыхъ, г) посредственныхъ, д) исправляемыхъ и е) подъ особеннымъ надзоромъ находящихся. Эти разряды живутъ въ разныхъ этажахъ и даже за столомъ (завтракъ, обѣдъ, ужинъ) отдѣляются особыми надъ столами надписями, по возможности раздѣляются даже въ аудиторіяхъ. Въ среднемъ этажѣ—первые три разряда, остальные—въ третьемъ. Въ концахъ корридоровъ—комнаты для помощника инспектора и надзирателей, а въ каждой комнатѣ—старшій студентъ. Одна комната назначается для уединенія студентовъ проступившихся". Здѣсь же опредѣленъ порядокъ назначенія наказаній*, постепенность перевода студентовъ изъ одного разряда въ другой, порядокъ полученія студентами наградъ, увольненія ихъ въ городъ, выхода студента изъ своего корридора (на что требовался особый билетъ инспектора, предъявляемый стоящимъ на концахъ корридора часовымъ), условія доступа въ университетъ постороннимъ лицамъ (только въ праздничные дни и субботы, въ послѣобѣденное время и по предъявленіи особаго на то билета) и т. п. регламентаціи, болѣе свойственныя карательному мѣсту заключенія, нежели высшему учебному заведенію, въ особенности же университету. Помимо раздѣленія ихъ на разряды, студентамъ велись, черезъ помощниковъ инспектора, особенные кондуитные списки „по формѣ", въ которыхъ данныя, касающіяся каждаго отдѣльнаго студента, отмѣчались въ слѣдующихъ шести графахъ: „время нахожденія въ университетѣ", „характеръ", „благочестіе", „образъ мыслей", „наружное поведеніе" и „былъ ли наказанъ, за что и чѣмъ".

П. Ѳ. Желтухинымъ, производившимъ въ началѣ 1826 года ревизію управленія Магницкаго, затребованы были различнаго рода свѣдѣнія, касавшіяся студентовъ университета, въ особенности же классификаціи ихъ по нравственности и поведенію. Эти свѣдѣнія, поданныя ревизору и. д. инспектора студентовъ адъюнктомъ Брашманомъ 14-го февраля 1826 г. и сохранившіяся въ архивныхъ дѣлахъ министерства народнаго просвѣщенія, представляются настолько любопытными, что мы считаемъ необходимымъ, хотя и in extenso, познакомить съ ними читателей:

---

* Порядокъ этотъ слѣдующій. Назначаются: приватные и публичные выговоры инспектора и арестъ на одинъ праздничный день—по представленіямъ помощниковъ инспектора; выговоры директора и продолжительный арестъ—директоромъ, по представленію инспектора; наказаніе столомъ и «уединеніемъ»—директоромъ.

дѣленіе всѣхъ учащихся на разряды: „Всѣ студенты,—читаемъ здѣсь,—дѣлятся на: а) отличныхъ, б) весьма хорошихъ и хорошихъ, в) нововступившихъ или испытуемыхъ, г) посредственныхъ, д) исправляемыхъ и е) подъ особеннымъ надзоромъ находящихся. Эти разряды живутъ въ разныхъ этажахъ и даже за столомъ (завтракъ, обѣдъ, ужинъ) отдѣляются особыми надъ столами надписями, по возможности раздѣляются даже въ аудиторіяхъ. Въ среднемъ этажѣ—первые три разряда, остальные—въ третьемъ. Въ концахъ корридоровъ—комнаты для помощника инспектора и надзирателей, а въ каждой комнатѣ—старшій студентъ. Одна комната назначается для уединенія студентовъ проступившихся". Здѣсь же опредѣленъ порядокъ назначенія наказаній*, постепенность перевода студентовъ изъ одного разряда въ другой, порядокъ полученія студентами наградъ, увольненія ихъ въ городъ, выхода студента изъ своего корридора (на что требовался особый билетъ инспектора, предъявляемый стоящимъ на концахъ корридора часовымъ), условія доступа въ университетъ постороннимъ лицамъ (только въ праздничные дни и субботы, въ послѣобѣденное время и по предъявленіи особаго на то билета) и т. п. регламентаціи, болѣе свойственныя карательному мѣсту заключенія, нежели высшему учебному заведенію, въ особенности же университету. Помимо раздѣленія ихъ на разряды, студентамъ велись, черезъ помощниковъ инспектора, особенные кондуитные списки „по формѣ", въ которыхъ данныя, касающіяся каждаго отдѣльнаго студента, отмѣчались въ слѣдующихъ шести графахъ: „время нахожденія въ университетѣ", „характеръ", „благочестіе", „образъ мыслей", „наружное поведеніе" и „былъ ли наказанъ, за что и чѣмъ".

П. Ѳ. Желтухинымъ, производившимъ въ началѣ 1826 года ревизію управленія Магницкаго, затребованы были различнаго рода свѣдѣнія, касавшіяся студентовъ университета, въ особенности же классификаціи ихъ по нравственности и поведенію. Эти свѣдѣнія, поданныя ревизору и. д. инспектора студентовъ адъюнктомъ Брашманомъ 14-го февраля 1826 г. и сохранившіяся въ архивныхъ дѣлахъ министерства народнаго просвѣщенія, представляются настолько любопытными, что мы считаемъ необходимымъ, хотя и in extenso, познакомить съ ними читателей:

---

* Порядокъ этотъ слѣдующій. Назначаются: приватные и публичные выговоры инспектора и арестъ на одинъ праздничный день—по представленіямъ помощниковъ инспектора; выговоры директора и продолжительный арестъ—директоромъ, по представленію инспектора; наказаніе столомъ и «уединеніемъ»—директоромъ.

Интересующія насъ данныя открываются общимъ спискомъ студентовъ и слушателей университета, съ означеніемъ ихъ именъ, фамилій и факультетовъ, лѣтъ, откуда и когда поступили, казенный или своекоштный и т. п. Изъ этого списка возстановляется слѣдующее общее количество учащихся въ университетѣ въ февралѣ 1826 года:

По нравственно-политическому отдѣленію	. . . . .	26
» физико-математическому	»	20
» этико-филологическому (sic)	»	38
» медико-хирургическому (sic)	»	20
	Всего	104 человѣка.

Далѣе слѣдуетъ рядъ данныхъ, характеризующихъ собою нравственный обликъ студенчества:

А) Списокъ студентовъ по поведенію (по установленнымъ разрядамъ).

	Казенныхъ.	Своекоштныхъ.	Всего.
Отличныхъ	8	13	21
Очень хорошихъ и хорошихъ	16	33	49
Испытуемыхъ	4	12	16
Средственныхъ	3	9	12
Исправляемыхъ	5	5	10
Подъ особымъ надзоромъ	4	3	7.

Б) Списокъ студентовъ средственныхъ, исправляемыхъ и подъ особымъ надзоромъ находящихся, съ показаніемъ причинъ.

I. СРЕДСТВЕННЫЕ.

Казенные.

1. Бабановскій Евгеній . . . . . за нескромность, вѣтренность и лѣность.
2. Мельниковъ Михаилъ * . . . за своевольныя отлучки изъ университета.
3. Николаевъ Петръ . . . . . . за нетрезвость (былъ за это въ исправляемыхъ).

Пансіонеры.

4. Булгаковъ Александръ . . .
5. Булгаковъ Петръ . . . . . .
6. Булгаковъ Евграфъ. . . . . .

} за непокорность и грубость.

Своекоштные.

7. Бекетовъ Владиміръ . . . . . за вѣтренность и рѣзвость.
8. Коротковъ Иванъ . . . . . . за лѣность и рѣдкое хожденіе въ классы.
9. Соловьевъ Петръ . . . . . . за нескромность и лѣность.
10. Сокольскій Никаноръ . . . . за лѣность.
11. Алексѣевъ Аполлонъ . . . . за лѣность.
12. Степановъ Александръ . . . за нетрезвость (замѣченъ однажды).

II. ИСПРАВЛЯЕМЫЕ.

Казенные.

1. Волковъ Руфъ ** . . . . . . за нескромность, грубость, своевольство.

---

* Михаилъ Ивановичъ Мельниковъ—впослѣдствіе адъюнктъ чистой математики.

** Руфъ Глѣбовичъ Волковъ—впослѣдствіе университетскій преподаватель теоріи краснорѣчія и слога.

Интересующія насъ данныя открываются общимъ спискомъ студентовъ и слушателей университета, съ означеніемъ ихъ именъ, фамилій и факультетовъ, лѣтъ, откуда и когда поступили, казенный или своекоштный и т. п. Изъ этого списка возстановляется слѣдующее общее количество учащихся въ университетѣ въ февралѣ 1826 года:

По нравственно-политическому отдѣленію		26
» физико-математическому	»	20
» этико-филологическому (sic)	»	38
» медико-хирургическому (sic)	»	20
Всего		104 человѣка.

Далѣе слѣдуетъ рядъ данныхъ, характеризующихъ собою нравственный обликъ студенчества:

А) Списокъ студентовъ по поведенію (по установленнымъ разрядамъ).

	Казенныхъ.	Своекоштныхъ.	Всего.
Отличныхъ	8	13	21
Очень хорошихъ и хорошихъ	16	33	49
Испытуемыхъ	4	12	16
Средственныхъ	3	9	12
Исправляемыхъ	5	5	10
Подъ особымъ надзоромъ	4	3	7

Б) Списокъ студентовъ средственныхъ, исправляемыхъ и подъ особымъ надзоромъ находящихся, съ показаніемъ причинъ.

I. СРЕДСТВЕННЫЕ.

Казенные.

1. Бабановскій Евгеній . . . . . за нескромность, вѣтренность и лѣность.
2. Мельниковъ Михаилъ * . . . за своевольныя отлучки изъ университета.
3. Николаевъ Петръ . . . . . . за нетрезвость (былъ за это въ исправляемыхъ).

Пансіонеры.

4. Булгаковъ Александръ . . . }
5. Булгаковъ Петръ . . . . . . } за непокорность и грубость.
6. Булгаковъ Евграфъ. . . . . . }

Своекоштные.

7. Бекетовъ Владиміръ . . . . . за вѣтренность и рѣзвость.
8. Коротковъ Иванъ . . . . . . за лѣность и рѣдкое хожденіе въ классы.
9. Соловьевъ Петръ . . . . . . за нескромность и лѣность.
10. Сокольскій Никаноръ . . . . за лѣность.
11. Алексѣевъ Аполлонъ . . . . за лѣность.
12. Степановъ Александръ . . . за нетрезвость (замѣченъ однажды).

II. ИСПРАВЛЯЕМЫЕ.

Казенные.

1. Волковъ Руфъ ** . . . . . . за нескромность, грубость, своевольство.

---

* Михаилъ Ивановичъ Мельниковъ—впослѣдствіе адъюнктъ чистой математики.

** Руфъ Глѣбовичъ Волковъ—впослѣдствіе университетскій преподаватель теоріи краснорѣчія и слога.

2. Лубкинъ Валеріанъ	за нетрезвость, непослушаніе и небрежность въ исполненіи христіанскихъ обязанностей.
3. Сапожниковъ Дмитрій	за нетрезвость, лѣность и хладность въ дѣлахъ вѣры (былъ за сіе подъ особеннымъ надзоромъ).
4. Петровъ Петръ	за нетрезвость и непокорность.
5. Кремпинъ Евгеній	за своенравіе, грубость, вѣтренность и непокорность.

Своекоштные.

6. Лазаревъ Иванъ	за нескромность и непослушаніе.
7. Сомовъ Дмитрій.	за нескромность, вѣтренность и лѣность.
8. Бѣльскій Иванъ	за нетрезвость.
9. Скопинъ Николай	за нетрезвость и лѣность.
10. Михайловъ Михаилъ	за нетрезвость, нескромность и лѣность.

III. ПОДЪ ОСОБЕННЫМЪ НАДЗОРОМЪ.

Казенные.

1. Пономаревъ Платонъ	за непокорность, сварливость, неоднократную грубость начальству.

Полупансіонеры.

2. Балахонцевъ Александръ . .	за грубость, лѣность, непокорность.
3. Львовъ Василій	за грубость, лѣность, вѣтренность, своевольство.
4. Суворовъ Порфирій	за нетрезвость, грубость, своевольство.

В) Кончившіе курсъ казенные студенты.

1. Цыпковъ Александръ	оставленъ на годъ въ университетѣ за нетрезвость и написаніе предосудительныхъ стиховъ на счетъ начальства.	
2. Шелаевъ Иванъ	за грубость, безпокойный характеръ, нетрезвость	причислены къ канцеляріямъ университета, въ надеждѣ исправленія, подъ надзоръ. Шелаевъ уже прощенъ.
3. Лубкинъ Викторъ	за нетрезвость	

Любопытна и вѣдомость о студентахъ университета, выбывшихъ изъ онаго и поступившихъ въ государственную службу—съ 1805 года по 1826 годъ, съ означеніемъ мѣстъ служенія. Отсюда усматривается, что за этотъ промежутокъ времени изъ университета выбыло:

Окончившихъ курсъ съ аттестатами 114
Вышедшихъ съ свидѣтельствами 86

Всего. . . . . 200 человѣкъ [41].

Генералъ-маіоръ Желтухинъ, въ своемъ донесеніи министру о результатахъ произведенной имъ ревизіи казанскаго университета, исчисляя причины упадка университета въ нравственномъ отношеніи, рѣзко осуждаетъ дисциплинарныя начинанія Магницкаго, относительно которыхъ онъ отзывается въ слѣдующихъ чертахъ:

„Правила, данныя г. попечителемъ безъ утвержденія министерства, подъ заглавіемъ: Наставленіе о внутреннемъ и наружномъ

2. Лубкинъ Валеріанъ	за нетрезвость, непослушаніе и небрежность въ исполненіи христіанскихъ обязанностей.
3. Сапожниковъ Дмитрій	за нетрезвость, лѣность и хладность въ дѣлахъ вѣры (былъ за сіе подъ особеннымъ надзоромъ).
4. Петровъ Петръ	за нетрезвость и непокорность.
5. Кремпинъ Евгеній	за своенравіе, грубость, вѣтренность и непокорность.

Своекоштные.

6. Лазаревъ Иванъ	за нескромность и непослушаніе.
7. Сомовъ Дмитрій.	за нескромность, вѣтренность и лѣность.
8. Бѣльскій Иванъ	за нетрезвость.
9. Скопинъ Николай	за нетрезвость и лѣность.
10. Михайловъ Михаилъ	за нетрезвость, нескромность и лѣность.

III. ПОДЪ ОСОБЕННЫМЪ НАДЗОРОМЪ.

Казенные.

1. Пономаревъ Платонъ	за непокорность, сварливость, неоднократную грубость начальству.

Полупансіонеры.

2. Балахонцевъ Александръ . .	за грубость, лѣность, непокорность.
3. Львовъ Василій	за грубость, лѣность, вѣтренность, своевольство.
4. Суворовъ Порфирій	за нетрезвость, грубость, своевольство.

В) Кончившіе курсъ казенные студенты.

1. Цыпковъ Александръ	оставленъ на годъ въ университетѣ за нетрезвость и написаніе предосудительныхъ стиховъ на счетъ начальства.	
2. Шелаевъ Иванъ	за грубость, безпокойный характеръ, нетрезвость	причислены къ канцеляріямъ университета, въ надеждѣ исправленія, подъ надзоръ. Шелаевъ уже прощенъ.
3. Лубкинъ Викторъ	за нетрезвость	

Любопытна и вѣдомость о студентахъ университета, выбывшихъ изъ онаго и поступившихъ въ государственную службу—съ 1805 года по 1826 годъ, съ означеніемъ мѣстъ служенія. Отсюда усматривается, что за этотъ промежутокъ времени изъ университета выбыло:

Окончившихъ курсъ съ аттестатами	114
Вышедшихъ съ свидѣтельствами	86
Всего.	200 человѣкъ [41].

Генералъ-маіоръ Желтухинъ, въ своемъ донесеніи министру о результатахъ произведенной имъ ревизіи казанскаго университета, исчисляя причины упадка университета въ нравственномъ отношеніи, рѣзко осуждаетъ дисциплинарныя начинанія Магницкаго, относительно которыхъ онъ отзывается въ слѣдующихъ чертахъ:

„Правила, данныя г. попечителемъ безъ утвержденія министерства, подъ заглавіемъ: Наставленіе о внутреннемъ и наружномъ

благоустройствѣ—поставили университетъ въ странное положеніе, свойственное болѣе монастырю, нежели учебному учрежденію. Студенты встрѣчаютъ и оканчиваютъ день краткою молитвою, какъ и самый порядокъ того требуетъ; по окончаніи жъ утренней и передъ начатіемъ вечерней молитвы обязаны по $^{3}/_{4}$ часа читать канонникъ и библію; въ продолженіи самыхъ обѣдовъ и ужиновъ одинъ изъ студентовъ читаетъ книги священнаго писанія.

Малѣйшіе дѣтскіе проступки влекутъ за собою несоразмѣрныя и гласныя наказанія: отдѣленіе подъ надзоръ, отлученіе въ комнату уединенія, отсылку на увѣщаніе къ духовному отцу, исповѣдь, приношеніе общихъ молитвъ за преступившагося, какъ за грѣшника, и, наконецъ, отдачу въ солдаты безъ суда и приговора, чему были два примѣра съ студентами Левенгофомъ и Бовинымъ. Что жъ касается до принадлежностей, украшающихъ комнату уединенія, то объ ономъ подробно изложено въ помянутомъ наставленіи г. попечителя.

Войдите въ разсмотрѣніе, ваше высокопревосходительство, какое впечатлѣніе должно имѣться въ пылкомъ воображеніи молодого человѣка, заключеннаго за желѣзную рѣшетку, имѣющаго предъ глазами распятіе, картину страшнаго суда и ожидающаго духовника для увѣщанія!

Не смотря на жестокость сихъ, установленныхъ г. попечителемъ, наказаній, казанскій университетъ не сдѣлалъ лучшими своихъ питомцевъ, ибо, изъ 104-хъ студентовъ, ровно четвертая часть показана въ числѣ порочныхъ *. Я думаю, что подобное управленіе должно или истребить послѣднюю нравственность и способность, или сдѣлать лицемѣровъ, часто скрывающихъ пороки, вредные для общественнаго благосостоянія. При столь строгихъ и опасныхъ мѣрахъ, по крайней мѣрѣ необходимо нужно бъ было избрать инспекторомъ студентовъ и, вмѣстѣ, директоромъ педагогическаго института профессора, отличнаго способностями, особенно извѣстнаго нравственностью и справедливостью, пріобыкшаго къ обхожденію съ молодыми людьми, умѣющаго отличать порокъ отъ проступка,—профессора русскаго, дабы, назидая за наклонностями студентовъ, при всякомъ удобномъ случаѣ внушалъ имъ любовь къ царю и отечеству и запечатлѣвалъ въ юныхъ сердцахъ ихъ благодарность за попеченія монарха. Вмѣсто того избранъ въ сіе званіе иностранецъ изъ евреевъ, недавно пріѣхавшій въ Россію и принявшій вѣру греческаго исповѣданія, не знающій ни обычаевъ, ни языка русскаго, человѣкъ никому не извѣстный и, по молодости и

* См. выписанныя нами выше табличныя данныя.

благоустройствѣ—поставили университетъ въ странное положеніе, свойственное болѣе монастырю, нежели учебному учрежденію. Студенты встрѣчаютъ и оканчиваютъ день краткою молитвою, какъ и самый порядокъ того требуетъ; по окончаніи жъ утренней и передъ начатіемъ вечерней молитвы обязаны по $^{3}/_{4}$ часа читать канонникъ и библію; въ продолженіи самыхъ обѣдовъ и ужиновъ одинъ изъ студентовъ читаетъ книги священнаго писанія.

Малѣйшіе дѣтскіе проступки влекутъ за собою несоразмѣрныя и гласныя наказанія: отдѣленіе подъ надзоръ, отлученіе въ комнату уединенія, отсылку на увѣщаніе къ духовному отцу, исповѣдь, приношеніе общихъ молитвъ за преступившагося, какъ за грѣшника, и, наконецъ, отдачу въ солдаты безъ суда и приговора, чему были два примѣра съ студентами Левенгофомъ и Бовинымъ. Что жъ касается до принадлежностей, украшающихъ комнату уединенія, то объ ономъ подробно изложено въ помянутомъ наставленіи г. попечителя.

Войдите въ разсмотрѣніе, ваше высокопревосходительство, какое впечатлѣніе должно имѣться въ пылкомъ воображеніи молодого человѣка, заключеннаго за желѣзную рѣшетку, имѣющаго предъ глазами распятіе, картину страшнаго суда и ожидающаго духовника для увѣщанія!

Не смотря на жестокость сихъ, установленныхъ г. попечителемъ, наказаній, казанскій университетъ не сдѣлалъ лучшими своихъ питомцевъ, ибо, изъ 104-хъ студентовъ, ровно четвертая часть показана въ числѣ порочныхъ *. Я думаю, что подобное управленіе должно или истребить послѣднюю нравственность и способность, или сдѣлать лицемѣровъ, часто скрывающихъ пороки, вредные для общественнаго благосостоянія. При столь строгихъ и опасныхъ мѣрахъ, по крайней мѣрѣ необходимо нужно бъ было избрать инспекторомъ студентовъ и, вмѣстѣ, директоромъ педагогическаго института профессора, отличнаго способностями, особенно извѣстнаго нравственностью и справедливостью, пріобыкшаго къ обхожденію съ молодыми людьми, умѣющаго отличать порокъ отъ проступка,—профессора русскаго, дабы, назидая за наклонностями студентовъ, при всякомъ удобномъ случаѣ внушалъ имъ любовь къ царю и отечеству и запечатлѣвалъ въ юныхъ сердцахъ ихъ благодарность за попеченія монарха. Вмѣсто того избранъ въ сіе званіе иностранецъ изъ евреевъ, недавно пріѣхавшій въ Россію и принявшій вѣру греческаго исповѣданія, не знающій ни обычаевъ, ни языка русскаго, человѣкъ никому не извѣстный и, по молодости и

* См. выписанныя нами выше табличныя данныя.

неопытности, не имѣющій никакого права на уваженіе *. Вотъ кому ввѣренъ г. попечителемъ надзоръ и засвидѣтельствованіе о поведеніи юношества,—засвидѣтельствованіе, на которомъ основывается сужденіе и даже наказаніе студентовъ!"... [42].

Магницкій, которому были сообщены всѣ сдѣланныя ревизоромъ замѣчанія, не остался такимъ безотвѣтнымъ, какими оказались въ 1819 году чины университета послѣ произведенной имъ самимъ ревизіи, и разразился обширною и рѣзкою отповѣдью по адресу Желтухина. Особенно задѣли его за живое упреки ревизора за монастырскіе распорядки, введенные имъ въ университетѣ, и осужденіе выработанной имъ дисциплинарной системы:

„Чтеніе утреннихъ и вечернихъ молитвъ по каноннику, вѣроятно по какому либо недоразумѣнію г. ревизора поставлено имъ въ обвиненіе попечителю,—возражаетъ Магницкій.—Онъ, кажется, полагаетъ, что канонникъ—есть какая то особенная церковная книга, а не просто тотъ самый молитвенникъ, въ которомъ содержатся утреннія и вечернія молитвы,—молитвенникъ, который издается церковью для употребленія всѣхъ православныхъ христіанъ.... По сей статьѣ о канонникѣ только то заключить можно, что книга сія совсѣмъ не извѣстна г. ревизору.....

Чтеніе во время стола разныхъ духовныхъ книгъ и евангелія, дѣланное студентами, обращаетъ ихъ вниманіе къ одному предмету и тѣмъ охраняетъ, по крайней мѣрѣ, общее молчаніе......

Уединеніемъ замѣнено только выраженіе, въ уставѣ казанскаго университета означенное—заключеніе подъ стражу. Рѣшетки существуютъ для извѣстныхъ всякому причинъ, а распятіе и картина страшнаго суда,—обращенныя какъ бы въ посмѣяніе г. Желтухинымъ,—нужны и должны быть тамъ, гдѣ обуздывается порочность страстей нравственными средствами, для приведенія сими священными изображеніями проступившагося въ чувство раскаянія. Мѣра сія во всѣ времена добраго воспитанія почиталась самою дѣйствительною и употреблялась во многихъ лучшихъ училищахъ и въ университетѣ парижскомъ, т. е. отъ его начала до преддверія революціи, и нынѣ, по окончаніи оной.

Впрочемъ,—продолжаетъ Магницкій,—всѣ мѣры сіи суть ничто иное, какъ исполненіе на самомъ дѣлѣ высочайшей инструкціи, казанскому университету данной. А начала, въ инструкціи изложенныя для благочестиваго воспитанія молодыхъ людей, вѣрныхъ Богу и Ца-

---

* Рѣчь идетъ объ адъюнктѣ Н. Д. Брашманѣ, въ то время и. д. инспектора студентовъ.

неопытности, не имѣющій никакого права на уваженіе *. Вотъ кому ввѣренъ г. попечителемъ надзоръ и засвидѣтельствованіе о поведеніи юношества,—засвидѣтельствованіе, на которомъ основывается сужденіе и даже наказаніе студентовъ!".... [42].

Магницкій, которому были сообщены всѣ сдѣланныя ревизоромъ замѣчанія, не остался такимъ безотвѣтнымъ, какими оказались въ 1819 году чины университета послѣ произведенной имъ самимъ ревизіи, и разразился обширною и рѣзкою отповѣдью по адресу Желтухина. Особенно задѣли его за живое упреки ревизора за монастырскіе распорядки, введенные имъ въ университетѣ, и осужденіе выработанной имъ дисциплинарной системы:

„Чтеніе утреннихъ и вечернихъ молитвъ по канонник у, вѣроятно по какому либо недоразумѣнію г. ревизора поставлено имъ въ обвиненіе попечителю,—возражаетъ Магницкій.—Онъ, кажется, полагаетъ, что канонникъ—есть какая то особенная церковная книга, а не просто тотъ самый молитвенникъ, въ которомъ содержатся утреннія и вечернія молитвы,—молитвенникъ, который издается церковью для употребленія всѣхъ православныхъ христіанъ.... По сей статьѣ о канонникѣ только то заключить можно, что книга сія совсѣмъ не извѣстна г. ревизору.....

Чтеніе во время стола разныхъ духовныхъ книгъ и евангелія, дѣланное студентами, обращаетъ ихъ вниманіе къ одному предмету и тѣмъ охраняетъ, по крайней мѣрѣ, общее молчаніе......

Уединеніемъ замѣнено только выраженіе, въ уставѣ казанскаго университета означенное—заключеніе подъ стражу. Рѣшетки существуютъ для извѣстныхъ всякому причинъ, а распятіе и картина страшнаго суда,—обращенныя какъ бы въ посмѣяніе г. Желтухинымъ,—нужны и должны быть тамъ, гдѣ обуздывается порочность страстей нравственными средствами, для приведенія сими священными изображеніями проступившагося въ чувство раскаянія. Мѣра сія во всѣ времена добраго воспитанія почиталась самою дѣйствительною и употреблялась во многихъ лучшихъ училищахъ и въ университетѣ парижскомъ, т. е. отъ его начала до преддверія революціи, и нынѣ, по окончаніи оной.

Впрочемъ,—продолжаетъ Магницкій,—всѣ мѣры сіи суть ничто иное, какъ исполненіе на самомъ дѣлѣ высочайшей инструкціи, казанскому университету данной. А начала, въ инструкціи изложенныя для благочестиваго воспитанія молодыхъ людей, вѣрныхъ Богу и Ца-

* Рѣчь идетъ объ адъюнктѣ Н. Д. Брашманѣ, въ то время и. д. инспектора студентовъ.

рю, тоже не вновь выдуманы и не произвольно собраны, но взяты изъ Роллена, Боссюэта, Флёри, Фенелона,—цѣлою Европою признанныхъ законодателями въ воспитаніи,—и ежели г. ревизоръ хочетъ начала сіи осмѣявать, какъ онъ во все продолженіе осмотра университета самымъ неприличнымъ образомъ сіе дѣлалъ, то попечитель, доселѣ молчавшій, отвѣчать будетъ только: Бэконъ, Ролленъ, Боссюэтъ, Флёри и Фенелонъ—согласны съ нами въ способахъ монархическаго воспитанія. Пусть г. Желтухинъ осмѣетъ ихъ прежде насъ и пусть докажетъ, что его мнѣніе—уважительнѣе ихъ мнѣній, и что они—только фанатики, какъ и мы, по словамъ его".

Сильно возмутило Магницкаго и обвиненіе въ фанатизмѣ и лицемѣріи,—всѣмъ въ Казани, по его словамъ, извѣстное, такъ какъ „г. Желтухинъ, написавъ его въ своемъ отчетѣ, многимъ здѣсь читалъ, а по отъѣздѣ его остался здѣсь и списокъ съ отчета его, который ходилъ по рукамъ". Магницкій разражается, въ виду этого, цѣлымъ рядомъ разсужденій по поводу значенія этого слова:

„Извѣстно, что слово фанатизмъ—по счастью, не русское, введенное во Франціи, въ языкѣ Вольтеровъ и Дидеротовъ, во времена величайшаго нечестія и означало тогда ругательное названіе христіанской вѣры (!). Послѣ того, до революціи и въ революцію, употреблялось оно единомышленниками и послѣдователями Вольтеровъ и Дидеротовъ. Наконецъ, съ прекращеніемъ сихъ несчастныхъ временъ, выброшено изъ употребленія и нынѣ едва и на самомъ французскомъ языкѣ можетъ выразить неистовства магометанства, идолопоклонства или шаманства, но никогда въ рѣчи не только о вѣрѣ православной, ниже о какомъ либо христіанскомъ исповѣданіи, мѣста имѣть не можетъ. Что же разумѣетъ г. Желтухинъ подъ словомъ фанатизмъ, говоря о греко-католикахъ?

На семъ словѣ, никакого значенія не имѣющемъ при обвиненіи казанскаго университета *, г. Желтухинъ не останавливается, но идетъ далѣе: говорилъ здѣсь и представляетъ письменно, что фанатизмъ долженъ произвести—лицемѣріе... И такъ, ежели г. Желтухинъ можетъ доказать, что, благочестивое—по нашему, а фанатическое—по его мнѣнію воспитаніе казанскаго университета ведетъ къ лицемѣрію, пусть покажетъ онъ, что воспитанники наши, выучась хорошо закону Божію и ведя себя согласно съ нимъ въ стѣнахъ университета—внѣ онаго предаются порокамъ, разврату и обнаруживаютъ начала, совсѣмъ противныя. Тогда онъ правъ будетъ. Но какъ онъ сего не до-

* Любопытно, что всѣ направленныя противъ него лично обвиненія—Магницкій вездѣ переноситъ на университетъ.

рю, тоже не вновь выдуманы и не произвольно собраны, но взяты изъ Роллена, Боссюэта, Флёри, Фенелона,—цѣлою Европою признанныхъ законодателями въ воспитаніи,—и ежели г. ревизоръ хочетъ начала сіи осмѣявать, какъ онъ во все продолженіе осмотра университета самымъ неприличнымъ образомъ сіе дѣлалъ, то попечитель, доселѣ молчавшій, отвѣчать будетъ только: Бэконъ, Ролленъ, Боссюэтъ, Флёри и Фенелонъ—согласны съ нами въ способахъ монархическаго воспитанія. Пусть г. Желтухинъ осмѣетъ ихъ прежде насъ и пусть докажетъ, что его мнѣніе—уважительнѣе ихъ мнѣній, и что они—только фанатики, какъ и мы, по словамъ его".

Сильно возмутило Магницкаго и обвиненіе въ фанатизмѣ и лицемѣріи,—всѣмъ въ Казани, по его словамъ, извѣстное, такъ какъ „г. Желтухинъ, написавъ его въ своемъ отчетѣ, многимъ здѣсь читалъ, а по отъѣздѣ его остался здѣсь и списокъ съ отчета его, который ходилъ по рукамъ". Магницкій разражается, въ виду этого, цѣлымъ рядомъ разсужденій по поводу значенія этого слова:

„Извѣстно, что слово фанатизмъ—по счастью, не русское, введенное во Франціи, въ языкѣ Вольтеровъ и Дидеротовъ, во времена величайшаго нечестія и означало тогда ругательное названіе христіанской вѣры (!). Послѣ того, до революціи и въ революцію, употреблялось оно единомышленниками и послѣдователями Вольтеровъ и Дидеротовъ. Наконецъ, съ прекращеніемъ сихъ несчастныхъ временъ, выброшено изъ употребленія и нынѣ едва и на самомъ французскомъ языкѣ можетъ выразить неистовства магометанства, идолопоклонства или шаманства, но никогда въ рѣчи не только о вѣрѣ православной, ниже о какомъ либо христіанскомъ исповѣданіи, мѣста имѣть не можетъ. Что же разумѣетъ г. Желтухинъ подъ словомъ фанатизмъ, говоря о греко-католикахъ?

На семъ словѣ, никакого значенія не имѣющемъ при обвиненіи казанскаго университета *, г. Желтухинъ не останавливается, но идетъ далѣе: говорилъ здѣсь и представляетъ письменно, что фанатизмъ долженъ произвести—лицемѣріе... И такъ, ежели г. Желтухинъ можетъ доказать, что, благочестивое—по нашему, а фанатическое—по его мнѣнію воспитаніе казанскаго университета ведетъ къ лицемѣрію, пусть покажетъ онъ, что воспитанники наши, выучась хорошо закону Божію и ведя себя согласно съ нимъ въ стѣнахъ университета—внѣ онаго предаются порокамъ, разврату и обнаруживаютъ начала, совсѣмъ противныя. Тогда онъ правъ будетъ. Но какъ онъ сего не до-

* Любопытно, что всѣ направленныя противъ него лично обвиненія—Магницкій вездѣ переноситъ на университетъ.

казываетъ и доказать не можетъ, то что же значитъ его донесеніе о семъ? Клевета, нарушеніе присяги!"

Полемическія возраженія Магницкаго направлены были и на другія замѣчанія Желтухина, касавшіяся организаціи быта студенчества, но мы входить въ нихъ не станемъ и ограничимся указаніемъ, что главное правленіе училищъ, обстоятельно разсмотрѣвшее всѣ данныя, касающіяся университетской ревизіи 1826 г., высказалось не въ пользу Магницкаго, осудивъ какъ клерикальное направленіе, приданное имъ преподаванію, такъ и его дисциплинарную систему. Министръ народнаго просвѣщенія, какъ мы ниже это увидимъ, вполнѣ раздѣлилъ всѣ заключенія главнаго правленія училищъ [43].

Хорошо уже знакомое намъ стремленіе Магницкаго обосновать всю свою административно-педагогическую систему на исключительныхъ началахъ „христіанскаго благочестія", принимавшагося имъ, какъ мы не разъ имѣли случай убѣждаться въ томъ, въ направленіи, имѣвшемъ мало общаго съ дѣйствительными религіозно-нравственными требованіями, не преминуло отразиться, такимъ образомъ, и на внутреннемъ бытѣ казанскаго студенчества. И здѣсь это стремленіе облеклось въ тѣ чисто внѣшнія и наружныя формы, которыя въ такихъ рѣзкихъ чертахъ предстали передъ нами въ „Обычаяхъ" Владимірскаго и въ „Наставленіи" самого попечителя и которыя дали Желтухину совершенно основательный поводъ обвинять Магницкаго въ фанатизмѣ и въ насажденіи имъ лицемѣрія и фарисейства.

Мы видѣли, что, по идеѣ Магницкаго, всѣ науки должны были основываться, при преподаваніи ихъ въ казанскомъ университетѣ, на св. писаніи и на началѣ христіанскаго благочестія, съ полнымъ изгнаніемъ изъ нихъ „изхищреній злоименнаго разума". Мы видѣли, равнымъ образомъ, что требованіе это находило себѣ особенно типичное отраженіе въ „конспектахъ" преподаваній, которые обязаны были представлять попечителю, въ качествѣ гарантіи благонамѣренности и „христіанскаго образа своихъ чувствованій", всѣ профессоры и преподаватели университета *. Реформаціонныя потуги казанскихъ приспѣшниковъ Магницкаго коснулись даже такой науки, какъ богословіе; и здѣсь усмотрѣна была опасность со стороны „лжеименнаго разума", обличенная хорошо знакомою намъ по дѣлу о судѣ надъ проф. Солнцевымъ жалкою попечительскою креатурою, профессоромъ философіи Пальминымъ. Въ августѣ 1821 года Пальминъ

* См. томъ III, стр. 491 и слѣд.

казываетъ и доказать не можетъ, то что же значитъ его донесеніе о семъ? Клевета, нарушеніе присяги!"

Полемическія возраженія Магницкаго направлены были и на другія замѣчанія Желтухина, касавшіяся организаціи быта студенчества, но мы входить въ нихъ не станемъ и ограничимся указаніемъ, что главное правленіе училищъ, обстоятельно разсмотрѣвшее всѣ данныя, касающіяся университетской ревизіи 1826 г., высказалось не въ пользу Магницкаго, осудивъ какъ клерикальное направленіе, приданное имъ преподаванію, такъ и его дисциплинарную систему. Министръ народнаго просвѣщенія, какъ мы ниже это увидимъ, вполнѣ раздѣлилъ всѣ заключенія главнаго правленія училищъ [43].

Хорошо уже знакомое намъ стремленіе Магницкаго обосновать всю свою административно-педагогическую систему на исключительныхъ началахъ „христіанскаго благочестія", принимавшагося имъ, какъ мы не разъ имѣли случай убѣждаться въ томъ, въ направленіи, имѣвшемъ мало общаго съ дѣйствительными религіозно-нравственными требованіями, не преминуло отразиться, такимъ образомъ, и на внутреннемъ бытѣ казанскаго студенчества. И здѣсь это стремленіе облеклось въ тѣ чисто внѣшнія и наружныя формы, которыя въ такихъ рѣзкихъ чертахъ предстали передъ нами въ „Обычаяхъ" Владимірскаго и въ „Наставленіи" самого попечителя и которыя дали Желтухину совершенно основательный поводъ обвинять Магницкаго въ фанатизмѣ и въ насажденіи имъ лицемѣрія и фарисейства.

Мы видѣли, что, по идеѣ Магницкаго, всѣ науки должны были основываться, при преподаваніи ихъ въ казанскомъ университетѣ, на св. писаніи и на началѣ христіанскаго благочестія, съ полнымъ изгнаніемъ изъ нихъ „изхищреній злоименнаго разума". Мы видѣли, равнымъ образомъ, что требованіе это находило себѣ особенно типичное отраженіе въ „конспектахъ" преподаваній, которые обязаны были представлять попечителю, въ качествѣ гарантіи благонамѣренности и „христіанскаго образа своихъ чувствованій", всѣ профессоры и преподаватели университета *. Реформаціонныя потуги казанскихъ приспѣшниковъ Магницкаго коснулись даже такой науки, какъ богословіе; и здѣсь усмотрѣна была опасность со стороны „лжеименнаго разума", обличенная хорошо знакомою намъ по дѣлу о судѣ надъ проф. Солнцевымъ жалкою попечительскою креатурою, профессоромъ философіи Пальминымъ. Въ августѣ 1821 года Пальминъ

* См. томъ III, стр. 491 и слѣд.

вошелъ въ совѣтъ съ обширнымъ предложеніемъ, въ которомъ рекомендовалъ совершенно отмѣнить систематическое изложеніе богословскихъ дисциплинъ и, отказавъ имъ въ значеніи „наукъ", обосновать ихъ исключительно на чтеніи и толкованіи книгъ св. писанія. „Одинъ критикъ сказалъ о Гомеровыхъ сочиненіяхъ,—замѣчаетъ по этому поводу проф. Пальминъ,—что по нимъ образовалось несравненно болѣе добродѣтельныхъ людей, чѣмъ по философскимъ нравоучительнымъ системамъ". Сдѣлавъ это едва ли удачное и умѣстное сопоставленіе книгъ св. писанія съ „Гомеровыми сочиненіями", Пальминъ ставитъ слѣдующіе вопросы: „Si licet magna componere parvis—то нельзя ли примѣнить онаго неоспоримаго сужденія къ священному писанію и къ нашимъ систематическимъ богословіямъ? Не больше ли благоговѣйнымъ чтеніемъ перваго можетъ образоваться, и дѣйствительно образовалось, истинныхъ христіанъ, нежели изученіемъ послѣднихъ?" Разрѣшеніе въ положительномъ смыслѣ этихъ вопросовъ и составляетъ предметъ обширнаго доклада проф. Пальмина, въ подробности котораго мы входить не будемъ, такъ какъ этотъ своеобразный проектъ, представленный попечителю, утвержденія,—по крайней мѣрѣ оффиціальнаго,—не получилъ. Тѣмъ не менѣе Магницкій самымъ неуклоннымъ образомъ слѣдилъ за правильною постановкою въ университетѣ чтенія книгъ св. писанія и малѣйшее уклоненіе отсюда влекло за собою замѣчанія и выговоры со стороны попечителя. Такъ, усмотрѣвъ изъ регулярно доставлявшихся ему въ Петербургъ „вѣдомостей о происшествіяхъ по университету", что за послѣднее время замѣчается „въ чтеніи слова Божія большое послабленіе, ибо на ономъ не было 5-го іюля шести студентовъ", Магницкій строгимъ предложеніемъ отъ 31-го іюля 1823 года внушаетъ директору университета—„дабы на будущее время не было ни малѣйшаго послабленія въ чтеніи слова Божія", если же это происходитъ отъ того, что чтенію этому „не дано донынѣ занимательности, для привлеченія къ нему молодыхъ людей нужной, то мнѣ желательно бы было,—пишетъ попечитель,—что бы вы приняли немедленно благоразумныя мѣры для отвращенія сего неудобства, ибо мнѣ весьма непріятно, что сіе одно изъ лучшихъ домашнихъ установленій университета пришло въ замѣченный выше упадокъ; мнѣ желательно было бы видѣть способъ чтенія слова Божія такъ устроеннымъ, что бы студенты охотно посѣщали его" [44].

Было ли это откликомъ предначертаній проф. Пальмина (что представляется намъ весьма вѣроятнымъ), или это явилось результатомъ собственнаго почина попечителя, но даже внѣклассное чтеніе книгъ св.

вошелъ въ совѣтъ съ обширнымъ предложеніемъ, въ которомъ рекомендовалъ совершенно отмѣнить систематическое изложеніе богословскихъ дисциплинъ и, отказавъ имъ въ значеніи „наукъ“, обосновать ихъ исключительно на чтеніи и толкованіи книгъ св. писанія. „Одинъ критикъ сказалъ о Гомеровыхъ сочиненіяхъ,—замѣчаетъ по этому поводу проф. Пальминъ,—что по нимъ образовалось несравненно болѣе добродѣтельныхъ людей, чѣмъ по философскимъ нравоучительнымъ системамъ“. Сдѣлавъ это едва ли удачное и умѣстное сопоставленіе книгъ св. писанія съ „Гомеровыми сочиненіями“, Пальминъ ставитъ слѣдующіе вопросы: „Si licet magna componere parvis—то нельзя ли примѣнить онаго неоспоримаго сужденія къ священному писанію и къ нашимъ систематическимъ богословіямъ? Не больше ли благоговѣйнымъ чтеніемъ перваго можетъ образоваться, и дѣйствительно образовалось, истинныхъ христіанъ, нежели изученіемъ послѣднихъ?“ Разрѣшеніе въ положительномъ смыслѣ этихъ вопросовъ и составляетъ предметъ обширнаго доклада проф. Пальмина, въ подробности котораго мы входить не будемъ, такъ какъ этотъ своеобразный проектъ, представленный попечителю, утвержденія,—по крайней мѣрѣ оффиціальнаго,—не получилъ. Тѣмъ не менѣе Магницкій самымъ неуклоннымъ образомъ слѣдилъ за правильною постановкою въ университетѣ чтенія книгъ св. писанія и малѣйшее уклоненіе отсюда влекло за собою замѣчанія и выговоры со стороны попечителя. Такъ, усмотрѣвъ изъ регулярно доставлявшихся ему въ Петербургъ „вѣдомостей о происшествіяхъ по университету“, что за послѣднее время замѣчается „въ чтеніи слова Божія большое послабленіе, ибо на ономъ не было 5-го іюля шести студентовъ“, Магницкій строгимъ предложеніемъ отъ 31-го іюля 1823 года внушаетъ директору университета—„дабы на будущее время не было ни малѣйшаго послабленія въ чтеніи слова Божія“, если же это происходитъ отъ того, что чтенію этому „не дано донынѣ занимательности, для привлеченія къ нему молодыхъ людей нужной, то мнѣ желательно бы было,—пишетъ попечитель,—что бы вы приняли немедленно благоразумныя мѣры для отвращенія сего неудобства, ибо мнѣ весьма непріятно, что сіе одно изъ лучшихъ домашнихъ установленій университета пришло въ замѣченный выше упадокъ; мнѣ желательно было бы видѣть способъ чтенія слова Божія такъ устроеннымъ, что бы студенты охотно посѣщали его“ [44].

Было ли это откликомъ предначертаній проф. Пальмина (что представляется намъ весьма вѣроятнымъ), или это явилось результатомъ собственнаго почина попечителя, но даже внѣклассное чтеніе книгъ св.

писанія въ эпоху попечительства Магницкаго ставилось студентамъ въ непремѣнную и неуклонную обязанность. Мы видѣли, что за студенческими завтракомъ и обѣдомъ установлены были, какъ за монастырскими трапезами, чтенія „изъ библіи и иныхъ христіанскихъ книгъ". Въ ту пору Магницкій выступалъ еще въ личинѣ убѣжденнаго адепта россійскаго библейскаго общества и имъ было сдѣлано распоряженіе о томъ, что бы каждый студентъ обязательно имѣлъ у себя экземпляръ библіи,—распоряженіе, которое только 14-го іюня 1826 г., уже послѣ паденія Магницкаго, было отмѣнено министромъ А. С. Шишковымъ, объявившимъ, что онъ „не считаетъ необходимымъ, что бы студенты имѣли при себѣ библіи". Книги св. писанія введены были и для наградъ за успѣхи, оказываемые при годичныхъ испытаніяхъ какъ въ университетѣ, такъ и въ училищахъ округа, и въ 1821—1822 академ. году попечителемъ съ этою цѣлью доставлено было изъ Петербурга на 10,629 рублей различныхъ книгъ священнаго писанія, часть которыхъ оставлена была для нуждъ самого университета, остальныя же разосланы по училищнымъ дирекціямъ*. Къ концу того же учебнаго года относится и извѣстное намъ распоряженіе Магницкаго объ ежегодномъ награжденіи единственною (кромѣ семи серебряныхъ) золотою медалью того изъ студентовъ—„который пріобрѣтетъ отличнѣйшія познанія въ богословіи, докажетъ христіанскимъ поведеніемъ, что откровенный законъ Божій не есть наука умозрительная **, но истинный и единый свѣтъ, коимъ долженъ освѣщаться темный путь земной нашей жизни". Кромѣ книгъ св. писанія, высылавшихся для университета и для училищъ округа самимъ попечителемъ, поступали на мѣстахъ и частныя пожертвованія „на пріумноженіе книгъ духовнаго содержанія", о которыхъ публиковалось въ „Прибавленіяхъ къ Казанскому Вѣстнику". Помимо награжденія книгами св. писанія и золотою медалью, достигнутое отличными успѣхами въ богословіи христіанское поведеніе открывало въ ту пору бывшимъ студентамъ университета путь и къ дальнѣйшей служебной карьерѣ; такъ, въ январѣ 1821 года, „въ уваженіе его христіанской нравственности", представленъ былъ къ занятію должности учителя естественной исторіи въ казанской гимназіи кандидатъ Кулаковъ [45].

---

* На почвѣ этого то награжденія студентовъ книгами св. писанія и произошелъ, уже въ 1870 г., инцидентъ съ юмористическою претензіею симбирскаго помѣщика Мотовилова, въ своемъ мѣстѣ разсказанный нами (см. томъ III, стр. 459—сноска).

** Идея проф. Пальмина.

писанія въ эпоху попечительства Магницкаго ставилось студентамъ въ непремѣнную и неуклонную обязанность. Мы видѣли, что за студенческими завтракомъ и обѣдомъ установлены были, какъ за монастырскими трапезами, чтенія „изъ библіи и иныхъ христіанскихъ книгъ". Въ ту пору Магницкій выступалъ еще въ личинѣ убѣжденнаго адепта россійскаго библейскаго общества и имъ было сдѣлано распоряженіе о томъ, что бы каждый студентъ обязательно имѣлъ у себя экземпляръ библіи,—распоряженіе, которое только 14-го іюня 1826 г., уже послѣ паденія Магницкаго, было отмѣнено министромъ А. С. Шишковымъ, объявившимъ, что онъ „не считаетъ необходимымъ, что бы студенты имѣли при себѣ библіи". Книги св. писанія введены были и для наградъ за успѣхи, оказываемые при годичныхъ испытаніяхъ какъ въ университетѣ, такъ и въ училищахъ округа, и въ 1821—1822 академ. году попечителемъ съ этою цѣлью доставлено было изъ Петербурга на 10,629 рублей различныхъ книгъ священнаго писанія, часть которыхъ оставлена была для нуждъ самого университета, остальныя же разосланы по училищнымъ дирекціямъ*. Къ концу того же учебнаго года относится и извѣстное намъ распоряженіе Магницкаго объ ежегодномъ награжденіи единственною (кромѣ семи серебряныхъ) золотою медалью того изъ студентовъ—„который пріобрѣтетъ отличнѣйшія познанія въ богословіи, докажетъ христіанскимъ поведеніемъ, что откровенный законъ Божій не есть наука умозрительная **, но истинный и единый свѣтъ, коимъ долженъ освѣщаться темный путь земной нашей жизни". Кромѣ книгъ св. писанія, высылавшихся для университета и для училищъ округа самимъ попечителемъ, поступали на мѣстахъ и частныя пожертвованія „на пріумноженіе книгъ духовнаго содержанія", о которыхъ публиковалось въ „Прибавленіяхъ къ Казанскому Вѣстнику". Помимо награжденія книгами св. писанія и золотою медалью, достигнутое отличными успѣхами въ богословіи христіанское поведеніе открывало въ ту пору бывшимъ студентамъ университета путь и къ дальнѣйшей служебной карьерѣ; такъ, въ январѣ 1821 года, „въ уваженіе его христіанской нравственности", представленъ былъ къ занятію должности учителя естественной исторіи въ казанской гимназіи кандидатъ Кулаковъ [45].

---

* На почвѣ этого то награжденія студентовъ книгами св. писанія и произошелъ, уже въ 1870 г., инцидентъ съ юмористическою претензіею симбирскаго помѣщика Мотовилова, въ своемъ мѣстѣ разсказанный нами (см. томъ III, стр. 459—сноска).

** Идея проф. Пальмина.

Уже въ началѣ попечительства Магницкаго установлено было строгое наблюденіе и за выполненіемъ какъ студентами университета, такъ и воспитанниками другихъ учебныхъ заведеній, ихъ христіанскихъ обязанностей. Въ февралѣ 1820 года, извѣщая о состоявшемся допущеніи о. Нечаева къ должности университетскаго духовника, директоръ университета Владимірскій циркулярно оповѣстилъ всѣхъ служащихъ въ университетѣ, что „въ первую недѣлю святого поста имѣютъ г.г. студенты греческаго исповѣданія готовиться къ покаянію и причащенію Таинъ Божіихъ, а какъ для сего потребно посѣщеніе церковныхъ службъ и исключительное занятіе въ Богомысліи, то учебныхъ лекцій чрезъ всю оную недѣлю не будетъ"; что церковныя службы „казенные студенты слушаютъ въ ближайшей Воскресенской церкви, своекоштные студенты въ приходскихъ церквахъ своего жительства; исповѣдь всѣмъ, вообще, въ залѣ университета, въ пятницу послѣ вечерни, причащаются же всѣ, вообще, кто удостоенъ будетъ, въ субботу—въ Спасскомъ монастырѣ", а „г.г. студенты другихъ христіанскихъ исповѣданій долженствуютъ на сей же недѣлѣ исполнить духовныя обязанности свои и представить свидѣтельство своего священника". Директоръ вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ „г.г. преподавателей и чиновниковъ университета въ сіе же самое время предшествовать въ тѣхъ же исполненіяхъ университетскому юношеству, дабы общій долгъ Христу Богу, на всѣхъ равно лежащій, удовлетворить въ единеніи духа и церкви". Списки лицъ, выполнившихъ свои христіанскія обязанности, ежегодно доставлялись директору университета какъ изъ этого послѣдняго, такъ и изъ всѣхъ училищъ округа; свѣдѣнія относительно говѣнія воспитанниковъ университета и другихъ учебныхъ заведеній печатались и въ университетскомъ журналѣ того времени [46].

Въ своемъ мѣстѣ мы познакомились съ неудавшеюся реформою 1815 года въ дѣлѣ порядка содержанія казенныхъ студентовъ, въ силу которой эти студенты были перемѣщены съ натуральнаго казеннаго содержанія—на денежное („жалованье"), съ правомъ самостоятельнаго и на собственный страхъ веденія своего хозяйства. Мы тогда же видѣли, что Магницкій строго осудилъ эту систему и что уже осенью 1819 года она была отмѣнена, съ возвращеніемъ къ старой, натуральной, системѣ довольствія казенныхъ студентовъ *. Это возвращеніе къ прежнему порядку было сопровождено, какъ мы знаемъ, усиленіемъ дисциплинарнаго надзора за

* См. томъ II, стр. 503—511.

Уже въ началѣ попечительства Магницкаго установлено было строгое наблюденіе и за выполненіемъ какъ студентами университета, такъ и воспитанниками другихъ учебныхъ заведеній, ихъ христіанскихъ обязанностей. Въ февралѣ 1820 года, извѣщая о состоявшемся допущеніи о. Нечаева къ должности университетскаго духовника, директоръ университета Владимірскій циркулярно оповѣстилъ всѣхъ служащихъ въ университетѣ, что „въ первую недѣлю святого поста имѣютъ г.г. студенты греческаго исповѣданія готовиться къ покаянію и причащенію Таинъ Божіихъ, а какъ для сего потребно посѣщеніе церковныхъ службъ и исключительное занятіе въ Богомысліи, то учебныхъ лекцій чрезъ всю оную недѣлю не будетъ"; что церковныя службы „казенные студенты слушаютъ въ ближайшей Воскресенской церкви, своекоштные студенты въ приходскихъ церквахъ своего жительства; исповѣдь всѣмъ, вообще, въ залѣ университета, въ пятницу послѣ вечерни, причащаются же всѣ, вообще, кто удостоенъ будетъ, въ субботу—въ Спасскомъ монастырѣ", а „г.г. студенты другихъ христіанскихъ исповѣданій долженствуютъ на сей же недѣлѣ исполнить духовныя обязанности свои и представить свидѣтельство своего священника". Директоръ вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ „г.г. преподавателей и чиновниковъ университета въ сіе же самое время предшествовать въ тѣхъ же исполненіяхъ университетскому юношеству, дабы общій долгъ Христу Богу, на всѣхъ равно лежащій, удовлетворить въ единеніи духа и церкви". Списки лицъ, выполнившихъ свои христіанскія обязанности, ежегодно доставлялись директору университета какъ изъ этого послѣдняго, такъ и изъ всѣхъ училищъ округа; свѣдѣнія относительно говѣнія воспитанниковъ университета и другихъ учебныхъ заведеній печатались и въ университетскомъ журналѣ того времени [46].

Въ своемъ мѣстѣ мы познакомились съ неудавшеюся реформою 1815 года въ дѣлѣ порядка содержанія казенныхъ студентовъ, въ силу которой эти студенты были перемѣщены съ натуральнаго казеннаго содержанія—на денежное („жалованье"), съ правомъ самостоятельнаго и на собственный страхъ веденія своего хозяйства. Мы тогда же видѣли, что Магницкій строго осудилъ эту систему и что уже осенью 1819 года она была отмѣнена, съ возвращеніемъ къ старой, натуральной, системѣ довольствія казенныхъ студентовъ *. Это возвращеніе къ прежнему порядку было сопровождено, какъ мы знаемъ, усиленіемъ дисциплинарнаго надзора за

* См. томъ II, стр. 503—511.

казенными студентами, достигшаго крайняго и почти невѣроятнаго напряженія въ преподанномъ попечителемъ пресловутомъ „Наставленіи директору". Любопытно, что, на ряду съ введенными по отношенію къ студентамъ строгостями, создававшими казарменный—съ одной стороны, и монастырскій—съ другой стороны режимъ студенческой жизни, исключавшій возможность искренняго довѣрія между молодежью и ея руководителями, и Магницкій и Владимірскій мечтали обратить жизнь студенчества въ какую то идиллію, построенную на патріархальныхъ отношеніяхъ между воспитанниками и ихъ воспитателями,—отношеніяхъ, которыя думали мирно насадить рука объ руку съ крайностями фанатической дисциплины, съ подавленіемъ личности студента, съ неистовствомъ, близко граничившихъ съ терроромъ мѣръ нравственно-дисциплинарнаго воздѣйствія на молодежь. Составленные Владимірскимъ „Обычаи по воспитанію студентовъ казанскаго университета" рекомендуютъ, напримѣръ, директору и инспектору отъ времени до времени приглашать къ себѣ студентовъ „на чай", занимая ихъ при этомъ бесѣдами, „возрасту, состоянію и цѣли воспитанія ихъ приличными", или садовыми „играми и забавами", а по высокоторжественнымъ днямъ устраивать совмѣстные обѣды студентовъ съ ихъ начальниками и преподавателями. Въ ряду досужихъ занятій студентовъ намѣчены были и работы ихъ въ университетскомъ саду. На этой послѣдней почвѣ фантазія директора создала цѣлую идиллію, о которой Владимірскій и повѣдалъ правленію университета въ засѣданіи 8-го апрѣля 1820 года. Выразивъ мысль объ устройствѣ при университетѣ такого сада, въ которомъ бы „лѣтомъ была пространная и пріятная прогулка, а зимою мѣсто для игръ и движенія на чистомъ воздухѣ", Владимірскій обратился къ правленію съ слѣдующимъ предложеніемъ:

„Садъ передъ Тенишевскимъ домомъ предоставить исключительно для исполненія сего намѣренія, раздѣливъ всѣ въ ономъ куртины на равные участки, къ воздѣлыванію способные, къ той цѣли, чтобы каждый казенный студентъ собственными руками и по собственному произволенію обработывалъ свой участокъ и сохранялъ. Господами адъюнктомъ Тимьянскимъ и учителемъ Васильевымъ сіи участки уже раздѣлены и находятся въ числѣ 46-ти, почему сіи чиновники, по собственной ихъ готовности, имѣютъ быть распорядителями, въ цѣломъ, порядка и сохраненія благообразія. Студенты, принявшіе участки, не принуждаются къ воздѣлыванію ихъ въ ограниченномъ отношеніи простыхъ частей сада, но дозволяется каждому употребленіе своей доли земли къ посиль-

казенными студентами, достигшаго крайняго и почти невѣроятнаго напряженія въ преподанномъ попечителемъ пресловутомъ „Наставленіи директору". Любопытно, что, на ряду съ введенными по отношенію къ студентамъ строгостями, создававшими казарменный—съ одной стороны, и монастырскій—съ другой стороны режимъ студенческой жизни, исключавшій возможность искренняго довѣрія между молодежью и ея руководителями, и Магницкій и Владимірскій мечтали обратить жизнь студенчества въ какую то идиллію, построенную на патріархальныхъ отношеніяхъ между воспитанниками и ихъ воспитателями,—отношеніяхъ, которыя думали мирно насадить рука объ руку съ крайностями фанатической дисциплины, съ подавленіемъ личности студента, съ неистовствомъ, близко граничившихъ съ терроромъ мѣръ нравственно-дисциплинарнаго воздѣйствія на молодежь. Составленные Владимірскимъ „Обычаи по воспитанію студентовъ казанскаго университета" рекомендуютъ, напримѣръ, директору и инспектору отъ времени до времени приглашать къ себѣ студентовъ „на чай", занимая ихъ при этомъ бесѣдами, „возрасту, состоянію и цѣли воспитанія ихъ приличными", или садовыми „играми и забавами", а по высокоторжественнымъ днямъ устраивать совмѣстные обѣды студентовъ съ ихъ начальниками и преподавателями. Въ ряду досужихъ занятій студентовъ намѣчены были и работы ихъ въ университетскомъ саду. На этой послѣдней почвѣ фантазія директора создала цѣлую идиллію, о которой Владимірскій и повѣдалъ правленію университета въ засѣданіи 8-го апрѣля 1820 года. Выразивъ мысль объ устройствѣ при университетѣ такого сада, въ которомъ бы „лѣтомъ была пространная и пріятная прогулка, а зимою мѣсто для игръ и движенія на чистомъ воздухѣ", Владимірскій обратился къ правленію съ слѣдующимъ предложеніемъ:

„Садъ передъ Тенишевскимъ домомъ предоставить исключительно для исполненія сего намѣренія, раздѣливъ всѣ въ ономъ куртины на равные участки, къ воздѣлыванію способные, къ той цѣли, чтобы каждый казенный студентъ собственными руками и по собственному произволенію обработывалъ свой участокъ и сохранялъ. Господами адъюнктомъ Тимьянскимъ и учителемъ Васильевымъ сіи участки уже раздѣлены и находятся въ числѣ 46-ти, почему сіи чиновники, по собственной ихъ готовности, имѣютъ быть распорядителями, въ цѣломъ, порядка и сохраненія благообразія. Студенты, принявшіе участки, не принуждаются къ воздѣлыванію ихъ въ ограниченномъ отношеніи простыхъ частей сада, но дозволяется каждому употребленіе своей доли земли къ посиль-

нымъ опытамъ въ естественной исторіи, фортификаціи (!) и архитектурѣ. И на сей конецъ можно будетъ соединять участки въ общій трудъ, если въ троякомъ семъ особенномъ предположеніи составятся общества любителей.....

Садъ сей долженъ быть отъ публики совершенно закрытъ; входъ въ оный позволенъ однимъ чиновникамъ университета, для женскаго пола исключительно возбраняется".

Правленіе вполнѣ одобрило, конечно, всѣ предположенія директора. Намъ неизвѣстенъ дальнѣйшій ходъ этого буколическаго начинанія, но намъ извѣстенъ критическій отзывъ о немъ проф. Солнцева, въ отвѣтъ на заявленіе университетскаго отчета о томъ, что „по убѣжденіямъ и совѣту директора казенные студенты въ прошедшее лѣто (1820 года) обработывали собственными руками часть университетскаго сада", сдѣлавшаго эхидное возраженіе, что, одновременно съ тѣмъ, студенты „опустошили университетскій садъ подъ предводительствомъ директора" *. Магницкій и Владимірскій приписывали силу положительно чудодѣйственную новшествамъ, введеннымъ ими въ строй жизни казанскаго студенчества, какъ это усматривается изъ нижеслѣдующихъ строкъ годичнаго университетскаго отчета уже за 1820 годъ, едва не возвѣщающаго наступленіе „золотого вѣка" въ нравственномъ режимѣ учащейся молодежи:

„Директоръ университета, обращаясь съ питомцами его, какъ отецъ съ дѣтьми, внушаетъ имъ—елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна (къ Филип., гл. 4). Заботясь не только о нравственномъ воспитаніи, но и физическомъ, самыя забавы обращаетъ онъ въ пользу имъ: по его убѣжденіямъ и совѣтамъ, казенные студенты въ прошедшее лѣто обработывали собственными руками часть университетскаго сада. Образъ сего занятія, существо его—есть приближеніе къ патріархальной жизни, сколько невинной, столько естественной—относительно къ тому, что въ потѣ лица устрояется жизнь физическая....

Инспекторъ студентовъ, благоразумными средствами смягчая строптивую волю юности, преклоняетъ ее подъ спасительное иго послушанія и повиновенія не за страхъ, но за совѣсть. Смиренномудріе, терпѣніе, любовь—сопровождаютъ поступки студентовъ, а любезная учтивость украшаетъ ихъ наружное обращеніе".

---

* См. томъ III, стр. 377.

нымъ опытамъ въ естественной исторіи, фортификаціи (!) и архитектурѣ. И на сей конецъ можно будетъ соединять участки въ общій трудъ, если въ троякомъ семъ особенномъ предположеніи составятся общества любителей.....

Садъ сей долженъ быть отъ публики совершенно закрытъ; входъ въ оный позволенъ однимъ чиновникамъ университета, для женскаго пола исключительно возбраняется".

Правленіе вполнѣ одобрило, конечно, всѣ предположенія директора. Намъ неизвѣстенъ дальнѣйшій ходъ этого буколическаго начинанія, но намъ извѣстенъ критическій отзывъ о немъ проф. Солнцева, въ отвѣтъ на заявленіе университетскаго отчета о томъ, что „по убѣжденіямъ и совѣту директора казенные студенты въ прошедшее лѣто (1820 года) обработывали собственными руками часть университетскаго сада", сдѣлавшаго эхидное возраженіе, что, одновременно съ тѣмъ, студенты „опустошили университетскій садъ подъ предводительствомъ директора" *. Магницкій и Владимірскій приписывали силу положительно чудодѣйственную новшествамъ, введеннымъ ими въ строй жизни казанскаго студенчества, какъ это усматривается изъ нижеслѣдующихъ строкъ годичнаго университетскаго отчета уже за 1820 годъ, едва не возвѣщающаго наступленіе „золотого вѣка" въ нравственномъ режимѣ учащейся молодежи:

„Директоръ университета, обращаясь съ питомцами его, какъ отецъ съ дѣтьми, внушаетъ имъ—елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна (къ Филип., гл. 4). Заботясь не только о нравственномъ воспитаніи, но и физическомъ, самыя забавы обращаетъ онъ въ пользу имъ: по его убѣжденіямъ и совѣтамъ, казенные студенты въ прошедшее лѣто обработывали собственными руками часть университетскаго сада. Образъ сего занятія, существо его—есть приближеніе къ патріархальной жизни, сколько невинной, столько естественной—относительно къ тому, что въ потѣ лица устрояется жизнь физическая....

Инспекторъ студентовъ, благоразумными средствами смягчая строптивую волю юности, преклоняетъ ее подъ спасительное иго послушанія и повиновенія не за страхъ, но за совѣсть. Смиренномудріе, терпѣніе, любовь—сопровождаютъ поступки студентовъ, а любезная учтивость украшаетъ ихъ наружное обращеніе".

---

* См. томъ III, стр. 377.

Прогулками, играми, забавами и работами въ университетскомъ саду дозволенные и поощряемые начальствомъ способы развлеченія студентовъ, —знакомыя уже намъ хожденія по шинкамъ, трактирамъ и кондитерскимъ въ счетъ сюда не идутъ,—не исчерпывались. Временами устроивались для нихъ начальствомъ танцовальные вечера и даже маскарады. Такъ, 2-го февраля 1825 года студенты, съ дозволенія директора, „имѣли домашній маскарадъ, на которомъ, по приглашенію, присутствовала вся почти лучшая публика казанская обоего пола", причемъ, по донесенію инспектора—„публика осталась весьма довольна угощеніемъ (sic!), вѣжливымъ и скромнымъ обращеніемъ студентовъ". Не чужды были студенческой средѣ и коллективныя начинанія благотворительнаго характера; такъ, въ началѣ 1825 года попечителю доносится, что студентами собрано между собою до трехсотъ рублей въ пользу потерпѣвшихъ отъ колоссальнаго петербургскаго наводненія осени предшествовавшаго года [47]......

Новшества, введенныя Магницкимъ во внутренній режимъ жизни казанскаго студенчества, не пережили паденія грознаго временщика-попечителя. Обсуждая результаты ревизіи генералъ-маіора П. Ѳ. Желтухина, главное правленіе училищъ безпощадно осудило его систему какъ въ ея общемъ, такъ и въ ея примѣненіи къ устройству быта учащихся. Министръ народнаго просвѣщенія А. С. Шишковъ вполнѣ присоединился къ заключенію главнаго правленія и, ссылаясь на донесеніе Желтухина, выразилъ неодобреніе введенныхъ Магницкимъ распорядковъ слѣдующимъ предложеніемъ отъ 19-го іюля 1826 года, послѣдовавшимъ на имя ректора университета:

„Г. генералъ-маіоръ Желтухинъ, въ донесеніи своемъ объ осмотрѣ имъ, по высочайшему повелѣнію, казанскаго университета, между прочимъ изъяснилъ, что въ университетѣ допущенъ, по предписанію бывшаго г. попечителя казанскаго учебнаго округа, странный внутренній распорядокъ, имѣющій сходство съ самымъ монастырскимъ установленіемъ,—несообразнымъ, по многимъ отношеніямъ, съ цѣлію воспитанія благороднаго юношества; введены несоразмѣрныя наказанія за проступки, требующіе болѣе отеческаго исправленія, нежели гласной строгости, по данному попечителемъ Наставленію о внутреннемъ и наружномъ благоустройствѣ для студентовъ; что въ 1822 году попечитель далъ знать университету, что золотая медаль предназначается тому изъ студентовъ, который пріобрѣтетъ отличнѣйшія познанія въ богословіи.

Главное правленіе училищъ, разсматривавшее, также по высочайшему повелѣнію, сказанное донесеніе г. генералъ-маіора Желтухина, находитъ:

Прогулками, играми, забавами и работами въ университетскомъ саду дозволенные и поощряемые начальствомъ способы развлеченія студентовъ, —знакомыя уже намъ хожденія по шинкамъ, трактирамъ и кондитерскимъ въ счетъ сюда не идутъ,—не исчерпывались. Временами устроивались для нихъ начальствомъ танцовальные вечера и даже маскарады. Такъ, 2-го февраля 1825 года студенты, съ дозволенія директора, „имѣли домашній маскарадъ, на которомъ, по приглашенію, присутствовала вся почти лучшая публика казанская обоего пола", причемъ, по донесенію инспектора—„публика осталась весьма довольна угощеніемъ (sic!), вѣжливымъ и скромнымъ обращеніемъ студентовъ". Не чужды были студенческой средѣ и коллективныя начинанія благотворительнаго характера; такъ, въ началѣ 1825 года попечителю доносится, что студентами собрано между собою до трехсотъ рублей въ пользу потерпѣвшихъ отъ колоссальнаго петербургскаго наводненія осени предшествовавшаго года [47]......

Новшества, введенныя Магницкимъ во внутренній режимъ жизни казанскаго студенчества, не пережили паденія грознаго временщика-попечителя. Обсуждая результаты ревизіи генералъ-маіора П. Ѳ. Желтухина, главное правленіе училищъ безпощадно осудило его систему какъ въ ея общемъ, такъ и въ ея примѣненіи къ устройству быта учащихся. Министръ народнаго просвѣщенія А. С. Шишковъ вполнѣ присоединился къ заключенію главнаго правленія и, ссылаясь на донесеніе Желтухина, выразилъ неодобреніе введенныхъ Магницкимъ распорядковъ слѣдующимъ предложеніемъ отъ 19-го іюля 1826 года, послѣдовавшимъ на имя ректора университета:

„Г. генералъ-маіоръ Желтухинъ, въ донесеніи своемъ объ осмотрѣ имъ, по высочайшему повелѣнію, казанскаго университета, между прочимъ изъяснилъ, что въ университетѣ допущенъ, по предписанію бывшаго г. попечителя казанскаго учебнаго округа, странный внутренній распорядокъ, имѣющій сходство съ самымъ монастырскимъ установленіемъ,—несообразнымъ, по многимъ отношеніямъ, съ цѣлію воспитанія благороднаго юношества; введены несоразмѣрныя наказанія за проступки, требующіе болѣе отеческаго исправленія, нежели гласной строгости, по данному попечителемъ Наставленію о внутреннемъ и наружномъ благоустройствѣ для студентовъ; что въ 1822 году попечитель далъ знать университету, что золотая медаль предназначается тому изъ студентовъ, который пріобрѣтетъ отличнѣйшія познанія въ богословіи.

Главное правленіе училищъ, разсматривавшее, также по высочайшему повелѣнію, сказанное донесеніе г. генералъ-маіора Желтухина, находитъ:

1. Что въ университетѣ всѣ науки должны преподаваться въ равной степени, не дѣлая ни для которой преимущественнаго исключенія, дабы симъ средствомъ образовать гражданъ для разныхъ родовъ государственной службы, и посему бывшій г. попечитель неправильно поступилъ, предположа въ 1822 году давать золотую медаль студенту, пріобрѣтшему отличнѣйшія познанія въ богословіи, тогдакакъ сіе ни уставомъ университета, ни инструкціею для директора—не положено.

2. Распоряженіе, сдѣланное попечителемъ относительно къ наказанію студентовъ—ни съ чѣмъ не сообразно и тѣмъ еще болѣе допустить онаго нельзя, что оно введено безъ дозволенія высшаго начальства.

Вслѣдствіе того, предоставляю вамъ дать знать о семъ университету и предложить оному, что бы данное бывшимъ г. попечителемъ казанскаго учебнаго округа Наставленіе о внутреннемъ и наружномъ благоустройствѣ для студентовъ было онымъ разсмотрѣно и составлено новое, которое потомъ и представить мнѣ".

Еще раньше этого, предложеніемъ отъ 14-го іюня того же года, министромъ дано было знать университету, что введенное бывшимъ попечителемъ наименованіе провинившихся студентовъ грѣшниками, а равно и отдачу ихъ на руки духовнику—онъ „считаетъ неприличнымъ" [48].

Такова была судьба начинаній Магницкаго въ области организаціи быта студенчества,—начинаній, представляющихъ собою одну изъ самыхъ мрачныхъ и тяжелыхъ страницъ въ вѣковомъ прошломъ казанскаго университета.....

III. Педагогическій институтъ. Мѣры по подготовленію къ ученой дѣятельности.

Уставъ 5-го ноября 1804 года, съ спеціальной цѣлью подготовленія учителей для училищъ округа, создалъ при казанскомъ университетѣ особый педагогическій институтъ, основы организаціи и начальная судьба котораго знакомы намъ уже въ достаточной степени, какъ знакомо намъ и то предубѣжденное отношеніе, какое проявилъ къ этому учрежденію Магницкій при ревизіи имъ университета. Охарактеризовавъ это учрежденіе эпитетомъ—„вообразительнаго", Магницкій утверждаетъ въ своемъ донесеніи о результатахъ ревизіи, что при казанскомъ университетѣ „институтъ педагогическій существуетъ только именемъ и весьма страннымъ образомъ", такъ какъ „тѣ самые студенты, кои живутъ въ университетѣ,

1. Что въ университетѣ всѣ науки должны преподаваться въ равной степени, не дѣлая ни для которой преимущественнаго исключенія, дабы симъ средствомъ образовать гражданъ для разныхъ родовъ государственной службы, и посему бывшій г. попечитель неправильно поступилъ, предположа въ 1822 году давать золотую медаль студенту, пріобрѣтшему отличнѣйшія познанія въ богословіи, тогдакакъ сіе ни уставомъ университета, ни инструкціею для директора—не положено.

2. Распоряженіе, сдѣланное попечителемъ относительно къ наказанію студентовъ—ни съ чѣмъ не сообразно и тѣмъ еще болѣе допустить онаго нельзя, что оно введено безъ дозволенія высшаго начальства.

Вслѣдствіе того, предоставляю вамъ дать знать о семъ университету и предложить оному, что бы данное бывшимъ г. попечителемъ казанскаго учебнаго округа Наставленіе о внутреннемъ и наружномъ благоустройствѣ для студентовъ было онымъ разсмотрѣно и составлено новое, которое потомъ и представить мнѣ".

Еще раньше этого, предложеніемъ отъ 14-го іюня того же года, министромъ дано было знать университету, что введенное бывшимъ попечителемъ наименованіе провинившихся студентовъ грѣшниками, а равно и отдачу ихъ на руки духовнику—онъ „считаетъ неприличнымъ" [48].

Такова была судьба начинаній Магницкаго въ области организаціи быта студенчества,—начинаній, представляющихъ собою одну изъ самыхъ мрачныхъ и тяжелыхъ страницъ въ вѣковомъ прошломъ казанскаго университета.....

III. Педагогическій институтъ. Мѣры по подготовленію къ ученой дѣятельности.

Уставъ 5-го ноября 1804 года, съ спеціальной цѣлью подготовленія учителей для училищъ округа, создалъ при казанскомъ университетѣ особый педагогическій институтъ, основы организаціи и начальная судьба котораго знакомы намъ уже въ достаточной степени, какъ знакомо намъ и то предубѣжденное отношеніе, какое проявилъ къ этому учрежденію Магницкій при ревизіи имъ университета. Охарактеризовавъ это учрежденіе эпитетомъ—„вообразительнаго", Магницкій утверждаетъ въ своемъ донесеніи о результатахъ ревизіи, что при казанскомъ университетѣ „институтъ педагогическій существуетъ только именемъ и весьма страннымъ образомъ", такъ какъ „тѣ самые студенты, кои живутъ въ университетѣ,

окончивъ, яко бы, академическій курсъ наукъ подъ именемъ кандидатовъ" и образуютъ собою контингентъ института, не имѣющаго, къ тому же, „ни книгъ, ни пособій, ни преподаванія" *.

Уже этотъ рѣзкій отзывъ способенъ былъ бы предопредѣлить собою то положеніе, какое долженъ былъ занять этотъ „вообразительный" институтъ въ годы попечительства Магницкаго. Именно въ эту эпоху педагогическій институтъ сдѣлался, въ дѣйствительности, существующимъ только „именемъ" и всѣ признаки его чисто фиктивнаго бытія сводились развѣ только къ тому, что съ должностью инспектора студентовъ сопрягалось и не менѣе фиктивное въ ту пору званіе „директора педагогическаго института". Въ эти годы педагогическій институтъ даже и не упоминался въ ряду другихъ университетскихъ установленій, а годичные университетскіе отчеты систематически замалчиваютъ самое существованіе, хотя бы и чисто только номинальное, этого учрежденія, имѣвшаго, тѣмъ не менѣе, твердую почву въ высочайше дарованномъ университету уставѣ.

Въ силу только что сказаннаго, намъ за время попечительства Магницкаго и не придется заводить рѣчи о педагогическомъ институтѣ казанскаго университета, какъ таковомъ, что не избавляетъ насъ, однако же, отъ обязанности коснуться вопроса о тѣхъ мѣропріятіяхъ, какія принимались университетомъ въ видахъ подготовки оканчивающихъ академическій курсъ воспитанниковъ своихъ къ дальнѣйшей ученой дѣятельности, такъ какъ совокупность предназначенныхъ къ тому молодыхъ людей, съ извѣстной точки зрѣнія, и образовывала собою педагогическій институтъ университета,—хотя бы Магницкій и его клевреты и изгоняли это названіе изъ университетской номенклатуры своей эпохи.

Какъ ни мало благопріятными представлялись года управленія Магницкаго съ точки зрѣнія развитія ученой жизни казанскаго университета, тѣмъ не менѣе и эта эпоха даетъ намъ нѣсколько примѣровъ оставленія молодыхъ людей при университетѣ, съ цѣлью подготовленія ихъ къ дальнѣйшей ученой карьерѣ. Правда, въ отдѣльныхъ случаяхъ желаніе быть оставленнымъ при университетѣ скрывало за собой побужденія, не имѣвшія ничего общаго съ дѣйствительною любовью къ наукѣ и стремленіемъ посвятить себя служенію ей,—такъ, напримѣръ, въ 1820 г. въ совѣтѣ констатировались домогательства быть оставленными при университетѣ въ видахъ избѣжанія военной службы [49],—но интересующая насъ эпоха

* См. томъ II, стр. 609—626.

окончивъ, яко бы, академическій курсъ наукъ подъ именемъ кандидатовъ" и образуютъ собою контингентъ института, не имѣющаго, къ тому же, „ни книгъ, ни пособій, ни преподаванія" *.

Уже этотъ рѣзкій отзывъ способенъ былъ бы предопредѣлить собою то положеніе, какое долженъ былъ занять этотъ „вообразительный" институтъ въ годы попечительства Магницкаго. Именно въ эту эпоху педагогическій институтъ сдѣлался, въ дѣйствительности, существующимъ только „именемъ" и всѣ признаки его чисто фиктивнаго бытія сводились развѣ только къ тому, что съ должностью инспектора студентовъ сопрягалось и не менѣе фиктивное въ ту пору званіе „директора педагогическаго института". Въ эти годы педагогическій институтъ даже и не упоминался въ ряду другихъ университетскихъ установленій, а годичные университетскіе отчеты систематически замалчиваютъ самое существованіе, хотя бы и чисто только номинальное, этого учрежденія, имѣвшаго, тѣмъ не менѣе, твердую почву въ высочайше дарованномъ университету уставѣ.

Въ силу только что сказаннаго, намъ за время попечительства Магницкаго и не придется заводить рѣчи о педагогическомъ институтѣ казанскаго университета, какъ таковомъ, что не избавляетъ насъ, однако же, отъ обязанности коснуться вопроса о тѣхъ мѣропріятіяхъ, какія принимались университетомъ въ видахъ подготовки оканчивающихъ академическій курсъ воспитанниковъ своихъ къ дальнѣйшей ученой дѣятельности, такъ какъ совокупность предназначенныхъ къ тому молодыхъ людей, съ извѣстной точки зрѣнія, и образовывала собою педагогическій институтъ университета,—хотя бы Магницкій и его клевреты и изгоняли это названіе изъ университетской номенклатуры своей эпохи.

Какъ ни мало благопріятными представлялись года управленія Магницкаго съ точки зрѣнія развитія ученой жизни казанскаго университета, тѣмъ не менѣе и эта эпоха даетъ намъ нѣсколько примѣровъ оставленія молодыхъ людей при университетѣ, съ цѣлью подготовленія ихъ къ дальнѣйшей ученой карьерѣ. Правда, въ отдѣльныхъ случаяхъ желаніе быть оставленнымъ при университетѣ скрывало за собой побужденія, не имѣвшія ничего общаго съ дѣйствительною любовью къ наукѣ и стремленіемъ посвятить себя служенію ей,—такъ, напримѣръ, въ 1820 г. въ совѣтѣ констатировались домогательства быть оставленными при университетѣ въ видахъ избѣжанія военной службы [49],—но интересующая насъ эпоха

* См. томъ II, стр. 609—626.

даетъ намъ и факты вполнѣ искренняго и сознательнаго стремленія къ научному усовершенствованію со стороны юныхъ питомцевъ казанскаго университета.

Два примѣра заботливости университета о научномъ усовершенствованіи своихъ питомцевъ выпали уже на вторую половину 1820 года. Осенью этого года состоялась командировка на казенный счетъ въ С.-Петербургъ, для усовершенствованія въ медицинѣ при мѣстной медико-хирургической академіи, студента А. С. Лебедевича-Драевскаго*, дальнѣйшая судьба котораго остается намъ неизвѣстною. Вторымъ университетскимъ избранникомъ былъ лекарь Г. Д. Саханскій**, осенью 1820 г., согласно представленію университета, командированный на казенный счетъ въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію, „для усовершенствованія и приготовленія къ званію адъюнкта"; снабженный при отправленіи въ Петербургъ инструкціею, составленною проф. Фуксомъ, Саханскій въ 1821 и 1822 годахъ доставилъ совѣту университета нѣсколько отчетовъ о своихъ занятіяхъ въ академіи, но докончить свое подготовленіе къ кафедрѣ молодому лекарю не довелось: онъ скончался 15-го іюня 1822 года [50].

Къ 1820—1821 годамъ относится неудавшаяся попытка получить такую же командировку въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію, для усовершенствованія, со стороны Н. Г. Кручинина***, еще въ февралѣ 1820 г. ходатайствовавшаго о командировкѣ его туда на казенный счетъ. Въ виду безрезультатности этого перваго ходатайства, Кручининъ возобновилъ его, имѣя уже въ то время званіе лекаря второго отдѣленія, въ іюнѣ 1821 г., сославшись на свое „рвеніе къ бóльшему усовершенствованію во врачебной наукѣ, особенно же въ патологіи, терапіи и клиникѣ", для каковаго въ Казани не имѣется „нужныхъ пособій"; командировка испрашивалась „на томъ же основаніи и съ тѣми же преимуществами, какими г. лекарь Саханскій удостоенъ". На этотъ разъ препятствія встрѣтились со стороны военно-медицинскаго департамента и Кручинину пришлось принять должность врача пермскаго военнаго госпиталя, что не помѣшало ему предпринять въ 1823 г. опять таки неудавшуюся попытку получить въ казанскомъ университетѣ званіе адъюнкта патологіи и терапіи [51].

---

* Лебедевичъ-Драевскій, Андрей Самойловичъ—студентъ 1818-1820 годовъ.

** Саханскій, Григорій Дмитріевичъ—студентъ 1814-1820 г.г., лекарь съ 31 мая 1820 года.

*** Кручининъ, Николай Гавриловичъ—студентъ 1814-1820 г.г., лекарь съ 31 мая 1820 года.

даетъ намъ и факты вполнѣ искренняго и сознательнаго стремленія къ научному усовершенствованію со стороны юныхъ питомцевъ казанскаго университета.

Два примѣра заботливости университета о научномъ усовершенствованіи своихъ питомцевъ выпали уже на вторую половину 1820 года. Осенью этого года состоялась командировка на казенный счетъ въ С.-Петербургъ, для усовершенствованія въ медицинѣ при мѣстной медико-хирургической академіи, студента А. С. Лебедевича-Драевскаго*, дальнѣйшая судьба котораго остается намъ неизвѣстною. Вторымъ университетскимъ избранникомъ былъ лекарь Г. Д. Саханскій**, осенью 1820 г., согласно представленію университета, командированный на казенный счетъ въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію, „для усовершенствованія и приготовленія къ званію адъюнкта"; снабженный при отправленіи въ Петербургъ инструкціею, составленною проф. Фуксомъ, Саханскій въ 1821 и 1822 годахъ доставилъ совѣту университета нѣсколько отчетовъ о своихъ занятіяхъ въ академіи, но докончить свое подготовленіе къ кафедрѣ молодому лекарю не довелось: онъ скончался 15-го іюня 1822 года [50].

Къ 1820—1821 годамъ относится неудавшаяся попытка получить такую же командировку въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію, для усовершенствованія, со стороны Н. Г. Кручинина***, еще въ февралѣ 1820 г. ходатайствовавшаго о командировкѣ его туда на казенный счетъ. Въ виду безрезультатности этого перваго ходатайства, Кручининъ возобновилъ его, имѣя уже въ то время званіе лекаря второго отдѣленія, въ іюнѣ 1821 г., сославшись на свое „рвеніе къ бо́льшему усовершенствованію во врачебной наукѣ, особенно же въ патологіи, терапіи и клиникѣ", для каковаго въ Казани не имѣется „нужныхъ пособій"; командировка испрашивалась „на томъ же основаніи и съ тѣми же преимуществами, какими г. лекарь Саханскій удостоенъ". На этотъ разъ препятствія встрѣтились со стороны военно-медицинскаго департамента и Кручинину пришлось принять должность врача пермскаго военнаго госпиталя, что не помѣшало ему предпринять въ 1823 г. опять таки неудавшуюся попытку получить въ казанскомъ университетѣ званіе адъюнкта патологіи и терапіи [51].

* Лебедевичъ-Драевскій, Андрей Самойловичъ—студентъ 1818-1820 годовъ.

** Саханскій, Григорій Дмитріевичъ—студентъ 1814-1820 г.г., лекарь съ 31 мая 1820 года.

*** Кручининъ, Николай Гавриловичъ—студентъ 1814-1820 г.г., лекарь съ 31 мая 1820 года.

Слѣдующимъ кандидатомъ для приготовленія къ каѳедрѣ,—опять таки по медицинѣ,—выступилъ лекарь Я. С. Сыромятниковъ *. Еще въ началѣ 1823 года проф. Фуксъ входилъ въ совѣтъ университета съ представленіемъ относительно допущенія Сыромятникова, въ то время еще студента, къ исправленію обязанностей ординатора завѣдуемой имъ терапевтической клиники, ссылаясь на его способности и нравственныя качества. Ходатайство это,—любопытное, между прочимъ, тѣмъ, что въ немъ дается подробное изложеніе ординаторскихъ обязанностей того времени,—встрѣтило со стороны попечителя затрудненіе въ томъ, что Сыромятниковъ въ предшествовавшемъ году былъ присужденъ за грубость, оказанную имъ помощнику инспектора, къ „оставленію при выпускѣ безъ производства, ежели онъ не докажетъ въ теченіи года перемѣны въ характерѣ"; попечителю было донесено, что Сыромятниковъ „раскаялся въ своемъ проступкѣ и нынѣ ведетъ себя хорошо", вслѣдствіе чего представленіе Фукса и было удовлетворено. Между тѣмъ лѣтомъ 1824 года Сыромятниковъ удостоился званія лекаря перваго отдѣленія, съ правомъ на золотую медаль, и совѣтомъ университета было тогда же предпринято ходатайство о командировкѣ его на два года въ с.-петербургскую медико-хирургическую академію, для усовершенствованія по предмету хирургіи и съ назначеніемъ ему казеннаго содержанія въ размѣрѣ одной тысячи рублей въ годъ. 15-го ноября послѣдовало со стороны министра согласіе на это ходатайство, съ тѣмъ, что бы, по возвращеніи изъ академіи, Сыромятниковъ „могъ занять должность адъюнкта хирургіи въ казанскомъ университетѣ". Инструкцію для предстоявшихъ Сыромятникову занятій (эта инструкція,—довольно таки общаго характера,—имѣется въ соотвѣтствующемъ архивномъ дѣлѣ) поручено было составить проф. Фогелю, а совѣтъ университета, съ своей стороны, обратился къ конференціи академіи съ просьбою принять казанскаго лекаря подъ „особенное покровительство" и „оказать ему возможныя пособія къ пріобрѣтенію бо́льшей опытности и свѣдѣній въ хирургіи". Отправляя Сыромятникова въ Петербургъ, университетъ присоединилъ къ врученной ему инструкціи еще особое наставленіе, въ которомъ указывалось на избраніе его „предпочтительно передъ всѣми товарищами, въ надеждѣ на поведеніе и успѣхи и на ту пользу, которую университетъ предполагаетъ впослѣдствіи пріобрѣсть отъ его свѣдѣній и усердія", при чемъ ставитъ молодому лекарю на видъ откры-

* Сыромятниковъ, Яковъ Степановичъ—студентъ 1818-1824 г.г., лекарь съ 28 іюня 1824 года.

Слѣдующимъ кандидатомъ для приготовленія къ кафедрѣ,—опять таки по медицинѣ,—выступилъ лекарь Я. С. Сыромятниковъ *. Еще въ началѣ 1823 года проф. Фуксъ входилъ въ совѣтъ университета съ представленіемъ относительно допущенія Сыромятникова, въ то время еще студента, къ исправленію обязанностей ординатора завѣдуемой имъ терапевтической клиники, ссылаясь на его способности и нравственныя качества. Ходатайство это,—любопытное, между прочимъ, тѣмъ, что въ немъ дается подробное изложеніе ординаторскихъ обязанностей того времени,—встрѣтило со стороны попечителя затрудненіе въ томъ, что Сыромятниковъ въ предшествовавшемъ году былъ присужденъ за грубость, оказанную имъ помощнику инспектора, къ „оставленію при выпускѣ безъ производства, ежели онъ не докажетъ въ теченіи года перемѣны въ характерѣ"; попечителю было донесено, что Сыромятниковъ „раскаялся въ своемъ проступкѣ и нынѣ ведетъ себя хорошо", вслѣдствіе чего представленіе Фукса и было удовлетворено. Между тѣмъ лѣтомъ 1824 года Сыромятниковъ удостоился званія лекаря перваго отдѣленія, съ правомъ на золотую медаль, и совѣтомъ университета было тогда же предпринято ходатайство о командировкѣ его на два года въ с.-петербургскую медико-хирургическую академію, для усовершенствованія по предмету хирургіи и съ назначеніемъ ему казеннаго содержанія въ размѣрѣ одной тысячи рублей въ годъ. 15-го ноября послѣдовало со стороны министра согласіе на это ходатайство, съ тѣмъ, что бы, по возвращеніи изъ академіи, Сыромятниковъ „могъ занять должность адъюнкта хирургіи въ казанскомъ университетѣ". Инструкцію для предстоявшихъ Сыромятникову занятій (эта инструкція,—довольно таки общаго характера,—имѣется въ соотвѣтствующемъ архивномъ дѣлѣ) поручено было составить проф. Фогелю, а совѣтъ университета, съ своей стороны, обратился къ конференціи академіи съ просьбою принять казанскаго лекаря подъ „особенное покровительство" и „оказать ему возможныя пособія къ пріобрѣтенію бóльшей опытности и свѣдѣній въ хирургіи". Отправляя Сыромятникова въ Петербургъ, университетъ присоединилъ къ врученной ему инструкціи еще особое наставленіе, въ которомъ указывалось на избраніе его „предпочтительно передъ всѣми товарищами, въ надеждѣ на поведеніе и успѣхи и на ту пользу, которую университетъ предполагаетъ впослѣдствіе пріобрѣсть отъ его свѣдѣній и усердія", при чемъ ставитъ молодому лекарю на видъ откры-

---

* Сыромятниковъ, Яковъ Степановичъ—студентъ 1818-1824 г.г., лекарь съ 28 іюня 1824 года.

вающійся ему „прекрасный путь къ усовершенствованію себя въ познаніяхъ и искусствѣ врачебномъ и, не менѣе того, къ достиженію почестей и отличій"; помимо всего этого, Сыромятниковъ обязанъ былъ доставкою совѣту университета,—что имъ и выполнялось,—отчетовъ о своихъ занятіяхъ въ столицѣ.

Дальнѣйшая судьба Сыромятникова выходитъ за предѣлы интересующей насъ въ настоящее время эпохи, но, что бы не возвращаться впослѣдствіе снова къ загадочной, какъ увидимъ ниже, участи этого даровитаго питомца казанскаго университета, мы теперь же прослѣдимъ дальнѣйшія стадіи его приготовленія къ занятію кафедры хирургіи.

Въ ноябрѣ 1826 г. истекалъ срокъ двухгодичной прикомандировки Сыромятникова къ медико-хирургической академіи и, согласно поддержанному совѣтомъ университета ходатайству его о томъ, эта командировка продолжена ему до 1-го іюля 1827 г., съ дополнительнымъ ассигнованіемъ двухсотъ рублей на пріобрѣтеніе необходимыхъ книгъ. Съ истеченіемъ срока предоставленной ему отсрочки возникъ, при ближайшемъ участіи въ этомъ дѣлѣ преемника павшаго Магницкаго, и. д. попечителя казанскаго учебнаго округа М. Н. Мусина-Пушкина, новый вопросъ—в о п р о с ъ о б ъ о т п р а в л е н і и С ы р о м я т н и к о в а, д л я д а л ь н ѣ й ш а г о у с о в е р ш е н с т в о в а н і я, н а т р и г о д а в ъ ч у ж і е к р а я, именно въ Берлинъ и Парижъ, съ тѣмъ, что бы онъ провелъ полтора года въ Берлинѣ (съ содержаніемъ по 3 тыс. рублей въ годъ) и столько же времени въ Парижѣ (съ содержаніемъ по 4 тыс. рублей въ годъ). Министръ народнаго просвѣщенія входилъ по этому поводу съ особою запискою въ комитетъ министровъ, которымъ заграничная командировка Сыромятникова и была одобрена на только что указанныхъ основаніяхъ, причемъ выяснилась весьма интересная подробность. Оказалось, что до того русскимъ молодымъ ученымъ дозволялось слушать лекціи въ одномъ только берлинскомъ университетѣ, но на мнѣніи комитета министровъ относительно командировки Сыромятникова 13-го сентября 1827 г. была положена слѣдующая собственноручная резолюція императора Николая Павловича: „В ъ П а р и ж ъ ѣ х а т ь я д о з в о л я ю, р а в н о и в ъ А н г л і ю". Слѣдомъ затѣмъ, снабженный особою инструкціею, Сыромятниковъ выѣхалъ въ заграничное путешествіе, откуда и доставлялись имъ, черезъ попечителя округа, отчеты объ его занятіяхъ тамъ.

Пребываніе Сыромятникова въ чужихъ краяхъ затянулось на весьма продолжительное время (1827—1830 г.г.),—причемъ въ 1830 г. ему было дано попечителемъ порученіе заказать въ Парижѣ инструменты для про-

вающійся ему „прекрасный путь къ усовершенствованію себя въ познаніяхъ и искусствѣ врачебномъ и, не менѣе того, къ достиженію почестей и отличій"; помимо всего этого, Сыромятниковъ обязанъ былъ доставкою совѣту университета,—что имъ и выполнялось,—отчетовъ о своихъ занятіяхъ въ столицѣ.

Дальнѣйшая судьба Сыромятникова выходитъ за предѣлы интересующей насъ въ настоящее время эпохи, но, что бы не возвращаться впослѣдствіе снова къ загадочной, какъ увидимъ ниже, участи этого даровитаго питомца казанскаго университета, мы теперь же прослѣдимъ дальнѣйшія стадіи его приготовленія къ занятію кафедры хирургіи.

Въ ноябрѣ 1826 г. истекалъ срокъ двухгодичной прикомандировки Сыромятникова къ медико-хирургической академіи и, согласно поддержанному совѣтомъ университета ходатайству его о томъ, эта командировка продолжена ему до 1-го іюля 1827 г., съ дополнительнымъ ассигнованіемъ двухсотъ рублей на пріобрѣтеніе необходимыхъ книгъ. Съ истеченіемъ срока предоставленной ему отсрочки возникъ, при ближайшемъ участіи въ этомъ дѣлѣ преемника павшаго Магницкаго, и. д. попечителя казанскаго учебнаго округа М. Н. Мусина-Пушкина, новый вопросъ—вопросъ объ отправленіи Сыромятникова, для дальнѣйшаго усовершенствованія, на три года въ чужіе края, именно въ Берлинъ и Парижъ, съ тѣмъ, что бы онъ провелъ полтора года въ Берлинѣ (съ содержаніемъ по 3 тыс. рублей въ годъ) и столько же времени въ Парижѣ (съ содержаніемъ по 4 тыс. рублей въ годъ). Министръ народнаго просвѣщенія входилъ по этому поводу съ особою запискою въ комитетъ министровъ, которымъ заграничная командировка Сыромятникова и была одобрена на только что указанныхъ основаніяхъ, причемъ выяснилась весьма интересная подробность. Оказалось, что до того русскимъ молодымъ ученымъ дозволялось слушать лекціи въ одномъ только берлинскомъ университетѣ, но на мнѣніи комитета министровъ относительно командировки Сыромятникова 13-го сентября 1827 г. была положена слѣдующая собственноручная резолюція императора Николая Павловича: „Въ Парижъ ѣхать я дозволяю, равно и въ Англію". Слѣдомъ затѣмъ, снабженный особою инструкціею, Сыромятниковъ выѣхалъ въ заграничное путешествіе, откуда и доставлялись имъ, черезъ попечителя округа, отчеты объ его занятіяхъ тамъ.

Пребываніе Сыромятникова въ чужихъ краяхъ затянулось на весьма продолжительное время (1827—1830 г.г.),—причемъ въ 1830 г. ему было дано попечителемъ порученіе заказать въ Парижѣ инструменты для про-

изводства магнитныхъ наблюденій,—и окончилось въ высшей степени загадочнымъ образомъ: онъ въ 1830 году безъ вѣсти пропалъ въ Лондонѣ и тщетными остались всѣ, продолжавшіяся до конца 1834 г., попытки къ его розысканію; русскій посолъ въ Лондонѣ могъ въ концѣ 1834 г. увѣдомить наше министерство народнаго просвѣщенія лишь о томъ, что „хотя Сыромятниковъ и былъ въ Лондонѣ въ 1830 году, но не явился въ посольство и съ того времени никто объ немъ ничего не слыхалъ". Сдѣлался ли молодой лекарь жертвою какого либо несчастнаго случая, или просто не пожелалъ возвратиться на родину—остается покрытымъ глубокимъ мракомъ неизвѣстности [52]......

Болѣе удачными, съ точки зрѣнія полученныхъ впослѣдствіе университетомъ результатовъ отъ нихъ, представляются оставленія при университетѣ,—и на этотъ разъ опять таки по врачебному отдѣленію,—студентовъ И. С. Дмитріевскаго и Н. А. Скандовскаго.

Въ началѣ 1824 года адъюнктъ анатоміи Карейша возбудилъ ходатайство объ опредѣленіи студента медицины И. С. Дмитріевскаго* къ исправленію должности помощника прозектора (прозекторскія обязанности приняты были на себя самимъ Карейшею) анатоміи. Затрудненіе встрѣтилось въ данномъ случаѣ, однако, въ томъ, что въ концѣ предшествовавшаго года Дмитріевскій уличенъ былъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами, въ нетрезвости (см. выше стр. 100), за что, въ „ожиданіи дальнѣйшаго рѣшенія участи своей", былъ „отдѣленъ отъ сообщества съ сотоварищами, съ запрещеніемъ посѣщать лекціи". Подобное положеніе вещей—казалось бы безнадежнымъ при суровости дисциплинарнаго режима того времени, но Дмитріевскаго выручилъ директоръ университета проф. Никольскій, донесшій попечителю, что, „слышавъ отъ преподавателей факультета одобрительные отзывы о дарованіяхъ сего студента и желая сохранить для службы общественной сего молодого человѣка", онъ рѣшается съ своей стороны ходатайствовать о томъ, что бы Дмитріевскій былъ „употребленъ, согласно желанію г. адъюнкта Карейши, помощникомъ по званію прозектора". Ходатайство это было удовлетворено и съ 29-го марта Дмитріевскій приступилъ къ исполненію своихъ новыхъ обязанностей „съ отличною ревностію и исправностью, при благонравномъ поведеніи",—какъ аттестовалъ его Карейша, уже нѣсколькими мѣсяцами спустя доносившій, что онъ „одолженъ трудолюбіемъ г. Дмитріевскаго и предусматриваетъ

---

* Дмитріевскій, Иванъ Степановичъ—студентъ 1819-1824 г.г., лекарь перваго отдѣленія съ 28 іюня 1824 года.

изводства магнитныхъ наблюденій,—и окончилось въ высшей степени загадочнымъ образомъ: онъ въ 1830 году безъ вѣсти пропалъ въ Лондонѣ и тщетными остались всѣ, продолжавшіяся до конца 1834 г., попытки къ его розысканію; русскій посолъ въ Лондонѣ могъ въ концѣ 1834 г. увѣдомить наше министерство народнаго просвѣщенія лишь о томъ, что „хотя Сыромятниковъ и былъ въ Лондонѣ въ 1830 году, но не явился въ посольство и съ того времени никто объ немъ ничего не слыхалъ". Сдѣлался ли молодой лекарь жертвою какого либо несчастнаго случая, или просто не пожелалъ возвратиться на родину—остается покрытымъ глубокимъ мракомъ неизвѣстности [52]......

Болѣе удачными, съ точки зрѣнія полученныхъ впослѣдствіе университетомъ результатовъ отъ нихъ, представляются оставленія при университетѣ,—и на этотъ разъ опять таки по врачебному отдѣленію,—студентовъ И. С. Дмитріевскаго и Н. А. Скандовскаго.

Въ началѣ 1824 года адъюнктъ анатоміи Карейша возбудилъ ходатайство объ опредѣленіи студента медицины И. С. Дмитріевскаго* къ исправленію должности помощника прозектора (прозекторскія обязанности приняты были на себя самимъ Карейшею) анатоміи. Затрудненіе встрѣтилось въ данномъ случаѣ, однако, въ томъ, что въ концѣ предшествовавшаго года Дмитріевскій уличенъ былъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами, въ нетрезвости (см. выше стр. 100), за что, въ „ожиданіи дальнѣйшаго рѣшенія участи своей", былъ „отдѣленъ отъ сообщества съ сотоварищами, съ запрещеніемъ посѣщать лекціи". Подобное положеніе вещей—казалось бы безнадежнымъ при суровости дисциплинарнаго режима того времени, но Дмитріевскаго выручилъ директоръ университета проф. Никольскій, донесшій попечителю, что, „слышавъ отъ преподавателей факультета одобрительные отзывы о дарованіяхъ сего студента и желая сохранить для службы общественной сего молодого человѣка", онъ рѣшается съ своей стороны ходатайствовать о томъ, что бы Дмитріевскій былъ „употребленъ, согласно желанію г. адъюнкта Карейши, помощникомъ по званію прозектора". Ходатайство это было удовлетворено и съ 29-го марта Дмитріевскій приступилъ къ исполненію своихъ новыхъ обязанностей „съ отличною ревностію и исправностью, при благонравномъ поведеніи",—какъ аттестовалъ его Карейша, уже нѣсколькими мѣсяцами спустя доносившій, что онъ „одолженъ трудолюбіемъ г. Дмитріевскаго и предусматриваетъ

* Дмитріевскій, Иванъ Степановичъ—студентъ 1819-1824 г.г., лекарь перваго отдѣленія съ 28 іюня 1824 года.

въ немъ полезнаго для университета чиновника". Утвержденный 5-го августа того же года, уже получивъ званіе лекаря, въ должности помощника прозектора, И. С. Дмитріевскій былъ впослѣдствіе ординаторомъ (1828—1863 г.г.) клиники и адъюнктомъ (1837—1865 г.г.) по каѳедрѣ терапевтической клиники [53].

Н. А. Скандовскій *, допущенный еще въ началѣ предшествовавшаго учебнаго года, въ званіи студента, къ исправленію обязанностей ординатора клинической больницы, 18-го іюля 1825 года представленъ былъ профессоромъ Фуксомъ къ откомандированію его на казенный счетъ, по примѣру Сыромятникова, на два года въ с.-петербургскую медико-хирургическую академію, для усовершенствованія въ патологіи, терапіи и клиникѣ. Отозвавшись съ лучшей стороны о „примѣрномъ поведеніи, прекрасныхъ дарованіяхъ и ревности къ наукамъ" своего кандидата, Фуксъ выражалъ увѣренность, что онъ „въ послѣдствіи времени съ пользою можетъ быть употребленъ въ званіи помощника профессора патологіи, терапіи и клиники". Поддержанное совѣтомъ, представленіе Фукса успѣха не имѣло: попечитель отвѣтилъ (отъ 31-го августа того же года), что вопросъ о командировкѣ студента Скандовскаго онъ отлагаетъ „до отправленія нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ университета казанскаго, подъ руководствомъ благонадежнаго профессора, въ чужіе края". Прикомандированный въ 1828 г., для усовершенствованія въ медицинѣ, къ дерптскому профессорскому институту, Скандовскій въ 1833—1834 г.г. пользовался ученою заграничною командировкою, а въ 1837—1863 г.г. былъ въ казанскомъ университетѣ ординарнымъ профессоромъ терапевтической клиники, душевныхъ болѣзней и патологической семіотики [54].

Отвѣтъ, совершенно подобный отвѣту на представленіе относительно Скандовскаго, 8-го октября 1825 года данъ былъ попечителемъ и на ходатайство о командированіи въ чужіе края, для усовершенствованія въ медицинскихъ наукахъ, лекаря Д. И. Протопопова **, предъявленное отцомъ молодого врача, учителемъ казанской гимназіи И. И. Протопоповымъ; и на этотъ разъ попечитель предложилъ совѣту ходатайство это „принять въ соображеніе при исполненіи предположенія моего объ отправленіи нѣкоторыхъ студентовъ, изъ окончившихъ курсъ медицинскихъ наукъ, въ чужіе края". Только въ 1829—1833 г.г. состоялась прикомандировка къ

* Скандовскій, Никаноръ Алексѣевичъ—студентъ 1821-1825 г.г., лекарь перваго отдѣленія съ 14 сентября 1825 года.

** Протопоповъ, Дмитрій Ивановичъ—студентъ 1821-1825 г.г., лекарь перваго отдѣленія съ 14 сентября 1825 года.

въ немъ полезнаго для университета чиновника". Утвержденный 5-го августа того же года, уже получивъ званіе лекаря, въ должности помощника прозектора, И. С. Дмитріевскій былъ впослѣдствіе ординаторомъ (1828—1863 г.г.) клиники и адъюнктомъ (1837—1865 г.г.) по кафедрѣ терапевтической клиники [53].

Н. А. Скандовскій *, допущенный еще въ началѣ предшествовавшаго учебнаго года, въ званіи студента, къ исправленію обязанностей ординатора клинической больницы, 18-го іюля 1825 года представленъ былъ профессоромъ Фуксомъ къ откомандированію его на казенный счетъ, по примѣру Сыромятникова, на два года въ с.-петербургскую медико-хирургическую академію, для усовершенствованія въ патологіи, терапіи и клиникѣ. Отозвавшись съ лучшей стороны о „примѣрномъ поведеніи, прекрасныхъ дарованіяхъ и ревности къ наукамъ" своего кандидата, Фуксъ выражалъ увѣренность, что онъ „въ послѣдствіи времени съ пользою можетъ быть употребленъ въ званіи помощника профессора патологіи, терапіи и клиники". Поддержанное совѣтомъ, представленіе Фукса успѣха не имѣло: попечитель отвѣтилъ (отъ 31-го августа того же года), что вопросъ о командировкѣ студента Скандовскаго онъ отлагаетъ „до отправленія нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ университета казанскаго, подъ руководствомъ благонадежнаго профессора, въ чужіе края". Прикомандированный въ 1828 г., для усовершенствованія въ медицинѣ, къ дерптскому профессорскому институту, Скандовскій въ 1833—1834 г.г. пользовался ученою заграничною командировкою, а въ 1837—1863 г.г. былъ въ казанскомъ университетѣ ординарнымъ профессоромъ терапевтической клиники, душевныхъ болѣзней и патологической семіотики [54].

Отвѣтъ, совершенно подобный отвѣту на представленіе относительно Скандовскаго, 8-го октября 1825 года данъ былъ попечителемъ и на ходатайство о командированіи въ чужіе края, для усовершенствованія въ медицинскихъ наукахъ, лекаря Д. И. Протопопова **, предъявленное отцомъ молодого врача, учителемъ казанской гимназіи И. И. Протопоповымъ; и на этотъ разъ попечитель предложилъ совѣту ходатайство это „принять въ соображеніе при исполненіи предположенія моего объ отправленіи нѣкоторыхъ студентовъ, изъ окончившихъ курсъ медицинскихъ наукъ, въ чужіе края". Только въ 1829—1833 г.г. состоялась прикомандировка къ

* Скандовскій, Никаноръ Алексѣевичъ—студентъ 1821-1825 г.г., лекарь перваго отдѣленія съ 14 сентября 1825 года.

** Протопоповъ, Дмитрій Ивановичъ—студентъ 1821-1825 г.г., лекарь перваго отдѣленія съ 14 сентября 1825 года.

с.-петербургской медико-хирургической академіи, съ ученою цѣлью, Д. И. Протопопова, впослѣдствіе (1837—1857 г.г.) бывшаго въ казанскомъ университетѣ профессоромъ общей терапіи, фармакологіи и фармаціи [55].

Послѣдніе два, въ ряду разсмотрѣнныхъ нами представленій о научныхъ командировкахъ, отвѣта попечителя — даютъ намъ возможность видѣть, что Магницкій замышлялъ организацію грандіозныхъ посылокъ въ чужіе края, подъ руководствомъ надежныхъ профессоровъ, молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ ввѣренномъ ему университетѣ, и что именно надежда на осуществленіе этого проекта явилась причиною уклончивыхъ отзывовъ его на ходатайства относительно Скандовскаго и Протопопова. Проектъ организаціи такихъ коллективныхъ заграничныхъ путешествій созрѣлъ въ умѣ казанскаго попечителя еще въ первые годы его управленія округомъ и вошелъ составною частью въ рядъ 18-ти предположеній болѣе или менѣе фантастическаго характера, 31-го января 1822 года сообщенныхъ Магницкимъ совѣту казанскаго университета, подъ общимъ наименованіемъ—„Бесѣды".

Мы будемъ имѣть случай подробно познакомиться, въ слѣдующей главѣ настоящаго тома нашего труда, съ высшей степени любопытнымъ содержаніемъ этой заглазной „Бесѣды" попечителя съ совѣтомъ казанскаго университета, представляющей собою одинъ изъ самыхъ характерныхъ актовъ семилѣтняго управленія его округомъ. Тогда же ближе разсмотримъ мы и интересующій насъ проектъ Магницкаго, которому не было суждено осуществиться подобно тому, какъ не было суждено осуществиться и цѣлому ряду другихъ фантастическихъ предначертаній нашего „нравственнаго феномена", какъ окрестилъ казанскаго попечителя одинъ изъ его ближайшихъ современниковъ.

В

Учебно-вспомогательныя учрежденія университета

Нѣкоторыя данныя общаго характера относительно состоянія учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета въ эпоху попечительства Магницкаго.

Обзоръ отдѣльныхъ учрежденій этого рода: I. Библіотека, II. Физическій кабинетъ, III. Астрономическая обсерваторія, IV. Химическая лабораторія, V. Кабинетъ естественной исторіи или натуральный, VI. Минералогическій кабинетъ, VII. Кабинетъ рѣдкостей, VIII. Минцъ-кабинетъ, IX. Ботаническій садъ, X. Анатомическій театръ, XI. Клиническій институтъ.

Намъ уже извѣстно то отрицательное отношеніе къ учебно-вспомогательнымъ учрежденіямъ казанскаго университета, которое было про-

с.-петербургской медико-хирургической академіи, съ ученою цѣлью, Д. И. Протопопова, впослѣдствіе (1837—1857 г.г.) бывшаго въ казанскомъ университетѣ профессоромъ общей терапіи, фармакологіи и фармаціи [55].

Послѣдніе два, въ ряду разсмотрѣнныхъ нами представленій о научныхъ командировкахъ, отвѣта попечителя — даютъ намъ возможность видѣть, что Магницкій замышлялъ организацію грандіозныхъ посылокъ въ чужіе края, подъ руководствомъ надежныхъ профессоровъ, молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ ввѣренномъ ему университетѣ, и что именно надежда на осуществленіе этого проекта явилась причиною уклончивыхъ отзывовъ его на ходатайства относительно Скандовскаго и Протопопова. Проектъ организаціи такихъ коллективныхъ заграничныхъ путешествій созрѣлъ въ умѣ казанскаго попечителя еще въ первые годы его управленія округомъ и вошелъ составною частью въ рядъ 18-ти предположеній болѣе или менѣе фантастическаго характера, 31-го января 1822 года сообщенныхъ Магницкимъ совѣту казанскаго университета, подъ общимъ наименованіемъ—„Бесѣды".

Мы будемъ имѣть случай подробно познакомиться, въ слѣдующей главѣ настоящаго тома нашего труда, съ высшей степени любопытнымъ содержаніемъ этой заглазной „Бесѣды" попечителя съ совѣтомъ казанскаго университета, представляющей собою одинъ изъ самыхъ характерныхъ актовъ семилѣтняго управленія его округомъ. Тогда же ближе разсмотримъ мы и интересующій насъ проектъ Магницкаго, которому не было суждено осуществиться подобно тому, какъ не было суждено осуществиться и цѣлому ряду другихъ фантастическихъ предначертаній нашего „нравственнаго феномена", какъ окрестилъ казанскаго попечителя одинъ изъ его ближайшихъ современниковъ.

B

Учебно-вспомогательныя учрежденія университета

Нѣкоторыя данныя общаго характера относительно состоянія учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета въ эпоху попечительства Магницкаго.

Обзоръ отдѣльныхъ учрежденій этого рода: I. Библіотека, II. Физическій кабинетъ, III. Астрономическая обсерваторія, IV. Химическая лабораторія, V. Кабинетъ естественной исторіи или натуральный, VI. Минералогическій кабинетъ, VII. Кабинетъ рѣдкостей, VIII. Минцъ-кабинетъ, IX. Ботаническій садъ, X. Анатомическій театръ, XI. Клиническій институтъ.

Намъ уже извѣстно то отрицательное отношеніе къ учебно-вспомогательнымъ учрежденіямъ казанскаго университета, которое было про-

явлено Магницкимъ при ревизіи 1819 года. Суровый ревизоръ далъ весьма рѣзкіе отзывы о большей части этихъ учрежденій, не преминувъ уснастить эти отзывы злымъ юморомъ, бывшимъ въ значительной степени присущимъ казанскому попечителю. Библіотека университета признана была имъ „весьма недостаточнымъ и случайнымъ собраніемъ книгъ", кабинетъ естественной исторіи—„не представляющимъ нужной въ собраніяхъ цѣлости" и являющимся лишь „нѣкоторымъ началомъ заведенія сего рода", ботаническій садъ—„не стоющимъ издержекъ, на него употребляемыхъ", физическій кабинетъ — „случайнымъ и неполнымъ собраніемъ орудій", астрономическая обсерваторія—числящею въ своемъ инвентарѣ „орудія не заслуживающія вниманія и купленныя дорогою цѣною и безполезно потому только, что бывшій попечитель Румовскій дѣлалъ нѣкогда помощію ихъ свои наблюденія въ Сибири", анатомическій театръ—заведеніемъ, „постыднѣе каковаго ничего не можетъ быть для публичнаго заведенія", хирургическій институтъ—учрежденіемъ „достойнымъ сего заведенія *....

Нельзя не сознаться, что въ отзывахъ ревизора о состояніи учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета было много справедливаго, что находитъ себѣ объясненіе не въ нежеланіи окончательно открытаго въ 1814 году университета озаботиться надлежащею ихъ постановкою, но въ новизнѣ этихъ учрежденій и, въ особенности, въ крайней скудости матеріальныхъ средствъ, которыми могъ располагать онъ для надлежащей монтировки и пополненія своихъ учрежденій, кабинетовъ и собраній. Нельзя не признать, съ другой стороны, и того несомнѣннаго факта, что, въ годы его попечительства, Магницкимъ было сдѣлано весьма многое для надлежащей постановки учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета—и этотъ фактъ можетъ быть признанъ свѣтлымъ пятномъ на общемъ и мрачномъ фонѣ семилѣтняго управленія грознаго попечителя. Печальное исключеніе представляла собою отсюда только библіотека университета, въ полной мѣрѣ испытавшая на себѣ тяжелый гнетъ охранительныхъ стремленій Магницкаго и для которой годы его попечительства явились эпохою застоя и,—пожалуй даже,—регресса.

Мѣры по упорядоченію учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета были предприняты уже въ первые мѣсяцы попечительства Магницкаго. Въ засѣданіи совѣта 21 іюля 1819 года проректоръ Солнцевъ предложилъ образовать изъ членовъ совѣта особый комитетъ „для обозрѣнія учебныхъ пособій и институтовъ, при университетѣ находящихся", каковой и былъ составленъ изъ профес-

* См. приложенія къ тому III, стр. 558—560.

явлено Магницкимъ при ревизіи 1819 года. Суровый ревизоръ далъ весьма рѣзкіе отзывы о большей части этихъ учрежденій, не преминувъ уснастить эти отзывы злымъ юморомъ, бывшимъ въ значительной степени присущимъ казанскому попечителю. Библіотека университета признана была имъ „весьма недостаточнымъ и случайнымъ собраніемъ книгъ", кабинетъ естественной исторіи—„не представляющимъ нужной въ собраніяхъ цѣлости" и являющимся лишь „нѣкоторымъ началомъ заведенія сего рода", ботаническій садъ—„не стоющимъ издержекъ, на него употребляемыхъ", физическій кабинетъ — „случайнымъ и неполнымъ собраніемъ орудій", астрономическая обсерваторія—числящею въ своемъ инвентарѣ „орудія не заслуживающія вниманія и купленныя дорогою цѣною и безполезно потому только, что бывшій попечитель Румовскій дѣлалъ нѣкогда помощію ихъ свои наблюденія въ Сибири", анатомическій театръ—заведеніемъ, „постыднѣе каковаго ничего не можетъ быть для публичнаго заведенія", хирургическій институтъ—учрежденіемъ „достойнымъ сего заведенія *....

Нельзя не сознаться, что въ отзывахъ ревизора о состояніи учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета было много справедливаго, что находитъ себѣ объясненіе не въ нежеланіи окончательно открытаго въ 1814 году университета озаботиться надлежащею ихъ постановкою, но въ новизнѣ этихъ учрежденій и, въ особенности, въ крайней скудости матеріальныхъ средствъ, которыми могъ располагать онъ для надлежащей монтировки и пополненія своихъ учрежденій, кабинетовъ и собраній. Нельзя не признать, съ другой стороны, и того несомнѣннаго факта, что, въ годы его попечительства, Магницкимъ было сдѣлано весьма многое для надлежащей постановки учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета—и этотъ фактъ можетъ быть признанъ свѣтлымъ пятномъ на общемъ и мрачномъ фонѣ семилѣтняго управленія грознаго попечителя. Печальное исключеніе представляла собою отсюда только библіотека университета, въ полной мѣрѣ испытавшая на себѣ тяжелый гнетъ охранительныхъ стремленій Магницкаго и для которой годы его попечительства явились эпохою застоя и,—пожалуй даже,—регресса.

Мѣры по упорядоченію учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета были предприняты уже въ первые мѣсяцы попечительства Магницкаго. Въ засѣданіи совѣта 21 іюля 1819 года проректоръ Солнцевъ предложилъ образовать изъ членовъ совѣта особый комитетъ „для обозрѣнія учебныхъ пособій и институтовъ, при университетѣ находящихся", каковой и былъ составленъ изъ профес-

* См. приложенія къ тому III, стр. 558—560.

соровъ Фукса, Никольскаго, и Городчанинова, подъ предсѣдательствомъ перваго изъ нихъ. Всѣмъ завѣдующимъ университетскими учрежденіями было предписано доставить комитету описи инвентарей ихъ, но никакихъ положительныхъ результатовъ дѣятельности этого комитета до насъ не сохранилось, да едва ли таковые и были, судя по находящейся на относящемся сюда дѣлѣ отмѣткѣ, что дѣло это сдается въ архивъ въ виду того, что „въ послѣдствіи времени всѣ институты и заведенія были осмотрѣны и описаны“. Дальнѣйшія мѣры къ приведенію въ извѣстность состоянія университетскихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій относятся къ концу осени того же 1819 года, когда, со вступленіемъ въ должность вновь назначеннаго директора университета Владимірскаго, этому послѣднему поручено было попечителемъ произвести полный осмотръ всѣхъ университетскихъ „статей“, а въ числѣ ихъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденій [56].

Вопросъ о приведеніи въ порядокъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій въ значительной степени осложнился съ предположеніями о капитальномъ переустройствѣ зданій университета, которыя возникли съ начала 1822 года и въ результатѣ которыхъ явилось приведеніе главнаго зданія университета въ тотъ видъ, который оно сохраняетъ до нашихъ дней. 4-го марта 1822 года ректоръ университета вошелъ въ собраніе совѣта съ предложеніемъ, въ которомъ ставилъ совѣту на видъ, что „честь университета и польза преподавателей и студентовъ требуютъ, что бъ кабинеты физическій, химическій, естественной исторіи, обсерваторія съ ея инструментами, анатомическіе препараты и хирургическіе инструменты, собраніе медалей и монетъ—были пополнены и расположены въ пристойномъ видѣ и что бы составлены были имъ порядочныя описи“, въ силу чего лицамъ, завѣдующимъ этими учрежденіями, предлагалось: а) расположить ихъ въ лучшемъ порядкѣ, сколько можно при настоящемъ „утѣснительномъ положеніи во время производства построекъ въ университетѣ“, б) приготовить „на лучшей бумагѣ самымъ чистымъ и четкимъ письмомъ“ описи ихъ и в) представить въ совѣтъ мнѣніе—„какія нужно сдѣлать дополненія въ сихъ пособіяхъ“. Нѣсколькими днями позже только что приведеннаго ректорскаго заявленія было получено и 11-го марта заслушано въ совѣтѣ слѣдующее отношеніе университетскаго правленія, которымъ намѣчались мѣры распредѣленія нѣкоторыхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, въ виду предстоящихъ передѣлокъ университетскихъ зданій:

соровъ Фукса, Никольскаго, и Городчанинова, подъ предсѣдательствомъ перваго изъ нихъ. Всѣмъ завѣдующимъ университетскими учрежденіями было предписано доставить комитету описи инвентарей ихъ, но никакихъ положительныхъ результатовъ дѣятельности этого комитета до насъ не сохранилось, да едва ли таковые и были, судя по находящейся на относящемся сюда дѣлѣ отмѣткѣ, что дѣло это сдается въ архивъ въ виду того, что „въ послѣдствіи времени всѣ институты и заведенія были осмотрѣны и описаны". Дальнѣйшія мѣры къ приведенію въ извѣстность состоянія университетскихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій относятся къ концу осени того же 1819 года, когда, со вступленіемъ въ должность вновь назначеннаго директора университета Владимірскаго, этому послѣднему поручено было попечителемъ произвести полный осмотръ всѣхъ университетскихъ „статей", а въ числѣ ихъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденій [56].

Вопросъ о приведеніи въ порядокъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій въ значительной степени осложнился съ предположеніями о капитальномъ переустройствѣ зданій университета, которыя возникли съ начала 1822 года и въ результатѣ которыхъ явилось приведеніе главнаго зданія университета въ тотъ видъ, который оно сохраняетъ до нашихъ дней. 4-го марта 1822 года ректоръ университета вошелъ въ собраніе совѣта съ предложеніемъ, въ которомъ ставилъ совѣту на видъ, что „честь университета и польза преподавателей и студентовъ требуютъ, что бъ кабинеты физическій, химическій, естественной исторіи, обсерваторія съ ея инструментами, анатомическіе препараты и хирургическіе инструменты, собраніе медалей и монетъ—были пополнены и расположены въ пристойномъ видѣ и что бы составлены были имъ порядочныя описи", въ силу чего лицамъ, завѣдующимъ этими учрежденіями, предлагалось: а) расположить ихъ въ лучшемъ порядкѣ, сколько можно при настоящемъ „утѣснительномъ положеніи во время производства построекъ въ университетѣ", б) приготовить „на лучшей бумагѣ самымъ чистымъ и четкимъ письмомъ" описи ихъ и в) представить въ совѣтъ мнѣніе—„какія нужно сдѣлать дополненія въ сихъ пособіяхъ". Нѣсколькими днями позже только что приведеннаго ректорскаго заявленія было получено и 11-го марта заслушано въ совѣтѣ слѣдующее отношеніе университетскаго правленія, которымъ намѣчались мѣры распредѣленія нѣкоторыхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, въ виду предстоящихъ передѣлокъ университетскихъ зданій:

„По случаю приближенія времени къ начатію построекъ въ домахъ университетскихъ, — читаемъ здѣсь,—необходимо нужно опростать западныя, къ углу стоящія, комнаты: а) комнаты, занимаемыя библіотекою, чрезъ выноску изъ нихъ шкафовъ съ книгами, б) физическій и натуральный кабинеты, перенеся заблаговременно и безъ торопливости, во избѣжаніе могущихъ произойти поврежденій для вещей *.

Почему члены правленія признали за удобнѣйшее: 1) Шкафы библіотечные изъ комнатъ, слѣдующихъ въ передѣлку, размѣстить всѣ въ остальныхъ оной комнатахъ, хотя бы и съ нѣкоторымъ стѣсненіемъ, по неимѣнію другихъ для того комнатъ; 2) Кабинеты физическій и натуральный помѣстить, по возможности, въ комнату нижняго этажа, находящуюся между нынѣшней столовой студенческой залы и залы университетскаго совѣта, въ которую можно внести нѣкоторую часть оныхъ кабинетовъ, буде въ той комнатѣ мѣста для нихъ окажется недостаточно. Переноску тяжелыхъ вещей произвести университетскими инвалидами, къ переноскѣ же книгъ, кабинета физическаго и натуральнаго пригласить студентовъ, для того, что бы вещи тѣ перешли на новыя мѣста въ порядкѣ и безъ поврежденій".

Всѣ эти предположенія правленія были совѣтомъ приняты съ тѣмъ измѣненіемъ, что, согласно ходатайству проф. Лобачевскаго, мотивированному удобствами преподаванія, физическій кабинетъ рѣшено было перенести въ большой залъ Тенишевскаго дома [57]. Вопросъ о распредѣленіи и объ устройствѣ помѣщеній для учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета, въ связи съ предпринятымъ общимъ переустройствомъ университетскихъ зданій, въ весьма значительной степени интересовалъ собою въ ту пору соотвѣтствующія административныя сферы; не имѣя возможности входить въ подробности этого вопроса, направляемъ интересующихся имъ къ подлинному архивному дѣлу **.

Не смотря на общія распоряженія относительно составленія описей инвентаря университетскихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, началомъ своихъ восходящія еще къ первымъ мѣсяцамъ попечительства Магницкаго, дѣло это подвигалось впередъ очень туго; это видно изъ того, что 28-го ноября 1823 года, въ виду ожидавшагося въ то время прибытія въ Казань попечителя, ректоръ университета усиленно предлагалъ въ совѣтѣ, что бы „начальники университетскихъ заведеній изготовили къ прибытію г. попечителя, которое имѣетъ послѣдовать вскорѣ (ожиданіе это, однако, не оправдалось), краткія описи находящемуся у нихъ въ

---

* Для поясненія этихъ предположеній см. планъ, приложенный къ тому I-му нашего труда (стр. 529—530).

** Дѣло архива попечительской канцеляріи: 1824, № 153.

„По случаю приближенія времени къ начатію построекъ въ домахъ университетскихъ, — читаемъ здѣсь,—необходимо нужно опростать западныя, къ углу стоящія, комнаты: а) комнаты, занимаемыя библіотекою, чрезъ выноску изъ нихъ шкафовъ съ книгами, б) физическій и натуральный кабинеты, перенеся заблаговременно и безъ торопливости, во избѣжаніе могущихъ произойти поврежденій для вещей *.

Почему члены правленія признали за удобнѣйшее: 1) Шкафы библіотечные изъ комнатъ, слѣдующихъ въ передѣлку, размѣстить всѣ въ остальныхъ оной комнатахъ, хотя бы и съ нѣкоторымъ стѣсненіемъ, по неимѣнію другихъ для того комнатъ; 2) Кабинеты физическій и натуральный помѣстить, по возможности, въ комнату нижняго этажа, находящуюся между нынѣшней столовой студенческой залы и залы университетскаго совѣта, въ которую можно внести нѣкоторую часть оныхъ кабинетовъ, буде въ той комнатѣ мѣста для нихъ окажется недостаточно. Переноску тяжелыхъ вещей произвести университетскими инвалидами, къ переноскѣ же книгъ, кабинета физическаго и натуральнаго пригласить студентовъ, для того, что бы вещи тѣ перешли на новыя мѣста въ порядкѣ и безъ поврежденій".

Всѣ эти предположенія правленія были совѣтомъ приняты съ тѣмъ измѣненіемъ, что, согласно ходатайству проф. Лобачевскаго, мотивированному удобствами преподаванія, физическій кабинетъ рѣшено было перенести въ большой залъ Тенишевскаго дома [57]. Вопросъ о распредѣленіи и объ устройствѣ помѣщеній для учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета, въ связи съ предпринятымъ общимъ переустройствомъ университетскихъ зданій, въ весьма значительной степени интересовалъ собою въ ту пору соотвѣтствующія административныя сферы; не имѣя возможности входить въ подробности этого вопроса, направляемъ интересующихся имъ къ подлинному архивному дѣлу **.

Не смотря на общія распоряженія относительно составленія описей инвентаря университетскихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, началомъ своихъ восходящія еще къ первымъ мѣсяцамъ попечительства Магницкаго, дѣло это подвигалось впередъ очень туго; это видно изъ того, что 28-го ноября 1823 года, въ виду ожидавшагося въ то время прибытія въ Казань попечителя, ректоръ университета усиленно предлагалъ въ совѣтѣ, что бы „начальники университетскихъ заведеній изготовили къ прибытію г. попечителя, которое имѣетъ послѣдовать вскорѣ (ожиданіе это, однако, не оправдалось), краткія описи находящемуся у нихъ въ

* Для поясненія этихъ предположеній см. планъ, приложенный къ тому I-му нашего труда (стр. 529—530).

** Дѣло архива попечительской канцеляріи: 1824, № 153.

вѣдѣніи имуществу", о чемъ тогда же дано было циркулярно знать завѣдующимъ университетскими учрежденіями [58].

Отмѣтимъ, въ заключеніе, два общаго характера начинанія, стоявшія въ связи съ устройствомъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета. Первое изъ нихъ принадлежало проф. Ф. И. Эрдману, который въ октябрѣ 1824 года, представляя совѣту свои соображенія относительно устройства минцъ-кабинета, затронулъ вопросъ о возможности учрежденія при университетѣ восточнаго музея, дальнѣйшаго движенія такъ и не получившій. Второе начинаніе принадлежало проф. Н. И. Лобачевскому, въ іюлѣ 1826 года настаивавшему на прекрасной мысли о томъ, что бы какъ библіотека университета, такъ и всѣ его кабинеты—были по опредѣленнымъ днямъ открыты для свободнаго пользованія и для обозрѣнія ихъ публикою. Настояніе это вызвано было самовольнымъ поступкомъ и. д. экзекутора университета, распорядившагося закрытіемъ въ одно изъ воскресеній университетской библіотеки и „выгнавшимъ вонъ изъ оной любопытныхъ". Жалуясь, въ качествѣ библіотекаря, совѣту на образъ дѣйствій экзекутора, Н. И. Лобачевскій проводитъ въ своемъ представленіи отъ 23-го іюля 1826 года мысль, что „надобно всѣмъ людямъ, безъ исключенія, если захотятъ, знать, какого рода заведенія находятся въ университетѣ", потому онъ и предлагаетъ совѣту, „по примѣру с.-петербургской академіи художествъ, открывать библіотеку и кабинеты одинъ или два раза въ годъ для всѣхъ приходящихъ *, прочихъ же посѣтителей впускать по билетамъ [59].

Познакомившись съ нѣкоторыми общими данными, касающимися учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета, вообще, перейдемъ

** Совѣтъ шелъ въ этомъ отношеніи даже дальше предложенія Н. И. Лобачевскаго и въ то время открывалъ свои учебно-вспомогательныя учрежденія по всѣмъ воскреснымъ днямъ. Такъ, напримѣръ, въ «Каталогѣ преподаваній на 1825—1826 акад. годъ» (Каз., 1826) мы читаемъ, подъ рубрикою «Публичныя заведенія», слѣдующее: «Публичная (sic) университетская библіотека открыта будетъ по воскресньямъ отъ 10 до 12 часовъ утра»; «минцъ-кабинетъ будетъ показывать по воскресеньямъ отъ 10 по 12 часовъ проф. Эрдманъ»; «физическій и химическій кабинеты, находящіеся въ вѣдѣніи проф. Купфера, будутъ открыты въ тоже время»; «обсерваторія и астрономическіе инструменты будутъ показываемы въ тоже время проф. Симоновымъ»; «кабинеты естественной исторіи и рѣдкостей, подъ вѣдѣніемъ проф. Эйхвальда, отворены будутъ въ тоже время»; «минералогическій кабинетъ покажетъ въ тоже время проф. Купферъ». Впослѣдствіе, уже на нашей памяти, университетскіе музеи и кабинеты оставались, въ силу издавно установившагося обычая, открытыми для свободнаго обозрѣнія ихъ всѣми желающими, безъ различія званій и состояній, въ теченіи всей пасхальной недѣли, привлекая въ свои гостепріимныя стѣны массы народа. Въ наши дни къ услугамъ большой праздничной публики остались въ нашемъ культурномъ центрѣ русскаго европейскаго востока едва ли не одни только пошлые балаганы, грязные трактиры, да мѣста продажи «монопольки»....

вѣдѣніи имуществу", о чемъ тогда же дано было циркулярно знать завѣдующимъ университетскими учрежденіями [58].

Отмѣтимъ, въ заключеніе, два общаго характера начинанія, стоявшія въ связи съ устройствомъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета. Первое изъ нихъ принадлежало проф. Ф. И. Эрдману, который въ октябрѣ 1824 года, представляя совѣту свои соображенія относительно устройства минцъ-кабинета, затронулъ вопросъ о возможности учрежденія при университетѣ восточнаго музея, дальнѣйшаго движенія такъ и не получившій. Второе начинаніе принадлежало проф. Н. И. Лобачевскому, въ іюлѣ 1826 года настаивавшему на прекрасной мысли о томъ, что бы какъ библіотека университета, такъ и всѣ его кабинеты—были по опредѣленнымъ днямъ открыты для свободнаго пользованія и для обозрѣнія ихъ публикою. Настояніе это вызвано было самовольнымъ поступкомъ и. д. экзекутора университета, распорядившагося закрытіемъ въ одно изъ воскресеній университетской библіотеки и „выгнавшимъ вонъ изъ оной любопытныхъ". Жалуясь, въ качествѣ библіотекаря, совѣту на образъ дѣйствій экзекутора, Н. И. Лобачевскій проводитъ въ своемъ представленіи отъ 23-го іюля 1826 года мысль, что „надобно всѣмъ людямъ, безъ исключенія, если захотятъ, знать, какого рода заведенія находятся въ университетѣ", потому онъ и предлагаетъ совѣту, „по примѣру с.-петербургской академіи художествъ, открывать библіотеку и кабинеты одинъ или два раза въ годъ для всѣхъ приходящихъ *, прочихъ же посѣтителей впускать по билетамъ [59].

Познакомившись съ нѣкоторыми общими данными, касающимися учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета, вообще, перейдемъ

** Совѣтъ шелъ въ этомъ отношеніи даже дальше предложенія Н. И. Лобачевскаго и въ то время открывалъ свои учебно-вспомогательныя учрежденія по всѣмъ воскреснымъ днямъ. Такъ, напримѣръ, въ «Каталогѣ преподаваній на 1825—1826 акад. годъ» (Каз., 1826) мы читаемъ, подъ рубрикою «Публичныя заведенія», слѣдующее: «Публичная (sic) университетская библіотека открыта будетъ по воскресньямъ отъ 10 до 12 часовъ утра»; «минцъ-кабинетъ будетъ показывать по воскресеньямъ отъ 10 по 12 часовъ проф. Эрдманъ»; «физическій и химическій кабинеты, находящіеся въ вѣдѣніи проф. Купфера, будутъ открыты въ тоже время»; «обсерваторія и астрономическіе инструменты будутъ показываемы въ тоже время проф. Симоновымъ»; «кабинеты естественной исторіи и рѣдкостей, подъ вѣдѣніемъ проф. Эйхвальда, отворены будутъ въ тоже время»; «минералогическій кабинетъ покажетъ въ тоже время проф. Купферъ». Впослѣдствіе, уже на нашей памяти, университетскіе музеи и кабинеты оставались, въ силу издавно установившагося обычая, открытыми для свободнаго обозрѣнія ихъ всѣми желающими, безъ различія званій и состояній, въ теченіи всей пасхальной недѣли, привлекая въ свои гостепріимныя стѣны массы народа. Въ наши дни къ услугамъ большой праздничной публики остались въ нашемъ культурномъ центрѣ русскаго европейскаго востока едва ли не одни только пошлые балаганы, грязные трактиры, да мѣста продажи «монопольки»....

къ очерку положенія, въ предѣлахъ интересующей насъ эпохи, отдѣльныхъ учрежденій этого рода.

I

Библіотека

Мѣры къ благоустройству библіотеки въ начальную пору попечительства Магницкаго.— Библіотечные комитеты 1819 и 1821 годовъ.—Результаты дѣятельности этихъ комитетовъ.— Новыя мѣропріятія попечителя по приведеніи библіотеки въ порядокъ.—Попытки его привлечь къ дѣлу этому весь наличный преподавательскій персоналъ университета.—Мѣропріятія, вызванныя перемѣщеніемъ библіотеки въ вновь отстроенный главный университетскій корпусъ.—Хаотическое состояніе библіотеки къ концу лѣта 1825 года.—Новыя, принятыя на мѣстѣ, мѣры попечителя къ благоустройству библіотеки.—Дѣятельность по библіотекѣ проф. Н. И. Лобачевскаго.—Вопросъ о публичности университетской библіотеки.—Мѣры обезпеченія благонамѣренности библіотеки.—Распоряженія Магницкаго объ исключеніи и истребленіи «вредныхъ» книгъ.—Ревизія генералъ-маіора Желтухина и отношеніе ревизора къ библіотечнымъ мѣропріятіямъ Магницкаго.—Инцидентъ адъюнкта Краузе.—Отдѣльные факты гоненія Магницкаго на книги (инциденты Беллермана и Грегуара).—Къ вопросу о пополненіи библіотеки въ годы попечительства Магницкаго.—Общія данныя о состояніи университетской библіотеки за эту эпоху.

Исторія зарожденія и начальнаго развитія библіотеки казанскаго университета намъ уже достаточно знакома. Извѣстенъ намъ и отзывъ объ этомъ учрежденіи, данный Магницкимъ по окончаніи произведенной имъ ревизіи. Признавъ эту библіотеку „заслуживающею вниманія", ревизоръ заявилъ, тѣмъ не менѣе, что, въ настоящемъ видѣ, она представляетъ собою неустроенное, но довольно обширное" *, хотя и „весьма недостаточное и случайное собраніе книгъ, которое требовало бы большихъ издержекъ, ежели бы нужно было привести его въ надлежащее состояніе".

Распоряженіе относительно приведенія въ порядокъ библіотеки явилось однимъ изъ раннихъ мѣропріятій Магницкаго, послѣдовавшимъ еще до назначенія его попечителемъ казанскаго учебнаго округа. Въ засѣданіи совѣта 21-го мая 1819 года, проректоръ Солнцевъ предложилъ „для скорѣйшаго исполненія предписанія, даннаго отъ 16-го марта г. членомъ главнаго правленія училищъ М. Л. Магницкимъ совѣту о расположеніи библіотеки университетской по факультетамъ, поручить г. профессору Кондыреву (исправлявшему въ то время должность библіотекаря), занимающемуся нынѣ разобраніемъ и расположеніемъ вновь присланныхъ книгъ, представить предварительно планъ расположенія по наукамъ библіотеки и о средствахъ ускорить приведеніе сего

---

* Въ началѣ 1819 года университетская библіотека числила до 17,129 книгъ, 53 рукописи, 133 книги и листовъ эстамповъ, 35 атласовъ и ландкартъ и 16 тетрадей нотъ (см. томъ III, стр. 43—44).

къ очерку положенія, въ предѣлахъ интересующей насъ эпохи, отдѣльныхъ учрежденій этого рода.

I

Библіотека

Мѣры къ благоустройству библіотеки въ начальную пору попечительства Магницкаго.— Библіотечные комитеты 1819 и 1821 годовъ.—Результаты дѣятельности этихъ комитетовъ.— Новыя мѣропріятія попечителя по приведеніи библіотеки въ порядокъ.—Попытки его привлечь къ дѣлу этому весь наличный преподавательскій персоналъ университета.—Мѣропріятія, вызванныя перемѣщеніемъ библіотеки въ вновь отстроенный главный университетскій корпусъ.—Хаотическое состояніе библіотеки къ концу лѣта 1825 года.—Новыя, принятыя на мѣстѣ, мѣры попечителя къ благоустройству библіотеки.—Дѣятельность по библіотекѣ проф. Н. И. Лобачевскаго.—Вопросъ о публичности университетской библіотеки.—Мѣры обезпеченія благонамѣренности библіотеки.—Распоряженія Магницкаго объ исключеніи и истребленіи «вредныхъ» книгъ.—Ревизія генералъ-маіора Желтухина и отношеніе ревизора къ библіотечнымъ мѣропріятіямъ Магницкаго.—Инцидентъ адъюнкта Краузе.—Отдѣльные факты гоненія Магницкаго на книги (инциденты Беллермана и Грегуара).—Къ вопросу о пополненіи библіотеки въ годы попечительства Магницкаго.—Общія данныя о состояніи университетской библіотеки за эту эпоху.

Исторія зарожденія и начальнаго развитія библіотеки казанскаго университета намъ уже достаточно знакома. Извѣстенъ намъ и отзывъ объ этомъ учрежденіи, данный Магницкимъ по окончаніи произведенной имъ ревизіи. Признавъ эту библіотеку „заслуживающею вниманія", ревизоръ заявилъ, тѣмъ не менѣе, что, въ настоящемъ видѣ, она представляетъ собою неустроенное, но довольно обширное" *, хотя и „весьма недостаточное и случайное собраніе книгъ, которое требовало бы большихъ издержекъ, ежели бы нужно было привести его въ надлежащее состояніе".

Распоряженіе относительно приведенія въ порядокъ библіотеки явилось однимъ изъ раннихъ мѣропріятій Магницкаго, послѣдовавшимъ еще до назначенія его попечителемъ казанскаго учебнаго округа. Въ засѣданіи совѣта 21-го мая 1819 года, проректоръ Солнцевъ предложилъ „для скорѣйшаго исполненія предписанія, даннаго отъ 16-го марта г. членомъ главнаго правленія училищъ М. Л. Магницкимъ совѣту о расположеніи библіотеки университетской по факультетамъ, поручить г. профессору Кондыреву (исправлявшему въ то время должность библіотекаря), занимающемуся нынѣ разобраніемъ и расположеніемъ вновь присланныхъ книгъ, представить предварительно планъ расположенія по наукамъ библіотеки и о средствахъ ускорить приведеніе сего

* Въ началѣ 1819 года университетская библіотека числила до 17,129 книгъ, 53 рукописи, 133 книги и листовъ эстамповъ, 35 атласовъ и ландкартъ и 16 тетрадей нотъ (см. томъ III, стр. 43—44).

дѣла къ окончанію“. Предложеніе это совѣтомъ было принято, проф. Кондыреву дано соотвѣтствующее порученіе, но—на этомъ дѣло и остановилось.

Съ вступленіемъ въ должность вновь назначеннаго директора университета Владимірскаго, дѣло приведенія въ благоустройство университетской библіотеки вступаетъ въ новый фазисъ, причемъ общее наблюденіе надъ нимъ возлагается на это должностное лицо, явившееся ближайшимъ представителемъ личности самого попечителя округа. Предложеніемъ отъ 16-го декабря 1819 года Магницкій поручилъ Владимірскому образовать „для окончательнаго приведенія въ порядокъ библіотеки“, подъ главнымъ его надзоромъ, особый комитетъ изъ профессоровъ Вердерамо и Лобачевскаго, на который и были возложены слѣдующія задачи: а) Провѣрить описи книгамъ, рукописямъ, эстампамъ и пр., б) Отдѣлить дубликаты, буде таковые окажутся, в) Отобрать книги „противныя нравственности или, вообще, не согласныя съ началами добраго воспитанія“, г) Всѣ остальныя книги раздѣлить по факультетамъ, въ предѣлахъ факультетовъ—по родамъ наукъ, въ предѣлахъ этихъ послѣднихъ—по алфавиту, д) Составить два экземпляра каталога, одинъ для самой библіотеки, второй—для него, попечителя. Существованіе этого комитета было весьма непродолжительно: въ концѣ января 1820 года Вердерамо уволился изъ университета и проф. Лобачевскій явился единственнымъ представителемъ комитета [60].

Нельзя сказать, что бы труды Лобачевскаго,—которому пришлось въ единоличной особѣ своей олицетворять теперь цѣлый комитетъ,—оказались особенно плодотворными, какъ это усматривается изъ собственнаго донесенія его директору университета отъ 11-го іюня 1821 года. Въ этомъ донесеніи, описывая представшія передъ нимъ трудности, проф. Лобачевскій заявляетъ, что провѣрка наличности библіотеки по документамъ—представляетъ собою, въ виду запущенности библіотечнаго дѣла, задачу почти невыполнимую, тѣмъ болѣе, что „сдачи и пріема библіотеки въ надлежащемъ никогда не было, каталоги никѣмъ не подписаны и, что бъ доказать ихъ справедливость, потребуется, можетъ быть, далеко восходить ко временамъ завѣдыванія библіотекою казанской гимназіи и разрывать архивъ, скопленный въ теченіи двадцати лѣтъ“, да и самый каталогъ „составленъ съ чрезвычайнымъ небрежіемъ, наполненъ ошибками и, не смотря на то, что въ немъ кажется соблюденнымъ какой то порядокъ, онъ представляетъ столько же мало удобствъ, какъ и каталогъ, написанный безъ всякаго порядка“. Занятія свои по библіотекѣ

дѣла къ окончанію". Предложеніе это совѣтомъ было принято, проф. Кондыреву дано соотвѣтствующее порученіе, но—на этомъ дѣло и остановилось.

Съ вступленіемъ въ должность вновь назначеннаго директора университета Владимірскаго, дѣло приведенія въ благоустройство университетской библіотеки вступаетъ въ новый фазисъ, причемъ общее наблюденіе надъ нимъ возлагается на это должностное лицо, явившееся ближайшимъ представителемъ личности самого попечителя округа. Предложеніемъ отъ 16-го декабря 1819 года Магницкій поручилъ Владимірскому образовать „для окончательнаго приведенія въ порядокъ библіотеки", подъ главнымъ его надзоромъ, особый комитетъ изъ профессоровъ Вердерамо и Лобачевскаго, на который и были возложены слѣдующія задачи: а) Провѣрить описи книгамъ, рукописямъ, эстампамъ и пр., б) Отдѣлить дубликаты, буде таковые окажутся, в) Отобрать книги „противныя нравственности или, вообще, не согласныя съ началами добраго воспитанія", г) Всѣ остальныя книги раздѣлить по факультетамъ, въ предѣлахъ факультетовъ—по родамъ наукъ, въ предѣлахъ этихъ послѣднихъ—по алфавиту, д) Составить два экземпляра каталога, одинъ для самой библіотеки, второй—для него, попечителя. Существованіе этого комитета было весьма непродолжительно: въ концѣ января 1820 года Вердерамо уволился изъ университета и проф. Лобачевскій явился единственнымъ представителемъ комитета [60].

Нельзя сказать, что бы труды Лобачевскаго,—которому пришлось въ единоличной особѣ своей олицетворять теперь цѣлый комитетъ,—оказались особенно плодотворными, какъ это усматривается изъ собственнаго донесенія его директору университета отъ 11-го іюня 1821 года. Въ этомъ донесеніи, описывая представшія передъ нимъ трудности, проф. Лобачевскій заявляетъ, что провѣрка наличности библіотеки по документамъ—представляетъ собою, въ виду запущенности библіотечнаго дѣла, задачу почти невыполнимую, тѣмъ болѣе, что „сдачи и пріема библіотеки въ надлежащемъ никогда не было, каталоги никѣмъ не подписаны и, что бъ доказать ихъ справедливость, потребуется, можетъ быть, далеко восходить ко временамъ завѣдыванія библіотекою казанской гимназіи и разрывать архивъ, скопленный въ теченіи двадцати лѣтъ", да и самый каталогъ „составленъ съ чрезвычайнымъ небрежіемъ, наполненъ ошибками и, не смотря на то, что въ немъ кажется соблюденнымъ какой то порядокъ, онъ представляетъ столько же мало удобствъ, какъ и каталогъ, написанный безъ всякаго порядка". Занятія свои по библіотекѣ

Лобачевскій началъ съ ея пріема,—работа, долго задерживавшаяся сначала болѣзнью и. д. библіотекаря проф. Кондырева, а затѣмъ и отвлеченіемъ его другими дѣлами по университету, и совершенно остановившаяся въ сентябрѣ 1820 года, „въ чемъ отвѣчаетъ,—говоритъ Лобачевскій,—г. Кондыревъ, который, конечно, имѣлъ достаточныя причины предпочесть другія обязанности—обязанности сдавать библіотеку; но что я его понуждалъ къ продолженію сдачи, это, конечно, не откажется онъ подтвердить и самъ",—добавляетъ Лобачевскій. Также неуспѣшно,—опять таки вслѣдствіе противодѣйствія Кондырева,—окончилось предположеніе Лобачевскаго относительно сортировки книгъ по наукамъ; за неимѣніемъ писцовъ неоконченною осталась и начатая уже переписка каталоговъ.... Ко всему этому присоединились жестокія препирательства между Кондыревымъ и Лобачевскимъ изъ за вопроса о сдачѣ и пріемѣ библіотеки: Кондыревъ считалъ библіотеку принятою Лобачевскимъ, Лобачевскій же утверждалъ, что онъ „оффиціально законнымъ порядкомъ ее не принялъ". Въ заключеніе своего донесенія директору, проф. Лобачевскій проситъ „снять съ него возложенное порученіе", тѣмъ болѣе, что „обманутый надеждой привести библіотеку въ новый порядокъ, я не могу болѣе, — жалуется онъ, — противиться любви къ тѣмъ занятіямъ, къ которымъ меня пристрастила особенная наклонность". Нѣсколькими днями позже, 18-го іюня, подано было и проф. Кондыревымъ прошеніе объ увольненіи его отъ исправленія обязанностей университетскаго библіотекаря.

Университетская библіотека осталась, такимъ образомъ, не только не устроенною, но грозила остаться и безъ завѣдующаго ею. 18-го іюня 1821 года состоялось засѣданіе совѣта, въ которомъ было заслушано отношеніе директора университета, съ подробнымъ изложеніемъ какъ донесенія проф. Лобачевскаго отъ 11-го іюня, такъ и положенія библіотечнаго дѣла, вобще, а 22-го іюня произведена баллотировка новаго административнаго состава библіотеки; въ результатѣ избраннымъ библіотекаремъ оказался проф. Фуксъ, помощникомъ библіотекаря—адъюнктъ Лентовскій, утвержденіе которыхъ въ этихъ званіяхъ и послѣдовало 16-го іюля. Обезпечивъ библіотеку администраціею, совѣтъ приступилъ къ обсужденію дальнѣйшихъ мѣръ по приведенію ея въ устройство и съ этою цѣлью 16-го іюля состоялось засѣданіе, въ которомъ было постановлено образовать новую, болѣе обширную, библіотечную коммиссію, въ которую, подъ предсѣдательствомъ ректора, вошли слѣдующія лица: профессоръ Эрдманъ, адъюнкты Кайсаровъ, Лобачевскій (А. И.) и Васильевъ, преподаватели Полиновскій и Грацинскій и лекторъ Краузе; въ составъ ком-

Лобачевскій началъ съ ея пріема,—работа, долго задерживавшаяся сначала болѣзнью и. д. библіотекаря проф. Кондырева, а затѣмъ и отвлеченіемъ его другими дѣлами по университету, и совершенно остановившаяся въ сентябрѣ 1820 года, „въ чемъ отвѣчаетъ,—говоритъ Лобачевскій,—г. Кондыревъ, который, конечно, имѣлъ достаточныя причины предпочесть другія обязанности—обязанности сдавать библіотеку; но что я его понуждалъ къ продолженію сдачи, это, конечно, не откажется онъ подтвердить и самъ",—добавляетъ Лобачевскій. Также неуспѣшно,—опять таки вслѣдствіе противодѣйствія Кондырева,—окончилось предположеніе Лобачевскаго относительно сортировки книгъ по наукамъ; за неимѣніемъ писцовъ неоконченною осталась и начатая уже переписка каталоговъ.... Ко всему этому присоединились жестокія препирательства между Кондыревымъ и Лобачевскимъ изъ за вопроса о сдачѣ и пріемѣ библіотеки: Кондыревъ считалъ библіотеку принятою Лобачевскимъ, Лобачевскій же утверждалъ, что онъ „оффиціально законнымъ порядкомъ ее не принялъ". Въ заключеніе своего донесенія директору, проф. Лобачевскій проситъ „снять съ него возложенное порученіе", тѣмъ болѣе, что „обманутый надеждой привести библіотеку въ новый порядокъ, я не могу болѣе, — жалуется онъ, — противиться любви къ тѣмъ занятіямъ, къ которымъ меня пристрастила особенная наклонность". Нѣсколькими днями позже, 18-го іюня, подано было и проф. Кондыревымъ прошеніе объ увольненіи его отъ исправленія обязанностей университетскаго библіотекаря.

Университетская библіотека осталась, такимъ образомъ, не только не устроенною, но грозила остаться и безъ завѣдующаго ею. 18-го іюня 1821 года состоялось засѣданіе совѣта, въ которомъ было заслушано отношеніе директора университета, съ подробнымъ изложеніемъ какъ донесенія проф. Лобачевскаго отъ 11-го іюня, такъ и положенія библіотечнаго дѣла, вобще, а 22-го іюня произведена баллотировка новаго административнаго состава библіотеки; въ результатѣ избраннымъ библіотекаремъ оказался проф. Фуксъ, помощникомъ библіотекаря—адъюнктъ Лентовскій, утвержденіе которыхъ въ этихъ званіяхъ и послѣдовало 16-го іюля. Обезпечивъ библіотеку администраціею, совѣтъ приступилъ къ обсужденію дальнѣйшихъ мѣръ по приведенію ея въ устройство и съ этою цѣлью 16-го іюля состоялось засѣданіе, въ которомъ было постановлено образовать новую, болѣе обширную, библіотечную коммиссію, въ которую, подъ предсѣдательствомъ ректора, вошли слѣдующія лица: профессоръ Эрдманъ, адъюнкты Кайсаровъ, Лобачевскій (А. И.) и Васильевъ, преподаватели Полиновскій и Грацинскій и лекторъ Краузе; въ составъ ком-

миссіи были также включены вновь избранные: библіотекарь проф. Фуксъ и его помощникъ адъюнктъ Лентовскій. Вновь сформированной коммиссіи предписано „немедленно приступить къ повѣркѣ библіотеки, по приготовленіи оной г. Кондыревымъ къ сдачѣ, и заниматься симъ дѣломъ, судя по возможности, до восьми часовъ въ день, вести журналъ своихъ занятій и въ случаяхъ, требующихъ общаго совѣщанія, представлять совѣту". Предложеніемъ отъ 12-го августа попечитель утвердилъ всѣ только что приведенныя постановленія совѣта и разрѣшилъ уволить проф. Лобачевскаго отъ возложенныхъ на него занятій по библіотекѣ, не преминувъ поставить на видъ, что „весь безпорядокъ произошелъ отъ того, что г. профессоръ Кондыревъ оставилъ библіотеку въ томъ неустроенномъ видѣ въ какомъ принялъ ее (еще въ 1813 году—отъ проф. Сторля), и по сей же причинѣ, вѣроятно, не могъ сдать ее надлежащимъ образомъ профессору Лобачевскому, а потомъ оба попросили увольненія отъ оной"; вмѣстѣ съ тѣмъ, уволивъ Кондырева отъ завѣдыванія библіотекою, попечитель предписалъ совѣту обязать его, „дабы онъ, оставя всѣ прочія занятія, находился при пріемѣ библіотеки комитетомъ и давалъ всѣ нужныя оному свѣдѣнія и отчеты, ибо онъ одинъ будетъ въ отвѣтѣ, ежели откроются какія либо потери". Въ исполненіе попечительскаго предписанія, проф. Кондыревъ былъ освобожденъ, впредь до выполненія имъ обязательствъ по библіотекѣ, отъ присутствованія въ совѣтѣ, факультетѣ и даже отъ чтенія лекцій, но онъ такъ и скончался (24 марта 1823 г.), не сдавъ формальнымъ образомъ девять лѣтъ находившейся на его рукахъ библіотеки, что и дало Фуксу въ ноябрѣ 1823 г. основаніе утверждать, что онъ „отъ профессора Кондырева ничего не принималъ" [61].

Не взирая на утвержденіе печатнаго отчета по университету за 1821—1822 академ. годъ, что „коммиссія, составленная для разборки и повѣрки университетской библіотеки, благоуспѣшно продолжаетъ свое занятіе въ часы, свободные отъ преподаванія и исполненія другихъ должностныхъ обязанностей", работы совѣтской библіотечной коммиссіи подвигались впередъ чрезвычайно туго, что и побудило Магницкаго 2-го мая 1822 года обратиться на имя ректора съ предложеніемъ слѣдующаго рода: „Изъ дѣлъ и изъ донесеній я усматриваю, что комитетъ, учрежденный для приведенія въ порядокъ библіотеки, занимается только разстановкою книгъ и составленіемъ новаго каталога, устраняясь отъ повѣрки ея. Закрытіе документовъ можетъ быть поставляетъ его въ затрудненіе по сему. Вслѣдствіе сего препровождаю къ вамъ историческую записку * о первоначаль-

* См. въ дѣлѣ Попеч. 1819, № 219, листы 44—46.

миссіи были также включены вновь избранные: библіотекарь проф. Фуксъ и его помощникъ адъюнктъ Лентовскій. Вновь сформированной коммиссіи предписано „немедленно приступить къ повѣркѣ библіотеки, по приготовленіи оной г. Кондыревымъ къ сдачѣ, и заниматься симъ дѣломъ, судя по возможности, до восьми часовъ въ день, вести журналъ своихъ занятій и въ случаяхъ, требующихъ общаго совѣщанія, представлять совѣту". Предложеніемъ отъ 12-го августа попечитель утвердилъ всѣ только что приведенныя постановленія совѣта и разрѣшилъ уволить проф. Лобачевскаго отъ возложенныхъ на него занятій по библіотекѣ, не преминувъ поставить на видъ, что „весь безпорядокъ произошелъ отъ того, что г. профессоръ Кондыревъ оставилъ библіотеку въ томъ неустроенномъ видѣ въ какомъ принялъ ее (еще въ 1813 году—отъ проф. Сторля), и по сей же причинѣ, вѣроятно, не могъ сдать ее надлежащимъ образомъ профессору Лобачевскому, а потомъ оба попросили увольненія отъ оной"; вмѣстѣ съ тѣмъ, уволивъ Кондырева отъ завѣдыванія библіотекою, попечитель предписалъ совѣту обязать его, „дабы онъ, оставя всѣ прочія занятія, находился при пріемѣ библіотеки комитетомъ и давалъ всѣ нужныя оному свѣдѣнія и отчеты, ибо онъ одинъ будетъ въ отвѣтѣ, ежели откроются какія либо потери". Въ исполненіе попечительскаго предписанія, проф. Кондыревъ былъ освобожденъ, впредь до выполненія имъ обязательствъ по библіотекѣ, отъ присутствованія въ совѣтѣ, факультетѣ и даже отъ чтенія лекцій, но онъ такъ и скончался (24 марта 1823 г.), не сдавъ формальнымъ образомъ девять лѣтъ находившейся на его рукахъ библіотеки, что и дало Фуксу въ ноябрѣ 1823 г. основаніе утверждать, что онъ „отъ профессора Кондырева ничего не принималъ" [61].

Не взирая на утвержденіе печатнаго отчета по университету за 1821—1822 академ. годъ, что „коммиссія, составленная для разборки и повѣрки университетской библіотеки, благоуспѣшно продолжаетъ свое занятіе въ часы, свободные отъ преподаванія и исполненія других должностныхъ обязанностей", работы совѣтской библіотечной коммиссіи подвигались впередъ чрезвычайно туго, что и побудило Магницкаго 2-го мая 1822 года обратиться на имя ректора съ предложеніемъ слѣдующаго рода: „Изъ дѣлъ и изъ донесеній я усматриваю, что комитетъ, учрежденный для приведенія въ порядокъ библіотеки, занимается только разстановкою книгъ и составленіемъ новаго каталога, устраняясь отъ повѣрки ея. Закрытіе документовъ можетъ быть поставляетъ его въ затрудненіе по сему. Вслѣдствіе сего препровождаю къ вамъ историческую записку * о первоначаль-

* См. въ дѣлѣ Попеч. 1819, № 219, листы 44—46.

номъ пріобрѣтеніи библіотеки, приращеніяхъ ея и устройствѣ порядка, съ указаніемъ документовъ. Изъ оной вы усмотрите, что все приходитъ, наконецъ, къ профессору Кондыреву, какъ бывшему помощнику библіотекаря Сторля, при коемъ библіотека повѣрена, приведена была въ порядокъ и сдана профессору Брауну, а г. Кондыревъ оставался въ званіи помощника до прошедшаго года,—слѣдовательно, и документы должны быть у него въ виду и сдачи библіотеки должно требовать отъ него въ порядкѣ".

Прошла вторая половина 1822-го года, истекъ 1823-й годъ; произошли нѣкоторыя измѣненія въ личномъ составѣ библіотечной коммиссіи, успѣлъ умереть старый завѣдующій библіотекою, проф. Кондыревъ; сдѣлавшагося ректоромъ библіотекаря проф. Фукса съ 8-го іюля 1823 года смѣнилъ новый библіотекарь, проф. Сергѣевъ—а дѣло повѣрки и приведенія въ порядокъ библіотеки все не подвигалось впередъ, вынудивъ новаго ректора Фукса открыто высказать, въ концѣ января 1824 г., совѣту свое мнѣніе, что „комитетъ, составленный для повѣрки и приведенія въ порядокъ библіотеки не можетъ имѣть своихъ дѣйствій по недостатку въ немъ дѣятельныхъ членовъ". Между тѣмъ, стали заканчиваться производившіяся большія университетскія перестройки и вопросъ о приведеніи въ порядокъ библіотеки, которую было предназначено размѣстить въ большомъ залѣ университета, получилъ еще болѣе неотложный и жгучій характеръ. Видя бездѣятельность совѣтскаго комитета, въ теченіи свыше трехъ лѣтъ не сумѣвшаго подвинуть впередъ возложеннаго на него дѣла, Магницкій задумалъ дать работамъ по приведенію въ благоустройство библіотеки совершенно новую организацію, возложивъ ихъ на факультеты и на весь наличный преподавательскій персоналъ университета: „Для разбора университетской библіотеки составленъ комитетъ, но, по бездѣйствію онаго, дѣло сіе остается доселѣ неоконченнымъ,—писалъ попечитель ректору отъ 5-го октября 1824 года.—Посему прошу васъ поручить факультетамъ, что бы общими силами, подъ вашимъ руководствомъ, привели въ надлежащій порядокъ библіотеку, то есть раздѣливъ оную на извѣстные роды наукъ. Такъ какъ изъ работы сей никто изъ г.г. профессоровъ и адъюнктовъ, кромѣ исправляющаго должность директора университета (т. е. проф. Никольскаго), не изъемлется, то я полагаю срокъ оной не болѣе, какъ на два мѣсяца со времени полученія сего и о послѣдующемъ буду ожидать вашихъ увѣдомленій чрезъ каждую недѣлю".

Получивъ только что приведенное нами попечительское предложеніе, ректоръ Фуксъ потребовалъ необходимыхъ объясненій отъ библіотекаря, проф. Сергѣева, который отъ 29-го октября и донесъ ему, что „главнѣй-

номъ пріобрѣтеніи библіотеки, приращеніяхъ ея и устройствѣ порядка, съ указаніемъ документовъ. Изъ оной вы усмотрите, что все приходитъ, наконецъ, къ профессору Кондыреву, какъ бывшему помощнику библіотекаря Сторля, при коемъ библіотека повѣрена, приведена была въ порядокъ и сдана профессору Брауну, а г. Кондыревъ оставался въ званіи помощника до прошедшаго года,— слѣдовательно, и документы должны быть у него въ виду и сдачи библіотеки должно требовать отъ него въ порядкѣ".

Прошла вторая половина 1822-го года, истекъ 1823-й годъ; произошли нѣкоторыя измѣненія въ личномъ составѣ библіотечной коммиссіи, успѣлъ умереть старый завѣдующій библіотекою, проф. Кондыревъ; сдѣлавшагося ректоромъ библіотекаря проф. Фукса съ 8-го іюля 1823 года смѣнилъ новый библіотекарь, проф. Сергѣевъ—а дѣло повѣрки и приведенія въ порядокъ библіотеки все не подвигалось впередъ, вынудивъ новаго ректора Фукса открыто высказать, въ концѣ января 1824 г., совѣту свое мнѣніе, что „комитетъ, составленный для повѣрки и приведенія въ порядокъ библіотеки не можетъ имѣть своихъ дѣйствій по недостатку въ немъ дѣятельныхъ членовъ". Между тѣмъ, стали заканчиваться производившіяся большія университетскія перестройки и вопросъ о приведеніи въ порядокъ библіотеки, которую было предназначено размѣстить въ большомъ залѣ университета, получилъ еще болѣе неотложный и жгучій характеръ. Видя бездѣятельность совѣтскаго комитета, въ теченіи свыше трехъ лѣтъ не сумѣвшаго подвинуть впередъ возложеннаго на него дѣла, Магницкій задумалъ дать работамъ по приведенію въ благоустройство библіотеки совершенно новую организацію, возложивъ ихъ на факультеты и на весь наличный преподавательскій персоналъ университета: „Для разбора университетской библіотеки составленъ комитетъ, но, по бездѣйствію онаго, дѣло сіе остается доселѣ неоконченнымъ,—писалъ попечитель ректору отъ 5-го октября 1824 года.—Посему прошу васъ поручить факультетамъ, что бы общими силами, подъ вашимъ руководствомъ, привели въ надлежащій порядокъ библіотеку, то есть раздѣливъ оную на извѣстные роды наукъ. Такъ какъ изъ работы сей никто изъ г.г. профессоровъ и адъюнктовъ, кромѣ исправляющаго должность директора университета (т. е. проф. Никольскаго), не изъемлется, то я полагаю срокъ оной не болѣе, какъ на два мѣсяца со времени полученія сего и о послѣдующемъ буду ожидать вашихъ увѣдомленій чрезъ каждую недѣлю".

Получивъ только что приведенное нами попечительское предложеніе, ректоръ Фуксъ потребовалъ необходимыхъ объясненій отъ библіотекаря, проф. Сергѣева, который отъ 29-го октября и донесъ ему, что „главнѣй-

шимъ препятствіемъ къ приведенію въ систематическій порядокъ университетской библіотеки была неудобность помѣщенія", что имъ самимъ „многіе выписаны уже изъ каталоговъ книги по всѣмъ частямъ юриспруденціи, политики и философіи, г. профессоромъ Купферомъ по части естественной исторіи, физики и химіи и профессоромъ Фогелемъ приводятся въ порядокъ книги медицинскія,—но мѣсто едва только позволило отобрать и расположить систематически юриспруденческія (sic) книги", что „относительно прочихъ книгъ не иначе можно приступить къ разбору, какъ тогда, когда назначится для библіотеки лучшее помѣщеніе". Едва прошло два мѣсяца со дня подачи этого объясненія, какъ со стороны проф. Сергѣева послѣдовало новое и уже полное разочарованія представленіе ректору отъ 1-го декабря: „При существованіи комитета о приведеніи въ порядокъ библіотеки,—пишетъ здѣсь библіотекарь,—хотя обязанность моя и должна бы ограничиться однимъ только храненіемъ книгъ въ безопасности, но, зная по опыту, что участіе многихъ въ одномъ дѣлѣ рождаетъ безпечность въ каждомъ въ особенности—я не смѣю надѣяться скораго успѣха въ предположенномъ дѣлѣ, ибо долговременное существованіе комитета еще доселѣ нисколько не соотвѣтствуетъ ожиданію. Только, по личному убѣжденію моему, г.г. профессора Купферъ, Фогель и Эрдманъ взялись отмѣтить номера книгъ, относящихся къ наукамъ физико-математическимъ, медицинскимъ и словеснымъ, но и сія работа не окончена..... Я не вижу никакого средства подвинуть сіе дѣло впередъ, какъ принять его на себя исключительно". Высказавъ, далѣе, мысль, что „человѣкъ не можетъ сдѣлать невозможнаго"—Сергѣевъ проситъ предоставить ему средства „для исполненія труда сего, сколько тягостнаго, столько же полезнаго и необходимаго для университета" и, прежде всего—необходимое помѣщеніе и толковыхъ письмоводителей [62].

Наступила весна 1825 года, подходило время распредѣлять университетскія собранія по новымъ помѣщеніямъ, предназначеннымъ для нихъ въ капитальнымъ образомъ перестроенномъ главномъ зданіи университета, а между тѣмъ строгое предписаніе попечителя относительно мѣръ къ ускоренію работъ по приведенію библіотеки въ порядокъ, данное еще осенью предшествовавшаго года, все еще не принесло ожидаемыхъ результатовъ, что и вызвало собою повторное предложеніе его отъ 3-го апрѣля 1825 года, послѣдовавшее на имя ректора Фукса: „Отъ 5-го октября 1824 года,—пишетъ здѣсь Магницкій,—поручалъ я вамъ сдѣлать распоряженіе о приведеніи библіотеки въ надлежащее устройство, но должнаго исполненія по сему, сколько извѣстно мнѣ, еще не сдѣлано. Почему нужнымъ считаю

шимъ препятствіемъ къ приведенію въ систематическій порядокъ университетской библіотеки была неудобность помѣщенія", что имъ самимъ „многіе выписаны уже изъ каталоговъ книги по всѣмъ частямъ юриспруденціи, политики и философіи, г. профессоромъ Купферомъ по части естественной исторіи, физики и химіи и профессоромъ Фогелемъ приводятся въ порядокъ книги медицинскія,—но мѣсто едва только позволило отобрать и расположить систематически юриспруденческія (sic) книги", что „относительно прочихъ книгъ не иначе можно приступить къ разбору, какъ тогда, когда назначится для библіотеки лучшее помѣщеніе". Едва прошло два мѣсяца со дня подачи этого объясненія, какъ со стороны проф. Сергѣева послѣдовало новое и уже полное разочарованія представленіе ректору отъ 1-го декабря: „При существованіи комитета о приведеніи въ порядокъ библіотеки,—пишетъ здѣсь библіотекарь,—хотя обязанность моя и должна бы ограничиться однимъ только храненіемъ книгъ въ безопасности, но, зная по опыту, что участіе многихъ въ одномъ дѣлѣ рождаетъ безпечность въ каждомъ въ особенности—я не смѣю надѣяться скораго успѣха въ предположенномъ дѣлѣ, ибо долговременное существованіе комитета еще доселѣ нисколько не соотвѣтствуетъ ожиданію. Только, по личному убѣжденію моему, г.г. профессора Купферъ, Фогель и Эрдманъ взялись отмѣтить номера книгъ, относящихся къ наукамъ физико-математическимъ, медицинскимъ и словеснымъ, но и сія работа не окончена..... Я не вижу никакого средства подвинуть сіе дѣло впередъ, какъ принять его на себя исключительно". Высказавъ, далѣе, мысль, что „человѣкъ не можетъ сдѣлать невозможнаго"—Сергѣевъ проситъ предоставить ему средства „для исполненія труда сего, сколько тягостнаго, столько же полезнаго и необходимаго для университета" и, прежде всего—необходимое помѣщеніе и толковыхъ письмоводителей [62].

Наступила весна 1825 года, подходило время распредѣлять университетскія собранія по новымъ помѣщеніямъ, предназначеннымъ для нихъ въ капитальнымъ образомъ перестроенномъ главномъ зданіи университета, а между тѣмъ строгое предписаніе попечителя относительно мѣръ къ ускоренію работъ по приведенію библіотеки въ порядокъ, данное еще осенью предшествовавшаго года, все еще не принесло ожидаемыхъ результатовъ, что и вызвало собою повторное предложеніе его отъ 3-го апрѣля 1825 года, послѣдовавшее на имя ректора Фукса: „Отъ 5-го октября 1824 года,—пишетъ здѣсь Магницкій,—поручалъ я вамъ сдѣлать распоряженіе о приведеніи библіотеки въ надлежащее устройство, но должнаго исполненія по сему, сколько извѣстно мнѣ, еще не сдѣлано. Почему нужнымъ считаю

просить васъ снова, что бы библіотека, которую предполагается помѣстить въ залѣ собраній, въ нарочно устроенныхъ шкафахъ, безъ малѣйшаго отлагательства и совокупными силами всѣхъ г.г. профессоровъ и адъюнктовъ была приведена въ должное благоустройство, равнымъ образомъ и всѣ заведенія университета, т. е. кабинеты и прочія, должны быть въ своемъ видѣ, т. е. разобраны, описаны и размѣщены по мѣстамъ приличнѣйшимъ образомъ, чему и сдѣлаю осмотръ въ первые дни пріѣзда моего въ Казань".

Попечительское предложеніе было предметомъ сужденія въ особомъ собраніи совѣта 20-го апрѣля, пришедшемъ къ слѣдующимъ постановленіямъ:

„1. Заниматься разборомъ библіотеки всѣмъ безъ изъятія профессорамъ и адъюнктамъ, вмѣстѣ съ помощникомъ библіотекаря, съ 8-ми часовъ утра до полудня, или сколько позволитъ время.

2. Начать разборъ книгъ по факультетамъ, раздѣливъ оныя на а) нравственно-политическій, б) филологико-историческій, в) врачебный, г) физико-математическій и д) смѣсь. Сомнительныя книги по содержанію отставлять особо. Первоначальный разборъ сей начать съ 21-го сего апрѣля и окончить къ 9-му мая.

3. Ежели мѣсто не позволитъ разложить книги такимъ образомъ въ самой библіотекѣ, то занять свободныя комнаты въ бель-этажѣ дома попечительскаго.

4. Книги, принадлежащія къ одному факультету, при разборѣ раскладывать по предметамъ.

5. При семъ разборѣ долженъ находиться, за отсутствіемъ библіотекаря *, помощникъ его, на отвѣтственности коего остается неизъемлемо цѣлость библіотеки.

6. Для помощи при переноскѣ книгъ и караула прикомандировать четырехъ благонадежныхъ инвалидовъ.

7. Послѣ сего разбора объ окончательномъ приведеніи въ порядокъ библіотеки сдѣлать особое разсужденіе.

8. О назначеніи приличныхъ комнатъ для библіотеки, а равно для поставленія книгъ на мѣста, совѣтъ отнесся въ правленіе университета, съ тѣмъ, что бы оное благоволило увѣдомить совѣтъ, какія оно комнаты назначаетъ для библіотеки и въ шкафахъ ли, или просто на полкахъ, намѣрено размѣстить оныя.

9. Относительно приведенія въ должный видъ кабинетовъ, институтовъ и другихъ заведеній университетскихъ дана особая выписка управляющимъ оными, что бы они немедленно привели въ должный порядокъ все, къ онымъ принадлежащее, и каталоги представили бы въ совѣтъ".

* Библіотекарь, проф. Сергѣевъ—пользовался въ то время долгосрочнымъ отпускомъ.

просить васъ снова, что бы библіотека, которую предполагается помѣстить въ залѣ собраній, въ нарочно устроенныхъ шкафахъ, безъ малѣйшаго отлагательства и совокупными силами всѣхъ г.г. профессоровъ и адъюнктовъ была приведена въ должное благоустройство, равнымъ образомъ и всѣ заведенія университета, т. е. кабинеты и прочія, должны быть въ своемъ видѣ, т. е. разобраны, описаны и размѣщены по мѣстамъ приличнѣйшимъ образомъ, чему и сдѣлаю осмотръ въ первые дни пріѣзда моего въ Казань".

Попечительское предложеніе было предметомъ сужденія въ особомъ собраніи совѣта 20-го апрѣля, пришедшемъ къ слѣдующимъ постановленіямъ:

„1. Заниматься разборомъ библіотеки всѣмъ безъ изъятія профессорамъ и адъюнктамъ, вмѣстѣ съ помощникомъ библіотекаря, съ 8-ми часовъ утра до полудня, или сколько позволитъ время.

2. Начать разборъ книгъ по факультетамъ, раздѣливъ оныя на а) нравственно-политическій, б) филологико-историческій, в) врачебный, г) физико-математическій и д) смѣсь. Сомнительныя книги по содержанію отставлять особо. Первоначальный разборъ сей начать съ 21-го сего апрѣля и окончить къ 9-му мая.

3. Ежели мѣсто не позволитъ разложить книги такимъ образомъ въ самой библіотекѣ, то занять свободныя комнаты въ бель-этажѣ дома попечительскаго.

4. Книги, принадлежащія къ одному факультету, при разборѣ раскладывать по предметамъ.

5. При семъ разборѣ долженъ находиться, за отсутствіемъ библіотекаря *, помощникъ его, на отвѣтственности коего остается неизъемлемо цѣлость библіотеки.

6. Для помощи при переноскѣ книгъ и караула прикомандировать четырехъ благонадежныхъ инвалидовъ.

7. Послѣ сего разбора объ окончательномъ приведеніи въ порядокъ библіотеки сдѣлать особое разсужденіе.

8. О назначеніи приличныхъ комнатъ для библіотеки, а равно для поставленія книгъ на мѣста, совѣтъ отнесся въ правленіе университета, съ тѣмъ, что бы оное благоволило увѣдомить совѣтъ, какія оно комнаты назначаетъ для библіотеки и въ шкафахъ ли, или просто на полкахъ, намѣрено размѣстить оныя.

9. Относительно приведенія въ должный видъ кабинетовъ, институтовъ и другихъ заведеній университетскихъ дана особая выписка управляющимъ оными, что бы они немедленно привели въ должный порядокъ все, къ онымъ принадлежащее, и каталоги представили бы въ совѣтъ".

---

* Библіотекарь, проф. Сергѣевъ—пользовался въ то время долгосрочнымъ отпускомъ.

Двумя днями позже, въ засѣданіи совѣта 22-го апрѣля, въ которомъ продолжались сужденія по вопросу о порядкѣ разбора книгъ библіотеки, ректоръ заявилъ, что „каталоги библіотеки, съ раздѣленіемъ книгъ по факультетамъ и наукамъ—уже готовы". Это обстоятельство явилось бы, конечно, крупнымъ плюсомъ въ ходѣ работъ по приведенію библіотеки въ порядокъ, если бы только работы эти велись въ надлежащей системѣ, послѣдовательности и единомысліи между членами университета,—а этого то всего и не оказалось на лицо, какъ свидѣтельствуетъ намъ о томъ позднѣйшее предложеніе ректора совѣту, уже отъ 2-го октября 1826 года, знакомящее нась съ исторіею осуществленія на дѣлѣ выписанныхъ выше постановленій совѣта отъ 20-го апрѣля 1825 года. Изъ этого предложенія мы узнаемъ, что, отправившись въ началѣ 1825 г. въ пятимѣсячный отпускъ, библіотекарь проф. Сергѣевъ никому не передалъ, формально, завѣдыванія библіотекою, что вызвало даже распоряженіе министра народнаго просвѣщенія (отъ 14-го іюня) объ экстренномъ вызовѣ его, для сдачи библіотеки, въ Казань. „Но доселѣ,—заявлялъ ректоръ Фуксъ въ началѣ октября 1826 г.,—никакихъ еще не принято нами рѣшительныхъ мѣръ въ разсужденіи сего важнаго дѣла, а библіотека остается въ безпорядкѣ, въ неизвѣстности—чего въ ней не достаетъ, въ такомъ положеніи, что мы не можемъ пользоваться оною, и не переданною настоящему библіотекарю", т. е. проф. Лобачевскому, 8-го октября 1825 г. заступившему мѣсто Сергѣева. Знакомитъ насъ цитируемый позднѣйшій документъ и съ самымъ ходомъ коллективныхъ работъ, намѣченныхъ совѣтскимъ постановленіемъ 20-го апрѣля 1825 года: „Господа члены совѣта съ 22-го апрѣля по 9-е мая усердно занимались разборомъ и, такимъ образомъ, вывели всѣ книги изъ ихъ прежнихъ документальныхъ описей, не имѣвъ времени составить новыя,—свидѣтельствуетъ ректоръ.—Во время самого разбора можно было предвидѣть величайшія затрудненія въ расклассификованіи книгъ по предметамъ, ибо и краткость времени, и тѣснота мѣста, и разногласія во мнѣніяхъ относительно системы—не позволяли заняться симъ дѣломъ такъ, какъ должно. Библіотека разобрана была на факультеты, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, была уже приведена въ безпорядокъ, ибо многотомныя сочиненія смѣшались и, за неимѣніемъ мѣста, надлежало уже книги класть на полъ, въ кучи" [63].

Въ такомъ хаотическомъ состояніи нашелъ библіотеку университета попечитель Магницкій, прибывшій въ августѣ 1825 года въ Казань. Слѣдомъ затѣмъ всѣ эти груды книгъ, въ которыя обращена была библіотека,

Двумя днями позже, въ засѣданіи совѣта 22-го апрѣля, въ которомъ продолжались сужденія по вопросу о порядкѣ разбора книгъ библіотеки, ректоръ заявилъ, что „каталоги библіотеки, съ раздѣленіемъ книгъ по факультетамъ и наукамъ—уже готовы". Это обстоятельство явилось бы, конечно, крупнымъ плюсомъ въ ходѣ работъ по приведенію библіотеки въ порядокъ, если бы только работы эти велись въ надлежащей системѣ, послѣдовательности и единомысліи между членами университета,—а этого то всего и не оказалось на лицо, какъ свидѣтельствуетъ намъ о томъ позднѣйшее предложеніе ректора совѣту, уже отъ 2-го октября 1826 года, знакомящее нась съ исторіею осуществленія на дѣлѣ выписанныхъ выше постановленій совѣта отъ 20-го апрѣля 1825 года. Изъ этого предложенія мы узнаемъ, что, отправившись въ началѣ 1825 г. въ пятимѣсячный отпускъ, библіотекарь проф. Сергѣевъ никому не передалъ, формально, завѣдыванія библіотекою, что вызвало даже распоряженіе министра народнаго просвѣщенія (отъ 14-го іюня) объ экстренномъ вызовѣ его, для сдачи библіотеки, въ Казань. „Но доселѣ,—заявлялъ ректоръ Фуксъ въ началѣ октября 1826 г.,—никакихъ еще не принято нами рѣшительныхъ мѣръ въ разсужденіи сего важнаго дѣла, а библіотека остается въ безпорядкѣ, въ неизвѣстности—чего въ ней не достаетъ, въ такомъ положеніи, что мы не можемъ пользоваться оною, и не переданною настоящему библіотекарю", т. е. проф. Лобачевскому, 8-го октября 1825 г. заступившему мѣсто Сергѣева. Знакомитъ насъ цитируемый позднѣйшій документъ и съ самымъ ходомъ коллективныхъ работъ, намѣченныхъ совѣтскимъ постановленіемъ 20-го апрѣля 1825 года: „Господа члены совѣта съ 22-го апрѣля по 9-е мая усердно занимались разборомъ и, такимъ образомъ, вывели всѣ книги изъ ихъ прежнихъ документальныхъ описей, не имѣвъ времени составить новыя,—свидѣтельствуетъ ректоръ.—Во время самого разбора можно было предвидѣть величайшія затрудненія въ раскласcификованіи книгъ по предметамъ, ибо и краткость времени, и тѣснота мѣста, и разногласія во мнѣніяхъ относительно системы—не позволяли заняться симъ дѣломъ такъ, какъ должно. Библіотека разобрана была на факультеты, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, была уже приведена въ безпорядокъ, ибо многотомныя сочиненія смѣшались и, за неимѣніемъ мѣста, надлежало уже книги класть на полъ, въ кучи" [63].

Въ такомъ хаотическомъ состояніи нашелъ библіотеку университета попечитель Магницкій, прибывшій въ августѣ 1825 года въ Казань. Слѣдомъ затѣмъ всѣ эти груды книгъ, въ которыя обращена была библіотека,

въ теченіи 18-го—21-го сентября, въ бытность еще попечителя въ Казани, перенесены въ новое, предназначенное для библіотеки, помѣщеніе,— но эта спѣшная переноска произвела еще большій безпорядокъ въ книгахъ: „При семъ поспѣшномъ переносѣ,—писалъ Фуксъ,—невозможно было избѣжать, что бы безпорядокъ библіотеки еще не увеличился, но въ теченіи октября мѣсяца успѣли, по возможности, раздѣлить ее на главные факультеты; въ ноябрѣ и декабрѣ переводились заглавія всѣхъ иностранныхъ книгъ и, такимъ образомъ, составилась, по приказанію бывшаго директора Любомирова, наличная опись книгъ на россійскомъ языкѣ". Надо полагать, что Магницкій, въ концѣ концовъ, извѣрился въ плодотворность коллективной библіотечной работы всѣхъ членовъ совѣта; по крайней мѣрѣ съ 27-го декабря всѣ работы были, по его приказанію, остановлены и дальнѣйшее приведеніе библіотеки въ порядокъ возложено имъ на своего фаворита, адъюнкта Краузе, который, уже единолично, и „занимался библіотекою до мая мѣсяца (1826 г.), разставляя книги историческія, словесныя и физико-математическія", хотя, по словамъ Фукса—„порядокъ системы, коей слѣдовалъ г. Краузе, совершенно донынѣ неизвѣстенъ совѣту, хотя и требовано было отчета въ немъ отъ г. Краузе, но онаго доселѣ не представлено, да ежели бы и изъяснилъ г. Краузе его систему, то сіе не принесло бы желаемой пользы для главнаго дѣла библіотеки, которое состоитъ теперь въ томъ, что бы повѣрить цѣлость ея и, потомъ, законнымъ порядкомъ сдать ее настоящему библіотекарю; повѣрить же библіотеку иначе невозможно, какъ по фундаментальнымъ каталогамъ, изъ которыхъ она выведена вышеозначенными распоряженіями". Предложеніе Фукса заканчивается воззваніемъ къ членамъ совѣта, въ которомъ, указывая на безпорядочное положеніе библіотеки, ректоръ приглашаетъ ихъ,—„для отвращенія общей нашей непріятности",—оказать рѣшительное, энергичное и ежедневное участіе въ дѣлѣ приведенія библіотеки въ устройство.

Насколько безпорядочнымъ представлялось положеніе библіотеки университета къ концу эпохи попечительства Магницкаго видно и изъ тѣхъ обстоятельствъ, которыми сопровождалось оставленіе проф. Сергѣевымъ званія библіотекаря, послѣдовавшее 8-го октября 1825 года. Мы уже видѣли, что въ началѣ 1825 года Сергѣевъ уѣхалъ въ отпускъ, никому не сдавъ библіотеки; оказывается, что онъ уѣхалъ изъ Казани, не возвративъ даже въ библіотеку значительнаго количества находившихся у него на дому казенныхъ книгъ. Между тѣмъ, съ конца августа началось дѣло о перемѣщеніи Сергѣева, все еще не возвращавшагося въ Казань, въ мос-

въ теченіи 18-го—21-го сентября, въ бытность еще попечителя въ Казани, перенесены въ новое, предназначенное для библіотеки, помѣщеніе,—но эта спѣшная переноска произвела еще большій безпорядокъ въ книгахъ: „При семъ поспѣшномъ переносѣ,—писалъ Фуксъ,—невозможно было избѣжать, что бы безпорядокъ библіотеки еще не увеличился, но въ теченіи октября мѣсяца успѣли, по возможности, раздѣлить ее на главные факультеты; въ ноябрѣ и декабрѣ переводились заглавія всѣхъ иностранныхъ книгъ и, такимъ образомъ, составилась, по приказанію бывшаго директора Любомирова, наличная опись книгъ на россійскомъ языкѣ". Надо полагать, что Магницкій, въ концѣ концовъ, извѣрился въ плодотворность коллективной библіотечной работы всѣхъ членовъ совѣта; по крайней мѣрѣ съ 27-го декабря всѣ работы были, по его приказанію, остановлены и дальнѣйшее приведеніе библіотеки въ порядокъ возложено имъ на своего фаворита, адъюнкта Краузе, который, уже единолично, и „занимался библіотекою до мая мѣсяца (1826 г.), разставляя книги историческія, словесныя и физико-математическія", хотя, по словамъ Фукса—„порядокъ системы, коей слѣдовалъ г. Краузе, совершенно донынѣ неизвѣстенъ совѣту, хотя и требовано было отчета въ немъ отъ г. Краузе, но онаго доселѣ не представлено, да ежели бы и изъяснилъ г. Краузе его систему, то сіе не принесло бы желаемой пользы для главнаго дѣла библіотеки, которое состоитъ теперь въ томъ, что бы повѣрить цѣлость ея и, потомъ, законнымъ порядкомъ сдать ее настоящему библіотекарю; повѣрить же библіотеку иначе невозможно, какъ по фундаментальнымъ каталогамъ, изъ которыхъ она выведена вышеозначенными распоряженіями". Предложеніе Фукса заканчивается воззваніемъ къ членамъ совѣта, въ которомъ, указывая на безпорядочное положеніе библіотеки, ректоръ приглашаетъ ихъ,—„для отвращенія общей нашей непріятности",—оказать рѣшительное, энергичное и ежедневное участіе въ дѣлѣ приведенія библіотеки въ устройство.

Насколько безпорядочнымъ представлялось положеніе библіотеки университета къ концу эпохи попечительства Магницкаго видно и изъ тѣхъ обстоятельствъ, которыми сопровождалось оставленіе проф. Сергѣевымъ званія библіотекаря, послѣдовавшее 8-го октября 1825 года. Мы уже видѣли, что въ началѣ 1825 года Сергѣевъ уѣхалъ въ отпускъ, никому не сдавъ библіотеки; оказывается, что онъ уѣхалъ изъ Казани, не возвративъ даже въ библіотеку значительнаго количества находившихся у него на дому казенныхъ книгъ. Между тѣмъ, съ конца августа началось дѣло о перемѣщеніи Сергѣева, все еще не возвращавшагося въ Казань, въ мос-

ковскій университетъ. Произведенное директоромъ университета въ ноябрѣ мѣсяцѣ свидѣтельствованіе библіотеки обнаружило недостачу въ ней многихъ книгъ и явилось предположеніе, что эти книги находятся среди имущества Сергѣева, сложеннаго имъ на храненіе въ Казанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ и приготовленнаго къ отправкѣ въ Москву. На этой почвѣ создалась цѣлая переписка, между университетомъ—съ одной стороны, и казанскимъ губернаторомъ и мѣстнымъ преосвященнымъ—съ другой стороны, относительно ареста и описи хранящагося въ монастырѣ имущества проф. Сергѣева. Мѣстнымъ архіепископомъ дано было соотвѣтствующее предписаніе духовной консисторіи, для присутствованія при описи имущества бывшаго библіотекаря командированы были отъ университета адъюнктъ Краузе и помощникъ библіотекаря Кондаковъ, но весь этотъ скандальный шумъ вскорѣ улегся вслѣдствіе несостоявшагося перемѣщенія въ Москву его виновника, благополучнымъ образомъ оставшагося на службѣ въ университетѣ казанскомъ. Насколько халатно велось въ казанскомъ университетѣ библіотечное дѣло видно и изъ того, что при произведенной въ мартѣ 1827 года,—уже по вступленіи въ управленіе округомъ Мусина-Пушкина,—ревизіи дефектовъ библіотеки, начетъ въ 735 р. 50 к. за взятыя имъ безъ росписокъ и утраченныя книги, въ числѣ которыхъ значились и „собранія образцовыхъ сочиненій", оказался и на бывшемъ библіотекарѣ, а въ то время все еще ректорѣ, К. Ѳ. Фуксѣ, изъявившемъ согласіе пополнить этотъ начетъ отчасти деньгами, а главнымъ образомъ замѣною утраченныхъ книгъ—другими; послѣ продолжительной переписки, затянувшейся до лѣта 1830 года, компромиссъ этотъ былъ принятъ, причемъ министръ народнаго просвѣщенія князь Ливенъ сдѣлалъ замѣчаніе, что „профессоръ Фуксъ, какъ бывшій начальникъ университета, вообще, и библіотекарь—въ особенности, могъ употребить должныя средства къ сохраненію книгъ".

Положеніе Н. И. Лобачевскаго, принявшаго на себя званіе и. д. библіотекаря 8-го октября 1825 года, одновременно съ оставленіемъ его проф. Сергѣевымъ, и, затѣмъ, въ февралѣ 1826 г. въ немъ утвержденнаго, было не изъ завидныхъ. Находившаяся въ состояніи полнаго разстройства библіотека формально принята имъ не была; съ декабря мѣсяца единолично распоряжался устройствомъ ея, по предписанію попечителя, адъюнктъ Краузе; стали появляться распоряженія по библіотекѣ, игнорировавшія личность новаго библіотекаря, и уже 5-го іюня 1826 года недовольный своимъ положеніемъ Лобачевскій счелъ цѣлесообразнымъ, задавъ совѣту университета вопросъ: „Какимъ образомъ могу я когда нибудь принять

ковскій университетъ. Произведенное директоромъ университета въ ноябрѣ мѣсяцѣ свидѣтельствованіе библіотеки обнаружило недостачу въ ней многихъ книгъ и явилось предположеніе, что эти книги находятся среди имущества Сергѣева, сложеннаго имъ на храненіе въ Казанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ и приготовленнаго къ отправкѣ въ Москву. На этой почвѣ создалась цѣлая переписка, между университетомъ—съ одной стороны, и казанскимъ губернаторомъ и мѣстнымъ преосвященнымъ—съ другой стороны, относительно ареста и описи хранящагося въ монастырѣ имущества проф. Сергѣева. Мѣстнымъ архіепископомъ дано было соотвѣтствующее предписаніе духовной консисторіи, для присутствованія при описи имущества бывшаго библіотекаря командированы были отъ университета адъюнктъ Краузе и помощникъ библіотекаря Кондаковъ, но весь этотъ скандальный шумъ вскорѣ улегся вслѣдствіе несостоявшагося перемѣщенія въ Москву его виновника, благополучнымъ образомъ оставшагося на службѣ въ университетѣ казанскомъ. Насколько халатно велось въ казанскомъ университетѣ библіотечное дѣло видно и изъ того, что при произведенной въ мартѣ 1827 года,—уже по вступленіи въ управленіе округомъ Мусина-Пушкина,—ревизіи дефектовъ библіотеки, начетъ въ 735 р. 50 к. за взятыя имъ безъ росписокъ и утраченныя книги, въ числѣ которыхъ значились и „собранія образцовыхъ сочиненій", оказался и на бывшемъ библіотекарѣ, а въ то время все еще ректорѣ, К. Ѳ. Фуксѣ, изъявившемъ согласіе пополнить этотъ начетъ отчасти деньгами, а главнымъ образомъ замѣною утраченныхъ книгъ—другими; послѣ продолжительной переписки, затянувшейся до лѣта 1830 года, компромиссъ этотъ былъ принятъ, причемъ министръ народнаго просвѣщенія князь Ливенъ сдѣлалъ замѣчаніе, что „профессоръ Фуксъ, какъ бывшій начальникъ университета, вообще, и библіотекарь—въ особенности, могъ употребить должныя средства къ сохраненію книгъ".

Положеніе Н. И. Лобачевскаго, принявшаго на себя званіе и. д. библіотекаря 8-го октября 1825 года, одновременно съ оставленіемъ его проф. Сергѣевымъ, и, затѣмъ, въ февралѣ 1826 г. въ немъ утвержденнаго, было не изъ завидныхъ. Находившаяся въ состояніи полнаго разстройства библіотека формально принята имъ не была; съ декабря мѣсяца единолично распоряжался устройствомъ ея, по предписанію попечителя, адъюнктъ Краузе; стали появляться распоряженія по библіотекѣ, игнорировавшія личность новаго библіотекаря, и уже 5-го іюня 1826 года недовольный своимъ положеніемъ Лобачевскій счелъ цѣлесообразнымъ, задавъ совѣту университета вопросъ: „Какимъ образомъ могу я когда нибудь принять

библіотеку и отъ кого?"—возвратить библіотечные ключи и просить совѣтъ уволить его „отъ всякаго рода особенныхъ порученій, то есть которыя могутъ быть по особеннымъ обстоятельствамъ, а не при обыкновенномъ исправленіи должности". Недовольство Лобачевскаго своимъ положеніемъ по библіотекѣ вскорѣ, однако, улеглось. Со вступленіемъ въ управленіе округомъ дѣловитаго и энергичнаго Мусина-Пушкина, 13 марта 1827 г., слѣдовательно уже черезъ нѣсколько дней по назначеніи управляющимъ казанскимъ учебнымъ округомъ, образовавшаго, подъ непосредственнымъ своимъ наблюденіемъ, особую коммиссію для приведенія библіотеки въ порядокъ (изъ членовъ: Булыгина, Кайсарова, Брашмана, Бюрно и討Kаземъ-Бека), библіотечныя дѣла стали быстро поправляться; въ октябрѣ 1827 года библіотека была Лобачевскимъ, наконецъ, формально принята—и будущему великому ґеометру пришлось нести должность библіотекаря университета вплоть до весны 1835 года, съ іюля 1827 года даже совмѣщая ее съ отвѣтственною должностью ректора [64].

Что бы покончить съ вопросомъ о мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ внѣшнему благоустройству библіотеки казанскаго университета, намъ остается коснуться еще нѣсколькихъ, несомнѣнно симпатичныхъ, предложеній, поступившихъ въ совѣтъ университета.

Въ ноябрѣ 1823 года библіотекарь университета проф. Сергѣевъ, исходя изъ той точки зрѣнія, что „большое количество газетъ и журналовъ, выписываемыхъ для университетскаго сословія, вовсе не приноситъ той пользы, какую бы можно ожидать отъ нихъ, потому, что они тотчасъ по полученіи расходятся по рукамъ, задерживаются иногда долго и, когда могутъ прійти въ послѣднія руки, то уже теряютъ свою занимательность", предлагалъ выкладывать ихъ, прикрѣпленными къ особымъ „доскамъ съ замками", за неимѣніемъ для того особаго свободнаго помѣщенія, въ залѣ совѣта, иначе говоря—проектировалъ устройство особой профессорской читальной комнаты, идея, которая въ ту пору осуществленія такъ и не получила.

Въ маѣ 1824 года, при обсужденіи соединенными присутствіями совѣта, правленія и строительнаго комитета вопроса о размѣщеніи во вновь отстраивавшихся университетскихъ зданіяхъ различныхъ учрежденій университета, тотъ же проф. Сергѣевъ требовалъ предоставленія библіотекѣ „обширнаго и отдѣльнаго помѣщенія", высказываясь за желательность „устроенія университетской библіотеки въ видѣ публичной, куда могли бы приходить для чтенія не только студенты, но и постороннія особы, получившія билеты для чтенія", что, по мнѣнію

библіотеку и отъ кого?"—возвратить библіотечные ключи и просить совѣтъ уволить его „отъ всякаго рода особенныхъ порученій, то есть которыя могутъ быть по особеннымъ обстоятельствамъ, а не при обыкновенномъ исправленіи должности". Недовольство Лобачевскаго своимъ положеніемъ по библіотекѣ вскорѣ, однако, улеглось. Со вступленіемъ въ управленіе округомъ дѣловитаго и энергичнаго Мусина-Пушкина, 13 марта 1827 г., слѣдовательно уже черезъ нѣсколько дней по назначеніи управляющимъ казанскимъ учебнымъ округомъ, образовавшаго, подъ непосредственнымъ своимъ наблюденіемъ, особую коммиссію для приведенія библіотеки въ порядокъ (изъ членовъ: Булыгина, Кайсарова, Брашмана, Бюрно и Каземъ-Бека), библіотечныя дѣла стали быстро поправляться; въ октябрѣ 1827 года библіотека была Лобачевскимъ, наконецъ, формально принята—и будущему великому геометру пришлось нести должность библіотекаря университета вплоть до весны 1835 года, съ іюля 1827 года даже совмѣщая ее съ отвѣтственною должностью ректора [64].

Что бы покончить съ вопросомъ о мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ внѣшнему благоустройству библіотеки казанскаго университета, намъ остается коснуться еще нѣсколькихъ, несомнѣнно симпатичныхъ, предложеній, поступившихъ въ совѣтъ университета.

Въ ноябрѣ 1823 года библіотекарь университета проф. Сергѣевъ, исходя изъ той точки зрѣнія, что „большое количество газетъ и журналовъ, выписываемыхъ для университетскаго сословія, вовсе не приноситъ той пользы, какую бы можно ожидать отъ нихъ, потому, что они тотчасъ по полученіи расходятся по рукамъ, задерживаются иногда долго и, когда могутъ прійти въ послѣднія руки, то уже теряютъ свою занимательность", предлагалъ выкладывать ихъ, прикрѣпленными къ особымъ „доскамъ съ замками", за неимѣніемъ для того особаго свободнаго помѣщенія, въ залѣ совѣта, иначе говоря—проектировалъ устройство особой профессорской читальной комнаты, идея, которая въ ту пору осуществленія такъ и не получила.

Въ маѣ 1824 года, при обсужденіи соединенными присутствіями совѣта, правленія и строительнаго комитета вопроса о размѣщеніи во вновь отстраивавшихся университетскихъ зданіяхъ различныхъ учрежденій университета, тотъ же проф. Сергѣевъ требовалъ предоставленія библіотекѣ „обширнаго и отдѣльнаго помѣщенія", высказываясь за желательность „устроенія университетской библіотеки въ видѣ публичной, куда могли бы приходить для чтенія не только студенты, но и постороннія особы, получившія билеты для чтенія", что, по мнѣнію

Сергѣева, „имѣло бы, безъ сомнѣнія, большія выгоды, распространяя просвѣщеніе внѣ аудиторій и ознакомляя университетъ съ городскою публикою",—прекрасная идея, которой также не суждено было получить осуществленія.

Такія же общественно-просвѣтительныя цѣли преслѣдовалъ и проф. Н. И. Лобачевскій, въ іюлѣ 1826 года усиленно настаивавшій, по своему званію библіотекаря, на томъ, что бы какъ библіотека, такъ и кабинеты и собранія университета—были, по опредѣленнымъ днямъ, безпрепятственно открыты для осмотра ихъ и для пользованія ими всѣми желающими изъ городской публики [65]. Съ легкой руки славнаго казанскаго математика, уже въ слѣдующемъ году сдѣлавшагося ректоромъ университета и въ теченіи почти двадцати лѣтъ съ честью державшаго въ своихъ рукахъ представительство университета, эта идея получила практическое осуществленіе и, въ теченіи ряда десятилѣтій, всѣ университетскія собранія и музеи пользовались широкимъ доступомъ для большой публики, въ особенности же въ дни пасхальной недѣли, когда массы сѣраго люда переполняли собою университетскіе музеи, вынося изъ стѣнъ ихъ какъ болѣе или менѣе интересныя и общеполезныя свѣдѣнія и сознаніе, хотя бы и смутное, культурнаго значенія университета, такъ и чувства инстинктивнаго уваженія къ мѣстному „храму наукъ". Съ конца 70-хъ годовъ истекшаго столѣтія такая публичность университетскихъ музеевъ и собраній сдѣлалась только—терпимою, а съ начала 80-хъ годовъ того же столѣтія—она отошла, къ сожалѣнію, уже въ область преданія....

Если въ приведенныхъ нами выше фактахъ и могутъ быть подмѣчены положительныя черты отношенія Магницкаго къ библіотекѣ казанскаго университета, въ смыслѣ заботъ о приведеніи ея въ состояніе надлежащаго благоустройства, то эти положительныя черты совершенно затушевываются отрицательнымъ отношеніемъ его къ этому учрежденію, явившимся результатомъ уже хорошо намъ извѣстныхъ цензурно-охранительныхъ тенденцій, которыми была проникнута вся административная дѣятельность казанскаго попечителя и которыя, какъ мы видѣли это выше, порою дерзко врывались даже въ сферы, совершенно не подлежавшія его компетенціи. Предубѣжденно-фанатическая ненависть Магницкаго къ печатному слову, побуждавшая его еще въ бытность симбирскимъ губернаторомъ пропагандировать крестовый походъ противъ книгъ, давшая ему смѣлость въ представленной на высочайшее имя запискѣ признать свободу книгопечатанія „безпрепятственнымъ волненіемъ и необузданностью мнѣнія общественнаго, трубою для глаголовъ князя тьмы" * и, наконецъ, отлив-

* См. томъ III, стр. 282 и 466—467.

Сергѣева, „имѣло бы, безъ сомнѣнія, большія выгоды, распространяя просвѣщеніе внѣ аудиторій и ознакомляя университетъ съ городскою публикою",—прекрасная идея, которой также не суждено было получить осуществленія.

Такія же общественно-просвѣтительныя цѣли преслѣдовалъ и проф. Н. И. Лобачевскій, въ іюлѣ 1826 года усиленно настаивавшій, по своему званію библіотекаря, на томъ, что бы какъ библіотека, такъ и кабинеты и собранія университета—были, по опредѣленнымъ днямъ, безпрепятственно открыты для осмотра ихъ и для пользованія ими всѣми желающими изъ городской публики [65]. Съ легкой руки славнаго казанскаго математика, уже въ слѣдующемъ году сдѣлавшагося ректоромъ университета и въ теченіи почти двадцати лѣтъ съ честью державшаго въ своихъ рукахъ представительство университета, эта идея получила практическое осуществленіе и, въ теченіи ряда десятилѣтій, всѣ университетскія собранія и музеи пользовались широкимъ доступомъ для большой публики, въ особенности же въ дни пасхальной недѣли, когда массы сѣраго люда переполняли собою университетскіе музеи, вынося изъ стѣнъ ихъ какъ болѣе или менѣе интересныя и общеполезныя свѣдѣнія и сознаніе, хотя бы и смутное, культурнаго значенія университета, такъ и чувства инстинктивнаго уваженія къ мѣстному „храму наукъ". Съ конца 70-хъ годовъ истекшаго столѣтія такая публичность университетскихъ музеевъ и собраній сдѣлалась только—терпимою, а съ начала 80-хъ годовъ того же столѣтія—она отошла, къ сожалѣнію, уже въ область преданія....

Если въ приведенныхъ нами выше фактахъ и могутъ быть подмѣчены положительныя черты отношенія Магницкаго къ библіотекѣ казанскаго университета, въ смыслѣ заботъ о приведеніи ея въ состояніе надлежащаго благоустройства, то эти положительныя черты совершенно затушевываются отрицательнымъ отношеніемъ его къ этому учрежденію, явившимся результатомъ уже хорошо намъ извѣстныхъ цензурно-охранительныхъ тенденцій, которыми была проникнута вся административная дѣятельность казанскаго попечителя и которыя, какъ мы видѣли это выше, порою дерзко врывались даже въ сферы, совершенно не подлежавшія его компетенціи. Предубѣжденно-фанатическая ненависть Магницкаго къ печатному слову, побуждавшая его еще въ бытность симбирскимъ губернаторомъ пропагандировать крестовый походъ противъ книгъ, давшая ему смѣлость въ представленной на высочайшее имя запискѣ признать свободу книгопечатанія „безпрепятственнымъ волненіемъ и необузданностью мнѣнія общественнаго, трубою для глаголовъ князя тьмы" * и, наконецъ, отлив-

* См. томъ III, стр. 282 и 466—467.

шаяся въ длинный рядъ охранительныхъ неистовствъ и извѣтовъ—не замедлила отразиться и на положеніи библіотечнаго дѣла какъ въ казанскомъ университетѣ, какъ и въ училищахъ округа.

Міропріятія по обезпеченію благонамѣренности книжныхъ богатствъ университета и по очищенію университетской библіотеки отъ вредныхъ, съ его личной точки зрѣнія, конечно, книгъ—относятся уже къ первымъ мѣсяцамъ попечительства Магницкаго. „Очистка" эта началась съ книгъ, отдѣленныхъ для студенческой библіотеки университета. Вытребовавъ себѣ опись книгъ этой весьма небольшой библіотеки, заключавшей въ себѣ всего 238 названій, попечитель обратился въ совѣтъ съ слѣдующимъ предложеніемъ отъ 19-го сентября 1819 года:

„Разсматривая реэстръ книгамъ и пособіямъ, составляющимъ студентскую библіотеку, нашелъ я въ ономъ заглавія книгъ или безбожныхъ, или противныхъ нравственности,—какъ то:
№ 7. Курсъ философіи Снелля.
№ 8. Oeuvres de Voltaire.
№ 38. La figure de la Terre etc., par Mauperfuis.
№ 74. Friederichs des Zweiten Auszug aus der Kirchengeschichte etc.
№ 155. Фергюссона—Начальныя основанія нравственной философіи.
№ 161. Suckow's—Entwurf einer Naturlehre.
№ 167. Corani caput primum etc.
Посему предлагаю совѣту, взявъ оныя немедленно изъ студентской библіотеки, замѣнить ихъ другими книгами, соотвѣтствующими цѣли воспитанія".

Не замедлилъ Магницкій принять мѣры и къ очищенію отъ „зловредныхъ" книгъ главной библіотеки университета, вытребовавъ къ себѣ ея каталоги, вмѣстѣ съ каталогами училищныхъ библіотекъ округа:

„Имѣя надобность разсмотрѣть каталогъ книгъ университетской библіотеки, я прошу васъ прислать мнѣ оный,—читаемъ въ предложеніи попечителя, на имя директора университета, отъ 16-го октября 1819 года.—Равнымъ образомъ, истребовавъ отъ директоровъ гимназій таковые же списки книгъ, въ гимназіяхъ и училищахъ находящихся, прошу васъ предложить правленію университета составить изъ надежнѣйшихъ лицъ комитетъ для разсмотрѣнія ихъ каталоговъ и, въ послѣдствіи, доставить ко мнѣ соображенія комитета съ вашимъ мнѣніемъ, дабы книги, противныя доброму воспитанію, могли быть исключены изъ всѣхъ учебныхъ библіотекъ" [66].

шаяся въ длинный рядъ охранительныхъ неистовствъ и извѣтовъ—не замедлила отразиться и на положеніи библіотечнаго дѣла какъ въ казанскомъ университетѣ, какъ и въ училищахъ округа.

Мѣропріятія по обезпеченію благонамѣренности книжныхъ богатствъ университета и по очищенію университетской библіотеки отъ вредныхъ, съ его личной точки зрѣнія, конечно, книгъ—относятся уже къ первымъ мѣсяцамъ попечительства Магницкаго. „Очистка" эта началась съ книгъ, отдѣленныхъ для студенческой библіотеки университета. Вытребовавъ себѣ опись книгъ этой весьма небольшой библіотеки, заключавшей въ себѣ всего 238 названій, попечитель обратился въ совѣтъ съ слѣдующимъ предложеніемъ отъ 19-го сентября 1819 года:

„Разсматривая реэстръ книгамъ и пособіямъ, составляющимъ студентскую библіотеку, нашелъ я въономъ заглавія книгъ или безбожныхъ, или противныхъ нравственности,—какъ то:
№ 7. Курсъ философіи Снелля.
№ 8. Oeuvres de Voltaire.
№ 38. La figure de la Terre etc., par Mauperfuis.
№ 74. Friederichs des Zweiten Auszug aus der Kirchengeschichte etc.
№ 155. Фергюссона—Начальныя основанія нравственной философіи.
№ 161. Suckow's—Entwurf einer Naturlehre.
№ 167. Corani caput primum etc.
Посему предлагаю совѣту, взявъ оныя немедленно изъ студентской библіотеки, замѣнить ихъ другими книгами, соотвѣтствующими цѣли воспитанія".

Не замедлилъ Магницкій принять мѣры и къ очищенію отъ „зловредныхъ" книгъ главной библіотеки университета, вытребовавъ къ себѣ ея каталоги, вмѣстѣ съ каталогами училищныхъ библіотекъ округа:

„Имѣя надобность разсмотрѣть каталогъ книгъ университетской библіотеки, я прошу васъ прислать мнѣ оный,—читаемъ въ предложеніи попечителя, на имя директора университета, отъ 16-го октября 1819 года.—Равнымъ образомъ, истребовавъ отъ директоровъ гимназій таковые же списки книгъ, въ гимназіяхъ и училищахъ находящихся, прошу васъ предложить правленію университета составить изъ надежнѣйшихъ лицъ комитетъ для разсмотрѣнія ихъ каталоговъ и, въ послѣдствіи, доставить ко мнѣ соображенія комитета съ вашимъ мнѣніемъ, дабы книги, противныя доброму воспитанію, могли быть исключены изъ всѣхъ учебныхъ библіотекъ" [66].

Болѣе непосредственнаго характера мѣры къ очищенію университетской библіотеки отъ книгъ зловреднаго содержанія предприняты были Магницкимъ въ уже извѣстномъ намъ предписаніи его отъ 16-го декабря 1819 года (см. выше стр. 128), которымъ особому комитету по приведенію въ порядокъ этой библіотеки, образованному, подъ главнымъ наблюденіемъ директора университета, изъ профессоровъ Вердерамо и Лобачевскаго, въ числѣ другихъ задачъ поручалось „отобрать книги, противныя нравственности или, вообще, не согласныя съ началами добраго воспитанія". Попечитель не былъ склоненъ стѣсняться съ книгами, признававшимися имъ вредными, отдавъ приказаніе—истреблять ихъ, и только наличности гражданскаго мужества у лицъ, стоявшихъ въ то время во главѣ управленія библіотекою (Кондыревъ, Фуксъ, Сергѣевъ, Лобачевскій), обязана эта послѣдняя тѣмъ, что подвергнутыя остракизму и уничтоженію книги были, до поры до времени, скрыты въ укромныхъ мѣстахъ и, тѣмъ самымъ, спасены отъ предназначенной имъ печальной участи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ намъ и П. Ѳ. Желтухинъ въ своемъ отчетѣ о произведенной имъ ревизіи управленія Магницкаго: „Оканчивая замѣчанія по учебной части,—читаемъ мы въ этомъ донесеніи,—я долженъ здѣсь упомянуть о произвольномъ распоряженіи г. попечителя въ истребленіи многихъ казенныхъ книгъ, принадлежащихъ библіотекѣ; впрочемъ, предписаніе сіе не выполнено и книги, благоразумнымъ распоряженіемъ профессоровъ, отдѣлены въ особое мѣсто" [67].

Въ то самое время, когда Желтухинъ производилъ ревизію университета, въ университетской библіотекѣ, по предписанію Магницкаго, единолично хозяйничалъ, какъ мы это видѣли выше, попечительскій любимецъ—адъюнктъ Краузе, усердно и съ рискомъ для самого себя державшій во все время ревизіи сторону своего, уже пошатнувшагося, патрона. Представляется вполнѣ естественнымъ, что, при осмотрѣ имъ библіотеки, Желтухинъ поинтересовался книгами, на которыя наложено было грозное попечительское veto,—и сохранившееся въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія производство по этой ревизіи рисуетъ намъ любопытный эпизодъ, разыгравшійся при этомъ между ревизоромъ, ректоромъ Фуксомъ и адъюнктомъ Краузе. Вотъ какъ возстановляетъ этотъ эпизодъ самъ Краузе въ показаніи отъ 30-го марта 1826 г., данномъ имъ ректору и стоившемъ ему увольненія съ испорченнымъ аттестатомъ изъ университетской службы:

Болѣе непосредственнаго характера мѣры къ очищенію университетской библіотеки отъ книгъ зловреднаго содержанія предприняты были Магницкимъ въ уже извѣстномъ намъ предписаніи его отъ 16-го декабря 1819 года (см. выше стр. 128), которымъ особому комитету по приведенію въ порядокъ этой библіотеки, образованному, подъ главнымъ наблюденіемъ директора университета, изъ профессоровъ Вердерамо и Лобачевскаго, въ числѣ другихъ задачъ поручалось „отобрать книги, противныя нравственности или, вообще, не согласныя съ началами добраго воспитанія“. Попечитель не былъ склоненъ стѣсняться съ книгами, признававшимися имъ вредными, отдавъ приказаніе—истреблять ихъ, и только наличности гражданскаго мужества у лицъ, стоявшихъ въ то время во главѣ управленія библіотекою (Кондыревъ, Фуксъ, Сергѣевъ, Лобачевскій), обязана эта послѣдняя тѣмъ, что подвергнутыя остракизму и уничтоженію книги были, до поры до времени, скрыты въ укромныхъ мѣстахъ и, тѣмъ самымъ, спасены отъ предназначенной имъ печальной участи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ намъ и П. Ѳ. Желтухинъ въ своемъ отчетѣ о произведенной имъ ревизіи управленія Магницкаго: „Оканчивая замѣчанія по учебной части,—читаемъ мы въ этомъ донесеніи,—я долженъ здѣсь упомянуть о произвольномъ распоряженіи г. попечителя въ истребленіи многихъ казенныхъ книгъ, принадлежащихъ библіотекѣ; впрочемъ, предписаніе сіе не выполнено и книги, благоразумнымъ распоряженіемъ профессоровъ, отдѣлены въ особое мѣсто“ [67].

Въ то самое время, когда Желтухинъ производилъ ревизію университета, въ университетской библіотекѣ, по предписанію Магницкаго, единолично хозяйничалъ, какъ мы это видѣли выше, попечительскій любимецъ—адъюнктъ Краузе, усердно и съ рискомъ для самого себя державшій во все время ревизіи сторону своего, уже пошатнувшагося, патрона. Представляется вполнѣ естественнымъ, что, при осмотрѣ имъ библіотеки, Желтухинъ поинтересовался книгами, на которыя наложено было грозное попечительское veto,—и сохранившееся въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія производство по этой ревизіи рисуетъ намъ любопытный эпизодъ, разыгравшійся при этомъ между ревизоромъ, ректоромъ Фуксомъ и адъюнктомъ Краузе. Вотъ какъ возстановляетъ этотъ эпизодъ самъ Краузе въ показаніи отъ 30-го марта 1826 г., данномъ имъ ректору и стоившемъ ему увольненія съ испорченнымъ аттестатомъ изъ университетской службы:

„Во исполненіе предписанія вашего высокородія отъ 23-го марта о немедленномъ увѣдомленіи васъ—какія именно книги, при осмотрѣ библіотеки г. генералъ-маіоромъ Желтухинымъ, изъ подвергнутыхъ запрещенію найдены неподлежащими оному и какія на то сдѣланы были замѣчанія, честь имѣю донести, что въ вашемъ присутствіи происходило слѣдующее.

Послѣ нѣкоторыхъ вопросовъ о моихъ занятіяхъ по библіотекѣ, его превосходительство спросилъ меня—что я намѣренъ сдѣлать съ запрещенными книгами, вѣрно хочу ихъ сжечь? На сіе я отвѣчалъ, что ничего о томъ не знаю и что мнѣ приказано только положить въ особенный шкафъ всѣ негодныя книги, которыя мнѣ тѣмъ болѣе извѣстны, что я—секретарь цензурнаго комитета.

— А какія это именно книги?—продолжалъ его превосходительство.

— Мерзости (des abominations), какъ „La Pucelle" и всѣ негодныя сочиненія Вольтера, сквернословія (les saletées) Дидерота и, вообще, всѣ книги, писанныя противъ Бога и Государя.

На сей отвѣтъ его превосходительство изволилъ возразить мнѣ, что сіе ничто иное, какъ—фанатизмъ, что онъ самъ читалъ пять разъ уже „La Pucelle" и намѣренъ еще читать ее, и что всѣ книги должны быть открыты для профессоровъ.

Относительно профессоровъ я отвѣчалъ его превосходительству, что нѣтъ никакого приказанія о запрещеніи имъ брать такія книги, но что и сіе опасно по извѣстнымъ мнѣ примѣрамъ и что отъ того, непредвидимымъ случаемъ, могутъ попасться столь пагубныя книги въ руки студентовъ и погубить ихъ.

Потомъ его превосходительство изволилъ говорить съ вашимъ высокородіемъ, особенно когда, по вашему приказанію, я представилъ ему систематическій порядокъ библіотеки, а вы продолжали съ нимъ разговоръ о фанатизмѣ и о томъ, что довольно вѣрить во Христа, что все прочее—ничего не значитъ, и что никакія книги не должны быть запрещены въ университетѣ, и о многомъ другомъ, подобномъ тому, что вы, вѣрно, сами изволите помнить.

Далѣе его превосходительство приказалъ мнѣ подать ему какую нибудь изъ запрещенныхъ книгъ. Я, безъ всякаго разбора, вынулъ изъ шкафа,—какъ вы сами видѣли,—одну подъ названіемъ: „Confidences philosophiques" и его превосходительство, прочетши страницу, отдалъ оную книгу вамъ, говоря, что сія книга прекрасно написана, и вы сами туже самую страницу читали. При семъ осмѣлился я сказать его превосходительству мое о сей книгѣ мнѣніе, что оная писана противъ догматовъ вѣры и правъ государя.

Наконецъ, его превосходительство изволилъ сказать, что онъ согласенъ на то, дабы молодые люди не читали таковыхъ сочиненій, но что не надобно оныя истреблять.

„Во исполненіе предписанія вашего высокородія отъ 23-го марта о немедленномъ увѣдомленіи васъ—какія именно книги, при осмотрѣ библіотеки г. генералъ-маіоромъ Желтухинымъ, изъ подвергнутыхъ запрещенію найдены неподлежащими оному и какія на то сдѣланы были замѣчанія, честь имѣю донести, что въ вашемъ присутствіи происходило слѣдующее.

Послѣ нѣкоторыхъ вопросовъ о моихъ занятіяхъ по библіотекѣ, его превосходительство спросилъ меня—что я намѣренъ сдѣлать съ запрещенными книгами, вѣрно хочу ихъ сжечь? На сіе я отвѣчалъ, что ничего о томъ не знаю и что мнѣ приказано только положить въ особенный шкафъ всѣ негодныя книги, которыя мнѣ тѣмъ болѣе извѣстны, что я—секретарь цензурнаго комитета.

— А какія это именно книги?—продолжалъ его превосходительство.

— Мерзости (des abominations), какъ „La Pucelle“ и всѣ негодныя сочиненія Вольтера, сквернословія (les saletées) Дидерота и, вообще, всѣ книги, писанныя противъ Бога и Государя.

На сей отвѣтъ его превосходительство изволилъ возразить мнѣ, что сіе ничто иное, какъ—фанатизмъ, что онъ самъ читалъ пять разъ уже „La Pucelle“ и намѣренъ еще читать ее, и что всѣ книги должны быть открыты для профессоровъ.

Относительно профессоровъ я отвѣчалъ его превосходительству, что нѣтъ никакого приказанія о запрещеніи имъ брать такія книги, но что и сіе опасно по извѣстнымъ мнѣ примѣрамъ и что отъ того, непредвидимымъ случаемъ, могутъ попасться столь пагубныя книги въ руки студентовъ и погубить ихъ.

Потомъ его превосходительство изволилъ говорить съ вашимъ высокородіемъ, особенно когда, по вашему приказанію, я представилъ ему систематическій порядокъ библіотеки, а вы продолжали съ нимъ разговоръ о фанатизмѣ и о томъ, что довольно вѣрить во Христа, что все прочее—ничего не значитъ, и что никакія книги не должны быть запрещены въ университетѣ, и о многомъ другомъ, подобномъ тому, что вы, вѣрно, сами изволите помнить.

Далѣе его превосходительство приказалъ мнѣ подать ему какую нибудь изъ запрещенныхъ книгъ. Я, безъ всякаго разбора, вынулъ изъ шкафа,—какъ вы сами видѣли,—одну подъ названіемъ: „Confidences philosophiques“ и его превосходительство, прочетши страницу, отдалъ оную книгу вамъ, говоря, что сія книга прекрасно написана, и вы сами туже самую страницу читали. При семъ осмѣлился я сказать его превосходительству мое о сей книгѣ мнѣніе, что оная писана противъ догматовъ вѣры и правъ государя.

Наконецъ, его превосходительство изволилъ сказать, что онъ согласенъ на то, дабы молодые люди не читали таковыхъ сочиненій, но что не надобно оныя истреблять.

— Сего въ казанскомъ университетѣ никогда не бывало!—отвѣчалъ я его превосходительству, но ваше высокородіе изволили увѣрять г. генерала, что книги были сожжены при директорѣ Владимірскомъ и что вы это очень помните.

Тогда доложилъ я его превосходительству, что я это слышу въ первый разъ, хотя и нахожусь уже при университетѣ много лѣтъ. Такимъ образомъ разговоръ о библіотекѣ и кончился".

Показаніе Краузе породило цѣлую бурю, вызвавъ горячія возраженія и обвиненія во лжи и со стороны Желтухина, и со стороны Фукса. Не преминулъ воспользоваться этимъ показаніемъ и самъ Магницкій, обративъ его въ оружіе противъ ректора: „Ректоръ въ угожденіе ревизору забылъ здѣсь инструкцію,—писалъ онъ по этому поводу,—и открыто запечатлѣлъ предательство и добрыхъ началъ, и университета, въ которомъ служитъ болѣе двадцати лѣтъ. Ибо, если онъ и не думаетъ согласно съ симъ кореннымъ закономъ университета, коего онъ есть первый исполнитель, то, по крайней мѣрѣ, совершенно противныхъ ему правилъ посреди сего университета и при свидѣтеляхъ открывать не въ правѣ. Онъ тутъ же ложно донесъ г. Желтухину, что въ университетѣ жгли книги. Были, съ разрѣшенія попечителя округа, вырѣзаны изъ книги, для всѣхъ училищъ присланной (Избранныя сочиненія), нѣсколько листовъ безбожной пьесы Фонъ-Визина, но сіе не значитъ жечь книги. Слѣдовательно, доносъ ректора—ложный" [68].

Оставляя открытымъ вопросъ о томъ, жгли или не жгли по приказаніямъ Магницкаго и Владимірскаго „зловредныя" книги университетской библіотеки,—документальныхъ данныхъ относительно этого рода ауто-дафе сохраниться, конечно, и не могло,—укажемъ, что охранительныя попеченія Магницкаго простирались даже на періодическія изданія, выписывавшіяся по постановленіямъ совѣта. И въ этомъ направленіи попечитель властно накладывалъ на университетъ свою тяжелую руку. Такъ, уже въ первый годъ своего попечительства, предписаніемъ отъ 24-го октября 1819 года, онъ предложилъ совѣту воздержаться отъ выписыванія иностранныхъ повременныхъ изданій, ограничившись одними только русскими, изъ которыхъ, тѣмъ не менѣе, онъ запретилъ полученіе слѣдующихъ: „Сѣверной Почты", „Вѣстника Европы", „Сына Отечества", „Духа Журналовъ", „Соревнователя Просвѣщенія", „Благонамѣреннаго", „Журнала Древней и Новой Словесности" и „Дерптской Газеты". Да чего и ожидать было, впрочемъ, въ этомъ отношеніи отъ неистоваго обскуранта-попечителя, который зловредными признавалъ,

— Сего въ казанскомъ университетѣ никогда не бывало!—отвѣчалъ я его превосходительству, но ваше высокородіе изволили увѣрять г. генерала, что книги были сожжены при директорѣ Владимірскомъ и что вы это очень помните.

Тогда доложилъ я его превосходительству, что я это слышу въ первый разъ, хотя и нахожусь уже при университетѣ много лѣтъ. Такимъ образомъ разговоръ о библіотекѣ и кончился".

Показаніе Краузе породило цѣлую бурю, вызвавъ горячія возраженія и обвиненія во лжи и со стороны Желтухина, и со стороны Фукса. Не преминулъ воспользоваться этимъ показаніемъ и самъ Магницкій, обративъ его въ оружіе противъ ректора: „Ректоръ въ угожденіе ревизору забылъ здѣсь инструкцію,—писалъ онъ по этому поводу,—и открыто запечатлѣлъ предательство и добрыхъ началъ, и университета, въ которомъ служитъ болѣе двадцати лѣтъ. Ибо, если онъ и не думаетъ согласно съ симъ коренньмъ закономъ университета, коего онъ есть первый исполнитель, то, по крайней мѣрѣ, совершенно противныхъ ему правилъ посреди сего университета и при свидѣтеляхъ открывать не въ правѣ. Онъ тутъ же ложно донесъ г. Желтухину, что въ университетѣ жгли книги. Были, съ разрѣшенія попечителя округа, вырѣзаны изъ книги, для всѣхъ училищъ присланной (Избранныя сочиненія), нѣсколько листовъ безбожной пьесы Фонъ-Визина, но сіе не значитъ жечь книги. Слѣдовательно, доносъ ректора—ложный" [68].

Оставляя открытымъ вопросъ о томъ, жгли или не жгли по приказаніямъ Магницкаго и Владимірскаго „зловредныя" книги университетской библіотеки,—документальныхъ данныхъ относительно этого рода ауто-дафе сохраниться, конечно, и не могло,—укажемъ, что охранительныя попеченія Магницкаго простирались даже на періодическія изданія, выписывавшіяся по постановленіямъ совѣта. И въ этомъ направленіи попечитель властно накладывалъ на университетъ свою тяжелую руку. Такъ, уже въ первый годъ своего попечительства, предписаніемъ отъ 24-го октября 1819 года, онъ предложилъ совѣту воздержаться отъ выписыванія иностранныхъ повременныхъ изданій, ограничившись одними только русскими, изъ которыхъ, тѣмъ не менѣе, онъ запретилъ полученіе слѣдующихъ: „Сѣверной Почты", „Вѣстника Европы", „Сына Отечества", „Духа Журналовъ", „Соревнователя Просвѣщенія", „Благонамѣреннаго", „Журнала Древней и Новой Словесности" и „Дерптской Газеты". Да чего и ожидать было, впрочемъ, въ этомъ отношеніи отъ неистоваго обскуранта-попечителя, который зловредными признавалъ,

какъ мы это видѣли, ходатайствуя объ ихъ изъятіи изъ обращенія, и церковную исторію преосв. Филарета, и даже періодическій органъ своего же собственнаго министерства! *...

Многочисленные факты ожесточеннаго гоненія Магницкаго на книги, признававшіяся имъ неблагонадежными и даже вредными, въ своемъ мѣстѣ уже были приведены нами. Укажемъ въ настоящую минуту нѣкоторые факты подобнаго же рода, имѣвшіе уже непосредственное соотношеніе къ библіотекѣ казанскаго университета. Стѣсняя университетъ въ выборѣ предполагаемыхъ имъ къ выпискѣ періодическихъ изданій, попечитель самовольно вмѣшивался и въ дѣло выписки для библіотеки книгъ по представленіямъ отдѣльныхъ профессоровъ. Въ 1820-мъ году, напримѣръ, согласно представленію о томъ профессора Кондырева, выписана была для библіотеки книга „Всеобщій секретарь и стряпчій",—одно изъ многочисленныхъ изданій, появлявшихся въ ту пору съ цѣлью популяризаціи въ обществѣ необходимыхъ юридическихъ свѣдѣній. Мы не знаемъ, что возъимѣлъ попечитель противъ этой книги чисто-справочнаго характера, но имъ запрещено было включать ее въ составъ книгъ университетской библіотеки, съ предписаніемъ „обратить для собственнаго употребленія къ тому, кто ее рекомендовалъ", т. е. къ профессору Кондыреву [69].

Съ особенною строгостью относился Магницкій къ книгамъ, присылавшимся для университетской библіотеки изъ заграницы,—и ни одна иностранная книга не могла избѣгнуть бдительности попечителя, такъ какъ книги подобнаго рода проходили или черезъ его руки, или же ему неукоснительно присылались донесенія о нихъ отъ директора университета. Лѣтомъ 1820 года почетный членъ казанскаго университета, извѣстный германскій богословъ, филологъ и археологъ І. Беллерманъ **, прислалъ казанскому университету въ даръ цѣлую серію своихъ книгъ и брошюръ, при высокопарно-написанномъ латинскомъ письмѣ, въ которомъ, между прочимъ, выражалъ казанскимъ университетскимъ сочленамъ пожеланіе: „Faxit Deus, ut universitatis vestrae incrementum plus ultra in aerum excurrat, et ut doctores auditoresque bene vivant, floreant, vigeant!"... Ни научное имя, ни соотношеніе Беллермана къ казанскому университету—не спасли его книжнаго дара отъ

---

* См. выше стр. 61, 64.

** Свѣдѣнія о І. Беллерманѣ (1754—1842) интересующіеся найдутъ въ полутомѣ 5-мъ «Энциклопедическаго Словаря» Брокгауза и Ефрона. Беллерманъ былъ провозглашенъ почетнымъ членомъ 21-го октября 1814 г., въ годъ полнаго открытія казанскаго университета.

какъ мы это видѣли, ходатайствуя объ ихъ изъятіи изъ обращенія, и церковную исторію преосв. Филарета, и даже періодическій органъ своего же собственнаго министерства! *...

Многочисленные факты ожесточеннаго гоненія Магницкаго на книги, признававшіяся имъ неблагонадежными и даже вредными, въ своемъ мѣстѣ уже были приведены нами. Укажемъ въ настоящую минуту нѣкоторые факты подобнаго же рода, имѣвшіе уже непосредственное соотношеніе къ библіотекѣ казанскаго университета. Стѣсняя университетъ въ выборѣ предполагаемыхъ имъ къ выпискѣ періодическихъ изданій, попечитель самовольно вмѣшивался и въ дѣло выписки для библіотеки книгъ по представленіямъ отдѣльныхъ профессоровъ. Въ 1820-мъ году, напримѣръ, согласно представленію о томъ профессора Кондырева, выписана была для библіотеки книга „Всеобщій секретарь и стряпчій",—одно изъ многочисленныхъ изданій, появлявшихся въ ту пору съ цѣлью популяризаціи въ обществѣ необходимыхъ юридическихъ свѣдѣній. Мы не знаемъ, что возъимѣлъ попечитель противъ этой книги чисто-справочнаго характера, но имъ запрещено было включать ее въ составъ книгъ университетской библіотеки, съ предписаніемъ „обратить для собственнаго употребленія къ тому, кто ее рекомендовалъ", т. е. къ профессору Кондыреву [69].

Съ особенною строгостью относился Магницкій къ книгамъ, присылавшимся для университетской библіотеки изъ заграницы,—и ни одна иностранная книга не могла избѣгнуть бдительности попечителя, такъ какъ книги подобнаго рода проходили или черезъ его руки, или же ему неукоснительно присылались донесенія о нихъ отъ директора университета. Лѣтомъ 1820 года почетный членъ казанскаго университета, извѣстный германскій богословъ, филологъ и археологъ I. Беллерманъ **, прислалъ казанскому университету въ даръ цѣлую серію своихъ книгъ и брошюръ, при высокопарно-написанномъ латинскомъ письмѣ, въ которомъ, между прочимъ, выражалъ казанскимъ университетскимъ сочленамъ пожеланіе: „Faxit Deus, ut universitatis vestrae incrementum plus ultra in aerum excurrat, et ut doctores auditoresque bene vivant, floreant, vigeant!"... Ни научное имя, ни соотношеніе Беллермана къ казанскому университету—не спасли его книжнаго дара отъ

---

* См. выше стр. 61, 64.

** Свѣдѣнія о I. Беллерманѣ (1754—1842) интересующіеся найдутъ въ полутомѣ 5-мъ «Энциклопедическаго Словаря» Брокгауза и Ефрона. Беллерманъ былъ провозглашенъ почетнымъ членомъ 21-го октября 1814 г., въ годъ полнаго открытія казанскаго университета.

охранительнаго ока попечителя, обратившагося къ ректору университета съ предписаніемъ „поручить кому либо изъ чиновниковъ университета разсмотрѣть сочиненія Беллермана и о достоинствѣ ихъ увѣдомить меня". Особенно смущало Магницкаго, повидимому, сочиненіе Беллермана подъ заглавіемъ: „Ueber das bisher bezweifelte Dasein des Rattenkoeniges" (Berlin, 1820). Впрочемъ, проф. Тимьянскій, которому, какъ натуралисту, поручено было дать отзывъ объ этой книгѣ, не замедлилъ успокоить сомнѣнія попечителя поясненіемъ, что здѣсь „подъ именемъ „крысовыхъ (sic) царей (Rattenkoenig) изстари были разумѣемы крысы, хвостами сросшіяся", но что „существованіе ихъ подвергалось для ученыхъ людей сомнѣнію, а многіе почитали ихъ даже за баснословное существо", почему и „книжка сія, содержа повѣствованіе о былой вещи, заслуживаетъ столько же вниманія, какъ и царскія крысы". Остальныя сочиненія Беллермана поручены были разсмотрѣніемъ профессору Эрдману и адъюнкту Дунаеву, признавшими, первый—что „изслѣдованіе авторомъ вещей столь темныхъ не можно оставить безъ благодарности", а второй—что въ трудахъ его „не нашелъ ничего противнаго ни доброй нравственности, ни гражданскимъ установленіямъ, ни христіанской вѣрѣ, также ничего и особенно отличнаго". Не взирая на эти „благосклонные" отзывы казанскихъ ученыхъ, Магницкій наложилъ свое veto на два сочиненія Беллермана и, въ частности, на его трактатъ о „Книгѣ Іова" („Ueber Hiob"), давъ слѣдующее предложеніе на имя ректора университета: „Предоставляю вамъ присланныя г. Беллерманомъ книжки внести въ университетскую библіотеку, исключая № 1-й—Ueber Hiob, которая, по странному и уродливому для священной книги наименованію, предлагаемому сочинителемъ, представляется невмѣстною".

Заподозрѣнная Магницкимъ „неблагонамѣренность" книгъ—однажды послужила ему даже поводомъ къ исключенію изъ этого званія одного изъ почетныхъ членовъ казанскаго университета. Рѣчь идетъ въ данномъ случаѣ о сенаторѣ и членѣ парижскаго національнаго института, извѣстномъ богословѣ, публицистѣ и дѣятелѣ великой французской революціи Анри Грегуарѣ, еще 21-го октября 1814 г. избраннымъ почетнымъ членомъ казанскаго университета. Весь сыръ-боръ загорѣлся изъ за того, что Грегуаромъ были присланы для казанскаго университета, черезъ директора императорскаго общества испытателей природы, двѣ книги своего сочиненія. Это обстоятельство обратило на себя вниманіе попечителя и, согласно его предписанію, директоромъ университета Владимірскимъ 21-го января 1821 года предъявленъ былъ

охранительнаго ока попечителя, обратившагося къ ректору университета съ предписаніемъ „поручить кому либо изъ чиновниковъ университета разсмотрѣть сочиненія Беллермана и о достоинствѣ ихъ увѣдомить меня". Особенно смущало Магницкаго, повидимому, сочиненіе Беллермана подъ заглавіемъ: „Ueber das bisher bezweifelte Dasein des Rattenkoeniges" (Berlin, 1820). Впрочемъ, проф. Тимьянскій, которому, какъ натуралисту, поручено было дать отзывъ объ этой книгѣ, не замедлилъ успокоить сомнѣнія попечителя поясненіемъ, что здѣсь „подъ именемъ „крысовыхъ (sic) царей (Rattenkoenig) изстари были разумѣемы крысы, хвостами сросшіяся", но что „существованіе ихъ подвергалось для ученыхъ людей сомнѣнію, а многіе почитали ихъ даже за баснословное существо", почему и „книжка сія, содержа повѣствованіе о былой вещи, заслуживаетъ столько же вниманія, какъ и царскія крысы". Остальныя сочиненія Беллермана поручены были разсмотрѣніемъ профессору Эрдману и адъюнкту Дунаеву, признавшими, первый—что „изслѣдованіе авторомъ вещей столь темныхъ не можно оставить безъ благодарности", а второй—что въ трудахъ его „не нашелъ ничего противнаго ни доброй нравственности, ни гражданскимъ установленіямъ, ни христіанской вѣрѣ, также ничего и особенно отличнаго". Не взирая на эти „благосклонные" отзывы казанскихъ ученыхъ, Магницкій наложилъ свое veto на два сочиненія Беллермана и, въ частности, на его трактатъ о „Книгѣ Іова" („Ueber Hiob"), давъ слѣдующее предложеніе на имя ректора университета: „Предоставляю вамъ присланныя г. Беллерманомъ книжки внести въ университетскую библіотеку, исключая № 1-й—Ueber Hiob, которая, по странному и уродливому для священной книги наименованію, предлагаемому сочинителемъ, представляется невмѣстною".

Заподозрѣнная Магницкимъ „неблагонамѣренность" книгъ—однажды послужила ему даже поводомъ къ исключенію изъ этого званія одного изъ почетныхъ членовъ казанскаго университета. Рѣчь идетъ въ данномъ случаѣ о сенаторѣ и членѣ парижскаго національнаго института, извѣстномъ богословѣ, публицистѣ и дѣятелѣ великой французской революціи Анри Грегуарѣ, еще 21-го октября 1814 г. избранномъ почетнымъ членомъ казанскаго университета. Весь сыръ-боръ загорѣлся изъ за того, что Грегуаромъ были присланы для казанскаго университета, черезъ директора императорскаго общества испытателей природы, двѣ книги своего сочиненія. Это обстоятельство обратило на себя вниманіе попечителя и, согласно его предписанію, директоромъ университета Владимірскимъ 21-го января 1821 года предъявленъ былъ

совѣту университета слѣдующій рядъ запросовъ: „Кто сей Грегоаръ, и не тотъ ли самый есть, который, бывъ епископомъ до революціи, былъ одинъ изъ первыхъ осудителей короля на смерть и за сіе недавно изъ палаты депутатовъ французскихъ исключенъ? * Кто представилъ его къ удостоенію званія почетнаго члена и когда? Которымъ министромъ утвержденъ онъ въ семъ званіи и когда? Чѣмъ пользуется университетъ, пріобрѣтши сего члена?“ Совѣтъ университета отвѣтилъ на эти запросы, что „изъ сочиненія г. Грегоара, подъ заглавіемъ: Seconde lettre aux electeurs etc., находящагося въ университетской библіотекѣ, ясно видѣть можно, что онъ тотъ самый, который до революціи былъ епископомъ, а во время оной одинъ изъ осудителей короля на смерть, потому что онъ въ той книжкѣ защищается (sic!) отъ уличеній его въ семъ преступленіи“, что „кто предложилъ избрать его въ почетные члены—неизвѣстно“, но что онъ 21-го октября 1814 года избранъ былъ въ это званіе въ числѣ людей „ученостью отличившихся какъ въ Россіи, такъ и въ чужихъ краяхъ“; библіотекарь университета проф. Кондыревъ добавилъ къ этому, что „библіотека пріобрѣла отъ г. Грегоара нѣсколько тетрадокъ его сочиненій 1820-го года, препровожденныхъ чрезъ департаментъ народнаго просвѣщенія, а болѣе университетъ ничѣмъ не пользовался отъ сего г. почетнаго члена“. Само собою разумѣется, что совѣтъ университета поспѣшилъ представить ходатайство объ исключеніи Грегуара изъ числа своихъ почетныхъ членовъ и Магницкій могъ 28-го октября увѣдомить университетъ, что „государь императоръ повелѣть соизволилъ имя Грегоара изъ списка почетныхъ членовъ казанскаго университета—исключить“ [70].

Что касается вопроса о пополненіи библіотеки казанскаго университета новыми книгами, то эпоха попечительства Магницкаго не представлялась въ этомъ отношеніи благопріятною, что въ значительной степени объясняется какъ безпорядочнымъ состояніемъ, въ которомъ находилась въ то время библіотека и благодаря которому безплодно старались справиться даже и съ наличнымъ ея инвентаремъ, такъ и тою мнительною осторожностью, съ какою относился попечитель къ пріобрѣтенію новыхъ изданій; не всякому представлялась завидною участь Кондырева, которому, по распоряженію Магницкаго, была прикинута выписанная по его представленію и не понравившаяся начальству книга. Только

* Обвиненіе въ требованіи казни Людовика XVI-го было въ свое время не только снято съ Грегуара, но доказано его противодѣйствіе этому постановленію конвента (См. Энциклопед. Словарь Брокгауза и Ефрона, полут. 18, стр. 601—602).

совѣту университета слѣдующій рядъ запросовъ: „Кто сей Грегоаръ, и не тотъ ли самый есть, который, бывъ епископомъ до революціи, былъ одинъ изъ первыхъ осудителей короля на смерть и за сіе недавно изъ палаты депутатовъ французскихъ исключенъ? * Кто представилъ его къ удостоенію званія почетнаго члена и когда? Которымъ министромъ утвержденъ онъ въ семъ званіи и когда? Чѣмъ пользуется университетъ, пріобрѣтши сего члена?“ Совѣтъ университета отвѣтилъ на эти запросы, что „изъ сочиненія г. Грегоара, подъ заглавіемъ: Seconde lettre aux electeurs etc., находящагося въ университетской библіотекѣ, ясно видѣть можно, что онъ тотъ самый, который до революціи былъ епископомъ, а во время оной одинъ изъ осудителей короля на смерть, потому что онъ въ той книжкѣ защищается (sic!) отъ уличеній его въ семъ преступленіи“, что „кто предложилъ избрать его въ почетные члены—неизвѣстно“, но что онъ 21-го октября 1814 года избранъ былъ въ это званіе въ числѣ людей „ученостью отличившихся какъ въ Россіи, такъ и въ чужихъ краяхъ“; библіотекарь университета проф. Кондыревъ добавилъ къ этому, что „библіотека пріобрѣла отъ г. Грегоара нѣсколько тетрадокъ его сочиненій 1820-го года, препровожденныхъ чрезъ департаментъ народнаго просвѣщенія, а болѣе университетъ ничѣмъ не пользовался отъ сего г. почетнаго члена“. Само собою разумѣется, что совѣтъ университета поспѣшилъ представить ходатайство объ исключеніи Грегуара изъ числа своихъ почетныхъ членовъ и Магницкій могъ 28-го октября увѣдомить университетъ, что „государь императоръ повелѣть соизволилъ имя Грегоара изъ списка почетныхъ членовъ казанскаго университета—исключить“ [70].

Что касается вопроса о пополненіи библіотеки казанскаго университета новыми книгами, то эпоха попечительства Магницкаго не представлялась въ этомъ отношеніи благопріятною, что въ значительной степени объясняется какъ безпорядочнымъ состояніемъ, въ которомъ находилась въ то время библіотека и благодаря которому безплодно старались справиться даже и съ наличнымъ ея инвентаремъ, такъ и тою мнительною осторожностью, съ какою относился попечитель къ пріобрѣтенію новыхъ изданій; не всякому представлялась завидною участь Кондырева, которому, по распоряженію Магницкаго, была прикинута выписанная по его представленію и не понравившаяся начальству книга. Только

* Обвиненіе въ требованіи казни Людовика XVI-го было въ свое время не только снято съ Грегуара, но доказано его противодѣйствіе этому постановленію конвента (См. Энциклопед. Словарь Брокгауза и Ефрема, полут. 18, стр. 601—602).

въ концѣ 1824 года, слѣдовательно уже почти на исходѣ управленія своего округомъ, проявилъ Магницкій заботу,—оказавшуюся, впрочемъ, чисто платоническою,—относительно пополненія библіотеки ввѣреннаго ему университета. 14-го ноября этого года онъ вошелъ въ совѣтъ университета съ предложеніемъ, въ которомъ, ставя на видъ, что „библіотека казанскаго университета, собранная въ разное время безъ системы, давно уже отстала отъ пріобрѣтенія постепенно выходившихъ вновь твореній, а нѣкоторыхъ изъ нихъ и вовсе не имѣетъ", и что онъ „давно видя неприличіе сего, останавливался только ожиданіемъ разбора книгъ и каталога имъ, нынѣ же полагаетъ, что уже время привести дѣло сіе къ окончанію"—даетъ совѣту знать, что имъ препровождаются въ университетъ каталоги русскихъ и иностранныхъ книгъ, съ тѣмъ, что бы въ нихъ сдѣланы были отмѣтки—„какія изъ нихъ почтены будутъ нужными къ дополненію въ библіотекѣ находящихся сочиненій и какія потребуется вновь искупить". Предоставляя факультетамъ высказаться о своихъ книжныхъ нуждахъ, не стѣсняясь высылаемыми каталогами, попечитель высказываетъ мнѣніе, что „главный предметъ сего дѣла составляетъ то, что бы имѣть въ библіотекѣ все необходимо нужное, но безъ излишества", и что „дѣло сіе, будучи большой важности, не терпитъ отлагательства". Факультеты и отдѣльные проподаватели не замедлили представить списки предполагаемыхъ ими къ выпискѣ книгъ, но это „не терпящее отлагательства" дѣло далѣе канцелярской переписки не пошло и только уже въ попечительство Мусина-Пушкина, согласно ходатайству университетскаго совѣта и представленію попечителя, послѣдовало высочайшее соизволеніе (отъ 14-го іюля 1830 года) на израсходованіе изъ хозяйственныхъ суммъ казанскаго университета 25-ти тысячъ рублей для капитальнаго пополненія его библіотеки.

Въ годы управленія Магницкаго пріобрѣтеніе для университетской библіотеки книгъ носило характеръ чисто случайный,—не безъ зависимости отъ степени довѣрія и личнаго расположенія попечителя къ тѣмъ или другимъ преподавателямъ. Такъ, въ началѣ 1820 года Магницкій даетъ вновь назначенному въ казанскій университетъ профессору Пальмину порученіе закупить въ Петербургѣ, до выѣзда въ Казань, признанныя „полезными для университетской библіотеки" книги, на сумму 744 рубл. 50 коп. Въ бытность свою лѣтомъ 1822 г. въ Петербургѣ, проф. Лобачевскій, также съ разрѣшенія попечителя, покупаетъ на 880 рублей математическихъ и астрономическихъ книгъ (при соотвѣтствующемъ дѣлѣ имѣется и списокъ ихъ). Бывали и случайныя покупки рукописей: такъ, въ

въ концѣ 1824 года, слѣдовательно уже почти на исходѣ управленія своего округомъ, проявилъ Магницкій заботу,—оказавшуюся, впрочемъ, чисто платоническою,—относительно пополненія библіотеки ввѣреннаго ему университета. 14-го ноября этого года онъ вошелъ въ совѣтъ университета съ предложеніемъ, въ которомъ, ставя на видъ, что „библіотека казанскаго университета, собранная въ разное время безъ системы, давно уже отстала отъ пріобрѣтенія постепенно выходившихъ вновь твореній, а нѣкоторыхъ изъ нихъ и вовсе не имѣетъ", и что онъ „давно видя неприличіе сего, останавливался только ожиданіемъ разбора книгъ и каталога имъ, нынѣ же полагаетъ, что уже время привести дѣло сіе къ окончанію"—даетъ совѣту знать, что имъ препровождаются въ университетъ каталоги русскихъ и иностранныхъ книгъ, съ тѣмъ, что бы въ нихъ сдѣланы были отмѣтки—„какія изъ нихъ почтены будутъ нужными къ дополненію въ библіотекѣ находящихся сочиненій и какія потребуется вновь искупить". Предоставляя факультетамъ высказаться о своихъ книжныхъ нуждахъ, не стѣсняясь высылаемыми каталогами, попечитель высказываетъ мнѣніе, что „главный предметъ сего дѣла составляетъ то, что бы имѣть въ библіотекѣ все необходимо нужное, но безъ излишества", и что „дѣло сіе, будучи большой важности, не терпитъ отлагательства". Факультеты и отдѣльные проподаватели не замедлили представить списки предполагаемыхъ ими къ выпискѣ книгъ, но это „не терпящее отлагательства" дѣло далѣе канцелярской переписки не пошло и только уже въ попечительство Мусина-Пушкина, согласно ходатайству университетскаго совѣта и представленію попечителя, послѣдовало высочайшее соизволеніе (отъ 14-го іюля 1830 года) на израсходованіе изъ хозяйственныхъ суммъ казанскаго университета 25-ти тысячъ рублей для капитальнаго пополненія его библіотеки.

Въ годы управленія Магницкаго пріобрѣтеніе для университетской библіотеки книгъ носило характеръ чисто случайный,—не безъ зависимости отъ степени довѣрія и личнаго расположенія попечителя къ тѣмъ или другимъ преподавателямъ. Такъ, въ началѣ 1820 года Магницкій даетъ вновь назначенному въ казанскій университетъ профессору Пальмину порученіе закупить въ Петербургѣ, до выѣзда въ Казань, признанныя „полезными для университетской библіотеки" книги, на сумму 744 рубл. 50 коп. Въ бытность свою лѣтомъ 1822 г. въ Петербургѣ, проф. Лобачевскій, также съ разрѣшенія попечителя, покупаетъ на 880 рублей математическихъ и астрономическихъ книгъ (при соотвѣтствующемъ дѣлѣ имѣется и списокъ ихъ). Бывали и случайныя покупки рукописей: такъ, въ

ноябрѣ 1822 г. пріобрѣтены для библіотеки, за 15 рублей, рукописные „Октоихъ", съ „Продолженіемъ" къ нему, „Служебная Минея" и „Вечерніе стихи". Приведемъ попутно небольшой, но довольно любопытный, эпизодъ, не безразличный для исторіи казанской университетской библіотеки. Лѣтомъ 1826 года императоръ Николай Павловичъ пожелалъ имѣть свѣдѣнія „о всѣхъ вещахъ, принадлежавшихъ императорской фамиліи, какія со временъ императора Петра Великаго, какъ достопамятныя, поступили для храненія по разнымъ казеннымъ зданіямъ въ государствѣ", въ виду чего соотвѣтствующій запросъ сдѣланъ былъ и казанскому университету. Отвѣтъ былъ тотъ, что таковыхъ вещей ни въ самомъ университетѣ, ни въ подвѣдомственныхъ ему училищахъ округа—не имѣется, и только библіотекарь университета проф. Лобачевскій донесъ совѣту, что въ числѣ книгъ, хранящихся въ библіотекѣ, „можно полагать вѣроятнымъ принадлежавшими императрицѣ Екатеринѣ Великой" слѣдующія два сочиненія: а) „Собраніе фамильныхъ гербовъ, означающихъ отличія благородныхъ родовъ обширныя Россійскія имперіи, частно снятое съ печатей и приведенное въ алфавитный порядокъ статскимъ совѣтникомъ Анисимомъ Князевымъ (Спб., 1785), въ листъ, рукопись, подпись къ посвященію государынѣ своеручная г. Князева" и б) „Dominici Diodati Neopol. exercitatio de Christo Crucce loquento (Neopoli, 1767), in 8-vo, со своеручною надписью преосвященнаго Платона митрополита: Сія книга прислана ко мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества чрезъ г. Козицкаго 1769, февраля 10-го дня"; принадлежность этихъ рукописей императрицѣ Екатеринѣ II обосновывалась Н. И. Лобачевскимъ и на томъ, что „сіи книги поступили изъ библіотеки князя Потемкина, высочайше пожалованной казанской гимназіи" [71].

Что бы покончить съ вопросомъ о состояніи библіотеки казанскаго университета въ эпоху попечительства Магницкаго, сошлемся на оффиціальныя данныя, приведенныя въ печатномъ отчетѣ по университету за 1824—1825 акад. годъ. Изъ этого отчета узнаёмъ, что къ сентябрю мѣсяцу 1825 года библіотека состояла изъ 21,138 томовъ, заключая въ себѣ „много рѣдкихъ изданій, картинъ и эстамповъ", но изъ того же отчета мы усматриваемъ и крайнюю тугость, съ которою шло ея пополненіе: такъ, за отчетный академическій годъ, инвентарь библіотеки увеличился всего лишь на 80 названій сочиненій, изъ которыхъ 20, т. е. четвертая часть, представляли собою даръ отъ различныхъ ученыхъ учрежденій, училищъ и частныхъ лицъ. По окончаніи предпринятаго въ годы попечительства Магницкаго капитальнаго переустройства университетскихъ зданій, придавшаго главному фасаду университета настоящій его видъ, библіотека

ноябрѣ 1822 г. пріобрѣтены для библіотеки, за 15 рублей, рукописные „Октоихъ", съ „Продолженіемъ" къ нему, „Служебная Минея" и „Вечерніе стихи". Приведемъ попутно небольшой, но довольно любопытный, эпизодъ, не безразличный для исторіи казанской университетской библіотеки. Лѣтомъ 1826 года императоръ Николай Павловичъ пожелалъ имѣть свѣдѣнія „о всѣхъ вещахъ, принадлежавшихъ императорской фамиліи, какія со временъ императора Петра Великаго, какъ достопамятныя, поступили для храненія по разнымъ казеннымъ зданіямъ въ государствѣ", въ виду чего соотвѣтствующій запросъ сдѣланъ былъ и казанскому университету. Отвѣтъ былъ тотъ, что таковыхъ вещей ни въ самомъ университетѣ, ни въ подвѣдомственныхъ ему училищахъ округа—не имѣется, и только библіотекарь университета проф. Лобачевскій донесъ совѣту, что въ числѣ книгъ, хранящихся въ библіотекѣ, „можно полагать вѣроятнымъ принадлежавшими императрицѣ Екатеринѣ Великой" слѣдующія два сочиненія: а) „Собраніе фамильныхъ гербовъ, означающихъ отличія благородныхъ родовъ обширныя Россійскія имперіи, частно снятое съ печатей и приведенное въ алфавитный порядокъ статскимъ совѣтникомъ Анисимомъ Князевымъ (Спб., 1785), въ листъ, рукопись, подпись къ посвященію государынѣ своеручная г. Князева" и б) „Dominici Diodati Neopol. exercitatio de Christo Cruсce loquento (Neopoli, 1767), in 8-vo, со своеручною надписью преосвященнаго Платона митрополита: Сія книга прислана ко мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества чрезъ г. Козицкаго 1769, февраля 10-го дня"; принадлежность этихъ рукописей императрицѣ Екатеринѣ II обосновывалась Н. И. Лобачевскимъ и на томъ, что „сіи книги поступили изъ библіотеки князя Потемкина, высочайше пожалованной казанской гимназіи" [71].

Что бы покончить съ вопросомъ о состояніи библіотеки казанскаго университета въ эпоху попечительства Магницкаго, сошлемся на оффиціальныя данныя, приведенныя въ печатномъ отчетѣ по университету за 1824—1825 акад. годъ. Изъ этого отчета узнаёмъ, что къ сентябрю мѣсяцу 1825 года библіотека состояла изъ 21,138 томовъ, заключая въ себѣ „много рѣдкихъ изданій, картинъ и эстамповъ", но изъ того же отчета мы усматриваемъ и крайнюю тугость, съ которою шло ея пополненіе: такъ, за отчетный академическій годъ, инвентарь библіотеки увеличился всего лишь на 80 названій сочиненій, изъ которыхъ 20, т. е. четвертая часть, представляли собою даръ отъ различныхъ ученыхъ учрежденій, училищъ и частныхъ лицъ. По окончаніи предпринятаго въ годы попечительства Магницкаго капитальнаго переустройства университетскихъ зданій, придавшаго главному фасаду университета настоящій его видъ, библіотека

была уже къ сентябрю 1825 года помѣщена, за неимѣніемъ для нея отдѣльнаго зданія *, въ вновь сооруженномъ большомъ университетскомъ залѣ; цитируемый нами отчетъ заявляетъ, что „въ теченіи сего года университетъ, окончивъ строеніемъ главный корпусъ, привелъ всѣ зданія въ надлежащій, и можно сказать, наилучшій видъ“, причемъ „нынѣ съ удобствомъ и пріятностью размѣщены всѣ учебныя пособія“, а „библіотека помѣщена въ огромной и богатой залѣ“ [72].

II

Физическій кабинетъ

Положеніе университетскаго физическаго кабинета ко времени ревизіи Магницкаго.—А. Я. Купферъ, новый профессоръ физики въ казанскомъ университетѣ.—Профессора Купферъ и Симоновъ въ Петербургѣ (1821 г.) и обсужденіе здѣсь мѣропріятій къ лучшему устройству ввѣренныхъ имъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій.—Ассигнованіе 40 тысячъ рублей на пріобрѣтеніе физическихъ и астрономическихъ инструментовъ.—Заграничное путешествіе съ этою цѣлью А. Я. Купфера и И. М. Симонова.—Дѣятельность проф. Купфера по пріобрѣтенію физическихъ инструментовъ.—Мѣропріятія по приведенію въ лучшее устройство физическаго кабинета университета.

Метеорологическія и магнитныя наблюденія при казанскомъ университетѣ.—Зарожденіе мысли о магнитной обсерваторіи.

Мы въ своемъ мѣстѣ видѣли, что физическій кабинетъ казанскаго университета находился въ эпоху ревизіи Магницкаго въ состояніи, весьма близкомъ къ плачевному. Предпринимавшіяся проф. Броннеромъ попытки поставить это университетское учрежденіе на надлежащую степень высоты разбились объ обычное препятствіе того времени—недостатокъ матеріальныхъ средствъ, а послѣдовавшее въ 1813 г. выдѣленіе изъ него гимназическаго собранія инструментовъ — низвело университетскій физическій кабинетъ до уровня небольшого и совершенно случайнаго собранія приборовъ, числившаго въ себѣ къ началу 1819 года всего 34 номера **.

Первыя серьезнаго характера мѣры къ надлежащей монтировкѣ физическаго кабинета относятся лишь къ началу 1823 года и совпали съ назначеніемъ въ казанскій университетъ профессоромъ химіи,—съ „порученіемъ ему же и кафедры физики“, остававшейся вакантною съ уходомъ проф.

---

* Нынѣшнее, такъ называемое «старое», зданіе библіотеки—было выстроено въ 30-хъ годахъ истекшаго столѣтія, въ попечительство М. Н. Мусина-Пушкина и въ ректорство Н. И. Лобачевскаго.

** См. томъ III, стр. 45 и слѣд.

была уже къ сентябрю 1825 года помѣщена, за неимѣніемъ для нея отдѣльнаго зданія *, въ вновь сооруженномъ большомъ университетскомъ залѣ; цитируемый нами отчетъ заявляетъ, что „въ теченіи сего года университетъ, окончивъ строеніемъ главный корпусъ, привелъ всѣ зданія въ надлежащій, и можно сказать, наилучшій видъ“, причемъ „нынѣ съ удобствомъ и пріятностью размѣщены всѣ учебныя пособія“, а „библіотека помѣщена въ огромной и богатой залѣ“ [72].

II

Физическій кабинетъ

Положеніе университетскаго физическаго кабинета ко времени ревизіи Магницкаго.—А. Я. Купферъ, новый профессоръ физики въ казанскомъ университетѣ.—Профессора Купферъ и Симоновъ въ Петербургѣ (1821 г.) и обсужденіе здѣсь мѣропріятій къ лучшему устройству ввѣренныхъ имъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій.—Ассигнованіе 40 тысячъ рублей на пріобрѣтеніе физическихъ и астрономическихъ инструментовъ.—Заграничное путешествіе съ этою цѣлью А. Я. Купфера и И. М. Симонова.—Дѣятельность проф. Купфера по пріобрѣтенію физическихъ инструментовъ.—Мѣропріятія по приведенію въ лучшее устройство физическаго кабинета университета.

Метеорологическія и магнитныя наблюденія при казанскомъ университетѣ.—Зарожденіе мысли о магнитной обсерваторіи.

Мы въ своемъ мѣстѣ видѣли, что физическій кабинетъ казанскаго университета находился въ эпоху ревизіи Магницкаго въ состояніи, весьма близкомъ къ плачевному. Предпринимавшіяся проф. Броннеромъ попытки поставить это университетское учрежденіе на надлежащую степень высоты разбились объ обычное препятствіе того времени—недостатокъ матеріальныхъ средствъ, а послѣдовавшее въ 1813 г. выдѣленіе изъ него гимназическаго собранія инструментовъ — низвело университетскій физическій кабинетъ до уровня небольшого и совершенно случайнаго собранія приборовъ, числившаго въ себѣ къ началу 1819 года всего 34 номера **.

Первыя серьезнаго характера мѣры къ надлежащей монтировкѣ физическаго кабинета относятся лишь къ началу 1823 года и совпали съ назначеніемъ въ казанскій университетъ профессоромъ химіи,—съ „порученіемъ ему же и кафедры физики“, остававшейся вакантною съ уходомъ проф.

* Нынѣшнее, такъ называемое «старое», зданіе библіотеки—было выстроено въ 30-хъ годахъ истекшаго столѣтія, въ попечительство М. Н. Мусина-Пушкина и въ ректорство Н. И. Лобачевскаго.

** См. томъ III, стр. 45 и слѣд.

Броннера,—будущаго академика и устроителя главной физической обсерваторіи А. Я. Купфера, имя котораго неразрывно связано съ начальнымъ процвѣтаніемъ физическаго института казанскаго университета. Еще весною 1823 года, согласно представленію о томъ Магницкаго, министру народнаго просвѣщенія князю А. Н. Голицину удалось исходатайствовать, черезъ комитетъ министровъ, высочайшее соизволеніе на заимствованіе изъ хозяйственныхъ суммъ университета 40 тысячъ рублей для пріобрѣтенія необходимыхъ астрономическихъ и физическихъ инструментовъ.

Интересующее насъ мѣропріятіе имѣетъ свою, и довольно любопытную, исторію. Оказывается, что Магницкій еще осенью 1821 года задался мыслью создать при казанскомъ университетѣ большой физическій кабинетъ, который отвѣчалъ бы всѣмъ современнымъ научнымъ требованіямъ. Воспользовавшись временнымъ пребываніемъ въ Петербургѣ двухъ видныхъ представителей физико-математическаго знанія въ казанскомъ университетѣ, профессоровъ Н. И. Лобачевскаго и И. М. Симонова, попечитель возложилъ на нихъ порученіе представить ему соображенія относительно приведенія въ надлежащее благоустройство двухъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета: Лобачевскому—физическаго кабинета, Симонову—астрономической обсерваторіи. 21-го октября 1821 года Магницкій обратился къ проф. Лобачевскому съ предложеніемъ, въ которомъ, заявивъ, что „желаетъ доставить ему на время пребыванія здѣсь (т. е. въ столицѣ) полезное упражненіе", даетъ ему слѣдующія порученія: а) Составить „списокъ всѣмъ орудіямъ и принадлежностямъ большого физическаго кабинета для казанскаго университита" и б) По утвержденіи сего списка „осмотрѣть извѣстный здѣсь кабинетъ Роспини, прицѣниться у лучшихъ мастеровъ и, ежели нужнымъ почтется, заказать нѣкоторыя орудія". Исполняя препорученіе попечителя, Лобачевскій „осмотрѣлъ кабинетъ Роспини и нашелъ весьма мало орудій, которыя могутъ быть куплены для казанскаго университета", хотя тотъ же Роспини и изъявилъ готовность взять на себя изготовленіе „бóльшей части инструментовъ, сообразно плану большого, вновь заводимаго, физическаго кабинета при казанскомъ университетѣ". Вмѣстѣ съ тѣмъ Лобачевскій уже 30-го ноября представилъ Магницкому списокъ инструментовъ и книгъ, необходимыхъ для будущаго кабинета, распредѣливъ ихъ на двѣ группы: въ первую онъ включилъ инструменты и книги, „кои слѣдуетъ пріобрѣсть немедленно", во вторую—инструменты и книги, „кои составляютъ нѣкоторую роскошь кабинета и могутъ быть пріобрѣтены по времени". Одно-

Броннера,—будущаго академика и устроителя главной физической обсерваторіи А. Я. Купфера, имя котораго неразрывно связано съ начальнымъ процвѣтаніемъ физическаго института казанскаго университета. Еще весною 1823 года, согласно представленію о томъ Магницкаго, министру народнаго просвѣщенія князю А. Н. Голицину удалось исходатайствовать, черезъ комитетъ министровъ, высочайшее соизволеніе на заимствованіе изъ хозяйственныхъ суммъ университета 40 тысячъ рублей для пріобрѣтенія необходимыхъ астрономическихъ и физическихъ инструментовъ.

Интересующее насъ мѣропріятіе имѣетъ свою, и довольно любопытную, исторію. Оказывается, что Магницкій еще осенью 1821 года задался мыслью создать при казанскомъ университетѣ большой физическій кабинетъ, который отвѣчалъ бы всѣмъ современнымъ научнымъ требованіямъ. Воспользовавшись временнымъ пребываніемъ въ Петербургѣ двухъ видныхъ представителей физико-математическаго знанія въ казанскомъ университетѣ, профессоровъ Н. И. Лобачевскаго и И. М. Симонова, попечитель возложилъ на нихъ порученіе представить ему соображенія относительно приведенія въ надлежащее благоустройство двухъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета: Лобачевскому—физическаго кабинета, Симонову—астрономической обсерваторіи. 21-го октября 1821 года Магницкій обратился къ проф. Лобачевскому съ предложеніемъ, въ которомъ, заявивъ, что „желаетъ доставить ему на время пребыванія здѣсь (т. е. въ столицѣ) полезное упражненіе“, даетъ ему слѣдующія порученія: а) Составить „списокъ всѣмъ орудіямъ и принадлежностямъ большого физическаго кабинета для казанскаго университита“ и б) По утвержденіи сего списка „осмотрѣть извѣстный здѣсь кабинетъ Роспини, прицѣниться у лучшихъ мастеровъ и, ежели нужнымъ почтется, заказать нѣкоторыя орудія“. Исполняя препорученіе попечителя, Лобачевскій „осмотрѣлъ кабинетъ Роспини и нашелъ весьма мало орудій, которыя могутъ быть куплены для казанскаго университета“, хотя тотъ же Роспини и изъявилъ готовность взять на себя изготовленіе „бо́льшей части инструментовъ, сообразно плану большого, вновь заводимаго, физическаго кабинета при казанскомъ университетѣ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Лобачевскій уже 30-го ноября представилъ Магницкому списокъ инструментовъ и книгъ, необходимыхъ для будущаго кабинета, распредѣливъ ихъ на двѣ группы: въ первую онъ включилъ инструменты и книги, „кои слѣдуетъ пріобрѣсть немедленно“, во вторую—инструменты и книги, „кои составляютъ нѣкоторую роскошь кабинета и могутъ быть пріобрѣтены по времени“. Одно-

временно поступили и свѣдѣнія, затребованныя отъ проф. Симонова, и уже 9-го декабря 1821 года попечитель вошелъ къ министру народнаго просвѣщенія съ слѣдующимъ интереснымъ представленіемъ:

„Пользуясь пребываніемъ здѣсь профессоровъ Лобачевскаго и Симонова, я поручилъ имъ, первому—составить опись всѣмъ орудіямъ и принадлежностямъ большого физическаго кабинета для казанскаго университета, послѣднему—списокъ нужнымъ для обсерваторіи орудіямъ.

Оба исполнили порученія мои весьма хорошо, не только назначивъ существенно нужное къ пріобрѣтенію, но и указавъ искуснѣйшихъ мастеровъ, коимъ преимущественно заказать можно тѣ или другіе изъ инструментовъ.

На пріобрѣтеніе орудій для обсерваторіи требуется до 20-ти тысячъ рублей, на физическій кабинетъ—столько же, всего 40 тысячъ рублей.

Къ предположенію объ устройствѣ обсерваторіи и большого физическаго кабинета я былъ приведенъ слѣдующими уваженіями:

1. Доселѣ все вниманіе устремлено было на преобразованіе университета, время уже приступить и къ распространенію средствъ учености на положенномъ основаніи христіанскаго ученія.

2. Говоря объ астрономіи, Казань стоитъ между Калькуттскою и европейскими обсерваторіями и имѣетъ особенный участокъ неба, для занимающихся сею частью учености весьма любопытный; посему и наблюденія, въ Казани сдѣланныя, могутъ быть для ученыхъ цѣлей Европы столь же важны, какъ и въ Калькуттѣ дѣлаемыя, ибо обсерваторія казанская—есть самая восточная.

3. Г. Симоновъ въ путешествіи своемъ * пріобрѣлъ рѣдкую опытность и оставить его безъ средствъ къ наблюденіямъ и къ наученію другихъ — было бы для отечественной учености весьма предосудительно.

4. При казанскомъ университетѣ образуется теперь медицинскій факультетъ, въ видѣ особаго института; хорошій физическій кабинетъ необходимъ и для него.

5. Для распространенія вкуса къ ученію и для привлеченія публики къ университету, я располагаю по времени учредить въ университетѣ публичныя лекціи опытной физики.

6. Доставивъ всѣ сіи способы отличному математическому факультету казанскаго университета, я надѣюсь, что г.г. профессоры онаго займутся изданіемъ физико-математическихъ записокъ, кои, безъ сомнѣнія, принесутъ честь имъ и мѣсту ихъ образованія“ [73].

---

* Проф. Симоновъ находился въ то время въ Петербургѣ какъ разъ послѣ возвращенія своего изъ кругосвѣтнаго плаванія.

временно поступили и свѣдѣнія, затребованныя отъ проф. Симонова, и уже 9-го декабря 1821 года попечитель вошелъ къ министру народнаго просвѣщенія съ слѣдующимъ интереснымъ представленіемъ:

„Пользуясь пребываніемъ здѣсь профессоровъ Лобачевскаго и Симонова, я поручилъ имъ, первому—составить опись всѣмъ орудіямъ и принадлежностямъ большого физическаго кабинета для казанскаго университета, послѣднему—списокъ нужнымъ для обсерваторіи орудіямъ.

Оба исполнили порученія мои весьма хорошо, не только назначивъ существенно нужное къ пріобрѣтенію, но и указавъ искуснѣйшихъ мастеровъ, коимъ преимущественно заказать можно тѣ или другіе изъ инструментовъ.

На пріобрѣтеніе орудій для обсерваторіи требуется до 20-ти тысячъ рублей, на физическій кабинетъ—столько же, всего 40 тысячъ рублей.

Къ предположенію объ устройствѣ обсерваторіи и большого физическаго кабинета я былъ приведенъ слѣдующими уваженіями:

1. Доселѣ все вниманіе устремлено было на преобразованіе университета, время уже приступить и къ распространенію средствъ учености на положенномъ основаніи христіанскаго ученія.

2. Говоря объ астрономіи, Казань стоитъ между Калькуттскою и европейскими обсерваторіями и имѣетъ особенный участокъ неба, для занимающихся сею частью учености весьма любопытный; посему и наблюденія, въ Казани сдѣланныя, могутъ быть для ученыхъ цѣлей Европы столь же важны, какъ и въ Калькуттѣ дѣлаемыя, ибо обсерваторія казанская—есть самая восточная.

3. Г. Симоновъ въ путешествіи своемъ * пріобрѣлъ рѣдкую опытность и оставить его безъ средствъ къ наблюденіямъ и къ наученію другихъ — было бы для отечественной учености весьма предосудительно.

4. При казанскомъ университетѣ образуется теперь медицинскій факультетъ, въ видѣ особаго института; хорошій физическій кабинетъ необходимъ и для него.

5. Для распространенія вкуса къ ученію и для привлеченія публики къ университету, я располагаю по времени учредить въ университетѣ публичныя лекціи опытной физики.

6. Доставивъ всѣ сіи способы отличному математическому факультету казанскаго университета, я надѣюсь, что г.г. профессоры онаго займутся изданіемъ физико-математическихъ записокъ, кои, безъ сомнѣнія, принесутъ честь имъ и мѣсту ихъ образованія“ [73].

---

* Проф. Симоновъ находился въ то время въ Петербургѣ какъ разъ послѣ возвращенія своего изъ кругосвѣтнаго плаванія.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что всѣ эти мысли, равно какъ и иниціатива вопроса о приведеніи въ устройство физическаго кабинета и астрономической обсерваторіи—были навѣяны Магницкому профессорами Лобачевскимъ и Симоновымъ, сумѣвшими воспользоваться одновременнымъ пребываніемъ своимъ въ столицѣ на пользу родного университета. Какъ бы то ни было, но толчокъ дѣлу былъ данъ и сумма, сорокъ тысячъ рублей, исчисленная обоими профессорами, и легла въ основу дальнѣйшаго движенія этого дѣла, получившаго, какъ мы видѣли, свое благополучное разрѣшеніе лишь весною 1823 года, причемъ неудача попечительскаго ходатайства выразилась лишь въ томъ, что эта крупная ассигновка не была дана безъ возврата изъ общаго училищнаго капитала, какъ первоначально разсчитывалъ Магницкій.

Увѣдомляя, предложеніемъ отъ 5-го іюня 1823 года, совѣтъ университета о воспослѣдовавшемъ высочайшемъ разрѣшеніи предъявленнаго ходатайства, Магницкій, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщилъ ему также, что, въ виду неотложности пріобрѣтенія астрономическихъ и физическихъ инструментовъ, „ибо безъ оныхъ самыя науки сіи не могутъ идти успѣшно", имъ испрошено у министра разрѣшеніе приступить къ пріобрѣтенію ихъ въ настоящее же лѣтнее вакаціонное время „въ Вѣнѣ, Парижѣ и Лондонѣ, изъ первыхъ рукъ художниковъ", командировавъ для этой цѣли въ чужіе края профессора астрономіи Симонова и „опредѣляющагося для физики и химіи" доктора философіи Купфера. Немедленно переведена была изъ Казани въ Петербургъ, на имя попечителя, ассигнованная на то сумма и, слѣдомъ затѣмъ, профессоры Симоновъ и Купферъ,—послѣдній прямо изъ столицы, еще не явившись даже къ новому мѣсту служенія,—отправились въ порученное имъ заграничное путешествіе. Мы подробнѣе коснемся этой любопытной командировки ниже, когда рѣчь будетъ идти у насъ о пріобрѣтеніи астрономическихъ инструментовъ, пока же ограничимся извлеченіемъ изъ университетскаго отчета за 1824—1825 акад. годъ данныхъ, касающихся физическаго кабинета и сдѣланныхъ для него заказовъ:

„Основаніе физическаго кабинета при казанскомъ университетѣ давно уже было положено,—читаемъ здѣсь,—но нужно было дополнить оный новѣйшими инструментами, принадлежащими къ тѣмъ открытіямъ, какими физика обогащена въ новѣйшее время. Такъ какъ сіи открытія были сдѣланы по большей части во Франціи, то положено было пріобрѣсть сіи инструменты въ Парижѣ, изъ первыхъ рукъ, гдѣ и указано было болѣе 60-ти инструментовъ, принадлежащихъ къ оптикѣ, катоптрикѣ и діоптрикѣ, электричеству, гальванизму, пневма-

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что всѣ эти мысли, равно какъ и иниціатива вопроса о приведеніи въ устройство физическаго кабинета и астрономической обсерваторіи—были навѣяны Магницкому профессорами Лобачевскимъ и Симоновымъ, сумѣвшими воспользоваться одновременнымъ пребываніемъ своимъ въ столицѣ на пользу родного университета. Какъ бы то ни было, но толчокъ дѣлу былъ данъ и сумма, сорокъ тысячъ рублей, исчисленная обоими профессорами, и легла въ основу дальнѣйшаго движенія этого дѣла, получившаго, какъ мы видѣли, свое благополучное разрѣшеніе лишь весною 1823 года, причемъ неудача попечительскаго ходатайства выразилась лишь въ томъ, что эта крупная ассигновка не была дана безъ возврата изъ общаго училищнаго капитала, какъ первоначально разсчитывалъ Магницкій.

Увѣдомляя, предложеніемъ отъ 5-го іюня 1823 года, совѣтъ университета о воспослѣдовавшемъ высочайшемъ разрѣшеніи предъявленнаго ходатайства, Магницкій, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщилъ ему также, что, въ виду неотложности пріобрѣтенія астрономическихъ и физическихъ инструментовъ, „ибо безъ оныхъ самыя науки сіи не могутъ идти успѣшно", имъ испрошено у министра разрѣшеніе приступить къ пріобрѣтенію ихъ въ настоящее же лѣтнее вакаціонное время „въ Вѣнѣ, Парижѣ и Лондонѣ, изъ первыхъ рукъ художниковъ", командировавъ для этой цѣли въ чужіе края профессора астрономіи Симонова и „опредѣляющагося для физики и химіи" доктора философіи Купфера. Немедленно переведена была изъ Казани въ Петербургъ, на имя попечителя, ассигнованная на то сумма и, слѣдомъ затѣмъ, профессоры Симоновъ и Купферъ,—послѣдній прямо изъ столицы, еще не явившись даже къ новому мѣсту служенія,—отправились въ порученное имъ заграничное путешествіе. Мы подробнѣе коснемся этой любопытной командировки ниже, когда рѣчь будетъ идти у насъ о пріобрѣтеніи астрономическихъ инструментовъ, пока же ограничимся извлеченіемъ изъ университетскаго отчета за 1824—1825 акад. годъ данныхъ, касающихся физическаго кабинета и сдѣланныхъ для него заказовъ:

„Основаніе физическаго кабинета при казанскомъ университетѣ давно уже было положено,—читаемъ здѣсь,—но нужно было дополнить оный новѣйшими инструментами, принадлежащими къ тѣмъ открытіямъ, какими физика обогащена въ новѣйшее время. Такъ какъ сіи открытія были сдѣланы по большей части во Франціи, то положено было пріобрѣсть сіи инструменты въ Парижѣ, изъ первыхъ рукъ, гдѣ и указано было болѣе 60-ти инструментовъ, принадлежащихъ къ оптикѣ, катоптрикѣ и діоптрикѣ, электричеству, гальванизму, пневма-

тологіи, метеорологіи, къ теоріи звука, статикѣ и, вообще, механикѣ. Въ числѣ ихъ, между прочимъ, университетъ пріобрѣлъ калориметръ Румфорда, электрическія вѣсы Куломба, большой газометръ, снарядъ Гей-Люссака для смѣшенія газовъ и паровъ и наблюденія ихъ упругости, электро-магнетическій снарядъ Ампера, большой гальваническій снарядъ, большіе и весьма чувствительные вѣсы, магнитную стрѣлку Гамбе, для наблюденія часового измѣненія склоненія оной, и снарядъ Френеля для поляризаціи свѣта.

Для успѣшнѣйшаго производства дѣлъ по заказу сихъ инструментовъ отправлены были г.г. профессоръ астрономіи Симоновъ и профессоръ физики Купферъ въ Вѣну и Парижъ. Г. Купферу предназначено было, заказавъ въ Парижѣ физическіе инструменты, возвратиться въ Казань къ своей должности, а г. Симоновъ долженъ былъ остаться въ Парижѣ до тѣхъ поръ, когда инструменты сіи будутъ кончены и отправлены въ Россію и не прежде возвратиться, какъ устроивъ всѣ дѣла по сему предмету.....

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Парижъ, заказаны были физическіе инструменты у г.г. Пикси, Гамбе и Фортена".

Во время этого путешествія проф. Купферъ, выполняя особо данное ему порученіе начальства, совмѣстно съ своимъ компаньономъ ѣздилъ, черезъ г. Зальцбургъ, „въ Бергенсгаденъ и Рейхенгаль, для осмотра заведенія касательно добыванія соли, извѣстнаго столь знаменитымъ механическимъ устройствомъ г. Рейхенбаха для доставленія оной изъ Бергенсгадена въ Рейхенгаль". Затѣмъ, по пути въ Парижъ, они останавливались въ г. Мюнхенѣ, гдѣ осматривали инструментальныя мастерскія Урцшнейдера, Фрауенгофера и Эртеля, а также астрономическую обсерваторію и „физическій кабинетъ, при академіи наукъ находящійся, гдѣ г. Елинъ показалъ россійскимъ путешественникамъ свои новые электро-динамическіе опыты". Воспользовавшись послѣднимъ временемъ пребыванія въ столицѣ Франціи, проф. Купферъ „сдѣлалъ нѣкоторыя наблюденія касательно формы и величины угловъ различныхъ кристалловъ, воспользовавшись для сего минеральными собраніями Парижа", а затѣмъ выѣхалъ въ Россію, прибывъ въ Казань, къ мѣсту служенія своего, лишь 2-го іюля 1824 года. По позднѣйшему свидѣтельству А. И. Артемьева, изъ суммы, отпущенной для пріобрѣтенія въ эту поѣздку инструментовъ, на долю физическаго кабинета выпало 4575 рублей серебромъ (сумма 40 тыс. рублей, представляющая собою общую ассигновку, опредѣлена, конечно, на ассигнаціи), т. е. нѣсколько болѣе третьей части всего назначенія * [74].

* Въ соотвѣтствующихъ архивныхъ дѣлахъ интересующіеся найдутъ какъ списки инструментовъ, пріобрѣтенныхъ профессорами Симоновымъ и Купферомъ въ эту поѣздку (Сов. 1823, № 395, л.л. 20—23), такъ и относящуюся къ октябрю 1825 г. общую опись предметовъ физическаго кабинета (Сов. 1825, № 47, л.л. 51 и сл.).

тологіи, метеорологіи, къ теоріи звука, статикѣ и, вообще, механикѣ. Въ числѣ ихъ, между прочимъ, университетъ пріобрѣлъ калориметръ Румфорда, электрическія вѣсы Куломба, большой газометръ, снарядъ Гей-Люссака для смѣшенія газовъ и паровъ и наблюденія ихъ упругости, электро-магнетическій снарядъ Ампера, большой гальваническій снарядъ, большіе и весьма чувствительные вѣсы, магнитную стрѣлку Гамбе, для наблюденія часового измѣненія склоненія оной, и снарядъ Френеля для поляризаціи свѣта.

Для успѣшнѣйшаго производства дѣлъ по заказу сихъ инструментовъ отправлены были г.г. профессоръ астрономіи Симоновъ и профессоръ физики Купферъ въ Вѣну и Парижъ. Г. Купферу предназначено было, заказавъ въ Парижѣ физическіе инструменты, возвратиться въ Казань къ своей должности, а г. Симоновъ долженъ былъ остаться въ Парижѣ до тѣхъ поръ, когда инструменты сіи будутъ кончены и отправлены въ Россію и не прежде возвратиться, какъ устроивъ всѣ дѣла по сему предмету.....

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Парижъ, заказаны были физическіе инструменты у г.г. Пикси, Гамбе и Фортена".

Во время этого путешествія проф. Купферъ, выполняя особо данное ему порученіе начальства, совмѣстно съ своимъ компаньономъ ѣздилъ, черезъ г. Зальцбургъ, „въ Бергенсгаденъ и Рейхенгаль, для осмотра заведенія касательно добыванія соли, извѣстнаго столь знаменитымъ механическимъ устройствомъ г. Рейхенбаха для доставленія оной изъ Бергенсгадена въ Рейхенгаль". Затѣмъ, по пути въ Парижъ, они останавливались въ г. Мюнхенѣ, гдѣ осматривали инструментальныя мастерскія Урцшнейдера, Фрауенгофера и Эртеля, а также астрономическую обсерваторію и „физическій кабинетъ, при академіи наукъ находящійся, гдѣ г. Елинъ показалъ россійскимъ путешественникамъ свои новые электро-динамическіе опыты". Воспользовавшись послѣднимъ временемъ пребыванія въ столицѣ Франціи, проф. Купферъ „сдѣлалъ нѣкоторыя наблюденія касательно формы и величины угловъ различныхъ кристалловъ, воспользовавшись для сего минеральными собраніями Парижа", а затѣмъ выѣхалъ въ Россію, прибывъ въ Казань, къ мѣсту служенія своего, лишь 2-го іюля 1824 года. По позднѣйшему свидѣтельству А. И. Артемьева, изъ суммы, отпущенной для пріобрѣтенія въ эту поѣздку инструментовъ, на долю физическаго кабинета выпало 4575 рублей серебромъ (сумма 40 тыс. рублей, представляющая собою общую ассигновку, опредѣлена, конечно, на ассигнаціи), т. е. нѣсколько болѣе третьей части всего назначенія * [74].

* Въ соотвѣтствующихъ архивныхъ дѣлахъ интересующіеся найдутъ какъ списки инструментовъ, пріобрѣтенныхъ профессорами Симоновымъ и Купферомъ въ эту поѣздку (Сов. 1823, № 395, л.л. 20—23), такъ и относящуюся къ октябрю 1825 г. общую опись предметовъ физическаго кабинета (Сов. 1825, № 47, л.л. 51 и сл.).

Заказанные физическіе инструменты были въ теченіи 1824 и 1825 годовъ по частямъ получены въ Казани, вызвавъ дополнительныя хлопоты Купфера по пріобрѣтенію шкафовъ, столовъ и т. п. обстановки для кабинета, который, по окончаніи отстройки университетскихъ зданій, былъ помѣщенъ въ двухъ комнатахъ западнаго корридора главнаго университетскаго корпуса, впослѣдствіе, въ 1838 г., при перемѣщеніи физическаго кабинета (совмѣстно съ химическою лабораторіею) въ особо-выстроенное для этой цѣли зданіе, обращенныя въ аудиторіи (въ томъ числѣ нынѣшняя 7-ая аудиторія). Съ полученіемъ изъ за границы инструментовъ, общее количество приборовъ достигло цифры 134-хъ номеровъ и пришлось подумать о болѣе твердой организаціи кабинета; въ виду этого, согласно представленію проф. Купфера, 25-го іюля 1825 г. послѣдовало утвержденіе въ званіи „приспѣшника“ физическаго кабинета лаборанта Бахмана, который и оставался въ немъ до начала 1839 года. Могутъ быть отмѣчены и позднѣйшія заботы Купфера о пополненіи университетскаго физическаго кабинета. Такъ, въ сентябрѣ 1825 года онъ испрашивалъ 500 рублей на пріобрѣтеніе для него пирометра, а весною 1826 года ходатайствовалъ относительно разрѣшенія пріобрѣтенія для кабинета „особыхъ часовъ съ секундною стрѣлкою, которая означаетъ на квадрантѣ черною точкою избранную минуту наблюденія“, вычисливъ стоимость такихъ часовъ въ суммѣ до 1500 рублей; дѣло объ этомъ послѣднемъ пріобрѣтеніи затянулось до начала 1829 года, когда, уже послѣ ухода Купфера изъ казанскаго университета, требуемые часы и были получены изъ Парижа, отъ Брегета (Chronometre compteur á pointage, № 4025), обойдясь университету въ 1420 р. $53^1/_2$ коп. [75].

Не смотря на сдѣланныя физическимъ кабинетомъ, въ годы завѣдыванія имъ проф. Купфера, пріобрѣтенія—„кабинетъ все еще не могъ удовлетворить современнымъ требованіямъ науки,—писалъ въ 1849 году А. И. Артемьевъ,—недостатокъ суммъ не позволялъ привести его въ лучшее состояніе и до 1833 года приращенія его были немногочисленны и незначительны. Но около этого времени, именно въ 1831 г., съ вызовомъ изъ Мюнхена механика Нея, учреждено было при университетѣ особое механическое заведеніе для изготовленія и поправки астрономическихъ и физическихъ инструментовъ и оно не мало способствовало расширенію и усовершенствованію кабинета. Но настоящая пора быстраго развитія физическаго кабинета началась съ 1833 года, когда на мѣсто выбывшаго Купфера вызванъ былъ профессоромъ физики Э. А. Кнорръ“ (1832—1846 г.г.) [76].

Заказанные физическіе инструменты были въ теченіи 1824 и 1825 годовъ по частямъ получены въ Казани, вызвавъ дополнительныя хлопоты Купфера по пріобрѣтенію шкафовъ, столовъ и т. п. обстановки для кабинета, который, по окончаніи отстройки университетскихъ зданій, былъ помѣщенъ въ двухъ комнатахъ западнаго корридора главнаго университетскаго корпуса, впослѣдствіе, въ 1838 г., при перемѣщеніи физическаго кабинета (совмѣстно съ химическою лабораторіею) въ особо-выстроенное для этой цѣли зданіе, обращенныя въ аудиторіи (въ томъ числѣ нынѣшняя 7-ая аудиторія). Съ полученіемъ изъ за границы инструментовъ, общее количество приборовъ достигло цифры 134-хъ номеровъ и пришлось подумать о более твердой организаціи кабинета; въ виду этого, согласно представленію проф. Купфера, 25-го іюля 1825 г. послѣдовало утвержденіе въ званіи „приспѣшника" физическаго кабинета лаборанта Бахмана, который и оставался въ немъ до начала 1839 года. Могутъ быть отмѣчены и позднѣйшія заботы Купфера о пополненіи университетскаго физическаго кабинета. Такъ, въ сентябрѣ 1825 года онъ испрашивалъ 500 рублей на пріобрѣтеніе для него пирометра, а весною 1826 года ходатайствовалъ относительно разрѣшенія пріобрѣтенія для кабинета „особыхъ часовъ съ секундною стрѣлкою, которая означаетъ на квадрантѣ черною точкою избранную минуту наблюденія", вычисливъ стоимость такихъ часовъ въ суммѣ до 1500 рублей; дѣло объ этомъ послѣднемъ пріобрѣтеніи затянулось до начала 1829 года, когда, уже послѣ ухода Купфера изъ казанскаго университета, требуемые часы и были получены изъ Парижа, отъ Брегета (Chronometre compteur á pointage, № 4025), обойдясь университету въ 1420 р. $53^1/_2$ коп. [75].

Не смотря на сдѣланныя физическимъ кабинетомъ, въ годы завѣдыванія имъ проф. Купфера, пріобрѣтенія—„кабинетъ все еще не могъ удовлетворить современнымъ требованіямъ науки,—писалъ въ 1849 году А. И. Артемьевъ,—недостатокъ суммъ не позволялъ привести его въ лучшее состояніе и до 1833 года приращенія его были немногочисленны и незначительны. Но около этого времени, именно въ 1831 г., съ вызовомъ изъ Мюнхена механика Нея, учреждено было при университетѣ особое механическое заведеніе для изготовленія и поправки астрономическихъ и физическихъ инструментовъ и оно не мало способствовало расширенію и усовершенствованію кабинета. Но настоящая пора быстраго развитія физическаго кабинета началась съ 1833 года, когда на мѣсто выбывшаго Купфера вызванъ былъ профессоромъ физики Э. А. Кнорръ" (1832—1846 г.г.) [76].

Въ связи съ историческими данными относительно физическаго кабинета, умѣстнымъ считаемъ мы сказать нѣсколько словъ и объ организаціи при казанскомъ университетѣ метеорологическихъ и магнитныхъ наблюденій.

Мы знаемъ, что метеорологическія наблюденія велись при казанскомъ университетѣ уже съ перваго года его существованія, причемъ предпринимались болѣе или менѣе успѣшныя попытки распространить эти наблюденія на весь учебный округъ; руководителями этого дѣла послѣдовательно выступали адъюнктъ Запольскій и профессоры Фуксъ и Броннеръ, а результаты наблюденій съ 1811 года печатались на страницахъ университетскаго повременнаго органа—„Казанскихъ Извѣстій" *. Веденіе и концентрація метеорологическихъ наблюденій продолжались при университетѣ, съ относительною полнотою и удовлетворительностью конечно, и въ годы попечительства Магницкаго, печатаясь теперь въ новомъ университетскомъ органѣ—„Казанскомъ Вѣстникѣ". Весною 1825 года случилось обстоятельство, давшее новый импульсъ къ упорядоченію университетскаго дѣла метеорологическихъ наблюденій. 10-го апрѣля этого года попечитель далъ знать совѣту университета, что „финляндскій военный губернаторъ и генералъ-лейтенантъ Закревскій увѣдомилъ г. министра народнаго просвѣщенія, что Императорское Финляндское Экономическое Общество, для пользы наукъ и земледѣлія, желаетъ получать свѣдѣнія о метеорологическихъ наблюденіяхъ изъ Архангельска, Казани, Астрахани, Перми, Одессы, Москвы, Тобольска, Иркутска и Петропавловска", въ силу чего Магницкій и предложилъ совѣту „сдѣлать надлежащее распоряженіе относительно доставленія означенному обществу метеорологическихъ наблюденій изъ городовъ: Казани, Перми, Тобольска и Иркутска", какъ пунктовъ, лежащихъ въ предѣлахъ казанскаго учебнаго округа. Заслушавъ это попечительское предложеніе, совѣтъ постановилъ: а) Предписать директорамъ училищъ тобольскому, иркутскому и пермскому „о непремѣнномъ и точномъ наблюденіи состоянія атмосферы въ ихъ городахъ, съ тѣмъ, что бы они наблюденія сіи присылали въ двухъ экземплярахъ и непремѣнно въ началѣ каждаго мѣсяца за прошедшій", б) Веденіе сихъ наблюденій въ Казани поручить г. профессору Купферу, в) Просить г. попечителя „отнестись къ финляндскому обществу о присылкѣ термометровъ и барометровъ въ помянутыя гимназіи, по недостатку тамъ оныхъ, а равно о снабженіи инструкціею". Слѣдомъ затѣмъ сдѣланы были необходимыя сношенія съ директорами

* См. томъ III, стр. 64—67.

Въ связи съ историческими данными относительно физическаго кабинета, умѣстнымъ считаемъ мы сказать нѣсколько словъ и объ организаціи при казанскомъ университетѣ метеорологическихъ и магнитныхъ наблюденій.

Мы знаемъ, что метеорологическія наблюденія велись при казанскомъ университетѣ уже съ перваго года его существованія, причемъ предпринимались болѣе или менѣе успѣшныя попытки распространить эти наблюденія на весь учебный округъ; руководителями этого дѣла послѣдовательно выступали адъюнктъ Запольскій и профессоры Фуксъ и Броннеръ, а результаты наблюденій съ 1811 года печатались на страницахъ университетскаго повременнаго органа—„Казанскихъ Извѣстій“ *. Веденіе и концентрація метеорологическихъ наблюденій продолжались при университетѣ, съ относительною полнотою и удовлетворительностью конечно, и въ годы попечительства Магницкаго, печатаясь теперь въ новомъ университетскомъ органѣ—„Казанскомъ Вѣстникѣ“. Весною 1825 года случилось обстоятельство, давшее новый импульсъ къ упорядоченію университетскаго дѣла метеорологическихъ наблюденій. 10-го апрѣля этого года попечитель далъ знать совѣту университета, что „финляндскій военный губернаторъ и генералъ-лейтенантъ Закревскій увѣдомилъ г. министра народнаго просвѣщенія, что Императорское Финляндское Экономическое Общество, для пользы наукъ и земледѣлія, желаетъ получать свѣдѣнія о метеорологическихъ наблюденіяхъ изъ Архангельска, Казани, Астрахани, Перми, Одессы, Москвы, Тобольска, Иркутска и Петропавловска“, въ силу чего Магницкій и предложилъ совѣту „сдѣлать надлежащее распоряженіе относительно доставленія означенному обществу метеорологическихъ наблюденій изъ городовъ: Казани, Перми, Тобольска и Иркутска“, какъ пунктовъ, лежащихъ въ предѣлахъ казанскаго учебнаго округа. Заслушавъ это попечительское предложеніе, совѣтъ постановилъ: а) Предписать директорамъ училищъ тобольскому, иркутскому и пермскому „о непремѣнномъ и точномъ наблюденіи состоянія атмосферы въ ихъ городахъ, съ тѣмъ, что бы они наблюденія сіи присылали въ двухъ экземплярахъ и непремѣнно въ началѣ каждаго мѣсяца за прошедшій“, б) Веденіе сихъ наблюденій въ Казани поручить г. профессору Купферу, в) Просить г. попечителя „отнестись къ финляндскому обществу о присылкѣ термометровъ и барометровъ въ помянутыя гимназіи, по недостатку тамъ оныхъ, а равно о снабженіи инструкціею“. Слѣдомъ затѣмъ сдѣланы были необходимыя сношенія съ директорами

* См. томъ III, стр. 64—67.

училищъ, которые и не замедлили установить доставку въ Казань требуемыхъ данныхъ, относительно полноты и научности которыхъ мы судить, само собою разумѣется, не беремся [77].

Вопросъ объ организаціи магнитныхъ наблюденій къ интересующимъ насъ годамъ историческаго прошлаго казанскаго университета относится лишь самымъ своимъ началомъ. Дѣло началось съ представленія проф. Купфера, съ которымъ онъ осенью 1825 года вошелъ въ правленіе университета, заявляя въ немъ, что „новѣйшія открытія въ ученіи земного магнитизма требуютъ умноженія числа инструментовъ, находящихся въ физическомъ кабинетѣ", почему онъ и ходатайствуетъ о разрѣшеніи „выписать изъ Парижа, отъ г. Гамбе,—того самаго художника, который уже сдѣлалъ для здѣшняго кабинета превосходный инструментъ по наблюденію ежедневнаго уклоненія магнитной стрѣлки",—нижеслѣдующіе инструменты: а) „компасъ для уклоненія и компасъ для склоненія магнитной стрѣлки" и б) инструментъ „для наблюденія качанія стрѣлки", оцѣнивая стоимость этихъ заказовъ до суммы 5 тысячь рублей. Признавъ пріобрѣтеніе этихъ инструментовъ „полезнымъ", совѣтъ обратился съ соотвѣтствующимъ представленіемъ къ попечителю округа, но вопросъ о пріобрѣтеніи магнитныхъ инструментовъ, списокъ которыхъ значительно пополнился еще въ ближайшіе годы, получилъ со стороны министерства благопріятное разрѣшеніе лишь осенью 1829 года, когда на этотъ предметъ разрѣшенъ былъ отпускъ 6800 рублей изъ хозяйственныхъ суммъ университета, а самый заказъ инструментовъ порученъ былъ находившемуся въ то время заграницею лекарю Сыромятникову, съ загадочною участью котораго мы уже имѣли случай познакомиться (см. выше стр. 119—120). Всѣ заказанные инструменты получены были въ Казани осенью 1831 года.

Помимо выписки инструментовъ для магнитныхъ наблюденій, профессору Купферу принадлежала и иниціатива вопроса объ устройствѣ при университетѣ магнитной обсерваторіи. Въ исходѣ 1825 года онъ вошелъ съ представленіемъ, въ которомъ указывалъ, что „нужно для наблюденій склоненія и наклоненія магнитной стрѣлки выстроить въ университетскомъ саду два павильона, по представленному чертежу, изъ камня, на хорошемъ фундаментѣ, какъ дѣлаютъ для обсерваторій, что крыша на павильонахъ должна быть изъ черепицы и все строеніе безъ желѣза, полагая на каждый павильонъ по 500 рублей". Дѣло о сооруженіи магнитной обсерваторіи, осложненное и выработкою необходимыхъ техническихъ данныхъ, оттянулось на два года и только 25-го октября

училищъ, которые и не замедлили установить доставку въ Казань требуемыхъ данныхъ, относительно полноты и научности которыхъ мы судить, само собою разумѣется, не беремся [77].

Вопросъ объ организаціи магнитныхъ наблюденій къ интересующимъ насъ годамъ историческаго прошлаго казанскаго университета относится лишь самымъ своимъ началомъ. Дѣло началось съ представленія проф. Купфера, съ которымъ онъ осенью 1825 года вошелъ въ правленіе университета, заявляя въ немъ, что „новѣйшія открытія въ ученіи земного магнитизма требуютъ умноженія числа инструментовъ, находящихся въ физическомъ кабинетѣ", почему онъ и ходатайствуетъ о разрѣшеніи „выписать изъ Парижа, отъ г. Гамбе,—того самаго художника, который уже сдѣлалъ для здѣшняго кабинета превосходный инструментъ по наблюденію ежедневнаго уклоненія магнитной стрѣлки",—нижеслѣдующіе инструменты: а) „компасъ для уклоненія и компасъ для склоненія магнитной стрѣлки" и б) инструментъ „для наблюденія качанія стрѣлки", оцѣнивая стоимость этихъ заказовъ до суммы 5 тысячь рублей. Признавъ пріобрѣтеніе этихъ инструментовъ „полезнымъ", совѣтъ обратился съ соотвѣтствующимъ представленіемъ къ попечителю округа, но вопросъ о пріобрѣтеніи магнитныхъ инструментовъ, списокъ которыхъ значительно пополнился еще въ ближайшіе годы, получилъ со стороны министерства благопріятное разрѣшеніе лишь осенью 1829 года, когда на этотъ предметъ разрѣшенъ былъ отпускъ 6800 рублей изъ хозяйственныхъ суммъ университета, а самый заказъ инструментовъ порученъ былъ находившемуся въ то время заграницею лекарю Сыромятникову, съ загадочною участью котораго мы уже имѣли случай познакомиться (см. выше стр. 119—120). Всѣ заказанные инструменты получены были въ Казани осенью 1831 года.

Помимо выписки инструментовъ для магнитныхъ наблюденій, профессору Купферу принадлежала и иниціатива вопроса объ устройствѣ при университетѣ магнитной обсерваторіи. Въ исходѣ 1825 года онъ вошелъ съ представленіемъ, въ которомъ указывалъ, что „нужно для наблюденій склоненія и наклоненія магнитной стрѣлки выстроить въ университетскомъ саду два павильона, по представленному чертежу, изъ камня, на хорошемъ фундаментѣ, какъ дѣлаютъ для обсерваторій, что крыша на павильонахъ должна быть изъ черепицы и все строеніе безъ желѣза, полагая на каждый павильонъ по 500 рублей". Дѣло о сооруженіи магнитной обсерваторіи, осложненное и выработкою необходимыхъ техническихъ данныхъ, оттянулось на два года и только 25-го октября

1827 года и. д. попечителя округа далъ университету знать, что министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшено приступить съ весны 1828 года къ постройкѣ „двухъ павильоновъ въ ботаническомъ саду университета, для наблюденія склоненія магнитной стрѣлки, по представленнымъ планамъ, фасадомъ и смѣтѣ", съ ассигнованіемъ на это суммы въ 3624 рубля. Самое открытіе магнитной обсерваторіи состоялось, однако, лишь весною 1832 года[73].

III

Астрономическая Обсерваторія

Астрономическая обсерваторія казанскаго университета въ начальную пору попечительства Магницкаго.—Возвращеніе проф. И. М. Симонова изъ кругосвѣтнаго плаванія и предположенія относительно приведенія обсерваторіи въ состояніе лучшаго устройства.—Назначеніе 40 тысячъ рублей на пріобрѣтеніе астрономическихъ и физическихъ инструментовъ.—Заграничное путешествіе И. М. Симонова 1823—1824 годовъ.—Задачи, возложенныя на него въ этомъ путешествіи.—Дѣятельность И. М. Симонова въ чужихъ краяхъ.—Установленіе связей съ иностранными учеными.—Возведеніе австрійскаго императора въ степень почетнаго доктора правъ и новые почтные члены университета.—Судьба старой Литтровской обсерваторіи и временная обсерваторія проф. Симонова.

Мы оставили астрономическую обсерваторію казанскаго университета ютящеюся въ небольшомъ каменномъ строеніи ботаническаяо сада университета, приспособленномъ подъ нее проф. Литтровомъ, съ ограниченнымъ и довольно сомнительнаго достоинства кругомъ инструментовъ, но съ весьма существенными и неотложными потребностями ея дальнѣйшаго оборудованія *.

Первые два года попечительства Магницкаго совпали съ отсутствіемъ изъ Казани профессора астрономіи И. М. Симонова, какъ разъ въ то время находившагося въ кругосвѣтномъ плаваніи съ экспедиціею капитанъ-командора Беллингсгаузена, а потому вопросъ объ улучшеніи состоянія университетской астрономической обсерваторіи въ эти годы сколько нибудь серьезно и не затрогивался. Этотъ вопросъ сразу поставленъ былъ на очередь съ возвращеніемъ изъ путешествія проф. Симонова, осень 1821 г. и зиму 1821—1822 года проведшаго въ Петербургѣ, гдѣ, какъ мы это видѣли въ предшествовавшемъ очеркѣ, онъ имѣлъ возможность, совмѣстно съ оказавшимся въ столицѣ же Н. И. Лобачевскимъ, воздѣйствовать на попечителя въ пользу серьезнаго улучшенія учебно-вспомо-

---

* См. томъ III, стр. 67 и слѣд.

1827 года и. д. попечителя округа далъ университету знать, что министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшено приступить съ весны 1828 года къ постройкѣ „двухъ павильоновъ въ ботаническомъ саду университета, для наблюденія склоненія магнитной стрѣлки, по представленнымъ планамъ, фасадомъ и смѣтѣ", съ ассигнованіемъ на это суммы въ 3624 рубля. Самое открытіе магнитной обсерваторіи состоялось, однако, лишь весною 1832 года[78].

III

Астрономическая Обсерваторія

Астрономическая обсерваторія казанскаго университета въ начальную пору попечительства Магницкаго.—Возвращеніе проф. И. М. Симонова изъ кругосвѣтнаго плаванія и предположенія относительно приведенія обсерваторіи въ состояніе лучшаго устройства.—Назначеніе 40 тысячъ рублей на пріобрѣтеніе астрономическихъ и физическихъ инструментовъ.—Заграничное путешествіе И. М. Симонова 1823—1824 годовъ.—Задачи, возложенныя на него въ этомъ путешествіи.—Дѣятельность И. М. Симонова въ чужихъ краяхъ.—Установленіе связей съ иностранными учеными.—Возведеніе австрійскаго императора въ степень почетнаго доктора правъ и новые почетные члены университета.—Судьба старой Литтровской обсерваторіи и временная обсерваторія проф. Симонова.

Мы оставили астрономическую обсерваторію казанскаго университета ютящеюся въ небольшомъ каменномъ строеніи ботаническаяо сада университета, приспособленномъ подъ нее проф. Литтровомъ, съ ограниченнымъ и довольно сомнительнаго достоинства кругомъ инструментовъ, но съ весьма существенными и неотложными потребностями ея дальнѣйшаго оборудованія *.

Первые два года попечительства Магницкаго совпали съ отсутствіемъ изъ Казани профессора астрономіи И. М. Симонова, какъ разъ въ то время находившагося въ кругосвѣтномъ плаваніи съ экспедиціею капитанъ-командора Беллингсгаузена, а потому вопросъ объ улучшеніи состоянія университетской астрономической обсерваторіи въ эти годы сколько нибудь серьезно и не затрогивался. Этотъ вопросъ сразу поставленъ былъ на очередь съ возвращеніемъ изъ путешествія проф. Симонова, осень 1821 г. и зиму 1821—1822 года проведшаго въ Петербургѣ, гдѣ, какъ мы это видѣли въ предшествовавшемъ очеркѣ, онъ имѣлъ возможность, совмѣстно съ оказавшимся въ столицѣ же Н. И. Лобачевскимъ, воздѣйствовать на попечителя въ пользу серьезнаго улучшенія учебно-вспомо-

---

* См. томъ III, стр. 67 и слѣд.

гательныхъ учрежденій физико-математическаго факультета казанскаго университета. Мы видѣли также, что Магницкимъ возложено было на проф. Симонова, во время его пребыванія въ Петербургѣ, порученіе представить свои соображенія относительно мѣръ, признаваемыхъ имъ необходимыми для улучшенія состоянія астрономической обсерваторіи. Требуемыя соображенія и были предъявлены имъ попечителю при представленіи отъ 30-го ноября 1821 г., въ которомъ проф. Симоновъ, высказывая мысль, что „обсерваторія имѣетъ все, если она снабжена необходимѣйшимъ, и что богатство ея состоитъ не въ количествѣ орудій, но въ величинѣ и отдѣлкѣ оныхъ“, поясняетъ, что, „избѣгая всякой роскоши“, онъ назначилъ „только самонужнѣйшіе, но лучшіе“, инструменты. Представленный Симоновымъ списокъ включалъ въ себѣ слѣдующіе инструменты, съ означеніемъ цѣнъ ихъ (по курсу на серебро):

1. Ахроматическая труба, въ 7 футовъ длиною.	500	рубл.	сер.
2. Инструментъ прохожденій, ахроматическая труба въ 8 футовъ въ фокусѣ, предметное стекло 5 дюймовъ 6 линій, съ ватерпасомъ, 4 астрономическія трубки, освѣщеніе волосковъ чрезъ ось. . .	2000	„	„
3. Полуденный кругъ, 2 фута въ діаметрѣ, 4 вернира, ахроматическая труба въ $3^1/_2$ фута въ фокусѣ, предметное стекло 2 дюйма 10 линій, 3 астрономическія глазныя трубки, освѣщеніе чрезъ ось. . .	1000	„	„
4. Подвижной экваторіалъ на мѣдномъ столбѣ, въ 3 фута, часовой кругъ въ 8 дюймовъ, кругъ склоненія въ 12 дюймовъ, ахроматическая труба въ 20 дюймовъ въ фокусѣ, предметное стекло въ 18 линій, 2 астрономическія глазныя трубки, съ круговымъ и простымъ микрометромъ, освѣщеніе чрезъ ось. .	400	„	„
5. Секстантъ въ 12 дюймовъ въ полупоперечникѣ, дѣленіе на 10″, съ искусственнымъ горизонтомъ. .	150	„	„
6. Часы съ маятникомъ изъ разныхъ металловъ.	250	„	„
7. Хронометръ карманный.	600	„	„
8. Барометры, термометры и другія мелочи. . .	100	„	„
Всего. . . . . . . на	5000	руб.	сер. [79]

Дальнѣйшая судьба представленій профессоровъ Симонова и Лобачевскаго и основаннаго на немъ ходатайства попечителя объ отпускѣ 40 тысячъ рублей на пополненіе астрономической обсерваторіи и физическаго кабинета—намъ уже извѣстна, какъ извѣстно и путешествіе въ чужіе края профессоровъ Симонова и Купфера, предпринятое ими, съ

гательныхъ учрежденій физико-математическаго факультета казанскаго университета. Мы видѣли также, что Магницкимъ возложено было на проф. Симонова, во время его пребыванія въ Петербургѣ, порученіе представить свои соображенія относительно мѣръ, признаваемыхъ имъ необходимыми для улучшенія состоянія астрономической обсерваторіи. Требуемыя соображенія и были предъявлены имъ попечителю при представленіи отъ 30-го ноября 1821 г., въ которомъ проф. Симоновъ, высказывая мысль, что „обсерваторія имѣетъ все, если она снабжена необходимѣйшимъ, и что богатство ея состоитъ не въ количествѣ орудій, но въ величинѣ и отдѣлкѣ оныхъ", поясняетъ, что, „избѣгая всякой роскоши", онъ назначилъ „только самонужнѣйшіе, но лучшіе", инструменты. Представленный Симоновымъ списокъ включалъ въ себѣ слѣдующіе инструменты, съ означеніемъ цѣнъ ихъ (по курсу на серебро):

1. Ахроматическая труба, въ 7 футовъ длиною.	500 рубл. сер.
2. Инструментъ прохожденій, ахроматическая труба въ 8 футовъ въ фокусѣ, предметное стекло 5 дюймовъ 6 линій, съ ватерпасомъ, 4 астрономическія трубки, освѣщеніе волосковъ чрезъ ось. . .	2000 „ „
3. Полуденный кругъ, 2 фута въ діаметрѣ, 4 вернира, ахроматическая труба въ $3^1/_2$ фута въ фокусѣ, предметное стекло 2 дюйма 10 линій, 3 астрономическія глазныя трубки, освѣщеніе чрезъ ось. . .	1000 „ „
4. Подвижной экваторіалъ на мѣдномъ столбѣ, въ 3 фута, часовой кругъ въ 8 дюймовъ, кругъ склоненія въ 12 дюймовъ, ахроматическая труба въ 20 дюймовъ въ фокусѣ, предметное стекло въ 18 линій, 2 астрономическія глазныя трубки, съ круговымъ и простымъ микрометромъ, освѣщеніе чрезъ ось. .	400 „ „
5. Секстантъ въ 12 дюймовъ въ полупоперечникѣ, дѣленіе на 10'', съ искусственнымъ горизонтомъ. .	150 „ „
6. Часы съ маятникомъ изъ разныхъ металловъ.	250 „ „
7. Хронометръ карманный.	600 „ „
8. Барометры, термометры и другія мелочи. . .	100 „ „
Всего.	на 5000 руб. сер. [79]

Дальнѣйшая судьба представленій профессоровъ Симонова и Лобачевскаго и основаннаго на немъ ходатайства попечителя объ отпускѣ 40 тысячъ рублей на пополненіе астрономической обсерваторіи и физическаго кабинета—намъ уже извѣстна, какъ извѣстно и путешествіе въ чужіе края профессоровъ Симонова и Купфера, предпринятое ими, съ

цѣлью пріобрѣтенія необходимыхъ инструментовъ, лѣтомъ 1823 года. Оставивъ, пока, въ сторонѣ это послѣднее начинаніе, приведемъ нѣсколько отдѣльныхъ фактовъ изъ исторіи астрономической обсерваторіи за время отсутствія изъ Россіи ея директора-профессора Симонова. Мысль объ улучшеніи состоянія обсерваторіи занимала собою Магницкаго еще въ концѣ лѣта 1820 года. 14-го сентября этого года онъ обратился въ совѣтъ университета съ предложеніемъ, въ которомъ заявлялъ, что „для новыхъ предположеній по обширнѣйшему устроенію астрономической обсерваторіи въ Казани" ему требуются слѣдующія свѣдѣнія: а) Въ какомъ состояніи находится настоящая обсерваторія, б) Что нужно для приведенія ея въ наилучшее состояніе, в) Какія примѣчательнѣйшія наблюденія со времени существованія оной и кѣмъ сдѣланы? „Изъ сихъ свѣдѣній желательно и нужно мнѣ видѣть,—добавляетъ попечитель,—есть ли возможность, построивъ новую обсерваторію на зданіяхъ университета, поставить ее въ то состояніе, къ которому самое мѣстное положеніе Казани подаетъ средство, ибо для астрономовъ всей Европы многія наблюденія въ казанской обсерваторіи могутъ имѣть ту же важность, какъ и наблюденія Калькутты". Доставленіе попечителю всѣхъ этихъ данныхъ возложено было на проф. Лобачевскаго, который не особенно то спѣшилъ, повидимому, ихъ сообщеніемъ, такъ какъ въ маѣ слѣдующаго 1821 года Магницкому пришлось повторить свое требованіе. Впрочемъ, лѣтомъ того же года возвратился изъ плаванія проф. Симоновъ, съ которымъ попечитель и началъ непосредственныя сношенія по вопросу о переустройствѣ университетской астрономической обсерваторіи. Принявъ въ іюнѣ 1822 года обсерваторію отъ временнаго завѣдывавшаго ею Лобачевскаго, проф. Симоновъ уже въ концѣ декабря того же года представилъ въ совѣтъ рапортъ о наблюденіяхъ, произведенныхъ въ 1822 г. на обсерваторіи, которыя свелись къ наблюденію (29 іюля) покрытій трехъ звѣздъ созвѣздія Плеядъ * и къ взятію траутоновымъ отражательнымъ кругомъ (12-го октября) близь-полуденныхъ высотъ верхняго края солнца, изъ которыхъ опредѣлена широта обсерваторіи (55° 47′ 38″). Малочисленность сдѣланныхъ наблюденій директоръ обсерваторіи объяснялъ пасмурностью неба, сильными холодами, а также и отсутствіемъ своимъ изъ Казани [80].

Возвратимся, однако, къ заграничному путешествію, съ лѣта 1823 года предпринятому Симоновымъ, совмѣстно съ Купферомъ, для пріобрѣтенія астрономическихъ и физическихъ

* Эти наблюденія напечатаны были въ Astron. Nachr., т. IV («Beobachtung der Plejaden. Bedeckung 1822, August 10, in Kasan»).

цѣлью пріобрѣтенія необходимыхъ инструментовъ, лѣтомъ 1823 года. Оставивъ, пока, въ сторонѣ это послѣднее начинаніе, приведемъ нѣсколько отдѣльныхъ фактовъ изъ исторіи астрономической обсерваторіи за время отсутствія изъ Россіи ея директора-профессора Симонова. Мысль объ улучшеніи состоянія обсерваторіи занимала собою Магницкаго еще въ концѣ лѣта 1820 года. 14-го сентября этого года онъ обратился въ совѣтъ университета съ предложеніемъ, въ которомъ заявлялъ, что „для новыхъ предположеній по обширнѣйшему устроенію астрономической обсерваторіи въ Казани" ему требуются слѣдующія свѣдѣнія: а) Въ какомъ состояніи находится настоящая обсерваторія, б) Что нужно для приведенія ея въ наилучшее состояніе, в) Какія примѣчательнѣйшія наблюденія со времени существованія оной и кѣмъ сдѣланы? „Изъ сихъ свѣдѣній желательно и нужно мнѣ видѣть,—добавляетъ попечитель,—есть ли возможность, построивъ новую обсерваторію на зданіяхъ университета, поставить ее въ то состояніе, къ которому самое мѣстное положеніе Казани подаетъ средство, ибо для астрономовъ всей Европы многія наблюденія въ казанской обсерваторіи могутъ имѣть ту же важность, какъ и наблюденія Калькутты". Доставленіе попечителю всѣхъ этихъ данныхъ возложено было на проф. Лобачевскаго, который не особенно то спѣшилъ, повидимому, ихъ сообщеніемъ, такъ какъ въ маѣ слѣдующаго 1821 года Магницкому пришлось повторить свое требованіе. Впрочемъ, лѣтомъ того же года возвратился изъ плаванія проф. Симоновъ, съ которымъ попечитель и началъ непосредственныя сношенія по вопросу о переустройствѣ университетской астрономической обсерваторіи. Принявъ въ іюнѣ 1822 года обсерваторію отъ временнаго завѣдывавшаго ею Лобачевскаго, проф. Симоновъ уже въ концѣ декабря того же года представилъ въ совѣтъ рапортъ о наблюденіяхъ, произведенныхъ въ 1822 г. на обсерваторіи, которыя свелись къ наблюденію (29 іюля) покрытій трехъ звѣздъ созвѣздія Плеядъ * и къ взятію траутоновымъ отражательнымъ кругомъ (12-го октября) близъ-полуденныхъ высотъ верхняго края солнца, изъ которыхъ опредѣлена широта обсерваторіи (55° 47′ 38″). Малочисленность сдѣланныхъ наблюденій директоръ обсерваторіи объяснялъ пасмурностью неба, сильными холодами, а также и отсутствіемъ своимъ изъ Казани [80].

Возвратимся, однако, къ заграничному путешествію, съ лѣта 1823 года предпринятому Симоновымъ, совмѣстно съ Купферомъ, для пріобрѣтенія астрономическихъ и физическихъ

* Эти наблюденія напечатаны были въ Astron. Nachr., т. IV («Beobachtung der Plejaden. Bedeckung 1822, August 10, in Kasan»).

инструментовъ. До насъ дошло подлинное обширное дѣло объ этомъ путешествіи, заключающее въ себѣ всю исторію вопроса, инструкціи, данныя путешественникамъ, ихъ донесенія изъ за границы и переписку съ Магницкимъ, отчеты въ пріобрѣтеніяхъ и въ расходѣ суммъ, вмѣстѣ съ подлинными оправдательными документами, документы, касающіеся доставки пріобрѣтенныхъ вещей въ Россію и досмотра ихъ здѣсь и пр. и пр.; это то дѣло, вмѣстѣ съ печатнымъ отчетомъ о путешествіи, и послужитъ основнымъ матеріаломъ для нашего дальнѣйшаго изложенія.

Уже изъ краткихъ свѣдѣній объ интересующемъ насъ путешествіи, приведенныхъ выше, мы могли убѣдиться въ томъ, что, снаряжая Симонова и Купфера заграницу, Магницкій не ограничивался ближайшею задачею этого начинанія, т. е. пріобрѣтеніемъ инструментовъ, но имѣлъ въ виду и личное ознакомленіе путешественниковъ, на мѣстахъ, съ учеными и промышленными учрежденіями западной Европы, съ обсерваторіями, кабинетами и музеями важнѣйшихъ центровъ европейской науки, съ принятыми здѣсь современными научными пріемами и методами изслѣдованій, съ новѣйшими научными открытіями и т. п. Возлагалъ Магницкій усиленныя надежды на затѣянное имъ ученое путешествіе обоихъ профессоровъ и съ точки зрѣнія установленія ученыхъ сношеній и духовныхъ связей между казанскимъ университетомъ и западно-европейскими научными центрами. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно разсчитывалъ попечитель на И. М. Симонова, въ то время бывшаго окруженнымъ ореоломъ научнаго участія въ кругосвѣтномъ плаваніи, совершонномъ смѣлою экспедиціею Беллингсгаузена и Лазарева, обратившею на себя вниманіе всего образованнаго міра. И, дѣйствительно, въ числѣ задачъ, поставленныхъ проф. Симонову въ преподанной ему попечителемъ инструкціи отъ 5-го іюля 1823 г., мы встрѣчаемъ слѣдующія:

„Свиданіе съ разными славнѣйшими астрономами Европы, установленіе съ ними связи и сообщенія, чрезъ васъ, съ казанскимъ университетомъ, и осмотръ лучшихъ обсерваторій, дабы предполагаемую въ Казани устроить, по примѣру иностранныхъ, наилучшимъ образомъ (§ 2)“.

„Систематическій осмотръ ученаго и учебнаго устройства въ разныхъ государствахъ (§ 3)“.

„Осмотръ академій и другихъ ученыхъ сословій (sic), знакомство съ отличнѣйшими ихъ членами, лучшаго духа, и установленіе постоянныхъ сношеній между казанскимъ университетомъ и ими (§ 4)“.

Только что выписанныя положенія развиваются Магницкимъ, затѣмъ, въ болѣе подробномъ видѣ:

инструментовъ. До насъ дошло подлинное обширное дѣло объ этомъ путешествіи, заключающее въ себѣ всю исторію вопроса, инструкціи, данныя путешественникамъ, ихъ донесенія изъ за границы и переписку съ Магницкимъ, отчеты въ пріобрѣтеніяхъ и въ расходѣ суммъ, вмѣстѣ съ подлинными оправдательными документами, документы, касающіеся доставки пріобрѣтенныхъ вещей въ Россію и досмотра ихъ здѣсь и пр. и пр.; это то дѣло, вмѣстѣ съ печатнымъ отчетомъ о путешествіи, и послужитъ основнымъ матеріаломъ для нашего дальнѣйшаго изложенія.

Уже изъ краткихъ свѣдѣній объ интересующемъ насъ путешествіи, приведенныхъ выше, мы могли убѣдиться въ томъ, что, снаряжая Симонова и Купфера заграницу, Магницкій не ограничивался ближайшею задачею этого начинанія, т. е. пріобрѣтеніемъ инструментовъ, но имѣлъ въ виду и личное ознакомленіе путешественниковъ, на мѣстахъ, съ учеными и промышленными учрежденіями западной Европы, съ обсерваторіями, кабинетами и музеями важнѣйшихъ центровъ европейской науки, съ принятыми здѣсь современными научными пріемами и методами изслѣдованій, съ новѣйшими научными открытіями и т. п. Возлагалъ Магницкій усиленныя надежды на затѣянное имъ ученое путешествіе обоихъ профессоровъ и съ точки зрѣнія установленія ученыхъ сношеній и духовныхъ связей между казанскимъ университетомъ и западно-европейскими научными центрами. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно разсчитывалъ попечитель на И. М. Симонова, въ то время бывшаго окруженнымъ ореоломъ научнаго участія въ кругосвѣтномъ плаваніи, совершонномъ смѣлою экспедиціею Беллингсгаузена и Лазарева, обратившею на себя вниманіе всего образованнаго міра. И, дѣйствительно, въ числѣ задачъ, поставленныхъ проф. Симонову въ преподанной ему попечителемъ инструкціи отъ 5-го іюля 1823 г., мы встрѣчаемъ слѣдующія:

„Свиданіе съ разными славнѣйшими астрономами Европы, установленіе съ ними связи и сообщенія, чрезъ васъ, съ казанскимъ университетомъ, и осмотръ лучшихъ обсерваторій, дабы предполагаемую въ Казани устроить, по примѣру иностранныхъ, наилучшимъ образомъ (§ 2)“.

„Систематическій осмотръ ученаго и учебнаго устройства въ разныхъ государствахъ (§ 3)“.

„Осмотръ академій и другихъ ученыхъ сословій (sic), знакомство съ отличнѣйшими ихъ членами, лучшаго духа, и установленіе постоянныхъ сношеній между казанскимъ университетомъ и ими (§ 4)“.

Только что выписанныя положенія развиваются Магницкимъ, затѣмъ, въ болѣе подробномъ видѣ:

„Съ славнѣйшими астрономами, которыхъ вы въ чужихъ краяхъ увидите, посовѣтуетесь вы объ устройствѣ казанской обсерваторіи; возьмете планы лучшихъ обсерваторій, составите записку изъ нихъ на сей счетъ усмотрѣній, какъ въ разсужденіи зданія казанской обсерваторіи, такъ и въ отношеніи къ той пользѣ, которую принести она можетъ астрономамъ Европы и связавъ, такимъ образомъ, ихъ наблюденія съ вашими, вы учредите постоянныя съ ними сношенія, подпишитесь на лучшія ихъ изданія и обѣщаете имъ сообщать свои записки, по ихъ указанію.

Астрономическіе и физическіе труды ваши въ путешествіи къ южному полюсу постараетесь вы издать въ Парижѣ и представить тамошней академіи.

Въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Мюнхенѣ, Женевѣ, Парижѣ, Миланѣ, Павіи, Римѣ, Неаполѣ и другихъ городахъ Италіи осмотрите вы всѣ ученыя и учебныя мѣста. Отъ управляющихъ оными соберете всѣ уставы оныхъ и узнаете все, относящееся къ трудамъ и управленію ихъ, и, оставляя каждое государство, доставлять будете ко мнѣ: 1) подробное свѣдѣніе объ осмотрѣ разныхъ ученыхъ мѣстъ, 2) списокъ тѣмъ изданіямъ ихъ, на кои было бы полезно для университета подписаться, 3) списокъ тѣмъ лицамъ, коихъ прилично бы было избрать въ почетные члены и корреспонденты университета, 4) отчетъ объ осмотрѣ мѣстъ публичнаго воспитанія, всѣ постановленія къ устройству ихъ относящіяся, дабы объять, сколь можно основательнѣе, всю систему народнаго просвѣщенія разныхъ государствъ.

Въ Парижѣ, сверхъ сего, постараетесь вы собрать и выслать ко мнѣ всѣ классическія (т. е. учебныя) книги публичныхъ учебныхъ заведеній разныхъ степеней и, ежели возможно, программы и даже курсы преподавателей высшихъ мѣстъ. Для облегченія способовъ исполненія по сему предмету, получите вы отъ меня письмо къ аббату Николю, которому объясните, что мы сихъ свѣдѣній желаемъ, дабы подражать благочестивому и монархическому народному воспитанію настоящей Франціи и что, потому, имѣете вы порученіе просить его покровительства и руководства*.

---

* Аббатъ Карлъ Евгеній Николь—извѣстный французскій педагогъ (1758—1835), въ 1810—1820 годахъ находившійся въ Россіи, устроитель и первый директоръ одесскаго Ришельевскаго лицея. Въ дѣлѣ о путешествіи Симонова и Купфера сохранилось подлинное рекомендательное письмо къ нему Магницкаго, въ которомъ казанскій попечитель, между прочимъ, пишетъ:

«J'ai cru devoir profiter de cette occasion pour leur (т. е. Симонову и Купферу) préscrire de recuciller tous les renseignements necessaires sur Vos belles institutions de l'enseignement publique, qui, en éclipsant le beau regne de Louis XIV par celui du Desiré, offrent a toutes les nations européennes un modéle à suivre. C'est aux frontiéres de la Chine qu'on sait apprécier Vos sages réglements et c'est de là qu'on vient les etudier. L'université de Kazan, relevée de ses ruines et assise par un réglement spécial de notre admirable et adoré Souverain sur la base des principes réligieux et monarchiques—est en droit de s'attendre, que celle de France, déja unie à elle par le même esprit et un but uniforme, accueillera favorablement ses relations amicales».

„Съ славнѣйшими астрономами, которыхъ вы въ чужихъ краяхъ увидите, посовѣтуетесь вы объ устройствѣ казанской обсерваторіи; возьмете планы лучшихъ обсерваторій, составите записку изъ нихъ на сей счетъ усмотрѣній, какъ въ разсужденіи зданія казанской обсерваторіи, такъ и въ отношеніи къ той пользѣ, которую принести она можетъ астрономамъ Европы и связавъ, такимъ образомъ, ихъ наблюденія съ вашими, вы учредите постоянныя съ ними сношенія, подпишитесь на лучшія ихъ изданія и обѣщаете имъ сообщать свои записки, по ихъ указанію.

Астрономическіе и физическіе труды ваши въ путешествіи къ южному полюсу постараетесь вы издать въ Парижѣ и представить тамошней академіи.

Въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Мюнхенѣ, Женевѣ, Парижѣ, Миланѣ, Павіи, Римѣ, Неаполѣ и другихъ городахъ Италіи осмотрите вы всѣ ученыя и учебныя мѣста. Отъ управляющихъ оными соберете всѣ уставы оныхъ и узнаете все, относящееся къ трудамъ и управленію ихъ, и, оставляя каждое государство, доставлять будете ко мнѣ: 1) подробное свѣдѣніе объ осмотрѣ разныхъ ученыхъ мѣстъ, 2) списокъ тѣмъ изданіямъ ихъ, на кои было бы полезно для университета подписаться, 3) списокъ тѣмъ лицамъ, коихъ прилично бы было избрать въ почетные члены и корреспонденты университета, 4) отчетъ объ осмотрѣ мѣстъ публичнаго воспитанія, всѣ постановленія къ устройству ихъ относящіяся, дабы объять, сколь можно основательнѣе, всю систему народнаго просвѣщенія разныхъ государствъ.

Въ Парижѣ, сверхъ сего, постараетесь вы собрать и выслать ко мнѣ всѣ классическія (т. е. учебныя) книги публичныхъ учебныхъ заведеній разныхъ степеней и, ежели возможно, программы и даже курсы преподавателей высшихъ мѣстъ. Для облегченія способовъ исполненія по сему предмету, получите вы отъ меня письмо къ аббату Николю, которому объясните, что мы сихъ свѣдѣній желаемъ, дабы подражать благочестивому и монархическому народному воспитанію настоящей Франціи и что, потому, имѣете вы порученіе просить его покровительства и руководства *.

---

* Аббатъ Карлъ Евгеній Николь—извѣстный французскій педагогъ (1758—1835), въ 1810—1820 годахъ находившійся въ Россіи, устроитель и первый директоръ одесскаго Ришельевскаго лицея. Въ дѣлѣ о путешествіи Симонова и Купфера сохранилось подлинное рекомендательное письмо къ нему Магницкаго, въ которомъ казанскій попечитель, между прочимъ, пишетъ:

«J'ai cru devoir profiter de cette occasion pour leur (т. е. Симонову и Купферу) préscrire de recuciller tous les renseignements necessaires sur Vos belles institutions de l'enseignement publique, qui, en éclipsant le beau regne de Louis XIV par celui du Desiré, offrent a toutes les nations européennes un modéle à suivre. C'est aux frontiéres de la Chine qu'on sait apprécier Vos sages réglements et c'est de là qu'on vient les etudier. L'université de Kazan, relevée de ses ruines et assise par un réglement spécial de notre admirable et adoré Souverain sur la base des principes réligieux et monarchiques—est en droit de s'attendre, que celle de France, déja unie à elle par le même esprit et un but uniforme, accueillera favorablement ses relations amicales».

Иванъ Михаиловичъ
Симоновъ,
профессоръ астрономіи
(1794—1855)

Иванъ Михаиловичъ
Симоновъ,
профессоръ астрономіи
(1794—1855)

Собственному вашему благоразумію оставляю я дополнить сіи указанія собственными примѣчаніями вашими о вліяніи духа времени, ученій философскихъ, тайныхъ обществъ и самыхъ правительствъ на то или другое направленіе народнаго воспитанія, равно какъ и присылкою ко мнѣ свѣдѣній о новыхъ открытіяхъ въ разныхъ наукахъ, въ приложеніи ихъ къ искусствамъ и ремесламъ, въ изобрѣтеніи новыхъ и усовершеніи извѣстныхъ уже машинъ и пр. Сообщая свѣдѣнія о семъ послѣднемъ предметѣ, постараетесь вы высылать ко мнѣ описанія, сколько можно подробнѣйшія, и, даже, модели.

Имѣвъ уже многіе опыты вашего усердія къ славѣ отечества и университета, которому принесли вы не малую честь въ морскомъ путешествіи вашемъ, я ограничусь на сей разъ желаніемъ вамъ и въ новомъ порученіи равнаго успѣха".

Выѣхавъ изъ Петербурга 11-го іюня 1823 года, наши путешественники прежде всего направились, черезъ Кенигсбергъ, Берлинъ, Дрезденъ и Прагу—въ Вѣну, попутно осмотрѣвъ всѣ обсерваторіи и другія ученыя учрежденія, причемъ Симоновъ, въ донесеніи своемъ попечителю, особенно подчеркнулъ оказанный имъ благосклонный пріемъ „перваго въ свѣтѣ наблюдателя г. Бесселя, директора кенигсбергской обсерваторіи, коего отличные труды извѣстны всему ученому свѣту". Въ Саксоніи казанскіе профессора посѣтили и подробно осмотрѣли Фрейербергскіе рудники. Въ Вѣнѣ И. М. Симоновъ самымъ сердечнымъ образомъ встрѣтился съ своимъ бывшимъ казанскимъ учителемъ, принципаломъ и предмѣстникомъ по каѳедрѣ, профессоромъ I. I. Литтровомъ, въ то время директоромъ вѣнской астрономической обсерваторіи, посредничество котораго въ дѣлѣ заказа инструментовъ оказало Симонову не малую пользу: „Сей ученый и знаменитый неутомительными и полезными трудами профессоръ принялъ живое участіе въ семъ дѣлѣ и тѣмъ доказалъ свою привязанность къ казанскому университету, какъ къ мѣсту прежняго своего служенія",—читаемъ въ университетскомъ отчетѣ 1825 года. Покончивъ съ заказомъ инструментовъ, путешественники прослѣдовали изъ Вѣны, черезъ Зальцбургъ и Мюнхенъ, опять таки осматривая по пути все достопримѣчательное въ научномъ отношеніи—въ Парижъ, гдѣ продолжены были заказы инструментовъ, на этотъ разъ уже, преимущественно, физическихъ. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, Купферъ выѣхалъ изъ Парижа обратно въ Россію, Симоновъ же оставался здѣсь до окончанія изготовленія заказанныхъ инструментовъ, что потребовало свыше шести мѣсяцевъ времени. „Въ теченіи сего времени,—свидѣтельствуютъ какъ университетскій отчетъ, такъ и подлинныя письма его къ попечителю,—профессоръ Симоновъ осмотрѣлъ

Собственному вашему благоразумію оставляю я дополнить сіи указанія собственными примѣчаніями вашими о вліяніи духа времени, ученій философскихъ, тайныхъ обществъ и самыхъ правительствъ на то или другое направленіе народнаго воспитанія, равно какъ и присылкою ко мнѣ свѣдѣній о новыхъ открытіяхъ въ разныхъ наукахъ, въ приложеніи ихъ къ искусствамъ и ремесламъ, въ изобрѣтеніи новыхъ и усовершеніи извѣстныхъ уже машинъ и пр. Сообщая свѣдѣнія о семъ послѣднемъ предметѣ, постараетесь вы высылать ко мнѣ описанія, сколько можно подробнѣйшія, и, даже, модели.

Имѣвъ уже многіе опыты вашего усердія къ славѣ отечества и университета, которому принесли вы не малую честь въ морскомъ путешествіи вашемъ, я ограничусь на сей разъ желаніемъ вамъ и въ новомъ порученіи равнаго успѣха".

Выѣхавъ изъ Петербурга 11-го іюня 1823 года, наши путешественники прежде всего направились, черезъ Кенигсбергъ, Берлинъ, Дрезденъ и Прагу—въ Вѣну, попутно осмотрѣвъ всѣ обсерваторіи и другія ученыя учрежденія, причемъ Симоновъ, въ донесеніи своемъ попечителю, особенно подчеркнулъ оказанный имъ благосклонный пріемъ „перваго въ свѣтѣ наблюдателя г. Бесселя, директора кенигсбергской обсерваторіи, коего отличные труды извѣстны всему ученому свѣту". Въ Саксоніи казанскіе профессора посѣтили и подробно осмотрѣли Фрейербергскіе рудники. Въ Вѣнѣ И. М. Симоновъ самымъ сердечнымъ образомъ встрѣтился съ своимъ бывшимъ казанскимъ учителемъ, принципаломъ и предмѣстникомъ по кафедрѣ, профессоромъ І. І. Литтровомъ, въ то время директоромъ вѣнской астрономической обсерваторіи, посредничество котораго въ дѣлѣ заказа инструментовъ оказало Симонову не малую пользу: „Сей ученый и знаменитый неутомительными и полезными трудами профессоръ принялъ живое участіе въ семъ дѣлѣ и тѣмъ доказалъ свою привязанность къ казанскому университету, какъ къ мѣсту прежняго своего служенія",—читаемъ въ университетскомъ отчетѣ 1825 года. Покончивъ съ заказомъ инструментовъ, путешественники прослѣдовали изъ Вѣны, черезъ Зальцбургъ и Мюнхенъ, опять таки осматривая по пути все достопримѣчательное въ научномъ отношеніи—въ Парижъ, гдѣ продолжены были заказы инструментовъ, на этотъ разъ уже, преимущественно, физическихъ. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, Купферъ выѣхалъ изъ Парижа обратно въ Россію, Симоновъ же оставался здѣсь до окончанія изготовленія заказанныхъ инструментовъ, что потребовало свыше шести мѣсяцевъ времени. „Въ теченіи сего времени,—свидѣтельствуютъ какъ университетскій отчетъ, такъ и подлинныя письма его къ попечителю,—профессоръ Симоновъ осмотрѣлъ

всѣ парижскія ученыя и учебныя заведенія; посѣщалъ многія лекціи славнѣйшихъ французскихъ ученыхъ, сдѣлалъ связи и знакомство съ многими изъ нихъ, присутствовалъ при ихъ опытахъ и наблюденіяхъ и былъ почти на всѣхъ засѣданіяхъ парижской академіи наукъ, коей многіе члены удостоили его своей дружбы и оказали благосклонное къ нему вниманіе и услуги по предмету возложеннаго на него порученія"; въ числѣ этихъ ученыхъ въ отчетѣ и донесеніяхъ Симонова фигурируютъ громкія имена барона А. Гумбольдта, Араго, Фурье, Ампера, Бувара, Френеля, Демулена и другихъ корифеевъ знанія той эпохи. Во время пребыванія казанскаго астронома въ Парижѣ, мѣстное географическое общество провозгласило его своимъ сочленомъ, а баронъ Гумбольдтъ снабдилъ его рекомендательными письмами къ Пикте (въ Женевѣ), Оріани (въ Миланѣ), Скарпелини (въ Римѣ) и Бріоски (въ Неаполѣ); въ эту же пору пребыванія своего въ „столицѣ міра", Симоновъ напечаталъ математическій этюдъ „Essai sur le méthode directe du calcul intégral" (Paris, 1824) и рядъ наблюденій изъ своего кругосвѣтнаго плаванія (въ „Correspondance astron. etc." барона Цаха, 1823—1824 г.г.).

Окончивъ пребываніе свое въ Парижѣ и отправивъ изготовленные для университета инстументы, моремъ, въ Петербургъ, И. М. Симоновъ, въ ожиданіи окончанія своихъ вѣнскихъ заказовъ, посѣтилъ Женеву, Миланъ, Туринъ, Флоренцію, Римъ, Неаполь и, черезъ Венецію и Тріестъ, прибылъ въ Вѣну. Это круговое путешествіе доставило казанскому ученому большое удовлетвореніе. Въ Неаполѣ онъ подробно ознакомился съ образцовою мѣстною обсерваторіею, въ Туринѣ наблюдалъ съ извѣстнымъ астрономомъ Плана, а въ Генуѣ, по приглашенію знаменитаго барона Цаха, провѣрялъ во дворцѣ герцогини саксенъ-готской, вдовы мецената астрономіи и основателя зебергской обсерваторіи герцога Эрнста, новый искусственный горизонтъ, присланный Цаху его изобрѣтателемъ Дукомъ; римская академія наукъ избрала Симонова своимъ членомъ-корреспондентомъ. Принявъ въ Вѣнѣ заказанные инструменты, Симоновъ выѣхалъ отсюда, черезъ Краковъ и Варшаву, въ Петербургъ, куда и прибылъ въ началѣ іюля 1825 года.

Подробный списокъ пріобрѣтенныхъ И. М. Симоновымъ заграницею астрономическихъ инструментовъ, вмѣстѣ съ денежнымъ отчетомъ по этой операціи, интересующіеся найдутъ въ цитируемомъ нами дѣлѣ о путешествіи Симонова и Купфера. Изъ пріобрѣтенныхъ инструментовъ укажемъ лишь тѣ важнѣйшіе, которые особенно отмѣчаются университетскимъ отчетомъ за 1824—1825 акад. годъ,—именно: 1) полуденный кругъ въ 3 фута

всѣ парижскія ученыя и учебныя заведенія; посѣщалъ многія лекціи славнѣйшихъ французскихъ ученыхъ, сдѣлалъ связи и знакомство съ многими изъ нихъ, присутствовалъ при ихъ опытахъ и наблюденіяхъ и былъ почти на всѣхъ засѣданіяхъ парижской академіи наукъ, коей многіе члены удостоили его своей дружбы и оказали благосклонное къ нему вниманіе и услуги по предмету возложеннаго на него порученія"; въ числѣ этихъ ученыхъ въ отчетѣ и донесеніяхъ Симонова фигурируютъ громкія имена барона А. Гумбольдта, Араго, Фурье, Ампера, Бувара, Френеля, Демулена и другихъ корифеевъ знанія той эпохи. Во время пребыванія казанскаго астронома въ Парижѣ, мѣстное географическое общество провозгласило его своимъ сочленомъ, а баронъ Гумбольдтъ снабдилъ его рекомендательными письмами къ Пикте (въ Женевѣ), Оріани (въ Миланѣ), Скарпелини (въ Римѣ) и Бріоски (въ Неаполѣ); въ эту же пору пребыванія своего въ „столицѣ міра", Симоновъ напечаталъ математическій этюдъ „Essai sur le méthode directe du calcul intégral" (Paris, 1824) и рядъ наблюденій изъ своего кругосвѣтнаго плаванія (въ „Correspondance astron. etc." барона Цаха, 1823—1824 г.г.).

Окончивъ пребываніе свое въ Парижѣ и отправивъ изготовленные для университета инстументы, моремъ, въ Петербургъ, И. М. Симоновъ, въ ожиданіи окончанія своихъ вѣнскихъ заказовъ, посѣтилъ Женеву, Миланъ, Туринъ, Флоренцію, Римъ, Неаполь и, черезъ Венецію и Тріестъ, прибылъ въ Вѣну. Это круговое путешествіе доставило казанскому ученому большое удовлетвореніе. Въ Неаполѣ онъ подробно ознакомился съ образцовою мѣстною обсерваторіею, въ Туринѣ наблюдалъ съ извѣстнымъ астрономомъ Плана, а въ Генуѣ, по приглашенію знаменитаго барона Цаха, провѣрялъ во дворцѣ герцогини саксенъ-готской, вдовы мецената астрономіи и основателя зебергской обсерваторіи герцога Эрнста, новый искусственный горизонтъ, присланный Цаху его изобрѣтателемъ Дукомъ; римская академія наукъ избрала Симонова своимъ членомъ-корреспондентомъ. Принявъ въ Вѣнѣ заказанные инструменты, Симоновъ выѣхалъ отсюда, черезъ Краковъ и Варшаву, въ Петербургъ, куда и прибылъ въ началѣ іюля 1825 года.

Подробный списокъ пріобрѣтенныхъ И. М. Симоновымъ заграницею астрономическихъ инструментовъ, вмѣстѣ съ денежнымъ отчетомъ по этой операціи, интересующіеся найдутъ въ цитируемомъ нами дѣлѣ о путешествіи Симонова и Купфера. Изъ пріобрѣтенныхъ инструментовъ укажемъ лишь тѣ важнѣйшіе, которые особенно отмѣчаются университетскимъ отчетомъ за 1824—1825 акад. годъ,—именно: 1) полуденный кругъ въ 3 фута

въ діаметрѣ, съ трубою въ 5 футовъ,—„совершенно подобный находящимся въ Кенигсбергѣ, Геттингенѣ, Мюнхенѣ, Туринѣ, Неаполѣ и на другихъ первоклассныхъ обсерваторіяхъ Рейхенбаховымъ кругамъ", 2) универсальный инструментъ Рейхенбаха и 3) ахроматическую трубу „около 6-ти футовъ"; заказанные въ Вѣнѣ, въ мѣстномъ императорско-королевскомъ политехническомъ институтѣ, эти инструменты были лично испытаны и провѣрены профессоромъ Литтровомъ [81].

Сочувственное вниманіе и активное содѣйствіе, встрѣченное И. М. Симоновымъ въ чужихъ краяхъ, явилось поводомъ къ цѣлому ряду изъявленій признательности со стороны казанскаго университета. Во главѣ особъ, вызвавшихъ благодарныя чувста университета, оказался австрійскій императоръ Францъ I, повелѣвшій, по предстательству своего статсъ-секретаря „по ученой части" барона Штифта, въ свою очередь подвигнутаго къ тому личнымъ ходатайствомъ проф. Литтрова, понизить тарифъ для астрономическихъ инструментовъ, заказанныхъ въ Вѣнѣ для казанскаго университета. Магницкій возбудилъ вопросъ о поднесеніи за это австрійскому императору,—„по примѣру англинскихъ университетовъ",—диплома на званіе почетнаго члена казанскаго университета, но возбужденныя по этому поводу димломатическія сношенія выяснили, что императоръ австрійскій, „пріемля подношеніе университета знакомъ признательности и уваженія къ его величеству, почтетъ себѣ за удовольствіе принять званіе доктора правъ", о чемъ и было получено увѣдомленіе отъ министра иностранныхъ дѣлъ графа Нессельроде. Согласно выработанному самимъ Магницкимъ и одобренному министромъ народнаго просвѣщенія проекту, дипломъ императору на званіе „доктора правъ", составленный проф. Эрдманомъ на латинскомъ языкѣ, былъ „вписанъ въ богатую раму, изображающую принятую университетомъ казанскимъ эмблемму водруженнаго креста, озаряющаго всѣ принадлежности наукъ", съ девизомъ университета: „Во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ" и съ неизбѣжною датою—„въ лѣто отъ обновленія университета пятое". Изготовленіе этого диплома обошлось въ 1500 рублей, да 500 рублей было уплочено за заказанную для этого случая большую университетскую печать. Давая университету знать, предложеніемъ отъ 11-го декабря 1823 года, о воспослѣдовавшемъ согласіи Франца I на принятіе званія „доктора правъ", Магницкій поздравилъ университетъ „съ столь важнымъ событіемъ, знаменующимъ особенную милость Божію къ благочестивымъ установленіямъ казанскаго университета покровительствомъ ему двухъ великихъ монарховъ". Статсъ-секретарь баронъ Штифтъ, оказавшій свое

въ діаметрѣ, съ трубою въ 5 футовъ,—„совершенно подобный находящимся въ Кенигсбергѣ, Геттингенѣ, Мюнхенѣ, Туринѣ, Неаполѣ и на другихъ первоклассныхъ обсерваторіяхъ Рейхенбаховымъ кругамъ", 2) универсальный инструментъ Рейхенбаха и 3) ахроматическую трубу „около 6-ти футовъ"; заказанные въ Вѣнѣ, въ мѣстномъ императорско-королевскомъ политехническомъ институтѣ, эти инструменты были лично испытаны и провѣрены профессоромъ Литтровомъ [81].

Сочувственное вниманіе и активное содѣйствіе, встрѣченное И. М. Симоновымъ въ чужихъ краяхъ, явилось поводомъ къ цѣлому ряду изъявленій признательности со стороны казанскаго университета. Во главѣ особъ, вызвавшихъ благодарныя чувста университета, оказался австрійскій императоръ Францъ I, повелѣвшій, по предстательству своего статсъ-секретаря „по ученой части" барона Штифта, въ свою очередь подвигнутаго къ тому личнымъ ходатайствомъ проф. Литтрова, понизить тарифъ для астрономическихъ инструментовъ, заказанныхъ въ Вѣнѣ для казанскаго университета. Магницкій возбудилъ вопросъ о поднесеніи за это австрійскому императору,—„по примѣру англинскихъ университетовъ",—диплома на званіе почетнаго члена казанскаго университета, но возбужденныя по этому поводу димломатическія сношенія выяснили, что императоръ австрійскій, „пріемля подношеніе университета знакомъ признательности и уваженія къ его величеству, почтетъ себѣ за удовольствіе принять званіе доктора правъ", о чемъ и было получено увѣдомленіе отъ министра иностранныхъ дѣлъ графа Нессельроде. Согласно выработанному самимъ Магницкимъ и одобренному министромъ народнаго просвѣщенія проекту, дипломъ императору на званіе „доктора правъ", составленный проф. Эрдманомъ на латинскомъ языкѣ, былъ „вписанъ въ богатую раму, изображающую принятую университетомъ казанскимъ эмблемму водруженнаго креста, озаряющаго всѣ принадлежности наукъ", съ девизомъ университета: „Во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ" и съ неизбѣжною датою—„въ лѣто отъ обновленія университета пятое". Изготовленіе этого диплома обошлось въ 1500 рублей, да 500 рублей было уплочено за заказанную для этого случая большую университетскую печать. Давая университету знать, предложеніемъ отъ 11-го декабря 1823 года, о воспослѣдовавшемъ согласіи Франца I на принятіе званія „доктора правъ", Магницкій поздравилъ университетъ „съ столь важнымъ событіемъ, знаменующимъ особенную милость Божію къ благочестивымъ установленіямъ казанскаго университета покровительствомъ ему двухъ великихъ монарховъ". Статсъ-секретарь баронъ Штифтъ, оказавшій свое

вліятельное предстательство предъ императоромъ, былъ 23-го января 1824 г. утвержденъ почетнымъ членомъ казанскаго университета. Путешествіе И. М. Симонова и А. Я. Купфера и оказанное имъ разными лицами содѣйствіе имѣло послѣдствіемъ обогащеніе списковъ личнаго состава казанскаго университета и цѣлымъ рядомъ именъ другихъ новыхъ почетныхъ членовъ: 5-го января 1824 годл въ этомъ званіи были утверждены кенигсбергскій профессоръ астрономіи Бессель, берлинскій профессоръ физики Зибекъ и минералогъ Вейсъ; 29-го января 1826 года—члены французской академіи баронъ Гумбольдтъ, Араго и Буваръ, гофмаршалъ саксенъ-готскаго двора и извѣстный астрономъ баронъ Цахъ, членъ туринской академіи Плана и русскій посланникъ въ Римѣ Италинскій; въ февралѣ 1826 года—австрійскій гофъ-адвокатъ фонъ-Гейнтль [82].

Дальнѣйшая исторія астрономической обсерваторіи университета, въ предѣлахъ интересующей насъ эпохи, не въ состояніи представить никакихъ фактовъ, заслуживающихъ вниманія,—если не принимать въ соображеніе возникшаго въ апрѣлѣ 1826 года предположенія о пріобрѣтеніи на 3200 рублей инструментовъ, необходимыхъ для преподаванія геодезіи, разрѣшеніе котораго относится уже къ половинѣ 30-хъ годовъ, т. е. къ эпохѣ попечительства Мусина-Пушкина.

Можетъ быть, затѣмъ, отмѣчено, что уже очень рано стала отказываться отвѣчать своему назначенію и Литтровская обсерваторія, устроенная въ старомъ каменномъ зданіи ботаническаго сада, которая къ 1825 году начала совершенно разваливаться, такъ что потребовала разборки сдѣланныхъ на ней деревянныхъ надстроекъ. Членъ университетскаго строительнаго комитета Калашниковъ, приспособлявшій въ то время это зданіе для временнаго помѣщенія въ немъ анатомическаго театра, 1-го іюня 1825 года доносилъ попечителю, что „при разломкѣ обсерваторіи оказалось, что всѣ накаты совершенно упали и полы едва держатся", чѣмъ и было вызвано постановленіе „деревянный верхъ обсерваторіи сломать, по ветхости и безобразію онаго, каменный же этажъ сего строенія покрыть крышею, наружныя стѣны обѣлить, равно какъ и внутри",—т. е. привести это зданіе въ старый, до устроенія въ немъ обсерваторіи, видъ.

Со времени возвращенія своего изъ кругосвѣтнаго плаванія профессоръ Симоновъ, повидимому, уже не пользовался Литтровскою обсерваторіею, наскоро въ свое время отстроенною и быстро начавшею приходить въ состояніе разрушенія. По крайней мѣрѣ покойный профессоръ П. И. Котельниковъ, современникъ и сослуживецъ И. М. Симонова, свидѣтельствовалъ въ 1851 году, что „не смотря на весьма ограниченныя въ то

вліятельное предстательство предъ императоромъ, былъ 23-го января 1824 г. утвержденъ почетнымъ членомъ казанскаго университета. Путешествіе И. М. Симонова и А. Я. Купфера и оказанное имъ разными лицами содѣйствіе имѣло послѣдствіемъ обогащеніе списковъ личнаго состава казанскаго университета и цѣлымъ рядомъ именъ другихъ новыхъ почетныхъ членовъ: 5-го января 1824 годл въ этомъ званіи были утверждены кенигсбергскій профессоръ астрономіи Бессель, берлинскій профессоръ физики Зибекъ и минералогъ Вейсъ; 29-го января 1826 года—члены французской академіи баронъ Гумбольдтъ, Араго и Буваръ, гофмаршалъ саксенъ-готскаго двора и извѣстный астрономъ баронъ Цахъ, членъ туринской академіи Плана и русскій посланникъ въ Римѣ Италинскій; въ февралѣ 1826 года—австрійскій гофъ-адвокатъ фонъ-Гейнтль [82].

Дальнѣйшая исторія астрономической обсерваторіи университета, въ предѣлахъ интересующей насъ эпохи, не въ состояніи представить никакихъ фактовъ, заслуживающихъ вниманія,—если не принимать въ соображеніе возникшаго въ апрѣлѣ 1826 года предположенія о пріобрѣтеніи на 3200 рублей инструментовъ, необходимыхъ для преподаванія геодезіи, разрѣшеніе котораго относится уже къ половинѣ 30-хъ годовъ, т. е. къ эпохѣ попечительства Мусина-Пушкина.

Можетъ быть, затѣмъ, отмѣчено, что уже очень рано стала отказываться отвѣчать своему назначенію и Литтровская обсерваторія, устроенная въ старомъ каменномъ зданіи ботаническаго сада, которая къ 1825 году начала совершенно разваливаться, такъ что потребовала разборки сдѣланныхъ на ней деревянныхъ надстроекъ. Членъ университетскаго строительнаго комитета Калашниковъ, приспособлявшій въ то время это зданіе для временнаго помѣщенія въ немъ анатомическаго театра, 1-го іюня 1825 года доносилъ попечителю, что „при разломкѣ обсерваторіи оказалось, что всѣ накаты совершенно упали и полы едва держатся", чѣмъ и было вызвано постановленіе „деревянный верхъ обсерваторіи сломать, по ветхости и безобразію онаго, каменный же этажъ сего строенія покрыть крышею, наружныя стѣны обѣлить, равно какъ и внутри",—т. е. привести это зданіе въ старый, до устроенія въ немъ обсерваторіи, видъ.

Со времени возвращенія своего изъ кругосвѣтнаго плаванія профессоръ Симоновъ, повидимому, уже не пользовался Литтровскою обсерваторіею, наскоро въ свое время отстроенною и быстро начавшею приходить въ состояніе разрушенія. По крайней мѣрѣ покойный профессоръ П. И. Котельниковъ, современникъ и сослуживецъ И. М. Симонова, свидѣтельствовалъ въ 1851 году, что „не смотря на весьма ограниченныя въ то

время астрономическія средства, проф. Симоновъ успѣлъ устроить въ своей квартирѣ (въ такъ называемомъ „Спижарномъ" университетскомъ домѣ) временную обсерваторію и сдѣлалъ еще въ 1822 году всѣ необходимыя, для опредѣленія долготы, наблюденія надъ закрытіемъ звѣздъ луною, которыми и воспользовался штутгардтскій астрономъ Вурмъ". Болѣе существенныя мѣры къ оборудованію этой временной обсерваторіи при Спижарномъ домѣ (въ числѣ ихъ устройство особой деревянной пристройки въ видѣ галлереи, для наблюденія съ нея) относятся уже къ начальной порѣ попечительства Мусина-Пушкина.

Въ этомъ то временно-устроенномъ помѣщеніи проф. Симонову и было суждено работать вплоть до перемѣщенія обсерваторіи въ концѣ 30-хъ годовъ въ нынѣшнее зданіе ея, сооруженное бокъ-о-бокъ съ старою обсерваторіею профессора Литтрова [83].

IV

Химическая лабораторія

Номинальное почти существованіе химической лабораторіи въ эпоху ревизіи Магницкаго.— Адъюнкты Дунаевъ и Пелатье и ихъ дѣятельность по лабораторіи.—Профессоръ А. Я. Купферъ и его мѣропріятія по устроенію химической лабораторіи.—Новыя пріобрѣтенія лабораторіи.—Химическая лабораторія къ концу эпохи попечительства Магницкаго.

Химическая лабораторія едва ли не явилась университетскимъ учебно-вспомогательнымъ учрежденіемъ, представшимъ въ самомъ неприглядномъ видѣ во время ревизіи въ 1819 году Магницкимъ казанскаго университета. Эта лабораторія,—существовавшая, строго говоря, почти по имени только,—не имѣла въ ту пору, по собственному показанію завѣдывавшаго ею адъюнкта И. И. Дунаева, даже приборовъ, необходимыхъ „для производства точныхъ химическихъ опытовъ", не говоря уже объ отсутствіи въ ней сколько нибудь цѣнныхъ инструментовъ и принадлежностей, какъ то: электрической машины, гальванической баттареи, воздушнаго насоса, платиновой и серебряной посуды и т. п.; въ жалкомъ положеніи находилась и библіотека лабораторіи, не располагавшая даже необходимѣйшими книгами и журналами *.

Представляется вполнѣ вѣроятнымъ, что жалкое состояніе химической лабораторіи, получавшей на свое содержаніе вполнѣ при-

---

* См. томъ III, стр. 90 и слѣд.

время астрономическія средства, проф. Симоновъ успѣлъ устроить въ своей квартирѣ (въ такъ называемомъ „Спижарномъ“ университетскомъ домѣ) временную обсерваторію и сдѣлалъ еще въ 1822 году всѣ необходимыя, для опредѣленія долготы, наблюденія надъ закрытіемъ звѣздъ луною, которыми и воспользовался штутгардтскій астрономъ Вурмъ“. Болѣе существенныя мѣры къ оборудованію этой временной обсерваторіи при Спижарномъ домѣ (въ числѣ ихъ устройство особой деревянной пристройки въ видѣ галлереи, для наблюденія съ нея) относятся уже къ начальной порѣ попечительства Мусина-Пушкина.

Въ этомъ то временно-устроенномъ помѣщеніи проф. Симонову и было суждено работать вплоть до перемѣщенія обсерваторіи въ концѣ 30-хъ годовъ въ нынѣшнее зданіе ея, сооруженное бокъ-о-бокъ съ старою обсерваторіею профессора Литтрова [83].

IV

Химическая лабораторія

Номинальное почти существованіе химической лабораторіи въ эпоху ревизія Магницкаго.—Адъюнкты Дунаевъ и Пелатье и ихъ дѣятельность по лабораторіи.—Профессоръ А. Я. Купферъ и его мѣропріятія по устроенію химической лабораторіи.—Новыя пріобрѣтенія лабораторіи.—Химическая лабораторія къ концу эпохи попечительства Магницкаго.

Химическая лабораторія едва ли не явилась университетскимъ учебно-вспомогательнымъ учрежденіемъ, представшимъ въ самомъ неприглядномъ видѣ во время ревизіи въ 1819 году Магницкимъ казанскаго университета. Эта лабораторія,—существовавшая, строго говоря, почти по имени только,—не имѣла въ ту пору, по собственному показанію завѣдывавшаго ею адъюнкта И. И. Дунаева, даже приборовъ, необходимыхъ „для производства точныхъ химическихъ опытовъ“, не говоря уже объ отсутствіи въ ней сколько нибудь цѣнныхъ инструментовъ и принадлежностей, какъ то: электрической машины, гальванической баттареи, воздушнаго насоса, платиновой и серебряной посуды и т. п.; въ жалкомъ положеніи находилась и библіотека лабораторіи, не располагавшая даже необходимѣйшими книгами и журналами *.

Представляется вполнѣ вѣроятнымъ, что жалкое состояніе химической лабораторіи, получавшей на свое содержаніе вполнѣ при-

* См. томъ III, стр. 90 и слѣд.

личную, по условіямъ того времени, ежегодную штатную сумму въ одну тысячу рублей, въ весьма значительной степени объясняется апатичнымъ отношеніемъ къ дѣлу самого Дунаева, съ 1814 года занимавшаго кафедру химіи и про котораго Магницкій далъ отзывъ, что „адъюнктъ Дунаевъ въ преподаваніи химіи не можетъ достаточно замѣнить хорошаго профессора сей науки". На сколько мало заботился этотъ адъюнктъ улучшеніемъ экспериментальнаго преподаванія своего предмета, а слѣдовательно и развитіемъ лабораторнаго дѣла, видно, напримѣръ, изъ собственнаго заявленія его лѣтомъ 1820 г. о томъ, что онъ изъ суммы „на содержаніе сей лабораторіи въ минувшемъ 1819 году отпущенной—доселѣ ни мало не расходовалъ". Двѣ относительно значительныя закупки книгъ—таковы единственныя, сколько нибудь замѣтныя, мѣропріятія по химической лабораторіи, которыми отмѣчены первые пять годовъ попечительства Магницкаго; да и самъ попечитель далеко не проявлялъ по отношенію къ химіи такой заботливости, какая сказывалась, какъ мы это видѣли, въ его отношеніяхъ къ кафедрамъ астрономіи и физики. Въ 1820 году, согласно представленію Дунаева отъ 5-го іюня, разрѣшено было употребить 678 рублей 50 коп., изъ штатной лабораторной суммы, на пріобрѣтеніе книгъ по химіи, а въ 1822 году, согласно его же представленію отъ 10-го марта, снова разрѣшена покупка книгъ на сумму 485 рублей 64 копѣекъ,—вотъ и всѣ пріобрѣтенія по химической лабораторіи, отмѣченныя для перваго пятилѣтія интересующей насъ эпохи. Не смотря на почти эмбріональное состояніе химической лабораторіи, въ концѣ осени 1820 года, съ утвержденія попечителя отъ 16-го ноября этого года, при лабораторіи учреждена была должность „помощника" (препаратора), съ окладомъ жалованья въ 300 р. изъ штатной лабораторной суммы,—должность, въ которую и былъ опредѣленъ аптекарскій ученикъ Глазевичъ [84].

Не улучшилось положеніе какъ самой кафедры химіи, такъ и состоявшей при ней лабораторіи, и съ назначеніемъ на нее 5-го мая 1823 года адъюнкта Ф. Пелатье,—научной бездарности, навязанной казанскому университету покровительствовавшимъ Пелатье попечителемъ. Университетская дѣятельность этого авантюриста можетъ быть отмѣчена развѣ только забаллотированіемъ его весною 1824 г., не взирая на представленіе ректоромъ Фуксомъ, въ званіе ординарнаго профессора, забракованіемъ двухъ представленныхъ имъ въ факультетъ рукописныхъ трудовъ, да ожесточеннымъ и характернымъ конфликтомъ его въ 1823 г. съ препараторомъ лабораторіи Глазевичемъ, окончившимся увольненіемъ этого послѣдняго.

личную, по условіямъ того времени, ежегодную штатную сумму въ одну тысячу рублей, въ весьма значительной степени объясняется апатичнымъ отношеніемъ къ дѣлу самого Дунаева, съ 1814 года занимавшаго кафедру химіи и про котораго Магницкій далъ отзывъ, что „адъюнктъ Дунаевъ въ преподаваніи химіи не можетъ достаточно замѣнить хорошаго профессора сей науки". На сколько мало заботился этотъ адъюнктъ улучшеніемъ экспериментальнаго преподаванія своего предмета, а слѣдовательно и развитіемъ лабораторнаго дѣла, видно, напримѣръ, изъ собственнаго заявленія его лѣтомъ 1820 г. о томъ, что онъ изъ суммы „на содержаніе сей лабораторіи въ минувшемъ 1819 году отпущенной—доселѣ ни мало не расходовалъ". Двѣ относительно значительныя закупки книгъ—таковы единственныя, сколько нибудь замѣтныя, мѣропріятія по химической лабораторіи, которыми отмѣчены первые пять годовъ попечительства Магницкаго; да и самъ попечитель далеко не проявлялъ по отношенію къ химіи такой заботливости, какая сказывалась, какъ мы это видѣли, въ его отношеніяхъ къ кафедрамъ астрономіи и физики. Въ 1820 году, согласно представленію Дунаева отъ 5-го іюня, разрѣшено было употребить 678 рублей 50 коп., изъ штатной лабораторной суммы, на пріобрѣтеніе книгъ по химіи, а въ 1822 году, согласно его же представленію отъ 10-го марта, снова разрѣшена покупка книгъ на сумму 485 рублей 64 копѣекъ,—вотъ и всѣ пріобрѣтенія по химической лабораторіи, отмѣченныя для перваго пятилѣтія интересующей насъ эпохи. Не смотря на почти эмбріональное состояніе химической лабораторіи, въ концѣ осени 1820 года, съ утвержденія попечителя отъ 16-го ноября этого года, при лабораторіи учреждена была должность „помощника" (препаратора), съ окладомъ жалованья въ 300 р. изъ штатной лабораторной суммы,—должность, въ которую и былъ опредѣленъ аптекарскій ученикъ Глазевичъ [84].

Не улучшилось положеніе какъ самой кафедры химіи, такъ и состоявшей при ней лабораторіи, и съ назначеніемъ на нее 5-го мая 1823 года адъюнкта Ф. Пелатье,—научной бездарности, навязанной казанскому университету покровительствовавшимъ Пелатье попечителемъ. Университетская дѣятельность этого авантюриста можетъ быть отмѣчена развѣ только забаллотированіемъ его весною 1824 г., не взирая на представленіе ректоромъ Фуксомъ, въ званіе ординарнаго профессора, забракованіемъ двухъ представленныхъ имъ въ факультетъ рукописныхъ трудовъ, да ожесточеннымъ и характернымъ конфликтомъ его въ 1823 г. съ препараторомъ лабораторіи Глазевичемъ, окончившимся увольненіемъ этого послѣдняго.

Лучшія времена наступили для кафедры химіи и для химической лабораторіи съ назначеніемъ 8-го іюня 1823 года на соединенныя кафедры химіи и физики профессора А. Я. Купфера, хотя всѣ научныя симпатіи будущаго академика-физика и были направлены въ сторону физики, а не химіи. Въ концѣ 1824 года замѣщена была при химической лабораторіи и оставшаяся, послѣ увольненія Глазевича, вакантною должность препаратора—теперь переименованная въ должность лаборанта: 13 го сентября 1824 г. въ ней, послѣ особаго испытанія въ теоретической и практической химіи, утвержденъ былъ гезель Бахманъ. Новый профессоръ химіи и физики остался, видимо, очень доволенъ своимъ лаборантомъ; по крайней мѣрѣ Купферъ, черезъ попечителя округа, исходатайствовалъ у министра разрѣшеніе (отъ 25-го іюля 1825 г.) на совмѣщеніе Бахманомъ съ должностью лаборанта химической лабораторіи и званія „приспѣшника" при физическомъ кабинетѣ, съ производствомъ ему за это дополнительнаго вознагражденія въ 200 рублей [85].

Непродолжительное время служенія проф. Купфера казанскому университету ознаменовалось крупнымъ начинаніемъ на пользу улучшенія положенія химической лабораторіи, впервые давшимъ этому учрежденію, впослѣдствіе составившему гордость казанскаго университета, возможность стать болѣе или менѣе твердо на ноги. 21-го февраля 1825 года профессора Купферъ и Дунаевъ (какъ преподававшій въ то время химію на врачебномъ отдѣленіи) вошли въ совѣтъ съ представленіемъ относительно исходатайствованія суммы въ 3 тысячи рублей на нужды химической лабораторіи, мотивируя свое представленіе тѣмъ, что „въ то время, какъ различные кабинеты и другія къ учебнымъ пособіямъ относящіяся заведенія при казанскомъ университетѣ обогащаются пріобрѣтеніемъ инструментовъ, естественныхъ и искусственныхъ произведеній и проч., химическая лабораторія остается въ очень бѣдномъ состояніи, такъ что и самое преподаваніе химіи, какъ науки опытной, по недостатку инструментовъ и нѣкоторыхъ матеріаловъ, не можетъ нынѣ имѣть желаемаго успѣха". Къ представленію былъ приложенъ и перечень предметовъ, признанныхъ необходимыми къ пріобрѣтенію. Здѣсь, кромѣ обыкновенной лабораторной стеклянной посуды, мы находимъ: вѣсы „для точныхъ химическихъ изысканій", барометръ, термометръ, газометръ, эвдіометръ, ареометръ, гальваническій приборъ, электрофоръ, „снарядъ для плавленія тѣлъ посредствомъ смѣси изъ кислорода и водотворнаго газовъ", „папиновъ горшокъ", „порфировую или гранитную плиту съ таковымъ же курантомъ", подборъ платиновой, оловянной, мѣдной, фарфоровой и фаян-

Лучшія времена наступили для кафедры химіи и для химической лабораторіи съ назначеніемъ 8-го іюня 1823 года на соединенныя кафедры химіи и физики профессора А. Я. Купфера, хотя всѣ научныя симпатіи будущаго академика-физика и были направлены въ сторону физики, а не химіи. Въ концѣ 1824 года замѣщена была при химической лабораторіи и оставшаяся, послѣ увольненія Глазевича, вакантною должность препаратора—теперь переименованная въ должность лаборанта: 13 го сентября 1824 г. въ ней, послѣ особаго испытанія въ теоретической и практической химіи, утвержденъ былъ гезель Бахманъ. Новый профессоръ химіи и физики остался, видимо, очень доволенъ своимъ лаборантомъ; по крайней мѣрѣ Купферъ, черезъ попечителя округа, исходатайствовалъ у министра разрѣшеніе (отъ 25-го іюля 1825 г.) на совмѣщеніе Бахманомъ съ должностью лаборанта химической лабораторіи и званія „приспѣшника" при физическомъ кабинетѣ, съ производствомъ ему за это дополнительнаго вознагражденія въ 200 рублей [85].

Непродолжительное время служенія проф. Купфера казанскому университету ознаменовалось крупнымъ начинаніемъ на пользу улучшенія положенія химической лабораторіи, впервые давшимъ этому учрежденію, впослѣдствіе составившему гордость казанскаго университета, возможность стать болѣе или менѣе твердо на ноги. 21-го февраля 1825 года профессора Купферъ и Дунаевъ (какъ преподававшій въ то время химію на врачебномъ отдѣленіи) вошли въ совѣтъ съ представленіемъ относительно исходатайствованія суммы въ 3 тысячи рублей на нужды химической лабораторіи, мотивируя свое представленіе тѣмъ, что „въ то время, какъ различные кабинеты и другія къ учебнымъ пособіямъ относящіяся заведенія при казанскомъ университетѣ обогащаются пріобрѣтеніемъ инструментовъ, естественныхъ и искусственныхъ произведеній и проч., химическая лабораторія остается въ очень бѣдномъ состояніи, такъ что и самое преподаваніе химіи, какъ науки опытной, по недостатку инструментовъ и нѣкоторыхъ матеріаловъ, не можетъ нынѣ имѣть желаемаго успѣха". Къ представленію былъ приложенъ и перечень предметовъ, признанныхъ необходимыми къ пріобрѣтенію. Здѣсь, кромѣ обыкновенной лабораторной стеклянной посуды, мы находимъ: вѣсы „для точныхъ химическихъ изысканій", барометръ, термометръ, газометръ, эвдіометръ, ареометръ, гальваническій приборъ, электрофоръ, „снарядъ для плавленія тѣлъ посредствомъ смѣси изъ кислорода и водотворнаго газовъ", „папиновъ горшокъ", „порфировую или гранитную плиту съ таковымъ же курантомъ", подборъ платиновой, оловянной, мѣдной, фарфоровой и фаян-

совой посуды и т. п. и, наконецъ—„полное собраніе веществъ, химіею разсматриваемыхъ". Соотвѣтствующее представленіе совѣта было министромъ удовлетворено, о чемъ попечитель и далъ знать предложеніемъ отъ 28-го апрѣля 1825 года, хотя самое осуществленіе намѣченныхъ Купферомъ и Дунаевымъ предположеній послѣдовало уже послѣ увольненія Магницкаго отъ управленія казанскимъ учебнымъ округомъ [86].

Желающихъ ближе познакомиться съ положеніемъ инвентаря химической лабораторіи казанскаго университета къ концу попечительства Магницкаго—направляемъ къ относящейся къ сентябрю 1825 года „Описи вещей, химической лабораторіи казанскаго университета принадлежащихъ" [87].

V

Кабинетъ естественной исторіи или натуральный

Университетскій кабинетъ естественной исторіи въ началѣ 1819 года.—Составъ этого учебно-вспомогательнаго учрежденія.—Хронологическій перечень приращеній кабинета за промежутокъ времени 1820—1826 годовъ.—Ученое путешествіе проф. Э. И. Эйхвальда въ Прикаспійскій край.—Исключенія предметовъ изъ коллекцій кабинета.—Черты внѣшней организаціи кабинета естественной исторіи.

Естественный или натуральный кабинетъ казанскаго университета, матеріалъ для котораго сталъ слагаться уже съ перваго года существованія его, а частью поступилъ въ вновь учреждаемый университетъ изъ собраній казанской гимназіи, пополнялся совершенно случайнымъ путемъ и, до эпохи попечительства Магницкаго, представлялъ собою конгломератъ коллекцій самаго разнообразнаго характера, въ двадцатыхъ годахъ XIX-го столѣтія выдѣлившихъ изъ себя два, болѣе или менѣе самостоятельныхъ, кабинета, а именно: а) кабинетъ минералогическій и б) кабинетъ рѣдкостей, послѣ чего только за основными коллекціями этого, до того столь разнообразнаго, собранія сохранилось специфическое уже наименованіе кабинета естественной исторіи или натуральнаго. И, дѣйствительно, мы видѣли, что въ отчетѣ по кабинету естественной исторіи, въ 1819 году представленномъ для цѣлей ревизіи Магницкаго, въ составѣ семи отдѣловъ этого кабинета показаны еще и кабинетъ минералогическій, и собраніе „рѣдкихъ вещей", и „сухія растенія", т. е. гербарій. Кабинетъ естественной исторіи совершенно не удовлетво-

совой посуды и т. п. и, наконецъ—„полное собраніе веществъ, химіею разсматриваемыхъ". Соотвѣтствующее представленіе совѣта было министромъ удовлетворено, о чемъ попечитель и далъ знать предложеніемъ отъ 28-го апрѣля 1825 года, хотя самое осуществленіе намѣченныхъ Купферомъ и Дунаевымъ предположеній послѣдовало уже послѣ увольненія Магницкаго отъ управленія казанскимъ учебнымъ округомъ [86].

Желающихъ ближе познакомиться съ положеніемъ инвентаря химической лабораторіи казанскаго университета къ концу попечительства Магницкаго—направляемъ къ относящейся къ сентябрю 1825 года „Описи вещей, химической лабораторіи казанскаго университета принадлежащихъ" [87].

V

Кабинетъ естественной исторіи или натуральный

Университетскій кабинетъ естественной исторіи въ началѣ 1819 года.—Составъ этого учебно-вспомогательнаго учрежденія.—Хронологическій перечень приращеній кабинета за промежутокъ времени 1820—1826 годовъ.—Ученое путешествіе проф. Э. И. Эйхвальда въ Прикаспійскій край.—Исключенія предметовъ изъ коллекцій кабинета.—Черты внѣшней организаціи кабинета естественной исторіи.

Естественный или натуральный кабинетъ казанскаго университета, матеріалъ для котораго сталъ слагаться уже съ перваго года существованія его, а частью поступилъ въ вновь учреждаемый университетъ изъ собраній казанской гимназіи, пополнялся совершенно случайнымъ путемъ и, до эпохи попечительства Магницкаго, представлялъ собою конгломератъ коллекцій самаго разнообразнаго характера, въ двадцатыхъ годахъ XIX-го столѣтія выдѣлившихъ изъ себя два, болѣе или менѣе самостоятельныхъ, кабинета, а именно: а) кабинетъ минералогическій и б) кабинетъ рѣдкостей, послѣ чего только за основными коллекціями этого, до того столь разнообразнаго, собранія сохранилось специфическое уже наименованіе кабинета естественной исторіи или натуральнаго. И, дѣйствительно, мы видѣли, что въ отчетѣ по кабинету естественной исторіи, въ 1819 году представленномъ для цѣлей ревизіи Магницкаго, въ составѣ семи отдѣловъ этого кабинета показаны еще и кабинетъ минералогическій, и собраніе „рѣдкихъ вещей", и „сухія растенія", т. е. гербарій. Кабинетъ естественной исторіи совершенно не удовлетво-

рилъ ревизора, признавшаго его случайнымъ и несистематическимъ собраніемъ предметовъ, представляющимъ собою „нѣкоторое начало заведенія сего рода“ и заслуживающимъ быть „помѣщеннымъ куда либо на время“, съ тѣмъ, что бы представить очищенное мѣсто кабинету физическому *. И позже, сдѣлавшись попечителемъ округа, Магницкій далеко не удѣлялъ натуральному кабинету такого вниманія, какимъ удостоивались съ его стороны астрономическая обсерваторія и физическій кабинетъ.

Въ настоящей рубрикѣ мы будемъ вести рѣчь о натуральномъ кабинетѣ лишь въ тѣсномъ значеніи этого понятія, т. е. въ томъ именно значеніи, какое онъ получаетъ въ интересующую насъ эпоху, выдѣливъ въ особыя рубрики кабинеты минералогическій, рѣдкостей и минцъ-кабинетъ, но включивъ въ его составъ гербарій и зачатки коллекцій палеонтологическихъ.

Пополненіе собраній натуральнаго кабинета происходило и въ годы попечительства Магницкаго такимъ же чисто случайнымъ путемъ, какимъ совершалось оно и въ первыя четырнадцать лѣтъ существованія казанскаго университета и нѣкоторое исключеніе отсюда могутъ представить собою развѣ только послѣдніе два года этой эпохи, въ силу чего хронологическій порядокъ въ дѣлѣ перечисленія постепенныхъ и весьма необильныхъ приращеній этого кабинета—представляется единственно возможнымъ. До насъ дошли слѣдующія, во многихъ случаяхъ отрывочныя, данныя объ этихъ приращеніяхъ:

1820 и 1821 годы. а) Священникъ Анахоретовъ принесъ кабинету естественной исторіи въ даръ „часть черепа большой коровы съ рогами“, выкопанную изъ земли въ тетюшскомъ уѣздѣ казанской губерніи (1820 г.).

б) Профессоръ Кондыревъ представилъ въ даръ „часть слоновoго клыка“ (1821 г.).

в) Учитель астраханской гимназіи Поповъ въ сентябрѣ 1821 г. прислалъ для кабинета какую то „попорченную морскую рыбу“, отнятую „въ прошедшую кампанію у французовъ“ (?).

1821—1822 годы. а) Ординарный профессоръ И. М. Симоновъ принесъ кабинету въ даръ слѣдующіе предметы, вывезенные имъ изъ кругосвѣтнаго плаванія: 60 породъ новоголландскихъ растеній, 60 породъ семянъ тѣхъ же растеній, 11 породъ семянъ изъ королевско-ботаническаго сада на островѣ Тенерифѣ, 2-хъ пингви-

---

* См. томъ III, стр. 97 и слѣд.

рилъ ревизора, признавшаго его случайнымъ и несистематическимъ собраніемъ предметовъ, представляющимъ собою „нѣкоторое начало заведенія сего рода“ и заслуживающимъ быть „помѣщеннымъ куда либо на время“, съ тѣмъ, что бы представить очищенное мѣсто кабинету физическому *. И позже, сдѣлавшись попечителемъ округа, Магницкій далеко не удѣлялъ натуральному кабинету такого вниманія, какимъ удостоивались съ его стороны астрономическая обсерваторія и физическій кабинетъ.

Въ настоящей рубрикѣ мы будемъ вести рѣчь о натуральномъ кабинетѣ лишь въ тѣсномъ значеніи этого понятія, т. е. въ томъ именно значеніи, какое онъ получаетъ въ интересующую насъ эпоху, выдѣливъ въ особыя рубрики кабинеты минералогическій, рѣдкостей и минцъ-кабинетъ, но включивъ въ его составъ гербарій и зачатки коллекцій палеонтологическихъ.

Пополненіе собраній натуральнаго кабинета происходило и въ годы попечительства Магницкаго такимъ же чисто случайнымъ путемъ, какимъ совершалось оно и въ первыя четырнадцать лѣтъ существованія казанскаго университета и нѣкоторое исключеніе отсюда могутъ представить собою развѣ только послѣдніе два года этой эпохи, въ силу чего хронологическій порядокъ въ дѣлѣ перечисленія постепенныхъ и весьма необильныхъ приращеній этого кабинета—представляется единственно возможнымъ. До насъ дошли слѣдующія, во многихъ случаяхъ отрывочныя, данныя объ этихъ приращеніяхъ:

1820 и 1821 годы. а) Священникъ Анахоретовъ принесъ кабинету естественной исторіи въ даръ „часть черепа большой коровы съ рогами“, выкопанную изъ земли въ тетюшскомъ уѣздѣ казанской губерніи (1820 г.).

б) Профессоръ Кондыревъ представилъ въ даръ „часть слоноваго клыка“ (1821 г.).

в) Учитель астраханской гимназіи Поповъ въ сентябрѣ 1821 г. прислалъ для кабинета какую то „попорченную морскую рыбу“, отнятую „въ прошедшую кампанію у французовъ“ (?).

1821—1822 годы. а) Ординарный профессоръ И. М. Симоновъ принесъ кабинету въ даръ слѣдующіе предметы, вывезенные имъ изъ кругосвѣтнаго плаванія: 60 породъ новоголландскихъ растеній, 60 породъ семянъ тѣхъ же растеній, 11 породъ семянъ изъ королевско-ботаническаго сада на островѣ Тенерифѣ, 2-хъ пингви-

* См. томъ III, стр. 97 и слѣд.

повъ „съ необитаемыхъ острововъ, изъ которыхъ одинъ, простой, съ Новаго Шетланда (sic), недавно открытаго купцомъ Смитомъ, а другой, королевскій, съ Маквари“, 1-го рѣдкаго попугая „съ Синихъ горъ, изъ Новой Голландіи“, 1-го „перакитку“ и 2-хъ „неизвѣстныхъ птичекъ“ изъ Новой же Голландіи, „1 кристалловидный камень, найденный на Вандименномъ островѣ, близъ Новой Голландіи“, 6 раковинъ „съ коральныхъ острововъ Тихаго моря“, 11 разновидныхъ бѣлыхъ коралловъ, оттуда же, 2 зуба „морскихъ слоновъ“ съ острова Маквари.

б) Учитель астраханской гимназіи Поповъ пожертвовалъ „одну морскую примѣчательную рыбку“.

в) Отъ тобольской врачебной управы доставленъ, въ замороженномъ видѣ, „уродъ, рожденный, въ березовскомъ уѣздѣ, казачьею женою Старховою“ (весна 1822 г.).

г) Почетный смотритель ядринскаго уѣзднаго училища принесъ въ даръ части черепа носорога, найденныя на берегу р. Курмышки (весною 1822 г.) [88].

1822—1823 годы. а) Отъ нѣкоего помѣщика тверской губерніи доставленъ морской ёжъ.

б) Командующимъ сибирскимъ линейнымъ казачьимъ войскомъ полковникомъ Броневскимъ присланы 3 бурундука.

в) Отъ казанскаго гражданскаго губернатора поступилъ черепъ мамонта („голова слона“), найденный въ ядринскомъ уѣздѣ казанской губерніи (лѣто 1823 г.).

г) Священникомъ Анахоретовымъ принесенъ въ даръ „черепъ необыкновеннаго рогатаго животнаго, два зуба и рогъ“ (1823 г.).

д) Лѣтомъ 1823 года попечитель Магницкій прислалъ университету изъ Петербурга, съ проф. Пальминымъ—кожу и костякъ слона, уступленные университету академіею наукъ, оказавшіеся, однако, къ 1825 году, какъ это усматривается изъ цѣлыхъ двухъ дѣлъ объ этомъ поступленіи, настолько испорченными и даже источенными червями, что нечего было и помышлять о выполненіи предположенія набить изъ нихъ чучело и собрать скелетъ [89].

1824 годъ отмѣченъ въ исторіи натуральнаго кабинета весьма значительнымъ пріобрѣтеніемъ, сдѣланнымъ для него попечителемъ съ особаго разрѣшенія на то (отъ 4-го августа 1824 г.) министра народнаго просвѣщенія. Это—покупка у аббата де-Грандидье, за 2500 рублей, обширнаго гербарія, заключавшаго въ себѣ 800 родовъ и 3200 ви-

новъ „съ необитаемыхъ острововъ, изъ которыхъ одинъ, простой, съ Новаго Шетланда (sic), недавно открытаго купцомъ Смитомъ, а другой, королевскій, съ Маквари“, 1-го рѣдкаго попугая „съ Синихъ горъ, изъ Новой Голландіи“, 1-го „перакитку“ и 2-хъ „неизвѣстныхъ птичекъ“ изъ Новой же Голландіи, „1 кристалловидный камень, найденный на Вандименномъ островѣ, близъ Новой Голландіи“, 6 раковинъ „съ коральныхъ острововъ Тихаго моря“, 11 разновидныхъ бѣлыхъ кораллов, оттуда же, 2 зуба „морскихъ слоновъ“ съ острова Маквари.

б) Учитель астраханской гимназіи Поповъ пожертвовалъ „одну морскую примѣчательную рыбку“.

в) Отъ тобольской врачебной управы доставленъ, въ замороженномъ видѣ, „уродъ, рожденный, въ березовскомъ уѣздѣ, казачьею женою Старховою“ (весна 1822 г.).

г) Почетный смотритель ядринскаго уѣзднаго училища принесъ въ даръ части черепа носорога, найденныя на берегу р. Курмышки (весною 1822 г.) [88].

1822—1823 годы. а) Отъ нѣкоего помѣщика тверской губерніи доставленъ морской ёжъ.

б) Командующимъ сибирскимъ линейнымъ казачьимъ войскомъ полковникомъ Броневскимъ присланы 3 бурундука.

в) Отъ казанскаго гражданскаго губернатора поступилъ черепъ мамонта („голова слона“), найденный въ ядринскомъ уѣздѣ казанской губерніи (лѣто 1823 г.).

г) Священникомъ Анахоретовымъ принесенъ въ даръ „черепъ необыкновеннаго рогатаго животнаго, два зуба и рогъ“ (1823 г.).

д) Лѣтомъ 1823 года попечитель Магницкій прислалъ университету изъ Петербурга, съ проф. Пальминымъ—кожу и костякъ слона, уступленные университету академіею наукъ, оказавшіеся, однако, къ 1825 году, какъ это усматривается изъ цѣлыхъ двухъ дѣлъ объ этомъ поступленіи, настолько испорченными и даже источенными червями, что нечего было и помышлять о выполненіи предположенія набить изъ нихъ чучело и собрать скелетъ [89].

1824 годъ отмѣченъ въ исторіи натуральнаго кабинета весьма значительнымъ пріобрѣтеніемъ, сдѣланнымъ для него попечителемъ съ особаго разрѣшенія на то (отъ 4-го августа 1824 г.) министра народнаго просвѣщенія. Это—покупка у аббата де-Грандидье, за 2500 рублей, обширнаго гербарія, заключавшаго въ себѣ 800 родовъ и 3200 ви-

довъ сухихъ растеній, о каковой покупкѣ Магницкій и увѣдомилъ университетъ отъ 8-го августа 1824 года, требуя высылки къ нему слѣдующей за этотъ гербарій суммы. Въ іюлѣ слѣдующаго 1825 г. гербарій этотъ, расположенный въ „сорока книгахъ", былъ благополучно доставленъ въ Казань и сданъ завѣдующему кабинетомъ естественной исторіи. Эта крупная покупка была причиною отказа профессору Эйхвальду, въ началѣ 1825 года предлагавшему университету купить у него, за 2400 рублей, собственный его гербарій, заключавшій въ себѣ „болѣе 3500 растеній, собранныхъ во время путешествія въ Германіи, особливо въ Швейцаріи, и много растеній, собранныхъ капитаномъ Беллингсгаузеномъ въ Новой Голландіи и другихъ островахъ Южнаго моря"; старанія Эйхвальда продать университету свое собраніе были предпринимаемы имъ и въ начальную пору попечительства Мусина-Пушкина, и только отзывъ физико-математическаго факультета (1827 г.) объ излишествѣ этого пріобрѣтенія—положили конецъ дальнѣйшимъ его домогательствамъ въ этомъ направленіи.

Изъ другихъ пріобрѣтеній, относящихся къ тому же году, укажемъ: младенца-урода, рожденнаго женою крестьянина туринской округи и присланнаго университету тобольскою врачебною управою въ февралѣ 1824 года *; коллекцію окаменѣлостей, купленную попечителемъ для университета въ Петербургѣ, у механика Роспини, и чучела двухъ дикихъ барановъ, двухъ сайгъ, одного дикаго козла, птицъ турпана и двухъ казарокъ, а также рога марала, присланные въ даръ начальникомъ штаба отдѣльнаго сибирскаго корпуса полковникомъ Броневскимъ [90].

1825 годъ оказался крайне плодотворнымъ съ точки зрѣнія обогащенія университетскаго кабинета естественной исторіи. Не говоря о разрѣшенной въ этомъ году къ отпуску на усиленіе библіотеки кабинета суммѣ въ 587 рублей, коллекціи его значительно пополнились благодаря обширному и уже знакомому намъ путешествію профессора Э. И. Эйхвальда на Каспійское море и въ прилегающія къ нему области **, предпринятому имъ съ ранней весны 1825 года. Высылая изъ отдѣльныхъ пунктовъ своего маршрута различнаго рода предметы для собраній университета,—и, главнымъ образомъ, конечно, для его естественнаго кабинета,—проф. Эйхвальдъ первый транспортъ ихъ отправилъ уже весною 1825 года изъ г. Астрахани, а затѣмъ не мало предметовъ привезъ и лично,

* «При рожденіи урода сего,—читаемъ въ препроводительной бумагѣ тобольской врачебной управы,—слышенъ былъ двоякій голосъ младенческій: одинъ громче и свѣтлѣе, а другой слабѣе и сиповатый; вскорѣ по рожденіи оный померъ, а мать, по претерпѣніи мучительныхъ родовъ, находясь въ продолжительномъ обморокѣ, осталась въ живыхъ».

** См. выше стр. 19—22.

довъ сухихъ растеній, о каковой покупкѣ Магницкій и увѣдомилъ университетъ отъ 8-го августа 1824 года, требуя высылки къ нему слѣдующей за этотъ гербарій суммы. Въ іюлѣ слѣдующаго 1825 г. гербарій этотъ, расположенный въ „сорока книгахъ“, былъ благополучно доставленъ въ Казань и сданъ завѣдующему кабинетомъ естественной исторіи. Эта крупная покупка была причиною отказа профессору Эйхвальду, въ началѣ 1825 года предлагавшему университету купить у него, за 2400 рублей, собственный его гербарій, заключавшій въ себѣ „болѣе 3500 растеній, собранныхъ во время путешествія въ Германіи, особливо въ Швейцаріи, и много растеній, собранныхъ капитаномъ Беллингсгаузеномъ въ Новой Голландіи и другихъ островахъ Южнаго моря“; старанія Эйхвальда продать университету свое собраніе были предпринимаемы имъ и въ начальную пору попечительства Мусина-Пушкина, и только отзывъ физико-математическаго факультета (1827 г.) объ излишествѣ этого пріобрѣтенія—положили конецъ дальнѣйшимъ его домогательствамъ въ этомъ направленіи.

Изъ другихъ пріобрѣтеній, относящихся къ тому же году, укажемъ: младенца-урода, рожденнаго женою крестьянина туринской округи и присланнаго университету тобольскою врачебною управою въ февралѣ 1824 года *; коллекцію окаменѣлостей, купленную попечителемъ для университета въ Петербургѣ, у механика Роспини, и чучела двухъ дикихъ барановъ, двухъ сайгъ, одного дикаго козла, птицъ турпана и двухъ казарокъ, а также рога марала, присланные въ даръ начальникомъ штаба отдѣльнаго сибирскаго корпуса полковникомъ Броневскимъ [90].

1825 годъ оказался крайне плодотворнымъ съ точки зрѣнія обогащенія университетскаго кабинета естественной исторіи. Не говоря о разрѣшенной въ этомъ году къ отпуску на усиленіе библіотеки кабинета суммѣ въ 587 рублей, коллекціи его значительно пополнились благодаря обширному и уже знакомому намъ путешествію профессора Э. И. Эйхвальда на Каспійское море и въ прилегающія къ нему области **, предпринятому имъ съ ранней весны 1825 года. Высылая изъ отдѣльныхъ пунктовъ своего маршрута различнаго рода предметы для собраній университета,—и, главнымъ образомъ, конечно, для его естественнаго кабинета,—проф. Эйхвальдъ первый транспортъ ихъ отправилъ уже весною 1825 года изъ г. Астрахани, а затѣмъ не мало предметовъ привезъ и лично,

* «При рожденіи урода сего,—читаемъ въ препроводительной бумагѣ тобольской врачебной управы,—слышенъ былъ двоякій голосъ младенческій: одинъ громче и свѣтлѣе, а другой слабѣе и сиповатый; вскорѣ по рожденіи оный померъ, а мать, по претерпѣніи мучительныхъ родовъ, находясь въ продолжительномъ обморокѣ, осталась въ живыхъ».

** См. выше стр. 19—22.

возвратившись въ началѣ осени 1826 года въ Казань. Университетскій отчетъ за 1824—1825 акад. годъ свидѣтельствуетъ, что уже въ первые восемь мѣсяцевъ 1825 года Эйхвальдомъ прислано было изъ его путешествія „много животныхъ, растеній и млекопитающихъ", а позднѣйшій историкъ натуральнаго кабинета А. И. Артемьевъ въ 1849 г. заявлялъ, что въ теченіи 1825 года проф. Эйхвальдомъ доставлено было въ университетъ „97 экземпляровъ земноводныхъ, рыбъ, насѣкомыхъ и червей", не считая поступившихъ отъ него же „разныхъ млекопитающихъ и птицъ".

Осенью того же 1825 года оказалось необходимымъ сдѣлать изъ коллекцій кабинета естественной исторіи и нѣкоторыя исключенія, согласно рапорту помощника прозектора и чучельника Истомина, въ началѣ октября этого года донесшаго совѣту, что изъ чучелъ четвероногихъ— 5 штукъ, а изъ чучелъ пернатыхъ—38 штукъ, оказались испорченными молью и негодными къ дальнѣйшему храненію. Взамѣнъ этихъ, разрѣшенныхъ къ исключенію, чучелъ, Истоминымъ тогда же представлены были вновь сдѣланныя чучела: привезенныхъ имъ изъ Астрахани— кваквы, красной утки, сиворонка, щура; доставленныхъ проф. Симоновымъ—двухъ попугаевъ, щура и добровки, и птицъ „здѣшняго климата"— кархаля, утки-сѣрухи и двухъ дятловъ [91].

1826 годъ далъ, благодаря дѣятельности того же Истомина, рядъ новыхъ пріобрѣтеній для университетскаго кабинета естественной исторіи. Въ теченіи этого года имъ изготовлены были чучела слѣдующихъ животныхъ и птицъ: сибирской куропатки, сыча, египетскаго голубя и снѣгиря (пріобрѣтены въ январѣ у „суконщицы" Ивановой за 1 руб. 25 коп.); волка, лисицы, беркута и глухаря (куплены въ мартѣ у крестьянина с. Девликѣева за 25 р.); 14-ти пѣвчихъ птицъ и хорька (куплены въ апрѣлѣ за 4 р.); барса, куницы, волка и краснаго гуся (изъ присланныхъ проф. Эйхвальдомъ); 6-ти птицъ „здѣшняго климата"—журавля, выпи, мартышки, утки и пары куликовъ (пріобрѣтены въ августѣ); барсука, казары, гагары, сойки и пары роньжей (охоты самого Истомина).

Въ февралѣ того же 1826 года полученъ отъ кяхтинскаго купца Пяткова въ даръ зубъ мамонта, вѣсомъ въ 12 фунтовъ, а въ апрѣлѣ отъ почетнаго смотрителя васильсурскаго уѣзднаго училища Зарницина—„необыкновенной величины и фигуры" голова носорога и „части слоновыхъ клыковъ", найденныя у деревни Барщиковой [92].

Если мы добавимъ къ выписаннымъ выше фактамъ нѣсколько случайныхъ и незначительныхъ присылокъ окаменѣлостей—то передъ нами окажутся въ наличности всѣ приращенія, полученныя университетскимъ

возвратившись въ началѣ осени 1826 года въ Казань. Университетскій отчетъ за 1824—1825 акад. годъ свидѣтельствуетъ, что уже въ первые восемь мѣсяцевъ 1825 года Эйхвальдомъ прислано было изъ его путешествія „много животныхъ, растеній и млекопитающихъ", а позднѣйшій историкъ натуральнаго кабинета А. И. Артемьевъ въ 1849 г. заявлялъ, что въ теченіи 1825 года проф. Эйхвальдомъ доставлено было въ университетъ „97 экземпляровъ земноводныхъ, рыбъ, насѣкомыхъ и червей", не считая поступившихъ отъ него же „разныхъ млекопитающихъ и птицъ".

Осенью того же 1825 года оказалось необходимымъ сдѣлать изъ коллекцій кабинета естественной исторіи и нѣкоторыя исключенія, согласно рапорту помощника прозектора и чучельника Истомина, въ началѣ октября этого года донесшаго совѣту, что изъ чучелъ четвероногихъ— 5 штукъ, а изъ чучелъ пернатыхъ—38 штукъ, оказались испорченными молью и негодными къ дальнѣйшему храненію. Взамѣнъ этихъ, разрѣшенныхъ къ исключенію, чучелъ, Истоминымъ тогда же представлены были вновь сдѣланныя чучела: привезенныхъ имъ изъ Астрахани— кваквы, красной утки, сиворонка, щура; доставленныхъ проф. Симоновымъ—двухъ попугаевъ, щура и добровки, и птицъ „здѣшняго климата"— кархаля, утки-сѣрухи и двухъ дятловъ [91].

1826 годъ далъ, благодаря дѣятельности того же Истомина, рядъ новыхъ пріобрѣтеній для университетскаго кабинета естественной исторіи. Въ теченіи этого года имъ изготовлены были чучела слѣдующихъ животныхъ и птицъ: сибирской куропатки, сыча, египетскаго голубя и снѣгиря (пріобрѣтены въ январѣ у „суконщицы" Ивановой за 1 руб. 25 коп.); волка, лисицы, беркута и глухаря (куплены въ мартѣ у крестьянина с. Девликѣева за 25 р.); 14-ти пѣвчихъ птицъ и хорька (куплены въ апрѣлѣ за 4 р.); барса, куницы, волка и краснаго гуся (изъ присланныхъ проф. Эйхвальдомъ); 6-ти птицъ „здѣшняго климата"—журавля, выпи, мартышки, утки и пары куликовъ (пріобрѣтены въ августѣ); барсука, казары, гагары, сойки и пары роньжей (охоты самого Истомина).

Въ февралѣ того же 1826 года полученъ отъ кяхтинскаго купца Пяткова въ даръ зубъ мамонта, вѣсомъ въ 12 фунтовъ, а въ апрѣлѣ отъ почетнаго смотрителя васильсурскаго уѣзднаго училища Зарницина—„необыкновенной величины и фигуры" голова носорога и „части слоновыхъ клыковъ", найденныя у деревни Барщиковой [92].

Если мы добавимъ къ выписаннымъ выше фактамъ нѣсколько случайныхъ и незначительныхъ присылокъ окаменѣлостей—то передъ нами окажутся въ наличности всѣ приращенія, полученныя университетскимъ

кабинетомъ естественной исторіи въ предѣлахъ 1820—1826 годовъ.

Въ заключеніе—пара словъ относительно самого управленія этимъ кабинетомъ за интересующій насъ промежутокъ времени. Временнымъ преемникомъ проф. Фукса (фактически—Тимьянскаго), завѣдывавшаго натуральнымъ кабинетомъ во время ревизіи Магницкаго, а затѣмъ профессора Тимьянскаго, выступилъ лѣтомъ 1823 года проф. Н. И. Лобачевскій, въ концѣ сентября того же 1823 г. сдавшій завѣдываніе этимъ кабинетомъ вновь опредѣленному въ казанскій университетъ проф. Э. И. Эйхвальду. Уже самое начало профессорской дѣятельности здѣсь Эйхвальда ознаменовалось предъявленнымъ имъ передъ совѣтомъ университета ходатайствомъ отъ 22-го сентября 1823 года объ ассигнованіи, сверхъ суммы въ 600 р., назначенной по штату на кабинетъ естественной исторіи, вообще, еще по одной тысячѣ рублей на кабинеты специально-зоологическій и зоотомическій,—но это ходатайство министромъ народнаго просвѣщенія было отклонено, какъ выходящее за предѣлы установленныхъ для казанскаго университета штатовъ.

Профессору Эйхвальду принадлежала и иниціатива учрежденія при завѣдуемомъ имъ кабинетѣ естественной исторіи особой должности помощника прозектора, вѣрнѣе—просто чучельника. 28-го февраля 1825 года въ этомъ званіи, согласно представленію Эйхвальда, рекомендовавшаго его въ качествѣ человѣка, опытнаго въ набивкѣ чучелъ, былъ утвержденъ коллежскій регистраторъ Истоминъ, передъ тѣмъ только ходатайствовавшій объ опредѣленіи его въ университетъ канцелярскимъ служителемъ *. Въ началѣ весны того же года этотъ Истоминъ отправился съ проф. Эйхвальдомъ въ его каспійское путешествіе, но изъ Астрахани, слѣдовательно уже въ самомъ началѣ путешествія, вынужденъ былъ возвратиться, по болѣзни, обратно въ Казань [93].

Начатое проф. Э. И. Эйхвальдомъ, дѣло обогащенія и научной постановки кабинета естественной исторіи,—впослѣдствіе зоологическаго музея университета,—дальнѣйшимъ своимъ развитіемъ обязано уже трудамъ его преемника, профессора Э. А. Эверсмана (1828—1860 г.г.).

На время прервавъ изложеніе данныхъ, касающихся учебно-вспомогательныхъ учрежденій, обособившихся еще до эпохи попечительства Магницкаго, перейдемъ къ тремъ кабинетамъ, въ эту послѣднюю эпоху начавшимъ выдѣляться, первые два—изъ общаго состава кабинета естествен-

* Объ этомъ Истоминѣ см. томъ III, стр. 105—106.

кабинетомъ естественной исторіи въ предѣлахъ 1820—1826 годовъ.

Въ заключеніе—пара словъ относительно самого управленія этимъ кабинетомъ за интересующій насъ промежутокъ времени. Временнымъ преемникомъ проф. Фукса (фактически—Тимьянскаго), завѣдывавшаго натуральнымъ кабинетомъ во время ревизіи Магницкаго, а затѣмъ профессора Тимьянскаго, выступилъ лѣтомъ 1823 года проф. Н. И. Лобачевскій, въ концѣ сентября того же 1823 г. сдавшій завѣдываніе этимъ кабинетомъ вновь опредѣленному въ казанскій университетъ проф. Э. И. Эйхвальду. Уже самое начало профессорской дѣятельности здѣсь Эйхвальда ознаменовалось предъявленнымъ имъ передъ совѣтомъ университета ходатайствомъ отъ 22-го сентября 1823 года объ ассигнованіи, сверхъ суммы въ 600 р., назначенной по штату на кабинетъ естественной исторіи, вообще, еще по одной тысячѣ рублей на кабинеты спеціально-зоологическій и зоотомическій,—но это ходатайство министромъ народнаго просвѣщенія было отклонено, какъ выходящее за предѣлы установленныхъ для казанскаго университета штатовъ.

Профессору Эйхвальду принадлежала и иниціатива учрежденія при завѣдуемомъ имъ кабинетѣ естественной исторіи особой должности помощника прозектора, вѣрнѣе—просто чучельника. 28-го февраля 1825 года въ этомъ званіи, согласно представленію Эйхвальда, рекомендовавшаго его въ качествѣ человѣка, опытнаго въ набивкѣ чучелъ, былъ утвержденъ коллежскій регистраторъ Истоминъ, передъ тѣмъ только ходатайствовавшій объ опредѣленіи его въ университетъ канцелярскимъ служителемъ *. Въ началѣ весны того же года этотъ Истоминъ отправился съ проф. Эйхвальдомъ въ его каспійское путешествіе, но изъ Астрахани, слѣдовательно уже въ самомъ началѣ путешествія, вынужденъ былъ возвратиться, по болѣзни, обратно въ Казань [93].

Начатое проф. Э. И. Эйхвальдомъ, дѣло обогащенія и научной постановки кабинета естественной исторіи,—впослѣдствіе зоологическаго музея университета,—дальнѣйшимъ своимъ развитіемъ обязано уже трудамъ его преемника, профессора Э. А. Эверсмана (1828—1860 г.г.).

На время прервавъ изложеніе данныхъ, касающихся учебно-вспомогательныхъ учрежденій, обособившихся еще до эпохи попечительства Магницкаго, перейдемъ къ тремъ кабинетамъ, въ эту послѣднюю эпоху начавшимъ выдѣляться, первые два—изъ общаго состава кабинета естествен-

---

* Объ этомъ Истоминѣ см. томъ III, стр. 105—106.

ной исторіи или натуральнаго, третій—изъ библіотеки. Это—кабинеты: минералогическій, рѣдкостей и минцъ-кабинетъ.

VI

Минералогическій кабинетъ

Выдѣленіе минералогическаго кабинета изъ кабинета естественной исторіи.—Сибирское путешествіе адъюнкта А. И. Лобачевскаго и его минералогическія пріобрѣтенія.—Приращенія минералогическаго собранія университета.—Покупка обширнаго минералогическаго собранія М. А. Свистуновой.—Исторія покупки этого собранія и его послѣдующая судьба.—Позднѣйшія пріобрѣтенія минералогическаго кабинета и предложенія коллекцій къ покупкѣ.

Минералогическій кабинетъ казанскаго университета, въ началѣ двадцатыхъ годовъ истекшаго столѣтія начавшій обособляться отъ кабинета естественной исторіи и уже въ университетскомъ отчетѣ за 1824—1825 акад. годъ и въ „каталогѣ преподаваній" на 1825—1826 учебн. годъ выступающій въ качествѣ самостоятельнаго учебно-вспомогательнаго учрежденія, имѣетъ своего весьма обстоятельнаго историка въ лицѣ профессора А. А. Штукенберга*, почему мы можемъ ограничиться относительно краткими данными, касающимися этого кабинета.

Мы знаемъ, что приношенія минералами, начавшія поступать въ университетъ съ самаго его основанія, а отчасти и минералы, доставшіеся ему вмѣстѣ съ библіотекою, собранною княземъ Потемкинымъ, послужили начальною основою естественно-историческихъ собраній университета и что въ эту именно сторону дальнѣйшія приращенія натуральнаго кабинета, преимущественно, и направлялись**. Если кабинетъ естественной исторіи заслужилъ, въ общемъ, неодобреніе Магницкаго во время ревизіи имъ казанскаго университета, то, по справедливому замѣчанію проф. А. А. Штукенберга, суровый отзывъ ревизора едва ли справедливъ былъ по отношенію къ минералогической части кабинета, которая уже въ ту пору заключала въ себѣ 453 номера и 5069 экземпляровъ минераловъ и 28 номеровъ горныхъ породъ. Среди минераловъ имѣлось довольно много рѣдкихъ и цѣнныхъ (наприм. 5 алмазовъ, 24 циркона, 44 гіацинта, 11 топазовъ сибирскихъ, 2 топаза бразильскихъ, 3 топаза саксонскихъ,

---

* «Къ столѣтней годовщинѣ Казанскаго университета.—Матеріалы для исторіи минералогическаго и геологическаго кабинетовъ Императорскаго Казанскаго университета (1805—1865)». Каз., 1901.

** См. томъ III, стр. 97 и слѣд.

ной исторіи или натуральнаго, третій—изъ библіотеки. Это—кабинеты: минералогическій, рѣдкостей и минцъ-кабинетъ.

VI

Минералогическій кабинетъ

Выдѣленіе минералогическаго кабинета изъ кабинета естественной исторіи.—Сибирское путешествіе адъюнкта А. И. Лобачевскаго и его минералогическія пріобрѣтенія.—Приращенія минералогическаго собранія университета.—Покупка обширнаго минералогическаго собранія М. А. Свистуновой.—Исторія покупки этого собранія и его послѣдующая судьба.—Позднѣйшія пріобрѣтенія минералогическаго кабинета и предложенія коллекцій къ покупкѣ.

Минералогическій кабинетъ казанскаго университета, въ началѣ двадцатыхъ годовъ истекшаго столѣтія начавшій обособляться отъ кабинета естественной исторіи и уже въ университетскомъ отчетѣ за 1824—1825 акад. годъ и въ „каталогѣ преподаваній" на 1825—1826 учебн. годъ выступающій въ качествѣ самостоятельнаго учебно-вспомогательнаго учрежденія, имѣетъ своего весьма обстоятельнаго историка въ лицѣ профессора А. А. Штукенберга*, почему мы можемъ ограничиться относительно краткими данными, касающимися этого кабинета.

Мы знаемъ, что приношенія минералами, начавшія поступать въ университетъ съ самаго его основанія, а отчасти и минералы, доставшіеся ему вмѣстѣ съ библіотекою, собранною княземъ Потемкинымъ, послужили начальною основою естественно-историческихъ собраній университета и что въ эту именно сторону дальнѣйшія приращенія натуральнаго кабинета, преимущественно, и направлялись**. Если кабинетъ естественной исторіи заслужилъ, въ общемъ, неодобреніе Магницкаго во время ревизіи имъ казанскаго университета, то, по справедливому замѣчанію проф. А. А. Штукенберга, суровый отзывъ ревизора едва ли справедливъ былъ по отношенію къ минералогической части кабинета, которая уже въ ту пору заключала въ себѣ 453 номера и 5069 экземпляровъ минераловъ и 28 номеровъ горныхъ породъ. Среди минераловъ имѣлось довольно много рѣдкихъ и цѣнныхъ (наприм. 5 алмазовъ, 24 циркона, 44 гіацинта, 11 топазовъ сибирскихъ, 2 топаза бразильскихъ, 3 топаза саксонскихъ,

---

* «Къ столѣтней годовщинѣ Казанскаго университета.—Матеріалы для исторіи минералогическаго и геологическаго кабинетовъ Императорскаго Казанскаго университета (1805—1865)». Каз., 1901.

** См. томъ III, стр. 97 и слѣд.

2 рубина, 9 сафировъ, 22 корунда, 12 изумрудовъ и т. п.); по словамъ проф. Штукенберга, эта минеральная коллекція уже потому не могла быть слишкомъ бѣдной, что въ ея составъ вошло систематическое собраніе минераловъ, въ 1817 г. пріобрѣтенное отъ проф. Броннера.

Въ самомъ началѣ интересующей насъ эпохи значительныя обогащенія доставило минеральному отдѣлу натуральнаго кабинета такъ называемое сибирское путешествіе адъюнкта А. И. Лобачевскаго, совершенное имъ въ 1819—1820 годахъ и изъ котораго онъ доставилъ университету множество (всего 36 ящиковъ) минераловъ и образцовъ рудъ и горныхъ породъ, образовавшихъ собою собраніе до 2500 штуфовъ *. Насколько небрежнымъ оказалось, однако, отношеніе университета къ доставленнымъ ад. Лобачевскимъ собраніямъ—нагляднѣе всего усматривается изъ рапорта университетскаго кассира Кавнацкаго отъ 18-го сентября 1824 г., которымъ доносилось правленію, что „въ кассирствѣ съ давняго времени находятся 16 ящиковъ и одинъ сундукъ съ минералами, неизвѣстно кѣмъ и когда поставленные, по надписямъ же на сихъ ящикахъ видно, что они изъ числа присланныхъ въ университетъ изъ пермскихъ заводовъ отъ путешествовавшаго тамъ г. адъюнкта Лобачевскаго". Совѣтъ, получивъ отъ правленія увѣдомленіе объ этой „находкѣ", распорядился сдать найденное собраніе въ кабинетъ естественной исторіи и составить ему опись. Проф. А. А. Штукенбергъ предполагаетъ, тѣмъ не менѣе, что полнаго каталога коллекціи Лобачевскаго никогда не было составлено, да и сама коллекція эта была въ значительной степени растеряна, такъ какъ въ 1831 г. въ ея каталогъ, составленный кандидатомъ Покровскимъ, вошло уже всего только 1813 номеровъ; остатки собранія Лобачевскаго сохранялись въ минералогическомъ кабинетѣ университета до 1855 г. и въ этомъ году подверглись исключенію изъ него, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими коллекціями [94].

Дальнѣйшія приращенія университетскаго минералогическаго кабинета обрисовываются въ слѣдующемъ видѣ:

1820 годъ. Директоромъ училищъ восточной Сибири Владимірскимъ доставлено нѣсколько минеральныхъ штуфовъ.

1821 годъ. а) Членъ-корреспондентъ академіи наукъ д-ръ Ципсеръ, изъ Нейгофа, въ Венгріи, прислалъ университету въ даръ коллекцію изъ 39 штуфовъ венгерскихъ горныхъ породъ („минераловъ по части ориктогеогнозіи"), остатки которой сохранились до нашихъ дней.

* См. томъ II, стр. 53—54, 217—220.

2 рубина, 9 сафировъ, 22 корунда, 12 изумрудовъ и т. п.); по словамъ проф. Штукенберга, эта минеральная коллекція уже потому не могла быть слишкомъ бѣдной, что въ ея составъ вошло систематическое собраніе минераловъ, въ 1817 г. пріобрѣтенное отъ проф. Броннера.

Въ самомъ началѣ интересующей насъ эпохи значительныя обогащенія доставило минеральному отдѣлу натуральнаго кабинета такъ называемое сибирское путешествіе адъюнкта А. И. Лобачевскаго, совершенное имъ въ 1819—1820 годахъ и изъ котораго онъ доставилъ университету множество (всего 36 ящиковъ) минераловъ и образцовъ рудъ и горныхъ породъ, образовавшихъ собою собраніе до 2500 штуфовъ *. Насколько небрежнымъ оказалось, однако, отношеніе университета къ доставленнымъ ад. Лобачевскимъ собраніямъ—нагляднѣе всего усматривается изъ рапорта университетскаго кассира Кавнацкаго отъ 18-го сентября 1824 г., которымъ доносилось правленію, что „въ кассирствѣ съ давняго времени находятся 16 ящиковъ и одинъ сундукъ съ минералами, неизвѣстно кѣмъ и когда поставленные, по надписямъ же на сихъ ящикахъ видно, что они изъ числа присланныхъ въ университетъ изъ пермскихъ заводовъ отъ путешествовавшаго тамъ г. адъюнкта Лобачевскаго". Совѣтъ, получивъ отъ правленія увѣдомленіе объ этой „находкѣ", распорядился сдать найденное собраніе въ кабинетъ естественной исторіи и составить ему опись. Проф. А. А. Штукенбергъ предполагаетъ, тѣмъ не менѣе, что полнаго каталога коллекціи Лобачевскаго никогда не было составлено, да и сама коллекція эта была въ значительной степени растеряна, такъ какъ въ 1831 г. въ ея каталогъ, составленный кандидатомъ Покровскимъ, вошло уже всего только 1813 номеровъ; остатки собранія Лобачевскаго сохранялись въ минералогическомъ кабинетѣ университета до 1855 г. и въ этомъ году подверглись исключенію изъ него, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими коллекціями [94].

Дальнѣйшія приращенія университетскаго минералогическаго кабинета обрисовываются въ слѣдующемъ видѣ:

1820 годъ. Директоромъ училищъ восточной Сибири Владимірскимъ доставлено нѣсколько минеральныхъ штуфовъ.

1821 годъ. а) Членъ-корреспондентъ академіи наукъ д-ръ Циплеръ, изъ Нейгофа, въ Венгріи, прислалъ университету въ даръ коллекцію изъ 39 штуфовъ венгерскихъ горныхъ породъ („минераловъ по части ориктогеогнозіи"), остатки которой сохранились до нашихъ дней.

---

* См. томъ II, стр. 53—54, 217—220.

б) Почетный смотритель симбирскаго уѣзднаго училища Малѣевъ пожертвовалъ 20 плитокъ олонецкихъ мраморовъ.

в) Лѣтомъ 1821 года вдова генерала отъ инфантеріи графиня В. Спренгпортенъ принесла университету въ даръ минералогическое собраніе своего покойнаго мужа, заключавшее въ себѣ алтайскую коллекцію минераловъ изъ 155 номеровъ и 152 номера образцовъ горныхъ породъ; въ этомъ собраніи, отъ котораго въ наши дни сохранилась одна только опись, имѣлись: 4 экземпляра золота въ кварцѣ, 4 экз. золота въ баритѣ, 14 экз. серебра на роговикѣ, 12 экз. разныхъ серебрянныхъ рудъ и т. п. [95].

1822 годъ. Къ этому году пріурочивается одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ исторіи минералогическаго кабинета казанскаго университета—дѣло о покупкѣ за 30 тысячъ рублей минералогическаго кабинета вдовы дѣйствительнаго камергера М. А. Свистуновой. Этотъ эпизодъ весьма подробно и обстоятельно возстановленъ, по архивнымъ даннымъ, проф. А. А. Штукенбергомъ, въ виду чего мы и коснемся его лишь въ общихъ чертахъ.

Дѣло возникло вслѣдствіе предложенія министра народнаго просвѣщенія на имя попечителя казанскаго учебнаго округа Магницкаго отъ 15-го февраля 1822 года, въ которомъ князь Голицинъ писалъ, что „супруга покойнаго дѣйствительнаго камергера Свистунова изъявила желаніе продать какому либо учебному заведенію имѣющееся у нея здѣсь, въ С.-Петербургѣ, минеральное собраніе, которое уступаетъ она за 30,000 рублей ассигнаціями, съ разсрочкою уплаты сихъ денегъ въ три срока по равной части, т. е. по 10 тыс. рубл. ассигн., а именно: въ январѣ 1823 и 1824 годовъ и въ іюлѣ 1825 года". Министръ пояснилъ при этомъ, что компетентными лицами, осматривавшими кабинетъ, признано, что: а) „Оный состоитъ изъ 6300 штуфовъ, въ двѣнадцати шкафахъ краснаго дерева и одномъ ящикѣ заключающихся", б) Минералы, большею частью, иностранные и расположены по системѣ Вернера, в) Въ собраніи находятся „вещи весьма рѣдкія, трудныя къ пріобрѣтенію, не малое число драгоцѣнныхъ камней въ дублетахъ и, вообще, минералы отлично поучительные", г) Собраніе заключаетъ въ себѣ „полную систему минераловъ Вернера, съ присовокупленіемъ также предметовъ, принадлежащихъ къ изслѣдованію знаменитаго физика и минералога Гаю и, потому, собраніе сіе есть одно изъ лучшихъ въ С.-Петербургѣ и д) Достоинство собранія усугубляется еще тѣмъ, что „минералы опредѣлены съ большою точностью въ подробномъ систематическомъ каталогѣ, съ показаніемъ видовъ, отличій и

б) Почетный смотритель симбирскаго уѣзднаго училища Малѣевъ пожертвовалъ 20 плитокъ олонецкихъ мраморовъ.

в) Лѣтомъ 1821 года вдова генерала отъ инфантеріи графиня В. Спренгпортенъ принесла университету въ даръ минералогическое собраніе своего покойнаго мужа, заключавшее въ себѣ алтайскую коллекцію минераловъ изъ 155 номеровъ и 152 номера образцовъ горныхъ породъ; въ этомъ собраніи, отъ котораго въ наши дни сохранилась одна только опись, имѣлись: 4 экземпляра золота въ кварцѣ, 4 экз. золота въ баритѣ, 14 экз. серебра на роговикѣ, 12 экз. разныхъ серебрянныхъ рудъ и т. п. [95].

1822 годъ. Къ этому году пріурочивается одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ исторіи минералогическаго кабинета казанскаго университета—дѣло о покупкѣ за 30 тысячъ рублей минералогическаго кабинета вдовы дѣйствительнаго камергера М. А. Свистуновой. Этотъ эпизодъ весьма подробно и обстоятельно возстановленъ, по архивнымъ даннымъ, проф. А. А. Штукенбергомъ, въ виду чего мы и коснемся его лишь въ общихъ чертахъ.

Дѣло возникло вслѣдствіе предложенія министра народнаго просвѣщенія на имя попечителя казанскаго учебнаго округа Магницкаго отъ 15-го февраля 1822 года, въ которомъ князь Голицинъ писалъ, что „супруга покойнаго дѣйствительнаго камергера Свистунова изъявила желаніе продать какому либо учебному заведенію имѣющееся у нея здѣсь, въ С.-Петербургѣ, минеральное собраніе, которое уступаетъ она за 30,000 рублей ассигнаціями, съ разсрочкою уплаты сихъ денегъ въ три срока по равной части, т. е. по 10 тыс. рубл. ассигн., а именно: въ январѣ 1823 и 1824 годовъ и въ іюлѣ 1825 года“. Министръ пояснилъ при этомъ, что компетентными лицами, осматривавшими кабинетъ, признано, что: а) „Оный состоитъ изъ 6300 штуфовъ, въ двѣнадцати шкафахъ краснаго дерева и одномъ ящикѣ заключающихся“, б) Минералы, большею частью, иностранные и расположены по системѣ Вернера, в) Въ собраніи находятся „вещи весьма рѣдкія, трудныя къ пріобрѣтенію, не малое число драгоцѣнныхъ камней въ дублетахъ и, вообще, минералы отлично поучительные“, г) Собраніе заключаетъ въ себѣ „полную систему минераловъ Вернера, съ присовокупленіемъ также предметовъ, принадлежащихъ къ изслѣдованію знаменитаго физика и минералога Гаю и, потому, собраніе сіе есть одно изъ лучшихъ въ С.-Петербургѣ и д) Достоинство собранія усугубляется еще тѣмъ, что „минералы опредѣлены съ большою точностью въ подробномъ систематическомъ каталогѣ, съ показаніемъ видовъ, отличій и

мѣстъ ихъ нахожденія"; эксперты высказали, при этомъ, мнѣніе, что „требуемая за сіе собраніе цѣна признается столь малою, что за оную едва ли подобное собраніе пріобрѣсти можно, ибо сіе составляетъ по пяти рублей за каждый штуфъ, а между драгоцѣнными камнями есть такіе, кои стоютъ до ста рублей и болѣе".

Участіе въ дѣлѣ министра, а быть можетъ и престижъ аристократки-продавщицы, сдѣлали то, что Магницкій, даже не снесясь по этому поводу съ университетомъ, 22-го февраля изъявилъ министру готовность пріобрѣсти собраніе Свистуновой, на указанныхъ ею условіяхъ, для казанскаго университета, присовокупивъ, что находитъ пріобрѣтеніе этого минералогическаго кабинета для университета „весьма полезнымъ и выгоднымъ" и указавъ источникъ средствъ для покупки „изъ остающихся ежегодно суммъ отъ неполнаго комплекта преподавателей". Вслѣдъ затѣмъ княземъ Голицынымъ было исходатайствовано и высочайшее соизволеніе (отъ 23-го марта) на пріобрѣтеніе для казанскаго университета, на указанныхъ условіяхъ, минералогическаго собранія Свистуновой. Университетъ былъ увѣдомленъ попечителемъ о произведенной покупкѣ лишь тогда, когда фактъ сдѣлался уже совершившимся, а въ сентябрѣ 1823 г. минералогическое собраніе Свистуновой было получено въ Казани, съ предписаніемъ принять его черезъ посредство особой коммиссіи, образованной изъ ректора Фукса, профессора Тимьянскаго и адъюнкта А. И. Лобачевскаго. Между тѣмъ, за выѣздомъ а затѣмъ и увольненіемъ изъ университета проф. Тимьянскаго и уходомъ изъ него ад. Лобачевскаго, назначенная попечителемъ коммиссія возложенной на нее обязанности выполнить не могла, и на этой почвѣ создалось сложное и затянувшееся до 1851 года дѣло о пріемѣ и разборкѣ собранія Свистуновой, едва не окончившееся для бывшаго ректора Фукса весьма печально: при выходѣ его въ 1833 г. въ отставку ему изготовили увольнительное свидѣтельство съ отмѣткою о „неисполненіи даннаго ему порученія разобрать минералы г-жи Свистуновой", и только въ началѣ 1836 года послѣдовало согласіе министра народнаго просвѣщенія на исключеніе изъ свидѣтельства этой укоризненной приписки. Позднѣйшую судьбу собранія Свистуновой интересующіеся найдутъ въ упомянутыхъ выше „Матеріалахъ" проф. Штукенберга [96].

1823 годъ. а) Въ ноябрѣ этого года инспекторъ уральскихъ горныхъ школъ Богословскій прислалъ университету въ даръ „образцы

мѣстъ ихъ нахожденія"; эксперты высказали, при этомъ, мнѣніе, что „требуемая за сіе собраніе цѣна признается столь малою, что за оную едва ли подобное собраніе пріобрѣсти можно, ибо сіе составляетъ по пяти рублей за каждый штуфъ, а между драгоцѣнными камнями есть такіе, кои стоютъ до ста рублей и болѣе".

Участіе въ дѣлѣ министра, а быть можетъ и престижъ аристократки-продавщицы, сдѣлали то, что Магницкій, даже не снесясь по этому поводу съ университетомъ, 22-го февраля изъявилъ министру готовность пріобрѣсти собраніе Свистуновой, на указанныхъ ею условіяхъ, для казанскаго университета, присовокупивъ, что находитъ пріобрѣтеніе этого минералогическаго кабинета для университета „весьма полезнымъ и выгоднымъ" и указавъ источникъ средствъ для покупки „изъ остающихся ежегодно суммъ отъ неполнаго комплекта преподавателей". Вслѣдъ затѣмъ княземъ Голицынымъ было исходатайствовано и высочайшее соизволеніе (отъ 23-го марта) на пріобрѣтеніе для казанскаго университета, на указанныхъ условіяхъ, минералогическаго собранія Свистуновой. Университетъ былъ увѣдомленъ попечителемъ о произведенной покупкѣ лишь тогда, когда фактъ сдѣлался уже совершившимся, а въ сентябрѣ 1823 г. минералогическое собраніе Свистуновой было получено въ Казани, съ предписаніемъ принять его черезъ посредство особой коммиссіи, образованной изъ ректора Фукса, профессора Тимьянскаго и адъюнкта А. И. Лобачевскаго. Между тѣмъ, за выѣздомъ а затѣмъ и увольненіемъ изъ университета проф. Тимьянскаго и уходомъ изъ него ад. Лобачевскаго, назначенная попечителемъ коммиссія возложенной на нее обязанности выполнить не могла, и на этой почвѣ создалось сложное и затянувшееся до 1851 года дѣло о пріемѣ и разборкѣ собранія Свистуновой, едва не окончившееся для бывшаго ректора Фукса весьма печально: при выходѣ его въ 1833 г. въ отставку ему изготовили увольнительное свидѣтельство съ отмѣткою о „неисполненіи даннаго ему порученія разобрать минералы г-жи Свистуновой", и только въ началѣ 1836 года послѣдовало согласіе министра народнаго просвѣщенія на исключеніе изъ свидѣтельства этой укоризненной приписки. Позднѣйшую судьбу собранія Свистуновой интересующіеся найдутъ въ упомянутыхъ выше „Матеріалахъ" проф. Штукенберга [96].

1823 годъ. а) Въ ноябрѣ этого года инспекторъ уральскихъ горныхъ школъ Богословскій прислалъ университету въ даръ „образцы

уральскихъ горно-каменныхъ породъ" (слюда, хлоритъ, лучистый камень, кварцъ и др.), въ количествѣ 20 штуфовъ.

б) Въ декабрѣ того же года, по предложенію попечителя, у секретаря с.-петербургскаго минералогическаго общества Верта пріобрѣтена за 1700 рубл. ассигн. петрофактологическая коллекція, раньше принадлежавшая Паркинсону, заключавшаяся изъ 366 номеровъ.

1824 годъ. а) Попечителемъ Магницкимъ куплена у механика Роспини коллекція минераловъ и окаменѣлостей.

б) Профессоромъ Эрдманомъ принесены въ даръ 24 куска илецкой соли.

в) Профессоръ Фуксъ доставилъ собраніе минераловъ, вывезенныхъ имъ изъ путешествія по Уралу, совершеннаго съ сенаторомъ Соймоновымъ.

1825 годъ. а) Лѣтомъ этого года состоялась, согласно предложенію попечителя, покупка у проживавшаго въ Петербургѣ тирольца Гебгарда, за 1500 рубл. ассигн., коллекціи тирольскихъ минераловъ, въ количествѣ 366 экземпляровъ.

б) И. д. смотрителя якутскаго уѣзднаго училища Воронинъ доставилъ 9 штуфовъ „камней разныхъ породъ и два куска соли, бѣлаго и розоваго цвѣта, а также двѣ окаменѣлости".

в) Пріобрѣтены обмѣномъ на дублеты съ докторомъ Блокманомъ, въ Дрезденѣ, 39 штуфовъ германскихъ минераловъ.

г) Профессоръ Симоновъ принесъ въ даръ „два камня фосфорическаго состава изъ болонскаго камня".

д) Въ томъ же 1825-мъ году начато было дѣло о пріобрѣтеніи, черезъ проф. Симонова, у неаполитанскаго профессора Кавелли, за 160 рублей, 150 кусковъ лавы и другихъ вулканическихъ продуктовъ Везувія, хотя самая покупка эта была разрѣшена совѣтомъ университета лишь въ концѣ 1827 года [97].

Отмѣтимъ и двѣ неудачныя попытки продать университету минералогическія коллекціи,—обилію каковыхъ въ тѣ годы въ рукахъ частныхъ коллекціонеровъ и любителей невольно приходится удивляться.

Въ октябрѣ 1823 года „командиръ" екатеринбургской гранильной фабрики Моръ предлагалъ университету свое (заключавшее до 2-хъ тысячъ экземпляровъ) собраніе уральскихъ и сибирскихъ горныхъ породъ, за 10 тысячъ рубл. единовременной уплаты или за 1 тысячу рублей пожизненной пенсіи. Покупка не состоялась.

уральскихъ горно-каменныхъ породъ" (слюда, хлоритъ, лучистый камень, кварцъ и др.), въ количествѣ 20 штуфовъ.

б) Въ декабрѣ того же года, по предложенію попечителя, у секретаря с.-петербургскаго минералогическаго общества Верта пріобрѣтена за 1700 рубл. ассигн. петрофактологическая коллекція, раньше принадлежавшая Паркинсону, заключавшаяся изъ 366 номеровъ.

1824 годъ. а) Попечителемъ Магницкимъ куплена у механика Роспини коллекція минераловъ и окаменѣлостей.

б) Профессоромъ Эрдманомъ принесены въ даръ 24 куска илецкой соли.

в) Профессоръ Фуксъ доставилъ собраніе минераловъ, вывезенныхъ имъ изъ путешествія по Уралу, совершеннаго съ сенаторомъ Соймоновымъ.

1825 годъ. а) Лѣтомъ этого года состоялась, согласно предложенію попечителя, покупка у проживавшаго въ Петербургѣ тирольца Гебгарда, за 1500 рубл. ассигн., коллекціи тирольскихъ минераловъ, въ количествѣ 366 экземпляровъ.

б) И. д. смотрителя якутскаго уѣзднаго училища Воронинъ доставилъ 9 штуфовъ „камней разныхъ породъ и два куска соли, бѣлаго и розоваго цвѣта, а также двѣ окаменѣлости".

в) Пріобрѣтены обмѣномъ на дублеты съ докторомъ Блокманомъ, въ Дрезденѣ, 39 штуфовъ германскихъ минераловъ.

г) Профессоръ Симоновъ принесъ въ даръ „два камня фосфорическаго состава изъ болонскаго камня".

д) Въ томъ же 1825-мъ году начато было дѣло о пріобрѣтеніи, черезъ проф. Симонова, у неаполитанскаго профессора Кавелли, за 160 рублей, 150 кусковъ лавы и другихъ вулканическихъ продуктовъ Везувія, хотя самая покупка эта была разрѣшена совѣтомъ университета лишь въ концѣ 1827 года [97].

Отмѣтимъ и двѣ неудачныя попытки продать университету минералогическія коллекціи,—обилію каковыхъ въ тѣ годы въ рукахъ частныхъ коллекціонеровъ и любителей невольно приходится удивляться.

Въ октябрѣ 1823 года „командиръ" екатеринбургской гранильной фабрики Моръ предлагалъ университету свое (заключавшее до 2-хъ тысячъ экземпляровъ) собраніе уральскихъ и сибирскихъ горныхъ породъ, за 10 тысячъ рубл. единовременной уплаты или за 1 тысячу рублей пожизненной пенсіи. Покупка не состоялась.

Весною 1826 года дѣвица Филиппова предлагала университету пріобрѣсти у нея за 20 тысячъ рублей ассигн. коллекцію изъ 2993 опредѣленныхъ и 210 неопредѣленныхъ штуфовъ алтайскихъ и нерчинскихъ минераловъ, собранную ея дѣдомъ, бывшимъ генералъ-губернаторомъ восточной Сибири. Предложеніе это, согласно отзыву проф. Купфера, было также отклонено [98].

Отмѣтивъ лишь главнѣйшіе факты изъ исторіи минералогическаго кабинета казанскаго университета въ предѣлахъ занимающей насъ эпохи, интересующихся болѣе детальнымъ знакомствомъ съ этимъ вопросомъ направляемъ къ цитированной выше книгѣ профессора А. А. Штукенберга.

VII

Кабинетъ рѣдкостей

Начальное зарожденіе университетскаго кабинета рѣдкостей.—Принесеніе проф. И. М. Симоновымъ университету въ даръ вещей, вывезенныхъ имъ изъ кругосвѣтнаго плаванія.—Списокъ предметовъ, поступившихъ отъ проф. Симонова въ даръ кабинету рѣдкостей.—Дальнѣйшія пріобрѣтенія кабинета.—Кабинетъ рѣдкостей въ послѣдній годъ попечительства Магницкаго.

Названіе: „кабинетъ рѣдкостей“ или „музей рѣдкостей“, въ качествѣ обозначенія одной изъ составныхъ частей кабинета естественной исторіи—появляется въ актахъ казанскаго университета, какъ мы это уже видѣли, еще въ 1816 году, именно въ изготовленномъ для новаго министра народнаго просвѣщенія, князя Голицина, отчетѣ о состояніи отдѣльныхъ частей университета, гдѣ говорится, что „съ 1815 года назначено особенное отдѣленіе кабинета естественной исторіи, подъ именемъ музея рѣдкостей, въ который поступило доселѣ три платья якутскихъ. И такъ, 1815 годъ долженъ быть признанъ начальнымъ пунктомъ существованія этого учебно-вспомогательнаго учрежденія, въ послѣдующія поры своего развитія фигурировавшаго подъ разнообразными наименованіями: до половины 50-хъ годовъ истекшаго столѣтія—подъ своимъ старымъ названіемъ „музея или кабинета рѣдкостей“, съ половины 50-хъ годовъ—„кабинета этнографіи и мѣстныхъ (sic) древностей“, съ начала 60-хъ годовъ—„кабинета этнографическаго и рѣдкостей“, съ конца 60-хъ годовъ—„музея этнографіи, древностей и изящныхъ искусствъ“; съ 1888 года онъ раздѣлился на два самостоятельныхъ кабинета—„музей древностей и искусствъ“ и „музей отечествовѣдѣнія“, существующихъ подъ этими названіями и въ наши дни.

Весною 1826 года дѣвица Филиппова предлагала университету пріобрѣсти у нея за 20 тысячъ рублей ассигн. коллекцію изъ 2993 опредѣленныхъ и 210 неопредѣленныхъ штуфовъ алтайскихъ и нерчинскихъ минераловъ, собранную ея дѣдомъ, бывшимъ генералъ-губернаторомъ восточной Сибири. Предложеніе это, согласно отзыву проф. Купфера, было также отклонено [98].

Отмѣтивъ лишь главнѣйшіе факты изъ исторіи минералогическаго кабинета казанскаго университета въ предѣлахъ занимающей насъ эпохи, интересующихся болѣе детальнымъ знакомствомъ съ этимъ вопросомъ направляемъ къ цитированной выше книгѣ профессора А. А. Штукенберга.

VII

Кабинетъ рѣдкостей

Начальное зарожденіе университетскаго кабинета рѣдкостей.—Принесеніе проф. И. М. Симоновымъ университету въ даръ вещей, вывезенныхъ имъ изъ кругосвѣтнаго плаванія.—Списокъ предметовъ, поступившихъ отъ проф. Симонова въ даръ кабинету рѣдкостей.—Дальнѣйшія пріобрѣтенія кабинета.—Кабинетъ рѣдкостей въ послѣдній годъ попечительства Магницкаго.

Названіе: „кабинетъ рѣдкостей" или „музей рѣдкостей", въ качествѣ обозначенія одной изъ составныхъ частей кабинета естественной исторіи—появляется въ актахъ казанскаго университета, какъ мы это уже видѣли, еще въ 1816 году, именно въ изготовленномъ для новаго министра народнаго просвѣщенія, князя Голицина, отчетѣ о состояніи отдѣльныхъ частей университета, гдѣ говорится, что „съ 1815 года назначено особенное отдѣленіе кабинета естественной исторіи, подъ именемъ музея рѣдкостей, въ который поступило доселѣ три платья якутскихъ. И такъ, 1815 годъ долженъ быть признанъ начальнымъ пунктомъ существованія этого учебно-вспомогательнаго учрежденія, въ послѣдующія поры своего развитія фигурировавшаго подъ разнообразными наименованіями: до половины 50-хъ годовъ истекшаго столѣтія—подъ своимъ старымъ названіемъ „музея или кабинета рѣдкостей", съ половины 50-хъ годовъ—„кабинета этнографіи и мѣстныхъ (sic) древностей", съ начала 60-хъ годовъ—„кабинета этнографическаго и рѣдкостей", съ конца 60-хъ годовъ—„музея этнографіи, древностей и изящныхъ искусствъ"; съ 1888 года онъ раздѣлился на два самостоятельныхъ кабинета—„музей древностей и искусствъ" и „музей отечествовѣдѣнія", существующихъ подъ этими названіями и въ наши дни.

Послѣ ряда чисто случайныхъ и, въ общемъ, незначительныхъ поступленій въ него, въ своемъ мѣстѣ нами уже разсмотрѣнныхъ *, первымъ серьезнымъ приращеніемъ кабинета рѣдкостей явилось принесенное въ 1821 году профессоромъ И. М. Симоновымъ въ даръ собраніе предметовъ, привезенныхъ изъ совершоннаго имъ въ 1819—1820 годахъ кругосвѣтнаго плаванія. Увѣдомляя совѣтъ университета, предложеніемъ отъ 12-го августа 1821 года, о возвращеніи въ Россію изъ плаванія профессора Симонова, совершившаго „дѣло сіе съ отличною честью для себя и для университета", Магницкій тогда же сообщилъ, что привезенныя имъ съ собою „различныя произведенія природы и искусства приноситъ онъ въ даръ казанскому университету". Къ этому попечительскому предложенію была присовокуплена и опись вещей, жертвуемыхъ проф. Симоновымъ для трехъ университетскихъ учрежденій—„для музея" (рѣдкостей), „для кабинета естественной исторіи" и „для библіотеки". Возстановимъ здѣсь эту опись въ ея полномъ видѣ:

ПРИНОШЕНІЕ ПРОФЕССОРА СИМОНОВА КАЗАНСКОМУ УНИВЕРСИТЕТУ, ПО ВОЗВРАЩЕНІИ ЕГО ОТЪ ЮЖНАГО ПОЛЮСА НА ШЛЮПѢ „ВОСТОКЪ"

А. ВЕЩИ ДЛЯ МУЗЕЯ

Изъ Новой Зеландіи:

1. Двѣ мантіи, которыя дикіе надѣваютъ на плеча, съ тремя застежками, изъ коихъ одна костяная и двѣ изъ базальта.
2. Двѣ начатыя ткани изъ новозеландскаго льна плетеныя.
3. Двѣ удочки.
4. Одна новозеландская широкая застежка изъ базальта.
5. Два долота изъ базальта, коими дѣлаютъ жители новозеландскіе лодки и другія издѣлія.

Изъ Отаити:

1. Два аршина полотна изъ древесной коры, выбитаго деревянными колотушками, изъ котораго жители дѣлаютъ себѣ родъ юбокъ.
2. Платье изъ той же матеріи, желтою краскою выкрашенное, съ цвѣтами, выпечатанными листьями травы.
3. Одна рогожка изъ травы, какую король (sic!) отаитскій прислалъ Его Императорскому Величеству въ подарокъ, какъ лучшее произведеніе страны.
4. Чаша изъ кокосоваго орѣха.

* См. томъ III, стр. 113—116.

Послѣ ряда чисто случайныхъ и, въ общемъ, незначительныхъ поступленій въ него, въ своемъ мѣстѣ нами уже разсмотрѣнныхъ *, первымъ серьезнымъ приращеніемъ кабинета рѣдкостей явилось принесенное въ 1821 году профессоромъ И. М. Симоновымъ въ даръ собраніе предметовъ, привезенныхъ изъ совершоннаго имъ въ 1819—1820 годахъ кругосвѣтнаго плаванія. Увѣдомляя совѣтъ университета, предложеніемъ отъ 12-го августа 1821 года, о возвращеніи въ Россію изъ плаванія профессора Симонова, совершившаго „дѣло сіе съ отличною честью для себя и для университета", Магницкій тогда же сообщилъ, что привезенныя имъ съ собою „различныя произведенія природы и искусства приноситъ онъ въ даръ казанскому университету". Къ этому попечительскому предложенію была присовокуплена и опись вещей, жертвуемыхъ проф. Симоновымъ для трехъ университетскихъ учрежденій—„для музея" (рѣдкостей), „для кабинета естественной исторіи" и „для библіотеки". Возстановимъ здѣсь эту опись въ ея полномъ видѣ:

ПРИНОШЕНІЕ ПРОФЕССОРА СИМОНОВА КАЗАНСКОМУ УНИВЕРСИТЕТУ, ПО ВОЗВРАЩЕНІИ ЕГО ОТЪ ЮЖНАГО ПОЛЮСА НА ШЛЮПѢ „ВОСТОКЪ"

А. ВЕЩИ ДЛЯ МУЗЕЯ

Изъ Новой Зеландіи:

1. Двѣ мантіи, которыя дикіе надѣваютъ на плеча, съ тремя застежками, изъ коихъ одна костяная и двѣ изъ базальта.
2. Двѣ начатыя ткани изъ новозеландскаго льна плетеныя.
3. Двѣ удочки.
4. Одна новозеландская широкая застежка изъ базальта.
5. Два долота изъ базальта, коими дѣлаютъ жители новозеландскіе лодки и другія издѣлія.

Изъ Отаити:

1. Два аршина полотна изъ древесной коры, выбитаго деревянными колотушками, изъ котораго жители дѣлаютъ себѣ родъ юбокъ.
2. Платье изъ той же матеріи, желтою краскою выкрашенное, съ цвѣтами, выпечатанными листьями травы.
3. Одна рогожка изъ травы, какую король (sic!) отаитскій прислалъ Его Императорскому Величеству въ подарокъ, какъ лучшее произведеніе страны.
4. Чаша изъ кокосоваго орѣха.

* См. томъ III, стр. 113—116.

Изъ новооткрытаго шлюпомъ „Востокъ“ острова Оно, близь Фиджи:

1. Одна мантія изъ древесной ткани, раскрашенная, съ двумя каймами.

2. Одинъ нагрудникъ изъ жемчужной раковины, на шнуркѣ изъ травы.

3. Два копья изъ краснаго дерева, на войнѣ употребляемыя.

4. Одна острога изъ того же дерева, съ четырьмя зубцами.

5. Двѣ палицы изъ того же дерева, одна обвита древесными шнурками, на войнѣ употребляемыя.

6. Одинъ знакъ начальника, къ лодкѣ прикрѣпляемый *.

7. Одна булава изъ краснаго дерева, на войнѣ употребляемая.

Б. ВЕЩИ ДЛЯ КАБИНЕТА ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ

Перечень ихъ см. выше, на страницахъ 169—170.

В. ДЛЯ БИБЛІОТЕКИ

1. Азбука отаитскаго языка, печатанная при англійской миссіи на островѣ Эймео, принадлежащемъ къ отаитскому владѣнію.

2. Рисунокъ съ дерева, „Драконова кровь“ именуемаго, списанный съ природы на островѣ Тенерифѣ, близь пика, въ саду г-на Франка.

3. Одна бронзовая медаль изъ числа тѣхъ, кои раздаваемы были жителямъ посѣщаемыхъ шлюпами „Востокомъ“ и „Мирнымъ“ мѣстъ [99].

Принесенные И. М. Симоновымъ университету въ даръ этнографическіе предметы, до нашихъ дней сохраняющіеся въ соотвѣтствующихъ собраніяхъ его, положили твердое начало существованію „кабинета рѣдкостей“, въ качествѣ учебно-вспомогательнаго учрежденія болѣе или менѣе самостоятельнаго характера. Дальнѣйшія пріобрѣтенія этого кабинета снова принимаютъ прежній случайный характеръ и могутъ быть возстановлены слѣдующими фактами, которые мы и приводимъ въ ихъ хронологическомъ порядкѣ:

1821 годъ. Осенью этого года профессоръ Кондыревъ приноситъ въ даръ „кольчугу, найденную имъ, во время путешествія, на мѣстѣ древняго городка Кокшана (Кошана?)“.

* Это тотъ самый «начальническій значокъ», который далъ поводъ къ сентенціямъ Магницкаго о «естественномъ самодержавіи» и къ статьѣ Городчанинова на ту же тему, помѣщенную въ «Казанскомъ Вѣстникѣ» (см. выше стр. 16).

Изъ новооткрытаго шлюпомъ „Востокъ“ острова Оно, близь Фиджи:

1. Одна мантія изъ древесной ткани, раскрашенная, съ двумя каймами.

2. Одинъ нагрудникъ изъ жемчужной раковины, на шнуркѣ изъ травы.

3. Два копья изъ краснаго дерева, на войнѣ употребляемыя.

4. Одна острога изъ того же дерева, съ четырьмя зубцами.

5. Двѣ палицы изъ того же дерева, одна обвита древесными шнурками, на войнѣ употребляемыя.

6. Одинъ знакъ начальника, къ лодкѣ прикрѣпляемый *.

7. Одна булава изъ краснаго дерева, на войнѣ употребляемая.

Б. ВЕЩИ ДЛЯ КАБИНЕТА ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ

Перечень ихъ см. выше, на страницахъ 169—170.

В. ДЛЯ БИБЛІОТЕКИ

1. Азбука отаитскаго языка, печатанная при англійской миссіи на островѣ Эймео, принадлежащемъ къ отаитскому владѣнію.

2. Рисунокъ съ дерева, „Драконова кровь“ именуемаго, списанный съ природы на островѣ Тенерифѣ, близь пика, въ саду г-на Франка.

3. Одна бронзовая медаль изъ числа тѣхъ, кои раздаваемы были жителямъ посѣщаемыхъ шлюпами „Востокомъ“ и „Мирнымъ“ мѣстъ [99].

Принесенные И. М. Симоновымъ университету въ даръ этнографическіе предметы, до нашихъ дней сохраняющіеся въ соотвѣтствующихъ собраніяхъ его, положили твердое начало существованію „кабинета рѣдкостей“, въ качествѣ учебно-вспомогательнаго учрежденія болѣе или менѣе самостоятельнаго характера. Дальнѣйшія пріобрѣтенія этого кабинета снова принимаютъ прежній случайный характеръ и могутъ быть возстановлены слѣдующими фактами, которые мы и приводимъ въ ихъ хронологическомъ порядкѣ:

1821 годъ. Осенью этого года профессоръ Кондыревъ приноситъ въ даръ „кольчугу, найденную имъ, во время путешествія, на мѣстѣ древняго городка Кокшана (Кошана?)“.

* Это тотъ самый «начальническій значокъ», который далъ поводъ къ сентенціямъ Магницкаго о «естественномъ самодержавіи» и къ статьѣ Городчанинова на ту же тему, помѣщенную въ «Казанскомъ Вѣстникѣ» (см. выше стр. 16).

1823 годъ. Въ ноябрѣ директоръ оренбургскихъ училищъ Кафтанниковъ представилъ черезъ училищный комитетъ старинный бердышъ.

1824 годъ. Весною и. д. директора астраханскихъ училищъ Поповъ представилъ, черезъ тотъ же комитетъ, „искусной черкасской работы лукъ съ колчаномъ и 20-ью стрѣлами, принадлежавшій одному изъ горскихъ владѣльцевъ“ и „испрошенный имъ у иностранца Людвига Вильетти“; по донесенію Попова—„лукъ сей и стрѣлы, сколько по чистотѣ своей отдѣлки, столько же и по рѣдкости отысканія таковыхъ въ нынѣшнее время въ полномъ видѣ, стоитъ, по замѣчанію знатоковъ, не менѣе ста рублей“.

1826 годъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ директоръ тобольскихъ училищъ препроводилъ черезъ училищный комитетъ „мануфактурныя произведенія остяковъ, полагая, что оныхъ, можетъ быть, въ университетѣ не находится“, а именно: а) „платъ“, платокъ, утиральникъ, по остяцки—„чинъ“, б) пеньку изъ крапивы, в) „пеньку изъ крапивы, толченую, ими приготовленную“, г) веретено съ пряжею изъ крапивной пеньки, „на которомъ прядутъ“, д) веретено, „которымъ нитки сучатъ“, е) холстъ, „сдѣланный изъ крапивной пряжи, набѣленный“, и ж) холстъ, „сдѣланный изъ крапивы, бѣлый“.

Въ апрѣлѣ того же года проф. Симоновъ представилъ для кабинета рѣдкостей „китайское зеркало, принесенное въ даръ университету отъ неизвѣстной особы“ [100].

Мы видимъ, такимъ образомъ, что, за исключеніемъ крупнаго дара И. М. Симонова, приращенія кабинета рѣдкостей должны быть признаны за интересующую насъ эпоху совершенно ничтожными, что въ значительной степени находитъ себѣ объясненіе и въ томъ, что небольшая штатная сумма въ 600 р., ежегодно отпускавшаяся на нужды кабинета естественной исторіи, не давала возможности удѣлять отсюда какихъ либо назначеній на пріобрѣтеніе предметовъ этнографіи и древности. Приращенія кабинета рѣдкостей получили болѣе интенсивный и систематическій характеръ лишь въ 30-хъ и 40-хъ годахъ минувшаго столѣтія, благодаря ряду командировокъ на востокъ представителей оріенталистики (О. М. Ковалевскаго, А. В. Попова, архимандрита Даніила, В. П. Васильева), явившихся дѣятелями славной памяти разряда восточной словесности, въ эти годы существовавшаго при казанскомъ университетѣ.

Съ окончаніемъ въ 1825 году отстройки главнаго университетскаго корпуса, кабинетъ рѣдкостей былъ помѣщенъ въ нынѣшнемъ актовомъ

1823 годъ. Въ ноябрѣ директоръ оренбургскихъ училищъ Кафтанниковъ представилъ черезъ училищный комитетъ старинный бердышъ.

1824 годъ. Весною и. д. директора астраханскихъ училищъ Поповъ представилъ, черезъ тотъ же комитетъ, „искусcной черкасской работы лукъ съ колчаномъ и 20-ью стрѣлами, принадлежавшій одному изъ горскихъ владѣльцевъ" и „испрошенный имъ у иностранца Людвига Вильетти"; по донесенію Попова—„лукъ сей и стрѣлы, сколько по чистотѣ своей отдѣлки, столько же и по рѣдкости отысканія таковыхъ въ нынѣшнее время въ полномъ видѣ, стоитъ, по замѣчанію знатоковъ, не менѣе ста рублей".

1826 годъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ директоръ тобольскихъ училищъ препроводилъ черезъ училищный комитетъ „мануфактурныя произведенія остяковъ, полагая, что оныхъ, можетъ быть, въ университетѣ не находится", а именно: а) „платъ", платокъ, утиральникъ, по остяцки—„чинъ", б) пеньку изъ крапивы, в) „пеньку изъ крапивы, толченую, ими приготовленную", г) веретено съ пряжею изъ крапивной пеньки, „на которомъ прядутъ", д) веретено, „которымъ нитки сучатъ", е) холстъ, „сдѣланный изъ крапивной пряжи, набѣленный", и ж) холстъ, „сдѣланный изъ крапивы, бѣлый".

Въ апрѣлѣ того же года проф. Симоновъ представилъ для кабинета рѣдкостей „китайское зеркало, принесенное въ даръ университету отъ неизвѣстной особы" [100].

Мы видимъ, такимъ образомъ, что, за исключеніемъ крупнаго дара И. М. Симонова, приращенія кабинета рѣдкостей должны быть признаны за интересующую насъ эпоху совершенно ничтожными, что въ значительной степени находитъ себѣ объясненіе и въ томъ, что небольшая штатная сумма въ 600 р., ежегодно отпускавшаяся на нужды кабинета естественной исторіи, не давала возможности удѣлять отсюда какихъ либо назначеній на пріобрѣтеніе предметовъ этнографіи и древности. Приращенія кабинета рѣдкостей получили болѣе интенсивный и систематическій характеръ лишь въ 30-хъ и 40-хъ годахъ минувшаго столѣтія, благодаря ряду командировокъ на востокъ представителей оріенталистики (О. М. Ковалевскаго, А. В. Попова, архимандрита Даніила, В. П. Васильева), явившихся дѣятелями славной памяти разряда восточной словесности, въ эти годы существовавшаго при казанскомъ университетѣ.

Съ окончаніемъ въ 1825 году отстройки главнаго университетскаго корпуса, кабинетъ рѣдкостей былъ помѣщенъ въ нынѣшнемъ актовомъ

залѣ, гдѣ онъ продолжалъ находиться еще въ половинѣ истекшаго столѣтія, будучи впослѣдствіе перемѣщенъ въ тѣсныя и низкія антресольныя комнаты западной части главнаго зданія университета.

Будучи первоначально разсматриваемъ въ качествѣ одного изъ отдѣленій кабинета естественной исторіи, кабинетъ рѣдкостей находился подъ управленіемъ завѣдующаго первымъ изъ нихъ и только 25-го іюля 1825 года состоялось постановленіе совѣта о передачѣ кабинета рѣдкостей въ самостоятельное завѣдываніе профессора восточной словесности Ф. И. Эрдмана, которымъ онъ 21-го августа 1826 года и былъ формально принятъ [101].

VIII

Минцъ-кабинетъ

Начало нумизматическаго собранія университета при его библіотекѣ.—Первыя болѣе крупныя приращенія собранія и выдѣленіе его въ самостоятельное учебно-вспомогательное учрежденіе.—Предположенія проф. В. И. Тимьянскаго относительно минцъ-кабинета университета.—Покупка минцъ-кабинета д. с. с. Ефимовича.—Дальнѣйшія пріобрѣтенія кабинета.—Покупка въ 1824 г. собранія восточныхъ монетъ у проф. К. Ѳ. Фукса.—Исторія этого пріобрѣтенія.—Мѣры къ приведенію университетскаго минцъ-кабинета въ благоустройство.—Попытки его описаній.

Начало нумизматическому собранію, хотя и въ крайне скромномъ размѣрѣ, положено было въ первые годы существованія казанскаго университета и, на первыхъ порахъ, при университетской библіотекѣ, въ составѣ которой уже въ отчетѣ за 1810 годъ показано „нынѣ начинающееся собраніе монетъ"—въ числѣ всего 88-ми, въ томъ числѣ 83-хъ древнихъ „болгарскихъ" и 5-ти русскихъ. Не смотря на то, что это ничтожное количество монетъ оставалось такимъ же въ теченіи ближайшихъ шести лѣтъ, и. д. библіотекаря Кондыревъ въ 1816 году, представляя свои соображенія относительно мѣръ къ лучшей постановкѣ университетскаго библіотечнаго дѣла, рекомендуетъ пріобрѣтеніе древнихъ „болгарскихъ" монетъ и образованіе „кабинета нумизматики, особенно россійской". Изъ вѣдомости, составленной для цѣлей ревизіи Магницкаго, мы узнаемъ, однако же, что къ началу 1819 года находившееся при библіотекѣ нумизматическое собраніе очень мало увели-

залѣ, гдѣ онъ продолжалъ находиться еще въ половинѣ истекшаго столѣтія, будучи впослѣдствіе перемѣщенъ въ тѣсныя и низкія антресольныя комнаты западной части главнаго зданія университета.

Будучи первоначально разсматриваемъ въ качествѣ одного изъ отдѣленій кабинета естественной исторіи, кабинетъ рѣдкостей находился подъ управленіемъ завѣдующаго первымъ изъ нихъ и только 25-го іюля 1825 года состоялось постановленіе совѣта о передачѣ кабинета рѣдкостей въ самостоятельное завѣдываніе профессора восточной словесности Ф. И. Эрдмана, которымъ онъ 21-го августа 1826 года и былъ формально принятъ [101].

VIII

Минцъ-кабинетъ

Начало нумизматическаго собранія университета при его библіотекѣ.—Первыя болѣе крупныя приращенія собранія и выдѣленіе его въ самостоятельное учебно-вспомогательное учрежденіе.—Предположенія проф. В. И. Тимьянскаго относительно минцъ-кабинета университета.—Покупка минцъ-кабинета д. с. с. Ефимовича.—Дальнѣйшія пріобрѣтенія кабинета.—Покупка въ 1824 г. собранія восточныхъ монетъ у проф. К. Ѳ. Фукса.—Исторія этого пріобрѣтенія.—Мѣры къ приведенію университетскаго минцъ-кабинета въ благоустройство.—Попытки его описаній.

Начало нумизматическому собранію, хотя и въ крайне скромномъ размѣрѣ, положено было въ первые годы существованія казанскаго университета и, на первыхъ порахъ, при университетской библіотекѣ, въ составѣ которой уже въ отчетѣ за 1810 годъ показано „нынѣ начинающееся собраніе монетъ"—въ числѣ всего 88-ми, въ томъ числѣ 83-хъ древнихъ „болгарскихъ" и 5-ти русскихъ. Не смотря на то, что это ничтожное количество монетъ оставалось такимъ же въ теченіи ближайшихъ шести лѣтъ, и. д. библіотекаря Кондыревъ въ 1816 году, представляя свои соображенія относительно мѣръ къ лучшей постановкѣ университетскаго библіотечнаго дѣла, рекомендуетъ пріобрѣтеніе древнихъ „болгарскихъ" монетъ и образованіе „кабинета нумизматики, особенно россійской". Изъ вѣдомости, составленной для цѣлей ревизіи Магницкаго, мы узнаемъ, однако же, что къ началу 1819 года находившееся при библіотекѣ нумизматическое собраніе очень мало увели-

чилось противъ 1810 года, за девять лѣтъ достигнувъ количества всего только 156 монетъ *.

Первый случай мало-мальски значительнаго пополненія нумизматическаго собранія университета относится къ 1821 году и былъ вызванъ представленіемъ профессора Кондырева, предложившаго университету купить у бывшаго профессора Яковкина, за 250 рублей, его собраніе монетъ и медалей, заключавшее въ себѣ 179 предметовъ; эту покупку предположено совершить за счетъ суммъ библіотеки, „при которой,—какъ заявилъ при этомъ Кондыревъ,—уже положено основаніе минцъ-кабинету". Согласно представленію попечителя, 15-го іюня покупка эта была министромъ разрѣшена. Второй случай пополненія университетскаго собранія монетъ относится къ концу іюля того же 1821 года и выразился въ коллективномъ пожертвованіи профессоромъ Тимьянскимъ, инспекторомъ студентовъ Барсовымъ и адъюнктами Васильевымъ, Баженовымъ и Лентовскимъ 276-ти старинныхъ серебряныхъ русскихъ копѣекъ.

Въ началѣ осени того же 1821 года зародившійся, такимъ образомъ, минцъ-кабинетъ былъ изъятъ изъ состава университетской библіотеки и присоединенъ къ кабинету рѣдкостей и тогда же поднятъ былъ профессоромъ Тимьянскимъ вопросъ о необходимости упорядоченія дѣла составленія нумизматическаго собранія. Въ представленіи своемъ по этому поводу проф. Тимьянскій заявилъ, что „купленнымъ отъ г. коллежскаго совѣтника Яковкина собраніемъ монетъ и медалей положено основаніе университетскому минцъ-кабинету" и что „университету предлежитъ теперь стараться о пріумноженіи его", а какъ правленію университета „угодно было возложить храненіе оныхъ монетъ на него, профессора Тимьянскаго, такъ, что бы собраніе сіе, принадлежа къ кабинету рѣдкостей, соединялось съ кабинетомъ естественной исторіи, состоящимъ въ его же завѣдываніи, то и почитаетъ онъ себѣ въ обязанность споспѣшествовать трудамъ въ умноженіи онаго собранія". За неимѣніемъ, для пополненія минцъ-кабинета, въ виду какихъ либо источниковъ изъ штатныхъ назначеній, проф. Тимьянскій предлагаетъ для этой цѣли слѣдующую, довольно своеобразную, финансовую операцію: „Не благоугодно ли будетъ,—проектируетъ онъ,—принять за правило, что бы серебряныя монеты, имѣющія особенную цѣнность и могущія за-

---

* См. томъ III, стр. 26, 33—34, 44.

чилось противъ 1810 года, за девять лѣтъ достигнувъ количества всего только 156 монетъ *.

Первый случай мало-мальски значительнаго пополненія нумизматическаго собранія университета относится къ 1821 году и былъ вызванъ представленіемъ профессора Кондырева, предложившаго университету купить у бывшаго профессора Яковкина, за 250 рублей, его собраніе монетъ и медалей, заключавшее въ себѣ 179 предметовъ; эту покупку предположено совершить за счетъ суммъ библіотеки, „при которой,—какъ заявилъ при этомъ Кондыревъ,—уже положено основаніе минцъ-кабинету". Согласно представленію попечителя, 15-го іюня покупка эта была министромъ разрѣшена. Второй случай пополненія университетскаго собранія монетъ относится къ концу іюля того же 1821 года и выразился въ коллективномъ пожертвованіи профессоромъ Тимьянскимъ, инспекторомъ студентовъ Барсовымъ и адъюнктами Васильевымъ, Баженовымъ и Лентовскимъ 276-ти старинныхъ серебряныхъ русскихъ копѣекъ.

Въ началѣ осени того же 1821 года зародившійся, такимъ образомъ, минцъ-кабинетъ былъ изъятъ изъ состава университетской библіотеки и присоединенъ къ кабинету рѣдкостей и тогда же поднятъ былъ профессоромъ Тимьянскимъ вопросъ о необходимости упорядоченія дѣла составленія нумизматическаго собранія. Въ представленіи своемъ по этому поводу проф. Тимьянскій заявилъ, что „купленнымъ отъ г. коллежскаго совѣтника Яковкина собраніемъ монетъ и медалей положено основаніе университетскому минцъ-кабинету" и что „университету предлежитъ теперь стараться о пріумноженіи его", а какъ правленію университета „угодно было возложить храненіе оныхъ монетъ на него, профессора Тимьянскаго, такъ, что бы собраніе сіе, принадлежа къ кабинету рѣдкостей, соединялось съ кабинетомъ естественной исторіи, состоящимъ въ его же завѣдываніи, то и почитаетъ онъ себѣ въ обязанность споспѣшествовать трудамъ въ умноженіи онаго собранія". За неимѣніемъ, для пополненія минцъ-кабинета, въ виду какихъ либо источниковъ изъ штатныхъ назначеній, проф. Тимьянскій предлагаетъ для этой цѣли слѣдующую, довольно своеобразную, финансовую операцію: „Не благоугодно ли будетъ,—проектируетъ онъ,—принять за правило, что бы серебряныя монеты, имѣющія особенную цѣнность и могущія за-

* См. томъ III, стр. 26, 33—34, 44.

служивать въ минцъ-кабинетѣ мѣсто по своей рѣдкости, были пріобрѣтаемы на счетъ какой либо университетской суммы, напримѣръ—экономической, въ видѣ обмѣна денегъ новыхъ на старыя, ибо сіи, удерживая всегда внутреннее достоинство, могутъ считаться какъ бы наличнымъ университетскимъ капиталомъ во всякое время" *. На первый разъ проф. Тимьянскій представилъ, при этомъ, нѣсколько серебряныхъ монетъ эпохи императрицы Анны Іоанновны, полученныхъ имъ отъ корректора азіятской типографіи Мамышева; правленіе университета выдало за нихъ Мамышеву 8 рублей ассигнаціями, проектъ же Тимьянскаго препроводило на заключеніе попечителя. Магницкій, одобривъ „предположеніе о пріумноженіи минцъ-кабинета", вообще, предложеніемъ отъ 30-го сентября 1821 года увѣдомилъ, что „не находитъ нужнымъ и удобнымъ входить съ представленіемъ о назначеніи суммы на случайныя пріобрѣтенія вещей для онаго, а когда какія либо медали или монеты встрѣтятся къ покупкѣ, то правленіе можетъ представлять о семъ всякій разъ" [102].

Весьма крупное пріобрѣтеніе, положившее уже вполнѣ твердое основаніе дальнѣйшему развитію университетскаго минцъ-кабинета, сдѣлано было по личному почину попечителя въ началѣ слѣдующаго 1822 года, покупкою у дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ефимовича собранія греческихъ и римскихъ монетъ. По заявленію Магницкаго въ его представленіи о томъ министру, минцъ-кабинетъ Ефимовича, заключавшійся изъ 2709-ти золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ монетъ и обошедшійся собственнику его, который собиралъ его въ теченіи пятнадцати лѣтъ, до 12-ти тысячъ рублей, оцѣненъ осматривавшими его петербургскими нумизматами, съ академикомъ Френомъ въ ихъ главѣ, въ суммѣ около 8-ми тысячъ рублей. „Желая украсить ученыя пособія университета симъ кабинетомъ особенно потому, что тамъ положено уже собранію медалей начало,—читаемъ въ представленіи попечителя отъ 10-го января 1822 года,—я предложилъ г. Ефимовичу ту цѣну, которую давалъ ему графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій—4 тысячи рублей, но онъ, не согласясь на нее, выпросилъ 5000 рублей, которыя и согласенъ я заплатить, ежели ваше сіятельство покупку сію утвердить изволите, изъ остающихся суммъ отъ неполнаго комплекта преподавателей". 18-го января представленіе Магницкаго было княземъ

* Эта, предлагавшаяся проф. Тимьянскимъ, комбинація основывалась на томъ, что всѣ университетскіе капиталы хранились въ то время самимъ университетомъ, въ его казначейской кладовой.

служивать въ минцъ-кабинетѣ мѣсто по своей рѣдкости, были пріобрѣтаемы на счетъ какой либо университетской суммы, напримѣръ—экономической, въ видѣ обмѣна денегъ новыхъ на старыя, ибо сіи, удерживая всегда внутреннее достоинство, могутъ считаться какъ бы наличнымъ университетскимъ капиталомъ во всякое время" *. На первый разъ проф. Тимьянскій представилъ, при этомъ, нѣсколько серебряныхъ монетъ эпохи императрицы Анны Іоанновны, полученныхъ имъ отъ корректора азіятской типографіи Мамышева; правленіе университета выдало за нихъ Мамышеву 8 рублей ассигнаціями, проектъ же Тимьянскаго препроводило на заключеніе попечителя. Магницкій, одобривъ „предположеніе о пріумноженіи минцъ-кабинета", вообще, предложеніемъ отъ 30-го сентября 1821 года увѣдомилъ, что „не находитъ нужнымъ и удобнымъ входить съ представленіемъ о назначеніи суммы на случайныя пріобрѣтенія вещей для онаго, а когда какія либо медали или монеты встрѣтятся къ покупкѣ, то правленіе можетъ представлять о семъ всякій разъ" [102].

Весьма крупное пріобрѣтеніе, положившее уже вполнѣ твердое основаніе дальнѣйшему развитію университетскаго минцъ-кабинета, сдѣлано было по личному почину попечителя въ началѣ слѣдующаго 1822 года, покупкою у дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ефимовича собранія греческихъ и римскихъ монетъ. По заявленію Магницкаго въ его представленіи о томъ министру, минцъ-кабинетъ Ефимовича, заключавшійся изъ 2709-ти золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ монетъ и обошедшійся собственнику его, который собиралъ его въ теченіи пятнадцати лѣтъ, до 12-ти тысячъ рублей, оцѣненъ осматривавшими его петербургскими нумизматами, съ академикомъ Френомъ въ ихъ главѣ, въ суммѣ около 8-ми тысячъ рублей. „Желая украсить ученыя пособія университета симъ кабинетомъ особенно потому, что тамъ положено уже собранію медалей начало,—читаемъ въ представленіи попечителя отъ 10-го января 1822 года,—я предложилъ г. Ефимовичу ту цѣну, которую давалъ ему графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій—4 тысячи рублей, но онъ, не согласясь на нее, выпросилъ 5000 рублей, которыя и согласенъ я заплатить, ежели ваше сіятельство покупку сію утвердить изволите, изъ остающихся суммъ отъ неполнаго комплекта преподавателей". 18-го января представленіе Магницкаго было княземъ

* Эта, предлагавшаяся проф. Тимьянскимъ, комбинація основывалась на томъ, что всѣ университетскіе капиталы хранились въ то время самимъ университетомъ, въ его казначейской кладовой.

Голицинымъ утверждено и весною того же года пріобрѣтенный минцъ-кабинетъ препровожденъ въ Казань. При соотвѣтствующемъ архивномъ дѣлѣ (Сов. 1822, № 144) интересующіеся найдутъ описанія минцъ-кабинета Ефимовича, принадлежащія академику Френу и профессорамъ Фуксу, Эрдману и Тимьянскому.

Между тѣмъ, объ учрежденіи при казанскомъ университетѣ минцъ-кабинета было опубликовано въ „Журналѣ департамента народнаго просвѣщенія", съ заявленіемъ о томъ, что университетъ „для пріумноженія минцъ-кабинета своего пріобрѣтаетъ монеты и медали", что и вызвало рядъ приношеній, послѣдовавшихъ въ теченіи 1822 года. Такъ, въ началѣ марта этого года почетный смотритель васильсурскаго уѣзднаго училища З а р н и ц и н ъ прислалъ въ даръ 23 монеты, въ томъ числѣ одну золотую турецкую, остальныя серебряныя—русскія и иностранныя, а въ концѣ того же мѣсяца имъ же доставлены еще 9 монетъ, одна золотая и восемь серебряныхъ. Въ томъ же мартѣ смотритель моздокскаго уѣзднаго училища Б о р щ е в с к і й доставилъ въ даръ одну мѣдную монету, въ августѣ еще 4 монеты; въ декабрѣ того же года пожертвованы были проф. Симоновымъ 20 монетъ, собранныя имъ во время кругосвѣтнаго плаванія, въ томъ числѣ 3 датскія, 5 англійскихъ, 1 испанская, 1 португальская, 4 бразильскихъ, 2 австрійскихъ, 1 индѣйская и 3 неопредѣленныя восточныя; профессоръ Баженовъ принесъ въ даръ 26 литовскихъ и польскихъ монетъ и т. п. [103].

Всѣ эти случайныя и мелкія приращенія нумизматическаго кабинета не въ состояніи были, конечно, содѣйствовать упроченію за нимъ того научнаго значенія, какой уже былъ приданъ ему пріобрѣтеніемъ собранія Ефимовича,—собранія чисто специфическаго, впрочемъ, характера, такъ какъ оно было составлено исключительно изъ древнихъ греческихъ и римскихъ монетъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ десятковъ „булгарскихъ",—какъ именовалъ ихъ библіотекарь Кондыревъ,—монетъ, университетское нумизматическое собраніе было лишено того мѣстно-историческаго колорита, какой долженъ былъ бы подобать ему уже въ силу географическаго положенія Казани, расположенной въ центрѣ русскаго мусульманскаго востока, на развалинахъ владѣній Золотой Орды и древняго булгаро-татарскаго царства. Мы говоримъ о нумизматикѣ восточной, вообще, и такъ называемой д ж у ч и д с к о й н у м и з м а т и к ѣ (т. е. золотоордынской), въ особенности; мы знаемъ, что въ Казани уже въ первые годы существованія университета имѣлись прекрасныя частныя коллекціи другчидскихъ монетъ (проф. Фукса, Потто), давшія бывшему казанскому

Голицинымъ утверждено и весною того же года пріобрѣтенный минцъ-кабинетъ препровожденъ въ Казань. При соотвѣтствующемъ архивномъ дѣлѣ (Сов. 1822, № 144) интересующіеся найдутъ описанія минцъ-кабинета Ефимовича, принадлежащія академику Френу и профессорамъ Фуксу, Эрдману и Тимьянскому.

Между тѣмъ, объ учрежденіи при казанскомъ университетѣ минцъ-кабинета было опубликовано въ „Журналѣ департамента народнаго просвѣщенія", съ заявленіемъ о томъ, что университетъ „для пріумноженія минцъ-кабинета своего пріобрѣтаетъ монеты и медали", что и вызвало рядъ приношеній, послѣдовавшихъ въ теченіи 1822 года. Такъ, въ началѣ марта этого года почетный смотритель васильсурскаго уѣзднаго училища З а р н и ц и н ъ прислалъ въ даръ 23 монеты, въ томъ числѣ одну золотую турецкую, остальныя серебряныя—русскія и иностранныя, а въ концѣ того же мѣсяца имъ же доставлены еще 9 монетъ, одна золотая и восемь серебряныхъ. Въ томъ же мартѣ смотритель моздокскаго уѣзднаго училища Б о р щ е в с к і й доставилъ въ даръ одну мѣдную монету, въ августѣ еще 4 монеты; въ декабрѣ того же года пожертвованы были проф. Симоновымъ 20 монетъ, собранныя имъ во время кругосвѣтнаго плаванія, въ томъ числѣ 3 датскія, 5 англійскихъ, 1 испанская, 1 португальская, 4 бразильскихъ, 2 австрійскихъ, 1 индѣйская и 3 неопредѣленныя восточныя; профессоръ Баженовъ принесъ въ даръ 26 литовскихъ и польскихъ монетъ и т. п. [103].

Всѣ эти случайныя и мелкія приращенія нумизматическаго кабинета не въ состояніи были, конечно, содѣйствовать упроченію за нимъ того научнаго значенія, какой уже былъ приданъ ему пріобрѣтеніемъ собранія Ефимовича,—собранія чисто специфическаго, впрочемъ, характера, такъ какъ оно было составлено исключительно изъ древнихъ греческихъ и римскихъ монетъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ десятковъ „булгарскихъ",—какъ именовалъ ихъ библіотекарь Кондыревъ,—монетъ, университетское нумизматическое собраніе было лишено того мѣстно-историческаго колорита, какой долженъ былъ бы подобать ему уже въ силу географическаго положенія Казани, расположенной въ центрѣ русскаго мусульманскаго востока, на развалинахъ владѣній Золотой Орды и древняго булгаро-татарскаго царства. Мы говоримъ о нумизматикѣ восточной, вообще, и такъ называемой д ж у ч и д с к о й н у м и з м а т и к ѣ (т. е. золотоордынской), въ особенности; мы знаемъ, что въ Казани уже въ первые годы существованія университета имѣлись прекрасныя частныя коллекціи дручидскихъ монетъ (проф. Фукса, Потто), давшія бывшему казанскому

профессору Френу возможность сдѣлать блестящую попытку приложенія данныхъ джучидской нумизматики къ освѣщенію исторіи Джучіева улуса (Золотой Орды) *. Съ только что указанной нами точки зрѣнія, 1824-ый годъ ознаменовался въ исторіи минцъ-кабинета казанскаго университета весьма крупнымъ и важнымъ въ научномъ отношеніи пріобрѣтеніемъ, выразившимся въ покупкѣ у профессора К. Ѳ. Фукса обширнаго восточнаго минцъ-кабинета, —того самаго историческаго минцъ-кабинета, который послужилъ Френу матеріаломъ для его историко-нумизматическихъ изысканій и для его извѣстнаго труда о монетахъ хановъ Золотой Орды **.

Вопросъ о пріобрѣтеніи отъ проф. Фукса его нумизматическаго собранія былъ возбужденъ еще въ началѣ 1823 года, по нижеслѣдующему поводу. 25 октября 1822 года министръ народнаго просвѣщенія князь Голицинъ увѣдомилъ попечителя казанскаго учебнаго округа, что „по приведеніи въ порядокъ восточнаго кабинета императорской академіи наукъ, г. ординарный академикъ Френъ вызвался изъ большого числа дуплетовъ, въ ономъ находящихся, составить разные небольшіе кабинеты, которые можно было бы продать нашимъ университетамъ и прочимъ учебнымъ заведеніямъ"; что на это предположеніе уже исходатайствовано высочайшее соизволеніе; что нынѣ „составлены уже таковыхъ четыре кабинета, вмѣстѣ съ каталогами онымъ, въ томъ числѣ кабинетъ подъ № 1-мъ, содержащій 337 разныхъ монетъ (3 золотыя, 294 серебряныя и 40 мѣдныхъ)"; что академикъ Френъ оцѣниваетъ этотъ кабинетъ въ 2000 рублей ассигн. и изъявляетъ желаніе, что бы „сей кабинетъ поступилъ въ собственность императорскаго казанскаго университета, къ коему г. Френъ принадлежалъ въ теченіи десяти лѣтъ и при которомъ преемникъ его (т. е. проф. Эрдманъ) есть ученый оріенталистъ, который съ великимъ усердіемъ занимается восточными древностями и наилучшее сдѣлаетъ употребленіе изъ сего собранія монетъ". Князь Голицинъ предлагалъ, при этомъ, попечителю сообщить ему—не найдетъ ли онъ желательнымъ для университета сдѣлать предлагаемое пріобрѣтеніе. Магницкій отвѣтилъ министру, что онъ охотно желалъ бы пріобрѣсти этотъ кабинетъ, но, находя назначенную Френомъ цѣну слишкомъ высокою, полагалъ бы предложить академіи наукъ уступить его „по цѣнѣ, Міонетомъ означен-

---

* См. томъ I, стр. 224—225.

** «Die Münzen der Chane von Ulus Dschutschi's» (СПБ., 1832).

профессору Френу возможность сдѣлать блестящую попытку приложенія данныхъ джучидской нумизматики къ освѣщенію исторіи Джучіева улуса (Золотой Орды) *. Съ только что указанной нами точки зрѣнія, 1824-ый годъ ознаменовался въ исторіи минцъ-кабинета казанскаго университета весьма крупнымъ и важнымъ въ научномъ отношеніи пріобрѣтеніемъ, выразившимся въ покупкѣ у профессора К. Ѳ. Фукса обширнаго восточнаго минцъ-кабинета,—того самаго историческаго минцъ-кабинета, который послужилъ Френу матеріаломъ для его историко-нумизматическихъ изысканій и для его извѣстнаго труда о монетахъ хановъ Золотой Орды **.

Вопросъ о пріобрѣтеніи отъ проф. Фукса его нумизматическаго собранія былъ возбужденъ еще въ началѣ 1823 года, по нижеслѣдующему поводу. 25 октября 1822 года министръ народнаго просвѣщенія князь Голицинъ увѣдомилъ попечителя казанскаго учебнаго округа, что „по приведеніи въ порядокъ восточнаго кабинета императорской академіи наукъ, г. ординарный академикъ Френъ вызвался изъ большого числа дуплетовъ, въ ономъ находящихся, составить разные небольшіе кабинеты, которые можно было бы продать нашимъ университетамъ и прочимъ учебнымъ заведеніямъ"; что на это предположеніе уже исходатайствовано высочайшее соизволеніе; что нынѣ „составлены уже таковыхъ четыре кабинета, вмѣстѣ съ каталогами онымъ, въ томъ числѣ кабинетъ подъ № 1-мъ, содержащій 337 разныхъ монетъ (3 золотыя, 294 серебряныя и 40 мѣдныхъ)"; что академикъ Френъ оцѣниваетъ этотъ кабинетъ въ 2000 рублей ассигн. и изъявляетъ желаніе, что бы „сей кабинетъ поступилъ въ собственность императорскаго казанскаго университета, къ коему г. Френъ принадлежалъ въ теченіи десяти лѣтъ и при которомъ преемникъ его (т. е. проф. Эрдманъ) есть ученый оріенталистъ, который съ великимъ усердіемъ занимается восточными древностями и наилучшее сдѣлаетъ употребленіе изъ сего собранія монетъ". Князь Голицинъ предлагалъ, при этомъ, попечителю сообщить ему—не найдетъ ли онъ желательнымъ для университета сдѣлать предлагаемое пріобрѣтеніе. Магницкій отвѣтилъ министру, что онъ охотно желалъ бы пріобрѣсти этотъ кабинетъ, но, находя назначенную Френомъ цѣну слишкомъ высокою, полагалъ бы предложить академіи наукъ уступить его „по цѣнѣ, Міонетомъ означен-

* См. томъ I, стр. 224—225.

** «Die Münzen der Chane von Ulus Dschutschi's» (СПБ., 1832).

ной". Между тѣмъ стало извѣстнымъ, что профессоръ К. Ѳ. Фуксъ не прочь продать свой богатый восточный минцъ-кабинетъ и, въ виду этого, князь Голицинъ, новымъ предложеніемъ отъ 10-го февраля 1823 года предоставляя попечителю сдѣлать распоряженіе о пріобрѣтеніи академическаго кабинета по цѣнѣ, назначенной Френомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалъ ему „снестись съ профессоромъ Фуксомъ, продающимъ большой кабинетъ восточныхъ медалей въ Казани и узнавъ, нѣтъ ли въ ономъ тѣхъ же медалей, которыя находятся въ кабинетѣ, предлагаемомъ академіею, и если нѣтъ—то, сообразивъ цѣну онаго, сдѣлать о семъ представленіе, въ противномъ же случаѣ распорядиться о покупкѣ академическаго кабинета".

На соотвѣтствующее предложеніе Магницкаго Фуксъ отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ отъ 19-го апрѣля:

„Ваше Превосходительство.—Для меня очень лестно было получить письмо ваше, касающееся покупки моего восточнаго нумизматическаго кабинета для нашего университета. Это тѣмъ пріятнѣе для меня, что казанскій университетъ будетъ имѣть коллекцію для него потому особливо драгоцѣнную, что онъ находится среди того обширнаго государства, нѣкогда процвѣтавшаго подъ именемъ Золотой Орды, медали котораго, становящіяся день ото дня все рѣже, были биты преемниками Чингисъ-Хана въ тѣхъ земляхъ, коихъ учебное управленіе ввѣрено нынѣ вашему превосходительству. Непрерывные труды въ теченіи цѣлыхъ 18-ти лѣтъ, благопріятствовавшія мнѣ обстоятельства, какія не легко могутъ встрѣтиться кому либо другому, доставили мнѣ возможность собрать эту коллекцію, думаю—единственную въ своемъ родѣ, ибо азіятская исторія въ наше только время начинаетъ обращать на себя вниманіе ученыхъ людей, служа для поясненія исторіи россійской.

Прежде сего я имѣлъ намѣреніе принести нумизматическій кабинетъ мой въ даръ университету, но измѣнившіяся обстоятельства не позволяютъ мнѣ нынѣ исполнить сего намѣренія. Общая на все дороговизна, не богатое мое жалованье, увеличившіяся издержки въ семейной жизни моей и желаніе, не смотря на все то, пособить иногда бѣднымъ—перемѣнили рѣшимость мою и заставляютъ просить смѣло за кабинетъ двѣнадцать тысячъ рублей.

Я прибавлю къ нему 20 гравированныхъ мѣдныхъ досокъ, содержащихъ изображенія самыхъ рѣдкихъ татарскихъ монетъ; доски сіи однѣ мнѣ стоили 3300 рублей *.

---

* См. объ этихъ «доскахъ» выше, стр. 48.

ной". Между тѣмъ стало извѣстнымъ, что профессоръ К. Ѳ. Фуксъ не прочь продать свой богатый восточный минцъ-кабинетъ и, въ виду этого, князь Голицинъ, новымъ предложеніемъ отъ 10-го февраля 1823 года предоставляя попечителю сдѣлать распоряженіе о пріобрѣтеніи академическаго кабинета по цѣнѣ, назначенной Френомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалъ ему „снестись съ профессоромъ Фуксомъ, продающимъ большой кабинетъ восточныхъ медалей въ Казани и узнавъ, нѣтъ ли въ ономъ тѣхъ же медалей, которыя находятся въ кабинетѣ, предлагаемомъ академіею, и если нѣтъ—то, сообразивъ цѣну онаго, сдѣлать о семъ представленіе, въ противномъ же случаѣ распорядиться о покупкѣ академическаго кабинета".

На соотвѣтствующее предложеніе Магницкаго Фуксъ отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ отъ 19-го апрѣля:

„Ваше Превосходительство.—Для меня очень лестно было получить письмо ваше, касающееся покупки моего восточнаго нумизматическаго кабинета для нашего университета. Это тѣмъ пріятнѣе для меня, что казанскій университетъ будетъ имѣть коллекцію для него потому особливо драгоцѣнную, что онъ находится среди того обширнаго государства, нѣкогда процвѣтавшаго подъ именемъ Золотой Орды, медали котораго, становящіяся день ото дня все рѣже, были биты преемниками Чингисъ-Хана въ тѣхъ земляхъ, коихъ учебное управленіе ввѣрено нынѣ вашему превосходительству. Непрерывные труды въ теченіи цѣлыхъ 18-ти лѣтъ, благопріятствовавшія мнѣ обстоятельства, какія не легко могутъ встрѣтиться кому либо другому, доставили мнѣ возможность собрать эту коллекцію, думаю—единственную въ своемъ родѣ, ибо азіятская исторія въ наше только время начинаетъ обращать на себя вниманіе ученыхъ людей, служа для поясненія исторіи россійской.

Прежде сего я имѣлъ намѣреніе принести нумизматическій кабинетъ мой въ даръ университету, но измѣнившіяся обстоятельства не позволяютъ мнѣ нынѣ исполнить сего намѣренія. Общая на все дороговизна, не богатое мое жалованье, увеличившіяся издержки въ семейной жизни моей и желаніе, не смотря на все то, пособить иногда бѣднымъ—перемѣнили рѣшимость мою и заставляютъ просить смѣло за кабинетъ двѣнадцать тысячъ рублей.

Я прибавлю къ нему 20 гравированныхъ мѣдныхъ досокъ, содержащихъ изображенія самыхъ рѣдкихъ татарскихъ монетъ; доски сіи однѣ мнѣ стоили 3300 рублей *.

* См. объ этихъ «доскахъ» выше, стр. 48.

Вашему превосходительству желательно было, что бы кабинетъ былъ оцѣненъ по Міонету; но какъ татарскія монеты никогда не попадали въ руки сему ученому, то и оцѣнки по немъ сдѣлать моей коллекціи нельзя. А что касается до тѣхъ монетъ, кои показаны въ описи восточнаго кабинета при академіи наукъ, то онѣ всѣ находятся у меня".

Только что приведенный отзывъ проф. Фукса былъ сообщенъ попечителемъ министру народнаго просвѣщенія, дѣлу о пріобрѣтеніи минцъ-кабинета Фукса данъ былъ надлежащій ходъ и князь Голицинъ, предложеніемъ отъ 26-го января 1824 года, далъ знать Магницкому, что „государь императоръ, по положенію комитета г.г. министровъ, высочайше утвердить соизволилъ представленіе мое о покупкѣ для казанскаго университета коллекціи восточныхъ монетъ у профессора Фукса за 12 тысячъ рублей, съ уплатою оныхъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ по мѣрѣ способовъ, какіе университетъ будетъ имѣть къ тому". Эти „способы" найдены были въ штатномъ назначеніи (по высоч. утвержденному 28-го марта 1823 г. мнѣнію государственнаго совѣта) суммы по неосуществившемуся, какъ увидимъ, предположенію объ учрежденіи при университетѣ особаго „медицинскаго института". Профессоръ Фуксъ остался вполнѣ доволенъ такимъ исходомъ дѣла и, письмомъ отъ 17-го февраля того же года, усердно благодарилъ Магницкаго „за особенное попеченіе о покупкѣ моего нумизматическаго кабинета", добавляя, что онъ „получитъ изъ сего двоякую пользу: а) что хозяйственная домашняя моя часть ежегодно будетъ имѣть значительную подпору и б) что мнѣ въ преклонности лѣтъ моихъ весьма пріятно будетъ предчувствовать, что сіе, толико труда стоившее собраніе, останется въ цѣлости для пользы воспитывающагося въ казанскомъ университетѣ юношества". Этой послѣдней надеждѣ Фукса не было суждено осуществиться: годами тридцатью позже (въ 1855 г.), при перемѣщеніи бывшаго разряда восточной словесности казанскаго университета въ университетъ петербургскій, въ этотъ послѣдній, вмѣстѣ съ другими учебными пособіями по оріенталистикѣ, было передано и нумизматическое собраніе профессора Фукса. Что бы покончить съ вопросомъ о пріобрѣтеніи минцъ-кабинета Фукса, замѣтимъ еще, что дѣло объ его покупкѣ затянулось до 1832 г. изъ за недоразумѣній относительно каталога, а также относительно сдачи и пріема этого собранія [104].

Въ теченіи 1824 и первой половины 1825 годовъ имѣли мѣсто и дальнѣйшія случайнаго характера пожертвованія для нумизматическаго

Вашему превосходительству желательно было, что бы кабинетъ былъ оцѣненъ по Міонету; но какъ татарскія монеты никогда не попадали въ руки сему ученому, то и оцѣнки по немъ сдѣлать моей коллекціи нельзя. А что касается до тѣхъ монетъ, кои показаны въ описи восточнаго кабинета при академіи наукъ, то онѣ всѣ находятся у меня".

Только что приведенный отзывъ проф. Фукса былъ сообщенъ попечителемъ министру народнаго просвѣщенія, дѣлу о пріобрѣтеніи минцъ-кабинета Фукса данъ былъ надлежащій ходъ и князь Голицинъ, предложеніемъ отъ 26-го января 1824 года, далъ знать Магницкому, что „государь императоръ, по положенію комитета г.г. министровъ, высочайше утвердить соизволилъ представленіе мое о покупкѣ для казанскаго университета коллекціи восточныхъ монетъ у профессора Фукса за 12 тысячъ рублей, съ уплатою оныхъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ по мѣрѣ способовъ, какіе университетъ будетъ имѣть къ тому". Эти „способы" найдены были въ штатномъ назначеніи (по высоч. утвержденному 28-го марта 1823 г. мнѣнію государственнаго совѣта) суммы по неосуществившемуся, какъ увидимъ, предположенію объ учрежденіи при университетѣ особаго „медицинскаго института". Профессоръ Фуксъ остался вполнѣ доволенъ такимъ исходомъ дѣла и, письмомъ отъ 17-го февраля того же года, усердно благодарилъ Магницкаго „за особенное попеченіе о покупкѣ моего нумизматическаго кабинета", добавляя, что онъ „получитъ изъ сего двоякую пользу: а) что хозяйственная домашняя моя часть ежегодно будетъ имѣть значительную подпору и б) что мнѣ въ преклонности лѣтъ моихъ весьма пріятно будетъ предчувствовать, что сіе, толико труда стоившее собраніе, останется въ цѣлости для пользы воспитывающагося въ казанскомъ университетѣ юношества". Этой послѣдней надеждѣ Фукса не было суждено осуществиться: годами тридцатью позже (въ 1855 г.), при перемѣщеніи бывшаго разряда восточной словесности казанскаго университета въ университетъ петербургскій, въ этотъ послѣдній, вмѣстѣ съ другими учебными пособіями по оріенталистикѣ, было передано и нумизматическое собраніе профессора Фукса. Что бы покончить съ вопросомъ о пріобрѣтеніи минцъ-кабинета Фукса, замѣтимъ еще, что дѣло объ его покупкѣ затянулось до 1832 г. изъ за недоразумѣній относительно каталога, а также относительно сдачи и пріема этого собранія [104].

Въ теченіи 1824 и первой половины 1825 годовъ имѣли мѣсто и дальнѣйшія случайнаго характера пожертвованія для нумизматическаго

кабинета, какъ это видно изъ печатнаго отчета по университету за 1824—1825 акад. годъ, гдѣ заявляется, что въ отчетномъ году кабинетъ „обогатился покупкою у г. ректора Фукса кабинета монетъ за 12 тысячъ рублей и многими приношеніями отъ разныхъ лицъ“.

Къ веснѣ 1824 года пріурочивается покупка за сто рублей монетъ у профессора Ф. И. Эрдмана, совершенная съ особаго разрѣшенія министра, въ количествѣ 7-ми русскихъ и западно-европейскихъ монетъ; въ маѣ слѣдующаго 1825 года у того же Эрдмана куплено, за 25 рублей, пятьдесять экземпляровъ монетъ джучидскихъ. Лѣтомъ того же года минцъ-кабинетъ обогатился присылкою ему по высочайшему повелѣнію 68-ми золотниковъ старинныхъ русскихъ серебряныхъ копѣекъ эпохи царя Михаила Θеодоровича изъ клада, найденнаго подъ Москвою, а въ концѣ сентября членъ университетскаго строительнаго комитета Калашниковъ принесъ кабинету въ даръ 15 восточныхъ и другихъ монетъ, вырытыхъ на берегу Онежскаго озера. Лѣтомъ 1825 года симбирскимъ помѣщикомъ Шмаковымъ дѣлалось предложеніе о пріобрѣтеніи у него за 700 рублей нумизматическаго собранія изъ 215-ти восточныхъ и европейскихъ монетъ; не взирая на одобрительный отзывъ объ этомъ собраніи проф. Эрдмана, въ пріобрѣтеніи его университету было отказано въ виду крупнаго расхода, уже вызваннаго покупкою минцъ-кабинета Фукса. Слѣдующимъ крупнымъ пріобрѣтеніемъ нумизматическаго кабинета явилась покупка лѣтомъ 1827 года у казанскаго аптекаря Клауса (впослѣдствіе извѣстный профессоръ химіи К. К. Клаусъ), за 9 тысячъ рублей, его обширнаго собранія монетъ, но это пріобрѣтеніе, дѣло о которомъ производилось еще съ осени 1826 года, относится уже къ начальнымъ годамъ попечительства Мусина-Пушкина [105].

Значительныя пріобрѣтенія, сдѣланныя университетскимъ минцъ-кабинетомъ къ началу 1824—1825 акад. года, въ особенности же съ покупкою собраній Ефимовича и Фукса, и выдвинувшія его въ рядъ самостоятельнаго характера учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета—должны были вызвать мѣропріятія къ приведенію этого учрежденія въ состояніе надлежащаго благоустройства. Самостоятельный характеръ нумизматическихъ собраній университета выразился уже въ томъ, что это собраніе, вѣдавшееся до того совмѣстно съ кабинетомъ естественной исторіи и рѣдкостей, 24-го октября 1823 года ввѣрено было завѣдыванію оріенталиста по спеціальности—

кабинета, какъ это видно изъ печатнаго отчета по университету за 1824—1825 акад. годъ, гдѣ заявляется, что въ отчетномъ году кабинетъ „обогатился покупкою у г. ректора Фукса кабинета монетъ за 12 тысячъ рублей и многими приношеніями отъ разныхъ лицъ".

Къ веснѣ 1824 года пріурочивается покупка за сто рублей монетъ у профессора Ф. И. Эрдмана, совершенная съ особаго разрѣшенія министра, въ количествѣ 7-ми русскихъ и западно-европейскихъ монетъ; въ маѣ слѣдующаго 1825 года у того же Эрдмана куплено, за 25 рублей, пятьдесять экземпляровъ монетъ джучидскихъ. Лѣтомъ того же года минцъ-кабинетъ обогатился присылкою ему по высочайшему повелѣнію 68-ми золотниковъ старинныхъ русскихъ серебряныхъ копѣекъ эпохи царя Михаила Ѳеодоровича изъ клада, найденнаго подъ Москвою, а въ концѣ сентября членъ университетскаго строительнаго комитета Калашниковъ принесъ кабинету въ даръ 15 восточныхъ и другихъ монетъ, вырытыхъ на берегу Онежскаго озера. Лѣтомъ 1825 года симбирскимъ помѣщикомъ Шмаковымъ дѣлалось предложеніе о пріобрѣтеніи у него за 700 рублей нумизматическаго собранія изъ 215-ти восточныхъ и европейскихъ монетъ; не взирая на одобрительный отзывъ объ этомъ собраніи проф. Эрдмана, въ пріобрѣтеніи его университету было отказано въ виду крупнаго расхода, уже вызваннаго покупкою минцъ-кабинета Фукса. Слѣдующимъ крупнымъ пріобрѣтеніемъ нумизматическаго кабинета явилась покупка лѣтомъ 1827 года у казанскаго аптекаря Клауса (впослѣдствіе извѣстный профессоръ химіи К. К. Клаусъ), за 9 тысячъ рублей, его обширнаго собранія монетъ, но это пріобрѣтеніе, дѣло о которомъ производилось еще съ осени 1826 года, относится уже къ начальнымъ годамъ попечительства Мусина-Пушкина [105].

Значительныя пріобрѣтенія, сдѣланныя университетскимъ минцъ-кабинетомъ къ началу 1824—1825 акад. года, въ особенности же съ покупкою собраній Ефимовича и Фукса, и выдвинувшія его въ рядъ самостоятельнаго характера учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета—должны были вызвать мѣропріятія къ приведенію этого учрежденія въ состояніе надлежащаго благоустройства. Самостоятельный характеръ нумизматическихъ собраній университета выразился уже въ томъ, что это собраніе, вѣдавшееся до того совмѣстно съ кабинетомъ естественной исторіи и рѣдкостей, 24-го октября 1823 года ввѣрено было завѣдыванію оріенталиста по спеціальности—

профессора Ф. И. Эрдмана. Предложенія, клонящіяся къ правильному устройству и къ монтировкѣ минцъ-кабинета, внесены были проф. Эрдманомъ въ совѣтъ университета 25-го октября 1824 года, съ особаго разрѣшенія на то попечителя округа. „По повелѣнію его превосходительства г. попечителя императорскаго казанскаго университета,—читаемъ въ представленіи Эрдмана совѣту,—имѣю честь представить, что, для устроенія и сохраненія въ хорошемъ состояніи минцъ-кабинета, мнѣ необходимо нужны: 1) Свѣтлая просторная комната во второмъ этажѣ университетскаго строенія, которую бы можно запирать, 2) Десять стеклянныхъ ящиковъ изъ краснаго дерева, выбитыхъ изнутри бѣлымъ сукномъ, одинъ налой для сохраненія актовъ и два книжныхъ шкафа, 3) Ежегодная сумма 1000 рублей для его дополненія и для покупки сочиненій, нужныхъ для нумизматики". Эрдманъ ходатайствовалъ, сверхъ того, о включеніи въ кабинетъ „всѣхъ нумизматическихъ и восточныхъ печатныхъ сочиненій и рукописей, находящихся въ библіотекѣ, что бы чрезъ сіе было, вмѣстѣ, положено основаніе къ восточному музею". Дальнѣйшаго движенія это представленіе не получило и Эрдману пришлось довольствоваться болѣе частичнаго и скромнаго характера начинаніями по части приведенія въ устройство ввѣреннаго ему учрежденія.

Въ самомъ концѣ 1825 года возбужденъ былъ проф. Эрдманомъ и вопросъ о напечатаніи каталога наиболѣе важной въ научномъ отношеніи составной части университетскаго нумизматическаго кабинета— собранія восточныхъ монетъ, съ коллекціею Фукса въ его основѣ 19-го декабря этого года Эрдманъ вошелъ въ совѣтъ университета съ представленіемъ, въ которомъ, заявивъ что „окончилъ подробное описаніе восточной части минцъ-кабинета нашего университета", просилъ совѣтъ „напечатать оный каталогъ къ торжественному собранію 17-го января (т. е. къ годовщинѣ обновленія университета) будущаго 1826 года", добавивъ къ этому весьма существенное по режиму того времени увѣреніе, что „въ немъ нѣтъ ничего противнаго законамъ" [106]. Ходатайство Эрдмана было удовлетворено и въ 1826 году трудъ его появился въ свѣтъ подъ заглавіемъ: „Numophylacium universitatis Caesareae literarum Casanensis orientale delineavit Franciscus Erdmann, philosophiae doctor etc" *. Восемью годами позже тотъ же Эрдманъ издалъ новое описаніе восточнаго отдѣла университетскаго нумизматическаго кабинета—„Numi asiatici

---

* Въ актовомъ изданіи: «Memoriam restauratae universitatis Caesareae literarum Casanensis anniversariam d. XVII mensis Januarii anni CIƆIƆCCCXXVI etc.» (Casani, 1826).

профессора Ф. И. Эрдмана. Предложенія, клонящіяся къ правильному устройству и къ монтировкѣ минцъ-кабинета, внесены были проф. Эрдманомъ въ совѣтъ университета 25-го октября 1824 года, съ особаго разрѣшенія на то попечителя округа. „По повелѣнію его превосходительства г. попечителя императорскаго казанскаго университета,—читаемъ въ представленіи Эрдмана совѣту,—имѣю честь представить, что, для устроенія и сохраненія въ хорошемъ состояніи минцъ-кабинета, мнѣ необходимо нужны: 1) Свѣтлая просторная комната во второмъ этажѣ университетскаго строенія, которую бы можно запирать, 2) Десять стеклянныхъ ящиковъ изъ краснаго дерева, выбитыхъ изнутри бѣлымъ сукномъ, одинъ налой для сохраненія актовъ и два книжныхъ шкафа, 3) Ежегодная сумма 1000 рублей для его дополненія и для покупки сочиненій, нужныхъ для нумизматики". Эрдманъ ходатайствовалъ, сверхъ того, о включеніи въ кабинетъ „всѣхъ нумизматическихъ и восточныхъ печатныхъ сочиненій и рукописей, находящихся въ библіотекѣ, что бы чрезъ сіе было, вмѣстѣ, положено основаніе къ восточному музею". Дальнѣйшаго движенія это представленіе не получило и Эрдману пришлось довольствоваться болѣе частичнаго и скромнаго характера начинаніями по части приведенія въ устройство ввѣреннаго ему учрежденія.

Въ самомъ концѣ 1825 года возбужденъ былъ проф. Эрдманомъ и вопросъ о напечатаніи каталога наиболѣе важной въ научномъ отношеніи составной части университетскаго нумизматическаго кабинета—собранія восточныхъ монетъ, съ коллекціею Фукса въ его основѣ 19-го декабря этого года Эрдманъ вошелъ въ совѣтъ университета съ представленіемъ, въ которомъ, заявивъ что „окончилъ подробное описаніе восточной части минцъ-кабинета нашего университета", просилъ совѣтъ „напечатать оный каталогъ къ торжественному собранію 17-го января (т. е. къ годовщинѣ обновленія университета) будущаго 1826 года", добавивъ къ этому весьма существенное по режиму того времени увѣреніе, что „въ немъ нѣтъ ничего противнаго законамъ" [106]. Ходатайство Эрдмана было удовлетворено и въ 1826 году трудъ его появился въ свѣтъ подъ заглавіемъ: „Numophylacium universitatis Caesareae literarum Casanensis orientale delineavit Franciscus Erdmann, philosophiae doctor etc" *. Восемью годами позже тотъ же Эрдманъ издалъ новое описаніе восточнаго отдѣла университетскаго нумизматическаго кабинета—„Numi asiatici

* Въ актовомъ изданіи: «Memoriam restauratae universitatis Caesareae literarum Casanensis anniversariam d. XVII mensis Januarii anni CIƆIƆCCCXXVI etc.» (Casani, 1826).

musei universitatis Caesareae literarum Casanensis" (2 тома, Каз. 1834), въ которое были включены и позднѣйшія пріобрѣтенія минцъ-кабинета, полный же каталогъ его изданъ былъ уже въ 1855 году профессоромъ И. Н. Березинымъ („Catalogue des monnaies et des médailles du cabinet numismatique de l'université Impériale de Casan", Каз. 1855).

Интересующіеся составомъ минцъ-кабинета казанскаго университета въ исходѣ занимающей насъ эпохи начальнаго существованія этого учрежденія—найдутъ полную опись его въ архивномъ дѣлѣ 1825 года о доставленіи „описей вещамъ и прочему имуществу заведеній университета" (Сов., 1825, № 47).

IX

Ботаническій садъ

Неудовлетворительное состояніе университетскаго ботаническаго сада въ эпоху попечительства Магницкаго.—Мѣры къ пополненію сада растеніями и сѣменами.—Доставленіе училищнымъ персоналомъ округа «семянъ дикорастущихъ произрастѣній» и судьба этого начинанія.—Сношенія казанскаго ботаническаго сада съ другими учрежденіями того же рода.—Возбужденіе проф. Э. И. Эйхвальдомъ вопроса объ изысканіи новаго мѣста для устройства университетскаго ботаническаго сада.—Судьба этого вопроса.

Ботаническій садъ казанскаго университета, начальнымъ основаніемъ своимъ обязанный профессору-директору И. Ѳ. Яковкину и профессору К. Ѳ. Фуксу, возникъ, какъ мы это въ своемъ мѣстѣ видѣли, уже во второй годъ начальной жизни университета среди садовъ и пустырей, образовавшихъ заднія, южныя, части усадебныхъ мѣстъ домовъ, въ которыхъ расположился новорожденный университетъ. Знакомы намъ и матеріальныя и топографическія препятствія, съ которыми встрѣтилось дѣло разведенія здѣсь ботаническаго сада; знакомо и то незавидное положеніе, въ какомъ застала это учебно-вспомогательное учрежденіе безпощадная ревизія Магницкаго, пришедшаго къ безнадежному заключенію, что „ботаническій садъ и двѣ заведенныя при немъ теплицы столь маловажны, что не стоятъ издержекъ, на нихъ ежегодно употребляемыхъ", и что „было бы полезнѣе, ежели бы прекрасное мѣсто, по почвѣ самой земли и по климату для ботаническаго сада неспособное, обращено было въ гулянье для воспитанниковъ" *. Пожеланіе, выраженное здѣсь Магницкимъ, до извѣстной степени осуществилось, какъ мы это знаемъ, уже

---

* См. томъ III, стр. 120 и слѣд.

musei universitatis Caesareae literarum Casanensis" (2 тома, Каз. 1834), въ которое были включены и позднѣйшія пріобрѣтенія минцъ-кабинета, полный же каталогъ его изданъ былъ уже въ 1855 году профессоромъ И. Н. Березинымъ („Catalogue des monnaies et des médailles du cabinet numismatique de l'université Impériale de Casan", Каз. 1855).

Интересующіеся составомъ минцъ-кабинета казанскаго университета въ исходѣ занимающей насъ эпохи начальнаго существованія этого учрежденія—найдутъ полную опись его въ архивномъ дѣлѣ 1825 года о доставленіи „описей вещамъ и прочему имуществу заведеній университета" (Сов., 1825, № 47).

IX

Ботаническій садъ

Неудовлетворительное состояніе университетскаго ботаническаго сада въ эпоху попечительства Магницкаго.—Мѣры къ пополненію сада растеніями и сѣменами.—Доставленіе училищнымъ персоналомъ округа «семянъ дикорастущихъ произрастѣній» и судьба этого начинанія.—Сношенія казанскаго ботаническаго сада съ другими учрежденіями того же рода.—Возбужденіе проф. Э. И. Эйхвальдомъ вопроса объ изысканіи новаго мѣста для устройства университетскаго ботаническаго сада.—Судьба этого вопроса.

Ботаническій садъ казанскаго университета, начальнымъ основаніемъ своимъ обязанный профессору-директору И. Ѳ. Яковкину и профессору К. Ѳ. Фуксу, возникъ, какъ мы это въ своемъ мѣстѣ видѣли, уже во второй годъ начальной жизни университета среди садовъ и пустырей, образовавшихъ заднія, южныя, части усадебныхъ мѣстъ домовъ, въ которыхъ расположился новорожденный университетъ. Знакомы намъ и матеріальныя и топографическія препятствія, съ которыми встрѣтилось дѣло разведенія здѣсь ботаническаго сада; знакомо и то незавидное положеніе, въ какомъ застала это учебно-вспомогательное учрежденіе безпощадная ревизія Магницкаго, пришедшаго къ безнадежному заключенію, что „ботаническій садъ и двѣ заведенныя при немъ теплицы столь маловажны, что не стоятъ издержекъ, на нихъ ежегодно употребляемыхъ", и что „было бы полезнѣе, ежели бы прекрасное мѣсто, по почвѣ самой земли и по климату для ботаническаго сада неспособное, обращено было въ гулянье для воспитанниковъ" *. Пожеланіе, выраженное здѣсь Магницкимъ, до извѣстной степени осуществилось, какъ мы это знаемъ, уже

* См. томъ III, стр. 120 и слѣд.

въ первые годы его попечительства: университетскіе сады были не только обращены въ „гулянье“ для воспитанниковъ, но сдѣланы даже ареною диллетантскихъ упражненій студентовъ въ садоводствѣ, результатомъ которыхъ, по саркастическому выраженію проф. Солнцева, явилось „опустошеніе ими, подъ предводительствомъ директора, университетскаго сада“ *.

Какъ бы то ни было, но университетскій ботаническій садъ и въ эпоху попечительства Магницкаго продолжалъ свое существованіе на томъ же самомъ мѣстѣ и въ тѣхъ же самыхъ неблагопріятныхъ топографическихъ условіяхъ, при какихъ возникъ онъ еще въ 1806 году. Любопытно, что это незначительное учебно-вспомогательное учрежденіе оказалось въ 1821 году способнымъ предоставить матеріалъ для студенческой работы, повидимому преслѣдовавшей, однако, не столько задачи серьезнаго характера, сколько желаніе угодить всевластному попечительскому намѣстнику въ Казани—директору университета А. П. Владимірскому. 25-го іюня 1821 года Владимірскій вошелъ въ совѣтъ университета съ предложеніемъ, въ которомъ заявлялъ, что „казеннокоштный студентъ Александръ Виноградскій посвятилъ мнѣ собственное свое сочиненіе, подъ заглавіемъ: Enumeratio plantarum horti academici Casanensis etc.“ и, обращая вниманіе совѣта на автора этого труда „при будущемъ его испытаніи на ученую степень“, высказался за ходатайство передъ попечителемъ округа относительно „напечатанія сего сочиненія на счетъ университета, предоставивъ благоволѣнію его превосходительства наградить г. Виноградскаго въ побужденіе и другихъ слѣдовать его примѣру“ **. Этотъ „примѣръ“ не остался, и на самомъ дѣлѣ, безъ подражанія: дѣло дошло до того, что студенты стали посвящать директору университета не только свои упражненія въ научной литературѣ, но даже и изготовляемые ими анатомическіе препараты.... [107].

Въ начальные годы попечительства Магницкаго университетскій ботаническій садъ находился въ завѣдываніи профессора Тимьянскаго, дѣятельно заботившагося объ улучшеніи ввѣреннаго ему учебно-вспомогательнаго учрежденія, въ особенности же о снабженіи его сѣменами растеній,

* См. томъ III, стр. 377.

** Виноградскій, Александръ Васильевичъ, студентъ 1817—1821 годовъ. Еще въ бытность студентомъ, ему 19-го ноября 1820 г. было поручено, согласно представленію проф. Тимьянскаго, репетированіе студентовъ по зоологіи, ботаникѣ и минералогіи. На университетскомъ актѣ 17 января 1821 года читалъ рѣчь «О Березовскихъ и Никольскихъ золотосодержащихъ пескахъ». Получивъ въ 1821 г. степень кандидата, назначенъ учителемъ тобольской гимназіи.

въ первые годы его попечительства: университетскіе сады были не только обращены въ „гулянье“ для воспитанниковъ, но сдѣланы даже ареною диллетантскихъ упражненій студентовъ въ садоводствѣ, результатомъ которыхъ, по саркастическому выраженію проф. Солнцева, явилось „опустошеніе ими, подъ предводительствомъ директора, университетскаго сада“ *.

Какъ бы то ни было, но университетскій ботаническій садъ и въ эпоху попечительства Магницкаго продолжалъ свое существованіе на томъ же самомъ мѣстѣ и въ тѣхъ же самыхъ неблагопріятныхъ топографическихъ условіяхъ, при какихъ возникъ онъ еще въ 1806 году. Любопытно, что это незначительное учебно-вспомогательное учрежденіе оказалось въ 1821 году способнымъ предоставить матеріалъ для студенческой работы, повидимому преслѣдовавшей, однако, не столько задачи серьезнаго характера, сколько желаніе угодить всевластному попечительскому намѣстнику въ Казани—директору университета А. П. Владимірскому. 25-го іюня 1821 года Владимірскій вошелъ въ совѣтъ университета съ предложеніемъ, въ которомъ заявлялъ, что „казеннокоштный студентъ Александръ Виноградскій посвятилъ мнѣ собственное свое сочиненіе, подъ заглавіемъ: Enumeratio plantarum horti academici Casanensis etc.“ и, обращая вниманіе совѣта на автора этого труда „при будущемъ его испытаніи на ученую степень“, высказался за ходатайство передъ попечителемъ округа относительно „напечатанія сего сочиненія на счетъ университета, предоставивъ благоволѣнію его превосходительства наградить г. Виноградскаго въ побужденіе и другихъ слѣдовать его примѣру“ **. Этотъ „примѣръ“ не остался, и на самомъ дѣлѣ, безъ подражанія: дѣло дошло до того, что студенты стали посвящать директору университета не только свои упражненія въ научной литературѣ, но даже и изготовляемые ими анатомическіе препараты.... [107].

Въ начальные годы попечительства Магницкаго университетскій ботаническій садъ находился въ завѣдываніи профессора Тимьянскаго, дѣятельно заботившагося объ улучшеніи ввѣреннаго ему учебно-вспомогательнаго учрежденія, въ особенности же о снабженіи его сѣменами растеній,

* См. томъ III, стр. 377.

** Виноградскій, Александръ Васильевичъ, студентъ 1817—1821 годовъ. Еще въ бытность студентомъ, ему 19-го ноября 1820 г. было поручено, согласно представленію проф. Тимьянскаго, репетированіе студентовъ по зоологіи, ботаникѣ и минералогіи. На университетскомъ актѣ 17 января 1821 года читалъ рѣчь «О Березовскихъ и Никольскихъ золотосодержащихъ пескахъ». Получивъ въ 1821 г. степень кандидата, назначенъ учителемъ тобольской гимназіи.

свойственныхъ обширному району, входившему въ составъ казанскаго учебнаго округа. Съ этою послѣднею цѣлью совѣтъ университета, согласно ходатайству о томъ Тимьянскаго, еще 10-го февраля 1821 года циркулярно предписалъ всѣмъ директорамъ училищъ округа обязать подвѣдомственныхъ имъ учителей „собирать, для обогащенія университетскаго ботаническаго сада растеніями, сѣмена дикорастущихъ произростѣній". Это предписаніе, которое должно было поставить бѣдныхъ педагоговъ округа въ крайне затруднительное положеніе ботаниковъ ex officio, принесло, какъ и слѣдовало ожидать, лишь относительные результаты, породивъ новое представленіе Тимьянскаго совѣту отъ 21-го января 1822 года, въ которомъ завѣдующій ботаническимъ садомъ жаловался, что по совѣтскому предписанію прошлаго года „исполненіе сдѣлано только слѣдующими лицами: а) г. учителемъ гимназіи астраханской Поповымъ, который прислалъ 74 породы, б) г. учителемъ гимназіи вятской Некрасовымъ, который доставилъ 129 породъ, в) смотрителемъ елабужскаго уѣзднаго училища Шляпниковымъ, приславшимъ 12 породъ, г) слободскимъ уѣзднымъ училищемъ, выславшимъ 9 породъ, д) учителемъ тобольской гимназіи Помаскинымъ, который прислалъ 67 породъ и е) екатеринбургскимъ уѣзднымъ училищемъ, которое прислало 57 номеровъ,—прочія же училища въ округѣ, повидимому, не брегутъ предписаніемъ совѣта, оставляя его безъ исполненія". Въ виду этой жалобы, совѣтомъ было снова предписано всѣмъ училищнымъ дирекціямъ „о непремѣнномъ исполненіи въ теченіи 1822 года циркулярнаго предписанія отъ 10-го февраля прошедшаго года", но и это подтвердительное предписаніе, какъ и слѣдовало ожидать, увѣнчалось не бóльшимъ успѣхомъ. Большая часть директоровъ и завѣдующихъ училищами отозвались простыми отписками о принятіи совѣтскаго циркуляра „къ исполненію", но были и отвѣты, заключавшіе въ себѣ затаенную нотку протеста. Такъ, директоръ симбирскихъ училищъ представилъ совѣту, что „учитель естественной исторіи Чашковъ, до коего преимущественно обязанность сія принадлежитъ, отозвался рапортомъ, что онъ въ собираніи сѣмянъ дикорастущихъ растеній большія для себя находитъ затрудненія", такъ какъ „таковое занятіе сопряжено съ большими трудами и требуетъ особенныхъ усилій, что, при слабомъ состояніи его здоровья, можетъ имѣть вредныя послѣдствія; сверхъ того, необходимы будутъ при томъ и особливыя издержки, что по бѣдности состоянія составитъ для него не малую тягость". Подневольное доставленіе директорами училищъ „сѣмянъ дикорастущихъ произростѣній" продолжалось, тѣмъ не менѣе, и въ послѣдующіе годы,

свойственныхъ обширному району, входившему въ составъ казанскаго учебнаго округа. Съ этою послѣднею цѣлью совѣтъ университета, согласно ходатайству о томъ Тимьянскаго, еще 10-го февраля 1821 года циркулярно предписалъ всѣмъ директорамъ училищъ округа обязать подвѣдомственныхъ имъ учителей „собирать, для обогащенія университетскаго ботаническаго сада растеніями, сѣмена дикорастущихъ произростѣній". Это предписаніе, которое должно было поставить бѣдныхъ педагоговъ округа въ крайне затруднительное положеніе ботаниковъ ex officio, принесло, какъ и слѣдовало ожидать, лишь относительные результаты, породивъ новое представленіе Тимьянскаго совѣту отъ 21-го января 1822 года, въ которомъ завѣдующій ботаническимъ садомъ жаловался, что по совѣтскому предписанію прошлаго года „исполненіе сдѣлано только слѣдующими лицами: а) г. учителемъ гимназіи астраханской Поповымъ, который прислалъ 74 породы, б) г. учителемъ гимназіи вятской Некрасовымъ, который доставилъ 129 породъ, в) смотрителемъ елабужскаго уѣзднаго училища Шляпниковымъ, приславшимъ 12 породъ, г) слободскимъ уѣзднымъ училищемъ, выславшимъ 9 породъ, д) учителемъ тобольской гимназіи Помаскинымъ, который прислалъ 67 породъ и е) екатеринбургскимъ уѣзднымъ училищемъ, которое прислало 57 номеровъ,—прочія же училища въ округѣ, повидимому, не брегутъ предписаніемъ совѣта, оставляя его безъ исполненія". Въ виду этой жалобы, совѣтомъ было снова предписано всѣмъ училищнымъ дирекціямъ „о непремѣнномъ исполненіи въ теченіи 1822 года циркулярнаго предписанія отъ 10-го февраля прошедшаго года", но и это подтвердительное предписаніе, какъ и слѣдовало ожидать, увѣнчалось не бо́льшимъ успѣхомъ. Большая часть директоровъ и завѣдующихъ училищами отозвались простыми отписками о принятіи совѣтскаго циркуляра „къ исполненію", но были и отвѣты, заключавшіе въ себѣ затаенную нотку протеста. Такъ, директоръ симбирскихъ училищъ представилъ совѣту, что „учитель естественной исторіи Чашковъ, до коего преимущественно обязанность сія принадлежитъ, отозвался рапортомъ, что онъ въ собираніи сѣмянъ дикорастущихъ растеній большія для себя находитъ затрудненія", такъ какъ „таковое занятіе сопряжено съ большими трудами и требуетъ особенныхъ усилій, что, при слабомъ состояніи его здоровья, можетъ имѣть вредныя послѣдствія; сверхъ того, необходимы будутъ при томъ и особливыя издержки, что по бѣдности состоянія составитъ для него не малую тягость". Подневольное доставленіе директорами училищъ „сѣмянъ дикорастущихъ произростѣній" продолжалось, тѣмъ не менѣе, и въ послѣдующіе годы,

какъ свидѣтельствуютъ намъ о томъ соотвѣтствующіе директорскіе рапорты, а также и университетскіе отчеты, свидѣтельствующіе, что въ 1822 и 1823 годахъ „получено немалое число сортовъ сѣмянъ дикихъ произростѣній отъ дирекцій нижегородской, иркутской, пермской, кавказской и астраханской“. Въ числѣ такихъ присылокъ попадались и довольно интересныя. Такъ, весною 1822 года почетный смотритель васильсурскаго училища Зарницинъ прислалъ „полученныя отъ миссіи, въ Пекинѣ пребывающей“, 50 сортовъ сѣмянъ китайскихъ растеній, а также „полученныя имъ изъ Малороссіи, а туда изъ Египта, сѣмена пшеницы и маковицу съ макомъ, коихъ бываетъ на одномъ стеблѣ по множеству колосьевъ и маковицъ, что и по самымъ колосьямъ видѣть можно“. Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ и приношеніе проф. И. М. Симонова, принесшаго въ даръ 60 породъ сѣмянъ австралійскихъ растеній, вмѣстѣ съ засушенными образцами тѣхъ же растеній [108].

Съ образованіемъ при немъ болѣе или менѣе значительной коллекціи сѣмянъ, ботаническій садъ казанскаго университета могъ вступить въ сношенія, по обмѣну ими, съ другими русскими учрежденіями того же рода. Иниціатива въ этомъ направленіи, носившая характеръ общей мѣры, принадлежала министерству народнаго просвѣщенія и была распространена на казанскій ботаническій садъ весною 1822 года, какъ свидѣтельствуетъ о томъ предложеніе попечителя отъ 19-го января 1823 года, изъ котораго узнаемъ, что еще 18-го апрѣля предшествовавшаго года Магницкимъ, въ силу распоряженія о томъ министра народнаго просвѣщенія, было предписано совѣту казанскаго университета „ежегодно доставлять въ департаментъ народнаго просвѣщенія шесть экземпляровъ печатнаго каталога сѣмянъ растеній, собираемыхъ въ ботаническомъ саду, для разсылки оныхъ по прочимъ университетамъ, съ тѣмъ, что бы управляющіе таковыми садами, по усмотрѣнію, изъ сихъ каталоговъ недостающей гдѣ либо какой породы и, между тѣмъ, въ изобиліи имѣющейся въ ихъ садахъ, могли сѣменами таковыхъ породъ снабжать себя взаимно чрезъ пересылку оныхъ“; тогда же казанскому университету доставлены были печатные каталоги сѣмянъ ботаническихъ садовъ университетовъ виленскаго и дерптскаго. Выполняя волю начальства, завѣдывавшій садомъ проф. Тимьянскій не замедлилъ составленіемъ требуемаго каталога сѣмянъ, который къ половинѣ апрѣля того же года и былъ отпечатанъ въ количествѣ 50-ти экземпляровъ * и, слѣдомъ затѣмъ, разосланъ по всѣмъ

* «Index seminum horti botanici universitatis litterarum Caesareae Kasanensis» (8°, Каз., 1823).

какъ свидѣтельствуютъ намъ о томъ соотвѣтствующіе директорскіе рапорты, а также и университетскіе отчеты, свидѣтельствующіе, что въ 1822 и 1823 годахъ „получено немалое число сортовъ сѣмянъ дикихъ произростѣній отъ дирекцій нижегородской, иркутской, пермской, кавказской и астраханской". Въ числѣ такихъ присылокъ попадались и довольно интересныя. Такъ, весною 1822 года почетный смотритель васильсурскаго училища Зарницинъ прислалъ „полученныя отъ миссіи, въ Пекинѣ пребывающей", 50 сортовъ сѣмянъ китайскихъ растеній, а также „полученныя имъ изъ Малороссіи, а туда изъ Египта, сѣмена пшеницы и маковицу съ макомъ, коихъ бываетъ на одномъ стеблѣ по множеству колосьевъ и маковицъ, что и по самымъ колосьямъ видѣть можно". Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ и приношеніе проф. И. М. Симонова, принесшаго въ даръ 60 породъ сѣмянъ австралійскихъ растеній, вмѣстѣ съ засушенными образцами тѣхъ же растеній [108].

Съ образованіемъ при немъ болѣе или менѣе значительной коллекціи сѣмянъ, ботаническій садъ казанскаго университета могъ вступить въ сношенія, по обмѣну ими, съ другими русскими учрежденіями того же рода. Иниціатива въ этомъ направленіи, носившая характеръ общей мѣры, принадлежала министерству народнаго просвѣщенія и была распространена на казанскій ботаническій садъ весною 1822 года, какъ свидѣтельствуетъ о томъ предложеніе попечителя отъ 19-го января 1823 года, изъ котораго узнаемъ, что еще 18-го апрѣля предшествовавшаго года Магницкимъ, въ силу распоряженія о томъ министра народнаго просвѣщенія, было предписано совѣту казанскаго университета „ежегодно доставлять въ департаментъ народнаго просвѣщенія шесть экземпляровъ печатнаго каталога сѣмянъ растеній, собираемыхъ въ ботаническомъ саду, для разсылки оныхъ по прочимъ университетамъ, съ тѣмъ, что бы управляющіе таковыми садами, по усмотрѣнію, изъ сихъ каталоговъ недостающей гдѣ либо какой породы и, между тѣмъ, въ изобиліи имѣющейся въ ихъ садахъ, могли сѣменами таковыхъ породъ снабжать себя взаимно чрезъ пересылку оныхъ"; тогда же казанскому университету доставлены были печатные каталоги сѣмянъ ботаническихъ садовъ университетовъ виленскаго и дерптскаго. Выполняя волю начальства, завѣдывавшій садомъ проф. Тимьянскій не замедлилъ составленіемъ требуемаго каталога сѣмянъ, который къ половинѣ апрѣля того же года и былъ отпечатанъ въ количествѣ 50-ти экземпляровъ * и, слѣдомъ затѣмъ, разосланъ по всѣмъ

* «Index seminum horti botanici universitatis litterarum Caesareae Kasanensis» (8°, Каз., 1823).

университетамъ, отъ которыхъ стали, въ свою очередь, получаться такіе же каталоги обмѣнные. Кромѣ этихъ обмѣнныхъ экземпляровъ, шесть экземпляровъ каталога сѣмянъ предписано было ежегодно доставлять въ департаментъ народнаго просвѣщенія, а образцы самыхъ сѣмянъ и растеній, получаемыхъ казанскимъ ботаническимъ садомъ изъ Сибири, повелѣно доставлять профессору московскаго университета Фишеру, въ обмѣнъ на „рѣдкія по сей части произведенія другихъ странъ". На этой почвѣ и завязались болѣе или менѣе регулярныя сношенія ботаническаго сада казанскаго университета съ другими учрежденіями того же рода.

Помимо обогащенія его сѣменами, поступавшими какъ изъ обширнаго мѣстнаго учебнаго округа, такъ, въ обмѣнъ на нихъ, и отъ другихъ ботаническихъ садовъ, казанскій ботаническій садъ пополнялся и пріобрѣтеніемъ растеній покупкою. Такъ, въ засѣданіи совѣта отъ 20-го іюня 1825 года завѣдывавшій въ то время садомъ профессоръ Ероховъ доложилъ, что „въ теченіи сего года оранжереи ботаническаго сада пріобрѣли 85 многолѣтнихъ растеній, заключающихся въ 30-ти родахъ, въ числѣ коихъ находятся 5 родовъ и 9 видовъ такихъ, какихъ прежде въ оранжереяхъ не было; впрочемъ, видъ и устройство, въ каковыхъ садъ нынѣ находится, ясно докажутъ глазамъ всякаго разность между теперешнимъ и бывшимъ состояніемъ онаго",—добавляетъ Ероховъ. Въ рядѣ пріобрѣтеній для ботаническаго сада растеній покупкою, можно указать и полученіе садомъ въ 1824 году нѣсколькихъ сотенъ растеній отъ садовника подмосковнаго имѣнія графа Разумовскаго „Горенки", Финтельмана, — пріобрѣтеніе, сдѣланное по иниціативѣ проф. Тимьянскаго [109].

Къ числу любопытныхъ фактовъ исторіи ботаническаго сада въ предѣлахъ занимающей насъ эпохи—слѣдуетъ отнести возникшій въ сентябрѣ 1824 года вопросъ объ изысканіи новаго мѣста для университетскаго ботаническаго сада, взамѣнъ стараго мѣста расположенія его, представлявшаго собою многія и уже извѣстныя намъ неудобства. Вопросъ этотъ былъ возбужденъ профессоромъ Э. И. Эйхвальдомъ, лишь весною того же года принявшимъ садъ въ свое завѣдываніе *, и представляетъ тотъ интересъ, что Эйхвальдомъ было на-

* Укажемъ, кстати, лицъ, стоявшихъ въ разсматриваемую нами эпоху во главѣ ближайшаго управленія садомъ: проф. Тимьянскій (до увольненія своего изъ университета), проф. Э. И. Эйхвальдъ (съ 26 апрѣля 1826 г.), проф. Ероховъ (съ 14 марта 1825 г.), кандидатъ Н. Ѳ. Кулаковъ (съ 6 февраля 1826 г.). Садовниками за то же время состояли: Мезенъ Я. О. (съ 24 мая 1817 г.), Титовъ И. Т. (съ 1 февраля 1820 г.), снова Мезенъ Я. О. (съ 9 сент. 1823 г.), Кальтау А. И. (съ 14 іюля 1824 г. по 1 іюля 1829 г.).

университетамъ, отъ которыхъ стали, въ свою очередь, получаться такіе же каталоги обмѣнные. Кромѣ этихъ обмѣнныхъ экземпляровъ, шесть экземпляровъ каталога сѣмянъ предписано было ежегодно доставлять въ департаментъ народнаго просвѣщенія, а образцы самыхъ сѣмянъ и растеній, получаемыхъ казанскимъ ботаническимъ садомъ изъ Сибири, повелѣно доставлять профессору московскаго университета Фишеру, въ обмѣнъ на „рѣдкія по сей части произведенія другихъ странъ". На этой почвѣ и завязались болѣе или менѣе регулярныя сношенія ботаническаго сада казанскаго университета съ другими учрежденіями того же рода.

Помимо обогащенія его сѣменами, поступавшими какъ изъ обширнаго мѣстнаго учебнаго округа, такъ, въ обмѣнъ на нихъ, и отъ другихъ ботаническихъ садовъ, казанскій ботаническій садъ пополнялся и пріобрѣтеніемъ растеній покупкою. Такъ, въ засѣданіи совѣта отъ 20-го іюня 1825 года завѣдывавшій въ то время садомъ профессоръ Ероховъ доложилъ, что „въ теченіи сего года оранжереи ботаническаго сада пріобрѣли 85 многолѣтнихъ растеній, заключающихся въ 30-ти родахъ, въ числѣ коихъ находятся 5 родовъ и 9 видовъ такихъ, какихъ прежде въ оранжереяхъ не было; впрочемъ, видъ и устройство, въ каковыхъ садъ нынѣ находится, ясно докажутъ глазамъ всякаго разность между теперешнимъ и бывшимъ состояніемъ онаго",—добавляетъ Ероховъ. Въ рядѣ пріобрѣтеній для ботаническаго сада растеній покупкою, можно указать и полученіе садомъ въ 1824 году нѣсколькихъ сотенъ растеній отъ садовника подмосковнаго имѣнія графа Разумовскаго „Горенки", Финтельмана, — пріобрѣтеніе, сдѣланное по иниціативѣ проф. Тимьянскаго [109].

Къ числу любопытныхъ фактовъ исторіи ботаническаго сада въ предѣлахъ занимающей насъ эпохи—слѣдуетъ отнести возникшій въ сентябрѣ 1824 года вопросъ объ изысканіи новаго мѣста для университетскаго ботаническаго сада, взамѣнъ стараго мѣста расположенія его, представлявшаго собою многія и уже извѣстныя намъ неудобства. Вопросъ этотъ былъ возбужденъ профессоромъ Э. И. Эйхвальдомъ, лишь весною того же года принявшимъ садъ въ свое завѣдываніе *, и представляетъ тотъ интересъ, что Эйхвальдомъ было на-

* Укажемъ, кстати, лицъ, стоявшихъ въ разсматриваемую нами эпоху во главѣ ближайшаго управленія садомъ: проф. Тимьянскій (до увольненія своего изъ университета), проф. Э. И. Эйхвальдъ (съ 26 апрѣля 1826 г.), проф. Ероховъ (съ 14 марта 1825 г.), кандидатъ Н. Ѳ. Кулаковъ (съ 6 февраля 1826 г.). Садовниками за то же время состояли: Мезенъ Я. О. (съ 24 мая 1817 г.), Титовъ И. Т. (съ 1 февраля 1820 г.), снова Мезенъ Я. О. (съ 9 сент. 1823 г.), Кальтау А. И. (съ 14 іюля 1824 г. по 1 іюля 1829 г.).

мѣчено для устройства ботаническаго сада мѣсто на берегу озера Кабана, въ концѣ Архангельской слободы, т. е. въ районѣ той именно мѣстности, въ которой нынѣ существующій ботаническій садъ впослѣдствіе и возникъ. Приведемъ соотвѣтствующее представленіе проф. Эйхвальда совѣту университета, отъ 13-го сентября 1824 года, въ его подлинномъ видѣ, какъ актъ, имѣющій крупный интересъ для исторіи университетскаго ботаническаго сада:

„Не безъизвѣстно г.г. членамъ совѣта, — заявляетъ здѣсь проф. Эйхвальдъ,—что мѣсто, занимаемое университетскимъ ботаническимъ садомъ, весьма неудобно и по своей возвышенности, и по тѣснотѣ, и по трудности добыванія воды и, наконецъ, по худому очень грунту земли, состоящей, большею частью, изъ обломковъ кирпича и извести; это препятствуетъ укореняться не только деревьямъ, но даже и травянистымъ растеніямъ, имѣющимъ большіе корни, насыпной же слой земли черной имѣетъ ту невыгоду, что во время дождя онъ дѣлается слишкомъ мокръ, а при засухахъ не удерживаетъ нисколько влаги и растенія отъ того гибнутъ.

Посему нахожу нужнымъ просить совѣтъ объ изысканіи средствъ къ отвращенію неудобствъ сихъ, препятствовавшихъ доселѣ нашему ботаническому саду достигнуть предположенной цѣли. Надежнѣйшимъ средствомъ, по моему мнѣнію, къ тому можетъ быть перемѣна нынѣшняго мѣста на другое. Обращая на сей предметъ особенное вниманіе со времени порученія мнѣ надзора за садомъ, я старался обозрѣть окрестныя мѣста Казани и, наконецъ, нашелъ, что весьма способное къ заведенію сада мѣсто находится близь озера Кабана, въ концѣ улицы Архангельской, гдѣ какъ близость воды, такъ и прекрасный грунтъ земли могутъ обѣщать желаемый успѣхъ въ семъ дѣлѣ, очень важномъ въ отношеніи къ ботаническимъ преподаваніямъ. Особливо нужнымъ сіе нахожу, что, по устроеніи медицинскаго института, студенты онаго будутъ имѣть потребность въ ознакомленіи ихъ съ различными произростѣніями.

И такъ, прошу совѣтъ, если возможно, испросить для университета помянутое мѣсто, принадлежащее, какъ узналъ я, городской думѣ. Построенный на ономъ бывшею игуменьею здѣшняго дѣвичьяго монастыря домъ можетъ быть купленъ университетомъ и обращенъ для житья надзирающихъ за садомъ".

Заслушавъ это представленіе, совѣтъ университета опредѣлилъ „чрезъ г. исправляющаго должность губернатора спросить думу—ей ли принадлежитъ означенное мѣсто и не можетъ ли она уступить оное университету". Исправлявшій въ то время должность губернатора вице-губер-

мѣчено для устройства ботаническаго сада мѣсто на берегу озера Кабана, въ концѣ Архангельской слободы, т. е. въ районѣ той именно мѣстности, въ которой нынѣ существующій ботаническій садъ впослѣдствіе и возникъ. Приведемъ соотвѣтствующее представленіе проф. Эйхвальда совѣту университета, отъ 13-го сентября 1824 года, въ его подлинномъ видѣ, какъ актъ, имѣющій крупный интересъ для исторіи университетскаго ботаническаго сада:

„Не безъизвѣстно г.г. членамъ совѣта, — заявляетъ здѣсь проф. Эйхвальдъ,—что мѣсто, занимаемое университетскимъ ботаническимъ садомъ, весьма неудобно и по своей возвышенности, и по тѣснотѣ, и по трудности добыванія воды и, наконецъ, по худому очень грунту земли, состоящей, большею частью, изъ обломковъ кирпича и извести; это препятствуетъ укореняться не только деревьямъ, но даже и травянистымъ растеніямъ, имѣющимъ большіе корни, насыпной же слой земли черной имѣетъ ту невыгоду, что во время дождя онъ дѣлается слишкомъ мокръ, а при засухахъ не удерживаетъ нисколько влаги и растенія отъ того гибнутъ.

Посему нахожу нужнымъ просить совѣтъ объ изысканіи средствъ къ отвращенію неудобствъ сихъ, препятствовавшихъ доселѣ нашему ботаническому саду достигнуть предположенной цѣли. Надежнѣйшимъ средствомъ, по моему мнѣнію, къ тому можетъ быть перемѣна нынѣшняго мѣста на другое. Обращая на сей предметъ особенное вниманіе со времени порученія мнѣ надзора за садомъ, я старался обозрѣть окрестныя мѣста Казани и, наконецъ, нашелъ, что весьма способное къ заведенію сада мѣсто находится близь озера Кабана, въ концѣ улицы Архангельской, гдѣ какъ близость воды, такъ и прекрасный грунтъ земли могутъ обѣщать желаемый успѣхъ въ семъ дѣлѣ, очень важномъ въ отношеніи къ ботаническимъ преподаваніямъ. Особливо нужнымъ сіе нахожу, что, по устроеніи медицинскаго института, студенты онаго будутъ имѣть потребность въ ознакомленіи ихъ съ различными произростѣніями.

И такъ, прошу совѣтъ, если возможно, испросить для университета помянутое мѣсто, принадлежащее, какъ узналъ я, городской думѣ. Построенный на ономъ бывшею игуменьею здѣшняго дѣвичьяго монастыря домъ можетъ быть купленъ университетомъ и обращенъ для житья надзирающихъ за садомъ“.

Заслушавъ это представленіе, совѣтъ университета опредѣлилъ „чрезъ г. исправляющаго должность губернатора спросить думу—ей ли принадлежитъ означенное мѣсто и не можетъ ли она уступить оное университету“. Исправлявшій въ то время должность губернатора вице-губер-

наторъ Жмакинъ передалъ университетскій запросъ „на законное постановленіе“ казанскому губернскому правленію, которое и прислало въ университетъ обширную и довольно безтолково составленнную справку по данному дѣлу. Изъ этой справки мы узнаемъ, во первыхъ—что заинтересовавшій собою проф. Эйхвальда участокъ былъ расположенъ южнѣе мѣстности нынѣшняго университетскаго сада, въ мѣстности, лежащей близь Архангельскаго кладбища и представлявшей собою раньше выгонную землю Дальне-Архангельской слободы, а во вторыхъ, что этотъ участокъ входилъ въ составъ района городской земли, еще лѣтъ 15 тому назадъ самовольно и съ попустительства мѣстнаго губернатора графа Толстого захваченнаго и застроеннаго „госпожею игуменьею первоклассенаго Богородицкаго дѣвичьяго монастыря и кавалерственною дамою Назаретою“ *, которая не только возвела здѣсь зданія для монастырскихъ служителей и для собственннаго пріѣзда, но устроила монастырскій скотный дворъ, огородъ и даже завела пашню. Оказывается, что энергичная мать Назарета захватила въ этой мѣстности свыше 30-ти тысячъ квадратныхъ саженъ городской земли, благодаря чему окрестные обыватели „не только лишились выгона, но и кладбища, гдѣ погребены тѣла усопшихъ ихъ предковъ“. Въ концѣ концовъ губернское правленіе пришло къ слѣдующему опредѣленію по интересующему насъ дѣлу: „Поелику земля за Дальнимъ селомъ Архангельскимъ, въ количествѣ 2400 саженъ, отведена Казанскому Богородицкому дѣвичьему монастырю и ему же принадлежитъ, вслѣдствіе рѣшенія святѣйшаго правительствующаго синода, и построенный на оной бывшею игуменью Назаретою домъ, то, за тѣмъ, губернское правленіе не имѣетъ власти приступить къ отводу той земли для заведенія ботаническаго сада“ [110].

На этомъ возбужденный проф. Эйхвальдомъ вопросъ объ устройствѣ въ новомъ мѣстѣ университетскаго ботаническаго сада и остановился. Этотъ вопросъ снова возникъ пятью годами позже, въ начальные годы попечительства Мусина-Пушкина, когда новый, понынѣ существующій, ботаническій садъ университета былъ устроенъ на берегу того же озера Кабана, но нѣсколько ближе къ городу отъ участка, облюбованнаго Эйхвальдомъ, и на земельныхъ участкахъ, пріобрѣтенныхъ уже отъ частныхъ лицъ.

---

* Въ мірѣ княжна Софія Борисовна Болховская,—см. о ней въ томѣ II-мъ нашего труда, стр. 553.

наторъ Жмакинъ передалъ университетскій запросъ „на законное постановленіе" казанскому губернскому правленію, которое и прислало въ университетъ обширную и довольно безтолково составленнную справку по данному дѣлу. Изъ этой справки мы узнаемъ, во первыхъ—что заинтересовавшій собою проф. Эйхвальда участокъ былъ расположенъ южнѣе мѣстности нынѣшняго университетскаго сада, въ мѣстности, лежащей близь Архангельскаго кладбища и представлявшей собою раньше выгонную землю Дальне-Архангельской слободы, а во вторыхъ, что этотъ участокъ входилъ въ составъ района городской земли, еще лѣтъ 15 тому назадъ самовольно и съ попустительства мѣстнаго губернатора графа Толстого захваченнаго и застроеннаго „госпожею игуменьею первоклассной Богородицкаго дѣвичьяго монастыря и кавалерственною дамою Назаретою" *, которая не только возвела здѣсь зданія для монастырскихъ служителей и для собственннаго пріѣзда, но устроила монастырскій скотный дворъ, огородъ и даже завела пашню. Оказывается, что энергичная мать Назарета захватила въ этой мѣстности свыше 30-ти тысячъ квадратныхъ саженъ городской земли, благодаря чему окрестные обыватели „не только лишились выгона, но и кладбища, гдѣ погребены тѣла усопшихъ ихъ предковъ". Въ концѣ концовъ губернское правленіе пришло къ слѣдующему опредѣленію по интересующему насъ дѣлу: „Поелику земля за Дальнимъ селомъ Архангельскимъ, въ количествѣ 2400 саженъ, отведена Казанскому Богородицкому дѣвичьему монастырю и ему же принадлежитъ, вслѣдствіе рѣшенія святѣйшаго правительствующаго синода, и построенный на оной бывшею игуменью Назаретою домъ, то, за тѣмъ, губернское правленіе не имѣетъ власти приступить къ отводу той земли для заведенія ботаническаго сада" [110].

На этомъ возбужденный проф. Эйхвальдомъ вопросъ объ устройствѣ въ новомъ мѣстѣ университетскаго ботаническаго сада и остановился. Этотъ вопросъ снова возникъ пятью годами позже, въ начальные годы попечительства Мусина-Пушкина, когда новый, понынѣ существующій, ботаническій садъ университета былъ устроенъ на берегу того же озера Кабана, но нѣсколько ближе къ городу отъ участка, облюбованнаго Эйхвальдомъ, и на земельныхъ участкахъ, пріобрѣтенныхъ уже отъ частныхъ лицъ.

---

* Въ мірѣ княжна Софія Борисовна Болховская,—см. о ней въ томѣ II-мъ нашего труда, стр. 553.

X

Анатомическій театръ

Недовольство Магницкаго найденнымъ имъ въ 1819 году состояніемъ университетскаго анатомическаго театра.—«Заводъ для добыванія скелетовъ» и мѣропріятія по отношенію къ нему директора университета Владимірскаго.—Переходное положеніе каѳедры анатоміи послѣ кончины проф. И. О. Брауна.—Новый представитель каѳедры анатоміи П. С. Карейша и его мѣропріятія къ улучшенію состоянія анатомическаго театра.—Заботы объ обезпеченіи снабженія анатомическаго театра трупнымъ матеріаломъ.—Учрежденіе должности помощника прозектора.—Анатомическій театръ къ концу эпохи попечительства Магницкаго.

Анатомическій институтъ, зарожденіе и начальные годы довольно печальнаго существованія котораго намъ уже достаточно знакомы, явился университетскимъ учебно-вспомогательнымъ учрежденіемъ, вызвавшимъ рѣзкое негодованіе Магницкаго во время произведенной имъ въ началѣ 1819 года ревизіи казанскаго университета. „Ничего не можетъ быть постыднѣе для публичнаго ученаго заведенія какъ то, что при казанскомъ университетѣ называется анатомическимъ театромъ,—писалъ Магницкій въ своемъ донесеніи министру.—Онъ есть изба, довольно неопрятная, съ русскою печью, въ которой стоитъ на столѣ ящикъ съ инструментами и, недалеко, небольшой шкафъ съ набранными, какъ бы по случаю, человѣческими костями, изъ коихъ нѣкоторыя объѣдены крысами; одинъ полный скелетъ четвероногаго пѣтуха и двухъ утокъ“. Упоминаетъ ревизоръ и о мацераціонномъ заведеніи, въ 1815 году устроенномъ въ особомъ зданіи, выстроенномъ на спеціально пріобрѣтенномъ для этой цѣли въ Подлужной слободѣ дворовомъ участкѣ: „Три мужскія тѣла, два женскихъ, одинъ медвѣдь и лошадь—размачиваются уже три года въ особенномъ домѣ, который купленъ для сего за городомъ“,—писалъ Магницкій. Закончивъ свою ревизію, Магницкій выразилъ надежду, что „просвѣщенное усердіе къ распространенію медицинскихъ познаній“ профессоровъ Фукса и Вердерамо окажетъ содѣйствіе „положенію прочнаго основанія анатомическому кабинету, сколько сіе съ настоящими способами возможно“ *.

Будучи назначенъ попечителемъ казанскаго учебнаго округа, Магницкій передалъ, какъ мы знаемъ, ближайшее наблюденіе за „обновленіемъ“ университета особому „директору“ его,—вновь учрежденная должность, которая и была замѣщена докторомъ медицины А. П. Владимір-

* См. том. III, стр. 134—150.

X

Анатомическій театръ

Недовольство Магницкаго найденнымъ имъ въ 1819 году состояніемъ университетскаго анатомическаго театра.—«Заводъ для добыванія скелетовъ» и мѣропріятія по отношенію къ нему директора университета Владимірскаго.—Переходное положеніе кафедры анатоміи послѣ кончины проф. И. О. Брауна.—Новый представитель кафедры анатоміи П. С. Карейша и его мѣропріятія къ улучшенію состоянія анатомическаго театра.—Заботы объ обезпеченіи снабженія анатомическаго театра трупнымъ матеріаломъ.—Учрежденіе должности помощника прозектора.—Анатомическій театръ къ концу эпохи попечительства Магницкаго.

Анатомическій институтъ, зарожденіе и начальные годы довольно печальнаго существованія котораго намъ уже достаточно знакомы, явился университетскимъ учебно-вспомогательнымъ учрежденіемъ, вызвавшимъ рѣзкое негодованіе Магницкаго во время произведенной имъ въ началѣ 1819 года ревизіи казанскаго университета. „Ничего не можетъ быть постыднѣе для публичнаго ученаго заведенія какъ то, что при казанскомъ университетѣ называется анатомическимъ театромъ,—писалъ Магницкій въ своемъ донесеніи министру.—Онъ есть изба, довольно неопрятная, съ русскою печью, въ которой стоитъ на столѣ ящикъ съ инструментами и, недалеко, небольшой шкафъ съ набранными, какъ бы по случаю, человѣческими костями, изъ коихъ нѣкоторыя объѣдены крысами; одинъ полный скелетъ четвероногаго пѣтуха и двухъ утокъ". Упоминаетъ ревизоръ и о мацераціонномъ заведеніи, въ 1815 году устроенномъ въ особомъ зданіи, выстроенномъ на спеціально пріобрѣтенномъ для этой цѣли въ Подлужной слободѣ дворовомъ участкѣ: „Три мужскія тѣла, два женскихъ, одинъ медвѣдь и лошадь—размачиваются уже три года въ особенномъ домѣ, который купленъ для сего за городомъ",—писалъ Магницкій. Закончивъ свою ревизію, Магницкій выразилъ надежду, что „просвѣщенное усердіе къ распространенію медицинскихъ познаній" профессоровъ Фукса и Вердерамо окажетъ содѣйствіе „положенію прочнаго основанія анатомическому кабинету, сколько сіе съ настоящими способами возможно" *.

Будучи назначенъ попечителемъ казанскаго учебнаго округа, Магницкій передалъ, какъ мы знаемъ, ближайшее наблюденіе за „обновленіемъ" университета особому „директору" его,—вновь учрежденная должность, которая и была замѣщена докторомъ медицины А. П. Владимір-

* См. том. III, стр. 134—150.

скимъ, облеченнымъ огромными полномочіями и неограниченнымъ довѣріемъ попечителя. Отправляя Владимірскаго въ Казань, Магницкій снабдилъ его подробною инструкціею отъ 3-го октября 1819 года, которою уполномочивалъ его произвести, по прибытіи своемъ къ мѣсту новаго служенія, подробный и во всѣхъ частяхъ осмотръ университета. Выполняя это порученіе, Владимірскій остановилъ свое негодующее вниманіе на мацераціонномъ заведеніи университета,—„заводѣ для добыванія скелетовъ", какъ саркастически назвалъ онъ его,—находившемся въ подгородной Подлужной слободѣ:

„При отдаленномъ отъ главныхъ университетскихъ зданій домѣ, что въ Подлужной, я нашелъ,—читаемъ въ крайне любопытномъ предложеніи директора совѣту отъ 14-го ноября 1819 года,—небольшое открытое огражденіе, въ которомъ стоятъ нѣсколько лѣтъ кадки съ человѣческими и животными, разныхъ породъ, трупами, водою налитыя. Смрадъ, не взирая на морозъ ниже 10° отъ точки замерзанія—чрезмѣрный. Что же надобно представить при теплѣ?

Увѣряютъ меня, что сіе заведеніе есть принадлежность анатомическаго театра, что въ моченіи труповъ предполагается пріобрѣтеніе скелетовъ, что въ теплое время чрезденно, чрезъ каждую недѣлю, перемѣненіе въ кадкахъ воды, по изліяніи старой на поверхность земли, въ томъ же огражденіи и что къ производству сему приставленъ одинъ инвалидъ, который и нынѣ на лицо находится.

Не мое дѣло изъяснять странность сего предположенія. Напримѣръ: что хотя животныя тѣла точно въ водѣ гніютъ скорѣе, но въ сей цѣли не надобно бы оную перемѣнять, съ перемѣною же въ продолжительномъ моченіи гніеніе замедляется, между тѣмъ растворяются и самыя кости, съ бóльшимъ или меньшимъ разрушеніемъ ихъ отъ тлѣнія, и потому отъ сего способа нельзя ожидать ни естественнаго вида, ни естественнаго очертанія скелетовъ. Но мое дѣло,—продолжаетъ директоръ,—представить совѣту нижеслѣдующія замѣчанія о добываніи скелетовъ, вопіющія на опасность сего учрежденія, а именно:

а) Мѣсто означенной мочильни лежитъ ниже горизонта дома, гдѣ живетъ инвалидъ, сливающій и перемѣняющій воду въ кадкахъ съ трупами, и ниже всѣхъ окрестныхъ домовъ. Не зная слѣдствій сего учрежденія у близь живущихъ, мнѣ остается удивляться равнодушію гражданской полиціи. Но по донесенію университетскаго экзекутора достовѣрно, что изъ опредѣленныхъ при процессѣ моченія труповъ инвалидовъ въ прошедшемъ году умерло двое, Яковъ Кабановъ и Иванъ Березинъ, да въ нынѣшнемъ одинъ, Николай Яковлевъ, и

скимъ, облеченнымъ огромными полномочіями и неограниченнымъ довѣріемъ попечителя. Отправляя Владимірскаго въ Казань, Магницкій снабдилъ его подробною инструкціею отъ 3-го октября 1819 года, которою уполномочивалъ его произвести, по прибытіи своемъ къ мѣсту новаго служенія, подробный и во всѣхъ частяхъ осмотръ университета. Выполняя это порученіе, Владимірскій остановилъ свое негодующее вниманіе на мацераціонномъ заведеніи университета,—„заводѣ для добыванія скелетовъ", какъ саркастически назвалъ онъ его,—находившемся въ подгородной Подлужной слободѣ:

„При отдаленномъ отъ главныхъ университетскихъ зданій домѣ, что въ Подлужной, я нашелъ,—читаемъ въ крайне любопытномъ предложеніи директора совѣту отъ 14-го ноября 1819 года,—небольшое открытое огражденіе, въ которомъ стоятъ нѣсколько лѣтъ кадки съ человѣческими и животными, разныхъ породъ, трупами, водою налитыя. Смрадъ, не взирая на морозъ ниже 10° отъ точки замерзанія—чрезмѣрный. Что же надобно представить при теплѣ?

Увѣряютъ меня, что сіе заведеніе есть принадлежность анатомическаго театра, что въ моченіи труповъ предполагается пріобрѣтеніе скелетовъ, что въ теплое время чрезденно, чрезъ каждую недѣлю, перемѣненіе въ кадкахъ воды, по изліяніи старой на поверхность земли, въ томъ же огражденіи и что къ производству сему приставленъ одинъ инвалидъ, который и нынѣ на лицо находится.

Не мое дѣло изъяснять странность сего предположенія. Напримѣръ: что хотя животныя тѣла точно въ водѣ гніютъ скорѣе, но въ сей цѣли не надобно бы оную перемѣнять, съ перемѣною же въ продолжительномъ моченіи гніеніе замедляется, между тѣмъ растворяются и самыя кости, съ бóльшимъ или меньшимъ разрушеніемъ ихъ отъ тлѣнія, и потому отъ сего способа нельзя ожидать ни естественнаго вида, ни естественнаго очертанія скелетовъ. Но мое дѣло,—продолжаетъ директоръ,—представить совѣту нижеслѣдующія замѣчанія о добываніи скелетовъ, вопіющія на опасность сего учрежденія, а именно:

а) Мѣсто означенной мочильни лежитъ ниже горизонта дома, гдѣ живетъ инвалидъ, сливающій и перемѣняющій воду въ кадкахъ съ трупами, и ниже всѣхъ окрестныхъ домовъ. Не зная слѣдствій сего учрежденія у близь живущихъ, мнѣ остается удивляться равнодушію гражданской полиціи. Но по донесенію университетскаго экзекутора достовѣрно, что изъ опредѣленныхъ при процессѣ моченія труповъ инвалидовъ въ прошедшемъ году умерло двое, Яковъ Кабановъ и Иванъ Березинъ, да въ нынѣшнемъ одинъ, Николай Яковлевъ, и

жена инвалида Осипова*. Не говоря о развитіи убійственныхъ газовъ при гніеніи, о удобности распространенія ихъ окрестъ и дѣйствія на живущихъ,—я спрашиваю учредителей: позволено ли имѣть отверстые гробы въ городѣ?

б) Превращеніе труповъ въ скелеты есть необходимость для науки, весьма жестокая въ отношеніи почтенія нашего къ умершимъ, но сія жестокость въ благоустроенныхъ заведеніяхъ смягчается скрытымъ производствомъ и благочестивымъ обрядомъ погребенія частей тѣла, отъ костей отпадшихъ. Здѣсь же торжественно издѣваются надъ прахомъ усопшихъ, чего и язычники не дѣлали; нѣтъ пощады народнымъ уваженіямъ, трепещетъ христіанское сострананіе.... Какое же впечатлѣніе воспитанникамъ и какое зрѣлище для тѣхъ, кои и безъ того почитаютъ медицину—варварскою наукою?

Желая,—переходитъ Владимірскій уже къ положительной сторонѣ своего предложенія,—съ возможною поспѣшностью истребить вредное и опасное учрежденіе моченія труповъ зарытіемъ всего онаго завода, на томъ же мѣстѣ, глубоко въ землю, я покорнѣйше прошу совѣтъ университета указать мнѣ виновниковъ сего учрежденія, дабы на ихъ счетъ произвести предположенное его истребленіе, ибо инвалидовъ для сего дѣла употреблять я не осмѣливаюсь".

„Заводъ для добыванія скелетовъ" былъ, конечно, уничтоженъ и на этой почвѣ создались легендарныя сказанія о томъ, какъ, движимый религіозными побужденіями, Магницкій будто бы велѣлъ торжественно, съ положеніемъ ихъ въ гроба, пѣніемъ панихидъ и съ погребальною процессіею всенародно предать землѣ университетскіе анатомическіе препараты,—сказанія, нашедшія себѣ отголосокъ въ воспоминаніяхъ Н. И. Шенига. Что касается желанія директора узнать „виновниковъ" созданія такъ возмутившаго его заведенія, то это домогательство встрѣтило отпоръ со стороны врачебнаго отдѣленія, отозвавшагося, что ему „неизвѣстно кто былъ виновникомъ помянутаго заведенія", но что „распоряженіе и внутреннее устройство анатомическаго театра и принадлежащаго къ нему вышеупомянутаго дома—предоставлены были покойному ректору, профессору анатоміи Брауну[111].

Съ послѣдовавшею въ началѣ 1819 года кончиною профессора и ректора И. О. Брауна и кафедра анатоміи, и принадлежавшій къ ней анатомическій театръ—переживали переходную пору своего существованія; дѣло дошло до того, что послѣ смерти Брауна преподаваніе анатоміи,—этой краеугольной медицинской дисциплины,—было возложено на студента

* Къ предложенію директора приложена взятая у экзекутора справка объ обстоятельствахъ смерти всѣхъ этихъ лицъ.

жена инвалида Осипова *. Не говоря о развитіи убійственныхъ газовъ при гніеніи, о удобности распространенія ихъ окрестъ и дѣйствія на живущихъ,—я спрашиваю учредителей: позволено ли имѣть отверстые гробы въ городѣ?

б) Превращеніе труповъ въ скелеты есть необходимость для науки, весьма жестокая въ отношеніи почтенія нашего къ умершимъ, но сія жестокость въ благоустроенныхъ заведеніяхъ смягчается скрытымъ производствомъ и благочестивымъ обрядомъ погребенія частей тѣла, отъ костей отпадшихъ. Здѣсь же торжественно издѣваются надъ прахомъ усопшихъ, чего и язычники не дѣлали; нѣтъ пощады народнымъ уваженіямъ, трепещетъ христіанское сострадание.... Какое же впечатлѣніе воспитанникамъ и какое зрѣлище для тѣхъ, кои и безъ того почитаютъ медицину—варварскою наукою?

Желая,—переходитъ Владимірскій уже къ положительной сторонѣ своего предложенія,—съ возможною поспѣшностью истребить вредное и опасное учрежденіе моченія труповъ зарытіемъ всего онаго завода, на томъ же мѣстѣ, глубоко въ землю, я покорнѣйше прошу совѣтъ университета указать мнѣ виновниковъ сего учрежденія, дабы на ихъ счетъ произвести предположенное его истребленіе, ибо инвалидовъ для сего дѣла употреблять я не осмѣливаюсь".

„Заводъ для добыванія скелетовъ" былъ, конечно, уничтоженъ и на этой почвѣ создались легендарныя сказанія о томъ, какъ, движимый религіозными побужденіями, Магницкій будто бы велѣлъ торжественно, съ положеніемъ ихъ въ гроба, пѣніемъ панихидъ и съ погребальною процессіею всенародно предать землѣ университетскіе анатомическіе препараты,—сказанія, нашедшія себѣ отголосокъ въ воспоминаніяхъ Н. И. Шенига. Что касается желанія директора узнать „виновниковъ" созданія такъ возмутившаго его заведенія, то это домогательство встрѣтило отпоръ со стороны врачебнаго отдѣленія, отозвавшагося, что ему „неизвѣстно кто былъ виновникомъ помянутаго заведенія", но что „распоряженіе и внутреннее устройство анатомическаго театра и принадлежащаго къ нему вышеупомянутаго дома—предоставлены были покойному ректору, профессору анатоміи Брауну [111].

Съ послѣдовавшею въ началѣ 1819 года кончиною профессора и ректора И. О. Брауна и кафедра анатоміи, и принадлежавшій къ ней анатомическій театръ—переживали переходную пору своего существованія; дѣло дошло до того, что послѣ смерти Брауна преподаваніе анатоміи,—этой краеугольной медицинской дисциплины,—было возложено на студента

* Къ предложенію директора приложена взятая у экзекутора справка объ обстоятельствахъ смерти всѣхъ этихъ лицъ.

Отсолига, мѣра, не безъ основанія возмутившая Магницкаго, заявившаго, что „сей молодой человѣкъ можетъ быть хорошимъ ученикомъ, но не учителемъ“ и поспѣшившаго воспретить ему дальнѣйшее преподаваніе. Только въ началѣ 1820 года состоялось замѣщеніе кафедры анатоміи назначеніемъ на нее 4-го февраля, съ соединенными званіями адъюнкта и и. д. прозектора, ординатора и субъ-инспектора медико-хирургической академіи лекаря П. С. Карейши; ближайшею задачею предоставленія Карейшѣ прозекторской должности указано было попечителемъ „заведеніе при казанскомъ университетѣ нужнаго собранія анатомическихъ препаратовъ“, къ чему университету и предписано было „дать ему всѣ способы“.

Заставъ анатомическій институтъ университета въ томъ печальномъ состояніи, какое было констатировано ревизіею Магницкаго, адъюнктъ Карейша уже въ первые мѣсяцы своего служенія въ казанскомъ университетѣ обратилъ вниманіе на необходимость пополненія анатомическаго театра какъ книгами, такъ и новыми инструментами, и съ этою цѣлью 8-го іюля 1820 года вошелъ въ отдѣленіе врачебныхъ наукъ съ представленіемъ относительно выписки нѣкоторыхъ книгъ и цѣлаго ассортимента инструментовъ, въ количествѣ 32-хъ названій и 117-ти отдѣльныхъ предметовъ (скалпели, ножи, пилы, пинцеты, щипцы, ножницы, крючки, шилья, иглы, ланцеты, зонды и т. п.) и на сумму 349 р. $79^1/_4$ коп., которые и были получены университетомъ весною 1822 года [112].

Уже на первыхъ порахъ своей дѣятельности пришлось адъюнкту Карейшѣ столкнуться и съ однимъ весьма существеннымъ препятствіемъ въ дѣлѣ правильной постановки преподаванія анатоміи, съ которымъ приходилось считаться и его предшественникамъ по кафедрѣ. Это—недостатокъ, что бы не сказать почти полное отсутствіе, труповъ для демонстративнаго преподаванія науки, благодаря чему профессору Брауну, напримѣръ, частенько приходилось демонстрировать свой курсъ анатоміи „на безсловесныхъ животныхъ—четвероногихъ, птицахъ, рыбахъ и насѣкомыхъ“; припомнимъ, что и будущій профессоръ акушерства Лентовскій горько сѣтовалъ въ 1816 году на недостаточность пособій для изученія медицины, указывая, что „во всѣ четыре года обученія моего въ анатомическомъ театрѣ разсѣкаемо было не болѣе восьми труповъ“ и поясняя, что „предразсудки народа сему причиною“ *. Служили ли тому причиною „народные предразсудки“ или другіе факторы, но поступленіе для анатомическаго театра трупнаго матеріала шло въ высшей

* См. том. II, стр. 67—68.

Отсолига, мѣра, не безъ основанія возмутившая Магницкаго, заявившаго, что „сей молодой человѣкъ можетъ быть хорошимъ ученикомъ, но не учителемъ“ и поспѣшившаго воспретить ему дальнѣйшее преподаваніе. Только въ началѣ 1820 года состоялось замѣщеніе кафедры анатоміи назначеніемъ на нее 4-го февраля, съ соединенными званіями адъюнкта и и. д. прозектора, ординатора и субъ-инспектора медико-хирургической академіи лекаря П. С. Карейши; ближайшею задачею предоставленія Карейшѣ прозекторской должности указано было попечителемъ „заведеніе при казанскомъ университетѣ нужнаго собранія анатомическихъ препаратовъ“, къ чему университету и предписано было „дать ему всѣ способы“.

Заставъ анатомическій институтъ университета въ томъ печальномъ состояніи, какое было констатировано ревизіею Магницкаго, адъюнктъ Карейша уже въ первые мѣсяцы своего служенія въ казанскомъ университетѣ обратилъ вниманіе на необходимость пополненія анатомическаго театра какъ книгами, такъ и новыми инструментами, и съ этою цѣлью 8-го іюля 1820 года вошелъ въ отдѣленіе врачебныхъ наукъ съ представленіемъ относительно выписки нѣкоторыхъ книгъ и цѣлаго ассортимента инструментовъ, въ количествѣ 32-хъ названій и 117-ти отдѣльныхъ предметовъ (скалпели, ножи, пилы, пинцеты, щипцы, ножницы, крючки, шилья, иглы, ланцеты, зонды и т. п.) и на сумму 349 р. 79¼ коп., которые и были получены университетомъ весною 1822 года [112].

Уже на первыхъ порахъ своей дѣятельности пришлось адъюнкту Карейшѣ столкнуться и съ однимъ весьма существеннымъ препятствіемъ въ дѣлѣ правильной постановки преподаванія анатоміи, съ которымъ приходилось считаться и его предшественникамъ по кафедрѣ. Это—недостатокъ, что бы не сказать почти полное отсутствіе, труповъ для демонстративнаго преподаванія науки, благодаря чему профессору Брауну, напримѣръ, частенько приходилось демонстрировать свой курсъ анатоміи „на безсловесныхъ животныхъ—четвероногихъ, птицахъ, рыбахъ и насѣкомыхъ“; припомнимъ, что и будущій профессоръ акушерства Лентовскій горько сѣтовалъ въ 1816 году на недостаточность пособій для изученія медицины, указывая, что „во всѣ четыре года обученія моего въ анатомическомъ театрѣ разсѣкаемо было не болѣе восьми труповъ“ и поясняя, что „предразсудки народа сему причиною“ *. Служили ли тому причиною „народные предразсудки“ или другіе факторы, но поступленіе для анатомическаго театра трупнаго матеріала шло въ высшей

* См. том. II, стр. 67—68.

степени туго и въ послѣдующіе годы и вновь назначенный Карейша уже лѣтомъ 1820 года вынужденъ былъ ходатайствовать передъ совѣтомъ, „дабы въ преподаваніи на будущій курсъ анатомическихъ лекцій за недостаткомъ труповъ не было остановки, то сдѣлать заблаговременно, куда слѣдуетъ, отношеніе о доставленіи въ анатомическій театръ труповъ, нужныхъ какъ для самихъ лекцій, такъ и для предварительнаго заведенія необходимыхъ для оныхъ пособій", въ виду чего совѣтомъ и было сдѣлано надлежащее представленіе казанскому губернатору. Аналогичныя но, повидимому, весьма мало успѣшныя ходатайства передъ мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ относительно доставленія труповъ принимаютъ, слѣдомъ затѣмъ, положительно хроническій характеръ, будучи повторяемы въ ноябрѣ 1821-го, въ мартѣ 1822-го и въ ноябрѣ 1824-го годовъ. Всѣ эти ходатайства облекались въ одинаковый шаблонно-формальный видъ: Карейша возбуждалъ ходатайство передъ университетскимъ совѣтомъ, совѣтъ дѣлалъ соотвѣтствующее представленіе губернатору, губернаторъ неукоснительно отвѣчалъ, что имъ „подтверждено полиціи, что бы она непремѣнно доставляла человѣческіе трупы скоропостижно умершихъ"—и на этомъ дѣло останавливалось впредь до новаго ходатайства на ту же тему [113]....

Какъ бы то ни было, но анатомическія занятія настолько расширились въ первые годы преподаванія Карейши, съ 17-го марта 1824 г. сдѣлавшагося уже экстраординарнымъ профессоромъ, что въ началѣ марта 1824 года оказалась потребность въ помощникѣ прозектора при каѳедрѣ анатоміи,—должность, въ которую и былъ представленъ имъ студентъ Дмитріевскій, допущенный къ ея исправленію 27-го февраля того же года, а 5 августа, по полученіи званія лекаря, въ ней и утвержденный. Сравнительно крупная затрата на анатомическіе инструменты, произведенная, какъ мы видѣли, въ первые годы адъюнктуры Карейши, обезпечила, надо думать, существеннѣйшія потребности анатомическаго театра, о чемъ можемъ мы судить по тому, что покупка въ 1823 году, за 345 рублей, у доктора Крейтона „трехъ бронзовыхъ трубокъ для приготовленія анатомическихъ и хирургическихъ препаратовъ"—явилась единственнымъ замѣтнымъ пріобрѣтеніемъ анатомическаго театра въ предѣлахъ занимающей насъ эпохи *. Насколько невелики были въ то время матеріальныя потребности анатомическаго театра

* Въ сохранившемся актѣ осмотра этого пріобрѣтенія мы имѣемъ слѣдующее описаніе ихъ: «Трубки сіи трехъ разныхъ величинъ. Къ трубкѣ первой величины принадлежатъ ключь и девять трубокъ разной величины; при трубкѣ средней величины находится ключь и девять трубочекъ разной величины; при трубкѣ меньшей величины— ключь и четыре трубочки».

степени туго и въ послѣдующіе годы и вновь назначенный Карейша уже лѣтомъ 1820 года вынужденъ былъ ходатайствовать передъ совѣтомъ, „дабы въ преподаваніи на будущій курсъ анатомическихъ лекцій за недостаткомъ труповъ не было остановки, то сдѣлать заблаговременно, куда слѣдуетъ, отношеніе о доставленіи въ анатомическій театръ труповъ, нужныхъ какъ для самихъ лекцій, такъ и для предварительнаго заведенія необходимыхъ для оныхъ пособій“, въ виду чего совѣтомъ и было сдѣлано надлежащее представленіе казанскому губернатору. Аналогичныя но, повидимому, весьма мало успѣшныя ходатайства передъ мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ относительно доставленія труповъ принимаютъ, слѣдомъ затѣмъ, положительно хроническій характеръ, будучи повторяемы въ ноябрѣ 1821-го, въ мартѣ 1822-го и въ ноябрѣ 1824-го годовъ. Всѣ эти ходатайства облекались въ одинаковый шаблонно-формальный видъ: Карейша возбуждалъ ходатайство передъ университетскимъ совѣтомъ, совѣтъ дѣлалъ соотвѣтствующее представленіе губернатору, губернаторъ неукоснительно отвѣчалъ, что имъ „подтверждено полиціи, что бы она непремѣнно доставляла человѣческіе трупы скоропостижно умершихъ“—и на этомъ дѣло останавливалось впредь до новаго ходатайства на ту же тему [113]....

Какъ бы то ни было, но анатомическія занятія настолько расширились въ первые годы преподаванія Карейши, съ 17-го марта 1824 г. сдѣлавшагося уже экстраординарнымъ профессоромъ, что въ началѣ марта 1824 года оказалась потребность въ помощникѣ прозектора при кафедрѣ анатоміи,—должность, въ которую и былъ представленъ имъ студентъ Дмитріевскій, допущенный къ ея исправленію 27-го февраля того же года, а 5 августа, по полученіи званія лекаря, въ ней и утвержденный. Сравнительно крупная затрата на анатомическіе инструменты, произведенная, какъ мы видѣли, въ первые годы адъюнктуры Карейши, обезпечила, надо думать, существеннѣйшія потребности анатомическаго театра, о чемъ можемъ мы судить по тому, что покупка въ 1823 году, за 345 рублей, у доктора Крейтона „трехъ бронзовыхъ трубокъ для приготовленія анатомическихъ и хирургическихъ препаратовъ“—явилась единственнымъ замѣтнымъ пріобрѣтеніемъ анатомическаго театра въ предѣлахъ занимающей насъ эпохи *. Насколько невелики были въ то время матеріальныя потребности анатомическаго театра

* Въ сохранившемся актѣ осмотра этого пріобрѣтенія мы имѣемъ слѣдующее описаніе ихъ: «Трубки сіи трехъ разныхъ величинъ. Къ трубкѣ первой величины принадлежатъ ключь и девять трубокъ разной величины; при трубкѣ средней величины находится ключь и девять трубочекъ разной величины; при трубкѣ меньшей величины— ключь и четыре трубочки».

видно уже изъ того, что, согласно ходатайства о томъ профессора Эйхвальда и основаннаго на немъ представленія совѣта, 19-го августа 1824 года попечителемъ округа было разрѣшено изъ 800 р. штатнаго назначенія на анатомическій театръ ежегодно отчислять по 200 рублей на нужды кабинета сравнительной анатоміи, объ основаніи котораго, въ качествѣ особаго отдѣленія кабинета естественной исторіи, помышлялъ въ то время профессоръ Эйхвальдъ. Въ концѣ лѣта 1825 года, въ виду предстоявшаго прибытія въ Казань Магницкаго, спѣшно составлялись „описи вещамъ и прочему имуществу заведеній университета“, давшія собою матеріалъ для цѣлаго дѣла по совѣтской канцеляріи; интересующіеся найдутъ здѣсь и подробныя описи инструментальнаго инвентаря анатомическаго театра, и перечень сохранявшихся въ немъ препаратовъ (исключительно костей) * [114].

Въ заключеніе нѣсколько словъ о помѣщеніи анатомическаго театра. Первоначально онъ продолжалъ ютиться въ томъ же деревянномъ зданіи на типографскомъ дворѣ, въ которомъ застала его ревизія 1819 года, но впослѣдствіе, за совершенною негодностью этого помѣщенія, былъ переведенъ въ главный университетскій корпусъ, гдѣ оказался крайне неудачно расположеннымъ въ сосѣдствѣ съ студенческими столовою (!) и больницею, а въ 1825 году для него было временно приспособлено находившееся въ ботаническомъ саду небольшое каменное зданіе бывшей литтровской обсерваторіи. Послѣ долгихъ предположеній относительно болѣе удобнаго помѣщенія для анатомическаго института, онъ былъ въ 1829 году расположенъ въ нанятомъ для него частномъ домѣ Матони, гдѣ и оставался до перемѣщенія его, уже въ концѣ 30-хъ годовъ, въ нынѣшнее, спеціально выстроенное для него, зданіе [115].

XI

Клиническій институтъ

Суровый отзывъ Магницкаго о положеніи клиническаго института университета въ началѣ 1819 года.—Осмотръ клиники директоромъ университета Владимірскимъ и отрицательные выводы его относительно этого учрежденія.—Тенденціозность заключеній директора и отпоръ, встрѣченный имъ со стороны членовъ врачебнаго отдѣленія.—Общія мѣры по упорядоченію клиническаго дѣла.—Дѣятельность клиническаго института въ 1820-мъ и въ послѣдующіе годы.—Учрежденіе при институтѣ ординатуры. Первые ординаторы.—Матеріальныя пріобрѣтенія клиническаго института.—Къ вопросу о пользованіи въ клиникѣ городскихъ больныхъ.
Проектъ учрежденія при университетѣ особаго медицинскаго института.—Къ исторіи этого вопроса.—Вопросъ о медицинскомъ институтѣ въ годы попечительства Магницкаго.

Въ годину ревизіи Магницкаго клиническій институтъ казанскаго университета, создававшійся съ потугами и препятствіями, въ своемъ мѣстѣ на-

* См. дѣло: Сов. 1825, № 47 (л.л. 3—6, 55).

видно уже изъ того, что, согласно ходатайства о томъ профессора Эйхвальда и основаннаго на немъ представленія совѣта, 19-го августа 1824 года попечителемъ округа было разрѣшено изъ 800 р. штатнаго назначенія на анатомическій театръ ежегодно отчислять по 200 рублей на нужды кабинета сравнительной анатоміи, объ основаніи котораго, въ качествѣ особаго отдѣленія кабинета естественной исторіи, помышлялъ въ то время профессоръ Эйхвальдъ. Въ концѣ лѣта 1825 года, въ виду предстоявшаго прибытія въ Казань Магницкаго, спѣшно составлялись „описи вещамъ и прочему имуществу заведеній университета", давшія собою матеріалъ для цѣлаго дѣла по совѣтской канцеляріи; интересующіеся найдутъ здѣсь и подробныя описи инструментальнаго инвентаря анатомическаго театра, и перечень сохранявшихся въ немъ препаратовъ (исключительно костей) * [114].

Въ заключеніе нѣсколько словъ о помѣщеніи анатомическаго театра. Первоначально онъ продолжалъ ютиться въ томъ же деревянномъ зданіи на типографскомъ дворѣ, въ которомъ застала его ревизія 1819 года, но впослѣдствіе, за совершенною негодностью этого помѣщенія, былъ переведенъ въ главный университетскій корпусъ, гдѣ оказался крайне неудачно расположеннымъ въ сосѣдствѣ съ студенческими столовою (!) и больницею, а въ 1825 году для него было временно приспособлено находившееся въ ботаническомъ саду небольшое каменное зданіе бывшей литтровской обсерваторіи. Послѣ долгихъ предположеній относительно болѣе удобнаго помѣщенія для анатомическаго института, онъ былъ въ 1829 году расположенъ въ нанятомъ для него частномъ домѣ Матони, гдѣ и оставался до перемѣщенія его, уже въ концѣ 30-хъ годовъ, въ нынѣшнее, спеціально выстроенное для него, зданіе [115].

XI

Клиническій институтъ

Суровый отзывъ Магницкаго о положеніи клиническаго института университета въ началѣ 1819 года.—Осмотръ клиники директоромъ университета Владимірскимъ и отрицательные выводы его относительно этого учрежденія.—Тенденціозность заключеній директора и отпоръ, встрѣченный имъ со стороны членовъ врачебнаго отдѣленія.—Общія мѣры по упорядоченію клиническаго дѣла.—Дѣятельность клиническаго института въ 1820-мъ и въ послѣдующіе годы.—Учрежденіе при институтѣ ординатуры. Первые ординаторы.—Матеріальныя пріобрѣтенія клиническаго института.—Къ вопросу о пользованіи въ клиникѣ городскихъ больныхъ.

Проектъ учрежденія при университетѣ особаго медицинскаго института.—Къ исторіи этого вопроса.—Вопросъ о медицинскомъ институтѣ въ годы попечительства Магницкаго.

Въ годину ревизіи Магницкаго клиническій институтъ казанскаго университета, создававшійся съ потугами и препятствіями, въ своемъ мѣстѣ на-

* См. дѣло: Сов. 1825, № 47 (л.л. 3—6, 55).

ми уже разсмотрѣнными, подвергся участи, одинаковой съ участью анатомическаго театра: оба учрежденія были признаны суровымъ приговоромъ ревизора — „доселѣ къ стыду только университета существующими“ *.

Мы видѣли, говоря объ анатомическомъ театрѣ, что, исполняя порученіе попечителя, вновь назначенный директоръ унивеситета Владимірскій уже слѣдомъ за прибытіемъ своимъ въ Казань произвелъ подробный осмотръ всѣхъ университетскихъ учрежденій. Этотъ осмотръ коснулся, конечно, клиникъ и больницы университета и привелъ директора къ отрицательнымъ выводамъ, недалеко ушедшимъ отъ сентенціи, высказаннымъ имъ по поводу пресловутаго „завода для приготовленія скелетовъ“. Результатомъ этого осмотра явилось слѣдующее предложеніе его на имя совѣта университета отъ 10-го ноября 1819 года:

„Посѣтивъ вчерашняго дня университетскую больницу и сопредѣльную ей медико-хиругическую клинику,—пишетъ здѣсь Владимірскій,— я нашелъ всевозможное безобразіе и по тѣснотѣ комнатъ, и по нищетѣ убранства, и по самовреднѣйшимъ неудобствамъ, довершающимъ полноту понятія о неустройствахъ сего заведенія. Они состоятъ въ слѣдующемъ:

a) Н.....ъ черезъ дворъ. Больные въ лѣтнихъ халатахъ должны туда пѣшешествовать во всякое время года и во всякую погоду.

b) Тюфяки подъ больными кожаные съ одной стороны. Развѣ не извѣстно, что животныя вещества суть самые вѣрные проводники животной заразы? Какъ же безопасно допустить, что бы послѣ больного гнилою горячкою положенъ былъ другой больной, по выздоровленіи или смерти перваго, на тотъ же тюфякъ?

c) Лекарства стоятъ предъ больными въ банкахъ, на произволеніе каждаго со стороны употребленія. Ежели же больной безъ памяти? Здѣсь нуженъ безпрерывный надзоръ, но того требовать отъ приставленныхъ студентовъ невозможно; не на то опредѣляются и служители.

d) Есть нравственная причина преграждать открытое сообщеніе великовозрастныхъ съ малолѣтними. Этого нѣтъ прегражденія.

По долгу званія моего, я поспѣшаю покорнѣйше просить совѣтъ университета о предложеніи медицинскому отдѣленію избрать самыя лучшія комнаты подъ больницу и клинику, кромѣ дома для попечителя, не взирая ни на какія уваженія нынѣшняго въ университетскихъ зданіяхъ водворенія, хотя бы то была моя квартира; а профессору клиники и врачу больницы поручить немедленное представленіе со-

* См. том. III, стр. 151 и слѣд.

ми уже разсмотрѣнными, подвергся участи, одинаковой съ участью анатомическаго театра: оба учрежденія были признаны суровымъ приговоромъ ревизора — „доселѣ къ стыду только университета существующими“ *.

Мы видѣли, говоря объ анатомическомъ театрѣ, что, исполняя порученіе попечителя, вновь назначенный директоръ унивеситета Владимірскій уже слѣдомъ за прибытіемъ своимъ въ Казань произвелъ подробный осмотръ всѣхъ университетскихъ учрежденій. Этотъ осмотръ коснулся, конечно, клиникъ и больницы университета и привелъ директора къ отрицательнымъ выводамъ, недалеко ушедшимъ отъ сентенцій, высказаннымъ имъ по поводу пресловутаго „завода для приготовленія скелетовъ“. Результатомъ этого осмотра явилось слѣдующее предложеніе его на имя совѣта университета отъ 10-го ноября 1819 года:

„Посѣтивъ вчерашняго дня университетскую больницу и сопредѣльную ей медико-хиругическую клинику,—пишетъ здѣсь Владимірскій,— я нашелъ всевозможное безобразіе и по тѣснотѣ комнатъ, и по нищетѣ убранства, и по самовреднѣйшимъ неудобствамъ, довершающимъ полноту понятія о неустройствахъ сего заведенія. Они состоятъ въ слѣдующемъ:

a) Н.....ъ черезъ дворъ. Больные въ лѣтнихъ халатахъ должны туда пѣшешествовать во всякое время года и во всякую погоду.

b) Тюфяки подъ больными кожаные съ одной стороны. Развѣ не извѣстно, что животныя вещества суть самые вѣрные проводники животной заразы? Какъ же безопасно допустить, что бы послѣ больного гнилою горячкою положенъ былъ другой больной, по выздоровленіи или смерти перваго, на тотъ же тюфякъ?

c) Лекарства стоятъ предъ больными въ банкахъ, на произволеніе каждаго со стороны употребленія. Ежели же больной безъ памяти? Здѣсь нуженъ безпрерывный надзоръ, но того требовать отъ приставленныхъ студентовъ невозможно; не на то опредѣляются и служители.

d) Есть нравственная причина преграждать открытое сообщеніе великовозрастныхъ съ малолѣтними. Этого нѣтъ прегражденія.

По долгу званія моего, я поспѣшаю покорнѣйше просить совѣтъ университета о предложеніи медицинскому отдѣленію избрать самыя лучшія комнаты подъ больницу и клинику, кромѣ дома для попечителя, не взирая ни на какія уваженія нынѣшняго въ университетскихъ зданіяхъ водворенія, хотя бы то была моя квартира; а профессору клиники и врачу больницы поручить немедленное представленіе со-

* См. том. III, стр. 151 и слѣд.

> ображенія къ такому устройству сихъ заведеній, кои бы не только не безобразили, но приносили отличную честь мѣсту, высочайшимъ именемъ украшающемуся, каковъ есть—университетъ".

Это директорское предложеніе, легковѣсность и мелочность котораго представляются вполнѣ очевидными даже и не для спеціалиста и которое касалось чисто внѣшняго характера недостатковъ клиническаго института, легко устранимыхъ безъ затраты сколько нибудь значительныхъ времени, труда и средствъ, мы болѣе всего склонны объяснить чувствами непріязни и жажды воздаянія, какія несомнѣнно долженъ былъ питать Владимірскій какъ лично противъ Фукса и Вердерамо, за два года до того ставшихъ ему поперекъ дороги въ стремленіи къ достиженію кафедры въ казанскомъ университетѣ, такъ и по отношенію ко всему врачебному отдѣленію, со стороны котораго директоръ почиталъ себя „поруганнымъ". Глубокая несправедливость къ университету легла и въ самую основу укоризнъ директора по поводу состоянія университетской клиники,—и во всякомъ случаѣ не на казанскій университетъ долженъ былъ пасть „стыдъ" за то убогое состояніе этого важнаго учебно-вспомогательнаго института, въ какомъ нашли его и Магницкій и Владимірскій. Намъ уже хорошо извѣстно, что усиленныя попеченія о созданіи при университетѣ благоустроенной клиники стали проявляться университетомъ еще до его полнаго открытія въ 1814 году; что уже въ 1811 году профессоръ медицины Ѳ. Х. Эрдманъ выступилъ съ весьма подробнымъ и обстоятельнымъ планомъ учрежденія клиники изъ трехъ отдѣленій (терапевтическаго, хирургическаго и родовспомогательнаго); что этотъ планъ былъ одобренъ не только совѣтомъ, но и самимъ попечителемъ Румовскимъ, выразившимъ автору его свое „отмѣнное удовольствіе" и благодарность за „попеченіе объ общемъ благѣ и пользѣ университета", но—знаемъ мы и то, что этотъ планъ оказался положеннымъ подъ сукно, какъ скоро дѣло дошло до матеріальныхъ затратъ, связанныхъ съ его осуществленіемъ, разбившись о традиціонную ссылку на „нынѣшнія обстоятельства".... Снова выступалъ тотъ же профессоръ Эрдманъ съ проектомъ устройства прилично обставленнаго клиническаго института и въ 1815 году, уже послѣ полнаго открытія университета, но и на этотъ разъ министерство не пошло на встрѣчу представленіямъ университета, предоставивъ ему впредь,—„доколѣ обстоятельства не позволятъ устроить настоящую клинику",—удовольствоваться лишь жалкою пародіею на правильно и научно поставленный клиническій институтъ. Изъ всего этого яснымъ должно было представляться для всякаго безпри-

ображенія къ такому устройству сихъ заведеній, кои бы не только не безобразили, но приносили отличную честь мѣсту, высочайшимъ именемъ украшающемуся, каковъ есть—университетъ".

Это директорское предложеніе, легковѣсность и мелочность котораго представляются вполнѣ очевидными даже и не для спеціалиста и которое касалось чисто внѣшняго характера недостатковъ клиническаго института, легко устранимыхъ безъ затраты сколько нибудь значительныхъ времени, труда и средствъ, мы болѣе всего склонны объяснить чувствами непріязни и жажды воздаянія, какія несомнѣнно долженъ былъ питать Владимірскій какъ лично противъ Фукса и Вердерамо, за два года до того ставшихъ ему поперекъ дороги въ стремленіи къ достиженію кафедры въ казанскомъ университетѣ, такъ и по отношенію ко всему врачебному отдѣленію, со стороны котораго директоръ почиталъ себя „поруганнымъ". Глубокая несправедливость къ университету легла и въ самую основу укоризнъ директора по поводу состоянія университетской клиники,—и во всякомъ случаѣ не на казанскій университетъ долженъ былъ пасть „стыдъ" за то убогое состояніе этого важнаго учебно-вспомогательнаго института, въ какомъ нашли его и Магницкій и Владимірскій. Намъ уже хорошо извѣстно, что усиленныя попеченія о созданіи при университетѣ благоустроенной клиники стали проявляться университетомъ еще до его полнаго открытія въ 1814 году; что уже въ 1811 году профессоръ медицины Ѳ. Х. Эрдманъ выступилъ съ весьма подробнымъ и обстоятельнымъ планомъ учрежденія клиники изъ трехъ отдѣленій (терапевтическаго, хирургическаго и родовспомогательнаго); что этотъ планъ былъ одобренъ не только совѣтомъ, но и самимъ попечителемъ Румовскимъ, выразившимъ автору его свое „отмѣнное удовольствіе" и благодарность за „попеченіе объ общемъ благѣ и пользѣ университета", но—знаемъ мы и то, что этотъ планъ оказался положеннымъ подъ сукно, какъ скоро дѣло дошло до матеріальныхъ затратъ, связанныхъ съ его осуществленіемъ, разбившись о традиціонную ссылку на „нынѣшнія обстоятельства".... Снова выступалъ тотъ же профессоръ Эрдманъ съ проектомъ устройства прилично обставленнаго клиническаго института и въ 1815 году, уже послѣ полнаго открытія университета, но и на этотъ разъ министерство не пошло на встрѣчу представленіямъ университета, предоставивъ ему впредь,—„доколѣ обстоятельства не позволятъ устроить настоящую клинику",—удовольствоваться лишь жалкою пародіею на правильно и научно поставленный клиническій институтъ. Изъ всего этого яснымъ должно было представляться для всякаго безпри-

страстнаго сужденія, что не на казанскій университетъ долженъ былъ пасть укоръ въ „стыдѣ“ и „безславіи“ за то убогое состояніе клиники, въ какомъ застала ее ревизія 1819 года.

Съ этой послѣдней точки зрѣнія и отнеслось къ предложенію директора врачебное отдѣленіе, съ своимъ деканомъ Э. О. Вердерамо во главѣ, давъ нареканіямъ Владимірскаго энергичный и вполнѣ достойный отпоръ. 17-го ноября деканъ Вердерамо вошелъ въ совѣтъ съ слѣдующимъ представленіемъ, вызваннымъ соотвѣтствующимъ запросомъ его:

„Въ засѣданіи отдѣленія врачебныхъ наукъ императорскаго казанскаго университета, бывшемъ 15-го ноября сего 1819 года, разсматриваемо было отношеніе въ оный совѣтъ г. директора университета, надворнаго совѣтника, доктора медицины и хирургіи и кавалера Александра Павловича Владимірскаго, въ разсужденіе недостатковъ, найденныхъ имъ въ больницѣ клиническаго института.

Я считаю обязанностью, какъ деканъ врачебнаго отдѣленія, симъ почтеннѣйшему совѣту объяснить, что въ разныя времена были дѣланы различныя представленія въ разсужденіи устройства института клиническаго, но отъ высшаго начальства на лучшее устройство заведенія сего разрѣшенія не было, что усмотрѣть можно изъ бумагъ по сему предмету, въ канцеляріи правленія и совѣта хранящихся.

Съ симъ же вмѣстѣ честь имѣю представить копію съ представленія, сдѣланнаго мною бывшему визитаторомъ въ здѣшнемъ университетѣ нынѣшнему г. попечителю казанскаго округа, дѣйствительному статскому совѣтнику и кавалеру Михайлѣ Леонтьевичу Магницкому, съ коимъ и планъ, какъ устроить комнаты въ типографскомъ домѣ для институтовъ клиническихъ и вѣдомость о вещахъ необходимыхъ, и о суммѣ, на сіе нужной, имѣлъ честь представить. Каковыя всѣ бумаги, вмѣстѣ съ прочими въ различныя времена по сему предмету поступившими, ежели благоугодно будетъ оному совѣту, можно представить для разсмотрѣнія и удоствѣренія г. директору и кавалеру Владимірскому“.

Еще до того представленъ былъ отзывъ и проф. К. Ѳ. Фуксомъ, въ качествѣ профессора по кафедрѣ патологіи, терапіи и клиники ближе всѣхъ заинтересованнымъ въ поднятомъ директоромъ вопросѣ. Сдѣлавъ сначала краткое заявленіе совѣту въ томъ смыслѣ, что „планъ, съ описаніемъ всего для заведенія сего нужнаго, давно уже составленъ и хранится въ дѣлахъ врачебнаго отдѣленія“, Фуксъ 15-го ноября подалъ въ факультетъ слѣдующее объясненіе по поводу обвиненій, предъявленныхъ директоромъ университета:

страстнаго сужденія, что не на казанскій университетъ долженъ былъ пасть укоръ въ „стыдѣ“ и „безславіи“ за то убогое состояніе клиники, въ какомъ застала ее ревизія 1819 года.

Съ этой послѣдней точки зрѣнія и отнеслось къ предложенію директора врачебное отдѣленіе, съ своимъ деканомъ Э. О. Вердерамо во главѣ, давъ нареканіямъ Владимірскаго энергичный и вполнѣ достойный отпоръ. 17-го ноября деканъ Вердерамо вошелъ въ совѣтъ съ слѣдующимъ представленіемъ, вызваннымъ соотвѣтствующимъ запросомъ его:

„Въ засѣданіи отдѣленія врачебныхъ наукъ императорскаго казанскаго университета, бывшемъ 15-го ноября сего 1819 года, разсматриваемо было отношеніе въ оный совѣтъ г. директора университета, надворнаго совѣтника, доктора медицины и хирургіи и кавалера Александра Павловича Владимірскаго, въ разсужденіе недостатковъ, найденныхъ имъ въ больницѣ клиническаго института.

Я считаю обязанностью, какъ деканъ врачебнаго отдѣленія, симъ почтеннѣйшему совѣту объяснить, что въ разныя времена были дѣланы различныя представленія въ разсужденіи устройства института клиническаго, но отъ высшаго начальства на лучшее устройство заведенія сего разрѣшенія не было, что усмотрѣть можно изъ бумагъ по сему предмету, въ канцеляріи правленія и совѣта хранящихся.

Съ симъ же вмѣстѣ честь имѣю представить копію съ представленія, сдѣланнаго мною бывшему визитаторомъ въ здѣшнемъ университетѣ нынѣшнему г. попечителю казанскаго округа, дѣйствительному статскому совѣтнику и кавалеру Михайлѣ Леонтьевичу Магницкому, съ коимъ и планъ, какъ устроить комнаты въ типографскомъ домѣ для институтовъ клиническихъ и вѣдомость о вещахъ необходимыхъ, и о суммѣ, на сіе нужной, имѣлъ честь представить. Каковыя всѣ бумаги, вмѣстѣ съ прочими въ различныя времена по сему предмету поступившими, ежели благоугодно будетъ оному совѣту, можно представить для разсмотрѣнія и удоствѣренія г. директору и кавалеру Владимірскому“.

Еще до того представленъ былъ отзывъ и проф. К. Ѳ. Фуксомъ, въ качествѣ профессора по кафедрѣ патологіи, терапіи и клиники ближе всѣхъ заинтересованнымъ въ поднятомъ директоромъ вопросѣ. Сдѣлавъ сначала краткое заявленіе совѣту въ томъ смыслѣ, что „планъ, съ описаніемъ всего для заведенія сего нужнаго, давно уже составленъ и хранится въ дѣлахъ врачебнаго отдѣленія“, Фуксъ 15-го ноября подалъ въ факультетъ слѣдующее объясненіе по поводу обвиненій, предъявленныхъ директоромъ университета:

„Вслѣдствіе отношенія г. директора казанскаго университета въ совѣтъ здѣшняго университета касательно недостатковъ, найденныхъ имъ въ университетской и клинической больницахъ, честь имѣю симъ объяснить:

1. Что тѣснота въ сихъ больницахъ произошла отъ соединенія съ оными и больницы гимназической и помѣщенія въ семъ домѣ и чиновниковъ гимназіи послѣ пожара, въ Казани бывшаго, въ которое время гимназія сгорѣла *.

2. О убранствѣ лучшемъ сихъ комнатъ нельзя было ничего предпринять по малому количеству денегъ, правленіемъ университетскимъ на содержаніе больныхъ ассигнуемому, такъ что едва на прокормленіе ихъ онаго достаточно бываетъ.

3. Почему въ гимназической больницѣ введены тюфяки кожанные—мнѣ неизвѣстно, а въ клинической больницѣ они сдѣланы изъ парусины, которая при вступленіи новаго больного всегда берется чисто вымотою и вновь набивается новою, мелко изрубленною, рогожею.

4. Лекарство аккуратно всегда больнымъ дается или помощникомъ моимъ или, во время его отсутствія на лекціи или по другимъ занятіямъ, по его наставленію, солдатами, для прислуги больнымъ назначенными. Впрочемъ, мнѣ, какъ врачу, должно быть самому извѣстно, какимъ образомъ больные должны лекарствами быть удовлетворяемы. Наконецъ—

5. Клиника находится нынѣ точно въ такомъ же состояніи, какъ я ее недавно и на короткое время (ad interim) принялъ. Дѣлать новыя распоряженія въ семъ заведеніи—мнѣ препоручено не было".

Не ограничившись доставленіемъ объясненій профессоровъ Вердерамо и Фукса, врачебное отдѣленіе сдѣлало по поводу предложенія директора и слѣдующія постановленія относительно клиническаго института, о которыхъ представило совѣту отъ 18-го ноября:

а) „На мѣсто приставленныхъ къ клиникѣ и больницамъ студентовъ Отсолига и Кручинина—поручить г. профессору Фуксу пріискать хорошаго поведенія фельдшера, который бы имѣлъ и достаточныя къ исправленію должности докторскаго помощника свѣдѣнія".

б) „Открытое сообщеніе великовозрастныхъ съ малолѣтними поручило г. врачу больницы преградить, ежели найдетъ къ тому удобность".

в) „Какъ типографскій домъ прежде признанъ нынѣшнимъ г. деканомъ профессоромъ Вердерамо и бывшимъ казанскаго университета про-

* Ссылка на колоссальный казанскій пожаръ 3 сентября 1815 года (см. о немъ томъ II, стр. 121 и слѣд.).

„Вслѣдствіе отношенія г. директора казанскаго университета въ совѣтъ здѣшняго университета касательно недостатковъ, найденныхъ имъ въ университетской и клинической больницахъ, честь имѣю симъ объяснить:

1. Что тѣснота въ сихъ больницахъ произошла отъ соединенія съ оными и больницы гимназической и помѣщенія въ семъ домѣ и чиновниковъ гимназіи послѣ пожара, въ Казани бывшаго, въ которое время гимназія сгорѣла *.

2. О убранствѣ лучшемъ сихъ комнатъ нельзя было ничего предпринять по малому количеству денегъ, правленіемъ университетскимъ на содержаніе больныхъ ассигнуемому, такъ что едва на прокормленіе ихъ онаго достаточно бываетъ.

3. Почему въ гимназической больницѣ введены тюфяки кожанные— мнѣ неизвѣстно, а въ клинической больницѣ они сдѣланы изъ парусины, которая при вступленіи новаго больного всегда берется чисто вымотою и вновь набивается новою, мелко изрубленною, рогожею.

4. Лекарство аккуратно всегда больнымъ дается или помощникомъ моимъ или, во время его отсутствія на лекціи или по другимъ занятіямъ, по его наставленію, солдатами, для прислуги больнымъ назначенными. Впрочемъ, мнѣ, какъ врачу, должно быть самому извѣстно, какимъ образомъ больные должны лекарствами быть удовлетворяемы. Наконецъ—

5. Клиника находится нынѣ точно въ такомъ же состояніи, какъ я ее недавно и на короткое время (ad interim) принялъ. Дѣлать новыя распоряженія въ семъ заведеніи—мнѣ препоручено не было".

Не ограничившись доставленіемъ объясненій профессоровъ Вердерамо и Фукса, врачебное отдѣленіе сдѣлало по поводу предложенія директора и слѣдующія постановленія относительно клиническаго института, о которыхъ представило совѣту отъ 18-го ноября:

а) „На мѣсто приставленныхъ къ клиникѣ и больницамъ студентовъ Отсолига и Кручинина—поручить г. профессору Фуксу пріискать хорошаго поведенія фельдшера, который бы имѣлъ и достаточныя къ исправленію должности докторскаго помощника свѣдѣнія".

б) „Открытое сообщеніе великовозрастныхъ съ малолѣтними поручило г. врачу больницы преградить, ежели найдетъ къ тому удобность".

в) „Какъ типографскій домъ прежде признанъ нынѣшнимъ г. деканомъ профессоромъ Вердерамо и бывшимъ казанскаго университета про-

* Ссылка на колоссальный казанскій пожаръ 3 сентября 1815 года (см. о немъ томъ II, стр. 121 и слѣд.).

фессоромъ Эрдманомъ изъ всѣхъ университетскихъ домовъ способнѣйшимъ къ помѣщенію университетской клиники и больницы по чистотѣ воздуха, по находящемуся при немъ саду и по лучшему расположенію комнатъ, то отдѣленіе предполагаетъ университетскую клинику и больницу оставить въ бель-этажѣ онаго дома".

Сообщенныя директору университета, ни объясненія профессоровъ Вердерамо и Фукса, ни постановленія факультета—не удовлетворили Владимірскаго, возразившаго на сдѣланныя ему представленія слѣдующимъ новымъ предложеніемъ отъ 19-го декабря:

„На отношеніе ко мнѣ отъ 17-го сего декабря я поспѣшаю увѣдомить совѣтъ университета, что присланное ко мнѣ объясненіе г. профессора Фукса, безъ всякихъ замѣчаній и заключеній—не совсѣмъ удовлетворяетъ мое требованіе. Статьи 1-ая, 2-ая, первая половина 3-ей и 5-ая—въ его объясненіи заслуживали бы, кажется, что бы ихъ обсудить; мнѣ же судъ сей не принадлежитъ. Я прошу внѣшняго улучшенія больницъ и клиники. Г-нъ Фуксъ излагаетъ причины, почему онъ того не достигаетъ; но ни отдѣленіе, ни совѣтъ не почтили своимъ мнѣніемъ, сосредоточивши достоинство означенныхъ заведеній въ томъ, что нѣтъ дома лучшаго для нихъ, какъ нынѣ занимаемый.

Не касаясь дѣяній совѣта и отдѣленія, мой долгъ представить на уваженіе то, что условіе ad interim, ниже на кратчайшее время—въ исполненіяхъ службы принято быть не можетъ, а тѣмъ менѣе въ заведеніяхъ, гдѣ цѣнится жизнь человѣческая.

Я снова убѣждаюсь покорнѣйше просить совѣтъ казанскаго университета о принятіи рѣшительныхъ мѣръ къ приведенію вышеозначенныхъ заведеній въ лучшее устройство".

Инцидентъ съ обличеніемъ клиническихъ и больничныхъ распорядковъ долженъ быть признанъ первымъ пораженіемъ Владимірскаго въ его столкновеніяхъ съ университетомъ. Самъ Магницкій, очевидно, не находился въ курсѣ образа дѣйствій своего казанскаго alter ego, такъ какъ ровно за три дня до только что приведеннаго второго директорскаго предложенія, именно 16-го декабря 1819 года, попечитель выразилъ проф. Фуксу свою благодарность „за приведеніе въ устройство университетской клиники и больницы". Эта попечительская „благодарность" положила, само собою разумѣется, конецъ дальнѣйшимъ конфликтамъ на той же почвѣ между университетомъ и его директоромъ"[116].

фессоромъ Эрдманомъ изъ всѣхъ университетскихъ домовъ способнѣйшимъ къ помѣщенію университетской клиники и больницы по чистотѣ воздуха, по находящемуся при немъ саду и по лучшему расположенію комнатъ, то отдѣленіе предполагаетъ университетскую клинику и больницу оставить въ бель-этажѣ онаго дома".

Сообщенныя директору университета, ни объясненія профессоровъ Вердерамо и Фукса, ни постановленія факультета—не удовлетворили Владимірскаго, возразившаго на сдѣланныя ему представленія слѣдующимъ новымъ предложеніемъ отъ 19-го декабря:

„На отношеніе ко мнѣ отъ 17-го сего декабря я поспѣшаю увѣдомить совѣтъ университета, что присланное ко мнѣ объясненіе г. профессора Фукса, безъ всякихъ замѣчаній и заключеній—не совсѣмъ удовлетворяетъ мое требованіе. Статьи 1-ая, 2-ая, первая половина 3-ей и 5-ая—въ его объясненіи заслуживали бы, кажется, что бы ихъ обсудить; мнѣ же судъ сей не принадлежитъ. Я прошу внѣшняго улучшенія больницъ и клиники. Г-нъ Фуксъ излагаетъ причины, почему онъ того не достигаетъ; но ни отдѣленіе, ни совѣтъ не почтили своимъ мнѣніемъ, сосредоточивши достоинство означенныхъ заведеній въ томъ, что нѣтъ дома лучшаго для нихъ, какъ нынѣ занимаемый.

Не касаясь дѣяній совѣта и отдѣленія, мой долгъ представить на уваженіе то, что условіе ad interim, ниже на кратчайшее время—въ исполненіяхъ службы принято быть не можетъ, а тѣмъ менѣе въ заведеніяхъ, гдѣ цѣнится жизнь человѣческая.

Я снова убѣждаюсь покорнѣйше просить совѣтъ казанскаго университета о принятіи рѣшительныхъ мѣръ къ приведенію вышеозначенныхъ заведеній въ лучшее устройство".

Инцидентъ съ обличеніемъ клиническихъ и больничныхъ распорядковъ долженъ быть признанъ первымъ пораженіемъ Владимірскаго въ его столкновеніяхъ съ университетомъ. Самъ Магницкій, очевидно, не находился въ курсѣ образа дѣйствій своего казанскаго alter ego, такъ какъ ровно за три дня до только что приведеннаго второго директорскаго предложенія, именно 16-го декабря 1819 года, попечитель выразилъ проф. Фуксу свою благодарность „за приведеніе въ устройство университетской клиники и больницы". Эта попечительская „благодарность" положила, само собою разумѣется, конецъ дальнѣйшимъ конфликтамъ на той же почвѣ между университетомъ и его директоромъ" [116].

Уже извѣстныя намъ данныя относительно начальнаго состоянія клиническаго института казанскаго университета могли бы сами по себѣ говорить за весьма незначительную жизнедѣятельность этого учрежденія. Количество его паціентовъ никогда не бывало въ ту пору значительнымъ. Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, что общее количество больныхъ, лечившихся въ клиникѣ въ теченіи 1817 года, напримѣръ, равнялось цифрѣ 72-хъ человѣкъ, въ 1818 году—цифрѣ 56-ти человѣкъ, весною же 1819 года число больныхъ, пользовавшихся въ клиникѣ, составляло всего 5 человѣкъ, въ томъ числѣ двое студентовъ. Немногимъ превзошло цифру паціентовъ клиники въ 1817 году и количество лечившихся въ ней въ 1820 году, какъ это усматривается изъ „вѣдомости о больныхъ, лечимыхъ въ клиническомъ институтѣ императорскаго казанскаго университета съ 1-го января 1820 года по 1-ое число января 1821 года“, въ началѣ 1821 года представленной совѣту университета директоромъ клиники проф. К. Ѳ. Фуксомъ. Въ этой любопытной (табличной) вѣдомости всѣхъ больныхъ, пользовавшихся за отчетный годъ въ университетской клиникѣ, значится 83 человѣка, съ раздѣленіемъ ихъ на страдавшихъ острыми заболѣваніями (morbis acutis—54 человѣка) и недугами хроническими (morbis chronicis—29 человѣкъ), съ количествомъ 7-ми умершихъ по обоимъ разрядамъ. Изъ болѣзненныхъ формъ въ отчетномъ году преобладали: перемежающаяся лихорадка и сифилисъ (по 7 случаевъ), нервозный тифъ (typho nervoso—6 случаевъ), гнилой тифъ (typho putrido—5 случаевъ), ревматизмы (4 случая) и т. д.; любопытными представляются два случая холеры (cholera), зарегистрированные въ этомъ году и окончившіеся выздоровленіемъ. Весьма любопытный, но довольно загадочный самъ по себѣ, фактъ изъ времени завѣдыванія профессоромъ К. Ѳ. Фуксомъ клиникою казанскаго университета удалось намъ найти въ дѣлѣ о возведеніи его въ званіе заслуженнаго профессора. При этомъ дѣлѣ имѣется прошеніе Фукса, въ которомъ, указывая свои служебныя заслуги передъ университетомъ, Фуксъ ссылается на то, что имъ устроена была въ собственномъ домѣ клиника; весьма вѣроятно, что здѣсь рѣчь идетъ объ амбулаторномъ пріемѣ на дому больныхъ, къ участію въ которомъ, ради клинической практики, Фуксъ могъ привлекать и своихъ слушателей [117].

Мы видѣли, что еще въ ноябрѣ 1819 года врачебное отдѣленіе университета постановило пріискать хорошаго фельдшера, на котораго возможнымъ явилось бы возложить обязанности докторскаго помощника при клиникѣ. Задача пріисканія такого подготовленнаго „фельд-

Уже извѣстныя намъ данныя относительно начальнаго состоянія клиническаго института казанскаго университета могли бы сами по себѣ говорить за весьма незначительную жизнедѣятельность этого учрежденія. Количество его паціентовъ никогда не бывало въ ту пору значительнымъ. Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, что общее количество больныхъ, лечившихся въ клиникѣ въ теченіи 1817 года, напримѣръ, равнялось цифрѣ 72-хъ человѣкъ, въ 1818 году—цифрѣ 56-ти человѣкъ, весною же 1819 года число больныхъ, пользовавшихся въ клиникѣ, составляло всего 5 человѣкъ, въ томъ числѣ двое студентовъ. Немногимъ превзошло цифру паціентовъ клиники въ 1817 году и количество лечившихся въ ней въ 1820 году, какъ это усматривается изъ „вѣдомости о больныхъ, лечимыхъ въ клиническомъ институтѣ императорскаго казанскаго университета съ 1-го января 1820 года по 1-ое число января 1821 года", въ началѣ 1821 года представленной совѣту университета директоромъ клиники проф. К. Ѳ. Фуксомъ. Въ этой любопытной (табличной) вѣдомости всѣхъ больныхъ, пользовавшихся за отчетный годъ въ университетской клиникѣ, значится 83 человѣка, съ раздѣленіемъ ихъ на страдавшихъ острыми заболѣваніями (morbis acutis—54 человѣка) и недугами хроническими (morbis chronicis—29 человѣкъ), съ количествомъ 7-ми умершихъ по обоимъ разрядамъ. Изъ болѣзненныхъ формъ въ отчетномъ году преобладали: перемежающаяся лихорадка и сифилисъ (по 7 случаевъ), нервозный тифъ (typho nervoso—6 случаевъ), гнилой тифъ (typho putrido—5 случаевъ), ревматизмы (4 случая) и т. д.; любопытными представляются два случая холеры (cholera), зарегистрированные въ этомъ году и окончившіеся выздоровленіемъ. Весьма любопытный, но довольно загадочный самъ по себѣ, фактъ изъ времени завѣдыванія профессоромъ К. Ѳ. Фуксомъ клиникою казанскаго университета удалось намъ найти въ дѣлѣ о возведеніи его въ званіе заслуженнаго профессора. При этомъ дѣлѣ имѣется прошеніе Фукса, въ которомъ, указывая свои служебныя заслуги передъ университетомъ, Фуксъ ссылается на то, что имъ устроена была въ собственномъ домѣ клиника; весьма вѣроятно, что здѣсь рѣчь идетъ объ амбулаторномъ пріемѣ на дому больныхъ, къ участію въ которомъ, ради клинической практики, Фуксъ могъ привлекать и своихъ слушателей [117].

Мы видѣли, что еще въ ноябрѣ 1819 года врачебное отдѣленіе университета постановило пріискать хорошаго фельдшера, на котораго возможнымъ явилось бы возложить обязанности докторскаго помощника при клиникѣ. Задача пріисканія такого подготовленнаго „фельд-

шера",—въ особенности по условіямъ того времени,—являлась далеко не легкою и Кручининъ, сначала еще въ званіи студента, а съ 31-го мая 1820 года уже въ званіи лекаря, продолжалъ нести эту обязанность до осени 1821 года, когда, за назначеніемъ его на должность врача пермскаго военнаго госпиталя, обязанности докторскаго помощника по клиникѣ въ ноябрѣ того же года были возложены, согласно предложенію директора университета, на адъюнкта повивальнаго искусства, впослѣдствіе профессора, А. Е. Лентовскаго.

Въ началѣ 1823 года проф. Фуксъ возбудилъ вопросъ объ учрежденіи при клиникѣ должности ординатора, войдя въ отдѣленіе врачебныхъ наукъ съ представленіемъ, въ которомъ заявлялъ, что „для ближайшаго надзора за надлежащимъ теченіемъ дѣлъ и порядкомъ въ терапевтической клиникѣ полагаетъ онъ нужнымъ избрать лучшаго по нравственности и успѣхамъ студента въ званіе ординатора, обязанностью коего долженъ быть непосредственный бдительный надзоръ за исправнымъ ходомъ клиническаго дѣла". Въ этомъ представленіи проф. Фуксъ начертываетъ и кругъ обязанностей клиническаго ординатора, сводящійся къ слѣдующимъ функціямъ:

„I. Въ отношеніи къ студентамъ.

a) Смотрѣть за исправнымъ посѣщеніемъ клиническихъ упражненій студентами четвертаго и третьяго отдѣленій; b) Смотрѣть за порядочнымъ разборомъ вновь поступающихъ больныхъ кураторами оныхъ; c) Смотрѣть, что бы каждый кураторъ писалъ ежедневно и удовлетворительнымъ образомъ исторію о ходѣ и способѣ леченія своего больнаго и отмѣчалъ на доскѣ, вкратцѣ, его поступленіе, лѣта, болѣзнь, лекарства и діэту; d) Смотрѣть за порядкомъ дежурства студентовъ.

II. Въ отношеніи къ больнымъ.

a) Смотрѣть за исправностью полученія и раздачи лекарствъ; b) Смотрѣть за точнымъ исполненіемъ назначеннаго способа леченія и діэты для каждаго больнаго; c) Смотрѣть за чистотою и опрятностью клинической палаты и самихъ больныхъ, т. е. бѣлья ихъ и постели; d) Составлять вѣдомость о числѣ больныхъ и родѣ ихъ болѣзней: сколько въ каждомъ мѣсяцѣ оныхъ было, сколько выздоровѣло и умерло и сколько осталось до другого мѣсяца; изъ сихъ вѣдомостей онъ составляетъ потомъ общую за цѣлый годъ.

Его же попеченію подлежитъ цѣлость и правильное употребленіе вещей и лекарствъ, поведеніе, исправность фельдшера и служителей, подлежащихъ также его надзору.

шера",—въ особенности по условіямъ того времени,—являлась далеко не легкою и Кручининъ, сначала еще въ званіи студента, а съ 31-го мая 1820 года уже въ званіи лекаря, продолжалъ нести эту обязанность до осени 1821 года, когда, за назначеніемъ его на должность врача пермскаго военнаго госпиталя, обязанности докторскаго помощника по клиникѣ въ ноябрѣ того же года были возложены, согласно предложенію директора университета, на адъюнкта повивальнаго искусства, впослѣдствіе профессора, А. Е. Лентовскаго.

Въ началѣ 1823 года проф. Фуксъ возбудилъ вопросъ объ учрежденіи при клиникѣ должности ординатора, войдя въ отдѣленіе врачебныхъ наукъ съ представленіемъ, въ которомъ заявлялъ, что „для ближайшаго надзора за надлежащимъ теченіемъ дѣлъ и порядкомъ въ терапевтической клиникѣ полагаетъ онъ нужнымъ избрать лучшаго по нравственности и успѣхамъ студента въ званіе ординатора, обязанностью коего долженъ быть непосредственный бдительный надзоръ за исправнымъ ходомъ клиническаго дѣла". Въ этомъ представленіи проф. Фуксъ начертываетъ и кругъ обязанностей клиническаго ординатора, сводящійся къ слѣдующимъ функціямъ:

„I. Въ отношеніи къ студентамъ.

а) Смотрѣть за исправнымъ посѣщеніемъ клиническихъ упражненій студентами четвертаго и третьяго отдѣленій; b) Смотрѣть за порядочнымъ разборомъ вновь поступающихъ больныхъ кураторами оныхъ; с) Смотрѣть, что бы каждый кураторъ писалъ ежедневно и удовлетворительнымъ образомъ исторію о ходѣ и способѣ леченія своего больнаго и отмѣчалъ на doскѣ, вкратцѣ, его поступленіе, лѣта, болѣзнь, лекарства и діэту; d) Смотрѣть за порядкомъ дежурства студентовъ.

II. Въ отношеніи къ больнымъ.

а) Смотрѣть за исправностью полученія и раздачи лекарствъ; b) Смотрѣть за точнымъ исполненіемъ назначеннаго способа леченія и діэты для каждаго больнаго; с) Смотрѣть за чистотою и опрятностью клинической палаты и самихъ больныхъ, т. е. бѣлья ихъ и постели; d) Составлять вѣдомость о числѣ больныхъ и родѣ ихъ болѣзней: сколько въ каждомъ мѣсяцѣ оныхъ было, сколько выздоровѣло и умерло и сколько осталось до другого мѣсяца; изъ сихъ вѣдомостей онъ составляетъ потомъ общую за цѣлый годъ.

Его же попеченію подлежитъ цѣлость и правильное употребленіе вещей и лекарствъ, поведеніе, исправность фельдшера и служителей, подлежащихъ также его надзору.

Назначаемый въ ординаторы студентъ долженъ быть четвертаго отдѣленія (курса) и, для удобнѣйшаго надзора и занятій, онъ долженъ помѣщаться въ особой комнатѣ, близь терапевтической клиники".

Въ томъ же представленіи, вполнѣ одобренномъ и врачебнымъ отдѣленіемъ и совѣтомъ университета, Фуксъ рекомендовалъ для занятія должности ординатора студента Я. С. Сыромятникова; какъ результатъ этого ходатайства, такъ и дальнѣйшая судьба Сыромятникова въ своемъ мѣстѣ уже были нами указаны (см. выше стр. 118—120). Преемникомъ Сыромятникова по званію ординатора клиники явился студентъ и будущій профессоръ тарапевтической клиники Н. А. Скандовскій (съ 13-го сентября 1824 года), Скандовскаго же замѣнилъ въ этой должности (съ 28-го января 1826 года) лекарь И. И. Фирекк [118].

Нѣсколько лучшія условія существованія наступили для клиники университета съ осени 1820 года, когда, за перемѣщеніемъ гимназіи изъ университетскихъ домовъ въ отстроенное послѣ колоссальнаго пожара 1815 года собственное зданіе ея, оказалась возможность расширенія помѣщенія клиники выводомъ изъ занимавшагося ею типографскаго дома какъ гимназической больницы, такъ и квартиръ нѣкоторыхъ служащихъ; теперь для помѣщенія клиники очистились пять комнатъ (кромѣ больницы собственно студенческой), вмѣщавшихъ въ себѣ 17 кроватей. Это не замедлило отразиться и на кругѣ дѣятельности клиники: цифра пользовавшихся въ ней 83-хъ больныхъ, которую далъ намъ 1820 годъ, въ 1823—1824 акад. году возрасла уже до цифры 200 больныхъ, изъ которыхъ умерло всего лишь 5 человѣкъ, а въ 1824—1825 академ. году число паціентовъ клиники достигло цифры 260-ти больныхъ (умерло изъ нихъ только трое), изъ которыхъ 44 человѣка „по недостатку мѣста пользуемы были внѣ больницы".

Пріобрѣтенія клиническаго института могутъ быть названы за интересующій насъ промежутокъ времени довольно значительными. Лѣтомъ 1821 года для клиники былъ пріобрѣтенъ за 295 р. 80 коп., отъ адъюнкта Карейши, „новый полковой наборъ хирургическихъ инструментовъ, кои не были еще употреблены для операцій", заключавшій въ себѣ 25 померовъ и 42 отдѣльныхъ предмета. Весною 1822 года опредѣлено было пріобрѣсти „для преподаванія лекцій повивальнаго искусства фантомъ и полный наборъ родовспомогательныхъ, нынѣ употребляемыхъ, инструментовъ", а лѣтомъ 1823 года адъюнктъ Карейша принесъ въ даръ „приготовленный имъ женскій акушерскій тазъ". Но самымъ благопріят-

Назначаемый въ ординаторы студентъ долженъ быть четвертаго отдѣленія (курса) и, для удобнѣйшаго надзора и занятій, онъ долженъ помѣщаться въ особой комнатѣ, близь терапевтической клиники".

Въ томъ же представленіи, вполнѣ одобренномъ и врачебнымъ отдѣленіемъ и совѣтомъ университета, Фуксъ рекомендовалъ для занятія должности ординатора студента Я. С. Сыромятникова; какъ результатъ этого ходатайства, такъ и дальнѣйшая судьба Сыромятникова въ своемъ мѣстѣ уже были нами указаны (см. выше стр. 118—120). Преемникомъ Сыромятникова по званію ординатора клиники явился студентъ и будущій профессоръ тарапевтической клиники Н. А. Скандовскій (съ 13-го сентября 1824 года), Скандовскаго же замѣнилъ въ этой должности (съ 28-го января 1826 года) лекарь И. И. Фирекк ъ [118].

Нѣсколько лучшія условія существованія наступили для клиники университета съ осени 1820 года, когда, за перемѣщеніемъ гимназіи изъ университетскихъ домовъ въ отстроенное послѣ колоссальнаго пожара 1815 года собственное зданіе ея, оказалась возможность расширенія помѣщенія клиники выводомъ изъ занимавшагося ею типографскаго дома какъ гимназической больницы, такъ и квартиръ нѣкоторыхъ служащихъ; теперь для помѣщенія клиники очистились пять комнатъ (кромѣ больницы собственно студенческой), вмѣщавшихъ въ себѣ 17 кроватей. Это не замедлило отразиться и на кругѣ дѣятельности клиники: цифра пользовавшихся въ ней 83-хъ больныхъ, которую далъ намъ 1820 годъ, въ 1823—1824 акад. году возрасла уже до цифры 200 больныхъ, изъ которыхъ умерло всего лишь 5 человѣкъ, а въ 1824—1825 академ. году число паціентовъ клиники достигло цифры 260-ти больныхъ (умерло изъ нихъ только трое), изъ которыхъ 44 человѣка „по недостатку мѣста пользуемы были внѣ больницы".

Пріобрѣтенія клиническаго института могутъ быть названы за интересующій насъ промежутокъ времени довольно значительными. Лѣтомъ 1821 года для клиники былъ пріобрѣтенъ за 295 р. 80 коп., отъ адъюнкта Карейши, „новый полковой наборъ хирургическихъ инструментовъ, кои не были еще употреблены для операцій", заключавшій въ себѣ 25 номеровъ и 42 отдѣльныхъ предмета. Весною 1822 года опредѣлено было пріобрѣсти „для преподаванія лекцій повивальнаго искусства фантомъ и полный наборъ родовспомогательныхъ, нынѣ употребляемыхъ, инструментовъ", а лѣтомъ 1823 года адъюнктъ Карейша принесъ въ даръ „приготовленный имъ женскій акушерскій тазъ". Но самымъ благопріят-

нымъ годомъ явился для университетской клиники, съ точки зрѣнія обогащенія ея инструментами и аппаратами, 1823—1824 академ. годъ, благодаря высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта отъ 28-го марта 1823 года относительно употребленія до 5000 рублей на пріобрѣтеніе клиниками казанскаго университета „полныхъ наборовъ хирургическихъ, акушерскихъ и ветеринарныхъ инструментовъ". Часть этихъ инструментовъ была заказана и пріобрѣтена заграницею проф. Купферомъ, какъ разъ въ то время находившимся тамъ для пополненія университетскаго физическаго кабинета, часть же ихъ была пріобрѣтена въ Россіи; такъ, лѣтомъ 1824 года профессоромъ Ероховымъ было выписано изъ Петербурга на 282 р. 75 коп. различныхъ акушерскихъ инструментовъ. Именно къ этой крупной ассигновкѣ должно быть отнесено, конечно, показаніе университетскаго отчета за 1824—1825 академ. годъ о томъ, что „анатомическій и хирургическій кабинетъ * получилъ приращеніе на 4600 рублей" [119].

Что касается самаго помѣщенія университетской клиники, то въ этомъ отношеніи интересующіе насъ годы никакого прогресса не представили и клиническій институтъ продолжалъ ютиться все въ томъ же, съ грѣхомъ пополамъ приспособленномъ подъ него, бель-этажѣ „типографскаго" дома.

Приведемъ, въ заключеніе, довольно любопытный фактъ, иллюстрирующій то неприглядное положеніе, въ какомъ находилось въ то время дѣло призрѣнія въ Казани больныхъ, вообще, и которое натолкнуло губернскую администрацію на мысль воспользоваться въ этомъ отношеніи услугами университета. Въ январѣ 1824 года управлявшій казанскою губерніею вице-губернаторъ Жмакинъ обратился къ ректору и профессору университета К. Ѳ. Фуксу съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

„Милостивый государь мой Карлъ Ѳеодоровичъ.—До свѣдѣнія моего доведено, что число больныхъ въ подвѣдомой приказу общественнаго призрѣнія больницѣ увеличилось до того, что на одной кровати помѣщаются по два человѣка и приказъ затрудняется въ пріемѣ оныхъ.

Зная, что существующая при казанскомъ императорскомъ университетѣ клиника находится подъ вашимъ распоряженіемъ, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, увѣдомить меня, для преподанія способовъ страждущему человѣчеству къ облегченію угнетающихъ

---

* Относящуюся къ августу 1825 года подробную опись хирургическихъ инструментовъ, имѣвшихся въ соотвѣтствующемъ отдѣленіи клиники, интересующіеся найдутъ въ архивномъ дѣлѣ: Сов., 1825, № 47 (листы 8 и слѣд.).

нымъ годомъ явился для университетской клиники, съ точки зрѣнія обогащенія ея инструментами и аппаратами, 1823—1824 академ. годъ, благодаря высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта отъ 28-го марта 1823 года относительно употребленія до 5000 рублей на пріобрѣтеніе клиниками казанскаго университета „полныхъ наборовъ хирургическихъ, акушерскихъ и ветеринарныхъ инструментовъ". Часть этихъ инструментовъ была заказана и пріобрѣтена заграницею проф. Купферомъ, какъ разъ въ то время находившимся тамъ для пополненія университетскаго физическаго кабинета, часть же ихъ была пріобрѣтена въ Россіи; такъ, лѣтомъ 1824 года профессоромъ Ероховымъ было выписано изъ Петербурга на 282 р. 75 коп. различныхъ акушерскихъ инструментовъ. Именно къ этой крупной ассигновкѣ должно быть отнесено, конечно, показаніе университетскаго отчета за 1824—1825 академ. годъ о томъ, что „анатомическій и хирургическій кабинетъ * получилъ приращеніе на 4600 рублей" [119].

Что касается самаго помѣщенія университетской клиники, то въ этомъ отношеніи интересующіе насъ годы никакого прогресса не представили и клиническій институтъ продолжалъ ютиться все въ томъ же, съ грѣхомъ пополамъ приспособленномъ подъ него, бель-этажѣ „типографскаго" дома.

Приведемъ, въ заключеніе, довольно любопытный фактъ, иллюстрирующій то неприглядное положеніе, въ какомъ находилось въ то время дѣло призрѣнія въ Казани больныхъ, вообще, и которое натолкнуло губернскую администрацію на мысль воспользоваться въ этомъ отношеніи услугами университета. Въ январѣ 1824 года управлявшій казанскою губерніею вице-губернаторъ Жмакинъ обратился къ ректору и профессору университета К. Ѳ. Фуксу съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

„Милостивый государь мой Карлъ Ѳеодоровичъ.—До свѣдѣнія моего доведено, что число больныхъ въ подвѣдомой приказу общественнаго призрѣнія больницѣ увеличилось до того, что на одной кровати помѣщаются по два человѣка и приказъ затрудняется въ пріемѣ оныхъ.

Зная, что существующая при казанскомъ императорскомъ университетѣ клиника находится подъ вашимъ распоряженіемъ, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, увѣдомить меня, для преподанія способовъ страждущему человѣчеству къ облегченію угнетающихъ

---

* Относящуюся къ августу 1825 года подробную опись хирургическихъ инструментовъ, имѣвшихся въ соотвѣтствующемъ отдѣленіи клиники, интересующіеся найдутъ въ архивномъ дѣлѣ: Сов., 1825, № 47 (листы 8 и слѣд.).

его болѣзней—нельзя ли будетъ принимать въ оную больныхъ, изъ разныхъ домовъ присылаемыхъ въ больницу приказа, на томъ же самомъ основаніи, на какомъ они принимаются приказомъ".

Управляющему губерніею было отвѣчено, что „хотя университетъ имѣетъ двѣ больницы, но одна изъ нихъ предназначена именно для студентовъ, куда, кромѣ ихъ, никто не принимается, другая же столь мала, что едва помѣщаются въ ней чиновники и служители университета и казанской гимназіи и только изрѣдка случай дозволяетъ принимать постороннихъ съ платою по 25 рублей въ мѣсяцъ" [120]. Такъ окончилась эта переписка между губернскою администраціею и университетомъ, которая, при другихъ и болѣе благопріятныхъ условіяхъ, могла бы привести къ мысли о созданіи университетской госпитальной клиники,—мысли, нашедшей себѣ осуществленіе лишь въ 60-хъ годахъ минувшаго столѣтія.

Что бы покончить съ вопросомъ о положеніи въ годы попечительства Магницкаго учебно-вспомогательныхъ учрежденій казанскаго университета, намъ слѣдуетъ остановиться еще на проектѣ устройства при послѣднемъ особаго медицинскаго института, идея котораго зародилась еще до „обновленія" казанскаго университета, съ мыслью о созданіи котораго усиленно носился Магницкій, но которому такъ и не довелось осуществиться на практикѣ. Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, что вопросъ объ учрежденіи при университетѣ медицинскаго института еще въ началѣ 1813 года возбужденъ былъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ видахъ признанной необходимости усилить контингентъ врачей; видѣли, что вопросъ этотъ дѣятельно обсуждался весною того же года совѣтомъ университета, но дальнѣйшаго движенія не получилъ вслѣдствіе обычнаго для того времени препятствія—соображеній финансоваго характера. Вопросъ объ учрежденіи медицинскаго института осенью 1818 года снова явился предметомъ оживленнаго обсужденія его совѣтомъ университета, причемъ были выработаны и ученый и финансовый проекты института, но дальнѣйшаго движенія дѣло это,—опять таки по соображеніямъ финансоваго характера,—и на этотъ разъ не получило, цѣликомъ доставшись въ наслѣдіе эпохѣ попечительства Магницкаго. Намъ извѣстно, что вопросъ о цѣлесообразности основанія медицинскаго института былъ включенъ въ число предметовъ, на которые обращено было минис-

его болѣзней—нельзя ли будетъ принимать въ оную больныхъ, изъ разныхъ домовъ присылаемыхъ въ больницу приказа, на томъ же самомъ основаніи, на какомъ они принимаются приказомъ".

Управляющему губерніею было отвѣчено, что „хотя университетъ имѣетъ двѣ больницы, но одна изъ нихъ предназначена именно для студентовъ, куда, кромѣ ихъ, никто не принимается, другая же столь мала, что едва помѣщаются въ ней чиновники и служители университета и казанской гимназіи и только изрѣдка случай дозволяетъ принимать постороннихъ съ платою по 25 рублей въ мѣсяцъ" [120]. Такъ окончилась эта переписка между губернскою администраціею и университетомъ, которая, при другихъ и болѣе благопріятныхъ условіяхъ, могла бы привести къ мысли о созданіи университетской госпитальной клиники,—мысли, нашедшей себѣ осуществленіе лишь въ 60-хъ годахъ минувшаго столѣтія.

Что бы покончить съ вопросомъ о положеніи въ годы попечительства Магницкаго учебно-вспомогательныхъ учрежденій казанскаго университета, намъ слѣдуетъ остановиться еще на проектѣ устройства при послѣднемъ особаго медицинскаго института, идея котораго зародилась еще до „обновленія" казанскаго университета, съ мыслью о созданіи котораго усиленно носился Магницкій, но которому такъ и не довелось осуществиться на практикѣ. Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, что вопросъ объ учрежденіи при университетѣ медицинскаго института еще въ началѣ 1813 года возбужденъ былъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ видахъ признанной необходимости усилить контингентъ врачей; видѣли, что вопросъ этотъ дѣятельно обсуждался весною того же года совѣтомъ университета, но дальнѣйшаго движенія не получилъ вслѣдствіе обычнаго для того времени препятствія—соображеній финансоваго характера. Вопросъ объ учрежденіи медицинскаго института осенью 1818 года снова явился предметомъ оживленнаго обсужденія его совѣтомъ университета, причемъ были выработаны и ученый и финансовый проекты института, но дальнѣйшаго движенія дѣло это,—опять таки по соображеніямъ финансоваго характера,—и на этотъ разъ не получило, цѣликомъ доставшись въ наслѣдіе эпохѣ попечительства Магницкаго. Намъ извѣстно, что вопросъ о цѣлесообразности основанія медицинскаго института былъ включенъ въ число предметовъ, на которые обращено было минис-

терствомъ вниманіе Магницкаго при возложеніи на него въ началѣ 1819 года порученія обревизовать казанскій университетъ. Высказавшись, въ результатѣ своей ревизіи, въ сторону „публичнаго разрушенія“ казанскаго университета, Магницкій въ числѣ учебныхъ учрежденій, проектировавшихся имъ на развалинахъ университета, намѣчалъ и основаніе въ Казани „большого медико-хирургическаго института“, для котораго, въ лицѣ проф. К. Ѳ. Фукса, онъ прочилъ уже и директора *. Приговоренный ревизоромъ къ смерти казанскій университетъ, по счастью, уцѣлѣлъ, и хотя долженствовавшій явиться ему на смѣну „большой медико-хирургическій институтъ“ и не осуществился, тѣмъ не менѣе зародившаяся еще съ 1813 года идея созданія при университетѣ медицинскаго института не покидала Магницкаго во все время его попечительства.

Въ виду того, что вопросъ объ учрежденіи при казанскомъ университетѣ медицинскаго института, вызвавшій собою въ годы попечительства Магницкаго довольно сложное производство и обширную переписку, такъ и не былъ доведенъ до своего положительнаго осуществленія—мы не считаемъ цѣлесообразнымъ подробно останавливаться на немъ и коснемся его лишь въ самыхъ общихъ и существенныхъ чертахъ, представляя интересующимся обратиться къ подлиннымъ архивнымъ дѣламъ **.

Вопросъ объ учрежденіи медицинскаго института снова,—и счетомъ уже въ третій разъ,—возникъ въ казанскомъ университетѣ весною 1821 года, на почвѣ сознанной потребности въ увеличеніи комплекта казеннокоштныхъ студентовъ. Дѣло въ томъ, что попечитель округа 1-го марта этого года обратился въ университетъ съ предложеніемъ, въ которомъ предоставлялъ ему въ томъ случаѣ, „ежели положенный комплектъ студентовъ оказывается, по обширности округа и числу желающихъ вступить въ университетъ—недостаточнымъ“, войти съ представленіемъ относительно „распространенія штата до сорока, пятидесяти или болѣе, ежели дозволитъ помѣщеніе, съ умноженіемъ суммы, на содержаніе потребной“. Правленіе университета не преминуло воспользоваться этимъ предложеніемъ и уже 28-го марта вошло къ попечителю съ представленіемъ, въ которомъ заявляло, что „почитаетъ нужнымъ увеличить число студентовъ, казеннымъ иждивеніемъ содержимыхъ, во первыхъ—для медицинскаго факультета, и во вторыхъ—для факультетовъ физико-математическаго и этико-филологическаго (sic) обще, для того, что бы въ

* См. томъ I, стр. 454—456; томъ II, стр. 192 и слѣд.; томъ III, стр. 566.

** Основнымъ является въ данномъ случаѣ дѣло попечительской канцеляріи «Объ умноженіи числа студентовъ» (Попеч. 1821, № 109, на 111-ти листахъ).

терствомъ вниманіе Магницкаго при возложеніи на него въ началѣ 1819 года порученія обревизовать казанскій университетъ. Высказавшись, въ результатѣ своей ревизіи, въ сторону „публичнаго разрушенія" казанскаго университета, Магницкій въ числѣ учебныхъ учрежденій, проектировавшихся имъ на развалинахъ университета, намѣчалъ и основаніе въ Казани „большого медико-хирургическаго института", для котораго, въ лицѣ проф. К. Ѳ. Фукса, онъ прочилъ уже и директора *. Приговоренный ревизоромъ къ смерти казанскій университетъ, по счастью, уцѣлѣлъ, и хотя долженствовавшій явиться ему на смѣну „большой медико-хирургическій институтъ" и не осуществился, тѣмъ не менѣе зародившаяся еще съ 1813 года идея созданія при университетѣ медицинскаго института не покидала Магницкаго во все время его попечительства.

Въ виду того, что вопросъ объ учрежденіи при казанскомъ университетѣ медицинскаго института, вызвавшій собою въ годы попечительства Магницкаго довольно сложное производство и обширную переписку, такъ и не былъ доведенъ до своего положительнаго осуществленія—мы не считаемъ цѣлесообразнымъ подробно останавливаться на немъ и коснемся его лишь въ самыхъ общихъ и существенныхъ чертахъ, представляя интересующимся обратиться къ подлиннымъ архивнымъ дѣламъ **.

Вопросъ объ учрежденіи медицинскаго института снова,—и счетомъ уже въ третій разъ,—возникъ въ казанскомъ университетѣ весною 1821 года, на почвѣ сознанной потребности въ увеличеніи комплекта казеннокоштныхъ студентовъ. Дѣло въ томъ, что попечитель округа 1-го марта этого года обратился въ университетъ съ предложеніемъ, въ которомъ предоставлялъ ему въ томъ случаѣ, „ежели положенный комплектъ студентовъ оказывается, по обширности округа и числу желающихъ вступить въ университетъ—недостаточнымъ", войти съ представленіемъ относительно „распространенія штата до сорока, пятидесяти или болѣе, ежели дозволитъ помѣщеніе, съ умноженіемъ суммы, на содержаніе потребной". Правленіе университета не преминуло воспользоваться этимъ предложеніемъ и уже 28-го марта вошло къ попечителю съ представленіемъ, въ которомъ заявляло, что „почитаетъ нужнымъ увеличить число студентовъ, казеннымъ иждивеніемъ содержимыхъ, во первыхъ—для медицинскаго факультета, и во вторыхъ—для факультетовъ физико-математическаго и этико-филологическаго (sic) обще, для того, что бы въ

* См. томъ I, стр. 454—456; томъ II, стр. 192 и слѣд.; томъ III, стр. 566.

** Основнымъ является въ данномъ случаѣ дѣло попечительской канцеляріи «Объ умноженіи числа студентовъ» (Попеч. 1821, № 109, на 111-ти листахъ).

первомъ пріуготовляемы были на службу государственную медицинскіе чиновники, а во вторыхъ двухъ учители гимназій или уѣздныхъ училищъ". Мотивируя свое представленіе уже раньше проявленными начинаніями министерства въ пользу учрежденія при казанскомъ университетѣ медицинскаго института и работами, произведенными въ этомъ направленіи университетомъ, правленіе подкрѣпляетъ свое представленіе и соображеніемъ относительно „бѣдности краевъ астраханскаго и сибирскаго медиками, происходящей отъ того, какъ думать должно, что выпускаемые изъ медико-хирургической академіи или университетовъ студенты неохотно поступаютъ на службу въ оные края, какъ мѣста, по бóльшей части, весьма удаленныя отъ ихъ родины"; предполагая дополнительный комплектъ казенныхъ студентовъ „набирать изъ всякаго состоянія, но особенно изъ духовныхъ училищъ, на тѣхъ же правилахъ, какъ выбираются они для императорской медико-хирургической академіи", правленіе высказываетъ увѣренность, что неудобства, проистекающія отъ нерасположенія молодыхъ врачей къ службѣ на окраинахъ, окажутся парализованными, „когда медицинскіе студенты для университета будутъ набираемы въ губерніяхъ университетскаго округа и по окончаніи курса поступая въ оные края, не будутъ отвлекаться отъ своихъ мѣстъ любовью къ родинѣ, какъ то случается нынѣ". Правленіе представило, при этомъ, и подробную смѣту дополнительныхъ расходовъ (23,145 р. 25 коп. единовременно и 12,760 р. ежегодно), которыхъ потребуетъ содержаніе сорока студентовъ медицинскаго и десяти студентовъ прочихъ факультетовъ; представлены были попечителю и данныя, въ прежнее время выработанныя врачебнымъ отдѣленіемъ по вопросу объ учрежденіи медицинскаго института, съ выработаннымъ въ 1818 году проектомъ этого послѣдняго включительно.

Соотвѣтствующее представленіе Магницкаго министру послѣдовало 9-го мая 1821 года, а 28-го марта 1823 года состоялось высочайшее утвержденіе мнѣнія государственнаго совѣта „объ умноженіи числа казенныхъ студентовъ при казанскомъ университетѣ" на основаніяхъ, выработанныхъ правленіемъ университета еще весною 1821 года [121].

Высочайше утвержденное 28-го марта 1823 года мнѣніе государственнаго совѣта имѣло въ виду, какъ мы это только что видѣли, лишь „умноженіе числа казенныхъ студентовъ", но Магницкій, съ свойственною ему рѣшительностью, поставилъ дѣло на почву стараго вопроса о созданіи при казанскомъ университетѣ цѣлаго медицинскаго института. Въ началѣ 1824 года поставленъ былъ на очередь даже

первомъ пріуготовляемы были на службу государственную медицинскіе чиновники, а во вторыхъ двухъ учители гимназій или уѣздныхъ училищъ". Мотивируя свое представленіе уже раньше проявленными начинаніями министерства въ пользу учрежденія при казанскомъ университетѣ медицинскаго института и работами, произведенными въ этомъ направленіи университетомъ, правленіе подкрѣпляетъ свое представленіе и соображеніемъ относительно „бѣдности краевъ астраханскаго и сибирскаго медиками, происходящей отъ того, какъ думать должно, что выпускаемые изъ медико-хирургической академіи или университетовъ студенты неохотно поступаютъ на службу въ оные края, какъ мѣста, по бо́льшей части, весьма удаленныя отъ ихъ родины"; предполагая дополнительный комплектъ казенныхъ студентовъ „набирать изъ всякаго состоянія, но особенно изъ духовныхъ училищъ, на тѣхъ же правилахъ, какъ выбираются они для императорской медико-хирургической академіи", правленіе высказываетъ увѣренность, что неудобства, проистекающія отъ нерасположенія молодыхъ врачей къ службѣ на окраинахъ, окажутся парализованными, „когда медицинскіе студенты для университета будутъ набираемы въ губерніяхъ университетскаго округа и по окончаніи курса поступая въ оные края, не будутъ отвлекаться отъ своихъ мѣстъ любовью къ родинѣ, какъ то случается нынѣ". Правленіе представило, при этомъ, и подробную смѣту дополнительныхъ расходовъ (23,145 р. 25 коп. единовременно и 12,760 р. ежегодно), которыхъ потребуетъ содержаніе сорока студентовъ медицинскаго и десяти студентовъ прочихъ факультетовъ; представлены были попечителю и данныя, въ прежнее время выработанныя врачебнымъ отдѣленіемъ по вопросу объ учрежденіи медицинскаго института, съ выработаннымъ въ 1818 году проектомъ этого послѣдняго включительно.

Соотвѣтствующее представленіе Магницкаго министру послѣдовало 9-го мая 1821 года, а 28-го марта 1823 года состоялось высочайшее утвержденіе мнѣнія государственнаго совѣта „объ умноженіи числа казенныхъ студентовъ при казанскомъ университетѣ" на основаніяхъ, выработанныхъ правленіемъ университета еще весною 1821 года [121].

Высочайше утвержденное 28-го марта 1823 года мнѣніе государственнаго совѣта имѣло въ виду, какъ мы это только что видѣли, лишь „умноженіе числа казенныхъ студентовъ", но Магницкій, съ свойственною ему рѣшительностью, поставилъ дѣло на почву стараго вопроса о созданіи при казанскомъ университетѣ цѣлаго медицинскаго института. Въ началѣ 1824 года поставленъ былъ на очередь даже

вопросъ о пріобрѣтеніи особаго дома для помѣщенія въ немъ будущаго института, вызванный представленіемъ университетскаго правленія отъ 29-го декабря 1823 года, въ которомъ правленіе, въ виду производившейся въ то время капитальной перестройки университетскихъ зданій и необходимости озаботиться пріисканіемъ для намѣченнаго медицинскаго института помѣщенія, просило попечителя разрѣшить его недоумѣніе: „Какъ повелѣно будетъ окончить строеніе главнаго корпуса и новаго при ономъ флигеля—согласно ли съ прежнимъ планомъ или иначе?" Магницкій 22-го января 1824 года далъ на этотъ запросъ отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что „поелику при сочиненіи плановъ, фасадовъ и смѣты на отстроеніе зданія казанскаго университета не было въ виду помѣщенія въ немъ медицинскаго института, то и невозможно теперь приспособить зданія къ помѣщенію онаго", хотя онъ, съ своей стороны, полагаетъ, что „удобнѣе всего было бы пріобрѣсти покупкою особый домъ для медицинскаго института, подлѣ зданій университетскихъ, на что и испрашиваю я, вмѣстѣ съ симъ,—добавляетъ попечитель,—предварительное разрѣшеніе господина министра".

Заручившись согласіемъ министра отъ 26-го марта 1824 года на „собраніе на мѣстѣ свѣдѣній о цѣнѣ продаваемыхъ въ Казани домовъ, сосѣдственныхъ университету", для помѣщенія будущаго медицинскаго института, Магницкій остановился на тѣхъ же двухъ, находившихся отъ университета черезъ улицу, домахъ Папова * и купца Крупеникова, которые еще въ 1805 году приторговывались Румовскимъ и Яковкинымъ для помѣщенія въ нихъ университета. Съ просьбою о вліятельномъ посредничествѣ въ дѣлѣ пріобрѣтенія одного изъ этихъ домовъ Магницкій обратился къ находившемуся въ то время въ Казани, на правахъ временнаго генералъ-губернатора, сенатору В. Ю. Соймонову, который, въ свою очередь, обратился съ тѣмъ же къ управляющему губерніею, которымъ уже къ началу мая 1824 года всѣ необходимыя данныя и были сообщены. Оказалось, что Паповъ, изъявивъ принципіальное согласіе на уступку своего дома, отказался опредѣлить цѣну за него впредь до пріисканія себѣ другого дома, купецъ же Леонтій Крупениковъ объявилъ, что, „движимый собственнымъ усердіемъ къ выгодамъ толико полезнаго заведенія", онъ крайнею цѣною за свой домъ назначаетъ сумму въ 70 тысячъ рублей ассигнаціями. Ни одна изъ этихъ покупокъ не состоялась, да и самое дѣло объ учрежденіи медицинскаго института пришлось отложить на

* Домъ, бывшій впослѣдствіе купца Соколова, нынѣ же—г. Ушкова.

вопросъ о пріобрѣтеніи особаго дома для помѣщенія въ немъ будущаго института, вызванный представленіемъ университетскаго правленія отъ 29-го декабря 1823 года, въ которомъ правленіе, въ виду производившейся въ то время капитальной перестройки университетскихъ зданій и необходимости озаботиться пріисканіемъ для намѣченнаго медицинскаго института помѣщенія, просило попечителя разрѣшить его недоумѣніе: „Какъ повелѣно будетъ окончить строеніе главнаго корпуса и новаго при ономъ флигеля—согласно ли съ прежнимъ планомъ или иначе?" Магницкій 22-го января 1824 года далъ на этотъ запросъ отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что „поелику при сочиненіи плановъ, фасадовъ и смѣты на отстроеніе зданія казанскаго университета не было въ виду помѣщенія въ немъ медицинскаго института, то и невозможно теперь приспособить зданія къ помѣщенію онаго", хотя онъ, съ своей стороны, полагаетъ, что „удобнѣе всего было бы пріобрѣсти покупкою особый домъ для медицинскаго института, подлѣ зданій университетскихъ, на что и испрашиваю я, вмѣстѣ съ симъ,—добавляетъ попечитель,—предварительное разрѣшеніе господина министра".

Заручившись согласіемъ министра отъ 26-го марта 1824 года на „собраніе на мѣстѣ свѣдѣній о цѣнѣ продаваемыхъ въ Казани домовъ, сосѣдственныхъ университету", для помѣщенія будущаго медицинскаго института, Магницкій остановился на тѣхъ же двухъ, находившихся отъ университета черезъ улицу, домахъ Папова * и купца Крупеникова, которые еще въ 1805 году приторговывались Румовскимъ и Яковкинымъ для помѣщенія въ нихъ университета. Съ просьбою о вліятельномъ посредничествѣ въ дѣлѣ пріобрѣтенія одного изъ этихъ домовъ Магницкій обратился къ находившемуся въ то время въ Казани, на правахъ временнаго генералъ-губернатора, сенатору В. Ю. Соймонову, который, въ свою очередь, обратился съ тѣмъ же къ управляющему губерніею, которымъ уже къ началу мая 1824 года всѣ необходимыя данныя и были сообщены. Оказалось, что Паповъ, изъявивъ принципіальное согласіе на уступку своего дома, отказался опредѣлить цѣну за него впредь до пріисканія себѣ другого дома, купецъ же Леонтій Крупениковъ объявилъ, что, „движимый собственнымъ усердіемъ къ выгодамъ толико полезнаго заведенія", онъ крайнею цѣною за свой домъ назначаетъ сумму въ 70 тысячъ рублей ассигнаціями. Ни одна изъ этихъ покупокъ не состоялась, да и самое дѣло объ учрежденіи медицинскаго института пришлось отложить на

* Домъ, бывшій впослѣдствіе купца Соколова, нынѣ же—г. Ушкова.

время совершенно неопредѣленное: 26-го іюля того же 1824 года ректоромъ университета было заявлено въ совѣтѣ, что „къ заведенію медицинскаго института, по тѣснотѣ помѣщенія, не предвидится скорой возможности, но, по сношенію съ г. директоромъ, онъ находитъ, что можно помѣстить около десяти человѣкъ при теперешнемъ состояніи зданій, а посему приличнымъ кажется на первый разъ принять въ медицинское отдѣленіе означенное количество студентовъ изъ духовнаго и другихъ званій, изъ учениковъ гимназій казанскаго округа, дабы положить начало новому медицинскому институту". Магницкому оставалось лишь присоединиться къ этому заключенію, тѣмъ болѣе, что министръ народнаго просвѣщенія усиленно рекомендовалъ ему озаботиться помѣщеніемъ будущаго института въ самомъ зданіи университета, указывая на серьезныя затрудненія, какія встрѣтило бы ходатайство о пріобрѣтеніи для этой цѣли особаго дома.

Въ концѣ 1825 года произошло обстоятельство, положившее окончательный предѣлъ двѣнадцатилѣтнимъ толкамъ и предположеніямъ относительно учрежденія при казанскомъ университетѣ медицинскаго института: съ высочайшаго соизволенія, при императорскихъ с.-петербургской и московской медико-хирургическихъ академіяхъ опредѣлено было учредить „особыя отдѣленія для образованія молодыхъ людей, сибирскихъ уроженцевъ духовнаго званія, по медицинской части, собственно для служенія въ Сибири". Этимъ самымъ удовлетворялась одна изъ образовательныхъ потребностей, выдвигавшихся серьезнымъ стимуломъ въ вопросѣ объ основаніи въ Казани особаго медицинскаго института [122].

Г

Училищныя отношенія университета

Казанскій учебный округъ въ началѣ попечительства Магницкаго.—Движеніе училищнаго дѣла за 1821—1828 годы.—Недовѣріе Магницкаго къ казанскому университету и первыя административно-педагогическія мѣропріятія его по округу.—Дѣло о взиманіи платы за право ученія.—Сношенія по училищному дѣлу съ губернаторами учебнаго округа и результаты этого начинанія.—Генеральная ревизія округа въ 1820—1821 годахъ.—Визатаціи позднѣйшихъ годовъ.—Извѣтъ дворянина Данилевскаго и визитація проф. Суровцовымъ пензенской гимназіи.—Ревизія казанской гимназіи 1822 года.—Ходъ этой ревизіи и ея результаты.—Условія внутренней жизни училищъ округа въ эпоху попечительства Магницкаго.—Мѣры насажденія въ училищахъ духа благочестія.—Отдѣльные факты изъ училищной жизни того времени.—Директоръ университета Владимірскій въ роли блюстителя благочестія въ округѣ.—Ревизія училищныхъ библіотекъ съ точки зрѣнія благонамѣренности ихъ состава.—Гоненіе на «вред-

время совершенно неопредѣленное: 26-го іюля того же 1824 года ректоромъ университета было заявлено въ совѣтѣ, что „къ заведенію медицинскаго института, по тѣснотѣ помѣщенія, не предвидится скорой возможности, но, по сношенію съ г. директоромъ, онъ находитъ, что можно помѣстить около десяти человѣкъ при теперешнемъ состояніи зданій, а посему приличнымъ кажется на первый разъ принять въ медицинское отдѣленіе означенное количество студентовъ изъ духовнаго и другихъ званій, изъ учениковъ гимназій казанскаго округа, дабы положить начало новому медицинскому институту". Магницкому оставалось лишь присоединиться къ этому заключенію, тѣмъ болѣе, что министръ народнаго просвѣщенія усиленно рекомендовалъ ему озаботиться помѣщеніемъ будущаго института въ самомъ зданіи университета, указывая на серьезныя затрудненія, какія встрѣтило бы ходатайство о пріобрѣтеніи для этой цѣли особаго дома.

Въ концѣ 1825 года произошло обстоятельство, положившее окончательный предѣлъ двѣнадцатилѣтнимъ толкамъ и предположеніямъ относительно учрежденія при казанскомъ университетѣ медицинскаго института: съ высочайшаго соизволенія, при императорскихъ с.-петербургской и московской медико-хирургическихъ академіяхъ опредѣлено было учредить „особыя отдѣленія для образованія молодыхъ людей, сибирскихъ уроженцевъ духовнаго званія, по медицинской части, собственно для служенія въ Сибири". Этимъ самымъ удовлетворялась одна изъ образовательныхъ потребностей, выдвигавшихся серьезнымъ стимуломъ въ вопросѣ объ основаніи въ Казани особаго медицинскаго института [122].

Г

Училищныя отношенія университета

Казанскій учебный округъ въ началѣ попечительства Магницкаго.—Движеніе училищнаго дѣла за 1821—1828 годы.—Недовѣріе Магницкаго къ казанскому университету и первыя административно-педагогическія мѣропріятія его по округу.—Дѣло о взиманіи платы за право ученія.—Сношенія по училищному дѣлу съ губернаторами учебнаго округа и результаты этого начинанія.—Генеральная ревизія округа въ 1820—1821 годахъ.—Визитаціи позднѣйшихъ годовъ.—Извѣтъ дворянина Данилевскаго и визитація проф. Суровцовымъ пензенской гимназіи.—Ревизія казанской гимназіи 1822 года.—Ходъ этой ревизіи и ея результаты.—Условія внутренней жизни училищъ округа въ эпоху попечительства Магницкаго.—Мѣры насажденія въ училищахъ духа благочестія.—Отдѣльные факты изъ училищной жизни того времени.—Директоръ университета Владимірскій въ роли блюстителя благочестія въ округѣ.—Ревизія училищныхъ библіотекъ съ точки зрѣнія благонамѣренности ихъ состава.—Гоненіе на «вред-

ныя» книги.—Условія быта учащихся и учащих.—Дисциплинарно-карательныя мѣры по отношенію къ преподавательскому персоналу.—Отношеніе Магницкаго къ вопросу о просвѣщеніи мусульманскаго населенія края и проектъ основанія центральнаго татарскаго училища.—Проектъ учрежденія въ Казани института восточныхъ языковъ.—Общій взглядъ на училищную дѣятельность университета.

Задачи, возложенныя на университетъ по отношенію къ училищамъ его округа уставомъ 5-го ноября 1804 года и одновременно съ нимъ изданнымъ „Уставомъ учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ университетамъ"— въ своемъ мѣстѣ уже были предметомъ нашего разсмотрѣнія, вмѣстѣ съ изложеніемъ какъ постепеннаго хода развитія, такъ и итоговъ училищной дѣятельности казанскаго университета въ предѣлахъ первой четверти вѣка его существованія *.

Общая постановка училищной дѣятельности университета мало измѣнилась, по крайней мѣрѣ съ формальной стороны, въ эпоху Магницкаго, жившаго въ столицѣ, далеко отъ ввѣреннаго ему округа; тѣмъ не менѣе, какъ мы увидимъ это ниже, онъ и въ этомъ направленіи сумѣлъ сдѣлать университетъ послушнымъ орудіемъ своихъ обскурантно-охранительныхъ тенденцій, наложивъ тяжелую руку и на учебный округъ. Съ точки зрѣнія условій собственно общественнаго характера, училищная жизнь округа даетъ картину, совершенно подобную картинѣ, которую представили намъ годы, предшествовавшіе эпохѣ Магницкаго: тѣ же препятствія и тормазы въ дѣлѣ расширенія и болѣе твердой постановки училищнаго дѣла; тотъ же недостатокъ общественной иниціативы и поддержки этого дѣла и сознательнаго сочувствія къ нему въ большей части современнаго общества; та же недостаточная педагогическая подготовленность училищнаго персонала; тотъ же, оставлявшій желать весьма многаго, нравственный уровень этого послѣдняго...

Эпоха Магницкаго не можетъ быть признана особенно плодотворною съ точки зрѣнія расширенія училищнаго дѣла въ округѣ, что наглядно усматривается изъ количества училищъ, вновь открытыхъ за время

---

* См. томъ III. стр. 170 и слѣд.

Спѣшимъ исправить здѣсь крупный недосмотръ, вкравшійся въ нашемъ предшествовавшемъ повѣствованіи объ училищныхъ отношеніяхъ университета (см. томъ I, стр. XXXIX, томъ III, стр. 180, 187 и 195). Училищной компетенціи университетовъ положенъ былъ конецъ не училищнымъ уставомъ 8-го декабря 1828 года, по высочайшимъ указомъ отъ 25-го іюня 1835 года и одновременно обнародованнымъ «Положеніемъ объ учебныхъ округахъ», которыми дальнѣйшее управленіе университетовъ училищными дѣлами было признано «несовмѣстнымъ съ умноженіемъ дѣятельности высшихъ учебныхъ заведеній».

ныя» книги.—Условія быта учащихся и учащихъ.—Дисциплинарно-карательныя мѣры по отношенію къ преподавательскому персоналу.—Отношеніе Магницкаго къ вопросу о просвѣщеніи мусульманскаго населенія края и проектъ основанія центральнаго татарскаго училища.—Проектъ учрежденія въ Казани института восточныхъ языковъ.—Общій взглядъ на училищную дѣятельность университета.

Задачи, возложенныя на университетъ по отношенію къ училищамъ его округа уставомъ 5-го ноября 1804 года и одновременно съ нимъ изданнымъ „Уставомъ учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ университетамъ"—въ своемъ мѣстѣ уже были предметомъ нашего разсмотрѣнія, вмѣстѣ съ изложеніемъ какъ постепеннаго хода развитія, такъ и итоговъ училищной дѣятельности казанскаго университета въ предѣлахъ первой четверти вѣка его существованія *.

Общая постановка училищной дѣятельности университета мало измѣнилась, по крайней мѣрѣ съ формальной стороны, въ эпоху Магницкаго, жившаго въ столицѣ, далеко отъ ввѣреннаго ему округа; тѣмъ не менѣе, какъ мы увидимъ это ниже, онъ и въ этомъ направленіи сумѣлъ сдѣлать университетъ послушнымъ орудіемъ своихъ обскурантно-охранительныхъ тенденцій, наложивъ тяжелую руку и на учебный округъ. Съ точки зрѣнія условій собственно общественнаго характера, училищная жизнь округа даетъ картину, совершенно подобную картинѣ, которую представили намъ годы, предшествовавшіе эпохѣ Магницкаго: тѣ же препятствія и тормазы въ дѣлѣ расширенія и болѣе твердой постановки училищнаго дѣла; тотъ же недостатокъ общественной иниціативы и поддержки этого дѣла и сознательнаго сочувствія къ нему въ большей части современнаго общества; та же недостаточная педагогическая подготовленность училищнаго персонала; тотъ же, оставлявшій желать весьма многаго, нравственный уровень этого послѣдняго...

Эпоха Магницкаго не можетъ быть признана особенно плодотворною съ точки зрѣнія расширенія училищнаго дѣла въ округѣ, что наглядно усматривается изъ количества училищъ, вновь открытыхъ за время

---

* См. томъ III. стр. 170 и слѣд.

Спѣшимъ исправить здѣсь крупный недосмотръ, вкравшійся въ нашемъ предшествовавшемъ повѣствованіи объ училищныхъ отношеніяхъ университета (см. томъ I, стр. XXXIX, томъ III, стр. 180, 187 и 195). Училищной компетенціи университетовъ положенъ былъ конецъ не училищнымъ уставомъ 8-го декабря 1828 года, по высочайшимъ указомъ отъ 25-го іюня 1835 года и одновременно обнародованнымъ «Положеніемъ объ учебныхъ округахъ», которыми дальнѣйшее управленіе университетовъ училищными дѣлами было признано «несовмѣстнымъ съ умноженіемъ дѣятельности высшихъ учебныхъ заведеній».

его попечительства,—а именно: а) 1 гимназія—саратовская (30 августа 1820 г.), б) 15 уѣздныхъ училищъ—слободское (преобразовано изъ малаго народнаго 17 іюня 1819 г.), красноярское (вновь учреждено 28 сент. 1819 г.), ирбитское (преобразовано изъ малаго народнаго 22 іюля 1820 г.), екатеринбургское (тоже, 30 авг. 1820 г.), соликамское (тоже, 6 дек. 1820 г.), чердынское (тоже, 23 дек. 1820 г.), нижнеломовское (вновь учреждено въ 1820 г.), оренбургское, каинское, темниковское (вновь учреждены въ 1821—22 акад. году), царевококшайское (вновь учреждено въ 1824—25 акад. году), котельническое (преобразовано изъ малаго народнаго въ 1824—25 акад. году), кизлярское, моздокское и георгіевское (вновь учреждены въ началѣ 20-хъ годовъ), в) 1 казацкое училище—красноярское (вновь учреждено въ 1824—25 акад. году и г) 5 приходскихъ училищъ—вятское и малосундырское (учреждены въ 1821—22 акад. году), орловское, дубовское и алексѣевское (учреждены въ 1824—25 акад. году). За то общее количество училищъ нѣсколько уменьшилось въ исходѣ 1824 года, благодаря высочайшему указу отъ 31-го октября этого года, которымъ производилось „новое распредѣленіе губерній по учебнымъ округамъ, сообразно раздѣленію губерній на округи генералъ-губернаторскаго управленія". Въ силу этого высочайшаго указа изъ состава казанскаго учебнаго округа отчислялись губерніи: тамбовская (отходившая къ московскому учебному округу), астраханская и кавказская, а также училища, имѣвшіяся въ Грузіи (отходили къ харьковскому учебному округу); тѣмъ самымъ казанскій учебный округъ лишался одной гимназіи (астраханской), одного главнаго народнаго училища (тамбовскаго), девяти уѣздныхъ училищъ (астраханскаго, черноярскаго, кавказскаго, моршанскаго, темниковскаго, ставропольскаго, кизлярскаго, моздокскаго и георгіевскаго), одного армянскаго училища (астраханскаго Агабабовскаго) и одного благороднаго института (тифлисскаго).

Что бы составить себѣ болѣе наглядное представленіе относительно движенія училищнаго дѣла въ казанскомъ учебномъ округѣ за послѣднія восемь лѣтъ дѣйствія училищнаго устава 1804 года, мы возьмемъ четыре хронологическіе термина,—конецъ 1804 года (основаніе университета), начало 1821 года (начальная пора попечительства Магницкаго), конецъ 1825 года (конечная пора его) и конецъ 1828 года (введеніе новаго училищнаго устава),—и изложимъ интересующія насъ данныя въ видѣ слѣдующей таблицы:

его попечительства,—а именно: а) 1 гимназія—саратовская (30 августа 1820 г.), б) 15 уѣздныхъ училищъ—слободское (преобразовано изъ малаго народнаго 17 іюня 1819 г.), красноярское (вновь учреждено 28 сент. 1819 г.), ирбитское (преобразовано изъ малаго народнаго 22 іюля 1820 г.), екатеринбургское (тоже, 30 авг. 1820 г.), соликамское (тоже, 6 дек. 1820 г.), чердынское (тоже, 23 дек. 1820 г.), нижнеломовское (вновь учреждено въ 1820 г.), оренбургское, каинское, темниковское (вновь учреждены въ 1821—22 акад. году), царевококшайское (вновь учреждено въ 1824—25 акад. году), котельническое (преобразовано изъ малаго народнаго въ 1824—25 акад. году), кизлярское, моздокское и георгіевское (вновь учреждены въ началѣ 20-хъ годовъ), в) 1 казацкое училище—красноярское (вновь учреждено въ 1824—25 акад. году и г) 5 приходскихъ училищъ—вятское и малосундырское (учреждены въ 1821—22 акад. году), орловское, дубовское и алексѣевское (учреждены въ 1824—25 акад. году). За то общее количество училищъ нѣсколько уменьшилось въ исходѣ 1824 года, благодаря высочайшему указу отъ 31-го октября этого года, которымъ производилось „новое распредѣленіе губерній по учебнымъ округамъ, сообразно раздѣленію губерній на округи генералъ-губернаторскаго управленія". Въ силу этого высочайшаго указа изъ состава казанскаго учебнаго округа отчислялись губерніи: тамбовская (отходившая къ московскому учебному округу), астраханская и кавказская, а также училища, имѣвшіяся въ Грузіи (отходили къ харьковскому учебному округу); тѣмъ самымъ казанскій учебный округъ лишался одной гимназіи (астраханской), одного главнаго народнаго училища (тамбовскаго), девяти уѣздныхъ училищъ (астраханскаго, черноярскаго, кавказскаго, моршанскаго, темниковскаго, ставропольскаго, кизлярскаго, моздокскаго и георгіевскаго), одного армянскаго училища (астраханскаго Агабабовскаго) и одного благороднаго института (тифлисскаго).

Что бы составить себѣ болѣе наглядное представленіе относительно движенія училищнаго дѣла въ казанскомъ учебномъ округѣ за послѣднія восемь лѣтъ дѣйствія училищнаго устава 1804 года, мы возьмемъ четыре хронологическіе термина,—конецъ 1804 года (основаніе университета), начало 1821 года (начальная пора попечительства Магницкаго), конецъ 1825 года (конечная пора его) и конецъ 1828 года (введеніе новаго училищнаго устава),—и изложимъ интересующія насъ данныя въ видѣ слѣдующей таблицы:

Виды училищъ.	Конецъ 1804 г.	Начало 1821 г.	Конецъ 1825 г.	Конецъ 1828 г.
Гимназій	2*	10**	9	10***
Главныхъ народныхъ училищъ	11	3	2	1
Уѣздныхъ училищъ	—	60	64	77
Малыхъ народныхъ училищъ	29	5	2	—
Приходскихъ училищъ	—	около 43	45	54
Всего	42	121	122	142

Только что приведенная таблица довольно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ въ пользу плодотворности той созидательной училищной работы, которая выпала на долю казанскаго университета за первые 24 года его существованія и которая сводилась какъ къ открытію учебныхъ заведеній новыхъ, введенныхъ уставомъ 1804 года, типовъ, такъ и къ преобразованію въ такія училища старыхъ школъ, существовавшихъ еще на основаніи устава 1786 года, именно: главныхъ народныхъ училищъ—въ гимназіи, малыхъ народныхъ училищъ—въ училища уѣздныя. Эта созидательная работа явится въ нашихъ глазахъ еще болѣе почтенною, если мы примемъ въ соображеніе тѣ препятствія и тормозы какъ финансоваго, такъ и политическаго, культурнаго и общественнаго характера, съ которыми доводилось университету считаться въ его отвѣтственной и нелегкой училищной дѣятельности. Однимъ изъ такихъ условій отрицательнаго характера являлся и весьма малый спросъ на народное образованіе,—а насколько спросъ этотъ былъ, дѣйствительно, невеликъ, объ этомъ засвидѣтельствуютъ намъ нижеслѣдующія цифровыя данныя: въ концѣ 1814 года общее количество учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ громаднаго казанскаго округа составляло ничтожную цифру всего 2500 человѣкъ, возросшую въ 1819 году до количества 3185-ти, къ концу 1825 года—до количества 5756-ти и къ концу 1825 года, т. е. за время попечительства Магницкаго, снова падающую до цифры 4586-ти учащихся, т. е. почти на 25%; почти на такой же процентъ уменьшилось и количество учащихъ: съ 343-хъ, въ 1822 году, до 240, въ концѣ 1825 года [123].

* Казанская и пензенская.

** Въ этотъ счетъ включается нами и казанская гимназія, считавшаяся въ то время на особомъ положеніи и обыкновенно выдѣлявшаяся изъ ряда другихъ гимназій—губернскихъ. Въ концѣ 1825 г. количество гимназій уменьшается на одну, вслѣдствіе отчисленія къ харьковскому округу гимназіи астраханской, но въ концѣ 1828 г. оно возстановляется открытіемъ новой гимназіи—уфимской.

*** Въ томѣ III-мъ нашего труда, на 187-ой страницѣ, въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ ошибочно постовлена цифра «11»—просимъ исправить.

Виды училищъ.	Конецъ 1804 г.	Начало 1821 г.	Конецъ 1825 г.	Конецъ 1828 г.
Гимназій	2*	10**	9	10***
Главныхъ народныхъ училищъ	11	3	2	1
Уѣздныхъ училищъ	—	60	64	77
Малыхъ народныхъ училищъ	29	5	2	—
Приходскихъ училищъ	—	около 43	45	54
Всего	42	121	122	142

Только что приведенная таблица довольно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ въ пользу плодотворности той созидательной училищной работы, которая выпала на долю казанскаго университета за первые 24 года его существованія и которая сводилась какъ къ открытію учебныхъ заведеній новыхъ, введенныхъ уставомъ 1804 года, типовъ, такъ и къ преобразованію въ такія училища старыхъ школъ, существовавшихъ еще на основаніи устава 1786 года, именно: главныхъ народныхъ училищъ—въ гимназіи, малыхъ народныхъ училищъ—въ училища уѣздныя. Эта созидательная работа явится въ нашихъ глазахъ еще болѣе почтенною, если мы примемъ въ соображеніе тѣ препятствія и тормозы какъ финансоваго, такъ и политическаго, культурнаго и общественнаго характера, съ которыми доводилось университету считаться въ его отвѣтственной и нелегкой училищной дѣятельности. Однимъ изъ такихъ условій отрицательнаго характера являлся и весьма малый спросъ на народное образованіе,—а насколько спросъ этотъ былъ, дѣйствительно, невеликъ, объ этомъ засвидѣтельствуютъ намъ нижеслѣдующія цифровыя данныя: въ концѣ 1814 года общее количество учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ громаднаго казанскаго округа составляло ничтожную цифру всего 2500 человѣкъ, возросшую въ 1819 году до количества 3185-ти, къ концу 1825 года—до количества 5756-ти и къ концу 1825 года, т. е. за время попечительства Магницкаго, снова падающую до цифры 4586-ти учащихся, т. е. почти на 25%; почти на такой же процентъ уменьшилось и количество учащихъ: съ 343-хъ, въ 1822 году, до 240, въ концѣ 1825 года [123].

* Казанская и пензенская.

** Въ этотъ счетъ включается нами и казанская гимназія, считавшаяся въ то время на особомъ положеніи и обыкновенно выдѣлявшаяся изъ ряда другихъ гимназій—губернскихъ. Въ концѣ 1825 г. количество гимназій уменьшается на одну, вслѣдствіе отчисленія къ харьковскому округу гимназіи астраханской, но въ концѣ 1828 г. оно возстановляется открытіемъ новой гимназіи—уфимской.

*** Въ томѣ III-мъ нашего труда, на 187-ой страницѣ, въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ ошибочно постовлена цифра «11»—просимъ исправить.

Если за семилѣтнюю эпоху попечительства Магницкаго мы и не въ состояніи указать сколько нибудь серьезныхъ заботъ и мѣропріятій самого попечителя въ дѣлѣ расширенія постановки школьнаго дѣла въ округѣ, то за то эта эпоха выдвинула нѣсколько фантастическихъ предположеній и начинаній, осуществленія, конечно, не получившихъ, но представляющихся весьма характерными для обрисовки разбросаннаго склада умовозрѣнія попечителя-прожектера. Откладывая обзоръ этихъ порожденій неудержимой попечительской фантазіи до слѣдующей главы, остановимся въ настоящее время на начальныхъ административно-педагогическихъ мѣропріятіяхъ Магницкаго по учебному округу.

Магницкій уже съ первыхъ дней вступленія своего въ должность попечителя обнаружилъ въ высшей степени отрицательное и недовѣрчивое отношеніе къ училищной дѣятельности университета, нашедшее себѣ рѣзкое отраженіе еще въ донесеніи его министру относительно результатовъ произведенной имъ ревизіи. Подчеркнувъ въ этомъ донесеніи „полученость“ воспитанниковъ университета, „довершаемую невѣріемъ и самымъ глубокимъ невѣжествомъ въ законѣ Божіемъ“, Магницкій съ ужасомъ вспоминаетъ, что „изъ сихъ людей, такъ образованныхъ, выпущено уже въ пятьнадцать губерній 43 учителя“ и приходитъ къ заключенію, что „происшедшій отъ того вредъ весьма важенъ и не скоро исправленъ быть можетъ“. Въ этихъ немногихъ словахъ сказалось краткое, но краснорѣчивое, исповѣданіе Магницкимъ его будущихъ отношеній къ округу и къ его училищнымъ дѣламъ. Позже, въ относящемся къ 1826 году своемъ „краткомъ отчетѣ“ по управленію округомъ, Магницкій заявлялъ, что „обширнѣйшій округъ“ казанскій найденъ былъ имъ въ „запустѣніи“, такъ что „нельзя было безъ ужаса представить, что судьба шести тысячъ дѣтей ввѣрена была подобному учрежденію“, т. е. университету. Мы видѣли, что уже первые шаги попечительской дѣятельности Магницкаго ознаменовались возбужденіемъ дѣла о причинахъ замѣченной имъ малоуспѣшности учащихся по округу, на почвѣ котораго создалось цѣлое производство, съ обширнымъ заключеніемъ университетскаго совѣта по существу поставленнаго попечителемъ вопроса; это интересное дѣло и не менѣе любопытныя заключенія совѣта уже въ достаточной степени знакомы намъ, что и избавляетъ насъ отъ необходимости снова останавливаться на этомъ вопросѣ *.

---

* См. томъ II, стр. 625—626; томъ III, стр. 219 и слѣд.

Если за семилѣтнюю эпоху попечительства Магницкаго мы и не въ состояніи указать сколько нибудь серьезныхъ заботъ и мѣропріятій самого попечителя въ дѣлѣ расширенія постановки школьнаго дѣла въ округѣ, то за то эта эпоха выдвинула нѣсколько фантастическихъ предположеній и начинаній, осуществленія, конечно, не получившихъ, но представляющихся весьма характерными для обрисовки разбросаннаго склада умовозрѣнія попечителя-прожектера. Откладывая обзоръ этихъ порожденій неудержимой попечительской фантазіи до слѣдующей главы, остановимся въ настоящее время на начальныхъ административно-педагогическихъ мѣропріятіяхъ Магницкаго по учебному округу.

Магницкій уже съ первыхъ дней вступленія своего въ должность попечителя обнаружилъ въ высшей степени отрицательное и недовѣрчивое отношеніе къ училищной дѣятельности университета, нашедшее себѣ рѣзкое отраженіе еще въ донесеніи его министру относительно результатовъ произведенной имъ ревизіи. Подчеркнувъ въ этомъ донесеніи „полученость“ воспитанниковъ университета, „довершаемую невѣріемъ и самымъ глубокимъ невѣжествомъ въ законѣ Божіемъ“, Магницкій съ ужасомъ вспоминаетъ, что „изъ сихъ людей, такъ образованныхъ, выпущено уже въ пятьнадцать губерній 43 учителя“ и приходитъ къ заключенію, что „происшедшій отъ того вредъ весьма важенъ и не скоро исправленъ быть можетъ“. Въ этихъ немногихъ словахъ сказалось краткое, но краснорѣчивое, исповѣданіе Магницкимъ его будущихъ отношеній къ округу и къ его училищнымъ дѣламъ. Позже, въ относящемся къ 1826 году своемъ „краткомъ отчетѣ“ по управленію округомъ, Магницкій заявлялъ, что „обширнѣйшій округъ“ казанскій найденъ былъ имъ въ „запустѣніи“, такъ что „нельзя было безъ ужаса представить, что судьба шести тысячъ дѣтей ввѣрена была подобному учрежденію“, т. е. университету. Мы видѣли, что уже первые шаги попечительской дѣятельности Магницкаго ознаменовались возбужденіемъ дѣла о причинахъ замѣченной имъ малоуспѣшности учащихся по округу, на почвѣ котораго создалось цѣлое производство, съ обширнымъ заключеніемъ университетскаго совѣта по существу поставленнаго попечителемъ вопроса; это интересное дѣло и не менѣе любопытныя заключенія совѣта уже въ достаточной степени знакомы намъ, что и избавляетъ насъ отъ необходимости снова останавливаться на этомъ вопросѣ *.

---

* См. томъ II, стр. 625—626; томъ III, стр. 219 и слѣд.

Въ числѣ заключеній, высказанныхъ совѣтомъ университета по вопросу о малоуспѣшности учащихся, фигурировало и указаніе на дороговизну полнаго среднеобразовательнаго обученія, въ виду чего „люди бѣдные не могутъ долго воспитывать дѣтей своихъ на собственномъ иждивеніи и берутъ ихъ преждевременно". Любопытно, что еще до предъявленія попечителю совѣтскихъ заключеній, эта вполнѣ справедливая мысль была сознана самимъ Магницкимъ и вызвала собою цѣлую переписку по симпатичному и характерному для той эпохи вопросу о взиманіи по округу платы за ученіе, съ явною тенденціею сдѣлать начальное образованіе безплатнымъ или, по меньшей мѣрѣ, возможно болѣе дешевымъ. Училищнымъ комитетомъ университета еще въ концѣ 1819 года сдѣланы были по этому поводу соотвѣтствующіе запросы училищнымъ дирекціямъ, большая часть которыхъ и отозвалась въ пользу взиманія минимальной платы за ученіе. Такъ, директоръ оренбургскихъ училищъ отозвался, что „ученики оренбургскаго главнаго народнаго училища по большей части недостаточныхъ родителей, кои не только что бы могли платить за дѣтей своихъ, но съ трудомъ могутъ покупать учебныя книги, въ прочихъ же училищахъ оренбургской губерніи можно положить оть 25-ти до 5-ти рублей въ годъ платы, смотря по состоянію родителей". Директоръ тамбовскихъ училищъ рапортовалъ, что „взыскивать плату съ учениковъ за ученіе, судя по нынѣшнему состоянію просвѣщенія въ тамбовской губерніи, никакимъ образомъ не возможно безъ совершеннаго разстройства училищъ, ибо просвѣщеніе въ сей губерніи не сдѣлало никакихъ еще значительныхъ слѣдовъ и родители теперь, когда за обученіе никакой платы не требуютъ, неохотно отдаютъ дѣтей въ училища, многіе же изъ учениковъ крайне нуждаются въ покупкѣ книгъ; слѣдовательно, если положить за ученіе хотя малѣйшую плату, то чрезъ сіе училища вовсе останутся безъ учениковъ". Директоръ симбирскихъ училищъ донесъ, что „можно положить по училищамъ съ обучающихся отъ 15-ти до 20-ти рублей въ годъ платы съ каждаго, а съ учениковъ гимназіи, по бѣдному состоянію ихъ родителей, никакой не возможно". Директоръ пензенскихъ училищъ (извѣстный романистъ И. И. Лажечниковъ) отозвался, что „платы съ учениковъ по училищамъ губерніи положить невозможно, ибо родители многихъ недостаточны, а другіе едва съ трудомъ могутъ доставать себѣ пропитаніе". Директоръ нижегородскихъ училищъ представилъ, что „опредѣлить плату съ учащихся невозможно по малому расположенію родителей къ обученію дѣтей своихъ и по бѣдности ихъ", положить

Въ числѣ заключеній, высказанныхъ совѣтомъ университета по вопросу о малоуспѣшности учащихся, фигурировало и указаніе на дороговизну полнаго среднеобразовательнаго обученія, въ виду чего „люди бѣдные не могутъ долго воспитывать дѣтей своихъ на собственномъ иждивеніи и берутъ ихъ преждевременно". Любопытно, что еще до предъявленія попечителю совѣтскихъ заключеній, эта вполнѣ справедливая мысль была сознана самимъ Магницкимъ и вызвала собою цѣлую переписку по симпатичному и характерному для той эпохи вопросу о взиманіи по округу платы за ученіе, съ явною тенденціею сдѣлать начальное образованіе безплатнымъ или, по меньшей мѣрѣ, возможно болѣе дешевымъ. Училищнымъ комитетомъ университета еще въ концѣ 1819 года сдѣланы были по этому поводу соотвѣтствующіе запросы училищнымъ дирекціямъ, большая часть которыхъ и отозвалась въ пользу взиманія минимальной платы за ученіе. Такъ, директоръ оренбургскихъ училищъ отозвался, что „ученики оренбургскаго главнаго народнаго училища по большей части недостаточныхъ родителей, кои не только что бы могли платить за дѣтей своихъ, но съ трудомъ могутъ покупать учебныя книги, въ прочихъ же училищахъ оренбургской губерніи можно положить оть 25-ти до 5-ти рублей въ годъ платы, смотря по состоянію родителей". Директоръ тамбовскихъ училищъ рапортовалъ, что „взыскивать плату съ учениковъ за ученіе, судя по нынѣшнему состоянію просвѣщенія въ тамбовской губерніи, никакимъ образомъ не возможно безъ совершеннаго разстройства училищъ, ибо просвѣщеніе въ сей губерніи не сдѣлало никакихъ еще значительныхъ слѣдовъ и родители теперь, когда за обученіе никакой платы не требуютъ, неохотно отдаютъ дѣтей въ училища, многіе же изъ учениковъ крайне нуждаются въ покупкѣ книгъ; слѣдовательно, если положить за ученіе хотя малѣйшую плату, то чрезъ сіе училища вовсе останутся безъ учениковъ". Директоръ симбирскихъ училищъ донесъ, что „можно положить по училищамъ съ обучающихся отъ 15-ти до 20-ти рублей въ годъ платы съ каждаго, а съ учениковъ гимназіи, по бѣдному состоянію ихъ родителей, никакой не возможно". Директоръ пензенскихъ училищъ (извѣстный романистъ И. И. Лажечниковъ) отозвался, что „платы съ учениковъ по училищамъ губерніи положить невозможно, ибо родители многихъ недостаточны, а другіе едва съ трудомъ могутъ доставать себѣ пропитаніе". Директоръ нижегородскихъ училищъ представилъ, что „опредѣлить плату съ учащихся невозможно по малому расположенію родителей къ обученію дѣтей своихъ и по бѣдности ихъ", положить

же плату за ученіе можно бы было развѣ только „съ согласія родителей и судя по ихъ состоянію". Директоръ саратовскихъ училищъ доносилъ, что „по соображенію мѣстныхъ обстоятельствъ въ уѣздныхъ училищахъ можно назначить за обученіе по 5-ти рублей въ годъ, а въ гимназіи по 25-ти рублей, которыхъ позволяетъ состояніе, а бѣдныхъ обучать безъ платы". Директоръ казанскихъ училищъ представилъ, что „съ нѣкоторыхъ достаточныхъ родителей по городу Казани можно положить отъ 5-ти до 10-ти и 12-ти рублей, а дѣтей бѣдныхъ родителей обучать безденежно; въ прочихъ городахъ общества вносятъ нѣкоторыя суммы на содержаніе училищъ, а именно—въ чебоксарскомъ, козмодемьянскомъ, ядринскомъ, чистопольскомъ, а въ прочихъ, по причинѣ бѣдности родителей, не можно положить никакой платы" и т. п. Ближайшею же весною Магницкій входилъ къ министру народнаго просвѣшенія съ представленіемъ по вопросу о взиманіи въ училищахъ платы за ученіе и о результатахъ этого представленія далъ знать совѣту университета слѣдующимъ предложеніемъ отъ 28-го мая 1820 года:

„Господинъ министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, вслѣдствіе представленія моего о назначеніи платы съ учениковъ въ учебныхъ заведеніяхъ казанскаго округа, сообщилъ мнѣ, что онъ считаетъ нужнымъ положить на сей разъ плату только по уѣзднымъ училищамъ, именно нижеслѣдующимъ:

По училищамъ губерній оренбургской, симбирской, саратовской, въ астраханскомъ Агабабовскомъ, въ вятскихъ—вятскомъ, сарапульскомъ, елабужскомъ, слободскомъ, яранскомъ, котельническомъ и нолинскомъ, въ ставропольскомъ (кавказской губерніи), въ пермскомъ и казанскомъ—по 5-ти рублей въ годъ съ каждаго ученика.

Въ гимназіяхъ же ничего не полагать, потому: а) что гимназіи болѣе имѣютъ средствъ къ поддержанію себя и б) что и безъ платы весьма мало замѣчается желающихъ къ продолженію въ оныхъ обученія" [124].

Констатировалось уже въ начальную пору попечительства Магницкаго и другое условіе, отрицательнымъ образомъ отражавшееся на успѣхахъ преподаванія въ казанскомъ учебномъ округѣ. Это—крайняя матеріальная необезпеченность учительскаго персонала, въ особенности же въ училищахъ уѣздныхъ. Такъ, рапортомъ отъ 6-го марта 1820 года, директоръ симбирскихъ училищъ, ходатайствуя передъ училищнымъ комитетомъ относительно разрѣшенія взиманія съ учащихся, въ цѣляхъ усиленія штатнаго содержанія учителей, платы за

же плату за ученіе можно бы было развѣ только „съ согласія родителей и судя по ихъ состоянію". Директоръ саратовскихъ училищъ доносилъ, что „по соображенію мѣстныхъ обстоятельствъ въ уѣздныхъ училищахъ можно назначить за обученіе по 5-ти рублей въ годъ, а въ гимназіи по 25-ти рублей, которыхъ позволяетъ состояніе, а бѣдныхъ обучать безъ платы". Директоръ казанскихъ училищъ представилъ, что „съ нѣкоторыхъ достаточныхъ родителей по городу Казани можно положить отъ 5-ти до 10-ти и 12-ти рублей, а дѣтей бѣдныхъ родителей обучать безденежно; въ прочихъ городахъ общества вносятъ нѣкоторыя суммы на содержаніе училищъ, а именно—въ чебоксарскомъ, козмодемьянскомъ, ядринскомъ, чистопольскомъ, а въ прочихъ, по причинѣ бѣдности родителей, не можно положить никакой платы" и т. п. Ближайшею же весною Магницкій входилъ къ министру народнаго просвѣшенія съ представленіемъ по вопросу о взиманіи въ училищахъ платы за ученіе и о результатахъ этого представленія далъ знать совѣту университета слѣдующимъ предложеніемъ отъ 28-го мая 1820 года:

„Господинъ министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, вслѣдствіе представленія моего о назначеніи платы съ учениковъ въ учебныхъ заведеніяхъ казанскаго округа, сообщилъ мнѣ, что онъ считаетъ нужнымъ положить на сей разъ плату только по уѣзднымъ училищамъ, именно нижеслѣдующимъ:

По училищамъ губерній оренбургской, симбирской, саратовской, въ астраханскомъ Агабабовскомъ, въ вятскихъ—вятскомъ, сарапульскомъ, елабужскомъ, слободскомъ, яранскомъ, котельническомъ и нолинскомъ, въ ставропольскомъ (кавказской губерніи), въ пермскомъ и казанскомъ—по 5-ти рублей въ годъ съ каждаго ученика.

Въ гимназіяхъ же ничего не полагать, потому: а) что гимназіи болѣе имѣютъ средствъ къ поддержанію себя и б) что и безъ платы весьма мало замѣчается желающихъ къ продолженію въ оныхъ обученія" [124].

Констатировалось уже въ начальную пору попечительства Магницкаго и другое условіе, отрицательнымъ образомъ отражавшееся на успѣхахъ преподаванія въ казанскомъ учебномъ округѣ. Это—крайняя матеріальная необезпеченность учительскаго персонала, въ особенности же въ училищахъ уѣздныхъ. Такъ, рапортомъ отъ 6-го марта 1820 года, директоръ симбирскихъ училищъ, ходатайствуя передъ училищнымъ комитетомъ относительно разрѣшенія взиманія съ учащихся, въ цѣляхъ усиленія штатнаго содержанія учителей, платы за

обученіе въ размѣрѣ отъ 15-ти до 20-ти рублей въ годъ, выключая „тѣхъ, кои вовсе не въ состояніи оной производить“, а также и о побужденіи градскихъ думъ симбирской губерніи, черезъ посредство мѣстнаго губернатора, къ назначенію училищамъ пособій—набросалъ самую безотрадную, хотя и едва ли преувеличенную, картину матеріальнаго положенія подвѣдомственнаго ему учительскаго персонала:

„Учители, небезполезный классъ государственныхъ чиновниковъ,—писалъ здѣсь директоръ симбирскихъ училищъ,—претерпѣваютъ по жизни недостатокъ въ самонужнѣйшихъ потребностяхъ, истаяваютъ отъ глада и остаются безъ надлежащаго и сколько нибудь приличнаго званію ихъ покрова и, кромѣ гимназическихъ учителей, ни одинъ не имѣетъ мундира.

Таковая крайность невольно вынуждаетъ ихъ заимствоваться и накоплять неоплатные долги при нынѣшнемъ ихъ жалованьи. Были уже отъ нѣкоторыхъ мастеровыхъ и отъ сидѣльцевъ въ неплатежѣ денегъ приносимы жалобы, но не получали удовлетворенія по недостаточному состоянію учителей. Училищные чиновники всѣ почти забираютъ жалованье впередъ за мѣсяцъ, два и три, въ чемъ и отказать имъ невозможно, ибо жалованья, положеннаго по штату 1804 года, не достаетъ нынѣ, по возвышающейся дороговизнѣ, и на полгода“.

Совѣтъ университета, которому училищнымъ комитетомъ сообщено было ходатайство директора симбирскихъ училищъ, вошелъ по этому поводу въ сношенія съ симбирскимъ губернаторомъ; послѣдній, въ свою очередь, предложилъ объ этомъ ходатайствѣ уѣзднымъ городничимъ и градскимъ думамъ, но дальнѣйшаго движенія дѣло такъ и не получило, вопросъ же о назначеніи платы за обученіе въ уѣздныхъ училищахъ симбирской губерніи—самъ собою разрѣшился приведеннымъ нами выше предложеніемъ министра отъ 28-го мая того же года [125].

Мнительное отношеніе къ „духу“ еще не обновленнаго имъ университета и проистекавшее отсюда недовѣріе къ его училищнымъ функціямъ—съ полною силою сказались уже въ первые мѣсяцы попечительства Магницкаго. Новый попечитель имѣлъ, конечно, возможность получить отъ университетскаго училищнаго комитета всѣ необходимыя ему свѣдѣнія о положеніи училищнаго дѣла въ округѣ, тѣмъ не менѣе, какъ бы игнорируя это учрежденіе, наводнившее, по словамъ попечителя, 15 губерній учителями, воспитанными „въ невѣріи и самомъ глубокомъ невѣжествѣ въ законѣ Божьемъ“, Магницкій рѣшилъ прибѣгнуть къ содѣйствію гражданскаго начальства и, циркулярнымъ отно-

обученіе въ размѣрѣ отъ 15-ти до 20-ти рублей въ годъ, выключая „тѣхъ, кои вовсе не въ состояніи оной производить", а также и о побужденіи градскихъ думъ симбирской губерніи, черезъ посредство мѣстнаго губернатора, къ назначенію училищамъ пособій—набросалъ самую безотрадную, хотя и едва ли преувеличенную, картину матеріальнаго положенія подвѣдомственнаго ему учительскаго персонала:

„Учители, небезполезный классъ государственныхъ чиновниковъ,—писалъ здѣсь директоръ симбирскихъ училищъ,—претерпѣваютъ по жизни недостатокъ въ самонужнѣйшихъ потребностяхъ, истаяваютъ отъ глада и остаются безъ надлежащаго и сколько нибудь приличнаго званію ихъ покрова и, кромѣ гимназическихъ учителей, ни одинъ не имѣетъ мундира.

Таковая крайность невольно вынуждаетъ ихъ заимствоваться и накоплять неоплатные долги при нынѣшнемъ ихъ жалованьи. Были уже отъ нѣкоторыхъ мастеровыхъ и отъ сидѣльцевъ въ неплатежѣ денегъ приносимы жалобы, но не получали удовлетворенія по недостаточному состоянію учителей. Училищные чиновники всѣ почти забираютъ жалованье впередъ за мѣсяцъ, два и три, въ чемъ и отказать имъ невозможно, ибо жалованья, положеннаго по штату 1804 года, не достаетъ нынѣ, по возвышающейся дороговизнѣ, и на полгода".

Совѣтъ университета, которому училищнымъ комитетомъ сообщено было ходатайство директора симбирскихъ училищъ, вошелъ по этому поводу въ сношенія съ симбирскимъ губернаторомъ; послѣдній, въ свою очередь, предложилъ объ этомъ ходатайствѣ уѣзднымъ городничимъ и градскимъ думамъ, но дальнѣйшаго движенія дѣло такъ и не получило, вопросъ же о назначеніи платы за обученіе въ уѣздныхъ училищахъ симбирской губерніи—самъ собою разрѣшился приведеннымъ нами выше предложеніемъ министра отъ 28-го мая того же года [125].

Мнительное отношеніе къ „духу" еще не обновленнаго имъ университета и проистекавшее отсюда недовѣріе къ его училищнымъ функціямъ—съ полною силою сказались уже въ первые мѣсяцы попечительства Магницкаго. Новый попечитель имѣлъ, конечно, возможность получить отъ университетскаго училищнаго комитета всѣ необходимыя ему свѣдѣнія о положеніи училищнаго дѣла въ округѣ, тѣмъ не менѣе, какъ бы игнорируя это учрежденіе, наводнившее, по словамъ попечителя, 15 губерній учителями, воспитанными „въ невѣріи и самомъ глубокомъ невѣжествѣ въ законѣ Божьемъ", Магницкій рѣшилъ прибѣгнуть къ содѣйствію гражданскаго начальства и, циркулярнымъ отно-

шеніемъ отъ 25-го ноября 1819 года, обратился ко всѣмъ губернаторамъ округа съ просьбою сообщить ему свѣдѣнія о положеніи училищнаго дѣла въ ввѣренныхъ имъ губерніяхъ: „Вступивъ въ должность попечителя казанскаго учебнаго округа, я поставилъ себѣ пріятною обязанностью,—читаемъ въ этомъ циркулярномъ обращеніи,—просить Васъ увѣдомить меня о состояніи учебнаго управленія въ губерніи, Вамъ ввѣренной. Имѣя надобность въ сихъ свѣдѣніяхъ для исправленія недостатковъ, упущеній и злоупотребленій по сей части, для немедленнаго ихъ исправленія и, слѣдовательно, для блага самой губерніи, я смѣю надѣяться, что Вы, М. Г., не откажете мнѣ въ пособіи по сему предмету искреннимъ сообщеніемъ Вашего мнѣнія. Я бы покорнѣйше просилъ Васъ объ увѣдомленіи меня и на будущее время о всемъ томъ, что Вы почтете полезнымъ по части, мнѣ ввѣренной".

Этимъ начинаніемъ Магницкаго въ сферу училищныхъ дѣлъ и отношеній грозило вторгнуться вліяніе и даже прямое воздѣйствіе административнаго фактора, совершенно устраненнаго отъ круга этихъ дѣлъ и отношеній какъ университетскимъ, такъ и училищнымъ уставами 1804 года. Губернаторы округа отнеслись къ попечительскому обращенію съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія. Часть ихъ отнеслась къ нему съ чисто формальной стороны и, не обнаруживъ никакого поползновенія къ вмѣшательству въ неподлежащую имъ, уже въ силу самаго закона, учебную сферу, ограничились простою отпискою на циркулярное обращеніе Магницкаго. Другіе не безъ затаеннаго удовольствія увидѣли въ этомъ обращеніи къ нимъ попечителя почву, дававшую имъ возможность возстановить то утраченное вліяніе на училищныя дѣла и на учебное вѣдомство, которое въ широкой степени принадлежало губернской администраціи до обнародованія университетскаго и училищнаго уставовъ 5-го ноября 1804 года и съ утратою котораго наши губернскія власти того времени все еще никакъ не хотѣли примириться*, и не поскупились сообщеніемъ Магницкому не только тѣхъ данныхъ, относительно которыхъ тотъ просилъ ихъ, но и своихъ собственныхъ pia desideria и предположеній въ области постановки училищнаго дѣла. Нѣкоторые изъ этихъ губернаторскихъ отзывовъ представляются настолько характерными, что мы считаемъ не лишнимъ остановить на нихъ вниманіе нашихъ читателей. Если губернаторы пензенскій (Ѳ. Т. Лубяновскій), саратовскій (А. Д. Панчулидзевъ), вятскій (П. М. Добринскій) и иркутскій (Н. И. Трес-

* См. по этому поводу: томъ II, стр. 413 и слѣд., томъ III, стр. 205 и слѣд.

шеніемъ отъ 25-го ноября 1819 года, обратился ко всѣмъ губернаторамъ округа съ просьбою сообщить ему свѣдѣнія о положеніи училищнаго дѣла въ ввѣренныхъ имъ губерніяхъ: „Вступивъ въ должность попечителя казанскаго учебнаго округа, я поставилъ себѣ пріятною обязанностью,—читаемъ въ этомъ циркулярномъ обращеніи,—просить Васъ увѣдомить меня о состояніи учебнаго управленія въ губерніи, Вамъ ввѣренной. Имѣя надобность въ сихъ свѣдѣніяхъ для исправленія недостатковъ, упущеній и злоупотребленій по сей части, для немедленнаго ихъ исправленія и, слѣдовательно, для блага самой губерніи, я смѣю надѣяться, что Вы, М. Г., не откажете мнѣ въ пособіи по сему предмету искреннимъ сообщеніемъ Вашего мнѣнія. Я бы покорнѣйше просилъ Васъ объ увѣдомленіи меня и на будущее время о всемъ томъ, что Вы почтете полезнымъ по части, мнѣ ввѣренной".

Этимъ начинаніемъ Магницкаго въ сферу училищныхъ дѣлъ и отношеній грозило вторгнуться вліяніе и даже прямое воздѣйствіе административнаго фактора, совершенно устраненнаго отъ круга этихъ дѣлъ и отношеній какъ университетскимъ, такъ и училищнымъ уставами 1804 года. Губернаторы округа отнеслись къ попечительскому обращенію съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія. Часть ихъ отнеслась къ нему съ чисто формальной стороны и, не обнаруживъ никакого поползновенія къ вмѣшательству въ неподлежащую имъ, уже въ силу самаго закона, учебную сферу, ограничились простою отпискою на циркулярное обращеніе Магницкаго. Другіе не безъ затаеннаго удовольствія увидѣли въ этомъ обращеніи къ нимъ попечителя почву, дававшую имъ возможность возстановить то утраченное вліяніе на училищныя дѣла и на учебное вѣдомство, которое въ широкой степени принадлежало губернской администраціи до обнародованія университетскаго и училищнаго уставовъ 5-го ноября 1804 года и съ утратою котораго наши губернскія власти того времени все еще никакъ не хотѣли примириться*, и не поскупились сообщеніемъ Магницкому не только тѣхъ данныхъ, относительно которыхъ тотъ просилъ ихъ, но и своихъ собственныхъ pia desideria и предположеній въ области постановки училищнаго дѣла. Нѣкоторые изъ этихъ губернаторскихъ отзывовъ представляются настолько характерными, что мы считаемъ не лишнимъ остановить на нихъ вниманіе нашихъ читателей. Если губернаторы пензенскій (Ѳ. Т. Лубяновскій), саратовскій (А. Д. Панчулидзевъ), вятскій (П. М. Добринскій) и иркутскій (Н. И. Трес-

* См. по этому поводу: томъ II, стр. 413 и слѣд., томъ III, стр. 205 и слѣд.

кинъ) дали попечителю отзывы совершенно формально-уклончиваго характера, вполнѣ свидѣтельствовавшіе о полномъ нежеланіи вторгаться въ неподлежащую ихъ компетенціи сферу, то за то отзывы другихъ губернаторовъ приняли уже совершенно иную окраску.

Такъ, астраханскій губернаторъ И. Я. Бухаринъ высказалъ въ самой категорической формѣ пожеланіе, „что бы, вообще, гимназіи были непосредственно поручены начальникамъ губерній, которые какъ по учебной, такъ и по хозяйственной части могли бы доставить пользу и тѣмъ, что справедливѣе бы во всякое время отзывались объ оныхъ высшему начальству“; что касается состоянія мѣстной гимназіи, то губернаторъ не безъ нотки уязвленнаго престижа власти своей заявляетъ, что „о всѣхъ ея недостаткахъ, упущеніяхъ или злоупотребленіяхъ, по совершенной отдѣльности начальника губерніи отъ вліянія на сію часть“, не можетъ „даже поверхностно дать вѣрное свѣдѣніе, кромѣ общей молвы, что не всѣ учители заслуживаютъ довѣренности, а нѣкоторые изъ нихъ даже безнравственнаго поведенія“.

Тобольскій губернаторъ баронъ Ф. А. фонъ-Бринъ, уже извѣстный намъ своими столкновеніями съ мѣстнымъ директоромъ училищъ, бывшимъ профессоромъ А. И. Арнгольдтомъ, также высказывается за подчиненіе училищъ „мѣстному гражданскому начальству“, къ чему имъ и былъ даже предпринятъ совершенно самовольный шагъ: ссылаясь на имѣвшіе мѣсто случаи растраты училищныхъ денегъ, онъ пишетъ попечителю, что уже предписалъ мѣстному губернскому правленію „что бы училищныя суммы каждомѣсячно свидѣтельствуемы были чрезъ городничихъ (!)“. Такая, столько же рѣшительная, сколько и противозаконная, мѣра тобольскаго губернатора привела въ безпокойство самого Магницкаго, поспѣшившаго написать фонъ-Брину, что онъ „покорнѣйше проситъ отмѣнить сдѣланное распоряженіе, дабы городничіе свидѣтельствовали училищныя суммы, какъ несогласное съ высочайшими постановленіями по учебной части“.

Не далеко ушелъ отъ тобольскаго начальника губерніи и нижегородскій губернаторъ А. С. Крюковъ, доводившій до свѣдѣнія попечителя, что, хотя „губернское начальство въ отношеніи управленія учебными заведеніями никакого вліянія не имѣетъ“, тѣмъ не менѣе, желая „вѣрнѣе дознать о учебномъ управленіи и извлечь изъ того могущую быть пользу“, онъ „поручилъ всѣмъ городничимъ и земскимъ исправникамъ доставить аккуратныя свѣдѣнія о благо-

кинъ) дали попечителю отзывы совершенно формально-уклончиваго характера, вполнѣ свидѣтельствовавшіе о полномъ нежеланіи вторгаться въ неподлежащую ихъ компетенціи сферу, то за то отзывы другихъ губернаторовъ приняли уже совершенно иную окраску.

Такъ, астраханскій губернаторъ И. Я. Бухаринъ высказалъ въ самой категорической формѣ пожеланіе, „что бы, вообще, гимназіи были непосредственно поручены начальникамъ губерній, которые какъ по учебной, такъ и по хозяйственной части могли бы доставить пользу и тѣмъ, что справедливѣе бы во всякое время отзывались объ оныхъ высшему начальству“; что касается состоянія мѣстной гимназіи, то губернаторъ не безъ нотки уязвленнаго престижа власти своей заявляетъ, что „о всѣхъ ея недостаткахъ, упущеніяхъ или злоупотребленіяхъ, по совершенной отдѣльности начальника губерніи отъ вліянія на сію часть“, не можетъ „даже поверхностно дать вѣрное свѣдѣніе, кромѣ общей молвы, что не всѣ учители заслуживаютъ довѣренности, а нѣкоторые изъ нихъ даже безнравственнаго поведенія“.

Тобольскій губернаторъ баронъ Ф. А. фонъ-Бринъ, уже извѣстный намъ своими столкновеніями съ мѣстнымъ директоромъ училищъ, бывшимъ профессоромъ А. И. Аргольдтомъ, также высказывается за подчиненіе училищъ „мѣстному гражданскому начальству“, къ чему имъ и былъ даже предпринятъ совершенно самовольный шагъ: ссылаясь на имѣвшіе мѣсто случаи растраты училищныхъ денегъ, онъ пишетъ попечителю, что уже предписалъ мѣстному губернскому правленію „что бы училищныя суммы каждомѣсячно свидѣтельствуемы были чрезъ городничихъ (!)“. Такая, столько же рѣшительная, сколько и противозаконная, мѣра тобольскаго губернатора привела въ безпокойство самого Магницкаго, поспѣшившаго написать фонъ-Брину, что онъ „покорнѣйше проситъ отмѣнить сдѣланное распоряженіе, дабы городничіе свидѣтельствовали училищныя суммы, какъ несогласное съ высочайшими постановленіями по учебной части“.

Не далеко ушелъ отъ тобольскаго начальника губерніи и нижегородскій губернаторъ А. С. Крюковъ, доводившій до свѣдѣнія попечителя, что, хотя „губернское начальство въ отношеніи управленія учебными заведеніями никакого вліянія не имѣетъ“, тѣмъ не менѣе, желая „вѣрнѣе дознать о учебномъ управленіи и извлечь изъ того могущую быть пользу“, онъ „поручилъ всѣмъ городничимъ и земскимъ исправникамъ доставить аккуратныя свѣдѣнія о благо-

состояніи учебныхъ заведеній въ городахъ и уѣздахъ, собирая таковыя свѣдѣнія частнымъ образомъ". Сообщивъ объ установленномъ имъ, этимъ путемъ, негласномъ полицейскомъ контролѣ надъ учебнымъ дѣломъ, Крюковъ доводитъ до свѣдѣнія попечителя и о другой предпринятой имъ мѣрѣ: онъ „поручилъ г.г. предводителямъ дворянства пригласить изъ онаго сословія въ званіе почетныхъ смотрителей", возложивъ это званіе, для губернскаго города, лично на собственную свою особу.

Оренбургскій губернаторъ М А. Наврозовъ, выразивъ совершенно отрицательное отношеніе къ постановкѣ училищнаго дѣла въ ввѣренной ему губерніи, попадаетъ какъ разъ въ тонъ Магницкому, слагая всю вину въ томъ на казанскій университетъ: „Часть сія въ здѣшней губерніи въ самомъ нецвѣтущемъ состояніи небреженіемъ казанскаго университета и невниманіемъ онаго къ приведенію хотя бы въ должный порядокъ",—пишетъ попечителю начальникъ оренбургской губерніи.

Сплошное и въ значительной степени чисто голословное обличеніе училищныхъ порядковъ представилъ собою и отвѣтъ томскаго губернатора Д. В. Илличевскаго.

Симбирскій губернаторъ и преемникъ Магницкаго по управленію этою губерніею баронъ А. П. Умянцевъ, сообщая попечителю, что положеніе училищнаго дѣла остается здѣсь „въ такомъ же положеніи, въ каковомъ оно было и при вашемъ превосходительствѣ", добавляетъ, что, „дабы оное на будущее время устроить лучшимъ образомъ", онъ полагаетъ „при наступающихъ дворянскихъ выборахъ предложить объ ономъ сему сословію, что бы оно изъ среды своей избрало на каждый уѣздъ по одному лицу въ званіе почетнаго попечителя, съ тѣмъ, что бы, завѣдывая таковымъ устройствомъ, наблюдали какъ за хозяйственнымъ заведеніемъ ихъ, такъ, сколько возможно, и за самымъ порядкомъ ученія". Это губернаторское предначертаніе, имѣвшее въ виду отдать все училищное дѣло губерніи въ руки мѣстнаго дворянства, съ которымъ бывшій симбирскій губернаторъ, а теперь попечитель округа, всего только годъ назадъ разстался въ самыхъ враждебныхъ отношеніяхъ (см. томъ III, стр. 271—274), вызвало горячій протестъ со стороны Магницкаго, поспѣшившаго разъяснить своему преемнику, что „подъ вліяніемъ дворянства на часть учебную разумѣть должно одно пожертвованіе на училища денегъ, ибо выборъ смотрителей, ихъ утвержденіе и особливо обязанности, независимо отъ дворянства и

состояніи учебныхъ заведеній въ городахъ и уѣздахъ, собирая таковыя свѣдѣнія частнымъ образомъ". Сообщивъ объ установленномъ имъ, этимъ путемъ, негласномъ полицейскомъ контролѣ надъ учебнымъ дѣломъ, Крюковъ доводитъ до свѣдѣнія попечителя и о другой предпринятой имъ мѣрѣ: онъ „поручилъ г.г. предводителямъ дворянства пригласить изъ онаго сословія въ званіе почетныхъ смотрителей", возложивъ это званіе, для губернскаго города, лично на собственную свою особу.

Оренбургскій губернаторъ М А. Наврозовъ, выразивъ совершенно отрицательное отношеніе къ постановкѣ училищнаго дѣла въ ввѣренной ему губерніи, попадаетъ какъ разъ въ тонъ Магницкому, слагая всю вину въ томъ на казанскій университетъ: „Часть сія въ здѣшней губерніи въ самомъ нецвѣтущемъ состояніи небреженіемъ казанскаго университета и невниманіемъ онаго къ приведенію хотя бы въ должный порядокъ",—пишетъ попечителю начальникъ оренбургской губерніи.

Сплошное и въ значительной степени чисто голословное обличеніе училищныхъ порядковъ представилъ собою и отвѣтъ томскаго губернатора Д. В. Илличевскаго.

Симбирскій губернаторъ и преемникъ Магницкаго по управленію этою губерніею баронъ А. П. Умянцевъ, сообщая попечителю, что положеніе училищнаго дѣла остается здѣсь „въ такомъ же положеніи, въ каковомъ оно было и при вашемъ превосходительствѣ", добавляетъ, что, „дабы оное на будущее время устроить лучшимъ образомъ", онъ полагаетъ „при наступающихъ дворянскихъ выборахъ предложить объ ономъ сему сословію, что бы оно изъ среды своей избрало на каждый уѣздъ по одному лицу въ званіе почетнаго попечителя, съ тѣмъ, что бы, завѣдывая таковымъ устройствомъ, наблюдали какъ за хозяйственнымъ заведеніемъ ихъ, такъ, сколько возможно, и за самымъ порядкомъ ученія". Это губернаторское предначертаніе, имѣвшее въ виду отдать все училищное дѣло губерніи въ руки мѣстнаго дворянства, съ которымъ бывшій симбирскій губернаторъ, а теперь попечитель округа, всего только годъ назадъ разстался въ самыхъ враждебныхъ отношеніяхъ (см. томъ III, стр. 271—274), вызвало горячій протестъ со стороны Магницкаго, поспѣшившаго разъяснить своему преемнику, что „подъ вліяніемъ дворянства на часть учебную разумѣть должно одно пожертвованіе на училища денегъ, ибо выборъ смотрителей, ихъ утвержденіе и особливо обязанности, независимо отъ дворянства и

губернскаго начальства, установлены особыми узаконеніями, коимъ было бы противно предположеніе о выборѣ почетныхъ попечителей", почему онъ и проситъ его „удержаться приведеніемъ въ дѣйство предположенныхъ распоряженій".

Только что разсказанное нами попечительское начинаніе совершенно не соотвѣтствовало своими результатами возлагавшимся на него ожиданіямъ Магницкаго и должно было вызвать въ немъ чувство полнаго разочарованія. Не довѣрявшій университету попечитель разсчитывалъ встрѣтить со стороны губернаторовъ округа пассивныхъ агентовъ и соглядатаевъ по находившейся у него въ сильномъ подозрѣніи училищной части, надѣялся найти въ ихъ лицѣ покорныхъ споспѣшниковъ своимъ административно-педагогическимъ видамъ и предначертаніямъ, а между тѣмъ столкнулся съ губернаторскими поползновеніями къ активному вторженію въ учебное дѣло и съ сословными вожделѣніями, шедшими въ разрѣзъ его властолюбивымъ и централизаціоннымъ тенденціямъ. Магницкій былъ далекъ отъ мысли съ кѣмъ бы то ни было дѣлиться абсолютною властью своею по отношенію къ учебному округу и дальнѣйшихъ попытокъ къ общенію на этой почвѣ съ губернскою администраціею мы въ его попечительство болѣе уже не встрѣчаемъ.

Не иначе, какъ недовѣріемъ попечителя къ университету, можетъ быть объяснено и относящееся къ 9-му іюля 1820 года распоряженіе Магницкаго, въ силу котораго директору университета предписано присутствовать въ университетскомъ совѣтѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ обсуждаться въ немъ вопросъ объ избраніи или увольненіи директоровъ и смотрителей училищъ, въ виду того, что „въ лицѣ сихъ чиновниковъ соединяется управленіе учебными заведеніями по частямъ хозяйственной, полицейской, учебной и нравственной"; въ самыхъ совѣтскихъ представленіяхъ объ опредѣленіи и увольненіи директоровъ велѣно дѣлать на поляхъ отмѣтку: „Совѣтъ въ присутствіи директора" [126].

Мы знаемъ, что, произведя въ мартѣ 1819 года свою ревизію университета, Магницкій не распространилъ ее на учебный округъ, ограничившись общими и совершенно голословными предположеніями относительно вреднаго вліянія, оказаннаго университетомъ на положеніе училищнаго дѣла въ немъ, на „безвѣріе" учителей и т. п. Онъ отложилъ эту задачу до предстоявшаго назначенія своего попечителемъ казанскаго учебнаго округа, въ каковомъ онъ, конечно, не сомнѣвался и которое состоялось 8-го іюня того же года. Принимая въ свои руки бразды управ-

губернскаго начальства, установлены особыми узаконеніями, коимъ было бы противно предположеніе о выборѣ почетныхъ попечителей", почему онъ и проситъ его „удержаться приведеніемъ въ дѣйство предположенныхъ распоряженій".

Только что разсказанное нами попечительское начинаніе совершенно не соотвѣтствовало своими результатами возлагавшимся на него ожиданіямъ Магницкаго и должно было вызвать въ немъ чувство полнаго разочарованія. Не довѣрявшій университету попечитель разсчитывалъ встрѣтить со стороны губернаторовъ округа пассивныхъ агентовъ и соглядатаевъ по находившейся у него въ сильномъ подозрѣніи училищной части, надѣялся найти въ ихъ лицѣ покорныхъ споспѣшниковъ своимъ административно-педагогическимъ видамъ и предначертаніямъ, а между тѣмъ столкнулся съ губернаторскими поползновеніями къ активному вторженію въ учебное дѣло и съ сословными вожделѣніями, шедшими въ разрѣзъ его властолюбивымъ и централизаціоннымъ тенденціямъ. Магницкій былъ далекъ отъ мысли съ кѣмъ бы то ни было дѣлиться абсолютною властью своею по отношенію къ учебному округу и дальнѣйшихъ попытокъ къ общенію на этой почвѣ съ губернскою администраціею мы въ его попечительство болѣе уже не встрѣчаемъ.

Не иначе, какъ недовѣріемъ попечителя къ университету, можетъ быть объяснено и относящееся къ 9-му іюля 1820 года распоряженіе Магницкаго, въ силу котораго директору университета предписано присутствовать въ университетскомъ совѣтѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ обсуждаться въ немъ вопросъ объ избраніи или увольненіи директоровъ и смотрителей училищъ, въ виду того, что „въ лицѣ сихъ чиновниковъ соединяется управленіе учебными заведеніями по частямъ хозяйственной, полицейской, учебной и нравственной"; въ самыхъ совѣтскихъ представленіяхъ объ опредѣленіи и увольненіи директоровъ велѣно дѣлать на поляхъ отмѣтку: „Совѣтъ въ присутствіи директора" [126].

Мы знаемъ, что, произведя въ мартѣ 1819 года свою ревизію университета, Магницкій не распространилъ ее на учебный округъ, ограничившись общими и совершенно голословными предположеніями относительно вреднаго вліянія, оказаннаго университетомъ на положеніе училищнаго дѣла въ немъ, на „безвѣріе" учителей и т. п. Онъ отложилъ эту задачу до предстоявшаго назначенія своего попечителемъ казанскаго учебнаго округа, въ каковомъ онъ, конечно, не сомнѣвался и которое состоялось 8-го іюня того же года. Принимая въ свои руки бразды управ-

ленія округомъ, Магницкій задавался весьма широкими предначертаніями какъ по отношенію къ университету, такъ и по отношенію къ его округу. Предполагая уже въ слѣдующемъ 1820 году посѣтить Казань, Магницкій собирался еще разъ и уже во всѣхъ подробностяхъ осмотрѣть университетъ, а для ближайшаго ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ въ округѣ созвать къ тому времени въ Казань съѣздъ директоровъ училищъ. Извѣстно, что эти предположенія остались только на бумагѣ и что казанскій университетъ вторично увидѣлъ въ своихъ стѣнахъ попечителя лишь въ сентябрѣ 1825 года, т. е. уже почти накапунѣ его паденія. Въ ожиданіи осуществленія своихъ предположеній касательно поѣздки въ Казань, Магницкій вслѣдъ за назначеніемъ его попечителемъ порѣшилъ немедленно же назначить осмотръ всего учебнаго округа. Въ предшествовавшіе годы осмотры подобнаго рода производились черезъ посредство „визитаторовъ", назначавшихся изъ числа членовъ университетскаго совѣта. Недовѣріе Магницкаго къ университету побудило его отказаться отъ этого установившагося порядка и организовать намѣченную ревизію на совершенно новыхъ основаніяхъ, изложенную имъ въ слѣдующемъ представленіи министру отъ 31-го августа 1819 года:

„Располагаясь въ будущемъ году осмотрѣть казанскій университетъ и вызвать въ Казань ближайшихъ директоровъ гимназій для личнаго съ ними знакомства, я почитаю необходимымъ предварительно произвесть на мѣстѣ строжайшій осмотръ всему округу, чрезъ особенныхъ чиновниковъ, а не чрезъ университетскихъ визитаторовъ, кои доселѣ никакой пользы не принесли. Посему имѣю честь испрашивать дозволенія Вашего Сіятельства отправить, снабдивъ подробными инструкціями:

Въ губерніи саратовскую, оренбургскую, кавказскую и астраханскую—экстраординарнаго профессора казанскаго университета Кондырева.

Въ губерніи тамбовскую, пензенскую, симбирскую и нижегородскую—служащаго при мнѣ коллежскаго ассесора Макшеева.

Въ губерніи томскую, тобольскую, казанскую, пермскую, вятскую—директора иркутской гимназіи Словцова".

Само собою разумѣется, что всѣ эти предположенія Магницкаго были княземъ Голицынымъ утверждены и уже 31-го октября соотвѣтствующія предложенія и извѣщенія были посланы и самимъ будущимъ ревизорамъ, и университету, и директорамъ училищъ округа; сообщены были избраннымъ попечителемъ ревизорамъ и выработанныя для предстоявшихъ

ленія округомъ, Магницкій задавался весьма широкими предначертаніями какъ по отношенію къ университету, такъ и по отношенію къ его округу. Предполагая уже въ слѣдующемъ 1820 году посѣтить Казань, Магницкій собирался еще разъ и уже во всѣхъ подробностяхъ осмотрѣть университетъ, а для ближайшаго ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ въ округѣ созвать къ тому времени въ Казань съѣздъ директоровъ училищъ. Извѣстно, что эти предположенія остались только на бумагѣ и что казанскій университетъ вторично увидѣлъ въ своихъ стѣнахъ попечителя лишь въ сентябрѣ 1825 года, т. е. уже почти накапунѣ его паденія. Въ ожиданіи осуществленія своихъ предположеній касательно поѣздки въ Казань, Магницкій вслѣдъ за назначеніемъ его попечителемъ порѣшилъ немедленно же назначить осмотръ всего учебнаго округа. Въ предшествовавшіе годы осмотры подобнаго рода производились черезъ посредство „визитаторовъ“, назначавшихся изъ числа членовъ университетскаго совѣта. Недовѣріе Магницкаго къ университету побудило его отказаться отъ этого установившагося порядка и организовать намѣченную ревизію на совершенно новыхъ основаніяхъ, изложенную имъ въ слѣдующемъ представленіи министру отъ 31-го августа 1819 года:

„Располагаясь въ будущемъ году осмотрѣть казанскій университетъ и вызвать въ Казань ближайшихъ директоровъ гимназій для личнаго съ ними знакомства, я почитаю необходимымъ предварительно произвесть на мѣстѣ строжайшій осмотръ всему округу, чрезъ особенныхъ чиновниковъ, а не чрезъ университетскихъ визитаторовъ, кои доселѣ никакой пользы не принесли. Посему имѣю честь испрашивать дозволенія Вашего Сіятельства отправить, снабдивъ подробными инструкціями:

Въ губерніи саратовскую, оренбургскую, кавказскую и астраханскую—экстраординарнаго профессора казанскаго университета Кондырева.

Въ губерніи тамбовскую, пензенскую, симбирскую и нижегородскую—служащаго при мнѣ коллежскаго ассесора Макшеева.

Въ губерніи томскую, тобольскую, казанскую, пермскую, вятскую—директора иркутской гимназіи Словцова“.

Само собою разумѣется, что всѣ эти предположенія Магницкаго были княземъ Голицынымъ утверждены и уже 31-го октября соотвѣтствующія предложенія и извѣщенія были посланы и самимъ будущимъ ревизорамъ, и университету, и директорамъ училищъ округа; сообщены были избраннымъ попечителемъ ревизорамъ и выработанныя для предстоявшихъ

осмотровъ ихъ инструкціи. Изъ списка выбранныхъ Магницкимъ ревизоровъ усматривается, что намѣреніе попечителя избѣгнуть „университетскихъ визитаторовъ“—не было строго проведено имъ, такъ какъ въ число ревизоровъ попалъ проф. Кондыревъ, уже неоднократно выступавшій и раньше въ роли училищнаго визитатора. Впрочемъ, командировкѣ Кондырева не было суждено осуществиться: сначала „болѣзнь“, а затѣмъ экстренныя обязанности по университету не дали ему возможности выѣхать изъ Казани до конца весны 1820 года и въ маѣ этого года Кондыревъ былъ замѣненъ титулярнымъ совѣтникомъ Розановымъ, служившимъ въ канцеляріи попечителя. Новый комплектъ ревизоровъ окончательно сформировался, послѣ этого, слѣдующимъ образомъ: директоръ иркутскихъ училищъ Словцовъ и двое чиновниковъ попечительской канцеляріи—Макшеевъ и Розановъ. Казанскій университетъ, въ противность его уставу, оказался совершенно устраненнымъ отъ организованной Магницкимъ общей ревизіи учебнаго округа. Другое измѣненіе въ первоначальномъ планѣ этой ревизіи заключалось въ томъ, что осмотръ саратовской дирекціи, выпадавшій по этому плану на долю Кондырева (Розанова), переданъ былъ впослѣдствіе Макшееву, въ дополненіе къ уже раньше порученнымъ ему осмотрамъ.

Макшеевъ* выѣхалъ въ командировку въ исходѣ декабря 1819 года и доставилъ попечителю, въ теченіи 1820 года, отчеты по осмотру имъ дирекцій: нижегородской—отъ 21 января, симбирской—отъ 10 февраля, пензенской—отъ 24 февраля, тамбовской—отъ 25 марта и саратовской—отъ 16 сентября (лѣтомъ 1820 г. ревизоръ пользовался четырехмѣсячнымъ отпускомъ). Вторымъ приступилъ къ выполненію возложенной на него миссіи Словцовъ, выѣхавшій въ путь 1-го ноября 1820 года и донесенія котораго по ревизіи имъ дирекцій поступили къ попечителю въ слѣдующіе сроки: по тремъ сибирскимъ дирекціямъ—22 декабря 1820 г., и затѣмъ, въ 1821 г., по дирекціямъ: пермской—18 января, вятской—6 февраля, казанской—27 февраля. Позже всѣхъ отправился на ревизію Розановъ, задержавшійся въ виду поздней замѣны имъ проф. Кондырева; донесенія о результатахъ осмотровъ доставлены имъ, по дирекціямъ: оренбургской—5 ноября 1820 г., астраханской—18 декабря того же года, кавказской—5 марта 1821 года.

---

* Свѣдѣнія относительно личности Дм. Мих. Макшеева, его отношеній къ Магницкому, завязавшихся еще во время вологодской ссылки будущаго попечителя, а также и инструкцію, данную Макшееву для ревизіи имъ части казанскаго учебнаго округа, интересующіеся найдутъ въ «Русскомъ Архивѣ» за 1867 годъ (стр. 1643—1646).

осмотровъ ихъ инструкціи. Изъ списка выбранныхъ Магницкимъ ревизоровъ усматривается, что намѣреніе попечителя избѣгнуть „университетскихъ визитаторовъ"—не было строго проведено имъ, такъ какъ въ число ревизоровъ попалъ проф. Кондыревъ, уже неоднократно выступавшій и раньше въ роли училищнаго визитатора. Впрочемъ, командировкѣ Кондырева не было суждено осуществиться: сначала „болѣзнь", а затѣмъ экстренныя обязанности по университету не дали ему возможности выѣхать изъ Казани до конца весны 1820 года и въ маѣ этого года Кондыревъ былъ замѣненъ титулярнымъ совѣтникомъ Розановымъ, служившимъ въ канцеляріи попечителя. Новый комплектъ ревизоровъ окончательно сформировался, послѣ этого, слѣдующимъ образомъ: директоръ иркутскихъ училищъ Словцовъ и двое чиновниковъ попечительской канцеляріи—Макшеевъ и Розановъ. Казанскій университетъ, въ противность его уставу, оказался совершенно устраненнымъ отъ организованной Магницкимъ общей ревизіи учебнаго округа. Другое измѣненіе въ первоначальномъ планѣ этой ревизіи заключалось въ томъ, что осмотръ саратовской дирекціи, выпадавшій по этому плану на долю Кондырева (Розанова), переданъ былъ впослѣдствіе Макшееву, въ дополненіе къ уже раньше порученнымъ ему осмотрамъ.

Макшеевъ* выѣхалъ въ командировку въ исходѣ декабря 1819 года и доставилъ попечителю, въ теченіи 1820 года, отчеты по осмотру имъ дирекцій: нижегородской—отъ 21 января, симбирской—отъ 10 февраля, пензенской—отъ 24 февраля, тамбовской—отъ 25 марта и саратовской—отъ 16 сентября (лѣтомъ 1820 г. ревизоръ пользовался четырехмѣсячнымъ отпускомъ). Вторымъ приступилъ къ выполненію возложенной на него миссіи Словцовъ, выѣхавшій въ путь 1-го ноября 1820 года и донесенія котораго по ревизіи имъ дирекцій поступили къ попечителю въ слѣдующіе сроки: по тремъ сибирскимъ дирекціямъ—22 декабря 1820 г., и затѣмъ, въ 1821 г., по дирекціямъ: пермской—18 января, вятской—6 февраля, казанской—27 февраля. Позже всѣхъ отправился на ревизію Розановъ, задержавшійся въ виду поздней замѣны имъ проф. Кондырева; донесенія о результатахъ осмотровъ доставлены имъ, по дирекціямъ: оренбургской—5 ноября 1820 г., астраханской—18 декабря того же года, кавказской—5 марта 1821 года.

---

* Свѣдѣнія относительно личности Дм. Мих. Макшеева, его отношеній къ Магницкому, завязавшихся еще во время вологодской ссылки будущаго попечителя, а также и инструкцію, данную Макшееву для ревизіи имъ части казанскаго учебнаго округа, интересующіеся найдутъ въ «Русскомъ Архивѣ» за 1867 годъ (стр. 1643—1646).

Уже самая краткость времени, употребленная тремя ревизорами на осмотръ громаднаго казанскаго учебнаго округа, простиравшагося отъ Забайкалья до западныхъ предѣловъ тамбовской губерніи, отъ крайнихъ предѣловъ вятскаго края—до кавказскаго хребта, можетъ дать намъ представленіе о той поверхностности, съ которою произведенъ былъ этотъ осмотръ и которая бьетъ въ глаза при ближайшемъ разсмотрѣніи документовъ этой ревизіи, образовавшихъ собою четыре объемистыхъ (всего 930 листовъ) дѣла стараго архива попечительской канцеляріи. Это обширное дѣло, включающее въ себѣ документы по самой организаціи ревизіи, подлинныя донесенія ревизоровъ и дальнѣйшее производство по нимъ—представляется въ высокой степени цѣннымъ матеріаломъ для исторіи училищнаго дѣла въ губерніяхъ, входившихъ въ ту пору въ составъ казанскаго учебнаго округа, и намъ остается лишь пожалѣть о томъ, что мѣсто и основная задача нашего труда не позволяютъ намъ ближе коснуться этого объемистаго и богатаго фактическими и бытовыми данными матеріала, на который мы обращаемъ особенное вниманіе лицъ, интересующихся вопросами исторіи народнаго просвѣщенія *. Результатомъ ревизіи 1819—1821 годовъ явился цѣлый рядъ, съ одной стороны—увольненій, съ другой же стороны и наградъ по казанскому учебному округу [127].

Не взирая на заявленное Магницкимъ въ 1819 году утвержденіе, будто бы осмотръ училищъ округа черезъ посредство университетскихъ визитаторовъ „доселѣ никакой пользы не принесъ", ему, въ послѣдующіе годы своего попечительства, не разъ приходилось прибѣгать къ этому нормальному и установленному закономъ способу контроля надъ учи-

---

* Приведемъ, для интересующихся, расположеніе этого матеріала, сосредоточеннаго въ четырехъ томахъ дѣла попечительской канцеляріи (за 1819 годъ, № 115, четыре тома подъ литерами A, B, C и D) и носящаго заглавіе: «Дѣло по представленію г. попечителя казанскаго учебнаго округа о позволеніи отправить особенныхъ чиновниковъ для осмотра всего учебнаго округа».

Первый томъ этого дѣла (литера A—174 листа) заключаетъ въ себѣ матеріалы, касающіеся самой организаціи ревизіи.

Второй томъ (литера B—243 листа) вмѣщаетъ документы по ревизіи Словцова. Здѣсь его донесенія по дирекціямъ: тремъ сибирскимъ—л.л. 6 и слѣд., пермской—л.л. 41 и сл., вятской—л.л. 76 и сл., казанской—л.л. 101 и сл.

Третій томъ (лит. C—277 листовъ) касается ревизіи Макшеева. Здѣсь отчеты по дирекціямъ: нижегородской—л.л. 1 и сл., симбирской—л.л. 30 и сл., пензенской—л.л. 55 и сл., тамбовской—л.л. 73 и сл., саратовской—л.л. 137 и сл.

Четвертый томъ (лит. D—236 листовъ) содержитъ матеріалы ревизіи Рованова. Здѣсь донесенія по дирекціямъ: оренбургской—л.л. 5 и сл., астраханской—л.л. 39 и сл., кавказской—л.л. 58 и сл.

Уже самая краткость времени, употребленная тремя ревизорами на осмотръ громаднаго казанскаго учебнаго округа, простиравшагося отъ Забайкалья до западныхъ предѣловъ тамбовской губерніи, отъ крайнихъ предѣловъ вятскаго края—до кавказскаго хребта, можетъ дать намъ представленіе о той поверхностности, съ которою произведенъ былъ этотъ осмотръ и которая бьетъ въ глаза при ближайшемъ разсмотрѣніи документовъ этой ревизіи, образовавшихъ собою четыре объемистыхъ (всего 930 листовъ) дѣла стараго архива попечительской канцеляріи. Это обширное дѣло, включающее въ себѣ документы по самой организаціи ревизіи, подлинныя донесенія ревизоровъ и дальнѣйшее производство по нимъ—представляется въ высокой степени цѣннымъ матеріаломъ для исторіи училищнаго дѣла въ губерніяхъ, входившихъ въ ту пору въ составъ казанскаго учебнаго округа, и намъ остается лишь пожалѣть о томъ, что мѣсто и основная задача нашего труда не позволяютъ намъ ближе коснуться этого объемистаго и богатаго фактическими и бытовыми данными матеріала, на который мы обращаемъ особенное вниманіе лицъ, интересующихся вопросами исторіи народнаго просвѣщенія *. Результатомъ ревизіи 1819—1821 годовъ явился цѣлый рядъ, съ одной стороны—увольненій, съ другой же стороны и наградъ по казанскому учебному округу [127].

Не взирая на заявленное Магницкимъ въ 1819 году утвержденіе, будто бы осмотръ училищъ округа черезъ посредство университетскихъ визитаторовъ „доселѣ никакой пользы не принесъ", ему, въ послѣдующіе годы своего попечительства, не разъ приходилось прибѣгать къ этому нормальному и установленному закономъ способу контроля надъ учи-

---

* Приведемъ, для интересующихся, расположеніе этого матеріала, сосредоточеннаго въ четырехъ томахъ дѣла попечительской канцеляріи (за 1819 годъ, № 115, четыре тома подъ литерами A, B, C и D) и носящаго заглавіе: «Дѣло по представленію г. попечителя казанскаго учебнаго округа о позволеніи отправить особенныхъ чиновниковъ для осмотра всего учебнаго округа».

Первый томъ этого дѣла (литера A—174 листа) заключаетъ въ себѣ матеріалы, касающіеся самой организаціи ревизіи.

Второй томъ (литера B—243 листа) вмѣщаетъ документы по ревизіи Словцова. Здѣсь его донесенія по дирекціямъ: тремъ сибирскимъ—л.л. 6 и слѣд., пермской—л.л. 41 и сл., вятской—л.л. 76 и сл., казанской—л.л. 101 и сл.

Третій томъ (лит. C—277 листовъ) касается ревизіи Макшеева. Здѣсь отчеты по дирекціямъ: нижегородской—л.л. 1 и сл., симбирской—л.л. 30 и сл., пензенской—л.л. 55 и сл., тамбовской—л.л. 73 и сл., саратовской—л.л. 137 и сл.

Четвертый томъ (лит. D—236 листовъ) содержитъ матеріалы ревизіи Розанова. Здѣсь донесенія по дирекціямъ: оренбургской—л.л. 5 и сл., астраханской—л.л. 39 и сл., кавказской—л.л. 58 и сл.

лищнымъ дѣломъ; весьма вѣроятно, впрочемъ, что попечитель пересталъ относиться съ прежнимъ опасеніемъ къ этой формѣ контроля послѣ того, какъ „обновленіе“ университета стало почитаться имъ уже фактомъ совершившимся.

Къ первому году попечительства Магницкаго относится и примѣръ учрежденія должности постояннаго визитатора училищъ— въ лицѣ директора училищъ иркутской губерніи П. А. Словцова*, осенью 1819 года избраннаго попечителемъ, какъ мы это только что видѣли, въ число трехъ ревизоровъ, предназначенныхъ для общей ревизіи округа, а лѣтомъ 1821 года, по ходатайству Магницкаго и согласно высочайшему повелѣнію отъ 3-го іюля этого года, назначеннаго въ званіе постояннаго визитатора трехъ сибирскихъ училищныхъ дирекцій—тобольской, томской и иркутской; въ этомъ званіи Словцовъ и оставался до 1829 г., когда должность постояннаго визитатора сибирскихъ училищъ,— вызванная къ существованію какъ особенностями положенія училищнаго дѣла въ Сибири, такъ и отдаленностью сибирскихъ дирекцій и сопряженною съ этимъ затруднительностью нормальныхъ средствъ контроля надъ ними,—была упразднена.

Визитаціи училищъ, имѣвшія мѣсто въ слѣдующіе годы управленія Магницкаго, уже не носили того характера регулярности, какой принимали онѣ въ годы предшествовавшіе его попечительству и какой предписывался самимъ уставомъ 1804 года, но имѣли чисто случайный отпечатокъ. Единственныя три училищныя визитаціи этой эпохи, на которыхъ считаемъ мы интереснымъ остановить вниманіе нашихъ читателей, относятся ко второй половинѣ 1823-го года.

Первою изъ нихъ является визитація астраханской гимназіи и мѣстныхъ уѣзднаго и Агабабовскаго училищъ, произведенная осенью 1823 года профессоромъ И. А. Жобаромъ. Весною 1823 года проф. Жобаръ подалъ прошеніе объ увольненіи его на 28 дней въ отпускъ въ г. Саратовъ „для исполненія, по его вѣроисповѣданію, христіанскихъ обязанностей“; попечитель исходатайствовалъ ему не только отпускъ на все вакаціонное время, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и порученіе осмот-

* Петръ Андреевичъ Словцовъ (1767—1843),—извѣстный историкъ Сибири,—товарищъ М. М. Сперанскаго по семинаріи, остававшійся близкимъ съ нимъ и въ послѣдующіе годы жизни, послѣ ряда служебныхъ и жизненныхъ треволненій былъ въ 1808 г. высланъ, въ видѣ почетной ссылки, на службу въ Сибирь, которой и отдалъ послѣдующіе годы своей дѣятельности, сдѣлавъ весьма многое какъ для развитія въ Сибири дѣла народнаго образованія, такъ и для изученія этого края въ историческомъ отношеніи.

лищнымъ дѣломъ; весьма вѣроятно, впрочемъ, что попечитель перестанъ относиться съ прежнимъ опасеніемъ къ этой формѣ контроля послѣ того, какъ „обновленіе" университета стало почитаться имъ уже фактомъ совершившимся.

Къ первому году попечительства Магницкаго относится и примѣръ учрежденія должности постояннаго визитатора училищъ— въ лицѣ директора училищъ иркутской губерніи П. А. Словцова*, осенью 1819 года избраннаго попечителемъ, какъ мы это только что видѣли, въ число трехъ ревизоровъ, предназначенныхъ для общей ревизіи округа, а лѣтомъ 1821 года, по ходатайству Магницкаго и согласно высочайшему повелѣнію отъ 3-го іюля этого года, назначеннаго въ званіе постояннаго визитатора трехъ сибирскихъ училищныхъ дирекцій—тобольской, томской и иркутской; въ этомъ званіи Словцовъ и оставался до 1829 г., когда должность постояннаго визитатора сибирскихъ училищъ,— вызванная къ существованію какъ особенностями положенія училищнаго дѣла въ Сибири, такъ и отдаленностью сибирскихъ дирекцій и сопряженною съ этимъ затруднительностью нормальныхъ средствъ контроля надъ ними,—была упразднена.

Визитаціи училищъ, имѣвшія мѣсто въ слѣдующіе годы управленія Магницкаго, уже не носили того характера регулярности, какой принимали онѣ въ годы предшествовавшіе его попечительству и какой предписывался самимъ уставомъ 1804 года, но имѣли чисто случайный отпечатокъ. Единственныя три училищныя визитаціи этой эпохи, на которыхъ считаемъ мы интереснымъ остановить вниманіе нашихъ читателей, относятся ко второй половинѣ 1823-го года.

Первою изъ нихъ является визитація астраханской гимназіи и мѣстныхъ уѣзднаго и Агабабовскаго училищъ, произведенная осенью 1823 года профессоромъ И. А. Жобаромъ. Весною 1823 года проф. Жобаръ подалъ прошеніе объ увольненіи его на 28 дней въ отпускъ въ г. Саратовъ „для исполненія, по его вѣроисповѣданію, христіанскихъ обязанностей"; попечитель исходатайствовалъ ему не только отпускъ на все вакаціонное время, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и порученіе осмот-

* Петръ Андреевичъ Словцовъ (1767—1843),—извѣстный историкъ Сибири,—товарищъ М. М. Сперанскаго по семинаріи, остававшійся близкимъ съ нимъ и въ послѣдующіе годы жизни, послѣ ряда служебныхъ и жизненныхъ треволненій былъ въ 1808 г. высланъ, въ видѣ почетной ссылки, на службу въ Сибирь, которой и отдалъ послѣдующіе годы своей дѣятельности, сдѣлавъ весьма многое какъ для развитія въ Сибири дѣла народнаго образованія, такъ и для изученія этого края въ историческомъ отношеніи.

рѣть астраханскія училища. Прибывъ въ Астрахань 4-го августа 1823 года, Жобаръ закончилъ свою миссію лишь къ 19-му сентября, подробно обревизовавъ въ учебномъ, нравственномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ астраханскую гимназію, уѣздное училище и Агабабовское армянское училище. Представленный визитаторомъ подробный, въ формѣ поденнаго журнала, отчетъ по выполненію возложеннаго на него порученія констатируетъ „худое по всѣмъ отраслямъ управленія положеніе" осмотрѣнныхъ имъ учебныхъ заведеній, въ особенности же по части хозяйственной; книги и денежная отчетность оказались въ совершенномъ безпорядкѣ, выдвинувъ вопросъ о злоупотребленіяхъ, отъ подозрѣнія въ которыхъ не остался свободнымъ даже самъ директоръ училищъ Марковъ. Результатомъ визитаціи явилось увольненіе отъ должности директора, съ оставленіемъ, „до рѣшенія дѣла о немъ", лишь въ званіи учителя и предписаніе попечителя университетскому совѣту „заняться основательнѣйшимъ и точнѣйшимъ разсмотрѣніемъ безпорядковъ и упущеній", обнаруженныхъ ревизіею Жобара, и „сужденіемъ о мѣрахъ къ удаленію зла и къ укорененію благоустройства въ сихъ училищахъ".

Совершенно такой же, чисто случайный, характеръ носила и визитація профессоромъ Г. С. Суровцовымъ училищъ кавказской и симбирской дирекцій, относящаяся къ той же осени 1823 года. Если въ предоставленіи попечителемъ визитаціи своему любимцу Жобару и не такъ ясно проглядывало намѣреніе Магницкаго дать ему возможность „покормиться" подъ благовиднымъ предлогомъ „исполненія христіанскихъ обязанностей", то по отношенію къ другому попечительскому ставленнику и кліенту, Суровцову, эта цѣль визитаціи не была прикрыта хотя бы только прозрачнымъ „фиговымъ листкомъ" благоприличія: „Экстраординарный профессоръ Суровцовъ отправился отсюда (т. е. изъ Петербурга) не совершенно излечившись отъ солитера и теперь чувствуетъ, что болѣзнь его возобновилась и, по совѣту врачей, ему нужно пользоваться кавказскими водами,—писалъ попечитель университетскому совѣту въ концѣ мая 1823 года.—Пріемля въ уваженіе недостаточное состояніе г. Суровцова и, вмѣстѣ съ тѣмъ, желая дать ему способы къ поправленію здоровья, я предлагаю совѣту уволить г. Суровцова, въ вакаціонное время, на кавказскія воды, поручивъ ему осмотрѣть симбирскія и кавказскія училища, съ выдачею прогонныхъ денегъ изъ визитаторскихъ суммъ" *. Осмотръ Суровцовымъ

* Весьма любопытна инструкція, данная попечителемъ Суровцову для этой визитаціи. Въ области вопросовъ «нравственнаго управленія» визитатору рекомендуется обратить осо-

рѣть астраханскія училища. Прибывъ въ Астрахань 4-го августа 1823 года, Жобаръ закончилъ свою миссію лишь къ 19-му сентября, подробно обревизовавъ въ учебномъ, нравственномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ астраханскую гимназію, уѣздное училище и Агабабовское армянское училище. Представленный визитаторомъ подробный, въ формѣ поденнаго журнала, отчетъ по выполненію возложеннаго на него порученія констатируетъ „худое по всѣмъ отраслямъ управленія положеніе“ осмотрѣнныхъ имъ учебныхъ заведеній, въ особенности же по части хозяйственной; книги и денежная отчетность оказались въ совершенномъ безпорядкѣ, выдвинувъ вопросъ о злоупотребленіяхъ, отъ подозрѣнія въ которыхъ не остался свободнымъ даже самъ директоръ училищъ Марковъ. Результатомъ визитаціи явилось увольненіе отъ должности директора, съ оставленіемъ, „до рѣшенія дѣла о немъ“, лишь въ званіи учителя и предписаніе попечителя университетскому совѣту „заняться основательнѣйшимъ и точнѣйшимъ разсмотрѣніемъ безпорядковъ и упущеній“, обнаруженныхъ ревизіею Жобара, и „сужденіемъ о мѣрахъ къ удаленію зла и къ укорененію благоустройства въ сихъ училищахъ“.

Совершенно такой же, чисто случайный, характеръ носила и визитація профессоромъ Г. С. Суровцовымъ училищъ кавказской и симбирской дирекцій, относящаяся къ той же осени 1823 года. Если въ предоставленіи попечителемъ визитаціи своему любимцу Жобару и не такъ ясно проглядывало намѣреніе Магницкаго дать ему возможность „покормиться“ подъ благовиднымъ предлогомъ „исполненія христіанскихъ обязанностей“, то по отношенію къ другому попечительскому ставленнику и кліенту, Суровцову, эта цѣль визитаціи не была прикрыта хотя бы только прозрачнымъ „фиговымъ листкомъ“ благоприличія: „Экстраординарный профессоръ Суровцовъ отправился отсюда (т. е. изъ Петербурга) не совершенно излечившись отъ солитера и теперь чувствуетъ, что болѣзнь его возобновилась и, по совѣту врачей, ему нужно пользоваться кавказскими водами,—писалъ попечитель университетскому совѣту въ концѣ мая 1823 года.—Пріемля въ уваженіе недостаточное состояніе г. Суровцова и, вмѣстѣ съ тѣмъ, желая дать ему способы къ поправленію здоровья, я предлагаю совѣту уволить г. Суровцова, въ вакаціонное время, на кавказскія воды, поручивъ ему осмотрѣть симбирскія и кавказскія училища, съ выдачею прогонныхъ денегъ изъ визитаторскихъ суммъ“ *. Осмотръ Суровцовымъ

* Весьма любопытна инструкція, данная попечителемъ Суровцову для этой визитаціи. Въ области вопросовъ «нравственнаго управленія» визитатору рекомендуется обратить осо-

кавказскихъ и симбирскихъ училищъ, совершенный съ конца августа по конецъ сентября, принялъ чисто формальный и поверхностный характеръ и, съ этой точки зрѣнія, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ мотивамъ начальническаго патроната, положеннымъ въ основу этого отвѣтственнаго служебнаго порученія.

Третья изъ намѣченныхъ нами къ разсмотрѣнію визитацій пріурочивается къ самому концу 1823-го года и была возложена на того же Суровцова. Едва успѣлъ возвратиться проф. Суровцовъ изъ своей кавказско-симбирской визитаціи, какъ ему снова довелось отправиться для осмотра пензенской гимназіи. Пензенская визитація проф. Суровцова, относящаяся къ декабрю 1823 года, была вызвана весьма характернымъ въ бытовомъ отношеніи столкновеніемъ, на которомъ мы считаемъ не безъинтереснымъ остановиться съ нѣкоторою подробностью.

16-го октября 1823 года посаженъ былъ въ карцеръ на 24 часа двѣнадцатилѣтній сынъ пензенскаго „заслуженнаго (?) дворянина" и бывшаго директора пензенской же гимназіи Аверкія Данилевскаго—„за шалости, незнаніе урока и за то, что хотѣлъ обмануть учителя, подавъ вмѣсто тетради другую, подложную". Явившись по этому поводу въ внѣклассное время лично въ гимназію, Данилевскій-отецъ,—уже семидесятилѣтній старецъ,—поднялъ здѣсь шумъ и обрушился на вызваннаго имъ въ гимназію учителя Дмитріевскаго, посадившаго сына его въ карцеръ, съ крикомъ и угрозами, на которыя, по словамъ разсвирѣпѣвшаго отца, Дмитріевскій будто бы отвѣтилъ: „Это еще не великая строгость,—въ университетѣ запираютъ въ темное подполье на трое сутокъ и больше, безъ хлѣба и воды; сынъ вашъ отъ того не умретъ, а если умретъ, то я за то отвѣчать буду".—„А я, не дожидаясь такого для меня несчастья, буду жаловаться на васъ высшему начальству!"—возразилъ на это Данилевскій.— „Извольте жаловаться кому хочете, я угрозъ вашихъ не боюсь!"—отпарировалъ Дмитріевскій. Раздраженный родитель 2-го ноября вошелъ по поводу этого столкновенія къ директору университета проф. Никольскому

бенное вниманіе «на свойства и поведеніе лицъ начальствующихъ въ учебныхъ заведеніяхъ, надзирающихъ и преподающихъ». Визитаторъ обязанъ удостовѣриться въ ихъ «правилахъ, образѣ жизни, наружномъ (sic) поведеніи и добромъ или дурномъ мнѣніи» о нихъ города, въ которомъ они живутъ; на «подчиненность и почтеніе учителей къ начальству, ибо примѣтно, вообще, изъ дѣлъ, что во многихъ мѣстахъ строптивость подчиненныхъ и слабость начальниковъ привели учебный порядокъ въ разстройство»; на «пользу, которую приносятъ почетные смотрители, ибо извѣстно, что во многихъ мѣстахъ званія сіи сдѣлались убѣжищемъ отъ дворянскихъ выборовъ и наполнены, по представленію ненадежныхъ мѣстныхъ начальствъ, неприличнымъ образомъ» и т. п. и т. п.

кавказскихъ и симбирскихъ училищъ, совершенный съ конца августа по конецъ сентября, принялъ чисто формальный и поверхностный характеръ и, съ этой точки зрѣнія, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ мотивамъ начальническаго патроната, положеннымъ въ основу этого отвѣтственнаго служебнаго порученія.

Третья изъ намѣченныхъ нами къ разсмотрѣнію визитацій пріурочивается къ самому концу 1823-го года и была возложена на того же Суровцова. Едва успѣлъ возвратиться проф. Суровцовъ изъ своей кавказско-симбирской визитаціи, какъ ему снова довелось отправиться для осмотра пензенской гимназіи. Пензенская визитація проф. Суровцова, относящаяся къ декабрю 1823 года, была вызвана весьма характернымъ въ бытовомъ отношеніи столкновеніемъ, на которомъ мы считаемъ не безъинтереснымъ остановиться съ нѣкоторою подробностью.

16-го октября 1823 года посаженъ былъ въ карцеръ на 24 часа двѣнадцатилѣтній сынъ пензенскаго „заслуженнаго (?) дворянина“ и бывшаго директора пензенской же гимназіи Аверкія Данилевскаго—„за шалости, незнаніе урока и за то, что хотѣлъ обмануть учителя, подавъ вмѣсто тетради другую, подложную“. Явившись по этому поводу въ внѣклассное время лично въ гимназію, Данилевскій-отецъ,—уже семидесятилѣтній старецъ,—поднялъ здѣсь шумъ и обрушился на вызваннаго имъ въ гимназію учителя Дмитріевскаго, посадившаго сына его въ карцеръ, съ крикомъ и угрозами, на которыя, по словамъ разсвирѣпѣвшаго отца, Дмитріевскій будто бы отвѣтилъ: „Это еще не великая строгость,—въ университетѣ запираютъ въ темное подполье на трое сутокъ и больше, безъ хлѣба и воды; сынъ вашъ отъ того не умретъ, а если умретъ, то я за то отвѣчать буду“.—„А я, не дожидаясь такого для меня несчастья, буду жаловаться на васъ высшему начальству!“—возразилъ на это Данилевскій.—„Извольте жаловаться кому хочете, я угрозъ вашихъ не боюсь!“—отпарировалъ Дмитріевскій. Раздраженный родитель 2-го ноября вошелъ по поводу этого столкновенія къ директору университета проф. Никольскому

бенное вниманіе «на свойства и поведеніе лицъ начальствующихъ въ учебныхъ заведеніяхъ, надзирающихъ и преподающихъ». Визитаторъ обязанъ удостовѣриться въ ихъ «правилахъ, образѣ жизни, наружномъ (sic) поведеніи и добромъ или дурномъ мнѣніи» о нихъ города, въ которомъ они живутъ; на «подчиненность и почтеніе учителей къ начальству, ибо примѣтно, вообще, изъ дѣлъ, что во многихъ мѣстахъ строптивость подчиненныхъ и слабость начальниковъ привели учебный порядокъ въ разстройство»; на «пользу, которую приносятъ почетные смотрители, ибо извѣстно, что во многихъ мѣстахъ званія сіи сдѣлались убѣжищемъ отъ дворянскихъ выборовъ и наполнены, по представленію ненадежныхъ мѣстныхъ начальствъ, неприличнымъ образомъ» и т. п. и т. п.

съ жалобою, въ которой немилосердно громилъ и порядки пензенской гимназіи, и учителя Дмитріевскаго, и директора гимназіи, извѣстнаго нашего романиста И. И. Лажечникова, усиленно настаивая на необходимости примѣненія къ личному составу гимназіи строгихъ опредѣленій „третьей главы генеральнаго регламента“ и требуя строгаго разслѣдованія происшествія 16-го октября. „А какъ будущаго лѣта мы ожидаемъ въ Пензу государя императора,—грозитъ жалобщикъ уже самому директору университета,—то отъ вашего благоволѣнія смѣемъ надѣяться, что мы (т. е. пензенское дворянство) не будемъ имѣть нужды жаловаться ему на гимназію“.

Это то столкновеніе и было причиною командировки въ Пензу, на правахъ визитатора, проф. Суровцова. Возвратившись изъ этой поѣздки обратно въ Казань, Суровцовъ уже 10-го января 1824 года обратился къ попечителю съ обширнымъ письмомъ, въ которомъ докладывалъ о результатахъ произведенной имъ визитаціи. Извинившись, прежде всего, предъ начальникомъ своимъ въ томъ, что „поспѣшность, съ каковою старался я исполнить волю вашу въ разсужденіи изслѣдованія доноса (sic) по пензенской гимназіи“, не дозволили выполнить „сердечной обязанности, съ которою я привыкъ, привѣтствуя ваше превосходительство съ праздниками Рождества Христова и новаго года, свидѣтельствовать преданность и душевное почтеніе къ особѣ вашей“, Суровцовъ излагаетъ результаты произведеннаго имъ изслѣдованія. Пріѣхавъ въ Пензу, визитаторъ, не приступая къ ближайшей задачѣ своей миссіи, старался прежде всего вывѣдать—на сколько справедлива ссылка Данилевскаго на то, будто „все пензенское дворянство недовольно гимназіею“ и даже „намѣрено будущимъ лѣтомъ, въ проѣздъ государя императора черезъ Пензу, принести его величеству лично о семъ жалобу“ *. Результатъ развѣдокъ оказался вполнѣ благопріятнымъ: пензенскій губернаторъ Лубяновскій (тогда же предложенный Суровцовымъ къ избранію въ почетные члены университета) увѣрилъ визитатора, что „дворянство пензенской губерніи не только не имѣетъ намѣренія приносить жалобы на безпорядки здѣшней гимназіи, но и свѣдѣнія о какихъ либо безпорядкахъ въ семъ заведеніи до него не доходило“, причемъ губернаторъ высказалъ мнѣніе, что „самая жалоба г. Данилевскаго можетъ быть приписана сколько старости его, столько же и нѣкоторой, свойственной въ сихъ лѣтахъ, странности нрава“.

---

* Объ отношеніяхъ пензенскаго дворянства къ основанной въ г. Пензѣ гимназіи, вообще, см. томъ III нашего труда, стр. 207—213.

съ жалобою, въ которой немилосердно громилъ и порядки пензенской гимназіи, и учителя Дмитріевскаго, и директора гимназіи, извѣстнаго нашего романиста И. И. Лажечникова, усиленно настаивая на необходимости примѣненія къ личному составу гимназіи строгихъ опредѣленій „третьей главы генеральнаго регламента" и требуя строгаго разслѣдованія происшествія 16-го октября. „А какъ будущаго лѣта мы ожидаемъ въ Пензу государя императора,—грозитъ жалобщикъ уже самому директору университета,—то отъ вашего благоволѣнія смѣемъ надѣяться, что мы (т. е. пензенское дворянство) не будемъ имѣть нужды жаловаться ему на гимназію".

Это то столкновеніе и было причиною командировки въ Пензу, на правахъ визитатора, проф. Суровцова. Возвратившись изъ этой поѣздки обратно въ Казань, Суровцовъ уже 10-го января 1824 года обратился къ попечителю съ обширнымъ письмомъ, въ которомъ докладывалъ о результатахъ произведенной имъ визитаціи. Извинившись, прежде всего, предъ начальникомъ своимъ въ томъ, что „поспѣшность, съ каковою старался я исполнить волю вашу въ разсужденіи изслѣдованія доноса (sic) по пензенской гимназіи", не дозволили выполнить „сердечной обязанности, съ которою я привыкъ, привѣтствуя ваше превосходительство съ праздниками Рождества Христова и новаго года, свидѣтельствовать преданность и душевное почтеніе къ особѣ вашей", Суровцовъ излагаетъ результаты произведеннаго имъ изслѣдованія. Пріѣхавъ въ Пензу, визитаторъ, не приступая къ ближайшей задачѣ своей миссіи, старался прежде всего вывѣдать—на сколько справедлива ссылка Данилевскаго на то, будто „все пензенское дворянство недовольно гимназіею" и даже „намѣрено будущимъ лѣтомъ, въ проѣздъ государя императора черезъ Пензу, принести его величеству лично о семъ жалобу" *. Результатъ развѣдокъ оказался вполнѣ благопріятнымъ: пензенскій губернаторъ Лубяновскій (тогда же предложенный Суровцовымъ къ избранію въ почетные члены университета) увѣрилъ визитатора, что „дворянство пензенской губерніи не только не имѣетъ намѣренія приносить жалобы на безпорядки здѣшней гимназіи, но и свѣдѣнія о какихъ либо безпорядкахъ въ семъ заведеніи до него не доходило", причемъ губернаторъ высказалъ мнѣніе, что „самая жалоба г. Данилевскаго можетъ быть приписана сколько старости его, столько же и нѣкоторой, свойственной въ сихъ лѣтахъ, странности нрава".

* Объ отношеніяхъ пензенскаго дворянства къ основанной въ г. Пензѣ гимназіи, вообще, см. томъ III нашего труда, стр. 207—213.

Прозондировавъ надлежащимъ образомъ почву общественнаго настроенія по дѣлу Данилевскаго, Суровцовъ приступилъ уже къ непосредственной задачѣ своей командировки и въ слѣдующихъ чертахъ доносилъ попечителю о результатахъ произведеннаго имъ разслѣдованія: „Произведенное мною, по доносу Данилевскаго, слѣдствіе открыло, что онъ въ самомъ дѣлѣ увлеченъ былъ къ жалобѣ неумѣстною родительскою горячностью къ сыну и послѣ данныхъ мною вопросовъ учителямъ и служителямъ гимназіи на главные пункты доноса, когда отвѣты въ присутствіи самого доносчика даны были совершенно несогласные съ его показаніями, онъ не сдѣлалъ ни опроверженія, ни возраженія и, по требованію моему, почти никакихъ ни присоединилъ въ подкрѣпленіе своего доноса новыхъ доказательствъ, а въ тотъ же день, по окончаніи слѣдствія, пришелъ въ мою квартиру и со слезами увѣрялъ меня, что минутная горячность вовлекла его въ эту ошибку, которую просилъ оставить безъ вниманія и безъ дальнѣйшаго, по старости его лѣтъ, изслѣдованія и судопроизводства". Суровцовъ, и съ своей стороны, ходатайствовалъ передъ Магницкимъ объ оставленіи поступка Данилевскаго безъ дальнѣйшаго судебнаго преслѣдованія, ссылаясь на его „семидесятилѣтнюю старость, большое и больное семейство и крайне недостаточное состояніе". Лично, и быть можетъ не безъ воздѣйствія въ этомъ отношеніи со стороны Суровцова, обратился къ попечителю и самъ виновникъ всего этого инцидента, „заслуженный дворянинъ" Данилевскій, съ письмомъ, которое, въ виду его характерности, мы и приводимъ въ подлинномъ видѣ:

„Милостивый государь Михайло Леонтіевичъ!—До свѣдѣнія вашего превосходительства доведена жалоба моя на учителя пензенской гимназіи Дмитріевскаго, которую могъ бы г. директоръ Лажечниковъ прекратить миролюбно. Но онъ не почелъ обязанностью войти между нами въ посредство и я нашелся въ необходимости или взять сына своего изъ гимназіи и оставить его безъ ученія, или принести жалобу мою на самовольные поступки Дмитріевскаго университетскому начальству. Я избралъ послѣднее, надѣясь исходатайствовать прещеніе таковыхъ поступокъ (sic) на будущее время. По визитаціи г. профессора Суровцова, главные предметы жалобы моей г.г. учители гимназіи подтвердили, какъ изъ отвѣтовъ ихъ ваше превосходительство изволите усмотрѣть.

И хотя оскорбленія нашего виновникъ одинъ учитель Дмитріевскій, но мы, памятуя заповѣдь Христа Спасителя: Аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный—мы всесемейно прощаемъ его, Дмитріевскаго, о чемъ и васъ, яко незаб-

Прозондировавъ надлежащимъ образомъ почву общественнаго настроенія по дѣлу Данилевскаго, Суровцовъ приступилъ уже къ непосредственной задачѣ своей командировки и въ слѣдующихъ чертахъ доносилъ попечителю о результатахъ произведеннаго имъ разслѣдованія: „Произведенное мною, по доносу Данилевскаго, слѣдствіе открыло, что онъ въ самомъ дѣлѣ увлеченъ былъ къ жалобѣ неумѣстною родительскою горячностью къ сыну и послѣ данныхъ мною вопросовъ учителямъ и служителямъ гимназіи на главные пункты доноса, когда отвѣты въ присутствіи самого доносчика даны были совершенно несогласные съ его показаніями, онъ не сдѣлалъ ни опроверженія, ни возраженія и, по требованію моему, почти никакихъ ни присоединилъ въ подкрѣпленіе своего доноса новыхъ доказательствъ, а въ тотъ же день, по окончаніи слѣдствія, пришелъ въ мою квартиру и со слезами увѣрялъ меня, что минутная горячность вовлекла его въ эту ошибку, которую просилъ оставить безъ вниманія и безъ дальнѣйшаго, по старости его лѣтъ, изслѣдованія и судопроизводства". Суровцовъ, и съ своей стороны, ходатайствовалъ передъ Магницкимъ объ оставленіи поступка Данилевскаго безъ дальнѣйшаго судебнаго преслѣдованія, ссылаясь на его „семидесятилѣтнюю старость, большое и больное семейство и крайне недостаточное состояніе". Лично, и быть можетъ не безъ воздѣйствія въ этомъ отношеніи со стороны Суровцова, обратился къ попечителю и самъ виновникъ всего этого инцидента, „заслуженный дворянинъ" Данилевскій, съ письмомъ, которое, въ виду его характерности, мы и приводимъ въ подлинномъ видѣ:

„Милостивый государь Михайло Леонтіевичъ!—До свѣдѣнія вашего превосходительства доведена жалоба моя на учителя пензенской гимназіи Дмитріевскаго, которую могъ бы г. директоръ Лажечниковъ прекратить миролюбно. Но онъ не почелъ обязанностью войти между нами въ посредство и я нашелся въ необходимости или взять сына своего изъ гимназіи и оставить его безъ ученія, или принести жалобу мою на самовольные поступки Дмитріевскаго университетскому начальству. Я избралъ послѣднее, надѣясь исходатайствовать прещеніе таковыхъ поступокъ (sic) на будущее время. По визитаціи г. профессора Суровцова, главные предметы жалобы моей г.г. учители гимназіи подтвердили, какъ изъ отвѣтовъ ихъ ваше превосходительство изволите усмотрѣть.

И хотя оскорбленія нашего виновникъ одинъ учитель Дмитріевскій, но мы, памятуя заповѣдь Христа Спасителя: Аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный—мы всесемейно прощаемъ его, Дмитріевскаго, о чемъ и васъ, яко незаб-

веннаго благодѣтеля нашего, всепокорнѣйше умоляемъ! Кающіеся и исповѣдующіе долги наша—мы оба предъ вами виноваты: онъ—въ излишествѣ дѣтскаго наказанія и самоуправства, а я—въ излишествѣ родительскихъ чувствъ и откровенности ихъ. Но двадцатилѣтнему юношѣ и семидесятилѣтнему старику—свойственно претыканіе. Отпустите намъ богоугодно изумленіе (sic) наше,—да не одолѣетъ мое чадолюбное ополченіе противъ учителя Дмитревскаго ваше непобѣдимое великодушіе и благосердіе, заступленію коихъ и ходатайству предавая себя, съ глубочайшимъ къ вамъ почтеніемъ по гробъ мой пребуду и пр.“

Это письмо ясно указываетъ намъ на миролюбивую сдѣлку, состоявшуюся между строгимъ учителемъ и чадолюбивымъ родителемъ. Магницкій согласился оставить этотъ инцидентъ безъ дальнѣйшаго движенія, хотя съ Данилевскаго и была взята черезъ пензенскаго губернатора подписка въ томъ, что онъ впредь не будетъ позволять себѣ вмѣшательствъ въ дѣла гимназіи. Самая ревизія Суровцовымъ пензенской гимназіи, явившаяся дополненіемъ къ произведенному имъ разслѣдованію, окончилась для пензенскихъ педагоговъ вполнѣ благополучно, за исключеніемъ директора Лажечникова, по адресу котораго визитаторъ представилъ попечителю конфиденціальный и довольно грязный извѣтъ, сохранившійся при дѣлѣ о произведенной имъ ревизіи. Извѣтъ этотъ никакихъ послѣдствій для Лажечникова не имѣлъ и мы можемъ рекомендовать его * развѣ только вниманію лицъ, интересующихся біографическими данными, касающимися покойнаго романиста [128].

Помимо визитацій училищъ, Магницкій отъ времени до времени пользовался и другими услугами профессоровъ университета въ дѣлѣ своего управленія округомъ, возлагая на нихъ разнаго рода временнаго характера порученія. Такъ, осенью 1820-го года онъ поручаетъ профессорамъ Фуксу, Перевощикову, Городчанинову и Лобачевскому составленіе „Наставленія по учебной части“ для директоровъ гимназій; весною 1822-го года профессоръ Городчаниновъ составляетъ, по его же порученію, руководство „для наставленія въ правилахъ россійскаго слога въ уѣздныхъ училищахъ“ [129], а профессоръ Тимьянскій въ 1822-мъ году прикомандировывается попечителемъ къ отвѣтственному дѣлу ревизіи во всѣхъ частяхъ казанской гимназіи. Къ этой ревизіи казанской гимназіи, представляющей собою одинъ изъ видныхъ актовъ первыхъ лѣтъ попе-

* См. дѣло университетскаго архива: Попеч., 1823, № 76 (листы 30—31).

веннаго благодѣтеля нашего, всепокорнѣйше умоляемъ! Кающіеся и исповѣдующіе долги наша—мы оба предъ вами виноваты: онъ—въ излишествѣ дѣтскаго наказанія и самоуправства, а я—въ излишествѣ родительскихъ чувствъ и откровенности ихъ. Но двадцатилѣтнему юношѣ и семидесятилѣтнему старику—свойственно претыканіе. Отпустите намъ богоугодно изумленіе (sic) наше,—да не одолѣетъ мое чадолюбное ополченіе противъ учителя Дмитревскаго ваше непобѣдимое великодушіе и благосердіе, заступленію коихъ и ходатайству предавая себя, съ глубочайшимъ къ вамъ почтеніемъ по гробъ мой пребуду и пр."

Это письмо ясно указываетъ намъ на миролюбивую сдѣлку, состоявшуюся между строгимъ учителемъ и чадолюбивымъ родителемъ. Магницкій согласился оставить этотъ инцидентъ безъ дальнѣйшаго движенія, хотя съ Данилевскаго и была взята черезъ пензенскаго губернатора подписка въ томъ, что онъ впредь не будетъ позволять себѣ вмѣшательствъ въ дѣла гимназіи. Самая ревизія Суровцовымъ пензенской гимназіи, явившаяся дополненіемъ къ произведенному имъ разслѣдованію, окончилась для пензенскихъ педагоговъ вполнѣ благополучно, за исключеніемъ директора Лажечникова, по адресу котораго визитаторъ представилъ попечителю конфиденціальный и довольно грязный извѣтъ, сохранившійся при дѣлѣ о произведенной имъ ревизіи. Извѣтъ этотъ никакихъ послѣдствій для Лажечникова не имѣлъ и мы можемъ рекомендовать его * развѣ только вниманію лицъ, интересующихся біографическими данными, касающимися покойнаго романиста [128].

Помимо визитацій училищъ, Магницкій отъ времени до времени пользовался и другими услугами профессоровъ университета въ дѣлѣ своего управленія округомъ, возлагая на нихъ разнаго рода временнаго характера порученія. Такъ, осенью 1820-го года онъ поручаетъ профессорамъ Фуксу, Перевощикову, Городчанинову и Лобачевскому составленіе „Наставленія по учебной части" для директоровъ гимназій; весною 1822-го года профессоръ Городчаниновъ составляетъ, по его же порученію, руководство „для наставленія въ правилахъ россійскаго слога въ уѣздныхъ училищахъ" [129], а профессоръ Тимьянскій въ 1822-мъ году прикомандировывается попечителемъ къ отвѣтственному дѣлу ревизіи во всѣхъ частяхъ казанской гимназіи. Къ этой ревизіи казанской гимназіи, представляющей собою одинъ изъ видныхъ актовъ первыхъ лѣтъ попе-

* См. дѣло университетскаго архива: Попеч., 1823, № 76 (листы 30—31).

чительства Магницкаго, долженствовавшій увѣнчать собою передъ тѣмъ только законченный осмотръ всего учебнаго округа, мы въ настоящее время и должны будемъ перейти.

Мы знаемъ, что казанская гимназія, возобновленная въ 1798-мъ году по высочайшему повелѣнію императора Павла I, получила въ то время свой особый уставъ, пережившій общую реорганизацію въ 1804 году училищнаго дѣла и создавшій для нея совершенно исключительное положеніе среди другихъ,—уже „губернскихъ",—гимназій округа. Будучи непосредственно и ближайшимъ образомъ связана съ университетомъ и представляя собою какъ бы спеціально подготовительное по отношенію къ нему учебное заведеніе, казанская гимназія на первыхъ порахъ пріютила въ своихъ нѣдрахъ новорожденный университетъ, а затѣмъ, въ 1815 году, уже сама вынуждена была искать себѣ убѣжища въ его стѣнахъ послѣ опустошительнаго пожара 3-го сентября, истребившаго ея новыя зданія. Только къ концу лѣта 1820 года окончена была отстройка погорѣвшихъ гимназическихъ зданій и 27-го августа совершилось торжество перемѣщенія гимназіи изъ зданій университета на ея возстановленное пепелище. Несомнѣнно, что эта та непосредственная связь казанской гимназіи съ университетомъ и послужила причиною того, что ни ревизія самого Магницкаго въ началѣ 1819 года, ни ревизія въ началѣ 1821 года Словцовымъ училищъ казанской дирекціи—не коснулись этого исключительнаго по своему положенію учебнаго заведенія, остававшагося единственнымъ необревизованнымъ въ первые годы попечительства Магницкаго. Правда, осмотръ казанской гимназіи поручался инспектору студентовъ Барсову вслѣдъ за назначеніемъ его на эту должность, но эта ревизія носила чисто формальный и почти фиктивный характеръ.

Общая ревизія казанской гимназіи была произведена лишь въ теченіи 1822 года, причемъ и въ этомъ актѣ сказалось недовѣріе Магницкаго къ личному составу казанскаго университета: вся тяжесть этого порученія была возложена попечителемъ на инспектора студентовъ Ѳ. П. Барсова, которому только „въ помощь" приданъ былъ профессоръ В. И. Тимьянскій, поставленный, тѣмъ самымъ, въ подчиненное отношеніе къ представителю чисто-дисциплинарнаго университетскаго надзора,—фактъ, весьма знаменательный съ точки зрѣнія характеристики отношеній попечителя къ „ученому сословію" университета*.

* «Возложивъ на инспектора студентовъ г. коллежскаго совѣтника Барсова произвесть осмотръ казанской гимназіи, избралъ я въ помощь ему васъ»,—читаемъ въ предложеніи попечителя проф. Тимьянскому отъ 28-го марта 1822 года.

чительства Магницкаго, долженствовавшій увѣнчать собою передъ тѣмъ только законченный осмотръ всего учебнаго округа, мы въ настоящее время и должны будемъ перейти.

Мы знаемъ, что казанская гимназія, возобновленная въ 1798-мъ году по высочайшему повелѣнію императора Павла I, получила въ то время свой особый уставъ, пережившій общую реорганизацію въ 1804 году училищнаго дѣла и создавшій для нея совершенно исключительное положеніе среди другихъ,—уже „губернскихъ",—гимназій округа. Будучи непосредственно и ближайшимъ образомъ связана съ университетомъ и представляя собою какъ бы спеціально подготовительное по отношенію къ нему учебное заведеніе, казанская гимназія на первыхъ порахъ пріютила въ своихъ нѣдрахъ новорожденный университетъ, а затѣмъ, въ 1815 году, уже сама вынуждена была искать себѣ убѣжища въ его стѣнахъ послѣ опустошительнаго пожара 3-го сентября, истребившаго ея новыя зданія. Только къ концу лѣта 1820 года окончена была отстройка погорѣвшихъ гимназическихъ зданій и 27-го августа совершилось торжество перемѣщенія гимназіи изъ зданій университета на ея возстановленное пепелище. Несомнѣнно, что эта та непосредственная связь казанской гимназіи съ университетомъ и послужила причиною того, что ни ревизія самого Магницкаго въ началѣ 1819 года, ни ревизія въ началѣ 1821 года Словцовымъ училищъ казанской дирекціи—не коснулись этого исключительнаго по своему положенію учебнаго заведенія, остававшагося единственнымъ необревизованнымъ въ первые годы попечительства Магницкаго. Правда, осмотръ казанской гимназіи поручался инспектору студентовъ Барсову вслѣдъ за назначеніемъ его на эту должность, но эта ревизія носила чисто формальный и почти фиктивный характеръ.

Общая ревизія казанской гимназіи была произведена лишь въ теченіи 1822 года, причемъ и въ этомъ актѣ сказалось недовѣріе Магницкаго къ личному составу казанскаго университета: вся тяжесть этого порученія была возложена попечителемъ на инспектора студентовъ Ѳ. П. Барсова, которому только „въ помощь" приданъ былъ профессоръ В. И. Тимьянскій, поставленный, тѣмъ самымъ, въ подчиненное отношеніе къ представителю чисто-дисциплинарнаго университетскаго надзора,—фактъ, весьма знаменательный съ точки зрѣнія характеристики отношеній попечителя къ „ученому сословію" университета*.

* «Возложивъ на инспектора студентовъ г. коллежскаго совѣтника Барсова произвесть осмотръ казанской гимназіи, избралъ я въ помощь ему васъ»,—читаемъ въ предложеніи попечителя проф. Тимьянскому отъ 28-го марта 1822 года.

Порученіе произвести ревизію казанской гимназіи дано было инспектору Барсову попечительскимъ предложеніемъ отъ 28-го марта 1822 года и было формулировано слѣдующимъ образомъ:

„Визитаторъ Словцовъ оставилъ безъ осмотра казанскую гимназію, сочтя ее, какъ состоящую въ непосредственномъ завѣдываніи университета, неподлежащею его обревизованію.

Хотя по сей самой причинѣ не сомнѣваюсь я,—повидимому уже иронизируетъ Магницкій,—въ порядкѣ ея управленія и приличномъ благоустройствѣ, но, желая имѣть случай для засвидѣтельствованія о трудахъ и усердіи отличныхъ чиновниковъ и безпристрастное о семъ удостовѣреніе, не находя, между тѣмъ, приличнымъ поручить осмотръ ея главнымъ чиновникамъ университета, какъ непосредственно на нее дѣйствующимъ, по особенной моей къ вамъ довѣренности и по тому уваженію, что вы гимназію два года тому назадъ уже ревизовали и, слѣдовательно, тѣмъ удобнѣе можете сдѣлать сравненіе между тогдашнимъ и нынѣшнимъ ея положеніемъ, поручаю я вамъ произвести осмотръ казанской гимназіи совокупно съ профессоромъ Тимьянскимъ, коему, вмѣстѣ съ симъ, о семъ же предписывается“.

Весь осмотръ намѣчался въ четырехъ отношеніяхъ—нравственномъ, хозяйственномъ, полицейскомъ и учебномъ, причемъ попечителемъ въ томъ же предложеніи указаны были существеннѣйшіе вопросы, на которые ревизоры обязаны были обратить свое особенное вниманіе. Учебная сторона ревизіи возлагалась на Тимьянскаго, хозяйственная и полицейская—на Барсова, нравственная—на обоихъ, съ обязанностью представить по ней „общее усмотрѣніе“. Ревизія обставлялась весьма строгими условіями: „Я долженъ предупредить васъ,—писалъ Барсову попечитель,—что все то, что о безпорядкахъ гимназіи было бы упущено вами изъ вида, упадетъ на личную вашу отвѣтственность“; съ другой же стороны Магницкій уполномочивалъ Барсова о болѣе или менѣе щекотливыхъ сторонахъ ревизіи сообщать ему „въ приватныхъ отношеніяхъ, кои,—добавляетъ онъ,—останутся между нами“.

Дѣятельность Барсова и Тимьянскаго по ревизіи открылась 29-го апрѣля, а отъ 25-го мая отправлено было попечителю первое донесеніе ревизоровъ. Констатируя въ этомъ донесеніи порядокъ, найденный ими въ дѣлѣ содержанія воспитанниковъ, ревизоры указываютъ на халатность, обнаруженную ими въ денежной отчетности эконома и квартирмейстера (экзекутора) и, въ особенности, на дурное обращеніе квартирмейстера Любимова съ гимназическими инвалидами, которымъ онъ

Порученіе произвести ревизію казанской гимназіи дано было инспектору Барсову попечительскимъ предложеніемъ отъ 28-го марта 1822 года и было формулировано слѣдующимъ образомъ:

„Визитаторъ Словцовъ оставилъ безъ осмотра казанскую гимназію, сочтя ее, какъ состоящую въ непосредственномъ завѣдываніи университета, неподлежащею его обревизованію.

Хотя по сей самой причинѣ не сомнѣваюсь я,—повидимому уже иронизируетъ Магницкій,—въ порядкѣ ея управленія и приличномъ благоустройствѣ, но, желая имѣть случай для засвидѣтельствованія о трудахъ и усердіи отличныхъ чиновниковъ и безпристрастное о семъ удостовѣреніе, не находя, между тѣмъ, приличнымъ поручить осмотръ ея главнымъ чиновникамъ университета, какъ непосредственно на нее дѣйствующимъ, по особенной моей къ вамъ довѣренности и по тому уваженію, что вы гимназію два года тому назадъ уже ревизовали и, слѣдовательно, тѣмъ удобнѣе можете сдѣлать сравненіе между тогдашнимъ и нынѣшнимъ ея положеніемъ, поручаю я вамъ произвести осмотръ казанской гимназіи совокупно съ профессоромъ Тимьянскимъ, коему, вмѣстѣ съ симъ, о семъ же предписывается“.

Весь осмотръ намѣчался въ четырехъ отношеніяхъ—нравственномъ, хозяйственномъ, полицейскомъ и учебномъ, причемъ попечителемъ въ томъ же предложеніи указаны были существеннѣйшіе вопросы, на которые ревизоры обязаны были обратить свое особенное вниманіе. Учебная сторона ревизіи возлагалась на Тимьянскаго, хозяйственная и полицейская—на Барсова, нравственная—на обоихъ, съ обязанностью представить по ней „общее усмотрѣніе“. Ревизія обставлялась весьма строгими условіями: „Я долженъ предупредить васъ,—писалъ Барсову попечитель,—что все то, что о безпорядкахъ гимназіи было бы упущено вами изъ вида, упадетъ на личную вашу отвѣтственность“; съ другой же стороны Магницкій уполномочивалъ Барсова о болѣе или менѣе щекотливыхъ сторонахъ ревизіи сообщать ему „въ приватныхъ отношеніяхъ, кои,—добавляетъ онъ,—останутся между нами“.

Дѣятельность Барсова и Тимьянскаго по ревизіи открылась 29-го апрѣля, а отъ 25-го мая отправлено было попечителю первое донесеніе ревизоровъ. Констатируя въ этомъ донесеніи порядокъ, найденный ими въ дѣлѣ содержанія воспитанниковъ, ревизоры указываютъ на халатность, обнаруженную ими въ денежной отчетности эконома и квартирмейстера (экзекутора) и, въ особенности, на дурное обращеніе квартирмейстера Любимова съ гимназическими инвалидами, которымъ онъ

не только не додаетъ жалованье, но даже „жестоко ихъ бьетъ“, такъ что отъ его побоевъ одинъ изъ инвалидовъ „однимъ глазомъ худо, а другимъ вовсе не видитъ“. Безпорядочность обнаружена и въ распоряженіи общими гимназическими суммами; оказалось къ тому же, что служащіе въ гимназіи выступаютъ поставщиками для нея продуктовъ и матеріаловъ, что справедливо признано было ревизорами „неприличнымъ“; установлено было и отсутствіе экономіи въ распоряженіи покупаемыми для содержанія воспитанниковъ жизненными припасами и т. п. Ревизоры жаловались, въ заключеніе, на задержки со стороны гимназическихъ властей въ дѣлѣ доставленія требуемыхъ ими данныхъ, прося попечителя побудить ихъ къ болѣе ревностному и своевременному исполненію въ этомъ отношеніи.

Любопытно положеніе, занятое въ дѣлѣ ревизіи казанской гимназіи директоромъ университета А. П. Владимірскимъ, на котораго возложенъ былъ попечителемъ ближайшій надзоръ за гимназіею и который выступилъ рѣзкимъ антогонистомъ обоихъ ревизоровъ и горячимъ заступникомъ гимназическаго начальства. Въ то время уже стали, впрочемъ, появляться признаки серьезной размолвки между Магницкимъ и его бывшимъ излюбленнымъ конфидентомъ и роль, принятая Владимірскимъ въ дѣлѣ гимназической ревизіи, явилась одною изъ причинъ, ускорившихъ наступленіе полнаго разрыва между попечителемъ и директоромъ университета. Вмѣшательство Владимірскаго въ дѣло ревизіи было вызвано распоряженіемъ попечителя объ устраненіи отъ должности квартирмейстера Любимова, неблагодарная роль защитника котораго принята была на себя директоромъ. Силясь оправдать Любимова въ предъявленныхъ ревизіею обвиненіяхъ, Владимірскій представлялъ попечителю отъ 9-го іюля, что, „не желая ослабить особливаго довѣрія вашего превосходительства къ г. визитатору Барсову, побуждаюсь усерднѣйше просить выслушанія тѣхъ, коихъ г. Барсовъ представляетъ и представитъ въ разсужденіяхъ своихъ—худыми или неблагонамѣренными, не исключая изъ сего и г. Любимова“, тѣмъ болѣе, что со стороны этого послѣдняго „злоупотребленій по службѣ не могло быть никакихъ“ и что нападки Барсова на квартирмейстера объясняются тѣмъ, что онъ „питаетъ давнее и открытое недоброхотство къ Любимову по обличительнымъ его дѣйствіямъ“. Директорское заступничество взорвало попечителя, въ предложеніи Владимірскому отъ 4-го августа объявившаго его оправдательные по отношенію къ Любимову доводы—„неумѣстными“ и не идущими къ дѣлу: „Весьма мнѣ прискорбно видѣть,—писалъ Магницкій,—что вы чиновника особенной моей и вашей довѣренности, инспек-

не только не додаетъ жалованье, но даже „жестоко ихъ бьетъ", такъ что отъ его побоевъ одинъ изъ инвалидовъ „однимъ глазомъ худо, а другимъ вовсе не видитъ". Безпорядочность обнаружена и въ распоряженіи общими гимназическими суммами; оказалось къ тому же, что служащіе въ гимназіи выступаютъ поставщиками для нея продуктовъ и матеріаловъ, что справедливо признано было ревизорами „неприличнымъ"; установлено было и отсутствіе экономіи въ распоряженіи покупаемыми для содержанія воспитанниковъ жизненными припасами и т. п. Ревизоры жаловались, въ заключеніе, на задержки со стороны гимназическихъ властей въ дѣлѣ доставленія требуемыхъ ими данныхъ, прося попечителя побудить ихъ къ болѣе ревностному и своевременному исполненію въ этомъ отношеніи.

Любопытно положеніе, занятое въ дѣлѣ ревизіи казанской гимназіи директоромъ университета А. П. Владимірскимъ, на котораго возложенъ былъ попечителемъ ближайшій надзоръ за гимназіею и который выступилъ рѣзкимъ антогонистомъ обоихъ ревизоровъ и горячимъ заступникомъ гимназическаго начальства. Въ то время уже стали, впрочемъ, появляться признаки серьезной размолвки между Магницкимъ и его бывшимъ излюбленнымъ конфидентомъ и роль, принятая Владимірскимъ въ дѣлѣ гимназической ревизіи, явилась одною изъ причинъ, ускорившихъ наступленіе полнаго разрыва между попечителемъ и директоромъ университета. Вмѣшательство Владимірскаго въ дѣло ревизіи было вызвано распоряженіемъ попечителя объ устраненіи отъ должности квартирмейстера Любимова, неблагодарная роль защитника котораго принята была на себя директоромъ. Силясь оправдать Любимова въ предъявленныхъ ревизіею обвиненіяхъ, Владимірскій представлялъ попечителю отъ 9-го іюля, что, „не желая ослабить особливаго довѣрія вашего превосходительства къ г. визитатору Барсову, побуждаюсь усерднѣйше просить выслушанія тѣхъ, коихъ г. Барсовъ представляетъ и представитъ въ разсужденіяхъ своихъ—худыми или неблагонамѣренными, не исключая изъ сего и г. Любимова", тѣмъ болѣе, что со стороны этого послѣдняго „злоупотребленій по службѣ не могло быть никакихъ" и что нападки Барсова на квартирмейстера объясняются тѣмъ, что онъ „питаетъ давнее и открытое недоброхотство къ Любимову по обличительнымъ его дѣйствіямъ". Директорское заступничество взорвало попечителя, въ предложеніи Владимірскому отъ 4-го августа объявившаго его оправдательные по отношенію къ Любимову доводы—„неумѣстными" и не идущими къ дѣлу: „Весьма мнѣ прискорбно видѣть,—писалъ Магницкій,—что вы чиновника особенной моей и вашей довѣренности, инспек-

тора университета, мѣняете столь явно и оффиціально на человѣка, каковъ Любимовъ, который извѣстенъ мнѣ съ весьма невыгодной стороны, почему и желалъ бы я, что бы личность, которую столь открыто вы заявляете противъ г. Барсова, была впредь умѣрена христіанскими чувствами или, по крайней мѣрѣ, благопристойностью"....

Къ декабрю 1822 года ревизія Барсова и Тимьянскаго была закончена и 12-го числа этого мѣсяца ими представлено было попечителю окончательное донесеніе по выполненію возложенной на нихъ миссіи. Считаемъ не безъинтереснымъ остановиться на этомъ весьма любопытномъ донесеніи, въ препроводительномъ рапортѣ къ которому ревизоры заявляютъ не безъ нѣкотораго апломба, что ими „раскрыты всѣ раны гимназіи въ томъ намѣреніи, что бъ ваше превосходительство могли уврачевать ихъ", причемъ они руководствовались въ своей дѣятельности „собственнымъ крайнимъ разумѣніемъ, совѣстью и желаніемъ истиннаго исправленія всѣхъ недостатковъ, вредящихъ заведенію". Оставивъ на совѣсти ревизоровъ всѣ эти громкія разглагольствованія, обратимся къ сущности результатовъ, добытыхъ произведенною ими ревизіею.

Начнемъ съ части нравственной. Здѣсь вниманіе ревизоровъ останавливается на практикуемыхъ гимназіею мѣрахъ дисциплинарнаго воздѣйствія на учащихся, которыя представляются имъ „не надежными, ибо не всегда по духу Христову употреблялись". Мѣрамъ этимъ „не доставало кротости и убѣжденій; напротивъ того, многіе ученики были часто наказываемы розгами и, притомъ, жестоко, и были случаи что отъ страха наказанія ученики бѣгали изъ гимназіи". Ревизоры не протестуютъ, тѣмъ не менѣе, противъ розги, какъ карательной мѣры: „Надобно согласиться,—говорятъ они,—что розга по временамъ нужна и необходима, ибо ребенокъ, не получившій нѣжныхъ чувствованій отъ своихъ родителей, не можетъ быть веденъ одними убѣжденіями, но, во всякомъ случаѣ, такое наказаніе должно употреблять съ большою осторожностью и только въ истинной необходимости прибѣгать къ нему". Касаются ревизоры и другихъ сторонъ гимназической воспитательной системы:

„Покорность воспитанниковъ, — свидѣтельствуютъ они, — была упражняема, чинопочитаніе соблюдается. Почтеніе и любовь къ священному евангельскому ученію были внушены; духа вольнодумства ни мало не примѣтно. Чиновники и воспитанники ходятъ въ церкви и

тора университета, мѣняете столь явно и оффиціально на человѣка, каковъ Любимовъ, который извѣстенъ мнѣ съ весьма невыгодной стороны, почему и желалъ бы я, что бы личность, которую столь открыто вы заявляете противъ г. Барсова, была впредь умѣрена христіанскими чувствами или, по крайней мѣрѣ, благопристойностью"....

Къ декабрю 1822 года ревизія Барсова и Тимьянскаго была закончена и 12-го числа этого мѣсяца ими представлено было попечителю окончательное донесеніе по выполненію возложенной на нихъ миссіи. Считаемъ не безъинтереснымъ остановиться на этомъ весьма любопытномъ донесеніи, въ препроводительномъ рапортѣ къ которому ревизоры заявляютъ не безъ нѣкотораго апломба, что ими „раскрыты всѣ раны гимназіи въ томъ намѣреніи, что бъ ваше превосходительство могли уврачевать ихъ", причемъ они руководствовались въ своей дѣятельности „собственнымъ крайнимъ разумѣніемъ, совѣстью и желаніемъ истиннаго исправленія всѣхъ недостатковъ, вредящихъ заведенію". Оставивъ на совѣсти ревизоровъ всѣ эти громкія разглагольствованія, обратимся къ сущности результатовъ, добытыхъ произведенною ими ревизіею.

Начнемъ съ части нравственной. Здѣсь вниманіе ревизоровъ останавливается на практикуемыхъ гимназіею мѣрахъ дисциплинарнаго воздѣйствія на учащихся, которыя представляются имъ „не надежными, ибо не всегда по духу Христову употреблялись". Мѣрамъ этимъ „не доставало кротости и убѣжденій; напротивъ того, многіе ученики были часто наказываемы розгами и, притомъ, жестоко, и были случаи что отъ страха наказанія ученики бѣгали изъ гимназіи". Ревизоры не протестуютъ, тѣмъ не менѣе, противъ розги, какъ карательной мѣры: „Надобно согласиться,—говорятъ они,—что розга по временамъ нужна и необходима, ибо ребенокъ, не получившій нѣжныхъ чувствованій отъ своихъ родителей, не можетъ быть веденъ одними убѣжденіями, но, во всякомъ случаѣ, такое наказаніе должно употреблять съ большою осторожностью и только въ истинной необходимости прибѣгать къ нему". Касаются ревизоры и другихъ сторонъ гимназической воспитательной системы:

„Покорность воспитанниковъ, — свидѣтельствуютъ они, — была упражняема, чинопочитаніе соблюдается. Почтеніе и любовь къ священному евангельскому ученію были внушены; духа вольнодумства ни мало не примѣтно. Чиновники и воспитанники ходятъ въ церкви и

пріобщаются святыхъ тайнъ; соблазнительныхъ чтеній и бесѣдъ—не замѣтно; ежедневныя молитвы отправляются воспитанниками обще съ надзирателями ихъ. Къ дѣламъ милосердія воспитанники были пріучаемы. Отличные въ законоученіи воспитанники пользовались особливымъ вниманіемъ. На предупрежденіе пороковъ, коимъ подвергается юношество въ публичномъ воспитаніи, вниманіе обращено, праздность—отклоняется.

Но въ нравахъ ихъ,—оговариваются ревизоры въ дополненіе ко всѣмъ этимъ даннымъ положительнаго характера,—любезности мало, ложь—есть, добраго и благороднаго обращенія, скромности и учтивства—мы почти не видѣли"....

Вливъ этою послѣднею тирадою „ложку дегтя" въ „бочку меда" всяческихъ добродѣтелей, украшающихъ собою гимназическое воспитаніе, ревизоры переходятъ къ характеристикѣ „свойствъ и поведенія лицъ начальствующихъ, надзирающихъ и преподающихъ", сдѣлавъ при этомъ весьма осторожную оговорку въ томъ смыслѣ, что „какова внутренняя каждаго изъ чиновниковъ гимназіи—знаетъ одинъ Сердцевѣдѣцъ Богъ"... За этою оговоркою слѣдуютъ въ высшей степени своеобразные и совершенно общаго характера характеристики лицъ гимназическаго персонала, изъ длиннаго ряда которыхъ мы, въ видѣ образца, приводимъ только нѣкоторыя:

„Директоръ Пономаревъ*—есть человѣкъ незлобивый, добродушный, безкорыстный, образованный довольно (sic!), ведетъ себя хорошо и прилично, но для начальника имѣетъ недостатки. Христіанства наружнаго въ немъ много".

„Протоіерей Нечаевъ—въ наружномъ поведеніи очень хорошъ, добръ, готовъ на послугу, вѣренъ званію своему и долгу".

„Протодіаконъ Павловскій—держитъ себя хорошо, но весьма непріятно видѣть, что онъ поетъ съ воспитанниками при обѣдахъ и внѣ ихъ многолѣтіе, пѣснь государю (!) и пр. Желательно, что бъ онъ въ подобныхъ случаяхъ былъ внимательнѣе къ своему сану. Къ должности рачителенъ".

„Учитель Красновъ—есть человѣкъ тихій, умѣренный, не съ большимъ образованіемъ, честный, къ должности рачительный; держитъ себя, при бѣдности, довольно прилично. По временамъ подпадаетъ слабости опьяненія"....

* Пономаревъ Алексѣй Сергѣевичъ, воспитанникъ московской духовной академіи (1795 г.), бывшій чиновникъ при тверскомъ губернаторѣ, 14 апрѣля 1820 г. былъ назначенъ директоромъ казанской гимназіи, взамѣнъ профессора Никольскаго.

пріобщаются святыхъ тайнъ; соблазнительныхъ чтеній и бесѣдъ—не замѣтно; ежедневныя молитвы отправляются воспитанниками обще съ надзирателями ихъ. Къ дѣламъ милосердія воспитанники были пріучаемы. Отличные въ законоученіи воспитанники пользовались особливымъ вниманіемъ. На предупрежденіе пороковъ, коимъ подвергается юношество въ публичномъ воспитаніи, вниманіе обращено, праздность—отклоняется.

Но въ нравахъ ихъ,—оговариваются ревизоры въ дополненіе ко всѣмъ этимъ даннымъ положительнаго характера,—любезности мало, ложь—есть, добраго и благороднаго обращенія, скромности и учтивства—мы почти не видѣли"....

Вливъ этою послѣднею тирадою „ложку дегтя" въ „бочку меда" всяческихъ добродѣтелей, украшающихъ собою гимназическое воспитаніе, ревизоры переходятъ къ характеристикѣ „свойствъ и поведенія лицъ начальствующихъ, надзирающихъ и преподающихъ", сдѣлавъ при этомъ весьма осторожную оговорку въ томъ смыслѣ, что „какова внутренняя каждаго изъ чиновниковъ гимназіи—знаетъ одинъ Сердцевѣдѣцъ Богъ"... За этою оговоркою слѣдуютъ въ высшей степени своеобразные и совершенно общаго характера характеристики лицъ гимназическаго персонала, изъ длиннаго ряда которыхъ мы, въ видѣ образца, приводимъ только нѣкоторыя:

„Директоръ Пономаревъ*—есть человѣкъ незлобивый, добродушный, безкорыстный, образованный довольно (sic!), ведетъ себя хорошо и прилично, но для начальника имѣетъ недостатки. Христіанства наружнаго въ немъ много".

„Протоіерей Нечаевъ—въ наружномъ поведеніи очень хорошъ, добръ, готовъ на послугу, вѣренъ званію своему и долгу".

„Протодіаконъ Павловскій—держитъ себя хорошо, но весьма непріятно видѣть, что онъ поетъ съ воспитанниками при обѣдахъ и внѣ ихъ многолѣтіе, пѣснь государю (!) и пр. Желательно, что бъ онъ въ подобныхъ случаяхъ былъ внимательнѣе къ своему сану. Къ должности рачителенъ".

„Учитель Красновъ—есть человѣкъ тихій, умѣренный, не съ большимъ образованіемъ, честный, къ должности рачительный; держитъ себя, при бѣдности, довольно прилично. По временамъ подпадаетъ слабости опьяненія"....

* Пономаревъ Алексѣй Сергѣевичъ, воспитанникъ московской духовной академіи (1795 г.), бывшій чиновникъ при тверскомъ губернаторѣ, 14 апрѣля 1820 г. былъ назначенъ директоромъ казанской гимназіи, взамѣнъ профессора Никольскаго.

„Учитель Рыбушкинъ—человѣкъ обыкновенный (!), но держитъ себя трезво и прилично, къ дѣлу рачителенъ; твердыхъ правилъ не замѣтно".

„Главный надзиратель адъюнктъ Скворцовъ—есть человѣкъ пронырливый, потому крайне опасный, безъ добрыхъ правилъ, влающійся вѣтромъ, но управляемый желаніемъ корысти, отличій и власти, лживый и больше суетящійся, нежели дѣлающій. Угождая слѣпо желаніямъ бывшаго г. директора университета (т. е. Владимірскаго, за нѣсколько только дней до того уволеннаго), снискалъ въ немъ самое выгоднѣйшее мнѣніе о себѣ и полное довѣріе, причинившее въ гимназіи разстройство управленія. Держитъ себя по наружности не всегда прилично. Къ должности главнаго надзирателя не годенъ рѣшительно".

„Учитель Полиновскій — есть человѣкъ тихій, съ твердыми хорошими правилами, вѣрный долгу и усердный, весьма умѣренный, трудолюбивый, смышленный. Держитъ себя во всемъ прилично, а во многомъ—примѣрно, и есть одинъ изъ лучшихъ людей въ гимназіи. Кротко перенесенныя имъ многія обиды свидѣтельствуютъ, что въ немъ живетъ духъ Христовъ".

„Учитель Мейснеръ—по наружности во всемъ хорошъ, но нѣсколько завистливъ и человѣкоугодливъ, впрочемъ трезвъ и къ должности рачителенъ"....

„Учитель Макаровъ—не довольно извѣстенъ, а кажется, что онъ легокъ и суетенъ, держитъ себя прилично, рачителенъ, трезвъ"....

„Учитель Юферовъ—тихъ, честенъ, добръ, съ правилами не твердыми, однакожъ не вѣтренъ, а больше неповоротливъ, отчасти неопрятенъ"....

„Учитель Протопоповъ—оборотливъ и суетенъ любопытствомъ, при легкости; въ наружности хорошъ и къ должности рачителенъ"....

и т. д.

Таковы и всѣ остальныя характеристики личнаго состава гимназіи, носящія, какъ видитъ читатель, совершенно юмористическій отпечатокъ и уже ни въ какомъ случаѣ не способныя дать начальству сколько нибудь опредѣленнаго представленія относительно научныхъ и педагогическихъ качествъ аттестуемыхъ.

Ревизія хозяйственной стороны управленія гимназіею также не даетъ ничего существеннаго,—за исключеніемъ замѣчаній, сдѣланныхъ ревизорами уже въ первомъ донесеніи ихъ попечителю. Ревизоры приходятъ къ выводамъ, что „деньги хранятся хорошо и безопасно", „свидѣтельство суммъ бываетъ ежемѣсячно неопустительно", хотя „расходы на отопленіе могли бы быть уменьшены" и „образъ расходованія дровъ

„Учитель Рыбушкинъ—человѣкъ обыкновенный (!), но держитъ себя трезво и прилично, къ дѣлу рачителенъ; твердыхъ правилъ не замѣтно".

„Главный надзиратель адъюнктъ Скворцовъ—есть человѣкъ пронырливый, потому крайне опасный, безъ добрыхъ правилъ, влающійся вѣтромъ, но управляемый желаніемъ корысти, отличій и власти, лживый и больше суетящійся, нежели дѣлающій. Угождая слѣпо желаніямъ бывшаго г. директора университета (т. е. Владимірскаго, за нѣсколько только дней до того уволеннаго), снискалъ въ немъ самое выгоднѣйшее мнѣніе о себѣ и полное довѣріе, причинившее въ гимназіи разстройство управленія. Держитъ себя по наружности не всегда прилично. Къ должности главнаго надзирателя не годенъ рѣшительно".

„Учитель Полиновскій — есть человѣкъ тихій, съ твердыми хорошими правилами, вѣрный долгу и усердный, весьма умѣренный, трудолюбивый, смышленный. Держитъ себя во всемъ прилично, а во многомъ—примѣрно, и есть одинъ изъ лучшихъ людей въ гимназіи. Кротко перенесенныя имъ многія обиды свидѣтельствуютъ, что въ немъ живетъ духъ Христовъ".

„Учитель Мейснеръ—по наружности во всемъ хорошъ, но нѣсколько завистливъ и человѣкоугодливъ, впрочемъ трезвъ и къ должности рачителенъ"....

„Учитель Макаровъ—не довольно извѣстенъ, а кажется, что онъ легокъ и суетенъ, держитъ себя прилично, рачителенъ, трезвъ"....

„Учитель Юферовъ—тихъ, честенъ, добръ, съ правилами не твердыми, однакожъ не вѣтренъ, а больше неповоротливъ, отчасти неопрятенъ"....

„Учитель Протопоповъ—оборотливъ и суетенъ любопытствомъ, при легкости; въ наружности хорошъ и къ должности рачителенъ"....

и т. д.

Таковы и всѣ остальныя характеристики личнаго состава гимназіи, носящія, какъ видитъ читатель, совершенно юмористическій отпечатокъ и уже ни въ какомъ случаѣ не способныя дать начальству сколько нибудь опредѣленнаго представленія относительно научныхъ и педагогическихъ качествъ аттестуемыхъ.

Ревизія хозяйственной стороны управленія гимназіею также не даетъ ничего существеннаго,—за исключеніемъ замѣчаній, сдѣланныхъ ревизорами уже въ первомъ донесеніи ихъ попечителю. Ревизоры приходятъ къ выводамъ, что „деньги хранятся хорошо и безопасно", „свидѣтельство суммъ бываетъ ежемѣсячно неопустительно", хотя „расходы на отопленіе могли бы быть уменьшены" и „образъ расходованія дровъ

прійти въ лучшее положеніе", равно какъ обнаруженъ и недостатокъ экономіи въ расходахъ на отопленіе и продовольствіе воспитанниковъ („столъ воспитанниковъ посредственъ, а по расходуемымъ припасамъ можно бы почесть его за лакомый",—замѣчаетъ донесеніе). Общій выводъ ревизоровъ сводится къ недостаточности матеріальныхъ средствъ гимназіи: „Очевидно,—говоритъ ихъ отчетъ,—что сія гимназія штатною суммою своею поддерживаться не можетъ и что она доселѣ могла только изворачиваться". Любопытно заключеніе къ хозяйственному отчету, который былъ составленъ самимъ Барсовымъ:

„Мнѣ пріятно было бы ходатайствовать о награжденіяхъ чиновниковъ, въ хозяйственномъ управленіи гимназіи находящихся, но, не преступая совѣсти, сдѣлать того, къ сожалѣнію, не могу,—ибо:

1) Директоръ гимназіи—вялъ, нерѣшителенъ, неосмотрителенъ, невзыскателенъ и даже закрывалъ разныя опущенія по хозяйству. Кажется, онъ и самъ чувствуетъ неспособность свою и потому просилъ меня исходатайствовать ему позволеніе на подачу просьбы въ отставку, о чемъ симъ и представляю. Удерживать его нѣтъ причины, ибо съ теченіемъ времени онъ долженъ будетъ подпасть отвѣтственности.... А какъ чиновникъ сей, по его безкорыстію, столько бѣденъ, что не имѣетъ способовъ жить безъ службы, то я прошу ваше превосходительство отпустить его съ честью, что бы не преградить ему вступленія въ другой родъ службы *.

2) Главнаго надзирателя Скворцова усердіе къ выгодамъ казны есть только мнимое. Онъ отправился въ С.-Петербургъ для пріисканія другого мѣста; остается только желать, что бы его намѣреніе исполнилось успѣшно. На будущее время надобно отнять всякую возможность къ тому, что бы чиновники хозяйственнаго вѣдомства питали казеннымъ столомъ свои семейства **.

3) Экономъ Кантъ не совсѣмъ правъ, но я думалъ бы его оставить по причинѣ большого семейства, внушивъ ему, однакожъ, чтобъ впредь не покушался онъ употреблять казенный фуражъ на собственную скотину.

4) Казначей Кавнацкій только что оставилъ способъ восполненія своего жалованья.

5) Квартирмейстера Любимова я не признаю даже способнымъ къ продолженію службы, а полезнѣе обратить его въ первобытное состояніе (онъ былъ назначенъ изъ канцеляристовъ)".

---

* Директоръ Пономаревъ былъ уволенъ, съ назначеніемъ ему преемникомъ (съ 25 авг. 1823 г.) проф. В. Я. Баженова, котораго въ январѣ 1824 г. въ свою очередь смѣнилъ И. И. Лажечниковъ.

** Адъюнктъ М. В. Скворцовъ 31-го іюля 1823 г. перемѣщенъ на службу въ департаментъ народнаго просвѣщенія.

прійти въ лучшее положеніе", равно какъ обнаруженъ и недостатокъ экономіи въ расходахъ на отопленіе и продовольствіе воспитанниковъ („столъ воспитанниковъ посредственъ, а по расходуемымъ припасамъ можно бы почесть его за лакомый",—замѣчаетъ донесеніе). Общій выводъ ревизоровъ сводится къ недостаточности матеріальныхъ средствъ гимназіи: „Очевидно,—говоритъ ихъ отчетъ,—что сія гимназія штатною суммою своею поддерживаться не можетъ и что она доселѣ могла только изворачиваться". Любопытно заключеніе къ хозяйственному отчету, который былъ составленъ самимъ Барсовымъ:

„Мнѣ пріятно было бы ходатайствовать о награжденіяхъ чиновниковъ, въ хозяйственномъ управленіи гимназіи находящихся, но, не преступая совѣсти, сдѣлать того, къ сожалѣнію, не могу,—ибо:

1) Директоръ гимназіи—вялъ, нерѣшителенъ, неосмотрителенъ, невзыскателенъ и даже закрывалъ разныя опущенія по хозяйству. Кажется, онъ и самъ чувствуетъ неспособность свою и потому просилъ меня исходатайствовать ему позволеніе на подачу просьбы въ отставку, о чемъ симъ и представляю. Удерживать его нѣтъ причины, ибо съ теченіемъ времени онъ долженъ будетъ подпасть отвѣтственности.... А какъ чиновникъ сей, по его безкорыстію, столько бѣденъ, что не имѣетъ способовъ жить безъ службы, то я прошу ваше превосходительство отпустить его съ честью, что бы не преградить ему вступленія въ другой родъ службы *.

2) Главнаго надзирателя Скворцова усердіе къ выгодамъ казны есть только мнимое. Онъ отправился въ С.-Петербургъ для пріисканія другого мѣста; остается только желать, что бы его намѣреніе исполнилось успѣшно. На будущее время надобно отнять всякую возможность къ тому, что бы чиновники хозяйственнаго вѣдомства питали казеннымъ столомъ свои семейства **.

3) Экономъ Кантъ не совсѣмъ правъ, но я думалъ бы его оставить по причинѣ большого семейства, внушивъ ему, однакожъ, чтобъ впредь не покушался онъ употреблять казенный фуражъ на собственную скотину.

4) Казначей Кавнацкій только что оставилъ способъ восполненія своего жалованья.

5) Квартирмейстера Любимова я не признаю даже способнымъ къ продолженію службы, а полезнѣе обратить его въ первобытное состояніе (онъ былъ назначенъ изъ канцеляристовъ)".

---

* Директоръ Пономаревъ былъ уволенъ, съ назначеніемъ ему преемникомъ (съ 25 авг. 1823 г.) проф. В. Я. Баженова, котораго въ январѣ 1824 г. въ свою очередь смѣнилъ И. И. Лажечниковъ.

** Адъюнктъ М. В. Скворцовъ 31-го іюля 1823 г. перемѣщенъ на службу въ департаментъ народнаго просвѣщенія.

Опуская не представляющій особаго интереса отчетъ по полицейской части, перейдемъ къ послѣднему отдѣлу донесенія—отчету по части учебной, составленному уже проф. Тимьянскимъ. Матеріалъ для этой части донесенія собранъ былъ Тимьянскимъ какъ путемъ письменныхъ отвѣтовъ по 32-мъ вопроснымъ пунктамъ, предъявленнымъ имъ совѣту гимназіи по различнымъ сторонамъ педагогическаго дѣла, такъ и посредствомъ осмотра классныхъ журналовъ, посѣщенія уроковъ, экзаменовъ, а также и черезъ личныя испытанія воспитанниковъ. Общее впечатлѣніе, вынесенное Тимьянскимъ, свелось къ факту малоуспѣшности воспитанниковъ, причины которой усмотрѣны имъ въ слѣдующемъ: а) неопредѣленность продолжительности гимназическаго курса (вмѣсто положенныхъ четырехъ лѣтъ, оказались воспитанники, учившіеся въ гимназіи уже девятый годъ), б) неопредѣленность времени пріема въ гимназію (во всякое время года) и, притомъ, безъ достаточныхъ подготовительныхъ свѣдѣній; в) „малость" учебнаго времени, г) недостатокъ „единообразной хорошей методы ученія", д) недостатокъ пособій, е) молодость и неопытность нѣкоторыхъ учителей, ж) „неравное вниманіе начальства ко всѣмъ предметамъ и учителямъ", которое „возвышаетъ одно на счетъ другого", з) малое вниманіе учениковъ къ нѣкоторымъ учителямъ, и) не достаточно послѣдовательное распредѣленіе преподаваній по классамъ нижнимъ, среднимъ и высшимъ. Въ заключеніе отчета испрашивается „благосклонное воззрѣніе" начальства на усердіе и труды нѣкоторыхъ учителей (Полиновскаго, Краузе, Гине, Рыбушкина, адъюнктовъ Васильева и Кайсарова, кандидата Кулакова).

Мы имѣли случай выше замѣтить, что интересующая насъ ревизія казанской гимназіи служила, одновременно, и скрытымъ ходомъ противъ ненавистнаго всѣмъ бывшаго попечительскаго фаворита, директора университета Владимірскаго. Дань ненависти по отношенію къ теперь уже сошедшему со сцены директору не преминулъ принести и проф. Тимьянскій въ своемъ отчетѣ по учебной части гимназіи:

„Если трудъ мой заслужитъ одобреніе ваше,—вставляетъ онъ въ концѣ своего отчета,—то я почту сіе за счастье для себя. Если же—нѣтъ, то, ваше превосходительство, простите неисправность мою для тѣхъ перенесенныхъ мною обидъ, кои причинили ее, разстроивъ духъ мой! Онѣ дѣланы бывшимъ г. директоромъ университета и неоднократно. Возложенное на меня вашимъ превосходительствомъ званіе ревизора обращено было въ ругательство. Онъ грозилъ мной, въ шуткахъ, адъюнкту Скворцову даже въ уни-

Опуская не представляющій особаго интереса отчетъ по полицейской части, перейдемъ къ послѣднему отдѣлу донесенія—отчету по части учебной, составленному уже проф. Тимьянскимъ. Матеріалъ для этой части донесенія собранъ былъ Тимьянскимъ какъ путемъ письменныхъ отвѣтовъ по 32-мъ вопроснымъ пунктамъ, предъявленнымъ имъ совѣту гимназіи по различнымъ сторонамъ педагогическаго дѣла, такъ и посредствомъ осмотра классныхъ журналовъ, посѣщенія уроковъ, экзаменовъ, а также и черезъ личныя испытанія воспитанниковъ. Общее впечатлѣніе, вынесенное Тимьянскимъ, свелось къ факту малоуспѣшности воспитанниковъ, причины которой усмотрѣны имъ въ слѣдующемъ: а) неопредѣленность продолжительности гимназическаго курса (вмѣсто положенныхъ четырехъ лѣтъ, оказались воспитанники, учившіеся въ гимназіи уже девятый годъ), б) неопредѣленность времени пріема въ гимназію (во всякое время года) и, притомъ, безъ достаточныхъ подготовительныхъ свѣдѣній; в) „малость" учебнаго времени, г) недостатокъ „единообразной хорошей методы ученія", д) недостатокъ пособій, е) молодость и неопытность нѣкоторыхъ учителей, ж) „неравное вниманіе начальства ко всѣмъ предметамъ и учителямъ", которое „возвышаетъ одно на счетъ другого", з) малое вниманіе учениковъ къ нѣкоторымъ учителямъ, и) не достаточно послѣдовательное распредѣленіе преподаваній по классамъ нижнимъ, среднимъ и высшимъ. Въ заключеніе отчета испрашивается „благосклонное воззрѣніе" начальства на усердіе и труды нѣкоторыхъ учителей (Полиновскаго, Краузе, Гине, Рыбушкина, адъюнктовъ Васильева и Кайсарова, кандидата Кулакова).

Мы имѣли случай выше замѣтить, что интересующая насъ ревизія казанской гимназіи служила, одновременно, и скрытымъ ходомъ противъ ненавистнаго всѣмъ бывшаго попечительскаго фаворита, директора университета Владимірскаго. Дань ненависти по отношенію къ теперь уже сошедшему со сцены директору не преминулъ принести и проф. Тимьянскій въ своемъ отчетѣ по учебной части гимназіи:

„Если трудъ мой заслужитъ одобреніе ваше,—вставляетъ онъ въ концѣ своего отчета,—то я почту сіе за счастье для себя. Если же—нѣтъ, то, ваше превосходительство, простите неисправность мою для тѣхъ перенесенныхъ мною обидъ, кои причинили ее, разстроивъ духъ мой! Онѣ дѣланы бывшимъ г. директоромъ университета и неоднократно. Возложенное на меня вашимъ превосходительствомъ званіе ревизора обращено было въ ругательство. Онъ грозилъ мной, въ шуткахъ, адъюнкту Скворцову даже въ уни-

верситетскомъ совѣтѣ. Приближенные гимназическіе чиновники знали это. Сего мало: при нихъ я долженъ былъ выслушивать брани себѣ. Могла ли гимназія не потерять вниманія ко мнѣ? Могъ ли я безъ стыда казаться въ гимназіи? Сдѣланное мнѣ заявленіе, что ученики стали хуже со времени ревизіи—не могло ли заключать даже умысла противъ ревизоровъ?"....

Равнымъ образомъ и Барсовъ, особымъ письмомъ отъ 14-го декабря 1822 года донося попечителю объ окончаніи ревизіи гимназіи и принося ему благодарность „за всѣ милости и, въ особенности, за исходатайствованіе насущнаго хлѣба на остальное время" *, впередъ оправдываетъ возможные недостатки законченной миссіи: „При положеніи, въ какомъ я и г. Тимьянскій находились, дѣло сіе успѣшнѣе не могло идти. Служба кончилась и горести забываются!—патетически восклицаетъ Барсовъ.—Ваше превосходительство писали ко мнѣ, что я васъ лично оскорбилъ (?).... Ради Бога, простите меня великодушно"!

Въ такихъ чертахъ выступаетъ передъ нами ревизія казанской гимназіи 1822 года, далеко не лишенная односторонности и личной подкладки и въ весьма значительной степени напоминающая, съ этой точки зрѣнія, ревизію казанскаго университета, за три года до того произведенную самимъ Магницкимъ. Все даетъ намъ основаніе предполагать, что много интимнаго, недосказаннаго, лишь случайно проскальзывающаго, какъ мы это видѣли, въ донесеніяхъ Барсова и Тимьянскаго, скрывается за оффиціально-сухими архивными матеріалами этой ревизіи, во время которой и ревизоры, и самъ попечитель—въ достаточной мѣрѣ пользовались, повидимому, тѣми средствами сокровенныхъ „приватныхъ отношеній", которыя были рекомендованы Магницкимъ еще при самой организаціи дѣла ревизіи.

Исправленіе недостатковъ въ строѣ казанской гимназіи, указанныхъ ревизіею Барсова и Тимьянскаго, возложено было Магницкимъ на преемника Владимірскаго по званію директора университета—профессора Г. Б. Никольскаго, а профессорамъ университета предписано слѣдить за преподаваніемъ въ гимназіи тѣхъ предметовъ, которые должны считаться подготовительными по отношенію къ университетскимъ курсамъ. Но важнѣйшимъ послѣдствіемъ ревизіи 1822 года явилась утрата казанскою гимназіею того исключительнаго, среди однородныхъ ей учебныхъ заведеній округа, положенія, какое она занимала въ теченіи долгаго ряда предше-

* Рѣчь идетъ о пенсіи, выхлопотанной Барсову, который еще до окончанія ревизіи гимназіи былъ (2 августа) уволенъ отъ званія инспектора студентовъ.

верситетскомъ совѣтѣ. Приближенные гимназическіе чиновники знали это. Сего мало: при нихъ я долженъ былъ выслушивать брани себѣ. Могла ли гимназія не потерять вниманія ко мнѣ? Могъ ли я безъ стыда казаться въ гимназіи? Сдѣланное мнѣ заявленіе, что ученики стали хуже со времени ревизіи—не могло ли заключать даже умысла противъ ревизоровъ?"....

Равнымъ образомъ и Барсовъ, особымъ письмомъ отъ 14-го декабря 1822 года донося попечителю объ окончаніи ревизіи гимназіи и принося ему благодарность „за всѣ милости и, въ особенности, за исходатайствованіе насущнаго хлѣба на остальное время" *, впередъ оправдываетъ возможные недостатки законченной миссіи: „При положеніи, въ какомъ я и г. Тимьянскій находились, дѣло сіе успѣшнѣе не могло идти. Служба кончилась и горести забываются!—патетически восклицаетъ Барсовъ.—Ваше превосходительство писали ко мнѣ, что я васъ лично оскорбилъ (?).... Ради Бога, простите меня великодушно"!

Въ такихъ чертахъ выступаетъ передъ нами ревизія казанской гимназіи 1822 года, далеко не лишенная односторонности и личной подкладки и въ весьма значительной степени напоминающая, съ этой точки зрѣнія, ревизію казанскаго университета, за три года до того произведенную самимъ Магницкимъ. Все даетъ намъ основаніе предполагать, что много интимнаго, недосказаннаго, лишь случайно проскальзывающаго, какъ мы это видѣли, въ донесеніяхъ Барсова и Тимьянскаго, скрывается за оффиціально-сухими архивными матеріалами этой ревизіи, во время которой и ревизоры, и самъ попечитель—въ достаточной мѣрѣ пользовались, повидимому, тѣми средствами сокровенныхъ „приватныхъ отношеній", которыя были рекомендованы Магницкимъ еще при самой организаціи дѣла ревизіи.

Исправленіе недостатковъ въ строѣ казанской гимназіи, указанныхъ ревизіею Барсова и Тимьянскаго, возложено было Магницкимъ на преемника Владимірскаго по званію директора университета—профессора Г. Б. Никольскаго, а профессорамъ университета предписано слѣдить за преподаваніемъ въ гимназіи тѣхъ предметовъ, которые должны считаться подготовительными по отношенію къ университетскимъ курсамъ. Но важнѣйшимъ послѣдствіемъ ревизіи 1822 года явилась утрата казанскою гимназіею того исключительнаго, среди однородныхъ ей учебныхъ заведеній округа, положенія, какое она занимала въ теченіи долгаго ряда предше-

---

* Рѣчь идетъ о пенсіи, выхлопотанной Барсову, который еще до окончанія ревизіи гимназіи былъ (2 августа) уволенъ отъ званія инспектора студентовъ.

ствовавшихъ лѣтъ: гимназія была поставлена въ общій рядъ гимназій губернскихъ, а ея директоръ Лажечниковъ былъ облеченъ званіемъ директора училищъ казанской губерніи *.

Это преобразованіе послѣдовало осенью 1824 года и было объявлено слѣдующимъ предложеніемъ попечителя на имя директора университета, отъ 3-го октября: „По приведеніи неусыпнымъ надзоромъ вашимъ казанской гимназіи въ настоящее ея благосостояніе, прошу васъ ввести оную въ ту зависимость отъ университета, которая предписана для губернскихъ гимназій, вообще" [130].

Обращаясь къ мѣропріятіямъ Магницкаго, касающимся общей регламентаціи строя внутренней жизни училищъ ввѣреннаго ему округа, мы столкнемся и здѣсь съ тѣми же стремленіями попечителя обосновать этотъ строй на началахъ показного благочестія и условной благонамѣренности, которыя въ такомъ рѣзкомъ видѣ проявлялись, какъ мы это видѣли, въ отношеніяхъ Магницкаго къ университету.

Уже въ донесеніи своемъ о результатахъ произведенной имъ въ 1819 году ревизіи университета Магницкій открыто провозгласилъ, что 15 губерній округа наводнены выпущенными изъ университета учителями, отмѣченными „невѣріемъ и самымъ глубокимъ невѣжествомъ въ законѣ Божіемъ" и что зло это „не скоро исправлено быть можетъ". Къ исправленію этого воображаемаго „зла" Магницкимъ и было приступлено уже въ первые мѣсяцы его попечительства, въ смыслѣ обоснованія и преподаванія и самаго внутренняго режима училищной жизни—на абсолютныхъ началахъ благочестія и христіанскаго вѣроученія.

По инціативѣ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицина, вопросъ о реорганизаціи постановки преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ закона Божія былъ выдвинутъ впередъ въ концѣ лѣта 1819 года и 13-го августа этого года всѣмъ попечителямъ учебныхъ округовъ было циркулярно предписано принять необходимыя въ этомъ отношеніи мѣры. Получивъ соотвѣтствующее предложеніе министра, Магницкій,—которому едва ли не принадлежалъ и самый починъ возбужденія

* Это положеніе «губернской», съ присвоеніемъ ея директорамъ званія «директоровъ училищъ казанской губерніи», оставалось за старою казанскою гимназіею до осени 1835 г., когда, съ открытіемъ въ Казани второй гимназіи, значеніе гимназіи «губернской» перешло къ этой послѣдней.

ствовавшихъ лѣтъ: гимназія была поставлена въ общій рядъ гимназій губернскихъ, а ея директоръ Лажечниковъ былъ облеченъ званіемъ директора училищъ казанской губерніи *.

Это преобразованіе послѣдовало осенью 1824 года и было объявлено слѣдующимъ предложеніемъ попечителя на имя директора университета, отъ 3-го октября: „По приведеніи неусыпнымъ надзоромъ вашимъ казанской гимназіи въ настоящее ея благосостояніе, прошу васъ ввести оную въ ту зависимость отъ университета, которая предписана для губернскихъ гимназій, вообще“ [130].

Обращаясь къ мѣропріятіямъ Магницкаго, касающимся общей регламентаціи строя внутренней жизни училищъ ввѣреннаго ему округа, мы столкнемся и здѣсь съ тѣми же стремленіями попечителя обосновать этотъ строй на началахъ показного благочестія и условной благонамѣренности, которыя въ такомъ рѣзкомъ видѣ проявлялись, какъ мы это видѣли, въ отношеніяхъ Магницкаго къ университету.

Уже въ донесеніи своемъ о результатахъ произведенной имъ въ 1819 году ревизіи университета Магницкій открыто провозгласилъ, что 15 губерній округа наводнены выпущенными изъ университета учителями, отмѣченными „невѣріемъ и самымъ глубокимъ невѣжествомъ въ законѣ Божіемъ“ и что зло это „не скоро исправлено быть можетъ“. Къ исправленію этого воображаемаго „зла“ Магницкимъ и было приступлено уже въ первые мѣсяцы его попечительства, въ смыслѣ обоснованія и преподаванія и самаго внутренняго режима училищной жизни—на абсолютныхъ началахъ благочестія и христіанскаго вѣроученія.

По инціативѣ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицина, вопросъ о реорганизаціи постановки преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ закона Божія былъ выдвинутъ впередъ въ концѣ лѣта 1819 года и 13-го августа этого года всѣмъ попечителямъ учебныхъ округовъ было циркулярно предписано принять необходимыя въ этомъ отношеніи мѣры. Получивъ соотвѣтствующее предложеніе министра, Магницкій,—которому едва ли не принадлежалъ и самый починъ возбужденія

---

* Это положеніе «губернской», съ присвоеніемъ ея директорамъ званія «директоровъ училищъ казанской губерніи», оставалось за старою казанскою гимназіею до осени 1835 г., когда, съ открытіемъ въ Казани второй гимназіи, значеніе гимназіи «губернской» перешло къ этой послѣдней.

въ министерствѣ этого вопроса,—передалъ всѣ попеченія относительно постановки проподаванія закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ округа въ вѣдѣніе директора университета Владимірскаго, о чемъ онъ и поставилъ въ извѣстность университетскій совѣтъ предложеніемъ отъ 24-го октября. На этой почвѣ возникло цѣлое дѣло относительно организаціи преподаванія закона Божія, затянувшееся до осени 1828 года, въ которомъ мы находимъ двѣ обширныя записки „о преподаваніи христіанскаго богословія и христіанскаго правоученія", принадлежащія Владимірскому и профессору Пальмину. Особенно подробною является записка Владимірскаго, въ которой директоръ университета, подвергнувъ строгой критикѣ и признавъ неудовлетворительными существующіе методы и пособія къ преподаванію вѣроученія,—не исключая отсюда трудовъ преосв. Платона и Филарета,—считаетъ необходимымъ обратить преимущественное вниманіе на духовное „водительство" по отношенію къ учащимся, въ смыслѣ: „чтенія каноническихъ книгъ ветхаго завѣта, извлекая изъ нихъ исторію церкви Божіей въ ходѣ происшествій поучительныхъ, къ цѣли понятія о паденіи и искупленіи, о преобразованіи и исполненіи, о непреложныхъ судьбахъ Божіихъ, хранящихъ праведнаго и карающихъ беззаконнаго, о святости обѣтованія и могуществѣ вѣры, недоступномъ для человѣческой учености всѣхъ вѣковъ"; „назиданія разсужденія чтеніемъ нравоучительныхъ книгъ"; „тщательнѣйшаго охраненія святоположенія святыя Церкви со стороны безусловнаго исполненія всѣхъ обязанностей, какія внушаетъ грекороссійское православіе"; „искуса въ повиновеніи изъ любви, въ смиреніи, терпѣніи, набожности по внутреннему влеченію къ срѣтенію Жениха со свѣтильниками усердія" и т. п. Общее заключеніе директора сводится къ мысли, что „истинное богословіе существенно пріобрѣтаться можетъ чтеніемъ и посильнымъ разумѣніемъ священнаго писанія", что и подтверждается „семью первыми христіанскими вѣками, въ кои сіяли великіе свѣтильники церкви и не было тогда никакихъ богословскихъ системъ". Аналогичныя соображенія высказываются и проф. Пальминымъ, уже знакомыя намъ (см. выше стр. 109) мысли котораго относительно желательной постановки богословскаго преподаванія почти дословно повторяются лишь здѣсь.

Въ силу попечительскаго предложенія, всѣмъ директорамъ училищъ велѣно было доставить свѣдѣнія о постановкѣ въ ихъ дирекціяхъ дѣла преподаванія закона Божія, которыя, по мѣрѣ поступленія ихъ, и передавались Владимірскому. Директоръ университета ставился, такимъ образомъ, въ положеніе общаго руководителя и блюстителя

въ министерствѣ этого вопроса,—передалъ всѣ попеченія относительно постановки проподаванія закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ округа въ вѣдѣніе директора университета Владимірскаго, о чемъ онъ и поставилъ въ извѣстность университетскій совѣтъ предложеніемъ отъ 24-го октября. На этой почвѣ возникло цѣлое дѣло относительно организаціи преподаванія закона Божія, затянувшееся до осени 1828 года, въ которомъ мы находимъ двѣ обширныя записки „о преподаваніи христіанскаго богословія и христіанскаго правоученія", принадлежащія Владимірскому и профессору Пальмину. Особенно подробною является записка Владимірскаго, въ которой директоръ университета, подвергнувъ строгой критикѣ и признавъ неудовлетворительными существующіе методы и пособія къ преподаванію вѣроученія,—не исключая отсюда трудовъ преосв. Платона и Филарета,—считаетъ необходимымъ обратить преимущественное вниманіе на духовное „водительство" по отношенію къ учащимся, въ смыслѣ: „чтенія каноническихъ книгъ ветхаго завѣта, извлекая изъ нихъ исторію церкви Божіей въ ходѣ происшествій поучительныхъ, къ цѣли понятія о паденіи и искупленіи, о преобразованіи и исполненіи, о непреложныхъ судьбахъ Божіихъ, хранящихъ праведнаго и карающихъ беззаконнаго, о святости обѣтованія и могуществѣ вѣры, недоступномъ для человѣческой учености всѣхъ вѣковъ"; „назиданія разсужденія чтеніемъ нравоучительныхъ книгъ"; „тщательнѣйшаго охраненія святоположенія святыя Церкви со стороны безусловнаго исполненія всѣхъ обязанностей, какія внушаетъ грекороссійское православіе"; „искуса въ повиновеніи изъ любви, въ смиреніи, терпѣніи, набожности по внутреннему влеченію къ срѣтенію Жениха со свѣтильниками усердія" и т. п. Общее заключеніе директора сводится къ мысли, что „истинное богословіе существенно пріобрѣтаться можетъ чтеніемъ и посильнымъ разумѣніемъ священнаго писанія", что и подтверждается „семью первыми христіанскими вѣками, въ кои сіяли великіе свѣтильники церкви и не было тогда никакихъ богословскихъ системъ". Аналогичныя соображенія высказываются и проф. Пальминымъ, уже знакомыя намъ (см. выше стр. 109) мысли котораго относительно желательной постановки богословскаго преподаванія почти дословно повторяются лишь здѣсь.

Въ силу попечительскаго предложенія, всѣмъ директорамъ училищъ велѣно было доставить свѣдѣнія о постановкѣ въ ихъ дирекціяхъ дѣла преподаванія закона Божія, которыя, по мѣрѣ поступленія ихъ, и передавались Владимірскому. Директоръ университета ставился, такимъ образомъ, въ положеніе общаго руководителя и блюстителя

нравственно-религіознаго воспитанія и образованія во всѣхъ училищахъ округа и 8-го мая 1820 года оффиціально увѣдомилъ совѣтъ университета, что „есть распоряженіе высшаго начальства, что бы имѣть надзоръ за преподаваніемъ закона Божія исключительно мнѣ“, въ силу чего и предложилъ совѣту предписать начальникамъ всѣхъ училищъ округа, что бы по дѣламъ этого рода они адресовались исключительно къ нему. На этой почвѣ и завязалась непосредственная и весьма интересная переписка между директоромъ университета и начальниками отдѣльныхъ учебныхъ заведеній, въ которой Владимірскій, принимая донесенія отъ послѣднихъ, съ своей стороны преподаетъ имъ соотвѣтствующія наставленія и руководительныя указанія. Такъ, въ началѣ января 1822 года, отвѣчая на запросъ почетнаго смотрителя арзамасскихъ училищъ Алексѣева, Владимірскій внушаетъ ему, что „отличныя дѣйствія почетныхъ смотрителей могутъ быть разнообразны, главное же то, что бы училище преобразовалось въ вертоградъ Христовъ, вмѣсто храма богу невѣдомому; затѣмъ слѣдуютъ дѣла милосердія, наконецъ—не доводить нужды училища до того, что бы докучались высшему начальству, но изворачиваться своимъ доброхотствомъ“. Арзамасскій почетный смотритель въ отвѣтъ на эти указанія въ свою очередь отписываетъ директору университета, что онъ „въ обязанность себѣ поставляетъ водворять духъ благочестія въ училища, попеченію его ввѣренныя, всеусерднѣйшее имѣетъ стараніе внушать между воспитанниками страхъ Господень, повиновеніе начальству и взаимную между ими любовь“, на что директоръ и отвѣтилъ своею „истинною благодарностью за попеченіе о водвореніи въ училищахъ духа благочестія и христіанскихъ исполненій“, выражая надежду, что руководимыя имъ учебныя заведенія „достигнутъ цвѣтущаго состоянія въ мирѣ Христовѣ“. Истинная подкладка стремленій почетнаго смотрителя къ водворенію въ арзамасскихъ училищахъ „вертограда Христова“ раскрылась, впрочемъ, уже довольно скоро: затуманивъ Владимірскаго своими благочестивыми разсужденіями, Алексѣевъ не преминулъ обратиться къ директору съ просьбою его „посредства къ полученію всемилостивѣйшаго знака отличія“, завѣряя, что „тогда признательность моя къ особѣ вашей будетъ исполнена совершенною благодарностью и благодѣтельное ваше ко мнѣ начальство ознаменовано будетъ свойственнымъ особѣ вашей великодушіемъ“. Несомнѣнно, что арзамасскій меценатъ просвѣщенія лишь съ меньшею осторожностью раскрылъ тѣ низкоугодническія и честолюбивыя пружины, которыми руководствовалась большая часть мѣстныхъ исполнителей фарисейскихъ пред-

нравственно-религіознаго воспитанія и образованія во всѣхъ училищахъ округа и 8-го мая 1820 года оффиціально увѣдомилъ совѣтъ университета, что „есть распоряженіе высшаго начальства, что бы имѣть надзоръ за преподаваніемъ закона Божія исключительно мнѣ", въ силу чего и предложилъ совѣту предписать начальникамъ всѣхъ училищъ округа, что бы по дѣламъ этого рода они адресовались исключительно къ нему. На этой почвѣ и завязалась непосредственная и весьма интересная переписка между директоромъ университета и начальниками отдѣльныхъ учебныхъ заведеній, въ которой Владимірскій, принимая донесенія отъ послѣднихъ, съ своей стороны преподаетъ имъ соотвѣтствующія наставленія и руководительныя указанія. Такъ, въ началѣ января 1822 года, отвѣчая на запросъ почетнаго смотрителя арзамасскихъ училищъ Алексѣева, Владимірскій внушаетъ ему, что „отличныя дѣйствія почетныхъ смотрителей могутъ быть разнообразны, главное же то, что бы училище преобразовалось въ вертоградъ Христовъ, вмѣсто храма богу невѣдомому; затѣмъ слѣдуютъ дѣла милосердія, наконецъ—не доводить нужды училища до того, что бы докучались высшему начальству, но изворачиваться своимъ доброхотствомъ". Арзамасскій почетный смотритель въ отвѣтъ на эти указанія въ свою очередь отписываетъ директору университета, что онъ „въ обязанность себѣ поставляетъ водворять духъ благочестія въ училища, попеченію его ввѣренныя, всеусерднѣйшее имѣетъ стараніе внушать между воспитанниками страхъ Господень, повиновеніе начальству и взаимную между ими любовь", на что директоръ и отвѣтилъ своею „истинною благодарностью за попеченіе о водвореніи въ училищахъ духа благочестія и христіанскихъ исполненій", выражая надежду, что руководимыя имъ учебныя заведенія „достигнутъ цвѣтущаго состоянія въ мирѣ Христовѣ". Истинная подкладка стремленій почетнаго смотрителя къ водворенію въ арзамасскихъ училищахъ „вертограда Христова" раскрылась, впрочемъ, уже довольно скоро: затуманивъ Владимірскаго своими благочестивыми разсужденіями, Алексѣевъ не преминулъ обратиться къ директору съ просьбою его „посредства къ полученію всемилостивѣйшаго знака отличія", завѣряя, что „тогда признательность моя къ особѣ вашей будетъ исполнена совершенною благодарностью и благодѣтельное ваше ко мнѣ начальство ознаменовано будетъ свойственнымъ особѣ вашей великодушіемъ". Несомнѣнно, что арзамасскій меценатъ просвѣщенія лишь съ меньшею осторожностью раскрылъ тѣ низкоугодническія и честолюбивыя пружины, которыми руководствовалась большая часть мѣстныхъ исполнителей фарисейскихъ пред-

начертаній Магницкаго, Владимірскаго и ихъ присныхъ [131].

Хотя директору университета и была представлена Магницкимъ своего рода монополія въ дѣлѣ укорененія благочестія въ учебныхъ заведеніяхъ округа, тѣмъ не менѣе посильное содѣйствіе ему въ этомъ направленіи оказывалъ и ректоръ университета Г. Б. Никольскій. Такъ, посѣтивъ въ сентябрѣ 1821 года, по пути въ г. Тамбовъ, куда онъ выѣзжалъ по дѣлу о покупкѣ дома для мѣстной гимназіи, симбирскія училища, „его высокородіе, удостоивъ также,—рапортовалъ директоръ симбирскихъ училищъ,—своимъ присутствіемъ преподаванія, соизволилъ самъ сдѣлать нѣсколько вопросовъ изъ закона Божія", причемъ „давалъ христіанское наставленіе посѣтившимъ его высокородіе чиновникамъ гимназіи и уѣзднаго училища".

Мы видѣли выше, что чтеніе книгъ священнаго писанія было признано директоромъ университета Владимірскимъ и проф. Пальминымъ лучшимъ средствомъ водворенія благочестія какъ въ самомъ университетѣ, такъ и въ учебныхъ заведеніяхъ его округа. Извѣстно намъ и то, что въ 1821—1822 академ. году съ этою цѣлью выписано было изъ Петербурга на 10,629 рублей книгъ духовнаго содержанія—„для награжденія при годичныхъ испытаніяхъ по казанскому учебному округу". Сравнительно небольшая часть этихъ книгъ,—на сумму всего 406-ти рублей,—оставлена была для нуждъ университета, остальныя же разосланы по училищнымъ дирекціямъ округа. Религіозныя чтенія были съ неукоснительною строгостью введены во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ округа уже съ начала 1819—1820 учебнаго года. Такъ, въ казанской гимназіи, напримѣръ, предписано было ежедневно собирать учащихся за полчаса до начала ученія и читать имъ одну главу изъ новаго завѣта; по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ такія же чтенія производились съ семи часовъ утра до начала обѣдни. Для производства этихъ чтеній учреждено было между учителями гимназіи особое дежурство, воскресныя же и праздничныя чтенія возлагались на обязанность самого директора гимназіи. Такія чтенія организованы были и по всѣмъ другимъ училищамъ округа. Воспитанникамъ учебныхъ заведеній было вмѣнено въ непремѣнную обязанность имѣть „новый завѣтъ съ россійскимъ переводомъ и псалтирь на русскомъ языкѣ для собственнаго употребленія", при гимназіяхъ же предписано имѣть „всѣ книги, составляющія кругъ церковный". Въ числѣ книгъ назидательнаго характера, введенныхъ къ чтенію въ учебныхъ заведеніяхъ, принятъ былъ и извѣстный трактатъ Пуффендорфа „О должностяхъ гражданина и человѣка", пользовавшійся у насъ широкимъ распространеніемъ

начертаній Магницкаго, Владимірскаго и ихъ присныхъ [131].

Хотя директору университета и была представлена Магницкимъ своего рода монополія въ дѣлѣ укорененія благочестія въ учебныхъ заведеніяхъ округа, тѣмъ не менѣе посильное содѣйствіе ему въ этомъ направленіи оказывалъ и ректоръ университета Г. Б. Никольскій. Такъ, посѣтивъ въ сентябрѣ 1821 года, по пути въ г. Тамбовъ, куда онъ выѣзжалъ по дѣлу о покупкѣ дома для мѣстной гимназіи, симбирскія училища, „его высокородіе, удостоивъ также,—рапортовалъ директоръ симбирскихъ училищъ,—своимъ присутствіемъ преподаванія, соизволилъ самъ сдѣлать нѣсколько вопросовъ изъ закона Божія", причемъ „давалъ христіанское наставленіе посѣтившимъ его высокородіе чиновникамъ гимназіи и уѣзднаго училища".

Мы видѣли выше, что чтеніе книгъ священнаго писанія было признано директоромъ университета Владимірскимъ и проф. Пальминымъ лучшимъ средствомъ водворенія благочестія какъ въ самомъ университетѣ, такъ и въ учебныхъ заведеніяхъ его округа. Извѣстно намъ и то, что въ 1821—1822 академ. году съ этою цѣлью выписано было изъ Петербурга на 10,629 рублей книгъ духовнаго содержанія—„для награжденія при годичныхъ испытаніяхъ по казанскому учебному округу". Сравнительно небольшая часть этихъ книгъ,—на сумму всего 406-ти рублей,—оставлена была для нуждъ университета, остальныя же разосланы по училищнымъ дирекціямъ округа. Религіозныя чтенія были съ неукоснительною строгостью введены во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ округа уже съ начала 1819—1820 учебнаго года. Такъ, въ казанской гимназіи, напримѣръ, предписано было ежедневно собирать учащихся за полчаса до начала ученія и читать имъ одну главу изъ новаго завѣта; по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ такія же чтенія производились съ семи часовъ утра до начала обѣдни. Для производства этихъ чтеній учреждено было между учителями гимназіи особое дежурство, воскресныя же и праздничныя чтенія возлагались на обязанность самого директора гимназіи. Такія чтенія организованы были и по всѣмъ другимъ училищамъ округа. Воспитанникамъ учебныхъ заведеній было вмѣнено въ непремѣнную обязанность имѣть „новый завѣтъ съ россійскимъ переводомъ и псалтирь на русскомъ языкѣ для собственнаго употребленія", при гимназіяхъ же предписано имѣть „всѣ книги, составляющія кругъ церковный". Въ числѣ книгъ назидательнаго характера, введенныхъ къ чтенію въ учебныхъ заведеніяхъ, принятъ былъ и извѣстный трактатъ Пуффендорфа „О должностяхъ гражданина и человѣка", пользовавшійся у насъ широкимъ распространеніемъ

еще со временъ Петра Великаго, но и эта книга подвергнута была осенью 1821 года остракизму: предложеніемъ отъ 18-го октября Магницкій сдѣлалъ распоряженіе, что бы чтенія изъ этого трактата были замѣнены чтеніями изъ „евангелистовъ и дѣяній апостольскихъ". По личному усмотрѣнію попечителя высылались для учебныхъ заведеній и другія книги, почитавшіяся имъ полезными въ цѣляхъ утвержденія въ учебныхъ заведеніяхъ благочестія. Такъ, въ іюнѣ 1825 года имъ выслано было для округа 500 экземпляровъ книги: „Поученіе, какъ стоять въ церкви во время божественной литургіи", причемъ съ университета, которому было предоставлено уже отъ себя произвести соотвѣтствующій разсчетъ съ училищами, взыскано было по $2^1/_2$ рубля за каждый экземпляръ этого изданія. Въ томъ же году и на тѣхъ же основаніяхъ высланы были университету 200 экземпляровъ „Славянской грамматики", съ требованіемъ уплаты по 3 рубля за экземпляръ. Подобнаго рода навязыванія университету и округу книгъ были, какъ мы въ своемъ мѣстѣ увидимъ это, далеко не рѣдкостью въ эпоху попечительства Магницкаго, нерѣдко преслѣдуя не столько цѣли дидактическія, сколько интересы самихъ издателей ихъ. Средствомъ, разсчитаннымъ на водвореніе въ училищахъ христіанскаго духа и благочестія, признавалось и учрежденіе при учебныхъ заведеніяхъ „сотовариществъ россійскаго библейскаго общества", о чемъ разсказано будетъ нами въ слѣдующей главѣ, въ связи съ основаніемъ такого сотоварищества при самомъ университетѣ [132].

Само собою разумѣется, что, идя на встрѣчу требованіямъ Магницкаго, директора училищъ всячески старались давать ему вещественныя доказательства своего усердія въ дѣлѣ насажденія въ подвѣдомственныхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ „благочестія" и сопряженныхъ съ нимъ актовъ „милосердія", и на этой почвѣ порою прямо таки хватали,—какъ говорится,—„черезъ край", какъ это и случилось въ 1821 году съ директоромъ пензенскихъ училищъ И. И. Лажечниковымъ и какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующее донесеніе попечителю директора университета Владимірскаго, отъ 25-го апрѣля этого года:

„Спаситель нашъ Господь Іисусъ поучаетъ: Егда твориши пиръ, зови нищія, маломощныя, хромыя, слѣпыя (Луки 14—13),—такъ начинается это директорское донесеніе.

Ученики пензенской гимназіи исполнили святѣйшую сію заповѣдь, давши трапезу и служивши при ней убогимъ и увѣчнымъ, во второй день свѣтлаго праздника Пасхи.

еще со временъ Петра Великаго, но и эта книга подвергнута была осенью 1821 года остракизму: предложеніемъ отъ 18-го октября Магницкій сдѣлалъ распоряженіе, что бы чтенія изъ этого трактата были замѣнены чтеніями изъ „евангелистовъ и дѣяній апостольскихъ". По личному усмотрѣнію попечителя высылались для учебныхъ заведеній и другія книги, почитавшіяся имъ полезными въ цѣляхъ утвержденія въ учебныхъ заведеніяхъ благочестія. Такъ, въ іюнѣ 1825 года имъ выслано было для округа 500 экземпляровъ книги: „Поученіе, какъ стоять въ церкви во время божественной литургіи", причемъ съ университета, которому было предоставлено уже отъ себя произвести соотвѣтствующій разсчетъ съ училищами, взыскано было по $2^1/_2$ рубля за каждый экземпляръ этого изданія. Въ томъ же году и на тѣхъ же основаніяхъ высланы были университету 200 экземпляровъ „Славянской грамматики", съ требованіемъ уплаты по 3 рубля за экземпляръ. Подобнаго рода навязыванія университету и округу книгъ были, какъ мы въ своемъ мѣстѣ увидимъ это, далеко не рѣдкостью въ эпоху попечительства Магницкаго, нерѣдко преслѣдуя не столько цѣли дидактическія, сколько интересы самихъ издателей ихъ. Средствомъ, разсчитаннымъ на водвореніе въ училищахъ христіанскаго духа и благочестія, признавалось и учрежденіе при учебныхъ заведеніяхъ „сотовариществъ россійскаго библейскаго общества", о чемъ разсказано будетъ нами въ слѣдующей главѣ, въ связи съ основаніемъ такого сотоварищества при самомъ университетѣ [132].

Само собою разумѣется, что, идя на встрѣчу требованіямъ Магницкаго, директора училищъ всячески старались давать ему вещественныя доказательства своего усердія въ дѣлѣ насажденія въ подвѣдомственныхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ „благочестія" и сопряженныхъ съ нимъ актовъ „милосердія", и на этой почвѣ порою прямо таки хватали,—какъ говорится,—„черезъ край", какъ это и случилось въ 1821 году съ директоромъ пензенскихъ училищъ И. И. Лажечниковымъ и какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующее донесеніе попечителю директора университета Владимірскаго, отъ 25-го апрѣля этого года:

„Спаситель нашъ Господь Іисусъ поучаетъ: Егда твориши пиръ, зови нищія, маломощныя, хромыя, слѣпыя (Луки 14—13),—такъ начинается это директорское донесеніе.

Ученики пензенской гимназіи исполнили святѣйшую сію заповѣдь, давши трапезу и служивши при ней убогимъ и увѣчнымъ, во второй день свѣтлаго праздника Пасхи.

Я не въ силахъ достойно благодарить г. исправляющаго должность директора пензенскихъ училищъ Лажечникова за такое прекрасное вступленіе его въ должность училищнаго начальника и предаю сіе событіе въ благосклонное вниманіе вашего превосходительства, прилагая у сего полученное мною отъ г. Лажечникова донесеніе.

Я бы усерднѣйше просилъ ваше превосходительство сей духовный пиръ пензенской гимназіи поставить на видъ прочимъ директорамъ училищъ, чрезъ напечатаніе въ Прибавленіяхъ къ Казанскому Вѣстнику".

Препровожденное къ Магницкому донесеніе Лажечникова въ слѣдующихъ чертахъ возстановляетъ этотъ, такъ умилившій директора университета, „духовный пиръ" пензенскихъ гимназистовъ:

„Ученики пензенской гимназіи, не зная, чѣмъ лучшимъ почтить память Воскресенія нашего Искупителя, угощали на другой день святой Пасхи обѣденнымъ столомъ человѣкъ до 35-ти нищихъ и увѣчныхъ, въ одной изъ классныхъ залъ.

Давъ каждому изъ нихъ братское цѣлованіе, ученики сами прислуживали имъ въ продолженіи обѣда.

Сей благочестивый подвигъ воспитанниковъ пензенской гимназіи почелъ я долгомъ довести до свѣдѣнія вашего высокородія".

Нечего говорить, конечно, о томъ, что Магницкій остался въ свою очередь восхищенъ идеею директора пензенскихъ училищъ. Отблагодаривъ Лажечникова за его „прекрасное нововведеніе", попечитель довелъ о немъ до свѣдѣнія министра, а самый фактъ пензенскаго „духовнаго пира" былъ опубликованъ въ университетскомъ журналѣ.

Лѣтомъ того же 1821 года Лажечниковъ выступилъ съ проектомъ учрежденія при пензенской гимназіи „христіанскихъ и литературныхъ бесѣдъ", въ которомъ, прикрываясь излюбленною попечителемъ эгидою религіозной благонамѣренности, нашъ романистъ просто на просто задумалъ, повидимому, создать при ввѣренной его управленію гимназіи литературное общество. Это начинаніе Лажечникова представляется настолько оригинальнымъ, въ особенности же въ виду условій времени и мѣста, что мы считаемъ цѣлесообразнымъ ближе познакомить съ нимъ нашихъ читателей:

„Желая доставить ученикамъ, ввѣреннымъ надзору моему, занятія пріятныя и полезныя въ часы, свободные отъ ученія,—доноситъ Лажечниковъ университетскому совѣту отъ 20-го іюля 1821 года,—предположилъ я учредить при гимназіи христіанскія и литературныя бесѣды.

Я не въ силахъ достойно благодарить г. исправляющаго должность директора пензенскихъ училищъ Лажечникова за такое прекрасное вступленіе его въ должность училищнаго начальника и предаю сіе событіе въ благосклонное вниманіе вашего превосходительства, прилагая у сего полученное мною отъ г. Лажечникова донесеніе.

Я бы усерднѣйше просилъ ваше превосходительство сей духовный пиръ пензенской гимназіи поставить на видъ прочимъ директорамъ училищъ, чрезъ напечатаніе въ Прибавленіяхъ къ Казанскому Вѣстнику".

Препровожденное къ Магницкому донесеніе Лажечникова въ слѣдующихъ чертахъ возстановляетъ этотъ, такъ умилившій директора университета, „духовный пиръ" пензенскихъ гимназистовъ:

„Ученики пензенской гимназіи, не зная, чѣмъ лучшимъ почтить память Воскресенія нашего Искупителя, угощали на другой день святой Пасхи обѣденнымъ столомъ человѣкъ до 35-ти нищихъ и увѣчныхъ, въ одной изъ классныхъ залъ.

Давъ каждому изъ нихъ братское цѣлованіе, ученики сами прислуживали имъ въ продолженіи обѣда.

Сей благочестивый подвигъ воспитанниковъ пензенской гимназіи почелъ я долгомъ довести до свѣдѣнія вашего высокородія".

Нечего говорить, конечно, о томъ, что Магницкій остался въ свою очередь восхищенъ идеею директора пензенскихъ училищъ. Отблагодаривъ Лажечникова за его „прекрасное нововведеніе", попечитель довелъ о немъ до свѣдѣнія министра, а самый фактъ пензенскаго „духовнаго пира" былъ опубликованъ въ университетскомъ журналѣ.

Лѣтомъ того же 1821 года Лажечниковъ выступилъ съ проектомъ учрежденія при пензенской гимназіи „христіанскихъ и литературныхъ бесѣдъ", въ которомъ, прикрываясь излюбленною попечителемъ эгидою религіозной благонамѣренности, нашъ романистъ просто на просто задумалъ, повидимому, создать при ввѣренной его управленію гимназіи литературное общество. Это начинаніе Лажечникова представляется настолько оригинальнымъ, въ особенности же въ виду условій времени и мѣста, что мы считаемъ цѣлесообразнымъ ближе познакомить съ нимъ нашихъ читателей:

„Желая доставить ученикамъ, ввѣреннымъ надзору моему, занятія пріятныя и полезныя въ часы, свободные отъ ученія,—доноситъ Лажечниковъ университетскому совѣту отъ 20-го іюля 1821 года,—предположилъ я учредить при гимназіи христіанскія и литературныя бесѣды.

Правила для оныхъ суть нижеслѣдующія:

Предметы.

§ 1. Предметами чтенія назначаются: 1) Въ христіанскихъ бесѣдахъ—разсужденія о важнѣйшихъ истинахъ религіи, житія святыхъ мужей, слова знаменитыхъ проповѣдниковъ, псалмы и переложенія ихъ въ стихи новѣйшими писателями, училище благочестія, разборъ нѣкоторыхъ священныхъ пѣснопѣвцевъ и проч.; 2) Въ литературныхъ бесѣдахъ—классическіе русскіе авторы въ прозѣ и стихахъ, образцовые переводы древнихъ и новыхъ авторовъ, собственныя сочиненія и переводы учениковъ и почетныхъ посѣтителей, кому угодно будетъ оные представить, и критическіе разборы русскихъ авторовъ и собственныхъ сочиненій.

Время.

§ 2. Чтеній въ мѣсяцъ предполагается четыре. Днемъ чтенія назначается суббота, пополудни въ 5 часовъ. Въ одну субботу имѣетъ быть христіанская бесѣда, въ другую—литературная, попеременно.

Лица.

§ 3. Директоръ училищъ, вмѣстѣ съ учителемъ словесности, суть распорядители упражненій любителей чтенія. Непремѣнными посѣтителями сего собранія приглашаются ученики гимназіи 3-го и 4-го классовъ всѣ *, а 2-го и 1-го допускаются къ слушанію отличные по способностямъ и успѣхамъ. Къ нимъ присовокупляются лучшіе ученики благородныхъ пансіоновъ.

§ 4. Учители гимназіи и особы, не принадлежащія къ сословію оной, которымъ угодно будетъ принять участіе въ сихъ бесѣдахъ, будутъ занимать почетныя мѣста и называться почетными посѣтителями.

Произведенія.

§ 5. Нѣкоторыя сочиненія и переводы учителей, учениковъ и почетныхъ посѣтителей могутъ, со временемъ, составить небольшую книгу, которая и издана будетъ, съ позволенія начальства, подъ именемъ: Труды христіанской и литературной бесѣды, учрежденной при пензенской гимназіи.

Мѣсто.

§ 6. Мѣстомъ чтенія назначается комната гимназической библіотеки.

---

* Гимназіи были въ то время четырехклассными.

Правила для оныхъ суть нижеслѣдующія:

Предметы.

§ 1. Предметами чтенія назначаются: 1) Въ христіанскихъ бесѣдахъ—разсужденія о важнѣйшихъ истинахъ религіи, житія святыхъ мужей, слова знаменитыхъ проповѣдниковъ, псалмы и переложенія ихъ въ стихи новѣйшими писателями, училище благочестія, разборъ нѣкоторыхъ священныхъ пѣснопѣвцевъ и проч.; 2) Въ литературныхъ бесѣдахъ—классическіе русскіе авторы въ прозѣ и стихахъ, образцовые переводы древнихъ и новыхъ авторовъ, собственныя сочиненія и переводы учениковъ и почетныхъ посѣтителей, кому угодно будетъ оные представить, и критическіе разборы русскихъ авторовъ и собственныхъ сочиненій.

Время.

§ 2. Чтеній въ мѣсяцъ предполагается четыре. Днемъ чтенія назначается суббота, пополудни въ 5 часовъ. Въ одну субботу имѣетъ быть христіанская бесѣда, въ другую—литературная, попеременно.

Лица.

§ 3. Директоръ училищъ, вмѣстѣ съ учителемъ словесности, суть распорядители упражненій любителей чтенія. Непремѣнными посѣтителями сего собранія приглашаются ученики гимназіи 3-го и 4-го классовъ всѣ *, а 2-го и 1-го допускаются къ слушанію отличные по способностямъ и успѣхамъ. Къ нимъ присовокупляются лучшіе ученики благородныхъ пансіоновъ.

§ 4. Учители гимназіи и особы, не принадлежащія къ сословію оной, которымъ угодно будетъ принять участіе въ сихъ бесѣдахъ, будутъ занимать почетныя мѣста и называться почетными посѣтителями.

Произведенія.

§ 5. Нѣкоторыя сочиненія и переводы учителей, учениковъ и почетныхъ посѣтителей могутъ, со временемъ, составить небольшую книгу, которая и издана будетъ, съ позволенія начальства, подъ именемъ: Труды христіанской и литературной бесѣды, учрежденной при пензенской гимназіи.

Мѣсто.

§ 6. Мѣстомъ чтенія назначается комната гимназической библіотеки.

---

* Гимназіи были въ то время четырехклассными.

Порядокъ.

§ 7. Выборъ піесъ и порядокъ чтенія предоставляются директору гимназіи, по представленію учителя словесности.

§ 8. Записку занятіямъ ведетъ избранный изъ старшихъ учениковъ.

Пособія.

§ 9. Участвующіе въ собраніи имѣютъ право пользоваться всѣми книгами и другими учебными пособіями гимназической библіотеки. Сверхъ того, гимназія будетъ ежегодно выписывать лучшіе русскіе журналы и періодическія изданія. Всѣ сіи книги, кромѣ употребленія въ кабинетѣ чтенія, могутъ они брать въ домъ подъ росписку и должны возвращать въ цѣлости, а въ случаѣ утраты взносятъ или деньги за цѣлое твореніе, или таковыя же книги.

Издержки.

§ 10. На освѣщеніе, бумагу, чернила и прочія незначительныя издержки участвующіе въ занятіяхъ взносятъ деньги по мѣрѣ надобностей и по своему произволенію".

Становится совершенно яснымъ, что, ловко прикрывшись вывѣскою „христіанской бесѣды", Лажечниковъ въ сущности создалъ уставъ цѣлаго литературнаго общества при пензенской гимназіи, которое онъ намѣревался призвать къ жизни въ маленькой Пензѣ въ то самое время, когда въ большой и университетской Казани мертвымъ сномъ спало мѣстное Общество любителей отечественной словесности. Магницкій поддался на эту „благочестивую" удочку и далъ отъ 9-го сентября знать, что онъ разрѣшаетъ „учрежденіе въ пензенской гимназіи христіанскихъ и литературныхъ бесѣдъ и правила оныхъ". Мы не имѣемъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ любопытнаго начинанія И. И. Лажечникова. Нашъ романистъ не долго пробылъ, впрочемъ, въ званіи директора училищъ пензенской губерніи, а съ его уходомъ не поднималось уже болѣе, конечно, и вопроса о литературномъ обществѣ при пензенской гимназіи.

Если основаніе въ г. Пензѣ литературнаго кружка при мѣстной гимназіи не встрѣтило никакихъ затрудненій со стороны Магницкаго, то совершенно иная судьба постигла гимназическую театральную сцену, существовавшую въ сосѣднемъ Симбирскѣ. Оказывается, что еще съ начала 1818 года и съ особаго разрѣшенія на то казанскаго университета нѣкоторые изъ учителей симбирской гимназіи, согласясь „праздничные и каникулярные дни употреблять на дальнѣйшее образованіе обучающагося въ симбирской гимназіи юношества, приняли

Порядокъ.

§ 7. Выборъ піесъ и порядокъ чтенія предоставляются директору гимназіи, по представленію учителя словесности.

§ 8. Записку занятіямъ ведетъ избранный изъ старшихъ учениковъ.

Пособія.

§ 9. Участвующіе въ собраніи имѣютъ право пользоваться всѣми книгами и другими учебными пособіями гимназической библіотеки. Сверхъ того, гимназія будетъ ежегодно выписывать лучшіе русскіе журналы и періодическія изданія. Всѣ сіи книги, кромѣ употребленія въ кабинетѣ чтенія, могутъ они брать въ домъ подъ росписку и должны возвращать въ цѣлости, а въ случаѣ утраты взносятъ или деньги за цѣлое твореніе, или таковыя же книги.

Издержки.

§ 10. На освѣщеніе, бумагу, чернила и прочія незначительныя издержки участвующіе въ занятіяхъ взносятъ деньги по мѣрѣ надобностей и по своему произволенію".

Становится совершенно яснымъ, что, ловко прикрывшись вывѣскою „христіанской бесѣды", Лажечниковъ въ сущности создалъ уставъ цѣлаго литературнаго общества при пензенской гимназіи, которое онъ намѣревался призвать къ жизни въ маленькой Пензѣ въ то самое время, когда въ большой и университетской Казани мертвымъ сномъ спало мѣстное Общество любителей отечественной словесности. Магницкій поддался на эту „благочестивую" удочку и далъ отъ 9-го сентября знать, что онъ разрѣшаетъ „учрежденіе въ пензенской гимназіи христіанскихъ и литературныхъ бесѣдъ и правила оныхъ". Мы не имѣемъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ любопытнаго начинанія И. И. Лажечникова. Нашъ романистъ не долго пробылъ, впрочемъ, въ званіи директора училищъ пензенской губерніи, а съ его уходомъ не поднималось уже болѣе, конечно, и вопроса о литературномъ обществѣ при пензенской гимназіи.

Если основаніе въ г. Пензѣ литературнаго кружка при мѣстной гимназіи не встрѣтило никакихъ затрудненій со стороны Магницкаго, то совершенно иная судьба постигла гимназическую театральную сцену, существовавшую въ сосѣднемъ Симбирскѣ. Оказывается, что еще съ начала 1818 года и съ особаго разрѣшенія на то казанскаго университета нѣкоторые изъ учителей симбирской гимназіи, согласясь „праздничные и каникулярные дни употреблять на дальнѣйшее образованіе обучающагося въ симбирской гимназіи юношества, приняли

на себя трудъ разыгрывать театральныя піесы въ залѣ гимназіи, вмѣстѣ съ учениками", съ тѣмъ, что бы выручаемыя отъ сихъ представленій, въ качествѣ добровольныхъ приношеній, деньги—поступали на нужды гимназіи. Предпріятіе это,—имѣвшее за собою широкія традиціи въ примѣрѣ какъ казанской гимназіи, такъ и казанскаго университета *,—увѣнчалось полнымъ успѣхомъ и, по свидѣтельству гимназическаго начальства, „сіе двухлѣтнее занятіе симбирскою благородною публикою принято съ одобреніемъ, а гимназія пріобрѣла чрезъ то до 500 рублей". Между тѣмъ строгости, заводимыя новымъ попечителемъ, заставили директора симбирскихъ училищъ Гапонова призадуматься надъ возможностью дальнѣйшаго существованія этой гимназической сцены, къ оправданію которой трудно было подыскать такіе „благочестивые" мотивы, какими сумѣлъ воспользоваться въ Пензѣ директоръ Лажечниковъ. И вотъ 13-го января 1820 года Гапоновъ обратился непосредственно къ Магницкому съ представленіемъ, въ которомъ, сообщая исторію возникновенія симбирскаго школьнаго театра, докладываетъ попечителю о предпринятой имъ по отношенію къ нему мѣрѣ:

„Ваше превосходительство,—писалъ здѣсь директоръ,—соединяя въ особѣ своей власть съ истинно отеческою любовью, изволите обращать вниманіе не на то только, сколько я могу понимать, что бъ въ воспитывающемся юношествѣ ввѣреннаго управленія вашего превосходительства учебнаго округа зрѣли поверхностные таланты, но что бъ доставить умныхъ, благонравныхъ и истинныхъ сыновъ отечеству, словомъ—ваше превосходительство не о развитіи страстей въ юношествѣ имѣете попеченіе, но духа мудрости, духа христіанскаго величія. Почему я и рѣшилъ воспретить таковыя представленія. Между тѣмъ почетнѣйшее дворянство симбирское, а паче общество женъ христіанскаго милосердія, коему положить основаніе ваше превосходительство изволили, узнавъ о семъ, просятъ, что бы устроенная сцена въ залѣ гимназіи, впрочемъ подвижная, до времени снимаема не была, поелику въ пользу общества сего проживающіе въ Симбирскѣ уроженцы французской націи изъявили желаніе разыграть нѣсколько піесъ".

Магницкій вполнѣ одобрилъ распоряженіе Гапонова, отвѣтивъ ему, что „не признаетъ приличнымъ образованіе юношества помощью театра и прибыль денежную не можетъ ставить на ряду со вредомъ, отъ сего происходящемъ"; поблагодаривъ директора за его предусмотрительность,

* См. томы I, стр. 89—91, II, стр. 608—609.

на себя трудъ разыгрывать театральныя піесы въ залѣ гимназіи, вмѣстѣ съ учениками", съ тѣмъ, что бы выручаемыя отъ сихъ представленій, въ качествѣ добровольныхъ приношеній, деньги—поступали на нужды гимназіи. Предпріятіе это,—имѣвшее за собою широкія традиціи въ примѣрѣ какъ казанской гимназіи, такъ и казанскаго университета *,—увѣнчалось полнымъ успѣхомъ и, по свидѣтельству гимназическаго начальства, „сіе двухлѣтнее занятіе симбирскою благородною публикою принято съ одобреніемъ, а гимназія пріобрѣла чрезъ то до 500 рублей". Между тѣмъ строгости, заводимыя новымъ попечителемъ, заставили директора симбирскихъ училищъ Гапонова призадуматься надъ возможностью дальнѣйшаго существованія этой гимназической сцены, къ оправданію которой трудно было подыскать такіе „благочестивые" мотивы, какими сумѣлъ воспользоваться въ Пензѣ директоръ Лажечниковъ. И вотъ 13-го января 1820 года Гапоновъ обратился непосредственно къ Магницкому съ представленіемъ, въ которомъ, сообщая исторію возникновенія симбирскаго школьнаго театра, докладываетъ попечителю о предпринятой имъ по отношенію къ нему мѣрѣ:

„Ваше превосходительство,—писалъ здѣсь директоръ,—соединяя въ особѣ своей власть съ истинно отеческою любовью, изволите обращать вниманіе не на то только, сколько я могу понимать, что бъ въ воспитывающемся юношествѣ ввѣреннаго управленія вашего превосходительства учебнаго округа зрѣли поверхностные таланты, но что бъ доставить умныхъ, благонравныхъ и истинныхъ сыновъ отечеству, словомъ—ваше превосходительство не о развитіи страстей въ юношествѣ имѣете попеченіе, но духа мудрости, духа христіанскаго величія. Почему я и рѣшилъ воспретить таковыя представленія. Между тѣмъ почетнѣйшее дворянство симбирское, а паче общество женъ христіанскаго милосердія, коему положить основаніе ваше превосходительство изволили, узнавъ о семъ, просятъ, что бы устроенная сцена въ залѣ гимназіи, впрочемъ подвижная, до времени снимаема не была, поелику въ пользу общества сего проживающіе въ Симбирскѣ уроженцы французской націи изъявили желаніе разыграть нѣсколько піесъ".

Магницкій вполнѣ одобрилъ распоряженіе Гапонова, отвѣтивъ ему, что „не признаетъ приличнымъ образованіе юношества помощью театра и прибыль денежную не можетъ ставить на ряду со вредомъ, отъ сего происходящемъ"; поблагодаривъ директора за его предусмотрительность,

* См. томы I, стр. 89—91, II, стр. 608—609.

попечитель далъ знать, что „допущеніе въ гимназію настоящихъ актеровъ находитъ еще менѣе приличнымъ“, почему и предлагаетъ дамскому благотворительному обществу, купивъ у гимназіи сцену, поставить ее „гдѣ оно заблагоразсудитъ“ [133].

Насаждая въ училищахъ духъ благочестія и благонамѣренности, Магницкій и Владимірскій относились съ суровою строгостью ко всякаго рода упущеніямъ въ этомъ направленіи со стороны педагогическаго персонала округа. Такъ, весною 1820 года въ университетъ поступило донесеніе смотрителя елабужскаго уѣзднаго училища Комарова съ жалобою на учителей Толмачева и Богдановича въ учиняемыхъ ими „разныхъ продерзостяхъ, развратѣ и неистовствахъ“ и, въ особенности, въ „уклоненіи обоихъ отъ чтенія св. евангелія передъ классами“; согласно утвержденному министромъ представленію попечителя, Толмачевъ былъ исключенъ изъ училищнаго вѣдомства безъ аттестата, Богдановичъ же, какъ менѣе виновный, присужденъ къ „обращенію въ ученики казанской гимназіи (!) или университета, для внушенія ему лучшей нравственности и исправленія, по возможности, чрезъ наставленія въ правилахъ закона Божія и гражданскаго, требующихъ наипаче непремѣннаго повиновенія къ начальству“. Въ началѣ августа того же 1820-го года на разсмотрѣніи университетскаго правленія находилось дѣло объ учителѣ сарапульскаго уѣзднаго училища Вороновѣ, по обвиненію его въ нерадѣніи къ должности и въ томъ, что онъ „рѣдко посѣщаетъ церковь Божію, а когда и ходитъ въ оную, то съ небреженіемъ, не къ началу, а къ концу службы, такъ что ни примѣра въ благочестіи, ни свойственнаго доброму учителю благонравія не выказываетъ“; согласно конфирмованному попечителемъ опредѣленію правленія, Вороновъ вытребованъ въ Казань для „оставленія его при канцеляріи правленія на неопредѣленное время, доколѣ добропорядочною жизнью не пріобрѣтетъ надлежащаго о нравственности своей мнѣнія, дабы возможно было помѣстить его учителемъ, къ чему правящій должность директора вятскихъ училищъ находитъ его, исключая поведенія, достойнымъ“.

Въ своемъ усердіи къ охраненію въ училищахъ внѣшняго благочестія, административные органы университета, руководимые директоромъ послѣдняго Владимірскимъ, порою простирали свое рвеніе даже за предѣлы требованій, предъявлявшихся самимъ грознымъ попечителемъ. Такъ, весною 1821 года, вслѣдствіе донесенія о томъ директору университета со стороны училищнаго комитета, въ университетскомъ правленіи открылось производствомъ дѣло о непреподаваніи въ иркутской гим-

попечитель далъ знать, что „допущеніе въ гимназію настоящихъ актеровъ находитъ еще менѣе приличнымъ“, почему и предлагаетъ дамскому благотворительному обществу, купивъ у гимназіи сцену, поставить ее „гдѣ оно заблагоразсудитъ“ [133].

Насаждая въ училищахъ духъ благочестія и благонамѣренности, Магницкій и Владимірскій относились съ суровою строгостью ко всякаго рода упущеніямъ въ этомъ направленіи со стороны педагогическаго персонала округа. Такъ, весною 1820 года въ университетъ поступило донесеніе смотрителя елабужскаго уѣзднаго училища Комарова съ жалобою на учителей Толмачева и Богдановича въ учиняемыхъ ими „разныхъ продерзостяхъ, развратѣ и неистовствахъ“ и, въ особенности, въ „уклоненіи обоихъ отъ чтенія св. евангелія передъ классами“; согласно утвержденному министромъ представленію попечителя, Толмачевъ былъ исключенъ изъ училищнаго вѣдомства безъ аттестата, Богдановичъ же, какъ менѣе виновный, присужденъ къ „обращенію въ ученики казанской гимназіи (!) или университета, для внушенія ему лучшей нравственности и исправленія, по возможности, чрезъ наставленія въ правилахъ закона Божія и гражданскаго, требующихъ наипаче непремѣннаго повиновенія къ начальству“. Въ началѣ августа того же 1820-го года на разсмотрѣніи университетскаго правленія находилось дѣло объ учителѣ сарапульскаго уѣзднаго училища Вороновѣ, по обвиненію его въ нерадѣніи къ должности и въ томъ, что онъ „рѣдко посѣщаетъ церковь Божію, а когда и ходитъ въ оную, то съ небреженіемъ, не къ началу, а къ концу службы, такъ что ни примѣра въ благочестіи, ни свойственнаго доброму учителю благонравія не выказываетъ“; согласно конфирмованному попечителемъ опредѣленію правленія, Вороновъ вытребованъ въ Казань для „оставленія его при канцеляріи правленія на неопредѣленное время, доколѣ добропорядочною жизнью не пріобрѣтетъ надлежащаго о нравственности своей мнѣнія, дабы возможно было помѣстить его учителемъ, къ чему правящій должность директора вятскихъ училищъ находитъ его, исключая поведенія, достойнымъ“.

Въ своемъ усердіи къ охраненію въ училищахъ внѣшняго благочестія, административные органы университета, руководимые директоромъ послѣдняго Владимірскимъ, порою простирали свое рвеніе даже за предѣлы требованій, предъявлявшихся самимъ грознымъ попечителемъ. Такъ, весною 1821 года, вслѣдствіе донесенія о томъ директору университета со стороны училищнаго комитета, въ университетскомъ правленіи открылось производствомъ дѣло о непреподаваніи въ иркутской гим-

назіи, въ продолженіи цѣлаго полугодія, закона Божія и церковной исторіи. Не взирая на объясненіе директора иркутскихъ училищъ, что преподаваніе названныхъ предметовъ производилось въ гимназіи безъ всякаго перерыва и что „только по ошибкѣ не было показано о сихъ предметахъ въ вѣдомости за вторую половину 1820-го года“, правленіе, не придавая вѣры этому совершенно оффиціальному разъясненію, довело дѣло до свѣдѣнія попечителя, который и предложилъ „потребовать обстоятельнѣйшихъ по сему предмету свѣдѣній“ отъ визитатора сибирскихъ училищъ Словцова, который и принялъ сторону директора иркутскихъ училищъ, завѣривъ въ справедливости его объясненій относительно непрерывности преподаванія въ гимназіи закона Божія и церковной исторіи. Не помогъ дѣлу и авторитетъ Словцова, съ которымъ Владимірскій и правленіе завели пререканія, затянувшіяся до начала слѣдующаго года, вызвавъ собою предложеніе попечителя отъ 3-го января 1822 года, которымъ Магницкій не только принялъ сторону иркутской гимназіи, но даже предписалъ „въ прекращеніе пререканій, возникшихъ, по предмету преподаванія закона Божія въ иркутской гимназіи, между правленіемъ и визитаторомъ Словцовымъ, къ донесеніямъ коего возложенное на него званіе обязываетъ имѣть довѣріе, выслать послужной списокъ законоучителя иркутской гимназіи Мордовскаго, для представленія къ награжденію“.

Другой случай, въ которомъ даже самому Магницкому довелось умѣрять религіозное рвеніе директора университета, относится къ лѣту 1822-го года. Обратившись къ попечителю съ ходатайствомъ относительно разрѣшенія ему недѣльнаго отпуска для поклоненія мощамъ святителя Германа, Владимірскій задумалъ придать этой экскурсіи характеръ цѣлаго пѣшеходнаго паломничества въ г. Свіяжскъ, сдѣлавъ участниками его и казенныхъ студентовъ университета. Несомнѣнно лежавшее въ основѣ этого плана желаніе угодить попечителю встрѣтило со стороны Магницкаго язвительный отпоръ: разрѣшивъ директору просимый отпускъ, онъ поставилъ ему на видъ, что ему было бы пріятно, если бы въ данномъ случаѣ „студенты шли не по приглашенію начальства, а тѣ только, кои сами просить о семъ будутъ“. Этотъ попечительскій отпоръ относится, впрочемъ, уже къ порѣ, когда для всѣхъ ясною сдѣлалась открытая размолвка между Магницкимъ и его бывшимъ любимцемъ.

Религіозно-охранительныя тенденціи директора университета доходили до вмѣшательства въ совершенно неподлежавшія

назіи, въ продолженіи цѣлаго полугодія, закона Божія и церковной исторіи. Не взирая на объясненіе директора иркутскихъ училищъ, что преподаваніе названныхъ предметовъ производилось въ гимназіи безъ всякаго перерыва и что „только по ошибкѣ не было показано о сихъ предметахъ въ вѣдомости за вторую половину 1820-го года", правленіе, не придавая вѣры этому совершенно оффиціальному разъясненію, довело дѣло до свѣдѣнія попечителя, который и предложилъ „потребовать обстоятельнѣйшихъ по сему предмету свѣдѣній" отъ визитатора сибирскихъ училищъ Словцова, который и принялъ сторону директора иркутскихъ училищъ, завѣривъ въ справедливости его объясненій относительно непрерывности преподаванія въ гимназіи закона Божія и церковной исторіи. Не помогъ дѣлу и авторитетъ Словцова, съ которымъ Владимірскій и правленіе завели пререканія, затянувшіяся до начала слѣдующаго года, вызвавъ собою предложеніе попечителя отъ 3-го января 1822 года, которымъ Магницкій не только принялъ сторону иркутской гимназіи, но даже предписалъ „въ прекращеніе пререканій, возникшихъ, по предмету преподаванія закона Божія въ иркутской гимназіи, между правленіемъ и визитаторомъ Словцовымъ, къ донесеніямъ коего возложенное на него званіе обязываетъ имѣть довѣріе, выслать послужной списокъ законоучителя иркутской гимназіи Мордовскаго, для представленія къ награжденію".

Другой случай, въ которомъ даже самому Магницкому довелось умѣрять религіозное рвеніе директора университета, относится къ лѣту 1822-го года. Обратившись къ попечителю съ ходатайствомъ относительно разрѣшенія ему недѣльнаго отпуска для поклоненія мощамъ святителя Германа, Владимірскій задумалъ придать этой экскурсіи характеръ цѣлаго пѣшеходнаго паломничества въ г. Свіяжскъ, сдѣлавъ участниками его и казенныхъ студентовъ университета. Несомнѣнно лежавшее въ основѣ этого плана желаніе угодить попечителю встрѣтило со стороны Магницкаго язвительный отпоръ: разрѣшивъ директору просимый отпускъ, онъ поставилъ ему на видъ, что ему было бы пріятно, если бы въ данномъ случаѣ „студенты шли не по приглашенію начальства, а тѣ только, кои сами просить о семъ будутъ". Этотъ попечительскій отпоръ относится, впрочемъ, уже къ порѣ, когда для всѣхъ ясною сдѣлалась открытая размолвка между Магницкимъ и его бывшимъ любимцемъ.

Религіозно-охранительныя тенденціи директора университета доходили до вмѣшательства въ совершенно неподлежавшія

его компетенціи сферы. Такъ, весною 1822-го года Владимірскій отнесся къ преосвященному оренбургскому и уфимскому съ указаніемъ на то, что въ домахъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ бугурусланскаго уѣзда, содержащихъ у себя иностранныхъ наставниковъ и наставницъ, не преподается дѣтямъ законъ Божій. Инцидентъ этотъ вызванъ былъ совершенно самовольнымъ поступкомъ законоучителя бугурусланскаго уѣзднаго училища священника Милордова, который „приходилъ въ домы нѣкоторыхъ бугурусланскихъ помѣщиковъ и лично отбиралъ отъ наставниковъ и наставницъ, у нихъ живущихъ, виды о рожденіи и прочія, нужныя ему, свѣдѣнія", которыя и были имъ, слѣдомъ за тѣмъ, представлены Владимірскому и, переданныя послѣднимъ совѣту университета, вызвали нѣкоторыя репрессивныя мѣры по отношенію къ иностраннымъ воспитателямъ. Вся эта исторія, въ особенности же неумѣстный извѣтъ директора архіерею—крайне возмутила Магницкаго, обратившагося по этому поводу къ Владимірскому съ рѣзкимъ предложеніемъ отъ 16-го іюня, въ которомъ ставилъ ему на видъ, что „неприлично и не въ порядкѣ службы училищному начальству ходить по домамъ, въ качествѣ полицейскаго чиновника, и отбирать свѣдѣнія" и что онъ, директоръ—„и не имѣлъ права входить въ домашнее воспитаніе, ибо сіе не пріемлетъ на себя и самое высшее учебное начальство", а тѣмъ менѣе подобало бы ему „относиться съ симъ къ духовному вѣдомству".

Духовно-религіозная жизнь округа подчинена была въ интересующую насъ эпоху самому строгому контролю попечителя, осуществлявшемуся черезъ посредство соотвѣтствующихъ іерархическихъ инстанцій, каковыми являлись директора училищъ, училищный комитетъ, университетское правленіе и, наконецъ, директоръ университета, въ которомъ сосредоточивались всѣ нити этой сложной системы нравственнаго надзора. Директоръ университета получалъ регулярныя донесенія въ этомъ направленіи отъ директоровъ училищъ, въ свою очередь дѣлая соотвѣтствующія представленія попечителю округа. Особенно видное мѣсто занимали въ этихъ донесеніяхъ сообщенія относительно выполненія учащими и учащимися ихъ христіанскихъ обязанностей. Возьмемъ, въ видѣ образца, рядъ директорскихъ донесеній отъ весны 1822-го года. Директоръ оренбургскихъ училищъ рапортуетъ директору университета, что „въ первую недѣлю великаго поста ученики оренбургскаго главнаго народнаго училища пріуготовлялись къ пріобщенію святыхъ тайнъ", причемъ „старшій учитель" Шапошниковъ преподавалъ ученикамъ о христіанскихъ древностяхъ, о священныхъ лицахъ, священныхъ вре-

его компетенціи сферы. Такъ, весною 1822-го года Владимірскій отнесся къ преосвященному оренбургскому и уфимскому съ указаніемъ на то, что въ домахъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ бугурусланскаго уѣзда, содержащихъ у себя иностранныхъ наставниковъ и наставницъ, не преподается дѣтямъ законъ Божій. Инцидентъ этотъ вызванъ былъ совершенно самовольнымъ поступкомъ законоучителя бугурусланскаго уѣзднаго училища священника Милордова, который „приходилъ въ домы нѣкоторыхъ бугурусланскихъ помѣщиковъ и лично отбиралъ отъ наставниковъ и наставницъ, у нихъ живущихъ, виды о рожденіи и прочія, нужныя ему, свѣдѣнія", которыя и были имъ, слѣдомъ за тѣмъ, представлены Владимірскому и, переданныя послѣднимъ совѣту университета, вызвали нѣкоторыя репрессивныя мѣры по отношенію къ иностраннымъ воспитателямъ. Вся эта исторія, въ особенности же неумѣстный извѣтъ директора архіерею—крайне возмутила Магницкаго, обратившагося по этому поводу къ Владимірскому съ рѣзкимъ предложеніемъ отъ 16-го іюня, въ которомъ ставилъ ему на видъ, что „неприлично и не въ порядкѣ службы училищному начальству ходить по домамъ, въ качествѣ полицейскаго чиновника, и отбирать свѣдѣнія" и что онъ, директоръ—„и не имѣлъ права входить въ домашнее воспитаніе, ибо сіе не пріемлетъ на себя и самое высшее учебное начальство", а тѣмъ менѣе подобало бы ему „относиться съ симъ къ духовному вѣдомству".

Духовно-религіозная жизнь округа подчинена была въ интересующую насъ эпоху самому строгому контролю попечителя, осуществлявшемуся черезъ посредство соотвѣтствующихъ іерархическихъ инстанцій, каковыми являлись директора училищъ, училищный комитетъ, университетское правленіе и, наконецъ, директоръ университета, въ которомъ сосредоточивались всѣ нити этой сложной системы нравственнаго надзора. Директоръ университета получалъ регулярныя донесенія въ этомъ направленіи отъ директоровъ училищъ, въ свою очередь дѣлая соотвѣтствующія представленія попечителю округа. Особенно видное мѣсто занимали въ этихъ донесеніяхъ сообщенія относительно выполненія учащими и учащимися ихъ христіанскихъ обязанностей. Возьмемъ, въ видѣ образца, рядъ директорскихъ донесеній отъ весны 1822-го года. Директоръ оренбургскихъ училищъ рапортуетъ директору университета, что „въ первую недѣлю великаго поста ученики оренбургскаго главнаго народнаго училища пріуготовлялись къ пріобщенію святыхъ тайнъ", причемъ „старшій учитель" Шапошниковъ преподавалъ ученикамъ о христіанскихъ древностяхъ, о священныхъ лицахъ, священныхъ вре-

менахъ, священныхъ дѣйствіяхъ, священной одеждѣ и книгахъ", а въ субботу этой недѣли „онъ, директоръ, г. Шапошниковъ и всѣ ученики сподобились причаститься святыхъ тайнъ". Директоръ пензенской гимназіи доноситъ, что воспитанники всѣхъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній „съ наступленіемъ первой недѣли великаго поста всѣ вмѣстѣ, каждый день, до обѣдень слушали въ гимназической залѣ чтеніе св. евангелія, а послѣ вечеренъ установленныя молитвы, ходили въ надлежащее время въ церковь и, по исполненіи долга покаянія, въ субботу сподобились пріобщенія святыхъ тайнъ". Директоръ тобольскихъ училищъ доноситъ, что воспитанники тобольской гимназіи и другихъ учебныхъ заведеній „съ наступленіемъ страстной недѣли всѣ вмѣстѣ каждый день до обѣденъ въ гимназической залѣ слушали чтенія св. евангелія, потомъ ходили въ церковь и, наконецъ, исполнивъ долгъ покаянія, въ великій четвертокъ сподобились пріобщенія святыхъ тайнъ" и т. п. и т. п. Свѣдѣнія относительно выполненія учащими и учащимися ихъ христіанскихъ обязанностей неукоснительно публиковались въ университетскомъ повременномъ органѣ и эта неумѣстная своею дѣланною тенденціозностью форма рекламированія успѣховъ нравственно-религіозной жизни училищъ находила себѣ право гражданства на протяженіи всей эпохи попечительства Магницкаго [134].

Ограждая духъ благочестія и благонамѣренности въ училищахъ ввѣреннаго ему округа, Магницкій обратилъ особенно подозрительное вниманіе на училищныя библіотеки, предпринявъ рядъ мѣръ къ очищенію ихъ отъ книгъ, признаваемыхъ имъ злонамѣренными или вредными. Въ этомъ направленіи попечитель лишь продолжилъ и распространилъ на весь округъ уже извѣстныя намъ охранительныя мѣропріятія, предпринятыя имъ по отношенію къ библіотекамъ казанскаго университета.

Въ попечительскомъ предложеніи на имя директора университета отъ 16-го октября 1819 года, которымъ Магницкій требовалъ высылки къ нему на разсмотрѣніе каталоговъ университетской библіотеки, даны были имъ руководящія указанія и относительно библіотекъ училищныхъ: „Равнымъ образомъ,—предписываетъ онъ директору,—истребовавъ отъ директоровъ гимназій таковые же списки книгъ, въ гимназіяхъ и училищахъ находящихся, прошу васъ предложить правленію университета составить изъ надлежащихъ лицъ комитетъ для разсмотрѣнія сихъ каталоговъ и, впослѣдствіе, доставить ко мнѣ соображенія комитета съ вашимъ мнѣніемъ, дабы книги, противныя доброму воспитанію, могли быть исключены изъ всѣхъ учебныхъ библіотекъ". Соотвѣтствующія

менахъ, священныхъ дѣйствіяхъ, священной одеждѣ и книгахъ", а въ субботу этой недѣли „онъ, директоръ, г. Шапошниковъ и всѣ ученики сподобились причаститься святыхъ тайнъ". Директоръ пензенской гимназіи доноситъ, что воспитанники всѣхъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній „съ наступленіемъ первой недѣли великаго поста всѣ вмѣстѣ, каждый день, до обѣдень слушали въ гимназической залѣ чтеніе св. евангелія, а послѣ вечеренъ установленныя молитвы, ходили въ надлежащее время въ церковь и, по исполненіи долга покаянія, въ субботу сподобились пріобщенія святыхъ тайнъ". Директоръ тобольскихъ училищъ доноситъ, что воспитанники тобольской гимназіи и другихъ учебныхъ заведеній „съ наступленіемъ страстной недѣли всѣ вмѣстѣ каждый день до обѣденъ въ гимназической залѣ слушали чтенія св. евангелія, потомъ ходили въ церковь и, наконецъ, исполнивъ долгъ покаянія, въ великій четвертокъ сподобились пріобщенія святыхъ тайнъ" и т. п. и т. п. Свѣдѣнія относительно выполненія учащими и учащимися ихъ христіанскихъ обязанностей неукоснительно публиковались въ университетскомъ повременномъ органѣ и эта неумѣстная своею дѣланною тенденціозностью форма рекламированія успѣховъ нравственно-религіозной жизни училищъ находила себѣ право гражданства на протяженіи всей эпохи попечительства Магницкаго [134].

Ограждая духъ благочестія и благонамѣренности въ училищахъ ввѣреннаго ему округа, Магницкій обратилъ особенно подозрительное вниманіе на училищныя библіотеки, предпринявъ рядъ мѣръ къ очищенію ихъ отъ книгъ, признаваемыхъ имъ злонамѣренными или вредными. Въ этомъ направленіи попечитель лишь продолжилъ и распространилъ на весь округъ уже извѣстныя намъ охранительныя мѣропріятія, предпринятыя имъ по отношенію къ библіотекамъ казанскаго университета.

Въ попечительскомъ предложеніи на имя директора университета отъ 16-го октября 1819 года, которымъ Магницкій требовалъ высылки къ нему на разсмотрѣніе каталоговъ университетской библіотеки, даны были имъ руководящія указанія и относительно библіотекъ училищныхъ: „Равнымъ образомъ,—предписываетъ онъ директору,—истребовавъ отъ директоровъ гимназій таковые же списки книгъ, въ гимназіяхъ и училищахъ находящихся, прошу васъ предложить правленію университета составить изъ надлежащихъ лицъ комитетъ для разсмотрѣнія сихъ каталоговъ и, впослѣдствіе, доставить ко мнѣ соображенія комитета съ вашимъ мнѣніемъ, дабы книги, противныя доброму воспитанію, могли быть исключены изъ всѣхъ учебныхъ библіотекъ". Соотвѣтствующія

предписанія относительно доставленія библіотечныхъ каталоговъ были тогда же отправлены во всѣ училищныя дирекціи округа, но исполненія по этимъ требованіямъ поступали въ университетъ весьма медленно,—и, конечно, по той простой причинѣ, что во многихъ училищахъ никакихъ порядочно составленныхъ каталоговъ не имѣлось и дѣломъ этимъ приходилось заняться вновь; по крайней мѣрѣ въ началѣ января 1820 года ректоръ Солнцевъ дѣлаетъ распоряженіе, что бы „директоры, не доставившіе доселѣ каталоговъ книгъ, по силѣ даннаго имъ предписанія, были строго понуждены къ скорѣйшему доставленію оныхъ". Такъ тянулось это дѣло до осени 1820-го года, когда попечитель, не получая никакихъ донесеній по поводу сдѣланнаго имъ еще въ минувшемъ году распоряженія, 31-го августа писалъ директору университета, что, „не имѣя до сихъ поръ увѣдомленія, какія мѣры приняли вы по предложенію моему отъ 16-го октября 1819 года", онъ проситъ его „доставить о семъ свѣдѣніе и поспѣшить исполненіемъ означеннаго предложенія". Владимірскій, съ своей стороны, отнесся по этому поводу въ университетскій совѣтъ, и только тогда послѣдовало избраніе комитета для разсмотрѣнія каталоговъ училищныхъ библіотекъ, въ который и вошли профессоры Перевощиковъ, Кондыревъ и Пальминъ и адъюнктъ Булыгинъ. Получивъ донесеніе о томъ совѣта, Магницкій 8-го октября выразилъ совѣту надежду, что „члены сего комитета не замедлятъ кончить сіе важное дѣло, почему и будетъ чрезъ мѣсяцъ ожидать увѣдомленія" [135].

Все заставляетъ насъ думать, что библіотечное дѣло въ то время поставлено было въ училищахъ казанскаго учебнаго округа весьма неудовлетворительнымъ образомъ, а въ нѣкоторыхъ, въ особенности же въ училищахъ, заброшенныхъ въ далекихъ и глухихъ палестинахъ этого почти безпредѣльнаго округа—самыя библіотеки существовали едва ли только не на бумагѣ. По крайней мѣрѣ уже знакомый намъ визитаторъ Словцовъ, въ 1820—1821 годахъ осматривавшій училища сибирскихъ, пермской вятской и казанской дирекцій, нашелъ удовлетворительную постановку библіотечнаго дѣла въ одной только казанской дирекціи: „Съ любопытствомъ разсматривая библіотеки уѣздныхъ училищъ,—доноситъ Словцовъ отъ 28-го февраля 1821 года,—въ одной казанской дирекціи благоразумно подобранныя, не могу безъ похвалы пройти прекраснаго устройства сей вспомогательной части, которая, содѣйствуя дальнѣйшему образованію учителей, составляетъ, вмѣстѣ, истинное украшеніе училищъ. Желать надобно,—добавляетъ визитаторъ,—чтобы по сему образцу училища и прочихъ дирекцій нашлись въ возможности снабдить себя подобными за-

предписанія относительно доставленія библіотечныхъ каталоговъ были тогда же отправлены во всѣ училищныя дирекціи округа, но исполненія по этимъ требованіямъ поступали въ университетъ весьма медленно,—и, конечно, по той простой причинѣ, что во многихъ училищахъ никакихъ порядочно составленныхъ каталоговъ не имѣлось и дѣломъ этимъ приходилось заняться вновь; по крайней мѣрѣ въ началѣ января 1820 года ректоръ Солнцевъ дѣлаетъ распоряженіе, что бы „директоры, не доставившіе доселѣ каталоговъ книгъ, по силѣ даннаго имъ предписанія, были строго понуждены къ скорѣйшему доставленію оныхъ". Такъ тянулось это дѣло до осени 1820-го года, когда попечитель, не получая никакихъ донесеній по поводу сдѣланнаго имъ еще въ минувшемъ году распоряженія, 31-го августа писалъ директору университета, что, „не имѣя до сихъ поръ увѣдомленія, какія мѣры приняли вы по предложенію моему отъ 16-го октября 1819 года", онъ проситъ его „доставить о семъ свѣдѣніе и поспѣшить исполненіемъ означеннаго предложенія". Владимірскій, съ своей стороны, отнесся по этому поводу въ университетскій совѣтъ, и только тогда послѣдовало избраніе комитета для разсмотрѣнія каталоговъ училищныхъ библіотекъ, въ который и вошли профессоры Перевощиковъ, Кондыревъ и Пальминъ и адъюнктъ Булыгинъ. Получивъ донесеніе о томъ совѣта, Магницкій 8-го октября выразилъ совѣту надежду, что „члены сего комитета не замедлятъ кончить сіе важное дѣло, почему и будетъ чрезъ мѣсяцъ ожидать увѣдомленія" [135].

Все заставляетъ насъ думать, что библіотечное дѣло въ то время поставлено было въ училищахъ казанскаго учебнаго округа весьма неудовлетворительнымъ образомъ, а въ нѣкоторыхъ, въ особенности же въ училищахъ, заброшенныхъ въ далекихъ и глухихъ палестинахъ этого почти безпредѣльнаго округа—самыя библіотеки существовали едва ли только не на бумагѣ. По крайней мѣрѣ уже знакомый намъ визитаторъ Словцовъ, въ 1820—1821 годахъ осматривавшій училища сибирскихъ, пермской вятской и казанской дирекцій, нашелъ удовлетворительную постановку библіотечнаго дѣла въ одной только казанской дирекціи: „Съ любопытствомъ разсматривая библіотеки уѣздныхъ училищъ,—доноситъ Словцовъ отъ 28-го февраля 1821 года,—въ одной казанской дирекціи благоразумно подобранныя, не могу безъ похвалы пройти прекраснаго устройства сей вспомогательной части, которая, содѣйствуя дальнѣйшему образованію учителей, составляетъ, вмѣстѣ, истинное украшеніе училищъ. Желать надобно,—добавляетъ визитаторъ,—чтобы по сему образцу училища и прочихъ дирекцій нашлись въ возможности снабдить себя подобными за-

пасами, ибо безъ книгъ уѣздные учители часто принуждены бываютъ заниматься городскими баснями".

Узнавъ о причинахъ истребованія отъ нихъ библіотечныхъ каталоговъ и о предпринятомъ Магницкимъ сыскѣ зловредныхъ книгъ, нѣкоторые директоры сами пошли на встрѣчу попечительскому начинанію, розыскивая не только въ библіотекахъ ввѣренныхъ имъ училищъ, но даже въ частныхъ рукахъ, „вредныя" книги и доводя о нихъ до свѣдѣніи начальства. Директоръ саратовскихъ училищъ Мендѣлеевъ, напримѣръ,—отецъ нашего славнаго химика Д. И. Менделѣева,—простеръ свое усердіе до того, что въ февралѣ 1822-го года самовольно, при содѣйствіи приглашеннаго имъ полицейскаго чиновника, отобралъ изъ книжной лавки саратовскаго купца Вакурова 52 экземпляра книгъ, признанныхъ имъ зловредными, всего на сумму 456 р. 75 коп. Только въ августѣ 1827-го года, вслѣдствіе формальной жалобы саратовскаго книгопродавца и въ силу предписанія о томъ и. д. попечителя Мусина-Пушкина, конфискованныя книги были возвращены Вакурову, причемъ выяснилось, что книги эти не только не были запрещаемы къ обращенію, но свободно продавались въ то время у всѣхъ столичныхъ книгопродавцевъ.

Содѣйствовали попечителю въ томъ же направленіи и визитаторы училищъ. Такъ, 8-го октября 1821 года визитаторъ сибирскихъ училищъ Словцовъ обратился къ Магницкому съ слѣдующимъ представленіемъ: „Знавъ по имени, а не по сочиненіямъ (sic!), французскаго вольнодумца Буланжера, писателя XVIII-го вѣка, и нынѣ случайно примѣтивъ въ библіотекѣ тобольской гимназіи сочиненіе его подъ названіемъ Recherches sur l'origine du despotisme oriental, долгомъ поставляю представить вашему превосходительству сіе дерзкое сочиненіе, открыто стремящееся къ опроверженію святости книгъ ветхаго завѣта, прося предписать объ исключеніи сего нумера изъ книгъ здѣшней гимназіи". Выразивъ Словцову благодарность „за осторожность, весьма благоразумно употребленную въ разсужденіи изъятія изъ библіотеки тобольской гимназіи опаснаго сочиненія Буланжера", попечитель уполномочивалъ его „принимать подобныя мѣры относительно библіотекъ и по другимъ гимназіямъ сибирскихъ губерній", добавляя, что онъ отнесся уже къ директору университета, дабы тотъ „поспѣшилъ разсмотрѣніемъ библіотечныхъ училищныхъ каталоговъ". На „книгѣ Буланжера" дѣло не остановилось: „Въ то время, какъ обнаружилось сочиненіе Буланжера,—дополнительно рапортуетъ Словцовъ попечителю отъ 26-го ноября,—я спрашивалъ снова у г. исправляющаго должность директора тобольскихъ училищъ, нѣтъ

пасами, ибо безъ книгъ уѣздные учители часто принуждены бываютъ заниматься городскими баснями".

Узнавъ о причинахъ истребованія отъ нихъ библіотечныхъ каталоговъ и о предпринятомъ Магницкимъ сыскѣ зловредныхъ книгъ, нѣкоторые директоры сами пошли на встрѣчу попечительскому начинанію, розыскивая не только въ библіотекахъ ввѣренныхъ имъ училищъ, но даже въ частныхъ рукахъ, „вредныя" книги и доводя о нихъ до свѣдѣніи начальства. Директоръ саратовскихъ училищъ Мендѣлеевъ, напримѣръ,—отецъ нашего славнаго химика Д. И. Менделѣева,—простеръ свое усердіе до того, что въ февралѣ 1822-го года самовольно, при содѣйствіи приглашеннаго имъ полицейскаго чиновника, отобралъ изъ книжной лавки саратовскаго купца Вакурова 52 экземпляра книгъ, признанныхъ имъ зловредными, всего на сумму 456 р. 75 коп. Только въ августѣ 1827-го года, вслѣдствіе формальной жалобы саратовскаго книгопродавца и въ силу предписанія о томъ и. д. попечителя Мусина-Пушкина, конфискованныя книги были возвращены Вакурову, причемъ выяснилось, что книги эти не только не были запрещаемы къ обращенію, но свободно продавались въ то время у всѣхъ столичныхъ книгопродавцевъ.

Содѣйствовали попечителю въ томъ же направленіи и визитаторы училищъ. Такъ, 8-го октября 1821 года визитаторъ сибирскихъ училищъ Словцовъ обратился къ Магницкому съ слѣдующимъ представленіемъ: „Знавъ по имени, а не по сочиненіямъ (sic!), французскаго вольнодумца Буланжера, писателя XVIII-го вѣка, и нынѣ случайно примѣтивъ въ библіотекѣ тобольской гимназіи сочиненіе его подъ названіемъ Recherches sur l'origine du despotisme oriental, долгомъ поставляю представить вашему превосходительству сіе дерзкое сочиненіе, открыто стремящееся къ опроверженію святости книгъ ветхаго завѣта, прося предписать объ исключеніи сего нумера изъ книгъ здѣшней гимназіи". Выразивъ Словцову благодарность „за осторожность, весьма благоразумно употребленную въ разсужденіи изъятія изъ библіотеки тобольской гимназіи опаснаго сочиненія Буланжера", попечитель уполномочивалъ его „принимать подобныя мѣры относительно библіотекъ и по другимъ гимназіямъ сибирскихъ губерній", добавляя, что онъ отнесся уже къ директору университета, дабы тотъ „поспѣшилъ разсмотрѣніемъ библіотечныхъ училищныхъ каталоговъ". На „книгѣ Буланжера" дѣло не остановилось: „Въ то время, какъ обнаружилось сочиненіе Буланжера,—дополнительно рапортуетъ Словцовъ попечителю отъ 26-го ноября,—я спрашивалъ снова у г. исправляющаго должность директора тобольскихъ училищъ, нѣтъ

ли еще, по его мнѣнію подозрительныхъ, книгъ, и когда онъ, въ числѣ таковыхъ, призналъ еще восемь сочиненій, то я и рекомендовалъ ему представить о томъ г. директору университета *; но какъ въ числѣ оподозрѣнныхъ книгъ заключается также Театръ Волтера, лѣтъ за 12 мною (sic!) подаренный въ библіотеку тобольской гимназіи, то, въ случаѣ строгаго сужденія и о семъ драматическомъ твореніи, я нужнымъ считаю просить приказать возвратить оное мнѣ, по праву прежняго владѣнія, для подарка одному любителю театра",—весьма осмотрительно оговаривается, при этомъ, визитаторъ. Изъ предложенія попечителя директору университета отъ 31-го декабря мы узнаемъ, что „оподозрѣнныя" книги изъ библіотеки тобольской гимназіи предписано было исключить, „не дожидаясь окончательнаго разсмотрѣнія каталоговъ", Словцову возвращенъ когда то принесенный имъ въ даръ „Театръ Вольтера", а „дерзкая книга Буланжера", высланная попечителю, лично „истреблена" самимъ Магницкимъ.

Усердствовалъ по части очищенія училищныхъ библіотекъ, не дожидаясь приведенія къ окончанію общихъ мѣропріятій въ этомъ направленіи, и другой визитаторъ училищъ—Макшеевъ, по утвержденному попечителемъ представленію котораго опечатана была часть книгъ библіотеки симбирской гимназіи. Опись этихъ опечатанныхъ книгъ, вмѣстѣ съ общимъ каталогомъ симбирской гимназической библіотеки, въ началѣ сентября 1821 года препровождена была въ казанскій университетъ. Изъ этой описи узнаемъ, что въ числѣ опечатанныхъ „вредныхъ" книгъ, въ количествѣ всего 112-ти названій и 129-ти томовъ, находились: „Философія Канта на латинскомъ языкѣ", „Метафизика Баумейстера", „Разсужденіе о неравенствѣ между людьми" (Ж. Ж. Руссо?), „Іоанна Масона о познаніи самого себя", „Посланіе въ стихахъ" Хвостова, „Опытъ о человѣкѣ" Попе, „Путешествіе Пиѳагора", „Сокращеніе магометанской вѣры", „Завѣщаніе политическое кардинала Ришелье", „Духъ Бюффона", „Способъ превратить вѣтренную жену въ постоянную", „Разсужденіе о супружескихъ должностяхъ", „Золотой оселъ", „Ѣзда въ островъ любви", „Аристидъ или истинный патріотъ", „Комедіи Мольера", „О блаженной или благополучной жизни" и пр. и пр. [136].

* Вотъ списокъ этихъ, признанныхъ зловредными, книгъ (за исключеніемъ «Театра» Вольтера): 1) «Философская или политическая переписка императрицы Екатерины съ Вольтеромъ», 2) «Филиберъ», 3) «La princesse de Babylon». 4) «Les amours de Catulle», 5) «La phylosophie de l'histoire», 6) «Картина Парижа», 7) «Позорище странныхъ и смѣшныхъ обрядовъ при бракосочетаніяхъ» и 8) «La verité, telle qu'elle est contre la pure verité».

ли еще, по его мнѣнію подозрительныхъ, книгъ, и когда онъ, въ числѣ таковыхъ, призналъ еще восемь сочиненій, то я и рекомендовалъ ему представить о томъ г. директору университета *; но какъ въ числѣ оподозрѣнныхъ книгъ заключается также Театръ Волтера, лѣтъ за 12 мною (sic!) подаренный въ библіотеку тобольской гимназіи, то, въ случаѣ строгаго сужденія и о семъ драматическомъ твореніи, я нужнымъ считаю просить приказать возвратить оное мнѣ, по праву прежняго владѣнія, для подарка одному любителю театра",—весьма осмотрительно оговаривается, при этомъ, визитаторъ. Изъ предложенія попечителя директору университета отъ 31-го декабря мы узнаемъ, что „оподозрѣнныя" книги изъ библіотеки тобольской гимназіи предписано было исключить, „не дожидаясь окончательнаго разсмотрѣнія каталоговъ", Словцову возвращенъ когда то принесенный имъ въ даръ „Театръ Вольтера", а „дерзкая книга Буланжера", высланная попечителю, лично „истреблена" самимъ Магницкимъ.

Усердствовалъ по части очищенія училищныхъ библіотекъ, не дожидаясь приведенія къ окончанію общихъ мѣропріятій въ этомъ направленіи, и другой визитаторъ училищъ—Макшеевъ, по утвержденному попечителемъ представленію котораго опечатана была часть книгъ библіотеки симбирской гимназіи. Опись этихъ опечатанныхъ книгъ, вмѣстѣ съ общимъ каталогомъ симбирской гимназической библіотеки, въ началѣ сентября 1821 года препровождена была въ казанскій университетъ. Изъ этой описи узнаемъ, что въ числѣ опечатанныхъ „вредныхъ" книгъ, въ количествѣ всего 112-ти названій и 129-ти томовъ, находились: „Философія Канта на латинскомъ языкѣ", „Метафизика Баумейстера", „Разсужденіе о неравенствѣ между людьми" (Ж. Ж. Руссо?), „Іоанна Масона о познаніи самого себя", „Посланіе въ стихахъ" Хвостова, „Опытъ о человѣкѣ" Попе, „Путешествіе Пиѳагора", „Сокращеніе магометанской вѣры", „Завѣщаніе политическое кардинала Ришелье", „Духъ Бюффона", „Способъ превратить вѣтренную жену въ постоянную", „Разсужденіе о супружескихъ должностяхъ", „Золотой оселъ", „Ѣзда въ островъ любви", „Аристидъ или истинный патріотъ", „Комедіи Мольера", „О блаженной или благополучной жизни" и пр. и пр. [136].

---

* Вотъ списокъ этихъ, признанныхъ зловредными, книгъ (за исключеніемъ «Театра» Вольтера): 1) «Философская или политическая переписка императрицы Екатерины съ Вольтеромъ», 2) «Филиберъ», 3) «La princesse de Babylon». 4) «Les amours de Catulle», 5) «La phylosophie de l'histoire», 6) «Картина Парижа», 7) «Позорище странныхъ и смѣшныхъ обрядовъ при бракосочетаніяхъ» и 8) «La verité, telle qu'elle est contre la pure verité».

Не избѣгла строгой переборки и библіотека казанской гимназіи, провѣренная, съ точки зрѣнія своей благонамѣренности, самимъ директоромъ университета Владимірскимъ, слѣдующимъ образомъ рапортовавшимъ попечителю, отъ 1-го февраля 1822 года, о результатахъ произведеннаго осмотра: „При повѣркѣ библіотеки казанской гимназіи, находившейся въ завѣдываніи покойнаго адъюнкта Петровскаго, оказались нѣкоторыя книги сомнительными, мятежническими и противными христіанской вѣрѣ и благочестію". Книги эти, въ количествѣ 18-ти названій и 109-ти томовъ, были по распоряженію университетскаго правленія опечатаны, а списокъ ихъ препровожденъ къ попечителю *. Резолюція Магницкаго была весьма кратка и категорична: „Изъ означенныхъ въ реэстрѣ книгъ предлагаю № 2-й („Droit de la guerre et de la paix", par Grotius) оставить въ университетской библіотекѣ, № 6-й („De l'education publique, propre à la jeune noblesse", S. P. B., 1772) выслать сюда, а всѣ прочія—истребить", Суровое предписаніе попечителя объ истребленіи книгъ не было, однако же, приведено въ исполненіе до самаго конца 1822-го года, какъ это усматривается изъ представленія совѣта гимназіи и. д. директора университета отъ 30-го декабря этого года, изъ котораго узнаемъ, что предположенное ауто-да-фе не могло состояться благодаря безсмѣнному засѣдателю правленія проф. В. И. Тимьянскому, на котораго эта тяжелая обязанность была возложена, но который, по словамъ донесенія директора гимназіи—„въ гимназію не пожаловалъ и упомянутое предписаніе остается еще безъ выполненія". Между тѣмъ 7-го ноября того же года, въ лицѣ профессора И. И. Дунаева, утвержденъ былъ новый безсмѣнный засѣдатель правленія, который пришелъ къ счастливой мысли припрятать осужденныя книги и тѣмъ самымъ спасти ихъ отъ грозившаго имъ „истребленія". Только въ февралѣ 1839-го года, согласно предписанію попечителя округа М. Н. Мусина-Пушкина, книги эти были переданы въ главную библіотеку университета.

Что касается собственно совѣтскаго комитета по разсмотрѣнію каталоговъ книгъ училищныхъ библіотекъ, то имъ въ засѣданіи совѣта отъ 9-го января 1823 года представлены были два списка книгъ: а) списокъ книгъ „находящихся въ училищныхъ библіотекахъ казанскаго округа, въ

* Въ этомъ спискѣ значатся, между прочими, книги: «Dictionnaire historique et critique, par M. Bayle, Amsterdam, 1740», «Droit de la guerre et de la paix, par Grotius», «Evangile du jour, Londres, 1770, томы I—VIII», «Oeuvres de M. de Voltaire, Genève, 1771—75, томы I—XXIV», «Oeuvres de J. J. Rousseau, Amsterdam, 1769, томы I—XI», «Elementi della philosophia del Newton etc., Venezia, 1741», «Encyclopaedisches Wörterbuch der Kritischen Philosophie, von Mellin, Jena u. Leipz., 1802, томы I—IX» и др.

Не избѣгла строгой переборки и библіотека казанской гимназіи, провѣренная, съ точки зрѣнія своей благонамѣренности, самимъ директоромъ университета Владимірскимъ, слѣдующимъ образомъ рапортовавшимъ попечителю, отъ 1-го февраля 1822 года, о результатахъ произведеннаго осмотра: „При повѣркѣ библіотеки казанской гимназіи, находившейся въ завѣдываніи покойнаго адъюнкта Петровскаго, оказались нѣкоторыя книги сомнительными, мятежническими и противными христіанской вѣрѣ и благочестію". Книги эти, въ количествѣ 18-ти названій и 109-ти томовъ, были по распоряженію университетскаго правленія опечатаны, а списокъ ихъ препровожденъ къ попечителю *. Резолюція Магницкаго была весьма кратка и категорична: „Изъ означенныхъ въ реэстрѣ книгъ предлагаю № 2-й („Droit de la guerre et de la paix", par Grotius) оставить въ университетской библіотекѣ, № 6-й („De l'education publique, propre à la jeune noblesse", S. P. B., 1772) выслать сюда, а всѣ прочія—истребить", Суровое предписаніе попечителя объ истребленіи книгъ не было, однако же, приведено въ исполненіе до самаго конца 1822-го года, какъ это усматривается изъ представленія совѣта гимназіи и. д. директора университета отъ 30-го декабря этого года, изъ котораго узнаемъ, что предположенное ауто-да-фе не могло состояться благодаря безсмѣнному засѣдателю правленія проф. В. И. Тимьянскому, на котораго эта тяжелая обязанность была возложена, но который, по словамъ донесенія директора гимназіи—„въ гимназію не пожаловалъ и упомянутое предписаніе остается еще безъ выполненія". Между тѣмъ 7-го ноября того же года, въ лицѣ профессора И. И. Дунаева, утвержденъ былъ новый безсмѣнный засѣдатель правленія, который пришелъ къ счастливой мысли припрятать осужденныя книги и тѣмъ самымъ спасти ихъ отъ грозившаго имъ „истребленія". Только въ февралѣ 1839-го года, согласно предписанію попечителя округа М. Н. Мусина-Пушкина, книги эти были переданы въ главную библіотеку университета.

Что касается собственно совѣтскаго комитета по разсмотрѣнію каталоговъ книгъ училищныхъ библіотекъ, то имъ въ засѣданіи совѣта отъ 9-го января 1823 года представлены были два списка книгъ: а) списокъ книгъ „находящихся въ училищныхъ библіотекахъ казанскаго округа, въ

* Въ этомъ спискѣ значатся, между прочими, книги: «Dictionnaire historique et critique, par M. Bayle, Amsterdam, 1740», «Droit de la guerre et de la paix, par Grotius», «Evangile du jour, Londres, 1770, томы I—VIII», «Oeuvres de M. de Voltaire, Genève, 1771—75, томы I—XXIV», «Oeuvres de J. J. Rousseau, Amsterdam, 1769, томы I—XI», «Elementi della philosophia del Newton etc., Venezia, 1741», «Encyclopaedisches Wörterbuch der Kritischen Philosophie, von Mellin, Jena u. Leipz., 1802, томы I—IX» и др.

достоинствѣ коихъ онъ сомнѣвается", и б) списокъ тѣхъ книгъ, „кои не признаетъ приличными для фундаментальныхъ библіотекъ учебныхъ заведеній". Дальнѣйшихъ свѣдѣній относительно дѣятельности этого комитета намъ въ дѣлахъ архива университета встрѣчать уже не приходилось, но въ относящемся къ началу 1826 года „Краткомъ отчетѣ" Магницкаго по управленію учебнымъ округомъ мы имѣемъ указаніе самого попечителя на то, что уже въ начальную пору его управленія округомъ „разсмотрѣны библіотеки училищъ", причемъ „вредныя книги опечатаны и хранятся особо" [137].

Непосредственное вмѣшательство Магницкаго въ библіотечныя дѣла университета и округа представляло собою еще одну, довольно характерную, сторону. Это—давленіе его на училища въ дѣлѣ пріобрѣтенія ими книгъ и даже прямое навязываніе имъ къ покупкѣ тѣхъ или другихъ изданій. Мы уже выше приводили примѣры подневольныхъ пріобрѣтеній университетомъ для училищъ округа книгъ духовно-религіознаго содержанія, замѣтивъ при этомъ, что подобнаго рода случаи являлись въ ту пору не только не рѣдкостью, но весьма часто преслѣдовали прямые интересы тѣхъ или другихъ вліятельныхъ и изворотливыхъ издателей. Мы въ настоящее время укажемъ еще и другіе примѣры подобнаго же рода навязыванія къ пріобрѣтенію книгъ, порою принимавшіе прямо таки предосудительный характеръ.

Такъ, въ августѣ 1820 года Магницкій, извѣщая совѣтъ университета о выходѣ въ свѣтъ изданія И. И. Мартынова * „Техно-ботаническій словарь", предлагалъ „снабдить библіотеки учебныхъ заведеній нѣкоторымъ числомъ экземпляровъ оной", по цѣнѣ 10-ти рублей за экземпляръ; совѣтъ университета опредѣлилъ, конечно, пріобрѣсти эту книгу какъ для университета, такъ и для всѣхъ учебныхъ заведеній округа, большей части которыхъ она совершенно не была, однако, нужна. Въ томъ же году попечителемъ навязаны были къ пріобрѣтенію для училищъ округа книги: „Исторія минералогіи", Теряева, и парижскія изданія твореній Ксенофонта и Фукидида. Въ маѣ 1821 года Магницкій рекомендовалъ университетскому совѣту къ пріобрѣтенію для университета и для училищъ округа книгу Н. Ѳ. Остолопова ** „Словарь древней и новой поэзіи",

* Мартыновъ Иванъ Ивановичъ (1771—1833)—директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія, членъ главнаго правленія училищъ и извѣстный издатель конца XVIII и первой трети XIX вѣковъ, усердно пользовавшійся своимъ положеніемъ въ министерствѣ для распространенія своихъ изданій по учебнымъ заведеніямъ.

** Остолоповъ Николай Ѳедоровичъ (1782—1833)—губернскій прокуроръ, а затѣмъ вице-губернаторъ въ Вологдѣ, гдѣ и могли завязаться его отношенія къ Магницкому. Въ эпоху попечительства послѣдняго служилъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.

достоинствѣ коихъ онъ сомнѣвается", и б) списокъ тѣхъ книгъ, „кои не признаетъ приличными для фундаментальныхъ библіотекъ учебныхъ заведеній". Дальнѣйшихъ свѣдѣній относительно дѣятельности этого комитета намъ въ дѣлахъ архива университета встрѣчать уже не приходилось, но въ относящемся къ началу 1826 года „Краткомъ отчетѣ" Магницкаго по управленію учебнымъ округомъ мы имѣемъ указаніе самого попечителя на то, что уже въ начальную пору его управленія округомъ „разсмотрѣны библіотеки училищъ", причемъ „вредныя книги опечатаны и хранятся особо" [137].

Непосредственное вмѣшательство Магницкаго въ библіотечныя дѣла университета и округа представляло собою еще одну, довольно характерную, сторону. Это—давленіе его на училища въ дѣлѣ пріобрѣтенія ими книгъ и даже прямое навязываніе имъ къ покупкѣ тѣхъ или другихъ изданій. Мы уже выше приводили примѣры подневольныхъ пріобрѣтеній университетомъ для училищъ округа книгъ духовно-религіознаго содержанія, замѣтивъ при этомъ, что подобнаго рода случаи являлись въ ту пору не только не рѣдкостью, но весьма часто преслѣдовали прямые интересы тѣхъ или другихъ вліятельныхъ и изворотливыхъ издателей. Мы въ настоящее время укажемъ еще и другіе примѣры подобнаго же рода навязыванія къ пріобрѣтенію книгъ, порою принимавшіе прямо таки предосудительный характеръ.

Такъ, въ августѣ 1820 года Магницкій, извѣщая совѣтъ университета о выходѣ въ свѣтъ изданія И. И. Мартынова * „Техно-ботаническій словарь", предлагалъ „снабдить библіотеки учебныхъ заведеній нѣкоторымъ числомъ экземпляровъ оной", по цѣнѣ 10-ти рублей за экземпляръ; совѣтъ университета опредѣлилъ, конечно, пріобрѣсти эту книгу какъ для университета, такъ и для всѣхъ учебныхъ заведеній округа, большей части которыхъ она совершенно не была, однако, нужна. Въ томъ же году попечителемъ навязаны были къ пріобрѣтенію для училищъ округа книги: „Исторія минералогіи", Теряева, и парижскія изданія твореній Ксенофонта и Фукидида. Въ маѣ 1821 года Магницкій рекомендовалъ университетскому совѣту къ пріобрѣтенію для университета и для училищъ округа книгу Н. Ѳ. Остолопова ** „Словарь древней и новой поэзіи",

* Мартыновъ Иванъ Ивановичъ (1771—1833)—директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія, членъ главнаго правленія училищъ и извѣстный издатель конца XVIII и первой трети XIX вѣковъ, усердно пользовавшійся своимъ положеніемъ въ министерствѣ для распространенія своихъ изданій по учебнымъ заведеніямъ.

** Остолоповъ Николай Ѳедоровичъ (1782—1833)—губернскій прокуроръ, а затѣмъ вице-губернаторъ въ Вологдѣ, гдѣ и могли завязаться его отношенія къ Магницкому. Въ эпоху попечительства послѣдняго служилъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.

стоимостью по 25 рублей за экземпляръ; совѣтъ постановилъ выписать 4 экземпляра этой книги собственно для университета, предложивъ ее къ выпискѣ, для подвѣдомственныхъ имъ училищъ, и всѣмъ дирекціямъ округа. Въ сентябрѣ этого же года попечитель предлагалъ университету къ пріобрѣтенію книги: „Врачебныя наставленія для немощныхъ", доктора медицины Говорова, и „Краткое руководство къ леченію болѣзней", проф. Пикулина; первую изъ этихъ книгъ врачебное отдѣленіе университета имѣло мужество забраковать, вторую же изъ нихъ опредѣлено выписать въ количествѣ 40 экземпляровъ. Въ декабрѣ того же года Магницкій снова навязываетъ къ пріобрѣтенію для казанскаго учебнаго округа еще другое изданіе „господина дѣйствительнаго статскаго совѣтника" Мартынова—„Три ботаники", стоимостью по 6 р. 25 коп. за экземпляръ, котораго и было постановлено выписать 16 экземпляровъ. Такимъ же точно образомъ навязаны были попечителемъ университету къ пріобрѣтенію для учебныхъ заведеній округа книги: „Всеобщій географическій словарь" парижскаго географа Пике (январь 1822 г.), „Сибирская лѣтопись" Спасскаго (февраль 1822 г.), литографированный „Рисовальный курсъ" профессора живописи Иванова (іюнь 1822 г.), „Нѣмецкая христоматія" Аллера (іюль 1822 г.), „Надгробныя слова" Боссюета, въ русскомъ переводѣ (октябрь 1822 г.).

Въ іюнѣ 1822 года совѣту университета снова пришлось имѣть дѣло съ рекомендаціею ему Магницкимъ, къ пріобрѣтенію для округа, предпринятаго „членомъ главнаго правленія училищъ г. дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ" Мартыновымъ, русскаго перевода древнихъ греческихъ классиковъ; изданіе это рѣшено было пріобрѣсти, по выходѣ въ свѣтъ, для всѣхъ гимназій округа.

Самое беззастѣнчивое навязываніе училищамъ книгъ и другихъ пособій продолжалось и въ 1823 году. Такъ, въ февралѣ этого года Магницкій крайне безцеремонно навязалъ для училищъ ввѣреннаго ему округа эстампы художника Тирона, закупленные имъ на сумму 174-хъ рублей; онъ безъ всякаго предварительнаго запроса выслалъ эти эстампы университету, потребовавъ уплаты за нихъ денегъ изъ свободныхъ университетскихъ суммъ и предписалъ увѣдомить его—„для какого заведенія они могутъ быть взяты и не нужно ли будетъ еще выписать оныхъ и въ какомъ количествѣ". Въ отвѣтъ на соотвѣтствующій запросъ университета, нѣкоторыя учебныя заведенія изъявили желаніе пріобрѣсти эти эстампы, другія же сочли ихъ для себя излишними; большую, хотя и довольно щекотливую по отношенію къ попечителю, дозу цѣломудрія проявила при

стоимостью по 25 рублей за экземпляръ; совѣтъ постановилъ выписать 4 экземпляра этой книги собственно для университета, предложивъ ее къ выпискѣ, для подвѣдомственныхъ имъ училищъ, и всѣмъ дирекціямъ округа. Въ сентябрѣ этого же года попечитель предлагалъ университету къ пріобрѣтенію книги: „Врачебныя наставленія для немощныхъ", доктора медицины Говорова, и „Краткое руководство къ леченію болѣзней", проф. Пикулина; первую изъ этихъ книгъ врачебное отдѣленіе университета имѣло мужество забраковать, вторую же изъ нихъ опредѣлено выписать въ количествѣ 40 экземпляровъ. Въ декабрѣ того же года Магницкій снова навязываетъ къ пріобрѣтенію для казанскаго учебнаго округа еще другое изданіе „господина дѣйствительнаго статскаго совѣтника" Мартынова—„Три ботаники", стоимостью по 6 р. 25 коп. за экземпляръ, котораго и было постановлено выписать 16 экземпляровъ. Такимъ же точно образомъ навязаны были попечителемъ университету къ пріобрѣтенію для учебныхъ заведеній округа книги: „Всеобщій географическій словарь" парижскаго географа Пике (январь 1822 г.), „Сибирская лѣтопись" Спасскаго (февраль 1822 г.), литографированный „Рисовальный курсъ" профессора живописи Иванова (іюнь 1822 г.), „Нѣмецкая христоматія" Аллера (іюль 1822 г.), „Надгробныя слова" Боссюета, въ русскомъ переводѣ (октябрь 1822 г.).

Въ іюнѣ 1822 года совѣту университета снова пришлось имѣть дѣло съ рекомендаціею ему Магницкимъ, къ пріобрѣтенію для округа, предпринятаго „членомъ главнаго правленія училищъ г. дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ" Мартыновымъ, русскаго перевода древнихъ греческихъ классиковъ; изданіе это рѣшено было пріобрѣсти, по выходѣ въ свѣтъ, для всѣхъ гимназій округа.

Самое беззастѣнчивое навязываніе училищамъ книгъ и другихъ пособій продолжалось и въ 1823 году. Такъ, въ февралѣ этого года Магницкій крайне безцеремонно навязалъ для училищъ ввѣреннаго ему округа эстампы художника Тирона, закупленные имъ на сумму 174-хъ рублей; онъ безъ всякаго предварительнаго запроса выслалъ эти эстампы университету, потребовавъ уплаты за нихъ денегъ изъ свободныхъ университетскихъ суммъ и предписалъ увѣдомить его—„для какого заведенія они могутъ быть взяты и не нужно ли будетъ еще выписать оныхъ и въ какомъ количествѣ". Въ отвѣтъ на соотвѣтствующій запросъ университета, нѣкоторыя учебныя заведенія изъявили желаніе пріобрѣсти эти эстампы, другія же сочли ихъ для себя излишними; большую, хотя и довольно щекотливую по отношенію къ попечителю, дозу цѣломудрія проявила при

этомъ казанская гимназія, изъявившая готовность пріобрѣсти изъ альбома Тирона „токмо 15 рисунковъ, а остальные два, изображающіе сабинянокъ, по неблагопристойной обнаженности оныхъ", препроводила обратно въ совѣтъ университета.

Въ мартѣ 1823 года навязаны были попечителемъ для округа, съ пространною рекламою самаго изданія, 144 экземпляра „Ручной книги первообразныхъ латинскихъ словъ", профессора петербургскаго университета Толмачева, и „Ручной греческій словарь" Огинскаго; по отношенію къ этому послѣднему изданію попечитель весьма откровенно сознался, что самъ издатель просилъ его „о назначеніи нѣсколькихъ экземпляровъ сей книги для употребленія въ училищахъ казанскаго округа". Но верхомъ безцеремоннаго самоусмотрѣнія Магницкаго явилась присылка имъ въ сентябрѣ 1823 года, для округа, ста экземпляровъ „Новѣйшихъ извѣстій о Кавказѣ" соч. Броневскаго, при предложеніи слѣдующаго содержанія: „Взявъ для учебныхъ заведеній казанскаго округа сто экземпляровъ книги подъ названіемъ Новѣйшія извѣстія о Кавказѣ, сочиненія г. Броневскаго, я получилъ уже слѣдующія за оные деньги, полагая по 12-ти р. за каждый экземпляръ, 1200 рублей, изъ департамента народнаго просвѣщенія заимообразно, за счетъ казанскаго университета; васъ же (директора университета) прошу сдѣлать распоряженія, что бы 1200 рублей немедленно возвращены были департаменту, а самыя книги разослать по учебнымъ заведеніямъ, а нѣсколько и къ почетнымъ смотрителямъ, съ тѣмъ, что бы означенную сумму уплатить университету отъ тѣхъ мѣстъ и лицъ". Мало стѣснялся Магницкій и съ выпискою для училищъ періодическихъ изданій. Такъ, въ 1823 году онъ прямо разослалъ по училищамъ округа, съ взиманіемъ за нихъ, конечно, денегъ, билеты на полученіе издававшихся Свиньинымъ „Отечественныхъ Записокъ"; такимъ же насильственнымъ путемъ распространялись имъ въ округѣ „Сынъ Отечества" Греча, „Сѣверная Пчела" Греча и Булгарина и „Московскія Вѣдомости".

Только 1-го марта 1824 года, уже въ послѣдніе дни министерства князя А. Н. Голицина, положенъ былъ конецъ этому неблаговидному и съ отношеніями чисто личнаго характера въ его основѣ способу распространенія по учебнымъ заведеніямъ книгъ и другихъ пособій. Воспослѣдовавшимъ въ этотъ день распоряженіемъ министра народнаго просвѣщенія предписано „отнынѣ доставлять въ учебныя заведенія тѣ только книги и пособія, кои изданы департаментомъ народнаго просвѣщенія, изданныхъ же другими мѣстами и частными людьми и не принадлежащихъ де-

этомъ казанская гимназія, изъявившая готовность пріобрѣсти изъ альбома Тирона „токмо 15 рисунковъ, а остальные два, изображающіе сабинянокъ, по неблагопристойной обнаженности оныхъ“, препроводила обратно въ совѣтъ университета.

Въ мартѣ 1823 года навязаны были попечителемъ для округа, съ пространною рекламою самаго изданія, 144 экземпляра „Ручной книги первообразныхъ латинскихъ словъ“, профессора петербургскаго университета Толмачева, и „Ручной греческій словарь“ Огинскаго; по отношенію къ этому послѣднему изданію попечитель весьма откровенно сознался, что самъ издатель просилъ его „о назначеніи нѣсколькихъ экземпляровъ сей книги для употребленія въ училищахъ казанскаго округа“. Но верхомъ безцеремоннаго самоусмотрѣнія Магницкаго явилась присылка имъ въ сентябрѣ 1823 года, для округа, ста экземпляровъ „Новѣйшихъ извѣстій о Кавказѣ“ соч. Броневскаго, при предложеніи слѣдующаго содержанія: „Взявъ для учебныхъ заведеній казанскаго округа сто экземпляровъ книги подъ названіемъ Новѣйшія извѣстія о Кавказѣ, сочиненія г. Броневскаго, я получилъ уже слѣдующія за оные деньги, полагая по 12-ти р. за каждый экземпляръ, 1200 рублей, изъ департамента народнаго просвѣщенія заимообразно, за счетъ казанскаго университета; васъ же (директора университета) прошу сдѣлать распоряженія, что бы 1200 рублей немедленно возвращены были департаменту, а самыя книги разослать по учебнымъ заведеніямъ, а нѣсколько и къ почетнымъ смотрителямъ, съ тѣмъ, что бы означенную сумму уплатить университету отъ тѣхъ мѣстъ и лицъ“. Мало стѣснялся Магницкій и съ выпискою для училищъ періодическихъ изданій. Такъ, въ 1823 году онъ прямо разослалъ по училищамъ округа, съ взиманіемъ за нихъ, конечно, денегъ, билеты на полученіе издававшихся Свиньинымъ „Отечественныхъ Записокъ“; такимъ же насильственнымъ путемъ распространялись имъ въ округѣ „Сынъ Отечества“ Греча, „Сѣверная Пчела“ Греча и Булгарина и „Московскія Вѣдомости“.

Только 1-го марта 1824 года, уже въ послѣдніе дни министерства князя А. Н. Голицина, положенъ былъ конецъ этому неблаговидному и съ отношеніями чисто личнаго характера въ его основѣ способу распространенія по учебнымъ заведеніямъ книгъ и другихъ пособій. Воспослѣдовавшимъ въ этотъ день распоряженіемъ министра народнаго просвѣщенія предписано „отнынѣ доставлять въ учебныя заведенія тѣ только книги и пособія, кои изданы департаментомъ народнаго просвѣщенія, изданныхъ же другими мѣстами и частными людьми и не принадлежащихъ де-

партаменту—не посылать“ [138].

Благонамѣренно-піэтическій духъ, водвореніе котораго въ учебныхъ заведеніяхъ составляло конечную цѣль всѣхъ стремленій казанскаго попечителя, не замедлилъ, въ болѣе или менѣе внѣшней, показной, формѣ, отразиться на внутренней жизни училищъ округа. Жизнь учащихся была заключена въ такія же тѣсныя, шаблонныя рамки сухого и аскетическаго формализма, въ какія была облечена, какъ мы видѣли, и жизнь казанскаго студенчества, принявшая отпечатокъ режима, напоминавшаго не то условія суровой монастырской жизни, не то дисциплинарные распорядки аракчеевской казармы. Правила, введенныя Магницкимъ для распорядка жизни студентовъ—сдѣлались шаблономъ, который тщательно старались приложить и къ строю внутренней жизни другихъ учебныхъ заведеній округа: тѣ же безконечныя молитвословія „по каноннику“, тѣ же чтенія изъ священнаго писанія за ученическимъ столомъ, тѣ же фронтовыя построенія и маршировки, таже сложная іерархія „дневного“ и „ночного“ дозора, тѣ же формальныя мѣры учета поведенія, прилежанія и успѣховъ воспитанниковъ.....

Напускной духъ піэтизма глубоко проникалъ собою въ ту пору и преподаваніе, и актовыя рѣчи, и отчеты, и акты оффиціальной переписки и дѣлопроизводства учебныхъ заведеній. Такъ, напримѣръ, учитель казанской гимназіи Полиновскій, на публичномъ актѣ 29-го іюня 1822 года, въ слѣдующихъ выраженіяхъ живописалъ состояніе гимназіи въ отчетномъ году:

> „Въ продолженіи сего академическаго года гимназія, оживляемая животворящимъ Духомъ благодати Божіей, осѣняемая щедротами Помазанника Его, яко же Израиль во дни Соломона мирно и единообразно шествовала, частію предположеннымъ ею самою, а болѣе указуемомъ ей блюстителями истинной мудрости—его сіятельствомъ г. министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и его превосходительствомъ г. попечителемъ казанскаго учебнаго округа—путемъ къ образованію ввѣренныхъ ей дѣтей не по стихіямъ міра сего (I—II Тимоѳ. IV, 6, III, 15—17), но въ страхѣ Божіи, да измлада священное писаніе умѣютъ, могущее ихъ умудрити во спасеніе вѣрою, яже о Христѣ, и да питаеми словесы вѣры и добрымъ ученіемъ, совершенни будутъ Божіи человѣцы, на всякое благое дѣло уготованы. Словомъ—употребляла всѣ усилія воспитывать ихъ истинными христіанами, и, слѣдовательно, послушными чадами родителей, полезными членами общества, вѣрными подданными Государю, усердными сынами отечества и

партаменту—не посылать“ [138].

Благонамѣренно-піэтическій духъ, водвореніе котораго въ учебныхъ заведеніяхъ составляло конечную цѣль всѣхъ стремленій казанскаго попечителя, не замедлилъ, въ болѣе или менѣе внѣшней, показной, формѣ, отразиться на внутренней жизни училищъ округа. Жизнь учащихся была заключена въ такія же тѣсныя, шаблонныя рамки сухого и аскетическаго формализма, въ какія была облечена, какъ мы видѣли, и жизнь казанскаго студенчества, принявшая отпечатокъ режима, напоминавшаго не то условія суровой монастырской жизни, не то дисциплинарные распорядки аракчеевской казармы. Правила, введенныя Магницкимъ для распорядка жизни студентовъ—сдѣлались шаблономъ, который тщательно старались приложить и къ строю внутренней жизни другихъ учебныхъ заведеній округа: тѣ же безконечныя молитвословія „по канонику“, тѣ же чтенія изъ священнаго писанія за ученическимъ столомъ, тѣ же фронтовыя построенія и маршировки, таже сложная іерархія „дневного“ и „ночного“ дозора, тѣ же формальныя мѣры учета поведенія, прилежанія и успѣховъ воспитанниковъ.....

Напускной духъ піэтизма глубоко проникалъ собою въ ту пору и преподаваніе, и актовыя рѣчи, и отчеты, и акты оффиціальной переписки и дѣлопроизводства учебныхъ заведеній. Такъ, напримѣръ, учитель казанской гимназіи Полиновскій, на публичномъ актѣ 29-го іюня 1822 года, въ слѣдующихъ выраженіяхъ живописалъ состояніе гимназіи въ отчетномъ году:

„Въ продолженіи сего академическаго года гимназія, оживляемая животворящимъ Духомъ благодати Божіей, осѣняемая щедротами Помазанника Его, яко же Израиль во дни Соломона мирно и единообразно шествовала, частію предположеннымъ ею самою, а болѣе указуемомъ ей блюстителями истинной мудрости—его сіятельствомъ г. министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и его превосходительствомъ г. попечителемъ казанскаго учебнаго округа—путемъ къ образованію ввѣренныхъ ей дѣтей не по стихіямъ міра сего (I—II Тимоѳ. IV, 6, III, 15—17), но въ страхѣ Божіи, да измлада священное писаніе умѣютъ, могущее ихъ умудрити во спасеніе вѣрою, яже о Христѣ, и да питаеми словесы вѣры и добрымъ ученіемъ, совершенни будутъ Божіи человѣцы, на всякое благое дѣло уготованы. Словомъ—употребляла всѣ усилія воспитывать ихъ истинными христіанами, и, слѣдовательно, послушными чадами родителей, полезными членами общества, вѣрными подданными Государю, усердными сынами отечества и

во всякомъ дѣлѣ блазѣ плодоносящими и возрастающими въ разумѣ Божіи (Колос., I, 10)".

Отчетъ заканчивается слѣдующимъ обращеніемъ къ воспитанникамъ гимназіи:

„И такъ—старайтесь вникать преподаваемому вамъ ученію добрымъ сердцемъ и благимъ, держите крѣпко въ помышленіяхъ слова наставниковъ, и въ семъ терпѣніи, безъ сомнѣнія, сотворите плодъ сторичный. Молите усердно Бога, да отверзетъ очи ума вашего къ созерцанію истинныя мудрости. Молите святыхъ первоверховныхъ апостолъ Петра и Павла, благочестно днесь церковію празднуемыхъ и весь міръ ученьми своими просвѣтившихъ, да облистаютъ васъ свѣтомъ своего Боговдохновеннаго ученія—и вы будете мудри, яко змія, и бѣли, яко голубіе!"

Проповѣдуя, съ легкой руки Магницкаго, мысль о тщетности и суетности наукъ, основываемыхъ по „стихіямъ міра сего", на актѣ 1822-го года казанская гимназія развиваетъ ту же мысль передъ публикою устами трехъ своихъ воспитанниковъ, разыгрывавшихъ передъ посѣтителями „дѣйство", носившее названіе „Разговора между поэтомъ и математикомъ", въ которомъ дѣйствующими лицами являлись: Филлисъ (математикъ), Дамедъ (поэтъ) и Филидоръ (философъ). Приведемъ, въ формѣ извлеченій, основныя мысли этого курьезнаго плода благонамѣренной изобрѣтательности заправилъ казанской гимназіи:

Филлисъ.—Нѣтъ, милый мой Дамедъ, ты слишкомъ погрѣшаешь,
Что математику такъ сильно унижаешь.

Филидоръ (входя, къ Дамеду).—Поэту славному, любимцу музъ, Дамеду
Почтеніе свое приноситъ Филидоръ!
(Къ Филлису)
Усердно кланяюсь странъ нашихъ Архимеду!

Дамедъ.—Какъ кстати, милый другъ! Рѣши нашъ жаркій споръ:
Филлисъ . . . . .

Филидоръ (перебивая).—Довольно! Не спрашивая васъ, мнѣ можно догадаться
О чемъ изволите столь пылко состязаться:
Одинъ, къ поэзіи душою прилѣпясь,
Всѣмъ знаніямъ другимъ ее предпочитаетъ;
Другой же, въ бездну цифръ и линій углубясь,
Науки за ничто всѣ прочія считаетъ. . . .
Теперь сошлись вы здѣсь и спорите о томъ,
Что всякій правъ изъ васъ въ сужденіи своемъ.
Не такъ ли?

Филлисъ.—Отгадалъ!

Филидоръ.—Съ водою какъ огонь въ безпрерывной ссорѣ,
Такъ съ математикомъ поэтъ всегда въ раздорѣ.

во всякомъ дѣлѣ блазѣ плодоносящими и возрастающими въ разумѣ Божіи (Колос., I, 10)".

Отчетъ заканчивается слѣдующимъ обращеніемъ къ воспитанникамъ гимназіи:

„И такъ—старайтесь вникать преподаваемому вамъ ученію добрымъ сердцемъ и благимъ, держите крѣпко въ помышленіяхъ слова наставниковъ, и въ семъ терпѣніи, безъ сомнѣнія, сотворите плодъ сторичный. Молите усердно Бога, да отверзетъ очи ума вашего къ созерцанію истинныя мудрости. Молите святыхъ первоверховныхъ апостолъ Петра и Павла, благочестно днесь церковію празднуемыхъ и весь міръ ученьми своими просвѣтившихъ, да облистаютъ васъ свѣтомъ своего Боговдохновеннаго ученія—и вы будете мудри, яко змія, и бѣли, яко голубіе!"

Проповѣдуя, съ легкой руки Магницкаго, мысль о тщетности и суетности наукъ, основываемыхъ по „стихіямъ міра сего", на актѣ 1822-го года казанская гимназія развиваетъ ту же мысль передъ публикою устами трехъ своихъ воспитанниковъ, разыгрывавшихъ передъ посѣтителями „дѣйство", носившее названіе „Разговора между поэтомъ и математикомъ", въ которомъ дѣйствующими лицами являлись: Филлисъ (математикъ), Дамедъ (поэтъ) и Филидоръ (философъ). Приведемъ, въ формѣ извлеченій, основныя мысли этого курьезнаго плода благонамѣренной изобрѣтательности заправилъ казанской гимназіи:

Филлисъ.—Нѣтъ, милый мой Дамедъ, ты слишкомъ погрѣшаешь,
Что математику такъ сильно унижаешь.

Филидоръ (входя, къ Дамеду).—Поэту славному, любимцу музъ, Дамеду
Почтеніе свое приноситъ Филидоръ!
(Къ Филлису)
Усердно кланяюсь странъ нашихъ Архимеду!

Дамедъ.—Какъ кстати, милый другъ! Рѣши нашъ жаркій споръ:
Филлисъ . . . . .

Филидоръ (перебивая).—Довольно! Не спрашивая васъ, мнѣ можно догадаться
О чемъ изволите столь пылко состязаться:
Одинъ, къ поэзіи душою прилѣпясь,
Всѣмъ знаніямъ другимъ ее предпочитаетъ;
Другой же, въ бездну цифръ и линій углубясь,
Науки за ничто всѣ прочія считаетъ. . . .
Теперь сошлись вы здѣсь и спорите о томъ,
Что всякій правъ изъ васъ въ сужденіи своемъ.
Не такъ ли?

Филлисъ.—Отгадалъ!

Филидоръ.—Съ водою какъ огонь въ безпрерывной ссорѣ,
Такъ съ математикомъ поэтъ всегда въ раздорѣ.

Дамедъ.—Сравненія оставь.
Мы просимъ дать тебя скорѣе намъ рѣшенье.
Филидоръ.—Не будь такъ скоръ, Дамедъ. Чтобъ вѣрно разсудить,
Мнѣ каждаго сперва узнать потребно мнѣнье.
Филлису первенство—онъ будетъ говорить.
Филлисъ.—Изволь! Что правъ я—знаю то, какъ дважды два четыре,
Какъ лишь одну луну въ пространномъ вижу мірѣ,
И, наконецъ, какъ то, что треугольникъ три
Содержитъ, а не пять иль шесть угловъ внутри.
Но чтобы убѣдить Дамеда, я согласенъ
Изъ аксіомъ простыхъ надѣлать ѳеоремъ;
Коль преклоню его, трудъ будетъ не напрасенъ,
Довольно награжденъ успѣхомъ буду тѣмъ.

Начинается между математикомъ и поэтомъ продолжительный и ожесточенный споръ относительно преимуществъ и достоинствъ ихъ профессій, въ которомъ философъ выполняетъ роль руководителя и посредника. Выслушавъ доводы обѣихъ сторонъ, Филидоръ высказываетъ свой собственный взглядъ на предметъ спора. Отдавая должное и математикѣ, и поэзіи, философъ старается примирить обоихъ соперниковъ, указывая имъ общую конечную цѣль, къ которой должны стремиться всѣ человѣческія знанія:

Къ чему препятствовать другъ другу вамъ въ пути?
Успѣхи возбудятъ пусть въ васъ соревнованье
Къ предмету своему со тщаніемъ идти,
Служить Отечеству съ сыновнею любовью,
Быть вѣрнымъ подданнымъ Монарху своему;
Коль нужно—доказать своей то жизнью, кровью,
Державы, трона быть опорою Его! . . . .
. . . .
Мы въ мірѣ—пришлецы. Въ могилѣ тихой, темной
Всѣ рано ль, поздно ли, глубокимъ сномъ уснемъ,
Всѣ послѣ жизни бурь пріютъ себѣ укромный
Въ отверстыхъ къ намъ ея объятіяхъ найдемъ.
Невольникъ въ тяжкія оковы заключенный,
Владыка странъ земныхъ въ коронѣ золотой,
Убожествомъ, нуждой страдалецъ изнуренный,
Любимецъ счастія въ одеждѣ дорогой—
Всѣ съ жизнью бренной сей на вѣки распростясь,
Всѣ дать Творцу отвѣтъ въ дѣлахъ своихъ явятся.....
Помогутъ ли, друзья, науки намъ тогда,
Избавятъ ли собой отъ вѣчнаго мученья?
Лишь Вѣра твердая, лишь добрыя дѣла
Намъ руку подадутъ отъ гибели спасенья!
И такъ—познаній всѣхъ есть выше то ученье,
Которое въ себѣ содержитъ наставленье
Какъ въ мирѣ, тишинѣ достигнуть жизни той,
Въ которой мы найдемъ блаженство и покой,
Которое съ Творцомъ вселенной съединяетъ,

Дамедъ.—Сравненія оставь.
Мы просимъ дать тебя скорѣе намъ рѣшенье.
Филидоръ.—Не будь такъ скоръ, Дамедъ. Чтобъ вѣрно разсудить,
Мнѣ каждаго сперва узнать потребно мнѣнье.
Филлису первенство—онъ будетъ говорить.
Филлисъ.—Изволь! Что правъ я—знаю то, какъ дважды два четыре,
Какъ лишь одну луну въ пространномъ вижу мірѣ,
И, наконецъ, какъ то, что треугольникъ три
Содержитъ, а не пять иль шесть угловъ внутри.
Но чтобы убѣдить Дамеда, я согласенъ
Изъ аксіомъ простыхъ надѣлать ѳеоремъ;
Коль преклоню его, трудъ будетъ не напрасенъ,
Довольно награжденъ успѣхомъ буду тѣмъ.

Начинается между математикомъ и поэтомъ продолжительный и ожесточенный споръ относительно преимуществъ и достоинствъ ихъ профессій, въ которомъ философъ выполняетъ роль руководителя и посредника. Выслушавъ доводы обѣихъ сторонъ, Филидоръ высказываетъ свой собственный взглядъ на предметъ спора. Отдавая должное и математикѣ, и поэзіи, философъ старается примирить обоихъ соперниковъ, указывая имъ общую конечную цѣль, къ которой должны стремиться всѣ человѣческія знанія:

Къ чему препятствовать другъ другу вамъ въ пути?
Успѣхи возбудятъ пусть въ васъ соревнованье
Къ предмету своему со тщаніемъ идти,
Служить Отечеству съ сыновнею любовью,
Быть вѣрнымъ подданнымъ Монарху своему;
Коль нужно—доказать своей то жизнью, кровью,
Державы, трона быть опорою Его! . . . .
. . . .
Мы въ мірѣ—пришлецы. Въ могилѣ тихой, темной
Всѣ рано ль, поздно ли, глубокимъ сномъ уснемъ,
Всѣ послѣ жизни бурь пріютъ себѣ укромный
Въ отверстыхъ къ намъ ея объятіяхъ найдемъ.
Невольникъ въ тяжкія оковы заключенный,
Владыка странъ земныхъ въ коронѣ золотой,
Убожествомъ, нуждой страдалецъ изнуренный,
Любимецъ счастія въ одеждѣ дорогой—
Всѣ съ жизнью бренной сей на вѣки распростясь,
Всѣ дать Творцу отвѣтъ въ дѣлахъ своихъ явятся.....
Помогутъ ли, друзья, науки намъ тогда,
Избавятъ ли собой отъ вѣчнаго мученья?
Лишь Вѣра твердая, лишь добрыя дѣла
Намъ руку подадутъ отъ гибели спасенья!
И такъ—познаній всѣхъ есть выше то ученье,
Которое въ себѣ содержитъ наставленье
Какъ въ мирѣ, тишинѣ достигнуть жизни той,
Въ которой мы найдемъ блаженство и покой,
Которое съ Творцомъ вселенной съединяетъ,

Отъ зла и отъ сѣтей порока охраняетъ,
Въ невинной чистотѣ сердца собой блюдетъ
И къ горней жизни насъ прямымъ путемъ ведетъ.
Оно—любить враговъ коварныхъ научаетъ,
Богатство тлѣнное и славу презирать,
Святую истину примѣромъ подтверждаетъ,
Смиренно учитъ жить, спокойно умирать! [139].

Суровый жизненный режимъ, введенный Магницкимъ, какъ мы это видѣли, по отношенію къ преподавателямъ и чинамъ университета, въ еще болѣе значительной степени былъ, само собою разумѣется, распространенъ имъ на педагогическій персоналъ другихъ учебныхъ заведеній округа. Особенно строго соблюдался надзоръ за благочестіемъ учащихъ. Бывшій адъюнктъ университета и преподаватель казанской гимназіи П. М. Васильевъ († 1866 г.) разсказывалъ исторіографу этой послѣдней В. В. Владимірову, что „директоръ университета Владимірскій наблюдалъ во время говѣнья въ церкви за всѣми учителями,—какъ кто стоялъ, и когда двое разговаривали, то на другой день имъ присылались директоромъ правила, какъ должно стоять въ церкви". Абсолютное соблюденіе началъ „подчиненности" и „чинопочитанія", безотвѣтная покорность и смиренномудріе—были категорическими требованіями, предъявлявшимися попечителемъ къ педагогическому персоналу училищъ и проступки противъ которыхъ сурово карались имъ. Безусловная трезвенность являлась также условіемъ, съ неумолимою строгостью предъявлявшимся къ начальникамъ и учителямъ учебныхъ заведеній округа. „Магницкій требовалъ отъ наставниковъ строгой и трезвой жизни, которая могла бы служить примѣромъ для учениковъ,—пишетъ В. В. Владиміровъ, заставшій еще въ живыхъ свидѣтелей той мрачной въ исторіи русскаго просвѣщенія эпохи.—Конечно, при тогдашней простой жизни наставниковъ, привыкшихъ послѣ праведныхъ трудовъ на педагогическомъ поприщѣ, въ часъ досуга и отдыха, въ пріятной бесѣдѣ съ товарищами по службѣ предаваться веселію чаши вина", тяжелыми представлялись требованія попечителя, который „съ сокрушеннымъ сердцемъ давалъ знать подчиненнымъ своимъ, что онъ не можетъ терпѣть на учительскомъ поприщѣ жрецовъ Бахуса и намѣренъ преслѣдовать и карать послѣднихъ со всею строгостью законовъ, исключая изъ службы съ отмѣткою штрафа во всѣхъ актахъ уволеннаго". Подобно тому, какъ и съ чиновъ университета, съ лицъ педагогическаго персонала училищъ отобраны были подписки въ томъ, что они совершенно не будутъ пить вина; „однако, за всѣмъ тѣмъ, преданіе говоритъ противное",—добавляетъ исторіографъ первой казанской гимназіи [140].

Отъ зла и отъ сѣтей порока охраняетъ,
Въ невинной чистотѣ сердца собой блюдетъ
И къ горней жизни насъ прямымъ путемъ ведетъ.
Оно—любить враговъ коварныхъ научаетъ,
Богатство тлѣнное и славу презирать,
Святую истину примѣромъ подтверждаетъ,
Смиренно учитъ жить, спокойно умирать! [139].

Суровый жизненный режимъ, введенный Магницкимъ, какъ мы это видѣли, по отношенію къ преподавателямъ и чинамъ университета, въ еще болѣе значительной степени былъ, само собою разумѣется, распространенъ имъ на педагогическій персоналъ другихъ учебныхъ заведеній округа. Особенно строго соблюдался надзоръ за благочестіемъ учащихъ. Бывшій адъюнктъ университета и преподаватель казанской гимназіи П. М. Васильевъ († 1866 г.) разсказывалъ исторіографу этой послѣдней В. В. Владимірову, что „директоръ университета Владимірскій наблюдалъ во время говѣнья въ церкви за всѣми учителями,—какъ кто стоялъ, и когда двое разговаривали, то на другой день имъ присылались директоромъ правила, какъ должно стоять въ церкви". Абсолютное соблюденіе началъ „подчиненности" и „чинопочитанія", безотвѣтная покорность и смиренномудріе—были категорическими требованіями, предъявлявшимися попечителемъ къ педагогическому персоналу училищъ и проступки противъ которыхъ сурово карались имъ. Безусловная трезвенность являлась также условіемъ, съ неумолимою строгостью предъявлявшимся къ начальникамъ и учителямъ учебныхъ заведеній округа. „Магницкій требовалъ отъ наставниковъ строгой и трезвой жизни, которая могла бы служить примѣромъ для учениковъ,—пишетъ В. В. Владиміровъ, заставшій еще въ живыхъ свидѣтелей той мрачной въ исторіи русскаго просвѣщенія эпохи.—Конечно, при тогдашней простой жизни наставниковъ, привыкшихъ послѣ праведныхъ трудовъ на педагогическомъ поприщѣ, въ часъ досуга и отдыха, въ пріятной бесѣдѣ съ товарищами по службѣ предаваться веселію чаши вина", тяжелыми представлялись требованія попечителя, который „съ сокрушеннымъ сердцемъ давалъ знать подчиненнымъ своимъ, что онъ не можетъ терпѣть на учительскомъ поприщѣ жрецовъ Бахуса и намѣренъ преслѣдовать и карать послѣднихъ со всею строгостью законовъ, исключая изъ службы съ отмѣткою штрафа во всѣхъ актахъ уволеннаго". Подобно тому, какъ и съ чиновъ университета, съ лицъ педагогическаго персонала училищъ отобраны были подписки въ томъ, что они совершенно не будутъ пить вина; „однако, за всѣмъ тѣмъ, преданіе говоритъ противное",—добавляетъ исторіографъ первой казанской гимназіи [140].

Строгимъ требованіямъ, предъявлявшимся Магницкимъ къ нравственному режиму жизни педагоговъ ввѣреннаго ему округа, соотвѣтствовали и не менѣе суровыя кары, грозившія провинившимся чинамъ училищнаго персонала. Магницкій былъ крайне изобрѣтателенъ въ дѣлѣ назначенія такихъ каръ и въ числѣ послѣднихъ встрѣчаются наказанія, носившія совершенно необычайный характеръ. Мы уже видѣли примѣры обращенія одного провинившагося учителя — въ число учащихся, отчисленія другаго—къ канцеляріи университета (см. выше стр. 257). Кары подобнаго рода были вовсе не рѣдкостью въ эпоху попечительства Магницкаго. Такъ, въ августѣ 1820-го года сданъ былъ въ воспитанники казанской гимназіи учитель мамадышскаго уѣзднаго училища Шелаевъ, въ цѣляхъ „возбужденія въ немъ любви къ покорности и страха Божія". Въ апрѣлѣ 1821 года, по распоряженію попечителя, вытребованъ былъ въ Казань „для возвращенія его въ сословіе кандидатовъ университета", въ видахъ исправленія (!) учитель естественной исторіи астраханской гимназіи Шутихинъ, который, „имѣя дарованія", оказался „нрава нетерпимаго въ порядкѣ службы" и недостаточно наставленнымъ „въ правилахъ чинопочитанія и подчиненности", а въ ноябрѣ того же года обращенъ былъ въ воспитанники казанской гимназіи учитель тамбовскаго главнаго народнаго училища Юферовъ—„за строптивость нрава, упрямство, неуспѣшность преподаванія и неблагоприличность поведенія". Магницкій обращалъ, такимъ образомъ, казанскій университетъ и гимназію въ нѣкое подобіе исправительно-дисциплинарныхъ учрежденій,—пріемъ, едва ли способный найти себѣ малѣйшее оправданіе хотя бы только съ чисто педагогической точки зрѣнія.

Укажемъ и дальнѣйшіе примѣры мѣропріятій этого, совершенно исключительнаго, рода. Осенью 1822-го года обращенъ былъ обратно въ университетъ, для „двухгодичнаго испытанія при немъ", учитель тобольской гимназіи А. Маклаковъ, уличенный въ „нарушеніи трезвенности"; въ виду, однако же, „премногаго милосердія Божія къ испытуемому", выразившагося въ хорошемъ поведеніи его уже въ первый годъ испытанія, Маклаковъ былъ прощенъ и снова опредѣленъ въ учительскую службу. Осенью того же года вторично попался въ „неприличномъ поведеніи" учитель тамбовскаго главнаго народнаго училища Юферовъ, снова обращенный, въ видѣ наказанія, въ воспитанники казанской гимназіи; на этотъ разъ, „въ виду его нравственнаго исправленія", но обнаруженной вмѣстѣ съ тѣмъ, „безнадежности къ окончанію, по неспособности, курса въ гимназіи", Юферовъ былъ назначенъ учителемъ въ кизлярское уѣздное

Строгимъ требованіямъ, предъявлявшимся Магницкимъ къ нравственному режиму жизни педагоговъ ввѣреннаго ему округа, соотвѣтствовали и не менѣе суровыя кары, грозившія провинившимся чинамъ училищнаго персонала. Магницкій былъ крайне изобрѣтателенъ въ дѣлѣ назначенія такихъ каръ и въ числѣ послѣднихъ встрѣчаются наказанія, носившія совершенно необычайный характеръ. Мы уже видѣли примѣры обращенія одного провинившагося учителя — въ число учащихся, отчисленія другаго—къ канцеляріи университета (см. выше стр. 257). Кары подобнаго рода были вовсе не рѣдкостью въ эпоху попечительства Магницкаго. Такъ, въ августѣ 1820-го года сданъ былъ въ воспитанники казанской гимназіи учитель мамадышскаго уѣзднаго училища Шелаевъ, въ цѣляхъ „возбужденія въ немъ любви къ покорности и страха Божія". Въ апрѣлѣ 1821 года, по распоряженію попечителя, вытребованъ былъ въ Казань „для возвращенія его въ сословіе кандидатовъ университета", въ видахъ исправленія (!) учитель естественной исторіи астраханской гимназіи Шутихинъ, который, „имѣя дарованія", оказался „нрава нетерпимаго въ порядкѣ службы" и недостаточно наставленнымъ „въ правилахъ чинопочитанія и подчиненности", а въ ноябрѣ того же года обращенъ былъ въ воспитанники казанской гимназіи учитель тамбовскаго главнаго народнаго училища Юферовъ—„за строптивость нрава, упрямство, неуспѣшность преподаванія и неблагоприличность поведенія". Магницкій обращалъ, такимъ образомъ, казанскій университетъ и гимназію въ нѣкое подобіе исправительно-дисциплинарныхъ учрежденій,—пріемъ, едва ли способный найти себѣ малѣйшее оправданіе хотя бы только съ чисто педагогической точки зрѣнія.

Укажемъ и дальнѣйшіе примѣры мѣропріятій этого, совершенно исключительнаго, рода. Осенью 1822-го года обращенъ былъ обратно въ университетъ, для „двухгодичнаго испытанія при немъ", учитель тобольской гимназіи А. Маклаковъ, уличенный въ „нарушеніи трезвенности"; въ виду, однако же, „премногаго милосердія Божія къ испытуемому", выразившагося въ хорошемъ поведеніи его уже въ первый годъ испытанія, Маклаковъ былъ прощенъ и снова опредѣленъ въ учительскую службу. Осенью того же года вторично попался въ „неприличномъ поведеніи" учитель тамбовскаго главнаго народнаго училища Юферовъ, снова обращенный, въ видѣ наказанія, въ воспитанники казанской гимназіи; на этотъ разъ, „въ виду его нравственнаго исправленія", но обнаруженной вмѣстѣ съ тѣмъ, „безнадежности къ окончанію, по неспособности, курса въ гимназіи", Юферовъ былъ назначенъ учителемъ въ кизлярское уѣздное

училище. Осенью 1823 года, согласно распоряженію попечителя, обращенъ былъ въ казанскую гимназію учитель тетюшскаго уѣзднаго училища Мари,—какъ „недоучившійся и незнакомый съ правилами добраго обхожденія“, причемъ предписывалось „въ случаѣ, ежели не предвидится въ немъ надежды“, представить его къ исключенію изъ учебнаго вѣдомства. Осенью того же года, послѣ предварительнаго слѣдствія по поводу его поступковъ, распоряженіемъ попечителя исключенъ былъ изъ училищнаго вѣдомства „за грубость и неподчиненность“ учитель оренбургской гимназіи Кафтанниковъ и т. п. и т. п. [141].

Если строгая и неумолимая ферула начальства и не всегда имѣла возможность достигать отдаленныхъ окраинъ казанскаго округа, то учительскому персоналу такихъ медвѣжьихъ угловъ казанскаго учебнаго округа доводилось порою терпѣть отъ невозможныхъ условій мѣстной общественности—съ ея дрязгами, мелкими личными интересами и интригами, извѣтами и т. п. проявленіями темной, закорузлой жизни глухой провинціи. Нагляднымъ примѣромъ такого положенія вещей можетъ служить дѣло объ увольненіи отъ службы учителя приходскаго тунгусскаго Урунгильскаго училища Семена Хохлова. Учитель Хохловъ, природный ясачный тунгусъ изъ новокрещеновъ, по окончаніи курса въ иркутской гимназіи, гдѣ онъ воспитывался на общественныя средства тунгусскаго народа, былъ опредѣленъ учителемъ въ Урунгильское инородческое училище, находившееся въ нерчинскомъ округѣ, въ самомъ центрѣ разселенія тунгусскихъ родовъ, находившихся подъ вѣдѣніемъ своего „родоначальника“, князя Александра Гантимурова. Учителю не повезло въ назначенномъ ему мѣстѣ служенія: столкнувшись здѣсь съ неохотою мѣстныхъ тунгусовъ къ обученію своихъ дѣтей, Хохловъ возстановилъ противъ себя не только своихъ однородцевъ, съ княземъ Гантимуровымъ во главѣ, но и мѣстнаго священника, видимо желавшаго занять, вмѣсто него, учительское мѣсто. И вотъ весною 1822-го года поступило въ казанскій университетъ въ высшей степени витіевато, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, малограмотно составленное прошеніе отъ имени князя Гантимурова, съ жалобою на учителя Хохлова. Приведемъ, съ точнымъ сохраненіемъ текста (исключая ороографіи), начало и конецъ этого курьезнаго прошенія, очевидно состряпаннаго для тунгусскаго „родоначальника“ однимъ изъ мѣстныхъ „грамотѣевъ“, вѣроятнѣе всего—конкуррентомъ учителя Хохлова:

„Въ Казанскій университетъ.—Нерчинскаго округа, 15-ти тунгусскихъ родовъ начальника, 14-го класса князя Гантимурова.—

училище. Осенью 1823 года, согласно распоряженію попечителя, обращенъ былъ въ казанскую гимназію учитель тетюшскаго уѣзднаго училища Мари,—какъ „недоучившійся и незнакомый съ правилами добраго обхожденія“, причемъ предписывалось „въ случаѣ, ежели не предвидится въ немъ надежды“, представить его къ исключенію изъ учебнаго вѣдомства. Осенью того же года, послѣ предварительнаго слѣдствія по поводу его поступковъ, распоряженіемъ попечителя исключенъ былъ изъ училищнаго вѣдомства „за грубость и неподчиненность“ учитель оренбургской гимназіи Кафтанниковъ и т. п. и т. п. [141].

Если строгая и неумолимая ферула начальства и не всегда имѣла возможность достигать отдаленныхъ окраинъ казанскаго округа, то учительскому персоналу такихъ медвѣжьихъ угловъ казанскаго учебнаго округа доводилось порою терпѣть отъ невозможныхъ условій мѣстной общественности—съ ея дрязгами, мелкими личными интересами и интригами, извѣтами и т. п. проявленіями темной, закорузлой жизни глухой провинціи. Нагляднымъ примѣромъ такого положенія вещей можетъ служить дѣло объ увольненіи отъ службы учителя приходскаго тунгусскаго Урунгильскаго училища Семена Хохлова. Учитель Хохловъ, природный ясачный тунгусъ изъ новокрещеновъ, по окончаніи курса въ иркутской гимназіи, гдѣ онъ воспитывался на общественныя средства тунгусскаго народа, былъ опредѣленъ учителемъ въ Урунгильское инородческое училище, находившееся въ нерчинскомъ округѣ, въ самомъ центрѣ разселенія тунгусскихъ родовъ, находившихся подъ вѣдѣніемъ своего „родоначальника“, князя Александра Гантимурова. Учителю не повезло въ назначенномъ ему мѣстѣ служенія: столкнувшись здѣсь съ неохотою мѣстныхъ тунгусовъ къ обученію своихъ дѣтей, Хохловъ возстановилъ противъ себя не только своихъ однородцевъ, съ княземъ Гантимуровымъ во главѣ, но и мѣстнаго священника, видимо желавшаго занять, вмѣсто него, учительское мѣсто. И вотъ весною 1822-го года поступило въ казанскій университетъ въ высшей степени витіевато, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, малограмотно составленное прошеніе отъ имени князя Гантимурова, съ жалобою на учителя Хохлова. Приведемъ, съ точнымъ сохраненіемъ текста (исключая ороографіи), начало и конецъ этого курьезнаго прошенія, очевидно состряпаннаго для тунгусскаго „родоначальника“ однимъ изъ мѣстныхъ „грамотѣевъ“, вѣроятнѣе всего—конкуррентомъ учителя Хохлова:

„Въ Казанскій университетъ.—Нерчинскаго округа, 15-ти тунгусскихъ родовъ начальника, 14-го класса князя Гантимурова.—

Покорнѣйшій рапортъ.

Сколь лестно обществу взирать на гражданина образованнаго; и сколь полезно родителю, видѣть сына просвѣщеннаго истиннымъ познаніемъ Слова Божія! Какую жертву принесемъ въ благодарность за ревностное Высочайшее соизволеніе въ просвѣщеніи наукъ? Отъ престола вышняго возродившееся, какъ солнце шествующее отъ края и до конецъ Россійской имперіи! Ни перо, ни кисть—не въ состояніи изобразить живописи той, которая начерталась животворными буквами на сердцахъ Даурскихъ пастуховъ! Утомленные отъ сильнаго зноя, собираютъ новыя силы отъ зефира просвѣщенія; самое древнее истукано-приношеніе претворяется въ лучъ истиннаго Богопознанія! О, сколь обязаны мы сердце чисто и духъ правый принести въ жертву предъ Провидѣніемъ! Да благословитъ Зевесъ (sic!) сословіе, трудящееся въ семъ предметѣ!

Не отягощая велерѣчіемъ, говорю съ чистымъ сердцемъ: недостойное отдѣляю на особый у сего листъ".

Затѣмъ,—даже не на одномъ, а на цѣлыхъ трехъ приложенныхъ къ прошенію листахъ и все въ такомъ же высокопарномъ „штилѣ",—излагаются обвинительные пункты по адресу учителя Хохлова, съ присоединеніемъ къ нимъ общественнаго приговора даурскихъ (тунгусскихъ) родовъ, съ просьбою объ устраненіи отъ должности злополучнаго учителя. Нѣтъ такихъ ужасныхъ обвиненій, которыя не возводились бы на Хохлова: обвиняется онъ здѣсь въ „ослабѣніи въ своемъ поведеніи", въ „роскоши, пьянствѣ и дебоширствѣ", въ „буйствѣ", въ превращеніи имъ училища „въ домъ вертепа", возглашается, что для укрощенія учителя—„потребенъ бичъ Спасителя (!)". Проявляется даже попытка обвинить Хохлова въ богохульствѣ; разсказывается, будто „Хохловъ пьяный вступилъ съ священникомъ буйственно съ публичнымъ скверно-м......мъ ругательствомъ", что „священникъ въ защиту противъ ярости показывалъ Хохлову на шеѣ имѣющуюся святую дарохранительницу, а ученый тунгусъ Хохловъ вынималъ свою табакирку и, указывая на оную, приговаривалъ: сія табакирка лучше твоей евхаристіи". Ссылка на всѣ эти факты оправдывается „обязанностью родоначальника князя смотрѣть на всѣ части подчиненныхъ его, разбросанныхъ въ холмахъ и долинахъ, и на нововводимое образованіе". Ближайшее разсмотрѣніе всѣхъ этихъ кляузныхъ документовъ наводитъ на мысль, что едва ли не старанія Хохлова на пользу распространенія среди своихъ полудикихъ однородцевъ „нововводимаго образованія"—и явились одною изъ сокровенныхъ пружинъ всего этого извѣта на молодого учителя; по крайней мѣрѣ въ прошеніи

Покорнѣйшій рапортъ.

Сколь лестно обществу взирать на гражданина образованнаго; и сколь полезно родителю, видѣть сына просвѣщеннаго истиннымъ познаніемъ Слова Божія! Какую жертву принесемъ въ благодарность за ревностное Высочайшее соизволеніе въ просвѣщеніи наукъ? Отъ престола вышняго возродившееся, какъ солнце шествующее отъ края и до конецъ Россійской имперіи! Ни перо, ни кисть—не въ состояніи изобразить живописи той, которая начерталась животворными буквами на сердцахъ Даурскихъ пастуховъ! Утомленные отъ сильнаго зноя, собираютъ новыя силы отъ зефира просвѣщенія; самое древнее истукано-приношеніе претворяется въ лучъ истиннаго Богопознанія! О, сколь обязаны мы сердце чисто и духъ правый принести въ жертву предъ Провидѣніемъ! Да благословитъ Зевесъ (sic!) сословіе, трудящееся въ семъ предметѣ!

Не отягощая велерѣчіемъ, говорю съ чистымъ сердцемъ: недостойное отдѣляю на особый у сего листъ".

Затѣмъ,—даже не на одномъ, а на цѣлыхъ трехъ приложенныхъ къ прошенію листахъ и все въ такомъ же высокопарномъ „штилѣ",—излагаются обвинительные пункты по адресу учителя Хохлова, съ присоединеніемъ къ нимъ общественнаго приговора даурскихъ (тунгусскихъ) родовъ, съ просьбою объ устраненіи отъ должности злополучнаго учителя. Нѣтъ такихъ ужасныхъ обвиненій, которыя не возводились бы на Хохлова: обвиняется онъ здѣсь въ „ослабѣніи въ своемъ поведеніи", въ „роскоши, пьянствѣ и дебоширствѣ", въ „буйствѣ", въ превращеніи имъ училища „въ домъ вертепа", возглашается, что для укрощенія учителя—„потребенъ бичъ Спасителя (!)". Проявляется даже попытка обвинить Хохлова въ богохульствѣ; разсказывается, будто „Хохловъ пьяный вступилъ съ священникомъ буйственно съ публичнымъ скверно-м......мъ ругательствомъ", что „священникъ въ защиту противъ ярости показывалъ Хохлову на шеѣ имѣющуюся святую дарохранительницу, а ученый тунгусъ Хохловъ вынималъ свою табакирку и, указывая на оную, приговаривалъ: сія табакирка лучше твоей евхаристіи". Ссылка на всѣ эти факты оправдывается „обязанностью родоначальника князя смотрѣть на всѣ части подчиненныхъ его, разбросанныхъ въ холмахъ и долинахъ, и на нововводимое образованіе". Ближайшее разсмотрѣніе всѣхъ этихъ кляузныхъ документовъ наводитъ на мысль, что едва ли не старанія Хохлова на пользу распространенія среди своихъ полудикихъ однородцевъ „нововводимаго образованія"—и явились одною изъ сокровенныхъ пружинъ всего этого извѣта на молодого учителя; по крайней мѣрѣ въ прошеніи

князя Гантимурова ясно проскальзываетъ недовольство тѣмъ, что Хохловъ и „жительствующій съ нимъ смотритель г. Голубцовъ требуютъ набора новыхъ учениковъ, какъ будто рекрутъ, ни мало не вообразя, что тунгусы съ юныхъ лѣтъ промышленностью пушнины обязаны снискивать оплату ясаку, въ государственный доходъ слѣдующаго".

Прошеніе заканчивается слѣдующимъ новымъ наборомъ витіеватыхъ восклицаній:

„Удерживаю перо мое словами: На Бога уповаю! Казанскій университетъ прошу и молю! Воззрите на запустѣвшее Урульгинское училище! Распутнаго Хохлова за помѣщаемыми поступками отъ учительской должности, и помогающаго ему г. Голубцова, отдалить и наградить насъ просвѣщеннымъ учителемъ!...

Вонмите гласу моленія нашего! Позвольте! Отъ лица общества взываю! Водворившіяся клеветы удержите: райскаго утѣшенія ожидаю! Съ политики (sic) маску снять прикажите! И въ Сіонскій Вѣстникъ помѣстите:

Предоставьте пастухамъ пасти свои ста́да,
Отъ оныхъ истекаетъ общая награда.
Но если бы запѣлъ пастухъ на холмѣ псалмами,
Прославлялъ Бога прозою и стихами?
Рай! Евангеліе, божество, рай!
Науки на землѣ, и это—край!"

Этими нелѣпыми строфами завершается вся сугубая галиматья, громко названная „рапортомъ въ казанскій университетъ" и собственноручно подписанная княземъ Гантимуровымъ. Университетомъ было наряжено по поводу жалобы Гантимурова разслѣдованіе, выяснившее, что „ученики Хохлова при испытаніи оказали успѣхи весьма хорошіе", хотя Хохлову, въ виду желанія Гантимурова и приговора тунгусскаго общества, и пришлось оставить свое учительское мѣсто. Преемникомъ ему былъ назначенъ священникъ Гавріилъ Сухановъ [142].

Приведемъ еще одинъ, — уже чисто анекдотическаго характера,— фактъ, иллюстрирующій патріархальность нравовъ далекихъ окраинъ казанскаго учебнаго округа интересующей насъ эпохи. Весною 1822-го года попечитель Магницкій былъ не мало удивленъ, получивъ по почтѣ посылку, въ которой, по вскрытіи ея, оказались—кизлярская рыба шемая и фисташки! Изъ сопровождавшаго посылку письма выяснилось, что эти продукты представляли собою усерднѣйшее подношеніе начальству со стороны почетнаго смотрителя кизлярскаго уѣзднаго учи-

князя Гантимурова ясно проскальзываетъ недовольство тѣмъ, что Хохловъ и „жительствующій съ нимъ смотритель г. Голубцовъ требуютъ набора новыхъ учениковъ, какъ будто рекрутъ, ни мало не вообразя, что тунгусы съ юныхъ лѣтъ промышленностью пушнины обязаны снискивать оплату ясаку, въ государственный доходъ слѣдующаго".

Прошеніе заканчивается слѣдующимъ новымъ наборомъ витіеватыхъ восклицаній:

„Удерживаю перо мое словами: На Бога уповаю! Казанскій университетъ прошу и молю! Воззрите на запустѣвшее Урульгинское училище! Распутнаго Хохлова за помѣщаемыми поступками отъ учительской должности, и помогающаго ему г. Голубцова, отдалить и наградить насъ просвѣщеннымъ учителемъ!...

Вонмите гласу моленія нашего! Позвольте! Отъ лица общества взываю! Водворившіяся клеветы удержите: райскаго утѣшенія ожидаю! Съ политики (sic) маску снять прикажите! И въ Сіонскій Вѣстникъ помѣстите:

Предоставьте пастухамъ пасти свои ста́да,
Отъ оныхъ истекаетъ общая награда.
Но если бы запѣлъ пастухъ на холмѣ псалмами,
Прославлялъ Бога прозою и стихами?
Рай! Евангеліе, божество, рай!
Науки на землѣ, и это—край!"

Этими нелѣпыми строфами завершается вся сугубая галиматья, громко названная „рапортомъ въ казанскій университетъ" и собственноручно подписанная княземъ Гантимуровымъ. Университетомъ было наряжено по поводу жалобы Гантимурова разслѣдованіе, выяснившее, что „ученики Хохлова при испытаніи оказали успѣхи весьма хорошіе", хотя Хохлову, въ виду желанія Гантимурова и приговора тунгусскаго общества, и пришлось оставить свое учительское мѣсто. Преемникомъ ему былъ назначенъ священникъ Гавріилъ Сухановъ [142].

Приведемъ еще одинъ, — уже чисто анекдотическаго характера,— фактъ, иллюстрирующій патріархальность нравовъ далекихъ окраинъ казанскаго учебнаго округа интересующей насъ эпохи. Весною 1822-го года попечитель Магницкій былъ не мало удивленъ, получивъ по почтѣ посылку, въ которой, по вскрытіи ея, оказались—кизлярская рыба шемая и фисташки! Изъ сопровождавшаго посылку письма выяснилось, что эти продукты представляли собою усерднѣйшее подношеніе начальству со стороны почетнаго смотрителя кизлярскаго уѣзднаго учи-

лица, нѣкоего Ходжаева. Попечитель отвѣтилъ на это подношеніе, въ основѣ котораго лежало, безъ сомнѣнія, больше простодушной восточной наивности, нежели низкоугодничества, слѣдующимъ письмомъ на имя директора университета Владимірскаго: „Милостивый государь мой Александръ Павловичъ!—Почетный смотритель кизлярскаго уѣзднаго училища Ходжаевъ, не знакомый мнѣ, отъ 16-го апрѣля прислалъ, чрезъ почту, кизлярской рыбы шемаи и фисташекъ. Покорно прошу васъ изъяснить г. Ходжаеву, что я весьма благодаренъ ему за усердіе, но прошу его объявить мнѣ цѣну, которой стоитъ все имъ присланное, ибо я иначе ничего принимать не могу" [143].

Нашъ обзоръ училищныхъ отношеній казанскаго университета за время попечительства Магницкаго былъ бы не полонъ, если бы мы не коснулись еще предначертаній попечителя по вопросу о созданіи въ ввѣренномъ ему округѣ училищъ для мусульманъ. Этотъ вопросъ не мало интересовалъ собою Магницкаго и на этой почвѣ уже хорошо знакомыя намъ дикія проявленія піэтизма и страхи передъ призракомъ мусульманской пропаганды—могли бы показаться малопонятными наряду съ несомнѣнными стремленіями его къ насажденію востоковѣдѣнія, если бы мы не имѣли данныхъ о чисто миссіонерскихъ тенденціяхъ, руководившихъ въ данномъ случаѣ дѣятельностью попечителя. Насажденные уже въ первые годы существованія казанскаго университета, успѣхи преподаванія оріенталистики представлялись въ ту пору въ казанскомъ университетѣ болѣе нежели ничтожными. Дѣло дошло здѣсь до того, что, за опредѣленіемъ въ апрѣлѣ 1822-го года студента Юнакова учителемъ чебоксарскаго уѣзднаго училища, у профессора Эрдмана не осталось ни одного слушателя, въ виду чего ему въ концѣ года и было поручено обучать восточнымъ языкамъ избранныхъ воспитанниковъ казанской гимназіи, что и производилось въ теченіи ближайшихъ лѣтъ; въ бытность свою осенью 1825-го года въ Казани, Магницкій остался настолько доволенъ успѣхами гимназическихъ учениковъ Эрдмана, что пообѣщалъ ему за то „нужное возмездіе въ разсужденіи жалованья". Попечитель прилагалъ, вообще, усиленныя старанія о надлежащей постановкѣ въ казанской гимназіи преподаванія восточныхъ языковъ; такъ, въ 1823-мъ году сюда были присланы изъ г. Омска шесть воспитанниковъ мѣстной „азіятской" школы для „лучшаго образованія ихъ въ восточной словесности" *, а въ 1824-мъ году гимназическій татарскій классъ былъ

* Упоминаемое здѣсь Омское азіятское училище, учрежденное въ 1789-мъ году для обученія татарскому, манджурскому и калмыцкому языкамъ преимущественно дѣтей мѣстныхъ

лища, нѣкоего Ходжаева. Попечитель отвѣтилъ на это подношеніе, въ основѣ котораго лежало, безъ сомнѣнія, больше простодушной восточной наивности, нежели низкоугодничества, слѣдующимъ письмомъ на имя директора университета Владимірскаго: „Милостивый государь мой Александръ Павловичъ!—Почетный смотритель кизлярскаго уѣзднаго училища Ходжаевъ, не знакомый мнѣ, отъ 16-го апрѣля прислалъ, чрезъ почту, кизлярской рыбы шемаи и фисташекъ. Покорно прошу васъ изъяснить г. Ходжаеву, что я весьма благодаренъ ему за усердіе, но прошу его объявить мнѣ цѣну, которой стоитъ все имъ присланное, ибо я иначе ничего принимать не могу“ [143].

Нашъ обзоръ училищныхъ отношеній казанскаго университета за время попечительства Магницкаго былъ бы не полонъ, если бы мы не коснулись еще предначертаній попечителя по вопросу о созданіи въ ввѣренномъ ему округѣ училищъ для мусульманъ. Этотъ вопросъ не мало интересовалъ собою Магницкаго и на этой почвѣ уже хорошо знакомыя намъ дикія проявленія піэтизма и страхи передъ призракомъ мусульманской пропаганды—могли бы показаться малопонятными наряду съ несомнѣнными стремленіями его къ насажденію востоковѣдѣнія, если бы мы не имѣли данныхъ о чисто миссіонерскихъ тенденціяхъ, руководившихъ въ данномъ случаѣ дѣятельностью попечителя. Насажденные уже въ первые годы существованія казанскаго университета, успѣхи преподаванія оріенталистики представлялись въ ту пору въ казанскомъ университетѣ болѣе нежели ничтожными. Дѣло дошло здѣсь до того, что, за опредѣленіемъ въ апрѣлѣ 1822-го года студента Юнакова учителемъ чебоксарскаго уѣзднаго училища, у профессора Эрдмана не осталось ни одного слушателя, въ виду чего ему въ концѣ года и было поручено обучать восточнымъ языкамъ избранныхъ воспитанниковъ казанской гимназіи, что и производилось въ теченіи ближайшихъ лѣтъ; въ бытность свою осенью 1825-го года въ Казани, Магницкій остался настолько доволенъ успѣхами гимназическихъ учениковъ Эрдмана, что пообѣщалъ ему за то „нужное возмездіе въ разсужденіи жалованья“. Попечитель прилагалъ, вообще, усиленныя старанія о надлежащей постановкѣ въ казанской гимназіи преподаванія восточныхъ языковъ; такъ, въ 1823-мъ году сюда были присланы изъ г. Омска шесть воспитанниковъ мѣстной „азіятской“ школы для „лучшаго образованія ихъ въ восточной словесности“ *, а въ 1824-мъ году гимназическій татарскій классъ былъ

* Упоминаемое здѣсь Омское азіятское училище, учрежденное въ 1789-мъ году для обученія татарскому, манджурскому и калмыцкому языкамъ преимущественно дѣтей мѣстныхъ

раздѣленъ, въ видахъ бо́льшей успѣшности преподаванія, на три разряда [144].

Виды Магницкаго простирались, однако, шире задачи упорядоченія преподаванія восточной словесности при казанской гимназіи. Мы знаемъ, что мысль о цѣлесообразности основанія въ Казани центральнаго татарскаго училища, лелѣявшаяся, но на началахъ, преслѣдующихъ цѣли исключительно научныя, еще въ первые годы существованія казанскаго университета попечителемъ Румовскимъ и профессоромъ Френомъ *, высказана была Магницкимъ уже въ его отчетѣ о произведенной имъ въ 1819-мъ году ревизіи казанскаго университета, причемъ онъ тогда же выразилъ надежду на возможность содѣйствія въ этомъ направленіи со стороны оренбургскаго магометанскаго муфтія **. Эта идея учрежденія въ г. Казани центральнаго татарскаго училища не покидала Магницкаго и въ послѣдующіе годы его попечительства и живо иллюстрируется хранящимся въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія „Дѣломъ по представленію попечителя казанскаго учебнаго округа объ устроеніи въ Казани центральнаго татарскаго училища".

Первыя мѣропріятія Магницкаго въ этомъ направленіи относятся къ осени 1819-го года,—слѣдовательно уже къ начальнымъ мѣсяцамъ его попечительства. Какъ разъ въ то время предполагался къ командировкѣ въ оренбургскую губернію, по дѣламъ службы, профессоръ Кондыревъ, и по этому поводу попечитель обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ представленіемъ отъ 16-го октября, въ которомъ, напоминая князю Голицыну о своемъ предположеніи основать въ Казани центральное татарское училище, просилъ его „снабдить г. Кондырева письмомъ къ оренбургскому муфтію и предложить сему послѣднему о содѣйствіи предначинаемому заведенію", выражая надежду, что „мѣра сія тѣмъ представляется полезнѣйшею, что, можетъ быть, муфтій, поощренный отношеніемъ вашего сіятельства, рѣшится пригласить своихъ единовѣрцевъ къ пожертвованію въ пользу татарскихъ училищъ". Князь Голицынъ исполнилъ желаніе казанскаго попечителя и препроводилъ ему письмо на имя муфтія, выразивъ полное одобреніе начинанію Магницкаго,

---

казачьихъ чиновъ, состояло въ военномъ вѣдомствѣ, почему оно и не будетъ служить предметомъ нашего разсмотрѣнія. Это учебное заведеніе, согласно высочайше утвержденному представленію военнаго министра, было упразднено лишь въ 1836-мъ году. Для исторіи его важно дѣло архива казанскаго университета: Попечит., 1822, № 95 (на 243-хъ листахъ).

* См. томъ I, стр. 221—225.

** См. томъ III, стр. 566.

раздѣленъ, въ видахъ бо́льшей успѣшности преподаванія, на три разряда [144].

Виды Магницкаго простирались, однако, шире задачи упорядоченія преподаванія восточной словесности при казанской гимназіи. Мы знаемъ, что мысль о цѣлесообразности основанія въ Казани центральнаго татарскаго училища, лелѣявшаяся, но на началахъ, преслѣдующихъ цѣли исключительно научныя, еще въ первые годы существованія казанскаго университета попечителемъ Румовскимъ и профессоромъ Френомъ *, высказана была Магницкимъ уже въ его отчетѣ о произведенной имъ въ 1819-мъ году ревизіи казанскаго университета, причемъ онъ тогда же выразилъ надежду на возможность содѣйствія въ этомъ направленіи со стороны оренбургскаго магометанскаго муфтія **. Эта идея учрежденія въ г. Казани центральнаго татарскаго училища не покидала Магницкаго и въ послѣдующіе годы его попечительства и живо иллюстрируется хранящимся въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія „Дѣломъ по представленію попечителя казанскаго учебнаго округа объ устроеніи въ Казани центральнаго татарскаго училища".

Первыя мѣропріятія Магницкаго въ этомъ направленіи относятся къ осени 1819-го года,—слѣдовательно уже къ начальнымъ мѣсяцамъ его попечительства. Какъ разъ въ то время предполагался къ командировкѣ въ оренбургскую губернію, по дѣламъ службы, профессоръ Кондыревъ, и по этому поводу попечитель обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ представленіемъ отъ 16-го октября, въ которомъ, напоминая князю Голицыну о своемъ предположеніи основать въ Казани центральное татарское училище, просилъ его „снабдить г. Кондырева письмомъ къ оренбургскому муфтію и предложить сему послѣднему о содѣйствіи предначинаемому заведенію", выражая надежду, что „мѣра сія тѣмъ представляется полезнѣйшею, что, можетъ быть, муфтій, поощренный отношеніемъ вашего сіятельства, рѣшится пригласить своихъ единовѣрцевъ къ пожертвованію въ пользу татарскихъ училищъ". Князь Голицынъ исполнилъ желаніе казанскаго попечителя и препроводилъ ему письмо на имя муфтія, выразивъ полное одобреніе начинанію Магницкаго,

---

казачьихъ чиновъ, состояло въ военномъ вѣдомствѣ, почему оно и не будетъ служить предметомъ нашего разсмотрѣнія. Это учебное заведеніе, согласно высочайше утвержденному представленію военнаго министра, было упразднено лишь въ 1836-мъ году. Для исторіи его важно дѣло архива казанскаго университета: Попечит., 1822, № 95 (на 243-хъ листахъ).

* См. томъ I, стр. 221—225.

** См. томъ III, стр. 566.

но при этомъ предусмотрительно предупредивъ его, что „побудительная причина къ учрежденію таковаго училища, вами представленная *, должна собственно только вамъ самимъ оставаться извѣстною, да и самое приведеніе означеннаго предположенія въ дѣйство надлежитъ производить крайне осторожно, дабы не подать ни малѣйшаго вида къ подозрѣнію“. Письмо министра къ муфтію, отъ 30-го октября 1819 года, было составлено въ слѣдующихъ, довольно общаго характера, выраженіяхъ:

„Милостивый государь мой!—Попечитель казанскаго учебнаго округа д. с. с. Магницкій, представляя мнѣ объ учрежденіи при казанской гимназіи татарскаго центральнаго училища, свидѣтельствуетъ, что въ бытность профессора казанскаго университета Кондырева въ Оренбургѣ, вы, съ своей стороны, изъявили ему готовность склонять магометанъ къ пожертвованіямъ на таковое заведеніе.

Какъ профессоръ Кондыревъ нынѣ опять имѣетъ порученіе отправиться въ Оренбургъ, то я счелъ долгомъ просить васъ при семъ случаѣ, что бы не оставили оказать ему, согласно съ вашимъ обѣщаніемъ, пособіе въ дѣлѣ, относящемся къ предполагаемому заведенію татарскаго центральнаго училища въ Казани. Я ожидаю отъ васъ тѣмъ болѣе усердія въ доставленіи всѣхъ зависящихъ отъ васъ пособій къ прочному основанію сего училища, что оно, по предположенію, долженствуя управлять прочими татарскими училищами и образовать для нихъ учителей, имѣетъ цѣлью пользу вашихъ же единовѣрцевъ“.

Надежды Магницкаго на содѣйствіе мусульманъ въ дѣлѣ учрежденія въ Казани центральнаго магометанскаго училища не были вполнѣ безпочвенными и основывались, безъ сомнѣнія, на представленіи оренбургскаго муфтія министру народнаго просвѣщенія отъ 10-го сентября 1818-го года, въ которомъ муфтій Джанъ-Гуссейнъ предложилъ цѣлый проектъ организаціи въ краѣ магометанскаго школьнаго дѣла, съ учрежденіемъ двухъ главныхъ училищъ—въ г.г. Казани и Оренбургѣ **.

Командировка проф. Кондырева въ Оренбургъ не состоялась и письмо министра къ муфтію въ началѣ сентября слѣдующаго 1820-го года было

* То есть—«безъ малѣйшаго вида стѣсненія совѣсти магометанъ съ нужною осторожностью дѣйствовать къ непримѣтному и постепенному ихъ отклоненію отъ алкорана (см. томъ III, стр. 566).

** Не имѣя возможности подробно изложить здѣсь это представленіе оренбургскаго муфтія, представляющее несомнѣнный интересъ для исторіи магометанскаго просвѣщенія въ краѣ—мы въ полномъ видѣ приводимъ его въ приложеніяхъ къ настоящему тому. См. приложеніе № I.

но при этомъ предусмотрительно предупредивъ его, что „побудительная причина къ учрежденію таковаго училища, вами представленная *, должна собственно только вамъ самимъ оставаться извѣстною, да и самое приведеніе означеннаго предположенія въ дѣйство надлежитъ производить крайне осторожно, дабы не подать ни малѣйшаго вида къ подозрѣнію“. Письмо министра къ муфтію, отъ 30-го октября 1819 года, было составлено въ слѣдующихъ, довольно общаго характера, выраженіяхъ:

„Милостивый государь мой!—Попечитель казанскаго учебнаго округа д. с. с. Магницкій, представляя мнѣ объ учрежденіи при казанской гимназіи татарскаго центральнаго училища, свидѣтельствуетъ, что въ бытность профессора казанскаго университета Кондырева въ Оренбургѣ, вы, съ своей стороны, изъявили ему готовность склонять магометанъ къ пожертвованіямъ на таковое заведеніе.

Какъ профессоръ Кондыревъ нынѣ опять имѣетъ порученіе отправиться въ Оренбургъ, то я счелъ долгомъ просить васъ при семъ случаѣ, что бы не оставили оказать ему, согласно съ вашимъ обѣщаніемъ, пособіе въ дѣлѣ, относящемся къ предполагаемому заведенію татарскаго центральнаго училища въ Казани. Я ожидаю отъ васъ тѣмъ болѣе усердія въ доставленіи всѣхъ зависящихъ отъ васъ пособій къ прочному основанію сего училища, что оно, по предположенію, долженствуя управлять прочими татарскими училищами и образовать для нихъ учителей, имѣетъ цѣлью пользу вашихъ же единовѣрцевъ“.

Надежды Магницкаго на содѣйствіе мусульманъ въ дѣлѣ учрежденія въ Казани центральнаго магометанскаго училища не были вполнѣ безпочвенными и основывались, безъ сомнѣнія, на представленіи оренбургскаго муфтія министру народнаго просвѣщенія отъ 10-го сентября 1818-го года, въ которомъ муфтій Джанъ-Гуссейнъ предложилъ цѣлый проектъ организаціи въ краѣ магометанскаго школьнаго дѣла, съ учрежденіемъ двухъ главныхъ училищъ—въ г.г. Казани и Оренбургѣ **.

Командировка проф. Кондырева въ Оренбургъ не состоялась и письмо министра къ муфтію въ началѣ сентября слѣдующаго 1820-го года было

---

* То есть—«безъ малѣйшаго вида стѣсненія совѣсти магометанъ съ нужною осторожностью дѣйствовать къ непримѣтному и постепенному ихъ отклоненію отъ алкорана (см. томъ III, стр. 566).

** Не имѣя возможности подробно изложить здѣсь это представленіе оренбургскаго муфтія, представляющее несомнѣнный интересъ для исторіи магометанскаго просвѣщенія въ краѣ—мы въ полномъ видѣ приводимъ его въ приложеніяхъ къ настоящему тому. См. приложеніе № I.

переписано примѣнительно къ имени „того человѣка, который нынѣ посылается въ Оренбургъ“, т. е. чиновника попечительской канцеляріи Розанова, назначеннаго, какъ мы видѣли (см. выше стр. 231), однимъ изъ визитаторовъ казанскаго учебнаго округа. Результатомъ всего разсказаннаго нами выше и, въ частности, миссіи, выпавшей теперь на Розанова, явилось слѣдующее представленіе Магницкаго министру народнаго просвѣщенія отъ 19-го октября 1820 года, которое, въ виду его интереса, мы и возстановимъ здѣсь въ полномъ видѣ:

„При назначеніи въ визитацію титулярнаго совѣтника Розанова я поручилъ ему:

1) Узнать лично членовъ магометанской консисторіи, въ Оренбургѣ или Уфѣ находящихся, и именитѣйшихъ частныхъ людей между татарами.

2) Внушить имъ о желаніи правительства доставить племени ихъ способы къ просвѣщенію.

3) Тѣмъ, кои изъяснятъ готовность споспѣшествовать въ семъ намѣреніи, изъяснить, что училищное начальство готово будетъ отличить ихъ.

На сіе визитаторъ Розановъ доноситъ мнѣ, что магометанское духовное собраніе, находящееся въ Уфѣ, состоитъ изъ муфтія, который есть предсѣдатель онаго, трехъ засѣдателей отъ казанскихъ магометанъ и одного члена совѣстнаго суда.

Засѣдатели суть уѣздные муллы, избираемые на три года, о степени важности коихъ заключить можно достаточно изъ того, что муфтій можетъ употреблять ихъ только для частныхъ своихъ послугъ. Визитаторъ познакомился, однако же, съ однимъ изъ нихъ чрезъ письмо казанскаго ахуна и говорилъ по предмету моего порученія; онъ отвѣчалъ, что сіе зависитъ отъ муфтія.

Муфтій—есть больной старикъ, нѣсколько уже лѣтъ не выходитъ изъ комнаты. Россійскими магометанами не уважается потому, что гражданское начальство часто уничтожаетъ его распоряженія, ибо когда онъ что либо рѣшитъ, недовольный его рѣшеніемъ приноситъ жалобу губернскому правленію: наряжается слѣдствіе чрезъ земскій судъ и обвиненный муфтіемъ объявляется правымъ. Такимъ образомъ, ихъ законъ, который муфтія дѣлаетъ верховнымъ судьею и совершенно полномочнымъ въ дѣлахъ, подлежащихъ его власти и рѣшенію—не существуетъ; слѣдовательно—муфтій безъ силы и уваженія въ народѣ грубомъ и корыстолюбивомъ.

Около Уфы и Оренбурга значительныхъ по богатству частныхъ лицъ—нѣтъ. Верстахъ въ 80-ти отъ Уфы есть одинъ человѣкъ магометанинъ, князь, имѣющій до 60-ти тысячъ рублей въ годъ дохода, но столько скупъ, что когда пріѣзжаетъ въ городъ, то останавли-

переписано примѣнительно къ имени „того человѣка, который нынѣ посылается въ Оренбургъ“, т. е. чиновника попечительской канцеляріи Розанова, назначеннаго, какъ мы видѣли (см. выше стр. 231), однимъ изъ визитаторовъ казанскаго учебнаго округа. Результатомъ всего разсказаннаго нами выше и, въ частности, миссіи, выпавшей теперь на Розанова, явилось слѣдующее представленіе Магницкаго министру народнаго просвѣщенія отъ 19-го октября 1820 года, которое, въ виду его интереса, мы и возстановимъ здѣсь въ полномъ видѣ:

„При назначеніи въ визитацію титулярнаго совѣтника Розанова я поручилъ ему:

1) Узнать лично членовъ магометанской консисторіи, въ Оренбургѣ или Уфѣ находящихся, и именитѣйшихъ частныхъ людей между татарами.

2) Внушить имъ о желаніи правительства доставить племени ихъ способы къ просвѣщенію.

3) Тѣмъ, кои изъяснятъ готовность споспѣшествовать въ семъ намѣреніи, изъяснить, что училищное начальство готово будетъ отличить ихъ.

На сіе визитаторъ Розановъ доноситъ мнѣ, что магометанское духовное собраніе, находящееся въ Уфѣ, состоитъ изъ муфтія, который есть предсѣдатель онаго, трехъ засѣдателей отъ казанскихъ магометанъ и одного члена совѣстнаго суда.

Засѣдатели суть уѣздные муллы, избираемые на три года, о степени важности коихъ заключить можно достаточно изъ того, что муфтій можетъ употреблять ихъ только для частныхъ своихъ послугъ. Визитаторъ познакомился, однако же, съ однимъ изъ нихъ чрезъ письмо казанскаго ахуна и говорилъ по предмету моего порученія; онъ отвѣчалъ, что сіе зависитъ отъ муфтія.

Муфтій—есть больной старикъ, нѣсколько уже лѣтъ не выходитъ изъ комнаты. Россійскими магометанами не уважается потому, что гражданское начальство часто уничтожаетъ его распоряженія, ибо когда онъ что либо рѣшитъ, недовольный его рѣшеніемъ приноситъ жалобу губернскому правленію: наряжается слѣдствіе чрезъ земскій судъ и обвиненный муфтіемъ объявляется правымъ. Такимъ образомъ, ихъ законъ, который муфтія дѣлаетъ верховнымъ судьею и совершенно полномочнымъ въ дѣлахъ, подлежащихъ его власти и рѣшенію—не существуетъ; слѣдовательно—муфтій безъ силы и уваженія въ народѣ грубомъ и корыстолюбивомъ.

Около Уфы и Оренбурга значительныхъ по богатству частныхъ лицъ—нѣтъ. Верстахъ въ 80-ти отъ Уфы есть одинъ человѣкъ магометанинъ, князь, имѣющій до 60-ти тысячъ рублей въ годъ дохода, но столько скупъ, что когда пріѣзжаетъ въ городъ, то останавли-

вается на полѣ, что бы не платить за квартиру; будучи магометаниномъ и живя близко отъ муфтія—съ роду не бывалъ у него и не видѣлъ его потому, что, по ихъ закону, посѣщеніе должно быть съ нѣкоторымъ приношеніемъ.

Визитаторъ говоритъ, что муфтій, около двухъ лѣтъ тому назадъ, дѣлалъ уже представленіе вашему сіятельству объ учрежденіи въ Казани и Оренбургѣ училищъ. Ваше сіятельство изволили испрашивать казанскихъ татаръ, согласны ли они на сіе предположеніе, но они отвѣтили, что—нѣтъ.

Казанскіе татары суть противники муфтія. Въ магометанахъ вкралась мысль, что, съ учрежденіемъ благоустроенныхъ училищъ, мало по малу хотятъ ихъ вести къ христіанству.

Муфтій имѣетъ переписку съ однимъ членомъ библейскаго общества, живущимъ въ Великихъ Лукахъ, и получилъ отъ него 50 экземпляровъ библіи для раздачи, коихъ, однако же, никто почти не взялъ, а муфтій пришелъ, между тѣмъ, въ подозрѣніе, что измѣняетъ своей религіи: „Онъ не нашъ,—говорятъ,—а русскій муфтій“, и еще болѣе утвердилось въ мысляхъ, что хотятъ обратить ихъ въ христіанство.

Хотя визитатору не поручено войти съ муфтіемъ въ сношеніе, но онъ познакомился, однако же, съ нимъ частно и, при послѣднемъ свиданіи, бесѣдовалъ въ разсужденіе устроенія училища: „Я ѣду въ Петербургъ, какъ скоро снѣгъ выпадетъ,—сказалъ онъ,—и буду просить государя, что бы духовное собраніе перевести въ Казань, тогда и за дѣло примемся“.

Для удачнаго продолженія сихъ дѣйствій я бы полагалъ, такъ какъ муфтій не имѣетъ ни власти надъ своими единовѣрцами, ни ихъ довѣренности, предписать директору университета повести дѣло сіе въ Казани, черезъ муллъ, обѣщаніемъ имъ нѣкоторыхъ наградъ, а дѣтямъ, кои поступать будутъ въ училища, исключенія изъ податного состоянія“.

Въ отвѣтъ на переданное ему Розановымъ письмо министра, муфтій далъ весьма уклончивый отвѣтъ отъ 27-го октября 1820 года—и на этомъ всѣ мечтанія казанскаго попечителя о содѣйствіи ему со стороны духовнаго главы восточно-русскаго магометанскаго міра и должны были пресѣчься. Изыскивая средства на основаніе будущаго центральнаго татарскаго училища, университетъ издалъ даже сдѣланный лекторомъ Хальфинымъ переводъ на татарскій языкъ „Наставленія, составленнаго медицинскимъ совѣтомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ распознавать истинную смерть отъ мнимой“, которое и было разослано начальникамъ губерній съ магометанскимъ въ нихъ населеніемъ, съ тѣмъ, что бы вырученныя отъ продажи наставленія деньги отчислялись на учрежденіе

вается на полѣ, что бы не платить за квартиру; будучи магометаниномъ и живя близко отъ муфтія—съ роду не бывалъ у него и не видѣлъ его потому, что, по ихъ закону, посѣщеніе должно быть съ нѣкоторымъ приношеніемъ.

Визитаторъ говоритъ, что муфтій, около двухъ лѣтъ тому назадъ, дѣлалъ уже представленіе вашему сіятельству объ учрежденіи въ Казани и Оренбургѣ училищъ. Ваше сіятельство изволили испрашивать казанскихъ татаръ, согласны ли они на сіе предположеніе, но они отвѣтили, что—нѣтъ.

Казанскіе татары суть противники муфтія. Въ магометанахъ вкралась мысль, что, съ учрежденіемъ благоустроенныхъ училищъ, мало по малу хотятъ ихъ вести къ христіанству.

Муфтій имѣетъ переписку съ однимъ членомъ библейскаго общества, живущимъ въ Великихъ Лукахъ, и получилъ отъ него 50 экземпляровъ библіи для раздачи, коихъ, однако же, никто почти не взялъ, а муфтій пришелъ, между тѣмъ, въ подозрѣніе, что измѣняетъ своей религіи: „Онъ не нашъ,—говорятъ,—а русскій муфтій“, и еще болѣе утвердилось въ мысляхъ, что хотятъ обратить ихъ въ христіанство.

Хотя визитатору не поручено войти съ муфтіемъ въ сношеніе, но онъ познакомился, однако же, съ нимъ частно и, при послѣднемъ свиданіи, бесѣдовалъ въ разсужденіе устроенія училища: „Я ѣду въ Петербургъ, какъ скоро снѣгъ выпадетъ,—сказалъ онъ,—и буду просить государя, что бы духовное собраніе перевести въ Казань, тогда и за дѣло примемся“.

Для удачнаго продолженія сихъ дѣйствій я бы полагалъ, такъ какъ муфтій не имѣетъ ни власти надъ своими единовѣрцами, ни ихъ довѣренности, предписать директору университета повести дѣло сіе въ Казани, черезъ муллъ, обѣщаніемъ имъ нѣкоторыхъ наградъ, а дѣтямъ, кои поступать будутъ въ училища, исключенія изъ податного состоянія“.

Въ отвѣтъ на переданное ему Розановымъ письмо министра, муфтій далъ весьма уклончивый отвѣтъ отъ 27-го октября 1820 года—и на этомъ всѣ мечтанія казанскаго попечителя о содѣйствіи ему со стороны духовнаго главы восточно-русскаго магометанскаго міра и должны были пресѣчься. Изыскивая средства на основаніе будущаго центральнаго татарскаго училища, университетъ издалъ даже сдѣланный лекторомъ Хальфинымъ переводъ на татарскій языкъ „Наставленія, составленнаго медицинскимъ совѣтомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ распознавать истинную смерть отъ мнимой“, которое и было разослано начальникамъ губерній съ магометанскимъ въ нихъ населеніемъ, съ тѣмъ, что бы вырученныя отъ продажи наставленія деньги отчислялись на учрежденіе

фонда будущаго училища; оказывается, что къ осени 1821-го года этимъ путемъ уже была собрана сумма въ 815 рублей ассигнаціями и 1 рубль серебромъ, хранившаяся въ университетскомъ казначействѣ [145].

Насколько къ стараніямъ Магницкаго относительно насажденія среди мѣстныхъ мусульманъ просвѣщенія дѣйствительно предвходили стимулы политико-религіозные, которые попечитель и не скрывалъ передъ министромъ, которые совершенно заслоняли собою чисто-просвѣтительныя цѣли его начинаній и о которыхъ не могли не догадываться и сами магометане—это дѣлается вполнѣ очевиднымъ изъ „дѣла о заведеніи въ г. Чистополѣ большого татарскаго училища", создавшагося на почвѣ начинанія, выдвинутаго мѣстнымъ мусульманствомъ быть можетъ именно въ противовѣсъ миссіонерскимъ тенденціямъ казанскаго попечителя. Въ сентябрѣ 1820-го года,—слѣдовательно какъ разъ въ разгаръ стараній Магницкаго относительно учрежденія въ Казани, при содѣйствіи муфтія, центральнаго татарскаго училища,—на имя ректора университета поступило заявленіе чистопольскаго купца Мухаддина Сеитъ-Бурханова относительно учрежденія въ г. Чистополѣ, наиболѣе крупномъ и богатомъ уѣздномъ городѣ казанской губерніи, расположенномъ въ центрѣ густого татарскаго населенія, „публичнаго большого татарскаго училища, для чего сей купецъ жертвуетъ домы свои, одинъ для училища, а другой для жилища учителей, съ службами ихъ и мѣстами", причемъ училище разсчитывалось на 250 учениковъ. Проектъ учрежденія училища былъ представленъ университету въ совершенно разработанномъ видѣ: при немъ имѣлся, писанный на русскомъ и татарскомъ языкахъ, готовый уставъ училища, планы, фасады и описаніе жертвуемыхъ Бурхановымъ домовъ, заявленіе чистопольскаго форстмейстера Ибрагима Ахмерова о согласіи его принять на себя, „изъ усердія и старанія къ заведенію училища", званіе смотрителя этого послѣдняго, съ поясненіемъ, что для него „весьма удобно быть смотрителемъ сего училища по мѣстопребыванію его въ Чистополѣ и по довѣрію, каковое имѣетъ къ нему татарское чистопольское общество"; присовокупленъ былъ и мірской приговоръ объ избраніи въ муллы нѣкоего Искака Сагитова, предназначеннаго въ учителя будущаго учебнаго заведенія. Дѣло было препровождено на заключеніе попечителя, давшаго категорическій отказъ дальнѣйшему его движенію, причемъ Магницкій сослался на то, что въ этомъ дѣлѣ, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, онъ „не нашелъ той точности, что бы можно было приступить къ исполненію предположенія", но что, напротивъ, дѣло „имѣетъ совсѣмъ иной видъ, нежели какъ оно представлено". Само собою разумѣется, что такой

фонда будущаго училища; оказывается, что къ осени 1821-го года этимъ путемъ уже была собрана сумма въ 815 рублей ассигнаціями и 1 рубль серебромъ, хранившаяся въ университетскомъ казначействѣ [145].

Насколько къ стараніямъ Магницкаго относительно насажденія среди мѣстныхъ мусульманъ просвѣщенія дѣйствительно предвходили стимулы политико-религіозные, которые попечитель и не скрывалъ передъ министромъ, которые совершенно заслоняли собою чисто-просвѣтительныя цѣли его начинаній и о которыхъ не могли не догадываться и сами магометане—это дѣлается вполнѣ очевиднымъ изъ „дѣла о заведеніи въ г. Чистополѣ большого татарскаго училища", создавшагося на почвѣ начинанія, выдвинутаго мѣстнымъ мусульманствомъ быть можетъ именно въ противовѣсъ миссіонерскимъ тенденціямъ казанскаго попечителя. Въ сентябрѣ 1820-го года,—слѣдовательно какъ разъ въ разгаръ стараній Магницкаго относительно учрежденія въ Казани, при содѣйствіи муфтія, центральнаго татарскаго училища,—на имя ректора университета поступило заявленіе чистопольскаго купца Мухаддина Сеитъ-Бурханова относительно учрежденія въ г. Чистополѣ, наиболѣе крупномъ и богатомъ уѣздномъ городѣ казанской губерніи, расположенномъ въ центрѣ густого татарскаго населенія, „публичнаго большого татарскаго училища, для чего сей купецъ жертвуетъ домы свои, одинъ для училища, а другой для жилища учителей, съ службами ихъ и мѣстами", причемъ училище разсчитывалось на 250 учениковъ. Проектъ учрежденія училища былъ представленъ университету въ совершенно разработанномъ видѣ: при немъ имѣлся, писанный на русскомъ и татарскомъ языкахъ, готовый уставъ училища, планы, фасады и описаніе жертвуемыхъ Бурхановымъ домовъ, заявленіе чистопольскаго форстмейстера Ибрагима Ахмерова о согласіи его принять на себя, „изъ усердія и старанія къ заведенію училища", званіе смотрителя этого послѣдняго, съ поясненіемъ, что для него „весьма удобно быть смотрителемъ сего училища по мѣстопребыванію его въ Чистополѣ и по довѣрію, каковое имѣетъ къ нему татарское чистопольское общество"; присовокупленъ былъ и мірской приговоръ объ избраніи въ муллы нѣкоего Искака Сагитова, предназначеннаго въ учителя будущаго учебнаго заведенія. Дѣло было препровождено на заключеніе попечителя, давшаго категорическій отказъ дальнѣйшему его движенію, причемъ Магницкій сослался на то, что въ этомъ дѣлѣ, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, онъ „не нашелъ той точности, что бы можно было приступить къ исполненію предположенія", но что, напротивъ, дѣло „имѣетъ совсѣмъ иной видъ, нежели какъ оно представлено". Само собою разумѣется, что такой

оборотъ дѣла могъ лишь въ корень подорвать довѣріе мѣстныхъ мусульманъ къ просвѣтительнымъ предположеніямъ попечителя казанскаго учебнаго округа [146].

Лѣтомъ 1825-го года Магницкій выступаетъ съ новымъ предположеніемъ,—на этотъ разъ уже объ учрежденіи въ Казани института восточныхъ языковъ,—въ представленіи своемъ по этому поводу министру отъ 16-го іюня 1825 года мотивируя новый проектъ слѣдующими соображеніями: „Между тѣмъ какъ имперія наша разными концами ея предѣловъ граничитъ съ народами востока и, потому, имѣетъ съ ними непрестанныя сношенія дипломатическія и торговыя—мы не имѣемъ ни одного такого заведенія, изъ котораго могли бы для разныхъ родовъ службы получать переводчиковъ, и даже въ учителяхъ сихъ языковъ до того нуждаемся, что выписываемъ за дорогую цѣну учениковъ Сассія (Silvestre de Sacy—извѣстный французскій оріенталистъ) изъ Парижа и дѣлаемъ ихъ профессорами той самой словесности, которой бы они у насъ учиться долженствовали, ибо мы одни въ подданствѣ своемъ имѣемъ природныхъ учителей восточныхъ языковъ". Предлагая основать въ Казани институтъ восточныхъ языковъ, Магницкій просилъ министра исходатайствовать перемѣщеніе въ Казань чиновника коллегіи иностранныхъ дѣлъ статскаго совѣтника Врангали,—природнаго грека, который, „изучась языкамъ арабскому и персидскому отъ учителей природныхъ въ дѣтствѣ, долго былъ драгоманомъ Порты и въ знаніи сихъ языковъ не только мертвомъ, но и живомъ, далъ неоспоримые опыты", съ присвоеніемъ ему званія директора будущаго института и оклада жалованья въ 6 тыс. рублей,—единственное ассигнованіе, испрашивавшееся попечителемъ для института, такъ какъ во всемъ остальномъ онъ разсчитывалъ обойтись мѣстными средствами. Указывая на то, что обучающихся восточной словесности уже имѣется въ казанской гимназіи—35 учениковъ, и въ университетѣ—5 студентовъ, Магницкій проектировалъ образовать институтъ изъ трехъ отдѣленій, съ тѣмъ, что бы въ низшемъ преподавалъ лекторъ татарскаго языка Хальфинъ, въ среднемъ—проф. Эрдманъ, и въ высшемъ—самъ директоръ института Врангали. Предметами преподаванія намѣчались: теорія, практика и литература языковъ арабскаго, персидскаго, турецкаго и татарскаго всѣхъ нарѣчій, „а со временемъ,—мечтаетъ попечитель,—китайскаго, монгольскаго, манджурскаго и тибетскаго", причемъ ставитъ на видъ, что у него „имѣются въ виду способы пріобрѣсти для всѣхъ сихъ языковъ природныхъ учителей". „Я твердо увѣренъ,—такъ заключаетъ Магницкій свое представленіе,—что ежели ваше высокопревос-

оборотъ дѣла могъ лишь въ корень подорвать довѣріе мѣстныхъ мусульманъ къ просвѣтительнымъ предположеніямъ попечителя казанскаго учебнаго округа [146].

Лѣтомъ 1825-го года Магницкій выступаетъ съ новымъ предположеніемъ,—на этотъ разъ уже объ учрежденіи въ Казани института восточныхъ языковъ,—въ представленіи своемъ по этому поводу министру отъ 16-го іюня 1825 года мотивируя новый проектъ слѣдующими соображеніями: „Между тѣмъ какъ имперія наша разными концами ея предѣловъ граничитъ съ народами востока и, потому, имѣетъ съ ними непрестанныя сношенія дипломатическія и торговыя—мы не имѣемъ ни одного такого заведенія, изъ котораго могли бы для разныхъ родовъ службы получать переводчиковъ, и даже въ учителяхъ сихъ языковъ до того нуждаемся, что выписываемъ за дорогую цѣну учениковъ Сассія (Silvestre de Sacy—извѣстный французскій оріенталистъ) изъ Парижа и дѣлаемъ ихъ профессорами той самой словесности, которой бы они у насъ учиться долженствовали, ибо мы одни въ подданствѣ своемъ имѣемъ природныхъ учителей восточныхъ языковъ". Предлагая основать въ Казани институтъ восточныхъ языковъ, Магницкій просилъ министра исходатайствовать перемѣщеніе въ Казань чиновника коллегіи иностранныхъ дѣлъ статскаго совѣтника Влангали,—природнаго грека, который, „изучась языкамъ арабскому и персидскому отъ учителей природныхъ въ дѣтствѣ, долго былъ драгоманомъ Порты и въ знаніи сихъ языковъ не только мертвомъ, но и живомъ, далъ неоспоримые опыты", съ присвоеніемъ ему званія директора будущаго института и оклада жалованья въ 6 тыс. рублей,—единственное ассигнованіе, испрашивавшееся попечителемъ для института, такъ какъ во всемъ остальномъ онъ разсчитывалъ обойтись мѣстными средствами. Указывая на то, что обучающихся восточной словесности уже имѣется въ казанской гимназіи—35 учениковъ, и въ университетѣ—5 студентовъ, Магницкій проектировалъ образовать институтъ изъ трехъ отдѣленій, съ тѣмъ, что бы въ низшемъ преподавалъ лекторъ татарскаго языка Хальфинъ, въ среднемъ—проф. Эрдманъ, и въ высшемъ—самъ директоръ института Влангали. Предметами преподаванія намѣчались: теорія, практика и литература языковъ арабскаго, персидскаго, турецкаго и татарскаго всѣхъ нарѣчій, „а со временемъ,—мечтаетъ попечитель,—китайскаго, монгольскаго, манджурскаго и тибетскаго", причемъ ставитъ на видъ, что у него „имѣются въ виду способы пріобрѣсти для всѣхъ сихъ языковъ природныхъ учителей". „Я твердо увѣренъ,—такъ заключаетъ Магницкій свое представленіе,—что ежели ваше высокопревос-

ходительство соблаговолите положить сему заведенію начало испрошеніемъ перевода г. Влангали, не далѣе какъ чрезъ три года оное принесетъ не только величайшую пользу разнымъ родамъ нашей службы, но и честь Россіи, ибо всѣ германскіе и французскіе теоретики принуждены будутъ ѣхать къ намъ учиться и списывать наши рукописи, а не учить насъ, какъ то доселѣ было".

Отвѣтъ министра на это представленіе былъ полученъ, на имя ректора университета, только въ сентябрѣ 1826-го года, слѣдовательно послѣ паденія Магницкаго: изъ этого отвѣта узнаемъ, что А. С. Шишковъ сносился по этому поводу съ коллегіею иностранныхъ дѣлъ, но что Влангали отъ перемѣщенія на службу въ Казань уклонился.

Извѣстно, что насажденіе въ Казани систематически поставленнаго востоковѣдѣнія, въ лицѣ разряда восточной словесности при казанскомъ университетѣ—осуществилось позже, представивъ собою свѣтлую страницу исторіи управленія казанскимъ учебнымъ округомъ преемника Магницкаго, попечителя М. Н. Мусина-Пушкина [147].

Въ заключеніе—нѣсколько словъ по поводу училищной дѣятельности казанскаго университета въ предѣлахъ интересующихъ насъ начальныхъ эпохъ его существованія.

Оглядываясь на тернистый путь, пройденный казанскимъ университетомъ въ его училищной дѣятельности, историкъ русскаго просвѣщенія едва ли въ правѣ былъ бы предъявить къ этому виду дѣятельности нашего университета требованія слишкомъ абсолютнаго характера,—хотя бы такія только требованія, какія могутъ быть предъявлены въ этомъ направленіи къ другимъ старымъ русскимъ университетамъ, на долю которыхъ не выпадало на этой почвѣ тяжелой, почти непосильной, созидательной работы, уже на первыхъ порахъ доставшейся университету казанскому. Мы видѣли, что казанскій университетъ возникъ на окраинѣ громаднаго учебнаго округа, обнявшаго собою почти двѣ трети русской имперіи и по обширнымъ пространствамъ котораго, представлявшимъ въ высшей степени разнообразныя условія и географическаго, и этнографическаго, и историческаго, и культурнаго характеровъ, насажденіе дѣла народнаго просвѣщенія являлось миссіею не только новою, но и обставленною условіями въ высшей степени тяжелыми, порою едва преодолимыми. Если къ условіямъ общаго характера, такъ долго тормозившимъ, да въ значительной степени и въ наши дни еще тормозящимъ успѣхи

ходительство соблаговолите положить сему заведенію начало испрошеніемъ перевода г. Влангали, не далѣе какъ чрезъ три года оное принесетъ не только величайшую пользу разнымъ родамъ нашей службы, но и честь Россіи, ибо всѣ германскіе и французскіе теоретики принуждены будутъ ѣхать къ намъ учиться и списывать наши рукописи, а не учить насъ, какъ то доселѣ было".

Отвѣтъ министра на это представленіе былъ полученъ, на имя ректора университета, только въ сентябрѣ 1826-го года, слѣдовательно послѣ паденія Магницкаго: изъ этого отвѣта узнаемъ, что А. С. Шишковъ сносился по этому поводу съ коллегіею иностранныхъ дѣлъ, но что Влангали отъ перемѣщенія на службу въ Казань уклонился.

Извѣстно, что насажденіе въ Казани систематически поставленнаго востоковѣдѣнія, въ лицѣ разряда восточной словесности при казанскомъ университетѣ—осуществилось позже, представивъ собою свѣтлую страницу исторіи управленія казанскимъ учебнымъ округомъ преемника Магницкаго, попечителя М. Н. Мусина-Пушкина [147].

Въ заключеніе—нѣсколько словъ по поводу училищной дѣятельности казанскаго университета въ предѣлахъ интересующихъ насъ начальныхъ эпохъ его существованія.

Оглядываясь на тернистый путь, пройденный казанскимъ университетомъ въ его училищной дѣятельности, историкъ русскаго просвѣщенія едва ли въ правѣ былъ бы предъявить къ этому виду дѣятельности нашего университета требованія слишкомъ абсолютнаго характера,—хотя бы такія только требованія, какія могутъ быть предъявлены въ этомъ направленіи къ другимъ старымъ русскимъ университетамъ, на долю которыхъ не выпадало на этой почвѣ тяжелой, почти непосильной, созидательной работы, уже на первыхъ порахъ доставшейся университету казанскому. Мы видѣли, что казанскій университетъ возникъ на окраинѣ громаднаго учебнаго округа, обнявшаго собою почти двѣ трети русской имперіи и по обширнымъ пространствамъ котораго, представлявшимъ въ высшей степени разнообразныя условія и географическаго, и этнографическаго, и историческаго, и культурнаго характеровъ, насажденіе дѣла народнаго просвѣщенія являлось миссіею не только новою, но и обставленною условіями въ высшей степени тяжелыми, порою едва преодолимыми. Если къ условіямъ общаго характера, такъ долго тормозившимъ, да въ значительной степени и въ наши дни еще тормозящимъ успѣхи

дѣла русскаго народнаго просвѣщенія, мы добавимъ и тяжелыя условія мѣстнаго характера—то намъ останется, конечно, лишь съ глубокою признательностью помянуть труды казанскаго университета, положенные имъ въ дѣло насажденія просвѣщенія по необъятнымъ пространствамъ русскаго европейскаго и азіятскаго востока, а также и тѣ результаты, которые были имъ достигнуты въ этомъ направленіи въ первое двадцатилѣтіе его существованія.

Какъ бы то ни было, но намъ представляется вполнѣ несомнѣннымъ, что культурная миссія стараго казанскаго университета въ дѣлѣ насажденія школьнаго дѣла на русскомъ востокѣ—далеко не по заслугамъ оцѣнена еще исторіею русскаго народнаго просвѣщенія.

Эта сторона историческаго прошлаго казанскаго университета—должна ожидать своего спеціальнаго изслѣдователя, въ распоряженіи котораго, кромѣ источниковъ общаго характера, окажется еще громадный и въ высокой степени интересный архивный матеріалъ.

дѣла русскаго народнаго просвѣщенія, мы добавимъ и тяжелыя условія мѣстнаго характера—то намъ останется, конечно, лишь съ глубокою признательностью помянуть труды казанскаго университета, положенные имъ въ дѣло насажденія просвѣщенія по необъятнымъ пространствамъ русскаго европейскаго и азіятскаго востока, а также и тѣ результаты, которые были имъ достигнуты въ этомъ направленіи въ первое двадцатилѣтіе его существованія.

Какъ бы то ни было, но намъ представляется вполнѣ несомнѣннымъ, что культурная миссія стараго казанскаго университета въ дѣлѣ насажденія школьнаго дѣла на русскомъ востокѣ—далеко не по заслугамъ оцѣнена еще исторіею русскаго народнаго просвѣщенія.

Эта сторона историческаго прошлаго казанскаго университета—должна ожидать своего спеціальнаго изслѣдователя, въ распоряженіи котораго, кромѣ источниковъ общаго характера, окажется еще громадный и въ высокой степени интересный архивный матеріалъ.

ГЛАВА IV

Коллегіальная жизнь казанскаго университета подъ эгидою Магницкаго.—Мѣры внѣшняго устроительства университета.

(1820—1826)

Предыдущія главы нашего труда въ достаточной мѣрѣ познакомили читателей какъ съ общимъ ходомъ процесса „обновленія“, предпринятаго Магницкимъ по отношенію къ казанскому университету, такъ и съ результатами его мѣропріятій и начинаній въ этомъ направленіи. Мы имѣли возможность убѣдиться въ томъ, что обновительная дѣятельность Магницкаго распространилась на всѣ, безъ исключенія, стороны университетскаго строя и академической жизни: основы внутренняго строя университета, автономныя права совѣта, духовно-умственная продуктивность университета, организація и направленіе преподаванія, условія быта учащихъ и учащихся, даже самая постановка учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета—все испытало на себѣ властную и тяжелую руку попечителя-новатора....

Настоящая глава нашего труда будетъ посвящена: а) очерку коллегіальной жизни казанскаго университета подъ эгидою Магницкаго и б) обзору относящихся къ той же эпохѣ мѣропріятій по внѣшнему устроительству казанскаго университета.

Откроемъ нашъ разсказъ выполненіемъ первой изъ только что намѣченныхъ задачъ.

ГЛАВА IV

Коллегіальная жизнь казанскаго университета подъ эгидою Магницкаго.—Мѣры внѣшняго устроительства университета.

(1820—1826)

Предыдущія главы нашего труда въ достаточной мѣрѣ познакомили читателей какъ съ общимъ ходомъ процесса „обновленія", предпринятаго Магницкимъ по отношенію къ казанскому университету, такъ и съ результатами его мѣропріятій и начинаній въ этомъ направленіи. Мы имѣли возможность убѣдиться въ томъ, что обновительная дѣятельность Магницкаго распространилась на всѣ, безъ исключенія, стороны университетскаго строя и академической жизни: основы внутренняго строя университета, автономныя права совѣта, духовно-умственная продуктивность университета, организація и направленіе преподаванія, условія быта учащихъ и учащихся, даже самая постановка учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета—все испытало на себѣ властную и тяжелую руку попечителя-новатора....

Настоящая глава нашего труда будетъ посвящена: а) очерку коллегіальной жизни казанскаго университета подъ эгидою Магницкаго и б) обзору относящихся къ той же эпохѣ мѣропріятій по внѣшнему устроительству казанскаго университета.

Откроемъ нашъ разсказъ выполненіемъ первой изъ только что намѣченныхъ задачъ.

А

Коллегіальная жизнь казанскаго университета подъ эгидою Магницкаго.

Важнѣйшіе моменты административной жизни казанскаго университета.—Абсентеизмъ Магницкаго въ Казани и мѣры вліянія его на университетскія дѣла.—Ректоръ университета Никольскій и директоръ университета Владимірскій въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ.—Черты административной дѣятельности директора Владимірскаго.—Конфликтъ директора съ попечителемъ и паденіе Владимірскаго.—Университетскіе выборы 5-го мая 1823 года.—К. Ѳ. Фуксъ, въ качествѣ ректора университета.—Г. Б. Никольскій, въ качествѣ директора университета.—Разрывъ между Магницкимъ и директоромъ Никольскимъ.—Преемники проф. Никольскаго въ должности директора университета.—Г. Ѳ. Вишневскій.—Т. Е. Любомировъ и тенденціи къ усиленію директорской власти.—Упраздненіе университетскаго двоевластія.

Важнѣйшія проявленія коллегіальной жизни казанскаго университета въ годы попечительства Магницкаго.—Тщетныя ожиданія прибытія Магницкаго въ 1821 и 1822 годахъ въ Казань.—«Бесѣда» Магницкаго съ совѣтомъ, присланная взамѣнъ личнаго посѣщенія имъ университета.—Обзоръ 18-ти статей попечительской «Бесѣды».—Фантастическія предначертанія Магницкаго.—Проектъ насажденія востоковѣдѣнія и ученыхъ сношеній съ востокомъ.—Мѣры къ устройству передвижныхъ школъ и къ насажденію взаимнаго (ланкастерскаго) метода обученія.—Заботы Магницкаго въ области насажденія библейскаго дѣла въ учебномъ округѣ.—Университетское «библейское сотоварищество» и дальнѣйшая судьба этого начинанія.—Разработка проекта новаго университетскаго устава.—Проектъ устава.—Вопросъ о новыхъ штатахъ.

Черты внутренней, интимной, жизни университетской коллегіи.—Общая характеристика этой жизни.—Мѣры противъ «горячности» въ совѣтѣ.—Дѣло профессора И. А. Жобара.—Скандальные инциденты Жобара въ университетскомъ совѣтѣ.—Борьба между профессорами Сергѣевымъ и Жобаромъ.—Комитетъ по дѣлу Жобара и дальнѣйшая судьба этого дѣла.—Къ вопросу о партіяхъ въ совѣтѣ.—Дѣло профессора Г. С. Суровцова и его обличительная «записка».

Почетные члены казанскаго университета.—Общая характеристика условій избранія ихъ въ эпоху попечительства Магницкаго.

Приступая къ повѣствованію о ближайшихъ проявленіяхъ коллегіальной жизни казанскаго университета въ годы тяжелаго „лихолѣтья“, оставившаго по себѣ въ исторіи русскаго просвѣщенія мрачный слѣдъ, окрещиваемый наименованіемъ „эпохи Магницкаго“—мы считаемъ цѣлесообразнымъ прежде всего остановить вниманіе читателей на важнѣйшихъ моментахъ административной жизни университета въ интересующую насъ пору, тѣсно и неразрывно связанной, само собою разумѣется, съ коллегіальнымъ строемъ его. Это избавитъ насъ отъ необходимости позднѣйшихъ и уже эпизодическаго характера возвращеній къ этому предмету.

А

Коллегіальная жизнь казанскаго университета подъ эгидою Магницкаго.

Важнѣйшие моменты административной жизни казанскаго университета.—Абсентеизмъ Магницкаго въ Казани и мѣры вліянія его на университетскія дѣла.—Ректоръ университета Никольскій и директоръ университета Владимірскій въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ.—Черты административной дѣятельности директора Владимірскаго.—Конфликтъ директора съ попечителемъ и паденіе Владимірскаго.—Университетскіе выборы 5-го мая 1823 года.—К. Ѳ. Фуксъ, въ качествѣ ректора университета.—Г. Б. Никольскій, въ качествѣ директора университета.—Разрывъ между Магницкимъ и директоромъ Никольскимъ.—Преемники проф. Никольскаго въ должности директора университета.—Г. Ѳ. Вишневскій.—Т. Е. Любомировъ и тенденціи къ усиленію директорской власти.—Упраздненіе университетскаго двоевластія.

Важнѣйшія проявленія коллегіальной жизни казанскаго университета въ годы попечительства Магницкаго.—Тщетныя ожиданія прибытія Магницкаго въ 1821 и 1822 годахъ въ Казань.—«Бесѣда» Магницкаго съ совѣтомъ, присланная взамѣнъ личнаго посѣщенія имъ университета.—Обзоръ 18-ти статей попечительской «Бесѣды».—Фантастическія предначертанія Магницкаго.—Проектъ насажденія востоковѣдѣнія и ученыхъ сношеній съ востокомъ.—Мѣры къ устройству передвижныхъ школъ и къ насажденію взаимнаго (ланкастерскаго) метода обученія.—Заботы Магницкаго въ области насажденія библейскаго дѣла въ учебномъ округѣ.—Университетское «библейское сотоварищество» и дальнѣйшая судьба этого начинанія.—Разработка проекта новаго университетскаго устава.—Проектъ устава.—Вопросъ о новыхъ штатахъ.

Черты внутренней, интимной, жизни университетской коллегіи.—Общая характеристика этой жизни.—Мѣры противъ «горячности» въ совѣтѣ.—Дѣло профессора И. А. Жобара.—Скандальные инциденты Жобара въ университетскомъ совѣтѣ.—Борьба между профессорами Сергѣевымъ и Жобаромъ.—Комитетъ по дѣлу Жобара и дальнѣйшая судьба этого дѣла.—Къ вопросу о партіяхъ въ совѣтѣ.—Дѣло профессора Г. С. Суровцова и его обличительная «записка».

Почетные члены казанскаго университета.—Общая характеристика условій избранія ихъ въ эпоху попечительства Магницкаго.

Приступая къ повѣствованію о ближайшихъ проявленіяхъ коллегіальной жизни казанскаго университета въ годы тяжелаго „лихолѣтья", оставившаго по себѣ въ исторіи русскаго просвѣщенія мрачный слѣдъ, окрещиваемый наименованіемъ „эпохи Магницкаго"—мы считаемъ цѣлесообразнымъ прежде всего остановить вниманіе читателей на важнѣйшихъ моментахъ административной жизни университета въ интересующую насъ пору, тѣсно и неразрывно связанной, само собою разумѣется, съ коллегіальнымъ строемъ его. Это избавитъ насъ отъ необходимости позднѣйшихъ и уже эпизодическаго характера возвращеній къ этому предмету.

Покончивъ съ ревизіею казанскаго университета и будучи, слѣдомъ за тѣмъ, назначенъ попечителемъ его учебнаго округа, Магницкій въ высшей степени своеобразно построилъ свои дальнѣйшія отношенія къ „обновленному" имъ университету: покинувъ въ мартѣ 1819-го года Казань, онъ на протяженіи послѣдующихъ $6^1/_2$ лѣтъ ни разу не побывалъ здѣсь и только осенью 1825-го года, и то по настоятельному на этотъ разъ требованію министра народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова и уже почти наканунѣ своего паденія, прибылъ въ Казань, гдѣ, какъ въ своемъ мѣстѣ увидимъ это, и устроилъ кричащій апоѳеозъ итогамъ своей свыше нежели шестилѣтней обновительной дѣятельности.

Такой продолжительный абсентеизмъ попечителя изъ центра управляемаго имъ округа далеко не долженъ быть почтенъ за безучастное административное отношеніе его къ университету и округу. Напротивъ, Магницкій поддерживалъ постоянныя, хотя во многихъ случаяхъ и совершенно своеобразныя, сношенія съ университетомъ, доводя ихъ порою до самаго скрупулезнаго вмѣшательства въ научную и административную дѣятельность университета, стараясь оставаться въ точномъ и безпрерывномъ курсѣ всѣхъ университетскихъ дѣлъ и отношеній,—и съ этой стороны занятое имъ положеніе весьма близко напоминаетъ собою аналогичное положеніе, въ первые годы жизни казанскаго университета созданное себѣ его первымъ попечителемъ С. Я. Румовскимъ.

Отношенія Магницкаго къ казанскому университету поддерживались, прежде всего, при участіи особо-довѣренныхъ въ глазахъ попечителя лицъ, принадлежавшихъ къ административному и преподавательскому персоналу университета, съ директоромъ въ ихъ главѣ. Намъ уже въ полной мѣрѣ знакомо то рѣшительное значеніе, какое придавалось Магницкимъ вновь учрежденной по его настояніямъ должности директора университета и, въчастности, то почти безграничное довѣріе, какимъ былъ облеченъ съ его стороны первый директоръ—Владимірскій *. Владимірскій, будучи ближайшимъ конфидентомъ и правою рукою попечителя въ процессѣ „обновленія" университета и въ дѣлѣ ближайшаго руководительства его жизнью, пользовался почти диктаторскими правами, далеко оставившими за собою даже тѣ широкія полномочія, какими, въ эпоху попечительства Румовскаго, былъ облеченъ пресловутый профессоръ-директоръ И. Ѳ. Яковкинъ. Передъ казанскимъ замѣстителемъ грознаго попе-

* См. томъ III, стр. 334—335, 340—346.

Покончивъ съ ревизіею казанскаго университета и будучи, слѣдомъ за тѣмъ, назначенъ попечителемъ его учебнаго округа, Магницкій въ высшей степени своеобразно построилъ свои дальнѣйшія отношенія къ „обновленному" имъ университету: покинувъ въ мартѣ 1819-го года Казань, онъ на протяженіи послѣдующихъ $6^1/_2$ лѣтъ ни разу не побывалъ здѣсь и только осенью 1825-го года, и то по настоятельному на этотъ разъ требованію министра народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова и уже почти наканунѣ своего паденія, прибылъ въ Казань, гдѣ, какъ въ своемъ мѣстѣ увидимъ это, и устроилъ кричащій апоѳеозъ итогамъ своей свыше нежели шестилѣтней обновительной дѣятельности.

Такой продолжительный абсентеизмъ попечителя изъ центра управляемаго имъ округа далеко не долженъ быть почтенъ за безучастное административное отношеніе его къ университету и округу. Напротивъ, Магницкій поддерживалъ постоянныя, хотя во многихъ случаяхъ и совершенно своеобразныя, сношенія съ университетомъ, доводя ихъ порою до самаго скрупулезнаго вмѣшательства въ научную и административную дѣятельность университета, стараясь оставаться въ точномъ и безпрерывномъ курсѣ всѣхъ университетскихъ дѣлъ и отношеній,—и съ этой стороны занятое имъ положеніе весьма близко напоминаетъ собою аналогичное положеніе, въ первые годы жизни казанскаго университета созданное себѣ его первымъ попечителемъ С. Я. Румовскимъ.

Отношенія Магницкаго къ казанскому университету поддерживались, прежде всего, при участіи особо-довѣренныхъ въ глазахъ попечителя лицъ, принадлежавшихъ къ административному и преподавательскому персоналу университета, съ директоромъ въ ихъ главѣ. Намъ уже въ полной мѣрѣ знакомо то рѣшительное значеніе, какое придавалось Магницкимъ вновь учрежденной по его настояніямъ должности директора университета и, въ частности, то почти безграничное довѣріе, какимъ былъ облеченъ съ его стороны первый директоръ—Владимірскій *. Владимірскій, будучи ближайшимъ конфидентомъ и правою рукою попечителя въ процессѣ „обновленія" университета и въ дѣлѣ ближайшаго руководительства его жизнью, пользовался почти диктаторскими правами, далеко оставившими за собою даже тѣ широкія полномочія, какими, въ эпоху попечительства Румовскаго, былъ облеченъ пресловутый профессоръ-директоръ И. Ѳ. Яковкинъ. Передъ казанскимъ замѣстителемъ грознаго попе-

* См. томъ III, стр. 334—335, 340—346.

чителя раболѣпствовали и студенты, и профессора университета. Студенты посвящаютъ ему свои сочиненія и даже изготовляемые ими анатомическіе препараты, а совѣтъ университета, всего за три года до того признавшій знанія Владимірскаго недостойными кафедры *, 28-го февраля 1821 года почтительно избираетъ директора въ свои почетные члены, мотивируя это избраніе „его христіанскими чувствами и правилами жизни, кротостью, соединенною съ твердостью, обширными знаніями, опытностью искушенными и украшенными, къ единой цѣли истиннаго благочестія направленными, дѣйствіемъ, которое Господь даровалъ ему въ обновленіи университета и которое носитъ явную печать Божія благословенія на всѣхъ благихъ начинаніяхъ къ обновленію университета клонящихся“ [148].

Къ числу профессоровъ, пользовавшихся особымъ довѣріемъ Магницкаго, принадлежали такія крупныя величины, какими представляются Н. И. Лобачевскій, И. М. Симоновъ и К. Ѳ. Фуксъ, а за ними слѣдовали Б. Г. Никольскій, Г. Н. Городчаниновъ, М. А. Пальминъ, И. А. Жобаръ, П. С. Сергѣевъ, ад. И. Ѳ. Краузе и нѣк. др. Намъ уже знакомы тѣ восторги, которые были возбуждены въ попечителѣ кругосвѣтнымъ плаваніемъ Симонова, въ особенности же принесеннымъ имъ университету въ даръ символомъ „покорности естественному единодержавію“—начальническимъ значкомъ, вывезеннымъ имъ съ острова Оно (см. выше стр. 15—16). Какъ Лобачевскій, такъ и Симоновъ, во время случайныхъ пребываній своихъ въ Петербургѣ, посѣщали попечителя и подолгу бесѣдовали съ нимъ объ университетскихъ нуждахъ и дѣлахъ, а лѣтомъ 1821-го года были привлечены Магницкимъ даже къ такому неблагодарному и едва ли достойному ихъ дѣлу, какимъ не можетъ не быть признано „обличеніе тетрадей (т. е. лекцій) Раупаха и Германа“—жертвъ уже извѣстнаго намъ гоненія на „неблагонамѣренныхъ“ петербургскихъ профессоровъ, воздвигнутаго министерствомъ по инціативѣ казанскаго попечителя **. Н. И. Лобачевскій, съ которымъ Магницкому не довелось завести болѣе близкаго знакомства во время ревизіи 1819-го года, въ бытность свою лѣтомъ и осенью 1821-го года въ столицѣ былъ удостоенъ особаго довѣрія попечителя, почасту бесѣдуя съ нимъ и выполняя различныя его порученія—до обличенія „тетрадей“ петербургскихъ профессоровъ включительно. Восхищенный казанскимъ гостемъ, попечитель представилъ Лобачевскаго къ награжденію орденомъ св. Владиміра четвертой степени, моти-

---

* См. томъ III, стр. 336—338.

** См. томъ III, стр. 386, 514.

чителя раболѣпствовали и студенты, и профессора университета. Студенты посвящаютъ ему свои сочиненія и даже изготовляемые ими анатомическіе препараты, а совѣтъ университета, всего за три года до того признавшій знанія Владимірскаго недостойными кафедры *, 28-го февраля 1821 года почтительно избираетъ директора въ свои почетные члены, мотивируя это избраніе „его христіанскими чувствами и правилами жизни, кротостью, соединенною съ твердостью, обширными знаніями, опытностью искушенными и украшенными, къ единой цѣли истиннаго благочестія направленными, дѣйствіемъ, которое Господь даровалъ ему въ обновленіи университета и которое носитъ явную печать Божія благословенія на всѣхъ благихъ начинаніяхъ къ обновленію университета клонящихся" [148].

Къ числу профессоровъ, пользовавшихся особымъ довѣріемъ Магницкаго, принадлежали такія крупныя величины, какими представляются Н. И. Лобачевскій, И. М. Симоновъ и К. Ѳ. Фуксъ, а за ними слѣдовали Б. Г. Никольскій, Г. Н. Городчаниновъ, М. А. Пальминъ, И. А. Жобаръ, П. С. Сергѣевъ, ад. И. Ѳ. Краузе и нѣк. др. Намъ уже знакомы тѣ восторги, которые были возбуждены въ попечителѣ кругосвѣтнымъ плаваніемъ Симонова, въ особенности же принесеннымъ имъ университету въ даръ символомъ „покорности естественному единодержавію"—начальническимъ значкомъ, вывезеннымъ имъ съ острова Оно (см. выше стр. 15—16). Какъ Лобачевскій, такъ и Симоновъ, во время случайныхъ пребываній своихъ въ Петербургѣ, посѣщали попечителя и подолгу бесѣдовали съ нимъ объ университетскихъ нуждахъ и дѣлахъ, а лѣтомъ 1821-го года были привлечены Магницкимъ даже къ такому неблагодарному и едва ли достойному ихъ дѣлу, какимъ не можетъ не быть признано „обличеніе тетрадей (т. е. лекцій) Раупаха и Германа"—жертвъ уже извѣстнаго намъ гоненія на „неблагонамѣренныхъ" петербургскихъ профессоровъ, воздвигнутаго министерствомъ по инціативѣ казанскаго попечителя **. Н. И. Лобачевскій, съ которымъ Магницкому не довелось завести болѣе близкаго знакомства во время ревизіи 1819-го года, въ бытность свою лѣтомъ и осенью 1821-го года въ столицѣ былъ удостоенъ особаго довѣрія попечителя, почасту бесѣдуя съ нимъ и выполняя различныя его порученія—до обличенія „тетрадей" петербургскихъ профессоровъ включительно. Восхищенный казанскимъ гостемъ, попечитель представилъ Лобачевскаго къ награжденію орденомъ св. Владиміра четвертой степени, моти-

* См. томъ III, стр. 336—338.
** См. томъ III, стр. 386, 514.

вируя эту награду слѣдующимъ крайне интереснымъ представленіемъ министру отъ 29-го ноября 1821 года:

„Профессоръ Лобачевскій, отлично высокій математикъ и человѣкъ весьма доброй нравственности, былъ боленъ во время осмотра мною казанскаго университета, почему и не могъ я тогда, не зная его лично, представить къ тѣмъ награжденіямъ, коихъ прочіе удостоились. Почитая, однако же, совершенно справедливымъ сравнить съ ними, я пригласилъ его сюда и, удостовѣрясь лично какъ въ образѣ мыслей, такъ и въ достоинствахъ его, старался попытать въ дѣлахъ разнаго рода, и именно при разборѣ тетрадей Раупаха и Германа предложилъ я его, вмѣстѣ съ г. Симоновымъ и Розановымъ *, къ сему довѣренному употребленію начальнику здѣшняго университета. Далъ ему изъ матеріаловъ, у меня собранныхъ, составить полную статистическую табель всему обширному казанскому округу, помощью которой, безъ справки съ дѣлами, можно бы было пріискивать всѣ нужныя свѣдѣнія немедленно. Поручилъ составить, по руководству Біота, списокъ полному физическому кабинету и сношеніями съ Роспини и разными художниками удостовѣриться—здѣсь ли заказать инструменты или выписать ихъ будетъ для университета выгоднѣе.

Г. Лобачевскій все сіе исполнилъ наилучшимъ образомъ и по сему во всей мѣрѣ заслужилъ быть сравненнымъ съ прочими товарищами своими знакомъ отличія".

И позже, уже весною 1825-го года, Магницкій, расписывая передъ министромъ А. С. Шишковымъ всѣ свои заслуги, ставитъ на видъ, что онъ „обличилъ схваченныя въ петербургскомъ университетѣ тетради Раупаха, Германа и другихъ", въ чемъ ему ревностно содѣйствовали, „трудясь день и ночь", казанскіе профессоры Симоновъ и Лобачевскій.[149]

Мы въ своемъ мѣстѣ видѣли, что, покончивъ съ начальнымъ дѣломъ „обновленія" казанскаго университета, Магницкій представилъ къ наградамъ директора Владимірскаго и инспектора Барсова, оказавшихъ ему ближайшее содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ; первый получилъ чинъ статскаго совѣтника, второй—орденъ св. Владиміра четвертой степени. Не оставлялъ попечитель безъ „поощреній" и другихъ лицъ, оказывавшихъ ему содѣйствіе въ томъ же направленіи или умѣвшихъ, такъ или иначе, обратить на себя его благосклонное вниманіе. Такъ, профессоръ Г. Б. Никольскій, не мало посодѣйствовавшій успѣхамъ начинаній Магниц-

* Старшій письмоводитель канцеляріи Магницкаго.

вируя эту награду слѣдующимъ крайне интереснымъ представленіемъ министру отъ 29-го ноября 1821 года:

„Профессоръ Лобачевскій, отлично высокій математикъ и человѣкъ весьма доброй нравственности, былъ боленъ во время осмотра мною казанскаго университета, почему и не могъ я тогда, не зная его лично, представить къ тѣмъ награжденіямъ, коихъ прочіе удостоились. Почитая, однако же, совершенно справедливымъ сравнить съ ними, я пригласилъ его сюда и, удостовѣрясь лично какъ въ образѣ мыслей, такъ и въ достоинствахъ его, старался попытать въ дѣлахъ разнаго рода, и именно при разборѣ тетрадей Раупаха и Германа предложилъ я его, вмѣстѣ съ г. Симоновымъ и Розановымъ *, къ сему довѣренному употребленію начальнику здѣшняго университета. Далъ ему изъ матеріаловъ, у меня собранныхъ, составить полную статистическую табель всему обширному казанскому округу, помощью которой, безъ справки съ дѣлами, можно бы было пріискивать всѣ нужныя свѣдѣнія немедленно. Поручилъ составить, по руководству Біота, списокъ полному физическому кабинету и сношеніями съ Роспини и разными художниками удостовѣриться—здѣсь ли заказать инструменты или выписать ихъ будетъ для университета выгоднѣе.

Г. Лобачевскій все сіе исполнилъ наилучшимъ образомъ и по сему во всей мѣрѣ заслужилъ быть сравненнымъ съ прочими товарищами своими знакомъ отличія".

И позже, уже весною 1825-го года, Магницкій, расписывая передъ министромъ А. С. Шишковымъ всѣ свои заслуги, ставитъ на видъ, что онъ „обличилъ схваченныя въ петербургскомъ университетѣ тетради Раупаха, Германа и другихъ", въ чемъ ему ревностно содѣйствовали, „трудясь день и ночь", казанскіе профессоры Симоновъ и Лобачевскій.[149]

Мы въ своемъ мѣстѣ видѣли, что, покончивъ съ начальнымъ дѣломъ „обновленія" казанскаго университета, Магницкій представилъ къ наградамъ директора Владимірскаго и инспектора Барсова, оказавшихъ ему ближайшее содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ; первый получилъ чинъ статскаго совѣтника, второй—орденъ св. Владиміра четвертой степени. Не оставлялъ попечитель безъ „поощреній" и другихъ лицъ, оказывавшихъ ему содѣйствіе въ томъ же направленіи или умѣвшихъ, такъ или иначе, обратить на себя его благосклонное вниманіе. Такъ, профессоръ Г. Б. Никольскій, не мало посодѣйствовавшій успѣхамъ начинаній Магниц-

---

* Старшій письмоводитель канцеляріи Магницкаго.

каго въ должностяхъ ректора (1820—1823 г.г.) и директора (1823—1825 г.г.), былъ награжденъ чиномъ надворнаго совѣтника и орденомъ св. Владиміра 4-ой степени (1819 г.), орденомъ св. Анны 2-ой степени (1821 г.), единовременною наградою въ $2^1/_2$ тысячи рублей (1824 г.) и чиномъ коллежскаго совѣтника (1825 г.); профессоръ и ректоръ (1823—1827 г.г.) К. Ѳ. Фуксъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-ой степени (1819 г.), чиномъ статскаго совѣтника (1822 г.), орденомъ св. Анны 2-ой степени (1824 г.) и тѣмъ же орденомъ съ алмазами (начало 1826 г.); неутомимый „обличитель" науки естественнаго права Г. Н. Городчаниновъ получилъ чинъ статскаго совѣтника (1822 г.), орденъ св. Владиміра 4-ой степени и единовременную награду въ 2 тысячи рублей (1824 г.); профессоръ В. Я. Булыгинъ удостоенъ ордена св. Анны 2-ой степени и единовременной награды въ 1 тысячу рублей (1824 г.); профессоръ В. И. Тимьянскій награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-ой степени (1821 г.), архимандритъ Ѳеофанъ орденомъ св. Анны 2-ой степени (1821 г.), адъюнктъ П. С. Карейша орденомъ св. Анны 3-ей степени (1821 г.), протоіерей А. И. Нечаевъ получилъ камилавку (1821 г.); профессоръ В. М. Перевощиковъ, въ воздаяніе „усерднаго содѣйствія введенію новаго порядка" представлялся попечителемъ, хотя и неудачно, къ пособію на поѣздку въ столицы—„гдѣ онъ никогда не бывалъ" (1820 г.) и т. п. Но особенно внимательнымъ оказывался попечитель къ своему казанскому представителю—директору университета Владимірскому: менѣе нежели черезъ два года послѣ указанныхъ выше наградъ онъ получилъ еще орденъ св. Владиміра 3-ей степени (1821 г.) и тогда же предпринято было Магницкимъ,—оказавшееся, впрочемъ, безуспѣшнымъ,—ходатайство о награжденіи его любимца недвижимымъ имѣніемъ въ размѣрѣ 1500 десятинъ земли [150].....

Поддерживая постоянныя сношенія съ Казанью путемъ донесеній и переписки оффиціальнаго характера, Магницкій пользовался, подобно своимъ предмѣстникамъ Румовскому и Салтыкову, также частною, даже конфиденціальнаго характера, перепискою съ чинами университета, пользовавшимися его расположеніемъ и довѣріемъ,—конечно, съ директоромъ университета въ ихъ главѣ. Къ глубокому сожалѣнію, до нашихъ дней не дошла эта переписка, какъ дошла переписка съ казанскими профессорами двухъ первыхъ попечителей округа. Только случайные слѣды и указанія на существованіе ея сохранились въ старыхъ дѣлахъ архива попечительской канцеляріи, да, кромѣ того, имѣется и прямое указаніе на существованіе такой переписки, относящееся къ

каго въ должностяхъ ректора (1820—1823 г.г.) и директора (1823—1825 г.г.), былъ награжденъ чиномъ надворнаго совѣтника и орденомъ св. Владиміра 4-ой степени (1819 г.), орденомъ св. Анны 2-ой степени (1821 г.), единовременною наградою въ $2^1/_2$ тысячи рублей (1824 г.) и чиномъ коллежскаго совѣтника (1825 г.); профессоръ и ректоръ (1823—1827 г.г.) К. Ѳ. Фуксъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-ой степени (1819 г.), чиномъ статскаго совѣтника (1822 г.), орденомъ св. Анны 2-ой степени (1824 г.) и тѣмъ же орденомъ съ алмазами (начало 1826 г.); неутомимый „обличитель" науки естественнаго права Г. Н. Городчаниновъ получилъ чинъ статскаго совѣтника (1822 г.), орденъ св. Владиміра 4-ой степени и единовременную награду въ 2 тысячи рублей (1824 г.); профессоръ В. Я. Булыгинъ удостоенъ ордена св. Анны 2-ой степени и единовременной награды въ 1 тысячу рублей (1824 г.); профессоръ В. И. Тимьянскій награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-ой степени (1821 г.), архимандритъ Ѳеофанъ орденомъ св. Анны 2-ой степени (1821 г.), адъюнктъ П. С. Карейша орденомъ св. Анны 3-ей степени (1821 г.), протоіерей А. И. Нечаевъ получилъ камилавку (1821 г.); профессоръ В. М. Перевощиковъ, въ воздаяніе „усерднаго содѣйствія введенію новаго порядка" представлялся попечителемъ, хотя и неудачно, къ пособію на поѣздку въ столицы—„гдѣ онъ никогда не бывалъ" (1820 г.) и т. п. Но особенно внимательнымъ оказывался попечитель къ своему казанскому представителю—директору университета Владимірскому: менѣе нежели черезъ два года послѣ указанныхъ выше наградъ онъ получилъ еще орденъ св. Владиміра 3-ей степени (1821 г.) и тогда же предпринято было Магницкимъ,—оказавшееся, впрочемъ, безуспѣшнымъ,—ходатайство о награжденіи его любимца недвижимымъ имѣніемъ въ размѣрѣ 1500 десятинъ земли [150].....

Поддерживая постоянныя сношенія съ Казанью путемъ донесеній и переписки оффиціальнаго характера, Магницкій пользовался, подобно своимъ предмѣстникамъ Румовскому и Салтыкову, также частною, даже конфиденціальнаго характера, перепискою съ чинами университета, пользовавшимися его расположеніемъ и довѣріемъ,—конечно, съ директоромъ университета въ ихъ главѣ. Къ глубокому сожалѣнію, до нашихъ дней не дошла эта переписка, какъ дошла переписка съ казанскими профессорами двухъ первыхъ попечителей округа. Только случайные слѣды и указанія на существованіе ея сохранились въ старыхъ дѣлахъ архива попечительской канцеляріи, да, кромѣ того, имѣется и прямое указаніе на существованіе такой переписки, относящееся къ

концу 50-хъ годовъ истекшаго столѣтія и принадлежащее бывшему профессору казанскаго университета Н. А. Попову: „Переписка между Магницкимъ и членами университета того времени до сихъ поръ еще хранится у нѣкоторыхъ лицъ, ожидая современемъ изданія своего въ свѣтъ"— писалъ въ 1859-мъ году профессоръ Поповъ *. Почти полвѣка истекло со времени этого свидѣтельства и для нашихъ дней можно считать болѣе нежели вѣроятною утрату этой драгоцѣнной переписки, несомнѣнно заключавшей въ себѣ не мало данныхъ для болѣе непосредственной характеристики и самого Магницкаго, и его времени, и внутренней жизни „обновленнаго" имъ казанскаго университета. Великую услугу оказало бы и исторіи русскаго просвѣщенія, и казанскому университету лицо, которое, паче чаянія, могло бы навести этотъ послѣдній хотя бы только на слѣды продолжающагося еще существованія этой интересной переписки.

Приняты были Магницкимъ дѣятельныя мѣры и къ установленію открытаго и оффиціальнаго съ его стороны контроля надъ дѣятельностью ввѣреннаго ему университета; рядъ мѣропріятій въ этомъ направленіи проходитъ черезъ всѣ годы его попечительства. Не говоря уже объ обычныхъ годичныхъ отчетахъ по университету и о представленіяхъ по текущимъ дѣламъ, установлены были періодическія донесенія относительно положенія различныхъ сторонъ университетской жизни. Такъ, намъ извѣстно, что новый попечитель уже въ началѣ 1820-го года предписалъ доставлять ему въ Петербургъ ежемѣсячные отчеты или „меморіи" относительно хода и успѣховъ преподаванія, а также конспекты послѣдняго **. Весною 1822-го года Магницкій предписалъ директору университета каждыя двѣ недѣли присылать ему донесенія „о происшествіяхъ по университету" и, между прочимъ, о посѣщеніи членами его засѣданій, что и продолжалось во всѣ годы его попечительства. Сохранившіяся до нашихъ дней донесенія этого рода, которыми мы уже не разъ пользовались, представляютъ собою крайне любопытный матеріалъ для обрисовки условій внутренней жизни университета въ интересующую насъ эпоху; до какой мелочности доходили эти донесенія видно, напримѣръ, изъ того, что до свѣдѣнія попечителя доводилось объ увольненіи солдатъ университетской инвалидной команды. Установлены были мѣры контроля и по отношенію къ учебно-вспомогательнымъ учрежденіямъ университета: 11-го іюля 1822 года отъ всѣхъ завѣдующихъ этими послѣдними потре-

* Н. А. Поповъ: «Общество любителей отечественной словесности и періодическая литература въ Казани» (Русск. Вѣстн. 1859 г., т. XXIII, стр. 83, сноска 1-ая).

** См. томъ III, стр. 437 и сл., 491 и сл.

концу 50-хъ годовъ истекшаго столѣтія и принадлежащее бывшему профессору казанскаго университета Н. А. Попову: „Переписка между Магницкимъ и членами университета того времени до сихъ поръ еще хранится у нѣкоторыхъ лицъ, ожидая современемъ изданія своего въ свѣтъ"— писалъ въ 1859-мъ году профессоръ Поповъ *. Почти полвѣка истекло со времени этого свидѣтельства и для нашихъ дней можно считать болѣе нежели вѣроятною утрату этой драгоцѣнной переписки, несомнѣнно заключавшей въ себѣ не мало данныхъ для болѣе непосредственной характеристики и самого Магницкаго, и его времени, и внутренней жизни „обновленнаго" имъ казанскаго университета. Великую услугу оказало бы и исторіи русскаго просвѣщенія, и казанскому университету лицо, которое, паче чаянія, могло бы навести этотъ послѣдній хотя бы только на слѣды продолжающагося еще существованія этой интересной переписки.

Приняты были Магницкимъ дѣятельныя мѣры и къ установленію открытаго и оффиціальнаго съ его стороны контроля надъ дѣятельностью ввѣреннаго ему университета; рядъ мѣропріятій въ этомъ направленіи проходитъ черезъ всѣ годы его попечительства. Не говоря уже объ обычныхъ годичныхъ отчетахъ по университету и о представленіяхъ по текущимъ дѣламъ, установлены были періодическія донесенія относительно положенія различныхъ сторонъ университетской жизни. Такъ, намъ извѣстно, что новый попечитель уже въ началѣ 1820-го года предписалъ доставлять ему въ Петербургъ ежемѣсячные отчеты или „меморіи" относительно хода и успѣховъ преподаванія, а также конспекты послѣдняго **. Весною 1822-го года Магницкій предписалъ директору университета каждыя двѣ недѣли присылать ему донесенія „о происшествіяхъ по университету" и, между прочимъ, о посѣщеніи членами его засѣданій, что и продолжалось во всѣ годы его попечительства. Сохранившіяся до нашихъ дней донесенія этого рода, которыми мы уже не разъ пользовались, представляютъ собою крайне любопытный матеріалъ для обрисовки условій внутренней жизни университета въ интересующую насъ эпоху; до какой мелочности доходили эти донесенія видно, напримѣръ, изъ того, что до свѣдѣнія попечителя доводилось объ увольненіи солдатъ университетской инвалидной команды. Установлены были мѣры контроля и по отношенію къ учебно-вспомогательнымъ учрежденіямъ университета: 11-го іюля 1822 года отъ всѣхъ завѣдующихъ этими послѣдними потре-

* Н. А. Поповъ: «Общество любителей отечественной словесности и періодическая литература въ Казани» (Русск. Вѣстн. 1859 г., т. XXIII, стр. 83, сноска 1-ая).

** См. томъ III, стр. 437 и сл., 491 и сл.

бовано было доставленіе попечителю ежемѣсячныхъ отчетовъ объ ихъ состояніи. Будучи, такими путями, постоянно оріентированъ во всѣхъ подробностяхъ университетской жизни, Магницкій не скупился на замѣчанія и руководящія указанія по поводу доставляемыхъ ему донесеній и меморій; въ декабрѣ 1820-го года, напримѣръ, онъ дѣлаетъ ректору упрекъ въ томъ, что канцелярія университетскаго правленія оказывается болѣе исправною, сравнительно съ канцеляріею совѣта, осенью 1823-го года выражаетъ недовольство медленнымъ ходомъ дѣлъ въ правленіи, рекомендуя „введеніе новаго въ немъ устройства", въ августѣ 1824-го года разноситъ ректора и совѣтъ за неправильное, по его мнѣнію, распредѣленіе преподаваній въ наступающемъ учебномъ году и т. п. [151].

Мы уже знаемъ, что, завершивъ процессъ начальнаго „обновленія" его, Магницкій оставилъ казанскій университетъ подъ чисто диктаторскою властью директора А. П. Владимірскаго, въ лицѣ котораго имѣвшій постоянное пребываніе въ столицѣ попечитель создалъ себѣ на мѣстѣ, въ Казани, постояннаго замѣстителя, признаннаго имъ „первымъ лицомъ" въ университетскихъ собраніяхъ и „главнымъ начальникомъ" въ университетѣ, вообще *. Выступая въ Казани во властной роли попечительскаго alter ego, Владимірскій располагалъ здѣсь властью почти безграничною, передъ которою должны были совершенно стушеваться и обоснованная на уставѣ 1804-го года автономія совѣта и авторитетъ естественнаго представителя его—ректора. Какъ по самому духу вновь учрежденной должности „директора университета", такъ и по распространительнымъ толкованіямъ ея значенія попечителемъ—вся и все, не только въ университетѣ, но и въ цѣломъ учебномъ его округѣ, должно было преклоняться передъ волею и передъ словомъ полномочнаго попечительскаго конфидента. Извѣстно намъ и то, что первый директоръ университета Владимірскій являлся проводникомъ и исполнителемъ всѣхъ обскурантныхъ, а порою и фантастическихъ, предначертаній Магницкаго; что на его долю выпала монопольная миссія борьбы сь „лжемудріемъ" и насажденія благочестія и „добраго духа" во всемъ обширномъ казанскомъ учебномъ округѣ; что ему предоставлена была возможность вмѣшательства даже въ ученую и учебную жизнь университета, отмежеванную въ пользу ректора „инструкціею" этому послѣднему, созданною самимъ же Магницкимъ...

Пришибленный попечительскими новшествами и терроризированный его начальными мѣропріятіями, университетскій совѣтъ покорно и без-

* См. томъ II, стр. 340—341.

бовано было доставленіе попечителю ежемѣсячныхъ отчетовъ объ ихъ состояніи. Будучи, такими путями, постоянно оріентированъ во всѣхъ подробностяхъ университетской жизни, Магницкій не скупился на замѣчанія и руководящія указанія по поводу доставляемыхъ ему донесеній и меморій; въ декабрѣ 1820-го года, напримѣръ, онъ дѣлаетъ ректору упрекъ въ томъ, что канцелярія университетскаго правленія оказывается болѣе исправною, сравнительно съ канцеляріею совѣта, осенью 1823-го года выражаетъ недовольство медленнымъ ходомъ дѣлъ въ правленіи, рекомендуя „введеніе новаго въ немъ устройства", въ августѣ 1824-го года разноситъ ректора и совѣтъ за неправильное, по его мнѣнію, распредѣленіе преподаваній въ наступающемъ учебномъ году и т. п. [151].

Мы уже знаемъ, что, завершивъ процессъ начальнаго „обновленія" его, Магницкій оставилъ казанскій университетъ подъ чисто диктаторскою властью директора А. П. Владимірскаго, въ лицѣ котораго имѣвшій постоянное пребываніе въ столицѣ попечитель создалъ себѣ на мѣстѣ, въ Казани, постояннаго замѣстителя, признаннаго имъ „первымъ лицомъ" въ университетскихъ собраніяхъ и „главнымъ начальникомъ" въ университетѣ, вообще *. Выступая въ Казани во властной роли попечительскаго alter ego, Владимірскій располагалъ здѣсь властью почти безграничною, передъ которою должны были совершенно стушеваться и обоснованная на уставѣ 1804-го года автономія совѣта и авторитетъ естественнаго представителя его—ректора. Какъ по самому духу вновь учрежденной должности „директора университета", такъ и по распространительнымъ толкованіямъ ея значенія попечителемъ—вся и все, не только въ университетѣ, но и въ цѣломъ учебномъ его округѣ, должно было преклоняться передъ волею и передъ словомъ полномочнаго попечительскаго конфидента. Извѣстно намъ и то, что первый директоръ университета Владимірскій являлся проводникомъ и исполнителемъ всѣхъ обскурантныхъ, а порою и фантастическихъ, предначертаній Магницкаго; что на его долю выпала монопольная миссія борьбы съ „лжемудріемъ" и насажденія благочестія и „добраго духа" во всемъ обширномъ казанскомъ учебномъ округѣ; что ему предоставлена была возможность вмѣшательства даже въ ученую и учебную жизнь университета, отмежеванную въ пользу ректора „инструкціею" этому послѣднему, созданною самимъ же Магницкимъ...

Пришибленный попечительскими новшествами и терроризированный его начальными мѣропріятіями, университетскій совѣтъ покорно и без-

* См. томъ II, стр. 340—341.

молвно склонилъ свою голову подъ гнетомъ новаго академическаго режима и только одинъ протестующій голосъ раздался изъ его среды въ защиту попираемыхъ правъ университета и его коллегіи. То былъ голосъ ректора университета Г. И. Солнцева, не побоявшагося стать въ открытую оппозицію не только всевластному директору университета Владимірскому, но и общему ихъ принципалу—грозному временщику Магницкому. Ходъ и результатъ этой непосильной борьбы, окончившейся смѣщеніемъ Солнцева съ должности ректора, постыднымъ эпизодомъ университетскаго суда надъ нимъ и увольненіемъ его отъ учебной службы—уже въ достаточной степени знакомы намъ и снова возвращаться къ этимъ прискорбнымъ страницамъ исторіи казанскаго университета мы не станемъ *.

Восторжествовавъ надъ Солнцевымъ, Владимірскій едва ли подозрѣвалъ, что въ лицѣ его преемника по ректорскому креслу,—профессора Г. Б. Никольскаго,—ему нарождался новый и серьезный противникъ, опасный уже самымъ складомъ своей личности, черты которой не далеко уходили отъ характерныхъ особенностей самого директора: то же угодливое искательство передъ суровымъ принципаломъ, та же напускная маска фарисейства, то же гибкое умѣнье приспособляться къ обстоятельствамъ и вѣяніямъ дня, та же неразборчивость въ средствахъ и путяхъ къ устроенію своего личнаго благополучія и къ достиженію разъ намѣченной, хотя бы и сомнительной чистоты, цѣли..... Въ новомъ ректорѣ не оказалось и тѣни той коллегіальной независимости характера, той рѣзкости и прямолинейности мысли, слова и дѣла, которыя сохранены были Г. И. Солнцевымъ до самаго конца его продолжительной жизни, которыя облегчили попечителю и директору борьбу съ неподатливымъ представителемъ университета и такъ быстро и рѣшительно привели его къ паденію. Никольскій выступаетъ передъ нами въ неблагодарной роли одного изъ дѣятельнѣйшихъ сподвижниковъ Магницкаго въ пресловутомъ процессѣ „обновленія“ казанскаго университета и въ направленіи новой жизни его, и еще во время ревизіи 1819-го года сумѣлъ заручиться расположеніемъ будущаго попечителя, доносившаго министру, что „профессоръ Никольскій съ отличнымъ усердіемъ руководствовалъ моимъ обозрѣніемъ“, за что и былъ представленъ „на особенное вниманіе правительства“. Избранный 5-го іюня 1820 года, подъ давленіемъ попечителя, ректоромъ университета, Никольскій уже 17-го января 1821 года, на первомъ „актѣ обновленія“, дебютировалъ знакомою намъ крикливо-фарисейскою и пропитанною

---

* См. томъ III, стр. 366 и сл., 506 и сл.

молвно склонилъ свою голову подъ гнетомъ новаго академическаго режима и только одинъ протестующій голосъ раздался изъ его среды въ защиту попираемыхъ правъ университета и его коллегіи. То былъ голосъ ректора университета Г. И. Солнцева, не побоявшагося стать въ открытую оппозицію не только всевластному директору университета Владимірскому, но и общему ихъ принципалу—грозному временщику Магницкому. Ходъ и результатъ этой непосильной борьбы, окончившейся смѣщеніемъ Солнцева съ должности ректора, постыднымъ эпизодомъ университетскаго суда надъ нимъ и увольненіемъ его отъ учебной службы—уже въ достаточной степени знакомы намъ и снова возвращаться къ этимъ прискорбнымъ страницамъ исторіи казанскаго университета мы не станемъ *.

Восторжествовавъ надъ Солнцевымъ, Владимірскій едва ли подозрѣвалъ, что въ лицѣ его преемника по ректорскому креслу,—профессора Г. Б. Никольскаго,—ему нарождался новый и серьезный противникъ, опасный уже самымъ складомъ своей личности, черты которой не далеко уходили отъ характерныхъ особенностей самого директора: то же угодливое искательство передъ суровымъ принципаломъ, та же напускная маска фарисейства, то же гибкое умѣнье приспособляться къ обстоятельствамъ и вѣяніямъ дня, та же неразборчивость въ средствахъ и путяхъ къ устроенію своего личнаго благополучія и къ достиженію разъ намѣченной, хотя бы и сомнительной чистоты, цѣли..... Въ новомъ ректорѣ не оказалось и тѣни той коллегіальной независимости характера, той рѣзкости и прямолинейности мысли, слова и дѣла, которыя сохранены были Г. И. Солнцевымъ до самаго конца его продолжительной жизни, которыя облегчили попечителю и директору борьбу съ неподатливымъ представителемъ университета и такъ быстро и рѣшительно привели его къ паденію. Никольскій выступаетъ передъ нами въ неблагодарной роли одного изъ дѣятельнѣйшихъ сподвижниковъ Магницкаго въ пресловутомъ процессѣ „обновленія“ казанскаго университета и въ направленіи новой жизни его, и еще во время ревизіи 1819-го года сумѣлъ заручиться расположеніемъ будущаго попечителя, доносившаго министру, что „профессоръ Никольскій съ отличнымъ усердіемъ руководствовалъ моимъ обозрѣніемъ“, за что и былъ представленъ „на особенное вниманіе правительства“. Избранный 5-го іюня 1820 года, подъ давленіемъ попечителя, ректоромъ университета, Никольскій уже 17-го января 1821 года, на первомъ „актѣ обновленія“, дебютировалъ знакомою намъ крикливо-фарисейскою и пропитанною

* См. томъ III, стр. 366 и сл., 506 и сл.

низменною угодливостью рѣчью, которая привела въ восторгъ Магницкаго; сопоставляя „превосходную рѣчь господина ректора съ прежними актами и рѣчами"—попечитель пришелъ къ заключенію, что „сіи славословія лжеименнаго разума какъ мракъ отъ свѣта отдѣляются отъ прекрасной, назидательной, высокой бесѣды мужа, не менѣе другихъ въ наукахъ свѣдущаго, но духомъ слова Божія освѣщеннаго" *, а 5-го августа того же 1821 года, увѣдомляя Никольскаго объ исходатайствованіи ему въ награду „за успѣхи въ приведеніи въ лучшее состояніе какъ самаго университета, такъ и подвѣдомыхъ ему училищъ по всѣмъ частямъ, наипаче же по нравственной", ордена св. Анны второй степени—Магницкій писалъ новому ректору, что „ученые труды ваши и, особенно, совершенная перемѣна со вступленія вашего въ настоящее званіе духа въ дѣлахъ совѣта казанскаго университета, успѣшное теченіе дѣлъ его и порядокъ, замѣнившій бывшее неустройство", вмѣняютъ въ долгъ ему, попечителю, „и впредь быть усерднымъ посредникомъ въ доставленіи наградъ усердію вашему ко благу общему, къ чести университета и къ званію, вами украшаемому" [152]. Угождая попечителю въ дѣлѣ насажденія новаго „духа" во внутреннихъ распорядкахъ университетской жизни и вступивъ на этой почвѣ въ соперничество съ директоромъ, въ качествѣ верховнаго блюстителя университета по „части нравственной", новый ректоръ не преминулъ выступить конкуррентомъ Владимірскаго и по части насажденія духа благочестія въ училищахъ округа; по свидѣтельству современниковъ, Никольскій, посѣщая подвѣдомственныя университету учебныя заведенія, съ важностью патріарха раздавалъ учащимся свои благословенія, а въ сентябрѣ 1821 года, напримѣръ, визитируя симбирскую гимназію, не только испытывалъ воспитанниковъ въ знаніи закона Божія, но преподавалъ какія то „христіанскія наставленія" даже преподавательскому персоналу (см. выше стр. 251).

Вступленіе Никольскаго въ должность ректора и связанное съ этимъ возростаніе вліянія его передъ попечителемъ — должно быть поставлено въ тѣснѣйшую связь съ умаленіемъ значенія Владимірскаго, совершенно случайная карьера котораго съ этого момента начинаетъ все болѣе и болѣе скатываться по наклонной плоскости въ виду размолвки его съ Магницкимъ, признаки которой стали ясно давать себя чувствовать уже съ конца 1821 года и которая въ исходѣ слѣдующаго 1822 года привела къ увольненію Владимірскаго „по разстроенному здоровью" какъ отъ долж-

* См. томъ III, стр. 382—384.

низменною угодливостью рѣчью, которая привела въ восторгъ Магницкаго; сопоставляя „превосходную рѣчь господина ректора съ прежними актами и рѣчами"—попечитель пришелъ къ заключенію, что „сіи славословія лжеименнаго разума какъ мракъ отъ свѣта отдѣляются отъ прекрасной, назидательной, высокой бесѣды мужа, не менѣе другихъ въ наукахъ свѣдущаго, но духомъ слова Божія освѣщеннаго" *, а 5-го августа того же 1821 года, увѣдомляя Никольскаго объ исходатайствованіи ему въ награду „за успѣхи въ приведеніи въ лучшее состояніе какъ самаго университета, такъ и подвѣдомыхъ ему училищъ по всѣмъ частямъ, наипаче же по нравственной", ордена св. Анны второй степени—Магницкій писалъ новому ректору, что „ученые труды ваши и, особенно, совершенная перемѣна со вступленія вашего въ настоящее званіе духа въ дѣлахъ совѣта казанскаго университета, успѣшное теченіе дѣлъ его и порядокъ, замѣнившій бывшее неустройство", вмѣняютъ въ долгъ ему, попечителю, „и впредь быть усерднымъ посредникомъ въ доставленіи наградъ усердію вашему ко благу общему, къ чести университета и къ званію, вами украшаемому" [152]. Угождая попечителю въ дѣлѣ насажденія новаго „духа" во внутреннихъ распорядкахъ университетской жизни и вступивъ на этой почвѣ въ соперничество съ директоромъ, въ качествѣ верховнаго блюстителя университета по „части нравственной", новый ректоръ не преминулъ выступить конкуррентомъ Владимірскаго и по части насажденія духа благочестія въ училищахъ округа; по свидѣтельству современниковъ, Никольскій, посѣщая подвѣдомственныя университету учебныя заведенія, съ важностью патріарха раздавалъ учащимся свои благословенія, а въ сентябрѣ 1821 года, напримѣръ, визитируя симбирскую гимназію, не только испытывалъ воспитанниковъ въ знаніи закона Божія, но преподавалъ какія то „христіанскія наставленія" даже преподавательскому персоналу (см. выше стр. 251).

Вступленіе Никольскаго въ должность ректора и связанное съ этимъ возростаніе вліянія его передъ попечителемъ — должно быть поставлено въ тѣснѣйшую связь съ умаленіемъ значенія Владимірскаго, совершенно случайная карьера котораго съ этого момента начинаетъ все болѣе и болѣе скатываться по наклонной плоскости въ виду размолвки его съ Магницкимъ, признаки которой стали ясно давать себя чувствовать уже съ конца 1821 года и которая въ исходѣ слѣдующаго 1822 года привела къ увольненію Владимірскаго „по разстроенному здоровью" какъ отъ долж-

* См. томъ III, стр. 382—384.

ности директора университета, такъ и отъ кафедры повивальнаго искусства, занятой имъ осенью 1821 года. Едва ли позволительно сомнѣваться въ томъ, что въ дѣлѣ паденія бывшаго попечительскаго любимца и конфидента Владимірскаго—выдающаяся доля участія выпала на ректора Никольскаго и что почвою послужила въ данномъ случаѣ интимная переписка между попечителемъ и ректоромъ, по несчастной случайности до насъ не сохранившаяся *. Благодаря этому, сокрытыми остаются для историка всѣ интимныя нити закулисной борьбы, предпринятой противъ директора Владимірскаго: мы имѣемъ передъ собою лишь финальные акты этой борьбы и ея окончательный результатъ, выразившійся въ паденіи, такъ недавно еще почти всесильнаго, попечительскаго фаворита.

Оффиціальные документы интересующей насъ эпохи съ несомнѣнною убѣдительностью приводятъ къ заключенію, что виновникомъ собственнаго паденія въ весьма значительной степени явился и самъ Владимірскій, которому „вскружило голову" выпавшее на его долю исключительное служебное положеніе, толкнувшее его на путь безтактности и высокомѣрія, возстановившихъ противъ директора университета не только сослуживцевъ и всѣхъ лицъ, приходившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе, но даже самого, такъ сильно покровительствовавшаго ему, Магницкаго, тѣмъ болѣе, что самонадѣянность Владимірскаго порою ставила попечителя въ положеніе довольно щекотливое. Такъ, напримѣръ, еще осенью 1820 года Магницкій получилъ неудобный для себя отказъ въ предпринятомъ имъ, по просьбѣ Владимірскаго, всеподданнѣйшемъ ходатайствѣ относительно воспріятія государемъ императоромъ отъ купели сына университетскаго кассира Кавнацкаго; увѣдомляя объ этомъ директора, попечитель укоризненно поставилъ ему на видъ, что „изъ сего отказа можетъ онъ заключить какъ о доброжеланіи моемъ къ успѣху представленія, такъ и о непріятности, въ которую нескромность сія ввела меня". [153]

Ослѣпленный случайно выпавшимъ на его долю положеніемъ, Владимірскій позволялъ себѣ неумѣстное вторженіе даже въ административныя сферы совершенно по отношенію къ нему постороннія, компрометируя на этой почвѣ авторитетъ попечителя, подъ эгидою котораго дѣйствовалъ. Такъ, въ ноябрѣ 1821 года Владимірскій обратился къ казанскому губер-

* Указанія на интимную переписку Магницкаго съ дѣятелями казанскаго университета см. выше на стр. 291-ой. Припомнимъ, что и самъ попечитель признавалъ цѣлесообразность подобной переписки, рекомендуя инспектору Барсову дѣлать ему сообщенія «въ приватныхъ отношеніяхъ, кои останутся между нами» (см. выше стр. 240). Едва ли могутъ стоять въ сомнѣніи такія же «приватныя отношенія» между попечителемъ округа и ректоромъ университета.

ности директора университета, такъ и отъ кафедры повивальнаго искусства, занятой имъ осенью 1821 года. Едва ли позволительно сомнѣваться въ томъ, что въ дѣлѣ паденія бывшаго попечительскаго любимца и конфидента Владимірскаго—выдающаяся доля участія выпала на ректора Никольскаго и что почвою послужила въ данномъ случаѣ интимная переписка между попечителемъ и ректоромъ, по несчастной случайности до насъ не сохранившаяся *. Благодаря этому, сокрытыми остаются для историка всѣ интимныя нити закулисной борьбы, предпринятой противъ директора Владимірскаго: мы имѣемъ передъ собою лишь финальные акты этой борьбы и ея окончательный результатъ, выразившійся въ паденіи, такъ недавно еще почти всесильнаго, попечительскаго фаворита.

Оффиціальные документы интересующей насъ эпохи съ несомнѣнною убѣдительностью приводятъ къ заключенію, что виновникомъ собственнаго паденія въ весьма значительной степени явился и самъ Владимірскій, которому „вскружило голову" выпавшее на его долю исключительное служебное положеніе, толкнувшее его на путь безтактности и высокомѣрія, возстановившихъ противъ директора университета не только сослуживцевъ и всѣхъ лицъ, приходившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе, но даже самого, такъ сильно покровительствовавшаго ему, Магницкаго, тѣмъ болѣе, что самонадѣянность Владимірскаго порою ставила попечителя въ положеніе довольно щекотливое. Такъ, напримѣръ, еще осенью 1820 года Магницкій получилъ неудобный для себя отказъ въ предпринятомъ имъ, по просьбѣ Владимірскаго, всеподданнѣйшемъ ходатайствѣ относительно воспріятія государемъ императоромъ отъ купели сына университетскаго кассира Кавнацкаго; увѣдомляя объ этомъ директора, попечитель укоризненно поставилъ ему на видъ, что „изъ сего отказа можетъ онъ заключить какъ о доброжеланіи моемъ къ успѣху представленія, такъ и о непріятности, въ которую нескромность сія ввела меня". [153]

Ослѣпленный случайно выпавшимъ на его долю положеніемъ, Владимірскій позволялъ себѣ неумѣстное вторженіе даже въ административныя сферы совершенно по отношенію къ нему постороннія, компрометируя на этой почвѣ авторитетъ попечителя, подъ эгидою котораго дѣйствовалъ. Такъ, въ ноябрѣ 1821 года Владимірскій обратился къ казанскому губер-

---

* Указанія на интимную переписку Магницкаго съ дѣятелями казанскаго университета см. выше на стр. 291-ой. Припомнимъ, что и самъ попечитель признавалъ цѣлесообразность подобной переписки, рекомендуя инспектору Барсову дѣлать ему сообщенія «въ приватныхъ отношеніяхъ, кои останутся между нами» (см. выше стр. 240). Едва ли могутъ стоять въ сомнѣніи такія же «приватныя отношенія» между попечителемъ округа и ректоромъ университета.

натору съ категорически выраженнымъ требованіемъ запрещенія имъ кулачныхъ боевъ на озерѣ Кабанѣ *, мотивируя свое требованіе случившимся передъ тѣмъ фактомъ избіенія на бою двороваго человѣка одного изъ университетскихъ служащихъ и опасностью отъ этихъ боевъ „для своекоштныхъ воспитанниковъ, разсѣянно живущихъ въ городѣ, и для казенныхъ водовозовъ". Губернаторъ Ниловъ ограничился весьма язвительнымъ отвѣтомъ, въ которомъ саркастически принесъ директору университета „наичувствительнѣйшую благодарность за наставленіе къ исполненію обязанностей" его; что же касается требованія Владимірскаго увѣдомить его о предпринятыхъ мѣрахъ, писалъ, что „не считаетъ нужнымъ обременять его извѣстнымъ и до него не относящимся извѣщеніемъ", страхи же директора за нравственность воспитанниковъ успокаивалъ тѣмъ, что отъ него самого зависитъ принять мѣры къ тому, „дабы воспитанники отклоняемы были отъ посѣщенія такихъ мѣстъ, въ коихъ нравственность ихъ можетъ подвергнуться соблазну". Дѣло объ этомъ конфликтѣ доходило до свѣдѣнія высшихъ петербургскихъ сферъ, что для попечителя было, конечно, дѣломъ не совсѣмъ пріятнымъ [154]. Полученный урокъ не послужилъ Владимірскому на пользу. Весною слѣдующаго 1822 года онъ вступаетъ въ новое пререкательство съ губернаторомъ, — на этотъ разъ уже симбирскимъ,—изъ за праздничныхъ балагановъ, расположеныхъ, по мнѣнію директора университета, слишкомъ близко отъ зданія гимназіи и грозящихъ воспитанникамъ гимназіи соблазномъ „игрищъ, отъ которыхъ святый Іоаннъ Златоустъ всею силою предостерегаетъ". Не вступая въ личную переписку съ Владимірскимъ, симбирскій губернаторъ обжаловалъ образъ дѣйствій его передъ самимъ попечителемъ, который и препроводилъ на имя директора предложеніе отъ 6-го іюня, озаглавленное: „О приличнѣйшемъ сношеніи съ начальствомъ", въ которомъ внушаетъ Владимірскому, что „подобныя наставленія начальникамъ губерній, какое заключается въ отношеніи къ симбирскому губернатору, нахожу невмѣстными и прошу на будущее время ограничиваться въ сношеніяхъ съ начальствами духовнымъ и гражданскимъ одними дѣловыми отношеніями, кои предоставляются вамъ единственно по отсутствію попечителя и по дальнему разстоянію отсюда до Казани". Сославшись, далѣе, на то, что „самъ министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія не позволяетъ себѣ иначе дѣй-

---

* Эти традиціонные кулачные бои на оз. Кабанѣ, происходившіе между русскими и татарами, были окончательно запрещены лишь въ концѣ 60-хъ годовъ истекшаго столѣтія, послѣ разыгравшагося на ихъ почвѣ грандіознаго побоища, завершившагося погромомъ Татарской слободы.

натору съ категорически выраженнымъ требованіемъ запрещенія имъ кулачныхъ боевъ на озерѣ Кабанѣ *, мотивируя свое требованіе случившимся передъ тѣмъ фактомъ избіенія на бою двороваго человѣка одного изъ университетскихъ служащихъ и опасностью отъ этихъ боевъ „для своекоштныхъ воспитанниковъ, разсѣянно живущихъ въ городѣ, и для казенныхъ водовозовъ". Губернаторъ Ниловъ ограничился весьма язвительнымъ отвѣтомъ, въ которомъ саркастически принесъ директору университета „наичувствительнѣйшую благодарность за наставленіе къ исполненію обязанностей" его; что же касается требованія Владимірскаго увѣдомить его о предпринятыхъ мѣрахъ, писалъ, что „не считаетъ нужнымъ обременять его извѣстнымъ и до него не относящимся извѣщеніемъ", страхи же директора за нравственность воспитанниковъ успокаивалъ тѣмъ, что отъ него самого зависитъ принять мѣры къ тому, „дабы воспитанники отклоняемы были отъ посѣщенія такихъ мѣстъ, въ коихъ нравственность ихъ можетъ подвергнуться соблазну". Дѣло объ этомъ конфликтѣ доходило до свѣдѣнія высшихъ петербургскихъ сферъ, что для попечителя было, конечно, дѣломъ не совсѣмъ пріятнымъ [154]. Полученный урокъ не послужилъ Владимірскому на пользу. Весною слѣдующаго 1822 года онъ вступаетъ въ новое пререкательство съ губернаторомъ, — на этотъ разъ уже симбирскимъ,—изъ за праздничныхъ балагановъ, расположеныхъ, по мнѣнію директора университета, слишкомъ близко отъ зданія гимназіи и грозящихъ воспитанникамъ гимназіи соблазномъ „игрищъ, отъ которыхъ святый Іоаннъ Златоустъ всею силою предостерегаетъ". Не вступая въ личную переписку съ Владимірскимъ, симбирскій губернаторъ обжаловалъ образъ дѣйствій его передъ самимъ попечителемъ, который и препроводилъ на имя директора предложеніе отъ 6-го іюня, озаглавленное: „О приличнѣйшемъ сношеніи съ начальствомъ", въ которомъ внушаетъ Владимірскому, что „подобныя наставленія начальникамъ губерній, какое заключается въ отношеніи къ симбирскому губернатору, нахожу невмѣстными и прошу на будущее время ограничиваться въ сношеніяхъ съ начальствами духовнымъ и гражданскимъ одними дѣловыми отношеніями, кои предоставляются вамъ единственно по отсутствію попечителя и по дальнему разстоянію отсюда до Казани". Сославшись, далѣе, на то, что „самъ министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія не позволяетъ себѣ иначе дѣй-

* Эти традиціонные кулачные бои на оз. Кабанѣ, происходившіе между русскими и татарами, были окончательно запрещены лишь въ концѣ 60-хъ годовъ истекшаго столѣтія, послѣ разыгравшагося на ихъ почвѣ грандіознаго побоища, завершившагося погромомъ Татарской слободы.

ствовать на губернскія начальства, какъ чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ", и, слѣдовательно, директору университета „нѣтъ ни приличія, ни слѣда учить губернатора", попечитель ставитъ на видъ, что балаганы удалены отъ зданія гимназіи, будучи смежны ея заднему забору, почему учебному начальству приличнѣе было бы „заняться внимательнѣе внутренностью гимназіи, нежели площадью, къ забору ея прилегающею" [155]. Какъ разъ къ тому же времени пріурочивается и уже извѣстный намъ рѣзкій выговоръ, сдѣланный попечителемъ директору университета за самовольное вторженіе его въ дѣла домашняго воспитанія дѣтей, въ которомъ Магницкій внушалъ Владимірскому неприличіе для училищнаго начальства „ходить по домамъ, въ качествѣ полицейскаго чиновника, и отбирать свѣдѣнія", на что онъ, директоръ, „не имѣлъ права, ибо сіе не пріемлетъ на себя и самое высшее учебное начальство", а также протестъ попечителя противъ задуманнаго Владимірскимъ подневольнаго паломничества студентовъ на поклоненіе свіяжскимъ святынямъ *.

Мало стѣсняясь съ представителями постороннихъ вѣдомствъ, зазнавшійся директоръ еще менѣе церемонился съ собственными сослуживцами не только по округу, но и по университету. Исторія ревизіи казанской гимназіи (1822 г.), въ своемъ мѣстѣ уже разсказанная нами, которою, какъ мы видѣли, враги Владимірскаго воспользовались въ качествѣ ряда скрытыхъ ходовъ противъ ненавистнаго всѣмъ директора университета, раскрываетъ передъ нами общій характеръ отношеній Владимірскаго къ своимъ университетскимъ сослуживцамъ; такъ, одинъ изъ ревизоровъ, профессоръ В. И. Тимьянскій, жаловался въ отчетѣ по ревизіи на „перенесенныя обиды, кои разстроили духъ" его и были неоднократно причиняемы ему директоромъ университета, позволявшимъ себѣ прибѣгать по отношенію къ нему къ ругательствамъ и даже открытымъ угрозамъ **. Лѣто 1822-го года явилось, вообще, рѣшительнымъ кульминаціоннымъ пунктомъ въ измѣненіи прежнихъ отношеній между попечителемъ и директоромъ университета, и только что упомянутая нами ревизія гимназіи выступила въ этомъ направленіи факторомъ весьма крупнаго значенія, раскрывъ Магницкому глаза на нравственный обликъ Владимірскаго, которому попечитель и счелъ умѣстнымъ выразить далеко не двусмысленное пожеланіе, что бы руководящія имъ побужденія личности—впредь умѣрялись „христіанскими чувствами или, по крайней мѣрѣ, благопристойностью".

---

* См. выше стр. 258—259.
** См. выше стр. 246—247.

ствовать на губернскія начальства, какъ чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ", и, слѣдовательно, директору университета „нѣтъ ни приличія, ни слѣда учить губернатора", попечитель ставитъ на видъ, что балаганы удалены отъ зданія гимназіи, будучи смежны ея заднему забору, почему учебному начальству приличнѣе было бы „заняться внимательнѣе внутренностью гимназіи, нежели площадью, къ забору ея прилегающею"[155]. Какъ разъ къ тому же времени пріурочивается и уже извѣстный намъ рѣзкій выговоръ, сдѣланный попечителемъ директору университета за самовольное вторженіе его въ дѣла домашняго воспитанія дѣтей, въ которомъ Магницкій внушалъ Владимірскому неприличіе для училищнаго начальства „ходить по домамъ, въ качествѣ полицейскаго чиновника, и отбирать свѣдѣнія", на что онъ, директоръ, „не имѣлъ права, ибо сіе не пріемлетъ на себя и самое высшее учебное начальство", а также протестъ попечителя противъ задуманнаго Владимірскимъ подневольнаго паломничества студентовъ на поклоненіе свіяжскимъ святынямъ *.

Мало стѣсняясь съ представителями посторонних вѣдомствъ, зазнавшійся директоръ еще менѣе церемонился съ собственными сослуживцами не только по округу, но и по университету. Исторія ревизіи казанской гимназіи (1822 г.), въ своемъ мѣстѣ уже разсказанная нами, которою, какъ мы видѣли, враги Владимірскаго воспользовались въ качествѣ ряда скрытыхъ ходовъ противъ ненавистнаго всѣмъ директора университета, раскрываетъ передъ нами общій характеръ отношеній Владимірскаго къ своимъ университетскимъ сослуживцамъ; такъ, одинъ изъ ревизоровъ, профессоръ В. И. Тимьянскій, жаловался въ отчетѣ по ревизіи на „перенесенныя обиды, кои разстроили духъ" его и были неоднократно причиняемы ему директоромъ университета, позволявшимъ себѣ прибѣгать по отношенію къ нему къ ругательствамъ и даже открытымъ угрозамъ **. Лѣто 1822-го года явилось, вообще, рѣшительнымъ кульминаціоннымъ пунктомъ въ измѣненіи прежнихъ отношеній между попечителемъ и директоромъ университета, и только что упомянутая нами ревизія гимназіи выступила въ этомъ направленіи факторомъ весьма крупнаго значенія, раскрывъ Магницкому глаза на нравственный обликъ Владимірскаго, которому попечитель и счелъ умѣстнымъ выразить далеко не двусмысленное пожеланіе, что бы руководящія имъ побужденія личности—впредь умѣрялись „христіанскими чувствами или, по крайней мѣрѣ, благопристойностью".

---

* См. выше стр. 258—259.
** См. выше стр. 246—247.

Весьма остраго характера столкновеніе между Магницкимъ и Владимірскимъ разыгралось, впрочемъ, еще весною 1822-го года на почвѣ требованія попечителемъ отъ директора болѣе обстоятельныхъ и „интимнаго" свойства свѣдѣній относительно положенія вещей въ университетѣ и въ округѣ. Сущность предъявленныхъ попечителемъ претензій рельефнѣе всего обрисуется передъ читателями изъ слѣдующаго предложенія попечителя отъ 28-го апрѣля, адресованнаго на имя директора университета:

„Хотя по высочайше утвержденной инструкціи директору казанскаго университета и предписано ему имѣть особенныя сношенія съ попечителемъ именно въ томъ намѣреніи, что бы сей послѣдній, по отдаленію его отъ университета, могъ всегда имѣть благовременное и достовѣрное свѣдѣніе о всѣхъ происшествіяхъ, къ нравственному и полицейскому управленію относящихся; хотя для облегченія сихъ сношеній и установлена была отъ меня частная съ вами переписка, но, не взирая на сіе, многія важныя въ нравственномъ отношеніи происшествія благовременно доведены до меня не были и стороною имѣли непріятное вліяніе на внутренній порядокъ университета, почему и нахожусь я въ обязанности просить васъ, милостивый государь мой:

1. Получая ежедневно донесенія о всѣхъ происшествіяхъ казанскаго университета и гимназіи въ отношеніи къ управленію нравственному и полицейскому, доставлять мнѣ каждыя двѣ недѣли вѣдомости, вами подписанныя, или увѣдомлять, что никакихъ особенныхъ происшествій не было.

Примѣрно—къ происшествіямъ относиться должны: неблагоповеденіе преподавателей или другихъ чиновниковъ, студентовъ и учениковъ; особыя мѣры прещенія и строгости; донесеніе объ отправленіи обязанностей вѣры или замѣченное оныхъ небреженіе; исправность или неисправность въ посѣщеніи засѣданій или лекцій и всему тому подобное.

Равнымъ образомъ въ происшествія помѣщать должно всякое нововведеніе въ университетѣ и гимназіи и въ сихъ случаяхъ слѣдуетъ, до приведенія онаго въ дѣйство, призвавъ на совѣщаніе ректора университета, испросить отсюда разрѣшеніе, дабы не могло случиться, напримѣръ, чего либо подобнаго той перемѣнѣ въ молитвословіяхъ утреннихъ и вечернихъ, коею отмѣнены моленія, церковью установленныя, для введенія произвольныхъ. Сіе послѣднее обстоятельство приведено здѣсь только для примѣра, но можетъ быть оставлено въ прежнемъ положеніи до присылки отсюда составляемыхъ для университета и гимназіи правилъ, коими благоприличнымъ образомъ все то, что замѣчено неудобнымъ, отмѣнено будетъ.

2. Предписать директорамъ гимназій и смотрителямъ училищъ доносить вамъ ежемѣсячно о всѣхъ происшествіяхъ заведеній, имъ ввѣ-

Весьма остраго характера столкновеніе между Магницкимъ и Владимірскимъ разыгралось, впрочемъ, еще весною 1822-го года на почвѣ требованія попечителемъ отъ директора болѣе обстоятельныхъ и „интимнаго" свойства свѣдѣній относительно положенія вещей въ университетѣ и въ округѣ. Сущность предъявленныхъ попечителемъ претензій рельефнѣе всего обрисуется передъ читателями изъ слѣдующаго предложенія попечителя отъ 28-го апрѣля, адресованнаго на имя директора университета:

„Хотя по высочайше утвержденной инструкціи директору казанскаго университета и предписано ему имѣть особенныя сношенія съ попечителемъ именно въ томъ намѣреніи, что бы сей послѣдній, по отдаленію его отъ университета, могъ всегда имѣть благовременное и достовѣрное свѣдѣніе о всѣхъ происшествіяхъ, къ нравственному и полицейскому управленію относящихся; хотя для облегченія сихъ сношеній и установлена была отъ меня частная съ вами переписка, но, не взирая на сіе, многія важныя въ нравственномъ отношеніи происшествія благовременно доведены до меня не были и стороною имѣли непріятное вліяніе на внутренній порядокъ университета, почему и нахожусь я въ обязанности просить васъ, милостивый государь мой:

1. Получая ежедневно донесенія о всѣхъ происшествіяхъ казанскаго университета и гимназіи въ отношеніи къ управленію нравственному и полицейскому, доставлять мнѣ каждыя двѣ недѣли вѣдомости, вами подписанныя, или увѣдомлять, что никакихъ особенныхъ происшествій не было.

Примѣрно—къ происшествіямъ относиться должны: неблагоповеденіе преподавателей или другихъ чиновниковъ, студентовъ и учениковъ; особыя мѣры прещенія и строгости; донесеніе объ отправленіи обязанностей вѣры или замѣченное оныхъ небреженіе; исправность или неисправность въ посѣщеніи засѣданій или лекцій и всему тому подобное.

Равнымъ образомъ въ происшествія помѣщать должно всякое нововведеніе въ университетѣ и гимназіи и въ сихъ случаяхъ слѣдуетъ, до приведенія онаго въ дѣйство, призвавъ на совѣщаніе ректора университета, испросить отсюда разрѣшеніе, дабы не могло случиться, напримѣръ, чего либо подобнаго той перемѣнѣ въ молитвословіяхъ утреннихъ и вечернихъ, коею отмѣнены моленія, церковью установленныя, для введенія произвольныхъ. Сіе послѣднее обстоятельство приведено здѣсь только для примѣра, но можетъ быть оставлено въ прежнемъ положеніи до присылки отсюда составляемыхъ для университета и гимназіи правилъ, коими благоприличнымъ образомъ все то, что замѣчено неудобнымъ, отмѣнено будетъ.

2. Предписать директорамъ гимназій и смотрителямъ училищъ доносить вамъ ежемѣсячно о всѣхъ происшествіяхъ заведеній, имъ ввѣ-

ренныхъ, и каждые три мѣсяца доставлять мнѣ общую по округу вѣдомость, за вашимъ подписаніемъ".

Только что приведенное нами попечительское предложеніе не преминуло вызвать собою отвѣтное представленіе Владимірскаго отъ 15-го мая, въ которомъ директоръ университета не безъ достоинства для себя отпарировываетъ предъявленные ему Магницкимъ укоры въ неудовлетворительной постановкѣ „частной переписки" и „особенныхъ сношеній" съ нимъ, а по-просту говоря—регулярной организаціи тайныхъ извѣтовъ и доносовъ. Обѣщая принять „къ надлежащему и должному исполненію" попечительскія предложенія, директоръ университета довольно коварнымъ образомъ испрашиваетъ у своего принципала разрѣшенія нѣкоторыхъ вытекающихъ изъ его предложенія недоумѣній, „кои въ понятіи его представляются,—по его словамъ,—раздѣляемыми".

Первое изъ этихъ недоумѣній касается выдвинутаго попечителемъ понятія неблагоповеденія преподавателей, которое Владимірскимъ и анализируется слѣдующимъ образомъ:

„Оно (т. е. неблагоповеденіе) или имѣетъ юридическую достовѣрность или опредѣляется мнѣніями и заключеніями. Первое предполагаетъ существенность, второе—вѣроятность; надъ однимъ виситъ правительственный мечь, другое—отклоняется отъ него. Такимъ образомъ, въ донесеніи къ вашему превосходительству о неблагоповеденіи служащихъ надобно ли заготовлять юридическіе доводы? Ибо виды тайнаго разврата, протачивающагося студодѣяніями незримыми, бесѣдами неслышанными, прельщеніями змія, опасливаго и лукаваго, словомъ, гдѣ нѣтъ возможности составить человѣческую улику и допускается келейное наблюденіе, а иногда и преслѣдованіе — по мнѣнію моему, виды таковаго неблагоповеденія не бываютъ зрѣлы для оффиціальнаго ихъ оглашенія. Они могутъ быть плодомъ или неудачныхъ примѣненій или несчастнаго сходства явленій, по коимъ никакой нѣтъ трудности сдѣлаться доносителю клеветникомъ неумышленнымъ. Но если бы угодно было вашему превосходительству знать неблагоповеденіе чиновниковъ и изъ правоподобія выводимое—то пріемлю смѣлость просить руководства въ опредѣленіи степени вѣроятія".

Второе недоумѣніе директора затрогиваетъ вопросъ о неблагоповеденіи воспитанниковъ. Въ области этого вопроса Владимірскій проводитъ разграниченіе между неблагоповеденіемъ „навычнымъ, отверзающимся изъ давняго корня", и неблагоповеденіемъ „эфемирическимъ", которое „при отпорѣ страха и при бдительности ревниваго глаза" легко иско-

ренныхъ, и каждые три мѣсяца доставлять мнѣ общую по округу вѣдомость, за вашимъ подписаніемъ".

Только что приведенное нами попечительское предложеніе не преминуло вызвать собою отвѣтное представленіе Владимірскаго отъ 15-го мая, въ которомъ директоръ университета не безъ достоинства для себя отпарировываетъ предъявленные ему Магницкимъ укоры въ неудовлетворительной постановкѣ „частной переписки" и „особенныхъ сношеній" съ нимъ, а по-просту говоря—регулярной организаціи тайныхъ извѣтовъ и доносовъ. Обѣщая принять „къ надлежащему и должному исполненію" попечительскія предложенія, директоръ университета довольно коварнымъ образомъ испрашиваетъ у своего принципала разрѣшенія нѣкоторыхъ вытекающихъ изъ его предложенія недоумѣній, „кои въ понятіи его представляются,—по его словамъ,—раздѣляемыми".

Первое изъ этихъ недоумѣній касается выдвинутаго попечителемъ понятія неблагоповеденія преподавателей, которое Владимірскимъ и анализируется слѣдующимъ образомъ:

„Оно (т. е. неблагоповеденіе) или имѣетъ юридическую достовѣрность или опредѣляется мнѣніями и заключеніями. Первое предполагаетъ существенность, второе—вѣроятность; надъ однимъ виситъ правительственный мечь, другое—отклоняется отъ него. Такимъ образомъ, въ донесеніи къ вашему превосходительству о неблагоповеденіи служащихъ надобно ли заготовлять юридическіе доводы? Ибо виды тайнаго разврата, протачивающагося студодѣяніями незримыми, бесѣдами неслышанными, прельщеніями змія, опасливаго и лукаваго, словомъ, гдѣ нѣтъ возможности составить человѣческую улику и допускается келейное наблюденіе, а иногда и преслѣдованіе — по мнѣнію моему, виды таковаго неблагоповеденія не бываютъ зрѣлы для оффиціальнаго ихъ оглашенія. Они могутъ быть плодомъ или неудачныхъ примѣненій или несчастнаго сходства явленій, по коимъ никакой нѣтъ трудности сдѣлаться доносителю клеветникомъ неумышленнымъ. Но если бы угодно было вашему превосходительству знать неблагоповеденіе чиновниковъ и изъ правоподобія выводимое—то пріемлю смѣлость просить руководства въ опредѣленіи степени вѣроятія".

Второе недоумѣніе директора затрогиваетъ вопросъ о неблагоповеденіи воспитанниковъ. Въ области этого вопроса Владимірскій проводитъ разграниченіе между неблагоповеденіемъ „навычнымъ, отверзающимся изъ давняго корня", и неблагоповеденіемъ „эфемирическимъ", которое „при отпорѣ страха и при бдительности ревниваго глаза" легко иско-

реняется. О случаяхъ неблагоповеденія второго рода директоръ въ донесеніяхъ своихъ полагалъ бы вовсе умалчивать, такъ какъ они легко заглаживаются добрыми чертами поведенія, попечительское же требованіе касается, конечно, лишь абсолютно отрицательныхъ сторонъ поведенія воспитанниковъ.

Переходя къ упомянутымъ въ попечительскомъ предложеніи особымъ мѣрамъ прещенія и строгости, директоръ не обинуясь утверждаетъ, что разумѣетъ подъ этими словами—„употребленіе лозы". Это „употребленіе" практикуется, по его словамъ, или по воли самихъ родителей, или по его, директора, усмотрѣнію. Владимірскій полагалъ бы включать въ донесенія лишь случаи второго рода, такъ какъ оглашеніе „примѣненія лозы" по волѣ родителей—могло бы явиться щекотливымъ для этихъ послѣднихъ.

Далѣе слѣдуютъ объясненія Владимірскаго на замѣчанія попечителя относительно небреженія въ отправленіи обязанностей вѣры. Здѣсь директоръ университета высказываетъ мысль, что онъ положительно затрудняется рѣшеніемъ вопроса о томъ—„какою мѣрою, въ сословіи ученыхъ и въ нынѣшнее время, измѣрять сіе небреженіе?" Тутъ же касается Владимірскій и нареканій Магницкаго по поводу нововведеній въ утреннихъ и вечернихъ молитвахъ студентовъ, оправдываясь тѣмъ, что осуждаемый нынѣ попечителемъ порядокъ практикуется съ самаго вступленія его въ должность директора, что молитвы, названныя попечителемъ „нововведенными"—тѣ самыя, которыя еще изъ Твери * были представлены имъ попечителю, а затѣмъ, съ нѣкоторыми сокращеніями, просмотрѣны казанскимъ преосвященнымъ и университетскимъ преподавателемъ богословія архимандритомъ Ѳеофаномъ. Ссылается директоръ и на другія, уже мѣстныя, условія этихъ нововведеній—невозможность ввести въ употребленіе молитвы, принятыя въ монастыряхъ (sic!), желаніе установить колѣнопреклоненныя моленія за царя и царскій домъ, противодѣйствовать замѣчаемому въ Казани „хладнокровію при возношеніяхъ о августѣйшемъ домѣ", вообще же—на желаніе „противодѣйствовать невѣжеству и безстыдству" и разбудить въ юношествѣ „благоговѣніе къ высочайшему имени".

Владимірскій заканчиваетъ свое объясненіе изъявленіемъ увѣренности въ томъ, что предъявленныя ему попечителемъ обвиненія—являются ре-

---

* Какъ извѣстно, Владимірскій былъ назначенъ директоромъ казанскаго университета съ должности инспектора тверской врачебной управы.

реняется. О случаяхъ неблагоповеденія второго рода директоръ въ донесеніяхъ своихъ полагалъ бы вовсе умалчивать, такъ какъ они легко заглаживаются добрыми чертами поведенія, попечительское же требованіе касается, конечно, лишь абсолютно отрицательныхъ сторонъ поведенія воспитанниковъ.

Переходя къ упомянутымъ въ попечительскомъ предложеніи особымъ мѣрамъ прещенія и строгости, директоръ не обинуясь утверждаетъ, что разумѣетъ подъ этими словами—„употребленіе лозы". Это „употребленіе" практикуется, по его словамъ, или по воли самихъ родителей, или по его, директора, усмотрѣнію. Владимірскій полагалъ бы включать въ донесенія лишь случаи второго рода, такъ какъ оглашеніе „примѣненія лозы" по волѣ родителей—могло бы явиться щекотливымъ для этихъ послѣднихъ.

Далѣе слѣдуютъ объясненія Владимірскаго на замѣчанія попечителя относительно небреженія въ отправленіи обязанностей вѣры. Здѣсь директоръ университета высказываетъ мысль, что онъ положительно затрудняется рѣшеніемъ вопроса о томъ—„какою мѣрою, въ сословіи ученыхъ и въ нынѣшнее время, измѣрять сіе небреженіе?" Тутъ же касается Владимірскій и нареканій Магницкаго по поводу нововведеній въ утреннихъ и вечернихъ молитвахъ студентовъ, оправдываясь тѣмъ, что осуждаемый нынѣ попечителемъ порядокъ практикуется съ самаго вступленія его въ должность директора, что молитвы, названныя попечителемъ „нововведенными"—тѣ самыя, которыя еще изъ Твери * были представлены имъ попечителю, а затѣмъ, съ нѣкоторыми сокращеніями, просмотрѣны казанскимъ преосвященнымъ и университетскимъ преподавателемъ богословія архимандритомъ Ѳеофаномъ. Ссылается директоръ и на другія, уже мѣстныя, условія этихъ нововведеній—невозможность ввести въ употребленіе молитвы, принятыя въ монастыряхъ (sic!), желаніе установить колѣнопреклоненныя моленія за царя и царскій домъ, противодѣйствовать замѣчаемому въ Казани „хладнокровію при возношеніяхъ о августѣйшемъ домѣ", вообще же—на желаніе „противодѣйствовать невѣжеству и безстыдству" и разбудить въ юношествѣ „благоговѣніе къ высочайшему имени".

Владимірскій заканчиваетъ свое объясненіе изъявленіемъ увѣренности въ томъ, что предъявленныя ему попечителемъ обвиненія—являются ре-

---

* Какъ извѣстно, Владимірскій былъ назначенъ директоромъ казанскаго университета съ должности инспектора тверской врачебной управы.

зультатомъ происковъ его „недоброжелателей", во главѣ которыхъ онъ разумѣлъ, конечно, ректора Никольскаго; это подтверждается слѣдующимъ за этимъ обѣщаніемъ директора, что и „указуемое подчиненіе распоряженій моихъ директору университета я сохраню во всей силѣ послушанія".

Директорское самооправданіе не было оставлено Магницкимъ безъ отповѣди, которая и послѣдовала въ видѣ обширнаго, характернаго и не лишеннаго доли остроумія попечительскаго предложенія отъ 2-го іюня. Представляется крайне любопытнымъ, что Магницкій въ этой отповѣди дѣлаетъ попытку умѣрить фарисейско-благонамѣренное рвеніе Владимірскаго, оказавшееся выходящимъ изъ предѣловъ терпимости даже въ глазахъ такого яраго ревнителя показного благочестія, какимъ всегда проявлялъ себя казанскій попечитель. Считаемъ интереснымъ въ подлинникѣ познакомить читателей съ этимъ въ высшей степени характернымъ отвѣтомъ Магницкаго:

„Въ отвѣтѣ своемъ на отношеніе мое,—писалъ здѣсь попечитель,—спрашиваете вы разрѣшенія на такія статьи, которыя потому только могли вамъ показаться невнятными, что въ представленіи вашемъ смѣшаны, противъ всякаго моего ожиданія, отношенія наши должностныя съ частными, и потому снова долженъ я вступить въ довольно затруднительное изъясненіе, котораго желалъ избѣгнуть.

На статью первую вашего отзыва:

Подъ неблагоповеденіемъ не могъ я разумѣть тѣхъ явныхъ и нестерпимыхъ безпорядковъ въ поведеніи, кои подлежатъ взысканію по уставамъ полицейскаго благочинія или закону уголовному. И, потому, неблагоповеденіемъ почитаться должны, вообще, поступки наружные, а не внутреннія искушенія, и могутъ быть двухъ родовъ: а) такіе, которые не подлежатъ сомнѣнію и должны быть просто доведены до моего свѣдѣнія, и б) тѣ, которые, происходя отъ какого либо скрытаго порока, могли бы навлечь позоръ и должны только быть сообщены мнѣ втайнѣ. Но, въ томъ и другомъ случаѣ, достовѣрность сихъ извѣщеній лежитъ на довѣренности попечителя къ директору и оныя пріемлются къ одному соображенію; слѣдовательно, ни въ какой разрядъ юридическихъ предметовъ входить и ни обслѣдованія ни уликъ требовать—не могутъ. Отъ благоразумія директора зависитъ доводить до попечителя о неблагоповеденіи воспитанниковъ то, что почтетъ онъ къ свѣдѣнію его нужнымъ.

На статью вторую:

Въ понятіи о мѣрахъ прещенія и строгости мы—не согласны. Тѣлесныя наказанія вообще строго запрещены законами. Начальство учебныхъ заведеній не можетъ быть въ семъ случаѣ орудіемъ родителей.

зультатомъ происковъ его „недоброжелателей“, во главѣ которыхъ онъ разумѣлъ, конечно, ректора Никольскаго; это подтверждается слѣдующимъ за этимъ обѣщаніемъ директора, что и „указуемое подчиненіе распоряженій моихъ директору университета я сохраню во всей силѣ послушанія“.

Директорское самооправданіе не было оставлено Магницкимъ безъ отповѣди, которая и послѣдовала въ видѣ обширнаго, характернаго и не лишеннаго доли остроумія попечительскаго предложенія отъ 2-го іюня. Представляется крайне любопытнымъ, что Магницкій въ этой отповѣди дѣлаетъ попытку умѣрить фарисейско-благонамѣренное рвеніе Владимірскаго, оказавшееся выходящимъ изъ предѣловъ терпимости даже въ глазахъ такого яраго ревнителя показного благочестія, какимъ всегда проявлялъ себя казанскій попечитель. Считаемъ интереснымъ въ подлинникѣ познакомить читателей съ этимъ въ высшей степени характернымъ отвѣтомъ Магницкаго:

„Въ отвѣтѣ своемъ на отношеніе мое,—писалъ здѣсь попечитель,—спрашиваете вы разрѣшенія на такія статьи, которыя потому только могли вамъ показаться невнятными, что въ представленіи вашемъ смѣшаны, противъ всякаго моего ожиданія, отношенія наши должностныя съ частными, и потому снова долженъ я вступить въ довольно затруднительное изъясненіе, котораго желалъ избѣгнуть.

На статью первую вашего отзыва:

Подъ неблагоповеденіемъ не могъ я разумѣть тѣхъ явныхъ и нестерпимыхъ безпорядковъ въ поведеніи, кои подлежатъ взысканію по уставамъ полицейскаго благочинія или закону уголовному. И, потому, неблагоповеденіемъ почитаться должны, вообще, поступки наружные, а не внутреннія искушенія, и могутъ быть двухъ родовъ: а) такіе, которые не подлежатъ сомнѣнію и должны быть просто доведены до моего свѣдѣнія, и б) тѣ, которые, происходя отъ какого либо скрытаго порока, могли бы навлечь позоръ и должны только быть сообщены мнѣ втайнѣ. Но, въ томъ и другомъ случаѣ, достовѣрность сихъ извѣщеній лежитъ на довѣренности попечителя къ директору и оныя пріемлются къ одному соображенію; слѣдовательно, ни въ какой разрядъ юридическихъ предметовъ входить и ни обслѣдованія ни уликъ требовать—не могутъ. Отъ благоразумія директора зависитъ доводить до попечителя о неблагоповеденіи воспитанниковъ то, что почтетъ онъ къ свѣдѣнію его нужнымъ.

На статью вторую:

Въ понятіи о мѣрахъ прещенія и строгости мы—не согласны. Тѣлесныя наказанія вообще строго запрещены законами. Начальство учебныхъ заведеній не можетъ быть въ семъ случаѣ орудіемъ родителей.

Мѣра строгости единственно употребляема быть можетъ тогда, когда сдѣлано или, по несчастію, допущено начальствомъ преступленіе, какъ то—кража, драка, неповиновеніе, ибо тогда наказаніе отеческое имѣетъ ту пользу, что спасаетъ молодого человѣка отъ публичнаго позора и отчаянія и можетъ, обуздавъ его, сохранить родителямъ и обществу. Впрочемъ, и въ сихъ случаяхъ самая легкая мѣра должна быть употребляема, и не иначе, какъ съ собственнаго разрѣшенія директора.

На статью третью:

Небреженіе въ наблюденіи обязанностей вѣры разумѣется открытое, но не другое. Мы не исправлять и учить міръ должны, но наблюдать, что бы всѣ члены университета исполняли, каждый по своему вѣроисповѣданію, то, что христіане, въ свѣтѣ живущіе, а не отшельники, исполнять должны. Подъ симъ разумѣется пощеніе и исповѣдь одинъ разъ въ годъ, посѣщеніе храма Божія въ праздники и дни воскресные и пр. Сего требовать можно и къ дальнѣйшему ободрять примѣромъ, дружелюбными внушеніями и властью тѣхъ убѣжденій, которыя иногда даются свыше тѣмъ, кому Господь пошлетъ ихъ,—но никогда докуками, преслѣдованіемъ и, особливо, издѣваясь надъ заблуждающимися, ибо мертво бываетъ проповѣданіе любви къ Богу безъ горячей пламенной любви къ ближнему, которая одна расплавляетъ сердца ожесточеннѣйшія. Ѣдкая колкость — можетъ ли внушить милосердіе? Вражда и злословіе—могутъ ли укоренить миръ? Такъ звучатъ на всѣхъ распутіяхъ тѣ холодные кимвалы, которые одинъ воздухъ потрясаютъ...

Нововводимыя молитвы вытѣснили тѣ, кои положены церковью. Вы мнѣ сообщали ихъ въ приватномъ сношеніи; я полагалъ, что довольно ощутительно далъ вамъ чувствовать ихъ неумѣстность, поручивъ испросить благословеніе преосвященнаго, ибо былъ увѣренъ, что онъ не можетъ дать его, какъ то, дѣйствительно, и вышло. Вы писали мнѣ, что онъ ихъ не одобрилъ. Послѣ сего могло ли быть уважительно одобреніе отца архимандрита и сами вы не должны ли были, по чувствамъ христіанскимъ, оглянуться на сіе упорство ваше ввести избранныя вами молитвы вопреки моей на нихъ нерѣшимости и архипастырскаго неблагословенія?...

Моленіе о государѣ, необходимое для каждаго христіанина и столь свойственное всякому россіянину, особенно же въ заведеніи, отлично имъ облагодѣтельствованномъ, можно было заимствовать изъ каждаго помянника на концѣ псалтири, ибо вы ошибочно полагали, яко бы церковь забыла сіе важное молитвословіе: она на каждый вечеръ его установила...

Несчастное равнодушіе христіанъ, въ Казани васъ удивившее—есть не только всѣмъ странамъ, но и всѣмъ вѣкамъ христіанства общее. Загляните въ исторію, прочтите жалобы отцовъ церкви. Вы находите неприличнымъ, что христіане оставляютъ храмъ во время молитвы о

Мѣра строгости единственно употребляема быть можетъ тогда, когда сдѣлано или, по несчастію, допущено начальствомъ преступленіе, какъ то—кража, драка, неповиновеніе, ибо тогда наказаніе отеческое имѣетъ ту пользу, что спасаетъ молодого человѣка отъ публичнаго позора и отчаянія и можетъ, обуздавъ его, сохранить родителямъ и обществу. Впрочемъ, и въ сихъ случаяхъ самая легкая мѣра должна быть употребляема, и не иначе, какъ съ собственнаго разрѣшенія директора.

На статью третью:

Небреженіе въ наблюденіи обязанностей вѣры разумѣется открытое, но не другое. Мы не исправлять и учить міръ должны, но наблюдать, что бы всѣ члены университета исполняли, каждый по своему вѣроисповѣданію, то, что христіане, въ свѣтѣ живущіе, а не отшельники, исполнять должны. Подъ симъ разумѣется пощеніе и исповѣдь одинъ разъ въ годъ, посѣщеніе храма Божія въ праздники и дни воскресные и пр. Сего требовать можно и къ дальнѣйшему ободрять примѣромъ, дружелюбными внушеніями и властью тѣхъ убѣжденій, которыя иногда даются свыше тѣмъ, кому Господь пошлетъ ихъ,—но никогда докуками, преслѣдованіемъ и, особливо, издѣваясь надъ заблуждающимися, ибо мертво бываетъ проповѣданіе любви къ Богу безъ горячей пламенной любви къ ближнему, которая одна расплавляетъ сердца ожесточеннѣйшія. Ѣдкая колкость — можетъ ли внушить милосердіе? Вражда и злословіе—могутъ ли укоренить миръ? Такъ звучатъ на всѣхъ распутіяхъ тѣ холодные кимвалы, которые одинъ воздухъ потрясаютъ...

Нововводимыя молитвы вытѣснили тѣ, кои положены церковью. Вы мнѣ сообщали ихъ въ приватномъ сношеніи; я полагалъ, что довольно ощутительно далъ вамъ чувствовать ихъ неумѣстность, поручивъ испросить благословеніе преосвященнаго, ибо былъ увѣренъ, что онъ не можетъ дать его, какъ то, дѣйствительно, и вышло. Вы писали мнѣ, что онъ ихъ не одобрилъ. Послѣ сего могло ли быть уважительно одобреніе отца архимандрита и сами вы не должны ли были, по чувствамъ христіанскимъ, оглянуться на сіе упорство ваше ввести избранныя вами молитвы вопреки моей на нихъ нерѣшимости и архипастырскаго неблагословенія?...

Моленіе о государѣ, необходимое для каждаго христіанина и столь свойственное всякому россіянину, особенно же въ заведеніи, отлично имъ облагодѣтельствованномъ, можно было заимствовать изъ каждаго помянника на концѣ псалтири, ибо вы ошибочно полагали, яко бы церковь забыла сіе важное молитвословіе: она на каждый вечеръ его установила...

Несчастное равнодушіе христіанъ, въ Казани васъ удивившее—есть не только всѣмъ странамъ, но и всѣмъ вѣкамъ христіанства общее. Загляните въ исторію, прочтите жалобы отцовъ церкви. Вы находите неприличнымъ, что христіане оставляютъ храмъ во время молитвы о

царствующемъ домѣ,—но какъ не удивляетесь тому, что они бѣгутъ отъ благословенія Духа Святого, черезъ священника на главы ихъ низводимаго? Какъ не дивитесь, что они приходятъ къ алтарю Божію для того, что бы продолжать обыкновенныя суесловія свои въ то самое время, какъ херувимы трепещутъ и ангелы проникнуть желаютъ въ страшное таинство пресуществленія? И такъ, когда несчастные сіи не любятъ и не страшатся Царя небеснаго—какихъ молитвъ ожидаете вы отъ нихъ о царяхъ земныхъ?!

Во всякомъ случаѣ—мы не пастыри церкви, мы не публику воспитывать призваны. Да и что, впрочемъ, за способъ обратить ее, заставя нѣсколькихъ студентовъ повергнуться на землю въ такое время священнослуженія, когда сіе не положено церковью ниже для монашествующихъ? Публика,—и не безъ основанія,—можетъ разсмѣяться; слѣдовательно, урокъ сей приготовленный введетъ ее въ новый грѣхъ, а нѣкоторые изъ студентовъ, по приказу и безъ усердія поклоняющіеся, останутся безполезными машинами... Я могу васъ увѣрить, что и до меня уже, отъ лицъ совершенно постороннихъ, давно дошло описаніе установленнаго поклоненія гимназистовъ по сигналу ихъ инспектора. И такъ, что же вышло изъ сего назиданія публики? Смѣхъ для невѣрующихъ, соблазнъ для вѣрующихъ и нѣкоторый родъ незаслуженной эпитеміи для воспитанниковъ...

Впрочемъ, самое распредѣленіе поклоновъ въ описаніи, мнѣ отъ васъ доставленномъ, дѣлано неправильно: есть важнѣйшія мѣста литургіи, гдѣ ихъ не положили.

Желаніе ваше возбудить живѣйшую преданность къ царствующему дому сими принужденными поклоненіями можетъ извинено быть единымъ его побужденіемъ, но никакъ не оправдывается успѣхомъ, ибо— что есть общаго въ движеніи спины съ чувствами сердца? Легко было бы воспитывать юношество, ежели бы отъ какого либо тѣлодвиженія могло зависить расположеніе души!

И такъ, по всѣмъ симъ движеніямъ и по увѣренности, что и прочіе члены университета, собственные сотрудники ваши въ назиданіи благочестія, никогда не могли согласиться на сіи странныя и соблазнительныя нововведенія, я бы просилъ васъ отмѣнить ихъ безъ огласки и со всевозможнымъ благоприличіемъ. Я знаю, что вы многія уже представленія о семъ имѣли и увѣренъ, что, не ища въ дѣлѣ Божіемъ самоуслажденія собственныхъ вымысловъ, столь несвойственнаго христіанскимъ вашимъ чувствамъ, вы примете и исполните совѣтъ мой въ духѣ любви.

Я никогда не подчинялъ и не могу подчинять распоряженія ваши ректору, но желалъ только, что бы впредь каждое нововведеніе было пріуготовлено совѣщаніемъ и доведено до

царствующемъ домѣ,—но какъ не удивляетесь тому, что они бѣгутъ отъ благословенія Духа Святого, черезъ священника на главы ихъ низводимаго? Какъ не дивитесь, что они приходятъ къ алтарю Божію для того, что бы продолжать обыкновенныя суесловія свои въ то самое время, какъ херувимы трепещутъ и ангелы проникнуть желаютъ въ страшное таинство пресуществленія? И такъ, когда несчастные сіи не любятъ и не страшатся Царя небеснаго—какихъ молитвъ ожидаете вы отъ нихъ о царяхъ земныхъ?!

Во всякомъ случаѣ—мы не пастыри церкви, мы не публику воспитывать призваны. Да и что, впрочемъ, за способъ обратить ее, заставя нѣсколькихъ студентовъ повергнуться на землю въ такое время священнослуженія, когда сіе не положено церковью ниже для монашествующихъ? Публика,—и не безъ основанія,—можетъ разсмѣяться; слѣдовательно, урокъ сей приготовленный введетъ ее въ новый грѣхъ, а нѣкоторые изъ студентовъ, по приказу и безъ усердія поклоняющіеся, останутся безполезными машинами... Я могу васъ увѣрить, что и до меня уже, отъ лицъ совершенно постороннихъ, давно дошло описаніе установленнаго поклоненія гимназистовъ по сигналу ихъ инспектора. И такъ, что же вышло изъ сего назиданія публики? Смѣхъ для невѣрующихъ, соблазнъ для вѣрующихъ и нѣкоторый родъ незаслуженной эпитеміи для воспитанниковъ...

Впрочемъ, самое распредѣленіе поклоновъ въ описаніи, мнѣ отъ васъ доставленномъ, дѣлано неправильно: есть важнѣйшія мѣста литургіи, гдѣ ихъ не положили.

Желаніе ваше возбудить живѣйшую преданность къ царствующему дому сими принужденными поклоненіями можетъ извинено быть единымъ его побужденіемъ, но никакъ не оправдывается успѣхомъ, ибо—что есть общаго въ движеніи спины съ чувствами сердца? Легко было бы воспитывать юношество, ежели бы отъ какого либо тѣлодвиженія могло зависить расположеніе души!

И такъ, по всѣмъ симъ движеніямъ и по увѣренности, что и прочіе члены университета, собственные сотрудники ваши въ назиданіи благочестія, никогда не могли согласиться на сіи странныя и соблазнительныя нововведенія, я бы просилъ васъ отмѣнить ихъ безъ огласки и со всевозможнымъ благоприличіемъ. Я знаю, что вы многія уже представленія о семъ имѣли и увѣренъ, что, не ища въ дѣлѣ Божіемъ самоуслажденія собственныхъ вымысловъ, столь несвойственнаго христіанскимъ вашимъ чувствамъ, вы примете и исполните совѣтъ мой въ духѣ любви.

Я никогда не подчинялъ и не могу подчинять распоряженія ваши ректору, но желалъ только, что бы впредь каждое нововведеніе было пріуготовлено совѣщаніемъ и доведено до

меня, ибо не могу неизвѣстныхъ мнѣ распоряженій принимать на свою отвѣтственность" [156].

Не смотря на сдержанность отвѣта Магницкаго, въ которомъ красною нитью проходитъ, тѣмъ не менѣе, желаніе попечителя сдержать не въ мѣру расходившіяся автократическія поползновенія директора университета, только что процитированная нами переписка ясно показываетъ, что давшій къ ней поводъ конфликтъ—былъ уже серьезнымъ шагомъ къ готовящемуся полному разрыву между попечителемъ и Владимірскимъ и что далеко не пассивная роль выпала въ данномъ отношеніи на долю ректора Никольскаго. Это послѣднее положеніе вполнѣ подкрѣпляется событіями, разыгравшимися въ университетѣ вслѣдъ за попечительскою отповѣдью отъ 2-го іюня и давшими рѣшительный толчокъ паденію Владимірскаго.

Въ концѣ іюня того же 1822-го года ректоръ Никольскій получилъ отъ попечителя частнаго характера письмо, датированное 10-мъ числомъ іюля, въ которомъ Магницкій дѣлаетъ нѣсколько не вполнѣ лестныхъ замѣчаній по адресу директора университета, обвиняя Владимірскаго въ излишнемъ властолюбіи и даже въ узурпаціи власти: всѣ правленскія дѣла обработываются и вершаются,—сѣтуетъ попечитель,—въ директорскомъ кабинетѣ и все зло, наблюдаемое въ хозяйственномъ управленіи университета—имѣетъ своимъ источникомъ „насылаемыя директоромъ приказанія". Не постѣснившись частнымъ характеромъ попечительскаго письма, Никольскій не упустилъ случая позлорадствовать надъ своимъ соперникомъ и показалъ письмо Владимірскому, который былъ „смертельно пораженъ" его содержаніемъ, а въ особенности тою обстановкою, которою сопровождалась ректорская нескромность. Но пусть объ этомъ прискорбномъ для него инцидентѣ разскажетъ намъ самъ директоръ университета:

„Господинъ ректоръ университета,—пишетъ Владимірскій попечителю въ донесеніи отъ 31-го іюля,—сообщивъ мнѣ, для прочтенія, письмо къ нему вашего превосходительства отъ 10-го числа, произнесъ заключеніе, что личное мое обращеніе съ членами университета всѣмъ и каждому обидно, выставя въ числѣ наиболѣе недовольныхъ г.г. профессоровъ Симонова и Лобачевскаго. Господинъ инспекторъ студентовъ (Ѳ. П. Барсовъ), сидѣвшій тутъ же, подтвердилъ сіе разсужденіе г. ректора.

Смертельно пораженный съ двухъ сторонъ, я одну предоставилъ Божію произволенію, ибо пропасть, ископанная между вашимъ превосходительствомъ и директоромъ универ-

меня, ибо не могу неизвѣстныхъ мнѣ распоряженій принимать на свою отвѣтственность" [156].

Не смотря на сдержанность отвѣта Магницкаго, въ которомъ красною нитью проходитъ, тѣмъ не менѣе, желаніе попечителя сдержать не въ мѣру расходившіяся автократическія поползновенія директора университета, только что процитированная нами переписка ясно показываетъ, что давшій къ ней поводъ конфликтъ—былъ уже серьезнымъ шагомъ къ готовящемуся полному разрыву между попечителемъ и Владимірскимъ и что далеко не пассивная роль выпала въ данномъ отношеніи на долю ректора Никольскаго. Это послѣднее положеніе вполнѣ подкрѣпляется событіями, разыгравшимися въ университетѣ вслѣдъ за попечительскою отповѣдью отъ 2-го іюня и давшими рѣшительный толчокъ паденію Владимірскаго.

Въ концѣ іюня того же 1822-го года ректоръ Никольскій получилъ отъ попечителя частнаго характера письмо, датированное 10-мъ числомъ іюля, въ которомъ Магницкій дѣлаетъ нѣсколько не вполнѣ лестныхъ замѣчаній по адресу директора университета, обвиняя Владимірскаго въ излишнемъ властолюбіи и даже въ узурпаціи власти: всѣ правленскія дѣла обработываются и вершаются,—сѣтуетъ попечитель,—въ директорскомъ кабинетѣ и все зло, наблюдаемое въ хозяйственномъ управленіи университета—имѣетъ своимъ источникомъ „насылаемыя директоромъ приказанія". Не постѣснившись частнымъ характеромъ попечительскаго письма, Никольскій не упустилъ случая позлорадствовать надъ своимъ соперникомъ и показалъ письмо Владимірскому, который былъ „смертельно пораженъ" его содержаніемъ, а въ особенности тою обстановкою, которою сопровождалась ректорская нескромность. Но пусть объ этомъ прискорбномъ для него инцидентѣ разскажетъ намъ самъ директоръ университета:

„Господинъ ректоръ университета,—пишетъ Владимірскій попечителю въ донесеніи отъ 31-го іюля,—сообщивъ мнѣ, для прочтенія, письмо къ нему вашего превосходительства отъ 10-го числа, произнесъ заключеніе, что личное мое обращеніе съ членами университета всѣмъ и каждому обидно, выставя въ числѣ наиболѣе недовольныхъ г.г. профессоровъ Симонова и Лобачевскаго. Господинъ инспекторъ студентовъ (Ѳ. П. Барсовъ), сидѣвшій тутъ же, подтвердилъ сіе разсужденіе г. ректора.

Смертельно пораженный съ двухъ сторонъ, я одну предоставилъ Божію произволенію, ибо пропасть, ископанная между вашимъ превосходительствомъ и директоромъ универ-

ситета—отсюда уравнять уже не можетъ. Другую, не менѣе болящую,—поелику показаны оскорбленными отъ меня такія лица, коихъ я открыто уважаю и люблю,—расположился я уврачевать публичнымъ испрошеніемъ христіанскаго прощенія у каждаго мною обиженнаго, не мысливъ никогда и никого обидѣть".

Прежде нежели перейти къ подробностямъ задуманнаго директоромъ „публичнаго испрошенія христіанскаго прощенія", упомянемъ о крупной и самонадѣянной безтактности, допущенной Владимірскимъ подъ гнетомъ испытаннаго имъ „смертельнаго пораженія". Познакомившись съ содержаніемъ чисто частнаго характера попечительскаго письма, директоръ позволилъ себѣ сдѣлать его предметомъ обсужденія происходившаго на слѣдующій день (27-го іюля) засѣданія университетскаго правленія, члены котораго вынуждены были, подъ давленіемъ все еще грознаго для нихъ Владимірскаго, подписать не совсѣмъ пріятную для попечителя резолюцію. Эта безтактность директора, продиктованная ему, конечно, сознаніемъ уходящей изъ подъ ногъ почвы, имѣла весьма крупныя послѣдствія, рѣчь о которыхъ будетъ ниже,—а пока возвратимся къ послѣдовательности интересующихъ насъ событій.

Актъ принятаго на себя Владимірскимъ „публичнаго испрошенія христіанскаго прощенія" состоялся 29-го іюля, въ соединенномъ засѣданіи совѣта и правленія. Возстановимъ подробности его подлинными словами директорскаго донесенія, отправленнаго Магницкому двумя днями позже:

„Окончивъ предметы общаго присутствія,—разсказываетъ Владимірскій,—я, вставъ съ своего мѣста, предложилъ дошедшее до меня свѣдѣніе отъ неизвѣстнаго (sic!), что сословіе оскорбляется личнымъ моимъ обхожденіемъ съ чиновниками и что я намѣренъ въ семъ собраніи у всякаго оскорбленнаго просить прощенія.

Вопрошаю каждаго: всѣ отрицаются... Дохожу напослѣдокъ до г. ректора—и онъ тоже, раскрывшись, что сіи дѣйствія мои вышли изъ пріятельскаго его разговора со мною. Я возразилъ г. ректору, что, во всякомъ случаѣ, надлежитъ собственное разсужденіе называть—своимъ, а не раскладывать оное на г.г. членовъ университета безъ увѣренности о приспособленіи его каждому; не быть органомъ сословія, въ мнѣніи для него чуждомъ.

Воспользовавшись признаніемъ г. ректора, я обратился къ г.г. профессорамъ Симонову и Лобачевскому: они болѣе всѣхъ подтвердили несогласіе свое съ разсужденіемъ г. ректора. За ними г. профессоръ Кондыревъ громко выразился о благодарности своей за мое съ нимъ

ситета—отсюда уравнять уже не можетъ. Другую, не менѣе болящую,—поелику показаны оскорбленными отъ меня такія лица, коихъ я открыто уважаю и люблю,—расположился я уврачевать публичнымъ испрошеніемъ христіанскаго прощенія у каждаго мною обиженнаго, не мысливъ никогда и никого обидѣть".

Прежде нежели перейти къ подробностямъ задуманнаго директоромъ „публичнаго испрошенія христіанскаго прощенія", упомянемъ о крупной и самонадѣянной безтактности, допущенной Владимірскимъ подъ гнетомъ испытаннаго имъ „смертельнаго пораженія". Познакомившись съ содержаніемъ чисто частнаго характера попечительскаго письма, директоръ позволилъ себѣ сдѣлать его предметомъ обсужденія происходившаго на слѣдующій день (27-го іюля) засѣданія университетскаго правленія, члены котораго вынуждены были, подъ давленіемъ все еще грознаго для нихъ Владимірскаго, подписать не совсѣмъ пріятную для попечителя резолюцію. Эта безтактность директора, продиктованная ему, конечно, сознаніемъ уходящей изъ подъ ногъ почвы, имѣла весьма крупныя послѣдствія, рѣчь о которыхъ будетъ ниже,—а пока возвратимся къ послѣдовательности интересующихъ насъ событій.

Актъ принятаго на себя Владимірскимъ „публичнаго испрошенія христіанскаго прощенія" состоялся 29-го іюля, въ соединенномъ засѣданіи совѣта и правленія. Возстановимъ подробности его подлинными словами директорскаго донесенія, отправленнаго Магницкому двумя днями позже:

„Окончивъ предметы общаго присутствія,—разсказываетъ Владимірскій,—я, вставъ съ своего мѣста, предложилъ дошедшее до меня свѣдѣніе отъ неизвѣстнаго (sic!), что сословіе оскорбляется личнымъ моимъ обхожденіемъ съ чиновниками и что я намѣренъ въ семъ собраніи у всякаго оскорбленнаго просить прощенія.

Вопрошаю каждаго: всѣ отрицаются... Дохожу напослѣдокъ до г. ректора—и онъ тоже, раскрывшись, что сіи дѣйствія мои вышли изъ пріятельскаго его разговора со мною. Я возразилъ г. ректору, что, во всякомъ случаѣ, надлежитъ собственное разсужденіе называть—своимъ, а не раскладывать оное на г.г. членовъ университета безъ увѣренности о приспособленіи его каждому; не быть органомъ сословія, въ мнѣніи для него чуждомъ.

Воспользовавшись признаніемъ г. ректора, я обратился къ г.г. профессорамъ Симонову и Лобачевскому: они болѣе всѣхъ подтвердили несогласіе свое съ разсужденіемъ г. ректора. За ними г. профессоръ Кондыревъ громко выразился о благодарности своей за мое съ нимъ

личное обращеніе. Господинъ ректоръ покрылъ прискорбную сію сцену своимъ молчаніемъ...

Признаюсь вашему превосходительству,—добавляетъ торжествующій директоръ,—что для меня сноснѣе былъ бы стыдъ, когда бы изъявилъ кто право свое на принятіе отъ меня извиненія, чѣмъ внезапный оборотъ понятій: кто суть ближніе ко мнѣ въ управленіи лица, кто мои совѣтники?! Оцѣпенѣвшимъ языкомъ едва промолвилъ я г. ректору, что главѣ ученаго сословія такіе поступки—неприличны... И съ симъ раскланялся съ почтеннымъ собраніемъ членовъ университета".

Не ограничиваясь фактическою,—хотя, несомнѣнно, и тенденціозною,—передачею попечителю подробностей „акта испрошенія христіанскаго прощенія", лишь свидѣтельствующихъ о томъ престижѣ директорской власти, который все еще тяготѣлъ надъ обездоленнымъ университетскимъ „ученымъ сословіемъ", Владимірскій въ томъ же донесеніи попечителю не преминулъ подобрать и предполагаемыя скрытыя пружины повергшаго его въ „смертельное" пораженіе и, во всякомъ случаѣ, неудобнаго для него инцидента. Все это отлилось подъ перомъ директора университета въ цѣлую серію извѣтовъ, образцомъ которыхъ могутъ служить слѣдующія строки того же донесенія его попечителю:

„По лучшему уразумѣнію моему,—докладываетъ онъ Магницкому,—подозрѣваю въ сихъ обстоятельствахъ слѣдующее:

а) Начальный, мнѣ кажется, производитель затѣи есть г. инспекторъ студентовъ. Подозрѣніе основываю на томъ, что онъ съ отважностію приставалъ къ укоризнамъ г. ректора, на меня обращеннымъ, и что онъ, съ открытіемъ вражды своей ко мнѣ, постоянно занимался пріискиваніемъ моихъ пороковъ, употребляя и преувеличиванія и вымыселъ. У меня есть на то доказательства, въ коихъ хотя и нѣтъ (sic!) имени г. Барсова, но оно понятно по характеристическимъ формамъ, извѣстнымъ въ пересудахъ его.

б) Господину ректору угодно было усвоить себѣ разсужденіе г. инспектора студентовъ, а обоимъ—разложить его на сословіе университета"...

Безплодно стараясь,—и все въ томъ же бездоказательномъ духѣ,—разоблачить сѣть окутавшихъ его злостныхъ „интригъ", Владимірскій объясняетъ эти послѣднія желаніемъ враговъ „сокрушить его уничиженіемъ" передъ попечителемъ, „повергнуть въ горестное чувство, что онъ и здѣсь ненавидимъ", „начать успѣхи свои отторженіемъ отъ г.г. Симонова и Лобачевскаго"... Признавая, далѣе, что всѣ, только что высказан-

личное обращеніе. Господинъ ректоръ покрылъ прискорбную сію сцену своимъ молчаніемъ...

Признаюсь вашему превосходительству,—добавляетъ торжествующій директоръ,—что для меня сноснѣе былъ бы стыдъ, когда бы изъявилъ кто право свое на принятіе отъ меня извиненія, чѣмъ внезапный оборотъ понятій: кто суть ближніе ко мнѣ въ управленіи лица, кто мои совѣтники?! Оцѣпенѣвшимъ языкомъ едва промолвилъ я г. ректору, что главѣ ученаго сословія такіе поступки—неприличны... И съ симъ раскланялся съ почтеннымъ собраніемъ членовъ университета".

Не ограничиваясь фактическою,—хотя, несомнѣнно, и тенденціозною,—передачею попечителю подробностей „акта испрошенія христіанскаго прощенія", лишь свидѣтельствующихъ о томъ престижѣ директорской власти, который все еще тяготѣлъ надъ обездоленнымъ университетскимъ „ученымъ сословіемъ", Владимірскій въ томъ же донесеніи попечителю не преминулъ подобрать и предполагаемыя скрытыя пружины повергшаго его въ „смертельное" пораженіе и, во всякомъ случаѣ, неудобнаго для него инцидента. Все это отлилось подъ перомъ директора университета въ цѣлую серію извѣтовъ, образцомъ которыхъ могутъ служить слѣдующія строки того же донесенія его попечителю:

„По лучшему уразумѣнію моему,—докладываетъ онъ Магницкому,—подозрѣваю въ сихъ обстоятельствахъ слѣдующее:

а) Начальный, мнѣ кажется, производитель затѣи есть г. инспекторъ студентовъ. Подозрѣніе основываю на томъ, что онъ съ отважностію приставалъ къ укоризнамъ г. ректора, на меня обращеннымъ, и что онъ, съ открытіемъ вражды своей ко мнѣ, постоянно занимался пріискиваніемъ моихъ пороковъ, употребляя и преувеличиванія и вымыселъ. У меня есть на то доказательства, въ коихъ хотя и нѣтъ (sic!) имени г. Барсова, но оно понятно по характеристическимъ формамъ, извѣстнымъ въ пересудахъ его.

б) Господину ректору угодно было усвоить себѣ разсужденіе г. инспектора студентовъ, а обоимъ—разложить его на сословіе университета"...

Безплодно стараясь,—и все въ томъ же бездоказательномъ духѣ,—разоблачить сѣть окутавшихъ его злостныхъ „интригъ", Владимірскій объясняетъ эти послѣднія желаніемъ враговъ „сокрушить его уничиженіемъ" передъ попечителемъ, „повергнуть въ горестное чувство, что онъ и здѣсь ненавидимъ", „начать успѣхи свои отторженіемъ отъ г.г. Симонова и Лобачевскаго"... Признавая, далѣе, что всѣ, только что высказан-

ныя имъ заключенія—только „догадочны“ (!) и представляются „къ одному свѣдѣнію его превосходительства“, Владимірскій вѣрнымъ считаетъ только то заключеніе—что онъ „слабостью своею и невѣжествомъ допустилъ созрѣть проискамъ до наглости“, которая и выразилась въ томъ, что: а) инспекторъ студентовъ, безусловно подчиненный директору—„возмогъ, устрашая навѣтами, остановлять въ полезныхъ распоряженіяхъ“, „представлять нелѣпости“, даже „пристать къ пререкательству“; б) ректоръ же университета, въ силу предоставленной директору власти „подлежащій его надзору“—тѣмъ не менѣе „дѣлается судьею и укорителемъ поставленнаго подъ нимъ блюстителя, погасивъ страхъ наказанія на нарушителей чинопочитанія“. Резюмируя образъ дѣйствій по отношенію къ нему ректора Никольскаго и инспектора Барсова, директоръ приходитъ къ слѣдующей сентенціи: „Когда ложь и злословіе запрещаются воспитанникамъ университета, оба сіи лица, первостепенныя въ заведеніи, не воздержались отъ того въ глазахъ моихъ“. Ламентаціи Владимірскаго заканчиваются изъявленіемъ имъ рѣшимости оставить университетскую службу: „Таковые опыты крайнихъ моихъ душевныхъ недостатковъ въ поддержаніи врученныя мнѣ власти заставляютъ, а разстроенное здоровье принуждаетъ, произнести на себя одного осужденіе, что бы пожертвовать носимыми мною въ казанскомъ университетѣ званіями; усерднѣйше прошу милостиво внять сей моей рѣшимости, готовой благословить клянущихъ меня!“ [167].

Весьма возможно, что, при другихъ обстоятельствахъ, описанный нами конфликтъ могъ бы мирно улечься и что заявленная директоромъ университета просьба объ отставкѣ была бы попечителемъ отклонена,—но въ данномъ случаѣ сыграло крупную роль раздраженіе, вызванное въ Магницкомъ упомянутымъ выше засѣданіемъ правленія отъ 27-го іюля. Это засѣданіе, въ особенности же постановленная въ немъ непріятная для попечителя резолюція, породило цѣлую бурю. Тщетно представлено было непремѣннымъ засѣдателемъ правленія проф. Тимьянскимъ письменное самооправданіе по этому поводу—Магницкій остался неумолимъ и результатомъ попечительскаго негодованія явились конфиденціальное внушеніе всѣмъ членамъ правленія, смѣна его секретаря и устраненіе членовъ правленія Тимьянскаго и декана Пальмина (22-го сентября), причемъ попечитель далъ предписаніе избрать въ непремѣннаго засѣдателя „чиновника съ нужнымъ познаніемъ законовъ и опытностью въ производствѣ дѣлъ, дабы симъ выборомъ отвратить на будущее время то самоуправство директора, которое неоднократно замѣчено было, ибо

ныя имъ заключенія—только „догадочны“ (!) и представляются „къ одному свѣдѣнію его превосходительства“, Владимірскій вѣрнымъ считаетъ только то заключеніе—что онъ „слабостью своею и невѣжествомъ допустилъ созрѣть проискамъ до наглости“, которая и выразилась въ томъ, что: а) инспекторъ студентовъ, безусловно подчиненный директору—„возмогъ, устрашая навѣтами, остановлять въ полезныхъ распоряженіяхъ“, „представлять нелѣпости“, даже „пристать къ пререкательству“; б) ректоръ же университета, въ силу предоставленной директору власти „подлежащій его надзору“—тѣмъ не менѣе „дѣлается судьею и укорителемъ поставленнаго подъ нимъ блюстителя, погасивъ страхъ наказанія на нарушителей чинопочитанія“. Резюмируя образъ дѣйствій по отношенію къ нему ректора Никольскаго и инспектора Барсова, директоръ приходитъ къ слѣдующей сентенціи: „Когда ложь и злословіе запрещаются воспитанникамъ университета, оба сіи лица, первостепенныя въ заведеніи, не воздержались отъ того въ глазахъ моихъ“. Ламентаціи Владимірскаго заканчиваются изъявленіемъ имъ рѣшимости оставить университетскую службу: „Таковые опыты крайнихъ моихъ душевныхъ недостатковъ въ поддержаніи врученныя мнѣ власти заставляютъ, а разстроенное здоровье принуждаетъ, произнести на себя одного осужденіе, что бы пожертвовать носимыми мною въ казанскомъ университетѣ званіями; усерднѣйше прошу милостиво внять сей моей рѣшимости, готовой благословить клянущихъ меня!“ [167].

Весьма возможно, что, при другихъ обстоятельствахъ, описанный нами конфликтъ могъ бы мирно улечься и что заявленная директоромъ университета просьба объ отставкѣ была бы попечителемъ отклонена,—но въ данномъ случаѣ сыграло крупную роль раздраженіе, вызванное въ Магницкомъ упомянутымъ выше засѣданіемъ правленія отъ 27-го іюля. Это засѣданіе, въ особенности же постановленная въ немъ непріятная для попечителя резолюція, породило цѣлую бурю. Тщетно представлено было непремѣннымъ засѣдателемъ правленія проф. Тимьянскимъ письменное самооправданіе по этому поводу—Магницкій остался неумолимъ и результатомъ попечительскаго негодованія явились конфиденціальное внушеніе всѣмъ членамъ правленія, смѣна его секретаря и устраненіе членовъ правленія Тимьянскаго и декана Пальмина (22-го сентября), причемъ попечитель далъ предписаніе избрать въ непремѣннаго засѣдателя „чиновника съ нужнымъ познаніемъ законовъ и опытностью въ производствѣ дѣлъ, дабы симъ выборомъ отвратить на будущее время то самоуправство директора, которое неоднократно замѣчено было, ибо

уставъ университета и инструкція директору требуютъ, что бы правленіе было сословіе совѣщательное, а не покрывающее своимъ именемъ самовластныя рѣшенія предсѣдателя". Самое дѣло о правленскомъ засѣданіи 27-го іюля Магницкій приказалъ оставить, какъ „позорное для университета", въ дѣлахъ канцеляріи попечителя. Разгромъ не миновалъ и инспектора студентовъ Барсова, которому резолюціею попечителя отъ 14-го августа дозволено „сдать должность въ ожиданіи отставки", утвержденной, впрочемъ, еще раньше—2-го августа.

Раздраженіе попечителя противъ бывшаго своего любимца достигло высшаго предѣла и рельефно отлилось въ отзывѣ объ образѣ дѣйствіи Владимірскаго, которыя Магницкій признавалъ „неистовыми чувствами чиновника, который, снявъ съ себя личину, коею дотолѣ закрывался, хотѣлъ оставить поступокъ самый злобный и дерзкій памятникомъ своего управленія въ университетѣ, гдѣ, возведенъ будучи изъ ничтожества въ отличное званіе и почести, былъ онъ осыпанъ благодѣяніями". Согласно представленію попечителя министру отъ 15-го августа, Владимірскій былъ уже 26-го августа отстраненъ отъ исполненія директорскихъ обязанностей; 9-го сентября ему предписано было сдать должность ректору университета Никольскому, а 5-го декабря 1822 года послѣдовало совершенное увольненіе его отъ службы. Такъ закончилъ свою случайную академическую карьеру первый директоръ казанскаго университета, тѣсно связавшій свою память съ одною изъ самыхъ скорбныхъ страницъ въ столѣтнемъ прошломъ казанской almae matris. Оставляя университетскую службу, Владимірскій едва ли не разсчитывалъ снова попытать счастья въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, на что намекаетъ намъ слѣдующее поздравительное письмо его къ министру князю А. Н. Голицину, писанное, по поводу наступавшаго праздника Рождества Христова, нѣсколькими днями позже увольненія отъ службы: „Сіятельнѣйшій князь, милостивѣйшій государь! Принося всепокорнѣйшее благодареніе за всѣ милости вашего сіятельства, коими удостоивали меня, недостойнаго, за все время служенія моего подъ высокимъ вашимъ начальствомъ, осмѣливаюсь привѣтствовать васъ молитвенными желаніями—да Возлежащій въ ясляхъ нашего ради спасенія творитъ васъ слышащимъ славословіе Его ангеловъ" [158].

Что бы покончить съ печальной памяти трехлѣтіемъ директорства Владимірскаго, приведемъ находящіяся въ нашемъ распоряженіи весьма немногія, впрочемъ, данныя о послѣдующей судьбѣ этого случайнаго дѣятеля казанскаго университета, почерпнутыя нами изъ архивныхъ дѣлъ

уставъ университета и инструкція директору требуютъ, что бы правленіе было сословіе совѣщательное, а не покрывающее своимъ именемъ самовластныя рѣшенія предсѣдателя". Самое дѣло о правленскомъ засѣданіи 27-го іюля Магницкій приказалъ оставить, какъ „позорное для университета", въ дѣлахъ канцеляріи попечителя. Разгромъ не миновалъ и инспектора студентовъ Барсова, которому резолюціею попечителя отъ 14-го августа дозволено „сдать должность въ ожиданіи отставки", утвержденной, впрочемъ, еще раньше—2-го августа.

Раздраженіе попечителя противъ бывшаго своего любимца достигло высшаго предѣла и рельефно отлилось въ отзывѣ объ образѣ дѣйствіи Владимірскаго, которыя Магницкій признавалъ „неистовыми чувствами чиновника, который, снявъ съ себя личину, коею дотолѣ закрывался, хотѣлъ оставить поступокъ самый злобный и дерзкій памятникомъ своего управленія въ университетѣ, гдѣ, возведенъ будучи изъ ничтожества въ отличное званіе и почести, былъ онъ осыпанъ благодѣяніями". Согласно представленію попечителя министру отъ 15-го августа, Владимірскій былъ уже 26-го августа отстраненъ отъ исполненія директорскихъ обязанностей; 9-го сентября ему предписано было сдать должность ректору университета Никольскому, а 5-го декабря 1822 года послѣдовало совершенное увольненіе его отъ службы. Такъ закончилъ свою случайную академическую карьеру первый директоръ казанскаго университета, тѣсно связавшій свою память съ одною изъ самыхъ скорбныхъ страницъ въ столѣтнемъ прошломъ казанской almae matris. Оставляя университетскую службу, Владимірскій едва ли не разсчитывалъ снова попытать счастья въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, на что намекаетъ намъ слѣдующее поздравительное письмо его къ министру князю А. Н. Голицину, писанное, по поводу наступавшаго праздника Рождества Христова, нѣсколькими днями позже увольненія отъ службы: „Сіятельнѣйшій князь, милостивѣйшій государь! Принося всепокорнѣйшее благодареніе за всѣ милости вашего сіятельства, коими удостоивали меня, недостойнаго, за все время служенія моего подъ высокимъ вашимъ начальствомъ, осмѣливаюсь привѣтствовать васъ молитвенными желаніями—да Возлежащій въ ясляхъ нашего ради спасенія творитъ васъ слышащимъ славословіе Его ангеловъ" [158].

Что бы покончить съ печальной памяти трехлѣтіемъ директорства Владимірскаго, приведемъ находящіяся въ нашемъ распоряженіи весьма немногія, впрочемъ, данныя о послѣдующей судьбѣ этого случайнаго дѣятеля казанскаго университета, почерпнутыя нами изъ архивныхъ дѣлъ

министерства народнаго просвѣщенія. Что послѣдовавшее въ концѣ 1822-го года увольненіе отъ университетской службы не подорвало видовъ Владимірскаго на его дальнѣйшую служебную карьеру, это усматривается изъ прошенія на высочайшее имя, поданнаго имъ 7-го мая 1823 года изъ Москвы и заключающаго въ себѣ любопытныя черты для обрисовки личности бывшаго директора университета, въ виду чего мы и считаемъ умѣстнымъ въ подлинникѣ познакомить съ нимъ нашихъ читателей:

«Всемилостивѣйшій Государь! По всемилостивѣйшемъ увольненіи меня лейбъ-гвардіи изъ Егерскаго полка въ 1816-мъ годѣ (sic), я поселился для поправленія моего здоровья въ Симбирскѣ, принявъ, къ пропитанію своему, званіе губернскаго акушера, къ которому и въ академіи и въ московскомъ воспитательномъ домѣ, на самомъ дѣлѣ, особенно пріуготовлялся. Отсюда гражданское медицинское начальство 1818-го года перемѣстило меня въ Тверь инспекторомъ врачебной управы. А въ 1819-мъ годѣ, съ похвалы д. с. с. Магницкаго, министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія испросилъ у Вашего Императорскаго Величества соизволеніе въ поставленіи меня директоромъ казанскаго университета; впослѣдствіе времени ученое сословіе сего университета согласило меня принять кафедру ординарнаго профессора повивальнаго искусства и сіе званіе также удостоено Вами утвержденія въ началѣ 1822-го года.

Продолжительные труды, извѣстные своею тяжестью вездѣ, гдѣ усиліе человѣческое въ нестроеніи домогается устроенія, пригадывая въ дѣло всякую часть стараго матеріала и ни одной не теряя, еще приразившіяся (sic) печаль и уныніе—сокрушили, по маловѣрію моему, существо моея дѣятельности: Ваше Императорское Величество высочайшимъ указомъ всемилостивѣйше соизволили уволить меня отъ службы въ концѣ прошедшаго 1822-го года.

Въ первые два года служенія моего при казанскомъ университетѣ я получалъ жалованья, лицу директора опредѣленнаго, по 3 тысячи рублей въ каждый; въ послѣдній годъ прибавлено къ оному 2 тысячи рублей по званію ординарнаго профессора. Представляя первое мѣстное лицо въ заведеніи и испытывая приложеніе домашняго воспитанія къ публичному, я поставлялся въ необходимость допускать расходы свои далѣе жалованья одною третью, а иногда и болѣе. Господь, взявъ отъ меня въ Казани двухъ дѣтей, къ отроческому подходившихъ возрасту, собиралъ окрестъ убогія моея трапезы настоящихъ отроковъ и юношей,—Твоихъ, великій Государь, воспитанниковъ,—уже не двухъ, кои, по мѣрѣ явленія похвальныхъ качествъ въ новыхъ недѣлимыхъ,—благодареніе тому же Господу,—время отъ времени умножались *.

* Намекъ на уже извѣстное намъ педагогическое начинаніе Владимірскаго, въ силу котораго въ каждый праздникъ, послѣ обѣдни, четверо «достойнѣйшихъ» студентовъ откомандировывались въ квартиру директора, въ качествѣ его гостей. На почвѣ этого начинанія разыгрались, между прочимъ, неудовольствія между директоромъ университета и инспекторомъ Барсовымъ. Лѣтомъ 1822-го года Никольскій жаловался попечителю, что «въ послѣдній разъ представлены были ко мнѣ, подъ видомъ достойнѣйшихъ, три извѣстные негодяя—Соломонъ, Горячевъ и Базилевъ; я почелъ сіе умышленіемъ, дабы отучить меня отъ сего обыкновенія». «Въ послѣднее время замѣчаю,—сѣтуетъ директоръ,—что г. инспекторъ существенно приблизилъ къ себѣ шалуновъ и почитаю нужнымъ донести вашему превосходительству, что происшедшее раздѣленіе студентовъ на директорскихъ и инспекторскихъ—соблазнительно» (см. дѣло архива унив. Попеч. 1822, № 57, л.л. *65 об.—66*).

министерства народнаго просвѣщенія. Что послѣдовавшее въ концѣ 1822-го года увольненіе отъ университетской службы не подорвало видовъ Владимірскаго на его дальнѣйшую служебную карьеру, это усматривается изъ прошенія на высочайшее имя, поданнаго имъ 7-го мая 1823 года изъ Москвы и заключающаго въ себѣ любопытныя черты для обрисовки личности бывшаго директора университета, въ виду чего мы и считаемъ умѣстнымъ въ подлинникѣ познакомить съ нимъ нашихъ читателей:

«Всемилостивѣйшій Государь! По всемилостивѣйшемъ увольненіи меня лейбъ-гвардіи изъ Егерскаго полка въ 1816-мъ годѣ (sic), я поселился для поправленія моего здоровья въ Симбирскѣ, принявъ, къ пропитанію своему, званіе губернскаго акушера, къ которому и въ академіи и въ московскомъ воспитательномъ домѣ, на самомъ дѣлѣ, особенно пріуготовлялся. Отсюда гражданское медицинское начальство 1818-го года перемѣстило меня въ Тверь инспекторомъ врачебной управы. А въ 1819-мъ годѣ, съ похвалы д. с. с. Магницкаго, министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія испросилъ у Вашего Императорскаго Величества соизволеніе въ поставленіи меня директоромъ казанскаго университета; впослѣдствіе времени ученое сословіе сего университета согласило меня принять кафедру ординарнаго профессора повивальнаго искусства и сіе званіе также удостоено Вами утвержденія въ началѣ 1822-го года.

Продолжительные труды, извѣстные своею тяжестью вездѣ, гдѣ усиліе человѣческое въ нестроеніи домогается устроенія, пригадывая въ дѣло всякую часть стараго матеріала и ни одной не теряя, еще приразившіяся (sic) печаль и уныніе—сокрушили, по маловѣрію моему, существо моея дѣятельности: Ваше Императорское Величество высочайшимъ указомъ всемилостивѣйше соизволили уволить меня отъ службы въ концѣ прошедшаго 1822-го года.

Въ первые два года служенія моего при казанскомъ университетѣ я получалъ жалованья, лицу директора опредѣленнаго, по 3 тысячи рублей въ каждый; въ послѣдній годъ прибавлено къ оному 2 тысячи рублей по званію ординарнаго профессора. Представляя первое мѣстное лицо въ заведеніи и испытывая приложеніе домашняго воспитанія къ публичному, я поставлялся въ необходимость допускать расходы свои далѣе жалованья одною третью, а иногда и болѣе. Господь, взявъ отъ меня въ Казани двухъ дѣтей, къ отроческому подходившихъ возрасту, собиралъ окрестъ убогія моея трапезы настоящихъ отроковъ и юношей,—Твоихъ, великій Государь, воспитанниковъ,—уже не двухъ, кои, по мѣрѣ явленія похвальныхъ качествъ въ новыхъ недѣлимыхъ,—благодареніе тому же Господу,—время отъ времени умножались *.

* Намекъ на уже извѣстное намъ педагогическое начинаніе Владимірскаго, въ силу котораго въ каждый праздникъ, послѣ обѣдни, четверо «достойнѣйшихъ» студентовъ откомандировывались въ квартиру директора, въ качествѣ его гостей. На почвѣ этого начинанія разыгрались, между прочимъ, неудовольствія между директоромъ университета и инспекторомъ Барсовымъ. Лѣтомъ 1822-го года Никольскій жаловался попечителю, что «въ послѣдній разъ представлены были ко мнѣ, подъ видомъ достойнѣйшихъ, три извѣстные негодяя—Соломонъ, Горячевъ и Базилевъ; я почелъ сіе умышленіемъ, дабы отучить меня отъ сего обыкновенія». «Въ послѣднее время замѣчаю,—сѣтуетъ директоръ,—что г. инспекторъ существенно приблизилъ къ себѣ шалуновъ и почитаю нужнымъ донести вашему превосходительству, что происшедшее раздѣленіе студентовъ на директорскихъ и инспекторскихъ—соблазнительно» (см. дѣло архива унив. Попеч. 1822, № 57, л.л. 65 об.—66).

Сей способъ приближенія ко мнѣ казенныхъ воспитанниковъ благопріятенъ былъ моему начальству: но я увлекался имъ тѣмъ пристрастнѣе, что собственными глазами видѣлъ посильные плоды такого направленія, которое, въ желаніяхъ моихъ и цѣли, не различествовали отъ того, къ чему я велъ собственнаго сына, въ гимназіи и въ университетѣ казанскихъ обучавшагося.

Радостно я умалялъ себя до возможнаго истощенія: ибо оно и не могло быть и самобѣднѣйшею жертвою высочайшимъ Твоимъ ко мнѣ щедротамъ, отъ востока просіянія ихъ лейбъ-гвардіи въ Егерскомъ полку—безпрерывно озарявшимъ меня, яко полудне, на всякомъ мѣстѣ и во всякомъ родѣ моея службы.

По одной связи приключеній, коихъ послѣдствія опредѣлили то, а не другое, убѣжище, я привожу въ воспоминаніе, что, оставивши въ Казани все, что я могъ продать въ удовлетвореніе мѣстныхъ долговъ и путевыхъ издержекъ, оставивши тамъ и первое въ моей жизни заемное письмо въ одну тысячу рублей, на три года отсроченное—я привезъ сюда одно разумѣніе своего художества, книги и инструменты. Далѣе Москвы не было мнѣ возможности двинуться и Москву находилъ я единственнымъ пристанищемъ потому, что въ семъ мѣстѣ для всякаго художника и всегда сыскивается дѣло.

Такимъ образомъ, четвертый здѣсь мѣсяцъ, работою леченія и повиванія, пропитываю себя и мое семейство.

Положеніе мое довольно сносно,—но несносно состояніе, въ которое я приведенъ, какъ праздный евангельскій рабъ, коснѣющій надъ врученными ему талантами многими.

Прошу Твоего, всемилостивѣйшій Государь, благоволѣнія! Ревность дому Твоему снѣдаетъ меня! Если благоволѣніе Господне почіетъ на моемъ художествѣ, то и въ счастливой будущности предусматривается одно стяжаніе: а я нигдѣ и никогда не поклонялся тѣлу златому... Почто, впрочемъ, на послѣдней и болѣзненной половинѣ вѣка и мечтать о сокровиществованіи? Нынѣшній день трудовъ моихъ обезпечиваетъ въ пропитаніи завтрашній; но нынѣшній день недуга оставляетъ на слѣдующій пустоту, болѣзненныя же меня посѣщенія, по власти Божіей, дѣлаются нерѣдки: и по сему, чрезъ степени лишеній, ближе провидѣть то, что я, не сливши тѣльца, дождусь до принятія милостиннаго себѣ подаянія.

Въ великомъ дому царствія Твоего, благочестивѣйшій императоръ, не точію сосуди златы и сребряны суть, но и древяни и глиняни: повели встать мнѣ въ томъ ряду изъ нихъ и въ томъ служебномъ чинѣ, который въ судьбахъ правды Твоея и благости указанъ будетъ! Въ благоговѣніи къ высочайшей власти, пребывающей на Тебѣ Господнимъ помазаніемъ, убѣждаюсь посильною моею вѣрою, что скудельникъ имѣетъ власть на бреніи отъ тогожде смѣшенія сотворити—овъ убо сосудъ въ честь, овъ же не въ честь; движеніемъ глубочайшія благодарности, къ величію щедротъ Твоихъ на мнѣ, въ сокрушеніи и прахѣ повергаюсь предъ Тобою!

Дерзновенно прошеніе мое, что, миная посредствующія власти, припадаю къ подножію престола Вашего Императорскаго Величества. Но кому нужны мои немощи? Гдѣ явлюся, когда день дню передаетъ хлѣбъ мой насущный? Всякому ли повѣдую о моемъ убожествѣ, въ богатствѣ благости Твоея? Чести же моей не осмѣливаюсь и ввѣрить человѣческому предстательству,—ибо она есть Твое царственное украшеніе на моей скудели и Твое изліяніе на нее благоуханія.

Для многихъ чудо,—взывалъ богодухновенный царь израильскій къ Богу вышнему (Псал 70). Я возношу тоже моленіе къ Божію Помазаннику. Для многихъ я—чудо; а Ты—убѣ-

Сей способъ приближенія ко мнѣ казенныхъ воспитанниковъ благопріятенъ былъ моему начальству: но я увлекался имъ тѣмъ пристрастнѣе, что собственными глазами видѣлъ посильные плоды такого направленія, которое, въ желаніяхъ моихъ и цѣли, не различествовали отъ того, къ чему я велъ собственнаго сына, въ гимназіи и въ университетѣ казанскихъ обучавшагося.

Радостно я умалялъ себя до возможнаго истощенія: ибо оно и не могло быть и самобѣднѣйшею жертвою высочайшимъ Твоимъ ко мнѣ щедротамъ, отъ востока просіянія ихъ лейбъ-гвардіи въ Егерскомъ полку—безпрерывно озарявшимъ меня, яко полудне, на всякомъ мѣстѣ и во всякомъ родѣ моея службы.

По одной связи приключеній, коихъ послѣдствія опредѣлили то, а не другое, убѣжище, я привожу въ воспоминаніе, что, оставивши въ Казани все, что я могъ продать въ удовлетвореніе мѣстныхъ долговъ и путевыхъ издержекъ. оставивши тамъ и первое въ моей жизни заемное письмо въ одну тысячу рублей, на три года отсроченное—я привезъ сюда одно разумѣніе своего художества, книги и инструменты. Далѣе Москвы не было мнѣ возможности двинуться и Москву находилъ я единственнымъ пристанищемъ потому, что въ семъ мѣстѣ для всякаго художника и всегда сыскивается дѣло.

Такимъ образомъ, четвертый здѣсь мѣсяцъ, работою леченія и повиванія, пропитываю себя и мое семейство.

Положеніе мое довольно сносно,—но несносно состояніе, въ которое я приведенъ, какъ праздный евангельскій рабъ, коснѣющій надъ врученными ему талантами многими.

Прошу Твоего, всемилостивѣйшій Государь, благоволѣнія! Ревность дому Твоему снѣдаетъ меня! Если благоволѣніе Господне почіетъ на моемъ художествѣ, то и въ счастливой будущности предусматривается одно стяжаніе: а я нигдѣ и никогда не поклонялся тѣлу златому... Почто, впрочемъ, на послѣдней и болѣзненной половинѣ вѣка и мечтать о сокровиществованіи? Нынѣшній день трудовъ моихъ обезпечиваетъ въ пропитаніи завтрашній; но нынѣшній день недуга оставляетъ на слѣдующій пустоту, болѣзненныя же меня посѣщенія, по власти Божіей, дѣлаются нерѣдки: и по сему, чрезъ степени лишеній, ближе провидѣть то, что я, не сливши тѣльца, дождусь до принятія милостиннаго себѣ подаянія.

Въ великомъ дому царствія Твоего, благочестивѣйшій императоръ, не точію сосуди златы и сребряны суть, но и древяни и глиняни: повели встать мнѣ въ томъ ряду изъ нихъ и въ томъ служебномъ чинѣ, который въ судьбахъ правды Твоея и благости указанъ будетъ! Въ благоговѣніи къ высочайшей власти, пребывающей на Тебѣ Господнимъ помазаніемъ, убѣждаюсь посильною моею вѣрою, что скудельникъ имѣетъ власть на брени отъ тогожде смѣшенія сотворити—овъ убо сосудъ въ честь, овъ же не въ честь; движеніемъ глубочайшія благодарности, къ величію щедротъ Твоихъ на мнѣ, въ сокрушеніи и прахѣ повергаюсь предъ Тобою!

Дерзновенно прошеніе мое, что, минуя посредствующія власти, припадаю къ подножію престола Вашего Императорскаго Величества. Но кому нужны мои немощи? Гдѣ явлюся, когда день дню передаетъ хлѣбъ мой насущный? Всякому ли повѣдую о моемъ убожествѣ, въ богатствѣ благости Твоея? Чести же моей не осмѣливаюсь и ввѣрить человѣческому предстательству,—ибо она есть Твое царственное украшеніе на моей скудели и Твое изліяніе на нее благоуханія.

Для многихъ чудо,—взывалъ богодухновенный царь израильскій къ Богу вышнему (Псал 70). Я возношу тоже моленіе къ Божію Помазаннику. Для многихъ я—чудо; а Ты—убѣ-

жище мое крѣпкое. Уста мои полны хвалою Твоею и я воспѣваю славу Твою, всякій день великолѣпіе Твое! Не отринь меня во время старости! Когда истощится сила моя—не оставь меня!»

Производство по этому своеобразному прошенію затянулось до начала 1825-го года, когда, по справкамъ, выяснилось, что Владимірскій еще съ 16-го января 1824 года зачисленъ въ службу по управленію военныхъ поселеній, на должность старшаго врача поселеній новгородской губерніи, въ виду чего 4-го января 1825 года на прошеніе его и послѣдовала резолюція: „Какъ уже Владимірскій опредѣленъ къ мѣсту, то и почитать просьбу его исполненною" [159]. Позднѣйшая судьба перваго директора казанскаго университета остается намъ неизвѣстною.

Мы видѣли, что, за послѣдовавшимъ отстраненіемъ Владимірскаго отъ должности—обязанности директора университета были возложены на проф. Г. Б. Никольскаго, въ лицѣ котораго временно соединились, такимъ образомъ, два высшихъ университетскихъ званія—ректорское и директорское. Представляя министру о передачѣ должности директора Никольскому, Магницкій, „въ уваженіе многотрудной и безъ того обязанности, въ соединеніи съ должностью директора еще болѣе обременительной и по крайней его бѣдности", ходатайствовалъ о прибавкѣ ректору получавшагося Владимірскимъ профессорскаго жалованья, но ходатайство это министромъ было отклонено. Соединеніе въ лицѣ проф. Никольскаго званій ректора и директора, длившееся въ теченіи всего 1822—1823 учебнаго года, шло въ разрѣзъ существующимъ положеніямъ; къ тому же истекало трехлѣтіе ректорской службы Никольскаго и Магницкому приходилось озаботиться дальнѣйшею организаціею внутренняго строя казанскаго университета. На этой почвѣ попечитель пришелъ къ слѣдующей административной комбинаціи, изложенной имъ въ представленіи министру отъ 11-го марта 1823 года:

„По предписанію вашего сіятельства отъ 26-го августа 1822 года должность директора казанскаго университета временно возложена на ректора Никольскаго.

Сколько ни обременительны сіи обязанности двухъ высшихъ въ университетѣ званій, г. Никольскій исполняетъ ихъ съ отличною честью. Долговременная его служба въ казанскомъ университетѣ, опытность въ дѣлахъ и добрыя правила жизни—даютъ наилучшее ручательство, что онъ и на будущее время съ пользою можетъ занимать должность директора. Сію благонадежность основываю я на томъ, что когда нравственная часть и хозяйство университета казанскаго

жище мое крѣпкое. Уста мои полны хвалою Твоею и я воспѣваю славу Твою, всякій день великолѣпіе Твое! Не отринь меня во время старости! Когда истощится сила моя—не оставь меня!»

Производство по этому своеобразному прошенію затянулось до начала 1825-го года, когда, по справкамъ, выяснилось, что Владимірскій еще съ 16-го января 1824 года зачисленъ въ службу по управленію военныхъ поселеній, на должность старшаго врача поселеній новгородской губерніи, въ виду чего 4-го января 1825 года на прошеніе его и послѣдовала резолюція: „Какъ уже Владимірскій опредѣленъ къ мѣсту, то и почитать просьбу его исполненною“ [159]. Позднѣйшая судьба перваго директора казанскаго университета остается намъ неизвѣстною.

Мы видѣли, что, за послѣдовавшимъ отстраненіемъ Владимірскаго отъ должности—обязанности директора университета были возложены на проф. Г. Б. Никольскаго, въ лицѣ котораго временно соединились, такимъ образомъ, два высшихъ университетскихъ званія—ректорское и директорское. Представляя министру о передачѣ должности директора Никольскому, Магницкій, „въ уваженіе многотрудной и безъ того обязанности, въ соединеніи съ должностью директора еще болѣе обременительной и по крайней его бѣдности“, ходатайствовалъ о прибавкѣ ректору получавшагося Владимірскимъ профессорскаго жалованья, но ходатайство это министромъ было отклонено. Соединеніе въ лицѣ проф. Никольскаго званій ректора и директора, длившееся въ теченіи всего 1822—1823 учебнаго года, шло въ разрѣзъ существующимъ положеніямъ; къ тому же истекало трехлѣтіе ректорской службы Никольскаго и Магницкому приходилось озаботиться дальнѣйшею организаціею внутренняго строя казанскаго университета. На этой почвѣ попечитель пришелъ къ слѣдующей административной комбинаціи, изложенной имъ въ представленіи министру отъ 11-го марта 1823 года:

„По предписанію вашего сіятельства отъ 26-го августа 1822 года должность директора казанскаго университета временно возложена на ректора Никольскаго.

Сколько ни обременительны сіи обязанности двухъ высшихъ въ университетѣ званій, г. Никольскій исполняетъ ихъ съ отличною честью. Долговременная его служба въ казанскомъ университетѣ, опытность въ дѣлахъ и добрыя правила жизни—даютъ наилучшее ручательство, что онъ и на будущее время съ пользою можетъ занимать должность директора. Сію благонадежность основываю я на томъ, что когда нравственная часть и хозяйство университета казанскаго

были въ упадкѣ, г. Никольскій посреди сего неустройства велъ такую же, какъ и нынѣ, христіанскую жизнь, говорилъ публично противъ вольнодумства и не покрывалъ злоупотребленій. Ваше сіятельство припомнить изволите, что чиновникъ сей первый обнаружилъ строгимъ обревизованіемъ казанской гимназіи непорядочное управленіе оною бывшаго тогда директора ея Яковкина и былъ употребленъ мною во время обозрѣнія университета по самымъ важнымъ порученіямъ.

Принимая въ уваженіе сіи заслуги и личныя достоинства г. Никольскаго, я имѣю честь представить объ утвержденіи его директоромъ казанскаго университета, съ удержаніемъ при немъ званія ординарнаго профессора прикладной математики и съ полными окладами жалованья по обѣимъ симъ должностямъ, по примѣру бывшаго директора Владимірскаго.

Ежели вашему сіятельству благоугодно будетъ исходатайствовать высочайшее соизволеніе на опредѣленіе г. Никольскаго директоромъ, то я бы полагалъ, что званіе ректора казанскаго университета съ честью можетъ заступить ординарный профессоръ Фуксъ—чиновникъ по всѣмъ отношеніямъ достойнѣйшій.

Для единовременнаго вступленія въ сіи должности, я бы покорнѣйше просилъ бы ваше сіятельство съ опредѣленіемъ директора соединить и утвержденіе ректоромъ г. профессора Фукса, ибо благонадежность его мнѣ совершенно извѣстна, а примѣръ подобному утвержденію былъ съ профессоромъ Солнцевымъ".

Князь Голицинъ не замедлилъ запросить попечителя, „на сколько именно времени предполагаетъ онъ избрать ординарнаго профессора Фукса ректоромъ,—на три ли года, согласно постановленію, или только на одинъ годъ?", на что Магницкій отозвался, что полагалъ бы утвердить Фукса ректоромъ только на одинъ годъ—„какъ то было сдѣлано въ разсужденіи профессора Солнцева, дабы потомъ, ежели г. Фуксъ, какъ онъ надѣется, оправдаетъ свое избраніе, представить его къ утвержденію на трехлѣтіе". Только что приведенная нами переписка ясно указываетъ на намѣреніе Магницкаго игнорировать уставъ университета, настоявъ на назначеніи ректора властью министра, къ чему склонялся и самъ князь А. Н. Голицинъ. Между тѣмъ приближался срокъ общихъ университетскихъ выборовъ, которые, въ невѣдѣніи интимныхъ сношеній попечителя съ министромъ, и были назначены на 5-ое мая.

Университетскіе выборы 5-го мая 1823 года открылись заявленіями профессоровъ Г. Б. Никольскаго и К. Ѳ. Фукса относительно отказа ихъ отъ баллотировки въ званіе ректора. Никольскій, въ словес-

были въ упадкѣ, г. Никольскій посреди сего неустройства велъ такую же, какъ и нынѣ, христіанскую жизнь, говорилъ публично противъ вольнодумства и не покрывалъ злоупотребленій. Ваше сіятельство припомнить изволите, что чиновникъ сей первый обнаружилъ строгимъ обревизованіемъ казанской гимназіи непорядочное управленіе оною бывшаго тогда директора ея Яковкина и былъ употребленъ мною во время обозрѣнія университета по самымъ важнымъ порученіямъ.

Принимая въ уваженіе сіи заслуги и личныя достоинства г. Никольскаго, я имѣю честь представить объ утвержденіи его директоромъ казанскаго университета, съ удержаніемъ при немъ званія ординарнаго профессора прикладной математики и съ полными окладами жалованья по обѣимъ симъ должностямъ, по примѣру бывшаго директора Владимірскаго.

Ежели вашему сіятельству благоугодно будетъ исходатайствовать высочайшее соизволеніе на опредѣленіе г. Никольскаго директоромъ, то я бы полагалъ, что званіе ректора казанскаго университета съ честью можетъ заступить ординарный профессоръ Фуксъ—чиновникъ по всѣмъ отношеніямъ достойнѣйшій.

Для единовременнаго вступленія въ сіи должности, я бы покорнѣйше просилъ бы ваше сіятельство съ опредѣленіемъ директора соединить и утвержденіе ректоромъ г. профессора Фукса, ибо благонадежность его мнѣ совершенно извѣстна, а примѣръ подобному утвержденію былъ съ профессоромъ Солнцевымъ".

Князь Голицинъ не замедлилъ запросить попечителя, „на сколько именно времени предполагаетъ онъ избрать ординарнаго профессора Фукса ректоромъ,—на три ли года, согласно постановленію, или только на одинъ годъ?", на что Магницкій отозвался, что полагалъ бы утвердить Фукса ректоромъ только на одинъ годъ—„какъ то было сдѣлано въ разсужденіи профессора Солнцева, дабы потомъ, ежели г. Фуксъ, какъ онъ надѣется, оправдаетъ свое избраніе, представить его къ утвержденію на трехлѣтіе". Только что приведенная нами переписка ясно указываетъ на намѣреніе Магницкаго игнорировать уставъ университета, настоявъ на назначеніи ректора властью министра, къ чему склонялся и самъ князь А. Н. Голицинъ. Между тѣмъ приближался срокъ общихъ университетскихъ выборовъ, которые, въ невѣдѣніи интимныхъ сношеній попечителя съ министромъ, и были назначены на 5-ое мая.

Университетскіе выборы 5-го мая 1823 года открылись заявленіями профессоровъ Г. Б. Никольскаго и К. Ѳ. Фукса относительно отказа ихъ отъ баллотировки въ званіе ректора. Никольскій, въ словес-

номъ заявленіи своемъ о томъ совѣту, мотивировалъ свой отказъ исправленіемъ имъ должности директора университета, профессоръ же Фуксъ подалъ письменное представленіе, въ которомъ ссылался на свое недостаточное знакомство „съ искусствомъ вести дѣла въ такомъ порядкѣ, какого требуетъ служба", на „обширность преподаваемыхъ имъ наукъ, требующихъ много времени для приготовленія лекцій" и на свое желаніе „заниматься единственно науками, для распространенія ихъ изданіемъ сочиненій". Совѣтъ не уважилъ этихъ заявленій и постановилъ подвергнуть баллотированію въ званіе ректора всѣхъ ординарныхъ профессоровъ, за исключеніемъ проф. Тимьянскаго, какъ „предназначеннаго къ отправленію съ морскою экспедиціею къ берегамъ Америки".

Возстановимъ въ подлинномъ видѣ баллотировочный листъ избирательнаго собранія 5-го мая:

	Количество балловъ:	
	Избират.	Неизбират.
Г. Б. Никольскій	9	3
К. Ѳ. Фуксъ	8	4
Ф. И. Эрдманъ	4	8
М. А. Пальминъ	3	9
И. М. Симоновъ	3	9
Н. И. Лобачевскій	6	6
И. А. Жобаръ	6	6
Л. Л. Фогель	3	9

Въ результатѣ выборовъ Г. Б. Никольскій сохранялъ за собою, такимъ образомъ, званіе ректора университета *. Университетскому совѣту очень скоро пришлось, однако, узнать, что выборы въ должность ректора были произведены имъ совершенно безплодно и что предоставленное ему уставомъ избирательное право—оказалось и на этотъ разъ самымъ безцеремоннымъ образомъ нарушеннымъ, какъ объ этомъ поставило совѣтъ въ извѣстность слѣдующее попечительское предложеніе отъ 1-го іюня: „Въ мѣсяцѣ мартѣ сего года представлялъ я г. министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія объ утвержденіи г.г. профессоровъ

* Приведемъ результаты остальныхъ выборовъ. Деканами оказались избранными, по факультетамъ: словесному—Ф. И. Эрдманъ, нравственно-политическому—Г. Н. Городчаниновъ, физико-математическому—Н. И. Лобачевскій, врачебному—К. Ѳ. Фуксъ (за назначеніемъ его ректоромъ, 13 го іюня взамѣнъ его избранъ Л. Л. Фогель). Членами училищнаго комитета избраны: Н. И. Лобачевскій, И. И. Дунаевъ, В. Я. Булыгинъ, В. Я. Баженовъ, И. К. Ероховъ и П. М. Васильевъ.

номъ заявленіи своемъ о томъ совѣту, мотивировалъ свой отказъ исправленіемъ имъ должности директора университета, профессоръ же Фуксъ подалъ письменное представленіе, въ которомъ ссылался на свое недостаточное знакомство „съ искусствомъ вести дѣла въ такомъ порядкѣ, какого требуетъ служба", на „обширность преподаваемыхъ имъ наукъ, требующихъ много времени для приготовленія лекцій" и на свое желаніе „заниматься единственно науками, для распространенія ихъ изданіемъ сочиненій". Совѣтъ не уважилъ этихъ заявленій и постановилъ подвергнуть баллотированію въ званіе ректора всѣхъ ординарныхъ профессоровъ, за исключеніемъ проф. Тимьянскаго, какъ „предназначеннаго къ отправленію съ морскою экспедиціею къ берегамъ Америки".

Возстановимъ въ подлинномъ видѣ баллотировочный листъ избирательнаго собранія 5-го мая:

	Количество балловъ:	
	Избират.	Неизбират.
Г. Б. Никольскій.	9	3
К. Ѳ. Фуксъ	8	4
Ф. И. Эрдманъ.	4	8
М. А. Пальминъ	3	9
И. М. Симоновъ	3	9
Н. И. Лобачевскій	6	6
И. А. Жобаръ.	6	6
Л. Л. Фогель	3	9

Въ результатѣ выборовъ Г. Б. Никольскій сохранялъ за собою, такимъ образомъ, званіе ректора университета *. Университетскому совѣту очень скоро пришлось, однако, узнать, что выборы въ должность ректора были произведены имъ совершенно безплодно и что предоставленное ему уставомъ избирательное право—оказалось и на этотъ разъ самымъ безцеремоннымъ образомъ нарушеннымъ, какъ объ этомъ поставило совѣтъ въ извѣстность слѣдующее попечительское предложеніе отъ 1-го іюня: „Въ мѣсяцѣ мартѣ сего года представлялъ я г. министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія объ утвержденіи г.г. профессоровъ

* Приведемъ результаты остальныхъ выборовъ. Деканами оказались избранными, по факультетамъ: словесному—Ф. И. Эрдманъ, нравственно-политическому—Г. Н. Городчаниновъ, физико-математическому—Н. И. Лобачевскій, врачебному—К. Ѳ. Фуксъ (за назначеніемъ его ректоромъ, 13 го іюня взамѣнъ его избранъ Л. Л. Фогель). Членами училищнаго комитета избраны: Н. И. Лобачевскій, И. И. Дунаевъ, В. Я. Булыгинъ, В. Я. Баженовъ, И. К. Ероховъ и П. М. Васильевъ.

Никольскаго—директоромъ, съ жалованьемъ по 3 тысячи рублей въ годъ и профессорскимъ окладомъ по 2 тысячи рублей въ годъ, а Фукса—на одинъ годъ ректоромъ университета; нынѣ его сіятельство препроводилъ въ копіи высочайшій рескриптъ, на имя его послѣдовавшій въ 9-й день прошедшаго мая, объ утвержденіи г.г. Никольскаго и Фукса согласно представленію моему". Одновременно съ извѣщеніемъ совѣта, Магницкій обратился къ Никольскому съ предложеніемъ о вступленіи въ должность директора, въ которомъ выражалъ увѣренность, что тотъ „оправдаетъ избраніе давно извѣстнымъ усердіемъ къ службѣ и отправленіемъ въ христіанскомъ духѣ возложеннаго званія".

Никольскій и Фуксъ обставили особою торжественностью вступленіе свое въ должности. 13-го іюня, на слѣдующій же день по полученіи попечительскаго предложенія, всѣ учащіе, чиновники и студенты собраны были, въ мундирахъ, въ университетскій залъ для присутствованія при принятіи директоромъ и ректоромъ присяги, по окончаніи которой директоръ Никольскій обратился къ нимъ съ привѣтствіемъ, предъявилъ утвердительную грамоту и уставъ и вручилъ новому ректору большую университетскую печать. Донося попечителю о вступленіи его и Фукса въ должность, Никольскій закончилъ свое представленіе слѣдующими высопарными выраженіями благодарности: „Принося глубочайшую мою благодарность вашему превосходительству за ходатайство ваше, а его сіятельству господину министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія за предстательство предъ благочестивѣйшимъ Самодержцемъ Россіи, въ чувствѣ собственной моей немощи и недостоинства повергаясь предъ престоломъ Того, въ Комъ вся сила и всѣ премудрости, Кто, сый сіяніе славы и образъ безпредѣльнаго, смирилъ Себя и зракъ раба пріялъ для спасенія нашего—отъ глубины души молю Его, да осѣнитъ васъ благостыннымъ Своимъ благословеніемъ, да препояшетъ меня съ высоты силою и смиреніемъ, да вдохнетъ любовь къ Нему и къ ближнимъ моимъ. При Его токмо святой помощи, даруемой не по заслугамъ, а туне, возмогу оправдать избраніе ваше усердіемъ къ службѣ и отправленіемъ въ христіанскомъ духѣ возложеннаго на меня званія!"... [160].

Профессоръ К. Ѳ. Фуксъ передъ выборами 5-го мая усиленно отказывался, какъ мы видѣли, отъ баллотированія его въ почетное званіе ректора—и это обстоятельство едва ли можетъ насъ удивить даже и безъ соображенія тѣхъ мотивовъ, которыми обставилъ Фуксъ свой отказъ. Вопросъ о дѣйствительной „почетности" званія представителя университета въ пору господства режима Магницкаго—можетъ быть поставленъ лишь весьма относительно въ виду тѣхъ компромиссовъ съ собственною со-

Никольскаго—директоромъ, съ жалованьемъ по 3 тысячи рублей въ годъ и профессорскимъ окладомъ по 2 тысячи рублей въ годъ, а Фукса—на одинъ годъ ректоромъ университета; нынѣ его сіятельство препроводилъ въ копіи высочайшій рескриптъ, на имя его послѣдовавшій въ 9-й день прошедшаго мая, объ утвержденіи г.г. Никольскаго и Фукса согласно представленію моему". Одновременно съ извѣщеніемъ совѣта, Магницкій обратился къ Никольскому съ предложеніемъ о вступленіи въ должность директора, въ которомъ выражалъ увѣренность, что тотъ „оправдаетъ избраніе давно извѣстнымъ усердіемъ къ службѣ и отправленіемъ въ христіанскомъ духѣ возложеннаго званія".

Никольскій и Фуксъ обставили особою торжественностью вступленіе свое въ должности. 13-го іюня, на слѣдующій же день по полученіи попечительскаго предложенія, всѣ учащіе, чиновники и студенты собраны были, въ мундирахъ, въ университетскій залъ для присутствованія при принятіи директоромъ и ректоромъ присяги, по окончаніи которой директоръ Никольскій обратился къ нимъ съ привѣтствіемъ, предъявилъ утвердительную грамоту и уставъ и вручилъ новому ректору большую университетскую печать. Донося попечителю о вступленіи его и Фукса въ должность, Никольскій закончилъ свое представленіе слѣдующими высопарными выраженіями благодарности: „Принося глубочайшую мою благодарность вашему превосходительству за ходатайство ваше, а его сіятельству господину министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія за предстательство предъ благочестивѣйшимъ Самодержцемъ Россіи, въ чувствѣ собственной моей немощи и недостоинства повергаясь предъ престоломъ Того, въ Комъ вся сила и всѣ премудрости, Кто, сый сіяніе славы и образъ безпредѣльнаго, смирилъ Себя и зракъ раба пріялъ для спасенія нашего—отъ глубины души молю Его, да осѣнитъ васъ благостыннымъ Своимъ благословеніемъ, да препояшетъ меня съ высоты силою и смиреніемъ, да вдохнетъ любовь къ Нему и къ ближнимъ моимъ. При Его токмо святой помощи, даруемой не по заслугамъ, а туне, возмогу оправдать избраніе ваше усердіемъ къ службѣ и отправленіемъ въ христіанскомъ духѣ возложеннаго на меня званія!"... [160].

Профессоръ К. Ѳ. Фуксъ передъ выборами 5-го мая усиленно отказывался, какъ мы видѣли, отъ баллотированія его въ почетное званіе ректора—и это обстоятельство едва ли можетъ насъ удивить даже и безъ соображенія тѣхъ мотивовъ, которыми обставилъ Фуксъ свой отказъ. Вопросъ о дѣйствительной „почетности" званія представителя университета въ пору господства режима Магницкаго—можетъ быть поставленъ лишь весьма относительно въ виду тѣхъ компромиссовъ съ собственною со-

вѣстью, съ истинными академическими интересами и, наконецъ, въ урегулированіи своего положенія передъ лицомъ грознаго попечителя—съ одной стороны, среди сотоварищей по коллегіи—съ другой стороны, которые неизбѣжно выпадали на долю ректора той печальной поры университетскаго „лихолѣтья“. Едва ли требовалось отъ ректора эпохи Магницкаго болѣе нравственнаго авторитета, добрыхъ чувствъ и намѣреній въ дѣлѣ руководительства академическою жизнью, нежели умѣнья угодить попечителю и искусства лавировать между Сциллою и Харибдою служебныхъ отношеній. Фуксъ былъ слишкомъ уменъ и проницателенъ, что бы не понимать предстоявшихъ ему административныхъ терній и едва ли вправѣ мы заподозрить искренность его отказа отъ баллотированія. Семью годами позже онъ самъ свидѣтельствовалъ фактъ усиленнаго отказа своего въ 1823-мъ году отъ ректорства, по поводу дѣла о возведеніи его въ званіе заслуженнаго профессора, осложнившагося въ 1830-мъ году прикосновенностью Фукса къ ревизіи счетовъ университета и къ приведенію въ порядокъ пріобрѣтеннаго университетомъ минералогическаго собранія Свистуновой *.

Назначенный въ 1823-мъ году ректоромъ на одинъ только годъ, съ предположеніемъ о дальнѣйшемъ назначеніи его уже на три года при условіи, если онъ „оправдаетъ свое избраніе“, К. Ѳ. Фуксъ занималъ ректорское кресло въ теченіи всѣхъ послѣдующихъ лѣтъ попечительства Магницкаго, оставивъ его лишь въ августѣ 1827-го года, уже послѣ паденія попечителя-временщика. Весною 1824-го года приближался срокъ годичнаго „искуса“ проф. Фукса и попечитель вошелъ къ министру народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицину съ представленіемъ отъ 18-го апрѣля, въ которомъ, свидѣтельствуя, что „г. Фуксъ совершенно оправдалъ избраніе его, давъ новую жизнь ученой части университета, пріобрѣтя общее довѣріе и уваженіе города, приведя въ лучшій порядокъ дѣла совѣта, снискавъ довѣріе и любовь сего сословія и дѣйствуя усердно въ смыслѣ высочайше утвержденной инструкціи“, ходатайствовалъ объ утвержденіи его,—опять таки помимо избранія въ совѣтѣ,—ректоромъ уже на три года. Это представленіе заключало въ себѣ ту особенность, что попечитель, въ виду „обремененія ректора участіемъ въ хозяйственной части университетскаго правленія“, присовокупилъ въ немъ ходатайство объ освобожденіи Фукса отъ обязанности „неумѣстнаго“ для него присутствованія въ правленіи, такъ какъ это послѣднее имѣетъ своего предсѣдателя

* См. выше стр. 177.

вѣстью, съ истинными академическими интересами и, наконецъ, въ урегулированіи своего положенія передъ лицомъ грознаго попечителя—съ одной стороны, среди сотоварищей по коллегіи—съ другой стороны, которые неизбѣжно выпадали на долю ректора той печальной поры университетскаго „лихолѣтья". Едва ли требовалось отъ ректора эпохи Магницкаго болѣе нравственнаго авторитета, добрыхъ чувствъ и намѣреній въ дѣлѣ руководительства академическою жизнью, нежели умѣнья угодить попечителю и искусства лавировать между Сциллою и Харибдою служебныхъ отношеній. Фуксъ былъ слишкомъ уменъ и проницателенъ, что бы не понимать предстоявшихъ ему административныхъ терній и едва ли вправѣ мы заподозрить искренность его отказа отъ баллотированія. Семью годами позже онъ самъ свидѣтельствовалъ фактъ усиленнаго отказа своего въ 1823-мъ году отъ ректорства, по поводу дѣла о возведеніи его въ званіе заслуженнаго профессора, осложнившагося въ 1830-мъ году прикосновенностью Фукса къ ревизіи счетовъ университета и къ приведенію въ порядокъ пріобрѣтеннаго университетомъ минералогическаго собранія Свистуновой *.

Назначенный въ 1823-мъ году ректоромъ на одинъ только годъ, съ предположеніемъ о дальнѣйшемъ назначеніи его уже на три года при условіи, если онъ „оправдаетъ свое избраніе", К. Ѳ. Фуксъ занималъ ректорское кресло въ теченіи всѣхъ послѣдующихъ лѣтъ попечительства Магницкаго, оставивъ его лишь въ августѣ 1827-го года, уже послѣ паденія попечителя - временщика. Весною 1824-го года приближался срокъ годичнаго „искуса" проф. Фукса и попечитель вошелъ къ министру народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицину съ представленіемъ отъ 18-го апрѣля, въ которомъ, свидѣтельствуя, что „г. Фуксъ совершенно оправдалъ избраніе его, давъ новую жизнь ученой части университета, пріобрѣтя общее довѣріе и уваженіе города, приведя въ лучшій порядокъ дѣла совѣта, снискавъ довѣріе и любовь сего сословія и дѣйствуя усердно въ смыслѣ высочайше утвержденной инструкціи", ходатайствовалъ объ утвержденіи его,—опять таки помимо избранія въ совѣтѣ,—ректоромъ уже на три года. Это представленіе заключало въ себѣ ту особенность, что попечитель, въ виду „обремененія ректора участіемъ въ хозяйственной части университетскаго правленія", присовокупилъ въ немъ ходатайство объ освобожденіи Фукса отъ обязанности „неумѣстнаго" для него присутствованія въ правленіи, такъ какъ это послѣднее имѣетъ своего предсѣдателя

---

* См. выше стр. 177.

въ лицѣ директора университета. Между тѣмъ въ Петербургѣ произошла крупная административная перемѣна, задержавшая почти на 8 мѣсяцевъ окончательное разрѣшеніе попечительскаго представленія относительно проф. Фукса: 15-го мая воспослѣдовало увольненіе князя А. Н. Голицина отъ должности министра народнаго просвѣщенія, съ назначеніемъ ему преемника въ лицѣ маститаго адмирала А. С. Шишкова, который предложеніемъ отъ 17-го октября 1824 года извѣстилъ попечителя Магницкаго, что его предмѣстникъ князь Голицинъ „вносилъ въ комитетъ министровъ всеподданнѣйшій докладъ объ утвержденіи профессора Фукса ректоромъ на три года и объ освобожденіи его отъ засѣданія въ университетскомъ хозяйственномъ правленіи" и что „нынѣ комитетъ министровъ положилъ передать докладъ сей мнѣ съ тѣмъ, что бы я,—пишетъ адмиралъ Шишковъ,—вошелъ отъ себя съ новымъ представленіемъ". Попечитель повторилъ свое прежнее представленіе передъ новымъ министромъ и только 12-го января 1825 года послѣдовала, въ точномъ смыслѣ ходатайства Магницкаго, высочайшая конфирмація соотвѣтственнаго доклада министра. Ректоръ Фуксъ еще отъ 29-го декабря, слѣдовательно всего за нѣсколько дней до новаго утвержденія своего, не преминулъ отъ лица всего университета принести А. С. Шишкову поздравленіе по случаю наступленія новаго 1825-го года, на которое министръ отвѣтилъ, что „пріемля съ искреннѣйшею признательностью сей знакъ расположенія, пріятнымъ долгомъ ставитъ себѣ поздравить и съ своей стороны сословіе университета и пожелать отъ всего сердца, что бы сіе высшее учебное заведеніе, щедротами всемилостивѣйшаго монарха воздвигнутое и особеннаго его вниманія удостоенное—процвѣтало всегда подъ кровомъ его благости и приносило обильные плоды на пользу отечества" [161].

Мы въ настоящую минуту воздержимся отъ попытки общей характеристики дѣятельности К. Ѳ. Фукса, въ качествѣ ректора, на протяженіи трехъ лѣтъ представительства имъ университета въ эпоху попечительства Магницкаго. Отдѣльныя черты этой дѣятельности будутъ не разъ раскрываться передъ глазами читателей въ нашемъ дальнѣйшемъ повѣствованіи, теперь же ограничимся замѣчаніемъ, что благодушнѣйшій казанскій ученый—не оказался въ силахъ бороться съ теченіемъ академической жизни, направленнымъ Магницкимъ и его ближайшими клевретами, и во многихъ случаяхъ безвольно давалъ увлекать себя этому теченію, сдѣлавшись, въ извѣстной степени, даже жертвою его. Ничѣмъ инымъ не беремся мы объяснить объявленнаго ему въ іюнѣ 1826-го года, въ присутствіи совѣта, выговора министра за „самовольныя и въ ущербъ

въ лицѣ директора университета. Между тѣмъ въ Петербургѣ произошла крупная административная перемѣна, задержавшая почти на 8 мѣсяцевъ окончательное разрѣшеніе попечительскаго представленія относительно проф. Фукса: 15-го мая воспослѣдовало увольненіе князя А. Н. Голицина отъ должности министра народнаго просвѣщенія, съ назначеніемъ ему преемника въ лицѣ маститаго адмирала А. С. Шишкова, который предложеніемъ отъ 17-го октября 1824 года извѣстилъ попечителя Магницкаго, что его предмѣстникъ князь Голицинъ „вносилъ въ комитетъ министровъ всеподданнѣйшій докладъ объ утвержденіи профессора Фукса ректоромъ на три года и объ освобожденіи его отъ засѣданія въ университетскомъ хозяйственномъ правленіи“ и что „нынѣ комитетъ министровъ положилъ передать докладъ сей мнѣ съ тѣмъ, что бы я,—пишетъ адмиралъ Шишковъ,—вошелъ отъ себя съ новымъ представленіемъ“. Попечитель повторилъ свое прежнее представленіе передъ новымъ министромъ и только 12-го января 1825 года послѣдовала, въ точномъ смыслѣ ходатайства Магницкаго, высочайшая конфирмація соотвѣтственнаго доклада министра. Ректоръ Фуксъ еще отъ 29-го декабря, слѣдовательно всего за нѣсколько дней до новаго утвержденія своего, не преминулъ отъ лица всего университета принести А. С. Шишкову поздравленіе по случаю наступленія новаго 1825-го года, на которое министръ отвѣтилъ, что „пріемля съ искреннѣйшею признательностью сей знакъ расположенія, пріятнымъ долгомъ ставитъ себѣ поздравить и съ своей стороны сословіе университета и пожелать отъ всего сердца, что бы сіе высшее учебное заведеніе, щедротами всемилостивѣйшаго монарха воздвигнутое и особеннаго его вниманія удостоенное—процвѣтало всегда подъ кровомъ его благости и приносило обильные плоды на пользу отечества“ [161].

Мы въ настоящую минуту воздержимся отъ попытки общей характеристики дѣятельности К. Ѳ. Фукса, въ качествѣ ректора, на протяженіи трехъ лѣтъ представительства имъ университета въ эпоху попечительства Магницкаго. Отдѣльныя черты этой дѣятельности будутъ не разъ раскрываться передъ глазами читателей въ нашемъ дальнѣйшемъ повѣствованіи, теперь же ограничимся замѣчаніемъ, что благодушнѣйшій казанскій ученый—не оказался въ силахъ бороться съ теченіемъ академической жизни, направленнымъ Магницкимъ и его ближайшими клевретами, и во многихъ случаяхъ безвольно давалъ увлекать себя этому теченію, сдѣлавшись, въ извѣстной степени, даже жертвою его. Ничѣмъ инымъ не беремся мы объяснить объявленнаго ему въ іюнѣ 1826-го года, въ присутствіи совѣта, выговора министра за „самовольныя и въ ущербъ

казны дѣйствія по денежнымъ счетамъ съ бывшимъ попечителемъ Магницкимъ", его прикосновенности къ возникшему съ паденіемъ Магницкаго дѣлу по ревизіи счетовъ университета и его отношеній къ судьбѣ минералогическаго собранія Свистуновой,—ряда наслѣдій эпохи попечительства Магницкаго, едва не лишившихъ Фукса почетнаго званія заслуженнаго профессора... Отсутствіемъ гражданскаго мужества бороться съ установленнымъ Магницкимъ тяжелымъ и деморализующимъ режимомъ только и склонны мы объяснить и такіе печальные факты изъ ректорской дѣятельности проф. Фукса, какъ привлеченіе „къ краткому въ домѣ своемъ знакомству" и къ приватнымъ у себя „обѣдамъ и бесѣдамъ" университетскихъ преподавателей, съ чисто провокаторскою цѣлью „въ свободѣ приватныхъ и пріятельскихъ отношеній, въ которыхъ открывается безъ принужденій образъ мыслей каждаго", узнавать направленіе ихъ мнѣній; „приватные распросы студентовъ", съ цѣлью вывѣданія отъ нихъ направленія преподаванія отдѣльныхъ профессоровъ; разработка имъ въ духѣ попечительскаго ультра-обскурантизма нормальныхъ плановъ и конспектовъ преподаваній; его печальная роль въ дѣлѣ увольненія лектора Лейтера, наконецъ—представленіе имъ въ почетные члены графа Аракчеева [162]...

Занявъ постъ ректора по назначенію и въ прямой обходъ закономъ гарантированнаго права университета на коллегіальный выборъ своего представителя, К. Ѳ. Фуксъ не былъ чуждъ скрытыхъ и довольно властолюбивыхъ поползновеній по отношенію къ своимъ сочленамъ по университету, въ глазахъ которыхъ ему хотѣлось выступать не въ значеніи „перваго между равными",—какъ подсказывалось это самымъ духомъ устава 1804-го года,—но въ роли безапелляціоннаго „начальника", призваннаго и карать и миловать своихъ подчиненныхъ. Эта ректорская тенденція весьма рельефно выступила въ перепискѣ Фукса съ попечителемъ, предпринятой имъ весною 1824-го года и имѣвшей своимъ предметомъ сужденіе о мѣрахъ къ правильному чтенію университетскими преподавателями лекцій. Настаивая на необходимости увѣдомленія о причинахъ пропуска лекцій—ректора, Фуксъ выражаетъ передъ попечителемъ увѣренность въ томъ, что этою мѣрою „г.г. профессоры и преподаватели поставятся въ необходимость исполнить предписаніе вашего превосходительства и будутъ видѣть въ ректорѣ своего начальника, который, объявляя предъ цѣлымъ совѣтомъ ихъ нерадѣніе—будетъ побуждать ихъ къ строгому исполненію своихъ обязанностей" [163].

Весьма характернымъ представляется и относящійся къ тому же, приблизительно, времени инцидентъ съ возведеніемъ П. С. Сер-

казны дѣйствія по денежнымъ счетамъ съ бывшимъ попечителемъ Магницкимъ", его прикосновенности къ возникшему съ паденіемъ Магницкаго дѣлу по ревизіи счетовъ университета и его отношеній къ судьбѣ минералогическаго собранія Свистуновой,—ряда наслѣдій эпохи попечительства Магницкаго, едва не лишившихъ Фукса почетнаго званія заслуженнаго профессора... Отсутствіемъ гражданскаго мужества бороться съ установленнымъ Магницкимъ тяжелымъ и деморализующимъ режимомъ только и склонны мы объяснить и такіе печальные факты изъ ректорской дѣятельности проф. Фукса, какъ привлеченіе „къ краткому въ домѣ своемъ знакомству" и къ приватнымъ у себя „обѣдамъ и бесѣдамъ" университетскихъ преподавателей, съ чисто провокаторскою цѣлью „въ свободѣ приватныхъ и пріятельскихъ отношеній, въ которыхъ открывается безъ принужденій образъ мыслей каждаго", узнавать направленіе ихъ мнѣній; „приватные распросы студентовъ", съ цѣлью вывѣданія отъ нихъ направленія преподаванія отдѣльныхъ профессоровъ; разработка имъ въ духѣ попечительскаго ультра-обскурантизма нормальныхъ плановъ и конспектовъ преподаваній; его печальная роль въ дѣлѣ увольненія лектора Лейтера, наконецъ—представленіе имъ въ почетные члены графа Аракчеева [162]...

Занявъ постъ ректора по назначенію и въ прямой обходъ закономъ гарантированнаго права университета на коллегіальный выборъ своего представителя, К. Ѳ. Фуксъ не былъ чуждъ скрытыхъ и довольно властолюбивыхъ поползновеній по отношенію къ своимъ сочленамъ по университету, въ глазахъ которыхъ ему хотѣлось выступать не въ значеніи „перваго между равными",—какъ подсказывалось это самымъ духомъ устава 1804-го года,—но въ роли безапелляціоннаго „начальника", призваннаго и карать и миловать своихъ подчиненныхъ. Эта ректорская тенденція весьма рельефно выступила въ перепискѣ Фукса съ попечителемъ, предпринятой имъ весною 1824-го года и имѣвшей своимъ предметомъ сужденіе о мѣрахъ къ правильному чтенію университетскими преподавателями лекцій. Настаивая на необходимости увѣдомленія о причинахъ пропуска лекцій—ректора, Фуксъ выражаетъ передъ попечителемъ увѣренность въ томъ, что этою мѣрою „г.г. профессоры и преподаватели поставятся въ необходимость исполнить предписаніе вашего превосходительства и будутъ видѣть въ ректорѣ своего начальника, который, объявляя предъ цѣлымъ совѣтомъ ихъ нерадѣніе—будетъ побуждать ихъ къ строгому исполненію своихъ обязанностей" [163].

Весьма характернымъ представляется и относящійся къ тому же, приблизительно, времени инцидентъ съ возведеніемъ П. С. Сер-

гѣева въ званіе ординарнаго профессора, также свидѣтельствующій о не всегда корректномъ отношеніи К. Ѳ. Фукса даже къ закону, не говоря уже о правахъ и достоинствѣ университетскаго совѣта. 30-го января 1824 года секретарь совѣта проф. М. А. Пальминъ,—хорошо знакомый намъ по его некрасивой роли въ дѣлѣ о судѣ надъ Солнцевымъ,—вошелъ въ совѣтъ съ усиленною просьбою объ увольненіи его, по болѣзни, отъ этой должности. Черезъ день были произведены по этому поводу въ совѣтѣ выборы, въ результатѣ которыхъ въ должность секретаря избраннымъ оказался профессоръ П. С. Сергѣевъ, о чемъ 4-го февраля и было отправлено соотвѣтствующее представленіе попечителю. Между тѣмъ отъ 3-го февраля, слѣдовательно еще накапунѣ совѣтскаго представленія, ректоръ Фуксъ адресовалъ Магницкому интимнаго характера письмо на французскомъ языкѣ, въ которомъ, жалуясь на то, что ему „стыдно быть ректоромъ въ виду запущенности дѣлъ совѣта и неимѣнія сотрудника", заявляетъ, что онъ воздѣйствовалъ на совѣтъ относительно избранія секретаря, причемъ избраннымъ оказался Сергѣевъ. „Если,—доносилъ ректоръ,—я въ данномъ случаѣ и поступилъ противъ устава (si j'ai agi contre les reglements), который требуетъ, что бы секретарь былъ изъ профессоровъ ординарныхъ, то я вынужденъ былъ къ этому отсутствіемъ подходящихъ къ этой должности людей. Что бы оформить это дѣло, — заключаетъ Фуксъ,—ваше превосходительство быть можетъ найдете возможнымъ лишь исполнить пожеланіе членовъ совѣта, возведя профессора Сергѣева въ званіе ординарнаго профессора—и тогда выборъ не будетъ уже болѣе стоять въ противорѣчіи съ закономъ (pour réparer cette faute, votre excellence voulait bien se rendre aux voeux des membres du conseil, en nommant m-r Sergueev professeur ordinaire, et ce choix ne serait plus alors en opposition avec les lois)". Весьма характерно, что, разъ допустивъ нарушеніе закона, Фуксъ предлагалъ поправить дѣло вторичнымъ его нарушеніемъ, такъ какъ право предоставлять званіе ординарнаго профессора составляло избирательную прерогативу совѣта. Впрочемъ, дѣло шло о попечительскомъ фаворитѣ Сергѣевѣ,—„креатурѣ Магницкаго, вертѣвшемъ всѣмъ университетомъ и котораго боялся самъ ректоръ Фуксъ", какъ свидѣльствуетъ намъ Н. И. Второвъ (см. томъ III, стр. 422),—ректоръ же хорошо зналъ, что Магницкій и въ болѣе серьезныхъ случаяхъ не особенно таки считался съ силою дѣйствующихъ законоположеній. Фуксъ не ошибся: благодаря этой передержкѣ, Сергѣевъ 31-го мая былъ возведенъ въ званіе ординарнаго профессора философіи и утвержденъ въ должности секретаря университетскаго совѣта.

гѣева въ званіе ординарнаго профессора, также свидѣтельствующій о не всегда корректномъ отношеніи К. Ѳ. Фукса даже къ закону, не говоря уже о правахъ и достоинствѣ университетскаго совѣта. 30-го января 1824 года секретарь совѣта проф. М. А. Пальминъ,—хорошо знакомый намъ по его некрасивой роли въ дѣлѣ о судѣ надъ Солнцевымъ,—вошелъ въ совѣтъ съ усиленною просьбою объ увольненіи его, по болѣзни, отъ этой должности. Черезъ день были произведены по этому поводу въ совѣтѣ выборы, въ результатѣ которыхъ въ должность секретаря избраннымъ оказался профессоръ П. С. Сергѣевъ, о чемъ 4-го февраля и было отправлено соотвѣтствующее представленіе попечителю. Между тѣмъ отъ 3-го февраля, слѣдовательно еще наканунѣ совѣтскаго представленія, ректоръ Фуксъ адресовалъ Магницкому интимнаго характера письмо на французскомъ языкѣ, въ которомъ, жалуясь на то, что ему „стыдно быть ректоромъ въ виду запущенности дѣлъ совѣта и неимѣнія сотрудника", заявляетъ, что онъ воздѣйствовалъ на совѣтъ относительно избранія секретаря, причемъ избраннымъ оказался Сергѣевъ. „Если,—доносилъ ректоръ,—я въ данномъ случаѣ и поступилъ противъ устава (si j'ai agi contre les reglements), который требуетъ, что бы секретарь былъ изъ профессоровъ ординарныхъ, то я вынужденъ былъ къ этому отсутствіемъ подходящихъ къ этой должности людей. Что бы оформить это дѣло, — заключаетъ Фуксъ,—ваше превосходительство быть можетъ найдете возможнымъ лишь исполнить пожеланіе членовъ совѣта, возведя профессора Сергѣева въ званіе ординарнаго профессора—и тогда выборъ не будетъ уже болѣе стоять въ противорѣчіи съ закономъ (pour réparer cette faute, votre excellence voulait bien se rendre aux voeux des membres du conseil, en nommant m-r Sergueev professeur ordinaire, et ce choix ne serait plus alors en opposition avec les lois)". Весьма характерно, что, разъ допустивъ нарушеніе закона, Фуксъ предлагалъ поправить дѣло вторичнымъ его нарушеніемъ, такъ какъ право предоставлять званіе ординарнаго профессора составляло избирательную прерогативу совѣта. Впрочемъ, дѣло шло о попечительскомъ фаворитѣ Сергѣевѣ,—„креатурѣ Магницкаго, вертѣвшемъ всѣмъ университетомъ и котораго боялся самъ ректоръ Фуксъ", какъ свидѣльствуетъ намъ Н. И. Второвъ (см. томъ III, стр. 422),—ректоръ же хорошо зналъ, что Магницкій и въ болѣе серьезныхъ случаяхъ не особенно таки считался съ силою дѣйствующихъ законоположеній. Фуксъ не ошибся: благодаря этой передержкѣ, Сергѣевъ 31-го мая былъ возведенъ въ званіе ординарнаго профессора философіи и утвержденъ въ должности секретаря университетскаго совѣта.

Послѣ ревизіи Желтухина и паденія Магницкаго вся эта махинація была выведена, однако, на чистую воду. Отъ 14-го іюня 1826 года Фуксъ, все еще находившійся въ ту пору въ должности ректора, получилъ отъ министра Шишкова требованіе представить ему подлинное прошеніе или представленіе его,—„буде оно было",—объ удостоеніи Сергѣева профессоромъ. Быть можетъ не подозрѣвая того, что подлинное французское письмо его къ Магницкому сохранилось среди конфиденціальныхъ бумагъ попечительской канцеляріи, Фуксъ не постѣснился покривить душою, отвѣтивъ министру, что „ни прошенія, ни представленія съ моей стороны не было объ утвержденіи Сергѣева ординарнымъ профессоромъ", что онъ „лишь приватно (sic!) писалъ къ бывшему г. попечителю объ утвержденіи Сергѣева въ должности секретаря". „Сергѣевъ въ то время, дѣйствительно, былъ усерднѣйшимъ сотрудникомъ моимъ по дѣламъ совѣта,—продолжалъ Фуксъ,—о чемъ я неоднократно свидѣтельствовалъ предъ бывшимъ попечителемъ, который и основалъ, вѣроятно, на семъ (!) его представленіе; но объ избраніи совѣтомъ Сергѣева въ ординарные профессоры ни въ представленіи бывшаго попечителя, ни въ письмѣ моемъ—не было упомянуто" [164]...

Ректоръ К. Ѳ. Фуксъ сумѣлъ, вообще, какъ нельзя болѣе приноровиться къ своему требовательному принципалу, неизмѣнно пользуясь довѣріемъ и расположеніемъ Магницкаго вплоть до паденія этого послѣдняго, которое, какъ мы это знаемъ, повлекло за собою весьма непріятныя послѣдствія и для самого Фукса. И надо Фуксу отдать справедливость: онъ искуссно умѣлъ слѣдить за всѣми перипетіями весьма сложной и, какъ въ своемъ мѣстѣ увидимъ, рискованной политической игры казанскаго попечителя, поддѣлываясь подъ общій ходъ интересовавшихъ Магницкаго вѣяній и теченій. Такъ, въ началѣ 1824-го года, когда стали вполнѣ ясно опредѣляться отношенія къ министру народнаго просвѣщенія, князю Голицыну, враждебной ему клики, имѣвшей въ своей главѣ могущественнаго въ то время А. А. Аракчеева и къ которой, забывъ всѣ благодѣянія Голицына, не преминулъ предательски примкнуть Магницкій, тогда и ректоръ Фуксъ почелъ умѣстнымъ принести свою дань угодничества временщику изъ Грузина, предложивъ, въ засѣданіи совѣта отъ 19-го февраля 1824 года, избрать графа Аракчеева почетнымъ членомъ казанскаго университета „въ засвидѣтельствованіе того, что онъ, усовершенствованіемъ артиллеріи, довелъ ее до степени первой въ Европѣ и устроилъ воспитаніе военныхъ поселеній въ духѣ, согласномъ съ предметомъ оныхъ". Хотя заботы Аракчеева по „усовершенствованію артиллеріи", а тѣмъ паче

Послѣ ревизіи Желтухина и паденія Магницкаго вся эта махинація была выведена, однако, на чистую воду. Отъ 14-го іюня 1826 года Фуксъ, все еще находившійся въ ту пору въ должности ректора, получилъ отъ министра Шишкова требованіе представить ему подлинное прошеніе или представленіе его,—„буде оно было",—объ удостоеніи Сергѣева профессоромъ. Быть можетъ не подозрѣвая того, что подлинное французское письмо его къ Магницкому сохранилось среди конфиденціальныхъ бумагъ попечительской канцеляріи, Фуксъ не постѣснился покривить душою, отвѣтивъ министру, что „ни прошенія, ни представленія съ моей стороны не было объ утвержденіи Сергѣева ординарнымъ профессоромъ", что онъ „лишь приватно (sic!) писалъ къ бывшему г. попечителю объ утвержденіи Сергѣева въ должности секретаря". „Сергѣевъ въ то время, дѣйствительно, былъ усерднѣйшимъ сотрудникомъ моимъ по дѣламъ совѣта,—продолжалъ Фуксъ,—о чемъ я неоднократно свидѣтельствовалъ предъ бывшимъ попечителемъ, который и основалъ, вѣроятно, на семъ (!) его представленіе; но объ избраніи совѣтомъ Сергѣева въ ординарные профессоры ни въ представленіи бывшаго попечителя, ни въ письмѣ моемъ—не было упомянуто"[164]...

Ректоръ К. Ѳ. Фуксъ сумѣлъ, вообще, какъ нельзя болѣе приноровиться къ своему требовательному принципалу, неизмѣнно пользуясь довѣріемъ и расположеніемъ Магницкаго вплоть до паденія этого послѣдняго, которое, какъ мы это знаемъ, повлекло за собою весьма непріятныя послѣдствія и для самого Фукса. И надо Фуксу отдать справедливость: онъ искусно умѣлъ слѣдить за всѣми перипетіями весьма сложной и, какъ въ своемъ мѣстѣ увидимъ, рискованной политической игры казанскаго попечителя, поддѣлываясь подъ общій ходъ интересовавшихъ Магницкаго вѣяній и теченій. Такъ, въ началѣ 1824-го года, когда стали вполнѣ ясно опредѣляться отношенія къ министру народнаго просвѣщенія, князю Голицыну, враждебной ему клики, имѣвшей въ своей главѣ могущественнаго въ то время А. А. Аракчеева и къ которой, забывъ всѣ благодѣянія Голицына, не преминулъ предательски примкнуть Магницкій, тогда и ректоръ Фуксъ почелъ умѣстнымъ принести свою дань угодничества временщику изъ Грузина, предложивъ, въ засѣданіи совѣта отъ 19-го февраля 1824 года, избрать графа Аракчеева почетнымъ членомъ казанскаго университета „въ засвидѣтельствованіе того, что онъ, усовершенствованіемъ артиллеріи, довелъ ее до степени первой въ Европѣ и устроилъ воспитаніе военныхъ поселеній въ духѣ, согласномъ съ предметомъ оныхъ". Хотя заботы Аракчеева по „усовершенствованію артиллеріи", а тѣмъ паче

слишкомъ хорошо извѣстный „духъ“ его пресловутыхъ военныхъ поселеній—врядъ ли имѣли какое либо соотношеніе къ интересамъ мирной университетской науки, тѣмъ не менѣе совѣтъ университета поспѣшилъ единогласно откликнуться на призывъ своего ректора, уважая „достодолжно патріотическія чувствованія его сіятельства (т. е. графа Аракчеева), котораго всѣ предпріятія и дѣйствія на пользу отечества носятъ на себѣ печать благословенія Божія и благословенія помазанника Его“ [165].

Не такъ гладко протекало, за то, административное служеніе профессора Б. Г. Никольскаго, утвержденнаго директоромъ университета 9-го мая 1823 года, одновременно съ новымъ назначеніемъ Фукса ректоромъ. Было ли тому причиною чудовищно-ненормальное положеніе въ общемъ строѣ академической жизни изобрѣтенной Магницкимъ должности „директора университета“, или же поводомъ къ тому послужила крѣпкая позиція, занятая ректоромъ Фуксомъ—категорически отвѣтить на этотъ вопросъ мы не беремся, но можемъ констатировать лишь тотъ несомнѣнный фактъ, что какая то „черная кошка“ успѣла пробѣжать между попечителемъ округа и директоромъ университета, побудивъ послѣдняго—неоднократно ходатайствовать объ освобожденіи его отъ званія директора, а перваго—уже въ концѣ марта 1824-го года подыскивать ему преемника, каковой и былъ найденъ имъ въ лицѣ начальника отдѣленія инженернаго департамента князя П. А. Ширинскаго-Шихматова, относительно перемѣщенія котораго въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія была тогда же начата переписка. Одновременно съ этимъ, Магницкій обратился къ Никольскому съ предложеніемъ (отъ 31-го марта) слѣдующаго содержанія: „Не разъ писали вы ко мнѣ о слабости здоровья вашего и обременительности директорскаго званія по сей причинѣ, а наконецъ и просили объ увольненіи отъ онаго, съ оставленіемъ при одной должности профессора. Крайне жалѣя, что долженъ лишиться въ васъ столь усерднаго и дѣятельнаго себѣ помощника, не легко убѣждался я вашими настояніями, особливо потому, что весьма трудно мнѣ было замѣнить васъ. Но, зная, сколь несправедливо было бы удерживать васъ въ настоящемъ званіи вопреки желанію вашему, я представилъ г. министру объ увольненіи васъ отъ онаго съ пенсіономъ половиннаго жалованья“. Никольскій отвѣтилъ попечителю благодарственнымъ письмомъ отъ 21-го апрѣля, въ которомъ, выражая „удивленіе величію духа, которое знаменуетъ всѣ дѣянія“ Магницкаго, особенно горячо благодаритъ его за обѣщаніе пенсіи и при этомъ съ паѳосомъ восклицаетъ: „Подъ управленіемъ вашего превосходительства пять лѣтъ непрерывно занимая различныя и видныя долж-

слишкомъ хорошо извѣстный „духъ“ его пресловутыхъ военныхъ поселеній—врядъ ли имѣли какое либо соотношеніе къ интересамъ мирной университетской науки, тѣмъ не менѣе совѣтъ университета поспѣшилъ единогласно откликнуться на призывъ своего ректора, уважая „достодолжно патріотическія чувствованія его сіятельства (т. е. графа Аракчеева), котораго всѣ предпріятія и дѣйствія на пользу отечества носятъ на себѣ печать благословенія Божія и благословенія помазанника Его“ [165].

Не такъ гладко протекало, за то, административное служеніе профессора Б. Г. Никольскаго, утвержденнаго директоромъ университета 9-го мая 1823 года, одновременно съ новымъ назначеніемъ Фукса ректоромъ. Было ли тому причиною чудовищно-ненормальное положеніе въ общемъ строѣ академической жизни изобрѣтенной Магницкимъ должности „директора университета“, или же поводомъ къ тому послужила крѣпкая позиція, занятая ректоромъ Фуксомъ—категорически отвѣтить на этотъ вопросъ мы не беремся, но можемъ констатировать лишь тотъ несомнѣнный фактъ, что какая то „черная кошка“ успѣла пробѣжать между попечителемъ округа и директоромъ университета, побудивъ послѣдняго—неоднократно ходатайствовать объ освобожденіи его отъ званія директора, а перваго—уже въ концѣ марта 1824-го года подыскивать ему преемника, каковой и былъ найденъ имъ въ лицѣ начальника отдѣленія инженернаго департамента князя П. А. Ширинскаго-Шихматова, относительно перемѣщенія котораго въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія была тогда же начата переписка. Одновременно съ этимъ, Магницкій обратился къ Никольскому съ предложеніемъ (отъ 31-го марта) слѣдующаго содержанія: „Не разъ писали вы ко мнѣ о слабости здоровья вашего и обременительности директорскаго званія по сей причинѣ, а наконецъ и просили объ увольненіи отъ онаго, съ оставленіемъ при одной должности профессора. Крайне жалѣя, что долженъ лишиться въ васъ столь усерднаго и дѣятельнаго себѣ помощника, не легко убѣждался я вашими настояніями, особливо потому, что весьма трудно мнѣ было замѣнить васъ. Но, зная, сколь несправедливо было бы удерживать васъ въ настоящемъ званіи вопреки желанію вашему, я представилъ г. министру объ увольненіи васъ отъ онаго съ пенсіономъ половиннаго жалованья“. Никольскій отвѣтилъ попечителю благодарственнымъ письмомъ отъ 21-го апрѣля, въ которомъ, выражая „удивленіе величію духа, которое знаменуетъ всѣ дѣянія“ Магницкаго, особенно горячо благодаритъ его за обѣщаніе пенсіи и при этомъ съ паѳосомъ восклицаетъ: „Подъ управленіемъ вашего превосходительства пять лѣтъ непрерывно занимая различныя и видныя долж-

ности, безъ сомнѣнія многіе подалъ я случаи или неисправностью моею въ дѣлахъ, или, какъ человѣкъ, падая и погрѣшая, къ справедливому вашему негодованію... Возвращаясь теперь въ рядовые профессоры, преклонивъ колѣна и чело испрашиваю у васъ великодушнаго прощенія и увѣренъ, что исполненное любви и правды сердце ваше въ томъ мнѣ не откажетъ. Какая добродѣтель можетъ быть величественнѣе милосердія къ оскорбившимъ насъ? Господь нашъ Іисусъ Христосъ заповѣдалъ: ежели братъ твой согрѣшитъ предъ тобою и скажетъ— каюся, прости ему 70 разъ 70-ью"... Смиренно именуя себя, далѣе, „худороднымъ келаремъ" (sic!) попечителя, Никольскій заканчиваетъ свое посланіе пожеланіемъ, дабы Господь пролилъ на попечителя „святыя свои благословенія", да благоспоспѣшествуетъ ему „совершить высокія намѣренія къ учебной части и, особенно, къ университету казанскому относящіяся", да „исполнитъ всѣ благожеланія сердца" его, да „пріиметъ подъ криле все семейство его"...

Дѣло объ увольненіи Никольскаго и объ опредѣленіи на его мѣсто князя Ширинскаго-Шихматова затянулось до конца года и только 12-го августа 1824 года состоялся соотвѣтствующій высочайшій указъ сенату, причемъ бывшему директору было отказано, за кратковременностью служенія его въ должности директора, въ пенсіи, относительно которой ходатайствовалъ попечитель. Предначертаніямъ Магницкаго не было, однако, суждено осуществиться: 10-го сентября новый министръ народнаго просвѣщенія Шишковъ увѣдомилъ его, что „имѣя надобность удержать на нѣкоторое время при себѣ директора императорскаго казанскаго университета князя Ширинскаго-Шихматова", онъ поручаетъ попечителю „распорядиться такимъ образомъ, что бъ должность сія на время была поручена кому либо изъ благонадежныхъ чиновниковъ казанскаго университета" по его, попечителя, усмотрѣнію. 16-го ноября того же 1824 года князь Ширинскій-Шихматовъ былъ опредѣленъ на должность директора канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, не успѣвъ даже прибыть въ Казань къ новой своей должности *, отправленіе же обязанностей директора казанскаго университета оставлено за профессоромъ Никольскимъ [166].

По свидѣтельству В. И. Панаева, Магницкій, у котораго отношенія къ проф. Никольскому успѣли облечься въ очень острую форму, былъ

---

* Князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ (1790 † 1863 г.г.) былъ впослѣдствіе членомъ главнаго правленія училищъ, директоромъ департамента министерства народн. просвѣщенія, академикомъ, предсѣдателемъ археографической экспедиціи, товарищемъ министра (1842—1850 г.г.) и, наконецъ, министромъ народнаго просвѣщенія (1850—1853 г.г.).

ности, безъ сомнѣнія многіе подалъ я случаи или неисправностью моею въ дѣлахъ, или, какъ человѣкъ, падая и погрѣшая, къ справедливому вашему негодованію... Возвращаясь теперь въ рядовые профессоры, преклонивъ колѣна и чело испрашиваю у васъ великодушнаго прощенія и увѣренъ, что исполненное любви и правды сердце ваше въ томъ мнѣ не откажетъ. Какая добродѣтель можетъ быть величественнѣе милосердія къ оскорбившимъ насъ? Господь нашъ Іисусъ Христосъ заповѣдалъ: ежели братъ твой согрѣшитъ предъ тобою и скажетъ— каюся, прости ему 70 разъ 70-ью"... Смиренно именуя себя, далѣе, „худороднымъ келаремъ" (sic!) попечителя, Никольскій заканчиваетъ свое посланіе пожеланіемъ, дабы Господь пролилъ на попечителя „святыя свои благословенія", да благоспоспѣшествуетъ ему „совершить высокія намѣренія къ учебной части и, особенно, къ университету казанскому относящіяся", да „исполнитъ всѣ благожеланія сердца" его, да „пріиметъ подъ криле все семейство его"...

Дѣло объ увольненіи Никольскаго и объ опредѣленіи на его мѣсто князя Ширинскаго-Шихматова затянулось до конца года и только 12-го августа 1824 года состоялся соотвѣтствующій высочайшій указъ сенату, причемъ бывшему директору было отказано, за кратковременностью служенія его въ должности директора, въ пенсіи, относительно которой ходатайствовалъ попечитель. Предначертаніямъ Магницкаго не было, однако, суждено осуществиться: 10-го сентября новый министръ народнаго просвѣщенія Шишковъ увѣдомилъ его, что „имѣя надобность удержать на нѣкоторое время при себѣ директора императорскаго казанскаго университета князя Ширинскаго-Шихматова", онъ поручаетъ попечителю „распорядиться такимъ образомъ, что бъ должность сія на время была поручена кому либо изъ благонадежныхъ чиновниковъ казанскаго университета" по его, попечителя, усмотрѣнію. 16-го ноября того же 1824 года князь Ширинскій-Шихматовъ былъ опредѣленъ на должность директора канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, не успѣвъ даже прибыть въ Казань къ новой своей должности *, отправленіе же обязанностей директора казанскаго университета оставлено за профессоромъ Никольскимъ [166].

По свидѣтельству В. И. Панаева, Магницкій, у котораго отношенія къ проф. Никольскому успѣли облечься въ очень острую форму, былъ

---

* Князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ (1790 † 1863 г.г.) былъ впослѣдствіе членомъ главнаго правленія училищъ, директоромъ департамента министерства народн. просвѣщенія, академикомъ, предсѣдателемъ археографической экспедиціи, товарищемъ министра (1842—1850 г.г.) и, наконецъ, министромъ народнаго просвѣщенія (1850—1853 г.г.).

крайне раздраженъ отклоненіемъ отъ себя княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ должности директора университета. Полный разрывъ между попечителемъ и исправляющимъ обязанности директора Никольскимъ все сильнѣе и сильнѣе назрѣвалъ и случай къ нему представился уже въ исходѣ 1824-го года, на почвѣ пьяныхъ дрязгъ среди низшихъ служащихъ казанскаго университета.

До свѣдѣнія Магницкаго какими то скрытыми путями дошло, что одинъ изъ чиновниковъ университетскаго строительнаго комитета, нѣкто Чернышевъ—„ведетъ жизнь самую невоздержанную, такъ что пьяный валяется по улицамъ", другой же канцелярскій чиновникъ Чернышевъ (племянникъ перваго) былъ избитъ „пьянымъ и буйнымъ" унтеръ-офицеромъ инвалидной университетской команды Ефимовымъ. Ставя Никольскому, предложеніемъ отъ 23-го декабря, на видъ эти „происшествія", попечитель разражается по адресу и. д. директора рядомъ укоровъ, заявляя, что онъ „не токмо не сдѣлалъ никакого распоряженія къ отвращенію сего позора", но даже „не помѣстилъ сего въ вѣдомостяхъ о происшествіяхъ (!)", каковыя регулярно посылались попечителю въ Петербургъ; что по дѣлу Ефимова онъ „не потрудился войти въ должное разбирательство и далъ такую волю экзекутору Визгалову", что тотъ письменно приказалъ пьяницѣ и дебоширу Ефимову „наблюдать за поведеніемъ всѣхъ живущихъ въ домахъ университетскихъ". Никольскій не замедлилъ дать попечителю подробное и точное описаніе возмутившихъ его инцидентовъ, оказавшихся самыми обыкновенными столкновеніями „по пьяному дѣлу", и тутъ же донесъ о принятыхъ имъ по отношенію къ виновнымъ мѣрахъ. Не удовлетворившись директорскими разъясненіями, Магницкій обрушивается на Никольскаго новымъ потокомъ обвиненій: „Вы скрываете отъ меня самыя гласныя происшествія, оставляли канцелярскихъ служителей ненаказанно предаваться пьянству, буйству и безчинствамъ,—пишетъ попечитель въ новомъ предложеніи отъ 30-го января 1825 года.—Даю вамъ знать, что такъ какъ не могу уже положиться на васъ на будущее время, что бы всѣ происшествія чрезъ васъ доводимы были до меня, то и поручилъ я, вмѣстѣ съ симъ, инспектору студентовъ Вишневскому, впредь до опредѣленія директора университета, доносить непосредственно мнѣ о всѣхъ происшествіяхъ по университету... Имѣя основательныя удостовѣренія, что многія изъ важнѣйшихъ обязанностей директора университета вами не исполняются надлежащимъ образомъ и что университетъ много терпитъ отъ сего—я подтверждаю вамъ въ послѣд-

крайне раздраженъ отклоненіемъ отъ себя княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ должности директора университета. Полный разрывъ между попечителемъ и исправляющимъ обязанности директора Никольскимъ все сильнѣе и сильнѣе назрѣвалъ и случай къ нему представился уже въ исходѣ 1824-го года, на почвѣ пьяныхъ дрязгъ среди низшихъ служащихъ казанскаго университета.

До свѣдѣнія Магницкаго какими то скрытыми путями дошло, что одинъ изъ чиновниковъ университетскаго строительнаго комитета, нѣкто Чернышевъ—„ведетъ жизнь самую невоздержанную, такъ что пьяный валяется по улицамъ", другой же канцелярскій чиновникъ Чернышевъ (племянникъ перваго) былъ избитъ „пьянымъ и буйнымъ" унтеръ-офицеромъ инвалидной университетской команды Ефимовымъ. Ставя Никольскому, предложеніемъ отъ 23-го декабря, на видъ эти „происшествія", попечитель разражается по адресу и. д. директора рядомъ укоровъ, заявляя, что онъ „не токмо не сдѣлалъ никакого распоряженія къ отвращенію сего позора", но даже „не помѣстилъ сего въ вѣдомостяхъ о происшествіяхъ (!)", каковыя регулярно посылались попечителю въ Петербургъ; что по дѣлу Ефимова онъ „не потрудился войти въ должное разбирательство и далъ такую волю экзекутору Визгалову", что тотъ письменно приказалъ пьяницѣ и дебоширу Ефимову „наблюдать за поведеніемъ всѣхъ живущихъ въ домахъ университетскихъ". Никольскій не замедлилъ дать попечителю подробное и точное описаніе возмутившихъ его инцидентовъ, оказавшихся самыми обыкновенными столкновеніями „по пьяному дѣлу", и тутъ же донесъ о принятыхъ имъ по отношенію къ виновнымъ мѣрахъ. Не удовлетворившись директорскими разъясненіями, Магницкій обрушивается на Никольскаго новымъ потокомъ обвиненій: „Вы скрываете отъ меня самыя гласныя происшествія, оставляли канцелярскихъ служителей ненаказанно предаваться пьянству, буйству и безчинствамъ,—пишетъ попечитель въ новомъ предложеніи отъ 30-го января 1825 года.—Даю вамъ знать, что такъ какъ не могу уже положиться на васъ на будущее время, что бы всѣ происшествія чрезъ васъ доводимы были до меня, то и поручилъ я, вмѣстѣ съ симъ, инспектору студентовъ Вишневскому, впредь до опредѣленія директора университета, доносить непосредственно мнѣ о всѣхъ происшествіяхъ по университету... Имѣя основательныя удостовѣренія, что многія изъ важнѣйшихъ обязанностей директора университета вами не исполняются надлежащимъ образомъ и что университетъ много терпитъ отъ сего—я подтверждаю вамъ въ послѣд-

нiй разъ усилить ваше вниманiе и принять дѣятельнѣйшiя мѣры къ приведенiю всего въ благоустройство".

Рѣзкость попечительскаго предложенiя, въ которомъ ясно просвѣчиваетъ указанiе на какiя то „основательныя удостовѣренiя", стороною получаемыя Магницкимъ относительно дѣятельности директора—не могла не дать Никольскому понять, что прежнее положенiе его въ университетѣ окончательно дискредитировано. Едва ли сомнѣвался Никольскiй въ томъ, что размолвка между нимъ и попечителемъ создалась не безъ участiя въ этомъ дѣлѣ ректора Фукса и что послѣднему довелось сыграть въ данномъ случаѣ такую же активную роль, какую еще такъ недавно и самъ онъ сыгралъ въ дѣлѣ паденiя директора Владимiрскаго. Снова выплыла наружу старая истина относительно невозможности двумъ медвѣдямъ ужиться въ одной берлогѣ,—а именно такое конкурирующее двоевластiе создавалось совмѣстнымъ существованiемъ въ университетѣ званiй директора и ректора. Никольскiй понялъ необходимость по добру по здорову сложить съ себя директорскiя обязанности и въ этомъ смыслѣ отвѣтилъ попечителю обширнымъ, и на этотъ разъ уже не лишеннымъ нотки протеста, представленiемъ отъ 16-го февраля. Доводя здѣсь до свѣдѣнiя попечителя о распоряженiяхъ, предпринятыхъ по послѣднимъ его предписанiямъ и не безъ смѣлости высказывая своего рода „é pur si muove" по отношенiю къ обличеннымъ университетскимъ нестроенiямъ, Никольскiй останавливается на адресованныхъ ему Магницкимъ укоризнахъ, по поводу которыхъ высказываетъ слѣдующiя, взволновавшiя его, чувства:

„Сохранивъ вѣру къ Богу, вѣрность къ Государю и Отечеству, не щадя для службы живота своего—не могу упрекать себя въ совѣсти, что бы какiя нибудь свои обязанности оставилъ по лѣности или по злому намѣренiю, а долженъ только пожалѣть я о послѣдствiяхъ моего послушанiя и сказать, подобно одному изъ греческихъ патрiарховъ: За то, что согласился я принять на нѣкое время власть—пусть всякiй въ поношенiе мое наступитъ мнѣ на выю...

Ни одинъ изъ сослуживцевъ моихъ не посвящалъ болѣе моего времени государственной службѣ. За то я потерялъ здоровье и въ началѣ прошедшаго 1824-го года просилъ у вашего превосходительства, какъ награды, увольненiя отъ директорскихъ обязанностей... Я въ теченiи года шесть разъ былъ боленъ и изнемогъ духомъ и тѣломъ, духомъ—отъ заботъ и прискорбiй, тѣломъ—отъ трудовъ и болѣзней.

ній разъ усилить ваше вниманіе и принять дѣятельнѣйшія мѣры къ приведенію всего въ благоустройство".

Рѣзкость попечительскаго предложенія, въ которомъ ясно просвѣчиваетъ указаніе на какія то „основательныя удостовѣренія", стороною получаемыя Магницкимъ относительно дѣятельности директора—не могла не дать Никольскому понять, что прежнее положеніе его въ университетѣ окончательно дискредитировано. Едва ли сомнѣвался Никольскій въ томъ, что размолвка между нимъ и попечителемъ создалась не безъ участія въ этомъ дѣлѣ ректора Фукса и что послѣднему довелось сыграть въ данномъ случаѣ такую же активную роль, какую еще такъ недавно и самъ онъ сыгралъ въ дѣлѣ паденія директора Владимірскаго. Снова выплыла наружу старая истина относительно невозможности двумъ медвѣдямъ ужиться въ одной берлогѣ,—а именно такое конкурирующее двоевластіе создавалось совмѣстнымъ существованіемъ въ университетѣ званій директора и ректора. Никольскій понялъ необходимость по добру по здорову сложить съ себя директорскія обязанности и въ этомъ смыслѣ отвѣтилъ попечителю обширнымъ, и на этотъ разъ уже не лишеннымъ нотки протеста, представленіемъ отъ 16-го февраля. Доводя здѣсь до свѣдѣнія попечителя о распоряженіяхъ, предпринятыхъ по послѣднимъ его предписаніямъ и не безъ смѣлости высказывая своего рода „é pur si muove" по отношенію къ обличеннымъ университетскимъ нестроеніямъ, Никольскій останавливается на адресованныхъ ему Магницкимъ укоризнахъ, по поводу которыхъ высказываетъ слѣдующія, взволновавшія его, чувства:

„Сохранивъ вѣру къ Богу, вѣрность къ Государю и Отечеству, не щадя для службы живота своего—не могу упрекать себя въ совѣсти, что бы какія нибудь свои обязанности оставилъ по лѣности или по злому намѣренію, а долженъ только пожалѣть я о послѣдствіяхъ моего послушанія и сказать, подобно одному изъ греческихъ патріарховъ: За то, что согласился я принять на нѣкое время власть—пусть всякій въ поношеніе мое наступитъ мнѣ на выю...

Ни одинъ изъ сослуживцевъ моихъ не посвящалъ болѣе моего времени государственной службѣ. За то я потерялъ здоровье и въ началѣ прошедшаго 1824-го года просилъ у вашего превосходительства, какъ награды, увольненія отъ директорскихъ обязанностей... Я въ теченіи года шесть разъ былъ боленъ и изнемогъ духомъ и тѣломъ, духомъ—отъ заботъ и прискорбій, тѣломъ—отъ трудовъ и болѣзней.

Если университетъ терпитъ, то—не отъ меня. Всѣми силами старался я сохранить: по хозяйственной части—всякую царскую денежку или употребить ее съ пользою по назначенію, по нравственной части—подавать собою добрый примѣръ, какъ отецъ семейства, какъ мирный сосѣдъ, какъ профессоръ, христіанинъ и царскій слуга, по полицейской—тишину и благоустройство. Ежели бы каждый изъ моихъ подчиненныхъ и членовъ университета столько же усердствовалъ къ общественной службѣ, то я совершенно увѣренъ, что дѣла наши потекли бы наилучшимъ образомъ къ полному вашему удовольствію и къ чести всего ученаго сословія"....

Воздавъ, такимъ образомъ, не совсѣмъ скромную дань собственному самовосхваленію и покивавъ, кстати, головою въ сторону сослуживцевъ, Никольскій переходитъ къ заключительнымъ фразамъ своего донесенія, изъ которыхъ усматривается, на сколько сладка была „почетная" должность директора университета даже въ глазахъ такого покладистаго „чиновника", какимъ знаемъ мы профессора Никольскаго:

„Умоляю васъ именемъ милосердаго Бога Спасителя,—восклицаетъ Никольскій,—увольте меня отъ директорской должности и возложите ее на другого, способнѣйшаго и съ большею довѣренностью... Пощадите, по крайней мѣрѣ, мое семейство, которому безъ кормителя жить нечѣмъ! Возвеселите меня симъ златымъ временемъ, въ которое смогу сказать: Слава Богу, я уже свободенъ отъ должности директора!—къ чему, повидимому, и никакихъ препятствій нѣтъ, а за прошедшее время, съ 11-го сентября 1824 года, по недостаточному состоянію моему, не оставьте наградить меня жалованьемъ".

Магницкій не замедлилъ исполненіемъ просьбы Никольскаго, который предложеніемъ попечителя отъ 27-го февраля 1825 года и былъ освобожденъ отъ исполненія обязанностей директора университета, причемъ Магницкій мотивировалъ это распоряженіе какъ болѣзненнымъ состояніемъ бывшаго директора, такъ и тѣмъ, что ему „совѣстно обременять безмездно * г. Никольскаго" дальнѣйшимъ оставленіемъ его въ должности директора. Одновременно съ этимъ Магницкій, „видя нынѣ, что опредѣленіе новаго директора въ университетъ должно еще, по обстоятельствамъ, отсрочить-

* Ходатайство Никольскаго относительно жалованья Магницкимъ уважено не было и только въ исходѣ 1826-го года, уже послѣ паденія его, бывшій директоръ былъ удовлетворенъ въ этомъ отношеніи (см. архивное дѣло: Сов. 1826, № 214).

Если университетъ терпитъ, то—не отъ меня. Всѣми силами старался я сохранить: по хозяйственной части—всякую царскую денежку или употребить ее съ пользою по назначенію, по нравственной части—подавать собою добрый примѣръ, какъ отецъ семейства, какъ мирный сосѣдъ, какъ профессоръ, христіанинъ и царскій слуга, по полицейской—тишину и благоустройство. Ежели бы каждый изъ моихъ подчиненныхъ и членовъ университета столько же усердствовалъ къ общественной службѣ, то я совершенно увѣренъ, что дѣла наши потекли бы наилучшимъ образомъ къ полному вашему удовольствію и къ чести всего ученаго сословія"....

Воздавъ, такимъ образомъ, не совсѣмъ скромную дань собственному самовосхваленію и покивавъ, кстати, головою въ сторону сослуживцевъ, Никольскій переходитъ къ заключительнымъ фразамъ своего донесенія, изъ которыхъ усматривается, на сколько сладка была „почетная" должность директора университета даже въ глазахъ такого покладистаго „чиновника", какимъ знаемъ мы профессора Никольскаго:

„Умоляю васъ именемъ милосердаго Бога Спасителя,—восклицаетъ Никольскій,—увольте меня отъ директорской должности и возложите ее на другого, способнѣйшаго и съ большею довѣренностью... Пощадите, по крайней мѣрѣ, мое семейство, которому безъ кормителя жить нечѣмъ! Возвеселите меня симъ златымъ временемъ, въ которое смогу сказать: Слава Богу, я уже свободенъ отъ должности директора!—къ чему, повидимому, и никакихъ препятствій нѣтъ, а за прошедшее время, съ 11-го сентября 1824 года, по недостаточному состоянію моему, не оставьте наградить меня жалованьемъ".

Магницкій не замедлилъ исполненіемъ просьбы Никольскаго, который предложеніемъ попечителя отъ 27-го февраля 1825 года и былъ освобожденъ отъ исполненія обязанностей директора университета, причемъ Магницкій мотивировалъ это распоряженіе какъ болѣзненнымъ состояніемъ бывшаго директора, такъ и тѣмъ, что ему „совѣстно обременять безмездно * г. Никольскаго" дальнѣйшимъ оставленіемъ его въ должности директора. Одновременно съ этимъ Магницкій, „видя нынѣ, что опредѣленіе новаго директора въ университетъ должно еще, по обстоятельствамъ, отсрочить-

---

* Ходатайство Никольскаго относительно жалованья Магницкимъ уважено не было и только въ исходѣ 1826-го года, уже послѣ паденія его, бывшій директоръ былъ удовлетворенъ въ этомъ отношеніи (см. архивное дѣло: Сов. 1826, № 214).

ся", поручилъ исправленіе должности директора университета инспектору студентовъ Г. Ѳ. Вишневскому, съ тѣмъ, что бы эта послѣдняя должность была временно передана профессору В. Я. Баженову, который въ нее, однако, не вступилъ, такъ какъ уже 6-го марта исправленіе обязанностей инспектора было попечителемъ вручено вновь назначенному въ университетъ адъюнкту Я. А. Миллеру [167].

Г. Ѳ. Вишневскій, занявшій должность инспектора студентовъ въ самомъ началѣ 1823-го года, послѣ увольненія отъ нея Барсова, долженъ быть признанъ одною изъ самыхъ неудачныхъ креатуръ Магницкаго. Дворянинъ по происхожденію, Вишневскій началъ дѣйствительную службу въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку, уволившись изъ которой въ 1795-мъ году съ чиномъ подпоручика послѣдовательно служилъ, затѣмъ, въ экспедиціи московскаго кремлевскаго строенія, въ должности чиновника особыхъ порученій при министерствѣ полиціи, наконецъ въ почтовомъ департаментѣ, со службы котораго, уже въ чинѣ коллежскаго совѣтника и промотавъ передъ тѣмъ нѣсколько состояній, и былъ приглашенъ Магницкимъ на службу казанскаго университета. Представляя Вишневскаго къ опредѣленію на должность инспектора студентовъ и директора педагогическаго института, Магницкій засвидѣтельствовалъ, что онъ ему „извѣстенъ болѣе 20-ти лѣтъ и по благовоспитанію и правиламъ своимъ къ просимому мѣсту совершенно способенъ, а по бѣдности и большому семейству просимую помощь (денежное вспомоществованіе, о которомъ ходатайствовалъ Вишневскій) заслуживаетъ".

Назначенный 7-го января 1823 года въ казанскій университетъ на должность испектора студентовъ и директора педагогическаго института, Вишневскій пользовался большимъ довѣріемъ Магницкаго, бывшаго, повидимому, высокаго мнѣнія объ его педагогическихъ дарованіяхъ. Это довѣріе простиралось такъ далеко, что при посредствѣ новаго инспектора Магницкій вознамѣрился осуществить мысль о благородномъ при университетѣ пансіонѣ, которая лелѣялась имъ еще въ 1819-мъ году, при самомъ началѣ его попечительской дѣятельности, и съ этою цѣлью,—какъ гласитъ о томъ попечительское предложеніе директору университета отъ 19-го февраля 1824 года,—„дозволилъ г. инспектору студентовъ Вишневскому принимать къ себѣ воспитанниковъ съ тѣмъ, что бы, когда число ихъ будетъ довольно значительно, передалъ онъ ихъ университету", но при томъ непремѣнномъ условіи, что бы „сіе занятіе ни мало не отвлекало его отъ исполненія возложенной на него должности", наблюденіе за чѣмъ было возложено на директора университета. Эмбріонъ будущаго „благо-

ся", поручилъ исправленіе должности директора университета инспектору студентовъ Г. Ѳ. Вишневскому, съ тѣмъ, что бы эта послѣдняя должность была временно передана профессору В. Я. Баженову, который въ нее, однако, не вступилъ, такъ какъ уже 6-го марта исправленіе обязанностей инспектора было попечителемъ вручено вновь назначенному въ университетъ адъюнкту Я. А. Миллеру [167].

Г. Ѳ. Вишневскій, занявшій должность инспектора студентовъ въ самомъ началѣ 1823-го года, послѣ увольненія отъ нея Барсова, долженъ быть признанъ одною изъ самыхъ неудачныхъ креатуръ Магницкаго. Дворянинъ по происхожденію, Вишневскій началъ дѣйствительную службу въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку, уволившись изъ которой въ 1795-мъ году съ чиномъ подпоручика послѣдовательно служилъ, затѣмъ, въ экспедиціи московскаго кремлевскаго строенія, въ должности чиновника особыхъ порученій при министерствѣ полиціи, наконецъ въ почтовомъ департаментѣ, со службы котораго, уже въ чинѣ коллежскаго совѣтника и промотавъ передъ тѣмъ нѣсколько состояній, и былъ приглашенъ Магницкимъ на службу казанскаго университета. Представляя Вишневскаго къ опредѣленію на должность инспектора студентовъ и директора педагогическаго института, Магницкій засвидѣтельствовалъ, что онъ ему „извѣстенъ болѣе 20-ти лѣтъ и по благовоспитанію и правиламъ своимъ къ просимому мѣсту совершенно способенъ, а по бѣдности и большому семейству просимую помощь (денежное вспомоществованіе, о которомъ ходатайствовалъ Вишневскій) заслуживаетъ".

Назначенный 7-го января 1823 года въ казанскій университетъ на должность испектора студентовъ и директора педагогическаго института, Вишневскій пользовался большимъ довѣріемъ Магницкаго, бывшаго, повидимому, высокаго мнѣнія объ его педагогическихъ дарованіяхъ. Это довѣріе простиралось такъ далеко, что при посредствѣ новаго инспектора Магницкій вознамѣрился осуществить мысль о благородномъ при университетѣ пансіонѣ, которая лелѣялась имъ еще въ 1819-мъ году, при самомъ началѣ его попечительской дѣятельности, и съ этою цѣлью,—какъ гласитъ о томъ попечительское предложеніе директору университета отъ 19-го февраля 1824 года,—„дозволилъ г. инспектору студентовъ Вишневскому принимать къ себѣ воспитанниковъ съ тѣмъ, что бы, когда число ихъ будетъ довольно значительно, передалъ онъ ихъ университету", но при томъ непремѣнномъ условіи, что бы „сіе занятіе ни мало не отвлекало его отъ исполненія возложенной на него должности", наблюденіе за чѣмъ было возложено на директора университета. Эмбріонъ будущаго „благо-

роднаго при университетѣ пансіона" былъ инспекторомъ Вишневскимъ открытъ, но уже очень скоро до свѣдѣнія попечителя стали доходить жалобы на весьма плохое положеніе въ немъ вещей, такъ что осенью того же года Магницкій счелъ себя вынужденнымъ назначить ревизію („визитацію") инспекторскаго пансіона, которая и была возложена на профессора Баженова, какъ свидѣтельствуетъ о томъ слѣдующее попечительское предложеніе на имя этого послѣдняго, отъ 26-го сентября 1824 года:

„До свѣдѣнія моего дошло,—пишетъ здѣсь Магницкій,—что пансіонъ, заведенный инспекторомъ студентовъ Вишневскимъ, по нижеслѣдующимъ безпорядкамъ навлекаетъ нареканіе университетскому начальству, а именно:

1. Совѣтникъ казанской адмиралтейской конторы Мамаевъ взялъ двухъ сыновей своихъ изъ пансіона Вишневскаго, не дождавшись окончанія года и оставя въ пользу содержателя забранныя имъ впередъ деньги,—потому: а) Что дѣти его въ теченіи семи мѣсяцевъ ученія въ пансіонѣ г. Вишневскаго не только ничего не переняли, но забыли и то, что знали, какъ удостовѣрился онъ совершенно, испытавъ ихъ самъ во время вакаціи, ибо публичнаго испытанія, по уклоненію отъ онаго г. Вишневскаго, не было; б) Что видѣлъ опасность оставить дѣтей въ такомъ заведеніи, гдѣ нѣтъ надзора за ними, ибо они могутъ повредить тутъ и душу и тѣло; в) Что дѣти его разсказывали, какъ бывшій въ семъ пансіонѣ ученикъ Дембровскій показывалъ имъ разныя мерзости, какъ дѣти переняли отъ него много формулъ (sic) скверно-матерныхъ словъ. Отецъ съ жалѣніемъ увидѣлъ, что къ дѣтямъ его въ теченіи семи мѣсяцевъ прильнули многія худыя привычки.

2. Что ученики въ свободное время бѣгаютъ безъ всякаго надзора по двору и дѣлаютъ различныя шалости,—напримѣръ: выкачиваютъ колесомъ изъ колодца воду, что и большимъ людямъ должно дѣлать съ осторожностью, купаютъ въ бадьѣ крысъ, привязавши ихъ къ веревочкѣ; берутъ другъ друга за ноги и приподнимаютъ на перевѣсъ въ колодезь, пьютъ разогрѣвшись во время игранья холодную воду и что, можетъ быть, отъ сей причины пансіонеръ Тироль, получивъ жабу, померъ.

3. Что столъ пансіонеровъ, судя по суммѣ одной тысячи рублей съ каждаго—недостаточенъ, ибо держится обще съ казеннокоштными студентами, отчего столъ на послѣднихъ доходитъ нынѣ до 11-ти и 12-ти рублей въ мѣсяцъ на каждаго, между тѣмъ какъ при бывшемъ инспекторѣ стоилъ не болѣе 8-ми и 9-ти".

Поручая профессору Баженову подробное дознаніе по поводу только что указанныхъ обстоятельствъ, попечитель одновременно обратился и

роднаго при университетѣ пансіона" былъ инспекторомъ Вишневскимъ открытъ, но уже очень скоро до свѣдѣнія попечителя стали доходить жалобы на весьма плохое положеніе въ немъ вещей, такъ что осенью того же года Магницкій счелъ себя вынужденнымъ назначить ревизію („визитацію") инспекторскаго пансіона, которая и была возложена на профессора Баженова, какъ свидѣтельствуетъ о томъ слѣдующее попечительское предложеніе на имя этого послѣдняго, отъ 26-го сентября 1824 года:

„До свѣдѣнія моего дошло,—пишетъ здѣсь Магницкій,—что пансіонъ, заведенный инспекторомъ студентовъ Вишневскимъ, по нижеслѣдующимъ безпорядкамъ навлекаетъ нареканіе университетскому начальству, а именно:

1. Совѣтникъ казанской адмиралтейской конторы Мамаевъ взялъ двухъ сыновей своихъ изъ пансіона Вишневскаго, не дождавшись окончанія года и оставя въ пользу содержателя забранныя имъ впередъ деньги,—потому: а) Что дѣти его въ теченіи семи мѣсяцевъ ученія въ пансіонѣ г. Вишневскаго не только ничего не переняли, но забыли и то, что знали, какъ удостовѣрился онъ совершенно, испытавъ ихъ самъ во время вакаціи, ибо публичнаго испытанія, по уклоненію отъ онаго г. Вишневскаго, не было; б) Что видѣлъ опасность оставить дѣтей въ такомъ заведеніи, гдѣ нѣтъ надзора за ними, ибо они могутъ повредить тутъ и душу и тѣло; в) Что дѣти его разсказывали, какъ бывшій въ семъ пансіонѣ ученикъ Дембровскій показывалъ имъ разныя мерзости, какъ дѣти переняли отъ него много формулъ (sic) скверно-матерныхъ словъ. Отецъ съ жалѣніемъ увидѣлъ, что къ дѣтямъ его въ теченіи семи мѣсяцевъ прильнули многія худыя привычки.

2. Что ученики въ свободное время бѣгаютъ безъ всякаго надзора по двору и дѣлаютъ различныя шалости,—напримѣръ: выкачиваютъ колесомъ изъ колодца воду, что и большимъ людямъ должно дѣлать съ осторожностью, купаютъ въ бадьѣ крысъ, привязавши ихъ къ веревочкѣ; берутъ другъ друга за ноги и приподнимаютъ на перевѣсъ въ колодезь, пьютъ разогрѣвшись во время игранья холодную воду и что, можетъ быть, отъ сей причины пансіонеръ Тироль, получивъ жабу, померъ.

3. Что столъ пансіонеровъ, судя по суммѣ одной тысячи рублей съ каждаго—недостаточенъ, ибо держится обще съ казеннокоштными студентами, отчего столъ на послѣднихъ доходитъ нынѣ до 11-ти и 12-ти рублей въ мѣсяцъ на каждаго, между тѣмъ какъ при бывшемъ инспекторѣ стоилъ не болѣе 8-ми и 9-ти".

Поручая профессору Баженову подробное дознаніе по поводу только что указанныхъ обстоятельствъ, попечитель одновременно обратился и

къ самому Вишневскому съ указаніемъ на отрицательныя стороны его пансіона, начиная съ пользованія имъ столомъ казеннокоштныхъ студентовъ для прокормленія своихъ, дорого (по тысячѣ рублей) оплачиваемыхъ ему пансіонеровъ, и кончая плохимъ надзоромъ за казенными студентами, которые, оставаясь безъ присмотра—„впадаютъ въ грубые проступки". Приведемъ, со словъ попечительскаго предложенія, эти „грубые проступки", какъ характерные для обрисовки условій студенческой жизни интересующей насъ эпохи и требованій, къ ней предъявлявшихся:

„Бывшій студентъ Пикторовъ,—ставитъ попечитель на видъ инспектору,—а нынѣ старшій учитель пермской гимназіи, въ тотъ самый день, когда получено предложеніе мое объ утвержденіи его учителемъ, не ночевалъ дома, а на другой день, явясь къ вамъ, сказалъ, что онъ въ задумчивости зашелъ далеко въ лѣсъ и тамъ ночевалъ, не могши возвратиться, между тѣмъ какъ онъ, пьяный до безпамятства, привезенъ былъ на телѣжкѣ въ полицію и тамъ задержанъ на цѣлую ночь, а на другой день, по слезной его просьбѣ, выпущенъ безъ отношенія въ университетъ.

Студентъ Лубкинъ, замѣченный прежде въ пьянствѣ, за прошедшее лѣто впалъ въ венерическую болѣзнь, отъ которой нѣсколько мѣсяцевъ лечился въ больницѣ.

Вы не разсудили ни о Пикторовѣ, ни о Лубкинѣ узнать подробнѣе и ограничились одними поверхностными распросами.

Кончившій курсъ студентъ Ивановъ, при отправленіи къ должности въ Саратовъ, и кандидатъ Гурьевъ въ воскресный день, во время обѣдни, зашли въ мужичью харчевню, что подлѣ церкви Петра и Павла, и ѣли тамъ блины. Вы и сего происшествія не знали, нисколько не занимаясь надзоромъ за педагогическимъ институтомъ.

Студентъ Бовинъ, содержавшійся подъ особымъ присмотромъ до рѣшенія его участи, не токмо самъ пьянствовалъ въ сіе время, но и другихъ приводилъ въ соблазнъ"...

Вопросъ о содержимомъ инспекторомъ Вишневскимъ пансіонѣ и о беззастѣнчивомъ пользованіи казеннымъ столомъ для прокормленія его пансіонеровъ—породилъ обширное дѣло, въ детали котораго мы входить не будемъ. Отмѣтимъ лишь, что Вишневскій не мало причинялъ высшему начальству хлопотъ и своимъ строптивымъ характеромъ, такъ что самъ Магницкій вынужденъ былъ въ сентябрѣ 1824-го года укорять его въ „неуваженіи къ мѣстному университетскому начальству", въ проявленіяхъ административнаго „самоуправства", и внушать инспектору необходимость избѣжанія „ожесточенной личности между людьми, коимъ ввѣрено хри-

къ самому Вишневскому съ указаніемъ на отрицательныя стороны его пансіона, начиная съ пользованія имъ столомъ казеннокоштныхъ студентовъ для прокормленія своихъ, дорого (по тысячѣ рублей) оплачиваемыхъ ему пансіонеровъ, и кончая плохимъ надзоромъ за казенными студентами, которые, оставаясь безъ присмотра—„впадаютъ въ грубые проступки". Приведемъ, со словъ попечительскаго предложенія, эти „грубые проступки", какъ характерные для обрисовки условій студенческой жизни интересующей насъ эпохи и требованій, къ ней предъявлявшихся:

„Бывшій студентъ Пикторовъ,—ставитъ попечитель на видъ инспектору,—а нынѣ старшій учитель пермской гимназіи, въ тотъ самый день, когда получено предложеніе мое объ утвержденіи его учителемъ, не ночевалъ дома, а на другой день, явясь къ вамъ, сказалъ, что онъ въ задумчивости зашелъ далеко въ лѣсъ и тамъ ночевалъ, не могши возвратиться, между тѣмъ какъ онъ, пьяный до безпамятства, привезенъ былъ на телѣжкѣ въ полицію и тамъ задержанъ на цѣлую ночь, а на другой день, по слезной его просьбѣ, выпущенъ безъ отношенія въ университетъ.

Студентъ Лубкинъ, замѣченный прежде въ пьянствѣ, за прошедшее лѣто впалъ въ венерическую болѣзнь, отъ которой нѣсколько мѣсяцевъ лечился въ больницѣ.

Вы не разсудили ни о Пикторовѣ, ни о Лубкинѣ узнать подробнѣе и ограничились одними поверхностными распросами.

Кончившій курсъ студентъ Ивановъ, при отправленіи къ должности въ Саратовъ, и кандидатъ Гурьевъ въ воскресный день, во время обѣдни, зашли въ мужичью харчевню, что подлѣ церкви Петра и Павла, и ѣли тамъ блины. Вы и сего происшествія не знали, нисколько не занимаясь надзоромъ за педагогическимъ институтомъ.

Студентъ Бовинъ, содержавшійся подъ особымъ присмотромъ до рѣшенія его участи, не токмо самъ пьянствовалъ въ сіе время, но и другихъ приводилъ въ соблазнъ"...

Вопросъ о содержимомъ инспекторомъ Вишневскимъ пансіонѣ и о беззастѣнчивомъ пользованіи казеннымъ столомъ для прокормленія его пансіонеровъ—породилъ обширное дѣло, въ детали котораго мы входить не будемъ. Отмѣтимъ лишь, что Вишневскій не мало причинялъ высшему начальству хлопотъ и своимъ строптивымъ характеромъ, такъ что самъ Магницкій вынужденъ былъ въ сентябрѣ 1824-го года укорять его въ „неуваженіи къ мѣстному университетскому начальству", въ проявленіяхъ административнаго „самоуправства", и внушать инспектору необходимость избѣжанія „ожесточенной личности между людьми, коимъ ввѣрено хри-

стіанское воспитаніе студентовъ", такъ какъ „мы должны нѣкогда дать отвѣтъ Богу въ воспитаніи, которое было намъ ввѣрено, въ примѣрѣ, который подавали, въ соблазнахъ, коимъ, вмѣсто назиданія, были поводомъ". Еще ранѣе этого попечительскаго внушенія, лѣтомъ 1824-го года, Вишневскій открыто отказывался подчиняться университетскому совѣту и даже вступать съ нимъ въ какія бы то ни было сношенія, открыто заявивъ, что онъ знаетъ и желаетъ знать одного только директора университета [168]...

Въ такихъ чертахъ обрисовывается передъ нами личность человѣка, на долю котораго выпала отвѣтственная задача замѣнить профессора Никольскаго по несенію обязанностей директора университета. Вступивъ въ исправленіе новой должности, Вишневскій немедленно же произвелъ общую ревизію университетскому казначейству (гдѣ оказалось на 115 тыс. рублей ассигнацій, на 17 тыс. рублей мѣдной монеты и на 190 тыс. рублей слишкомъ ломбардныхъ билетовъ), а также принялъ мѣры къ выясненію всего наличнаго состоянія университетскаго имущества и хозяйства. Вишневскому не было суждено удостоиться утвержденія въ званіи директора университета, да и самое временное исправленіе имъ этой должности не оказалось продолжительнымъ: высочайшимъ указомъ отъ 21-го іюля 1825 года директоромъ университета былъ назначенъ докторъ медицины и хирургіи надворный совѣтникъ Т. Е. Любомировъ, Вишневскій же былъ снова водворенъ на прежнюю должность инспектора студентовъ.

Новый директоръ казанскаго университета Трифонъ Егоровичъ Любомировъ, сербъ по происхожденію, въ формулярѣ своемъ значится „изъ числа выписныхъ иностранныхъ врачей", т. е. изъ числа врачей, въ значительномъ количествѣ приглашавшихся въ началѣ минувшаго столѣтія изъ за границы для нуждъ военнаго вѣдомства. Получивъ первоначальное образованіе въ Сербіи, а затѣмъ удостоенный Павійскимъ университетомъ степени доктора медицины, Любомировъ, по прибытіи въ Россію, началъ свою службу (съ 1808-го года) въ должности младшаго лекаря Украинскаго пѣхотнаго полка, принявъ участіе въ турецкой кампаніи 1809—1810 годовъ и будучи даже контуженъ при взятіи Рущука. Уволившись въ 1815-мъ году изъ военнаго вѣдомства, Любомировъ вступилъ въ службу по медицинскому департаменту министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ „извѣстенъ былъ г. управлявшему министерствомъ графу В. П. Кочубею за человѣка весьма способнаго и употреблялся съ довѣренностью для обревизованія многихъ казенныхъ аптекъ, въ коихъ открывалъ большія злоупотребленія", а въ 1818-мъ году былъ даже опре-

стіанское воспитаніе студентовъ", такъ какъ „мы должны нѣкогда дать отвѣтъ Богу въ воспитаніи, которое было намъ ввѣрено, въ примѣрѣ, который подавали, въ соблазнахъ, коимъ, вмѣсто назиданія, были поводомъ". Еще ранѣе этого попечительскаго внушенія, лѣтомъ 1824-го года, Вишневскій открыто отказывался подчиняться университетскому совѣту и даже вступать съ нимъ въ какія бы то ни было сношенія, открыто заявивъ, что онъ знаетъ и желаетъ знать одного только директора университета [168]...

Въ такихъ чертахъ обрисовывается передъ нами личность человѣка, на долю котораго выпала отвѣтственная задача замѣнить профессора Никольскаго по несенію обязанностей директора университета. Вступивъ въ исправленіе новой должности, Вишневскій немедленно же произвелъ общую ревизію университетскому казначейству (гдѣ оказалось на 115 тыс. рублей ассигнацій, на 17 тыс. рублей мѣдной монеты и на 190 тыс. рублей слишкомъ ломбардныхъ билетовъ), а также принялъ мѣры къ выясненію всего наличнаго состоянія университетскаго имущества и хозяйства. Вишневскому не было суждено удостоиться утвержденія въ званіи директора университета, да и самое временное исправленіе имъ этой должности не оказалось продолжительнымъ: высочайшимъ указомъ отъ 21-го іюля 1825 года директоромъ университета былъ назначенъ докторъ медицины и хирургіи надворный совѣтникъ Т. Е. Любомировъ, Вишневскій же былъ снова водворенъ на прежнюю должность инспектора студентовъ.

Новый директоръ казанскаго университета Трифонъ Егоровичъ Любомировъ, сербъ по происхожденію, въ формулярѣ своемъ значится „изъ числа выписныхъ иностранныхъ врачей", т. е. изъ числа врачей, въ значительномъ количествѣ приглашавшихся въ началѣ минувшаго столѣтія изъ за границы для нуждъ военнаго вѣдомства. Получивъ первоначальное образованіе въ Сербіи, а затѣмъ удостоенный Павійскимъ университетомъ степени доктора медицины, Любомировъ, по прибытіи въ Россію, началъ свою службу (съ 1808-го года) въ должности младшаго лекаря Украинскаго пѣхотнаго полка, принявъ участіе въ турецкой кампаніи 1809—1810 годовъ и будучи даже контуженъ при взятіи Рущука. Уволившись въ 1815-мъ году изъ военнаго вѣдомства, Любомировъ вступилъ въ службу по медицинскому департаменту министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ „извѣстенъ былъ г. управлявшему министерствомъ графу В. П. Кочубею за человѣка весьма способнаго и употреблялся съ довѣренностью для обревизованія многихъ казенныхъ аптекъ, въ коихъ открывалъ большія злоупотребленія", а въ 1818-мъ году былъ даже опре-

дѣленъ въ московское отдѣленіе императорской медико-хирургической академіи адъюнктъ-профессоромъ повивальнаго искусства, судебной медицины и медицинской полиціи, хотя званіе это и оставалось за нимъ въ продолженіи всего неполныхъ девяти мѣсяцевъ. Обладая степенью доктора медицины отъ университета города Павіи, Любомировъ сталъ искать той же ученой степени въ одномъ изъ русскихъ университетовъ и съ этою цѣлью явился въ Казань, гдѣ, послѣ надлежащаго испытанія, и былъ 26-го февраля 1825 года удостоенъ степени доктора медицины и хирургіи.

Любомировъ, вступившій въ должность директора университета 30-го сентября 1825 года, пользовался особеннымъ покровительствомъ Магницкаго, способствовавшаго не только пріобрѣтенію имъ въ казанскомъ университетѣ высшей ученой степени, но оказавшаго ему и большія льготы матеріальнаго характера; такъ, при назначеніи на должность директора университета, Любомировъ получилъ двѣ тысячи рублей единовременнаго пособія и одну тысячу рублей на подъемъ, не считая прогоновъ на проѣздъ до Казани [169].

Новый директоръ университета прибылъ въ Казань 25-го сентября 1825 года, — какъ разъ во время перваго, послѣ вступленія въ званіе попечителя округа, и почти полуторамѣсячнаго пребыванія Магницкаго въ Казани. Почти двухнедѣльное совмѣстное пребываніе здѣсь попечителя и новаго директора не могло, конечно, не отозваться на объемѣ власти Любомирова и на характерѣ отношеній, въ которыя поставилъ онъ себя къ университету. Кратковременное суровое директорство,—вѣрнѣе „диктаторство",—Любомирова было, впрочемъ, уже лебединою пѣснью какъ попечительства Магницкаго, такъ и установленнаго имъ режима, съ нелѣпою и деморализующею должностью директора университета, включительно.

Личность Любомирова обрисовывается передъ нами въ образѣ властолюбиваго и заносчиваго случайнаго человѣка, какихъ въ ту пору въ изобиліи поставляли нашимъ административнымъ сферамъ разнаго рода „выписные иностранцы", долженствовавшіе восполнять недостатокъ въ подходящихъ русскихъ людяхъ и рядъ которыхъ прошелъ передъ нашими глазами въ повѣствованіи о начальныхъ годахъ жизни казанскаго университета. Любопытное свидѣтельство о личности новаго директора оставилъ намъ нашъ извѣстный романистъ И. И. Лажечниковъ, 27-го сентября 1825 года смѣнившій адъюнкта Миллера въ исправленіи должности инспектора студентовъ и весьма непродолжительное (до конца октября того же года) пребываніе котораго въ этомъ званіи какъ разъ

дѣленъ въ московское отдѣленіе императорской медико-хирургической академіи адъюнктъ-профессоромъ повивальнаго искусства, судебной медицины и медицинской полиціи, хотя званіе это и оставалось за нимъ въ продолженіи всего неполныхъ девяти мѣсяцевъ. Обладая степенью доктора медицины отъ университета города Павіи, Любомировъ сталъ искать той же ученой степени въ одномъ изъ русскихъ университетовъ и съ этою цѣлью явился въ Казань, гдѣ, послѣ надлежащаго испытанія, и былъ 26-го февраля 1825 года удостоенъ степени доктора медицины и хирургіи.

Любомировъ, вступившій въ должность директора университета 30-го сентября 1825 года, пользовался особеннымъ покровительствомъ Магницкаго, способствовавшаго не только пріобрѣтенію имъ въ казанскомъ университетѣ высшей ученой степени, но оказавшаго ему и большія льготы матеріальнаго характера; такъ, при назначеніи на должность директора университета, Любомировъ получилъ двѣ тысячи рублей единовременнаго пособія и одну тысячу рублей на подъемъ, не считая прогоновъ на проѣздъ до Казани [169].

Новый директоръ университета прибылъ въ Казань 25-го сентября 1825 года, — какъ разъ во время перваго, послѣ вступленія въ званіе попечителя округа, и почти полуторамѣсячнаго пребыванія Магницкаго въ Казани. Почти двухнедѣльное совмѣстное пребываніе здѣсь попечителя и новаго директора не могло, конечно, не отозваться на объемѣ власти Любомирова и на характерѣ отношеній, въ которыя поставилъ онъ себя къ университету. Кратковременное суровое директорство,—вѣрнѣе „диктаторство",—Любомирова было, впрочемъ, уже лебединою пѣснью какъ попечительства Магницкаго, такъ и установленнаго имъ режима, съ нелѣпою и деморализующею должностью директора университета, включительно.

Личность Любомирова обрисовывается передъ нами въ образѣ властолюбиваго и заносчиваго случайнаго человѣка, какихъ въ ту пору въ изобиліи поставляли нашимъ административнымъ сферамъ разнаго рода „выписные иностранцы", долженствовавшіе восполнять недостатокъ въ подходящихъ русскихъ людяхъ и рядъ которыхъ прошелъ передъ нашими глазами въ повѣствованіи о начальныхъ годахъ жизни казанскаго университета. Любопытное свидѣтельство о личности новаго директора оставилъ намъ нашъ извѣстный романистъ И. И. Лажечниковъ, 27-го сентября 1825 года смѣнившій адъюнкта Миллера въ исправленіи должности инспектора студентовъ и весьма непродолжительное (до конца октября того же года) пребываніе котораго въ этомъ званіи какъ разъ

совпало съ начальною порою директорства Любомирова. Свидѣтельствуя о новомъ директорѣ, какъ о человѣкѣ въ высшей степени раздражительномъ и самовластномъ, рѣзко приступившемъ къ учиненію „хирургическихъ операцій надъ университетомъ“, Лажечниковъ повѣствуетъ также о страсти Любомирова къ опіуму, которою въ значительной степени объясняются и его эксцессы—въ родѣ столкновенія съ ректоромъ Фуксомъ, окончившагося, по словамъ нашего романиста, тѣмъ, что послѣдній „расквитался съ директоромъ по правиламъ ветхаго завѣта“, послѣ чего Любомирову „такъ непоздоровилось, что онъ былъ вынужденъ къ усиленному пріему опіума“.

Тенденція усилить, въ ущербъ ректору и нормальнымъ коллегіальнымъ органамъ университета, власть директора—была проявлена Магницкимъ уже во время пребыванія его осенью 1825-го года въ Казани. Именно такая тенденція усматривается въ предложеніи, сдѣланномъ имъ Любомирову передъ самымъ отъѣздомъ своимъ изъ Казани относительно регулярнаго веденія имъ „дневныхъ записокъ“ для словесныхъ приказаніі (sic) и различнаго рода замѣчаній по отдѣльнымъ сторонамъ университетской жизни. Съ сущностью новаго попечительскаго начинанія лучше всего познакомитъ насъ слѣдующее предложеніе директора на имя совѣта, данное отъ 16-го октября 1825 года:

„Господинъ попечитель казанскаго учебнаго округа отъ 8-го сего октября за № 964-мъ предложилъ мнѣ,—объявляетъ директоръ университета,—что онъ, находя необходимымъ приводить къ скорому исполненію тѣ приказанія директора, кои можетъ онъ давать по разнымъ мелкимъ замѣчаніямъ, при обозрѣніи университетскаго управленія непрестанно представляющимся, полагаетъ нужнымъ завести дневную записку, словесныя приказанія, замѣчанія, похвалы и выговоры вмѣщающую.

Записка сія должна быть составляема въ слѣдующемъ порядкѣ:

Въ заглавіи напишется: Словесныя приказанія г. директора такого то числа. За симъ слѣдуетъ, напримѣръ:

a) Г. директоръ, замѣтивъ въ такой то части управленія такой то безпорядокъ, поручаетъ такому то исправить, дѣлаетъ замѣчаніе первое, второе или послѣднее.

b) Онъ замѣтилъ порядокъ и благоустройство тамъ то и отдаетъ принадлежащую честь такому то.

c) Онъ рекомендуетъ г.г. своекоштнымъ студентамъ то-то.

d) Онъ въ третій разъ засталъ аудиторію такого то преподавателя незанятою.

совпало съ начальною порою директорства Любомирова. Свидѣтельствуя о новомъ директорѣ, какъ о человѣкѣ въ высшей степени раздражительномъ и самовластномъ, рѣзко приступившемъ къ учиненію „хирургическихъ операцій надъ университетомъ", Лажечниковъ повѣствуетъ также о страсти Любомирова къ опіуму, которою въ значительной степени объясняются и его эксцессы—въ родѣ столкновенія съ ректоромъ Фуксомъ, окончившагося, по словамъ нашего романиста, тѣмъ, что послѣдній „расквитался съ директоромъ по правиламъ ветхаго завѣта", послѣ чего Любомирову „такъ непоздоровилось, что онъ былъ вынужденъ къ усиленному пріему опіума".

Тенденція усилить, въ ущербъ ректору и нормальнымъ коллегіальнымъ органамъ университета, власть директора—была проявлена Магницкимъ уже во время пребыванія его осенью 1825-го года въ Казани. Именно такая тенденція усматривается въ предложеніи, сдѣланномъ имъ Любомирову передъ самымъ отъѣздомъ своимъ изъ Казани относительно регулярнаго веденія имъ „дневныхъ записокъ" для словесныхъ приказаній (sic) и различнаго рода замѣчаній по отдѣльнымъ сторонамъ университетской жизни. Съ сущностью новаго попечительскаго начинанія лучше всего познакомитъ насъ слѣдующее предложеніе директора на имя совѣта, данное отъ 16-го октября 1825 года:

„Господинъ попечитель казанскаго учебнаго округа отъ 8-го сего октября за № 964-мъ предложилъ мнѣ,—объявляетъ директоръ университета,—что онъ, находя необходимымъ приводить къ скорому исполненію тѣ приказанія директора, кои можетъ онъ давать по разнымъ мелкимъ замѣчаніямъ, при обозрѣніи университетскаго управленія непрестанно представляющимся, полагаетъ нужнымъ завести дневную записку, словесныя приказанія, замѣчанія, похвалы и выговоры вмѣщающую.

Записка сія должна быть составляема въ слѣдующемъ порядкѣ:

Въ заглавіи напишется: Словесныя приказанія г. директора такого то числа. За симъ слѣдуетъ, напримѣръ:

a) Г. директоръ, замѣтивъ въ такой то части управленія такой то безпорядокъ, поручаетъ такому то исправить, дѣлаетъ замѣчаніе первое, второе или послѣднее.

b) Онъ замѣтилъ порядокъ и благоустройство тамъ то и отдаетъ принадлежащую честь такому то.

c) Онъ рекомендуетъ г.г. своекоштнымъ студентамъ то-то.

d) Онъ въ третій разъ засталъ аудиторію такого то преподавателя незанятою.

e) Онъ не нашелъ такого то дежурнаго на своемъ мѣстѣ.

f) Онъ объявляетъ, что бы въ такой то торжественный день собирались тамъ то...

Записка сія наканунѣ того дня, въ который она должна быть выставлена, отдается директоромъ инспектору студентовъ и на другой день, въ 6 часовъ утра, выставляется, за подписаніемъ инспектора, въ запертой рамѣ съ стекломъ, въ рекреаціонной залѣ".

Въ дѣлахъ архива университета сохранились и самыя „дневныя записки", объявлявшіяся директоромъ университета. Приведемъ образцы этихъ записокъ.

Вотъ, напримѣръ, записка отъ 9-го октября, въ хронологическомъ порядкѣ—первая:

„1. Г. директоръ, замѣтивъ что пища для студентовъ во весь день была не надлежащей доброты, приказываетъ счесть, чего стоитъ казнѣ обѣдъ и ужинъ и сумму сію взыскать съ эконома и повара.

2. Г. адъюнктъ восточной словесности Хальфинъ не былъ на лекціи, не предваривъ, кого слѣдовало, о причинѣ отсутствія своего. Почему г. директоръ проситъ всѣхъ г.г. преподавателей, въ случаѣ болѣзни ихъ, увѣдомлять о томъ заблаговременно.

3. Своекоштные студенты Соловьевъ, Маньковскій, Крюковъ и Каратѣевъ не были во весь день на лекціяхъ, будто бы по болѣзни. Г. директоръ приказываетъ узнать, дѣйствительно ли они больны; ежели дѣйствительно, то доставили бы о томъ свидѣтельства отъ врачей, что рекомендуется наблюдать и на будущее время.

4. Студентская кухня найдена г. директоромъ въ неопрятности и нечистотѣ, почему онъ строжайше подтверждаетъ, кому слѣдуетъ, наблюдать чистоту и опрятность".

Дневная записка отъ 12-го октября:

„1. При осматриваніи университетскихъ заведеній и квартиръ чиновниковъ и прочихъ лицъ, г. директоръ замѣтилъ, къ крайнему удивленію, что нѣкоторые изъ чиновниковъ и всѣ, вообще, служители живутъ въ неопрятности, почему приказываетъ всѣмъ живущимъ въ зданіяхъ университета, что бы они строго наблюдали въ квартирахъ чистоту и опрятность, въ противномъ случаѣ лишены будутъ казенной квартиры.

2. Студентъ Крашенинниковъ вчерашняго числа былъ уволенъ изъ университета къ г. колежскому ассессору Лукошкову, но послѣ дознано, что Крашенинниковъ въ домѣ сего чиновника не былъ и на данномъ ему отъ инспектора билетѣ своею рукою написалъ имя Лукошкова. За поступокъ сей г. директоръ приказываетъ, на первый

e) Онъ не нашелъ такого то дежурнаго на своемъ мѣстѣ.

f) Онъ объявляетъ, что бы въ такой то торжественный день собирались тамъ то...

Записка сія наканунѣ того дня, въ который она должна быть выставлена, отдается директоромъ инспектору студентовъ и на другой день, въ 6 часовъ утра, выставляется, за подписаніемъ инспектора, въ запертой рамѣ съ стекломъ, въ рекреаціонной залѣ".

Въ дѣлахъ архива университета сохранились и самыя „дневныя записки", объявлявшіяся директоромъ университета. Приведемъ образцы этихъ записокъ.

Вотъ, напримѣръ, записка отъ 9-го октября, въ хронологическомъ порядкѣ—первая:

„1. Г. директоръ, замѣтивъ что пища для студентовъ во весь день была не надлежащей доброты, приказываетъ счесть, чего стоитъ казнѣ обѣдъ и ужинъ и сумму сію взыскать съ эконома и повара.

2. Г. адъюнктъ восточной словесности Хальфинъ не былъ на лекціи, не предваривъ, кого слѣдовало, о причинѣ отсутствія своего. Почему г. директоръ проситъ всѣхъ г.г. преподавателей, въ случаѣ болѣзни ихъ, увѣдомлять о томъ заблаговременно.

3. Своекоштные студенты Соловьевъ, Маньковскій, Крюковъ и Каратѣевъ не были во весь день на лекціяхъ, будто бы по болѣзни. Г. директоръ приказываетъ узнать, дѣйствительно ли они больны; ежели дѣйствительно, то доставили бы о томъ свидѣтельства отъ врачей, что рекомендуется наблюдать и на будущее время.

4. Студентская кухня найдена г. директоромъ въ неопрятности и нечистотѣ, почему онъ строжайше подтверждаетъ, кому слѣдуетъ, наблюдать чистоту и опрятность".

Дневная записка отъ 12-го октября:

„1. При осматриваніи университетскихъ заведеній и квартиръ чиновниковъ и прочихъ лицъ, г. директоръ замѣтилъ, къ крайнему удивленію, что нѣкоторые изъ чиновниковъ и всѣ, вообще, служители живутъ въ неопрятности, почему приказываетъ всѣмъ живущимъ въ зданіяхъ университета, что бы они строго наблюдали въ квартирахъ чистоту и опрятность, въ противномъ случаѣ лишены будутъ казенной квартиры.

2. Студентъ Крашенинниковъ вчерашняго числа былъ уволенъ изъ университета къ г. колежскому ассессору Лукошкову, но послѣ дознано, что Крашенинниковъ въ домѣ сего чиновника не былъ и на данномъ ему отъ инспектора билетѣ своею рукою написалъ имя Лукошкова. За поступокъ сей г. директоръ приказываетъ, на первый

разъ, лишить Крашенинникова стола на весь день, а между тѣмъ розыскать, гдѣ онъ былъ и доставить о томъ письменныя доказательства.

3. Въ воскресные дни, которые назначены для пріема посѣтителей, г. директоръ проситъ г.г. профессоровъ, имѣющихъ на рукахъ своихъ кабинеты, находиться при нихъ *.

4. Г. директоръ приказываетъ, что бы своекоштные студенты ходили въ университетъ въ грязное время въ калошахъ и были опрятнѣе въ одеждѣ и держали себя прилично.

5. Что бы письмоводители канцеляріи его высокородія являлись къ нему по очереди каждый день, въ 7 часовъ утра.

6. Г. директоръ замѣтилъ, что всѣ, вообще, университетскіе инвалиды не соблюдаютъ военной субординаціи къ начальству. Почему рекомендуется, кому слѣдуетъ, обратить на нихъ вниманіе и привести въ исполненіе слѣдующее: что бы инвалиды, говоря съ начальствомъ, точно такъ держали себя, какъ и въ военныхъ командахъ заведено, и что бы при встрѣчѣ съ кѣмъ либо изъ начальства останавливались и вытягивались; что бы имѣли чистую обувь и платье, что бы бороды всегда были бриты, усовъ не имѣли и, вообще, наблюдали бы опрятность и приличіе. Неисполнители сего подвергнутся взысканію".

Дневная записка отъ 15-го октября:

„1. 13-го числа текущаго мѣсяца г. директоръ университета приглашенъ былъ въ засѣданіе отдѣленія врачебныхъ наукъ для соприсутствованія при испытаніи студента Фирека. Прибывъ въ назначенное время въ залу совѣта, г. директоръ не нашелъ тамъ г. декана, который, не предваривъ о причинѣ отсутствія своего, заставилъ какъ чиновъ, такъ и г. директора, ожидать себя долгое время, такъ что, наконецъ, г. директоръ вынужденнымъ нашелся, не дождавшись декана, уйти. Выставляя на видъ безпорядокъ сей, г. директоръ рекомендуетъ, что бы на будущее время при подобныхъ случаяхъ всѣ члены и, въ особенности, деканъ являлись въ назначенный часъ неупустительно.

2. Кандидатъ Потѣхинъ 13-го октября не читалъ лекціи, ибо уволенъ совѣтомъ въ отпускъ на 28 дней, какъ то дошло до свѣдѣнія г. директора частнымъ образомъ, и мѣсто Потѣхина не было занято ни кѣмъ. Г. директоръ проситъ увѣдомлять его на будущее время о тѣхъ чиновникахъ, кои получаютъ отпуски, и строго наблюдать, что бы въ отсутствіе преподавателей кафедры ихъ не оставались праздными.

* Мѣра, принятая въ интересахъ публики, посѣщеніе которою по воскреснымъ днямъ университетскихъ кабинетовъ было явленіемъ въ ту пору обычнымъ и поощряемымъ самимъ университетомъ.

разъ, лишить Крашенинникова стола на весь день, а между тѣмъ розыскать, гдѣ онъ былъ и доставить о томъ письменныя доказательства.

3. Въ воскресные дни, которые назначены для пріема посѣтителей, г. директоръ проситъ г.г. профессоровъ, имѣющихъ на рукахъ своихъ кабинеты, находиться при нихъ *.

4. Г. директоръ приказываетъ, что бы своекоштные студенты ходили въ университетъ въ грязное время въ калошахъ и были опрятнѣе въ одеждѣ и держали себя прилично.

5. Что бы письмоводители канцеляріи его высокородія являлись къ нему по очереди каждый день, въ 7 часовъ утра.

6. Г. директоръ замѣтилъ, что всѣ, вообще, университетскіе инвалиды не соблюдаютъ военной субординаціи къ начальству. Почему рекомендуется, кому слѣдуетъ, обратить на нихъ вниманіе и привести въ исполненіе слѣдующее: что бы инвалиды, говоря съ начальствомъ, точно такъ держали себя, какъ и въ военныхъ командахъ заведено, и что бы при встрѣчѣ съ кѣмъ либо изъ начальства останавливались и вытягивались; что бы имѣли чистую обувь и платье, что бы бороды всегда были бриты, усовъ не имѣли и, вообще, наблюдали бы опрятность и приличіе. Неисполнители сего подвергнутся взысканію".

Дневная записка отъ 15-го октября:

„1. 13-го числа текущаго мѣсяца г. директоръ университета приглашенъ былъ въ засѣданіе отдѣленія врачебныхъ наукъ для соприсутствованія при испытаніи студента Фирека. Прибывъ въ назначенное время въ залу совѣта, г. директоръ не нашелъ тамъ г. декана, который, не предваривъ о причинѣ отсутствія своего, заставилъ какъ чиновъ, такъ и г. директора, ожидать себя долгое время, такъ что, наконецъ, г. директоръ вынужденнымъ нашелся, не дождавшись декана, уйти. Выставляя на видъ безпорядокъ сей, г. директоръ рекомендуетъ, что бы на будущее время при подобныхъ случаяхъ всѣ члены и, въ особенности, деканъ являлись въ назначенный часъ неупустительно.

2. Кандидатъ Потѣхинъ 13-го октября не читалъ лекціи, ибо уволенъ совѣтомъ въ отпускъ на 28 дней, какъ то дошло до свѣдѣнія г. директора частнымъ образомъ, и мѣсто Потѣхина не было занято ни кѣмъ. Г. директоръ проситъ увѣдомлять его на будущее время о тѣхъ чиновникахъ, кои получаютъ отпуски, и строго наблюдать, что бы въ отсутствіе преподавателей кафедры ихъ не оставались праздными.

---

* Мѣра, принятая въ интересахъ публики, посѣщеніе которою по воскреснымъ днямъ университетскихъ кабинетовъ было явленіемъ въ ту пору обычнымъ и поощряемымъ самимъ университетомъ.

3. Г. директоръ замѣтилъ, что студентъ Лазаревъ, которому поручено репетировать лекціи г. профессора Дунаева по минералогіи, прежде времени вышелъ изъ аудиторіи. Г. директоръ замѣчаетъ Лазареву, что порученія начальства должно исполнять въ точности" [170].

По отъѣздѣ Магницкаго въ началѣ октября 1825-го года изъ Казани, директоръ университета,—конечно съ уполномоченія попечителя,—совершенно замѣняетъ собою въ отношеніи къ университету личность Магницкаго и, какъ это усматривается изъ протоколовъ засѣданій совѣта, черезъ посредство Любомирова производятся теперь всѣ сношенія университета съ центральными органами министерства народнаго просвѣщенія,—весьма щекотливая и скользкая почва, на которой и должны были создаться тѣ обостренныя столкновенія между Любомировымъ и ректоромъ Фуксомъ, на которыя намекаетъ И. И. Лажечниковъ. Покидая Казань, Магницкій оставилъ Любомирову,—какъ свидѣтельствуетъ о томъ самъ директоръ въ одномъ изъ своихъ донесеній попечителю,—свыше двадцати предписаній, касавшихся урегулированія различныхъ сторонъ университетской жизни и которыя открывали передъ новымъ директоромъ обширное поле для воздѣйствій на университетскую жизнь. Любомировъ уже при самомъ вступленіи своемъ въ должность директора намѣревался произвести полную ревизію всего университетскаго имущества, но въ этомъ отношеніи встрѣтились ему серьезныя препятствія, на которыя онъ и указывалъ въ предложеніи совѣту отъ 24-го октября и которыя, во всякомъ случаѣ, являются плохими показателями сколько нибудь удовлетворительнаго состоянія университетскаго хозяйства: „При вступленіи моемъ въ должность директора казанскаго университета,—пишетъ здѣсь Любомировъ,—я желалъ тотчасъ приступить къ пріему всего имущества университетскаго, какъ движимаго, такъ и недвижимаго, почему отъ 29-го сентября и просилъ предмѣстника моего г. Вишневскаго доставить мнѣ описи всему тому, что находилось на рукахъ его во время исправленія имъ должности директора. Г. Вишневскій отвѣтствуетъ мнѣ отъ 21-го числа текущаго мѣсяца, что, при сдачѣ ему оной должности предмѣстникомъ его г. Никольскимъ, ничего иного не было передано ему, кромѣ высочайше дарованной университету грамоты, храмозданной грамоты на университетскую церковь, одного экземпляра инструкцій директору и ректору и денежныхъ университетскихъ суммъ; акты сіи, выключая денежныхъ суммъ, мнѣ уже сданы г. Вишневскимъ". Не оказалось на лицо и „описей по учебнымъ заведеніямъ (т. е. учрежденіямъ) при университетѣ находящимся", такъ какъ,

3. Г. директоръ замѣтилъ, что студентъ Лазаревъ, которому поручено репетировать лекціи г. профессора Дунаева по минералогіи, прежде времени вышелъ изъ аудиторіи. Г. директоръ замѣчаетъ Лазареву, что порученія начальства должно исполнять въ точности" [170].

По отъѣздѣ Магницкаго въ началѣ октября 1825-го года изъ Казани, директоръ университета,—конечно съ уполномоченія попечителя,—совершенно замѣняетъ собою въ отношеніи къ университету личность Магницкаго и, какъ это усматривается изъ протоколовъ засѣданій совѣта, черезъ посредство Любомирова производятся теперь всѣ сношенія университета съ центральными органами министерства народнаго просвѣщенія,—весьма щекотливая и скользкая почва, на которой и должны были создаться тѣ обостренныя столкновенія между Любомировымъ и ректоромъ Фуксомъ, на которыя намекаетъ И. И. Лажечниковъ. Покидая Казань, Магницкій оставилъ Любомирову,—какъ свидѣтельствуетъ о томъ самъ директоръ въ одномъ изъ своихъ донесеній попечителю,—свыше двадцати предписаній, касавшихся урегулированія различныхъ сторонъ университетской жизни и которыя открывали передъ новымъ директоромъ обширное поле для воздѣйствій на университетскую жизнь. Любомировъ уже при самомъ вступленіи своемъ въ должность директора намѣревался произвести полную ревизію всего университетскаго имущества, но въ этомъ отношеніи встрѣтились ему серьезныя препятствія, на которыя онъ и указывалъ въ предложеніи совѣту отъ 24-го октября и которыя, во всякомъ случаѣ, являются плохими показателями сколько нибудь удовлетворительнаго состоянія университетскаго хозяйства: „При вступленіи моемъ въ должность директора казанскаго университета,—пишетъ здѣсь Любомировъ,—я желалъ тотчасъ приступить къ пріему всего имущества университетскаго, какъ движимаго, такъ и недвижимаго, почему отъ 29-го сентября и просилъ предмѣстника моего г. Вишневскаго доставить мнѣ описи всему тому, что находилось на рукахъ его во время исправленія имъ должности директора. Г. Вишневскій отвѣтствуетъ мнѣ отъ 21-го числа текущаго мѣсяца, что, при сдачѣ ему оной должности предмѣстникомъ его г. Никольскимъ, ничего иного не было передано ему, кромѣ высочайше дарованной университету грамоты, храмозданной грамоты на университетскую церковь, одного экземпляра инструкцій директору и ректору и денежныхъ университетскихъ суммъ; акты сіи, выключая денежныхъ суммъ, мнѣ уже сданы г. Вишневскимъ". Не оказалось на лицо и „описей по учебнымъ заведеніямъ (т. е. учрежденіямъ) при университетѣ находящимся", такъ какъ,

не взирая на всѣ его старанія, Вишневскій „и послѣ неоднократныхъ требованій отъ совѣта исполненія по симъ требованіямъ не получилъ". На эти то университетскія „учебныя заведенія" новый директоръ и вознамѣрился прежде всего направить свою ревизію, въ виду чего онъ въ томъ же предложеніи увѣдомлялъ совѣтъ, что „намѣреваясь съ 26-го числа сего мѣсяца приступить къ повѣркѣ кабинетовъ и, прежде всего, минцъ-кабинета, а потомъ и прочихъ", онъ проситъ совѣтъ „извѣстить всѣхъ г.г. начальниковъ заведеній, при университетѣ находящихся, дабы каталоги были въ совершенной готовности, что бы при повѣркѣ не было никакого затрудненія или препятствія" [171].

Дѣятельность Любомирова въ качествѣ директора университета не была продолжительною и онъ явился послѣднимъ утвержденнымъ представителемъ этой должности. Не прослуживъ въ университетѣ фактически и четырехъ мѣсяцевъ, Любомировъ скончался 14-го января 1826 года,—быть можетъ именно отъ злоупотребленія опіумомъ, про которое разсказываетъ намъ Лажечниковъ. Смерть директора университета застала, въ то время уже опальнаго, Магницкаго въ Казани, гдѣ онъ съ декабря предшествовавшаго года вынужденъ былъ безвыѣздно пребывать по „независящимъ" обстоятельствамъ, съ которыми мы въ своемъ мѣстѣ познакомимся. На слѣдующій послѣ смерти Любомирова день, 15-го января, попечитель предложилъ снова вступить въ исправленіе обязанностей покойнаго прежнему директору профессору Б. Г. Никольскому, а 28-го января вошелъ къ министру народнаго просвѣщенія съ представленіемъ, въ которомъ ходатайствовалъ объ утвержденіи Никольскаго въ должности директора университета, ссылаясь на прежнее несеніе имъ этого званія и аттестуя его въ качествѣ „чиновника отличнаго и по христіанской нравственности, и по глубокимъ познаніямъ, и по усердію къ службѣ, соединенному съ многолѣтнею опытностью".

Смерть Любомирова оставила его вдову въ самомъ критическомъ матеріальномъ положеніи; погребеніе его тѣла, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было средствъ, было совершено на средства университета, вдова же его вынуждена была прибѣгнуть къ розыгрышу въ лоттерею оставшихся вещей для удовлетворенія первыхъ необходимыхъ потребностей. Смерть бывшаго директора обнаружила и факты, наложившіе нѣкоторую тѣнь на память усопшаго: оказалось, что за неполныхъ четыре мѣсяца службы имъ было позаимствовано 1200 рублей изъ университетскихъ суммъ (220 р. изъ церковныхъ и 980 р. изъ общихъ суммъ), которые и

не взирая на всѣ его старанія, Вишневскій „и послѣ неоднократныхъ требованій отъ совѣта исполненія по симъ требованіямъ не получилъ". На эти то университетскія „учебныя заведенія" новый директоръ и вознамѣрился прежде всего направить свою ревизію, въ виду чего онъ въ томъ же предложеніи увѣдомлялъ совѣтъ, что „намѣреваясь съ 26-го числа сего мѣсяца приступить къ повѣркѣ кабинетовъ и, прежде всего, минцъ-кабинета, а потомъ и прочихъ", онъ проситъ совѣтъ „извѣстить всѣхъ г.г. начальниковъ заведеній, при университетѣ находящихся, дабы каталоги были въ совершенной готовности, что бы при повѣркѣ не было никакого затрудненія или препятствія" [171].

Дѣятельность Любомирова въ качествѣ директора университета не была продолжительною и онъ явился послѣднимъ утвержденнымъ представителемъ этой должности. Не прослуживъ въ университетѣ фактически и четырехъ мѣсяцевъ, Любомировъ скончался 14-го января 1826 года,—быть можетъ именно отъ злоупотребленія опіумомъ, про которое разсказываетъ намъ Лажечниковъ. Смерть директора университета застала, въ то время уже опальнаго, Магницкаго въ Казани, гдѣ онъ съ декабря предшествовавшаго года вынужденъ былъ безвыѣздно пребывать по „независящимъ" обстоятельствамъ, съ которыми мы въ своемъ мѣстѣ познакомимся. На слѣдующій послѣ смерти Любомирова день, 15-го января, попечитель предложилъ снова вступить въ исправленіе обязанностей покойнаго прежнему директору профессору Б. Г. Никольскому, а 28-го января вошелъ къ министру народнаго просвѣщенія съ представленіемъ, въ которомъ ходатайствовалъ объ утвержденіи Никольскаго въ должности директора университета, ссылаясь на прежнее несеніе имъ этого званія и аттестуя его въ качествѣ „чиновника отличнаго и по христіанской нравственности, и по глубокимъ познаніямъ, и по усердію къ службѣ, соединенному съ многолѣтнею опытностью".

Смерть Любомирова оставила его вдову въ самомъ критическомъ матеріальномъ положеніи; погребеніе его тѣла, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было средствъ, было совершено на средства университета, вдова же его вынуждена была прибѣгнуть къ розыгрышу въ лоттерею оставшихся вещей для удовлетворенія первыхъ необходимыхъ потребностей. Смерть бывшаго директора обнаружила и факты, наложившіе нѣкоторую тѣнь на память усопшаго: оказалось, что за неполныхъ четыре мѣсяца службы имъ было позаимствовано 1200 рублей изъ университетскихъ суммъ (220 р. изъ церковныхъ и 980 р. изъ общихъ суммъ), которые и

были взысканы изъ единовременнаго вспомоществованія, въ размѣрѣ годового оклада жалованья, исходатайствованнаго попечителемъ вдовѣ умершаго.

Что касается представленія Магницкаго объ утвержденіи проф. Никольскаго въ должности директора университета, то моментъ для этого ходатайства оказался совершенно неподходящимъ. Вся административно-педагогическая система теперь уже опальнаго попечителя сдѣлалась въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, гдѣ уже рѣшена была общая ревизія всей дѣятельности Магницкаго, предметомъ самаго критически-подозрительнаго къ ней отношенія и 11-го марта на представленіе попечителя послѣдовалъ отвѣтъ, въ которомъ министръ А. С. Шишковъ, разрѣшая продолженіе проф. Никольскимъ исправленія должности директора, отказывалъ утвердить его въ ней, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что „имѣетъ причины отложить до времени опредѣленія директора въ казанскій университетъ“.

„Причины“, руководившія отказомъ министра въ ходатайствѣ казанскаго попечителя, не заставили долго ждать своимъ разъясненіемъ. 21-го мая въ совѣтѣ университета было заслушано предложеніе министра отъ 10-го мая, съ препровожденіемъ двухъ именныхъ высочайшихъ указовъ отъ 6-го мая 1826 года, которыми предписывалось: а) Объ увольненіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго отъ должности попечителя казанскаго учебнаго округа и отъ званія члена главнаго правленія училищъ, б) Объ управленіи казанскимъ учебнымъ округомъ, впредь до назначенія попечителя, самому министру народнаго просвѣщенія и в) Объ упраздненіи,—„какъ безполезнаго“,—званія директора казанскаго университета [172].

Министерское предложеніе отъ 10-го мая было сигналомъ къ разрушенію всего созданнаго Магницкимъ „обновительнаго“ режима и къ возвращенію злополучнаго казанскаго университета на путь нормальнаго и прогрессивнаго академическаго развитія, задержаннаго семью тяжелыми и прискорбными годами университетскаго „лихолѣтья“...

Но объ этомъ—въ своемъ мѣстѣ.

Переходя къ ближайшимъ проявленіямъ коллегіальной жизни казанскаго университета въ эпоху попечительства Магницкаго, мы прежде всего снова должны возстановить въ памяти своей то приниженное положеніе, въ какомъ очутился въ „обновленномъ“

были взысканы изъ единовременнаго вспомоществованія, въ размѣрѣ годового оклада жалованья, исходатайствованнаго попечителемъ вдовѣ умершаго.

Что касается представленія Магницкаго объ утвержденіи проф. Никольскаго въ должности директора университета, то моментъ для этого ходатайства оказался совершенно неподходящимъ. Вся административно-педагогическая система теперь уже опальнаго попечителя сдѣлалась въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, гдѣ уже рѣшена была общая ревизія всей дѣятельности Магницкаго, предметомъ самаго критически-подозрительнаго къ ней отношенія и 11-го марта на представленіе попечителя послѣдовалъ отвѣтъ, въ которомъ министръ А. С. Шишковъ, разрѣшая продолженіе проф. Никольскимъ исправленія должности директора, отказывалъ утвердить его въ ней, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что „имѣетъ причины отложить до времени опредѣленія директора въ казанскій университетъ“.

„Причины“, руководившія отказомъ министра въ ходатайствѣ казанскаго попечителя, не заставили долго ждать своимъ разъясненіемъ. 21-го мая въ совѣтѣ университета было заслушано предложеніе министра отъ 10-го мая, съ препровожденіемъ двухъ именныхъ высочайшихъ указовъ отъ 6-го мая 1826 года, которыми предписывалось: а) Объ увольненіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго отъ должности попечителя казанскаго учебнаго округа и отъ званія члена главнаго правленія училищъ, б) Объ управленіи казанскимъ учебнымъ округомъ, впредь до назначенія попечителя, самому министру народнаго просвѣщенія и в) Объ упраздненіи,—„какъ безполезнаго“,—званія директора казанскаго университета [172].

Министерское предложеніе отъ 10-го мая было сигналомъ къ разрушенію всего созданнаго Магницкимъ „обновительнаго“ режима и къ возвращенію злополучнаго казанскаго университета на путь нормальнаго и прогрессивнаго академическаго развитія, задержаннаго семью тяжелыми и прискорбными годами университетскаго „лихолѣтья“...

Но объ этомъ—въ своемъ мѣстѣ.

Переходя къ ближайшимъ проявленіямъ коллегіальной жизни казанскаго университета въ эпоху попечительства Магницкаго, мы прежде всего снова должны возстановить въ памяти своей то приниженное положеніе, въ какомъ очутился въ „обновленномъ“

университетѣ совѣтъ и другіе органы академическаго самоуправленія и которое дѣлаетъ довольно относительною самую рѣчь о коллегіальномъ началѣ въ казанскомъ университетѣ первой половины двадцатыхъ годовъ истекшаго столѣтія.

Автономія университетскаго совѣта, гарантированная и точно обставленная уставомъ 5-го ноября 1804 года, была въ годы попечительства Магницкаго совершенно подавлена какъ съ точки зрѣнія устроенія и общаго руководительства академической жизни, такъ и по отношенію къ праву выборнаго замѣщенія кафедръ; это послѣднее право даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда оно только „терпѣлось", почти всегда обращалось въ пустую формальность, кафедры же замѣщались попечительскими креатурами, выдвигавшимися случайною протекціею или личнымъ усмотрѣніемъ Магницкаго. Быстро сумѣлъ покончить Магницкій и съ единственнымъ представителемъ университета, рѣшившимся занять по отношенію къ его обновительной дѣятельности до извѣстной степени оппозиціонное положеніе—съ ректоромъ Г. И. Солнцевымъ, въ лицѣ преемника котораго, профессора Г. Б. Никольскаго, попечитель нашелъ себѣ если не вполнѣ искренняго, то, во всякомъ случаѣ, податливаго исполнителя своихъ обскурантныхъ начинаній. Едва ли, впрочемъ, и могла личность ректора представлять въ глазахъ Магницкаго сколько нибудь серьезное значеніе въ виду широкихъ полномочій, которыми облечена была вновь созданная въ университетѣ должность „директора", въ лицѣ котораго осуществлялось полное представительство попечителя и который выступалъ въ почти неограниченной роли попечительскаго конфидента и недремлющаго „ока", пребывавшаго далеко отъ Казани, окружного начальства...

Въ своемъ мѣстѣ мы уже видѣли, что, сдѣлавшись попечителемъ, Магницкій намѣревался посѣтить ввѣренный ему округъ уже въ 1820-мъ году и къ своему пріѣзду въ Казань располагалъ даже созвать здѣсь съѣздъ директоровъ училищъ. Предположеніе это осталось неосуществленнымъ и только въ концѣ осени слѣдующаго 1821-го года снова доходятъ свѣдѣнія относительно новаго намѣренія Магницкаго посѣтить свой округъ,—въ видѣ слѣдующаго циркулярнаго предложенія директора университета на имя директоровъ училищъ, отъ 18-го октября 1821 года: „М. Г. мой! Господинъ попечитель казанскаго учебнаго округа увѣдомилъ меня, что его превосходительству угодно съ наступленіемъ зимняго пути обозрѣть ввѣренную вамъ гимназію и учебныя заведенія. Почему я считаю нужнымъ предварить о семъ васъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ не излишнимъ нахожу спросить васъ, не нужно ли для гимназіи или подвѣ-

университетѣ совѣтъ и другіе органы академическаго самоуправленія и которое дѣлаетъ довольно относительною самую рѣчь о коллегіальномъ началѣ въ казанскомъ университетѣ первой половины двадцатыхъ годовъ истекшаго столѣтія.

Автономія университетскаго совѣта, гарантированная и точно обставленная уставомъ 5-го ноября 1804 года, была въ годы попечительства Магницкаго совершенно подавлена какъ съ точки зрѣнія устроенія и общаго руководительства академической жизни, такъ и по отношенію къ праву выборнаго замѣщенія кафедръ; это послѣднее право даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда оно только „терпѣлось", почти всегда обращалось въ пустую формальность, кафедры же замѣщались попечительскими креатурами, выдвигавшимися случайною протекціею или личнымъ усмотрѣніемъ Магницкаго. Быстро сумѣлъ покончить Магницкій и съ единственнымъ представителемъ университета, рѣшившимся занять по отношенію къ его обновительной дѣятельности до извѣстной степени оппозиціонное положеніе—съ ректоромъ Г. И. Солнцевымъ, въ лицѣ преемника котораго, профессора Г. Б. Никольскаго, попечитель нашелъ себѣ если не вполнѣ искренняго, то, во всякомъ случаѣ, податливаго исполнителя своихъ обскурантныхъ начинаній. Едва ли, впрочемъ, и могла личность ректора представлять въ глазахъ Магницкаго сколько нибудь серьезное значеніе въ виду широкихъ полномочій, которыми облечена была вновь созданная въ университетѣ должность „директора", въ лицѣ котораго осуществлялось полное представительство попечителя и который выступалъ въ почти неограниченной роли попечительскаго конфидента и недремлющаго „ока", пребывавшаго далеко отъ Казани, окружного начальства...

Въ своемъ мѣстѣ мы уже видѣли, что, сдѣлавшись попечителемъ, Магницкій намѣревался посѣтить ввѣренный ему округъ уже въ 1820-мъ году и къ своему пріѣзду въ Казань располагалъ даже созвать здѣсь съѣздъ директоровъ училищъ. Предположеніе это осталось неосуществленнымъ и только въ концѣ осени слѣдующаго 1821-го года снова доходятъ свѣдѣнія относительно новаго намѣренія Магницкаго посѣтить свой округъ,—въ видѣ слѣдующаго циркулярнаго предложенія директора университета на имя директоровъ училищъ, отъ 18-го октября 1821 года: „М. Г. мой! Господинъ попечитель казанскаго учебнаго округа увѣдомилъ меня, что его превосходительству угодно съ наступленіемъ зимняго пути обозрѣть ввѣренную вамъ гимназію и учебныя заведенія. Почему я считаю нужнымъ предварить о семъ васъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ не излишнимъ нахожу спросить васъ, не нужно ли для гимназіи или подвѣ-

домственныхъ вамъ заведенiй прiобрѣсти литографическiй портретъ г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенiя, стоющiй 5 рублей". Само собою разумѣется, что всѣ директоры поспѣшили выразить свое восхищенiе по поводу предстоящаго прибытiя попечителя и полную готовность прiобрѣсти по нѣсколько экземпляровъ портрета „неподражаемаго покровителя наукъ и истиннаго отца подчиненныхъ своихъ",—какъ риторически высказался директоръ симбирскихъ училищъ Гапоновъ. И, дѣйствительно, 25-го ноября 1821 года Магницкiй обратился къ министру съ ходатайствомъ относительно разрѣшенiя ему поѣздки для осмотра части округа, намѣчая временемъ выѣзда изъ Петербурга половину слѣдующаго мѣсяца: „Хотя по порядку, въ казанскомъ университетѣ принятому,—читаемъ въ этомъ представленiи,—отсутствующiй попечитель поставленъ въ совершенную возможность видѣть еженедѣльно всѣ движенiя разныхъ частей управленiя, ему ввѣреннаго, ибо онъ, сверхъ обыкновенныхъ текущихъ свѣдѣнiй, получаетъ ежемѣсячные отчеты, ведетъ частную переписку съ директоромъ, ректоромъ и даже съ нѣкоторыми преподавателями, но неоспоримо то, что въ столь обширномъ управленiи, сдвинутомъ съ прежняго и поставленномъ на новомъ основанiи, есть множество распоряженiй, для которыхъ личное присутствiе начальника, хотя изрѣдка, необходимо". Ходатайство Магницкаго было княземъ Голицинымъ, конечно, разрѣшено, съ выдачею ему 4-хъ тысячъ рублей на путевыя издержки, а слѣдомъ за тѣмъ совѣтъ университета былъ извѣщенъ о предстоящемъ прибытiи попечителя слѣдующимъ отношенiемъ директора университета отъ 30-го декабря:

„Господинъ попечитель казанскаго учебнаго округа предложилъ на имя г. директора университета отъ 9-го сего декабря, за № 1198-мъ, что его превосходительство, находя нужнымъ осмотрѣть ввѣренный ему университетъ и нѣкоторыя губернiи округа его, испрашивалъ дозволенiя г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенiя на отъѣздъ его изъ С.-Петербурга и получилъ его на сiе согласiе.

Вслѣдствiе сего его превосходительство полагаетъ выѣхать изъ С.-Петербурга, какъ скоро станетъ зимнiй путь.

Его превосходительство, давая о семъ знать г. директору университета, дабы приготовлено было нужное къ осмотру, изъясняетъ при семъ, что ему весьма прiятно будетъ лично удостовѣриться въ порядкѣ университетскаго и окружного управленiя по всѣмъ его частямъ, для новаго засвидѣтельствованiя о немъ предъ высшимъ начальствомъ".

домственныхъ вамъ заведеній пріобрѣсти литографическій портретъ г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, стоющій 5 рублей". Само собою разумѣется, что всѣ директоры поспѣшили выразить свое восхищеніе по поводу предстоящаго прибытія попечителя и полную готовность пріобрѣсти по нѣсколько экземпляровъ портрета „неподражаемаго покровителя наукъ и истиннаго отца подчиненныхъ своихъ",—какъ риторически высказался директоръ симбирскихъ училищъ Гапоновъ. И, дѣйствительно, 25-го ноября 1821 года Магницкій обратился къ министру съ ходатайствомъ относительно разрѣшенія ему поѣздки для осмотра части округа, намѣчая временемъ выѣзда изъ Петербурга половину слѣдующаго мѣсяца: „Хотя по порядку, въ казанскомъ университетѣ принятому,—читаемъ въ этомъ представленіи,—отсутствующій попечитель поставленъ въ совершенную возможность видѣть еженедѣльно всѣ движенія разныхъ частей управленія, ему ввѣреннаго, ибо онъ, сверхъ обыкновенныхъ текущихъ свѣдѣній, получаетъ ежемѣсячные отчеты, ведетъ частную переписку съ директоромъ, ректоромъ и даже съ нѣкоторыми преподавателями, но неоспоримо то, что въ столь обширномъ управленіи, сдвинутомъ съ прежняго и поставленномъ на новомъ основаніи, есть множество распоряженій, для которыхъ личное присутствіе начальника, хотя изрѣдка, необходимо". Ходатайство Магницкаго было княземъ Голицинымъ, конечно, разрѣшено, съ выдачею ему 4-хъ тысячъ рублей на путевыя издержки, а слѣдомъ за тѣмъ совѣтъ университета былъ извѣщенъ о предстоящемъ прибытіи попечителя слѣдующимъ отношеніемъ директора университета отъ 30-го декабря:

„Господинъ попечитель казанскаго учебнаго округа предложилъ на имя г. директора университета отъ 9-го сего декабря, за № 1198-мъ, что его превосходительство, находя нужнымъ осмотрѣть ввѣренный ему университетъ и нѣкоторыя губерніи округа его, испрашивалъ дозволенія г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія на отъѣздъ его изъ С.-Петербурга и получилъ его на сіе согласіе.

Вслѣдствіе сего его превосходительство полагаетъ выѣхать изъ С.-Петербурга, какъ скоро станетъ зимній путь.

Его превосходительство, давая о семъ знать г. директору университета, дабы приготовлено было нужное къ осмотру, изъясняетъ при семъ, что ему весьма пріятно будетъ лично удостовѣриться въ порядкѣ университетскаго и окружного управленія по всѣмъ его частямъ, для новаго засвидѣтельствованія о немъ предъ высшимъ начальствомъ".

Магницкій не на шутку намѣревался, повидимому, пуститься въ далекое путешествіе по обозрѣнію своего учебнаго округа. Сдѣланы были всѣ необходимыя подготовительныя сношенія съ мѣстными университетскими и училищными начальствами, выданы попечителю путевыя деньги, заготовлены были для него подорожныя,—но и на этотъ разъ казанскому университету и его округу не было суждено видѣть своего принципала, такъ какъ Магницкій вошелъ къ министру съ слѣдующимъ представленіемъ отъ 27-го января 1822 года:

„Принужденъ будучи здѣсь остаться по случившейся наканунѣ моего отъѣзда распутицѣ, я получилъ съ почтою и съ пріѣхавшимъ изъ Сибири курьеромъ извѣстія о столь дурномъ состояніи дорогъ, что никакъ не могу думать, что бы могъ объѣхать зимнимъ путемъ предлежащія мнѣ 4500 верстъ и, особливо, возвратиться изъ Казани благонадежно, ибо ледъ на рѣкахъ, по оффиціальнымъ извѣстіямъ департамента сообщеній, во всю нынѣшнюю зиму не толще четырехъ пальцевъ. И такъ, по сей крайней необходимости, я пріемлю смѣлость просить дозволенія вашего сіятельства отложить мой отъѣздъ до будущаго мая мѣсяца".

Князь Голицинъ согласился съ доводами попечителя и послѣднимъ сдѣланы были соотвѣтствующія распоряженія объ оповѣщеніи университета и училищъ относительно отсрочки на неопредѣленное время его поѣздки въ Казань. Характернѣе всего то, что, не предпринявъ намѣченной поѣздки ни съ наступленіемъ мая мѣсяца, ни въ ближайшіе годы, этотъ апостолъ нравственности и „воспитанія, на христіанскомъ духѣ основаннаго", не почелъ даже умѣстнымъ возвратить отпущенную ему на поѣздку весьма кругленькую сумму денегъ, что впослѣдствіе, во время слѣдствія надъ нимъ, и было поставлено Магницкому въ вину, наряду съ непосѣщеніемъ имъ ввѣреннаго ему округа, вообще. „Попечитель въ теченіи шести слишкомъ лѣтъ ни разу не обозрѣвалъ своего округа, тогда какъ высочайше предписанными правилами повелѣно имъ осматривать училища по меньшей мѣрѣ одинъ разъ въ два года"—читаемъ въ журналѣ главнаго правленія училищъ, по дѣлу Магницкаго, отъ 10—14 апрѣля 1826-го года.—Хотя въ 1822-мъ году онъ и намѣревался выполнить сію обязанность и получилъ на проѣздъ деньги, но донесъ бывшему министру, что отъѣздъ свой отложилъ за распутицею". Снова ожидался Магницкій въ Казани въ началѣ 1824-го года, для личнаго участія на „актѣ обновленія" 17-го января 1824-го года, который долженъ былъ совпасть съ торжествами освященія вновь сооруженной домовой университетской церкви и по-

Магницкій не на шутку намѣревался, повидимому, пуститься въ далекое путешествіе по обозрѣнію своего учебнаго округа. Сдѣланы были всѣ необходимыя подготовительныя сношенія съ мѣстными университетскими и училищными начальствами, выданы попечителю путевыя деньги, заготовлены были для него подорожныя,—но и на этотъ разъ казанскому университету и его округу не было суждено видѣть своего принципала, такъ какъ Магницкій вошелъ къ министру съ слѣдующимъ представленіемъ отъ 27-го января 1822 года:

„Принужденъ будучи здѣсь остаться по случившейся наканунѣ моего отъѣзда распутицѣ, я получилъ съ почтою и съ пріѣхавшимъ изъ Сибири курьеромъ извѣстія о столь дурномъ состояніи дорогъ, что никакъ не могу думать, что бы могъ объѣхать зимнимъ путемъ предлежащія мнѣ 4500 верстъ и, особливо, возвратиться изъ Казани благонадежно, ибо ледъ на рѣкахъ, по оффиціальнымъ извѣстіямъ департамента сообщеній, во всю нынѣшнюю зиму не толще четырехъ пальцевъ. И такъ, по сей крайней необходимости, я пріемлю смѣлость просить дозволенія вашего сіятельства отложить мой отъѣздъ до будущаго мая мѣсяца“.

Князь Голицинъ согласился съ доводами попечителя и послѣднимъ сдѣланы были соотвѣтствующія распоряженія объ оповѣщеніи университета и училищъ относительно отсрочки на неопредѣленное время его поѣздки въ Казань. Характернѣе всего то, что, не предпринявъ намѣченной поѣздки ни съ наступленіемъ мая мѣсяца, ни въ ближайшіе годы, этотъ апостолъ нравственности и „воспитанія, на христіанскомъ духѣ основаннаго“, не почелъ даже умѣстнымъ возвратить отпущенную ему на поѣздку весьма кругленькую сумму денегъ, что впослѣдствіе, во время слѣдствія надъ нимъ, и было поставлено Магницкому въ вину, наряду съ непосѣщеніемъ имъ ввѣреннаго ему округа, вообще. „Попечитель въ теченіи шести слишкомъ лѣтъ ни разу не обозрѣвалъ своего округа, тогда какъ высочайше предписанными правилами повелѣно имъ осматривать училища по меньшей мѣрѣ одинъ разъ въ два года“—читаемъ въ журналѣ главнаго правленія училищъ, по дѣлу Магницкаго, отъ 10—14 апрѣля 1826-го года.—Хотя въ 1822-мъ году онъ и намѣревался выполнить сію обязанность и получилъ на проѣздъ деньги, но донесъ бывшему министру, что отъѣздъ свой отложилъ за распутицею“. Снова ожидался Магницкій въ Казани въ началѣ 1824-го года, для личнаго участія на „актѣ обновленія“ 17-го января 1824-го года, который долженъ былъ совпасть съ торжествами освященія вновь сооруженной домовой университетской церкви и по-

становки въ актовомъ залѣ университета заказаннаго художнику Доу портрета „обновителя“ университета, императора Александра I*. Согласно увѣдомленію попечителя о предстоящемъ прибытіи его въ Казань, въ засѣданіи совѣта отъ 28-го ноября 1823 года ректоръ предложилъ, даже, всѣмъ лицамъ, завѣдующимъ отдѣльными университетскими учрежденіями и кабинетами, изготовить описи ихъ—но и на этотъ разъ ожиданія въ Казань Магницкаго оказались тщетными. Только въ началѣ осени 1825-года посчастливилось казанскому университету принять въ своихъ стѣнахъ попечителя,—но при подневольныхъ обстоятельствахъ, о которыхъ подробная рѣчь будетъ у насъ въ своемъ мѣстѣ [173].

Мы, однако, отклонились отъ тѣхъ въ высшей степени любопытныхъ условій, которыми было обставлено несостоявшееся намѣреніе Магницкаго посѣтить Казань. Возвращаемся къ нимъ.

Собираясь въ концѣ 1821-го года ѣхать въ Казань, Магницкій задался весьма широкими, но въ значительной степени и весьма фантастическими, предположеніями относительно улучшенія административнаго строя и направленія научной дѣятельности казанскаго университета, которыя онъ и намѣревался лично предъявить членамъ послѣдняго въ особомъ, созванномъ подъ его предсѣдательствомъ, засѣданіи совѣта. Всѣ эти предположенія, заранѣе изложенныя попечителемъ въ письменной формѣ и окрещенныя общимъ наименованіемъ „Бесѣды въ казанскомъ университетѣ“, заключаются въ восемьнадцати статьяхъ и представляютъ собою въ высокой степени характерный и интересный матеріалъ, съ которымъ мы и считаемъ необходимымъ познакомить нашихъ читателей въ формѣ болѣе или менѣе подробной. Отложивъ поѣздку въ Казань, Магницкій рѣшилъ сообщить казанскому университету заготовленную имъ „Бесѣду“ заочно, препроводивъ ее на имя директора университета Владимірскаго и доложивъ о томъ министру слѣдующимъ представленіемъ отъ 31-го января 1822 года:

„Честь имѣю представить у сего, къ свѣдѣнію вашего сіятельства, списокъ съ той бесѣды моей въ казанскомъ университетѣ, которая

* Это тотъ самый портретъ съ историческимъ посвященіемъ подъ нимъ: «Обновителю своему обновленный университетъ», который нынѣ находится въ актовомъ залѣ университета. Изъ соотвѣтствующаго архивнаго дѣла (Попеч. 1823, № 70) мы узнаемъ, что Доу заплочено было за его написаніе 3 тысячи рублей, да 1200 р. стоила рама къ нему, заказанная рѣзчику Крейтону.

становки въ актовомъ залѣ университета заказаннаго художнику Доу портрета „обновителя“ университета, императора Александра I *. Согласно увѣдомленію попечителя о предстоящемъ прибытіи его въ Казань, въ засѣданіи совѣта отъ 28-го ноября 1823 года ректоръ предложилъ, даже, всѣмъ лицамъ, завѣдующимъ отдѣльными университетскими учрежденіями и кабинетами, изготовить описи ихъ—но и на этотъ разъ ожиданія въ Казань Магницкаго оказались тщетными. Только въ началѣ осени 1825-года посчастливилось казанскому университету принять въ своихъ стѣнахъ попечителя,—но при подневольныхъ обстоятельствахъ, о которыхъ подробная рѣчь будетъ у насъ въ своемъ мѣстѣ [173].

Мы, однако, отклонились отъ тѣхъ въ высшей степени любопытныхъ условій, которыми было обставлено несостоявшееся намѣреніе Магницкаго посѣтить Казань. Возвращаемся къ нимъ.

Собираясь въ концѣ 1821-го года ѣхать въ Казань, Магницкій задался весьма широкими, но въ значительной степени и весьма фантастическими, предположеніями относительно улучшенія административнаго строя и направленія научной дѣятельности казанскаго университета, которыя онъ и намѣревался лично предъявить членамъ послѣдняго въ особомъ, созванномъ подъ его предсѣдательствомъ, засѣданіи совѣта. Всѣ эти предположенія, заранѣе изложенныя попечителемъ въ письменной формѣ и окрещенныя общимъ наименованіемъ „Бесѣды въ казанскомъ университетѣ“, заключаются въ восемьнадцати статьяхъ и представляютъ собою въ высокой степени характерный и интересный матеріалъ, съ которымъ мы и считаемъ необходимымъ познакомить нашихъ читателей въ формѣ болѣе или менѣе подробной. Отложивъ поѣздку въ Казань, Магницкій рѣшилъ сообщить казанскому университету заготовленную имъ „Бесѣду“ заочно, препроводивъ ее на имя директора университета Владимірскаго и доложивъ о томъ министру слѣдующимъ представленіемъ отъ 31-го января 1822 года:

„Честь имѣю представить у сего, къ свѣдѣнію вашего сіятельства, списокъ съ той бесѣды моей въ казанскомъ университетѣ, которая

* Это тотъ самый портретъ съ историческимъ посвященіемъ подъ нимъ: «Обновителю своему обновленный университетъ», который нынѣ находится въ актовомъ залѣ университета. Изъ соотвѣтствующаго архивнаго дѣла (Попеч. 1823, № 70) мы узнаемъ, что Доу заплочено было за его написаніе 3 тысячи рублей, да 1200 р. стоила рама къ нему, заказанная рѣзчику Крейтону.

приготовлена мною была къ моему туда пріѣзду, а нынѣ отправлена, для предложенія, чрезъ директора.

Ваше сіятельство изволите усмотрѣть изъ оной то обширное раскрытіе учебныхъ и образовательныхъ видовъ, которые, по мѣстному положенію университета, предлежатъ ему. Изволите, конечно, съ удовольствіемъ примѣтить, что ежели казанскій университетъ призванъ былъ первый къ соединенію вѣдѣнія съ вѣрою, то онъ же назначенъ доказать, что духъ христіанскаго воспитанія не только не противится распространенію полезныхъ обществу наукъ, но и покровительствуетъ оному.

Сей новый періодъ казанскаго университета останется незабвеннымъ памятникомъ попеченій и трудовъ вашего сіятельства на пользу общую и благотворнаго покровительства вашего сему ученому сословію, которое, по отдаленію своему, иначе не могло бы никогда возникнуть".

Директору университета Владимірскому попечительская „Бесѣда" была препровождена при слѣдующемъ предложеніи отъ того же числа:

„Принужденъ будучи, по застигшей меня распутицѣ, отложить отъѣздъ мой въ Казань до будущаго мая мѣсяца, я препровождаю къ вамъ у сего списокъ съ той бесѣды, которую намѣренъ я былъ предложить университету въ чрезвычайномъ его собраніи.

Поручаю вамъ, созвавъ оное, исполнить сіе вмѣсто меня.

По общимъ соображеніямъ хода казанскаго университета съ движеніемъ главнаго управленія учебнаго, нужно опредѣлительною чертою разграничить прошедшее отъ новаго періода сего сословія, въ которомъ предлежитъ ему доказать, что воспитаніе, на благочестіи ясно и положительно утвержденное, не только не стѣсняетъ предѣла полезныхъ наукъ и просвѣщенія, но даетъ имъ новый блескъ и обширность, которая объемлетъ пространнѣйшія страны великой имперіи и благо разноплеменныхъ ея обитателей.

Ваше дѣло, совокупно съ ректоромъ, есть расположить частное обработаніе сего важнаго предмета, ввѣривъ оное людямъ, къ тому способнымъ, побуждать исполненіе и, наконецъ, сообразить въ совокупности".

Перейдемъ теперь къ обзору самой „Бесѣды", присланной Магницкимъ казанскому университету. Бесѣда открывается обращеніемъ попечителя, заключающимъ въ себѣ соображенія общаго характера и первоначально предполагавшимся къ личному произнесенію имъ въ чрезвычайномъ засѣданіи совѣта:

приготовлена мною была къ моему туда пріѣзду, а нынѣ отправлена, для предложенія, чрезъ директора.

Ваше сіятельство изволите усмотрѣть изъ оной то обширное раскрытіе учебныхъ и образовательныхъ видовъ, которые, по мѣстному положенію университета, предлежатъ ему. Изволите, конечно, съ удовольствіемъ примѣтить, что ежели казанскій университетъ призванъ былъ первый къ соединенію вѣдѣнія съ вѣрою, то онъ же назначенъ доказать, что духъ христіанскаго воспитанія не только не противится распространенію полезныхъ обществу наукъ, но и покровительствуетъ оному.

Сей новый періодъ казанскаго университета останется незабвеннымъ памятникомъ попеченій и трудовъ вашего сіятельства на пользу общую и благотворнаго покровительства вашего сему ученому сословію, которое, по отдаленію своему, иначе не могло бы никогда возникнуть".

Директору университета Владимірскому попечительская „Бесѣда" была препровождена при слѣдующемъ предложеніи отъ того же числа:

„Принужденъ будучи, по застигшей меня распутицѣ, отложить отъѣздъ мой въ Казань до будущаго мая мѣсяца, я препровождаю къ вамъ у сего списокъ съ той бесѣды, которую намѣренъ я былъ предложить университету въ чрезвычайномъ его собраніи.

Поручаю вамъ, созвавъ оное, исполнить сіе вмѣсто меня.

По общимъ соображеніямъ хода казанскаго университета съ движеніемъ главнаго управленія учебнаго, нужно опредѣлительною чертою разграничить прошедшее отъ новаго періода сего сословія, въ которомъ предлежитъ ему доказать, что воспитаніе, на благочестіи ясно и положительно утвержденное, не только не стѣсняетъ предѣла полезныхъ наукъ и просвѣщенія, но даетъ имъ новый блескъ и обширность, которая объемлетъ пространнѣйшія страны великой имперіи и благо разноплеменныхъ ея обитателей.

Ваше дѣло, совокупно съ ректоромъ, есть расположить частное обработаніе сего важнаго предмета, ввѣривъ оное людямъ, къ тому способнымъ, побуждать исполненіе и, наконецъ, сообразить въ совокупности".

Перейдемъ теперь къ обзору самой „Бесѣды", присланной Магницкимъ казанскому университету. Бесѣда открывается обращеніемъ попечителя, заключающимъ въ себѣ соображенія общаго характера и первоначально предполагавшимся къ личному произнесенію имъ въ чрезвычайномъ засѣданіи совѣта:

„Господа члены императорскаго казанскаго университета! — такъ начинается это обращеніе.—Наставники въ законѣ Божіемъ, блюстители христіанской нравственности, преподаватели полезнаго обществу и украшающаго умъ обученія!

(Сколько тяжело и прискорбно было мнѣ сѣсть на этомъ мѣстѣ въ первый мой сюда пріѣздъ, столько нынѣ бесѣдовать здѣсь радостно!) *

Господу помогающу, трудное поприще прошли мы съ вами [милостивые государи]: три года тому назадъ университетъ сей, въ отдаленнѣйшемъ краю отъ столицы поставленный, какъ фаросъ, для освѣщенія цѣлыхъ царствъ, въ округъ его вмѣщенныхъ, полузасвѣченный дрожащею рукою слабыхъ исполнителей—погасалъ и курящимъ чадомъ своимъ наполнялъ тѣ страны, которымъ сіять былъ долженъ.

Отброшенные въ собственномъ отечествѣ пришельцы, принеся къ намъ развратъ, а не просвѣщеніе ума, изъ провинцій германскихъ, едва по имени извѣстныхъ—сидѣли вокругъ сего стола. Голосъ благочестія и совѣсти заглушался воплями ихъ партій.

Неблаговидность и нечистота зданій университетскихъ отвѣтствовала внутреннему его нестроенію, какъ несчастная физіогномія порочному состоянію души.

Воспитанники университета и гимназіи въ бѣдности, въ нечистотѣ наружной и внутренней, въ пагубнѣйшемъ самаго невѣжества полупросвѣщеніи—съ нетерпѣніемъ выжидали того срока, который назначенъ былъ къ разносу пагубныхъ ихъ мнѣній и порочныхъ нравовъ по мѣстамъ гражданской службы и, что всего гибельнѣе, по заведеніямъ народнаго воспитанія.

Алчное корыстолюбіе поглощало отеческія щедроты Государя, не допуская обильныхъ его источниковъ до мѣста ихъ назначенія.

Обширнѣйшій изъ всѣхъ округовъ, 10 гимназій, 180 училищъ, многія частныя заведенія,—съ малымъ развѣ исключеніемъ,—были въ подобномъ университету запустѣніи. Нельзя было безъ ужаса представить, что судьба 6 тысячъ дѣтей ввѣрена была подобному управленію!

Интриги, происки—расхищали ученыя званія и награды, между тѣмъ какъ благочестіе, какъ скромное достоинство, воздыхало о судьбѣ дорогого мѣста воспитанія, въ которомъ лѣта юности и страстей охранены были отъ невѣрія и разврата какимъ то особеннымъ промысломъ Божіемъ, низведеннымъ, вѣроятно, смиренною, но всесильною, молитвою доброй матери.

Еще только три года тому назадъ, милостивые государи, университетъ нашъ былъ точно въ семъ несчастномъ положеніи. Я смѣло говорю сіе, ибо многіе изъ васъ были тому свидѣтелями, никто—виновными, и всѣ—участниками въ преобразованіи“...

---

* Слова, поставленныя въ скобкахъ, разсчитанныя на личное произнесеніе рѣчи попечителемъ, были въ подлинникѣ вычеркнуты при высылкѣ «Бесѣды» для заочнаго сообщенія ея совѣту университета.

„Господа члены императорскаго казанскаго университета! — такъ начинается это обращеніе.—Наставники въ законѣ Божіемъ, блюстители христіанской нравственности, преподаватели полезнаго обществу и украшающаго умъ обученія!

(Сколько тяжело и прискорбно было мнѣ сѣсть на этомъ мѣстѣ въ первый мой сюда пріѣздъ, столько нынѣ бесѣдовать здѣсь радостно!)*

Господу помогающу, трудное поприще прошли мы съ вами [милостивые государи]: три года тому назадъ университетъ сей, въ отдаленнѣйшемъ краю отъ столицы поставленный, какъ фаросъ, для освѣщенія цѣлыхъ царствъ, въ округъ его вмѣщенныхъ, полузасвѣченный дрожащею рукою слабыхъ исполнителей—погасалъ и курящимъ чадомъ своимъ наполнялъ тѣ страны, которымъ сіять былъ долженъ.

Отброшенные въ собственномъ отечествѣ пришельцы, принеся къ намъ развратъ, а не просвѣщеніе ума, изъ провинцій германскихъ, едва по имени извѣстныхъ—сидѣли вокругъ сего стола. Голосъ благочестія и совѣсти заглушался воплями ихъ партій.

Неблаговидность и нечистота зданій университетскихъ отвѣтствовала внутреннему его нестроенію, какъ несчастная физіогномія порочному состоянію души.

Воспитанники университета и гимназіи въ бѣдности, въ нечистотѣ наружной и внутренней, въ пагубнѣйшемъ самаго невѣжества полупросвѣщеніи—съ нетерпѣніемъ выжидали того срока, который назначенъ былъ къ разносу пагубныхъ ихъ мнѣній и порочныхъ нравовъ по мѣстамъ гражданской службы и, что всего гибельнѣе, по заведеніямъ народнаго воспитанія.

Алчное корыстолюбіе поглощало отеческія щедроты Государя, не допуская обильныхъ его источниковъ до мѣста ихъ назначенія.

Обширнѣйшій изъ всѣхъ округовъ, 10 гимназій, 180 училищъ, многія частныя заведенія,—съ малымъ развѣ исключеніемъ,—были въ подобномъ университету запустѣніи. Нельзя было безъ ужаса представить, что судьба 6 тысячъ дѣтей ввѣрена была подобному управленію!

Интриги, происки—расхищали ученыя званія и награды, между тѣмъ какъ благочестіе, какъ скромное достоинство, воздыхало о судьбѣ дорогого мѣста воспитанія, въ которомъ лѣта юности и страстей охранены были отъ невѣрія и разврата какимъ то особеннымъ промысломъ Божіемъ, низведеннымъ, вѣроятно, смиренною, но всесильною, молитвою доброй матери.

Еще только три года тому назадъ, милостивые государи, университетъ нашъ былъ точно въ семъ несчастномъ положеніи. Я смѣло говорю сіе, ибо многіе изъ васъ были тому свидѣтелями, никто—виновными, и всѣ—участниками въ преобразованіи“...

---

* Слова, поставленныя въ скобкахъ, разсчитанныя на личное произнесеніе рѣчи попечителемъ, были въ подлинникѣ вычеркнуты при высылкѣ «Бесѣды» для заочнаго сообщенія ея совѣту университета.

Возстановивъ, далѣе, общія черты произведенной имъ ревизіи университета, напомнивъ возникавшій въ 1819-мъ году вопросъ о самой возможности дальнѣйшаго существованія казанскаго университета и отмѣтивъ фактъ „чудесно“ совершившагося „обновленія“ его, Магницкій продолжаетъ:

„Сія чудесная черта особеннаго промысла Божія и удивительныхъ трудовъ и усердія вашего, милостивые государи, есть златая страница (!) въ исторіи казанскаго университета. Она—неотъемлемая и драгоцѣнная собственность каждаго изъ васъ. Ее прочтетъ потомство не въ одной исторіи здѣшняго сословія, а въ исторіи народнаго просвѣщенія отечества нашего. Вамъ предоставлено было положить важнѣйшую въ немъ эпоху, исполняя въ точности тотъ вдохновенный манифестъ, который былъ первымъ важнымъ послѣдствіемъ священнаго акта, соединившаго двухъ великихъ помазанниковъ, великихъ орудій Божіихъ, 15-ю вѣками раздѣленныхъ—Константина и Александра, въ одно святое дѣло церкви Христовой. Вы предуставлены были совокупить неразлучно то, что съ гибельнаго XVII-го столѣтія до нашихъ дней столько злыхъ и обширныхъ геніевъ навсегда раздѣлить и противопоставить старались—вѣру и просвѣщеніе. Вы—не умозрѣніями, но живымъ примѣромъ цѣлаго сословія, примѣромъ обширнѣйшаго округа, изъ нѣсколькихъ царствъ, изъ многихъ племенъ, изъ восьми милліоновъ жителей составленнаго, надъ 6-ю тысячами учащихся дѣйствительно доказали, что богохульныя умствованія чужеземцевъ о невозможности соединить вѣру съ просвѣщеніемъ—суть ложь, мракъ и неистовство.

На дипломахъ и медаляхъ вашихъ—святое знаменіе креста въ первый еще разъ осѣнило эмблеммы наукъ. Въ Свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ—разительный девизъ университета—заключаетъ въ себѣ тотъ священный свѣтъ, который мы приняли и, по силамъ и по времени, выполнить усердно, искренне и единодушно стараемся. Онъ заключаетъ то важное прорицаніе о судьбѣ университета, которое совершаться уже началось“...

Воздавъ дань самовосхваленія своей „обновительной“ дѣятельности и далеко не съ надлежащею степенью прозорливости самоувѣренно возвѣстивъ, что эта пресловутая дѣятельность явится „златою страницею въ исторіи казанскаго университета“, Магницкій продолжаетъ свою „тронную“,—если позволено такъ выразиться,—рѣчь указаніемъ на тѣ усовершенствованія, какія послѣдовали за первые $2^1/_2$ года его попечительства въ постановкѣ въ университетѣ учебной части. Прослѣдивъ, далѣе, направленіе дѣла народнаго просвѣщенія, въ связи съ вопросами государственнаго строя, начиная съ вѣка римскаго кесаря Августа, казанскій по-

Возстановивъ, далѣе, общія черты произведенной имъ ревизіи университета, напомнивъ возникавшій въ 1819-мъ году вопросъ о самой возможности дальнѣйшаго существованія казанскаго университета и отмѣтивъ фактъ „чудесно“ совершившагося „обновленія“ его, Магницкій продолжаетъ:

„Сія чудесная черта особеннаго промысла Божія и удивительныхъ трудовъ и усердія вашего, милостивые государи, есть златая страница (!) въ исторіи казанскаго университета. Она—неотъемлемая и драгоцѣнная собственность каждаго изъ васъ. Ее прочтетъ потомство не въ одной исторіи здѣшняго сословія, а въ исторіи народнаго просвѣщенія отечества нашего. Вамъ предоставлено было положить важнѣйшую въ немъ эпоху, исполняя въ точности тотъ вдохновенный манифестъ, который былъ первымъ важнымъ послѣдствіемъ священнаго акта, соединившаго двухъ великихъ помазанниковъ, великихъ орудій Божіихъ, 15-ю вѣками раздѣленныхъ—Константина и Александра, въ одно святое дѣло церкви Христовой. Вы предуставлены были совокупить неразлучно то, что съ гибельнаго XVII-го столѣтія до нашихъ дней столько злыхъ и обширныхъ геніевъ навсегда раздѣлить и противопоставить старались—вѣру и просвѣщеніе. Вы—не умозрѣніями, но живымъ примѣромъ цѣлаго сословія, примѣромъ обширнѣйшаго округа, изъ нѣсколькихъ царствъ, изъ многихъ племенъ, изъ восьми милліоновъ жителей составленнаго, надъ 6-ю тысячами учащихся дѣйствительно доказали, что богохульныя умствованія чужеземцевъ о невозможности соединить вѣру съ просвѣщеніемъ—суть ложь, мракъ и неистовство.

На дипломахъ и медаляхъ вашихъ—святое знаменіе креста въ первый еще разъ осѣнило эмблеммы наукъ. Въ Свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ—разительный девизъ университета—заключаетъ въ себѣ тотъ священный свѣтъ, который мы приняли и, по силамъ и по времени, выполнить усердно, искренне и единодушно стараемся. Онъ заключаетъ то важное прорицаніе о судьбѣ университета, которое совершаться уже началось“...

Воздавъ дань самовосхваленія своей „обновительной“ дѣятельности и далеко не съ надлежащею степенью прозорливости самоувѣренно возвѣстивъ, что эта пресловутая дѣятельность явится „златою страницею въ исторіи казанскаго университета“, Магницкій продолжаетъ свою „тронную“,—если позволено такъ выразиться,—рѣчь указаніемъ на тѣ усовершенствованія, какія послѣдовали за первые 2½ года его попечительства въ постановкѣ въ университетѣ учебной части. Прослѣдивъ, далѣе, направленіе дѣла народнаго просвѣщенія, въ связи съ вопросами государственнаго строя, начиная съ вѣка римскаго кесаря Августа, казанскій по-

печитель приходитъ къ выводу, что „науки охраненіемъ ихъ отъ варваровъ, распространеніемъ и усовершеніемъ своимъ обязаны единому христіанству, что посему и у насъ христіанскій образъ народнаго воспитанія есть надежнѣйшая порука въ покровительствѣ всѣмъ полезнымъ знаніямъ, въ распространеніи, славѣ ихъ“. Переходя, затѣмъ, собственно къ казанскому университету, Магницкій обращается къ членамъ его съ слѣдующимъ заключеніемъ: „Промыслъ Божій чудесно возвелъ университетъ казанскій изъ разстройства, уничиженія и стыда—въ порядокъ, въ славу, въ примѣръ всѣмъ прочимъ. Взоры имперіи, подстерегающее и боязливое наблюденіе невѣрія и, вѣроятно, уже вниманіе Европы—устремлены на васъ. Честь—самая лестная. Но ее оправдать и сохранить нужно; должно не посрамить дѣло Божіе. Добрая слава не иначе можетъ стоять твердо, какъ на достоинствѣ. Вы — много сдѣлали. Но еще болѣе вамъ сдѣлать остается, а потому нынѣ склоню я вниманіе ваше къ тѣмъ главнымъ и важнымъ предметамъ, которые призываютъ на себя труды ваши. Предлагая ихъ общими чертами и въ одномъ видѣ указаній—оставляю честь подробнѣйшаго воздѣланія оныхъ просвѣщенію, опытности и трудолюбію вашему“ [174].

Покончивъ съ только что выписанною шумихою фразъ и даже признавъ взоры всей Европы обращенными на обновленный имъ казанскій университетъ—Магницкій переходитъ къ *изложенію тѣхъ восемнадцати статей, которыя даютъ ближайшее содержаніе его „Бесѣдѣ“ съ казанскимъ университетскимъ „сословіемъ“*. Разсмотримъ эти статьи въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ, съ болѣе значительною подробностью останавливаясь лишь на наиболѣе интересныхъ изъ нихъ.

I. *Первая статья* „Бесѣды“ съ казанскимъ университетомъ посвящена вопросу *„О профессорскихъ конспектахъ“*. Эта статья явилась исходнымъ пунктомъ отправленія тѣхъ, уже хорошо извѣстныхъ намъ, предписаній Магницкаго относительно доставленія университетскими преподавателями конспектовъ ихъ преподаваній, которыя играютъ такую видную и характерную роль въ охранительно-педагогическихъ начинаніяхъ казанскаго попечителя * [175].

II. *Вторая статья* „Бесѣды“ трактуетъ *„Объ экзаменахъ студентовъ при пріемѣ ихъ“* и проектируетъ рядъ мѣропріятій въ

---

* См. томъ III, стр. 491 и слѣд.

печитель приходитъ къ выводу, что „науки охраненіемъ ихъ отъ варваровъ, распространеніемъ и усовершеніемъ своимъ обязаны единому христіанству, что посему и у насъ христіанскій образъ народнаго воспитанія есть надежнѣйшая порука въ покровительствѣ всѣмъ полезнымъ знаніямъ, въ распространеніи, славѣ ихъ". Переходя, затѣмъ, собственно къ казанскому университету, Магницкій обращается къ членамъ его съ слѣдующимъ заключеніемъ: „Промыслъ Божій чудесно возвелъ университетъ казанскій изъ разстройства, уничиженія и стыда—въ порядокъ, въ славу, въ примѣръ всѣмъ прочимъ. Взоры имперіи, подстерегающее и боязливое наблюденіе невѣрія и, вѣроятно, уже вниманіе Европы—устремлены на васъ. Честь—самая лестная. Но ее оправдать и сохранить нужно; должно не посрамить дѣло Божіе. Добрая слава не иначе можетъ стоять твердо, какъ на достоинствѣ. Вы — много сдѣлали. Но еще болѣе вамъ сдѣлать остается, а потому нынѣ склоню я вниманіе ваше къ тѣмъ главнымъ и важнымъ предметамъ, которые призываютъ на себя труды ваши. Предлагая ихъ общими чертами и въ одномъ видѣ указаній—оставляю честь подробнѣйшаго воздѣланія оныхъ просвѣщенію, опытности и трудолюбію вашему"[174].

Покончивъ съ только что выписанною шумихою фразъ и даже признавъ взоры всей Европы обращенными на обновленный имъ казанскій университетъ—Магницкій переходитъ къ изложенію тѣхъ восемнадцати статей, которыя даютъ ближайшее содержаніе его „Бесѣдѣ" съ казанскимъ университетскимъ „сословіемъ". Разсмотримъ эти статьи въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ, съ болѣе значительною подробностью останавливаясь лишь на наиболѣе интересныхъ изъ нихъ.

I. Первая статья „Бесѣды" съ казанскимъ университетомъ посвящена вопросу „О профессорскихъ конспектахъ". Эта статья явилась исходнымъ пунктомъ отправленія тѣхъ, уже хорошо извѣстныхъ намъ, предписаній Магницкаго относительно доставленія университетскими преподавателями конспектовъ ихъ преподаваній, которыя играютъ такую видную и характерную роль въ охранительно-педагогическихъ начинаніяхъ казанскаго попечителя*[175].

II. Вторая статья „Бесѣды" трактуетъ „Объ экзаменахъ студентовъ при пріемѣ ихъ" и проектируетъ рядъ мѣропріятій въ

* См. томъ III, стр. 491 и слѣд.

цѣляхъ контроля степени достаточной подготовленности поступающихъ въ университетъ юношей [176].

III. Третья статья говоритъ „Объ экзаменѣ студентовъ, выпускаемыхъ или производимыхъ, и учениковъ гимназій и пансіоновъ". Мы не будемъ касаться предлагаемыхъ здѣсь попечителемъ регламентацій, дающихъ содержаніе особой запискѣ, приложенной къ „Бесѣдѣ" [177].

IV. Четвертая статья озаглавлена: „О ежегодномъ учебномъ отчетѣ" и опредѣляетъ доставленіе какъ самимъ университетомъ, такъ и подвѣдомыми ему учебными заведеніями, годичныхъ отчетовъ о состояніи въ нихъ учебнаго дѣла [178].

V. Пятая статья ведетъ рѣчь „Объ изданіи учебныхъ книгъ". Здѣсь совѣту университета рекомендуется „поручать г.г. профессорамъ, каждому по его части, разсмотрѣвъ учебныя книги гимназій и училищъ, сказать о нихъ свое мнѣніе" и если нѣкоторыя изъ нихъ окажутся неудовлетворительными — „поручить г.г. профессорамъ составить оныя въ непродолжительномъ времени, съ тѣмъ, что ежели трудъ ихъ будетъ одобренъ совѣтомъ, то книга представлена будетъ г. министру съ ходатайствомъ о принятіи ея въ классическія, въ пользу трудившагося". На это приглашеніе уже въ началѣ слѣдующаго года откликнулся профессоръ Городчаниновъ, представившій въ совѣтъ „Краткое первоначальное руководство къ россійскому слогу для уѣздныхъ училищъ казанскаго учебнаго округа". Сужденіе объ этомъ, дѣйствительно очень краткомъ, руководствѣ, изложенномъ всего на четырехъ листахъ писчей бумаги, было по распоряженію попечителя отложено впредь „до общаго разсмотрѣнія всѣхъ учебныхъ пособій"; интересующіеся найдутъ рукопись Городчанинова въ соотвѣтственномъ архивномъ дѣлѣ * [179].

VI. Шестая статья говоритъ „О сочиненіи инструкцій для каждой кафедры". Въ силу ея совѣту вмѣняется въ обязанность „поручить факультетамъ, истребовавъ отъ каждаго преподавателя проектъ инструкціи по его предмету, разсмотрѣть и внести оныя въ совѣтъ". Въ архивномъ дѣлѣ, создавшемся на почвѣ этой статьи попечительской „Бесѣды", интересующіеся найдутъ и образцы инструкцій, составленныхъ по нѣкоторымъ кафедрамъ. Мы не приводимъ содержанія ихъ, которое вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію уже знакомыхъ намъ конспектовъ по тѣмъ же кафедрамъ [180].

---

* Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, № 254, листы 49—58.

цѣляхъ контроля степени достаточной подготовленности поступающихъ въ университетъ юношей [176].

III. Третья статья говоритъ „Объ экзаменѣ студентовъ, выпускаемыхъ или производимыхъ, и учениковъ гимназій и пансіоновъ". Мы не будемъ касаться предлагаемыхъ здѣсь попечителемъ регламентацій, дающихъ содержаніе особой запискѣ, приложенной къ „Бесѣдѣ" [177].

IV. Четвертая статья озаглавлена: „О ежегодномъ учебномъ отчетѣ" и опредѣляетъ доставленіе какъ самимъ университетомъ, такъ и подвѣдомыми ему учебными заведеніями, годичныхъ отчетовъ о состояніи въ нихъ учебнаго дѣла [178].

V. Пятая статья ведетъ рѣчь „Объ изданіи учебныхъ книгъ". Здѣсь совѣту университета рекомендуется „поручать г.г. профессорамъ, каждому по его части, разсмотрѣвъ учебныя книги гимназій и училищъ, сказать о нихъ свое мнѣніе" и если нѣкоторыя изъ нихъ окажутся неудовлетворительными — „поручить г.г. профессорамъ составить оныя въ непродолжительномъ времени, съ тѣмъ, что ежели трудъ ихъ будетъ одобренъ совѣтомъ, то книга представлена будетъ г. министру съ ходатайствомъ о принятіи ея въ классическія, въ пользу трудившагося". На это приглашеніе уже въ началѣ слѣдующаго года откликнулся профессоръ Городчаниновъ, представившій въ совѣтъ „Краткое первоначальное руководство къ россійскому слогу для уѣздныхъ училищъ казанскаго учебнаго округа". Сужденіе объ этомъ, дѣйствительно очень краткомъ, руководствѣ, изложенномъ всего на четырехъ листахъ писчей бумаги, было по распоряженію попечителя отложено впредь „до общаго разсмотрѣнія всѣхъ учебныхъ пособій"; интересующіеся найдутъ рукопись Городчанинова въ соотвѣтственномъ архивномъ дѣлѣ * [179].

VI. Шестая статья говоритъ „О сочиненіи инструкцій для каждой кафедры". Въ силу ея совѣту вмѣняется въ обязанность „поручить факультетамъ, истребовавъ отъ каждаго преподавателя проектъ инструкціи по его предмету, разсмотрѣть и внести оныя въ совѣтъ". Въ архивномъ дѣлѣ, создавшемся на почвѣ этой статьи попечительской „Бесѣды", интересующіеся найдутъ и образцы инструкцій, составленныхъ по нѣкоторымъ кафедрамъ. Мы не приводимъ содержанія ихъ, которое вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію уже знакомыхъ намъ конспектовъ по тѣмъ же кафедрамъ [180].

---

* Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, № 254, листы 49—58.

VII. Седьмая статья посвящена вопросу „Объ иностранныхъ наставникахъ и наставницахъ“. Исходя изъ того положенія, что до сихъ поръ не было предпринимаемо никакихъ мѣропріятій къ обезпеченію нравственныхъ качествъ иностраннаго учительскаго персонала, между тѣмъ какъ „губерніи округа наводнены симъ опаснымъ для воспитанія и нравовъ родомъ людей“ и какъ ему, попечителю, лично извѣстно—„въ одной симбирской губерніи покупались невѣжество и развратъ ихъ слишкомъ за сто тысячъ рублей въ годъ“, Магницкій утверждаетъ, что „время положить важному злу сему преграду“, въ виду чего имъ и рекомендуется рядъ контрольныхъ по отношенію къ иностраннымъ преподавателямъ мѣръ (требованіе печатныхъ дипломовъ отъ университета, біографическихъ данныхъ, метрическихъ актовъ, контрактовъ съ приглашающими ихъ къ себѣ въ домъ и т. п.) [181].

VIII. Восьмая статья заключаетъ опредѣленіе „О раздѣленіи дѣлъ округа между членами училищнаго комитета“, устанавливаемомъ въ тѣхъ видахъ, что „обширность казанскаго учебнаго округа непремѣнно требуетъ, что бъ дѣла училищъ были раздѣлены между членами училищнаго комитета, дабы каждый изъ нихъ могъ имѣть подробное и обстоятельное понятіе о своемъ участкѣ“ [182].

IX. Съ точки зрѣнія характеристики крайне широкаго полета фантазіи Магницкаго весьма крупный интересъ представляетъ собою девятая статья его „Бесѣды“, носящая заглавіе: „Объ устройствѣ большой въ Тобольскѣ гимназіи“. Мы уже имѣли случай упомянуть о томъ, что извѣстнымъ нашимъ меценатомъ начала XIX-го столѣтія П. Г. Демидовымъ еще въ 1805-мъ году вложенъ былъ капиталъ въ 50 тысячъ рублей на основаніе въ г. Тобольскѣ университета *. Этотъ то капиталъ, значительно увеличившійся наросшими на него къ интересующему насъ времени процентами, и послужилъ Магницкому поводомъ къ широкимъ планамъ насажденія въ Сибири дѣла народнаго просвѣщенія, причемъ эти планы простерлись несравненно далѣе той скромной задачи, которая фигурируетъ въ заглавіи разсматриваемой нами статьи его „Бесѣды“. Проектъ казанскаго попечителя прежде всего намѣчаетъ учрежденіе въ г. Тобольскѣ „большой гимназіи“, которая, пользуясь „особыми правами“, подготовляла бы не только студентовъ для университета и учителей для сибирскихъ училищъ, но и „такихъ чиновниковъ для сего края, кои бы, имѣя о немъ хорошее понятіе и зная обычаи разныхъ, къ

* См. томъ III, стр. 185.

VII. Седьмая статья посвящена вопросу „Объ иностранныхъ наставникахъ и наставницахъ“. Исходя изъ того положенія, что до сихъ поръ не было предпринимаемо никакихъ мѣропріятій къ обезпеченію нравственныхъ качествъ иностраннаго учительскаго персонала, между тѣмъ какъ „губерніи округа наводнены симъ опаснымъ для воспитанія и нравовъ родомъ людей“ и какъ ему, попечителю, лично извѣстно—„въ одной симбирской губерніи покупались невѣжество и развратъ ихъ слишкомъ за сто тысячъ рублей въ годъ“, Магницкій утверждаетъ, что „время положить важному злу сему преграду“, въ виду чего имъ и рекомендуется рядъ контрольныхъ по отношенію къ иностраннымъ преподавателямъ мѣръ (требованіе печатныхъ дипломовъ отъ университета, біографическихъ данныхъ, метрическихъ актовъ, контрактовъ съ приглашающими ихъ къ себѣ въ домъ и т. п.) [181].

VIII. Восьмая статья заключаетъ опредѣленіе „О раздѣленіи дѣлъ округа между членами училищнаго комитета“, устанавляемомъ въ тѣхъ видахъ, что „обширность казанскаго учебнаго округа непремѣнно требуетъ, что бъ дѣла училищъ были раздѣлены между членами училищнаго комитета, дабы каждый изъ нихъ могъ имѣть подробное и обстоятельное понятіе о своемъ участкѣ“ [162].

IX. Съ точки зрѣнія характеристики крайне широкаго полета фантазіи Магницкаго весьма крупный интересъ представляетъ собою девятая статья его „Бесѣды“, носящая заглавіе: „Объ устройствѣ большой въ Тобольскѣ гимназіи“. Мы уже имѣли случай упомянуть о томъ, что извѣстнымъ нашимъ меценатомъ начала XIX-го столѣтія П. Г. Демидовымъ еще въ 1805-мъ году вложенъ былъ капиталъ въ 50 тысячъ рублей на основаніе въ г. Тобольскѣ университета *. Этотъ то капиталъ, значительно увеличившійся наросшими на него къ интересующему насъ времени процентами, и послужилъ Магницкому поводомъ къ широкимъ планамъ насажденія въ Сибири дѣла народнаго просвѣщенія, причемъ эти планы простерлись несравненно далѣе той скромной задачи, которая фигурируетъ въ заглавіи разсматриваемой нами статьи его „Бесѣды“. Проектъ казанскаго попечителя прежде всего намѣчаетъ учрежденіе въ г. Тобольскѣ „большой гимназіи“, которая, пользуясь „особыми правами“, подготовляла бы не только студентовъ для университета и учителей для сибирскихъ училищъ, но и „такихъ чиновниковъ для сего края, кои бы, имѣя о немъ хорошее понятіе и зная обычаи разныхъ, къ

* См. томъ III, стр. 185.

нему принадлежащихъ, областей и языки манджурскій и монгольскій, могли съ пользою быть употребляемы въ разныя гражданскія по Сибири и пограничныя должности", а также „купецкихъ дѣтей, которые бы имѣли нужныя для торговли съ Китаемъ познанія о языкахъ, законахъ и обычаяхъ сей имперіи".

Магницкій развиваетъ при этомъ положеніе о неудовлетворительномъ направленіи современной службы въ сибирскомъ краѣ, привлекающей, въ ряды служащихъ здѣсь, людей ничѣмъ не связанныхъ съ этимъ краемъ, чуждыхъ ему, его не знающихъ, руководствующихся лишь разсчетами чисто случайныхъ выгодъ службы въ немъ и относящихся къ этой службѣ, какъ къ положенію временному, переходному: „Любовь къ родинѣ, желаніе заслужить на всю жизнь доброе здѣсь имя, привязанность къ прочной осѣдлости, не могутъ входить въ побужденіе ихъ дѣйствій,—заявляетъ попечитель.—При малѣйшей наклонности къ неправдѣ и корыстолюбію они пожелаютъ скорѣе обогатиться и выѣхать изъ сего мѣста изгнанія туда, куда наслажденія жизни, родственныя связи и привычки ихъ вызываютъ. Въ семъ скрыты, быть можетъ,—заключаетъ Магницкій,—истинныя причины тѣхъ затрудненій къ благоустроенію Сибири, которыя съ столь давнихъ временъ столь постоянно встрѣчаемъ". На почвѣ соображеній подобнаго рода попечитель высказываетъ мысли, за которыя, нѣсколькими десятками лѣтъ позже, онъ легко могъ бы даже подвергнуться обвиненіямъ въ пресловутомъ „сибирскомъ сепаратизмѣ": „Одно воспитаніе сибирскому краю свойственное,—высказываетъ онъ,—можетъ и должно затрудненіе сіе отвратить. Одно оно можетъ дать Сибири, отдѣленной отъ прочихъ странъ имперіи природой, постановленіями, обычаями—учителей, судей, полицейскихъ чиновниковъ, которые бы видѣли въ ней отечество, которые бы были не пришельцы подъ величественнымъ ея небомъ и берегли ее, какъ родину"... Магницкій настаиваетъ, при этомъ, на томъ еще, что, въ виду обширности Сибири и разнообразія условій жизни и интересовъ отдѣльныхъ частей этого края, должны явиться разнообразными какъ самые типы мѣстныхъ учебныхъ заведеній, такъ и мѣста ихъ учрежденія: „Такъ, напримѣръ, въ Тобольскѣ можетъ быть большая гимназія для дѣтей гражданскихъ чиновниковъ,—проектируетъ попечитель.—Школа для дѣтей купеческихъ и для обученія языкамъ манджурскому и монгольскому должна быть въ Иркутскѣ или въ другомъ ближайшемъ мѣстѣ къ границамъ Китая; подвижныя ланкастерскія школы для дикихъ народовъ могутъ простираться до Камчатки; при семъ случаѣ полезно бы

нему принадлежащихъ, областей и языки манджурскій и монгольскій, могли съ пользою быть употребляемы въ разныя гражданскія по Сибири и пограничныя должности", а также „купецкихъ дѣтей, которые бы имѣли нужныя для торговли съ Китаемъ познанія о языкахъ, законахъ и обычаяхъ сей имперіи".

Магницкій развиваетъ при этомъ положеніе о неудовлетворительномъ направленіи современной службы въ сибирскомъ краѣ, привлекающей, въ ряды служащихъ здѣсь, людей ничѣмъ не связанныхъ съ этимъ краемъ, чуждыхъ ему, его не знающихъ, руководствующихся лишь разсчетами чисто случайныхъ выгодъ службы въ немъ и относящихся къ этой службѣ, какъ къ положенію временному, переходному: „Любовь къ родинѣ, желаніе заслужить на всю жизнь доброе здѣсь имя, привязанность къ прочной осѣдлости, не могутъ входить въ побужденіе ихъ дѣйствій,—заявляетъ попечитель.—При малѣйшей наклонности къ неправдѣ и корыстолюбію они пожелаютъ скорѣе обогатиться и выѣхать изъ сего мѣста изгнанія туда, куда наслажденія жизни, родственныя связи и привычки ихъ вызываютъ. Въ семъ скрыты, быть можетъ,—заключаетъ Магницкій,—истинныя причины тѣхъ затрудненій къ благоустроенію Сибири, которыя съ столь давнихъ временъ столь постоянно встрѣчаемъ". На почвѣ соображеній подобнаго рода попечитель высказываетъ мысли, за которыя, нѣсколькими десятками лѣтъ позже, онъ легко могъ бы даже подвергнуться обвиненіямъ въ пресловутомъ „сибирскомъ сепаратизмѣ": „Одно воспитаніе сибирскому краю свойственное,—высказываетъ онъ,—можетъ и должно затрудненіе сіе отвратить. Одно оно можетъ дать Сибири, отдѣленной отъ прочихъ странъ имперіи природой, постановленіями, обычаями—учителей, судей, полицейскихъ чиновниковъ, которые бы видѣли въ ней отечество, которые бы были не пришельцы подъ величественнымъ ея небомъ и берегли ее, какъ родину"... Магницкій настаиваетъ, при этомъ, на томъ еще, что, въ виду обширности Сибири и разнообразія условій жизни и интересовъ отдѣльныхъ частей этого края, должны явиться разнообразными какъ самые типы мѣстныхъ учебныхъ заведеній, такъ и мѣста ихъ учрежденія: „Такъ, напримѣръ, въ Тобольскѣ можетъ быть большая гимназія для дѣтей гражданскихъ чиновниковъ,—проектируетъ попечитель.—Школа для дѣтей купеческихъ и для обученія языкамъ манджурскому и монгольскому должна быть въ Иркутскѣ или въ другомъ ближайшемъ мѣстѣ къ границамъ Китая; подвижныя ланкастерскія школы для дикихъ народовъ могутъ простираться до Камчатки; при семъ случаѣ полезно бы

было получить основательное свѣдѣніе о школахъ на Алеутскихъ островахъ, американскою компаніею устроенныхъ".

Читатели не могли не усмотрѣть въ выписанныхъ нами выше цитатахъ изъ „Бесѣды" казанскаго попечителя страннаго сочетанія мыслей вполнѣ здравыхъ, подъ которыми и въ наши дни не задумался бы подписаться всякій сибирскій патріотъ—съ фантастическими идеями въ родѣ насажденія ланкастерскихъ школъ взаимнаго обученія среди „дикихъ народовъ" крайняго сибирскаго сѣверо-востока или изслѣдованія состоянія миѳическаго школьнаго дѣла на полуизвѣстныхъ въ ту пору Алеутскихъ островахъ.... Этотъ широкій полетъ попечительской фантазіи предстанетъ передъ нами въ еще болѣе яркомъ свѣтѣ изъ обзора предначертаній Магницкаго относительно задачъ казанскаго университета на такъ называемомъ въ наши дни „дальнемъ Востокѣ", излагаемыхъ имъ слѣдомъ за разсужденіями по поводу постановки въ Сибири дѣла народнаго образованія. Рѣчь идетъ здѣсь, не болѣе и не менѣе, какъ о завязаніи съ Поднебесною имперіею астрономическихъ сношеній и объ учрежденіи въ Пекинѣ филіальнаго отдѣленія казанской астрономической обсерваторіи:

„Въ разсужденіи Китая казанскому университету подлежитъ, по мѣстному положенію его, такой трудъ, котораго важныя послѣдствія одно только время показать можетъ,—возвѣщаетъ Магницкій.

Извѣстно, что китайцы, по духу религіи и правленія ихъ, привязываютъ великую важность къ астрономіи, между тѣмъ невѣжество ихъ до того въ сей наукѣ простирается, что не болѣе ста лѣтъ тому назадъ какъ прибѣгали они къ помощи магометанъ для сочиненія календаря. Іезуиты сообщили имъ въ сей наукѣ свѣдѣнія, но китайцы такъ мало въ ней успѣли, что еще въ 1772-мъ году вызывали они монаховъ сего ордена для замѣщенія умершихъ членовъ ихъ математическаго трибунала. Въ одной изъ древнѣйшихъ ихъ книгъ написано, что при императорѣ Іао въ продолженіи десяти дней и десяти ночей солнце освѣщало Китай.

Нынѣ іезуиты разныхъ націй, по бывшимъ между ними раздорамъ, изгнали одни другихъ изъ Китая. Остались только португальцы членами математическаго трибунала,—люди старые и, вѣроятно, весьма отставшіе отъ общихъ въ математикѣ успѣховъ.

Можно будетъ всѣми сими обстоятельствами воспользоваться, въ пользу Россіи, университета и Европы, слѣдующимъ, по моему мнѣнію, средствомъ:

было получить основательное свѣдѣніе о школахъ на Алеутскихъ островахъ, американскою компаніею устроенныхъ".

Читатели не могли не усмотрѣть въ выписанныхъ нами выше цитатахъ изъ „Бесѣды" казанскаго попечителя страннаго сочетанія мыслей вполнѣ здравыхъ, подъ которыми и въ наши дни не задумался бы подписаться всякій сибирскій патріотъ—съ фантастическими идеями въ родѣ насажденія ланкастерскихъ школъ взаимнаго обученія среди „дикихъ народовъ" крайняго сибирскаго сѣверо-востока или изслѣдованія состоянія миѳическаго школьнаго дѣла на полуизвѣстныхъ въ ту пору Алеутскихъ островахъ.... Этотъ широкій полетъ попечительской фантазіи предстанетъ передъ нами въ еще болѣе яркомъ свѣтѣ изъ обзора предначертаній Магницкаго относительно задачъ казанскаго университета на такъ называемомъ въ наши дни „дальнемъ Востокѣ", излагаемыхъ имъ слѣдомъ за разсужденіями по поводу постановки въ Сибири дѣла народнаго образованія. Рѣчь идетъ здѣсь, не болѣе и не менѣе, какъ о завязаніи съ Поднебесною имперіею астрономическихъ сношеній и объ учрежденіи въ Пекинѣ филіальнаго отдѣленія казанской астрономической обсерваторіи:

„Въ разсужденіи Китая казанскому университету подлежитъ, по мѣстному положенію его, такой трудъ, котораго важныя послѣдствія одно только время показать можетъ,—возвѣщаетъ Магницкій.

Извѣстно, что китайцы, по духу религіи и правленія ихъ, привязываютъ великую важность къ астрономіи, между тѣмъ невѣжество ихъ до того въ сей наукѣ простирается, что не болѣе ста лѣтъ тому назадъ какъ прибѣгали они къ помощи магометанъ для сочиненія календаря. Іезуиты сообщили имъ въ сей наукѣ свѣдѣнія, но китайцы такъ мало въ ней успѣли, что еще въ 1772-мъ году вызывали они монаховъ сего ордена для замѣщенія умершихъ членовъ ихъ математическаго трибунала. Въ одной изъ древнѣйшихъ ихъ книгъ написано, что при императорѣ Іао въ продолженіи десяти дней и десяти ночей солнце освѣщало Китай.

Нынѣ іезуиты разныхъ націй, по бывшимъ между ними раздорамъ, изгнали одни другихъ изъ Китая. Остались только португальцы членами математическаго трибунала,—люди старые и, вѣроятно, весьма отставшіе отъ общихъ въ математикѣ успѣховъ.

Можно будетъ всѣми сими обстоятельствами воспользоваться, въ пользу Россіи, университета и Европы, слѣдующимъ, по моему мнѣнію, средствомъ:

а) Снестись чрезъ высшее учебное начальство съ нашею миссіею въ Пекинѣ о желаніи университета отправить туда астронома для установленія ученыхъ по астрономіи сношеній университета съ Китаемъ, для высылки, по требованію тамошняго правительства, нужныхъ календарей, разныхъ самыхъ трудныхъ вычисленій, астрономическихъ, математическихъ и физическихъ орудій лучшей доброты.

б) Ежели миссія наша успѣетъ склонить китайское правительство къ сему желанію, хотя бы то было въ видѣ перемѣны нашимъ астрономомъ одного изъ чиновниковъ пекинской миссіи, то составить посылаемому въ Китай астроному инструкцію, поручивъ: 1) Въ проѣздъ чрезъ Сибирь сдѣлать всѣ нужныя въ разсужденіе высоты горъ и для опредѣленія географическаго положенія мѣстъ наблюденія; 2) Удостовѣриться въ состояніи астрономическихъ свѣдѣній и орудій въ Китаѣ; 3) Узнать, какую методу употребляютъ іезуиты для наученія китайцевъ и какимъ образомъ удовлетворяютъ они математически ихъ вкусу къ астрономіи; 4) Вступить съ китайцами въ переговоры о доставленіи имъ изъ университета всѣхъ нужныхъ для нихъ исчисленій и календарей и объ устроеніи въ нашемъ тамъ монастырѣ обсерваторіи и математической школы для китайцевъ".

Заслушавъ эту статью попечительской „Бесѣды", совѣтъ университета опредѣлилъ: выслать съ нея копію непремѣнному визитатору сибирскихъ губерній (т. е. Словцову—см. выше стр. 233), а профессору астрономіи Симонову предложить „составить проектъ инструкціи астроному, котораго предполагается отправить туда, и представить оный совѣту". Едва ли нужно распространяться о томъ, что никакого дальнѣйшаго движенія всѣ эти попечительскія предначертанія не имѣли [183].

X. Десятая статья „Бесѣды" затрогиваетъ вопросъ „О разсмотрѣніи инструкціи сибирскому визитатору", поставленный попечителемъ въ связь съ только что разсмотрѣнными нами предположеніями относительно постановки въ Сибири дѣла народнаго образованія [184].

XI. Одиннадцатая статья трактуетъ „О путешествіи въ чужіе края". Здѣсь рѣчь идетъ объ уже извѣстномъ намъ предположеніи Магницкаго устроить массовыя посылки заграницу, подъ наблюденіемъ особо-уполномоченныхъ руководителей, окончившихъ университетскій курсъ молодыхъ людей, съ цѣлью усовершенствованія ихъ въ наукахъ. Эти поѣздки, которыхъ имѣлось въ виду двѣ и мѣстами назначенія которыхъ намѣчались Франція и Англія (предубѣжденія Магницкаго

а) Снестись чрезъ высшее учебное начальство съ нашею миссіею въ Пекинѣ о желаніи университета отправить туда астронома для установленія ученыхъ по астрономіи сношеній университета съ Китаемъ, для высылки, по требованію тамошняго правительства, нужныхъ календарей, разныхъ самыхъ трудныхъ вычисленій, астрономическихъ, математическихъ и физическихъ орудій лучшей доброты.

б) Ежели миссія наша успѣетъ склонить китайское правительство къ сему желанію, хотя бы то было въ видѣ перемѣны нашимъ астрономомъ одного изъ чиновниковъ пекинской миссіи, то составить посылаемому въ Китай астроному инструкцію, поручивъ: 1) Въ проѣздъ чрезъ Сибирь сдѣлать всѣ нужныя въ разсужденіе высоты горъ и для опредѣленія географическаго положенія мѣстъ наблюденія; 2) Удостовѣриться въ состояніи астрономическихъ свѣдѣній и орудій въ Китаѣ; 3) Узнать, какую методу употребляютъ іезуиты для наученія китайцевъ и какимъ образомъ удовлетворяютъ они математически ихъ вкусу къ астрономіи; 4) Вступить съ китайцами въ переговоры о доставленіи имъ изъ университета всѣхъ нужныхъ для нихъ исчисленій и календарей и объ устроеніи въ нашемъ тамъ монастырѣ обсерваторіи и математической школы для китайцевъ".

Заслушавъ эту статью попечительской „Бесѣды", совѣтъ университета опредѣлилъ: выслать съ нея копію непремѣнному визитатору сибирскихъ губерній (т. е. Словцову—см. выше стр. 233), а профессору астрономіи Симонову предложить „составить проектъ инструкціи астроному, котораго предполагается отправить туда, и представить оный совѣту". Едва ли нужно распространяться о томъ, что никакого дальнѣйшаго движенія всѣ эти попечительскія предначертанія не имѣли [183].

X. Десятая статья „Бесѣды" затрогиваетъ вопросъ „О разсмотрѣніи инструкціи сибирскому визитатору", поставленный попечителемъ въ связь съ только что разсмотрѣнными нами предположеніями относительно постановки въ Сибири дѣла народнаго образованія [184].

XI. Одиннадцатая статья трактуетъ „О путешествіи въ чужіе края". Здѣсь рѣчь идетъ объ уже извѣстномъ намъ предположеніи Магницкаго устроить массовыя посылки заграницу, подъ наблюденіемъ особо-уполномоченныхъ руководителей, окончившихъ университетскій курсъ молодыхъ людей, съ цѣлью усовершенствованія ихъ въ наукахъ. Эти поѣздки, которыхъ имѣлось въ виду двѣ и мѣстами назначенія которыхъ намѣчались Франція и Англія (предубѣжденія Магницкаго

противъ германскихъ ученыхъ и германской науки намъ уже достаточно знакомы), предполагалось обставить слѣдующими условіями: а) „Два предположенныя путешествія раздѣлить такъ, что бы одно отправлено было въ теченіи сего года, а другое чрезъ два года, то есть послѣ возвращенія перваго“; б) „Каждое изъ нихъ поручить такимъ профессорамъ, кои бы и сами могли оными воспользоваться“ и в) „Что бъ отправляемый въ первое путешествіе профессоръ, проѣзжая чрезъ главнѣйшіе города Германіи—Вѣну, Дрезденъ и Берлинъ, установлялъ постоянныя связи тамошнихъ академій лучшаго духа съ казанскимъ университетомъ“.

По существу этой статьи совѣтомъ было опредѣлено „донести г. попечителю, что изъ продолжающихъ ученіе студентовъ имѣются въ виду нѣсколько такихъ, которые по истеченіи слѣдующаго академическаго года могутъ быть удостоены степени кандидата и отправлены для окончательнаго усовершенія въ Парижъ и Англію“.

Предположенія Магницкаго въ этомъ направленіи—не осуществились, хотя выдвинутый имъ проектъ и былъ, какъ мы видѣли, поводомъ къ отклоненію нѣсколькихъ ходатайствъ о командированіи молодыхъ людей заграницу (см. выше стр. 122) [185].

XII. Двѣнадцатая статья говоритъ „О путешествіяхъ по Россіи и сводится къ слѣдующимъ соображеніямъ попечителя:

„Округъ казанскій,—читаемъ здѣсь,—заключаетъ въ себѣ самыя историческія мѣста нашего отечества. Не можно въ немъ сдѣлать ни одного шага, не встрѣтивъ слѣда или тѣхъ тяжкихъ крестовъ, подъ которыми оно возростало въ мужа совершенна, или памятниковъ его славы, всегда на вѣрѣ отцовъ нашихъ основанныхъ. Наши ученые мало вниманія обращали на сей предметъ, особливо въ подобномъ духѣ. Университетъ имѣетъ всѣ способы предпринять трудъ разсмотрѣнія предъ глазами его лежащихъ отечественныхъ древностей съ сей истинной точки зрѣнія.

Я приглашаю его составить инструкцію для такого путешественника, который бы занялся собраніемъ отечественныхъ и татарскихъ древностей въ памятникахъ, рукописяхъ, медаляхъ и преданіяхъ, отъ вниманія историковъ нашихъ укрывшихся, и полагалъ бы предложить сей полезный трудъ почетному смотрителю чебоксарскаго уѣзднаго училища Арцыбышеву *, по занятіямъ его въ отечественной исторіи и по особенному въ оной вкусу и совѣту мнѣ извѣстному.

---

* Арцыбышевъ Николай Сергѣевичъ—историкъ и извѣстный авторъ «Повѣствованія Россіи».

противъ германскихъ ученыхъ и германской науки намъ уже достаточно знакомы), предполагалось обставить слѣдующими условіями: а) „Два предположенныя путешествія раздѣлить такъ, что бы одно отправлено было въ теченіи сего года, а другое чрезъ два года, то есть послѣ возвращенія перваго“; б) „Каждое изъ нихъ поручить такимъ профессорамъ, кои бы и сами могли оными воспользоваться“ и в) „Что бъ отправляемый въ первое путешествіе профессоръ, проѣзжая чрезъ главнѣйшіе города Германіи—Вѣну, Дрезденъ и Берлинъ, установлялъ постоянныя связи тамошнихъ академій лучшаго духа съ казанскимъ университетомъ“.

По существу этой статьи совѣтомъ было опредѣлено „донести г. попечителю, что изъ продолжающихъ ученіе студентовъ имѣются въ виду нѣсколько такихъ, которые по истеченіи слѣдующаго академическаго года могутъ быть удостоены степени кандидата и отправлены для окончательнаго усовершенія въ Парижъ и Англію“.

Предположенія Магницкаго въ этомъ направленіи—не осуществились, хотя выдвинутый имъ проектъ и былъ, какъ мы видѣли, поводомъ къ отклоненію нѣсколькихъ ходатайствъ о командированіи молодыхъ людей заграницу (см. выше стр. 122) [185].

XII. Двѣнадцатая статья говоритъ „О путешествіяхъ по Россіи и сводится къ слѣдующимъ соображеніямъ попечителя:

„Округъ казанскій,—читаемъ здѣсь,—заключаетъ въ себѣ самыя историческія мѣста нашего отечества. Не можно въ немъ сдѣлать ни одного шага, не встрѣтивъ слѣда или тѣхъ тяжкихъ крестовъ, подъ которыми оно возростало въ мужа совершенна, или памятниковъ его славы, всегда на вѣрѣ отцовъ нашихъ основанныхъ. Наши ученые мало вниманія обращали на сей предметъ, особливо въ подобномъ духѣ. Университетъ имѣетъ всѣ способы предпринять трудъ разсмотрѣнія предъ глазами его лежащихъ отечественныхъ древностей съ сей истинной точки зрѣнія.

Я приглашаю его составить инструкцію для такого путешественника, который бы занялся собраніемъ отечественныхъ и татарскихъ древностей въ памятникахъ, рукописяхъ, медаляхъ и преданіяхъ, отъ вниманія историковъ нашихъ укрывшихся, и полагалъ бы предложить сей полезный трудъ почетному смотрителю чебоксарскаго уѣзднаго училища Арцыбышеву *, по занятіямъ его въ отечественной исторіи и по особенному въ оной вкусу и совѣту мнѣ извѣстному.

---

* Арцыбышевъ Николай Сергѣевичъ—историкъ и извѣстный авторъ «Повѣствованія Россіи».

При семъ случаѣ желалъ бы я, что бъ было принято въ соображеніе и предположеніе мое о путешествіи въ Грузію и Персію для отысканія рукописей армянскихъ".

Выполняя волю попечителя, совѣтъ университета вошелъ въ соотвѣтствующія сношенія съ Н. С. Арцыбышевымъ, но тотъ уклонился отъ сдѣланнаго ему предложенія, сославшись сначала—на свое „незнаніе татарскаго языка, а тѣмъ болѣе дипломатики онаго", а затѣмъ и на уже поданное имъ прошеніе объ увольненіи отъ должности почетнаго смотрителя. Едва ли не единственнымъ практическимъ послѣдствіемъ попечительскихъ предположеній относительно изслѣдованія древностей мѣстнаго края было уже извѣстное намъ неудачное археологическое путешествіе проф. Эрдмана, предпринятое весною 1825-го года, да затянувшаяся до половины 1824-го года переписка о мѣрахъ къ розысканію памятниковъ древней армянской письменности (см. выше стр. 12—14, 23—25) [186].

XIII. Тринадцатая статья касается вопроса „Объ ученыхъ запискахъ" * и предлагаетъ замѣнить собираніе ихъ—работами статистическаго направленія: „Нужно окончательно довершить разсмотрѣніе ученыхъ записокъ,—заявляетъ попечитель,—и ежели откроется, какъ весьма вѣроятно, что, за малымъ исключеніемъ, работа сія отличнаго вниманія не заслуживаетъ, то сдѣлать соображеніе, не полезнѣе ли бы было, вмѣсто сего труда, разослать рамы статистическихъ таблицъ къ директорамъ училищъ, опредѣливъ срокъ для ихъ наполненія, отнесясь къ начальникамъ губерній о сообщеніи всѣхъ нужныхъ къ тому свѣдѣній".

Совѣтъ университета постановилъ поспѣшить окончаніемъ разсмотрѣнія накопившихся ученыхъ записокъ, профессору же Кондыреву и адъюнкту Баженову поручилъ составить „рамы статистическихъ таблицъ", но на этомъ постановленіи вопросъ объ организаціи университетомъ дѣла собиранія статистическихъ данныхъ по округу мирно и опочилъ [187].

XIV. Четырнадцатая статья трактуетъ „О ежегодно требуемомъ отъ г.г. профессоровъ историческомъ обозрѣніи ихъ науки". Попечитель мотивируетъ это требованіе желаніемъ „отличить преподавателей, наиболѣе въ своемъ предметѣ усовершающихся", въ видахъ чего онъ и предлагаетъ, что бы „каждый профессоръ ежегодно въ назначенное время представлялъ ему историческое обозрѣніе о томъ направленіи, которое наука его приняла въ Европѣ и о тѣхъ успѣхахъ

* Объ этихъ «ученыхъ запискахъ» и способѣ сосредоточенія ихъ подробности см. въ томѣ II, стр. 232 и слѣд.

При семъ случаѣ желалъ бы я, что бъ было принято въ соображеніе и предположеніе мое о путешествіи въ Грузію и Персію для отысканія рукописей армянскихъ".

Выполняя волю попечителя, совѣтъ университета вошелъ въ соотвѣтствующія сношенія съ Н. С. Арцыбышевымъ, но тотъ уклонился отъ сдѣланнаго ему предложенія, сославшись сначала—на свое „незнаніе татарскаго языка, а тѣмъ болѣе дипломатики онаго", а затѣмъ и на уже поданное имъ прошеніе объ увольненіи отъ должности почетнаго смотрителя. Едва ли не единственнымъ практическимъ послѣдствіемъ попечительскихъ предположеній относительно изслѣдованія древностей мѣстнаго края было уже извѣстное намъ неудачное археологическое путешествіе проф. Эрдмана, предпринятое весною 1825-го года, да затянувшаяся до половины 1824-го года переписка о мѣрахъ къ розысканію памятниковъ древней армянской письменности (см. выше стр. 12—14, 23—25) [186].

XIII. Тринадцатая статья касается вопроса „Объ ученыхъ запискахъ" * и предлагаетъ замѣнить собираніе ихъ—работами статистическаго направленія: „Нужно окончательно довершить разсмотрѣніе ученыхъ записокъ,—заявляетъ попечитель,—и ежели откроется, какъ весьма вѣроятно, что, за малымъ исключеніемъ, работа сія отличнаго вниманія не заслуживаетъ, то сдѣлать соображеніе, не полезнѣе ли бы было, вмѣсто сего труда, разослать рамы статистическихъ таблицъ къ директорамъ училищъ, опредѣливъ срокъ для ихъ наполненія, отнесясь къ начальникамъ губерній о сообщеніи всѣхъ нужныхъ къ тому свѣдѣній".

Совѣтъ университета постановилъ поспѣшить окончаніемъ разсмотрѣнія накопившихся ученыхъ записокъ, профессору же Кондыреву и адъюнкту Баженову поручилъ составить „рамы статистическихъ таблицъ", но на этомъ постановленіи вопросъ объ организаціи университетомъ дѣла собиранія статистическихъ данныхъ по округу мирно и опочилъ [187].

XIV. Четырнадцатая статья трактуетъ „О ежегодно требуемомъ отъ г.г. профессоровъ историческомъ обозрѣніи ихъ науки". Попечитель мотивируетъ это требованіе желаніемъ „отличить преподавателей, наиболѣе въ своемъ предметѣ усовершающихся", въ видахъ чего онъ и предлагаетъ, что бы „каждый профессоръ ежегодно въ назначенное время представлялъ ему историческое обозрѣніе о томъ направленіи, которое наука его приняла въ Европѣ и о тѣхъ успѣхахъ

* Объ этихъ «ученыхъ запискахъ» и способѣ сосредоточенія ихъ подробности см. въ томѣ II, стр. 232 и слѣд.

и открытіяхъ, кои въ ней сдѣланы". Практическіе результаты этого предначертанія Магницкій усматриваетъ, во первыхъ—въ побужденіи профессоровъ слѣдить за наукою и тѣмъ самымъ „поставить университетъ на ряду съ просвѣщеніемъ Европы, отъ котораго иначе непремѣнно онъ отстать долженъ", во вторыхъ—въ интересахъ научно-литературныхъ, такъ какъ „лучшія обозрѣнія могутъ быть издаваемы".

Въ исполненіе требованія Магницкаго, университетскій совѣтъ сдѣлалъ соотвѣтствующія предложенія факультетамъ, но со стороны послѣднихъ послѣдовало вполнѣ уважительное указаніе на бѣдность университетской библіотеки и на недостаточность выписываемыхъ университетомъ ученыхъ повременныхъ изданій, ставящія непреодолимыя преграды возможности осуществленія попечительскаго начинанія, въ виду чего Магницкому и былъ предъявленъ списокъ необходимыхъ къ выпискѣ книгъ и журналовъ. Дальнѣйшаго движенія и это дѣло не получило, столкнувшись, такимъ образомъ, съ затрудненіями финансоваго характера [188].

XV. Любопытна пятнадцатая статья „Бесѣды" Магницкаго—„О разныхъ системахъ народнаго воспитанія въ различныхъ странахъ округа", представляющая собою прямое восполненіе мыслей и предначертаній, высказанныхъ въ уже разсмотрѣнной нами статьѣ девятой. И здѣсь въ полной мѣрѣ сказались широкіе полеты фантазіи нашего попечителя - прожектера. „Казанскій округъ,—такъ начинается эта статья,—по чрезвычайной своей обширности обнимаетъ цѣлыя страны, имѣющія совсѣмъ особенный одна отъ другой характеръ: Сибирь, Астрахань, Оренбургъ, край Кавказскій, губерніи татарами, чувашами и мордвой населенныя"... Выдѣливъ Сибирь, вопросъ относительно системы просвѣщенія которой считается имъ уже исчерпаннымъ, Магницкій переходитъ къ другимъ окраинамъ казанскаго учебнаго округа и на первую очередь ставитъ—Астрахань. Исходя изъ того положенія, что „въ Астрахани торговля и политическія сношенія требуютъ познанія Персіи и Индіи и языковъ сихъ странъ", попечитель выдвигаетъ впередъ вопросъ о необходимости основанія здѣсь института восточныхъ языковъ. Это предначертаніе раскрываетъ въ глазахъ попечителя слѣдующія весьма широкія, но и въ достаточной мѣрѣ фантастическія, перспективы:

„Шагъ сей поставитъ современемъ можетъ университетъ въ сношенія съ учеными сословіями Индіи и дать способъ пріобрѣсти положительныя свѣдѣнія о языкѣ и ученіи брами-

и открытіяхъ, кои въ ней сдѣланы". Практическіе результаты этого предначертанія Магницкій усматриваетъ, во первыхъ—въ побужденіи профессоровъ слѣдить за наукою и тѣмъ самымъ „поставить университетъ на ряду съ просвѣщеніемъ Европы, отъ котораго иначе непремѣнно онъ отстать долженъ", во вторыхъ—въ интересахъ научно-литературныхъ, такъ какъ „лучшія обозрѣнія могутъ быть издаваемы".

Въ исполненіе требованія Магницкаго, университетскій совѣтъ сдѣлалъ соотвѣтствующія предложенія факультетамъ, но со стороны послѣднихъ послѣдовало вполнѣ уважительное указаніе на бѣдность университетской библіотеки и на недостаточность выписываемыхъ университетомъ ученыхъ повременныхъ изданій, ставящія непреодолимыя преграды возможности осуществленія попечительскаго начинанія, въ виду чего Магницкому и былъ предъявленъ списокъ необходимыхъ къ выпискѣ книгъ и журналовъ. Дальнѣйшаго движенія и это дѣло не получило, столкнувшись, такимъ образомъ, съ затрудненіями финансоваго характера [188].

XV. Любопытна пятнадцатая статья „Бесѣды" Магницкаго—„О разныхъ системахъ народнаго воспитанія въ различныхъ странахъ округа", представляющая собою прямое восполненіе мыслей и предначертаній, высказанныхъ въ уже разсмотрѣнной нами статьѣ девятой. И здѣсь въ полной мѣрѣ сказались широкіе полеты фантазіи нашего попечителя-прожектера. „Казанскій округъ,—такъ начинается эта статья,—по чрезвычайной своей обширности обнимаетъ цѣлыя страны, имѣющія совсѣмъ особенный одна отъ другой характеръ: Сибирь, Астрахань, Оренбургъ, край Кавказскій, губерніи татарами, чувашами и мордвой населенныя"... Выдѣливъ Сибирь, вопросъ относительно системы просвѣщенія которой считается имъ уже исчерпаннымъ, Магницкій переходитъ къ другимъ окраинамъ казанскаго учебнаго округа и на первую очередь ставитъ—Астрахань. Исходя изъ того положенія, что „въ Астрахани торговля и политическія сношенія требуютъ познанія Персіи и Индіи и языковъ сихъ странъ", попечитель выдвигаетъ впередъ вопросъ о необходимости основанія здѣсь института восточныхъ языковъ. Это предначертаніе раскрываетъ въ глазахъ попечителя слѣдующія весьма широкія, но и въ достаточной мѣрѣ фантастическія, перспективы:

„Шагъ сей поставить современемъ можетъ университетъ въ сношенія съ учеными сословіями Индіи и дать способъ пріобрѣсти положительныя свѣдѣнія о языкѣ и ученіи брами-

новъ, указать источникъ послѣдняго въ преданіяхъ патріарховъ и апостоловъ, въ Индіи сохранившихся, и не только отвратить тѣ вредныя понятія, кои лжемудріемъ и невѣріемъ вѣка выведены изъ языка санскритскаго, въ опроверженіе святого библейскаго откровенія, но можетъ быть и доказать Европѣ свѣдѣніями положительными и письменными, отъ самихъ браминовъ полученными, что каста ихъ ничто иное есть, какъ общество, соединенное преданіями патріарховъ и освященное преданіемъ же апостольской проповѣди въ Индіи, къ чему служитъ поводомъ названіе Брамы, отъ имени Абрама тѣмъ съ бо̀льшимъ основаніемъ производимое, что, по ученію браминовъ, и жена Брамы называлась Сара-Веда, то есть госпожа Сара".

Далѣе Магницкій переходитъ къ Оренбургу и его краю:

„Оренбургскій край, прилегая къ мѣстамъ, близкимъ къ университету самаркандскому и прочимъ татарскимъ университетамъ (sic!), коихъ считаютъ уже до шести, и заключая въ себѣ центръ духовнаго магометанскаго управленія, представляетъ слѣдующіе виды:

1. Склонить муфтія оренбургскаго къ устройству татарскихъ училищъ пожертвованіями его единовѣрцевъ.

2. Установить чрезъ него связи съ университетомъ самаркандскимъ въ томъ намѣреніи, что бы: а) получить основательное понятіе о семъ важномъ мѣстѣ магометанскаго воспитанія, б) пріуготовить способы къ посылкѣ туда надежнаго чиновника, который бы могъ получить списки съ примѣчательнѣйшихъ татарскихъ и арабскихъ рукописей, кои должны тамъ находиться, доставить нѣкоторыя медали и узнать—справедливо ли то, что туда съѣзжаются ученѣйшіе мужи востока, дабы, гдѣ сіе можно, вступить съ ними въ сообщеніе для полученія основательнаго понятія объ особенномъ характерѣ ихъ просвѣщенія и познаній. Новоопредѣленный въ Оренбургъ директоръ училищъ (Лубкинъ), по отличнымъ его способностямъ, въ семъ дѣлѣ способствовать можетъ".

Соображенія попечителя заканчиваются остальными, представляющими въ себѣ этнологическія особенности, районами казанскаго учебнаго округа:

„Погруженное во тмракѣ невѣжества и идолопоклонства племя мордвы, черемисъ и чувашей призываетъ на себя особенное вниманіе. Учрежденіе для нихъ училищъ взаимнаго обученія, по таблицамъ изъ священнаго писанія, могло бы имѣть двоякую пользу: а) они бы научились грамотѣ и, мало по малу, выходили изъ того

новъ, указать источникъ послѣдняго въ преданіяхъ патріарховъ и апостоловъ, въ Индіи сохранившихся, и не только отвратить тѣ вредныя понятія, кои лжемудріемъ и невѣріемъ вѣка выведены изъ языка санскритскаго, въ опроверженіе святого библейскаго откровенія, но можетъ быть и доказать Европѣ свѣдѣніями положительными и письменными, отъ самихъ браминовъ полученными, что каста ихъ ничто иное есть, какъ общество, соединенное преданіями патріарховъ и освященное преданіемъ же апостольской проповѣди въ Индіи, къ чему служитъ поводомъ названіе Брамы, отъ имени Абрама тѣмъ съ бо́льшимъ основаніемъ производимое, что, по ученію браминовъ, и жена Брамы называлась Сара-Веда, то есть госпожа Сара".

Далѣе Магницкій переходитъ къ Оренбургу и его краю:

„Оренбургскій край, прилегая къ мѣстамъ, близкимъ къ университету самаркандскому и прочимъ татарскимъ университетамъ (sic!), коихъ считаютъ уже до шести, и заключая въ себѣ центръ духовнаго магометанскаго управленія, представляетъ слѣдующіе виды:

1. Склонить муфтія оренбургскаго къ устройству татарскихъ училищъ пожертвованіями его единовѣрцевъ.

2. Установить чрезъ него связи съ университетомъ самаркандскимъ въ томъ намѣреніи, что бы: а) получить основательное понятіе о семъ важномъ мѣстѣ магометанскаго воспитанія, б) пріуготовить способы къ посылкѣ туда надежнаго чиновника, который бы могъ получить списки съ примѣчательнѣйшихъ татарскихъ и арабскихъ рукописей, кои должны тамъ находиться, доставить нѣкоторыя медали и узнать—справедливо ли то, что туда съѣзжаются ученѣйшіе мужи востока, дабы, гдѣ сіе можно, вступить съ ними въ сообщеніе для полученія основательнаго понятія объ особенномъ характерѣ ихъ просвѣщенія и познаній. Новоопредѣленный въ Оренбургъ директоръ училищъ (Лубкинъ), по отличнымъ его способностямъ, въ семъ дѣлѣ способствовать можетъ".

Соображенія попечителя заканчиваются остальными, представляющими въ себѣ этнологическія особенности, районами казанскаго учебнаго округа:

„Погруженное во мракѣ невѣжества и идолопоклонства племя мордвы, черемисъ и чувашей призываетъ на себя особенное вниманіе. Учрежденіе для нихъ училищъ взаимнаго обученія, по таблицамъ изъ священнаго писанія, могло бы имѣть двоякую пользу: а) они бы научились грамотѣ и, мало по малу, выходили изъ того

состоянія дикости, въ которомъ доселѣ находятся, и б) научились бы святымъ истинамъ евангелія.

По характеру и состоянію сихъ народовъ, мнѣ кажется удобнѣйшимъ средствомъ къ сему двоякому ихъ просвѣщенію подвижныя ланкастерскія школы.

Дикіе народы Кавказа и Сибири того же средства образованія требуютъ".

Интересующая насъ статья попечительской „Бесѣды" заключается предписаніемъ совѣту университета „войти въ подробное соображеніе сего важнаго предмета". Исполняя это предписаніе, совѣтъ университета пришелъ къ слѣдующимъ опредѣленіямъ: 1) „Какъ г. профессоръ Фуксъ изъявилъ словесно г. ректору университета желаніе быть директоромъ предполагаемаго въ Астрахани института восточныхъ языковъ, то дать ему выписку, что бы онъ, снесшись съ г. профессоромъ Эрдманомъ, а ежели имѣетъ благонадежныхъ знакомыхъ людей въ Астрахани, то и съ ними, благоволилъ представить совѣту свои соображенія о прочномъ устройствѣ упомянутаго института"; 2) „О склоненіи муфтія къ устройству татарскихъ училищъ пожертвованіями его единовѣрцевъ и по установленію чрезъ него связи съ университетомъ самаркандскимъ—предписать и. д. директора оренбургскихъ училищъ". „Что касается до учрежденія подвижныхъ ланкастерскихъ школъ взаимнаго обученія по таблицамъ изъ св. писанія среди погруженныхъ во мракѣ невѣжества и идолопоклонства племенъ, равно какъ и у дикихъ людей—предписать дирекціямъ училищъ, что бы онѣ собрали всѣ нужныя мѣстныя свѣдѣнія", а равно „отнестись по сему же предмету къ управляющимъ губерніями".

Какъ вопросъ объ учрежденіи въ Астрахани института восточныхъ языковъ,—для занятія должности директора котораго такъ предупредительно поспѣшилъ предложить свои услуги профессоръ Фуксъ,—такъ и вопросы „о склоненіи муфтія къ устройству татарскихъ училищъ" и объ установленіи сношеній съ фантастическимъ „самаркандскимъ университетомъ"—не вышли изъ области чисто платоническихъ предначертаній попечителя, хотя вопросъ объ учрежденіи „подвижныхъ ланкастерскихъ школъ" и вызвалъ оживленную переписку университета съ губернаторами и училищными дирекціями округа. Нельзя сказать, что бы эта послѣдняя переписка могла сколько нибудь удовлетворить какъ самого попечителя, такъ и его казанскихъ агентовъ, такъ какъ всѣ полученные по этому поводу изъ округа отзывы заключали въ себѣ отвѣты, выражавшіе собою безучастное или даже прямо таки отрицательное отно-

состоянія дикости, въ которомъ доселѣ находятся, и б) научились бы святымъ истинамъ евангелія.

По характеру и состоянію сихъ народовъ, мнѣ кажется удобнѣйшимъ средствомъ къ сему двоякому ихъ просвѣщенію подвижныя ланкастерскія школы.

Дикіе народы Кавказа и Сибири того же средства образованія требуютъ".

Интересующая насъ статья попечительской „Бесѣды" заключается предписаніемъ совѣту университета „войти въ подробное соображеніе сего важнаго предмета". Исполняя это предписаніе, совѣтъ университета пришелъ къ слѣдующимъ опредѣленіямъ: 1) „Какъ г. профессоръ Фуксъ изъявилъ словесно г. ректору университета желаніе быть директоромъ предполагаемаго въ Астрахани института восточныхъ языковъ, то дать ему выписку, что бы онъ, снесшись съ г. профессоромъ Эрдманомъ, а ежели имѣетъ благонадежныхъ знакомыхъ людей въ Астрахани, то и съ ними, благоволилъ представить совѣту свои соображенія о прочномъ устройствѣ упомянутаго института"; 2) „О склоненіи муфтія къ устройству татарскихъ училищъ пожертвованіями его единовѣрцевъ и по установленію чрезъ него связи съ университетомъ самаркандскимъ—предписать и. д. директора оренбургскихъ училищъ". „Что касается до учрежденія подвижныхъ ланкастерскихъ школъ взаимнаго обученія по таблицамъ изъ св. писанія среди погруженныхъ во мракѣ невѣжества и идолопоклонства племенъ, равно какъ и у дикихъ людей—предписать дирекціямъ училищъ, что бы онѣ собрали всѣ нужныя мѣстныя свѣдѣнія", а равно „отнестись по сему же предмету къ управляющимъ губерніями".

Какъ вопросъ объ учрежденіи въ Астрахани института восточныхъ языковъ,—для занятія должности директора котораго такъ предупредительно поспѣшилъ предложить свои услуги профессоръ Фуксъ,—такъ и вопросы „о склоненіи муфтія къ устройству татарскихъ училищъ" и объ установленіи сношеній съ фантастическимъ „самаркандскимъ университетомъ"—не вышли изъ области чисто платоническихъ предначертаній попечителя, хотя вопросъ объ учрежденіи „подвижныхъ ланкастерскихъ школъ" и вызвалъ оживленную переписку университета съ губернаторами и училищными дирекціями округа. Нельзя сказать, что бы эта послѣдняя переписка могла сколько нибудь удовлетворить какъ самого попечителя, такъ и его казанскихъ агентовъ, такъ какъ всѣ полученные по этому поводу изъ округа отзывы заключали въ себѣ отвѣты, выражавшіе собою безучастное или даже прямо таки отрицательное отно-

шеніе къ поставленному вопросу. Управляющій казанскою губерніею отозвался, напримѣръ, совершенно общаго характера увѣреніями, что „губернское начальство въ оказаніи содѣйствія при открытіи подвижныхъ ланкастерскихъ школъ взаимнаго обученія не отречется, когда будутъ со стороны училищнаго начальства означены предметы, въ которыхъ оно ему нужно"; оренбургскій военный губернаторъ отвѣтилъ, что „занятъ будучи весьма много дѣлами"—не можетъ „сдѣлать требуемаго соображенія", предлагая возложить это на и. д. директора оренбургскихъ училищъ; нижегородскій губернаторъ далъ знать, что „отъ губернскаго начальства никакихъ способовъ, могущихъ служить для основанія или содержанія тѣхъ школъ, предназначить не можно" и т. п. Не болѣе удовлетворительнаго характера отзывы поступили и отъ директоровъ училищъ. Директоръ тамбовскихъ училищъ Менделѣевъ, напримѣръ, просилъ совѣтъ университета „вразумить въ разсужденіи слова: подвижная школа", такъ какъ „безъ опредѣленія сего понятія" онъ не можетъ „приступить ни къ сношенію съ мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ о семъ предметѣ, ни убѣдить кого либо принять на себя званіе учителя, ниже представить опредѣленныя свѣдѣнія объ учрежденіи таковыхъ училищъ"; аналогичный отзывъ полученъ былъ и отъ директора вятскихъ училищъ Ѳ. Попова. Были примѣры и прямо таки отрицательнаго отношенія къ вопросу: директоръ симбирскихъ училищъ Гапоновъ отозвался, что „къ учрежденію въ селеніяхъ чувашей и мордвы школъ, какого бы рода оныя не были, не предвидитъ никакой возможности, если оныя не будутъ содержимы отъ казны, во первыхъ—потому, что племена сіи находятся въ крайней бѣдности, во вторыхъ—потому, что всякое новое въ селеніяхъ ихъ введеніе возбудитъ въ нихъ недовѣріе"; директоръ оренбургскихъ училищъ Лубкинъ отвѣтилъ, что въ оренбургской губерніи, крайне бѣдной и „населенной многими племенами, различающимися вѣроисповѣданіями, языкомъ, нравами, образомъ жизни, но сходствующими бѣдностью, нерачительностью, самою малою промышленностью"—еще „рано думать объ образованіи, дабы бисера имъ предлагаемаго они не попрали по невѣжеству ногами"; директоръ пермскихъ училищъ Н. Поповъ, представивъ весьма обстоятельный и подробный очеркъ этнографическаго состава края, останавливается на весьма серьезныхъ и, прежде всего, матеріальныхъ затрудненіяхъ въ дѣлѣ учрежденія ланкастерскихъ школъ, которыя должны быть устроены на средства казны, такъ какъ "если требовать на сіи расходы пособія отъ самихъ волостей, то едва ли согласятся отдавать своихъ дѣтей въ училища"; директоръ кавказскихъ

шеніе къ поставленному вопросу. Управляющій казанскою губерніею отозвался, напримѣръ, совершенно общаго характера увѣреніями, что „губернское начальство въ оказаніи содѣйствія при открытіи подвижныхъ ланкастерскихъ школъ взаимнаго обученія не отречется, когда будутъ со стороны училищнаго начальства означены предметы, въ которыхъ оно ему нужно"; оренбургскій военный губернаторъ отвѣтилъ, что „занятъ будучи весьма много дѣлами"—не можетъ „сдѣлать требуемаго соображенія", предлагая возложить это на и. д. директора оренбургскихъ училищъ; нижегородскій губернаторъ далъ знать, что „отъ губернскаго начальства никакихъ способовъ, могущихъ служить для основанія или содержанія тѣхъ школъ, предназначить не можно" и т. п. Не болѣе удовлетворительнаго характера отзывы поступили и отъ директоровъ училищъ. Директоръ тамбовскихъ училищъ Менделѣевъ, напримѣръ, просилъ совѣтъ университета „вразумить въ разсужденіи слова: подвижная школа", такъ какъ „безъ опредѣленія сего понятія" онъ не можетъ „приступить ни къ сношенію съ мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ о семъ предметѣ, ни убѣдить кого либо принять на себя званіе учителя, ниже представить опредѣленныя свѣдѣнія объ учрежденіи таковыхъ училищъ"; аналогичный отзывъ полученъ былъ и отъ директора вятскихъ училищъ Ѳ. Попова. Были примѣры и прямо таки отрицательнаго отношенія къ вопросу: директоръ симбирскихъ училищъ Гапоновъ отозвался, что „къ учрежденію въ селеніяхъ чувашей и мордвы школъ, какого бы рода оныя не были, не предвидитъ никакой возможности, если оныя не будутъ содержимы отъ казны, во первыхъ—потому, что племена сіи находятся въ крайней бѣдности, во вторыхъ—потому, что всякое новое въ селеніяхъ ихъ введеніе возбудитъ въ нихъ недовѣріе"; директоръ оренбургскихъ училищъ Лубкинъ отвѣтилъ, что въ оренбургской губерніи, крайне бѣдной и „населенной многими племенами, различающимися вѣроисповѣданіями, языкомъ, нравами, образомъ жизни, но сходствующими бѣдностью, нерачительностью, самою малою промышленностью"—еще „рано думать объ образованіи, дабы бисера имъ предлагаемаго они не попрали по невѣжеству ногами"; директоръ пермскихъ училищъ Н. Поповъ, представивъ весьма обстоятельный и подробный очеркъ этнографическаго состава края, останавливается на весьма серьезныхъ и, прежде всего, матеріальныхъ затрудненіяхъ въ дѣлѣ учрежденія ланкастерскихъ школъ, которыя должны быть устроены на средства казны, такъ какъ "если требовать на сіи расходы пособія отъ самихъ волостей, то едва ли согласятся отдавать своихъ дѣтей въ училища"; директоръ кавказскихъ

училищъ Е. П. Манасеинъ далъ категорическій отзывъ, что онъ „не находитъ удобства и даже возможности продолжать старанія о собраніи нужныхъ свѣдѣній касательно учрежденія ланкастерскихъ школъ между дикими народами Кавказа", такъ какъ „еще очень отдаленны способы привести оное въ исполненіе".

Вопросъ объ учрежденіи ланкастерскихъ школъ взаимнаго обученія, идея которыхъ перенесена была къ намъ изъ Англіи, нашелъ себѣ въ нашемъ отечествѣ самую благодарную почву благодаря религіозно-мистическому направленію, господствовавшему въ ту пору какъ въ высшихъ правящихъ сферахъ, такъ, болѣе или менѣе искренне, и въ значительной части русскаго общества. Методъ же этотъ, зарожденіе котораго стояло въ ближайшей связи съ миссіонеро-просвѣтительною дѣятельностью въ британской Индіи (Белль и его послѣдователи), а дальнѣйшее развитіе въ соотношеніи съ педагогическою пропагандою квакеровъ, съ І. Ланкастеромъ въ ихъ главѣ, казался какъ нельзя болѣе пригоднымъ въ дѣлѣ построенія всей системы народнаго просвѣщенія на основѣ религіи и благочестія,—задача, къ которой настойчиво стремилось министерство князя А. Н. Голицина и которая нашла себѣ такое яркое отраженіе въ дѣятельности Магницкаго, надѣявшагося проложить этимъ методомъ путь къ просвѣщенію даже „дикихъ народовъ", обитавшихъ въ ввѣренномъ ему учебномъ округѣ. Вопросъ о ланкастерской системѣ школьнаго образованія былъ въ Россіи, въ интересующую насъ эпоху, положительно моднымъ. Еще въ 1816-мъ году, по высочайшему повелѣнію, отправлены были заграницу для изученія этого метода четверо студентовъ главнаго педагогическаго института, а слѣдомъ за тѣмъ предпринимается рядъ попытокъ къ созданію школъ взаимнаго обученія сначала въ столицѣ, а затѣмъ и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ. Въ 1819-мъ году въ Петербургѣ возникаетъ „Общество учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія"; это общество, почетнымъ членомъ котораго состоялъ министръ народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицинъ, приняло въ свои руки иниціативу распространенія въ Россіи школъ ланкастерскаго типа, обратившись по этому поводу съ циркулярнымъ обращеніемъ къ губернаторамъ, вело регулярныя засѣданія, протоколы которыхъ сохранились въ дѣлахъ архива министерства народнаго просвѣщенія, составляло образцы таблицъ и другихъ пособій для ланкастерскихъ школъ и т. п. Дѣятельность Магницкаго являлась лишь отраженіемъ, по отношенію къ казанскому учебному округу, той организаціонной работы, которая принята была на себя центральнымъ „Обществомъ учреж-

училищъ Е. П. Манасеинъ далъ категорическій отзывъ, что онъ „не находитъ удобства и даже возможности продолжать старанія о собраніи нужныхъ свѣдѣній касательно учрежденія ланкастерскихъ школъ между дикими народами Кавказа", такъ какъ „еще очень отдаленны способы привести оное въ исполненіе".

Вопросъ объ учрежденіи ланкастерскихъ школъ взаимнаго обученія, идея которыхъ перенесена была къ намъ изъ Англіи, нашелъ себѣ въ нашемъ отечествѣ самую благодарную почву благодаря религіозно-мистическому направленію, господствовавшему въ ту пору какъ въ высшихъ правящихъ сферахъ, такъ, болѣе или менѣе искренне, и въ значительной части русскаго общества. Методъ же этотъ, зарожденіе котораго стояло въ ближайшей связи съ миссіонеро-просвѣтительною дѣятельностью въ британской Индіи (Белль и его послѣдователи), а дальнѣйшее развитіе въ соотношеніи съ педагогическою пропагандою квакеровъ, съ І. Ланкастеромъ въ ихъ главѣ, казался какъ нельзя болѣе пригоднымъ въ дѣлѣ построенія всей системы народнаго просвѣщенія на основѣ религіи и благочестія,—задача, къ которой настойчиво стремилось министерство князя А. Н. Голицина и которая нашла себѣ такое яркое отраженіе въ дѣятельности Магницкаго, надѣявшагося проложить этимъ методомъ путь къ просвѣщенію даже „дикихъ народовъ", обитавшихъ въ ввѣренномъ ему учебномъ округѣ. Вопросъ о ланкастерской системѣ школьнаго образованія былъ въ Россіи, въ интересующую насъ эпоху, положительно моднымъ. Еще въ 1816-мъ году, по высочайшему повелѣнію, отправлены были заграницу для изученія этого метода четверо студентовъ главнаго педагогическаго института, а слѣдомъ за тѣмъ предпринимается рядъ попытокъ къ созданію школъ взаимнаго обученія сначала въ столицѣ, а затѣмъ и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ. Въ 1819-мъ году въ Петербургѣ возникаетъ „Общество учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія"; это общество, почетнымъ членомъ котораго состоялъ министръ народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицинъ, приняло въ свои руки иниціативу распространенія въ Россіи школъ ланкастерскаго типа, обратившись по этому поводу съ циркулярнымъ обращеніемъ къ губернаторамъ, вело регулярныя засѣданія, протоколы которыхъ сохранились въ дѣлахъ архива министерства народнаго просвѣщенія, составляло образцы таблицъ и другихъ пособій для ланкастерскихъ школъ и т. п. Дѣятельность Магницкаго являлась лишь отраженіемъ, по отношенію къ казанскому учебному округу, той организаціонной работы, которая принята была на себя центральнымъ „Обществомъ учреж-

денія училищъ взаимнаго обученія"—до циркулярнаго обращенія къ губернаторамъ, включительно.

Мысль ввести въ Россіи методъ взаимнаго обученія, въ качествѣ господствующей школьной системы, не пошла далѣе частичныхъ и далеко не удачныхъ попытокъ въ этомъ направленіи. Не имѣемъ мы данныхъ и относительно успѣха этого дѣла въ казанскомъ учебномъ округѣ, за исключеніемъ указаній на то, что школы взаимнаго обученія были учреждены въ Перми, Иркутскѣ и въ нѣкоторыхъ колоніяхъ саратовской губерніи, хотя переписка по поводу учрежденія школъ этого рода и приняла довольно обширные размѣры, давъ даже содержаніе цѣлому дѣлу „объ училищахъ по методу взаимнаго обученія", сохранившемуся въ архивѣ попечительской канцеляріи. Впрочемъ, реакція противъ распространенія въ Россіи ланкастерской системы обученія сказалась въ нашихъ правительственныхъ сферахъ уже въ послѣдній годъ царствованія императора Александра I, благодаря мнѣнію т. с. барона Фитингофа, вошедшему въ созданный въ 1820-мъ году при главномъ правленіи училищъ особый „Комитетъ училищъ взаимнаго обученія" съ запискою, въ которой признавалъ распространеніе въ Россіи ланкастерскихъ школъ дѣломъ не только безполезнымъ, но и прямо таки—вреднымъ, такъ какъ „метода Ланкастера свойственна только той землѣ, гдѣ она, по необходимости, изобрѣтена", и что „республиканская организація школъ ланкастерскихъ" привела къ тому, что „во многихъ мѣстахъ, гдѣ онѣ учреждены, замѣчены въ народѣ своеволіе и наклонность къ безначалію". Комитетъ раздѣлилъ мнѣніе Фитингофа, а слѣдомъ за тѣмъ не преминулъ вступить въ ряды ярыхъ противниковъ системы ланкастерскаго обученія и такъ усердно раньше старавшійся объ ея распространеніи казанскій попечитель: 7-го февраля 1825 года Магницкій вошелъ къ министру народнаго просвѣщенія А. С. Шишкову съ обширною запискою, въ которой доказывалъ, что „выдумка школъ взаимнаго обученія—есть ничто иное, какъ пропаганда квакерской секты, никуда для насъ не годная и даже вредная", вслѣдствіе чего и предлагалъ „всѣ школы взаимнаго обученія закрыть", разосланныя для употребленія въ нихъ таблицы—„отобрать", а „учрежденныя училища для взаимнаго обученія—обратить въ обыкновенныя, велѣвъ обучать въ нихъ, какъ всегда въ Россіи бывало, по славянскимъ букварямъ, часословамъ и псалтири".

Не большимъ успѣхомъ увѣнчались, какъ мы уже видѣли это выше (см. стр. 281—283), и предположенія Магницкаго относительно созданія въ округѣ татарскихъ училищъ, вообще, и центральнаго татарскаго училища въ г. Казани, въ частности [189].

денія училищъ взаимнаго обученія"—до циркулярнаго обращенія къ губернаторамъ, включительно.

Мысль ввести въ Россіи методъ взаимнаго обученія, въ качествѣ господствующей школьной системы, не пошла далѣе частичныхъ и далеко не удачныхъ попытокъ въ этомъ направленіи. Не имѣемъ мы данныхъ и относительно успѣха этого дѣла въ казанскомъ учебномъ округѣ, за исключеніемъ указаній на то, что школы взаимнаго обученія были учреждены въ Перми, Иркутскѣ и въ нѣкоторыхъ колоніяхъ саратовской губерніи, хотя переписка по поводу учрежденія школъ этого рода и приняла довольно обширные размѣры, давъ даже содержаніе цѣлому дѣлу „объ училищахъ по методу взаимнаго обученія", сохранившемуся въ архивѣ попечительской канцеляріи. Впрочемъ, реакція противъ распространенія въ Россіи ланкастерской системы обученія сказалась въ нашихъ правительственныхъ сферахъ уже въ послѣдній годъ царствованія императора Александра I, благодаря мнѣнію т. с. барона Фитингофа, вошедшему въ созданный въ 1820-мъ году при главномъ правленіи училищъ особый „Комитетъ училищъ взаимнаго обученія" съ запискою, въ которой признавалъ распространеніе въ Россіи ланкастерскихъ школъ дѣломъ не только безполезнымъ, но и прямо таки—вреднымъ, такъ какъ „метода Ланкастера свойственна только той землѣ, гдѣ она, по необходимости, изобрѣтена", и что „республиканская организація школъ ланкастерскихъ" привела къ тому, что „во многихъ мѣстахъ, гдѣ онѣ учреждены, замѣчены въ народѣ своеволіе и наклонность къ безначалію". Комитетъ раздѣлилъ мнѣніе Фитингофа, а слѣдомъ за тѣмъ не преминулъ вступить въ ряды ярыхъ противниковъ системы ланкастерскаго обученія и такъ усердно раньше старавшійся объ ея распространеніи казанскій попечитель: 7-го февраля 1825 года Магницкій вошелъ къ министру народнаго просвѣщенія А. С. Шишкову съ обширною запискою, въ которой доказывалъ, что „выдумка школъ взаимнаго обученія—есть ничто иное, какъ пропаганда квакерской секты, никуда для насъ не годная и даже вредная", вслѣдствіе чего и предлагалъ „всѣ школы взаимнаго обученія закрыть", разосланныя для употребленія въ нихъ таблицы—„отобрать", а „учрежденныя училища для взаимнаго обученія—обратить въ обыкновенныя, велѣвъ обучать въ нихъ, какъ всегда въ Россіи бывало, по славянскимъ букварямъ, часословамъ и псалтири".

Не большимъ успѣхомъ увѣнчались, какъ мы уже видѣли это выше (см. стр. 281—283), и предположенія Магницкаго относительно созданія въ округѣ татарскихъ училищъ, вообще, и центральнаго татарскаго училища въ г. Казани, въ частности [189].

XVI. Шестнадцатая глава „Бесѣды" Магницкаго затрогиваетъ вопросъ „О медаляхъ для студентовъ", и здѣсь то попечитель установляетъ тотъ, уже извѣстный намъ и впослѣдствіе осужденный министерствомъ, порядокъ, въ силу котораго золотая медаль присуждается тому изъ студентовъ, который „пріобрѣтя отличнѣйшія познанія въ богословіи, докажетъ христіанскимъ поведеніемъ, что откровенный законъ Божій не есть наука умозрительная, но истинный и единый свѣтъ, коимъ долженъ освѣщаться темный путь земной нашей жизни". Удостоившіеся награжденія этою медалью должны „пользоваться разными отличіями, какъ то: при выпускѣ ихъ въ учители занимать лучшія мѣста, со временемъ быть употребляемы въ смотрители и директоры гимназій, а при опредѣленіи въ гражданскую (sic) службу поручаемы быть особенному ходатайству попечителя о выгодномъ ихъ помѣщеніи" [190].

XVII. Семнадцатая статья отводится вопросу „О смотрителяхъ штатныхъ и почетныхъ" и заключаетъ въ себѣ предписаніе составить для нихъ инструкціи, опредѣляющія „должности первыхъ, согласно съ духомъ народнаго воспитанія", и „указующія вторымъ благотворное вліяніе ихъ на пользу училищъ какъ въ собраніи денежныхъ пособій, такъ и въ главномъ надзорѣ за нравственностью учащихъ и учащихся" [191].

XVIII. Восемнадцатая и послѣдняя статья попечительской „Бесѣды"—„О библіотекѣ для студентовъ", заключаетъ въ себѣ пожеланіе, что бы „господа преподаватели, каждый по своей части, внесли въ совѣтъ мнѣніе, какія книги почитаютъ они для студентовъ нужными" [192].

Таково все содержаніе заочной „Бесѣды" Магницкаго съ казанскимъ университетомъ, заканчивающейся слѣдующимъ воззваніемъ его къ совѣту этого послѣдняго:

„Оканчивая здѣсь, на сей разъ, тѣ многосложныя и трудныя работы, которыя во все время управленія моего университетомъ отлагалъ я до обозрѣнія университета, я предлагаю совѣту нарядить, по усмотрѣнію его, комитеты или поручить избраннымъ лицамъ разные предметы, въ семъ предположеніи моемъ заключающіеся, дабы виды мои могли получить трудами г.г. членовъ совѣта то первоначальное воздѣланіе, которое нужно для испрошенія утвержденія на нихъ г. министра.

Мнѣ пріятно будетъ представить ему сіе, какъ доказательство того, что усердіемъ, благонамѣренностью, примѣрными трудами

XVI. Шестнадцатая глава „Бесѣды“ Магницкаго затрогиваетъ вопросъ „О медаляхъ для студентовъ“, и здѣсь то попечитель установляетъ тотъ, уже извѣстный намъ и впослѣдствіе осужденный министерствомъ, порядокъ, въ силу котораго золотая медаль присуждается тому изъ студентовъ, который „пріобрѣтя отличнѣйшія познанія въ богословіи, докажетъ христіанскимъ поведеніемъ, что откровенный законъ Божій не есть наука умозрительная, но истинный и единый свѣтъ, коимъ долженъ освѣщаться темный путь земной нашей жизни“. Удостоившіеся награжденія этою медалью должны „пользоваться разными отличіями, какъ то: при выпускѣ ихъ въ учители занимать лучшія мѣста, со временемъ быть употребляемы въ смотрители и директоры гимназій, а при опредѣленіи въ гражданскую (sic) службу поручаемы быть особенному ходатайству попечителя о выгодномъ ихъ помѣщеніи“ [190].

XVII. Семнадцатая статья отводится вопросу „О смотрителяхъ штатныхъ и почетныхъ“ и заключаетъ въ себѣ предписаніе составить для нихъ инструкціи, опредѣляющія „должности первыхъ, согласно съ духомъ народнаго воспитанія“, и „указующія вторымъ благотворное вліяніе ихъ на пользу училищъ какъ въ собраніи денежныхъ пособій, такъ и въ главномъ надзорѣ за нравственностью учащихъ и учащихся“ [191].

XVIII. Восемнадцатая и послѣдняя статья попечительской „Бесѣды“—„О библіотекѣ для студентовъ“, заключаетъ въ себѣ пожеланіе, что бы „господа преподаватели, каждый по своей части, внесли въ совѣтъ мнѣніе, какія книги почитаютъ они для студентовъ нужными“ [192].

Таково все содержаніе заочной „Бесѣды“ Магницкаго съ казанскимъ университетомъ, заканчивающейся слѣдующимъ воззваніемъ его къ совѣту этого послѣдняго:

„Оканчивая здѣсь, на сей разъ, тѣ многосложныя и трудныя работы, которыя во все время управленія моего университетомъ отлагалъ я до обозрѣнія университета, я предлагаю совѣту нарядить, по усмотрѣнію его, комитеты или поручить избраннымъ лицамъ разные предметы, въ семъ предположеніи моемъ заключающіеся, дабы виды мои могли получить трудами г.г. членовъ совѣта то первоначальное воздѣланіе, которое нужно для испрошенія утвержденія на нихъ г. министра.

Мнѣ пріятно будетъ представить ему сіе, какъ доказательство того, что усердіемъ, благонамѣренностью, примѣрными трудами

вашими—университетъ казанскій не изнемогъ подъ крестами во дни искушенія и печали, но очистился ими, укрѣпился и вступилъ въ вожделѣнный періодъ благословенія Божія и доброй славы человѣческой и что, ежели поставленъ онъ въ примѣръ другимъ, то сумѣетъ заслужить честь сію примѣрными трудами“ [193].

Исполняя предписаніе попечителя, директоръ университета Владимірскій предложилъ созвать на 15-ое апрѣля 1822 года собраніе совѣта, на которомъ имъ, совмѣстно съ ректоромъ, была предложена вниманію членовъ университета доставленная Магницкимъ „Бесѣда съ казанскимъ университетомъ“. Въ этомъ собраніи „Бесѣда“ была заслушана по всѣмъ, уже извѣстнымъ намъ, статьямъ, причемъ совѣтъ тутъ же постановлялъ по существу ихъ свои опредѣленія, а по отношенію къ вводной или,—какъ она названа въ протоколѣ засѣданія,—„исторической“ ея части опредѣлилъ: „Принять ее къ свѣдѣнію, а духъ, оживотворяющій оную—въ руководство, и дать выписку съ нея г. адъюнкту Баженову, съ тѣмъ, что бы онъ благоволилъ руководствоваться первыми статьями оной въ сочиненіи университетской исторіи, а послѣдними въ составленіи курса всеобщей исторіи“. Въ заключеніе слушанія „Бесѣды“ совѣтъ постановилъ: „принести г. попечителю отъ лица университетскаго совѣта живѣйшую благодарность за тѣ заботы и попеченія, которыя его превосходительство принимаетъ на себя не только наблюдая за общимъ ходомъ дѣлъ университета, но и входя въ подробности оныхъ и давая наставленія, ведущія къ несомнѣнному успѣху въ усовершенствованіи какъ учебной, такъ и другихъ, частей“.

Всѣ наиболѣе существенныя черты „Бесѣды“ были включены въ отчетъ по университету за 1822-ой годъ, въ свое время представленный въ министерство, гдѣ фантазіи Магницкаго не встрѣтили, однако, того восторженнаго отзыва, съ какимъ отнесся къ нимъ раболѣпствовавшій передъ попечителемъ университетскій совѣтъ. Разсматривавшее этотъ отчетъ главное правленіе училищъ пришло къ заключенію, что „въ отчетѣ г. Магницкаго по казанскому округу усматриваются, большею частью, только предположенія на будущее время и находится очень мало свѣдѣній о томъ, что сдѣлано“; что „ученыя предпріятія, безъ сомнѣнія, похвальны и полезны, но они требуютъ свѣдущихъ лицъ и значительныхъ издержекъ, между тѣмъ какъ университетъ долженъ употреблять своихъ преподавателей наукъ и свои суммы преимущественно на приведеніе самого себя въ совершенное состояніе“. Не оставило главное правленіе училищъ безъ вниманія и отдѣльныхъ пред-

вашими—университетъ казанскій не изнемогъ подъ крестами во дни искушенія и печали, но очистился ими, укрѣпился и вступилъ въ вожделѣнный періодъ благословенія Божія и доброй славы человѣческой и что, ежели поставленъ онъ въ примѣръ другимъ, то сумѣетъ заслужить честь сію примѣрными трудами“ [193].

Исполняя предписаніе попечителя, директоръ университета Владимірскій предложилъ созвать на 15-ое апрѣля 1822 года собраніе совѣта, на которомъ имъ, совмѣстно съ ректоромъ, была предложена вниманію членовъ университета доставленная Магницкимъ „Бесѣда съ казанскимъ университетомъ“. Въ этомъ собраніи „Бесѣда“ была заслушана по всѣмъ, уже извѣстнымъ намъ, статьямъ, причемъ совѣтъ тутъ же постановлялъ по существу ихъ свои опредѣленія, а по отношенію къ вводной или,—какъ она названа въ протоколѣ засѣданія,—„исторической“ ея части опредѣлилъ: „Принять ее къ свѣдѣнію, а духъ, оживотворяющій оную—въ руководство, и дать выписку съ нея г. адъюнкту Баженову, съ тѣмъ, что бы онъ благоволилъ руководствоваться первыми статьями оной въ сочиненіи университетской исторіи, а послѣдними въ составленіи курса всеобщей исторіи“. Въ заключеніе слушанія „Бесѣды“ совѣтъ постановилъ: „принести г. попечителю отъ лица университетскаго совѣта живѣйшую благодарность за тѣ заботы и попеченія, которыя его превосходительство принимаетъ на себя не только наблюдая за общимъ ходомъ дѣлъ университета, но и входя въ подробности оныхъ и давая наставленія, ведущія къ несомнѣнному успѣху въ усовершенствованіи какъ учебной, такъ и другихъ частей“.

Всѣ наиболѣе существенныя черты „Бесѣды“ были включены въ отчетъ по университету за 1822-ой годъ, въ свое время представленный въ министерство, гдѣ фантазіи Магницкаго не встрѣтили, однако, того восторженнаго отзыва, съ какимъ отнесся къ нимъ раболѣпствовавшій передъ попечителемъ университетскій совѣтъ. Разсматривавшее этотъ отчетъ главное правленіе училищъ пришло къ заключенію, что „въ отчетѣ г. Магницкаго по казанскому округу усматриваются, большею частью, только предположенія на будущее время и находится очень мало свѣдѣній о томъ, что сдѣлано“; что „ученыя предпріятія, безъ сомнѣнія, похвальны и полезны, но они требуютъ свѣдущихъ лицъ и значительныхъ издержекъ, между тѣмъ какъ университетъ долженъ употреблять своихъ преподавателей наукъ и свои суммы преимущественно на приведеніе самого себя въ совершенное состояніе“. Не оставило главное правленіе училищъ безъ вниманія и отдѣльныхъ пред-

начертаній Магницкаго; та ъ, по поводу его мечтаній объ установленіи ученыхъ связей между казанскимъ университетомъ и индѣйскими браминами, главное правленіе весьма разумно поставило попечителю на видъ, что „удобнѣе было бы предоставить изученіе языка и вѣрованій браминовъ—англичанамъ, которымъ принадлежатъ обширныя владѣнія въ Остъ-Индіи и которые учредили уже для этой цѣли особое общество подъ названіемъ Asiatic Society" [194].

Какъ бы то ни было, но пресловутая „Бесѣда" Магницкаго, возбудивъ обширную и, большею частью, безплодную переписку, надѣлала въ свое время не мало хлопотъ и университету, и училищнымъ дирекціямъ округа, и даже самимъ центральнымъ органамъ министерства народнаго просвѣщенія.

Не мало хлопотъ доставило казанскому университету и его учебному округу и другое начинаніе Магницкаго, относящееся къ начальнымъ годамъ его попечительской дѣятельности и находившееся въ тѣснѣйшей связи съ тѣмъ, уже въ достаточной степени знакомымъ намъ, общимъ характеромъ эпохи, къ которой относится ревизія казанскаго университета Магницкимъ, назначеніе его попечителемъ округа и его изступленныя начинанія по „обновленію" ввѣреннаго ему университета. То была, какъ извѣстно, пора крайняго развитія мистицизма, поисковъ за „внутреннею правдою", „внутреннею церковью", стремленія построить и международную жизнь, и государственный строй, и науку, и всѣ проявленія русской общественности—на началахъ абсолютно и односторонне принимаемой идеи христіанскаго благочестія. Это глубоко-мистическое настроеніе всецѣло охватывало собою, въ ту пору, весь духовный міръ императора Александра; этому настроенію считали себя обязанными слѣдовать представители оффиціальной Россіи; это настроеніе находило себѣ отголосокъ,—болѣе или менѣе лишь искренній, конечно,—и въ верхнихъ слояхъ русскаго общества того времени. Не мало было въ ту эпоху броженія общественной мысли людей, искренне поддавшихся этому религіозно-мистическому настроенію, но едва ли не оказывалось на лицо огромное большинство искателей „внутренней церкви", сознательно надѣвавшихъ на себя маску лицемѣрнаго благочестія и юродствовавшихъ на этой почвѣ изъ цѣлей, не имѣвшихъ ничего общаго ни съ истинною религіозностью, ни съ поисками за внутреннею правдою, способною уравновѣсить блуждающую мысль, успокоить полную сомнѣній и духовныхъ запросовъ совѣсть. Показное благочестіе являлось въ глазамъ весьма многихъ людей

начертаній Магницкаго; та ъ, по поводу его мечтаній объ установленіи ученыхъ связей между казанскимъ университетомъ и индѣйскими браминами, главное правленіе весьма разумно поставило попечителю на видъ, что „удобнѣе было бы предоставить изученіе языка и вѣрованій браминовъ—англичанамъ, которымъ принадлежатъ обширныя владѣнія въ Остъ-Индіи и которые учредили уже для этой цѣли особое общество подъ названіемъ Asiatic Society" [194].

Какъ бы то ни было, но пресловутая „Бесѣда" Магницкаго, возбудивъ обширную и, большею частью, безплодную переписку, надѣлала въ свое время не мало хлопотъ и университету, и училищнымъ дирекціямъ округа, и даже самимъ центральнымъ органамъ министерства народнаго просвѣщенія.

Не мало хлопотъ доставило казанскому университету и его учебному округу и другое начинаніе Магницкаго, относящееся къ начальнымъ годамъ его попечительской дѣятельности и находившееся въ тѣснѣйшей связи съ тѣмъ, уже въ достаточной степени знакомымъ намъ, общимъ характеромъ эпохи, къ которой относится ревизія казанскаго университета Магницкимъ, назначеніе его попечителемъ округа и его изступленныя начинанія по „обновленію" ввѣреннаго ему университета. То была, какъ извѣстно, пора крайняго развитія мистицизма, поисковъ за „внутреннею правдою", „внутреннею церковью", стремленія построить и международную жизнь, и государственный строй, и науку, и всѣ проявленія русской общественности—на началахъ абсолютно и односторонне принимаемой идеи христіанскаго благочестія. Это глубоко-мистическое настроеніе всецѣло охватывало собою, въ ту пору, весь духовный міръ императора Александра; этому настроенію считали себя обязанными слѣдовать представители оффиціальной Россіи; это настроеніе находило себѣ отголосокъ,—болѣе или менѣе лишь искренній, конечно,—и въ верхнихъ слояхъ русскаго общества того времени. Не мало было въ ту эпоху броженія общественной мысли людей, искренне поддавшихся этому религіозно-мистическому настроенію, но едва ли не оказывалось на лицо огромное большинство искателей „внутренней церкви", сознательно надѣвавшихъ на себя маску лицемѣрнаго благочестія и юродствовавшихъ на этой почвѣ изъ цѣлей, не имѣвшихъ ничего общаго ни съ истинною религіозностью, ни съ поисками за внутреннею правдою, способною уравновѣсить блуждающую мысль, успокоить полную сомнѣній и духовныхъ запросовъ совѣсть. Показное благочестіе являлось въ глазамъ весьма многихъ людей

той эпохи лишь средствомъ для составленія себѣ карьеры или для обдѣлыванія своихъ личныхъ дѣлишекъ, вообще. Вспомнимъ отзывъ современника, И. И. Лажечникова, характеризующаго эту пору жизни русскаго общества „какъ время мистическаго настроенія, у однихъ искренняго, у другихъ—притворнаго", разсчитаннаго на „угожденіе или подражаніе сильнымъ лицамъ", время показной религіозности, мирно уживавшейся наряду съ „взяточничествомъ, съ продажностью мѣстъ, женъ, убѣжденій, обязанностей" *...

Однимъ изъ наиболѣе типичныхъ проявленій религіозно-мистическаго настроенія русской жизни занимающей насъ эпохи слѣдуетъ признать развитіе дѣятельности русскихъ библейскихъ обществъ, сѣть которыхъ широко разбросилась въ концѣ десятыхъ и въ началѣ двадцатыхъ годовъ XIX-го столѣтія по всей Россіи. Начальное возникновеніе у насъ библейско-общественной организаціи, перебросившейся къ намъ изъ Англіи, стояло въ тѣсной связи съ пріѣздомъ въ Петербургъ пастора Патерсона, явившагося съ ходатайствомъ о разрѣшеніи учредить библейское общество въ г. Або. Идея Патерсона встрѣтила себѣ горячій откликъ въ руководящихъ столичныхъ сферахъ, въ особенности же со стороны главноуправляющаго дѣлами иностранныхъ исповѣданій князя А. Н. Голицина, и 6-го декабря 1812 года императоромъ Александромъ былъ утвержденъ докладъ объ учрежденіи въ Петербургѣ „Россійскаго библейскаго общества", которое 11-го января слѣдующаго года и имѣло уже первое собраніе свое въ домѣ князя Голицина, избраннаго первымъ президентомъ его. Задачею вновь основаннаго общества поставлено было возможно широкое распространеніе библіи, снабженіе экземплярами ея не только лицъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, но даже „иновѣрцевъ, магометанъ и язычниковъ, входящихъ въ составъ россійской имперіи", и съ этою цѣлью издавать библію какъ въ славянскомъ текстѣ, такъ и въ переводахъ на различные языки, употребляемые въ предѣлахъ имперіи, не исключая и инородческихъ. Дѣятельность россійскаго библейскаго общества, покровительствуемая какъ самимъ императоромъ, такъ и его ближайшими сотрудниками, съ княземъ Голицинымъ въ ихъ главѣ, пошла быстрыми шагами по пути своего развитія и въ дополненіе къ петербургскому комитету общества стали одинъ за другимъ возникать и мѣстные комитеты, отдѣленія и „сотоварищества" россійскаго библейскаго общества, возникавшіе не только въ

---

* См. томъ III, стр. 281.

той эпохи лишь средствомъ для составленія себѣ карьеры или для обдѣлыванія своихъ личныхъ дѣлишекъ, вообще. Вспомнимъ отзывъ современника, И. И. Лажечникова, характеризующаго эту пору жизни русскаго общества „какъ время мистическаго настроенія, у однихъ искренняго, у другихъ—притворнаго", разсчитаннаго на „угожденіе или подражаніе сильнымъ лицамъ", время показной религіозности, мирно уживавшейся наряду съ „взяточничествомъ, съ продажностью мѣстъ, женъ, убѣжденій, обязанностей" *...

Однимъ изъ наиболѣе типичныхъ проявленій религіозно-мистическаго настроенія русской жизни занимающей насъ эпохи слѣдуетъ признать развитіе дѣятельности русскихъ библейскихъ обществъ, сѣть которыхъ широко разбросилась въ концѣ десятыхъ и въ началѣ двадцатыхъ годовъ XIX-го столѣтія по всей Россіи. Начальное возникновеніе у насъ библейско-общественной организаціи, перебросившейся къ намъ изъ Англіи, стояло въ тѣсной связи съ пріѣздомъ въ Петербургъ пастора Патерсона, явившагося съ ходатайствомъ о разрѣшеніи учредить библейское общество въ г. Або. Идея Патерсона встрѣтила себѣ горячій откликъ въ руководящихъ столичныхъ сферахъ, въ особенности же со стороны главноуправляющаго дѣлами иностранныхъ исповѣданій князя А. Н. Голицина, и 6-го декабря 1812 года императоромъ Александромъ былъ утвержденъ докладъ объ учрежденіи въ Петербургѣ „Россійскаго библейскаго общества", которое 11-го января слѣдующаго года и имѣло уже первое собраніе свое въ домѣ князя Голицина, избраннаго первымъ президентомъ его. Задачею вновь основаннаго общества поставлено было возможно широкое распространеніе библіи, снабженіе экземплярами ея не только лицъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, но даже „иновѣрцевъ, магометанъ и язычниковъ, входящихъ въ составъ россійской имперіи", и съ этою цѣлью издавать библію какъ въ славянскомъ текстѣ, такъ и въ переводахъ на различные языки, употребляемые въ предѣлахъ имперіи, не исключая и инородческихъ. Дѣятельность россійскаго библейскаго общества, покровительствуемая какъ самимъ императоромъ, такъ и его ближайшими сотрудниками, съ княземъ Голицинымъ въ ихъ главѣ, пошла быстрыми шагами по пути своего развитія и въ дополненіе къ петербургскому комитету общества стали одинъ за другимъ возникать и мѣстные комитеты, отдѣленія и „сотоварищества" россійскаго библейскаго общества, возникавшіе не только въ

---

* См. томъ III, стр. 281.

болѣе или менѣе крупныхъ центрахъ имперіи, но также въ городахъ уѣздныхъ и даже по сельскимъ приходамъ. Въ 1818-мъ году комитетъ российскаго библейскаго общества открытъ былъ и въ г. Казани *. Принадлежность къ центральному петербургскому или къ одному изъ мѣстныхъ комитетовъ и отдѣленій общества—являлась въ ту пору необходимостью для всякаго лица, занимавшаго то или другое видное служебное или общественное положеніе, а библія почиталась необходимою настольною книгою въ каждомъ домѣ: „У кого не было такой выставки,—вспоминаетъ Лажечниковъ,—считался чуть ли не еретикомъ; первый грѣховодникъ, первый взяточникъ, погрязшая въ интригахъ женщина—надѣвали на себя личину христіанскаго миссіонера". Мы знаемъ, что хлопоты Магницкаго, въ бытность его симбирскимъ губернаторомъ, по основанію въ Симбирскѣ мѣстнаго комитета библейскаго общества и по дальнѣйшему направленію дѣятельности этого послѣдняго, въ особенности же произнесенная имъ въ комитетѣ и „полюбившаяся императору и князю Голицыну" рѣчь —явились одною изъ точекъ соприкосновенія, посредствомъ которыхъ завязались кордіальныя отношенія между симбирскимъ губернаторомъ и министромъ народнаго просвѣщенія, въ результатѣ своемъ имѣвшія роковое назначеніе Магницкаго ревизоромъ казанскаго университета, а затѣмъ и попечителемъ учебнаго округа **.

Представляется вполнѣ естественнымъ, что, со вступленіемъ въ 1816-мъ году князя А. Н. Голицына въ званіе министра народнаго просвѣщенія, преслѣдовавшіяся библейскимъ обществомъ тенденціи не преминули коснуться и школы, создавъ въ области послѣдней тѣ потуги построить всю систему просвѣщенія на „основахъ христіанскаго благочестія", которыя съ такою краснорѣчивою рельефностью проходили передъ нашими глазами въ мѣропріятіяхъ Магницкаго по отношенію къ университету и его округу. На этой почвѣ усердіе мѣстныхъ органовъ доходило до того, что при одесскомъ Ришельевскомъ лицеѣ, напримѣръ, въ 1818-мъ году основано было „дѣтское библейское сотоварищество"; Магницкій же, какъ мы это видѣли, выписалъ для учебныхъ заведеній своего округа на 10 тыс. рублей книгъ священнаго писанія, установилъ въ университетѣ и училищахъ округа чисто монашескій режимъ жизни и обязалъ всѣхъ студентовъ и воспитанниковъ имѣть у себя экземпляры библіи. Не взирая на то, что

---

* Для ознакомленія съ дѣятельностью казанскаго комитета библейскаго общества мы можемъ указать интересующимся на его «Отчетъ за 1818, 1819, 1820, 1821 и 1822 года» (Каз., 1823, въ унив. тип.).

** См. томъ III, стр. 274—275, 281—282.

болѣе или менѣе крупныхъ центрахъ имперіи, но также въ городахъ уѣздныхъ и даже по сельскимъ приходамъ. Въ 1818-мъ году комитетъ россійскаго библейскаго общества открытъ былъ и въ г. Казани *. Принадлежность къ центральному петербургскому или къ одному изъ мѣстныхъ комитетовъ и отдѣленій общества—являлась въ ту пору необходимостью для всякаго лица, занимавшаго то или другое видное служебное или общественное положеніе, а библія почиталась необходимою настольною книгою въ каждомъ домѣ: „У кого не было такой выставки,—вспоминаетъ Лажечниковъ,—считался чуть ли не еретикомъ; первый грѣховодникъ, первый взяточникъ, погрязшая въ интригахъ женщина—надѣвали на себя личину христіанскаго миссіонера". Мы знаемъ, что хлопоты Магницкаго, въ бытность его симбирскимъ губернаторомъ, по основанію въ Симбирскѣ мѣстнаго комитета библейскаго общества и по дальнѣйшему направленію дѣятельности этого послѣдняго, въ особенности же произнесенная имъ въ комитетѣ и „полюбившаяся императору и князю Голицину" рѣчь—явились одною изъ точекъ соприкосновенія, посредствомъ которыхъ завязались кордіальныя отношенія между симбирскимъ губернаторомъ и министромъ народнаго просвѣщенія, въ результатѣ своемъ имѣвшія роковое назначеніе Магницкаго ревизоромъ казанскаго университета, а затѣмъ и попечителемъ учебнаго округа **.

Представляется вполнѣ естественнымъ, что, со вступленіемъ въ 1816-мъ году князя А. Н. Голицина въ званіе министра народнаго просвѣщенія, преслѣдовавшіяся библейскимъ обществомъ тенденціи не преминули коснуться и школы, создавъ въ области послѣдней тѣ потуги построить всю систему просвѣщенія на „основахъ христіанскаго благочестія", которыя съ такою краснорѣчивою рельефностью проходили передъ нашими глазами въ мѣропріятіяхъ Магницкаго по отношенію къ университету и его округу. На этой почвѣ усердіе мѣстныхъ органовъ доходило до того, что при одесскомъ Ришельевскомъ лицеѣ, напримѣръ, въ 1818-мъ году основано было „дѣтское библейское сотоварищество"; Магницкій же, какъ мы это видѣли, выписалъ для учебныхъ заведеній своего округа на 10 тыс. рублей книгъ священнаго писанія, установилъ въ университетѣ и училищахъ округа чисто монашескій режимъ жизни и обязалъ всѣхъ студентовъ и воспитанниковъ имѣть у себя экземпляры библіи. Не взирая на то, что

* Для ознакомленія съ дѣятельностью казанскаго комитета библейскаго общества мы можемъ указать интересующимся на его «Отчетъ за 1818, 1819, 1820, 1821 и 1822 года» (Каз., 1823, въ унив. тип.).

** См. томъ III, стр. 274—275, 281—282.

въ Казани уже съ 1818-го года функціонировалъ мѣстный комитетъ библейскаго общества, однимъ изъ раннихъ актовъ дѣятельности Магницкаго по вступленіи его въ должность попечителя округа явилось учрежденіе при университетѣ самостоятельнаго библейскаго сотоварищества. Ближайшимъ исполнителемъ попечителя въ области этого начинанія выступилъ директоръ университета, и на этой почвѣ разыгрался острый конфликтъ между Владимірскимъ и ректоромъ Г. И. Солнцевымъ,—конфликтъ, который, наряду съ другими проявленіями оппозиціоннаго положенія, уже рано занятаго проф. Солнцевымъ *, могъ явиться одною изъ многихъ причинъ разрыва между попечителемъ и неподатливымъ профессоромъ естественнаго права, имѣвшаго своимъ послѣдствіемъ оставленіе Солнцевымъ званія ректора, а затѣмъ и позорный эпизодъ университетскаго суда надъ нимъ.

Задумавъ основать при казанскомъ университетѣ „сотоварищество библейскаго общества", Магницкій и Владимірскій не сочли не только нужнымъ, но хотя бы только приличнымъ, дѣйствовать въ этомъ направленіи совмѣстно съ ректоромъ университета и, безъ вѣдома его, уполномочили студента Виноградскаго собирать, съ подписнымъ листомъ въ рукахъ, пожертвованія на будущее сотоварищество. Виноградскій довольно наивно обратился съ этимъ листомъ къ ректору университета и въ результатѣ явилось слѣдующее письмо проф. Солнцева къ директору университета, отъ 9-го января 1820 года:

„Милостивый Государь Александръ Павловичъ!—Вчерашняго дня студентъ Виноградскій приходилъ ко мнѣ съ подписнымъ листомъ на пожертвованія для товарищества библейскаго общества при здѣшнемъ университетѣ. Сей листъ ни вами не подписанъ, ни кѣмъ либо скрѣпленъ. Распространеніе Слова Божія—есть дѣло богоугодное, какимъ бы образомъ сіе не происходило. Впрочемъ, доселѣ я никакихъ свѣдѣній не имѣю: на какомъ основаніи сіе товарищество библейскаго общества существовать должно при здѣшнемъ университетѣ, какія лица именно составлять будутъ членовъ сего общества, заведеніе его непосредственно ли отъ высшаго начальства предположено или по вашему предположенію онымъ одобрено, или только вами принимаются предварительныя мѣры къ заведенію таковаго общества въ нѣдрахъ университета? Почему и прошу васъ, м. г., сообщить мнѣ точныя свѣдѣнія и предположенія, равно и высшаго начальства, ежели какіе есть, по сему столь важному предмету распоряженія".

---

* См. томъ III, стр. 366—378.

въ Казани уже съ 1818-го года функціонировалъ мѣстный комитетъ библейскаго общества, однимъ изъ раннихъ актовъ дѣятельности Магницкаго по вступленіи его въ должность попечителя округа явилось учрежденіе при университетѣ самостоятельнаго библейскаго сотоварищества. Ближайшимъ исполнителемъ попечителя въ области этого начинанія выступилъ директоръ университета, и на этой почвѣ разыгрался острый конфликтъ между Владимірскимъ и ректоромъ Г. И. Солнцевымъ,—конфликтъ, который, наряду съ другими проявленіями оппозиціоннаго положенія, уже рано занятаго проф. Солнцевымъ *, могъ явиться одною изъ многихъ причинъ разрыва между попечителемъ и неподатливымъ профессоромъ естественнаго права, имѣвшаго своимъ послѣдствіемъ оставленіе Солнцевымъ званія ректора, а затѣмъ и позорный эпизодъ университетскаго суда надъ нимъ.

Задумавъ основать при казанскомъ университетѣ „сотоварищество библейскаго общества", Магницкій и Владимірскій не сочли не только нужнымъ, но хотя бы только приличнымъ, дѣйствовать въ этомъ направленіи совмѣстно съ ректоромъ университета и, безъ вѣдома его, уполномочили студента Виноградскаго собирать, съ подписнымъ листомъ въ рукахъ, пожертвованія на будущее сотоварищество. Виноградскій довольно наивно обратился съ этимъ листомъ къ ректору университета и въ результатѣ явилось слѣдующее письмо проф. Солнцева къ директору университета, отъ 9-го января 1820 года:

„Милостивый Государь Александръ Павловичъ!—Вчерашняго дня студентъ Виноградскій приходилъ ко мнѣ съ подписнымъ листомъ на пожертвованія для товарищества библейскаго общества при здѣшнемъ университетѣ. Сей листъ ни вами не подписанъ, ни кѣмъ либо скрѣпленъ. Распространеніе Слова Божія—есть дѣло богоугодное, какимъ бы образомъ сіе не происходило. Впрочемъ, доселѣ я никакихъ свѣдѣній не имѣю: на какомъ основаніи сіе товарищество библейскаго общества существовать должно при здѣшнемъ университетѣ, какія лица именно составлять будутъ членовъ сего общества, заведеніе его непосредственно ли отъ высшаго начальства предположено или по вашему предположенію онымъ одобрено, или только вами принимаются предварительныя мѣры къ заведенію таковаго общества въ нѣдрахъ университета? Почему и прошу васъ, м. г., сообщить мнѣ точныя свѣдѣнія и предположенія, равно и высшаго начальства, ежели какіе есть, по сему столь важному предмету распоряженія".

---

* См. томъ III, стр. 366—378.

Владимірскаго, считавшаго себя, въ качествѣ непосредственнаго заместителя въ Казани личности попечителя, лицомъ не только равнымъ ректору, но даже предъ нимъ первенствующимъ и главнымъ начальникомъ университета *, не могли не уязвить какъ содержаніе, такъ и самый тонъ ректорскаго письма, въ которомъ проф. Солнцевъ обращался къ нему съ требованіемъ объясненія въ его дѣйствіяхъ, какъ начальникъ къ подчиненному. Директоръ университета далъ ректору въ тотъ же день письменный отвѣтъ, въ которомъ пояснялъ, что студентъ Виноградскій именно по его приказанію предложилъ ему подписной листъ, что листъ этотъ не былъ оформленъ потому, что „г. Виноградскій есть уже членъ библейскаго общества и самъ по себѣ имѣетъ право и обязанность склонять въ сіе общество кого можетъ“, и что „сіе посредство г. Виноградскаго было продолженіемъ того настоянія моего о наклоненіи васъ въ пользу библейскаго общества, о которомъ я лично бесѣдовалъ съ вами многократно“. Эти послѣднія слова даютъ намъ основаніе думать, что предшествовавшіе переговоры между ректоромъ и директоромъ поселили въ послѣднемъ изъ нихъ подозрѣніе въ несочувствіи Солнцева дѣлу привлеченія университета къ библейской организаціи, что и могло побудить Владимірскаго дѣйствовать, въ данномъ случаѣ, на собственный страхъ. Бросивъ ректору ироническое замѣчаніе, что изъ ряда поставленныхъ имъ запросовъ „примѣтно, что вы не изволите знать о началахъ и составѣ россійскаго библейскаго общества, а только извѣстна вамъ цѣль онаго—распространеніе Слова Божія“, директоръ замѣчаетъ, что формальное представленіе по высшему начальству относительно разрѣшенія при университетѣ библейскаго сотоварищества—„выставило бы невѣдѣніе въ дѣлѣ, всюду извѣстномъ, и невѣдѣніе, притомъ, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ прежде всѣхъ и каждому приличествуетъ знать, что начало премудрости есть—страхъ Господень“. Письмо заканчивается вызовомъ, разсчитаннымъ уже на прямое моральное давленіе по отношенію къ ректору: „Кромѣ васъ, милостивый государь, всѣ преподаватели усердствуютъ на учрежденіе въ университетѣ сотоварищества библейскаго и мнѣ при семъ случаѣ остается просить ваше высокородіе—не угодно ли и вамъ будетъ благоволить къ тому, и уже на письменное сіе приглашеніе письменно и отвѣчать“.

Солнцевъ не замедлилъ отвѣтомъ на директорскій вызовъ и далъ ему достойный отпоръ слѣдующимъ письмомъ отъ 11-го января:

* См. томъ III, стр. 341.

Владимірскаго, считавшаго себя, въ качествѣ непосредственнаго замѣстителя въ Казани личности попечителя, лицомъ не только равнымъ ректору, но даже предъ нимъ первенствующимъ и главнымъ начальникомъ университета *, не могли не уязвить какъ содержаніе, такъ и самый тонъ ректорскаго письма, въ которомъ проф. Солнцевъ обращался къ нему съ требованіемъ объясненія въ его дѣйствіяхъ, какъ начальникъ къ подчиненному. Директоръ университета далъ ректору въ тотъ же день письменный отвѣтъ, въ которомъ пояснялъ, что студентъ Виноградскій именно по его приказанію предложилъ ему подписной листъ, что листъ этотъ не былъ оформленъ потому, что „г. Виноградскій есть уже членъ библейскаго общества и самъ по себѣ имѣетъ право и обязанность склонять въ сіе общество кого можетъ", и что „сіе посредство г. Виноградскаго было продолженіемъ того настоянія моего о наклоненіи васъ въ пользу библейскаго общества, о которомъ я лично бесѣдовалъ съ вами многократно". Эти послѣднія слова даютъ намъ основаніе думать, что предшествовавшіе переговоры между ректоромъ и директоромъ поселили въ послѣднемъ изъ нихъ подозрѣніе въ несочувствіи Солнцева дѣлу привлеченія университета къ библейской организаціи, что и могло побудить Владимірскаго дѣйствовать, въ данномъ случаѣ, на собственный страхъ. Бросивъ ректору ироническое замѣчаніе, что изъ ряда поставленныхъ имъ запросовъ „примѣтно, что вы не изволите знать о началахъ и составѣ россійскаго библейскаго общества, а только извѣстна вамъ цѣль онаго—распространеніе Слова Божія", директоръ замѣчаетъ, что формальное представленіе по высшему начальству относительно разрѣшенія при университетѣ библейскаго сотоварищества—„выставило бы невѣдѣніе въ дѣлѣ, всюду извѣстномъ, и невѣдѣніе, притомъ, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ прежде всѣхъ и каждому приличествуетъ знать, что начало премудрости есть—страхъ Господень". Письмо заканчивается вызовомъ, разсчитаннымъ уже на прямое моральное давленіе по отношенію къ ректору: „Кромѣ васъ, милостивый государь, всѣ преподаватели усердствуютъ на учрежденіе въ университетѣ сотоварищества библейскаго и мнѣ при семъ случаѣ остается просить ваше высокородіе—не угодно ли и вамъ будетъ благоволить къ тому, и уже на письменное сіе приглашеніе письменно и отвѣчать".

Солнцевъ не замедлилъ отвѣтомъ на директорскій вызовъ и далъ ему достойный отпоръ слѣдующимъ письмомъ отъ 11-го января:

* См. томъ III, стр. 341.

„На почтеннѣйшее отношеніе ваше отъ 9-го января честь имѣю отвѣтствовать: по поводу приносимаго ко мнѣ подписного листа я относился къ вамъ не какъ частный человѣкъ, но по долгу моего званія, для того, что бы подробное имѣть мнѣ свѣдѣніе о предполагаемомъ сотовариществѣ библейскаго общества и что бы, затѣмъ, по сему предмету сдѣлать съ моей стороны зависящія распоряженія; сверхъ же сего и по самому званію моему я обязанъ знать о всѣхъ важнѣйшихъ въ университетѣ происшествіяхъ и новыхъ учрежденіяхъ. Хотя вы, м. г., лично и имѣли со мною разговоръ о библейскомъ обществѣ, но, сколько помню, предметъ разговора касался только вообще до общества библейскаго и казанскаго отдѣленія онаго; о предположеніи же вашемъ въ разсужденіи сотоварищества онаго при самомъ университетѣ—бесѣды между нами не было и вы не почтили меня письменнымъ отъ лица вашего отношеніемъ по сему предмету. Если бы я имѣлъ въ виду ваше отношеніе таковое, то, по собственному моему убѣжденію и по долгу званія моего, сдѣлалъ бы надлежащее распоряженіе и, въ такомъ случаѣ, посредство студента Виноградскаго не было бы въ разсужденіи меня употреблено къ тому мѣрою".

Успокоивъ, затѣмъ, Владимірскаго на счетъ достаточной освѣдомленности своей въ задачахъ и въ постановкѣ дѣла библейскаго общества и увѣривъ его, что принципіально онъ, ректоръ, противъ образованія при университетѣ сотоварищества этого общества ничего не имѣетъ и даже будетъ желать ему всяческаго процвѣтанія, Солнцевъ категорически высказывается противъ активнаго участія въ дѣлахъ сотоварищества студентовъ, такъ какъ ихъ, по его мнѣнію—„приличнѣе было бы имѣть въ семъ обществѣ не въ качествѣ сочленовъ онаго, а только въ качествѣ молодыхъ людей, руководствуемыхъ ихъ наставниками и начальствующими въ упражненіи Слова Божія, ибо они, по ихъ незрѣлому возрасту, не могутъ быть еще сѣятелями высокихъ христіанскихъ истинъ для другихъ, а надлежитъ собственное ихъ сердце пріуготовить и содѣлать плодоносною нивою для боголюбезной жатвы". Ректоръ заключаетъ свою отповѣдь замѣчаніемъ, что къ намѣченной директоромъ цѣли, какъ и ко всякой цѣли—„можно бы было приближаться, воздавая Божіе—Богови, а кесарево—Кесарю".

Ректорскій отвѣтъ совершенно не удовлетворилъ Владимірскаго, такъ какъ предлагавшаяся Солнцевымъ постановка дѣла, съ прозрачнымъ намекомъ на возданіе „кесарю—кесарева, а Богу—Божія", шла въ разрѣзъ тѣмъ показнымъ религіозно-воспитательнымъ цѣлямъ, какія думали придать университетскому библейскому сотовариществу и Магницкій и Владимір-

„На почтеннѣйшее отношеніе ваше отъ 9-го января честь имѣю отвѣтствовать: по поводу приносимаго ко мнѣ подписного листа я относился къ вамъ не какъ частный человѣкъ, но по долгу моего званія, для того, что бы подробное имѣть мнѣ свѣдѣніе о предполагаемомъ сотовариществѣ библейскаго общества и что бы, затѣмъ, по сему предмету сдѣлать съ моей стороны зависящія распоряженія; сверхъ же сего и по самому званію моему я обязанъ знать о всѣхъ важнѣйшихъ въ университетѣ происшествіяхъ и новыхъ учрежденіяхъ. Хотя вы, м. г., лично и имѣли со мною разговоръ о библейскомъ обществѣ, но, сколько помню, предметъ разговора касался только вообще до общества библейскаго и казанскаго отдѣленія онаго; о предположеніи же вашемъ въ разсужденіи сотоварищества онаго при самомъ университетѣ—бесѣды между нами не было и вы не почтили меня письменнымъ отъ лица вашего отношеніемъ по сему предмету. Если бы я имѣлъ въ виду ваше отношеніе таковое, то, по собственному моему убѣжденію и по долгу званія моего, сдѣлалъ бы надлежащее распоряженіе и, въ такомъ случаѣ, посредство студента Виноградскаго не было бы въ разсужденіи меня употреблено къ тому мѣрою“.

Успокоивъ, затѣмъ, Владимірскаго на счетъ достаточной освѣдомленности своей въ задачахъ и въ постановкѣ дѣла библейскаго общества и увѣривъ его, что принципіально онъ, ректоръ, противъ образованія при университетѣ сотоварищества этого общества ничего не имѣетъ и даже будетъ желать ему всяческаго процвѣтанія, Солнцевъ категорически высказывается противъ активнаго участія въ дѣлахъ сотоварищества студентовъ, такъ какъ ихъ, по его мнѣнію—„приличнѣе было бы имѣть въ семъ обществѣ не въ качествѣ сочленовъ онаго, а только въ качествѣ молодыхъ людей, руководствуемыхъ ихъ наставниками и начальствующими въ упражненіи Слова Божія, ибо они, по ихъ незрѣлому возрасту, не могутъ быть еще сѣятелями высокихъ христіанскихъ истинъ для другихъ, а надлежитъ собственное ихъ сердце пріуготовить и содѣлать плодоносною нивою для боголюбезной жатвы“. Ректоръ заключаетъ свою отповѣдь замѣчаніемъ, что къ намѣченной директоромъ цѣли, какъ и ко всякой цѣли—„можно бы было приближаться, воздавая Божіе—Богови, а кесарево—Кесарю“.

Ректорскій отвѣтъ совершенно не удовлетворилъ Владимірскаго, такъ какъ предлагавшаяся Солнцевымъ постановка дѣла, съ прозрачнымъ намекомъ на возданіе „кесарю—кесарева, а Богу—Божія“, шла въ разрѣзъ тѣмъ показнымъ религіозно-воспитательнымъ цѣлямъ, какія думали придать университетскому библейскому сотовариществу и Магницкій и Владимір-

скій. Директоръ университета ограничился, тѣмъ не менѣе, лишь слѣдующею характерною отмѣткою на подлинномъ письмѣ Солнцева отъ 11-го января: „Изъ всего видно, что г. ректоръ совсѣмъ не знаетъ ни основаній, ни состава библейскаго общества, а потому предоставляю волѣ Божіей, когда будетъ угодно Промыслу, что бы уразумѣлъ онъ, г. ректоръ, о семъ дѣлѣ по надлежащему и по истинному“ [195].

Пререканія, возникшія между директоромъ и ректоромъ университета, не могли повліять, конечно, на осуществленіе мысли объ университетскомъ сотовариществѣ библейскаго общества, торжественное открытіе котораго и состоялось 12-го марта 1820 года, будучи пріурочено ко дню восшествія на престолъ государя императора. Сопровождавшійся обычными въ случаяхъ подобнаго рода молебствіемъ, религіозными пѣснопѣніями и чтеніемъ подходящихъ рѣчей, актъ открытія сотоварищества завершился избраніемъ его комитета, во главѣ котораго, съ званіемъ „первенствующаго директора“, сталъ университетскій преподаватель богословія архимандритъ Ѳеофанъ, членами же комитета, съ званіемъ „засѣдающихъ директоровъ“, избранными оказались: университетскій духовникъ протоіерей Нечаевъ, ректоръ Солнцевъ, директоръ Владимірскій (онъ же секретарь сотоварищества), инспекторъ студентовъ Барсовъ (онъ же казначей сотоварищества), профессоры Фуксъ, Бартельсъ, Городчаниновъ, Никольскій, Эрдманъ, Перевощиковъ, Вердерамо, Кондыревъ, Лобачевскій, директоръ училищъ казанской губерніи Николаевъ, адъюнкты Дунаевъ, Тимьянскій и Булыгинъ (онъ же библіотекарь сотоварищества), магистръ Кайсаровъ и учителя Васильевъ и Рыбушкинъ. Изъ акта открытія сотоварищества узнаемъ, что личный составъ его образовался изъ 61 дѣйствительнаго члена и 38 членовъ - благотворителей; средства сотоварищества составляли „суммы приношеній, ежегодныхъ—ассигнаціями 125 рублей, серебромъ 70 р. 35 коп., единовременныхъ—ассигнаціями и мѣдью 23 р. 80 к., серебромъ 26 р. 5 копѣекъ“. Какъ и слѣдовало ожидать, Магницкому было поднесено почетное званіе „засѣдающаго директора“, а слѣдомъ затѣмъ, въ уваженіе дѣятельности его „въ распространеніи слова жизни и спасенія“, и званіе почетнаго вице-президента сотоварищества. Въ видахъ ознакомленія нашихъ читателей съ задачами, намѣченными для дѣятельности университетскаго библейскаго сотоварищества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ задачами, преслѣдовавшимися и всѣми другими учрежденіями того же рода, не лишнимъ считаемъ привести здѣсь самыя „правила“, выработанныя для вновь открытаго сотоварищества:

скій. Директоръ университета ограничился, тѣмъ не менѣе, лишь слѣдующею характерною отмѣткою на подлинномъ письмѣ Солнцева отъ 11-го января: „Изъ всего видно, что г. ректоръ совсѣмъ не знаетъ ни основаній, ни состава библейскаго общества, а потому предоставляю волѣ Божіей, когда будетъ угодно Промыслу, что бы уразумѣлъ онъ, г. ректоръ, о семъ дѣлѣ по надлежащему и по истинному“ [195].

Пререканія, возникшія между директоромъ и ректоромъ университета, не могли повліять, конечно, на осуществленіе мысли объ университетскомъ сотовариществѣ библейскаго общества, торжественное открытіе котораго и состоялось 12-го марта 1820 года, будучи пріурочено ко дню восшествія на престолъ государя императора. Сопровождавшійся обычными въ случаяхъ подобнаго рода молебствіемъ, религіозными пѣснопѣніями и чтеніемъ подходящихъ рѣчей, актъ открытія сотоварищества завершился избраніемъ его комитета, во главѣ котораго, съ званіемъ „первенствующаго директора“, сталъ университетскій преподаватель богословія архимандритъ Ѳеофанъ, членами же комитета, съ званіемъ „засѣдающихъ директоровъ“, избранными оказались: университетскій духовникъ протоіерей Нечаевъ, ректоръ Солнцевъ, директоръ Владимірскій (онъ же секретарь сотоварищества), инспекторъ студентовъ Барсовъ (онъ же казначей сотоварищества), профессоры Фуксъ, Бартельсъ, Городчаниновъ, Никольскій, Эрдманъ, Перевощиковъ, Вердерамо, Кондыревъ, Лобачевскій, директоръ училищъ казанской губерніи Николаевъ, адъюнкты Дунаевъ, Тимьянскій и Булыгинъ (онъ же библіотекарь сотоварищества), магистръ Кайсаровъ и учителя Васильевъ и Рыбушкинъ. Изъ акта открытія сотоварищества узнаемъ, что личный составъ его образовался изъ 61 дѣйствительнаго члена и 38 членовъ-благотворителей; средства сотоварищества составляли „суммы приношеній, ежегодныхъ—ассигнаціями 125 рублей, серебромъ 70 р. 35 коп., единовременныхъ—ассигнаціями и мѣдью 23 р. 80 к., серебромъ 26 р. 5 копѣекъ“. Какъ и слѣдовало ожидать, Магницкому было поднесено почетное званіе „засѣдающаго директора“, а слѣдомъ затѣмъ, въ уваженіе дѣятельности его „въ распространеніи слова жизни и спасенія“, и званіе почетнаго вице-президента сотоварищества. Въ видахъ ознакомленія нашихъ читателей съ задачами, намѣченными для дѣятельности университетскаго библейскаго сотоварищества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ задачами, преслѣдовавшимися и всѣми другими учрежденіями того же рода, не лишнимъ считаемъ привести здѣсь самыя „правила“, выработанныя для вновь открытаго сотоварищества:

ПРАВИЛА
для библейскаго сотоварищества въ Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

I. Цѣль казанскаго университетскаго библейскаго сотоварищества есть вспомоществованіе казанскому отдѣленію россійскаго библейскаго общества въ дѣйствіяхъ его, для приведенія въ наивозможно большее по университету и его заведеніямъ употребленіе книгъ священнаго писанія ветхаго и новаго завѣтовъ, безъ всякихъ на оныя примѣчаній и поясненій.

II. Императорскаго казанскаго университета библейское сотоварищество состоитъ изъ особъ и лицъ всякаго вѣроисповѣданія христіанскаго, всякаго званія, возраста и пола, въ университетѣ и подъ вѣдомствомъ его живущихъ, кои приношеніями своими пожелаютъ принять участіе въ трудахъ россійскаго библейскаго общества.

III. Подписывающіеся на постоянный взносъ какой либо суммы ежегодно, ежемѣсячно или еженедѣльно—признаются членами, а дающіе единовременное приношеніе—благотворителями россійскаго библейскаго общества, вообще, по казанскому отдѣленію, но принадлежатъ въ особенности къ казанскому университетскому библейскому сотовариществу.

IV. Дѣломъ казанскаго университетскаго библейскаго сотоварищества управляетъ, избранный изъ членовъ онаго, извѣстныхъ наиболѣе усердіемъ своимъ къ разумноженію чтенія слова Божія, комитетъ, который, подъ предсѣдательствомъ первенствующаго директора, состоитъ изъ двухъ или болѣе васѣдающихъ директоровъ, казначея и одного секретаря. Въ отсутствіи первенствующаго директора мѣсто его заступаетъ слѣдующій по немъ.

V. Комитетъ императорскаго казанскаго университета библейскаго сотоварищества всѣмѣрно старается о приведеніи въ большую извѣстность цѣлей россійскаго библейскаго общества въ университетѣ и заведеніяхъ его. Для сего учреждаетъ корреспонденцію съ лицами, въ вѣдомствѣ его живущими, и доставляетъ всѣ отчеты и книжки о цѣли и успѣхахъ общества, отъ онаго издаваемыя, собираетъ денежныя приношенія въ подкрѣпленіе дѣйствій общества и, по мѣрѣ накопленія сихъ приношеній, по прошествіи одного или нѣсколькихъ мѣсяцевъ, отсылаетъ оныя на сей конецъ комитету казанскаго отдѣленія. Книги священнаго писанія комитетъ императорскаго казанскаго университета сотоварищества получаетъ отъ комитета отдѣленія по мѣрѣ того, сколько оныхъ первому надобно и сколько послѣдній оныхъ добавить можетъ, для распродажи и раздачи въ вѣдомствѣ. Выручаемыя отъ распродажи экземпляровъ деньги посылаетъ также въ комитетъ отдѣленія, показывая ихъ при посылкѣ особо отъ приношеній и увѣдомляя также, сколько и какихъ экземпляровъ роздано безденежно, буде сіе было.

VI. Члены комитета императорскаго казанскаго университета сотоварищества посѣщаютъ, по возможности сами, жилища бѣдныхъ людей, освѣдомляясь о нуждѣ ихъ въ книгахъ священнаго писанія и о средствахъ къ пріобрѣтенію оныхъ, доставляютъ надобные экземпляры за положенную цѣну или, если при усердномъ желаніи чтенія слова Божія усматривается въ какомъ семействѣ самая крайняя бѣдность, то и даромъ.

VII. Комитетъ собирается каждый мѣсяцъ по одному разу, а если нужда потребуетъ, то и чаще. Въ засѣданіяхъ своихъ комитетъ занимается разсмотрѣніемъ успѣха въ дѣлахъ своихъ и количества собранныхъ суммъ, разсужденіемъ о запасеніи себя потребнымъ числомъ

ПРАВИЛА
для библейскаго сотоварищества въ Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

I. Цѣль казанскаго университетскаго библейскаго сотоварищества есть вспомоществованіе казанскому отдѣленію россійскаго библейскаго общества въ дѣйствіяхъ его, для приведенія въ наивозможно большее по университету и его заведеніямъ употребленіе книгъ священнаго писанія ветхаго и новаго завѣтовъ, безъ всякихъ на оныя примѣчаній и поясненій.

II. Императорскаго казанскаго университета библейское сотоварищество состоитъ изъ особъ и лицъ всякаго вѣроисповѣданія христіанскаго, всякаго званія, возраста и пола, въ университетѣ и подъ вѣдомствомъ его живущихъ, кои приношеніями своими пожелаютъ принять участіе въ трудахъ россійскаго библейскаго общества.

III. Подписывающіеся на постоянный взносъ какой либо суммы ежегодно, ежемѣсячно или еженедѣльно—признаются членами, а дающіе единовременное приношеніе—благотворителями россійскаго библейскаго общества, вообще, по казанскому отдѣленію, но принадлежатъ въ особенности къ казанскому университетскому библейскому сотовариществу.

IV. Дѣломъ казанскаго университетскаго библейскаго сотоварищества управляетъ, избранный изъ членовъ онаго, извѣстныхъ наиболѣе усердіемъ своимъ къ разумноженію чтенія слова Божія, комитетъ, который, подъ предсѣдательствомъ первенствующаго директора, состоитъ изъ двухъ или болѣе васѣдающихъ директоровъ, казначея и одного секретаря. Въ отсутствіи первенствующаго директора мѣсто его заступаетъ слѣдующій по немъ.

V. Комитетъ императорскаго казанскаго университета библейскаго сотоварищества всѣмѣрно старается о приведеніи въ большую извѣстность цѣлей россійскаго библейскаго общества въ университетѣ и заведеніяхъ его. Для сего учреждаетъ корреспонденцію съ лицами, въ вѣдомствѣ его живущими, и доставляетъ всѣ отчеты и книжки о цѣли и успѣхахъ общества, отъ онаго издаваемыя, собираетъ денежныя приношенія въ подкрѣпленіе дѣйствій общества и, по мѣрѣ накопленія сихъ приношеній, по прошествіи одного или нѣсколькихъ мѣсяцевъ, отсылаетъ оныя на сей конецъ комитету казанскаго отдѣленія. Книги священнаго писанія комитетъ императорскаго казанскаго университета сотоварищества получаетъ отъ комитета отдѣленія по мѣрѣ того, сколько оныхъ первому надобно и сколько послѣдній оныхъ добавить можетъ, для распродажи и раздачи въ вѣдомствѣ. Выручаемыя отъ распродажи экземпляровъ деньги посылаетъ также въ комитетъ отдѣленія, показывая ихъ при посылкѣ особо отъ приношеній и увѣдомляя также, сколько и какихъ экземпляровъ роздано безденежно, буде сіе было.

VI. Члены комитета императорскаго казанскаго университета сотоварищества посѣщаютъ, по возможности сами, жилища бѣдныхъ людей, освѣдомляясь о нуждѣ ихъ въ книгахъ священнаго писанія и о средствахъ къ пріобрѣтенію оныхъ, доставляютъ надобные экземпляры за положенную цѣну или, если при усердномъ желаніи чтенія слова Божія усматривается въ какомъ семействѣ самая крайняя бѣдность, то и даромъ.

VII. Комитетъ собирается каждый мѣсяцъ по одному разу, а если нужда потребуетъ, то и чаще. Въ засѣданіяхъ своихъ комитетъ занимается разсмотрѣніемъ успѣха въ дѣлахъ своихъ и количества собранныхъ суммъ, разсужденіемъ о запасеніи себя потребнымъ числомъ

библій и новыхъ завѣтовъ на тѣхъ языкахъ, на коихъ оныя для сословій, университету подвѣдомственныхъ, нужны, прочтеніемъ получаемыхъ бумагъ и сношеній разныхъ мѣстъ и лицъ съ комитетомъ и разрѣшеніемъ, что отвѣтствовать на оныя. Время засѣданій комитета назначаетъ первенствующій директоръ.

VIII. Каждый годъ въ декабрѣ наличные въ императорскомъ казанскомъ университетѣ члены библейскаго общества имѣютъ генеральное собраніе, въ которомъ читается отчетъ комитета казанскаго университетскаго сотоварищества въ управленіи имъ дѣлами и общественными суммами въ истеченіи года. Таковой отчетъ, вмѣстѣ съ именнымъ спискомъ членовъ и благотворителей по алфавиту, а также съ копіями достопримѣчательныхъ писемъ, въ теченіи года комитетомъ сотоварищества полученныхъ, препровождается немедленно въ комитетъ казанскаго отдѣленія.

IX. Въ генеральномъ собраніи, по прочтеніи отчета, избираются новые директоры на мѣсто тѣхъ, кои пожелаютъ сложить съ себя сіе званіе или выбудутъ какимъ либо другимъ образомъ [196].

Открывъ сотоварищество библейскаго общества при казанскомъ университетѣ, директоръ этого послѣдняго Владимірскій, на котораго, какъ мы видѣли, возложена была обязанность общаго блюстительства надъ водвореніемъ въ округѣ благочестія, не замедлилъ принятіемъ мѣръ къ открытію такихъ же сотовариществъ и при учебныхъ заведеніяхъ—гимназіяхъ и даже уѣздныхъ училищахъ, причемъ дѣятельность въ этомъ направленіи поставлялась училищнымъ начальствамъ въ особую заслугу. Каждое изъ такихъ сотовариществъ, съ точекъ зрѣнія организаціи, задачъ и порядка дѣятельности, являлось,—хотя, конечно, въ меньшемъ масштабѣ, — лишь сколкомъ съ центральнаго сотоварищества университетскаго. Первымъ по времени явилось библейское сотоварищество при вятской гимназіи, открывшееся 21-го ноября 1820 года; слѣдомъ затѣмъ открыты были такія же сотоварищества при гимназіяхъ симбирской (27-го февраля 1821 г.) и нижегородской (3-го апрѣля 1821 г.), при уѣздныхъ училищахъ кизлярскомъ и моздокскомъ (1-го и 30-го мая 1821 г.), при гимназіяхъ тобольской (26-го сентября 1821 г.), пермской (3-го іюля 1821 г.) и пензенской (18-го сентября 1821 г.) и т. д. Получая донесенія объ открытіи новыхъ училищныхъ библейскихъ сотовариществъ, попечитель не упускалъ случаевъ усиленно рекомендовать директору университета побуждать „къ заведенію помянутыхъ сотовариществъ всѣхъ директоровъ училищъ округа, гдѣ подобныя сему сотоварищества еще не возникли, и внушать имъ о заведеніи сему подобныхъ“. Объ успѣшномъ ходѣ дѣла по открытію при училищахъ округа новыхъ библейскихъ сотовариществъ свидѣтельствуютъ и годичные университетскіе отчеты: „Число библейскихъ сотовариществъ по училищамъ казанскаго учебнаго округа умно-

библій и новыхъ завѣтовъ на тѣхъ языкахъ, на коихъ оныя для сословій, университету подвѣдомственныхъ, нужны, прочтеніемъ получаемыхъ бумагъ и сношеній разныхъ мѣстъ и лицъ съ комитетомъ и разрѣшеніемъ, что отвѣтствовать на оныя. Время засѣданій комитета назначаетъ первенствующій директоръ.

VIII. Каждый годъ въ декабрѣ наличные въ императорскомъ казанскомъ университетѣ члены библейскаго общества имѣютъ генеральное собраніе, въ которомъ читается отчетъ комитета казанскаго университетскаго сотоварищества въ управленіи имъ дѣлами и общественными суммами въ истеченіи года. Таковой отчетъ, вмѣстѣ съ именнымъ спискомъ членовъ и благотворителей по алфавиту, а также съ копіями достопримѣчательныхъ писемъ, въ теченіи года комитетомъ сотоварищества полученныхъ, препровождается немедленно въ комитетъ казанскаго отдѣленія.

IX. Въ генеральномъ собраніи, по прочтеніи отчета, избираются новые директоры на мѣсто тѣхъ, кои пожелаютъ сложить съ себя сіе званіе или выбудутъ какимъ либо другимъ образомъ [198].

Открывъ сотоварищество библейскаго общества при казанскомъ университетѣ, директоръ этого послѣдняго Владимірскій, на котораго, какъ мы видѣли, возложена была обязанность общаго блюстительства надъ водвореніемъ въ округѣ благочестія, не замедлилъ принятіемъ мѣръ къ открытію такихъ же сотовариществъ и при учебныхъ заведеніяхъ—гимназіяхъ и даже уѣздныхъ училищахъ, причемъ дѣятельность въ этомъ направленіи поставлялась училищнымъ начальствамъ въ особую заслугу. Каждое изъ такихъ сотовариществъ, съ точекъ зрѣнія организаціи, задачъ и порядка дѣятельности, являлось,—хотя, конечно, въ меньшемъ масштабѣ, — лишь сколкомъ съ центральнаго сотоварищества университетскаго. Первымъ по времени явилось библейское сотоварищество при вятской гимназіи, открывшееся 21-го ноября 1820 года; слѣдомъ затѣмъ открыты были такія же сотоварищества при гимназіяхъ симбирской (27-го февраля 1821 г.) и нижегородской (3-го апрѣля 1821 г.), при уѣздныхъ училищахъ кизлярскомъ и моздокскомъ (1-го и 30-го мая 1821 г.), при гимназіяхъ тобольской (26-го сентября 1821 г.), пермской (3-го іюля 1821 г.) и пензенской (18-го сентября 1821 г.) и т. д. Получая донесенія объ открытіи новыхъ училищныхъ библейскихъ сотовариществъ, попечитель не упускалъ случаевъ усиленно рекомендовать директору университета побуждать „къ заведенію помянутыхъ сотовариществъ всѣхъ директоровъ училищъ округа, гдѣ подобныя сему сотоварищества еще не возникли, и внушать имъ о заведеніи сему подобныхъ“. Объ успѣшномъ ходѣ дѣла по открытію при училищахъ округа новыхъ библейскихъ сотовариществъ свидѣтельствуютъ и годичные университетскіе отчеты: „Число библейскихъ сотовариществъ по училищамъ казанскаго учебнаго округа умно-

жилось въ теченіи сего академическаго года пятью новыми,—читаемъ въ отчетѣ за 1821—22 уч. годъ.—И такъ вышли еще сѣятели слова Божія! Да не сѣтуютъ они, если иное падетъ на камени, иное при пути, иное въ терніи: зерна, падшія въ одно доброе сердце, принесутъ сторичный плодъ и тѣмъ вознаградятъ ихъ благое попеченіе"... Само собою разумѣется, что лица, стоявшія во главѣ какъ общихъ, такъ и собственно училищныхъ библейскихъ организацій старались всѣми мѣрами рекламировать дѣятельность подвѣдомыхъ имъ учрежденій, не стѣсняясь явными натяжками и преувеличеніями, что являлось лишь простымъ отраженіемъ лицемѣрія и фарисейства, бывшихъ въ весьма значительной степени присущими нашей библейской пропагандѣ той эпохи и въ такихъ яркихъ краскахъ обличенныхъ И. И. Лажечниковымъ. Такъ, напримѣръ, описывая успѣхи библейской дѣятельности среди инородческаго населенія казанскаго края, отчетъ по казанскому библейскому комитету за 1822-й годъ свидѣтельствуетъ, что „въ сихъ народахъ истина Божія возъимѣла рѣшительный перевѣсъ надъ предразсудками и суевѣрными ихъ мнѣніями и изощряетъ духовное око ихъ къ разумѣнію того, что прежде сокрыто было отъ помраченнаго смысла ихъ", что „не богатые только и разумѣющіе важность евангелія, но и бѣдные, отъ безпокойнаго и болѣзненнаго ощущенія физическихъ нуждъ не дающіе вѣждамъ дреманія и въ кровавомъ потѣ пріобрѣтающіе себѣ насущный хлѣбъ—и тѣ самые обратились къ слову Божію"; что „любовь къ слову Божію въ сердцахъ человѣческихъ возбуждена до того, что многіе, принимая душеспасительныя книги, въ несказанномъ восторгѣ лобызаютъ оныя неоднократно, иные плачатъ и сердечно соболѣзнуютъ, что не умѣютъ читать такихъ чудесныхъ книгъ; другіе, получая, едва отъ радости увѣряются, что оныя книги дѣлаются ихъ собственностью" [197].

Мы видѣли, что, кромѣ распространенія книгъ священнаго писанія, въ кругѣ задачъ библейскихъ организацій видное мѣсто должны были занимать и дѣла благотворенія. Казанское учебное начальство обращало усиленное вниманіе и на эту сторону дѣятельности учреждаемыхъ имъ библейскихъ сотовариществъ. Съ этою цѣлью, помимо сборовъ на пріобрѣтеніе книгъ религіознаго содержанія, въ училищахъ округа отъ времени до времени производились сборы и на другія благотворительныя потребности. Такъ, въ 1821—1822 учебномъ году въ университетѣ и по всѣмъ училищамъ округа производился сборъ пожертвованій „на помощь грекамъ, прибѣгшимъ къ покровительству Россіи", давшій со стороны университета 601 рубль, а со стороны училищъ 6486 р. 20 коп. приноше-

жилось въ теченіи сего академическаго года пятью новыми,—читаемъ въ отчетѣ за 1821—22 уч. годъ.—И такъ вышли еще сѣятели слова Божія! Да не сѣтуютъ они, если иное падетъ на камени, иное при пути, иное въ терніи: зерна, падшія въ одно доброе сердце, принесутъ сторичный плодъ и тѣмъ вознаградятъ ихъ благое попеченіе"... Само собою разумѣется, что лица, стоявшія во главѣ какъ общихъ, такъ и собственно училищныхъ библейскихъ организацій старались всѣми мѣрами рекламировать дѣятельность подвѣдомыхъ имъ учрежденій, не стѣсняясь явными натяжками и преувеличеніями, что являлось лишь простымъ отраженіемъ лицемѣрія и фарисейства, бывшихъ въ весьма значительной степени присущими нашей библейской пропагандѣ той эпохи и въ такихъ яркихъ краскахъ обличенныхъ И. И. Лажечниковымъ. Такъ, напримѣръ, описывая успѣхи библейской дѣятельности среди инородческаго населенія казанскаго края, отчетъ по казанскому библейскому комитету за 1822-й годъ свидѣтельствуетъ, что „въ сихъ народахъ истина Божія возъимѣла рѣшительный перевѣсъ надъ предразсудками и суевѣрными ихъ мнѣніями и изощряетъ духовное око ихъ къ разумѣнію того, что прежде сокрыто было отъ помраченнаго смысла ихъ", что „не богатые только и разумѣющіе важность евангелія, но и бѣдные, отъ безпокойнаго и болѣзненнаго ощущенія физическихъ нуждъ не дающіе вѣждамъ дреманія и въ кровавомъ потѣ пріобрѣтающіе себѣ насущный хлѣбъ—и тѣ самые обратились къ слову Божію"; что „любовь къ слову Божію въ сердцахъ человѣческихъ возбуждена до того, что многіе, принимая душеспасительныя книги, въ несказанномъ восторгѣ лобызаютъ оныя неоднократно, иные плачатъ и сердечно соболѣзнуютъ, что не умѣютъ читать такихъ чудесныхъ книгъ; другіе, получая, едва отъ радости увѣряются, что оныя книги дѣлаются ихъ собственностью" [197].

Мы видѣли, что, кромѣ распространенія книгъ священнаго писанія, въ кругѣ задачъ библейскихъ организацій видное мѣсто должны были занимать и дѣла благотворенія. Казанское учебное начальство обращало усиленное вниманіе и на эту сторону дѣятельности учреждаемыхъ имъ библейскихъ сотовариществъ. Съ этою цѣлью, помимо сборовъ на пріобрѣтеніе книгъ религіознаго содержанія, въ училищахъ округа отъ времени до времени производились сборы и на другія благотворительныя потребности. Такъ, въ 1821—1822 учебномъ году въ университетѣ и по всѣмъ училищамъ округа производился сборъ пожертвованій „на помощь грекамъ, прибѣгшимъ къ покровительству Россіи", давшій со стороны университета 601 рубль, а со стороны училищъ 6486 р. 20 коп. приноше-

ній; въ концѣ іюня 1822-го года университетъ собралъ 565 р. 20 коп. „для облегченія участи несчастныхъ, заключенныхъ въ темницахъ"; въ концѣ 1824-го года студенты университета собираютъ около 300 р. въ пользу пострадавшихъ отъ наводненія жителей Петербурга. Предписывались учащимся и другіе подвиги благотворенія: такъ мы видѣли (см. выше стр. 252—253), что воспитанникамъ учебныхъ заведеній рекомендовалось посѣщать въ большіе праздники мѣста заключенія, а въ пензенской гимназіи устроивается на пасхальной недѣлѣ торжественное угощеніе нищихъ и убогихъ, во время котораго прислуживать этимъ случайнымъ гостямъ обязаны были сами воспитанники. Примѣръ въ дѣлахъ благотворенія старался показывать самъ попечитель: въ 1821-мъ году Магницкій выполняетъ въ Петербургѣ порученіе по выкупу изъ мѣстной тюрьмы содержащихся здѣсь несостоятельныхъ должниковъ и т. п. [198].

Мы не имѣемъ данныхъ для сужденія о ходѣ и объ успѣхахъ дѣятельности университетскаго и училищныхъ библейскихъ сотовариществъ, образовавшихся въ казанскомъ учебномъ округѣ и изъ которыхъ ни одно не оставило намъ сколько нибудь осязательныхъ слѣдовъ своего существованія. Едва ли подлежитъ, впрочемъ, какому либо сомнѣнію то, что вся жизнедѣятельность этихъ искусственно и тенденціозно созданныхъ организацій не выходила изъ рамокъ формально-показного характера, которымъ,—въ огромномъ большинствѣ случаевъ, по крайней мѣрѣ,—отмѣчено было все нравственно-религіозное общественное движеніе послѣднихъ семи лѣтъ царствованія императора Александра I и который такъ рѣзко бьетъ въ глаза и въ соотвѣтствующихъ начинаніяхъ Магницкаго и его казанскихъ клевретовъ. Извѣстно, что русская общественно-библейская организація оказалась весьма недолговѣчною. Возстановивъ противъ себя своими мистическими крайностями высшихъ представителей русской церковной іерархіи и образовавъ изъ себя ту почву, на которой, подъ эгидою временщика графа Аракчеева, поведена была интрига противъ князя А. Н. Голицина, она недолго пережила оставленіе этимъ послѣднимъ поста министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія *. Мы знаемъ, что казанскій попечитель, измѣнивъ въ критическую минуту своему принципалу и благодѣтелю князю Голицину и примкнувъ къ враждебной ему партіи митрополита Серафима и архимандрита Фотія, сразу же рѣзко измѣнилъ и усердно пропагандировавшемуся имъ раньше дѣлу россійскаго библей-

* Существованію россійскаго библейскаго общества положенъ былъ конецъ уже въ первый годъ царствованія императора Николая—указомъ отъ 12 апрѣля 1826 года.

ній; въ концѣ іюня 1822-го года университетъ собралъ 565 р. 20 коп. „для облегченія участи несчастныхъ, заключенныхъ въ темницахъ"; въ концѣ 1824-го года студенты университета собираютъ около 300 р. въ пользу пострадавшихъ отъ наводненія жителей Петербурга. Предписывались учащимся и другіе подвиги благотворенія: такъ мы видѣли (см. выше стр. 252—253), что воспитанникамъ учебныхъ заведеній рекомендовалось посѣщать въ большіе праздники мѣста заключенія, а въ пензенской гимназіи устроивается на пасхальной недѣлѣ торжественное угощеніе нищихъ и убогихъ, во время котораго прислуживать этимъ случайнымъ гостямъ обязаны были сами воспитанники. Примѣръ въ дѣлахъ благотворенія старался показывать самъ попечитель: въ 1821-мъ году Магницкій выполняетъ въ Петербургѣ порученіе по выкупу изъ мѣстной тюрьмы содержащихся здѣсь несостоятельныхъ должниковъ и т. п. [198].

Мы не имѣемъ данныхъ для сужденія о ходѣ и объ успѣхахъ дѣятельности университетскаго и училищныхъ библейскихъ сотовариществъ, образовавшихся въ казанскомъ учебномъ округѣ и изъ которыхъ ни одно не оставило намъ сколько нибудь осязательныхъ слѣдовъ своего существованія. Едва ли подлежитъ, впрочемъ, какому либо сомнѣнію то, что вся жизнедѣятельность этихъ искусственно и тенденціозно созданныхъ организацій не выходила изъ рамокъ формально-показного характера, которымъ,—въ огромномъ большинствѣ случаевъ, по крайней мѣрѣ,—отмѣчено было все нравственно-религіозное общественное движеніе послѣднихъ семи лѣтъ царствованія императора Александра I и который такъ рѣзко бьетъ въ глаза и въ соотвѣтствующихъ начинаніяхъ Магницкаго и его казанскихъ клевретовъ. Извѣстно, что русская общественно-библейская организація оказалась весьма недолговѣчною. Возстановивъ противъ себя своими мистическими крайностями высшихъ представителей русской церковной іерархіи и образовавъ изъ себя ту почву, на которой, подъ эгидою временщика графа Аракчеева, поведена была интрига противъ князя А. Н. Голицина, она недолго пережила оставленіе этимъ послѣднимъ поста министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія *. Мы знаемъ, что казанскій попечитель, измѣнивъ въ критическую минуту своему принципалу и благодѣтелю князю Голицину и примкнувъ къ враждебной ему партіи митрополита Серафима и архимандрита Фотія, сразу же рѣзко измѣнилъ и усердно пропагандировавшемуся имъ раньше дѣлу россійскаго библей-

* Существованію россійскаго библейскаго общества положенъ былъ конецъ уже въ первый годъ царствованія императора Николая—указомъ отъ 12 апрѣля 1826 года.

скаго общества и уже весною 1824-го года совершилъ „торжественное отреченіе отъ всѣхъ богопротивныхъ дѣйствій“ его, объявивъ о своемъ „совершенномъ отъ онаго увольненіи“ (см. выше стр. 62—64). Это попечительское отреченіе отъ участія въ дѣятельности россійскаго библейскаго общества явилось, конечно, сигналомъ къ разложенію всей довольно сложной библейской организаціи, созданной Магницкимъ въ ввѣренномъ ему учебномъ округѣ, въ предѣлахъ котораго всѣ эти библейскія отдѣленія и сотоварищества фактически изчезаютъ съ такою же быстротою и съ такою же легкостью, съ какими, за немного лѣтъ до того, создались они по мановенію руки властнаго попечителя. Послѣднее документальное извѣстіе о казанскомъ университетскомъ сотовариществѣ библейскаго общества нашли мы подъ 1829-мъ годомъ, въ самомъ началѣ котораго казанскою духовною консисторіею вытребованы были принадлежащія сотовариществу книги священнаго писанія, остававшіяся едва ли не единственнымъ памятникомъ активнаго участія казанскаго университета въ мистико-религіозномъ движеніи послѣднихъ лѣтъ царствованія императора Александра I [199].

Послѣдній годъ попечительства Магницкаго ознаменовался весьма серьезнымъ, хотя оставшимся и безъ практическихъ результатовъ, порученіемъ, возложеннымъ министерствомъ на совѣтъ казанскаго университета. Это—разработка проекта новаго университетскаго устава и новыхъ университетскихъ штатовъ.

Пересмотръ уставовъ и штатовъ русскихъ университетовъ явился для половины двадцатыхъ годовъ минувшаго столѣтія вопросомъ весьма настоятельной важности, такъ какъ дѣйствовавшіе уставъ и штаты не только успѣли къ тому времени въ огромной степени отстать отъ развивающихся и быстро идущихъ впередъ потребностей и запросовъ учебной жизни, но оказались подавленными цѣлымъ рядомъ новеллъ и административныхъ распоряженій, самымъ кореннымъ образомъ видоизмѣнявшихъ не только частности, но даже краеугольныя основы существовавшаго еще de jure университетскаго строя. Такое положеніе вещей мы съ полною отчетливостью могли прослѣдить на университетѣ казанскомъ, по отношенію къ которому уставъ 5-го ноября 1804 года почти уже не существовалъ, будучи совершенно затѣненъ директорскою и ректорскою инструкціями и другими новшествами Магницкаго; если же уставъ этотъ и сохранялъ еще дѣйствующую силу, то развѣ только своими отрицательными сторонами,—и, прежде всего, штатами,—переставшими отвѣчать требованіямъ времени и только тормозившими собою прогрессивное развитіе академической жизни,

скаго общества и уже весною 1824-го года совершилъ „торжественное отреченіе отъ всѣхъ богопротивныхъ дѣйствій“ его, объявивъ о своемъ „совершенномъ отъ онаго увольненіи“ (см. выше стр. 62—64). Это попечительское отреченіе отъ участія въ дѣятельности россійскаго библейскаго общества явилось, конечно, сигналомъ къ разложенію всей довольно сложной библейской организаціи, созданной Магницкимъ въ ввѣренномъ ему учебномъ округѣ, въ предѣлахъ котораго всѣ эти библейскія отдѣленія и сотоварищества фактически изчезаютъ съ такою же быстротою и съ такою же легкостью, съ какими, за немного лѣтъ до того, создались они по мановенію руки властнаго попечителя. Послѣднее документальное извѣстіе о казанскомъ университетскомъ сотовариществѣ библейскаго общества нашли мы подъ 1829-мъ годомъ, въ самомъ началѣ котораго казанскою духовною консисторіею вытребованы были принадлежащія сотовариществу книги священнаго писанія, остававшіяся едва ли не единственнымъ памятникомъ активнаго участія казанскаго университета въ мистико-религіозномъ движеніи послѣднихъ лѣтъ царствованія императора Александра I [199].

Послѣдній годъ попечительства Магницкаго ознаменовался весьма серьезнымъ, хотя оставшимся и безъ практическихъ результатовъ, порученіемъ, возложеннымъ министерствомъ на совѣтъ казанскаго университета. Это—разработка проекта новаго университетскаго устава и новыхъ университетскихъ штатовъ.

Пересмотръ уставовъ и штатовъ русскихъ университетовъ явился для половины двадцатыхъ годовъ минувшаго столѣтія вопросомъ весьма настоятельной важности, такъ какъ дѣйствовавшіе уставъ и штаты не только успѣли къ тому времени въ огромной степени отстать отъ развивающихся и быстро идущихъ впередъ потребностей и запросовъ учебной жизни, но оказались подавленными цѣлымъ рядомъ новеллъ и административныхъ распоряженій, самымъ кореннымъ образомъ видоизмѣнявшихъ не только частности, но даже краеугольныя основы существовавшаго еще de jure университетскаго строя. Такое положеніе вещей мы съ полною отчетливостью могли прослѣдить на университетѣ казанскомъ, по отношенію къ которому уставъ 5-го ноября 1804 года почти уже не существовалъ, будучи совершенно затѣненъ директорскою и ректорскою инструкціями и другими новшествами Магницкаго; если же уставъ этотъ и сохранялъ еще дѣйствующую силу, то развѣ только своими отрицательными сторонами,—и, прежде всего, штатами,—переставшими отвѣчать требованіямъ времени и только тормозившими собою прогрессивное развитіе академической жизни.

Не представляется, въ силу всего сказаннаго, ничего удивительнаго въ томъ, что университетскій вопросъ былъ выдвинутъ новымъ министромъ народнаго просвѣщенія А. С. Шишковымъ уже въ началѣ второго года его управленія. Усмотрѣвъ изъ хода дѣлъ, что ввѣренное ему вѣдомство народнаго просвѣщенія „отъ самаго начала своего не имѣло постояннаго плана, которымъ всегда руководствуясь могло бы, въ продолженіи времени, всѣ части онаго привести въ желаемое устройство", адмиралъ Шишковъ учредилъ особый комитетъ изъ трехъ членовъ главнаго правленія училищъ, возложивъ на него трудъ составленія проекта общаго устава университетовъ и училищъ—съ тѣмъ, что бы при этомъ проектѣ, въ видѣ дополненія къ нему, указаны были „тѣ частныя отъ сего устава отступленія, кои, по мѣстнымъ обстоятельствамъ и другимъ уважительнымъ причинамъ, въ нѣкоторыхъ изъ учебныхъ заведеніяхъ признаются необходимыми".

Задачи комитета ставились, такимъ образомъ, на почву, при которой немыслимою оказывалась централизація работъ при самомъ министерствѣ, но выдвигалась впередъ необходимость содѣйствія ему со стороны мѣстныхъ органовъ народнаго просвѣщенія и, прежде всего — университетовъ. Въ этомъ именно смыслѣ вновь образованный комитетъ высказался уже въ самомъ началѣ своихъ занятій, представивъ министру, что „для узнанія вполнѣ того, въ чемъ каждый университетъ въ особенности и всѣ, вообще, нуждаются—нужно снестись съ самими университетами, коимъ болѣе всего должны быть извѣстны недостатки прежнихъ постановленій и средства къ усовершенію оныхъ". Министръ вполнѣ раздѣлилъ мысль комитета и въ результатѣ появилось предложеніе его на имя попечителя казанскаго учебнаго округа отъ 13-го іюня 1825 года, которымъ адмиралъ Шишковъ предписывалъ совѣту казанскаго университета „по надлежащемъ соображеніи представить мнѣніе: какія именно и по какимъ причинамъ нужны перемѣны въ существующемъ нынѣ уставѣ сего университета или какія требуются дополненія къ оному во всѣхъ отношеніяхъ сего устава, то есть—учебномъ, ученомъ, хозяйственномъ и полицейскомъ; буде же кто либо изъ г.г. профессоровъ не согласится съ мнѣніемъ прочихъ членовъ совѣта, то и его мнѣніе присовокупить и представить". Министерское порученіе являлось экстренно-спѣшнымъ: во избѣжаніе задержки въ работахъ центральнаго комитета попечителю рекомендовалось распорядиться такъ, что бы „мнѣніе совѣта, съ примѣрными штатами, доставлено было непремѣнно въ теченіи шести недѣль съ полученія сего предложенія". Предложеніе министра намѣчаетъ и слѣдующія восемь положеній, долженствующихъ лечь краеугольнымъ камнемъ въ

Не представляется, въ силу всего сказаннаго, ничего удивительнаго въ томъ, что университетскій вопросъ былъ выдвинутъ новымъ министромъ народнаго просвѣщенія А. С. Шишковымъ уже въ началѣ второго года его управленія. Усмотрѣвъ изъ хода дѣлъ, что ввѣренное ему вѣдомство народнаго просвѣщенія „отъ самаго начала своего не имѣло постояннаго плана, которымъ всегда руководствуясь могло бы, въ продолженіи времени, всѣ части онаго привести въ желаемое устройство", адмиралъ Шишковъ учредилъ особый комитетъ изъ трехъ членовъ главнаго правленія училищъ, возложивъ на него трудъ составленія проекта общаго устава университетовъ и училищъ—съ тѣмъ, что бы при этомъ проектѣ, въ видѣ дополненія къ нему, указаны были „тѣ частныя отъ сего устава отступленія, кои, по мѣстнымъ обстоятельствамъ и другимъ уважительнымъ причинамъ, въ нѣкоторыхъ изъ учебныхъ заведеніяхъ признаются необходимыми".

Задачи комитета ставились, такимъ образомъ, на почву, при которой немыслимою оказывалась централизація работъ при самомъ министерствѣ, но выдвигалась впередъ необходимость содѣйствія ему со стороны мѣстныхъ органовъ народнаго просвѣщенія и, прежде всего — университетовъ. Въ этомъ именно смыслѣ вновь образованный комитетъ высказался уже въ самомъ началѣ своихъ занятій, представивъ министру, что „для узнанія вполнѣ того, въ чемъ каждый университетъ въ особенности и всѣ, вообще, нуждаются—нужно снестись съ самими университетами, коимъ болѣе всего должны быть извѣстны недостатки прежнихъ постановленій и средства къ усовершенію оныхъ". Министръ вполнѣ раздѣлилъ мысль комитета и въ результатѣ появилось предложеніе его на имя попечителя казанскаго учебнаго округа отъ 13-го іюня 1825 года, которымъ адмиралъ Шишковъ предписывалъ совѣту казанскаго университета „по надлежащемъ соображеніи представить мнѣніе: какія именно и по какимъ причинамъ нужны перемѣны въ существующемъ нынѣ уставѣ сего университета или какія требуются дополненія къ оному во всѣхъ отношеніяхъ сего устава, то есть—учебномъ, ученомъ, хозяйственномъ и полицейскомъ; буде же кто либо изъ г.г. профессоровъ не согласится съ мнѣніемъ прочихъ членовъ совѣта, то и его мнѣніе присовокупить и представить". Министерское порученіе являлось экстренно-спѣшнымъ: во избѣжаніе задержки въ работахъ центральнаго комитета попечителю рекомендовалось распорядиться такъ, что бы „мнѣніе совѣта, съ примѣрными штатами, доставлено было непремѣнно въ теченіи шести недѣль съ полученія сего предложенія". Предложеніе министра намѣчаетъ и слѣдующія восемь положеній, долженствующихъ лечь краеугольнымъ камнемъ въ

основу предстоявшихъ работъ и предопредѣлявшихъ собою будущую организацію системы народнаго просвѣщенія:

„1. Воспитаніе народное во всей имперіи нашей, не смотря на разность вѣръ, ниже языковъ, должно быть—русское.

2. Греко-католикъ, римско-католикъ и лютеранинъ должны быть воспитаны: первый—въ твердомъ и незыблемомъ православіи, а второй и третій—во всей точности положительнаго исповѣданія своей вѣры.

3. Все иновѣрное русское юношество должно учиться нашему языку и знать его. Оно должно преимущественно изучать нашу исторію и законы.

4. Всѣ науки должны быть очищены отъ всякихъ не принадлежащихъ къ нимъ и вредныхъ умствованій.

5. Излишнее множество и великое разнообразіе учебныхъ предметовъ должно быть благоразумно ограничено и сосредоточено, во первыхъ—въ тѣхъ познаніяхъ, кои самымъ учрежденіемъ разныхъ учебныхъ заведеній постановлены, и, во вторыхъ—сообразно съ званіями, къ коимъ учащіеся предназначаются.

6. Языкъ славянскій, то есть высокій, и классическая русская словесность—повсемѣстно должны быть вводимы и ободряемы.

7. Языкъ греческій долженъ вездѣ, кромѣ училищъ иновѣрныхъ, имѣть преимущество предъ латинскимъ.

8. Не должно терять изъ вида особенно того, что одно обученіе—не есть воспитаніе, и даже вредно безъ воздѣланія нравственности, которой христіанину, внѣ церкви, нигдѣ найти не можно; что государь и польза отечества требуютъ отъ воспитанія юношества вѣрныхъ сыновъ церкви и вѣрныхъ подданныхъ; людей, преданныхъ Богу и царю, и что въ семъ только смыслѣ человѣкъ просвѣщенный долженъ быть почтенъ и благовоспитаннымъ“.

Суммируя свои desiderata въ области постановки дѣла народнаго просвѣщенія, А. С. Шишковъ сводитъ ихъ къ двумъ основнымъ задачамъ:

„Взять надлежащія мѣры:

1. Къ приведенію въ извѣстность всѣхъ дѣйствій и распоряженій по части народнаго воспитанія, донынѣ производимыхъ.

2. Извлечь изъ того постоянныя правила—какія изъ худыхъ или ненужныхъ наставленій, вкравшихся въ преподаваніе наукъ, остановить, искоренить и обратить къ началамъ, основаннымъ на чистотѣ вѣры, на вѣрности и долгѣ къ государю и отечеству, на спокойствіи, пользѣ и пріятностяхъ общежитія“.

основу предстоявшихъ работъ и предопредѣлявшихъ собою будущую организацію системы народнаго просвѣщенія:

„1. Воспитаніе народное во всей имперіи нашей, не смотря на разность вѣръ, ниже языковъ, должно быть—русское.

2. Греко-католикъ, римско-католикъ и лютеранинъ должны быть воспитаны: первый—въ твердомъ и незыблемомъ православіи, а второй и третій—во всей точности положительнаго исповѣданія своей вѣры.

3. Все иновѣрное русское юношество должно учиться нашему языку и знать его. Оно должно преимущественно изучать нашу исторію и законы.

4. Всѣ науки должны быть очищены отъ всякихъ не принадлежащихъ къ нимъ и вредныхъ умствованій.

5. Излишнее множество и великое разнообразіе учебныхъ предметовъ должно быть благоразумно ограничено и сосредоточено, во первыхъ—въ тѣхъ познаніяхъ, кои самымъ учрежденіемъ разныхъ учебныхъ заведеній постановлены, и, во вторыхъ—сообразно съ званіями, къ коимъ учащіеся предназначаются.

6. Языкъ славянскій, то есть высокій, и классическая русская словесность—повсемѣстно должны быть вводимы и ободряемы.

7. Языкъ греческій долженъ вездѣ, кромѣ училищъ иновѣрныхъ, имѣть преимущество предъ латинскимъ.

8. Не должно терять изъ вида особенно того, что одно обученіе—не есть воспитаніе, и даже вредно безъ воздѣланія нравственности, которой христіанину, внѣ церкви, нигдѣ найти не можно; что государь и польза отечества требуютъ отъ воспитанія юношества вѣрныхъ сыновъ церкви и вѣрныхъ подданныхъ; людей, преданныхъ Богу и царю, и что въ семъ только смыслѣ человѣкъ просвѣщенный долженъ быть почтенъ и благовоспитаннымъ".

Суммируя свои desiderata въ области постановки дѣла народнаго просвѣщенія, А. С. Шишковъ сводитъ ихъ къ двумъ основнымъ задачамъ:

„Взять надлежащія мѣры:

1. Къ приведенію въ извѣстность всѣхъ дѣйствій и распоряженій по части народнаго воспитанія, донынѣ производимыхъ.

2. Извлечь изъ того постоянныя правила—какія изъ худыхъ или ненужныхъ наставленій, вкравшихся въ преподаваніе наукъ, остановить, искоренить и обратить къ началамъ, основаннымъ на чистотѣ вѣры, на вѣрности и долгѣ къ государю и отечеству, на спокойствіи, пользѣ и пріятностяхъ общежитія".

Сообщенное ему попечительскимъ предложеніемъ отъ 16-го іюня, предписаніе министра было совѣтомъ университета заслушано въ чрезвычайномъ собраніи 4-го іюля 1825 года и тогда же образованъ былъ для предстоявшихъ редакціонныхъ работъ особый комитетъ изъ профессоровъ Городчанинова, Никольскаго, Лобачевскаго, Дунаева, Баженова, Булыгина, съ прикомандированіемъ къ этому комитету, съ голосомъ только совѣщательнымъ, адъюнктовъ Протасова и Миллера. Работа, въ исполненіе непремѣнной воли министра, двинулась настолько быстро, что уже 4-го августа въ совѣтъ былъ внесенъ выработанный комитетомъ полный и обширный проектъ университетскаго устава, съ примѣрнымъ къ нему штатомъ; заслушанный въ засѣданіяхъ 4-го, 7-го и 11-го августа, проектъ былъ совѣтомъ одобренъ и 30-го сентября врученъ Магницкому, какъ разъ находившемуся въ то время въ Казани.

Нелегкою и далеко не свободною отъ условій довольно щекотливаго характера представлялась работа, выпавшая на долю университетскаго совѣтскаго комитета, которому, волею неволею, приходилось лавировать между истинными интересами свободнаго академическаго строя, въ значительной степени гарантированнаго университету все еще сохранявшимъ силу закона уставомъ 1804-го года—съ одной стороны, тяжелыми условіями текущей современности и угнетающаго режима, созданнаго Магницкимъ—съ другой стороны. Считаться приходилось университетскому комитету и съ инструкціями 1820-го года, и съ только что приведеннымъ министерскимъ credo, заключавшимъ въ себѣ, какъ мы это видимъ, довольно тревожнаго характера указанія на необходимость „очищенія наукъ отъ вредныхъ умствованій“, „ограниченія излишняго множества и разнообразія учебныхъ предметовъ“, „искорененія худыхъ или ненужныхъ наставленій“ и т. п.; необходимымъ являлось сообразовываться и съ общимъ складомъ умовозрѣній грознаго попечителя..... Вполнѣ естественнымъ представляется, въ виду всего этого, что выработанный совѣтскимъ комитетомъ проектъ университетскаго устава, носящій отпечатокъ спѣшной и малопродуманной работы уже вслѣдствіе краткости предоставленнаго для выполненія ея срока, явился съ характеромъ компромисса между положеннымъ въ основу его уставомъ 1804-го года и вѣяніями предшествовавшаго шестилѣтія попечительства Магницкаго,—съ весьма значительнымъ уклоненіемъ въ сторону этихъ послѣднихъ.

Мы не станемъ входить въ разсмотрѣніе подробностей выработаннаго совѣтскимъ комитетомъ проекта устава, полный текстъ котораго сохранился въ дѣлахъ университетскаго архива. Заимствовавъ изъ устава

Сообщенное ему попечительскимъ предложеніемъ отъ 16-го іюня, предписаніе министра было совѣтомъ университета заслушано въ чрезвычайномъ собраніи 4-го іюля 1825 года и тогда же образованъ былъ для предстоявшихъ редакціонныхъ работъ особый комитетъ изъ профессоровъ Городчанинова, Никольскаго, Лобачевскаго, Дунаева, Баженова, Булыгина, съ прикомандированіемъ къ этому комитету, съ голосомъ только совѣщательнымъ, адъюнктовъ Протасова и Миллера. Работа, въ исполненіе непремѣнной воли министра, двинулась настолько быстро, что уже 4-го августа въ совѣтъ былъ внесенъ выработанный комитетомъ полный и обширный проектъ университетскаго устава, съ примѣрнымъ къ нему штатомъ; заслушанный въ засѣданіяхъ 4-го, 7-го и 11-го августа, проектъ былъ совѣтомъ одобренъ и 30-го сентября врученъ Магницкому, какъ разъ находившемуся въ то время въ Казани.

Нелегкою и далеко не свободною отъ условій довольно щекотливаго характера представлялась работа, выпавшая на долю университетскаго совѣтскаго комитета, которому, волею неволею, приходилось лавировать между истинными интересами свободнаго академическаго строя, въ значительной степени гарантированнаго университету все еще сохранявшимъ силу закона уставомъ 1804-го года—съ одной стороны, тяжелыми условіями текущей современности и угнетающаго режима, созданнаго Магницкимъ—съ другой стороны. Считаться приходилось университетскому комитету и съ инструкціями 1820-го года, и съ только что приведеннымъ министерскимъ credo, заключавшимъ въ себѣ, какъ мы это видимъ, довольно тревожнаго характера указанія на необходимость „очищенія наукъ отъ вредныхъ умствованій“, „ограниченія излишняго множества и разнообразія учебныхъ предметовъ“, „искорененія худыхъ или ненужныхъ наставленій“ и т. п.; необходимымъ являлось сообразовываться и съ общимъ складомъ умовоззрѣній грознаго попечителя..... Вполнѣ естественнымъ представляется, въ виду всего этого, что выработанный совѣтскимъ комитетомъ проектъ университетскаго устава, носящій отпечатокъ спѣшной и малопродуманной работы уже вслѣдствіе краткости предоставленнаго для выполненія ея срока, явился съ характеромъ компромисса между положеннымъ въ основу его уставомъ 1804-го года и вѣяніями предшествовавшаго шестилѣтія попечительства Магницкаго,—съ весьма значительнымъ уклоненіемъ въ сторону этихъ послѣднихъ.

Мы не станемъ входить въ разсмотрѣніе подробностей выработаннаго совѣтскимъ комитетомъ проекта устава, полный текстъ котораго сохранился въ дѣлахъ университетскаго архива. Заимствовавъ изъ устава

и изъ утвердительной грамоты 1804-го года основныя начала университетской автономіи (избираемость ректора, декановъ и профессоровъ, коллегіальныя права совѣта и правленія, университетскій судъ и т. п.), проектъ на ряду съ ними страннымъ образомъ высказывается за введенную Магницкимъ систему двоевластія, во всей неприкосновенности удерживая придуманную имъ и примирующую надъ ректоромъ должность директора, формулируя обязанности ректора въ духѣ инструкціи 1820-го года, легализируя стѣсненіе свободы преподаванія шаблонно составленными конспектами, всецѣло сохраняя, вообще, въ академическомъ и педагогическомъ режимѣ университета тотъ полицейско-охранительный духъ, которымъ пропитана была вся обновительная дѣятельность Магницкаго.

Весьма незначительныя измѣненія и дополненія, — едва ли стоявшія даже на уровнѣ современныхъ научныхъ требованій,— сдѣланы проектомъ и въ классификаціи предметовъ факультетскихъ преподаваній, въ сравненіи съ распредѣленіемъ ихъ по уставу 1804-го года; почти не подвергся измѣненію и перечень университетскихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій. Болѣе непосредственнымъ образомъ коснулся проектъ штатовъ,— этого больного мѣста современнаго академическаго строя, — значительно расширенныхъ по всѣмъ предметамъ университетскаго хозяйства: сумма въ 130,000 рублей, предназначенная на содержаніе университета по штатамъ 1804-го года — въ проектѣ 1825-го года увеличена до суммы 497,395 рублей *.

Выработанному казанскимъ университетомъ въ 1825-мъ году проекту новаго университетскаго устава не было суждено получить дальнѣйшаго движенія, хотя вопросъ о расширеніи штатовъ затянулся,—въ смыслѣ ограниченія поставленныхъ совѣтскимъ комитетомъ требованій, — до самаго конца 1826-го года.

---

* Приведемъ распредѣленіе этой суммы по важнѣйшимъ статьямъ университетскаго бюджета, обозначая въ скобкахъ соотвѣтствующія назначенія по уставу 1804-го года.

Жалованье: директору университета—7500 р., инспектору студентовъ—4500 р., ординарному профессору—4500 р. (2000 р.), экстраординарному профессору—2700 р. (2000 р.), адъюнкту—1800 р. (800 р.); ректору добавочныхъ—3000 р. (600 р.), деканамъ добавочныхъ—500 р. (300 р.).

Учебно-вспомогательныя учрежденія: Библіотека—3800 р. (1000 р.), ботаническій садъ и гербарій—2500 р. (1000 р.), анатомическій театръ—1800 р. (800 р.), химическая лабораторія—2250 р. (1000 р.), астрономическая обсерваторія—1125 р. (500 р.), физическій кабинетъ—1125 р. (500 р.), кабинетъ естественной исторіи—1350 р. (600 р.), клиническій институтъ—15,000 р. (5000 р.).

Содержаніе зданій—17,600 р. (8000 р.).

и изъ утвердительной грамоты 1804-го года основныя начала университетской автономіи (избираемость ректора, декановъ и профессоровъ, коллегіальныя права совѣта и правленія, университетскій судъ и т. п.), проектъ на ряду съ ними страннымъ образомъ высказывается за введенную Магницкимъ систему двоевластія, во всей неприкосновенности удерживая придуманную имъ и примирующую надъ ректоромъ должность директора, формулируя обязанности ректора въ духѣ инструкціи 1820-го года, легализируя стѣсненіе свободы преподаванія шаблонно составленными конспектами, всецѣло сохраняя, вообще, въ академическомъ и педагогическомъ режимѣ университета тотъ полицейско-охранительный духъ, которымъ пропитана была вся обновительная дѣятельность Магницкаго.

Весьма незначительныя измѣненія и дополненія, — едва ли стоявшія даже на уровнѣ современныхъ научныхъ требованій,— сдѣланы проектомъ и въ классификаціи предметовъ факультетскихъ преподаваній, въ сравненіи съ распредѣленіемъ ихъ по уставу 1804-го года; почти не подвергся измѣненію и перечень университетскихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій. Болѣе непосредственнымъ образомъ коснулся проектъ штатовъ,— этого больного мѣста современнаго академическаго строя, — значительно расширенныхъ по всѣмъ предметамъ университетскаго хозяйства: сумма въ 130,000 рублей, предназначенная на содержаніе университета по штатамъ 1804-го года — въ проектѣ 1825-го года увеличена до суммы 497,395 рублей *.

Выработанному казанскимъ университетомъ въ 1825-мъ году проекту новаго университетскаго устава не было суждено получить дальнѣйшаго движенія, хотя вопросъ о расширеніи штатовъ затянулся,—въ смыслѣ ограниченія поставленныхъ совѣтскимъ комитетомъ требованій, — до самаго конца 1826-го года.

---

* Приведемъ распредѣленіе этой суммы по важнѣйшимъ статьямъ университетскаго бюджета, обозначая въ скобкахъ соотвѣтствующія назначенія по уставу 1804-го года.

Жалованье: директору университета—7500 р., инспектору студентовъ—4500 р., ординарному профессору—4500 р. (2000 р.), экстраординарному профессору – 2700 р. (2000 р.), адъюнкту—1800 р. (800 р.); ректору добавочныхъ—3000 р. (600 р.), деканамъ добавочныхъ — 500 р. (300 р.).

Учебно-вспомогательныя учрежденія: Библіотека—3800 р. (1000 р.), ботаническій садъ и гербарій—2500 р. (1000 р.), анатомическій театръ—1800 р. (800 р.), химическая лабораторія—2250 р. (1000 р.), астрономическая обсерваторія—1125 р. (500 р.), физическій кабинетъ—1125 р. (500 р.), кабинетъ естественной исторіи—1350 р. (600 р.), клиническій институтъ—15,000 р. (5000 р.).

Содержаніе зданій—17,600 р. (8000 р.).

Извѣстно, что обнародованіе новаго и уже общаго устава императорскихъ россійскихъ университетовъ воспослѣдовало лишь десятью годами позже—26-го іюля 1835 года[200].

Изложенныя нами выше начинанія Магницкаго носили, въ весьма значительной степени, характеръ общій. Постараемся же теперь заглянуть во внутреннюю, интимную, жизнь „ученаго сословія" казанскаго университета, сдѣлаемъ попытку приподнять завѣсу съ той картины, которая должна была получиться на фонѣ коллегіальнаго строя университета подъ воздѣйствіемъ обновительныхъ новшествъ Магницкаго, безконечный и мрачный рядъ которыхъ уже успѣлъ пройти передъ нашими глазами.

Не изъ отрадныхъ окажется эта картина, въ мрачныхъ краскахъ отражающая въ себѣ глубокую дезорганизацію и деморализацію, вторгнувшіяся въ только что начавшую было нормальнымъ образомъ складываться академическую жизнь университета. Терроръ, которымъ ознаменовались уже первые дни попечительства Магницкаго, административный произволъ, внесенный имъ въ свои отношенія къ университету, духъ фарисейскаго лицемѣрія и обскурантизма, проникшій собою всѣ безъ исключенія стороны университетской жизни, грубое и систематическое игнорированіе корпоративныхъ правъ, предоставленныхъ университету его уставомъ и утвердительною грамотою—все это не могло не вносить глубокаго разложенія въ среду дѣятелей университета. Это послѣднее положеніе явится въ нашихъ глазахъ еще болѣе безспорнымъ, если мы вспомнимъ, что цѣлый рядъ кафедръ замѣщался личнымъ усмотрѣніемъ попечителя, открывая доступъ къ профессурѣ всякаго рода проходимцамъ и авантюристамъ—въ родѣ полусумашедшаго профессора Жобара, напримѣръ, получившаго кафедру классической словесности въ виду обѣщанія обосновать свое преподаваніе на „евангеліи и писаніяхъ святыхъ отецъ". Не сознавая ни нравственной связи съ университетомъ, ни корпоративной солидарности между собою, вся эта разношерстная преподавательская клика, за которою, въ силу давленія попечительскаго гнета, безвольно тянулась даже и лучшая часть профессоровъ, была всецѣло поглощена мыслью угодить всемогущему принципалу, не гнушаясь ни средствами, ни путями для достиженія своего личнаго благополучія, хотя бы цѣною достоинства и науки, и университета, и собственнаго высокаго званія.

Не могли способствовать нравственному складу коллегіальной жизни казанскаго „ученаго сословія" и тѣ, нерѣдко въ высшей степени щекот-

Извѣстно, что обнародованіе новаго и уже общаго устава императорскихъ россійскихъ университетовъ воспослѣдовало лишь десятью годами позже—26-го іюля 1835 года [200].

Изложенныя нами выше начинанія Магницкаго носили, въ весьма значительной степени, характеръ общій. Постараемся же теперь заглянуть во внутреннюю, интимную, жизнь „ученаго сословія" казанскаго университета, сдѣлаемъ попытку приподнять завѣсу съ той картины, которая должна была получиться на фонѣ коллегіальнаго строя университета подъ воздѣйствіемъ обновительныхъ новшествъ Магницкаго, безконечный и мрачный рядъ которыхъ уже успѣлъ пройти передъ нашими глазами.

Не изъ отрадныхъ окажется эта картина, въ мрачныхъ краскахъ отражающая въ себѣ глубокую дезорганизацію и деморализацію, вторгнувшіяся въ только что начавшую было нормальнымъ образомъ складываться академическую жизнь университета. Терроръ, которымъ ознаменовались уже первые дни попечительства Магницкаго, административный произволъ, внесенный имъ въ свои отношенія къ университету, духъ фарисейскаго лицемѣрія и обскурантизма, проникшій собою всѣ безъ исключенія стороны университетской жизни, грубое и систематическое игнорированіе корпоративныхъ правъ, предоставленныхъ университету его уставомъ и утвердительною грамотою—все это не могло не вносить глубокаго разложенія въ среду дѣятелей университета. Это послѣднее положеніе явится въ нашихъ глазахъ еще болѣе безспорнымъ, если мы вспомнимъ, что цѣлый рядъ кафедръ замѣщался личнымъ усмотрѣніемъ попечителя, открывая доступъ къ профессурѣ всякаго рода проходимцамъ и авантюристамъ—въ родѣ полусумашедшаго профессора Жобара, напримѣръ, получившаго кафедру классической словесности въ виду обѣщанія обосновать свое преподаваніе на „евангеліи и писаніяхъ святыхъ отецъ". Не сознавая ни нравственной связи съ университетомъ, ни корпоративной солидарности между собою, вся эта разношерстная преподавательская клика, за которою, въ силу давленія попечительскаго гнета, безвольно тянулась даже и лучшая часть профессоровъ, была всецѣло поглощена мыслью угодить всемогущему принципалу, не гнушаясь ни средствами, ни путями для достиженія своего личнаго благополучія, хотя бы цѣною достоинства и науки, и университета, и собственнаго высокаго званія.

Не могли способствовать нравственному складу коллегіальной жизни казанскаго „ученаго сословія" и тѣ, нерѣдко въ высшей степени щекот-

ливыя и даже совершенно противныя требованіямъ самой элементарной житейской этики, порученія, которыя возлагались Магницкимъ какъ на весь совѣтъ, такъ и на отдѣльныхъ его членовъ. Мы уже въ подробностяхъ знакомы съ гнусною травлею и трагикомедіею университетскаго суда, жертвою которыхъ, въ угоду попечителю, сдѣлался профессоръ Г. И. Солнцевъ; видѣли славныхъ ученыхъ, составляющихъ гордость казанскаго университета,—профессоровъ Н. И. Лобачевскаго и И. М. Симонова,—въ неблагодарной роли сотрудниковъ Магницкаго по „обличенію" тетрадей лекцій опальныхъ петербургскихъ профессоровъ Раупаха, Германа и др., а благодушнѣйшаго отъ природы ректора К. Ѳ. Фукса—занимающимся провокаторствомъ среди сотоварищей и студентовъ или составляющимъ, по порученію попечителя, гнуснѣйшіе образцы нормальныхъ профессорскихъ конспектовъ...

Теперь мы остановимся еще на одномъ эпизодѣ изъ той же эпохи, также свидѣтельствующемъ о щекотливомъ положеніи, въ которое приходилось становиться, по волѣ Магницкаго, дѣятелямъ ввѣреннаго ему университета, а также любопытномъ и въ томъ отношеніи, что этотъ эпизодъ связанъ съ первымъ появленіемъ въ Казани будущаго профессора-оріенталиста, ректора и почетнаго члена казанскаго университета—О. М. Ковалевскаго. Въ 1824-мъ году въ бывшемъ виленскомъ университетѣ обнаружились безпорядки, находившіеся въ связи съ образованіемъ среди молодежи тайнаго общества „филаретовъ и филоматовъ" и, въ силу высочайшаго конфирмованнаго 14-го августа журнала особаго комитета, трое казенныхъ студентовъ этого университета—Осипъ Ковалевскій, Феликсъ Колаковскій и Иванъ Верниковскій, заявившихъ желаніе обучаться восточнымъ языкамъ, были отправлены въ казанскій университетъ на казенное содержаніе, съ строгимъ предписаніемъ попечителя отъ 2-го сентября 1824-го года имѣть „строжайшій за ними надзоръ со стороны нравственной". Этотъ надзоръ, мотивированный тѣмъ, что опальные виленцы „обнаружили весьма предосудительный образъ мыслей и имѣли вредное вліяніе на прочихъ своихъ товарищей", долженъ былъ сосредоточиться въ рукахъ директора университета. „Сколько не непріятно мнѣ было помѣщать трехъ студентовъ виленскаго университета въ казанскій, въ коемъ, при помощи Божіей, съ самаго моего управленія онымъ вкоренены страхъ Божій и глубочайшая покорность властямъ предержащимъ, истребленъ духъ вольнодумства въ самомъ его корнѣ", — писалъ по этому поводу Магницкій, — тѣмъ не менѣе онъ подчиняется волѣ высшаго начальства, возлагая на директора университета обязанность учредить надъ юными

ливыя и даже совершенно противныя требованіямъ самой элементарной житейской этики, порученія, которыя возлагались Магницкимъ какъ на весь совѣтъ, такъ и на отдѣльныхъ его членовъ. Мы уже въ подробностяхъ знакомы съ гнусною травлею и трагикомедіею университетскаго суда, жертвою которыхъ, въ угоду попечителю, сдѣлался профессоръ Г. И. Солнцевъ; видѣли славныхъ ученыхъ, составляющихъ гордость казанскаго университета,—профессоровъ Н. И. Лобачевскаго и И. М. Симонова,—въ неблагодарной роли сотрудниковъ Магницкаго по „обличенію“ тетрадей лекцій опальныхъ петербургскихъ профессоровъ Раупаха, Германа и др., а благодушнѣйшаго отъ природы ректора К. Ѳ. Фукса—занимающимся провокаторствомъ среди сотоварищей и студентовъ или составляющимъ, по порученію попечителя, гнуснѣйшіе образцы нормальныхъ профессорскихъ конспектовъ...

Теперь мы остановимся еще на одномъ эпизодѣ изъ той же эпохи, также свидѣтельствующемъ о щекотливомъ положеніи, въ которое приходилось становиться, по волѣ Магницкаго, дѣятелямъ ввѣреннаго ему университета, а также любопытномъ и въ томъ отношеніи, что этотъ эпизодъ связанъ съ первымъ появленіемъ въ Казани будущаго профессора-оріенталиста, ректора и почетнаго члена казанскаго университета—О. М. Ковалевскаго. Въ 1824-мъ году въ бывшемъ виленскомъ университетѣ обнаружились безпорядки, находившіеся въ связи съ образованіемъ среди молодежи тайнаго общества „филаретовъ и филоматовъ“ и, въ силу высочайшаго конфирмованнаго 14-го августа журнала особаго комитета, трое казенныхъ студентовъ этого университета—Осипъ Ковалевскій, Феликсъ Колаковскій и Иванъ Верниковскій, заявившихъ желаніе обучаться восточнымъ языкамъ, были отправлены въ казанскій университетъ на казенное содержаніе, съ строгимъ предписаніемъ попечителя отъ 2-го сентября 1824-го года имѣть „строжайшій за ними надзоръ со стороны нравственной“. Этотъ надзоръ, мотивированный тѣмъ, что опальные виленцы „обнаружили весьма предосудительный образъ мыслей и имѣли вредное вліяніе на прочихъ своихъ товарищей“, долженъ былъ сосредоточиться въ рукахъ директора университета. „Сколько не непріятно мнѣ было помѣщать трехъ студентовъ виленскаго университета въ казанскій, въ коемъ, при помощи Божіей, съ самаго моего управленія онымъ вкоренены страхъ Божій и глубочайшая покорность властямъ предержащимъ, истребленъ духъ вольнодумства въ самомъ его корнѣ“, — писалъ по этому поводу Магницкій, — тѣмъ не менѣе онъ подчиняется волѣ высшаго начальства, возлагая на директора университета обязанность учредить надъ юными

„политическими преступниками“ особый надзоръ и еженедѣльно доносить ему объ ихъ поведенiи. Указываются попечителемъ и средства этого надзора. Директоръ обязуется „имѣть внимательное наблюденiе за знакомствомъ и перепискою“ молодыхъ людей, причемъ рекомендуется „тайное вскрытiе ихъ переписки“, съ неукоснительнымъ донесенiемъ въ Петербургъ обо всемъ, что окажется въ ней предосудительнаго. Затѣмъ директору университета рекомендуется „приблизить къ себѣ“ Ковалевскаго, Колаковскаго и Верниковскаго, приглашать ихъ „въ домъ на вечера“, а когда юноши по отношенiю къ нему „покажутъ довѣрiе— войти въ краткiя изъясненiя начальныхъ способовъ образованiя въ виленскомъ университетѣ и нравственныхъ его основанiй“. „Все сiе нужно узнать,—заключаетъ попечитель,—для того, дабы вполнѣ извлечь заключенiе, были ли они совершенно убѣждены въ началахъ возмутительныхъ, кои обнаружены въ духѣ многихъ преподавателей и студентовъ виленскаго университета, или токмо по молодости были вовлечены въ оныя и что духъ сей еще не укоренился въ нихъ“ [201]. Едва ли можетъ существовать два мнѣнiя относительно нравственнаго влiянiя на профессорскую среду подобнаго рода попечительскихъ начинанiй, обращавшихъ университетъ въ подобiе секретнаго сыскного отдѣленiя...

„Обновительно-благонамѣренныя“ потуги Магницкаго не замедлили принести свои плоды. Низкоугодничество, извѣты передъ начальствомъ, совѣтскiя интриги и, какъ естественный результатъ всего этого, раздоры, порою доходящiя до степени скандала—наложили яркiй отпечатокъ на коллегiальную жизнь казанскаго университета, окончательно дискредитируя его въ глазахъ общества и безъ того то не особенно, какъ мы не разъ имѣли случаи въ этомъ убѣждаться, сознававшаго духовное значенiе и нравственный авторитетъ „спавшаго ему съ неба“ высшаго храма наукъ. Извѣты и доносы, въ большинствѣ случаевъ прикрываемые фиговымъ листомъ „приватной“ переписки съ попечителемъ, получили полное право гражданства въ эту мрачную пору университетскаго „лихолѣтья“. Фуксъ дѣлаетъ извѣтъ на лектора Лейтера и на профессора Эрдмана; Суровцовъ— на профессора и секретаря совѣта Пальмина, обвиняя его въ запущенiи совѣтскихъ дѣлъ, на директора пензенской гимназiи И. И. Лажечникова, упрекая его не только въ упущенiяхъ по службѣ, но и въ дѣянiяхъ прямо противныхъ чести, и даже на предложеннаго къ избранiю въ почетные члены геттингенскаго профессора I. Г. Эйхгорна, признаннаго имъ „неблагонадежнымъ“ [202]... Профессоръ Суровцовъ былъ особеннымъ любителемъ „приватныхъ“ сообщенiй,—попросту говоря доносовъ по-

„политическими преступниками" особый надзоръ и еженедѣльно доносить ему объ ихъ поведеніи. Указываются попечителемъ и средства этого надзора. Директоръ обязуется „имѣть внимательное наблюденіе за знакомствомъ и перепискою" молодыхъ людей, причемъ рекомендуется „тайное вскрытіе ихъ переписки", съ неукоснительнымъ донесеніемъ въ Петербургъ обо всемъ, что окажется въ ней предосудительнаго. Затѣмъ директору университета рекомендуется „приблизить къ себѣ" Ковалевскаго, Колаковскаго и Верниковскаго, приглашать ихъ „въ домъ на вечера", а когда юноши по отношенію къ нему „покажутъ довѣріе—войти въ краткія изъясненія начальныхъ способовъ образованія въ виленскомъ университетѣ и нравственныхъ его основаній". „Все сіе нужно узнать,—заключаетъ попечитель,—для того, дабы вполнѣ извлечь заключеніе, были ли они совершенно убѣждены въ началахъ возмутительныхъ, кои обнаружены въ духѣ многихъ преподавателей и студентовъ виленскаго университета, или токмо по молодости были вовлечены въ оныя и что духъ сей еще не укоренился въ нихъ" [201]. Едва ли можетъ существовать два мнѣнія относительно нравственнаго вліянія на профессорскую среду подобнаго рода попечительскихъ начинаній, обращавшихъ университетъ въ подобіе секретнаго сыскного отдѣленія...

„Обновительно-благонамѣренныя" потуги Магницкаго не замедлили принести свои плоды. Низкоугодничество, извѣты передъ начальствомъ, совѣтскія интриги и, какъ естественный результатъ всего этого, раздоры, порою доходящія до степени скандала—наложили яркій отпечатокъ на коллегіальную жизнь казанскаго университета, окончательно дискредитируя его въ глазахъ общества и безъ того то не особенно, какъ мы не разъ имѣли случаи въ этомъ убѣждаться, сознававшаго духовное значеніе и нравственный авторитетъ „спавшаго ему съ неба" высшаго храма наукъ. Извѣты и доносы, въ большинствѣ случаевъ прикрываемые фиговымъ листомъ „приватной" переписки съ попечителемъ, получили полное право гражданства въ эту мрачную пору университетскаго „лихолѣтья". Фуксъ дѣлаетъ извѣтъ на лектора Лейтера и на профессора Эрдмана; Суровцовъ—на профессора и секретаря совѣта Пальмина, обвиняя его въ запущеніи совѣтскихъ дѣлъ, на директора пензенской гимназіи И. И. Лажечникова, упрекая его не только въ упущеніяхъ по службѣ, но и въ дѣяніяхъ прямо противныхъ чести, и даже на предложеннаго къ избранію въ почетные члены геттингенскаго профессора І. Г. Эйхгорна, признаннаго имъ „неблагонадежнымъ" [202]... Профессоръ Суровцовъ былъ особеннымъ любителемъ „приватныхъ" сообщеній,—попросту говоря доносовъ по-

печителю,—и въ началѣ 1824-го года, въ частнаго характера письмѣ къ Магницкому дѣлаетъ, прикрываясь, конечно, личиною прямодушія и долга службы, огульный извѣтъ на всѣхъ членовъ университета, которые будто бы притѣсняютъ и чернятъ „всѣхъ избираемыхъ и избранныхъ вашимъ превосходительствомъ", всѣми мѣрами стараясь выжить ихъ изъ университета. Ссылаясь въ этомъ письмѣ (отъ 21-го февраля 1824 г.) на неудовольствія, возникшія между нимъ и однимъ изъ попечительскихъ любимцевъ, профессоромъ Городчаниновымъ, на почвѣ дѣлъ по издательному комитету, Суровцовъ заявляетъ Магницкому слѣдущее:

„Впрочемъ, я не могу обвинять въ семъ г. Городчанинова. Жалоба—не есть его, но издали проведенная хитрость, которою хотятъ понемногу всѣхъ избираемыхъ и избранныхъ вашимъ превосходительствомъ чиновниковъ, отдаля отъ добраго вашего мнѣнія, удалить изъ университета. Съ тѣхъ поръ какъ ваше превосходительство извѣстить изволили о представленіи меня къ ордену, я вдругъ сдѣлался дурнымъ человѣкомъ, присталъ къ партіи Пальмина, вздорливъ и безпокоенъ,—только не говорятъ еще, что дуренъ въ моемъ поведеніи и неспособенъ къ должности. Натвердили г. Городчанинову, что я ищу его мѣста... Но да накажетъ меня Господь, и здѣсь и въ будущемъ, если когда нибудь я помышлялъ о семъ! Я знаю его ужасное (sic!) семейство, уважаю лѣта его и званіе и, при всемъ томъ, могу ли и осмѣлюсь ли искать того, чего полученіе ни отъ желанія моего, ни отъ искательства не зависитъ?

Въ доказательство того, что все избираемое вашимъ превосходительствомъ—для Казани не годится, я бы могъ привести многое (sic), но скажу только о настоящемъ положеніи г. профессора Жобара, котораго подвергли постыдному испытанію, обругали въ совѣтѣ и говорятъ и пишутъ, что онъ неспокойный человѣкъ, не хотятъ имѣть его и не отпускаютъ въ С.-Петербургъ *.

Я не обвиняю въ семъ лично никого. Не чувствуя вины своей, я обязанностью поставилъ оправдаться и увѣренъ, что прямая откровенность (!) моя найдетъ мѣсто въ справедливомъ вашемъ вниманіи. Потеряніе вашего добраго обо мнѣ мнѣнія—я цѣню выше всего, а лишеніе вашихъ милостей можетъ привести меня въ совершенную крайность, тѣмъ болѣе, что я,—скажу съ неукоризненною совѣстью,—

---

* Г. С. Суровцовъ былъ, какъ мы знаемъ (см. томъ III, стр. 412—413), самъ однимъ изъ назначенныхъ Магницкимъ профессоровъ, чѣмъ и объясняется общій тонъ его письма къ попечителю.

Относительно проф. Жобара и тѣхъ обстоятельствъ, на которыя намекаетъ здѣсь Суровцовъ, рѣчь будетъ идти ниже.

печителю,—и въ началѣ 1824-го года, въ частнаго характера письмѣ къ Магницкому дѣлаетъ, прикрываясь, конечно, личиною прямодушія и долга службы, огульный извѣтъ на всѣхъ членовъ университета, которые будто бы притѣсняютъ и чернятъ „всѣхъ избираемыхъ и избранныхъ вашимъ превосходительствомъ“, всѣми мѣрами стараясь выжить ихъ изъ университета. Ссылаясь въ этомъ письмѣ (отъ 21-го февраля 1824 г.) на неудовольствія, возникшія между нимъ и однимъ изъ попечительскихъ любимцевъ, профессоромъ Городчаниновымъ, на почвѣ дѣлъ по издательному комитету, Суровцовъ заявляетъ Магницкому слѣдущее:

„Впрочемъ, я не могу обвинять въ семъ г. Городчанинова. Жалоба—не есть его, но издали проведенная хитрость, которою хотятъ понемногу всѣхъ избираемыхъ и избранныхъ вашимъ превосходительствомъ чиновниковъ, отдаля отъ добраго вашего мнѣнія, удалить изъ университета. Съ тѣхъ поръ какъ ваше превосходительство извѣстить изволили о представленіи меня къ ордену, я вдругъ сдѣлался дурнымъ человѣкомъ, присталъ къ партіи Пальмина, вздорливъ и безпокоенъ,—только не говорятъ еще, что дуренъ въ моемъ поведеніи и неспособенъ къ должности. Натвердили г. Городчанинову, что я ищу его мѣста... Но да накажетъ меня Господь, и здѣсь и въ будущемъ, если когда нибудь я помышлялъ о семъ! Я знаю его ужасное (sic!) семейство, уважаю лѣта его и званіе и, при всемъ томъ, могу ли и осмѣлюсь ли искать того, чего полученіе ни отъ желанія моего, ни отъ искательства не зависитъ?

Въ доказательство того, что все избираемое вашимъ превосходительствомъ—для Казани не годится, я бы могъ привести многое (sic), но скажу только о настоящемъ положеніи г. профессора Жобара, котораго подвергли постыдному испытанію, обругали въ совѣтѣ и говорятъ и пишутъ, что онъ неспокойный человѣкъ, не хотятъ имѣть его и не отпускаютъ въ С.-Петербургъ *.

Я не обвиняю въ семъ лично никого. Не чувствуя вины своей, я обязанностью поставилъ оправдаться и увѣренъ, что прямая откровенность (!) моя найдетъ мѣсто въ справедливомъ вашемъ вниманіи. Потеряніе вашего добраго обо мнѣ мнѣнія—я цѣню выше всего, а лишеніе вашихъ милостей можетъ привести меня въ совершенную крайность, тѣмъ болѣе, что я,—скажу съ неукоризненною совѣстью,—

---

* Г. С. Суровцовъ былъ, какъ мы знаемъ (см. томъ III, стр. 412—413), самъ однимъ изъ назначенныхъ Магницкимъ профессоровъ, чѣмъ и объясняется общій тонъ его письма къ попечителю.

Относительно проф. Жобара и тѣхъ обстоятельствъ, на которыя намекаетъ здѣсь Суровцовъ, рѣчь будетъ идти ниже.

не заслужилъ сего, а войдя въ долги отъ поѣздокъ и женитьбы, не въ состояніи буду скоро оставить службу при университетѣ...

Если прямодушіе мое имъ (т. е. членамъ совѣта) могло казаться иногда непріятнымъ—я не виноватъ: я родился съ онымъ, воспитался, служилъ и умру. Оно заставило меня писать къ вашему превосходительству съ такою дерзостью и надѣяться на ваше справедливое вниманіе!"

Только что приведенныя нами выдержки изъ письма проф. Суровцова являются краснорѣчивымъ образцомъ тѣхъ многочисленныхъ „сношеній приватнаго характера", которыми обмѣнивались казанскіе приспѣшники Магницкаго съ своимъ властнымъ петербургскимъ принципаломъ. Очень часто эти „сношенія приватнаго характера" имѣли своею цѣлью и негласное испрашиваніе у всемогущаго попечителя разнаго рода милостей; такъ, въ 1823-мъ году адъюнктъ М. С. Рыбушкинъ, будущій издатель перваго въ Казани частнаго повременнаго органа печати, „Заволжскаго Муравья", въ письмѣ къ Магницкому въ самыхъ униженныхъ выраженіяхъ вымаливалъ себѣ у него... возведенія въ девятый служебный классъ [203].

Представляется вполнѣ понятнымъ, что, при подобнаго рода условіяхъ университетской коллегіальной жизни, чуть не въ преступленіе возводилось малѣйшее поползновеніе на самостоятельность со стороны отдѣльныхъ членовъ совѣта. Такъ, въ концѣ 1823-го года Магницкій, раздраженный отказомъ Н. И. Лобачевскаго отъ принятія на себя должности секретаря совѣта, потребовалъ цѣлаго дознанія по поводу оказанныхъ имъ тѣмъ самымъ „неблагопристойности и противности порядку подчиненности". Профессоръ Солнцевъ, какъ мы знаемъ, палъ жертвою попытки стать въ оппозиціонное положеніе по отношенію къ режиму, водворенному въ университетѣ со вступленіемъ въ управленіе имъ попечительскаго клеврета директора Никольскаго. Въ исходѣ 1823-го года въ казанскомъ университетѣ разгорались совѣтскія страсти по поводу ряда инцидентовъ съ попечительскимъ протеже, профессоромъ Жобаромъ,—инцидентовъ, разросшихся въ громкое и скандальное дѣло, съ которымъ мы очень скоро познакомимся. На этой почвѣ возникли крупныя несогласія и раздоры, вызвавшіе со стороны ректора Фукса жалобу попечителя (отъ 17-го ноября 1823 г.) на то, что въ послѣднемъ совѣтскомъ засѣданіи произошли между профессорами Жобаромъ, Эрдманомъ и Эйхвальдомъ пререканія, причемъ „одинъ другому сказалъ неприличныя слова", помѣшавшія слушанію дѣла и служащія „худымъ примѣромъ" для

не заслужилъ сего, а войдя въ долги отъ поѣздокъ и женитьбы, не въ состояніи буду скоро оставить службу при университетѣ...

Если прямодушіе мое имъ (т. е. членамъ совѣта) могло казаться иногда непріятнымъ—я не виноватъ: я родился съ онымъ, воспитался, служилъ и умру. Оно заставило меня писать къ вашему превосходительству съ такою дерзостью и надѣяться на ваше справедливое вниманіе!"

Только что приведенныя нами выдержки изъ письма проф. Суровцова являются краснорѣчивымъ образцомъ тѣхъ многочисленныхъ „сношеній приватнаго характера", которыми обмѣнивались казанскіе приспѣшники Магницкаго съ своимъ властнымъ петербургскимъ принципаломъ. Очень часто эти „сношенія приватнаго характера" имѣли своею цѣлью и негласное испрашиваніе у всемогущаго попечителя разнаго рода милостей; такъ, въ 1823-мъ году адъюнктъ М. С. Рыбушкинъ, будущій издатель перваго въ Казани частнаго повременнаго органа печати, „Заволжскаго Муравья", въ письмѣ къ Магницкому въ самыхъ униженныхъ выраженіяхъ вымаливалъ себѣ у него... возведенія въ девятый служебный классъ [203].

Представляется вполнѣ понятнымъ, что, при подобнаго рода условіяхъ университетской коллегіальной жизни, чуть не въ преступленіе возводилось малѣйшее поползновеніе на самостоятельность со стороны отдѣльныхъ членовъ совѣта. Такъ, въ концѣ 1823-го года Магницкій, раздраженный отказомъ Н. И. Лобачевскаго отъ принятія на себя должности секретаря совѣта, потребовалъ цѣлаго дознанія по поводу оказанныхъ имъ тѣмъ самымъ „неблагопристойности и противности порядку подчиненности". Профессоръ Солнцевъ, какъ мы знаемъ, палъ жертвою попытки стать въ оппозиціонное положеніе по отношенію къ режиму, водворенному въ университетѣ со вступленіемъ въ управленіе имъ попечительскаго клеврета директора Никольскаго. Въ исходѣ 1823-го года въ казанскомъ университетѣ разгорались совѣтскія страсти по поводу ряда инцидентовъ съ попечительскимъ протеже, профессоромъ Жобаромъ,—инцидентовъ, разросшихся въ громкое и скандальное дѣло, съ которымъ мы очень скоро познакомимся. На этой почвѣ возникли крупныя несогласія и раздоры, вызвавшіе со стороны ректора Фукса жалобу попечителя (отъ 17-го ноября 1823 г.) на то, что въ послѣднемъ совѣтскомъ засѣданіи произошли между профессорами Жобаромъ, Эрдманомъ и Эйхвальдомъ пререканія, причемъ „одинъ другому сказалъ неприличныя слова", помѣшавшія слушанію дѣла и служащія „худымъ примѣромъ" для

остальныхъ членовъ совѣта, причемъ, въ видахъ „водворенія спокойствія и взаимнаго уваженія", Фуксъ просилъ Магницкаго „изъявить начальственное вышеупомянутымъ профессорамъ неудовольствіе". Ректорская жалоба не осталась безъ послѣдствій, вызвавъ собою слѣдующее предложеніе попечителя (отъ 4-го декабря) на имя директора университета Никольскаго: „Узнавъ о безпорядкахъ, въ совѣтѣ происходящихъ отъ горячности нѣкоторыхъ лицъ и возникающихъ партій, я прошу васъ: а) Взять съ сей стороны въ особенный присмотръ профессора Эйхвальда и, при вѣдомости о происшествіяхъ, увѣдомлять меня о всемъ, что можетъ относиться къ его покорности начальству и благоприличному поведенію въ совѣтѣ, которое предписалъ я ему чрезъ ректора; б) Приказать секретарю совѣта въ вашемъ присутствіи прочесть въ совѣтѣ законы, къ порядку и благопристойности коллегіальныхъ преній относящіеся, изъяснивъ кратко ихъ содержаніе на нѣмецкомъ языкѣ и объявя, что, отнынѣ, при первомъ случаѣ будутъ сіи положенія приведены въ немедленное дѣйствіе надъ первымъ, кто ихъ нарушитъ". Результатомъ этого попечительскаго предложенія явилось донесеніе директора университета отъ 21-го января 1824 года о томъ, что за послѣднее время „ординарный профессоръ Эйхвальдъ велъ себя въ засѣданіяхъ совѣта скромно и благопристойно" [204].

Намъ уже не разъ приходилось упоминать о дѣлѣ профессора И. А. Жобара, въ качествѣ одного изъ громкихъ эпизодовъ коллегіальной жизни казанскаго университета за интересующую насъ эпоху его существованія. Это любопытное, представляющее собою сплошную цѣпь скандаловъ, дѣло, причинившее не мало хлопотъ и университету, и попечителю, и высшимъ центральнымъ органамъ министерства, возбудившее не малую сенсацію и среди казанскаго общества — представляетъ собою настолько характерную и краснорѣчивую иллюстрацію коллегіальной деморализаціи, создавшейся на почвѣ обновительныхъ начинаній Магницкаго, что мы считаемъ необходимымъ въ болѣе или менѣе подробной формѣ познакомить съ нимъ нашихъ читателей.

Біографическія данныя относительно И. А. Жобара и тѣ обстоятельства, при которыхъ состоялось опредѣленіе его Магницкимъ сразу на обѣ кафедры классической словесности—намъ уже извѣстны *. Полная ничтожность въ научномъ отношеніи, Жобаръ сумѣлъ поддѣлаться

* См. томъ III, стр. 410—412.

остальныхъ членовъ совѣта, причемъ, въ видахъ „водворенія спокойствія и взаимнаго уваженія“, Фуксъ просилъ Магницкаго „изъявить начальственное вышеупомянутымъ профессорамъ неудовольствіе“. Ректорская жалоба не осталась безъ послѣдствій, вызвавъ собою слѣдующее предложеніе попечителя (отъ 4-го декабря) на имя директора университета Никольскаго: „Узнавъ о безпорядкахъ, въ совѣтѣ происходящихъ отъ горячности нѣкоторыхъ лицъ и возникающихъ партій, я прошу васъ: а) Взять съ сей стороны въ особенный присмотръ профессора Эйхвальда и, при вѣдомости о происшествіяхъ, увѣдомлять меня о всемъ, что можетъ относиться къ его покорности начальству и благоприличному поведенію въ совѣтѣ, которое предписалъ я ему чрезъ ректора; б) Приказать секретарю совѣта въ вашемъ присутствіи прочесть въ совѣтѣ законы, къ порядку и благопристойности коллегіальныхъ преній относящіеся, изъяснивъ кратко ихъ содержаніе на нѣмецкомъ языкѣ и объявя, что, отнынѣ, при первомъ случаѣ будутъ сіи положенія приведены въ немедленное дѣйствіе надъ первымъ, кто ихъ нарушитъ“. Результатомъ этого попечительскаго предложенія явилось донесеніе директора университета отъ 21-го января 1824 года о томъ, что за послѣднее время „ординарный профессоръ Эйхвальдъ велъ себя въ засѣданіяхъ совѣта скромно и благопристойно“ [204].

Намъ уже не разъ приходилось упоминать о дѣлѣ профессора И. А. Жобара, въ качествѣ одного изъ громкихъ эпизодовъ коллегіальной жизни казанскаго университета за интересующую насъ эпоху его существованія. Это любопытное, представляющее собою сплошную цѣпь скандаловъ, дѣло, причинившее не мало хлопотъ и университету, и попечителю, и высшимъ центральнымъ органамъ министерства, возбудившее не малую сенсацію и среди казанскаго общества — представляетъ собою настолько характерную и краснорѣчивую иллюстрацію коллегіальной деморализаціи, создавшейся на почвѣ обновительныхъ начинаній Магницкаго, что мы считаемъ необходимымъ въ болѣе или менѣе подробной формѣ познакомить съ нимъ нашихъ читателей.

Біографическія данныя относительно И. А. Жобара и тѣ обстоятельства, при которыхъ состоялось опредѣленіе его Магницкимъ сразу на обѣ кафедры классической словесности—намъ уже извѣстны *. Полная ничтожность въ научномъ отношеніи, Жобаръ сумѣлъ поддѣлаться

* См. томъ III, стр. 410—412.

къ попечителю своими „христіанскими чувствами и жизнью", а еще болѣе—обѣщаніемъ преподавать классическую словесность „по евангелію и писаніямъ отцовъ, съ изъясненіемъ христіанскихъ древностей"; какъ исторія назначенія этого темнаго авантюриста на кафедру, такъ и занятое имъ уже на первыхъ порахъ въ университетѣ положеніе—явились, и на самомъ дѣлѣ, „возмутительнымъ образцомъ наглаго издѣвательства надъ университетскою наукою", какъ въ своемъ мѣстѣ высказались мы по поводу весьма непродолжительной профессорской карьеры Жобара.

Утвержденный въ званіи ординарнаго профессора казанскаго университета 2-го іюня 1822 года, Жобаръ уже осенью того же года удостоился особой благодарности попечителя за представленный имъ „конспектъ" преподаванія, а со стороны словеснаго факультета—„похвалы" за благонамѣренность преподаваній, выразившуюся въ томъ, что онъ „въ духѣ христіанскаго благочестія предпочитаетъ священныхъ писателей языческимъ классикамъ". Какимъ образомъ ухитрялся проф. Жобаръ строить преподаваніе греческой и латинской словесности на „духѣ христіанскаго благочестія"—это намъ неизвѣстно, но лекціи его должны были представлять собою нѣчто весьма бездарное, хотя и смѣхотворное, уже судя по тому отношенію, съ какимъ принимали ихъ даже и не особенно набалованные талантливыми преподавателями студенты-классики того времени. Въ октябрѣ 1823-го года Жобаръ приносилъ оффиціальную жалобу на то, что студенты не посѣщаютъ его лекцій; весною 1824-го года директоръ университета доносилъ попечителю, что на лекціяхъ Жобара, не взирая на замѣчанія этого послѣдняго, студенты смѣются и „переговариваютъ слова" профессора и, вообще, не оказываютъ должнаго уваженія ни ему лично, ни его преподаванію, въ виду чего замѣченнымъ въ томъ студентамъ и былъ сдѣланъ публичный „строжайшій" выговоръ „за неблагоповеденіе на лекціи и непослушаніе г. профессору" [205].

Какъ это не можетъ показаться страннымъ, но рѣшительный импульсъ къ ряду кляузъ и скандаловъ, затѣянныхъ профессоромъ Жобаромъ, далъ почетное порученіе, возложенное на него попечителемъ въ началѣ осени 1823-го года и заключавшееся въ визитаціи астраханскихъ училищъ, съ гимназіею въ ихъ главѣ,—визитаціи, о которой мы въ своемъ мѣстѣ (см. выше стр. 233—234) уже говорили. Хотя визитація Жобаромъ астраханскихъ училищъ и раскрыла цѣлый рядъ нестроеній и даже злоупотребленій директора училищъ, тѣмъ не менѣе нетактичные и грубые пріемы, которые были дозволены себѣ при этомъ казанскимъ профессоромъ и свѣдѣнія о которыхъ дошли до Магницкаго, не на шутку

къ попечителю своими „христіанскими чувствами и жизнью“, а еще болѣе— обѣщаніемъ преподавать классическую словесность „по евангелію и писаніямъ отцовъ, съ изъясненіемъ христіанскихъ древностей“; какъ исторія назначенія этого темнаго авантюриста на кафедру, такъ и занятое имъ уже на первыхъ порахъ въ университетѣ положеніе—явились, и на самомъ дѣлѣ, „возмутительнымъ образцомъ наглаго издѣвательства надъ университетскою наукою“, какъ въ своемъ мѣстѣ высказались мы по поводу весьма непродолжительной профессорской карьеры Жобара.

Утвержденный въ званіи ординарнаго профессора казанскаго университета 2-го іюня 1822 года, Жобаръ уже осенью того же года удостоился особой благодарности попечителя за представленный имъ „конспектъ“ преподаванія, а со стороны словеснаго факультета—„похвалы“ за благонамѣренность преподаваній, выразившуюся въ томъ, что онъ „въ духѣ христіанскаго благочестія предпочитаетъ священныхъ писателей языческимъ классикамъ“. Какимъ образомъ ухитрялся проф. Жобаръ строить преподаваніе греческой и латинской словесности на „духѣ христіанскаго благочестія“—это намъ неизвѣстно, но лекціи его должны были представлять собою нѣчто весьма бездарное, хотя и смѣхотворное, уже судя по тому отношенію, съ какимъ принимали ихъ даже и не особенно набалованные талантливыми преподавателями студенты-классики того времени. Въ октябрѣ 1823-го года Жобаръ приносилъ оффиціальную жалобу на то, что студенты не посѣщаютъ его лекцій; весною 1824-го года директоръ университета доносилъ попечителю, что на лекціяхъ Жобара, не взирая на замѣчанія этого послѣдняго, студенты смѣются и „переговариваютъ слова“ профессора и, вообще, не оказываютъ должнаго уваженія ни ему лично, ни его преподаванію, въ виду чего замѣченнымъ въ томъ студентамъ и былъ сдѣланъ публичный „строжайшій“ выговоръ „за неблагоповеденіе на лекціи и непослушаніе г. профессору“ [205].

Какъ это не можетъ показаться страннымъ, но рѣшительный импульсъ къ ряду кляузъ и скандаловъ, затѣянныхъ профессоромъ Жобаромъ, далъ почетное порученіе, возложенное на него попечителемъ въ началѣ осени 1823-го года и заключавшееся въ визитаціи астраханскихъ училищъ, съ гимназіею въ ихъ главѣ,—визитаціи, о которой мы въ своемъ мѣстѣ (см. выше стр. 233—234) уже говорили. Хотя визитація Жобаромъ астраханскихъ училищъ и раскрыла цѣлый рядъ нестроеній и даже злоупотребленій директора училищъ, тѣмъ не менѣе нетактичные и грубые пріемы, которые были дозволены себѣ при этомъ казанскимъ профессоромъ и свѣдѣнія о которыхъ дошли до Магницкаго, не на шутку

встревожили попечителя. Выяснилось, что Жобаръ вмѣшалъ въ дѣло ревизіи полицію, самымъ дерзкимъ и вызывающимъ образомъ держалъ себя по отношенію къ директору и преподавателямъ училищъ, позволялъ себѣ даже публичное сѣченіе воспитанниковъ. Магницкій обратился по этому поводу къ Жобару съ письмомъ на французскомъ языкѣ, въ которомъ, воздавая должное успѣшности произведенной имъ ревизіи, высказалъ свое неудовольствіе допущенными имъ пріемами: „Я остался доволенъ вашимъ усердіемъ, стойкостью и искренностью,—писалъ онъ Жобару,—но не могу одобрить проявленныхъ вами неопытности и излишка молодой горячности, которая заставила васъ прибѣгнуть къ ненужному самоуправству и превысить полномочія ревизора... Для чего понадобилось вамъ впутывать въ дѣло полицію? Къ чему было производить надъ учениками публичныя экзекуціи? Подобало ли визитатору выступать палачомъ въ глазахъ родителей?... Буду надѣяться, что всѣ эти художества ваши (toutes ces belles choses) не дойдутъ до меня оффиціальнымъ путемъ и останутся между нами. Менѣе увлеченія, больше благочестія и смиренномудрія!“...

Если представляется несомнѣннымъ, что ревизія имъ астраханскихъ училищъ была первою тѣнью, пробѣжавшею между Жобаромъ и покровительствовавшимъ ему Магницкимъ, то, съ другой стороны, безспорнымъ является и тотъ фактъ, что эта ревизія произвела въ Жобарѣ гордый подъемъ духа, внушивъ ему самомнѣніе, которое не замедлило отразиться и на университетскихъ отношеніяхъ его, породивъ рядъ скандальныхъ инцидентовъ, давшихъ матеріалъ для обширнаго „дѣла профессора Жобара по жалобамъ его на университетъ“ *.

Предлогъ къ столкновенію съ совѣтомъ найденъ былъ проф. Жобаромъ уже слѣдомъ за возвращеніемъ изъ Астрахани, на почвѣ предъявленнаго имъ требованія переэкзаменовки въ латинскомъ языкѣ студентовъ, принятыхъ въ университетъ во время отсутствія его изъ Казани и выказавшихъ слабыя познанія въ этомъ предметѣ. Встрѣченное Жобаромъ въ совѣтѣ и, главнымъ образомъ, со стороны профессоровъ Эйхвальда и Эрдмана противодѣйствіе этому настоянію— вызвало цѣлую бурю съ его стороны, давъ поводъ ректору Фуксу въ

* Основное дѣло о профессорѣ Жобарѣ, заключающее въ себѣ три объемистыхъ части, съ восемью приложеніями, и 2313 листовъ, хранится въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія подъ №№ 59657—59667 (1824 года). См. здѣсь же № 160—15120 (1824 г.), приложенный къ № 5355—151. Относящіеся къ этому дѣлу матеріалы архива казанскаго университета будутъ указаны въ «ссылкахъ и примѣчаніяхъ».

встревожили попечителя. Выяснилось, что Жобаръ вмѣшалъ въ дѣло ревизіи полицію, самымъ дерзкимъ и вызывающимъ образомъ держалъ себя по отношенію къ директору и преподавателямъ училищъ, позволялъ себѣ даже публичное сѣченіе воспитанниковъ. Магницкій обратился по этому поводу къ Жобару съ письмомъ на французскомъ языкѣ, въ которомъ, воздавая должное успѣшности произведенной имъ ревизіи, высказалъ свое неудовольствіе допущенными имъ пріемами: „Я остался доволенъ вашимъ усердіемъ, стойкостью и искренностью,—писалъ онъ Жобару,—но не могу одобрить проявленныхъ вами неопытности и излишка молодой горячности, которая заставила васъ прибѣгнуть къ ненужному самоуправству и превысить полномочія ревизора... Для чего понадобилось вамъ впутывать въ дѣло полицію? Къ чему было производить надъ учениками публичныя экзекуціи? Подобало ли визитатору выступать палачомъ въ глазахъ родителей?... Буду надѣяться, что всѣ эти художества ваши (toutes ces belles choses) не дойдутъ до меня оффиціальнымъ путемъ и останутся между нами. Менѣе увлеченія, больше благочестія и смиренномудрія!"...

Если представляется несомнѣннымъ, что ревизія имъ астраханскихъ училищъ была первою тѣнью, пробѣжавшею между Жобаромъ и покровительствовавшимъ ему Магницкимъ, то, съ другой стороны, безспорнымъ является и тотъ фактъ, что эта ревизія произвела въ Жобарѣ гордый подъемъ духа, внушивъ ему самомнѣніе, которое не замедлило отразиться и на университетскихъ отношеніяхъ его, породивъ рядъ скандальныхъ инцидентовъ, давшихъ матеріалъ для обширнаго „дѣла профессора Жобара по жалобамъ его на университетъ" *.

Предлогъ къ столкновенію съ совѣтомъ найденъ былъ проф. Жобаромъ уже слѣдомъ за возвращеніемъ изъ Астрахани, на почвѣ предъявленнаго имъ требованія переэкзаменовки въ латинскомъ языкѣ студентовъ, принятыхъ въ университетъ во время отсутствія его изъ Казани и выказавшихъ слабыя познанія въ этомъ предметѣ. Встрѣченное Жобаромъ въ совѣтѣ и, главнымъ образомъ, со стороны профессоровъ Эйхвальда и Эрдмана противодѣйствіе этому настоянію—вызвало цѣлую бурю съ его стороны, давъ поводъ ректору Фуксу въ

* Основное дѣло о профессорѣ Жобарѣ, заключающее въ себѣ три объемистыхъ части, съ восемью приложеніями, и 2313 листовъ, хранится въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія подъ №№ 59657—59667 (1824 года). См. здѣсь же № 160—15120 (1824 г.), приложенный къ № 5355—151. Относящіеся къ этому дѣлу матеріалы архива казанскаго университета будутъ указаны въ «ссылкахъ и примѣчаніяхъ».

весьма любопытномъ актѣ, сохранившемся при дѣлѣ Жобара и носящемъ названіе „исторической записки о поведеніи профессора Жобара", представить этотъ инцидентъ въ слѣдующемъ освѣщеніи:

„Профессоръ Жобаръ,—читаемъ мы въ запискѣ Фукса,—имѣетъ отъ природы характеръ пылкій, усиливаемый молодостью *, раздражительный и упорный. Незнакомый съ начальственною властью, онъ увидѣлъ себя въ первый разъ главнымъ начальникомъ при визитаціи астраханской и не устоялъ противъ чувства гордости. По возвращеніи своемъ хотѣлъ онъ удержать тонъ повелительный. Забывая, что теченіе дѣлъ университетскихъ не можетъ останавливаться отсутствіемъ одного члена, онъ объявилъ незаконнымъ сдѣланный въ отсутствіе его пріемъ студентовъ, требовалъ переэкзаменованія и, достигнувъ своего домогательства, увеличеніемъ дѣла въ своихъ извѣтахъ усугубилъ несчастное расположеніе своего духа. Увидѣвъ холодную насмѣшку, противопоставленную повелительному тону его профессорами Эйхвальдомъ и Эрдманомъ, онъ искалъ случая доказать имъ свое могущество, хвалился письмами и довѣренностью г. попечителя и явно въ совѣтскихъ преніяхъ искалъ съ ними ссоры".

Въ этомъ столкновеніи побѣда осталась за Жобаромъ, такъ какъ домогательство его увѣнчалось успѣхомъ и всѣ вновь принятые въ его отсутствіе студенты подверглись переэкзаменовкѣ въ латинскомъ языкѣ, хотя эта побѣда и оказалась сигналомъ къ дальнѣйшимъ скандальнымъ столкновеніямъ Жобара съ сотоварищами по совѣту. Но уже эта переэкзаменовка выдвинула по отношенію къ Жобару опаснаго противника въ лицѣ профессора П. С. Сергѣева, сильнаго и своимъ вліяніемъ передъ попечителемъ, и своимъ положеніемъ въ университетѣ. „Въ комитетѣ для переэкзаменованія студентовъ профессоръ Жобаръ еще болѣе оказалъ неприличное свое поведеніе; почитая себя виновникомъ сего комитета, онъ хотѣлъ быть его властелиномъ",—свидѣтельствуетъ намъ та же записка Фукса. Въ комитетѣ возникли между Жобаромъ и Сергѣевымъ пререканія изъ за предъявленныхъ первымъ слишкомъ тяжелыхъ экзаменаціонныхъ требованій и тогда Жобаръ, „съ сердцемъ сжавъ въ кулакѣ находившуюся въ его рукѣ бумагу, бросилъ ее на столъ и выбѣжалъ изъ зала засѣданія, забывъ, что находился передъ зерцаломъ и имѣлъ свидѣтелями своего поведенія экзаменовавшихся студентовъ". „Съ этого вре-

* Жобару было въ то время всего только 30 лѣтъ.

весьма любопытномъ актѣ, сохранившемся при дѣлѣ Жобара и носящемъ названіе „исторической записки о поведеніи профессора Жобара“, представить этотъ инцидентъ въ слѣдующемъ освѣщеніи:

„Профессоръ Жобаръ,—читаемъ мы въ запискѣ Фукса,—имѣетъ отъ природы характеръ пылкій, усиливаемый молодостью *, раздражительный и упорный. Незнакомый съ начальственною властью, онъ увидѣлъ себя въ первый разъ главнымъ начальникомъ при визитаціи астраханской и не устоялъ противъ чувства гордости. По возвращеніи своемъ хотѣлъ онъ удержать тонъ повелительный. Забывая, что теченіе дѣлъ университетскихъ не можетъ останавливаться отсутствіемъ одного члена, онъ объявилъ незаконнымъ сдѣланный въ отсутствіе его пріемъ студентовъ, требовалъ переэкзаменованія и, достигнувъ своего домогательства, увеличеніемъ дѣла въ своихъ извѣтахъ усугубилъ несчастное расположеніе своего духа. Увидѣвъ холодную насмѣшку, противопоставленную повелительному тону его профессорами Эйхвальдомъ и Эрдманомъ, онъ искалъ случая доказать имъ свое могущество, хвалился письмами и довѣренностью г. попечителя и явно въ совѣтскихъ преніяхъ искалъ съ ними ссоры“.

Въ этомъ столкновеніи побѣда осталась за Жобаромъ, такъ какъ домогательство его увѣнчалось успѣхомъ и всѣ вновь принятые въ его отсутствіе студенты подверглись переэкзаменовкѣ въ латинскомъ языкѣ, хотя эта побѣда и оказалась сигналомъ къ дальнѣйшимъ скандальнымъ столкновеніямъ Жобара съ сотоварищами по совѣту. Но уже эта переэкзаменовка выдвинула по отношенію къ Жобару опаснаго противника въ лицѣ профессора П. С. Сергѣева, сильнаго и своимъ вліяніемъ передъ попечителемъ, и своимъ положеніемъ въ университетѣ. „Въ комитетѣ для переэкзаменованія студентовъ профессоръ Жобаръ еще болѣе оказалъ неприличное свое поведеніе; почитая себя виновникомъ сего комитета, онъ хотѣлъ быть его властелиномъ“,—свидѣтельствуетъ намъ та же записка Фукса. Въ комитетѣ возникли между Жобаромъ и Сергѣевымъ пререканія изъ за предъявленныхъ первымъ слишкомъ тяжелыхъ экзаменаціонныхъ требованій и тогда Жобаръ, „съ сердцемъ сжавъ въ кулакѣ находившуюся въ его рукѣ бумагу, бросилъ ее на столъ и выбѣжалъ изъ зала засѣданія, забывъ, что находился передъ зерцаломъ и имѣлъ свидѣтелями своего поведенія экзаменовавшихся студентовъ“. „Съ этого вре-

* Жобару было въ то время всего только 30 лѣтъ.

мени начинается его негодованіе противу профессора Сергѣева",—замѣчаетъ Фуксъ.

До какой мелочности доходили въ то время совѣтскія препирательства—нагляднымъ примѣромъ тому служитъ слѣдующій инцидентъ, разыгравшійся также вскорѣ послѣ возвращенія Жобара изъ Астрахани. Въ одномъ изъ ноябрскихъ засѣданій совѣта Жобаръ передалъ въ собственность университета привезенныя имъ куколки и яички шелковичныхъ червей, назвавъ эти послѣднія—„semence de vers à soie", противъ чего возсталъ проф. Эйхвальдъ, уличая Жобара въ незнаніи „своего природнаго языка", такъ какъ преподносимые имъ въ даръ предметы слѣдовало назвать—„oeufs de vers à soie". Пререканія на эту тему возобновились и въ слѣдующемъ засѣданіи совѣта, причемъ Эйхвальдъ, отстаивая свою терминологію, предлагалъ Жобару биться объ закладъ въ суммѣ тысячѣ рублей противъ двухъ копѣекъ Жобара въ томъ, что его терминологія—правильнѣе. На-скоро сбѣгавъ домой и взявъ необходимую справку въ лексиконахъ, Жобаръ, „укрѣпленный симъ доказательствомъ въ своемъ мнѣніи, но не хотя,—по его собственнымъ словамъ,—ни пристыдить г. Эйхвальда, ни заставить его платить тысячу рублей"—пришелъ обратно въ совѣтъ и предложилъ своему противнику „принять двѣ копѣйки лучше, нежели подвергаться опасности потерять тысячу рублей"; „но г. Эйхвальдъ,—повѣствуетъ Жобаръ,—отвергая мое предложеніе, объявилъ меня побѣжденнымъ и принялъ мои двѣ копѣйки, какъ доказательство своей побѣды, прибавляя, что онъ готовъ биться объ закладъ еще о двухъ тысячахъ рублей".

— Non calles linguam gallicam! Nescis linguam gallicam! *—сказалъ при этомъ проф. Эйхвальдъ.

Брошенный Эйхвальдомъ упрекъ окончательно взорвалъ Жобара. „Я отвѣчалъ г. Эйхвальду,—заявляетъ обиженный французъ,—что онъ забываетъ себя и обижаетъ меня напрасно". Вслѣдъ за этимъ онъ приводитъ рядъ доводовъ компетентности своей во французской филологіи: онъ, во время службы своей въ Смольномъ монастырѣ, „награжденъ былъ отъ ея величества государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны золотою табакеркою, съ письменнымъ изъявленіемъ ея монаршаго благоволенія" за похвальное исправленіе должности учителя французскаго языка, причемъ императрица рекомендовала его самому государю императору въ качествѣ „отличнаго" учителя; онъ имѣетъ аттестатъ отъ дерптскаго университета,

* То есть—«ты не свѣдущъ во французскомъ языкѣ».

мени начинается его негодованіе противу профессора Сергѣева",—замѣчаетъ Фуксъ.

До какой мелочности доходили въ то время совѣтскія препирательства—нагляднымъ примѣромъ тому служитъ слѣдующій инцидентъ, разыгравшійся также вскорѣ послѣ возвращенія Жобара изъ Астрахани. Въ одномъ изъ ноябрскихъ засѣданій совѣта Жобаръ передалъ въ собственность университета привезенныя имъ куколки и яички шелковичныхъ червей, назвавъ эти послѣднія—„semence de vers à soie", противъ чего возсталъ проф. Эйхвальдъ, уличая Жобара въ незнаніи „своего природнаго языка", такъ какъ преподносимые имъ въ даръ предметы слѣдовало назвать—„oeufs de vers à soie". Пререканія на эту тему возобновились и въ слѣдующемъ засѣданіи совѣта, причемъ Эйхвальдъ, отстаивая свою терминологію, предлагалъ Жобару биться объ закладъ въ суммѣ тысячѣ рублей противъ двухъ копѣекъ Жобара въ томъ, что его терминологія—правильнѣе. На-скоро сбѣгавъ домой и взявъ необходимую справку въ лексиконахъ, Жобаръ, „укрѣпленный симъ доказательствомъ въ своемъ мнѣніи, но не хотя,—по его собственнымъ словамъ,—ни пристыдить г. Эйхвальда, ни заставить его платить тысячу рублей"—пришелъ обратно въ совѣтъ и предложилъ своему противнику „принять двѣ копѣйки лучше, нежели подвергаться опасности потерять тысячу рублей"; „но г. Эйхвальдъ,—повѣствуетъ Жобаръ,—отвергая мое предложеніе, объявилъ меня побѣжденнымъ и принялъ мои двѣ копѣйки, какъ доказательство своей побѣды, прибавляя, что онъ готовъ биться объ закладъ еще о двухъ тысячахъ рублей".

— Non calles linguam gallicam! Nescis linguam gallicam! *—сказалъ при этомъ проф. Эйхвальдъ.

Брошенный Эйхвальдомъ упрекъ окончательно взорвалъ Жобара. „Я отвѣчалъ г. Эйхвальду,—заявляетъ обиженный французъ,—что онъ забываетъ себя и обижаетъ меня напрасно". Вслѣдъ за этимъ онъ приводитъ рядъ доводовъ компетентности своей во французской филологіи: онъ, во время службы своей въ Смольномъ монастырѣ, „награжденъ былъ отъ ея величества государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны золотою табакеркою, съ письменнымъ изъявленіемъ ея монаршаго благоволенія" за похвальное исправленіе должности учителя французскаго языка, причемъ императрица рекомендовала его самому государю императору въ качествѣ „отличнаго" учителя; онъ имѣетъ аттестатъ отъ дерптскаго университета,

* То есть—«ты не свѣдущъ во французскомъ языкѣ».

въ округѣ котораго три года служилъ учителемъ того же языка, и свидѣтельства о прохожденіи курсовъ въ Лангрской коллегіи и въ митавской гимназіи; петербургскій университетъ удостоилъ его дипломомъ на званіе учителя; онъ утвержденъ, наконецъ, министромъ въ званіи профессора... „Слѣдовательно,—заключаетъ отсюда Жобаръ,—обиды, нанесенныя мнѣ г. Эйхвальдомъ обличеніемъ въ незнаніи французскаго языка—суть обиды, сдѣланныя всѣмъ препочтеннѣйшимъ лицамъ, которые бы не могли одобрить и похвалить меня безъ личнаго моего достоинства". Въ концѣ концовъ Жобаръ рѣшилъ прибѣгнуть къ посредническимъ добрымъ услугамъ ректора, прося его „прекратить споръ какимъ угодно справедливымъ рѣшеніемъ", но осторожный Фуксъ уклонился отъ такой чести. „Тогда я,—повѣствуетъ Жобаръ,—предпочитая христіанское примиреніе открытой жалобѣ на нанесенныя мнѣ обиды, обѣщалъ г. Эйхвальду совершенное забвеніе обидъ, ежели онъ согласится извиниться предъ совѣтомъ и предо мною", въ отвѣтъ на что Эйхвальдъ „въ ту же минуту повторилъ еще нѣсколько разъ слова: вы не знаете французскаго языка".

На поддержку Эйхвальда выступилъ профессоръ Эрдманъ,—„который до сихъ поръ молчалъ",—и, обратясь къ Жобару, бросилъ ему слѣдующее замѣчаніе на латинскомъ языкѣ:

— Вы сами меня обижали!

— Я?! Когда и чѣмъ?—удивился Жобаръ.

— Вы сказали, что я не знаю арабскаго языка.

— Кто сказалъ?.. Я?.. Кому? Я здѣсь объявляю вамъ и всему совѣту, что я этого никогда и никому не говорилъ *.

Въ отвѣтъ на эти слова проф. Эрдманъ, желая, по утвержденію Жобара, вызвать его на дальнѣйшія препирательства, „произнесъ не громкимъ голосомъ нѣкоторыя латинскія слова, которыхъ я,—продолжаетъ Жобаръ,—не понявъ, просилъ повторить оныя", послѣ чего Эрдманъ въ присутствіи всего совѣта „осмѣлился громкимъ и яснымъ голосомъ" сказать слѣдующее:

— Exhala crapulam tuam! **

„Exhale ta crapule", „Tu es soûl, va cuver ton vin", „Проспись, ты пьянъ",—тутъ же поясняетъ Жобаръ на другихъ языкахъ обидный смыслъ

* Всѣ приводимые здѣсь разговоры дословно взяты изъ подлиннаго письменнаго объясненія проф. Жобара.

** Въ буквальномъ переводѣ: «Испари свой хмѣль» (въ смыслѣ вытрезвленія).

въ округѣ котораго три года служилъ учителемъ того же языка, и свидѣтельства о прохожденіи курсовъ въ Лангрской коллегіи и въ митавской гимназіи; петербургскій университетъ удостоилъ его дипломомъ на званіе учителя; онъ утвержденъ, наконецъ, министромъ въ званіи профессора... „Слѣдовательно,—заключаетъ отсюда Жобаръ,—обиды, нанесенныя мнѣ г. Эйхвальдомъ обличеніемъ въ незнаніи французскаго языка—суть обиды, сдѣланныя всѣмъ препочтеннѣйшимъ лицамъ, которые бы не могли одобрить и похвалить меня безъ личнаго моего достоинства". Въ концѣ концовъ Жобаръ рѣшилъ прибѣгнуть къ посредническимъ добрымъ услугамъ ректора, прося его „прекратить споръ какимъ угодно справедливымъ рѣшеніемъ", но осторожный Фуксъ уклонился отъ такой чести. „Тогда я,—повѣствуетъ Жобаръ,—предпочитая христіанское примиреніе открытой жалобѣ на нанесенныя мнѣ обиды, обѣщалъ г. Эйхвальду совершенное забвеніе обидъ, ежели онъ согласится извиниться предъ совѣтомъ и предо мною", въ отвѣтъ на что Эйхвальдъ „въ ту же минуту повторилъ еще нѣсколько разъ слова: вы не знаете французскаго языка".

На поддержку Эйхвальда выступилъ профессоръ Эрдманъ,—„который до сихъ поръ молчалъ",—и, обратясь къ Жобару, бросилъ ему слѣдующее замѣчаніе на латинскомъ языкѣ:

— Вы сами меня обижали!

— Я?! Когда и чѣмъ?—удивился Жобаръ.

— Вы сказали, что я не знаю арабскаго языка.

— Кто сказалъ?.. Я?.. Кому? Я здѣсь объявляю вамъ и всему совѣту, что я этого никогда и никому не говорилъ *.

Въ отвѣтъ на эти слова проф. Эрдманъ, желая, по утвержденію Жобара, вызвать его на дальнѣйшія препирательства, „произнесъ не громкимъ голосомъ нѣкоторыя латинскія слова, которыхъ я,—продолжаетъ Жобаръ,—не понявъ, просилъ повторить оныя", послѣ чего Эрдманъ въ присутствіи всего совѣта „осмѣлился громкимъ и яснымъ голосомъ" сказать слѣдующее:

— Exhala crapulam tuam! **

„Exhale ta crapule", „Tu es soûl, va cuver ton vin", „Проспись, ты пьянъ",—тутъ же поясняетъ Жобаръ на другихъ языкахъ обидный смыслъ

* Всѣ приводимые здѣсь разговоры дословно взяты изъ подлиннаго письменнаго объясненія проф. Жобара.

** Въ буквальномъ переводѣ: «Испари свой хмѣль» (въ смыслѣ вытрезвленія).

брошенныхъ ему Эрдманомъ латинскихъ словъ. „Пораженный неожиданными постыдными и въ устахъ профессора неблагопристойными словами, но не забывая, вмѣстѣ, ни смиренія христіанскаго, ни благопристойности мѣста и лицъ присутствующихъ", Жобаръ потребовалъ занесенія словъ проф. Эрдмана въ протоколъ засѣданія и обсужденія всего инцидента „по всей строгости законовъ", съ тѣмъ, что бы въ случаѣ, если будетъ доказана правота его, Жобара, проф. Эйхвальдъ присужденъ былъ уплатить проигранный закладъ въ тысячу рублей, имѣющій быть пожертвованнымъ въ пользу мѣстнаго уѣзднаго училища; въ противномъ случаѣ Жобаръ обязывался внести въ пользу Эйхвальда поставленныя имъ двѣ копѣйки...

Подробное донесеніе о всемъ этомъ позорномъ совѣтскомъ шутовствѣ было отправлено къ попечителю, вмѣстѣ съ обширнымъ объясненіемъ самого „потерпѣвшаго",—и именно этотъ то инцидентъ далъ ближайшій поводъ къ уже извѣстному намъ предписанію Магницкаго относительно мѣръ по водворенію спокойствія и порядка въ засѣданіяхъ совѣта [206].

Не успѣли улечься страсти, разгоряченныя препирательствами по поводу „яичекъ шелковичныхъ червей", какъ въ совѣтѣ возникли новые раздоры, порожденные любопытнымъ и характернымъ дѣломъ о разсмотрѣніи изобрѣтеннаго профессоромъ Жобаромъ новаго метода преподаванія французскаго языка. Дѣло въ томъ, что профессоръ Жобаръ 20-го декабря 1823 года вошелъ въ совѣтъ университета съ представленіемъ, въ которомъ, въ виду слабыхъ успѣховъ студентовъ во французскомъ языкѣ *, просилъ разрѣшенія открыть курсы этого языка по особому, лично имъ изобрѣтенному методу, названному имъ „математическимъ". Въ засѣданіи совѣта 22-го декабря возникли сомнѣнія въ пригодности метода Жобара для цѣлей университетскаго преподаванія, въ виду чего постановленіе состоялось въ смыслѣ предварительнаго разсмотрѣнія этого метода въ полномъ собраніи совѣта; Жобаръ, съ своей стороны, охотно согласился на это, но отказался представить совѣту „записки", т. е. письменное изложеніе своего метода, объявивъ, что „метода эта—въ головѣ его", почему обѣщалъ лично „въ присутствіи членовъ совѣта раскрыть свой способъ преподаванія",—но съ тѣмъ условіемъ,

* Здѣсь слѣдуетъ припомнить, что взамѣнъ кафедры греческой словесности, на которую былъ назначенъ проф. Мистаки, Жобару 19-го сентября того же года было поручено попечителемъ преподаваніе французской литературы.

брошенныхъ ему Эрдманомъ латинскихъ словъ. „Пораженный неожиданными постыдными и въ устахъ профессора неблагопристойными словами, но не забывая, вмѣстѣ, ни смиренія христіанскаго, ни благопристойности мѣста и лицъ присутствующихъ“, Жобаръ потребовалъ занесенія словъ проф. Эрдмана въ протоколъ засѣданія и обсужденія всего инцидента „по всей строгости законовъ“, съ тѣмъ, что бы въ случаѣ, если будетъ доказана правота его, Жобара, проф. Эйхвальдъ присужденъ былъ уплатить проигранный закладъ въ тысячу рублей, имѣющій быть пожертвованнымъ въ пользу мѣстнаго уѣзднаго училища; въ противномъ случаѣ Жобаръ обязывался внести въ пользу Эйхвальда поставленныя имъ двѣ копѣйки...

Подробное донесеніе о всемъ этомъ позорномъ совѣтскомъ шутовствѣ было отправлено къ попечителю, вмѣстѣ съ обширнымъ объясненіемъ самого „потерпѣвшаго“,—и именно этотъ то инцидентъ далъ ближайшій поводъ къ уже извѣстному намъ предписанію Магницкаго относительно мѣръ по водворенію спокойствія и порядка въ засѣданіяхъ совѣта [206].

Не успѣли улечься страсти, разгоряченныя препирательствами по поводу „яичекъ шелковичныхъ червей“, какъ въ совѣтѣ возникли новые раздоры, порожденные любопытнымъ и характернымъ дѣломъ о разсмотрѣніи изобрѣтеннаго профессоромъ Жобаромъ новаго метода преподаванія французскаго языка. Дѣло въ томъ, что профессоръ Жобаръ 20-го декабря 1823 года вошелъ въ совѣтъ университета съ представленіемъ, въ которомъ, въ виду слабыхъ успѣховъ студентовъ во французскомъ языкѣ *, просилъ разрѣшенія открыть курсы этого языка по особому, лично имъ изобрѣтенному методу, названному имъ „математическимъ“. Въ засѣданіи совѣта 22-го декабря возникли сомнѣнія въ пригодности метода Жобара для цѣлей университетскаго преподаванія, въ виду чего постановленіе состоялось въ смыслѣ предварительнаго разсмотрѣнія этого метода въ полномъ собраніи совѣта; Жобаръ, съ своей стороны, охотно согласился на это, но отказался представить совѣту „записки“, т. е. письменное изложеніе своего метода, объявивъ, что „метода эта—въ головѣ его“, почему обѣщалъ лично „въ присутствіи членовъ совѣта раскрыть свой способъ преподаванія“,—но съ тѣмъ условіемъ,

---

* Здѣсь слѣдуетъ припомнить, что взамѣнъ кафедры греческой словесности, на которую былъ назначенъ проф. Мистаки, Жобару 19-го сентября того же года было поручено попечителемъ преподаваніе французской литературы.

что бы, въ случаѣ одобрительнаго отзыва совѣта, ему было выдано особое свидѣтельство на пріоритетъ его изобрѣтенія. Согласившись и на это, совѣтъ опредѣлилъ созвать для означенной цѣли на 3-е января 1824 года особое собраніе свое. Въ этомъ совѣтскомъ засѣданіи Жобаръ наглядно изложилъ изобрѣтенный имъ методъ, вызвавшій разнообразные, но въ большинствѣ одобрительные, отзывы со стороны присутствующихъ, причемъ противъ принятія новаго метода высказался директоръ университета проф. Никольскій, заявившій, что „въ казанской гимназіи не видно успѣховъ отъ сего способа преподаванія", что онъ поручилъ профессорамъ Эрдману и Лобачевскому произвести испытаніе учениковъ гимназіи во французскомъ языкѣ и что „успѣхи оказались слабы, за исключеніемъ одного ученика". Не взирая на то, что совѣтъ опредѣлилъ „методъ преподаванія г. профессора Жобара допустить какъ въ университетѣ, такъ и въ казанской гимназіи", предписавъ студентамъ „неупустительно" посѣщать его лекціи—Жобаръ вспылалъ негодованіемъ на совѣтъ, вообще, и на директора университета, въ особенности. По свидѣтельству ректора Фукса (см. его „Записку о поведеніи профессора Жобара"), Жобаръ, уже успѣвшій обострить свои отношенія къ профессорамъ Эйхвальду, Эрдману и Сергѣеву — давно „искалъ случая состязаться съ директоромъ университета, порочилъ и чернилъ его въ обществѣ, дѣлалъ на него извѣты начальству"; „формальное же состязаніе началось въ извѣстномъ дѣлѣ о его методѣ, обнаружившемъ совершенно безпокойный характеръ профессора Жобара".

Вызовъ къ рѣшительной борьбѣ съ Никольскимъ сдѣланъ былъ Жобаромъ въ поданномъ имъ въ совѣтъ университета представленіи отъ 12-го января, въ которомъ онъ не безъ коварства ставитъ совѣту на видъ, что „г. директоръ университета заподозрѣлъ его методу не взирая на то, что она одобрена ея императорскимъ величествомъ государынею императрицею Маріею Θеодоровною, которая наградила его за нее золотою табакеркою, съ изъявленіемъ монаршаго благоволенія, и повелѣла ему напечатать и посвятить оную ея величеству", причемъ снова дѣлалъ ссылки и на свои аттестаты, и на опредѣленіе свое профессоромъ, и на одобреніе его конспекта самимъ попечителемъ. Жалуется Жобаръ и на „тайное испытаніе воспитанникамъ гимназіи", предпринятое по приказанію Никольскаго. Резюмируя въ своей „Запискѣ о поведеніи профессора Жобара" сущность представленія этого послѣдняго, ректоръ Фуксъ такъ отзывается о немъ: „Въ строптивой бумагѣ своей отъ 12-го января 1824 года профессоръ Жобаръ жаловался на совѣтъ, что

что бы, въ случаѣ одобрительнаго отзыва совѣта, ему было выдано особое свидѣтельство на пріоритетъ его изобрѣтенія. Согласившись и на это, совѣтъ опредѣлилъ созвать для означенной цѣли на 3-е января 1824 года особое собраніе свое. Въ этомъ совѣтскомъ засѣданіи Жобаръ наглядно изложилъ изобрѣтенный имъ методъ, вызвавшій разнообразные, но въ большинствѣ одобрительные, отзывы со стороны присутствующихъ, причемъ противъ принятія новаго метода высказался директоръ университета проф. Никольскій, заявившій, что „въ казанской гимназіи не видно успѣховъ отъ сего способа преподаванія", что онъ поручилъ профессорамъ Эрдману и Лобачевскому произвести испытаніе учениковъ гимназіи во французскомъ языкѣ и что „успѣхи оказались слабы, за исключеніемъ одного ученика". Не взирая на то, что совѣтъ опредѣлилъ „методъ преподаванія г. профессора Жобара допустить какъ въ университетѣ, такъ и въ казанской гимназіи", предписавъ студентамъ „неупустительно" посѣщать его лекціи—Жобаръ вспылалъ негодованіемъ на совѣтъ, вообще, и на директора университета, въ особенности. По свидѣтельству ректора Фукса (см. его „Записку о поведеніи профессора Жобара"), Жобаръ, уже успѣвшій обострить свои отношенія къ профессорамъ Эйхвальду, Эрдману и Сергѣеву — давно „искалъ случая состязаться съ директоромъ университета, порочилъ и чернилъ его въ обществѣ, дѣлалъ на него извѣты начальству"; „формальное же состязаніе началось въ извѣстномъ дѣлѣ о его методѣ, обнаружившемъ совершенно безпокойный характеръ профессора Жобара".

Вызовъ къ рѣшительной борьбѣ съ Никольскимъ сдѣланъ былъ Жобаромъ въ поданномъ имъ въ совѣтъ университета представленіи отъ 12-го января, въ которомъ онъ не безъ коварства ставитъ совѣту на видъ, что „г. директоръ университета заподозрѣлъ его методу не взирая на то, что она одобрена ея императорскимъ величествомъ государынею императрицею Маріею Θеодоровною, которая наградила его за нее золотою табакеркою, съ изъявленіемъ монаршаго благоволенія, и повелѣла ему напечатать и посвятить оную ея величеству", причемъ снова дѣлалъ ссылки и на свои аттестаты, и на опредѣленіе свое профессоромъ, и на одобреніе его конспекта самимъ попечителемъ. Жалуется Жобаръ и на „тайное испытаніе воспитанникамъ гимназіи", предпринятое по приказанію Никольскаго. Резюмируя въ своей „Запискѣ о поведеніи профессора Жобара" сущность представленія этого послѣдняго, ректоръ Фуксъ такъ отзывается о немъ: „Въ строптивой бумагѣ своей отъ 12-го января 1824 года профессоръ Жобаръ жаловался на совѣтъ, что

онъ принудилъ его подвергнуться публичному испытанію и, особливо, на неблагонамѣренность (sic) директора. Защищая ее (т. е. свою методу), проф. Жобаръ, вмѣсто ученыхъ доводовъ, во зло употребилъ высокомонаршее благоволеніе, желая имъ вынудить доброе мнѣніе, забывая, что прекраснѣйшая метода въ женскихъ училищахъ—не годится для студентовъ университета, ссылаясь на аттестаты, которые ничего не доказываютъ о его методѣ, на конспектъ, гдѣ однако же, вовсе она не излагается"... Тяжесть опроверженія доводовъ Жобара принялъ на себя профессоръ Сергѣевъ, не безъ ловкой изворотливости парализовавшій неудачную попытку Жобара поставить вопросъ объ изобрѣтенномъ имъ методѣ на щекотливую почву намека на политическую „неблагонамѣренность" ея критиковъ. Что касается представленія отъ 12-го января, то совѣтъ постановилъ возвратить его подателю „по причинѣ жесткихъ выраженій", въ немъ оказавшихся. Очевидно, что и антагонисты Жобара не дремали: 1-го марта совѣтомъ университета было заслушано предложеніе попечителя отъ 12-го февраля, въ которомъ, „въ виду безуспѣшности учениковъ казанской гимназіи, обучавшихся французскому языку по способу г. профессора Жобара", Магницкій предлагалъ „поручить г. Жобару привести изобрѣтенный имъ способъ ученія въ порядокъ и внести на разсмотрѣніе совѣта", пока же „пріостановить преподаваніе французскаго языка по сему способу въ университетѣ и въ гимназіи" [207].

Активное участіе, принятое сильнымъ въ то время своимъ вліяніемъ передъ Магницкимъ профессоромъ Сергѣевымъ въ „состязаніи" между Жобаромъ и директоромъ университета, породило непримиримую и безпощадную ненависть между обоими противниками: „Опроверженіе, которое дѣлалъ профессоръ Сергѣевъ, довершило ненависть къ нему Жобара,—свидѣтельствуетъ Фуксъ.—Не успѣвъ въ своемъ намѣреніи, онъ увидѣлъ себя нисходящимъ съ высочайшей степени надменія и почиталъ Сергѣева главнымъ виновникомъ своихъ неудачъ. Съ сего времени онъ началъ явно противодѣйствовать и грозить ему. Это обнаружилось при сужденіи о переводѣ студента Матюнина",—добавляетъ ректоръ.

Это то дѣло студента Матюнина, выступающее передъ нами слѣдующимъ звеномъ въ непрерывающейся цѣпи неистовствъ профессора Жобара и болѣе чреватое отдѣльными любопытными деталями, совершенно побочнымъ путемъ къ нему примкнувшими, нежели интересное по самому своему существу, и послужитъ въ настоящую минуту предметомъ нашего вниманія. Студентъ Матюнинъ, бывшій воспитанникъ частнаго ка-

онъ принудилъ его подвергнуться публичному испытанію и, особливо, на неблагонамѣренность (sic) директора. Защищая ее (т. е. свою методу), проф. Жобаръ, вмѣсто ученыхъ доводовъ, во зло употребилъ высокомонаршее благоволеніе, желая имъ вынудить доброе мнѣніе, забывая, что прекраснѣйшая метода въ женскихъ училищахъ—не годится для студентовъ университета, ссылаясь на аттестаты, которые ничего не доказываютъ о его методѣ, на конспектъ, гдѣ однако же, вовсе она не излагается"... Тяжесть опроверженія доводовъ Жобара принялъ на себя профессоръ Сергѣевъ, не безъ ловкой изворотливости парализовавшій неудачную попытку Жобара поставить вопросъ объ изобрѣтенномъ имъ методѣ на щекотливую почву намека на политическую „неблагонамѣренность" ея критиковъ. Что касается представленія отъ 12-го января, то совѣтъ постановилъ возвратить его подателю „по причинѣ жесткихъ выраженій", въ немъ оказавшихся. Очевидно, что и антагонисты Жобара не дремали: 1-го марта совѣтомъ университета было заслушано предложеніе попечителя отъ 12-го февраля, въ которомъ, „въ виду безуспѣшности учениковъ казанской гимназіи, обучавшихся французскому языку по способу г. профессора Жобара", Магницкій предлагалъ „поручить г. Жобару привести изобрѣтенный имъ способъ ученія въ порядокъ и внести на разсмотрѣніе совѣта", пока же „пріостановить преподаваніе французскаго языка по сему способу въ университетѣ и въ гимназіи" [207].

Активное участіе, принятое сильнымъ въ то время своимъ вліяніемъ передъ Магницкимъ профессоромъ Сергѣевымъ въ „состязаніи" между Жобаромъ и директоромъ университета, породило непримиримую и безпощадную ненависть между обоими противниками: „Опроверженіе, которое дѣлалъ профессоръ Сергѣевъ, довершило ненависть къ нему Жобара,—свидѣтельствуетъ Фуксъ.—Не успѣвъ въ своемъ намѣреніи, онъ увидѣлъ себя нисходящимъ съ высочайшей степени надменія и почиталъ Сергѣева главнымъ виновникомъ своихъ неудачъ. Съ сего времени онъ началъ явно противодѣйствовать и грозить ему. Это обнаружилось при сужденіи о переводѣ студента Матюнина",—добавляетъ ректоръ.

Это то дѣло студента Матюнина, выступающее передъ нами слѣдующимъ звеномъ въ непрерывающейся цѣпи неистовствъ профессора Жобара и болѣе чреватое отдѣльными любопытными деталями, совершенно побочнымъ путемъ къ нему примкнувшими, нежели интересное по самому своему существу, и послужитъ въ настоящую минуту предметомъ нашего вниманія. Студентъ Матюнинъ, бывшій воспитанникъ частнаго ка-

занскаго пансіона Лейтера, въ началѣ 1823-го—1824-го года принятъ былъ въ университетъ и передъ тѣмъ экзаменованъ въ отсутствіи изъ Казани Жобара. Нѣсколькими мѣсяцами спустя этотъ Матюнинъ, зачисленный по физико-математическому отдѣленію, надумалъ перейти на отдѣленіе словесное, но успѣхи его въ латинскомъ языкѣ, по произведенному ему повторному испытанію, признаны были профессоромъ Жобаромъ—слабыми. Тогда отецъ Матюнина, — „по совѣтамъ г. профессора Сергѣева", какъ утверждалъ это Жобаръ,—въ началѣ 1824-го года подалъ прошеніе о зачисленіи сына его на юридическій факультетъ, давъ письменное обязательство пригласить репетитора для усовершенствованія юноши въ латинскомъ языкѣ. Жобаръ самымъ категорическимъ образомъ запротестовалъ противъ этой комбинаціи—и на этой почвѣ вступилъ въ борьбу съ Сергѣевымъ, въ то время фактически державшимъ въ своихъ рукахъ весь юридическій факультетъ. Сергѣевъ объявилъ совѣту, что онъ „принимаетъ на себя всю отвѣтственность въ разсужденіи латинскаго языка"; Жобаръ не замедлилъ возразить, что „г. профессоръ Сергѣевъ много на себя принимаетъ", что онъ „вмѣшался въ постороннее дѣло и высокомѣрно приписываетъ себѣ права и отвѣтственность, возложенныя на профессора латинскаго языка". Передъ лицомъ всего совѣта Жобаръ окрестилъ образъ дѣйствій Сергѣева наименованіями „злобы", „хитрости", а на слѣдующій день прислалъ ему „ругательную записку, въ которой, — поясняетъ ректоръ Фуксъ,—называетъ его безстыднымъ и объявляетъ ему свое презрѣніе" и которая въ подлинникѣ препровождена была ректоромъ къ попечителю—„какъ свидѣтельство безпокойнаго характера г. Жобара" [208].

Мы должны положительно отказаться отъ мысли перемывать передъ глазами читателей колоссальную кучу грязнаго бѣлья, оставшуюся для потомства наслѣдіемъ всѣхъ отдѣльныхъ эпизодовъ пресловутаго „дѣла профессора Жобара", въ частности же возстановлять всѣ перипетіи ожесточенной распри между профессорами Жобаромъ и Сергѣевымъ, нашедшей себѣ отраженіе въ безконечномъ рядѣ протоколовъ, представленій, предложеній, объяснительныхъ записокъ и т. п. аттрибутовъ бумажной волокиты русскаго канцелярскаго строя. Забыты были въ этой борьбѣ самыя элементарныя условія приличія, сдержанности, такта. Жобаръ открыто характеризовалъ доводы и заявленія Сергѣева выраженіями „quelles bêtises", „quelles sottises", а самому ему придавалъ презрительное названіе „petit secrétaire" (Сергѣевъ несъ въ ту пору должность секретаря совѣта); не оставаясь передъ нимъ въ долгу, Сергѣевъ гонялъ Жобара изъ присутственныхъ и канцелярскихъ комнатъ совѣта, всячески оскорблялъ его и даже

занскаго пансіона Лейтера, въ началѣ 1823-го—1824-го года принятъ былъ въ университетъ и передъ тѣмъ экзаменованъ въ отсутствіи изъ Казани Жобара. Нѣсколькими мѣсяцами спустя этотъ Матюнинъ, зачисленный по физико-математическому отдѣленію, надумалъ перейти на отдѣленіе словесное, но успѣхи его въ латинскомъ языкѣ, по произведенному ему повторному испытанію, признаны были профессоромъ Жобаромъ—слабыми. Тогда отецъ Матюнина, — „по совѣтамъ г. профессора Сергѣева", какъ утверждалъ это Жобаръ,—въ началѣ 1824-го года подалъ прошеніе о зачисленіи сына его на юридическій факультетъ, давъ письменное обязательство пригласить репетитора для усовершенствованія юноши въ латинскомъ языкѣ. Жобаръ самымъ категорическимъ образомъ запротестовалъ противъ этой комбинаціи—и на этой почвѣ вступилъ въ борьбу съ Сергѣевымъ, въ то время фактически державшимъ въ своихъ рукахъ весь юридическій факультетъ. Сергѣевъ объявилъ совѣту, что онъ „принимаетъ на себя всю отвѣтственность въ разсужденіи латинскаго языка"; Жобаръ не замедлилъ возразить, что „г. профессоръ Сергѣевъ много на себя принимаетъ", что онъ „вмѣшался въ постороннее дѣло и высокомѣрно приписываетъ себѣ права и отвѣтственность, возложенныя на профессора латинскаго языка". Передъ лицомъ всего совѣта Жобаръ окрестилъ образъ дѣйствій Сергѣева наименованіями „злобы", „хитрости", а на слѣдующій день прислалъ ему „ругательную записку, въ которой, — поясняетъ ректоръ Фуксъ,—называетъ его безстыднымъ и объявляетъ ему свое презрѣніе" и которая въ подлинникѣ препровождена была ректоромъ къ попечителю—„какъ свидѣтельство безпокойнаго характера г. Жобара" [208].

Мы должны положительно отказаться отъ мысли перемывать передъ глазами читателей колоссальную кучу грязнаго бѣлья, оставшуюся для потомства наслѣдіемъ всѣхъ отдѣльныхъ эпизодовъ пресловутаго „дѣла профессора Жобара", въ частности же возстановлять всѣ перипетіи ожесточенной распри между профессорами Жобаромъ и Сергѣевымъ, нашедшей себѣ отраженіе въ безконечномъ рядѣ протоколовъ, представленій, предложеній, объяснительныхъ записокъ и т. п. аттрибутовъ бумажной волокиты русскаго канцелярскаго строя. Забыты были въ этой борьбѣ самыя элементарныя условія приличія, сдержанности, такта. Жобаръ открыто характеризовалъ доводы и заявленія Сергѣева выраженіями „quelles bêtises", „quelles sottises", а самому ему придавалъ презрительное названіе „petit secrétaire" (Сергѣевъ несъ въ ту пору должность секретаря совѣта); не оставаясь передъ нимъ въ долгу, Сергѣевъ гонялъ Жобара изъ присутственныхъ и канцелярскихъ комнатъ совѣта, всячески оскорблялъ его и даже

„угрожалъ кнутомъ (!), Сибирью и уголовнымъ судомъ, что подтвердится,—заявлялъ Жобаръ,—свидѣтелями и, ежели нужно, очистительною присягою". Распря между Жобаромъ и Сергѣевымъ едва не дошла на этой почвѣ до дуэли, о которой и заходила уже рѣчь...

Все болѣе и болѣе ожесточаясь и теряя всякое чувство мѣры въ борьбѣ съ своими совѣтскими противниками, сознавая и уходящую изъ подъ ногъ его опору, которую онъ имѣлъ въ прежнемъ расположеніи къ нему Магницкаго, Жобаръ скоро достигъ крайнихъ предѣловъ неистовства, невольно заставлявшихъ приходить къ сомнѣнію въ нормальности его душевнаго состоянія и внушавшихъ опасенія во всѣхъ, приходившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Прямая обязанность воздѣйствія на сумасброднаго профессора лежала, конечно, на ректорѣ университета, но уклончивый и осторожный Фуксъ избѣгалъ обостренныхъ отношеній къ нему, прямо таки опасаясь Жобара и даже избѣгая встрѣчи съ нимъ: „Онъ ловилъ меня на каждомъ шагу, — жалуется ректоръ,—дѣлалъ самые неприличные упреки и допросы, угрожалъ доносить и жаловаться министру и государю императору; я долженъ былъ страшиться встрѣчи съ нимъ, опасаясь неминуемыхъ непріятностей, которыя я переносилъ при всякомъ свиданіи". Не рѣшаясь собственными средствами „состязаться" съ воинствующимъ профессоромъ, какъ рѣшался на это профессоръ Сергѣевъ, Фуксъ ограничивался отчаянными донесеніями попечителю о невыносимомъ положеніи вещей, созданномъ въ университетѣ выходками Жобара:

„Внутреннія страданія и раздоры нашего совѣта увеличиваются постепенно и, смѣю утвердительно сказать, не прекратятся дотолѣ, пока Жобаръ будетъ членомъ его,—доноситъ Фуксъ попечителю въ приватнаго характера письмѣ отъ 11-го февраля. — Позвольте ваше превосходительство, по долгу моему, по крайней мѣрѣ келейно, говорить откровенно о томъ человѣкѣ, который обманчивымъ характеромъ и повидимому откровеннымъ обращеніемъ исторгнулъ у васъ милостивое расположеніе. Можетъ быть онъ содѣлается вреднымъ для васъ самихъ. И я любилъ его: онъ былъ другомъ моего дома дотолѣ, пока свирѣпство страстей его не обнаружило противоположную сторону его характера.

Мщеніе его неукротимо. Не говоря о поступкѣ его съ Эйхвальдомъ, всѣмъ извѣстна распря его съ директоромъ университета: онъ поклялся выгнать директора или заслужить изгнаніе изъ Россіи...

Жобаръ поклялся также мстить и низвергнуть профессора Сергѣева, ибо, кажется, онъ боится его. Послѣ засѣданія, въ которомъ воз-

„угрожалъ кнутомъ (!), Сибирью и уголовнымъ судомъ, что подтвердится,—заявлялъ Жобаръ,—свидѣтелями и, ежели нужно, очистительною присягою“. Распря между Жобаромъ и Сергѣевымъ едва не дошла на этой почвѣ до дуэли, о которой и заходила уже рѣчь...

Все болѣе и болѣе ожесточаясь и теряя всякое чувство мѣры въ борьбѣ съ своими совѣтскими противниками, сознавая и уходящую изъ подъ ногъ его опору, которую онъ имѣлъ въ прежнемъ расположеніи къ нему Магницкаго, Жобаръ скоро достигъ крайнихъ предѣловъ неистовства, невольно заставлявшихъ приходить къ сомнѣнію въ нормальности его душевнаго состоянія и внушавшихъ опасенія во всѣхъ, приходившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Прямая обязанность воздѣйствія на сумасброднаго профессора лежала, конечно, на ректорѣ университета, но уклончивый и осторожный Фуксъ избѣгалъ обостренныхъ отношеній къ нему, прямо таки опасаясь Жобара и даже избѣгая встрѣчи съ нимъ: „Онъ ловилъ меня на каждомъ шагу, — жалуется ректоръ,—дѣлалъ самые неприличные упреки и допросы, угрожалъ доносить и жаловаться министру и государю императору; я долженъ былъ страшиться встрѣчи съ нимъ, опасаясь неминуемыхъ непріятностей, которыя я переносилъ при всякомъ свиданіи“. Не рѣшаясь собственными средствами „состязаться“ съ воинствующимъ профессоромъ, какъ рѣшался на это профессоръ Сергѣевъ, Фуксъ ограничивался отчаянными донесеніями попечителю о невыносимомъ положеніи вещей, созданномъ въ университетѣ выходками Жобара:

„Внутреннія страданія и раздоры нашего совѣта увеличиваются постепенно и, смѣю утвердительно сказать, не прекратятся дотолѣ, пока Жобаръ будетъ членомъ его,—доноситъ Фуксъ попечителю въ приватнаго характера письмѣ отъ 11-го февраля. — Позвольте ваше превосходительство, по долгу моему, по крайней мѣрѣ келейно, говорить откровенно о томъ человѣкѣ, который обманчивымъ характеромъ и повидимому откровеннымъ обращеніемъ исторгнулъ у васъ милостивое расположеніе. Можетъ быть онъ содѣлается вреднымъ для васъ самихъ. И я любилъ его: онъ былъ другомъ моего дома дотолѣ, пока свирѣпство страстей его не обнаружило противоположную сторону его характера.

Мщеніе его неукротимо. Не говоря о поступкѣ его съ Эйхвальдомъ, всѣмъ извѣстна распря его съ директоромъ университета: онъ поклялся выгнать директора или заслужить изгнаніе изъ Россіи...

Жобаръ поклялся также мстить и низвергнуть профессора Сергѣева, ибо, кажется, онъ боится его. Послѣ засѣданія, въ которомъ воз-

никъ у насъ споръ за студента Матюнина, онъ поклялся одному изъ нашихъ сочленовъ употребить всѣ мѣры къ отомщенію и, если возможно, къ погубленію его. Онъ думаетъ даже обвинять его въ оскорбленіи величества. Вообще, Жобаръ, какъ самъ иногда сознается, живетъ здѣсь для того, что бы спокойнѣе жить во Франціи. Не проча себя для Россіи—не страшится ничего, ибо самое большое для него, какъ иностранца — препровожденіе за границу; тогда онъ спокойно пойдетъ въ свое отечество и, потому, не можетъ страшиться никакихъ мѣръ для удовлетворенія своей мстительности. Я рѣшился съ этого времени всѣ возмутительныя бумаги препровождать къ вамъ въ подлинникѣ, съ описаніемъ его поведенія...

Простите, ваше превосходительство, если я этимъ откровеннымъ письмомъ причинилъ вамъ неудовольствіе: я почелъ нужнымъ увѣдомить васъ партикулярно обо всемъ происходившемъ и не дѣлать формальнаго представленія. Жобаръ презираемъ въ цѣломъ городѣ; въ лучшихъ домахъ затворены ему двери. Онъ думаетъ и долженъ будетъ оставить университетъ, но не прежде, пока въ полной мѣрѣ удовлетворитъ своей мстительности. Изъ всѣхъ профессоровъ онъ соединенъ душевно съ однимъ только Пальминымъ и, можетъ быть, посредственнымъ образомъ, съ Суровцовымъ".

Ректорскія донесенія возъимѣли свое дѣйствіе, какъ свидѣтельствуетъ о томъ самъ Фуксъ: „Его превосходительство,—читаемъ мы въ уже цитированной выше запискѣ его,—желалъ сначала кроткими мѣрами отвратить теперешнія непріятности, сдѣлалъ Жобару въ частномъ письмѣ выговоръ и воспретилъ ему ходить въ совѣтъ до исправленія. Это письмо не только не укротило его, но раздражило еще болѣе. Здѣсь посыпались ложные его доносы и жалобы, которыя препровождались въ подлинникѣ господину попечителю. Первое же засѣданіе, въ которое Жобаръ не былъ приглашенъ согласно съ волею г. попечителя, обнаружило его явное неповиновеніе начальству: онъ вошелъ въ претензію за неприглашеніе его, подалъ формальный доносъ объ оскорбленіи тѣмъ его достоинства, надѣлавъ предварительно кучу самыхъ грубыхъ неприличностей и даже противозаконныхъ поступковъ" [209].

31-го марта скандальная хроника университета пополнилась новымъ крупнымъ буйствомъ Жобара, о которомъ доведено было до свѣдѣнія попечителя какъ со стороны ректора, такъ и со стороны директора университета. Скандальный инцидентъ 31-го марта разыгрался на почвѣ настоятельнаго требованія Жобаромъ особаго диплома на званіе профессора французской словесности,—т. е. предмета преподаванія, уни-

никъ у насъ споръ за студента Матюнина, онъ поклялся одному изъ нашихъ сочленовъ употребить всѣ мѣры къ отомщенію и, если возможно, къ погубленію его. Онъ думаетъ даже обвинять его въ оскорбленіи величества. Вообще, Жобаръ, какъ самъ иногда сознается, живетъ здѣсь для того, что бы спокойнѣе жить во Франціи. Не проча себя для Россіи—не страшится ничего, ибо самое большое для него, какъ иностранца — препровожденіе за границу; тогда онъ спокойно пойдетъ въ свое отечество и, потому, не можетъ страшиться никакихъ мѣръ для удовлетворенія своей мстительности. Я рѣшился съ этого времени всѣ возмутительныя бумаги препровождать къ вамъ въ подлинникѣ, съ описаніемъ его поведенія...

Простите, ваше превосходительство, если я этимъ откровеннымъ письмомъ причинилъ вамъ неудовольствіе: я почелъ нужнымъ увѣдомить васъ партикулярно обо всемъ происходившемъ и не дѣлать формальнаго представленія. Жобаръ презираемъ въ цѣломъ городѣ; въ лучшихъ домахъ затворены ему двери. Онъ думаетъ и долженъ будетъ оставить университетъ, но не прежде, пока въ полной мѣрѣ удовлетворитъ своей мстительности. Изъ всѣхъ профессоровъ онъ соединенъ душевно съ однимъ только Пальминымъ и, можетъ быть, посредственнымъ образомъ, съ Суровцовымъ".

Ректорскія донесенія возъимѣли свое дѣйствіе, какъ свидѣтельствуетъ о томъ самъ Фуксъ: „Его превосходительство,—читаемъ мы въ уже цитированной выше запискѣ его,—желалъ сначала кроткими мѣрами отвратить теперешнія непріятности, сдѣлалъ Жобару въ частномъ письмѣ выговоръ и воспретилъ ему ходить въ совѣтъ до исправленія. Это письмо не только не укротило его, но раздражило еще болѣе. Здѣсь посыпались ложные его доносы и жалобы, которыя препровождались въ подлинникѣ господину попечителю. Первое же засѣданіе, въ которое Жобаръ не былъ приглашенъ согласно съ волею г. попечителя, обнаружило его явное неповиновеніе начальству: онъ вошелъ въ претензію за неприглашеніе его, подалъ формальный доносъ объ оскорбленіи тѣмъ его достоинства, надѣлавъ предварительно кучу самыхъ грубыхъ неприличностей и даже противозаконныхъ поступковъ" [209].

31-го марта скандальная хроника университета пополнилась новымъ крупнымъ буйствомъ Жобара, о которомъ доведено было до свѣдѣнія попечителя какъ со стороны ректора, такъ и со стороны директора университета. Скандальный инцидентъ 31-го марта разыгрался на почвѣ настоятельнаго требованія Жобаромъ особаго диплома на званіе профессора французской словесности,—т. е. предмета преподаванія, уни-

верситетскимъ уставомъ не предусмотрѣннаго и введеннаго въ казанскомъ университетѣ личнымъ произволомъ Магницкаго и спеціально для Жобара, въ чемъ совѣтъ ему и отказалъ. Вотъ обстоятельства этого новаго скандала въ томъ видѣ, въ какомъ изложены они были въ директорскомъ донесеніи попечителю:

„31-го марта, въ понедѣльникъ на страстной недѣлѣ великаго поста,—доноситъ директоръ Никольскій,—я позванъ былъ г. ректоромъ Фуксомъ и профессоромъ Сергѣевымъ, черезъ архиваріуса Полянцева, въ камеру совѣта, что бы уговорить г. профессора Жобара, въ сильномъ гнѣвѣ крикомъ своимъ препятствовавшаго имъ заниматься, и посовѣтовать, прекративъ шумъ, удалиться.

Войдя въ камеру совѣта, я нашелъ г. Жобара совершенно объятаго гнѣвомъ, отъ котораго лицо его, и въ спокойномъ положеніи всегда красное, тогда горѣло, глаза были мутны, какъ у человѣка, готовящагося къ битвѣ, а голосъ гремѣлъ какъ у оратора въ народномъ собраніи".

Не внимая никакимъ доводамъ, представленнымъ ему ректоромъ и секретаремъ совѣта, Жобаръ продолжалъ неистовствовать и кричать, угрожалъ обоимъ жалобою высшему начальству, а секретаря совѣта Сергѣева обличилъ въ незнаніи дѣйствующихъ законовъ. Никольскій напомнилъ Жобару необходимость соблюденія благопристойности и порядка, но получилъ отъ Жобара въ отвѣтъ, что это—„обыкновенный (!) способъ его выраженія". Послѣ продолжительныхъ пререканій Жобаръ, успокоенный обѣщаніемъ ректора подписать ему дипломъ, вышелъ, наконецъ, изъ зала совѣта. По уходѣ Жобара, ректоръ пояснилъ Никольскому причины, побудившія его обезпокоить директора вызовомъ на мѣсто скандала. Фуксъ „боялся, что бы г. Жобаръ, въ изступленіи гнѣва, не употребилъ силы противъ него и г. Сергѣева, и потому нужнымъ счелъ прибѣгнуть къ полицейской защитѣ"; сознался, что „у него отъ страха трепетало сердце", такъ какъ Жобаръ „около часа поносилъ самымъ жестокимъ образомъ профессора Сергѣева, не внимая приказанію выйти вонъ, удалялся на короткое время и, возвращаясь, опять продолжалъ съ новымъ жаромъ свои укоризны"...

Донося Магницкому объ этомъ новомъ буйствѣ Жобара, директоръ университета „съ прискорбіемъ" добавляетъ, что „не можетъ одобрить поведенія г. Жобара ни частнаго, ни общественнаго, ибо онъ, вмѣсто мирныхъ занятій ученостью, предается безполезнымъ спорамъ, возмутительнымъ распрямъ, крамоламъ и неумѣстнымъ видамъ властолюбія" [210].

верситетскимъ уставомъ не предусмотрѣннаго и введеннаго въ казанскомъ университетѣ личнымъ произволомъ Магницкаго и специально для Жобара, въ чемъ совѣтъ ему и отказалъ. Вотъ обстоятельства этого новаго скандала въ томъ видѣ, въ какомъ изложены они были въ директорскомъ донесеніи попечителю:

„31-го марта, въ понедѣльникъ на страстной недѣлѣ великаго поста,—доноситъ директоръ Никольскій,—я позванъ былъ г. ректоромъ Фуксомъ и профессоромъ Сергѣевымъ, черезъ архиваріуса Полянцева, въ камеру совѣта, что бы уговорить г. профессора Жобара, въ сильномъ гнѣвѣ крикомъ своимъ препятствовавшаго имъ заниматься, и посовѣтовать, прекративъ шумъ, удалиться.

Войдя въ камеру совѣта, я нашелъ г. Жобара совершенно объятаго гнѣвомъ, отъ котораго лицо его, и въ спокойномъ положеніи всегда красное, тогда горѣло, глаза были мутны, какъ у человѣка, готовящагося къ битвѣ, а голосъ гремѣлъ какъ у оратора въ народномъ собраніи".

Не внимая никакимъ доводамъ, представленнымъ ему ректоромъ и секретаремъ совѣта, Жобаръ продолжалъ неистовствовать и кричать, угрожалъ обоимъ жалобою высшему начальству, а секретаря совѣта Сергѣева обличилъ въ незнаніи дѣйствующихъ законовъ. Никольскій напомнилъ Жобару необходимость соблюденія благопристойности и порядка, но получилъ отъ Жобара въ отвѣтъ, что это—„обыкновенный (!) способъ его выраженія". Послѣ продолжительныхъ пререканій Жобаръ, успокоенный обѣщаніемъ ректора подписать ему дипломъ, вышелъ, наконецъ, изъ зала совѣта. По уходѣ Жобара, ректоръ пояснилъ Никольскому причины, побудившія его обезпокоить директора вызовомъ на мѣсто скандала. Фуксъ „боялся, что бы г. Жобаръ, въ изступленіи гнѣва, не употребилъ силы противъ него и г. Сергѣева, и потому нужнымъ счелъ прибѣгнуть къ полицейской защитѣ"; сознался, что „у него отъ страха трепетало сердце", такъ какъ Жобаръ „около часа поносилъ самымъ жестокимъ образомъ профессора Сергѣева, не внимая приказанію выйти вонъ, удалялся на короткое время и, возвращаясь, опять продолжалъ съ новымъ жаромъ свои укоризны"...

Донося Магницкому объ этомъ новомъ буйствѣ Жобара, директоръ университета „съ прискорбіемъ" добавляетъ, что „не можетъ одобрить поведенія г. Жобара ни частнаго, ни общественнаго, ибо онъ, вмѣсто мирныхъ занятій ученостью, предается безполезнымъ спорамъ, возмутительнымъ распрямъ, крамоламъ и неумѣстнымъ видамъ властолюбія" [210].

Происшествіе 31-го марта оказалось, какъ можно думать, послѣднею каплею, переполнившею чашу терпѣнія Магницкаго по отношенію къ прежнему своему любимцу. Попечитель нашелъ своевременнымъ предпринять рѣшительныя мѣры противъ профессора Жобара и обратился на имя ректора университета съ слѣдующимъ предложеніемъ отъ 11-го апрѣля 1824 года:

„Въ разное время получилъ я многія представленія и жалобы на безпокойный характеръ и дерзкіе поступки профессора Жобара, между тѣмъ какъ онъ, съ своей стороны, жаловался на нѣкоторыхъ изъ своихъ сотоварищей и дѣлалъ извѣты на начальство.

Желая, до подробнѣйшаго разсмотрѣнія сего дѣла, устранить его отъ повода къ новымъ безпокойствамъ, предписалъ я ему въ письмѣ подъ открытою печатью, чрезъ васъ отправленномъ, не ходить въ засѣданія совѣта.

Онъ явно меня ослушался. Истощивъ всѣ мѣры приватныхъ увѣщаній и кротости, я нынѣ поручаю вамъ:

1. Составить комитетъ для изслѣдованія поступковъ профессора Жобара, жалобъ и извѣтовъ его. Членами сего комитета назначить, подъ предсѣдательствомъ вашимъ, г.г. профессоровъ Баженова и Булыгина, а производителемъ дѣлъ секретаря правленія Алашеева.

2. Комитету сему отобрать въ законной формѣ отъ профессора Жобара всѣ жалобы и извѣты, которые онъ предъявить имѣетъ, съ нужными доказательствами, изъяснивъ ему, что безъ доказательствъ жалобы не могутъ быть приняты, а извѣты обратятъ на него положенное за недоказанность ихъ взысканіе.

3. Изъ дѣлъ, по безпорядкамъ профессора Жобара возникшимъ, вывести полную справку о его поступкахъ.

4. Изъ жалобъ и извѣтовъ его, равно какъ изъ отвѣтовъ на нихъ обвиняемыхъ и изъ соображенія собственныхъ его поступковъ, вывести общее заключеніе.

5. Окончить дѣло сіе и представить мнѣ въ теченіи одного мѣсяца, считая отъ перваго засѣданія комитета.

6. Профессору Жобару объявить, что онъ, до рѣшенія сего дѣла высшимъ начальствомъ, устраняется отъ засѣданій совѣта, экзаменнаго комитета и пр., и что бы въ бумагахъ своихъ воздержался впредь отъ всѣхъ дерзкихъ и неумѣстныхъ выраженій, ибо въ противномъ случаѣ бумаги сіи на законномъ основаніи будутъ ему возвращены и подвергнутъ его строгому взысканію".

Слѣдомъ за тѣмъ изъ петербургской канцеляріи Магницкаго препровождены были ректору, какъ предсѣдателю вновь образованнаго коми-

Происшествіе 31-го марта оказалось, какъ можно думать, послѣднею каплею, переполнившею чашу терпѣнія Магницкаго по отношенію къ прежнему своему любимцу. Попечитель нашелъ своевременнымъ предпринять рѣшительныя мѣры противъ профессора Жобара и обратился на имя ректора университета съ слѣдующимъ предложеніемъ отъ 11-го апрѣля 1824 года:

„Въ разное время получилъ я многія представленія и жалобы на безпокойный характеръ и дерзкіе поступки профессора Жобара, между тѣмъ какъ онъ, съ своей стороны, жаловался на нѣкоторыхъ изъ своихъ сотоварищей и дѣлалъ извѣты на начальство.

Желая, до подробнѣйшаго разсмотрѣнія сего дѣла, устранить его отъ повода къ новымъ безпокойствамъ, предписалъ я ему въ письмѣ подъ открытою печатью, чрезъ васъ отправленномъ, не ходить въ засѣданія совѣта.

Онъ явно меня ослушался. Истощивъ всѣ мѣры приватныхъ увѣщаній и кротости, я нынѣ поручаю вамъ:

1. Составить комитетъ для изслѣдованія поступковъ профессора Жобара, жалобъ и извѣтовъ его. Членами сего комитета назначить, подъ предсѣдательствомъ вашимъ, г.г. профессоровъ Баженова и Булыгина, а производителемъ дѣлъ секретаря правленія Алашеева.

2. Комитету сему отобрать въ законной формѣ отъ профессора Жобара всѣ жалобы и извѣты, которые онъ предъявить имѣетъ, съ нужными доказательствами, изъяснивъ ему, что безъ доказательствъ жалобы не могутъ быть приняты, а извѣты обратятъ на него положенное за недоказанность ихъ взысканіе.

3. Изъ дѣлъ, по безпорядкамъ профессора Жобара возникшимъ, вывести полную справку о его поступкахъ.

4. Изъ жалобъ и извѣтовъ его, равно какъ изъ отвѣтовъ на нихъ обвиняемыхъ и изъ соображенія собственныхъ его поступковъ, вывести общее заключеніе.

5. Окончить дѣло сіе и представить мнѣ въ теченіи одного мѣсяца, считая отъ перваго засѣданія комитета.

6. Профессору Жобару объявить, что онъ, до рѣшенія сего дѣла высшимъ начальствомъ, устраняется отъ засѣданій совѣта, экзаменнаго комитета и пр., и что бы въ бумагахъ своихъ воздержался впредь отъ всѣхъ дерзкихъ и неумѣстныхъ выраженій, ибо въ противномъ случаѣ бумаги сіи на законномъ основаніи будутъ ему возвращены и подвергнутъ его строгому взысканію“.

Слѣдомъ за тѣмъ изъ петербургской канцеляріи Магницкаго препровождены были ректору, какъ предсѣдателю вновь образованнаго коми-

тета, всѣ бумаги „относящіяся до безпорядковъ, г. профессоромъ Жобаромъ сдѣланныхъ", а самъ Фуксъ, выполняя пунктъ 3-ій попечительскаго предложенія, составилъ не разъ уже цитировавшуюся нами „Историческую записку о поведеніи профессора Жобара".

Мы не будемъ входить въ подробности дѣятельности университетскаго комитета по дѣлу профессора Жобара, который имѣлъ первое засѣданіе свое 30-го апрѣля, а затѣмъ еще 8-го, 12-го и 16-го мая. Результатъ работъ комитета оказался весьма печальнымъ,—и опять таки изъ за упорства того же Жобара. 19-го мая 1824 года предсѣдатель комитета, донося попечителю объ открытіи дѣйствій его, докладывалъ ему и о встрѣченныхъ комитетомъ затрудненіяхъ. Такъ, на предъявленное проф. Жобару требованіе представить „съ доказательствами" всѣ его жалобы и извѣты, тотъ отозвался, что „всѣ жалобы его находятся въ совѣтѣ или у ректора", что же касается извѣтовъ на начальство—то онъ ихъ „не вѣдаетъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ Жобаръ, съ своей стороны, потребовалъ выдачи ему „для соображеній" копій со всѣхъ прежде поданныхъ имъ бумагъ и другихъ документовъ, а равно копіи съ предложенія попечителя объ образованіи комитета. Выдать Жобару требуемыя имъ копіи комитетъ не рѣшился, а взамѣнъ ихъ препроводилъ ему подробное извлеченіе изъ тѣхъ статей, которыя требовали его доказательствъ или разъясненій. Жобаръ отозвался въ отвѣтъ на это, что „не можетъ дать требуемыхъ поясненій прежде выдачи ему просимыхъ копій", не упустивъ случая и въ этомъ отзывѣ „помѣстить обстоятельства не относящіяся къ дѣлу, выраженія жесткія и неумѣстныя въ бумагахъ оффиціальныхъ и подозрѣнія на комитетъ въ тайныхъ дѣйствіяхъ".

Въ виду всѣхъ этихъ затрудненій, а равно и краткости предоставленнаго для дѣятельности его срока, комитетъ поручилъ своему предсѣдателю довести до свѣдѣнія попечителя о всемъ случившемся, съ препровожденіемъ копій съ журналовъ четырехъ состоявшихся засѣданій комитета и просить распоряженій относительно дальнѣйшаго, такъ какъ комитетъ „не надѣется на, законнымъ порядкомъ предписываемое, окончаніе дѣла". На этомъ донесеніи Магницкимъ помѣчена была слѣдующая резолюція: „Сказать ректору, что бы предложилъ объ увольненіи Жобара на 28 дней въ отпускъ для личныхъ объясненій, прислявъ всѣ относящіяся къ дѣлу его бумаги" [311].

Такъ закончилась непродолжительная дѣятельность университетской коммиссіи по дѣлу Жобара, которое переносилось теперь въ Петербургъ,

тета, всѣ бумаги „относящіяся до безпорядковъ, г. профессоромъ Жобаромъ сдѣланныхъ“, а самъ Фуксъ, выполняя пунктъ 3-ій попечительскаго предложенія, составилъ не разъ уже цитировавшуюся нами „Историческую записку о поведеніи профессора Жобара“.

Мы не будемъ входить въ подробности дѣятельности университетскаго комитета по дѣлу профессора Жобара, который имѣлъ первое засѣданіе свое 30-го апрѣля, а затѣмъ еще 8-го, 12-го и 16-го мая. Результатъ работъ комитета оказался весьма печальнымъ,—и опять таки изъ за упорства того же Жобара. 19-го мая 1824 года предсѣдатель комитета, донося попечителю объ открытіи дѣйствій его, докладывалъ ему и о встрѣченныхъ комитетомъ затрудненіяхъ. Такъ, на предъявленное проф. Жобару требованіе представить „съ доказательствами“ всѣ его жалобы и извѣты, тотъ отозвался, что „всѣ жалобы его находятся въ совѣтѣ или у ректора“, что же касается извѣтовъ на начальство—то онъ ихъ „не вѣдаетъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Жобаръ, съ своей стороны, потребовалъ выдачи ему „для соображеній“ копій со всѣхъ прежде поданныхъ имъ бумагъ и другихъ документовъ, а равно копіи съ предложенія попечителя объ образованіи комитета. Выдать Жобару требуемыя имъ копіи комитетъ не рѣшился, а взамѣнъ ихъ препроводилъ ему подробное извлеченіе изъ тѣхъ статей, которыя требовали его доказательствъ или разъясненій. Жобаръ отозвался въ отвѣтъ на это, что „не можетъ дать требуемыхъ поясненій прежде выдачи ему просимыхъ копій“, не упустивъ случая и въ этомъ отзывѣ „помѣстить обстоятельства не относящіяся къ дѣлу, выраженія жесткія и неумѣстныя въ бумагахъ оффиціальныхъ и подозрѣнія на комитетъ въ тайныхъ дѣйствіяхъ“.

Въ виду всѣхъ этихъ затрудненій, а равно и краткости предоставленнаго для дѣятельности его срока, комитетъ поручилъ своему предсѣдателю довести до свѣдѣнія попечителя о всемъ случившемся, съ препровожденіемъ копій съ журналовъ четырехъ состоявшихся засѣданій комитета и просить распоряженій относительно дальнѣйшаго, такъ какъ комитетъ „не надѣется на, законнымъ порядкомъ предписываемое, окончаніе дѣла“. На этомъ донесеніи Магницкимъ помѣчена была слѣдующая резолюція: „Сказать ректору, что бы предложилъ объ увольненіи Жобара на 28 дней въ отпускъ для личныхъ объясненій, приславъ всѣ относящіяся къ дѣлу его бумаги“ [311].

Такъ закончилась непродолжительная дѣятельность университетской коммиссіи по дѣлу Жобара, которое переносилось теперь въ Петербургъ,

въ вѣданіе центральныхъ органовъ министерства народнаго просвѣщенія. Прибывъ въ столицу, Жобаръ тщетно искалъ аудіенціи у попечителя, который отказался принять его, составивъ себѣ,—что и не представляется, конечно, удивительнымъ,—убѣжденіе въ разстройствѣ умственныхъ способностей безпокойнаго казанскаго профессора. Предвидя, однако же, вѣроятность непосредственныхъ ходовъ Жобара,—еще въ Казани хвалившагося, что будетъ искать передъ самимъ министромъ и даже государемъ,—у вновь назначеннаго адмирала Шишкова, Магницкій писалъ этому послѣднему: „Увѣренъ будучи, что профессоръ Жобаръ предстанетъ къ вашему высокопревосходительству, я надѣюсь, что вы лично въ несообразности его поступковъ и разстройствѣ идей удостовѣриться изволите". Не обошлись безъ скандальныхъ инцидентовъ и настоянія Жобара передъ попечителемъ, изъ канцеляріи котораго его однажды довелось выпроваживать при содѣйствіи дворника. Нечего и говорить, конечно, о томъ, что Магницкій готовилъ представленіе министру объ увольненіи безпокойнаго профессора изъ ввѣреннаго ему университета, но находчивый Жобаръ успѣлъ предупредить бывшаго своего покровителя, лично подавъ министру Шишкову прошеніе объ отставкѣ. Надо отдать въ данномъ случаѣ справедливость Магницкому, который пожелалъ обставить увольненіе Жобара самымъ безобиднымъ для него образомъ, предложивъ совѣту университета (отъ 26-го сентября 1824 г.) въ аттестатѣ и въ послужномъ спискѣ Жобара „засвидѣтельствовать токмо о службѣ его, безъ одобренія поведенія его, которое, по извѣстнымъ совѣту дѣламъ, не заслуживаетъ похвалы". Самонадѣянная заносчивость Жобара сказалась, однако, и въ данномъ случаѣ: онъ самымъ категорическимъ образомъ потребовалъ, что бы увольнительные документы были выданы ему съ точнымъ указаніемъ его поведенія, въ силу чего осенью 1825-го года, по предписанію министра, ему и были выданы аттестатъ и послужной о службѣ списокъ съ отмѣтками въ томъ, что онъ „въ послѣдній годъ служенія своего показывалъ грубость и наглости передъ директоромъ и ректоромъ", „писалъ дерзкія выраженія въ бумагахъ", „заводилъ распри и безпокойнымъ нравомъ своимъ дѣлалъ иногда засѣданія совѣта шумными", что дерзость его доходила до того, что „однажды ректоръ принужденъ былъ прибѣгнуть къ помощи университетской полиціи" и т. п. [212].

Выдача Жобару такъ называемыхъ „испорченныхъ" документовъ, сдѣланная по его собственному настоянію, явилась въ рукахъ бывшаго казанскаго профессора орудіемъ къ осуществленію плановъ „мести" и

въ вѣданіе центральныхъ органовъ министерства народнаго просвѣщенія. Прибывъ въ столицу, Жобаръ тщетно искалъ аудіенціи у попечителя, который отказался припять его, составивъ себѣ,—что и не представляется, конечно, удивительнымъ,—убѣжденіе въ разстройствѣ умственныхъ способностей безпокойнаго казанскаго профессора. Предвидя, однако же, вѣроятность непосредственныхъ ходовъ Жобара,—еще въ Казани хвалившагося, что будетъ искать передъ самимъ министромъ и даже государемъ,—у вновь назначеннаго адмирала Шишкова, Магницкій писалъ этому послѣднему: „Увѣренъ будучи, что профессоръ Жобаръ предстанетъ къ вашему высокопревосходительству, я надѣюсь, что вы лично въ несообразности его поступковъ и разстройствѣ идей удостовѣриться изволите". Не обошлись безъ скандальныхъ инцидентовъ и настоянія Жобара передъ попечителемъ, изъ канцеляріи котораго его однажды довелось выпроваживать при содѣйствіи дворника. Нечего и говорить, конечно, о томъ, что Магницкій готовилъ представленіе министру объ увольненіи безпокойнаго профессора изъ ввѣреннаго ему университета, но находчивый Жобаръ успѣлъ предупредить бывшаго своего покровителя, лично подавъ министру Шишкову прошеніе объ отставкѣ. Надо отдать въ данномъ случаѣ справедливость Магницкому, который пожелалъ обставить увольненіе Жобара самымъ безобиднымъ для него образомъ, предложивъ совѣту университета (отъ 26-го сентября 1824 г.) въ аттестатѣ и въ послужномъ спискѣ Жобара „засвидѣтельствовать токмо о службѣ его, безъ одобренія поведенія его, которое, по извѣстнымъ совѣту дѣламъ, не заслуживаетъ похвалы". Самонадѣянная заносчивость Жобара сказалась, однако, и въ данномъ случаѣ: онъ самымъ категорическимъ образомъ потребовалъ, что бы увольнительные документы были выданы ему съ точнымъ указаніемъ его поведенія, въ силу чего осенью 1825-го года, по предписанію министра, ему и были выданы аттестатъ и послужной о службѣ списокъ съ отмѣтками въ томъ, что онъ „въ послѣдній годъ служенія своего показывалъ грубость и наглости передъ директоромъ и ректоромъ", „писалъ дерзкія выраженія въ бумагахъ", „заводилъ распри и безпокойнымъ нравомъ своимъ дѣлалъ иногда засѣданія совѣта шумными", что дерзость его доходила до того, что „однажды ректоръ принужденъ былъ прибѣгнуть къ помощи университетской полиціи" и т. п. [212].

Выдача Жобару такъ называемыхъ „испорченныхъ" документовъ, сдѣланная по его собственному настоянію, явилась въ рукахъ бывшаго казанскаго профессора орудіемъ къ осуществленію плановъ „мести" и

„погубленія“, которыми онъ, еще въ бытность въ Казани, постоянно грозилъ своимъ противникамъ. Мы не углублялись, какъ представлявшее для насъ лишь косвенный интересъ, въ изслѣдованіе петербургскихъ отношеній Жобара, возникшихъ уже послѣ оставленія имъ службы въ казанскомъ университетѣ, но можемъ съ большою долею вѣроятности предположить, что здѣсь у него нашлась вліятельная „рука“,—быть можетъ даже на почвѣ прежняго служенія его въ вѣдомствѣ императрицы Маріи,—давшая дѣлу Жобара совершенно неожиданное направленіе. Въ Петербургѣ, при департаментѣ народнаго просвѣщенія, былъ учрежденъ особый „комитетъ для разслѣдованія дѣла профессора Жобара“, продолжавшій свою дѣятельность до начала тридцатыхъ годовъ истекшаго столѣтія и остановившійся, между прочимъ, на вопросѣ о правомѣрности выдачи Жобару, безъ формальнаго суда и приговора, испорченныхъ аттестата и формуляра. Комитетъ этотъ, въ своихъ сужденіяхъ о дѣлѣ Жобара, пришелъ къ заключенію о „безпокойномъ характерѣ“ не только самого Жобара, но и его главнаго противника профессора П. С. Сергѣева, въ силу чего главное правленіе училищъ высказалось въ 1832-мъ году за увольненіе Сергѣева,—печальная перспектива, которой ему удалось избѣгнуть лишь благодаря вліятельному заступничеству попечителя Мусина-Пушкина, давшаго о Сергѣевѣ благопріятный отзывъ. Дѣло Жобара,—подъ наименованіемъ „дѣла о безпорядкахъ, произведенныхъ бывшими попечителемъ казанскаго учебнаго округа д. с. с. Магницкимъ, ректоромъ казанскаго университета Фуксомъ и прочими членами при составленіи увольнительныхъ актовъ профессору Жобару“,—вмѣстѣ съ гражданскимъ искомъ объ убыткахъ, предъявленнымъ Жобаромъ, восходило на разсмотрѣніе правительствующаго сената, которымъ и разрѣшено въ пользу Жобара, въ виду чего съ Магницкаго и членовъ совѣта университета (за умершихъ—съ наслѣдниковъ) въ теченіи ряда лѣтъ производились денежные вычеты. На сколько серьезнымъ явилось рѣшеніе сената видно уже изъ того, что, въ бытность свою весною 1833-го года въ Петербургѣ, попечитель округа М. Н. Мусинъ-Пушкинъ входилъ съ всеподданѣйшимъ ходатайствомъ объ освобожденіи профессоровъ казанскаго университета отъ внесенія въ ихъ формуляры рѣшеній сената 1831-го и 1832-го годовъ, которыми они присуждены къ взысканію „по ревизіи счетовъ университета и по дѣлу профессора Жобара“, въ особенности въ виду кары, уже понесенной ими въ формѣ непредставленія къ всемилостивѣйшимъ наградамъ; ходатайство Мусина-Пушкина было удостоено высочайшаго соизволенія и 17-го августа 1833 года совѣтъ уни-

„погубленія", которыми онъ, еще въ бытность въ Казани, постоянно грозилъ своимъ противникамъ. Мы не углублялись, какъ представлявшее для насъ лишь косвенный интересъ, въ изслѣдованіе петербургскихъ отношеній Жобара, возникшихъ уже послѣ оставленія имъ службы въ казанскомъ университетѣ, но можемъ съ большою долею вѣроятности предположить, что здѣсь у него нашлась вліятельная „рука",—быть можетъ даже на почвѣ прежняго служенія его въ вѣдомствѣ императрицы Маріи,—давшая дѣлу Жобара совершенно неожиданное направленіе. Въ Петербургѣ, при департаментѣ народнаго просвѣщенія, былъ учрежденъ особый „комитетъ для разслѣдованія дѣла профессора Жобара", продолжавшій свою дѣятельность до начала тридцатыхъ годовъ истекшаго столѣтія и остановившійся, между прочимъ, на вопросѣ о правомѣрности выдачи Жобару, безъ формальнаго суда и приговора, испорченныхъ аттестата и формуляра. Комитетъ этотъ, въ своихъ сужденіяхъ о дѣлѣ Жобара, пришелъ къ заключенію о „безпокойномъ характерѣ" не только самого Жобара, но и его главнаго противника профессора П. С. Сергѣева, въ силу чего главное правленіе училищъ высказалось въ 1832-мъ году за увольненіе Сергѣева,—печальная перспектива, которой ему удалось избѣгнуть лишь благодаря вліятельному заступничеству попечителя Мусина-Пушкина, давшаго о Сергѣевѣ благопріятный отзывъ. Дѣло Жобара,—подъ наименованіемъ „дѣла о безпорядкахъ, произведенныхъ бывшими попечителемъ казанскаго учебнаго округа д. с. с. Магницкимъ, ректоромъ казанскаго университета Фуксомъ и прочими членами при составленіи увольнительныхъ актовъ профессору Жобару",—вмѣстѣ съ гражданскимъ искомъ объ убыткахъ, предъявленнымъ Жобаромъ, восходило на разсмотрѣніе правительствующаго сената, которымъ и разрѣшено въ пользу Жобара, въ виду чего съ Магницкаго и членовъ совѣта университета (за умершихъ—съ наслѣдниковъ) въ теченіи ряда лѣтъ производились денежные вычеты. На сколько серьезнымъ явилось рѣшеніе сената видно уже изъ того, что, въ бытность свою весною 1833-го года въ Петербургѣ, попечитель округа М. Н. Мусинъ-Пушкинъ входилъ съ всеподданѣйшимъ ходатайствомъ объ освобожденіи профессоровъ казанскаго университета отъ внесенія въ ихъ формуляры рѣшеній сената 1831-го и 1832-го годовъ, которыми они присуждены къ взысканію „по ревизіи счетовъ университета и по дѣлу профессора Жобара", въ особенности въ виду кары, уже понесенной ими въ формѣ непредставленія къ всемилостивѣйшимъ наградамъ; ходатайство Мусина-Пушкина было удостоено высочайшаго соизволенія и 17-го августа 1833 года совѣтъ уни-

верситета оффиціально выразилъ за это своему попечителю благодарность [213].

Представляется любопытнымъ, что Жобаръ никакъ не хотѣлъ примириться съ мыслью о законности своего увольненія изъ университета, съ упорствомъ маніака продолжалъ именовать себя „ординарнымъ профессоромъ императорскаго казанскаго университета", судился и отбывалъ въ 1836-мъ году наказаніе арестомъ при полиціи за „ослушаніе начальству", запрещавшему ему именоваться этимъ званіемъ, заводилъ разнаго рода тяжбы и кляузы и даже подвергался, по требованію московскаго генералъ-губернатора, освидѣтельствованію въ состояніи умственныхъ способностей, причемъ послѣднія признаны были нормальными *.

Позднѣйшая судьба проф. Жобара намъ неизвѣстна и послѣднее извѣстіе о немъ имѣемъ мы отъ августа 1845-го года, когда онъ, проживая въ то время въ Вѣнѣ, обратился въ совѣтъ казанскаго университета съ оставленнымъ безъ движенія прошеніемъ относительно выдачи ему увольнительнаго свидѣтельства, ссылаясь на то, что онъ „юридически изъ университета не уволенъ". Изъ этого же прошенія узнаемъ мы и тотъ интересный фактъ, что Жобаръ былъ, въ концѣ концовъ, съ жандармами высланъ изъ предѣловъ Россіи, предварительно отбывъ за что то восемь мѣсяцевъ тюремнаго заключенія [214]...

Въ одномъ изъ приведенныхъ выше документовъ по дѣлу Жобара мы встрѣтились съ явно выраженнымъ Магницкимъ опасеніемъ „возникновенія партій" среди профессоровъ казанскаго университета, которое ставилось имъ въ связь съ „горячностью", проявленною отдѣльными членами совѣта.

Едва ли могли, однако, имѣть подъ собою какое либо серьезное основаніе попечительскія опасенія въ этомъ направленіи, такъ какъ сильная рука Магницкаго слишкомъ властно тяготѣла надъ университетомъ, а установленный имъ академическій режимъ слишкомъ разъединялъ между

---

* Свѣдѣнія эти почерпаются изъ документовъ, касающихся профессора Жобара (1832—1836 г.г.) и любезно доставленныхъ намъ, черезъ лектора казанскаго университета А. И. Михайловскаго, Николаемъ Михайловичемъ Пальминымъ, служащимъ въ настоящее время въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, сыномъ бывшаго профессора казанскаго университета М. А. Пальмина, состоявшаго въ близкихъ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Жобаромъ.

Интересъ, представляемый этими документами и желаніе сохранить ихъ для будущаго—побуждаютъ насъ отвести имъ мѣсто въ приложеніяхъ къ настоящему тому (См. приложеніе II).

верситета оффиціально выразилъ за это своему попечителю благодарность [213].

Представляется любопытнымъ, что Жобаръ никакъ не хотѣлъ примириться съ мыслью о законности своего увольненія изъ университета, съ упорствомъ маніака продолжалъ именовать себя „ординарнымъ профессоромъ императорскаго казанскаго университета", судился и отбывалъ въ 1836-мъ году наказаніе арестомъ при полиціи за „ослушаніе начальству", запрещавшему ему именоваться этимъ званіемъ, заводилъ разнаго рода тяжбы и кляузы и даже подвергался, по требованію московскаго генералъ-губернатора, освидѣтельствованію въ состояніи умственныхъ способностей, причемъ послѣднія признаны были нормальными *.

Позднѣйшая судьба проф. Жобара намъ неизвѣстна и послѣднее извѣстіе о немъ имѣемъ мы отъ августа 1845-го года, когда онъ, проживая въ то время въ Вѣнѣ, обратился въ совѣтъ казанскаго университета съ оставленнымъ безъ движенія прошеніемъ относительно выдачи ему увольнительнаго свидѣтельства, ссылаясь на то, что онъ „юридически изъ университета не уволенъ". Изъ этого же прошенія узнаемъ мы и тотъ интересный фактъ, что Жобаръ былъ, въ концѣ концовъ, съ жандармами высланъ изъ предѣловъ Россіи, предварительно отбывъ за что то восемь мѣсяцевъ тюремнаго заключенія [214]...

Въ одномъ изъ приведенныхъ выше документовъ по дѣлу Жобара мы встрѣтились съ явно выраженнымъ Магницкимъ опасеніемъ „возникновенія партій" среди профессоровъ казанскаго университета, которое ставилось имъ въ связь съ „горячностью", проявленною отдѣльными членами совѣта.

Едва ли могли, однако, имѣть подъ собою какое либо серьезное основаніе попечительскія опасенія въ этомъ направленіи, такъ какъ сильная рука Магницкаго слишкомъ властно тяготѣла надъ университетомъ, а установленный имъ академическій режимъ слишкомъ разъединялъ между

---

* Свѣдѣнія эти почерпаются изъ документовъ, касающихся профессора Жобара (1832—1836 г.г.) и любезно доставленныхъ намъ, черезъ лектора казанскаго университета А. И. Михайловскаго, Николаемъ Михайловичемъ Пальминымъ, служащимъ въ настоящее время въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, сыномъ бывшаго профессора казанскаго университета М. А. Пальмина, состоявшаго въ близкихъ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Жобаромъ.

Интересъ, представляемый этими документами и желаніе сохранить ихъ для будущаго— побуждаютъ насъ отвести имъ мѣсто въ приложеніяхъ къ настоящему тому (См. приложеніе II).

собою членовъ совѣта для того, что бы предоставить въ ихъ средѣ хотя бы слабую возможность проявленія свободы мысли, слова и дѣла. Все было построено здѣсь по строго очерченнымъ шаблонамъ, все было подчинено мертвящей буквѣ суровой регламентаціи, никто не могъ поручиться за завтрашній день. Лучшая часть профессоровъ, и во главѣ ихъ самъ ректоръ Фуксъ, старались держаться въ сторонѣ отъ болѣе или менѣе щекотливыхъ проявленій академической жизни или занимать въ нихъ нейтральное, а тѣмъ самымъ и безопасное, положеніе; болѣе пронырливая и покладистая часть ихъ (Сергѣевъ, Никольскій и др.) дѣлали болѣе или менѣе удачныя попытки утилизировать въ своихъ личныхъ интересахъ тяжелое положеніе, переживавшееся въ ту пору университетомъ,—и таковъ именно смыслъ служебной карьеры и дѣятельности тѣхъ случайныхъ людей, которыхъ выдвигала впередъ университетская жизнь эпохи попечительства Магницкаго. Не говоря уже о возможности коллегіальной борьбы съ деспотизмомъ попечителя, даже пресловутое двоевластіе, созданное на почвѣ „инструкцій" директору и ректору, не оказалось способнымъ выдвинуть впередъ ректорской партіи, которой, казалось бы, могла выпасть на долю благодарная роль защиты престижа университета и свободы академической жизни. Да и могла ли сгруппироваться такая партія подъ эгидою попечительскаго угодника, какимъ знаемъ мы ректора Никольскаго, или слабовольнаго представителя университета, сердце котораго „трепетало отъ страха" подъ окрикомъ нахала Жобара, какимъ только что фигурировалъ передъ нами ректоръ Фуксъ? Даже представители прогрессивной нѣмецкой партіи,—если только можетъ идти въ данномъ случаѣ рѣчь о „партіи",—Эйхвальдъ и Эрдманъ, ограничивали свой протестующій голосъ развѣ только уже извѣстнымъ намъ вышучиваніемъ въ совѣтѣ Жобара, въ то время все еще окруженнаго ореоломъ исключительнаго покровительства ему со стороны попечителя, за что первый изъ нихъ и былъ отданъ „подъ особенный присмотръ" директора университета; припомнимъ, что даже весь совѣтъ, in corpore, не постѣснился, въ угоду попечителю, розыграть недостойную комедію университетскаго суда надъ профессоромъ Солнцевымъ...

Понятно, что, при полномъ разложеніи коллегіальнаго начала, въ средѣ профессоровъ университета не только не образовывалось оппозиціи самовластнымъ и обскурантнымъ начинаніямъ Магницкаго и его клевретовъ, но сами товарищи, даже друзья, малодушно и опасливо чурались сослуживца, на долю котораго выпадало несчастье подпасть подъ немилость грознаго попечителя, какъ это наблюдается, напримѣръ, въ уже

собою членовъ совѣта для того, что бы предоставить въ ихъ средѣ хотя бы слабую возможность проявленія свободы мысли, слова и дѣла. Все было построено здѣсь по строго очерченнымъ шаблонамъ, все было подчинено мертвящей буквѣ суровой регламентаціи, никто не могъ поручиться за завтрашній день. Лучшая часть профессоровъ, и во главѣ ихъ самъ ректоръ Фуксъ, старались держаться въ сторонѣ отъ болѣе или менѣе щекотливыхъ проявленій академической жизни или занимать въ нихъ нейтральное, а тѣмъ самымъ и безопасное, положеніе; болѣе пронырливая и покладистая часть ихъ (Сергѣевъ, Никольскій и др.) дѣлали болѣе или менѣе удачныя попытки утилизировать въ своихъ личныхъ интересахъ тяжелое положеніе, переживавшееся въ ту пору университетомъ,—и таковъ именно смыслъ служебной карьеры и дѣятельности тѣхъ случайныхъ людей, которыхъ выдвигала впередъ университетская жизнь эпохи попечительства Магницкаго. Не говоря уже о возможности коллегіальной борьбы съ деспотизмомъ попечителя, даже пресловутое двоевластіе, созданное на почвѣ „инструкцій" директору и ректору, не оказалось способнымъ выдвинуть впередъ ректорской партіи, которой, казалось бы, могла выпасть на долю благодарная роль защиты престижа университета и свободы академической жизни. Да и могла ли сгруппироваться такая партія подъ эгидою попечительскаго угодника, какимъ знаемъ мы ректора Никольскаго, или слабовольнаго представителя университета, сердце котораго „трепетало отъ страха" подъ окрикомъ нахала Жобара, какимъ только что фигурировалъ передъ нами ректоръ Фуксъ? Даже представители прогрессивной нѣмецкой партіи,—если только можетъ идти въ данномъ случаѣ рѣчь о „партіи",—Эйхвальдъ и Эрдманъ, ограничивали свой протестующій голосъ развѣ только уже извѣстнымъ намъ вышучиваніемъ въ совѣтѣ Жобара, въ то время все еще окруженнаго ореоломъ исключительнаго покровительства ему со стороны попечителя, за что первый изъ нихъ и былъ отданъ „подъ особенный присмотръ" директора университета; припомнимъ, что даже весь совѣтъ, in corpore, не постѣснился, въ угоду попечителю, розыграть недостойную комедію университетскаго суда надъ профессоромъ Солнцевымъ...

Понятно, что, при полномъ разложеніи коллегіальнаго начала, въ средѣ профессоровъ университета не только не образовывалось оппозиціи самовластнымъ и обскурантнымъ начинаніямъ Магницкаго и его клевретовъ, но сами товарищи, даже друзья, малодушно и опасливо чурались сослуживца, на долю котораго выпадало несчастье подпасть подъ немилость грознаго попечителя, какъ это наблюдается, напримѣръ, въ уже

извѣстномъ намъ дѣлѣ профессора Жобара. „Изъ всѣхъ профессоровъ онъ (т. е. Жобаръ) соединенъ душевно съ однимъ только Пальминымъ и, можетъ быть, посредственнымъ образомъ, съ Суровцовымъ"—доносилъ Магницкому ректоръ Фуксъ въ началѣ 1824-го года. Представляется теперь логически естественнымъ, что, ополчаясь на рѣшительную борьбу съ Жобаромъ, проф. Сергѣевъ счелъ необходимымъ направить свое оружіе и противъ его сторонниковъ, Пальмина и Суровцова, въ лицѣ которыхъ, съ Жобаромъ во главѣ, приспѣшники Магницкаго и даже самъ ректоръ Фуксъ заподозрили зарожденіе „партіи", оппозиціонной по отношенію къ попечителю.

Почва для конфликта съ Пальминымъ найдена была Сергѣевымъ уже въ началѣ 1824-го года—въ обоюдномъ соискательствѣ ими кафедры философіи, разрѣшившемся въ пользу второго изъ конкуррентовъ, за которымъ, предложеніемъ министра отъ 13-го февраля, кафедра эта, раньше занимавшаяся Пальминымъ, и была укрѣплена. Еще раньше этого,—1-го февраля,—Пальминъ долженъ былъ устранить себя, съ переходомъ ея къ профессору же Сергѣеву, отъ должности секретаря совѣта, отправлявшейся имъ съ начала 1821-го года и въ которой онъ принялъ уже извѣстное намъ ближайшее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неприглядное участіе въ судѣ надъ профессоромъ Солнцевымъ. Любопытно, что, принимая на себя должность секретаря совѣта, Сергѣевъ не преминулъ набросить тѣнь на Пальмина, представивъ письменное заявленіе, въ которомъ выражалъ надежду, что „не будетъ подвергаемъ отвѣтственности за безпорядки, доселѣ существовавшіе, ибо, отвѣчая за будущее, почитаетъ себя не въ силахъ исправить существующія неисправности"; по особому распоряженію попечителя, въ выданномъ Пальмину аттестатѣ о службѣ и было отмѣчено, что онъ „въ бытность секретаремъ совѣта разстроилъ дѣла онаго такъ, что они доселѣ не разобраны, какъ бы слѣдовало". Если мы примемъ въ соображеніе, что всѣ эти факты, по времени, совпадали съ днями наиболѣе ожесточенной борьбы Сергѣева съ Жобаромъ, то для насъ сдѣлается вполнѣ яснымъ истинный смыслъ злоключеній, постигшихъ профессора Пальмина въ первые мѣсяцы 1824-го года. Впрочемъ, въ то время дни служенія Пальмина въ казанскомъ университетѣ уже были сочтены: 10-го мая того же 1824 года онъ уволенъ изъ университета „вслѣдствіе семейственныхъ обстоятельствъ, для перемѣны мѣста служенія",—какъ сказано въ его увольнительномъ аттестатѣ. Пріятельскія отношенія Пальмина съ Жобаромъ не прерывались, однако, и въ послѣдующіе годы, какъ это усматривается изъ интимнаго письма послѣдняго къ

извѣстномъ намъ дѣлѣ профессора Жобара. „Изъ всѣхъ профессоровъ онъ (т. е. Жобаръ) соединенъ душевно съ однимъ только Пальминымъ и, можетъ быть, посредственнымъ образомъ, съ Суровцовымъ"—доносилъ Магницкому ректоръ Фуксъ въ началѣ 1824-го года. Представляется теперь логически естественнымъ, что, ополчаясь на рѣшительную борьбу съ Жобаромъ, проф. Сергѣевъ счелъ необходимымъ направить свое оружіе и противъ его сторонниковъ, Пальмина и Суровцова, въ лицѣ которыхъ, съ Жобаромъ во главѣ, приспѣшники Магницкаго и даже самъ ректоръ Фуксъ заподозрили зарожденіе „партіи", оппозиціонной по отношенію къ попечителю.

Почва для конфликта съ Пальминымъ найдена была Сергѣевымъ уже въ началѣ 1824-го года—въ обоюдномъ соискательствѣ ими кафедры философіи, разрѣшившемся въ пользу второго изъ конкуррентовъ, за которымъ, предложеніемъ министра отъ 13-го февраля, кафедра эта, раньше занимавшаяся Пальминымъ, и была укрѣплена. Еще раньше этого,—1-го февраля,—Пальминъ долженъ былъ устранить себя, съ переходомъ ея къ профессору же Сергѣеву, отъ должности секретаря совѣта, отправлявшейся имъ съ начала 1821-го года и въ которой онъ принялъ уже извѣстное намъ ближайшее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неприглядное участіе въ судѣ надъ профессоромъ Солнцевымъ. Любопытно, что, принимая на себя должность секретаря совѣта, Сергѣевъ не преминулъ набросить тѣнь на Пальмина, представивъ письменное заявленіе, въ которомъ выражалъ надежду, что „не будетъ подвергаемъ отвѣтственности за безпорядки, доселѣ существовавшіе, ибо, отвѣчая за будущее, почитаетъ себя не въ силахъ исправить существующія неисправности"; по особому распоряженію попечителя, въ выданномъ Пальмину аттестатѣ о службѣ и было отмѣчено, что онъ „въ бытность секретаремъ совѣта разстроилъ дѣла онаго такъ, что они доселѣ не разобраны, какъ бы слѣдовало". Если мы примемъ въ соображеніе, что всѣ эти факты, по времени, совпадали съ днями наиболѣе ожесточенной борьбы Сергѣева съ Жобаромъ, то для насъ сдѣлается вполнѣ яснымъ истинный смыслъ злоключеній, постигшихъ профессора Пальмина въ первые мѣсяцы 1824-го года. Впрочемъ, въ то время дни служенія Пальмина въ казанскомъ университетѣ уже были сочтены: 10-го мая того же 1824 года онъ уволенъ изъ университета „вслѣдствіе семейственныхъ обстоятельствъ, для перемѣны мѣста служенія",—какъ сказано въ его увольнительномъ аттестатѣ. Пріятельскія отношенія Пальмина съ Жобаромъ не прерывались, однако, и въ послѣдующіе годы, какъ это усматривается изъ интимнаго письма послѣдняго къ

первому, относящагося къ началу 1832-го года и которое читатели найдутъ въ приложеніяхъ къ настоящему тому [215].

Меньше стойкости и твердости духа выказалъ профессоръ Суровцовъ, заподозрѣнный ректоромъ, а слѣдомъ за тѣмъ и попечителемъ, въ „душевномъ соединеніи" съ Жобаромъ и Пальминымъ. Привлеченный къ профессурѣ въ казанскомъ университетѣ въ уваженіе, прежде всего, его „христіанскаго образа мыслей", покладистый и умѣвшій приспособляться къ условіямъ времени и обстоятельствъ, Суровцовъ какъ нельзя лучше приспособился къ созданному Магницкимъ направленію университетской жизни и именно это то, быть можетъ, и заставило его искать сближенія съ Жобаромъ, казавшимся облеченнымъ полнымъ расположеніемъ и довѣріемъ попечителя. Суровцовъ сразу и рѣзко перемѣнилъ, однако, фронтъ, какъ только далеко не двусмысленная распря Сергѣева съ Жобаромъ и Пальминымъ обнаружила сначала колебаніе, а затѣмъ и полный поворотъ во взглядахъ на положеніе вещей въ казанскомъ университетѣ со стороны правящихъ петербургскихъ сферъ. Уже въ цитированномъ нами выше письмѣ къ попечителю отъ 21-го февраля 1824 г.,—въ самый разгаръ страстей изъ за проф. Жобара,—Пальминъ сѣтовалъ на то, что его стали почитать въ Казани „дурнымъ человѣкомъ, приставшимъ къ партіи Пальмина", а позже, въ особой запискѣ, поданной имъ въ пору ревизіи Желтухина, онъ подробнѣе коснулся вопроса о прикосновенности своей къ Пальмину и къ Жобару: по возвращеніи своемъ въ одну изъ петербургскихъ поѣздокъ, „Пальминъ остановился, въ отсутствіи Суровцова, — такъ въ третьемъ лицѣ говоритъ здѣсь о себѣ этотъ послѣдній,—въ его квартирѣ и оставался въ оной до отъѣзда опять въ Петербургъ, что самое и причтено Суровцову, что онъ одной партіи Пальмина". Къ стыду Суровцова, онъ не ограничился однимъ отреченіемъ отъ Пальмина, но постарался доказать свое усердіе и доносомъ на бывшаго пріятеля: именно Суровцовымъ сдѣланъ былъ попечителю извѣтъ на запущенность дѣлопроизводства, благодаря которому оказался испорченнымъ, какъ мы только что видѣли, аттестатъ о службѣ бывшаго секретаря совѣта [216].

Не взирая на отрицаніе близкихъ отношеній своихъ къ Пальмину и Жобару, профессору Суровцову пришлось серьезно посчитаться въ области возникшихъ на этой почвѣ подозрѣній и съ Сергѣевымъ и съ самимъ Магницкимъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ „Записка о профессорѣ Суровцовѣ", составленная имъ самимъ и хранящаяся въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія, при обширномъ дѣлѣ о ревизіи казанскаго университета генералъ-маіоромъ Желтухинымъ:

первому, относящагося къ началу 1832-го года и которое читатели найдутъ въ приложеніяхъ къ настоящему тому [215].

Меньше стойкости и твердости духа выказалъ профессоръ Суровцовъ, заподозрѣнный ректоромъ, а слѣдомъ за тѣмъ и попечителемъ, въ „душевномъ соединеніи" съ Жобаромъ и Пальминымъ. Привлеченный къ профессурѣ въ казанскомъ университетѣ въ уваженіе, прежде всего, его „христіанскаго образа мыслей", покладистый и умѣвшій приспособляться къ условіямъ времени и обстоятельствъ, Суровцовъ какъ нельзя лучше приспособился къ созданному Магницкимъ направленію университетской жизни и именно это то, быть можетъ, и заставило его искать сближенія съ Жобаромъ, казавшимся облеченнымъ полнымъ расположеніемъ и довѣріемъ попечителя. Суровцовъ сразу и рѣзко перемѣнилъ, однако, фронтъ, какъ только далеко не двусмысленная распря Сергѣева съ Жобаромъ и Пальминымъ обнаружила сначала колебаніе, а затѣмъ и полный поворотъ во взглядахъ на положеніе вещей въ казанскомъ университетѣ со стороны правящихъ петербургскихъ сферъ. Уже въ цитированномъ нами выше письмѣ къ попечителю отъ 21-го февраля 1824 г.,—въ самый разгаръ страстей изъ за проф. Жобара,—Пальминъ сѣтовалъ на то, что его стали почитать въ Казани „дурнымъ человѣкомъ, приставшимъ къ партіи Пальмина", а позже, въ особой запискѣ, поданной имъ въ пору ревизіи Желтухина, онъ подробнѣе коснулся вопроса о прикосновенности своей къ Пальмину и къ Жобару: по возвращеніи своемъ въ одну изъ петербургскихъ поѣздокъ, „Пальминъ остановился, въ отсутствіи Суровцова, — такъ въ третьемъ лицѣ говоритъ здѣсь о себѣ этотъ послѣдній,—въ его квартирѣ и оставался въ оной до отъѣзда опять въ Петербургъ, что самое и причтено Суровцову, что онъ одной партіи Пальмина". Къ стыду Суровцова, онъ не ограничился однимъ отреченіемъ отъ Пальмина, но постарался доказать свое усердіе и доносомъ на бывшаго пріятеля: именно Суровцовымъ сдѣланъ былъ попечителю извѣтъ на запущенность дѣлопроизводства, благодаря которому оказался испорченнымъ, какъ мы только что видѣли, аттестатъ о службѣ бывшаго секретаря совѣта [216].

Не взирая на отрицаніе близкихъ отношеній своихъ къ Пальмину и Жобару, профессору Суровцову пришлось серьезно посчитаться въ области возникшихъ на этой почвѣ подозрѣній и съ Сергѣевымъ и съ самимъ Магницкимъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ „Записка о профессорѣ Суровцовѣ", составленная имъ самимъ и хранящаяся въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія, при обширномъ дѣлѣ о ревизіи казанскаго университета генералъ-маіоромъ Желтухинымъ:

„Суровцовъ,—читаемъ въ этой запискѣ,—по службѣ, кромѣ нѣкоторыхъ неудовольствій, оставался спокоенъ до пріѣзда профессора Сергѣева *, повидимому настроеннаго дѣйствовать противу профессоровъ Пальмина и Жобара, которые въ то время, по неизвѣстнымъ Суровцову причинамъ, явно утѣсняемы были...

Сергѣевъ, какъ уполномоченный отъ попечителя, начавъ происки свои противу Суровцова, успѣлъ склонить на свою сторону ректора, который неоднократно говаривалъ на словесныя жалобы Суровцову, что ему нельзя остановить Сергѣева въ его неприличныхъ и дерзкихъ поступкахъ въ совѣтѣ и на сторонѣ, потому что г. попечитель именно писалъ къ нему держаться и слушаться (!) Сергѣева и что онъ—очень силенъ. Сергѣевъ, съ своей стороны, выискивалъ разные случаи ко вреду Пальмина и Жобара, писалъ для г. ректора клеветническія письма на Пальмина, Жобара и Суровцова, а ректоръ имѣлъ слабость подписывать оныя,—что можно узнать отъ коллежскаго регистратора Полянцева, который письма сіи переписывалъ".

Въ своей въ высшей степени любопытной запискѣ Суровцовъ разоблачаетъ, далѣе, закулисную сторону уже разсказаннаго нами въ своемъ мѣстѣ (см. выше стр. 317—319) инцидента съ возведеніемъ профессора Сергѣева въ должность секретаря совѣта и въ званіе ординарнаго профессора и ту роль, какую ему лично пришлось сыграть въ этомъ, не совсѣмъ чистомъ, дѣлѣ:

„Въ 1824-мъ году,—повѣствуетъ Суровцовъ,—дано было предложеніе совѣту отъ г. попечителя поручить должность, по увольненіи секретаря Пальмина, Суровцову, но предписаніе сіе подъ разными предлогами оставлено и должность секретаря продолжалъ исправлять Сергѣевъ,—повидимому болѣе для того, что бы тѣмъ временемъ привести въ исполненіе скрытое намѣреніе сдѣлать Сергѣева ординарнымъ профессоромъ. Послѣдствіе оправдало сію догадку: г. попечитель въ 1824-мъ году предписалъ совѣту, что г. министръ избраннаго совѣтомъ экстраординарнаго профессора Сергѣева утвердилъ ординарнымъ".

По словамъ Суровцова, его отказъ принять, въ качествѣ и. д. секретаря совѣта, участіе въ передержкѣ, допущенной въ данномъ случаѣ попечителемъ и ректоромъ, повлекъ за собою непріятности:

„Сергѣевъ требовалъ отъ совѣта диплома на званіе ординарнаго профессора, со включеніемъ словъ, что онъ избранъ совѣтомъ,—за-

* Т. е. до октября 1823-го года.

„Суровцовъ,—читаемъ въ этой запискѣ,—по службѣ, кромѣ нѣкоторыхъ неудовольствій, оставался спокоенъ до пріѣзда профессора Сергѣева *, повидимому настроеннаго дѣйствовать противу профессоровъ Пальмина и Жобара, которые въ то время, по неизвѣстнымъ Суровцову причинамъ, явно утѣсняемы были...

Сергѣевъ, какъ уполномоченный отъ попечителя, начавъ происки свои противу Суровцова, успѣлъ склонить на свою сторону ректора, который неоднократно говаривалъ на словесныя жалобы Суровцову, что ему нельзя остановить Сергѣева въ его неприличныхъ и дерзкихъ поступкахъ въ совѣтѣ и на сторонѣ, потому что г. попечитель именно писалъ къ нему держаться и слушаться (!) Сергѣева и что онъ—очень силенъ. Сергѣевъ, съ своей стороны, выискивалъ разные случаи ко вреду Пальмина и Жобара, писалъ для г. ректора клеветническія письма на Пальмина, Жобара и Суровцова, а ректоръ имѣлъ слабость подписывать оныя,—что можно узнать отъ коллежскаго регистратора Полянцева, который письма сіи переписывалъ“.

Въ своей въ высшей степени любопытной запискѣ Суровцовъ разоблачаетъ, далѣе, закулисную сторону уже разсказаннаго нами въ своемъ мѣстѣ (см. выше стр. 317—319) инцидента съ возведеніемъ профессора Сергѣева въ должность секретаря совѣта и въ званіе ординарнаго профессора и ту роль, какую ему лично пришлось сыграть въ этомъ, не совсѣмъ чистомъ, дѣлѣ:

„Въ 1824-мъ году,—повѣствуетъ Суровцовъ,—дано было предложеніе совѣту отъ г. попечителя поручить должность, по увольненіи секретаря Пальмина, Суровцову, но предписаніе сіе подъ разными предлогами оставлено и должность секретаря продолжалъ исправлять Сергѣевъ,—повидимому болѣе для того, что бы тѣмъ временемъ привести въ исполненіе скрытое намѣреніе сдѣлать Сергѣева ординарнымъ профессоромъ. Послѣдствіе оправдало сію догадку: г. попечитель въ 1824-мъ году предписалъ совѣту, что г. министръ избраннаго совѣтомъ экстраординарнаго профессора Сергѣева утвердилъ ординарнымъ“.

По словамъ Суровцова, его отказъ принять, въ качествѣ и. д. секретаря совѣта, участіе въ передержкѣ, допущенной въ данномъ случаѣ попечителемъ и ректоромъ, повлекъ за собою непріятности:

„Сергѣевъ требовалъ отъ совѣта диплома на званіе ординарнаго профессора, со включеніемъ словъ, что онъ избранъ совѣтомъ, — за-

* Т. е. до октября 1823-го года.

являетъ интересующая насъ записка. — Суровцовъ при семъ заявилъ словесно (sic), что нельзя сего сдѣлать, поелику въ дѣлахъ совѣта нѣтъ ничего объ избраніи Сергѣева въ ординарные профессоры. Сіе заявленіе принято за дерзость и ослушаніе и еще больше усилило злобу Сергѣева и, вмѣстѣ съ тѣмъ, и гнѣвъ г. попечителя.

Въ 1824-мъ году, по приказанію г. попечителя, письмоводитель его Часовниковъ писалъ къ Суровцову, что бы онъ перемѣнилъ свое поведеніе съ Сергѣевымъ, иначе ожидать долженъ худыхъ послѣдствій. Тогда же къ г. ректору писалъ г. попечитель, что онъ уйметъ Суровцова и ректоръ показывалъ сіе письмо Суровцову".

Только въ дни ревизіи университета Желтухинымъ, когда на глазахъ всѣхъ пошатнулся авторитетъ Магницкаго, только тогда развязался языкъ у Суровцова и негодованіе его противъ попечителя и его клевретовъ вылилось въ форму интересующей насъ въ настоящую минуту оправдательной записки. Здѣсь Суровцовъ рѣшается уже съ полною откровенностью заговорить какъ объ инцидентахъ Жобара и Пальмина, такъ и о своихъ собственныхъ обидахъ:

„Объ дѣлахъ Жобара и его прошеніяхъ, — пишетъ Суровцовъ,— можно сказать только то, что онъ не могъ найти ни справедливости, ни великодушія ни въ одномъ изъ ближнихъ начальниковъ университета, дѣйствовавшихъ въ то время совершенно по волѣ попечителя, коего органомъ служилъ Сергѣевъ.... Несправедливости и притѣсненія Жобара и Пальмина, по выбытіи ихъ изъ университета, устремлены были противъ Суровцова, какъ жертвы, которая иногда осмѣливалась сказать правду или указать на законъ и уставъ. Слѣдствія сихъ гоненій были для Суровцова тѣ, что г. попечитель, вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ Казань (осенью 1825-го года), позвалъ его къ себѣ для объясненій и оправданій въ такихъ обвиненіяхъ, которыя ему и на мысль не приходили, а болѣе для того, что бы взять всѣ письма, которыя онъ получалъ и которыя онъ, почитая гнусною измѣною и безчестіемъ для себя, отдать не хотѣлъ да и не могъ потому, что ничего такого не имѣлъ, что бы могло быть пищею злобѣ. Отказъ сей возродилъ еще бо̀льшую ненависть; употреблены были всѣ средства къ пріисканію какихъ нибудь случаевъ къ обвиненію и, наконецъ, вздумалъ г. попечитель удалить Суровцова отъ исправленія должности секретарской * безъ всякихъ причинъ, заставивъ ректора предложить совѣту, будто бы Суровцовъ неоднократно просилъ объ увольненіи отъ сей должности".

* Суровцовъ явился преемникомъ проф. Сергѣева по должности секретаря совѣта, будучи утвержденъ въ ней 5-го декабря 1824 года.

являетъ интересующая насъ записка. — Суровцовъ при семъ заявилъ словесно (sic), что нельзя сего сдѣлать, поелику въ дѣлахъ совѣта нѣтъ ничего объ избраніи Сергѣева въ ординарные профессоры. Сіе заявленіе принято за дерзость и ослушаніе и еще больше усилило злобу Сергѣева и, вмѣстѣ съ тѣмъ, и гнѣвъ г. попечителя.

Въ 1824-мъ году, по приказанію г. попечителя, письмоводитель его Часовниковъ писалъ къ Суровцову, что бы онъ перемѣнилъ свое поведеніе съ Сергѣевымъ, иначе ожидать долженъ худыхъ послѣдствій. Тогда же къ г. ректору писалъ г. попечитель, что онъ уйметъ Суровцова и ректоръ показывалъ сіе письмо Суровцову".

Только въ дни ревизіи университета Желтухинымъ, когда на глазахъ всѣхъ пошатнулся авторитетъ Магницкаго, только тогда развязался языкъ у Суровцова и негодованіе его противъ попечителя и его клевретовъ вылилось въ форму интересующей насъ въ настоящую минуту оправдательной записки. Здѣсь Суровцовъ рѣшается уже съ полною откровенностью заговорить какъ объ инцидентахъ Жобара и Пальмина, такъ и о своихъ собственныхъ обидахъ:

„Объ дѣлахъ Жобара и его прошеніяхъ, — пишетъ Суровцовъ, — можно сказать только то, что онъ не могъ найти ни справедливости, ни великодушія ни въ одномъ изъ ближнихъ начальниковъ университета, дѣйствовавшихъ въ то время совершенно по волѣ попечителя, коего органомъ служилъ Сергѣевъ.... Несправедливости и притѣсненія Жобара и Пальмина, по выбытіи ихъ изъ университета, устремлены были противъ Суровцова, какъ жертвы, которая иногда осмѣливалась сказать правду или указать на законъ и уставъ. Слѣдствія сихъ гоненій были для Суровцова тѣ, что г. попечитель, вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ Казань (осенью 1825-го года), позвалъ его къ себѣ для объясненій и оправданій въ такихъ обвиненіяхъ, которыя ему и на мысль не приходили, а болѣе для того, что бы взять всѣ письма, которыя онъ получалъ и которыя онъ, почитая гнусною измѣною и безчестіемъ для себя, отдать не хотѣлъ да и не могъ потому, что ничего такого не имѣлъ, что бы могло быть пищею злобѣ. Отказъ сей возродилъ еще бо̀льшую ненависть; употреблены были всѣ средства къ пріисканію какихъ нибудь случаевъ къ обвиненію и, наконецъ, вздумалъ г. попечитель удалить Суровцова отъ исправленія должности секретарской * безъ всякихъ причинъ, заставивъ ректора предложить совѣту, будто бы Суровцовъ неоднократно просилъ объ увольненіи отъ сей должности".

* Суровцовъ явился преемникомъ проф. Сергѣева по должности секретаря совѣта, будучи утвержденъ въ ней 5-го декабря 1824 года.

Насколько бурными представлялись казанскія объясненія попечителя съ Суровцовымъ—о томъ свидѣтельствуетъ самъ авторъ записки, заявляющій, что когда онъ „явился вмѣстѣ съ прочими чиновниками раскланяться съ г. попечителемъ", то „позванъ былъ имъ въ кабинетъ особо, гдѣ, послѣ многихъ угрозъ и ругательствъ", Магницкій „угрожалъ ему властью, силою и, даже, именемъ государя". Изложивъ въ запискѣ всѣ свои злоключенія, проф. Суровцовъ слѣдующимъ образомъ резюмируетъ ихъ:

„Такимъ образомъ дѣйствія и. д. директора университета Никольскаго, ректора Фукса, профессора Караблинова (и. д. секретаря совѣта), секретаря правленія Алашеева, управляемыя внушеніями и властью попечителя, который и тайно и явно гонитъ Суровцова и чрезъ лазутчиковъ своихъ подговариваетъ къ обвиненію его разныхъ людей — поставили въ такое положеніе Суровцова, что онъ теряетъ даже и надежду, при всей невинности, избѣжать еще большихъ притѣсненій".

Профессоръ Суровцовъ заключаетъ свою записку весьма категорическимъ выводомъ, что „нельзя ожидать никакой справедливости, доколѣ будетъ имѣть власть и вліяніе въ дѣлахъ университета настоящій г. попечитель Михайла Леонтіевичъ Магницкій". Такимъ смѣлымъ и откровеннымъ языкомъ заговорить возможнымъ сдѣлалось, конечно, лишь тогда, когда паденіе грознаго попечителя - временщика стало вопросомъ уже самаго ближайшаго будущаго [217]...

Заканчивая невеселую картину коллегіальной жизни казанскаго университета эпохи попечительства Магницкаго, скажемъ еще нѣсколько словъ о почетныхъ членахъ университета, дипломы которымъ довольно щедрою рукою раздавались за интересующіе насъ годы.

Какъ это ни можетъ показаться на первый разъ страннымъ, но властная рука Магницкаго не преминула наложить специфическій колоритъ и на эту сторону внутренней, и уже чисто академической, коллегіальной жизни университета. Гнетъ попечительской власти сказывался и здѣсь,— то въ наложеніи veto на совѣтскія избранія въ почетные члены и даже въ остракизмѣ лицъ, уже числившихся въ этомъ званіи, то въ навязываніи университету къ возведенію въ него лицъ или угодныхъ Магницкому, или такихъ, въ которыхъ попечителю нужнымъ казалось заискивать; въ первыхъ двухъ отношеніяхъ краснорѣчивыми примѣрами являются про-

Насколько бурными представлялись казанскія объясненія попечителя съ Суровцовымъ—о томъ свидѣтельствуетъ самъ авторъ записки, заявляющій, что когда онъ „явился вмѣстѣ съ прочими чиновниками раскланяться съ г. попечителемъ", то „позванъ былъ имъ въ кабинетъ особо, гдѣ, послѣ многихъ угрозъ и ругательствъ", Магницкій „угрожалъ ему властью, силою и, даже, именемъ государя". Изложивъ въ запискѣ всѣ свои злоключенія, проф. Суровцовъ слѣдующимъ образомъ резюмируетъ ихъ:

„Такимъ образомъ дѣйствія и. д. директора университета Никольскаго, ректора Фукса, профессора Караблинова (и. д. секретаря совѣта), секретаря правленія Алашеева, управляемыя внушеніями и властью попечителя, который и тайно и явно гонитъ Суровцова и чрезъ лазутчиковъ своихъ подговариваетъ къ обвиненію его разныхъ людей — поставили въ такое положеніе Суровцова, что онъ теряетъ даже и надежду, при всей невинности, избѣжать еще большихъ притѣсненій".

Профессоръ Суровцовъ заключаетъ свою записку весьма категорическимъ выводомъ, что „нельзя ожидать никакой справедливости, доколѣ будетъ имѣть власть и вліяніе въ дѣлахъ университета настоящій г. попечитель Михайла Леонтіевичъ Магницкій". Такимъ смѣлымъ и откровеннымъ языкомъ заговорить возможнымъ сдѣлалось, конечно, лишь тогда, когда паденіе грознаго попечителя-временщика стало вопросомъ уже самаго ближайшаго будущаго [217]...

Заканчивая невеселую картину коллегіальной жизни казанскаго университета эпохи попечительства Магницкаго, скажемъ еще нѣсколько словъ о почетныхъ членахъ университета, дипломы которымъ довольно щедрою рукою раздавались за интересующіе насъ годы.

Какъ это ни можетъ показаться на первый разъ страннымъ, но властная рука Магницкаго не преминула наложить специфическій колоритъ и на эту сторону внутренней, и уже чисто академической, коллегіальной жизни университета. Гнетъ попечительской власти сказывался и здѣсь,— то въ наложеніи veto на совѣтскія избранія въ почетные члены и даже въ остракизмѣ лицъ, уже числившихся въ этомъ званіи, то въ навязываніи университету къ возведенію въ него лицъ или угодныхъ Магницкому, или такихъ, въ которыхъ попечителю нужнымъ казалось заискивать; въ первыхъ двухъ отношеніяхъ краснорѣчивыми примѣрами являются про-

тестъ Магницкаго противъ избранія въ почетные члены, признаннаго по извѣту Суровцова „неблагонадежнымъ", геттингенскаго профессора Эйхгорна и исключеніе, по приказанію попечителя, изъ числа почетныхъ членовъ французскаго ученаго и общественнаго дѣятеля Грегуара, за его активное участіе, когда то, въ событіяхъ великой французской революціи *. Видя въ расширеніи круга почетныхъ членовъ университета одну изъ рекламъ плодотворности своей попечительской дѣятельности, Магницкій обставлялъ, тѣмъ не менѣе, возведеніе университетомъ въ это званіе условіями, которыя и это невиннѣйшее право совѣта всецѣло подчиняли его вліянію и контролю. Магницкій лично велъ списки почетныхъ членовъ казанскаго университета, тщательно пропуская ихъ сквозь фильтръ своего личнаго усмотрѣнія и принимая тщательныя мѣры къ тому, что бы предлагаемые въ это званіе кандидаты вполнѣ отвѣчали всѣмъ тѣмъ требованіямъ условной благонамѣренности, какія предъявлялись имъ къ личному составу университета, вообще. Такъ, осенью 1819-го года, по поводу возведенія въ званіе почетнаго члена академика Круга, попечитель предлагалъ университетскому совѣту тщательно мотивировать на будущее время представленія этого рода—„дабы оныя не имѣли вида произвольнаго предложенія", а въ августѣ 1820-го года потребовалъ предварительнаго и заблаговременнаго донесенія ему о лицахъ, предполагаемыхъ къ избранію въ это званіе—сославшись на нежелательность „неутвержденіемъ выбора наносить непріятность выбраннымъ почетнымъ членамъ", что совершенно отдавало, конечно, въ руки попечителя все дѣло возведенія въ почетные члены [218].

Возведеніемъ различныхъ лицъ въ званіе почетныхъ членовъ „его" университета—ознаменовывались всѣ выдающіеся моменты административной дѣятельности казанскаго попечителя. Такъ, завершеніе Магницкимъ дѣла „обновленія" университета было ознаменовано поднесеніемъ въ 1820-мъ году дипломовъ почетныхъ членовъ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князю А. Н. Голицину, самому Магницкому—за содѣйствіе „распространенію свѣта и царствія Христова", за ревность „въ сѣяніи спасительныхъ сѣмянъ живыя вѣры и благочестія", за „исторженіе плевелъ, насаждаемыхъ и питаемыхъ суемудріемъ" и т. п., и директору департамента народнаго просвѣщенія В. М. Попову—„въ уваженіе отличныхъ христіанскихъ качествъ и сотрудничества къ основанію просвѣщенія народнаго на твердомъ камени христіанскаго благочестія"; въ началѣ 1821-го года провозглашенъ былъ почетнымъ членомъ и пре-

* См. выше стр. 144—145.

тестъ Магницкаго противъ избранія въ почетные члены, признаннаго по извѣту Суровцова „неблагонадежнымъ“, геттингенскаго профессора Эйхгорна и исключеніе, по приказанію попечителя, изъ числа почетныхъ членовъ французскаго ученаго и общественнаго дѣятеля Грегуара, за его активное участіе, когда то, въ событіяхъ великой французской революціи *. Видя въ расширеніи круга почетныхъ членовъ университета одну изъ рекламъ плодотворности своей попечительской дѣятельности, Магницкій обставлялъ, тѣмъ не менѣе, возведеніе университетомъ въ это званіе условіями, которыя и это невиннѣйшее право совѣта всецѣло подчиняли его вліянію и контролю. Магницкій лично велъ списки почетныхъ членовъ казанскаго университета, тщательно пропуская ихъ сквозь фильтръ своего личнаго усмотрѣнія и принимая тщательныя мѣры къ тому, что бы предлагаемые въ это званіе кандидаты вполнѣ отвѣчали всѣмъ тѣмъ требованіямъ условной благонамѣренности, какія предъявлялись имъ къ личному составу университета, вообще. Такъ, осенью 1819-го года, по поводу возведенія въ званіе почетнаго члена академика Круга, попечитель предлагалъ университетскому совѣту тщательно мотивировать на будущее время представленія этого рода—„дабы оныя не имѣли вида произвольнаго предложенія“, а въ августѣ 1820-го года потребовалъ предварительнаго и заблаговременнаго донесенія ему о лицахъ, предполагаемыхъ къ избранію въ это званіе—сославшись на нежелательность „неутвержденіемъ выбора наносить непріятность выбраннымъ почетнымъ членамъ“, что совершенно отдавало, конечно, въ руки попечителя все дѣло возведенія въ почетные члены [218].

Возведеніемъ различныхъ лицъ въ званіе почетныхъ членовъ „его“ университета—ознаменовывались всѣ выдающіеся моменты административной дѣятельности казанскаго попечителя. Такъ, завершеніе Магницкимъ дѣла „обновленія“ университета было ознаменовано поднесеніемъ въ 1820-мъ году дипломовъ почетныхъ членовъ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князю А. Н. Голицыну, самому Магницкому—за содѣйствіе „распространенію свѣта и царствія Христова“, за ревность „въ сѣяніи спасительныхъ сѣмянъ живыя вѣры и благочестія“, за „исторженіе плевелъ, насаждаемыхъ и питаемыхъ суемудріемъ“ и т. п., и директору департамента народнаго просвѣщенія В. М. Попову—„въ уваженіе отличныхъ христіанскихъ качествъ и сотрудничества къ основанію просвѣщенія народнаго на твердомъ камени христіанскаго благочестія“; въ началѣ 1821-го года провозглашенъ былъ почетнымъ членомъ и пре-

* См. выше стр. 144—145.

словутый директоръ университета А. П. Владимірскій—„въ уваженіе его христіанскихъ чувствованій и правилъ жизни, кротости, соединенной съ твердостью, обширныхъ знаній, опытностью искушенныхъ и украшенныхъ *, къ единой цѣли истиннаго благочестія направленныхъ", наконецъ — въ засвидѣтельствованіе „печати Божія благословенія на благихъ начинаніяхъ къ обновленію университета клонящихся". Въ угоду попечителю, въ 1821-мъ году избраны были почетными членами казанскаго университета „обновители" петербургскаго университета и достойные послѣдователи Магницкаго—попечитель петербургскаго учебнаго округа Д. П. Руничъ и директоръ петербургскаго университета Д. А. Кавелинъ; первый—въ воздаяніе его „истинно христіанскихъ чувствованій и правилъ", „подвиговъ въ великомъ дѣлѣ соединенія вѣдѣнія съ вѣрою, сердца съ разумомъ, да возсіяетъ востокъ свыше на всю область наукъ во славу пресвятаго имени Господня" и пр.; второй—въ уваженіе „благочестиваго подвига ревностнаго и благопоспѣшнаго содѣйствія на пользу истиннаго просвѣщенія, основаннаго на ученіи Господа нашего Іисуса Христа". Весною 1824-го года состоялось избраніе въ почетные члены еще одного изъ „обновителей" въ духѣ Магницкаго и Рунича — попечителя харьковскаго учебнаго округа Е. В. Карнѣева; это избраніе, состоявшееся подъ вліяніемъ „чувствъ сердечнаго умиленія" совѣта казанскаго университета по поводу предшествовавшаго избранія Магницкаго почетнымъ членомъ харьковскаго университета, мотивировалось „неусыпнымъ попеченіемъ къ утвержденію духа благочестія" и освѣщеніемъ правилами вѣры „тѣхъ самыхъ наукъ, кои врагъ Божій стремится повсемѣстно обратить къ своимъ видамъ". Не избѣгнулъ чести быть лѣтомъ 1823-го года избраннымъ въ почетные члены казанскаго университета,—и на этотъ разъ уже по непосредственному „предложенію" Магницкаго,—и извѣстный французскій выходецъ и авантюристъ профессоръ А. А. Дюгуровъ (J. Dugour), одинъ изъ ближайшихъ сподвижниковъ Рунича по разгрому петербургскаго университета; Магницкій мотивировалъ свое предложеніе совѣту „вѣрностью Дюгурова законному государю, коего защищалъ онъ публичными изданіями во время его заключенія въ Тамплѣ", а также произнесенною имъ въ петербургскомъ университетѣ рѣчью „о необходимости согласить преподаваніе наукъ съ положеніями вѣры" [219].

* Указанный здѣсь мотивъ избранія получаетъ особую пикантность въ виду того, уже извѣстнаго намъ, факта (см. томъ III, стр. 337), что всего за три года передъ тѣмъ тотъ же казанскій университетъ не только не призналъ Владимірскаго достойнымъ занять каѳедру, но прямо уличалъ его въ незнаніи «правилъ грамматическихъ».

словутый директоръ университета А. П. Владимірскій—„въ уваженіе его христіанскихъ чувствованій и правилъ жизни, кротости, соединенной съ твердостью, обширныхъ знаній, опытностью искушенныхъ и украшенныхъ *, къ единой цѣли истиннаго благочестія направленныхъ", наконецъ — въ засвидѣтельствованіе „печати Божія благословенія на благихъ начинаніяхъ къ обновленію университета клонящихся". Въ угоду попечителю, въ 1821-мъ году избраны были почетными членами казанскаго университета „обновители" петербургскаго университета и достойные послѣдователи Магницкаго—попечитель петербургскаго учебнаго округа Д. П. Руничъ и директоръ петербургскаго университета Д. А. Кавелинъ; первый—въ воздаяніе его „истинно христіанскихъ чувствованій и правилъ", „подвиговъ въ великомъ дѣлѣ соединенія вѣдѣнія съ вѣрою, сердца съ разумомъ, да возсіяетъ востокъ свыше на всю область наукъ во славу пресвятаго имени Господня" и пр.; второй—въ уваженіе „благочестиваго подвига ревностнаго и благопоспѣшнаго содѣйствія на пользу истиннаго просвѣщенія, основаннаго на ученіи Господа нашего Іисуса Христа". Весною 1824-го года состоялось избраніе въ почетные члены еще одного изъ „обновителей" въ духѣ Магницкаго и Рунича — попечителя харьковскаго учебнаго округа Е. В. Карнѣева; это избраніе, состоявшееся подъ вліяніемъ „чувствъ сердечнаго умиленія" совѣта казанскаго университета по поводу предшествовавшаго избранія Магницкаго почетнымъ членомъ харьковскаго университета, мотивировалось „неусыпнымъ попеченіемъ къ утвержденію духа благочестія" и освѣщеніемъ правилами вѣры „тѣхъ самыхъ наукъ, кои врагъ Божій стремится повсемѣстно обратить къ своимъ видамъ". Не избѣгнулъ чести быть лѣтомъ 1823-го года избраннымъ въ почетные члены казанскаго университета,—и на этотъ разъ уже по непосредственному „предложенію" Магницкаго,—и извѣстный французскій выходецъ и авантюристъ профессоръ А. А. Дюгуровъ (J. Dugour), одинъ изъ ближайшихъ сподвижниковъ Рунича по разгрому петербургскаго университета; Магницкій мотивировалъ свое предложеніе совѣту „вѣрностью Дюгурова законному государю, коего защищалъ онъ публичными изданіями во время его заключенія въ Тамплѣ", а также произнесенною имъ въ петербургскомъ университетѣ рѣчью „о необходимости согласить преподаваніе наукъ съ положеніями вѣры" [219].

* Указанный здѣсь мотивъ избранія получаетъ особую пикантность въ виду того, уже извѣстнаго намъ, факта (см. томъ III, стр. 337), что всего за три года передъ тѣмъ тотъ же казанскій университетъ не только не призналъ Владимірскаго достойнымъ занять каѳедру, но прямо уличалъ его въ незнаніи «правилъ грамматическихъ».

Мы въ своемъ мѣстѣ уже познакомились, а скоро еще подробнѣе познакомимся, съ новыми вѣяніями, возникшими въ Петербургѣ съ конца 1823-го года и которыя побудили Магницкаго измѣнить своему прежнему покровителю князю А. Н. Голицыну, присоединившись къ партіи его противниковъ, сплотившихся подъ эгидою мощнаго временщика того времени графа А. А. Аракчеева. Выдвинутый этими вѣяніями новый министръ народнаго просвѣщенія, престарѣлый адмиралъ А. С. Шишковъ, не избѣгъ бы, само собою разумѣется, чести быть въ свою очередь избраннымъ въ почетные члены казанскаго университета, если бы маститый ревнитель „чистоты русскаго слога" уже не носилъ этого званія, въ которое, въ качествѣ президента россійской академіи, онъ былъ возведенъ еще десять лѣтъ тому назадъ, при полномъ открытіи въ 1814-мъ году казанскаго университета. За то совѣтъ университета, по предложенію ректора К. Ѳ. Фукса, несомнѣнно инспирированному самимъ попечителемъ, не преминулъ въ февралѣ 1824-го года единогласно избрать въ свои почетные члены графа А. А. Аракчеева, мотивируя это избраніе „усовершенствованіемъ имъ артиллеріи и заботами по устройству военныхъ поселеній". Осенью того же 1824-го года Магницкій „предложилъ" совѣту казанскаго университета избрать въ почетные члены своего члена главнаго правленія училищъ князя С. А. Ширинскаго-Шихматова, въ уваженіе „отличныхъ трудовъ его въ россійской поэзіи, исполненныхъ глубочайшихъ чувствъ христіанства", хотя утвержденіе кн. Ширинскаго-Шихматова въ этомъ званіи послѣдовало лишь 17-го іюля 1826 года, уже послѣ паденія Магницкаго, что объясняется, быть можетъ, контръ-интригою противъ казанскаго попечителя, вскорѣ возникшею среди вліятельныхъ чиновъ министерства народнаго просвѣщенія [220].

Помимо избраній, обусловливавшихся личнаго характера видами Магницкаго, въ званіе почетныхъ членовъ казанскаго университета возводились въ ту пору и лица порою вполнѣ почтенныя, но на долю которыхъ высокая честь эта выпадала не въ силу научныхъ заслугъ, но благодаря положенію ихъ въ служебной іерархіи Россіи, вообще, и казанскаго учебнаго округа, въ частности. Сюда относятся, напримѣръ, провозглашенія почетными членами университета сибирскаго генералъ-губернатора М. М. Сперанскаго и оренбургскаго военнаго губернатора П. К. Эссена (1819 г.), начальника главнаго военнаго штаба князя П. М. Волконскаго, главнокомандующаго въ Грузіи генерала отъ инфантеріи А. П. Ермолова, казанскаго губернатора П. А. Нилова и саратовскаго губернатора А. Д. Панчулидзева (1820 г.), генералъ-маіора Карбонье-

Мы въ своемъ мѣстѣ уже познакомились, а скоро еще подробнѣе познакомимся, съ новыми вѣяніями, возникшими въ Петербургѣ съ конца 1823-го года и которыя побудили Магницкаго измѣнить своему прежнему покровителю князю А. Н. Голицыну, присоединившись къ партіи его противниковъ, сплотившихся подъ эгидою мощнаго временщика того времени графа А. А. Аракчеева. Выдвинутый этими вѣяніями новый министръ народнаго просвѣщенія, престарѣлый адмиралъ А. С. Шишковъ, не избѣгъ бы, само собою разумѣется, чести быть въ свою очередь избраннымъ въ почетные члены казанскаго университета, если бы маститый ревнитель „чистоты русскаго слога“ уже не носилъ этого званія, въ которое, въ качествѣ президента россійской академіи, онъ былъ возведенъ еще десять лѣтъ тому назадъ, при полномъ открытіи въ 1814-мъ году казанскаго университета. За то совѣтъ университета, по предложенію ректора К. Ѳ. Фукса, несомнѣнно инспирированному самимъ попечителемъ, не преминулъ въ февралѣ 1824-го года единогласно избрать въ свои почетные члены графа А. А. Аракчеева, мотивируя это избраніе „усовершенствованіемъ имъ артиллеріи и заботами по устройству военныхъ поселеній“. Осенью того же 1824-го года Магницкій „предложилъ“ совѣту казанскаго университета избрать въ почетные члены свои члена главнаго правленія училищъ князя С. А. Ширинскаго-Шихматова, въ уваженіе „отличныхъ трудовъ его въ россійской поэзіи, исполненныхъ глубочайшихъ чувствъ христіанства“, хотя утвержденіе кн. Ширинскаго-Шихматова въ этомъ званіи послѣдовало лишь 17-го іюля 1826 года, уже послѣ паденія Магницкаго, что объясняется, быть можетъ, контръ-интригою противъ казанскаго попечителя, вскорѣ возникшею среди вліятельныхъ чиновъ министерства народнаго просвѣщенія [220].

Помимо избраній, обусловливавшихся личнаго характера видами Магницкаго, въ званіе почетныхъ членовъ казанскаго университета возводились въ ту пору и лица порою вполнѣ почтенныя, но на долю которыхъ высокая честь эта выпадала не въ силу научныхъ заслугъ, но благодаря положенію ихъ въ служебной іерархіи Россіи, вообще, и казанскаго учебнаго округа, въ частности. Сюда относятся, напримѣръ, провозглашенія почетными членами университета сибирскаго генералъ-губернатора М. М. Сперанскаго и оренбургскаго военнаго губернатора П. К. Эссена (1819 г.), начальника главнаго военнаго штаба князя П. М. Волконскаго, главнокомандующаго въ Грузіи генерала отъ инфантеріи А. П. Ермолова, казанскаго губернатора П. А. Нилова и саратовскаго губернатора А. Д. Панчулидзева (1820 г.), генералъ-маіора Карбонье-

ра (1822 г.), западно-сибирскаго генералъ-губернатора П. М. Капцевича (1824 г.), генералъ-губернатора низовыхъ губерній А. Н. Бахметьева (1826 г.) *[231]...

Передъ нами прошелъ цѣлый рядъ лицъ, провозглашенныхъ почетными членами казанскаго университета помимо прямыхъ научныхъ заслугъ ихъ, которыя, само собою разумѣется, должны бы были служить единственнымъ критеріемъ при сужденіи относительно возведенія въ это высокое званіе. Такое отношеніе къ дѣлу не можетъ насъ, впрочемъ, и удивлять въ виду уже хорошо извѣстной намъ обскурантной мнительности Магницкаго по отношенію къ свободной наукѣ, въ особенности западно-европейской, которую казанскій попечитель и его приспѣшники не иначе именовали, какъ—„исчадіемъ лжеименнаго разума", „плевелами, разсѣваемыми врагомъ слова Божія" и т. п., признавая за истинное знаніе лишь обрывки дисциплинъ, построенные на тенденціозныхъ и фарисейскихъ началахъ, преподанныхъ въ пресловутой „инструкціи ректору" **. Правда, семилѣтіе попечительства Магницкаго дало намъ нѣсколько случаевъ провозглашенія въ почетные члены университета представителей западно-европейской науки, и даже представителей весьма крупной величины, но эти почетныя промоціи носили характеръ совершенно случайный, будучи отголоскомъ благодарности попечителя и университета за содѣйствіе и за сочувственное отношеніе, встрѣченное профессорами И. М. Симоновымъ и А. Я. Купферомъ во время извѣстной намъ заграничной командировки ихъ. Этимъ путемъ списокъ почетныхъ членовъ казанскаго университета украсился именами: астронома Бесселя, физика Зибека, минералога Хр. Вейсса (январь 1824 г.), натуралиста барона А. Гумбольдта, физика Фр. Араго, астронома А. Бувара, астрономовъ барона Фр. Цаха и Дж. Плана (январь 1826 г.). Въ концѣ 1823-го года предполагалось на той же почвѣ провозгласить почетнымъ членомъ казанскаго университета австрійскаго императора Франца I, который предпочелъ, однако, поднесеніе ему диплома на степень почетнаго доктора правъ. Въ связи съ содѣйствіемъ задачамъ заграничной миссіи Симонова и Купфера стояло и избраніе въ почетные члены университета статсъ-секретаря австрійскаго

* Промоція Бахметьева любопытна подробностью, которою она сопровождалась: онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ по предложенію самого Магницкаго, послѣдовавшему 12-го мая, т. е. шестью днями позже воспослѣдованія высочайшаго указа (6-го мая) объ увольненіи его отъ должности попечителя округа; имѣя въ то время подневольное пребываніе въ Казани, Магницкій еще не зналъ о постигшей его катастрофѣ.

** См. томъ III, стр. 346 и слѣд.

ра (1822 г.), западно-сибирскаго генералъ-губернатора П. М. Капцевича (1824 г.), генералъ-губернатора низовыхъ губерній А. Н. Бахметьева (1826 г.)* [231]....

Передъ нами прошелъ цѣлый рядъ лицъ, провозглашенныхъ почетными членами казанскаго университета помимо прямыхъ научныхъ заслугъ ихъ, которыя, само собою разумѣется, должны бы были служить единственнымъ критеріемъ при сужденіи относительно возведенія въ это высокое званіе. Такое отношеніе къ дѣлу не можетъ насъ, впрочемъ, и удивлять въ виду уже хорошо извѣстной намъ обскурантной мнительности Магницкаго по отношенію къ свободной наукѣ, въ особенности западно-европейской, которую казанскій попечитель и его приспѣшники не иначе именовали, какъ—„исчадіемъ лжеименнаго разума", „плевелами, разсѣваемыми врагомъ слова Божія" и т. п., признавая за истинное знаніе лишь обрывки дисциплинъ, построенные на тенденціозныхъ и фарисейскихъ началахъ, преподанныхъ въ пресловутой „инструкціи ректору" **. Правда, семилѣтіе попечительства Магницкаго дало намъ нѣсколько случаевъ провозглашенія въ почетные члены университета представителей западно-европейской науки, и даже представителей весьма крупной величины, но эти почетныя промоціи носили характеръ совершенно случайный, будучи отголоскомъ благодарности попечителя и университета за содѣйствіе и за сочувственное отношеніе, встрѣченное профессорами И. М. Симоновымъ и А. Я. Купферомъ во время извѣстной намъ заграничной командировки ихъ. Этимъ путемъ списокъ почетныхъ членовъ казанскаго университета украсился именами: астронома Бесселя, физика Зибека, минералога Хр. Вейсса (январь 1824 г.), натуралиста барона А. Гумбольдта, физика Фр. Араго, астронома А. Бувара, астрономовъ барона Фр. Цаха и Дж. Плана (январь 1826 г.). Въ концѣ 1823-го года предполагалось на той же почвѣ провозгласить почетнымъ членомъ казанскаго университета австрійскаго императора Франца I, который предпочелъ, однако, поднесеніе ему диплома на степень почетнаго доктора правъ. Въ связи съ содѣйствіемъ задачамъ заграничной миссіи Симонова и Купфера стояло и избраніе въ почетные члены университета статсъ-секретаря австрійскаго

* Промоція Бахметьева любопытна подробностью, которою она сопровождалась: онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ по предложенію самого Магницкаго, послѣдовавшему 12-го мая, т. е. шестью днями позже воспослѣдованія высочайшаго указа (6-го мая) объ увольненіи его отъ должности попечителя округа; имѣя въ то время подневольное пребываніе въ Казани, Магницкій еще не зналъ о постигшей его катастрофѣ.

** См. томъ III, стр. 346 и слѣд.

императора барона Штифта (январь 1824 г.), русскаго посланника въ Римѣ А. Я. Италинскаго (январь 1826 г.) и австрійскаго гофъ-адвоката фонъ-Гейнтля (февраль 1826 г.)*.

Заканчивая обзоръ почетныхъ промоцій интересующей насъ эпохи, отмѣтимъ одинъ неудавшійся случай ихъ: въ сентябрѣ 1826-го года министромъ народнаго просвѣщенія „оставлено было безъ утвержденія" представленіе совѣта относительно возведенія въ званіе почетнаго члена казанскаго вице-губернатора А. Я. Жмакина, избраннаго 1-го мая 1826 года, по предложенію ректора Фукса — въ воздаяніе его „споспѣшествованія пользѣ народнаго просвѣщенія, какъ единственнаго источника для благосостоянія россійской имперіи".

Это неудачное избраніе пріурочивается, впрочемъ, уже къ самымъ послѣднимъ днямъ попечительства Магницкаго [222].

Б

Мѣры внѣшняго устроительства университета и торжество Магницкаго

Заботы Магницкаго о привлеченіи общественнаго интереса къ жизни обновленнаго имъ университета.—Торжественные университетскіе акты.—Борьба съ затрудненіями финансоваго характера.—Проектъ оброчныхъ статей для казанскаго университета.—Строительныя начинанія Магницкаго.—Ходатайства объ отпускѣ суммъ на переустройство университетскихъ зданій.—Общій планъ и смѣта строительныхъ работъ.—Проектъ устройства главнаго университетскаго корпуса.—Учрежденіе строительнаго комитета. — Выполненіе плана намѣченныхъ работъ.—Сооруженіе университетской церкви.—Препятствія на пути строительныхъ работъ. — Н. И. Лобачевскій, въ качествѣ члена и предсѣдателя строительнаго комитета.—Недочеты и злоупотребленія по постройкамъ.—Освидѣтельствованія произведенныхъ работъ и отчетность по нимъ.

Торжество Магницкаго.—Его отчеты по управленію университетомъ.—Тенденціозность попечителя.—Мѣры увѣковѣченія совершеннаго Магницкимъ обновленія казанскаго университета.—Неосуществившееся ожиданіе посѣщенія университета императоромъ Александромъ I.

Мы уже не разъ имѣли случаи убѣждаться въ томъ, что, производя свои эксперименты по части „обновленія" ввѣреннаго ему казанскаго университета, Магницкій вовсе не былъ расположенъ держать свои начинанія подъ спудомъ, но, напротивъ, всѣми мѣрами старался возвѣщать ихъ urbi et orbi, лелѣя честолюбивую надежду прослыть „великимъ реформаторомъ"—какъ выразился по этому поводу одинъ изъ его современниковъ.

---

* Подробности см. выше стр. 158—164.

императора барона Штифта (январь 1824 г.), русскаго посланника въ Римѣ А. Я. Италинскаго (январь 1826 г.) и австрійскаго гофъ-адвоката фонъ-Гейнтля (февраль 1826 г.) *.

Заканчивая обзоръ почетныхъ промоцій интересующей насъ эпохи, отмѣтимъ одинъ неудавшійся случай ихъ: въ сентябрѣ 1826-го года министромъ народнаго просвѣщенія „оставлено было безъ утвержденія" представленіе совѣта относительно возведенія въ званіе почетнаго члена казанскаго вице-губернатора А. Я. Жмакина, избраннаго 1-го мая 1826 года, по предложенію ректора Фукса — въ воздаяніе его „споспѣшествованія пользѣ народнаго просвѣщенія, какъ единственнаго источника для благосостоянія россійской имперіи".

Это неудачное избраніе пріурочивается, впрочемъ, уже къ самымъ послѣднимъ днямъ попечительства Магницкаго [222].

Б

Мѣры внѣшняго устроительства университета и торжество Магницкаго

Заботы Магницкаго о привлеченіи общественнаго интереса къ жизни обновленнаго имъ университета.—Торжественные университетскіе акты.—Борьба съ затрудненіями финансоваго характера.—Проектъ оброчныхъ статей для казанскаго университета.—Строительныя начинанія Магницкаго.—Ходатайства объ отпускѣ суммъ на переустройство университетскихъ зданій.—Общій планъ и смѣта строительныхъ работъ.—Проектъ устройства главнаго университетскаго корпуса.—Учрежденіе строительнаго комитета. — Выполненіе плана намѣченныхъ работъ.—Сооруженіе университетской церкви.—Препятствія на пути строительныхъ работъ. — Н. И. Лобачевскій, въ качествѣ члена и предсѣдателя строительнаго комитета.—Недочеты и злоупотребленія по постройкамъ.—Освидѣтельствованія произведенныхъ работъ и отчетность по нимъ.

Торжество Магницкаго.—Его отчеты по управленію университетомъ.—Тенденціозность попечителя.—Мѣры увѣковѣченія совершеннаго Магницкимъ обновленія казанскаго университета.—Неосуществившееся ожиданіе посѣщенія университета императоромъ Александромъ I.

Мы уже не разъ имѣли случаи убѣждаться въ томъ, что, производя свои эксперименты по части „обновленія" ввѣреннаго ему казанскаго университета, Магницкій вовсе не былъ расположенъ держать свои начинанія подъ спудомъ, но, напротивъ, всѣми мѣрами старался возвѣщать ихъ urbi et orbi, лелѣя честолюбивую надежду прослыть „великимъ реформаторомъ"—какъ выразился по этому поводу одинъ изъ его современниковъ.

---

* Подробности см. выше стр. 158—164.

Изобрѣтенныя Магницкимъ „инструкціи“ ректору и директору, составлявшіеся по его указаніямъ нелѣпые „конспекты“ преподаваній, его крестовый походъ противъ свободной науки и ея представителей—все это оставалось почти исключительно за стѣнами университета и становилось предметомъ критической оцѣнки лишь крайне ограниченнаго круга казанской интеллигенціи двадцатыхъ годовъ минувшаго столѣтія, способнаго сознательно и трезво относиться и къ истиннымъ требованіямъ науки, и къ жизненнымъ интересамъ дѣла высшаго университетскаго образованія. Отсюда одна весьма характерная черта административной дѣятельности Магницкаго: его старанія выдвинуть впередъ казовую сторону жизни университета, внѣшнимъ образомъ заинтересовать мѣстное общество въ жизни преобразованнаго имъ университета, его попытки,—и попытки, конечно, совершенно безплодныя,—нивеллировать это общество съ тѣмъ режимомъ, къ которому былъ приведенъ имъ несчастный казанскій университетъ. Къ покорнымъ услугамъ попечителя явился въ данномъ отношеніи и созданный имъ новый университетскій повременный органъ—„Казанскій Вѣстникъ“ съ „Прибавленіями“ къ нему, который съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, рекламировалъ мѣропріятія Магницкаго и силился проводить въ сознаніе публики обскурантно-фарисейскія идеи попечителя и его казанскихъ сподвижниковъ, явившись на смѣну скромнаго, но вполнѣ чистоплотнаго предшественника своего—„Казанскихъ Извѣстій“. Мы уже знаемъ, что эта публицистическая затѣя Магницкаго никакого успѣха въ обществѣ не имѣла, дѣло изданія съ каждымъ годомъ шло все хуже и хуже и въ концѣ 1824-го года самъ попечитель долженъ былъ признать, что „изданіе сего журнала кромѣ убытка и безславія ничего не приноситъ университету“ *. Не бо́льшій успѣхъ имѣла, какъ мы также уже знаемъ, и другая попытка Магницкаго установить внѣшнюю связь между казанскимъ обществомъ и университетомъ—это введеніе ежегодныхъ публичныхъ испытаній, которыя, пріурочиваясь ко дню годичнаго акта, должны были бы во-очію свидѣтельствовать передъ всѣми желающими о торжествѣ реформированной казанской университетской науки надъ разлагающими усиліями „суемудрія“ и „лжеименнаго разума“; мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, что и эта попечительская затѣя потерпѣла полнѣйшее фіаско, такъ какъ никто изъ казанскихъ

* См. выше стр. 29 и слѣд.

Изобрѣтенныя Магницкимъ „инструкціи" ректору и директору, составлявшіеся по его указаніямъ нелѣпые „конспекты" преподаваній, его крестовый походъ противъ свободной науки и ея представителей— все это оставалось почти исключительно за стѣнами университета и становилось предметомъ критической оцѣнки лишь крайне ограниченнаго круга казанской интеллигенціи двадцатыхъ годовъ минувшаго столѣтія, способнаго сознательно и трезво относиться и къ истиннымъ требованіямъ науки, и къ жизненнымъ интересамъ дѣла высшаго университетскаго образованія. Отсюда одна весьма характерная черта административной дѣятельности Магницкаго: его старанія выдвинуть впередъ казовую сторону жизни университета, внѣшнимъ образомъ заинтересовать мѣстное общество въ жизни преобразованнаго имъ университета, его попытки,—и попытки, конечно, совершенно безплодныя,—нивеллировать это общество съ тѣмъ режимомъ, къ которому былъ приведенъ имъ несчастный казанскій университетъ. Къ покорнымъ услугамъ попечителя явился въ данномъ отношеніи и созданный имъ новый университетскій повременный органъ—„Казанскій Вѣстникъ" съ „Прибавленіями" къ нему, который съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, рекламировалъ мѣропріятія Магницкаго и силился проводить въ сознаніе публики обскурантно-фарисейскія идеи попечителя и его казанскихъ сподвижниковъ, явившись на смѣну скромнаго, но вполнѣ чистоплотнаго предшественника своего—„Казанскихъ Извѣстій". Мы уже знаемъ, что эта публицистическая затѣя Магницкаго никакого успѣха въ обществѣ не имѣла, дѣло изданія съ каждымъ годомъ шло все хуже и хуже и въ концѣ 1824-го года самъ попечитель долженъ былъ признать, что „изданіе сего журнала кромѣ убытка и безславія ничего не приноситъ университету" *. Не бо̀льшій успѣхъ имѣла, какъ мы также уже знаемъ, и другая попытка Магницкаго установить внѣшнюю связь между казанскимъ обществомъ и университетомъ—это введеніе ежегодныхъ публичныхъ испытаній, которыя, пріурочиваясь ко дню годичнаго акта, должны были бы во-очію свидѣтельствовать передъ всѣми желающими о торжествѣ реформированной казанской университетской науки надъ разлагающими усиліями „суемудрія" и „лжеименнаго разума"; мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, что и эта попечительская затѣя потерпѣла полнѣйшее фіаско, такъ какъ никто изъ казанскихъ

* См. выше стр. 29 и слѣд.

обывателей на эту экзаменаціонную комедію ни разу не пожелалъ даже и заглянуть *.

Ежегодные торжественные акты, которыхъ въ годы попечительства Магницкаго бывало по два,—17-го января (годовщина „обновленія“ университета) и 5-го іюля (годовщина полнаго открытія его),—являлись другою почвою, на которой попечитель разсчитывалъ установить связь между казанскою публикою и реорганизованнымъ имъ университетомъ. Но и публичные акты мало помогали дѣлу: лица, занимавшія въ городѣ оффиціальное положеніе—посѣщали ихъ по необходимости, большая же публика совсѣмъ не являлась на эти скучнѣйшія академическія торжества, съ ихъ искусственною дѣланностью, съ ихъ шаблоннымъ ритуаломъ, съ производившеюся на нихъ раздачею въ награду книгъ священнаго писанія, съ произносившимися на нихъ, иногда даже на недоступномъ латинскомъ языкѣ, рѣчами, скорѣе напоминавшими собою проповѣди съ церковной каѳедры, нежели вразумительное слово свободной и живой науки... Разборъ Грацинскимъ пѣсни Моисея „Вонми Небо и возглаголю и пр.“, тенденціозная рѣчь Ѳедорова „О божественномъ происхожденіи монархической власти“ (актъ 5-го іюля 1821 г.), рѣчи Баженова „О необходимости чтенія книгъ св. писанія и древнихъ св. отцовъ церкви“ (актъ 5-го іюля 1823 г.) и „О дѣйствіяхъ Промысла Божія въ устроеніи царствъ земныхъ и народовъ“ (актъ 17-го января 1823 г.), Суровцова—„О духѣ церковнаго краснорѣчія по сравненію съ древнимъ языческимъ“, Миллера—„Vera philosophia religioni christiano non repugnat“ (актъ 5-го іюля 1825 г.), Мистаки—„О пользѣ греческаго языка для православія“ (актъ 17-го января 1824 г.), Фогеля—„De affinitate artis medicis cum fide christiana etc.“ (актъ 17-го января 1825 г.),—все это были, допустимъ, собесѣдованія весьма „возвышеннаго“ характера, но едва ли способныя удовлетворить умственнымъ запросамъ посѣтителей, которые пожелали бы войти подъ сѣнь мѣстнаго храма высшихъ наукъ въ одинъ изъ свѣтлыхъ дней его академическаго празднованія.

Волею-неволею приходилось прибѣгать къ болѣе реальнаго характера средствамъ привлеченія публики на торжественные университетскіе акты, начиная отъ устройства иллюминацій и транспарантныхъ картинъ,—средства, къ которому не безъ успѣха прибѣгалъ въ свое время еще „профессоръ и кавалеръ“ Яковкинъ,—и кончая облеченіемъ университетскаго швейцара въ такую необыкновенную „парадную форму“, что во всей

---

* См. томъ III, стр. 457—458.

обывателей на эту экзаменаціонную комедію ни разу не пожелалъ даже и заглянуть *.

Ежегодные торжественные акты, которыхъ въ годы попечительства Магницкаго бывало по два,—17-го января (годовщина „обновленія" университета) и 5-го іюля (годовщина полнаго открытія его),—являлись другою почвою, на которой попечитель разсчитывалъ установить связь между казанскою публикою и реорганизованнымъ имъ университетомъ. Но и публичные акты мало помогали дѣлу: лица, занимавшія въ городѣ оффиціальное положеніе—посѣщали ихъ по необходимости, большая же публика совсѣмъ не являлась на эти скучнѣйшія академическія торжества, съ ихъ искусственною дѣланностью, съ ихъ шаблоннымъ ритуаломъ, съ производившеюся на нихъ раздачею въ награду книгъ священнаго писанія, съ произносившимися на нихъ, иногда даже на недоступномъ латинскомъ языкѣ, рѣчами, скорѣе напоминавшими собою проповѣди съ церковной каѳедры, нежели вразумительное слово свободной и живой науки... Разборъ Грацинскимъ пѣсни Моисея „Вонми Небо и возглаголю и пр.", тенденціозная рѣчь Ѳедорова „О божественномъ происхожденіи монархической власти" (актъ 5-го іюля 1821 г.), рѣчи Баженова „О необходимости чтенія книгъ св. писанія и древнихъ св. отцовъ церкви" (актъ 5-го іюля 1823 г.) и „О дѣйствіяхъ Промысла Божія въ устроеніи царствъ земныхъ и народовъ" (актъ 17-го января 1823 г.), Суровцова—„О духѣ церковнаго краснорѣчія по сравненію съ древнимъ языческимъ", Миллера—„Vera philosophia religioni christiano non repugnat" (актъ 5-го іюля 1825 г.), Мистаки—„О пользѣ греческаго языка для православія" (актъ 17-го января 1824 г.), Фогеля—„De affinitate artis medicis cum fide christiana etc." (актъ 17-го января 1825 г.),—все это были, допустимъ, собесѣдованія весьма „возвышеннаго" характера, но едва ли способныя удовлетворить умственнымъ запросамъ посѣтителей, которые пожелали бы войти подъ сѣнь мѣстнаго храма высшихъ наукъ въ одинъ изъ свѣтлыхъ дней его академическаго празднованія.

Волею-неволею приходилось прибѣгать къ болѣе реальнаго характера средствамъ привлеченія публики на торжественные университетскіе акты, начиная отъ устройства иллюминацій и транспарантныхъ картинъ,—средства, къ которому не безъ успѣха прибѣгалъ въ свое время еще „профессоръ и кавалеръ" Яковкинъ,—и кончая облеченіемъ университетскаго швейцара въ такую необыкновенную „парадную форму", что во всей

* См. томъ III, стр. 457—458.

Казани не оказалось даже мастера, „который бы могъ прилично сдѣлать" ее, въ виду чего эта форма и была заказана въ Петербургѣ самимъ попечителемъ *.

Едва ли не самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для привлеченія въ университетъ посѣтителей въ дни торжественныхъ годичныхъ актовъ являлась, повидимому, приманка, къ которой не безъ успѣха прибѣгалъ, еще въ первые годы существованія казанскаго университета, опять таки тотъ же „профессоръ и кавалеръ" Яковкинъ. Это—публичные обѣды и, вообще, угощенія, предлагавшіяся въ эти дни университетомъ своимъ почетнымъ гостямъ и на почвѣ которыхъ осенью 1823-го года возникли довольно своеобразныя пререканія между попечителемъ округа и министромъ княземъ Голицынымъ. Дѣло въ томъ, что лѣтомъ 1823-го года правленіе университета выписало изъ Петербурга за 436 рублей „полный (въ 12 дюжинъ) сервизъ англинской фаянсовой посуды", мотивируя этотъ расходъ „неимѣніемъ достаточнаго количества посуды для общихъ большихъ столовъ въ торжественные дни", вслѣдствіе чего „брата была посуда изъ гостинаго двора, съ платою за то извѣстнаго числа денегъ". Узнавъ изъ донесенія попечителя объ этой крупной покупкѣ, князь Голицинъ обратилъ вниманіе на практикуемый казанскимъ университетомъ обычай „хлѣбосольства" и, предложеніемъ отъ 7-го сентября, запросилъ Магницкаго—„по какому постановленію дѣлаются таковые общіе столы; въ какіе именно праздники, для кого и какая сумма на то издерживается", на что попечитель довольно безтактно отвѣтилъ, что „общіе обѣды бываютъ въ казанскомъ университетѣ на такомъ же основаніи, какъ и въ здѣшнемъ (т. е. петербургскомъ) университетѣ, на коихъ и ваше сіятельство изволили бывать"; что „постановленія для сего—нѣтъ, но приличіе и обыкновеніе, съ давняго времени введенное, требуетъ, что бы въ торжественныя собранія университета, въ 17-й день генваря и въ іюлѣ мѣсяцѣ, угощать почетныхъ посѣтителей обѣденнымъ столомъ или завтракомъ" и что „сумма употребляется на сіе отъ экономіи студентскаго содержанія". Этотъ отвѣтъ видимо раздражилъ министра, который въ свою очередь отписалъ Магницкому, что онъ „никогда не одобрялъ обыкновенія приготовлять для посѣтителей въ университетахъ обѣденные столы", на которыхъ онъ, правда, „бывалъ, но

* Въ архивѣ университета сохранилось курьезное дѣло по перепискѣ съ попечителемъ относительно заказа этой «парадной формы», которая обошлась въ 429 рублей, причемъ булава для швейцара была заказана «художнику академіи господину надворному совѣтнику Ажи» за 80 рублей (дѣло Попечит. Канц., 1824, № 117).

Казани не оказалось даже мастера, „который бы могъ прилично сдѣлать" ее, въ виду чего эта форма и была заказана въ Петербургѣ самимъ попечителемъ *.

Едва ли не самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для привлеченія въ университетъ посѣтителей въ дни торжественныхъ годичныхъ актовъ являлась, повидимому, приманка, къ которой не безъ успѣха прибѣгалъ, еще въ первые годы существованія казанскаго университета, опять таки тотъ же „профессоръ и кавалеръ" Яковкинъ. Это—публичные обѣды и, вообще, угощенія, предлагавшіяся въ эти дни университетомъ своимъ почетнымъ гостямъ и на почвѣ которыхъ осенью 1823-го года возникли довольно своеобразныя пререканія между попечителемъ округа и министромъ княземъ Голицынымъ. Дѣло въ томъ, что лѣтомъ 1823-го года правленіе университета выписало изъ Петербурга за 436 рублей „полный (въ 12 дюжинъ) сервизъ англинской фаянсовой посуды", мотивируя этотъ расходъ „неимѣніемъ достаточнаго количества посуды для общихъ большихъ столовъ въ торжественные дни", вслѣдствіе чего „брата была посуда изъ гостинаго двора, съ платою за то извѣстнаго числа денегъ". Узнавъ изъ донесенія попечителя объ этой крупной покупкѣ, князь Голицинъ обратилъ вниманіе на практикуемый казанскимъ университетомъ обычай „хлѣбосольства" и, предложеніемъ отъ 7-го сентября, запросилъ Магницкаго—„по какому постановленію дѣлаются таковые общіе столы; въ какіе именно праздники, для кого и какая сумма на то издерживается", на что попечитель довольно безтактно отвѣтилъ, что „общіе обѣды бываютъ въ казанскомъ университетѣ на такомъ же основаніи, какъ и въ здѣшнемъ (т. е. петербургскомъ) университетѣ, на коихъ и ваше сіятельство изволили бывать"; что „постановленія для сего—нѣтъ, но приличіе и обыкновеніе, съ давняго времени введенное, требуетъ, что бы въ торжественныя собранія университета, въ 17-й день генваря и въ іюлѣ мѣсяцѣ, угощать почетныхъ посѣтителей обѣденнымъ столомъ или завтракомъ" и что „сумма употребляется на сіе отъ экономіи студентскаго содержанія". Этотъ отвѣтъ видимо раздражилъ министра, который въ свою очередь отписалъ Магницкому, что онъ „никогда не одобрялъ обыкновенія приготовлять для посѣтителей въ университетахъ обѣденные столы", на которыхъ онъ, правда, „бывалъ, но

* Въ архивѣ университета сохранилось курьезное дѣло по перепискѣ съ попечителемъ относительно заказа этой «парадной формы», которая обошлась въ 429 рублей, причемъ булава для швейцара была заказана «художнику академіи господину надворному совѣтнику Ажи» за 80 рублей (дѣло Попечит. Канц., 1824, № 117).

ихъ не вкушалъ, а при нынѣшней надобности, какую имѣютъ университеты наши въ деньгахъ, приготовленіе подобныхъ столовъ должно быть уже послѣднею потребностью", въ виду чего кн. Голицинъ выразилъ пожеланіе, „что бы обѣденныхъ столовъ никогда дѣлаемо не было, развѣ только самые умѣренные завтраки, ежели уже безъ того, по введенному обыкновенію, обойтись нельзя будетъ" [223].

Только что приведенная нами ссылка князя А. Н. Голицина на „нынѣшнюю надобность" университетовъ, а въ числѣ ихъ и казанскаго, „въ деньгахъ"—не была простою начальническою отпискою, но явилась лишь реальнымъ отраженіемъ того печальнаго бюджетнаго положенія русскаго просвѣтительнаго дѣла, при которомъ зарождалась наша высшая школа, подъ тормозящимъ гнетомъ котораго совершалось и ея послѣдующее развитіе. Обращаясь, въ частности, къ казанскому университету, мы убѣждаемся въ томъ, что финансовая жизнь его на протяженіи всего перваго столѣтія существованія слагается, въ сущности, изъ ряда нуждъ и пожеланій самаго существеннаго характера, изъ длиннаго ряда ходатайствъ, во многихъ случаяхъ отклонявшихся высшими правящими сферами, въ огромномъ же большинствѣ случаевъ удовлетворявшихся лишь болѣе или менѣе частичнымъ образомъ. Такъ обстояло дѣло въ первые годы жизни казанскаго университета, такъ обстояло оно и на позднѣйшихъ стадіяхъ его существованія. Особенно интенсивно обнаружились матеріальныя нужды университета слѣдомъ за полнымъ его открытіемъ въ 1814-мъ году, выдвинувшимъ впередъ рядъ неотложныхъ нуждъ и хозяйственнаго и учебнаго характера. Мы уже хорошо знаемъ теперь, что вся начальная исторія учебно-вспомогательныхъ учрежденій казанскаго университета, напримѣръ, отмѣчена неустанною и, порою, безплодною борьбою съ препятствіями и тормозами матеріальнаго свойства; такъ же точно, уже съ первыхъ дней жизни университета, обстояло дѣло и съ полною недостаточностью и непригодностью его помѣщеній. Если первый попечитель университета, покладистый и покойный старецъ Румовскій, и не рѣшался слишкомъ энергично утруждать правительственныя сферы представленіями относительно матеріальныхъ нуждъ ввѣреннаго ему новаго высшаго храма наукъ, то иначе отнесся къ этому дѣлу его преемникъ Салтыковъ и мы въ своемъ мѣстѣ уже говорили какъ о тѣхъ усиліяхъ, какія приложены были имъ въ этомъ направленіи въ 1816-мъ году, во время пребыванія въ Петербургѣ, такъ и о горькихъ разочарованіяхъ, постигшихъ его на этой почвѣ: „Намъ нечего надѣяться на условія, благопріятныя для преуспѣванія нашего университета; все погибло и не остается болѣе никакой

ихъ не вкушалъ, а при нынѣшней надобности, какую имѣютъ университеты наши въ деньгахъ, приготовленіе подобныхъ столовъ должно быть уже послѣднею потребностью", въ виду чего кн. Голицинъ выразилъ пожеланіе, „что бы обѣденныхъ столовъ никогда дѣлаемо не было, развѣ только самые умѣренные завтраки, ежели уже безъ того, по введенному обыкновенію, обойтись нельзя будетъ" *[223].

Только что приведенная нами ссылка князя А. Н. Голицина на „нынѣшнюю надобность" университетовъ, а въ числѣ ихъ и казанскаго, „въ деньгахъ"—не была простою начальническою отпискою, но явилась лишь реальнымъ отраженіемъ того печальнаго бюджетнаго положенія русскаго просвѣтительнаго дѣла, при которомъ зарождалась наша высшая школа, подъ тормозящимъ гнетомъ котораго совершалось и ея послѣдующее развитіе. Обращаясь, въ частности, къ казанскому университету, мы убѣждаемся въ томъ, что финансовая жизнь его на протяженіи всего перваго столѣтія существованія слагается, въ сущности, изъ ряда нуждъ и пожеланій самаго существеннаго характера, изъ длиннаго ряда ходатайствъ, во многихъ случаяхъ отклонявшихся высшими правящими сферами, въ огромномъ же большинствѣ случаевъ удовлетворявшихся лишь болѣе или менѣе частичнымъ образомъ. Такъ обстояло дѣло въ первые годы жизни казанскаго университета, такъ обстояло оно и на позднѣйшихъ стадіяхъ его существованія. Особенно интенсивно обнаружились матеріальныя нужды университета слѣдомъ за полнымъ его открытіемъ въ 1814-мъ году, выдвинувшимъ впередъ рядъ неотложныхъ нуждъ и хозяйственнаго и учебнаго характера. Мы уже хорошо знаемъ теперь, что вся начальная исторія учебно-вспомогательныхъ учрежденій казанскаго университета, напримѣръ, отмѣчена неустанною и, порою, безплодною борьбою съ препятствіями и тормозами матеріальнаго свойства; такъ же точно, уже съ первыхъ дней жизни университета, обстояло дѣло и съ полною недостаточностью и непригодностью его помѣщеній. Если первый попечитель университета, покладистый и покойный старецъ Румовскій, и не рѣшался слишкомъ энергично утруждать правительственныя сферы представленіями относительно матеріальныхъ нуждъ ввѣреннаго ему новаго высшаго храма наукъ, то иначе отнесся къ этому дѣлу его преемникъ Салтыковъ и мы въ своемъ мѣстѣ уже говорили какъ о тѣхъ усиліяхъ, какія приложены были имъ въ этомъ направленіи въ 1816-мъ году, во время пребыванія въ Петербургѣ, такъ и о горькихъ разочарованіяхъ, постигшихъ его на этой почвѣ: „Намъ нечего надѣяться на условія, благопріятныя для преуспѣванія нашего университета; все погибло и не остается болѣе никакой

надежды на помощь въ дѣлѣ созданія благоустройства университета",— отписывалъ изъ столицы въ Казань обезнадеженный въ своихъ представленіяхъ попечитель. Финансовыя затрудненія, въ значительной степени обусловленныя рядомъ предшествовавшихъ наполеоновскихъ войнъ, доходили въ ту пору до того, что по всѣмъ вѣдомствамъ предписывалась экономія въ предѣлахъ даже штатныхъ назначеній, а казанскому университету рекомендовалось въ тѣхъ же цѣляхъ „до времени ограничиваться числомъ профессоровъ, нынѣ въ ономъ находящимся", замѣщая ординатуры профессорами экстраординарными и адъюнктами *.

Борьба съ недочетами и затрудненіями въ области матеріальныхъ средствъ университета выпала на долю и преемника Салтыкова—Магницкаго, тѣмъ болѣе, что старые университетскіе штаты 1804-го года съ каждымъ годомъ становились все болѣе и болѣе въ разрѣзъ съ расширяющимися, а въ значительной мѣрѣ и вновь нарождающимися, потребностями университета, новый же попечитель задавался въ этомъ направленіи весьма широкими, порою даже фантастическими, планами. И надо воздать Магницкому справедливость въ томъ отношеніи, что онъ крайне энергично отстаивалъ въ Петербургѣ матеріальные интересы ввѣреннаго ему университета, въ чемъ мы могли убѣдиться уже изъ историческаго обзора положенія при немъ университетскихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, для которыхъ Магницкимъ сдѣлано было такъ много, что нѣкоторыя изъ нихъ только съ эпохи его попечительства могутъ считать свое сколько нибудь серьезное существованіе.

Интересный конфликтъ Магницкаго съ министерствомъ, на почвѣ именно матеріальныхъ нуждъ университета, возникъ въ концѣ лѣта 1822-го года, вслѣдствіе предложенія министра отъ 7-го августа, въ которомъ князь Голицинъ сообщалъ попечителю, что, въ силу высочайше утвержденнаго журнала комитета финансовъ—„на предполагаемые въ будущемъ 1823-мъ году по всѣмъ частямъ государственнаго управленія расходы назначены извѣстныя суммы съ значительнымъ противъ расходовъ текущаго года уменьшеніемъ" и что, въ частности, изъ 134-хъ тысячъ рублей, ежегодно отпускаемыхъ на казанскій университетъ, министерство предполагаетъ отсрочить на годъ или на два года 20 тысячъ рублей. Магницкій принялъ весьма близко къ сердцу это извѣстіе и, донося министру, что, „повинуясь распоряженію высшей власти", онъ „предпишетъ, кому слѣдуетъ, о разложеніи сей важной потери, сколько можно, урав-

* См. томъ II, стр. 142—151.

надежды на помощь въ дѣлѣ созданія благоустройства университета",— отписывалъ изъ столицы въ Казань обезнадеженный въ своихъ представленіяхъ попечитель. Финансовыя затрудненія, въ значительной степени обусловленныя рядомъ предшествовавшихъ наполеоновскихъ войнъ, доходили въ ту пору до того, что по всѣмъ вѣдомствамъ предписывалась экономія въ предѣлахъ даже штатныхъ назначеній, а казанскому университету рекомендовалось въ тѣхъ же цѣляхъ „до времени ограничиваться числомъ профессоровъ, нынѣ въ ономъ находящимся", замѣщая ординатуры профессорами экстраординарными и адъюнктами *.

Борьба съ недочетами и затрудненіями въ области матеріальныхъ средствъ университета выпала на долю и преемника Салтыкова—Магницкаго, тѣмъ болѣе, что старые университетскіе штаты 1804-го года съ каждымъ годомъ становились все болѣе и болѣе въ разрѣзъ съ расширяющимися, а въ значительной мѣрѣ и вновь нарождающимися, потребностями университета, новый же попечитель задавался въ этомъ направленіи весьма широкими, порою даже фантастическими, планами. И надо воздать Магницкому справедливость въ томъ отношеніи, что онъ крайне энергично отстаивалъ въ Петербургѣ матеріальные интересы ввѣреннаго ему университета, въ чемъ мы могли убѣдиться уже изъ историческаго обзора положенія при немъ университетскихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, для которыхъ Магницкимъ сдѣлано было такъ много, что нѣкоторыя изъ нихъ только съ эпохи его попечительства могутъ считать свое сколько нибудь серьезное существованіе.

Интересный конфликтъ Магницкаго съ министерствомъ, на почвѣ именно матеріальныхъ нуждъ университета, возникъ въ концѣ лѣта 1822-го года, вслѣдствіе предложенія министра отъ 7-го августа, въ которомъ князь Голицинъ сообщалъ попечителю, что, въ силу высочайше утвержденнаго журнала комитета финансовъ—„на предполагаемые въ будущемъ 1823-мъ году по всѣмъ частямъ государственнаго управленія расходы назначены извѣстныя суммы съ значительнымъ противъ расходовъ текущаго года уменьшеніемъ" и что, въ частности, изъ 134-хъ тысячъ рублей, ежегодно отпускаемыхъ на казанскій университетъ, министерство предполагаетъ отсрочить на годъ или на два года 20 тысячъ рублей. Магницкій принялъ весьма близко къ сердцу это извѣстіе и, донося министру, что, „повинуясь распоряженію высшей власти", онъ „предпишетъ, кому слѣдуетъ, о разложеніи сей важной потери, сколько можно, урав-

* См. томъ II, стр. 142—151.

нительнѣйшимъ образомъ", 12-го августа обратился, тѣмъ не менѣе, къ Голицину съ слѣдующими словами протеста:

„Всѣ представленія мои о крайнемъ недостаткѣ и бѣдственномъ положеніи ввѣреннаго мнѣ университета служатъ непреложнымъ доказательствомъ, что я никакъ не могу найти, безъ крайняго вреда университету, никакой возможности уменьшить изъ недостаточнаго оклада 134-хъ тысячъ рублей шестой почти части, то есть 20 тысячъ рублей...

Ваше сіятельство припомнить изволите, что я принялъ въ управленіе свое развалины,—смѣло скажу,—казанскаго университета въ физическомъ и нравственномъ смыслѣ, въ надеждѣ на отличное благоволеніе ваше, милостивый государь, къ сему упадавшему заведенію и на то обѣщаніе, которое удостоился слышать отъ его императорскаго величества объ особенномъ покровительствѣ казанскому университету, ежели можетъ онъ быть сохраненъ хотя въ видѣ одного факультета.

Неусыпные труды, въ теченіи трехъ лѣтъ, подчиненныхъ мнѣ сословій университета произвели плоды, превышающіе всякое ожиданіе. Многіе награждены,—но самый университетъ не токмо ничѣмъ въ способахъ своихъ не усиленъ, но даже и не сравненъ въ оныхъ съ другими. Не токмо штаты не распространены, но даже многіе изъ штатныхъ предметовъ отнесены на суммы хозяйственныя, между тѣмъ какъ суммы сіи нужны на дополненіе библіотеки, на покупку кабинета физическихъ орудій, на приличное устройство обсерваторіи, ибо безъ сихъ существенныхъ средствъ учености—что можетъ университетъ? Безъ избыточныхъ штатовъ—гдѣ могу я взять нужныхъ преподавателей и другихъ чиновниковъ для нравственнаго и полицейскаго надзора? Безъ людей—что могу я сдѣлать для благоустройства ввѣренныхъ мнѣ заведеній въ округѣ, изъ 16-ти губерній составленномъ?

И такъ, долгъ мой есть заявить предъ вашимъ сіятельствомъ вредъ, необходимо произойти долженствующій, и просить дозволенія представить мои виды къ его отвращенію, ибо, иначе, едва возникающій университетъ не только въ ходу своемъ остановится, но и въ совершенный долженъ будетъ прійти упадокъ".

„Виды", о которыхъ заявлялъ Магницкій министру, заключались въ исходатайствованіи разрѣшенія на отчисленіе изъ остатковъ суммъ университета, для возмѣщенія сверхштатныхъ расходовъ, ежегодной суммы до 15-ти тысячъ рублей, но сдѣланное въ этомъ смыслѣ представленіе попечителя было министромъ отклонено [324].

нительнѣйшимъ образомъ", 12-го августа обратился, тѣмъ не менѣе, къ Голицину съ слѣдующими словами протеста:

„Всѣ представленія мои о крайнемъ недостаткѣ и бѣдственномъ положеніи ввѣреннаго мнѣ университета служатъ непреложнымъ доказательствомъ, что я никакъ не могу найти, безъ крайняго вреда университету, никакой возможности уменьшить изъ недостаточнаго оклада 134-хъ тысячъ рублей шестой почти части, то есть 20 тысячъ рублей...

Ваше сіятельство припомнить изволите, что я принялъ въ управленіе свое развалины,—смѣло скажу,—казанскаго университета въ физическомъ и нравственномъ смыслѣ, въ надеждѣ на отличное благоволеніе ваше, милостивый государь, къ сему упадавшему заведенію и на то обѣщаніе, которое удостоился слышать отъ его императорскаго величества объ особенномъ покровительствѣ казанскому университету, ежели можетъ онъ быть сохраненъ хотя въ видѣ одного факультета.

Неусыпные труды, въ теченіи трехъ лѣтъ, подчиненныхъ мнѣ сословій университета произвели плоды, превышающіе всякое ожиданіе. Многіе награждены,—но самый университетъ не токмо ничѣмъ въ способахъ своихъ не усиленъ, но даже и не сравненъ въ оныхъ съ другими. Не токмо штаты не распространены, но даже многіе изъ штатныхъ предметовъ отнесены на суммы хозяйственныя, между тѣмъ какъ суммы сіи нужны на дополненіе библіотеки, на покупку кабинета физическихъ орудій, на приличное устройство обсерваторіи, ибо безъ сихъ существенныхъ средствъ учености—что можетъ университетъ? Безъ избыточныхъ штатовъ—гдѣ могу я взять нужныхъ преподавателей и другихъ чиновниковъ для нравственнаго и полицейскаго надзора? Безъ людей—что могу я сдѣлать для благоустройства ввѣренныхъ мнѣ заведеній въ округѣ, изъ 16-ти губерній составленномъ?

И такъ, долгъ мой есть заявить предъ вашимъ сіятельствомъ вредъ, необходимо произойти долженствующій, и просить дозволенія представить мои виды къ его отвращенію, ибо, иначе, едва возникающій университетъ не только въ ходу своемъ остановится, но и въ совершенный долженъ будетъ прійти упадокъ".

„Виды", о которыхъ заявлялъ Магницкій министру, заключались въ исходатайствованіи разрѣшенія на отчисленіе изъ остатковъ суммъ университета, для возмѣщенія сверхштатныхъ расходовъ, ежегодной суммы до 15-ти тысячъ рублей, но сдѣланное въ этомъ смыслѣ представленіе попечителя было министромъ отклонено [324].

Полная контрастовъ личность казанскаго попечителя, съ непонятною легкостью и быстротою способная переноситься отъ предначертаній совершенно серьезныхъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, пожалуй даже, симпатичныхъ—къ чудовищнымъ эксцессамъ изувѣрства и мракобѣсія, отъ мыслей вполнѣ дѣльныхъ—къ неудержимымъ проявленіямъ фантазерства, дала себя знать и въ его отношеніяхъ къ матеріальной сторонѣ жизни казанскаго университета. Это проявилось въ особенно рельефной формѣ въ возбудившемъ въ свое время не мало шума и толковъ проектѣ Магницкаго относительно дарованія казанскому университету оброчныхъ статей, которыми онъ предлагалъ замѣнить штатный бюджетъ университетскихъ доходовъ.

Вопросъ о предоставленіи университету оброчныхъ статей, разросшійся въ цѣлое и обширное канцелярское дѣло, возникъ на почвѣ попечительскаго представленія министру отъ 30-го марта 1823 года, въ которомъ Магницкій, ставя князю Голицыну на видъ, что вступившій „въ новое бытіе и простирающій свое вліяніе на треть имперіи" казанскій университетъ „угрожается паденіемъ отъ недостатка въ способахъ содержанія" въ то самое время, какъ „кругъ дѣйствій и нуждъ его расширяется" — констатируетъ фактъ, что возрожденный университетъ казанскій „въ способахъ содержанія далеко оставленъ назади передъ другими университетами". Сознавая „неблаговременность" ходатайства о новомъ штатѣ для ввѣреннаго ему университета, Магницкій выступаетъ передъ министромъ съ крайне своеобразнымъ проектомъ предоставленія ему оброчныхъ статей, называемымъ имъ „послѣднимъ средствомъ къ удержанію казанскаго университета отъ совершеннаго упадка, которому,—заявляетъ попечитель,—я, долженъ признаться, свидѣтелемъ быть не желаю". Сущность новаго проекта своего Магницкій излагаетъ князю Голицыну въ формѣ слѣдующихъ аргументацій:

„Извѣстно, что никакое общество не можетъ стоять твердо безъ собственности недвижимой, ибо всякій доходъ штатный подверженъ, ежели онъ положенъ серебромъ—уменьшенію отъ нуждъ государственныхъ, отъ разстройства финансовъ, отъ случаевъ непредвидимыхъ, какъ то война и пр., а ежели онъ положенъ бумажною монетою (sic)—отъ упадка курса. И такъ, одна собственность, всегда возвышающаяся въ цѣнѣ и произведеніяхъ своихъ въ соразмѣрности съ упадкомъ курса—есть твердое основаніе общественныхъ заведеній.

Особеннаго рода собственность казенная во всѣхъ губерніяхъ нашихъ суть—казенныя оброчныя статьи. Оффиціальныя представле-

Полная контрастовъ личность казанскаго попечителя, съ непонятною легкостью и быстротою способная переноситься отъ предначертаній совершенно серьезныхъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, пожалуй даже, симпатичныхъ—къ чудовищнымъ эксцессамъ изувѣрства и мракобѣсія, отъ мыслей вполнѣ дѣльныхъ—къ неудержимымъ проявленіямъ фантазерства, дала себя знать и въ его отношеніяхъ къ матеріальной сторонѣ жизни казанскаго университета. Это проявилось въ особенно рельефной формѣ въ возбудившемъ въ свое время не мало шума и толковъ проектѣ Магницкаго относительно дарованія казанскому университету оброчныхъ статей, которыми онъ предлагалъ замѣнить штатный бюджетъ университетскихъ доходовъ.

Вопросъ о предоставленіи университету оброчныхъ статей, разросшійся въ цѣлое и обширное канцелярское дѣло, возникъ на почвѣ попечительскаго представленія министру отъ 30-го марта 1823 года, въ которомъ Магницкій, ставя князю Голицину на видъ, что вступившій „въ новое бытіе и простирающій свое вліяніе на треть имперіи" казанскій университетъ „угрожается паденіемъ отъ недостатка въ способахъ содержанія" въ то самое время, какъ „кругъ дѣйствій и нуждъ его расширяется" — констатируетъ фактъ, что возрожденный университетъ казанскій „въ способахъ содержанія далеко оставленъ назади передъ другими университетами". Сознавая „неблаговременность" ходатайства о новомъ штатѣ для ввѣреннаго ему университета, Магницкій выступаетъ передъ министромъ съ крайне своеобразнымъ проектомъ предоставленія ему оброчныхъ статей, называемымъ имъ „послѣднимъ средствомъ къ удержанію казанскаго университета отъ совершеннаго упадка, которому,—заявляетъ попечитель,—я, долженъ признаться, свидѣтелемъ быть не желаю". Сущность новаго проекта своего Магницкій излагаетъ князю Голицину въ формѣ слѣдующихъ аргументацій:

„Извѣстно, что никакое общество не можетъ стоять твердо безъ собственности недвижимой, ибо всякій доходъ штатный подверженъ, ежели онъ положенъ серебромъ—уменьшенію отъ нуждъ государственныхъ, отъ разстройства финансовъ, отъ случаевъ непредвидимыхъ, какъ то война и пр., а ежели онъ положенъ бумажною монетою (sic)—отъ упадка курса. И такъ, одна собственность, всегда возвышающаяся въ цѣнѣ и произведеніяхъ своихъ въ соразмѣрности съ упадкомъ курса—есть твердое основаніе общественныхъ заведеній.

Особеннаго рода собственность казенная во всѣхъ губерніяхъ нашихъ суть—казенныя оброчныя статьи. Оффиціальныя представле-

нія мои по мѣсту вице-губернатора въ Воронежѣ, губернатора—въ Симбирскѣ, утвержденныя министерствомъ, доказываютъ, что оброчныя статьи могутъ быть въ цѣнѣ ихъ не только всегда вдвое, но иногда и въ четверо возвышены, но что въ равнодушномъ управленіи ими мѣстнаго начальства сего рода возвышенія не бываютъ. И такъ, ежели бы угодно было вмѣсто штатной суммы, на казанскій университетъ отпускаемой, дать ему на выборъ въ губерніяхъ его округа въ собственность такія оброчныя статьи, коихъ доходъ равняется настоящей штатной его суммѣ, то изъ сего произошли бы слѣдующія важныя и полезныя послѣдствія:

1. Университетъ, безъ всякаго сомнѣнія, удвоилъ бы доходы свои, не имѣлъ бы нужды въ прибавкѣ къ штату и пришелъ бы въ цвѣтущее состояніе.

2. Правительство обезпечило бы важную часть народнаго просвѣщенія, не выдавая изъ доходовъ своихъ ничего лишняго противъ нынѣшняго оклада и на счетъ суммъ, мимо рукъ его расточающихся.

3. Статьи оброчныя пришли бы прямо къ поселянамъ, до коихъ нынѣ, чрезъ разныя передачи, онѣ не доходятъ".

Магницкій заканчиваетъ свое представленіе внушеніемъ министру, что „ваше сіятельство исходатайствованіемъ сей милости казанскому университету не только вѣчное благодѣяніе окажете сему живому памятнику вашего управленія, но и казнѣ не малую выгоду доставите, ежели опытъ Казани и на другія мѣста со временемъ распространится". Проектъ казанскаго попечителя встрѣтилъ совершенно серьезное отношеніе къ себѣ со стороны князя Голицина, который 29-го мая далъ знать Магницкому, что онъ докладывалъ его предположенія государю императору; что „его величество высочайше повелѣть соизволилъ сообщить г. министру финансовъ, дабы онъ назначилъ отъ себя лицо для совокупнаго съ вами (т. е. съ Магницкимъ) разсмотрѣнія сего предмета" и что такимъ представителемъ отъ финансоваго вѣдомства назначенъ д. с. с. графъ Апраксинъ.

Между тѣмъ Магницкій, не дождавшись только что изложеннаго министерскаго отвѣта на свое представленіе, принялъ мѣры къ выясненію наличности находящихся въ округѣ казенныхъ оброчныхъ статей и съ этою цѣлью 17-го апрѣля обратился ко всѣмъ директорамъ училищъ казанскаго учебнаго округа съ циркулярнымъ предложеніемъ, которымъ поручалъ имъ собрать въ возможно непродолжительномъ времени свѣдѣнія о находящихся въ ихъ губерніяхъ „лучшихъ казенныхъ оброчныхъ статьяхъ", съ указаніемъ ихъ доходности, но съ тѣмъ, однако, условіемъ, что бы собираніе требуемыхъ свѣдѣній совершалось безъ огласки и пу-

нія мои по мѣсту вице-губернатора въ Воронежѣ, губернатора—въ Симбирскѣ, утвержденныя министерствомъ, доказываютъ, что оброчныя статьи могутъ быть въ цѣнѣ ихъ не только всегда вдвое, но иногда и въ четверо возвышены, но что въ равнодушномъ управленіи ими мѣстнаго начальства сего рода возвышенія не бываютъ. Итакъ, ежели бы угодно было вмѣсто штатной суммы, на казанскій университетъ отпускаемой, дать ему на выборъ въ губерніяхъ его округа въ собственность такія оброчныя статьи, коихъ доходъ равняется настоящей штатной его суммѣ, то изъ сего произошли бы слѣдующія важныя и полезныя послѣдствія:

1. Университетъ, безъ всякаго сомнѣнія, удвоилъ бы доходы свои, не имѣлъ бы нужды въ прибавкѣ къ штату и пришелъ бы въ цвѣтущее состояніе.

2. Правительство обезпечило бы важную часть народнаго просвѣщенія, не выдавая изъ доходовъ своихъ ничего лишняго противъ нынѣшняго оклада и на счетъ суммъ, мимо рукъ его расточающихся.

3. Статьи оброчныя пришли бы прямо къ поселянамъ, до коихъ нынѣ, чрезъ разныя передачи, онѣ не доходятъ".

Магницкій заканчиваетъ свое представленіе внушеніемъ министру, что „ваше сіятельство исходатайствованіемъ сей милости казанскому университету не только вѣчное благодѣяніе окажете сему живому памятнику вашего управленія, но и казнѣ не малую выгоду доставите, ежели опытъ Казани и на другія мѣста со временемъ распространится". Проектъ казанскаго попечителя встрѣтилъ совершенно серьезное отношеніе къ себѣ со стороны князя Голицина, который 29-го мая далъ знать Магницкому, что онъ докладывалъ его предположенія государю императору; что „его величество высочайше повелѣть соизволилъ сообщить г. министру финансовъ, дабы онъ назначилъ отъ себя лицо для совокупнаго съ вами (т. е. съ Магницкимъ) разсмотрѣнія сего предмета" и что такимъ представителемъ отъ финансоваго вѣдомства назначенъ д. с. с. графъ Апраксинъ.

Между тѣмъ Магницкій, не дождавшись только что изложеннаго министерскаго отвѣта на свое представленіе, принялъ мѣры къ выясненію наличности находящихся въ округѣ казенныхъ оброчныхъ статей и съ этою цѣлью 17-го апрѣля обратился ко всѣмъ директорамъ училищъ казанскаго учебнаго округа съ циркулярнымъ предложеніемъ, которымъ поручалъ имъ собрать въ возможно непродолжительномъ времени свѣдѣнія о находящихся въ ихъ губерніяхъ „лучшихъ казенныхъ оброчныхъ статьяхъ", съ указаніемъ ихъ доходности, но съ тѣмъ, однако, условіемъ, что бы собираніе требуемыхъ свѣдѣній совершалось безъ огласки и пу-

темъ „приватнымъ“. Директора училищъ не замедлили, конечно, выполнить волю своего принципала и архивное „дѣло объ оброчныхъ для университета статьяхъ“ пополнилось цѣлымъ рядомъ донесеній ихъ, съ приложеніемъ подробныхъ списковъ имѣющихся по губерніямъ округа казенныхъ оброчныхъ статей.

Совмѣстныя работы Магницкаго и графа Апраксина двинулись впередъ настолько успѣшно, что попечитель уже 23-го іюля могъ донести министру, что въ качествѣ оброчныхъ статей для казанскаго университета имъ избраны астраханскія рыбныя ловли и всѣ рыбныя ловли и мельницы казанской губерніи, съ просьбою о скорѣйшей отдачѣ этихъ статей университету, въ видахъ необходимости „въ текущемъ же году распорядиться вступленіемъ въ хозяйственное управленіе оныхъ“. Дѣло не оказалось, однако, столь простымъ, какъ, повидимому, предполагалъ это казанскій попечитель: возбужденный имъ вопросъ переданъ былъ на заключеніе комитета министровъ, который высказался за отклоненіе ходатайства Магницкаго, на что воспослѣдовало высочайшее соизволеніе, 8-го января 1824 года и объявленное попечителю казанскаго учебнаго округа [225].

Весьма фантастическими представляются, конечно, маниловскія мечтанія Магницкаго относительно дарованія университету оброчныхъ статей, тѣмъ не менѣе эти мечтанія, наряду съ его горячими протестами противъ урѣзанія университетской смѣты и стараніями объ экстренныхъ,—а ихъ было, какъ мы знаемъ, въ тѣ годы не мало,—ассигнованіяхъ на развитіе учебно-вспомогательныхъ учрежденій, несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствуютъ намъ въ пользу настойчивой заботливости Магницкаго о матеріальномъ благосостояніи казанскаго университета. Но и здѣсь сказалась полная часто непримиримыхъ противорѣчій психическая загадочность натуры казанскаго попечителя, такъ какъ только что отмѣченная положительная черта плохо уживается съ легкомысленнымъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ переходящимъ въ злоупотребленіе, отношеніемъ того же Магницкаго къ денежнымъ средствамъ университета, которое вполнѣ выяснилось ревизіею Желтухина, сдѣлавшись предметомъ формальнаго слѣдствія и суда и рѣчь относительно котораго предстоитъ намъ въ своемъ мѣстѣ. Объ этой отрицательной чертѣ дѣятельности Магницкаго говоритъ и И. И. Лажечниковъ, намекающій въ своихъ воспоминаніяхъ, что Магницкій, какъ и чиновникъ, бывшій его правою рукою (дѣлопроизводитель Часовниковъ), являлся не вполнѣ чистымъ на руку [226]...

темъ „приватнымъ“. Директора училищъ не замедлили, конечно, выполнить волю своего принципала и архивное „дѣло объ оброчныхъ для университета статьяхъ“ пополнилось цѣлымъ рядомъ донесеній ихъ, съ приложеніемъ подробныхъ списковъ имѣющихся по губерніямъ округа казенныхъ оброчныхъ статей.

Совмѣстныя работы Магницкаго и графа Апраксина двинулись впередъ настолько успѣшно, что попечитель уже 23-го іюля могъ донести министру, что въ качествѣ оброчныхъ статей для казанскаго университета имъ избраны астраханскія рыбныя ловли и всѣ рыбныя ловли и мельницы казанской губерніи, съ просьбою о скорѣйшей отдачѣ этихъ статей университету, въ видахъ необходимости „въ текущемъ же году распорядиться вступленіемъ въ хозяйственное управленіе оныхъ“. Дѣло не оказалось, однако, столь простымъ, какъ, повидимому, предполагалъ это казанскій попечитель: возбужденный имъ вопросъ переданъ былъ на заключеніе комитета министровъ, который высказался за отклоненіе ходатайства Магницкаго, на что воспослѣдовало высочайшее соизволеніе, 8-го января 1824 года и объявленное попечителю казанскаго учебнаго округа [225].

Весьма фантастическими представляются, конечно, маниловскія мечтанія Магницкаго относительно дарованія университету оброчныхъ статей, тѣмъ не менѣе эти мечтанія, наряду съ его горячими протестами противъ урѣзанія университетской смѣты и стараніями объ экстренныхъ,—а ихъ было, какъ мы знаемъ, въ тѣ годы не мало,—ассигнованіяхъ на развитіе учебно-вспомогательныхъ учрежденій, несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствуютъ намъ въ пользу настойчивой заботливости Магницкаго о матеріальномъ благосостояніи казанскаго университета. Но и здѣсь сказалась полная часто непримиримыхъ противорѣчій психическая загадочность натуры казанскаго попечителя, такъ какъ только что отмѣченная положительная черта плохо уживается съ легкомысленнымъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ переходящимъ въ злоупотребленіе, отношеніемъ того же Магницкаго къ денежнымъ средствамъ университета, которое вполнѣ выяснилось ревизіею Желтухина, сдѣлавшись предметомъ формальнаго слѣдствія и суда и рѣчь относительно котораго предстоитъ намъ въ своемъ мѣстѣ. Объ этой отрицательной чертѣ дѣятельности Магницкаго говоритъ и И. И. Лажечниковъ, намекающій въ своихъ воспоминаніяхъ, что Магницкій, какъ и чиновникъ, бывшій его правою рукою (дѣлопроизводитель Часовниковъ), являлся не вполнѣ чистымъ на руку [226]...

Попеченія Магницкаго, направленныя къ перестройкамъ и приведенію въ порядокъ университетскихъ зданій—представляютъ собою, безспорно, самую крупную черту его дѣятельности на пользу внѣшняго устроительства университета. При Магницкомъ казанскій университетъ пріобрѣлъ тотъ передній фасадъ своихъ главныхъ, расположенныхъ по линіи Воскресенской улицы, зданій, который почти въ неизмѣненномъ видѣ сохранился и до настоящихъ дней. Эта то сторона дѣятельности Магницкаго и послужитъ предметомъ нашего ближайшаго повѣствованія.

Начальная исторія зданій казанскаго университета намъ уже знакома; извѣстно намъ и то, что соединеніе въ одинъ корпусъ двухъ главныхъ изъ этихъ зданій,—домовъ „гимназическаго" и „тенишевскаго" или „губернаторскаго",—возбужденъ былъ первымъ попечителемъ С. Я. Румовскимъ уже въ первый годъ существованія университета. Будучи въ основныхъ чертахъ своихъ выработанъ еще тогда, этотъ проектъ встрѣтилъ серьезныя, коренившіяся въ политическихъ условіяхъ той эпохи, препятствія финансоваго характера и оставался на бумагѣ до начала первой половины двадцатыхъ годовъ истекшаго столѣтія. Не болѣе благопріятною оказалась для дѣла университетскаго строительства и эпоха М. А. Салтыкова, которому только въ концѣ 1816-го года удалось, и то путемъ продолжительныхъ и настойчивыхъ ходатайствъ, добиться ассигнованія внѣсмѣтной суммы въ 35,000 рублей для частичныхъ поправокъ и передѣлокъ въ уже существовавшихъ университетскихъ зданіяхъ *. Магницкій еще во время своей ревизіи 1819-го года обратилъ вниманіе на неудовлетворительное состояніе зданій казанскаго университета и выступилъ на этой почвѣ съ жестокими и тенденціозными обвиненіями по адресу самого университета, заявивъ въ своемъ отчетѣ министру, что даже тѣ 35 тысячъ рублей, которыя отпущены были въ 1816-мъ году на поправки университетскихъ зданій — „употреблены были незнающими архитекторами на починки наименѣе нужныя", „растрачены безъ всякаго хозяйственнаго надзора и, частію, неправильною покупкою матеріаловъ безъ подряда и на добрую вѣру экзекутора". Въ томъ же отчетѣ по своей ревизіи будущій попечитель намѣчалъ необходимость присылки университету „опытнаго и надежнаго архитектора для осмотра всѣхъ зданій", послѣ каковаго осмотра „откроется, что есть такія зданія, которыхъ и чинить нельзя, а нужно будетъ перестроить, или, если они совершенно негодны, то должно будетъ, сломавъ,

* См. нашего труда томъ I, стр. 68—77, томъ II, стр. 144—150.

Попеченія Магницкаго, направленныя къ перестройкамъ и приведенію въ порядокъ университетскихъ зданій—представляютъ собою, безспорно, самую крупную черту его дѣятельности на пользу внѣшняго устроительства университета. При Магницкомъ казанскій университетъ пріобрѣлъ тотъ передній фасадъ своихъ главныхъ, расположенныхъ по линіи Воскресенской улицы, зданій, который почти въ неизмѣненномъ видѣ сохранился и до настоящихъ дней. Эта то сторона дѣятельности Магницкаго и послужитъ предметомъ нашего ближайшаго повѣствованія.

Начальная исторія зданій казанскаго университета намъ уже знакома; извѣстно намъ и то, что соединеніе въ одинъ корпусъ двухъ главныхъ изъ этихъ зданій,—домовъ „гимназическаго" и „тенишевскаго" или „губернаторскаго",—возбужденъ былъ первымъ попечителемъ С. Я. Румовскимъ уже въ первый годъ существованія университета. Будучи въ основныхъ чертахъ своихъ выработанъ еще тогда, этотъ проектъ встрѣтилъ серьезныя, коренившіяся въ политическихъ условіяхъ той эпохи, препятствія финансоваго характера и оставался на бумагѣ до начала первой половины двадцатыхъ годовъ истекшаго столѣтія. Не болѣе благопріятною оказалась для дѣла университетскаго строительства и эпоха М. А. Салтыкова, которому только въ концѣ 1816-го года удалось, и то путемъ продолжительныхъ и настойчивыхъ ходатайствъ, добиться ассигнованія внѣсмѣтной суммы въ 35,000 рублей для частичныхъ поправокъ и передѣлокъ въ уже существовавшихъ университетскихъ зданіяхъ *. Магницкій еще во время своей ревизіи 1819-го года обратилъ вниманіе на неудовлетворительное состояніе зданій казанскаго университета и выступилъ на этой почвѣ съ жестокими и тенденціозными обвиненіями по адресу самого университета, заявивъ въ своемъ отчетѣ министру, что даже тѣ 35 тысячъ рублей, которыя отпущены были въ 1816-мъ году на поправки университетскихъ зданій — „употреблены были незнающими архитекторами на починки наименѣе нужныя", „растрачены безъ всякаго хозяйственнаго надзора и, частію, неправильною покупкою матеріаловъ безъ подряда и на добрую вѣру экзекутора". Въ томъ же отчетѣ по своей ревизіи будущій попечитель намѣчалъ необходимость присылки университету „опытнаго и надежнаго архитектора для осмотра всѣхъ зданій", послѣ каковаго осмотра „откроется, что есть такія зданія, которыхъ и чинить нельзя, а нужно будетъ перестроить, или, если они совершенно негодны, то должно будетъ, сломавъ,

* См. нашего труда томъ I, стр. 68—77, томъ II, стр. 144—150.

построить новыя; откроется, что въ главномъ зданіи университета стѣна наклонилась и угрожаетъ паденіемъ"... Магницкій развиваетъ затѣмъ мысль о необходимости учредить, для приведенія университетскихъ зданій въ благоустройство, особую строительную коммиссію и возбудить ходатайство „о заимствованіи нужной суммы изъ строительнаго (имперскаго) капитала" *. Мы скоро увидимъ, что всѣ эти предположенія, высказанныя имъ еще въ отчетѣ по ревизіи, послужили исходными точками отправленія для строительной дѣятельности Магницкаго въ годы его попечительства надъ казанскимъ университетомъ.

Переписка по вопросу о приведеніи въ благоустройство зданій казанскаго университета началась еще до назначенія Магницкаго на постъ попечителя округа. Въ мартѣ 1819-го года, слѣдовательно въ пору производившейся имъ ревизіи, Магницкій былъ запрошенъ министромъ по поводу строительныхъ нуждъ университета, съ требованіемъ его соображеній относительно „самыхъ необходимыхъ надобностей по исправленію и постройкѣ зданій", на что ревизоръ и далъ отзывъ въ пользу производства необходимыхъ исправленій на счетъ хозяйственныхъ суммъ университета; этотъ отвѣтъ указывалъ, конечно, на самыя скромныя строительныя предположенія, обусловленныя возможностью „публичнаго разрушенія" университета, мысль о чемъ очень не двусмысленно преподана была ревизоромъ въ представленномъ имъ министру отчетѣ. Извѣстно, что геростратовская затѣя „публичнаго разрушенія" казанскаго университета не встрѣтила сочувствія въ правящихъ сферахъ министерства, вновь назначенный же директоромъ университета А. П. Владимірскій въ концѣ того же 1819-го года сдѣлалъ Магницкому,—теперь уже попечителю округа, — „настоятельное" представленіе въ томъ смыслѣ, что „зданія университетскія, по непрочности строенія, ощутительно ветшаютъ и требуютъ немедленной поправки", что „смѣты для сего должны быть сдѣланы и разсмотрѣны заблаговременно такъ, что бы можно было по онымъ до наступленія весны заготовить нужные матеріалы", что „на губернскаго архитектора въ семъ случаѣ онъ не полагается" и что „по сему необходимо нужно опредѣлить въ университетъ особаго надежнаго архитектора". На должность университетскаго архитектора тогда же просился и былъ попечителемъ представленъ и уже допущенъ къ исправленію должности курскій губернскій архитекторъ Шмитъ; назначеніе его, однако, не состоялось и только 6-го

* См. приложенія къ тому III нашего труда, стр. 546—547.

построить новыя; откроется, что въ главномъ зданіи университета стѣна наклонилась и угрожаетъ паденіемъ"... Магницкій развиваетъ затѣмъ мысль о необходимости учредить, для приведенія университетскихъ зданій въ благоустройство, особую строительную коммиссію и возбудить ходатайство „о заимствованіи нужной суммы изъ строительнаго (имперскаго) капитала" *. Мы скоро увидимъ, что всѣ эти предположенія, высказанныя имъ еще въ отчетѣ по ревизіи, послужили исходными точками отправленія для строительной дѣятельности Магницкаго въ годы его попечительства надъ казанскимъ университетомъ.

Переписка по вопросу о приведеніи въ благоустройство зданій казанскаго университета началась еще до назначенія Магницкаго на постъ попечителя округа. Въ мартѣ 1819-го года, слѣдовательно въ пору производившейся имъ ревизіи, Магницкій былъ запрошенъ министромъ по поводу строительныхъ нуждъ университета, съ требованіемъ его соображеній относительно „самыхъ необходимыхъ надобностей по исправленію и постройкѣ зданій", на что ревизоръ и далъ отзывъ въ пользу производства необходимыхъ исправленій на счетъ хозяйственныхъ суммъ университета; этотъ отвѣтъ указывалъ, конечно, на самыя скромныя строительныя предположенія, обусловленныя возможностью „публичнаго разрушенія" университета, мысль о чемъ очень не двусмысленно преподана была ревизоромъ въ представленномъ имъ министру отчетѣ. Извѣстно, что геростратовская затѣя „публичнаго разрушенія" казанскаго университета не встрѣтила сочувствія въ правящихъ сферахъ министерства, вновь назначенный же директоромъ университета А. П. Владимірскій въ концѣ того же 1819-го года сдѣлалъ Магницкому,—теперь уже попечителю округа, — „настоятельное" представленіе въ томъ смыслѣ, что „зданія университетскія, по непрочности строенія, ощутительно ветшаютъ и требуютъ немедленной поправки", что „смѣты для сего должны быть сдѣланы и разсмотрѣны заблаговременно такъ, что бы можно было по онымъ до наступленія весны заготовить нужные матеріалы", что „на губернскаго архитектора въ семъ случаѣ онъ не полагается" и что „по сему необходимо нужно опредѣлить въ университетъ особаго надежнаго архитектора". На должность университетскаго архитектора тогда же просился и былъ попечителемъ представленъ и уже допущенъ къ исправленію должности курскій губернскій архитекторъ Шмитъ; назначеніе его, однако, не состоялось и только 6-го

* См. приложенія къ тому III нашего труда, стр. 546—547.

іюля вакантная * должность „надежнаго" архитектора была замѣщена П. Г. Пятницкимъ.

Основанныя на представленіи директора университета, строительныя нужды университета были доведены попечителемъ до свѣдѣнія министерства и 31-го мая 1820 года департаментъ народнаго просвѣщенія поставилъ Магницкаго въ извѣстность, что „департаментъ государственнаго хозяйства и публичныхъ зданій настоятельно требуетъ немедленной присылки смѣты, въ которую внесены были бы всѣ суммы, потребныя на строенія въ будущемъ 1821-мъ году по вѣдомству департамента народнаго просвѣщенія"; въ силу этого департаментъ предлагалъ Магницкому „нынѣ же представить хотя примѣрное исчисленіе суммъ, потребныхъ въ 1821-мъ году на строенія казанскаго университета, буде оныя слѣдуетъ назначить къ отпуску изъ строительнаго по государству капитала". Въ отвѣтъ на требованіе министерства, попечитель 8-го іюня представилъ доставленныя ему университетскимъ правленіемъ данныя относительно необходимѣйшихъ поправокъ, исчисленныхъ на сумму до 41 тысячи рублей и носившихъ, опять таки, совершенно частичный характеръ—перекрытіе крышъ, ремонтъ зданій, постройка новыхъ мелкихъ службъ, устройство каменныхъ половъ и сводовъ въ помѣщеніи библіотеки и т. п. Представляя министру объ отпускѣ просимой суммы, Магницкій съ своей стороны указалъ на то, что „многія постройки, требующія гораздо значительнѣйшихъ суммъ, а также немедленнаго исполненія, правленіемъ не введены, какъ то—наклонившаяся стѣна главнаго корпуса и растреснувшаяся до фундамента другого университетскаго дома и пр."; сославшись, при этомъ, на отсутствіе при университетѣ архитектора и обусловленную тѣмъ самымъ невозможность выработки точныхъ смѣтъ, Магницкій исчислялъ всѣ эти работы въ приблизительной суммѣ 80-ти тысячъ рублей и въ слѣдующихъ чертахъ формулировалъ передъ министромъ свои ходатайства:

1. Дозволить употребить исчисленныя въ нынѣшнемъ году на необходимѣйшія постройки 41,000 рублей изъ суммъ хозяйственныхъ, коихъ при университетѣ теперь находится на лицо 46 тыс. рублей.

2. Исходатайствовать на 1821-й годъ до 150,000 рублей (изъ общеимперскаго строительнаго капитала), включая въ сію сумму и вышеисчисленныя 41 тысячу рублей.

---

* Со времени смерти 17-го марта 1819 года архитектора І. А. Мари. Кстати—необходимая поправка: на стр. 291-й третьяго тома нашего труда Шмитъ, вслѣдствіе корректурнаго недосмотра, названъ архитекторомъ «казанскимъ».

іюля вакантная * должность „надежнаго" архитектора была замѣщена П. Г. Пятницкимъ.

Основанныя на представленіи директора университета, строительныя нужды университета были доведены попечителемъ до свѣдѣнія министерства и 31-го мая 1820 года департаментъ народнаго просвѣщенія поставилъ Магницкаго въ извѣстность, что „департаментъ государственнаго хозяйства и публичныхъ зданій настоятельно требуетъ немедленной присылки смѣты, въ которую внесены были бы всѣ суммы, потребныя на строенія въ будущемъ 1821-мъ году по вѣдомству департамента народнаго просвѣщенія"; въ силу этого департаментъ предлагалъ Магницкому „нынѣ же представить хотя примѣрное исчисленіе суммъ, потребныхъ въ 1821-мъ году на строенія казанскаго университета, буде оныя слѣдуетъ назначить къ отпуску изъ строительнаго по государству капитала". Въ отвѣтъ на требованіе министерства, попечитель 8-го іюня представилъ доставленныя ему университетскимъ правленіемъ данныя относительно необходимѣйшихъ поправокъ, исчисленныхъ на сумму до 41 тысячи рублей и носившихъ, опять таки, совершенно частичный характеръ—перекрытіе крышъ, ремонтъ зданій, постройка новыхъ мелкихъ службъ, устройство каменныхъ половъ и сводовъ въ помѣщеніи библіотеки и т. п. Представляя министру объ отпускѣ просимой суммы, Магницкій съ своей стороны указалъ на то, что „многія постройки, требующія гораздо значительнѣйшихъ суммъ, а также немедленнаго исполненія, правленіемъ не введены, какъ то—наклонившаяся стѣна главнаго корпуса и растреснувшаяся до фундамента другого университетскаго дома и пр."; сославшись, при этомъ, на отсутствіе при университетѣ архитектора и обусловленную тѣмъ самымъ невозможность выработки точныхъ смѣтъ, Магницкій исчислялъ всѣ эти работы въ приблизительной суммѣ 80-ти тысячъ рублей и въ слѣдующихъ чертахъ формулировалъ передъ министромъ свои ходатайства:

1. Дозволить употребить исчисленныя въ нынѣшнемъ году на необходимѣйшія постройки 41,000 рублей изъ суммъ хозяйственныхъ, коихъ при университетѣ теперь находится на лицо 46 тыс. рублей.

2. Исходатайствовать на 1821-й годъ до 150,000 рублей (изъ общеимперскаго строительнаго капитала), включая въ сію сумму и вышеисчисленныя 41 тысячу рублей.

---

* Со времени смерти 17-го марта 1819 года архитектора I. А. Мари. Кстати—необходимая поправка: на стр. 291-й третьяго тома нашего труда Шмитъ, вслѣдствіе корректурнаго недосмотра, названъ архитекторомъ «казанскимъ».

ОБЩІЙ ВИДЪ ГЛАВНАГО КОРПУСА

ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

(1824—1906)

ОБЩІЙ ВИДЪ ГЛАВНАГО КОРПУСА

ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

(1824—1906)

Попечительское ходатайство было министромъ разрѣшено и уже 15-го іюля князь Голицинъ, уполномочивая университетъ теперь же позаимствовать 41 тыс. рублей изъ хозяйственныхъ суммъ въ счетъ общей ассигновки будущаго года и рекомендуя при этомъ „возможную во всемъ бережливость", потребовалъ отъ Магницкаго представленія „смѣтъ, плановъ и фасадовъ, для отсылки оныхъ на разсмотрѣніе въ министерство внутреннихъ дѣлъ, безъ чего и сумма ассигнована быть не можетъ". Своевременно увѣдомленное попечителемъ о благопріятномъ ходѣ дѣла, правленіе университета немедленно приступило къ предварительнымъ соображеніямъ и уже 24-го августа 1820 года препроводило Магницкому свои заключенія относительно общаго плана будущихъ строительныхъ работъ, который, въ главнѣйшихъ чертахъ своихъ, и былъ положенъ въ основу университетской строительной дѣятельности 1821—1826 годовъ, причемъ правленіе возвратилось къ проекту соединенія въ одинъ большой корпусъ университетскихъ домовъ „гимназическаго" и „тенишевскаго" (онъ же—„губернаторскій"),—проекту, зародившемуся, какъ мы знаемъ, еще въ первый годъ существованія университета. Въ цѣляхъ лучшаго уясненія себѣ строительныхъ предположеній правленія, мы должны будемъ остановиться съ нѣкоторою подробностью на представленіи его отъ 24-го августа 1820 года. Обрисовавъ здѣсь, въ общихъ чертахъ, предшествовавшіе фазисы университетскаго строительнаго дѣла, правленіе переходитъ къ существенной основѣ всего плана намѣчаемыхъ имъ работъ:

„Давнее предположеніе о соединеніи сего (главнаго или гимназическаго) дома съ тенишевскимъ, имѣющимъ широту почти таковую же, какъ и главный домъ, равно и высоту окошекъ, а длину 17 саженъ и отстоящимъ отъ главнаго дома почти на 16 саженъ—есть самое простое, хозяйственное, удобоисполнимое, а по величеству и красотѣ цѣлаго зданія, отъ сего соединенія произойти имѣющаго, предъ всѣми другими предположеніями наилучшее по слѣдующимъ уваженіямъ:

1. Двѣ поперечныя стѣны, то есть главнаго и тенишевскаго домовъ—уже готовы * и слѣдуетъ только вывести продольныя и про-

* Рѣчь идетъ здѣсь о наружныхъ стѣнахъ домовъ: западной—главнаго или гимназическаго, восточной—тенишевскаго. Эти стѣны, вошедшія, въ качествѣ уже внутреннихъ, въ нынѣшній главный университетскій корпусъ, соотвѣтствуютъ его капитальнымъ стѣнамъ: первая—стѣнѣ, отдѣляющей университетскую церковь отъ вестибюля и аванъ-залы большого актоваго зала, вторая—стѣнѣ, отдѣляющей бывшій залъ собраній совѣта отъ всѣхъ остальныхъ помѣщеній западной части корпуса.

Попечительское ходатайство было министромъ разрѣшено и уже 15-го іюля князь Голицинъ, уполномочивая университетъ теперь же позаимствовать 41 тыс. рублей изъ хозяйственныхъ суммъ въ счетъ общей ассигновки будущаго года и рекомендуя при этомъ „возможную во всемъ бережливость", потребовалъ отъ Магницкаго представленія „смѣтъ, плановъ и фасадовъ, для отсылки оныхъ на разсмотрѣніе въ министерство внутреннихъ дѣлъ, безъ чего и сумма ассигнована быть не можетъ". Своевременно увѣдомленное попечителемъ о благопріятномъ ходѣ дѣла, правленіе университета немедленно приступило къ предварительнымъ соображеніямъ и уже 24-го августа 1820 года препроводило Магницкому свои заключенія относительно общаго плана будущихъ строительныхъ работъ, который, въ главнѣйшихъ чертахъ своихъ, и былъ положенъ въ основу университетской строительной дѣятельности 1821—1826 годовъ, причемъ правленіе возвратилось къ проекту соединенія въ одинъ большой корпусъ университетскихъ домовъ „гимназическаго" и „тенишевскаго" (онъ же—„губернаторскій"),—проекту, зародившемуся, какъ мы знаемъ, еще въ первый годъ существованія университета. Въ цѣляхъ лучшаго уясненія себѣ строительныхъ предположеній правленія, мы должны будемъ остановиться съ нѣкоторою подробностью на представленіи его отъ 24-го августа 1820 года. Обрисовавъ здѣсь, въ общихъ чертахъ, предшествовавшіе фазисы университетскаго строительнаго дѣла, правленіе переходитъ къ существенной основѣ всего плана намѣчаемыхъ имъ работъ:

„Давнее предположеніе о соединеніи сего (главнаго или гимназическаго) дома съ тенишевскимъ, имѣющимъ широту почти таковую же, какъ и главный домъ, равно и высоту окошекъ, а длину 17 саженъ и отстоящимъ отъ главнаго дома почти на 16 саженъ—есть самое простое, хозяйственное, удобоисполнимое, а по величеству и красотѣ цѣлаго зданія, отъ сего соединенія произойти имѣющаго, предъ всѣми другими предположеніями наилучшее по слѣдующимъ уваженіямъ:

1. Двѣ поперечныя стѣны, то есть главнаго и тенишевскаго домовъ—уже готовы * и слѣдуетъ только вывести продольныя и про-

* Рѣчь идетъ здѣсь о наружныхъ стѣнахъ домовъ: западной—главнаго или гимназическаго, восточной—тенишевскаго. Эти стѣны, вошедшія, въ качествѣ уже внутреннихъ, въ нынѣшній главный университетскій корпусъ, соотвѣтствуютъ его капитальнымъ стѣнамъ: первая—стѣнѣ, отдѣляющей университетскую церковь отъ вестибюля и аванъ-залы большого актоваго зала, вторая—стѣнѣ, отдѣляющей бывшій залъ собраній совѣта отъ всѣхъ остальныхъ помѣщеній западной части корпуса.

стѣнки. А какъ уголъ тенишевскаго дома, именно той поперечной стѣны, къ соединенію предназначенной — дѣйствительно растреснулъ, то при соединеніи домовъ должно будетъ его разобрать до фундамента и вновь сложить, а тѣмъ самымъ, особливо продольною новою крѣпкою и надежною стѣною *, сей недостатокъ тенишевскаго дома исправится. Равнымъ образомъ уголъ поперечной стѣны главнаго дома,—той именно, которая, по предназначенію, пойдетъ въ соединеніе,—нѣсколько отклонился на надворную сторону; при соединеніи домовъ новою капитальною продольною же стѣною и сей уголъ скрѣпится такъ, что не останется никакой опасности и не будетъ нужды дѣлать для сего укрѣпленія и контрфорсы.

2. Тенишевскій домъ крышу имѣетъ тесовую деревянную, хотя и годную, но давно уже построенную, а во внутренности своей весь почти требуетъ исправленія, а именно: всѣ почти печи пришли въ ветхость, деревянные полы съ самаго отстроенія его не были перемѣняемы и какъ въ ономъ съ давняго времени помѣщаются классы, то всѣ протерлись и обились такъ, что неминуемо возобновить ихъ должно; двери и штукатурная работа также повреждены, да и самые накаты въ нижнемъ этажѣ по большей части повредились и обвисли. Почему домъ сей, при соединеніи его съ главнымъ домомъ, и обновится.

3. По соединеніи сихъ двухъ домовъ выйдетъ цѣлое зданіе шириною $10^1/_2$, длиною до 75 саженъ, на лучшей въ городѣ улицѣ и мѣстѣ и составитъ одно изъ первыхъ и лучшихъ строеній въ Казани, по справедливости заслуживающее высокаго имени императорскаго заведенія, между тѣмъ какъ нынѣ университетъ, занимая пять домовъ, не имѣетъ ни одного способнаго для удобнаго размѣщенія его заведеній.

4. Тенишевскій домъ заключаетъ въ себѣ въ первомъ и второмъ этажахъ два корридора, которые и можно будетъ продолжить въ новой пристройкѣ до нынѣшняго главнаго (т. е. гимназическаго) дома и окончить продолженіе корридора въ бель-этажѣ залою во всю ширину дома простирающеюся, у которой бы одна стѣна была та самая, которою нынѣ оканчивается главный домъ съ западной стороны. Сія зала можетъ быть обращена въ такую аудиторію, въ которой бываетъ многолюдное стеченіе слушателей... Главный домъ имѣетъ нынѣ на срединѣ куполъ; для соразмѣрности на новой пристройкѣ надобно будетъ также сдѣлать куполъ, въ которомъ можно устроить астрономическую обсерваторію **, а нынѣшняя обсерваторія не имѣетъ ни красоты, ни удобства"...

---

* Нынѣшняя южная стѣна большого актоваго зала, отдѣляющая его отъ бывшихъ до 1905-го года залъ совѣта и геологическаго кабинета и явившаяся срединею продольною связью при соединеніи домовъ гимназическаго и тенишевскаго.

** Предложеніе относительно сооруженія второго, симметричнаго старому, купола на университетскомъ корпусѣ — не состоялось и мысль о куполахъ была, вообще, совершенно оставлена.

стѣнки. А какъ уголъ тенишевскаго дома, именно той поперечной стѣны, къ соединенію предназначенной — дѣйствительно растреснулъ, то при соединеніи домовъ должно будетъ его разобрать до фундамента и вновь сложить, а тѣмъ самымъ, особливо продольною новою крѣпкою и надежною стѣною *, сей недостатокъ тенишевскаго дома исправится. Равнымъ образомъ уголъ поперечной стѣны главнаго дома,—той именно, которая, по предназначенію, пойдетъ въ соединеніе,—нѣсколько отклонился на надворную сторону; при соединеніи домовъ новою капитальною продольною же стѣною и сей уголъ скрѣпится такъ, что не останется никакой опасности и не будетъ нужды дѣлать для сего укрѣпленія и контрфорсы.

2. Тенишевскій домъ крышу имѣетъ тесовую деревянную, хотя и годную, но давно уже построенную, а во внутренности своей весь почти требуетъ исправленія, а именно: всѣ почти печи пришли въ ветхость, деревянные полы съ самаго отстроенія его не были перемѣняемы и какъ въ ономъ съ давняго времени помѣщаются классы, то всѣ протерлись и обились такъ, что неминуемо возобновить ихъ должно; двери и штукатурная работа также повреждены, да и самые накаты въ нижнемъ этажѣ по большей части повредились и обвисли. Почему домъ сей, при соединеніи его съ главнымъ домомъ, и обновится.

3. По соединеніи сихъ двухъ домовъ выйдетъ цѣлое зданіе шириною $10^1/_2$, длиною до 75 саженъ, на лучшей въ городѣ улицѣ и мѣстѣ и составитъ одно изъ первыхъ и лучшихъ строеній въ Казани, по справедливости заслуживающее высокаго имени императорскаго заведенія, между тѣмъ какъ нынѣ университетъ, занимая пять домовъ, не имѣетъ ни одного способнаго для удобнаго размѣщенія его заведеній.

4. Тенишевскій домъ заключаетъ въ себѣ въ первомъ и второмъ этажахъ два корридора, которые и можно будетъ продолжить въ новой пристройкѣ до нынѣшняго главнаго (т. е. гимназическаго) дома и окончить продолженіе корридора въ бель-этажѣ залою во всю ширину дома простирающеюся, у которой бы одна стѣна была та самая, которою нынѣ оканчивается главный домъ съ западной стороны. Сія зала можетъ быть обращена въ такую аудиторію, въ которой бываетъ многолюдное стеченіе слушателей... Главный домъ имѣетъ нынѣ на срединѣ куполъ; для соразмѣрности на новой пристройкѣ надобно будетъ также сдѣлать куполъ, въ которомъ можно устроить астрономическую обсерваторію **, а нынѣшняя обсерваторія не имѣетъ ни красоты, ни удобства"...

---

* Нынѣшняя южная стѣна большого актоваго зала, отдѣляющая его отъ бывшихъ до 1905-го года залъ совѣта и геологическаго кабинета и явившаяся срединою продольною связью при соединеніи домовъ гимназическаго и тенишевскаго.

** Предложеніе относительно сооруженія второго, симметричнаго старому, купола на университетскомъ корпусѣ — не состоялось и мысль о куполахъ была, вообще, совершенно оставлена.

Мы не будемъ перечислять остальныхъ, уже второстепенныхъ, строительныхъ работъ, проектируемыхъ представленіемъ правленія отъ 24-го августа, и еще разъ отмѣтимъ лишь тотъ фактъ, что уже къ концу лѣта 1820-го года съ достаточною точностью обрисовался, такимъ образомъ, основной планъ предстоявшаго переустройства университетскихъ зданій, для котораго исходною базою и послужила цитированная нами выше оффиціальная переписка [227].

Приступивъ къ изложенію исторіи университетскихъ строительныхъ начинаній 1820—1826 годовъ, мы должны съ сожалѣніемъ констатировать то печальное обстоятельство, что въ архивѣ казанскаго университета, въ отдѣлѣ актовъ, относящихся къ дѣятельности строительныхъ комитетовъ учреждавшихся до 1849-го года—обширный дефектъ представляютъ какъ разъ дѣла строительнаго комитета, существовавшаго въ 1821—1826 годахъ и вѣдавшаго все дѣло интересующаго насъ переустройства университетскихъ зданій: отъ этого интереснаго пятилѣтія до насъ дошло всего только два дѣла строительнаго комитета *, судьба же остальныхъ остается намъ неизвѣстною. Этотъ крупный дефектъ въ весьма значительной степени восполняется, однако, отдѣльными дѣлами, сохранившимися въ различныхъ отдѣлахъ университетскаго архива и болѣе или менѣе непосредственнымъ образомъ касающимися строительной дѣятельности занимающихъ насъ годовъ, въ особенности же обширнымъ (на 869-ти листахъ) дѣломъ попечительской канцеляріи „О построеніи зданій казанскаго университета“ **, заключающимъ въ себѣ переписку по этому поводу Магницкаго съ центральными органами министерства — съ одной стороны, съ органами университетскаго управленія и съ строительнымъ комитетомъ—съ другой стороны. Это то весьма важное дѣло и послужитъ основнымъ матеріаломъ нашего дальнѣйшаго повѣствованія. Весьма существеннымъ подспорьемъ являются въ данномъ отношеніи и сохранившіеся въ университескомъ архивѣ планы, составленные архитекторомъ Пятницкимъ и возстановляющіе техническую сторону строительныхъ работъ 1821—1826 годовъ и, главнымъ образомъ, работъ по соединенію въ одинъ главный корпусъ двухъ основныхъ университетскихъ

---

* Именно: 1) «Отчетъ строительнаго комитета, при казанскомъ университетѣ учрежденнаго, за 1824-й годъ о приходѣ, расходѣ и остаткѣ денегъ и матеріаловъ, сочиненный г. профессоромъ Лобачевскимъ» (Дѣла Строит. Комитета, № 1, на 134-хъ листахъ) и 2) «Вѣдомость, составленная членомъ строительнаго комитета профессоромъ Никольскимъ, о разныхъ работахъ, произведенныхъ по строеніямъ, съ показаніемъ употребленныхъ матеріаловъ, съ 1820 по 1823 годъ» (тамъ же, № 2).

** Архивъ каз. унив., Попеч. 1820, № 145.

Мы не будемъ перечислять остальныхъ, уже второстепенныхъ, строительныхъ работъ, проектируемыхъ представленіемъ правленія отъ 24-го августа, и еще разъ отмѣтимъ лишь тотъ фактъ, что уже къ концу лѣта 1820-го года съ достаточною точностью обрисовался, такимъ образомъ, основной планъ предстоявшаго переустройства университетскихъ зданій, для котораго исходною базою и послужила цитированная нами выше оффиціальная переписка [227].

Приступивъ къ изложенію исторіи университетскихъ строительныхъ начинаній 1820—1826 годовъ, мы должны съ сожалѣніемъ констатировать то печальное обстоятельство, что въ архивѣ казанскаго университета, въ отдѣлѣ актовъ, относящихся къ дѣятельности строительныхъ комитетовъ учреждавшихся до 1849-го года—обширный дефектъ представляютъ какъ разъ дѣла строительнаго комитета, существовавшаго въ 1821—1826 годахъ и вѣдавшаго все дѣло интересующаго насъ переустройства университетскихъ зданій: отъ этого интереснаго пятилѣтія до насъ дошло всего только два дѣла строительнаго комитета *, судьба же остальныхъ остается намъ неизвѣстною. Этотъ крупный дефектъ въ весьма значительной степени восполняется, однако, отдѣльными дѣлами, сохранившимися въ различныхъ отдѣлахъ университетскаго архива и болѣе или менѣе непосредственнымъ образомъ касающимися строительной дѣятельности занимающихъ насъ годовъ, въ особенности же обширнымъ (на 869-ти листахъ) дѣломъ попечительской канцеляріи „О построеніи зданій казанскаго университета“ **, заключающимъ въ себѣ переписку по этому поводу Магницкаго съ центральными органами министерства — съ одной стороны, съ органами университетскаго управленія и съ строительнымъ комитетомъ—съ другой стороны. Это то весьма важное дѣло и послужитъ основнымъ матеріаломъ нашего дальнѣйшаго повѣствованія. Весьма существеннымъ подспорьемъ являются въ данномъ отношеніи и сохранившіеся въ университескомъ архивѣ планы, составленные архитекторомъ Пятницкимъ и возстановляющіе техническую сторону строительныхъ работъ 1821—1826 годовъ и, главнымъ образомъ, работъ по соединенію въ одинъ главный корпусъ двухъ основныхъ университетскихъ

* Именно: 1) «Отчетъ строительнаго комитета, при казанскомъ университетѣ учрежденнаго, за 1824-й годъ о приходѣ, расходѣ и остаткѣ денегъ и матеріаловъ, сочиненный г. профессоромъ Лобачевскимъ» (Дѣла Строит. Комитета, № 1, на 134-хъ листахъ) и 2) «Вѣдомость, составленная членомъ строительнаго комитета профессоромъ Никольскимъ, о разныхъ работахъ, произведенныхъ по строеніямъ, съ показаніемъ употребленныхъ матеріаловъ, съ 1820 по 1823 годъ» (тамъ же, № 2).

** Архивъ каз. унив., Попеч. 1820, № 145.

домовъ—гимназическаго и тенишевскаго. Два важнѣйшихъ изъ этихъ плановъ, одинъ (подъ цифрою I), возстановляющій всѣ вновь предполагавшіяся (въ значительной мѣрѣ неосуществившіяся, впрочемъ) университетскія постройки и планъ нижняго этажа главнаго университетскаго корпуса, образованнаго соединеніемъ домовъ гимназическаго и тенишевскаго, другой (подъ цифрою II), заключающій въ себѣ планы средняго и верхняго (антресольнаго) этажей того же корпуса — читатели найдутъ приложенными къ текущимъ страницамъ настоящаго тома нашего труда *. Сдѣлавъ эти необходимыя пояснительныя оговорки, приступимъ къ продолженію прерваннаго разсказа относительно университетской строительной дѣятельности 1821-го—1826-го годовъ.

Строительныя предположенія правленія университета получили значительное оживленіе въ началѣ осени 1820-го года, со вступленіемъ въ отправленіе своихъ обязанностей вновь назначеннаго университетскаго архитектора и преподавателя гражданской архитектуры Петра Гавриловича Пятницкаго. Воспитанникъ императорской академіи художествъ, до своего опредѣленія въ казанскій университетъ служившій въ Петербургѣ „по архитектурной части“ и человѣкъ еще молодой (ему было при назначеніи въ Казань всего 33 года), Пятницкій дѣятельно принялся за предстоявшія ему предварительныя работы и, прежде всего, вошелъ въ правленіе университета съ предположеніемъ относительно необходимости немедленнаго же учрежденія особаго строительнаго комитета—„сдѣлавъ для онаго надлежащее постановленіе и въ коемъ полагаетъ членамъ онаго имѣть засѣданія въ недѣлю до трехъ разъ“. Сдѣланное въ этомъ смыслѣ правленіемъ представленіе (отъ 15-го октября) было одобрено Магницкимъ, предложеніемъ отъ 7-го января 1821 года назначившимъ членами вновь намѣченнаго комитета профессоровъ К. Ѳ. Фукса, инспектора студентовъ Ѳ. П. Барсова и непремѣннаго засѣдателя правленія профессора В. И. Тимьянскаго; этотъ составъ комитета остался, впрочемъ, только на бумагѣ и фактическое образованіе строительнаго при университетѣ комитета оттянулось почти на цѣлый годъ. Между тѣмъ, новымъ архитекторомъ Пятницкимъ были составлены затребованные министерствомъ еще

* Упоминаемые выше подлинные планы хранятся въ архивѣ университета въ папкѣ подъ № 181-мъ. На заимствованныхъ нами отсюда и приложенныхъ къ настоящему тому двухъ планахъ черными чертами обозначены уже существовавшіе ранѣе университетскія зданія (въ частности—дома гимназическій и тенишевскій), свѣтлыми чертами—вновь предполагавшіяся надворныя зданія и способъ соединенія въ одинъ корпусъ домовъ гимназическаго и тенишевскаго. Считаемъ не лишнимъ припомнить, что поясненный планъ стараго гимназическаго дома данъ былъ въ приложеніяхъ къ первому тому.

домовъ—гимназическаго и тенишевскаго. Два важнѣйшихъ изъ этихъ плановъ, одинъ (подъ цифрою I), возстановляющій всѣ вновь предполагавшіяся (въ значительной мѣрѣ неосуществившіяся, впрочемъ) университетскія постройки и планъ нижняго этажа главнаго университетскаго корпуса, образованнаго соединеніемъ домовъ гимназическаго и тенишевскаго, другой (подъ цифрою II), заключающій въ себѣ планы средняго и верхняго (антресольнаго) этажей того же корпуса — читатели найдутъ приложенными къ текущимъ страницамъ настоящаго тома нашего труда *. Сдѣлавъ эти необходимыя пояснительныя оговорки, приступимъ къ продолженію прерваннаго разсказа относительно университетской строительной дѣятельности 1821-го—1826-го годовъ.

Строительныя предположенія правленія университета получили значительное оживленіе въ началѣ осени 1820-го года, со вступленіемъ въ отправленіе своихъ обязанностей вновь назначеннаго университетскаго архитектора и преподавателя гражданской архитектуры Петра Гавриловича Пятницкаго. Воспитанникъ императорской академіи художествъ, до своего опредѣленія въ казанскій университетъ служившій въ Петербургѣ „по архитектурной части“ и человѣкъ еще молодой (ему было при назначеніи въ Казань всего 33 года), Пятницкій дѣятельно принялся за предстоявшія ему предварительныя работы и, прежде всего, вошелъ въ правленіе университета съ предположеніемъ относительно необходимости немедленнаго же учрежденія особаго строительнаго комитета—„сдѣлавъ для онаго надлежащее постановленіе и въ коемъ полагаетъ членамъ онаго имѣть засѣданія въ недѣлю до трехъ разъ“. Сдѣланное въ этомъ смыслѣ правленіемъ представленіе (отъ 15-го октября) было одобрено Магницкимъ, предложеніемъ отъ 7-го января 1821 года назначившимъ членами вновь намѣченнаго комитета профессоровъ К. Ѳ. Фукса, инспектора студентовъ Ѳ. П. Барсова и непремѣннаго засѣдателя правленія профессора В. И. Тимьянскаго; этотъ составъ комитета остался, впрочемъ, только на бумагѣ и фактическое образованіе строительнаго при университетѣ комитета оттянулось почти на цѣлый годъ. Между тѣмъ, новымъ архитекторомъ Пятницкимъ были составлены затребованные министерствомъ еще

* Упоминаемые выше подлинные планы хранятся въ архивѣ университета въ папкѣ подъ № 181-мъ. На заимствованныхъ нами отсюда и приложенныхъ къ настоящему тому двухъ планахъ черными чертами обозначены уже существовавшіе ранѣе университетскія зданія (въ частности—дома гимназическій и тенишевскій), свѣтлыми чертами—вновь предполагавшіяся надворныя зданія и способъ соединенія въ одинъ корпусъ домовъ гимназическаго и тенишевскаго. Считаемъ не лишнимъ припомнить, что поясненный планъ стараго гимназическаго дома данъ былъ въ приложеніяхъ къ первому тому.

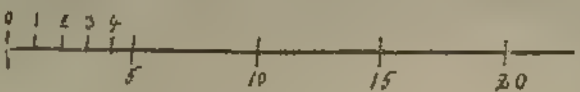
I. Планъ Нижняго Этажа главнаго Корпуса Университета, Высочайше апробованный.

0 1 2 3 4 5 10 15 20

Ю. ЮЗ. З. ЮВ. СЗ. В. СВ. С.

КЪ ИСТОРІИ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ПОСТРОЕКЪ.
(1822–1826)

I. Планъ Нижняго Этажа главнаго Корпуса Университета, Высочайше апробованный.



КЪ ИСТОРІИ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ПОСТРОЕКЪ.
(1822-1826)

въ предшествовавшемъ году „планы и фасады на устроеніе казанскаго университета", съ ихъ описаніемъ и приложеніемъ примѣрной смѣты, по которой всѣ строительныя работы были сведены къ крупной суммѣ 631,136 рублей; препроводивъ Магницкому всѣ эти данныя при представленіи отъ 27-го января 1821 года, правленіе вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствовало передъ попечителемъ о возмѣщеніи университету изъ этой суммы 41-ой тысячи рублей, издержанныхъ въ 1820-мъ году изъ хозяйственныхъ рессурсовъ его на частичныя строительныя и ремонтныя работы. Крупная сумма испрашиваемой ассигновки видимо испугала министерство народнаго просвѣщенія и, на соотвѣтствующее и подробно мотивированное представленіе Магницкаго, князь Голицинъ 5-го марта отвѣтилъ казанскому попечителю, что „на текущій 1821-ый годъ изъ строительнаго по государству капитала на зданія казанскаго университета требовалось только 150,000 рублей, но и оные едва ли будутъ отпущены по ограниченности означеннаго капитала и по сей причинѣ невозможно въ два или три года получить на университетъ исчисленныя по смѣтѣ 631,136 рублей", въ силу чего министръ и рекомендовалъ „предполагаемыя строенія раздѣлить на шесть или болѣе лѣтъ и представить сначала о постройкѣ тѣхъ зданій, кои нужнѣе прочихъ". Отвѣтъ министра былъ сообщенъ попечителемъ правленію университета, которое 31-го марта и представило Магницкому слѣдующія соображенія свои относительно новыхъ условій, возникающихъ въ дѣлѣ предстоящихъ строительныхъ работъ:

„Въ исполненіе предписанія вашего превосходительства отъ 8-го марта о раздѣленіи на шесть и болѣе лѣтъ исчисленныхъ по смѣтѣ на устроеніе казанскаго университета 631,136-ти рублей, представя о постройкѣ тѣхъ зданій, кои нужнѣе прочихъ, правленіе университета честь имѣетъ представить вашему превосходительству:

1. Признается первѣйшею необходимостью въ текущемъ 1821-мъ и слѣдующемъ 1822-мъ году соединить главный корпусъ (т. е. гимназическій) съ тенишевскимъ домомъ, на планѣ—А и В *.

2. Послѣ сего въ 1823-мъ году полагается выстроить флигель, на планѣ подъ литерами СС съ правой стороны главнаго корпуса во дворѣ.... причемъ поставить, вмѣсто имѣющейся совершенно ветхой, баню, на планѣ подъ лит. ЕЕ, и въ симметріи оной прачешную, на планѣ лит. FF.

3. Въ 1824-мъ году полуциркульное строеніе на планѣ подъ литерами GG и НН, съ флигелями, для квартиръ г.г. чиновни-

* См. прилагаемый планъ подъ цифрою I.

въ предшествовавшемъ году „планы и фасады на устроеніе казанскаго университета", съ ихъ описаніемъ и приложеніемъ примѣрной смѣты, по которой всѣ строительныя работы были сведены къ крупной суммѣ 631,136 рублей; препроводивъ Магницкому всѣ эти данныя при представленіи отъ 27-го января 1821 года, правленіе вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствовало передъ попечителемъ о возмѣщеніи университету изъ этой суммы 41-ой тысячи рублей, издержанныхъ въ 1820-мъ году изъ хозяйственныхъ рессурсовъ его на частичныя строительныя и ремонтныя работы. Крупная сумма испрашиваемой ассигновки видимо испугала министерство народнаго просвѣщенія и, на соотвѣтствующее и подробно мотивированное представленіе Магницкаго, князь Голицинъ 5-го марта отвѣтилъ казанскому попечителю, что „на текущій 1821-ый годъ изъ строительнаго по государству капитала на зданія казанскаго университета требовалось только 150,000 рублей, но и оные едва ли будутъ отпущены по ограниченности означеннаго капитала и по сей причинѣ невозможно въ два или три года получить на университетъ исчисленныя по смѣтѣ 631,136 рублей", въ силу чего министръ и рекомендовалъ „предполагаемыя строенія раздѣлить на шесть или болѣе лѣтъ и представить сначала о постройкѣ тѣхъ зданій, кои нужнѣе прочихъ". Отвѣтъ министра былъ сообщенъ попечителемъ правленію университета, которое 31-го марта и представило Магницкому слѣдующія соображенія свои относительно новыхъ условій, возникающихъ въ дѣлѣ предстоящихъ строительныхъ работъ:

„Въ исполненіе предписанія вашего превосходительства отъ 8-го марта о раздѣленіи на шесть и болѣе лѣтъ исчисленныхъ по смѣтѣ на устроеніе казанскаго университета 631,136-ти рублей, представя о постройкѣ тѣхъ зданій, кои нужнѣе прочихъ, правленіе университета честь имѣетъ представить вашему превосходительству:

1. Признается первѣйшею необходимостью въ текущемъ 1821-мъ и слѣдующемъ 1822-мъ году соединить главный корпусъ (т. е. гимназическій) съ тенишевскимъ домомъ, на планѣ—А и В *.

2. Послѣ сего въ 1823-мъ году полагается выстроить флигель, на планѣ подъ литерами CC съ правой стороны главнаго корпуса во дворѣ.... причемъ поставить, вмѣсто имѣющейся совершенно ветхой, баню, на планѣ подъ лит. EE, и въ симметріи оной прачешную, на планѣ лит. FF.

3. Въ 1824-мъ году полуциркульное строеніе на планѣ подъ литерами GG и HH, съ флигелями, для квартиръ г.г. чиновни-

* См. прилагаемый планъ подъ цифрою I.

ковъ и казармъ для инвалидовъ, равно какъ и для помѣщенія полиціи онаго университета.

4. Вслѣдъ за онымъ строеніемъ поставить въ 1825-мъ году сараи и конюшни съ сѣновалами,—по плану подъ литерами DD.

5. Выстроить обсерваторію подъ литерами JJ.

6. Въ довершеніе же всего въ 1826-мъ году предпринять устроеніе сада съ оранжереями, наружную штукатурку попечительскаго (кастелліеваго) дома" и пр.

Что касается разсрочки всей смѣтной суммы, исчисленной на расходы по основной задачѣ соединенія двухъ главныхъ университетскихъ домовъ, то правленіе предполагало распредѣлить эту работу на 1821-й и 1822-й годы, испрашивая для этой цѣли по 123,676 р. 30 коп. въ годъ, на остальныя же строительныя работы намѣчало ассигновки въ слѣдующемъ порядкѣ: на 1823-й годъ—100,000 р., на 1824-й годъ—100,000 р., на 1825-й годъ—100,000 р., на 1826-й годъ—84,087 р. 90 коп. Этому финансовому разсчету правленія не было, однако, суждено осуществиться,—и на этотъ разъ возникли обычныя денежныя „затрудненія", роковымъ образомъ сопутствовавшія казанскому университету за все время его столѣтняго существованія. Взамѣнъ суммы въ 123,676 р. 30 коп., испрашивавшейся на 1821-й годъ, университетъ получилъ всего лишь 75,000 рублей (за возмѣщеніемъ въ хозяйственный капиталъ 41-й тыс. рублей, позаимствованной въ 1820-мъ году), послѣдующія же ассигновки выразились слѣдующими суммами: 1822-й годъ—148,343 р. 79 к., 1823-й годъ—28,000 р., 1824-й годъ—50,000 р., 1825-й годъ—50,000 р., 1826-й годъ—83,783 р. 40 к., 1828-й годъ—50,000 р., 1829-й годъ—47,477 р. 21 к.

Смѣты, планы и фасады предположенныхъ строительныхъ работъ были высочайше „аппробованы" еще въ 1821-мъ году *, но начало работъ по основной задачѣ строительнаго плана,—соединенію домовъ гимназическаго и тенишевскаго,—за позднимъ отпускомъ денегъ могло послѣдовать лишь съ весны 1822-го года, самыя же работы были приведены къ окончанію не въ 1823-мъ году, какъ это первоначально предполагалось, но только лѣтомъ 1825-го года. Слѣдуетъ замѣтить, вообще, что первоначальный планъ строительныхъ работъ подвергался значительнымъ измѣненіямъ

* По слѣдующему разсчету: соединеніе домовъ гимназическаго и тенишевскаго—269,892 р. 80 к. (1821 и 1822 г.г.), флигель для службъ—55,947 р. (1823 г.), баня—17,091 р. 50 к. (1823 г.), прачешная—17,091 р. 50 к. (1823 г), полуциркульное строеніе для квартиръ—136,503 р. 60 к. (1824 г.). сараи, конюшни, сѣновалъ—45,969 р. 60 к. (1825 г.), обсерваторія и химическая лабораторія—48,825 р. (1825 г.), садъ, оранжерея и мелкія работы—28,500 р. (1826 г.).

ковъ и казармъ для инвалидовъ, равно какъ и для помѣщенія полиціи онаго университета.

4. Вслѣдъ за онымъ строеніемъ поставить въ 1825-мъ году сараи и конюшни съ сѣновалами,—по плану подъ литерами DD.

5. Выстроить обсерваторію подъ литерами JJ.

6. Въ довершеніе же всего въ 1826-мъ году предпринять устроеніе сада съ оранжереями, наружную штукатурку попечительскаго (кастелліеваго) дома" и пр.

Что касается разсрочки всей смѣтной суммы, исчисленной на расходы по основной задачѣ соединенія двухъ главныхъ университетскихъ домовъ, то правленіе предполагало распредѣлить эту работу на 1821-й и 1822-й годы, испрашивая для этой цѣли по 123,676 р. 30 коп. въ годъ, на остальныя же строительныя работы намѣчало ассигновки въ слѣдующемъ порядкѣ: на 1823-й годъ—100,000 р., на 1824-й годъ—100,000 р., на 1825-й годъ—100,000 р., на 1826-й годъ—84,087 р. 90 коп. Этому финансовому разсчету правленія не было, однако, суждено осуществиться,—и на этотъ разъ возникли обычныя денежныя „затрудненія", роковымъ образомъ сопутствовавшія казанскому университету за все время его столѣтняго существованія. Взамѣнъ суммы въ 123,676 р. 30 коп., испрашивавшейся на 1821-й годъ, университетъ получилъ всего лишь 75,000 рублей (за возмѣщеніемъ въ хозяйственный капиталъ 41-й тыс. рублей, позаимствованной въ 1820-мъ году), послѣдующія же ассигновки выразились слѣдующими суммами: 1822-й годъ—148,343 р. 79 к., 1823-й годъ—28,000 р., 1824-й годъ—50,000 р., 1825-й годъ—50,000 р., 1826-й годъ—83,783 р. 40 к., 1828-й годъ—50,000 р., 1829-й годъ—47,477 р. 21 к.

Смѣты, планы и фасады предположенныхъ строительныхъ работъ были высочайше „аппробованы" еще въ 1821-мъ году *, но начало работъ по основной задачѣ строительнаго плана,—соединенію домовъ гимназическаго и тенишевскаго,—за позднимъ отпускомъ денегъ могло послѣдовать лишь съ весны 1822-го года, самыя же работы были приведены къ окончанію не въ 1823-мъ году, какъ это первоначально предполагалось, но только лѣтомъ 1825-го года. Слѣдуетъ замѣтить, вообще, что первоначальный планъ строительныхъ работъ подвергался значительнымъ измѣненіямъ

* По слѣдующему разсчету: соединеніе домовъ гимназическаго и тенишевскаго—269,892 р. 80 к. (1821 и 1822 г.г.), флигель для службъ—55,947 р. (1823 г.), баня—17,091 р. 50 к. (1823 г.), прачешная—17,091 р. 50 к. (1823 г), полуциркульное строеніе для квартиръ—136,503 р. 60 к. (1824 г.). сараи, конюшни, сѣновалъ—45,969 р. 60 к. (1825 г.), обсерваторія и химическая лабораторія—48,825 р. (1825 г.), садъ, оранжерея и мелкія работы—28,500 р. (1826 г.).

и замедленіямъ вслѣдствіе урѣзываній и задержекъ въ отпускѣ суммъ, что вызывало безконечную переписку между университетомъ, попечителемъ и центральными органами правительства [228].

Въ самомъ началѣ 1822-го года состоялось и учрежденіе при университетѣ строительнаго комитета, предположеніе относительно котораго готово было осуществиться, какъ мы это видѣли, еще годъ тому назадъ. Въ ноябрѣ 1821-го года послѣдовало высочайшее соизволеніе на учрежденіе комитета, а 30-го января 1822 года правленіе университета донесло попечителю, что строительный комитетъ сформировался въ слѣдующемъ составѣ: ректоръ Никольскій и профессоры Лобачевскій и Тимьянскій. Вновь сформированному комитету, подъ наблюденіемъ котораго всѣ строительныя работы должны были производиться хозяйственнымъ способомъ, была преподана особая инструкція („Изображеніе будущихъ дѣйствій“ его), всѣ же заботы по заготовленію матеріаловъ и по найму рабочихъ возложены, съ званіемъ „коммиссіонера“, на экзекутора университета Визгалова * [229].

Перейдемъ теперь къ болѣе обстоятельному обзору сущности работъ, намѣченныхъ и выполненныхъ по дѣлу переустройства зданій казанскаго университета. Для точнаго уясненія себѣ общаго плана ихъ, мы должны рекомендовать нашимъ читателямъ сопоставленіе слѣдующихъ четырехъ плановъ, приложенныхъ къ настоящему труду: А) „Планъ старой казанской гимназіи начала XIX-го вѣка“ (приложеніе пятое къ тому I), Б) „Планъ-проектъ университетскихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, 1807-го года“ (томъ III, стр. 140), В) „Планъ нижняго этажа главнаго корпуса и пр.“, 1821-го года, въ сущности представляющій собою общій строительный проектъ этого года (прилагается къ настоящему тому, № I), и Г) „Планъ главнаго корпуса и пр.“, верхній и средній этажи, 1821-го года (тамъ же, № II); въ видахъ сокращенія

* Укажемъ здѣсь дальнѣйшія измѣненія въ составѣ университетскаго строительнаго комитета.

30-го ноября 1823 года проф. Никольскій уволенъ отъ должности предсѣдателя комитета, съ назначеніемъ на его мѣсто инспектора студентовъ Вишневскаго (съ 29-го декабря), котораго съ 16-го февраля 1825 года въ свою очередь замѣнилъ проф. Лобачевскій.

17-го мая 1823 года, взамѣнъ проф. Тимьянскаго, членомъ строительнаго комитета назначенъ адъюнктъ Васильевъ, а 7-го августа того же года членомъ комитета назначенъ Калашниковъ.

Въ началѣ февраля 1824-го года уволенъ, съ оставленіемъ въ должности экзекутора, коммиссіонеръ строительнаго комитета Визгаловъ, съ назначеніемъ на его мѣсто университетскаго кассира Кавнацкаго.

и замедленіямъ вслѣдствіе урѣзываній и задержекъ въ отпускѣ суммъ, что вызывало безконечную переписку между университетомъ, попечителемъ и центральными органами правительства [228].

Въ самомъ началѣ 1822-го года состоялось и учрежденіе при университетѣ строительнаго комитета, предположеніе относительно котораго готово было осуществиться, какъ мы это видѣли, еще годъ тому назадъ. Въ ноябрѣ 1821-го года послѣдовало высочайшее соизволеніе на учрежденіе комитета, а 30-го января 1822 года правленіе университета донесло попечителю, что строительный комитетъ сформировался въ слѣдующемъ составѣ: ректоръ Никольскій и профессоры Лобачевскій и Тимьянскій. Вновь сформированному комитету, подъ наблюденіемъ котораго всѣ строительныя работы должны были производиться хозяйственнымъ способомъ, была преподана особая инструкція („Изображеніе будущихъ дѣйствій“ его), всѣ же заботы по заготовленію матеріаловъ и по найму рабочихъ возложены, съ званіемъ „коммиссіонера“, на экзекутора университета Визгалова * [229].

Перейдемъ теперь къ болѣе обстоятельному обзору сущности работъ, намѣченныхъ и выполненныхъ по дѣлу переустройства зданій казанскаго университета. Для точнаго уясненія себѣ общаго плана ихъ, мы должны рекомендовать нашимъ читателямъ сопоставленіе слѣдующихъ четырехъ плановъ, приложенныхъ къ настоящему труду: А) „Планъ старой казанской гимназіи начала XIX-го вѣка“ (приложеніе пятое къ тому I), Б) „Планъ-проектъ университетскихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, 1807-го года“ (томъ III, стр. 140), В) „Планъ нижняго этажа главнаго корпуса и пр.“, 1821-го года, въ сущности представляющій собою общій строительный проектъ этого года (прилагается къ настоящему тому, № I), и Г) „Планъ главнаго корпуса и пр.“, верхній и средній этажи, 1821-го года (тамъ же, № II); въ видахъ сокращенія

---

* Укажемъ здѣсь дальнѣйшія измѣненія въ составѣ университетскаго строительнаго комитета.

30-го ноября 1823 года проф. Никольскій уволенъ отъ должности предсѣдателя комитета, съ назначеніемъ на его мѣсто инспектора студентовъ Вишневскаго (съ 29-го декабря), котораго съ 16-го февраля 1825 года въ свою очередь замѣнилъ проф. Лобачевскій.

17-го мая 1823 года, взамѣнъ проф. Тимьянскаго, членомъ строительнаго комитета назначенъ адъюнктъ Васильевъ, а 7-го августа того же года членомъ комитета назначенъ Калашниковъ.

Въ началѣ февраля 1824-го года уволенъ, съ оставленіемъ въ должности экзекутора, коммиссіонеръ строительнаго комитета Визгаловъ, съ назначеніемъ на его мѣсто университетскаго кассира Кавнацкаго.

ссылокъ на эти планы, мы въ только что приведенномъ порядкѣ и будемъ именовать ихъ планами „А", „Б", „В" и „Г".

Планъ *Б* знакомитъ читателей съ взаимнымъ топографическимъ соотношеніемъ четырехъ основныхъ зданій казанскаго университета до начала строительныхъ работъ 1821-го—1822-го годовъ; здѣсь, по линіи Воскресенской улицы, значатся, начиная съ востока, слѣдующіе дома: подъ литерою *a*—старый гимназическій домъ; подъ литерою *c*—домъ тенишевскій или губернаторскій, предположенный къ соединенію въ одинъ корпусъ съ предыдущимъ и съ кухнею (*b*) при немъ; подъ литерою *d*—кастелліевскій или комендантскій домъ; подъ литерою *e*—домъ спижарный *.

Планъ *В* даетъ намъ полный проектъ строительныхъ работъ, намѣченныхъ въ 1821-омъ году по части соединенія домовъ гимназическаго (на планѣ ограниченъ литерами АААА) и тенишевскаго (ВВВВ) и сооруженія въ районѣ ихъ дворовыхъ мѣстъ зданій совершенно новыхъ. Зданія, уже существовавшія къ началу работъ—на планѣ вычерчены черною тушью, зданія проектированныя—тушью свѣтлою; изъ бѣглаго взгляда на этотъ планъ усматривается, что оба дворовыя мѣста, представлявшія изъ себя отчасти сады, отчасти заросшіе бурьяномъ пустыри, не были застроены, если не принимать въ разсчетъ нѣсколькихъ мелкихъ построекъ служебнаго характера **. Планъ рисуетъ совершенно ясную картину строительныхъ работъ, совершенныхъ по соединенію домовъ гимназическаго (АААА), который до этого соединенія оканчивался къ западу нынѣшними параднымъ вестибюлемъ (въ нижнемъ этажѣ) и церковью (въ верхнихъ этажахъ), и тенишевскаго (ВВВВ), оканчивавшагося къ востоку наружною стѣною *ZZ*, въ послѣдніе годы отграничивавшею съ восточной стороны: въ нижнемъ этажѣ—университетское казначейство и квартиру инспектора отъ университетскихъ канцелярій, въ бель-этажѣ—общія аудиторіи отъ зала засѣданій совѣта и проходной къ актовому залу комнаты. До соединенія обоихъ домовъ между ними находился промежутокъ около 16-ти саженъ длины по улицѣ, на которомъ находились ворота и небольшое зданіе кухни тенишевскаго дома (см. планъ *Б*); соединеніе домовъ совершено возведеніемъ между ними связи—*вввв*, которая вмѣстила въ себѣ большой актовый залъ (на планѣ *Г* въ среднемъ этажѣ № 2) съ прилегающими къ нему восточными аванъ-залою и прихожею (тамъ

* Изображенія самыхъ фасадовъ всѣхъ этихъ домовъ даны въ томѣ I-мъ нашего труда, при страницахъ 65-ой, 73-ей, 81-ой и 89-ой.

** Эти дворовыя мѣста возстановлены на планѣ, приложенномъ къ страницѣ 128-ой тома III-го.

ссылокъ на эти планы, мы въ только что приведенномъ порядкѣ и будемъ именовать ихъ планами „А", „Б", „В" и „Г".

Планъ *Б* знакомитъ читателей съ взаимнымъ топографическимъ соотношеніемъ четырехъ основныхъ зданій казанскаго университета до начала строительныхъ работъ 1821-го—1822-го годовъ; здѣсь, по линіи Воскресенской улицы, значатся, начиная съ востока, слѣдующіе дома: подъ литерою *a*—старый гимназическій домъ; подъ литерою *c*—домъ тенишевскій или губернаторскій, предположенный къ соединенію въ одинъ корпусъ съ предыдущимъ и съ кухнею (*b*) при немъ; подъ литерою *d*—кастелліевскій или комендантскій домъ; подъ литерою *e*—домъ спижарный *.

Планъ *В* даетъ намъ полный проектъ строительныхъ работъ, намѣченныхъ въ 1821-омъ году по части соединенія домовъ гимназическаго (на планѣ ограниченъ литерами АААА) и тенишевскаго (ВВВВ) и сооруженія въ районѣ ихъ дворовыхъ мѣстъ зданій совершенно новыхъ. Зданія, уже существовавшія къ началу работъ—на планѣ вычерчены черною тушью, зданія проектированныя—тушью свѣтлою; изъ бѣглаго взгляда на этотъ планъ усматривается, что оба дворовыя мѣста, представлявшія изъ себя отчасти сады, отчасти заросшіе бурьяномъ пустыри, не были застроены, если не принимать въ разсчетъ нѣсколькихъ мелкихъ построекъ служебнаго характера **. Планъ рисуетъ совершенно ясную картину строительныхъ работъ, совершенныхъ по соединенію домовъ гимназическаго (АААА), который до этого соединенія оканчивался къ западу нынѣшними параднымъ вестибюлемъ (въ нижнемъ этажѣ) и церковью (въ верхнихъ этажахъ), и тенишевскаго (ВВВВ), оканчивавшагося къ востоку наружною стѣною ZZ, въ послѣдніе годы отграничивавшею съ восточной стороны: въ нижнемъ этажѣ—университетское казначейство и квартиру инспектора отъ университетскихъ канцелярій, въ бель-этажѣ—общія аудиторіи отъ зала засѣданій совѣта и проходной къ актовому залу комнаты. До соединенія обоихъ домовъ между ними находился промежутокъ около 16-ти саженъ длины по улицѣ, на которомъ находились ворота и небольшое зданіе кухни тенишевскаго дома (см. планъ *Б*); соединеніе домовъ совершено возведеніемъ между ними связи—*вввв*, которая вмѣстила въ себѣ большой актовый залъ (на планѣ *Г* въ среднемъ этажѣ № 2) съ прилегающими къ нему восточными аванъ-залою и прихожею (тамъ

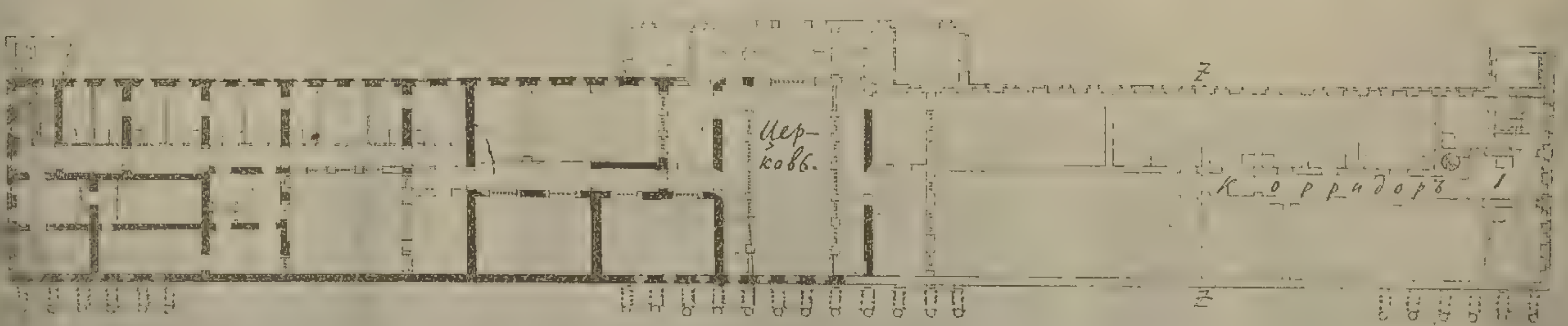
---

* Изображенія самыхъ фасадовъ всѣхъ этихъ домовъ даны въ томѣ I-мъ нашего труда, при страницахъ 65-ой, 73-ей, 81-ой и 89-ой.

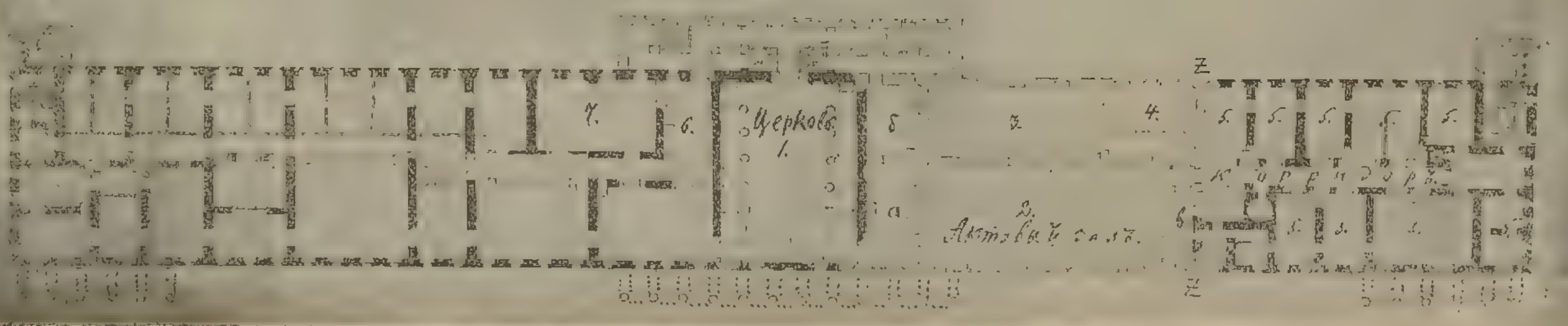
** Эти дворовыя мѣста возстановлены на планѣ, приложенномъ къ страницѣ 128-ой тома III-го.

II.
Планъ главнаго Корпуса Императорскаго Казанскаго Университета, Высочайше апробов...

а). Верхній Этажъ.



б). Средній Этажъ.

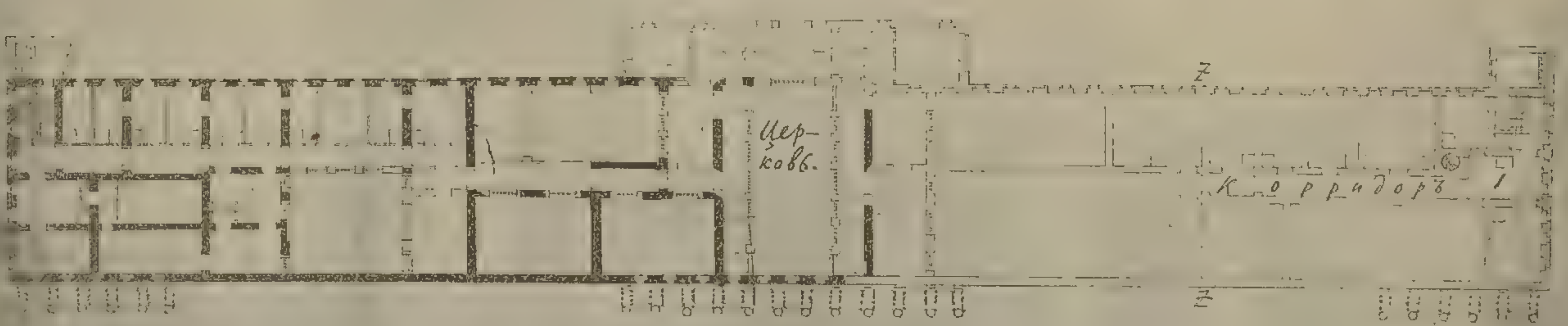


КЪ ИСТОРІИ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ПОСТРОЕКЪ.
(1822—1826)

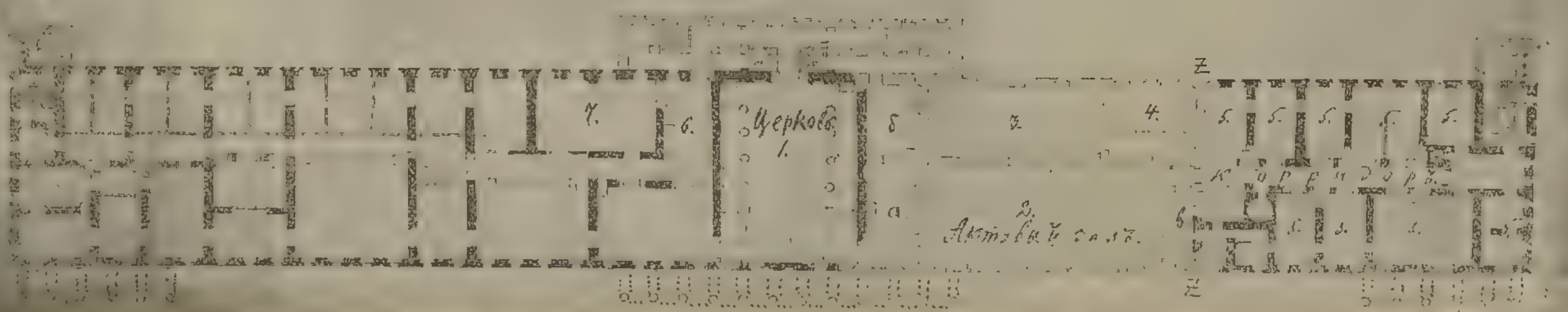
II.

Планъ главнаго Корпуса Императорскаго Казанскаго Университета, Высочайше апроб...

а). Верхній Этажъ.



б). Средній Этажъ.



КЪ ИСТОРІИ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ПОСТРОЕКЪ.
(1822—1826)

же подъ литерами *а* и *б*), бывшими залами геологическаго кабинета и совѣтскихъ засѣданій (тамъ же №№ 3 и 4) и проходною къ общимъ аудиторіямъ комнатою (тамъ же подъ литерою *в*). Въ видахъ сохраненія общаго стиля стараго гимназическаго зданія вновь устроенному главному корпусу приданы три коллонады (на планѣ *В* литеры с и dd); съ надворной стороны корпуса сдѣлана, непосредственно прилегающая къ парадному вестибюлю, пристройка (тамъ же литеры *аааа*), вмѣщающая въ себѣ выходъ во дворъ и ведущую къ церкви и актовому залу парадную лѣстницу въ два пролета; боковыя къ главному корпусу пристройки (тамъ же *ее*), предполагавшіяся для внѣшнихъ лѣстницъ между этажами—осуществлены не были и лѣстницы оставлены старыя (внутреннія).

Въ результатѣ произведенныхъ работъ получился нынѣшній главный университетскій корпусъ въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ существовалъ до перестроекъ въ немъ, предпринятыхъ съ начала лѣта 1905-го года. Вотъ какъ описывается внѣшній фасадъ этого вновь отстроеннаго корпуса въ весьма любопытной „Описи главнаго университетскаго корпуса, съ двумя при ономъ флигелями (на планѣ *В* подъ литерами *ССС* и *ККК*), освидѣтельственной учрежденной коммиссіей для приведенія въ извѣстность всего имущества казанскаго университета въ 1827-мъ году", относящейся, такимъ образомъ, какъ разъ къ порѣ завершенія строительныхъ работъ эпохи попечительства Магницкаго *:

„Весь главный корпусъ,—читаемъ здѣсь,—по Воскресенской улицѣ на сѣверной сторонѣ длиною 75 сажень 1 аршинъ 12 вершковъ, шириною, кромѣ выступовъ, 10 сажень 2 аршина; высотою отъ земли, гдѣ наибольшая возвышенность оной, до крыши 5 сажень 2 аршина 2 вершка.

Уличная сторона въ два этажа, надворная же и боковыя имѣютъ, кромѣ того, антресоли и подвальный этажъ.

Фасадъ—іоническаго чина (sic). Главный по улицѣ украшенъ тремя порталами: большой, по серединѣ корпуса, о 12-ти колонныхъ столбахъ, съ пилястрами, увѣнчанныхъ сверхъ полнаго карниза аттикомъ; прочіе два портала имѣютъ по 6-ти колоннъ и, сверхъ карниза, парапеты, служащіе основаніемъ крыши. Колонны: нижній діаметръ $1^1/_2$ аршина; высота, съ базою и капителью, до карниза 4 сажени 1 аршинъ

* Рекомендуемъ вниманію лицъ, интересующихся описаніемъ и распредѣленіемъ университетскихъ помѣщеній конца двадцатыхъ годовъ XIX-го столѣтія, эту обширную (145 листовъ) опись, шагъ за шагомъ и съ величайшею скрупулезностью описывающею всѣ зданія казанскаго университета и распредѣленіе по нимъ отдѣльныхъ помѣщеній и учрежденій. Эта опись представляетъ собою приложеніе къ дѣлу № 80 архива попечительской канцеляріи, за 1827-й годъ.

же подъ литерами *а* и *б*), бывшими залами геологическаго кабинета и совѣтскихъ засѣданій (тамъ же №№ 3 и 4) и проходною къ общимъ аудиторіямъ комнатою (тамъ же подъ литерою *в*). Въ видахъ сохраненія общаго стиля стараго гимназическаго зданія вновь устроенному главному корпусу приданы три коллонады (на планѣ *В* литеры с и dd); съ надворной стороны корпуса сдѣлана, непосредственно прилегающая къ парадному вестибюлю, пристройка (тамъ же литеры *аааа*), вмѣщающая въ себѣ выходъ во дворъ и ведущую къ церкви и актовому залу парадную лѣстницу въ два пролета; боковыя къ главному корпусу пристройки (тамъ же *ее*), предполагавшіяся для внѣшнихъ лѣстницъ между этажами—осуществлены не были и лѣстницы оставлены старыя (внутреннія).

Въ результатѣ произведенныхъ работъ получился нынѣшній главный университетскій корпусъ въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ существовалъ до перестроекъ въ немъ, предпринятыхъ съ начала лѣта 1905-го года. Вотъ какъ описывается внѣшній фасадъ этого вновь отстроеннаго корпуса въ весьма любопытной „Описи главнаго университетскаго корпуса, съ двумя при ономъ флигелями (на планѣ *В* подъ литерами *ССС* и *ККК*), освидѣтельственной учрежденной коммиссіей для приведенія въ извѣстность всего имущества казанскаго университета въ 1827-мъ году", относящейся, такимъ образомъ, какъ разъ къ порѣ завершенія строительныхъ работъ эпохи попечительства Магницкаго *:

> „Весь главный корпусъ,—читаемъ здѣсь,—по Воскресенской улицѣ на сѣверной сторонѣ длиною 75 сажень 1 аршинъ 12 вершковъ, шириною, кромѣ выступовъ, 10 сажень 2 аршина; высотою отъ земли, гдѣ наибольшая возвышенность оной, до крыши 5 сажень 2 аршина 2 вершка.
>
> Уличная сторона въ два этажа, надворная же и боковыя имѣютъ, кромѣ того, антресоли и подвальный этажъ.
>
> Фасадъ—іоническаго чина (sic). Главный по улицѣ украшенъ тремя порталами: большой, по серединѣ корпуса, о 12-ти колонныхъ столбахъ, съ пилястрами, увѣнчанныхъ сверхъ полнаго карниза аттикомъ; прочіе два портала имѣютъ по 6-ти колоннъ и, сверхъ карниза, парапеты, служащіе основаніемъ крыши. Колонны: нижній діаметръ 1½ аршина; высота, съ базою и капителью, до карниза 4 сажени 1 аршинъ

---

* Рекомендуемъ вниманію лицъ, интересующихся описаніемъ и распредѣленіемъ университетскихъ помѣщеній конца двадцатыхъ годовъ XIX-го столѣтія, эту обширную (145 листовъ) опись, шагъ за шагомъ и съ величайшею скрупулезностью описывающею всѣ зданія казанскаго университета и распредѣленіе по нимъ отдѣльныхъ помѣщеній и учрежденій. Эта опись представляетъ собою приложеніе къ дѣлу № 80 архива попечительской канцеляріи, за 1827-й годъ.

10 вершковъ. Полный карнизъ находится только по уличной сторонѣ, а съ прочихъ сторонъ безъ архитрава. Всѣ три портала выстланы лещаднымъ камнемъ. Главный порталъ длиною 16 сажень 2 аршина 8 вершковъ, поперечнику 1 сажень 2 аршина 12½ вершковъ, а два портала по концамъ корпуса длиною по 8 сажень 4 вершка каждый. Колонные столбы внизу обложены листовымъ желѣзомъ, каковое желѣзо укрѣплено гвоздями, и во весь порталъ обложено полоснымъ желѣзомъ. Надъ онымъ порталомъ, подъ карнизомъ, 56 медальоновъ и по бокамъ по 6-ти; карнизы покрыты желѣзомъ, окрашены зеленой краской; на карнизѣ парапетъ съ цоколями фризами; на фризѣ 25 золотыхъ литеръ, означающія: Императорскій Университетъ.

Аттикъ, въ коемъ въ серединѣ впадины, по сторонамъ вѣнки, два цоколя; надъ онымъ цоколемъ педисталь, которая желѣзомъ обита. Надъ церковью крестъ деревянный, обитый вызолоченною жестью, который вышиною 5 аршинъ 6 вершковъ, поперечнику по 1 аршину 3 вершка, брусъ шириною 6 вершковъ, толщины 3 вершка; внизу шаръ въ діаметрѣ аршинъ, подъ онымъ тумба—кубическій аршинъ.

Надворный фасадъ, равно какъ и боковые—безъ колоннъ. Первый имѣетъ во дворъ три выступа къ полуденной сторонѣ, во всю высоту зданія, изъ коихъ средній, противъ главныхъ сѣней, устроенъ для помѣщенія парадной лѣстницы; имѣетъ надъ общимъ карнизомъ возвышеніе, оканчивающееся фронтономъ, въ серединѣ коего находится полукруглое большое окно. Въ среднемъ этажѣ сего выступа предназначены два балкона на дворъ и по сторонамъ онаго выступа находится для балкона по 6-ти большихъ желѣзныхъ связей. Другіе два выступа, по концамъ корпуса, для нужныхъ мѣстъ.

Внѣшность этажей верхняго и нижняго отдѣлана пояскомъ, нижній оштукатуренъ рустикомъ, а верхній—гладко. Вокругъ корпуса украшено, кромѣ описанныхъ средняго портала, 410-ю медальонами. Окна верхняго этажа украшены наличниками и имѣютъ надъ собою сандрики, а полукруглыя окна—одни наличники“ [230]...

и т. д.

Разработанный и высочайше утвержденный въ 1821-мъ году общій планъ университетскихъ строительныхъ работъ далеко не былъ выполненъ въ первоначальной своей полнотѣ,—главнымъ образомъ изъ за препятствій финансоваго характера. За исключеніемъ ремонтныхъ и мелкихъ работъ, касаться которыхъ мы не станемъ, изъ общаго проекта 1821-го года осуществились только соединеніе въ одинъ главный корпусъ гимназическаго и тенишевскаго домовъ и постройка вновь примыкавшаго къ западной оконечности главнаго корпуса одноэтажнаго флигеля (формы буквы „Т“,—на планѣ В подъ лите-

10 вершковъ. Полный карнизъ находится только по уличной сторонѣ, а съ прочихъ сторонъ безъ архитрава. Всѣ три портала выстланы лещаднымъ камнемъ. Главный порталъ длиною 16 сажень 2 аршина 8 вершковъ, поперечнику 1 сажень 2 аршина 12½ вершковъ, а два портала по концамъ корпуса длиною по 8 сажень 4 вершка каждый. Колонные столбы внизу обложены листовымъ желѣзомъ, каковое желѣзо укрѣплено гвоздями, и во весь порталъ обложено полоснымъ желѣзомъ. Надъ онымъ порталомъ, подъ карнизомъ, 56 медальоновъ и по бокамъ по 6-ти; карнизы покрыты желѣзомъ, окрашены зеленой краской; на карнизѣ парапетъ съ цоколями фризами; на фризѣ 25 золотыхъ литеръ, означающія: Императорскій Университетъ.

Аттикъ, въ коемъ въ серединѣ впадины, по сторонамъ вѣнки, два цоколя; надъ онымъ цоколемъ педисталь, которая желѣзомъ обита. Надъ церковью крестъ деревянный, обитый вызолоченною жестью, который вышиною 5 аршинъ 6 вершковъ, поперечнику по 1 аршину 3 вершка, брусъ шириною 6 вершковъ, толщины 3 вершка; внизу шаръ въ діаметрѣ аршинъ, подъ онымъ тумба—кубическій аршинъ.

Надворный фасадъ, равно какъ и боковые—безъ колоннъ. Первый имѣетъ во дворъ три выступа къ полуденной сторонѣ, во всю высоту зданія, изъ коихъ средній, противъ главныхъ сѣней, устроенъ для помѣщенія парадной лѣстницы; имѣетъ надъ общимъ карнизомъ возвышеніе, оканчивающееся фронтономъ, въ серединѣ коего находится полукруглое большое окно. Въ среднемъ этажѣ сего выступа предназначены два балкона на дворъ и по сторонамъ онаго выступа находится для балкона по 6-ти большихъ желѣзныхъ связей. Другіе два выступа, по концамъ корпуса, для нужныхъ мѣстъ.

Внѣшность этажей верхняго и нижняго отдѣлана пояскомъ, нижній оштукатуренъ рустикомъ, а верхній—гладко. Вокругъ корпуса украшено, кромѣ описанныхъ средняго портала, 410-ю медальонами. Окна верхняго этажа украшены наличниками и имѣютъ надъ собою сиңдрики, а полукруглыя окна—одни наличники" [230]...

и т. д.

Разработанный и высочайше утвержденный въ 1821-мъ году общій планъ университетскихъ строительныхъ работъ далеко не былъ выполненъ въ первоначальной своей полнотѣ,—главнымъ образомъ изъ за препятствій финансоваго характера. За исключеніемъ ремонтныхъ и мелкихъ работъ, касаться которыхъ мы не станемъ, изъ общаго проекта 1821-го года осуществились только соединеніе въ одинъ главный корпусъ гимназическаго и тенишевскаго домовъ и постройка вновь примыкавшаго къ западной оконечности главнаго корпуса одноэтажнаго флигеля (формы буквы „Т",—на планѣ В подъ лите-

рами *CCC*) *, симметричнаго къ таковому же флигелю у восточной оконечности главнаго корпуса (тамъ же подъ литерами *KKK*), существовавшему уже раньше. Не состоялись, такимъ образомъ, постройки ни грандіознаго,—до 90 сажень по длинѣ фасада,—„полуциркульнаго" корпуса для размѣщенія въ немъ квартиръ служащихъ (на планѣ В подъ литерами GG и HH), ни предположеннаго въ центрѣ этого полуциркуля круглаго зданія для астрономической обсерваторіи и химической лабораторіи (литеры JJ), ни линіи службъ (литеры DD), ни бани и прачешной (литеры EE и FF), ни устройства сада съ оранжереями **. Отмѣна этихъ капитальныхъ построекъ воспослѣдовала въ концѣ лѣта 1825-го года, когда, слѣдовательно, уже было приведено къ благополучному окончанію устройство главнаго корпуса, и была предложена правленію университета слѣдующею резолюціею Магницкаго отъ 14-го августа этого года:

„Какъ уже нѣсколько годовъ сряду отпускъ суммъ на всѣ предположенія измѣнился, строеніе должно продолжиться гораздо долѣе назначеннаго срока и многія новыя обстоятельства указали нужду въ перемѣнѣ плана, весьма поспѣшно сдѣланнаго и мало соображеннаго, то и строенія сіи полагалъ бы я отмѣнить, какъ ненужныя и такія, кои стѣснили бы мѣсто, подъ университетомъ находящееся...

На сумму, которая останется отъ сего строенія, можно бы: 1) Соединить по прилагаемымъ у сего планамъ и фасадамъ кастелліевскій домъ съ спижарнымъ и устроить для нихъ всѣ службы; 2) Купить и отдѣлать съ дополненіемъ, ежели нужно будетъ, суммы, остающейся отъ медицинскаго института, домъ купца Крупеникова ***, для помѣщенія въ немъ медицинскихъ студентовъ".

И такъ, дѣло университетскаго строительства готово было вступить въ новый фазисъ—соединенія подъ одно и двухъ остальныхъ главныхъ уни-

* Этотъ флигель былъ въ 1904 году сломанъ для сооруженія новаго большого западнаго университетскаго корпуса.

** См. выше стр. 425—426. Здѣсь будетъ умѣстнымъ отмѣтить, что неосуществленная при Магницкомъ часть общаго плана строительныхъ работъ была, хотя и съ значительными измѣненіями, принята въ основу новыхъ университетскихъ надворныхъ построекъ, предпринятыхъ въ 30-хъ годахъ, уже въ эпоху попечительства Мусина-Пушкина. Такъ, расположенные въ наши дни по сторонамъ и нѣсколько сзади анатомическаго театра два дугообразныхъ корпуса службъ—напоминаютъ намъ какъ разъ въ этомъ мѣстѣ проектированный «полуциркульный» корпусъ эпохи Магницкаго; самый анатомическій театръ—круглое центральное зданіе астрономической обсерваторіи и химической лабораторіи; нынѣшнія зданія физическаго института и старой библіотеки—боковыя крыла «полуциркульнаго» корпуса. Измѣненная въ деталяхъ, общая идея 20-хъ годовъ была, такимъ образомъ, осуществлена при преемникѣ Магницкаго.

*** О предположеніяхъ покупки для университета этого дома, существовавшихъ еще въ 1805, 1811 и 1824 годахъ, см. томъ I, стр. 70—73, томъ III, стр. 155, и выше стр. 217.

рами *CCC*) *, симметричнаго къ таковому же флигелю у восточной оконечности главнаго корпуса (тамъ же подъ литерами *KKK*), существовавшему уже раньше. Не состоялись, такимъ образомъ, постройки ни грандіознаго,—до 90 сажень по длинѣ фасада,—„полуциркульнаго" корпуса для размѣщенія въ немъ квартиръ служащихъ (на планѣ В подъ литерами GG и HH), ни предположеннаго въ центрѣ этого полуциркуля круглаго зданія для астрономической обсерваторіи и химической лабораторіи (литеры JJ), ни линіи службъ (литеры DD), ни бани и прачешной (литеры EE и FF), ни устройства сада съ оранжереями **. Отмѣна этихъ капитальныхъ построекъ воспослѣдовала въ концѣ лѣта 1825-го года, когда, слѣдовательно, уже было приведено къ благополучному окончанію устройство главнаго корпуса, и была предложена правленію университета слѣдующею резолюціею Магницкаго отъ 14-го августа этого года:

„Какъ уже нѣсколько годовъ сряду отпускъ суммъ на всѣ предположенія измѣнился, строеніе должно продолжиться гораздо долѣе назначеннаго срока и многія новыя обстоятельства указали нужду въ перемѣнѣ плана, весьма поспѣшно сдѣланнаго и мало соображеннаго, то и строенія сіи полагалъ бы я отмѣнить, какъ ненужныя и такія, кои стѣснили бы мѣсто, подъ университетомъ находящееся...

На сумму, которая останется отъ сего строенія, можно бы: 1) Соединить по прилагаемымъ у сего планамъ и фасадамъ кастелліевскій домъ съ спижарнымъ и устроить для нихъ всѣ службы; 2) Купить и отдѣлать съ дополненіемъ, ежели нужно будетъ, суммы, остающейся отъ медицинскаго института, домъ купца Крупеникова ***, для помѣщенія въ немъ медицинскихъ студентовъ".

И такъ, дѣло университетскаго строительства готово было вступить въ новый фазисъ—соединенія подъ одно и двухъ остальныхъ главныхъ уни-

* Этотъ флигель былъ въ 1904 году сломанъ для сооруженія новаго большого западнаго университетскаго корпуса.

** См. выше стр. 425—426. Здѣсь будетъ умѣстнымъ отмѣтить, что неосуществленная при Магницкомъ часть общаго плана строительныхъ работъ была, хотя и съ значительными измѣненіями, принята въ основу новыхъ университетскихъ надворныхъ построекъ, предпринятыхъ въ 30-хъ годахъ, уже въ эпоху попечительства Мусина-Пушкина. Такъ, расположенные въ наши дни по сторонамъ и нѣсколько сзади анатомическаго театра два дугообразныхъ корпуса службъ—напоминаютъ намъ какъ разъ въ этомъ мѣстѣ проектированный «полуциркульный» корпусъ эпохи Магницкаго; самый анатомическій театръ—круглое центральное зданіе астрономической обсерваторіи и химической лабораторіи; нынѣшнія зданія физическаго института и старой библіотеки—боковыя крыла «полуциркульнаго» корпуса. Измѣненная въ деталяхъ, общая идея 20-хъ годовъ была, такимъ образомъ, осуществлена при преемникѣ Магницкаго.

*** О предположеніяхъ покупки для университета этого дома, существовавшихъ еще въ 1805, 1811 и 1824 годахъ, см. томъ I, стр. 70—73, томъ III, стр. 155, и выше стр. 217.

верситетскихъ домовъ. Интересно, что проектъ этотъ зародился еще лѣтомъ 1823-го года, когда Магницкій предписалъ университетскому архитектору Пятницкому „сдѣлать прожектъ на соединеніе попечительскаго (т. е. кастелліевскаго) * дома со спижарнымъ, вмѣстѣ съ симъ устроивъ на колоннахъ галлерею отъ попечительскаго дома до главнаго корпуса", причемъ цѣлью этого проекта поставлено было желаніе „въ новомъ соединеніи расположить квартиры директора и г.г. профессоровъ и отвратить то неприличіе, которое нынѣ представляется зрителю на фасады университетскихъ зданій, то есть, что подлѣ большого корпуса длиною 76 сажень—въ рядъ стоятъ два небольшихъ домика, какъ бы забытые или оставленные для противоположности съ нимъ". Хотя затребованные имъ планы и фасады и были изготовлены, тѣмъ не менѣе Магницкій уже осенью того же года отмѣнилъ дальнѣйшее движеніе по этому предположенію, отложивъ его до личнаго пріѣзда своего въ Казань. Вопросъ о соединеніи кастелліевскаго и спижарнаго домовъ былъ забытъ вмѣстѣ съ паденіемъ Магницкаго и казанскіе обыватели могутъ до днесь лицезрѣть архитектурное „неприличіе", въ свое время осужденное бывшимъ попечителемъ округа... [231].

Предпринятое коренное переустройство университетскихъ зданій выдвинуло впередъ и вопросъ о сооруженіи при университетѣ домовой церкви, потребность въ каковой уже давно ощущалась и за отсутствіемъ которой университетъ пользовался для удовлетворенія своихъ духовно-религіозныхъ требъ ближайшею приходскою церковью—Воскресенскою. Вопросъ этотъ былъ возбужденъ уже въ первый годъ попечительства Магницкаго, который еще 27-го ноября 1819 года обратился къ директору университета А. П. Владимірскому съ запросомъ относительно мѣста, наиболѣе подходящаго для устройства церкви, причемъ директоръ рекомендовалъ воспользоваться для этой цѣли столовымъ заломъ стараго гимназическаго дома **. Нашелся въ то время, въ лицѣ какого то отставного штабсъ-капитана А. Я. Лешевича-Бородулича, и жертвователь на это религіозное начинаніе, изъявившій готовность, начальствомъ однако отклоненную, принести университету въ даръ на сооруженіе церкви 10 тысячъ рублей при условіи предоставленія ему званія камеръ-юнкера и должности чиновника особыхъ порученій при попечителѣ округа ***. На твердую

* Такъ назывался кастелліевскій домъ потому, что въ немъ имѣлась квартира на случай пріѣзда въ Казань попечителя.

** Мѣстоположеніе этого зала см. на планѣ старой казанской гимназіи—въ приложеніяхъ къ тому первому нашего труда.

*** См. томъ II, стр. 409.

верситетскихъ домовъ. Интересно, что проектъ этотъ зародился еще лѣтомъ 1823-го года, когда Магницкій предписалъ университетскому архитектору Пятницкому „сдѣлать прожектъ на соединеніе попечительскаго (т. е. кастелліевскаго) * дома со спижарнымъ, вмѣстѣ съ симъ устроивъ на колоннахъ галлерею отъ попечительскаго дома до главнаго корпуса", причемъ цѣлью этого проекта поставлено было желаніе „въ новомъ соединеніи расположить квартиры директора и г.г. профессоровъ и отвратить то неприличіе, которое нынѣ представляется зрителю на фасады университетскихъ зданій, то есть, что подлѣ большого корпуса длиною 76 саженъ—въ рядъ стоятъ два небольшихъ домика, какъ бы забытые или оставленные для противоположности съ нимъ". Хотя затребованные имъ планы и фасады и были изготовлены, тѣмъ не менѣе Магницкій уже осенью того же года отмѣнилъ дальнѣйшее движеніе по этому предположенію, отложивъ его до личнаго пріѣзда своего въ Казань. Вопросъ о соединеніи кастелліевскаго и спижарнаго домовъ былъ забытъ вмѣстѣ съ паденіемъ Магницкаго и казанскіе обыватели могутъ до днесь лицезрѣть архитектурное „неприличіе", въ свое время осужденное бывшимъ попечителемъ округа... [231].

Предпринятое коренное переустройство университетскихъ зданій выдвинуло впередъ и вопросъ о сооруженіи при университетѣ домовой церкви, потребность въ каковой уже давно ощущалась и за отсутствіемъ которой университетъ пользовался для удовлетворенія своихъ духовно-религіозныхъ требъ ближайшею приходскою церковью—Воскресенскою. Вопросъ этотъ былъ возбужденъ уже въ первый годъ попечительства Магницкаго, который еще 27-го ноября 1819 года обратился къ директору университета А. П. Владимірскому съ запросомъ относительно мѣста, наиболѣе подходящаго для устройства церкви, причемъ директоръ рекомендовалъ воспользоваться для этой цѣли столовымъ заломъ стараго гимназическаго дома **. Нашелся въ то время, въ лицѣ какого то отставного штабсъ-капитана А. Я. Лешевича-Бородулича, и жертвователь на это религіозное начинаніе, изъявившій готовность, начальствомъ однако отклоненную, принести университету въ даръ на сооруженіе церкви 10 тысячъ рублей при условіи предоставленія ему званія камеръ-юнкера и должности чиновника особыхъ порученій при попечителѣ округа ***. На твердую

* Такъ назывался кастелліевскій домъ потому, что въ немъ имѣлась квартира на случай пріѣзда въ Казань попечителя.

** Мѣстоположеніе этого зала см. на планѣ старой казанской гимназіи—въ приложеніяхъ къ тому первому нашего труда.

*** См. томъ II, стр. 409.

ДОМОВАЯ ЦЕРКОВЬ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

(Освящена въ 1825 году)

ДОМОВАЯ ЦЕРКОВЬ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

(Освящена въ 1825 году)

почву практическаго осуществленія своего вопросъ о домовой университетской церкви сталъ въ началѣ 1821-го года, съ положительнымъ разрѣшеніемъ вопроса о переустройствѣ университетскихъ зданій, вообще, и о соединеніи гимназическаго и тенишевскаго домовъ, въ частности, причемъ уже въ то время назрѣло предположеніе соорудить эту церковь въ серединной части имѣющаго образоваться главнаго университетскаго корпуса. 10-го марта 1821 года правленіе университета, констатируя „недостатокъ для отправленія божественныхъ службъ церкви, въ которой бы воспитанники университета, не развлекаясь пестротою и непорядками, обыкали въ тишинѣ возноситься духомъ къ Подателю всяческихъ“, испрашивало у попечителя разрѣшеніе „приступить къ соединенію главнаго университетскаго дома съ тенишевскимъ“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ходатайствовало „о построеніи въ срединѣ сей связи церкви, хотя бы прочія предположенныя строенія и не утвердились въ семъ году“.

Нечего и говорить, конечно, о томъ, что Магницкій съ жаромъ принялся за осуществленіе идеи объ университетской церкви и лично занялся этимъ дѣломъ. Попечитель пожелалъ, что бы будущая церковь была сооружена по образцу петербургской домовой церкви министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицина и съ этою цѣлью въ столицу былъ командированъ составитель проекта, университетскій архитекторъ Пятницкій, который къ началу 1822-го года и изготовилъ планъ будущаго сооруженія. По этому плану университетской церкви приданъ былъ мистическій характеръ, который вполнѣ соотвѣтствовалъ общественному настроенію той эпохи и вполнѣ сохранился и до нашихъ дней: таинственный полумракъ храма, массивныя колоннады, иконостасъ въ формѣ воздвигнутаго четырехконечнаго креста, озаряемаго золотистыми лучами, падающими сверху сквозь круглое стекло съ отлитымъ на немъ изображеніемъ всевидящаго ока—все было разсчитано здѣсь на подъемъ мистическо-религіознаго настроенія молящихся. Своеобразное устройство церкви преслѣдовало еще и другую цѣль: оно должно было олицетворять собою придуманныя Магницкимъ эмблемму обновленнаго имъ университета— „водруженный крестъ, озаряющій науки“, и его девизъ—„во свѣтѣ Твоемъ узримъ правду“ *; что касается недостатка дневного свѣта въ церкви—то попечитель считалъ это обстоятельство весьма существеннымъ, такъ какъ онъ усматривалъ въ немъ „священный мракъ, церкви первыхъ вѣковъ напоминающій и единымъ всевидящимъ окомъ освѣщенный“.

* См. томъ III, стр. 359.

почву практическаго осуществленія своего вопросъ о домовой университетской церкви сталъ въ началѣ 1821-го года, съ положительнымъ разрѣшеніемъ вопроса о переустройствѣ университетскихъ зданій, вообще, и о соединеніи гимназическаго и тенишевскаго домовъ, въ частности, причемъ уже въ то время назрѣло предположеніе соорудить эту церковь въ серединной части имѣющаго образоваться главнаго университетскаго корпуса. 10-го марта 1821 года правленіе университета, констатируя „недостатокъ для отправленія божественныхъ службъ церкви, въ которой бы воспитанники университета, не развлекаясь пестротою и непорядками, обыкали въ тишинѣ возноситься духомъ къ Подателю всяческихъ", испрашивало у попечителя разрѣшеніе „приступить къ соединенію главнаго университетскаго дома съ тенишевскимъ" и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ходатайствовало „о построеніи въ срединѣ сей связи церкви, хотя бы прочія предположенныя строенія и не утвердились въ семъ году".

Нечего и говорить, конечно, о томъ, что Магницкій съ жаромъ принялся за осуществленіе идеи объ университетской церкви и лично занялся этимъ дѣломъ. Попечитель пожелалъ, что бы будущая церковь была сооружена по образцу петербургской домовой церкви министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицина и съ этою цѣлью въ столицу былъ командированъ составитель проекта, университетскій архитекторъ Пятницкій, который къ началу 1822-го года и изготовилъ планъ будущаго сооруженія. По этому плану университетской церкви приданъ былъ мистическій характеръ, который вполнѣ соотвѣтствовалъ общественному настроенію той эпохи и вполнѣ сохранился и до нашихъ дней: таинственный полумракъ храма, массивныя колоннады, иконостасъ въ формѣ воздвигнутаго четырехконечнаго креста, озаряемаго золотистыми лучами, падающими сверху сквозь круглое стекло съ отлитымъ на немъ изображеніемъ всевидящаго ока—все было разсчитано здѣсь на подъемъ мистическо-религіознаго настроенія молящихся. Своеобразное устройство церкви преслѣдовало еще и другую цѣль: оно должно было олицетворять собою придуманныя Магницкимъ эмблемму обновленнаго имъ университета—„водруженный крестъ, озаряющій науки", и его девизъ—„во свѣтѣ Твоемъ узримъ правду" *; что касается недостатка дневного свѣта въ церкви—то попечитель считалъ это обстоятельство весьма существеннымъ, такъ какъ онъ усматривалъ въ немъ „священный мракъ, церкви первыхъ вѣковъ напоминающій и единымъ всевидящимъ окомъ освѣщенный".

* См. томъ III, стр. 359.

Согласіе Магницкаго на сооруженіе „въ нѣдрѣ университета“ церкви во имя Воздвиженія честнаго и животворящаго Креста Господня (первоначально храмъ предполагался во имя Преображенія Господня) послѣдовало 17-го марта 1822 года, а 29-го іюня совершена и закладка будущаго храма, торжественно освященнаго 13-го сентября 1825 года, въ присутствіи самого Магницкаго, находившагося въ то время въ Казани [232]. Мы не будемъ входить въ дальнѣйшія подробности какъ сооруженія домовой университетской церкви; такъ и снабженія ея иконами, ризницею и т. п. предметами, такъ какъ церковь эта имѣетъ своего весьма обстоятельнаго историка въ лицѣ профессора богословія о. протоіерея А. В. Смирнова, къ труду котораго мы направляемъ интересующихся деталями этого вопроса *.

Обращаясь къ ходу работъ по переустройству университетскихъ зданій, мы должны будемъ отмѣтить тотъ фактъ, что, не взирая на постоянныя поторапливанія Магницкаго, онѣ подвигались впередъ далеко не съ тою быстротою, какой желалъ самъ попечитель и на которую первоначально разсчитывало правленіе университета. Работы по капитальной части всего строительнаго плана,—соединенію домовъ гимназическаго и тенишевскаго,—начались съ весны 1822-го года и только въ августѣ 1825-го года „соединеніе главнаго корпуса и новый флигель (на планѣ В подъ литерами СССС) приводились, — по свидѣтельству самого попечителя, — къ совершенной отдѣлкѣ“. Медленность работъ имѣла въ своей основѣ, конечно, задержки и урѣзыванія въ ассигновкахъ денегъ изъ государственнаго казначейства, относительно которыхъ уже было говорено выше и которыя порою ставили на пути строительной дѣятельности препятствія почти неопреодолимаго характера, но эта медленность въ весьма значительной степени объясняется и наличностью исключительныхъ условій, при которыхъ работы эти производились. Дѣло въ томъ, что университетъ, и до начала работъ крайне стѣсненный въ помѣщеніяхъ, съ открытіемъ ихъ очутился въ положеніи совершенно критическомъ, такъ какъ одновременное производство работъ во всѣхъ зданіяхъ неминуемо повлекло бы фактическую остановку дѣятельности университета. Приходилось, въ силу этого, производить работы въ извѣстной постепенности, освобождая помѣщенія по мѣрѣ вступленія ихъ въ строительную очередь, усиленно утилизируя остающіяся свободными помѣщенія и постоянно пе-

* Прот. А. В. Смирнова: «Крестовоздвиженская церковь при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ», Каз. 1904 (также въ «Ученыхъ Запискахъ» И. К. У. за 1904-й годъ).

Согласіе Магницкаго на сооруженіе „въ нѣдрѣ университета" церкви во имя Воздвиженія честнаго и животворящаго Креста Господня (первоначально храмъ предполагался во имя Преображенія Господня) послѣдовало 17-го марта 1822 года, а 29-го іюня совершена и закладка будущаго храма, торжественно освященнаго 13-го сентября 1825 года, въ присутствіи самого Магницкаго, находившагося въ то время въ Казани [232]. Мы не будемъ входить въ дальнѣйшія подробности какъ сооруженія домовой университетской церкви; такъ и снабженія ея иконами, ризницею и т. п. предметами, такъ какъ церковь эта имѣетъ своего весьма обстоятельнаго историка въ лицѣ профессора богословія о. протоіерея А. В. Смирнова, къ труду котораго мы направляемъ интересующихся деталями этого вопроса *.

Обращаясь къ ходу работъ по переустройству университетскихъ зданій, мы должны будемъ отмѣтить тотъ фактъ, что, не взирая на постоянныя поторапливанія Магницкаго, онѣ подвигались впередъ далеко не съ тою быстротою, какой желалъ самъ попечитель и на которую первоначально разсчитывало правленіе университета. Работы по капитальной части всего строительнаго плана,—соединенію домовъ гимназическаго и тенишевскаго,—начались съ весны 1822-го года и только въ августѣ 1825-го года „соединеніе главнаго корпуса и новый флигель (на планѣ B подъ литерами CCCC) приводились, — по свидѣтельству самого попечителя, — къ совершенной отдѣлкѣ". Медленность работъ имѣла въ своей основѣ, конечно, задержки и урѣзыванія въ ассигновкахъ денегъ изъ государственнаго казначейства, относительно которыхъ уже было говорено выше и которыя порою ставили на пути строительной дѣятельности препятствія почти неопреодолимаго характера, но эта медленность въ весьма значительной степени объясняется и наличностью исключительныхъ условій, при которыхъ работы эти производились. Дѣло въ томъ, что университетъ, и до начала работъ крайне стѣсненный въ помѣщеніяхъ, съ открытіемъ ихъ очутился въ положеніи совершенно критическомъ, такъ какъ одновременное производство работъ во всѣхъ зданіяхъ неминуемо повлекло бы фактическую остановку дѣятельности университета. Приходилось, въ силу этого, производить работы въ извѣстной постепенности, освобождая помѣщенія по мѣрѣ вступленія ихъ въ строительную очередь, усиленно утилизируя остающіяся свободными помѣщенія и постоянно пе-

---

* Прот. А. В. Смирнова: «Крестовоздвиженская церковь при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ», Каз. 1904 (также въ «Ученыхъ Запискахъ» И. К. У. за 1904-й годъ).

рекочевывая изъ однихъ въ другія. А передѣлокъ предстояло не мало и внутри старыхъ зданій, не говоря уже о новыхъ работахъ по соединенію ихъ въ одинъ корпусъ. Такъ, мы уже знаемъ, что предстояла необходимость до самаго фундамента разобрать и вновь сложить одинъ изъ растреснувшихъ наружныхъ угловъ тенишевскаго дома, исправить отклонившійся уголъ одной изъ капитальныхъ стѣнъ гимназическаго дома и подвергнуть тенишевскій домъ полному внутреннему исправленію; коренныя передѣлки въ расположеніи комнатъ, съ устройствомъ продольныхъ коридоровъ, которые должны были служить продолженіемъ такихъ же коридоровъ тенишевскаго дома и новой соединительной пристройки, предстояли и въ старомъ гимназическомъ корпусѣ и т. п. Принимая въ соображеніе всѣ эти неблагопріятныя условія, мы окажемся въ правѣ, пожалуй даже, еще удивиться той относительной скорости, съ которою были приведены къ окончанію всѣ важнѣйшія строительныя работы.

Мы не считаемъ ни возможнымъ, ни для читателей интереснымъ слѣдить за всѣми перипетіями и подробностями университетской строительной дѣятельности 1821—1826 годовъ, съ ея безконечными торгами, подрядами, поставками, доставленіемъ справочныхъ цѣнъ, предложеніями, представленіями, отписками и тою подавляющею массою бумажно-канцелярскаго баласта, безъ котораго, почему то, еще и въ наши дни не способно обходиться ни одно казенное строительное начинаніе. Не обходилось дѣло, конечно, безъ столкновеній и кляузъ какъ между самими участниками дѣла, такъ, даже, и съ вѣдомствами посторонними. Такъ, когда, лѣтомъ 1824-го года, и. д. казанскаго губернатора Жмакинъ возбудилъ вопросъ о запрещеніи обжигать на университетскомъ дворѣ алебастръ для строительныхъ нуждъ, предлагая перенести эту операцію, вызвавшую передъ тѣмъ пожарную тревогу, за городъ, тогда членъ строительнаго комитета И. Г. Калашниковъ, въ августѣ 1823-го года опредѣленный въ эту должность по протекціи попечителя, жалуясь Магницкому на дѣйствія Жмакина, не поскупился на цѣлый рядъ сплетень по адресу управляющаго губерніею. Калашниковъ, подчеркивая въ письмѣ къ попечителю отъ 7-го іюля яко бы хорошо извѣстное ему „нерасположеніе г. Жмакина къ нашему начальству, а особливо, если подстрекнутъ его г.г. Солнцевъ и нареченный зять его Панаевъ (В. И.), напитанные ненавистью къ университету и которые недавно распустили въ Казани нелѣпый слухъ о вашемъ превосходительствѣ“, разражается слѣдующимъ потокомъ инсинуацій:

„Жмакинъ, въ короткое время отъ службы вице-губернаторской изъ бѣдняка, каковымъ его вся Казань знала, сдѣлавшійся богачомъ,

рекочевывая изъ однихъ въ другія. А передѣлокъ предстояло не мало и внутри старыхъ зданій, не говоря уже о новыхъ работахъ по соединенію ихъ въ одинъ корпусъ. Такъ, мы уже знаемъ, что предстояла необходимость до самаго фундамента разобрать и вновь сложить одинъ изъ растреснувшихъ наружныхъ угловъ тенишевскаго дома, исправить отклонившійся уголъ одной изъ капитальныхъ стѣнъ гимназическаго дома и подвергнуть тенишевскій домъ полному внутреннему исправленію; коренныя передѣлки въ расположеніи комнатъ, съ устройствомъ продольныхъ коридоровъ, которые должны были служить продолженіемъ такихъ же коридоровъ тенишевскаго дома и новой соединительной пристройки, предстояли и въ старомъ гимназическомъ корпусѣ и т. п. Принимая въ соображеніе всѣ эти неблагопріятныя условія, мы окажемся въ правѣ, пожалуй даже, еще удивиться той относительной скорости, съ которою были приведены къ окончанію всѣ важнѣйшія строительныя работы.

Мы не считаемъ ни возможнымъ, ни для читателей интереснымъ слѣдить за всѣми перипетіями и подробностями университетской строительной дѣятельности 1821—1826 годовъ, съ ея безконечными торгами, подрядами, поставками, доставленіемъ справочныхъ цѣнъ, предложеніями, представленіями, отписками и тою подавляющею массою бумажно-канцелярскаго баласта, безъ котораго, почему то, еще и въ наши дни не способно обходиться ни одно казенное строительное начинаніе. Не обходилось дѣло, конечно, безъ столкновеній и кляузъ какъ между самими участниками дѣла, такъ, даже, и съ вѣдомствами посторонними. Такъ, когда, лѣтомъ 1824-го года, и. д. казанскаго губернатора Жмакинъ возбудилъ вопросъ о запрещеніи обжигать на университетскомъ дворѣ алебастръ для строительныхъ нуждъ, предлагая перенести эту операцію, вызвавшую передъ тѣмъ пожарную тревогу, за городъ, тогда членъ строительнаго комитета И. Г. Калашниковъ, въ августѣ 1823-го года опредѣленный въ эту должность по протекціи попечителя, жалуясь Магницкому на дѣйствія Жмакина, не поскупился на цѣлый рядъ сплетень по адресу управляющаго губерніею. Калашниковъ, подчеркивая въ письмѣ къ попечителю отъ 7-го іюля яко бы хорошо извѣстное ему „нерасположеніе г. Жмакина къ нашему начальству, а особливо, если подстрекнутъ его г.г. Солнцевъ и нареченный зять его Панаевъ (В. И.), напитанные ненавистью къ университету и которые недавно распустили въ Казани нелѣпый слухъ о вашемъ превосходительствѣ", разражается слѣдующимъ потокомъ инсинуацій:

„Жмакинъ, въ короткое время отъ службы вице-губернаторской изъ бѣдняка, каковымъ его вся Казань знала, сдѣлавшійся богачомъ,

думаетъ обѣдами и деньгами своими все сдѣлать и часто до того забывается, что публично говоритъ, яко бы въ университетѣ казанскомъ дворянъ приготовляютъ только быть попами и читаютъ имъ однѣ церковныя книги, для чего сына своего и шурина, сына вятскаго губернатора г. Добринскаго, отдалъ для воспитанія г. Лейтеру, а не г. Вишневскому, такъ старающемуся объ открытіи благороднаго пансіона при университетѣ *. Кромѣ сего, склонилъ г. Евсевьева, здѣшняго губернскаго предводителя дворянства, да и прочимъ внушаетъ отдавать своихъ дѣтей къ г. Лейтеру,—человѣку такому, который, обучая у заводчика Мосолова дѣтей, обольстилъ дочь его бѣжать съ нимъ, но какъ сего не удалось ему сдѣлать, то онъ написалъ на ея заемное письмо въ нѣсколько тысячъ рублей, о чемъ и дѣло производилось въ седьмомъ департаментѣ сената около 1806-го года.

И такъ, если г. Жмакина утвердятъ настоящимъ губернаторомъ казанскимъ, то онъ, при помощи губернскаго прокурора Солнцева и г. Панаева, какъ увѣряющаго всѣхъ, весьма близкаго къ настоящему министру народнаго просвѣщенія (А. С. Шишкову), можетъ имѣть болѣе случаевъ вредить успѣху въ благонамѣренномъ образованіи юношества. Даже непосѣщеніе вчерашняго числа торжества университетскаго (годичнаго акта) почетнѣйшими людьми здѣшними, какъ то не были: преосвященный, самъ г. Жмакинъ, комендантъ, окружной генералъ г. Желтухинъ, словомъ сказать—всѣ предсѣдатели палатъ, совѣтники и лучшіе дворяне, которые съ нимъ въ тѣсныхъ связяхъ...

Вотъ, милостивый государь и истинный благодѣтель христіанскаго нашего просвѣщенія, какое имѣетъ расположеніе будущій начальникъ губерніи къ казанскому университету"!...

Мы позволили себѣ привести этотъ фонтанъ инсинуацій, имѣющихъ лишь отдаленное соотношеніе къ интересующему насъ въ данное время вопросу, въ качествѣ любопытной общественно-бытовой черты и краснорѣчивой иллюстраціи отрицательнаго отношенія, господствовавшаго въ современномъ казанскомъ обществѣ къ Магницкому и къ его обновительной дѣятельности. Самое дѣло объ обжиганіи на университетскомъ дворѣ алебастра восходило до компетенціи временнаго генералъ-губернатора сенатора В. Ю. Соймонова, которымъ и было разрѣшено въ примирительномъ для обѣихъ сторонъ смыслѣ: операція эта разрѣшена университету, но при условіяхъ обжиганія лишь „малыми массами" и съ предварительнымъ увѣдомленіемъ о томъ полиціи.

---

* См. выше стр. 325—326. Объ Лейтерѣ и его пансіонѣ см. томы I, стр. 299 — 300, III, стр. 504—506.

думаетъ обѣдами и деньгами своими все сдѣлать и часто до того забывается, что публично говоритъ, яко бы въ университетѣ казанскомъ дворянъ приготовляютъ только быть попами и читаютъ имъ однѣ церковныя книги, для чего сына своего и шурина, сына вятскаго губернатора г. Добринскаго, отдалъ для воспитанія г. Лейтеру, а не г. Вишневскому, такъ старающемуся объ открытіи благороднаго пансіона при университетѣ *. Кромѣ сего, склонилъ г. Евсевьева, здѣшняго губернскаго предводителя дворянства, да и прочимъ внушаетъ отдавать своихъ дѣтей къ г. Лейтеру,—человѣку такому, который, обучая у заводчика Мосолова дѣтей, обольстилъ дочь его бѣжать съ нимъ, но какъ сего не удалось ему сдѣлать, то онъ написалъ на ея заемное письмо въ нѣсколько тысячъ рублей, о чемъ и дѣло производилось въ седьмомъ департаментѣ сената около 1806-го года.

И такъ, если г. Жмакина утвердятъ настоящимъ губернаторомъ казанскимъ, то онъ, при помощи губернскаго прокурора Солнцева и г. Панаева, какъ увѣряющаго всѣхъ, весьма близкаго къ настоящему министру народнаго просвѣщенія (А. С. Шишкову), можетъ имѣть болѣе случаевъ вредить успѣху въ благонамѣренномъ образованіи юношества. Даже непосѣщеніе вчерашняго числа торжества университетскаго (годичнаго акта) почетнѣйшими людьми здѣшними, какъ то не были: преосвященный, самъ г. Жмакинъ, комендантъ, окружной генералъ г. Желтухинъ, словомъ сказать—всѣ предсѣдатели палатъ, совѣтники и лучшіе дворяне, которые съ нимъ въ тѣсныхъ связяхъ...

Вотъ, милостивый государь и истинный благодѣтель христіанскаго нашего просвѣщенія, какое имѣетъ расположеніе будущій начальникъ губерніи къ казанскому университету"!...

Мы позволили себѣ привести этотъ фонтанъ инсинуацій, имѣющихъ лишь отдаленное соотношеніе къ интересующему насъ въ данное время вопросу, въ качествѣ любопытной общественно-бытовой черты и краснорѣчивой иллюстраціи отрицательнаго отношенія, господствовавшаго въ современномъ казанскомъ обществѣ къ Магницкому и къ его обновительной дѣятельности. Самое дѣло объ обжиганіи на университетскомъ дворѣ алебастра восходило до компетенціи временнаго генералъ-губернатора сенатора В. Ю. Соймонова, которымъ и было разрѣшено въ примирительномъ для обѣихъ сторонъ смыслѣ: операція эта разрѣшена университету, но при условіяхъ обжиганія лишь „малыми массами" и съ предварительнымъ увѣдомленіемъ о томъ полиціи.

---

* См. выше стр. 325—326. Объ Лейтерѣ и его пансіонѣ см. томы I, стр. 299 — 300, III, стр. 504—506.

Пребывая въ Петербургѣ, Магницкій зорко слѣдилъ, тѣмъ не менѣе, за ходомъ университетскихъ строительныхъ работъ, поддерживая постоянную переписку по этому поводу съ Казанью и получая отсюда регулярныя донесенія, которыя пестрятъ самыми разнообразными отмѣтками на нихъ попечителя. Такъ, напримѣръ, на представленіи правленія отъ 25-го мая 1825 года относительно мѣръ къ внѣшнему благоустройству университетскихъ зданій, противъ предположенія „около стѣнъ главнаго корпуса университета снаружи выстлать царицынскою плитою", мы находимъ отмѣтку попечителя на поляхъ: „камень мягокъ"; противъ предположенія „кругомъ всѣхъ зданій устроить небольшія канавки"—отмѣтку: „канавы есть", а противъ проекта „для стока воды сдѣлать на дворѣ и въ садахъ удобныя водохранилища" весьма категорическую отмѣтку— „глупо". Попечитель интересовался и чисто декоративною стороною возобновленныхъ университетскихъ зданій; такъ, для украшенія внутреннихъ помѣщеній ихъ имъ лично заказаны были въ Петербургѣ 25 бюстовъ древнихъ философовъ и великихъ мужей, осенью 1825-го года доставленныхъ въ Казань и которые еще въ послѣдніе годы украшали собою центральный вестибюль и парадныя лѣстницы главнаго университетскаго корпуса [233].

Энергичнымъ и неутомимымъ дѣятелемъ въ сферѣ университетскаго строительства уже въ эпоху Магницкаго выступилъ будущій университетскій „великій строитель" профессоръ Н. И. Лобачевскій,—сначала въ качествѣ члена строительнаго комитета, а затѣмъ и его предсѣдателя. Мы знаемъ, что проф. Лобачевскій былъ назначенъ членомъ университетскаго строительнаго комитета уже при первомъ учрежденіи его въ началѣ 1822-го года, а съ 16-го февраля 1825 года, за увольненіемъ отъ этой должности инспектора студентовъ Вишневскаго, сдѣлался и предсѣдателемъ комитета,—званіе, которое онъ затѣмъ съ честью для себя несъ въ теченіи долгихъ двадцати слишкомъ лѣтъ. Насколько цѣнилъ попечитель Лобачевскаго въ качествѣ члена университетскаго строительнаго комитета— усматривается изъ того, что въ августѣ 1822-го года, по поводу вопроса объ удобствѣ совмѣщенія имъ этого званія съ должностью декана, Магницкій далъ знать правленію университета, что „профессоръ Лобачевскій весьма полезенъ можетъ быть въ строительномъ комитетѣ и я бы желалъ, что бы онъ остался навсегда членомъ онаго". Попечительское пожеланіе оказалось, какъ мы видѣли, въ данномъ случаѣ пророческимъ.

Особенно тяжело приходилось Н. И. Лобачевскому послѣ принятія имъ на себя обязанностей предсѣдателя строительнаго комитета, тѣмъ болѣе, что очень слабое содѣйствіе оказывали ему остальные члены коми-

Пребывая въ Петербургѣ, Магницкій зорко слѣдилъ, тѣмъ не менѣе, за ходомъ университетскихъ строительныхъ работъ, поддерживая постоянную переписку по этому поводу съ Казанью и получая отсюда регулярныя донесенія, которыя пестрятъ самыми разнообразными отмѣтками на нихъ попечителя. Такъ, напримѣръ, на представленіи правленія отъ 25-го мая 1825 года относительно мѣръ къ внѣшнему благоустройству университетскихъ зданій, противъ предположенія „около стѣнъ главнаго корпуса университета снаружи выстлать царицынскою плитою“, мы находимъ отмѣтку попечителя на поляхъ: „камень мягокъ“; противъ предположенія „кругомъ всѣхъ зданій устроить небольшія канавки“—отмѣтку: „канавы есть“, а противъ проекта „для стока воды сдѣлать на дворѣ и въ садахъ удобныя водохранилища“ весьма категорическую отмѣтку—„глупо“. Попечитель интересовался и чисто декоративною стороною возобновленныхъ университетскихъ зданій; такъ, для украшенія внутреннихъ помѣщеній ихъ имъ лично заказаны были въ Петербургѣ 25 бюстовъ древнихъ философовъ и великихъ мужей, осенью 1825-го года доставленныхъ въ Казань и которые еще въ послѣдніе годы украшали собою центральный вестибюль и парадныя лѣстницы главнаго университетскаго корпуса [233].

Энергичнымъ и неутомимымъ дѣятелемъ въ сферѣ университетскаго строительства уже въ эпоху Магницкаго выступилъ будущій университетскій „великій строитель“ профессоръ Н. И. Лобачевскій,—сначала въ качествѣ члена строительнаго комитета, а затѣмъ и его предсѣдателя. Мы знаемъ, что проф. Лобачевскій былъ назначенъ членомъ университетскаго строительнаго комитета уже при первомъ учрежденіи его въ началѣ 1822-го года, а съ 16-го февраля 1825 года, за увольненіемъ отъ этой должности инспектора студентовъ Вишневскаго, сдѣлался и предсѣдателемъ комитета,—званіе, которое онъ затѣмъ съ честью для себя несъ въ теченіи долгихъ двадцати слишкомъ лѣтъ. Насколько цѣнилъ попечитель Лобачевскаго въ качествѣ члена университетскаго строительнаго комитета—усматривается изъ того, что въ августѣ 1822-го года, по поводу вопроса объ удобствѣ совмѣщенія имъ этого званія съ должностью декана, Магницкій далъ знать правленію университета, что „профессоръ Лобачевскій весьма полезенъ можетъ быть въ строительномъ комитетѣ и я бы желалъ, что бы онъ остался навсегда членомъ онаго“. Попечительское пожеланіе оказалось, какъ мы видѣли, въ данномъ случаѣ пророческимъ.

Особенно тяжело приходилось Н. И. Лобачевскому послѣ принятія имъ на себя обязанностей предсѣдателя строительнаго комитета, тѣмъ болѣе, что очень слабое содѣйствіе оказывали ему остальные члены коми-

тета. Лѣтомъ 1826-го года онъ жаловался на крайнее стѣсненіе свое временемъ, такъ какъ спѣшно занятъ срочными работами по отчетности, между тѣмъ какъ остальные члены строительнаго комитета ему не помогаютъ; въ томъ же году Лобачевскій усиленно просилъ начальство освободить его отъ всякаго рода стороннихъ порученій, не связанныхъ непосредственно съ его обязанностями по университету. Въ заботахъ по благоустройству вновь возведеннаго главнаго университетскаго корпуса знаменитому математику приходилось нисходить до мелочей. Если попечитель лично хлопоталъ въ 1825 году въ столицѣ по заказу для украшенія университета бюстовъ „великихъ мужей", то проф. Лобачевскій усиленно поглощался въ томъ же году проектомъ барельефа, имѣвшаго увѣнчать собою аттикъ главнаго университетскаго портала. Съ цѣлью художественной разработки проекта такого барельефа Лобачевскій передалъ архитектору Пятницкому „медаль, какая раздается студентамъ казанскаго университета въ награжденіе *, и еще физическія и астрономическія книги, что бы тотъ могъ „отсюда заимствовать мысль для барельефа", но Пятницкій „затруднился сохранить приличную красоту и удовлетворить сколько нибудь тому, что требуется на зданіяхъ такой важности, каковы нынѣшніе университеты", въ виду чего „совершенно отказался дать рисунокъ". Строительный комитетъ рѣшилъ было „обратиться къ ученымъ мужамъ, засѣдающимъ въ совѣтѣ, и просить ихъ указать, что именно должно быть взято для составленія барельефа", но всему этому затрудненію положенъ былъ конецъ самимъ Магницкимъ, отклонившимъ мысль о проектированномъ украшеніи университетскаго портала [234].

Предсѣдательскія обязанности Н. И. Лобачевскаго по строительному комитету пріобрѣтали особенно щекотливый и отвѣтственный характеръ въ виду тѣхъ поползновеній „погрѣть руки" у казеннаго дѣла, которыя съ несомнѣнною ясностью проявлялись среди лицъ, прикосновенныхъ къ университетскому строительству интересующей насъ эпохи и на которыя современная жизнь смотрѣла, какъ на явленіе совершенно заурядное и мало способное возмущать общественную совѣсть. Профессору Лобачевскому не рѣдко приходилось бороться со всякаго рода хищническими инстинктами въ этомъ направленіи и уже въ мартѣ 1825-го года, вскорѣ по назначеніи своемъ предсѣдателемъ строительнаго комитета, онъ оффиціально доносилъ, что имъ „найдены многіе недостатки по дѣламъ комитета въ постановленіяхъ и другія отступленія, почему, пока

---

* Описаніе этой медали см. томъ III, стр. 359.

тета. Лѣтомъ 1826-го года онъ жаловался на крайнее стѣсненіе свое временемъ, такъ какъ спѣшно занятъ срочными работами по отчетности, между тѣмъ какъ остальные члены строительнаго комитета ему не помогаютъ; въ томъ же году Лобачевскій усиленно просилъ начальство освободить его отъ всякаго рода стороннихъ порученій, не связанныхъ непосредственно съ его обязанностями по университету. Въ заботахъ по благоустройству вновь возведеннаго главнаго университетскаго корпуса знаменитому математику приходилось нисходить до мелочей. Если попечитель лично хлопоталъ въ 1825 году въ столицѣ по заказу для украшенія университета бюстовъ „великихъ мужей", то проф. Лобачевскій усиленно поглощался въ томъ же году проектомъ барельефа, имѣвшаго увѣнчать собою аттикъ главнаго университетскаго портала. Съ цѣлью художественной разработки проекта такого барельефа Лобачевскій передалъ архитектору Пятницкому „медаль, какая раздается студентамъ казанскаго университета въ награжденіе *, и еще физическія и астрономическія книги, что бы тотъ могъ „отсюда заимствовать мысль для барельефа", но Пятницкій „затруднился сохранить приличную красоту и удовлетворить сколько нибудь тому, что требуется на зданіяхъ такой важности, каковы нынѣшніе университеты", въ виду чего „совершенно отказался дать рисунокъ". Строительный комитетъ рѣшилъ было „обратиться къ ученымъ мужамъ, засѣдающимъ въ совѣтѣ, и просить ихъ указать, что именно должно быть взято для составленія барельефа", но всему этому затрудненію положенъ былъ конецъ самимъ Магницкимъ, отклонившимъ мысль о проектированномъ украшеніи университетскаго портала [234].

Предсѣдательскія обязанности Н. И. Лобачевскаго по строительному комитету пріобрѣтали особенно щекотливый и отвѣтственный характеръ въ виду тѣхъ поползновеній „погрѣть руки" у казеннаго дѣла, которыя съ несомнѣнною ясностью проявлялись среди лицъ, прикосновенныхъ къ университетскому строительству интересующей насъ эпохи и на которыя современная жизнь смотрѣла, какъ на явленіе совершенно заурядное и мало способное возмущать общественную совѣсть. Профессору Лобачевскому не рѣдко приходилось бороться со всякаго рода хищническими инстинктами въ этомъ направленіи и уже въ мартѣ 1825-го года, вскорѣ по назначеніи своемъ предсѣдателемъ строительнаго комитета, онъ оффиціально доносилъ, что имъ „найдены многіе недостатки по дѣламъ комитета въ постановленіяхъ и другія отступленія, почему, пока

* Описаніе этой медали см. томъ III, стр. 359.

дѣла сіи не будутъ приведены въ должный порядокъ, а приходъ и расходъ—въ извѣстность, нельзя приступить къ составленію отчета и что, сверхъ того, при дѣлахъ комитета не находится никакихъ чертежей, отъ чего онъ находитъ затрудненія въ распоряженіяхъ по строенію въ семъ году"; обнаружилась запутанность въ счетахъ по строительнымъ суммамъ и матеріаламъ, задержки въ выдачѣ подрядчикамъ и рабочимъ денегъ и т. п. неправильности, невольно наводившія на мысль о злоупотребленіяхъ. Отчетность и фактическій контроль — представляли собою, вообще, ахиллесову пяту университетскаго строительнаго дѣла, констатированную осенью 1825-го года директоромъ университета Любомировымъ, доносившимъ попечителю, что, „знакомясь болѣе и болѣе съ дѣлами университета, я усматриваю безпорядки и упущенія по части отчетовъ", а нѣсколькими мѣсяцами позже разоблаченную и данными ревизіи Желтухина.

Не исполнилось и двухъ мѣсяцевъ предсѣдательства Лобачевскаго въ строительномъ комитетѣ, какъ была имъ объявлена война члену комитета И. Г. Калашникову, фавориту и довѣренному лицу самого попечителя, въ сентябрѣ 1823-го года назначенному Магницкимъ на эту должность съ жалованіемъ по $2^1/_2$ тыс. рублей въ годъ. Дѣятельность Калашникова по части университетскаго строительства представлялась далеко не безупречною, какъ это и было впослѣдствіе выяснено ревизіею генералъ-маіора Желтухина, и что, конечно, не могло не возмущать Лобачевскаго, съ свойственною ему проницательностью видѣвшаго всѣ махинаціи и злоупотребленія этого попечительскаго ставленника. Отношенія между предсѣдателемъ комитета и его членомъ особенно обострились въ апрѣлѣ 1825 года, дойдя до открытаго столкновенія, въ которомъ, съ присущею ему горячностью и прямолинейностью, Лобачевскій рѣзко обличилъ Калашникова. На этой почвѣ возникло цѣлое дѣло, такъ какъ Калашниковъ не преминулъ, конечно, обратиться къ защитѣ своего петербургскаго патрона и покровителя, а отъ Лобачевскаго потребовано было попечителемъ подробное объясненіе по поводу этого столкновенія, которое послѣднимъ и было дано съ рѣзкостью, полною, однако, достоинства и убѣжденной откровенности. Въ этомъ конфликтѣ побѣда осталась на сторонѣ Лобачевскаго: осенью того же года Калашниковъ, передъ тѣмъ только награжденный орденомъ св. Анны второй степени за „отличное усердіе и дѣятельность", былъ назначенъ Магницкимъ на должность директора училищъ симбирской губерніи, такъ и не сдавъ отчетности по своей строительной дѣятельности [235].

дѣла сіи не будутъ приведены въ должный порядокъ, а приходъ и расходъ—въ извѣстность, нельзя приступить къ составленію отчета и что, сверхъ того, при дѣлахъ комитета не находится никакихъ чертежей, отъ чего онъ находитъ затрудненія въ распоряженіяхъ по строенію въ семъ году"; обнаружилась запутанность въ счетахъ по строительнымъ суммамъ и матеріаламъ, задержки въ выдачѣ подрядчикамъ и рабочимъ денегъ и т. п. неправильности, невольно наводившія на мысль о злоупотребленіяхъ. Отчетность и фактическій контроль — представляли собою, вообще, ахиллесову пяту университетскаго строительнаго дѣла, констатированную осенью 1825-го года директоромъ университета Любомировымъ, доносившимъ попечителю, что, „знакомясь болѣе и болѣе съ дѣлами университета, я усматриваю безпорядки и упущенія по части отчетовъ", а нѣсколькими мѣсяцами позже разоблаченную и данными ревизіи Желтухина.

Не исполнилось и двухъ мѣсяцевъ предсѣдательства Лобачевскаго въ строительномъ комитетѣ, какъ была имъ объявлена война члену комитета И. Г. Калашникову, фавориту и довѣренному лицу самого попечителя, въ сентябрѣ 1823-го года назначенному Магницкимъ на эту должность съ жалованіемъ по $2^1/_2$ тыс. рублей въ годъ. Дѣятельность Калашникова по части университетскаго строительства представлялась далеко не безупречною, какъ это и было впослѣдствіе выяснено ревизіею генералъ-маіора Желтухина, и что, конечно, не могло не возмущать Лобачевскаго, съ свойственною ему проницательностью видѣвшаго всѣ махинаціи и злоупотребленія этого попечительскаго ставленника. Отношенія между предсѣдателемъ комитета и его членомъ особенно обострились въ апрѣлѣ 1825 года, дойдя до открытаго столкновенія, въ которомъ, съ присущею ему горячностью и прямолинейностью, Лобачевскій рѣзко обличилъ Калашникова. На этой почвѣ возникло цѣлое дѣло, такъ какъ Калашниковъ не преминулъ, конечно, обратиться къ защитѣ своего петербургскаго патрона и покровителя, а отъ Лобачевскаго потребовано было попечителемъ подробное объясненіе по поводу этого столкновенія, которое послѣднимъ и было дано съ рѣзкостью, полною, однако, достоинства и убѣжденной откровенности. Въ этомъ конфликтѣ побѣда осталась на сторонѣ Лобачевскаго: осенью того же года Калашниковъ, передъ тѣмъ только награжденный орденомъ св. Анны второй степени за „отличное усердіе и дѣятельность", былъ назначенъ Магницкимъ на должность директора училищъ симбирской губерніи, такъ и не сдавъ отчетности по своей строительной дѣятельности [235].

Горячее участіе, влагавшееся Н. И. Лобачевскимъ въ дѣло университетскаго строительства, въ связи съ прямолинейною упорностью его темперамента, въ свое время дѣлавшею, какъ мы знаемъ, не мало хлопотъ его университетскимъ воспитателямъ, являлись причиною и нѣкоторыхъ инцидентовъ, которые, даже и съ точки зрѣнія малокультурной провинціальной общественности того времени, едва ли могли казаться извинительными въ лицѣ будущаго славнаго творца неэвклидовой геометріи. Два изъ такихъ инцидентовъ безусловно относятся къ области такъ называемой „кулачной расправы". Первый изъ нихъ произошелъ 11-го февраля 1825 года и возстановляется слѣдующимъ донесеніемъ попечителю со стороны инспектора студентовъ Вишневскаго: „Съ прискорбіемъ долженъ довести до свѣдѣнія вашего превосходительства непріятное происшествіе, случившееся 11-го февраля,—доноситъ инспекторъ.—Въ засѣданіи строительнаго комитета, въ которомъ я самъ не могъ присутствовать по болѣзни, подрядчикъ Груздевъ, явившійся для торговъ, невѣжествомъ своимъ въ обращеніи и грубостями предъ членами онаго комитета вывелъ изъ терпѣнія г-на Лобачевскаго такъ, что сей послѣдній ударилъ его; о семъ происшествіи я достовѣрно узналъ",—добавляетъ инспекторъ свое донесеніе. Чѣмъ окончился этотъ инцидентъ,—свѣдѣній о томъ мы не имѣемъ; вѣроятнѣе всего, что ничѣмъ.

Второй случай изъ строительной дѣятельности Н. И. Лобачевскаго въ еще болѣе рѣзкомъ свѣтѣ обрисовываетъ передъ нами нравы того времени. Въ началѣ октября того же 1825-го года Лобачевскому донесли, что двое рабочихъ мѣстного столяра Эренберга, приносившіе въ университетъ заказанную классную мебель, „по вредной своей глупости" обрывали бронзовые листы съ поручней только что сооруженной парадной лѣстницы. Виновные были розысканы и представлены предсѣдателю строительнаго комитета, который и приказалъ заключить ихъ подъ стражу—„посадивъ, для острастки, въ стулъ (?)". Нѣкоторое время спустя Лобачевскій зашелъ провѣдать заключенныхъ и, къ великому своему негодованію, обрѣлъ ихъ „въ глубокомъ снѣ, не смотря на то, что они привязаны были къ стулу". „Увлеченный негодованіемъ,—заявлялъ самъ предсѣдатель строительнаго комитета,—я приказалъ ихъ наказать палочными ударами и велѣлъ отпустить по семидесяти, а можетъ быть и по сотнѣ ударовъ, не слыша отъ нихъ признанія". Изъ за этого грубаго акта самоуправства возникла цѣлая переписка между попечителемъ и директоромъ университета, причемъ власти встревожились не нравственною стороною происшествія, но тѣмъ фактомъ, что оба наказанные

Горячее участіе, влагавшееся Н. И. Лобачевскимъ въ дѣло университетскаго строительства, въ связи съ прямолинейною упорностью его темперамента, въ свое время дѣлавшею, какъ мы знаемъ, не мало хлопотъ его университетскимъ воспитателямъ, являлись причиною и нѣкоторыхъ инцидентовъ, которые, даже и съ точки зрѣнія малокультурной провинціальной общественности того времени, едва ли могли казаться извинительными въ лицѣ будущаго славнаго творца неэвклидовой геометріи. Два изъ такихъ инцидентовъ безусловно относятся къ области такъ называемой „кулачной расправы". Первый изъ нихъ произошелъ 11-го февраля 1825 года и возстановляется слѣдующимъ донесеніемъ попечителю со стороны инспектора студентовъ Вишневскаго: „Съ прискорбіемъ долженъ довести до свѣдѣнія вашего превосходительства непріятное происшествіе, случившееся 11-го февраля,—доноситъ инспекторъ.—Въ засѣданіи строительнаго комитета, въ которомъ я самъ не могъ присутствовать по болѣзни, подрядчикъ Груздевъ, явившійся для торговъ, невѣжествомъ своимъ въ обращеніи и грубостями предъ членами онаго комитета вывелъ изъ терпѣнія г-на Лобачевскаго такъ, что сей послѣдній ударилъ его; о семъ происшествіи я достовѣрно узналъ",—добавляетъ инспекторъ свое донесеніе. Чѣмъ окончился этотъ инцидентъ,—свѣдѣній о томъ мы не имѣемъ; вѣроятнѣе всего, что ничѣмъ.

Второй случай изъ строительной дѣятельности Н. И. Лобачевскаго въ еще болѣе рѣзкомъ свѣтѣ обрисовываетъ передъ нами нравы того времени. Въ началѣ октября того же 1825-го года Лобачевскому донесли, что двое рабочихъ мѣстного столяра Эренберга, приносившіе въ университетъ заказанную классную мебель, „по вредной своей глупости" обрывали бронзовые листы съ поручней только что сооруженной парадной лѣстницы. Виновные были розысканы и представлены предсѣдателю строительнаго комитета, который и приказалъ заключить ихъ подъ стражу—„посадивъ, для острастки, въ стулъ (?)". Нѣкоторое время спустя Лобачевскій зашелъ провѣдать заключенныхъ и, къ великому своему негодованію, обрѣлъ ихъ „въ глубокомъ снѣ, не смотря на то, что они привязаны были къ стулу". „Увлеченный негодованіемъ,—заявлялъ самъ предсѣдатель строительнаго комитета,—я приказалъ ихъ наказать палочными ударами и велѣлъ отпустить по семидесяти, а можетъ быть и по сотнѣ ударовъ, не слыша отъ нихъ признанія". Изъ за этого грубаго акта самоуправства возникла цѣлая переписка между попечителемъ и директоромъ университета, причемъ власти встревожились не нравственною стороною происшествія, но тѣмъ фактомъ, что оба наказанные

оказались крѣпостными людьми, одинъ—частнаго пристава Грибоѣдова, второй—помѣщика Пекина, и что „чужіе“ крѣпостные держались, такимъ образомъ, подъ арестомъ, подвергнувшись вынужденію у нихъ признанія пыткою какимъ то „стуломъ“ и даже палками (по показанію руководившаго истязаніемъ экзекутора Кавнацкаго—допрашиваемымъ дано было по двѣсти палочныхъ ударовъ). Возмутительное дѣло это было затушено благодаря тому только, что отъ господъ этихъ потерпѣвшихъ „на г. Лобачевскаго не поступило просьбы ни въ гражданскую, ни въ университетскую полицію“, хотя за поступками не въ мѣру горячаго предсѣдателя строительнаго комитета Магницкимъ директору университета и было предписано учредить „особенный надзоръ“ * [236].

Мы уже выше имѣли случаи ссылаться на упущенія и даже злоупотребленія, обнаруженныя въ университетскихъ строительныхъ работахъ, составляющихъ въ настоящее время предметъ нашего повѣствованія. Всѣ эти недочеты въ постановкѣ дѣла оставались негласными до начала осени 1823-го года, когда объ нихъ открыто заговорилъ самъ попечитель Магницкій, видимо начавшій разочаровываться въ собственныхъ креатурахъ, припущенныхъ имъ къ жирному пирогу университетскаго строенія. 25-го сентября 1823 года, въ письмѣ на имя директора университета проф. Никольскаго, попечитель, ссылаясь на неправильности, допущенныя въ смѣтѣ работъ, уже ребромъ ставитъ вопросъ о „противозаконныхъ дѣйствіяхъ архитектора Пятницкаго“, выражая опасеніе, что бы онъ „при дальнѣйшемъ производствѣ строенія не попустился еще на худшее, ибо, за неоднократными моими подтвержденіями, не оказалъ онъ ни малѣйшаго знака усердія къ сохраненію пользы казны“; „я нахожу,—продолжаетъ Магницкій,—что онъ не можетъ быть терпимъ болѣе въ университетской службѣ, почему и предоставляю вамъ объявить ему, дабы немедленно искалъ увольненія, ежели не желаетъ непріятныхъ для себя послѣдствій“. Въ томъ же письмѣ высказывается попечителемъ совершенно скептическое отношеніе и къ дѣятельности коммиссіонера комитета Визгалова, операціи котораго по заготовленію хозяйственнымъ способомъ матеріаловъ не обнаруживаютъ „никакого усердія къ пониженію цѣнъ“, въ виду чего Магницкій и проситъ директора категорически отвѣтить ему—„нуженъ ли Визгаловъ для строенія, ибо въ строительный

* Этотъ характерный инцидентъ былъ въ свое время подробно разсказанъ нами въ журналѣ «Историческій Вѣстникъ» («Изъ прошлаго казанскаго университета», 1900 г., книга IX).

оказались крѣпостными людьми, одинъ—частнаго пристава Грибоѣдова, второй—помѣщика Пекина, и что „чужіе“ крѣпостные держались, такимъ образомъ, подъ арестомъ, подвергнувшись вынужденію у нихъ признанія пыткою какимъ то „стуломъ“ и даже палками (по показанію руководившаго истязаніемъ экзекутора Кавнацкаго—допрашиваемымъ дано было по двѣсти палочныхъ ударовъ). Возмутительное дѣло это было затушено благодаря тому только, что отъ господъ этихъ потерпѣвшихъ „на г. Лобачевскаго не поступило просьбы ни въ гражданскую, ни въ университетскую полицію“, хотя за поступками не въ мѣру горячаго предсѣдателя строительнаго комитета Магницкимъ директору университета и было предписано учредить „особенный надзоръ“ * [236].

Мы уже выше имѣли случаи ссылаться на упущенія и даже злоупотребленія, обнаруженныя въ университетскихъ строительныхъ работахъ, составляющихъ въ настоящее время предметъ нашего повѣствованія. Всѣ эти недочеты въ постановкѣ дѣла оставались негласными до начала осени 1823-го года, когда объ нихъ открыто заговорилъ самъ попечитель Магницкій, видимо начавшій разочаровываться въ собственныхъ креатурахъ, припущенныхъ имъ къ жирному пирогу университетскаго строенія. 25-го сентября 1823 года, въ письмѣ на имя директора университета проф. Никольскаго, попечитель, ссылаясь на неправильности, допущенныя въ смѣтѣ работъ, уже ребромъ ставитъ вопросъ о „противозаконныхъ дѣйствіяхъ архитектора Пятницкаго“, выражая опасеніе, чтобы онъ „при дальнѣйшемъ производствѣ строенія не попустился еще на худшее, ибо, за неоднократными моими подтвержденіями, не оказалъ онъ ни малѣйшаго знака усердія къ сохраненію пользы казны“; „я нахожу,—продолжаетъ Магницкій,—что онъ не можетъ быть терпимъ болѣе въ университетской службѣ, почему и предоставляю вамъ объявить ему, дабы немедленно искалъ увольненія, ежели не желаетъ непріятныхъ для себя послѣдствій“. Въ томъ же письмѣ высказывается попечителемъ совершенно скептическое отношеніе и къ дѣятельности коммиссіонера комитета Визгалова, операціи котораго по заготовленію хозяйственнымъ способомъ матеріаловъ не обнаруживаютъ „никакого усердія къ пониженію цѣнъ“, въ виду чего Магницкій и проситъ директора категорически отвѣтить ему—„нуженъ ли Визгаловъ для строенія, ибо въ строительный

* Этотъ характерный инцидентъ былъ въ свое время подробно разсказанъ нами въ журналѣ «Историческій Вѣстникъ» («Изъ прошлаго казанскаго университета», 1900 г., книга IX).

комитетъ опредѣленъ уже коллежскій ассессоръ Калашниковъ, при дѣятельности коего, знаніи и опытности въ строительной части легко можно обойтись безъ коммиссіонера"; равнымъ образомъ и въ позднѣйшемъ (отъ 21-го октября 1824 г.) донесеніи своемъ министру попечитель открыто заявлялъ, что Визгаловъ „не столько старался о соблюденіи выгодъ казны, сколько своихъ собственныхъ". 26-го октября 1823 года Магницкимъ поставлены директору университета на видъ уже вполнѣ опредѣленныя обвиненія противъ Визгалова, основанныя на поступившихъ къ попечителю жалобахъ со стороны подрядчиковъ на пристрастныя дѣйствія коммиссіонера, изъ личныхъ видовъ устраняющаго конкурентовъ, предлагающихъ свои услуги по низшимъ цѣнамъ: „Прошу васъ принять въ уваженіе сіе неоспоримое доказательство происходящихъ по строенію университета злоупотребленій и поставить имъ преграду, ибо, начавъ сноситься съ вами по онымъ, я имѣлъ вѣрныя имъ доказательства, а пріѣхавъ въ Казань могу имѣть и многія другія".

Отвѣчая на попечительскія разоблаченія, профессоръ Никольскій предпринимаетъ неблагодарную попытку смягчить предъявленныя Магницкимъ обвиненія:

„На предписанія вашего превосходительства честь имѣю объяснить, что въ донесеніи моемъ не было упоминанія о совершенномъ безкорыстіи и вѣрности коммиссіонера по университетскимъ строеніямъ Визгалова и архитектора Пятницкаго,—читаемъ въ представленіи Никольскаго отъ 14-го ноября 1823 года.—Они—не безсребренники, каковыхъ трудно нынѣ найти, о поборахъ же вопіющихъ (sic!) никогда и никакихъ жалобъ не слыхалъ, гдѣ же замѣчалъ притязанія, старался ихъ останавливать.

Мое поведеніе съ сими чиновниками вседа было умѣряемо тою мыслью, что они—вашего избранія. Вооружаться на нихъ безъ достовѣрныхъ уликъ я всегда остерегался, дабы не подать повода къ справедливымъ со стороны ихъ на меня жалобамъ. Оба они—люди хитрые и поймать ихъ не легко. Они всегда дѣйствовали стороною, такъ, что бы никакой не лежало на нихъ отвѣтственности...

Все защищеніе мое сихъ чиновниковъ имѣло тотъ смыслъ, что г. Пятницкій принадлежитъ къ хорошимъ архитекторамъ, а г. Визгаловъ—коммиссіонеръ смѣтливый и ежели имѣетъ желаніе сдѣлать что либо хорошо, навѣрное исполнитъ. Когда дѣло идетъ о чести ближняго, надобно, по моему мнѣнію, произносить сужденіе со всею осмотрительностью. Сравнивая сихъ чиновниковъ съ другими, я нахожу ихъ лучше многихъ, потому и сужу о достоинствахъ ихъ—относительно. Ежели вы сравните ихъ съ производителями строенія уфим-

комитетъ опредѣленъ уже коллежскій ассессоръ Калашниковъ, при дѣятельности коего, знаніи и опытности въ строительной части легко можно обойтись безъ коммиссіонера"; равнымъ образомъ и въ позднѣйшемъ (отъ 21-го октября 1824 г.) донесеніи своемъ министру попечитель открыто заявлялъ, что Визгаловъ „не столько старался о соблюденіи выгодъ казны, сколько своихъ собственныхъ". 26-го октября 1823 года Магницкимъ поставлены директору университета на видъ уже вполнѣ опредѣленныя обвиненія противъ Визгалова, основанныя на поступившихъ къ попечителю жалобахъ со стороны подрядчиковъ на пристрастныя дѣйствія коммиссіонера, изъ личныхъ видовъ устраняющаго конкурентовъ, предлагающихъ свои услуги по низшимъ цѣнамъ: „Прошу васъ принять въ уваженіе сіе неоспоримое доказательство происходящихъ по строенію университета злоупотребленій и поставить имъ преграду, ибо, начавъ сноситься съ вами по онымъ, я имѣлъ вѣрныя имъ доказательства, а пріѣхавъ въ Казань могу имѣть и многія другія".

Отвѣчая на попечительскія разоблаченія, профессоръ Никольскій предпринимаетъ неблагодарную попытку смягчить предъявленныя Магницкимъ обвиненія:

„На предписанія вашего превосходительства честь имѣю объяснить, что въ донесеніи моемъ не было упоминанія о совершенномъ безкорыстіи и вѣрности коммиссіонера по университетскимъ строеніямъ Визгалова и архитектора Пятницкаго,—читаемъ въ представленіи Никольскаго отъ 14-го ноября 1823 года.—Они—не безсребренники, каковыхъ трудно нынѣ найти, о поборахъ же вопіющихъ (sic!) никогда и никакихъ жалобъ не слыхалъ, гдѣ же замѣчалъ притязанія, старался ихъ останавливать.

Мое поведеніе съ сими чиновниками всегда было умѣряемо тою мыслью, что они—вашего избранія. Вооружаться на нихъ безъ достовѣрныхъ уликъ я всегда остерегался, дабы не подать повода къ справедливымъ со стороны ихъ на меня жалобамъ. Оба они—люди хитрые и поймать ихъ не легко. Они всегда дѣйствовали стороною, такъ, что бы никакой не лежало на нихъ отвѣтственности...

Все защищеніе мое сихъ чиновниковъ имѣло тотъ смыслъ, что г. Пятницкій принадлежитъ къ хорошимъ архитекторамъ, а г. Визгаловъ—коммиссіонеръ смѣтливый и ежели имѣетъ желаніе сдѣлать что либо хорошо, навѣрное исполнитъ. Когда дѣло идетъ о чести ближняго, надобно, по моему мнѣнію, произносить сужденіе со всею осмотрительностью. Сравнивая сихъ чиновниковъ съ другими, я нахожу ихъ лучше многихъ, потому и сужу о достоинствахъ ихъ—относительно. Ежели вы сравните ихъ съ производителями строенія уфим-

ской гимназіи,—о чемъ правленіемъ подробно донесено вамъ,—то, можетъ быть, не назовете ихъ грабителями. Людей же совершенныхъ во всѣхъ отношеніяхъ—нѣтъ и не бывало"...

Закравшіяся въ душу Магницкаго подозрѣнія въ честности и добросовѣстности строителей университетскихъ зданій побудили его назначить особую коммиссію для освидѣтельствованія построекъ. Эта коммиссія, образованная изъ предсѣдателя строительнаго комитета, инспектора университета Вишневскаго, члена того же комитета Калашникова и директора казанской гимназіи Лажечникова, 30-го іюля 1824 года представила Магницкому докладъ, которымъ лишь подкрѣплялись всѣ попечительскія сомнѣнія. Отмѣтивъ цѣлый рядъ погрѣшностей и неправильностей въ произведенныхъ работахъ,—отступленія отъ утвержденнаго плана, неудовлетворительность строительныхъ матеріаловъ, непрочность каменной кладки, благодаря которой надъ нѣкоторыми дверями упали перемычки, а одна стѣна выкладена „съ выпуклостью", неудовлетворительность печныхъ работъ (печи дымятъ, своды нѣкоторыхъ обрушились), небрежность плотничныхъ и столярныхъ работъ (перегородки опустились, полы и потолки выгнулись, двери перекоробило, рамы непрочны) и т. п.,—коммиссія констатируетъ, что по многимъ частямъ работъ цѣны превысили смѣтное назначеніе, что необходимые строительные матеріалы постоянно пріобрѣтались по цѣнамъ выше существующихъ... Даетъ коммиссія намеки уже и на прямыя злоупотребленія и хищенія. Коммиссіонеръ Визгаловъ, при разсчетахъ съ поставщиками, бралъ въ свою пользу лажъ отъ разницы курса на ассигнаціи и серебро, допускалъ и другія неправильности, удостовѣряющія „или въ безпечности его, или въ злоупотребленіи". Что касается Пятницкаго, то въ подозрѣніяхъ на него въ томъ, что онъ „яко бы получалъ съ тысячи кирпича деньгами какъ при поставкѣ онаго, такъ и при кладкѣ въ дѣло, нельзя,—по заключенію коммиссіи,—удостовѣриться, но непрочная отдѣлка въ главномъ корпусѣ, въ домѣ спижарномъ и въ типографскомъ—навлекаетъ и на него подозрѣніе, что онъ или отъ подрядчиковъ чѣмъ нибудь интересовался или, по крайней мѣрѣ, весьма безпеченъ былъ при строеніи". На донесеніе коммиссіи Магницкій 22-го августа отвѣтилъ ей выраженіемъ благодарности „за обнаруженіе тѣхъ безпорядковъ во вредъ казеннаго интереса, которые доселѣ отъ меня были сокрыты", и просьбою „принять всѣ дѣятельныя мѣры для совершеннаго удостовѣренія виновности лицъ, руководившихъ въ произведеніи означенныхъ выше безпорядковъ".

ской гимназіи,—о чемъ правленіемъ подробно донесено вамъ,—то, можетъ быть, не назовете ихъ грабителями. Людей же совершенныхъ во всѣхъ отношеніяхъ—нѣтъ и не бывало"...

Закравшіяся въ душу Магницкаго подозрѣнія въ честности и добросовѣстности строителей университетскихъ зданій побудили его назначить особую коммиссію для освидѣтельствованія построекъ. Эта коммиссія, образованная изъ предсѣдателя строительнаго комитета, инспектора университета Вишневскаго, члена того же комитета Калашникова и директора казанской гимназіи Лажечникова, 30-го іюля 1824 года представила Магницкому докладъ, которымъ лишь подкрѣплялись всѣ попечительскія сомнѣнія. Отмѣтивъ цѣлый рядъ погрѣшностей и неправильностей въ произведенныхъ работахъ,—отступленія отъ утвержденнаго плана, неудовлетворительность строительныхъ матеріаловъ, непрочность каменной кладки, благодаря которой надъ нѣкоторыми дверями упали перемычки, а одна стѣна выкладена „съ выпуклостью", неудовлетворительность печныхъ работъ (печи дымятъ, своды нѣкоторыхъ обрушились), небрежность плотничныхъ и столярныхъ работъ (перегородки опустились, полы и потолки выгнулись, двери перекоробило, рамы непрочны) и т. п.,—коммиссія констатируетъ, что по многимъ частямъ работъ цѣны превысили смѣтное назначеніе, что необходимые строительные матеріалы постоянно пріобрѣтались по цѣнамъ выше существующихъ... Даетъ коммиссія намеки уже и на прямыя злоупотребленія и хищенія. Коммиссіонеръ Визгаловъ, при разсчетахъ съ поставщиками, бралъ въ свою пользу лажъ отъ разницы курса на ассигнаціи и серебро, допускалъ и другія неправильности, удостовѣряющія „или въ безпечности его, или въ злоупотребленіи". Что касается Пятницкаго, то въ подозрѣніяхъ на него въ томъ, что онъ „яко бы получалъ съ тысячи кирпича деньгами какъ при поставкѣ онаго, такъ и при кладкѣ въ дѣло, нельзя,—по заключенію коммиссіи,—удостовѣриться, но непрочная отдѣлка въ главномъ корпусѣ, въ домѣ спижарномъ и въ типографскомъ—навлекаетъ и на него подозрѣніе, что онъ или отъ подрядчиковъ чѣмъ нибудь интересовался или, по крайней мѣрѣ, весьма безпеченъ былъ при строеніи". На донесеніе коммиссіи Магницкій 22-го августа отвѣтилъ ей выраженіемъ благодарности „за обнаруженіе тѣхъ безпорядковъ во вредъ казеннаго интереса, которые доселѣ отъ меня были сокрыты", и просьбою „принять всѣ дѣятельныя мѣры для совершеннаго удостовѣренія виновности лицъ, руководившихъ въ произведеніи означенныхъ выше безпорядковъ".

Директоръ университета Никольскій, въ объемистомъ представленіи Магницкому отъ 22-го сентября 1824 года, предпринялъ и на этотъ разъ попытку парализовать доводы коммиссіи, исходя, между прочимъ, изъ того положенія, что двое изъ членовъ ея лишь съ конца 1823-го года числятся членами строительнаго комитета, слѣдовательно—„являются судьями въ собственномъ дѣлѣ", пытаясь представить въ неблагопріятномъ свѣтѣ дѣятельность прежняго состава кимитета. Въ ту пору въ полномъ разгарѣ проявился, впрочемъ, уже извѣстный намъ разрывъ между Магницкимъ и проф. Никольскимъ, имѣвшій въ результатѣ оставленіе этимъ послѣднимъ должности директора университета, и смягчающіе доводы его не оказались способными убѣдить раздраженнаго попечителя: коммиссіонеръ комитета Визгаловъ 15-го марта 1824 года былъ, „по прошенію", освобожденъ отъ этого званія, съ возвращеніемъ къ прежней должности экзекутора и съ назначеніемъ на его мѣсто экзекутора Кавнацкаго, а еще раньше, 7-го февраля того же 1824 года, было подано прошеніе объ увольненіи его отъ должности университетскаго архитектора и самимъ Пятницкимъ. Увольненіе архитектора состоялось, однако, не такъ то просто: хотя на его мѣсто 10-го апрѣля и былъ опредѣленъ, съ званіемъ помощника архитектора, вольнопрактикующій архитекторъ, иностранецъ И. А. Гартманъ, тѣмъ не менѣе увольнительное свидѣтельство ему не было выдано до окончательнаго приведенія въ порядокъ всѣхъ дѣлъ по университетскимъ постройкамъ и на этой почвѣ окончательное увольненіе Пятницкаго послѣдовало лишь 18-го іюня 1827 года [237].

Къ осени 1825-го года всѣ главныя строительныя работы, съ главнымъ корпусомъ въ ихъ главѣ, были,—за исключеніемъ нѣкоторыхъ частичныхъ додѣлокъ,—закончены и послѣдовали оффиціальныя освидѣтельствованія ихъ. Первое освидѣтельствованіе,—какъ бы предварительное,—было 16-го сентября 1825 года произведено, по порученію строительнаго комитета, помощникомъ университетскаго архитектора Гартманомъ, который, заявивъ что „главный фасадъ на улицу сдѣланъ великолѣпно", отмѣтилъ лишь незначительные и легко исправимые дефекты работъ. Второе освидѣтельствованіе, согласно постановленію правленія, произведено было 27-го ноября коммиссіею изъ директора университета Любомирова, всѣхъ членовъ правленія и строительнаго комитета, университетскаго и губернскаго архитекторовъ и двухъ членовъ совѣта университета; указавъ на отдѣльные мелкіе недочеты работъ, эта коммиссія признала ихъ произведенными „согласно правиламъ архитектуры", отмѣтивъ „прочность и стараніе въ работѣ", „доброту матеріаловъ и хозяй-

Директоръ университета Никольскій, въ объемистомъ представленіи Магницкому отъ 22-го сентября 1824 года, предпринялъ и на этотъ разъ попытку парализовать доводы коммиссіи, исходя, между прочимъ, изъ того положенія, что двое изъ членовъ ея лишь съ конца 1823-го года числятся членами строительнаго комитета, слѣдовательно—„являются судьями въ собственномъ дѣлѣ", пытаясь представить въ неблагопріятномъ свѣтѣ дѣятельность прежняго состава кимитета. Въ ту пору въ полномъ разгарѣ проявился, впрочемъ, уже извѣстный намъ разрывъ между Магницкимъ и проф. Никольскимъ, имѣвшій въ результатѣ оставленіе этимъ послѣднимъ должности директора университета, и смягчающіе доводы его не оказались способными убѣдить раздраженнаго попечителя: коммиссіонеръ комитета Визгаловъ 15-го марта 1824 года былъ, „по прошенію", освобожденъ отъ этого званія, съ возвращеніемъ къ прежней должности экзекутора и съ назначеніемъ на его мѣсто экзекутора Кавнацкаго, а еще раньше, 7-го февраля того же 1824 года, было подано прошеніе объ увольненіи его отъ должности университетскаго архитектора и самимъ Пятницкимъ. Увольненіе архитектора состоялось, однако, не такъ то просто: хотя на его мѣсто 10-го апрѣля и былъ опредѣленъ, съ званіемъ помощника архитектора, вольнопрактикующій архитекторъ, иностранецъ И. А. Гартманъ, тѣмъ не менѣе увольнительное свидѣтельство ему не было выдано до окончательнаго приведенія въ порядокъ всѣхъ дѣлъ по университетскимъ постройкамъ и на этой почвѣ окончательное увольненіе Пятницкаго послѣдовало лишь 18-го іюня 1827 года [237].

Къ осени 1825-го года всѣ главныя строительныя работы, съ главнымъ корпусомъ въ ихъ главѣ, были,—за исключеніемъ нѣкоторыхъ частичныхъ додѣлокъ,—закончены и послѣдовали оффиціальныя освидѣтельствованія ихъ. Первое освидѣтельствованіе,—какъ бы предварительное,—было 16-го сентября 1825 года произведено, по порученію строительнаго комитета, помощникомъ университетскаго архитектора Гартманомъ, который, заявивъ что „главный фасадъ на улицу сдѣланъ великолѣпно", отмѣтилъ лишь незначительные и легко исправимые дефекты работъ. Второе освидѣтельствованіе, согласно постановленію правленія, произведено было 27-го ноября коммиссіею изъ директора университета Любомирова, всѣхъ членовъ правленія и строительнаго комитета, университетскаго и губернскаго архитекторовъ и двухъ членовъ совѣта университета; указавъ на отдѣльные мелкіе недочеты работъ, эта коммиссія признала ихъ произведенными „согласно правиламъ архитектуры", отмѣтивъ „прочность и стараніе въ работѣ", „доброту матеріаловъ и хозяй-

ственное ихъ употребленіе при соблюденіи всѣхъ возможныхъ выгодъ казны".

Если освидѣтельствованія университетскихъ построекъ и исправленій прошли, какъ говорится—„гладко" и все оказалось по этой части благополучнымъ, то далеко не такъ обстояло дѣло съ отчетностью по произведеннымъ работамъ, возложенною на математиковъ строительнаго комитета—профессоровъ Н. И. Лобачевскаго и Г. Б. Никольскаго. Задача обоихъ ученыхъ оказалась не изъ легкихъ, благодаря неряшливости и запутанности въ веденіи счетовъ, о которыхъ мы уже говорили раньше и на которыя весною 1825-го года жаловался Лобачевскій, видя въ нихъ серьезный тормозъ въ дѣлѣ составленія общаго отчета. Хотя съ грѣхомъ пополамъ, но частичные отчеты ими составлялись; такъ, до насъ дошли составленные: Никольскимъ—„Вѣдомость о разныхъ работахъ, произведенныхъ по строеніямъ, съ показаніемъ употребленныхъ на оныя матеріаловъ съ 1820-го по 1823-ій годъ" и „сочиненный" (sic) Лобачевскимъ—„Отчетъ строительнаго комитета за 1824-й годъ о приходѣ, расходѣ и остаткѣ денегъ и матеріаловъ". Въ концѣ марта 1825-го года составленіе, по требованію попечителя, общаго, начиная съ 1821-го года, денежнаго отчета по строительнымъ работамъ возложено было правленіемъ университета на проф. Никольскаго, но дѣло подвигалось впередъ настолько туго, что министерству народнаго просвѣщенія доводилось не разъ напоминать Магницкому относительно необходимости представленія отчетности по всему пятилѣтнему строительному періоду.

Наступили роковые для казанскаго попечителя дни ревизіи генералъ-маіора Желтухина—а общаго отчета по постройкамъ все еще на лицо не имѣлось, что заставило министра 24-го февраля 1826 года обратиться къ Магницкому съ предложеніемъ, въ которомъ, ставя ему на видъ неполученіе до сихъ поръ „отчетовъ по строенію зданій казанскаго университета на отпущенныя въ 1821, 1822, 1823, 1824 и 1825 годахъ изъ государственнаго казначейства суммы", адмиралъ Шишковъ объявляетъ, что онъ поставленъ въ необходимость вновь предложить о доставленіи оныхъ въ скорѣйшемъ времени и, вмѣстѣ съ тѣмъ, объясненія: почему оные по первому предложенію отъ 13-го марта 1825 года до сего времени не доставлены?" Магницкій, противъ воли своей находившійся въ то время въ Казани, только 18-го марта далъ министру требуемый отвѣтъ, въ которомъ пояснялъ, что отчеты о суммахъ, отпускавшихся въ предшествовавшіе годы на университетское строеніе, „внесены въ общіе отчеты всѣхъ суммъ университета" за соотвѣтствующіе года и что въ этихъ годичныхъ отче-

ственное ихъ употребленіе при соблюденіи всѣхъ возможныхъ выгодъ казны".

Если освидѣтельствованія университетскихъ построекъ и исправленій прошли, какъ говорится—„гладко" и все оказалось по этой части благополучнымъ, то далеко не такъ обстояло дѣло съ отчетностью по произведеннымъ работамъ, возложенною на математиковъ строительнаго комитета—профессоровъ Н. И. Лобачевскаго и Г. Б. Никольскаго. Задача обоихъ ученыхъ оказалась не изъ легкихъ, благодаря неряшливости и запутанности въ веденіи счетовъ, о которыхъ мы уже говорили раньше и на которыя весною 1825-го года жаловался Лобачевскій, видя въ нихъ серьезный тормозъ въ дѣлѣ составленія общаго отчета. Хотя съ грѣхомъ пополамъ, но частичные отчеты ими составлялись; такъ, до насъ дошли составленные: Никольскимъ—„Вѣдомость о разныхъ работахъ, произведенныхъ по строеніямъ, съ показаніемъ употребленныхъ на оныя матеріаловъ съ 1820-го по 1823-ій годъ" и „сочиненный" (sic) Лобачевскимъ—„Отчетъ строительнаго комитета за 1824-й годъ о приходѣ, расходѣ и остаткѣ денегъ и матеріаловъ". Въ концѣ марта 1825-го года составленіе, по требованію попечителя, общаго, начиная съ 1821-го года, денежнаго отчета по строительнымъ работамъ возложено было правленіемъ университета на проф. Никольскаго, но дѣло подвигалось впередъ настолько туго, что министерству народнаго просвѣщенія доводилось не разъ напоминать Магницкому относительно необходимости представленія отчетности по всему пятилѣтнему строительному періоду.

Наступили роковые для казанскаго попечителя дни ревизіи генералъ-маіора Желтухина—а общаго отчета по постройкамъ все еще на лицо не имѣлось, что заставило министра 24-го февраля 1826 года обратиться къ Магницкому съ предложеніемъ, въ которомъ, ставя ему на видъ неполученіе до сихъ поръ „отчетовъ по строенію зданій казанскаго университета на отпущенныя въ 1821, 1822, 1823, 1824 и 1825 годахъ изъ государственнаго казначейства суммы", адмиралъ Шишковъ объявляетъ, что онъ поставленъ въ необходимость вновь предложить о доставленіи оныхъ въ скорѣйшемъ времени и, вмѣстѣ съ тѣмъ, объясненія: почему оные по первому предложенію отъ 13-го марта 1825 года до сего времени не доставлены?" Магницкій, противъ воли своей находившійся въ то время въ Казани, только 18-го марта далъ министру требуемый отвѣтъ, въ которомъ пояснялъ, что отчеты о суммахъ, отпускавшихся въ предшествовавшіе годы на университетское строеніе, „внесены въ общіе отчеты всѣхъ суммъ университета" за соотвѣтствующіе года и что въ этихъ годичныхъ отче-

тахъ „виденъ приходъ и расходъ и строительной суммы"; что „особаго отчета по строительной суммѣ не представлено донынѣ потому, что строенія еще не кончены", да правленіе университета и „не имѣло надежнаго бухгалтера"; что „медленность въ представленіи отчетовъ происходитъ не отъ запутанности дѣлъ строительнаго комитета, но потому, что члены онаго заняты и другими должностями", а также и вслѣдствіе того, что „университетъ, при обширности округа, лишенъ необходимыхъ способовъ производить дѣла въ обыкновенномъ порядкѣ" и т. п.

Министерство народнаго просвѣщенія не могло, конечно, удовлетвориться только что приведеннымъ нами попечительскимъ объясненіемъ, которое представляло собою лишь самаго общаго характера канцелярскую „отписку", тѣмъ болѣе что, ко времени ея полученія въ Петербургѣ, была закончена ревизія казанскаго университета, отчетъ по которой былъ уже 10-го марта представленъ ген.-маіоромъ Желтухинымъ министру. А данныя этой ревизіи выяснили не только цѣлый рядъ неправильностей въ строительной дѣятельности университета, но и далеко не корректное отношеніе самого попечителя къ проходившимъ черезъ его руки денежнымъ суммамъ университета, вообще, и къ дѣламъ строительнаго комитета, въ частности. Выяснилось, что торги на работы кассировались Магницкимъ въ ущербъ интересамъ университета, что попечительскій ставленникъ, членъ строительнаго комитета Калашниковъ, внесъ въ дѣла комитета полный безпорядокъ, подъ покровомъ котораго обдѣлывалъ свои личныя дѣлишки, всѣ же донесенія относительно образа дѣйствій его оставлялись попечителемъ безъ отвѣта; что операціи коммиссіонера Визгалова оставлялись также безъ всякаго контроля; что допускались расходы, не только превосходившіе смѣтныя назначенія, но даже ими не предусмотрѣнные и не имѣвшіе прямого соотношенія къ дѣйствительному назначенію отпущенныхъ суммъ; что произведенныя работы своевременно не свидѣтельствовались; что нѣкоторые подрядчики не удовлетворялись по своимъ разсчетамъ; что выдачи правленіемъ денегъ изъ строительныхъ суммъ иногда производились не только безъ надлежащаго освидѣтельствованія работъ и матеріаловъ, но даже безъ надлежащихъ протоколовъ, по простымъ предписаніямъ попечителя... Общее заключеніе ген.-маіора Желтухина свелось къ тому, что, „сообразивъ всѣ сіи обстоятельства и не видя въ дѣлахъ комитета надлежащей отчетности", онъ полагалъ бы „всѣ книги и счета по сей постройкѣ немедленно подвергнуть ревизіи контроля, на общихъ узаконеніяхъ основаннаго".

тахъ „виденъ приходъ и расходъ и строительной суммы"; что „особаго отчета по строительной суммѣ не представлено понынѣ потому, что строенія еще не кончены", да правленіе университета и „не имѣло надежнаго бухгалтера"; что „медленность въ представленіи отчетовъ происходитъ не отъ запутанности дѣлъ строительнаго комитета, но потому, что члены онаго заняты и другими должностями", а также и вслѣдствіе того, что „университетъ, при обширности округа, лишенъ необходимыхъ способовъ производить дѣла въ обыкновенномъ порядкѣ" и т. п.

Министерство народнаго просвѣщенія не могло, конечно, удовлетвориться только что приведеннымъ нами попечительскимъ объясненіемъ, которое представляло собою лишь самаго общаго характера канцелярскую „отписку", тѣмъ болѣе что, ко времени ея полученія въ Петербургѣ, была закончена ревизія казанскаго университета, отчетъ по которой былъ уже 10-го марта представленъ ген.-маіоромъ Желтухинымъ министру. А данныя этой ревизіи выяснили не только цѣлый рядъ неправильностей въ строительной дѣятельности университета, но и далеко не корректное отношеніе самого попечителя къ проходившимъ черезъ его руки денежнымъ суммамъ университета, вообще, и къ дѣламъ строительнаго комитета, въ частности. Выяснилось, что торги на работы кассировались Магницкимъ въ ущербъ интересамъ университета, что попечительскій ставленникъ, членъ строительнаго комитета Калашниковъ, внесъ въ дѣла комитета полный безпорядокъ, подъ покровомъ котораго обдѣлывалъ свои личныя дѣлишки, всѣ же донесенія относительно образа дѣйствій его оставлялись попечителемъ безъ отвѣта; что операціи коммиссіонера Визгалова оставлялись также безъ всякаго контроля; что допускались расходы, не только превосходившіе смѣтныя назначенія, но даже ими не предусмотрѣнные и не имѣвшіе прямого соотношенія къ дѣйствительному назначенію отпущенныхъ суммъ; что произведенныя работы своевременно не свидѣтельствовались; что нѣкоторые подрядчики не удовлетворялись по своимъ разсчетамъ; что выдачи правленіемъ денегъ изъ строительныхъ суммъ иногда производились не только безъ надлежащаго освидѣтельствованія работъ и матеріаловъ, но даже безъ надлежащихъ протоколовъ, по простымъ предписаніямъ попечителя... Общее заключеніе ген.-маіора Желтухина свелось къ тому, что, „сообразивъ всѣ сіи обстоятельства и не видя въ дѣлахъ комитета надлежащей отчетности", онъ полагалъ бы „всѣ книги и счета по сей постройкѣ немедленно подвергнуть ревизіи контроля, на общихъ узаконеніяхъ основаннаго".

Насколько самъ Магницкій былъ некорректенъ въ своихъ отношеніяхъ къ денежнымъ суммамъ университета, видно, напримѣръ, изъ того, что онъ долго удерживалъ у себя сумму въ двѣ тысячи рублей, высланную ему правленіемъ университета для уплаты мастеру Крейтону, дѣлавшему иконостасъ для университетской церкви, и, не взирая на неоднократныя требованія, уплатилъ эту сумму Крейтону только послѣ жалобы послѣдняго министру. Такая же задержка въ платежѣ проявилась со стороны попечителя и по отношенію къ императорскому стекольному заводу, изготовившему стекла для освѣщенія сверху иконостаса; доставленныя университетомъ Магницкому для уплаты деньги были внесены имъ лишь годъ спустя, послѣ настойчивыхъ требованій о томъ завода. Недостача на сумму свыше 500 рублей оказалась и въ матеріалахъ для церковной ризницы, купленныхъ Магницкимъ на ассигнованную для того сумму въ 7176 рублей .и только послѣ соотвѣтствующаго донесенія правленія выслано было имъ университету недостающее количество парчи *...

До самаго начала мая,—когда : не только закончена была ревизія Желтухина, но самое дѣло о ней уже было разсмотрѣно главнымъ правленіемъ училищъ, рѣшившимъ увольненіе Магницкаго отъ должности попечителя округа,—тщетно ожидалъ министръ народнаго просвѣщенія отчета по университетскимъ строительнымъ работамъ и 6-го мая 1825 года, въ самый день увольненія его отъ должности, снова обращается къ бывшему попечителю съ требованіемъ отчета. „Къ величайшему моему удивленію, усмотрѣлъ я изъ донесенія вашего отъ 18-го минувшаго марта однѣ только неумѣстныя отговорки, кои совершенно не удовлетворяютъ моимъ требованіямъ, а только замедляютъ представленіе подробныхъ отчетовъ по строенію университета, на отпущенныя уже суммы",—писалъ адмиралъ Шишковъ. Отчеты необходимы ему, поясняетъ министръ, для того, „дабы я могъ видѣть, достигаютъ ли вполнѣ хозяйственныя дѣйствія и распоряженія вашего превосходительства и строительнаго комитета той цѣли, для которой вы испросили дозволеніе производить построеніе университета хозяйственнымъ образомъ, и приносятъ ли они существенную пользу казнѣ или нѣтъ, потому—должно ли оные допустить впредь или немедленно прекратить въ охраненіе казеннаго интереса", въ виду чего министръ и назначилъ Магницкому двухмѣсячный срокъ для представленія требуемыхъ отчетовъ. Отчеты эти бывшимъ попечителемъ представлены, однако, такъ и не были [238].

* Прот. А. В. Смирновъ: «Крестовоздвиженская церковь при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ» (Каз. 1904, стр. 25).

Насколько самъ Магницкій былъ некорректенъ въ своихъ отношеніяхъ къ денежнымъ суммамъ университета, видно, напримѣръ, изъ того, что онъ долго удерживалъ у себя сумму въ двѣ тысячи рублей, высланную ему правленіемъ университета для уплаты мастеру Крейтону, дѣлавшему иконостасъ для университетской церкви, и, не взирая на неоднократныя требованія, уплатилъ эту сумму Крейтону только послѣ жалобы послѣдняго министру. Такая же задержка въ платежѣ проявилась со стороны попечителя и по отношенію къ императорскому стекольному заводу, изготовившему стекла для освѣщенія сверху иконостаса; доставленныя университетомъ Магницкому для уплаты деньги были внесены имъ лишь годъ спустя, послѣ настойчивыхъ требованій о томъ завода. Недостача на сумму свыше 500 рублей оказалась и въ матеріалахъ для церковной ризницы, купленныхъ Магницкимъ на ассигнованную для того сумму въ 7176 рублей и только послѣ соотвѣтствующаго донесенія правленія выслано было имъ университету недостающее количество парчи *...

До самаго начала мая,—когда не только закончена была ревизія Желтухина, но самое дѣло о ней уже было разсмотрѣно главнымъ правленіемъ училищъ, рѣшившимъ увольненіе Магницкаго отъ должности попечителя округа,—тщетно ожидалъ министръ народнаго просвѣщенія отчета по университетскимъ строительнымъ работамъ и 6-го мая 1825 года, въ самый день увольненія его отъ должности, снова обращается къ бывшему попечителю съ требованіемъ отчета. „Къ величайшему моему удивленію, усмотрѣлъ я изъ донесенія вашего отъ 18-го минувшаго марта однѣ только неумѣстныя отговорки, кои совершенно не удовлетворяютъ моимъ требованіямъ, а только замедляютъ представленіе подробныхъ отчетовъ по строенію университета, на отпущенныя уже суммы",—писалъ адмиралъ Шишковъ. Отчеты необходимы ему, поясняетъ министръ, для того, „дабы я могъ видѣть, достигаютъ ли вполнѣ хозяйственныя дѣйствія и распоряженія вашего превосходительства и строительнаго комитета той цѣли, для которой вы испросили дозволеніе производить построеніе университета хозяйственнымъ образомъ, и приносятъ ли они существенную пользу казнѣ или нѣтъ, потому—должно ли оные допустить впредь или немедленно прекратить въ охраненіе казеннаго интереса", въ виду чего министръ и назначилъ Магницкому двухмѣсячный срокъ для представленія требуемыхъ отчетовъ. Отчеты эти бывшимъ попечителемъ представлены, однако, такъ и не были [238].

---

* Прот. А. В. Смирновъ: «Крестовоздвиженская церковь при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ» (Каз. 1904, стр. 25).

Такова исторія крупныхъ университетскихъ построекъ эпохи попечительства Магницкаго, придавшихъ главному корпусу университета тотъ внѣшній видъ, который онъ сохраняетъ до нашихъ дней и который онъ, въ основныхъ чертахъ своихъ, сохранитъ и послѣ частичныхъ, хотя и капитальныхъ, перестроекъ, предпринятыхъ въ немъ съ весны 1905-го года. Слѣдующая крупная эпоха университетскаго строительства, коснувшаяся обезпеченія самостоятельными помѣщеніями учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета, относится уже къ годамъ попечительства М. Н. Мусина-Пушкина,—но рѣчь объ ней будетъ у насъ впереди.

Съ какихъ бы точекъ зрѣнія не отнеслись мы къ исторіи университетской строительной дѣятельности 1821—1826 годовъ, мы въ результатахъ ея должны видѣть крупную заслугу попечителя Магницкаго, хотя едва ли не вынуждены будемъ признать за несомнѣнный фактъ и то, что многія прикосновенныя къ этому дѣлу лица успѣли недурно погрѣть свои руки около этого крупнаго дѣла и что не одинъ кругленькій капиталецъ составился въ Казани на почвѣ общирнаго, въ наши дни мирно и безстрастно почившаго на архивныхъ полкахъ, канцелярскаго производства „о построеніи зданій казанскаго университета“....

Подвигавшіяся къ концу работы по приведенію казанскаго университета въ состояніе внѣшняго благоустройства—должны были увѣнчать собою торжество Магницкаго въ дѣлѣ „обновленія“ ввѣреннаго ему высшаго учебнаго заведенія. Совершивъ пресловутое „обновленіе“ внутренняго строя и жизни университета, онъ завершалъ теперь и его внѣшнее обновленіе.

Завѣтная мечта тщеславнаго карьериста, набалованнаго неограниченнымъ довѣріемъ и попустительствомъ къ его затѣямъ сверху, безмолвною и угодливою покорностью—снизу, уже осуществлялась въ его собственныхъ глазахъ. Магницкій не на шутку возомнилъ себя „великимъ реформаторомъ“ въ области постановки дѣла народнаго просвѣщенія, призваннымъ обосновать его на началахъ, имѣющихъ открыть собою новую эру въ исторіи человѣческой культуры, долженствующихъ послужить спасительнымъ образцомъ для всѣхъ странъ, для всѣхъ народовъ. Этотъ заносчивый тонъ торжествующаго самодовленія совершенно ясно звучитъ въ отчетахъ по его управленію, представленныхъ Магницкимъ министру народнаго просвѣщенія въ 1823-мъ и 1824-мъ

Такова исторія крупныхъ университетскихъ построекъ эпохи попечительства Магницкаго, придавшихъ главному корпусу университета тотъ внѣшній видъ, который онъ сохраняетъ до нашихъ дней и который онъ, въ основныхъ чертахъ своихъ, сохранитъ и послѣ частичныхъ, хотя и капитальныхъ, перестроекъ, предпринятыхъ въ немъ съ весны 1905-го года. Слѣдующая крупная эпоха университетскаго строительства, коснувшаяся обезпеченія самостоятельными помѣщеніями учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета, относится уже къ годамъ попечительства М. Н. Мусина-Пушкина,—но рѣчь объ ней будетъ у насъ впереди.

Съ какихъ бы точекъ зрѣнія не отнеслись мы къ исторіи университетской строительной дѣятельности 1821—1826 годовъ, мы въ результатахъ ея должны видѣть крупную заслугу попечителя Магницкаго, хотя едва ли не вынуждены будемъ признать за несомнѣнный фактъ и то, что многія прикосновенныя къ этому дѣлу лица успѣли недурно погрѣть свои руки около этого крупнаго дѣла и что не одинъ кругленькій капиталецъ составился въ Казани на почвѣ общирнаго, въ наши дни мирно и безстрастно почившаго на архивныхъ полкахъ, канцелярскаго производства „о построеніи зданій казанскаго университета“....

Подвигавшіяся къ концу работы по приведенію казанскаго университета въ состояніе внѣшняго благоустройства—должны были увѣнчать собою торжество Магницкаго въ дѣлѣ „обновленія“ ввѣреннаго ему высшаго учебнаго заведенія. Совершивъ пресловутое „обновленіе“ внутренняго строя и жизни университета, онъ завершалъ теперь и его внѣшнее обновленіе.

Завѣтная мечта тщеславнаго карьериста, набалованнаго неограниченнымъ довѣріемъ и попустительствомъ къ его затѣямъ сверху, безмолвною и угодливою покорностью—снизу, уже осуществлялась въ его собственныхъ глазахъ. Магницкій не на шутку возомнилъ себя „великимъ реформаторомъ“ въ области постановки дѣла народнаго просвѣщенія, призваннымъ обосновать его на началахъ, имѣющихъ открыть собою новую эру въ исторіи человѣческой культуры, долженствующихъ послужить спасительнымъ образцомъ для всѣхъ странъ, для всѣхъ народовъ. Этотъ заносчивый тонъ торжествующаго самодовленія совершенно ясно звучитъ въ отчетахъ по его управленію, представленныхъ Магницкимъ министру народнаго просвѣщенія въ 1823-мъ и 1824-мъ

ВИДЪ СЪ ОЗЕРА КАБАНА
НА Г. КАЗАНЬ И НА УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ЗДАНІЯ.
(1830)

ВИДЪ СЪ ОЗЕРА КАБАНА
НА Г. КАЗАНЬ И НА УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ЗДАНІЯ.
(1830)

годахъ. Эти отчеты съ фактической стороны своей не даютъ намъ ничего новаго и попечитель лишь систематизируетъ въ нихъ всѣ, уже хорошо знакомыя намъ начинанія свои—до фантастическихъ предначертаній, изложенныхъ въ его „бесѣдѣ“ съ совѣтомъ казанскаго университета, включительно. Здѣсь любопытными представляются развѣ только общія соображенія Магницкаго по части его новшествъ и общихъ тенденцій, и съ этой то именно точки зрѣнія мы и коснемся упомянутыхъ выше отчетовъ.

„Доселѣ удерживался я представленіемъ вашему сіятельству отчета о положеніи ввѣреннаго мнѣ университета и его округа по единому ожиданію отъ преобразованія его плодовъ, достойныхъ вашего, милостивый государь, вниманія“,—такъ начинаетъ Магницкій отчетъ 1823-го года. „Нынѣ, когда казанскій университетъ идетъ по данному ему направленію во всемъ согласно съ видами правительства, я беру на себя смѣлость, —продолжаетъ попечитель,—склонить благосклонное вниманіе вашего сіятельства къ успѣхамъ его на пути порядка, благочестія и просвѣщенія. Главное дѣло казанскаго университета состоитъ въ томъ, чтобы непреложнымъ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ на пространствѣ 16-ти губерній извѣданнымъ, опытомъ доказать, что въ воспитаніи, на благочестіи утвержденномъ, нѣтъ никакого предубѣжденія къ полезнымъ наукамъ, но что, напротивъ, оно покровительствуетъ истинному просвѣщенію и что соединеніе вѣдѣнія съ вѣрою, необходимое въ народномъ воспитаніи, возможно на самомъ дѣлѣ“...

Болѣе характернымъ является второй, уже весьма обширный, отчетъ Магницкаго, представленный имъ въ исходѣ 1824-го года, лишь въ маѣ того же года назначенному министромъ народнаго просвѣщенія, А. С. Шишкову. Основныя задачи этого отчета указываются въ самомъ вступленіи къ нему и формулируются попечителемъ слѣдующимъ образомъ: 1) „Свидѣтельство того, что посреди всеобщей заразы вредныхъ ученій можетъ быть устроенъ университетъ по направленію наукъ и духа православный и настояще отечественный“ и 2) „Доказательство того, что ежели въ одномъ изъ шести нашихъ университетовъ могли сіи распоряженія имѣть успѣхъ, то и во всѣхъ другихъ необходимо нужно бы было сдѣлать единообразное преобразованіе“. Прежде, нежели приступить къ этимъ двумъ задачамъ, Магницкій почитаетъ необходимымъ „изложить въ общихъ чертахъ состояніе казанскаго университета до преобразованія онаго и принятыя мѣры къ его исполненію, дабы въ связи и порядкѣ времени можно было

годахъ. Эти отчеты съ фактической стороны своей не даютъ намъ ничего новаго и попечитель лишь систематизируетъ въ нихъ всѣ, уже хорошо знакомыя намъ начинанія свои—до фантастическихъ предначертаній, изложенныхъ въ его „бесѣдѣ“ съ совѣтомъ казанскаго университета, включительно. Здѣсь любопытными представляются развѣ только общія соображенія Магницкаго по части его новшествъ и общихъ тенденцій, и съ этой то именно точки зрѣнія мы и коснемся упомянутыхъ выше отчетовъ.

„Доселѣ удерживался я представленіемъ вашему сіятельству отчета о положеніи ввѣреннаго мнѣ университета и его округа по единому ожиданію отъ преобразованія его плодовъ, достойныхъ вашего, милостивый государь, вниманія“,—такъ начинаетъ Магницкій отчетъ 1823-го года. „Нынѣ, когда казанскій университетъ идетъ по данному ему направленію во всемъ согласно съ видами правительства, я беру на себя смѣлость,—продолжаетъ попечитель,—склонить благосклонное вниманіе вашего сіятельства къ успѣхамъ его на пути порядка, благочестія и просвѣщенія. Главное дѣло казанскаго университета состоитъ въ томъ, что бы непреложнымъ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ на пространствѣ 16-ти губерній извѣданнымъ, опытомъ доказать, что въ воспитаніи, на благочестіи утвержденномъ, нѣтъ никакого предубѣжденія къ полезнымъ наукамъ, но что, напротивъ, оно покровительствуетъ истинному просвѣщенію и что соединеніе вѣдѣнія съ вѣрою, необходимое въ народномъ воспитаніи, возможно на самомъ дѣлѣ“...

Болѣе характернымъ является второй, уже весьма обширный, отчетъ Магницкаго, представленный имъ въ исходѣ 1824-го года, лишь въ маѣ того же года назначенному министромъ народнаго просвѣщенія, А. С. Шишкову. Основныя задачи этого отчета указываются въ самомъ вступленіи къ нему и формулируются попечителемъ слѣдующимъ образомъ: 1) „Свидѣтельство того, что посреди всеобщей заразы вредныхъ ученій можетъ быть устроенъ университетъ по направленію наукъ и духа православный и настояще отечественный“ и 2) „Доказательство того, что ежели въ одномъ изъ шести нашихъ университетовъ могли сіи распоряженія имѣть успѣхъ, то и во всѣхъ другихъ необходимо нужно бы было сдѣлать единообразное преобразованіе“. Прежде, нежели приступить къ этимъ двумъ задачамъ, Магницкій почитаетъ необходимымъ „изложить въ общихъ чертахъ состояніе казанскаго университета до преобразованія онаго и принятыя мѣры къ его исполненію, дабы въ связи и порядкѣ времени можно было

видѣть постепенный ходъ сего заведенія отъ 1819-го года донынѣ". Слѣдомъ за тѣмъ идетъ хронологическій, по годамъ (1819—1824 г.г.), перечень какъ всѣхъ начинаній Магницкаго въ области реорганизаціи казанскаго университета, такъ и важнѣйшихъ, съ точки зрѣнія попечителя, фактовъ академической и административной жизни его. Этотъ погодный перечень не представитъ для насъ ничего сколько нибудь существенно новаго, исчерпываясь нашимъ предшествовавшимъ повѣствованіемъ, но мы отводимъ ему мѣсто въ приложеніяхъ къ настоящему тому въ виду не безъинтересной группировки въ немъ фактовъ, являвшейся въ глазахъ Магницкаго импозантной для общей обрисовки его обновительной дѣятельности *. Болѣе интересными и характерными представляются общія заключенія, выводимыя попечителемъ изъ цитируемаго нами отчета его:

„Пять лѣтъ тому назадъ, когда началось преобразованіе упадавшаго изъ открытаго нечестія казанскаго университета въ заведеніе христіанское,—писалъ Магницкій,—разсѣяно было то заключеніе, что мѣры, тогда принятыя, должны уронить въ семъ округѣ просвѣщеніе, но соединеніе вѣры съ науками почиталось невозможнымъ и именовалось даже—погашеніемъ. Начальство университета твердо увѣрено было въ противномъ и, видя въ исторіи, что науки какъ сохраненіемъ отъ меча и пламени варваровъ, такъ и цвѣтомъ своимъ, обязаны одному христіанству, твердо помнило изреченіе великаго Бакона, что религія есть—ароматъ, сохраняющій науки отъ гніенія и постоянно дѣйствовало въ одномъ направленіи. Оно перенесло въ молчаніи всѣ тѣ порицанія и клики, которые возбуждали невѣріе, лжеученіе, духъ партій и личности и, чрезъ пять лѣтъ, представляетъ слѣдующій отвѣтъ:

1. Всѣ науки въ казанскомъ университетѣ преподаются въ бо́льшей всеобщности, нежели въ прочихъ университетахъ.

2. Всѣ науки преподаются въ той же обширности, въ какой и въ прочихъ лучшихъ университетахъ, но преподаваніе наукъ въ казанскомъ университетѣ отличается отъ прочихъ тѣмъ, что по данному плану, постановленному надзору и по доброму духу преподавателей не только не заражены ни вольнодумствомъ, ни лжеученіемъ, но устремлены совокупно къ одной цѣли—къ образованію вѣрныхъ сыновъ церкви и вѣрныхъ подданныхъ государю.

3. Число профессоровъ и адъюнктовъ, бывшее въ 1819-мъ году—15, нынѣ простирается до 28-ми.

4. Число студентовъ, бывшее тогда 68, нынѣ умножилось болѣе 100.

* См. въ концѣ настоящаго тома приложеніе III.

видѣть постепенный ходъ сего заведенія отъ 1819-го года донынѣ". Слѣдомъ за тѣмъ идетъ хронологическій, по годамъ (1819—1824 г.г.), перечень какъ всѣхъ начинаній Магницкаго въ области реорганизаціи казанскаго университета, такъ и важнѣйшихъ, съ точки зрѣнія попечителя, фактовъ академической и административной жизни его. Этотъ погодный перечень не представитъ для насъ ничего сколько нибудь существенно новаго, исчерпываясь нашимъ предшествовавшимъ повѣствованіемъ, но мы отводимъ ему мѣсто въ приложеніяхъ къ настоящему тому въ виду не безъинтересной группировки въ немъ фактовъ, являвшейся въ глазахъ Магницкаго импозантной для общей обрисовки его обновительной дѣятельности *. Болѣе интересными и характерными представляются общія заключенія, выводимыя попечителемъ изъ цитируемаго нами отчета его:

„Пять лѣтъ тому назадъ, когда началось преобразованіе упадавшаго изъ открытаго нечестія казанскаго университета въ заведеніе христіанское,—писалъ Магницкій,—разсѣяно было то заключеніе, что мѣры, тогда принятыя, должны уронить въ семъ округѣ просвѣщеніе, но соединеніе вѣры съ науками почиталось невозможнымъ и именовалось даже—погашеніемъ. Начальство университета твердо увѣрено было въ противномъ и, видя въ исторіи, что науки какъ сохраненіемъ отъ меча и пламени варваровъ, такъ и цвѣтомъ своимъ, обязаны одному христіанству, твердо помнило изреченіе великаго Бакона, что религія есть—ароматъ, сохраняющій науки отъ гніенія и постоянно дѣйствовало въ одномъ направленіи. Оно перенесло въ молчаніи всѣ тѣ порицанія и клики, которые возбуждали невѣріе, лжеученіе, духъ партій и личности и, чрезъ пять лѣтъ, представляетъ слѣдующій отвѣтъ:

1. Всѣ науки въ казанскомъ университетѣ преподаются въ бо́льшей всеобщности, нежели въ прочихъ университетахъ.

2. Всѣ науки преподаются въ той же обширности, въ какой и въ прочихъ лучшихъ университетахъ, но преподаваніе наукъ въ казанскомъ университетѣ отличается отъ прочихъ тѣмъ, что по данному плану, постановленному надзору и по доброму духу преподавателей не только не заражены ни вольнодумствомъ, ни лжеученіемъ, но устремлены совокупно къ одной цѣли—къ образованію вѣрныхъ сыновъ церкви и вѣрныхъ подданныхъ государю.

3. Число профессоровъ и адъюнктовъ, бывшее въ 1819-мъ году—15, нынѣ простирается до 28-ми.

4. Число студентовъ, бывшее тогда 68, нынѣ умножилось болѣе 100.

* См. въ концѣ настоящаго тома приложеніе III.

5. Разоренная казанская гимназія требовала ежегодно большихъ суммъ на содержаніе къ штатному ея положенію, въ коей въ 1819 году было до 167-ми, а теперь болѣе 250-ти воспитанниковъ, имѣетъ нынѣ отъ собственныхъ доходовъ остатки...

6. Казанскій университетъ первый отправилъ перваго русскаго астронома на экспедиціи кругомъ свѣта. Почему не дѣлаютъ сего другіе, и даже не могла сдѣлать академія наукъ?

7. Казанскій университетъ установилъ связи, переписку и даже обмѣнъ минеральныхъ произведеній съ разными учеными лицами Германіи и Франціи.

8. Казанскимъ университетомъ занимаются ученыя сословія просвѣщеннѣйшихъ государствъ, между тѣмъ какъ въ журналѣ русскомъ (Сынъ Отечества, № 34) въ первый разъ упоминается объ немъ помѣщеніемъ письма изъ Парижа".

Въ заключеніе Магницкій еще разъ излагаетъ побудительныя причины, заставившія его утруждать министра такимъ подробнымъ отчетомъ:

„Двѣ главныя причины вызвали меня пожертвовать личною скромностью въ изложеніи сего отчета:

1. Я долженъ представлять начальству усердіе моихъ сотрудниковъ, безъ коего личныя мои распоряженія ничего бы не значили.

2. Ежели правда все, что говорю я о казанскомъ университетѣ— какимъ образомъ не распространяется полезное его преобразованіе, опытомъ пяти лѣтъ и плодами уже оправданное, на всѣ прочіе университеты?

Признаюсь, ваше высокопревосходительство, что сія послѣдняя причина, по усердію моему къ церкви и государю и по обязанности моей члена главнаго правленія училищъ, была главнымъ моимъ побужденіемъ въ семъ отчетѣ" * [289].

Тщеславно обольщаясь итогами своей попечительской дѣятельности, Магницкій задумалъ оставить потомству вещественный памятникъ совершеннаго имъ обновленія и съ этою цѣлью 5-го октября 1823 года обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ просьбою относительно разрѣшенія заказать портретъ императора Александра I для „университета казанскаго, украшаемаго нынѣ щедротами

* Къ этому отчету присовокуплено представленіе (оставшееся, впрочемъ, не уваженнымъ) къ наградѣ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника ректора университета К. Ѳ. Фукса, который «въ прехожденіи должности ректора далъ новую жизнь ученой части университета», «пріобрѣлъ общее уваженіе города, довѣріе и любовь университетскаго сословія» и «весьма усердно дѣйствуетъ на основаніи инструкціи ректору».

5. Разоренная казанская гимназія требовала ежегодно большихъ суммъ на содержаніе къ штатному ея положенію, въ коей въ 1819 году было до 167-ми, а теперь болѣе 250-ти воспитанниковъ, имѣетъ нынѣ отъ собственныхъ доходовъ остатки...

6. Казанскій университетъ первый отправилъ перваго русскаго астронома на экспедиціи кругомъ свѣта. Почему не дѣлаютъ сего другіе, и даже не могла сдѣлать академія наукъ?

7. Казанскій университетъ установилъ связи, переписку и даже обмѣнъ минеральныхъ произведеній съ разными учеными лицами Германіи и Франціи.

8. Казанскимъ университетомъ занимаются ученыя сословія просвѣщеннѣйшихъ государствъ, между тѣмъ какъ въ журналѣ русскомъ (Сынъ Отечества, № 34) въ первый разъ упоминается объ немъ помѣщеніемъ письма изъ Парижа".

Въ заключеніе Магницкій еще разъ излагаетъ побудительныя причины, заставившія его утруждать министра такимъ подробнымъ отчетомъ:

„Двѣ главныя причины вызвали меня пожертвовать личною скромностью въ изложеніи сего отчета:

1. Я долженъ представлять начальству усердіе моихъ сотрудниковъ, безъ коего личныя мои распоряженія ничего бы не значили.

2. Ежели правда все, что говорю я о казанскомъ университетѣ— какимъ образомъ не распространяется полезное его преобразованіе, опытомъ пяти лѣтъ и плодами уже оправданное, на всѣ прочіе университеты?

Признаюсь, ваше высокопревосходительство, что сія послѣдняя причина, по усердію моему къ церкви и государю и по обязанности моей члена главнаго правленія училищъ, была главнымъ моимъ побужденіемъ въ семъ отчетѣ" * [239].

Тщеславно обольщаясь итогами своей попечительской дѣятельности, Магницкій задумалъ оставить потомству вещественный памятникъ совершеннаго имъ обновленія и съ этою цѣлью 5-го октября 1823 года обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ просьбою относительно разрѣшенія заказать портретъ императора Александра I для „университета казанскаго, украшаемаго нынѣ щедротами

* Къ этому отчету присовокуплено представленіе (оставшееся, впрочемъ, не уваженнымъ) къ наградѣ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника ректора университета К. Ѳ. Фукса, который «въ прехожденіи должности ректора далъ новую жизнь ученой части университета», «пріобрѣлъ общее уваженіе города, довѣріе и любовь университетскаго сословія» и «весьма усердно дѣйствуетъ на основаніи инструкціи ректору».

его величества", въ виду того, что „портретъ, нынѣ находящійся, написанъ еще въ первые дни царствованія его величества и весьма неблаговиденъ *. Съ согласія князя А. Н. Голицина, разрѣшившаго расходъ на этотъ предметъ изъ хозяйственной суммы университета, портретъ императора Александра былъ заказанъ за 3 тысячи рублей знаменитому англійскому художнику-портретисту Доу (Dawe), а рѣзная рама къ нему, за 1200 рублей, рѣзчику Крейтону (изготовлявшему и иконостасъ для университетской церкви). Особенность заказанной для портрета рамы заключалась въ томъ, что, по мысли попечителя, въ нижней части ея находилась золоченая планшетка съ тенденціозною надписью: „Обновителю своему обновленный университетъ", долженствовавшая увѣковѣчить въ стѣнахъ казанскаго университета печальной памяти эпоху просвѣтительной реакціи первой половины двадцатыхъ годовъ истекшаго столѣтія. Цѣль Магницкаго была достигнута: превосходный оригиналъ Доу, съ сохранившимся историческимъ посвященіемъ подъ нимъ, украшаетъ собою и до нашихъ дней актовый залъ университета, являясь нѣмымъ свидѣтелемъ тяжелаго лихолѣтья, когда то пережитого русскимъ просвѣщеніемъ... Какъ это усматривается изъ представленія его князю Голицину, Магницкій намѣревался, прибывъ въ Казань, лично поставить этотъ портретъ въ новомъ актовомъ залѣ университета въ день годичнаго торжества 17-го января 1824 года (годовщина обновленія университета), одновременно съ освященіемъ университетской церкви, но предположеніе это не могло осуществиться не потому только, что попечитель и на этотъ разъ отмѣнилъ свою поѣздку въ Казань, но и потому, что къ этому сроку не оказались готовыми ни актовый залъ, ни церковь, ни самый портретъ императора Александра.

Мысль увѣковѣчить въ казанскомъ университетѣ „эпоху обновленія" зародилась, почти одновременно съ начинаніемъ попечителя и какъ бы въ видѣ логическаго восполненія къ нему, и въ средѣ терроризированнаго Магницкимъ и раболѣпствовавшаго передъ нимъ университетскаго „ученаго сословія", какъ это усматривается изъ слѣдующаго письма ректора К. Ѳ. Фукса на имя попечителя, отъ 1-го января 1824 года:

„Ваше превосходительство!—Члены императорскаго казанскаго университета, поднося при наступленіи новаго года вашему превосходи-

---

* Рѣчь идетъ здѣсь, очевидно, о принадлежащемъ университету портретѣ императора Александра I, изображающемъ его въ молодыхъ годахъ и снимокъ съ котораго приложенъ въ началѣ перваго тома нашего труда.

его величества", въ виду того, что „портретъ, нынѣ находящійся, написанъ еще въ первые дни царствованія его величества и весьма неблаговиденъ *. Съ согласія князя А. Н. Голицина, разрѣшившаго расходъ на этотъ предметъ изъ хозяйственной суммы университета, портретъ императора Александра былъ заказанъ за 3 тысячи рублей знаменитому англійскому художнику-портретисту Доу (Dawe), а рѣзная рама къ нему, за 1200 рублей, рѣзчику Крейтону (изготовлявшему и иконостасъ для университетской церкви). Особенность заказанной для портрета рамы заключалась въ томъ, что, по мысли попечителя, въ нижней части ея находилась золоченая планшетка съ тенденціозною надписью: „Обновителю своему обновленный университетъ", долженствовавшая увѣковѣчить въ стѣнахъ казанскаго университета печальной памяти эпоху просвѣтительной реакціи первой половины двадцатыхъ годовъ истекшаго столѣтія. Цѣль Магницкаго была достигнута: превосходный оригиналъ Доу, съ сохранившимся историческимъ посвященіемъ подъ нимъ, украшаетъ собою и до нашихъ дней актовый залъ университета, являясь нѣмымъ свидѣтелемъ тяжелаго лихолѣтья, когда то пережитого русскимъ просвѣщеніемъ... Какъ это усматривается изъ представленія его князю Голицину, Магницкій намѣревался, прибывъ въ Казань, лично поставить этотъ портретъ въ новомъ актовомъ залѣ университета въ день годичнаго торжества 17-го января 1824 года (годовщина обновленія университета), одновременно съ освященіемъ университетской церкви, но предположеніе это не могло осуществиться не потому только, что попечитель и на этотъ разъ отмѣнилъ свою поѣздку въ Казань, но и потому, что къ этому сроку не оказались готовыми ни актовый залъ, ни церковь, ни самый портретъ императора Александра.

Мысль увѣковѣчить въ казанскомъ университетѣ „эпоху обновленія" зародилась, почти одновременно съ начинаніемъ попечителя и какъ бы въ видѣ логическаго восполненія къ нему, и въ средѣ терроризированнаго Магницкимъ и раболѣпствовавшаго передъ нимъ университетскаго „ученаго сословія", какъ это усматривается изъ слѣдующаго письма ректора К. Ѳ. Фукса на имя попечителя, отъ 1-го января 1824 года:

„Ваше превосходительство!—Члены императорскаго казанскаго университета, поднося при наступленіи новаго года вашему превосходи-

* Рѣчь идетъ здѣсь, очевидно, о принадлежащемъ университету портретѣ императора Александра I, изображающемъ его въ молодыхъ годахъ и снимокъ съ котораго приложенъ въ началѣ перваго тома нашего труда.

тельству усерднѣйшее свое съ онымъ поздравленіе, съ чувствомъ живѣйшія признательности при семъ случаѣ воспоминаютъ столь многіе, бывшіе въ теченіи сего года, опыты отеческаго вашего о благѣ его попеченія.

Достославное имя вашего превосходительства неразрывно соединено съ новымъ сего университета существованіемъ. Онъ, по благости Божіей, вкушая добрые плоды сего пакибытія своего, въ незабвенной памяти всегда содержать будетъ, что симъ обязанъ неусыпному вашего превосходительства о благоустройствѣ его попеченію.

Руководимые симъ чувствомъ и пламеннымъ усердіемъ къ особѣ вашего превосходительства, члены университетскаго совѣта пріятнѣйшимъ долгомъ себѣ поставляютъ испросить у вашего превосходительства начальственное позволеніе украсить университетскую залу портретомъ вашимъ, на собственномъ ихъ иждивеніи.

Въ заключеніе сего всѣ они возсылаютъ теплые обѣты свои ко Отцу вѣковъ о ниспосланіи вамъ всякаго блага.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ счастье имѣю быть вашего превосходительства всепокорнѣйшимъ слугою.—Карлъ Фуксъ".

Не знаемъ, насколько увѣровалъ попечитель въ искренность чувствъ, руководившихъ членами казанскаго „ученаго сословія", но перспектива украсить своимъ портретомъ, наряду съ монархомъ, актовый залъ университета и тѣмъ самымъ споспѣшествовать увѣковѣченію памяти совершившагося академическаго „обновленія"—повидимому пріятно улыбнулась Магницкому, не замедлившему обратиться къ своему министру за надлежащимъ на то разрѣшеніемъ; князь Голицинъ 8-го февраля 1824 года далъ свое согласіе, признавъ „вполнѣ справедливымъ, что бы таковое желаніе университетскаго сословія было удовлетворено". На сооруженіе попечительскаго портрета собрано было подпискою 1200 рублей, которые въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и были пересланы въ Петербургъ, на имя канцеляріи попечителя. Подобно портрету императора Александра, самый портретъ былъ заказанъ тому же Доу, а рама къ нему—Крейтону. Что портретъ Магницкаго былъ, дѣйствительно, изготовленъ, о томъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся при соотвѣтственномъ архивномъ дѣлѣ росписки Доу въ полученіи имъ черезъ Магницкаго въ два срока (7-го мая 1824 г. и 3-го іюля 1825 г.) тысячи рублей „за портретъ попечителя казанскаго учебнаго округа" и мастера Крейтона (отъ 25-го сентября 1824 г.) за раму къ нему,—но судьба этого, во всякомъ случаѣ крайне интереснаго, портрета остается невыясненною. Въ казанскомъ университетѣ его, во всякомъ

тельству усерднѣйшее свое съ онымъ поздравленіе, съ чувствомъ живѣйшія признательности при семъ случаѣ воспоминаютъ столь многіе, бывшіе въ теченіи сего года, опыты отеческаго вашего о благѣ его попеченія.

Достославное имя вашего превосходительства неразрывно соединено съ новымъ сего университета существованіемъ. Онъ, по благости Божіей, вкушая добрые плоды сего пакибытія своего, въ незабвенной памяти всегда содержать будетъ, что симъ обязанъ неусыпному вашего превосходительства о благоустройствѣ его попеченію.

Руководимые симъ чувствомъ и пламеннымъ усердіемъ къ особѣ вашего превосходительства, члены университетскаго совѣта пріятнѣйшимъ долгомъ себѣ поставляютъ испросить у вашего превосходительства начальственное позволеніе украсить университетскую залу портретомъ вашимъ, на собственномъ ихъ иждивеніи.

Въ заключеніе сего всѣ они возсылаютъ теплые обѣты свои ко Отцу вѣковъ о ниспосланіи вамъ всякаго блага.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ счастье имѣю быть вашего превосходительства всепокорнѣйшимъ слугою.—Карлъ Фуксъ".

Не знаемъ, насколько увѣровалъ попечитель въ искренность чувствъ, руководившихъ членами казанскаго „ученаго сословія", но перспектива украсить своимъ портретомъ, наряду съ монархомъ, актовый залъ университета и тѣмъ самымъ споспѣшествовать увѣковѣченію памяти совершившагося академическаго „обновленія"—повидимому пріятно улыбнулась Магницкому, не замедлившему обратиться къ своему министру за надлежащимъ на то разрѣшеніемъ; князь Голицинъ 8-го февраля 1824 года далъ свое согласіе, признавъ „вполнѣ справедливымъ, что бы таковое желаніе университетскаго сословія было удовлетворено". На сооруженіе попечительскаго портрета собрано было подпискою 1200 рублей, которые въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и были пересланы въ Петербургъ, на имя канцеляріи попечителя. Подобно портрету императора Александра, самый портретъ былъ заказанъ тому же Доу, а рама къ нему—Крейтону. Что портретъ Магницкаго былъ, дѣйствительно, изготовленъ, о томъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся при соотвѣтственномъ архивномъ дѣлѣ росписки Доу въ полученіи имъ черезъ Магницкаго въ два срока (7-го мая 1824 г. и 3-го іюля 1825 г.) тысячи рублей „за портретъ попечителя казанскаго учебнаго округа" и мастера Крейтона (отъ 25-го сентября 1824 г.) за раму къ нему,—но судьба этого, во всякомъ случаѣ крайне интереснаго, портрета остается невыясненною. Въ казанскомъ университетѣ его, во всякомъ

случаѣ—не имѣется, и было бы крайне желательно напасть хотя бы на слѣды дальнѣйшей участи этого произведенія славнаго англійскаго портретиста [240].

Завершеніе въ казанскомъ университетѣ главнѣйшихъ строительныхъ работъ и, во главѣ ихъ, окончательная отдѣлка вновь устроеннаго главнаго корпуса, совпало съ событіемъ, надѣлавшимъ не мало работъ и попечителю, и мѣстному университетскому начальству. Этимъ событіемъ, которое не могло остаться для Магницкаго безразличнымъ, открывая передъ нимъ перспективу во-очію явить результаты заботъ относительно благоустройства ввѣреннаго ему университета, явилось ожиданіе посѣщенія лѣтомъ 1825-го года г. Казани самимъ высокимъ покровителемъ университета, императоромъ Александромъ Павловичемъ.

Впрочемъ, еще до того, именно въ концѣ августа 1824-го года, казанскій университетъ удостоился принимать въ своихъ стѣнахъ высокаго посѣтителя въ лицѣ главноуправляющаго путями сообщенія герцога Александра Вюртембергскаго. Изъ донесенія попечителю директора университета Никольскаго мы узнаемъ, что герцогъ, прибывшій въ Казань Волгою 25-го августа 1824 года, послѣ общаго представленія, состоявшагося на слѣдующій день въ залѣ дворянскаго собранія, и смотра войскамъ на Арскомъ полѣ, посѣтилъ университетъ, гдѣ обозрѣвалъ всѣ новыя постройки, церковь, библіотеку, кабинеты и помѣщенія студентовъ, причемъ, оставляя университетъ и изъявляя „милостивое свое вниманіе и благоволеніе къ заведеніямъ университета", присовокупилъ, что онъ „всегда любилъ ученость и ученыхъ мужей и поставляетъ за особенное удовольствіе посѣщать такія учебныя заведенія, каковы университеты" *.

Ожиданіе прибытія лѣтомъ 1825-го года въ Казань императора Александра Павловича явилось отголоскомъ путешествія, осенью 1824-го года совершеннаго имъ по губерніямъ, входившимъ въ составъ казанскаго учебнаго округа, причемъ императоромъ были посѣщены гимназіи пензенская, симбирская, пермская и вятская (для пріема государя въ эту послѣднюю, за отсутствіемъ директора, былъ ко-

* По свидѣтельству И. И. Лажечникова, одною изъ причинъ посѣщенія герцогомъ Виртембергскимъ Казани являлся «осмотръ тамошней водяной мѣстности», съ цѣлью изысканія мѣръ къ снабженію города хорошею водою, отсутствіе каковой представляло собою ахиллесову пяту казанскаго благоустройства вплоть до первой половины 70-хъ годовъ истекшаго столѣтія, когда устроенъ былъ водопроводъ. Иллюстрируя крайне неприглядныя условія казанской санитарности, нашъ романистъ передаетъ, что неблагоустройство города поразило самого герцога, высказавшаго по этому поводу: «жители Казань—свинья, а хорошій водъ имъ дамъ» (Русск. Вѣстн. 1866 г., т. 61, стр. 141).

случаѣ—не имѣется, и было бы крайне желательно напасть хотя бы на слѣды дальнѣйшей участи этого произведенія славнаго англійскаго портретиста [240].

Завершеніе въ казанскомъ университетѣ главнѣйшихъ строительныхъ работъ и, во главѣ ихъ, окончательная отдѣлка вновь устроеннаго главнаго корпуса, совпало съ событіемъ, надѣлавшимъ не мало работъ и попечителю, и мѣстному университетскому начальству. Этимъ событіемъ, которое не могло остаться для Магницкаго безразличнымъ, открывая передъ нимъ перспективу во-очію явить результаты заботъ относительно благоустройства ввѣреннаго ему университета, явилось ожиданіе посѣщенія лѣтомъ 1825-го года г. Казани самимъ высокимъ покровителемъ университета, императоромъ Александромъ Павловичемъ.

Впрочемъ, еще до того, именно въ концѣ августа 1824-го года, казанскій университетъ удостоился принимать въ своихъ стѣнахъ высокаго посѣтителя въ лицѣ главноуправляющаго путями сообщенія герцога Александра Вюртембергскаго. Изъ донесенія попечителю директора университета Никольскаго мы узнаемъ, что герцогъ, прибывшій въ Казань Волгою 25-го августа 1824 года, послѣ общаго представленія, состоявшагося на слѣдующій день въ залѣ дворянскаго собранія, и смотра войскамъ на Арскомъ полѣ, посѣтилъ университетъ, гдѣ обозрѣвалъ всѣ новыя постройки, церковь, библіотеку, кабинеты и помѣщенія студентовъ, причемъ, оставляя университетъ и изъявляя „милостивое свое вниманіе и благоволеніе къ заведеніямъ университета“, присовокупилъ, что онъ „всегда любилъ ученость и ученыхъ мужей и поставляетъ за особенное удовольствіе посѣщать такія учебныя заведенія, каковы университеты“ *.

Ожиданіе прибытія лѣтомъ 1825-го года въ Казань императора Александра Павловича явилось отголоскомъ путешествія, осенью 1824-го года совершеннаго имъ по губерніямъ, входившимъ въ составъ казанскаго учебнаго округа, причемъ императоромъ были посѣщены гимназіи пензенская, симбирская, пермская и вятская (для пріема государя въ эту послѣднюю, за отсутствіемъ директора, былъ ко-

* По свидѣтельству И. И. Лажечникова, одною изъ причинъ посѣщенія герцогомъ Виртембергскимъ Казани являлся «осмотръ тамошней водяной мѣстности», съ цѣлью изысканія мѣръ къ снабженію города хорошею водою, отсутствіе каковой представляло собою ахиллесову пяту казанскаго благоустройства вплоть до первой половины 70-хъ годовъ истекшаго столѣтія, когда устроенъ былъ водопроводъ. Иллюстрируя крайне непригядныя условія казанской санитарности, нашъ романистъ передаетъ, что неблагоустройство города поразило самого герцога, высказавшаго по этому поводу: «жители Казань—свинья, а хорошій водъ имъ дамъ» (Русск. Вѣстн. 1866 г., т. 61, стр. 141).

мандированъ изъ Казани профессоръ Суровцовъ, который 9-го октября и удостоился представить императору вятскую гимназію). 3-го октября 1824 года Магницкій извѣстилъ директора университета о полученныхъ имъ достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ, что „государю императору благоугодно посѣтить въ будущее лѣто городъ Казань", въ виду чего попечитель и поручилъ проф. Никольскому „войти въ совѣщаніе съ совѣтомъ университета для назначенія, по мѣстному усмотрѣнію, удобныхъ помѣщеній (слѣдуетъ имѣть въ виду, что вновь отстроенныя университетскія зданія въ то время еще не были приведены въ окончательную готовность) въ главномъ корпусѣ для библіотеки, кабинетовъ физическаго, астрономическаго, минеральнаго, медалей и рѣдкостей", а также „доставить свѣдѣнія, въ самоскорѣйшемъ времени, какой мѣры и въ какомъ количествѣ нужны шкафы для книгъ, ящики подвижные для минераловъ и монетъ, ибо ящики сіи должны быть разставлены подъ окнами аудиторій, зала собраній и прочихъ комнатъ, какого размѣра нужна кафедра для зала собраній, сколько и какой мебели для убранія зала собраній"; всѣ эти свѣдѣнія спѣшно требовались попечителемъ потому, что „вещи сіи закажутся въ Петербургѣ".

Попечительское оповѣщеніе вызвало рядъ экстренныхъ и спѣшныхъ мѣропріятій по благоустройству университета,—до постройки для инвалидной команды новой обмундировки включительно,—которыя оказались, однако, напрасными и Магницкому такъ и не выпало на долю лично принять императора Александра въ „обновленномъ" имъ казанскомъ университетѣ. Извѣстно, что лѣтнее путешествіе государя по Россіи не состоялось и что 1-го сентября 1825 года послѣдовалъ отъѣздъ его въ г. Таганрогъ, откуда императору Александру уже не было суждено живымъ возвратиться въ свою столицу [241].

Кончина императора Александра Павловича, послѣдовавшая 19-го ноября 1825 года, въ г. Таганрогѣ, послужила кульминаціоннымъ пунктомъ въ случайной карьерѣ Магницкаго. Тревожныя событія, слѣдомъ за тѣмъ наступившія въ Россіи и разразившіяся смутою 14-го декабря, послужили рѣшительнымъ толчкомъ къ паденію попечителя-временщика, звѣзда котораго быстро закатилась при обстоятельствахъ, съ которыми мы познакомимся въ слѣдующей главѣ нашего повѣствованія.

мандированъ изъ Казани профессоръ Суровцовъ, который 9-го октября и удостоился представить императору вятскую гимназію). 3-го октября 1824 года Магницкій извѣстилъ директора университета о полученныхъ имъ достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ, что „государю императору благоугодно посѣтить въ будущее лѣто городъ Казань", въ виду чего попечитель и поручилъ проф. Никольскому „войти въ совѣщаніе съ совѣтомъ университета для назначенія, по мѣстному усмотрѣнію, удобныхъ помѣщеній (слѣдуетъ имѣть въ виду, что вновь отстроенныя университетскія зданія въ то время еще не были приведены въ окончательную готовность) въ главномъ корпусѣ для библіотеки, кабинетовъ физическаго, астрономическаго, минеральнаго, медалей и рѣдкостей", а также „доставить свѣдѣнія, въ самоскорѣйшемъ времени, какой мѣры и въ какомъ количествѣ нужны шкафы для книгъ, ящики подвижные для минераловъ и монетъ, ибо ящики сіи должны быть разставлены подъ окнами аудиторій, зала собраній и прочихъ комнатъ, какого размѣра нужна кафедра для зала собраній, сколько и какой мебели для убранія зала собраній"; всѣ эти свѣдѣнія спѣшно требовались попечителемъ потому, что „вещи сіи закажутся въ Петербургѣ".

Пепечительское оповѣщеніе вызвало рядъ экстренныхъ и спѣшныхъ мѣропріятій по благоустройству университета,—до постройки для инвалидной команды новой обмундировки включительно,—которыя оказались, однако, напрасными и Магницкому такъ и не выпало на долю лично принять императора Александра въ „обновленномъ" имъ казанскомъ университетѣ. Извѣстно, что лѣтнее путешествіе государя по Россіи не состоялось и что 1-го сентября 1825 года послѣдовалъ отъѣздъ его въ г. Таганрогъ, откуда императору Александру уже не было суждено живымъ возвратиться въ свою столицу [241].

Кончина императора Александра Павловича, послѣдовавшая 19-го ноября 1825 года, въ г. Таганрогѣ, послужила кульминаціоннымъ пунктомъ въ случайной карьерѣ Магницкаго. Тревожныя событія, слѣдомъ за тѣмъ наступившія въ Россіи и разразившіяся смутою 14-го декабря, послужили рѣшительнымъ толчкомъ къ паденію попечителя-временщика, звѣзда котораго быстро закатилась при обстоятельствахъ, съ которыми мы познакомимся въ слѣдующей главѣ нашего повѣствованія.

ГЛАВА V

Петербургскія отношенія Магницкаго и послѣднія поры его попечительства

(1819—1825)

Жизнь Магницкаго въ столицѣ.—Сила авторитета казанскаго попечителя.—Записка проф. Г. Ф. Паррота.—Вмѣшательство Магницкаго въ посторонній ему сферы вѣдомствъ и отношеній. Извѣтъ на членовъ императорской фамиліи.—Проекты попечителя казанскаго учебнаго округа.—Попеченіе Магницкаго объ устройствѣ своего личнаго матеріальнаго благосостоянія.—Письмо Е. О. Магницкой къ государю императору.

Министръ народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицинъ и попечитель Магницкій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.—Зарожденіе оппозиціи противъ князя Голицина.—Архимандритъ Фотій и его роль въ борьбѣ съ министромъ народнаго просвѣщенія.—Участіе въ интригѣ графа А. А. Аракчеева.—Измѣна Магницкаго князю А. Н. Голицину.—Торжество оппозиціи и увольненіе князя Голицина.—А. С. Шишковъ, новый министръ народнаго просвѣщенія.—Начальныя отношенія казанскаго попечителя къ вновь назначенному министру.—Образованіе при министерствѣ враждебной Магницкому партіи.—Успѣхи борьбы противъ попечителя казанскаго учебнаго округа.—Оправданіе Магницкаго по обвиненію въ непосѣщеніи ввѣреннаго ему округа.—Заискиванія передъ графомъ Аракчеевымъ.—Пребываніе попечителя въ с. Грузинѣ и «сонъ» его здѣсь.

Выѣздъ Магницкаго въ Казань и осмотръ имъ университета.—Университетскія торжества 13-го—15-го сентября 1825 года.—Тенденціозная рѣчь попечителя.—Отъѣздъ Магницкаго изъ Казани и рядъ предложеній его совѣту университета.—Положеніе, занятое Магницкимъ по выѣздѣ его изъ Казани.—Недовольство министра Шишкова и продолженіе министерскихъ подкоповъ подъ казанскаго попечителя.—Кончина императора Александра I и смутные петербургскіе дни.—Роль Магницкаго въ событіяхъ этихъ дней.—Подневольный выѣздъ попечителя изъ столицы и начало его злоключеній.—Свидѣтельства объ этомъ событіи современниковъ и самого Магницкаго.—Прибытіе опальнаго попечителя въ Казань.—Первое извѣстіе о назначеніи ревизіи генералъ-маіора П. Ѳ. Желтухина.

Наше повѣствованіе до сихъ поръ касалось тѣхъ сторонъ дѣятельности Магницкаго, которыя или непосредственно связаны были съ судьбами казанскаго университета, или же имѣли къ нимъ болѣе или менѣе тѣсное соотношеніе.

Казанскій попечитель имѣлъ, какъ мы это знаемъ, постоянное пребываніе въ Петербургѣ, откуда предпринималъ всѣ свои начинанія и распоряженія по реформированію университета и по управленію его учебнымъ

ГЛАВА V

Петербургскія отношенія Магницкаго и послѣднія поры его попечительства

(1819—1825)

Жизнь Магницкаго въ столицѣ.—Сила авторитета казанскаго попечителя.—Записка проф. Г. Ф. Паррота.—Вмѣшательство Магницкаго въ постороннія ему сферы вѣдомствъ и отношеній. Извѣтъ на членовъ императорской фамиліи.—Проекты попечителя казанскаго учебнаго округа.—Попеченіе Магницкаго объ устройствѣ своего личнаго матеріальнаго благосостоянія.—Письмо Е. О. Магницкой къ государю императору.

Министръ народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицинъ и попечитель Магницкій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.—Зарожденіе оппозиціи противъ князя Голицина.—Архимандритъ Фотій и его роль въ борьбѣ съ министромъ народнаго просвѣщенія.—Участіе въ интригѣ графа А. А. Аракчеева.—Измѣна Магницкаго князю А. Н. Голицину.—Торжество оппозиціи и увольненіе князя Голицина.—А. С. Шишковъ, новый министръ народнаго просвѣщенія.—Начальныя отношенія казанскаго попечителя къ вновь назначенному министру.—Образованіе при министерствѣ враждебной Магницкому партіи.—Успѣхи борьбы противъ попечителя казанскаго учебнаго округа.—Оправданіе Магницкаго по обвиненію въ непосѣщеніи ввѣреннаго ему округа.—Заискиванія передъ графомъ Аракчеевымъ.—Пребываніе попечителя въ с. Грузинѣ и «сонъ» его здѣсь.

Выѣздъ Магницкаго въ Казань и осмотръ имъ университета.—Университетскія торжества 13-го—15-го сентября 1825 года.—Тенденціозная рѣчь попечителя.—Отъѣздъ Магницкаго изъ Казани и рядъ предложеній его совѣту университета.—Положеніе, занятое Магницкимъ по выѣздѣ его изъ Казани.—Недовольство министра Шишкова и продолженіе министерскихъ подкоповъ подъ казанскаго попечителя.—Кончина императора Александра I и смутные петербургскіе дни.—Роль Магницкаго въ событіяхъ этихъ дней.—Подневольный выѣздъ попечителя изъ столицы и начало его злоключеній.—Свидѣтельства объ этомъ событіи современниковъ и самого Магницкаго.—Прибытіе опальнаго попечителя въ Казань.—Первое извѣстіе о назначеніи ревизіи генералъ-маіора П. Ѳ. Желтухина.

Наше повѣствованіе до сихъ поръ касалось тѣхъ сторонъ дѣятельности Магницкаго, которыя или непосредственно связаны были съ судьбами казанскаго университета, или же имѣли къ нимъ болѣе или менѣе тѣсное соотношеніе.

Казанскій попечитель имѣлъ, какъ мы это знаемъ, постоянное пребываніе въ Петербургѣ, откуда предпринималъ всѣ свои начинанія и распоряженія по реформированію университета и по управленію его учебнымъ

округомъ, вплоть до осени 1825-го года ни разу не побывавъ въ Казани послѣ оставленія ея весною 1819-го года, съ окончаніемъ возложенной на него ревизіи университета. Этотъ упорный абсентеизмъ попечителя изъ центральнаго пункта ввѣреннаго ему округа весьма мало отзывался, тѣмъ не менѣе, на теченіи жизни казанскаго университета, направленной имъ по совершенно новому руслу, обусловленному процессомъ „обновленія" всего строя и хода академической жизни. Не смотря на дальность, въ особенности по условіямъ сообщеній того времени, Казани отъ Петербурга, гдѣ находилась и канцелярія попечителя, Магницкій средствами, намъ уже въ достаточной степени извѣстными, имѣлъ неослабное наблюденіе, порою доходившее до мелочей, за теченіемъ дѣлъ въ казанскомъ университетѣ.

Отношенія и мѣропріятія по управленію университетомъ и округомъ не отвлекали казанскаго попечителя отъ тенденцій вторженія его и въ болѣе широкія сферы дѣятельности, чему не мало способствовали до болѣзненности развитыя тщеславіе и самонадѣянность, поддерживаемыя могущественнымъ покровительствомъ князя А. Н. Голицина, связями и авторитетнымъ вліяніемъ, пріобрѣтенными имъ въ руководящихъ петербургскихъ сферахъ и, въ особенности, лицемѣрнымъ ореоломъ святоши, благонамѣреннаго новатора и спасителя отечественнаго просвѣщенія, который такъ гармонировалъ религіозно-мистическому духу и вѣяніямъ той своеобразной поры русской жизни.

Тщеславіе Магницкаго и болѣзненно-обскурантныя стремленія его вторгаться въ сферы, даже выходящія за предѣлы его непосредственной компетенціи, вмѣшиваться въ дѣла и отношенія, совершенно ему чуждыя— налагаютъ въ высшей степени характерный колоритъ на петербургскую дѣятельность попечителя казанскаго учебнаго округа. И,—какъ это не можетъ показаться малопонятнымъ,—въ эпоху министерства покровительствовавшаго ему князя А. Н. Голицина лишь рѣдкіе голоса рѣшались возвышаться противъ нелѣпыхъ и обскурантныхъ поползновеній Магницкаго. За исключеніемъ энергичнаго отпора, въ 1819-мъ году встрѣченнаго Магницкимъ въ главномъ правленіи училищъ, главнымъ образомъ со стороны С. С. Уварова, по поводу пресловутаго предложенія „публичнаго разрушенія" казанскаго университета, незначительныхъ разногласій въ засѣданіяхъ того же главнаго правленія училищъ и нѣсколькихъ мелкихъ отпоровъ со стороны вполнѣ ввѣрявшагося ему министра—лишь одинъ голосъ рѣшился въ то время рѣзко возстать, притомъ возстать передъ лицомъ самого государя, противъ обскурантной политики казанскаго попечителя.

округомъ, вплоть до осени 1825-го года ни разу не побывавъ въ Казани послѣ оставленія ея весною 1819-го года, съ окончаніемъ возложенной на него ревизіи университета. Этотъ упорный абсентеизмъ попечителя изъ центральнаго пункта ввѣреннаго ему округа весьма мало отзывался, тѣмъ не менѣе, на теченіи жизни казанскаго университета, направленной имъ по совершенно новому руслу, обусловленному процессомъ „обновленія“ всего строя и хода академической жизни. Не смотря на дальность, въ особенности по условіямъ сообщеній того времени, Казани отъ Петербурга, гдѣ находилась и канцелярія попечителя, Магницкій средствами, намъ уже въ достаточной степени извѣстными, имѣлъ неослабное наблюденіе, порою доходившее до мелочей, за теченіемъ дѣлъ въ казанскомъ университетѣ.

Отношенія и мѣропріятія по управленію университетомъ и округомъ не отвлекали казанскаго попечителя отъ тенденцій вторженія его и въ болѣе широкія сферы дѣятельности, чему не мало способствовали до болѣзненности развитыя тщеславіе и самонадѣянность, поддерживаемыя могущественнымъ покровительствомъ князя А. Н. Голицина, связями и авторитетнымъ вліяніемъ, пріобрѣтенными имъ въ руководящихъ петербургскихъ сферахъ и, въ особенности, лицемѣрнымъ ореоломъ святоши, благонамѣреннаго новатора и спасителя отечественнаго просвѣщенія, который такъ гармонировалъ религіозно-мистическому духу и вѣяніямъ той своеобразной поры русской жизни.

Тщеславіе Магницкаго и болѣзненно-обскурантныя стремленія его вторгаться въ сферы, даже выходящія за предѣлы его непосредственной компетенціи, вмѣшиваться въ дѣла и отношенія, совершенно ему чуждыя— налагаютъ въ высшей степени характерный колоритъ на петербургскую дѣятельность попечителя казанскаго учебнаго округа. И,—какъ это не можетъ показаться малопонятнымъ,—въ эпоху министерства покровительствовавшаго ему князя А. Н. Голицина лишь рѣдкіе голоса рѣшались возвышаться противъ нелѣпыхъ и обскурантныхъ поползновеній Магницкаго. За исключеніемъ энергичнаго отпора, въ 1819-мъ году встрѣченнаго Магницкимъ въ главномъ правленіи училищъ, главнымъ образомъ со стороны С. С. Уварова, по поводу пресловутаго предложенія „публичнаго разрушенія“ казанскаго университета, незначительныхъ разногласій въ засѣданіяхъ того же главнаго правленія училищъ и нѣсколькихъ мелкихъ отпоровъ со стороны вполнѣ ввѣрявшагося ему министра—лишь одинъ голосъ рѣшился въ то время рѣзко возстать, притомъ возстать передъ лицомъ самого государя, противъ обскурантной политики казанскаго попечителя.

То былъ голосъ знаменитаго физика и профессора дерптскаго университета Г. Ф. Паррота, пользовавшагося, какъ извѣстно, исключительнымъ довѣріемъ императора Александра I и представившаго государю записку: „Coup d'oeuil moral sur les principes actuels de l'instruction publique“, въ которой рѣзко обличалъ современное направленіе въ постановкѣ дѣла русскаго народнаго просвѣщенія и, въ частности, пресловутыя „инструкціи ректору и директору казанскаго университета *. Критикуя составленную Магницкимъ инструкцію ректору, Парротъ не усматриваетъ въ ней ничего, кромѣ „безконечной фразеологіи, гдѣ невѣжество облекается мантіей эрудиціи и знаній“ и приходитъ къ тому практическому, но отрицательному, заключенію, что „юноши, которымъ въ каждой лекціи исторіи, физики, философіи, медицины, древнихъ языковъ и т. д. говорятъ о религіи, и только о религіи — кончатъ тѣмъ, что почувствуютъ къ ней холодность“, профессора же „за которыми постоянно слѣдитъ ректоръ съ цѣлью убѣдиться въ запасѣ ихъ религіознаго чувства, дабы выгнать ихъ, какъ скоро покажется, что запасъ этотъ недостаточенъ—съ какимъ настроеніемъ будутъ говорить они о религіи милосердной, отвергающей всякое лицемѣріе и насиліе и желающей господствовать лишь любовью и истиной“?.. Что касается вводимаго инструкціею директору режима студенческой жизни, подвергаемаго имъ также самой безпощадной критикѣ и способнаго лишь оттолкнуть учащуюся молодежь отъ воспитывающаго ее храма наукъ, Парротъ убѣжденно настаиваетъ на томъ, что „студентъ, не любящій своего университета, не любитъ ни своего государя, ни отечества“. Предусматривая печальныя послѣдствія введенной системы, Парротъ предсказываетъ, что „по внѣшности университетъ сохранитъ нѣкоторый порядокъ, но внутри это будетъ клоака всякой безнравственности до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, начальство не обратитъ на нее вниманіе“. Въ заключеніе записки, авторъ ея убѣждаетъ Александра „обезпечить господство правды, чистосердечія и знанія тамъ, гдѣ царятъ нынѣ происки, лицемѣріе и невѣжество“.

Большой интересъ представляетъ собою дышущее откровенностью письмо, при которомъ Парротъ представилъ императору Александру свою записку. Называя здѣсь Магницкаго „страшилищемъ народнаго просвѣщенія“ (la terreur de l'instruction publique), знаменитый физикъ писалъ государю:

---

* Объ этихъ инструкціяхъ см. томъ III настоящаго труда, стр. 343 и слѣд.

То был голосъ знаменитаго физика и профессора дерптскаго университета Г. Ф. Паррота, пользовавшагося, какъ извѣстно, исключительнымъ довѣріемъ императора Александра I и представившаго государю записку: „Coup d'oeuil moral sur les principes actuels de l'instruction publique", въ которой рѣзко обличалъ современное направленіе въ постановкѣ дѣла русскаго народнаго просвѣщенія и, въ частности, пресловутыя „инструкціи ректору и директору казанскаго университета*. Критикуя составленную Магницкимъ инструкцію ректору, Парротъ не усматриваетъ въ ней ничего, кромѣ „безконечной фразеологіи, гдѣ невѣжество облекается мантіей эрудиціи и знаній" и приходитъ къ тому практическому, но отрицательному, заключенію, что „юноши, которымъ въ каждой лекціи исторіи, физики, философіи, медицины, древнихъ языковъ и т. д. говорятъ о религіи, и только о религіи — кончатъ тѣмъ, что почувствуютъ къ ней холодность", профессора же „за которыми постоянно слѣдитъ ректоръ съ цѣлью убѣдиться въ запасѣ ихъ религіознаго чувства, дабы выгнать ихъ, какъ скоро покажется, что запасъ этотъ недостаточенъ—съ какимъ настроеніемъ будутъ говорить они о религіи милосердной, отвергающей всякое лицемѣріе и насиліе и желающей господствовать лишь любовью и истиной"?.. Что касается вводимаго инструкціею директору режима студенческой жизни, подвергаемаго имъ также самой безпощадной критикѣ и способнаго лишь оттолкнуть учащуюся молодежь отъ воспитывающаго ее храма наукъ, Парротъ убѣжденно настаиваетъ на томъ, что „студентъ, не любящій своего университета, не любитъ ни своего государя, ни отечества". Предусматривая печальныя послѣдствія введенной системы, Парротъ предсказываетъ, что „по внѣшности университетъ сохранитъ нѣкоторый порядокъ, но внутри это будетъ клоака всякой безнравственности до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, начальство не обратитъ на нее вниманіе". Въ заключеніе записки, авторъ ея убѣждаетъ Александра „обезпечить господство правды, чистосердечія и знанія тамъ, гдѣ царятъ нынѣ происки, лицемѣріе и невѣжество".

Большой интересъ представляетъ собою дышущее откровенностью письмо, при которомъ Парротъ представилъ императору Александру свою записку. Называя здѣсь Магницкаго „страшилищемъ народнаго просвѣщенія" (la terreur de l'instruction publique), знаменитый физикъ писалъ государю:

---

* Объ этихъ инструкціяхъ см. томъ III настоящаго труда, стр. 343 и слѣд.

„Я сто разъ спрашиваю себя — какими средствами этотъ дикій человѣкъ (cet homme féroce) успѣлъ достигнуть столь губительнаго вліянія въ министерствѣ? На основаніи фактовъ я пришелъ къ заключенію, что это достигнуто опутываніемъ благородной и рыцарской души вашего величества,—души, чуждой страха и упрека,—тучею опасеній и подозрѣній...

Чувствуете ли вы себя счастливымъ, государь, среди этого тумана недовѣрія, постоянно стѣсняющаго всѣ ваши естественныя побужденія, заставляющаго васъ идти въ потемкахъ, вооружающаго противъ вашихъ самыхъ вѣрныхъ подданныхъ ту руку, которая хотѣла бы проливать одни благодѣянія, рисующаго вамъ молодежь самыми мрачными красками, — ту молодежь, которую, однако, вы любите, не взирая на отвращеніе и страхъ, внушаемые вамъ къ ней?..

Разгоните, разсѣйте туманъ, которымъ пытаются устрашить васъ. Окружающіе васъ,—и Магницкій самый яростный и неудержимый изъ всѣхъ, — сгущаютъ и поддерживаютъ этотъ туманъ, что бы сдѣлаться необходимыми, что бы показать, что они—ваша поддержка. Развѣ цари теряютъ что либо, если они не оскорбляютъ человѣчества и не чернятъ молодежи? Конечно—не теряютъ, но теряютъ тѣ честолюбцы и интриганы, которые хотятъ властвовать, прикрываясь вашимъ именемъ.

Будьте же, мой возлюбленный герой, достойны самого себя! Откиньте подальше отъ себя эти подозрѣнія, это недовѣріе, составляющія горечь вашей жизни. Не вѣрьте болѣе вѣроломному коварству, чернящему въ вашихъ глазахъ человѣчество, даже юность. Довѣрьтесь вашему Парроту, который ближе знаетъ людей, нежели то презрѣнное существо (l'être vil), которое осмѣлилось приблизиться къ вамъ для того, что бы отравлять ваше сердце"!..

Записка Паррота, поданная государю еще въ годы министерства князя Голицына, нашла себѣ мирное упокоеніе въ личныхъ бумагахъ императора Александра I и только послѣ воцаренія императора Николая I была передана министру народнаго просвѣщенія А. С. Шишкову [242].

Самоувѣренное нахальство Магницкаго, — не можемъ подыскать болѣе мягкаго выраженія для общей характеристики петербургской дѣятельности казанскаго попечителя,—доходило до геркулесовыхъ столбовъ безцеремонности и мракобѣсія, передъ которыми съ чувствомъ невольнаго изумленія способно стать въ тупикъ даже самое пылкое воображеніе. Отдѣльные факты этого рода уже достаточно знакомы нашимъ читателямъ, которые, конечно, помнятъ полемическо-сыскныя потуги Магницкаго, направленныя на запрещеніе и искорененіе „зловредныхъ" книгъ и ставившія его въ острые конфликты даже съ такими авторитетными лицами, какъ

„Я сто разъ спрашиваю себя — какими средствами этотъ дикій человѣкъ (cet homme féroce) успѣлъ достигнуть столь губительнаго вліянія въ министерствѣ? На основаніи фактовъ я пришелъ къ заключенію, что это достигнуто опутываніемъ благородной и рыцарской души вашего величества,—души, чуждой страха и упрека,—тучею опасеній и подозрѣній...

Чувствуете ли вы себя счастливымъ, государь, среди этого тумана недовѣрія, постоянно стѣсняющаго всѣ ваши естественныя побужденія, заставляющаго васъ идти въ потемкахъ, вооружающаго противъ вашихъ самыхъ вѣрныхъ подданныхъ ту руку, которая хотѣла бы проливать одни благодѣянія, рисующаго вамъ молодежь самыми мрачными красками, — ту молодежь, которую, однако, вы любите, не взирая на отвращеніе и страхъ, внушаемые вамъ къ ней?..

Разгоните, разсѣйте туманъ, которымъ пытаются устрашить васъ. Окружающіе васъ,—и Магницкій самый яростный и неудержимый изъ всѣхъ, — сгущаютъ и поддерживаютъ этотъ туманъ, что бы сдѣлаться необходимыми, что бы показать, что они—ваша поддержка. Развѣ цари теряютъ что либо, если они не оскорбляютъ человѣчества и не чернятъ молодежи? Конечно—не теряютъ, но теряютъ тѣ честолюбцы и интриганы, которые хотятъ властвовать, прикрываясь вашимъ именемъ.

Будьте же, мой возлюбленный герой, достойны самого себя! Откиньте подальше отъ себя эти подозрѣнія, это недовѣріе, составляющія горечь вашей жизни. Не вѣрьте болѣе вѣроломному коварству, чернящему въ вашихъ глазахъ человѣчество, даже юность. Довѣрьтесь вашему Парроту, который ближе знаетъ людей, нежели то презрѣнное существо (l'être vil), которое осмѣлилось приблизиться къ вамъ для того, что бы отравлять ваше сердце"!..

Записка Паррота, поданная государю еще въ годы министерства князя Голицына, нашла себѣ мирное упокоеніе въ личныхъ бумагахъ императора Александра I и только послѣ воцаренія императора Николая I была передана министру народнаго просвѣщенія А. С. Шишкову [212].

Самоувѣренное нахальство Магницкаго, — не можемъ подыскать болѣе мягкаго выраженія для общей характеристики петербургской дѣятельности казанскаго попечителя,—доходило до геркулесовыхъ столбовъ безцеремонности и мракобѣсія, передъ которыми съ чувствомъ невольнаго изумленія способно стать въ тупикъ даже самое пылкое воображеніе. Отдѣльные факты этого рода уже достаточно знакомы нашимъ читателямъ, которые, конечно, помнятъ полемическо-сыскныя потуги Магницкаго, направленныя на запрещеніе и искорененіе „зловредныхъ“ книгъ и ставившія его въ острые конфликты даже съ такими авторитетными лицами, какъ

государственный канцлеръ графъ Н. П. Румянцевъ, будущій знаменитый московскій митрополитъ, въ ту пору еще архіепископъ, Филаретъ и даже непосредственный начальникъ казанскаго попечителя—министръ народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицинъ; дерзость Магницкаго доходила на этой почвѣ до такихъ эксцессовъ охранительнаго обскурантизма, какъ открытое обвиненіе Филарета въ антиправославномъ направленіи его сочиненій или обличеніе въ неблагонамѣренномъ духѣ собственнаго повременнаго изданія министерства народнаго просвѣщенія *! Не ограничиваясь закономъ отмежеванною ему сферою административно-педагогическаго вліянія, казанскій попечитель простиралъ свою охранительную дѣятельность даже и на неподчиненные ему университеты. Такъ, подъ ближайшимъ вліяніемъ Магницкаго совершилось „обновленіе" петербургскаго университета, выполненное Руничемъ и Кавелинымъ, не задумывавшимися примѣнить къ этому университету силу пресловутыхъ „инструкцій ректору и директору", выработанныхъ Магницкимъ для университета казанскаго. Магницкій самъ впослѣдствіе оффиціально свидѣтельствовалъ, что онъ „разсматривалъ важнѣйшія дѣла по управленію здѣшняго (т. е. петербургскаго) университета", отмѣтивъ „всѣ замѣченныя важныя неустройства по нравственному, учебному и хозяйственному управленію" и изложивъ ихъ „въ пяти или шести протоколахъ". Казанскій попечитель являлся какъ бы сыщикомъ и обличителемъ по призванію. Мы уже знаемъ, что, при сотрудничествѣ,—хочется думать подневольномъ,—временно находившихся въ столицѣ казанскихъ профессоровъ Н. И. Лобачевскаго и И. М. Симонова, Магницкій лѣтомъ 1821-го года „обличалъ" лекціи петербургскихъ профессоровъ Раупаха и Германа, а въ 1824-мъ году занимался, по его собственному же свидѣтельству—„обличеніемъ вредныхъ ученій, въ конспектахъ виленскаго университета оказавшихся и бывшихъ единственною причиною всѣхъ тамошнихъ безпорядковъ" *. Притязанія Магницкаго простирались даже до попытки реформированія всей системы высшаго образованія въ Россіи; такъ, весною 1824-го года, при самомъ вступленіи адмирала А. С. Шишкова въ управленіе министерствомъ, онъ представилъ ему подробную записку „о гибельномъ положеніи нашего народнаго воспитанія, о необходимости осмотра всѣхъ университетовъ и нѣкоторыхъ способовъ исправленія, изъ опыта управленія казанскимъ университетомъ заимствованныхъ" **.

---

* См. выше стр. 51—74.

** См. томъ III, стр. 385—388, 514 и выше стр. 288—289. Архивъ каз. унив., Попеч. 1825, № 86. Относительно виленскихъ событій 1824-го года см. выше стр. 376.

государственный канцлеръ графъ Н. П. Румянцевъ, будущій знаменитый московскій митрополитъ, въ ту пору еще архіепископъ, Филаретъ и даже непосредственный начальникъ казанскаго попечителя—министръ народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицинъ; дерзость Магницкаго доходила на этой почвѣ до такихъ эксцессовъ охранительнаго обскурантизма, какъ открытое обвиненіе Филарета въ антиправославномъ направленіи его сочиненій или обличеніе въ неблагонамѣренномъ духѣ собственнаго повременнаго изданія министерства народнаго просвѣщенія *! Не ограничиваясь закономъ отмежеванною ему сферою административно-педагогическаго вліянія, казанскій попечитель простиралъ свою охранительную дѣятельность даже и на неподчиненные ему университеты. Такъ, подъ ближайшимъ вліяніемъ Магницкаго совершилось „обновленіе" петербургскаго университета, выполненное Руничемъ и Кавелинымъ, не задумывавшимися примѣнить къ этому университету силу пресловутыхъ „инструкцій ректору и директору", выработанныхъ Магницкимъ для университета казанскаго. Магницкій самъ впослѣдствіе оффиціально свидѣтельствовалъ, что онъ „разсматривалъ важнѣйшія дѣла по управленію здѣшняго (т. е. петербургскаго) университета", отмѣтивъ „всѣ замѣченныя важныя неустройства по нравственному, учебному и хозяйственному управленію" и изложивъ ихъ „въ пяти или шести протоколахъ". Казанскій попечитель являлся какъ бы сыщикомъ и обличителемъ по призванію. Мы уже знаемъ, что, при сотрудничествѣ,—хочется думать подневольномъ,—временно находившихся въ столицѣ казанскихъ профессоровъ Н. И. Лобачевскаго и И. М. Симонова, Магницкій лѣтомъ 1821-го года „обличалъ" лекціи петербургскихъ профессоровъ Раупаха и Германа, а въ 1824-мъ году занимался, по его собственному же свидѣтельству—„обличеніемъ вредныхъ ученій, въ конспектахъ виленскаго университета оказавшихся и бывшихъ единственною причиною всѣхъ тамошнихъ безпорядковъ" *. Притязанія Магницкаго простирались даже до попытки реформированія всей системы высшаго образованія въ Россіи; такъ, весною 1824-го года, при самомъ вступленіи адмирала А. С. Шишкова въ управленіе министерствомъ, онъ представилъ ему подробную записку „о гибельномъ положеніи нашего народнаго воспитанія, о необходимости осмотра всѣхъ университетовъ и нѣкоторыхъ способовъ исправленія, изъ опыта управленія казанскимъ университетомъ заимствованныхъ" **.

---

* См. выше стр. 51—74.

** См. томъ III, стр. 385—388, 514 и выше стр. 288—289. Архивъ каз. унив., Попеч. 1825, № 86. Относительно виленскихъ событій 1824-го года см. выше стр. 376.

Въ началѣ 1825-го года самонадѣянная дерзость казанскаго попечителя дошла до того, что имъ предпринята была настойчивая попытка обличить образъ дѣйствій членовъ императорской фамиліи, вызванная опредѣленіемъ на службу въ смольный институтъ и въ инженерное училище уволенныхъ изъ петербургскаго университета за „безбожіе и вольнодумство" профессоровъ Германа и Арсеньева. Такъ какъ первое изъ этихъ учебныхъ заведеній находилось въ вѣданіи императрицы Маріи Ѳеодоровны, а второе—великаго князя Николая Павловича, то Магницкій и обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ просьбою довести до свѣдѣнія государя императора тотъ фактъ, что „правительство изгоняетъ вредныхъ профессоровъ, а члены императорской фамиліи даютъ имъ мѣста". Министръ оставилъ это дерзкое попечительское представленіе безъ отвѣта, но не унимавшійся Магницкій не задумался повторить его съ угрозою, что „если министръ не хочетъ доложить государю, такъ онъ самъ ему доложитъ", послѣ чего адмиралъ Шишковъ приказалъ поставить Магницкому на видъ, что „не его дѣло входить въ распоряженія членовъ императорской фамиліи по ихъ учебнымъ заведеніямъ и что если онъ, Магницкій, напишетъ ему третью такую бумагу, то онъ доложитъ государю о его дерзости" [243].

Въ ряду проектовъ, нарождавшихся въ фантазіи Магницкаго за время попечительства его надъ казанскимъ учебнымъ округомъ, заслуживаютъ быть отмѣченными его предположенія объ учрежденіи центральной „Россійской Александровской академіи", которая, съ одновременнымъ упраздненіемъ министерства народнаго просвѣщенія, вѣдала бы всѣ дѣла народнаго просвѣщенія въ Россіи. Любопытны мотивы, положенные Магницкимъ въ основу этого проекта:

„Въ дѣлахъ народнаго просвѣщенія,—аргументируетъ казанскій попечитель въ представленіи министру отъ 2-го іюня 1825 года,—въ обыкновенное время можно бы было съ благоразумною медленностью приводить все къ единообразію и единству; но когда пожаръ невѣрія разгорается и обнялъ уже со всѣхъ сторонъ Европу, когда страшные вулканы его гремятъ уже подъ всѣми алтарями и тронами, когда видимъ уже мы взрывы ихъ—тогда необходимы мѣры быстрыя и сильныя.

И такъ,—довольно неожиданнымъ образомъ выводитъ отсюда Магницкій,—безошибочно заключить можно, что, въ нынѣшнее время, болѣе нежели когда-либо, необходимо единообразіе и единство въ правилахъ и уставахъ воспитанія народнаго".

Въ началѣ 1825-го года самонадѣянная дерзость казанскаго попечителя дошла до того, что имъ предпринята была настойчивая попытка обличить образъ дѣйствій членовъ императорской фамиліи, вызванная опредѣленіемъ на службу въ смольный институтъ и въ инженерное училище уволенныхъ изъ петербургскаго университета за „безбожіе и вольнодумство" профессоровъ Германа и Арсеньева. Такъ какъ первое изъ этихъ учебныхъ заведеній находилось въ вѣданіи императрицы Маріи Θеодоровны, а второе—великаго князя Николая Павловича, то Магницкій и обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ просьбою довести до свѣдѣнія государя императора тотъ фактъ, что „правительство изгоняетъ вредныхъ профессоровъ, а члены императорской фамиліи даютъ имъ мѣста". Министръ оставилъ это дерзкое попечительское представленіе безъ отвѣта, но не унимавшійся Магницкій не задумался повторить его съ угрозою, что „если министръ не хочетъ доложить государю, такъ онъ самъ ему доложитъ", послѣ чего адмиралъ Шишковъ приказалъ поставить Магницкому на видъ, что „не его дѣло входить въ распоряженія членовъ императорской фамиліи по ихъ учебнымъ заведеніямъ и что если онъ, Магницкій, напишетъ ему третью такую бумагу, то онъ доложитъ государю о его дерзости" [243].

Въ ряду проектовъ, нарождавшихся въ фантазіи Магницкаго за время попечительства его надъ казанскимъ учебнымъ округомъ, заслуживаютъ быть отмѣченными его предположенія объ учрежденіи центральной „Россійской Александровской академіи", которая, съ одновременнымъ упраздненіемъ министерства народнаго просвѣщенія, вѣдала бы всѣ дѣла народнаго просвѣщенія въ Россіи. Любопытны мотивы, положенные Магницкимъ въ основу этого проекта:

„Въ дѣлахъ народнаго просвѣщенія,—аргументируетъ казанскій попечитель въ представленіи министру отъ 2-го іюня 1825 года,—въ обыкновенное время можно бы было съ благоразумною медленностью приводить все къ единообразію и единству; но когда пожаръ невѣрія разгорается и обнялъ уже со всѣхъ сторонъ Европу, когда страшные вулканы его гремятъ уже подъ всѣми алтарями и тронами, когда видимъ уже мы взрывы ихъ—тогда необходимы мѣры быстрыя и сильныя.

И такъ,—довольно неожиданнымъ образомъ выводитъ отсюда Магницкій,—безошибочно заключить можно, что, въ нынѣшнее время, болѣе нежели когда-либо, необходимо единообразіе и единство въ правилахъ и уставахъ воспитанія народнаго".

Своеобразный проектъ казанскаго попечителя не встрѣтилъ никакого сочувствія къ себѣ со стороны министра народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова, который отвѣтилъ Магницкому, что „нынѣ царствующему государю императору благоугодно было для пользы Россіи поставить основнымъ закономъ учрежденіе министерствъ и, согласно съ сею священною волею, учрежденіе академическаго сената, подъ именемъ Россійской Александровской академіи—не можетъ имѣть мѣста". Поглощались вниманіе и время казанскаго попечителя и составленіемъ, всецѣло, конечно, въ духѣ охранительныхъ его тенденцій, новаго цензурнаго устава, но въ результатѣ трудовъ своихъ въ этомъ направленіи Магницкій, по его собственнымъ словамъ — лишь „выдержалъ публичное пререканіе, испыталъ сильное гоненіе" [244].

Постоянно витая въ выспреннихъ сферахъ самыхъ своеобразныхъ фантазій, проектовъ и начинаній, казанскій попечитель не былъ, тѣмъ не менѣе, чуждъ и усиленнымъ заботамъ о благахъ міра сего и, на этой почвѣ, дѣланный идеализмъ Магницкаго мирно уживался наряду съ проявленіями самаго назойливаго матеріализма. Фанатичный проповѣдникъ высшей нравственности—Магницкій на дѣлѣ оказывался далеко не безсребренникомъ, какъ это обнаруживается изъ не всегда корректнаго отношенія его къ суммамъ ввѣреннаго ему вѣдомства, какъ это было выяснено данными ревизіи генералъ-маіора Желтухина, какъ это проскальзываетъ, наконецъ, и въ свидѣтельствахъ о немъ современниковъ. Пользуясь покровительствомъ своего властнаго принципала, министра народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицина, Магницкій умѣлъ преисправнѣйшимъ образомъ обработывать свои матеріальныя дѣла и назойливыя домогательства его въ этомъ направленіи не знали, повидимому, предѣловъ. Не разъ уже цитировавшійся нами В. И. Панаевъ, близко стоявшій къ вліятельнымъ сферамъ вѣдомства народнаго просвѣщенія и хорошо освѣдомленный въ петербургскихъ отношеніяхъ казанскаго попечителя, передаетъ, будто бы Магницкій, „осыпанный благодѣяніями" министра, получилъ за пятилѣтіе попечительства своего подъ эгидою князя Голицина до 200 тысячъ рублей негласныхъ пособій!...

Оставляя открытымъ вопросъ о „негласныхъ" пособіяхъ, получавшихся Магницкимъ, обратимся къ сохранившимся въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія фактическимъ и вполнѣ уже „гласнымъ" даннымъ относительно окладовъ и подачекъ, выпадавшихъ ему за время управленія казанскимъ университетомъ и округомъ. Изъ „дѣла (1826 г.) относи-

Своеобразный проектъ казанскаго попечителя не встрѣтилъ никакого сочувствія къ себѣ со стороны министра народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова, который отвѣтилъ Магницкому, что „нынѣ царствующему государю императору благоугодно было для пользы Россіи поставить основнымъ закономъ учрежденіе министерствъ и, согласно съ сею священною волею, учрежденіе академическаго сената, подъ именемъ Россійской Александровской академіи—не можетъ имѣть мѣста". Поглощались вниманіе и время казанскаго попечителя и составленіемъ, всецѣло, конечно, въ духѣ охранительныхъ его тенденцій, новаго цензурнаго устава, но въ результатѣ трудовъ своихъ въ этомъ направленіи Магницкій, по его собственнымъ словамъ — лишь „выдержалъ публичное пререканіе, испыталъ сильное гоненіе" [244].

Постоянно витая въ выспреннихъ сферахъ самыхъ своеобразныхъ фантазій, проектовъ и начинаній, казанскій попечитель не былъ, тѣмъ не менѣе, чуждъ и усиленнымъ заботамъ о благахъ міра сего и, на этой почвѣ, дѣланный идеализмъ Магницкаго мирно уживался наряду съ проявленіями самаго назойливаго матеріализма. Фанатичный проповѣдникъ высшей нравственности—Магницкій на дѣлѣ оказывался далеко не безсребренникомъ, какъ это обнаруживается изъ не всегда корректнаго отношенія его къ суммамъ ввѣреннаго ему вѣдомства, какъ это было выяснено данными ревизіи генералъ-маіора Желтухина, какъ это проскальзываетъ, наконецъ, и въ свидѣтельствахъ о немъ современниковъ. Пользуясь покровительствомъ своего властнаго принципала, министра народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицина, Магницкій умѣлъ преисправнѣйшимъ образомъ обработывать свои матеріальныя дѣла и назойливыя домогательства его въ этомъ направленіи не знали, повидимому, предѣловъ. Не разъ уже цитировавшійся нами В. И. Панаевъ, близко стоявшій къ вліятельнымъ сферамъ вѣдомства народнаго просвѣщенія и хорошо освѣдомленный въ петербургскихъ отношеніяхъ казанскаго попечителя, передаетъ, будто бы Магницкій, „осыпанный благодѣяніями" министра, получилъ за пятилѣтіе попечительства своего подъ эгидою князя Голицина до 200 тысячъ рублей негласныхъ пособій!...

Оставляя открытымъ вопросъ о „негласныхъ" пособіяхъ, получавшихся Магницкимъ, обратимся къ сохранившимся въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія фактическимъ и вполнѣ уже „гласнымъ" даннымъ относительно окладовъ и подачекъ, выпадавшихъ ему за время управленія казанскимъ университетомъ и округомъ. Изъ „дѣла (1826 г.) относи-

тельно окладовъ, производившхся д. с. с. Магницкому до увольненія отъ должности попечителя", мы узнаемъ, что, въ бытность свою попечителемъ, онъ пользовался слѣдующимъ содержаніемъ:

а) По званію члена главнаго правленія училищъ (и попечителя). 3000 р.

б) По званію попечителя учебнаго округа столовыхъ . . . . 3600 р.

в) Сохраненныхъ ему особымъ именнымъ высочайшимъ указомъ (1-го февраля 1819 г.) отъ прежняго званія губернатора. . 6000 р.

Всего . . . . 12600 р.

Впослѣдствіе, и уже послѣ своего паденія, домогаясь (что и было достигнуто) сохраненія за нимъ послѣдняго изъ этихъ окладовъ (6 тыс. р.), Магницкій ссылался на то, что „назначеніе по указу 1-го февраля 1819 года шести тысячъ рублей — есть настоящій и давнишній пенсіонъ, за старую службу и несчастія* опредѣленный, а не какое либо добавочное содержаніе".

Характеръ акта исключительной милости носило и предоставленіе Магницкому столоваго оклада въ 3600 р. по должности попечителя, такъ какъ по этой послѣдней должности, поглощавшейся званіемъ члена главнаго правленія училищъ, особеннаго жалованья въ то время не полагалось. Этотъ окладъ былъ пожалованъ ему въ силу всемилостивѣйшаго повелѣнія отъ 13-го марта 1820 года, основаннаго на представленіи министра „о потеряхъ, имъ претерпѣнныхъ, и бѣднаго состоянія съ большимъ семействомъ", о „тягостномъ его положеніи, по причинѣ великихъ долговъ его обременяющихъ и требующихъ излишнихъ расходовъ на уплату капитала и процентовъ", необходимости „давать воспитаніе сыну" и т. п.

21-го октября 1821 года казанскому попечителю дарована новая милость—въ видѣ двѣнадцатилѣтней аренды фольварка Бузуковскаго, въ черкасскомъ повѣтѣ кіевской губерніи, въ дополненіе къ уже прежде пожалованной ему арендѣ въ Курляндіи, а такъ какъ немедленно вступить въ распоряженіе этою арендою представлялось невозможнымъ, то 6-го ноября того же года Магницкому, „не въ примѣръ прочимъ", всемилостивѣйше повелѣно было отвести въ саратовской губерніи 5 тысячъ десятинъ „лично выбранной имъ земли"—причемъ это пожалованіе мотивировалось въ качествѣ „единственнаго средства къ заплатѣ долговъ" ** [245].

---

* Намекъ Магницкаго на его вологодскую ссылку.

** Данныя относительно дальнѣйшей судьбы кіевской аренды Магницкаго найдены нами въ дѣлахъ архива казанскаго университета за 1828 годъ. Въ январѣ этого года профессоръ Карабликовъ, по довѣренности бывшаго попечителя, совершилъ въ Кіевѣ контрактъ съ отстав-

тельно окладовъ, производившхся д. с. с. Магницкому до увольненія отъ должности попечителя", мы узнаемъ, что, въ бытность свою попечителемъ, онъ пользовался слѣдующимъ содержаніемъ:

а) По званію члена главнаго правленія училищъ (и попечителя).	3000 р.
б) По званію попечителя учебнаго округа столовыхъ	3600 р.
в) Сохраненныхъ ему особымъ именнымъ высочайшимъ указомъ (1-го февраля 1819 г.) отъ прежняго званія губернатора. .	6000 р.
Всего	12600 р.

Впослѣдствіе, и уже послѣ своего паденія, домогаясь (что и было достигнуто) сохраненія за нимъ послѣдняго изъ этихъ окладовъ (6 тыс. р.), Магницкій ссылался на то, что „назначеніе по указу 1-го февраля 1819 года шести тысячъ рублей — есть настоящій и давнишній пенсіонъ, за старую службу и несчастія* опредѣленный, а не какое либо добавочное содержаніе".

Характеръ акта исключительной милости носило и предоставленіе Магницкому столоваго оклада въ 3600 р. по должности попечителя, такъ какъ по этой послѣдней должности, поглощавшейся званіемъ члена главнаго правленія училищъ, особеннаго жалованья въ то время не полагалось. Этотъ окладъ былъ пожалованъ ему въ силу всемилостивѣйшаго повелѣнія отъ 13-го марта 1820 года, основаннаго на представленіи министра „о потеряхъ, имъ претерпѣнныхъ, и бѣднаго состоянія съ большимъ семействомъ", о „тягостномъ его положеніи, по причинѣ великихъ долговъ его обременяющихъ и требующихъ излишнихъ расходовъ на уплату капитала и процентовъ", необходимости „давать воспитаніе сыну" и т. п.

21-го октября 1821 года казанскому попечителю дарована новая милость—въ видѣ двѣнадцатилѣтней аренды фольварка Бузуковскаго, въ черкасскомъ повѣтѣ кіевской губерніи, въ дополненіе къ уже прежде пожалованной ему арендѣ въ Курляндіи, а такъ какъ немедленно вступить въ распоряженіе этою арендою представлялось невозможнымъ, то 6-го ноября того же года Магницкому, „не въ примѣръ прочимъ", всемилостивѣйше повелѣно было отвести въ саратовской губерніи 5 тысячъ десятинъ „лично выбранной имъ земли"—причемъ это пожалованіе мотивировалось въ качествѣ „единственнаго средства къ заплатѣ долговъ" ** [245].

* Намекъ Магницкаго на его вологодскую ссылку.

** Данныя относительно дальнѣйшей судьбы кіевской аренды Магницкаго найдены нами въ дѣлахъ архива казанскаго университета за 1828 годъ. Въ январѣ этого года профессоръ Караблиновъ, по довѣренности бывшаго попечителя, совершилъ въ Кіевѣ контрактъ съ отстав-

Различнаго рода недоразумѣнія, возникшія на почвѣ условій мѣстнаго характера и, между прочимъ, на почвѣ того обстоятельства, что облюбованная Магницкимъ саратовская земля оказалась значащеюся въ числѣ „запретныхъ къ раздачѣ", затянули дѣло объ отводѣ ея казанскому попечителю, вызвавъ супружескую чету Магницкихъ на рѣшительный и весьма смѣлый шагъ личнаго обращенія по этому поводу къ государю императору. Инниціативу этого шага приняла на себя жена Магницкаго, Екатерина Осиповна, 17-го марта 1822 года обратившаяся къ министру князю Голицину съ слѣдующимъ письмомъ, къ которому приложено было ею и всеподданнѣйшее письмо на имя государя императора **:

„Я часто испрашивала, князь, вашего покровительства несчастнымъ женщинамъ",—писала Магницкая министру народнаго просвѣщенія.

„Я знаю одну изъ такихъ женщинъ, которая умоляетъ васъ лично передать или найти средство доставить прилагаемое письмо въ собственныя руки императора, милость котораго можетъ рѣшить ея участь и осчастливить ее,—если только счастье еще мыслимо на землѣ.

Женщина эта—больна. Она перенесла страшныя испытанія; она на протяженіи десяти лѣтъ изстрадалась и тѣломъ и душою... Буду, князь, откровенна: эта несчастная женщина—это я!

Мой мужъ получаетъ 12 тысячъ рублей содержанія. Изъ нихъ 8 тысячъ мы употребляемъ на воспитаніе нашего сына, все остальное уходитъ на квартиру и на уплату ста тысячъ рублей долговъ, сумма которыхъ съ каждымъ годомъ все возростаетъ.

Мой мужъ въ отчаяніи. Волосы его сѣдѣютъ, я же чувствую себя въ состояніи тяжелой безнадежности.

Я беру на себя смѣлость письменно изложить государю императору наше положеніе. Еще на послѣднихъ дняхъ, при нашемъ свида-

нымъ прапорщикомъ Березовскимъ о переуступкѣ ему Магницкимъ права двѣнадцатилѣтняго владѣнія всемилостивѣйше пожалованнымъ ему въ аренду фольваркомъ Бузуковскимъ. Скрывая истинную цѣль своей поѣздки, Караблиновъ взялъ съ 18-го декабря 1827 г. отпускъ въ г. Кіевъ на 28 дней, но къ должности явился лишь въ первыхъ числахъ марта, представивъ свидѣтельство о болѣзни, задержавшей его въ г. Черкасскѣ; между тѣмъ какъ разъ во время предполагавшейся болѣзни состоялось личное заключеніе имъ въ Кіевѣ контракта съ Березовскимъ. Эту несообразность какими то путями раскрыла дѣйствовавшая въ Казани коммиссія по обревизованію суммъ казанскаго университета и начала по этому поводу переписку, въ которой Караблинову приходилось усиленно отписываться (Архивъ каз. унив., Правленскія дѣла 1827 г., № 456).

* Оба письма, изложенныя на превосходномъ французскомъ языкѣ (жена Магницкаго происхожденіемъ была, какъ мы знаемъ, француженка) и сохранившіяся въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія, приводятся нами въ русскомъ переводѣ. Интересъ, представляемый этими письмами, побуждаетъ насъ въ полномъ текстѣ познакомить съ ними нашихъ читателей.

Различнаго рода недоразумѣнія, возникшія на почвѣ условій мѣстнаго характера и, между прочимъ, на почвѣ того обстоятельства, что облюбованная Магницкимъ саратовская земля оказалась значащеюся въ числѣ „запретныхъ къ раздачѣ“, затянули дѣло объ отводѣ ея казанскому попечителю, вызвавъ супружескую чету Магницкихъ на рѣшительный и весьма смѣлый шагъ личнаго обращенія по этому поводу къ государю императору. Инициативу этого шага приняла на себя жена Магницкаго, Екатерина Осиповна, 17-го марта 1822 года обратившаяся къ министру князю Голицыну съ слѣдующимъ письмомъ, къ которому приложено было ею и всеподданнѣйшее письмо на имя государя императора **:

„Я часто испрашивала, князь, вашего покровительства несчастнымъ женщинамъ“,—писала Магницкая министру народнаго просвѣщенія.

„Я знаю одну изъ такихъ женщинъ, которая умоляетъ васъ лично передать или найти средство доставить прилагаемое письмо въ собственныя руки императора, милость котораго можетъ рѣшить ея участь и осчастливить ее,—если только счастье еще мыслимо на землѣ.

Женщина эта—больна. Она перенесла страшныя испытанія; она на протяженіи десяти лѣтъ изстрадалась и тѣломъ и душою... Буду, князь, откровенна: эта несчастная женщина—это я!

Мой мужъ получаетъ 12 тысячъ рублей содержанія. Изъ нихъ 8 тысячъ мы употребляемъ на воспитаніе нашего сына, все остальное уходитъ на квартиру и на уплату ста тысячъ рублей долговъ, сумма которыхъ съ каждымъ годомъ все возростаетъ.

Мой мужъ въ отчаяніи. Волосы его сѣдѣютъ, я же чувствую себя въ состояніи тяжелой безнадежности.

Я беру на себя смѣлость письменно изложить государю императору наше положеніе. Еще на послѣднихъ дняхъ, при нашемъ свида-

нымъ прапорщикомъ Березовскимъ о переуступкѣ ему Магницкимъ права двѣнадцатилѣтняго владѣнія всемилостивѣйше пожалованнымъ ему въ аренду фольваркомъ Бузуковскимъ. Скрывая истинную цѣль своей поѣздки, Караблиновъ взялъ съ 18-го декабря 1827 г. отпускъ въ г. Кіевъ на 28 дней, но къ должности явился лишь въ первыхъ числахъ марта, представивъ свидѣтельство о болѣзни, задержавшей его въ г. Черкасскѣ; между тѣмъ какъ разъ во время предполагавшейся болѣзни состоялось личное заключеніе имъ въ Кіевѣ контракта съ Березовскимъ. Эту несообразность какими то путями раскрыла дѣйствовавшая въ Казани коммиссія по обревизованію суммъ казанскаго университета и начала по этому поводу переписку, въ которой Караблинову приходилось усиленно отписываться (Архивъ каз. унив., Правленскія дѣла 1827 г., № 456).

* Оба письма, изложенныя на превосходномъ французскомъ языкѣ (жена Магницкаго происхожденіемъ была, какъ мы знаемъ, француженка) и сохранившіяся въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія, приводятся нами въ русскомъ переводѣ. Интересъ, представляемый этими письмами, побуждаетъ насъ въ полномъ текстѣ познакомить съ ними нашихъ читателей.

ніи, вы призывали насъ, князь, къ терпѣнію и къ ожиданію высочайшихъ милостей. Князь! Это терпѣніе было бы понятнымъ шестью годами позже, когда закончится образованіе нашего сына... Не ради себя я прошу, но во имя сына, который такъ много обѣщаетъ и образованіе котораго тяготѣетъ на нашей совѣсти!

Вотъ причина всѣхъ нашихъ страданій, вотъ поводъ, вынуждающій меня въ первый и въ послѣдній разъ утруждать его величество. Если я получу отказъ — я отнесусь къ нему, какъ къ велѣнію Бога. Мы ему покоримся"!

Письмо Магницкой на собственное имя государя императора, датированное тѣмъ же 17-мъ числомъ марта, было слѣдующаго, довольно безцеремоннаго, содержанія:

„Государь (Sir)!

Разрѣшите мнѣ, Государь, смѣлость обратиться къ Вамъ послѣ десяти лѣтъ тяжелыхъ невзгодъ. Если страданія способны открыть путь къ Вашему великодушію—я рѣшусь къ нему прибѣгнуть. Трудные годы тянулись одинъ за другимъ, и если бы на долю мою не выпало горя видѣть голову моего мужа покрывающеюся сѣдинами, если бы слезы мои не были еще окончательно выплаканы — я, быть можетъ, еще поразмыслила бы прежде, нежели дерзнуть посвятить Васъ въ условія нашего тягостнаго положенія. Ради имѣющагося у насъ сына рѣшаюсь я прибѣгнуть къ Вамъ, Государь, умоляя положить предѣлъ нашимъ страданіямъ.

Не буду вспоминать событій прошедшихъ — разбитое сердце мое избѣгаетъ самой мысли о нихъ. Ограничусь указаніемъ на то, что, не взирая на самыя суровыя лишенія, намъ не представлялось никакой возможности существовать на ту пенсію *, какую Вашему Величеству благоугодно было назначить въ 1812-мъ году моему мужу, не располагающему положительно никакими средствами кромѣ тѣхъ, которыя даетъ ему служба. Въ продолженіи $4^1/_2$ лѣтъ пребыванія нашего въ Вологдѣ мой мужъ вынужденъ былъ прибѣгать къ долгамъ, еще болѣе увеличившимся вслѣдствіе ряда перемѣщеній, состоявшихся по Вашему повелѣнію; свыше же трехлѣтнее жительство въ С.-Петербургѣ переполнило чашу разстройства нашихъ дѣлъ. Мы поставлены въ невозможность выполнить священнѣйшій долгъ—дать воспитаніе нашему дорогому ребенку—сыну, котораго не рѣшаемся отдать въ публичное учебное заведеніе, опасаясь за его нравственную чистоту. Я не въ состояніи платить его учителямъ. Мы стоимъ на ру-

* Рѣчь идетъ о 3-хъ тысячахъ рублей, отпускавшихся Магницкому во время его вологодскаго изгнанія.

ніи, вы призывали насъ, князь, къ терпѣнію и къ ожиданію высочайшихъ милостей. Князь! Это терпѣніе было бы понятнымъ шестью годами позже, когда закончится образованіе нашего сына... Не ради себя я прошу, но во имя сына, который такъ много обѣщаетъ и образованіе котораго тяготѣетъ на нашей совѣсти!

Вотъ причина всѣхъ нашихъ страданій, вотъ поводъ, вынуждающій меня въ первый и въ послѣдній разъ утруждать его величество. Если я получу отказъ — я отнесусь къ нему, какъ къ велѣнію Бога. Мы ему покоримся"!

Письмо Магницкой на собственное имя государя императора, датированное тѣмъ же 17-мъ числомъ марта, было слѣдующаго, довольно безцеремоннаго, содержанія:

„Государь (Sir)!

Разрѣшите мнѣ, Государь, смѣлость обратиться къ Вамъ послѣ десяти лѣтъ тяжелыхъ невзгодъ. Если страданія способны открыть путь къ Вашему великодушію—я рѣшусь къ нему прибѣгнуть. Трудные годы тянулись одинъ за другимъ, и если бы на долю мою не выпало горя видѣть голову моего мужа покрывающеюся сѣдинами, если бы слезы мои не были еще окончательно выплаканы — я, быть можетъ, еще поразмыслила бы прежде, нежели дерзнуть посвятить Васъ въ условія нашего тягостнаго положенія. Ради имѣющагося у насъ сына рѣшаюсь я прибѣгнуть къ Вамъ, Государь, умоляя положить предѣлъ нашимъ страданіямъ.

Не буду вспоминать событій прошедшихъ — разбитое сердце мое избѣгаетъ самой мысли о нихъ. Ограничусь указаніемъ на то, что, не взирая на самыя суровыя лишенія, намъ не представлялось никакой возможности существовать на ту пенсію *, какую Вашему Величеству благоугодно было назначить въ 1812-мъ году моему мужу, не располагающему положительно никакими средствами кромѣ тѣхъ, которыя даетъ ему служба. Въ продолженіи $4^1/_2$ лѣтъ пребыванія нашего въ Вологдѣ мой мужъ вынужденъ былъ прибѣгать къ долгамъ, еще болѣе увеличившимся вслѣдствіе ряда перемѣщеній, состоявшихся по Вашему повелѣнію; свыше же трехлѣтнее жительство въ С.-Петербургѣ переполнило чашу разстройства нашихъ дѣлъ. Мы поставлены въ невозможность выполнить священнѣйшій долгъ—дать воспитаніе нашему дорогому ребенку—сыну, котораго не рѣшаемся отдать въ публичное учебное заведеніе, опасаясь за его нравственную чистоту. Я не въ состояніи платить его учителямъ. Мы стоимъ на ру-

* Рѣчь идетъ о 3-хъ тысячахъ рублей, отпускавшихся Магницкому во время его вологодскаго изгнанія.

бежѣ крайней, остающейся намъ, мѣры — распродажи нашего имущества...

И, вотъ, подъ гнетомъ этой жестокой крайности, лишенная силъ долѣе переносить испытанія и истомленная видомъ страданій мужа, не взирая на несочувствіе (répugnance) мужа къ шагу, на который я сегодня рѣшаюсь и преодолѣвая свою природную застѣнчивость (timidité)—я позволяю себѣ довѣрчиво прибѣгнуть къ Вашему Величеству. Не скрою трудности, которой стоитъ мнѣ предпринимаемый шагъ: сердце Вашего Величества само пойметъ это, пойметъ и силу материнской любви, способной все преодолѣть... Да, Государь, именно въ качествѣ матери дерзаю я взывать къ милосердію Вашего Величества, основываясь на тѣхъ обѣщаніяхъ, которыя Вамъ благоугодно было выразить моему мужу въ тѣ минуты, когда на долю его выпало счастье Васъ лицезрѣть.

Вы обнадежили, Государь, моего мужа возвращеніемъ ему Вашихъ милостей. Вы изъявили согласіе возмѣстить ему понесенныя потери, обезпечивъ небольшимъ состояніемъ въ видѣ земель и аренды (des terres et une аренда). Съ той поры мужъ мой неоднократно утруждалъ Ваше Величество относительно выполненія этого обѣщанія, но, постоянно забываемый (sic!), онъ уже утратилъ всякую надежду. Ваша столь прославленная доброта, Ваше удивляющее весь міръ (si admirée) великодушіе — неужели не окажутся они доступными одному моему мужу? Чѣмъ, Государь, заслужила наша семья такое забвеніе, такое равнодушіе (cet oublie, cette indifférence)? Осмѣлиться ли мнѣ указать Вамъ на человѣка, который Вамъ безконечно преданъ, но котораго клевета быть можетъ снова чернитъ въ Вашихъ глазахъ? Это ли должно послужить ему воздаяніемъ за безпредѣльное повиновеніе, съ которымъ онъ всегда выполнялъ малѣйшія пожеланія Вашего Величества? Заслуживаетъ ли всего этого неутомимое рвеніе, съ какимъ мужъ отправляетъ должность, которую Вамъ угодно было ему вручить, съ какимъ онъ постоянно выполнялъ и другія порученія, раньше возлагавшіяся Вами на него? Или это воздаяніе за безчисленныя уничиженія, которымъ, въ годы тяготѣвшей надъ нимъ опалы Вашего Величества, подвергался человѣкъ, сердце котораго преисполнено однимъ помысломъ, однимъ стремленіемъ, однимъ завѣтомъ—Богъ и Царь!..

Да послужитъ настоящій вопль скорби моей къ обезоруженію Вашего Величества (puisse... désarmer V. M.)! Да будутъ милостиво услышаны Вашимъ Величествомъ стенанія женщины, такъ много выстрадавшей!

Съ глубочайшимъ уваженіемъ пребываю (Je suis avec le plus profond respect), Государь, Вашего Императорскаго Величества нижайшая, наипокорнѣйшая и наипреданнѣйшая слуга и подданная

Екатерина Магницкая (Catherine de Magnitsky)".

бежѣ крайней, остающейся намъ, мѣры — распродажи нашего имущества...

И, вотъ, подъ гнетомъ этой жестокой крайности, лишенная силъ долѣе переносить испытанія и истомленная видомъ страданій мужа, не взирая на несочувствіе (répugnance) мужа къ шагу, на который я сегодня рѣшаюсь и преодолѣвая свою природную застѣнчивость (timidité)—я позволяю себѣ довѣрчиво прибѣгнуть къ Вашему Величеству. Не скрою трудности, которой стоитъ мнѣ предпринимаемый шагъ: сердце Вашего Величества само пойметъ это, пойметъ и силу материнской любви, способной все преодолѣть... Да, Государь, именно въ качествѣ матери дерзаю я взывать къ милосердію Вашего Величества, основываясь на тѣхъ обѣщаніяхъ, которыя Вамъ благоугодно было выразить моему мужу въ тѣ минуты, когда на долю его выпало счастье Васъ лицезрѣть.

Вы обнадежили, Государь, моего мужа возвращеніемъ ему Вашихъ милостей. Вы изъявили согласіе возмѣстить ему понесенныя потери, обезпечивъ небольшимъ состояніемъ въ видѣ земель и аренды (des terres et une аренда). Съ той поры мужъ мой неоднократно утруждалъ Ваше Величество относительно выполненія этого обѣщанія, но, постоянно забываемый (sic!), онъ уже утратилъ всякую надежду. Ваша столь прославленная доброта, Ваше удивляющее весь міръ (si admirée) великодушіе — неужели не окажутся они доступными одному моему мужу? Чѣмъ, Государь, заслужила наша семья такое забвеніе, такое равнодушіе (cet oublie, cette indifférence)? Осмѣлиться ли мнѣ указать Вамъ на человѣка, который Вамъ безконечно преданъ, но котораго клевета быть можетъ снова чернитъ въ Вашихъ глазахъ? Это ли должно послужить ему воздаяніемъ за безпредѣльное повиновеніе, съ которымъ онъ всегда выполнялъ малѣйшія пожеланія Вашего Величества? Заслуживаетъ ли всего этого неутомимое рвеніе, съ какимъ мужъ отправляетъ должность, которую Вамъ угодно было ему вручить, съ какимъ онъ постоянно выполнялъ и другія порученія, раньше возлагавшіяся Вами на него? Или это воздаяніе за безчисленныя уничиженія, которымъ, въ годы тяготѣвшей надъ нимъ опалы Вашего Величества, подвергался человѣкъ, сердце котораго преисполнено однимъ помысломъ, однимъ стремленіемъ, однимъ завѣтомъ—Богъ и Царь!..

Да послужитъ настоящій вопль скорби моей къ обезоруженію Вашего Величества (puisse... désarmer V. M.)! Да будутъ милостиво услышаны Вашимъ Величествомъ стенанія женщины, такъ много выстрадавшей!

Съ глубочайшимъ уваженіемъ пребываю (Je suis avec le plus profond respect), Государь, Вашего Императорскаго Величества нижайшая, наипокорнѣйшая и наипреданнѣйшая слуга и подданная

Екатерина Магницкая (Catherine de Magnitsky)“.

Не взирая на черезъ чуръ свободный, съ точки зрѣнія этикета, а во второй половинѣ и прямо таки укоризненный тонъ его—письмо Магницкой было княземъ Голицинымъ вручено императору Александру, на впечатлительное и доброе отъ природы сердце котораго оно было весьма тонко, и вѣроятно не безъ участія въ дѣлѣ самого попечителя, разсчитано. Мы заключаемъ о такой судьбѣ этого письма прежде всего уже потому, что оно найдено было нами, среди дѣлъ архива министерства народнаго просвѣщенія, въ серіи касающихся Магницкаго бумагъ, имѣющихъ общій заголовокъ: „Магницкаго бумаги, отданныя государемъ императоромъ" (Николаемъ Павловичемъ — по восшествіи его на престолъ). Приходимъ мы къ этому заключенію и въ виду того обстоятельства, что уже четырьмя мѣсяцами спустя (21-го іюля 1822 г.) состоялся высочайшій указъ относительно пожалованія Магницкому,—и даже въ увеличенномъ размѣрѣ (6 тысячъ десятинъ),—земли по правому берегу Волги, въ вольскомъ и балашовскомъ уѣздахъ саратовской губерніи. Но и на этотъ разъ вводъ Магницкаго во владѣніе пожалованною ему землею встрѣтилъ затрудненія формальнаго характера, въ виду чего 26-го февраля 1823 года ему, по именному высочайшему указу, повелѣно было выдать, не въ зачетъ жалованья, 9 тысячъ рублей для уплаты долговъ—такъ какъ „онъ находится въ нуждѣ". Что саратовская земля, въ концѣ концовъ, все таки вступила въ его собственность видно изъ того, что, выѣзжая въ декабрѣ 1825-го года противъ воли своей изъ столицы въ Казань, Магницкій оставилъ женѣ довѣренность, которою, между прочимъ, уполномочивалъ ее „продавать земли, всемилостивѣйше пожалованныя въ волжскомъ (вольскомъ) и балашовскомъ уѣздахъ саратовской губерніи" [246].

Мѣропріятія Магницкаго, направленныя къ пересозданію на новыхъ началахъ ввѣреннаго ему университета, его охранительное вмѣшательство въ дѣла вѣдомства народнаго просвѣщенія, вообще, наконецъ его заботы объ устройствѣ своихъ личныхъ дѣлъ — не воздерживали попечителя казанскаго учебнаго округа и отъ притязаній на активную роль въ тѣхъ теченіяхъ высшей административно-бюрократической жизни Петербурга, которыми такъ чреваты были послѣдніе годы царствованія императора Александра I и которыя, какъ скоро увидимъ, были ближайшею причиною паденія нашего случайнаго карьериста.

Мы въ своемъ мѣстѣ уже очертили религіозно-мистическое направленіе, охватившее въ исходѣ второго и въ первые годы третьяго десятилѣтія XIX-го вѣка русское общество,—направленіе, нашедшее себѣ горя-

Не взирая на черезъ чуръ свободный, съ точки зрѣнія этикета, а во второй половинѣ и прямо таки укоризненный тонъ его—письмо Магницкой было княземъ Голицинымъ вручено императору Александру, на впечатлительное и доброе отъ природы сердце котораго оно было весьма тонко, и вѣроятно не безъ участія въ дѣлѣ самого попечителя, разсчитано. Мы заключаемъ о такой судьбѣ этого письма прежде всего уже потому, что оно найдено было нами, среди дѣлъ архива министерства народнаго просвѣщенія, въ серіи касающихся Магницкаго бумагъ, имѣющихъ общій заголовокъ: „Магницкаго бумаги, отданныя государемъ императоромъ" (Николаемъ Павловичемъ — по восшествіи его на престолъ). Приходимъ мы къ этому заключенію и въ виду того обстоятельства, что уже четырьмя мѣсяцами спустя (21-го іюля 1822 г.) состоялся высочайшій указъ относительно пожалованія Магницкому,—и даже въ увеличенномъ размѣрѣ (6 тысячъ десятинъ),—земли по правому берегу Волги, въ вольскомъ и балашовскомъ уѣздахъ саратовской губерніи. Но и на этотъ разъ вводъ Магницкаго во владѣніе пожалованною ему землею встрѣтилъ затрудненія формальнаго характера, въ виду чего 26-го февраля 1823 года ему, по именному высочайшему указу, повелѣно было выдать, не въ зачетъ жалованья, 9 тысячъ рублей для уплаты долговъ—такъ какъ „онъ находится въ нуждѣ". Что саратовская земля, въ концѣ концовъ, все таки вступила въ его собственность видно изъ того, что, выѣзжая въ декабрѣ 1825-го года противъ воли своей изъ столицы въ Казань, Магницкій оставилъ женѣ довѣренность, которою, между прочимъ, уполномочивалъ ее „продавать земли, всемилостивѣйше пожалованныя въ волжскомъ (вольскомъ) и балашовскомъ уѣздахъ саратовской губерніи" [246].

Мѣропріятія Магницкаго, направленныя къ пересозданію на новыхъ началахъ ввѣреннаго ему университета, его охранительное вмѣшательство въ дѣла вѣдомства народнаго просвѣщенія, вообще, наконецъ его заботы объ устройствѣ своихъ личныхъ дѣлъ — не воздерживали попечителя казанскаго учебнаго округа и отъ притязаній на активную роль въ тѣхъ теченіяхъ высшей административно-бюрократической жизни Петербурга, которыми такъ чреваты были послѣдніе годы царствованія императора Александра I и которыя, какъ скоро увидимъ, были ближайшею причиною паденія нашего случайнаго карьериста.

Мы въ своемъ мѣстѣ уже очертили религіозно-мистическое направленіе, охватившее въ исходѣ второго и въ первые годы третьяго десятилѣтія XIX-го вѣка русское общество,—направленіе, нашедшее себѣ горя-

чій откликъ въ духовномъ мірѣ императора Александра и фанатичнаго пропагандиста въ лицѣ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицина. Мистическій піэтизмъ, шедшій рука объ руку съ показнымъ ханжествомъ, и послужилъ, какъ мы знаемъ, почвою, на которой произошло сближеніе съ министромъ народнаго просвѣщенія бывшаго вологодскаго изгнанника и созданіе административно-педагогической карьеры Магницкаго, ловко сумѣвшаго, — по мѣткому выраженію В. И. Панаева,—„примазаться" къ религіозно-мистическому складу умовоззрѣнія Голицина *. Современники Магницкаго съ чувствомъ невольнаго недоумѣнія останавливались передъ загадочною психикою этого пронырливаго карьериста, изъ подпавшаго опалѣ и изгнанію яраго вольнодумца либеральной поры начала царствованія Александра I — неожиданно для всѣхъ превратившагося, въ угоду измѣнившимся вліяніямъ, въ столь же яраго охранителя-обскуранта и поборника ханжества, фарисейства и показного благочестія. „Современники Магницкаго, — писалъ Н. К. Шильдеръ,—къ своему крайнему удивленію видѣли его ежеминутно возводящимъ глаза къ небу и твердившимъ при каждомъ случаѣ, и кстати и не кстати, о милосердіи Божіемъ, о постѣ и грѣхопаденіи... Начала, провозглашенныя священнымъ союзомъ — не сходили съ его устъ. Что-бы убѣдить министра (кн. А. Н. Голицина) въ измѣненіи своихъ прежнихъ вольнодумныхъ взглядовъ, Магницкій неуклонно посѣщалъ по праздникамъ и воскреснымъ днямъ церковь князя Голицина ** и здѣсь земными поклонами усердно старался заявить о своей набожности и благочестіи". Насколько сильнымъ являлось довѣріе, которымъ сумѣлъ заручиться Магницкій у князя Голицина, видно уже изъ того, что дискредитировать это довѣріе безсильнымъ оказалось даже скептическое отношеніе самого императора, проявленное имъ при докладѣ Голицина о назначеніи Магницкаго на постъ попечителя:

— Хорошо ли ты его знаешь?—усомнился императоръ.

— Да, ваше величество, я знаю его уже давно,—отвѣчалъ министръ народнаго просвѣщенія.—Мнѣ извѣстны прежнія его заблужденія, но теперь онъ исправился.

— Ты настаиваешь, стало быть, что бы я назначилъ его попечителемъ?

— Если ваше величество соизволите на это, то я убѣжденъ, что онъ окажется вполнѣ пригоднымъ для этой должности.

---

* См. томъ III настоящаго труда, стр. 253—263, 274—275, 280—282.

** Припомнимъ, что, въ угоду кн. Голицину, Магницкій по образцу его домовой церкви скомбинировалъ и своеобразный проектъ казанской университетской церкви (см. выше стр. 433)

чій откликъ въ духовномъ мірѣ императора Александра и фанатичнаго пропагандиста въ лицѣ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицина. Мистическій піэтизмъ, шедшій рука объ руку съ показнымъ ханжествомъ, и послужилъ, какъ мы знаемъ, почвою, на которой произошло сближеніе съ министромъ народнаго просвѣщенія бывшаго вологодскаго изгнанника и созданіе административно-педагогической карьеры Магницкаго, ловко сумѣвшаго, — по мѣткому выраженію В. И. Панаева,—„примазаться" къ религіозно-мистическому складу умовоззрѣнія Голицина *. Современники Магницкаго съ чувствомъ невольнаго недоумѣнія останавливались передъ загадочною психикою этого пронырливаго карьериста, изъ подпавшаго опалѣ и изгнанію яраго вольнодумца либеральной поры начала царствованія Александра I — неожиданно для всѣхъ превратившагося, въ угоду измѣнившимся вліяніямъ, въ столь же яраго охранителя-обскуранта и поборника ханжества, фарисейства и показного благочестія. „Современники Магницкаго, — писалъ Н. К. Шильдеръ,—къ своему крайнему удивленію видѣли его ежеминутно возводящимъ глаза къ небу и твердившимъ при каждомъ случаѣ, и кстати и не кстати, о милосердіи Божіемъ, о постѣ и грѣхопаденіи... Начала, провозглашенныя священнымъ союзомъ — не сходили съ его устъ. Что бы убѣдить министра (кн. А. Н. Голицина) въ измѣненіи своихъ прежнихъ вольнодумныхъ взглядовъ, Магницкій неуклонно посѣщалъ по праздникамъ и воскреснымъ днямъ церковь князя Голицина ** и здѣсь земными поклонами усердно старался заявить о своей набожности и благочестіи". Насколько сильнымъ являлось довѣріе, которымъ сумѣлъ заручиться Магницкій у князя Голицина, видно уже изъ того, что дискредитировать это довѣріе безсильнымъ оказалось даже скептическое отношеніе самого императора, проявленное имъ при докладѣ Голицина о назначеніи Магницкаго на постъ попечителя:

— Хорошо ли ты его знаешь?—усомнился императоръ.

— Да, ваше величество, я знаю его уже давно,—отвѣчалъ министръ народнаго просвѣщенія.—Мнѣ извѣстны прежнія его заблужденія, но теперь онъ исправился.

— Ты настаиваешь, стало быть, что бы я назначилъ его попечителемъ?

— Если ваше величество соизволите на это, то я убѣжденъ, что онъ окажется вполнѣ пригоднымъ для этой должности.

---

* См. томъ III настоящаго труда, стр. 253—263, 274—275, 280—282.

** Припомнимъ, что, въ угоду кн. Голицину, Магницкій по образцу его домовой церкви скомбинировалъ и своеобразный проектъ казанской университетской церкви (см. выше стр. 433)

— Пусть будетъ такъ!—рѣшилъ императоръ.—Я держусь правила предоставлять самимъ министрамъ выборъ ихъ подчиненныхъ, но предсказываю тебѣ, что онъ будетъ первымъ на тебя доносчикомъ...

Предсказаніе Александра явилось, какъ мы очень скоро убѣдимся въ этомъ, пророческимъ. Императоръ, какъ оказывается, много раньше того составилъ себѣ вполнѣ опредѣленное представленіе о Магницкомъ и еще въ 1813-мъ году характеризовалъ его въ качествѣ „человѣка, одареннаго обширнымъ умомъ, но который въ разговорахъ своихъ съ нимъ (т. е. императоромъ) всѣхъ чернилъ и порочилъ, что, однако же, дѣлалъ съ большимъ искусствомъ“ [247]. Что касается представленій относительно личности Магницкаго его современниковъ, то они хотя и рѣзко, но за то съ силою и рельефностью отлились въ посвященной бывшему казанскому попечителю строфѣ извѣстнаго памфлета А. Ѳ. Воейкова „Домъ сумасшедшихъ“. Припомнимъ относящіяся сюда строки:

Вотъ—Магницкій. Какъ ужасно
Онъ коверкаетъ лицо
Волкомъ, кошкой, обезьяной...
То совьется весь въ кольцо,
То у сильныхъ ноги лижетъ,
То безсильныхъ гонитъ вонъ,
То гроши на нитку нижетъ,
То бренчитъ на счетахъ онъ...
Предъ безумцемъ на амвонѣ
Кавалерскихъ связка лентъ;
Просьбица о пенсіонѣ,
Святцы, списокъ всѣхъ арендъ,
Дачъ, лѣсовъ, земель казенныхъ
И записка о долгахъ *...
Въ размышленьяхъ столь пріятныхъ
Изливалъ онъ ядъ въ словахъ:
«Горе! Добрый царь на тронѣ,
«Вѣръ терпимость, пытокъ нѣтъ...
«Ахъ—зачѣмъ не при Неронѣ
«Я рожденъ на бѣлый свѣтъ!
«Благотворный бы представилъ
«Инквизиціи проектъ,
«Въ маслѣ бъ я варить заставилъ
«Дессидентовъ разныхъ сектъ;
«И, поджаривъ, такъ и съѣлъ бы
«И родного я отца.
«Что ми дасте? Я поддѣлъ бы

* Замѣчательно злая и мѣткая характеристика, только что сдѣлавшихся намъ извѣстными, матеріальныхъ домогательствъ Магницкаго.

— Пусть будетъ такъ!—рѣшилъ императоръ.—Я держусь правила предоставлять самимъ министрамъ выборъ ихъ подчиненныхъ, но предсказываю тебѣ, что онъ будетъ первымъ на тебя доносчикомъ...

Предсказаніе Александра явилось, какъ мы очень скоро убѣдимся въ этомъ, пророческимъ. Императоръ, какъ оказывается, много раньше того составилъ себѣ вполнѣ опредѣленное представленіе о Магницкомъ и еще въ 1813-мъ году характеризовалъ его въ качествѣ „человѣка, одареннаго обширнымъ умомъ, но который въ разговорахъ своихъ съ нимъ (т. е. императоромъ) всѣхъ чернилъ и порочилъ, что, однако же, дѣлалъ съ большимъ искусствомъ“ [247]. Что касается представленій относительно личности Магницкаго его современниковъ, то они хотя и рѣзко, но за то съ силою и рельефностью отлились въ посвященной бывшему казанскому попечителю строфѣ извѣстнаго памфлета А. Ѳ. Воейкова „Домъ сумасшедшихъ“. Припомнимъ относящіяся сюда строки:

Вотъ—Магницкій. Какъ ужасно
Онъ коверкаетъ лицо
Волкомъ, кошкой, обезьяной...
То совьется весь въ кольцо,
То у сильныхъ ноги лижетъ,
То безсильныхъ гонитъ вонъ,
То гроши на нитку нижетъ,
То бренчитъ на счетахъ онъ...
Предъ безумцемъ на амвонѣ
Кавалерскихъ связка лентъ;
Просьбица о пенсіонѣ,
Святцы, списокъ всѣхъ арендъ,
Дачъ, лѣсовъ, земель казенныхъ
И записка о долгахъ *...
Въ размышленьяхъ столь пріятныхъ
Изливалъ онъ ядъ въ словахъ:
«Горе! Добрый царь на тронѣ,
«Вѣръ терпимость, пытокъ нѣтъ...
«Ахъ—зачѣмъ не при Неронѣ
«Я рожденъ на бѣлый свѣтъ!
«Благотворный бы представилъ
«Инквизиціи проектъ,
«Въ маслѣ бъ я варить заставилъ
«Дессидентовъ разныхъ сектъ;
«И, поджаривъ, такъ и съѣлъ бы
«И родного я отца.
«Что ми дасте? Я поддѣлъ бы

* Замѣчательно злая и мѣткая характеристика, только что сдѣлавшихся намъ извѣстными, матеріальныхъ домогательствъ Магницкаго.

«Вамъ небеснаго Творца.
«Я, какъ демонъ, ненавижу
«Ближнихъ, Бога и Царя,
«Зло имъ сдѣлать сплю и вижу
«Въ честь святого алтаря!..

Начало двадцатыхъ годовъ минувшаго столѣтія было порою повальнаго увлеченія религіознымъ мистицизмомъ въ руководящихъ кружкахъ русскаго столичнаго общества. „Мистицизмъ былъ тогда въ Петербургѣ въ большой модѣ,—замѣчаетъ П. П. Каратыгинъ.— Напускное юродство мистицизма, распространенное въ высшихъ классахъ общества, проникло въ среднiй классъ и въ литературный міръ... Дѣды наши также точно увлекались заѣзжими проповѣдниками мистицизма, какъ внуки — американскими медіумами и англійскими раскольниками. Въ первые годы двадцатыхъ годовъ пріѣзжали въ С.-Петербургъ два пастора, Линдль и Госнеръ, въ самое короткое время привлекли своими проповѣдями великое множество православныхъ слушателей, первый—въ мальтійскую церковь пажескаго корпуса, второй — въ церковь св. Екатерины на Невскомъ. Окружавшіе ихъ православные слушатели выворачивали глаза, вздыхали, плакали, становились на колѣна... Въ числѣ ихъ были: Магницкій, Руничъ, Кавелинъ, Поповъ, Брискорнъ — люди умные, ученые, заслуженные“ [248]. Однимъ изъ ближайшихъ отраженій проникшаго русскую общественность мистическаго настроенія явилось горячее пропагандированіе и широкое осуществленіе на дѣлѣ идеи библейскихъ организацій, объединяющимъ центромъ которыхъ служило „Россійское библейское общество“, числившее учредителемъ и президентомъ министра князя А. Н. Голицина, а однимъ изъ наиболѣе ревностныхъ адептовъ своихъ—попечителя казанскаго учебнаго округа М. Л. Магницкаго, дѣятельность котораго въ этомъ направленіи уже знакома нашимъ читателямъ *.

Охватившій общество мистицизмъ, имѣвшій во главѣ своей вліятельную личность князя А. Н. Голицина, проводившаго начало широкой терпимости по отношенію къ инославнымъ исповѣданіямъ, сторонника идеи „внутренней церкви“ въ самосознаніи христіанина и выступавшаго далеко не двусмысленнымъ противникомъ чернаго духовенства—скоро встрѣтило недоброжелательное, а затѣмъ и открыто оппозиціонное отношеніе со стороны высшаго духовенства, усмотрѣвшаго въ этомъ общественномъ настроеніи серьезную угрозу чистотѣ православія и интересамъ православной церкви. Это оппозиціонное православное теченіе не

* См. выше стр. 62—63.

«Вамъ небеснаго Творца.
«Я, какъ демонъ, ненавижу
«Ближнихъ, Бога и Царя,
«Зло имъ сдѣлать сплю и вижу
«Въ честь святого алтаря!..

Начало двадцатыхъ годовъ минувшаго столѣтія было порою повальнаго увлеченія религіознымъ мистицизмомъ въ руководящихъ кружкахъ русскаго столичнаго общества. „Мистицизмъ былъ тогда въ Петербургѣ въ большой модѣ,—замѣчаетъ П. П. Каратыгинъ.— Напускное юродство мистицизма, распространенное въ высшихъ классахъ общества, проникло въ средній классъ и въ литературный міръ... Дѣды наши также точно увлекались заѣзжими проповѣдниками мистицизма, какъ внуки — американскими медіумами и англійскими раскольниками. Въ первые годы двадцатыхъ годовъ пріѣзжали въ С.-Петербургъ два пастора, Линдль и Госнеръ, въ самое короткое время привлекли своими проповѣдями великое множество православныхъ слушателей, первый—въ мальтійскую церковь пажескаго корпуса, второй — въ церковь св. Екатерины на Невскомъ. Окружавшіе ихъ православные слушатели выворачивали глаза, вздыхали, плакали, становились на колѣна... Въ числѣ ихъ были: Магницкій, Руничъ, Кавелинъ, Поповъ, Брискорнъ — люди умные, ученые, заслуженные“ [248]. Однимъ изъ ближайшихъ отраженій проникшаго русскую общественность мистическаго настроенія явилось горячее пропагандированіе и широкое осуществленіе на дѣлѣ идеи библейскихъ организацій, объединяющимъ центромъ которыхъ служило „Россійское библейское общество“, числившее учредителемъ и президентомъ министра князя А. Н. Голицина, а однимъ изъ наиболѣе ревностныхъ адептовъ своихъ—попечителя казанскаго учебнаго округа М. Л. Магницкаго, дѣятельность котораго въ этомъ направленіи уже знакома нашимъ читателямъ *.

Охватившій общество мистицизмъ, имѣвшій во главѣ своей вліятельную личность князя А. Н. Голицина, проводившаго начало широкой терпимости по отношенію къ инославнымъ исповѣданіямъ, сторонника идеи „внутренней церкви“ въ самосознаніи христіанина и выступавшаго далеко не двусмысленнымъ противникомъ чернаго духовенства—скоро встрѣтило недоброжелательное, а затѣмъ и открыто оппозиціонное отношеніе со стороны высшаго духовенства, усмотрѣвшаго въ этомъ общественномъ настроеніи серьезную угрозу чистотѣ православія и интересамъ православной церкви. Это оппозиціонное православное теченіе не

---

* См. выше стр. 62—63.

замедлило выдвинуть впередъ и фанатичнаго представителя своего — въ лицѣ молодого игумена новгородскаго Деревяницкаго монастыря Фотія, еще въ 1817-мъ году, слѣдомъ за принятіемъ монашества, выступившаго обличителемъ современныхъ общественныхъ теченій, а въ 1821-мъ году, въ пору пребыванія въ Петербургѣ извѣстной проповѣдницы мистицизма баронессы Крюденеръ, рѣзко возставшаго противъ охватившаго столичное общество религіознаго увлеченія. Не взирая на высокій авторитетъ княгини А. С. Голицыной, салонъ которой являлся ареною проповѣднической дѣятельности титулованной „пророчицы“, сумѣвшей увлечь собою самого императора Александра, Фотій жестоко обличалъ какъ баронессу Крюденеръ, признанную имъ „злѣйшимъ врагомъ православія и престола“, „женкой зловѣрія“, „лже-христіанкою“, такъ и преклонявшееся передъ нею столичное общество, представители котораго, „начиная съ первыхъ столбовыхъ боляръ, и жены, и мужи, и дѣвицы“, на перерывъ спѣшили „какъ оракула нѣкоего дивнаго“ послушать ученіе „сей разгоряченной умомъ и сердцемъ бѣсовдохновленной женки“.

Обличительная противъ духа времени проповѣдь Фотія послужила поводомъ извѣстнаго сближенія его съ графинею А. А. Орловою-Чесменскою, не замедлившею предоставить въ распоряженіе этого фанатика и свои милліоны, и свои широкія связи при дворѣ и въ верхнихъ слояхъ петербургскаго общества. Авторитетъ Фотія сталъ быстро возростать, — возростать не въ силу природныхъ дарованій его, но исключительно благодаря пріобрѣтеннымъ связямъ и изступленной проповѣди, нашедшей себѣ откликъ въ современномъ русскомъ обществѣ, безплодно метавшемся, въ поискахъ религіозной истины, отъ каѳедръ заѣзжихъ иностранныхъ проповѣдниковъ—къ самымъ крайнимъ и узкимъ проявленіямъ отечественнаго клерикальнаго фанатизма, ярымъ представителемъ каковаго выступилъ деревяницкій игуменъ. Фотій всѣмъ обязанъ былъ импонировавшимъ на умы фанатическимъ изувѣрствамъ своимъ: „Въ лицѣ Фотія,—пишетъ его біографъ,—обстоятельства выдвинули на арену дѣятельности человѣка безъ всякаго значенія и вѣса, съ самымъ скуднымъ образованіемъ и съ ограниченными способностями, но фанатика до послѣдней степени, готоваго идти въ огонь, на мученія, за вѣру и церковь, которыя впрочемъ, онъ понималъ узко и ограниченно“. Суровый аскетъ до мозга костей, облеченный въ „власяницу“ и съ веригами на тѣлѣ, доводившій себя до галлюцинацій, во время которыхъ ему являлись искушающіе и истязующіе его бѣсы—молодой монахъ открыто ополчился на борьбу противъ „безбожія и потока нечестія“, обильно расточая анаѳемы по адресу

замедлило выдвинуть впередъ и фанатичнаго представителя своего — въ лицѣ молодого игумена новгородскаго Деревяницкаго монастыря Фотія, еще въ 1817-мъ году, слѣдомъ за принятіемъ монашества, выступившаго обличителемъ современныхъ общественныхъ теченій, а въ 1821-мъ году, въ пору пребыванія въ Петербургѣ извѣстной проповѣдницы мистицизма баронессы Крюденеръ, рѣзко возставшаго противъ охватившаго столичное общество религіознаго увлеченія. Не взирая на высокій авторитетъ княгини А. С. Голицыной, салонъ которой являлся ареною проповѣднической дѣятельности титулованной „пророчицы“, сумѣвшей увлечь собою самого императора Александра, Фотій жестоко обличалъ какъ баронессу Крюденеръ, признанную имъ „злѣйшимъ врагомъ православія и престола“, „женкой зловѣрія“, „лже-христіанкою“, такъ и преклонявшееся передъ нею столичное общество, представители котораго, „начиная съ первыхъ столбовыхъ боляръ, и жены, и мужи, и дѣвицы“, на перерывъ спѣшили „какъ оракула нѣкоего дивнаго“ послушать ученіе „сей разгоряченной умомъ и сердцемъ бѣсовдохновленной женки“.

Обличительная противъ духа времени проповѣдь Фотія послужила поводомъ извѣстнаго сближенія его съ графинею А. А. Орловою-Чесменскою, не замедлившею предоставить въ распоряженіе этого фанатика и свои милліоны, и свои широкія связи при дворѣ и въ верхнихъ слояхъ петербургскаго общества. Авторитетъ Фотія сталъ быстро возростать, — возростать не въ силу природныхъ дарованій его, но исключительно благодаря пріобрѣтеннымъ связямъ и изступленной проповѣди, нашедшей себѣ откликъ въ современномъ русскомъ обществѣ, безплодно метавшемся, въ поискахъ религіозной истины, отъ каѳедръ заѣзжихъ иностранныхъ проповѣдниковъ—къ самымъ крайнимъ и узкимъ проявленіямъ отечественнаго клерикальнаго фанатизма, ярымъ представителемъ каковового выступилъ деревяницкій игуменъ. Фотій всѣмъ обязанъ былъ импонировавшимъ на умы фанатическимъ изувѣрствамъ своимъ: „Въ лицѣ Фотія,—пишетъ его біографъ,—обстоятельства выдвинули на арену дѣятельности человѣка безъ всякаго значенія и вѣса, съ самымъ скуднымъ образованіемъ и съ ограниченными способностями, но фанатика до послѣдней степени, готоваго идти въ огонь, на мученія, за вѣру и церковь, которыя впрочемъ, онъ понималъ узко и ограниченно“. Суровый аскетъ до мозга костей, облеченный въ „власяницу“ и съ веригами на тѣлѣ, доводившій себя до галлюцинацій, во время которыхъ ему являлись искушающіе и истязующіе его бѣсы—молодой монахъ открыто ополчился на борьбу противъ „безбожія и потока нечестія“, обильно расточая анаѳемы по адресу

„вольнодумцевъ“ и „богомерзкихъ, противныхъ Богу и Царю, скопищъ ихъ“. Аристократическій домъ погруженной въ ханжество графини Орловой-Чесменской,—„дщери дѣвицы Анны“, какъ именовалъ ее Фотій,—служилъ центромъ, черезъ посредство котораго пропаганда изступленнаго изувѣра дѣлалась достояніемъ высшихъ столичныхъ правительственныхъ и общественныхъ сферъ, находя себѣ здѣсь вліятельныхъ адептовъ, многіе изъ которыхъ думали не безъ успѣха утилизировать въ свою пользу вновь нарождающееся религіозное настроеніе. Въ числѣ этихъ адептовъ вскорѣ оказался, какъ увидимъ ниже, и герой нашего текущаго повѣствованія—попечитель казанскаго учебнаго округа Магницкій [249].

Успѣхъ пропаганды Фотія сдѣлался особенно значительнымъ и вліятельнымъ съ назначеніемъ въ 1821-мъ году на каѳедру с.-петербургской митрополіи московскаго митрополита Серафима, ставшаго во главѣ движенія противъ мистицизма, вообще, и дѣла библейской организаціи, какъ одного изъ крупнѣйшихъ проявленій его—въ частности. Митрополитъ Серафимъ, не безъ вліянія въ данномъ отношеніи графини Орловой-Чесменской, сразу проявилъ готовность не только поддерживать игумена Фотія, но и рѣшимость сдѣлать этого яраго фанатика ближайшимъ орудіемъ предпринятой имъ борьбы. Назначенный въ самомъ началѣ 1822-го года настоятелемъ Сковородскаго монастыря, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита, Фотій уже весною того же года вызванъ былъ митрополитомъ въ С.-Петербургъ, гдѣ 21-го мая, на торжествѣ освященія новаго храма александро-невской лавры, впервые свелъ личное знакомство съ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія княземъ А. Н. Голицынымъ. Новый сковородскій архимандритъ произвелъ на министра сильное впечатлѣніе, былъ введенъ имъ въ свой домъ, гдѣ Фотій,—по его собственному свидѣтельству,—„предлагалъ князю слово и дѣло Божіе по три, по шести и по девяти часовъ въ день“, заслуживъ отъ новаго властнаго почитателя наименованія его „духовнаго учителя“ и „златоуста“.

Очарованный своимъ новымъ „духовнымъ учителемъ“ и не подозрѣвая тѣхъ козней, которыя уже въ близкомъ будущемъ готовились ему съ его стороны, князь Голицинъ вознамѣрился свести архимандрита Фотія съ самимъ императоромъ Александромъ и испросилъ ему у государя аудіенцію, которая и состоялась 5-го іюня 1822 года. На эту историческую аудіенцію, обставленную лукавымъ фанатикомъ цѣлымъ рядомъ юродствъ, разсчитанныхъ на впечатлительный характеръ Александра и о которыхъ самъ архимандритъ разсказываетъ въ своей автобіографіи,

„вольнодумцевъ" и „богомерзкихъ, противныхъ Богу и Царю, скопищъ ихъ". Аристократическій домъ погруженной въ ханжество графини Орловой-Чесменской,—„дщери дѣвицы Анны", какъ именовалъ ее Фотій,—служилъ центромъ, черезъ посредство котораго пропаганда изступленнаго изувѣра дѣлалась достояніемъ высшихъ столичныхъ правительственныхъ и общественныхъ сферъ, находя себѣ здѣсь вліятельныхъ адептовъ, многіе изъ которыхъ думали не безъ успѣха утилизировать въ свою пользу вновь нарождающееся религіозное настроеніе. Въ числѣ этихъ адептовъ вскорѣ оказался, какъ увидимъ ниже, и герой нашего текущаго повѣствованія—попечитель казанскаго учебнаго округа Магницкій [249].

Успѣхъ пропаганды Фотія сдѣлался особенно значительнымъ и вліятельнымъ съ назначеніемъ въ 1821-мъ году на каѳедру с.-петербургской митрополіи московскаго митрополита Серафима, ставшаго во главѣ движенія противъ мистицизма, вообще, и дѣла библейской организаціи, какъ одного изъ крупнѣйшихъ проявленій его—въ частности. Митрополитъ Серафимъ, не безъ вліянія въ данномъ отношеніи графини Орловой-Чесменской, сразу проявилъ готовность не только поддерживать игумена Фотія, но и рѣшимость сдѣлать этого яраго фанатика ближайшимъ орудіемъ предпринятой имъ борьбы. Назначенный въ самомъ началѣ 1822-го года настоятелемъ Сковородскаго монастыря, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита, Фотій уже весною того же года вызванъ былъ митрополитомъ въ С.-Петербургъ, гдѣ 21-го мая, на торжествѣ освященія новаго храма александро-невской лавры, впервые свелъ личное знакомство съ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія княземъ А. Н. Голицынымъ. Новый сковородскій архимандритъ произвелъ на министра сильное впечатлѣніе, былъ введенъ имъ въ свой домъ, гдѣ Фотій,—по его собственному свидѣтельству,—„предлагалъ князю слово и дѣло Божіе по три, по шести и по девяти часовъ въ день", заслуживъ отъ новаго властнаго почитателя наименованія его „духовнаго учителя" и „златоуста".

Очарованный своимъ новымъ „духовнымъ учителемъ" и не подозрѣвая тѣхъ козней, которыя уже въ близкомъ будущемъ готовились ему съ его стороны, князь Голицынъ вознамѣрился свести архимандрита Фотія съ самимъ императоромъ Александромъ и испросилъ ему у государя аудіенцію, которая и состоялась 5-го іюня 1822 года. На эту историческую аудіенцію, обставленную лукавымъ фанатикомъ цѣлымъ рядомъ юродствъ, разсчитанныхъ на впечатлительный характеръ Александра и о которыхъ самъ архимандритъ разсказываетъ въ своей автобіографіи,

Фотій явился уже съ вполнѣ опредѣленнымъ планомъ дѣйствій. Благословивъ императора иконой, Фотій,—по его собственнымъ словамъ,—сталъ высказывать ему „слово въ пользу церкви и вѣры", внушать все „нужное къ вѣрѣ святой" и необходимость „нечаяннаго дѣйствія противъ враговъ тайныхъ". Бесѣда съ Фотіемъ произвела глубокое психическое воздѣйствіе на императора, бросившагося передъ архимандритомъ на колѣна, съ просьбою помолиться надъ нимъ, простить и разрѣшить его... „Азъ же,—разсказываетъ Фотій,—видя плодъ бесѣды моея съ царемъ, возложивъ руцѣ мои на главу цареву крестообразно, возводя умъ и сердце горѣ къ Богу, просилъ, да снидетъ благодать Христова на него, да проститъ вся прегрѣшенія царю и исполнитъ умъ и сердце его сотворити волю Господню во славѣ, въ дѣлѣ святой церкви и вѣры, сокрушить силы вражіи вскорѣ... И по семъ,—продолжаетъ архимандритъ,—знаменовавъ главу цареву и лицо, руки мои отнялъ; царь же поклонился мнѣ въ ноги, принялъ благословеніе, цѣловалъ десницу мою, весьма благодаря, просилъ въ молитвѣ поминать, благословеніе посылать, и проводилъ самъ меня изъ дверей". Результаты этой необычайной аудіенціи не преминули сказаться: Фотію былъ всемилостивѣйше пожалованъ алмазный крестъ, 1-го августа 1822-го года воспослѣдовалъ извѣстный высочайшій рескриптъ о запрещеніи всѣхъ „тайныхъ обществъ", а въ концѣ того же мѣсяца Фотій былъ назначенъ настоятелемъ новгородскаго первокласснаго Юрьевскаго монастыря—назначеніе, сблизившее его съ временщикомъ того времени, знаменитымъ грузинскимъ вотчинникомъ и царскимъ другомъ, графомъ Аракчеевымъ. Передъ выѣздомъ своимъ на мѣсто новаго служенія, Фотій имѣлъ аудіенцію и у вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны, во время которой онъ уже не обинуясь велъ рѣчь „о князѣ Голицинѣ и прочихъ врагахъ вѣры, сынахъ беззаконія".

Трудно сказать, удалась ли бы архимандриту Фотію, хотя бы и въ союзѣ съ митрополитомъ Серафимомъ и графинею Орловою-Чесменскою, задуманная имъ борьба съ княземъ Голицинымъ, если бы въ дѣло не вмѣшался всесильный графъ А. А. Аракчеевъ, въ прямыхъ интересахъ котораго было сломить вліяніе при императорѣ Александрѣ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Аракчеевъ не выносилъ соперниковъ своему авторитету въ дѣлахъ внутренней политики и безпощадное чувство ревности возбуждала въ немъ близость къ престолу тѣхъ или иныхъ государственныхъ дѣятелей, рѣшавшихся самостоятельно возвышать голосъ, не всегда шедшій въ унисонъ съ умовоззрѣніемъ властнаго временщика и царскаго друга. На этой почвѣ устранены были съ

Фотій явился уже съ вполнѣ опредѣленнымъ планомъ дѣйствій. Благословивъ императора иконой, Фотій,—по его собственнымъ словамъ,—сталъ высказывать ему „слово въ пользу церкви и вѣры", внушать все „нужное къ вѣрѣ святой" и необходимость „нечаяннаго дѣйствія противъ враговъ тайныхъ". Бесѣда съ Фотіемъ произвела глубокое психическое воздѣйствіе на императора, бросившагося передъ архимандритомъ на колѣна, съ просьбою помолиться надъ нимъ, простить и разрѣшить его... „Азъ же,—разсказываетъ Фотій,—видя плодъ бесѣды моея съ царемъ, возложивъ руцѣ мои на главу цареву крестообразно, возводя умъ и сердце горѣ къ Богу, просилъ, да снидетъ благодать Христова на него, да проститъ вся прегрѣшенія царю и исполнитъ умъ и сердце его сотворити волю Господню во славѣ, въ дѣлѣ святой церкви и вѣры, сокрушить силы вражіи вскорѣ... И по семъ,—продолжаетъ архимандритъ,—знаменовавъ главу цареву и лицо, руки мои отнялъ; царь же поклонился мнѣ въ ноги, принялъ благословеніе, цѣловалъ десницу мою, весьма благодаря, просилъ въ молитвѣ поминать, благословеніе посылать, и проводилъ самъ меня изъ дверей". Результаты этой необычайной аудіенціи не преминули сказаться: Фотію былъ всемилостивѣйше пожалованъ алмазный крестъ, 1-го августа 1822-го года воспослѣдовалъ извѣстный высочайшій рескриптъ о запрещеніи всѣхъ „тайныхъ обществъ", а въ концѣ того же мѣсяца Фотій былъ назначенъ настоятелемъ новгородскаго первокласснаго Юрьевскаго монастыря—назначеніе, сблизившее его съ временщикомъ того времени, знаменитымъ грузинскимъ вотчинникомъ и царскимъ другомъ, графомъ Аракчеевымъ. Передъ выѣздомъ своимъ на мѣсто новаго служенія, Фотій имѣлъ аудіенцію и у вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны, во время которой онъ уже не обинуясь велъ рѣчь „о князѣ Голицинѣ и прочихъ врагахъ вѣры, сынахъ беззаконія".

Трудно сказать, удалась ли бы архимандриту Фотію, хотя бы и въ союзѣ съ митрополитомъ Серафимомъ и графинею Орловою-Чесменскою, задуманная имъ борьба съ княземъ Голицинымъ, если бы въ дѣло не вмѣшался всесильный графъ А. А. Аракчеевъ, въ прямыхъ интересахъ котораго было сломить вліяніе при императорѣ Александрѣ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Аракчеевъ не выносилъ соперниковъ своему авторитету въ дѣлахъ внутренней политики и безпощадное чувство ревности возбуждала въ немъ близость къ престолу тѣхъ или иныхъ государственныхъ дѣятелей, рѣшавшихся самостоятельно возвышать голосъ, не всегда шедшій въ унисонъ съ умовоззрѣніемъ властнаго временщика и царскаго друга. На этой почвѣ устранены были съ

политической арены министръ финансовъ графъ Д. А. Гурьевъ, военный министръ князь П. М. Волконскій,—дошла очередь и до князя А. Н. Голицина. Если съ двумя первыми соперниками грузинскій магнатъ совладалъ сравнительно легко, то болѣе трудною выступала передъ нимъ борьба съ княземъ Голицинымъ, какъ по расположенію къ нему государя, скрѣпленному одинаковымъ религіознымъ направленіемъ, такъ и потому, что „части народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ были для Аракчеева,—какъ замѣчаетъ В. И. Панаевъ,—terra incognita, области совершенно неизвѣстныя". Графу Аракчееву представилось въ данномъ случаѣ самымъ удобнымъ и практичнымъ стать во главѣ интриги, уже предпринятой противъ Голицина архимандритомъ Фотіемъ и митрополитомъ Серафимомъ. Аракчеевъ такъ и поступилъ, и пребываніе Фотія въ теченіи всего 1823-го года въ Юрьевскомъ монастырѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ резиденціею временщика, знаменитымъ селомъ Грузинымъ, не прошли, конечно, безплодно для выработки общаго плана предстоявшей кампаніи. Началось дѣло съ „откровеннаго видѣнія", бывшаго архимандриту въ самомъ началѣ 1824-го года и описаннаго имъ въ своей автобіографіи. Въ этомъ видѣніи Фотій велъ съ царемъ бесѣду, во время которой, „обнявъ его за шею, на ухо тихо повѣдалъ ему кого, гдѣ, отъ кого и колико вѣра Христова и церковь православная обидима есть,—царь же, пріявъ все реченное, далъ маніемъ Фотію вѣдать, что, сколько возможно и успѣетъ, всячески постарается исправить все нужное для церкви, свой стыдъ тѣмъ прикрыть и болѣзнь исцѣлить, въ тайнѣ содѣянную безъ умысла злого, по невѣдѣнію и соблазну другихъ". Вскорѣ послѣ этого „видѣнія", въ обстановкѣ котораго съ совершенною ясностью обрисовывается ходъ противъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и которое не осталось, конечно, тайною для графа Аракчеева, архимандритъ Фотій былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ поселился у графини Орловой-Чесменской, домъ которой и становится штабъ-квартирою всего похода противъ князя Голицина,—похода уже рѣшительнаго, такъ какъ нити его оказались теперь въ мощныхъ рукахъ Аракчеева.

Въ началѣ 1824-го года въ организаціи интриги противъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія обнаруживается новый фактъ, которымъ устанавливается уже непосредственная связь аракчеевскаго заговора съ предметомъ нашего текущаго повѣствованія: къ этому заговору, забывъ всѣ благодѣянія „отогрѣвшаго его у сердца своего отъ невзгодъ" и теперь преслѣдуемаго интригою князя А. Н. Голицина—открыто примыкаетъ попечитель казанскаго учебнаго

политической арены министръ финансовъ графъ Д. А. Гурьевъ, военный министръ князь П. М. Волконскій,—дошла очередь и до князя А. Н. Голицина. Если съ двумя первыми соперниками грузинскій магнатъ совладалъ сравнительно легко, то болѣе трудною выступала передъ нимъ борьба съ княземъ Голицинымъ, какъ по расположенію къ нему государя, скрѣпленному одинаковымъ религіознымъ направленіемъ, такъ и потому, что „части народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ были для Аракчеева,—какъ замѣчаетъ В. И. Панаевъ,—terra incognita, области совершенно неизвѣстныя". Графу Аракчееву представилось въ данномъ случаѣ самымъ удобнымъ и практичнымъ стать во главѣ интриги, уже предпринятой противъ Голицина архимандритомъ Фотіемъ и митрополитомъ Серафимомъ. Аракчеевъ такъ и поступилъ, и пребываніе Фотія въ теченіи всего 1823-го года въ Юрьевскомъ монастырѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ резиденціею временщика, знаменитымъ селомъ Грузинымъ, не прошли, конечно, безплодно для выработки общаго плана предстоявшей кампаніи. Началось дѣло съ „откровеннаго видѣнія", бывшаго архимандриту въ самомъ началѣ 1824-го года и описаннаго имъ въ своей автобіографіи. Въ этомъ видѣніи Фотій велъ съ царемъ бесѣду, во время которой, „обнявъ его за шею, на ухо тихо повѣдалъ ему кого, гдѣ, отъ кого и колико вѣра Христова и церковь православная обидима есть,—царь же, пріявъ все реченное, далъ маніемъ Фотію вѣдать, что, сколько возможно и успѣетъ, всячески постарается исправить все нужное для церкви, свой стыдъ тѣмъ прикрыть и болѣзнь исцѣлить, въ тайнѣ содѣянную безъ умысла злого, по невѣдѣнію и соблазну другихъ". Вскорѣ послѣ этого „видѣнія", въ обстановкѣ котораго съ совершенною ясностью обрисовывается ходъ противъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и которое не осталось, конечно, тайною для графа Аракчеева, архимандритъ Фотій былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ поселился у графини Орловой-Чесменской, домъ которой и становится штабъ-квартирою всего похода противъ князя Голицина,—похода уже рѣшительнаго, такъ какъ нити его оказались теперь въ мощныхъ рукахъ Аракчеева.

Въ началѣ 1824-го года въ организаціи интриги противъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія обнаруживается новый фактъ, которымъ устанавливается уже непосредственная связь аракчеевскаго заговора съ предметомъ нашего текущаго повѣствованія: къ этому заговору, забывъ всѣ благодѣянія „отогрѣвшаго его у сердца своего отъ невзгодъ" и теперь преслѣдуемаго интригою князя А. Н. Голицина—открыто примыкаетъ попечитель казанскаго учебнаго

округа М. Л. Магницкій, неблагодарностью своею удивившій всѣхъ современниковъ, которые съ единодушнымъ негодованіемъ останавливаются на этой новой измѣнѣ казанскаго попечителя. Побужденія, руководившія измѣною, не представляютъ собою ничего загадочнаго: Магницкій былъ слишкомъ уменъ и дальновиденъ, что бы не усмотрѣть быстро развивающагося въ петербургскихъ руководящихъ сферахъ новаго вѣянія, въ результатѣ котораго должно было послѣдовать паденіе князя Голицина, безсильнаго тягаться съ болѣе нежели когда либо могущественнымъ въ ту пору „грузинскимъ отшельникомъ“ и царскимъ другомъ. Понялъ казанскій попечитель и необходимость гарантировать за собою, при зарождающемся новомъ положеніи вещей, прежнюю твердую позицію, а это, въ свою очередь, заставляло его „искать“ передъ графомъ Аракчеевымъ и, отрекшись отъ князя Голицина, открыто вступить въ ряды его противниковъ; цѣлесообразнымъ явилось въ глазахъ Магницкаго и своевременно польстить грузинскому временщику—и вотъ въ февралѣ того же года весьма кстати подоспѣваетъ избраніе казанскимъ университетомъ графа Аракчеева въ число своихъ почетныхъ членовъ *...

Когда именно произошло первое сближеніе между Магницкимъ и архимандритомъ Фотіемъ, въ рукахъ котораго сосредоточивались главныя пружины заговора—остается неизвѣстнымъ, хотя едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что это сближеніе послѣдовало въ началѣ 1824-го года, слѣдомъ за прибытіемъ юрьевскаго архимандрита въ столицу. По свидѣтельству біографа Фотія Е. П. Карновича, именно Фотій „отвратилъ“ казанскаго попечителя отъ россійскаго библейскаго общества, дѣлу котораго тотъ отдавался раньше съ такою, уже знакомою намъ, фанатическою преданностью; на процессъ этого „отвращенія“ требовалось, конечно, время,—а между тѣмъ Магницкій уже весною того же года открыто возвѣстилъ свое извѣстное „торжественное отреченіе отъ всѣхъ богопротивныхъ дѣйствій“ библейскаго общества и „совершенное отъ онаго увольненіе“ (см. выше стр. 369—370).

Какъ бы то ни было, но первое свиданіе между Магницкимъ и Фотіемъ произошло, по свидѣтельству А. С. Стурдзы, въ домѣ и при участіи въ дѣлѣ графини Орловой-Чесменской, находившейся въ числѣ присутствовавшихъ при этомъ дамъ высшаго петербургскаго обще-

* Здѣсь не лишнимъ явится вспомнить, что отношенія между Аракчеевымъ и Магницкимъ установились еще въ 1816-мъ году, такъ какъ при непосредственномъ участіи въ томъ Аракчеева произошла реабилитація будущаго казанскаго попечителя послѣ его вологодскаго изгнанія (см. томъ III настоящаго труда, стр. 270—271).

округа М. Л. Магницкій, неблагодарностью своею удивившій всѣхъ современниковъ, которые съ единодушнымъ негодованіемъ останавливаются на этой новой измѣнѣ казанскаго попечителя. Побужденія, руководившія измѣною, не представляютъ собою ничего загадочнаго: Магницкій былъ слишкомъ уменъ и дальновиденъ, что бы не усмотрѣть быстро развивающагося въ петербургскихъ руководящихъ сферахъ новаго вѣянія, въ результатѣ котораго должно было послѣдовать паденіе князя Голицина, безсильнаго тягаться съ болѣе нежели когда либо могущественнымъ въ ту пору „грузинскимъ отшельникомъ" и царскимъ другомъ. Понялъ казанскій попечитель и необходимость гарантировать за собою, при зарождающемся новомъ положеніи вещей, прежнюю твердую позицію, а это, въ свою очередь, заставляло его „искать" передъ графомъ Аракчеевымъ и, отрекшись отъ князя Голицина, открыто вступить въ ряды его противниковъ; цѣлесообразнымъ явилось въ глазахъ Магницкаго и своевременно польстить грузинскому временщику—и вотъ въ февралѣ того же года весьма кстати подоспѣваетъ избраніе казанскимъ университетомъ графа Аракчеева въ число своихъ почетныхъ членовъ *...

Когда именно произошло первое сближеніе между Магницкимъ и архимандритомъ Фотіемъ, въ рукахъ котораго сосредоточивались главныя пружины заговора—остается неизвѣстнымъ, хотя едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что это сближеніе послѣдовало въ началѣ 1824-го года, слѣдомъ за прибытіемъ юрьевскаго архимандрита въ столицу. По свидѣтельству біографа Фотія Е. П. Карновича, именно Фотій „отвратилъ" казанскаго попечителя отъ россійскаго библейскаго общества, дѣлу котораго тотъ отдавался раньше съ такою, уже знакомою намъ, фанатическою преданностью; на процессъ этого „отвращенія" требовалось, конечно, время,—а между тѣмъ Магницкій уже весною того же года открыто возвѣстилъ свое извѣстное „торжественное отреченіе отъ всѣхъ богопротивныхъ дѣйствій" библейскаго общества и „совершенное отъ онаго увольненіе" (см. выше стр. 369—370).

Какъ бы то ни было, но первое свиданіе между Магницкимъ и Фотіемъ произошло, по свидѣтельству А. С. Стурдзы, въ домѣ и при участіи въ дѣлѣ графини Орловой-Чесменской, находившейся въ числѣ присутствовавшихъ при этомъ дамъ высшаго петербургскаго обще-

* Здѣсь не лишнимъ явится вспомнить, что отношенія между Аракчеевымъ и Магницкимъ установились еще въ 1816-мъ году, такъ какъ при непосредственномъ участіи въ томъ Аракчеева произошла реабилитація будущаго казанскаго попечителя послѣ его вологодскаго изгнанія (см. томъ III настоящаго труда, стр. 270—271).

ства. Самое свиданіе было обставлено крайне загадочнымъ ритуаломъ, напоминавшимъ собою какъ разъ тѣ самыя мистическія вѣянія, противъ которыхъ ополчались теперь противники князя Голицина: „Фотій, держа въ рукахъ двѣ восковыя свѣчи, съ нѣмою торжественностью встрѣтилъ Магницкаго и провожалъ его до приготовленныхъ особо креселъ. Фотій сѣлъ возлѣ Магницкаго и молчалъ нѣсколько минутъ; потомъ схватилъ стоявшій на столѣ колокольчикъ и принялся звонить изо всей силы (?), не говоря, впрочемъ, ни одного слова. Оба они, то есть Фотій и Магницкій, только помѣнялись взглядами въ знакъ взаимнаго согласія и—негласный союзъ былъ между ними заключенъ". „Послѣ этой встрѣчи,—добавляетъ Стурдза,—Магницкій началъ дѣйствовать уже открыто противъ того министерства, въ которомъ занималъ почетное мѣсто, поступая такимъ образомъ въ угоду Аракчееву".

Заговоръ противъ князя Голицина и измѣна Магницкаго не могли долго оставаться тайною и уже въ половинѣ марта 1824-го года въ Петербургѣ открыто говорили о томъ. „Въ мартѣ мѣсяцѣ, за недѣлю до праздника Пасхи, возвратился я въ Петербургъ (изъ Казани),—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ В. И. Панаевъ.—Въ тотъ же вечеръ пришелъ ко мнѣ И. И. Ястребцовъ и съ безпокойствомъ сообщилъ мнѣ, что противъ князя Голицина существуетъ заговоръ, составленный четырьмя лицами *, что они ожидаютъ только выхода въ свѣтъ печатающейся книги пастора Госнера, переведенной, по желанію князя, въ нѣсколько рукъ подъ наблюденіемъ какого то старичка, статскаго совѣтника Брискорна, что бы начать дѣйствовать открыто и что довѣрчивый князь, повидимому, не подозрѣваетъ угрожающей ему опасности; мы долго съ горемъ объ этомъ толковали",—добавляетъ авторъ воспоминаній. Доходили вѣсти о петербургскихъ похожденіяхъ Магницкаго и до далекой Казани: „Стали приходить изъ Петербурга и разноситься у насъ вѣсти, что Магницкій отшатнулся отъ бывшаго своего покровителя князя А. Н. Голицина и, вмѣстѣ съ графомъ Аракчеевымъ, подъ крыло котораго перебѣжалъ, началъ дѣйствовать противъ него разными интригами",—свидѣтельствуетъ И. И. Лажечниковъ. Нашъ романистъ высказываетъ при этомъ предположеніе, что Магницкій, „подъ покровомъ господствовавшей тогда силы (т. е. Аракчеева), стремился на мѣсто другой, колеблющейся,—честолюбіе ослѣпляло его!" Въ скрытомъ намѣреніи занять, пользуясь покровительствомъ Аракчеева, постъ министра народнаго просвѣщенія—обвиняли казанскаго попечителя и В. И. Панаевъ, и А. В. Никитенко.

* Т. е.—гр. Аракчеевъ, митрополитъ Серафимъ, архим. Фотій и Магницкій.

ства. Самое свиданіе было обставлено крайне загадочнымъ ритуаломъ, напоминавшимъ собою какъ разъ тѣ самыя мистическія вѣянія, противъ которыхъ ополчались теперь противники князя Голицина: „Фотій, держа въ рукахъ двѣ восковыя свѣчи, съ нѣмою торжественностью встрѣтилъ Магницкаго и провожалъ его до приготовленныхъ особо креселъ. Фотій сѣлъ возлѣ Магницкаго и молчалъ нѣсколько минутъ; потомъ схватилъ стоявшій на столѣ колокольчикъ и принялся звонить изо всей силы (?), не говоря, впрочемъ, ни одного слова. Оба они, то есть Фотій и Магницкій, только помѣнялись взглядами въ знакъ взаимнаго согласія и—негласный союзъ былъ между ними заключенъ". „Послѣ этой встрѣчи,—добавляетъ Стурдза,—Магницкій началъ дѣйствовать уже открыто противъ того министерства, въ которомъ занималъ почетное мѣсто, поступая такимъ образомъ въ угоду Аракчееву".

Заговоръ противъ князя Голицина и измѣна Магницкаго не могли долго оставаться тайною и уже въ половинѣ марта 1824-го года въ Петербургѣ открыто говорили о томъ. „Въ мартѣ мѣсяцѣ, за недѣлю до праздника Пасхи, возвратился я въ Петербургъ (изъ Казани),—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ В. И. Панаевъ.—Въ тотъ же вечеръ пришелъ ко мнѣ И. И. Ястребцовъ и съ безпокойствомъ сообщилъ мнѣ, что противъ князя Голицина существуетъ заговоръ, составленный четырьмя лицами *, что они ожидаютъ только выхода въ свѣтъ печатающейся книги пастора Госнера, переведенной, по желанію князя, въ нѣсколько рукъ подъ наблюденіемъ какого то старичка, статскаго совѣтника Брискорна, что бы начать дѣйствовать открыто и что довѣрчивый князь, повидимому, не подозрѣваетъ угрожающей ему опасности; мы долго съ горемъ объ этомъ толковали",—добавляетъ авторъ воспоминаній. Доходили вѣсти о петербургскихъ похожденіяхъ Магницкаго и до далекой Казани: „Стали приходить изъ Петербурга и разноситься у насъ вѣсти, что Магницкій отшатнулся отъ бывшаго своего покровителя князя А. Н. Голицина и, вмѣстѣ съ графомъ Аракчеевымъ, подъ крыло котораго перебѣжалъ, началъ дѣйствовать противъ него разными интригами",—свидѣтельствуетъ И. И. Лажечниковъ. Нашъ романистъ высказываетъ при этомъ предположеніе, что Магницкій, „подъ покровомъ господствовавшей тогда силы (т. е. Аракчеева), стремился на мѣсто другой, колеблющейся,—честолюбіе ослѣпляло его!" Въ скрытомъ намѣреніи занять, пользуясь покровительствомъ Аракчеева, постъ министра народнаго просвѣщенія—обвиняли казанскаго попечителя и В. И. Панаевъ, и А. В. Никитенко.

* Т. е.—гр. Аракчеевъ, митрополитъ Серафимъ, архим. Фотій и Магницкій.

Въ только что приведенной нами цитатѣ изъ воспоминаній В. И. Панаева читатели встрѣтили упоминаніе о книгѣ пастора Госнера, какъ крупномъ козырѣ въ рукахъ противниковъ князя А. Н. Голицина. На инцидентѣ съ этимъ злосчастнымъ переводомъ, сыгравшимъ видную роль въ дѣлѣ паденія князя, мы и должны будемъ остановиться нѣсколько подробнѣе. Мы уже говорили выше о пребываніи (въ 1823-мъ году) въ Петербургѣ ученаго баварскаго теолога Госнера, явившагося въ русскую столицу съ проповѣдью идеи созданія единой и нераздѣльной христіанской церкви и поученія котораго привлекали къ себѣ самые широкіе круги петербургскаго общества, съ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія княземъ Голицинымъ во главѣ; въ числѣ почитателей пріѣзжаго проповѣдника состоялъ, въ то время, и казанскій попечитель Магницкій. Увлеченный проповѣдями Госнера, князь Голицинъ задумалъ издать въ русскомъ переводѣ его сочиненіе „Толкованіе евангелія отъ Матѳея", причемъ трудъ этого перевода, подъ общимъ руководствомъ статскаго совѣтника Брискорна, былъ распредѣленъ между нѣсколькими лицами, среди которыхъ оказался и проживавшій въ то время въ столицѣ нашъ старинный знакомецъ—бывшій казанскій „профессоръ-директоръ и кавалеръ" И. Ѳ. Яковкинъ, вынужденный принять на себя эту работу „изъ бѣдности", какъ онъ самъ признавался въ этомъ В. И. Панаеву. Между тѣмъ наступило начало 1824-го года и въ домѣ графини Орловой-Чесменской уже вполнѣ зрѣлъ заговоръ противъ князя А. Н. Голицина, къ которому примкнулъ и казанскій попечитель. Намъ слишкомъ хорошо знакомы обличительно-сыскныя способности Магницкаго по части искорененія книгъ, представлявшихся ему зловредными, а потому въ глазахъ нашихъ и явится вполнѣ естественнымъ замыселъ его воспользоваться издательскою затѣею князя Голицина съ тѣмъ, что бы уличить своего бывшаго благодѣтеля не больше, не меньше, какъ – въ религіозной неблагонамѣренности. Съ этою цѣлью Магницкій началъ распространять толки и будто бы сдѣлалъ даже доносъ въ томъ смыслѣ, что „князь Голицинъ—покровительствуетъ безбожникамъ и злодѣямъ", что онъ— „врагъ православія и дозволяетъ къ печатанію книги, колеблющія самыя основы христіанства, какова именно книга Госнера, печатаемая въ типографіи Греча". На этомъ дѣло, однако, не остановилось. По порученію Магницкаго, какой то коллежскій ассесоръ Платоновъ тайно скупалъ у рабочихъ типографіи Греча оттиснутые листы книги Госнера, платя за это „по гривеннику" съ листа, а затѣмъ книга, еще до выхода ея въ свѣтъ, была переплетена и съ надлежащими комментаріями препровождена Маг-

Въ только что приведенной нами цитатѣ изъ воспоминаній В. И. Панаева читатели встрѣтили упоминаніе о книгѣ пастора Госнера, какъ крупномъ козырѣ въ рукахъ противниковъ князя А. Н. Голицина. На инцидентѣ съ этимъ злосчастнымъ переводомъ, сыгравшимъ видную роль въ дѣлѣ паденія князя, мы и должны будемъ остановиться нѣсколько подробнѣе. Мы уже говорили выше о пребываніи (въ 1823-мъ году) въ Петербургѣ ученаго баварскаго теолога Госнера, явившагося въ русскую столицу съ проповѣдью идеи созданія единой и нераздѣльной христіанской церкви и поученія котораго привлекали къ себѣ самые широкіе круги петербургскаго общества, съ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія княземъ Голицинымъ во главѣ; въ числѣ почитателей пріѣзжаго проповѣдника состоялъ, въ то время, и казанскій попечитель Магницкій. Увлеченный проповѣдями Госнера, князь Голицинъ задумалъ издать въ русскомъ переводѣ его сочиненіе „Толкованіе евангелія отъ Матѳея“, причемъ трудъ этого перевода, подъ общимъ руководствомъ статскаго совѣтника Брискорна, былъ распредѣленъ между нѣсколькими лицами, среди которыхъ оказался и проживавшій въ то время въ столицѣ нашъ старинный знакомецъ—бывшій казанскій „профессоръ-директоръ и кавалеръ“ И. Ѳ. Яковкинъ, вынужденный принять на себя эту работу „изъ бѣдности“, какъ онъ самъ признавался въ этомъ В. И. Панаеву. Между тѣмъ наступило начало 1824-го года и въ домѣ графини Орловой-Чесменской уже вполнѣ зрѣлъ заговоръ противъ князя А. Н. Голицина, къ которому примкнулъ и казанскій попечитель. Намъ слишкомъ хорошо знакомы обличительно-сыскныя способности Магницкаго по части искорененія книгъ, представлявшихся ему зловредными, а потому въ глазахъ нашихъ и явится вполнѣ естественнымъ замыселъ его воспользоваться издательскою затѣею князя Голицина съ тѣмъ, что бы уличить своего бывшаго благодѣтеля не больше, не меньше, какъ – въ религіозной неблагонамѣренности. Съ этою цѣлью Магницкій началъ распространять толки и будто бы сдѣлалъ даже доносъ въ томъ смыслѣ, что „князь Голицинъ—покровительствуетъ безбожникамъ и злодѣямъ“, что онъ— „врагъ православія и дозволяетъ къ печатанію книги, колеблющія самыя основы христіанства, какова именно книга Госнера, печатаемая въ типографіи Греча“. На этомъ дѣло, однако, не остановилось. По порученію Магницкаго, какой то коллежскій ассесоръ Платоновъ тайно скупалъ у рабочихъ типографіи Греча оттиснутые листы книги Госнера, платя за это „по гривеннику“ съ листа, а затѣмъ книга, еще до выхода ея въ свѣтъ, была переплетена и съ надлежащими комментаріями препровождена Маг-

ницкимъ графу Аракчееву, а этимъ послѣднимъ—самому государю императору. Разсмотрѣніе перевода книги Госнера, присужденной, въ концѣ концовъ—къ „истребленію“, было поручено особой коммиссіи, въ которую вошелъ и адмиралъ А. С. Шишковъ, одинъ изъ противниковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, будущій преемникъ князя Голицина по министерству народнаго просвѣщенія,—на долю котораго также выпала активная роль въ дѣлѣ выполненія заговора графа Аракчеева и его ближайшихъ сообщниковъ.

Заручившись фактическимъ corpus'омъ delicti, представлявшимся ей въ книгѣ пастора Госнера, враждебная князю Голицину клика не стала терять времени и поспѣшно приступила къ дальнѣйшимъ наступательнымъ дѣйствіямъ. Застрѣльщиками выпущены были представители церковной іерархіи—митрополитъ Серафимъ и архимандритъ Фотій. 17-го апрѣля 1824 года петербургскій митрополитъ имѣлъ у государя продолжительную вечернюю аудіенцію, посвященную бесѣдѣ о дѣлахъ вѣры и церкви, а тремя днями позже, 20-го апрѣля, принятъ былъ императоромъ Александромъ и архимандритъ Фотій. Эта послѣдняя аудіенція, длившаяся цѣлыхъ три часа, была обставлена самымъ таинственнымъ образомъ: архимандрита ввели въ покои государя и затѣмъ вывели изъ нихъ секретно, потайною лѣстницею—„дабы сіе не было всѣмъ гласно“, поясняетъ самъ Фотій. По свидѣтельству юрьевскаго архимандрита, бесѣда его и на этотъ разъ произвела на императора потрясающее впечатлѣніе. Провозгласивъ Фотія „святымъ ангеломъ, посланнымъ ему съ небесъ возвѣстить всякую правду и истину“, Александръ далъ обѣтъ „исправить всѣ дѣла и святую волю творить“ и несказанно обрадовалъ своего собесѣдника, давъ ему порученіе „написать, для совершенія намѣренія въ дѣло, планъ о всемъ“. „Это то,—по словамъ его біографа,—и нужно было Фотію, который обѣщалъ вскорѣ написать и представить нѣчто“.

Нѣсколькими днями спустя къ митрополиту Серафиму, всецѣло посвященному, само собою разумѣется, въ подробности бесѣды Фотія съ императоромъ, явился отъ имени императора Александра самъ графъ Аракчеевъ, съ порученіями примирительнаго, повидимому, характера, въ отвѣтъ на которыя митрополитъ, сбросивъ съ себя бѣлый клобукъ, просилъ передать государю, что „скорѣе откажется отъ сана, чѣмъ помирится съ княземъ Голицинымъ, съ которымъ не можетъ служить, какъ съ явнымъ клятвеннымъ врагомъ церкви и государства“. Между тѣмъ Фотій, пользуясь разрѣшеніемъ императора на письмѣ представить ему „нѣчто“, направилъ по адресу монарха цѣлый рядъ посланій, въ которыхъ дакладывалъ царю, что „онъ молился Господу Богу и что ему открыто,

ницкимъ графу Аракчееву, а этимъ послѣднимъ—самому государю императору. Разсмотрѣніе перевода книги Госнера, присужденной, въ концѣ концовъ—къ „истребленію", было поручено особой коммиссіи, въ которую вошелъ и адмиралъ А. С. Шишковъ, одинъ изъ противниковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, будущій преемникъ князя Голицина по министерству народнаго просвѣщенія,—на долю котораго также выпала активная роль въ дѣлѣ выполненія заговора графа Аракчеева и его ближайшихъ сообщниковъ.

Заручившись фактическимъ corpus'омъ delicti, представлявшимся ей въ книгѣ пастора Госнера, враждебная князю Голицину клика не стала терять времени и поспѣшно приступила къ дальнѣйшимъ наступательнымъ дѣйствіямъ. Застрѣльщиками выпущены были представители церковной іерархіи—митрополитъ Серафимъ и архимандритъ Фотій. 17-го апрѣля 1824 года петербургскій митрополитъ имѣлъ у государя продолжительную вечернюю аудіенцію, посвященную бесѣдѣ о дѣлахъ вѣры и церкви, а тремя днями позже, 20-го апрѣля, принятъ былъ императоромъ Александромъ и архимандритъ Фотій. Эта послѣдняя аудіенція, длившаяся цѣлыхъ три часа, была обставлена самымъ таинственнымъ образомъ: архимандрита ввели въ покои государя и затѣмъ вывели изъ нихъ секретно, потайною лѣстницею—„дабы сіе не было всѣмъ гласно", поясняетъ самъ Фотій. По свидѣтельству юрьевскаго архимандрита, бесѣда его и на этотъ разъ произвела на императора потрясающее впечатлѣніе. Провозгласивъ Фотія „святымъ ангеломъ, посланнымъ ему съ небесъ возвѣстить всякую правду и истину", Александръ далъ обѣтъ „исправить всѣ дѣла и святую волю творить" и несказанно обрадовалъ своего собесѣдника, давъ ему порученіе „написать, для совершенія намѣренія въ дѣло, планъ о всемъ". „Это то,—по словамъ его біографа,—и нужно было Фотію, который обѣщалъ вскорѣ написать и представить нѣчто".

Нѣсколькими днями спустя къ митрополиту Серафиму, всецѣло посвященному, само собою разумѣется, въ подробности бесѣды Фотія съ императоромъ, явился отъ имени императора Александра самъ графъ Аракчеевъ, съ порученіями примирительнаго, повидимому, характера, въ отвѣтъ на которыя митрополитъ, сбросивъ съ себя бѣлый клобукъ, просилъ передать государю, что „скорѣе откажется отъ сана, чѣмъ помирится съ княземъ Голицинымъ, съ которымъ не можетъ служить, какъ съ явнымъ клятвеннымъ врагомъ церкви и государства". Между тѣмъ Фотій, пользуясь разрѣшеніемъ императора на письмѣ представить ему „нѣчто", направилъ по адресу монарха цѣлый рядъ посланій, въ которыхъ докладывалъ царю, что „онъ молился Господу Богу и что ему открыто,

что нужно дѣлать“ и что, прежде всего, ему свыше преподано уничтоженіе министерства духовныхъ дѣлъ и библейскаго общества. Одно изъ этихъ посланій заканчивалось, даже, сопоставленіемъ князя Голицина съ слишкомъ тяжело памятнымъ императору Александру Наполеономъ: „Повелѣніе Божіе я извѣстилъ, исполнить же въ тебѣ состоитъ, съ тобою духъ премудрости, силы, державы и власти,—писалъ Фотій императору отъ 29-го апрѣля.—Отъ 1812-го года до сего 1824-го—ровно двѣнадцать лѣтъ; Богъ побѣдилъ видимаго Наполеона, вторгшагося въ Россію, да побѣдитъ Онъ и духовнаго Наполеона (т. е. князя Голицина), коего можешь ты, Господу содѣйствующу, побѣдить въ три минуты чертою пера“... Почти одновременно отправилъ Фотій посланіе и къ князю Голицину,—посланіе, въ которомъ уже звучитъ торжествующая нота побѣдителя: „Знай,—писалъ архимандритъ министру,—что я, по власти мнѣ данной, твой наставникъ и отецъ, а ты мнѣ—сынъ... Я—Божій слуга; подыми же ты руки на меня и узришь, что или земля пожретъ васъ вскорѣ, или гнѣвъ Божій постигнетъ“.

Вскорѣ послѣ описанныхъ событій разыгралось дикое, почти невѣроятное по фанатизму, происшествіе, давшее уже непосредственный толчокъ паденію власти князя Голицина: юрьевскій архимандритъ открыто предалъ министра духовныхъ дѣлъ—анаѳемѣ. Произошло это въ домѣ графини Орловой-Чесменской, куда князь Голицинъ пріѣхалъ лично переговорить съ архимандритомъ. Началось дѣло съ того, что Фотій отказалъ князю въ благословеніи: „Въ книгѣ Таинство Креста подъ надзоромъ твоимъ напечатано, что духовенство есть—звѣрь, т. е. антихристовъ помощникъ, а я, Фотій, изъ числа духовенства, іерей Божій, а потому благословить тебя не хочу, да и тебѣ этого не нужно“. Послѣдовавшій за тѣмъ разговоръ принялъ настолько острый характеръ, что, по свидѣтельству самого Фотія—„князь, возненстовавъ, побѣжалъ вонъ во гнѣвѣ и ярости, яко лишенъ ума“, изступленный же фанатикъ закричалъ ему вслѣдъ: „Ежели ты не покаешься и вси съ тобою не обратятся—анаѳема всѣмъ! Ты же, яко вождь нечестія—не узришь Бога, не внидешь въ царствіе Христово, а снидешь во адъ и вси съ тобою погибнутъ во вѣки! Аминь!“... Отсутствовавшая графиня пришла въ ужасъ, узнавъ о розыгравшейся между ея духовнымъ отцомъ и княземъ сценѣ. Впавшій же въ экстазъ изувѣръ ликовалъ и,—„скача и радуяся“,—воспѣвалъ: „Съ нами Богъ!“

Вѣсть о происшествіи въ домѣ графини Орловой-Чесменской быстро сдѣлалась достояніемъ городскихъ толковъ, вызывая во всѣхъ кружкахъ

что нужно дѣлать" и что, прежде всего, ему свыше преподано уничтоженіе министерства духовныхъ дѣлъ и библейскаго общества. Одно изъ этихъ посланій заканчивалось, даже, сопоставленіемъ князя Голицина съ слишкомъ тяжело памятнымъ императору Александру Наполеономъ: „Повелѣніе Божіе я извѣстилъ, исполнить же въ тебѣ состоитъ, съ тобою духъ премудрости, силы, державы и власти,—писалъ Фотій императору отъ 29-го апрѣля.—Отъ 1812-го года до сего 1824-го—ровно двѣнадцать лѣтъ; Богъ побѣдилъ видимаго Наполеона, вторгшагося въ Россію, да побѣдитъ Онъ и духовнаго Наполеона (т. е. князя Голицина), коего можешь ты, Господу содѣйствующу, побѣдить въ три минуты чертою пера"... Почти одновременно отправилъ Фотій посланіе и къ князю Голицину,—посланіе, въ которомъ уже звучитъ торжествующая нота побѣдителя: „Знай,—писалъ архимандритъ министру,—что я, по власти мнѣ данной, твой наставникъ и отецъ, а ты мнѣ—сынъ... Я—Божій слуга; подыми же ты руки на меня и узришь, что или земля пожретъ васъ вскорѣ, или гнѣвъ Божій постигнетъ".

Вскорѣ послѣ описанныхъ событій разыгралось дикое, почти невѣроятное по фанатизму, происшествіе, давшее уже непосредственный толчокъ паденію власти князя Голицина: юрьевскій архимандритъ открыто предалъ министра духовныхъ дѣлъ—анаѳемѣ. Произошло это въ домѣ графини Орловой-Чесменской, куда князь Голицинъ пріѣхалъ лично переговорить съ архимандритомъ. Началось дѣло съ того, что Фотій отказалъ князю въ благословеніи: „Въ книгѣ Таинство Креста подъ надзоромъ твоимъ напечатано, что духовенство есть—звѣрь, т. е. антихристовъ помощникъ, а я, Фотій, изъ числа духовенства, іерей Божій, а потому благословить тебя не хочу, да и тебѣ этого не нужно". Послѣдовавшій за тѣмъ разговоръ принялъ настолько острый характеръ, что, по свидѣтельству самого Фотія—„князь, возneистовавъ, побѣжалъ вонъ во гнѣвѣ и ярости, яко лишенъ ума", изступленный же фанатикъ закричалъ ему вслѣдъ: „Ежели ты не покаешься и вси съ тобою не обратятся—анаѳема всѣмъ! Ты же, яко вождь нечестія—не узришь Бога, не внидешь въ царствіе Христово, а снидешь во адъ и вси съ тобою погибнутъ во вѣки! Аминь!"... Отсутствовавшая графиня пришла въ ужасъ, узнавъ о розыгравшейся между ея духовнымъ отцомъ и княземъ сценѣ. Впавшій же въ экстазъ изувѣръ ликовалъ и,—„скача и радуяся",—воспѣвалъ: „Съ нами Богъ!"

Вѣсть о происшествіи въ домѣ графини Орловой-Чесменской быстро сдѣлалась достояніемъ городскихъ толковъ, вызывая во всѣхъ кружкахъ

столицы чрезвычайную сенсацію. Преданный „анаѳемѣ“ министръ почелъ себя нравственно вынужденнымъ просить государя освободить его отъ занимаемыхъ должностей и 15-го мая 1824 года воспослѣдовалъ высочайшій указъ объ увольненіи князя А. Н. Голицына какъ отъ званій министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, такъ и отъ предсѣдательствованія въ россійскомъ библейскомъ обществѣ. Юрьевскій архимандритъ скромно приписывалъ успѣхъ борьбы съ павшимъ министромъ графу А. А. Аракчееву, который, по словамъ Фотія—„явился, рабъ Божій, за святую вѣру и церковь яко Георгій Побѣдоносецъ“ [250].

Такъ пала власть князя А. Н. Голицына, годы министерства котораго печально ознаменованы въ исторіи русскаго просвѣщенія неслыханнымъ реакціоннымъ обскурантизмомъ, открывавшимъ широкій просторъ разрушительной дѣятельности случайныхъ карьеристовъ, подобныхъ Магницкому и Руничу, а въ лѣтописяхъ минувшихъ судебъ русскаго высшаго образованія отмѣтившимъ послѣдніе шесть лѣтъ царствованія императора Александра I рядомъ скорбныхъ страницъ, какими особенно ярко запечатлѣна и интересующая насъ въ настоящее время „эпоха казанскаго попечительства Магницкаго“...

Что бы покончить съ исторіею паденія князя Голицына и съ тѣмъ участіемъ, какое выпало въ этомъ дѣлѣ на долю попечителя казанскаго учебнаго округа, намъ остается еще остановиться на самооправданіи въ прикосновенности къ этой интригѣ, изложенномъ Магницкимъ въ обширной „Запискѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника М. Л. Магницкаго о казанскомъ дѣлѣ“, составленной имъ въ сентябрѣ 1829-го года, во время подневольнаго пребыванія въ г. Ревелѣ. Разбирая здѣсь выдвигавшіяся противъ него обвиненія, Магницкій затрогиваетъ и свои отношенія къ петербургскимъ событіямъ 1824-го года, наивно выставляя себя не сообщникомъ, но лишь жертвою интриги, затѣянной Аракчеевымъ, Фотіемъ и графинею Орловою-Чесменскою:

„Перемѣна правленія (т. е. паденіе князя А. Н. Голицына) имѣла для меня самыя горестныя послѣдствія,—пишетъ Магницкій въ своей запискѣ.—Клевета всегда дѣйствовала противъ меня тайно и обвиненій ея никто положительно не объявлялъ мнѣ. Тѣ самые, которыхъ обличалъ я, обративъ на меня собственное мое оружіе, успѣли пронести самого меня лицемъ—опаснымъ, утверждая:

„1. Что, говоривъ и писавъ о вредномъ направленіи мнѣній своевольныхъ и возмутительныхъ—я вызвалъ, яко бы, бунтъ, заста-

столицы чрезвычайную сенсацію. Преданный „анаѳемѣ“ министръ почелъ себя нравственно вынужденнымъ просить государя освободить его отъ занимаемыхъ должностей и 15-го мая 1824 года воспослѣдовалъ высочайшій указъ объ увольненіи князя А. Н. Голицина какъ отъ званій министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, такъ и отъ предсѣдательствованія въ россійскомъ библейскомъ обществѣ. Юрьевскій архимандритъ скромно приписывалъ успѣхъ борьбы съ павшимъ министромъ графу А. А. Аракчееву, который, по словамъ Фотія—„явился, рабъ Божій, за святую вѣру и церковь яко Георгій Побѣдоносецъ“ [250].

Такъ пала власть князя А. Н. Голицина, годы министерства котораго печально ознаменованы въ исторіи русскаго просвѣщенія неслыханнымъ реакціоннымъ обскурантизмомъ, открывавшимъ широкій просторъ разрушительной дѣятельности случайныхъ карьеристовъ, подобныхъ Магницкому и Руничу, а въ лѣтописяхъ минувшихъ судебъ русскаго высшаго образованія отмѣтившимъ послѣдніе шесть лѣтъ царствованія императора Александра I рядомъ скорбныхъ страницъ, какими особенно ярко запечатлѣна и интересующая насъ въ настоящее время „эпоха казанскаго попечительства Магницкаго“...

Что бы покончить съ исторіею паденія князя Голицина и съ тѣмъ участіемъ, какое выпало въ этомъ дѣлѣ на долю попечителя казанскаго учебнаго округа, намъ остается еще остановиться на самооправданіи въ прикосновенности къ этой интригѣ, изложенномъ Магницкимъ въ обширной „Запискѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника М. Л. Магницкаго о казанскомъ дѣлѣ“, составленной имъ въ сентябрѣ 1829-го года, во время подневольнаго пребыванія въ г. Ревелѣ. Разбирая здѣсь выдвигавшіяся противъ него обвиненія, Магницкій затрогиваетъ и свои отношенія къ петербургскимъ событіямъ 1824-го года, наивно выставляя себя не сообщникомъ, но лишь жертвою интриги, затѣянной Аракчеевымъ, Фотіемъ и графинею Орловою-Чесменскою:

„Перемѣна правленія (т. е. паденіе князя А. Н. Голицина) имѣла для меня самыя горестныя послѣдствія,—пишетъ Магницкій въ своей запискѣ.—Клевета всегда дѣйствовала противъ меня тайно и обвиненій ея никто положительно не объявлялъ мнѣ. Тѣ самые, которыхъ обличалъ я, обративъ на меня собственное мое оружіе, успѣли пронести самого меня лицемъ—опаснымъ, утверждая:

„1. Что, говоривъ и писавъ о вредномъ направленіи мнѣній своевольныхъ и возмутительныхъ—я вызвалъ, яко бы, бунтъ, заста-

Адмиралъ
Александръ Семеновичъ
Шишковъ,
министръ народнаго просвѣщенія.
(1754—1841)

Адмиралъ
Александръ Семеновичъ
Шишковъ,
министръ народнаго просвѣщенія.
(1754—1841)

вивъ напуганныхъ заговорщиковъ ускорить его *... Въ семъ смыслѣ,— иронизируетъ бывшій попечитель,—всего опаснѣе была бы полиція, которая предусмотрительными мѣрами своими должна ускорять всѣ преступленія.

2. Что я, затѣвая какія то интриги, искалъ въ ненавистномъ временщикѣ (т. е. графѣ Аракчеевѣ)... То, что называютъ—искательствомъ, было ничто иное, какъ взаимность за его благорасположеніе, еще съ 1815-го года и въ самыхъ важныхъ обстоятельствахъ жизни мнѣ оказываемое.

3. Что я входилъ въ духовную интригу—отъ келіи монаха (архим. Фотія) до кабинета придворной дамы (камеръ-фрейлины графини Орловой-Чесменской) простирающуюся. Пусть спросятъ перваго—чего стоило ему добиться (sic!) моего посѣщенія? Зналъ ли я, во время его дѣйствій, что онъ ихъ предпринимаетъ, и, узнавъ о нихъ вмѣстѣ съ публикою—одобрялъ ли я ненравственность оныхъ?...

Въ семъ дѣлѣ я служилъ плащомъ и былъ жертвою самаго низкаго коварства. Для сокрытія истинныхъ пружинъ интриги нужно было кого нибудь выставить наружу и,—чего лучше?,— человѣка, уже столькими врагами на ненависть обреченнаго. Вотъ почему, оглашая меня своимъ пріятелемъ, скрывали отъ меня всѣ дѣйствія, стыдясь низости своихъ способовъ и оскорбляясь моими на нихъ указаніями... Соглашаюсь лучше быть въ этомъ дѣлѣ грубо обманутымъ, нежели тонкимъ сообщникомъ.

Читатели по достоинству оцѣнятъ, безъ сомнѣнія, это своеобразное оправданіе бывшаго казанскаго попечителя, какъ въ свое время оцѣнилъ его и М. М. Поповъ, предавшій цитируемую нами „записку“ печати съ оговоркою въ томъ смыслѣ, что „здѣсь Магницкій говоритъ о сверженіи князя Голицина“ и что „участіе въ этомъ дѣлѣ Магницкаго видно и сквозь его оправданій“. Личина „угнетенной невинности“ являлась, впрочемъ, однимъ изъ излюбленныхъ пріемовъ, практиковавшихся Магницкимъ послѣ своего паденія [251].

Преемникомъ князя А. Н. Голицина на посту министра народнаго просвѣщенія явился маститый поборникъ „чистоты русскаго слова“ и президентъ россійской академіи, семидесятилѣтній адмиралъ Александръ Семеновичъ Шишковъ. Назначеніе его послѣдовало 15-го мая 1824

* Нѣсколько самоувѣренный намекъ Магницкаго на его вліяніе на петербургскія событія 14-го декабря 1825 года.

вивъ напуганныхъ заговорщиковъ ускорить его *... Въ семъ смыслѣ,— иронизируетъ бывшій попечитель,—всего опаснѣе была бы полиція, которая предусмотрительными мѣрами своими должна ускорять всѣ преступленія.

2. Что я, затѣвая какія то интриги, искалъ въ ненавистномъ временщикѣ (т. е. графѣ Аракчеевѣ)... То, что называютъ—искательствомъ, было ничто иное, какъ взаимность за его благорасположеніе, еще съ 1815-го года и въ самыхъ важныхъ обстоятельствахъ жизни мнѣ оказываемое.

3. Что я входилъ въ духовную интригу—отъ келіи монаха (архим. Фотія) до кабинета придворной дамы (камеръ-фрейлины графини Орловой-Чесменской) простирающуюся. Пусть спросятъ перваго—чего стоило ему добиться (sic!) моего посѣщенія? Зналъ ли я, во время его дѣйствій, что онъ ихъ предпринимаетъ, и, узнавъ о нихъ вмѣстѣ съ публикою—одобрялъ ли я ненравственность оныхъ?...

Въ семъ дѣлѣ я служилъ плащомъ и былъ жертвою самаго низкаго коварства. Для сокрытія истинныхъ пружинъ интриги нужно было кого нибудь выставить наружу и,—чего лучше?,— человѣка, уже столькими врагами на ненависть обреченнаго. Вотъ почему, оглашая меня своимъ пріятелемъ, скрывали отъ меня всѣ дѣйствія, стыдясь низости своихъ способовъ и оскорбляясь моими на нихъ указаніями... Соглашаюсь лучше быть въ этомъ дѣлѣ грубо обманутымъ, нежели тонкимъ сообщникомъ.

Читатели по достоинству оцѣнятъ, безъ сомнѣнія, это своеобразное оправданіе бывшаго казанскаго попечителя, какъ въ свое время оцѣнилъ его и М. М. Поповъ, предавшій цитируемую нами „записку" печати съ оговоркою въ томъ смыслѣ, что „здѣсь Магницкій говоритъ о сверженіи князя Голицина" и что „участіе въ этомъ дѣлѣ Магницкаго видно и сквозь его оправданій". Личина „угнетенной невинности" являлась, впрочемъ, однимъ изъ излюбленныхъ пріемовъ, практиковавшихся Магницкимъ послѣ своего паденія [251].

Преемникомъ князя А. Н. Голицина на посту министра народнаго просвѣщенія явился маститый поборникъ „чистоты русскаго слова" и президентъ россійской академіи, семидесятилѣтній адмиралъ Александръ Семеновичъ Шишковъ. Назначеніе его послѣдовало 15-го мая 1824

* Нѣсколько самоувѣренный намекъ Магницкаго на его вліяніе на петербургскія событія 14-го декабря 1825 года.

года,—слѣдовательно одновременно съ указомъ объ увольненіи его предмѣстника.

Назначеніе адмирала Шишкова, человѣка отъ природы мягкаго и добродушнаго, но уже утомленнаго жизнью и консерватора не только въ области русскаго слова, но и въ области своихъ политическихъ и общественныхъ умовоззрѣній, не могло сулить ввѣренному ему просвѣтительному вѣдомству дней болѣе свободнаго развитія сравнительно съ тѣми, какіе приходилось ему переживать въ годы министерства князя Голицина. Шишковъ еще до новаго своего назначенія отрицательно относился къ постановкѣ дѣла русскаго народнаго просвѣщенія и, на этой почвѣ, занималъ оппозиціонное положеніе по отношенію къ министерству своего предшественника: „Кажется,—открыто высказывался въ то время будущій министръ,—какъ будто всѣ училища превратились въ школы разврата и, кто оттуда выйдетъ, тотчасъ покажетъ, что онъ совращенъ съ истиннаго пути и голова у него набита пустотою, а сердце—самолюбіемъ, первымъ врагомъ благоразумія". Свое политическое credo новый министръ изложилъ уже въ первомъ, по его назначеніи, засѣданіи главнаго правленія училищъ, объявивъ здѣсь, что министерство обязано „оберегать юношество отъ заразы лжемудрыми умствованіями, вѣтротлѣнными мечтаніями, пухлою гордостью и пагубнымъ самолюбіемъ, вовлекающимъ человѣка въ опасное заблужденіе думать, что онъ—въ юности старикъ, и чрезъ то дѣлающимъ его въ старости—юношею". „Науки,—продолжалъ адмиралъ Шишковъ,—изощряющія умъ, не составятъ безъ вѣры и нравственности благоденствія народнаго. Науки полезны только тогда, когда, какъ соль, употребляются и преподаются въ мѣру, смотря по состоянію людей и по надобности, какую всякое званіе въ нихъ имѣетъ; излишество ихъ, равно какъ и недостатокъ, противны истинному просвѣщенію". Широкое распространеніе въ народѣ грамотности новый руководитель дѣла русскаго просвѣщенія почиталъ даже вреднымъ: „Обучать грамотѣ весь народъ или несоразмѣрное количество людей—принесло бы болѣе вреда, чѣмъ пользы; наставлять земледѣльческаго сына въ риторикѣ—было бы пріуготовлять его быть худымъ и безполезнымъ или, еще, и вреднымъ гражданиномъ".

Уже на первыхъ порахъ выработывались новымъ министромъ и мѣры къ активной борьбѣ съ „духомъ" и „вѣяніями" времени, къ которымъ онъ пріурочивалъ, впрочемъ, и направленіе своего предмѣстника,—до дѣятельности библейскихъ обществъ и цензурныхъ послабленій (!) включи-

года,—слѣдовательно одновременно съ указомъ объ увольненіи его предмѣстника.

Назначеніе адмирала Шишкова, человѣка отъ природы мягкаго и добродушнаго, но уже утомленнаго жизнью и консерватора не только въ области русскаго слова, но и въ области своихъ политическихъ и общественныхъ умовоззрѣній, не могло сулить ввѣренному ему просвѣтительному вѣдомству дней болѣе свободнаго развитія сравнительно съ тѣми, какіе приходилось ему переживать въ годы министерства князя Голицина. Шишковъ еще до новаго своего назначенія отрицательно относился къ постановкѣ дѣла русскаго народнаго просвѣщенія и, на этой почвѣ, занималъ оппозиціонное положеніе по отношенію къ министерству своего предшественника: „Кажется,—открыто высказывался въ то время будущій министръ,—какъ будто всѣ училища превратились въ школы разврата и, кто оттуда выйдетъ, тотчасъ покажетъ, что онъ совращенъ съ истиннаго пути и голова у него набита пустотою, а сердце—самолюбіемъ, первымъ врагомъ благоразумія". Свое политическое credo новый министръ изложилъ уже въ первомъ, по его назначеніи, засѣданіи главнаго правленія училищъ, объявивъ здѣсь, что министерство обязано „оберегать юношество отъ заразы лжемудрыми умствованіями, вѣтротлѣнными мечтаніями, пухлою гордостью и пагубнымъ самолюбіемъ, вовлекающимъ человѣка въ опасное заблужденіе думать, что онъ—въ юности старикъ, и чрезъ то дѣлающимъ его въ старости—юношею". „Науки,—продолжалъ адмиралъ Шишковъ,—изощряющія умъ, не составятъ безъ вѣры и нравственности благоденствія народнаго. Науки полезны только тогда, когда, какъ соль, употребляются и преподаются въ мѣру, смотря по состоянію людей и по надобности, какую всякое званіе въ нихъ имѣетъ; излишество ихъ, равно какъ и недостатокъ, противны истинному просвѣщенію". Широкое распространеніе въ народѣ грамотности новый руководитель дѣла русскаго просвѣщенія почиталъ даже вреднымъ: „Обучать грамотѣ весь народъ или несоразмѣрное количество людей—принесло бы болѣе вреда, чѣмъ пользы; наставлять земледѣльческаго сына въ риторикѣ—было бы пріуготовлять его быть худымъ и безполезнымъ или, еще, и вреднымъ гражданиномъ".

Уже на первыхъ порахъ выработывались новымъ министромъ и мѣры къ активной борьбѣ съ „духомъ" и „вѣяніями" времени, къ которымъ онъ пріурочивалъ, впрочемъ, и направленіе своего предмѣстника,—до дѣятельности библейскихъ обществъ и цензурныхъ послабленій (!) включи-

тельно; въ министерство Шишкова до крайности усилены были цензурныя стѣсненія, выработанъ новый и суровый цензурный уставъ, ограничена, а затѣмъ и совершенно воспрещена библейско-общественная организація. Адмиралъ Шишковъ оффиціально обвинялъ министерство своего предмѣстника „во всякомъ покровительствѣ и ободреніи нравственнаго зла, подъ названіемъ духа времени“, и на первомъ же всеподданнѣйшемъ докладѣ выступилъ съ указаніемъ необходимости выработки плана „къ потушенію того зла, которое хотя и не носитъ у насъ имени карбонарства, но есть точно оное и уже крѣпко разными средствами усилилось и распространилось“. Намъ уже извѣстно, что, основываясь на высочайшемъ указѣ 17-го ноября 1824 года, которымъ предписывалось „строгое наблюденіе, дабы въ издаваемыхъ сочиненіяхъ и переводахъ ничего колеблющаго вѣру и благонравіе не укрывалось“, А. С. Шишковъ въ декабрѣ того же года провозгласилъ крестовый походъ противъ свободы печати, обратившись въ засѣданіи главнаго правленія училищъ съ рѣчью, въ которой приглашалъ „содѣйствовать ему въ истребленіи книгъ, которыя содержатъ въ себѣ несогласныя съ вѣроисповѣданіемъ нашимъ толкованія о вѣрѣ“; извѣстны намъ и послѣдовавшія за тѣмъ цензурныя неистовства Магницкаго, не преминувшаго прислать министерскую рѣчь „въ руководство“ совѣту казанскаго университета *. Цензурныя строгости той поры доходили до того, что въ 1824-мъ году министръ Шишковъ одобрилъ мнѣніе цензурнаго комитета о недозволеніи къ печати перевода книги подъ заглавіемъ „Нѣчто о конституціяхъ“, сдѣланнаго и представленнаго къ одобренію самимъ Магницкимъ, но подпавшаго подъ цензурное veto только потому, что „нѣтъ ни нужды, ни пользы, ниже приличія разсуждать публично о конституціяхъ въ государствѣ, благоденствующемъ подъ правленіемъ самодержавнымъ“, хотя самое сочиненіе и было признано „написаннымъ вполнѣ въ духѣ самодержавнаго управленія“ [252].

Направленіе, сказавшееся въ министерствѣ народнаго просвѣщенія слѣдомъ за вступленіемъ въ званіе министра А. С. Шишкова — было какъ нельзя болѣе съ руки, конечно, попечителю казанскаго учебнаго округа и все свидѣтельствуетъ въ пользу того, что, заручившись благоволеніемъ всемогущаго графа Аракчеева, Магницкій на первыхъ порахъ вполнѣ овладѣлъ престарѣлымъ, слабохарактернымъ и утомленнымъ министромъ и едва ли не про-

---

* См. выше стр. 64 и слѣд.

тельно; въ министерство Шишкова до крайности усилены были цензурныя стѣсненія, выработанъ новый и суровый цензурный уставъ, ограничена, а затѣмъ и совершенно воспрещена библейско-общественная организація. Адмиралъ Шишковъ оффиціально обвинялъ министерство своего предмѣстника „во всякомъ покровительствѣ и ободреніи нравственнаго зла, подъ названіемъ духа времени", и на первомъ же всеподданнѣйшемъ докладѣ выступилъ съ указаніемъ необходимости выработки плана „къ потушенію того зла, которое хотя и не носитъ у насъ имени карбонарства, но есть точно оное и уже крѣпко разными средствами усилилось и распространилось". Намъ уже извѣстно, что, основываясь на высочайшемъ указѣ 17-го ноября 1824 года, которымъ предписывалось „строгое наблюденіе, дабы въ издаваемыхъ сочиненіяхъ и переводахъ ничего колеблющаго вѣру и благонравіе не укрывалось", А. С. Шишковъ въ декабрѣ того же года провозгласилъ крестовый походъ противъ свободы печати, обратившись въ засѣданіи главнаго правленія училищъ съ рѣчью, въ которой приглашалъ „содѣйствовать ему въ истребленіи книгъ, которыя содержатъ въ себѣ несогласныя съ вѣроисповѣданіемъ нашимъ толкованія о вѣрѣ"; извѣстны намъ и послѣдовавшія за тѣмъ цензурныя неистовства Магницкаго, не преминувшаго прислать министерскую рѣчь „въ руководство" совѣту казанскаго университета *. Цензурныя строгости той поры доходили до того, что въ 1824-мъ году министръ Шишковъ одобрилъ мнѣніе цензурнаго комитета о недозволеніи къ печати перевода книги подъ заглавіемъ „Нѣчто о конституціяхъ", сдѣланнаго и представленнаго къ одобренію самимъ Магницкимъ, но подпавшаго подъ цензурное veto только потому, что „нѣтъ ни нужды, ни пользы, ниже приличія разсуждать публично о конституціяхъ въ государствѣ, благоденствующемъ подъ правленіемъ самодержавнымъ", хотя самое сочиненіе и было признано „написаннымъ вполнѣ въ духѣ самодержавнаго управленія" [252].

Направленіе, сказавшееся въ министерствѣ народнаго просвѣщенія слѣдомъ за вступленіемъ въ званіе министра А. С. Шишкова — было какъ нельзя болѣе съ руки, конечно, попечителю казанскаго учебнаго округа и все свидѣтельствуетъ въ пользу того, что, заручившись благоволеніемъ всемогущаго графа Аракчеева, Магницкій на первыхъ порахъ вполнѣ овладѣлъ престарѣлымъ, слабохарактернымъ и утомленнымъ министромъ и едва ли не про-

* См. выше стр. 64 и слѣд.

чилъ себя ему въ преемники. Мы видѣли, что, приноровляясь къ консервативнымъ тенденціямъ стараго адмирала, Магницкій уже при самомъ назначеніи его министромъ выступилъ съ обширнымъ проектомъ реформированія всего, объявленнаго имъ находящимся „въ гибельномъ положеніи", дѣла русскаго народнаго просвѣщенія, вообще, и университетскаго дѣла, въ частности, на началахъ, примѣненныхъ въ ввѣренномъ ему округѣ; выступаетъ съ проектомъ фантастической „россійской Александровской академіи", работаетъ надъ новымъ драконовскимъ цензурнымъ уставомъ, вмѣшивается въ дѣла совершенно ему постороннихъ вѣдомствъ и т. п. *. Вторая половина 1824-го года и первая половина 1825-го года едва ли не являлись порою наибольшаго подъема самоувѣренныхъ и тщеславныхъ мечтаній Магницкаго, разсчитанныхъ на поддержку грузинскаго временщика и на старческое слабоволіе новаго министра.

Интересныя данныя почерпаются нами въ этомъ отношеніи изъ „Воспоминаній" В. И. Панаева, пользовавшагося добродушнымъ и расположеннымъ вниманіемъ стараго адмирала и находившагося въ близкихъ отношеніяхъ къ крупнымъ дѣятелямъ департамента народнаго просвѣщенія того времени. Вторую половину 1824-го года и начало 1825-го года Панаевъ провелъ въ Казани, куда уѣзжалъ жениться, и только во второй половинѣ этого послѣдняго года имѣлъ возможность выѣхать отсюда обратно въ Петербургъ. Приведемъ подлинный разсказъ В. И. Панаева объ обстоятельствахъ возвращенія его въ столицу:

„Не прежде, какъ 20-го февраля 1825 года могъ я выѣхать изъ Казани,—пишетъ авторъ цитируемыхъ нами воспоминаній.

Въ Москвѣ нашелъ я Ивана Ивановича Ястребцова, который, пользуясь отпускомъ, жилъ тамъ, на своей родинѣ. Отъ него, профессоровъ Каченовскаго, Мерзлякова, Перевощикова (добраго товарища по казанскому университету) съ сожалѣніемъ узналъ я, что, по слухамъ, Магницкій также почти овладѣлъ Шишковымъ, какъ нѣкогда Голицинымъ; что дѣла идутъ хотя не совсѣмъ въ томъ духѣ, но не лучше прежняго.

По пріѣздѣ въ Петербургъ отправляюсь въ тотъ же вечеръ къ князю Шихматову **, что бы узнать, что дѣлается. Князь подтвердилъ слышанное мною въ Москвѣ.

— Были ли вы у министра?—спросилъ онъ.

---

* См. выше стр. 459—462.

** Князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ, директоръ канцеляріи министерства народнаго просвѣщенія, впослѣдствіе (1850—1853 г.г.) министръ народнаго просвѣщенія.

чилъ себя ему въ преемники. Мы видѣли, что, приноровляясь къ консервативнымъ тенденціямъ стараго адмирала, Магницкій уже при самомъ назначеніи его министромъ выступилъ съ обширнымъ проектомъ реформированія всего, объявленнаго имъ находящимся „въ гибельномъ положеніи“, дѣла русскаго народнаго просвѣщенія, вообще, и университетскаго дѣла, въ частности, на началахъ, примѣненныхъ въ ввѣренномъ ему округѣ; выступаетъ съ проектомъ фантастической „россійской Александровской академіи“, работаетъ надъ новымъ драконовскимъ цензурнымъ уставомъ, вмѣшивается въ дѣла совершенно ему постороннихъ вѣдомствъ и т. п. *. Вторая половина 1824-го года и первая половина 1825-го года едва ли не являлись порою наибольшаго подъема самоувѣренныхъ и тщеславныхъ мечтаній Магницкаго, разсчитанныхъ на поддержку грузинскаго временщика и на старческое слабоволіе новаго министра.

Интересныя данныя почерпаются нами въ этомъ отношеніи изъ „Воспоминаній“ В. И. Панаева, пользовавшагося добродушнымъ и расположеннымъ вниманіемъ стараго адмирала и находившагося въ близкихъ отношеніяхъ къ крупнымъ дѣятелямъ департамента народнаго просвѣщенія того времени. Вторую половину 1824-го года и начало 1825-го года Панаевъ провелъ въ Казани, куда уѣзжалъ жениться, и только во второй половинѣ этого послѣдняго года имѣлъ возможность выѣхать отсюда обратно въ Петербургъ. Приведемъ подлинный разсказъ В. И. Панаева объ обстоятельствахъ возвращенія его въ столицу:

„Не прежде, какъ 20-го февраля 1825 года могъ я выѣхать изъ Казани,—пишетъ авторъ цитируемыхъ нами воспоминаній.

Въ Москвѣ нашелъ я Ивана Ивановича Ястребцова, который, пользуясь отпускомъ, жилъ тамъ, на своей родинѣ. Отъ него, профессоровъ Каченовскаго, Мерзлякова, Перевощикова (добраго товарища по казанскому университету) съ сожалѣніемъ узналъ я, что, по слухамъ, Магницкій также почти овладѣлъ Шишковымъ, какъ нѣкогда Голицинымъ; что дѣла идутъ хотя не совсѣмъ въ томъ духѣ, но не лучше прежняго.

По пріѣздѣ въ Петербургъ отправляюсь въ тотъ же вечеръ къ князю Шихматову **, что бы узнать, что дѣлается. Князь подтвердилъ слышанное мною въ Москвѣ.

— Были ли вы у министра?—спросилъ онъ.

* См. выше стр. 459—462.

** Князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ, директоръ канцеляріи министерства народнаго просвѣщенія, впослѣдствіи (1850—1853 г.г.) министръ народнаго просвѣщенія.

— Нѣтъ еще, собираюсь завтра...

— Не откладывайте! Да напомните ему о себѣ, о вашемъ къ намъ перемѣщеніи...

На другой день ѣду къ министру. Онъ принялъ меня по прежнему очень благосклонно. Первые вопросы относились къ моей женитьбѣ, съ изъявленіемъ желанія, что бы я познакомилъ съ нимъ жену мою.

— А что казанскій университетъ?

— Хуже всякой семинаріи!

Вмѣсто того, что бы остановиться на такомъ рѣзкомъ отвѣтѣ и, по крайней мѣрѣ, спросить—почему?, онъ перемѣнилъ разговоръ вопросомъ: не написалъ ли я чего нибудь новаго?...

Это,—заключаетъ Панаевъ,—было уже яснымъ подтвержденіемъ, что вліяніе Магницкаго сильно".

Вліяніе на министра казанскаго попечителя очень не нравилось высшимъ чинамъ министерства, среди которыхъ, въ качествѣ лицъ, занявшихъ оппозиціонное по отношенію къ Магницкому положеніе, должны быть отмѣчены: директоръ департамента народнаго просвѣщенія Дмитрій Ивановичъ Языковъ, директоръ канцеляріи министра князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ и директоръ департамента иностранныхъ исповѣданій, уже знакомый намъ адъюнктъ-профессоръ перваго состава преподавателей казанскаго университета Григорій Ивановичъ Карташевскій *. Къ этой, начавшей образовываться, враждебной Магницкому коалиціи примкнулъ и В. И. Панаевъ, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ занявшій должность чиновника особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія и получившій основаніе къ личному неудовольствію по отношенію къ казанскому попечителю, интригѣ котораго онъ приписывалъ неполученіе имъ раньше обѣщанной ему Шишковымъ должности начальника отдѣленія: „Въ послѣднюю бытность мою въ Казани я еще съ бо́льшимъ негодованіемъ отзывался о Магницкомъ, будучи, такъ сказать, свидѣтелемъ его Іудина предательства, а клевреты его, разумѣется, ему доносили; слѣдственно ему,—поясняетъ Панаевъ,—былъ поводъ постараться не допустить меня до управленія отдѣленіемъ, завѣдывавшимъ дѣлами казанскаго университета". Впрочемъ, В. И. Панаеву, какъ казанцу, едва ли не лучше, нежели любому изъ министерскихъ

* А. С. Шишковъ съ портфелемъ министра народнаго просвѣщенія совмѣщалъ и званіе главноуправляющаго вѣдомствомъ иностранныхъ исповѣданій, образовавшимъ при его министерствѣ особый департаментъ. О Г. И. Карташевскомъ см. томъ I-й настоящаго труда, стр. 43—44.

— Нѣтъ еще, собираюсь завтра...

— Не откладывайте! Да напомните ему о себѣ, о вашемъ къ намъ перемѣщеніи...

На другой день ѣду къ министру. Онъ принялъ меня по прежнему очень благосклонно. Первые вопросы относились къ моей женитьбѣ, съ изъявленіемъ желанія, что бы я познакомилъ съ нимъ жену мою.

— А что казанскій университетъ?

— Хуже всякой семинаріи!

Вмѣсто того, что бы остановиться на такомъ рѣзкомъ отвѣтѣ и, по крайней мѣрѣ, спросить—почему?, онъ перемѣнилъ разговоръ вопросомъ: не написалъ ли я чего нибудь новаго?...

Это,—заключаетъ Панаевъ,—было уже яснымъ подтвержденіемъ, что вліяніе Магницкаго сильно".

Вліяніе на министра казанскаго попечителя очень не нравилось высшимъ чинамъ министерства, среди которыхъ, въ качествѣ лицъ, занявшихъ оппозиціонное по отношенію къ Магницкому положеніе, должны быть отмѣчены: директоръ департамента народнаго просвѣщенія Дмитрій Ивановичъ Языковъ, директоръ канцеляріи министра князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ и директоръ департамента иностранныхъ исповѣданій, уже знакомый намъ адъюнктъ-профессоръ перваго состава преподавателей казанскаго университета Григорій Ивановичъ Карташевскій *. Къ этой, начавшей образовываться, враждебной Магницкому коалиціи примкнулъ и В. И. Панаевъ, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ занявшій должность чиновника особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія и получившій основаніе къ личному неудовольствію по отношенію къ казанскому попечителю, интригѣ котораго онъ приписывалъ неполученіе имъ раньше обѣщанной ему Шишковымъ должности начальника отдѣленія: „Въ послѣднюю бытность мою въ Казани я еще съ бóльшимъ негодованіемъ отзывался о Магницкомъ, будучи, такъ сказать, свидѣтелемъ его Іудина предательства, а клевреты его, разумѣется, ему доносили; слѣдственно ему,—поясняетъ Панаевъ,—былъ поводъ постараться не допустить меня до управленія отдѣленіемъ, завѣдывавшимъ дѣлами казанскаго университета". Впрочемъ, В. И. Панаеву, какъ казанцу, едва ли не лучше, нежели любому изъ министерскихъ

* А. С. Шишковъ съ портфелемъ министра народнаго просвѣщенія совмѣщалъ и званіе главноуправляющаго вѣдомствомъ иностранныхъ исповѣданій, образовавшимъ при его министерствѣ особый департаментъ. О Г. И. Карташевскомъ см. томъ I-й настоящаго труда, стр. 43—44.

чиновъ, извѣстенъ былъ во всѣхъ деталяхъ разгромъ, учиненный Магницкимъ въ казанскомъ университетѣ *.

Весьма любопытнымъ является свидѣтельство Панаева о томъ, что идея сплотиться въ борьбѣ противъ Магницкаго подана была чинамъ министерства народнаго просвѣщенія, черезъ Панаева, прежнимъ принципаломъ и покровителемъ казанскаго попечителя—М. М. Сперанскимъ. Привелось какъ то Панаеву быть у Сперанскаго по личному порученію своего тестя:

— Гдѣ вы служите?—спросилъ Сперанскій.

— Съ весьма недавняго времени чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія,—отвѣчалъ Панаевъ.

— Спрашивалъ онъ васъ о казанскомъ университетѣ?

— Спрашивалъ...

— Что жъ вы сказали?

— Я сказалъ, что университетъ хуже всякой семинаріи...

— А онъ что на это?

— Замолчалъ и обратилъ разговоръ на другой предметъ.

— Такъ вы и остановились? Жаль!

— Нечего было дѣлать... Но при первомъ удобномъ случаѣ я непремѣнно возобновлю прерванный разговоръ.

„При этихъ словахъ,—продолжаетъ авторъ воспоминаній,—Сперанскій быстро привсталъ, схватилъ меня за руку и сказалъ:

— Я васъ объ этомъ прошу! Нѣтъ ли около Александра Семеновича еще такихъ же людей? Соединитесь всѣ!"

„Выходка эта чрезвычайно меня удивила,—замѣчаетъ Панаевъ,—что и выразилось на моемъ лицѣ. Михаилъ Михайловичъ тотчасъ это примѣтилъ и продолжалъ:

— Вы удивляетесь?

— Потому, что вы, кажется, находились въ дружескихъ отношеніяхъ съ г. Магницкимъ...

— Да! Я былъ его другомъ и потому то такъ хорошо его знаю. Это—государственный злодѣй!—Это—архангелъ съ пламеннымъ мечемъ, который стоитъ подлѣ почтеннаго старца Шишкова и препятствуетъ уважать его, какъ бы слѣдовало...

Это неожиданное откровенное объясненіе, эти слова, произнесенныя съ такимъ жаромъ, произвели на меня сильное впечатлѣніе,—заключаетъ Панаевъ.—Я и безъ того былъ, какъ боченокъ съ порохомъ, начиненъ негодованіемъ къ Магницкому, а тутъ еще брошена

---

* Здѣсь будетъ умѣстнымъ замѣтить, что В. И. Панаевъ былъ женатъ на дочери казанскаго вице-губернатора Александра Яковлевича Жмакина, въ то время управлявшаго губерніею. Объ отношеніяхъ Жмакина къ Магницкому см. выше стр. 86-ую.

чиновъ, извѣстенъ былъ во всѣхъ деталяхъ разгромъ, учиненный Магницкимъ въ казанскомъ университетѣ *.

Весьма любопытнымъ является свидѣтельство Панаева о томъ, что идея сплотиться въ борьбѣ противъ Магницкаго подана была чинамъ министерства народнаго просвѣщенія, черезъ Панаева, прежнимъ принципаломъ и покровителемъ казанскаго попечителя—М. М. Сперанскимъ. Привелось какъ то Панаеву быть у Сперанскаго по личному порученію своего тестя:

— Гдѣ вы служите?—спросилъ Сперанскій.

— Съ весьма недавняго времени чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія,—отвѣчалъ Панаевъ.

— Спрашивалъ онъ васъ о казанскомъ университетѣ?

— Спрашивалъ...

— Что жъ вы сказали?

— Я сказалъ, что университетъ хуже всякой семинаріи...

— А онъ что на это?

— Замолчалъ и обратилъ разговоръ на другой предметъ.

— Такъ вы и остановились? Жаль!

— Нечего было дѣлать... Но при первомъ удобномъ случаѣ я непремѣнно возобновлю прерванный разговоръ.

„При этихъ словахъ,—продолжаетъ авторъ воспоминаній,—Сперанскій быстро привсталъ, схватилъ меня за руку и сказалъ:

— Я васъ объ этомъ прошу! Нѣтъ ли около Александра Семеновича еще такихъ же людей? Соединитесь всѣ!"

„Выходка эта чрезвычайно меня удивила,—замѣчаетъ Панаевъ,—что и выразилось на моемъ лицѣ. Михаилъ Михайловичъ тотчасъ это примѣтилъ и продолжалъ:

— Вы удивляетесь?

— Потому, что вы, кажется, находились въ дружескихъ отношеніяхъ съ г. Магницкимъ...

— Да! Я былъ его другомъ и потому то такъ хорошо его знаю. Это—государственный злодѣй!—Это—архангелъ съ пламеннымъ мечемъ, который стоитъ подлѣ почтеннаго старца Шишкова и препятствуетъ уважать его, какъ бы слѣдовало...

Это неожиданное откровенное объясненіе, эти слова, произнесенныя съ такимъ жаромъ, произвели на меня сильное впечатлѣніе,—заключаетъ Панаевъ.—Я и безъ того былъ, какъ боченокъ съ порохомъ, начиненъ негодованіемъ къ Магницкому, а тутъ еще брошена

* Здѣсь будетъ умѣстнымъ замѣтить, что В. И. Панаевъ былъ женатъ на дочери казанскаго вице-губернатора Александра Яковлевича Жмакина, въ то время управлявшаго губерніею. Объ отношеніяхъ Жмакина къ Магницкому см. выше стр. 86-ую.

искра,—и кѣмъ же? Человѣкомъ, на котораго съ юношескихъ лѣтъ привыкъ я смотрѣть, какъ на явленіе необычайное, какъ на лицо историческое, съ огромнымъ авторитетомъ.. Я вышелъ отъ него взволнованный до-нельзя".

Оставляя на отвѣтственности памяти В. И. Панаева детали его разсказа относительно начальнаго толчка, даннаго дѣлу со стороны Сперанскаго, отмѣтимъ лишь тотъ фактъ, что съ весны 1825-го года среди сплотившихся вліятельныхъ чиновъ министерства открывается правильная кампанія противъ ненавистнаго всѣмъ попечителя казанскаго учебнаго округа. Заговорщики собирались по этому поводу у Панаева и, исходя изъ той точки зрѣнія, что „преобладаніе Магницкаго, дѣйствительно, велико, что старикъ-министръ подчиняется ему, но не по убѣжденію, какъ князь Голицынъ, а по какой-то невнимательности, равнодушію"—постановили „дѣйствовать соединенными силами, пользоваться случаями къ остереженію Александра Семеновича, указывая на жалкій примѣръ князя Голицина, на мнѣніе публики; строже разбирать неумѣстныя представленія Магницкаго и смѣлѣе писать ему отвѣтныя бумаги".

Въ скоромъ времени произошелъ инцидентъ, который, при всей близорукости адмирала Шишкова, не могъ не вселить въ честномъ старикѣ чувства брезгливости по отношенію къ личности казанскаго попечителя. Магницкій сдѣлалъ уже извѣстный намъ доносъ на дерптскій университетъ, обвиняя его въ вольнодумномъ направленіи и слабости управленія, въ виду чего императоромъ Александромъ возложено было на престарѣлаго министра народнаго просвѣщенія порученіе лично осмотрѣть инкриминированный университетъ. Никакихъ ужасовъ въ постановкѣ въ Дерптѣ университетскаго дѣла, о которыхъ живописалъ Магницкій, не только не оказалось, но Шишковъ возвратился въ Петербургъ совершенно довольный осмотрѣннымъ имъ учебнымъ заведеніемъ. Въ ближайшіе дни Языковъ съ Панаевымъ обѣдали у министра и здѣсь между Панаевымъ и адмираломъ Шишковымъ завязался слѣдующій откровенный разговоръ:

— Какъ вы совершили путешествіе въ Дерптъ?—спросилъ Панаевъ.

— Слава Богу, хорошо... Спасибо и погода стояла хорошая...

— А какъ нашли университетъ?

— Прекрасный университетъ! Я очень доволенъ.

— О чемъ же Магницкій доносилъ вамъ?

— Странный онъ, братецъ, человѣкъ!—замѣтилъ старикъ, оборотившись къ собесѣднику.

— Не странный, а черный человѣкъ!—возразилъ Панаевъ.

искра,—и кѣмъ же? Человѣкомъ, на котораго съ юношескихъ лѣтъ привыкъ я смотрѣть, какъ на явленіе необычайное, какъ на лицо историческое, съ огромнымъ авторитетомъ.. Я вышелъ отъ него взволнованный до-нельзя".

Оставляя на отвѣтственности памяти В. И. Панаева детали его разсказа относительно начальнаго толчка, даннаго дѣлу со стороны Сперанскаго, отмѣтимъ лишь тотъ фактъ, что съ весны 1825-го года среди сплотившихся вліятельныхъ чиновъ министерства открывается правильная кампанія противъ ненавистнаго всѣмъ попечителя казанскаго учебнаго округа. Заговорщики собирались по этому поводу у Панаева и, исходя изъ той точки зрѣнія, что „преобладаніе Магницкаго, дѣйствительно, велико, что старикъ-министръ подчиняется ему, но не по убѣжденію, какъ князь Голицынъ, а по какой-то невнимательности, равнодушію"—постановили „дѣйствовать соединенными силами, пользоваться случаями къ остереженію Александра Семеновича, указывая на жалкій примѣръ князя Голицина, на мнѣніе публики; строже разбирать неумѣстныя представленія Магницкаго и смѣлѣе писать ему отвѣтныя бумаги".

Въ скоромъ времени произошелъ инцидентъ, который, при всей близорукости адмирала Шишкова, не могъ не вселить въ честномъ старикѣ чувства брезгливости по отношенію къ личности казанскаго попечителя. Магницкій сдѣлалъ уже извѣстный намъ доносъ на дерптскій университетъ, обвиняя его въ вольнодумномъ направленіи и слабости управленія, въ виду чего императоромъ Александромъ возложено было на престарѣлаго министра народнаго просвѣщенія порученіе лично осмотрѣть инкриминированный университетъ. Никакихъ ужасовъ въ постановкѣ въ Дерптѣ университетскаго дѣла, о которыхъ живописалъ Магницкій, не только не оказалось, но Шишковъ возвратился въ Петербургъ совершенно довольный осмотрѣннымъ имъ учебнымъ заведеніемъ. Въ ближайшіе дни Языковъ съ Панаевымъ обѣдали у министра и здѣсь между Панаевымъ и адмираломъ Шишковымъ завязался слѣдующій откровенный разговоръ:

— Какъ вы совершили путешествіе въ Дерптъ?—спросилъ Панаевъ.

— Слава Богу, хорошо... Спасибо и погода стояла хорошая...

— А какъ нашли университетъ?

— Прекрасный университетъ! Я очень доволенъ.

— О чемъ же Магницкій доносилъ вамъ?

— Странный онъ, братецъ, человѣкъ!—замѣтилъ старикъ, оборотившись къ собесѣднику.

— Не странный, а черный человѣкъ!—возразилъ Панаевъ.

— Нѣтъ онъ—фанатикъ...

— Если бы онъ былъ только фанатикъ, то не дѣйствовалъ бы, смотря по обстоятельствамъ, куда вѣтеръ вѣетъ! — вскипятился Панаевъ.—Напримѣръ: при князѣ Голицинѣ онъ былъ ревностнымъ покровителемъ библейскихъ обществъ и распространялъ ихъ силою въ обширномъ своемъ округѣ; при васъ, коль скоро почуялъ, что вы намѣрены ходатайствовать о закрытіи этихъ обществъ—началъ ихъ преслѣдовать... Тоже и о ланкастерскихъ школахъ: прежде требовалъ распространенія ихъ до Камчатки—вамъ же донесъ, что это выдумка никуда не годная и вредная и что онѣ должны быть закрыты... При Голицинѣ опредѣлилъ въ директоры университета какого то ханжу, теперь же дворянина, свѣтскаго любезнаго человѣка, успѣвшаго прожить четыре тысячи душъ... При Голицинѣ никто изъ профессоровъ не смѣлъ публично прикоснуться къ рюмкѣ вина, теперь—пей себѣ, сколько угодно...

„Александръ Семеновичъ засмѣялся, — добавляетъ Панаевъ,—но и на этотъ разъ завелъ рѣчь о другомъ".

Вскорѣ послѣ этого подоспѣлъ и знакомый намъ дерзкій инцидентъ съ обличеніемъ Магницкимъ образа дѣйствій членовъ императорской фамиліи (см. выше стр. 461), — инцидентъ, который оказался способнымъ рѣзко вывести изъ себя даже старчески-уравновѣшеннаго министра народнаго просвѣщенія.

Наряду съ инспирированіемъ стараго адмирала противъ самой личности попечителя казанскаго округа, выработанъ былъ и планъ уже активныхъ дѣйствій противъ Магницкаго,—планъ, которому нѣсколькими мѣсяцами спустя и было суждено привести къ назначенію ревизіи казанскаго университета генералъ-маіоромъ Желтухинымъ. Идея этого плана всецѣло принадлежала вліятельной иниціативѣ директора департамента народнаго просвѣщенія Д. И. Языкова. Вотъ что разсказываетъ по этому поводу В. И. Панаевъ:

— Знаете ли, какая мысль пришла въ голову мнѣ?—заявилъ однажды Языковъ автору интересующихъ насъ воспоминаній.—Хорошо бы разобрать критически ревизію Магницкимъ казанскаго университета... Есть гдѣ разгуляться! Не возметесь ли вы? Вамъ болѣе другихъ извѣстны и мѣстныя обстоятельства и дѣйствующія лица.

— Давайте, давайте!—обрадовался Панаевъ.

— Но надобно прежде доложить Александру Семеновичу. Я думаю, что онъ теперь согласится. Тогда пришлю вамъ дѣла, однако же не иначе, какъ ночью: имѣю причины подозрѣвать, что у Магницкаго есть шпіоны, которые за нами наблюдаютъ...

— Нѣтъ онъ—фанатикъ...

— Если бы онъ былъ только фанатикъ, то не дѣйствовалъ бы, смотря по обстоятельствамъ, куда вѣтеръ вѣетъ! — вскипятился Панаевъ.—Напримѣръ: при князѣ Голицинѣ онъ былъ ревностнымъ покровителемъ библейскихъ обществъ и распространялъ ихъ силою въ обширномъ своемъ округѣ; при васъ, коль скоро почуялъ, что вы намѣрены ходатайствовать о закрытіи этихъ обществъ—началъ ихъ преслѣдовать... Тоже и о ланкастерскихъ школахъ: прежде требовалъ распространенія ихъ до Камчатки—вамъ же донесъ, что это выдумка никуда не годная и вредная и что онѣ должны быть закрыты... При Голицинѣ опредѣлилъ въ директоры университета какого то ханжу, теперь же дворянина, свѣтскаго любезнаго человѣка, успѣвшаго прожить четыре тысячи душъ... При Голицинѣ никто изъ профессоровъ не смѣлъ публично прикоснуться къ рюмкѣ вина, теперь—пей себѣ, сколько угодно...

„Александръ Семеновичъ засмѣялся, — добавляетъ Панаевъ,—но и на этотъ разъ завелъ рѣчь о другомъ".

Вскорѣ послѣ этого подоспѣлъ и знакомый намъ дерзкій инцидентъ съ обличеніемъ Магницкимъ образа дѣйствій членовъ императорской фамиліи (см. выше стр. 461), — инцидентъ, который оказался способнымъ рѣзко вывести изъ себя даже старчески-уравновѣшеннаго министра народнаго просвѣщенія.

Наряду съ инспирированіемъ стараго адмирала противъ самой личности попечителя казанскаго округа, выработанъ былъ и планъ уже активныхъ дѣйствій противъ Магницкаго,—планъ, которому нѣсколькими мѣсяцами спустя и было суждено привести къ назначенію ревизіи казанскаго университета генералъ-маіоромъ Желтухинымъ. Идея этого плана всецѣло принадлежала вліятельной инціативѣ директора департамента народнаго просвѣщенія Д. И. Языкова. Вотъ что разсказываетъ по этому поводу В. И. Панаевъ:

— Знаете ли, какая мысль пришла въ голову мнѣ?—заявилъ однажды Языковъ автору интересующихъ насъ воспоминаній.—Хорошо бы разобрать критически ревизію Магницкимъ казанскаго университета... Есть гдѣ разгуляться! Не возметесь ли вы? Вамъ болѣе другихъ извѣстны и мѣстныя обстоятельства и дѣйствующія лица.

— Давайте, давайте!—обрадовался Панаевъ.

— Но надобно прежде доложить Александру Семеновичу. Я думаю, что онъ теперь согласится. Тогда пришлю вамъ дѣла, однако же не иначе, какъ ночью: имѣю причины подозрѣвать, что у Магницкаго есть шпіоны, которые за нами наблюдаютъ...

Министръ изъявилъ согласіе на предположеніе директора департамента. Панаевъ, кромѣ данныхъ ревизіи 1819-го года, забралъ еще рядъ дѣлъ по текущему управленію Магницкаго — и работа пошла настолько быстро, что черезъ двѣ недѣли „обвинительный актъ" противъ казанскаго попечителя былъ готовъ и въ свое время доложенъ Языковымъ адміралу. Магницкій не могъ не догадываться о начавшейся противъ него кампаніи, которая должна была живо возбудить въ немъ воспоминаніе объ интригѣ противъ князя Голицына, въ которой самъ онъ принялъ такое активное участіе всего годъ съ небольшимъ до того... Панаевъ вполнѣ раздѣлялъ опасенія Языкова относительно возможности появленія на сценѣ попечительскихъ „соглядатаевъ"—и даже рѣшился заподозрить въ такой неприглядной роли казанскаго профессора И. М. Симонова:

> „Случилось, что въ одинъ день, по какой то надобности, вышелъ я со двора. Безъ меня пріѣзжаетъ Симоновъ, мой товарищъ по университету, тогда уже пріобрѣтшій большую извѣстность кругосвѣтнымъ путешествіемъ,—человѣкъ весьма любезный и обходительный, облагодѣтельствованный Магницкимъ и у него въ ту пору жившій, — и вошелъ въ растворенную дверь кабинета. А тамъ лежали на столѣ дѣла по ревизіи казанскаго университета и моя противъ Магницкаго филиппика. Я очень встревожился, когда, по возвращеніи домой, узналъ о томъ, тѣмъ болѣе, что одно дѣло оказалось раскрытымъ не на той страницѣ, какъ было оставлено... Значитъ — онъ пересматривалъ бумаги, да и самое посѣщеніе, вѣроятно, имѣло цѣлью исполненіе приказанія Магницкаго, который, конечно, узналъ о данномъ мнѣ порученіи и хотѣлъ поразвѣдать болѣе. Предположеніе мое дѣлается вѣроятнымъ еще и потому, что Симоновъ могъ бы и пораньше, мѣсяца за два назадъ, навѣстить стараго товарища, женатаго, при томъ, на дочери человѣка, въ домѣ котораго онъ былъ обласканъ. Не осуждаю строго Симонова,—заключаетъ Панаевъ,—если и, дѣйствительно, онъ былъ подосланъ: онъ слишкомъ былъ обязанъ Магницкому, сдѣлавшему много истиннаго ему добра" [253]...

Въ маѣ 1825-го года недовольство министра Магницкимъ проявилось уже въ весьма серьезномъ по отношенію къ казанскому попечителю шагѣ, несомнѣнно внушенномъ адміралу Шишкову тѣми же оппозиціонными чинами министерства. Это—обвиненіе Магницкаго въ противозаконномъ непосѣщеніи имъ, на протяженіи шести лѣтъ попечительства, ни казанскаго университета, ни казанскаго учебнаго округа.

Здѣсь мы должны позволить себѣ небольшое отступленіе и, снова обращаясь къ воспоминаніямъ В. И. Панаева, оговорить допущенную имъ

Министръ изъявилъ согласіе на предположеніе директора департамента. Панаевъ, кромѣ данныхъ ревизіи 1819-го года, забралъ еще рядъ дѣлъ по текущему управленію Магницкаго — и работа пошла настолько быстро, что черезъ двѣ недѣли „обвинительный актъ" противъ казанскаго попечителя былъ готовъ и въ свое время доложенъ Языковымъ адмиралу. Магницкій не могъ не догадываться о начавшейся противъ него кампаніи, которая должна была живо возбудить въ немъ воспоминаніе объ интригѣ противъ князя Голицина, въ которой самъ онъ принялъ такое активное участіе всего годъ съ небольшимъ до того... Панаевъ вполнѣ раздѣлялъ опасенія Языкова относительно возможности появленія на сценѣ попечительскихъ „соглядатаевъ"—и даже рѣшился заподозрить въ такой неприглядной роли казанскаго профессора И. М. Симонова:

„Случилось, что въ одинъ день, по какой то надобности, вышелъ я со двора. Безъ меня пріѣзжаетъ Симоновъ, мой товарищъ по университету, тогда уже пріобрѣтшій большую извѣстность кругосвѣтнымъ путешествіемъ,—человѣкъ весьма любезный и обходительный, облагодѣтельствованный Магницкимъ и у него въ ту пору жившій, — и вошелъ въ растворенную дверь кабинета. А тамъ лежали на столѣ дѣла по ревизіи казанскаго университета и моя противъ Магницкаго филиппика. Я очень встревожился, когда, по возвращеніи домой, узналъ о томъ, тѣмъ болѣе, что одно дѣло оказалось раскрытымъ не на той страницѣ, какъ было оставлено... Значитъ — онъ пересматривалъ бумаги, да и самое посѣщеніе, вѣроятно, имѣло цѣлью исполненіе приказанія Магницкаго, который, конечно, узналъ о данномъ мнѣ порученіи и хотѣлъ поразвѣдать болѣе. Предположеніе мое дѣлается вѣроятнымъ еще и потому, что Симоновъ могъ бы и пораньше, мѣсяца за два назадъ, навѣстить стараго товарища, женатаго, при томъ, на дочери человѣка, въ домѣ котораго онъ былъ обласканъ. Не осуждаю строго Симонова,—заключаетъ Панаевъ,—если и, дѣйствительно, онъ былъ подосланъ: онъ слишкомъ былъ обязанъ Магницкому, сдѣлавшему много истиннаго ему добра" [253]...

Въ маѣ 1825-го года недовольство министра Магницкимъ проявилось уже въ весьма серьезномъ по отношенію къ казанскому попечителю шагѣ, несомнѣнно внушенномъ адмиралу Шишкову тѣми же оппозиціонными чинами министерства. Это—обвиненіе Магницкаго въ противозаконномъ непосѣщеніи имъ, на протяженіи шести лѣтъ попечительства, ни казанскаго университета, ни казанскаго учебнаго округа.

Здѣсь мы должны позволить себѣ небольшое отступленіе и, снова обращаясь къ воспоминаніямъ В. И. Панаева, оговорить допущенную имъ

неточность, касающуюся только что приведеннаго факта. „Министерство сдѣлало шагъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ Магницкаго,—читаемъ мы у Панаева.—Пришла мысль выжить его изъ Петербурга и вотъ какое придумали къ тому средство: послали циркулярное предложеніе всѣмъ попечителямъ, смыслъ котораго состоялъ въ томъ, что они должны находиться при своихъ мѣстахъ,—а они всѣ, кромѣ Магницкаго, находились при своихъ университетахъ. Магницкій же, во всѣ шесть лѣтъ своего попечительства, не былъ въ Казани ни разу,—слѣдовательно ударъ падалъ на него одного". Въ данномъ случаѣ память измѣнила, очевидно, автору воспоминаній, заставивъ его спутать факты и хронологическую послѣдовательность ихъ: въ ту пору, къ которой относится наше текущее повѣствованіе—такого общаго характера циркулярнаго распоряженія не существовало, что усматривается и изъ позднѣйшаго (отъ 2-го декабря того же года) письма министра народнаго просвѣщенія къ петербургскому военному губернатору графу Милорадовичу, въ которомъ, возражая на сомнѣніе въ законности пребыванія казанскаго попечителя въ столицѣ, Шишковъ пояснялъ, что „нѣтъ яснаго постановленія—гдѣ именно попечители округовъ должны имѣть свое пребываніе" и нѣтъ его потому, что „всѣ попечители округовъ, вмѣстѣ съ симъ званіемъ, имѣютъ также званіе членовъ главнаго правленія училищъ" *. Сдѣлавъ эту поправку, перейдемъ къ изложенію затронутаго нами факта въ томъ свѣтѣ, въ какомъ онъ возстановляется передъ нами относящимися къ тому времени архивными данными.

Мы въ своемъ мѣстѣ познакомились уже съ казанскимъ абсентеизмомъ Магницкаго, озабочивавшимъ собою еще князя А. Н. Голицина, побуждавшаго казанскаго попечителя посѣтить ввѣренные ему университетъ и округъ и даже отпустившаго ему на поѣздку круглую сумму денегъ, такъ и не возвращенную Магницкимъ, который, взамѣнъ личнаго посѣщенія Казани, удовольствовался отсылкою совѣту университета своей пресловутой „Бесѣды" **. Если князь Голицинъ сквозь пальцы посматривалъ на своевольства казанскаго попечителя, то иной оборотъ приняло дѣло въ маѣ 1825-го года, — въ самый разгаръ возникшаго въ нѣдрахъ министерства движенія противъ Магницкаго,—и въ результатѣ создалось любопытное архивное „Дѣло объ осмотрѣ казанскаго университета и его

---

* «Воспоминанія» В. И Панаева (Вѣстн. Евр. 1867, XII, стр. 104—105). Архивъ министерства народн. просв., 1825, дѣло № 157 (приложенное къ № 13592).

** См. выше стр. 339 и слѣд.

неточность, касающуюся только что приведеннаго факта. „Министерство сдѣлало шагъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ Магницкаго,—читаемъ мы у Панаева.—Пришла мысль выжить его изъ Петербурга и вотъ какое придумали къ тому средство: послали циркулярное предложеніе всѣмъ попечителямъ, смыслъ котораго состоялъ въ томъ, что они должны находиться при своихъ мѣстахъ,—а они всѣ, кромѣ Магницкаго, находились при своихъ университетахъ. Магницкій же, во всѣ шесть лѣтъ своего попечительства, не былъ въ Казани ни разу,—слѣдовательно ударъ падалъ на него одного". Въ данномъ случаѣ память измѣнила, очевидно, автору воспоминаній, заставивъ его спутать факты и хронологическую послѣдовательность ихъ: въ ту пору, къ которой относится наше текущее повѣствованіе—такого общаго характера циркулярнаго распоряженія не существовало, что усматривается и изъ позднѣйшаго (отъ 2-го декабря того же года) письма министра народнаго просвѣщенія къ петербургскому военному губернатору графу Милорадовичу, въ которомъ, возражая на сомнѣніе въ законности пребыванія казанскаго попечителя въ столицѣ, Шишковъ пояснялъ, что „нѣтъ яснаго постановленія—гдѣ именно попечители округовъ должны имѣть свое пребываніе" и нѣтъ его потому, что „всѣ попечители округовъ, вмѣстѣ съ симъ званіемъ, имѣютъ также званіе членовъ главнаго правленія училищъ" *. Сдѣлавъ эту поправку, перейдемъ къ изложенію затронутаго нами факта въ томъ свѣтѣ, въ какомъ онъ возстановляется передъ нами относящимися къ тому времени архивными данными.

Мы въ своемъ мѣстѣ познакомились уже съ казанскимъ абсентеизмомъ Магницкаго, озабочивавшимъ собою еще князя А. Н. Голицина, побуждавшаго казанскаго попечителя посѣтить ввѣренные ему университетъ и округъ и даже отпустившаго ему на поѣздку круглую сумму денегъ, такъ и не возвращенную Магницкимъ, который, взамѣнъ личнаго посѣщенія Казани, удовольствовался отсылкою совѣту университета своей пресловутой „Бесѣды" **. Если князь Голицинъ сквозь пальцы посматривалъ на своевольства казанскаго попечителя, то иной оборотъ приняло дѣло въ маѣ 1825-го года, — въ самый разгаръ возникшаго въ нѣдрахъ министерства движенія противъ Магницкаго,—и въ результатѣ создалось любопытное архивное „Дѣло объ осмотрѣ казанскаго университета и его

---

* «Воспоминанія» В. И Панаева (Вѣстн. Евр. 1867, XII, стр. 104—105). Архивъ минист. народн. просв., 1825, дѣло № 157 (приложенное къ № 13592).

** См. выше стр. 339 и слѣд.

округа". Дѣло это открывается предложеніемъ министра на имя попечителя казанскаго учебнаго округа отъ 13-го мая 1825 года, въ которомъ А. С. Шишковъ, ставя на видъ необходимость періодическихъ и „неупустительныхъ осмотровъ учебныхъ заведеній", какъ надежнѣйшаго средства поддержанія ихъ благоустройства, и ссылаясь на существующія въ данномъ направленіи узаконенія, вмѣняющія попечителямъ въ обязанность „обозрѣвать училища своего вѣдомства по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ два года", обращается къ Магницкому съ слѣдующаго рода запросомъ:

„Не усматривая изъ свѣдѣній, представленныхъ мнѣ департаментомъ народнаго просвѣщенія (иначе—Д. И. Языковымъ), что бы высочайшія узаконенія сіи исполнялись въ точности по ввѣренному вашему превосходительству округу, я долгомъ почелъ покорнѣйше просить васъ сообщить мнѣ въ непродолжительномъ времени нижеслѣдующія свѣдѣнія:

1. Какія предполагаются мѣры на будущее время къ приведенію въ точное исполненіе всѣхъ вышеозначенныхъ узаконеній.

2. Производились ли до сего времени директорами училищъ ежегодные объѣзды подвѣдомыхъ имъ учебныхъ заведеній по губерніямъ, согласно устава сихъ заведеній".

Изложенное въ этой, хотя и деликатной, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и категорической формѣ предложеніе—не могло не открыть Магницкому глазъ на пошатнувшееся положеніе его въ министерствѣ А. С. Шишкова и на торжество оппозиціонной по отношенію къ нему партіи. Видимо опѣшившій попечитель долго не могъ собраться съ отвѣтомъ министру и только 8-го іюня представлено было имъ подробное донесеніе, въ которомъ, съ свойственными ему изворотливостью и самоувѣренными передержками, Магницкій силился парализовать предъявленныя ему обвиненія.

Не безъ значительной дозы полемическаго задора, Магницкій начинаетъ свое самооправданіе съ историческаго обзора всѣхъ, произведенныхъ въ годы его попечительства и намъ уже извѣстныхъ, визитацій и ревизій учебныхъ заведеній округа, выводя отсюда заключеніе, что „ни одинъ округъ такъ часто и постоянно осматриваемъ не былъ", въ чемъ и проситъ министра удостовѣриться оффиціально, ибо „для меня, — заключаетъ попечитель,—не можетъ быть равнодушно, послѣ устроенія университета изъ развалинъ и шестилѣтняго труда, видѣть, что ваше высокопревосходительство доведены были, по неизвѣстнымъ мнѣ (sic!) обстоятельствамъ, до упрека мнѣ въ надзорѣ за нимъ".

округа". Дѣло это открывается предложеніемъ министра на имя попечителя казанскаго учебнаго округа отъ 13-го мая 1825 года, въ которомъ А. С. Шишковъ, ставя на видъ необходимость періодическихъ и „неупустительныхъ осмотровъ учебныхъ заведеній", какъ надежнѣйшаго средства поддержанія ихъ благоустройства, и ссылаясь на существующія въ данномъ направленіи узаконенія, вмѣняющія попечителямъ въ обязанность „обозрѣвать училища своего вѣдомства по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ два года", обращается къ Магницкому съ слѣдующаго рода запросомъ:

> „Не усматривая изъ свѣдѣній, представленныхъ мнѣ департаментомъ народнаго просвѣщенія (иначе—Д. И. Языковымъ), что бы высочайшія узаконенія сіи исполнялись въ точности по ввѣренному вашему превосходительству округу, я долгомъ почелъ покорнѣйше просить васъ сообщить мнѣ въ непродолжительномъ времени нижеслѣдующія свѣдѣнія:
>
> 1. Какія предполагаются мѣры на будущее время къ приведенію въ точное исполненіе всѣхъ вышеозначенныхъ узаконеній.
>
> 2. Производились ли до сего времени директорами училищъ ежегодные объѣзды подвѣдомыхъ имъ учебныхъ заведеній по губерніямъ, согласно устава сихъ заведеній".

Изложенное въ этой, хотя и деликатной, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и категорической формѣ предложеніе—не могло не открыть Магницкому глазъ на пошатнувшееся положеніе его въ министерствѣ А. С. Шишкова и на торжество оппозиціонной по отношенію къ нему партіи. Видимо опѣшившій попечитель долго не могъ собраться съ отвѣтомъ министру и только 8-го іюня представлено было имъ подробное донесеніе, въ которомъ, съ свойственными ему изворотливостью и самоувѣренными передержками, Магницкій силился парализовать предъявленныя ему обвиненія.

Не безъ значительной дозы полемическаго задора, Магницкій начинаетъ свое самооправданіе съ историческаго обзора всѣхъ, произведенныхъ въ годы его попечительства и намъ уже извѣстныхъ, визитацій и ревизій учебныхъ заведеній округа, выводя отсюда заключеніе, что „ни одинъ округъ такъ часто и постоянно осматриваемъ не былъ", въ чемъ и проситъ министра удостовѣриться оффиціально, ибо „для меня, — заключаетъ попечитель,—не можетъ быть равнодушно, послѣ устроенія университета изъ развалинъ и шестилѣтняго труда, видѣть, что ваше высокопревосходительство доведены были, по неизвѣстнымъ мнѣ (sic!) обстоятельствамъ, до упрека мнѣ въ надзорѣ за нимъ".

Далѣе Магницкій переходитъ къ вопросу собственно уже университетскому, дѣлая попытку оправдать систематическое непосѣщеніе имъ Казани. Оправданіе довольно наивнымъ образомъ строится имъ на переходномъ состояніи ввѣреннаго ему университета—съ одной стороны, на разстройствѣ своихъ матеріальныхъ дѣлъ—съ другой стороны:

„Принявъ казанскій университетъ въ совершенной развалинѣ,—читаемъ въ этой части попечительскаго донесенія,—я не имѣлъ никакой нужды (!) видѣть университетъ въ первые годы, когда его почти и не было. Все возсозданіе его происходило—здѣсь (т. е. въ Петербургѣ).

Когда я вознамѣрился ѣхать въ Казань, какъ изъ дѣлъ департамента народнаго просвѣщенія видѣть можно — неисполненіе нѣскольких высочайшихъ повелѣній о вознагражденіи меня за разореніе отъ изгнанія продолжалось пять лѣтъ, и въ нынѣшній только годъ дѣло сіе едва кончилось, съ понесеніемъ величайшихъ убытковъ отъ промедленія исполненіемъ самыхъ благотворительныхъ для меня и настоятельныхъ повелѣній государя".

Это совершенно странное,—что бы не выразиться сильнѣе, — самооправданіе Магницкаго завершается поясненіемъ, что, въ силу только что приведенныхъ обстоятельствъ, онъ „симъ лѣтомъ только надѣется отправиться въ Казань для осмотра университета". Преподнеся министру это обѣщаніе, Магницкій простираетъ свое самооправданіе и дальше, нахально заявляя, что невыполненіе имъ, въ силу указанныхъ причинъ, своихъ прямыхъ обязанностей по университету и округу— онъ „старался вознаградить трудами по главному правленію училищъ", въ которыхъ во многомъ и „имѣлъ счастье успѣть". Вотъ, съ подлинныхъ словъ донесенія казанскаго попечителя, перечень этихъ печальной памяти „трудовъ", представляющихъ собою истинный мартирологъ русскаго просвѣтительнаго дѣла за послѣдніе шесть лѣтъ царствованія императора Александра I:

„1. Мнѣніемъ моимъ остановилъ неудобное преобразованіе здѣшняго (т. е. петербургскаго) университета, доказавъ, что германское воспитаніе въ Россіи—вредно.

2. Составилъ инструкціи для казанскаго университета, высочайшаго утвержденія удостоившіяся и здѣшнему университету присвоенныя*.

---

* См. томъ III, стр. 385—388.

Далѣе Магницкій переходитъ къ вопросу собственно уже университетскому, дѣлая попытку оправдать систематическое непосѣщеніе имъ Казани. Оправданіе довольно наивнымъ образомъ строится имъ на переходномъ состояніи ввѣреннаго ему университета—съ одной стороны, на разстройствѣ своихъ матеріальныхъ дѣлъ—съ другой стороны:

„Принявъ казанскій университетъ въ совершенной развалинѣ,—читаемъ въ этой части попечительскаго донесенія,—я не имѣлъ никакой нужды (!) видѣть университетъ въ первые годы, когда его почти и не было. Все возсозданіе его происходило—здѣсь (т. е. въ Петербургѣ).

Когда я вознамѣрился ѣхать въ Казань, какъ изъ дѣлъ департамента народнаго просвѣщенія видѣть можно—неисполненіе нѣсколькихъ высочайшихъ повелѣній о вознагражденіи меня за разореніе отъ изгнанія продолжалось пять лѣтъ, и въ нынѣшній только годъ дѣло сіе едва кончилось, съ понесеніемъ величайшихъ убытковъ отъ промедленія исполненіемъ самыхъ благотворительныхъ для меня и настоятельныхъ повелѣній государя".

Это совершенно странное,—что бы не выразиться сильнѣе, — самооправданіе Магницкаго завершается поясненіемъ, что, въ силу только что приведенныхъ обстоятельствъ, онъ „симъ лѣтомъ только надѣется отправиться въ Казань для осмотра университета". Преподнеся министру это обѣщаніе, Магницкій простираетъ свое самооправданіе и дальше, нахально заявляя, что невыполненіе имъ, въ силу указанныхъ причинъ, своихъ прямыхъ обязанностей по университету и округу—онъ „старался вознаградить трудами по главному правленію училищъ", въ которыхъ во многомъ и „имѣлъ счастье успѣть". Вотъ, съ подлинныхъ словъ донесенія казанскаго попечителя, перечень этихъ печальной памяти „трудовъ", представляющихъ собою истинный мартирологъ русскаго просвѣтительнаго дѣла за послѣдніе шесть лѣтъ царствованія императора Александра I:

„1. Мнѣніемъ моимъ остановилъ неудобное преобразованіе здѣшняго (т. е. петербургскаго) университета, доказавъ, что германское воспитаніе въ Россіи—вредно.

2. Составилъ инструкціи для казанскаго университета, высочайшаго утвержденія удостоившіяся и здѣшнему университету присвоенныя *.

* См. томъ III, стр. 385—388.

3. Обличилъ разрушительныя начала науки естественнаго права, на письмѣ и лично, въ засѣданіи главнаго правленія училищъ.

4. Обличилъ нечестивую философію, которой обучали въ благородномъ пансіонѣ московскаго университета и преподаваніе коей, по моему настоянію, остановлено.

5. Обличилъ схваченныя въ здѣшнемъ (петербургскомъ) университетѣ тетради лекцій Раупаха, Германа и пр., на кои не только я самъ, но и профессора казанскаго университета Симоновъ и Лобачевскій, тогда здѣсь случившіеся, писали примѣчанія, трудясь день и ночь, ибо симъ дѣломъ, до высочайшаго свѣдѣнія доведеннымъ, въ то время весьма спѣшили.

6. Обличилъ множество (!) нечестивыхъ книгъ и, между прочимъ, важнѣйшія: профессора здѣшняго университета Лодія и изданную генераломъ Ермоловымъ, подъ именемъ „Размышляющій человѣкъ", которыя, по моимъ замѣчаніямъ, и запрещены.

7. Написалъ цензурный уставъ, за который, выдержавъ публичное пререканіе, испыталъ я сильное гоненіе.

8. Представилъ вашему высокопревосходительству, при самомъ вступленіи вашемъ въ настоящее званіе, подробную записку о гибельномъ положеніи нашего народнаго воспитанія, о необходимости осмотра всѣхъ университетовъ и о нѣкоторыхъ способахъ исправленія, изъ опыта управленія казанскимъ университетомъ заимствованныхъ.

9. Обличилъ, по порученію вашего высокопревосходительства, вредныя ученія, въ конспектахъ виленскаго университета оказавшіяся и бывшія, по моему заключенію, единственною причиною всѣхъ тамошнихъ безпорядковъ.

10. Разсмотрѣлъ важнѣйшія дѣла по управленію здѣшняго (петербургскаго) университета и представилъ комитету, который сіе, съ утвержденія вашего высокопревосходительства, поручилъ мнѣ, всѣ замѣченныя мною важныя неустройства по нравственному, учебному и хозяйственному управленіямъ, коими заняты пять или шесть, изъ девяти, его протоколовъ.

11. Представилъ вашему высокопревосходительству, въ исполненіе вашего предложенія, нѣсколько вредныхъ книгъ съ моими примѣчаніями, изъ коихъ одна, самоважнѣйшая, и запрещена по моему представленію.

12. Представилъ вашему высокопревосходительству опасности для училищъ въ губерніяхъ моего округа, подъ управленіемъ г. Фесслера * находящихся, отъ новой религіи, имъ вводимой,

---

* Игнацъ Аврелій Фесслеръ—евангелическій суперинтендентъ и начальникъ консисторіи въ г. Саратовѣ. О жизни и дѣятельности его см. въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза и Ефрона, полут. 70-й, стр. 625—626.

3. Обличилъ разрушительныя начала науки естественнаго права, на письмѣ и лично, въ засѣданіи главнаго правленія училищъ.

4. Обличилъ нечестивую философію, которой обучали въ благородномъ пансіонѣ московскаго университета и преподаваніе коей, по моему настоянію, остановлено.

5. Обличилъ схваченныя въ здѣшнемъ (петербургскомъ) университетѣ тетради лекцій Раупаха, Германа и пр., на кои не только я самъ, но и профессора казанскаго университета Симоновъ и Лобачевскій, тогда здѣсь случившіеся, писали примѣчанія, трудясь день и ночь, ибо симъ дѣломъ, до высочайшаго свѣдѣнія доведеннымъ, въ то время весьма спѣшили.

6. Обличилъ множество (!) нечестивыхъ книгъ и, между прочимъ, важнѣйшія: профессора здѣшняго университета Лодія и изданную генераломъ Ермоловымъ, подъ именемъ „Размышляющій человѣкъ", которыя, по моимъ замѣчаніямъ, и запрещены.

7. Написалъ цензурный уставъ, за который, выдержавъ публичное пререканіе, испыталъ я сильное гоненіе.

8. Представилъ вашему высокопревосходительству, при самомъ вступленіи вашемъ въ настоящее званіе, подробную записку о гибельномъ положеніи нашего народнаго воспитанія, о необходимости осмотра всѣхъ университетовъ и о нѣкоторыхъ способахъ исправленія, изъ опыта управленія казанскимъ университетомъ заимствованныхъ.

9. Обличилъ, по порученію вашего высокопревосходительства, вредныя ученія, въ конспектахъ виленскаго университета оказавшіяся и бывшія, по моему заключенію, единственною причиною всѣхъ тамошнихъ безпорядковъ.

10. Разсмотрѣлъ важнѣйшія дѣла по управленію здѣшняго (петербургскаго) университета и представилъ комитету, который сіе, съ утвержденія вашего высокопревосходительства, поручилъ мнѣ, всѣ замѣченныя мною важныя неустройства по нравственному, учебному и хозяйственному управленіямъ, коими заняты пять или шесть, изъ девяти, его протоколовъ.

11. Представилъ вашему высокопревосходительству, въ исполненіе вашего предложенія, нѣсколько вредныхъ книгъ съ моими примѣчаніями, изъ коихъ одна, самоважнѣйшая, и запрещена по моему представленію.

12. Представилъ вашему высокопревосходительству опасности для училищъ въ губерніяхъ моего округа, подъ управленіемъ г. Фесслера * находящихся, отъ новой религіи, имъ вводимой,

* Игнацъ Аврелій Фесслеръ—евангелическій суперинтендентъ и начальникъ консисторіи въ г. Саратовѣ. О жизни и дѣятельности его см. въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза и Ефрона, полут. 70-й, стр. 625—626.

въ доказательство чего и имѣлъ честь довести до рукъ вашихъ продававшуюся здѣсь литургію, имъ выдуманную, и скрѣпленныя книги съ актовъ, собираемыхъ имъ посреди Россіи, соборовъ".

Насколько ни краснорѣчивымъ представлялся, вѣроятно, въ глазахъ Магницкаго представленный имъ перечень его „заслугъ" передъ дѣломъ русскаго народнаго просвѣщенія—онъ не помогъ казанскому попечителю отдѣлаться и на этотъ разъ отъ необходимости ѣхать въ Казань. Министръ народнаго просвѣщенія предъявилъ ему въ этомъ отношеніи категорическое требованіе и нѣсколькими мѣсяцами позже, въ началѣ декабря 1825-го года, Шишковъ въ оффиціальномъ документѣ заявлялъ, что „Магницкій отправился для осмотра ввѣреннаго ему казанскаго учебнаго округа по настоятельному моему требованію, основанному на томъ, что съ 1819-го года онъ не осматривалъ онаго, хотя еще въ 1822-мъ году получилъ на проѣздъ для осмотра 4000 рублей". Получивъ приведенное нами выше министерское предложеніе отъ 13-го мая, Магницкій увидѣлъ себя вынужденнымъ предпринять такъ долго откладывавшуюся имъ служебную поѣздку и уже на слѣдующій день, 14-го мая, послалъ ректору университета К. Ѳ. Фуксу увѣдомленіе о предстоящемъ прибытіи своемъ въ Казань. По этому поводу въ протоколѣ засѣданія совѣта казанскаго университета отъ 30-го мая мы находимъ слѣдующую, сопровождаемую соотвѣтствующимъ опредѣленіемъ, статью:

„Слушано было предложеніе г. ректора о томъ, что его превосходительство г. попечитель увѣдомилъ письмомъ отъ 14-го сего мая, что онъ намѣренъ прибыть въ Казань въ концѣ будущаго іюня или въ началѣ іюля мѣсяцевъ и къ сему времени предписалъ ему:

1. До прибытія его произвести, въ обыкновенное время, предварительное испытаніе студентовъ, а окончательное отложить до пріѣзда его.

2. Что бы каждый преподаватель приготовилъ отчетъ въ объемѣ науки, методѣ, руководствѣ и согласіи преподаванія съ инструкціею.

3. Что бы были представлены списки студентовъ, съ означеніемъ успѣховъ—преподавателемъ, а поведенія—инспекторомъ.

4. Что бы изготовлены были также свѣдѣнія, списки и табели, статистику университета представляющіе".

Слѣдомъ за тѣмъ начались въ университетѣ усиленныя приготовленія къ принятію давно ожидавшагося почетнаго гостя, отъ приведенія въ порядокъ только что отстроеннаго новаго корпуса — до изготовленія для

въ доказательство чего и имѣлъ честь довести до рукъ вашихъ продававшуюся здѣсь литургію, имъ выдуманную, и скрѣпленныя книги съ актовъ, собираемыхъ имъ посреди Россіи, соборовъ".

Насколько ни краснорѣчивымъ представлялся, вѣроятно, въ глазахъ Магницкаго представленный имъ перечень его „заслугъ" передъ дѣломъ русскаго народнаго просвѣщенія—онъ не помогъ казанскому попечителю отдѣлаться и на этотъ разъ отъ необходимости ѣхать въ Казань. Министръ народнаго просвѣщенія предъявилъ ему въ этомъ отношеніи категорическое требованіе и нѣсколькими мѣсяцами позже, въ началѣ декабря 1825-го года, Шишковъ въ оффиціальномъ документѣ заявлялъ, что „Магницкій отправился для осмотра ввѣреннаго ему казанскаго учебнаго округа по настоятельному моему требованію, основанному на томъ, что съ 1819-го года онъ не осматривалъ онаго, хотя еще въ 1822-мъ году получилъ на проѣздъ для осмотра 4000 рублей". Получивъ приведенное нами выше министерское предложеніе отъ 13-го мая, Магницкій увидѣлъ себя вынужденнымъ предпринять такъ долго откладывавшуюся имъ служебную поѣздку и уже на слѣдующій день, 14-го мая, послалъ ректору университета К. Ѳ. Фуксу увѣдомленіе о предстоящемъ прибытіи своемъ въ Казань. По этому поводу въ протоколѣ засѣданія совѣта казанскаго университета отъ 30-го мая мы находимъ слѣдующую, сопровождаемую соотвѣтствующимъ опредѣленіемъ, статью:

„Слушано было предложеніе г. ректора о томъ, что его превосходительство г. попечитель увѣдомилъ письмомъ отъ 14-го сего мая, что онъ намѣренъ прибыть въ Казань въ концѣ будущаго іюня или въ началѣ іюля мѣсяцевъ и къ сему времени предписалъ ему:

1. До прибытія его произвести, въ обыкновенное время, предварительное испытаніе студентовъ, а окончательное отложить до пріѣзда его.

2. Что бы каждый преподаватель приготовилъ отчетъ въ объемѣ науки, методѣ, руководствѣ и согласіи преподаванія съ инструкціею.

3. Что бы были представлены списки студентовъ, съ означеніемъ успѣховъ—преподавателемъ, а поведенія—инспекторомъ.

4. Что бы изготовлены были также свѣдѣнія, списки и табели, статистику университета представляющіе".

Слѣдомъ за тѣмъ начались въ университетѣ усиленныя приготовленія къ принятію давно ожидавшагося почетнаго гостя, отъ приведенія въ порядокъ только что отстроеннаго новаго корпуса — до изготовленія для

инвентарныхъ каталоговъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій „четырнадцати книгъ въ красносафьянныхъ оболочкахъ, съ золотымъ обрѣзомъ и украшеніями", включительно [254].

Прежде, нежели выѣхать въ Казань, Магницкій почелъ не излишнимъ укрѣпить уже колебавшуюся подъ ногами его почву и съ этою цѣлью повидаться съ графомъ А. А. Аракчеевымъ. Панаевъ увѣряетъ, что это свиданіе явилось со стороны казанскаго попечителя протестомъ противъ предложенія министра отъ 13-го мая, но протестомъ неудавшимся, такъ какъ Аракчеевъ будто бы внушилъ Магницкому, что „нельзя не исполнить воли начальства—надобно ѣхать, пробыть въ Казани нѣкоторое время, возвратиться, и тогда уже принять мѣры въ отвращеніе подобныхъ дѣйствій министерства". Какъ бы то ни было, но въ концѣ іюля Магницкій выѣхалъ въ резиденцію графа Аракчеева, знаменитое село Грузино, гдѣ въ теченіи пяти дней и пользовался широкимъ гостепріимствомъ „грузинскаго отшельника". Такое необыкновенное вниманіе, встрѣченное имъ со стороны временщика, не могло не побудить пронырливаго попечителя возможно полнѣе использовать въ своихъ интересахъ пятидневное пребываніе въ Грузинѣ,—но тайна всего того, что происходило здѣсь, унесена съ собою въ могилу Магницкимъ и его высокимъ амфитріономъ. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, то, что казанскій попечитель оставилъ Грузино въ самомъ радужномъ настроеніи и съ сердцемъ, преисполненнымъ признательности къ его владѣльцу, какъ это усматривается изъ слѣдующаго письма отъ 4-го августа, посланнаго Магницкимъ, изъ Царскаго Села, на имя графа Аракчеева:

„Милостивый государь, графъ
Алексѣй Андреевичъ.

Принося усерднѣйшую благодарность Вашему Сіятельству за милостивый пріемъ и пріятнѣйшее угощеніе въ очаровательномъ Грузинѣ, я почитаю долгомъ возвратить Вамъ, милостивый государь, то, что я увезъ оттуда: это—сонъ, который я тамъ видѣлъ.

Онъ принадлежитъ Вашему Сіятельству".

Къ письму было приложено и самое описаніе „сна", видѣннаго Магницкимъ въ Грузинѣ, представляющее собою образецъ низкоугодничества и самой грубой лести, на которыя не поскупился казанскій попечитель въ избыткѣ своихъ чувствъ къ обласкавшему его всемогущему временщику. Это описаніе, въ свое время бойко циркулировавшее въ рукописныхъ спискахъ и даже напечатанное отдѣльною брошюрою, интере-

инвентарныхъ каталоговъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій „четырнадцати книгъ въ красносафьянныхъ оболочкахъ, съ золотымъ обрѣзомъ и украшеніями", включительно [254].

Прежде, нежели выѣхать въ Казань, Магницкій почелъ не излишнимъ укрѣпить уже колебавшуюся подъ ногами его почву и съ этою цѣлью повидаться съ графомъ А. А. Аракчеевымъ. Панаевъ увѣряетъ, что это свиданіе явилось со стороны казанскаго попечителя протестомъ противъ предложенія министра отъ 13-го мая, но протестомъ неудавшимся, такъ какъ Аракчеевъ будто бы внушилъ Магницкому, что „нельзя не исполнить воли начальства—надобно ѣхать, пробыть въ Казани нѣкоторое время, возвратиться, и тогда уже принять мѣры въ отвращеніе подобныхъ дѣйствій министерства". Какъ бы то ни было, но въ концѣ іюля Магницкій выѣхалъ въ резиденцію графа Аракчеева, знаменитое село Грузино, гдѣ въ теченіи пяти дней и пользовался широкимъ гостепріимствомъ „грузинскаго отшельника". Такое необыкновенное вниманіе, встрѣченное имъ со стороны временщика, не могло не побудить пронырливаго попечителя возможно полнѣе использовать въ своихъ интересахъ пятидневное пребываніе въ Грузинѣ,—но тайна всего того, что происходило здѣсь, унесена съ собою въ могилу Магницкимъ и его высокимъ амфитріономъ. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, то, что казанскій попечитель оставилъ Грузино въ самомъ радужномъ настроеніи и съ сердцемъ, преисполненнымъ признательности къ его владѣльцу, какъ это усматривается изъ слѣдующаго письма отъ 4-го августа, посланнаго Магницкимъ, изъ Царскаго Села, на имя графа Аракчеева:

„Милостивый государь, графъ
Алексѣй Андреевичъ.

Принося усерднѣйшую благодарностъ Вашему Сіятельству за милостивый пріемъ и пріятнѣйшее угощеніе въ очаровательномъ Грузинѣ, я почитаю долгомъ возвратить Вамъ, милостивый государь, то, что я увезъ оттуда: это—сонъ, который я тамъ видѣлъ.

Онъ принадлежитъ Вашему Сіятельству".

Къ письму было приложено и самое описаніе „сна", видѣннаго Магницкимъ въ Грузинѣ, представляющее собою образецъ низкоугодничества и самой грубой лести, на которыя не поскупился казанскій попечитель въ избыткѣ своихъ чувствъ къ обласкавшему его всемогущему временщику. Это описаніе, въ свое время бойко циркулировавшее въ рукописныхъ спискахъ и даже напечатанное отдѣльною брошюрою, интере-

сующіеся найдутъ въ „Русскомъ Архивѣ“ (1863 г.), редакціи котораго оно было сообщено М. Н. Лонгиновымъ.

„26-го іюля къ вечеру,—повѣствуетъ здѣсь Магницкій,—послѣ самаго пріятнаго угощенія въ томъ мѣстѣ, гдѣ десять лѣтъ тому назадъ разрѣшалась участь моего семейства *, я почувствовалъ такое смѣшеніе разныхъ ощущеній, что не могъ самъ себѣ изъяснить положенія души своей, и—заснулъ“. При этомъ грузинскому гостю причудилось сновидѣніе, внушенное прогулкою его по Грузину съ владѣльцемъ села, показывавшимъ Магницкому всѣ достопримѣчательности и, въ числѣ ихъ, памятникъ надъ могилою столѣтняго крестьянина Исаака Константинова, располагавшаго при жизни какими то необыкновенными добродѣтелями. На этомъ то фонѣ и создается „сонъ“ казанскаго попечителя. Магницкому снилось, что предъ нимъ предсталъ, въ образѣ сѣдобородаго старца, „духъ грузинскаго старожила Исаака Константинова“, который, со словами: „Давича графъ все тебѣ показывалъ, а теперь покажу я, по своему“—повелъ его на новый осмотръ Грузина. Этотъ осмотръ представляетъ Магницкому аракчеевскія владѣнія уже въ совершенно новомъ, пророческомъ, свѣтѣ, въ которомъ село Грузино обрисовывается чуть ли не столицею: богатыя палаты, дворцы, златоверхіе храмы, переполненная судами пристань (Грузино находится на рѣкѣ Волховѣ, въ 18-ти верстахъ отъ Новгорода); припутаны къ этому удивительному „сну“ и легенда о посѣщеніи Грузина св. апостоломъ Андремъ Первозваннымъ **, и панегирикъ военнымъ поселеніямъ, центромъ которыхъ служила графская вотчина, и всевозможныя льстивыя восхваленія по адресу самого временщика...

Вся эта гнусно-льстивая выходка не только не возмутила Аракчеева, но принята была имъ вполнѣ благосклонно: по свидѣтельству личнаго его секретаря Сырнева, графъ приказалъ переплести попечительское твореніе въ сафьянъ и хранить въ его библіотекѣ. М. Н. Лонгиновъ, предоставившій списокъ этого „сна“, для напечатанія, въ журналъ „Русскій Архивъ“, снабдилъ его слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Такова была лесть Магницкаго всемогущему тогда Аракчееву, котораго онъ покинулъ четыре мѣсяца спустя, когда, съ кончиною императора Александра I, сила временщика прекратилась. Такъ поступилъ Магницкій и съ Сперанскимъ, и съ кня-

---

* Намекъ на реабилитацію Магницкаго въ 1816-мъ году, предрѣшенную въ с. Грузинѣ (см. томъ III-й настоящаго труда, стр. 270).

** Эта легенда была въ то время, дѣйствительно, въ ходу, явившись поводомъ къ сооруженію Аракчеевымъ въ селѣ Грузинѣ соборнаго храма во имя св. апостола Андрея.

сующіеся найдутъ въ „Русскомъ Архивѣ“ (1863 г.), редакціи котораго оно было сообщено М. Н. Лонгиновымъ.

„26-го іюля къ вечеру,—повѣствуетъ здѣсь Магницкій,—послѣ самаго пріятнаго угощенія въ томъ мѣстѣ, гдѣ десять лѣтъ тому назадъ разрѣшалась участь моего семейства *, я почувствовалъ такое смѣшеніе разныхъ ощущеній, что не могъ самъ себѣ изъяснить положенія души своей, и—заснулъ“. При этомъ грузинскому гостю причудилось сновидѣніе, внушенное прогулкою его по Грузину съ владѣльцемъ села, показывавшимъ Магницкому всѣ достопримѣчательности и, въ числѣ ихъ, памятникъ надъ могилою столѣтняго крестьянина Исаака Константинова, располагавшаго при жизни какими то необыкновенными добродѣтелями. На этомъ то фонѣ и создается „сонъ“ казанскаго попечителя. Магницкому снилось, что предъ нимъ предсталъ, въ образѣ сѣдобородаго старца, „духъ грузинскаго старожила Исаака Константинова“, который, со словами: „Давича графъ все тебѣ показывалъ, а теперь покажу я, по своему“—повелъ его на новый осмотръ Грузина. Этотъ осмотръ представляетъ Магницкому аракчеевскія владѣнія уже въ совершенно новомъ, пророческомъ, свѣтѣ, въ которомъ село Грузино обрисовывается чуть ли не столицею: богатыя палаты, дворцы, златоверхіе храмы, переполненная судами пристань (Грузино находится на рѣкѣ Волховѣ, въ 18-ти верстахъ отъ Новгорода); припутаны къ этому удивительному „сну“ и легенда о посѣщеніи Грузина св. апостоломъ Андремъ Первозваннымъ **, и панегирикъ военнымъ поселеніямъ, центромъ которыхъ служила графская вотчина, и всевозможныя льстивыя восхваленія по адресу самого временщика...

Вся эта гнусно-льстивая выходка не только не возмутила Аракчеева, но принята была имъ вполнѣ благосклонно: по свидѣтельству личнаго его секретаря Сырнева, графъ приказалъ переплести попечительское твореніе въ сафьянъ и хранить въ его библіотекѣ. М. Н. Лонгиновъ, предоставившій списокъ этого „сна“, для напечатанія, въ журналъ „Русскій Архивъ“, снабдилъ его слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Такова была лесть Магницкаго всемогущему тогда Аракчееву, котораго онъ покинулъ четыре мѣсяца спустя, когда, съ кончиною императора Александра I, сила временщика прекратилась. Такъ поступилъ Магницкій и съ Сперанскимъ, и съ кня-

* Намекъ на реабилитацію Магницкаго въ 1816-мъ году, предрѣшенную въ с. Грузинѣ (см. томъ III-й настоящаго труда, стр. 270).

** Эта легенда была въ то время, дѣйствительно, въ ходу, явившись поводомъ къ сооруженію Аракчеевымъ въ селѣ Грузинѣ соборнаго храма во имя св. апостола Андрея.

земъ Голицинымъ и съ другими, когда они впадали въ немилость или переставали быть ему нужными"...

Благодарность Магницкаго къ своему покровителю не ограничилась платоническимъ грузинскимъ „сномъ". Помимо состоявшагося еще до того избранія Аракчеева почетнымъ членомъ казанскаго университета, Магницкій осенью 1825-го года сумѣлъ пріятно задѣть слабую струнку творца военныхъ поселеній предписаніемъ размѣстить въ зданіи казанской гимназіи, на жительство, 47 военныхъ кантонистовъ — и только лѣтомъ 1827-го года возбужденъ былъ новымъ попечителемъ округа М. Н. Мусинымъ-Пушкинымъ вопросъ не только о выселеніи изъ гимназіи этихъ непрошенныхъ постояльцевъ, но и о взысканіи 284-хъ рублей, истраченныхъ на отопленіе и освѣщеніе отведенныхъ имъ здѣсь помѣщеній [255].

Всего нѣсколькими днями позже пребыванія его въ с. Грузинѣ и видѣннаго имъ тамъ „сна"—состоялся, наконецъ, отъѣздъ Магницкаго изъ Петербурга въ Казань, куда онъ отправился 6-го августа 1825 года, вмѣстѣ съ профессоромъ И. М. Симоновымъ, возвращавшимся изъ столицы къ мѣсту своего служенія. Оставляя Петербургъ, Магницкій обставилъ свой отъѣздъ крупною безтактностью по отношенію къ министру народнаго просвѣщенія, задѣвшею за живое старика Шишкова и которая можетъ быть объяснена развѣ только необычайнымъ подъемомъ самоувѣренности, вынесеннымъ казанскимъ попечителемъ изъ Грузина, въ связи съ желаніемъ досадить измѣнившему къ нему свои отношенія начальнику. И, дѣйствительно, обстановкою своего выѣзда изъ столицы Магницкій нарушилъ самыя элементарныя требованія служебной подчиненности, не сочтя даже своимъ долгомъ лично принять отъ А. С. Шишкова необходимыя указанія. Престарѣлый министръ былъ крайне удивленъ и взволнованъ, получивъ отъ Магницкаго слѣдующее лаконическое и не совсѣмъ обыкновенное донесеніе отъ 7-го августа:

„Господину министру народнаго просвѣщенія.

Желая откланяться вашему высокопревосходительству, я былъ у васъ, милостивый государь, 4-го сего августа и, не имѣвъ чести видѣть, долгомъ поставляю донести, что 6-го сего августа отправляюсь я въ императорскій казанскій университетъ для осмотра онаго и нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній его округа.

Почему покорнѣйше прошу распоряженія вашего высокопревосходительства объ отправленіи пакетовъ, какіе могутъ быть по дѣламъ службы, на имя мое въ Казань.

Попечитель казанскаго учебнаго округа М. Магницкій".

земъ Голицинымъ и съ другими, когда они впадали въ немилость или переставали быть ему нужными"...

Благодарность Магницкаго къ своему покровителю не ограничилась платоническимъ грузинскимъ „сномъ". Помимо состоявшагося еще до того избранія Аракчеева почетнымъ членомъ казанскаго университета, Магницкій осенью 1825-го года сумѣлъ пріятно задѣть слабую струнку творца военныхъ поселеній предписаніемъ размѣстить въ зданіи казанской гимназіи, на жительство, 47 военныхъ кантонистовъ — и только лѣтомъ 1827-го года возбужденъ былъ новымъ попечителемъ округа М. Н. Мусинымъ-Пушкинымъ вопросъ не только о выселеніи изъ гимназіи этихъ непрошенныхъ постояльцевъ, но и о взысканіи 284-хъ рублей, истраченныхъ на отопленіе и освѣщеніе отведенныхъ имъ здѣсь помѣщеній [255].

Всего нѣсколькими днями позже пребыванія его въ с. Грузинѣ и видѣннаго имъ тамъ „сна"—состоялся, наконецъ, отъѣздъ Магницкаго изъ Петербурга въ Казань, куда онъ отправился 6-го августа 1825 года, вмѣстѣ съ профессоромъ И. М. Симоновымъ, возвращавшимся изъ столицы къ мѣсту своего служенія. Оставляя Петербургъ, Магницкій обставилъ свой отъѣздъ крупною безтактностью по отношенію къ министру народнаго просвѣщенія, задѣвшею за живое старика Шишкова и которая можетъ быть объяснена развѣ только необычайнымъ подъемомъ самоувѣренности, вынесеннымъ казанскимъ попечителемъ изъ Грузина, въ связи съ желаніемъ досадить измѣнившему къ нему свои отношенія начальнику. И, дѣйствительно, обстановкою своего выѣзда изъ столицы Магницкій нарушилъ самыя элементарныя требованія служебной подчиненности, не сочтя даже своимъ долгомъ лично принять отъ А. С. Шишкова необходимыя указанія. Престарѣлый министръ былъ крайне удивленъ и взволнованъ, получивъ отъ Магницкаго слѣдующее лаконическое и не совсѣмъ обыкновенное донесеніе отъ 7-го августа:

„Господину министру народнаго просвѣщенія.

Желая откланяться вашему высокопревосходительству, я былъ у васъ, милостивый государь, 4-го сего августа и, не имѣвъ чести видѣть, долгомъ поставляю донести, что 6-го сего августа отправляюсь я въ императорскій казанскій университетъ для осмотра онаго и нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній его округа.

Почему покорнѣйше прошу распоряженія вашего высокопревосходительства объ отправленіи пакетовъ, какіе могутъ быть по дѣламъ службы, на имя мое въ Казань.

Попечитель казанскаго учебнаго округа М. Магницкій".

Четырьмя мѣсяцами позже, письмомъ отъ 2-го декабря оффиціально сообщая петербургскому военному генералъ-губернатору объ обстоятельствахъ выѣзда Магницкаго изъ столицы въ Казань, Шишковъ заявлялъ, что „при отъѣздѣ не явился онъ ко мнѣ для испрошенія моихъ приказаній и наставленій, а удовольствовался донесеніемъ, что желалъ мнѣ откланяться, но не могъ меня видѣть, и что отправляется 6-го августа, между тѣмъ какъ донесеніе его помѣчено 7-мъ числомъ того мѣсяца". Магницкій, какъ въ своемъ мѣстѣ увидимъ это, систематически игнорировалъ министра и во все время полуторамѣсячнаго пребыванія своего въ Казани, давъ А. С. Шишкову поводъ жаловаться въ томъ же, только что цитированномъ нами, письмѣ къ графу Милорадовичу, что „во время бытности его (т. е. Магницкаго) въ округѣ, не имѣлъ отъ него никакого донесенія о его дѣйствіяхъ".

Мы познакомились съ оффиціальными данными, касающимися обстоятельствъ выѣзда Магницкаго въ Казань. Не безинтереснымъ будетъ обратиться теперь и къ частнымъ свидѣтельствамъ о тѣхъ же обстоятельствахъ, которыя мы находимъ въ воспоминаніяхъ В. И. Панаева. Авторъ воспоминаній былъ у Шишкова въ самый день выѣзда Магницкаго изъ столицы и воспроизводитъ слѣдующій разговоръ свой съ министромъ:

— А сегодня нашъ Михаилъ Леонтьевичъ отправился въ Казань,— сказалъ Панаевъ.

— Какъ отправился? Быть не можетъ!.. Кто тебѣ сказалъ?—заволновался старый министръ.

— Профессоръ Симоновъ, заѣзжавшій вчера ко мнѣ проститься. Да, вѣдь, это вслѣдствіе вашего же предложенія.

— Конечно, но слѣдовало бы пріѣхать... Я могъ дать ему словесныя наставленія... Да нѣтъ—быть не можетъ: вѣрно заѣзжалъ, да не засталъ меня дома!

Дальнѣйшая бесѣда, въ которой Панаевъ не жалѣлъ, конечно, самыхъ мрачныхъ красокъ для обрисовки нравственной личности казанскаго попечителя, коснулась интереснаго факта, котораго мы не встрѣтили въ архивныхъ данныхъ:

— Неужели,—говорилъ Панаевъ министру,—вы хотите дождаться того же, что бы и вашъ портретъ также выкинули въ свое время изъ конференцъ-залы университета, какъ въ прошломъ году, при назначеніи васъ министромъ, былъ выкинутъ портретъ князя Александра Николаевича, писанный по подпискѣ отъ всего округа, предложенной Магницкимъ?

Четырьмя мѣсяцами позже, письмомъ отъ 2-го декабря оффиціально сообщая петербургскому военному генералъ-губернатору объ обстоятельствахъ выѣзда Магницкаго изъ столицы въ Казань, Шишковъ заявлялъ, что „при отъѣздѣ не явился онъ ко мнѣ для испрошенія моихъ приказаній и наставленій, а удовольствовался донесеніемъ, что желалъ мнѣ откланяться, но не могъ меня видѣть, и что отправляется 6-го августа, между тѣмъ какъ донесеніе его помѣчено 7-мъ числомъ того мѣсяца". Магницкій, какъ въ своемъ мѣстѣ увидимъ это, систематически игнорировалъ министра и во все время полуторамѣсячнаго пребыванія своего въ Казани, давъ А. С. Шишкову поводъ жаловаться въ томъ же, только что цитированномъ нами, письмѣ къ графу Милорадовичу, что „во время бытности его (т. е. Магницкаго) въ округѣ, не имѣлъ отъ него никакого донесенія о его дѣйствіяхъ".

Мы познакомились съ оффиціальными данными, касающимися обстоятельствъ выѣзда Магницкаго въ Казань. Не безинтереснымъ будетъ обратиться теперь и къ частнымъ свидѣтельствамъ о тѣхъ же обстоятельствахъ, которыя мы находимъ въ воспоминаніяхъ В. И. Панаева. Авторъ воспоминаній былъ у Шишкова въ самый день выѣзда Магницкаго изъ столицы и воспроизводитъ слѣдующій разговоръ свой съ министромъ:

— А сегодня нашъ Михаилъ Леонтьевичъ отправился въ Казань,— сказалъ Панаевъ.

— Какъ отправился? Быть не можетъ!.. Кто тебѣ сказалъ?—заволновался старый министръ.

— Профессоръ Симоновъ, заѣзжавшій вчера ко мнѣ проститься. Да, вѣдь, это вслѣдствіе вашего же предложенія.

— Конечно, но слѣдовало бы пріѣхать... Я могъ дать ему словесныя наставленія... Да нѣтъ—быть не можетъ: вѣрно заѣзжалъ, да не засталъ меня дома!

Дальнѣйшая бесѣда, въ которой Панаевъ не жалѣлъ, конечно, самыхъ мрачныхъ красокъ для обрисовки нравственной личности казанскаго попечителя, коснулась интереснаго факта, котораго мы не встрѣтили въ архивныхъ данныхъ:

— Неужели,—говорилъ Панаевъ министру,—вы хотите дождаться того же, что бы и вашъ портретъ также выкинули въ свое время изъ конференцъ-залы университета, какъ въ прошломъ году, при назначеніи васъ министромъ, былъ выкинутъ портретъ князя Александра Николаевича, писанный по подпискѣ отъ всего округа, предложенной Магницкимъ?

Александръ Семеновичъ,—разсказываетъ Панаевъ, — остановился, живо поднялъ голову и спросилъ:

— Какъ! Неужто въ самомъ дѣлѣ?..

— Точно такъ. Это совершилось по приказанію попечителя — въ бытность мою въ Казани.

— Представь себѣ!—сталъ припоминать министръ. — Не успѣлъ я еще оглядѣться по вступленіи въ должность, какъ Магницкій началъ уже приставать ко мнѣ съ просьбою позволить списать съ меня портретъ—также на счетъ округа... Я отговаривался, объясняя, что не заслужилъ еще этой чести, но, однажды, онъ вошелъ ко мнѣ въ кабинетъ съ живописцемъ. Я, съ дуру то, и сѣлъ было, да, по счастью, вошла Дарья Алексѣевна и прогнала ихъ, говоря, что, при моей слабости и головокруженіи, такое принужденное сидѣнье—вредно.

Возвращаясь къ обстоятельствамъ выѣзда Магницкаго, авторъ воспоминаній также свидѣтельствуетъ о негодованіи, охватившемъ Шишкова въ тотъ моментъ, когда онъ получилъ уже извѣстное намъ по архивнымъ даннымъ высокомѣрное донесеніе казанскаго попечителя, въ которомъ тотъ, „увѣдомляя о своемъ отъѣздѣ, присовокупилъ, что заѣзжалъ проститься, но не былъ принятъ,—число же выставилъ то, въ которое находился уже въ дорогѣ".

Разставаясь съ полною авантюръ петербургскою дѣятельностью Магницкаго, предшествовавшею выѣзду его въ началѣ августа 1825-го года въ Казань, остановимся на характерной и, по мнѣнію нашему, совершенно вѣрной оцѣнкѣ В. И. Панаевымъ всѣхъ тѣхъ событій, которыя только что были предметомъ нашего повѣствованія. Давая общую характеристику активныхъ участниковъ этихъ событій, Панаевъ замѣчаетъ:

„Много прошло времени съ тѣхъ поръ, когда все это происходило, отъ тридцати двухъ до сорока лѣтъ,—пишетъ В. И. Панаевъ.—Изъ множества лицъ, упомянутыхъ въ моемъ разсказѣ, остаются въ живыхъ не болѣе пяти человѣкъ. Грустный счетъ, указывающій на столько могилъ, вмѣстившихъ въ себѣ и добродѣтели, и слабости, и страсти почившихъ!.. Тревожить ли прахъ ихъ?

Только главное лицо, Магницкій,—да проститъ мнѣ тѣнь его,—подлежитъ строгому суду исторіи. Почтеннаго старца Шишкова хотѣлось бы мнѣ оправдать въ его загадочномъ невниманіи къ поступкамъ Магницкаго. Да оно потому и было загадочнымъ, что было искусственнымъ. Онъ — видѣлъ, понималъ все. Но развѣ ему легко было, при глубокой старости, сопровождаемой преждевременною дряхлостью и склонной къ спокойствію, вступать въ открытую

Александръ Семеновичъ,—разсказываетъ Панаевъ, — остановился, живо поднялъ голову и спросилъ:

— Какъ! Неужто въ самомъ дѣлѣ?..

— Точно такъ. Это совершилось по приказанію попечителя — въ бытность мою въ Казани.

— Представь себѣ!—сталъ припоминать министръ. — Не успѣлъ я еще оглядѣться по вступленіи въ должность, какъ Магницкій началъ уже приставать ко мнѣ съ просьбою позволить списать съ меня портретъ—также на счетъ округа... Я отговаривался, объясняя, что не заслужилъ еще этой чести, но, однажды, онъ вошелъ ко мнѣ въ кабинетъ съ живописцемъ. Я, съ дуру то, и сѣлъ было, да, по счастью, вошла Дарья Алексѣевна и прогнала ихъ, говоря, что, при моей слабости и головокруженіи, такое принужденное сидѣнье—вредно.

Возвращаясь къ обстоятельствамъ выѣзда Магницкаго, авторъ воспоминаній также свидѣтельствуетъ о негодованіи, охватившемъ Шишкова въ тотъ моментъ, когда онъ получилъ уже извѣстное намъ по архивнымъ даннымъ высокомѣрное донесеніе казанскаго попечителя, въ которомъ тотъ, „увѣдомляя о своемъ отъѣздѣ, присовокупилъ, что заѣзжалъ проститься, но не былъ принятъ,—число же выставилъ то, въ которое находился уже въ дорогѣ".

Разставаясь съ полною авантюръ петербургскою дѣятельностью Магницкаго, предшествовавшею выѣзду его въ началѣ августа 1825-го года въ Казань, остановимся на характерной и, по мнѣнію нашему, совершенно вѣрной оцѣнкѣ В. И. Панаевымъ всѣхъ тѣхъ событій, которыя только что были предметомъ нашего повѣствованія. Давая общую характеристику активныхъ участниковъ этихъ событій, Панаевъ замѣчаетъ:

„Много прошло времени съ тѣхъ поръ, когда все это происходило, отъ тридцати двухъ до сорока лѣтъ,—пишетъ В. И. Панаевъ.—Изъ множества лицъ, упомянутыхъ въ моемъ разсказѣ, остаются въ живыхъ не болѣе пяти человѣкъ. Грустный счетъ, указывающій на столько могилъ, вмѣстившихъ въ себѣ и добродѣтели, и слабости, и страсти почившихъ!.. Тревожить ли прахъ ихъ?

Только главное лицо, Магницкій,—да проститъ мнѣ тѣнь его,—подлежитъ строгому суду исторіи. Почтеннаго старца Шишкова хотѣлось бы мнѣ оправдать въ его загадочномъ невниманіи къ поступкамъ Магницкаго. Да оно потому и было загадочнымъ, что было искусственнымъ. Онъ — видѣлъ, понималъ все. Но развѣ ему легко было, при глубокой старости, сопровождаемой преждевременною дряхлостью и склонной къ спокойствію, вступать въ открытую

борьбу съ подобнымъ человѣкомъ,—борьбу, которая, при защитѣ всемогущаго Аракчеева, неизвѣстно чѣмъ бы кончилась? Краснорѣчивый защитникъ правды въ государственномъ совѣтѣ — не имѣлъ уже ни прежняго мужества, ни прежняго одушевленія"[256]...

Въ то самое время, когда въ далекой отъ Казани столицѣ происходили событія и разыгрывались страсти, служившія предметомъ нашего предшествовавшаго разсказа и которымъ очень скоро суждено было отразиться и на судьбахъ казанскаго университета — этотъ послѣдній продолжалъ жить слишкомъ хорошо уже извѣстнымъ намъ „обновленнымъ", указаннымъ ему Магницкимъ, темпомъ.

Достигали, конечно, и до Казани болѣе или менѣе опредѣленные слухи о всемъ томъ, что творилось въ Петербургѣ, въ руководящихъ сферахъ вѣдомства народнаго просвѣщенія; знали здѣсь, безъ сомнѣнія, о поколебавшемся положеніи въ министерствѣ попечителя казанскаго учебнаго округа—съ одной стороны, о завязавшихся отношеніяхъ его къ могущественному временщику—съ другой стороны, тѣмъ не менѣе въ казанскихъ кругахъ, соприкасавшихся съ вѣдомствомъ народнаго просвѣщенія, имя Магницкаго продолжало сохранять свою грозную, граничившую съ трепетомъ, обоятельность. Здѣсь еще не подозрѣвали того, что дни безпримѣрной власти Магницкаго—уже сочтены, и съ вполнѣ понятнымъ чувствомъ безпокойной неизвѣстности ждали возвѣщеннаго пріѣзда въ Казань попечителя округа, усиленно приготовляясь къ его встрѣчѣ.

Магницкій выѣхалъ изъ Петербурга, какъ мы это уже знаемъ, 6-го августа 1825 года, въ сопровожденіи профессора И. М. Симонова и старшаго письмоводителя своего Часовникова; съ нимъ ѣхалъ и вновь назначенный въ казанскій университетъ адъюнктъ математики Н. Д. Брашманъ. По пути въ Казань попечитель, при содѣйствіи своихъ спутниковъ, произвелъ весьма поверхностный осмотръ нижегородскихъ гимназіи и уѣзднаго училища и такой же осмотръ уѣзднаго училища чебоксарскаго. Нижегородскими учебными заведеніями Магницкій остался вполнѣ доволенъ, отмѣтивъ найденные имъ „весьма хорошіе успѣхи и добрый духъ преподаванія", въ виду чего и поручилъ совѣту университета объявить благодарность директору училищъ Алферьеву и преподавателямъ, представивъ достойнѣйшихъ къ наградамъ; за то чебоксарскимъ уѣзднымъ училищемъ попечитель остался совершенно неудовлетворенъ, найдя въ немъ „весьма недостаточные успѣхи" и предписавъ уни-

борьбу съ подобнымъ человѣкомъ,—борьбу, которая, при защитѣ всемогущаго Аракчеева, неизвѣстно чѣмъ бы кончилась? Краснорѣчивый защитникъ правды въ государственномъ совѣтѣ — не имѣлъ уже ни прежняго мужества, ни прежняго одушевленія"[256]...

Въ то самое время, когда въ далекой отъ Казани столицѣ происходили событія и разыгрывались страсти, служившія предметомъ нашего предшествовавшаго разсказа и которымъ очень скоро суждено было отразиться и на судьбахъ казанскаго университета — этотъ послѣдній продолжалъ жить слишкомъ хорошо уже извѣстнымъ намъ „обновленнымъ", указаннымъ ему Магницкимъ, темпомъ.

Достигали, конечно, и до Казани болѣе или менѣе опредѣленные слухи о всемъ томъ, что творилось въ Петербургѣ, въ руководящихъ сферахъ вѣдомства народнаго просвѣщенія; знали здѣсь, безъ сомнѣнія, о поколебавшемся положеніи въ министерствѣ попечителя казанскаго учебнаго округа—съ одной стороны, о завязавшихся отношеніяхъ его къ могущественному временщику—съ другой стороны, тѣмъ не менѣе въ казанскихъ кругахъ, соприкасавшихся съ вѣдомствомъ народнаго просвѣщенія, имя Магницкаго продолжало сохранять свою грозную, граничившую съ трепетомъ, обоятельность. Здѣсь еще не подозрѣвали того, что дни безпримѣрной власти Магницкаго—уже сочтены, и съ вполнѣ понятнымъ чувствомъ безпокойной неизвѣстности ждали возвѣщеннаго пріѣзда въ Казань попечителя округа, усиленно приготовляясь къ его встрѣчѣ.

Магницкій выѣхалъ изъ Петербурга, какъ мы это уже знаемъ, 6-го августа 1825 года, въ сопровожденіи профессора И. М. Симонова и старшаго письмоводителя своего Часовникова; съ нимъ ѣхалъ и вновь назначенный въ казанскій университетъ адъюнктъ математики Н. Д. Брашманъ. По пути въ Казань попечитель, при содѣйствіи своихъ спутниковъ, произвелъ весьма поверхностный осмотръ нижегородскихъ гимназіи и уѣзднаго училища и такой же осмотръ уѣзднаго училища чебоксарскаго. Нижегородскими учебными заведеніями Магницкій остался вполнѣ доволенъ, отмѣтивъ найденные имъ „весьма хорошіе успѣхи и добрый духъ преподаванія", въ виду чего и поручилъ совѣту университета объявить благодарность директору училищъ Алферьеву и преподавателямъ, представивъ достойнѣйшихъ къ наградамъ; за то чебоксарскимъ уѣзднымъ училищемъ попечитель остался совершенно неудовлетворенъ, найдя въ немъ „весьма недостаточные успѣхи" и предписавъ уни-

верситетскому училищному комитету дать по этому поводу надлежащее объясненіе.

Въ Казань Магницкій прибылъ 21-го августа, пробывъ, такимъ образомъ, пятнадцать дней въ дорогѣ и прослѣдовавъ прямо въ университетъ, гдѣ ему приготовлено было помѣщеніе въ верхнемъ этажѣ такъ называемаго „кастелліева“ дома (нынѣшняя квартира ректора). По поводу пріѣзда попечителя составленъ былъ, за подписью ректора и всѣхъ членовъ совѣта, нижеслѣдующій протоколъ, который знакомитъ насъ и съ первыми дѣйствіями Магницкаго въ Казани:

„Сего 1825-го года, августа 21-го дня, въ пятницу, въ 5 часовъ пополудни, изволилъ благополучно прибыть въ казанскій университетъ господинъ попечитель казанскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій, съ г. ординарнымъ профессоромъ и кавалеромъ Симоновымъ, адъюнктомъ Брашманомъ и старшимъ письмоводителемъ Часовниковымъ, и изволилъ занять квартиру въ зданіяхъ университета, въ верхнемъ этажѣ Кастелліевскаго дома.

На другой день, 22-го августа, то есть въ субботу, всѣ чиновники университета, гимназіи и главнаго народнаго училища имѣли счастье представляться его превосходительству въ рекреаціонной университетской залѣ *.

Послѣ того его превосходительство изволилъ осмотрѣть всѣ комнаты новаго корпуса, камеры совѣта и правленія и посѣтить столовую студентовъ во время обѣда, а въ 2 часа пополудни благоугодно было начать испытаніе студентовъ изъ церковно-библейской исторіи“.

Какъ внѣшняя форма, такъ и самый тонъ этого „протокола“ („изволилъ“, „благополучно прибылъ“, „имѣли счастье представляться“, „благоугодно было“) показываютъ намъ престижъ, приданный пріѣзду попечителя, котораго приняли чуть ли не какъ особу царскаго дома. В. И. Панаевъ, поддерживавшій самыя тѣсныя связи съ Казанью, свидѣтельствуетъ, съ своей стороны, что Магницкій „въ Казань явился гогомъ-магогомъ, профессоровъ принялъ самымъ парааднымъ образомъ, въ мундирѣ, въ лентѣ и башмакахъ; въ городѣ также задавалъ тонъ, съ управляющимъ губерніею (вице-губернаторомъ А. Я. Жмакинымъ—тестемъ Панаева) обходился холодно, не забывая при случаѣ упоминать о близкихъ

* Бывшій до послѣднихъ перестроекъ 1905-го года, смежный съ актовымъ заломъ, залъ геологическаго музея.

верситетскому училищному комитету дать по этому поводу надлежащее объясненіе.

Въ Казань Магницкій прибылъ 21-го августа, пробывъ, такимъ образомъ, пятнадцать дней въ дорогѣ и прослѣдовавъ прямо въ университетъ, гдѣ ему приготовлено было помѣщеніе въ верхнемъ этажѣ такъ называемаго „кастелліева" дома (нынѣшняя квартира ректора). По поводу пріѣзда попечителя составленъ былъ, за подписью ректора и всѣхъ членовъ совѣта, нижеслѣдующій протоколъ, который знакомитъ насъ и съ первыми дѣйствіями Магницкаго въ Казани:

„Сего 1825-го года, августа 21-го дня, въ пятницу, въ 5 часовъ пополудни, изволилъ благополучно прибыть въ казанскій университетъ господинъ попечитель казанскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій, съ г. ординарнымъ профессоромъ и кавалеромъ Симоновымъ, адъюнктомъ Брашманомъ и старшимъ письмоводителемъ Часовниковымъ, и изволилъ занять квартиру въ зданіяхъ университета, въ верхнемъ этажѣ Кастелліевскаго дома.

На другой день, 22-го августа, то есть въ субботу, всѣ чиновники университета, гимназіи и главнаго народнаго училища имѣли счастье представляться его превосходительству въ рекреаціонной университетской залѣ *.

Послѣ того его превосходительство изволилъ осмотрѣть всѣ комнаты новаго корпуса, камеры совѣта и правленія и посѣтить столовую студентовъ во время обѣда, а въ 2 часа пополудни благоугодно было начать испытаніе студентовъ изъ церковно-библейской исторіи".

Какъ внѣшняя форма, такъ и самый тонъ этого „протокола" („изволилъ", „благополучно прибылъ", „имѣли счастье представляться", „благоугодно было") показываютъ намъ престижъ, приданный пріѣзду попечителя, котораго приняли чуть ли не какъ особу царскаго дома. В. И. Панаевъ, поддерживавшій самыя тѣсныя связи съ Казанью, свидѣтельствуетъ, съ своей стороны, что Магницкій „въ Казань явился гогомъ-магогомъ, профессоровъ принялъ самымъ параднымъ образомъ, въ мундирѣ, въ лентѣ и башмакахъ; въ городѣ также задавалъ тонъ, съ управляющимъ губерніею (вице-губернаторомъ А. Я. Жмакинымъ—тестемъ Панаева) обходился холодно, не забывая при случаѣ упоминать о близкихъ

---

* Бывшій до послѣднихъ перестроекъ 1905-го года, смежный съ актовымъ заломъ, залъ геологическаго музея.

отношеніяхъ своихъ къ Аракчееву, отчего всѣ губернскія власти смотрѣли на него съ страхомъ и трепетомъ" [257].

Мы не будемъ касаться всѣхъ подробностей какъ осмотра Магницкимъ казанскаго университета, такъ и его мѣропріятій по университету, большая часть которыхъ носитъ совершенно шаблонный характеръ, другія же изъ этихъ мѣропріятій (усиленіе власти директора университета, развязка дѣлъ Жобара, Пальмина и Грацинскаго) въ своемъ мѣстѣ нами уже были указаны. Совершенно шаблонный характеръ носилъ и осмотръ попечителемъ казанской гимназіи, начавшійся 27-го августа доставленіемъ директоромъ гимназіи И. И. Лажечниковымъ перечневыхъ вѣдомостей о состояніи по всѣмъ частямъ управленія ввѣреннаго ему учебнаго заведенія, продолжавшійся публичными, въ присутствіи попечителя и профессоровъ университета, испытаніями воспитанниковъ (31 августа—12 сентября) и окончившійся торжественнымъ публичнымъ актомъ 13-го сентября.

Всѣ находящіяся въ нашемъ распоряженіи данныя съ несомнѣнною убѣдительностью укрѣпляютъ насъ въ томъ положеніи, что осмотръ Магницкимъ въ 1825-мъ году казанскаго университета носилъ,—и даже въ еще большей степени,—всѣ тѣ черты поверхностности, которыми отмѣчена была и его ревизія 1819-го года. Общею представляется для этихъ ревизій и та характерная особенность, что обѣ исходили изъ предвзятыхъ цѣлей, имѣвшихъ въ своей основѣ личные виды Магницкаго: ревизія 1819-го года—изобразить состояніе казанскаго университета въ самомъ мрачномъ и безнадежномъ свѣтѣ, ревизія 1825-го года—представить собою апоѳеозъ преобразовательной дѣятельности Магницкаго, показавъ блестящее положеніе того же университета, достигнутое шестилѣтнимъ управленіемъ попечителя-реформатора. Эта послѣдняя ревизія оцѣнивалась Магницкимъ въ качествѣ рѣшительнаго козыря въ затѣянной имъ политической игрѣ, а потому и не представляется ничего удивительнаго въ томъ, что, руководствуясь предвзятою задачею, попечитель далеко не былъ склоненъ относиться слишкомъ строго какъ къ ходу, такъ и къ итогамъ выпавшаго на его долю осмотра.

Читателей, которые желали бы подробнѣе познакомиться съ документальными данными, касающимися ревизіи 1825-го года, мы можемъ направить къ подлинному „Дѣлу объ осмотрѣ императорскаго казанскаго университета" *. Здѣсь интересующіеся найдутъ представленныя попечителю

* Архивъ каз. унив., дѣла попечительской канцеляріи за 1825 годъ, № 125 (на 225-ти листахъ).

отношеніяхъ своихъ къ Аракчееву, отчего всѣ губернскія власти смотрѣли на него съ страхомъ и трепетомъ" [257].

Мы не будемъ касаться всѣхъ подробностей какъ осмотра Магницкимъ казанскаго университета, такъ и его мѣропріятій по университету, большая часть которыхъ носитъ совершенно шаблонный характеръ, другія же изъ этихъ мѣропріятій (усиленіе власти директора университета, развязка дѣлъ Жобара, Пальмина и Грацинскаго) въ своемъ мѣстѣ нами уже были указаны. Совершенно шаблонный характеръ носилъ и осмотръ попечителемъ казанской гимназіи, начавшійся 27-го августа доставленіемъ директоромъ гимназіи И. И. Лажечниковымъ перечневыхъ вѣдомостей о состояніи по всѣмъ частямъ управленія ввѣреннаго ему учебнаго заведенія, продолжавшійся публичными, въ присутствіи попечителя и профессоровъ университета, испытаніями воспитанниковъ (31 августа—12 сентября) и окончившійся торжественнымъ публичнымъ актомъ 13-го сентября.

Всѣ находящіяся въ нашемъ распоряженіи данныя съ несомнѣнною убѣдительностью укрѣпляютъ насъ въ томъ положеніи, что осмотръ Магницкимъ въ 1825-мъ году казанскаго университета носилъ,—и даже въ еще большей степени,—всѣ тѣ черты поверхностности, которыми отмѣчена была и его ревизія 1819-го года. Общею представляется для этихъ ревизій и та характерная особенность, что обѣ исходили изъ предвзятыхъ цѣлей, имѣвшихъ въ своей основѣ личные виды Магницкаго: ревизія 1819-го года—изобразить состояніе казанскаго университета въ самомъ мрачномъ и безнадежномъ свѣтѣ, ревизія 1825-го года—представить собою апоѳеозъ преобразовательной дѣятельности Магницкаго, показавъ блестящее положеніе того же университета, достигнутое шестилѣтнимъ управленіемъ попечителя-реформатора. Эта послѣдняя ревизія оцѣнивалась Магницкимъ въ качествѣ рѣшительнаго козыря въ затѣянной имъ политической игрѣ, а потому и не представляется ничего удивительнаго въ томъ, что, руководствуясь предвзятою задачею, попечитель далеко не былъ склоненъ относиться слишкомъ строго какъ къ ходу, такъ и къ итогамъ выпавшаго на его долю осмотра.

Читателей, которые желали бы подробнѣе познакомиться съ документальными данными, касающимися ревизіи 1825-го года, мы можемъ направить къ подлинному „Дѣлу объ осмотрѣ императорскаго казанскаго университета" *. Здѣсь интересующіеся найдутъ представленныя попечителю

* Архивъ каз. унив., дѣла попечительской канцеляріи за 1825 годъ, № 125 (на 225-ти листахъ).

„статистическія таблицы“ о состояніи университета, съ исчисленіемъ его личнаго состава, имущества, съ вѣдомостями и табелями преподаваній, списками учащихся и означеніемъ ихъ успѣховъ и поведенія, и т. п. матеріалы, представляющіе собою шаблонныя и чисто канцелярскаго характера отписки. Болѣе любопытными являются здѣсь „конспекты“ преподаваній по отдѣльнымъ предметамъ, но и эти конспекты, составленные, конечно, въ полномъ соотвѣтствіи съ духомъ „инструкціи ректору“, не въ состояніи дать намъ ничего новаго въ сравненіи ихъ съ тѣми аналогичнаго характера конспектами, которые въ своемъ мѣстѣ уже были предметомъ нашего разсмотрѣнія *; тутъ же интересующіеся найдутъ (см. листъ 48-й цитируемаго дѣла) изложенное по пунктамъ „Обличеніе вредныхъ началъ въ наукѣ естественнаго права относительно самоважнѣйшихъ истинъ“, долженствовавшее познакомить попечителя съ тѣмъ „обличительнымъ направленіемъ“, въ какомъ только и терпѣлось преподаваніе въ казанскомъ университетѣ этой, — по воззрѣнію Магницкаго, — „опаснѣйшей“ науки. Насколько поверхностною представлялась ревизія Магницкаго, видно уже изъ того, что, прибывъ въ Казань 21-го августа, онъ уже къ 7-му сентябрю „привелъ къ окончанію обревизованіе нравственной, ученой, учебной и полицейской частей“ университета. Магницкимъ предпринята была, въ бытность его въ Казани, и одна совершенно исключительнаго характера мѣра, оставшаяся, впрочемъ, только на бумагѣ: 7-го сентября имъ учрежденъ былъ особый „Комитетъ для разсмотрѣнія отчетовъ о денежныхъ суммахъ за прошлые годы по университету и казанскому учебному округу“, въ составъ котораго, подъ предсѣдательствомъ профессора Г. Б. Никольскаго, вошли непремѣнный засѣдатель правленія профессоръ Дунаевъ и адъюнкты Васильевъ и Полиновскій. Этотъ комитетъ, не оставившій никакихъ положительныхъ результатовъ своей дѣятельности, сталъ распадаться слѣдомъ за выѣздомъ попечителя изъ Казани и уже скоро, послѣ ревизіи Желтухина, смѣнился, какъ мы ниже увидимъ это, болѣе серьезно обставленною „Коммиссіею по обревизованію суммъ казанскаго университета и его строительнаго комитета“, предметомъ тщательныхъ разслѣдованій которой явилась дѣятельность уже самого Магницкаго.

Вниманіе грознаго ревизора болѣе всего поглощалось испытаніями воспитанниковъ, которыя продолжались, по всѣмъ факультетамъ, съ 22-го августа по 10-ое сентября и протоколы которыхъ сохранились въ

* См. томъ III настоящаго труда, стр. 491 и слѣд.

„статистическія таблицы" о состояніи университета, съ исчисленіемъ его личнаго состава, имущества, съ вѣдомостями и табелями преподаваній, списками учащихся и означеніемъ ихъ успѣховъ и поведенія, и т. п. матеріалы, представляющіе собою шаблонныя и чисто канцелярскаго характера отписки. Болѣе любопытными являются здѣсь „конспекты" преподаваній по отдѣльнымъ предметамъ, но и эти конспекты, составленные, конечно, въ полномъ соотвѣтствіи съ духомъ „инструкціи ректору", не въ состояніи дать намъ ничего новаго въ сравненіи ихъ съ тѣми аналогичнаго характера конспектами, которые въ своемъ мѣстѣ уже были предметомъ нашего разсмотрѣнія *; тутъ же интересующіеся найдутъ (см. листъ 48-й цитируемаго дѣла) изложенное по пунктамъ „Обличеніе вредныхъ началъ въ наукѣ естественнаго права относительно самоважнѣйшихъ истинъ", долженствовавшее познакомить попечителя съ тѣмъ „обличительнымъ направленіемъ", въ какомъ только и терпѣлось преподаваніе въ казанскомъ университетѣ этой, — по воззрѣнію Магницкаго, — „опаснѣйшей" науки. Насколько поверхностною представлялась ревизія Магницкаго, видно уже изъ того, что, прибывъ въ Казань 21-го августа, онъ уже къ 7-му сентябрю „привелъ къ окончанію обревизованіе нравственной, ученой, учебной и полицейской частей" университета. Магницкимъ предпринята была, въ бытность его въ Казани, и одна совершенно исключительнаго характера мѣра, оставшаяся, впрочемъ, только на бумагѣ: 7-го сентября имъ учрежденъ былъ особый „Комитетъ для разсмотрѣнія отчетовъ о денежныхъ суммахъ за прошлые годы по университету и казанскому учебному округу", въ составъ котораго, подъ предсѣдательствомъ профессора Г. Б. Никольскаго, вошли непремѣнный засѣдатель правленія профессоръ Дунаевъ и адъюнкты Васильевъ и Полиновскій. Этотъ комитетъ, не оставившій никакихъ положительныхъ результатовъ своей дѣятельности, сталъ распадаться слѣдомъ за выѣздомъ попечителя изъ Казани и уже скоро, послѣ ревизіи Желтухина, смѣнился, какъ мы ниже увидимъ это, болѣе серьезно обставленною „Коммиссіею по обревизованію суммъ казанскаго университета и его строительнаго комитета", предметомъ тщательныхъ разслѣдованій которой явилась дѣятельность уже самого Магницкаго.

Вниманіе грознаго ревизора болѣе всего поглощалось испытаніями воспитанниковъ, которыя продолжались, по всѣмъ факультетамъ, съ 22-го августа по 10-ое сентября и протоколы которыхъ сохранились въ

---

* См. томъ III настоящаго труда, стр. 491 и слѣд.

дѣлѣ объ осмотрѣ Магницкимъ казанскаго университета. Вотъ свидѣтельство объ этихъ испытаніяхъ оффиціальнаго источника того времени:

„Господинъ попечитель казанскаго учебнаго округа 21-го августа прибылъ сюда,—читаемъ здѣсь.—Въ слѣдующій день принялъ онъ корпусъ университета, а послѣ обѣда началъ испытаніе въ законѣ Божіемъ, въ присутствіи г.г. исправляющаго должность директора университета, ректора и всѣхъ факультетовъ.

Съ сего дня, исключая праздники, три недѣли ежедневно продолжались строжайшія испытанія, по восьми и по десяти часовъ—поутру въ университетѣ, а послѣ обѣда въ здѣшней гимназіи. Между тѣмъ шло своимъ порядкомъ главнѣйшее дѣло учебныхъ начальствъ: розысканіе (?) о поведеніи, нравственныхъ свойствахъ и образѣ мыслей (sic!) каждаго студента. Когда нужныя по сему предмету и самыя достовѣрныя свѣдѣнія были собраны, а испытаніе окончено, составленъ всѣмъ студентамъ списокъ, раздѣленный на пять разрядовъ: въ первомъ помѣщены—отличные, во второмъ—хорошіе и весьма хорошіе по благочестію, поведенію и успѣхамъ, въ третьемъ—средственные, въ четвертомъ—легко проступившіеся, въ пятомъ—замѣченные въ порокахъ.

За симъ въ общемъ собраніи университета, подъ предсѣдательствомъ г. попечителя, распредѣлялись награды—учеными степенями, золотою, серебряными медалями и книгами" [258].

Покончивъ съ общимъ осмотромъ университета и положенія дѣлъ въ немъ, Магницкій выполнилъ свое намѣреніе устроить торжественный апоѳеозъ всей своей шестилѣтней дѣятельности по управленію казанскимъ университетомъ. Этотъ апоѳеозъ осуществился въ трехдневномъ университетскомъ празднествѣ, назначенномъ на 13-ое, 14-ое и 15-ое сентября.

Первый день празднества (13-ое сентября) былъ предназначенъ увѣнчанію дѣла внѣшняго переустройства университета торжественнымъ освященіемъ домовой университетской церкви во имя Воздвиженія честнаго животворящаго Креста Господня; этотъ день избранъ былъ въ видахъ того, что бы къ слѣдующему дню, на который выпадалъ храмовой университетскій праздникъ, церковь была уже освящена и въ ней могло быть отправлено первое престольное служеніе. Еще за нѣсколько дней до торжества попечитель испросилъ у архіепископа казанскаго Амвросія антиминсъ для новаго храма и заручился его личнымъ участіемъ въ университетскомъ церковномъ торжествѣ, желая обставить это послѣднее возможно благолѣпнѣе. „Для Маг-

дѣлѣ объ осмотрѣ Магницкимъ казанскаго университета. Вотъ свидѣтельство объ этихъ испытаніяхъ оффиціальнаго источника того времени:

„Господинъ попечитель казанскаго учебнаго округа 21-го августа прибылъ сюда,—читаемъ здѣсь.—Въ слѣдующій день принялъ онъ корпусъ университета, а послѣ обѣда началъ испытаніе въ законѣ Божіемъ, въ присутствіи г.г. исправляющаго должность директора университета, ректора и всѣхъ факультетовъ.

Съ сего дня, исключая праздники, три недѣли ежедневно продолжались строжайшія испытанія, по восьми и по десяти часовъ—поутру въ университетѣ, а послѣ обѣда въ здѣшней гимназіи. Между тѣмъ шло своимъ порядкомъ главнѣйшее дѣло учебныхъ начальствъ: розысканіе (?) о поведеніи, нравственныхъ свойствахъ и образѣ мыслей (sic!) каждаго студента. Когда нужныя по сему предмету и самыя достовѣрныя свѣдѣнія были собраны, а испытаніе окончено, составленъ всѣмъ студентамъ списокъ, раздѣленный на пять разрядовъ: въ первомъ помѣщены—отличные, во второмъ—хорошіе и весьма хорошіе по благочестію, поведенію и успѣхамъ, въ третьемъ—средственные, въ четвертомъ—легко проступившіеся, въ пятомъ—замѣченные въ порокахъ.

За симъ въ общемъ собраніи университета, подъ предсѣдательствомъ г. попечителя, распредѣлялись награды—учеными степенями, золотою, серебряными медалями и книгами" [258].

Покончивъ съ общимъ осмотромъ университета и положенія дѣлъ въ немъ, Магницкій выполнилъ свое намѣреніе устроить торжественный апоѳеозъ всей своей шестилѣтней дѣятельности по управленію казанскимъ университетомъ. Этотъ апоѳеозъ осуществился въ трехдневномъ университетскомъ празднествѣ, назначенномъ на 13-ое, 14-ое и 15-ое сентября.

Первый день празднества (13-ое сентября) былъ предназначенъ увѣнчанію дѣла внѣшняго переустройства университета торжественнымъ освященіемъ домовой университетской церкви во имя Воздвиженія честнаго животворящаго Креста Господня; этотъ день избранъ былъ въ видахъ того, что бы къ слѣдующему дню, на который выпадалъ храмовой университетскій праздникъ, церковь была уже освящена и въ ней могло быть отправлено первое престольное служеніе. Еще за нѣсколько дней до торжества попечитель испросилъ у архіепископа казанскаго Амвросія антиминсъ для новаго храма и заручился его личнымъ участіемъ въ университетскомъ церковномъ торжествѣ, желая обставить это послѣднее возможно благолѣпнѣе. „Для Маг-

ницкаго, такъ много потрудившагося надъ устроеніемъ храма,—пишетъ историкъ университетской церкви профессоръ прот. А. В. Смирновъ,—это освященіе было особенно радостнымъ событіемъ: онъ смотрѣлъ на университетскій храмъ, какъ на видимый памятникъ своей преобразовательной дѣятельности, направленной къ насажденію въ университетѣ духа вѣры и благочестія"; двумя днями позже, ссылаясь въ своей рѣчи на совершившееся церковное торжество, попечитель высказалъ мысль, что „освященіе великолѣпнаго университетскаго храма должно выступить въ значеніи побѣды мудрости небесной надъ мудрованіемъ человѣческимъ" и что „божественное знаменіе" этой побѣды „сіяетъ на кровѣ университета и водружено въ самой его серединѣ" *.

Торжество освященія церкви было совершено, въ сослуженіи „знатнѣйшаго духовенства", архіепископомъ Амвросіемъ, „въ присутствіи всего университета и гимназіи, г. управляющаго казанскою губерніею, казанскаго коменданта, воинскихъ и гражданскихъ начальниковъ разныхъ частей управленія и многихъ почетныхъ особъ обоего пола". По окончаніи церковнаго торжества, за которымъ законоучителемъ университета и настоятелемъ вновь освященной церкви прот. А. И. Нечаевымъ произнесено было слово на текстъ: „Буди миръ въ силѣ Твоей и обиліе въ столпостѣнахъ Твоихъ" (Псал. CXXI, 7), высокопреосвященный Амвросій произвелъ въ большомъ университетскомъ залѣ публичное испытаніе въ богословіи и церковно-библейской исторіи „отличнѣйшимъ въ семъ классѣ студентамъ; „по окончаніи испытанія, архіепископъ и другіе почетные гости были приглашены къ предложенному имъ университетомъ завтраку **. Въ тотъ же день, въ послѣобѣденное время, состоялся публичный актъ въ казанской гимназіи, на которомъ „всѣ присутствующіе на ономъ особы были свидѣтелями отличнаго благоустройства и цвѣтущаго состоянія сего важнаго заведенія, служащаго разсадникомъ здѣш-

* Прот. А. В. Смирновъ: «Крестовоздвиженская церковь при императорскомъ казанскомъ университетѣ» (Каз. 1904), стр. 25—27.

** Общій характеръ угощеній, предложенныхъ университетомъ въ дни празднествъ 13—15 сентября 1825 года, иллюстрируется «Счетомъ расходамъ», представленнымъ адъюнктомъ Миллеромъ, вѣдавшимъ эту сторону торжествъ; весь этотъ расходъ выразился въ суммѣ 983 р. 52 коп. Оказывается, что, ради этихъ торжествъ, которымъ онъ придавалъ такое крупное значеніе, Магницкій позволилъ себѣ даже поступиться раньше предъявлявшимся имъ требованіемъ абсолютной трезвости (см. выше стр. 84—85): на этотъ разъ было выпито на 100 рублей шампанскаго, на 68 р. другихъ винъ, на 21 р.—пива и на 17 р.—водки.

Этому «Счету расходамъ» мы отводимъ мѣсто, въ качествѣ не лишеннаго интереса историко-бытового памятника, въ приложеніяхъ къ настоящему тому (см. приложеніе IV).

ницкаго, такъ много потрудившагося надъ устроеніемъ храма,—пишетъ историкъ университетской церкви профессоръ прот. А. В. Смирновъ,— это освященіе было особенно радостнымъ событіемъ: онъ смотрѣлъ на университетскій храмъ, какъ на видимый памятникъ своей преобразовательной дѣятельности, направленной къ насажденію въ университетѣ духа вѣры и благочестія"; двумя днями позже, ссылаясь въ своей рѣчи на совершившееся церковное торжество, попечитель высказалъ мысль, что „освященіе великолѣпнаго университетскаго храма должно выступить въ значеніи побѣды мудрости небесной надъ мудрованіемъ человѣческимъ" и что „божественное знаменіе" этой побѣды „сіяетъ на кровѣ университета и водружено въ самой его срединѣ" *.

Торжество освященія церкви было совершено, въ сослуженіи „знатнѣйшаго духовенства", архіепископомъ Амвросіемъ, „въ присутствіи всего университета и гимназіи, г. управляющаго казанскою губерніею, казанскаго коменданта, воинскихъ и гражданскихъ начальниковъ разныхъ частей управленія и многихъ почетныхъ особъ обоего пола". По окончаніи церковнаго торжества, за которымъ законоучителемъ университета и настоятелемъ вновь освященной церкви прот. А. И. Нечаевымъ произнесено было слово на текстъ: „Буди миръ въ силѣ Твоей и обиліе въ столпостѣнахъ Твоихъ" (Псал. CXXI, 7), высокопреосвященный Амвросій произвелъ въ большомъ университетскомъ залѣ публичное испытаніе въ богословіи и церковно-библейской исторіи „отличнѣйшимъ въ семъ классѣ студентамъ; „по окончаніи испытанія, архіепископъ и другіе почетные гости были приглашены къ предложенному имъ университетомъ завтраку **. Въ тотъ же день, въ послѣобѣденное время, состоялся публичный актъ въ казанской гимназіи, на которомъ „всѣ присутствующіе на ономъ особы были свидѣтелями отличнаго благоустройства и цвѣтущаго состоянія сего важнаго заведенія, служащаго разсадникомъ здѣш-

* Прот. А. В. Смирновъ: «Крестовоздвиженская церковь при императорскомъ казанскомъ университетѣ» (Каз. 1904), стр. 25—27.

** Общій характеръ угощеній, предложенныхъ университетомъ въ дни празднествъ 13—15 сентября 1825 года, иллюстрируется «Счетомъ расходамъ», представленнымъ адъюнктомъ Миллеромъ, вѣдавшимъ эту сторону торжествъ; весь этотъ расходъ выразился въ суммѣ 983 р. 52 коп. Оказывается, что, ради этихъ торжествъ, которымъ онъ придавалъ такое крупное значеніе, Магницкій позволилъ себѣ даже поступиться раньше предъявлявшимся имъ требованіемъ абсолютной трезвости (см. выше стр. 84—85): на этотъ разъ было выпито на 100 рублей шампанскаго, на 68 р. другихъ винъ, на 21 р.—пива и на 17 р.—водки.

Этому «Счету расходамъ» мы отводимъ мѣсто, въ качествѣ не лишеннаго интереса историко-бытового памятника, въ приложеніяхъ къ настоящему тому (см. приложеніе IV).

нему университету", за что попечителемъ тутъ же и была принесена публичная благодарность директору гимназіи И. И. Лажечникову и его сотрудникамъ; актъ закончился раздачею наградъ и провозглашеніемъ именъ 13-ти воспитанниковъ, удостоенныхъ перечисленія въ студенты университета.

Второй день торжествъ (14-ое сентября) совпалъ съ храмовымъ университетскимъ праздникомъ Воздвиженія Креста Господня; за парадною литургіею преподаватель церковно-библейской исторіи протоіерей Ф. Т. Талантовъ сказалъ слово на текстъ: „Не судихъ бо вѣдѣти что въ васъ, точію Іисуса Христа и сего распята" (1, Кор. II, 2). Въ этотъ день „торжествовалъ университетъ домашній свой праздникъ"—читаемъ въ современномъ оффиціальномъ описаніи этихъ дней; ограничился ли день 14-го сентября однимъ церковнымъ торжествомъ—остается неизвѣстнымъ.

Третій и послѣдній день торжествъ (15-ое сентября) совпалъ съ празднованіемъ дня коронованія императора Александра Павловича и былъ предназначенъ для торжественнаго публичнаго университетскаго собранія, на которомъ Магницкій долженъ былъ произнести рѣчь, подводящую итоги жизни обновленнаго имъ казанскаго университета и, вмѣстѣ съ тѣмъ, общій итогъ его собственной шестилѣтней попечительской дѣятельности. Уже отсюда становится понятнымъ то выдающееся значеніе, какое придавалось попечителемъ этому финальному акту устроенныхъ имъ трехдневныхъ торжествъ. Подробное описаніе университетскаго акта 15-го сентября, въ связи съ описаніемъ всѣхъ трехдневныхъ празднествъ и съ подлиннымъ текстомъ произнесенныхъ и прочитанныхъ въ эти дни церковныхъ проповѣдей, актовыхъ рѣчей и отчета, интересующіеся найдутъ въ „Казанскомъ Вѣстникѣ" за 1825-й годъ (часть XV), а также въ оффиціальномъ изданіи: „Описаніе торжества, бывшаго въ императорскомъ казанскомъ университетѣ 15-го сентября 1825 года" (Каз. 1825, стр. 152+20). Это послѣднее изданіе и кладется главною основою нашего разсказа о торжествахъ 13-го—15-го сентября.

Торжество 15-го сентября, въ виду выпавшаго на это число „царскаго дня", началось слушаніемъ литургіи въ каѳедральномъ соборѣ, принесеніемъ оффиціальныхъ поздравленій и „великолѣпнымъ" обѣдомъ у исправляющаго должность губернатора А. Я. Жмакина, по окончаніи котораго, въ 4 часа пополудни, начался „многочисленный съѣздъ званыхъ особъ" на университетскій актъ. „Великолѣпное зданіе университета, богато освѣщенное, представляло видъ совершенно приличный торжествен-

нему университету", за что попечителемъ тутъ же и была принесена публичная благодарность директору гимназіи И. И. Лажечникову и его сотрудникамъ; актъ закончился раздачею наградъ и провозглашеніемъ именъ 13-ти воспитанниковъ, удостоенныхъ перечисленія въ студенты университета.

Второй день торжествъ (14-ое сентября) совпалъ съ храмовымъ университетскимъ праздникомъ Воздвиженія Креста Господня; за парадною литургіею преподаватель церковно-библейской исторіи протоіерей Ф. Т. Талантовъ сказалъ слово на текстъ: „Не судихъ бо вѣдѣти что въ васъ, точію Іисуса Христа и сего распята" (1, Кор. II, 2). Въ этотъ день „торжествовалъ университетъ домашній свой праздникъ"—читаемъ въ современномъ оффиціальномъ описаніи этихъ дней; ограничился ли день 14-го сентября однимъ церковнымъ торжествомъ—остается неизвѣстнымъ.

Третій и послѣдній день торжествъ (15-ое сентября) совпалъ съ празднованіемъ дня коронованія императора Александра Павловича и былъ предназначенъ для торжественнаго публичнаго университетскаго собранія, на которомъ Магницкій долженъ былъ произнести рѣчь, подводящую итоги жизни обновленнаго имъ казанскаго университета и, вмѣстѣ съ тѣмъ, общій итогъ его собственной шестилѣтней попечительской дѣятельности. Уже отсюда становится понятнымъ то выдающееся значеніе, какое придавалось попечителемъ этому финальному акту устроенныхъ имъ трехдневныхъ торжествъ. Подробное описаніе университетскаго акта 15-го сентября, въ связи съ описаніемъ всѣхъ трехдневныхъ празднествъ и съ подлиннымъ текстомъ произнесенныхъ и прочитанныхъ въ эти дни церковныхъ проповѣдей, актовыхъ рѣчей и отчета, интересующіеся найдутъ въ „Казанскомъ Вѣстникѣ" за 1825-й годъ (часть XV), а также въ оффиціальномъ изданіи: „Описаніе торжества, бывшаго въ императорскомъ казанскомъ университетѣ 15-го сентября 1825 года" (Каз. 1825, стр. 152+20). Это послѣднее изданіе и кладется главною основою нашего разсказа о торжествахъ 13-го—15-го сентября.

Торжество 15-го сентября, въ виду выпавшаго на это число „царскаго дня", началось слушаніемъ литургіи въ каѳедральномъ соборѣ, принесеніемъ оффиціальныхъ поздравленій и „великолѣпнымъ" обѣдомъ у исправляющаго должность губернатора А. Я. Жмакина, по окончаніи котораго, въ 4 часа пополудни, начался „многочисленный съѣздъ званыхъ особъ" на университетскій актъ. „Великолѣпное зданіе университета, богато освѣщенное, представляло видъ совершенно приличный торжествен-

ности сего счастливаго дня,—читаемъ въ современномъ описаніи празднества.—Когда огромный залъ собранія, украшенный портретомъ его императорскаго величества *, наполнился почетными посѣтителями обоего пола и прибыли знатнѣйшія лица, въ разныхъ частяхъ управленія здѣсь начальствующія, послѣ приличной встрѣчи его высокопреосвященства и занятія университетомъ (sic) своего мѣста—начался актъ".

Торжественный университетскій актъ 15-го сентября 1825 года открылся пѣніемъ стиха: „Царю небесный", послѣ чего профессоромъ россійской словесности Г. С. Суровцовымъ произнесена рѣчь на тенденціозную тему: „О духѣ христіанскаго проповѣдническаго краснорѣчія, сравнительно съ древнимъ языческимъ". За этою рѣчью слѣдовала оркестровая „увертюра" и рѣчь профессора И. М. Симонова: „О причинахъ неравенства температуры на двухъ полушаріяхъ земли". Далѣе снова „увертюра", во время исполненія которой присутствующимъ раздавался отчетъ по университету за 1823—1824 академ. годъ. Затѣмъ слѣдовало чтеніе „Исторической записки объ императорскомъ казанскомъ университетѣ за прошедшій 1824—1825 академ. годъ", раздача студентамъ наградныхъ медалей и книгъ, а вновь зачисленнымъ—шпагъ, и прочтеніе студентомъ Крюковымъ сочиненія на тему: „Сравненіе нѣкоторыхъ знаменитыхъ язычниковъ съ святыми мужами нашея церкви". Заключительную часть торжественнаго акта,—такъ сказать „гвоздь" его,—представляла собою рѣчь самого попечителя Магницкаго. Въ этой рѣчи попечитель, „отдавъ,—по словамъ оффиціальнаго описанія акта,—отчетъ въ осмотрѣ, имъ произведенномъ, и справедливыя похвалы какъ всѣмъ лицамъ, отлично оныя заслужившимъ, такъ, вообще, и всему университету, изъяснилъ въ нѣсколькихъ чертахъ тѣ чувства вѣрноподданнической преданности къ августѣйшему благотворителю Россіи, кои невольно исторглись у него въ заведеніи, его императорскимъ величествомъ созданномъ, и въ такомъ обществѣ, гдѣ всѣ, вообще, такъ и каждый, лично, осыпаны его благодѣяніями". „Все собраніе,—заключаетъ описаніе,—выражало самымъ трогательнымъ образомъ живѣйшее участіе свое въ сихъ чувствахъ". Торжественный актъ завершился пѣніемъ канта „Тебѣ Бога хвалимъ" [259].

Изъ всѣхъ рѣчей, произнесенныхъ на актѣ 15-го сентября, выдающійся интересъ представляетъ собою рѣчь самого Магницкаго,

* До сихъ поръ сохраняющійся портретъ императора Александра I, съ историческимъ подъ нимъ посвященіемъ: «Обновителю своему обновленный университетъ».

ности сего счастливаго дня,—читаемъ въ современномъ описаніи празднества.—Когда огромный залъ собранія, украшенный портретомъ его императорскаго величества *, наполнился почетными посѣтителями обоего пола и прибыли знатнѣйшія лица, въ разныхъ частяхъ управленія здѣсь начальствующія, послѣ приличной встрѣчи его высокопреосвященства и занятія университетомъ (sic) своего мѣста—начался актъ".

Торжественный университетскій актъ 15-го сентября 1825 года открылся пѣніемъ стиха: „Царю небесный", послѣ чего профессоромъ россійской словесности Г. С. Суровцовымъ произнесена рѣчь на тенденціозную тему: „О духѣ христіанскаго проповѣдническаго краснорѣчія, сравнительно съ древнимъ языческимъ". За этою рѣчью слѣдовала оркестровая „увертюра" и рѣчь профессора И. М. Симонова: „О причинахъ неравенства температуры на двухъ полушаріяхъ земли". Далѣе снова „увертюра", во время исполненія которой присутствующимъ раздавался отчетъ по университету за 1823—1824 академ. годъ. Затѣмъ слѣдовало чтеніе „Исторической записки объ императорскомъ казанскомъ университетѣ за прошедшій 1824—1825 академ. годъ", раздача студентамъ наградныхъ медалей и книгъ, а вновь зачисленнымъ—шпагъ, и прочтеніе студентомъ Крюковымъ сочиненія на тему: „Сравненіе нѣкоторыхъ знаменитыхъ язычниковъ съ святыми мужами нашея церкви". Заключительную часть торжественнаго акта,—такъ сказать „гвоздь" его,—представляла собою рѣчь самого попечителя Магницкаго. Въ этой рѣчи попечитель, „отдавъ,—по словамъ оффиціальнаго описанія акта,—отчетъ въ осмотрѣ, имъ произведенномъ, и справедливыя похвалы какъ всѣмъ лицамъ, отлично оныя заслужившимъ, такъ, вообще, и всему университету, изъяснилъ въ нѣсколькихъ чертахъ тѣ чувства вѣрноподданнической преданности къ августѣйшему благотворителю Россіи, кои невольно исторглись у него въ заведеніи, его императорскимъ величествомъ созданномъ, и въ такомъ обществѣ, гдѣ всѣ, вообще, такъ и каждый, лично, осыпаны его благодѣяніями". „Все собраніе,—заключаетъ описаніе,—выражало самымъ трогательнымъ образомъ живѣйшее участіе свое въ сихъ чувствахъ". Торжественный актъ завершился пѣніемъ канта „Тебѣ Бога хвалимъ" [259].

Изъ всѣхъ рѣчей, произнесенныхъ на актѣ 15-го сентября, выдающійся интересъ представляетъ собою рѣчь самого Магницкаго,

---

* До сихъ поръ сохраняющійся портретъ императора Александра I, съ историческимъ подъ нимъ посвященіемъ: «Обновителю своему обновленный университетъ».

проникнутая стремленіемъ возвѣстить urbi et orbi „благодѣтельные" результаты произведеннаго имъ преобразованія казанскаго университета. Этою рѣчью попечитель округа какъ бы увѣнчивалъ все зданіе предпринятаго имъ возсозданія университетской жизни, тѣмъ самымъ кичливо возлагая и на самого себя вѣнецъ великаго педагога-реформатора. Кричащая рѣчь Магницкаго надѣлала въ свое время не мало шума, вызвавъ, съ другой стороны, и весьма критическое къ себѣ отношеніе не только въ обществѣ, но и со стороны министра народнаго просвѣщенія; пятью мѣсяцами позже, предлагая генералъ-маіору П. Ѳ. Желтухину приступить къ осмотру казанскаго университета и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ ревизіи почти семилѣтняго попечительства надъ нимъ Магницкаго, А. С. Шишковъ возлагалъ на ревизора обязанность удостовѣриться въ томъ—„таковы ли успѣхи въ наукахъ студентовъ и воспитанниковъ гимназіи, какъ свидѣтельствуетъ о томъ г. попечитель въ торжественной рѣчи своей, произнесенной 15-го сентября 1825 года".

Крупное историческое значеніе, представляемое рѣчью Магницкаго, заставляетъ насъ въ подлинномъ текстѣ познакомить съ нею нашихъ читателей:

„Господа члены университета! Законоучители, блюстители христіанской нравственности и благочинія, преподаватели высшихъ познаній во всѣхъ родахъ наукъ и словесности!

Проведя слишкомъ три недѣли въ ежедневныхъ, самыхъ строгихъ испытаніяхъ студентовъ и воспитанниковъ гимназіи, почти по 10-ти часовъ каждый день продолжавшихся, вникая, по жительству моему въ самомъ университетѣ, во всѣ подробности онаго, я могу сказать, безъ преувеличенія, что осмотрѣлъ университетъ внимательно, изучилъ самый внутренній ходъ его учебнаго, нравственнаго и полицейскаго управленія; знаю не только лица, въ разныхъ частяхъ сего управленія дѣйствующія, но и каждаго студента; въ чемъ и ссылаюсь на васъ самихъ.

Могу сказать, что видѣлъ университетъ—и университетъ единственный по достоинству, по отличнымъ способностямъ, по высокимъ познаніямъ лицъ, почтенное сословіе его составляющихъ; единственный по доброму духу преподавателей, по личной и всему городу, предъ которымъ смѣло говорю сіе, извѣстной ихъ нравственности и благоповеденію; единственный по доброму духу, благонравію, скромности, образованности и отличнымъ успѣхамъ во всѣхъ полезныхъ знаніяхъ студентовъ. Здѣсь родители и родственники ихъ—я на нихъ ссылаюсь; здѣсь начальство губерніи — я имъ свидѣтельствуюсь. . . . .

проникнутая стремленіемъ возвѣстить urbi et orbi „благодѣтельные" результаты произведеннаго имъ преобразованія казанскаго университета. Этою рѣчью попечитель округа какъ бы увѣнчивалъ все зданіе предпринятаго имъ возсозданія университетской жизни, тѣмъ самымъ кичливо возлагая и на самого себя вѣнецъ великаго педагога-реформатора. Кричащая рѣчь Магницкаго надѣлала въ свое время не мало шума, вызвавъ, съ другой стороны, и весьма критическое къ себѣ отношеніе не только въ обществѣ, но и со стороны министра народнаго просвѣщенія; пятью мѣсяцами позже, предлагая генералъ-маіору П. Θ. Желтухину приступить къ осмотру казанскаго университета и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ ревизіи почти семилѣтняго попечительства надъ нимъ Магницкаго, А. С. Шишковъ возлагалъ на ревизора обязанность удостовѣриться въ томъ—„таковы ли успѣхи въ наукахъ студентовъ и воспитанниковъ гимназіи, какъ свидѣтельствуетъ о томъ г. попечитель въ торжественной рѣчи своей, произнесенной 15-го сентября 1825 года".

Крупное историческое значеніе, представляемое рѣчью Магницкаго, заставляетъ насъ въ подлинномъ текстѣ познакомить съ нею нашихъ читателей:

„Господа члены университета! Законоучители, блюстители христіанской нравственности и благочинія, преподаватели высшихъ познаній во всѣхъ родахъ наукъ и словесности!

Проведя слишкомъ три недѣли въ ежедневныхъ, самыхъ строгихъ испытаніяхъ студентовъ и воспитанниковъ гимназіи, почти по 10-ти часовъ каждый день продолжавшихся, вникая, по жительству моему въ самомъ университетѣ, во всѣ подробности онаго, я могу сказать, безъ преувеличенія, что осмотрѣлъ университетъ внимательно, изучилъ самый внутренній ходъ его учебнаго, нравственнаго и полицейскаго управленія; знаю не только лица, въ разныхъ частяхъ сего управленія дѣйствующія, но и каждаго студента; въ чемъ и ссылаюсь на васъ самихъ.

Могу сказать, что видѣлъ университетъ—и университетъ единственный по достоинству, по отличнымъ способностямъ, по высокимъ познаніямъ лицъ, почтенное сословіе его составляющихъ; единственный по доброму духу преподавателей, по личной и всему городу, предъ которымъ смѣло говорю сіе, извѣстной ихъ нравственности и благоповеденію; единственный по доброму духу, благонравію, скромности, образованности и отличнымъ успѣхамъ во всѣхъ полезныхъ знаніяхъ студентовъ. Здѣсь родители и родственники ихъ—я на нихъ ссылаюсь; здѣсь начальство губерніи—я имъ свидѣтельствуюсь.

АКТОШЫЙ ЗАЛЪ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

(1825—1905)

АКТОВЫЙ ЗАЛЪ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

(1825—1905)

Изъ числа 91-го студента, по самомъ строгомъ изслѣдованіи, найдено достойныхъ золотой медали, положенной за отличные во всѣхъ классахъ успѣхи, украшающіеся основательнымъ познаніемъ Закона Божія и христіанскою нравственностію, найдено почти равно достойныхъ семь. Сего дня прочтены публично имена ихъ. Найдено, сверхъ того, во всѣхъ отношеніяхъ хорошихъ и весьма хорошихъ студентовъ 22, и того 29.—Какой похвалы краснорѣчивѣйшей вамъ всѣмъ, милостивые государи, желать и ожидать отъ меня можно? Вы сами себѣ ее сдѣлали.

Въ то самое время, какъ повсемѣстно видимъ мы благотворныя заботы Государя Благочестивѣйшаго и вѣрныхъ исполнителей священной Его воли объ искорененіи тѣхъ пагубныхъ лжеученій, которыя, какъ протокъ подземный, устремлялись подрыть святые алтари Бога отцевъ нашихъ; въ то самое время, говорю, университетъ казанскій, за златою оградою высочайше данныхъ ему инструкцій, чуждъ повсемѣстной заразы, вѣренъ общей матери нашей церкви православной, питаетъ юность, пылающую живою вѣрою, чистымъ медомъ ея небеснаго ученія.

Два дня тому, на семъ самомъ мѣстѣ, свѣтильникъ православія, которымъ благословилъ Господь градъ вашъ, какъ новый Златоустъ окруженный толпящимися къ нему воспитанниками университета и гимназіи, вопрошалъ ихъ о догматахъ вѣры, строго испытывалъ въ убѣжденіи о святости церкви правовѣрной, благоволилъ къ ихъ отвѣтамъ, утѣшался ихъ успѣхами, благословлялъ сихъ юношей и дѣтей благочестивыхъ.

Въ то самое время, какъ лжеимянная философія, отравляя всѣ науки и даже словесность и самыя искуства тлетворнымъ своимъ ядомъ, бѣснуетъ умы на Бога и царей, въ университетѣ нашемъ самый ядъ сей претворяется въ цѣлительное средство противъ буйной гордости разума. Воспитанники ваши, путеводимые благочестивымъ Несторомъ вашего сословія, твердо изучили всѣ возраженія на нелѣпыя положенія естественнаго права и съ улыбкою презрѣнія къ возмутительнымъ его бреднямъ, изощряютъ природное свое остроуміе на счетъ славнѣйшихъ его апостоловъ.

Вмѣсто тѣхъ буйныхъ мечтаній нѣкоторыхъ германцевъ, кои возникли съ своевольствомъ Лютеровой реформы и такъ лживо называются нынѣ философіею, мечтаній, въ углу сѣверной Германіи распространенныхъ такими людьми, коихъ и имянъ на другомъ краю Европы никто не знаетъ; вмѣсто сихъ мечтаній принята у васъ та здравая, истинная, беззатѣйная философія, которая прямитъ и изощряетъ умы, съ которою жили счастливо отцы наши, вѣрные Богу и

Изъ числа 91-го студента, по самомъ строгомъ изслѣдованіи, найдено достойныхъ золотой медали, положенной за отличные во всѣхъ классахъ успѣхи, украшающіеся основательнымъ познаніемъ Закона Божія и христіанскою нравственностію, найдено почти равно достойныхъ семь. Сего дня прочтены публично имена ихъ. Найдено, сверхъ того, во всѣхъ отношеніяхъ хорошихъ и весьма хорошихъ студентовъ 22, и того 29.—Какой похвалы краснорѣчивѣйшей вамъ всѣмъ, милостивые государи, желать и ожидать отъ меня можно? Вы сами себѣ ее сдѣлали.

Въ то самое время, какъ повсемѣстно видимъ мы благотворныя заботы Государя Благочестивѣйшаго и вѣрныхъ исполнителей священной Его воли объ искорененіи тѣхъ пагубныхъ лжеученій, которыя, какъ протокъ подземный, устремлялись подрыть святые алтари Бога отцевъ нашихъ; въ то самое время, говорю, университетъ казанскій, за златою оградою высочайше данныхъ ему инструкцій, чуждъ повсемѣстной заразы, вѣренъ общей матери нашей церкви православной, питаетъ юность, пылающую живою вѣрою, чистымъ медомъ ея небеснаго ученія.

Два дня тому, на семъ самомъ мѣстѣ, свѣтильникъ православія, которымъ благословилъ Господь градъ вашъ, какъ новый Златоустъ окруженный толпящимися къ нему воспитанниками университета и гимназіи, вопрошалъ ихъ о догматахъ вѣры, строго испытывалъ въ убѣжденіи о святости церкви правовѣрной, благоволилъ къ ихъ отвѣтамъ, утѣшался ихъ успѣхами, благословлялъ сихъ юношей и дѣтей благочестивыхъ.

Въ то самое время, какъ лжеимянная философія, отравляя всѣ науки и даже словесность и самыя искуства тлетворнымъ своимъ ядомъ, бѣснуетъ умы на Бога и царей, въ университетѣ нашемъ самый ядъ сей претворяется въ цѣлительное средство противъ буйной гордости разума. Воспитанники ваши, путеводимые благочестивымъ Несторомъ вашего сословія, твердо изучили всѣ возраженія на нелѣпыя положенія естественнаго права и съ улыбкою презрѣнія къ возмутительнымъ его бреднямъ, изощряютъ природное свое остроуміе на счетъ славнѣйшихъ его апостоловъ.

Вмѣсто тѣхъ буйныхъ мечтаній нѣкоторыхъ германцевъ, кои возникли съ своевольствомъ Лютеровой реформы и такъ лживо называются нынѣ философіею, мечтаній, въ углу сѣверной Германіи распространенныхъ такими людьми, коихъ и имянъ на другомъ краю Европы никто не знаетъ; вмѣсто сихъ мечтаній принята у васъ та здравая, истинная, беззатѣйная философія, которая прямитъ и изощряетъ умы, съ которою жили счастливо отцы наши, вѣрные Богу и

царямъ, въ которой воспитаны и образовались отличнѣйшіе мужи нашего отечества, свѣтила нашей церкви.

Въ преподаваніи исторіи всеобщей былъ я обрадованъ тѣмъ, чего всегда желалъ, не предвидя возможности исполненія, чего даже не смѣлъ и надѣяться. Извѣстная рѣчь Боссюета, безсмертный памятникъ сего христіанскаго генія, удивленіе потомства, представляя общій взглядъ ума необыкновеннаго, взирающаго съ неба на судьбы, движеніе и паденіе царствъ земныхъ, была дана въ руководство преподавателю всеобщей исторіи. Но что онъ сдѣлалъ съ нею? Онъ изъ простого очерченія Боссюетова сдѣлалъ картину всемірныхъ произшествій, освѣтивъ ее тѣмъ незаходимымъ свѣтомъ, внѣ котораго всякое просвѣщеніе человѣческое—тьма густая. Онъ исполнилъ въ преподаваніи своемъ то, что въ высочайше утвержденной инструкціи ректору нашего университета предписано; онъ смѣлою рукою свергнулъ тѣ идолы языческаго величія, предъ коими весь ученый міръ, преклоня колѣна, стоитъ уже двѣ тысячи лѣтъ. Въ житіяхъ святыхъ церкви православной показалъ онъ тѣ высокіе примѣры всѣхъ добродѣтелей, предъ коими меркнетъ и изчезаетъ, какъ тѣнь, слава Брутовъ и Лукрецій. Онъ сорвалъ вѣнцы съ гордаго чела героевъ языческой древности и почтительно положилъ ихъ на окровавленномъ прахѣ Колизея, къ стопамъ святыхъ мученическихъ ликовъ.

Въ примѣрахъ словесности греческой отрадно было слышать святыя имена Златоуста, Григорія, Кирилла, Аѳанасія и Макарія—на ряду съ Демосѳеномъ. Отличные и быстрые въ семъ предметѣ успѣхи были какъ бы послѣдствіе благословенія сихъ святителей, чужеземными учителями греческой словесности оставленныхъ и презрѣнныхъ.

Родная съ еллинскою словесность отечественная—преподана совершенно согласно съ нашими инструкціями. Студенты, коихъ свѣжая и счастливая память обогащена отборнѣйшими сокровищами священнаго и гражданскаго краснорѣчія, сочиняли и произносили, безъ приготовленія, на самомъ экзаменѣ, рѣчи на разные предметы, имъ заданные, и слогъ рѣчей сихъ, всегда правильный и чистый, былъ часто прилично украшаемъ и силенъ.

Классъ поэзіи, обыкновенно такъ суетный и безполезный, приноситъ здѣсь не только большую учебную, но и нравственную, пользу. Изящный вкусъ студентовъ, доказанный строгою и тонкою критикой образцовыхъ стихотвореній древнихъ и новыхъ, образованъ на поэзіи священной, коей всѣ роды находятъ и показываютъ они, съ удивительною точностію, въ Библіи.

Исторію россійскую знаютъ они основательно и въ направленіи, согласномъ съ духомъ церкви и чувствами вѣрноподданныхъ къ царямъ отечественнымъ.

царямъ, въ которой воспитаны и образовались отличнѣйшіе мужи нашего отечества, свѣтила нашей церкви.

Въ преподаваніи исторіи всеобщей былъ я обрадованъ тѣмъ, чего всегда желалъ, не предвидя возможности исполненія, чего даже не смѣлъ и надѣяться. Извѣстная рѣчь Боссюета, безсмертный памятникъ сего христіанскаго генія, удивленіе потомства, представляя общій взглядъ ума необыкновеннаго, взирающаго съ неба на судьбы, движеніе и паденіе царствъ земныхъ, была дана въ руководство преподавателю всеобщей исторіи. Но что онъ сдѣлалъ съ нею? Онъ изъ простого очерченія Боссюетова сдѣлалъ картину всемірныхъ происшествій, освѣтивъ ее тѣмъ незаходимымъ свѣтомъ, внѣ котораго всякое просвѣщеніе человѣческое—тьма густая. Онъ исполнилъ въ преподаваніи своемъ то, что въ высочайше утвержденной инструкціи ректору нашего университета предписано; онъ смѣлою рукою свергнулъ тѣ идолы языческаго величія, предъ коими весь ученый міръ, преклоня колѣна, стоитъ уже двѣ тысячи лѣтъ. Въ житіяхъ святыхъ церкви православной показалъ онъ тѣ высокіе примѣры всѣхъ добродѣтелей, предъ коими меркнетъ и изчезаетъ, какъ тѣнь, слава Брутовъ и Лукрецій. Онъ сорвалъ вѣнцы съ гордаго чела героевъ языческой древности и почтительно положилъ ихъ на окровавленномъ прахѣ Колизея, къ стопамъ святыхъ мученическихъ ликовъ.

Въ примѣрахъ словесности греческой отрадно было слышать святыя имена Златоуста, Григорія, Кирилла, Аѳанасія и Макарія—на ряду съ Демосѳеномъ. Отличные и быстрые въ семъ предметѣ успѣхи были какъ бы послѣдствіе благословенія сихъ святителей, чужеземными учителями греческой словесности оставленныхъ и презрѣнныхъ.

Родная съ еллинскою словесность отечественная—преподана совершенно согласно съ нашими инструкціями. Студенты, коихъ свѣжая и счастливая память обогащена отборнѣйшими сокровищами священнаго и гражданскаго краснорѣчія, сочиняли и произносили, безъ приготовленія, на самомъ экзаменѣ, рѣчи на разные предметы, имъ заданные, и слогъ рѣчей сихъ, всегда правильный и чистый, былъ часто прилично украшаемъ и силенъ.

Классъ поэзіи, обыкновенно такъ суетный и безполезный, приноситъ здѣсь не только большую учебную, но и нравственную, пользу. Изящный вкусъ студентовъ, доказанный строгою и тонкою критикой образцовыхъ стихотвореній древнихъ и новыхъ, образованъ на поэзіи священной, коей всѣ роды находятъ и показываютъ они, съ удивительною точностію, въ Библіи.

Исторію россійскую знаютъ они основательно и въ направленіи, согласномъ съ духомъ церкви и чувствами вѣрноподданныхъ къ царямъ отечественнымъ.

ПРОТОКОЛЪ

О ПРИБЫТІИ ВЪ Г. КАЗАНЬ М. Л. МАГНИЦКАГО И О ПЕРВОМЪ ПОСѢЩЕНІИ ИМЪ УНИВЕРСИТЕТА

(1825)

ПРОТОКОЛЪ

О ПРИБЫТІИ ВЪ Г. КАЗАНЬ М. Л. МАГНИЦКАГО И О ПЕРВОМЪ ПОСѢЩЕНІИ ИМЪ УНИВЕРСИТЕТА

(1825)

Въ словесности латинской, французской и нѣмецкой успѣхи равно блистательны и быстры. Но удивительные оказали кандидаты словесности восточной, въ самое краткое время. Неожиданно прибывшіе на испытаніе природные знатоки языковъ арабскаго и персидскаго задавали писменно и диктовали имъ мѣста изъ разныхъ авторовъ и остались совершенно довольными, какъ переводомъ, такъ и произношеніемъ ихъ, столь труднымъ для европейца. Они удивлены были знаніемъ одного изъ студентовъ, разсказавшаго имъ труднѣйшія эпохи изъ исторіи восточной литературы, біографію ихъ примѣчательнѣйшихъ авторовъ и весь ходъ магометанскаго законоученія.

Въ наукахъ математическихъ, физикѣ, химіи и минералогіи преподаны всѣ новѣйшія сихъ наукъ отрытія и усовершенія такъ, что тѣ изъ студентовъ сихъ каѳедръ, кои были внимательны, ничего новаго въ университетѣ Парижскомъ не могли бы услышать.

Одинъ изъ преподавателей сихъ каѳедръ, во всѣхъ частяхъ управленія отлично и долговременно университету служившій, не смотря на разнородныя озабоченія его начальствомъ, слишкомъ увѣреннымъ въ его неутомимости, преподалъ обширнѣйшія части прикладной математики, съ обычною ему ясностію и основательностію; другой объялъ всю чистую математику, отъ геометріи до астрономіи, предметъ обширнѣйшій и только его дарованію, только обширности познаній его соразмѣрный.

Отдѣленіе медицинское дѣлаетъ отличную честь университету, какъ образованіемъ многихъ хорошихъ врачей, такъ особенно добрымъ духомъ тѣхъ частей сей науки, коими завладѣла уже вредная философія нашего вѣка.

Но гдѣ я возьму словъ и особливо времени, чтобы разсказать подробно все, что видѣлъ я въ здѣшнемъ унивеситетѣ хорошаго, отличнаго и, поистинѣ, великихъ похвалъ достойнаго?

Пройду мимо великолѣпныя зданія, трудами вашими воздвигнутыя, съ благороднымъ сбереженіемъ важныхъ суммъ, вамъ ввѣренныхъ, и съ изящнымъ вкусомъ отдѣланныя. Миную великолѣпный храмъ вашъ, особливымъ тщаніемъ и пожертвованіями вашими украшенный, гдѣ въ священномъ мракѣ, церкви первыхъ вѣковъ напоминающемъ, и единымъ Всевидящимъ Окомъ освѣщенномъ, воспитанники ваши возносятъ усердную молитву, поютъ священныя пѣсни, прислуживаютъ священнослужителямъ, слышатъ Слово жизни, всею прелестью духовнаго краснорѣчія вашихъ пастырей облеченное.

Прейду въ молчаніи внутреннюю чистоту, опрятность и благоустройство вашихъ зданій; не брошу взора на бога-

Въ словесности латинской, французской и нѣмецкой успѣхи равно блистательны и быстры. Но удивительные оказали кандидаты словесности восточной, въ самое краткое время. Неожиданно прибывшіе на испытаніе природные знатоки языковъ арабскаго и персидскаго задавали писменно и диктовали имъ мѣста изъ разныхъ авторовъ и остались совершенно довольными, какъ переводомъ, такъ и произношеніемъ ихъ, столь труднымъ для европейца. Они удивлены были знаніемъ одного изъ студентовъ, разсказавшаго имъ труднѣйшія эпохи изъ исторіи восточной литературы, біографію ихъ примѣчательнѣйшихъ авторовъ и весь ходъ магометанскаго законоученія.

Въ наукахъ математическихъ, физикѣ, химіи и минералогіи преподаны всѣ новѣйшія сихъ наукъ отрытія и усовершенія такъ, что тѣ изъ студентовъ сихъ каѳедръ, кои были внимательны, ничего новаго въ университетѣ Парижскомъ не могли бы услышать.

Одинъ изъ преподавателей сихъ каѳедръ, во всѣхъ частяхъ управленія отлично и долговременно университету служившій, не смотря на разнородныя озабоченія его начальствомъ, слишкомъ увѣреннымъ въ его неутомимости, преподалъ обширнѣйшія части прикладной математики, съ обычною ему ясностію и основательностію; другой объялъ всю чистую математику, отъ геометріи до астрономіи, предметъ обширнѣйшій и только его дарованію, только обширности познаній его соразмѣрный.

Отдѣленіе медицинское дѣлаетъ отличную честь университету, какъ образованіемъ многихъ хорошихъ врачей, такъ особенно добрымъ духомъ тѣхъ частей сей науки, коими завладѣла уже вредная философія нашего вѣка.

Но гдѣ я возьму словъ и особливо времени, чтобы разсказать подробно все, что видѣлъ я въ здѣшнемъ унивеситетѣ хорошаго, отличнаго и, поистинѣ, великихъ похвалъ достойнаго?

Пройду мимо великолѣпныя зданія, трудами вашими воздвигнутыя, съ благороднымъ сбереженіемъ важныхъ суммъ, вамъ ввѣренныхъ, и съ изящнымъ вкусомъ отдѣланныя. Миную великолѣпный храмъ вашъ, особливымъ тщаніемъ и пожертвованіями вашими украшенный, гдѣ въ священномъ меракѣ, церкви первыхъ вѣковъ напоминающемъ, и единымъ Всевидящимъ Окомъ освѣщенномъ, воспитанники ваши возносятъ усердную молитву, поютъ священныя пѣсни, прислуживаютъ священнослужителямъ, слышатъ Слово жизни, всею прелестью духовнаго краснорѣчія вашихъ пастырей облеченное.

Прейду въ молчаніи внутреннюю чистоту, опрятность и благоустройство вашихъ зданій; не брошу взора на бога-

тое и трудами вашими приведенное въ порядокъ обширнѣйшее книгохранилище, богатыя собранія ископаемыхъ, изъ разныхъ странъ присланныя и свезенныя, кабинеты естественные, физическихъ орудій, медалей восточныхъ и римскихъ, собраніе рѣдкостей; но какъ умолчу, что одинъ изъ васъ обвезъ славу заведенія, его воспитавшаго, кругомъ свѣта, сдѣлалъ ему честь благороднымъ поведеніемъ своимъ, образованностію, обширными познаніями, умножилъ число членовъ вашихъ отличнѣйшими учеными, установилъ сношенія университета вашего съ славнѣйшими академіями Европы? Какъ умолчу, что вся честь столь слабо описаннаго мною благоустройства казанскаго университета принадлежитъ, вообще, каждому изъ васъ и, въ особенности, двумъ лицамъ, въ самомъ университетѣ начальствующимъ, и я съ радостію сердечною вамъ и имъ отдаю оную торжественно.

Насилуя такъ продолжительно вниманіе ваше и не разъ уже, вѣроятно, оскорбивъ скромность вашу, одно только извиненіе имѣю принести вамъ—день, въ который съ вами бесѣдую.

Обстоятельства, отъ насъ независящія, привели торжество наше къ сему всерадостному и, смѣло скажу, всемірному празднику, чрезъ цѣлую цѣпь торжествъ и праздниковъ. Два дня тому назадъ, въ день Обновленія Храма, освященъ великолѣпный храмъ университета, въ честь Воздвиженію Честнаго Животворящаго Креста Господня. Божественное знаменіе сіе побѣды мудрости небесной надъ мудрованіемъ человѣческимъ сіяетъ на кровѣ университета и водружено въ самой его срединѣ. Вчера праздновали мы сіе водвореніе въ домѣ нашемъ Божественнаго нашего гостя. Сего дня только, еще не совсѣмъ готовое вчера, все поспѣло, поспѣло къ сему священному и всерадостному дню, который празнуютъ съ нами въ сію самую минуту пятьдесятъ благоденствующихъ народовъ, подданныхъ Царя благочестивѣйшаго, отъ залива Финскаго до Кяхты, отъ счастливыхъ береговъ Крыма до льдовъ Торнео.

Сего дня минули златые двадцать четыре года тому, какъ посреди древняго собора Успенскаго, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ первый Царь русскій, благоговѣйная десница первосвятителя помазала на царство нашего Давида. Сего дня двадцать четыре златые года тому назадъ, Ему помазуему, низтекли въ избранную душу Его, возсѣли на величественное и, вмѣстѣ, кроткое чело Его, тѣ благодатныя добродѣтели, кои просіяваютъ во всѣхъ чертахъ, раздаются во всѣхъ словахъ, красуются во всѣхъ дѣлахъ Его; тѣ благодатныя добродѣтели, кои щастливятъ милліоны разноплеменныхъ подданныхъ Его и къ торжественной колесницѣ побѣдъ Его, въ странахъ чужныхъ и враждебныхъ, привязали и влачили за нимъ не блѣдныхъ плѣнниковъ и царей уничиженныхъ, какъ въ тріумфахъ древнихъ

тое и трудами вашими приведенное въ порядокъ обширнѣйшее книгохранилище, богатыя собранія ископаемыхъ, изъ разныхъ странъ присланныя и свезенныя, кабинеты естественные, физическихъ орудій, медалей восточныхъ и римскихъ, собраніе рѣдкостей; но какъ умолчу, что одинъ изъ васъ обвезъ славу заведенія, его воспитавшаго, кругомъ свѣта, сдѣлалъ ему честь благороднымъ поведеніемъ своимъ, образованностію, обширными познаніями, умножилъ число членовъ вашихъ отличнѣйшими учеными, установилъ сношенія университета вашего съ славнѣйшими академіями Европы? Какъ умолчу, что вся честь столь слабо описаннаго мною благоустройства казанскаго университета принадлежитъ, вообще, каждому изъ васъ и, въ особенности, двумъ лицамъ, въ самомъ университетѣ начальствующимъ, и я съ радостію сердечною вамъ и имъ отдаю оную торжественно.

Насилуя такъ продолжительно вниманіе ваше и не разъ уже, вѣроятно, оскорбивъ скромность вашу, одно только извиненіе имѣю принести вамъ—день, въ который съ вами бесѣдую.

Обстоятельства, отъ насъ независящія, привели торжество наше къ сему всерадостному и, смѣло скажу, всемірному празднику, чрезъ цѣлую цѣпь торжествъ и праздниковъ. Два дня тому назадъ, въ день Обновленія Храма, освященъ великолѣпный храмъ университета, въ честь Воздвиженію Честнаго Животворящаго Креста Господня. Божественное знаменіе сіе побѣды мудрости небесной надъ мудрованіемъ человѣческимъ сіяетъ на кровѣ университета и водружено въ самой его срединѣ. Вчера праздновали мы сіе водвореніе въ домѣ нашемъ Божественнаго нашего гостя. Сего дня только, еще не совсѣмъ готовое вчера, все поспѣло, поспѣло къ сему священному и всерадостному дню, который празнуютъ съ нами въ сію самую минуту пятьдесять благоденствующихъ народовъ, подданныхъ Царя благочестивѣйшаго, отъ залива Финскаго до Кяхты, отъ счастливыхъ береговъ Крыма до льдовъ Торнео.

Сего дня минули златые двадцать четыре года тому, какъ посреди древняго собора Успенскаго, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ первый Царь русскій, благоговѣйная десница первосвятителя помазала на царство нашего Давида. Сего дня двадцать четыре златые года тому назадъ, Ему помазуему, низтекли въ избранную душу Его, возсѣли на величественное и, вмѣстѣ, кроткое чело Его, тѣ благодатныя добродѣтели, кои просіяваютъ во всѣхъ чертахъ, раздаются во всѣхъ словахъ, красуются во всѣхъ дѣлахъ Его; тѣ благодатныя добродѣтели, кои щастливятъ милліоны разноплеменныхъ подданныхъ Его и къ торжественной колесницѣ побѣдъ Его, въ странахъ чужныхъ и враждебныхъ, привязали и влачили за нимъ не блѣдныхъ плѣнниковъ и царей уничиженныхъ, какъ въ тріумфахъ древнихъ

побѣдителей вселенной; но Его смиреніемъ сраженные, плѣненные Его кротостью, златою цѣпью благодарности прикованные народы, доселѣ счастію нашего Ему подданства завидующіе! Сего дня Ему помазуему, при таинственномъ вѣяніи духа помазанія, на освящаемую главу Его нисходило благословеніе и утвержденіе Божіе на тѣ высокія судьбы, коихъ смиреннымъ исполнителемъ видѣли мы Его, когда Онъ отодвинулъ отъ престольнаго града Своего предѣлы той долговѣчной соперницы нашей, предъ коей трепетали нѣкогда грады наши, свивались иногда знамена Петра Великаго, безпокоилась звукомъ оружія браннаго столица Екатерины; когда Онъ привелъ въ трепетъ гордое гнѣздилище врага сего, повелѣвъ орламъ своимъ перенести громы ихъ чрезъ льдяныя Альпы, зимою его ограждавшія; когда населенное, богатое, крѣпкое бойницами своими и прежде для насъ грозное княжество поставилъ Онъ между обоюдными предѣлами двухъ враговъ, на вѣкъ Имъ примиренныхъ и уже подъ знаменами Его недавно вмѣстѣ сражавшихся; когда, обойдя тылъ гордаго Перса, изъ храбрыхъ и враждебныхъ Его полчищъ содѣлалъ Онъ свою передовую дружину, ограду Своего царства; когда милліоны дикарей, надъ главою имперіи Его висящихъ въ ущеліяхъ неприступныхъ горъ, обуздалъ Онъ, ступивъ на сѣдыя вершины Кавказа и оглушивъ его незнакомыми ему дотолѣ громами твердынь, на нихъ явившихся; когда, отъ развалинъ первопрестольной столицы своей прогнавъ западнаго Аттиллу, явился Онъ на Монмартрѣ и вскорѣ преклонилъ державныя колѣна свои предъ Богомъ силъ, окруженный покорною Ему Европою, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пролита святотатственною рукою кровь того Бурбона, коего тронъ, послѣ тридцати-лѣтнихъ смятеній, суждено было Ему изъ развалинъ уродственной имперіи бича народовъ возставить.

Но что предпринялъ я говорить? Куда завело меня необдуманное чувство вѣрноподданнической преданности къ общему нашему и личному моему благотворителю? Какое перо нужно, чтобъ описать, сколько времени потребно, чтобъ изчислить хотя часть великихъ дѣлъ Его? Какимъ образомъ осмѣлился я прикоснуться къ сей златой страницѣ всемірныхъ бытописаній, къ сему сокровищу отдаленнѣйшаго потомства, къ сей учебной хартіи столькихъ будущихъ царей?

Онъ обтекаетъ нынѣ, какъ благотворное свѣтило дня, отдаленнѣйшіе края обширной имперіи Своей, въ которой солнце, не выходя изъ нее, какъ бы собственное Его, встаетъ и заходитъ; Онъ шествуетъ теперь, какъ свѣтило сіе горящъ вѣрою, блистателенъ славой, грѣющъ милосердіемъ; Онъ ощастливитъ, можетъ быть, Своимъ посѣщеніемъ страны, съ нами сопредѣльныя.

О! Да услышитъ Господь желанія здѣшняго знаменитаго, усерднаго къ царямъ, града и наши; да вложитъ въ сердце Царя, въ руцѣ

побѣдителей вселенной; но Его смиреніемъ сраженные, плѣненные Его кротостью, златою цѣпью благодарности прикованные народы, доселѣ счастію нашего Ему подданства завидующіе! Сего дня Ему помазуему, при таинственномъ вѣяніи духа помазанія, на освящаемую главу Его нисходило благословеніе и утвержденіе Божіе на тѣ высокія судьбы, коихъ смиреннымъ исполнителемъ видѣли мы Его, когда Онъ отодвинулъ отъ престольнаго града Своего предѣлы той долговѣчной соперницы нашей, предъ коей трепетали нѣкогда грады наши, свивались иногда знамена Петра Великаго, безпокоилась звукомъ оружія браннаго столица Екатерины; когда Онъ привелъ въ трепетъ гордое гнѣздилище врага сего, повелѣвъ орламъ своимъ перенести громы ихъ чрезъ льдяныя Альпы, зимою его ограждавшія; когда населенное, богатое, крѣпкое бойницами своими и прежде для насъ грозное княжество поставилъ Онъ между обоюдными предѣлами двухъ враговъ, на вѣкъ Имъ примиренныхъ и уже подъ знаменами Его недавно вмѣстѣ сражавшихся; когда, обойдя тылъ гордаго Перса, изъ храбрыхъ и враждебныхъ Его полчищъ содѣлалъ Онъ свою передовую дружину, ограду Своего царства; когда милліоны дикарей, надъ главою имперіи Его висящихъ въ ущеліяхъ неприступныхъ горъ, обуздалъ Онъ, ступивъ на сѣдыя вершины Кавказа и оглушивъ его незнакомыми ему дотолѣ громами твердынь, на нихъ явившихся; когда, отъ развалинъ первопрестольной столицы своей прогнавъ западнаго Аттиллу, явился Онъ на Монмартрѣ и вскорѣ преклонилъ державныя колѣна свои предъ Богомъ силъ, окруженный покорною Ему Европою, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пролита святотатственною рукою кровь того Бурбона, коего тронъ, послѣ тридцати-лѣтнихъ смятеній, суждено было Ему изъ развалинъ уродственной имперіи бича народовъ возставить.

Но что предпринялъ я говорить? Куда завело меня необдуманное чувство вѣрноподданнической преданности къ общему нашему и личному моему благотворителю? Какое перо нужно, чтобъ описать, сколько времени потребно, чтобъ изчислить хотя часть великихъ дѣлъ Его? Какимъ образомъ осмѣлился я прикоснуться къ сей златой страницѣ всемірныхъ бытописаній, къ сему сокровищу отдаленнѣйшаго потомства, къ сей учебной хартіи столькихъ будущихъ царей?

Онъ обтекаетъ нынѣ, какъ благотворное свѣтило дня, отдаленнѣйшіе края обширной имперіи Своей, въ которой солнце, не выходя изъ нее, какъ бы собственное Его, встаетъ и заходитъ; Онъ шествуетъ теперь, какъ свѣтило сіе горящъ вѣрою, блистателенъ славой, грѣющъ милосердіемъ; Онъ ощастливитъ, можетъ быть, Своимъ посѣщеніемъ страны, съ нами сопредѣльныя.

О! Да услышитъ Господь желанія здѣшняго знаменитаго, усерднаго къ царямъ, града и наши; да вложитъ въ сердце Царя, въ руцѣ

Его хранимое, мысль ниспослать лучь славы всепресвѣтлѣйшаго присутствія Своего въ заведеніе наше, да принесемъ Ему всѣ единую, достойную благости Его, жертву любви и усердія къ исполненію священныхъ Его велѣній!" [260]...

Магницкій оставался въ Казани до 8-го октября,—слѣдовательно, прожилъ здѣсь еще $3^1/_2$ недѣли послѣ описанныхъ нами торжествъ. Изъ относящихся къ этой порѣ протоколовъ засѣданій совѣта мы убѣждаемся въ томъ, что попечитель, въ дни пребыванія своего въ Казани, внимательно входилъ въ дѣла по университету и округу; попечительскими предложеніями, которымъ теперь уже не предстояло необходимости совершать долгое путешествіе отъ береговъ Невы къ берегамъ Волги, пестрятъ всѣ совѣтскіе журналы этихъ дней. Окончивъ къ 7-му сентября ревизію нравственной, ученой, учебной и полицейской „частей" университета, Магницкій,—по его собственному свидѣтельству,—приступилъ къ ревизіи канцелярскихъ дѣлопроизводствъ, а съ прибытіемъ въ Казань (28-го сентября) вновь назначеннаго директора Любомирова занялся, совмѣстно съ нимъ, обревизованіемъ хозяйственной части университета. Не оставилъ попечитель безъ вниманія и разслѣдованія уже извѣстнаго намъ и такъ тревожившаго его вопроса относительно образованія „партій" среди профессоровъ университета, и на этой почвѣ послѣдовалъ рядъ мѣропріятій его въ этомъ отношеніи—порча служебныхъ документовъ профессоровъ Жобара и Пальмина, устраненіе отъ должности секретаря словеснаго отдѣленія адъюнкта Грацинскаго, грозный „разносъ" имъ профессора Суровцова *... Насколько позволялъ себѣ Магницкій самовольное вмѣшательство даже въ учебную сторону академической жизни, видно изъ также уже извѣстнаго намъ, совершенно произвольнаго и въ противность уставу предпринятаго имъ въ бытность въ Казани, распоряженія относительно прекращенія преподаванія въ университетѣ римскаго права, съ замѣною его преподаваніемъ права „византійскаго" **.

Наряду съ занятіями его по ревизіи университета, несомнѣнно шли со стороны казанскаго общества и всякаго рода чествованія попечителя округа, казавшагося въ ту пору стоящимъ на верху власти и силы, закрѣпленныхъ поддержкой могущественнаго грузинскаго временщика. Не даромъ писалъ В. И. Панаевъ, что, въ бытность Магницкаго въ Казани, „со страхомъ и трепетомъ" смотрѣли на него даже высшія губернскія власти. Мы уже знаемъ про „великолѣпный обѣдъ", устроенный въ честь

* См. выше стр. 397—403.

** См. томъ III нашего труда, стр. 444—449.

Его хранимое, мысль ниспослать лучь славы всепресвѣтлѣйшаго присутствія Своего въ заведеніе наше, да принесемъ Ему всѣ единую, достойную благости Его, жертву любви и усердія къ исполненію священныхъ Его велѣній!" [260]...

Магницкій оставался въ Казани до 8-го октября,—слѣдовательно, прожилъ здѣсь еще $3^1/_2$ недѣли послѣ описанныхъ нами торжествъ. Изъ относящихся къ этой порѣ протоколовъ засѣданій совѣта мы убѣждаемся въ томъ, что попечитель, въ дни пребыванія своего въ Казани, внимательно входилъ въ дѣла по университету и округу; попечительскими предложеніями, которымъ теперь уже не предстояло необходимости совершать долгое путешествіе отъ береговъ Невы къ берегамъ Волги, пестрятъ всѣ совѣтскіе журналы этихъ дней. Окончивъ къ 7-му сентября ревизію нравственной, ученой, учебной и полицейской „частей" университета, Магницкій,—по его собственному свидѣтельству,—приступилъ къ ревизіи канцелярскихъ дѣлопроизводствъ, а съ прибытіемъ въ Казань (28-го сентября) вновь назначеннаго директора Любомирова занялся, совмѣстно съ нимъ, обревизованіемъ хозяйственной части университета. Не оставилъ попечитель безъ вниманія и разслѣдованія уже извѣстнаго намъ и такъ тревожившаго его вопроса относительно образованія „партій" среди профессоровъ университета, и на этой почвѣ послѣдовалъ рядъ мѣропріятій его въ этомъ отношеніи—порча служебныхъ документовъ профессоровъ Жобара и Пальмина, устраненіе отъ должности секретаря словеснаго отдѣленія адъюнкта Грацинскаго, грозный „разносъ" имъ профессора Суровцова *... Насколько позволялъ себѣ Магницкій самовольное вмѣшательство даже въ учебную сторону академической жизни, видно изъ также уже извѣстнаго намъ, совершенно произвольнаго и въ противность уставу предпринятаго имъ въ бытность въ Казани, распоряженія относительно прекращенія преподаванія въ университетѣ римскаго права, съ замѣною его преподаваніемъ права „византійскаго" **.

Наряду съ занятіями его по ревизіи университета, несомнѣнно шли со стороны казанскаго общества и всякаго рода чествованія попечителя округа, казавшагося въ ту пору стоящимъ на верху власти и силы, закрѣпленныхъ поддержкой могущественнаго грузинскаго временщика. Не даромъ писалъ В. И. Панаевъ, что, въ бытность Магницкаго въ Казани, „со страхомъ и трепетомъ" смотрѣли на него даже высшія губернскія власти. Мы уже знаемъ про „великолѣпный обѣдъ", устроенный въ честь

---

* См. выше стр. 397—403.

** См. томъ III нашего труда, стр. 444—449.

попечителя управляющимъ губерніею Жмакинымъ; Панаевъ свидѣтельствуетъ и о большомъ балѣ, данномъ въ честь Магницкаго, на которомъ „студенты, прежніе затворники, танцовали теперь до утра“. Предаваясь университетскимъ дѣламъ и принимая знаки почтительнаго вниманія къ себѣ со стороны казанскаго общества, добродѣтельный Магницкій,—пользовавшійся, по словамъ князя П. А. Вяземскаго, „неотразимымъ обаяніемъ на женщинъ, даже и въ поздній періодъ его ссылки“ *,—не упустилъ случая проявить въ Казани и свои наклонности донъ-Жуана, предпринявъ попытку не совсѣмъ скромнаго ухаживанія за женою ректора университета и мѣстною поэтессою Александрою Андреевною Фуксъ, какъ, со словъ самого К. Ѳ. Фукса, разсказываетъ о томъ въ своемъ дневникѣ извѣстный Н. И. Второвъ. Супруги Фуксы жили въ то время на дачѣ въ подгородной Архангельской слободѣ. Однажды вечеромъ, когда самъ Фуксъ былъ въ городѣ, къ А. А. Фуксъ заявился „приволакивавшійся“ за нею попечитель и сталъ выражать свое удивленіе по поводу того, что „многія порядочныя женщины рѣшаются выходить замужъ за негодныхъ мужей“, причемъ, приведя рядъ примѣровъ, сталъ и ея мужа называть „извергомъ, эгоистомъ, который думаетъ только о житейскихъ удовольствіяхъ и о себѣ, не думая о Богѣ и женѣ“. Результатомъ этой острой бесѣды явился отказъ А. А. Фуксъ попечителю округа отъ дома [261].

Собираясь покинуть Казань, Магницкій предписалъ директору и ректору университета представить ему списки профессоровъ и чиновниковъ, заслуживающихъ представленія къ наградамъ. Эти послѣднія были намѣчены очень щедро, напримѣръ: профессоръ Симоновъ—орденъ св. Анны второй степени съ брилліантами, Лобачевскій—тотъ же орденъ безъ брилліантовъ, Мистаки—орденъ св. Владиміра четвертой степени, Городчаниновъ—годовой окладъ жалованья и т. д. Соотвѣтствующее представленіе дальнѣйшаго хода, впрочемъ, не получило, такъ какъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія вскорѣ послѣ того окончательно палъ престижъ казанскаго попечителя.

Выѣхавъ изъ Казани 8-го октября 1825 года, Магницкій избралъ обратный маршрутъ черезъ Симбирскъ, Саратовъ и Пензу, съ цѣлью осмотра въ этихъ городахъ мѣстныхъ гимназій и уѣздныхъ училищъ; симбирскія училища ревизовались имъ 10-го—11-го октября, пензенскія съ 2-го по 4-ое ноября **.

---

* См. томъ III нашего труда, стр. 264.

** Въ представленныхъ попечителю спискахъ учениковъ пензенской гимназіи, въ числѣ воспитанниковъ перваго класса, значится и поступившій въ гимназію 1-го сентября 1825 года

попечителя управляющимъ губерніею Жмакинымъ; Панаевъ свидѣтельствуетъ и о большомъ балѣ, данномъ въ честь Магницкаго, на которомъ „студенты, прежніе затворники, танцовали теперь до утра". Предаваясь университетскимъ дѣламъ и принимая знаки почтительнаго вниманія къ себѣ со стороны казанскаго общества, добродѣтельный Магницкій,—пользовавшійся, по словамъ князя П. А. Вяземскаго, „неотразимымъ обаяніемъ на женщинъ, даже и въ поздній періодъ его ссылки" *,—не упустилъ случая проявить въ Казани и свои наклонности донъ-Жуана, предпринявъ попытку не совсѣмъ скромнаго ухаживанія за женою ректора университета и мѣстною поэтессою Александрою Андреевною Фуксъ, какъ, со словъ самого К. Ѳ. Фукса, разсказываетъ о томъ въ своемъ дневникѣ извѣстный Н. И. Второвъ. Супруги Фуксы жили въ то время на дачѣ въ подгородной Архангельской слободѣ. Однажды вечеромъ, когда самъ Фуксъ былъ въ городѣ, къ А. А. Фуксъ заявился „приволакивавшійся" за нею попечитель и сталъ выражать свое удивленіе по поводу того, что „многія порядочныя женщины рѣшаются выходить замужъ за негодныхъ мужей", причемъ, приведя рядъ примѣровъ, сталъ и ея мужа называть „извергомъ, эгоистомъ, который думаетъ только о житейскихъ удовольствіяхъ и о себѣ, не думая о Богѣ и женѣ". Результатомъ этой острой бесѣды явился отказъ А. А. Фуксъ попечителю округа отъ дома [261].

Собираясь покинуть Казань, Магницкій предписалъ директору и ректору университета представить ему списки профессоровъ и чиновниковъ, заслуживающихъ представленія къ наградамъ. Эти послѣднія были намѣчены очень щедро, напримѣръ: профессоръ Симоновъ—орденъ св. Анны второй степени съ брилліантами, Лобачевскій—тотъ же орденъ безъ брилліантовъ, Мистаки—орденъ св. Владиміра четвертой степени, Городчаниновъ—годовой окладъ жалованья и т. д. Соотвѣтствующее представленіе дальнѣйшаго хода, впрочемъ, не получило, такъ какъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія вскорѣ послѣ того окончательно палъ престижъ казанскаго попечителя.

Выѣхавъ изъ Казани 8-го октября 1825 года, Магницкій избралъ обратный маршрутъ черезъ Симбирскъ, Саратовъ и Пензу, съ цѣлью осмотра въ этихъ городахъ мѣстныхъ гимназій и уѣздныхъ училищъ; симбирскія училища ревизовались имъ 10-го—11-го октября, пензенскія съ 2-го по 4-ое ноября **.

* См. томъ III нашего труда, стр. 264.

** Въ представленныхъ попечителю спискахъ учениковъ пензенской гимназіи, въ числѣ воспитанниковъ перваго класса, значится и поступившій въ гимназію 1-го сентября 1825 года

Въ самый день оставленія имъ Казани, Магницкій подписалъ нѣсколько предложеній на имя совѣта университета, которые всѣ датированы „8-мъ числомъ октября“ и докладывались уже послѣ отъѣзда попечителя.

Первое изъ этихъ предложеній касается уже извѣстнаго намъ усиленія власти директора, съ возложеніемъ на него обязанности веденія „дневныхъ записокъ“ по университету *. На сколько широкими оказались предѣлы усиленной власти и полномочій директора университета—рѣчь объ этомъ будетъ у насъ ниже.

Второе предложеніе снова затрогиваетъ вопросъ о конспектахъ преподаваній, неуклоннаго представленія которыхъ Магницкій требовалъ еще въ своей „Бесѣдѣ“ 1822 го года, неоднократно подтверждая и въ послѣдующее время это требованіе, остававшееся, однако, „не во всей точности исполненнымъ, такъ какъ,—сѣтуетъ попечитель,—нѣкоторые г.г. преподаватели не въ одно время представляли конспекты, а нѣкоторые и вовсе оныхъ не представляли“; въ предложеніи отъ 8-го октября Магницкій настоятельно предписываетъ, „дабы всѣ преподаватели доставили въ непродолжительномъ времени, каждый по своей части, установленные конспекты“ **.

Третье предложеніе вызвано было безпорядками, обнаруженными попечителемъ какъ въ веденіи текущихъ дѣлъ, такъ и въ храненіи старыхъ дѣлъ по совѣту университета и по училищному комитету; въ устраненіе безпорядковъ предлагается возложить приведеніе въ порядокъ дѣлъ, по совѣту—профессору Суровцову и адъюнкту Рыбушкину, по училищному комитету—адъюнкту Кайсарову и письмоводителю комитета Теласкову, съ замѣною Кайсарова, по должности секретаря училищнаго комитета, адъюнктомъ Полиновскимъ.

Четвертое предложеніе предписывало устраненіе адъюнкта Грацинскаго отъ должности секретаря словеснаго отдѣленія въ виду безпорядковъ, обнаруженныхъ въ дѣлахъ отдѣленія,—именно по дѣлу объ испытаніи нѣкоего чиновника Ананьина.

четырнадцатилѣтній «сынъ штабъ-лекаря Григорія Бѣлынскаго—Виссаріонъ Бѣлынскій» (нашъ будущій славный критикъ). Любопытно, что по классу «россійской словесности» у будущаго писателя значатся отмѣтки: «успѣхи—1, поведеніе—4».

* См. выше стр. 330—333.

** По поводу настойчиваго требованія Магницкимъ доставленія этихъ конспектовъ см. томъ III настоящаго труда, стр. 491 и слѣд.

Въ самый день оставленія имъ Казани, Магницкій подписалъ нѣсколько предложеній на имя совѣта университета, которые всѣ датированы „8-мъ числомъ октября“ и докладывались уже послѣ отъѣзда попечителя.

Первое изъ этихъ предложеній касается уже извѣстнаго намъ усиленія власти директора, съ возложеніемъ на него обязанности веденія „дневныхъ записокъ“ по университету *. На сколько широкими оказались предѣлы усиленной власти и полномочій директора университета—рѣчь объ этомъ будетъ у насъ ниже.

Второе предложеніе снова затрогиваетъ вопросъ о конспектахъ преподаваній, неуклоннаго представленія которыхъ Магницкій требовалъ еще въ своей „Бесѣдѣ“ 1822 го года, неоднократно подтверждая и въ послѣдующее время это требованіе, остававшееся, однако, „не во всей точности исполненнымъ, такъ какъ,—сѣтуетъ попечитель,—нѣкоторые г.г. преподаватели не въ одно время представляли конспекты, а нѣкоторые и вовсе оныхъ не представляли“; въ предложеніи отъ 8-го октября Магницкій настоятельно предписываетъ, „дабы всѣ преподаватели доставили въ непродолжительномъ времени, каждый по своей части, установленные конспекты“ **.

Третье предложеніе вызвано было безпорядками, обнаруженными попечителемъ какъ въ веденіи текущихъ дѣлъ, такъ и въ храненіи старыхъ дѣлъ по совѣту университета и по училищному комитету; въ устраненіе безпорядковъ предлагается возложить приведеніе въ порядокъ дѣлъ, по совѣту—профессору Суровцову и адъюнкту Рыбушкину, по училищному комитету—адъюнкту Кайсарову и письмоводителю комитета Теласкову, съ замѣною Кайсарова, по должности секретаря училищнаго комитета, адъюнктомъ Полиновскимъ.

Четвертое предложеніе предписывало устраненіе адъюнкта Грацинскаго отъ должности секретаря словеснаго отдѣленія въ виду безпорядковъ, обнаруженныхъ въ дѣлахъ отдѣленія,—именно по дѣлу объ испытаніи нѣкоего чиновника Ананьина.

четырнадцатилѣтній «сынъ штабъ-лекаря Григорія Бѣлынскаго—Виссаріонъ Бѣлынскій» (нашъ будущій славный критикъ). Любопытно, что по классу «россійской словесности» у будущаго писателя значатся отмѣтки: «успѣхи—1, поведеніе—4».

* См. выше стр. 330—333.

** По поводу настойчиваго требованія Магницкимъ доставленія этихъ конспектовъ см. томъ III настоящаго труда, стр. 491 и слѣд.

Пятое предложеніе, оставленное Магницкимъ при выѣздѣ своемъ изъ Казани, было разсчитано, повидимому, на то, что бы, пощекотавъ самолюбіе членовъ казанскаго университета, нѣсколько смягчить впечатлѣніе предыдущихъ предложеній, главнымъ же образомъ—увѣковѣчить память пребыванія Магницкаго въ Казани. Въ этомъ своеобразномъ предложеніи попечитель-фантазеръ заводитъ рѣчь объ основаніи въ университетѣ особой портретной комнаты, проектъ каковой рисуется ему въ слѣдующихъ чертахъ:

„Желая выразить почтенному сословію университета,—читаемъ въ этомъ попечительскомъ предложеніи,—тѣ чувства искренняго къ нему уваженія, кои возбудилъ во мнѣ осмотръ всѣхъ частей его управленія, и оставить навсегда въ нѣдрахъ его памятникъ того единодушія, которое связуетъ всѣхъ его членовъ на поприщѣ великаго его служенія Богу и Царю, я предлагаю:

1. Комнату предъ библіотекою, кабинетомъ чтенія называемую, избрать для помѣщенія портретовъ тѣхъ членовъ университета, дѣйствительныхъ и почетныхъ, которые удостоятся сей чести общимъ избраніемъ.

2. Начальственныя лица университета и каждый членъ совѣта могутъ предлагать въ семъ случаѣ кого либо къ избранію, изъяснивъ уважительныя къ оному причины, состоящія въ отличномъ университету покровительствѣ или отличныхъ заслугахъ, какъ то: важныхъ пожертвованіяхъ, трудахъ къ нравственному благоустройству относящихся, блистательныхъ дарованіяхъ, согласно съ высочайше утвержденною инструкціею употребляемыхъ (sic!), важныхъ ученыхъ открытіяхъ и изданіи полезныхъ сочиненій, руководствъ и книгъ учебныхъ.

3. Особенный протоколъ общаго собранія о таковомъ избраніи, надлежащимъ образомъ утвержденный, отдается для храненія, въ приличномъ портфейлѣ, въ той комнатѣ, гдѣ портреты должны быть поставлены.

4. Я предлагаю, на семъ основаніи, просить преосвященнѣйшаго Амвросія казанскаго и симбирскаго о пожалованіи портрета его высокопреосвященства для помѣщенія онаго въ портретной комнатѣ университета, а г.г. профессоровъ Фукса и Городчанинова, столь отлично и долго университету послужившихъ, подвергнуть избранію".

Въ исполненіе попечительскаго предложенія, 21-го октября состоялось, въ присутствіи директора университета Любомирова, чрезвычайное собраніе совѣта, на которомъ постановлено украсить проектированный университетскій „пантеонъ" портретами слѣдующихъ почетныхъ членовъ:

Пятое предложеніе, оставленное Магницкимъ при выѣздѣ своемъ изъ Казани, было разсчитано, повидимому, на то, что бы, пощекотавъ самолюбіе членовъ казанскаго университета, нѣсколько смягчить впечатлѣніе предыдущихъ предложеній, главнымъ же образомъ—увѣковѣчить память пребыванія Магницкаго въ Казани. Въ этомъ своеобразномъ предложеніи попечитель-фантазеръ заводитъ рѣчь объ основаніи въ университетѣ особой портретной комнаты, проектъ каковой рисуется ему въ слѣдующихъ чертахъ:

„Желая выразить почтенному сословію университета,—читаемъ въ этомъ попечительскомъ предложеніи,—тѣ чувства искренняго къ нему уваженія, кои возбудилъ во мнѣ осмотръ всѣхъ частей его управленія, и оставить навсегда въ нѣдрахъ его памятникъ того единодушія, которое связуетъ всѣхъ его членовъ на поприщѣ великаго его служенія Богу и Царю, я предлагаю:

1. Комнату предъ библіотекою, кабинетомъ чтенія называемую, избрать для помѣщенія портретовъ тѣхъ членовъ университета, дѣйствительныхъ и почетныхъ, которые удостоятся сей чести общимъ избраніемъ.

2. Начальственныя лица университета и каждый членъ совѣта могутъ предлагать въ семъ случаѣ кого либо къ избранію, изъяснивъ уважительныя къ оному причины, состоящія въ отличномъ университету покровительствѣ или отличныхъ заслугахъ, какъ то: важныхъ пожертвованіяхъ, трудахъ къ нравственному благоустройству относящихся, блистательныхъ дарованіяхъ, согласно съ высочайше утвержденною инструкціею употребляемыхъ (sic!), важныхъ ученыхъ открытіяхъ и изданіи полезныхъ сочиненій, руководствъ и книгъ учебныхъ.

3. Особенный протоколъ общаго собранія о таковомъ избраніи, надлежащимъ образомъ утвержденный, отдается для храненія, въ приличномъ портфейлѣ, въ той комнатѣ, гдѣ портреты должны быть поставлены.

4. Я предлагаю, на семъ основаніи, просить преосвященнѣйшаго Амвросія казанскаго и симбирскаго о пожалованіи портрета его высокопреосвященства для помѣщенія онаго въ портретной комнатѣ университета, а г.г. профессоровъ Фукса и Городчанинова, столь отлично и долго университету послужившихъ, подвергнуть избранію“.

Въ исполненіе попечительскаго предложенія, 21-го октября состоялось, въ присутствіи директора университета Любомирова, чрезвычайное собраніе совѣта, на которомъ постановлено украсить проектированный университетскій „пантеонъ“ портретами слѣдующихъ почетныхъ членовъ:

министра народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова, графа А. А. Аракчеева, архіепископа казанскаго Амвросія, графа Н. П. Румянцева, лейбъ-медика Я. В. Вилье и профессора вѣнскаго (раньше казанскаго) университета І. Литрова*. Слѣдомъ за тѣмъ происходила баллотировка, едва ли имѣющая себѣ примѣръ въ лѣтописяхъ университетовъ всего міра: члены совѣта, выполняя фантастическую прихоть попечителя, сами взаимно избирали себя къ чести украсить ликами своими „портретную комнату" университета! Этой чести оказались удостоенными слѣдующіе восемь членовъ совѣта: ректоръ К. Ѳ. Фуксъ — единогласно и безъ баллотировки, Г. Н. Городчаниновъ (+14, —6), Г. Б. Никольскій (+13, —7), Ф. И. Эрдманъ (+18, —2), И. М. Симоновъ (+17, —6), Н. И. Лобачевскій (+17, —5), В. Я. Баженовъ (+18, —4), В. Я. Булыгинъ (+21, —1). Постановленія совѣта 21-го октября были своевременно представлены попечителю, отъ котораго никакого отвѣта получено не было и вся эта юмористическая затѣя, безъ всякихъ дальнѣйшихъ результатовъ, мирно почила на полкахъ университетскаго архива [262].

Мы уже выше имѣли случай мимоходомъ отмѣтить неудовольствіе министра народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова не только неделикатностью по отношенію къ нему, проявленною Магницкимъ при отъѣздѣ его 6-го августа изъ Петербурга, но и ненормальнымъ въ служебномъ отношеніи положеніемъ, занятымъ попечителемъ во все продолженіе казанской командировки и выразившимся въ томъ, что, „во все время бытности его въ округѣ, я,—жаловался А. С. Шишковъ,—не имѣлъ отъ него никакого донесенія о его дѣйствіяхъ". О такомъ странномъ положеніи, занятомъ казанскимъ попечителемъ, упоминаетъ и В. И. Панаевъ, состоявшій въ то время при Шишковѣ по особымъ порученіямъ и заявляющій въ своихъ воспоминаніяхъ, что Магницкій „обо всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ по университету не удостоилъ министра ни одною строчкою,—точно канулъ въ воду,—а между тѣмъ написалъ о томъ статью, со включеніемъ своей рѣчи и всякаго хвастовства, и послалъ ее для напечатанія въ вѣдомостяхъ Московскихъ, С.-Петербургскихъ и въ Рижскую газету". Это то саморекламированіе Магницкаго и послужило ближайшимъ поводомъ къ недовольству со стороны министра народнаго просвѣщенія, 12-го октября 1825 года обратившагося къ

* Самъ попечитель въ этотъ почетный списокъ не попалъ, такъ какъ въ то время уже былъ рѣшенъ (см. выше стр. 452—454) вопросъ о постановкѣ его портрета на сумму, собранную по подпискѣ.

министра народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова, графа А. А. Аракчеева, архіепископа казанскаго Амвросія, графа Н. П. Румянцева, лейбъ-медика Я. В. Вилье и профессора вѣнскаго (раньше казанскаго) университета I. Литрова *. Слѣдомъ за тѣмъ происходила баллотировка, едва ли имѣющая себѣ примѣръ въ лѣтописяхъ университетовъ всего міра: члены совѣта, выполняя фантастическую прихоть попечителя, сами взаимно избирали себя къ чести украсить ликами своими „портретную комнату" университета! Этой чести оказались удостоенными слѣдующіе восемь членовъ совѣта: ректоръ К. Ѳ. Фуксъ — единогласно и безъ баллотировки, Г. Н. Городчаниновъ (+14, —6), Г. Б. Никольскій (+13, —7), Ф. И. Эрдманъ (+18, —2), И. М. Симоновъ (+17, —6), Н. И. Лобачевскій (+17, —5), В. Я. Баженовъ (+18, —4), В. Я. Булыгинъ (+21, —1). Постановленія совѣта 21-го октября были своевременно представлены попечителю, отъ котораго никакого отвѣта получено не было и вся эта юмористическая затѣя, безъ всякихъ дальнѣйшихъ результатовъ, мирно почила на полкахъ университетскаго архива [262].

Мы уже выше имѣли случай мимоходомъ отмѣтить неудовольствіе министра народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова не только неделикатностью по отношенію къ нему, проявленною Магницкимъ при отъѣздѣ его 6-го августа изъ Петербурга, но и ненормальнымъ въ служебномъ отношеніи положеніемъ, занятымъ попечителемъ во все продолженіе казанской командировки и выразившимся въ томъ, что, „во все время бытности его въ округѣ, я,—жаловался А. С. Шишковъ,—не имѣлъ отъ него никакого донесенія о его дѣйствіяхъ". О такомъ странномъ положеніи, занятомъ казанскимъ попечителемъ, упоминаетъ и В. И. Панаевъ, состоявшій въ то время при Шишковѣ по особымъ порученіямъ и заявляющій въ своихъ воспоминаніяхъ, что Магницкій „обо всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ по университету не удостоилъ министра ни одною строчкою,—точно канулъ въ воду,—а между тѣмъ написалъ о томъ статью, со включеніемъ своей рѣчи и всякаго хвастовства, и послалъ ее для напечатанія въ вѣдомостяхъ Московскихъ, С.-Петербургскихъ и въ Рижскую газету". Это то саморекламированіе Магницкаго и послужило ближайшимъ поводомъ къ недовольству со стороны министра народнаго просвѣщенія, 12-го октября 1825 года обратившагося къ

---

* Самъ попечитель въ этотъ почетный списокъ не попалъ, такъ какъ въ то время уже былъ рѣшенъ (см. выше стр. 452—454) вопросъ о постановкѣ его портрета на сумму, собранную по подпискѣ.

нему съ слѣдующимъ предложеніемъ, принадлежащимъ, конечно, перу уже извѣстнаго намъ антагониста казанскаго попечителя, директора департамента Д. И. Языкова, которымъ оно и скрѣплено:

„Господину попечителю казанскаго учебнаго округа.

Комитетъ правленія императорской академіи наукъ представилъ мнѣ, что ректоръ казанскаго университета г. Фуксъ прислалъ для помѣщенія въ Вѣдомостяхъ * статью о торжествѣ, бывшемъ 15-го сентября въ казанскомъ университетѣ и просилъ моего разрѣшенія—можетъ ли сія статья быть напечатана въ вѣдомостяхъ?

Между тѣмъ, изъ доставленныхъ въ департаментъ вѣдомостей усмотрѣлъ я, что сія самая статья напечатана въ № 79-мъ Московскихъ Вѣдомостей и въ № 120-мъ Journal de St.-Petersbourg.

Какъ я не имѣю отъ вашего превосходительства оффиціальнаго донесенія о семъ торжествѣ, то для меня весьма удивительно, что г. ректоръ осмѣлился прислать для помѣщенія въ вѣдомостяхъ описаніе такого происшествія, о которомъ я не имѣю свѣдѣнія, почему, вмѣстѣ съ симъ, и дѣлаю ему выговоръ.

Не могу не замѣтить также вашему превосходительству, что обязанностью вашею было бы немедленно донести мнѣ о бывшемъ торжествѣ, доставить мнѣ описаніе онаго и испросить дозволеніе на припечатаніе онаго въ вѣдомостяхъ.

Какъ обстоятельство сіе вышло изъ должнаго порядка, то я прошу ваше превосходительство доставить мнѣ съ первою почтою объясненія о вышесказанномъ поступкѣ г. ректора, равно и о томъ, почему я по сіе время не получаю отъ васъ донесенія о семъ торжествѣ?"

Любопытно, что это министерское предложеніе, датированное „12-мъ октября", получено было попечителемъ лишь „2-го декабря", какъ это видно изъ помѣты на немъ рукою самого Магницкаго, вплоть до начала декабря пребывавшаго, такимъ образомъ, въ какомъ то таинственномъ, „безвѣстномъ" даже для министерства народнаго просвѣщенія, отсутствіи. Требуемаго отъ него объясненія Магницкій такъ и не представилъ министру, въ концѣ апрѣля слѣдующаго 1826-го года, всего уже за нѣсколько дней до увольненія его отъ должности попечителя, ставившаго это ему въ укоръ; но за то получившій выговоръ ректоръ Фуксъ еще въ октябрѣ поспѣшилъ донести министру, что, отсылая въ печать описаніе торжества 15-го сентября, онъ „поступилъ не по собственному произволу, но по точному приказанію попечителя, о которомъ извѣстно и универ-

* «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», принадлежащихъ, какъ извѣстно, академіи наукъ.

нему съ слѣдующимъ предложеніемъ, принадлежащимъ, конечно, перу уже извѣстнаго намъ антагониста казанскаго попечителя, директора департамента Д. И. Языкова, которымъ оно и скрѣплено:

„Господину попечителю казанскаго учебнаго округа.

Комитетъ правленія императорской академіи наукъ представилъ мнѣ, что ректоръ казанскаго университета г. Фуксъ прислалъ для помѣщенія въ Вѣдомостяхъ * статью о торжествѣ, бывшемъ 15-го сентября въ казанскомъ университетѣ и просилъ моего разрѣшенія—можетъ ли сія статья быть напечатана въ вѣдомостяхъ?

Между тѣмъ, изъ доставленныхъ въ департаментъ вѣдомостей усмотрѣлъ я, что сія самая статья напечатана въ № 79-мъ Московскихъ Вѣдомостей и въ № 120-мъ Journal de St.-Petersbourg.

Какъ я не имѣю отъ вашего превосходительства оффиціальнаго донесенія о семъ торжествѣ, то для меня весьма удивительно, что г. ректоръ осмѣлился прислать для помѣщенія въ вѣдомостяхъ описаніе такого происшествія, о которомъ я не имѣю свѣдѣнія, почему, вмѣстѣ съ симъ, и дѣлаю ему выговоръ.

Не могу не замѣтить также вашему превосходительству, что обязанностью вашею было бы немедленно донести мнѣ о бывшемъ торжествѣ, доставить мнѣ описаніе онаго и испросить дозволеніе на припечатаніе онаго въ вѣдомостяхъ.

Какъ обстоятельство сіе вышло изъ должнаго порядка, то я прошу ваше превосходительство доставить мнѣ съ первою почтою объясненія о вышесказанномъ поступкѣ г. ректора, равно и о томъ, почему я по сіе время не получаю отъ васъ донесенія о семъ торжествѣ?“

Любопытно, что это министерское предложеніе, датированное „12-мъ октября“, получено было попечителемъ лишь „2-го декабря“, какъ это видно изъ помѣты на немъ рукою самого Магницкаго, вплоть до начала декабря пребывавшаго, такимъ образомъ, въ какомъ то таинственномъ, „безвѣстномъ“ даже для министерства народнаго просвѣщенія, отсутствіи. Требуемаго отъ него объясненія Магницкій такъ и не представилъ министру, въ концѣ апрѣля слѣдующаго 1826-го года, всего уже за нѣсколько дней до увольненія его отъ должности попечителя, ставившаго это ему въ укоръ; но за то получившій выговоръ ректоръ Фуксъ еще въ октябрѣ поспѣшилъ донести министру, что, отсылая въ печать описаніе торжества 15-го сентября, онъ „поступилъ не по собственному произволу, но по точному приказанію попечителя, о которомъ извѣстно и универ-

* «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», принадлежащихъ, какъ извѣстно, академіи наукъ.

ситетскому совѣту". Результатомъ разсказаннаго инцидента явилось въ началѣ декабря 1825-го года общее министерское распоряженіе, въ силу котораго, безъ особаго дозволенія на то министра, запрещалось помѣщеніе въ газетахъ „статей о происходившихъ торжествахъ въ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ, также въ ученыхъ обществахъ, исключая статей о пожертвованіяхъ въ пользу ученыхъ или учебныхъ заведеній". Напуганное министерскимъ выговоромъ, университетское начальство и само не особенно то спѣшило съ печатаніемъ даже оффиціальнаго „Описанія торжества 15-го сентября", въ виду чего Магницкій въ концѣ марта 1826-го года, ставя совѣту университета на видъ „неполученіе донынѣ описанія торжественнаго собранія, бывшаго 15-го сентября 1825 года", требовалъ немедленнаго объясненія — „почему оное описаніе не представлено болѣе пяти мѣсяцевъ и отъ кого сіе произошло?" Оказалось, что еще въ началѣ февраля закончено было печатаніе „Описанія", требуемое количество экземпляровъ котораго и было доставлено попечителю.

Само собою разумѣется, что не одно только вызывающее положеніе, занятое Магницкимъ по отношенію къ своему министру, раздражало старика Шишкова. Возникали и другіе поводы къ неудовольствію министра, тѣмъ болѣе, что враждебная казанскому попечителю министерская партія дѣятельно продолжала свою конспиративную работу и пользовалась каждымъ подходящимъ случаемъ для окончательнаго дискредитированія Магницкаго въ глазахъ его принципала. Объ одномъ изъ фактовъ подобнаго рода, относящемся къ днямъ пребыванія Магницкаго въ Казани и свидѣтельствующемъ о самонадѣянной несдержанности попечителя, разсказываетъ намъ Панаевъ. Въ бытность свою въ Казани, Магницкій часто проводилъ вечера у жены исправлявшаго должность директора университета Вишневскаго,—женщины, по словамъ автора, виднаго происхожденія (она была урожденною Еропкиной), умной и образованной. Получено было въ Казани извѣстіе о кончинѣ супруги министра народнаго просвѣщенія Д. А. Шишковой. Обсуждая это извѣстіе въ домѣ Вишневской, Магницкій замѣтилъ: „Этотъ женолюбъ и старый дуракъ (т. е. министръ) вскорѣ послѣдуетъ за своею супругою,—а я ворочусь въ Петербургъ и сорву головы Панаеву, Языкову и Шихматову". Вишневская на слѣдующее же утро поспѣшила передать неосторожныя слова попечителя своей близкой подругѣ П. И. Рындовской,—родной сестрѣ В. И. Панаева,—и сообщеніе о новой выходкѣ Магницкаго немедленно полетѣло въ Петербургъ. По общему соглашенію дѣйствовавшей противъ казанскаго попечителя партіи было рѣшено, не

ситетскому совѣту". Результатомъ разсказаннаго инцидента явилось въ началѣ декабря 1825-го года общее министерское распоряженіе, въ силу котораго, безъ особаго дозволенія на то министра, запрещалось помѣщеніе въ газетахъ „статей о происходившихъ торжествахъ въ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ, также въ ученыхъ обществахъ, исключая статей о пожертвованіяхъ въ пользу ученыхъ или учебныхъ заведеній". Напуганное министерскимъ выговоромъ, университетское начальство и само не особенно то спѣшило съ печатаніемъ даже оффиціальнаго „Описанія торжества 15-го сентября", въ виду чего Магницкій въ концѣ марта 1826-го года, ставя совѣту университета на видъ „неполученіе донынѣ описанія торжественнаго собранія, бывшаго 15-го сентября 1825 года", требовалъ немедленнаго объясненія — „почему оное описаніе не представлено болѣе пяти мѣсяцевъ и отъ кого сіе произошло?" Оказалось, что еще въ началѣ февраля закончено было печатаніе „Описанія", требуемое количество экземпляровъ котораго и было доставлено попечителю.

Само собою разумѣется, что не одно только вызывающее положеніе, занятое Магницкимъ по отношенію къ своему министру, раздражало старика Шишкова. Возникали и другіе поводы къ неудовольствію министра, тѣмъ болѣе, что враждебная казанскому попечителю министерская партія дѣятельно продолжала свою конспиративную работу и пользовалась каждымъ подходящимъ случаемъ для окончательнаго дискредитированія Магницкаго въ глазахъ его принципала. Объ одномъ изъ фактовъ подобнаго рода, относящемся къ днямъ пребыванія Магницкаго въ Казани и свидѣтельствующемъ о самонадѣянной несдержанности попечителя, разсказываетъ намъ Панаевъ. Въ бытность свою въ Казани, Магницкій часто проводилъ вечера у жены исправлявшаго должность директора университета Вишневскаго,—женщины, по словамъ автора, виднаго происхожденія (она была урожденною Еропкиной), умной и образованной. Получено было въ Казани извѣстіе о кончинѣ супруги министра народнаго просвѣщенія Д. А. Шишковой. Обсуждая это извѣстіе въ домѣ Вишневской, Магницкій замѣтилъ: „Этотъ женолюбъ и старый дуракъ (т. е. министръ) вскорѣ послѣдуетъ за своею супругою,—а я ворочусь въ Петербургъ и сорву головы Панаеву, Языкову и Шихматову". Вишневская на слѣдующее же утро поспѣшила передать неосторожныя слова попечителя своей близкой подругѣ П. И. Рындовской,—родной сестрѣ В. И. Панаева,—и сообщеніе о новой выходкѣ Магницкаго немедленно полетѣло въ Петербургъ. По общему соглашенію дѣйствовавшей противъ казанскаго попечителя партіи было рѣшено, не

отлагая дѣла, сдѣлать казанское сообщеніе извѣстнымъ министру и съ этою цѣлью князь Ширинскій-Шихматовъ и Панаевъ поѣхали къ Шишкову. Князь первый вошелъ въ кабинетъ министра и предварительно переговорилъ съ нимъ, послѣ чего къ Шишкову приглашенъ былъ и авторъ воспоминаній:

— Здравствуй, Владиміръ Ивановичъ, — сказалъ министръ. — Ты опять нездоровъ?

— Теперь, слава Богу, лучше...

— Садись. Ты хочешь сообщить мнѣ что то непріятное... Ты получилъ письмо изъ Казани?

— Точно такъ.

— Гдѣ же оно? Съ тобою? Давай сюда!

— Но мнѣ больно показать его вамъ... Такія дерзкія выраженія...

— Что? Бранитъ меня? Нужды нѣтъ,—дай сюда...

Александръ Семеновичъ, обыкновенно блѣдный, — разсказываетъ Панаевъ,—поблѣднѣлъ, читая письмо, еще болѣе.

— Злой человѣкъ!—сказалъ онъ, кончивъ.—Но ты не бойся: я не выдамъ тебя.

— Какъ жаль, ваше высокопревосходительство, что вы не удостоили выслушать сдѣланнаго мною разбора его ревизіи и тогда же не представили государю,—замѣтилъ Панаевъ.—Магницкій, вѣроятно, не усидѣлъ бы на своемъ мѣстѣ и вы были бы теперь покойны... Но дѣло можно еще поправить: въ департаментѣ составленъ сводъ, въ видѣ записки, какъ прежнихъ, такъ и слѣдующихъ дѣйствій Магницкаго... Пошлите ее въ Таганрогъ!

— Зачѣмъ посылать,—возразилъ Шишковъ. — Государь, говорятъ, будетъ сюда къ 12-му декабря. Недалеко... Тогда я лично доложу ему.

Предположеніе министра не оправдалось. Императору Александру уже не было суждено возвратиться изъ Таганрога, а двумя днями позже срока, указаннаго Шишковымъ, разыгрались въ Петербургѣ памятныя событія 14-го декабря 1825 года [263]...

Занявъ, съ момента отъѣзда своего изъ Петербурга, совершенно анормальное положеніе по отношенію къ министерству народнаго просвѣщенія, Магницкій, выѣхавъ 8-го октября изъ Казани, въ высшей степени своеобразно опредѣлилъ и свои отношенія къ казанскому университету. По просту говоря—онъ съ этого дня порвалъ всякія отношенія къ нему, воспользовавшись самовольно установленною имъ усиленною властью директора университета, на котораго онъ и возложилъ всѣ текущія функціи своего управленія. Личность попечи-

отлагая дѣла, сдѣлать казанское сообщенiе извѣстнымъ министру и съ этою цѣлью князь Ширинскiй-Шихматовъ и Панаевъ поѣхали къ Шишкову. Князь первый вошелъ въ кабинетъ министра и предварительно переговорилъ съ нимъ, послѣ чего къ Шишкову приглашенъ былъ и авторъ воспоминанiй:

— Здравствуй, Владимiръ Ивановичъ, — сказалъ министръ. — Ты опять нездоровъ?

— Теперь, слава Богу, лучше...

— Садись. Ты хочешь сообщить мнѣ что то непрiятное... Ты получилъ письмо изъ Казани?

— Точно такъ.

— Гдѣ же оно? Съ тобою? Давай сюда!

— Но мнѣ больно показать его вамъ... Такiя дерзкiя выраженiя...

— Что? Бранитъ меня? Нужды нѣтъ,—дай сюда...

Александръ Семеновичъ, обыкновенно блѣдный, — разсказываетъ Панаевъ,—поблѣднѣлъ, читая письмо, еще болѣе.

— Злой человѣкъ!—сказалъ онъ, кончивъ.—Но ты не бойся: я не выдамъ тебя.

— Какъ жаль, ваше высокопревосходительство, что вы не удостоили выслушать сдѣланнаго мною разбора его ревизiи и тогда же не представили государю,—замѣтилъ Панаевъ.—Магницкiй, вѣроятно, не усидѣлъ бы на своемъ мѣстѣ и вы были бы теперь покойны... Но дѣло можно еще поправить: въ департаментѣ составленъ сводъ, въ видѣ записки, какъ прежнихъ, такъ и слѣдующихъ дѣйствiй Магницкаго... Пошлите ее въ Таганрогъ!

— Зачѣмъ посылать,—возразилъ Шишковъ. — Государь, говорятъ, будетъ сюда къ 12-му декабря. Недалеко... Тогда я лично доложу ему.

Предположенiе министра не оправдалось. Императору Александру уже не было суждено возвратиться изъ Таганрога, а двумя днями позже срока, указаннаго Шишковымъ, разыгрались въ Петербургѣ памятныя событiя 14-го декабря 1825 года [263]...

Занявъ, съ момента отъѣзда своего изъ Петербурга, совершенно анормальное положенiе по отношенiю къ министерству народнаго просвѣщенiя, Магницкiй, выѣхавъ 8-го октября изъ Казани, въ высшей степени своеобразно опредѣлилъ и свои отношенiя къ казанскому университету. По просту говоря—онъ съ этого дня порвалъ всякiя отношенiя къ нему, воспользовавшись самовольно установленною имъ усиленною властью директора университета, на котораго онъ и возложилъ всѣ текущiя функцiи своего управленiя. Личность попечи-

теля округа совершенно исчезаетъ изъ круговорота дѣловой университетской жизни. Теперь директоръ дѣлаетъ совѣту предложенія, получаетъ отъ него и отъ другихъ органовъ власти представленія и донесенія, словомъ—всецѣло заступаетъ личность попечителя, который и по отношенію къ университету оказывается, такимъ образомъ, въ точно такомъ же „безвѣстномъ отсутствіи", въ какомъ находился онъ по отношенію къ министерству. Это странное положеніе вещей длилось до половины декабря 1825-го года, когда Магницкій снова оказался въ Казани, высланный сюда изъ столицы при обстоятельствахъ, которыя скоро станутъ намъ извѣстными.

Оффиціальныя данныя совершенно умалчиваютъ какъ о мѣстопребываніи, такъ и о дѣятельности Магницкаго послѣ окончанія имъ ревизіи пензенской гимназіи, то есть съ 4-го ноября. Но мы имѣемъ частное, почерпаемое изъ тѣхъ же воспоминаній В. И. Панаева, свидѣтельство о томъ, что въ ноябрѣ состоялось новое свиданіе казанскаго попечителя съ графомъ А. А. Аракчеевымъ. Могущественный временщикъ находился въ то время въ психически-угнетенномъ состояніи духа, охватившемъ его послѣ насильственной смерти его любовницы, извѣстной Настасьи Минкиной, павшей жертвою ненависти къ ней графской дворни; безъисходное горе Аракчеева не въ силахъ были разсѣять ни сочувственныя письма къ нему императора, ни духовныя увѣщанія архимандрита Фотія, ни утѣшенія генерала П. А. Клейнмихеля, спеціально откомандированнаго къ нему, съ этою цѣлью, государемъ. Въ эти то скорбные для временщика дни и произошло свиданіе его съ попечителемъ казанскаго учебнаго округа. Панаевъ утверждаетъ, что Аракчеевъ самъ вызвалъ къ себѣ Магницкаго, желая „раздѣлить съ нимъ горе", и добавляетъ къ этому, что „стукъ попечительской коляски, прокатившей въ Новгородъ, можетъ быть кое-кого (Шишкова?) и заставилъ дрогнуть". Возвратившись изъ Новгорода, Магницкій явился къ А. С. Шишкову въ полной парадной формѣ, передавъ поклонъ отъ Аракчеева, съ присовокупленіемъ просьбы временщика „позволить ему (т. е. Магницкому) воротиться въ Новгородъ и пробыть съ графомъ подолѣе"; по словамъ Панаева— „старикъ струсилъ и, разумѣется, далъ полное согласіе". Нѣсколькими днями позже, разсказывая объ этомъ самому автору воспоминаній, министръ говорилъ:

— Да, привезъ мнѣ поклонъ отъ графа Алексѣя Андреевича... Просился опять къ нему... Ну, я позволилъ... Теперь, думаю, не поѣдетъ!—прибавилъ старикъ, лукаво улыбаясь.

теля округа совершенно исчезаетъ изъ круговорота дѣловой университетской жизни. Теперь директоръ дѣлаетъ совѣту предложенія, получаетъ отъ него и отъ другихъ органовъ власти представленія и донесенія, словомъ—всецѣло заступаетъ личность попечителя, который и по отношенію къ университету оказывается, такимъ образомъ, въ точно такомъ же „безвѣстномъ отсутствіи", въ какомъ находился онъ по отношенію къ министерству. Это странное положеніе вещей длилось до половины декабря 1825-го года, когда Магницкій снова оказался въ Казани, высланный сюда изъ столицы при обстоятельствахъ, которыя скоро станутъ намъ извѣстными.

Оффиціальныя данныя совершенно умалчиваютъ какъ о мѣстопребываніи, такъ и о дѣятельности Магницкаго послѣ окончанія имъ ревизіи пензенской гимназіи, то есть съ 4-го ноября. Но мы имѣемъ частное, почерпаемое изъ тѣхъ же воспоминаній В. И. Панаева, свидѣтельство о томъ, что въ ноябрѣ состоялось новое свиданіе казанскаго попечителя съ графомъ А. А. Аракчеевымъ. Могущественный временщикъ находился въ то время въ психически-угнетенномъ состояніи духа, охватившемъ его послѣ насильственной смерти его любовницы, извѣстной Настасьи Минкиной, павшей жертвою ненависти къ ней графской дворни; безъисходное горе Аракчеева не въ силахъ были разсѣять ни сочувственныя письма къ нему императора, ни духовныя увѣщанія архимандрита Фотія, ни утѣшенія генерала П. А. Клейнмихеля, спеціально откомандированнаго къ нему, съ этою цѣлью, государемъ. Въ эти то скорбные для временщика дни и произошло свиданіе его съ попечителемъ казанскаго учебнаго округа. Панаевъ утверждаетъ, что Аракчеевъ самъ вызвалъ къ себѣ Магницкаго, желая „раздѣлить съ нимъ горе", и добавляетъ къ этому, что „стукъ попечительской коляски, прокатившей въ Новгородъ, можетъ быть кое-кого (Шишкова?) и заставилъ дрогнуть". Возвратившись изъ Новгорода, Магницкій явился къ А. С. Шишкову въ полной парадной формѣ, передавъ поклонъ отъ Аракчеева, съ присовокупленіемъ просьбы временщика „позволить ему (т. е. Магницкому) воротиться въ Новгородъ и пробыть съ графомъ подолѣе"; по словамъ Панаева— „старикъ струсилъ и, разумѣется, далъ полное согласіе". Нѣсколькими днями позже, разсказывая объ этомъ самому автору воспоминаній, министръ говорилъ:

— Да, привезъ мнѣ поклонъ отъ графа Алексѣя Андреевича... Просился опять къ нему... Ну, я позволилъ... Теперь, думаю, не поѣдетъ!—прибавилъ старикъ, лукаво улыбаясь.

Слова стараго адмирала: „Теперь, думаю, не поѣдетъ“—имѣли глубоко правдивый, но и роковой, смыслъ: въ столицѣ только что было получено, какъ громомъ поразившее всѣхъ, извѣстіе о послѣдовавшей 19-го ноября кончинѣ въ г. Таганрогѣ императора Александра Павловича,—этого „неразгаданнаго до гроба вѣнчаннаго сфинкса“, какъ охарактеризовалъ его одинъ изъ современниковъ эпохи.

Старикъ Шишковъ былъ правъ: теперь казанскому попечителю уже не зачѣмъ было ѣхать въ Новгородъ. Какъ бы ни сложились дальнѣйшія политическія комбинаціи, какъ бы ни разрѣшился смущавшій всѣхъ и запутавшійся вопросъ о наслѣдіи русскаго престола,—въ пользу ли законнаго преемника его, цесаревича Константина Павловича, или въ пользу назначеннаго тайнымъ завѣщаніемъ скончавшагося императора великаго князя Николая Павловича,—режиму послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра I, яркимъ представителемъ котораго выступалъ графъ А. А. Аракчеевъ, предвидѣлся конецъ. Какъ казанскій попечитель округа, такъ и его министръ, были слишкомъ дальновидны и слишкомъ изощрены въ скрытыхъ пружинахъ и комбинаціяхъ петербургскаго бюрократическаго міра, что бы не понять, что къ „грузинскому отшельнику“ ѣхать Магницкому—теперь уже, и на самомъ дѣлѣ, не къ чему. Дни почти полновластнаго могущества графа Аракчеева порвались; порывались, вмѣстѣ съ ними, и честолюбивыя вождедѣнія казанскаго попечителя, которымъ едва ли не было суждено осуществиться уже въ очень близкомъ будущемъ...

А честолюбивыя вождѣленія Магницкаго были въ ту пору, дѣйствительно, велики, какъ свидѣтельствуетъ намъ о томъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о Н. М. Карамзинѣ, К. С. Сербиновичъ, разсказъ котораго можетъ послужить краснорѣчивою иллюстраціею фактовъ, уже приведенныхъ нами выше:

„... Здѣсь кстати будетъ разсказать о предметѣ, касающемся министерства народнаго просвѣщенія, — пишетъ К. С. Сербиновичъ.— Попечитель казанскаго университета Магницкій, искавшій всѣхъ случаевъ къ своему возвышенію и, повидимому, прочившій себя въ министры, вывелъ изъ терпѣнія кроткаго Александра Семеновича (Шишкова), который давно уже предлагалъ ему ѣхать въ Казань, гдѣ присутствіе его, какъ попечителя, было нужнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. Не видя исполненія, онъ рѣшился переговорить объ этомъ съ графомъ Аракчеевымъ, а затѣмъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, отнесся къ нему письменно о необходимости внушенія Магницкому долга его. Тогда Магницкій принужденъ былъ уѣхать. Но осенью онъ возвратился безъ

Слова стараго адмирала: „Теперь, думаю, не поѣдетъ"—имѣли глубоко правдивый, но и роковой, смыслъ: въ столицѣ только что было получено, какъ громомъ поразившее всѣхъ, извѣстіе о послѣдовавшей 19-го ноября кончинѣ въ г. Таганрогѣ императора Александра Павловича,—этого „неразгаданнаго до гроба вѣнчаннаго сфинкса", какъ охарактеризовалъ его одинъ изъ современниковъ эпохи.

Старикъ Шишковъ былъ правъ: теперь казанскому попечителю уже не зачѣмъ было ѣхать въ Новгородъ. Какъ бы ни сложились дальнѣйшія политическія комбинаціи, какъ бы ни разрѣшился смущавшій всѣхъ и запутавшійся вопросъ о наслѣдіи русскаго престола,—въ пользу ли законнаго преемника его, цесаревича Константина Павловича, или въ пользу назначеннаго тайнымъ завѣщаніемъ скончавшагося императора великаго князя Николая Павловича,—режиму послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра I, яркимъ представителемъ котораго выступалъ графъ А. А. Аракчеевъ, предвидѣлся конецъ. Какъ казанскій попечитель округа, такъ и его министръ, были слишкомъ дальновидны и слишкомъ изощрены въ скрытыхъ пружинахъ и комбинаціяхъ петербургскаго бюрократическаго міра, что бы не понять, что къ „грузинскому отшельнику" ѣхать Магницкому—теперь уже, и на самомъ дѣлѣ, не къ чему. Дни почти полновластнаго могущества графа Аракчеева порвались; порывались, вмѣстѣ съ ними, и честолюбивыя вожделѣнія казанскаго попечителя, которымъ едва ли не было суждено осуществиться уже въ очень близкомъ будущемъ...

А честолюбивыя вождѣленія Магницкаго были въ ту пору, дѣйствительно, велики, какъ свидѣтельствуетъ намъ о томъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о Н. М. Карамзинѣ, К. С. Сербиновичъ, разсказъ котораго можетъ послужить краснорѣчивою иллюстраціею фактовъ, уже приведенныхъ нами выше:

„... Здѣсь кстати будетъ разсказать о предметѣ, касающемся министерства народнаго просвѣщенія, — пишетъ К. С. Сербиновичъ.— Попечитель казанскаго университета Магницкій, искавшій всѣхъ случаевъ къ своему возвышенію и, повидимому, прочившій себя въ министры, вывелъ изъ терпѣнія кроткаго Александра Семеновича (Шишкова), который давно уже предлагалъ ему ѣхать въ Казань, гдѣ присутствіе его, какъ попечителя, было нужнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. Не видя исполненія, онъ рѣшился переговорить объ этомъ съ графомъ Аракчеевымъ, а затѣмъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, отнесся къ нему письменно о необходимости внушенія Магницкому долга его. Тогда Магницкій принужденъ былъ уѣхать. Но осенью онъ возвратился безъ

разрѣшенія, заѣхавъ прежде въ Грузино, что бы повидаться съ Аракчеевымъ, опечаленнымъ тогда смертью Настасьи... Пользуясь такимъ удобнымъ случаемъ, Магницкій старался соболѣзнованіемъ своимъ войти въ особенное расположеніе у графа и успѣлъ столько, что потомъ и не сомнѣвался въ достиженіи своей главной цѣли, за старостью и слабостью Александра Семеновича. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, представляя себя лицомъ, довѣреннымъ всемогущаго тогда Аракчеева, уже не заботился о распоряженіи министра и только ждалъ возвращенія государя изъ Таганрога. 26-го ноября онъ былъ у Александра Семеновича, хвалясь пріемомъ графа, а 27-го ноября, посѣтивъ одного изъ своихъ знакомыхъ, тотчасъ началъ разсказывать о пребываніи своемъ въ Грузинѣ и о предстоящей ему важнѣйшей дѣятельности въ министерствѣ.

— Какъ? — возразилъ ему знакомый. — Вы и теперь это думаете, когда уже государя нѣтъ на свѣтѣ?!..

Эти слова (попечителю печальная вѣсть еще не была извѣстна) поразили Магницкаго, какъ громомъ. Онъ тотчасъ уѣхалъ".

Слѣдомъ за полученіемъ въ Петербургѣ извѣстія о кончинѣ императора Александра I, начались смутные и полные неизвѣстности дни междуцарствія, открывшіеся присягою, принесенною великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, а слѣдомъ за нимъ и всею Россіею, „императору Константину Павловичу", продолжавшіеся упорнымъ отказомъ послѣдняго отъ престола и закончившіеся кровавыми событіями 14-го декабря 1825 года, укрѣпившими императорскую корону за Николаемъ I. Мы считаемъ тревожные дни этого междуцарствія слишкомъ хорошо извѣстными читателямъ для того, что бы останавливаться на нихъ съ большею или меньшею подробностью. Насъ будетъ, поэтому, интересовать лишь та роль, какую пришлось сыграть въ событіяхъ этихъ дней, — явившихся для него роковыми, — герою нашего разсказа, попечителю казанскаго учебнаго округа М. Л. Магницкому.

Извѣстіе о кончинѣ императора Александра поставило Магницкаго въ положеніе человѣка, сознающаго уходящую изъ подъ ногъ его почву. Онъ не могъ не понимать, что, въ какой бы формѣ дальнѣйшія политическія комбинаціи не сложились, на авторитетъ всѣмъ ненавистнаго и бывшаго сильнымъ исключительно только дружбою монарха Аракчеева—разсчитывать ему уже нечего; проиграно было дѣло Магницкаго, благодаря собственной заносчивой безтактности его, и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, въ которомъ личность недавно еще властнаго казанскаго попечителя оказалась окончательно дискредитированною даже въ глазахъ

разрѣшенія, заѣхавъ прежде въ Грузино, что бы повидаться съ Аракчеевымъ, опечаленнымъ тогда смертью Настасьи... Пользуясь такимъ удобнымъ случаемъ, Магницкій старался соболѣзнованіемъ своимъ войти въ особенное расположеніе у графа и успѣлъ столько, что потомъ и не сомнѣвался въ достиженіи своей главной цѣли, за старостью и слабостью Александра Семеновича. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, представляя себя лицомъ, довѣреннымъ всемогущаго тогда Аракчеева, уже не заботился о распоряженіи министра и только ждалъ возвращенія государя изъ Таганрога. 26-го ноября онъ былъ у Александра Семеновича, хвалясь пріемомъ графа, а 27-го ноября, посѣтивъ одного изъ своихъ знакомыхъ, тотчасъ началъ разсказывать о пребываніи своемъ въ Грузинѣ и о предстоящей ему важнѣйшей дѣятельности въ министерствѣ.

— Какъ? — возразилъ ему знакомый. — Вы и теперь это думаете, когда уже государя нѣтъ на свѣтѣ?!..

Эти слова (попечителю печальная вѣсть еще не была извѣстна) поразили Магницкаго, какъ громомъ. Онъ тотчасъ уѣхалъ".

Слѣдомъ за полученіемъ въ Петербургѣ извѣстія о кончинѣ императора Александра I, начались смутные и полные неизвѣстности дни междуцарствія, открывшіеся присягою, принесенною великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, а слѣдомъ за нимъ и всею Россіею, „императору Константину Павловичу", продолжавшіеся упорнымъ отказомъ послѣдняго отъ престола и закончившіеся кровавыми событіями 14-го декабря 1825 года, укрѣпившими императорскую корону за Николаемъ I. Мы считаемъ тревожные дни этого междуцарствія слишкомъ хорошо извѣстными читателямъ для того, что бы останавливаться на нихъ съ большею или меньшею подробностью. Насъ будетъ, поэтому, интересовать лишь та роль, какую пришлось сыграть въ событіяхъ этихъ дней, — явившихся для него роковыми, — герою нашего разсказа, попечителю казанскаго учебнаго округа М. Л. Магницкому.

Извѣстіе о кончинѣ императора Александра поставило Магницкаго въ положеніе человѣка, сознающаго уходящую изъ подъ ногъ его почву. Онъ не могъ не понимать, что, въ какой бы формѣ дальнѣйшія политическія комбинаціи не сложились, на авторитетъ всѣмъ ненавистнаго и бывшаго сильнымъ исключительно только дружбою монарха Аракчеева—разсчитывать ему уже нечего; проиграно было дѣло Магницкаго, благодаря собственной заносчивой безтактности его, и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, въ которомъ личность недавно еще властнаго казанскаго попечителя оказалась окончательно дискредитированною даже въ глазахъ

благодушнаго старика-министра... Магницкій не былъ, впрочемъ, человѣкомъ, способнымъ терять голову при первой, болѣе или менѣе серьезной, жизненной неудачѣ. Случайная волна благополучно вынесла его на берегъ послѣ постигшей его тяжелой катастрофы 1812-го года, — онъ могъ надѣяться, что счастливая звѣзда не измѣнитъ ему и при наступившихъ смутныхъ обстоятельствахъ. Бездѣйствовать, во всякомъ случаѣ—не приходилось, и Магницкій смѣло бросается въ водоворотъ политическихъ теченій дня, которыя, еще полныя неизвѣстности, направлялись къ двумъ конечнымъ пристанямъ: Константинъ или Николай. Магницкій смѣло бросился въ первое изъ этихъ теченій. Это теченіе его и поглотило, захлестнувъ волною, положившею конецъ полной превратностей карьерѣ этого случайнаго человѣка.

Современники единодушно сходятся въ оцѣнкѣ обстоятельствъ, сгубившихъ героя нашего повѣствованія:

Профессоръ казанскаго университета К. Ѳ. Фуксъ въ свое время разсказывалъ Н. И. Второву, что казанскій попечитель, узнавъ о кончинѣ императора Александра—„поспѣшилъ послать льстивое привѣтствіе Константину; Николай же Павловичъ, по вступленіи на престолъ, приказалъ немедленно отрѣшить его за безпокойный нравъ"...

„Когда Магницкій узналъ,—пишетъ К. С. Сербиновичъ, — что при дворѣ и вездѣ принесена присяга новому императору Константину Павловичу, то, обдумывая мѣры свои, былъ, по обычаю, очень неумѣренъ въ рѣчахъ—до такой степени, что великій князь Николай Павловичъ 1-го декабря прислалъ къ А. С. Шишкову генералъ-губернатора графа Милорадовича узнать о причинѣ пребыванія Магницкаго здѣсь. Отвѣтъ былъ тотъ, что онъ пріѣхалъ безъ разрѣшенія и не даетъ министру отчета. Затѣмъ дано ему предложеніе безотговорочно ѣхать въ Казань. Тутъ онъ выдумалъ протестовать, написавъ жалобу государю, т. е. Константину Павловичу; слышно было, что великій князь Николай Павловичъ, получивъ ее, велѣлъ объявить Магницкому, что жалоба его въ самыхъ вѣрныхъ рукахъ, что бы дойти до государя"...

„Не враги были причиною высылки Магницкаго изъ столицы, но онъ самъ накликалъ на себя бѣду своимъ краснорѣчіемъ,—свидѣтельствуетъ М. М. Поповъ.—По полученіи извѣстія о кончинѣ императора Александра I, онъ шумѣлъ и толковалъ о правѣ наслѣдія и выражалъ исключительную преданность свою къ цесаревичу Константину Павловичу, не предвидя, что его высочество откажется отъ престола, и отправилъ къ нему въ Варшаву поздравительное письмо. Все это, конечно, было не болѣе,

благодушнаго старика-министра... Магницкій не былъ, впрочемъ, человѣкомъ, способнымъ терять голову при первой, болѣе или менѣе серьезной, жизненной неудачѣ. Случайная волна благополучно вынесла его на берегъ послѣ постигшей его тяжелой катастрофы 1812-го года, — онъ могъ надѣяться, что счастливая звѣзда не измѣнитъ ему и при наступившихъ смутныхъ обстоятельствахъ. Бездѣйствовать, во всякомъ случаѣ—не приходилось, и Магницкій смѣло бросается въ водоворотъ политическихъ теченій дня, которыя, еще полныя неизвѣстности, направлялись къ двумъ конечнымъ пристанямъ: Константинъ или Николай. Магницкій смѣло бросился въ первое изъ этихъ теченій. Это теченіе его и поглотило, захлестнувъ волною, положившею конецъ полной превратностей карьерѣ этого случайнаго человѣка.

Современники единодушно сходятся въ оцѣнкѣ обстоятельствъ, сгубившихъ героя нашего повѣствованія:

Профессоръ казанскаго университета К. Ѳ. Фуксъ въ свое время разсказывалъ Н. И. Второву, что казанскій попечитель, узнавъ о кончинѣ императора Александра—„поспѣшилъ послать льстивое привѣтствіе Константину; Николай же Павловичъ, по вступленіи на престолъ, приказалъ немедленно отрѣшить его за безпокойный нравъ“...

„Когда Магницкій узналъ,—пишетъ К. С. Сербиновичъ, — что при дворѣ и вездѣ принесена присяга новому императору Константину Павловичу, то, обдумывая мѣры свои, былъ, по обычаю, очень неумѣренъ въ рѣчахъ—до такой степени, что великій князь Николай Павловичъ 1-го декабря прислалъ къ А. С. Шишкову генералъ-губернатора графа Милорадовича узнать о причинѣ пребыванія Магницкаго здѣсь. Отвѣтъ былъ тотъ, что онъ пріѣхалъ безъ разрѣшенія и не даетъ министру отчета. Затѣмъ дано ему предложеніе безотговорочно ѣхать въ Казань. Тутъ онъ выдумалъ протестовать, написавъ жалобу государю, т. е. Константину Павловичу; слышно было, что великій князь Николай Павловичъ, получивъ ее, велѣлъ объявить Магницкому, что жалоба его въ самыхъ вѣрныхъ рукахъ, что бы дойти до государя“...

„Не враги были причиною высылки Магницкаго изъ столицы, но онъ самъ накликалъ на себя бѣду своимъ краснорѣчіемъ,—свидѣтельствуетъ М. М. Поповъ.—По полученіи извѣстія о кончинѣ императора Александра I, онъ шумѣлъ и толковалъ о правѣ наслѣдія и выражалъ исключительную преданность свою къ цесаревичу Константину Павловичу, не предвидя, что его высочество откажется отъ престола, и отправилъ къ нему въ Варшаву поздравительное письмо. Все это, конечно, было не болѣе,

какъ только желаніе сдѣлаться угоднымъ новому императору Константину. Но тогда не знали, изъ за чего Магницкій хлопочетъ и могли предполагать въ дѣйствіяхъ его связь съ заговоромъ, о существованіи котораго правительство уже имѣло свѣдѣнія. Поэтому то, въ предупрежденіе безпорядковъ, Магницкій и былъ высланъ къ главному мѣсту службы его—въ Казань"...

В. И. Панаевъ ставитъ постигшую Магницкаго катастрофу въ связь съ уже знакомымъ намъ (см. выше стр. 461) извѣтомъ его на членовъ императорской фамиліи, и, въ частности, на великаго князя Николая Павловича: „Когда, по полученіи извѣстія о кончинѣ императора Александра, великій князь Николай Павловичъ поручилъ князю А. Н. Голицину разобрать бывшія въ кабинетѣ усопшаго бумаги,—свидѣтельствуетъ Панаевъ,—въ числѣ первыхъ попался на глаза этотъ доносъ, такъ какъ онъ былъ поданъ, вѣроятно, не за долго до отъѣзда государя въ Таганрогъ и лежалъ сверху *. Князь Голицинъ представилъ эту бумагу великому князю, а великій князь разсудилъ, что, при тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствахъ, пребываніе въ Петербургѣ столь дерзкаго человѣка—не безопасно" [264].

Конецъ ноября и начало декабря 1825-го года были смутными днями въ жизни русской столицы: „Кто жилъ тогда въ Петербургѣ, тотъ помнитъ, какое тревожное недоумѣніе господствовало въ городѣ, — вспоминаетъ В. И. Панаевъ.—Всѣ сидѣли по домамъ и про себя толковали, на улицахъ была пустота"... Все еще продолжавшій оставаться въ томительной неизвѣстности вопросъ о престолонаслѣдіи, въ связи съ совершенно несомнѣнными данными о существованіи въ Петербургѣ организованнаго заговора, задавшагося цѣлью воспользоваться текущими событіями для измѣненія существующаго государственнаго режима и вскорѣ разразившагося вооруженнымъ возстаніемъ 14-го декабря—заставляли петербургскаго военнаго генералъ-губернатора графа М. А. Милорадовича принимать чрезвычайныя мѣры по охранѣ въ столицѣ спокойствія. Въ ряду этихъ мѣръ предпринята была высылка изъ Петербурга всѣхъ лицъ, казавшихся подозрительными и присутствіе которыхъ въ эти тревожные дни въ столицѣ признавалось генералъ-губернаторомъ нежелательнымъ. Въ этотъ проскрипціонный списокъ,— какъ это съ перваго взгляда не можетъ не показаться намъ парадоксальнымъ,—оказался занесеннымъ и попечитель казан-

* Министръ А. С. Шишковъ отказался, какъ мы знаемъ, представить этотъ извѣтъ государю. Панаевъ предполагаетъ, что Магницкій все таки довелъ его до свѣдѣнія Александра—быть можетъ, даже, черезъ посредство графа Аракчеева.

какъ только желаніе сдѣлаться угоднымъ новому императору Константину. Но тогда не знали, изъ за чего Магницкій хлопочетъ и могли предполагать въ дѣйствіяхъ его связь съ заговоромъ, о существованіи котораго правительство уже имѣло свѣдѣнія. Поэтому то, въ предупрежденіе безпорядковъ, Магницкій и былъ высланъ къ главному мѣсту службы его—въ Казань"...

В. И. Панаевъ ставитъ постигшую Магницкаго катастрофу въ связь съ уже знакомымъ намъ (см. выше стр. 461) извѣтомъ его на членовъ императорской фамиліи, и, въ частности, на великаго князя Николая Павловича: „Когда, по полученіи извѣстія о кончинѣ императора Александра, великій князь Николай Павловичъ поручилъ князю А. Н. Голицину разобрать бывшія въ кабинетѣ усопшаго бумаги,—свидѣтельствуетъ Панаевъ,—въ числѣ первыхъ попался на глаза этотъ доносъ, такъ какъ онъ былъ поданъ, вѣроятно, не за долго до отъѣзда государя въ Таганрогъ и лежалъ сверху *. Князь Голицинъ представилъ эту бумагу великому князю, а великій князь разсудилъ, что, при тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствахъ, пребываніе въ Петербургѣ столь дерзкаго человѣка—не безопасно" [264].

Конецъ ноября и начало декабря 1825-го года были смутными днями въ жизни русской столицы: „Кто жилъ тогда въ Петербургѣ, тотъ помнитъ, какое тревожное недоумѣніе господствовало въ городѣ, — вспоминаетъ В. И. Панаевъ.—Всѣ сидѣли по домамъ и про себя толковали, на улицахъ была пустота"... Все еще продолжавшій оставаться въ томительной неизвѣстности вопросъ о престолонаслѣдіи, въ связи съ совершенно несомнѣнными данными о существованіи въ Петербургѣ организованнаго заговора, задавшагося цѣлью воспользоваться текущими событіями для измѣненія существующаго государственнаго режима и вскорѣ разразившагося вооруженнымъ возстаніемъ 14-го декабря—заставляли петербургскаго военнаго генералъ - губернатора графа М. А. Милорадовича принимать чрезвычайныя мѣры по охранѣ въ столицѣ спокойствія. Въ ряду этихъ мѣръ предпринята была высылка изъ Петербурга всѣхъ лицъ, казавшихся подозрительными и присутствіе которыхъ въ эти тревожные дни въ столицѣ признавалось генералъ-губернаторомъ нежелательнымъ. Въ этотъ проскрипціонный списокъ,—какъ это съ перваго взгляда не можетъ не показаться намъ парадоксальнымъ,—оказался занесеннымъ и попечитель казан-

* Министръ А. С. Шишковъ отказался, какъ мы знаемъ, представить этотъ извѣтъ государю. Панаевъ предполагаетъ, что Магницкій все таки довелъ его до свѣдѣнія Александра—быть можетъ, даже, черезъ посредство графа Аракчеева.

скаго учебнаго округа, только что передъ тѣмъ снова водворившійся въ столицѣ.

Мы выше привели отзывъ современниковъ относительно тѣхъ обстоятельствъ, которыя послужили причиною постигшей Магницкаго катастрофы и неожиданно для всѣхъ превратили благонамѣреннѣйшаго попечителя округа—въ человѣка „опаснаго", злоумышленника и чуть ли не будущаго „декабриста"... Перейдемъ теперь къ архивнымъ даннымъ, почерпнутымъ нами, главнымъ образомъ, въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія и возстановляющимъ подробности злоключеній, постигшихъ Магницкаго въ первыхъ числахъ декабря 1825-го года *, причемъ мы будемъ стараться въ подлинномъ текстѣ возстановлять относящіеся сюда любопытные документы.

Дѣло началось съ слѣдующаго конфиденціальнаго письма графа Милорадовича, отъ 1-го декабря 1825 года (№ 7466), на имя министра народнаго просвѣщенія:

„Милостивый государь Александръ Семеновичъ!

Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Магницкій прибылъ въ С.-Петербургъ.

Извѣстно стало, что онъ самовольно пріѣхалъ сюда, не имѣя на то позволенія главнаго начальства, отъ своего мѣста. Сей поступокъ, совершенно противный порядку службы, производитъ здѣсь разные толки. Я удостовѣрился, что, дѣйствительно, онъ никакого позволенія не имѣлъ. А такъ какъ въ столицу служащіе безъ позволенія своего начальства не ѣздятъ—то я въ обязанность себѣ поставилъ чрезъ полицію объявить г. Магницкому, что бы онъ завтрашняго числа выѣхалъ къ своему мѣсту, гдѣ ему быть надлежитъ, изъ столицы.

Долгомъ поставляя увѣдомить о семъ ваше высокопревосходительство, имѣю честь и пр."

Въ предшествовавшую этому письму ночь Магницкаго постигла крупная непріятность, о которой и идетъ рѣчь въ письмѣ генералъ-губернатора и которая дала поводъ къ слѣдующему обращенію казанскаго попечителя, отъ 2-го декабря, къ А. С. Шишкову:

„Милостивый государь Александръ Семеновичъ!

Вчерашній день, въ полночь, здѣшній оберъ-полицеймейстеръ, прибывъ въ домъ мой, предъявилъ мнѣ

---

* Относящаяся сюда серія «секретныхъ» и въ высшей степени интересныхъ актовъ найдена нами въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія подъ общимъ заголовкомъ: «Магницкаго бумаги, отданныя государемъ императоромъ».

скаго учебнаго округа, только что передъ тѣмъ снова водворившійся въ столицѣ.

Мы выше привели отзывъ современниковъ относительно тѣхъ обстоятельствъ, которыя послужили причиною постигшей Магницкаго катастрофы и неожиданно для всѣхъ превратили благонамѣреннѣйшаго попечителя округа—въ человѣка „опаснаго", злоумышленника и чуть ли не будущаго „декабриста"... Перейдемъ теперь къ архивнымъ даннымъ, почерпнутымъ нами, главнымъ образомъ, въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія и возстановляющимъ подробности злоключеній, постигшихъ Магницкаго въ первыхъ числахъ декабря 1825-го года *, причемъ мы будемъ стараться въ подлинномъ текстѣ возстановлять относящіеся сюда любопытные документы.

Дѣло началось съ слѣдующаго конфиденціальнаго письма графа Милорадовича, отъ 1-го декабря 1825 года (№ 7466), на имя министра народнаго просвѣщенія:

„Милостивый государь Александръ Семеновичъ!

Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Магницкій прибылъ въ С.-Петербургъ.

Извѣстно стало, что онъ самовольно пріѣхалъ сюда, не имѣя на то позволенія главнаго начальства, отъ своего мѣста. Сей поступокъ, совершенно противный порядку службы, производитъ здѣсь разные толки. Я удостовѣрился, что, дѣйствительно, онъ никакого позволенія не имѣлъ. А такъ какъ въ столицу служащіе безъ позволенія своего начальства не ѣздятъ—то я въ обязанность себѣ поставилъ чрезъ полицію объявить г. Магницкому, что бы онъ завтрашняго числа выѣхалъ къ своему мѣсту, гдѣ ему быть надлежитъ, изъ столицы.

Долгомъ поставляя увѣдомить о семъ ваше высокопревосходительство, имѣю честь и пр."

Въ предшествовавшую этому письму ночь Магницкаго постигла крупная непріятность, о которой и идетъ рѣчь въ письмѣ генералъ-губернатора и которая дала поводъ къ слѣдующему обращенію казанскаго попечителя, отъ 2-го декабря, къ А. С. Шишкову:

„Милостивый государь Александръ Семеновичъ!

Вчерашній день, въ полночь, здѣшній оберъ-полицеймейстеръ, прибывъ въ домъ мой, предъявилъ мнѣ

* Относящаяся сюда серія «секретныхъ» и въ высшей степени интересныхъ актовъ найдена нами въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія подъ общимъ заголовкомъ: «Магницкаго бумаги, отданныя государемъ императоромъ».

предписаніе г. военнаго генералъ-губернатора выслать меня изъ города за то, что, яко бы, я прибылъ сюда безъ дозволенія моего начальства.

Вашему высокопревосходительству извѣстно: 1) Что, по именному высочайшему указу, служу я членомъ главнаго правленія училищъ и получаю за сіе званіе жалованіе, 2) Что я ѣздилъ въ Казань для временнаго осмотра университета и, возвратясь, представлялся вамъ, милостивый государь, донесъ о томъ и получилъ отъ васъ дозволеніе заняться отчетомъ въ осмотрѣ семъ.

Всего же примѣчательнѣе то, что тотъ самый г. военный генералъ-губернаторъ, который теперь именуетъ меня бѣглецомъ отъ моего мѣста служенія—подписалъ подорожную мою въ Казань и обратно.

Слѣдовательно, свѣдѣніе до г. военнаго генералъ-губернатора о мнѣ доведенное—есть явная клевета, противъ которой прошу защиты вашего высокопревосходительства.

Ежели бы клевета сія и не была таковою, то и въ семъ случаѣ нѣтъ никакой причины поступать со мною, какъ съ преступникомъ, оскорблять мое званіе, нарушать покой дома моего въ ночное время, тревожить столь необычайнымъ происшествіемъ больную жену и лишать меня чести... Въ законахъ нашихъ нѣтъ никакого къ тому основанія.

Почему и прошу ваше высокопревосходительство дать мнѣ отпускъ на 28 дней и отнестись о томъ къ г. военному генералъ-губернатору, дабы, дождавшись пріѣзда его императорскаго величества (т. е. Константина Павловича, въ воцареніе котораго все еще вѣрилъ попечитель), могъ я принести всеподданнѣйшую просьбу мою и изъяснить тѣ личности, которыя возбудили противъ меня насиліе, столь неслыханное.

Вмѣстѣ съ симъ заявляю предъ вашимъ высокопревосходительствомъ, что, по продажѣ здѣсь земель, всемилостивѣйше мнѣ пожалованныхъ, ежели не заключу я условленныхъ актовъ въ назначенное въ текущемъ и слѣдующемъ мѣсяцѣ время, то подвергнусь важнымъ неустойкамъ и самому крайнему разоренію и буду принужденъ просить о взысканіи всѣхъ сихъ убытковъ съ виновниковъ моего изгнанія.

Съ должнымъ высокопочитаніемъ и пр."

Министръ далъ въ тотъ же день Магницкому весьма уклончивый отвѣтъ, въ которомъ, увѣдомляя попечителя о томъ, что письмо его препровождено имъ графу Милорадовичу, ставитъ ему на видъ, что „поелику г. военный генералъ-губернаторъ дѣйствуетъ по особо данной ему инструкціи и въ распоряженія его входить никто не можетъ", то ему, Магницкому, и слѣдуетъ „по сему обстоятельству относится къ его сіятельству"; по той же причинѣ министръ наотрѣзъ отказалъ попечителю и въ испрашиваемомъ имъ отпускѣ. Коснувшись угрозы Магницкаго принести жа-

предписаніе г. военнаго генералъ-губернатора выслать меня изъ города за то, что, яко бы, я прибылъ сюда безъ дозволенія моего начальства.

Вашему высокопревосходительству извѣстно: 1) Что, по именному высочайшему указу, служу я членомъ главнаго правленія училищъ и получаю за сіе званіе жалованіе, 2) Что я ѣздилъ въ Казань для временнаго осмотра университета и, возвратясь, представлялся вамъ, милостивый государь, донесъ о томъ и получилъ отъ васъ дозволеніе заняться отчетомъ въ осмотрѣ семъ.

Всего же примѣчательнѣе то, что тотъ самый г. военный генералъ-губернаторъ, который теперь именуетъ меня бѣглецомъ отъ моего мѣста служенія—подписалъ подорожную мою въ Казань и обратно.

Слѣдовательно, свѣдѣніе до г. военнаго генералъ-губернатора о мнѣ доведенное—есть явная клевета, противъ которой прошу защиты вашего высокопревосходительства.

Ежели бы клевета сія и не была таковою, то и въ семъ случаѣ нѣтъ никакой причины поступать со мною, какъ съ преступникомъ, оскорблять мое званіе, нарушать покой дома моего въ ночное время, тревожить столь необычайнымъ происшествіемъ больную жену и лишать меня чести... Въ законахъ нашихъ нѣтъ никакого къ тому основанія.

Почему и прошу ваше высокопревосходительство дать мнѣ отпускъ на 28 дней и отнестись о томъ къ г. военному генералъ-губернатору, дабы, дождавшись пріѣзда его императорскаго величества (т. е. Константина Павловича, въ воцареніе котораго все еще вѣрилъ попечитель), могъ я принести всеподданнѣйшую просьбу мою и изъяснить тѣ личности, которыя возбудили противъ меня насиліе, столь неслыханное.

Вмѣстѣ съ симъ заявляю предъ вашимъ высокопревосходительствомъ, что, по продажѣ здѣсь земель, всемилостивѣйше мнѣ пожалованныхъ, ежели не заключу я условленныхъ актовъ въ назначенное въ текущемъ и слѣдующемъ мѣсяцѣ время, то подвергнусь важнымъ неустойкамъ и самому крайнему разоренію и буду принужденъ просить о взысканіи всѣхъ сихъ убытковъ съ виновниковъ моего изгнанія.

Съ должнымъ высокопочитаніемъ и пр."

Министръ далъ въ тотъ же день Магницкому весьма уклончивый отвѣтъ, въ которомъ, увѣдомляя попечителя о томъ, что письмо его препровождено имъ графу Милорадовичу, ставитъ ему на видъ, что „поелику г. военный генералъ-губернаторъ дѣйствуетъ по особо данной ему инструкціи и въ распоряженія его входить никто не можетъ", то ему, Магницкому, и слѣдуетъ „по сему обстоятельству относится къ его сіятельству"; по той же причинѣ министръ наотрѣзъ отказалъ попечителю и въ испрашиваемомъ имъ отпускѣ. Коснувшись угрозы Магницкаго принести жа-

лобу государю, Шишковъ дѣлаетъ замѣчаніе, что „право сіе не отъемлется ни у кого изъ вѣрноподданныхъ“, а потому онъ можетъ „во всякое время и во всякомъ мѣстѣ онымъ воспользоваться“, на сѣтованія же попечителя относительно убытковъ, грозящихъ ему при совершаемой продажѣ земель, вполнѣ основательно возражаетъ, что „дѣло сіе есть совершенно частное“ и до него, министра, „касаться не можетъ“.

Что касается отвѣта А. С. Шишкова генералъ-губернатору (отъ 2-го декабря), то онъ былъ составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Милостивый государь, графъ Михаилъ Андреевичъ!

Ваше сіятельство, отношеніемъ отъ 1-го декабря сего года за № 7466-мъ, изволили увѣдомить меня, что вы извѣстились, что д. с. с. Магницкій прибылъ сюда самовольно, не имѣя на то позволенія главнаго своего начальства...

Сегодня получилъ я отъ д. с. с. Магницкаго отношеніе по сему обстоятельству и долгомъ считаю препроводить копію съ онаго на усмотрѣніе вашего сіятельства.

При семъ нужнымъ считаю объяснить вашему сіятельству:

1. Что нѣтъ яснаго постановленія, гдѣ именно попечители учебныхъ округовъ должны имѣть свое пребываніе. Впрочемъ, всѣ попечители сихъ округовъ, вмѣстѣ съ симъ званіемъ, имѣютъ также званіе членовъ главнаго правленія училищъ. Попечители московскаго и харьковскаго округовъ имѣютъ теперь пребываніе въ своихъ округахъ; если же нужно имъ быть здѣсь, то они предварительно испрашиваютъ моего на то дозволенія,—точно также поступилъ и г. попечитель дерптскаго округа, находящійся теперь здѣсь.

2. Что г. Магницкій отправился для осмотра ввѣреннаго ему казанскаго учебнаго округа по настоятельному моему требованію, основанному на томъ, что съ 1819-го года онъ не осматривалъ онаго, хотя еще въ 1822-мъ году получилъ на проѣздъ для осмотра 4000 рублей.

3. Что при отъѣздѣ не явился онъ ко мнѣ для испрошенія моихъ приказаній и наставленій, а удовольствовался донесеніемъ, что желалъ мнѣ откланяться, но не могъ меня видѣть, и что отправляется 6-го августа, между тѣмъ какъ донесеніе его помѣчено 7-мъ числомъ того же мѣсяца.

4. Что во время бытности его въ округѣ я не имѣлъ отъ него никакого донесенія о его дѣйствіяхъ, кромѣ напечатаннаго въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и въ здѣшней французской газетѣ, безъ предварительнаго мнѣ о томъ донесенія, извѣстія о бывшемъ въ казанскомъ университетѣ торжествѣ.

5. Что, возвратясь изъ округа, онъ представлялся мнѣ и просилъ совершенно ненужнаго дозволенія заняться отчетомъ въ сдѣланномъ имъ осмотрѣ.

лобу государю, Шишковъ дѣлаетъ замѣчаніе, что „право сіе не отъемлется ни у кого изъ вѣрноподданныхъ", а потому онъ можетъ „во всякое время и во всякомъ мѣстѣ онымъ воспользоваться", на сѣтованія же попечителя относительно убытковъ, грозящихъ ему при совершаемой продажѣ земель, вполнѣ основательно возражаетъ, что „дѣло сіе есть совершенно частное" и до него, министра, „касаться не можетъ".

Что касается отвѣта А. С. Шишкова генералъ-губернатору (отъ 2-го декабря), то онъ былъ составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Милостивый государь, графъ Михаилъ Андреевичъ!

Ваше сіятельство, отношеніемъ отъ 1-го декабря сего года за № 7466-мъ, изволили увѣдомить меня, что вы извѣстились, что д. с. с. Магницкій прибылъ сюда самовольно, не имѣя на то позволенія главнаго своего начальства...

Сегодня получилъ я отъ д. с. с. Магницкаго отношеніе по сему обстоятельству и долгомъ считаю препроводить копію съ онаго на усмотрѣніе вашего сіятельства.

При семъ нужнымъ считаю объяснить вашему сіятельству:

1. Что нѣтъ яснаго постановленія, гдѣ именно попечители учебныхъ округовъ должны имѣть свое пребываніе. Впрочемъ, всѣ попечители сихъ округовъ, вмѣстѣ съ симъ званіемъ, имѣютъ также званіе членовъ главнаго правленія училищъ. Попечители московскаго и харьковскаго округовъ имѣютъ теперь пребываніе въ своихъ округахъ; если же нужно имъ быть здѣсь, то они предварительно испрашиваютъ моего на то дозволенія,—точно также поступилъ и г. попечитель дерптскаго округа, находящійся теперь здѣсь.

2. Что г. Магницкій отправился для осмотра ввѣреннаго ему казанскаго учебнаго округа по настоятельному моему требованію, основанному на томъ, что съ 1819-го года онъ не осматривалъ онаго, хотя еще въ 1822-мъ году получилъ на проѣздъ для осмотра 4000 рублей.

3. Что при отъѣздѣ не явился онъ ко мнѣ для испрошенія моихъ приказаній и наставленій, а удовольствовался донесеніемъ, что желалъ мнѣ откланяться, но не могъ меня видѣть, и что отправляется 6-го августа, между тѣмъ какъ донесеніе его помѣчено 7-мъ числомъ того же мѣсяца.

4. Что во время бытности его въ округѣ я не имѣлъ отъ него никакого донесенія о его дѣйствіяхъ, кромѣ напечатаннаго въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и въ здѣшней французской газетѣ, безъ предварительнаго мнѣ о томъ донесенія, извѣстія о бывшемъ въ казанскомъ университетѣ торжествѣ.

5. Что, возвратясь изъ округа, онъ представлялся мнѣ и просилъ совершенно ненужнаго дозволенія заняться отчетомъ въ сдѣланномъ имъ осмотрѣ.

6. Что, по частнымъ свѣдѣніямъ, извѣстно мнѣ, что онъ осматривалъ не весь округъ, а только университетъ и гимназіи нижегородскую, симбирскую и саратовскую *.

Письмо заканчивается изложеніемъ сущности уже извѣстнаго намъ отвѣта, даннаго министромъ на представленіе Магницкаго отъ того же числа. Письмо А. С. Шишкова, составленное, конечно, не безъ участія въ этомъ дѣлѣ министерскихъ недоброжелателей казанскаго попечителя, уже во всякомъ случаѣ не было въ состояніи преклонить волю энергичнаго генералъ-губернатора въ пользу Магницкаго и въ тотъ же день министръ народнаго просвѣщенія получилъ отъ графа Милорадовича слѣдующее письмо:

„Милостивый государь Александръ Семеновичъ!

Вашему высокопревосходительству извѣстно уже изъ моего отношенія отъ вчерашняго числа, что я, вслѣдствіе нашего свиданія (?), предписалъ полиціи объявить попечителю казанскаго учебнаго округа д. с. с. Магницкому, что бы онъ немедленно отправился къ своему мѣсту, ибо никто изъ служащихъ въ столицу безъ позволенія начальства не въ правѣ пріѣхать.

Нынѣ получилъ я отъ г. Магницкаго письмо съ какими то объясненіями, которыя я не нашелъ приличнымъ принять, а подтвердилъ полиціи наблюсти за его выѣздомъ. Сіе и тѣмъ болѣе нужно было, что, по распоряженію, сдѣланному теперь всѣми главными начальниками, всѣ, вообще, должны находиться при своихъ мѣстахъ. О семъ моемъ дѣйствіи всеподданнѣйше я доношу. А какъ г. Магницкій отозвался, что онъ намѣренъ на оное принести всеподданнѣйшую жалобу, то я нашелъ справедливымъ объявить ему, что ежели онъ пришлетъ оную ко мнѣ, то я не примину доставить къ его императорскому величеству, вмѣстѣ съ донесеніемъ о распоряженіи моемъ, сдѣланномъ на счетъ его“.

Тревожнымъ оказался для попечителя казанскаго учебнаго округа роковой въ его жизни день 2-го декабря 1825 года, явившійся поворотною точкою всей его карьеры. Не видя возможности воспротивиться категорическому требованію полномочнаго петербургскаго генералъ-губернатора, Магницкій сталъ приводить разнаго рода доводы въ пользу невозможности немедленнаго выѣзда изъ столицы. Злополучный день 2-го декабря закончился двумя однороднаго содержанія письмами,

* И—пензенскую, министромъ пропущенную.

6. Что, по частнымъ свѣдѣніямъ, извѣстно мнѣ, что онъ осматривалъ не весь округъ, а только университетъ и гимназіи нижегородскую, симбирскую и саратовскую *.

Письмо заканчивается изложеніемъ сущности уже извѣстнаго намъ отвѣта, даннаго министромъ на представленіе Магницкаго отъ того же числа. Письмо А. С. Шишкова, составленное, конечно, не безъ участія въ этомъ дѣлѣ министерскихъ недоброжелателей казанскаго попечителя, уже во всякомъ случаѣ не было въ состояніи преклонить волю энергичнаго генералъ-губернатора въ пользу Магницкаго и въ тотъ же день министръ народнаго просвѣщенія получилъ отъ графа Милорадовича слѣдующее письмо:

„Милостивый государь Александръ Семеновичъ!

Вашему высокопревосходительству извѣстно уже изъ моего отношенія отъ вчерашняго числа, что я, вслѣдствіе нашего свиданія (?), предписалъ полиціи объявить попечителю казанскаго учебнаго округа д. с. с. Магницкому, что бы онъ немедленно отправился къ своему мѣсту, ибо никто изъ служащихъ въ столицу безъ позволенія начальства не въ правѣ пріѣхать.

Нынѣ получилъ я отъ г. Магницкаго письмо съ какими то объясненіями, которыя я не нашелъ приличнымъ принять, а подтвердилъ полиціи наблюсти за его выѣздомъ. Сіе и тѣмъ болѣе нужно было, что, по распоряженію, сдѣланному теперь всѣми главными начальниками, всѣ, вообще, должны находиться при своихъ мѣстахъ. О семъ моемъ дѣйствіи всеподданнѣйше я доношу. А какъ г. Магницкій отозвался, что онъ намѣренъ на оное принести всеподданнѣйшую жалобу, то я нашелъ справедливымъ объявить ему, что ежели онъ пришлетъ оную ко мнѣ, то я не примину доставить къ его императорскому величеству, вмѣстѣ съ донесеніемъ о распоряженіи моемъ, сдѣланномъ на счетъ его".

Тревожнымъ оказался для попечителя казанскаго учебнаго округа роковой въ его жизни день 2-го декабря 1825 года, явившійся поворотною точкою всей его карьеры. Не видя возможности воспротивиться категорическому требованію полномочнаго петербургскаго генералъ-губернатора, Магницкій сталъ приводить разнаго рода доводы въ пользу невозможности немедленнаго выѣзда изъ столицы. Злополучный день 2-го декабря закончился двумя однороднаго содержанія письмами,

* И—пензенскую, министромъ пропущенную.

отправленными казанскимъ попечителемъ, первое—своему министру, второе—графу Милорадовичу:

„Не взирая на то,—писалъ Магницкій министру народнаго просвѣщенія, — что ваше высокопревосходительство увѣрять меня изволили, что не участвуете въ насильственномъ со мною поступкѣ г. военнаго генералъ-губернатора, изъ настоянія его о выѣздѣ моемъ вижу я, что вамъ не угодно было дать мнѣ законной защиты и, поэтому, предоставляя себѣ искать правосудія у одного государя императора, я, намѣреваясь выѣхать отсюда послѣзавтра, принужденъ донести вашему высокопревосходительству, что не имѣю ни нужнаго экипажа, ни денегъ на проѣздъ, кои обыкновенно попечителямъ выдаются, объ отпускѣ коихъ завтрашній день, ежели не можно сегодня, и прошу васъ, милостивый государь".

Графу Милорадовичу попечитель писалъ, что „не имѣя ни денегъ на проѣздъ, ни экипажа", онъ обратился къ своему министру съ ходатайствомъ о выдачѣ ему нужныхъ на проѣздъ въ Казань средствъ и что, поэтому, выѣздъ его изъ столицы „теперь зависитъ отъ г. министра народнаго просвѣщенія". Но и этотъ ходъ оказался неудачнымъ для Магницкаго, на слѣдующее же утро получившаго отъ министра отвѣтъ, въ которомъ А. С. Шишковъ ставилъ попечителю на видъ, что „какъ онъ получилъ уже 4000 рублей на объѣздъ ввѣреннаго ему округа", то о дальнѣйшихъ денежныхъ ассигновкахъ ему рѣчи быть уже не можетъ.

Еще меньшій успѣхъ имѣло письмо Магницкаго къ генералъ-губернатору, не удостоившему его даже отвѣта и рѣшившемуся на крайнія по отношенію къ выдворенію казанскаго попечителя изъ столицы мѣры, о которыхъ графъ Милорадовичъ и поставилъ министра народнаго просвѣщенія въ извѣстность слѣдующимъ категорическимъ письмомъ отъ 3-го декабря:

„Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Магницкій отъ вчерашняго числа писалъ ко мнѣ, въ отвѣтъ на новое мое приказаніе о выѣздѣ изъ столицы, что онъ, не имѣя ни денегъ, ни экипажа, отнесся о семъ къ вашему высокопревосходительству.

А посему и поспѣшаю извѣстить васъ, милостивый государь, что съ моей стороны я сдѣлалъ уже относительно сего мои распоряженія.

Я приказалъ одного полицейскаго офицера снабдить деньгами и препроводить г. Магницкаго до Казани, препоручивъ ему заботиться и о экипажѣ. А такъ какъ я усмотрѣлъ изъ письменнаго отзыва г. Магницкаго, что онъ отклонился отъ точнаго исполненія даннаго ему приказанія, то, дабы

отправленными казанскимъ попечителемъ, первое—своему министру, второе—графу Милорадовичу:

„Не взирая на то,—писалъ Магницкій министру народнаго просвѣщенія, — что ваше высокопревосходительство увѣрять меня изволили, что не участвуете въ насильственномъ со мною поступкѣ г. военнаго генералъ-губернатора, изъ настоянія его о выѣздѣ моемъ вижу я, что *вамъ не угодно было дать мнѣ законной защиты* и, поэтому, предоставляя себѣ искать правосудія у одного государя императора, я, намѣреваясь выѣхать отсюда послѣзавтра, принужденъ донести вашему высокопревосходительству, что *не имѣю ни нужнаго экипажа, ни денегъ на проѣздъ*, кои обыкновенно попечителямъ выдаются, объ отпускѣ коихъ завтрашній день, ежели не можно сегодня, и прошу васъ, милостивый государь".

Графу Милорадовичу попечитель писалъ, что „не имѣя ни денегъ на проѣздъ, ни экипажа", онъ обратился къ своему министру съ ходатайствомъ о выдачѣ ему нужныхъ на проѣздъ въ Казань средствъ и что, поэтому, выѣздъ его изъ столицы „теперь *зависитъ отъ г. министра народнаго просвѣщенія*". Но и этотъ ходъ оказался неудачнымъ для Магницкаго, на слѣдующее же утро получившаго отъ министра отвѣтъ, въ которомъ А. С. Шишковъ ставилъ попечителю на видъ, что „какъ онъ получилъ уже 4000 рублей на объѣздъ ввѣреннаго ему округа", то о дальнѣйшихъ денежныхъ ассигновкахъ ему рѣчи быть уже не можетъ.

Еще меньшій успѣхъ имѣло письмо Магницкаго къ генералъ-губернатору, не удостоившему его даже отвѣта и рѣшившемуся на крайнія по отношенію къ выдворенію казанскаго попечителя изъ столицы мѣры, о которыхъ графъ Милорадовичъ и поставилъ министра народнаго просвѣщенія въ извѣстность слѣдующимъ категорическимъ письмомъ отъ 3-го декабря:

„Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Магницкій отъ вчерашняго числа писалъ ко мнѣ, въ отвѣтъ на новое мое приказаніе о выѣздѣ изъ столицы, что онъ, не имѣя ни денегъ, ни экипажа, отнесся о семъ къ вашему высокопревосходительству.

А посему и поспѣшаю извѣстить васъ, милостивый государь, что съ моей стороны я сдѣлалъ уже относительно сего мои распоряженія.

Я приказалъ одного полицейскаго офицера снабдить деньгами и препроводить г. Магницкаго до Казани, препоручивъ ему заботиться и о экипажѣ. А такъ какъ я усмотрѣлъ изъ письменнаго отзыва г. Магницкаго, что онъ отклонился отъ точнаго исполненія даннаго ему приказанія, то, дабы

подобное и въ дорогѣ случиться не могло, то и приказалъ я полицейскому офицеру наблюсти, что бы онъ нигдѣ излишнее время не останавливался.

Впрочемъ предоставилъ я на благоусмотрѣніе самого г. Магницкаго ѣхать и въ своемъ экипажѣ, въ которомъ онъ по первому приказанію намѣренъ былъ ѣхать, въ чемъ и далъ подписку" [265].

Таковы архивныя данныя, возстановляющія передъ нами далеко не заурядную обстановку, при которой, въ первыхъ числахъ декабря 1825-го года, совершился подневольный выѣздъ Магницкаго изъ Петербурга въ Казань. Почти также, въ общихъ чертахъ, возстановляетъ этотъ эпизодъ и В. И. Панаевъ, бывшій, по своему служебному положенію, весьма близкимъ къ описываемымъ событіямъ:

„Первое декабря разразилось бѣдой надъ головою Магницкаго,— пишетъ Панаевъ.—Въ полночь является къ нему оберъ-полицеймейстеръ и, по приказанію военнаго генералъ-губернатора графа Милорадовича, объявляетъ высочайшее повелѣніе ѣхать немедленно въ Казань, къ своему мѣсту.

Перепуганный Магницкій объясняетъ, что онъ только что изъ Казани, что ему не зачѣмъ туда ѣхать, что онъ не можетъ оставить Петербурга безъ вѣдома своего министра и потому проситъ позволенія сообщить ему объ этомъ. Оберъ-полицеймейстеръ уѣзжаетъ, сказавъ, что доложитъ обо всемъ генералъ-губернатору и пріѣдетъ уже завтра.

Магницкій пишетъ письмо къ министру, въ которомъ, разсказывая случившееся, говоритъ, что, такъ какъ государя императора въ Петербургѣ—нѣтъ, то графъ Милорадовичъ и не можетъ объявлять высочайшихъ повелѣній; что, напротивъ, онъ, Магницкій, по высочайшему повелѣнію членъ главнаго училищъ правленія, слѣдовательно— долженъ находиться здѣсь, что въ Казани ему нечего дѣлать; онъ оттуда недавно, что, если бъ онъ и повиновался повелѣнію, то ему не на что ѣхать. Въ заключеніе, умолялъ Александра Семеновича о защитѣ.

Письмо послано тутъ же ночью. Министра разбудили. Потребованы къ нему Шихматовъ и Языковъ и данъ отвѣтъ, что не министру разбирать, почему генералъ-губернаторъ въ отсутствіе государя объявляетъ высочайшее повелѣніе,—вѣроятно занимаемый важный постъ даетъ ему на это право; званіе члена главнаго училищъ правленія— нисколько не можетъ удерживать въ Петербургѣ постоянно; что въ 1822-мъ году выдано Магницкому 4000 рублей на обозрѣніе округа— онъ не поѣхалъ и не далъ въ деньгахъ отчета: на эти деньги пусть и ѣдетъ.

подобное и въ дорогѣ случиться не могло, то и приказалъ я полицейскому офицеру наблюсти, что бы онъ нигдѣ излишнее время не останавливался.

Впрочемъ предоставилъ я на благоусмотрѣніе самого г. Магницкаго ѣхать и въ своемъ экипажѣ, въ которомъ онъ по первому приказанію намѣренъ былъ ѣхать, въ чемъ и далъ подписку" [265].

Таковы архивныя данныя, возстановляющія передъ нами далеко не заурядную обстановку, при которой, въ первыхъ числахъ декабря 1825-го года, совершился подневольный выѣздъ Магницкаго изъ Петербурга въ Казань. Почти также, въ общихъ чертахъ, возстановляетъ этотъ эпизодъ и В. И. Панаевъ, бывшій, по своему служебному положенію, весьма близкимъ къ описываемымъ событіямъ:

„Первое декабря разразилось бѣдой надъ головою Магницкаго,—пишетъ Панаевъ.—Въ полночь является къ нему оберъ-полицеймейстеръ и, по приказанію военнаго генералъ-губернатора графа Милорадовича, объявляетъ высочайшее повелѣніе ѣхать немедленно въ Казань, къ своему мѣсту.

Перепуганный Магницкій объясняетъ, что онъ только что изъ Казани, что ему не зачѣмъ туда ѣхать, что онъ не можетъ оставить Петербурга безъ вѣдома своего министра и потому проситъ позволенія сообщить ему объ этомъ. Оберъ-полицеймейстеръ уѣзжаетъ, сказавъ, что доложитъ обо всемъ генералъ-губернатору и пріѣдетъ уже завтра.

Магницкій пишетъ письмо къ министру, въ которомъ, разсказывая случившееся, говоритъ, что, такъ какъ государя императора въ Петербургѣ—нѣтъ, то графъ Милорадовичъ и не можетъ объявлять высочайшихъ повелѣній; что, напротивъ, онъ, Магницкій, по высочайшему повелѣнію членъ главнаго училищъ правленія, слѣдовательно—долженъ находиться здѣсь, что въ Казани ему нечего дѣлать; онъ оттуда недавно, что, если бъ онъ и повиновался повелѣнію, то ему не на что ѣхать. Въ заключеніе, умолялъ Александра Семеновича о защитѣ.

Письмо послано тутъ же ночью. Министра разбудили. Потребованы къ нему Шихматовъ и Языковъ и данъ отвѣтъ, что не министру разбирать, почему генералъ-губернаторъ въ отсутствіе государя объявляетъ высочайшее повелѣніе,—вѣроятно занимаемый важный постъ даетъ ему на это право; званіе члена главнаго училищъ правленія—нисколько не можетъ удерживать въ Петербургѣ постоянно; что въ 1822-мъ году выдано Магницкому 4000 рублей на обозрѣніе округа—онъ не поѣхалъ и не далъ въ деньгахъ отчета: на эти деньги пусть и ѣдетъ.

Копія съ этого отзыва отправлена была къ графу Милорадовичу. Графъ на утро отвѣчалъ, что Магницкій писалъ къ нему тоже самое, что всѣ затрудненія—отвращены, что онъ, графъ, послалъ къ нему квартальнаго надзирателя съ тройкой почтовыхъ и прогонами и что онъ уже вывезенъ изъ Петербурга".

Личность попечителя казанскаго учебнаго округа представлялась слишкомъ крупною на общемъ фонѣ столичной бюрократической жизни для того, что бы вѣсть о скандальной высылкѣ его изъ Петербурга не сдѣлалась пищею для городскихъ толковъ. По свидѣтельству Панаева, вѣсть эта принята была „съ большимъ одобреніемъ—такъ всѣмъ былъ онъ не милъ". Невольно вспомнилась многимъ такая же точно высылка Магницкаго въ 1812-мъ году въ Вологду—и въ публикѣ, знавшей, что Магницкій былъ раньше единомышленникомъ Сперанскаго, стали, по свидѣтельству К. С. Сербиновича, и на этотъ разъ припутывать имя этого послѣдняго, утверждая, что Сперанскій раздѣлилъ участь Магницкаго. Н. М. Карамзинъ, до котораго также дошли эти праздные толки, высказался слѣдующимъ образомъ: „Боже сохрани! Кто это выдумалъ? Напротивъ, теперь то онъ и нуженъ, когда государю необходимы способные и опытные люди"...

Вывезенный изъ Петербурга въ Казань, Магницкій вынужденъ былъ оставить семью свою въ столицѣ и при дѣлѣ о его высылкѣ мы нашли временный видъ на жительство, выданный женѣ его изъ департамента народнаго просвѣщенія, и оставленную имъ на имя супруги своей Екатерины Осиповны довѣренность (явлена 2-го декабря въ с.-петербургской палатѣ гражданскаго суда), которою Магницкій уполномочивалъ жену на принятіе „какъ съ почты, такъ и отъ частныхъ людей, изъ казначейства и изъ другихъ мѣстъ денегъ и всякаго рода актовъ и документовъ", „заключать акты, условія, всякаго рода денежныя сдѣлки", „продавать земли, всемилостивѣйше пожалованныя въ волжскомъ (вольскомъ) и балашовскомъ уѣздахъ саратовской губерніи" и т. п.

Четырьмя годами позже, въ обширной „Запискѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника М. Л. Магницкаго о казанскомъ дѣлѣ", составленной бывшимъ попечителемъ казанскаго округа въ сентябрѣ 1829-го года, во время пребыванія его въ г. Ревелѣ, Магницкій даетъ уже и самъ свидѣтельства о роковыхъ невзгодахъ, постигшихъ его въ декабрѣ 1825-го года:

„Кончина императора,—повѣствуетъ здѣсь бывшій попечитель,—представила врагамъ моимъ случай преслѣдовать меня открыто... Огла-

Копія съ этого отзыва отправлена была къ графу Милорадовичу. Графъ на утро отвѣчалъ, что Магницкій писалъ къ нему тоже самое, что всѣ затрудненія—отвращены, что онъ, графъ, послалъ къ нему квартальнаго надзирателя съ тройкой почтовыхъ и прогонами и что онъ уже вывезенъ изъ Петербурга".

Личность попечителя казанскаго учебнаго округа представлялась слишкомъ крупною на общемъ фонѣ столичной бюрократической жизни для того, что бы вѣсть о скандальной высылкѣ его изъ Петербурга не сдѣлалась пищею для городскихъ толковъ. По свидѣтельству Панаева, вѣсть эта принята была „съ большимъ одобреніемъ—такъ всѣмъ былъ онъ не милъ". Невольно вспомнилась многимъ такая же точно высылка Магницкаго въ 1812-мъ году въ Вологду—и въ публикѣ, знавшей, что Магницкій былъ раньше единомышленникомъ Сперанскаго, стали, по свидѣтельству К. С. Сербиновича, и на этотъ разъ припутывать имя этого послѣдняго, утверждая, что Сперанскій раздѣлилъ участь Магницкаго. Н. М. Карамзинъ, до котораго также дошли эти праздные толки, высказался слѣдующимъ образомъ: „Боже сохрани! Кто это выдумалъ? Напротивъ, теперь то онъ и нуженъ, когда государю необходимы способные и опытные люди"...

Вывезенный изъ Петербурга въ Казань, Магницкій вынужденъ былъ оставить семью свою въ столицѣ и при дѣлѣ о его высылкѣ мы нашли временный видъ на жительство, выданный женѣ его изъ департамента народнаго просвѣщенія, и оставленную имъ на имя супруги своей Екатерины Осиповны довѣренность (явлена 2-го декабря въ с.-петербургской палатѣ гражданскаго суда), которою Магницкій уполномочивалъ жену на принятіе „какъ съ почты, такъ и отъ частныхъ людей, изъ казначейства и изъ другихъ мѣстъ денегъ и всякаго рода актовъ и документовъ", „заключать акты, условія, всякаго рода денежныя сдѣлки", „продавать земли, всемилостивѣйше пожалованныя въ волжскомъ (вольскомъ) и балашовскомъ уѣздахъ саратовской губерніи" и т. п.

Четырьмя годами позже, въ обширной „Запискѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника М. Л. Магницкаго о казанскомъ дѣлѣ", составленной бывшимъ попечителемъ казанскаго округа въ сентябрѣ 1829-го года, во время пребыванія его въ г. Ревелѣ, Магницкій даетъ уже и самъ свидѣтельства о роковыхъ невзгодахъ, постигшихъ его въ декабрѣ 1825-го года:

„Кончина императора,—повѣствуетъ здѣсь бывшій попечитель,—представила врагамъ моимъ случай преслѣдовать меня открыто... Огла-

сивъ оффиціально неблаговоленіе ко мнѣ государя до вступленія еще его величества на престолъ, враги мои успѣли дать гибельный оборотъ дѣлу моему въ гражданскомъ отношеніи.

Легко можно себѣ представить, какое дѣйствіе имѣла огласка сія на положеніе мое на дорогѣ отъ Петербурга до Казани... Я находился въ какомъ то очумленномъ состояніи, тѣмъ ужаснѣйшемъ, что не зналъ ни причины его, ни средства къ избавленію.

Дѣла мои совершенно разстроились. Саратовскіе колонисты, покупавшіе у меня лѣсную дачу на Волгѣ за 209 тысячъ рублей, которую запродалъ я имъ за нѣсколько мѣсяцевъ назадъ для заплаты 150-ти тысячъ рублей долга, на службѣ (sic!) нажитаго—отъ покупки внезапно отказались. Заимодавцы приступили съ неотступными требованіями. Жена и сынъ остались въ Петербургѣ совершенно безъ куска хлѣба и я сими обстоятельствами принужденъ былъ, продавъ сіе имѣніе за 150 тыс. рублей, потерять 59 тысячъ, дабы уплатить долги, дать способъ жить моему семейству и удержать на службѣ сына, который, иначе, долженъ бы былъ выйти въ отставку юнкеромъ".

Магницкій высылался изъ Петербурга съ тѣмъ, что бы, въ качествѣ попечителя округа, больше пребыванія здѣсь уже не имѣть, а потому въ январѣ наступившаго 1826-го года въ министерствѣ возбужденъ былъ вопросъ объ отправленіи въ Казань попечительской канцеляріи, имѣвшей постоянное мѣстопребываніе въ столицѣ, и 16-го января старшему письмоводителю канцеляріи губернскому секретарю Н. А. Часовникову, бывшему правою рукою попечителя, дано было изъ департамента народнаго просвѣщенія предписаніе немедленно отправляться, со всѣмъ штатомъ и со всѣми дѣлами—въ Казань. Попечительская канцелярія оказалась къ этому времени, однако, уже въ состояніи полнаго разложенія. Часовниковъ 19-го января представилъ департаменту, что, кромѣ его лично, штатъ канцеляріи образуютъ: коллежскій секретарь Руфимскій, канцеляристы Мееде́ръ и Родде и копіистъ Титовъ; что изъ нихъ Руфимскій уже увольняется предписаніемъ министра еще отъ 1-го декабря, что Меедеръ и Родде „не желаютъ ѣхать въ Казань и съ первою почтою посылаютъ попечителю прошенія объ увольненіи", копіистъ Титовъ „по болѣзни въ Казань также ѣхать не можетъ". Самъ онъ, Часовниковъ—„отправиться въ Казань можетъ, но не имѣетъ на то средствъ", попечитель же при отъѣздѣ словесно объявилъ ему, что онъ „не получилъ никакого пособія на отправленіе его канцеляріи, а потому и оставляетъ ее въ Петербургѣ впредь до дальнѣйшаго распоряженія". Какъ бы то ни было, но Ча-

сивъ оффиціально неблаговоленіе ко мнѣ государя до вступленія еще его величества на престолъ, враги мои успѣли дать гибельный оборотъ дѣлу моему въ гражданскомъ отношеніи.

Легко можно себѣ представить, какое дѣйствіе имѣла огласка сія на положеніе мое на дорогѣ отъ Петербурга до Казани... Я находился въ какомъ то очумленномъ состояніи, тѣмъ ужаснѣйшемъ, что не зналъ ни причины его, ни средства къ избавленію.

Дѣла мои совершенно разстроились. Саратовскіе колонисты, покупавшіе у меня лѣсную дачу на Волгѣ за 209 тысячъ рублей, которую запродалъ я имъ за нѣсколько мѣсяцевъ назадъ для заплаты 150-ти тысячъ рублей долга, на службѣ (sic!) нажитаго—отъ покупки внезапно отказались. Заимодавцы приступили съ неотступными требованіями. Жена и сынъ остались въ Петербургѣ совершенно безъ куска хлѣба и я сими обстоятельствами принужденъ былъ, продавъ сіе имѣніе за 150 тыс. рублей, потерять 59 тысячъ, дабы уплатить долги, дать способъ жить моему семейству и удержать на службѣ сына, который, иначе, долженъ бы былъ выйти въ отставку юнкеромъ".

Магницкій высылался изъ Петербурга съ тѣмъ, что бы, въ качествѣ попечителя округа, больше пребыванія здѣсь уже не имѣть, а потому въ январѣ наступившаго 1826-го года въ министерствѣ возбужденъ былъ вопросъ объ отправленіи въ Казань попечительской канцеляріи, имѣвшей постоянное мѣстопребываніе въ столицѣ, и 16-го января старшему письмоводителю канцеляріи губернскому секретарю Н. А. Часовникову, бывшему правою рукою попечителя, дано было изъ департамента народнаго просвѣщенія предписаніе немедленно отправляться, со всѣмъ штатомъ и со всѣми дѣлами—въ Казань. Попечительская канцелярія оказалась къ этому времени, однако, уже въ состояніи полнаго разложенія. Часовниковъ 19-го января представилъ департаменту, что, кромѣ его лично, штатъ канцеляріи образуютъ: коллежскій секретарь Руфимскій, канцеляристы Мееѣръ и Родде и копіистъ Титовъ; что изъ нихъ Руфимскій уже увольняется предписаніемъ министра еще отъ 1-го декабря, что Мееѣръ и Родде „не желаютъ ѣхать въ Казань и съ первою почтою посылаютъ попечителю прошенія объ увольненіи", копіистъ Титовъ „по болѣзни въ Казань также ѣхать не можетъ". Самъ онъ, Часовниковъ—„отправиться въ Казань можетъ, но не имѣетъ на то средствъ", попечитель же при отъѣздѣ словесно объявилъ ему, что онъ „не получилъ никакого пособія на отправленіе его канцеляріи, а потому и оставляетъ ее въ Петербургѣ впредь до дальнѣйшаго распоряженія". Какъ бы то ни было, но Ча-

совниковъ, получивъ отъ министерства необходимыя на то средства, въ концѣ того же января отправился въ Казань, вмѣстѣ со всѣми дѣлами попечительской канцеляріи, которая съ тѣхъ поръ и имѣла уже постоянное мѣстопребываніе свое въ административномъ центрѣ казанскаго учебнаго округа [266].

Печаленъ былъ путь опальнаго попечителя отъ Петербурга до Казани, совершавшійся подъ недремлющимъ окомъ „полицейскаго офицера", полномочія котораго простирались до регулированія продолжительности остановокъ Магницкаго въ попутныхъ пунктахъ намѣченнаго ему маршрута— и мы склонны вполнѣ вѣрить свидѣтельству бывшаго попечителя о томъ, что во все время путешествія онъ находился „въ какомъ то очумленномъ состояніи". Панаевъ разсказываетъ, что, прибывъ въ Свіяжскъ,—предпослѣднюю отъ г. Казани почтовую станцію,—Магницкій упрашивалъ сопровождавшаго его полицейскаго офицера не конвоировать его дальше, ссылаясь на то, что онъ „все равно не убѣжитъ отсюда" и стѣсняясь въѣхать въ мѣсто своего служенія при такой необычайной для попечителя округа обстановкѣ.

Самый въѣздъ попечителя въ Казань, въ избѣжаніе огласки, былъ приноровленъ къ тремъ часамъ ночи, какъ это подтверждается и свидѣтельствомъ И. И. Лажечникова, исправлявшаго какъ разъ въ то время должность инспектора студентовъ: „Я сидѣлъ въ своей комнатѣ, въ нижнемъ этажѣ университета,—разсказываетъ нашъ романистъ.—Студенты уже спали, кругомъ царствовала глубокая тишина. Вдругъ слышу какую то тревогу. Все въ домѣ засуетилось. Дежурный надзиратель прибѣгаетъ ко мнѣ и, дрожа, вполголоса объявляетъ мнѣ, что пріѣхалъ неожиданно попечитель, въ сопровожденіи полицейскаго чиновника"... Въ первые дни по своемъ прибытіи въ Казань попечитель не принималъ никого, кромѣ самыхъ интимныхъ ему людей. Явившагося представиться ему Лажечникова онъ принялъ „сухо, холодно, съ какимъ то выраженіемъ недоброжелательства въ мутныхъ глазахъ". Самый образъ жизни Магницкаго носилъ въ эти скорбные для него дни, судя по свидѣтельству романиста, черты душевнаго упадка: попечитель предавался мистическимъ галлюцинаціямъ, спалъ на разосланной на полу медвѣжьей шубѣ, разсказывалъ близкимъ людямъ о явленіяхъ ему Богородицы и т. п.

Прибывъ въ Казань, Магницкій засталъ городъ уже присягнувшимъ „императору Константину Павловичу". Еще 4-го декабря мѣстными учрежденіями, а въ числѣ ихъ и правленіемъ университета, полученъ былъ

совниковъ, получивъ отъ министерства необходимыя на то средства, въ концѣ того же января отправился въ Казань, вмѣстѣ со всѣми дѣлами попечительской канцеляріи, которая съ тѣхъ поръ и имѣла уже постоянное мѣстопребываніе свое въ административномъ центрѣ казанскаго учебнаго округа [266].

Печаленъ былъ путь опальнаго попечителя отъ Петербурга до Казани, совершавшійся подъ недремлющимъ окомъ „полицейскаго офицера", полномочія котораго простирались до регулированія продолжительности остановокъ Магницкаго въ попутныхъ пунктахъ намѣченнаго ему маршрута— и мы склонны вполнѣ вѣрить свидѣтельству бывшаго попечителя о томъ, что во все время путешествія онъ находился „въ какомъ то очумленномъ состояніи". Панаевъ разсказываетъ, что, прибывъ въ Свіяжскъ,—предпослѣднюю отъ г. Казани почтовую станцію,—Магницкій упрашивалъ сопровождавшаго его полицейскаго офицера не конвоировать его дальше, ссылаясь на то, что онъ „все равно не убѣжитъ отсюда" и стѣсняясь въѣхать въ мѣсто своего служенія при такой необычайной для попечителя округа обстановкѣ.

Самый въѣздъ попечителя въ Казань, въ избѣжаніе огласки, былъ приноровленъ къ тремъ часамъ ночи, какъ это подтверждается и свидѣтельствомъ И. И. Лажечникова, исправлявшаго какъ разъ въ то время должность инспектора студентовъ: „Я сидѣлъ въ своей комнатѣ, въ нижнемъ этажѣ университета,—разсказываетъ нашъ романистъ.—Студенты уже спали, кругомъ царствовала глубокая тишина. Вдругъ слышу какую то тревогу. Все въ домѣ засуетилось. Дежурный надзиратель прибѣгаетъ ко мнѣ и, дрожа, вполголоса объявляетъ мнѣ, что пріѣхалъ неожиданно попечитель, въ сопровожденіи полицейскаго чиновника"... Въ первые дни по своемъ прибытіи въ Казань попечитель не принималъ никого, кромѣ самыхъ интимныхъ ему людей. Явившагося представиться ему Лажечникова онъ принялъ „сухо, холодно, съ какимъ то выраженіемъ недоброжелательства въ мутныхъ глазахъ". Самый образъ жизни Магницкаго носилъ въ эти скорбные для него дни, судя по свидѣтельству романиста, черты душевнаго упадка: попечитель предавался мистическимъ галлюцинаціямъ, спалъ на разосланной на полу медвѣжьей шубѣ, разсказывалъ близкимъ людямъ о явленіяхъ ему Богородицы и т. п.

Прибывъ въ Казань, Магницкій засталъ городъ уже присягнувшимъ „императору Константину Павловичу". Еще 4-го декабря мѣстными учрежденіями, а въ числѣ ихъ и правленіемъ университета, полученъ былъ

указъ правительствующаго сената отъ 27-го ноября, вызвавшій соотвѣтствующее циркулярное распоряженіе правленія относительно приведенія къ присягѣ въ вѣрности новому императору Константину университета, казанской гимназіи и всѣхъ училищъ округа. Въ Казани же узналъ попечитель о совершившемся воцареніи Николая Павловича и о кровавыхъ петербургскихъ событіяхъ 14-го декабря, жертвою которыхъ палъ, какъ извѣстно, и его непримиримый „гонитель“, петербургскій военный генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ. Всѣ эти столичныя вѣсти едва ли могли способствовать подъему угнетеннаго духа Магницкаго: отреченіе отъ престола цесаревича Константина Павловича клало предѣлъ послѣднимъ надеждамъ опальнаго попечителя... 23-го декабря полученъ былъ въ Казани новый указъ правительствующаго сената (отъ 14-го декабря) относительно совершившагося измѣненія въ порядкѣ наслѣдія престола, а слѣдомъ за тѣмъ принесена была присяга императору Николаю Павловичу; попечитель Магницкій за своею подписью донесъ сенату объ исполненіи этого долга всѣмъ учебнымъ вѣдомствомъ ввѣреннаго ему округа.

При зловѣщихъ для Магницкаго предзнаменованіяхъ вступалъ въ свои права новый 1826-ой годъ,—годъ, которому было суждено положить предѣлъ властолюбивымъ стремленіямъ попечителя-временщика и пробудить казанскій университетъ отъ удушающаго кошмара, навѣяннаго на него реакціонными теченіями послѣднихъ шести лѣтъ царствованія императора Александра I.

12-го января 1826 года состоялось слѣдующее предложеніе министра народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова на имя проживавшаго въ то время въ Казани генералъ-маіора и мѣстнаго помѣщика Петра Ѳеодоровича Желтухина:

„Милостивый государь мой Петръ Ѳеодоровичъ!

Его императорское величество, по особенной довѣренности къ вашему превосходительству, приказалъ мнѣ поручить вамъ осмотрѣть во всѣхъ частяхъ казанскій университетъ, въ надеждѣ, что вы исполните сіе съ должною къ общей пользѣ ревностью и справедливостью.

Вслѣдствіе чего и посланъ явиться къ вамъ и состоять подъ вашимъ начальствомъ чиновникъ Есиповъ.

Сверхъ сего, государь императоръ повелѣлъ мнѣ увѣдомить васъ, что бы вы подъ рукою обратили особенное вниманіе

указъ правительствующаго сената отъ 27-го ноября, вызвавшій соотвѣтствующее циркулярное распоряженіе правленія относительно приведенія къ присягѣ въ вѣрности новому императору Константину университета, казанской гимназіи и всѣхъ училищъ округа. Въ Казани же узналъ попечитель о совершившемся воцареніи Николая Павловича и о кровавыхъ петербургскихъ событіяхъ 14-го декабря, жертвою которыхъ палъ, какъ извѣстно, и его непримиримый „гонитель", петербургскій военный генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ. Всѣ эти столичныя вѣсти едва ли могли способствовать подъему угнетеннаго духа Магницкаго: отреченіе отъ престола цесаревича Константина Павловича клало предѣлъ послѣднимъ надеждамъ опальнаго попечителя... 23-го декабря полученъ былъ въ Казани новый указъ правительствующаго сената (отъ 14-го декабря) относительно совершившагося измѣненія въ порядкѣ наслѣдія престола, а слѣдомъ за тѣмъ принесена была присяга императору Николаю Павловичу; попечитель Магницкій за своею подписью донесъ сенату объ исполненіи этого долга всѣмъ учебнымъ вѣдомствомъ ввѣреннаго ему округа.

При зловѣщихъ для Магницкаго предзнаменованіяхъ вступалъ въ свои права новый 1826-ой годъ,—годъ, которому было суждено положить предѣлъ властолюбивымъ стремленіямъ попечителя-временщика и пробудить казанскій университетъ отъ удушающаго кошмара, навѣяннаго на него реакціонными теченіями послѣднихъ шести лѣтъ царствованія императора Александра I.

12-го января 1826 года состоялось слѣдующее предложеніе министра народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова на имя проживавшаго въ то время въ Казани генералъ-маіора и мѣстнаго помѣщика Петра Ѳеодоровича Желтухина:

„Милостивый государь мой Петръ Ѳеодоровичъ!

Его императорское величество, по особенной довѣренности къ вашему превосходительству, приказалъ мнѣ поручить вамъ осмотрѣть во всѣхъ частяхъ казанскій университетъ, въ надеждѣ, что вы исполните сіе съ должною къ общей пользѣ ревностью и справедливостью.

Вслѣдствіе чего и посланъ явиться къ вамъ и состоять подъ вашимъ начальствомъ чиновникъ Есиповъ.

Сверхъ сего, государь императоръ повелѣлъ мнѣ увѣдомить васъ, чтобы вы подъ рукою обратили особенное вниманіе

КЛЯТВЕННОЕ [illegible]

Я нижеименованный [illegible] Святымъ Его Евангеліемъ [illegible] ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, [illegible] ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ [illegible] КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ, [illegible] и ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО [illegible] Наслѣднику, которой назначенъ будетъ, [illegible] всемъ повиноваться, не щадя [illegible] къ высокому ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Самодержавству, силѣ и власти принадлежащія [illegible] впредь узаконяемыя, по крайнему [illegible] стерегать и оборонять, и при томъ [illegible] споспѣшествовать все, что къ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА вѣрной службѣ и пользѣ Государственной [illegible] может. О ущербѣ же ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА [illegible] какъ скоро о томъ увѣдаю, не [illegible] ими мѣрами отвращать и не допущать [illegible] тайность крѣпко хранить буду, [illegible] Чинъ, какъ по сей (генеральной, [illegible] времени до времени ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА [illegible] отъ предуставленныхъ надо мною [illegible] Инструкціямъ и Регламентамъ и Указамъ [illegible] своей исправлять, и для своей [illegible] противно должности своей [illegible] себя вести и поступать, [illegible] ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА подданному [illegible] предъ Богомъ и судомъ Его [illegible] могу, какъ суще мнѣ Господь [illegible] заключеніе же сей моей клятвы [illegible] Аминь.

КЛЯТВЕННОЕ ОБѢЩАНІЕ
НА ВѢРНОСТЬ ИМПЕРАТОРУ КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ.
(1825)

КЛЯТВЕННОЕ ОБѢЩАНІЕ.

Я нижеименованный обѣщаюсь и клянусь [illegible] предъ Святымъ Его Евангеліемъ въ томъ, что хочу и долженъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, своему истинному и природному ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ, САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССІЙСКОМУ, и ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА [illegible] Наслѣднику, которой назначенъ будетъ, [illegible] во всемъ повиноваться, не щадя живота [illegible] и все къ высокому ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Самодержавству, силѣ и власти принадлежащія [illegible] впредь узаконяемыя, по крайнему [illegible] предостерегать и оборонять, и при [illegible] споспѣшествовать все, что къ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА вѣрной службѣ и пользѣ Государственной [illegible] можетъ. О ущербѣ же ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА [illegible] какъ скоро о томъ увѣдаю, не токмо [illegible] кими мѣрами отвращать и не допущать [illegible] тую тайность крѣпко хранить буду, [illegible] Чинъ, какъ по сей (генеральной [illegible] времени до времени ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА [illegible] отъ предуставленныхъ надо мною [illegible] Инструкціямъ и Регламентамъ и Указамъ [illegible] своей исправлять, и для своей [illegible] противно должности своей [illegible] себя вести и поступать, [illegible] ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА подданному [illegible] предъ Богомъ и судомъ [illegible] могу, какъ суще мнѣ Господь [illegible] заключеніе же сей моей клятвы [illegible] Аминь.

[illegible signature]

КЛЯТВЕННОЕ ОБѢЩАНІЕ
НА ВѢРНОСТЬ ИМПЕРАТОРУ КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ.
(1825)

на поведеніе и поступки казанскаго попечителя Магницкаго, а особливо со времени прибытія его въ послѣднее время въ Казань, и если усмотрите что нибудь, заключающее въ себѣ нѣкоторую важность—то немедленно дали бы мнѣ знать или бы отнеслись прямо къ его императорскому величеству.

Извѣщая васъ о сей волѣ государя императора и прося содержать оную въ таинствѣ, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть и пр." [367].

Министерское предложеніе отъ 12-го января 1826 года явилось начальнымъ моментомъ эпилога семилѣтней эпохи попечительства Магницкаго.

Ревизія генералъ-маіора П. Ѳ. Желтухина и тѣ послѣдствія, которыя имѣла эта ревизія какъ для казанскаго университета, такъ и для самого Магницкаго—и послужитъ предметомъ нашего дальнѣйшаго разсказа.

на поведеніе и поступки казанскаго попечителя Магницкаго, а особливо со времени прибытія его въ послѣднее время въ Казань, и если усмотрите что нибудь, заключающее въ себѣ нѣкоторую важность—то немедленно дали бы мнѣ знать или бы отнеслись прямо къ его императорскому величеству.

Извѣщая васъ о сей волѣ государя императора и прося содержать оную въ таинствѣ, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть и пр." [267].

Министерское предложеніе отъ 12-го января 1826 года явилось начальнымъ моментомъ эпилога семилѣтней эпохи попечительства Магницкаго.

Ревизія генералъ-маіора П. Ѳ. Желтухина и тѣ послѣдствія, которыя имѣла эта ревизія какъ для казанскаго университета, такъ и для самого Магницкаго—и послужитъ предметомъ нашего дальнѣйшаго разсказа.

ГЛАВА VI

Ревизія генералъ-маіора П. Ѳ. Желтухина и паденіе Магницкаго

(1826)

Біографическія данныя о П. Ѳ. Желтухинѣ.—Обстоятельства, сопровождавшія назначеніе его ревизоромъ казанскаго университета.—Докладъ государю и «Записка о директорѣ казанскаго университета».—Назначеніе ревизіи казанскаго университета.—Магницкій въ Казани.—Актъ «обновленія» 17-го января 1826 года.—Инструкція для ревизіи казанскаго университета.—Ходъ ревизіи и предварительное донесеніе ревизора.—Махинаціи Магницкаго противъ Желтухина.—Донесенія о посѣщеніи Желтухинымъ университетскихъ лекцій.

Окончательное донесеніе Желтухина о произведенной имъ ревизіи. — Извлеченія изъ отчета о ревизіи казанскаго университета.—Всеподданнѣйшія письма Магницкаго и его объясненія по предъявленнымъ Желтухинымъ обвиненіямъ.—Дѣло Магницкаго въ главномъ правленіи училищъ.—Заключенія главнаго правленія училищъ.—Записка А. С. Шишкова «О попечителѣ казанскаго учебнаго округа».—Увольненіе Магницкаго отъ службы.—Самовольная поѣздка Магницкаго въ Петербургъ и обратная высылка его въ Казань.—Министерская записка «О дѣйствит. стат. совѣтникѣ Магницкомъ».—Назначеніе коммиссіи для обревизованія счетовъ казанскаго университета.—Дѣло Магницкаго въ сенатѣ.—Новыя домогательства бывшаго попечителя.—Высылка Магницкаго въ Ревель.—Ревельскіе и одесскіе годы жизни Магницкаго и его кончина.

Министерскія распоряженія, послѣдовавшія за увольненіемъ Магницкаго.—Назначеніе М. Н. Мусина-Пушкина и. д. попечителя округа.

Петербургскія событія, изложенныя нами въ предшествовавшей главѣ и среди которыхъ выдающееся значеніе представляетъ для цѣлей нашего повѣствованія министерскій походъ, предпринятый противъ Магницкаго — уже въ достаточной степени подготовили паденіе казанскаго попечителя, которое явилось непосредственнымъ результатомъ безпощадной ревизіи генералъ-маіора П. Ѳ. Желтухина.

Личности Желтухина суждено будетъ занимать выдающееся положеніе въ нашемъ дальнѣйшемъ разсказѣ, что и обязываетъ насъ ближе познакомить читателей съ этимъ человѣкомъ, на долю котораго выпала заслуга избавленія казанскаго университета и всего казанскаго учебнаго

ГЛАВА VI

Ревизія генералъ-маіора П. Ѳ. Желтухина и паденіе Магницкаго

(1826)

Біографическія данныя о П. Ѳ. Желтухинѣ.—Обстоятельства, сопровождавшія назначеніе его ревизоромъ казанскаго университета.—Докладъ государю и «Записка о директорѣ казанскаго университета».—Назначеніе ревизіи казанскаго университета.—Магницкій въ Казани.—Актъ «обновленія» 17-го января 1826 года.—Инструкція для ревизіи казанскаго университета.—Ходъ ревизіи и предварительное донесеніе ревизора.—Махинаціи Магницкаго противъ Желтухина.—Донесенія о посѣщеніи Желтухинымъ университетскихъ лекцій.

Окончательное донесеніе Желтухина о произведенной имъ ревизіи. — Извлеченія изъ отчета о ревизіи казанскаго университета.—Всеподданнѣйшія письма Магницкаго и его объясненія по предъявленнымъ Желтухинымъ обвиненіямъ.—Дѣло Магницкаго въ главномъ правленіи училищъ.—Заключенія главнаго правленія училищъ.—Записка А. С. Шишкова «О попечителѣ казанскаго учебнаго округа».—Увольненіе Магницкаго отъ службы.—Самовольная поѣздка Магницкаго въ Петербургъ и обратная высылка его въ Казань.—Министерская записка «О дѣйствит. стат. совѣтникѣ Магницкомъ».—Назначеніе коммиссіи для обревизованія счетовъ казанскаго университета.—Дѣло Магницкаго въ сенатѣ.—Новыя домогательства бывшаго попечителя.—Высылка Магницкаго въ Ревель.—Ревельскіе и одесскіе годы жизни Магницкаго и его кончина.

Министерскія распоряженія, послѣдовавшія за увольненіемъ Магницкаго.—Назначеніе М. Н. Мусина-Пушкина и. д. попечителя округа.

Петербургскія событія, изложенныя нами въ предшествовавшей главѣ и среди которыхъ выдающееся значеніе представляетъ для цѣлей нашего повѣствованія министерскій походъ, предпринятый противъ Магницкаго — уже въ достаточной степени подготовили паденіе казанскаго попечителя, которое явилось непосредственнымъ результатомъ безпощадной ревизіи генералъ-маіора П. Ѳ. Желтухина.

Личности Желтухина суждено будетъ занимать выдающееся положеніе въ нашемъ дальнѣйшемъ разсказѣ, что и обязываетъ насъ ближе познакомить читателей съ этимъ человѣкомъ, на долю котораго выпала заслуга избавленія казанскаго университета и всего казанскаго учебнаго

округа отъ тяжелаго и мрачнаго гнета временщика-попечителя, а дѣло русскаго просвѣщенія, вообще, отъ государственнаго дѣятеля, сыгравшаго далеко не послѣднюю роль въ реакціонномъ направленіи послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра I.

Петръ Θеодоровичъ Желтухинъ (род. 3 октября 1778 г., † 11 октября 1829 г.), представитель одного изъ древнихъ русскихъ дворянскихъ родовъ, былъ сыномъ казанскаго дворянина и помѣщика Θеодора Θеодоровича Желтухина, въ царствованіе Екатерины I занимавшаго въ Казани постъ вице-губернатора, а при Павлѣ I возведеннаго въ званіе сенатора. Согласно практиковавшемуся среди дворянъ того времени обыкновенію, П. Θ. въ 1780-мъ году, будучи всего двухъ лѣтъ отъ рода, былъ записанъ въ лейбъ-гвардіи измайловскій полкъ, въ которомъ впослѣдствіе и проходилъ дѣйствительную службу, начавъ ее съ чина прапорщика (съ 1797 г.) и продолжая ее въ послѣдующихъ чинахъ, до капитана (1803 г.) и полковника (1806 г.) включительно. Въ рядахъ измайловскаго полка получила начало свое и весьма видная боевая карьера Желтухина, бывшаго участникомъ сраженій аустерлицкаго (1805 г.,—награжденъ за него золотою шпагою) и фридландскаго (1807 г.,—раненъ и получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени), финляндскаго похода 1808-го г. и зимняго похода 1809-го г. на Аландскіе острова. Перечисленный лѣтомъ 1809-го года въ лейбъ-гренадерскій полкъ, котораго въ 1811-мъ году и сдѣланъ командующимъ, Желтухинъ въ февралѣ 1812-го года былъ назначенъ начальникомъ бригады, въ которую, кромѣ лейбъ-гренадерскаго, входилъ и полкъ имени графа Аракчеева. Во главѣ этой бригады, вошедшей въ составъ 3-го пѣхотнаго корпуса генерала Тучкова, Желтухинъ выступалъ дѣятельнымъ участникомъ всѣхъ военныхъ событій 1812-го—1814-го годовъ; съ этою бригадою дерется онъ подъ Лубинымъ, получаетъ за бородинское сраженіе чинъ генералъ-маіора, участвуетъ въ дѣлахъ при Тарутинѣ, Малоярославцѣ и Красномъ (орденъ св. Георгія 3-й степени), заслуживъ ввѣреннымъ ему полкамъ георгіевскія знамена. Слѣдомъ за тѣмъ, во главѣ уже новой бригады, образованной изъ того же лейбъ-гренадерскаго (теперь уже „лейбъ-гвардіи" гренадерскаго) и лейбъ-гвардіи литовскаго (впослѣдствіе „московскаго") полковъ, Желтухинъ совершаетъ освободительную заграничную кампанію, во время которой участвуетъ въ бояхъ подъ Люценомъ, Бауценомъ (за этотъ бой получаетъ орденъ св. Анны 1-ой степ.), Динольдшвальде, Кульмомъ, Лейпцигомъ (золотая шпага съ алмазами). Бріеномъ и Парижемъ (алмазные знаки къ ордену св. Анны 1-й степ.), По заключеніи мира, Желтухинъ возвратился въ Петербургъ съ своимъ

округа отъ тяжелаго и мрачнаго гнета временщика-попечителя, а дѣло русскаго просвѣщенія, вообще, отъ государственнаго дѣятеля, сыгравшаго далеко не послѣднюю роль въ реакціонномъ направленіи послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра I.

Петръ Θеодоровичъ Желтухинъ (род. 3 октября 1778 г., † 11 октября 1829 г.), представитель одного изъ древнихъ русскихъ дворянскихъ родовъ, былъ сыномъ казанскаго дворянина и помѣщика Θеодора Θеодоровича Желтухина, въ царствованіе Екатерины I занимавшаго въ Казани постъ вице-губернатора, а при Павлѣ I возведеннаго въ званіе сенатора. Согласно практиковавшемуся среди дворянъ того времени обыкновенію, П. Θ. въ 1780-мъ году, будучи всего двухъ лѣтъ отъ рода, былъ записанъ въ лейбъ-гвардіи измайловскій полкъ, въ которомъ впослѣдствіе и проходилъ дѣйствительную службу, начавъ ее съ чина прапорщика (съ 1797 г.) и продолжая ее въ послѣдующихъ чинахъ, до капитана (1803 г.) и полковника (1806 г.) включительно. Въ рядахъ измайловскаго полка получила начало свое и весьма видная боевая карьера Желтухина, бывшаго участникомъ сраженій аустерлицкаго (1805 г.,—награжденъ за него золотою шпагою) и фридландскаго (1807 г.,—раненъ и получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени), финляндскаго похода 1808-го г. и зимняго похода 1809-го г. на Аландскіе острова. Перечисленный лѣтомъ 1809-го года въ лейбъ-гренадерскій полкъ, котораго въ 1811-мъ году и сдѣланъ командующимъ, Желтухинъ въ февралѣ 1812-го года былъ назначенъ начальникомъ бригады, въ которую, кромѣ лейбъ-гренадерскаго, входилъ и полкъ имени графа Аракчеева. Во главѣ этой бригады, вошедшей въ составъ 3-го пѣхотнаго корпуса генерала Тучкова, Желтухинъ выступалъ дѣятельнымъ участникомъ всѣхъ военныхъ событій 1812-го—1814-го годовъ; съ этою бригадою дерется онъ подъ Лубинымъ, получаетъ за бородинское сраженіе чинъ генералъ-маіора, участвуетъ въ дѣлахъ при Тарутинѣ, Малоярославцѣ и Красномъ (орденъ св. Георгія 3-й степени), заслуживъ ввѣреннымъ ему полкамъ георгіевскія знамена. Слѣдомъ за тѣмъ, во главѣ уже новой бригады, образованной изъ того же лейбъ-гренадерскаго (теперь уже „лейбъ-гвардіи" гренадерскаго) и лейбъ-гвардіи литовскаго (впослѣдствіе „московскаго") полковъ, Желтухинъ совершаетъ освободительную заграничную кампанію, во время которой участвуетъ въ бояхъ подъ Люценомъ, Бауценомъ (за этотъ бой получаетъ орденъ св. Анны 1-ой степ.), Динольдшвальде, Кульмомъ, Лейпцигомъ (золотая шпага съ алмазами). Бріеномъ и Парижемъ (алмазные знаки къ ордену св. Анны 1-й степ.), По заключеніи мира, Желтухинъ возвратился въ Петербургъ съ своимъ

лейбъ-гвардіи гренадерскимъ полкомъ, котораго былъ назначенъ командиромъ. Дальнѣйшая служба П. Θ. протекала въ званіяхъ командира первой бригады 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи (съ весны 1819-го г.) и начальника штаба гвардейскаго корпуса (съ конца 1821-го г.); въ этой послѣдней должности онъ награждается орденомъ св. Владиміра 2-й степени.

Получивъ въ 1823-мъ году увольненіе отъ должности, съ назначеніемъ состоять въ свитѣ его величества и съ дозволеніемъ отправиться, для излеченія болѣзни, въ отпускъ, П. Θ. въ слѣдующемъ 1824-мъ году увольняется отъ службы и переселяется жить въ свою родину—Казань. Здѣсь пребывавшему на покоѣ герою довелось во-очію убѣдиться въ печальныхъ результатахъ обновительной дѣятельности попечителя казанскаго учебнаго округа и быть очевидцемъ какъ тріумфальнаго пріѣзда его въ августѣ 1825-го года въ Казань, такъ и устроенныхъ имъ здѣсь кричащихъ университетскихъ празднествъ, возмутившихъ собою даже дряхлаго и уравновѣшеннаго министра народнаго просвѣщенія. Къ этой то порѣ пребыванія П. Θ. Желтухина въ Казани и пріурочивается возложенное на него отвѣтственное порученіе общей ревизіи „обновленнаго" Магницкимъ казанскаго университета *.

---

* Что бы не возвращаться болѣе къ біографическимъ даннымъ, касающимся П. О. Желтухина, приведемъ теперь же свѣдѣнія относительно послѣднихъ годовъ его жизни.

Въ концѣ 1826-го года, слѣдовательно уже вскорѣ послѣ завершенія имъ дѣла ревизіи казанскаго университета, П. Θ. былъ снова вызванъ въ Петербургъ, въ свиту новаго императора Николая Павловича, а 28-го января 1827 года произведенъ въ генералъ-лейтенанты, съ назначеніемъ на должность кіевскаго военнаго губернатора.

23-го января 1829 года на долю Желтухина выпала весьма почетная миссія. Онъ былъ назначенъ въ званіе «полномочнаго предсѣдателя» дивановъ княжествъ Молдавіи и Валахіи, протекторатъ надъ которыми принятъ былъ на себя императоромъ Николаемъ I—санъ, носить который довелось ему очень недолго: Желтухинъ въ этомъ званіи скончался, въ г. Бухарестѣ, 11-го октября того же 1829 года. Прахъ П. Θ. въ слѣдующемъ году былъ перевезенъ въ родную покойному Казань, гдѣ и погребенъ на кладбищѣ мѣстнаго Кизическаго монастыря.

Надъ могилою Желтухина водружена надгробная плита съ слѣдующею надписью, скопированною Николаемъ Яковлевичемъ Агафоновымъ и за сообщеніе которой, равно какъ и другихъ свѣдѣній относительно П. Θ. Желтухина, мы приносимъ почтенному знатоку казанской старины нашу живѣйшую признательность. Вотъ что гласитъ эта надпись:

«Здѣсь положено тѣло полномочнаго предсѣдателя дивановъ княжествъ Молдавіи и Валахіи, кіевскаго военнаго губернатора, свиты его императорскаго величества генералъ-лейтенанта и кавалера Петра Θеодоровича Желтухина, родившагося 1778-го года октября 3-го, скончавшагося въ Бухарестѣ 1829-го года октября 11-го, въ 4 часа утра, и погребеннаго внутри церкви тамошней митрополіи того жъ октября 13-го дня.

Братъ и искренній другъ покойнаго, командиръ всей резервной пѣхоты арміи, генералъ-лейтенантъ и кавалеръ Сергѣй Θеодоровичъ Желтухинъ, всеподданнѣйше испросивъ высочайшую волю, перевезъ тѣло въ Казань, которое и погребено марта 17-го дня 1830 года въ Кизи-

лейбъ-гвардіи гренадерскимъ полкомъ, котораго былъ назначенъ командиромъ. Дальнѣйшая служба П. Ѳ. протекала въ званіяхъ командира первой бригады 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи (съ весны 1819-го г.) и начальника штаба гвардейскаго корпуса (съ конца 1821-го г.); въ этой послѣдней должности онъ награждается орденомъ св. Владиміра 2-й степени.

Получивъ въ 1823-мъ году увольненіе отъ должности, съ назначеніемъ состоять въ свитѣ его величества и съ дозволеніемъ отправиться, для излеченія болѣзни, въ отпускъ, П. Ѳ. въ слѣдующемъ 1824-мъ году увольняется отъ службы и переселяется жить въ свою родину—Казань. Здѣсь пребывавшему на покоѣ герою довелось во-очію убѣдиться въ печальныхъ результатахъ обновительной дѣятельности попечителя казанскаго учебнаго округа и быть очевидцемъ какъ тріумфальнаго пріѣзда его въ августѣ 1825-го года въ Казань, такъ и устроенныхъ имъ здѣсь кричащихъ университетскихъ празднествъ, возмутившихъ собою даже дряхлаго и уравновѣшеннаго министра народнаго просвѣщенія. Къ этой то порѣ пребыванія П. Ѳ. Желтухина въ Казани и пріурочивается возложенное на него отвѣтственное порученіе общей ревизіи „обновленнаго" Магницкимъ казанскаго университета *.

* Что бы не возвращаться болѣе къ біографическимъ даннымъ, касающимся П. Ѳ. Желтухина, приведемъ теперь же свѣдѣнія относительно послѣднихъ годовъ его жизни.

Въ концѣ 1826-го года, слѣдовательно уже вскорѣ послѣ завершенія имъ дѣла ревизіи казанскаго университета, П. Ѳ. былъ снова вызванъ въ Петербургъ, въ свиту новаго императора Николая Павловича, а 28-го января 1827 года произведенъ въ генералъ-лейтенанты, съ назначеніемъ на должность кіевскаго военнаго губернатора.

23-го января 1829 года на долю Желтухина выпала весьма почетная миссія. Онъ былъ назначенъ въ званіе «полномочнаго предсѣдателя» дивановъ княжествъ Молдавіи и Валахіи, протекторатъ надъ которыми принятъ былъ на себя императоромъ Николаемъ I—санъ, носить который довелось ему очень недолго: Желтухинъ въ этомъ званіи скончался, въ г. Бухарестѣ, 11-го октября того же 1829 года. Прахъ П. Ѳ. въ слѣдующемъ году былъ перевезенъ въ родную покойному Казань, гдѣ и погребенъ на кладбищѣ мѣстнаго Кизическаго монастыря.

Надъ могилою Желтухина водружена надгробная плита съ слѣдующею надписью, скопированною Николаемъ Яковлевичемъ Агафоновымъ и за сообщеніе которой, равно какъ и другихъ свѣдѣній относительно П. Ѳ. Желтухина, мы приносимъ почтенному знатоку казанской старины нашу живѣйшую признательность. Вотъ что гласитъ эта надпись:

«Здѣсь положено тѣло полномочнаго предсѣдателя дивановъ княжествъ Молдавіи и Валахіи, кіевскаго военнаго губернатора, свиты его императорскаго величества генералъ-лейтенанта и кавалера Петра Ѳеодоровича Желтухина, родившагося 1778-го года октября 3-го, скончавшагося въ Бухарестѣ 1829-го года октября 11-го, въ 4 часа утра, и погребеннаго внутри церкви тамошней митрополіи того жъ октября 13-го дня.

Братъ и искренній другъ покойнаго, командиръ всей резервной пѣхоты арміи, генералъ-лейтенантъ и кавалеръ Сергѣй Ѳеодоровичъ Желтухинъ, всеподданнѣйше испросивъ высочайшую волю, перевезъ тѣло въ Казань, которое и погребено марта 17-го дня 1830 года въ Кизи-

Разсказъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ совершилось назначеніе П. Ѳ. Желтухина ревизоромъ казанскаго университета, сохранился въ тѣхъ же, такъ много уже цитировавшихся нами, „Воспоминаніяхъ" В. И. Панаева. По свидѣтельству Панаева, исходною точкою отправленія послужили здѣсь историческія событія, разыгравшіяся 14-го декабря 1825 года на Сенатской площади. Въ ночь на 15-е декабря, когда мятежъ былъ уже подавленъ, къ Панаеву, котораго болѣзнь удерживала послѣдніе дни дома, внезапно пріѣхалъ, уже въ первомъ часу пополуночи, казанскій знакомецъ его и тесть П. Ѳ. Желтухина—князь Дмитрій Васильевичъ Тенишевъ *. Разговоръ вертѣлся, конечно, вокругъ тревожныхъ эпизодовъ минувшаго дня, причемъ князь Тенишевъ передалъ своему земляку, будто бы императоръ Николай, узнавъ о возмущеніи лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка, которымъ раньше командовалъ П. Ѳ. Желтухинъ, сказалъ: „Этотъ полкъ не возмутился бы, если бъ Желтухинъ былъ здѣсь"...

— Послушайте, Владиміръ Ивановичъ, сообщите эти слова Петру Ѳедоровичу и посовѣтуйте ему поскорѣе сюда пріѣхать,—добавилъ князь Тенишевъ.—При такомъ мнѣніи о немъ новаго государя онъ много можетъ выиграть.

— Но мнѣ кажется, лучше бы вамъ, князь, написать къ нему объ этомъ, вѣдь онъ вамъ зять,—возразилъ Панаевъ.

— Да, но я долженъ вамъ признаться, что мы съ нимъ не въ хорошихъ отношеніяхъ... Мудрено ужиться съ человѣкомъ желчнымъ, строптивымъ, гордымъ... Мое письмо не подѣйствуетъ, а васъ онъ любитъ и скорѣе послушается.

Исполняя желаніе Тенишева, Панаевъ отписалъ обо всемъ генералу Желтухину, получивъ отъ него отвѣтъ, что онъ черезъ три недѣли выѣдетъ изъ Казани въ Петербургъ.

ческомъ монастырѣ съ должною почестію и уваженіемъ, сдѣлавъ все сіе своимъ иждивеніемъ въ знакъ дружбы, которую никто и ничто поколебать между ними не могло».

П. Ѳ. Желтухинъ былъ женатъ на княжнѣ Тенишевой. По свидѣтельству В. И. Панаева, это былъ человѣкъ «желчный, строптивый, гордый», «строгій и по службѣ взыскательный».

Некрологъ покойнаго напечатанъ въ «Сѣверной Пчелѣ» за 1829-й годъ (№ 135), біографія—въ «Справочномъ Энциклопедическомъ Словарѣ» Старчевскаго (1854 г., томъ III, стр. 288).

* Этотъ князь Д. В. Тенишевъ, «очень умный и дѣльный,—по словамъ Панаева,—человѣкъ, богатый баринъ, бывшій въ началѣ царствованія Александра Павловича астраханскимъ губернаторомъ», проживалъ въ то время въ столицѣ по какому то «тяжебному» дѣлу.

Разсказъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ совершилось назначеніе П. Ѳ. Желтухина ревизоромъ казанскаго университета, сохранился въ тѣхъ же, такъ много уже цитировавшихся нами, „Воспоминаніяхъ" В. И. Панаева. По свидѣтельству Панаева, исходною точкою отправленія послужили здѣсь историческія событія, разыгравшіяся 14-го декабря 1825 года на Сенатской площади. Въ ночь на 15-е декабря, когда мятежъ былъ уже подавленъ, къ Панаеву, котораго болѣзнь удерживала послѣдніе дни дома, внезапно пріѣхалъ, уже въ первомъ часу пополуночи, казанскій знакомецъ его и тесть П. Ѳ. Желтухина—князь Дмитрій Васильевичъ Тенишевъ *. Разговоръ вертѣлся, конечно, вокругъ тревожныхъ эпизодовъ минувшаго дня, причемъ князь Тенишевъ передалъ своему земляку, будто бы императоръ Николай, узнавъ о возмущеніи лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка, которымъ раньше командовалъ П. Ѳ. Желтухинъ, сказалъ: „Этотъ полкъ не возмутился бы, если бъ Желтухинъ былъ здѣсь"...

— Послушайте, Владиміръ Ивановичъ, сообщите эти слова Петру Ѳедоровичу и посовѣтуйте ему поскорѣе сюда пріѣхать,—добавилъ князь Тенишевъ.—При такомъ мнѣніи о немъ новаго государя онъ много можетъ выиграть.

— Но мнѣ кажется, лучше бы вамъ, князь, написать къ нему объ этомъ, вѣдь онъ вамъ зять,—возразилъ Панаевъ.

— Да, но я долженъ вамъ признаться, что мы съ нимъ не въ хорошихъ отношеніяхъ... Мудрено ужиться съ человѣкомъ желчнымъ, строптивымъ, гордымъ... Мое письмо не подѣйствуетъ, а васъ онъ любитъ и скорѣе послушается.

Исполняя желаніе Тенишева, Панаевъ отписалъ обо всемъ генералу Желтухину, получивъ отъ него отвѣтъ, что онъ черезъ три недѣли выѣдетъ изъ Казани въ Петербургъ.

ческомъ монастырѣ съ должною почестію и уваженіемъ, сдѣлавъ все сіе своимъ иждивеніемъ въ знакъ дружбы, которую никто и ничто поколебать между ними не могло».

П. Ѳ. Желтухинъ былъ женатъ на княжнѣ Тенишевой. По свидѣтельству В. И. Панаева, это былъ человѣкъ «желчный, строптивый, гордый», «строгій и по службѣ взыскательный».

Некрологъ покойнаго напечатанъ въ «Сѣверной Пчелѣ» за 1829-й годъ (№ 135), біографія—въ «Справочномъ Энциклопедическомъ Словарѣ» Старчевскаго (1854 г., томъ III, стр. 288).

* Этотъ князь Д. В. Тенишевъ, «очень умный и дѣльный,—по словамъ Панаева,—человѣкъ, богатый баринъ, бывшій въ началѣ царствованія Александра Павловича астраханскимъ губернаторомъ», проживалъ въ то время въ столицѣ по какому то «тяжебному» дѣлу.

Между тѣмъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія съ новою силою возобновились наступательныя противъ казанскаго попечителя дѣйствія, послѣ скандальной высылки Магницкаго изъ столицы ставшія, конечно, на еще болѣе твердую почву. Ревизія управленія Магницкаго была здѣсь уже окончательно предрѣшена и произвести эту ревизію предполагалось, первоначально, черезъ одного изъ чиновниковъ министерства:

„Положено было послать нарочнаго чиновника обревизовать на мѣстѣ его управленіе и выборъ, безъ моего вѣдома, палъ на меня,—разсказываетъ В. И. Панаевъ.—Хорошо, что доброжелательный Карташевскій пріѣхалъ предупредить меня о томъ:

— Откажитесь,—говорилъ онъ,—что вамъ за охота возиться съ человѣкомъ, съ которымъ всякое столкновеніе опасно... Довольно, кажется, вы сдѣлали, обличивъ его дѣйствія и выставивъ его на ладонку.

Я немедленно отправился къ Языкову (директору департамента) и рѣшительно объявилъ, что—не ѣду. Вмѣсто меня назначенъ былъ коллежскій совѣтникъ Есиповъ, нѣкогда саратовскій прокуроръ, отрѣшенный отъ должности и черезъ двадцать лѣтъ потомъ, по ходатайству Александра Семеновича, причисленный къ министерству... Мнѣ приказано было приготовить его къ исполненію возлагаемаго на него порученія, почему онъ и провелъ у меня нѣсколько вечеровъ, а между тѣмъ министръ ожидалъ перваго доклада, что бы представить государю извѣстную мою записку и испросить разрѣшеніе на задуманную ревизію“.

Всеподданнѣйшій докладъ министра народнаго просвѣщенія состоялся въ первый день новаго 1826-го года. Выслушавъ представленную ему адмираломъ Шишковымъ записку, императоръ сказалъ ему:

— Есипова твоего я не знаю. Пускай онъ ѣдетъ—а главнымъ ревизоромъ будетъ генералъ-маіоръ Желтухинъ, находящійся въ безсрочномъ отпуску въ Казани.

Въ такомъ видѣ представляются намъ обстоятельства назначенія Желтухина ревизоромъ казанскаго университета, поскольку эти обстоятельства возстановляются въ воспоминаніяхъ стоявшаго близко къ дѣлу В. И. Панаева. „Записку“, представленную А. С. Шишковымъ государю императору и составленную (по его собственному, по крайней мѣрѣ, свидѣтельству) Панаевымъ, намъ удалось найти въ дѣлахъ архива министерства народнаго просвѣщенія. Приводимъ подлинный текстъ этой записки, носящей весьма скромное заглавіе „Всеподданнѣйшей докладной записки о директорѣ казанскаго университета“, но которой суждено

Между тѣмъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія съ новою силою возобновились наступательныя противъ казанскаго попечителя дѣйствія, послѣ скандальной высылки Магницкаго изъ столицы ставшія, конечно, на еще болѣе твердую почву. Ревизія управленія Магницкаго была здѣсь уже окончательно предрѣшена и произвести эту ревизію предполагалось, первоначально, черезъ одного изъ чиновниковъ министерства:

„Положено было послать нарочнаго чиновника обревизовать на мѣстѣ его управленіе и выборъ, безъ моего вѣдома, палъ на меня,—разсказываетъ В. И. Панаевъ.—Хорошо, что доброжелательный Карташевскій пріѣхалъ предупредить меня о томъ:

— Откажитесь,—говорилъ онъ,—что вамъ за охота возиться съ человѣкомъ, съ которымъ всякое столкновеніе опасно... Довольно, кажется, вы сдѣлали, обличивъ его дѣйствія и выставивъ его на ладонку.

Я немедленно отправился къ Языкову (директору департамента) и рѣшительно объявилъ, что—не ѣду. Вмѣсто меня назначенъ былъ коллежскій совѣтникъ Есиповъ, нѣкогда саратовскій прокуроръ, отрѣшенный отъ должности и черезъ двадцать лѣтъ потомъ, по ходатайству Александра Семеновича, причисленный къ министерству... Мнѣ приказано было приготовить его къ исполненію возлагаемаго на него порученія, почему онъ и провелъ у меня нѣсколько вечеровъ, а между тѣмъ министръ ожидалъ перваго доклада, что бы представить государю извѣстную мою записку и испросить разрѣшеніе на задуманную ревизію“.

Всеподданнѣйшій докладъ министра народнаго просвѣщенія состоялся въ первый день новаго 1826-го года. Выслушавъ представленную ему адмираломъ Шишковымъ записку, императоръ сказалъ ему:

— Есипова твоего я не знаю. Пускай онъ ѣдетъ—а главнымъ ревизоромъ будетъ генералъ-маіоръ Желтухинъ, находящійся въ безсрочномъ отпуску въ Казани.

Въ такомъ видѣ представляются намъ обстоятельства назначенія Желтухина ревизоромъ казанскаго университета, поскольку эти обстоятельства возстановляются въ воспоминаніяхъ стоявшаго близко къ дѣлу В. И. Панаева. „Записку“, представленную А. С. Шишковымъ государю императору и составленную (по его собственному, по крайней мѣрѣ, свидѣтельству) Панаевымъ, намъ удалось найти въ дѣлахъ архива министерства народнаго просвѣщенія. Приводимъ подлинный текстъ этой записки, носящей весьма скромное заглавіе „Всеподданнѣйшей докладной записки о директорѣ казанскаго университета“, но которой суждено

было послужить исходною точкою всего производства по ревизіи Желтухина:

„О директорѣ Казанскаго университета.

По высочайше утвержденнымъ уставамъ для всѣхъ университетовъ учебная, ученая, хозяйственная и правительственная части ввѣрены ректору, совокупно съ совѣтомъ и правленіемъ университета.

До 1819-го года въ С.-Петербургѣ университета не было; но въ семъ году бывшій главный педагогическій институтъ преобразованъ въ сіе высшее учебное заведеніе. При семъ случаѣ бывшій директоръ института названъ директоромъ университета и старшимъ членомъ правленія онаго; ему, какъ помощнику попечителя, ввѣренъ главный и ближайшій надзоръ за всѣми внутренними дѣлами университета, исключая учебной и ученой части. Сверхъ того положено, что, въ отсутствіе попечителя, занимаетъ онъ его мѣсто и исполняетъ его должность.

Въ 1819-мъ году таковый же чиновникъ назначенъ и для казанскаго университета. Вслѣдствіе сего учебная и ученая часть предоставлены ректору съ совѣтомъ, а хозяйственная и полицейская поручены директору съ правленіемъ; и по сему сочиненныя попечителемъ казанскаго округа д. с. с. Магницкимъ, одобренныя моимъ предмѣстникомъ и главнымъ правленіемъ училищъ инструкціи для директора и ректора сего университета высочайше утверждены 17-го января 1820 года.

Сими инструкціями предоставлена директору власть—чрезвычайная, ибо, кромѣ хозяйственной и полицейской части, предоставленной ему, какъ предсѣдателю правленія, возложенъ лично на него надзоръ за нравственною частью не токмо учащихся, но и учащихъ и, слѣдственно—самого ректора.

Пятилѣтній опытъ доказалъ, что таковое устройство университета не произвело ничего, кромѣ беспорядка, ибо предсѣдательство директора въ правленіи, а ректора въ совѣтѣ, изъ коихъ первое подчинено, по уставу, послѣднему, между тѣмъ какъ, на самомъ дѣлѣ, ректоръ подчинился директору—содѣлались неизсякаемымъ источникомъ противорѣчій, несогласій и противодѣйствій, пищею самолюбія, которое вездѣ и во всемъ ищетъ первенства.

Сіи причины принудили впослѣдствіе званіе директора при с.-петербугскомъ университетѣ упразднить, что высочайше утверждено 17-го іюня 1823 года.

Какъ высочайше утвержденныя инструкціи для директора и ректора казанскаго университета, кои, по высочайшему соизволенію, приняты были и здѣшнимъ университетомъ, суть не иное что, какъ подробнѣйшее изложеніе обязанностей ректора, изображенныхъ въ уставѣ каждаго университета, то, съ уничтоженіемъ при с.-петербургскомъ

было послужить исходною точкою всего производства по ревизіи Желтухина:

„О директорѣ Казанскаго университета.

По высочайше утвержденнымъ уставамъ для всѣхъ университетовъ учебная, ученая, хозяйственная и правительственная части ввѣрены ректору, совокупно съ совѣтомъ и правленіемъ университета.

До 1819-го года въ С.-Петербургѣ университета не было; но въ семъ году бывшій главный педагогическій институтъ преобразованъ въ сіе высшее учебное заведеніе. При семъ случаѣ бывшій директоръ института названъ директоромъ университета и старшимъ членомъ правленія онаго; ему, какъ помощнику попечителя, ввѣренъ главный и ближайшій надзоръ за всѣми внутренними дѣлами университета, исключая учебной и ученой части. Сверхъ того положено, что, въ отсутствіе попечителя, занимаетъ онъ его мѣсто и исполняетъ его должность.

Въ 1819-мъ году таковый же чиновникъ назначенъ и для казанскаго университета. Вслѣдствіе сего учебная и ученая часть предоставлены ректору съ совѣтомъ, а хозяйственная и полицейская поручены директору съ правленіемъ; и по сему сочиненныя попечителемъ казанскаго округа д. с. с. Магницкимъ, одобренныя моимъ предмѣстникомъ и главнымъ правленіемъ училищъ инструкціи для директора и ректора сего университета высочайше утверждены 17-го января 1820 года.

Сими инструкціями предоставлена директору власть—чрезвычайная, ибо, кромѣ хозяйственной и полицейской части, предоставленной ему, какъ предсѣдателю правленія, возложенъ лично на него надзоръ за нравственною частью не токмо учащихся, но и учащихъ и, слѣдственно—самого ректора.

Пятилѣтній опытъ доказалъ, что таковое устройство университета не произвело ничего, кромѣ беспорядка, ибо предсѣдательство директора въ правленіи, а ректора въ совѣтѣ, изъ коихъ первое подчинено, по уставу, послѣднему, между тѣмъ какъ, на самомъ дѣлѣ, ректоръ подчинился директору—содѣлались неизсякаемымъ источникомъ противорѣчій, несогласій и противодѣйствій, пищею самолюбія, которое вездѣ и во всемъ ищетъ первенства.

Сіи причины принудили впослѣдствіе званіе директора при с.-петербургскомъ университетѣ упразднить, что высочайше утверждено 17-го іюня 1823 года.

Какъ высочайше утвержденныя инструкціи для директора и ректора казанскаго университета, кои, по высочайшему соизволенію, приняты были и здѣшнимъ университетомъ, суть не иное что, какъ подробнѣйшее изложеніе обязанностей ректора, изображенныхъ въ уставѣ каждаго университета, то, съ уничтоженіемъ при с.-петербургскомъ

университетѣ званія директора, вся власть опять сосредоточилась въ лицѣ ректора, яко предсѣдателя совѣта и правленія, а сказанныя инструкціи даны ему въ руководство.

Такимъ образомъ, теперь неустройство управленія находится только въ казанскомъ университетѣ, ибо всѣ прочіе университеты не имѣли и не имѣютъ директоровъ.

Ваше императорское величество высочайше повелѣть соизволили попочителя казанскаго округа дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго уволить отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей.

По вышесказаннымъ высочайше утвержденнымъ инструкціямъ, директоръ университета долженъ занять его мѣсто впредь до опредѣленія новаго попечителя.

Какъ нынѣшній директоръ казанскаго университета надворный совѣтникъ Любомировъ, ни по чину своему, ни по способностямъ, не можетъ занять столь важной должности, то и осмѣливаюсь всеподданнѣйше испрашивать высочайшаго повелѣнія, что бы, до опредѣленія новаго попечителя, казанскій университетъ съ своимъ округомъ управлялся мною посредствомъ ректора, на основаніи устава сего университета, а званіе директора—упразднить; ректору же, при исправленіи своей должности, дать въ руководство вышесказанныя инструкціи. На случай соизволенія на то вашего императорскаго величества, имѣю счастье представить къ высочайшему вашему подписанію проектъ указа о томъ на мое имя.

Сверхъ сего, испрашиваю высочайшаго вашего императорскаго величества дозволенія на слѣдующее:

1. Вышесказанныя инструкціи директору и ректору казанскаго университета, пересмотря и сообразя съ настоящимъ положеніемъ университета и составя вновь одну для ректора—внести въ проектъ новаго общаго устава для университетовъ, которымъ, по распоряженію моему, занимается комитетъ, составленный изъ членовъ главнаго правленія училищъ.

2. Судя по текущимъ дѣламъ, я предполагаю, что хозяйственная часть казанскаго университета и, особенно, строительная, на которую назначено слишкомъ 600 тысячъ рублей—находится не въ надлежащемъ порядкѣ; то отправить въ университетъ и въ нѣкоторыя гимназіи сего округа, для осмотра сей части, служащаго при департаментѣ народнаго просвѣщенія по особымъ порученіямъ коллежскаго совѣтника Есипова".

Только что приведенная записка и послужила ближайшею почвою, на которой воспослѣдовало назначеніе П. Ѳ. Желтухина ревизоромъ казанскаго университета, что становится вполнѣ несомнѣннымъ изъ слѣдую-

университетѣ званія директора, вся власть опять сосредоточилась въ лицѣ ректора, яко предсѣдателя совѣта и правленія, а сказанныя инструкціи даны ему въ руководство.

Такимъ образомъ, теперь неустройство управленія находится только въ казанскомъ университетѣ, ибо всѣ прочіе университеты не имѣли и не имѣютъ директоровъ.

Ваше императорское величество высочайше повелѣть соизволили попочителя казанскаго округа дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго уволить отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей.

По вышесказаннымъ высочайше утвержденнымъ инструкціямъ, директоръ университета долженъ занять его мѣсто впредь до опредѣленія новаго попечителя.

Какъ нынѣшній директоръ казанскаго университета надворный совѣтникъ Любомировъ, ни по чину своему, ни по способностямъ, не можетъ занять столь важной должности, то и осмѣливаюсь всеподданнѣйше испрашивать высочайшаго повелѣнія, что бы, до опредѣленія новаго попечителя, казанскій университетъ съ своимъ округомъ управлялся мною посредствомъ ректора, на основаніи устава сего университета, а званіе директора—упразднить; ректору же, при исправленіи своей должности, дать въ руководство вышесказанныя инструкціи. На случай соизволенія на то вашего императорскаго величества, имѣю счастье представить къ высочайшему вашему подписанію проектъ указа о томъ на мое имя.

Сверхъ сего, испрашиваю высочайшаго вашего императорскаго величества дозволенія на слѣдующее:

1. Вышесказанныя инструкціи директору и ректору казанскаго университета, пересмотря и сообразя съ настоящимъ положеніемъ университета и составя вновь одну для ректора—внести въ проектъ новаго общаго устава для университетовъ, которымъ, по распоряженію моему, занимается комитетъ, составленный изъ членовъ главнаго правленія училищъ.

2. Судя по текущимъ дѣламъ, я предполагаю, что хозяйственная часть казанскаго университета и, особенно, строительная, на которую назначено слишкомъ 600 тысячъ рублей—находится не въ надлежащемъ порядкѣ; то отправить въ университетъ и въ нѣкоторыя гимназіи сего округа, для осмотра сей части, служащаго при департаментѣ народнаго просвѣщенія по особымъ порученіямъ коллежскаго совѣтника Есипова".

Только что приведенная записка и послужила ближайшею почвою, на которой воспослѣдовало назначеніе П. Ѳ. Желтухина ревизоромъ казанскаго университета, что становится вполнѣ несомнѣннымъ изъ слѣдую-

щей собственноручной резолюціи императора Николая Павловича, значущейся на лѣвомъ полѣ первой страницы записки:

„Поручить отставному генералъ-маіору Желтухину“ [268].

Записка „О директорѣ казанскаго университета“ вполнѣ подтверждаетъ, такимъ образомъ, достовѣрность свидѣтельства В. И. Панаева о томъ, что къ ревизіи казанскаго университета первоначально, дѣйствительно, предназначался Есиповъ и что только личною волею государя эта серьезная миссія была возложена на генерала Желтухина. Любопытна эта записка и тѣмъ, что въ ней выступаютъ уже предрѣшенными какъ вопросъ объ увольненіи Магницкаго, такъ и о временной формѣ управленія казанскимъ учебнымъ округомъ (личное управленіе имъ министра черезъ посредство ректора университета), которая, какъ въ своемъ мѣстѣ увидимъ, была примѣнена и на самомъ дѣлѣ; предрѣшается здѣсь и упраздненіе должности директора университета *. Все это еще разъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что министерская кампанія противъ казанскаго попечителя, еще съ начала 1825 го года предпринятая Языковымъ, Ширинскимъ-Шихматовымъ и Панаевымъ, была тщательно подготовлена и выполнена съ строго обдуманною планомѣрностью и что предстоявшее паденіе Магницкаго считалось въ министерскихъ сферахъ дѣломъ не только рѣшеннымъ, но даже получившимъ высочайшую санкцію еще до назначенія ревизіи казанскаго университета. При этомъ освѣщеніи, ревизія Желтухина выступаетъ передъ нами съ характеромъ контрольнаго производства, разсчитаннаго не столько на выясненіе абсолютнаго, стоявшаго уже внѣ всякаго сомнѣнія, зла, причиненнаго управленіемъ Магницкаго, сколько на точное констатированіе характера и размѣровъ вреда, нанесеннаго университету и округу семью почти годами установленнаго имъ административно-педагогическаго режима. Съ этой точки зрѣнія ревизія Желтухина близко напоминаетъ намъ,—по крайней мѣрѣ съ формальной стороны,—ревизію самого Магницкаго, произведенную въ началѣ 1819-го года: и въ первомъ и во второмъ случаяхъ результаты являлись предрѣшенными, хотя,—спѣшимъ въ этомъ оговориться,—мы далеки отъ мысли проводить хотя бы слабую тѣнь аналогіи въ самыхъ мотивахъ, положенныхъ въ основу этихъ двухъ ревизій, выступающихъ начальною и конечною вехами университетскаго „лихолѣтья“ 1819-го—1826-го годовъ.

* Что эта записка была доложена императору въ самомъ началѣ 1826-го года (по свидѣтельству Панаева—въ день новаго года) ясно уже изъ того, что въ ней еще фигурируетъ директоръ университета Любомировъ, умершій 14-го января того же года.

щей собственноручной резолюціи императора Николая Павловича, значущейся на лѣвомъ полѣ первой страницы записки:

„Поручить отставному генералъ-маіору Желтухину“ [268].

Записка „О директорѣ казанскаго университета“ вполнѣ подтверждаетъ, такимъ образомъ, достовѣрность свидѣтельства В. И. Панаева о томъ, что къ ревизіи казанскаго университета первоначально, дѣйствительно, предназначался Есиповъ и что только личною волею государя эта серьезная миссія была возложена на генерала Желтухина. Любопытна эта записка и тѣмъ, что въ ней выступаютъ уже предрѣшенными какъ вопросъ объ увольненіи Магницкаго, такъ и о временной формѣ управленія казанскимъ учебнымъ округомъ (личное управленіе имъ министра черезъ посредство ректора университета), которая, какъ въ своемъ мѣстѣ увидимъ, была примѣнена и на самомъ дѣлѣ; предрѣшается здѣсь и упраздненіе должности директора университета *. Все это еще разъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что министерская кампанія противъ казанскаго попечителя, еще съ начала 1825 го года предпринятая Языковымъ, Ширинскимъ-Шихматовымъ и Панаевымъ, была тщательно подготовлена и выполнена съ строго обдуманною планомѣрностью и что предстоявшее паденіе Магницкаго считалось въ министерскихъ сферахъ дѣломъ не только рѣшеннымъ, но даже получившимъ высочайшую санкцію еще до назначенія ревизіи казанскаго университета. При этомъ освѣщеніи, ревизія Желтухина выступаетъ передъ нами съ характеромъ контрольнаго производства, разсчитаннаго не столько на выясненіе абсолютнаго, стоявшаго уже внѣ всякаго сомнѣнія, зла, причиненнаго управленіемъ Магницкаго, сколько на точное констатированіе характера и размѣровъ вреда, нанесеннаго университету и округу семью почти годами установленнаго имъ административно-педагогическаго режима. Съ этой точки зрѣнія ревизія Желтухина близко напоминаетъ намъ,—по крайней мѣрѣ съ формальной стороны,—ревизію самого Магницкаго, произведенную въ началѣ 1819-го года: и въ первомъ и во второмъ случаяхъ результаты являлись предрѣшенными, хотя,—спѣшимъ въ этомъ оговориться,—мы далеки отъ мысли проводить хотя бы слабую тѣнь аналогіи въ самыхъ мотивахъ, положенныхъ въ основу этихъ двухъ ревизій, выступающихъ начальною и конечною вехами университетскаго „лихолѣтья“ 1819-го—1826-го годовъ.

* Что эта записка была доложена императору въ самомъ началѣ 1826-го года (по свидѣтельству Панаева—въ день новаго года) ясно уже изъ того, что въ ней еще фигурируетъ директоръ университета Любомировъ, умершій 14-го января того же года.

12-го января 1826 года послѣдовало со стороны министра народнаго просвѣщенія оффиціальное предложеніе генералу Желтухину относительно возложеннаго на него высочайшею волею порученія, изложенное въ формѣ нижеслѣдующаго письма, отправленнаго къ нему въ Казань съ коллежскимъ совѣтникомъ Есиповымъ, предназначеннымъ состоять въ распоряженіи ревизора *:

„Милостивый государь мой Петръ Ѳедоровичъ!

Его императорскому величеству благоугодно было высочайше повелѣть поручить вашему превосходительству произвесть осмотръ императорскаго казанскаго университета въ нравственномъ, хозяйственномъ и учебномъ отношеніяхъ, назначивъ въ помощь вамъ при исполненіи сего порученія и, въ особенности, для употребленія, подъ руководствомъ вашимъ, къ осмотру хозяйственной и строительной части университета состоящаго при департаментѣ народнаго просвѣщенія для особыхъ порученій коллежскаго совѣтника Есипова, съ тѣмъ, что бы о послѣдствіяхъ сего высочайшаго порученія ваше превосходительство увѣдомили меня для доклада его величеству.

Сообщая вамъ, милостивый государь мой, сію монаршую волю къ надлежащему исполненію, я нужнымъ почитаю приложить при семъ особую записку съ означеніемъ тѣхъ предметовъ, на которые, вообще, слѣдуетъ обратить вниманіе при осмотрѣ казанскаго университета и принадлежащей къ нему казанской гимназіи и съ показаніемъ тѣхъ, коими, по дошедшимъ до министерства свѣдѣніямъ, должно заняться въ особенности.

Бумаги сіи доставитъ вашему превосходительству коллежскій совѣтникъ Есиповъ, которому приказано явиться въ полное ваше распоряженіе. По исполненіи же высочайше возложеннаго на васъ порученія, я прошу покорно отправить сего чиновника обратно въ С.-Петербургъ, поручивъ ему доставить ко мнѣ бумаги вашего превосходительства.

Государь императоръ изволилъ читать сіе отношеніе".

Еще до отправленія оффиціальнаго министерскаго предложенія, В. И. Панаевъ, съ разрѣшенія адмирала Шишкова, письменно извѣстилъ Желтухина о предстоящей ему миссіи и предупреждалъ его не спѣшить съ предположенною поѣздкою въ столицу. Другое письмо Панаева, имѣвшее цѣлью позондировать взглядъ генерала на Магницкаго и на предстоявшую ревизію, было отправлено къ нему съ Есиповымъ. Дѣло въ томъ, что у

* Одновременно съ этимъ оффиціальнымъ предложеніемъ, министръ увѣдомилъ Желтухина о возложенномъ на него порученіи и письмомъ болѣе частнаго характера, текстъ котораго приведенъ нами выше.

12-го января 1826 года послѣдовало со стороны министра народнаго просвѣщенія оффиціальное предложеніе генералу Желтухину относительно возложеннаго на него высочайшею волею порученія, изложенное въ формѣ нижеслѣдующаго письма, отправленнаго къ нему въ Казань съ коллежскимъ совѣтникомъ Есиповымъ, предназначеннымъ состоять въ распоряженіи ревизора *:

„Милостивый государь мой Петръ Ѳедоровичъ!

Его императорскому величеству благоугодно было высочайше повелѣть поручить вашему превосходительству произвесть осмотръ императорскаго казанскаго университета въ нравственномъ, хозяйственномъ и учебномъ отношеніяхъ, назначивъ въ помощь вамъ при исполненіи сего порученія и, въ особенности, для употребленія, подъ руководствомъ вашимъ, къ осмотру хозяйственной и строительной части университета состоящаго при департаментѣ народнаго просвѣщенія для особыхъ порученій коллежскаго совѣтника Есипова, съ тѣмъ, что бы о послѣдствіяхъ сего высочайшаго порученія ваше превосходительство увѣдомили меня для доклада его величеству.

Сообщая вамъ, милостивый государь мой, сію монаршую волю къ надлежащему исполненію, я нужнымъ почитаю приложить при семъ особую записку съ означеніемъ тѣхъ предметовъ, на которые, вообще, слѣдуетъ обратить вниманіе при осмотрѣ казанскаго университета и принадлежащей къ нему казанской гимназіи и съ показаніемъ тѣхъ, коими, по дошедшимъ до министерства свѣдѣніямъ, должно заняться въ особенности.

Бумаги сіи доставитъ вашему превосходительству коллежскій совѣтникъ Есиповъ, которому приказано явиться въ полное ваше распоряженіе. По исполненіи же высочайше возложеннаго на васъ порученія, я прошу покорно отправить сего чиновника обратно въ С.-Петербургъ, поручивъ ему доставить ко мнѣ бумаги вашего превосходительства.

Государь императоръ изволилъ читать сіе отношеніе".

Еще до отправленія оффиціальнаго министерскаго предложенія, В. И. Панаевъ, съ разрѣшенія адмирала Шишкова, письменно извѣстилъ Желтухина о предстоящей ему миссіи и предупреждалъ его не спѣшить съ предположенною поѣздкою въ столицу. Другое письмо Панаева, имѣвшее цѣлью позондировать взглядъ генерала на Магницкаго и на предстоявшую ревизію, было отправлено къ нему съ Есиповымъ. Дѣло въ томъ, что у

* Одновременно съ этимъ оффиціальнымъ предложеніемъ, министръ увѣдомилъ Желтухина о возложенномъ на него порученіи и письмомъ болѣе частнаго характера, текстъ котораго приведенъ нами выше.

Панаева зародилось опасеніе въ безпристрастности Желтухина: „Года полтора назадъ, — читаемъ въ его воспоминаніяхъ,—Желтухинъ, потерявши единственную дочь (супруга его скончалась прежде), впалъ въ уныніе, предался богомоленію, сталъ ѣздить къ митрополиту, къ графинѣ Орловой; я, признаться, опасался, что, встрѣчаясь тамъ съ Магницкимъ, онъ могъ, при такомъ состояніи духа, съ нимъ сблизиться". Панаевъ и его единомышленники вскорѣ могли и на этотъ счетъ успокоиться: „Знаю я этого лицемѣра!"—таковъ былъ отвѣтъ Желтухина, разсѣявшій, по словамъ Панаева, всѣ дальнѣйшія сомнѣнія.

Между тѣмъ при министерствѣ шли дѣятельныя подготовленія къ предстоявшей ревизіи. „Какъ одного помощника въ лицѣ Есипова было для Желтухина недостаточно,—свидѣтельствуетъ Панаевъ,—то министръ испросилъ и объявилъ мѣстному генералъ-губернатору Бахметьеву* высочайшее повелѣніе оказывать ему со стороны казанскаго губернскаго начальства возможное содѣйствіе и командировать по требованіямъ его чиновниковъ". Результатомъ было прикомандированіе къ Желтухину совѣтника казанской казенной палаты Карнѣева — „молодого человѣка, хорошо владѣвшаго перомъ и посѣщавшаго университетскія лекціи". „Вотъ начало счастья нынѣшняго статсъ-секретаря Карнѣева!"—въ 1858-мъ году писалъ по этому поводу Панаевъ.

Есиповъ, которому дано было министромъ народнаго просвѣщенія спеціальное порученіе осмотрѣть, по пути, саратовскую гимназію**, прибылъ въ Казань и явился здѣсь къ Желтухину лишь 8-го февраля 1826 года—день, являющійся, такимъ образомъ, оффиціальнымъ началомъ ревизіи казанскаго университета. Назначеніе Есипова помощникомъ Желтухина

* А. Н. Бахметьевъ, генералъ отъ инфантеріи, былъ въ 1825—1829 годахъ временнымъ, въ виду обнаруженныхъ административныхъ неустроеній, генералъ-губернаторомъ губерній казанской, нижегородской, симбирской, саратовской и пензенской.

** Эта ревизія саратовской гимназіи была вызвана полученными въ министерствѣ свѣдѣніями о томъ, что «въ Саратовѣ допущены многіе учители и учительницы безъ вѣдома училищнаго начальства, обучающіе, большею частью, людей низкаго состоянія и не имѣющіе свѣдѣній и подготовки», причемъ «въ числѣ ихъ имѣются, напримѣръ, отставная актриса и разстриженный діаконъ, раскольники поморской, молоканской и поповщинской сектъ, хотя у нихъ учатся и православные». Такихъ «нелегальныхъ» учащихъ насчитывалось въ Саратовѣ до 54-хъ, а учащихся — до 1024-хъ человѣкъ. Есиповская ревизія подтвердила имѣвшіяся въ министерствѣ свѣдѣнія—и это обстоятельство было включено въ число выдвинутыхъ противъ Магницкаго обвинительныхъ пунктовъ.

Интересующіеся подробностями этого осмотра Есиповымъ саратовской гимназіи найдутъ ихъ въ дѣлахъ по ревизіи Желтухинымъ казанскаго университета,—въ особенности: Архивъ министерства народн. просвѣщ., 1826 г., № 382—127416 (приложенъ къ № 32—130283, выписка изъ журнала главнаго правленія училищъ отъ 14-го апрѣля, пунктъ 48) и № 76—154336 (листы 29—46, 54—62, 147—151).

Панаева зародилось опасеніе въ безпристрастности Желтухина: „Года полтора назадъ, — читаемъ въ его воспоминаніяхъ,—Желтухинъ, потерявши единственную дочь (супруга его скончалась прежде), впалъ въ уныніе, предался богомоленію, сталъ ѣздить къ митрополиту, къ графинѣ Орловой; я, признаться, опасался, что, встрѣчаясь тамъ съ Магницкимъ, онъ могъ, при такомъ состояніи духа, съ нимъ сблизиться". Панаевъ и его единомышленники вскорѣ могли и на этотъ счетъ успокоиться: „Знаю я этого лицемѣра!"—таковъ былъ отвѣтъ Желтухина, разсѣявшій, по словамъ Панаева, всѣ дальнѣйшія сомнѣнія.

Между тѣмъ при министерствѣ шли дѣятельныя подготовленія къ предстоявшей ревизіи. „Какъ одного помощника въ лицѣ Есипова было для Желтухина недостаточно,—свидѣтельствуетъ Панаевъ,—то министръ испросилъ и объявилъ мѣстному генералъ-губернатору Бахметьеву * высочайшее повелѣніе оказывать ему со стороны казанскаго губернскаго начальства возможное содѣйствіе и командировать по требованіямъ его чиновниковъ". Результатомъ было прикомандированіе къ Желтухину совѣтника казанской казенной палаты Карнѣева — „молодого человѣка, хорошо владѣвшаго перомъ и посѣщавшаго университетскія лекціи". „Вотъ начало счастья нынѣшняго статсъ-секретаря Карнѣева!"—въ 1858-мъ году писалъ по этому поводу Панаевъ.

Есиповъ, которому дано было министромъ народнаго просвѣщенія спеціальное порученіе осмотрѣть, по пути, саратовскую гимназію **, прибылъ въ Казань и явился здѣсь къ Желтухину лишь 8-го февраля 1826 года—день, являющійся, такимъ образомъ, оффиціальнымъ началомъ ревизіи казанскаго университета. Назначеніе Есипова помощникомъ Желтухина

---

* А. Н. Бахметьевъ, генералъ отъ инфантеріи, былъ въ 1825—1829 годахъ временнымъ, въ виду обнаруженныхъ административныхъ нестроеній, генералъ-губернаторомъ губерній казанской, нижегородской, симбирской, саратовской и пензенской.

** Эта ревизія саратовской гимназіи была вызвана полученными въ министерствѣ свѣдѣніями о томъ, что «въ Саратовѣ допущены многіе учители и учительницы безъ вѣдома училищнаго начальства, обучающіе, большею частью, людей низкаго состоянія и не имѣющіе свѣдѣній и подготовки», причемъ «въ числѣ ихъ имѣются, напримѣръ, отставная актриса и разстриженный діаконъ, раскольники поморской, молоканской и поповщинской сектъ, хотя у нихъ учатся и православные». Такихъ «нелегальныхъ» учащихъ насчитывалось въ Саратовѣ до 54-хъ, а учащихся — до 1024-хъ человѣкъ. Есиповская ревизія подтвердила имѣвшіяся въ министерствѣ свѣдѣнія—и это обстоятельство было включено въ число выдвинутыхъ противъ Магницкаго обвинительныхъ пунктовъ.

Интересующіеся подробностями этого осмотра Есиповымъ саратовской гимназіи найдутъ ихъ въ дѣлахъ по ревизіи Желтухинымъ казанскаго университета,—въ особенности: Архивъ минист. народн. просвѣщ., 1826 г., № 382—127416 (приложенъ къ № 32—130283, выписка изъ журнала главнаго правленія училищъ отъ 14-го апрѣля, пунктъ 48) и № 76—154336 (листы 29—46, 54—62, 147—151).

по ревизіи страшно возмутило Магницкаго, писавшаго въ одной изъ поданныхъ имъ бумагъ, что даже университетъ „долго повѣрить не могъ, что это—тотъ самый Есиповъ, котораго грабительства въ святую отечественную войну всей Россіи извѣстны, который судомъ общихъ собраній сената и государственнаго совѣта и собственноручнымъ утвержденіемъ государя императора признанъ грабителемъ, отрѣшенъ, осужденъ не быть никогда опредѣленнымъ и опубликованъ таковымъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ имперіи“ [269].

Не смотря на позорную обстановку прибытія своего въ декабрѣ 1825-го года въ Казань, Магницкій не измѣнилъ отъ природы бывшей ему присущей самонадѣянности и едва ли въ сколько нибудь серьезной формѣ предусматривалъ тѣ тяжелыя злоключенія, которыя уже скоплялись надъ его головою. Самонадѣянность эта поддерживалась какъ прежнимъ льстивымъ угодничествомъ, снова встрѣченнымъ имъ въ средѣ университетскаго „ученаго сословія“, терроризированнаго рядомъ лѣтъ грознаго управленія своего попечителя, такъ и благожелательнымъ отношеніемъ со стороны высшихъ губернскихъ властей, еще не успѣвшихъ разобраться въ новыхъ петербургскихъ теченіяхъ, знавшихъ про поддержку, оказывавшуюся Магницкому со стороны Аракчеева и все еще вѣрившихъ во всемогущество грузинскаго временщика. Хотя В. И. Панаевъ уже на слѣдующій послѣ высылки Магницкаго изъ столицы день не преминулъ письменно сообщить какъ своему тестю, и. д. губернатора Жмакину, такъ и архіепископу Амвросію, всѣ подробности постигшей его катастрофы,—„что бы не допустить Магницкаго важничать передъ ними по прежнему и что бы они знали, съ какой точки зрѣнія должно смотрѣть на новое появленіе его въ Казани“,—тѣмъ не менѣе оба представителя власти приняли опальнаго попечителя съ распростертыми объятіями. Это обстоятельство вызвало сильное негодованіе со стороны Желтухина, въ слѣдующихъ выраженіяхъ впослѣдствіе жаловавшагося Панаеву на безтактный образъ дѣйствій его тестя:

„Судите сами—могъ ли я сохранить съ нимъ прежнія отношенія? Я ревизую человѣка, находящагося подъ гнѣвомъ правительства, а Александръ Яковлевичъ его принимаетъ, ласкаетъ, а мачиха вашей супруги каждое воскресенье ѣздитъ въ университетскую церковь къ обѣднѣ. Слѣдуетъ ли такъ поступать начальнику губерніи?..

Процессъ мой съ архіереемъ о мельницѣ вдругъ повернулся въ его пользу, потому что и архіерей сошелся съ Магницкимъ. Въ прощеный день, соблюдая старинный обрядъ и отлагая въ сторону, что я—давно генералъ, а тесть вашъ—статскій совѣтникъ, но помня, что

по ревизіи страшно возмутило Магницкаго, писавшаго въ одной изъ поданныхъ имъ бумагъ, что даже университетъ „долго повѣрить не могъ, что это—тотъ самый Есиповъ, котораго грабительства въ святую отечественную войну всей Россіи извѣстны, который судомъ общихъ собраній сената и государственнаго совѣта и собственноручнымъ утвержденіемъ государя императора признанъ грабителемъ, отрѣшенъ, осужденъ не быть никогда опредѣленнымъ и опубликованъ таковымъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ имперіи" [269].

Не смотря на позорную обстановку прибытія своего въ декабрѣ 1825-го года въ Казань, Магницкій не измѣнилъ отъ природы бывшей ему присущей самонадѣянности и едва ли въ сколько нибудь серьезной формѣ предусматривалъ тѣ тяжелыя злоключенія, которыя уже скоплялись надъ его головою. Самонадѣянность эта поддерживалась какъ прежнимъ льстивымъ угодничествомъ, снова встрѣченнымъ имъ въ средѣ университетскаго „ученаго сословія", терроризированнаго рядомъ лѣтъ грознаго управленія своего попечителя, такъ и благожелательнымъ отношеніемъ со стороны высшихъ губернскихъ властей, еще не успѣвшихъ разобраться въ новыхъ петербургскихъ теченіяхъ, знавшихъ про поддержку, оказывавшуюся Магницкому со стороны Аракчеева и все еще вѣрившихъ во всемогущество грузинскаго временщика. Хотя В. И. Панаевъ уже на слѣдующій послѣ высылки Магницкаго изъ столицы день не преминулъ письменно сообщить какъ своему тестю, и. д. губернатора Жмакину, такъ и архіепископу Амвросію, всѣ подробности постигшей его катастрофы,—„что бы не допустить Магницкаго важничать передъ ними по прежнему и что бы они знали, съ какой точки зрѣнія должно смотрѣть на новое появленіе его въ Казани",—тѣмъ не менѣе оба представителя власти приняли опальнаго попечителя съ распростертыми объятіями. Это обстоятельство вызвало сильное негодованіе со стороны Желтухина, въ слѣдующихъ выраженіяхъ впослѣдствіе жаловавшагося Панаеву на безтактный образъ дѣйствій его тестя:

„Судите сами—могъ ли я сохранить съ нимъ прежнія отношенія? Я ревизую человѣка, находящагося подъ гнѣвомъ правительства, а Александръ Яковлевичъ его принимаетъ, ласкаетъ, а мачиха вашей супруги каждое воскресенье ѣздитъ въ университетскую церковь къ обѣднѣ. Слѣдуетъ ли такъ поступать начальнику губерніи?..

Процессъ мой съ архіереемъ о мельницѣ вдругъ повернулся въ его пользу, потому что и архіерей сошелся съ Магницкимъ. Въ прощеный день, соблюдая старинный обрядъ и отлагая въ сторону, что я—давно генералъ, а тесть вашъ—статскій совѣтникъ, но помня, что

онъ правитъ губерніею, ѣду къ нему. Говорятъ—нѣтъ дома. Чьи же это сани? Магницкаго. Меня—не принимаютъ, а онъ—тамъ. Судите сами"...

Съ самаго пріѣзда Магницкаго въ Казань стали сказываться, однако, отдѣльныя проявленія недовѣрія и неудовольствія по отношенію къ нему со стороны центральныхъ органовъ министерства народнаго просвѣщенія, невольнымъ образомъ подрывавшія въ глазахъ университета и общества прежній, почти неограниченный, авторитетъ попечителя. Такъ, въ началѣ января 1826-го года Магницкій получаетъ рѣзкое замѣчаніе департамента народнаго просвѣщенія по поводу запущенности дѣлъ по ввѣренному ему округу: „Изъ прилагаемыхъ при семъ списковъ ваше превосходительство усмотрите,—читаемъ въ министерскомъ предложеніи отъ 22-го декабря,—что въ департаментѣ имѣется довольное число дѣлъ по казанскому учебному округу, которыя или остановлены въ производствѣ или не кончены единственно по неполученію требованныхъ по онымъ отзывовъ отъ васъ и канцеляріи вашей". Отзывы эти такъ и не были доставлены министерству и сообщеніе свѣдѣній по этимъ дѣламъ въ іюнѣ 1826-го года, уже послѣ увольненія попечителя, было возложено на ректора университета. Въ мартѣ 1826-го года, отказывая Магницкому въ представленіи (отъ 8-го февраля) объ увольненіи Вишневскаго отъ должности инспектора студентовъ, министръ дѣлаетъ казанскому попечителю замѣчаніе, что „весьма частыя дѣлаемыя вами перемѣщенія чиновниковъ ничего не могутъ произвести, кромѣ вреда для службы". Краснорѣчивымъ доказательствомъ павшаго авторитета Магницкаго является и уже извѣстная намъ (см. выше стр. 80), на этотъ разъ неудавшаяся, попытка его провести на кафедру, помимо избранія въ совѣтѣ, профессора ришельевскаго лицея Симоновича.

17-го января 1826 года, нѣсколькими днями позже первыхъ распоряженій министерства относительно назначенія ревизіи Желтухина, когда въ Казани еще ничего не было извѣстно о надвигавшейся на Магницкаго грозѣ, казанскій университетъ справлялъ обычное, но на этотъ разъ уже послѣднее, годичное торжество своего „обновленія". Гвоздемъ торжества явилась рѣчь самого попечителя, посвященная памяти императора Александра I. „Едва прошли четыре мѣсяца, какъ на семъ самомъ мѣстѣ бесѣдовали мы о славѣ и величіи благотворителя нашего государя императора Александра Павловича",—такъ началъ свою рѣчь попечитель, намекая на университетское торжество 15-го сентября предшествовавшаго года. Сдѣлавъ, далѣе, попытку охарактеризовать минувшее царствованіе

онъ правитъ губерніею, ѣду къ нему. Говорятъ—нѣтъ дома. Чьи же это сани? Магницкаго. Меня—не принимаютъ, а онъ—тамъ. Судите сами"...

Съ самаго пріѣзда Магницкаго въ Казань стали сказываться, однако, отдѣльныя проявленія недовѣрія и неудовольствія по отношенію къ нему со стороны центральныхъ органовъ министерства народнаго просвѣщенія, невольнымъ образомъ подрывавшія въ глазахъ университета и общества прежній, почти неограниченный, авторитетъ попечителя. Такъ, въ началѣ января 1826-го года Магницкій получаетъ рѣзкое замѣчаніе департамента народнаго просвѣщенія по поводу запущенности дѣлъ по ввѣренному ему округу: „Изъ прилагаемыхъ при семъ списковъ ваше превосходительство усмотрите,—читаемъ въ министерскомъ предложеніи отъ 22-го декабря,—что въ департаментѣ имѣется довольное число дѣлъ по казанскому учебному округу, которыя или остановлены въ производствѣ или не кончены единственно по неполученію требованныхъ по онымъ отзывовъ отъ васъ и канцеляріи вашей". Отзывы эти такъ и не были доставлены министерству и сообщеніе свѣдѣній по этимъ дѣламъ въ іюнѣ 1826-го года, уже послѣ увольненія попечителя, было возложено на ректора университета. Въ мартѣ 1826-го года, отказывая Магницкому въ представленіи (отъ 8-го февраля) объ увольненіи Вишневскаго отъ должности инспектора студентовъ, министръ дѣлаетъ казанскому попечителю замѣчаніе, что „весьма частыя дѣлаемыя вами перемѣщенія чиновниковъ ничего не могутъ произвести, кромѣ вреда для службы". Краснорѣчивымъ доказательствомъ павшаго авторитета Магницкаго является и уже извѣстная намъ (см. выше стр. 80), на этотъ разъ неудавшаяся, попытка его провести на кафедру, помимо избранія въ совѣтѣ, профессора ришельевскаго лицея Симоновича.

17-го января 1826 года, нѣсколькими днями позже первыхъ распоряженій министерства относительно назначенія ревизіи Желтухина, когда въ Казани еще ничего не было извѣстно о надвигавшейся на Магницкаго грозѣ, казанскій университетъ справлялъ обычное, но на этотъ разъ уже послѣднее, годичное торжество своего „обновленія". Гвоздемъ торжества явилась рѣчь самого попечителя, посвященная памяти императора Александра I. „Едва прошли четыре мѣсяца, какъ на семъ самомъ мѣстѣ бесѣдовали мы о славѣ и величіи благотворителя нашего государя императора Александра Павловича",—такъ началъ свою рѣчь попечитель, намекая на университетское торжество 15-го сентября предшествовавшаго года. Сдѣлавъ, далѣе, попытку охарактеризовать минувшее царствованіе

и, даже, сопоставивъ Александра I съ Петромъ Великимъ и Александромъ Македонскимъ, Магницкій впадаетъ въ свой обычный, такъ хорошо намъ уже извѣстный, охранительно-обскурантный паѳосъ:

„Александръ, — восклицаетъ попечитель, — конецъ тринадцатилѣтнему бунту, всю Европу потрясшему, возвращеніемъ отнятыхъ царствъ и возстановленіемъ тысящелѣтняго трона Бурбоновъ...

Гдѣ врагъ, котораго побѣдоносный Александръ могъ бы еще опасаться? Солдатъ британскій, на пустынномъ утесѣ океана, стережетъ уже давно забвенный гробъ бѣжавшаго отъ него Наполеона. Но изъ гроба сего, какъ злобный духъ изъ пропасти ада, исторгся демонъ бунта* и, сокрывъ свой видъ стоглавой гидры подъ хартіями народной свободы, подъ разноцвѣтными личинами усовершенія правительства, общаго блага и просвѣщенія—ползетъ къ двумъ изъ древнѣйшихъ троновъ Европы...

Во всей монархической Европѣ правительства полагаютъ твердую руку на тѣ два сильные рычага, коими столько кратъ потрясались уже основанія мира гражданскаго—воспитаніе и книгопечатаніе...

Вездѣ истребляются тѣ опасныя скопища, въ коихъ, подъ видомъ таинственныхъ нѣкіихъ познаній, потрясалась вѣра въ церковь Божію и покорность властямъ отъ Бога предуставленнымъ—вертепы, въ которыхъ возникали Кромвели и точились кинжалы Зандовъ [370]...

Только что цитированная рѣчь его на „актѣ обновленія" 17-го января 1826 года—явилась уже лебединою пѣснью Магницкаго въ казанскомъ университетѣ. Вскорѣ послѣ того наступили роковые для Магницкаго дни ревизіи Желтухина, къ дальнѣйшему разсказу о которой мы снова теперь и возвратимся.

Мы видѣли, что, одновременно съ оффиціальнымъ увѣдомленіемъ его о возлагаемой на него миссіи обревизованія казанскаго университета, министръ народнаго просвѣщенія препроводилъ къ генералу Желтухину и особую записку съ означеніемъ тѣхъ предметовъ, на которые, вообще, слѣдуетъ обратить вниманіе при осмотрѣ казанскаго университета. Приведемъ здѣсь эту записку, сохранившуюся въ дѣлахъ архива министерства народнаго просвѣщенія и которой было суждено лечь въ основу всей ревизіи генералъ-маіора Желтухина:

* Намекъ на событія 14-го декабря 1825 года.

и, даже, сопоставивъ Александра I съ Петромъ Великимъ и Александромъ Македонскимъ, Магницкій впадаетъ въ свой обычный, такъ хорошо намъ уже извѣстный, охранительно-обскурантный паѳосъ:

„Александръ, — восклицаетъ попечитель, — конецъ тринадцатилѣтнему бунту, всю Европу потрясшему, возвращеніемъ отнятыхъ царствъ и возстановленіемъ тысящелѣтняго трона Бурбоновъ...

Гдѣ врагъ, котораго побѣдоносный Александръ могъ бы еще опасаться? Солдатъ британскій, на пустынномъ утесѣ океана, стережетъ уже давно забвенный гробъ бѣжавшаго отъ него Наполеона. Но изъ гроба сего, какъ злобный духъ изъ пропасти ада, исторгся демонъ бунта* и, сокрывъ свой видъ стоглавой гидры подъ хартіями народной свободы, подъ разноцвѣтными личинами усовершенія правительства, общаго блага и просвѣщенія—ползетъ къ двумъ изъ древнѣйшихъ троновъ Европы...

Во всей монархической Европѣ правительства полагаютъ твердую руку на тѣ два сильные рычага, коими столько кратъ потрясались уже основанія мира гражданскаго—воспитаніе и книгопечатаніе...

Вездѣ истребляются тѣ опасныя скопища, въ коихъ, подъ видомъ таинственныхъ нѣкіихъ познаній, потрясалась вѣра въ церковь Божію и покорность властямъ отъ Бога предуставленнымъ—вертепы, въ которыхъ возникали Кромвели и точились кинжалы Зандовъ [370]...

Только что цитированная рѣчь его на „актѣ обновленія“ 17-го января 1826 года—явилась уже лебединою пѣснью Магницкаго въ казанскомъ университетѣ. Вскорѣ послѣ того наступили роковые для Магницкаго дни ревизіи Желтухина, къ дальнѣйшему разсказу о которой мы снова теперь и возвратимся.

Мы видѣли, что, одновременно съ оффиціальнымъ увѣдомленіемъ его о возлагаемой на него миссіи обревизованія казанскаго университета, министръ народнаго просвѣщенія препроводилъ къ генералу Желтухину и особую записку съ означеніемъ тѣхъ предметовъ, на которые, вообще, слѣдуетъ обратить вниманіе при осмотрѣ казанскаго университета. Приведемъ здѣсь эту записку, сохранившуюся въ дѣлахъ архива министерства народнаго просвѣщенія и которой было суждено лечь въ основу всей ревизіи генералъ-маіора Желтухина:

---

* Намекъ на событія 14-го декабря 1825 года.

Записка о предметахъ, на которые слѣдуетъ обратить вниманіе при обозрѣніи казанскихъ университета и гимназіи.

I

ОБЩІЕ ПРЕДМЕТЫ ОБОЗРѢНІЯ

А. По части нравственной.

1. Преподается ли законъ Божій съ той внимательностью, какой требуетъ важность сего дѣла, служащаго основаніемъ всякому нравственному образованію.

2. Вселяется ли въ учащихся уваженіе къ церковнымъ постановленіямъ и за наблюденіемъ оныхъ прилагается ли надлежащее смотрѣніе.

3. Соблюдается ли согласіе и миръ между лицами, принадлежащими къ университету и гимназіи. Не нарушаются ли они враждами, распрями или какими либо посторонними обстоятельствами.

4. Не усматривается ли чего либо явно соблазнительнаго въ поведеніи и поступкахъ распорядителей и преподавателей сихъ учебныхъ заведеній. Не замѣчено ли какихъ либо гласныхъ безпорядковъ, лишающихъ ихъ уваженія мѣстныхъ начальниковъ и довѣренности родителей и не имѣетъ ли пагубнаго наитія на нравы образуемаго ими юношества.

5. Наблюдаются ли всѣ нужныя мѣры осторожности для предохраненія воспитанниковъ отъ пороковъ, дурныхъ связей, неприличнаго обращенія и знакомства.

6. Не хранятся ли въ книгохранилищахъ, назначенныхъ для употребленія студентовъ и учениковъ, книги противныя вѣрѣ, правительству и нравственности, или не обращаются ли подобныя сочиненія въ рукахъ ихъ.

7. Въ чемъ состоитъ надзоръ за нравственнымъ образованіемъ студентовъ и достигаютъ ли цѣли своей сдѣланныя по сей части въ послѣднее время распоряженія.

Б. По части учебной.

8. Обращеніе вниманія на устройство учебнаго порядка, на расположеніе, постепенность и полноту учебныхъ предметовъ, на способность профессоровъ и учителей, на распредѣленіе преподаванія, на способъ ученія и, въ особенности, на направленіе, которое даютъ разнымъ наукамъ. Посѣщеніе аудиторіи во время преподаванія и тетради учениковъ, при другихъ освѣдомленіяхъ, къ которымъ подадутъ поводъ мѣстныя обстоятельства, могутъ служить значительными на сей конецъ пособіями.

9. Полное ли число по штатамъ состоитъ при университетѣ и гимназіи преподавателей и сколько именно. Не замѣчается ли замѣшательства и безпорядка отъ порученія двухъ кафедръ одному профессору. Такъ же: всѣ ли преподаватели исполняютъ обязанность свою съ должнымъ усердіемъ.

10. На основаніи ли положенныхъ правилъ опредѣлялись или назначались профессоры и адъюнкты со времени преобразованія университета.

11. Всѣ ли назначенныя уставомъ науки преподаются и не введено ли какихъ излишнихъ, сверхъ назначенія, преподаваній. Такъ же: въ распредѣленіи ихъ на факультеты не было ли отступленія отъ установленнаго порядка.

Записка о предметахъ, на которые слѣдуетъ обратить вниманіе при обозрѣніи казанскихъ университета и гимназіи.

I

ОБЩІЕ ПРЕДМЕТЫ ОБОЗРѢНІЯ

А. По части нравственной.

1. Преподается ли законъ Божій съ той внимательностью, какой требуетъ важность сего дѣла, служащаго основаніемъ всякому нравственному образованію.

2. Вселяется ли въ учащихся уваженіе къ церковнымъ постановленіямъ и за наблюденіемъ оныхъ прилагается ли надлежащее смотрѣніе.

3. Соблюдается ли согласіе и миръ между лицами, принадлежащими къ университету и гимназіи. Не нарушаются ли они враждами, распрями или какими либо посторонними обстоятельствами.

4. Не усматривается ли чего либо явно соблазнительнаго въ поведеніи и поступкахъ распорядителей и преподавателей сихъ учебныхъ заведеній. Не замѣчено ли какихъ либо гласныхъ безпорядковъ, лишающихъ ихъ уваженія мѣстныхъ начальниковъ и довѣренности родителей и не имѣетъ ли пагубнаго наитія на нравы образуемаго ими юношества.

5. Наблюдаются ли всѣ нужныя мѣры осторожности для предохраненія воспитанниковъ отъ пороковъ, дурныхъ связей, неприличнаго обращенія и знакомства.

6. Не хранятся ли въ книгохранилищахъ, назначенныхъ для употребленія студентовъ и учениковъ, книги противныя вѣрѣ, правительству и нравственности, или не обращаются ли подобныя сочиненія въ рукахъ ихъ.

7. Въ чемъ состоитъ надзоръ за нравственнымъ образованіемъ студентовъ и достигаютъ ли цѣли своей сдѣланныя по сей части въ послѣднее время распоряженія.

Б. По части учебной.

8. Обращеніе вниманія на устройство учебнаго порядка, на расположеніе, постепенность и полноту учебныхъ предметовъ, на способность профессоровъ и учителей, на распредѣленіе преподаванія, на способъ ученія и, въ особенности, на направленіе, которое даютъ разнымъ наукамъ. Посѣщеніе аудиторіи во время преподаванія и тетради учениковъ, при другихъ освѣдомленіяхъ, къ которымъ подадутъ поводъ мѣстныя обстоятельства, могутъ служить значительными на сей конецъ пособіями.

9. Полное ли число по штатамъ состоитъ при университетѣ и гимназіи преподавателей и сколько именно. Не замѣчается ли замѣшательства и безпорядка отъ порученія двухъ кафедръ одному профессору. Такъ же: всѣ ли преподаватели исполняютъ обязанность свою съ должнымъ усердіемъ.

10. На основаніи ли положенныхъ правилъ опредѣлялись или назначались профессоры и адъюнкты со времени преобразованія университета.

11. Всѣ ли назначенныя уставомъ науки преподаются и не введено ли какихъ излишнихъ, сверхъ назначенія, преподаваній. Такъ же: въ распредѣленіи ихъ на факультеты не было ли отступленія отъ установленнаго порядка.

12 Какіе успѣхи оказываютъ студенты или, вообще, слушатели лекцій при университетѣ и ученики гимназіи въ наукахъ и языкахъ и, въ особенности, древнихъ.

13. Обучается ли юношество въ университетѣ и гимназіи съ надлежащимъ тщаніемъ россійскому языку и отечественной словесности. Внушается ли, при всякомъ удобномъ случаѣ, преданность къ престолу и повиновеніе къ властямъ, укрѣпляется ли въ юныхъ сердцахъ питомцевъ любовь къ родинѣ и ко всему отечественному.

14. Сколько состоитъ нынѣ студентовъ въ каждомъ факультетѣ и сколько съ 1819 года по каждому изъ нихъ выпущено студентовъ, совершенно кончившихъ курсъ наукъ. Такъ же: какую пользу принесла съ того времени казанская гимназія.

15. Въ какомъ положеніи и достаточны ли учебныя пособія университета и гимназіи. Относительно къ первому: въ порядкѣ ли кабинеты физическій, минералогическій, натуральной исторіи, химическая лабораторія и другія учебныя въ семъ родѣ заведенія, равно какъ и библіотека, и есть ли имъ исправныя описи.

В. По части хозяйственной.

16. Надежны ли зданія университета и гимназіи, не требуютъ ли они въ нѣкоторыхъ частяхъ починокъ, передѣлокъ и исправленій. Усматривается ли удобность въ расположеніи сихъ зданій на тотъ конецъ, на какой они предназначены.

17. Въ цѣлости ли и исправности содержится собственность университета и гимназіи, законно ли расходуются суммы и остатки ихъ состоятъ ли въ наличности. Наблюдается ли надлежащій порядокъ въ производствѣ и храненіи дѣлъ, въ веденіи шнуровыхъ книгъ и отчетовъ, представляются ли сіи послѣдніе, куда слѣдуетъ, въ назначенное время.

18. Свидѣтельствуются ли казенныя суммы ежемѣсячно, а казенное имущество хотя единожды въ годъ, и кѣмъ именно.

19. Добротны ли запасы, пріобрѣтаемые университетомъ и гимназіею изъ частныхъ рукъ. За выгодную ли для казны цѣну они пріобрѣтаются и соблюдается ли благоразумная бережливость въ расходованіи ихъ.

20. Сохраняется ли опрятность и чистота во всемъ, что касается до помѣщенія, одежды и пищи учащихся; освѣжается ли надлежащимъ образомъ воздухъ и принимаются ли другія необходимыя предосторожности къ сохраненію ихъ здоровья.

21. Сдѣланы ли нужныя распоряженія къ предохраненію зданій отъ опасности огня и имѣются ли при нихъ пожарныя орудія и снаряды.

22. Въ какомъ положеніи находится нынѣ типографія, имѣется ли за нею надлежащій присмотръ и сколько приноситъ дохода, за вычетомъ ежегодно употребляемыхъ на нее издержекъ.

II

ОСОБЫЕ ПРЕДМЕТЫ ОБОЗРѢНІЯ

А. Распоряженіе строительнымъ капиталомъ.

23. Касательно заготовленія строительныхъ матеріаловъ и найма рабочихъ людей.

24. Относительно цѣнъ—согласны ли онѣ съ справочными цѣнами, въ то время существовавшими.

25. Разсмотрѣть условія и контракты, если оныя были—все ли по онымъ и въ точности исполнено во время.

12 Какіе успѣхи оказываютъ студенты или, вообще, слушатели лекцій при университетѣ и ученики гимназіи въ наукахъ и языкахъ и, въ особенности, древнихъ.

13. Обучается ли юношество въ университетѣ и гимназіи съ надлежащимъ тщаніемъ россійскому языку и отечественной словесности. Внушается ли, при всякомъ удобномъ случаѣ, преданность къ престолу и повиновеніе къ властямъ, укрѣпляется ли въ юныхъ сердцахъ питомцевъ любовь къ родинѣ и ко всему отечественному.

14. Сколько состоитъ нынѣ студентовъ въ каждомъ факультетѣ и сколько съ 1819 года по каждому изъ нихъ выпущено студентовъ, совершенно кончившихъ курсъ наукъ. Такъ же: какую пользу принесла съ того времени казанская гимназія.

15. Въ какомъ положеніи и достаточны ли учебныя пособія университета и гимназіи. Относительно къ первому: въ порядкѣ ли кабинеты физическій, минералогическій, натуральной исторіи, химическая лабораторія и другія учебныя въ семъ родѣ заведенія, равно какъ и библіотека, и есть ли имъ исправныя описи.

В. По части хозяйственной.

16. Надежны ли зданія университета и гимназіи, не требуютъ ли они въ нѣкоторыхъ частяхъ починокъ, передѣлокъ и исправленій. Усматривается ли удобность въ расположеніи сихъ зданій на тотъ конецъ, на какой они предназначены.

17. Въ цѣлости ли и исправности содержится собственность университета и гимназіи, законно ли расходуются суммы и остатки ихъ состоятъ ли въ наличности. Наблюдается ли надлежащій порядокъ въ производствѣ и храненіи дѣлъ, въ веденіи шнуровыхъ книгъ и отчетовъ, представляются ли сіи послѣдніе, куда слѣдуетъ, въ назначенное время.

18. Свидѣтельствуются ли казенныя суммы ежемѣсячно, а казенное имущество хотя единожды въ годъ, и кѣмъ именно.

19. Добротны ли запасы, пріобрѣтаемые университетомъ и гимназіею изъ частныхъ рукъ. За выгодную ли для казны цѣну они пріобрѣтаются и соблюдается ли благоразумная бережливость въ расходованіи ихъ.

20. Сохраняется ли опрятность и чистота во всемъ, что касается до помѣщенія, одежды и пищи учащихся; освѣжается ли надлежащимъ образомъ воздухъ и принимаются ли другія необходимыя предосторожности къ сохраненію ихъ здоровья.

21. Сдѣланы ли нужныя распоряженія къ предохраненію зданій отъ опасности огня и имѣются ли при нихъ пожарныя орудія и снаряды.

22. Въ какомъ положеніи находится нынѣ типографія, имѣется ли за нею надлежащій присмотръ и сколько приноситъ дохода, за вычетомъ ежегодно употребляемыхъ на нее издержекъ.

II

ОСОБЫЕ ПРЕДМЕТЫ ОБОЗРѢНІЯ

А. Распоряженіе строительнымъ капиталомъ.

23. Касательно заготовленія строительныхъ матеріаловъ и найма рабочихъ людей.

24. Относительно цѣнъ—согласны ли онѣ съ справочными цѣнами, въ то время существовавшими.

25. Разсмотрѣть условія и контракты, если оныя были—все ли по онымъ и въ точности исполнено во время.

26. Всѣ ли поставщики матеріаловъ и подрядчики рабочихъ людей удовлетворены во время.

27. Прочно ли новое строеніе и не сдѣлано ли какихъ либо отступленій въ постройкѣ отъ утвержденныхъ плановъ и по какимъ причинамъ.

28. Какимъ образомъ комитетъ распоряжается суммами, отпускаемыми въ вѣдѣніе его и законнымъ ли порядкомъ дѣлаются денежныя выдачи.

29. Освидѣтельствовать, хорошо ли, прочно ли и надежно ли сдѣлано соединеніе главнаго корпуса съ Тенишевскимъ домомъ и благонадежны ли стѣны главнаго корпуса въ соединеніи съ новымъ строеніемъ.

30. Почему комитетъ не доставляетъ отчетовъ по своимъ постройкамъ.

31. Можетъ ли вся постройка университета быть окончена на оставшуюся сумму отъ ассигнованной по смѣтѣ.

Б. Сверхъ сего сдѣлать слѣдующія замѣчанія.

32. Управляется ли университетъ на основаніи существующихъ постановленій, какъ въ отношеніи къ попечителю, такъ и къ подвѣдомственнымъ мѣстамъ, и нѣтъ ли отклоненія ко вреду.

33. Отчего правленіе не даетъ требуемыхъ экспедиціею для ревизіи счетовъ поясненій на отчеты и почему не доставляются въ свое время мѣсячныя вѣдомости и отчеты.

34. Таковы ли успѣхи въ наукахъ студентовъ и воспитанниковъ гимназіи, какъ свидѣтельствуетъ о томъ г. попечитель торжественною своею рѣчью, произнесенною 15-го сентября 1825 года.

35. Выяснить, что стоило содержаніе университета съ 1805 по 1819 годъ и что стоитъ съ 1819 по 1826 годъ, и сколько въ то время ежегодно выходило образованныхъ студентовъ и сколько нынѣ.

36. Сличить тогдашніе способы съ нынѣшними на счетъ отпускаемыхъ суммъ и обращенія вниманія со стороны высшаго начальства касательно наградъ.

37. Охотно ли отдаютъ казанскіе дворяне дѣтей своихъ въ университетъ; если не охотно—то съ котораго времени и по какой причинѣ.

38. Въ какомъ мнѣніи, вообще, все университетское сословіе въ годѣ.

39. Въ чемъ состоятъ занятія учрежденныхъ при университетѣ ученыхъ обществъ.

40. Какъ дѣйствуетъ комитетъ для испытанія чиновниковъ по указу 6-го августа 1809 года.

41. Университетъ, при нынѣшнемъ состояніи своемъ, оправдываетъ ли ожиданіе правительства и вознаграждаетъ ли издерживаемыя на него суммы.

42. Принесли ли новую пользу университету директорская и ректорская инструкціи, содѣйствуютъ ли онѣ желаемому усовершенствованію оныго или затрудняютъ ходъ дѣлъ,—однимъ словомъ: доказано ли шестилѣтнимъ опытомъ и мѣстными наблюденіями, что онѣ необходимы.

43. Въ какомъ положеніи находится медицинскій институтъ при университетѣ[371].

Всматриваясь въ приведенную нами записку, которая была привезена въ Казань Есиповымъ и вручена Желтухину вмѣстѣ съ министерскимъ предложеніемъ о возложеніи на него порученія обревизовать универси-

26. Всѣ ли поставщики матеріаловъ и подрядчики рабочихъ людей удовлетворены во время.

27. Прочно ли новое строеніе и не сдѣлано ли какихъ либо отступленій въ постройкѣ отъ утвержденныхъ плановъ и по какимъ причинамъ.

28. Какимъ образомъ комитетъ распоряжается суммами, отпускаемыми въ вѣдѣніе его и законнымъ ли порядкомъ дѣлаются денежныя выдачи.

29. Освидѣтельствовать, хорошо ли, прочно ли и надежно ли сдѣлано соединеніе главнаго корпуса съ Тенишевскимъ домомъ и благонадежны ли стѣны главнаго корпуса въ соединеніи съ новымъ строеніемъ.

30. Почему комитетъ не доставляетъ отчетовъ по своимъ постройкамъ.

31. Можетъ ли вся постройка университета быть окончена на оставшуюся сумму отъ ассигнованной по смѣтѣ.

Б. Сверхъ сего сдѣлать слѣдующія замѣчанія.

32. Управляется ли университетъ на основаніи существующихъ постановленій, какъ въ отношеніи къ попечителю, такъ и къ подвѣдомственнымъ мѣстамъ, и нѣтъ ли отклоненія ко вреду.

33. Отчего правленіе не даетъ требуемыхъ экспедиціею для ревизіи счетовъ поясненій на отчеты и почему не доставляются въ свое время мѣсячныя вѣдомости и отчеты.

34. Таковы ли успѣхи въ наукахъ студентовъ и воспитанниковъ гимназіи, какъ свидѣтельствуетъ о томъ г. попечитель торжественною своею рѣчью, произнесенною 15-го сентября 1825 года.

35. Выяснить, что стоило содержаніе университета съ 1805 по 1819 годъ и что стоитъ съ 1819 по 1826 годъ, и сколько въ то время ежегодно выходило образованныхъ студентовъ и сколько нынѣ.

36. Сличить тогдашніе способы съ нынѣшними на счетъ отпускаемыхъ суммъ и обращенія вниманія со стороны высшаго начальства касательно наградъ.

37. Охотно ли отдаютъ казанскіе дворяне дѣтей своихъ въ университетъ; если не охотно—то съ котораго времени и по какой причинѣ.

38. Въ какомъ мнѣніи, вообще, все университетское сословіе въ городѣ.

39. Въ чемъ состоятъ занятія учрежденныхъ при университетѣ ученыхъ обществъ.

40. Какъ дѣйствуетъ комитетъ для испытанія чиновниковъ по указу 6-го августа 1809 года.

41. Университетъ, при нынѣшнемъ состояніи своемъ, оправдываетъ ли ожиданіе правительства и вознаграждаетъ ли издерживаемыя на него суммы.

42. Принесли ли новую пользу университету директорская и ректорская инструкціи, содѣйствуютъ ли онѣ желаемому усовершенствованію онаго или затрудняютъ ходъ дѣлъ,—однимъ словомъ: доказано ли шестилѣтнимъ опытомъ и мѣстными наблюденіями, что онѣ необходимы.

43. Въ какомъ положеніи находится медицинскій институтъ при университетѣ[371].

Всматриваясь въ приведенную нами записку, которая была привезена въ Казань Есиповымъ и вручена Желтухину вмѣстѣ съ министерскимъ предложеніемъ о возложеніи на него порученія обревизовать универси-

тетъ, мы приходимъ къ заключенію, что въ дѣлѣ редакціи основныхъ положеній этой инструкціи участвовала рука человѣка (по всей вѣроятности чиновника особыхъ порученій при министрѣ В. И. Панаева), хорошо оріентированнаго какъ въ казанскихъ университетскихъ отношеніяхъ, такъ и въ тѣхъ слабыхъ сторонахъ установленнаго Магницкимъ режима, на почвѣ которыхъ легче и выгоднѣе всего представлялось нанести ненавистному противнику вѣрный и рѣшительный ударъ. Съ этой точки зрѣнія привезенная Желтухину инструкція—представляла собою, въ сущности, готовый скелетъ безпощаднаго обвинительнаго акта, направленнаго какъ противъ Магницкаго лично, такъ и противъ установленнаго имъ новаго строя и новыхъ распорядковъ университетской жизни *.

Одновременно (12-го января) съ предложеніемъ на имя генерала Желтухина, послѣдовало со стороны министра и увѣдомленіе относительно назначенной ревизіи самого попечителя Магницкаго. Ставя здѣсь попечителя въ извѣстность, что „его императорскому величеству благоугодно было повелѣть поручить отставному генералъ-маіору Желтухину произвесть осмотръ императорскаго казанскаго университета въ нравственномъ, учебномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, назначивъ въ помощь ему при исполненіи сего порученія состоящаго при департаментѣ народнаго просвѣщенія коллежскаго совѣтника Есипова и, въ особенности, для употребленія его къ осмотру хозяйственной и строительной частей“, адмиралъ Шишковъ даетъ Магницкому предписаніе „сдѣлать немедленное распоряженіе о допущеніи генералъ-маіора Желтухина къ осмотру казанскаго университета и казанской гимназіи и о неукоснительномъ доставленіи ему всѣхъ тѣхъ свѣдѣній, какія будетъ онъ требовать для точнаго исполненія высочайше сдѣланнаго ему порученія“. Немедленно по полученіи этого предложенія, Магницкій, увѣдомляя Желтухина письмомъ отъ 8-го февраля о послѣдовавшемъ на его имя предписаніи министра, счелъ нужнымъ добавить, что „какъ примѣрнымъ усердіемъ сотрудниковъ моихъ всѣ части управленія всегда къ осмотру готовы, то я долгомъ обязанности и чести поставляю увѣдомить васъ, м. г., что осмотръ университета и гимназіи можетъ быть начатъ сего дня“, почему и просилъ ревизора лишь увѣдомить его—„когда будетъ благоугодно приступить къ оному и въ какомъ порядкѣ производить его заблагоразсудите“. Слѣдомъ затѣмъ, исполняя требованіе ревизора, Магницкій предста-

* Въ приведенномъ выше текстѣ инструкціи всѣ мѣста ея, подтверждающія только что высказанное положеніе, набраны разрядкою.

тетъ, мы приходимъ къ заключенію, что въ дѣлѣ редакціи основныхъ положеній этой инструкціи участвовала рука человѣка (по всей вѣроятности чиновника особыхъ порученій при министрѣ В. И. Панаева), хорошо оріентированнаго какъ въ казанскихъ университетскихъ отношеніяхъ, такъ и въ тѣхъ слабыхъ сторонахъ установленнаго Магницкимъ режима, на почвѣ которыхъ легче и выгоднѣе всего представлялось нанести ненавистному противнику вѣрный и рѣшительный ударъ. Съ этой точки зрѣнія привезенная Желтухину инструкція—представляла собою, въ сущности, готовый скелетъ безпощаднаго обвинительнаго акта, направленнаго какъ противъ Магницкаго лично, такъ и противъ установленнаго имъ новаго строя и новыхъ распорядковъ университетской жизни *.

Одновременно (12-го января) съ предложеніемъ на имя генерала Желтухина, послѣдовало со стороны министра и увѣдомленіе относительно назначенной ревизіи самого попечителя Магницкаго. Ставя здѣсь попечителя въ извѣстность, что „его императорскому величеству благоугодно было повелѣть поручить отставному генералъ-маіору Желтухину произвесть осмотръ императорскаго казанскаго университета въ нравственномъ, учебномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, назначивъ въ помощь ему при исполненіи сего порученія состоящаго при департаментѣ народнаго просвѣщенія коллежскаго совѣтника Есипова и, въ особенности, для употребленія его къ осмотру хозяйственной и строительной частей", адмиралъ Шишковъ даетъ Магницкому предписаніе „с д ѣ л а т ь н е м е д л е н н о е р а с п о р я ж е н і е о д о п у щ е н і и г е н е р а л ъ-м а і о р а Ж е л т у х и н а к ъ о с м о т р у к а з а н с к а г о у н и в е р с и т е т а и казанской гимназіи и о н е у к о с н и т е л ь н о м ъ д о с т а в л е н і и е м у в с ѣ х ъ т ѣ х ъ с в ѣ д ѣ н і й, к а к і я б у д е т ъ о н ъ т р е б о в а т ь для точнаго исполненія высочайше сдѣланнаго ему порученія". Немедленно по полученіи этого предложенія, Магницкій, увѣдомляя Желтухина письмомъ отъ 8-го февраля о послѣдовавшемъ на его имя предписаніи министра, счелъ нужнымъ добавить, что „какъ п р и м ѣ р н ы м ъ у с е р д і е м ъ с о т р у д н и к о в ъ м о и х ъ в с ѣ ч а с т и у п р а в л е н і я в с е г д а к ъ о с м о т р у г о т о в ы, то я долгомъ обязанности и чести поставляю увѣдомить васъ, м. г., что осмотръ университета и гимназіи м о ж е т ъ б ы т ь н а ч а т ъ с е г о д н я", почему и просилъ ревизора лишь увѣдомить его—„когда будетъ благоугодно приступить къ оному и въ какомъ порядкѣ производить его заблагоразсудите". Слѣдомъ затѣмъ, исполняя требованіе ревизора, Магницкій предста-

* Въ приведенномъ выше текстѣ инструкціи всѣ мѣста ея, подтверждающія только что высказанное положеніе, набраны разрядкою.

вилъ Желтухину цѣлую серію матеріаловъ и данныхъ по университету, въ числѣ которыхъ фигурируютъ: „списокъ чиновниковъ, императорскій казанскій университетъ составляющихъ", пресловутое и такъ жестоко раскритикованное Желтухинымъ „Наставленіе директору университета о внутреннемъ и наружномъ благоустройствѣ для студентовъ" *, рядъ дисциплинарныхъ производствъ по студенческимъ проступкамъ, справка о возведеніи въ степени безъ баллотированія совѣтомъ" **, іезуитскій отчетъ ректора „о конспектахъ преподавателей" ***, самые конспекты преподаваній, кондуитные списки студентовъ ****, росписаніе кафедръ и измѣненія въ ихъ распредѣленіи *****, обозрѣнія преподаваній и пр. Доставленъ былъ ревизору и цѣлый рядъ записокъ по отдѣльнымъ сторонамъ и проявленіямъ учебной жизни, — какъ то: данныя „о казанскихъ частныхъ и, въ частности, мусульманскихъ школахъ", записки „о профессорѣ Суровцовѣ" и „объ адъюнктѣ Грацинскомъ" ******, записка ад. Протасова „о преподаваніи византійскаго права" ******* и др. [272].

Мы должны положительно отказаться отъ мысли возстановить во всѣхъ подробностяхъ какъ самую ревизію Желтухина, производившуюся имъ въ сотрудничествѣ чиновника особыхъ порученій при министерствѣ народнаго просвѣщенія Есипова и прикомандированнаго къ нему совѣтника казанской казенной палаты Карнѣева, такъ и обширное производство, возникшее на почвѣ этой ревизіи. Документы, касающіеся ревизіи Желтухина, представляютъ собою обширный матеріалъ, хранящійся въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія (въ архивѣ казанскаго университета имѣются лишь случайные и отрывочные акты, сюда относящіеся), и намъ довелось бы посвятить имъ цѣлый томъ въ томъ случаѣ, если бы мы задались цѣлью полностью и всесторонне использовать весь этотъ матеріалъ, тщательно нами, тѣмъ не менѣе, изученный. Въ виду всего сказаннаго, ограничившись указаніемъ на основныя архивныя дѣла, относящіяся къ ревизіи Желтухина ********, мы въ даль-

---

* Объ этомъ «Наставленіи» см. выше (стр. 93 и слѣд.). Значеніе, придававшееся Магницкимъ этому акту, усматривается уже изъ того, что онъ препроводилъ его ревизору при особомъ пояснительномъ письмѣ отъ 10-го февраля.

** См. томъ III, стр. 433 и слѣд.

*** См. томъ III, стр. 470—473.

**** См. выше стр. 102 и слѣд.

***** См. томъ III, стр. 434, 450.

****** См. выше стр. 400—403.

******* См. томъ III, стр. 448.

******** Вотъ эти дѣла:

Архивъ министерства народнаго просвѣщенія, 1826 года: № 76—154336 и приложенія къ нему («По обозрѣнію г. генералъ-маіоромъ Желтухинымъ нравственной и

вилъ Желтухину цѣлую серію матеріаловъ и данныхъ по университету, въ числѣ которыхъ фигурируютъ: „списокъ чиновниковъ, императорскій казанскій университетъ составляющихъ", пресловутое и такъ жестоко раскритикованное Желтухинымъ „Наставленіе директору университета о внутреннемъ и наружномъ благоустройствѣ для студентовъ" *, рядъ дисциплинарныхъ производствъ по студенческимъ проступкамъ, справка о возведеніи въ степени безъ баллотированія совѣтомъ" **, іезуитскій отчетъ ректора „о конспектахъ преподавателей" ***, самые конспекты преподаваній, кондуитные списки студентовъ ****, росписаніе кафедръ и измѣненія въ ихъ распредѣленіи *****, обозрѣнія преподаваній и пр. Доставленъ былъ ревизору и цѣлый рядъ записокъ по отдѣльнымъ сторонамъ и проявленіямъ учебной жизни, — какъ то: данныя „о казанскихъ частныхъ и, въ частности, мусульманскихъ школахъ", записки „о профессорѣ Суровцовѣ" и „объ адъюнктѣ Грацинскомъ" ******, записка ад. Протасова „о преподаваніи византійскаго права" ******* и др. [272].

Мы должны положительно отказаться отъ мысли возстановить во всѣхъ подробностяхъ какъ самую ревизію Желтухина, производившуюся имъ въ сотрудничествѣ чиновника особыхъ порученій при министерствѣ народнаго просвѣщенія Есипова и прикомандированнаго къ нему совѣтника казанской казенной палаты Карнѣева, такъ и обширное производство, возникшее на почвѣ этой ревизіи. Документы, касающіеся ревизіи Желтухина, представляютъ собою обширный матеріалъ, хранящійся въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія (въ архивѣ казанскаго университета имѣются лишь случайные и отрывочные акты, сюда относящіеся), и намъ довелось бы посвятить имъ цѣлый томъ въ томъ случаѣ, если бы мы задались цѣлью полностью и всесторонне использовать весь этотъ матеріалъ, тщательно нами, тѣмъ не менѣе, изученный. Въ виду всего сказаннаго, ограничившись указаніемъ на основныя архивныя дѣла, относящіяся къ ревизіи Желтухина ********, мы въ даль-

* Объ этомъ «Наставленіи» см. выше (стр. 93 и слѣд.). Значеніе, придававшееся Магницкимъ этому акту, усматривается уже изъ того, что онъ препроводилъ его ревизору при особомъ пояснительномъ письмѣ отъ 10-го февраля.

** См. томъ III, стр. 433 и слѣд.

*** См. томъ III, стр. 470—473.

**** См. выше стр. 102 и слѣд.

***** См. томъ III, стр. 434, 450.

****** См. выше стр. 400—403.

******* См. томъ III, стр. 448.

******** Вотъ эти дѣла:

Архивъ министерства народнаго просвѣщенія, 1826 года: № 76—15433б и приложенія къ нему («По обозрѣнію г. генералъ-маіоромъ Желтухинымъ нравственной и

нѣйшемъ изложеніи нашемъ остановимся лишь на важнѣйшихъ и наиболѣе интересныхъ фактахъ изъ области занимающаго насъ въ данную минуту вопроса.

Основные выводы по ревизіи казанскаго университета были получены Желтухинымъ очень быстро: приступивъ къ ревизіи 9-го февраля, онъ къ концу того же мѣсяца уже имѣлъ ихъ въ рукахъ и 1-го марта могъ отправить министру народнаго просвѣщенія предварительное донесеніе о результатахъ своего осмотра:

„Относительно осмотра по всѣмъ частямъ казанскаго университета,—читаемъ въ донесеніи Желтухина отъ 1-го марта 1826 года (за № 67-мъ),—считаю нужнымъ предварительно довести до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства, что я нашелъ многія упущенія по управленію и, въ особенности, отступленія г. попечителя отъ существующихъ правилъ въ опредѣленіи профессоровъ, которые, большею частью, не были выбираемы совѣтомъ, а опредѣлялись по единому произволу г. попечителя; изъ нихъ г. Купферъ едва исключенъ былъ изъ подушнаго оклада, какъ возведенъ въ званіе ординарнаго профессора.

Направленіе въ преподаваніи наукъ не имѣю другого способа повѣрить какъ посѣщеніемъ лекцій, ибо конспектовъ на текущій академическій годъ составлено не было.

По нѣкоторымъ кафедрамъ, напримѣръ по преподаванію византійскаго права, самые преподаватели не знаютъ, чѣмъ руководствоваться. Кафедра преподаванія конституцій европейскихъ государствъ, въ видѣ европейскаго публичнаго права, требуетъ особеннаго вниманія *.

Болѣе всего вижу безпорядковъ и запутанностей отъ безпрестанной перемѣны чиновниковъ и преподавателей съ

учебной части въ казанскомъ университетѣ»), основное дѣло на 350+315 листахъ; № 395—15453 («Дѣло относительно показаній адъюнкта Краузе»); № 32—130283 («О доставленномъ по высочайшему повелѣнію д. с. с. Магницкому извлеченіи изъ донесеній г.-м. Желтухина, для объясненій по оному»), на 213 листахъ; № 15599, прилож. къ № 13592 («По отношенію ст.-секретаря Муравьева о положеніи дѣла Магницкаго»); № 15528, прилож. къ № 13592 («О назначеніи д. с. с. Магницкому содержанія до окончанія производящагося по дѣламъ казанскаго университета разслѣдованія»); № 99—15456, прилож. къ № 13592 («Объ увольненіи д. с. с. Магницкаго отъ должности попечителя и званія члена главнаго правленія училищъ»).

Архивъ казанскаго университета, 1826. Совѣтское: № 68 («Дѣло о ревизіи казанскаго университета г.-м. Желтухинымъ»,—небольшое дѣло, заключающее въ себѣ лишь нѣсколько основныхъ актовъ, на 59 листахъ). Попечительскія: № 82 («Дѣло коммиссіи для разсмотрѣнія счетовъ казанскаго университета», на 336 листахъ); № 17 («Дѣло о представленіи отчетовъ за 1822—1826 годы о суммахъ канцеляріи попечителя казанскаго учебн. округа»); № 78 («Дѣло о внесеніи Магницкимъ въ правленіе университета на 24 тыс. р. билетовъ»).

* По поводу этихъ двухъ, введенныхъ Магницкимъ, дисциплинъ см. томъ III, стр. 446—451.

нѣйшемъ изложеніи нашемъ остановимся лишь на важнѣйшихъ и наиболѣе интересныхъ фактахъ изъ области занимающаго насъ въ данную минуту вопроса.

Основные выводы по ревизіи казанскаго университета были получены Желтухинымъ очень быстро: приступивъ къ ревизіи 9-го февраля, онъ къ концу того же мѣсяца уже имѣлъ ихъ въ рукахъ и 1-го марта могъ отправить министру народнаго просвѣщенія предварительное донесеніе о результатахъ своего осмотра:

„Относительно осмотра по всѣмъ частямъ казанскаго университета,—читаемъ въ донесеніи Желтухина отъ 1-го марта 1826 года (за № 67-мъ),—считаю нужнымъ предварительно довести до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства, что я нашелъ многія упущенія по управленію и, въ особенности, отступленія г. попечителя отъ существующихъ правилъ въ опредѣленіи профессоровъ, которые, большею частью, не были выбираемы совѣтомъ, а опредѣлялись по единому произволу г. попечителя; изъ нихъ г. Купферъ едва исключенъ былъ изъ подушнаго оклада, какъ возведенъ въ званіе ординарнаго профессора.

Направленіе въ преподаваніи наукъ не имѣю другого способа повѣрить какъ посѣщеніемъ лекцій, ибо конспектовъ на текущій академическій годъ составлено не было.

По нѣкоторымъ кафедрамъ, напримѣръ по преподаванію византійскаго права, самые преподаватели не знаютъ, чѣмъ руководствоваться. Кафедра преподаванія конституцій европейскихъ государствъ, въ видѣ европейскаго публичнаго права, требуетъ особеннаго вниманія *.

Болѣе всего вижу безпорядковъ и запутанностей отъ безпрестанной перемѣны чиновниковъ и преподавателей съ

учебной части въ казанскомъ университетѣ»), основное дѣло на 350+315 листахъ; № 395—15453 («Дѣло относительно показаній адъюнкта Краузе»); № 32—130283 («О доставленномъ по высочайшему повелѣнію д. с. с. Магницкому извлеченіи изъ донесеній г.-м. Желтухина, для объясненій по оному»), на 213 листахъ; № 15599, прилож. къ № 13592 («По отношенію ст.-секретаря Муравьева о положеніи дѣла Магницкаго»); № 15528, прилож. къ № 13592 («О назначеніи д. с. с. Магницкому содержанія до окончанія производящагося по дѣламъ казанскаго университета разслѣдованія»); № 99—15456, прилож. къ № 13592 («Объ увольненіи д. с. с. Магницкаго отъ должности попечителя и званія члена главнаго правленія училищъ»).

Архивъ казанскаго университета, 1826. Совѣтское: № 68 («Дѣло о ревизіи казанскаго университета г.-м. Желтухинымъ»,—небольшое дѣло, заключающее въ себѣ лишь нѣсколько основныхъ актовъ, на 59 листахъ). Попечительскія: № 82 («Дѣло коммиссіи для разсмотрѣнія счетовъ казанскаго университета», на 336 листахъ); № 17 («Дѣло о представленіи отчетовъ за 1822—1826 годы о суммахъ канцеляріи попечителя казанскаго учебн. округа»); № 78 («Дѣло о внесеніи Магницкимъ въ правленіе университета на 24 тыс. р. билетовъ»).

* По поводу этихъ двухъ, введенныхъ Магницкимъ, дисциплинъ см. томъ III, стр. 446—451.

кафедры на другую такъ, что первые не успѣютъ принять частей, имъ порученныхъ, какъ находятся принужденными сдавать оныя, а какъ за сими послѣдними дѣйствіями не было никакого наблюденія, то по сему вся хозяйственная часть университета находится въ чрезмѣрной запутанности.

Я надѣюсь все сіе привести скоро въ извѣстность и, подкрѣпивъ изслѣдованіе мое актами, ясно доказывающими существо дѣла, буду имѣть честь доставить оное къ вашему высокопревосходительству съ г. коллежскимъ совѣтникомъ Есиповымъ. До совершеннаго же окончанія сего дѣла я бы, съ своей стороны, полагалъ полезнымъ всѣ представленія г. попечителя объ опредѣленіи и перемѣнѣ по университету чиновниковъ—пріостановить.

Между тѣмъ я нахожу нужнымъ пріѣхать и самому въ С.-Петербургъ для многихъ личныхъ объясненій".

На только что выписанномъ донесеніи значатся: резолюція—„Г. министръ приказалъ приготовить докладную записку Государю Императору, 12-го марта 1826 года", и помѣта—„Доложено Государю 14-го марта". Слѣдомъ за тѣмъ, предложеніемъ отъ 16-го марта, министръ увѣдомилъ Желтухина, что „государь императоръ, по докладу ему о томъ, соизволилъ на пріѣздъ его, Желтухина, для личныхъ объясненій въ С.-Петербургъ" [273]. Отъѣздъ П. Ѳ. Желтухина въ столицу состоялся лишь въ апрѣлѣ, но еще много раньше того, именно 10-го марта, — слѣдовательно всего десятью днями позже предварительнаго донесенія, — имъ было отправлено въ Петербургъ, съ Есиповымъ, подробное донесеніе о произведенномъ имъ осмотрѣ казанскаго университета. Но объ этомъ, уже окончательномъ, донесеніи рѣчь будетъ ниже.

Возвратимся къ нашему попечителю, которому не могло не сдѣлаться уже очень скоро извѣстнымъ неблагопріятное для него общее направленіе ревизіи, усиленно производившейся генералъ-маіоромъ Желтухинымъ и его сотрудниками. Магницкій далеко не былъ расположенъ пассивно подчиниться грозно надвигавшейся на него невзгодѣ и, съ своей стороны, усиленно готовился къ борьбѣ не на животъ, а на смерть, съ своимъ суровымъ и безпощаднымъ ревизоромъ. Съ этою цѣлью пущены были имъ въ ходъ всевозможныя махинаціи и всѣ, еще находившіяся въ его рукахъ, мѣры административнаго воздѣйствія; въ этомъ же послѣднемъ отношеніи онъ могъ разсчитывать на содѣйствіе отдѣльныхъ членовъ университетскаго „ученаго сословія", не располагавшихъ избыткомъ гражданскаго мужества, неувѣренныхъ въ окончательномъ исходѣ ревизіи и въ глазахъ которыхъ опальный попечитель все еще обрисовывался въ ореолѣ

кафедры на другую такъ, что первые не успѣютъ принять частей, имъ порученныхъ, какъ находятся принужденными сдавать оныя, а какъ за сими послѣдними дѣйствіями не было никакого наблюденія, то по сему **вся хозяйственная часть университета находится въ чрезмѣрной запутанности.**

Я надѣюсь все сіе привести скоро въ извѣстность и, подкрѣпивъ изслѣдованіе мое актами, ясно доказывающими существо дѣла, буду имѣть честь доставить оное къ вашему высокопревосходительству съ г. коллежскимъ совѣтникомъ Есиповымъ. До совершеннаго же окончанія сего дѣла я бы, съ своей стороны, полагалъ полезнымъ всѣ представленія г. попечителя объ опредѣленіи и перемѣнѣ по университету чиновниковъ—пріостановить.

Между тѣмъ я **нахожу нужнымъ пріѣхать и самому въ С.-Петербургъ** для многихъ личныхъ объясненій".

На только что выписанномъ донесеніи значатся: резолюція—„Г. министръ приказалъ приготовить докладную записку Государю Императору, 12-го марта 1826 года", и помѣта—„Доложено Государю 14-го марта". Слѣдомъ за тѣмъ, предложеніемъ отъ 16-го марта, министръ увѣдомилъ Желтухина, что „государь императоръ, по докладу ему о томъ, соизволилъ на пріѣздъ его, Желтухина, для личныхъ объясненій въ С.-Петербургъ" [273]. Отъѣздъ П. Ѳ. Желтухина въ столицу состоялся лишь въ апрѣлѣ, но еще много раньше того, именно 10-го марта, — слѣдовательно всего десятью днями позже предварительнаго донесенія, — имъ было отправлено въ Петербургъ, съ Есиповымъ, подробное донесеніе о произведенномъ имъ осмотрѣ казанскаго университета. Но объ этомъ, уже окончательномъ, донесеніи рѣчь будетъ ниже.

Возвратимся къ нашему попечителю, которому не могло не сдѣлаться уже очень скоро извѣстнымъ неблагопріятное для него общее направленіе ревизіи, усиленно производившейся генералъ-маіоромъ Желтухинымъ и его сотрудниками. Магницкій далеко не былъ расположенъ пассивно подчиниться грозно надвигавшейся на него невзгодѣ и, съ своей стороны, усиленно готовился къ борьбѣ не на животъ, а на смерть, съ своимъ суровымъ и безпощаднымъ ревизоромъ. Съ этою цѣлью пущены были имъ въ ходъ всевозможныя махинаціи и всѣ, еще находившіяся въ его рукахъ, мѣры административнаго воздѣйствія; въ этомъ же послѣднемъ отношеніи онъ могъ разсчитывать на содѣйствіе отдѣльныхъ членовъ университетскаго „ученаго сословія", не располагавшихъ избыткомъ гражданскаго мужества, неувѣренныхъ въ окончательномъ исходѣ ревизіи и въ глазахъ которыхъ опальный попечитель все еще обрисовывался въ ореолѣ

прежняго всевластнаго авторитета. Большая часть членовъ „ученаго сословія“ заняла въ разгаравшейся борьбѣ нейтральное положеніе, мудро выжидая дальнѣйшаго развитія событій; другая часть, — съ ректоромъ Фуксомъ во главѣ,—старалась лавировать между Сциллою и Харибдою, будучи готовою благоразумно и своевременно примкнуть къ той сторонѣ, на которую склонится побѣда, и лишь отдѣльные члены университета, облагодѣтельствованные попечителемъ и сознававшіе, что они все теряютъ съ его паденіемъ, рѣшились открыто стать на сторону Магницкаго.

Благодаря дѣятельности своихъ клевретовъ, Магницкій былъ прекрасно освѣдомленъ во всѣхъ дѣйствіяхъ ревизоровъ и усиленно готовился къ отпарированію предназначавшихся ему ударовъ. По свидѣтельству одного изъ оффиціальныхъ актовъ, относящихся къ ревизіи 1826-го года— „старшій письмоводитель канцеляріи попечителя Часовниковъ и бухгалтеръ университета Ляпуновъ находятся въ большихъ связяхъ и сношеніяхъ съ Магницкимъ, почему, имѣя случай узнавать о дѣйствіяхъ ревизіи, могутъ, для пользы Магницкаго, мѣшать обнаруживать его поступки и быть орудіемъ къ совершеннымъ ябедамъ, чтобъ только запутать дѣло и остановить ревизію“. По свидѣтельству Панаева, самонадѣянность казанскаго попечителя дошла до того, что онъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, передъ самымъ выѣздомъ Желтухина изъ Казани въ Петербургъ, позволилъ себѣ обратиться къ императору съ письмомъ, предъявленнымъ государемъ представлявшемуся ему Желтухину, въ которомъ Магницкій протестовалъ противъ личности ревизора, заявляя, что „военный генералъ, незнакомый съ ученою частью, не могъ правильно судить о его дѣйствіяхъ, а тѣмъ менѣе Есиповъ, изгнанный нѣкогда изъ службы и распубликованный сенатскимъ указомъ“ *.

Усиленно запасаясь данными документальнаго характера для борьбы съ Желтухинымъ и съ обличительными итогами его ревизіи, Магницкій прибѣгъ къ крайне щекотливому и рискованному средству, окончательно дискредитировавшему его въ глазахъ министерства. Мы уже знакомы съ выраженнымъ Желтухинымъ, въ предварительномъ донесеніи министру отъ 1-го марта, сѣтованіемъ на то, что въ казанскомъ университетѣ не оказалось на текущій учебный годъ конспектовъ преподаваній, вслѣдствіе чего ему не представлялось „другого способа повѣрить направленіе въ преподаваніи наукъ, какъ посѣщеніемъ лекцій“. Желтухинъ, отношеніями

* См. выше стр. 547—548. По словамъ Панаева, это письмо оказало то дѣйствіе, что государь отказалъ Желтухину въ представленіи Есипова къ награжденію орденомъ, разрѣшивъ выдачу ему лишь денежной награды.

прежняго всевластнаго авторитета. Большая часть членовъ „ученаго сословія“ заняла въ разгаравшейся борьбѣ нейтральное положеніе, мудро выжидая дальнѣйшаго развитія событій; другая часть, — съ ректоромъ Фуксомъ во главѣ,—старалась лавировать между Сциллою и Харибдою, будучи готовою благоразумно и своевременно примкнуть къ той сторонѣ, на которую склонится побѣда, и лишь отдѣльные члены университета, облагодѣтельствованные попечителемъ и сознававшіе, что они все теряютъ съ его паденіемъ, рѣшились открыто стать на сторону Магницкаго.

Благодаря дѣятельности своихъ клевретовъ, Магницкій былъ прекрасно освѣдомленъ во всѣхъ дѣйствіяхъ ревизоровъ и усиленно готовился къ отпарированію предназначавшихся ему ударовъ. По свидѣтельству одного изъ оффиціальныхъ актовъ, относящихся къ ревизіи 1826-го года— „старшій письмоводитель канцеляріи попечителя Часовниковъ и бухгалтеръ университета Ляпуновъ находятся въ большихъ связяхъ и сношеніяхъ съ Магницкимъ, почему, имѣя случай узнавать о дѣйствіяхъ ревизіи, могутъ, для пользы Магницкаго, мѣшать обнаруживать его поступки и быть орудіемъ къ совершеннымъ ябедамъ, чтобъ только запутать дѣло и остановить ревизію“. По свидѣтельству Панаева, самонадѣянность казанскаго попечителя дошла до того, что онъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, передъ самымъ выѣздомъ Желтухина изъ Казани въ Петербургъ, позволилъ себѣ обратиться къ императору съ письмомъ, предъявленнымъ государемъ представлявшемуся ему Желтухину, въ которомъ Магницкій протестовалъ противъ личности ревизора, заявляя, что „военный генералъ, незнакомый съ ученою частью, не могъ правильно судить о его дѣйствіяхъ, а тѣмъ менѣе Есиповъ, изгнанный нѣкогда изъ службы и распубликованный сенатскимъ указомъ“ *.

Усиленно запасаясь данными документальнаго характера для борьбы съ Желтухинымъ и съ обличительными итогами его ревизіи, Магницкій прибѣгъ къ крайне щекотливому и рискованному средству, окончательно дискредитировавшему его въ глазахъ министерства. Мы уже знакомы съ выраженнымъ Желтухинымъ, въ предварительномъ донесеніи министру отъ 1-го марта, сѣтованіемъ на то, что въ казанскомъ университетѣ не оказалось на текущій учебный годъ конспектовъ преподаваній, вслѣдствіе чего ему не представлялось „другого способа повѣрить направленіе въ преподаваніи наукъ, какъ посѣщеніемъ лекцій“. Желтухинъ, отношеніями

* См. выше стр. 547—548. По словамъ Панаева, это письмо оказало то дѣйствіе, что государь отказалъ Желтухину въ представленіи Есипова къ награжденію орденомъ, разрѣшивъ выдачу ему лишь денежной награды.

отъ 16-го и 18-го февраля, усиленно требовалъ отъ попечителя представленія ему конспектовъ преподаваній, но Магницкій, раньше самъ придававшій этимъ конспектамъ такое громадное контрольное значеніе, на этотъ разъ уклончиво отвѣтилъ, что „способъ ученія мало выясняется конспектами, ибо способъ ученія открывается только при слушаніи самыхъ преподаваній", тѣмъ болѣе, что „конспектъ можетъ быть написанъ въ очень добромъ духѣ, наука же въ самомъ ея преподаваніи можетъ быть наклонена весьма тонкимъ образомъ ко вредному направленію". Желтухину не оставалось ничего болѣе, какъ прибѣгнуть къ посѣщенію университетскихъ лекцій, — средству, рекомендованному ему, такимъ образомъ, самимъ же Магницкимъ. Попечитель дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ, какъ можно думать, не безъ коварнаго разсчета, надѣясь почерпнуть въ этомъ посѣщеніи ревизоромъ университетскихъ лекцій факты, которые впослѣдствіе могли бы быть обращены имъ въ оружіе противъ самого же Желтухина. На этой то почвѣ послѣдовало слѣдующее, совершенно безтактное, предложеніе Магницкаго ректору Фуксу, сдѣланное 20-го марта, слѣдовательно уже послѣ отправки Желтухинымъ въ Петербургъ его окончательнаго отчета по ревизіи:

„Для нужныхъ мнѣ нынѣ соображеній по осмотру казанскаго университета генералъ-маіоромъ Желтухинымъ, прошу васъ, милостивый государь, отобрать отъ всѣхъ г.г. преподавателей, коихъ лекціи посѣщалъ въ присутствіи вашемъ г. Желтухинъ, обстоятельныя свѣдѣнія о всѣхъ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ имъ, и доставить ихъ мнѣ съ вашимъ мнѣніемъ о соглашеніи оныхъ съ высочайше утвержденною инструкціею ректору казанскаго университета, дабы видѣть, какія исправленія по симъ замѣчаніямъ могутъ быть приведены въ дѣйство мѣстнымъ начальствомъ.

Съ тѣмъ вмѣстѣ прошу увѣдомить меня, какія именно книги изъ университетской библіотеки, также при васъ осмотрѣнной, подвергнутыя запрещенію, найдены г. генералъ-маіоромъ Желтухинымъ не подлежащими оному и какія книги предписано было, какъ доложили вы г. Желтухину, начальствомъ университета—сжечь? Когда, какое начальство и кому дало подобное предписаніе?

Сіи свѣдѣнія прошу васъ доставить безъ замедленія въ теченіи слѣдующей недѣли, ибо они весьма мнѣ нужны".

Вторая половина попечительскаго предложенія, въ которой идетъ рѣчь объ осмотрѣ ревизоромъ университетской библіотеки, касается характернаго эпизода, разыгравшагося между Желтухинымъ, ректоромъ Фук-

отъ 16-го и 18-го февраля, усиленно требовалъ отъ попечителя представленія ему конспектовъ преподаваній, но Магницкій, раньше самъ придававшій этимъ конспектамъ такое громадное контрольное значеніе, на этотъ разъ уклончиво отвѣтилъ, что „способъ ученія мало выясняется конспектами, ибо способъ ученія открывается только при слушаніи самыхъ преподаваній“, тѣмъ болѣе, что „конспектъ можетъ быть написанъ въ очень добромъ духѣ, наука же въ самомъ ея преподаваніи можетъ быть наклонена весьма тонкимъ образомъ ко вредному направленію“. Желтухину не оставалось ничего болѣе, какъ прибѣгнуть къ посѣщенію университетскихъ лекцій,— средству, рекомендованному ему, такимъ образомъ, самимъ же Магницкимъ. Попечитель дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ, какъ можно думать, не безъ коварнаго разсчета, надѣясь почерпнуть въ этомъ посѣщеніи ревизоромъ университетскихъ лекцій факты, которые впослѣдствіе могли бы быть обращены имъ въ оружіе противъ самого же Желтухина. На этой то почвѣ послѣдовало слѣдующее, совершенно безтактное, предложеніе Магницкаго ректору Фуксу, сдѣланное 20-го марта, слѣдовательно уже послѣ отправки Желтухинымъ въ Петербургъ его окончательнаго отчета по ревизіи:

„Для нужныхъ мнѣ нынѣ соображеній по осмотру казанскаго университета генералъ-маіоромъ Желтухинымъ, прошу васъ, милостивый государь, отобрать отъ всѣхъ г.г. преподавателей, коихъ лекціи посѣщалъ въ присутствіи вашемъ г. Желтухинъ, обстоятельныя свѣдѣнія о всѣхъ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ имъ, и доставить ихъ мнѣ съ вашимъ мнѣніемъ о соглашеніи оныхъ съ высочайше утвержденною инструкціею ректору казанскаго университета, дабы видѣть, какія исправленія по симъ замѣчаніямъ могутъ быть приведены въ дѣйство мѣстнымъ начальствомъ.

Съ тѣмъ вмѣстѣ прошу увѣдомить меня, какія именно книги изъ университетской библіотеки, также при васъ осмотрѣнной, подвергнутыя запрещенію, найдены г. генералъ-маіоромъ Желтухинымъ не подлежащими оному и какія книги предписано было, какъ доложили вы г. Желтухину, начальствомъ университета—сжечь? Когда, какое начальство и кому дало подобное предписаніе?

Сіи свѣдѣнія прошу васъ доставить безъ замедленія въ теченіи слѣдующей недѣли, ибо они весьма мнѣ нужны“.

Вторая половина попечительскаго предложенія, въ которой идетъ рѣчь объ осмотрѣ ревизоромъ университетской библіотеки, касается характернаго эпизода, разыгравшагося между Желтухинымъ, ректоромъ Фук-

сомъ и адъюнктомъ Краузе, въ своемъ мѣстѣ уже подробно нами возстановленнаго (см. выше стр. 140—142) и стоившаго попечительскому клеврету Краузе увольненія, съ испорченнымъ аттестатомъ, отъ службы. Безтактный шагъ попечителя, усугубленный еще новымъ предложеніемъ ректору отъ 6-го апрѣля, въ которомъ онъ предписывалъ проф. Фуксу доставить ему „копіи со всѣхъ требованій генералъ-маіора Желтухина и отвѣтовъ, сдѣланныхъ по нимъ университетомъ", былъ по достоинству оцѣненъ министерствомъ, вызвавъ слѣдующую отповѣдь со стороны адмирала Шишкова, направленную на имя ректора университета:

„Разсмотрѣвъ всѣ сіи бумаги,—писалъ 12-го мая министръ народнаго просвѣщенія,—нахожу я, что данное вамъ г. попечителемъ предписаніе ни съ чѣмъ не сообразно, ибо онъ, имѣя въ виду высочайше сдѣланную г. генералъ-маіору Желтухину довѣренность, обязанъ былъ ожидать моего предписанія въ разсужденіе исправленія упущеній, замѣченныхъ г. Желтухинымъ. Требуемыя же свѣдѣнія отъ подчиненныхъ на счетъ особы, облеченной высочайшею довѣренностью, показываютъ дѣйствіе, совершенно противное подчиненности и неуваженіе къ власти.

Что же касается до отзыва адъюнкта Краузе*, то нахожу оный исполненнымъ нелѣпостей, клонящихся единственно къ оклеветанію начальства и особы, облеченной высочайшею довѣренностью. Посему предписываю предложить совѣту университета о немедленномъ увольненіи адъюнкта Краузе, ибо человѣкъ, оказывающій столь дурное свойство—не можетъ быть терпимъ въ учебномъ заведеніи".

Собирая данныя относительно посѣщенія Желтухинымъ университетскихъ лекцій, Магницкій не преминулъ заручиться и засвидѣтельствованною и. д. инспектора адъюнктомъ Брашманомъ скрупулезною справкою о количествѣ времени, употребленнаго ревизоромъ на посѣщеніе отдѣльныхъ лекцій. Изъ этой справки усматривается, что вниманіе Желтухина больше всего обратили на себя лекціи по „россійской поэзіи" (1 ч. 45 м.), нѣмецкому языку (1 ч. 30 м.), богословію, латинскому языку и политической экономіи съ дипломатикою (по 1 часу), философіи, россійскаго публичнаго права, географіи и французскаго языка (по $^3/_4$ ч.); менѣе всего—по греческому языку (20 мин.), астрономіи (15 мин.) и врачебнымъ наукамъ (не болѣе 5 мин.); лекціи по латинскому языку, всеобщей исторіи и чистой математикѣ—посѣщены вовсе не были.

---

* См. выше стр. 140—142, гдѣ отзывъ этотъ приведенъ полностью.

сомъ и адъюнктомъ Краузе, въ своемъ мѣстѣ уже подробно нами возстановленнаго (см. выше стр. 140—142) и стоившаго попечительскому клеврету Краузе увольненія, съ испорченнымъ аттестатомъ, отъ службы. Безтактный шагъ попечителя, усугубленный еще новымъ предложеніемъ ректору отъ 6-го апрѣля, въ которомъ онъ предписывалъ проф. Фуксу доставить ему „копіи со всѣхъ требованій генералъ-маіора Желтухина и отвѣтовъ, сдѣланныхъ по нимъ университетомъ", былъ по достоинству оцѣненъ министерствомъ, вызвавъ слѣдующую отповѣдь со стороны адмирала Шишкова, направленную на имя ректора университета:

„Разсмотрѣвъ всѣ сіи бумаги,—писалъ 12-го мая министръ народнаго просвѣщенія,—нахожу я, что данное вамъ г. попечителемъ предписаніе ни съ чѣмъ не сообразно, ибо онъ, имѣя въ виду высочайше сдѣланную г. генералъ-маіору Желтухину довѣренность, обязанъ былъ ожидать моего предписанія въ разсужденіе исправленія упущеній, замѣченныхъ г. Желтухинымъ. Требуемыя же свѣдѣнія отъ подчиненныхъ на счетъ особы, облеченной высочайшею довѣренностью, показываютъ дѣйствіе, совершенно противное подчиненности и неуваженіе къ власти.

Что же касается до отзыва адъюнкта Краузе*, то нахожу оный исполненнымъ нелѣпостей, клонящихся единственно къ оклеветанію начальства и особы, облеченной высочайшею довѣренностью. Посему предписываю предложить совѣту университета о немедленномъ увольненіи адъюнкта Краузе, ибо человѣкъ, оказывающій столь дурное свойство—не можетъ быть терпимъ въ учебномъ заведеніи".

Собирая данныя относительно посѣщенія Желтухинымъ университетскихъ лекцій, Магницкій не преминулъ заручиться и засвидѣтельствованною и. д. инспектора адъюнктомъ Брашманомъ скрупулезною справкою о количествѣ времени, употребленнаго ревизоромъ на посѣщеніе отдѣльныхъ лекцій. Изъ этой справки усматривается, что вниманіе Желтухина больше всего обратили на себя лекціи по „россійской поэзіи" (1 ч. 45 м.), нѣмецкому языку (1 ч. 30 м.), богословію, латинскому языку и политической экономіи съ дипломатикою (по 1 часу), философіи, россійскаго публичнаго права, географіи и французскаго языка (по $^3/_4$ ч.); менѣе всего—по греческому языку (20 мин.), астрономіи (15 мин.) и врачебнымъ наукамъ (не болѣе 5 мин.); лекціи по латинскому языку, всеобщей исторіи и чистой математикѣ—посѣщены вовсе не были.

---

* См. выше стр. 140—142, гдѣ отзывъ этотъ приведенъ полностью.

Любопытными представляются профессорскія донесенія относительно посѣщенія Желтухинымъ университетскихъ лекцій, доставленныя Магницкому, вслѣдствіе его требованія, отдѣльными преподавателями. Приведемъ здѣсь, — конечно только въ сокращенномъ видѣ, — эти данныя, найденныя нами въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія.

Первымъ, въ порядкѣ постепенности, фигурируетъ здѣсь показаніе преподавателя богословія протоіерея А. И. Нечаева.

Когда Желтухинъ посѣтилъ, въ сопровожденіи и. д. директора университета и ректора, лекцію богословія, то на студента Горемыкина возложена была обязанность повторить прослушанную лекцію, что тотъ и исполнилъ „съ робкою торопливостью и сбивчиво".

— Къ чему у васъ все богословіе преподается на текстахъ?—спросилъ ревизоръ.

Отецъ Нечаевъ,—по его собственнымъ словамъ,—„почелъ за благо не отвѣчать" на этотъ вопросъ.

Послѣдовалъ новый вопросъ ревизора:

— Чего требуетъ знаніе нравственнаго богословія?

Послѣ „правильнаго" и удовлетворившаго его отвѣта студента Свѣденцова, Желтухинъ сдѣлалъ замѣчаніе:

— Не лучше ли изъяснять богословіе безъ славянскихъ текстовъ, въ свѣтскихъ образцахъ?

Отвѣтомъ явился перефразъ студента Илларіонова, „отлично" изложившаго сущность лекціи на русскомъ языкѣ. „Многіе другіе студенты,—добавляетъ о. Нечаевъ,—также заслужили благодарность и похвалу г. ревизора".

На поляхъ показанія прот. Нечаева значится слѣдующее примѣчаніе Магницкаго: „Примѣтить должно, что богословіе преподается по конспекту, утвержденному преосвященнымъ, что самъ преосвященный экзаменуетъ въ немъ и что учебное даже начальство не имѣетъ права ничего въ семъ преподаваніи перемѣнять; господинъ же Желтухинъ, вмѣшавшись въ дѣло сіе при 61-омъ студентѣ, не устыдился спросить: Къ чему у васъ все богословіе на текстахъ? Да гдѣ же оно иначе преподается"?!..

Далѣе слѣдуетъ показаніе профессора русской словесности Г. Н. Городчанинова:

Во время посѣщенія его лекціи, генералъ-маіоръ Желтухинъ выразилъ, въ присутствіи ректора, изумленіе, что профессоръ въ классѣ поэзіи „показывалъ красоты 102-го псалма Давида и другихъ псал-

Любопытными представляются профессорскія донесенія относительно посѣщенія Желтухинымъ университетскихъ лекцій, доставленныя Магницкому, вслѣдствіе его требованія, отдѣльными преподавателями. Приведемъ здѣсь, — конечно только въ сокращенномъ видѣ, — эти данныя, найденныя нами въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія.

Первымъ, въ порядкѣ постепенности, фигурируетъ здѣсь показаніе преподавателя богословія протоіерея А. И. Нечаева.

Когда Желтухинъ посѣтилъ, въ сопровожденіи и. д. директора университета и ректора, лекцію богословія, то на студента Горемыкина возложена была обязанность повторить прослушанную лекцію, что тотъ и исполнилъ „съ робкою торопливостью и сбивчиво".

— Къ чему у васъ все богословіе преподается на текстахъ?—спросилъ ревизоръ.

Отецъ Нечаевъ,—по его собственнымъ словамъ,—„почелъ за благо не отвѣчать" на этотъ вопросъ.

Послѣдовалъ новый вопросъ ревизора:

— Чего требуетъ знаніе нравственнаго богословія?

Послѣ „правильнаго" и удовлетворившаго его отвѣта студента Свѣденцова, Желтухинъ сдѣлалъ замѣчаніе:

— Не лучше ли изъяснять богословіе безъ славянскихъ текстовъ, въ свѣтскихъ образцахъ?

Отвѣтомъ явился перефразъ студента Илларіонова, „отлично" изложившаго сущность лекціи на русскомъ языкѣ. „Многіе другіе студенты,—добавляетъ о. Нечаевъ,—также заслужили благодарность и похвалу г. ревизора".

На поляхъ показанія прот. Нечаева значится слѣдующее примѣчаніе Магницкаго: „Примѣтить должно, что богословіе преподается по конспекту, утвержденному преосвященнымъ, что самъ преосвященный экзаменуетъ въ немъ и что учебное даже начальство не имѣетъ права ничего въ семъ преподаваніи перемѣнять; господинъ же Желтухинъ, вмѣшавшись въ дѣло сіе при 61-омъ студентѣ, не устыдился спросить: Къ чему у васъ все богословіе на текстахъ? Да гдѣ же оно иначе преподается"?!..

Далѣе слѣдуетъ показаніе профессора русской словесности Г. Н. Городчанинова:

Во время посѣщенія его лекціи, генералъ-маіоръ Желтухинъ выразилъ, въ присутствіи ректора, изумленіе, что профессоръ въ классѣ поэзіи „показывалъ красоты 102-го псалма Давида и другихъ псал-

мовъ, сравнивая оные съ красотами Гомера и Виргилія, съ указаніемъ превосходства первыхъ надъ послѣдними".

Городчаниновъ отвѣтилъ, что дѣлаетъ это „въ силу инструкціи", на что ревизоръ возразилъ, что чтеніе на лекціи словесности псалтыри—все таки „для него страннымъ кажется", что снова высказалъ и на лекціи естественнаго права, когда студенты стали отвѣчать на задаваемые имъ вопросы „текстами священнаго писанія, подтверждая ими высказываемыя мысли". Кончилось дѣло тѣмъ, что Желтухинъ воскликнулъ: „Да что вы меня все текстами душите!"...

Возмущенный попечитель сопроводилъ это показаніе слѣдующею ремаркою: „Примѣчанія сіи, совершенно противныя инструкціи, высочайше утвержденной, сдѣланы въ присутствіи ректора, и. д. инспектора и предъ 17-ью студентами—и въ томъ то состоялъ экзаменъ г. Желтухинымъ въ поэзіи россійской и естественномъ правѣ!"

Донесеніе экстраординарнаго профессора Я. М. Караблинова:

При посѣщеніи лекціи политической экономіи генералъ-маіоръ Желтухинъ предлагалъ слѣдующіе вопросы, „изъ которыхъ вы сами усмотрѣть можете,—писалъ Караблиновъ,—чего г. Желтухинъ требовалъ отъ преподаванія политической экономіи, ибо когда я докладывалъ, и при томъ не разъ, что предлагаемые имъ вопросы не относятся къ проходимой мною наукѣ, но или къ россійской географіи, или къ россійской исторіи, или къ россійской словесности, или къ юриспруденціи, то онъ отвѣчалъ, что студенты—и сіе знать должны".

Далѣе слѣдуетъ перечень вопросовъ, задававшихся ревизоромъ.

Отмѣтка попечителя: „Сей экзаменъ показалъ, что г. Желтухинъ не знаетъ совсѣмъ, что есть экономія политическая".

Рапортъ профессора русской исторіи и географіи В. Я. Булыгина:

Генералъ-маіоръ Желтухинъ посѣтилъ по одному разу лекціи россійской исторіи и географіи. Ревизоръ задавалъ при этомъ вопросы и дѣлалъ замѣчанія, а въ числѣ послѣднихъ и то, что „не нужно историческія свѣтскія происшествія соединять съ дѣлами церкви".

— Не нужно ничего духовнаго, а отвѣчайте историческое!—потребовалъ ревизоръ.

„Когда было доказываемо,—докладываетъ Булыгинъ,—что съ призваніемъ Рюрика въ Россіи получилъ начало свое монархическій образъ правленія", Желтухинъ сказалъ ректору по французски—что „сіе несправедливо, что правленіе было смѣшанное, подобное феодальному".

мовъ, сравнивая оные съ красотами Гомера и Виргилія, съ указаніемъ превосходства первыхъ надъ послѣдними".

Городчаниновъ отвѣтилъ, что дѣлаетъ это „въ силу инструкціи", на что ревизоръ возразилъ, что чтеніе на лекціи словесности псалтыри—все таки „для него страннымъ кажется", что снова высказалъ и на лекціи естественнаго права, когда студенты стали отвѣчать на задаваемые имъ вопросы „текстами священнаго писанія, подтверждая ими высказываемыя мысли". Кончилось дѣло тѣмъ, что Желтухинъ воскликнулъ: „Да что вы меня все текстами душите!"...

Возмущенный попечитель сопроводилъ это показаніе слѣдующею ремаркою: „Примѣчанія сіи, совершенно противныя инструкціи, высочайше утвержденной, сдѣланы въ присутствіи ректора, и. д. инспектора и предъ 17-ью студентами—и въ томъ то состоялъ экзаменъ г. Желтухинымъ въ поэзіи россійской и естественномъ правѣ!"

Донесеніе экстраординарнаго профессора Я. М. Караблинова:

При посѣщеніи лекціи политической экономіи генералъ-маіоръ Желтухинъ предлагалъ слѣдующіе вопросы, „изъ которыхъ вы сами усмотрѣть можете,—писалъ Караблиновъ,—чего г. Желтухинъ требовалъ отъ преподаванія политической экономіи, ибо когда я докладывалъ, и при томъ не разъ, что предлагаемые имъ вопросы не относятся къ проходимой мною наукѣ, но или къ россійской географіи, или къ россійской исторіи, или къ россійской словесности, или къ юриспруденціи, то онъ отвѣчалъ, что студенты—и сіе знать должны".

Далѣе слѣдуетъ перечень вопросовъ, задававшихся ревизоромъ.

Отмѣтка попечителя: „Сей экзаменъ показалъ, что г. Желтухинъ не знаетъ совсѣмъ, что есть экономія политическая".

Рапортъ профессора русской исторіи и географіи В. Я. Булыгина:

Генералъ-маіоръ Желтухинъ посѣтилъ по одному разу лекціи россійской исторіи и географіи. Ревизоръ задавалъ при этомъ вопросы и дѣлалъ замѣчанія, а въ числѣ послѣднихъ и то, что „не нужно историческія свѣтскія происшествія соединять съ дѣлами церкви".

— Не нужно ничего духовнаго, а отвѣчайте историческое!—потребовалъ ревизоръ.

„Когда было доказываемо,—докладываетъ Булыгинъ,—что съ призваніемъ Рюрика въ Россіи получилъ начало свое монархическій образъ правленія", Желтухинъ сказалъ ректору по французски—что „сіе несправедливо, что правленіе было смѣшанное, подобное феодальному".

„Безсловное повиновеніе и неизъяснимое (!) уваженіе къ лицу, назначенному высочайшею властью,—продолжаетъ Булыгинъ,—содѣлали меня безмолвнымъ, не смотря на то, что я могъ представить достаточныя объясненія на помянутыя замѣчанія, но, въ случаѣ могущихъ послѣдовать за сіе нареканій со стороны высшаго начальства,—оговаривается предусмотрительный профессоръ,—прошу всепокорнѣйше не лишить меня защиты и потребовать отъ меня поясненія по сему предмету".

Отмѣтка попечителя: „Ревизоръ запрещалъ то, что предписано инструкціею".

Донесеніе адъюнкта М. В. Полиновскаго:

Донесеніе открывается не представляющимъ интереса разсказомъ о произведенныхъ въ присутствіи ревизора переводахъ изъ Юлія Цезаря.

Въ заключеніе посѣщенной имъ лекціи, Желтухинъ сдѣлалъ замѣчаніе, что двое студентовъ не хорошо сидѣли, одинъ—согнувшись, другой—заложивъ ногу на ногу.

— За симъ то слѣдовало бы смотрѣть вашему попечителю!—будто бы высказалъ по этому поводу ревизоръ.

Примѣчаніе попечителя: „Лекцію сію заключилъ г. Желтухинъ замѣчаніемъ, что попечитель долженъ бы былъ смотрѣть за ногами студентовъ. Какое право и какое приличіе было вдаваться ему въ столь низкія личности, показывая передъ студентами открытое презрѣніе къ ихъ высшему начальству? Тутъ свидѣтелей было 39",—заключаетъ Магницкій.

Далѣе слѣдуетъ такъ дорого обошедшееся ему донесеніе адъюнкта Краузе относительно посѣщенія Желтухинымъ университетской библіотеки, съ подробнымъ изложеніемъ препирательствъ по поводу достоинства запрещенныхъ къ обращенію книгъ, „фанатизма" и даже факта сожженія „зловредныхъ" книгъ—препирательствъ, въ своемъ мѣстѣ уже подробно нами переданныхъ (см. выше стр. 141—142). Подъ этимъ донесеніемъ значится слѣдующее рѣзкое примѣчаніе Магницкаго: „Здѣсь всякая мѣра пристойности забыта и даже нарушены самые законы, воспрещающіе хвалить открыто богохуленія и книги возмутительныя".

Появлялись въ ту пору и совершенно „добровольническія" показанія, разсчитанныя на дискредитированіе, въ интересахъ попечителя, дѣйствій генерала Желтухина. Таково, напримѣръ, донесеніе адъюнкта Полиновскаго:

„Безсловное повиновеніе и неизъяснимое (!) уваженіе къ лицу, назначенному высочайшею властью,—продолжаетъ Булыгинъ,—содѣлали меня безмолвнымъ, не смотря на то, что я могъ представить достаточныя объясненія на помянутыя замѣчанія, но, въ случаѣ могущихъ послѣдовать за сіе нареканій со стороны высшаго начальства,—оговаривается предусмотрительный профессоръ,—прошу всепокорнѣйше не лишить меня защиты и потребовать отъ меня поясненія по сему предмету".

Отмѣтка попечителя: „Ревизоръ запрещалъ то, что предписано инструкціею".

Донесеніе адъюнкта М. В. Полиновскаго:

Донесеніе открывается не представляющимъ интереса разсказомъ о произведенныхъ въ присутствіи ревизора переводахъ изъ Юлія Цезаря.

Въ заключеніе посѣщенной имъ лекціи, Желтухинъ сдѣлалъ замѣчаніе, что двое студентовъ не хорошо сидѣли, одинъ—согнувшись, другой—заложивъ ногу на ногу.

— За симъ то слѣдовало бы смотрѣть вашему попечителю!—будто бы высказалъ по этому поводу ревизоръ.

Примѣчаніе попечителя: „Лекцію сію заключилъ г. Желтухинъ замѣчаніемъ, что попечитель долженъ бы былъ смотрѣть за ногами студентовъ. Какое право и какое приличіе было вдаваться ему въ столь низкія личности, показывая передъ студентами открытое презрѣніе къ ихъ высшему начальству? Тутъ свидѣтелей было 39",—заключаетъ Магницкій.

Далѣе слѣдуетъ такъ дорого обошедшееся ему донесеніе адъюнкта Краузе относительно посѣщенія Желтухинымъ университетской библіотеки, съ подробнымъ изложеніемъ препирательствъ по поводу достоинства запрещенныхъ къ обращенію книгъ, „фанатизма" и даже факта сожженія „зловредныхъ" книгъ—препирательствъ, въ своемъ мѣстѣ уже подробно нами переданныхъ (см. выше стр. 141—142). Подъ этимъ донесеніемъ значится слѣдующее рѣзкое примѣчаніе Магницкаго: „Здѣсь всякая мѣра пристойности забыта и даже нарушены самые законы, воспрещающіе хвалить открыто богохуленія и книги возмутительныя".

Появлялись въ ту пору и совершенно „добровольническія" показанія, разсчитанныя на дискредитированіе, въ интересахъ попечителя, дѣйствій генерала Желтухина. Таково, напримѣръ, донесеніе адъюнкта Полиновскаго:

Полиновскому,—по собственному показанію его,—было предписано Есиповымъ, черезъ и. д. директора университета, снять копію съ дѣла бывшаго воспитанника Горбунова. Есиповъ остался недоволенъ тѣмъ, что работа эта была произведена не въ помѣщеніи правленія; не помогло и оправданіе Полиновскаго въ томъ смыслѣ, что о мѣстѣ списыванія ему не было дано никакого опредѣленнаго указанія. На слѣдующій же день Полиновскій былъ вызванъ къ себѣ генераломъ Желтухинымъ, будто бы обратившимся къ нему съ слѣдующими, произнесенными „съ жаромъ и грознымъ видомъ", словами:

— Какъ вы смѣли не выполнить приказанія? Приказанія г. Есипова—мои приказанія, а мои дѣлаются по повелѣнію государя императора. Я тридцать лѣтъ служу государю!

— Ваше превосходительство! Я всѣ приказанія ис........ (не успѣлъ договорить).

— Тсс!—закричалъ Желтухинъ, грозя Полиновскому пальцемъ.— Молчать, ни слова! Сейчасъ велю посадить на гауптвахту!

Послѣ этого окрика Полиновскій,—по его собственному показанію,—„уже не смѣлъ ничего представить въ свое оправданіе", Желтухинъ же, „осыпавъ еще нѣсколькими строгими и грозными, но неопредѣленными (sic!), выраженіями"—выгналъ его вонъ, закричавъ:

— Пошелъ, занимайся своимъ дѣломъ!

Въ свидѣтели этого факта Полиновскій приводитъ совѣтника губернскаго правленія Германа, инспектора студентовъ Вишневскаго, профессора Суровцова и совѣтника казенной палаты Карнѣева.

Не удовольствовавшись подневольными и тенденціозными донесеніями преподавателей о посѣщеніи ревизоромъ лекцій ихъ, Магницкій присовокупилъ къ нимъ уже отъ себя нѣсколько фактовъ, которыми надѣялся дискредитировать научную компетентность его. Разсказывая въ одной изъ своихъ многочисленныхъ оправдательныхъ записокъ („Истинное изложеніе неприличій, личностей, неправильностей, противозаконныхъ и оскорбительныхъ дѣйствій г.-м. Желтухина при осмотрѣ казанскаго университета") о порядкѣ представленія Желтухину чиновъ университета, попечитель дѣлаетъ слѣдующее добавленіе:

„Не позже какъ тутъ начались самыя странныя явленія, предварившія университетъ объ участи его осмотра.

Г. Желтухинъ, при представленіи ему законоучителя университета и духовника онаго протоіерея Нечаева, спросилъ у него, публично и даже при бывшихъ тутъ отличныхъ студентахъ:

— Не фанатически ли вы учите закону Божію?

— Изволите увидѣть изъ моего конспекта! — отвѣчалъ законоучитель.

Полиновскому,—по собственному показанію его,—было предписано Есиповымъ, черезъ и. д. директора университета, снять копію съ дѣла бывшаго воспитанника Горбунова. Есиповъ остался недоволенъ тѣмъ, что работа эта была произведена не въ помѣщеніи правленія; не помогло и оправданіе Полиновскаго въ томъ смыслѣ, что о мѣстѣ списыванія ему не было дано никакого опредѣленнаго указанія. На слѣдующій же день Полиновскій былъ вызванъ къ себѣ генераломъ Желтухинымъ, будто бы обратившимся къ нему съ слѣдующими, произнесенными „съ жаромъ и грознымъ видомъ", словами:

— Какъ вы смѣли не выполнить приказанія? Приказанія г. Есипова—мои приказанія, а мои дѣлаются по повелѣнію государя императора. Я тридцать лѣтъ служу государю!

— Ваше превосходительство! Я всѣ приказанія ис...... (не успѣлъ договорить).

— Тсс!—закричалъ Желтухинъ, грозя Полиновскому пальцемъ.— Молчать, ни слова! Сейчасъ велю посадить на гауптвахту!

Послѣ этого окрика Полиновскій,—по его собственному показанію,—„уже не смѣлъ ничего представить въ свое оправданіе", Желтухинъ же, „осыпавъ еще нѣсколькими строгими и грозными, но неопредѣленными (sic!), выраженіями"—выгналъ его вонъ, закричавъ:

— Пошелъ, занимайся своимъ дѣломъ!

Въ свидѣтели этого факта Полиновскій приводитъ совѣтника губернскаго правленія Германа, инспектора студентовъ Вишневскаго, профессора Суровцова и совѣтника казенной палаты Карнѣева.

Не удовольствовавшись подневольными и тенденціозными донесеніями преподавателей о посѣщеніи ревизоромъ лекцій ихъ, Магницкій присовокупилъ къ нимъ уже отъ себя нѣсколько фактовъ, которыми надѣялся дискредитировать научную компетентность его. Разсказывая въ одной изъ своихъ многочисленныхъ оправдательныхъ записокъ („Истинное изложеніе неприличій, личностей, неправильностей, противозаконныхъ и оскорбительныхъ дѣйствій г.-м. Желтухина при осмотрѣ казанскаго университета") о порядкѣ представленія Желтухину чиновъ университета, попечитель дѣлаетъ слѣдующее добавленіе:

„Не позже какъ тутъ начались самыя странныя явленія, предварившія университетъ объ участи его осмотра.

Г. Желтухинъ, при представленіи ему законоучителя университета и духовника онаго протоіерея Нечаева, спросилъ у него, публично и даже при бывшихъ тутъ отличныхъ студентахъ:

— Не фанатически ли вы учите закону Божію?

— Изволите увидѣть изъ моего конспекта! — отвѣчалъ законоучитель.

— Какъ же должно любить Бога?—продолжалъ ревизоръ.

— Выше всякаго фанатизма!

Примѣтить надобно, — замѣчаетъ попечитель, — что сія странная встрѣча тѣмъ оскорбительнѣе для законоучителя, что онъ—человѣкъ уважаемый и своимъ начальствомъ и въ городѣ, избранный, какъ лучшій изъ духовныхъ, преосвященнымъ, преподаетъ лекціи по конспекту, утвержденному самимъ архіепископомъ".

По словамъ попечителя, особенно поразилъ университетъ разговоръ Желтухина, при цѣломъ факультетѣ, съ профессоромъ восточной словесности Эрдманомъ по поводу преподаванія Лентовскимъ зоологіи:

— Какъ же можетъ онъ преподавать зоологію,—удивился ревизоръ,—не зная ни арабскаго, ни персидскаго языковъ?

Тутъ профессоръ восточной словесности отвѣчалъ ему, что языки сіи—онъ преподаетъ, а не г. Лентовскій.

— Знаю,—возразилъ Желтухинъ,—но я говорю: какъ можно преподавать зоологію безъ знанія языковъ?

Въ разговоръ вступился другой профессоръ и тутъ выяснилось, что Желтухинъ будто бы смѣшалъ зоологію съ филологіею, въ чемъ тутъ же и извинился.

„Такъ открылъ г. Желтухинъ свою ревизію!"—восклицаетъ по этому поводу Магницкій.

Обвиняетъ Магницкій ревизора и въ коварномъ замыслѣ вооружить противъ своего непосредственнаго начальника, т. е. противъ него, весь университетъ. Указывая на непосредственныя дѣловыя сношенія ректора Фукса съ Желтухинымъ, попечитель пишетъ:

„Подлинная причина сихъ противозаконныхъ дѣйствій есть та низость (sic) средствъ, къ которой г. Желтухинъ вынужденъ былъ прибѣгнуть, когда увидѣлъ, что все университетское сословіе предано попечителю и что ни жалобъ, ни доносовъ ожидать на него нельзя. Тогда выбралъ онъ два лица: правящаго должность директора (проф. Г. Б. Никольскаго) и ректора (проф. К. Ѳ. Фукса),—людей весьма слабыхъ и боязливыхъ,—и, устрашивъ съ начала криками и грубостями, которыхъ они никогда не слыхивали, угрозами суда и взысканій, вдругъ началъ ласкать, склоняя на преданіе попечителя и университета (sic!). Сіи слабые люди, вѣкъ изъ губерніи не выѣзжавшіе и пораженные важностью генерала, обѣщавшаго имъ награжденія—такъ исполнили его желаніе, что совершенно отложились отъ своего начальства и не только не сообщили ему своихъ дѣйствій, но даже и перестали ему повиноваться"...

— Какъ же должно любить Бога?—продолжалъ ревизоръ.

— Выше всякаго фанатизма!

Примѣтить надобно, — замѣчаетъ попечитель, — что сія странная встрѣча тѣмъ оскорбительнѣе для законоучителя, что онъ—человѣкъ уважаемый и своимъ начальствомъ и въ городѣ, избранный, какъ лучшій изъ духовныхъ, преосвященнымъ, преподаетъ лекціи по конспекту, утвержденному самимъ архіепископомъ".

По словамъ попечителя, особенно поразилъ университетъ разговоръ Желтухина, при цѣломъ факультетѣ, съ профессоромъ восточной словесности Эрдманомъ по поводу преподаванія Лентовскимъ зоологіи:

— Какъ же можетъ онъ преподавать зоологію,—удивился ревизоръ,—не зная ни арабскаго, ни персидскаго языковъ?

Тутъ профессоръ восточной словесности отвѣчалъ ему, что языки сіи—онъ преподаетъ, а не г. Лентовскій.

— Знаю,—возразилъ Желтухинъ,—но я говорю: какъ можно преподавать зоологію безъ знанія языковъ?

Въ разговоръ вступился другой профессоръ и тутъ выяснилось, что Желтухинъ будто бы смѣшалъ зоологію съ филологіею, въ чемъ тутъ же и извинился.

„Такъ открылъ г. Желтухинъ свою ревизію!"—восклицаетъ по этому поводу Магницкій.

Обвиняетъ Магницкій ревизора и въ коварномъ замыслѣ вооружить противъ своего непосредственнаго начальника, т. е. противъ него, весь университетъ. Указывая на непосредственныя дѣловыя сношенія ректора Фукса съ Желтухинымъ, попечитель пишетъ:

„Подлинная причина сихъ противозаконныхъ дѣйствій есть та низость (sic) средствъ, къ которой г. Желтухинъ вынужденъ былъ прибѣгнуть, когда увидѣлъ, что все университетское сословіе предано попечителю и что ни жалобъ, ни доносовъ ожидать на него нельзя. Тогда выбралъ онъ два лица: правящаго должность директора (проф. Г. Б. Никольскаго) и ректора (проф. К. Ѳ. Фукса),—людей весьма слабыхъ и боязливыхъ,—и, устрашивъ сначала криками и грубостями, которыхъ они никогда не слыхивали, угрозами суда и взысканій, вдругъ началъ ласкать, склоняя на преданіе попечителя и университета (sic!). Сіи слабые люди, вѣкъ изъ губерніи не выѣзжавшіе и пораженные важностью генерала, обѣщавшаго имъ награжденія—такъ исполнили его желаніе, что совершенно отложились отъ своего начальства и не только не сообщили ему своихъ дѣйствій, но даже и перестали ему повиноваться"...

Не ограничиваясь отложеніемъ директора и ректора, ревизоръ „желалъ,—продолжаетъ Магницкій,—возмутить противъ него и самихъ студентовъ и, потому, передъ всѣми ими, при разныхъ случаяхъ, порицалъ попечителя, говорилъ имъ, что ихъ держатъ слишкомъ строго, что университетъ похожъ на монастырь и т. п." „Но сіи низкія средства не могли произвести того дѣйствія, коего отъ нихъ ожидалъ г. Желтухинъ, ибо почтеніе къ властямъ и личное уваженіе къ начальству такъ укоренены въ казанскомъ университетѣ, что г. ревизоръ сдѣлалъ только на все его сословіе, отъ декана до студента, впечатлѣніе для него, вѣрно, неожиданное и самое невыгодное".

Всѣ приведенныя нами донесенія и собственныя его сентенціи—были Магницкимъ присовокуплены, съ цѣлымъ рядомъ другихъ приложеній и данныхъ полемическаго характера, къ его объясненіямъ на отчетъ Желтухина по осмотру имъ казанскаго университета, дать которыя ему, какъ ниже увидимъ это, было разрѣшено по именному высочайшему повелѣнію [274].

Окончательное донесеніе генералъ-маіора Желтухина относительно произведенной имъ ревизіи, отправленное имъ въ Петербургъ 10-го марта 1826 года съ колл. совѣтникомъ Есиповымъ, было получено въ министерствѣ народнаго просвѣщенія лишь 24-го марта, какъ это усматривается изъ сдѣланной на немъ помѣты, и носитъ на себѣ слѣдующую резолюцію, опредѣлившую дальнѣйшее движеніе всего дѣла: „Г. министръ приказалъ представить въ подлинникѣ на благоусмотрѣніе Государя Императора и испросить высочайшее соизволеніе о разсмотрѣніи сего дѣла въ главномъ правленіи училищъ".

Въ исполненіе этой резолюціи, донесеніе генералъ-маіора Желтухина было 28-го марта представлено императору Николаю Павловичу при слѣдующей докладной запискѣ министра народнаго просвѣщенія:

„Генералъ-маіоръ Желтухинъ, окончивъ возложенное на него Вашимъ Императорскимъ Величествомъ порученіе, представилъ мнѣ подробный отчетъ о состояніи казанскаго университета и объ открытыхъ имъ безпорядкахъ. По важности сего дѣла я осмѣливаюсь донесеніе генералъ-маіора Желтухина представить въ подлинникѣ на высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоусмотрѣніе, и какъ главнымъ виновникомъ допущенныхъ въ управле-

Не ограничиваясь отложеніемъ директора и ректора, ревизоръ „желалъ,—продолжаетъ Магницкій,—возмутить противъ него и самихъ студентовъ и, потому, передъ всѣми ими, при разныхъ случаяхъ, порицалъ попечителя, говорилъ имъ, что ихъ держатъ слишкомъ строго, что университетъ похожъ на монастырь и т. п.“ „Но сіи низкія средства не могли произвести того дѣйствія, коего отъ нихъ ожидалъ г. Желтухинъ, ибо почтеніе къ властямъ и личное уваженіе къ начальству такъ укоренены въ казанскомъ университетѣ, что г. ревизоръ сдѣлалъ только на все его сословіе, отъ декана до студента, впечатлѣніе для него, вѣрно, неожиданное и самое невыгодное“.

Всѣ приведенныя нами донесенія и собственныя его сентенціи—были Магницкимъ присовокуплены, съ цѣлымъ рядомъ другихъ приложеній и данныхъ полемическаго характера, къ его объясненіямъ на отчетъ Желтухина по осмотру имъ казанскаго университета, дать которыя ему, какъ ниже увидимъ это, было разрѣшено по именному высочайшему повелѣнію [274].

Окончательное донесеніе генералъ-маіора Желтухина относительно произведенной имъ ревизіи, отправленное имъ въ Петербургъ 10-го марта 1826 года съ колл. совѣтникомъ Есиповымъ, было получено въ министерствѣ народнаго просвѣщенія лишь 24-го марта, какъ это усматривается изъ сдѣланной на немъ помѣты, и носитъ на себѣ слѣдующую резолюцію, опредѣлившую дальнѣйшее движеніе всего дѣла: „Г. министръ приказалъ представить въ подлинникѣ на благоусмотрѣніе Государя Императора и испросить высочайшее соизволеніе о разсмотрѣніи сего дѣла въ главномъ правленіи училищъ“.

Въ исполненіе этой резолюціи, донесеніе генералъ-маіора Желтухина было 28-го марта представлено императору Николаю Павловичу при слѣдующей докладной запискѣ министра народнаго просвѣщенія:

„Генералъ-маіоръ Желтухинъ, окончивъ возложенное на него Вашимъ Императорскимъ Величествомъ порученіе, представилъ мнѣ подробный отчетъ о состояніи казанскаго университета и объ открытыхъ имъ безпорядкахъ. По важности сего дѣла я осмѣливаюсь донесеніе генералъ-маіора Желтухина представить въ подлинникѣ на высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоусмотрѣніе, и какъ главнымъ виновникомъ допущенныхъ въ управле-

Генералъ-маіоръ
Петръ Θеодоровичъ
Желтухинъ,
ревизоръ Казанскаго университета.
(1778—1829)

Генералъ-маіоръ
Петръ Θеодоровичъ
Желтухинъ,
ревизоръ Казанскаго университета.
(1778—1829)

ніи означеннаго университета злоупотребленій, по заключенію генералъ-маіора Желтухина, оказывается попечитель казанскаго учебнаго округа, то относительно къ нему и имѣю счастье ожидать повелѣнія Вашего Императорскаго Величества.

Касательно принятія нужныхъ мѣръ къ прекращенію самыхъ безпорядковъ я полагалъ бы, съ своей стороны, за нужное разсмотрѣть сіе дѣло во всей подробности въ главномъ правленіи училищъ и заключеніе онаго, съ присовокупленіемъ его мнѣнія, изложить во всеподданѣйшемъ къ Вашему Императорскому Величеству докладѣ. На что и осмѣливаюсь испрашивать высочайшаго соизволенія".

Въ отвѣтъ на эту докладную записку статсъ-секретарь Муравьевъ 1-го апрѣля увѣдомилъ адмирала Шишкова, что „его императорское величество высочайше соизволяетъ, чтобъ дѣло сіе было разсмотрѣно подробно и безъ замедленія въ главномъ правленіи училищъ, какъ въ отношеніи принятія нужныхъ мѣръ къ отвращенію безпорядковъ, такъ и самыхъ дѣйствій попечителя казанскаго учебнаго округа". 10-го апрѣля послѣдовало и соотвѣтствующее предложеніе министра главному правленію училищъ.

Хранящееся въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія и заключающее на своихъ поляхъ собственноручныя отмѣтки императора Николая Павловича подлинное донесеніе генералъ-маіора П. Ѳ. Желтухина—представляетъ собою обширный матеріалъ, изложенный на 60-ти полулистахъ писчей бумаги in f°. Мы не видимъ никакой возможности изложить здѣсь это донесеніе въ сколько нибудь подробной формѣ, но, въ виду крупнаго его интереса и, въ особенности, въ виду того обстоятельства, что въ архивѣ казанскаго университета его не имѣется—мы полностью возстановляемъ текстъ его въ приложеніяхъ къ настоящему тому *. Желая же удовлетворить необходимости познакомить читателей съ общими выводами ревизіи Желтухина, мы приведемъ здѣсь „Извлеченіе изъ донесенія генералъ-маіора Желтухина объ осмотрѣ казанскаго университета", представляющее собою тотъ интересъ, что это—та именно выборка изъ подробнаго отчета Желтухина, которая, по высочайшему повелѣнію, предъявлена была Магницкому для дачи необходимыхъ съ его стороны объясненій:

---

* См. въ концѣ тома приложеніе V.

ніи означеннаго университета злоупотребленій, по заключенію генералъ-маіора Желтухина, оказывается попечитель казанскаго учебнаго округа, то относительно къ нему и имѣю счастье ожидать повелѣнія Вашего Императорскаго Величества.

Касательно принятія нужныхъ мѣръ къ прекращенію самыхъ безпорядковъ я полагалъ бы, съ своей стороны, за нужное разсмотрѣть сіе дѣло во всей подробности въ главномъ правленіи училищъ и заключеніе онаго, съ присовокупленіемъ его мнѣнія, изложить во всеподданѣйшемъ къ Вашему Императорскому Величеству докладѣ. На что и осмѣливаюсь испрашивать высочайшаго соизволенія".

Въ отвѣтъ на эту докладную записку статсъ-секретарь Муравьевъ 1-го апрѣля увѣдомилъ адмирала Шишкова, что „его императорское величество высочайше соизволяетъ, чтобъ дѣло сіе было разсмотрѣно подробно и безъ замедленія въ главномъ правленіи училищъ, какъ въ отношеніи принятія нужныхъ мѣръ къ отвращенію безпорядковъ, такъ и самыхъ дѣйствій попечителя казанскаго учебнаго округа". 10-го апрѣля послѣдовало и соотвѣтствующее предложеніе министра главному правленію училищъ.

Хранящееся въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія и заключающее на своихъ поляхъ собственноручныя отмѣтки императора Николая Павловича подлинное донесеніе генералъ-маіора П. Ѳ. Желтухина—представляетъ собою обширный матеріалъ, изложенный на 60-ти полулистахъ писчей бумаги in f°. Мы не видимъ никакой возможности изложить здѣсь это донесеніе въ сколько нибудь подробной формѣ, но, въ виду крупнаго его интереса и, въ особенности, въ виду того обстоятельства, что въ архивѣ казанскаго университета его не имѣется—мы полностью возстановляемъ текстъ его въ приложеніяхъ къ настоящему тому *. Желая же удовлетворить необходимости познакомить читателей съ общими выводами ревизіи Желтухина, мы приведемъ здѣсь „Извлеченіе изъ донесенія генералъ-маіора Желтухина объ осмотрѣ казанскаго университета", представляющее собою тотъ интересъ, что это—та именно выборка изъ подробнаго отчета Желтухина, которая, по высочайшему повелѣнію, предъявлена была Магницкому для дачи необходимыхъ съ его стороны объясненій:

---

* См. въ концѣ тома приложеніе V.

Извлеченіе изъ донесенія генералъ-маіора Желтухина объ осмотрѣ казанскаго университета.

I.

СРАВНЕНІЕ УНИВЕРСИТЕТА СЪ ПРЕЖНИМЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ ДО 1819 ГОДА.

1. Содержаніе университета.

Въ 14 лѣтъ, до 1819-го года, содержаніе университета стоило казнѣ 1 милліонъ 641 тысячу.

Въ послѣдующіе семь лѣтъ издержано 1 милліонъ 593 тысячи.

2. Польза отъ университета.

Въ прежнее правленіе выпущено образованныхъ студентовъ 118 человѣкъ, въ томъ числѣ 17 съ докторскими и магистерскими степенями, изъ которыхъ многіе достигли до званія ординарныхъ профессоровъ.

Въ нынѣшнее правленіе, до 1826 года, выпущено 111 человѣкъ и въ томъ числѣ только два магистра, которые начали образованіе свое до 1819 года.

3. Нынѣ малое число студентовъ.

Въ прежнее управленіе, при недостаткѣ денежныхъ способовъ, количество студентовъ простиралось до 250 человѣкъ.

Нынѣ, при бо̀льшемъ умноженіи суммъ университетскихъ, при всеобщемъ распространеніи просвѣщенія, количество студентовъ ограничивается 104-мя человѣками.

4. Большая издержка.

По соображеніи суммъ, отпускаемыхъ ежегодно на содержаніе университета, образованіе каждаго студента стоитъ до 15 тысячъ рублей.

II.

ПРИЧИНЫ УПАДКА УНИВЕРСИТЕТА.

а) По части нравственной.

5. Новыя правила.

Г. попечитель ввелъ, безъ утвержденія министерства, правило, что бы студенты, кромѣ утреннихъ и вечернихъ молитвъ, предъ завтракомъ и ужиномъ читали молитвы по канонику; что бы во время самыхъ завтраковъ, обѣдовъ и ужиновъ одинъ изъ нихъ читалъ библію или другія священныя книги; что бы студенты исправляемые заключались въ комнату уединенія, съ желѣзными рѣшетками, съ распятіемъ и картиною страшнаго суда.

Студенты Левенгофъ и Бовинъ безъ суда отданы въ солдаты.

Извлеченіе изъ донесенія генералъ-маіора Желтухина объ осмотрѣ казанскаго университета.

I.

СРАВНЕНІЕ УНИВЕРСИТЕТА СЪ ПРЕЖНИМЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ ДО 1819 ГОДА.

1. Содержаніе университета.

Въ 14 лѣтъ, до 1819-го года, содержаніе университета стоило казнѣ 1 милліонъ 641 тысячу.

Въ послѣдующіе семь лѣтъ издержано 1 милліонъ 593 тысячи.

2. Польза отъ университета.

Въ прежнее правленіе выпущено образованныхъ студентовъ 118 человѣкъ, въ томъ числѣ 17 съ докторскими и магистерскими степенями, изъ которыхъ многіе достигли до званія ординарныхъ профессоровъ.

Въ нынѣшнее правленіе, до 1826 года, выпущено 111 человѣкъ и въ томъ числѣ только два магистра, которые начали образованіе свое до 1819 года.

3. Нынѣ малое число студентовъ.

Въ прежнее управленіе, при недостаткѣ денежныхъ способовъ, количество студентовъ простиралось до 250 человѣкъ.

Нынѣ, при бо̀льшемъ умноженіи суммъ университетскихъ, при всеобщемъ распространеніи просвѣщенія, количество студентовъ ограничивается 104-мя человѣками.

4. Большая издержка.

По соображеніи суммъ, отпускаемыхъ ежегодно на содержаніе университета, образованіе каждаго студента стоитъ до 15 тысячъ рублей.

II.

ПРИЧИНЫ УПАДКА УНИВЕРСИТЕТА.

а) По части нравственной.

5. Новыя правила.

Г. попечитель ввелъ, безъ утвержденія министерства, правило, что бы студенты, кромѣ утреннихъ и вечернихъ молитвъ, предъ завтракомъ и ужиномъ читали молитвы по канонинку; что бы во время самыхъ завтраковъ, обѣдовъ и ужиновъ одинъ изъ нихъ читалъ библію или другія священныя книги; что бы студенты исправляемые заключались въ комнату уединенія, съ желѣзными рѣшетками, съ распятіемъ и картиною страшнаго суда.

Студенты Левенгофъ и Бовинъ безъ суда отданы въ солдаты.

Воспитанника Горбунова велѣно было называть „грѣшникомъ“, отдать на руки духовнику для увѣщанія, исповѣди и причастія св. тайнъ, а во время исправленія возносить общія молитвы товарищей и начальниковъ о обращеніи грѣшника.

Правила сіи сдѣлали университетъ страннымъ въ общемъ мнѣніи, а безполезность ихъ доказывается тѣмъ, что университетъ, при личномъ наблюденіи попечителя, изъ 104-хъ студентовъ ровно четвертую часть имѣетъ порочныхъ. 6. Безполезность сихъ правилъ.

Худая нравственность опредѣленныхъ г. попечителемъ профессоровъ, раздоры между ними—унизили учебное заведеніе. Г. попечитель избралъ, напримѣръ, въ должность инспектора студентовъ молодого, неопытнаго иностранца изъ евреевъ, перемѣнившаго религію, недавно пріѣхавшаго въ Россію, не знающаго обычаевъ русскихъ, даже не знающаго писать по русски *. 7. Худой выборъ профессоровъ.

б) По части учебной.

Университетъ не составилъ на текущій академическій годъ конспектовъ и г. попечитель не обратилъ въ свое время должнаго на сіе вниманія, а потому начальство не могло знать ни о способахъ, ни о духѣ, въ какомъ преподаются науки. 8. Несоставленіе конспектовъ.

Вмѣсто публичнаго европейскаго права преподаются конституціи Англіи и Франціи. Г. попечитель ввелъ еще право византійское, для котораго, какъ и для самыхъ конституцій, преподаватель адъюнктъ Протасовъ не имѣетъ ни пособій, ни нужныхъ свѣдѣній. 9. Конституціи и византійское право.

Успѣхи въ наукахъ, кромѣ богословскихъ, медицинскихъ и математическихъ, во всѣхъ прочихъ частяхъ, а въ особенности въ языкахъ, весьма ограничены. 10. Ограниченные успѣхи въ наукахъ.

Избраніе въ профессоры предоставлено закономъ совѣту, но г. попечитель ниспровергъ сіе право. Онъ самъ избиралъ профессоровъ и, часто, изъ людей, не имѣющихъ на сіе права. 11. Нарушеніе правилъ въ избраніи профессоровъ.

Одинъ грекъ, Мистаки, возведенъ въ званіе ординар-

* Адъюнктъ Н. Д. Брашманъ.

Воспитанника Горбунова велѣно было называть „грѣшникомъ", отдать на руки духовнику для увѣщанія, исповѣди и причастія св. тайнъ, а во время исправленія возносить общія молитвы товарищей и начальниковъ о обращеніи грѣшника.

6. Безполезность сихъ правилъ.

Правила сіи сдѣлали университетъ страннымъ въ общемъ мнѣніи, а безполезность ихъ доказывается тѣмъ, что университетъ, при личномъ наблюденіи попечителя, изъ 104-хъ студентовъ ровно четвертую часть имѣетъ порочныхъ.

7. Худой выборъ профессоровъ.

Худая нравственность опредѣленныхъ г. попечителемъ профессоровъ, раздоры между ними—унизили учебное заведеніе. Г. попечитель избралъ, напримѣръ, въ должность инспектора студентовъ молодого, неопытнаго иностранца изъ евреевъ, перемѣнившаго религію, недавно пріѣхавшаго въ Россію, не знающаго обычаевъ русскихъ, даже не знающаго писать по русски *.

б) По части учебной.

8. Несоставленіе конспектовъ.

Университетъ не составилъ на текущій академическій годъ конспектовъ и г. попечитель не обратилъ въ свое время должнаго на сіе вниманія, а потому начальство не могло знать ни о способахъ, ни о духѣ, въ какомъ преподаются науки.

9. Конституціи и византійское право.

Вмѣсто публичнаго европейскаго права преподаются конституціи Англіи и Франціи. Г. попечитель ввелъ еще право византійское, для котораго, какъ и для самыхъ конституцій, преподаватель адъюнктъ Протасовъ не имѣетъ ни пособій, ни нужныхъ свѣдѣній.

10. Ограниченные успѣхи въ наукахъ.

Успѣхи въ наукахъ, кромѣ богословскихъ, медицинскихъ и математическихъ, во всѣхъ прочихъ частяхъ, а въ особенности въ языкахъ, весьма ограничены.

11. Нарушеніе правилъ въ избраніи профессоровъ.

Избраніе въ профессоры предоставлено закономъ совѣту, но г. попечитель ниспровергъ сіе право. Онъ самъ избиралъ профессоровъ и, часто, изъ людей, не имѣющихъ на сіе права.

Одинъ грекъ, Мистаки, возведенъ въ званіе ординар-

* Адъюнктъ Н. Д. Брашманъ.

наго профессора безъ всякихъ актовъ не только о его познаніяхъ, но даже и о самомъ происхожденіи.

О Купферѣ въ одинъ день полученъ указъ объ исключеніи изъ подушнаго оклада и предписаніе попечителя объ утвержденіи его въ ординарные профессоры.

Безъ выбора совѣта, по одному представленію попечителя, опредѣлены профессоры: ординарные—Сергѣевъ, Фогель, Эйхвальдъ, Купферъ и Мистаки, экстраординарные—Караблиновъ и Ероховъ, адъюнкты—Миллеръ, Пелатье и Брашманъ.

12. Слѣдствіе отъ нарушенія правилъ

Таковое нарушеніе правилъ породило происки и раздоры, а родители, будучи свидѣтелями упадка нравственности и наукъ, перестали отдавать дѣтей своихъ въ университетъ.

в) По части хозяйственной.

13. Безпорядки въ дѣлахъ и распоряженіяхъ денежныхъ суммъ.

Г. попечитель, безъ позволенія министерства, разрѣшилъ употребленіе на разные предметы значительныхъ суммъ; не ревизовалъ и не свидѣтельствовалъ хозяйственной части; дозволялъ себѣ частыя перемѣны чиновниковъ съ мѣста на мѣсто, такъ, что одинъ другому не успѣвали сдавать должности, а отъ сего произошли большія упущенія.

Дѣла правленія и строительнаго комитета—въ безпорядкѣ. За нѣсколько лѣтъ не составлено отчетовъ. Многіе подрядчики и поставщики не удовлетворены деньгами. Наконецъ—чрезвычайный безпорядокъ въ дѣлахъ совѣта.

Въ доводъ сего излагаются здѣсь слѣдующія извѣстія:

14. Суммы, находящіяся у попечителя.

Въ 1823 году правленіе университета отослало къ г. попечителю 5 тысячъ рублей для покупки нужныхъ инструментовъ для медицинскаго института и, вслѣдствіе сего, поручено было отправленному въ Парижъ профессору Купферу заказать оныя въ Германіи, но Купферъ, издержавъ на путешествіе 4500 рублей, не исполнилъ порученія потому, что онъ не получилъ отъ г. попечителя помянутыхъ 5-ти тысячъ рублей.

Для умноженія инструментовъ астрономическихъ и физическихъ также назначено было употребить изъ хозяйственной суммы 40 тысячъ рублей, которые въ 1823 году отосланы къ попечителю, а отъ него, за удержаніемъ 5-ти тысячъ рублей, остальныя 35 тысячъ рублей переданы въ

наго профессора безъ всякихъ актовъ не только о его познаніяхъ, но даже и о самомъ происхожденіи.

О Купферѣ въ одинъ день полученъ указъ объ исключеніи изъ подушнаго оклада и предписаніе попечителя объ утвержденіи его въ ординарные профессоры.

Безъ выбора совѣта, по одному представленію попечителя, опредѣлены профессоры: ординарные—Сергѣевъ, Фогель, Эйхвальдъ, Купферъ и Мистаки, экстраординарные—Караблиновъ и Ероховъ, адъюнкты—Миллеръ, Пелатье и Брашманъ.

12. Слѣдствіе отъ нарушенія правилъ

Таковое нарушеніе правилъ породило происки и раздоры, а родители, будучи свидѣтелями упадка нравственности и наукъ, перестали отдавать дѣтей своихъ въ университетъ.

в) По части хозяйственной.

13. Безпорядки въ дѣлахъ и распоряженіяхъ денежныхъ суммъ.

Г. попечитель, безъ позволенія министерства, разрѣшилъ употребленіе на разные предметы значительныхъ суммъ; не ревизовалъ и не свидѣтельствовалъ хозяйственной части; дозволялъ себѣ частыя перемѣны чиновниковъ съ мѣста на мѣсто, такъ, что одинъ другому не успѣвали сдавать должности, а отъ сего произошли большія упущенія.

Дѣла правленія и строительнаго комитета—въ безпорядкѣ. За нѣсколько лѣтъ не составлено отчетовъ. Многіе подрядчики и поставщики не удовлетворены деньгами. Наконецъ—чрезвычайный безпорядокъ въ дѣлахъ совѣта.

Въ доводъ сего излагаются здѣсь слѣдующія извѣстія:

14. Суммы, находящіяся у попечителя.

Въ 1823 году правленіе университета отослало къ г. попечителю 5 тысячъ рублей для покупки нужныхъ инструментовъ для медицинскаго института и, вслѣдствіе сего, поручено было отправленному въ Парижъ профессору Купферу заказать оныя въ Германіи, но Купферъ, издержавъ на путешествіе 4500 рублей, не исполнилъ порученія потому, что онъ не получилъ отъ г. попечителя помянутыхъ 5-ти тысячъ рублей.

Для умноженія инструментовъ астрономическихъ и физическихъ также назначено было употребить изъ хозяйственной суммы 40 тысячъ рублей, которые въ 1823 году отосланы къ попечителю, а отъ него, за удержаніемъ 5-ти тысячъ рублей, остальныя 35 тысячъ рублей переданы въ

распоряженіе посланнаго тогда въ Вѣну и Парижъ профессора Симонова. Отчетъ Симонова въ 35 тыс. рубляхъ показываетъ, что, по дозволенію попечителя, употреблено изъ сихъ суммъ на путешествіе Симонова 3300 рублей; выдано профессору Купферу для пребыванія въ Парижѣ и обратное путешествіе 2500 рублей; куплено и заказано астрономическихъ инструментовъ на 18,464 рубля. Послѣдніе 10,935 рублей отосланы обратно къ попечителю, который отозвался, что оныя деньги, а также и прежде ему доставленныя 5 тысячъ рублей, хранятся у него въ С.-Петербургѣ для расплаты по векселямъ за заказанныя вещи. Но извѣстно, что профессоръ Купферъ на ассигнованныя 5 тысячъ рублей никакихъ вещей не заказывалъ.

15. Уничтоженіе торговъ.

При перестройкѣ главныхъ корпусовъ на малярныя работы назначены были торги: первый—на 8-ое, второй—на 19-ое ноября, и третій—декабря 3-го числа. О вызовѣ желающихъ сдѣлано распоряженіе, но 7-го ноября правленіе получило предписаніе попечителя о немедленномъ допущеніи къ симъ работамъ крестьянина Петрова, по объявленнымъ имъ цѣнамъ. Такимъ образомъ, торги уничтожились, хотя на нихъ явился новый подрядчикъ Тихоновъ.

16. Безпорядки по строительному комитету.

Членами строительнаго комитета большею частью были: ординарный профессоръ Лобачевскій и адъюнктъ Васильевъ. Первый, въ тоже время, имѣлъ три кафедры и былъ деканомъ факультета, а послѣдній, кромѣ кафедры, занятъ былъ другими должностями. Отъ сего у нихъ и отчеты за 1824 и 1825 не составлены.

17. Назначеніе новаго члена Калашникова произвело новые безпорядки.

Въ 1823 году присланъ отъ г. попечителя новый членъ, коллежскій ассесоръ Калашниковъ, съ жалованьемъ по 2500 р. въ годъ, но съ симъ вмѣстѣ умножились по комитету и безпорядки, ибо Калашниковъ, руководимъ будучи особеннымъ предписаніемъ г. попечителя, составилъ отдѣльную коммиссію, занятія которой состояли въ двухъ дневныхъ журналахъ 26 и 30 іюня 1824 года; потомъ, когда дѣла сіи обратились въ строительный комитетъ, безпрерывно подавалъ мнѣнія, которыя безполезно умножали дѣла и произвели личности между архитекторомъ и профессоромъ Лобачевскимъ.

Дабы судить о пользѣ занятій г. Калашникова приводится одно его мнѣніе, 15 генваря 1824 года поданное, что содержаніе четырехъ водовозныхъ лошадей при универси-

распоряженіе посланнаго тогда въ Вѣну и Парижъ профессора Симонова. Отчетъ Симонова въ 35 тыс. рубляхъ показываетъ, что, по дозволенію попечителя, употреблено изъ сихъ суммъ на путешествіе Симонова 3300 рублей; выдано профессору Купферу для пребыванія въ Парижѣ и обратное путешествіе 2500 рублей; куплено и заказано астрономическихъ инструментовъ на 18,464 рубля. Послѣдніе 10,935 рублей отосланы обратно къ попечителю, который отозвался, что оныя деньги, а также и прежде ему доставленныя 5 тысячъ рублей, хранятся у него въ С.-Петербургѣ для расплаты по векселямъ за заказанныя вещи. Но извѣстно, что профессоръ Купферъ на ассигнованныя 5 тысячъ рублей никакихъ вещей не заказывалъ.

При перестройкѣ главныхъ корпусовъ на малярныя работы назначены были торги: первый—на 8-ое, второй—на 19-ое ноября, и третій—декабря 3-го числа. О вызовѣ желающихъ сдѣлано распоряженіе, но 7-го ноября правленіе получило предписаніе попечителя о немедленномъ допущеніи къ симъ работамъ крестьянина Петрова, по объявленнымъ имъ цѣнамъ. Такимъ образомъ, торги уничтожились, хотя на нихъ явился новый подрядчикъ Тихоновъ. 15. Уничтоженіе торговъ.

Членами строительнаго комитета большею частью были: ординарный профессоръ Лобачевскій и адъюнктъ Васильевъ. Первый, въ тоже время, имѣлъ три кафедры и былъ деканомъ факультета, а послѣдній, кромѣ кафедры, занятъ былъ другими должностями. Отъ сего у нихъ и отчеты за 1824 и 1825 не составлены. 16. Безпорядки по строительному комитету.

Въ 1823 году присланъ отъ г. попечителя новый членъ, коллежскій ассесоръ Калашниковъ, съ жалованьемъ по 2500 р. въ годъ, но съ симъ вмѣстѣ умножились по комитету и безпорядки, ибо Калашниковъ, руководимъ будучи особеннымъ предписаніемъ г. попечителя, составилъ отдѣльную коммиссію, занятія которой состояли въ двухъ дневныхъ журналахъ 26 и 30 іюня 1824 года; потомъ, когда дѣла сіи обратились въ строительный комитетъ, безпрерывно подавалъ мнѣнія, которыя безполезно умножали дѣла и произвели личности между архитекторомъ и профессоромъ Лобачевскимъ. 17. Назначеніе новаго члена Калашникова произвело новые безпорядки.

Дабы судить о пользѣ занятій г. Калашникова приводится одно его мнѣніе, 15 генваря 1824 года поданное, что содержаніе четырехъ водовозныхъ лошадей при универси-

тетѣ можетъ стоить до 3-хъ тысячъ рублей! Исчисленіе сіе возродило большую переписку и опровергнуто профессоромъ Никольскимъ.

Хотя о всѣхъ неосновательныхъ перепискахъ Калашникова профессоръ Никольскій доводилъ до свѣдѣнія г. попечителя, но не получилъ на донесенія свои никакого разрѣшенія.

18. Награда Калашникову.

Не смотря на сіе, Калашниковъ стоитъ университету жалованіемъ болѣе 7-ми тысячъ рублей и получилъ орденъ св. Анны второй степени.

19. Переводъ Калашникова въ директоры училищъ.

Нынѣ Калашниковъ, по предписанію г. попечителя, переводится изъ членовъ строительнаго комитета, не докончивъ отчетности, въ директоры симбирскихъ училищъ, съ жалованьемъ по 860 р. въ годъ вмѣсто получаемыхъ 2500 рублей. Если сей чиновникъ удостоивался наградъ справедливо, то не слѣдуетъ лишать его преимущества, коимъ пользуется; если же переводъ сей дѣлается по какимъ либо упущеніямъ—то должно ихъ строго разсмотрѣть и не ввѣрять надзоръ и воспитаніе юношества лицу неблагонадежному.

Приведенное извлеченіе изъ отчета генералъ-маіора Желтухина было 1-го апрѣля повержено на благоусмотрѣніе государя, который приказалъ предъявить это извлеченіе попечителю казанскаго учебнаго округа съ тѣмъ, что бы тотъ могъ представить на него свои объясненія. Извлеченіе это было препровождено Магницкому министромъ народнаго просвѣщенія при слѣдующемъ письмѣ отъ 3-го апрѣля:

„Милостивый государь мой Михаилъ Леонтьевичъ!--По высочайшему повелѣнію имѣю честь препроводить при семъ вашему превосходительству извлеченіе изъ донесенія генералъ-маіора Желтухина объ осмотрѣ имъ казанскаго университета. Государю императору угодно, что бы вы, милостивый государь, представили его величеству въ собственныя руки ваши по сему предмету объясненія".

Попечитель отвѣтилъ министру (отъ 19-го апрѣля), что онъ „не умедлитъ, по надлежащемъ соображеніи", представить требуемыя отъ него объясненія на высочайшее благоусмотрѣніе и дѣятельно принялся за работу, результатомъ которой явилось громоздкое (на 213-ти листахъ) дѣло

тетѣ можетъ стоить до 3-хъ тысячъ рублей! Исчисленіе сіе возродило большую переписку и опровергнуто профессоромъ Никольскимъ.

Хотя о всѣхъ неосновательныхъ перепискахъ Калашникова профессоръ Никольскій доводилъ до свѣдѣнія г. попечителя, но не получилъ на донесенія свои никакого разрѣшенія.

18. Награда Калашникову.

Не смотря на сіе, Калашниковъ стоитъ университету жалованіемъ болѣе 7-ми тысячъ рублей и получилъ орденъ св. Анны второй степени.

19. Переводъ Калашникова въ директоры училищъ.

Нынѣ Калашниковъ, по предписанію г. попечителя, переводится изъ членовъ строительнаго комитета, не докончивъ отчетности, въ директоры симбирскихъ училищъ, съ жалованьемъ по 860 р. въ годъ вмѣсто получаемыхъ 2500 рублей. Если сей чиновникъ удостоивался наградъ справедливо, то не слѣдуетъ лишать его преимущества, коимъ пользуется; если же переводъ сей дѣлается по какимъ либо упущеніямъ—то должно ихъ строго разсмотрѣть и не ввѣрять надзоръ и воспитаніе юношества лицу неблагонадежному.

Приведенное извлеченіе изъ отчета генералъ-маіора Желтухина было 1-го апрѣля повержено на благоусмотрѣніе государя, который приказалъ предъявить это извлеченіе попечителю казанскаго учебнаго округа съ тѣмъ, что бы тотъ могъ представить на него свои объясненія. Извлеченіе это было препровождено Магницкому министромъ народнаго просвѣщенія при слѣдующемъ письмѣ отъ 3-го апрѣля:

„Милостивый государь мой Михаилъ Леонтьевичъ!—По высочайшему повелѣнію имѣю честь препроводить при семъ вашему превосходительству извлеченіе изъ донесенія генералъ-маіора Желтухина объ осмотрѣ имъ казанскаго университета. Государю императору угодно, что бы вы, милостивый государь, представили его величеству въ собственныя руки ваши по сему предмету объясненія".

Попечитель отвѣтилъ министру (отъ 19-го апрѣля), что онъ „не умедлитъ, по надлежащемъ соображеніи", представить требуемыя отъ него объясненія на высочайшее благоусмотрѣніе и дѣятельно принялся за работу, результатомъ которой явилось громоздкое (на 213-ти листахъ) дѣло

архива министерства народнаго просвѣщенія, носящее заглавіе: „О доставленіи по высочайшему повелѣнію д. с. с. Магницкому извлеченія изъ донесенія генералъ-маіора Желтухина объ осмотрѣ имъ казанскаго университета, для объясненій по оному" [275].

Резолюція императора Николая могла вселить въ Магницкомъ новую надежду на возможность благопріятнаго исхода его дѣла, но надеждѣ этой не было суждено осуществиться уже потому, что, въ точное исполненіе высочайшей воли разсмотрѣть дѣло казанскаго попечителя „безъ замедленія", дѣло это началось въ главномъ правленіи училищъ слушаніемъ 10-го апрѣля и уже 14-го апрѣля постановлено было здѣсь неблагопріятное для Магницкаго и предрѣшившее участь его опредѣленіе. Только 6-го мая, слѣдовательно уже много позже состоявшагося въ главномъ правленіи училищъ рѣшенія, Магницкимъ высланы были на непосредственное благоусмотрѣніе государя императора его „объясненія на извлеченіе изъ донесенія генералъ-маіора Желтухина", при двухъ всеподданнѣйшихъ письмахъ, которыя оба датированы однимъ и тѣмъ же днемъ—6-мъ числомъ мая 1826 года.

Первое изъ этихъ писемъ, при которомъ представлены попечителемъ его „объясненія", было составлено въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Государь Всемилостивѣйшій!

Исполняя высочайшую и всемилостивѣйшую волю Вашего Императорскаго Величества, имѣю счастье поднести у сего самое полное объясненіе на несправедливыя, злонамѣренныя и бездоказательныя обвиненія меня и университета, мною управляемаго, генералъ-маіора Желтухина.

Я не осмѣлился представить Вашему Величеству иного объясненія, какъ основаннаго на неоспоримыхъ фактахъ, кои готовъ, по первому повелѣнію, доставить, и на свидѣтеляхъ, которые также готовы всѣ показанія свои утвердить присягою.

Тоже самое безпримѣрное правосудіе Вашего Величества, которое, отвративъ слухъ отъ навѣтовъ и клеветъ, пожелало внять оправданію моему, то же самое правосудіе, Государь,—сія вѣрная порука въ счастіи Россіи подъ мудрымъ царствованіемъ Вашимъ,—будетъ и нынѣ моимъ ходатаемъ, и я беззаботно ему предаю личную судьбу мою, честь и участь семейства моего. Но, государь всемилостивѣйшій, державная власть, никогда не умирающая, облекла меня въ званіе начальника одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній, коему ввѣрено образованіе народное въ двѣнадцати губерніяхъ, гдѣ уже семь лѣтъ распространяетъ онъ истинно русское воспитаніе, коего девизъ: Богъ и Царь!

архива министерства народнаго просвѣщенія, носящее заглавіе: „О доставленіи по высочайшему повелѣнію д. с. с. Магницкому извлеченія изъ донесенія генералъ-маіора Желтухина объ осмотрѣ имъ казанскаго университета, для объясненій по оному“ [275].

Резолюція императора Николая могла вселить въ Магницкомъ новую надежду на возможность благопріятнаго исхода его дѣла, но надеждѣ этой не было суждено осуществиться уже потому, что, въ точное исполненіе высочайшей воли разсмотрѣть дѣло казанскаго попечителя „безъ замедленія“, дѣло это началось въ главномъ правленіи училищъ слушаніемъ 10-го апрѣля и уже 14-го апрѣля постановлено было здѣсь неблагопріятное для Магницкаго и предрѣшившее участь его опредѣленіе. Только 6-го мая, слѣдовательно уже много позже состоявшагося въ главномъ правленіи училищъ рѣшенія, Магницкимъ высланы были на непосредственное благоусмотрѣніе государя императора его „объясненія на извлеченіе изъ донесенія генералъ-маіора Желтухина“, при двухъ всеподданнѣйшихъ письмахъ, которыя оба датированы однимъ и тѣмъ же днемъ—6-мъ числомъ мая 1826 года.

Первое изъ этихъ писемъ, при которомъ представлены попечителемъ его „объясненія“, было составлено въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Государь Всемилостивѣйшій!

Исполняя высочайшую и всемилостивѣйшую волю Вашего Императорскаго Величества, имѣю счастье поднести у сего самое полное объясненіе на несправедливыя, злонамѣренныя и бездоказательныя обвиненія меня и университета, мною управляемаго, генералъ-маіора Желтухина.

Я не осмѣлился представить Вашему Величеству иного объясненія, какъ основаннаго на неоспоримыхъ фактахъ, кои готовъ, по первому повелѣнію, доставить, и на свидѣтеляхъ, которые также готовы всѣ показанія свои утвердить присягою.

Тоже самое безпримѣрное правосудіе Вашего Величества, которое, отвративъ слухъ отъ навѣтовъ и клеветъ, пожелало внять оправданію моему, то же самое правосудіе, Государь,—сія вѣрная порука въ счастіи Россіи подъ мудрымъ царствованіемъ Вашимъ,—будетъ и нынѣ моимъ ходатаемъ, и я беззаботно ему предаю личную судьбу мою, честь и участь семейства моего. Но, государь всемилостивѣйшій, державная власть, никогда не умирающая, облекла меня въ званіе начальника одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній, коему ввѣрено образованіе народное въ двѣнадцати губерніяхъ, гдѣ уже семь лѣтъ распространяетъ онъ истинно русское воспитаніе, коего девизъ: Богъ и Царь!

Почтенное сословіе сіе, вѣрою и правдою служащее и лично Вашему Величеству, не только по любви къ царямъ, въ крови каждаго русскаго текущей, но по искреннему убѣжденію и по благодарности за правосудіе, ему оказанное,—сіе вѣрное Вамъ, государь, сословіе предстоитъ нынѣ, въ лицѣ моемъ, оклеветанное и публично всѣми способами поруганное генералъ-маіоромъ Желтухинымъ и помощникомъ его, колл. совѣтникомъ Есиповымъ, всеподданнѣйше проситъ удовлетворенія за сіи жестокія и не заслуженныя обиды.

И я, въ качествѣ его ходатая—Кесаря нарицаю"!

Это попечительское письмо, изложенное въ духѣ и въ стилѣ, неоднократно импонировавшихъ, при благосклонномъ содѣйствіи въ дѣлѣ министра князя А. Н. Голицина, на благодушную психику покойнаго императора Александра—уже не возимѣло такого же воздѣйствія по отношенію къ новому государю. Отмѣтивъ карандашемъ льстивыя выраженія Магницкаго: „безпримѣрное правосудіе вашего величества" и „Кесаря нарицаю" (послѣднее даже съ вопросительнымъ знакомъ), государь положилъ на письмѣ слѣдующую резолюцію отъ 16-го мая: „Министру народнаго просвѣщенія, лично просмотрѣвъ, донести". Все дѣло по оправданіямъ Магницкаго снова и всецѣло переносилось, такимъ образомъ, въ оппозиціонныя ему министерскія сферы. Если въ уже только что приведенномъ нами всеподданнѣйшемъ письмѣ казанскаго попечителя съ полною отчетливостью проглядываетъ его поползновеніе укрыться за спину казанскаго университета, выставляемаго имъ главною жертвою воздвигнутаго ревизіею начала 1826-го года „гоненія", то во второмъ письмѣ его государю этотъ тактическій пріемъ, уснащенный намеками на какія то подпольныя партійныя интриги, выступаетъ передъ нами въ еще болѣе яркомъ свѣтѣ.

„Предъ Богомъ смѣю увѣрить Ваше Величество,—пишетъ здѣсь Магницкій,—что сильная уже у насъ, но еще сокрытая, партія гонитъ и ищетъ обезчестить въ лицѣ казанскаго университета тѣ святыя начала, кои отъ временъ Владиміра ограждали благословенное отечество наше отъ чужеземнаго невѣрія и возмутительныхъ правилъ.

Управляя двѣнадцатью губерніями, казанскій университетъ есть твердый оплотъ противъ сего потопа. Опасаются, что бы правила его не были распространены на всѣ прочія заведенія, и единственно потому, въ теченіи семи лѣтъ, его и его начальство всѣми средствами клевещутъ и гонятъ.

Почтенное сословіе сіе, вѣрою и правдою служащее и лично Вашему Величеству, не только по любви къ царямъ, въ крови каждаго русскаго текущей, но по искреннему убѣжденію и по благодарности за правосудіе, ему оказанное,—сіе вѣрное Вамъ, государь, сословіе предстоитъ нынѣ, въ лицѣ моемъ, оклеветанное и публично всѣми способами поруганное генералъ-маіоромъ Желтухинымъ и помощникомъ его, колл. совѣтникомъ Есиповымъ, всеподданнѣйше проситъ удовлетворенія за сіи жестокія и не заслуженныя обиды.

И я, въ качествѣ его ходатая—Кесаря нарицаю"!

Это попечительское письмо, изложенное въ духѣ и въ стилѣ, неоднократно импонировавшихъ, при благосклонномъ содѣйствіи въ дѣлѣ министра князя А. Н. Голицина, на благодушную психику покойнаго императора Александра—уже не возимѣло такого же воздѣйствія по отношенію къ новому государю. Отмѣтивъ карандашемъ льстивыя выраженія Магницкаго: „безпримѣрное правосудіе вашего величества" и „Кесаря нарицаю" (послѣднее даже съ вопросительнымъ знакомъ), государь положилъ на письмѣ слѣдующую резолюцію отъ 16-го мая: „Министру народнаго просвѣщенія, лично просмотрѣвъ, донести". Все дѣло по оправданіямъ Магницкаго снова и всецѣло переносилось, такимъ образомъ, въ оппозиціонныя ему министерскія сферы. Если въ уже только что приведенномъ нами всеподданнѣйшемъ письмѣ казанскаго попечителя съ полною отчетливостью проглядываетъ его поползновеніе укрыться за спину казанскаго университета, выставляемаго имъ главною жертвою воздвигнутаго ревизіею начала 1826-го года „гоненія", то во второмъ письмѣ его государю этотъ тактическій пріемъ, уснащенный намеками на какія то подпольныя партійныя интриги, выступаетъ передъ нами въ еще болѣе яркомъ свѣтѣ.

„Предъ Богомъ смѣю увѣрить Ваше Величество,—пишетъ здѣсь Магницкій,—что сильная уже у насъ, но еще сокрытая, партія гонитъ и ищетъ обезчестить въ лицѣ казанскаго университета тѣ святыя начала, кои отъ временъ Владиміра ограждали благословенное отечество наше отъ чужеземнаго невѣрія и возмутительныхъ правилъ.

Управляя двѣнадцатью губерніями, казанскій университетъ есть твердый оплотъ противъ сего потопа. Опасаются, что бы правила его не были распространены на всѣ прочія заведенія, и единственно потому, въ теченіи семи лѣтъ, его и его начальство всѣми средствами клевещутъ и гонятъ.

Преслѣдованіе сіе, наконецъ, доведено до того, что, пользуясь и самымъ разстояніемъ его отъ столицы, посреди очевидныхъ свидѣтелей отличнаго его благостоянія во всѣхъ частяхъ,—архіерея, начальника губерніи, губернскаго предводителя дворянства, отцовъ и матерей около двухсотъ дѣтей, воспитываемыхъ въ вѣрѣ предковъ, въ вѣрности и любви къ природнымъ царямъ,—два человѣка: одинъ—фанатикъ противной университету партіи, другой—политически казненный (sic) *, имѣли дерзость публично, при всеобщемъ негодованіи (!) на нихъ города, обругать сей университетъ и въ лицѣ начальства, и въ сословіи, и въ членахъ онаго, самымъ наглымъ образомъ; имѣли дерзость клеветы свои на него представить оффиціально на высочайшее усмотрѣніе.

Заведеніе сіе такъ ими обезславлено, что единственно милостивое слово Вашего Императорскаго Величества сильно возстановить его прежнюю честь. Возсозданіе сего по истинѣ русскаго университета,—говорю по присягѣ моей предъ Вашимъ Величествомъ,—достойно святыхъ дней, предваряющихъ вѣнчаніе ваше, Государь, на царство, правомъ и великими свойствами пріобрѣтенное, вѣнчаніе, котораго съ такою радостью ожидаетъ вся имперія, какъ священнаго запечатлѣнія благословенныхъ судебъ ея, на царственной главѣ вашей покоящихся.

Да удостоится, Государь всемилостивѣйшій, казанскій университетъ изъяснить Вашему Величеству чувства его къ августѣйшей особѣ Вашей, стѣсненныя доселѣ опалою, которую наложили на него враги добрыхъ его началъ, но тѣмъ пламеннѣе къ правосудному защитнику его пылающій!“ [276].

Мы считаемъ совершенно излишнимъ возстановлять громоздкія „объясненія“ Магницкаго, представленныя имъ императору и заключащія въ себѣ возраженія по всѣмъ пунктамъ предъявленнаго ему и полностью приведеннаго нами выше „извлеченія“ изъ отчета генералъ-маіора Желтухина. Считаемъ это дѣломъ совершенно безцѣльнымъ, во первыхъ—потому, что всѣ фигурирующія здѣсь данныя фактическаго характера, представляющія сколько нибудь существенный интересъ для исторіи казанскаго университета, уже знакомы читателямъ изъ нашего предшествовавшаго изложенія; во вторыхъ—потому, что почти всѣ эти объясненія представляютъ собою чисто діалектическія, хотя порою и не лишенныя остроумія, ухищренія попечителя опровергнуть предъявленныя ему обвиненія; въ третьихъ,—и главнымъ образомъ,—потому, что этимъ объясненіямъ не было суждено получить практическаго значенія, обратившись въ груду мертво-

---

* Намекъ на г.-м. Желтухина и его помощника по ревизіи Есипова.

Преслѣдованіе сіе, наконецъ, доведено до того, что, пользуясь и самымъ разстояніемъ его отъ столицы, посреди очевидныхъ свидѣтелей отличнаго его благостоянія во всѣхъ частяхъ,—архіерея, начальника губерніи, губернскаго предводителя дворянства, отцовъ и матерей около двухсотъ дѣтей, воспитываемыхъ въ вѣрѣ предковъ, въ вѣрности и любви къ природнымъ царямъ,—два человѣка: одинъ—фанатикъ противной университету партіи, другой—политически казненный (sic) *, имѣли дерзость публично, при всеобщемъ негодованіи (!) на нихъ города, обругать сей университетъ и въ лицѣ начальства, и въ сословіи, и въ членахъ онаго, самымъ наглымъ образомъ; имѣли дерзость клеветы свои на него представить оффиціально на высочайшее усмотрѣніе.

Заведеніе сіе такъ ими обезславлено, что единственно милостивое слово Вашего Императорскаго Величества сильно возстановить его прежнюю честь. Возсозданіе сего по истинѣ русскаго университета,—говорю по присягѣ моей предъ Вашимъ Величествомъ,—достойно святыхъ дней, предваряющихъ вѣнчаніе ваше, Государь, на царство, правомъ и великими свойствами пріобрѣтенное, вѣнчаніе, котораго съ такою радостью ожидаетъ вся имперія, какъ священнаго запечатлѣнія благословенныхъ судебъ ея, на царственной главѣ вашей покоящихся.

Да удостоится, Государь всемилостивѣйшій, казанскій университетъ изъяснить Вашему Величеству чувства его къ августѣйшей особѣ Вашей, стѣсненныя доселѣ опалою, которую наложили на него враги добрыхъ его началъ, но тѣмъ пламеннѣе къ правосудному защитнику его пылающій!" [276].

Мы считаемъ совершенно излишнимъ возстановлять громоздкія „объясненія" Магницкаго, представленныя имъ императору и заключащія въ себѣ возраженія по всѣмъ пунктамъ предъявленнаго ему и польностью приведеннаго нами выше „извлеченія" изъ отчета генералъ-маіора Желтухина. Считаемъ это дѣломъ совершенно безцѣльнымъ, во первыхъ—потому, что всѣ фигурирующія здѣсь данныя фактическаго характера, представляющія сколько нибудь существенный интересъ для исторіи казанскаго университета, уже знакомы читателямъ изъ нашего предшествовавшаго изложенія; во вторыхъ—потому, что почти всѣ эти объясненія представляютъ собою чисто діалектическія, хотя порою и не лишенныя остроумія, ухищренія попечителя опровергнуть предъявленныя ему обвиненія; въ третьихъ,—и главнымъ образомъ,—потому, что этимъ объясненіямъ не было суждено получить практическаго значенія, обратившись въ груду мертво-

* Намекъ на г.-м. Желтухина и его помощника по ревизіи Есипова.

рожденнаго архивнаго матеріала. Ограничимся, въ силу только что приведенныхъ нами соображеній, лишь данными самаго общаго характера относительно представленныхъ Магницкимъ объясненій.

Представленные Магницкимъ объяснительные матеріалы слагаются: а) изъ общаго характера записки, возражающей, по пунктамъ, на предъявленныя ему „извлеченія“ изъ донесенія Желтухина и б) изъ цѣлаго ряда пояснительныхъ къ этой запискѣ приложеній, сущность которыхъ, въ огромномъ большинствѣ ихъ, намъ уже знакома. Перечислимъ эти приложенія, съ указаніемъ, въ скобкахъ, тѣхъ предшествовавшихъ мѣстъ нашего труда, гдѣ интересующіеся могутъ найти относящіяся сюда болѣе или менѣе детальныя свѣдѣнія:

Приложенія къ объяснительной запискѣ Магницкаго.

№ 1. Краткая записка объ употребленіи суммъ казанскаго университета.

Литера A. Записка изъ дѣлъ попечителей казанскаго учебнаго округа съ 1806 по 1813 годъ о поступкахъ профессоровъ казанскаго университета (см. томъ II, стр. 474—475).

Литера B. Краткая записка о поступкахъ студентовъ и воспитанниковъ съ 1804 по 1819 годъ (см. томъ II, стр. 596—598, томъ III, стр. 435).

Литера C. Выписка изъ дѣлъ о слѣдствіяхъ воспитанія до 1819 года (см. томъ II, стр. 625—626).

Литера D. Выписки изъ начальнаго курса философіи Снелля (см. томъ III, стр. 484—486).

Литера E. Извлеченія изъ естественнаго права профессора Финке (см. томъ III, стр. 486—487).

Литера F. Краткій отчетъ объ управленіи попечителя казанскаго учебнаго округа (см. выше стр. 449—451 и, ниже, приложеніе III).

№ 2. Записка о введенныхъ попечителемъ правилахъ, съ приложеніемъ «Наставленія директору о внутреннемъ и наружномъ благоустройствѣ для студентовъ» (см. выше стр. 93 и сл., 106 и сл.).

№ 3. Донесеніе адъюнкта Полиновскаго (см. выше стр. 563).

№ 4. О конспектахъ (см. томъ III, стр. 470—473).

№ 5. Показаніе, сколько г.-м. Желтухинъ, при посѣщеніи лекцій, употребилъ времени на каждый классъ (см. выше стр. 560).

№ 6. Истинное изложеніе неприличій, личностей, неправильностей, противозаконныхъ и оскорбительныхъ дѣйствій генералъ-маіора Желтухина при осмотрѣ казанскаго университета (см. ниже).

Къ этому № отдѣльныя приложенія:

а) Донесеніе протоіерея А. И. Нечаева (см. выше стр. 561).

б) Донесеніе проф. Г. Н. Городчанинова (см. выше стр. 561—562).

в) Донесеніе проф. Я. М. Караблинова (см. выше стр. 562).

г) Донесеніе проф. В. Я. Булыгина (см. выше стр. 562—563).

д) Донесеніе ад. В. М. Полиновскаго (см. выше стр. 563—564).

рожденнаго архивнаго матеріала. Ограничимся, въ силу только что приведенныхъ нами соображеній, лишь данными самаго общаго характера относительно представленныхъ Магницкимъ объясненій.

Представленные Магницкимъ объяснительные матеріалы слагаются: а) изъ общаго характера записки, возражающей, по пунктамъ, на предъявленныя ему „извлеченія“ изъ донесенія Желтухина и б) изъ цѣлаго ряда пояснительныхъ къ этой запискѣ приложеній, сущность которыхъ, въ огромномъ большинствѣ ихъ, намъ уже знакома. Перечислимъ эти приложенія, съ указаніемъ, въ скобкахъ, тѣхъ предшествовавшихъ мѣстъ нашего труда, гдѣ интересующіеся могутъ найти относящіяся сюда болѣе или менѣе детальныя свѣдѣнія:

Приложенія къ объяснительной запискѣ Магницкаго.

№ 1. Краткая записка объ употребленіи суммъ казанскаго университета.

Литера А. Записка изъ дѣлъ попечителей казанскаго учебнаго округа съ 1806 по 1813 годъ о поступкахъ профессоровъ казанскаго университета (см. томъ II, стр. 474—475).

Литера В. Краткая записка о поступкахъ студентовъ и воспитанниковъ съ 1804 по 1819 годъ (см. томъ II, стр. 596—598, томъ III, стр. 435).

Литера С. Выписка изъ дѣлъ о слѣдствіяхъ воспитанія до 1819 года (см. томъ II, стр. 625—626).

Литера D. Выписки изъ начальнаго курса философіи Снелля (см. томъ III, стр. 484—486).

Литера Е. Извлеченія изъ естественнаго права профессора Финке (см. томъ III, стр. 486—487).

Литера F. Краткій отчетъ объ управленіи попечителя казанскаго учебнаго округа (см. выше стр. 449—451 и, ниже, приложеніе III).

№ 2. Записка о введенныхъ попечителемъ правилахъ, съ приложеніемъ «Наставленія директору о внутреннемъ и наружномъ благоустройствѣ для студентовъ» (см. выше стр. 93 и сл., 106 и сл.).

№ 3. Донесеніе адъюнкта Полиновскаго (см. выше стр. 563).

№ 4. О конспектахъ (см. томъ III, стр. 470—473).

№ 5. Показаніе, сколько г.-м. Желтухинъ, при посѣщеніи лекцій, употребилъ времени на каждый классъ (см. выше стр. 560).

№ 6. Истинное изложеніе неприличій, личностей, неправильностей, противозаконныхъ и оскорбительныхъ дѣйствій генералъ-маіора Желтухина при осмотрѣ казанскаго университета (см. ниже).

Къ этому № отдѣльныя приложенія:

а) Донесеніе протоіерея А. И. Нечаева (см. выше стр. 561).

б) Донесеніе проф. Г. Н. Городчанинова (см. выше стр. 561—562).

в) Донесеніе проф. Я. М. Караблинова (см. выше стр. 562).

г) Донесеніе проф. В. Я. Булыгина (см. выше стр. 562—563).

д) Донесеніе ад. В. М. Полиновскаго (см. выше стр. 563—564).

c) Донесеніе ад. И. Ѳ. Краузе (см. выше стр. 140—142).

№ 7. Записка изъ дѣла объ опредѣленіи профессоровъ и адъюнктовъ (см. томъ III, стр. 433—436).

№ 8. Записка объ экзаменахъ.

№ 9. } Записки о разныхъ предметахъ.
№ 10.

№ 11. О мнимомъ нарушеніи торговъ.

№ 12. Записка о членѣ строительнаго комитета Калашниковѣ [277].

Мы уже знаемъ, что „объясненія“ Магницкаго, также какъ и всѣ только что перечисленныя приложенія къ нему, были высланы имъ, на высочайшее имя изъ Казани лишь 6-го мая, то есть тремя недѣлями позже уже состоявшагося по его дѣлу опредѣленія главнаго правленія училищъ и какъ разъ въ день отрѣшенія его отъ всѣхъ занимаемыхъ должностей. Министръ народнаго просвѣщенія, на заключеніе котораго, высочайшею резолюціею отъ 16-го мая, переданъ былъ весь этотъ объемистый оправдательный матеріалъ, отнесся къ нему съ самой суровой стороны въ своемъ докладѣ государю императору, имѣвшемъ мѣсто 21-го мая. Высказавшись въ томъ смыслѣ, что „объясненія д. с. с. Магницкаго, какъ изъ просмотрѣнія моего оказалось, не измѣняютъ положенія главнаго правленія училищъ и моего о его дѣйствіяхъ заключенія, которыя я имѣлъ счастье повергнуть на высочайшее вашего императорскаго величества благоусмотрѣніе“, и оправдывая тѣ недочеты, которые могли бы быть обнаружены въ результатахъ ревизіи Желтухина, адмиралъ Шишковъ съ негодованіемъ останавливается на извѣтахъ Магницкаго относительно какой то „скрытой партіи“, будто бы ополчившейся противъ „святыхъ началъ“ отечественнаго просвѣщенія, и на неприличныхъ выраженіяхъ, которыя позволилъ себѣ бывшій казанскій попечитель по адресу Желтухина и Есипова. Министръ отнесъ, до извѣстной степени, и къ себѣ киванія Магницкаго въ сторону какой то тайной партіи. „По отношенію къ партіи, противной общественному порядку,—читаемъ въ докладѣ адмирала Шишкова,—имѣю счастье представить, что, при разсмотрѣніи дѣйствій бывшаго попечителя казанскаго учебнаго округа, я не замѣтилъ никакихъ партій и что образъ мыслей моихъ столько извѣстенъ всему свѣту, что мнѣ не предстоитъ надобности увѣрять, что я не принадлежалъ и не могу принадлежать къ описываемой г. Магницкимъ партіи“.

На поляхъ этой докладной записки значится помѣта рукою А. С. Шишкова:

c) Донесеніе ад. И. Ѳ. Краузе (см. выше стр. 140—142).

№ 7. Записка изъ дѣла объ опредѣленіи профессоровъ и адъюнктовъ (см. томъ III, стр. 433—436).

№ 8. Записка объ экзаменахъ.

№ 9. } Записки о разныхъ предметахъ.
№ 10.

№ 11. О мнимомъ нарушеніи торговъ.

№ 12. Записка о членѣ строительнаго комитета Калашниковѣ [277].

Мы уже знаемъ, что „объясненія" Магницкаго, также какъ и всѣ только что перечисленныя приложенія къ нему, были высланы имъ, на высочайшее имя изъ Казани лишь 6-го мая, то есть тремя недѣлями позже уже состоявшагося по его дѣлу опредѣленія главнаго правленія училищъ и какъ разъ въ день отрѣшенія его отъ всѣхъ занимаемыхъ должностей. Министръ народнаго просвѣщенія, на заключеніе котораго, высочайшею резолюціею отъ 16-го мая, переданъ былъ весь этотъ объемистый оправдательный матеріалъ, отнесся къ нему съ самой суровой стороны въ своемъ докладѣ государю императору, имѣвшемъ мѣсто 21-го мая. Высказавшись въ томъ смыслѣ, что „объясненія д. с. с. Магницкаго, какъ изъ просмотрѣнія моего оказалось, не измѣняютъ положенія главнаго правленія училищъ и моего о его дѣйствіяхъ заключенія, которыя я имѣлъ счастье повергнуть на высочайшее вашего императорскаго величества благоусмотрѣніе", и оправдывая тѣ недочеты, которые могли бы быть обнаружены въ результатахъ ревизіи Желтухина, адмиралъ Шишковъ съ негодованіемъ останавливается на извѣтахъ Магницкаго относительно какой то „скрытой партіи", будто бы ополчившейся противъ „святыхъ началъ" отечественнаго просвѣщенія, и на неприличныхъ выраженіяхъ, которыя позволилъ себѣ бывшій казанскій попечитель по адресу Желтухина и Есипова. Министръ отнесъ, до извѣстной степени, и къ себѣ киванія Магницкаго въ сторону какой то тайной партіи. „По отношенію къ партіи, противной общественному порядку,—читаемъ въ докладѣ адмирала Шишкова,—имѣю счастье представить, что, при разсмотрѣніи дѣйствій бывшаго попечителя казанскаго учебнаго округа, я не замѣтилъ никакихъ партій и что образъ мыслей моихъ столько извѣстенъ всему свѣту, что мнѣ не предстоитъ надобности увѣрять, что я не принадлежалъ и не могу принадлежать къ описываемой г. Магницкимъ партіи".

На поляхъ этой докладной записки значится помѣта рукою А. С. Шишкова:

„Докладывалъ на Елагиномъ острову мая 21-го дня 1826 года. Высочайше повелѣно оставить безъ всякаго дальнѣйшаго движенія“ [273].

Познакомившись съ печальною судьбою запоздалыхъ объясненій опальнаго казанскаго попечителя, возвратимся къ положенію дѣла Магницкаго въ главномъ правленіи училищъ, на разсмотрѣніе котораго, съ предписаніемъ сдѣлать это „подробно и безъ замедленія“, оно было передано высочайшимъ повелѣніемъ отъ 1-го апрѣля 1826 года.

Слушаніе дѣла Магницкаго началось въ главномъ правленіи училищъ 10-го апрѣля и продолжалось до 14-го апрѣля, послуживъ предметомъ усиленныхъ занятій четырехъ засѣданій—10-го, 12-го, 13-го и 14-го апрѣля. Заслушавъ въ первомъ засѣданіи всѣ относящіеся къ дѣлу матеріалы, съ донесеніемъ генералъ-маіора Желтухина въ ихъ главѣ, присутствіе главнаго правленія училищъ постановило слѣдующій порядокъ занятій: „Немедленно заняться подробнымъ разсмотрѣніемъ каждой статьи оныхъ, сопровождая всѣми нужными справками и объясненіями, дабы можно было прійти къ вѣрному заключенію о дѣйствіяхъ Магницкаго и принять нужныя мѣры къ отвращенію безпорядковъ въ казанскомъ университетѣ“. Порядокъ этотъ неизмѣнно и соблюдался въ томъ смыслѣ, что весь отчетъ Желтухина читался статья за статьею, причемъ каждая отдѣльная статья освѣщалась необходимыми справками и поясненіями и, затѣмъ, снабжалась соотвѣтствующимъ мнѣніемъ присутствія. Любопытно, что заявленіе (которое и было уважено) объ отводѣ его изъ состава присутствія предъявлено было и. д. попечителя петербургскаго учебнаго округа д. с. с. Руничемъ—„по причинѣ имѣющаго между нимъ и Магницкимъ личнаго неудовольствія“.

Мы не будемъ касаться послѣдовательнаго хода занятій главнаго правленія училищъ, весьма обстоятельно изложенныхъ въ соотвѣтствующихъ журналахъ его, и остановимся лишь на окончательныхъ заключеніяхъ главнаго правленія, постановленныхъ въ засѣданіи 14-го апрѣля 1826 года. Заключенія эти сведены къ двумъ группамъ: первая касается виновности попечителя округа Магницкаго, вторая—виновности ближайшаго университетскаго начальства.

А. Попечитель казанскаго учебнаго округа д. с. с. Магницкій признанъ виновнымъ по слѣдующимъ статьямъ и пунктамъ:

„Докладывалъ на Елагиномъ острову мая 21-го дня 1826 года. Высочайше повелѣно оставить безъ всякаго дальнѣйшаго движенія“ [273].

Познакомившись съ печальною судьбою запоздалыхъ объясненій опальнаго казанскаго попечителя, возвратимся къ положенію дѣла Магницкаго въ главномъ правленіи училищъ, на разсмотрѣніе котораго, съ предписаніемъ сдѣлать это „подробно и безъ замедленія“, оно было передано высочайшимъ повелѣніемъ отъ 1-го апрѣля 1826 года.

Слушаніе дѣла Магницкаго началось въ главномъ правленіи училищъ 10-го апрѣля и продолжалось до 14-го апрѣля, послуживъ предметомъ усиленныхъ занятій четырехъ засѣданій—10-го, 12-го, 13-го и 14-го апрѣля. Заслушавъ въ первомъ засѣданіи всѣ относящіеся къ дѣлу матеріалы, съ донесеніемъ генералъ-маіора Желтухина въ ихъ главѣ, присутствіе главнаго правленія училищъ постановило слѣдующій порядокъ занятій: „Немедленно заняться подробнымъ разсмотрѣніемъ каждой статьи оныхъ, сопровождая всѣми нужными справками и объясненіями, дабы можно было прійти къ вѣрному заключенію о дѣйствіяхъ Магницкаго и принять нужныя мѣры къ отвращенію безпорядковъ въ казанскомъ университетѣ“. Порядокъ этотъ неизмѣнно и соблюдался въ томъ смыслѣ, что весь отчетъ Желтухина читался статья за статьею, причемъ каждая отдѣльная статья освѣщалась необходимыми справками и поясненіями и, затѣмъ, снабжалась соотвѣтствующимъ мнѣніемъ присутствія. Любопытно, что заявленіе (которое и было уважено) объ отводѣ его изъ состава присутствія предъявлено было и. д. попечителя петербургскаго учебнаго округа д. с. с. Руничемъ—„по причинѣ имѣющаго между нимъ и Магницкимъ личнаго неудовольствія“.

Мы не будемъ касаться послѣдовательнаго хода занятій главнаго правленія училищъ, весьма обстоятельно изложенныхъ въ соотвѣтствующихъ журналахъ его, и остановимся лишь на окончательныхъ заключеніяхъ главнаго правленія, постановленныхъ въ засѣданіи 14-го апрѣля 1826 года. Заключенія эти сведены къ двумъ группамъ: первая касается виновности попечителя округа Магницкаго, вторая—виновности ближайшаго университетскаго начальства.

А. Попечитель казанскаго учебнаго округа д. с. с. Магницкій признанъ виновнымъ по слѣдующимъ статьямъ и пунктамъ:

I. Въ превышеніи власти.

a) Введеніе безъ согласія министра надзора за студентами.

b) Предписаніе, хотя и неисполненное, истребить казенныя книги.

c) Самовольное перемѣщеніе адъюнкта Миллера и. д. директора саратовскихъ училищъ.

d) Самовольное введеніе преподаванія византійскаго права.

e) Самовольное употребленіе суммъ, ассигнованныхъ на другія цѣли.

f) Самовольное производство нѣкоторыхъ построекъ въ зданіяхъ университета.

g) Откомандированіе члена строительнаго комитета Калашникова и. д. директора училищъ.

h) Исключительное порученіе директору университета надзора за преподаваніемъ богословскихъ наукъ.

i) Прекращеніе слѣдственной коммиссіи, наряженной по дѣлу Жобара.

II. Въ упущеніи своей обязанности.

a) По старанію водворить между членами университета согласіе.

b) Неисполненіе постановленій относительно конспектовъ.

c) Неимѣніе въ университетѣ достаточнаго числа преподавателей, отчего происходитъ малый успѣхъ учащихся.

d) Допущеніе къ преподаванію конституцій адъюнкта, не имѣющаго нужныхъ для того способностей.

e) Неимѣніе описей кабинетовъ и библіотеки.

f) Допущеніе разрушаться гимназическому зданію.

g) Неисправленіе нестерпимаго безпорядка въ канцелярскихъ и счетныхъ дѣлахъ.

h) Неразрѣшеніе двухъ представленій объ упадкѣ азіятской типографіи.

i) Неразрѣшеніе споровъ между членами строительнаго комитета.

k) Допущеніе существовать анатомическому театру въ томъ же худомъ состояніи, въ какомъ онъ былъ до 1819 года.

l) Недонесеніе министру о школахъ въ Саратовѣ и Казани, содержимыхъ людьми, не имѣющими на то права.

III. Въ неправильныхъ дѣйствіяхъ.

a) По холатайству въ назначеніи экстраординарному профессору Сергѣеву званія ординарнаго профессора безъ избранія совѣта.

b) По предписанію университету прекратить начатые торги по поставкѣ матеріаловъ.

c) По предписанію университету, какое именно выдать свидѣтельство профессорамъ Жобару и Пальмину.

d) По представленію о наказаніи студентовъ Левенгофа и Бовина *.

IV. Въ неповиновеніи предписаніямъ г. министра.

a) О дѣйствіяхъ по устройству университетскихъ корпусовъ и о распоряженіяхъ строительнаго комитета.

* Объ этомъ см. выше стр. 98—99.

I. Въ превышеніи власти.

a) Введеніе безъ согласія министра надзора за студентами.

b) Предписаніе, хотя и неисполненное, истребить казенныя книги.

c) Самовольное перемѣщеніе адъюнкта Миллера и. д. директора саратовскихъ училищъ.

d) Самовольное введеніе преподаванія византійскаго права.

e) Самовольное употребленіе суммъ, ассигнованныхъ на другія цѣли.

f) Самовольное производство нѣкоторыхъ построекъ въ зданіяхъ университета.

g) Откомандированіе члена строительнаго комитета Калашникова и. д. директора училищъ.

h) Исключительное порученіе директору университета надзора за преподаваніемъ богословскихъ наукъ.

i) Прекращеніе слѣдственной коммиссіи, наряженной по дѣлу Жобара.

II. Въ упущеніи своей обязанности.

a) По старанію водворить между членами университета согласіе.

b) Неисполненіе постановленій относительно конспектовъ.

c) Неимѣніе въ университетѣ достаточнаго числа преподавателей, отчего происходитъ малый успѣхъ учащихся.

d) Допущеніе къ преподаванію конституцій адъюнкта, не имѣющаго нужныхъ для того способностей.

e) Неимѣніе описей кабинетовъ и библіотеки.

f) Допущеніе разрушаться гимназическому зданію.

g) Неисправленіе нестерпимаго безпорядка въ канцелярскихъ и счетныхъ дѣлахъ.

h) Неразрѣшеніе двухъ представленій объ упадкѣ азіятской типографіи.

i) Неразрѣшеніе споровъ между членами строительнаго комитета.

k) Допущеніе существовать анатомическому театру въ томъ же худомъ состояніи, въ какомъ онъ былъ до 1819 года.

l) Недонесеніе министру о школахъ въ Саратовѣ и Казани, содержимыхъ людьми, не имѣющими на то права.

III. Въ неправильныхъ дѣйствіяхъ.

a) По ходатайству въ назначеніи экстраординарному профессору Сергѣеву званія ординарнаго профессора безъ избранія совѣта.

b) По предписанію университету прекратить начатые торги по поставкѣ матеріаловъ.

c) По предписанію университету, какое именно выдать свидѣтельство профессорамъ Жобару и Пальмину.

d) По представленію о наказаніи студентовъ Левенгофа и Бовина *.

IV. Въ неповиновеніи предписаніямъ г. министра.

a) О дѣйствіяхъ по устройству университетскихъ корпусовъ и о распоряженіяхъ строительнаго комитета.

---

* Объ этомъ см. выше стр. 98—99.

b) Дѣйствія по дѣлу Жобара.

c) Дѣйствія по выдачѣ формулярнаго списка профессору Пальмину.

d) Неправильныя дѣйствія по назначенію на должность директора университета и по опредѣленію профессоровъ.

V. Въ противозаконныхъ поступкахъ.

a) По удержанію у себя денегъ, отпущенныхъ на покупку хирургическихъ и физическихъ инструментовъ

b) По присвоенію директору университета не принадлежащаго ему класса.

VI. Въ неосновательномъ показаніи, что профессоръ Жобаръ впалъ въ разстройство ума.

VII. Въ оскорбленіи колл. сов. Есипова въ невѣрномъ, будто бы, донесеніи о саратовскихъ школахъ.

Б. Начальство казанскаго университета найдено виновнымъ:

a) Въ неисполненіи постановленій, относящихся до конспектовъ.

b) Въ увольненіи профессора Сергѣева безъ требованія отъ него сдачи библіотеки.

c) Въ выдачѣ жалованья и заработанныхъ денегъ подъ особыя росписки.

d) Въ неимѣніи описи университетскому имуществу.

e) Въ выдачѣ денегъ за купленные матеріалы безъ удостовѣренія въ оныхъ.

f) Въ свидѣтельствѣ въ 1824-мъ году такихъ починокъ въ зданіяхъ, кои произведены въ 1820-мъ и 1821-мъ годахъ и тогда, когда уже уничтожились—что составляетъ важное упущеніе.

g) Въ безмолвномъ исполненіи неправильныхъ предписаній попечителя.

На основаніи всѣхъ сдѣланныхъ имъ и только что выписанныхъ нами заключеній, главное правленіе училищъ пришло къ слѣдующему окончательному мнѣнію:

„Главное правленіе училищъ, по соображенію всего вышеписаннаго, находитъ, что г. попечитель казанскаго учебнаго округа д. с. с. Магницкій дѣйствовалъ во многихъ случаяхъ противъ всѣхъ предписанныхъ правилъ и самопроизвольно допустилъ водвориться между членами университета несогласію и раздору, мало старался объ ученой части, не исполнялъ предписаній г. министра и даже не отвѣчалъ на оныя и допустилъ разстройство университету, почему—

мнѣніемъ полагаетъ:

1. Дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго удалить отъ должности попечителя казанскаго учебнаго округа и отъ званія члена главнаго правленія училищъ.

b) Дѣйствія по дѣлу Жобара.

c) Дѣйствія по выдачѣ формулярнаго списка профессору Пальмину.

d) Неправильныя дѣйствія по назначенію на должность директора университета и по опредѣленію профессоровъ.

V. Въ противозаконныхъ поступкахъ.

a) По удержанію у себя денегъ, отпущенныхъ на покупку хирургическихъ и физическихъ инструментовъ

b) По присвоенію директору университета не принадлежащаго ему класса.

VI. Въ неосновательномъ показаніи, что профессоръ Жобаръ впалъ въ разстройство ума.

VII. Въ оскорбленіи колл. сов. Есипова въ невѣрномъ, будто бы, донесеніи о саратовскихъ школахъ.

Б. Начальство казанскаго университета найдено виновнымъ:

a) Въ неисполненіи постановленій, относящихся до конспектовъ.

b) Въ увольненіи профессора Сергѣева безъ требованія отъ него сдачи библіотеки.

c) Въ выдачѣ жалованья и заработанныхъ денегъ подъ особыя росписки.

d) Въ неимѣніи описи университетскому имуществу.

e) Въ выдачѣ денегъ за купленные матеріалы безъ удостовѣренія въ оныхъ.

f) Въ свидѣтельствѣ въ 1824-мъ году такихъ починокъ въ зданіяхъ, кои произведены въ 1820-мъ и 1821-мъ годахъ и тогда, когда уже уничтожились—что составляетъ важное упущеніе.

g) Въ безмолвномъ исполненіи неправильныхъ предписаній попечителя.

На основаніи всѣхъ сдѣланныхъ имъ и только что выписанныхъ нами заключеній, главное правленіе училищъ пришло къ слѣдующему окончательному мнѣнію:

„Главное правленіе училищъ, по соображенію всего вышеписаннаго, находитъ, что г. попечитель казанскаго учебнаго округа д. с. с. Магницкій дѣйствовалъ во многихъ случаяхъ противъ всѣхъ предписанныхъ правилъ и самопроизвольно допустилъ водвориться между членами университета несогласію и раздору, мало старался объ ученой части, не исполнялъ предписаній г. министра и даже не отвѣчалъ на оныя и допустилъ разстройство университету, почему—

мнѣніемъ полагаетъ:

1. Дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго удалить отъ должности попечителя казанскаго учебнаго округа и отъ званія члена главнаго правленія училищъ.

2. За противозаконное назначеніе директору университета ненадлежащаго ему класса и за неисполненіе предписаній г. министра, также за распоряженія, превышающія его власть—подвергнуть его отвѣтственности по законамъ.

3. Удержанныя имъ деньги, отпущенныя на покупку инструментовъ—взыскать съ него на основаніи законовъ.

4. Для обревизованія счетовъ университета и строительнаго комитета—нарядить въ Казани коммиссію.

5. Для разобранія жалобъ профессоровъ Жобара и Пальмина—составить въ университетѣ коммиссію.

6. Предоставить г. министру донести его императорскому величеству о замѣчаніяхъ г. Желтухина касательно инструкціи директору и ректору университета.

7. Донести черезъ г. министра его императорскому величеству, что дѣйствія колл. сов. Есипова о саратовскихъ училищахъ—были совершенно правильны.

8. Предоставить г. министру ходатайствовать о прощеніи студентовъ Левенгофа и о смягченіи наказанія студенту Бовину.

9. За исполненіе совѣтомъ университета нѣкоторыхъ неправильныхъ предписаній попечителя—подвергнуть членовъ онаго, какъ за сіе, такъ и за вышеуказанные безпорядки и упущенія—строгому выговору" [279].

Таково было безпощадное заключеніе главнаго правленія училищъ по дѣлу Магницкаго, доложенное министромъ народнаго просвѣщенія государю императору 1-го мая 1826 года.

Одновременно съ этимъ докладомъ, адмиралъ Шишковъ представилъ государю особую записку, озаглавленную: „О попечителѣ казанскаго учебнаго округа". Интересъ, представляемый этою запискою, побуждаетъ насъ въ подлинномъ видѣ познакомить съ нею нашихъ читателей:

«О попечителѣ казанскаго учебнаго округа.

Главное правленіе училищъ, вслѣдствіе высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія разсмотрѣвъ въ подробности донесеніе генералъ-маіора Желтухина объ осмотрѣ имъ казанскаго университета, нашло, что попечитель казанскаго учебнаго округа д. с. с. Магницкій дѣйствовалъ во многихъ случаяхъ противъ всѣхъ предписанныхъ правилъ и самопроизвольно допустилъ водвориться между членами университета несогласію и раздору, мало старался объ учебной части, не исполнялъ предписаній министра и даже не отвѣчалъ на нѣкоторыя изъ нихъ, черезъ что допустилъ разстроиться университету. Посему мнѣніемъ положило:

1. Дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго удалить отъ должности попечителя и отъ званія члена главнаго правленія училищъ.

2. За противозаконное назначенiе директору университета ненадлежащаго ему класса и за неисполненiе предписанiй г. министра, также за распоряженiя, превышающiя его власть—подвергнуть его отвѣтственности по законамъ.

3. Удержанныя имъ деньги, отпущенныя на покупку инструментовъ—взыскать съ него на основанiи законовъ.

4. Для обревизованiя счетовъ университета и строительнаго комитета—нарядить въ Казани коммиссiю.

5. Для разобранiя жалобъ профессоровъ Жобара и Пальмина—составить въ университетѣ коммиссiю.

6. Предоставить г. министру донести его императорскому величеству о замѣчанiяхъ г. Желтухина касательно инструкцiи директору и ректору университета.

7. Донести черезъ г. министра его императорскому величеству, что дѣйствiя колл. сов. Есипова о саратовскихъ училищахъ—были совершенно правильны.

8. Предоставить г. министру ходатайствовать о прощенiи студентовъ Левенгофа и о смягченiи наказанiя студенту Бовину.

9. За исполненiе совѣтомъ университета нѣкоторыхъ неправильныхъ предписанiй попечителя—подвергнуть членовъ онаго, какъ за сiе, такъ и за вышеуказанные безпорядки и упущенiя—строгому выговору“ [279].

Таково было безпощадное заключенiе главнаго правленiя училищъ по дѣлу Магницкаго, доложенное министромъ народнаго просвѣщенiя государю императору 1-го мая 1826 года.

Одновременно съ этимъ докладомъ, адмиралъ Шишковъ представилъ государю особую записку, озаглавленную: „О попечителѣ казанскаго учебнаго округа“. Интересъ, представляемый этою запискою, побуждаетъ насъ въ подлинномъ видѣ познакомить съ нею нашихъ читателей:

«О попечителѣ казанскаго учебнаго округа.

Главное правленiе училищъ, вслѣдствiе высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнiя разсмотрѣвъ въ подробности донесенiе генералъ-маiора Желтухина объ осмотрѣ имъ казанскаго университета, нашло, что попечитель казанскаго учебнаго округа д. с. с. Магницкiй дѣйствовалъ во многихъ случаяхъ противъ всѣхъ предписанныхъ правилъ и самопроизвольно допустилъ водвориться между членами университета несогласiю и раздору, мало старался объ учебной части, не исполнялъ предписанiй министра и даже не отвѣчалъ на нѣкоторыя изъ нихъ, черезъ что допустилъ разстроиться университету. Посему мнѣнiемъ положило:

1. Дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго удалить отъ должности попечителя и отъ званiя члена главнаго правленiя училищъ.

2. Директоръ университета, по установленію, состоитъ въ 5-мъ классѣ, но д. с. с. Магницкій, даннымъ университету предложеніемъ, самъ собою назначилъ ему 4-ый классъ и на предписаніе мое о доставленіи объясненія по сему обстоятельству не отвѣчалъ по сіе время ничего. Также не исполнилъ другихъ моихъ предписаній, равно дѣлалъ собственныя свои распоряженія въ случаяхъ, превышающихъ его власть. За сіе главное правленіе училищъ положило подвергнуть его отвѣтственности по закону.

3. Дѣйствительному статскому совѣтнику Магницкому дозволено было употребить изъ суммы казанскаго университета 5 тысячъ рублей на покупку хирургическихъ инструментовъ и 40 тысячъ рублей на пріобрѣтеніе астрономическихъ и физическихъ. По слѣдствію оказалось, что первыхъ 5-ти тысячъ рублей, высланныхъ къ нему изъ университета, онъ не отдалъ профессору, отправленному для сего въ чужіе края, и потому инструменты не куплены. Изъ вторыхъ, т. е. изъ 40 тысячъ рублей, осталось 10935 р. $91\frac{1}{2}$ коп., кои не возвращены отъ попечителя въ университетъ и не представлены отъ него къ министру, а на запросъ генералъ-маіора Желтухина отвѣтилъ, что деньги сіи хранятся у него въ Петербугѣ для заплаты по векселямъ за заказанныя вещи. Главное правленіе училищъ, нашедъ отзывъ сей неосновательнымъ, мнѣніемъ положило: сказанныя деньги взыскать съ него на основаніи законовъ.

4. Какъ счетная часть университета и строительнаго при немъ комитета найдена генералъ-маіоромъ Желтухинымъ въ совершенной запутанности,—что подтверждается еще и тѣмъ, что отчеты по университету представляются не въ свое время, а подробные отчеты по строительному комитету не представлены и по сіе время, не смотря на мое требованіе,—то главное правленіе училищъ положило нарядить въ Казани коммиссію для обревизованія сихъ счетовъ.

5. Генералъ-маіоръ Желтухинъ нашелъ, что нѣкоторыя мѣста въ высочайше утвержденной для директора и ректора казанскаго университета инструкціи заключаютъ въ себѣ мысли довольно темныя, подающія поводъ къ различнымъ толкамъ. Въ нихъ, между прочимъ, говорится, что «власть монарховъ нисходитъ отъ Бога въ законномъ наслѣдіи и въ тѣхъ предѣлахъ, кои возрасту и духу каждаго народа свойственны; что цѣль гражданства не есть пожертвовать всѣхъ одному» и пр.

Главное правленіе училищъ предоставило мнѣ донести о семъ Вашему Императорскому Величеству...

При семъ долгомъ считаю донести Вашему Императорскому Величеству, что, по высочайше утвержденнымъ уставамъ университетовъ, вся правительственная часть, равно ученая, учебная и хозяйственная—ввѣрена ректору, совокупно съ совѣтомъ и правленіемъ университета. Въ 1819-мъ году учрежденъ при казанскомъ университетѣ чиновникъ подъ названіемъ—директора, которому, по предсѣдательству его въ правленіи университета, поручена полицейская и хозяйственная части, а ректору, какъ предсѣдателю совѣта университета, предоставлены только учебная и ученая, и оба сіи начальника учебнаго округа снабжены особыми инструкціями, высочайше утвержденными въ 17-ый день января 1820 года.

Директоръ, по данной ему инструкціи, получилъ власть чрезвычайную, ибо, кромѣ начальства надъ полицейскою и хозяйственною частями, порученъ ему надзоръ за нравственностью не только учащихся, но и учащихъ и, слѣдственно—и ректора, состоящаго въ числѣ профессоровъ.

Пятилѣтній опытъ доказалъ, что таковое устройство правительственной части университета не произвело ничего, кромѣ безпорядковъ, ибо предсѣдательство директора въ правленіи и ректора въ совѣтѣ университета, изъ коихъ первое подчинено послѣднему, между тѣмъ

2. Директоръ университета, по установленію, состоитъ въ 5-мъ классѣ, но д. с. с. Магницкій, даннымъ университету предложеніемъ, самъ собою назначилъ ему 4-ый классъ и на предписаніе мое о доставленіи объясненія по сему обстоятельству не отвѣчалъ по сіе время ничего. Также не исполнилъ другихъ моихъ предписаній, равно дѣлалъ собственныя свои распоряженія въ случаяхъ, превышающихъ его власть. За сіе главное правленіе училищъ положило подвергнуть его отвѣтственности по закону.

3. Дѣйствительному статскому совѣтнику Магницкому дозволено было употребить изъ суммы казанскаго университета 5 тысячъ рублей на покупку хирургическихъ инструментовъ и 40 тысячъ рублей на пріобрѣтеніе астрономическихъ и физическихъ. По слѣдствію оказалось, что первыхъ 5-ти тысячъ рублей, высланныхъ къ нему изъ университета, онъ не отдалъ профессору, отправленному для сего въ чужіе края, и потому инструменты не куплены. Изъ вторыхъ, т. е. изъ 40 тысячъ рублей, осталось 10935 р. 91½ коп., кои не возвращены отъ попечителя въ университетъ и не представлены отъ него къ министру, а на запросъ генералъ-маіора Желтухина отвѣтилъ, что деньги сіи хранятся у него въ Петербугѣ для заплаты по векселямъ за заказанныя вещи. Главное правленіе училищъ, нашедъ отзывъ сей неосновательнымъ, мнѣніемъ положило: сказанныя деньги взыскать съ него на основаніи законовъ.

4. Какъ счетная часть университета и строительнаго при немъ комитета найдена генералъ-маіоромъ Желтухинымъ въ совершенной запутанности,—что подтверждается еще и тѣмъ, что отчеты по университету представляются не въ свое время, а подробные отчеты по строительному комитету не представлены и по сіе время, не смотря на мое требованіе,—то главное правленіе училищъ положило нарядить въ Казани коммиссію для обревизованія сихъ счетовъ.

5. Генералъ-маіоръ Желтухинъ нашелъ, что нѣкоторыя мѣста въ высочайше утвержденной для директора и ректора казанскаго университета инструкціи заключаютъ въ себѣ мысли довольно темныя, подающія поводъ къ различнымъ толкамъ. Въ нихъ, между прочимъ, говорится, что «власть монарховъ нисходитъ отъ Бога въ законномъ наслѣдіи и въ тѣхъ предѣлахъ, кои возрасту и духу каждаго народа свойственны; что цѣль гражданства не есть пожертвовать всѣхъ одному» и пр.

Главное правленіе училищъ предоставило мнѣ донести о семъ Вашему Императорскому Величеству...

При семъ долгомъ считаю донести Вашему Императорскому Величеству, что, по высочайше утвержденнымъ уставамъ университетовъ, вся правительственная часть, равно ученая, учебная и хозяйственная—ввѣрена ректору, совокупно съ совѣтомъ и правленіемъ университета. Въ 1819-мъ году учрежденъ при казанскомъ университетѣ чиновникъ подъ названіемъ—директора, которому, по предсѣдательству его въ правленіи университета, поручена полицейская и хозяйственная части, а ректору, какъ предсѣдателю совѣта университета, предоставлены только учебная и ученая, и оба сіи начальника учебнаго округа снабжены особыми инструкціями, высочайше утвержденными въ 17-ый день января 1820 года.

Директоръ, по данной ему инструкціи, получилъ власть чрезвычайную, ибо, кромѣ начальства надъ полицейскою и хозяйственною частями, порученъ ему надзоръ за нравственностью не только учащихся, но и учащихъ и, слѣдственно—и ректора, состоящаго въ числѣ профессоровъ.

Пятилѣтній опытъ доказалъ, что таковое устройство правительственной части университета не произвело ничего, кромѣ безпорядковъ, ибо предсѣдательство директора въ правленіи и ректора въ совѣтѣ университета, изъ коихъ первое подчинено послѣднему, между тѣмъ

какъ предсѣдатель послѣдняго на дѣлѣ подчиненъ предсѣдателю перваго—сдѣлалось источникомъ противорѣчій, несогласій и противодѣйствій, пищей самолюбію, которое вездѣ и во всемъ ищетъ первенства. По симъ причинамъ званіе директора при с.-петербургскомъ университетѣ, существовавшее съ 1819-го года, упразднено съ высочайшаго соизволенія.

Какъ высочайше утвержденныя инструкціи для директора и ректора казанскаго университета, введенныя и въ С.-Петербургѣ, суть ничто иное, какъ подробнѣйшее изложеніе обязанностей ректора, изображенныхъ въ университетскихъ уставахъ, то, съ уничтоженіемъ при с.-петербургскомъ университетѣ званія директора, вся власть опять сосредоточилась въ лицѣ ректора, яко предсѣдателя совѣта и правленія, и сказанныя инструкціи даны ему въ руководство.

Такимъ образомъ, неустройство управленія находится теперь только въ казанскомъ университетѣ, ибо всѣ прочіе университеты не имѣли и не имѣютъ директора.

Ежели Вашему Императорскому Величеству угодно будетъ высочайше повелѣть д. с. с. Магницкаго удалить отъ должности попечителя казанскаго учебнаго округа, то я осмѣливаюсь всеподданнѣйше испрашивать высочайшаго вашего повелѣнія, что бы казанскій университетъ и округъ его, до опредѣленія новаго попечителя, управлялся мною посредствомъ ректора, которому, по примѣру здѣшняго университета, дать въ руководство сказанныя инструкціи, а званіе директора, по тому же примѣру и какъ безполезное—уничтожить. Сіе представляется нынѣ тѣмъ удобнѣе, что послѣдній директоръ казанскаго университета, надв. совѣтникъ Любомировъ—нынѣ умеръ и исправленіе его должности поручено профессору Никольскому.

На случай соизволенія на то Вашего Императорскаго Величества, имѣю счастье поднести у сего проектъ указа о томъ на мое имя.

Нынѣ ректоромъ въ казанскомъ университетѣ—профессоръ Фуксъ, о которомъ генералъ-маіоръ Желтухинъ отзывается весьма хорошо».

Отвѣтомъ на докладъ министра народнаго просвѣщенія явились два высочайшихъ указа отъ 6-го мая 1826 года, препровожденныхъ адмиралу Шишкову:

1. Именной указъ правительствующему сенату объ увольненіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго отъ должности попечителя казанскаго учебнаго округа.

2. Высочайшій указъ на имя министра народнаго просвѣщенія о порученіи управленія казанскимъ учебнымъ округомъ и университетомъ ректору послѣдняго, съ упраздненіемъ званія директора—какъ „безполезнаго".

Соотвѣтствующія предложенія, съ присовокупленіемъ копій съ обоихъ указовъ, были 10-го мая препровождены какъ Магницкому, такъ и совѣту университета [260].

Такъ былъ положенъ предѣлъ мрачному семилѣтію владычества Магницкаго надъ казанскимъ университетомъ и его учебнымъ округомъ.

Высочайшіе указы отъ 6-го мая 1826 года были получены въ Казани 20-го мая и на слѣдующей же день заслушаны въ засѣданіи совѣта уни-

какъ предсѣдатель послѣдняго на дѣлѣ подчиненъ предсѣдателю перваго—сдѣлалось источникомъ противорѣчій, несогласій и противодѣйствій, пищей самолюбію, которое вездѣ и во всемъ ищетъ первенства. По симъ причинамъ званіе директора при с.-петербургскомъ университетѣ, существовавшее съ 1819-го года, упразднено съ высочайшаго соизволенія.

Какъ высочайше утвержденныя инструкціи для директора и ректора казанскаго университета, введенныя и въ С.-Петербургѣ, суть ничто иное, какъ подробнѣйшее изложеніе обязанностей ректора, изображенныхъ въ университетскихъ уставахъ, то, съ уничтоженіемъ при с.-петербургскомъ университетѣ званія директора, вся власть опять сосредоточилась въ лицѣ ректора, яко предсѣдателя совѣта и правленія, и сказанныя инструкціи даны ему въ руководство.

Такимъ образомъ, неустройство управленія находится теперь только въ казанскомъ университетѣ, ибо всѣ прочіе университеты не имѣли и не имѣютъ директора.

Ежели Вашему Императорскому Величеству угодно будетъ высочайше повелѣть д. с. с. Магницкаго удалить отъ должности попечителя казанскаго учебнаго округа, то я осмѣливаюсь всеподданнѣйше испрашивать высочайшаго вашего повелѣнія, что бы казанскій университетъ и округъ его, до опредѣленія новаго попечителя, управлялся мною посредствомъ ректора, которому, по примѣру здѣшняго университета, дать въ руководство сказанныя инструкціи, а званіе директора, по тому же примѣру и какъ безполезное—уничтожить. Сіе представляется нынѣ тѣмъ удобнѣе, что послѣдній директоръ казанскаго университета, надв. совѣтникъ Любомировъ—нынѣ умеръ и исправленіе его должности поручено профессору Никольскому.

На случай соизволенія на то Вашего Императорскаго Величества, имѣю счастье поднести у сего проектъ указа о томъ на мое имя.

Нынѣ ректоромъ въ казанскомъ университетѣ—профессоръ Фуксъ, о которомъ генералъ-маіоръ Желтухинъ отзывается весьма хорошо».

Отвѣтомъ на докладъ министра народнаго просвѣщенія явились два высочайшихъ указа отъ 6-го мая 1826 года, препровожденныхъ адмиралу Шишкову:

1. Именной указъ правительствующему сенату объ увольненіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго отъ должности попечителя казанскаго учебнаго округа.

2. Высочайшій указъ на имя министра народнаго просвѣщенія о порученіи управленія казанскимъ учебнымъ округомъ и университетомъ ректору послѣдняго, съ упраздненіемъ званія директора—какъ „безполезнаго“.

Соотвѣтствующія предложенія, съ присовокупленіемъ копій съ обоихъ указовъ, были 10-го мая препровождены какъ Магницкому, такъ и совѣту университета [260].

Такъ былъ положенъ предѣлъ мрачному семилѣтію владычества Магницкаго надъ казанскимъ университетомъ и его учебнымъ округомъ.

Высочайшіе указы отъ 6-го мая 1826 года были получены въ Казани 20-го мая и на слѣдующей же день заслушаны въ засѣданіи совѣта уни-

верситета, а 26-го мая ректоръ К. Ѳ. Фуксъ уже могъ препроводить министру донесеніе, что онъ „съ 24-го сего мая вступилъ въ хозяйственное и полицейское управленіе университета".

Магницкій едва ли ожидалъ такого быстраго рѣшенія своей участи. Какъ разъ 6-го мая, въ самый день воспослѣдованія высочайшаго указа объ его увольненіи, онъ отправилъ приведенныя выше оба письма свои на имя государя императора, съ приложеніемъ объясненій на предъявленныя ему Желтухинымъ обвиненія, а 12-го мая, по его предложенію, университетскій совѣтъ еще избираетъ въ почетные члены генералъ-губернатора низовыхъ губерній, генерала отъ инфантеріи Бахметьева.

Получивъ роковое для него извѣстіе, уволенный попечитель рѣшился, съ присущею ему самонадѣянностью, на весьма смѣлый и рискованный шагъ: тотчасъ же поскакать въ Петербургъ, явиться къ императору Николаю и лично дать ему всѣ объясненія по дѣлу. Внезапный и самовольный отъѣздъ Магницкаго произвелъ въ Казани переполохъ и ректоръ Фуксъ 27-го мая шлетъ министру, въ слѣдъ эксъ-попечителя, тревожное донесеніе о томъ, что „дѣйствительный статскій совѣтникъ Магницкій 25-го мая, во вторникъ, въ 8-мъ часу пополудни, выѣхалъ изъ Казани въ С.-Петербургъ".

Пріѣхавъ въ столицу, Магницкій отправился прямо въ Царское Село, гдѣ въ то время имѣлъ пребываніе высочайшій дворъ, и сталъ хлопотать объ аудіенціи у государя. Узнавъ о прибытіи бывшаго попечителя и объ его домогательствѣ, императоръ Николай пришелъ въ негодованіе, выразившееся въ слѣдующихъ двухъ собственноручныхъ запискахъ его:

I. „Я слышалъ, будто бы Магницкій сюда прибылъ. Я считаю весьма нужнымъ велѣть за нимъ близко присматривать: за нимъ должно что нибудь крыться и вѣрно, по крайней мѣрѣ, ничего полезнаго".

II. „Прошу васъ, любезный Павелъ Васильевичъ, приказать Магницкому явиться къ генералу Бенкендорфу *. Пусть онъ ему вретъ, что хочетъ, а мнѣ самому нѣтъ время съ нимъ говорить. Если бъ сегодня онъ не успѣлъ кончить, то можно его до завтра оставить, подъ надзоромъ" [281].

Неожиданное для всѣхъ появленіе Магницкаго въ столицѣ вызвало цѣлую „секретную" переписку, сохранившуюся въ архивѣ министерства

* Лица, здѣсь упоминаемыя: Голенищевъ-Кутузовъ Павелъ Васильевичъ—с.-петербургскій генералъ-губернаторъ; Бенкендорфъ Александръ Христофоровичъ—шефъ жандармовъ и командующій императорскою главною квартирою.

верситета, а 26-го мая ректоръ К. Ѳ. Фуксъ уже могъ препроводить министру донесеніе, что онъ „съ 24-го сего мая вступилъ въ хозяйственное и полицейское управленіе университета".

Магницкій едва ли ожидалъ такого быстраго рѣшенія своей участи. Какъ разъ 6-го мая, въ самый день воспослѣдованія высочайшаго указа объ его увольненіи, онъ отправилъ приведенныя выше оба письма свои на имя государя императора, съ приложеніемъ объясненій на предъявленныя ему Желтухинымъ обвиненія, а 12-го мая, по его предложенію, университетскій совѣтъ еще избираетъ въ почетные члены генералъ-губернатора низовыхъ губерній, генерала отъ инфантеріи Бахметьева.

Получивъ роковое для него извѣстіе, уволенный попечитель рѣшился, съ присущею ему самонадѣянностью, на весьма смѣлый и рискованный шагъ: тотчасъ же поскакать въ Петербургъ, явиться къ императору Николаю и лично дать ему всѣ объясненія по дѣлу. Внезапный и самовольный отъѣздъ Магницкаго произвелъ въ Казани переполохъ и ректоръ Фуксъ 27-го мая шлетъ министру, въ слѣдъ эксъ-попечителя, тревожное донесеніе о томъ, что „дѣйствительный статскій совѣтникъ Магницкій 25-го мая, во вторникъ, въ 8-мъ часу пополудни, выѣхалъ изъ Казани въ С.-Петербургъ".

Пріѣхавъ въ столицу, Магницкій отправился прямо въ Царское Село, гдѣ въ то время имѣлъ пребываніе высочайшій дворъ, и сталъ хлопотать объ аудіенціи у государя. Узнавъ о прибытіи бывшаго попечителя и объ его домогательствѣ, императоръ Николай пришелъ въ негодованіе, выразившееся въ слѣдующихъ двухъ собственноручныхъ запискахъ его:

> I. „Я слышалъ, будто бы Магницкій сюда прибылъ. Я считаю весьма нужнымъ велѣть за нимъ близко присматривать: за нимъ должно что нибудь крыться и вѣрно, по крайней мѣрѣ, ничего полезнаго".
>
> II. „Прошу васъ, любезный Павелъ Васильевичъ, приказать Магницкому явиться къ генералу Бенкендорфу *. Пусть онъ ему вретъ, что хочетъ, а мнѣ самому нѣтъ время съ нимъ говорить. Если бъ сегодня онъ не успѣлъ кончить, то можно его до завтра оставить, подъ надзоромъ" [281].

Неожиданное для всѣхъ появленіе Магницкаго въ столицѣ вызвало цѣлую „секретную" переписку, сохранившуюся въ архивѣ министерства

* Лица, здѣсь упоминаемыя: Голенищевъ-Кутузовъ Павелъ Васильевичъ—с.-петербургскій генералъ-губернаторъ; Бенкендорфъ Александръ Христофоровичъ—шефъ жандармовъ и командующій императорскою главною квартирою.

народнаго просвѣщенія („Дѣло объ отправленіи г. Магницкаго въ Казань и о нахожденіи его тамъ до окончанія слѣдствія по казанскому университету“). Эта переписка открывается слѣдующимъ конфиденціальнымъ отношеніемъ начальника штаба его величества И. И. Дибича, изъ Царскаго Села, отъ 10-го іюня, на имя министра народнаго просвѣщенія:

„Государь императоръ къ удивленію своему получивъ донесеніе, что сюда пріѣхалъ д. с. с. Магницкій, изволитъ полагать, что, по совершенному еще не окончанію слѣдственнаго дѣла по казанскому университету, г. Магницкій, конечно, не долженъ бы оттуда отлучаться. Почему его величество желаетъ, что бы ваше высокопревосходительство немедленно приняли мѣры, что бы г. Магницкій безъ промедленія отправился въ Казань и не отлучался, пока совершенно не окончится слѣдствіе по тамошнему университету.

О послѣдующемъ покорнѣйше прошу почтить меня увѣдомленіемъ для доклада его императорскому величеству“.

Адмиралъ Шишковъ предпринялъ робкую попытку оправдать себя въ глазахъ государя, обратившись къ Дибичу съ просьбою „довести до свѣдѣнія его величества, что поелику Магницкій уволенъ отъ службы, а не отрѣшенъ, то и не было сдѣлано немедленнаго распоряженія о томъ, что бы онъ не отлучался изъ Казани“. Слѣдомъ за тѣмъ министръ народнаго просвѣщенія отнесся съ просьбами: къ петербургскому генералъ-губернатору—„сдѣлать немедленное распоряженіе объ объявленіи высочайшей воли г. Магницкому и наблюсти за немедленнымъ выѣздомъ его въ Казань“, къ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ—„предписать мѣстному начальству казанской губерніи, что бы по прибытіи г. Магницкаго въ Казань наблюдало оно, что бы онъ не отлучался оттуда, пока совершенно не кончится слѣдствіе по тамошнему университету“.

21-го іюня генералъ-губернаторъ увѣдомилъ Шишкова, что „во исполненіе его императорскаго величества повелѣнія—имъ были приняты мѣры къ побужденію д. с. с. Магницкаго немедленно возвратиться въ Казань“ и что имъ получено донесеніе, что Магницкій „отправился къ назначенному мѣсту 17-го сего іюня, въ 12 часовъ пополудни“ [282].

Въ самовольную бытность свою въ Петербургѣ Магницкій долженъ былъ, конечно, узнать и ту печальную для него вѣсть, что всѣ посланныя имъ на имя государя императора письма, объяснительныя и оправдательныя записки — высочайшимъ повелѣніемъ отъ 21-го мая оставлены „безъ всякаго дальнѣйшаго движенія“. Эта высочайшая резолюція явилась тяже-

народнаго просвѣщенія („Дѣло объ отправленіи г. Магницкаго въ Казань и о нахожденіи его тамъ до окончанія слѣдствія по казанскому университету“). Эта переписка открывается слѣдующимъ конфиденціальнымъ отношеніемъ начальника штаба его величества И. И. Дибича, изъ Царскаго Села, отъ 10-го іюня, на имя министра народнаго просвѣщенія:

„Государь императоръ къ удивленію своему получивъ донесеніе, что сюда пріѣхалъ д. с. с. Магницкій, изволитъ полагать, что, по совершенному еще не окончанію слѣдственнаго дѣла по казанскому университету, г. Магницкій, конечно, не долженъ бы оттуда отлучаться. Почему его величество желаетъ, что бы ваше высокопревосходительство немедленно приняли мѣры, что бы г. Магницкій безъ промедленія отправился въ Казань и не отлучался, пока совершенно не окончится слѣдствіе по тамошнему университету.

О послѣдующемъ покорнѣйше прошу почтить меня увѣдомленіемъ для доклада его императорскому величеству“.

Адмиралъ Шишковъ предпринялъ робкую попытку оправдать себя въ глазахъ государя, обратившись къ Дибичу съ просьбою „довести до свѣдѣнія его величества, что поелику Магницкій уволенъ отъ службы, а не отрѣшенъ, то и не было сдѣлано немедленнаго распоряженія о томъ, что бы онъ не отлучался изъ Казани“. Слѣдомъ за тѣмъ министръ народнаго просвѣщенія отнесся съ просьбами: къ петербургскому генералъ-губернатору—„сдѣлать немедленное распоряженіе объ объявленіи высочайшей воли г. Магницкому и наблюсти за немедленнымъ выѣздомъ его въ Казань“, къ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ—„предписать мѣстному начальству казанской губерніи, что бы по прибытіи г. Магницкаго въ Казань наблюдало оно, что бы онъ не отлучался оттуда, пока совершенно не кончится слѣдствіе по тамошнему университету“.

21-го іюня генералъ-губернаторъ увѣдомилъ Шишкова, что „во исполненіе его императорскаго величества повелѣнія—имъ были приняты мѣры къ побужденію д. с. с. Магницкаго немедленно возвратиться въ Казань“ и что имъ получено донесеніе, что Магницкій „отправился къ назначенному мѣсту 17-го сего іюня, въ 12 часовъ пополудни“ [282].

Въ самовольную бытность свою въ Петербургѣ Магницкій долженъ былъ, конечно, узнать и ту печальную для него вѣсть, что всѣ посланныя имъ на имя государя императора письма, объяснительныя и оправдательныя записки — высочайшимъ повелѣніемъ отъ 21-го мая оставлены „безъ всякаго дальнѣйшаго движенія“. Эта высочайшая резолюція явилась тяже-

74

лымъ ударомъ для бывшаго попечителя. Между тѣмъ министерскіе противники его не дремали и изготовили новую обвинительную записку, носящую довольно лаконическое заглавіе—„О дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ Магницкомъ“ и которая представлена была министромъ народнаго просвѣщенія на благоусмотрѣніе императора 18-го іюня, на слѣдующій же по высылкѣ Магницкаго изъ столицы день. Интересъ, представляемый этою запискою, посвященною отношеніямъ бывшаго попечителя къ денежнымъ суммамъ университета и являющеюся дальнѣйшимъ разоблаченіемъ фактовъ, констатированныхъ ревизіею Желтухина, побуждаетъ насъ остановиться на ней съ значительною подробностью:

«Я имѣлъ уже счастье докладывать вашему императорскому величеству,—заявляетъ здѣсь министръ народнаго просвѣщенія,—что Магницкому отпущено было въ 1823-мъ году 45,000 рублей на покупку разныхъ для университета инструментовъ. Остатокъ отъ сей суммы,—15935 р. 91½ коп.,—остался у него въ С.-Петербургѣ по той причинѣ, какъ говоритъ Магницкій въ своихъ объясненіяхъ, что заказъ и покупка инструментовъ въ чужихъ земляхъ производилась отъ его лица и уплата дѣлалась имъ по требованіямъ торговыхъ домовъ, а не на срокъ; что сумма сія всегда была въ употребленіи, ибо, по стѣсненію университетскихъ суммъ, при ускоренной для принятія блаженной памяти государя императора отдѣлкѣ университетскихъ зданій, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ выслалъ онъ въ университетъ разныхъ вещей на 10500 рублей и принужденъ былъ до того изворачиваться при заказѣ для университета иконостаса, мебели и пр., что, въ ожиданіи скопленія или ассигнованія на то суммъ, не только употреблялъ сіи деньги, но и подъ личную отвѣтственность забирая въ долгъ, и что университетъ одинъ долгъ свой ему выплатилъ почти въ самое время ревизіи генералъ-маіора Желтухина, а остальной по отъѣздѣ ревизора въ Петербургъ.

Не смотря на сіе благовидное объясненіе, изъ дѣлъ департамента народнаго просвѣщенія видно, что за многія заказанныя для университета вещи, изъ упоминаемыхъ Магницкимъ, плачено, по его представленіямъ, изъ суммъ департамента за счетъ университета: слѣдственно—онъ и не имѣлъ нужды употреблять на сіе денегъ, оставшихся отъ покупки инструментовъ.

Вслѣдствіе положенія главнаго правленія училищъ, отнесся я къ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ о взысканіи съ Магницкаго сказанныхъ 15935 р. 91½ копѣекъ.

Нынѣ получилъ я отъ ректора казанскаго университета донесеніе, что 24-го мая Магницкій внесъ въ университетъ остававшіяся у него отъ покупки инструментовъ 16110 р. 91½ коп. и, сверхъ того, высланныхъ къ нему на покупку таковыхъ же инструментовъ для симбирской гимназіи—2500 р., и саратовской—5500 р., а всего 24110 р. 91½ коп. При сдачѣ этихъ суммъ Магницкій объяснилъ, что онѣ хранились у него въ Петербургѣ, въ избѣжаніе убыточной троекратной пересылки для немедленной уплаты за инструменты, ожидаемые изъ Вѣны и Берлина, и что онѣ, между тѣмъ, всегда почти были въ обращеніи, замѣняя въ разныхъ для университета покупкахъ многія другія суммы. Деньги сіи, однако же, представлены имъ не въ ассигнаціяхъ, а въ билетахъ москов-

лымъ ударомъ для бывшаго попечителя. Между тѣмъ министерскіе противники его не дремали и изготовили новую обвинительную записку, носящую довольно лаконическое заглавіе—„О дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ Магницкомъ" и которая представлена была министромъ народнаго просвѣщенія на благоусмотрѣніе императора 18-го іюня, на слѣдующій же по высылкѣ Магницкаго изъ столицы день. Интересъ, представляемый этою запискою, посвященною отношеніямъ бывшаго попечителя къ денежнымъ суммамъ университета и являющеюся дальнѣйшимъ разоблаченіемъ фактовъ, констатированныхъ ревизіею Желтухина, побуждаетъ насъ остановиться на ней съ значительною подробностью:

«Я имѣлъ уже счастье докладывать вашему императорскому величеству,—заявляетъ здѣсь министръ народнаго просвѣщенія,—что Магницкому отпущено было въ 1823-мъ году 45,000 рублей на покупку разныхъ для университета инструментовъ. Остатокъ отъ сей суммы,—15935 р. 91½ коп.,—остался у него въ С.-Петербургѣ по той причинѣ, какъ говоритъ Магницкій въ своихъ объясненіяхъ, что заказъ и покупка инструментовъ въ чужихъ земляхъ производилась отъ его лица и уплата дѣлалась имъ по требованіямъ торговыхъ домовъ, а не на срокъ; что сумма сія всегда была въ употребленіи, ибо, по стѣсненію университетскихъ суммъ, при ускоренной для принятія блаженной памяти государя императора отдѣлкѣ университетскихъ зданій, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ выслалъ онъ въ университетъ разныхъ вещей на 10500 рублей и принужденъ былъ до того изворачиваться при заказѣ для университета иконостаса, мебели и пр., что, въ ожиданіи скопленія или ассигнованія на то суммъ, не только употреблялъ сіи деньги, но и подъ личную отвѣтственность забирая въ долгъ, и что университетъ одинъ долгъ свой ему выплатилъ почти въ самое время ревизіи генералъ-маіора Желтухина, а остальной по отъѣздѣ ревизора въ Петербургъ.

Не смотря на сіе благовидное объясненіе, изъ дѣлъ департамента народнаго просвѣщенія видно, что за многія заказанныя для университета вещи, изъ упоминаемыхъ Магницкимъ, плачено, по его представленіямъ, изъ суммъ департамента за счетъ университета: слѣдственно—онъ и не имѣлъ нужды употреблять на сіе денегъ, оставшихся отъ покупки инструментовъ.

Вслѣдствіе положенія главнаго правленія училищъ, отнесся я къ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ о взысканіи съ Магницкаго сказанныхъ 15935 р. 91½ копѣекъ.

Нынѣ получилъ я отъ ректора казанскаго университета донесеніе, что 24-го мая Магницкій внесъ въ университетъ остававшіяся у него отъ покупки инструментовъ 16110 р. 91½ коп. и, сверхъ того, высланныхъ къ нему на покупку таковыхъ же инструментовъ для симбирской гимназіи—2500 р., и саратовской—5500 р., а всего 24110 р. 91½ коп. При сдачѣ этихъ суммъ Магницкій объяснилъ, что онѣ хранились у него въ Петербургѣ, въ избѣжаніе убыточной троекратной пересылки для немедленной уплаты за инструменты, ожидаемые изъ Вѣны и Берлина, и что онѣ, между тѣмъ, всегда почти были въ обращеніи, замѣняя въ разныхъ для университета покупкахъ многія другія суммы. Деньги сіи, однако же, представлены имъ не въ ассигнаціяхъ, а въ билетахъ москов-

ской и с.-петербургской сохранной казны, выданныхъ въ мартѣ и октябрѣ мѣсяцахъ 1825-го года, суммою съ процентами въ 24808 р. $33^{1}/_{2}$ копѣекъ.

Университетъ, принявъ сіи билеты и отчисливъ изъ нихъ принадлежащія оному 24110 р. $91^{1}/_{2}$ к., остальныя выдалъ изъ своихъ суммъ Магницкому.

Если бы деньги сіи,—какъ утверждаетъ Магницкій,—хранились у него на случай требованія опытъ изъ за границы или употреблялись имъ на покупку для университета разныхъ вещей, то какимъ образомъ могли онѣ быть положены въ сохранную казну въ мартѣ и октябрѣ мѣсяцахъ 1825-го года, а особливо—въ московскую? Но если онѣ положены были въ оную казну въ видѣ университетскихъ денегъ, то и проценты на нихъ должны принадлежать университету.

За неосмотрительность, сдѣланную университетомъ въ выдачѣ Магницкому остатка денегъ, накопившихся отъ прирощенія капитала изъ процентовъ въ сохранной казнѣ, сдѣлалъ я оному строгій выговоръ, приказавъ взыскать вдвойнѣ сей остатокъ съ членовъ правленія университета, впредь до разсмотрѣнія сего дѣла.....

Все сіе, кажется, удостовѣряетъ, что Магницкій университетскія деньги употреблялъ на свои нужды»...

Только что упомянутый строгій выговоръ министра ректору и всему составу университетскаго правленія (проф. Эрману, Симонову, Дунаеву, Ерохову и Караблинову), сдѣланный предложеніемъ отъ 14-го іюня „за самовольныя и въ ущербъ казнѣ дѣйствія по денежнымъ счетамъ съ бывшимъ попечителемъ Магницкимъ“—былъ объявленъ ректоромъ Фуксомъ, какъ лично себѣ, такъ и остальнымъ членамъ правленія, въ засѣданіи совѣта 30-го іюня [283].

Обнаруженные ревизіею безпорядки и запутанность счетной части какъ по самому университету, такъ и по его строительному комитету, повлекли за собою учрежденіе въ Казани, по высочайшему повелѣнію, особой коммиссіи для обревизованія счетной части казанскаго университета. Эта коммиссія, объ учрежденіи которой совѣтъ университета былъ увѣдомленъ предложеніемъ министра народнаго просвѣщенія отъ 30-го іюня 1826 года, была образована изъ казанскаго гражданскаго губернатора барона Розена и прикомандированнаго къ нему чиновника департамента народнаго просвѣщенія надв. сов. Власова и открыла свою дѣятельность затребованіемъ отъ правленія университета денежныхъ счетовъ за семилѣтіе 1819—1826 годовъ, а отъ строительнаго комитета—отчетовъ за всѣ годы его дѣятельности.

Начались на этой почвѣ безконечная переписка, пререканія и канцелярская волокита, составляющія, какъ извѣстно, и до нашихъ дней непремѣнную принадлежность всякаго рода россійскихъ коммиссій и давшая собою матеріалъ для объемистаго (на 366-ти листахъ) архивнаго „дѣла о составленіи коммиссіи для разсмотрѣнія счетовъ казанскаго университета“.

ской и с.-петербургской сохранной казны, выданныхъ въ мартѣ и октябрѣ мѣсяцахъ 1825-го года, суммою съ процентами въ 24808 р. 33½ копѣекъ.

Университетъ, принявъ сіи билеты и отчисливъ изъ нихъ принадлежащія оному 24110 р. 91½ к., остальныя выдалъ изъ своихъ суммъ Магницкому.

Если бы деньги сіи,—какъ утверждаетъ Магницкій,—хранились у него на случай требованія опытъ изъ за границы или употреблялись имъ на покупку для университета разныхъ вещей, то какимъ образомъ могли онѣ быть положены въ сохранную казну въ мартѣ и октябрѣ мѣсяцахъ 1825-го года, а особливо—въ московскую? Но если онѣ положены были въ оную казну въ видѣ университетскихъ денегъ, то и проценты на нихъ должны принадлежать университету.

За неосмотрительность, сдѣланную университетомъ въ выдачѣ Магницкому остатка денегъ, накопившихся отъ прирощенія капитала изъ процентовъ въ сохранной казнѣ, сдѣлалъ я оному строгій выговоръ, приказавъ взыскать вдвойнѣ сей остатокъ съ членовъ правленія университета, впредь до разсмотрѣнія сего дѣла.....

Все сіе, кажется, удостовѣряетъ, что Магницкій университетскія деньги употреблялъ на свои нужды»...

Только что упомянутый строгій выговоръ министра ректору и всему составу университетскаго правленія (проф. Эрману, Симонову, Дунаеву, Ерохову и Караблинову), сдѣланный предложеніемъ отъ 14-го іюня „за самовольныя и въ ущербъ казнѣ дѣйствія по денежнымъ счетамъ съ бывшимъ попечителемъ Магницкимъ“—былъ объявленъ ректоромъ Фуксомъ, какъ лично себѣ, такъ и остальнымъ членамъ правленія, въ засѣданіи совѣта 30-го іюня [283].

Обнаруженные ревизіею безпорядки и запутанность счетной части какъ по самому университету, такъ и по его строительному комитету, повлекли за собою учрежденіе въ Казани, по высочайшему повелѣнію, особой коммиссіи для обревизованія счетной части казанскаго университета. Эта коммиссія, объ учрежденіи которой совѣтъ университета былъ увѣдомленъ предложеніемъ министра народнаго просвѣщенія отъ 30-го іюня 1826 года, была образована изъ казанскаго гражданскаго губернатора барона Розена и прикомандированнаго къ нему чиновника департамента народнаго просвѣщенія надв. сов. Власова и открыла свою дѣятельность затребованіемъ отъ правленія университета денежныхъ счетовъ за семилѣтіе 1819—1826 годовъ, а отъ строительнаго комитета—отчетовъ за всѣ годы его дѣятельности.

Начались на этой почвѣ безконечная переписка, пререканія и канцелярская волокита, составляющія, какъ извѣстно, и до нашихъ дней непремѣнную принадлежность всякаго рода россійскихъ коммиссій и давшая собою матеріалъ для объемистаго (на 366-ти листахъ) архивнаго „дѣла о составленіи коммиссіи для разсмотрѣнія счетовъ казанскаго университета“.

Уже первыя дѣйствія и сношенія вновь образованной коммиссіи приняли направленіе, которое далеко не сулило скораго окончанія возложенной на нее задачи, не взирая на постоянныя требованія изъ Петербурга ускорить теченіе ея дѣлъ.

Между тѣмъ ходомъ дѣла Магницкаго лично интересовался самъ императоръ Николай Павловичъ и 25-го октября 1826 года статсъ-секретарь Муравьевъ далъ знать министру народнаго просвѣщенія, что „государю императору угодно знать о положеніи дѣла о г. Магницкомъ" и что „его величество, соизволяя, что бы оное окончаніемъ своимъ было ускорено, изволитъ желать знать — что причиною его замедленія?" Адмиралъ Шишковъ тогда же, ссылаясь на высочайшую волю, обратился къ казанскому губернатору съ просьбою „поспѣшить приведеніемъ къ окончанію высочайше возложеннаго порученія", государю же представилъ докладную записку, въ которой всеподданнѣйше доносилъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Какъ счета казанскаго университета и строительнаго при немъ комитета найдены въ совершенной запутанности, то и требовалось разсмотрѣть ихъ, почему я испрашивалъ у вашего императорскаго величества дозволеніе обревизованіе сихъ счетовъ произвести по назначеніи новаго попечителя и подъ непосредственнымъ его вѣдѣніемъ. Но вашему императорскому величеству благоугодно было повелѣть мнѣ предложить сіе генералъ-маіору Желтухину, а въ случаѣ его несогласія—поручить казанскому гражданскому губернатору, отправя къ нему чиновника департамента народнаго просвѣщенія.

Какъ генералъ-маіоръ Желтухинъ отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія, о чемъ я доводилъ до свѣдѣнія вашего императорскаго величества въ 6-й день іюня сего года, то я предписалъ казанскому гражданскому губернатору объ исполненіи высочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія, для чего и командировалъ къ нему служащаго въ департаментѣ народнаго просвѣщенія надв. сов. Власова.

Нынѣ получилъ я отъ губернатора донесеніе, что онъ приступилъ къ обревизованію счетовъ университета освидѣтельствованіемъ наличныхъ суммъ онаго, кои оказались согласными съ бухгалтерскими и кассирскими вѣдомостями, но что самыя сіи вѣдомости не имѣютъ между собою сходства, а кассирская не имѣетъ, сверхъ того, и надлежащей ясности, почему и потребовалъ, отъ кого слѣдуетъ, объясненій, а между тѣмъ, по ссылкѣ ихъ, свидѣтельствовалъ нѣкоторыя шнуровыя книги. Послѣ сего оказалось, что несходство показаній въ бухгалтерской и кассирской вѣдомостяхъ произошло отъ худого устройства и запущенія счетной части съ давнихъ

Уже первыя дѣйствія и сношенія вновь образованной коммиссіи приняли направленіе, которое далеко не сулило скораго окончанія возложенной на нее задачи, не взирая на постоянныя требованія изъ Петербурга ускорить теченіе ея дѣлъ.

Между тѣмъ ходомъ дѣла Магницкаго лично интересовался самъ императоръ Николай Павловичъ и 25-го октября 1826 года статсъ-секретарь Муравьевъ далъ знать министру народнаго просвѣщенія, что „государю императору угодно знать о положеніи дѣла о г. Магницкомъ“ и что „его величество, соизволяя, что бы оное окончаніемъ своимъ было ускорено, изволитъ желать знать — что причиною его замедленія?“ Адмиралъ Шишковъ тогда же, ссылаясь на высочайшую волю, обратился къ казанскому губернатору съ просьбою „поспѣшить приведеніемъ къ окончанію высочайше возложеннаго порученія“, государю же представилъ докладную записку, въ которой всеподданнѣйше доносилъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Какъ счета казанскаго университета и строительнаго при немъ комитета найдены въ совершенной запутанности, то и требовалось разсмотрѣть ихъ, почему я испрашивалъ у вашего императорскаго величества дозволеніе обревизованіе сихъ счетовъ произвести по назначеніи новаго попечителя и подъ непосредственнымъ его вѣдѣніемъ. Но вашему императорскому величеству благоугодно было повелѣть мнѣ предложить сіе генералъ-маіору Желтухину, а въ случаѣ его несогласія—поручить казанскому гражданскому губернатору, отправя къ нему чиновника департамента народнаго просвѣщенія.

Какъ генералъ-маіоръ Желтухинъ отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія, о чемъ я доводилъ до свѣдѣнія вашего императорскаго величества въ 6-й день іюня сего года, то я предписалъ казанскому гражданскому губернатору объ исполненіи высочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія, для чего и командировалъ къ нему служащаго въ департаментѣ народнаго просвѣщенія надв. сов. Власова.

Нынѣ получилъ я отъ губернатора донесеніе, что онъ приступилъ къ обревизованію счетовъ университета освидѣтельствованіемъ наличныхъ суммъ онаго, кои оказались согласными съ бухгалтерскими и кассирскими вѣдомостями, но что самыя сіи вѣдомости не имѣютъ между собою сходства, а кассирская не имѣетъ, сверхъ того, и надлежащей ясности, почему и потребовалъ, отъ кого слѣдуетъ, объясненій, а между тѣмъ, по ссылкѣ ихъ, свидѣтельствовалъ нѣкоторыя шнуровыя книги. Послѣ сего оказалось, что несходство показаній въ бухгалтерской и кассирской вѣдомостяхъ произошло отъ худого устройства и запущенія счетной части съ давнихъ

лѣтъ. Сверхъ того, потребовалъ вѣдомостей о суммахъ за время управленія Магницкаго университетомъ — но оныхъ еще не получилъ. Въ заключеніе губернаторъ доноситъ, что старшій письмоводитель канцеляріи попечителя Часовниковъ и бухгалтеръ университета Ляпуновъ — находятся въ большихъ связяхъ и сношеніяхъ съ Магницкимъ, почему, имѣя случай узнавать о дѣйствіяхъ ревизіи, могутъ, для пользы Магницкаго, мѣшать обнаруживать его поступки и быть орудіемъ къ совершеннымъ ябедамъ, чтобъ только запутать дѣло и остановить ревизію.

Въ семъ положеніи находится дѣло по обревизованію счетовъ казанскаго университета. Но какъ подробное обревизованіе оныхъ за многіе годы, повѣрка каждой статьи прихода и расхода съ актами — требуютъ, по необходимости, многаго времени, то дѣло сіе такого рода, что не можетъ въ короткое время быть приведено къ окончанію. Впрочемъ, я предписалъ казанскому губернатору о поспѣшеніи онымъ".

Не беремся рѣшать вопроса о томъ, на сколько явились „совершенные ябеды" клевретовъ бывшаго попечителя причиною волокиты, сразу же сказавшейся въ ходѣ дѣла по ревизіи счетовъ казанскаго университета, но работа подвигалась впередъ положительно черепашьимъ шагомъ, какъ свидѣтельствуютъ намъ данныя подлиннаго дѣла объ этой ревизіи. Министерство то и дѣло побуждало коммиссію ускореніемъ работъ; коммиссія, въ свою очередь, побуждала доставленіемъ необходимыхъ данныхъ университетское правленіе, прибѣгая, при этомъ, даже къ угрозамъ; правленіе входило съ коммиссіею во всевозможныя пререканія, а члены коммиссіи — исправнѣйшимъ образомъ заполучали положенное имъ жалованье. Дѣло подвигалось впередъ на столько медленно, что въ концѣ 1828-го года коммиссія жаловалась на недоставленіе ей по ту пору 78-ми приходо-расходныхъ книгъ. Только къ 1833-му году съ грѣхомъ пополамъ удалось коммиссіи кое какъ разобраться въ возложенномъ на нее порученіи, но результаты работъ ея оказались самыми ничтожными: все дѣло ограничилось нѣсколькими незначительными начетами*, да удовлетвореніемъ случайныхъ денежныхъ претензій подрядчиковъ и поставщиковъ, участвовавшихъ въ университетскомъ строительствѣ эпохи Магниц-

* Дѣло съ этими начетами окончилось, впрочемъ, вполнѣ благополучно. Весною 1833-го года, въ бытность свою въ Петербургѣ, преемникъ Магницкаго, попечитель М. Н. Мусинъ-Пушкинъ, всеподданнѣйше исходатайствовалъ разрѣшеніе освободить профессоровъ казанскаго университета (членовъ правленія) отъ внесенія въ ихъ формуляры рѣшеній сената, которыми они присуждались, — съ подведеніемъ самыхъ присужденій, впрочемъ, подъ манифестъ, — къ взысканіямъ по ревизіи счетовъ университета и по дѣлу Жобара.

лѣтъ. Сверхъ того, потребовалъ вѣдомостей о суммахъ за время управленія Магницкаго университетомъ — но оныхъ еще не получилъ. Въ заключеніе губернаторъ доноситъ, что старшій письмоводитель канцеляріи попечителя Часовниковъ и бухгалтеръ университета Ляпуновъ — находятся въ большихъ связяхъ и сношеніяхъ съ Магницкимъ, почему, имѣя случай узнавать о дѣйствіяхъ ревизіи, могутъ, для пользы Магницкаго, мѣшать обнаруживать его поступки и быть орудіемъ къ совершеннымъ ябедамъ, чтобъ только запутать дѣло и остановить ревизію.

Въ семъ положеніи находится дѣло по обревизованію счетовъ казанскаго университета. Но какъ подробное обревизованіе оныхъ за многіе годы, повѣрка каждой статьи прихода и расхода съ актами — требуютъ, по необходимости, многаго времени, то дѣло сіе такого рода, что не можетъ въ короткое время быть приведено къ окончанію. Впрочемъ, я предписалъ казанскому губернатору о поспѣшеніи онымъ".

Не беремся рѣшать вопроса о томъ, на сколько явились „совершенные ябеды" клевретовъ бывшаго попечителя причиною волокиты, сразу же сказавшейся въ ходѣ дѣла по ревизіи счетовъ казанскаго университета, но работа подвигалась впередъ положительно черепашьимъ шагомъ, какъ свидѣтельствуютъ намъ данныя подлиннаго дѣла объ этой ревизіи. Министерство то и дѣло побуждало коммиссію ускореніемъ работъ; коммиссія, въ свою очередь, побуждала доставленіемъ необходимыхъ данныхъ университетское правленіе, прибѣгая, при этомъ, даже къ угрозамъ; правленіе входило съ коммиссіею во всевозможныя пререканія, а члены коммиссіи — исправнѣйшимъ образомъ заполучали положенное имъ жалованье. Дѣло подвигалось впередъ на столько медленно, что въ концѣ 1828-го года коммиссія жаловалась на недоставленіе ей по ту пору 78-ми приходо-расходныхъ книгъ. Только къ 1833-му году съ грѣхомъ пополамъ удалось коммиссіи кое какъ разобраться въ возложенномъ на нее порученіи, но результаты работъ ея оказались самыми ничтожными: все дѣло ограничилось нѣсколькими незначительными начетами*, да удовлетвореніемъ случайныхъ денежныхъ претензій подрядчиковъ и поставщиковъ, участвовавшихъ въ университетскомъ строительствѣ эпохи Магниц-

* Дѣло съ этими начетами окончилось, впрочемъ, вполнѣ благополучно. Весною 1833-го года, въ бытность свою въ Петербургѣ, преемникъ Магницкаго, попечитель М. Н. Мусинъ-Пушкинъ, всеподданнѣйше исходатайствовалъ разрѣшеніе освободить профессоровъ казанскаго университета (членовъ правленія) отъ внесенія въ ихъ формуляры рѣшеній сената, которыми они присуждались, — съ подведеніемъ самыхъ присужденій, впрочемъ, подъ манифестъ, — къ взысканіямъ по ревизіи счетовъ университета и по дѣлу Жобара.

каго. „Гора родила мышь",—вотъ все, что можно сказать про интересующую насъ ревизіонную коммиссію 1826—1833 годовъ, при чемъ представляется небезинтереснымъ, что послѣдніе отголоски дѣятельности ея восходятъ даже къ 1853-му году[264].

Что касается Магницкаго, годы попечительства котораго явились ближайшимъ поводомъ къ учрежденію ревизіонной коммиссіи 1826—1833 годовъ, то, согласно положенію комитета министровъ, высочайше утвержденному 11-го января 1827 года—онъ, помимо разслѣдованія, производившагося казанскою ревизіонною коммиссіею, былъ преданъ суду правительствующаго сената по обвиненію въ „злоупотребленіи казенныхъ денегъ на свои надобности и въ несправедливомъ объ оныхъ объясненіи". Тогда же наложено было запрещеніе и на всемилостивѣйше дарованныя Магницкому въ разные годы недвижимыя имущества—до кіевской земельной аренды его, включительно.

Любопытны замѣчанія самого Магницкаго по поводу злоключеній, постигшихъ его слѣдомъ за разразившеюся надъ нимъ катастрофою 6-го мая 1826 года, изложенныя въ запискѣ, написанной имъ въ 1829-мъ году, въ Ревелѣ, и предназначавшейся къ свѣдѣнію самого императора Николая: „Дабы завязать положеніе мое и самымъ разореніемъ моимъ, учреждена коммиссія для повѣрки университетскихъ счетовъ, самыхъ ничтожныхъ и, большею частью, уже государственнымъ контролемъ обревизованныхъ, — пишетъ здѣсь бывшій казанскій попечитель.—На имѣніе, подъ симъ предлогомъ, наложено повсемѣстное запрещеніе и даже на доходъ съ аренды кіевской"... По утвержденію Магницкаго, сенатъ, суду котораго онъ былъ преданъ, предложилъ ему вопросные пункты „только для обряда" (т. е. для выполненія формальности) и, затѣмъ, „подвелъ подъ манифестъ", — результатъ, будто бы совершенно не удовлетворившій бывшаго попечителя: „Я могъ на сіе по закону жаловаться,—заявляетъ Магницкій,—и просить о переносѣ дѣла... Но—куда? Въ общее собраніе? Оно не можетъ перерѣшить суда комитета министровъ. Просить о томъ въ государственномъ совѣтѣ? Но тамъ засѣдаютъ тѣ самые члены комитета кои, по однимъ бездоказательнымъ словамъ министра, безъ отвѣтовъ и объясненій моихъ меня осудили!"

Дѣлая, затѣмъ, попытку установить рядъ неправильностей, яко бы допущенныхъ по его дѣлу сенатомъ, Магницкій исчисляетъ послѣдствіе для него отъ „происковъ самыхъ ничтожныхъ лицъ, невидимо приведшихъ въ движеніе самыя сильныя и главнѣйшія пружины правительственной ма-

каго. „Гора родила мышь",—вотъ все, что можно сказать про интересующую насъ ревизіонную коммиссію 1826—1833 годовъ, при чемъ представляется небезинтереснымъ, что послѣдніе отголоски дѣятельности ея восходятъ даже къ 1853-му году [264].

Что касается Магницкаго, годы попечительства котораго явились ближайшимъ поводомъ къ учрежденію ревизіонной коммиссіи 1826—1833 годовъ, то, согласно положенію комитета министровъ, высочайше утвержденному 11-го января 1827 года—онъ, помимо разслѣдованія, производившагося казанскою ревизіонною коммиссіею, былъ преданъ суду правительствующаго сената по обвиненію въ „злоупотребленіи казенныхъ денегъ на свои надобности и въ несправедливомъ объ оныхъ объясненіи". Тогда же наложено было запрещеніе и на всемилостивѣйше дарованныя Магницкому въ разные годы недвижимыя имущества—до кіевской земельной аренды его, включительно.

Любопытны замѣчанія самого Магницкаго по поводу злоключеній, постигшихъ его слѣдомъ за разразившеюся надъ нимъ катастрофою 6-го мая 1826 года, изложенныя въ запискѣ, написанной имъ въ 1829-мъ году, въ Ревелѣ, и предназначавшейся къ свѣдѣнію самого императора Николая: „Дабы завязать положеніе мое и самымъ разореніемъ моимъ, учреждена коммиссія для повѣрки университетскихъ счетовъ, самыхъ ничтожныхъ и, большею частью, уже государственнымъ контролемъ обревизованныхъ, — пишетъ здѣсь бывшій казанскій попечитель.—На имѣніе, подъ симъ предлогомъ, наложено повсемѣстное запрещеніе и даже на доходъ съ аренды кіевской"... По утвержденію Магницкаго, сенатъ, суду котораго онъ былъ преданъ, предложилъ ему вопросные пункты „только для обряда" (т. е. для выполненія формальности) и, затѣмъ, „подвелъ подъ манифестъ", — результатъ, будто бы совершенно не удовлетворившій бывшаго попечителя: „Я могъ на сіе по закону жаловаться,—заявляетъ Магницкій,—и просить о переносѣ дѣла... Но—куда? Въ общее собраніе? Оно не можетъ перерѣшить суда комитета министровъ. Просить о томъ въ государственномъ совѣтѣ? Но тамъ засѣдаютъ тѣ самые члены комитета кои, по однимъ бездоказательнымъ словамъ министра, безъ отвѣтовъ и объясненій моихъ меня осудили!"

Дѣлая, затѣмъ, попытку установить рядъ неправильностей, яко бы допущенныхъ по его дѣлу сенатомъ, Магницкій исчисляетъ послѣдствіе для него отъ „происковъ самыхъ ничтожныхъ лицъ, невидимо приведшихъ въ движеніе самыя сильныя и главнѣйшія пружины правительственной ма-

хины" и при этомъ высказываетъ слѣдующее пожеланіе: „Таковы козни, которыя несу я, тщетно умоляя, что бы, ежели его величеству не угодно покрыть императорскою милостью своею все прошедшее, въ которомъ единственно виною несчастныя для меня обстоятельства, то данъ бы былъ мнѣ судъ, на коемъ разсмотрѣно бы было дѣло мое таковою довѣренною особою(?), которая бы, невозбранно принявъ изъясненіе моихъ оправданій, имѣла, въ случаѣ моей невинности, право на ходатайство о справедливомъ возмездіи".

Записка оканчивается рядомъ высокопарныхъ и льстивыхъ сентенцій по адресу императора, съ выраженіемъ всегдашней готовности доказать ему, „не на словахъ только, но и на дѣлѣ", преданность свою: „Превзойти въ горячности моего усердія къ его императорскому величеству всѣхъ враговъ моихъ—сіе есть одно изъ мщеній, котораго желаю!"—восклицаетъ Магницкій.

Что бы покончить съ вопросомъ о слѣдствіи и судѣ надъ Магницкимъ приведемъ отзывъ выдающагося педагога, близко стоявшаго къ событіямъ той эпохи — Мих. Макс. Попова: „Казанское дѣло Магницкаго продолжалось семь лѣтъ,—свидѣтельствуетъ Поповъ.—На Магницкаго насчитывали то 90 тысячъ, то 56 тысячъ, то 24 тысячи рублей. Семь лѣтъ держали имѣніе его подъ запрещеніемъ. Кончилось тѣмъ, что опредѣлено было взыскать съ него... 438 р. 45 коп. ассигнаціями!" * [285].

Разсказъ о подневольномъ пребываніи Магницкаго въ Казани прерванъ былъ нами фактомъ возвращенія его сюда, подъ надзоръ мѣстной губернской администраціи, послѣ предпринятой имъ лѣтомъ 1826-го года неудачной попытки искать въ Царскомъ Селѣ личнаго оправданія предъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Неудача и на этотъ разъ не сломила самонадѣяннаго характера эксъ-попечителя, направивъ его если не къ реабилитаціи итоговъ своей попечительской дѣятельности, то къ устроенію, по крайней мѣрѣ, своего матеріальнаго благополучія—тенденція, которая, какъ это намъ уже извѣстно, далеко не была чужда ему и въ лучшіе дни минувшихъ авторитета и власти. Моментъ представлялся подходящимъ, такъ какъ приближались дни торжествъ по поводу священнаго коронованія (22-го августа 1826 года) императора Николая I,—и Магницкій рѣшилъ воспользоваться этимъ благопріятнымъ случаемъ, не задумавшись обратиться къ содѣйствію бывшаго своего министра и покровителя

---

* Читатели должны имѣть въ виду, что дѣло Магницкаго было подведено подъ всемилостивѣйшій манифестъ, изданный по поводу коронованія императора Николая I.

хины" и при этомъ высказываетъ слѣдующее пожеланіе: „Таковы козни, которыя несу я, тщетно умоляя, что бы, ежели его величеству не угодно покрыть императорскою милостью своею все прошедшее, въ которомъ единственно виною несчастныя для меня обстоятельства, то данъ бы былъ мнѣ судъ, на коемъ разсмотрѣно бы было дѣло мое таковою довѣренною особою(?), которая бы, невозбранно принявъ изъясненіе моихъ оправданій, имѣла, въ случаѣ моей невинности, право на ходатайство о справедливомъ возмездіи".

Записка оканчивается рядомъ высокопарныхъ и льстивыхъ сентенцій по адресу императора, съ выраженіемъ всегдашней готовности доказать ему, „не на словахъ только, но и на дѣлѣ", преданность свою: „Превзойти въ горячности моего усердія къ его императорскому величеству всѣхъ враговъ моихъ—сіе есть одно изъ мщеній, котораго желаю!"—восклицаетъ Магницкій.

Что бы покончить съ вопросомъ о слѣдствіи и судѣ надъ Магницкимъ приведемъ отзывъ выдающагося педагога, близко стоявшаго къ событіямъ той эпохи — Мих. Макс. Попова: „Казанское дѣло Магницкаго продолжалось семь лѣтъ,—свидѣтельствуетъ Поповъ.—На Магницкаго насчитывали то 90 тысячъ, то 56 тысячъ, то 24 тысячи рублей. Семь лѣтъ держали имѣніе его подъ запрещеніемъ. Кончилось тѣмъ, что опредѣлено было взыскать съ него... 438 р. 45 коп. ассигнаціями!" * [285].

Разсказъ о подневольномъ пребываніи Магницкаго въ Казани прерванъ былъ нами фактомъ возвращенія его сюда, подъ надзоръ мѣстной губернской администраціи, послѣ предпринятой имъ лѣтомъ 1826-го года неудачной попытки искать въ Царскомъ Селѣ личнаго оправданія предъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Неудача и на этотъ разъ не сломила самонадѣяннаго характера эксъ-попечителя, направивъ его если не къ реабилитаціи итоговъ своей попечительской дѣятельности, то къ устроенію, по крайней мѣрѣ, своего матеріальнаго благополучія—тенденція, которая, какъ это намъ уже извѣстно, далеко не была чужда ему и въ лучшіе дни минувшихъ авторитета и власти. Моментъ представлялся подходящимъ, такъ какъ приближались дни торжествъ по поводу священнаго коронованія (22-го августа 1826 года) императора Николая I,—и Магницкій рѣшилъ воспользоваться этимъ благопріятнымъ случаемъ, не задумавшись обратиться къ содѣйствію бывшаго своего министра и покровителя

* Читатели должны имѣть въ виду, что дѣло Магницкаго было подведено подъ всемилостивѣйшій манифестъ, изданный по поводу коронованія императора Николая I.

князя А. Н. Голицина, предательствомъ которому онъ такъ запятналъ себя всего два съ половиною года тому назадъ.... Вотъ что разсказываетъ намъ по этому поводу В. И. Панаевъ:

„Магницкому велѣно было оставаться въ Казани, а губернатору секретно предписано наблюдать за нимъ. Въ надеждѣ на милости обыкновенно въ дни торжествъ коронаціонныхъ изливаемыя, онъ не устыдился обратиться къ князю Голицину и, описывая свое недостаточное состояніе и горестную необходимость жить съ женою врозь, на два дома, умолялъ о возобновленіи ему если не оклада попечительскаго, то, по крайней мѣрѣ, о продолженіи тѣхъ шести тысячъ рублей, которые онъ же, князь, нѣкогда выпросилъ ему по особому указу. Князь Голицинъ, — добавляетъ Панаевъ, — какъ истинный христіанинъ, сдѣлалъ это".

За исключеніемъ свидѣтельства объ участіи въ дѣлѣ князя А. Н. Голицина, — свидѣтельства, которому мы вполнѣ довѣряемъ, — разсказъ В. И. Панаева находитъ себѣ полное подтвержденіе въ архивныхъ матеріалахъ министерства народнаго просвѣщенія, среди которыхъ сохранилось „дѣло о назначеніи бывшему попечителю казанскаго учебнаго округа д. с. с. Магницкому содержанія по 6-ти тысячъ рублей въ годъ до окончанія производящагося по дѣламъ казанскаго университета изслѣдованія". Изъ этого дѣла мы узнаемъ, что 7-го августа 1826 года, въ бытность его въ Москвѣ, государемъ императоромъ было всемилостивѣйше повелѣно „дать д. с. с. Магницкому, до окончанія слѣдствія, по шести тысячъ рублей содержанія или пенсіона", изъ которыхъ половинная за годъ сумма, т. е. 3 тысячи рублей, и были выданы женѣ бывшаго попечителя.

Казалось бы вполнѣ естественнымъ, что удары, съ такою суровостью посыпавшіеся на Магницкаго съ конца предшествовавшаго года—съ одной стороны, едва ли заслуженное великодушіе, проявленное по отношенію къ нему государемъ — съ другой стороны, могли бы сломить строптивость уволеннаго попечителя и заставить его мирно сидѣть въ Казани, выжидая рѣшенія своей участи. Набалованный случайною судьбою карьеристъ не былъ, тѣмъ не менѣе, склоненъ пассивно подчиниться постигшимъ его невзгодамъ и предпринялъ попытку дальнѣйшей борьбы съ ними,— борьбы, въ которой онъ рѣшилъ не стѣсняться уже ни цѣлями, ни средствами.

князя А. Н. Голицина, предательствомъ которому онъ такъ запятналъ себя всего два съ половиною года тому назадъ.... Вотъ что разсказываетъ намъ по этому поводу В. И. Панаевъ:

„Магницкому велѣно было оставаться въ Казани, а губернатору секретно предписано наблюдать за нимъ. Въ надеждѣ на милости обыковенно въ дни торжествъ коронаціонныхъ изливаемыя, онъ не устыдился обратиться къ князю Голицину и, описывая свое недостаточное состояніе и горестную необходимость жить съ женою врознь, на два дома, умолялъ о возобновленіи ему если не оклада попечительскаго, то, по крайней мѣрѣ, о продолженіи тѣхъ шести тысячъ рублей, которые онъ же, князь, нѣкогда выпросилъ ему по особому указу. Князь Голицинъ, — добавляетъ Панаевъ, — какъ истинный христіанинъ, сдѣлалъ это“.

За исключеніемъ свидѣтельства объ участіи въ дѣлѣ князя А. Н. Голицина, — свидѣтельства, которому мы вполнѣ довѣряемъ, — разсказъ В. И. Панаева находитъ себѣ полное подтвержденіе въ архивныхъ матеріалахъ министерства народнаго просвѣщенія, среди которыхъ сохранилось „дѣло о назначеніи бывшему попечителю казанскаго учебнаго округа д. с. с. Магницкому содержанія по 6-ти тысячъ рублей въ годъ до окончанія производящагося по дѣламъ казанскаго университета изслѣдованія“. Изъ этого дѣла мы узнаемъ, что 7-го августа 1826 года, въ бытность его въ Москвѣ, государемъ императоромъ было всемилостивѣйше повелѣно „дать д. с. с. Магницкому, до окончанія слѣдствія, по шести тысячъ рублей содержанія или пенсіона“, изъ которыхъ половинная за годъ сумма, т. е. 3 тысячи рублей, и были выданы женѣ бывшаго попечителя.

Казалось бы вполнѣ естественнымъ, что удары, съ такою суровостью посыпавшіеся на Магницкаго съ конца предшествовавшаго года — съ одной стороны, едва ли заслуженное великодушіе, проявленное по отношенію къ нему государемъ — съ другой стороны, могли бы сломить строптивость уволеннаго попечителя и заставить его мирно сидѣть въ Казани, выжидая рѣшенія своей участи. Набалованный случайною судьбою карьеристъ не былъ, тѣмъ не менѣе, склоненъ пассивно подчиниться постигшимъ его невзгодамъ и предпринялъ попытку дальнѣйшей борьбы съ ними, — борьбы, въ которой онъ рѣшилъ не стѣсняться уже ни цѣлями, ни средствами.

Министерскіе противники Магницкаго еще лѣтомъ 1826-го года признали неудобство дальнѣйшаго пребыванія его въ Казани и не безъ ихъ, конечно, участія въ дѣлѣ адмиралъ Шишковъ, въ уже извѣстномъ намъ всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ отъ 18-го іюня (см. выше стр. 586), представлялъ государю относительно необходимости высылки бывшаго попечителя изъ Казани: „Я считаю,—докладывалъ министръ народнаго просвѣщенія,—что, по извѣстному безпокойному нраву Магницкаго, пребываніе его въ Казани можетъ причинить большой вредъ университету и не возстановитъ между чиновниками онаго того спокойствія, котораго онъ лишилъ ихъ, поселяя между ними раздоръ и несогласіе. Посему нужно бы было удалить его оттуда и назначить ему пребываніе въ другомъ какомъ мѣстѣ, кромѣ обѣихъ столицъ".

Министерское предположеніе не встрѣтило себѣ въ то время высочайшаго соизволенія, но дальнѣйшій образъ дѣйствій Магницкаго уже въ началѣ зимы 1826-го—1827-го года снова выдвинулъ на очередь вопросъ относительно неизбѣжности высылки его изъ Казани. Вотъ что разсказываетъ по этому поводу ближайшій участникъ интересующихъ насъ событій того времени, В. И. Панаевъ:

„Казалось, хотя теперь слѣдовало бы Магницкому уняться—жить покойно, мирно. Но—нѣтъ: полетѣли въ Петербургъ безименные доносы, писанные женскою рукою на разныя лица, на новаго губернатора (барона Розена), даже на моего тестя *, хотя онъ находился уже въ Симбирскѣ. Доносы эти препровождались къ губернатору, для секретнаго узнанія о сочинителяхъ. Оказалось, что сочинители собирались у Магницкаго, писали подъ его руководствомъ, подъ его редакціею. Баронъ Розенъ донесъ о томъ высшему правительству, присовокупляя, что частыя посѣщенія Магницкимъ архіерея, гдѣ онъ сидитъ иногда до двухъ часовъ ночи, подозрительны и служатъ не къ чести преосвященнаго".

Результатомъ проявлявшагося Магницкимъ „безпокойства нрава" было рѣшеніе выслать его на жительство изъ Казани—въ Ревель: „Прискакалъ,—разсказываетъ Панаевъ,—фельдъегерь, взялъ Магницкаго и отвезъ его въ Ревель, гдѣ опредѣлено ему жить подъ наблюденіемъ мѣстнаго начальства, архіерей же переве-

---

* Бывшаго вице-губернатора и управляющаго казанскою губерніею А. Я. Жмакина, перемѣщеннаго изъ Казани на должность симбирскаго губернатора.

Министерскіе противники Магницкаго еще лѣтомъ 1826-го года признали неудобство дальнѣйшаго пребыванія его въ Казани и не безъ ихъ, конечно, участія въ дѣлѣ адмиралъ Шишковъ, въ уже извѣстномъ намъ всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ отъ 18-го іюня (см. выше стр. 586), представлялъ государю относительно необходимости высылки бывшаго попечителя изъ Казани: „Я считаю,—докладывалъ министръ народнаго просвѣщенія,—что, по извѣстному безпокойному нраву Магницкаго, пребываніе его въ Казани можетъ причинить большой вредъ университету и не возстановитъ между чиновниками онаго того спокойствія, котораго онъ лишилъ ихъ, поселяя между ними раздоръ и несогласіе. Посему нужно бы было удалить его оттуда и назначить ему пребываніе въ другомъ какомъ мѣстѣ, кромѣ обѣихъ столицъ“.

Министерское предположеніе не встрѣтило себѣ въ то время высочайшаго соизволенія, но дальнѣйшій образъ дѣйствій Магницкаго уже въ началѣ зимы 1826-го—1827-го года снова выдвинулъ на очередь вопросъ относительно неизбѣжности высылки его изъ Казани. Вотъ что разсказываетъ по этому поводу ближайшій участникъ интересующихъ насъ событій того времени, В. И. Панаевъ:

> „Казалось, хотя теперь слѣдовало бы Магницкому уняться—жить покойно, мирно. Но—нѣтъ: полетѣли въ Петербургъ безименные доносы, писанные женскою рукою на разныя лица, на новаго губернатора (барона Розена), даже на моего тестя *, хотя онъ находился уже въ Симбирскѣ. Доносы эти препровождались къ губернатору, для секретнаго узнанія о сочинителяхъ. Оказалось, что сочинители собирались у Магницкаго, писали подъ его руководствомъ, подъ его редакціею. Баронъ Розенъ донесъ о томъ высшему правительству, присовокупляя, что частыя посѣщенія Магницкимъ архіерея, гдѣ онъ сидитъ иногда до двухъ часовъ ночи, подозрительны и служатъ не къ чести преосвященнаго“.

Результатомъ проявлявшагося Магницкимъ „безпокойства нрава“ было рѣшеніе выслать его на жительство изъ Казани—въ Ревель: „Прискакалъ,—разсказываетъ Панаевъ,—фельдъегерь, взялъ Магницкаго и отвезъ его въ Ревель, гдѣ опредѣлено ему жить подъ наблюденіемъ мѣстнаго начальства, архіерей же переве-

* Бывшаго вице-губернатора и управляющаго казанскою губерніею А. Я. Жмакина, перемѣщеннаго изъ Казани на должность симбирскаго губернатора.

денъ на низшую епархію—тверскую". Характерный эпизодъ сообщаетъ при этомъ тотъ же Панаевъ: „Когда Магницкій выѣзжалъ съ фельдъегеремъ изъ Казани, у него не было шубы. Бывшій профессоръ, а въ то время губернскій прокуроръ Солнцевъ, котораго онъ сначала возвелъ въ званіе ректора, а потомъ отдалъ подъ судъ, далъ ему—свою"...

Высылкою Магницкаго въ Ревель заканчиваются непосредственныя отношенія къ Казани бывшаго попечителя учебнаго округа. Административная ссылка его едва ли вызвала въ комъ либо сожалѣніе. Одинъ изъ современниковъ (П. А. Вяземскій) разсказываетъ, будто бы бывшій покровитель Магницкаго М. М. Сперанскій, узнавъ о постигшей его участи, высказался по этому поводу въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Какъ можно посылать Магницкаго въ Ревель? Туда ѣздятъ за здоровьемъ, а онъ присутствіемъ своимъ и воздухъ тамъ заразитъ"... Другой современникъ (И. И. Лажечниковъ) бросаетъ замѣчаніе, что, съ окончательнымъ отъѣздомъ его изъ Казани, наступаетъ для Магницкаго послѣдній періодъ жизни, который онъ „влачитъ, не сопутствуемый ничьею любовью, ничьимъ сожалѣніемъ"...[286].

Съ выѣздомъ Магницкаго изъ Казани—мы могли бы распроститься съ бывшимъ попечителемъ округа. Но прежде, нежели окончательно разстаться съ этою интересною и характерною личностью, которой суждено было сыграть такую крупную, хотя и неблагодарную, роль въ исторіи казанскаго университета двадцатыхъ годовъ минувшаго столѣтія, цѣлесообразнымъ считаемъ ознакомить читателей, хотя бы въ самыхъ краткихъ чертахъ, съ позднѣйшею судьбою Магницкаго.

Въ ревельскомъ изгнаніи Магницкому довелось пробыть около шести лѣтъ. По свидѣтельству Н. И. Второва, первое время жизни въ Ревелѣ, среди нѣмцевъ, которыхъ, какъ мы знаемъ, онъ сильно не долюбливалъ, казалось бывшему попечителю несноснымъ, тѣмъ болѣе, что семья его оставалась въ Петербургѣ; но впослѣдствіе онъ освоился съ жизнью здѣсь, сталъ играть въ карты и, даже, „волочиться за женщинами"; ревельскіе досуги свои короталъ и литературными занятіями, принимая близкое участіе въ мѣстномъ повременномъ изданіи „Радуга" *.

* О литературной дѣятельности Магницкаго, вообще, см. томъ III, стр. 265 (сноска), а болѣе подробно въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона, полут. 35-й, стр. 329.

денъ на низшую епархію—тверскую". Характерный эпизодъ сообщаетъ при этомъ тотъ же Панаевъ: „Когда Магницкій выѣзжалъ съ фельдъегеремъ изъ Казани, у него не было шубы. Бывшій профессоръ, а въ то время губернскій прокуроръ Солнцевъ, котораго онъ сначала возвелъ въ званіе ректора, а потомъ отдалъ подъ судъ, далъ ему—свою"...

Высылкою Магницкаго въ Ревель заканчиваются непосредственныя отношенія къ Казани бывшаго попечителя учебнаго округа. Административная ссылка его едва ли вызвала въ комъ либо сожалѣніе. Одинъ изъ современниковъ (П. А. Вяземскій) разсказываетъ, будто бы бывшій покровитель Магницкаго М. М. Сперанскій, узнавъ о постигшей его участи, высказался по этому поводу въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Какъ можно посылать Магницкаго въ Ревель? Туда ѣздятъ за здоровьемъ, а онъ присутствіемъ своимъ и воздухъ тамъ заразитъ"... Другой современникъ (И. И. Лажечниковъ) бросаетъ замѣчаніе, что, съ окончательнымъ отъѣздомъ его изъ Казани, наступаетъ для Магницкаго послѣдній періодъ жизни, который онъ „влачитъ, не сопутствуемый ничьею любовью, ничьимъ сожалѣніемъ"... [286].

Съ выѣздомъ Магницкаго изъ Казани—мы могли бы распроститься съ бывшимъ попечителемъ округа. Но прежде, нежели окончательно разстаться съ этою интересною и характерною личностью, которой суждено было сыграть такую крупную, хотя и неблагодарную, роль въ исторіи казанскаго университета двадцатыхъ годовъ минувшаго столѣтія, цѣлесообразнымъ считаемъ ознакомить читателей, хотя бы въ самыхъ краткихъ чертахъ, съ позднѣйшею судьбою Магницкаго.

Въ ревельскомъ изгнаніи Магницкому довелось пробыть около шести лѣтъ. По свидѣтельству Н. И. Второва, первое время жизни въ Ревелѣ, среди нѣмцевъ, которыхъ, какъ мы знаемъ, онъ сильно не долюбливалъ, казалось бывшему попечителю несноснымъ, тѣмъ болѣе, что семья его оставалась въ Петербургѣ; но впослѣдствіе онъ освоился съ жизнью здѣсь, сталъ играть въ карты и, даже, „волочиться за женщинами"; ревельскіе досуги свои короталъ и литературными занятіями, принимая близкое участіе въ мѣстномъ повременномъ изданіи „Радуга" *.

---

* О литературной дѣятельности Магницкаго, вообще, см. томъ III, стр. 265 (сноска), а болѣе подробно въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона, полут. 35-й, стр. 329.

Къ первымъ порамъ пребыванія его въ Ревелѣ относится и новая попытка Магницкаго исходатайствовать себѣ дозволеніе пріѣхать въ Петербургъ и, въ этихъ видахъ, 14-го апрѣля 1828 года онъ обратился къ императору Николаю Павловичу съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

„Всемилостивѣйшій Государь!—Долголѣтняя болѣзнь жены моей, извѣстная доктору Крайтону, усиленная горестями, привела ее въ такое положеніе, что она не можетъ тронуться съ мѣста и даже семь уже мѣсяцевъ не выходитъ изъ комнаты. Разлука со мною, продолжающееся разстройство домашнихъ дѣлъ нашихъ, угрожающая невозможность содержать сына на службѣ и жить на три дома—убиваютъ ее до такой степени, что, по единогласному объявленію врачей, ее пользующихъ, самыя цѣлительныя средства обращаются ей во вредъ *. Въ семъ отчаянномъ состояніи, лишающемъ насъ и послѣдняго на землѣ утѣшенія,—счастья семейственнаго,—неужели, Государь, не дерзну прибѣгнуть къ милосердію Вашего Величества?

Не осмѣлился бъ я отклонять отъ судебъ міра на судьбу мою ни одной минуты Того, чья каждая мысль принадлежитъ славѣ отечества, благу Европы и удивленію потомства, ежели бы Онъ самъ не былъ и августѣйшимъ примѣромъ нѣжнѣйшаго супруга и отца!"

Хотя прямой просьбы относительно разрѣшенія прибыть въ столицу, а можетъ быть и совсѣмъ переселиться туда, въ всеподданнѣйшемъ письмѣ Магницкаго и не заключалось, но оно было понято, конечно, именно въ этомъ смыслѣ. Новый министръ народнаго просвѣщенія князь К. А. Ливенъ, только что смѣнившій собою (25-го апрѣля 1828 г.) старца Шишкова, далъ по содержанію этого письма заключеніе весьма уклончиваго характера, вызвавшее собственноручную резолюцію государя: „Не дозволять".

Надежда оправдаться въ глазахъ императора и, тѣмъ самымъ, смягчить свою участь—не покидала ссыльнаго эксъ-попечителя и послѣ этой новой неудачи и въ концѣ лѣта 1829-го года Магницкій выступаетъ съ обширною запискою, озаглавленною: „Записка д. с. с. Магницкаго о казанскомъ дѣлѣ", найденною, послѣ его смерти, въ оставшихся у его вдовы бумагахъ и въ свое время напечатанною, вмѣстѣ съ его же запискою „О службѣ д. с. с. Магницкаго", М. М. Поповымъ подъ общимъ заглавіемъ: „Показанія Магницкаго". Эта записка, въ самомъ началѣ которой авторъ ея обѣщаетъ „въ простомъ раскрытіи страннаго сцѣпленія

* Фактъ на лицо тотъ, что Магницкая пережила, тѣмъ не менѣе, своего мужа.

Къ первымъ порамъ пребыванія его въ Ревелѣ относится и новая попытка Магницкаго исходатайствовать себѣ дозволеніе пріѣхать въ Петербургъ и, въ этихъ видахъ, 14-го апрѣля 1828 года онъ обратился къ императору Николаю Павловичу съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

„Всемилостивѣйшій Государь!—Долголѣтняя болѣзнь жены моей, извѣстная доктору Крайтону, усиленная горестями, привела ее въ такое положеніе, что она не можетъ тронуться съ мѣста и даже семь уже мѣсяцевъ не выходитъ изъ комнаты. Разлука со мною, продолжающееся разстройство домашнихъ дѣлъ нашихъ, угрожающая невозможность содержать сына на службѣ и жить на три дома—убиваютъ ее до такой степени, что, по единогласному объявленію врачей, ее пользующихъ, самыя цѣлительныя средства обращаются ей во вредъ *. Въ семъ отчаянномъ состояніи, лишающемъ насъ и послѣдняго на землѣ утѣшенія,—счастья семейственнаго,—неужели, Государь, не дерзну прибѣгнуть къ милосердію Вашего Величества?

Не осмѣлился бъ я отклонять отъ судебъ міра на судьбу мою ни одной минуты Того, чья каждая мысль принадлежитъ славѣ отечества, благу Европы и удивленію потомства, ежели бы Онъ самъ не былъ и августѣйшимъ примѣромъ нѣжнѣйшаго супруга и отца!"

Хотя прямой просьбы относительно разрѣшенія прибыть въ столицу, а можетъ быть и совсѣмъ переселиться туда, въ всеподданнѣйшемъ письмѣ Магницкаго и не заключалось, но оно было понято, конечно, именно въ этомъ смыслѣ. Новый министръ народнаго просвѣщенія князь К. А. Ливенъ, только что смѣнившій собою (25-го апрѣля 1828 г.) старца Шишкова, далъ по содержанію этого письма заключеніе весьма уклончиваго характера, вызвавшее собственноручную резолюцію государя: „Не дозволять".

Надежда оправдаться въ глазахъ императора и, тѣмъ самымъ, смягчить свою участь—не покидала ссыльнаго эксъ-попечителя и послѣ этой новой неудачи и въ концѣ лѣта 1829-го года Магницкій выступаетъ съ обширною запискою, озаглавленною: „Записка д. с. с. Магницкаго о казанскомъ дѣлѣ", найденною, послѣ его смерти, въ оставшихся у его вдовы бумагахъ и въ свое время напечатанною, вмѣстѣ съ его же запискою „О службѣ д. с. с. Магницкаго", М. М. Поповымъ подъ общимъ заглавіемъ: „Показанія Магницкаго". Эта записка, въ самомъ началѣ которой авторъ ея обѣщаетъ „въ простомъ раскрытіи страннаго сцѣпленія

* Фактъ на лицо тотъ, что Магницкая пережила, тѣмъ не менѣе, своего мужа.

происшествій показать свое оправданіе" и которая была предназначена для свѣдѣнія государя императора, распадается на двѣ составныя части: „Дѣло мое въ политическомъ его отношеніи" и б) „О дѣлѣ моемъ въ гражданскомъ его отношеніи". Мы не будемъ касаться этой записки, общій тонъ которой ничѣмъ не отличается отъ другихъ однородныхъ произведеній бывшаго попечителя, тѣмъ болѣе, что отдѣльныя и наиболѣе характерныя выдержки изъ „Показаній Магницкаго" уже не разъ приводились нами выше *.

Въ 1834-мъ году ревельскому изгнаннику было всемилостивѣйше разрѣшено избрать мѣстомъ своего пребыванія—Одессу. До насъ дошли двѣ версіи относительно тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ совершилась эта перемѣна въ судьбѣ бывшаго казанскаго попечителя. По свидѣтельству Н. Н. Мурзакевича, дозволеніе переселиться въ Одессу было исходатайствовано Магницкому графомъ Мих. Семен. Воронцовымъ, причемъ ближайшимъ поводомъ къ этому послужило назначеніе сюда, въ армейскую службу, сына его Михаила Михаиловича, отчисленнаго изъ гвардіи въ видѣ кары за какую то дуэль; въ благодарность, будто бы, за это предстательство Магницкій посвятилъ графу изданную имъ въ 1835-мъ году книгу: „Краткое руководство для дѣловой и государственной словесности". Вторая версія принадлежитъ В. И. Панаеву, разсказывающему, что, лѣтъ черезъ шесть послѣ водворенія его въ Ревелѣ, Магницкій снова рѣшился обратиться съ письмомъ къ бывшему принципалу своему князю А. Н. Голицину, въ которомъ писалъ ему: „Можетъ быть вы не знаете, сколько я былъ предъ вами виноватъ... Сознаюсь въ томъ и, повергаясь передъ вами, умоляю простить меня". Голицинъ отвѣчалъ, что очень хорошо это зналъ, но тогда же все простилъ ему. „Благодарю за великодушное прощеніе,—снова писалъ Магницкій князю,—но если вы истинный христіанинъ, то заплатите мнѣ за зло добромъ: извлеките меня изъ настоящаго положенія, по крайней мѣрѣ исходатайствуйте мнѣ другое мѣстопребываніе, въ лучшемъ климатѣ—ревельскій мнѣ вреденъ". Князь А. Н. Голицинъ и на этотъ разъ исполнилъ просьбу бывшаго своего предателя. Панаевъ отмѣчаетъ, при этомъ, дѣйствительно фатальное совпаденіе фактовъ: бывшій казанскій попечитель умеръ въ Одессѣ, 21-го ноября 1844 года, ровно за день до кончины своего благодѣтеля, послѣдовавшей въ его крымскомъ имѣніи Гаспра... [287].

---

* См. томъ III, стр. 273, 275—276, 315—337, и выше стр. 590

происшествій показать свое оправданіе" и которая была предназначена для свѣдѣнія государя императора, распадается на двѣ составныя части: „Дѣло мое въ политическомъ его отношеніи" и б) „О дѣлѣ моемъ въ гражданскомъ его отношеніи". Мы не будемъ касаться этой записки, общій тонъ которой ничѣмъ не отличается отъ другихъ однородныхъ произведеній бывшаго попечителя, тѣмъ болѣе, что отдѣльныя и наиболѣе характерныя выдержки изъ „Показаній Магницкаго" уже не разъ приводились нами выше *.

Въ 1834-мъ году ревельскому изгнаннику было всемилостивѣйше разрѣшено избрать мѣстомъ своего пребыванія—Одессу. До насъ дошли двѣ версіи относительно тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ совершилась эта перемѣна въ судьбѣ бывшаго казанскаго попечителя. По свидѣтельству Н. Н. Мурзакевича, дозволеніе переселиться въ Одессу было исходатайствовано Магницкому графомъ Мих. Семен. Воронцовымъ, причемъ ближайшимъ поводомъ къ этому послужило назначеніе сюда, въ армейскую службу, сына его Михаила Михаиловича, отчисленнаго изъ гвардіи въ видѣ кары за какую то дуэль; въ благодарность, будто бы, за это предстательство Магницкій посвятилъ графу изданную имъ въ 1835-мъ году книгу: „Краткое руководство для дѣловой и государственной словесности". Вторая версія принадлежитъ В. И. Панаеву, разсказывающему, что, лѣтъ черезъ шесть послѣ водворенія его въ Ревелѣ, Магницкій снова рѣшился обратиться съ письмомъ къ бывшему принципалу своему князю А. Н. Голицину, въ которомъ писалъ ему: „Можетъ быть вы не знаете, сколько я былъ предъ вами виноватъ... Сознаюсь въ томъ и, повергаясь передъ вами, умоляю простить меня". Голицинъ отвѣчалъ, что очень хорошо это зналъ, но тогда же все простилъ ему. „Благодарю за великодушное прощеніе,—снова писалъ Магницкій князю,—но если вы истинный христіанинъ, то заплатите мнѣ за зло добромъ: извлеките меня изъ настоящаго положенія, по крайней мѣрѣ исходатайствуйте мнѣ другое мѣстопребываніе, въ лучшемъ климатѣ—ревельскій мнѣ вреденъ". Князь А. Н. Голицинъ и на этотъ разъ исполнилъ просьбу бывшаго своего предателя. Панаевъ отмѣчаетъ, при этомъ, дѣйствительно фатальное совпаденіе фактовъ: бывшій казанскій попечитель умеръ въ Одессѣ, 21-го ноября 1844 года, ровно за день до кончины своего благодѣтеля, послѣдовавшей въ его крымскомъ имѣніи Гаспра... [287].

---

* См. томъ III, стр. 273, 275—276, 315—337, и выше стр. 590

Одесскіе годы жизни Магницкаго въ довольно любопытныхъ чертахъ возстановляются въ мемуарахъ одесситовъ того времени *. По свидѣтельству одного изъ нихъ, П. Т. Морозова, одесская жизнь тридцатыхъ годовъ прошедшаго столѣтія, съ точки зрѣнія общественности, была весьма развита благодаря вліянію графа М. С. Воронцова, въ лицѣ котораго создался здѣсь центръ „все соединявшій и примирявшій". Морозовъ случайно познакомился съ Магницкимъ въ книжной лавкѣ и описываетъ его внѣшность, рисуя его „старикомъ высокаго роста, съ очень тонкими чертами лица и, вообще, прекрасною наружностью, показывавшею, что онъ привыкъ видѣть не только хорошее, но и высшее, общество". „Всѣ разсказы, слышанные мною, ожили въ моей памяти при личномъ знакомствѣ съ Магницкимъ,—продолжаетъ Морозовъ.—Но неужели, думалъ я, этотъ учтивый красавецъ-старикъ тотъ самый человѣкъ, который наводилъ ужасъ на профессоровъ казанскаго университета?"... Послѣ перваго знакомства авторъ воспоминаній обмѣнялся съ бывшимъ казанскимъ попечителемъ визитами и, затѣмъ, часто съ нимъ встрѣчался въ разныхъ домахъ, особенно же на вечерахъ у графини Эдлингъ. Интересенъ отзывъ Морозова о впечатлѣніяхъ, навѣянныхъ на него личностью Магницкаго:

> „Что сказать о Михаилѣ Леонтьевичѣ?—читаемъ въ воспоминаніяхъ Морозова.—Нѣтъ сомнѣнія, что онъ пламенно желалъ добра, но ревность его была не по разуму. Ему вредила болѣзнь, которой онъ не подозрѣвалъ въ себѣ и которою страдаетъ все русское общество. Это—внутренній деспотизмъ, желаніе исполнить немедленно свою волю, страсть къ ломкѣ и нововведеніямъ, презрѣніе къ мнѣніямъ другихъ людей...
>
> Магницкій не былъ вполнѣ проникнутъ духомъ Христовымъ, хотя старался привлечь его: духъ истиннаго благочестія не легко и не скоро пріобрѣтается...
>
> Въ Магницкомъ не было умѣнья дѣйствовать на людей и управлять ими. Онъ скоро приходилъ къ столкновеніямъ и спорамъ. Онъ любилъ щеголять въ обществѣ остротами и изяществомъ языка".

Судя по разсказамъ Морозова, Магницкій проявлялъ въ одесскіе годы жизни своей всѣхъ поражавшую двойственность образа жизни своей.

Съ одной стороны—онъ примыкалъ къ общему теченію мѣстной общественности, далеко не чуждаясь ея; посѣщалъ дома представителей

---

* Приведемъ здѣсь, кстати, отзывы современниковъ о личности Магницкаго, которые были уже цитированы нами раньше: томъ III—стр. 264—265, 270, 273, 275, 281, 317, 462—464, томъ IV—стр. 76—77.

Одесскіе годы жизни Магницкаго въ довольно любопытныхъ чертахъ возстановляются въ мемуарахъ одесситовъ того времени *. По свидѣтельству одного изъ нихъ, П. Т. Морозова, одесская жизнь тридцатыхъ годовъ прошедшаго столѣтія, съ точки зрѣнія общественности, была весьма развита благодаря вліянію графа М. С. Воронцова, въ лицѣ котораго создался здѣсь центръ „все соединявшій и примирявшій". Морозовъ случайно познакомился съ Магницкимъ въ книжной лавкѣ и описываетъ его внѣшность, рисуя его „старикомъ высокаго роста, съ очень тонкими чертами лица и, вообще, прекрасною наружностью, показывавшею, что онъ привыкъ видѣть не только хорошее, но и высшее, общество". „Всѣ разсказы, слышанные мною, ожили въ моей памяти при личномъ знакомствѣ съ Магницкимъ,—продолжаетъ Морозовъ.—Но неужели, думалъ я, этотъ учтивый красавецъ-старикъ тотъ самый человѣкъ, который наводилъ ужасъ на профессоровъ казанскаго университета?"... Послѣ перваго знакомства авторъ воспоминаній обмѣнялся съ бывшимъ казанскимъ попечителемъ визитами и, затѣмъ, часто съ нимъ встрѣчался въ разныхъ домахъ, особенно же на вечерахъ у графини Эдлингъ. Интересенъ отзывъ Морозова о впечатлѣніяхъ, навѣянныхъ на него личностью Магницкаго:

> „Что сказать о Михаилѣ Леонтьевичѣ?—читаемъ въ воспоминаніяхъ Морозова.—Нѣтъ сомнѣнія, что онъ пламенно желалъ добра, но ревность его была не по разуму. Ему вредила болѣзнь, которой онъ не подозрѣвалъ въ себѣ и которою страдаетъ все русское общество. Это—внутренній деспотизмъ, желаніе исполнить немедленно свою волю, страсть къ ломкѣ и нововведеніямъ, презрѣніе къ мнѣніямъ другихъ людей...
>
> Магницкій не былъ вполнѣ проникнутъ духомъ Христовымъ, хотя старался привлечь его: духъ истиннаго благочестія не легко и не скоро пріобрѣтается...
>
> Въ Магницкомъ не было умѣнья дѣйствовать на людей и управлять ими. Онъ скоро приходилъ къ столкновеніямъ и спорамъ. Онъ любилъ щеголять въ обществѣ остротами и изяществомъ языка".

Судя по разсказамъ Морозова, Магницкій проявлялъ въ одесскіе годы жизни своей всѣхъ поражавшую двойственность образа жизни своей.

Съ одной стороны—онъ примыкалъ къ общему теченію мѣстной общественности, далеко не чуждаясь ея; посѣщалъ дома представителей

---

* Приведемъ здѣсь, кстати, отзывы современниковъ о личности Магницкаго, которые были уже цитированы нами раньше: томъ III—стр. 264—265, 270, 273, 275, 281, 317, 462—464, томъ IV—стр. 76—77.

высшаго одесскаго общества, былъ избранъ „директоромъ мѣстнаго клуба, которымъ управлялъ три года, сдѣлавъ въ немъ значительное умноженіе суммъ“, сотрудничалъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ и „Одесскомъ Альманахѣ“, подготовлялъ къ печати рядъ трудовъ, изъ которыхъ Морозовъ отмѣчаетъ, какъ особенно любопытныя, двѣ, оставшіяся послѣ его смерти, рукописи: а) „Собраніе копій курьезныхъ бумагъ изъ дѣловой переписки“ (юмористическо-обличительнаго характера и б) „Объ иллюминатахъ и тайныхъ обществахъ“, въ которой бывшій попечитель снова доказываетъ свою излюбленную и хорошо уже знакомую намъ мысль о томъ, что „тайныя общества, особенно иллюминаты, имѣютъ цѣлью уничтожить на землѣ два великія учрежденія—царство и священство“.

Съ другой стороны—Магницкій проявлялъ черты ханжества, суевѣрія и предразсудковъ, невольно заставлявшія говорить о себѣ одесское общество. По словамъ Морозова, лицо (какой то генералъ), познакомившее его съ эксъ-попечителемъ, такъ аттестовало этого послѣдняго: „Умнѣйшій человѣкъ, но—суевѣренъ, какъ крестьянинъ; представьте—у него огромныя иконы, передъ которыми теплятся день и ночь лампады“. Одно время Магницкій собирался даже постричься въ монашество; ему было это разрѣшено—только не въ Одессѣ, а въ какой то пустыни близь Николаева, что и побудило его отказаться отъ этого намѣренія. Къ числу предразсудковъ бывшаго попечителя можно отнести и его отвращеніе къ только что появлявшимся въ то время желѣзнымъ дорогамъ: Магницкій съ самой отрицательной стороны относился до конца жизни своей къ этому усовершенствованному способу сообщеній.

По словамъ Н. Н. Мурзакевича, Магницкій примыкалъ къ оппозиціонному, по отношенію къ мѣстнымъ властямъ, кружку одесскаго общества, но это оппозиціонное положеніе сводилось къ доносамъ и извѣтамъ, едва не надѣлавшимъ ему крупныхъ непріятностей. П. Т. Морозовъ разсказываетъ, что Магницкій „очень не любилъ одесскую полицію, собиралъ о ней многія свѣдѣнія и представлялъ ихъ (sic) бывшему одесскому градоначальнику А. П. Толстому, отъ котораго тѣ поступали въ министерство внутреннихъ дѣлъ“. Сдѣланъ былъ имъ извѣтъ и на самого градоначальника. Скоро въ Петербургѣ пришли, однако, къ заключенію, что Магницкій „мѣшается не въ свои дѣла и не живетъ спокойно“, въ виду чего безпокойному эксъ-попечителю велѣно было выѣхать въ Херсонъ и только по ходатайству графа Воронцова ему разрѣшено было, въ уваженіе „хилого здоровья“, остаться по-прежнему въ Одессѣ.

Не покидали бывшаго казанскаго попечителя на склонѣ лѣтъ его и

высшаго одесскаго общества, былъ избранъ „директоромъ мѣстнаго клуба, которымъ управлялъ три года, сдѣлавъ въ немъ значительное умноженіе суммъ", сотрудничалъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ" и „Одесскомъ Альманахѣ", подготовлялъ къ печати рядъ трудовъ, изъ которыхъ Морозовъ отмѣчаетъ, какъ особенно любопытныя, двѣ, оставшіяся послѣ его смерти, рукописи: а) „Собраніе копій курьезныхъ бумагъ изъ дѣловой переписки" (юмористическо - обличительнаго характера и б) „Объ иллюминатахъ и тайныхъ обществахъ", въ которой бывшій попечитель снова доказываетъ свою излюбленную и хорошо уже знакомую намъ мысль о томъ, что „тайныя общества, особенно иллюминаты, имѣютъ цѣлью уничтожить на землѣ два великія учрежденія—царство и священство".

Съ другой стороны—Магницкій проявлялъ черты ханжества, суевѣрія и предразсудковъ, невольно заставлявшія говорить о себѣ одесское общество. По словамъ Морозова, лицо (какой то генералъ), познакомившее его съ эксъ-попечителемъ, такъ аттестовало этого послѣдняго: „Умнѣйшій человѣкъ, но—суевѣренъ, какъ крестьянинъ; представьте—у него огромныя иконы, передъ которыми теплятся день и ночь лампады". Одно время Магницкій собирался даже постричься въ монашество; ему было это разрѣшено—только не въ Одессѣ, а въ какой то пустыни близь Николаева, что и побудило его отказаться отъ этого намѣренія. Къ числу предразсудковъ бывшаго попечителя можно отнести и его отвращеніе къ только что появлявшимся въ то время желѣзнымъ дорогамъ: Магницкій съ самой отрицательной стороны относился до конца жизни своей къ этому усовершенствованному способу сообщеній.

По словамъ Н. Н. Мурзакевича, Магницкій примыкалъ къ оппозиціонному, по отношенію къ мѣстнымъ властямъ, кружку одесскаго общества, но это оппозиціонное положеніе сводилось къ доносамъ и извѣтамъ, едва не надѣлавшимъ ему крупныхъ непріятностей. П. Т. Морозовъ разсказываетъ, что Магницкій „очень не любилъ одесскую полицію, собиралъ о ней многія свѣдѣнія и представлялъ ихъ (sic) бывшему одесскому градоначальнику А. П. Толстому, отъ котораго тѣ поступали въ министерство внутреннихъ дѣлъ". Сдѣланъ былъ имъ извѣтъ и на самого градоначальника. Скоро въ Петербургѣ пришли, однако, къ заключенію, что Магницкій „мѣшается не въ свои дѣла и не живетъ спокойно", въ виду чего безпокойному эксъ-попечителю велѣно было выѣхать въ Херсонъ и только по ходатайству графа Воронцова ему разрѣшено было, въ уваженіе „хилого здоровья", остаться по-прежнему въ Одессѣ.

Не покидали бывшаго казанскаго попечителя на склонѣ лѣтъ его и

фантастическіе проекты, когда то, въ дни власти и престижа, усердно навязывавшіеся имъ казанскому университету—хотя, конечно, въ несравненно меньшемъ и болѣе ограниченномъ масштабѣ сравнительно съ тѣми, какіе фигурировали въ его знаменитой „Бесѣдѣ" съ университетскимъ совѣтомъ. Такъ, въ одесскіе годы жизни его, пришла Магницкому фантазія подорвать въ Одессѣ чайную торговлю англичанъ и престарѣлый фантазеръ порѣшилъ взять на себя патріотическую миссію нанести этотъ ударъ коварнымъ сынамъ Альбіона.

Вотъ въ какихъ чертахъ приводитъ П. Т. Морозовъ эту необыкновенную затѣю бывшаго казанскаго попечителя:

Въ одинъ изъ одесскихъ „четверговъ" у графини Эдлингъ (сестры А. С. Стурдзы), по окончаніи чтеній, графиня спросила Морозова:

— Не знаете ли, куда дѣвался Магницкій? Его давно нигдѣ не видно...

Тутъ начали балагурить на этотъ счетъ. Извѣстный одесскій „собиратель новостей" баронъ Ф. сталъ сочинять разнаго рода слухи, будто бы доходившіе до него по этому поводу и въ числѣ которыхъ фигурировали слѣдующія версіи: а) Магницкій бѣжалъ въ Константинополь и сдѣлался тамъ поставщикомъ невольниковъ и невольницъ, б) Магницкій уѣхалъ въ Москву.

На другой день Морозовъ былъ въ квартирѣ Магницкаго и узналъ, что онъ, дѣйствительно, неизвѣстно куда уѣхалъ, а на ближайшемъ четвергѣ графини уже шутили на тему о томъ, что подъ однимъ изъ мостовъ найдена была голова бывшаго казанскаго попечителя, которую мѣстный археологъ Бларамбергъ набальзамировалъ и выставилъ въ своемъ музеѣ подъ видомъ „головы понтійскаго царя Скилюра".

Прошло съ мѣсяцъ времени—и Магницкій снова проявился въ Одессѣ. Оказалось, что онъ ѣздилъ въ Москву за чайнымъ товаромъ, съ цѣлью открытія въ Одессѣ торговли караваннымъ кяхтинскимъ чаемъ въ подрывъ англичанамъ, привозившимъ сюда морскимъ путемъ чай кантонскій. Собственное отдѣленіе чайной торговли, съ сенсаціонною вывѣскою надъ нимъ, было открыто Магницкимъ при магазинѣ Сорона—но изъ этой затѣи ничего, конечно, не вышло: не взирая на рекламы, обильно появлявшіяся въ мѣстномъ „Вѣстникѣ", неблагодарные одесситы продолжали покупать дешевый чай кантонскій. Открытую имъ чайную торговлю бывшему попечителю пришлось закрыть.

— Что дѣлать!—жаловался по этому поводу Магницкій.—Съ англичанами трудно бороться, но было бы возможно. Эта борьба—необходима... Континентальная система и тѣсный союзъ Россіи съ Фран-

фантастическіе проекты, когда то, въ дни власти и престижа, усердно навязывавшіеся имъ казанскому университету—хотя, конечно, въ несравненно меньшемъ и болѣе ограниченномъ масштабѣ сравнительно съ тѣми, какіе фигурировали въ его знаменитой „Бесѣдѣ" съ университетскимъ совѣтомъ. Такъ, въ одесскіе годы жизни его, пришла Магницкому фантазія подорвать въ Одессѣ чайную торговлю англичанъ и престарѣлый фантазеръ порѣшилъ взять на себя патріотическую миссію нанести этотъ ударъ коварнымъ сынамъ Альбіона.

Вотъ въ какихъ чертахъ приводитъ П. Т. Морозовъ эту необыкновенную затѣю бывшаго казанскаго попечителя:

Въ одинъ изъ одесскихъ „четверговъ" у графини Эдлингъ (сестры А. С. Стурдзы), по окончаніи чтеній, графиня спросила Морозова:

— Не знаете ли, куда дѣвался Магницкій? Его давно нигдѣ не видно...

Тутъ начали балагурить на этотъ счетъ. Извѣстный одесскій „собиратель новостей" баронъ Ф. сталъ сочинять разнаго рода слухи, будто бы доходившіе до него по этому поводу и въ числѣ которыхъ фигурировали слѣдующія версіи: а) Магницкій бѣжалъ въ Константинополь и сдѣлался тамъ поставщикомъ невольниковъ и невольницъ, б) Магницкій уѣхалъ въ Москву.

На другой день Морозовъ былъ въ квартирѣ Магницкаго и узналъ, что онъ, дѣйствительно, неизвѣстно куда уѣхалъ, а на ближайшемъ четвергѣ графини уже шутили на тему о томъ, что подъ однимъ изъ мостовъ найдена была голова бывшаго казанскаго попечителя, которую мѣстный археологъ Бларамбергъ набальзамировалъ и выставилъ въ своемъ музеѣ подъ видомъ „головы понтійскаго царя Скилюра".

Прошло съ мѣсяцъ времени—и Магницкій снова проявился въ Одессѣ. Оказалось, что онъ ѣздилъ въ Москву за чайнымъ товаромъ, съ цѣлью открытія въ Одессѣ торговли караваннымъ кяхтинскимъ чаемъ въ подрывъ англичанамъ, привозившимъ сюда морскимъ путемъ чай кантонскій. Собственное отдѣленіе чайной торговли, съ сенсаціонною вывѣскою надъ нимъ, было открыто Магницкимъ при магазинѣ Сорона—но изъ этой затѣи ничего, конечно, не вышло: не взирая на рекламы, обильно появлявшіяся въ мѣстномъ „Вѣстникѣ", неблагодарные одесситы продолжали покупать дешевый чай кантонскій. Открытую имъ чайную торговлю бывшему попечителю пришлось закрыть.

— Что дѣлать!—жаловался по этому поводу Магницкій.—Съ англичанами трудно бороться, но было бы возможно. Эта борьба—необходима... Континентальная система и тѣсный союзъ Россіи съ Фран-

ціею—вотъ что можетъ освободить Европу отъ британскаго насилія, которое подчиняется, въ свою очередь, жидовской эксплоатаціи.

Однажды Магницкому въ шутку намекнули на возможность призыва его снова къ государственной службѣ, на что бывшій попечитель съ грустью отвѣтилъ: „Моя служба—окончить немногіе остающіеся мнѣ дни жизни въ мирѣ и покаяніи"...

М. Л. Магницкій скончался въ г. Одессѣ, 21-го ноября 1844 года, на 67-мъ году жизни, не оставивъ послѣ себя ровно никакого состоянія. „Нужда и старость тревожная,—заявлялъ Н. Н. Мурзакевичъ по поводу смерти его,—уложили, наконецъ, въ могилу набожнаго человѣка. Архіепископъ и одесскій губернаторъ проводили гробъ Михаила Леонтьевича до могилы на городскомъ кладбищѣ, съ малочисленными прежними знакомыми его"...

Такъ окончилъ свой полный превратностей жизненный путь человѣкъ, такимъ тѣснымъ, но за то и роковымъ образомъ, связавшій свое имя съ первыми порами историческаго прошлаго казанскаго университета и всесторонняя оцѣнка дѣятельности котораго должна принадлежать,—по нашему, по крайней мѣрѣ, воззрѣнію,—столько же историку, сколько и психопатологу.

По свидѣтельству П. Т. Морозова, Магницкій любилъ повторять слѣдующее пятистишіе Виктора Гюго:

„Tu ne prendras pas
„Demain à l' èternel:
„Demain—c' est Waterloo,
„Demain—c' est Sainte Hèlène,
„Demain—c' est le tombeau...

Въ этихъ строкахъ французскаго поэта бывшій казанскій попечитель, на закатѣ дней своихъ, сознавалъ, быть можетъ, отраженіе и своей собственной жизненной карьеры,—карьеры полной надеждъ, торжества и разочарованій, карьеры, завершившейся изгнаніемъ и могилою на далекой южно-русской окраинѣ... [288].

Мы уже знаемъ, что 6-го мая 1826 года, одновременно съ высочайшимъ указомъ объ увольненіи Магницкаго отъ должности попечителя учебнаго округа и званія члена главнаго правленія училищъ, послѣдовалъ и высочайшій указъ о дальнѣйшемъ устройствѣ, впредь до опредѣленія новаго попечителя, временнаго управле-

ціею—вотъ что можетъ освободить Европу отъ британскаго насилія, которое подчиняется, въ свою очередь, жидовской эксплоатаціи.

Однажды Магницкому въ шутку намекнули на возможность призыва его снова къ государственной службѣ, на что бывшій попечитель съ грустью отвѣтилъ: „Моя служба—окончить немногіе остающіеся мнѣ дни жизни въ мирѣ и покаяніи"...

М. Л. Магницкій скончался въ г. Одессѣ, 21-го ноября 1844 года, на 67-мъ году жизни, не оставивъ послѣ себя ровно никакого состоянія. „Нужда и старость тревожная,—заявлялъ Н. Н. Мурзакевичъ по поводу смерти его,—уложили, наконецъ, въ могилу набожнаго человѣка. Архіепископъ и одесскій губернаторъ проводили гробъ Михаила Леонтьевича до могилы на городскомъ кладбищѣ, съ малочисленными прежними знакомыми его"...

Такъ окончилъ свой полный превратностей жизненный путь человѣкъ, такимъ тѣснымъ, но за то и роковымъ образомъ, связавшій свое имя съ первыми порами историческаго прошлаго казанскаго университета и всесторонняя оцѣнка дѣятельности котораго должна принадлежать,—по нашему, по крайней мѣрѣ, воззрѣнію,—столько же историку, сколько и психопатологу.

По свидѣтельству П. Т. Морозова, Магницкій любилъ повторять слѣдующее пятистишіе Виктора Гюго:

„Tu ne prendras pas
„Demain à l' èternel:
„Demain—c' est Waterloo,
„Demain—c' est Sainte Hèlène,
„Demain—c' est le tombeau...

Въ этихъ строкахъ французскаго поэта бывшій казанскій попечитель, на закатѣ дней своихъ, сознавалъ, быть можетъ, отраженіе и своей собственной жизненной карьеры,—карьеры полной надеждъ, торжества и разочарованій, карьеры, завершившейся изгнаніемъ и могилою на далекой южно-русской окраинѣ... [288].

Мы уже знаемъ, что 6-го мая 1826 года, одновременно съ высочайшимъ указомъ объ увольненіи Магницкаго отъ должности попечителя учебнаго округа и званія члена главнаго правленія училищъ, послѣдовалъ и высочайшій указъ о дальнѣйшемъ устройствѣ, впредь до опредѣленія новаго попечителя, временнаго управле-

нія округомъ и что это управленіе возложено на ректора университета, съ упраздненіемъ, какъ „безполезной“, должности директора университета.

Указъ былъ заслушанъ въ засѣданіи совѣта 21-го мая и, слѣдомъ за тѣмъ, ректоръ К. Ѳ. Фуксъ вступилъ въ управленіе округомъ, а и. д. директора университета проф. Г. Б. Никольскій сложилъ свои временныя полномочія; въ связи съ этимъ, предписаніемъ министра отъ 11-го мая, подчинена была ректору и перекочевавшая передъ тѣмъ изъ Петербурга въ Казань канцелярія попечителя округа.

Вскорѣ послѣ того, именно 21-го мая, произведены были выборы декановъ на предстоящій 1826-1827 учебный годъ,—выборы, явившіеся на этотъ разъ уже свободными отъ всякаго косвеннаго давленія на нихъ со стороны попечителя и его клевретовъ. Избранными оказались, по факультетамъ: нравственно-политическому—Г. Н. Городчаниновъ, физико-математическому—И. М. Симоновъ, словесному—Ф. И. Эрдманъ, врачебному—И. К. Ероховъ.

Увольненіе Магницкаго явилось, конечно, сигналомъ къ разрушенію всей, созданной имъ, административно-педагогической системы. Министерство, избѣгая рѣзкихъ переворотовъ, приступило къ выполненію этой задачи съ величайшею осторожностью, не коснувшись на первое время даже пресловутыхъ, хотя и терявшихъ теперь значительную долю своей силы, „инструкцій“ ректору и директору, причемъ, за упраздненіемъ директорскаго званія, руководство этою послѣднею инструкціею вмѣнено въ обязанность ректору, на плечи котораго взваливалось, такимъ образомъ, нелегкое брѣмя совмѣщенія въ себѣ трехъ, прежде самостоятельныхъ, должностей—попечителя, директора и ректора. Какъ отмѣна отдѣльныхъ сторонъ суроваго университетскаго режима, оставшагося мрачнымъ наслѣдіемъ семилѣтняго управленія павшаго попечителя, такъ и упорядоченіе вновь возрождавшагося къ автономной жизни академическаго строя—совершались частично, въ формѣ то групповыхъ, то отдѣльныхъ распоряженій министерства, которыя, вызывая дѣятельную работу органовъ университетскаго самоуправленія, заполняютъ собою всѣ остальные мѣсяцы 1826-го года и начала 1827-го года, вплоть до вступленія въ должность новаго представителя попечительской власти, мѣропріятія котораго уже выходятъ изъ предѣловъ нашего текущаго изложенія. Помимо цѣлаго ряда относящихся сюда отдѣльныхъ дѣлъ, эти министерскія начинанія дали содержаніе весьма любопытному архивному дѣлу „О распоряженіяхъ г. министра послѣ осмотра казанскаго университета“ [289].

нія округомъ и что это управленіе возложено на ректора университета, съ упраздненіемъ, какъ „безполезной", должности директора университета.

Указъ былъ заслушанъ въ засѣданіи совѣта 21-го мая и, слѣдомъ за тѣмъ, ректоръ К. Ѳ. Фуксъ вступилъ въ управленіе округомъ, а и. д. директора университета проф. Г. Б. Никольскій сложилъ свои временныя полномочія; въ связи съ этимъ, предписаніемъ министра отъ 11-го мая, подчинена была ректору и перекочевавшая передъ тѣмъ изъ Петербурга въ Казань канцелярія попечителя округа.

Вскорѣ послѣ того, именно 21-го мая, произведены были выборы декановъ на предстоящій 1826-1827 учебный годъ,—выборы, явившіеся на этотъ разъ уже свободными отъ всякаго косвеннаго давленія на нихъ со стороны попечителя и его клевретовъ. Избранными оказались, по факультетамъ: нравственнно-политическому—Г. Н. Городчаниновъ, физико-математическому—И. М. Симоновъ, словесному—Ф. И. Эрдманъ, врачебному—И. К. Ероховъ.

Увольненіе Магницкаго явилось, конечно, сигналомъ къ разрушенію всей, созданной имъ, административно-педагогической системы. Министерство, избѣгая рѣзкихъ переворотовъ, приступило къ выполненію этой задачи съ величайшею осторожностью, не коснувшись на первое время даже пресловутыхъ, хотя и терявшихъ теперь значительную долю своей силы, „инструкцій" ректору и директору, причемъ, за упраздненіемъ директорскаго званія, руководство этою послѣднею инструкціею вмѣнено въ обязанность ректору, на плечи котораго взваливалось, такимъ образомъ, нелегкое бремя совмѣщенія въ себѣ трехъ, прежде самостоятельныхъ, должностей—попечителя, директора и ректора. Какъ отмѣна отдѣльныхъ сторонъ суроваго университетскаго режима, оставшагося мрачнымъ наслѣдіемъ семилѣтняго управленія павшаго попечителя, такъ и упорядоченіе вновь возрождавшагося къ автономной жизни академическаго строя—совершались частично, въ формѣ то групповыхъ, то отдѣльныхъ распоряженій министерства, которыя, вызывая дѣятельную работу органовъ университетскаго самоуправленія, заполняютъ собою всѣ остальные мѣсяцы 1826-го года и начала 1827-го года, вплоть до вступленія въ должность новаго представителя попечительской власти, мѣропріятія котораго уже выходятъ изъ предѣловъ нашего текущаго изложенія. Помимо цѣлаго ряда относящихся сюда отдѣльныхъ дѣлъ, эти министерскія начинанія дали содержаніе весьма любопытному архивному дѣлу „О распоряженіяхъ г. министра послѣ осмотра казанскаго университета"[289].

Первая, заключавшаяся изъ восьми отдѣльныхъ предложеній, серія министерскихъ распоряженій—прислана была на имя ректора, вступившаго теперь въ функціи попечителя округа, уже отъ 14-го іюня 1826 года. Одно изъ этихъ предложеній касалось весьма крупнаго дефекта корпоративной жизни казанскаго „ученаго сословія" — несогласій и раздоровъ, констатированныхъ въ своемъ отчетѣ генераломъ Желтухинымъ и ставившихся имъ въ тѣсную связь съ установленнымъ бывшимъ попечителемъ университетскимъ режимомъ:

„Изъ многихъ актовъ удостовѣренъ я, — заявляетъ министръ въ предложеніи отъ 14-го іюня, — что между лицами, составляющими ученое сословіе казанскаго университета и другими чиновниками, съ давняго времени существуетъ несогласіе, которое и нынѣ продолжается.

Находя, что раздоры и несогласія профессоровъ и другихъ чиновниковъ университета легко могутъ лишить ихъ уваженія мѣстнаго начальства, а заведеніе—довѣренности родителей, предписываю вамъ, объявивъ о томъ всѣмъ лицамъ, при университетѣ состоящимъ, имѣть неослабное стараніе о водвореніи между ними должнаго согласія и о прекращеніи всякихъ раздоровъ, кои всегда имѣютъ пагубнѣйшее вліяніе на всякое общество, а кольми паче на учебное заведеніе, въ которомъ должно всегда царствовать согласіе и единодушіе" [290].

Какъ распоряженія, послѣдовавшія отъ 14-го іюня, такъ и позднѣйшія, не выходящія за хронологическіе предѣлы нашего текущаго повѣствованія предложенія министра народнаго просвѣщенія—считаемъ мы всего цѣлесообразнѣе изложить въ извѣстной систематичности.

Первое мѣсто отведемъ мы, конечно, министерскимъ распоряженіямъ, касающимся постановки дѣла университетскаго преподаванія.

Любопытное предложеніе состоялось въ этомъ направленіи еще 15-го мая, въ которомъ министръ, упрекая университетъ въ томъ, что онъ въ минувшемъ февралѣ оказался не въ состояніи представить конспектовъ преподаванія, которые были затребованы генераломъ Желтухинымъ, предъявляетъ настоятельное требованіе, что бы къ началу каждаго учебнаго года всѣ профессора и преподаватели представляли конспекты своихъ преподаваній; требованіе это обставлено было даже угрозою лишенія права отпуска на вакаціонное время тѣхъ преподавателей, конспекты чтеній которыхъ не будутъ своевременно представлены.

Первая, заключавшаяся изъ восьми отдѣльныхъ предложеній, серія министерскихъ распоряженій—прислана была на имя ректора, вступившаго теперь въ функціи попечителя округа, уже отъ 14-го іюня 1826 года. Одно изъ этихъ предложеній касалось весьма крупнаго дефекта корпоративной жизни казанскаго „ученаго сословія" — несогласій и раздоровъ, констатированныхъ въ своемъ отчетѣ генераломъ Желтухинымъ и ставившихся имъ въ тѣсную связь съ установленнымъ бывшимъ попечителемъ университетскимъ режимомъ:

„Изъ многихъ актовъ удостовѣренъ я, — заявляетъ министръ въ предложеніи отъ 14-го іюня, — что между лицами, составляющими ученое сословіе казанскаго университета и другими чиновниками, съ давняго времени существуетъ несогласіе, которое и нынѣ продолжается.

Находя, что раздоры и несогласія профессоровъ и другихъ чиновниковъ университета легко могутъ лишить ихъ уваженія мѣстнаго начальства, а заведеніе—довѣренности родителей, предписываю вамъ, объявивъ о томъ всѣмъ лицамъ, при университетѣ состоящимъ, имѣть неослабное стараніе о водвореніи между ними должнаго согласія и о прекращеніи всякихъ раздоровъ, кои всегда имѣютъ пагубнѣйшее вліяніе на всякое общество, а кольми паче на учебное заведеніе, въ которомъ должно всегда царствовать согласіе и единодушіе" [290].

Какъ распоряженія, послѣдовавшія отъ 14-го іюня, такъ и позднѣйшія, не выходящія за хронологическіе предѣлы нашего текущаго повѣствованія предложенія министра народнаго просвѣщенія—считаемъ мы всего цѣлесообразнѣе изложить въ извѣстной систематичности.

Первое мѣсто отведемъ мы, конечно, министерскимъ распоряженіямъ, касающимся постановки дѣла университетскаго преподаванія.

Любопытное предложеніе состоялось въ этомъ направленіи еще 15-го мая, въ которомъ министръ, упрекая университетъ въ томъ, что онъ въ минувшемъ февралѣ оказался не въ состояніи представить конспектовъ преподаванія, которые были затребованы генераломъ Желтухинымъ, предъявляетъ настоятельное требованіе, что бы къ началу каждаго учебнаго года всѣ профессора и преподаватели представляли конспекты своихъ преподаваній; требованіе это обставлено было даже угрозою лишенія права отпуска на вакаціонное время тѣхъ преподавателей, конспекты чтеній которыхъ не будутъ своевременно представлены.

Среди серіи министерскихъ распоряженій, послѣдовавшихъ 14-го іюня, интересно предложеніе, констатирующее малую успѣшность слушателей университета:

„Замѣчено,—читаемъ въ этомъ предложеніи,—что успѣхи учащихся въ казанскомъ университетѣ не соотвѣтствуютъ достоинству университета и не оправдываютъ того, что бывшій г. попечитель сказалъ въ рѣчи, произнесенной имъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ минувшаго 1825-го года въ торжественномъ собраніи сего учебнаго заведенія.

Сверхъ того извѣстно,—продолжаетъ министръ, отмѣчая одну изъ причинъ этой малоуспѣшности,—что профессоръ физики Купферъ, по кратковременному пребыванію его въ Россіи, совершенно почти не зная русскаго языка, преподаетъ предметъ свой на французскомъ языкѣ, между тѣмъ какъ слушатели его весьма слабы въ познаніи сего языка. Вслѣдствіе сего предоставляю вамъ (т. е. ректору) предложить университету — не признается ли за лучшее, что бы профессоръ Купферъ преподавалъ свои лекціи на латинскомъ языкѣ, ибо студенты должны знать языкъ сей непремѣнно болѣе, нежели какой либо изъ новѣйшихъ; безъ сего всѣ усилія и профессора и слушателей его должны остаться тщетными“.

Затрогиваетъ одно изъ предложеній отъ 14-го іюня и своеобразный способъ преподаванія русской словесности, введенный, въ угоду попечителю, профессоромъ Городчаниновымъ:

„Замѣчено,—читаемъ здѣсь,—что практическія занятія студентовъ по части россійскаго языка и словесности состоятъ, преимущественно, въ разборѣ разныхъ мѣстъ изъ библіи и, въ особенности, псалтыря. Хотя упражненіе въ церковныхъ писателяхъ составляетъ основаніе краснорѣчія, за всѣмъ тѣмъ нахожу я, что при семъ надлежитъ занимать учащихся показаніемъ красотъ и свѣтскихъ отличнѣйшихъ писателей, такъ какъ въ университетѣ воспитывается юношество преимущественно для гражданской и военной службы“.

Въ серіи министерскихъ предложеній отъ 14-го іюня обращается также вниманіе на самовольное введеніе въ университетѣ преподаванія византійскаго права и на неудовлетворительную постановку преподаванія европейскихъ конституцій:

„Въ числѣ преподаваемыхъ въ казанскомъ университетѣ наукъ,—заявляется въ относящемся сюда предложеніи,—введено также преподаваніе конституцій Англіи, Франціи и Польши и, сверхъ того, византійскаго права.

Среди серіи министерскихъ распоряженій, послѣдовавшихъ 14-го іюня, интересно предложеніе, констатирующее малую успѣшность слушателей университета:

„Замѣчено,—читаемъ въ этомъ предложеніи,—что успѣхи учащихся въ казанскомъ университетѣ не соотвѣтствуютъ достоинству университета и не оправдываютъ того, что бывшій г. попечитель сказалъ въ рѣчи, произнесенной имъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ минувшаго 1825-го года въ торжественномъ собраніи сего учебнаго заведенія.

Сверхъ того извѣстно,—продолжаетъ министръ, отмѣчая одну изъ причинъ этой малоуспѣшности,—что профессоръ физики Купферъ, по кратковременному пребыванію его въ Россіи, совершенно почти не зная русскаго языка, преподаетъ предметъ свой на французскомъ языкѣ, между тѣмъ какъ слушатели его весьма слабы въ познаніи сего языка. Вслѣдствіе сего предоставляю вамъ (т. е. ректору) предложить университету — не признается ли за лучшее, что бы профессоръ Купферъ преподавалъ свои лекціи на латинскомъ языкѣ, ибо студенты должны знать языкъ сей непремѣнно болѣе, нежели какой либо изъ новѣйшихъ; безъ сего всѣ усилія и профессора и слушателей его должны остаться тщетными".

Затрогиваетъ одно изъ предложеній отъ 14-го іюня и своеобразный способъ преподаванія русской словесности, введенный, въ угоду попечителю, профессоромъ Городчаниновымъ:

„Замѣчено,—читаемъ здѣсь,—что практическія занятія студентовъ по части россійскаго языка и словесности состоятъ, преимущественно, въ разборѣ разныхъ мѣстъ изъ библіи и, въ особенности, псалтыря. Хотя упражненіе въ церковныхъ писателяхъ составляетъ основаніе краснорѣчія, за всѣмъ тѣмъ нахожу я, что при семъ надлежитъ занимать учащихся показаніемъ красотъ и свѣтскихъ отличнѣйшихъ писателей, такъ какъ въ университетѣ воспитывается юношество преимущественно для гражданской и военной службы".

Въ серіи министерскихъ предложеній отъ 14-го іюня обращается также вниманіе на самовольное введеніе въ университетѣ преподаванія византійскаго права и на неудовлетворительную постановку преподаванія европейскихъ конституцій:

„Въ числѣ преподаваемыхъ въ казанскомъ университетѣ наукъ,—заявляется въ относящемся сюда предложеніи,—введено также преподаваніе конституцій Англіи, Франціи и Польши и, сверхъ того, византійскаго права.

Хотя разсмотрѣніе конституцій дозволено инструкціею для ректора казанскаго университета, но при семъ желательно, что бы разборъ конституцій былъ порученъ человѣку надежному, знающему совершенно преподаваемый имъ важный предметъ, словомъ—извѣстному ординарному профессору, а не адъюнкту *. Посему предложить совѣту университета о обращеніи на сію часть особеннаго вниманія.

Что же касается до византійскаго права, которое введено бывшимъ попечителемъ безъ моего дозволенія, то преподаваніе онаго—остановить, поелику права сего не существуетъ".

Въ связи съ вопросами преподаванія поставимъ мы и нѣкоторыя другія мѣропріятія и начинанія, касающіяся умственной жизни университета.

Предложеніемъ отъ 21-го іюня министромъ дано было разрѣшеніе на возобновленіе активной дѣятельности состоявшаго при университетѣ Общества любителей отечественной словесности, въ эпоху попечительства Магницкаго пребывавшаго, какъ мы знаемъ, въ состояніи полной аттрофіи **. 13 го ноября ректоромъ доложено было совѣту объ этомъ разрѣшеніи, а слѣдомъ за тѣмъ циркулировано между членами общества предложеніе собраться для возобновленія дѣйствій его, хотя фактическое возобновленіе дѣйствій общества состоялось лишь въ половинѣ 1828-го года.

Въ сентябрѣ 1826-го года (въ засѣданіи 11-го числа этого мѣсяца) ректоромъ университета возбужденъ былъ въ совѣтѣ вопросъ о прекращеніи изданія при университетѣ „Казанскаго Вѣстника", съ замѣною его изданіемъ прежнихъ „Казанскихъ Извѣстій". Какъ мотивы, такъ и судьба этого неосуществившагося предложенія уже были нами, въ своемъ мѣстѣ, указаны *** [291].

Интересными представляются предложенія министра, касающіяся режима жизни казанскаго студенчества, — режима, встрѣтившаго себѣ такой горячій отпоръ со стороны генералъ-маіора Желтухина:

„Г. генералъ-маіоръ Желтухинъ въ донесеніи своемъ объ осмотрѣ имъ казанскаго университета между прочимъ изъявилъ,—гласитъ министерское, на имя ректора, предложеніе отъ 19-го іюля,—что въ университетѣ допущенъ, по предписанію бывшаго попечителя, странный

---

*) Предметъ этотъ читался адъюнктомъ С. А. Протасовымъ.

**) См. томъ II, стр. 277—278.

***) См. выше стр. 42—43.

Хотя разсмотрѣніе конституцій дозволено инструкціею для ректора казанскаго университета, но при семъ желательно, что бы разборъ конституцій былъ порученъ человѣку надежному, знающему совершенно преподаваемый имъ важный предметъ, словомъ—извѣстному ординарному профессору, а не адъюнкту *. Посему предложить совѣту университета о обращеніи на сію часть особеннаго вниманія.

Что же касается до византійскаго права, которое введено бывшимъ попечителемъ безъ моего дозволенія, то преподаваніе онаго—остановить, поелику права сего не существуетъ".

Въ связи съ вопросами преподаванія поставимъ мы и нѣкоторыя другія мѣропріятія и начинанія, касающіяся умственной жизни университета.

Предложеніемъ отъ 21-го іюня министромъ дано было разрѣшеніе на возобновленіе активной дѣятельности состоявшаго при университетѣ Общества любителей отечественной словесности, въ эпоху попечительства Магницкаго пребывавшаго, какъ мы знаемъ, въ состояніи полной аттрофіи **. 13 го ноября ректоромъ доложено было совѣту объ этомъ разрѣшеніи, а слѣдомъ за тѣмъ циркулировано между членами общества предложеніе собраться для возобновленія дѣйствій его, хотя фактическое возобновленіе дѣйствій общества состоялось лишь въ половинѣ 1828-го года.

Въ сентябрѣ 1826-го года (въ засѣданіи 11-го числа этого мѣсяца) ректоромъ университета возбужденъ былъ въ совѣтѣ вопросъ о прекращеніи изданія при университетѣ „Казанскаго Вѣстника", съ замѣною его изданіемъ прежнихъ „Казанскихъ Извѣстій". Какъ мотивы, такъ и судьба этого неосуществившагося предложенія уже были нами, въ своемъ мѣстѣ, указаны *** [291].

Интересными представляются предложенія министра, касающіяся режима жизни казанскаго студенчества,—режима, встрѣтившаго себѣ такой горячій отпоръ со стороны генералъ-маіора Желтухина:

„Г. генералъ-маіоръ Желтухинъ въ донесеніи своемъ объ осмотрѣ имъ казанскаго университета между прочимъ изъявилъ,—гласитъ министерское, на имя ректора, предложеніе отъ 19-го іюля,—что въ университетѣ допущенъ, по предписанію бывшаго попечителя, странный

*) Предметъ этотъ читался адъюнктомъ С. А. Протасовымъ.

**) См. томъ II, стр. 277—278.

***) См. выше стр. 42—43.

внутренній распорядокъ, имѣющій сходство съ самымъ монастырскимъ установленіемъ, несообразнымъ съ цѣлью воспитанія благороднаго юношества; введены несоразмѣрныя наказанія студентовъ за проступки, требующіе болѣе отеческаго исправленія, нежели строгой гласности, по данному попечителемъ наставленію о внутреннемъ и наружномъ благоустройствѣ для студентовъ, и что въ 1822-мъ году попечитель далъ знать университету, что золотая медаль предназначается тому изъ студентовъ, который пріобрѣтетъ отличнѣйшія познанія въ богословіи...

Предоставляю вамъ дать знать о семъ университету и предложить оному, дабы данное бывшимъ попечителемъ наставленіе было разсмотрѣно и составлено новое, которое и представить мнѣ".

Въ исполненіе министерскаго предписанія, совѣтомъ университета для выработки новыхъ студенческихъ правилъ была образована коммиссія изъ ректора Фукса и профессоровъ Никольскаго и Баженова; коммиссіею этою былъ составленъ и въ засѣданіяхъ совѣта 23-го октября и 6-го ноября одобренъ проектъ правилъ „о благоустройствѣ студентовъ казанскаго университета" *, представленный въ министерство, но дальнѣйшаго движенія здѣсь не получившій.

Предложеніемъ отъ 14-го іюня министръ народнаго просвѣщенія положилъ конецъ и другимъ нелѣпымъ новшествамъ, введеннымъ Магницкимъ въ обиходъ студенческой жизни:

„Въ числѣ учиненныхъ въ разное время по казанскому университету распоряженій,—объявляетъ адмиралъ Шишковъ,—нахожу я, что студенты, при вступленіи въ университетъ, обязаны были, преимущественнѣе всего, имѣть — библіи, также, что проступившіеся изъ нихъ назывались—грѣшниками и отдавались на руки духовнику и проч.

Вслѣдствіе сего предоставляю предложить университету, что я не нахожу необходимости, что бы студенты имѣли при себѣ библіи преимущественно, а названіе грѣшникъ, вмѣсто провинившійся, считаю неприличнымъ для воспитанниковъ университета".

Предложеніемъ министра отъ 19-го іюля обращено было вниманіе и на пищу студентовъ, которая, по донесенію генерала Желтухина— „по отпускаемой суммѣ въ день на каждаго студента могла бы быть лучше при бдительномъ экономическомъ надзорѣ, хотя и теперь оную охуждать нельзя".

* Проектъ этотъ сохранился при соотвѣтствующемъ архивномъ дѣлѣ (Арх. каз. унив., Сов. 1826, № 275).

внутренній распорядокъ, имѣющій сходство съ самымъ монастырскимъ установленіемъ, несообразнымъ съ цѣлью воспитанія благороднаго юношества; введены несоразмѣрныя наказанія студентовъ за проступки, требующіе болѣе отеческаго исправленія, нежели строгой гласности, по данному попечителемъ наставленію о внутреннемъ и наружномъ благоустройствѣ для студентовъ, и что въ 1822-мъ году попечитель далъ знать университету, что золотая медаль предназначается тому изъ студентовъ, который пріобрѣтетъ отличнѣйшія познанія въ богословіи...

Предоставляю вамъ дать знать о семъ университету и предложить оному, дабы данное бывшимъ попечителемъ наставленіе было разсмотрѣно и составлено новое, которое и представить мнѣ".

Въ исполненіе министерскаго предписанія, совѣтомъ университета для выработки новыхъ студенческихъ правилъ была образована коммиссія изъ ректора Фукса и профессоровъ Никольскаго и Баженова; коммиссіею этою былъ составленъ и въ засѣданіяхъ совѣта 23-го октября и 6-го ноября одобренъ проектъ правилъ „о благоустройствѣ студентовъ казанскаго университета" *, представленный въ министерство, но дальнѣйшаго движенія здѣсь не получившій.

Предложеніемъ отъ 14-го іюня министръ народнаго просвѣщенія положилъ конецъ и другимъ нелѣпымъ новшествамъ, введеннымъ Магницкимъ въ обиходъ студенческой жизни:

„Въ числѣ учиненныхъ въ разное время по казанскому университету распоряженій,—объявляетъ адмиралъ Шишковъ,—нахожу я, что студенты, при вступленіи въ университетъ, обязаны были, преимущественнѣе всего, имѣть—библіи, также, что проступившіеся изъ нихъ назывались—грѣшниками и отдавались на руки духовнику и проч.

Вслѣдствіе сего предоставляю предложить университету, что я не нахожу необходимости, что бы студенты имѣли при себѣ библіи преимущественно, а названіе грѣшникъ, вмѣсто провинившійся, считаю неприличнымъ для воспитанниковъ университета".

Предложеніемъ министра отъ 19-го іюля обращено было вниманіе и на пищу студентовъ, которая, по донесенію генерала Желтухина—„по отпускаемой суммѣ въ день на каждаго студента могла бы быть лучше при бдительномъ экономическомъ надзорѣ, хотя и теперь оную охуждать нельзя".

* Проектъ этотъ сохранился при соотвѣтствующемъ архивномъ дѣлѣ (Арх. каз. унив., Сов. 1826, № 275).

Въ августѣ 1826-го года произошла перемѣна и въ составѣ инспекціи надъ студентами: взамѣнъ уволеннаго отъ этой должности Вишневскаго—3-го августа инспекторомъ студентовъ и директоромъ педагогическаго института былъ опредѣленъ ординарный профессоръ В. Я. Бажсновъ[292].

Рѣзкимъ нареканіямъ подверглось со стороны министра народнаго просвѣщенія и все дѣлопроизводство университета и подвѣдомственныхъ ему учрежденій.

Намъ уже извѣстенъ „строжайшій" выговоръ министерства отъ 14-го іюня ректору Фуксу и всему составу правленія „за самовольныя и въ ущербъ казны дѣйствія по денежнымъ счетамъ съ бывшимъ попечителемъ Магницкимъ", который Фуксъ вынужденъ былъ объявить и себѣ лично, и всѣмъ членамъ правленія, въ засѣданіи совѣта 30-го іюня.

Всякаго рода начальственные „выговоры", какъ ближайшее послѣдствіе произведенной передъ тѣмъ ревизіи университета, въ изобиліи сыпались въ ту пору изъ министерства народнаго просвѣщенія. 12-го іюля, напримѣръ, министръ, черезъ ректора, обращалъ вниманіе совѣта на „нестерпимый" безпорядокъ въ дѣлопроизводствѣ университета:

„Извѣстно мнѣ,—писалъ министръ,—что дѣла правленія, совѣта и строительнаго комитета въ безпорядкѣ: нѣтъ ни настольныхъ, ни докладныхъ реэстровъ; въ правленіи дѣлается исполненіе по однимъ краткимъ журналамъ, а протоколовъ не составляется даже по самымъ денежнымъ выдачамъ. Журналы комитета въ подлинникѣ подвязываются къ дѣламъ; журналы или протоколы совѣта при каждой почти перемѣнѣ секретаря перемѣняютъ свою форму.

Таковой интересный безпорядокъ въ канцелярской части университета не могу я пропустить безъ замѣчанія, съ тѣмъ, что бы вы обратили особенное вниманіе на сей безпорядокъ".

Въ августѣ министръ дѣлаетъ, черезъ ректора, строгій выговоръ бывшему ректору Никольскому, секретарю совѣта проф. Булыгину и письмоводителю Полянцеву за „неправильное предоставленіе старшинства по чинопроизводству" учителю тобольской гимназіи Лебедеву, а 23-го сентября профессору Никольскому объявлено замѣчаніе министра „за безпорядки по дѣлопроизводству казанской гимназіи".

Въ августѣ 1826-го года произошла перемѣна и въ составѣ инспекціи надъ студентами: взамѣнъ уволеннаго отъ этой должности Вишневскаго—3-го августа инспекторомъ студентовъ и директоромъ педагогическаго института былъ опредѣленъ ординарный профессоръ В. Я. Бажсновъ [292].

Рѣзкимъ нареканіямъ подверглось со стороны министра народнаго просвѣщенія и все дѣлопроизводство университета и подвѣдомственныхъ ему учрежденій.

Намъ уже извѣстенъ „строжайшій" выговоръ министерства отъ 14-го іюня ректору Фуксу и всему составу правленія „за самовольныя и въ ущербъ казны дѣйствія по денежнымъ счетамъ съ бывшимъ попечителемъ Магницкимъ", который Фуксъ вынужденъ былъ объявить и себѣ лично, и всѣмъ членамъ правленія, въ засѣданіи совѣта 30-го іюня.

Всякаго рода начальственные „выговоры", какъ ближайшее послѣдствіе произведенной передъ тѣмъ ревизіи университета, въ изобиліи сыпались въ ту пору изъ министерства народнаго просвѣщенія. 12-го іюля, напримѣръ, министръ, черезъ ректора, обращалъ вниманіе совѣта на „нестерпимый" безпорядокъ въ дѣлопроизводствѣ университета:

„Извѣстно мнѣ,—писалъ министръ,—что дѣла правленія, совѣта и строительнаго комитета въ безпорядкѣ: нѣтъ ни настольныхъ, ни докладныхъ реэстровъ; въ правленіи дѣлается исполненіе по однимъ краткимъ журналамъ, а протоколовъ не составляется даже по самымъ денежнымъ выдачамъ. Журналы комитета въ подлинникѣ подвязываются къ дѣламъ; журналы или протоколы совѣта при каждой почти перемѣнѣ секретаря перемѣняютъ свою форму.

Таковой интересный безпорядокъ въ канцелярской части университета не могу я пропустить безъ замѣчанія, съ тѣмъ, что бы вы обратили особенное вниманіе на сей безпорядокъ".

Въ августѣ министръ дѣлаетъ, черезъ ректора, строгій выговоръ бывшему ректору Никольскому, секретарю совѣта проф. Булыгину и письмоводителю Полянцеву за „неправильное предоставленіе старшинства по чинопроизводству" учителю тобольской гимназіи Лебедеву, а 23-го сентября профессору Никольскому объявлено замѣчаніе министра „за безпорядки по дѣлопроизводству казанской гимназіи".

Предложеніемъ отъ 9-го іюля министръ, обративъ вниманіе на то, что „въ грамотахъ, выдаваемыхъ казанскимъ университетомъ, послѣ лѣта отъ Рождества Христова выставляется еще лѣто отъ обновленія университета" и „находя сію форму неприличною и введенною самопроизвольно" бывшимъ попечителемъ—предписалъ отмѣнить это нелѣпое нововведеніе [293].

Извѣстно, что ревизія Желтухина обнаружила крупные дефекты въ веденіи университетскаго хозяйства и въ завѣдованіи университетскимъ имуществомъ. Представляется вполнѣ естественнымъ, поэтому, что эта сторона университетской жизни не могла не обратить на себя, съ паденіемъ Магницкаго, серьезнаго вниманія министерства народнаго просвѣщенія.

Основною мѣрою, предпринятою въ этомъ отношеніи правительствомъ, слѣдуетъ считать учрежденіе въ Казани коммиссіи для обревизованія счетной части казанскаго университета, съ задачами, организаціею и дѣятельностью которой мы уже знакомы.

Констатировано было министерствомъ и отсутствіе описей и каталоговъ университетскихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій: „Неимѣніе описей кабинетамъ и библіотекѣ,—говорится въ предложеніи министра отъ 14-го іюня,—есть великое опущеніе со стороны университетскаго начальства, поелику безъ описей иныя вещи могутъ утратиться, да и, вообще, университетъ не можетъ знать, въ чемъ именно состоитъ одно изъ драгоцѣннѣйшихъ имуществъ онаго". На этой почвѣ завязались сношенія ректора съ министерствомъ, причемъ проф. Фуксъ указалъ на необходимость образованія особаго комитета для выясненія всего университетскаго имущества, вообще, на что и послѣдовало согласіе министра: „Я согласенъ, — писалъ 10-го іюля ректору адмиралъ Шишковъ,—на составленіе для пріема и повѣрки всего казеннаго движимаго и недвижимаго имущества университета особаго комитета изъ нѣсколькихъ членовъ, подъ непосредственнымъ вашимъ завѣдываніемъ, о чемъ и предоставляю вамъ предложить университету и сдѣлать мнѣ оффиціальное представленіе".

Вопросъ объ учрежденіи комитета затянулся и только 8-го октября получено было оффиціальное разрѣшеніе министра, въ силу котораго и былъ въ концѣ октября образованъ, подъ предсѣдательствомъ ректора, комитетъ для описи и пріема университетскаго имущества изъ профессора Булыгина, адъюнкта Полиновскаго и помощника бухгалтера Богданова. На сколько „дѣятельно" принялся этотъ комитетъ

Предложеніемъ отъ 9-го іюля министръ, обративъ вниманіе на то, что „въ грамотахъ, выдаваемыхъ казанскимъ университетомъ, послѣ лѣта отъ Рождества Христова выставляется еще лѣто отъ обновленія университета“ и „находя сію форму неприличною и введенною самопроизвольно“ бывшимъ попечителемъ—предписалъ отмѣнить это нелѣпое нововведеніе [293].

Извѣстно, что ревизія Желтухина обнаружила крупные дефекты въ веденіи университетскаго хозяйства и въ завѣдованіи университетскимъ имуществомъ. Представляется вполнѣ естественнымъ, поэтому, что эта сторона университетской жизни не могла не обратить на себя, съ паденіемъ Магницкаго, серьезнаго вниманія министерства народнаго просвѣщенія.

Основною мѣрою, предпринятою въ этомъ отношеніи правительствомъ, слѣдуетъ считать учрежденіе въ Казани коммиссіи для обревизованія счетной части казанскаго университета, съ задачами, организацією и дѣятельностью которой мы уже знакомы.

Констатировано было министерствомъ и отсутствіе описей и каталоговъ университетскихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій: „Неимѣніе описей кабинетамъ и библіотекѣ,—говорится въ предложеніи министра отъ 14-го іюня,—есть великое опущеніе со стороны университетскаго начальства, поелику безъ описей иныя вещи могутъ утратиться, да и, вообще, университетъ не можетъ знать, въ чемъ именно состоитъ одно изъ драгоцѣннѣйшихъ имуществъ онаго“. На этой почвѣ завязались сношенія ректора съ министерствомъ, причемъ проф. Фуксъ указалъ на необходимость образованія особаго комитета для выясненія всего университетскаго имущества, вообще, на что и послѣдовало согласіе министра: „Я согласенъ, — писалъ 10-го іюля ректору адміралъ Шишковъ,—на составленіе для пріема и повѣрки всего казеннаго движимаго и недвижимаго имущества университета особаго комитета изъ нѣсколькихъ членовъ, подъ непосредственнымъ вашимъ завѣдываніемъ, о чемъ и предоставляю вамъ предложить университету и сдѣлать мнѣ оффиціальное представленіе“.

Вопросъ объ учрежденіи комитета затянулся и только 8-го октября получено было оффиціальное разрѣшеніе министра, въ силу котораго и былъ въ концѣ октября образованъ, подъ предсѣдательствомъ ректора, комитетъ для описи и пріема университетскаго имущества изъ профессора Булыгина, адъюнкта Полиновскаго и помощника бухгалтера Богданова. На сколько „дѣятельно“ принялся этотъ комитетъ

за выполненіе возложенной на него задачи усматривается изъ того, что 6-го апрѣля 1827 года вновь назначенный и. д. попечителя округа М. Н. Мусинъ-Пушкинъ нашелъ себя вынужденнымъ поставить совѣту на видъ, что „съ учрежденія сего комитета прошло уже семь мѣсяцевъ, но донынѣ ничего еще не сдѣлано". Тогда же Мусинымъ-Пушкинымъ былъ измѣненъ самый составъ комитета (взамѣнъ Булыгина и Полиновскаго назначены профессоръ Караблиновъ и адъюнктъ Кайсаровъ, съ привлеченіемъ къ работамъ, въ предѣлахъ обусловленной свободою ихъ времени возможности, профессоровъ Никольскаго и Дунаева); начертавъ порядокъ дѣятельности комитета и предписавъ представлять ему еженедѣльно, по субботамъ, свѣдѣнія о ходѣ его работъ, и. д. попечителя выразилъ увѣренность, что „найдетъ въ г.г. членахъ комитета единодушную готовность къ содѣйствію ему въ семъ полезномъ для университета занятіи". Университетское хозяйство представляло собою, повидимому, такую Авгіеву конюшню, что разобраться въ немъ не подъ силу оказалось и новому составу комитета, члены котораго уже въ концѣ октября 1827-го года вынуждены были испросить разрѣшеніе попечителя не повѣрять имущества по документамъ, которыхъ въ большинствѣ случаевъ и не оказывалось, но „описывать казенное имущество такъ, какъ они найдутъ оное на лицо состоящимъ". Благодаря такому упрощенному способу работъ, комитету къ веснѣ 1829-го года удалось закончить провѣрку, по существовавшимъ описямъ, наличнаго университетскаго имущества, исправить эти описи, составить новыя подробныя описи принадлежащихъ университету зданій и 11-го марта представить и. д. попечителя, черезъ университетскій совѣтъ, отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Осенью 1826-го года имущество университета пополнилось и большимъ портретомъ императора Николая Павловича; первоначально предполагалось заказать этотъ портретъ, до настоящаго времени находящійся въ университетскомъ актовомъ залѣ, знаменитому Доу, но, въ виду опротестованія этого постановленія министромъ по причинѣ слишкомъ высокой цѣны (3 тыс. рубл.), портретъ былъ заказанъ за $1^1/_2$ тыс. рублей академику (впослѣдствіе профессору академіи художествъ) И. Е. Яковлеву [294].

Строительная дѣятельность университета, принявшая такіе широкіе размѣры въ послѣдніе четыре года попечительства Магницкаго, не была завершена ко времени увольненія Магницкаго, что вызывало необходимость въ продолженіи существованія при университетѣ строительнаго комитета. Въ виду, однако же, недочетовъ, обнаруженныхъ ре-

за выполненіе возложенной на него задачи усматривается изъ того, что 6-го апрѣля 1827 года вновь назначенный и. д. попечителя округа М. Н. Мусинъ-Пушкинъ нашелъ себя вынужденнымъ поставить совѣту на видъ, что „съ учрежденія сего комитета прошло уже семь мѣсяцевъ, но донынѣ ничего еще не сдѣлано". Тогда же Мусинымъ-Пушкинымъ былъ измѣненъ самый составъ комитета (взамѣнъ Булыгина и Полиновскаго назначены профессоръ Караблиновъ и адъюнктъ Кайсаровъ, съ привлеченіемъ къ работамъ, въ предѣлахъ обусловленной свободою ихъ времени возможности, профессоровъ Никольскаго и Дунаева); начертавъ порядокъ дѣятельности комитета и предписавъ представлять ему еженедѣльно, по субботамъ, свѣдѣнія о ходѣ его работъ, и. д. попечителя выразилъ увѣренность, что „найдетъ въ г.г. членахъ комитета единодушную готовность къ содѣйствію ему въ семъ полезномъ для университета занятіи". Университетское хозяйство представляло собою, повидимому, такую Авгіеву конюшню, что разобраться въ немъ не подъ силу оказалось и новому составу комитета, члены котораго уже въ концѣ октября 1827-го года вынуждены были испросить разрѣшеніе попечителя не повѣрять имущества по документамъ, которыхъ въ большинствѣ случаевъ и не оказывалось, но „описывать казенное имущество такъ, какъ они найдутъ оное на лицо состоящимъ". Благодаря такому упрощенному способу работъ, комитету къ веснѣ 1829-го года удалось закончить провѣрку, по существовавшимъ описямъ, наличнаго университетскаго имущества, исправить эти описи, составить новыя подробныя описи принадлежащихъ университету зданій и 11-го марта представить и. д. попечителя, черезъ университетскій совѣтъ, отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Осенью 1826-го года имущество университета пополнилось и большимъ портретомъ императора Николая Павловича; первоначально предполагалось заказать этотъ портретъ, до настоящаго времени находящійся въ университетскомъ актовомъ залѣ, знаменитому Доу, но, въ виду опротестованія этого постановленія министромъ по причинѣ слишкомъ высокой цѣны (3 тыс. рубл.), портретъ былъ заказанъ за $1^1/_2$ тыс. рублей академику (впослѣдствіе профессору академіи художествъ) И. Е. Яковлеву [294].

Строительная дѣятельность университета, принявшая такіе широкіе размѣры въ послѣдніе четыре года попечительства Магницкаго, не была завершена ко времени увольненія Магницкаго, что вызывало необходимость въ продолженіи существованія при университетѣ строительнаго комитета. Въ виду, однако же, недочетовъ, обнаруженныхъ ре-

визіею генералъ-маіора Желтухина въ дѣйствіяхъ прежняго состава комитета, въ этомъ послѣднемъ произведены были крупныя измѣненія, предписанныя слѣдующимъ предложеніемъ министра народнаго просвѣщенія отъ 3-го августа 1826 года:

„Для успѣшнѣйшаго теченія дѣлъ по строенію казанскаго университета нахожу я нужнымъ дать новое образованіе учрежденному при университетѣ строительному комитету и, вслѣдствіе того, назначаю:

Предсѣдателемъ сего комитета—ординарнаго профессора Никольскаго, и непремѣннымъ членомъ—инспектора студентовъ Вишневскаго, котораго уволить отъ сей послѣдней должности. Надворнаго совѣтника Калашникова—оставить въ семъ же комитетѣ. Остальныхъ, за тѣмъ, нынѣшнихъ членовъ—уволить съ обязанностью дать вѣрный отчетъ въ томъ, что они производили, и принять отъ нихъ строительные матеріалы и прочее казенное имущество, на рукахъ ихъ бывшее.

Само собою разумѣется, что сей новый комитетъ будетъ состоять также подъ вѣдѣніемъ правленія университета“ [295].

Такъ завершилась печальной памяти пора начальнаго прошлаго казанскаго университета, которая, подъ сдѣлавшимся чуть ли не нарицательнымъ наименованіемъ „эпохи Магницкаго“, оставила по себѣ полный отрицательной поучительности слѣдъ въ исторіи русскаго просвѣщенія первой половины XIX-го вѣка...

24-го февраля 1827 года состоялось высочайшее повелѣніе о назначеніи къ исправленію должности казанскаго попечителя Михаила Николаевича Мусина-Пушкина.

Восемнадцатилѣтнее попечительство М. Н. Мусина-Пушкина представляетъ собою въ историческомъ прошломъ казанскаго университета любопытный и совершенно самостоятельный циклъ, въ область котораго и вступитъ наше дальнѣйшее повѣствованіе.

визіею генералъ-маіора Желтухина въ дѣйствіяхъ прежняго состава комитета, въ этомъ послѣднемъ произведены были крупныя измѣненія, предписанныя слѣдующимъ предложеніемъ министра народнаго просвѣщенія отъ 3-го августа 1826 года:

„Для успѣшнѣйшаго теченія дѣлъ по строенію казанскаго университета нахожу я нужнымъ дать новое образованіе учрежденному при университетѣ строительному комитету и, вслѣдствіе того, назначаю:

Предсѣдателемъ сего комитета—ординарнаго профессора Никольскаго, и непремѣннымъ членомъ—инспектора студентовъ Вишневскаго, котораго уволить отъ сей послѣдней должности. Надворнаго совѣтника Калашникова—оставить въ семъ же комитетѣ. Остальныхъ, за тѣмъ, нынѣшнихъ членовъ—уволить съ обязанностью дать вѣрный отчетъ въ томъ, что они производили, и принять отъ нихъ строительные матеріалы и прочее казенное имущество, на рукахъ ихъ бывшее.

Само собою разумѣется, что сей новый комитетъ будетъ состоять также подъ вѣдѣніемъ правленія университета“ [295].

Такъ завершилась печальной памяти пора начальнаго прошлаго казанскаго университета, которая, подъ сдѣлавшимся чуть ли не нарицательнымъ наименованіемъ „эпохи Магницкаго“, оставила по себѣ полный отрицательной поучительности слѣдъ въ исторіи русскаго просвѣщенія первой половины XIX-го вѣка...

24-го февраля 1827 года состоялось высочайшее повелѣніе о назначеніи къ исправленію должности казанскаго попечителя Михаила Николаевича Мусина-Пушкина.

Восемнадцатилѣтнее попечительство М. Н. Мусина-Пушкина представляетъ собою въ историческомъ прошломъ казанскаго университета любопытный и совершенно самостоятельный циклъ, въ область котораго и вступитъ наше дальнѣйшее повѣствованіе.

Приложенія

КЪ ЧЕТВЕРТОМУ ТОМУ

Приложенія

КЪ ЧЕТВЕРТОМУ ТОМУ

I

(Къ страницѣ 278-й)

Представленіе муфтія Джанъ-Гуссейна относительно постановки дѣла мусульманскаго образованія,

подапное министру народнаго просвѣщенія князю А. Н. Голицыну.

Усердствуя, по возложенному на меня сану и должности, показать собственные премудрымъ всемилостивѣйшаго Государя Императора намѣреніямъ къ пользѣ ввѣренныхъ престолу Его Величества народовъ попеченіямъ подвиги,—осмѣливаюсь я вашему сіятельству, яко начальнику и попечителю о повсемѣстномъ народномъ просвѣщеніи, представить на благоизволительное разсмотрѣніе душевнаго усердія моего о благоустройствѣ единовѣрныхъ со мною, разныхъ званій, слѣдующій проектъ.

Поелику, въ продолженіи времени управленія моего по сану дѣлами религіи магометанской, могъ я изъ достовѣрныхъ опытовъ познать, что хотя во многихъ единовѣрцевъ моихъ селеніяхъ и мѣстахъ при мечетяхъ заведены ими партикулярные училищные для юношества домы, въ коихъ испытанные мною имамы міодаррисы (?) и разныхъ званій духовные чиновники преподаютъ имъ о законѣ ученіе, но какъ учители сіи сами по себѣ наставлены и обучены въ однихъ поверхностяхъ и обрядахъ духовнаго ученія, относящихся только богослуженія народнаго и сходственнаго ихъ званію, отъ чего самаго, во первыхъ—преподаваемое ими юношеству ученіе не только бываетъ продолжительно, но и по различности мыслей и внушеній со стороны учителей очень мало соотвѣтствуетъ совершенно здравому образованію, чрезъ что самые учащіеся лишаются единственно только удобнаго въ продолженіи онаго времени младого юношества, ибо, при всемъ моемъ усердіи и попеченіи по Оренбургской губерніи, таковыхъ, кои бы соотвѣтствовали науками и образованіемъ ихъ сердецъ моему желанію—почти вовсе не находится, да и по неосуществованіи уже нынѣ здѣсь таковыхъ училищъ, каковое заведено было подъ назва-

I

(Къ страницѣ 278-й)

Представленіе муфтія Джанъ-Гуссейна относительно постановки дѣла мусульманскаго образованія,

подапное министру народнаго просвѣщенія князю А. Н. Голицину.

Усердствуя, по возложенному на меня сану и должности, показать собственные премудрымъ всемилостивѣйшаго Государя Императора намѣреніямъ къ пользѣ ввѣренныхъ престолу Его Величества народовъ попеченіямъ подвиги,—осмѣливаюсь я вашему сіятельству, яко начальнику и попечителю о повсемѣстномъ народномъ просвѣщеніи, представить на благоизволительное разсмотрѣніе душевнаго усердія моего о благоустройствѣ единовѣрныхъ со мною, разныхъ званій, слѣдующій проектъ.

Поелику, въ продолженіи времени управленія моего по сану дѣлами религіи магометанской, могъ я изъ достовѣрныхъ опытовъ познать, что хотя во многихъ единовѣрцевъ моихъ селеніяхъ и мѣстахъ при мечетяхъ заведены ими партикулярные училищные для юношества домы, въ коихъ испытанные мною имамы міодаррисы (?) и разныхъ званій духовные чиновники преподаютъ имъ о законѣ ученіе, но какъ учители сіи сами по себѣ наставлены и обучены въ однихъ поверхностяхъ и обрядахъ духовнаго ученія, относящихся только богослуженія народнаго и сходственнаго ихъ званію, отъ чего самаго, во первыхъ—преподаваемое ими юношеству ученіе не только бываетъ продолжительно, но и по различности мыслей и внушеній со стороны учителей очень мало соотвѣтствуетъ совершенно здравому образованію, чрезъ что самые учащіеся лишаются единственно только удобнаго въ продолженіи онаго времени младого юношества, ибо, при всемъ моемъ усердіи и попеченіи по Оренбургской губерніи, таковыхъ, кои бы соотвѣтствовали науками и образованіемъ ихъ сердецъ моему желанію—почти вовсе не находится, да и по неосуществованіи уже нынѣ здѣсь таковыхъ училищъ, каковое заведено было подъ назва-

ніемъ „Неплюевскаго" отъ непросвѣщенія моихъ единовѣрцевъ и запущенія со стороны правительства, самое желаніе ихъ о здравомъ образованіи себя вовсе ослабло, отъ чего самаго поселенныя въ дѣтей отъ родителей ихъ, при воспитаніи въ младенчествѣ, разнообразные по непросвѣщенію предразсудки, сопряженные съ легкомысліемъ и невѣжествомъ въ образованіи нравовъ жизни ихъ—очень мало и рѣдко приходятъ въ практическое просвѣщеніе.

Въ такомъ случаѣ, ревнуя спасительному умноженію въ кругу общежитія единовѣрцевъ моихъ соотвѣтственнаго волѣ и намѣреніямъ пекущагося о благѣ подданныхъ Государя Императора повсемѣстнаго просвѣщенія, нужнымъ почитаю я учредить особенныя училища, подобныя существующему въ Астрахани армянскому, одно изъ нихъ въ городѣ Казани, въ непосредственномъ вѣдѣніи университета, а другое въ Оренбургѣ, подъ наблюденіемъ тамошняго г. военнаго губернатора, съ учрежденіемъ при семъ второго вновь особаго училищнаго департамента, подъ надзоромъ во всѣхъ частяхъ моимъ, со всѣми приличными оному классами. Пріемля на себя, по усердію служенія моего, обязанность оживотворять юныя сердца всѣмъ нужнымъ для пользы и службы отечества, нахожу я къ тому слѣдующія причины:

1. Что въ Казанской и Оренбургской губерніяхъ находится большое количество такихъ магометанъ, изъ коихъ весьма многіе производятъ разные извороты (sic) и торги какъ со всѣми пограничными азіятскихъ державъ народами, такъ и внутри имперіи Российской и въ Астрахани.

2. Что, по предмету преподаванія въ казанскомъ университетѣ цвѣтущаго европейскаго въ просвѣщеніи юныхъ сердецъ образованія, весьма удобно возложитъ оное и въ нравахъ единовѣрцевъ моихъ породить подобные тому плоды и сдѣлаетъ ихъ болѣе полезными и пріятными государству подданными.

3. Посредствомъ таковыхъ училищъ могутъ, со временемъ, открыться ученыя сношенія съ прочими сосѣдственными пограничными азіятскими государствами, и симъ достиженіемъ благонамѣренныхъ средствъ, европейскія и азіятскія ученыя общества, соединясь въ совокупность, при совершенномъ просвѣщеніи и образованіи сердецъ, доставятъ соотвѣтственные премудрымъ Государя Императора намѣреніямъ предметы, съ живѣйшею признательностью къ отеческимъ россійскаго престола о благѣ подданныхъ попеченіямъ.

4. Поелику образовавшіеся въ сихъ училищахъ ученики, получившіе отличные успѣхи въ просвѣщеніи наукъ, могутъ уже переходить въ университетъ и быть въ званіи студентовъ, то сіи, по окончаніи уже всѣхъ наукъ, доставятъ верховнымъ начальствамъ, присутственнымъ мѣстамъ и миссіямъ самонужнѣйшихъ и опытнѣйшихъ переводчиковъ, а въ жительствахъ единовѣрцевъ моихъ полезныхъ для дѣтей учителей, каковыхъ нынѣ, отъ непросвѣщенія, почти во

ніемъ „Неплюевскаго" отъ непросвѣщенія моихъ единовѣрцевъ и запущенія со стороны правительства, самое желаніе ихъ о здравомъ образованіи себя вовсе ослабло, отъ чего самаго поселенныя въ дѣтей отъ родителей ихъ, при воспитаніи въ младенчествѣ, разнообразные по непросвѣщенію предразсудки, сопряженные съ легкомысліемъ и невѣжествомъ въ образованіи нравовъ жизни ихъ—очень мало и рѣдко приходятъ въ практическое просвѣщеніе.

Въ такомъ случаѣ, ревнуя спасительному умноженію въ кругу общежитія единовѣрцевъ моихъ соотвѣтственнаго волѣ и намѣреніямъ пекущагося о благѣ подданныхъ Государя Императора повсемѣстнаго просвѣщенія, нужнымъ почитаю я учредить особенныя училища, подобныя существующему въ Астрахани армянскому, одно изъ нихъ въ городѣ Казани, въ непосредственномъ вѣдѣніи университета, а другое въ Оренбургѣ, подъ наблюденіемъ тамошняго г. военнаго губернатора, съ учрежденіемъ при семъ второго вновь особаго училищнаго департамента, подъ надзоромъ во всѣхъ частяхъ моимъ, со всѣми приличными оному классами. Пріемля на себя, по усердію служенія моего, обязанность оживотворять юныя сердца всѣмъ нужнымъ для пользы и службы отечества, нахожу я къ тому слѣдующія причины:

1. Что въ Казанской и Оренбургской губерніяхъ находится большое количество такихъ магометанъ, изъ коихъ весьма многіе производятъ разные извороты (sic) и торги какъ со всѣми пограничными азіятскихъ державъ народами, такъ и внутри имперіи Россійской и въ Астрахани.

2. Что, по предмету преподаванія въ казанскомъ университетѣ цвѣтущаго европейскаго въ просвѣщеніи юныхъ сердецъ образованія, весьма удобно возложитъ оное и въ нравахъ единовѣрцевъ моихъ породить подобные тому плоды и сдѣлаетъ ихъ болѣе полезными и пріятными государству подданными.

3. Посредствомъ таковыхъ училищъ могутъ, со временемъ, открыться ученыя сношенія съ прочими сосѣдственными пограничными азіятскими государствами, и симъ достиженіемъ благонамѣренныхъ средствъ, европейскія и азіятскія ученыя общества, соединясь въ совокупность, при совершенномъ просвѣщеніи и образованіи сердецъ, доставятъ соотвѣтственные премудрымъ Государя Императора намѣреніямъ предметы, съ живѣйшею признательностью къ отеческимъ россійскаго престола о благѣ подданныхъ попеченіямъ.

4. Поелику образовавшіеся въ сихъ училищахъ ученики, получившіе отличные успѣхи въ просвѣщеніи наукъ, могутъ уже переходить въ университетъ и быть въ званіи студентовъ, то сіи, по окончаніи уже всѣхъ наукъ, доставятъ верховнымъ начальствамъ, присутственнымъ мѣстамъ и миссіямъ самонужнѣйшихъ и опытнѣйшихъ переводчиковъ, а въ жительствахъ единовѣрцевъ моихъ полезныхъ для дѣтей учителей, каковыхъ нынѣ, отъ непросвѣщенія, почти во

всей Россіи не имѣется, посредствомъ коихъ существовавшая донынѣ въ нѣкоторыхъ легкомысленныхъ и непросвѣщенныхъ магометанахъ необразованность въ теченіи немногихъ лѣтъ преобразится въ здравомысліе и приметъ пріятный въ обществѣ порядокъ.

5. Укоренившееся потомъ просвѣщеніе сердецъ, пріятностью образованія умовъ единовѣрцевъ моихъ, весьма удобно будетъ привлекать знаменитыхъ изъ магометанъ ханскихъ и княжескихъ дѣтей разныхъ націй и прочихъ заграничныхъ азіятскихъ государствъ, и тѣмъ самымъ, возвыся блескъ славы и чести процвѣтающаго подъ россійскою державою просвѣщенія, доставитъ привязанность и усердіе сердецъ всѣхъ, вообще, азіятскихъ народовъ, а между тѣмъ такія науки, для понятія коихъ нѣкоторые отъѣзжаютъ внѣ Россіи и находясь тамъ заимствуются наиболѣе ученіемъ, порождающимъ въ нихъ вятщую предразсудительность, вовсе между ними уже существовать не могутъ.

6. Для повсемѣстнаго употребленія на татарскомъ, персидскомъ, турецкомъ и арабскомъ языкахъ можно издать учебныя книги по всѣмъ наукамъ, коихъ въ библіотекѣ моей на сей случай весьма будетъ достаточно, собранныхъ мною въ теченіи почти 16-ти лѣтъ изъ Бухаріи и Индіи *.

7. А дабы тѣмъ лучше и совершеннѣе могло подѣйствовать здоровое сіе образованіе въ сердцахъ юныхъ магометанъ—полезнымъ я признаю при учителяхъ персидскаго, арабскаго, турецкаго и татарскаго языковъ быть также наставникамъ европейскихъ наукъ и языковъ, и соединить половинную часть учениковъ изъ россійскаго юношества подъ надзоромъ одного практикованнаго профессора.

8. Составленіе (sic) училищъ на первый случай можно будетъ содержать изъ суммы, бывшей предположенной на учрежденіе Неплюевскаго училища въ Оренбургѣ, для образованія дѣтей здѣшнихъ азіятскихъ и нерегулярныхъ войскъ **, а также и остающейся нынѣ при оренбургской пограничной коммиссіи мечетной суммы; но ежели и за тѣмъ оной оказываться будетъ недостаточно, то я уповаю, что здравомыслящіе единовѣрцы мои, познавъ о соизволеніи на то и о пользѣ, клонящейся къ образованію ихъ жизни, конечно не могутъ отклонить на то усердныхъ своихъ приношеній. За всѣмъ тѣмъ, можно будетъ содѣйствовать къ приращенію нужной суммы изъ слѣдующихъ по магометанскому вѣроисповѣданію штрафныхъ и другихъ доходовъ, кои по силѣ магометанскихъ правилъ и высочайшихъ узаконеній, къ сему направленныхъ, въ разныхъ случаяхъ, по

* Эта ссылка на библіотеку сбоку отмѣчена карандашемъ.

** На поляхъ отмѣтка перомъ: «Вся сія сумма обращена уже на Неплюевское училище, состоящее въ военномъ вѣдомствѣ».

всей Россіи не имѣется, посредствомъ коихъ существовавшая донынѣ въ нѣкоторыхъ легкомысленныхъ и непросвѣщенныхъ магометанахъ необразованность въ теченіи немногихъ лѣтъ преобразится въ здравомысліе и приметъ пріятный въ обществѣ порядокъ.

5. Укоренившееся потомъ просвѣщеніе сердецъ, пріятностью образованія умовъ единовѣрцевъ моихъ, весьма удобно будетъ привлекать знаменитыхъ изъ магометанъ ханскихъ и княжескихъ дѣтей разныхъ націй и прочихъ заграничныхъ азіятскихъ государствъ, и тѣмъ самымъ, возвыся блескъ славы и чести процвѣтающаго подъ россійскою державою просвѣщенія, доставитъ привязанность и усердіе сердецъ всѣхъ, вообще, азіятскихъ народовъ, а между тѣмъ такія науки, для понятія коихъ нѣкоторые отъѣзжаютъ внѣ Россіи и находясь тамъ заимствуются наиболѣе ученіемъ, порождающимъ въ нихъ вятщую предразсудительность, вовсе между ними уже существовать не могутъ.

6. Для повсемѣстнаго употребленія на татарскомъ, персидскомъ, турецкомъ и арабскомъ языкахъ можно издать учебныя книги по всѣмъ наукамъ, коихъ въ библіотекѣ моей на сей случай весьма будетъ достаточно, собранныхъ мною въ теченіи почти 16-ти лѣтъ изъ Бухаріи и Индіи *.

7. А дабы тѣмъ лучше и совершеннѣе могло подѣйствовать здоровое сіе образованіе въ сердцахъ юныхъ магометанъ—полезнымъ я признаю при учителяхъ персидскаго, арабскаго, турецкаго и татарскаго языковъ быть также наставникамъ европейскихъ наукъ и языковъ, и соединить половинную часть учениковъ изъ россійскаго юношества подъ надзоромъ одного практикованнаго профессора.

8. Составленіе (sic) училищъ на первый случай можно будетъ содержать изъ суммы, бывшей предположенной на учрежденіе Неплюевскаго училища въ Оренбургѣ, для образованія дѣтей здѣшнихъ азіятскихъ и нерегулярныхъ войскъ **, а также и остающейся нынѣ при оренбургской пограничной коммиссіи мечетной суммы; но ежели и за тѣмъ оной оказываться будетъ недостаточно, то я уповаю, что здравомыслящіе единовѣрцы мои, познавъ о соизволеніи на то и о пользѣ, клонящейся къ образованію ихъ жизни, конечно не могутъ отклонить на то усердныхъ своихъ приношеній. За всѣмъ тѣмъ, можно будетъ содѣйствовать къ приращенію нужной суммы изъ слѣдующихъ по магометанскому вѣроисповѣданію штрафныхъ и другихъ доходовъ, кои по силѣ магометанскихъ правилъ и высочайшихъ узаконеній, къ сему направленныхъ, въ разныхъ случаяхъ, по

---

* Эта ссылка на библіотеку сбоку отмѣчена карандашемъ.

** На поляхъ отмѣтка перомъ: «Вся сія сумма обращена уже на Неплюевское училище, состоящее въ военномъ вѣдомствѣ».

части духовныхъ дѣлъ магометанской религіи по разнымъ потребностямъ, представлены святымъ Ал-Кораномъ власти муфтіевой.

И сколько бы единовѣрцы мои счастливыми себя почли, если бы, по предстательству вашего сіятельства, могли они удостоиться, какъ и подданные единой съ ними державы россіяне, воспользоваться безцѣнными плодами просвѣщенія и входить съ ними наровнѣ въ священные училищные дома!

Отъ лица всѣхъ ихъ пріемлю я смѣлость проектъ сей представить вашему сіятельству на воззрительное благоусмотрѣніе и всепокорнѣйше прошу удостоить начальническимъ вашего сіятельства онаго принятіемъ.

Муфтій Гуссейнъ.

10 сентября 1818 года.
№ 28.

(Архивъ министерства народнаго просвѣщенія, 1819, № 126—4903, листы 17—20).

части духовныхъ дѣлъ магометанской религіи по разнымъ потребностямъ, представлены святымъ Ал-Кораномъ власти муфтіевой.

И сколько бы единовѣрцы мои счастливыми себя почли, если бы, по предстательству вашего сіятельства, могли они удостоиться, какъ и подданные единой съ ними державы россіяне, воспользоваться безцѣнными плодами просвѣщенія и входить съ ними наровнѣ въ священные училищные дома!

Отъ лица всѣхъ ихъ пріемлю я смѣлость проектъ сей представить вашему сіятельству на воззрительное благоусмотрѣніе и всепокорнѣйше прошу удостоить начальническимъ вашего сіятельства онаго принятіемъ.

Муфтій Гуссейнъ.

10 сентября 1818 года.
№ 28.

(Архивъ министерства народнаго просвѣщенія, 1819, № 126—4903, листы 17—20).

II

(Къ страницѣ 397-ой)

Документы, касающіеся дѣла профессора А. К. Жобара

(1832—1836)

I

Письмо А. К. Жобара къ профессору М. А. Пальмину.

Encore une histoire!..

Depuis mon retour, je brulais d'impatience de savoir, si le sénat prétendrait m'avoir ou ne m'avoir pas congedié, et, pourtant, je ne faisais aucune démarche sérieuse pour m'en convaincre.

Hier je vais au sénat demander au premier sécrétaire Jlline un свидѣтельство въ томъ, что дѣло кончено или еще не кончено, для полученія половиннаго жалованья. Il me répond avec humeur, que je n'ai pas besoin d'un semblable certificat. Sur ces entrefaites sortent de la salle d'assemblée le premier prócureur Novossiltsoff et le sénateur Ogareff.

Je m'adresse à Mr. Novossiltsoff, celuici—a Jlline. Jlline lui repond, qu'il a exécuté la sentence et a déjà donné au trésor l'ordre de suspendre mes appointements. Novossiltsoff parait tout étonné, qu'Jlline ait tout exécuté sans lui en parler, et demande l'ordre au казначейство. Jilline lit ce qui suit: 19-го ноября прошедшаго 1831-го года дано свидѣтельство бывшему И. Казанскаго Университета орд. проф. Жобару и т. п. A ce mot de бывшему, je l'arrête et lui demande—ce que cela signifie?

Я.—Откудова вы взяли это слово—бывшему, Иванъ Ильичъ?

Ильинъ.—Да вѣдь вы, разумѣется...

Я.—Что—разумѣется? Что я уволенъ, что ли? Развѣ вы меня разжаловали? Извольте показать рѣшеніе сената, сказано ли тамъ, что я уволенъ!

Новосильцевъ.—Mais laissez le, c'est une bête... Ou est l'autre sécrétaire? Ah, le voici!

II

(Къ страницѣ 397-ой)

Документы, касающіеся дѣла профессора А. К. Жобара

(1832—1836)

I

Письмо А. К. Жобара къ профессору М. А. Пальмину.

Encore une histoire!..

Depuis mon retour, je brulais d'impatience de savoir, si le sénat prétendrait m'avoir ou ne m'avoir pas congedié, et, pourtant, je ne faisais aucune démarche sérieuse pour m'en convaincre.

Hier je vais au sénat demander au premier sécrétaire Jlline un свидѣтельство въ томъ, что дѣло кончено или еще не кончено, для полученія половиннаго жалованья. Il me répond avec humeur, que je n'ai pas besoin d'un semblable certificat. Sur ces entrefaites sortent de la salle d'assemblée le premier procureur Novossiltsoff et le sénateur Ogareff.

Je m'adresse à Mr. Novossiltsoff, celuici—a Jlline. Jlline lui repond, qu'il a exécuté la sentence et a déjà donné au trésor l'ordre de suspendre mes appointements. Novossiltsoff parait tout étonné, qu'Jlline ait tout exécuté sans lui en parler, et demande l'ordre au казначейство. Jilline lit ce qui suit: 19-го ноября прошедшаго 1831-го года дано свидѣтельство бывшему И. Казанскаго Университета орд. проф. Жобару и т. п. A ce mot de бывшему, je l'arrête et lui demande—ce que cela signifie?

Я.—Откудова вы взяли это слово—бывшему, Иванъ Ильичъ?

Ильинъ.—Да вѣдь вы, разумѣется...

Я.—Что—разумѣется? Что я уволенъ, что ли? Развѣ вы меня разжаловали? Извольте показать рѣшеніе сената, сказано ли тамъ, что я уволенъ!

Новосильцевъ.—Mais laissez le, c'est une bête... Ou est l'autre sécrétaire? Ah, le voici!

Рюминъ.—Конечно, пока г. Жобаръ не уволенъ и не освобожденъ отъ слѣдствія и суда, нельзя ни назвать его бывшимъ, ни остановить выдачу ему половиннаго жалованья.

Ильинъ (съ разстроеннымъ лицомъ).—Ежели вы этимъ не довольны, г. Жобаръ, то можете на меня жаловаться...

Я.—Я то и сдѣлаю съ удовольствіемъ, Иванъ Ильичъ; ибо не въ первый разъ вы берете больше на себя, чѣмъ можете нести.

Новосильцевъ и Огаревъ.—C'est inutile de disputer avec lui, c'est une bête. Prenez copie legalisée de l'ordre, qu'il a expédié de son chef à la казенная палата et présentez une supplique au Sénat contre lui.

Là dessus je tire ma révérence et me rends à la казенная палата.

On me montre ce papier en question, semblable à la minute que je venais de voir, puis l'ordre que le ministre des finances donne à la палата, conçu en ces termes:

„Г. министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ меня, что, по случаю окончанія дѣла, не слѣдуетъ болѣе выдавать половиннаго по чину жалованья Императорскаго Казанскаго Университета ординарному профессору Жобару, которое производилось ему по причинѣ нахожденія его подъ слѣдствіемъ".

И такъ, братецъ, г. министръ народнаго просвѣщенія явно признаетъ меня и по рѣшеніи дѣла ординарнымъ профессоромъ казанскаго университета. Развѣ онъ обдумался? Или не хочетъ ли онъ выслать меня, какъ Сергѣева, къ должности чрезъ мѣстную полицію? Кажется мнѣ, что онъ сдѣлался нашимъ упорнымъ защитникомъ. Увидимъ!

И такъ, братецъ, надо прежде всего сочинять прошеніе единственно о томъ, чтобы явственно и точно было опредѣлено сенатомъ: уволенъ я или нѣтъ?!?... Это прошеніе примутъ, ибо сами совѣтуютъ подавать оное. Въ слѣдъ за тѣмъ можно будетъ подавать десятокъ другихъ, по разнымъ пунктамъ.

Pourquoi ne m'avez vous pas écrit depuis mon départ? Cet employé des finances, qui a eu la complaisance de me promettre une copie de l'ordre du sénat ou du ministre, au sujet de mes appointements, vous a-t-il remis cette copie? Envoyez la moi incessamment et donnez moi des nouvelles de tous les vôtres.

L'ordre en question à la казенная палата est signé par Jlline et contresigné par le повытчикъ Дончевскій — tous deux viles canailles, vendues à Sergueéff, à Nicolsky et à Fuchs.

Mes respects à madame Palmine et bonjour aux enfants.

Tuus in aevum.

Alphonse Jobard.

Moscou,
le 29 Janvier 1832.

Рюминъ.—Конечно, пока г. Жобаръ не уволенъ и не освобожденъ отъ слѣдствія и суда, нельзя ни назвать его бывшимъ, ни остановить выдачу ему половиннаго жалованья.

Ильинъ (съ разстроеннымъ лицомъ).—Ежели вы этимъ не довольны, г. Жобаръ, то можете на меня жаловаться...

Я.—Я то и сдѣлаю съ удовольствіемъ, Иванъ Ильичъ; ибо не въ первый разъ вы берете больше на себя, чѣмъ можете нести.

Новосильцевъ и Огаревъ. — C'est inutile de disputer avec lui, c'est une bête. Prenez copie legalisée de l'ordre, qu'il a expédié de son chef à la казенная палата et présentez une supplique au Sénat contre lui.

Là dessus je tire ma révérence et me rends à la казенная палата.

On me montre ce papier en question, semblable à la minute que je venais de voir, puis l'ordre que le ministre des finances donne à la палата, conçu en ces termes:

„Г. министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ меня, что, по случаю окончанія дѣла, не слѣдуетъ болѣе выдавать половиннаго по чину жалованья Императорскаго Казанскаго Университета ординарному профессору Жобару, которое производилось ему по причинѣ нахожденія его подъ слѣдствіемъ".

И такъ, братецъ, г. министръ народнаго просвѣщенія явно признаетъ меня и по рѣшеніи дѣла ординарнымъ профессоромъ казанскаго университета. Развѣ онъ обдумался? Или не хочетъ ли онъ выслать меня, какъ Сергѣева, къ должности чрезъ мѣстную полицію? Кажется мнѣ, что онъ сдѣлался нашимъ упорнымъ защитникомъ. Увидимъ!

И такъ, братецъ, надо прежде всего сочинять прошеніе единственно о томъ, чтобы явственно и точно было опредѣлено сенатомъ: уволенъ я или нѣтъ?!?... Это прошеніе примутъ, ибо сами совѣтуютъ подавать оное. Въ слѣдъ за тѣмъ можно будетъ подавать десятокъ другихъ, по разнымъ пунктамъ.

Pourquoi ne m'avez vous pas écrit depuis mon départ? Cet employé des finances, qui a eu la complaisance de me promettre une copie de l'ordre du sénat ou du ministre, au sujet de mes appointements, vous a-t-il remis cette copie? Envoyez la moi incessamment et donnez moi des nouvelles de tous les vôtres.

L'ordre en question à la казенная палата est signé par Jlline et contresigné par le повытчикъ Дончевскій — tous deux viles canailles, vendues à Serguéeff, à Nicolsky et à Fuchs.

Mes respects à madame Palmine et bonjour aux enfants.

Tuus in aevum.

Alphonse Jobard.

Moscou,
le 29 Janvier 1832.

II

Опредѣленіе казанскаго губернскаго правленія.

М. В. Д.
Казанскаго Губернскаго
Правленія.
3-й Экспедиціи
3-й Столъ.
Генваря 31 дня
1836 года
№ 2151.

Въ Московское Губернское Правленіе.

По выслушаніи рѣшенія Правительствующаго Сената по дѣлу о безпорядкахъ, произведенныхъ бывшими: попечителемъ казанскаго учебнаго округа дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Магницкимъ, ректоромъ казанскаго университета Фуксомъ и прочими членами при составленіи увольнительныхъ актовъ тамошнему ординарному профессору Жобару, въ губернскомъ правленіи было — заключено: 1) Въ правленіе казанскаго университета сообщить, дабы благоволило съ профессора Сергѣева остальную сумму 416 руб. 34¹/₄ коп., по вычетѣ у него изъ жалованья, доставить въ губернское правленіе. 2) О взысканіи съ наслѣдниковъ умершихъ профессоровъ Хальфина и Баженова опредѣленной суммы, съ 1-го—295-ть руб. 8³/₄ коп., а съ послѣдняго 737 р. 74³/₄ к. казанской полиціи подтвердить. По сему заключенію исполненіе учинено іюля 5-го 1835-го года, въ слѣдствіе того правленіе казанскаго университета при сообщеніи 29-го октября № 4035 доставило вычтенныя у профессора Сергѣева изъ жалованья остальныя 404 р. 34 коп. въ удовлетвореніе профессора Жобара слѣдующія, увѣдомивъ, что изъ вычтенной суммы 12 р. оставлено, за невозвращенную Жобаромъ книгу № 30, ноября тогожъ 1835 года. Казанская полиція рапортомъ Губернскому Правленію донесла, что у наслѣдниковъ профессора Баженова, по неимѣнію наличныхъ денегъ, описано состоящее въ дворянской опекѣ имѣніе, оцѣненное и со святыми иконами на 114 рублей, коему опись съ оцѣнкою и представлена при ономъ рапортѣ. Профессора жъ Хальфина жена вдова объявленіемъ отозвавшись отъ платежа денегъ неимѣніемъ, кромѣ оставшагося, послѣ мужа ея деревяннаго дома, находившагося въ опекунскомъ управленіи у служащаго въ казанской гимназіи учителя Винокурова, просила съ помянутымъ требованіемъ обратиться къ нему Винокурову, о чемъ отъ полиціи и учинено надлежащее распоряженіе.

Въ Губернскомъ правленіи по справкѣ оказалось:

1) Рѣшеніе правительствующаго сената по объявленному дѣлу, кромѣ показанныхъ предметовъ, остается неисполненнымъ за необъявленіемъ онаго бывшему попечителю казанскаго учебнаго округа дѣйствительному статскому совѣтнику Магницкому и невзысканіемъ съ него слѣдующей по тому рѣшенію въ удовлетвореніе профессора Жобара суммы 2213 р. 21¹/₄ к.;

II

Опредѣленіе казанскаго губернскаго правленія.

М. В. Д.
Казанскаго Губернскаго
Правленія.
3-й Экспедиціи
3-й Столъ.
Генваря 31 дня
1836 года
№ 2151.

Въ Московское Губернское Правленіе.

По выслушаніи рѣшенія Правительствующаго Сената по дѣлу о безпорядкахъ, произведенныхъ бывшимъ: попечителемъ казанскаго учебнаго округа дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Магницкимъ, ректоромъ казанскаго университета Фуксомъ и прочими членами при составленіи увольнительныхъ актовъ тамошнему ординарному профессору Жобару, въ губернскомъ правленіи было — заключено: 1) Въ правленіе казанскаго университета сообщить, дабы благоволило съ профессора Сергѣева остальную сумму 416 руб. $34^1/_4$ коп., по вычетѣ у него изъ жалованья, доставить въ губернское правленіе. 2) О взысканіи съ наслѣдниковъ умершихъ профессоровъ Хальфина и Баженова опредѣленной суммы, съ 1-го—295-ть руб. $8^3/_4$ коп., а съ послѣдняго 737 р. $74^3/_4$ к. казанской полиціи подтвердить. По сему заключенію исполненіе учинено іюля 5-го 1835-го года, въ слѣдствіе того правленіе казанскаго университета при сообщеніи 29-го октября № 4035 доставило вычтенныя у профессора Сергѣева изъ жалованья остальныя 404 р. 34 коп. въ удовлетвореніе профессора Жобара слѣдующія, увѣдомивъ, что изъ вычтенной суммы 12 р. оставлено, за невозвращенную Жобаромъ книгу № 30, ноября тогожъ 1835 года. Казанская полиція рапортомъ Губернскому Правленію донесла, что у наслѣдниковъ профессора Баженова, по неимѣнію наличныхъ денегъ, описано состоящее въ дворянской опекѣ имѣніе, оцѣненное и со святыми иконами на 114 рублей, коему опись съ оцѣнкою и представлена при ономъ рапортѣ. Профессора жъ Хальфина жена вдова объявленіемъ отозвавшись отъ платежа денегъ неимѣніемъ, кромѣ оставшагося, послѣ мужа ея деревяннаго дома, находившагося въ опекунскомъ управленіи у служащаго въ казанской гимназіи учителя Винокурова, просила съ помянутымъ требованіемъ обратиться къ нему Винокурову, о чемъ отъ полиціи и учинено надлежащее распоряженіе.

Въ Губернскомъ правленіи по справкѣ оказалось:

1) Рѣшеніе правительствующаго сената по объявленному дѣлу, кромѣ показанныхъ предметовъ, остается неисполненнымъ за необъявленіемъ онаго бывшему попечителю казанскаго учебнаго округа дѣйствительному статскому совѣтнику Магницкому и невзысканіемъ съ него слѣдующей по тому рѣшенію въ удовлетвореніе профессора Жобара суммы 2213 р. $21^1/_4$ к.;

объ открытіи жъ мѣстопребыванія онаго Магницкаго и взысканіи съ него означенной суммы Жобару хотя отъ сего правленія и было неоднократно сообщено во всѣ губернскія правленія, въ томъ числѣ и въ московское, съ прописаніемъ рѣшенія правительствующаго сената и расчета, въ первый разъ—декабря 12-го прошлаго 1833 года, за № 51512-мъ; но за тѣмъ нѣкоторыя правленія отозвались, что въ ихъ вѣдомствахъ показаннаго Магницкаго не состоитъ; а отъ другихъ удовлетворительныхъ увѣдомленій еще не доставлено.

2) Московской гражданской палаты 2-й департаментъ, сообщеніемъ сему правленію отъ 8-го ноября прошлаго 1835 года, за № 12948, изъяснилъ, что дѣйствительный статскій совѣтникъ Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій и статскій совѣтникъ князь Александръ Александровичъ Черкасскій, поданнымъ въ департаментъ прошеніемъ, просили о совершеніи двухъ купчихъ на проданную первымъ послѣднему и супругѣ его княгинѣ Варварѣ Семеновнѣ всемилостивѣйше пожалованную землю, состоящую Саратовской губерніи въ уѣздахъ Балашовскомъ и Сердобскомъ, не поставляя препятствіемъ къ совершенію оныхъ купчихъ запрещеніе, которое, по предписанію министра народнаго просвѣщенія, должно быть сложено; почему оный департаментъ, сдѣлавъ распоряженіе просилъ о снятіи съ имѣнія г. Магницкаго запрещенія.

По изложеннымъ въ томъ сообщеніи обстоятельствамъ опредѣлено учинить слѣдующее:

1) Присланныя изъ правленія Казанскаго университета вычтенныя изъ жалованья профессора Сергѣева деньги, остальное количество въ удовлетвореніи профессора Жобара слѣдующія, всего 404 рубли 34 копѣйки по запискѣ въ расходъ (о чемъ казначею дать указъ) отослать по жительству Жобара въ Москвѣ, для выдачи ему, въ московское губернское правленіе, съ требованіемъ о послѣдующемъ увѣдомленія; о чемъ и правленіе Казанскаго университета, увѣдомя, просить, дабы благоволило доставить сему правленію свѣдѣніе: не получаютъ ли умершихъ профессоровъ Баженова и Хальфина оставшіяся жены денежные пенсіоны за службу мужей ихъ и какіе именно? А между тѣмъ Казанской полиціи предписать озаботиться взысканіемъ съ опекуна у имѣнія Хальфина, учителя Винокурова, опредѣленной суммы.

2) Какъ изъ сообщенія московской гражданской палаты сему правленію отъ 8-го ноября 1835 года, за № 12948-мъ, видно, что дѣйствительный статскій совѣтникъ Магницкій проживаетъ въ Москвѣ, то въ московское губернское правленіе и сообщить, дабы благоволило 1-е сообщеніе сего правленія отъ 12 декабря 1833-го года, за № 51512, о объявленіи г. Магницкому рѣшенія правительствующаго сената по прописанному дѣлу и взысканіи съ него опредѣленной суммы 2213 р. $21^1/_4$ коп. въ удовлетвореніе профессора Жобара слѣдующей, исполнить немедленно, съ тѣмъ, чтобы сія сумма выдана была Жобару, а губернское правленіе о семъ увѣдомить.

Подлинное подписалъ совѣтникъ Со...ъ, секретарь Федоровъ.

объ открытіи жъ мѣстопребыванія онаго Магницкаго и взысканіи съ него означенной суммы Жобару хотя отъ сего правленія и было неоднократно сообщено во всѣ губернскія правленія, въ томъ числѣ и въ московское, съ прописаніемъ рѣшенія правительствующаго сената и расчета, въ первый разъ—декабря 12-го прошлаго 1833 года, за № 51512-мъ; но за тѣмъ нѣкоторыя правленія отозвались, что въ ихъ вѣдомствахъ показаннаго Магницкаго не состоитъ; а отъ другихъ удовлетворительныхъ увѣдомленій еще не доставлено.

2) Московской гражданской палаты 2-й департаментъ, сообщеніемъ сему правленію отъ 8-го ноября прошлаго 1835 года, за № 12948, изъяснилъ, что дѣйствительный статскій совѣтникъ Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій и статскій совѣтникъ князь Александръ Александровичъ Черкасскій, поданнымъ въ департаментъ прошеніемъ, просили о совершеніи двухъ купчихъ на проданную первымъ послѣднему и супругѣ его княгинѣ Варварѣ Семеновнѣ всемилостивѣйше пожалованную землю, состоящую Саратовской губерніи въ уѣздахъ Балашовскомъ и Сердобскомъ, не поставляя препятствіемъ къ совершенію оныхъ купчихъ запрещеніе, которое, по предписанію министра народнаго просвѣщенія, должно быть сложено; почему оный департаментъ, сдѣлавъ распоряженіе просилъ о снятіи съ имѣнія г. Магницкаго запрещенія.

По изложеннымъ въ томъ сообщеніи обстоятельствамъ опредѣлено учинить слѣдующее:

1) Присланныя изъ правленія Казанскаго университета вычтенныя изъ жалованья профессора Сергѣева деньги, остальное количество въ удовлетвореніи профессора Жобара слѣдующія, всего 404 рубли 34 копѣйки по запискѣ въ расходъ (о чемъ казначею дать указъ) отослать по жительству Жобара въ Москвѣ, для выдачи ему, въ московское губернское правленіе, съ требованіемъ о послѣдующемъ увѣдомленія; о чемъ и правленіе Казанскаго университета, увѣдомя, просить, дабы благоволило доставить сему правленію свѣдѣніе: не получаютъ ли умершихъ профессоровъ Баженова и Хальфина оставшіяся жены денежные пенсіоны за службу мужей ихъ и какіе именно? А между тѣмъ Казанской полиціи предписать озаботиться взысканіемъ съ опекуна у имѣнія Хальфина, учителя Винокурова, опредѣленной суммы.

2) Какъ изъ сообщенія московской гражданской палаты сему правленію отъ 8-го ноября 1835 года, за № 12948-мъ, видно, что дѣйствительный статскій совѣтникъ Магницкій проживаетъ въ Москвѣ, то въ московское губернское правленіе и сообщить, дабы благоволило 1-е сообщеніе сего правленія отъ 12 декабря 1833-го года, за № 51512, о объявленіи г. Магницкому рѣшенія правительствующаго сената по прописанному дѣлу и взысканіи съ него опредѣленной суммы 2213 р. $21^1/_4$ коп. въ удовлетвореніе профессора Жобара слѣдующей, исполнить немедленно, съ тѣмъ, чтобы сія сумма выдана была Жобару, а губернское правленіе о семъ увѣдомить.

Подлинное подписалъ совѣтникъ Со...ъ, секретарь Федоровъ.

III

Отзывъ профессора Жобара на рѣшеніе Московскаго Надворнаго суда.

Московскаго Надворнаго Суда въ 1-й Департаментъ.

Императорскаго Казанскаго Университета Ординарнаго Профессора, 7-го класса и Кавалера Альфонса Клавдіева сына Жобара

Отзывъ.

Рѣшеніемъ Московскаго надворнаго суда перваго департамента, отъ 15-го генваря сего 1836 года, я, за мнимое ослушаніе начальства, осужденъ къ выдержанію подъ арестомъ при полиціи два мѣсяца, каковымъ рѣшеніемъ будучи недоволенъ, считаю нужнымъ объяснить слѣдующее.

1.

Главное преступленіе мое, какъ изъ всего дѣла видно, въ томъ именно состоитъ, что я, вопреки воли нынѣшняго г. министра народнаго просвѣщенія, продолжаю называться профессоромъ Казанскаго университета и носить мундиръ, сему званію присвоенный.

2.

И по сему сущность производства по сему дѣлу въ томъ только состоитъ, чтобы, прежде суда, точно, ясно и положительно опредѣлено было на основаніи надлежащихъ справокъ и законнаго слѣдствія: уволенъ ли я, дѣйствительно, отъ должности ординарнаго профессора Казанскаго университета, какъ увѣряетъ г. министръ народнаго просвѣщенія, основываясь единственно на воображеніи и желаніи своемъ; или неуволенъ, какъ я утверждаю и доказываю всѣми потребными законными доводами и документами.

3.

Ибо ежели я дѣйствительно уволенъ на законномъ основаніи—то подлежу, въ самомъ дѣлѣ, строжайшему наказанію за явное и многократное сопротивленіе повелѣніямъ начальства и не достоенъ никакого снисхожденія, никакого сожалѣнія.

4.

Ежели же не уволенъ вовсе, или уволенъ, но не на законномъ основаніи—то не только не подлежу ни малѣйшему взысканію за мнимое ослушаніе начальства, а, напротивъ того, достоенъ я сожалѣнія всѣхъ честныхъ людей за двѣнадцатилѣтнее противузаконное притѣсненіе и имѣю полное право ожидать защиты законовъ и судебныхъ мѣстъ противъ самопроизвольнаго и упорнаго преслѣдованія пристрастнаго и несправедливаго начальства.

III

Отзывъ профессора Жобара на рѣшеніе Московскаго Надворнаго суда.

Московскаго Надворнаго Суда въ 1-й Департаментъ.

Императорскаго Казанскаго Университета Ординарнаго Профессора, 7-го класса и Кавалера Альфонса Клавдіева сына Жобара

Отзывъ.

Рѣшеніемъ Московскаго надворнаго суда перваго департамента, отъ 15-го генваря сего 1836 года, я, за мнимое ослушаніе начальства, осужденъ къ выдержанію подъ арестомъ при полиціи два мѣсяца, каковымъ рѣшеніемъ будучи недоволенъ, считаю нужнымъ объяснить слѣдующее.

1.

Главное преступленіе мое, какъ изъ всего дѣла видно, въ томъ именно состоитъ, что я, вопреки воли нынѣшняго г. министра народнаго просвѣщенія, продолжаю называться профессоромъ Казанскаго университета и носить мундиръ, сему званію присвоенный.

2.

И по сему сущность производства по сему дѣлу въ томъ только состоитъ, чтобы, прежде суда, точно, ясно и положительно опредѣлено было на основаніи надлежащихъ справокъ и законнаго слѣдствія: уволенъ ли я, дѣйствительно, отъ должности ординарнаго профессора Казанскаго университета, какъ увѣряетъ г. министръ народнаго просвѣщенія, основываясь единственно на воображеніи и желаніи своемъ; или неуволенъ, какъ я утверждаю и доказываю всѣми потребными законными доводами и документами.

3.

Ибо ежели я дѣйствительно уволенъ на законномъ основаніи—то подлежу, въ самомъ дѣлѣ, строжайшему наказанію за явное и многократное сопротивленіе повелѣніямъ начальства и не достоенъ никакого снисхожденія, никакого сожалѣнія.

4.

Ежели же не уволенъ вовсе, или уволенъ, но не на законномъ основаніи—то не только не подлежу ни малѣйшему взысканію за мнимое ослушаніе начальства, а, напротивъ того, достоенъ я сожалѣнія всѣхъ честныхъ людей за двѣнадцатилѣтнее противузаконное притѣсненіе и имѣю полное право ожидать защиты законовъ и судебныхъ мѣстъ противъ самопроизвольнаго и упорнаго преслѣдованія пристрастнаго и несправедливаго начальства.

5.

И, посему, желая, для полнаго оправданія своего, доказать яснѣйшимъ образомъ всѣмъ судебнымъ мѣстамъ, которыя имѣютъ разбирать и рѣшить сей споръ, возникшій между мною и г. министромъ народнаго просвѣщенія, что я нимало не ослушаюсь начальства, называя себя профессоромъ Казанскаго университета, но повинуюсь законамъ, — то я ссылаюсь на разные документы, къ сему предмету относящіеся, какъ то: протоколы главнаго правленія училищъ отъ 14-го апрѣля 1826, 30-го ноября 1827, 11-го генваря и 26-го іюля 1828-го годовъ, по моему дѣлу состоявшіеся, и на отношенія обо мнѣ г. московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Голицина къ г. генералъ-адъютанту графу Бенкендорфу и сего послѣдняго къ г. министру народнаго просвѣщенія и на справку его превосходительства въ комитетъ г.г. министровъ.

6.

Сверхъ того, явнымъ доказательствомъ неуваженія моего могло бы служить слѣдующее обстоятельство, а именно: что какой то отъ Казанскаго университета высланный для выдачи мнѣ аттестатъ, о которомъ упомянуто въ рѣшеніи надворнаго суда, не только мнѣ доселѣ не выданъ, но даже и не предложенъ, а лежитъ какъ недѣйствительный актъ въ судѣ и свидѣтельствуетъ въ несправедливости судей, ибо легко бы могли они понять, что чиновникъ, который никакого не имѣетъ объ увольненіи его акта, не можетъ называться уволеннымъ, какъ сіе и писано въ протоколѣ главнаго правленія училищъ 11-го генваря 1828-го года.

7.

И, посему, никакое судебное мѣсто не можетъ ни подъ какимъ предлогомъ рѣшить сіе дѣло мое, не имѣя подъ глазами всѣхъ показанныхъ мною подлинныхъ документовъ иначе, какъ лишивъ меня всѣхъ средствъ къ оправданію, ибо воля законовъ — должна быть выше воли г. министра народнаго просвѣщенія, а гласъ правосудія — сильнѣе гласа пристрастнаго начальства.

8.

Вышеупомянутыми документами имѣю я доказать не только, что я правъ во всѣхъ своихъ поступкахъ, а еще что г. министръ народнаго просвѣщенія, — который, желая погубить меня какимъ бы то ни было образомъ, то объявляетъ меня ослушникомъ, то называетъ сумасшедшимъ и простеръ даже притѣсненіе до того, что, не удостоивъ меня ни одного разу высокой чести разговаривать со мною и не уважая сдѣланныхъ ему его сіятельствомъ г. московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ возраженій по случаю мнимаго сумашествія моего, приказалъ освидѣтельствовать меня въ умственныхъ

5.

И, посему, желая, для полнаго оправданія своего, доказать яснѣйшимъ образомъ всѣмъ судебнымъ мѣстамъ, которыя имѣютъ разбирать и рѣшить сей споръ, возникшій между мною и г. министромъ народнаго просвѣщенія, что я нимало не ослушаюсь начальства, называя себя профессоромъ Казанскаго университета, но повинуюсь законамъ, — то я ссылаюсь на разные документы, къ сему предмету относящіеся, какъ то: протоколы главнаго правленія училищъ отъ 14-го апрѣля 1826, 30-го ноября 1827, 11-го генваря и 26-го іюля 1828-го годовъ, по моему дѣлу состоявшіеся, и на отношенія обо мнѣ г. московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Голицина къ г. генералъ-адъютанту графу Бенкендорфу и сего послѣдняго къ г. министру народнаго просвѣщенія и на справку его превосходительства въ комитетъ г.г. министровъ.

6.

Сверхъ того, явнымъ доказательствомъ неуваженія моего могло бы служить слѣдующее обстоятельство, а именно: что какой то отъ Казанскаго университета высланный для выдачи мнѣ аттестатъ, о которомъ упомянуто въ рѣшеніи надворнаго суда, не только мнѣ доселѣ не выданъ, но даже и не предложенъ, а лежитъ какъ недѣйствительный актъ въ судѣ и свидѣтельствуетъ въ несправедливости судей, ибо легко бы могли они понять, что чиновникъ, который никакого не имѣетъ объ увольненіи его акта, не можетъ называться уволеннымъ, какъ сіе и писано въ протоколѣ главнаго правленія училищъ 11-го генваря 1828-го года.

7.

И, посему, никакое судебное мѣсто не можетъ ни подъ какимъ предлогомъ рѣшить сіе дѣло мое, не имѣя подъ глазами всѣхъ показанныхъ мною подлинныхъ документовъ иначе, какъ лишивъ меня всѣхъ средствъ къ оправданію, ибо воля законовъ — должна быть выше воли г. министра народнаго просвѣщенія, а гласъ правосудія — сильнѣе гласа пристрастнаго начальства.

8.

Вышеупомянутыми документами имѣю я доказать не только, что я правъ во всѣхъ своихъ поступкахъ, а еще что г. министръ народнаго просвѣщенія, — который, желая погубить меня какимъ бы то ни было образомъ, то объявляетъ меня ослушникомъ, то называетъ сумасшедшимъ и простеръ даже притѣсненіе до того, что, не удостоивъ меня ни одного разу высокой чести разговаривать со мною и не уважая сдѣланныхъ ему его сіятельствомъ г. московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ возраженій по случаю мнимаго сумашествія моего, приказалъ освидѣтельствовать меня въ умственныхъ

способностяхъ, каковое освидѣтельствованіе, впрочемъ, доказало, что онъ и въ томъ отношеніи ошибся, ибо присутствіе нашло меня и объявило единогласно совершенно въ здравомъ состояніи разсудка, — доходилъ до той степени самоуправія, что онъ обманулъ комитетъ г.г. министровъ справкою изъ дѣла моего совершенно превратною, явно и формально солгалъ въ своихъ отношеніяхъ къ г. московскому военному генералъ-губернатору, учинилъ разные подлоги и дерзнулъ, даже, выдумать повелѣнія отъ имени Государя Императора, безъ вѣдома Его Императорскаго Величества, о чемъ, впрочемъ, я уже донесъ, по долгу присяги, лично Его Императорскому Величеству чрезъ генералъ-адъютанта графа Бенкендорфа.

9.

Но, не взирая на 155-ю статью учрежденія министерства народнаго просвѣщенія, на высочайшій указъ 8-го августа 1801-го года, на 116 статью Наказа коммиссіи о сочиненіи проэкта новаго уложенія, на высочайшій указъ 1-го іюня 1730-го года и на всѣ прочіе законы, повелѣвающіе дать подсудимому всѣ средства къ оправданію, надворный судъ рѣшилъ два раза одно и тоже дѣло, основываясь единственно на увѣреніяхъ и повелѣніяхъ г. министра народнаго просвѣщенія, и дважды уже осудилъ меня къ выдержанію подъ арестомъ при полиціи два мѣсяца.

10.

Основываясь на законахъ, я уже представилъ въ 1831, 1832 и 1833 годахъ московскаго надворнаго суда въ первый же департаментъ и въ губернское правленіе разныя прошенія и подлинные о прежней службы моей документы; но оныя присутственныя мѣста не обратили ни малѣйшаго вниманія на документы и доказательства, мною представляемые въ защиту чести и правъ своихъ, несправедливо притѣсняемыхъ; не взяли ни отъ кого прежде суда никакихъ объясненій противъ показаній моихъ и, наконецъ, явнымъ при томъ противорѣчіемъ съ прежними по сему предмету рѣшеніями своими, лишили меня противозаконно званія и преимуществъ ординарнаго профессора Казанскаго университета и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдующаго мнѣ изъ казны свыше пятидесяти тысячъ рублей жалованья. Изъ чего заключать должно, что сіи присутственныя мѣста, не внимая гласу совѣсти и законовъ, выставляютъ противузаконную волю нынѣшняго г. министра народнаго просвѣщенія выше законной воли его предшественника адмирала Шишкова, выше собственныхъ рѣшеній своихъ, выше опредѣленій правительствующаго сената, выше гоударственныхъ законовъ, выше священной воли Законодателя.

А что бы впредь подобнаго нарушенія законовъ и несправедливости не было, то покорнѣйше прошу московскаго надворнаго суда 1-й департаментъ препроводить сей отзывъ мой, со всѣмъ дѣломъ и со всѣми пред-

способностяхъ, каковое освидѣтельствованіе, впрочемъ, доказало, что онъ и въ томъ отношеніи ошибся, ибо присутствіе нашло меня и объявило единогласно совершенно въ здравомъ состояніи разсудка, — доходилъ до той степени самоуправія, что онъ обманулъ комитетъ г.г. министровъ справкою изъ дѣла моего совершенно превратною, явно и формально солгалъ въ своихъ отношеніяхъ къ г. московскому военному генералъ-губернатору, учинилъ разные подлоги и дерзнулъ, даже, выдумать повелѣнія отъ имени Государя Императора, безъ вѣдома Его Императорскаго Величества, о чемъ, впрочемъ, я уже донесъ, по долгу присяги, лично Его Императорскому Величеству чрезъ генералъ-адъютанта графа Бенкендорфа.

9.

Но, не взирая на 155-ю статью учрежденія министерства народнаго просвѣщенія, на высочайшій указъ 8-го августа 1801-го года, на 116 статью Наказа коммиссіи о сочиненіи проэкта новаго уложенія, на высочайшій указъ 1-го іюня 1730-го года и на всѣ прочіе законы, повелѣвающіе дать подсудимому всѣ средства къ оправданію, надворный судъ рѣшилъ два раза одно и тоже дѣло, основываясь единственно на увѣреніяхъ и повелѣніяхъ г. министра народнаго просвѣщенія, и дважды уже осудилъ меня къ выдержанію подъ арестомъ при полиціи два мѣсяца.

10.

Основываясь на законахъ, я уже представилъ въ 1831, 1832 и 1833 годахъ московскаго надворнаго суда въ первый же департаментъ и въ губернское правленіе разныя прошенія и подлинные о прежней службы моей документы; но оныя присутственныя мѣста не обратили ни малѣйшаго вниманія на документы и доказательства, мною представляемые въ защиту чести и правъ своихъ, несправедливо притѣсняемыхъ; не взяли ни отъ кого прежде суда никакихъ объясненій противъ показаній моихъ и, наконецъ, явнымъ при томъ противорѣчіемъ съ прежними по сему предмету рѣшеніями своими, лишили меня противозаконно званія и преимуществъ ординарнаго профессора Казанскаго университета и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдующаго мнѣ изъ казны свыше пятидесяти тысячъ рублей жалованья. Изъ чего заключать должно, что сіи присутственныя мѣста, не внимая гласу совѣсти и законовъ, выставляютъ противузаконную волю нынѣшняго г. министра народнаго просвѣщенія выше законной воли его предшественника адмирала Шишкова, выше собственныхъ рѣшеній своихъ, выше опредѣленій правительствующаго сената, выше гоударственныхъ законовъ, выше священной воли Законодателя.

А что бы впредь подобнаго нарушенія законовъ и несправедливости не было, то покорнѣйше прошу московскаго надворнаго суда 1-й департаментъ препроводить сей отзывъ мой, со всѣмъ дѣломъ и со всѣми пред-

ставленными мною въ оный судъ документами, московской палаты уголовнаго суда въ 1-й департаментъ, дабы оная судебная инстанція рѣшеніе перваго департамента надворнаго суда, какъ противузаконное, уничтоживъ, а потомъ войдя въ подробное разсмотрѣніе дѣла о мнимомъ ослушаніи моемъ начальства, взявъ отъ кого слѣдуетъ нужныя объясненія и вытребовавъ всѣ документы, на которые ссылаюсь, допустивъ меня при томъ въ свое время къ прочтенію экстракта изъ дѣла сего и къ учиненію рукоприкладства по оному — могла приступить къ законному и безпристрастному рѣшенію судьбы обидимаго отъ руки насилія и неправды.

Представляю при семъ аппелляціонныхъ денегъ двѣнадцать рублей.

Въ Москвѣ, 1836 года февраля 18-го дня.

Императорскаго Казанскаго университета дѣйствительный ординарный профессоръ 7-го класса и ордена св. Владиміра 4-й степени кавалеръ Альфонсъ Клавдіевъ сынъ Жобаръ.

1836-го года февраля 19-го дня Московскаго надворнаго суда въ 1-мъ департаментѣ, по слушаніи сего отзыва—приказали:

10-го тома законовъ гражданскихъ въ статьяхъ 1673 и 1690 воспрещено въ подаваемыхъ прошеніяхъ употреблятъ укорительныя слова, но приводить причины или доводы, по которымъ происходитъ прошеніе, въ противномъ случаѣ возвращать таковыя съ надписью, что и подтверждено указомъ правительствующаго сената 28-го декабря 1834-го года; а 15-го тома законовъ уголовныхъ въ 1156 статьѣ узаконено: „Въ отзывахъ надлежитъ подсудимымъ прописать, въ чемъ они почитаютъ приговоръ неправильнымъ, а равно и означать какимъ именно законамъ онъ противенъ". А какъ въ поданномъ отъ бывшаго Казанскаго университета профессора Жобара отзывѣ на рѣшеніе сего департамента помѣщены укорительныя выраженія противу начальства и въ особенности г. министра народнаго просвѣщенія и къ существу дѣла не слѣдующія, притомъ изложенъ оной не въ порядкѣ, предписанномъ въ 1156 статьѣ, а потому оный отзывъ возвратить ему Жобару съ надписью.

Подлинной подписали: судья Рыковъ, засѣдатели Бѣлоголововъ и Баевъ, скрѣпилъ секретарь Цитовичъ, справилъ повытчикъ Булатовъ.

(Приведенные выше матеріалы сообщены, черезъ лектора казанскаго университета А. И. Михайловскаго, сыномъ бывшаго профессора М. А. Пальмина—Николаемъ Михайловичемъ Пальминымъ).

ставленными мною въ оный судъ документами, московской палаты уголовнаго суда въ 1-й департаментъ, дабы оная судебная инстанція рѣшеніе перваго департамента надворнаго суда, какъ противузаконное, уничтоживъ, а потомъ войдя въ подробное разсмотрѣніе дѣла о мнимомъ ослушаніи моемъ начальства, взявъ отъ кого слѣдуетъ нужныя объясненія и вытребовавъ всѣ документы, на которые ссылаюсь, допустивъ меня при томъ въ свое время къ прочтенію экстракта изъ дѣла сего и къ учиненію рукоприкладства по оному — могла приступить къ законному и безпристрастному рѣшенію судьбы обидимаго отъ руки насилія и неправды.

Представляю при семъ аппелляціонныхъ денегъ двѣнадцать рублей.

Въ Москвѣ, 1836 года февраля 18-го дня.

Императорскаго Казанскаго университета дѣйствительный ординарный профессоръ 7-го класса и ордена св. Владиміра 4-й степени кавалеръ Альфонсъ Клавдіевъ сынъ Жобаръ.

1836-го года февраля 19-го дня Московскаго надворнаго суда въ 1-мъ департаментѣ, по слушаніи сего отзыва—приказали:

10-го тома законовъ гражданскихъ въ статьяхъ 1673 и 1690 воспрещено въ подаваемыхъ прошеніяхъ употреблятъ укорительныя слова, но приводить причины или доводы, по которымъ происходитъ прошеніе, въ противномъ случаѣ возвращать таковыя съ надписью, что и подтверждено указомъ правительствующаго сената 28-го декабря 1834-го года; а 15-го тома законовъ уголовныхъ въ 1156 статьѣ узаконено: „Въ отзывахъ надлежитъ подсудимымъ прописать, въ чемъ они почитаютъ приговоръ неправильнымъ, а равно и означать какимъ именно законамъ онъ противенъ". А какъ въ поданномъ отъ бывшаго Казанскаго университета профессора Жобара отзывѣ на рѣшеніе сего департамента помѣщены укорительныя выраженія противу начальства и въ особенности г. министра народнаго просвѣщенія и къ существу дѣла не слѣдующія, притомъ изложенъ оной не въ порядкѣ, предписанномъ въ 1156 статьѣ, а потому оный отзывъ возвратить ему Жобару съ надписью.

Подлинной подписали: судья Рыковъ, засѣдатели Бѣлоголововъ и Баевъ, скрѣпилъ секретарь Цитовичъ, справилъ повытчикъ Булатовъ.

(Приведенные выше матеріалы сообщены, черезъ лектора казанскаго университета А. И. Михайловскаго, сыномъ бывшаго профессора М. А. Пальмина—Николаемъ Михайловичемъ Пальминымъ).

III

(Къ страницѣ 450-ой)

Отчетъ Магницкаго по Казанскому университету за 1824-й годъ *

I. Представленіе Магницкаго министру народнаго просвѣщенія отъ 6-го декабря 1824 года.

На основаніи инструкцій, для казанскаго университета высочайше утвержденныхъ, обязанъ я давать отчетъ въ положеніи ввѣреннаго мнѣ университета и его округа.

Нынѣ исполняю сіе тѣмъ съ бо̀льшимъ усердіемъ, что имѣю случай представить сей предметъ на усмотрѣніе правдиваго начальника въ двухъ главныхъ отношеніяхъ:

1. Въ свидѣтельство того, что, посреди всеобщей заразы вредныхъ ученій, можетъ быть устроенъ университетъ по направленію наукъ и духа православный и настояще отечественный.

2. Въ доказательство того, что ежели въ одномъ изъ шести нашихъ университетовъ могли сіи распоряженія имѣть успѣхъ, то и во всѣхъ другихъ необходимо нужно бы было сдѣлать единообразное преобразованіе.

Но прежде, нежели приступлю къ сему, почитаю необходимымъ изложить, въ общихъ чертахъ, состояніе казанскаго университета до преобразованія онаго и принятыя мѣры къ его исполненію, дабы въ связи и порядкѣ времени можно было видѣть постепенный ходъ сего заведенія отъ 1819-го года донынѣ.

---

* Печатается по черновому списку, исправленному рукою самого Магницкаго. Въ отчетѣ, представленномъ въ министерство, сдѣланы были попечителемъ нѣкоторыя исключенія и измѣненія.

III

(Къ страницѣ 450-ой)

Отчетъ Магницкаго по Казанскому университету за 1824-й годъ *

I. Представленіе Магницкаго министру народнаго просвѣщенія отъ 6-го декабря 1824 года.

На основаніи инструкцій, для казанскаго университета высочайше утвержденныхъ, обязанъ я давать отчетъ въ положеніи ввѣреннаго мнѣ университета и его округа.

Нынѣ исполняю сіе тѣмъ съ бо̀льшимъ усердіемъ, что имѣю случай представить сей предметъ на усмотрѣніе правдиваго начальника въ двухъ главныхъ отношеніяхъ:

1. Въ свидѣтельство того, что, посреди всеобщей заразы вредныхъ ученій, можетъ быть устроенъ университетъ по направленію наукъ и духа православный и настояще отечественный.

2. Въ доказательство того, что ежели въ одномъ изъ шести нашихъ университетовъ могли сіи распоряженія имѣть успѣхъ, то и во всѣхъ другихъ необходимо нужно бы было сдѣлать единообразное преобразованіе.

Но прежде, нежели приступлю къ сему, почитаю необходимымъ изложить, въ общихъ чертахъ, состояніе казанскаго университета до преобразованія онаго и принятыя мѣры къ его исполненію, дабы въ связи и порядкѣ времени можно было видѣть постепенный ходъ сего заведенія отъ 1819-го года донынѣ.

---

* Печатается по черновому списку, исправленному рукою самого Магницкаго. Въ отчетѣ, представленномъ въ министерство, сдѣланы были попечителемъ нѣкоторыя исключенія и измѣненія.

II. Состояніе казанскаго университета въ 1819—1824 годахъ.

1819 годъ.

Обозрѣвъ казанскій университетъ, по высочайшему повелѣнію, въ семъ году я нашелъ:

1. Что въ отдаленнѣйшемъ краю отъ столицы казанскій университетъ, поставленный, какъ фаросъ, для освѣщенія цѣлыхъ царствъ, въ округъ его вмѣщенныхъ, полузасвѣченный дрожащею рукою слабыхъ исполнителей, погасалъ и курящимъ чадомъ наполнялъ тѣ страны, кои осіять былъ долженъ.

2. Отброшенные въ собственномъ отечествѣ пришельцы, принеся съ собою развратъ, а не просвѣщеніе ума, изъ провинцій германскихъ, едва ли по имени извѣстныхъ—составляли бо́льшую часть профессоровъ.

3. Неблаговидность и нечистота зданій отвѣтствовала внутреннему его нестроенію, какъ несчастная физіономія порочному состоянію духа.

4. Воспитанники университета и казанской гимназіи въ бѣдности, въ нечистотѣ наружной и внутренней, въ пагубнѣйшемъ самого невѣжества полупросвѣщеніи съ нетерпѣніемъ выжидали того срока, который назначенъ былъ къ разносу пагубныхъ ихъ мнѣній и порочныхъ нравовъ по мѣстамъ гражданской службы и, что всего гибельнѣе, по заведеніямъ народнаго воспитанія.

5. Обширнѣйшій округъ, 9 гимназій, 180 училищъ, многія частныя заведенія, съ малымъ, развѣ, исключеніемъ, были въ подобномъ университету запустѣніи, такъ что нельзя было безъ ужаса представить, что судьба 6 тысячъ дѣтей ввѣрена была подобному управленію.

6. Интриги, происки — расхищали ученыя званія и награды, между тѣмъ какъ благочестіе, какъ скромное достоинство, воздыхало о судьбѣ дорогого мѣста воспитанія, въ которомъ лѣта юности и страстей охранены были отъ невѣрія и разврата какимъ то особеннымъ Промысломъ Божіимъ. Прежнее министерство, увидѣвъ изъ моего донесенія таковое неустройство университета, сомнѣвалось даже въ возможности его существованія. Одинъ Государь Императоръ, — онъ одинъ, — по особенной благодати, помазанниковъ Божіихъ во многихъ случаяхъ освѣщающей, провидѣлъ будущее университета, хотѣлъ сохранить его и возсоздалъ въ новое бытіе.

Твердый и обширный планъ, основанный на пользѣ истиннаго просвѣщенія, соединяющаго вѣденіе съ вѣрою, былъ принятъ для возобновнія университета.

11 профессоровъ за вредныя начала—удалены.

Законоученіе, не преподававшееся съ самаго начала въ университетѣ—введено.

Опредѣлены директоръ университета, инспекторъ студентовъ, преподаватель богословія.

II. Состояніе казанскаго университета въ 1819—1824 годахъ.

1819 годъ.

Обозрѣвъ казанскій университетъ, по высочайшему повелѣнію, въ семъ году я нашелъ:

1. Что въ отдаленнѣйшемъ краю отъ столицы казанскій университетъ, поставленный, какъ фаросъ, для освѣщенія цѣлыхъ царствъ, въ округъ его вмѣщенныхъ, полузасвѣченный дрожащею рукою слабыхъ исполнителей, погасалъ и курящимъ чадомъ наполнялъ тѣ страны, кои осіять былъ долженъ.

2. Отброшенные въ собственномъ отечествѣ пришельцы, принеся съ собою развратъ, а не просвѣщеніе ума, изъ провинцій германскихъ, едва ли по имени извѣстныхъ—составляли бо́льшую часть профессоровъ.

3. Неблаговидность и нечистота зданій отвѣтствовала внутреннему его нестроенію, какъ несчастная физіономія порочному состоянію духа.

4. Воспитанники университета и казанской гимназіи въ бѣдности, въ нечистотѣ наружной и внутренней, въ пагубнѣйшемъ самого невѣжества полупросвѣщеніи съ нетерпѣніемъ выжидали того срока, который назначенъ былъ къ разносу пагубныхъ ихъ мнѣній и порочныхъ нравовъ по мѣстамъ гражданской службы и, что всего гибельнѣе, по заведеніямъ народнаго воспитанія.

5. Обширнѣйшій округъ, 9 гимназій, 180 училищъ, многія частныя заведенія, съ малымъ, развѣ, исключеніемъ, были въ подобномъ университету запустѣніи, такъ что нельзя было безъ ужаса представить, что судьба 6 тысячъ дѣтей ввѣрена была подобному управленію.

6. Интриги, происки — расхищали ученыя званія и награды, между тѣмъ какъ благочестіе, какъ скромное достоинство, воздыхало о судьбѣ дорогого мѣста воспитанія, въ которомъ лѣта юности и страстей охранены были отъ невѣрія и разврата какимъ то особеннымъ Промысломъ Божіимъ. Прежнее министерство, увидѣвъ изъ моего донесенія таковое неустройство университета, сомнѣвалось даже въ возможности его существованія. Одинъ Государь Императоръ, — онъ одинъ, — по особенной благодати, помазанниковъ Божіихъ во многихъ случаяхъ освѣщающей, провидѣлъ будущее университета, хотѣлъ сохранить его и возсоздалъ въ новое бытіе.

Твердый и обширный планъ, основанный на пользѣ истиннаго просвѣщенія, соединяющаго вѣденіе съ вѣрою, былъ принятъ для возобновнія университета.

11 профессоровъ за вредныя начала—удалены.

Законоученіе, не преподававшееся съ самаго начала въ университетѣ—введено.

Опредѣлены директоръ университета, инспекторъ студентовъ, преподаватель богословія.

Установленъ правильный и непрестанный надзоръ за студентами. Введены между ими общія молитвы, чтеніе священнаго писанія, посѣщеніе храмовъ Божіихъ, отправленіе постовъ, въ установленное церковью время дѣлъ покаянія, вмѣстѣ съ преподавателями, дѣла милосердія, какъ то—посѣщеніе больницъ и мѣстъ заключенія.

Казеннокоштные студенты, получавшіе дотолѣ деньги и тратившіе ихъ по произволу, обращены на все казенное содержаніе. Благовидно устроены ихъ жилища, аудиторіи, бѣлье и платье.

Усилено преподаваніе латинскаго языка.

Всѣ науки начали преподаваться въ добромъ духѣ.

Профессоръ Симоновъ отправленъ, съ высочайшаго соизволенія, для путешествія около свѣта на экспедиціи морского вѣдомства.

Изъ студенческой библіотеки изъяты книги, противныя доброму воспитанію.

Для обревизованія казанскаго округа во всѣхъ его частяхъ, самымъ строгимъ образомъ, отправлены были особые чиновники. Осмотръ сей продолжался въ 1819 и 1820 годахъ. Неблагонадежные наставники правилъ воспитанія уволены, а добрые одобрены испрошеніемъ различныхъ наградъ.

1820 годъ.

Въ 17-й день января сего года высочайше утверждены представленныя попечителемъ инструкціи директору и ректору казанскаго университета.

Въ нихъ указана цѣль университета: она состоитъ въ воспитаніи вѣрныхъ сыновъ православныя церкви, вѣрныхъ подданныхъ Государю, добрыхъ и полезныхъ гражданъ отечеству. Въ нихъ ограждено твердымъ образомъ преподаваніе всѣхъ университетскихъ наукъ отъ вольнодумства и вліянія духа времени. Въ воспоминаніе сего важнаго событія для казанскаго университета, съ дозволенія министерства, установлено праздновать 17-ое января ежегодно, какъ день обновленія онаго.

Обличены,—состоящія, обыкновенно, въ томъ, что въ людяхъ есть природная свобода и равенство, что власть царская происходитъ не отъ Бога, а отъ договора съ народомъ, что бракъ есть, просто, условіе между сочетающимися для произведенія дѣтей, а не таинство, какъ церковь учитъ и пр.,—разрушительныя начала науки права естественнаго и поставлены въ приличныя границы.

Изъ наукъ философскихъ исторію философскихъ системъ положено читать въ смыслѣ обличительномъ. Мѣра сія распространена на округъ.

Библіотеки училищъ казанскаго округа разсмотрѣны. Вредныя изъ книгъ, пріобрѣтенныя въ прежнее управленіе, запрещены, запечатаны и хранятся особо.

Установленъ правильный и непрестанный надзоръ за студентами. Введены между ими общія молитвы, чтеніе священнаго писанія, посѣщеніе храмовъ Божіихъ, отправленіе постовъ, въ установленное церковью время дѣлъ покаянія, вмѣстѣ съ преподавателями, дѣла милосердія, какъ то—посѣщеніе больницъ и мѣстъ заключенія.

Казеннокоштные студенты, получавшіе дотолѣ деньги и тратившіе ихъ по произволу, обращены на все казенное содержаніе. Благовидно устроены ихъ жилища, аудиторіи, бѣлье и платье.

Усилено преподаваніе латинскаго языка.

Всѣ науки начали преподаваться въ добромъ духѣ.

Профессоръ Симоновъ отправленъ, съ высочайшаго соизволенія, для путешествія около свѣта на экспедиціи морского вѣдомства.

Изъ студенческой библіотеки изъяты книги, противныя доброму воспитанію.

Для обревизованія казанскаго округа во всѣхъ его частяхъ, самымъ строгимъ образомъ, отправлены были особые чиновники. Осмотръ сей продолжался въ 1819 и 1820 годахъ. Неблагонадежные наставники правилъ воспитанія уволены, а добрые одобрены испрошеніемъ различныхъ наградъ.

1820 годъ.

Въ 17-й день января сего года высочайше утверждены представленныя попечителемъ инструкціи директору и ректору казанскаго университета.

Въ нихъ указана цѣль университета: она состоитъ въ воспитаніи вѣрныхъ сыновъ православныя церкви, вѣрныхъ подданныхъ Государю, добрыхъ и полезныхъ гражданъ отечеству. Въ нихъ ограждено твердымъ образомъ преподаваніе всѣхъ университетскихъ наукъ отъ вольнодумства и вліянія духа времени. Въ воспоминаніе сего важнаго событія для казанскаго университета, съ дозволенія министерства, установлено праздновать 17-ое января ежегодно, какъ день обновленія онаго.

Обличены,—состоящія, обыкновенно, въ томъ, что въ людяхъ есть природная свобода и равенство, что власть царская происходитъ не отъ Бога, а отъ договора съ народомъ, что бракъ есть, просто, условіе между сочетающимися для произведенія дѣтей, а не таинство, какъ церковь учитъ и пр.,—разрушительныя начала науки права естественнаго и поставлены въ приличныя границы.

Изъ наукъ философскихъ исторію философскихъ системъ положено читать въ смыслѣ обличительномъ. Мѣра сія распространена на округъ.

Библіотеки училищъ казанскаго округа разсмотрѣны. Вредныя изъ книгъ, пріобрѣтенныя въ прежнее управленіе, запрещены, запечатаны и хранятся особо.

По недостатку въ хорошихъ учителяхъ по военно-сиротскимъ отдѣленіямъ, воспитанники оныхъ обучаются въ учебныхъ заведеніяхъ казанскаго округа, для приготовленія къ учительскимъ должностямъ. Сверхъ предметовъ, назначенныхъ военнымъ начальствомъ, попечитель испросилъ разрѣшеніе обучать кантонистовъ закону Божію, съ тѣмъ, что бы они за успѣхи въ ономъ награждаемы были книгами священнаго писанія. Мѣра сія имѣла важныя послѣдствія. Кантонисты, получивъ сіе ободреніе, при успѣхахъ по другимъ предметамъ въ законоученіи оказали отличнѣйшіе. Въ казанской гимназіи кантонисты до того, вообще, успѣли, что признаны были достойными къ поступленію въ университетъ. Хотя сіе распоряженіе не могло быть приведено въ дѣйство по правилу, военнымъ начальствомъ принятому для образованія кантонистовъ, но тѣмъ не меньшую дѣлаетъ честь учебному вѣдомству.

Въ разсужденіи иностранцевъ, содержащихъ пансіоны, гувернеровъ и пріемлющихъ обязанности наставниковъ юношества, приняты по всему округу надлежащія мѣры, что бы никто изъ нихъ, безъ установленныхъ свидѣтельствъ о знаніи ихъ и безъ удостовѣренія о нравственныхъ свойствахъ, не былъ допускаемъ къ воспитанію дѣтей.

Вмѣсто газеты „Казанскія Извѣстія" положено издавать при казанскомъ университетѣ, съ высочайшаго соизволенія, журналъ подъ названіемъ „Казанскій Вѣстникъ".

1821 годъ.

Увеличено число казеннокоштныхъ студентовъ десятью для факультетовъ словеснаго и физико-математическаго, а для медицинскаго до сорока студентовъ.

Для строеній казанскаго университета испрошено 619821 рубль.

Библіотека казанскаго университета описана надлежащимъ образомъ и повѣрена съ актами.

Для наблюденія за ходомъ и благоустройствомъ сибирскихъ училищъ, какъ самыхъ отдаленныхъ отъ университета, опредѣленъ визитаторъ статск. сов. Словцовъ, который и исполняетъ свое дѣло наилучшимъ образомъ.

Кабинетъ рѣдкостей университета умноженъ прекраснѣйшимъ собраніемъ монетъ и медалей греческихъ, римскихъ и восточныхъ.

Частные и публичные экзамены, сіе достовѣрнѣйшее свидѣтельство, что преподаваніе и изученіе наукъ идутъ согласно съ уставами, доведены въ семъ году до надлежащей строгости, ибо къ нимъ допускаются только воспитанники добрыхъ правилъ и при испытаніяхъ сихъ правильность и безпристрастіе ограждены всѣми возможными средствами. Сія важная мѣра, прекративъ легкіе способы получать незаслуженно ученыя степени, однимъ знаніямъ по закону принадлежащія, возвратила уче-

По недостатку въ хорошихъ учителяхъ по военно-сиротскимъ отдѣленіямъ, воспитанники оныхъ обучаются въ учебныхъ заведеніяхъ казанскаго округа, для приготовленія къ учительскимъ должностямъ. Сверхъ предметовъ, назначенныхъ военнымъ начальствомъ, попечитель испросилъ разрѣшеніе обучать кантонистовъ закону Божію, съ тѣмъ, что бы они за успѣхи въ ономъ награждаемы были книгами священнаго писанія. Мѣра сія имѣла важныя послѣдствія. Кантонисты, получивъ сіе ободреніе, при успѣхахъ по другимъ предметамъ въ законоученіи оказали отличнѣйшіе. Въ казанской гимназіи кантонисты до того, вообще, успѣли, что признаны были достойными къ поступленію въ университетъ. Хотя сіе распоряженіе не могло быть приведено въ дѣйство по правилу, военнымъ начальствомъ принятому для образованія кантонистовъ, но тѣмъ не меньшую дѣлаетъ честь учебному вѣдомству.

Въ разсужденіи иностранцевъ, содержащихъ пансіоны, гувернеровъ и пріемлющихъ обязанности наставниковъ юношества, приняты по всему округу надлежащія мѣры, что бы никто изъ нихъ, безъ установленныхъ свидѣтельствъ о знаніи ихъ и безъ удостовѣренія о нравственныхъ свойствахъ, не былъ допускаемъ къ воспитанію дѣтей.

Вмѣсто газеты „Казанскія Извѣстія" положено издавать при казанскомъ университетѣ, съ высочайшаго соизволенія, журналъ подъ названіемъ „Казанскій Вѣстникъ".

1821 годъ.

Увеличено число казеннокоштныхъ студентовъ десятью для факультетовъ словеснаго и физико-математическаго, а для медицинскаго до сорока студентовъ.

Для строеній казанскаго университета испрошено 619821 рубль.

Библіотека казанскаго университета описана надлежащимъ образомъ и повѣрена съ актами.

Для наблюденія за ходомъ и благоустройствомъ сибирскихъ училищъ, какъ самыхъ отдаленныхъ отъ университета, опредѣленъ визитаторъ статск. сов. Словцовъ, который и исполняетъ свое дѣло наилучшимъ образомъ.

Кабинетъ рѣдкостей университета умноженъ прекраснѣйшимъ собраніемъ монетъ и медалей греческихъ, римскихъ и восточныхъ.

Частные и публичные экзамены, сіе достовѣрнѣйшее свидѣтельство, что преподаваніе и изученіе наукъ идутъ согласно съ уставами, доведены въ семъ году до надлежащей строгости, ибо къ нимъ допускаются только воспитанники добрыхъ правилъ и при испытаніяхъ сихъ правильность и безпристрастіе ограждены всѣми возможными средствами. Сія важная мѣра, прекративъ легкіе способы получать незаслуженно ученыя степени, однимъ знаніямъ по закону принадлежащія, возвратила уче-

нымъ званіямъ ихъ цѣну и смыла бывшія въ публикѣ по сему предмету на университетъ нареканія.

Для отданія должной справедливости достойнѣйшимъ студентамъ и возбужденія благородной ревности къ доброму поведенію и наукамъ, испрошено высочайшее дозволеніе выдавать ежегодно въ награду одну золотую и четыре серебряныя медали, представляющія эмблемму и девизъ университета, — изображеніе креста и надпись: „Во свѣтѣ Твоемъ узримъ Свѣтъ".

По принятому попечителемъ правилу имѣть всегда вѣрныя свѣдѣнія, независимо отъ дѣлъ текущихъ, что учебныя заведенія казанскаго округа идутъ успѣшно, какъ въ нравственномъ, такъ и въ учебномъ отношеніи, осмотръ училищъ въ каждомъ году былъ продолжаемъ. Посему, во время вакацій, ректоръ университета осмотрѣлъ, во всей строгости визитатора, училища симбирской, пензенской, тамбовской, нижегородской и, частью, казанской губерній.

Для медицинскихъ студентовъ куплены хирургическіе и анатомическіе инструменты. Студенты сіи, подъ руководствомъ прозектора анатоміи, сдѣлали препараты нервовъ и кровеносныхъ сосудовъ на обѣихъ оконечностяхъ (sic) тѣла человѣческаго и собрали нѣсколько лучшихъ экземпляровъ человѣческихъ костей.

По представленію попечителя казанскаго учебнаго округа исключенъ, по высочайшему повелѣнію, изъ почетныхъ членовъ университета избранный въ оные до 1819 года членъ національнаго парижскаго института Грегуаръ, отрекшійся во время французской революціи отъ Христа епископъ и одинъ изъ осудившихъ на смерть короля.

Министерство утвердило мѣры попечителя казанскаго учебнаго округа объ изъятіи изъ библіотекъ училищныхъ самой опаснѣйшей книги подъ названіемъ „Размышляющій человѣкъ", напечатанной въ Москвѣ, 1803-го года, иждивеніемъ генерала Ермолова.

1822 годъ.

Испрошено, по представленію попечителя, высочайшее соизволеніе на уничтоженіе положенной, по уставу казанскаго университета, кафедры сельскаго домоводства. Вмѣсто оной и двухъ кафедръ правъ, вошедшихъ, на основаніи инструкціи ректору университета, въ составъ одной кафедры правъ, дозволено учредить кафедру французской литературы, на общемъ положеніи съ другими, съ тѣмъ, что бы остающіяся 4 тыс. рублей употреблены были на прибавку къ окладамъ учителей французскаго языка въ тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ собственныя суммы для сего недостаточны.

Изъ омскаго азіятскаго училища поступили въ казанскую гимназію для обученія восточнымъ языкамъ шесть учениковъ, со взносомъ за каждаго по 600 рублей въ годъ на содержаніе ихъ и съ тѣмъ, что бы они,

нымъ званіямъ ихъ цѣну и смыла бывшія въ публикѣ по сему предмету на университетъ нареканія.

Для отданія должной справедливости достойнѣйшимъ студентамъ и возбужденія благородной ревности къ доброму поведенію и наукамъ, испрошено высочайшее дозволеніе выдавать ежегодно въ награду одну золотую и четыре серебряныя медали, представляющія эмблемму и девизъ университета, — изображеніе креста и надпись: „Во свѣтѣ Твоемъ узримъ Свѣтъ“.

По принятому попечителемъ правилу имѣть всегда вѣрныя свѣдѣнія, независимо отъ дѣлъ текущихъ, что учебныя заведенія казанскаго округа идутъ успѣшно, какъ въ нравственномъ, такъ и въ учебномъ отношеніи, осмотръ училищъ въ каждомъ году былъ продолжаемъ. Посему, во время вакацій, ректоръ университета осмотрѣлъ, во всей строгости визитатора, училища симбирской, пензенской, тамбовской, нижегородской и, частью, казанской губерній.

Для медицинскихъ студентовъ куплены хирургическіе и анатомическіе инструменты. Студенты сіи, подъ руководствомъ прозектора анатоміи, сдѣлали препараты нервовъ и кровеносныхъ сосудовъ на обѣихъ оконечностяхъ (sic) тѣла человѣческаго и собрали нѣсколько лучшихъ экземпляровъ человѣческихъ костей.

По представленію попечителя казанскаго учебнаго округа исключенъ, по высочайшему повелѣнію, изъ почетныхъ членовъ университета избранный въ оные до 1819 года членъ національнаго парижскаго института Грегуаръ, отрекшійся во время французской революціи отъ Христа епископъ и одинъ изъ осудившихъ на смерть короля.

Министерство утвердило мѣры попечителя казанскаго учебнаго округа объ изъятіи изъ библіотекъ училищныхъ самой опаснѣйшей книги подъ названіемъ „Размышляющій человѣкъ“, напечатанной въ Москвѣ, 1803-го года, иждивеніемъ генерала Ермолова.

1822 годъ.

Испрошено, по представленію попечителя, высочайшее соизволеніе на уничтоженіе положенной, по уставу казанскаго университета, кафедры сельскаго домоводства. Вмѣсто оной и двухъ кафедръ правъ, вошедшихъ, на основаніи инструкціи ректору университета, въ составъ одной кафедры правъ, дозволено учредить кафедру французской литературы, на общемъ положеніи съ другими, съ тѣмъ, что бы остающіяся 4 тыс. рублей употреблены были на прибавку къ окладамъ учителей французскаго языка въ тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ собственныя суммы для сего недостаточны.

Изъ омскаго азіятскаго училища поступили въ казанскую гимназію для обученія восточнымъ языкамъ шесть учениковъ, со взносомъ за каждаго по 600 рублей въ годъ на содержаніе ихъ и съ тѣмъ, что бы они,

какъ приготовляемые въ переводчики и учители сихъ языковъ, могли поступить, по окончаніи гимназическаго курса, въ казанскій университетъ.

Для перевода всеобщей исторіи Роллена составленъ комитетъ изъ профессоровъ Городчанинова, Баженова, Булыгина и Суровцова.

Дабы видѣть, въ такомъ ли направленіи идутъ преподаванія университетскихъ наукъ, какое предписано въ инструкціи ректору университета, представлены были въ семъ году конспекты, до начатія курсовъ, и съ одобреніемъ возвращены. Слѣдовательно, мѣра, принятая министерствомъ въ разсужденіи требованія профессорскихъ обозрѣній, въ казанскомъ университетѣ два года уже продолжается. Сверхъ сего составлены особыя инструкціи по многимъ кафедрамъ, для руководства оными въ преподаваніи.

Въ медицинскомъ факультетѣ составлена, по желанію сибирскаго военнаго начальства, инструкція въ руководство тамошнихъ ветеринарныхъ врачей для исцѣленія случающейся въ Сибири язвы, съ указаніемъ причинъ и пользованія оной.

Профессоръ Эрдманъ издалъ весьма полезныя сочиненія по части древностей восточныхъ языковъ: 1) Вступленіе къ дополненію арабскаго лексикона, изданнаго Вильмеціемъ, 2) Примѣчанія на арабскую рукопись Таккіедина Магульмеда, содержащую въ себѣ исторію о царяхъ, калифахъ и шерифахъ меккской имперіи. Сія послѣдняя рукопись, открытая и разобранная профессоромъ Эрдманомъ, вовсе не была извѣстна ученому свѣту. Въ ней, между прочимъ, упоминается о россійскомъ посольствѣ, отправленномъ въ 1605-мъ году къ персидскому шаху.

Профессоръ Баженовъ издалъ превосходное сочиненіе подъ названіемъ: „Опытъ историческаго разсужденія о дѣйствіяхъ Божія Промысла въ устроеніи царствъ земныхъ и народовъ".

Музеумъ и кабинетъ естественной исторіи обогатились приношеніями профессора Симонова, возвратившагося въ семъ году изъ морского путешествія. Достойно примѣчанія, что между сими рѣдкостями, собранными во всѣхъ странахъ свѣта, принесенъ въ даръ казанскому университету значокъ, отличающій лодку начальника острова Оно. Казанскій университетъ, воспользовавшись симъ случаемъ, сдѣлалъ разсужденіе, что значокъ сей, составляющій родъ знамени, которое отличаетъ начальника жителей дикаго острова, вопреки всѣмъ неистовымъ теоріямъ естественнаго права о равенствѣ и безначаліи человѣка доказалъ, что истинные сыны природы, открытые предъ глазами нашими дикіе, совсѣмъ иначе мыслятъ и присылаютъ намъ неоспоримый знакъ ихъ покорности естественному единодержавію. Разсужденіе сіе напечатано въ „Казанскомъ Вѣстникѣ".

Куплено изъ собственныхъ университетскихъ суммъ важное собраніе минераловъ за 30 тысячъ рублей, изъ коихъ, по составленіи для университета полнаго кабинета, остальными предположено снабдить казанскую и другія гимназіи.

какъ приготовляемые въ переводчики и учители сихъ языковъ, могли поступить, по окончаніи гимназическаго курса, въ казанскій университетъ.

Для перевода всеобщей исторіи Роллена составленъ комитетъ изъ профессоровъ Городчанинова, Баженова, Булыгина и Суровцова.

Дабы видѣть, въ такомъ ли направленіи идутъ преподаванія университетскихъ наукъ, какое предписано въ инструкціи ректору университета, представлены были въ семъ году конспекты, до начатія курсовъ, и съ одобреніемъ возвращены. Слѣдовательно, мѣра, принятая министерствомъ въ разсужденіи требованія профессорскихъ обозрѣній, въ казанскомъ университетѣ два года уже продолжается. Сверхъ сего составлены особыя инструкціи по многимъ кафедрамъ, для руководства оными въ преподаваніи.

Въ медицинскомъ факультетѣ составлена, по желанію сибирскаго военнаго начальства, инструкція въ руководство тамошнихъ ветеринарныхъ врачей для исцѣленія случающейся въ Сибири язвы, съ указаніемъ причинъ и пользованія оной.

Профессоръ Эрдманъ издалъ весьма полезныя сочиненія по части древностей восточныхъ языковъ: 1) Вступленіе къ дополненію арабскаго лексикона, изданнаго Вильмеціемъ, 2) Примѣчанія на арабскую рукопись Таккіедина Магульмеда, содержащую въ себѣ исторію о царяхъ, калифахъ и шерифахъ меккской имперіи. Сія послѣдняя рукопись, открытая и разобранная профессоромъ Эрдманомъ, вовсе не была извѣстна ученому свѣту. Въ ней, между прочимъ, упоминается о россійскомъ посольствѣ, отправленномъ въ 1605-мъ году къ персидскому шаху.

Профессоръ Баженовъ издалъ превосходное сочиненіе подъ названіемъ: „Опытъ историческаго разсужденія о дѣйствіяхъ Божія Промысла въ устроеніи царствъ земныхъ и народовъ".

Музеумъ и кабинетъ естественной исторіи обогатились приношеніями профессора Симонова, возвратившагося въ семъ году изъ морского путешествія. Достойно примѣчанія, что между сими рѣдкостями, собранными во всѣхъ странахъ свѣта, принесенъ въ даръ казанскому университету значокъ, отличающій лодку начальника острова Оно. Казанскій университетъ, воспользовавшись симъ случаемъ, сдѣлалъ разсужденіе, что значокъ сей, составляющій родъ знамени, которое отличаетъ начальника жителей дикаго острова, вопреки всѣмъ неистовымъ теоріямъ естественнаго права о равенствѣ и безначаліи человѣка доказалъ, что истинные сыны природы, открытые предъ глазами нашими дикіе, совсѣмъ иначе мыслятъ и присылаютъ намъ неоспоримый знакъ ихъ покорности естественному единодержавію. Разсужденіе сіе напечатано въ „Казанскомъ Вѣстникѣ".

Куплено изъ собственныхъ университетскихъ суммъ важное собраніе минераловъ за 30 тысячъ рублей, изъ коихъ, по составленіи для университета полнаго кабинета, остальными предположено снабдить казанскую и другія гимназіи.

Дабы можно было имѣть положительное свѣдѣніе, что преподаваніе закона Божія, какъ предмета особенной важности въ народномъ воспитаніи, идетъ съ единообразнымъ успѣхомъ во всѣхъ, вообще, училищахъ округа и согласно съ ученіемъ церкви, при испытаніяхъ въ законоученіи установлено, по сношенію казанскаго университета съ мѣстными епархіальными вѣдомствами, присутствіе довѣренныхъ духовныхъ лицъ, въ университетѣ же производитъ ихъ самъ преосвященный казанскій.

Испрошено дозволеніе на положеніе казеннокоштнымъ воспитанникамъ, содержимымъ при гимназіяхъ казанскаго округа, по 370-ти рублей въ годъ и единовременно, на обзаведеніе, до 160-ти рублей.

Испрошено высочайшее соизволеніе, по представленію попечителя, на присвоеніе учителямъ казанской гимназіи тѣхъ же правъ и преимуществъ, коими пользуются учители прочихъ учебныхъ заведеній.

Для церкви университета казанскаго вырѣзанъ и написанъ здѣсь иконостасъ.

Для искупленія плѣнныхъ грековъ собрана весьма значительная сумма и, большею частью, отъ воспитанниковъ.

Назначенными отъ попечителя чиновниками строжайше осмотрѣна казанская гимназія во всѣхъ частяхъ ея управленія и послѣдствія сего осмотра были доведены до свѣдѣнія министерства.

1823 годъ.

Испрошено высочайшее соизволеніе на покупку для казанскаго университета физическихъ и астрономическихъ инструментовъ на 40 тысячъ рублей, изъ хозяйственныхъ суммъ университета. Для заказа сихъ инструментовъ, въ первыхъ рукахъ художниковъ оныхъ, и для распространенія сношеній казанскаго университета съ иностранными— отправлены были въ чужіе края ординарные профессоры Симоновъ и Купферъ. Профессоръ Купферъ уже возвратился, а г. Симоновъ отправляетъ помянутые выше инструменты, изъ коихъ физическіе уже получены.

Его величество императоръ австрійскій соизволилъ принять титло (sic) доктора правъ казанскаго университета, поднесенное онымъ въ знакъ высокопочитанія своего и глубочайшей благодарности за всемилостивѣйшее благоволеніе, сему университету оказанное при заказѣ въ вѣнскомъ политехническомъ институтѣ, уменьшеніемъ цѣнъ на оные, астрономическихъ инструментовъ.

Для кафедры греческаго языка опредѣленъ профессоромъ природный грекъ Мистаки.

Въ казанскую гимназію опредѣлены на казенное содержаніе трое малолѣтнихъ грековъ, привезенныхъ изъ Константинополя въ Одессу. Они суть дѣти побитыхъ турками хіосцевъ, претерпѣвшихъ мученичество за твердость въ вѣрѣ христіанской. Примѣтить надобно, что сіе важное и нечаянное пріобрѣтеніе трехъ малолѣтнихъ исповѣдниковъ остро-

Дабы можно было имѣть положительное свѣдѣніе, что преподаваніе закона Божія, какъ предмета особенной важности въ народномъ воспитаніи, идетъ съ единообразнымъ успѣхомъ во всѣхъ, вообще, училищахъ округа и согласно съ ученіемъ церкви, при испытаніяхъ въ законоученіи установлено, по сношенію казанскаго университета съ мѣстными епархіальными вѣдомствами, присутствіе довѣренныхъ духовныхъ лицъ, въ университетѣ же производитъ ихъ самъ преосвященный казанскій.

Испрошено дозволеніе на положеніе казеннокоштнымъ воспитанникамъ, содержимымъ при гимназіяхъ казанскаго округа, по 370-ти рублей въ годъ и единовременно, на обзаведеніе, до 160-ти рублей.

Испрошено высочайшее соизволеніе, по представленію попечителя, на присвоеніе учителямъ казанской гимназіи тѣхъ же правъ и преимуществъ, коими пользуются учители прочихъ учебныхъ заведеній.

Для церкви университета казанскаго вырѣзанъ и написанъ здѣсь иконостасъ.

Для искупленія плѣнныхъ грековъ собрана весьма значительная сумма и, большею частью, отъ воспитанниковъ.

Назначенными отъ попечителя чиновниками строжайше осмотрѣна казанская гимназія во всѣхъ частяхъ ея управленія и послѣдствія сего осмотра были доведены до свѣдѣнія министерства.

1823 годъ.

Испрошено высочайшее соизволеніе на покупку для казанскаго университета физическихъ и астрономическихъ инструментовъ на 40 тысячъ рублей, изъ хозяйственныхъ суммъ университета. Для заказа сихъ инструментовъ, въ первыхъ рукахъ художниковъ оныхъ, и для распространенія сношеній казанскаго университета съ иностранными— отправлены были въ чужіе края ординарные профессоры Симоновъ и Купферъ. Профессоръ Купферъ уже возвратился, а г. Симоновъ отправляетъ помянутые выше инструменты, изъ коихъ физическіе уже получены.

Его величество императоръ австрійскій соизволилъ принять титло (sic) доктора правъ казанскаго университета, поднесенное онымъ въ знакъ высокопочитанія своего и глубочайшей благодарности за всемилостивѣйшее благоволеніе, сему университету оказанное при заказѣ въ вѣнскомъ политехническомъ институтѣ, уменьшеніемъ цѣнъ на оные, астрономическихъ инструментовъ.

Для кафедры греческаго языка опредѣленъ профессоромъ природный грекъ Мистаки.

Въ казанскую гимназію опредѣлены на казенное содержаніе трое малолѣтнихъ грековъ, привезенныхъ изъ Константинополя въ Одессу. Они суть дѣти побитыхъ турками хіосцевъ, претерпѣвшихъ мученичество за твердость въ вѣрѣ христіанской. Примѣтить надобно, что сіе важное и нечаянное пріобрѣтеніе трехъ малолѣтнихъ исповѣдниковъ остро-

ва Хіо—есть какъ бы награда казанскому округу, жертвовавшему съ такимъ усердіемъ, во всѣхъ его предѣлахъ, на искупленіе хіосцевъ изъ жестокаго плѣна турокъ.

Къ числу особенныхъ ученыхъ занятій принадлежитъ, по важности своихъ послѣдствій, путешествіе ректора и профессора Фукса къ уральскимъ золотосодержащимъ пескамъ съ г. сенаторомъ Соймоновымъ. Г. Фуксъ наблюденіями своими открылъ, что въ золотыхъ пескахъ сихъ находятся многіе американскіе металлы, какъ то — платина и иридіа, и весьма любопытный драгоцѣнный камень южной Индіи—корунтъ. Къ увѣнчанію же важныхъ изысканій своихъ онъ открылъ новый видъ кристалловъ изъ фамиліи сапфировъ, находящійся въ гранитахъ и назвалъ его „соймонитомъ" въ честь ученаго минералога (?) г. сенатора Соймонова.

Профессоръ Эйхвальдъ, отправляемый для изслѣдованія и описанія малоизвѣстнаго естественнаго положенія восточнаго берега Каспійскаго моря, издалъ сочиненіе, въ коемъ собралъ все то, что было писано любопытнаго о семъ морѣ и изложилъ тѣ уваженія, по коимъ нужно снова осмотрѣть оное.

Профессоръ Тимьянскій назначенъ естественноиспытателемъ на военномъ шлюпѣ къ колоніямъ россійско-американской компаніи.

Профессоръ Эрдманъ разсмотрѣлъ и описалъ примѣчательнѣйшія изъ монетъ арабскихъ, персидскихъ, турецкихъ, татарскихъ и монгольскихъ, которыя университетъ въ разное время пріобрѣлъ.

У ректора казанскаго университета Фукса куплено прекраснѣйшее и единственное въ своемъ родѣ собраніе монголо-татарскихъ монетъ за 12 тысячъ рублей. Оно заключаетъ въ себѣ полную исторію обширнаго края, принадлежавшаго нѣкогда владѣніямъ Чингисъ-Хана и нынѣ находящагося въ казанскомъ учебномъ округѣ.

Куплено весьма значительное собраніе окаменѣлостей за 1700 рублей.

Для кабинета минералогическаго пріобрѣтены 360 штуфовъ тирольскихъ породъ.

Зоотомическій кабинетъ, получившій начало свое изъ немногихъ остатковъ кабинета князя Потемкина-Таврическаго, увеличенъ трудами профессоровъ Тимьянскаго и Эйхвальда, которые собрали нарочито многихъ животныхъ отечественныхъ.

Изъ С.-Петербургской академіи наукъ, по ходатайству попечителя, испрошены кожа и кости слона для казанскаго университета.

Для ботаническаго кабинета куплено въ Горенкахъ, подмосковной графа Разумовскаго, тысячи породъ зимующихъ въ грунту растеній, изъ числа коихъ 600 экземпляровъ уже доставлены.

Въ клиникѣ занимались 8 студентовъ, приготовлявшихся для званія врачей, подъ руководствомъ ордин. профессора Фогеля и адъюнкта Пелатье, леченіемъ самыхъ опасныхъ болѣзней. Чистота сего заведенія, хорошая пища и неусыпное пользованіе больныхъ могутъ служить, безъ

ва Хіо—есть какъ бы награда казанскому округу, жертвовавшему съ такимъ усердіемъ, во всѣхъ его предѣлахъ, на искупленіе хіосцевъ изъ жестокаго плѣна турокъ.

Къ числу особенныхъ ученыхъ занятій принадлежитъ, по важности своихъ послѣдствій, путешествіе ректора и профессора Фукса къ уральскимъ золотосодержащимъ пескамъ съ г. сенаторомъ Соймоновымъ. Г. Фуксъ наблюденіями своими открылъ, что въ золотыхъ пескахъ сихъ находятся многіе американскіе металлы, какъ то — платина и иридіа, и весьма любопытный драгоцѣнный камень южной Индіи—корунтъ. Къ увѣнчанію же важныхъ изысканій своихъ онъ открылъ новый видъ кристалловъ изъ фамиліи сапфировъ, находящійся въ гранитахъ и назвалъ его „соймонитомъ“ въ честь ученаго минералога (?) г. сенатора Соймонова.

Профессоръ Эйхвальдъ, отправляемый для изслѣдованія и описанія малоизвѣстнаго естественнаго положенія восточнаго берега Каспійскаго моря, издалъ сочиненіе, въ коемъ собралъ все то, что было писано любопытнаго о семъ морѣ и изложилъ тѣ уваженія, по коимъ нужно снова осмотрѣть оное.

Профессоръ Тимьянскій назначенъ естественноиспытателемъ на военномъ шлюпѣ къ колоніямъ россійско-американской компаніи.

Профессоръ Эрдманъ разсмотрѣлъ и описалъ примѣчательнѣйшія изъ монетъ арабскихъ, персидскихъ, турецкихъ, татарскихъ и монгольскихъ, которыя университетъ въ разное время пріобрѣлъ.

У ректора казанскаго университета Фукса куплено прекраснѣйшее и единственное въ своемъ родѣ собраніе монголо-татарскихъ монетъ за 12 тысячъ рублей. Оно заключаетъ въ себѣ полную исторію обширнаго края, принадлежавшаго нѣкогда владѣніямъ Чингисъ-Хана и нынѣ находящагося въ казанскомъ учебномъ округѣ.

Куплено весьма значительное собраніе окаменѣлостей за 1700 рублей.

Для кабинета минералогическаго пріобрѣтены 360 штуфовъ тирольскихъ породъ.

Зоотомическій кабинетъ, получившій начало свое изъ немногихъ остатковъ кабинета князя Потемкина-Таврическаго, увеличенъ трудами профессоровъ Тимьянскаго и Эйхвальда, которые собрали нарочито многихъ животныхъ отечественныхъ.

Изъ С.-Петербургской академіи наукъ, по ходатайству попечителя, испрошены кожа и кости слона для казанскаго университета.

Для ботаническаго кабинета куплено въ Горенкахъ, подмосковной графа Разумовскаго, тысячи породъ зимующихъ въ грунту растеній, изъ числа коихъ 600 экземпляровъ уже доставлены.

Въ клиникѣ занимались 8 студентовъ, приготовлявшихся для званія врачей, подъ руководствомъ ордин. профессора Фогеля и адъюнкта Пелатье, леченіемъ самыхъ опасныхъ болѣзней. Чистота сего заведенія, хорошая пища и неусыпное пользованіе больныхъ могутъ служить, безъ

всякаго преувеличенія, примѣромъ для госпиталей въ Казани. Удостовѣреніемъ сему служитъ то, что изъ 200 больныхъ самыхъ опасныхъ въ теченіи года не умерло болѣе пяти человѣкъ.

1824 годъ.

Ректоръ казанскаго университета Фуксъ, бывшій съ г. сенаторомъ Соймоновымъ для открытія новыхъ пріисковъ золота въ пескахъ у Екатеринбурга, пожертвовалъ для кабинета натуральной исторіи красивѣйшіе классическіе образцы аквамариновъ, аметистовъ и малиновыхъ шерловъ.

Для кабинета минералогическаго ректоръ Фуксъ пожертвовалъ полное и единственное въ своемъ родѣ собраніе всѣхъ образцовъ разнородныхъ пріисковъ золотосодержащихъ песковъ Уральскаго хребта.

Для кабинета естественной исторіи куплено у аббата де-Грандидье собраніе сухихъ растеній—800 родовъ, 3200 видовъ, въ 40 экземплярахъ, въ дополненіе въ университетѣ находящагося собранія сего рода.

Ректоръ Фуксъ и профессоръ Эйхвальдъ осматривали въ Казани военный госпиталь, нашли причину большой смертности въ немъ и, въ мнѣніи ихъ, изложили средства къ прекращенію оной.

Главное строеніе казанскаго университета, состоящее въ соединеніи двухъ домовъ — главнаго корпуса съ тенишевскимъ домомъ, приведено къ окончанію и отстроена церковь.

Осмотръ училищъ, какъ мѣра необходимая для совершенной извѣстности правильнаго ихъ существованія, производился въ семъ году такъ же неослабно, какъ и въ предшествовавшихъ. Осмотрѣны училища пензенской, оренбургской, нижегородской, саратовской губерній, осматривались училища восточной Сибири визитаторомъ оныхъ ст. сов. Словцовымъ.

Ординарный профессоръ Тимьянскій, назначенный въ 1823 году естествоиспытателемъ на военномъ шлюпѣ „Смирный“ къ колоніямъ россійско-американской компаніи, дѣйствительно отправился въ сіе путешествіе въ сентябрѣ мѣсяцѣ текущаго года.

Ординарный профессоръ Купферъ, бывшій въ чужихъ краяхъ для пріобрѣтенія физическихъ и астрономическихъ инструментовъ, установилъ тамъ постоянныя сношенія съ извѣстными учеными по части физики, химіи и натуральной исторіи. Профессоръ Блохманъ изъявилъ желаніе дѣлать мѣну съ казанскимъ университетомъ на минералы, получаемые изъ Сибири, что уже и исполнено.

Ординарный профессоръ Симоновъ, находившійся по той же причинѣ въ Парижѣ, установилъ съ тамошними учеными сношенія относительно астрономіи и математики, вслѣдствіе которыхъ извѣстный издатель журнала баронъ Феризакъ просилъ казанскій университетъ сообщать ему всѣ его дѣйствія къ распространенію просвѣщенія, на духѣ религіи осно-

всякаго преувеличенія, примѣромъ для госпиталей въ Казани. Удостовѣреніемъ сему служитъ то, что изъ 200 больныхъ самыхъ опасныхъ въ теченіи года не умерло болѣе пяти человѣкъ.

1824 годъ.

Ректоръ казанскаго университета Фуксъ, бывшій съ г. сенаторомъ Соймоновымъ для открытія новыхъ пріисковъ золота въ пескахъ у Екатеринбурга, пожертвовалъ для кабинета натуральной исторіи красивѣйшіе классическіе образцы аквамариновъ, аметистовъ и малиновыхъ шерловъ.

Для кабинета минералогическаго ректоръ Фуксъ пожертвовалъ полное и единственное въ своемъ родѣ собраніе всѣхъ образцовъ разнородныхъ пріисковъ золотосодержащихъ песковъ Уральскаго хребта.

Для кабинета естественной исторіи куплено у аббата де-Грандидье собраніе сухихъ растеній—800 родовъ, 3200 видовъ, въ 40 экземплярахъ, въ дополненіе въ университетѣ находящагося собранія сего рода.

Ректоръ Фуксъ и профессоръ Эйхвальдъ осматривали въ Казани военный госпиталь, нашли причину большой смертности въ немъ и, въ мнѣніи ихъ, изложили средства къ прекращенію оной.

Главное строеніе казанскаго университета, состоящее въ соединеніи двухъ домовъ — главнаго корпуса съ тенишевскимъ домомъ, приведено къ окончанію и отстроена церковь.

Осмотръ училищъ, какъ мѣра необходимая для совершенной извѣстности правильнаго ихъ существованія, производился въ семъ году такъ же неослабно, какъ и въ предшествовавшихъ. Осмотрѣны училища пензенской, оренбургской, нижегородской, саратовской губерній, осматривались училища восточной Сибири визитаторомъ оныхъ ст. сов. Словцовымъ.

Ординарный профессоръ Тимьянскій, назначенный въ 1823 году естествоиспытателемъ на военномъ шлюпѣ „Смирный“ къ колоніямъ россійско-американской компаніи, дѣйствительно отправился въ сіе путешествіе въ сентябрѣ мѣсяцѣ текущаго года.

Ординарный профессоръ Купферъ, бывшій въ чужихъ краяхъ для пріобрѣтенія физическихъ и астрономическихъ инструментовъ, установилъ тамъ постоянныя сношенія съ извѣстными учеными по части физики, химіи и натуральной исторіи. Профессоръ Блохманъ изъявилъ желаніе дѣлать мѣну съ казанскимъ университетомъ на минералы, получаемые изъ Сибири, что уже и исполнено.

Ординарный профессоръ Симоновъ, находившійся по той же причинѣ въ Парижѣ, установилъ съ тамошними учеными сношенія относительно астрономіи и математики, вслѣдствіе которыхъ извѣстный издатель журнала баронъ Феризакъ просилъ казанскій университетъ сообщать ему всѣ его дѣйствія къ распространенію просвѣщенія, на духѣ религіи осно-

ваннаго, для сообщенія оныхъ всему просвѣщенному свѣту. Сею извѣстностью и честью обязанъ казанскій университетъ профессору Симонову, ибо оный доселѣ столь мало старался объ оглашеніи своихъ дѣйствій, что и въ самомъ Петербургѣ мало объ немъ извѣстно, но въ чужихъ краяхъ онъ гораздо счастливѣе.

Профессоръ Симоновъ, путешествуя около свѣта на морской экспедиціи въ 1819, 1820 и 1821 годахъ, изобрѣлъ во время наблюденій его съ моря новое орудіе для удобнѣйшаго измѣренія высотъ солнца, ибо всѣми донынѣ извѣстными отражательными орудіями не могли измѣрять угловъ болѣе 120-ти градусовъ; инструментъ же г. Симонова можетъ измѣрять углы до 170-ти и болѣе и имѣетъ то преимущество предъ извѣстными донынѣ, что перекрестныя наблюденія взаимно уничтожаютъ всякую невѣрность, могущую произойти отъ призматизма зеркала, въ то время, когда въ секстантахъ невѣрность сія при углѣ 100° простирается до 21″.

Многіе астрономы занимались изобрѣтеніемъ алгебраическихъ формулъ для приведенія видимаго разстоянія Луны и звѣздъ или Солнца въ разстояніе—истинное; лучшая для сего формула и, вообще, всѣми употребляемая, есть астронома Борда. Профессоръ Симоновъ далъ новую формулу, которая, будучи столько же вѣрна, какъ формула Борда, имѣетъ предъ оною превосходство въ простотѣ и удобности для вычисленія.

Онъ изобрѣлъ способъ, взятыя по произволу высоты до и послѣ прохожденія солнца чрезъ меридіанъ, приводить посредствомъ алгебраическаго вычисленія въ соотвѣтствующія высоты и, такимъ образомъ, опредѣлять, безъ обсерваторіи, истинное время, столь необходимое для мореплавателей и проч.

Путешествіе его около свѣта напечатано въ департаментѣ народнаго просвѣщенія, подъ заглавіемъ: „Опредѣленіе географическаго положенія мѣстъ якорнаго стоянія шлюповъ Востока и Мирнаго".

Славный астрономъ въ Италіи баронъ Цахъ, знаменитѣйшій путешественникъ въ свѣтѣ Гумбольдтъ, Фурье, директоръ вѣнской обсерваторіи Литтровъ и прочіе — отлично одобрили вышеозначенныя открытія профессора Симонова. Онъ издалъ въ Парижѣ, на французскомъ языкѣ, сочиненіе о прямомъ способѣ интегрированія; оно принято было парижскою академіею наукъ съ знаками уваженія. Описалъ съ большимъ вниманіемъ лучшія учебныя заведенія, которыя на пути своемъ могъ видѣть, и доставилъ попечителю весьма важныя свѣдѣнія о настоящемъ положеніи учебной части во Франціи.

Испрошено, по представленію попечителя, высочайшее соизволеніе на отправленіе, въ началѣ весны сего года, ордин. профессора Эйхвальда въ Каспійское море, для изслѣдованія и описанія восточнаго берега онаго, еще мало извѣстнаго по естественному его положенію. Профессоръ Эйхвальдъ издалъ сочиненіе о Каспійскомъ морѣ, въ коемъ указалъ всю важность и необходимость предпринимаемаго имъ къ оному путешествію,

ваннаго, для сообщенія оныхъ всему просвѣщенному свѣту. Сею извѣстностью и честью обязанъ казанскій университетъ профессору Симонову, ибо оный доселѣ столь мало старался объ оглашеніи своихъ дѣйствій, что и въ самомъ Петербургѣ мало объ немъ извѣстно, но въ чужихъ краяхъ онъ гораздо счастливѣе.

Профессоръ Симоновъ, путешествуя около свѣта на морской экспедиціи въ 1819, 1820 и 1821 годахъ, изобрѣлъ во время наблюденій его съ моря новое орудіе для удобнѣйшаго измѣренія высотъ солнца, ибо всѣми донынѣ извѣстными отражательными орудіями не могли измѣрять угловъ болѣе 120-ти градусовъ; инструментъ же г. Симонова можетъ измѣрять углы до 170-ти и болѣе и имѣетъ то преимущество предъ извѣстными донынѣ, что перекрестныя наблюденія взаимно уничтожаютъ всякую невѣрность, могущую произойти отъ призматизма зеркала, въ то время, когда въ секстантахъ невѣрность сія при углѣ 100^0 простирается до 21″.

Многіе астрономы занимались изобрѣтеніемъ алгебраическихъ формулъ для приведенія видимаго разстоянія Луны и звѣздъ или Солнца въ разстояніе—истинное; лучшая для сего формула и, вообще, всѣми употребляемая, есть астронома Борда. Профессоръ Симоновъ далъ новую формулу, которая, будучи столько же вѣрна, какъ формула Борда, имѣетъ предъ оною превосходство въ простотѣ и удобности для вычисленія.

Онъ изобрѣлъ способъ, взятыя по произволу высоты до и послѣ прохожденія солнца чрезъ меридіанъ, приводить посредствомъ алгебраическаго вычисленія въ соотвѣтствующія высоты и, такимъ образомъ, опредѣлять, безъ обсерваторіи, истинное время, столь необходимое для мореплавателей и проч.

Путешествіе его около свѣта напечатано въ департаментѣ народнаго просвѣщенія, подъ заглавіемъ: „Опредѣленіе географическаго положенія мѣстъ якорнаго стоянія шлюповъ Востока и Мирнаго".

Славный астрономъ въ Италіи баронъ Цахъ, знаменитѣйшій путешественникъ въ свѣтѣ Гумбольдтъ, Фурье, директоръ вѣнской обсерваторіи Литтровъ и прочіе — отлично одобрили вышеозначенныя открытія профессора Симонова. Онъ издалъ въ Парижѣ, на французскомъ языкѣ, сочиненіе о прямомъ способѣ интегрированія; оно принято было парижскою академіею наукъ съ знаками уваженія. Описалъ съ большимъ вниманіемъ лучшія учебныя заведенія, которыя на пути своемъ могъ видѣть, и доставилъ попечителю весьма важныя свѣдѣнія о настоящемъ положеніи учебной части во Франціи.

Испрошено, по представленію попечителя, высочайшее соизволеніе на отправленіе, въ началѣ весны сего года, ордин. профессора Эйхвальда въ Каспійское море, для изслѣдованія и описанія восточнаго берега онаго, еще мало извѣстнаго по естественному его положенію. Профессоръ Эйхвальдъ издалъ сочиненіе о Каспійскомъ морѣ, въ коемъ указалъ всю важность и необходимость предпринимаемаго имъ къ оному путешествію,

III. Заключеніе Магницкаго.

Пять лѣтъ тому назадъ, когда началось преобразованіе упадавшаго изъ открытаго нечестія казанскаго университета въ заведеніе христіанское, разсѣяно было то заключеніе, что мѣры, тогда принятыя, должны уронить въ семъ округѣ просвѣщеніе; соединеніе вѣры съ науками почиталось невозможнымъ и именовалось, даже—погашеніемъ.

Начальство университета* твердо увѣрено было въ противномъ и, видя въ исторіи, что науки, какъ сохраненіемъ отъ меча и пламени варваровъ, такъ и цвѣтомъ своимъ обязаны одному — христіанству, твердо помнило изрѣченіе великаго Бакона, что „религія есть ароматъ, сохраняющій науки отъ гніенія" и постоянно дѣйствовало въ одномъ направленіи: оно переносило въ молчаніи всѣ тѣ порицанія и клики, которые возбуждали невѣріе, лжеученіе, духъ партій и личности, и чрезъ пять лѣтъ представляетъ слѣдующій отвѣтъ:

1. Всѣ науки въ казанскомъ университетѣ преподаются въ бо́льшей всеобщности (?), нежели въ прочихъ университетахъ.

2. Всѣ науки преподаются въ той же обширности, въ каковой и въ прочихъ лучшихъ университетахъ, но преподаванія наукъ въ казанскомъ университетѣ отличаются отъ прочихъ тѣмъ, что по данному плану, постановленному надзору и по доброму духу преподавателей, не только не заражены ни вольнодумствомъ, ни лжеученіемъ, но устремлены совокупно къ одной цѣли — къ образованію вѣрныхъ сыновъ церкви и вѣрныхъ подданныхъ Государю.

3. Число профессоровъ и адъюнктовъ, бывшее въ 1819 году—15, нынѣ простирается до 28-ми.

4. Число студентовъ, бывшее тогда—63, нынѣ умножилось болѣе 100.

5. Разоренная казанская гимназія требовала ежегодно большихъ суммъ на содержаніе къ штатному ея положенію, въ коей въ 1819 году было до 167, а теперь болѣе 250-ти воспитанниковъ; имѣетъ нынѣ отъ собственныхъ своихъ доходовъ остатки, ибо число пансіонеровъ возросло отъ 26-ти до 60-ти.

6. Казанскій университетъ первый отправилъ перваго русскаго астронома на экспедиціи кругомъ свѣта. Почему не дѣлаютъ сіе другіе? И даже не могла сдѣлать академія наукъ.

7. Казанскій университетъ установилъ связи, переписку и даже обмѣнъ минеральныхъ произведеній съ разными учеными лицами Германіи и Франціи.

8. Казанскимъ университетомъ занимаются ученыя сословія просвѣщеннѣйшихъ государствъ, между тѣмъ какъ въ журналѣ русскомъ

---

* Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ, уже извѣстныхъ намъ, случаяхъ Магницкій дѣлаетъ неудачную попытку замаскировать свою личную инціативу—авторитетомъ университета.

III. Заключеніе Магницкаго.

Пять лѣтъ тому назадъ, когда началось преобразованіе упадавшаго изъ открытаго нечестія казанскаго университета въ заведеніе христіанское, разсѣяно было то заключеніе, что мѣры, тогда принятыя, должны уронить въ семъ округѣ просвѣщеніе; соединеніе вѣры съ науками почиталось невозможнымъ и именовалось, даже—погашеніемъ.

Начальство университета * твердо увѣрено было въ противномъ и, видя въ исторіи, что науки, какъ сохраненіемъ отъ меча и пламени варваровъ, такъ и цвѣтомъ своимъ обязаны одному — христіанству, твердо помнило изрѣченіе великаго Бакона, что „религія есть ароматъ, сохраняющій науки отъ гніенія" и постоянно дѣйствовало въ одномъ направленіи: оно переносило въ молчаніи всѣ тѣ порицанія и клики, которые возбуждали невѣріе, лжеученіе, духъ партій и личности, и чрезъ пять лѣтъ представляетъ слѣдующій отвѣтъ:

1. Всѣ науки въ казанскомъ университетѣ преподаются въ бóльшей всеобщности (?), нежели въ прочихъ университетахъ.

2. Всѣ науки преподаются въ той же обширности, въ каковой и въ прочихъ лучшихъ университетахъ, но преподаванія наукъ въ казанскомъ университетѣ отличаются отъ прочихъ тѣмъ, что по данному плану, постановленному надзору и по доброму духу преподавателей, не только не заражены ни вольнодумствомъ, ни лжеученіемъ, но устремлены совокупно къ одной цѣли—къ образованію вѣрныхъ сыновъ церкви и вѣрныхъ подданныхъ Государю.

3. Число профессоровъ и адъюнктовъ, бывшее въ 1819 году—15, нынѣ простирается до 28-ми.

4. Число студентовъ, бывшее тогда—63, нынѣ умножилось болѣе 100.

5. Разоренная казанская гимназія требовала ежегодно большихъ суммъ на содержаніе къ штатному ея положенію, въ коей въ 1819 году было до 167, а теперь болѣе 250-ти воспитанниковъ; имѣетъ нынѣ отъ собственныхъ своихъ доходовъ остатки, ибо число пансіонеровъ возросло отъ 26-ти до 60-ти.

6. Казанскій университетъ первый отправилъ перваго русскаго астронома на экспедиціи кругомъ свѣта. Почему не дѣлаютъ сіе другіе? И даже не могла сдѣлать академія наукъ.

7. Казанскій университетъ установилъ связи, переписку и даже обмѣнъ минеральныхъ произведеній съ разными учеными лицами Германіи и Франціи.

8. Казанскимъ университетомъ занимаются ученыя сословія просвѣщеннѣйшихъ государствъ, между тѣмъ какъ въ журналѣ русскомъ

* Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ, уже извѣстныхъ намъ, случаяхъ Магницкій дѣлаетъ неудачную попытку замаскировать свою личную иниціативу—авторитетомъ университета.

(„Сынъ Отечества", № 34) въ первый разъ упоминается объ немъ помѣщеніемъ письма изъ Парижа.

Двѣ главныя причины вызвали меня пожертвовать личною скромностью въ изложеніи сего отчета:

1. Я долженъ представлять начальству усердіе моихъ сотрудниковъ, безъ коего личныя мои распоряженія ничего бы не значили.

2. Ежели же правда все, что говорю я о казанскомъ университетѣ—какимъ образомъ не распространяется полезное его преобразованіе, опытомъ пяти лѣтъ и плодами уже оправданное, на всѣ прочіе университеты?

Признаюсь, ваше высокопревосходительство, что сія послѣдняя причина, по усердію моему къ Церкви и Государю и по обязанности моей члена главнаго правленія училищъ—была главнымъ моимъ побужденіемъ въ семъ отчетѣ.

(Архивъ казанскаго университета, дѣло попечительской канцеляріи № 176, за 1824 г., листы 2—29).

(„Сынъ Отечества", № 34) въ первый разъ упоминается объ немъ помѣщеніемъ письма изъ Парижа.

Двѣ главныя причины вызвали меня пожертвовать личною скромностью въ изложеніи сего отчета:

1. Я долженъ представлять начальству усердіе моихъ сотрудниковъ, безъ коего личныя мои распоряженія ничего бы не значили.

2. Ежели же правда все, что говорю я о казанскомъ университетѣ— какимъ образомъ не распространяется полезное его преобразованіе, опытомъ пяти лѣтъ и плодами уже оправданное, на всѣ прочіе университеты?

Признаюсь, ваше высокопревосходительство, что сія послѣдняя причина, по усердію моему къ Церкви и Государю и по обязанности моей члена главнаго правленія училищъ—была главнымъ моимъ побужденіемъ въ семъ отчетѣ.

(Архивъ казанскаго университета, дѣло попечительской канцеляріи № 176, за 1824 г., листы 2—29).

IV

(Къ страницѣ 505-ой)

СЧЕТЪ РАСХОДАМЪ,

произведеннымъ по угощенію почетныхъ посѣтителей университетскихъ торжествъ 13-го—15-го сентября 1825 года

	Рубли.	Коп.
Вина бѣлаго для стола 3 осьмухи по 2 рубля	6	—
Миндалю 16 фунтовъ по 1 рублю	16	—
Осетрины 1 пудъ 1 фунтъ по 40 копѣекъ фунтъ	16	40
Свѣжей икры 12 фунтовъ по 1 рублю	12	—
Визиги $3^1/_2$ фунта по 90 копѣекъ	3	15
4 живыя стерляди	27	50
3 судака живыхъ	8	—
Варенья 25 фунтовъ по 1 рублю 30 копѣекъ	32	50
Лимоновъ 12 по 27 копѣекъ	3	24
Гвоздики 2 лота по 30 копѣекъ	—	60
Кардамону 4 лота по 30 копѣекъ	1	20
Гвоздичныхъ головокъ 2 лота по 9 копѣекъ	—	18
Лавроваго листу	—	50
Чернаго перцу 1 фунтъ	1	20
Пшеничной муки $1^1/_2$ пуда	4	50
2 бутылки прованскаго масла	1	60
Корицы 4 лота по 30 копѣекъ	1	20
6 мушкатныхъ орѣховъ	—	90
2 бутылки уксусу	3	—
2 банки горчицы	1	—
Капорцовъ 1 фунтъ	1	50
Оливокъ 2 фунта	3	—
Буракъ рыжиковъ	2	50
Два фунта рыбьяго клею	20	—
Раковъ 2 сотни	—	80

IV

(Къ страницѣ 505-ой)

СЧЕТЪ РАСХОДАМЪ,

произведеннымъ по угощенію почетныхъ посѣтителей университетскихъ торжествъ 13-го—15-го сентября 1825 года

	Рубли.	Коп.
Вина бѣлаго для стола 3 осьмухи по 2 рубля	6	—
Миндалю 16 фунтовъ по 1 рублю	16	—
Осстрины 1 пудъ 1 фунтъ по 40 копѣекъ фунтъ	16	40
Свѣжей икры 12 фунтовъ по 1 рублю.	12	—
Визиги 3½ фунта по 90 копѣекъ	3	15
4 живыя стерляди	27	50
3 судака живыхъ	8	—
Варенья 25 фунтовъ по 1 рублю 30 копѣекъ	32	50
Лимоновъ 12 по 27 копѣекъ	3	24
Гвоздики 2 лота по 30 копѣекъ	—	60
Кардамону 4 лота по 30 копѣекъ.	1	20
Гвоздичныхъ головокъ 2 лота по 9 копѣекъ	—	18
Лавроваго листу	—	30
Чернаго перцу 1 фунтъ	1	20
Пшеничной муки 1½ пуда	4	50
2 бутылки прованскаго масла	1	60
Корицы 4 лота по 30 копѣекъ	1	20
6 мушкатныхъ орѣховъ.	—	90
2 бутылки уксусу	3	—
2 банки горчицы.	1	—
Капорцовъ 1 фунтъ	1	50
Оливокъ 2 фунта	3	—
Буракъ рыжиковъ	2	50
Два фунта рыбьяго клею	20	—
Раковъ 2 сотни	—	80

	Рубли.	Коп.
Цвѣтной капусты 50 вилковъ по 20 копѣекъ	10	—
Красной капусты 10 вилковъ по 10 копѣекъ	1	—
Два боченка винограду	30	—
300 дуль	60	—
500 яблоковъ по 3 рубля	15	—
Сотня яблоковъ	7	—
Арбузовъ 10 по 25 копѣекъ	2	50
500 сухарей и кренделей сахарныхъ по 2 копѣйки	10	—
Хлѣбовъ бѣлыхъ 50 по 15 копѣекъ	7	50
Сливокъ 10 штофовъ по 70 копѣекъ	7	—
Молока 3 ведра по 60 копѣекъ	1	80
Яицъ 200	3	—
Мёду $1^1/_2$ по 30 копѣекъ	—	45
Сивухи для пѣвчихъ 4 штофа	4	—
Чаю цвѣточнаго 1 фунтъ по 16 рублей	16	—
Кофею 4 фунта по 2 рубля	8	—
Шокаладу 5 фунтовъ по 4 рубля	20	—
Конфектовъ 1 пудъ	100	—
4 формы мороженаго	42	—
Аршаду и лимонаду 4 ведра	64	—
Сахару 36 фунтовъ по 1 рублю 30 копѣекъ	46	80
Шампанскаго 10 бутылокъ	100	—
3 бутылки Шато-Лафита по 5 рублей	15	—
2 Госотерну по 6 рублей	12	—
4 Госотерну по 3 рубля	12	—
2 Дрей-мадеры по 4 рубля	8	—
3 Малаги по 3 рубля	9	—
$1^1/_2$ штофа сладкой водки	7	—
30 бутылокъ краснаго пива по 70 копѣекъ	21	—
Жандармамъ	15	—
Полицейскимъ	10	—
Музыкантамъ	25	—
Пѣвчимъ	25	—
За прокатъ разной фарфоровой, фаянсовой и стеклянной посуды	40	—
За чищеніе лампъ и присмотръ при освѣщеніи	15	—
Издержано на извощиковъ при разсылкѣ билетовъ	28	—
Всего	983 р.	52 к.

Адъюнктъ Я. Миллеръ.

(Архивъ казанскаго университета, дѣло попечительской канцеляріи № 125 за 1825 г., листы 156—158).

	Рубли.	Коп.
Цвѣтной капусты 50 вилковъ по 20 копѣекъ	10	—
Красной капусты 10 вилковъ по 10 копѣекъ	1	—
Два боченка винограду	30	—
300 дуль	60	—
500 яблоковъ по 3 рубля	15	—
Сотня яблоковъ	7	—
Арбузовъ 10 по 25 копѣекъ	2	50
500 сухарей и кренделей сахарныхъ по 2 копѣйки	10	—
Хлѣбовъ бѣлыхъ 50 по 15 копѣекъ	7	50
Сливокъ 10 штофовъ по 70 копѣекъ	7	—
Молока 3 ведра по 60 копѣекъ	1	80
Яицъ 200	3	—
Мёду $1^1/_2$ по 30 копѣекъ	—	45
Сивухи для пѣвчихъ 4 штофа	4	—
Чаю цвѣточнаго 1 фунтъ по 16 рублей	16	—
Кофею 4 фунта по 2 рубля	8	—
Шокаладу 5 фунтовъ по 4 рубля	20	—
Конфектовъ 1 пудъ	100	—
4 формы мороженаго	42	—
Аршаду и лимонаду 4 ведра	64	—
Сахару 36 фунтовъ по 1 рублю 30 копѣекъ	46	80
Шампанскаго 10 бутылокъ	100	—
3 бутылки Шато-Лафита по 5 рублей	15	—
2 Госотерну по 6 рублей	12	—
4 Госотерну по 3 рубля	12	—
2 Дрей-мадеры по 4 рубля	8	—
3 Малаги по 3 рубля	9	—
$1^1/_2$ штофа сладкой водки	7	—
30 бутылокъ краснаго пива по 70 копѣекъ	21	—
Жандармамъ	15	—
Полицейскимъ	10	—
Музыкантамъ	25	—
Пѣвчимъ	25	—
За прокатъ разной фарфоровой, фаянсовой и стеклянной посуды	40	—
За чищеніе лампъ и присмотръ при освѣщеніи	15	—
Издержано на извощиковъ при разсылкѣ билетовъ	28	—
Всего	983 р.	52 к.

Адъюнктъ Я. Миллеръ.

(Архивъ казанскаго университета, дѣло попечительской канцеляріи № 125 за 1825 г., листы 156—158).

V

(Къ страницѣ 567-й)

ДОНЕСЕНІЕ

генералъ-маіора П. Ѳ. Желтухина о произведенной имъ ревизіи Казанскаго университета.

Его Высокопревосходительству Господину Министру Народнаго Просвѣщенія.

Во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго мнѣ Вашимъ Высокопревосходительствомъ, въ предписаніи отъ 12-го Генваря, окончивъ осмотръ Казанскаго Университета въ нравственномъ, учебномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, имѣю честь донести Вашему Высокопревосходительству, съ изложеніемъ замѣчаній моихъ, въ томъ самомъ порядкѣ, какой изложенъ въ запискѣ, доставленной при предписаніи Вашего Высокопревосходительства.

I

ОБЩІЕ ПРЕДМЕТЫ ОБОЗРѢНІЯ

А. По части нравственной

I *

1. Преподается ли законъ Божій съ той внимательностью, какой требуетъ важность сего дѣла, служащаго основаніемъ всякому нравственному образованію.

Законъ Божій преподается духовными особами, по конспектамъ, исправленнымъ и утвержденнымъ преосвященнымъ Амвросіемъ, архіепи-

* Ср. «Записку о предметахъ, на которые слѣдуетъ обратить вниманіе при обозрѣніи казанскихъ университета и гимназіи», помѣщенную выше, на стр. 551—553.

V

(Къ страницѣ 567-й)

ДОНЕСЕНІЕ

генералъ-маіора П. Ѳ. Желтухина о произведенной имъ ревизіи Казанскаго университета.

Его Высокопревосходительству Господину Министру Народнаго Просвѣщенія.

Во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго мнѣ Вашимъ Высокопревосходительствомъ, въ предписаніи отъ 12-го Генваря, окончивъ осмотръ Казанскаго Университета въ нравственномъ, учебномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, имѣю честь донести Вашему Высокопревосходительству, съ изложеніемъ замѣчаній моихъ, въ томъ самомъ порядкѣ, какой изложенъ въ запискѣ, доставленной при предписаніи Вашего Высокопревосходительства.

I

ОБЩІЕ ПРЕДМЕТЫ ОБОЗРѢНІЯ

А. По части нравственной

I *

1. Преподается ли законъ Божій съ той внимательностію, какой требуетъ важность сего дѣла, служащаго основаніемъ всякому нравственному образованію.

Законъ Божій преподается духовными особами, по конспектамъ, исправленнымъ и утвержденнымъ преосвященнымъ Амвросіемъ, архіепи-

---

* Ср. «Записку о предметахъ, на которые слѣдуетъ обратить вниманіе при обозрѣніи казанскихъ университета и гимназіи», помѣщенную выше, на стр. 551—553.

скопомъ казанскимъ и симбирскимъ. Одобренія преосвященнаго въ протоколахъ совѣта, объ успѣхахъ по сей части, показываютъ, что законъ Божій преподается съ должною внимательностію. Въ чемъ и самъ по неоднократному моему посѣщенію сихъ каѳедръ могу удостовѣрить.

2. Вселяется ли въ учащихся уваженіе къ церковнымъ постановленіямъ и за наблюденіемъ оныхъ прилагается ли надлежащее смотрѣніе.

Уваженіе къ церковнымъ постановленіямъ вселяется достаточно.

Но если при семъ принять въ соображеніе бывшія въ разное время распоряженія: чтобы студенты, при вступленіи въ университетъ, преимущественнѣе всего имѣли библіи; чтобы предъ завтракомъ и ужиномъ читали молитвы по канону; чтобы во время самыхъ завтраковъ, обѣдовъ и ужиновъ одинъ изъ студентовъ дѣлалъ чтеніе изъ библіи и иныхъ христіанскихъ книгъ; чтобы преступившіеся воспитанники назывались „грѣшниками" и отдавались на руки духовнику, который ихъ увѣщеваетъ, исповѣдываетъ и удостоиваетъ св. Таинъ; чтобы во все время сего исправленія возносились общія молитвы сотоварищей и ихъ начальства „о обращеніи грѣшниковъ"; если, наконецъ, допустить, что всѣ сіи правила, приличныя самымъ строгимъ монастырскимъ обителямъ, исполняются въ точности питомцами университета—въ такомъ случаѣ можно имѣть справедливое опасеніе, чтобы въ сихъ молодыхъ людяхъ не укоренилось лицемѣріе, столь пагубное, подъ личиною благочестія скрывающее многіе пороки, вредные для благосостоянія гражданскихъ обществъ.

3. Соблюдается ли согласіе и миръ между лицами, принадлежащими къ университету и гимназіи. Не нарушаются ли они враждами, распрями или какими либо посторонними обстоятельствами.

Что касается до соблюденія согласія между лицами, принадлежащими къ университету, то донесенія ректора Фукса на имя попечителя о внутреннихъ раздорахъ совѣта, о неприличныхъ поступкахъ профессора Жобара съ директоромъ и съ профессорами Сергѣевымъ и Ейхвальдомъ; наконецъ собственныя записки г. попечителя о происках профессора Пальмина, о раздорахъ, которые Пальминъ при помощи профессора Суровцова и адъюнкта Грацынскаго старался распространять между своихъ товарищей—всѣ сіи акты главныхъ начальниковъ университета свидѣтельствуютъ, что никакого согласія между лицами, составляющими ученое сословіе университета, не было. Подобные раздоры и личности замѣчаются и нынѣ по совѣту: между профессорами Кораблиновымъ, Суровцовымъ и адъюнктомъ Грацынскимъ, по строитель-

скопомъ казанскимъ и симбирскимъ. Одобренія преосвященнаго въ протоколахъ совѣта, объ успѣхахъ по сей части, показываютъ, что законъ Божій преподается съ должною внимательностію. Въ чемъ и самъ по неоднократному моему посѣщенію сихъ каѳедръ могу удостовѣрить.

2. Вселяется ли въ учащихся уваженіе къ церковнымъ постановленіямъ и за наблюденіемъ оныхъ прилагается ли надлежащее смотрѣніе.

Уваженіе къ церковнымъ постановленіямъ вселяется достаточно.

Но если при семъ принять въ соображеніе бывшія въ разное время распоряженія: чтобы студенты, при вступленіи въ университетъ, преимущественнѣе всего имѣли библіи; чтобы предъ завтракомъ и ужиномъ читали молитвы по каноннику; чтобы во время самыхъ завтраковъ, обѣдовъ и ужиновъ одинъ изъ студентовъ дѣлалъ чтеніе изъ библіи и иныхъ христіанскихъ книгъ; чтобы преступившіеся воспитанники назывались „грѣшниками" и отдавались на руки духовнику, который ихъ увѣщеваетъ, исповѣдываетъ и удостоиваетъ св. Таинъ; чтобы во все время сего исправленія возносились общія молитвы сотоварищей и ихъ начальства „о обращеніи грѣшниковъ"; если, наконецъ, допустить, что всѣ сіи правила, приличныя самымъ строгимъ монастырскимъ обителямъ, исполняются въ точности питомцами университета—въ такомъ случаѣ можно имѣть справедливое опасеніе, чтобы въ сихъ молодыхъ людяхъ не укоренилось лицемѣріе, столь пагубное, подъ личиною благочестія скрывающее многіе пороки, вредные для благосостоянія гражданскихъ обществъ.

3. Соблюдается ли согласіе и миръ между лицами, принадлежашими къ университету и гимназіи. Не нарушаются ли они враждами, распрями или какими либо посторонними обстоятельствами.

Что касается до соблюденія согласія между лицами, принадлежащими къ университету, то донесенія ректора Фукса на имя попечителя о внутреннихъ раздорахъ совѣта, о неприличныхъ поступкахъ профессора Жобара съ директоромъ и съ профессорами Сергѣевымъ и Ейхвальдомъ; наконецъ собственныя записки г. попечителя о проискахъ профессора Пальмина, о раздорахъ, которые Пальминъ при помощи профессора Суровцова и адъюнкта Грацынскаго старался распространять между своихъ товарищей—всѣ сіи акты главныхъ начальниковъ университета свидѣтельствуютъ, что никакого согласія между лицами, составляющими ученое сословіе университета, не было. Подобные раздоры и личности замѣчаются и нынѣ по совѣту: между профессорами Кораблиновымъ, Суровцовымъ и адъюнктомъ Грацынскимъ, по строитель-

ному комитету, между членомъ онаго надворнымъ совѣтникомъ Калашниковымъ и архитекторомъ Пятницкимъ.

4. Не усматривается ли чего либо явно соблазнительнаго въ поведеніи и поступкахъ распорядителей и преподавателей сихъ учебныхъ заведеній. Не замѣчено ли какихъ либо гласныхъ безпорядковъ, лишающихъ ихъ уваженія мѣстныхъ начальниковъ и довѣренности родителей и не имѣетъ ли пагубнаго наитія на нравы образуемаго ими юношества.

Таковые раздоры и несогласія профессоровъ и чиновниковъ университета, безъ сомнѣнія, должны были лишить ихъ уваженія мѣстнаго начальства, а заведеніе довѣренности родителей; что самое имѣло вліяніе на столь значительное уменьшеніе числа студентовъ, въ сравненіи съ прежними годами *.

5. Наблюдаются ли всѣ нужныя мѣры осторожности для предохраненія воспитанниковъ отъ пороковъ, дурныхъ связей, неприличнаго обращенія и знакомства.

О предохраненіи воспитанниковъ отъ пороковъ, дурныхъ связей и знакомства прилагаются въ дѣлѣ правила о внутреннемъ благоустройствѣ, данныя г. попечителемъ безъ утвержденія министерства. Правила сіи, по существу своему, распространяются только на студентовъ, живущихъ въ университетѣ, а потому я и не могу сказать, чтобы университетское начальство употребляло какія нибудь мѣры для предохраненія отъ дурныхъ связей и знакомства тѣхъ студентовъ, которые живутъ внѣ университета.

6. Не хранятся ли въ книгохранилищахъ, назначенныхъ для употребленія студентовъ и учениковъ, книги противныя вѣрѣ, правительству и нравственности, или не обращаются ли подобныя сочиненія въ рукахъ ихъ.

При обозрѣніи студентской библіотеки и комнатъ студентовъ, никакихъ книгъ противныхъ вѣрѣ и нравственности не найдено. Нѣкоторыя казенныя книги хотя и предписано было отъ г. попечителя истребить, но предписаніе сіе не исполнено и всѣ назначенныя къ истребленію книги благоразумнымъ распоряженіемъ г.г. профессоровъ отдѣлены въ другое мѣсто и запечатаны. Такимъ образомъ самые препода-

---

* По свѣдѣніямъ университета, въ началѣ 1819 г. число студентовъ простиралось до 250 человѣкъ, а нынѣ ограничивается 104 человѣками.

ному комитету, между членомъ онаго надворнымъ совѣтникомъ Калашниковымъ и архитекторомъ Пятницкимъ.

4. Не усматривается ли чего либо явно соблазнительнаго въ поведеніи и поступкахъ распорядителей и преподавателей сихъ учебныхъ заведеній. Не замѣчено ли какихъ либо гласныхъ безпорядковъ, лишающихъ ихъ уваженія мѣстныхъ начальниковъ и довѣренности родителей и не имѣетъ ли пагубнаго наитія на нравы образуемаго ими юношества.

Таковые раздоры и несогласія профессоровъ и чиновниковъ университета, безъ сомнѣнія, должны были лишить ихъ уваженія мѣстнаго начальства, а заведеніе довѣренности родителей; что самое имѣло вліяніе на столь значительное уменьшеніе числа студентовъ, въ сравненіи съ прежними годами *.

5. Наблюдаются ли всѣ нужныя мѣры осторожности для предохраненія воспитанниковъ отъ пороковъ, дурныхъ связей, неприличнаго обращенія и знакомства.

О предохраненіи воспитанниковъ отъ пороковъ, дурныхъ связей и знакомства прилагаются въ дѣлѣ правила о внутреннемъ благоустройствѣ, данныя г. попечителемъ безъ утвержденія министерства. Правила сіи, по существу своему, распространяются только на студентовъ, живущихъ въ университетѣ, а потому я и не могу сказать, чтобы университетское начальство употребляло какія нибудь мѣры для предохраненія отъ дурныхъ связей и знакомства тѣхъ студентовъ, которые живутъ внѣ университета.

6. Не хранятся ли въ книгохранилищахъ, назначенныхъ для употребленія студентовъ и учениковъ, книги противныя вѣрѣ, правительству и нравственности, или не обращаются ли подобныя сочиненія въ рукахъ ихъ.

При обозрѣніи студентской библіотеки и комнатъ студентовъ, никакихъ книгъ противныхъ вѣрѣ и нравственности не найдено. Нѣкоторыя казенныя книги хотя и предписано было отъ г. попечителя истребить, но предписаніе сіе не исполнено и всѣ назначенныя къ истребленію книги благоразумнымъ распоряженіемъ г.г. профессоровъ отдѣлены въ другое мѣсто и запечатаны. Такимъ образомъ самые препода-

---

* По свѣдѣніямъ университета, въ началѣ 1819 г. число студентовъ простиралось до 250 человѣкъ, а нынѣ ограничивается 104 человѣками.

ватели не могутъ теперь пользоваться ими, не испросивъ позволенія начальства.

7. Въ чемъ состоитъ надзоръ за нравственнымъ образованіемъ студентовъ и достигаютъ ли цѣли своей сдѣланныя по сей части въ послѣднее время распоряженія.

Правила о надзорѣ за нравственнымъ образованіемъ студентовъ подробно изложены въ наставленіи г. попечителя на имя директора, но чтобы правила сіи достигли цѣли своей, я не могу сказать: ибо представленная инспекторомъ Брашманомъ вѣдомость показываетъ, что изъ числа 104 студентовъ—26 человѣкъ, то есть ровно четвертая часть, считается порочныхъ. Здѣсь я долженъ присовокупить, что г. попечитель, препровождая ко мнѣ сіи правила при отношеніи за № 78-мъ сказалъ, „что на опытѣ порядокъ сей оказался весьма важнымъ для охраненія нравственности". Когда же я сдѣлалъ вопросъ—были ли правила сіи, на основаніи 7-й статьи грамоты, утверждены министерствомъ, тогда г. попечитель отозвался, „что онъ не могъ представить сего распоряженія на утвержденіе начальства потому, что оно еще испытывается для удостовѣренія на самомъ дѣлѣ въ его пользѣ". Я не могу, однако жъ, одобрить многихъ установленій, введенныхъ сими правилами, особенно „комнаты уединенія", съ желѣзными рѣшетками, съ изображеніемъ распятія и страшнаго суда. Установленіе сіе, едва ли приличное университету, можетъ имѣть вредное дѣйствіе на воображеніе отлучаемыхъ въ нее молодыхъ питомцевъ. Безполезность таковаго установленія и раздѣленія студентовъ на „исправляемыхъ" и „состоящихъ подъ надзоромъ" и проч.—болѣе всего доказывается вѣдомостью адъюнкта Брашмана, исправляющаго должность инспектора, что, не смотря на всѣ означенныя мѣры, имѣется 26 порочныхъ студентовъ.

Б. По части учебной.

8. Обращеніе вниманія на устройство учебнаго порядка, на расположеніе, постепенность и полноту учебныхъ предметовъ, на способность профессоровъ и учителей, на распредѣленіе преподаванія, на способъ ученія и, въ особенности, на направленіе, которое даютъ разнымъ наукамъ. Посѣщеніе аудиторій во время преподаванія и тетради учениковъ, при другихъ освѣдомленіяхъ, къ которымъ подадутъ поводъ мѣстныя обстоятельства, могутъ служить значительными на сей конецъ пособіями.

Объ устройствѣ учебнаго порядка, о расположеніи, постепенности и полнотѣ учебныхъ предметовъ я дол-

ватели не могутъ теперь пользоваться ими, не испросивъ позволенія начальства.

7. Въ чемъ состоитъ надзоръ за нравственнымъ образованіемъ студентовъ и достигаютъ ли цѣли своей сдѣланныя по сей части въ послѣднее время распоряженія.

Правила о надзорѣ за нравственнымъ образованіемъ студентовъ подробно изложены въ наставленіи г. попечителя на имя директора, но чтобы правила сіи достигли цѣли своей, я не могу сказать: ибо представленная инспекторомъ Брашманомъ вѣдомость показываетъ, что изъ числа 104 студентовъ—26 человѣкъ, то есть ровно четвертая часть, считается порочныхъ. Здѣсь я долженъ присовокупить, что г. попечитель, препровождая ко мнѣ сіи правила при отношеніи за № 78-мъ сказалъ, „что на опытѣ порядокъ сей оказался весьма важнымъ для охраненія нравственности". Когда же я сдѣлалъ вопросъ—были ли правила сіи, на основаніи 7-й статьи грамоты, утверждены министерствомъ, тогда г. попечитель отозвался, „что онъ не могъ представить сего распоряженія на утвержденіе начальства потому, что оно еще испытывается для удостовѣренія на самомъ дѣлѣ въ его пользѣ". Я не могу, однако жъ, одобрить многихъ установленій, введенныхъ сими правилами, особенно „комнаты уединенія", съ желѣзными рѣшетками, съ изображеніемъ распятія и страшнаго суда. Установленіе сіе, едва ли приличное университету, можетъ имѣть вредное дѣйствіе на воображеніе отлучаемыхъ въ нее молодыхъ питомцевъ. Безполезность таковаго установленія и раздѣленія студентовъ на „исправляемыхъ" и „состоящихъ подъ надзоромъ" и проч.—болѣе всего доказывается вѣдомостью адъюнкта Брашмана, исправляющаго должность инспектора, что, не смотря на всѣ означенныя мѣры, имѣется 26 порочныхъ студентовъ.

Б. По части учебной.

8. Обращеніе вниманія на устройство учебнаго порядка, на расположеніе, постепенность и полноту учебныхъ предметовъ, на способность профессоровъ и учителей, на распредѣленіе преподаванія, на способъ ученія и, въ особенности, на направленіе, которое даютъ разнымъ наукамъ. Посѣщеніе аудиторій во время преподаванія и тетради учениковъ, при другихъ освѣдомленіяхъ, къ которымъ подадутъ поводъ мѣстныя обстоятельства, могутъ служить значительными на сей конецъ пособіями.

Объ устройствѣ учебнаго порядка, о расположеніи, постепенности и полнотѣ учебныхъ предметовъ я дол-

женъ былъ удостовѣриться изъ конспектовъ, которые, на основаніи устава §§ 26 и 51-го отдѣленія 3-го и правилъ, изложенныхъ въ 9-й статьѣ отчета университета на 1821 годъ—должны быть предварительно, до наступленія академическаго года, составлены, разсмотрѣны совѣтомъ и представлены на разсмотрѣніе высшаго начальства, вслѣдствіе чего требовалъ отъ г. ректора прислать ко мнѣ конспекты, составленные на текущій академическій годъ, но г. ректоръ донесъ мнѣ, что „личнымъ и ближайшимъ познаніемъ образа мыслей и чувствъ преподавателей онъ могъ легко изучить направленіе ихъ мнѣній гораздо надежнѣе, нежели въ конспектѣ, часто изъ чуждыхъ сужденій заимствованномъ и всегда не довольно надежномъ, ибо преподаватель легко въ самомъ преподаваніи удалиться отъ него можетъ". Отзывъ сей показывалъ, что университетское начальство пренебрегло самою существенною его обязанностью въ отношеніи конспектовъ, между тѣмъ какъ, по мнѣнію самого попечителя—„тогда только, когда представлены будутъ предварительные конспекты, духъ преподаваній, мѣра труда и познаній и отличный геній преподавателей оцѣнены быть могутъ". Почему лично въ совѣтѣ удостовѣрясь въ упущеніи университета, я предоставилъ обстоятельство сіе разсмотрѣнію г. попечителя, который въ отношеніи за № 102-мъ, извиняя преподавателей въ ихъ медленности, прислалъ нѣсколько конспектовъ, составленныхъ большею частью въ видѣ краткихъ записокъ, не разсмотрѣнныхъ совѣтомъ и не утвержденныхъ высшимъ начальствомъ. Я нашелъ неприличнымъ входить въ разсмотрѣніе подобныхъ записокъ и обратилъ ихъ къ г. попечителю.

1-го марта г. попечитель доставилъ обратно сіи конспекты, разсмотрѣнные, по увѣренію его, и утвержденные совѣтомъ. Г. попечитель замѣтилъ, что конспекты—всѣ, и составляютъ 31 экземпляръ.

Здѣсь я обязываюсь объяснить: 1) что конспектовъ доставленно не 31, а 41 экземпляръ; 2) что, не смотря на увѣреніе попечителя, конспекты—не всѣ, ибо нѣтъ оныхъ на право россійское гражданское, уголовное, публичное и на право византійское; 3) конспекты, какъ изъ производства совѣта оказалось, разсмотрѣны въ теченіи одного присутствія, бывшаго 23-го февраля, слѣдовательно—ясно, что совѣтъ не могъ обратить на нихъ должнаго вниманія въ столь короткое время; наконецъ 4) актъ объ утвержденіи сихъ конспектовъ, въ видѣ чернового протокола, подписанъ только шестью ординарными профессорами, тогда какъ, на основаніи § 47-го устава, никакое опредѣленіе совѣта не дѣйствительно, если число находящихся въ собраніи ординарныхъ профессоровъ не будетъ превосходить числа отсутствующихъ.

Всѣ сіи соображенія достаточно покажутъ вашему высокопревосходительству, до какого небреженія допускается г. попечителемъ столь существенный и важный предметъ.

Обративъ къ г. попечителю доставленные отъ него 41 конспектъ, я поручилъ г. коллежскому совѣтнику Есипову перекрѣпить ихъ, на тотъ

женъ былъ удостовѣриться изъ конспектовъ, которые, на основаніи устава §§ 26 и 51-го отдѣленія 3-го и правилъ, изложенныхъ въ 9-й статьѣ отчета университета на 1821 годъ—должны быть предварительно, до наступленія академическаго года, составлены, разсмотрѣны совѣтомъ и представлены на разсмотрѣніе высшаго начальства, вслѣдствіе чего требовалъ отъ г. ректора прислать ко мнѣ конспекты, составленные на текущій академическій годъ, но г. ректоръ донесъ мнѣ, что „личнымъ и ближайшимъ познаніемъ образа мыслей и чувствъ преподавателей онъ могъ легко изучить направленіе ихъ мнѣній гораздо надежнѣе, нежели въ конспектѣ, часто изъ чуждыхъ сужденій заимствованномъ и всегда не довольно надежномъ, ибо преподаватель легко въ самомъ преподаваніи удалиться отъ него можетъ". Отзывъ сей показывалъ, что университетское начальство пренебрегло самою существенною его обязанностью въ отношеніи конспектовъ, между тѣмъ какъ, по мнѣнію самого попечителя—„тогда только, когда представлены будутъ предварительные конспекты, духъ преподаваній, мѣра труда и познаній и отличный геній преподавателей оцѣнены быть могутъ". Почему лично въ совѣтѣ удостовѣрясь въ упущеніи университета, я предоставилъ обстоятельство сіе разсмотрѣнію г. попечителя, который въ отношеніи за № 102-мъ, извиняя преподавателей въ ихъ медленности, прислалъ нѣсколько конспектовъ, составленныхъ большею частью въ видѣ краткихъ записокъ, не разсмотрѣнныхъ совѣтомъ и не утвержденныхъ высшимъ начальствомъ. Я нашелъ неприличнымъ входить въ разсмотрѣніе подобныхъ записокъ и обратилъ ихъ къ г. попечителю.

1-го марта г. попечитель доставилъ обратно сіи конспекты, разсмотрѣнные, по увѣренію его, и утвержденные совѣтомъ. Г. попечитель замѣтилъ, что конспекты—всѣ, и составляютъ 31 экземпляръ.

Здѣсь я обязываюсь объяснить: 1) что конспектовъ доставленно не 31, а 41 экземпляръ; 2) что, не смотря на увѣреніе попечителя, конспекты—не всѣ, ибо нѣтъ оныхъ на право россійское гражданское, уголовное, публичное и на право византійское; 3) конспекты, какъ изъ производства совѣта оказалось, разсмотрѣны въ теченіи одного присутствія, бывшаго 23-го февраля, слѣдовательно—ясно, что совѣтъ не могъ обратить на нихъ должнаго вниманія въ столь короткое время; наконецъ 4) актъ объ утвержденіи сихъ конспектовъ, въ видѣ черноваго протокола, подписанъ только шестью ординарными профессорами, тогда какъ, на основаніи § 47-го устава, никакое опредѣленіе совѣта не дѣйствительно, если число находящихся въ собраніи ординарныхъ профессоровъ не будетъ превосходить числа отсутствующихъ.

Всѣ сіи соображенія достаточно покажутъ вашему высокопревосходительству, до какого небреженія допускается г. попечителемъ столь существенный и важный предметъ.

Обративъ къ г. попечителю доставленные отъ него 41 конспектъ, я поручилъ г. коллежскому совѣтнику Есипову перекрѣпить ихъ, на тотъ

конецъ, чтобы, въ случаѣ надобности въ сихъ конспектахъ министерству, не могли они быть перемѣнены другими, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязываюсь объяснить здѣсь на счетъ полноты учебныхъ предметовъ. Изъ представляемаго при семъ каталога ваше высокопревосходительство изволите усмотрѣть, что профессоръ латинской словесности Караблиновъ, бывшій до сего времени учитель семинаріи, преподаетъ: 1) латинскій языкъ, 2) практическую логику, 3) исторію философскихъ системъ, 4) чистую и прикладную логику, 5) политическую экономію и 6) дипломатику. Изъ сего легко заключить изволите, что, при столь различныхъ частяхъ преподаванія, весьма трудно сохранить полноту учебныхъ предметовъ, особенно въ наукахъ политическихъ, человѣку, который образовался въ семинаріи. Подобно сему нельзя ожидать полноты и въ юридическихъ наукахъ, которыя преподаются однимъ адъюнктомъ съ кандидатомъ. Доказательствомъ сего можетъ служить то, что въ каталогѣ преподаваній совсѣмъ не помѣщено правъ присоединенныхъ къ Россіи губерній и областей. О полнотѣ же вновь введеннаго права византійскаго можно судить по приложенному къ дѣлу донесенію преподавателя Протасова, который рѣшительно отозвался, что онъ не имѣетъ нужныхъ для сего права пособій.

О способности профессоровъ и, вообще, о направленіи наукъ изложено будетъ мною ниже сего и въ заключеніи.

9. Полное ли число по штатамъ состоитъ при университетѣ и гимназіи преподавателей и сколько именно. Не замѣчается ли замѣшательства и безпорядка отъ порученія двухъ кафедръ одному профессору. Такъ же: всѣ ли преподаватели исполняютъ обязанность свою съ должнымъ усердіемъ.

По Уставу казанскаго университета положено при немъ:

Ординарныхъ профессоровъ	28.
Адъюнктовъ	12.
Лекторовъ	3.
Учителей пріятныхъ искусствъ	3.
Итого	46.

Нынѣ состоитъ при университетѣ, со включеніемъ и экстраординарныхъ профессоровъ и кандидатовъ, преподающихъ разныя науки—37. При таковомъ недостаткѣ въ преподавателяхъ, профессоръ Сергѣевъ, имѣющій двѣ кафедры, находится въ отпуску другой годъ; профессоръ Эйхвальдъ, преподающій по двумъ же кафедрамъ—посланъ для путешествія по Каспійскому морю, а адъюнктъ Миллеръ командированъ въ Саратовъ для исправленія должности директора гимназіи.

конецъ, чтобы, въ случаѣ надобности въ сихъ конспектахъ министерству, не могли они быть перемѣнены другими, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязываюсь объяснить здѣсь на счетъ полноты учебныхъ предметовъ. Изъ представляемаго при семъ каталога ваше высокопревосходительство изволите усмотрѣть, что профессоръ латинской словесности Караблиновъ, бывшій до сего времени учитель семинаріи, преподаетъ: 1) латинскій языкъ, 2) практическую логику, 3) исторію философскихъ системъ, 4) чистую и прикладную логику, 5) политическую экономію и 6) дипломатику. Изъ сего легко заключить изволите, что, при столь различныхъ частяхъ преподаванія, весьма трудно сохранить полноту учебныхъ предметовъ, особенно въ наукахъ политическихъ, человѣку, который образовался въ семинаріи. Подобно сему нельзя ожидать полноты и въ юридическихъ наукахъ, которыя преподаются однимъ адъюнктомъ съ кандидатомъ. Доказательствомъ сего можетъ служить то, что въ каталогѣ преподаваній совсѣмъ не помѣщено правъ присоединенныхъ къ Россіи губерній и областей. О полнотѣ же вновь введеннаго права византійскаго можно судить по приложенному къ дѣлу донесенію преподавателя Протасова, который рѣшительно отозвался, что онъ не имѣетъ нужныхъ для сего права пособій.

О способности профессоровъ и, вообще, о направленіи наукъ изложено будетъ мною ниже сего и въ заключеніи.

9. Полное ли число по штатамъ состоитъ при университетѣ и гимназіи преподавателей и сколько именно. Не замѣчается ли замѣшательства и безпорядка отъ порученія двухъ кафедръ одному профессору. Такъ же: всѣ ли преподаватели исполняютъ обязанность свою съ должнымъ усердіемъ.

По Уставу казанскаго университета положено при немъ:

Ординарныхъ профессоровъ	28.
Адъюнктовъ	12.
Лекторовъ	3.
Учителей пріятныхъ искусствъ	3.
Итого . . .	46.

Нынѣ состоитъ при университетѣ, со включеніемъ и экстраординарныхъ профессоровъ и кандидатовъ, преподающихъ разныя науки—37. При таковомъ недостаткѣ въ преподавателяхъ, профессоръ Сергѣевъ, имѣющій двѣ кафедры, находится въ отпуску другой годъ; профессоръ Эйхвальдъ, преподающій по двумъ же кафедрамъ—посланъ для путешествія по Каспійскому морю, а адъюнктъ Миллеръ командированъ въ Саратовъ для исправленія должности директора гимназіи.

Порученіемъ двухъ кафедръ одному профессору безпорядковъ послѣдовать не можетъ, если только распоряженіе сіе предоставлено будетъ совѣту, которому, безъ сомнѣнія, по безпрерывному наблюденію болѣе извѣстны способности и познанія преподавателей. Но какъ тѣ же профессора употребляются и по другимъ обязанностямъ, для исправленія которыхъ надлежало бы имѣть особыхъ гражданскихъ чиновниковъ *, то отъ сего, естественно, происходятъ упущенія, за которыя по справедливости, нельзя обвинять профессоровъ, не имѣющихъ нисколько времени къ исполненію сихъ не принадлежащихъ до нихъ порученій, а самые успѣхи въ наукахъ отъ того ощутительно уменьшаются.

Въ гимназіи недостающее количество учителей замѣняется адъюнктами университета; нельзя, однако жъ, не замѣтить недостатка въ хорошихъ учителяхъ иностранныхъ языковъ первыхъ классовъ, отъ чего ученики весьма худо успѣваютъ по сей части.

10. На основаніи ли положенныхъ правилъ опредѣлялись или назначались профессоры и адъюнкты со времени преобразованія университета.

На основаніи устава дерптскаго университета, 79-ой статьи, распространенной и на университетъ казанскій—„никто не можетъ быть профессоромъ, не бывъ прежде докторомъ и адъюнктомъ, не имѣвъ званія магистра, кромѣ опредѣляемыхъ по особенной извѣстности въ ученомъ свѣтѣ". По силѣ 23, 57, 58 и 59 §§ устава казанскаго университета избраніе профессоровъ и адъюнктовъ предоставлено собственно совѣту университета съ тѣмъ, чтобы совѣтъ, по § 58, о избранномъ предварительно представлялъ попечителю и ожидалъ утвержденія министра народнаго просвѣщенія. Напротивъ, въ университетѣ казанскомъ опредѣлены безъ выбора совѣта, по одному представленію попечителя, профессора ординарные: Сергѣевъ, Фогель, Эйхвальдъ, Купферъ и Мистаки, экстраординарные: Карабликовъ и Ероховъ, и адъюнкты: Миллеръ, Пелатье и Брашманъ. Изъ числа сихъ профессоровъ Сергѣевъ, Мистаки, Карабликовъ, Миллеръ, Пелатье и Брашманъ—не имѣли ни ученыхъ степеней, ни особенной извѣстности въ ученомъ свѣтѣ. А объ ординарномъ профессорѣ Сергѣевѣ изъ предложенія попечителя на имя совѣта видно, что г. министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ Сергѣева ординарнымъ профессоромъ по представленію г. попечителя якобы по избранію совѣта, но избранія сего, какъ выше сказано, совсѣмъ не было. Сверхъ сего, о исключеніи Купфера изъ податного состоянія, съ утвержденіемъ на службу по ученой части, указъ правительствующаго сената въ копіи присланъ при предложеніи г. попечителя объ опредѣленіи Куп-

---

* Директоры Никольскій и Владимірскій были, вмѣстѣ, и профессорами. Въ строительномъ комитетѣ большая часть членовъ опредѣлены изъ профессоровъ же.

Порученіемъ двухъ кафедръ одному профессору безпорядковъ послѣдовать не можетъ, если только распоряженіе сіе предоставлено будетъ совѣту, которому, безъ сомнѣнія, по безпрерывному наблюденію болѣе извѣстны способности и познанія преподавателей. Но какъ тѣ же профессора употребляются и по другимъ обязанностямъ, для исправленія которыхъ надлежало бы имѣть особыхъ гражданскихъ чиновниковъ *, то отъ сего, естественно, происходятъ упущенія, за которыя по справедливости, нельзя обвинять профессоровъ, не имѣющихъ нисколько времени къ исполненію сихъ не принадлежащихъ до нихъ порученій, а самые успѣхи въ наукахъ отъ того ощутительно уменьшаются.

Въ гимназіи недостающее количество учителей замѣняется адъюнктами университета; нельзя, однако жъ, не замѣтить недостатка въ хорошихъ учителяхъ иностранныхъ языковъ первыхъ классовъ, отъ чего ученики весьма худо успѣваютъ по сей части.

10. На основаніи ли положенныхъ правилъ опредѣлялись или назначались профессоры и адъюнкты со времени преобразованія университета.

На основаніи устава дерптскаго университета, 79-ой статьи, распространенной и на университетъ казанскій—„никто не можетъ быть профессоромъ, не бывъ прежде докторомъ и адъюнктомъ, не имѣвъ званія магистра, кромѣ опредѣляемыхъ по особенной извѣстности въ ученомъ свѣтѣ". По силѣ 23, 57, 58 и 59 §§ устава казанскаго университета избраніе профессоровъ и адъюнктовъ предоставлено собственно совѣту университета съ тѣмъ, чтобы совѣтъ, по § 58, о избранномъ предварительно представлялъ попечителю и ожидалъ утвержденія министра народнаго просвѣщенія. Напротивъ, въ университетѣ казанскомъ опредѣлены безъ выбора совѣта, по одному представленію попечителя, профессора ординарные: Сергѣевъ, Фогель, Эйхвальдъ, Купферъ и Мистаки, экстраординарные: Караблиновъ и Ероховъ, и адъюнкты: Миллеръ, Пелатье и Брашманъ. Изъ числа сихъ профессоровъ Сергѣевъ, Мистаки, Караблиновъ, Миллеръ, Пелатье и Брашманъ—не имѣли ни ученыхъ степеней, ни особенной извѣстности въ ученомъ свѣтѣ. А объ ординарномъ профессорѣ Сергѣевѣ изъ предложенія попечителя на имя совѣта видно, что г. министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ Сергѣева ординарнымъ профессоромъ по представленію г. попечителя якобы по избранію совѣта, но избранія сего, какъ выше сказано, совсѣмъ не было. Сверхъ сего, о исключеніи Купфера изъ податного состоянія, съ утвержденіемъ на службу по ученой части, указъ правительствующаго сената въ копіи присланъ при предложеніи г. попечителя объ опредѣленіи Куп-

* Директоры Никольскій и Владимірскій были, вмѣстѣ, и профессорами. Въ строительномъ комитетѣ большая часть членовъ опредѣлены изъ профессоровъ же.

фера въ ординарные профессоры, по его представленію, съ предоставленіемъ двухъ кафедръ.

На вопросъ мой—изъ чего составленъ представленный ко мнѣ послужной списокъ профессора Мистаки, получилъ въ отвѣтъ, что оный составленъ со словъ помянутаго г. профессора.

11. Всѣ ли назначенныя уставомъ науки преподаются и не введено ли какихъ излишнихъ, сверхъ назначенія, преподаваній. Такъ же: въ распредѣленіи ихъ на факультеты не было ли отступленія отъ установленнаго порядка.

Изъ числа наукъ, обозначенныхъ въ уставѣ, не преподаются сельское домоводство и технологія, ибо кафедры по симъ частямъ, съ высочайшаго дозволенія, уничтожены. Съ нѣкотораго времени введено преподаваніе византійскаго права, о которомъ ни слова не сказано въ уставѣ и которое до сихъ поръ не приведено въ порядочную систему. Ни изъ бумагъ университета, ни изъ объясненій моихъ съ директоромъ, я не могъ узнать—съ котораго періода римской имперіи должны они отдѣлить такъ называемое „право византійское".

Чтобы показать, въ какомъ младенческомъ состояніи по университету преподаваніе сего права, неизвѣстнаго самимъ преподавателямъ, я приложилъ къ дѣлу представленіе адъюнкта Протасова и журналъ совѣта 7-го ноября 1825 года, изъ которыхъ видно, что Протасовъ, не имѣя возможности преподавать сего права, просилъ совѣтъ отложить оное до слѣдующаго года, дабы онъ могъ заняться составленіемъ сего права по имѣющимся пока въ наличіи пособіямъ, а между тѣмъ выписать нужныя для сего книги. Совѣтъ рѣшилъ такимъ образомъ: „Такъ какъ г. Протасовъ пишетъ въ бумагѣ своей, что онъ имѣетъ въ наличности нѣкоторыя пособія по праву византійскому, то предписать ему руководствоваться пока сими".

Надобно замѣтить, что университетъ, дѣйствительно, не имѣетъ послѣднихъ законовъ римскихъ императоровъ со времени Юстиніана и, потому, въ числѣ пособій для преподаванія византійскаго права находится, между прочимъ, по словесному объявленію ректора — Кормчая книга!

Вмѣсто публичнаго европейскаго права введено преподаваніе конституцій Англіи, Франціи и Польши. Преподаватель по сей части не имѣетъ ни учебныхъ пособій, ни свѣдѣній о существѣ представительнаго правленія, а потому необходимо обратить на сію часть особенное вниманіе. А какъ большая часть измѣненій въ кафедрахъ произошла со времени изданія директорской и ректорской инструкціи, то объ ономъ подробнѣе будетъ изложено ниже сего въ статьѣ 12-й.

фера въ ординарные профессоры, по его представленію, съ предоставленіемъ двухъ кафедръ.

На вопросъ мой—изъ чего составленъ представленный ко мнѣ послужной списокъ профессора Мистаки, получилъ въ отвѣтъ, что оный составленъ со словъ помянутаго г. профессора.

11. Всѣ ли назначенныя уставомъ науки преподаются и не введено ли какихъ излишнихъ, сверхъ назначенія, преподаваній. Такъ же: въ распредѣленіи ихъ на факультеты не было ли отступленія отъ установленнаго порядка.

Изъ числа наукъ, обозначенныхъ въ уставѣ, не преподаются сельское домоводство и технологія, ибо кафедры по симъ частямъ, съ высочайшаго дозволенія, уничтожены. Съ нѣкотораго времени введено преподаваніе византійскаго права, о которомъ ни слова не сказано въ уставѣ и которое до сихъ поръ не приведено въ порядочную систему. Ни изъ бумагъ университета, ни изъ объясненій моихъ съ директоромъ, я не могъ узнать—съ котораго періода римской имперіи должны они отдѣлить такъ называемое „право византійское".

Чтобы показать, въ какомъ младенческомъ состояніи по университету преподаваніе сего права, неизвѣстнаго самимъ преподавателямъ, я приложилъ къ дѣлу представленіе адъюнкта Протасова и журналъ совѣта 7-го ноября 1825 года, изъ которыхъ видно, что Протасовъ, не имѣя возможности преподавать сего права, просилъ совѣтъ отложить оное до слѣдующаго года, дабы онъ могъ заняться составленіемъ сего права по имѣющимся пока въ наличіи пособіямъ, а между тѣмъ выписать нужныя для сего книги. Совѣтъ рѣшилъ такимъ образомъ: „Такъ какъ г. Протасовъ пишетъ въ бумагѣ своей, что онъ имѣетъ въ наличности нѣкоторыя пособія по праву византійскому, то предписать ему руководствоваться пока сими".

Надобно замѣтить, что университетъ, дѣйствительно, не имѣетъ послѣднихъ законовъ римскихъ императоровъ со времени Юстиніана и, потому, въ числѣ пособій для преподаванія византійскаго права находится, между прочимъ, по словесному объявленію ректора — Кормчая книга!

Вмѣсто публичнаго европейскаго права введено преподаваніе конституцій Англіи, Франціи и Польши. Преподаватель по сей части не имѣетъ ни учебныхъ пособій, ни свѣдѣній о существѣ представительнаго правленія, а потому необходимо обратить на сію часть особенное вниманіе. А какъ большая часть измѣненій въ кафедрахъ произошла со времени изданія директорской и ректорской инструкціи, то объ ономъ подробнѣе будетъ изложено ниже сего въ статьѣ 12-й.

12. Какіе успѣхи оказываютъ студенты или, вообще, слушатели лекцій при университетѣ и ученики гимназіи въ наукахъ и языкахъ и, въ особенности, древнихъ.

Для испытанія успѣховъ студентовъ и воспитанниковъ я посѣщалъ всѣ лекціи и классы; на нѣкоторыхъ былъ не однократно, и по самой строгой справедливости долженъ сказать, что успѣхи въ наукахъ и языкахъ въ отчетѣ 1825 года—слишкомъ увеличены.

Болѣе всего студенты и воспитанники успѣли въ наукахъ богословскихъ, которыя, при всякомъ возможномъ случаѣ, повторяются и на прочихъ кафедрахъ, что въ особенности замѣчено мною на лекціяхъ профессора Городчанинова, который правила словесности объясняетъ по псалтырю и библіи.

Успѣхи студентовъ по прочимъ предметамъ нравственно-политическаго факультета весьма слабы. Причиною—недостатокъ въ преподавателяхъ, въ чемъ можно удостовѣриться изъ слѣдующаго обозрѣнія: профессоръ философіи и преподаватель правъ Сергѣевъ—другой годъ въ отпуску; политическую экономію, дипломатику, исторію философскихъ системъ, практическую чистую и прикладную логику—читаетъ одинъ профессоръ латинской словесности Караблиновъ, который образовался и служилъ до сего времени въ семинаріи; россійское уголовное, гражданское и публичное право—преподаетъ кандидатъ, исправляя, вмѣстѣ съ тѣмъ, должность учителя въ гимназіи; судопроизводство, право римское, конституціи Англіи, Франціи и Польши—читаетъ адъюнктъ Протасовъ, имѣющій весьма слабыя свѣдѣнія о представительномъ правленіи и, притомъ, обязанный преподавать вновь введенное право византійское, для котораго не имѣетъ онъ нужныхъ пособій.

Успѣхи въ математикѣ, по особенному усердію и познаніямъ профессоровъ Никольскаго и Лобачевскаго—очень хороши. Въ астрономіи можно ожидать желаемаго успѣха отъ способности профессора Симонова, который недавно началъ преподаваніе. Въ физикѣ, по обширнымъ познаніямъ профессора Купфера, можно бы было ожидать успѣховъ, если бы онъ въ состояніи былъ читать лекціи на русскомъ языкѣ, но какъ онъ, по кратковременному пребыванію въ Россіи, совершенно почти не знаетъ нашего языка, то и не пріобрѣтается никакой пользы отъ его свѣдѣній, ибо слушатели его весьма слабы въ познаніи французскаго языка. При испытаніи, сдѣланномъ мною при ректорѣ и при самомъ преподавателѣ, нашлось не болѣе 7 или 8 студентовъ, которые въ состояніи были понимать лекцію. Изъ нихъ два или три человѣка могли отвѣчать по французски профессору, прочіе пять отвѣчали на русскомъ языкѣ, а остальные 12 совсѣмъ ничего не понимали; и потому, когда я требовалъ перевести то, что преподаетъ профессоръ, сіи послѣдніе не могли удовлетворить моего требованія.

12. Какіе успѣхи оказываютъ студенты или, вообще, слушатели лекцій при университетѣ и ученики гимназіи въ наукахъ и языкахъ и, въ особенности, древнихъ.

Для испытанія успѣховъ студентовъ и воспитанниковъ я посѣщалъ всѣ лекціи и классы; на нѣкоторыхъ былъ не однократно, и по самой строгой справедливости долженъ сказать, что успѣхи въ наукахъ и языкахъ въ отчетѣ 1825 года—слишкомъ увеличены.

Болѣе всего студенты и воспитанники успѣли въ наукахъ богословскихъ, которыя, при всякомъ возможномъ случаѣ, повторяются и на прочихъ кафедрахъ, что въ особенности замѣчено мною на лекціяхъ профессора Городчанинова, который правила словесности объясняетъ по псалтырю и библіи.

Успѣхи студентовъ по прочимъ предметамъ нравственно-политическаго факультета весьма слабы. Причиною—недостатокъ въ преподавателяхъ, въ чемъ можно удостовѣриться изъ слѣдующаго обозрѣнія: профессоръ философіи и преподаватель правъ Сергѣевъ—другой годъ въ отпуску; политическую экономію, дипломатику, исторію философскихъ системъ, практическую чистую и прикладную логику—читаетъ одинъ профессоръ латинской словесности Караблиновъ, который образовался и служилъ до сего времени въ семинаріи; россійское уголовное, гражданское и публичное право—преподаетъ кандидатъ, исправляя, вмѣстѣ съ тѣмъ, должность учителя въ гимназіи; судопроизводство, право римское, конституціи Англіи, Франціи и Польши—читаетъ адъюнктъ Протасовъ, имѣющій весьма слабыя свѣдѣнія о представительномъ правленіи и, притомъ, обязанный преподавать вновь введенное право византійское, для котораго не имѣетъ онъ нужныхъ пособій.

Успѣхи въ математикѣ, по особенному усердію и познаніямъ профессоровъ Никольскаго и Лобачевскаго—очень хороши. Въ астрономіи можно ожидать желаемаго успѣха отъ способности профессора Симонова, который недавно началъ преподаваніе. Въ физикѣ, по обширнымъ познаніямъ профессора Купфера, можно бы было ожидать успѣховъ, если бы онъ въ состояніи былъ читать лекціи на русскомъ языкѣ, но какъ онъ, по кратковременному пребыванію въ Россіи, совершенно почти не знаетъ нашего языка, то и не пріобрѣтается никакой пользы отъ его свѣдѣній, ибо слушатели его весьма слабы въ познаніи французскаго языка. При испытаніи, сдѣланномъ мною при ректорѣ и при самомъ преподавателѣ, нашлось не болѣе 7 или 8 студентовъ, которые въ состояніи были понимать лекцію. Изъ нихъ два или три человѣка могли отвѣчать по французски профессору, прочіе пять отвѣчали на русскомъ языкѣ, а остальные 12 совсѣмъ ничего не понимали; и потому, когда я требовалъ перевести то, что преподаетъ профессоръ, сіи послѣдніе не могли удовлетворить моего требованія.

О медицинскомъ факультетѣ я не могу судить, но объ успѣхахъ по сей части заключаю какъ по познаніямъ профессоровъ, пріобрѣтшихъ почти общее уваженіе города теоретическими и практическими свѣдѣніями, такъ и по успѣшному упражненію въ медицинѣ выпускаемыхъ изъ университета лекарей.

Успѣхи въ прочихъ частяхъ—весьма посредственны. Словесность французская и нѣмецкая ограничивается почти начальными основаніями языковъ. Для лучшей видимости имѣю честь представить при семъ отобранныя у студентовъ тетради, лучше всего свидѣтельствующія степень ихъ познанія. Успѣхи въ древнихъ языкахъ, судя по замѣчанію преосвященнаго Амвросія архіепископа—довольно изрядны.

Россійская словесность, науки историческія, географія и статистика—преподаются нѣкоторыми профессорами, именно Городчаниновымъ и Баженовымъ, довольно хорошо, но успѣхи студентовъ не отвѣчаютъ ожиданію, какъ по малому числу лекцій, назначенныхъ для каждой кафедры, такъ и по краткому термину университетскаго курса, а въ словесности особенно по введенному правилу обращать большею частію занятія на разборъ священнаго писанія.

Въ гимназіи успѣхи во всѣхъ, вообще, наукахъ и языкахъ—очень ограничены; но не могу отнести сего къ директору гимназіи, недавно переведенному изъ Пензы и заслуживающему начальственное вниманіе по способности и нравственности.

13. Обучается ли юношество въ университетѣ и гимназіи съ надлежащимъ тщаніемъ россійскому языку и отечественной словесности. Внушаются ли, при всякомъ удобномъ случаѣ, преданность къ престолу и повиновеніе къ властямъ, укрѣпляется ли въ юныхъ сердцахъ питомцевъ любовь къ родинѣ и ко всему отечественному.

Для обученія юношества россійскому языку и отечественной словесности хотя прилагается тщаніе, но при семъ должно замѣтить, что практическое занятіе студентовъ и учениковъ по сей части состоитъ, единственно почти, въ разборѣ разныхъ мѣстъ изъ библіи и, въ особенности, псалтыря. Я имѣю честь представить собственному разсмотрѣнію вашего высокопревосходительства: полезно ли людей, готовящихся для гражданской и военной службы, усовершенствовать единственно въ духовномъ краснорѣчіи?

Преданность къ престолу, повиновеніе властямъ и любовь къ родинѣ—внушаются достаточно.

О медицинскомъ факультетѣ я не могу судить, но объ успѣхахъ по сей части заключаю какъ по познаніямъ профессоровъ, пріобрѣтшихъ почти общее уваженіе города теоретическими и практическими свѣдѣніями, такъ и по успѣшному упражненію въ медицинѣ выпускаемыхъ изъ университета лекарей.

Успѣхи въ прочихъ частяхъ—весьма посредственны. Словесность французская и нѣмецкая ограничивается почти начальными основаніями языковъ. Для лучшей видимости имѣю честь представить при семъ отобранныя у студентовъ тетради, лучше всего свидѣтельствующія степень ихъ познанія. Успѣхи въ древнихъ языкахъ, судя по замѣчанію преосвященнаго Амвросія архіепископа—довольно изрядны.

Россійская словесность, науки историческія, географія и статистика—преподаются нѣкоторыми профессорами, именно Городчаниновымъ и Баженовымъ, довольно хорошо, но успѣхи студентовъ не отвѣчаютъ ожиданію, какъ по малому числу лекцій, назначенныхъ для каждой кафедры, такъ и по краткому термину университетскаго курса, а въ словесности особенно по введенному правилу обращать большею частію занятія на разборъ священнаго писанія.

Въ гимназіи успѣхи во всѣхъ, вообще, наукахъ и языкахъ—очень ограничены; но не могу отнести сего къ директору гимназіи, недавно переведенному изъ Пензы и заслуживающему начальственное вниманіе по способности и нравственности.

13. Обучается ли юношество въ университетѣ и гимназіи съ надлежащимъ тщаніемъ россійскому языку и отечественной словесности. Внушаются ли, при всякомъ удобномъ случаѣ, преданность къ престолу и повиновеніе къ властямъ, укрѣпляется ли въ юныхъ сердцахъ питомцевъ любовь къ родинѣ и ко всему отечественному.

Для обученія юношества россійскому языку и отечественной словесности хотя прилагается тщаніе, но при семъ должно замѣтить, что практическое занятіе студентовъ и учениковъ по сей части состоитъ, единственно почти, въ разборѣ разныхъ мѣстъ изъ библіи и, въ особенности, псалтыря. Я имѣю честь представить собственному разсмотрѣнію вашего высокопревосходительства: полезно ли людей, готовящихся для гражданской и военной службы, усовершенствовать единственно въ духовномъ краснорѣчіи?

Преданность къ престолу, повиновеніе властямъ и любовь къ родинѣ—внушаются достаточно.

14. Сколько состоитъ нынѣ студентовъ въ каждомъ факультетѣ и сколько съ 1819 года по каждому изъ нихъ выпущено студентовъ, совершенно кончившихъ курсъ наукъ. Такъ же: какую пользу принесла съ того времени казанская гимназія.

По представленному отъ инспектора Брашмана свѣдѣнію, исчислено студентовъ по факультетамъ: нравственно-политическому—26, физико-математическому—20, этико-филологическому — 38, и медико-хирургическому—20 человѣкъ.

Съ 1819 года выпущено всѣхъ студентовъ, кончившихъ полный курсъ, по факультетамъ: нравственно-политическому—37, физико-математическому—28, этико-филологическому—29, медико-хирургическому—17.

Въ казанской гимназіи приготовлено въ студенты, съ 1805 по 1819 годъ—165, а съ 1819 по 1826 годъ—89; выпущено въ учители, съ 1805 по 1819 годъ—22, съ 1819 по 1826 годъ—12 человѣкъ.

15. Въ какомъ положеніи и достаточны ли учебныя пособія университета и гимназіи. Относительно къ первому: въ порядкѣ ли кабинеты физическій, минералогическій, натуральной исторіи, химическая лабораторія и другія учебныя въ семъ родѣ заведенія, равно какъ и библіотека, и есть ли имъ исправныя описи.

Кабинеты: физическій—довольно достаточенъ, минералогическій и натуральной исторіи—весьма бѣдны, кабинетъ нумизматическій имѣетъ много монетъ азіатскихъ, но весьма мало греческихъ, римскихъ и другихъ знатнѣйшихъ европейскихъ монархій. Всѣ сіи кабинеты, по перемѣщеніи въ большой университетскій корпусъ, расположены довольно хорошо, но пренебрежено самое главное дѣло: нѣтъ полныхъ описей, изъ которыхъ можно бы было видѣть отъ кого, когда и какія пріобрѣтались вещи, всегда ли сдавались отъ одного другому исправно; безъ сего нельзя удостовѣриться въ цѣлости всѣхъ вещей, принадлежащихъ кабинетамъ. Химическая лабораторія и медицинскій институтъ терпятъ недостатокъ во многихъ инструментахъ, хотя въ 1823-мъ году правленіе университета отослало къ г. попечителю 5000 рублей для покупки нужныхъ по сей части инструментовъ и, вслѣдствіе того, поручено было отправленному въ Парижъ профессору Купферу заказать нужные инструменты въ Германіи, но Купферъ, издержавъ на путешествіе свое 4.500 руб., не исполнилъ порученія потому, что онъ не получилъ отъ г. попечителя назначенные для сихъ инструментовъ 5000 рублей.

Для умноженія инструментовъ астрономическихъ и физическихъ такъ же назначено было употребить изъ хозяйственной суммы 40.000 руб., которые въ 1823-мъ году отосланы къ попечителю, а отъ него, за удержаніемъ 5.000 руб., послѣдніе 35.000 рублей переданы въ

14. Сколько состоитъ нынѣ студентовъ въ каждомъ факультетѣ и сколько съ 1819 года по каждому изъ нихъ выпущено студентовъ, совершенно кончившихъ курсъ наукъ. Такъ же: какую пользу принесла съ того времени казанская гимназія.

По представленному отъ инспектора Брашмана свѣдѣнію, исчислено студентовъ по факультетамъ: нравственно-политическому—26, физико-математическому—20, этико-филологическому—38, и медико-хирургическому—20 человѣкъ.

Съ 1819 года выпущено всѣхъ студентовъ, кончившихъ полный курсъ, по факультетамъ: нравственно-политическому—37, физико-математическому—28, этико-филологическому—29, медико-хирургическому—17.

Въ казанской гимназіи приготовлено въ студенты, съ 1805 по 1819 годъ—165, а съ 1819 по 1826 годъ—89; выпущено въ учители, съ 1805 по 1819 годъ—22, съ 1819 по 1826 годъ—12 человѣкъ.

15. Въ какомъ положеніи и достаточны ли учебныя пособія университета и гимназіи. Относительно къ первому: въ порядкѣ ли кабинеты физическій, минералогическій, натуральной исторіи, химическая лабораторія и другія учебныя въ семъ родѣ заведенія, равно какъ и библіотека, и есть ли имъ исправныя описи.

Кабинеты: физическій—довольно достаточенъ, минералогическій и натуральной исторіи—весьма бѣдны, кабинетъ нумизматическій имѣетъ много монетъ азіатскихъ, но весьма мало греческихъ, римскихъ и другихъ знатнѣйшихъ европейскихъ монархій. Всѣ сіи кабинеты, по перемѣщеніи въ большой университетскій корпусъ, расположены довольно хорошо, но пренебрежено самое главное дѣло: нѣтъ полныхъ описей, изъ которыхъ можно бы было видѣть отъ кого, когда и какія пріобрѣтались вещи, всегда ли сдавались отъ одного другому исправно; безъ сего нельзя удостовѣриться въ цѣлости всѣхъ вещей, принадлежащихъ кабинетамъ. Химическая лабораторія и медицинскій институтъ терпятъ недостатокъ во многихъ инструментахъ, хотя въ 1823-мъ году правленіе университета отослало къ г. попечителю 5000 рублей для покупки нужныхъ по сей части инструментовъ и, вслѣдствіе того, поручено было отправленному въ Парижъ профессору Купферу заказать нужные инструменты въ Германіи, но Купферъ, издержавъ на путешествіе свое 4.500 руб., не исполнилъ порученія потому, что онъ не получилъ отъ г. попечителя назначенные для сихъ инструментовъ 5000 рублей.

Для умноженія инструментовъ астрономическихъ и физическихъ также назначено было употребить изъ хозяйственной суммы 40.000 руб., которые въ 1823-мъ году отосланы къ попечителю, а отъ него, за удержаніемъ 5.000 руб., послѣдніе 35.000 рублей переданы въ

распоряженіе посланнаго тогда въ Вѣну и Парижъ профессора Симонова; изъ удержанныхъ же г. попечителемъ 5000 руб. куплено у Роспини разныхъ вещей на 2800 руб., выдано профессору Купферу на путешествіе въ Парижъ 2000 рублей.

Отчетъ профессора Симонова въ 35.000 рубляхъ показываетъ, что, по дозволенію г. попечителя, употреблено изъ сихъ суммъ на путешествіе Симонова 3300 руб., выдано профессору Купферу для пребыванія въ Парижѣ и на обратное путешествіе—2500 руб., куплено и заказано астрономическихъ и физическихъ инструментовъ—на 18.464 руб.; послѣдніе 10.935 рублей отосланы обратно къ г. попечителю. Если всѣ купленныя и заказанныя вещи доставлены будутъ въ университетъ, тогда обсерваторія будетъ имѣть достаточное количество инструментовъ.

На вопросъ мой, куда поступили означенныя, посланныя къ г. попечителю, деньги,—изъ правленія 5000 руб. и отъ профессора Симонова 10.935 руб.,—получилъ я отзывъ отъ г. попечителя, что деньги хранятся у него въ С.-Петербургѣ, для расплаты по векселямъ за заказанныя вещи. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что Купферъ на ассигнованные въ 1823-мъ году 5000 руб. и хранящіеся у попечителя—никакихъ вещей не заказывалъ; слѣдовательно—не за что будетъ и расплачиваться.

Библіотека послѣ смерти профессора Кондырева, при многихъ перемѣнахъ библіотекарей—не была надлежащимъ образомъ повѣрена и принята по описямъ, исключая нѣкоторой только части. Хотя совѣтъ распорядился поручить г.г. профессорамъ Лобачевскому, Лентовскому и библіотекарю Кондакову повѣрить оную по документамъ, но распоряженіе сіе, по другимъ занятіямъ означенныхъ чиновниковъ, не выполнено до сего времени и, потому, нѣтъ удостовѣренія о цѣлости всѣхъ книгъ. Впрочемъ, библіотека приводится теперь въ наружный порядокъ адъюнктомъ Краузе. Она заключаетъ въ себѣ болѣе 22.000 книгъ, но, при всемъ томъ, имѣетъ совершенный недостатокъ въ сочиненіяхъ послѣдняго времени, отчего и самые преподаватели не имѣютъ нужныхъ пособій для усовершенствованія своихъ частей.

В. По части хозяйственной.

16. Надежны ли зданія университета и гимназіи, не требуютъ ли они въ нѣкоторыхъ частяхъ починокъ, передѣлокъ и исправленій. Усматривается ли удобность въ расположеніи сихъ зданій на тотъ конецъ, на какой они предназначены.

Главные корпуса университета и гимназіи, по свидѣтельству губернскаго и университетскаго архитекторовъ, вмѣстѣ съ командированными отъ меня чиновникомъ министерства народнаго просвѣщенія, камеръ-юнкеромъ Желтухинымъ, и совѣтникомъ Карнѣевымъ—

распоряженіе посланнаго тогда въ Вѣну и Парижъ профессора Симонова; изъ удержанныхъ же г. попечителемъ 5000 руб. куплено у Роспини разныхъ вещей на 2800 руб., выдано профессору Купферу на путешествіе въ Парижъ 2000 рублей.

Отчетъ профессора Симонова въ 35.000 рубляхъ показываетъ, что, по дозволенію г. попечителя, употреблено изъ сихъ суммъ на путешествіе Симонова 3300 руб., выдано профессору Купферу для пребыванія въ Парижѣ и на обратное путешествіе—2500 руб., куплено и заказано астрономическихъ и физическихъ инструментовъ—на 18.464 руб.; послѣдніе 10.935 рублей отосланы обратно къ г. попечителю. Если всѣ купленныя и заказанныя вещи доставлены будутъ въ университетъ, тогда обсерваторія будетъ имѣть достаточное количество инструментовъ.

На вопросъ мой, куда поступили означенныя, посланныя къ г. попечителю, деньги,—изъ правленія 5000 руб. и отъ профессора Симонова 10.935 руб.,—получилъ я отзывъ отъ г. попечителя, что деньги хранятся у него въ С.-Петербургѣ, для расплаты по векселямъ за заказанныя вещи. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что Купферъ на ассигнованные въ 1823-мъ году 5000 руб. и хранящіеся у попечителя—никакихъ вещей не заказывалъ; слѣдовательно—не за что будетъ и расплачиваться.

Библіотека послѣ смерти профессора Кондырева, при многихъ перемѣнахъ библіотекарей—не была надлежащимъ образомъ повѣрена и принята по описямъ, исключая нѣкоторой только части. Хотя совѣтъ распорядился поручить г.г. профессорамъ Лобачевскому, Лентовскому и библіотекарю Кондакову повѣрить оную по документамъ, но распоряженіе сіе, по другимъ занятіямъ означенныхъ чиновниковъ, не выполнено до сего времени и, потому, нѣтъ удостовѣренія о цѣлости всѣхъ книгъ. Впрочемъ, библіотека приводится теперь въ наружный порядокъ адъюнктомъ Краузе. Она заключаетъ въ себѣ болѣе 22.000 книгъ, но, при всемъ томъ, имѣетъ совершенный недостатокъ въ сочиненіяхъ послѣдняго времени, отчего и самые преподаватели не имѣютъ нужныхъ пособій для усовершенствованія своихъ частей.

В. По части хозяйственной.

16. Надежны ли зданія университета и гимназіи, не требуютъ ли они въ нѣкоторыхъ частяхъ починокъ, передѣлокъ и исправленій. Усматривается ли удобность въ расположеніи сихъ зданій на тотъ конецъ, на какой они предназначены.

Главные корпуса университета и гимназіи, по свидѣтельству губернскаго и университетскаго архитекторовъ, вмѣстѣ съ командированными отъ меня чиновникомъ министерства народнаго просвѣщенія, камеръ-юнкеромъ Желтухинымъ, и совѣтникомъ Карнѣевымъ—

найдены благонадежными, исключая трехъ корпусовъ гимназіи, въ которыхъ помѣщены столовая, кухня и учители; одинъ изъ сихъ корпусовъ, при входѣ на дворъ съ Чернаго Озера на лѣвой рукѣ, приходитъ въ совершенное разрушеніе.

Всѣ сіи три корпуса имѣютъ еще невыгодное расположеніе, особенно столовая, куда воспитанники во всякое время года должны ходить черезъ дворъ.

17. Въ цѣлости ли и исправности содержится собственность университета и гимназіи, законно ли расходуются суммы и остатки ихъ состоятъ ли въ наличности. Наблюдается ли надлежащій порядокъ въ производствѣ и храненіи дѣлъ, въ веденіи шнуровыхъ книгъ и отчетовъ, представляются ли сіи послѣдніе, куда слѣдуетъ, въ назначенное время.

Собственность университета и гимназіи, заключающаяся въ зданіяхъ, состоитъ въ цѣлости и исправности, кромѣ нѣкоторыхъ зданій гимназіи, о которыхъ, какъ равно и на счетъ кабинетовъ и библіотеки, объясняется особо.

О законности расходовъ, по непредставленію надлежащихъ отчетовъ, нельзя сдѣлать общаго соображенія, но, разсматривая частно сіи расходы, я нашелъ, что по предписаніямъ попечителя многіе значительные расходы производились безъ утвержденія министерства, на счетъ суммъ ассигнованныхъ совершенно для другихъ предметовъ. Приложенные къ дѣлу документы покажутъ, частью, подобныя незаконныя распоряженія суммами, каковыя дѣйствія требуютъ строгаго обревизованія всѣхъ денежныхъ отчетовъ и книгъ, не разсмотрѣнныхъ до сего времени въ контролѣ.

Наличной суммы къ 1-му марта, по свидѣтельству, оказалось на лицо, ассигнаціями и мѣдною монетою—205.369 руб. 67 коп., билетами сохранной казны московскаго опекунскаго совѣта—191.952 руб. 35 коп., а всего въ наличности—396.322 рубл. 25³/₄ коп. Въ числѣ наличной суммы показывается 7.997 руб. 25³/₄ коп., выданныхъ, по особо заведенной книгѣ, разнымъ чинамъ въ число жалованья, и подъ особыя росписки—3.078 руб. 10 коп.; но то ли самое число должно быть—безъ обревизованія всѣхъ отчетовъ университета въ контролѣ утвердить нельзя.

Дѣла правленія, совѣта и строительнаго комитета—въ безпорядкѣ. Нѣтъ ни настольныхъ, ни докладныхъ регистровъ; въ правленіи дѣлается исполненіе по однимъ краткимъ журналамъ, а протоколовъ не составляется даже по самымъ денежнымъ выдачамъ. Журналы комитета въ подлинникѣ подвязываются къ дѣламъ; журналы или протоколы совѣта при каждой почти перемѣнѣ секретаря перемѣняютъ свою форму. Приложенная къ дѣлу записка показываетъ, что безпорядки, замѣченные въ протоколахъ совѣта, выходятъ изъ всякой мѣры.

найдены благонадежными, исключая трехъ корпусовъ гимназіи, въ которыхъ помѣщены столовая, кухня и учители; одинъ изъ сихъ корпусовъ, при входѣ на дворъ съ Чернаго Озера на лѣвой рукѣ, приходитъ въ совершенное разрушеніе.

Всѣ сіи три корпуса имѣютъ еще невыгодное расположеніе, особенно столовая, куда воспитанники во всякое время года должны ходить черезъ дворъ.

17. Въ цѣлости ли и исправности содержится собственность университета и гимназіи, законно ли расходуются суммы и остатки ихъ состоятъ ли въ наличности. Наблюдается ли надлежащій порядокъ въ производствѣ и храненіи дѣлъ, въ веденіи шнуровыхъ книгъ и отчетовъ, представляются ли сіи послѣдніе, куда слѣдуетъ, въ назначенное время.

Собственность университета и гимназіи, заключающаяся въ зданіяхъ, состоитъ въ цѣлости и исправности, кромѣ нѣкоторыхъ зданій гимназіи, о которыхъ, какъ равно и на счетъ кабинетовъ и библіотеки, объясняется особо.

О законности расходовъ, по непредставленію надлежащихъ отчетовъ, нельзя сдѣлать общаго соображенія, но, разсматривая частно сіи расходы, я нашелъ, что по предписаніямъ попечителя многіе значительные расходы производились безъ утвержденія министерства, на счетъ суммъ ассигнованныхъ совершенно для другихъ предметовъ. Приложенные къ дѣлу документы покажутъ, частью, подобныя незаконныя распоряженія суммами, каковыя дѣйствія требуютъ строгаго обревизованія всѣхъ денежныхъ отчетовъ и книгъ, не разсмотрѣнныхъ до сего времени въ контролѣ.

Наличной суммы къ 1-му марта, по свидѣтельству, оказалось на лицо, ассигнаціями и мѣдною монетою—205.369 руб. 67 коп., билетами сохранной казны московскаго опекунскаго совѣта—191.952 руб. 35 коп., а всего въ наличности—396.322 рубл. $25^3/_4$ коп. Въ числѣ наличной суммы показывается 7.997 руб. $25^3/_4$ коп., выданныхъ, по особо заведенной книгѣ, разнымъ чинамъ въ число жалованья, и подъ особыя росписки—3.078 руб. 10 коп.; но то ли самое число должно быть—безъ обревизованія всѣхъ отчетовъ университета въ контролѣ утвердить нельзя.

Дѣла правленія, совѣта и строительнаго комитета—въ безпорядкѣ. Нѣтъ ни настольныхъ, ни докладныхъ регистровъ; въ правленіи дѣлается исполненіе по однимъ краткимъ журналамъ, а протоколовъ не составляется даже по самымъ денежнымъ выдачамъ. Журналы комитета въ подлинникѣ подвязываются къ дѣламъ; журналы или протоколы совѣта при каждой почти перемѣнѣ секретаря перемѣняютъ свою форму. Приложенная къ дѣлу записка показываетъ, что безпорядки, замѣченные въ протоколахъ совѣта, выходятъ изъ всякой мѣры.

Дѣла, хранящіяся въ архивѣ, по свидѣтельству коллежскаго совѣтника Есипова съ директоромъ и безсмѣннымъ засѣдателемъ, найдены въ небреженіи, въ одной комнатѣ, на полкахъ и столахъ, безъ всякаго порядка и разбора по годамъ и предметамъ и, притомъ, дѣла совѣта, правленія и гимназіи смѣшаны вмѣстѣ.

Приходо-расходныя книги университета на ревизію, какъ выше сказано, никогда отсылаемы не были.

18. Свидѣтельствуются ли казенныя суммы ежемѣсячно, а казенное имущество хотя единожды въ годъ, и кѣмъ именно.

Денежныя суммы свидѣтельствуются ежемѣсячно всѣми членами правленія, что видно изъ книгъ, въ коихъ записывается, вкратцѣ, общій итогъ прихода и расхода денежныхъ суммъ университета, прочее же казенное имущество, особенно кабинеты и библіотека, не только никогда не свидѣтельствуются, но не имѣютъ вѣрныхъ сдаточныхъ описей, изъ которыхъ можно было бы удостовѣриться въ цѣлости казеннаго имущества, о чемъ выше изложено подробно.

19. Добротны ли запасы, пріобрѣтаемые университетомъ и гимназіею изъ частныхъ рукъ. За выгодную ли для казны цѣну они пріобрѣтаются и соблюдается ли благоразумная бережливость въ расходованіи ихъ.

Запасы, нужные для университета и гимназіи, пріобрѣтаютъ покупкою и чрезъ подряды, по мѣрѣ надобности. Найденные на лицо, въ небольшемъ количествѣ, запасы—довольно добротны. При подрядахъ и покупкахъ по сей части принимаются въ основаніе справочныя цѣны, а потому цѣны подрядныя ниже справочныхъ. Въ расходованіи припасовъ неумѣренности не замѣчено. Покупку же можно бы было дѣлать выгоднѣе, какъ мнѣ оное лично извѣстно по моему здѣсь проживанію, но противузаконнаго доказать нельзя, ибо цѣны справочныя слишкомъ высоки.

20. Сохраняется ли опрятность и чистота во всемъ, что касается до помѣщенія, одежды и пищи учащихся; освѣжается ли надлежащимъ образомъ воздухъ и принимаются ли другія необходимыя предосторожности къ сохраненію ихъ здоровья.

Комнаты и одежда студентовъ и воспитанниковъ гимназіи содержатся чисто и опрятно; воздухъ освѣжается и, вообще, всѣ по сему предмету распоряженія директора и экзекутора заслуживаютъ одобренія. Пища, по отпускаемой суммѣ въ день на каждаго студента, могла бы быть лучше при бдительномъ экономическомъ надзорѣ, хотя не могу и теперь оную охуждать.

Дѣла, хранящіяся въ архивѣ, по свидѣтельству коллежскаго совѣтника Есипова съ директоромъ и безсмѣннымъ засѣдателемъ, найдены въ небреженіи, въ одной комнатѣ, на полкахъ и столахъ, безъ всякаго порядка и разбора по годамъ и предметамъ и, притомъ, дѣла совѣта, правленія и гимназіи смѣшаны вмѣстѣ.

Приходо-расходныя книги университета на ревизію, какъ выше сказано, никогда отсылаемы не были.

18. Свидѣтельствуются ли казенныя суммы ежемѣсячно, а казенное имущество хотя единожды въ годъ, и кѣмъ именно.

Денежныя суммы свидѣтельствуются ежемѣсячно всѣми членами правленія, что видно изъ книгъ, въ коихъ записывается, вкратцѣ, общій итогъ прихода и расхода денежныхъ суммъ университета, прочее же казенное имущество, особенно кабинеты и библіотека, не только никогда не свидѣтельствуются, но не имѣютъ вѣрныхъ сдаточныхъ описей, изъ которыхъ можно было бы удостовѣриться въ цѣлости казеннаго имущества, о чемъ выше изложено подробно.

19. Добротны ли запасы, пріобрѣтаемые университетомъ и гимназіею изъ частныхъ рукъ. За выгодную ли для казны цѣну они пріобрѣтаются и соблюдается ли благоразумная бережливость въ расходованіи ихъ.

Запасы, нужные для университета и гимназіи, пріобрѣтаютъ покупкою и чрезъ подряды, по мѣрѣ надобности. Найденные на лицо, въ небольшемъ количествѣ, запасы—довольно добротны. При подрядахъ и покупкахъ по сей части принимаются въ основаніе справочныя цѣны, а потому цѣны подрядныя ниже справочныхъ. Въ расходованіи припасовъ неумѣренности не замѣчено. Покупку же можно бы было дѣлать выгоднѣе, какъ мнѣ оное лично извѣстно по моему здѣсь проживанію, но противузаконнаго доказать нельзя, ибо цѣны справочныя слишкомъ высоки.

20. Сохраняется ли опрятность и чистота во всемъ, что касается до помѣщенія, одежды и пищи учащихся; освѣжается ли надлежащимъ образомъ воздухъ и принимаются ли другія необходимыя предосторожности къ сохраненію ихъ здоровья.

Комнаты и одежда студентовъ и воспитанниковъ гимназіи содержатся чисто и опрятно; воздухъ освѣжается и, вообще, всѣ по сему предмету распоряженія директора и экзекутора заслуживаютъ одобренія. Пища, по отпускаемой суммѣ въ день на каждаго студента, могла бы быть лучше при бдительномъ экономическомъ надзорѣ, хотя не могу и теперь оную охуждать.

21. Сдѣланы ли нужныя распоряженія къ предохраненію зданій отъ опасности огня и имѣются ли при нихъ пожарныя орудія и снаряды.

Г. правящій должность директора университета далъ знать, что для предохраненія зданій отъ пожара каждую недѣлю всѣ печи и трубы осматриваетъ экзекуторъ или отряженный благонадежный солдатъ изъ инвалидной университетской команды,—всѣ ли трубы вычищены и не предвидится ли гдѣ какой опасности. На случай пожара находятся въ готовности четыре пожарныя заливныя трубы, съ другими огнегасительными инструментами, и бочка съ водою. Для пріученія инвалидной команды къ скорому и исправному дѣйствію пожарными орудіями ежемѣсячно бываетъ смотръ. Печи на ночь топить не дозволяется. Въ разныхъ мѣстахъ какъ внутри зданій, такъ и внѣ оныхъ и при главныхъ входахъ, поставлены караулы, а въ лѣтнее время поставляются на подвалахъ, въ разныхъ мѣстахъ, кадки съ водою.

По личному свидѣтельству пожарныхъ трубъ и прочихъ огнегасительныхъ инструментовъ найдены оные въ хорошемъ положеніи.

22. Въ какомъ положеніи находится нынѣ типографія, имѣется ли за нею надлежащій присмотръ и сколько приноситъ дохода, за вычетомъ ежегодно употребляемыхъ на нее издержекъ.

Типографія университетская, по недостатку литеръ и, въ особенности, по неимѣнію шрифта, находится совершенно въ скудномъ положеніи, хотя по предписанію попечителя составленъ особый комитетъ для улучшенія сего заведенія, но комитетъ сей въ теченіи трехъ лѣтъ ничего еще не сдѣлалъ.

Типографія состоитъ теперь въ смотрѣніи экстраординарнаго профессора Суровцова и не только не приноситъ никакого дохода, но, если бы не было высочайшаго соизволенія на изданіе „Казанскаго Вѣстника" (за печатаніе коего платится изъ хозяйственной суммы, безъ вычета издержекъ до того времени, какъ журналъ сей будетъ приносить 5000 руб.), то, по недостатку стороннихъ печатаній, типографія затруднялась бы въ содержаніи служителей ея.

Азіятская типографія при казанской гимназіи такъ же находится въ худомъ положеніи и бездѣйствіи и служителямъ съ іюня мѣсяца совершенно прекращено жалованье до тѣхъ поръ, пока типографія не возымѣетъ своего дѣйствія; отъ сего сіи послѣдніе претерпѣваютъ большую нужду.

21. Сдѣланы ли нужныя распоряженія къ предохраненію зданій отъ опасности огня и имѣются ли при нихъ пожарныя орудія и снаряды.

Г. правящій должность директора университета далъ знать, что для предохраненія зданій отъ пожара каждую недѣлю всѣ печи и трубы осматриваетъ экзекуторъ или отряженный благонадежный солдатъ изъ инвалидной университетской команды,—всѣ ли трубы вычищены и не предвидится ли гдѣ какой опасности. На случай пожара находятся въ готовности четыре пожарныя заливныя трубы, съ другими огнегасительными инструментами, и бочка съ водою. Для пріученія инвалидной команды къ скорому и исправному дѣйствію пожарными орудіями ежемѣсячно бываетъ смотръ. Печи на ночь топить не дозволяется. Въ разныхъ мѣстахъ какъ внутри зданій, такъ и внѣ оныхъ и при главныхъ входахъ, поставлены караулы, а въ лѣтнее время поставляются на подвалахъ, въ разныхъ мѣстахъ, кадки съ водою.

По личному свидѣтельству пожарныхъ трубъ и прочихъ огнегасительныхъ инструментовъ найдены оные въ хорошемъ положеніи.

22. Въ какомъ положеніи находится нынѣ типографія, имѣется ли за нею надлежащій присмотръ и сколько приноситъ дохода, за вычетомъ ежегодно употребляемыхъ на нее издержекъ.

Типографія университетская, по недостатку литеръ и, въ особенности, по неимѣнію шрифта, находится совершенно въ скудномъ положеніи, хотя по предписанію попечителя составленъ особый комитетъ для улучшенія сего заведенія, но комитетъ сей въ теченіи трехъ лѣтъ ничего еще не сдѣлалъ.

Типографія состоитъ теперь въ смотрѣніи экстраординарнаго профессора Суровцова и не только не приноситъ никакого дохода, но, если бы не было высочайшаго соизволенія на изданіе „Казанскаго Вѣстника" (за печатаніе коего платится изъ хозяйственной суммы, безъ вычета издержекъ до того времени, какъ журналъ сей будетъ приносить 5000 руб.), то, по недостатку стороннихъ печатаній, типографія затруднялась бы въ содержаніи служителей ея.

Азіятская типографія при казанской гимназіи такъ же находится въ худомъ положеніи и бездѣйствіи и служителямъ съ іюня мѣсяца совершенно прекращено жалованье до тѣхъ поръ, пока типографія не возымѣетъ своего дѣйствія; отъ сего сіи послѣдніе претерпѣваютъ большую нужду.

II

ОСОБЫЕ ПРЕДМЕТЫ ОБОЗРѢНІЯ

А. Распоряженіе строительнымъ капиталомъ

23. Касательно заготовленія строительныхъ матеріаловъ и найма рабочихъ людей.

Распоряженіе строительнымъ капиталомъ началось съ 1820 года, когда, по предписанію министерства народнаго просвѣщенія, велѣно опредѣлить для разныхъ поправокъ и подѣлокъ въ главныхъ университетскихъ корпусахъ 41.000 руб. изъ хозяйственной суммы.

При обозрѣніи дѣла о израсходованіи сихъ денегъ представляется:

1) Для предположенныхъ тогда насчетъ 41.000 руб. поправокъ предварительной смѣты сдѣлано не было.

2) Большая часть матеріаловъ по симъ поправкамъ заготовлялась экзекуторомъ Визгаловымъ. Деньги за поставку сихъ матеріаловъ выдавались изъ правленія по донесеніямъ того жъ Визгалова и, большею частью, безъ надлежащаго удостовѣренія въ томъ, что Визгаловъ дѣйствительно купилъ то самое количество матеріаловъ, какое показано въ его рапортахъ.

3) Въ числѣ расходовъ, допущенныхъ правленіемъ, показываются такія статьи, которыя, при первоначальномъ предположеніи, не были отнесены на счетъ 41.000 руб. и, слѣдовательно, допущены неправильно. Къ числу сихъ расходовъ принадлежитъ: а) устройство пожарныхъ орудій, б) разныя поправки въ квартирѣ директора и проч.

4) По окончаніи поправокъ, произведенныхъ въ теченіи 1820 и 1821 годовъ, должнаго свидѣтельства въ свое время произведено не было, а сдѣлано оное въ 1824 году, когда всѣ поправки въ двухъ домахъ, Тенишевскомъ и Спижарномъ, по случаю перестройки и соединенія съ главнымъ корпусомъ—уничтожились, чрезъ что и нельзя было видѣть, дѣйствительно ли были какія поправки.

Въ 1821-мъ году началось производство на счетъ перестройки и соединенія главныхъ корпусовъ. Дѣло сіе первоначально производилось въ правленіи, а потомъ въ особомъ комитетѣ, который о порядкѣ заготовленія матеріаловъ и найма рабочихъ людей донесъ: „Во всѣхъ подрядахъ и наймахъ комитетъ руководствовался наставленіями, данными отъ г. попечителя строительному комитету, на основаніи которыхъ почиталъ онъ себя въ правѣ избирать всякаго рода хозяйственные способы, какіе для пользы казны могутъ представится, въ каковомъ мнѣніи еще болѣе утвержденъ былъ предложеніемъ г. попечителя казанскаго учебнаго округа правленію университета отъ 17 апрѣля 1823 г., за № 452-мъ, которое въ копіи въ дѣлѣ прилагается; порядокъ въ подрядахъ

II

ОСОБЫЕ ПРЕДМЕТЫ ОБОЗРѢНІЯ

А. Распоряженіе строительнымъ капиталомъ

23. Касательно заготовленія строительныхъ матеріаловъ и найма рабочихъ людей.

Распоряженіе строительнымъ капиталомъ началось съ 1820 года, когда, по предписанію министерства народнаго просвѣщенія, велѣно опредѣлить для разныхъ поправокъ и подѣлокъ въ главныхъ университетскихъ корпусахъ 41.000 руб. изъ хозяйственной суммы.

При обозрѣніи дѣла о израсходованіи сихъ денегъ представляется:

1) Для предположенныхъ тогда насчетъ 41.000 руб. поправокъ предварительной смѣты сдѣлано не было.

2) Большая часть матеріаловъ по симъ поправкамъ заготовлялась экзекуторомъ Визгаловымъ. Деньги за поставку сихъ матеріаловъ выдавались изъ правленія по донесеніямъ того жъ Визгалова и, большею частью, безъ надлежащаго удостовѣренія въ томъ, что Визгаловъ дѣйствительно купилъ то самое количество матеріаловъ, какое показано въ его рапортахъ.

3) Въ числѣ расходовъ, допущенныхъ правленіемъ, показываются такія статьи, которыя, при первоначальномъ предположеніи, не были отнесены на счетъ 41.000 руб. и, слѣдовательно, допущены неправильно. Къ числу сихъ расходовъ принадлежитъ: а) устройство пожарныхъ орудій, б) разныя поправки въ квартирѣ директора и проч.

4) По окончаніи поправокъ, произведенныхъ въ теченіи 1820 и 1821 годовъ, должнаго свидѣтельства въ свое время произведено не было, а сдѣлано оное въ 1824 году, когда всѣ поправки въ двухъ домахъ, Тенишевскомъ и Спижарномъ, по случаю перестройки и соединенія съ главнымъ корпусомъ—уничтожились, чрезъ что и нельзя было видѣть, дѣйствительно ли были какія поправки.

Въ 1821-мъ году началось производство на счетъ перестройки и соединенія главныхъ корпусовъ. Дѣло сіе первоначально производилось въ правленіи, а потомъ въ особомъ комитетѣ, который о порядкѣ заготовленія матеріаловъ и найма рабочихъ людей донесъ: „Во всѣхъ подрядахъ и наймахъ комитетъ руководствовался наставленіями, данными отъ г. попечителя строительному комитету, на основаніи которыхъ почиталъ онъ себя въ правѣ избирать всякаго рода хозяйственные способы, какіе для пользы казны могутъ представится, въ каковомъ мнѣніи еще болѣе утвержденъ былъ предложеніемъ г. попечителя казанскаго учебнаго округа правленію университета отъ 17 апрѣля 1823 г., за № 452-мъ, которое въ копіи въ дѣлѣ прилагается; порядокъ въ подрядахъ

и наймахъ наблюдается комитетомъ тотъ, что, когда онъ не видитъ болѣе средствъ къ пониженію цѣнъ, представляетъ на утвержденіе правленію университета, основываясь на статьѣ 3-й наставленія; получивъ согласіе правленія, приступаетъ уже къ исполненію".

При разсмотрѣніи сего дѣла оказалось:

1) При составленіи смѣты допущены значительныя погрѣшности, напримѣръ: а) Нисколько не положено за возку воды, которая впослѣдствіе стоила университету большихъ суммъ, б) За желѣзную крышу полукруглаго строенія, на 960 квадратныхъ саженъ, по 28 рублей за каждую, вмѣсто 26.880 руб. исчислено только 268 руб. 80 коп.

2) Многіе матеріалы и работы обошлись дороже смѣты, какъ то ломка стараго кирпича, кладка цоколя, колонъ и прочихъ вещей, обозначенныхъ въ документѣ при дѣлѣ прилагаемомъ; въ 1821-мъ году сдѣлано еще излишнихъ расходовъ и переторжекъ на 7243 руб. 77 коп., о чемъ показано въ журналѣ правленія 8-го марта 1823 года.

3) Сверхъ смѣты архитекторской сдѣланы въ верхнемъ этажѣ разныя постройки, подвальный этажъ въ Тенишевскомъ домѣ обращенъ въ жилой; употреблено кирпича болѣе предположенія около полутора милліона.

На малярныя работы назначены были торги первый—8-го, второй—19-го ноября, и третій—декабря 3-го числа; о вызовѣ желающихъ сдѣлано распоряженіе. Но 7-го ноября правленіе получило предписаніе г. попечителя о немедленномъ допущеніи къ симъ работамъ крестьянина Петрова по объявленнымъ имъ цѣнамъ. Такимъ образомъ торги—уничтожились, хотя на оные явился новый подрядчикъ Тихановъ.

Членами комитета, большею частью, были: ординарный профессоръ Лобачевскій и адъюнктъ Васильевъ. Лобачевскій въ тоже время имѣлъ три кафедры и былъ деканомъ факультета, а Васильевъ, кромѣ кафедры, также занятъ былъ другими должностями, почему, естественно, должно было родиться упущеніямъ въ производствѣ дѣла, что и найдено мною по части отчетности, ибо за 1824 и 1825 годы отчеты еще не составлены.

Въ 1823-мъ году присланъ отъ г. попечителя новый членъ—коллежскій ассесоръ Калашниковъ, съ жалованьемъ по 2500 руб., но, съ симъ вмѣстѣ, умножились по комитету и безпорядки, ибо г. Калашниковъ, руководимъ будучи особеннымъ предписаніемъ г. попечителя, составилъ отдѣльную коммиссію, занятіе которой состояло въ двухъ дневныхъ журналахъ 26 и 30 іюня 1824 года; потомъ, когда дѣла сіи обратились паки въ строительный комитетъ, безпрерывно подавалъ мнѣнія, которыя безполезно умножили дѣла и произвели личности съ архитекторомъ и профессоромъ Лобачевскимъ.

Что бы судить о пользѣ занятій сего присланнаго отъ г. попечителя чиновника, я приведу здѣсь нѣсколько собственныхъ бумагъ Калашникова: а) 15-го генваря 1824 года онъ подалъ мнѣніе, что содержаніе

и наймахъ наблюдается комитетомъ тотъ, что, когда онъ не видитъ болѣе средствъ къ пониженію цѣнъ, представляетъ на утвержденіе правленію университета, основываясь на статьѣ 3-й наставленія; получивъ согласіе правленія, приступаетъ уже къ исполненію".

При разсмотрѣніи сего дѣла оказалось:

1) При составленіи смѣты допущены значительныя погрѣшности, напримѣръ: а) Нисколько не положено за возку воды, которая впослѣдствіе стоила университету большихъ суммъ, б) За желѣзную крышу полукруглаго строенія, на 960 квадратныхъ саженъ, по 28 рублей за каждую, вмѣсто 26.880 руб. исчислено только 268 руб. 80 коп.

2) Многіе матеріалы и работы обошлись дороже смѣты, какъ то ломка стараго кирпича, кладка цоколя, колонъ и прочихъ вещей, обозначенныхъ въ документѣ при дѣлѣ прилагаемомъ; въ 1821-мъ году сдѣлано еще излишнихъ расходовъ и переторжекъ на 7243 руб. 77 коп., о чемъ показано въ журналѣ правленія 8-го марта 1823 года.

3) Сверхъ смѣты архитекторской сдѣланы въ верхнемъ этажѣ разныя постройки, подвальный этажъ въ Тенишевскомъ домѣ обращенъ въ жилой; употреблено кирпича болѣе предположенія около полутора милліона.

На малярныя работы назначены были торги первый—8-го, второй—19-го ноября, и третій—декабря 3-го числа; о вызовѣ желающихъ сдѣлано распоряженіе. Но 7-го ноября правленіе получило предписаніе г. попечителя о немедленномъ допущеніи къ симъ работамъ крестьянина Петрова по объявленнымъ имъ цѣнамъ. Такимъ образомъ торги—уничтожились, хотя на оные явился новый подрядчикъ Тихановъ.

Членами комитета, большею частью, были: ординарный профессоръ Лобачевскій и адъюнктъ Васильевъ. Лобачевскій въ тоже время имѣлъ три кафедры и былъ деканомъ факультета, а Васильевъ, кромѣ кафедры, также занятъ былъ другими должностями, почему, естественно, должно было родиться упущеніямъ въ производствѣ дѣла, что и найдено мною по части отчетности, ибо за 1824 и 1825 годы отчеты еще не составлены.

Въ 1823-мъ году присланъ отъ г. попечителя новый членъ—коллежскій ассесоръ Калашниковъ, съ жалованьемъ по 2500 руб., но, съ симъ вмѣстѣ, умножились по комитету и безпорядки, ибо г. Калашниковъ, руководимъ будучи особеннымъ предписаніемъ г. попечителя, составилъ отдѣльную коммиссію, занятіе которой состояло въ двухъ дневныхъ журналахъ 26 и 30 іюня 1824 года; потомъ, когда дѣла сіи обратились паки въ строительный комитетъ, безпрерывно подавалъ мнѣнія, которыя безполезно умножили дѣла и произвели личности съ архитекторомъ и профессоромъ Лобачевскимъ.

Что бы судить о пользѣ занятій сего присланнаго отъ г. попечителя чиновника, я приведу здѣсь нѣсколько собственныхъ бумагъ Калашникова: а) 15-го генваря 1824 года онъ подалъ мнѣніе, что содержаніе

четырехъ водовозныхъ лошадей при университетѣ можетъ стоить до 3000 руб. въ годъ,—исчисленіе сіе возродило большую переписку и опровергнуто профессоромъ Никольскимъ; b) въ маѣ мѣсяцѣ 1825 года Калашниковъ противу предположеній профессора Лобачевскаго домогался, что бъ изъ двухъ подрядчиковъ на каменную работу, Дубинина и Родіонова, предпочесть перваго потому, что цѣны имъ объявленныя, по расчету Калашникова, для казны выгоднѣе; правленіе положительно доказало неосновательность разсчета Калашникова и хотя о всѣхъ неосновательныхъ перепискахъ Калашникова профессоръ Никольскій доводилъ до свѣдѣнія г. попечителя, но не получилъ на донесеніе свое никакого разрѣшенія. Не смотря на сіе, Калашниковъ стоитъ университету жалованьемъ болѣе 7000 руб. и получилъ орденъ св. Анны 2-й степени.

Нынѣ, къ удивленію моему, г. Калашниковъ, по предписанію г. попечителя, переводится изъ членовъ строительнаго комитета, не докончивъ отчетности по производимымъ работамъ въ его бытность, въ директоры симбирскихъ училищъ, съ жалованьемъ по 860 руб. вмѣсто нынѣ получаемыхъ 2500 рублей. Если сей чиновникъ удостоенъ дѣйствительно награды, то не слѣдуетъ лишать преимуществъ, коими пользуется; если же переводъ сей производится по какимъ либо его упущеніямъ, то должно ихъ строго разсмотрѣть и не ввѣрять надзоръ и воспитаніе за юношествомъ неблагонадежному.

Сообразивъ всѣ сіи обстоятельства и не видя въ дѣлахъ комитета надлежащей отчетности за два послѣдніе года, я полагаю всѣ книги и счеты по сей постройкѣ немедленно подвергнуть ревизіи контроля, на общемъ узаконеніи основаннаго.

24. Относительно цѣнъ—согласны ли онѣ съ справочными цѣнами, въ то время существовавшими.

По доставленному отъ городового магистрата свѣдѣнію, справочныя цѣны на всѣ, вообще, строительные матеріалы показаны весьма высокими, а потому въ дѣлахъ университетскихъ по заготовленію матеріаловъ и по найму рабочихъ превосходства противу цѣнъ справочныхъ не замѣчено.

25. Разсмотрѣть условія и контракты, если оныя были—все ли по онымъ и въ точности исполнено во время.

Покупка матеріаловъ производилась, большею частію, на коммиссіонерскомъ порядкѣ, контракты же заключаемы были только на поставку извести, нѣкотораго числа кирпича и лѣса, а преимущественно на работы. Въ исправной постановкѣ матеріаловъ при дѣлахъ имѣются свидѣтельства. Что касается до работъ, то въ дѣлѣ есть множество примѣровъ, что контракты по сему случаю не всегда были выполнены въ точности, за что при выдачѣ денегъ удерживались разныя суммы, смотря

четырехъ водовозныхъ лошадей при университетѣ можетъ стоить до 3000 руб. въ годъ,—исчисленіе сіе возродило большую переписку и опровергнуто профессоромъ Никольскимъ; b) въ маѣ мѣсяцѣ 1825 года Калашниковъ противу предположеній профессора Лобачевскаго домогался, что бъ изъ двухъ подрядчиковъ на каменную работу, Дубинина и Родіонова, предпочесть перваго потому, что цѣны имъ объявленныя, по расчету Калашникова, для казны выгоднѣе; правленіе положительно доказало неосновательность разсчета Калашникова и хотя о всѣхъ неосновательныхъ перепискахъ Калашникова профессоръ Никольскій доводилъ до свѣдѣнія г. попечителя, но не получилъ на донесеніе свое никакого разрѣшенія. Не смотря на сіе, Калашниковъ стоитъ университету жалованьемъ болѣе 7000 руб. и получилъ орденъ св. Анны 2-й степени.

Нынѣ, къ удивленію моему, г. Калашниковъ, по предписанію г. попечителя, переводится изъ членовъ строительнаго комитета, не докончивъ отчетности по производимымъ работамъ въ его бытность, въ директоры симбирскихъ училищъ, съ жалованьемъ по 860 руб. вмѣсто нынѣ получаемыхъ 2500 рублей. Если сей чиновникъ удостоенъ дѣйствительно награды, то не слѣдуетъ лишать преимуществъ, коими пользуется; если же переводъ сей производится по какимъ либо его упущеніямъ, то должно ихъ строго разсмотрѣть и не ввѣрять надзоръ и воспитаніе за юношествомъ неблагонадежному.

Сообразивъ всѣ сіи обстоятельства и не видя въ дѣлахъ комитета надлежащей отчетности за два послѣдніе года, я полагаю всѣ книги и счеты по сей постройкѣ немедленно подвергнуть ревизіи контроля, на общемъ узаконеніи основаннаго.

24. Относительно цѣнъ—согласны ли онѣ съ справочными цѣнами, въ то время существовавшими.

По доставленному отъ городового магистрата свѣдѣнію, справочныя цѣны на всѣ, вообще, строительные матеріалы показаны весьма высокими, а потому въ дѣлахъ университетскихъ по заготовленію матеріаловъ и по найму рабочихъ превосходства противу цѣнъ справочныхъ не замѣчено.

25. Разсмотрѣть условія и контракты, если оныя были—все ли по онымъ и въ точности исполнено во время.

Покупка матеріаловъ производилась, большею частію, на коммиссіонерскомъ порядкѣ, контракты же заключаемы были только на поставку известки, нѣкотораго числа кирпича и лѣса, а преимущественно на работы. Въ исправной постановкѣ матеріаловъ при дѣлахъ имѣются свидѣтельства. Что касается до работъ, то въ дѣлѣ есть множество примѣровъ, что контракты по сему случаю не всегда были выполнены въ точности, за что при выдачѣ денегъ удерживались разныя суммы, смотря

по упущенію. Подобное обстоятельство можно видѣть изъ прилагаемыхъ у сего записокъ по просьбамъ разныхъ подрядчиковъ, въ томъ числѣ купца Эренберга, въ сентябрѣ мѣсяцѣ истекшаго года поставившаго заказанную мебель и до сего времени не получающаго платежа денегъ.

26. Всѣ ли поставщики матеріаловъ и подрядчики рабочихъ людей удовлетворены во время.

Поставщики удовлетворялись по мѣрѣ представленія матеріаловъ. Относительно же рабочихъ приложенныя въ дѣлѣ просьбы подрядчиковъ, съ выписками изъ дѣла, Груздева, Дубинина, Родіонова и многіе подобные сему примѣры, замѣченные въ производствѣ строительнаго комитета, показываютъ, что нѣкоторые подрядчики не удовлетворены по своимъ расчетамъ. По несоставленію комитетомъ за 1824 и 1825 годы отчетовъ нельзя съ достовѣрностію сказать, сколько удержано подобныхъ денегъ; но обстоятельство сіе съ подробностію можетъ раскрыться по обревизованіи отчетовъ и книгъ въ контролѣ или особою для того наряженною коммиссіею; теперь же суммы всѣ смѣшаны, да и все еще поступаютъ претензіи въ неплатежѣ за матеріалы и работы.

27. Прочно ли новое строеніе и не сдѣлано ли какихъ либо отступленій въ постройкѣ отъ утвержденныхъ плановъ и по какимъ причинамъ.

О прочности новаго строенія и объ отступленіяхъ отъ плановъ и фасадовъ прилагается къ дѣлу: о первомъ—свидѣтельство губернскаго и университетскаго архитекторовъ, при откомандированныхъ отъ меня чиновникахъ, находящихся при мнѣ, а о послѣднихъ—планъ, фасадъ и записка архитектора Пятницкаго, въ которой подробно изложены всѣ отступленія, сдѣланныя при постройкѣ университетскаго зданія и которыя считаю по доставленію удобнѣйшаго сообщенія и размѣщенія въ зданіи—полезными.

28. Какимъ образомъ комитетъ распоряжается суммами, отпускаемыми въ вѣденіе его и законнымъ ли порядкомъ дѣлаются денежныя выдачи.

Всѣ денежныя суммы по строительной части состоятъ въ распоряженіи правленія, которое производитъ выдачи денегъ по представленіямъ комитета. Относительно же замѣчанія,—законно ли дѣлаются сіи выдачи,—обстоятельство сіе объясняется въ другихъ замѣчаніяхъ, гдѣ говорится о томъ, что расходы превосходятъ смѣту, что деньги иногда выдаются безъ свидѣтельства матеріаловъ. Здѣсь должно только замѣтить, что всѣ, вообще, выдачи по правленію производятся по однимъ журналамъ, безъ узаконенныхъ протоколовъ, безъ наблюденія, что бъ суммы

по упущенію. Подобное обстоятельство можно видѣть изъ прилагаемыхъ у сего записокъ по просьбамъ разныхъ подрядчиковъ, въ томъ числѣ купца Эренберга, въ сентябрѣ мѣсяцѣ истекшаго года поставившаго заказанную мебель и до сего времени не получающаго платежа денегъ.

26. Всѣ ли поставщики матеріаловъ и подрядчики рабочихъ людей удовлетворены во время.

Поставщики удовлетворялись по мѣрѣ представленія матеріаловъ. Относительно же рабочихъ приложенныя въ дѣлѣ просьбы подрядчиковъ, съ выписками изъ дѣла, Груздева, Дубинина, Родіонова и многіе подобные сему примѣры, замѣченные въ производствѣ строительнаго комитета, показываютъ, что нѣкоторые подрядчики не удовлетворены по своимъ расчетамъ. По несоставленію комитетомъ за 1824 и 1825 годы отчетовъ нельзя съ достовѣрностію сказать, сколько удержано подобныхъ денегъ; но обстоятельство сіе съ подробностію можетъ раскрыться по обревизованіи отчетовъ и книгъ въ контролѣ или особою для того наряженною коммиссіею; теперь же суммы всѣ смѣшаны, да и все еще поступаютъ претензіи въ неплатежѣ за матеріалы и работы.

27. Прочно ли новое строеніе и не сдѣлано ли какихъ либо отступленій въ постройкѣ отъ утвержденныхъ плановъ и по какимъ причинамъ.

О прочности новаго строенія и объ отступленіяхъ отъ плановъ и фасадовъ прилагается къ дѣлу: о первомъ—свидѣтельство губернскаго и университетскаго архитекторовъ, при откомандированныхъ отъ меня чиновникахъ, находящихся при мнѣ, а о послѣднихъ—планъ, фасадъ и записка архитектора Пятницкаго, въ которой подробно изложены всѣ отступленія, сдѣланныя при постройкѣ университетскаго зданія и которыя считаю по доставленію удобнѣйшаго сообщенія и размѣщенія въ зданіи—полезными.

28. Какимъ образомъ комитетъ распоряжается суммами, отпускаемыми въ вѣденіе его и законнымъ ли порядкомъ дѣлаются денежныя выдачи.

Всѣ денежныя суммы по строительной части состоятъ въ распоряженіи правленія, которое производитъ выдачи денегъ по представленіямъ комитета. Относительно же замѣчанія,—законно ли дѣлаются сіи выдачи,—обстоятельство сіе объясняется въ другихъ замѣчаніяхъ, гдѣ говорится о томъ, что расходы превосходятъ смѣту, что деньги иногда выдаются безъ свидѣтельства матеріаловъ. Здѣсь должно только замѣтить, что всѣ, вообще, выдачи по правленію производятся по однимъ журналамъ, безъ узаконенныхъ протоколовъ, безъ наблюденія, что бъ суммы

не смѣшивались, а руководствуясь во многихъ случаяхъ предписаніями г. попечителя, что бы удовлетворять изъ сильнѣйшихъ суммъ.

29. Освидѣтельствовать, хорошо ли, прочно ли и надежно ли сдѣлано соединеніе главнаго корпуса съ Тенишевскимъ домомъ и благонадежны ли стѣны главнаго корпуса въ соединеніи съ новымъ строеніемъ.

О прочности соединенія Тенишевскаго дома съ главнымъ корпусомъ и о благонадежности стѣнъ сего послѣдняго произведено свидѣтельство губернскимъ и университетскимъ архитекторами, съ членами строительнаго комитета. По свидѣтельству сему найдено, что соединеніе стѣнъ главнаго корпуса съ Тенишевскимъ домомъ сдѣлано прочно и что стѣны главнаго корпуса въ соединеніи съ новымъ строеніемъ благонадежны. Командированные отъ меня къ сему свидѣтельству чиновникъ министерства народнаго просвѣщенія камеръ-юнкеръ Желтухинъ и присланный отъ мѣстнаго губернскаго начальства совѣтникъ Карнѣевъ донесли, что они на стѣнахъ университетскаго корпуса, при соединеніи съ домомъ Тенишевскимъ, никакихъ трещинъ и признаковъ, показывающихъ непрочность строенія—не нашли.

30. Почему комитетъ не доставляетъ отчетовъ по своимъ постройкамъ.

О причинахъ недоставленія отчетовъ по денежнымъ суммамъ строительный комитетъ доноситъ: отчетъ за 1822 годъ представленъ г. попечителю, а за 1823 годъ—въ правленіе, но найденъ слишкомъ слитымъ въ статьяхъ, а потому возвращенъ въ комитетъ 30 апрѣля 1825 года, когда оный занятъ былъ постройками весьма значительными. При послѣдней отдѣлкѣ главнаго корпуса и флигелей—всѣ работы сдѣлались разнообразны, многочисленны, требовали безпрерывнаго надзора и безпрестанно новыхъ подрядовъ. Строительному комитету поручено было, по предписанію г. попечителя, для ожидаемаго прибытія блаженной памяти государя императора въ Казань, отстроивать домъ народнаго училища, исправить всѣ домы на усадьбѣ университетской, обнести ихъ заборами, дать всѣмъ строеніямъ красивый и приличный видъ. Г. Лобачевскій, кромѣ библіотеки, имѣлъ тогда особенное попеченіе объ устройствѣ кабинетовъ. Исключая г. Калашникова, прочіе два члена занимаются строительнымъ дѣломъ сверхъ главной ихъ обязанности, какъ по преподаванію, такъ и по другимъ должностямъ ученаго званія; ибо г. Лобачевскій, профессоръ и библіотекарь, съ 1822 года преподавалъ по двумъ кафедрамъ, былъ деканомъ, и принадлежитъ къ числу членовъ издательнаго комитета, а съ сентября мѣсяца 1825 года по 1826 годъ исправлялъ должность непремѣннаго засѣдателя; г. Ва-

не смѣшивались, а руководствуясь во многихъ случаяхъ предписаніями г. попечителя, что бы удовлетворять изъ сильнѣйшихъ суммъ.

29. Освидѣтельствовать, хорошо ли, прочно ли и надежно ли сдѣлано соединеніе главнаго корпуса съ Тенишевскимъ домомъ и благонадежны ли стѣны главнаго корпуса въ соединеніи съ новымъ строеніемъ.

О прочности соединенія Тенишевскаго дома съ главнымъ корпусомъ и о благонадежности стѣнъ сего послѣдняго произведено свидѣтельство губернскимъ и университетскимъ архитекторами, съ членами строительнаго комитета. По свидѣтельству сему найдено, что соединеніе стѣнъ главнаго корпуса съ Тенишевскимъ домомъ сдѣлано прочно и что стѣны главнаго корпуса въ соединеніи съ новымъ строеніемъ благонадежны. Командированные отъ меня къ сему свидѣтельству чиновникъ министерства народнаго просвѣщенія камеръ-юнкеръ Желтухинъ и присланный отъ мѣстнаго губернскаго начальства совѣтникъ Карнѣевъ донесли, что они на стѣнахъ университетскаго корпуса, при соединеніи съ домомъ Тенишевскимъ, никакихъ трещинъ и признаковъ, показывающихъ непрочность строенія—не нашли.

30. Почему комитетъ не доставляетъ отчетовъ по своимъ постройкамъ.

О причинахъ недоставленія отчетовъ по денежнымъ суммамъ строительный комитетъ доноситъ: отчетъ за 1822 годъ представленъ г. попечителю, а за 1823 годъ—въ правленіе, но найденъ слишкомъ слитымъ въ статьяхъ, а потому возвращенъ въ комитетъ 30 апрѣля 1825 года, когда оный занятъ былъ постройками весьма значительными. При послѣдней отдѣлкѣ главнаго корпуса и флигелей—всѣ работы сдѣлались разнообразны, многочисленны, требовали безпрерывнаго надзора и безпрестанно новыхъ подрядовъ. Строительному комитету поручено было, по предписанію г. попечителя, для ожидаемаго прибытія блаженной памяти государя императора въ Казань, отстроивать домъ народнаго училища, исправить всѣ домы на усадьбѣ университетской, обнести ихъ заборами, дать всѣмъ строеніямъ красивый и приличный видъ. Г. Лобачевскій, кромѣ библіотеки, имѣлъ тогда особенное попеченіе объ устройствѣ кабинетовъ. Исключая г. Калашникова, прочіе два члена занимаются строительнымъ дѣломъ сверхъ главной ихъ обязанности, какъ по преподаванію, такъ и по другимъ должностямъ ученаго званія; ибо г. Лобачевскій, профессоръ и библіотекарь, съ 1822 года преподавалъ по двумъ кафедрамъ, былъ деканомъ, и принадлежитъ къ числу членовъ издательнаго комитета, а съ сентября мѣсяца 1825 года по 1826 годъ исправлялъ должность непремѣннаго засѣдателя; г. Ва-

сильевъ—преподаватель въ университетѣ и гимназіи, секретарь физико-математическаго отдѣленія, членъ училищнаго комитета и былъ до конца 1824 года главнымъ надзирателемъ въ гимназіи; помощникъ имъ въ дѣлѣ строительномъ одинъ канцелярскій служитель.

Вслѣдъ за отчетомъ на 1823 годъ г. Лобачевскій готовъ былъ сдѣлать отчетъ и за 1824 годъ еще въ концѣ того года, но требовалъ сперва приведенія въ извѣстность прихода и расхода метеріаловъ. По старшинству занявъ мѣсто предсѣдателя съ февраля 1825 года, онъ принялся за приведеніе въ новый порядокъ дѣлъ, за разсмотрѣніе приходо-расходныхъ вѣдомостей и самыхъ постановленій комитета, но когда пришло время работъ, тогда надобно было остановиться. Г. Васильевъ доканчивалъ начатое въ октябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ прошлаго года. Комитетъ въ 1824 году состоялъ изъ предсѣдателя и трехъ членовъ, а нынѣ собственно только изъ двухъ, потому что г. Калашниковъ съ сентября мѣсяца непрерывно боленъ, а прежде имѣлъ особенныя порученія обзаводить церковь и отдѣлывать садъ, что его нѣсколько отвлекало отъ дѣла комитета. Первый коммиссіонеръ Визгаловъ былъ только при одной должности, а нынѣшній—вмѣстѣ кассиръ и строитель. Такимъ образомъ, всѣ усилія комитета теряются въ возможности успѣха. Хотя отчетъ составляетъ всегда главное и необходимое условіе всякаго порученія, однако жъ онъ можетъ быть только окончательнымъ дѣломъ въ исполненіи порученія. Члены комитета до сихъ поръ могли только сдѣлать разсчеты съ подрядчиками и почти весь разсчетъ въ матеріалѣ, для отчисленія въ строительную сумму изъ другихъ, по предмету которыхъ тратились матеріалы; г. Васильевъ изготовилъ отчетъ о постройкѣ народнаго училища.

Изложивъ, такимъ образомъ, отзывъ строительнаго комитета, я долженъ со своей стороны присовокупить, что если продолженіе стройки возложено будетъ такъ же на профессоровъ, то и на будущее время нельзя ожидать отъ нихъ хорошей отчетности, какъ по многосложнымъ занятіямъ ихъ по учебной части, такъ и по неопытности въ счетоводствѣ, ибо часть сія требуетъ особеннаго навыка и бдительнаго вниманія. Я считаю достаточнымъ ввѣрить строительную часть непосредственному надзору директора, при одномъ непремѣнномъ членѣ, архитекторѣ и коммиссарѣ, ничѣмъ, кромѣ сего, не отвлеченныхъ. Симъ способомъ можетъ возстановиться точное и строгое наблюденіе за строеніемъ, исправность же и доброту матеріаловъ могутъ свидѣтельствовать, по временному приглашенію, профессора и другіе чиновники.

31. Можетъ ли вся постройка университета быть окончена на оставшуюся сумму отъ ассигнованной по смѣтѣ.

Строительный комитетъ, въ представленіи отъ 24 февраля за № 48 исчисляя всѣ будущія постройки и суммы для нихъ ассигнованныя хотя и выводитъ, что для желѣзной крыши не достаетъ по

сильевъ—преподаватель въ университетѣ и гимназіи, секретарь физико-математическаго отдѣленія, членъ училищнаго комитета и былъ до конца 1824 года главнымъ надзирателемъ въ гимназіи; помощникъ имъ въ дѣлѣ строительномъ одинъ канцелярскій служитель.

Вслѣдъ за отчетомъ на 1823 годъ г. Лобачевскій готовъ былъ сдѣлать отчетъ и за 1824 годъ еще въ концѣ того года, но требовалъ сперва приведенія въ извѣстность прихода и расхода метеріаловъ. По старшинству занявъ мѣсто предсѣдателя съ февраля 1825 года, онъ принялся за приведеніе въ новый порядокъ дѣлъ, за разсмотрѣніе приходо-расходныхъ вѣдомостей и самыхъ постановленій комитета, но когда пришло время работъ, тогда надобно было остановиться. Г. Васильевъ доканчивалъ начатое въ октябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ прошлаго года. Комитетъ въ 1824 году состоялъ изъ предсѣдателя и трехъ членовъ, а нынѣ собственно только изъ двухъ, потому что г. Калашниковъ съ сентября мѣсяца непрерывно боленъ, а прежде имѣлъ особенныя порученія обзаводить церковь и отдѣлывать садъ, что его нѣсколько отвлекало отъ дѣла комитета. Первый коммиссіонеръ Визгаловъ былъ только при одной должности, а нынѣшній—вмѣстѣ кассиръ и строитель. Такимъ образомъ, всѣ усилія комитета теряются въ возможности успѣха. Хотя отчетъ составляетъ всегда главное и необходимое условіе всякаго порученія, однако жъ онъ можетъ быть только окончательнымъ дѣломъ въ исполненіи порученія. Члены комитета до сихъ поръ могли только сдѣлать разсчеты съ подрядчиками и почти весь разсчетъ въ матеріалѣ, для отчисленія въ строительную сумму изъ другихъ, по предмету которыхъ тратились матеріалы; г. Васильевъ изготовилъ отчетъ о постройкѣ народнаго училища.

Изложивъ, такимъ образомъ, отзывъ строительнаго комитета, я долженъ со своей стороны присовокупить, что если продолженіе стройки возложено будетъ такъ же на профессоровъ, то и на будущее время нельзя ожидать отъ нихъ хорошей отчетности, какъ по многосложнымъ занятіямъ ихъ по учебной части, такъ и по неопытности въ счетоводствѣ, ибо часть сія требуетъ особеннаго навыка и бдительнаго вниманія. Я считаю достаточнымъ ввѣрить строительную часть непосредственному надзору директора, при одномъ непремѣнномъ членѣ, архитекторѣ и коммиссарѣ, ничѣмъ, кромѣ сего, не отвлеченныхъ. Симъ способомъ можетъ возстановиться точное и строгое наблюденіе за строеніемъ, исправность же и доброту матеріаловъ могутъ свидѣтельствовать, по временному приглашенію, профессора и другіе чиновники.

31. Можетъ ли вся постройка университета быть окончена на оставшуюся сумму отъ ассигнованной по смѣтѣ.

Строительный комитетъ, въ представленіи отъ 24 февраля за № 48 исчисляя всѣ будущія постройки и суммы для нихъ ассигнованныя хотя и выводитъ, что для желѣзной крыши не достаетъ по

смѣтѣ болѣе 26.000 руб., но недостатокъ сей можетъ быть прикрытъ отъ сбереженій по заготовленію другихъ матеріаловъ, ибо цѣны на всѣ, вообще, матеріалы значительно понизились, что можно видѣть изъ слѣдующаго краткаго обозрѣнія:

Цѣны по смѣтѣ.	Цѣны нынѣ существующія.
За тысячу кирпичей 24 руб.	15 руб. ассигн.
За кладку кирпича съ тысячи 9 руб.	отъ 4 руб. 50 к. до 5 руб.
За бутовую плиту съ сажени 26 руб.	14 руб.

Столь значительный упадокъ цѣнъ почти на всѣ строительные матеріалы, не смотря на погрѣшность смѣты, можетъ доставить еще большіе остатки, которые, съ остатками отъ прошлыхъ лѣтъ, заключая значительную сумму, могли бы быть употреблены съ пользою для университета, если бы велѣно было увеличить предположенныя къ постройкѣ зданія, сообразно остаточной суммѣ, для чего можно составить предварительно новую смѣту, основываясь на послѣднихъ цѣнахъ.

Б. Сверхъ сего сдѣлать слѣдующія замѣчанія.

32. Управляется ли университетъ на основаніи существующихъ постановленій, какъ въ отношеніи къ попечителю, такъ и къ подвѣдомственнымъ мѣстамъ, и нѣтъ ли отклоненія ко вреду.

Въ отношеніи университета къ подвѣдомственнымъ ему мѣстамъ ежели и есть отступленія отъ законовъ, то они не иначе происходили, какъ отъ вліянія г. попечителя, который произвольно измѣнялъ правила, данныя для управленія университета.

Инструкція ректорская нарушена отдѣленіемъ изъ его завѣдыванія наукъ богословскихъ и предоставленіемъ оныхъ въ зависимость директора.

Общіе законы нарушены произвольнымъ разрѣшеніемъ г. попечителя употреблять суммы на разные предметы изъ другихъ капиталовъ, чрезъ что произведено замѣшательство въ денежныхъ обращеніяхъ и въ самой отчетности.

Ниспровергнуты самыя важнѣйшія права совѣта, на основаніи которыхъ желающіе поступить въ профессора, хотя бы они имѣли ученыя степени докторовъ и магистровъ, не иначе могутъ получить профессорское званіе, какъ по предварительному выбору совѣта и по утвержденіи высшимъ начальствомъ. Сохраненіемъ сего правила поддерживалось соревнованіе, столь необходимое между учеными, укрѣплялась довѣренность къ достоинствамъ выбираемыхъ, которые опредѣлялись не по личностямъ, а по ученымъ заслугамъ. Съ нарушеніемъ же сего

смѣтѣ болѣе 26.000 руб., но недостатокъ сей можетъ быть прикрытъ отъ сбереженій по заготовленію другихъ матеріаловъ, ибо цѣны на всѣ, вообще, матеріалы значительно понизились, что можно видѣть изъ слѣдующаго краткаго обозрѣнія:

Цѣны по смѣтѣ.	Цѣны нынѣ существующія.
За тысячу кирпичей 24 руб.	15 руб. ассигн.
За кладку кирпича съ тысячи 9 руб.	отъ 4 руб. 50 к. до 5 руб.
За бутовую плиту съ сажени 26 руб.	14 руб.

Столь значительный упадокъ цѣнъ почти на всѣ строительные матеріалы, не смотря на погрѣшность смѣты, можетъ доставить еще большіе остатки, которые, съ остатками отъ прошлыхъ лѣтъ, заключая значительную сумму, могли бы быть употреблены съ пользою для университета, если бы велѣно было увеличить предположенныя къ постройкѣ зданія, сообразно остаточной суммѣ, для чего можно составить предварительно новую смѣту, основываясь на послѣднихъ цѣнахъ.

Б. Сверхъ сего сдѣлать слѣдующія замѣчанія.

32. Управляется ли университетъ на основаніи существующихъ постановленій, какъ въ отношеніи къ попечителю, такъ и къ подвѣдомственнымъ мѣстамъ, и нѣтъ ли отклоненія ко вреду.

Въ отношеніи университета къ подвѣдомственнымъ ему мѣстамъ ежели и есть отступленія отъ законовъ, то они не иначе происходили, какъ отъ вліянія г. попечителя, который произвольно измѣнялъ правила, данныя для управленія университета.

Инструкція ректорская нарушена отдѣленіемъ изъ его завѣдыванія наукъ богословскихъ и предоставленіемъ оныхъ въ зависимость директора.

Общіе законы нарушены произвольнымъ разрѣшеніемъ г. попечителя употреблять суммы на разные предметы изъ другихъ капиталовъ, чрезъ что произведено замѣшательство въ денежныхъ обращеніяхъ и въ самой отчетности.

Ниспровергнуты самыя важнѣйшія права совѣта, на основаніи которыхъ желающіе поступить въ профессора, хотя бы они имѣли ученыя степени докторовъ и магистровъ, не иначе могутъ получить профессорское званіе, какъ по предварительному выбору совѣта и по утвержденіи высшимъ начальствомъ. Сохраненіемъ сего правила поддерживалось соревнованіе, столь необходимое между учеными, укрѣплялась довѣренность къ достоинствамъ выбираемыхъ, которые опредѣлялись не по личностямъ, а по ученымъ заслугамъ. Съ нарушеніемъ же сего

правила, когда многіе начали поступать прямо даже въ ординарные профессора по единому произволу попечителя—тогда все стремленіе обращено было къ тому, что бы сыскать средства обратить на себя вниманіе попечителя и чрезъ то достигнуть, какими бы то ни было путями, до профессорскихъ званій. Отсюда родились въ ученомъ сословіи междоусобія, доносы, происки, которые тѣмъ болѣе увеличивались, чѣмъ болѣе видѣли примѣровъ что, изъ числа вновь поступающихъ профессоровъ, многіе не имѣли нужныхъ познаній.

При таковомъ упадкѣ университета отъ уменьшенія числа достойныхъ наставниковъ и отъ возникшихъ раздоровъ, отцы перестали отдавать въ университетъ дѣтей своихъ, предпочитая другія учебныя заведенія.

Самое распредѣленіе кафедръ по произволу попечителя и порученіе профессорамъ должностей, присвоенныхъ гражданскимъ чиновникамъ—равномѣрно сдѣлано въ нарушеніе устава и, въ особенности, инструкціи директорской. Безпрестанное жъ перемѣщеніе чиновниковъ изъ одного мѣста въ другое (изъ коихъ нѣкоторые зависили отъ высшаго начальства) и, наконецъ, переводы самыхъ профессоровъ съ кафедры на другую—совершенно отнимали способы, у первыхъ—вникнуть въ свои обязанности, а у послѣднихъ—приготовиться и собрать нужные матеріалы къ преподаванію вновь поручаемыхъ наукъ.

33. Отчего правленіе не даетъ требуемыхъ экспедиціею для ревизіи счетовъ поясненій на отчеты и почему не доставляются въ свое время мѣсячныя вѣдомости и отчеты.

По замѣчаніямъ государственной экспедиціи для ревизіи счетовъ на отчеты университета г. директоръ донесъ, что правленіе, съ опредѣленіемъ настоящаго бухгалтера, представило надлежащія поясненія на отчеты за 1817 и 1819 годы; теперь остается дать изъясненія временной коммиссіи для рѣшенія счетовъ и счетныхъ дѣлъ прежняго времени на замѣчанія по нѣкоторымъ статьямъ отчетовъ университета, присланныхъ при отношеніи отъ 3-го ноября 1825 года за № 1474-мъ, которые и составляются бухгалтеромъ Ляпуновымъ.

До опредѣленія сего бухгалтера, съ 1819 года, перемѣнилось при университетѣ четыре бухгалтера: князь Гундуровъ, канцеляристъ Котурнинскій, коллежскій совѣтникъ Шимкевичъ и коллежскій секретарь Синюковъ. Шимкевичъ къ должности въ Казань не явился, Гундуровъ и Котурнинскій были не очень искусны въ бухгалтеріи и счетная часть перешла въ завѣдываніе Синюкова не въ надлежащей исправности, который, по недѣятельности и недостатку способностей, не могъ въ теченіи слишкомъ двухъ-лѣтней службы при университетѣ составить ни одного порядочнаго отчета, а тѣмъ менѣе сдѣлать изъясненія на отчеты прежнихъ лѣтъ, составленные весьма кратко. И такъ, правленіе, не имѣя

правила, когда многіе начали поступать прямо даже въ ординарные профессора по единому произволу попечителя—тогда все стремленіе обращено было къ тому, что бы сыскать средства обратить на себя вниманіе попечителя и чрезъ то достигнуть, какими бы то ни было путями, до профессорскихъ званій. Отсюда родились въ ученомъ сословіи междоусобія, доносы, происки, которые тѣмъ болѣе увеличивались, чѣмъ болѣе видѣли примѣровъ что, изъ числа вновь поступающихъ профессоровъ, многіе не имѣли нужныхъ познаній.

При таковомъ упадкѣ университета отъ уменьшенія числа достойныхъ наставниковъ и отъ возникшихъ раздоровъ, отцы перестали отдавать въ университетъ дѣтей своихъ, предпочитая другія учебныя заведенія.

Самое распредѣленіе кафедръ по произволу попечителя и порученіе профессорамъ должностей, присвоенныхъ гражданскимъ чиновникамъ—равномѣрно сдѣлано въ нарушеніе устава и, въ особенности, инструкціи директорской. Безпрестанное жъ перемѣщеніе чиновниковъ изъ одного мѣста въ другое (изъ коихъ нѣкоторые зависили отъ высшаго начальства) и, наконецъ, переводы самыхъ профессоровъ съ кафедры на другую—совершенно отнимали способы, у первыхъ—вникнуть въ свои обязанности, а у послѣднихъ—приготовиться и собрать нужные матеріалы къ преподаванію вновь поручаемыхъ наукъ.

33. Отчего правленіе не даетъ требуемыхъ экспедиціею для ревизіи счетовъ поясненій на отчеты и почему не доставляются въ свое время мѣсячныя вѣдомости и отчеты.

По замѣчаніямъ государственной экспедиціи для ревизіи счетовъ на отчеты университета г. директоръ донесъ, что правленіе, съ опредѣленіемъ настоящаго бухгалтера, представило надлежащія поясненія на отчеты за 1817 и 1819 годы; теперь остается дать изъясненія временной коммиссіи для рѣшенія счетовъ и счетныхъ дѣлъ прежняго времени на замѣчанія по нѣкоторымъ статьямъ отчетовъ университета, присланныхъ при отношеніи отъ 3-го ноября 1825 года за № 1474-мъ, которые и составляются бухгалтеромъ Ляпуновымъ.

До опредѣленія сего бухгалтера, съ 1819 года, перемѣнилось при университетѣ четыре бухгалтера: князь Гундуровъ, канцеляристъ Котурницскій, коллежскій совѣтникъ Шимкевичъ и коллежскій секретарь Синюковъ. Шимкевичъ къ должности въ Казань не явился, Гундуровъ и Котурнинскій были не очень искуссны въ бухгалтеріи и счетная часть перешла въ завѣдываніе Синюкова не въ надлежащей исправности, который, по недѣятельности и недостатку способностей, не могъ въ теченіи слишкомъ двухъ-лѣтней службы при университетѣ составить ни одного порядочнаго отчета, а тѣмъ менѣе сдѣлать изъясненія на отчеты прежнихъ лѣтъ, составленные весьма кратко. И такъ, правленіе, не имѣя

исправнаго бухгалтера, лишено было способовъ дать объясненія на упомянутые отчеты въ свое время. По симъ же причинамъ прежде замедлялось представленіе ежемѣсячныхъ вѣдомостей о суммахъ университета, а съ опредѣленіемъ настоящаго бухгалтера вѣдомости сіи представлены по ноябрь мѣсяцъ 1825 года.

34. Таковы ли успѣхи въ наукахъ студентовъ и воспитанниковъ гимназіи, какъ свидѣтельствуетъ о томъ г. попечитель торжественною своею рѣчью, произнесенною 15-го сентября 1825 года.

Относительно успѣховъ, засвидѣтельствованныхъ въ торжественной рѣчи г. попечителемъ, при всемъ усердномъ желаніи моемъ найти таковые успѣхи въ отечественномъ университетѣ—я, къ сожалѣнію, не могу согласиться съ воздаиною отъ г. попечителя похвалою. Изъ замѣчаній моихъ выше сего ваше высокопревосходительство изволите усмотрѣть, какую разницу нашелъ я въ успѣхахъ студентовъ и воспитанниковъ, въ сравненіи съ похвалою г. попечителя.

35. Выяснить, что стоило содержаніе университета съ 1805 по 1819 годъ и что стоитъ съ 1819 по 1826 годъ, и сколько въ то время ежегодно выходило образованныхъ студентовъ и сколько нынѣ.

Представляемыя въ дѣлѣ вѣдомости подробно объясняютъ всѣ расходы по университету съ 1805 по 1826 годъ.

Вѣдомости сіи, между прочимъ, показываютъ, что съ 1805 по 1819 годъ, т. е. въ 14 лѣтъ, употреблено на университетъ, кромѣ суммъ, ассигнованныхъ на постройку и поправку зданій—1.641.077 руб. 65¼ коп.; съ 1819 по 1826 годъ—1.593.294 руб. 95¼ коп.

О количествѣ студентовъ, выпущенныхъ съ 1805 по 1826 годъ, можно видѣть изъ особой вѣдомости, приложенной къ дѣлу. Вѣдомость сія показываетъ, что университетъ выпустилъ образованныхъ или кончившихъ полный курсъ студентовъ:

Въ 1806-мъ	3
— 1807	4
— 1808	5
— 1809	8
— 1810	4
— 1811	15
— 1812	7
— 1813	10

исправнаго бухгалтера, лишено было способовъ дать объясненія на упомянутые отчеты въ свое время. По симъ же причинамъ прежде замедлялось представленіе ежемѣсячныхъ вѣдомостей о суммахъ университета, а съ опредѣленіемъ настоящаго бухгалтера вѣдомости сіи представлены по ноябрь мѣсяцъ 1825 года.

34. Таковы ли успѣхи въ наукахъ студентовъ и воспитанниковъ гимназіи, какъ свидѣтельствуетъ о томъ г. попечитель торжественною своею рѣчью, произнесенною 15-го сентября 1825 года.

Относительно успѣховъ, засвидѣтельствованныхъ въ торжественной рѣчи г. попечителемъ, при всемъ усердномъ желаніи моемъ найти таковые успѣхи въ отечественномъ университетѣ—я, къ сожалѣнію, не могу согласиться съ воздаиною отъ г. попечителя похвалою. Изъ замѣчаній моихъ выше сего ваше высокопревосходительство изволите усмотрѣть, какую разницу нашелъ я въ успѣхахъ студентовъ и воспитанниковъ, въ сравненіи съ похвалою г. попечителя.

35. Выяснить, что стоило содержаніе университета съ 1805 по 1819 годъ и что стоитъ съ 1819 по 1826 годъ, и сколько въ то время ежегодно выходило образованныхъ студентовъ и сколько нынѣ.

Представляемыя въ дѣлѣ вѣдомости подробно объясняютъ всѣ расходы по университету съ 1805 по 1826 годъ.

Вѣдомости сіи, между прочимъ, показываютъ, что съ 1805 по 1819 годъ, т. е. въ 14 лѣтъ, употреблено на университетъ, кромѣ суммъ, ассигнованныхъ на постройку и поправку зданій—1.641.077 руб. 65¼ коп.; съ 1819 по 1826 годъ—1.593.294 руб. 95¼ коп.

О количествѣ студентовъ, выпущенныхъ съ 1805 по 1826 годъ, можно видѣть изъ особой вѣдомости, приложенной къ дѣлу. Вѣдомость сія показываетъ, что университетъ выпустилъ образованныхъ или кончившихъ полный курсъ студентовъ:

Въ 1806-мъ	3
— 1807	4
— 1808	5
— 1809	8
— 1810	4
— 1811	15
— 1812	7
— 1813	10

— 1814	. . . . .	10
— 1815	. . . . .	13
— 1816	. . . . .	8
— 1817	. . . . .	9
— 1818	. . . . .	22
Итого.	. .	118 чел.
Въ 1819	. . . . .	3
— 1820	. . . . .	28
— 1821	. . . . .	27
— 1822	. . . . .	15
— 1823	. . . . .	8
— 1824	. . . . .	12
— 1825	. . . . .	18
Итого.	. .	111 чел.

Изъ числа студентовъ, образованныхъ до 1819 года, получили степень доктора—1, званіе профессоровъ—7, адъюнктовъ—9. Въ послѣднее время пріобрѣли степень магистровъ только два воспитанника университета,—Протасовъ и Федоровъ,—которые, впрочемъ, начали образованіе свое въ университетѣ до 1819 года. Можетъ быть возразятъ на сіе, что до 1819 года не столь строго было испытаніе въ наукахъ, какъ оно производится нынѣ. Я покорнѣйше прошу обратить вниманіе на профессоровъ, удостоенныхъ наградъ по представленію самого г. попечителя, какъ то: Кондырева, Тимьянскаго, Симонова, Лобачевскаго и Перевощикова, служащаго при дерптскомъ университетѣ. Познанія сихъ профессоровъ, дѣлающихъ честь университету, свидѣтельствуютъ, что ученость и строгое испытаніе—не менѣе и прежде нынѣшняго наблюдались; но должно замѣтить, къ сожалѣнію моему, что принужденные въ 1819 году оставить казанскій университетъ столь извѣстные въ ученомъ свѣтѣ мужи, занимавшіе тогда званія профессоровъ и теперь не только въ Россіи, но и въ чужихъ краяхъ пользующіеся таковою же репутаціею, есть главная и неоспоримая причина видимыхъ успѣховъ въ образованіи тогдашнихъ студентовъ противу нынѣшныхъ.

36. Сличить тогдашніе способы съ нынѣшними на счетъ отпускаемыхъ суммъ и обращенія вниманія со стороны высшаго начальства касательно наградъ

Въ продолженіи 14-ти лѣтъ существованія университета, до 1819 года, содержаніе онаго стоитъ—1.641.077 руб. 65¼ коп.; въ слѣдующіе 7 лѣтъ издержано на него—1.593 294 руб. 95¾ коп.,—почти тоже, что въ продолженіи первыхъ 14 лѣтъ. Несоразмѣрность—очевидная. Но если принять въ соображеніе награды, которыхъ

— 1814	. . . . .	10
— 1815	. . . . .	13
— 1816	. . . . .	8
— 1817	. . . . .	9
— 1818	. . . . .	22
Итого.	. .	118 чел.
Въ 1819	. . . . .	3
— 1820	. . . . .	28
— 1821	. . . . .	27
— 1822	. . . . .	15
— 1823	. . . . .	8
— 1824	. . . . .	12
— 1825	. . . . .	18
Итого.	. .	111 чел.

Изъ числа студентовъ, образованныхъ до 1819 года, получили степень доктора—1, званіе профессоровъ—7, адъюнктовъ—9. Въ послѣднее время пріобрѣли степень магистровъ только два воспитанника университета,—Протасовъ и Федоровъ,—которые, впрочемъ, начали образованіе свое въ университетѣ до 1819 года. Можетъ быть возразятъ на сіе, что до 1819 года не столь строго было испытаніе въ наукахъ, какъ оно производится нынѣ. Я покорнѣйше прошу обратить вниманіе на профессоровъ, удостоенныхъ наградъ по представленію самого г. попечителя, какъ то: Кондырева, Тимьянскаго, Симонова, Лобачевскаго и Перевощикова, служащаго при дерптскомъ университетѣ. Познанія сихъ профессоровъ, дѣлающихъ честь университету, свидѣтельствуютъ, что ученость и строгое испытаніе—не менѣе и прежде нынѣшняго наблюдались; но должно замѣтить, къ сожалѣнію моему, что принужденные въ 1819 году оставить казанскій университетъ столь извѣстные въ ученомъ свѣтѣ мужи, занимавшіе тогда званія профессоровъ и теперь не только въ Россіи, но и въ чужихъ краяхъ пользующіеся таковою же репутаціею, есть главная и неоспоримая причина видимыхъ успѣховъ въ образованіи тогдашнихъ студентовъ противу нынѣшныхъ.

36. Сличить тогдашніе способы съ нынѣшними на счетъ отпускаемыхъ суммъ и обращенія вниманія со стороны высшаго начальства касательно наградъ

Въ продолженіи 14-ти лѣтъ существованія университета, до 1819 года, содержаніе онаго стоитъ—1.641.077 руб. 65¼ коп.; въ слѣдующіе 7 лѣтъ издержано на него—1.593 294 руб. 95¾ коп.,—почти тоже, что въ продолженіи первыхъ 14 лѣтъ. Несоразмѣрность—очевидная. Но если принять въ соображеніе награды, которыхъ

до 1819 года почти не было и которыми послѣ 1819 года правительство, такъ сказать, осыпало профессоровъ и чиновниковъ казанскаго университета, то можно утвердительно сказать, что начальство университета имѣло всѣ способы сдѣлать университетъ свой отличнѣйшимъ.

37. Охотно ли отдаютъ казанскіе дворяне дѣтей своихъ въ университетъ; если не охотно—то съ котораго времени и по какой причинѣ.

Нельзя сказать, чтобъ дворяне казанскіе охотно отдавали дѣтей своихъ въ университетъ. Нѣкоторые состоятельные помѣщики воспитываютъ ихъ дома, другіе, не смотря на близость университета, отсылаютъ въ лицей. Значительное уменьшеніе числа студентовъ, въ сравненіи съ прежнимъ управленіемъ университета до 1819 года, болѣе всего показываетъ нерасположеніе публики къ сему учебному заведенію.

Причины сего можно съ вѣроятностію приписать: 1) Странному внутреннему распорядку, допущенному по предписанію г. попечителя, безъ утвержденія министерства, въ противность высочайше дарованной казанскому университету грамоты (§ 7-го) и имѣющему сходство съ самымъ строгимъ монастырскимъ установленіемъ, не сообразнымъ, по многимъ отношеніямъ, съ цѣлью воспитанія благороднаго юношества, 2) Господствующему въ университетѣ духу въ преимущественномъ приготовленіи богослововъ, тогда какъ родители хотѣли бы видѣть въ дѣтяхъ своихъ людей болѣе способныхъ для службы гражданской и военной, къ чему предназначаются они и самою грамотою, высочайше дарованною казанскому университету, и 3) Несоразмѣрнымъ и гласнымъ наказаніемъ *) студентовъ за проступки, требующіе болѣе отеческаго исправленія, нежели гласной строгости.

Примѣчаніе. Въ 1822-мъ году г. попечитель далъ знать, что золотая медаль предполагается тому изъ студентовъ, который пріобрѣтетъ отличнѣйшія познанія въ богословіи, тогда какъ въ высочайше утвержденной инструкціи директору подобнаго преимущества для богословія наукъ не дано, а требуются одни отличныя успѣхи въ наукахъ, съ одобреніемъ директора въ поведеніи.

Въ 1824-мъ году два студента, Бовинъ, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, и Левенгофъ, изъ дворянъ, отданы въ солдаты за проступки, отъ коихъ, по молодости, можно бы еще исправить, безъ суда и приговора.

---

* Отчетъ университета 1825 года (страницы 150, 151 и 158) и внутреннія правила, въ которыхъ между прочимъ сказано: «Ежели бы, паче всякаго чаянія, что нибудь безнравственное могло встрѣтиться, то виновникъ долженъ быть отведенъ въ одну изъ солдатскихъ университетскихъ комнатъ, гдѣ и содержится доколѣ, на другой день, не исключится изъ университета».

до 1819 года почти не было и которыми послѣ 1819 года правительство, такъ сказать, осыпало профессоровъ и чиновниковъ казанскаго университета, то можно утвердительно сказать, что начальство университета имѣло всѣ способы сдѣлать университетъ свой отличнѣйшимъ.

37. Охотно ли отдаютъ казанскіе дворяне дѣтей своихъ въ университетъ; если не охотно—то съ котораго времени и по какой причинѣ.

Нельзя сказать, чтобъ дворяне казанскіе охотно отдавали дѣтей своихъ въ университетъ. Нѣкоторые состоятельные помѣщики воспитываютъ ихъ дома, другіе, не смотря на близость университета, отсылаютъ въ лицей. Значительное уменьшеніе числа студентовъ, въ сравненіи съ прежнимъ управленіемъ университета до 1819 года, болѣе всего показываетъ нерасположеніе публики къ сему учебному заведенію.

Причины сего можно съ вѣроятностію приписать: 1) Странному внутреннему распорядку, допущенному по предписанію г. попечителя, безъ утвержденія министерства, въ противность высочайше дарованной казанскому университету грамоты (§ 7-го) и имѣющему сходство съ самымъ строгимъ монастырскимъ установленіемъ, не сообразнымъ, по многимъ отношеніямъ, съ цѣлью воспитанія благороднаго юношества, 2) Господствующему въ университетѣ духу въ преимущественномъ приготовленіи богослововъ, тогда какъ родители хотѣли бы видѣть въ дѣтяхъ своихъ людей болѣе способныхъ для службы гражданской и военной, къ чему предназначаются они и самою грамотою, высочайше дарованною казанскому университету, и 3) Несоразмѣрнымъ и гласнымъ наказаніемъ *) студентовъ за проступки, требующіе болѣе отеческаго исправленія, нежели гласной строгости.

Примѣчаніе. Въ 1822-мъ году г. попечитель далъ знать, что золотая медаль предполагается тому изъ студентовъ, который пріобрѣтетъ отличнѣйшія познанія въ богословіи, тогда какъ въ высочайше утвержденной инструкціи директору подобнаго преимущества для богословія наукъ не дано, а требуются одни отличныя успѣхи въ наукахъ, съ одобреніемъ директора въ поведеніи.

Въ 1824-мъ году два студента, Бовинъ, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, и Левенгофъ, изъ дворянъ, отданы въ солдаты за проступки, отъ коихъ, по молодости, можно бы еще исправить, безъ суда и приговора.

---

* Отчетъ университета 1825 года (страницы 150, 151 и 158) и внутреннія правила, въ которыхъ между прочимъ сказано: «Ежели бы, паче всякаго чаянія, что нибудь безнравственное могло встрѣтиться, то виновникъ долженъ быть отведенъ въ одну изъ солдатскихъ университетскихъ комнатъ, гдѣ и содержится доколѣ, на другой день, не исключится изъ университета».

38. Въ какомъ мнѣніи, вообще, все университетское сословіе въ городѣ.

О всѣхъ лицахъ, составляющихъ ученое сословіе университета, нельзя произнести одинакого заключенія. Нѣкоторые профессора, опредѣленные безъ выбора совѣта и, слѣдовательно, не извѣстные въ городѣ—не успѣли еще составить о себѣ никакой репутаціи; другіе, по раздорамъ между собою, гласнымъ въ городѣ и извѣстнымъ самому начальству—заслужили самое невыгодное о себѣ мнѣніе. Напротивъ, есть профессора, которые пользуются всеобщимъ уваженіемъ публики. Изъ нихъ ректоръ, статскій совѣтникъ Фуксъ — отличается обширными свѣдѣніями въ медицинѣ, добрыми свойствами и правилами, всегдашнею и безкорыстною готовностью на помощь страждущихъ болѣзнями; исправляющій должность директора, профессоръ Никольской—съ полными свѣдѣніями по своей части извѣстенъ въ городѣ по безпристрастію, по точности и безкорыстію въ дѣлахъ интересныхъ; профессора Лобачевскій, Эрдманъ, Баженовъ, Городчаниновъ, Симоновъ, Купферъ, Краузе—познаніями и поведеніемъ обращаютъ на себя вниманіе и имѣютъ выгодное заключеніе, какъ и экстраординарный профессоръ Лентовскій, воспитанникъ здѣшняго университета, имѣющій нужныя знанія для преподаванія возложенныхъ на него наукъ, практическимъ успѣшнымъ леченіемъ заслуживаетъ довѣренность здѣшней публики.

39. Въ чемъ состоятъ занятія учрежденныхъ при университетѣ ученыхъ обществъ.

О занятіяхъ ученыхъ обществъ г. попечитель отъ 17 февраля, за № 101-мъ, далъ знать, что при университетѣ, кромѣ общества любителей отечественной словесности, никакихъ ученыхъ обществъ не находится, да и то, за небытіемъ однихъ и за умертвіемъ другихъ членовъ—совсѣмъ упало.

40. Какъ дѣйствуетъ комитетъ для испытанія чиновниковъ по указу 6-го августа 1809 года.

Ректоръ университета отъ 24 февраля, за № 241-мъ, донесъ, что, вслѣдствіе строгихъ мѣръ, экзаменный комитетъ не имѣлъ никакого дѣйствія, за неявкою желающихъ подвергнуться испытанію, исключая одного князя Кугущева, которому комитетъ отказалъ въ свидѣтельствѣ, найдя свѣдѣнія его не соотвѣтственными требованію указа 6-го августа 1809 года.

41. Университетъ, при нынѣшнемъ состояніи своемъ, оправдываетъ ли ожиданія правительства и вознаграждаетъ ли издерживаемыя на него суммы.

Университетъ въ продолженіи послѣднихъ 7-ми лѣтъ издержалъ на содержаніе свое 1.593.294 рублей 95 коп., не включая тутъ сумму, упо-

38. Въ какомъ мнѣніи, вообще, все университетское сословіе въ городѣ.

О всѣхъ лицахъ, составляющихъ ученое сословіе университета, нельзя произнести одинакого заключенія. Нѣкоторые профессора, опредѣленные безъ выбора совѣта и, слѣдовательно, не извѣстные въ городѣ—не успѣли еще составить о себѣ никакой репутаціи; другіе, по раздорамъ между собою, гласнымъ въ городѣ и извѣстнымъ самому начальству—заслужили самое невыгодное о себѣ мнѣніе. Напротивъ, есть профессора, которые пользуются всеобщимъ уваженіемъ публики. Изъ нихъ ректоръ, статскій совѣтникъ Фуксъ — отличается обширными свѣдѣніями въ медицинѣ, добрыми свойствами и правилами, всегдашнею и безкорыстною готовностью на помощь страждущихъ болѣзнями; исправляющій должность директора, профессоръ Никольской—съ полными свѣдѣніями по своей части извѣстенъ въ городѣ по безпристрастію, по точности и безкорыстію въ дѣлахъ интересныхъ; профессора Лобачевскій, Эрдманъ, Баженовъ, Городчаниновъ, Симоновъ, Купферъ, Краузе—познаніями и поведеніемъ обращаютъ на себя вниманіе и имѣютъ выгодное заключеніе, какъ и экстраординарный профессоръ Лентовскій, воспитанникъ здѣшняго университета, имѣющій нужныя знанія для преподаванія возложенныхъ на него наукъ, практическимъ успѣшнымъ леченіемъ заслуживаетъ довѣренность здѣшней публики.

39. Въ чемъ состоятъ занятія учрежденныхъ при университетѣ ученыхъ обществъ.

О занятіяхъ ученыхъ обществъ г. попечитель отъ 17 февраля, за № 101-мъ, далъ знать, что при университетѣ, кромѣ общества любителей отечественной словесности, никакихъ ученыхъ обществъ не находится, да и то, за небытіемъ однихъ и за умертвіемъ другихъ членовъ—совсѣмъ упало.

40. Какъ дѣйствуетъ комитетъ для испытанія чиновниковъ по указу 6-го августа 1809 года.

Ректоръ университета отъ 24 февраля, за № 241-мъ, донесъ, что, вслѣдствіе строгихъ мѣръ, экзаменный комитетъ не имѣлъ никакого дѣйствія, за неявкою желающихъ подвергнуться испытанію, исключая одного князя Кугущева, которому комитетъ отказалъ въ свидѣтельствѣ, найдя свѣдѣнія его не соотвѣтственными требованію указа 6-го августа 1809 года.

41. Университетъ, при нынѣшнемъ состояніи своемъ, оправдываетъ ли ожиданія правительства и вознаграждаетъ ли издерживаемыя на него суммы.

Университетъ въ продолженіи послѣднихъ 7-ми лѣтъ издержалъ на содержаніе свое 1.593.294 рублей 95 коп., не включая тутъ сумму, упо-

требленную на постройку зданій. Въ теченіи сего времени выпущено студентовъ, окончившихъ курсъ—111 человѣкъ; слѣдовательно, образованіе каждаго студента стоитъ для казны почти по 15.000 руб. Нынѣ же, по примѣрному исчисленію, основанному на общемъ сужденіи директора, ректора и декановъ, едвали, вообще, въ годъ можетъ быть выпущаемо 20 человѣкъ. Ежели изъ того числа положить 15 на казенномъ содержаніи состоящихъ, то, по ежегодно отпускаемой суммѣ на содержаніе университета (слишкомъ 220.000 руб. въ годъ), всякій студентъ въ годъ будетъ становиться около 15 т. руб., слѣдовательно—выдержавшій полный курсъ трехлѣтній обойдется казнѣ около 45 т. рублей. Исчисленіе сіе ясно можетъ показать правительству, въ какой мѣрѣ университетъ вознаграждаетъ издержки, на него употребленныя.

42. Принесли ли новую пользу университету директорская и ректорская инструкціи, содѣйствуютъ ли онѣ желаемому усовершенствованію онаго или затрудняютъ ходъ дѣлъ,—однимъ словомъ: доказано ли шестилѣтнимъ опытомъ и мѣстными наблюденіями, что онѣ необходимы.

Инструкція директору и ректору, исключая наставленія о наблюденіи за нравственностью и духомъ преподаванія, не заключаетъ въ себѣ особенной пользы для университета, какъ покажетъ слѣдующее соображеніе.

1. Во время отсутствія попечителя, директоръ могъ бы быть полезенъ наблюденіемъ за полицейскою и, вообще, за нравственною частью, но если попечитель будетъ находиться въ университетѣ, тогда должность директора совершенно излишняя; ибо попечитель можетъ распоряжаться непосредственно по части учебной чрезъ ректора, а по полицейской—чрезъ инспектора.

2. Объ измѣненіяхъ, сдѣланныхъ въ инструкціи ректора противу устава на счетъ преподаванія наукъ, прилагается къ дѣлу подробное соображеніе, въ которомъ обращаетъ на себя особенное вниманіе соединеніе юридическихъ кафедръ—въ одну, исполненіе чего совершенно невозможно какъ по обширности предметовъ, составляющихъ сію часть, такъ, въ особенности, по неимѣнію надежныхъ руководствъ къ преподаванію россійскаго права, источники котораго заключаются въ многочисленныхъ указахъ, не приведенныхъ еще въ систему.

3. Нѣкоторыя мѣста въ инструкціи заключаютъ въ себѣ мысли довольно темныя, подающія поводъ къ разнымъ толкамъ. Мѣста сіи расположены въ статьѣ о политическихъ наукахъ, гдѣ, между прочаго, говорится, что „власть монарховъ нисходитъ отъ Бога въ законномъ наслѣдіи и въ тѣхъ предѣлахъ, кои возрасту и духу каж-

требленную на постройку зданій. Въ теченіи сего времени выпущено студентовъ, окончившихъ курсъ—111 человѣкъ; слѣдовательно, образованіе каждаго студента стоитъ для казны почти по 15.000 руб. Нынѣ же, по примѣрному исчисленію, основанному на общемъ сужденіи директора, ректора и декановъ, едвали, вообще, въ годъ можетъ быть выпущаемо 20 человѣкъ. Ежели изъ того числа положить 15 на казенномъ содержаніи состоящихъ, то, по ежегодно отпускаемой суммѣ на содержаніе университета (слишкомъ 220.000 руб. въ годъ), всякій студентъ въ годъ будетъ становиться около 15 т. руб., слѣдовательно—выдержавшій полный курсъ трехлѣтній обойдется казнѣ около 45 т. рублей. Исчисленіе сіе ясно можетъ показать правительству, въ какой мѣрѣ университетъ вознаграждаетъ издержки, на него употребленныя.

42. Принесли ли новую пользу университету директорская и ректорская инструкціи, содѣйствуютъ ли онѣ желаемому усовершенствованію онаго или затрудняютъ ходъ дѣлъ,—однимъ словомъ: доказано ли шестилѣтнимъ опытомъ и мѣстными наблюденіями, что онѣ необходимы.

Инструкція директору и ректору, исключая наставленія о наблюденіи за нравственностью и духомъ преподаванія, не заключаетъ въ себѣ особенной пользы для университета, какъ покажетъ слѣдующее соображеніе.

1. Во время отсутствія попечителя, директоръ могъ бы быть полезенъ наблюденіемъ за полицейскою и, вообще, за нравственною частью, но если попечитель будетъ находиться въ университетѣ, тогда должность директора совершенно излишняя; ибо попечитель можетъ распоряжаться непосредственно по части учебной чрезъ ректора, а по полицейской—чрезъ инспектора.

2. Объ измѣненіяхъ, сдѣланныхъ въ инструкціи ректора противу устава на счетъ преподаванія наукъ, прилагается къ дѣлу подробное соображеніе, въ которомъ обращаетъ на себя особенное вниманіе соединеніе юридическихъ кафедръ—въ одну, исполненіе чего совершенно невозможно какъ по обширности предметовъ, составляющихъ сію часть, такъ, въ особенности, по неимѣнію надежныхъ руководствъ къ преподаванію россійскаго права, источники котораго заключаются въ многочисленныхъ указахъ, не приведенныхъ еще въ систему.

3. Нѣкоторыя мѣста въ инструкціи заключаютъ въ себѣ мысли довольно темныя, подающія поводъ къ разнымъ толкамъ. Мѣста сіи расположены въ статьѣ о политическихъ наукахъ, гдѣ, между прочаго, говорится, что „власть монарховъ нисходитъ отъ Бога въ законномъ наслѣдіи и въ тѣхъ предѣлахъ, кои возрасту и духу каж-

даго народа свойственны", и далѣе: что „цѣль гражданства не есть пожертвовать счастіемъ всѣхъ одному" и проч. Я думаю, что о происхожденіи власти монархической и цѣли гражданскихъ обществъ—ясно и положительно изображено въ законахъ нашихъ, въ особенности въ Наказѣ императрицы Екатерины II, а потому нѣтъ надобности вводить новыя толкованія.

43. Въ какомъ положеніи находится медицинскій институтъ при университетѣ.

Медицинскій институтъ не имѣетъ многихъ нужныхъ инструментовъ; недостатокъ сей тѣмъ ощутительнѣе, что самыя необходимыя вещи, предположенныя къ покупкѣ на 5000 рубл., отосланные въ 1823 году къ г. попечителю, не заказаны еще до сего времени, хотя для сего именно ѣздилъ въ чужіе края профессоръ Купферъ и для путешествія своего издержалъ, съ жалованьемъ и прогонами, до 7000 рублей. По таковому расходу я имѣю честь предоставить собственному сужденію вашего высокопревосходительства о пользѣ сдѣланнаго г. Купферомъ путешествія.

Анатомическій театръ и клиника находятся въ самомъ ничтожномъ положеніи; для практическаго упражненія студентовъ весьма бы полезно было обратить вниманіе на улучшеніе сей части.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

Изложивъ въ подробности замѣчанія по всѣмъ частямъ казанскаго университета, я нахожу нужнымъ представить здѣсь краткое обозрѣніе нынѣшняго положенія его и причинъ, которыя дѣйствовали на разстройство и упадокъ сего учебнаго заведенія.

I. Въ отношеніи нравственномъ

Правила, данныя г. попечителемъ безъ утвержденія министерства, подъ названіемъ: „Наставленіе о внутренномъ и наружномъ благоустройствѣ" — поставили университетъ въ странное положеніе, свойственное болѣе монастырю, нежели учебному заведенію. Студенты встрѣчаютъ и оканчиваютъ день краткою молитвою, какъ и самый порядокъ того требуетъ, по окончаніи жъ утренней и передъ начатіемъ вечерней молитвы—обязаны по три четверти часа читать каноны и библію; въ продолженіи самыхъ обѣдовъ и ужиновъ одинъ изъ студентовъ читаетъ книги священнаго писанія.

Малѣйшіе дѣтскіе проступки влекутъ за собою несоразмѣрныя и гласныя наказанія: отдѣленіе подъ надзоромъ, отлученіе въ „комнату уединенія", отсылка на увѣщаніе къ духовному отцу, исповѣдь, приноше-

даго народа свойственны", и далѣе: что „цѣль гражданства не есть пожертвовать счастіемъ всѣхъ одному" и проч. Я думаю, что о происхожденіи власти монархической и цѣли гражданскихъ обществъ—ясно и положительно изображено въ законахъ нашихъ, въ особенности въ Наказѣ императрицы Екатерины II, а потому нѣтъ надобности вводить новыя толкованія.

43. Въ какомъ положеніи находится медицинскій институтъ при университетѣ.

Медицинскій институтъ не имѣетъ многихъ нужныхъ инструментовъ; недостатокъ сей тѣмъ ощутительнѣе, что самыя необходимыя вещи, предположенныя къ покупкѣ на 5000 рубл., отосланные въ 1823 году къ г. попечителю, не заказаны еще до сего времени, хотя для сего именно ѣздилъ въ чужіе края профессоръ Купферъ и для путешествія своего издержалъ, съ жалованьемъ и прогонами, до 7000 рублей. По таковому расходу я имѣю честь предоставить собственному сужденію вашего высокопревосходительства о пользѣ сдѣланнаго г. Купферомъ путешествія.

Анатомическій театръ и клиника находятся въ самомъ ничтожномъ положеніи; для практическаго упражненія студентовъ весьма бы полезно было обратить вниманіе на улучшеніе сей части.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

Изложивъ въ подробности замѣчанія по всѣмъ частямъ казанскаго университета, я нахожу нужнымъ представить здѣсь краткое обозрѣніе нынѣшняго положенія его и причинъ, которыя дѣйствовали на разстройство и упадокъ сего учебнаго заведенія.

I. Въ отношеніи нравственномъ

Правила, данныя г. попечителемъ безъ утвержденія министерства, подъ названіемъ: „Наставленіе о внутреннемъ и наружномъ благоустройствѣ" — поставили университетъ въ странное положеніе, свойственное болѣе монастырю, нежели учебному заведенію. Студенты встрѣчаютъ и оканчиваютъ день краткою молитвою, какъ и самый порядокъ того требуетъ, по окончаніи жъ утренней и передъ начатіемъ вечерней молитвы—обязаны по три четверти часа читать каноны и библію; въ продолженіи самыхъ обѣдовъ и ужиновъ одинъ изъ студентовъ читаетъ книги священнаго писанія.

Малѣйшіе дѣтскіе проступки влекутъ за собою несоразмѣрныя и гласныя наказанія: отдѣленіе подъ надзоромъ, отлученіе въ „комнату уединенія", отсылка на увѣщаніе къ духовному отцу, исповѣдь, приноше-

ніе общихъ молитвъ за преступившагося, какъ за грѣшника, и, наконецъ, отдача въ солдаты безъ суда и приговора, чему были два примѣра съ студентами Левенгофомъ и Бовинымъ. Что жъ касается до принадлежностей, украшающихъ комнату уединенія, то объ ономъ подробно изложено въ помянутомъ наставленіи г. попечителя.

Войдите въ разсмотрѣніе, ваше высокопревосходительство, какое впечатлѣніе должно имѣть на пылкое воображеніе молодого человѣка, заключеннаго за желѣзную рѣшетку, имѣющаго предъ глазами распятіе, картину страшнаго суда и ожидающаго духовника для увѣщанія!...

Не смотря на жестокость сихъ установленныхъ г. попечителемъ наказаній, казанскій университетъ не сдѣлалъ лучшими своихъ питомцевъ, ибо изъ 104-хъ студентовъ—ровно четвертая часть показана въ числѣ порочныхъ. Я думаю, что подобное управленіе должно или истребить послѣднюю нравственность и способность, или сдѣлаетъ лицемѣровъ, часто скрывающихъ пороки, вредные для общественнаго благосостоянія. При столь строгихъ и опасныхъ мѣрахъ, по крайней мѣрѣ необходимо нужно бъ было избрать инспекторомъ студентовъ и, вмѣстѣ, директоромъ педагогическаго института профессора, отличнаго способностями, особенно извѣстнаго нравственностью и справедливостью, пріобыкшаго къ обхожденію съ молодыми людьми, умѣющаго отличать порокъ отъ проступка,—профессора русскаго, дабы, назидая за наклонностями студентовъ, при всякомъ удобномъ случаѣ внушалъ имъ любовь къ царю и отечеству и запечатлѣвалъ въ юныхъ сердцахъ ихъ благодарность за попеченіе монарха. Вмѣсто того избранъ въ сіе званіе иностранецъ изъ евреевъ, не давно пріѣхавшій въ Россію и принявшій вѣру греческаго исповѣданія, не знающій ни обычаевъ, ни языка русскаго; человѣкъ, никому неизвѣстный и, по молодости и неопытности, не имѣющій никакого права на уваженіе *. Вотъ кому ввѣренъ г. попечителемъ надзоръ и засвидѣтельствованіе о поведеніи юношества,—засвидѣтельствованіе, на которомъ основывается сужденіе и даже наказаніе студентовъ!

Многіе профессора и чиновники, избранные и поддерживаемые г. попечителемъ, произвели въ ученомъ сословіи личности, раздоры, разныя неприличія, гласныя въ городѣ и извѣстныя начальству, и тѣмъ потеряли уваженіе мѣстнаго начальства и довѣренность родителей; что самое имѣло вліяніе на столь значительное уменьшеніе числа студентовъ, въ сравненіи съ прежнимъ управленіемъ.

II. По части учебной

Обозрѣніе устройства учебнаго порядка, полноты и направленія наукъ, должно основываться на конспектахъ, которые, по правиламъ,

* Адъюнктъ Н. Д. Брашманъ.

ніе общихъ молитвъ за преступившагося, какъ за грѣшника, и, наконецъ, отдача въ солдаты безъ суда и приговора, чему были два примѣра съ студентами Левенгофомъ и Бовинымъ. Что жъ касается до принадлежностей, украшающихъ комнату уединенія, то объ ономъ подробно изложено въ помянутомъ наставленіи г. попечителя.

Войдите въ разсмотрѣніе, ваше высокопревосходительство, какое впечатлѣніе должно имѣть на пылкое воображеніе молодого человѣка, заключеннаго за желѣзную рѣшетку, имѣющаго предъ глазами распятіе, картину страшнаго суда и ожидающаго духовника для увѣщанія!...

Не смотря на жестокость сихъ установленныхъ г. попечителемъ наказаній, казанскій университетъ не сдѣлалъ лучшими своихъ питомцевъ, ибо изъ 104-хъ студентовъ—ровно четвертая часть показана въ числѣ порочныхъ. Я думаю, что подобное управленіе должно или истребить послѣднюю нравственность и способность, или сдѣлаетъ лицемѣровъ, часто скрывающихъ пороки, вредные для общественнаго благосостоянія. При столь строгихъ и опасныхъ мѣрахъ, по крайней мѣрѣ необходимо нужно бъ было избрать инспекторомъ студентовъ и, вмѣстѣ, директоромъ педагогическаго института профессора, отличнаго способностями, особенно извѣстнаго нравственностью и справедливостью, пріобыкшаго къ обхожденію съ молодыми людьми, умѣющаго отличать порокъ отъ проступка,—профессора русскаго, дабы, назидая за наклонностями студентовъ, при всякомъ удобномъ случаѣ внушалъ имъ любовь къ царю и отечеству и запечатлѣвалъ въ юныхъ сердцахъ ихъ благодарность за попеченіе монарха. Вмѣсто того избранъ въ сіе званіе иностранецъ изъ евреевъ, не давно пріѣхавшій въ Россію и принявшій вѣру греческаго исповѣданія, не знающій ни обычаевъ, ни языка русскаго; человѣкъ, никому неизвѣстный и, по молодости и неопытности, не имѣющій никакого права на уваженіе *. Вотъ кому ввѣренъ г. попечителемъ надзоръ и засвидѣтельствованіе о поведеніи юношества,—засвидѣтельствованіе, на которомъ основывается сужденіе и даже наказаніе студентовъ!

Многіе профессора и чиновники, избранные и поддерживаемые г. попечителемъ, произвели въ ученомъ сословіи личности, раздоры, разныя неприличія, гласныя въ городѣ и извѣстныя начальству, и тѣмъ потеряли уваженіе мѣстнаго начальства и довѣренность родителей; что самое имѣло вліяніе на столь значительное уменьшеніе числа студентовъ, въ сравненіи съ прежнимъ управленіемъ.

II. По части учебной

Обозрѣніе устройства учебнаго порядка, полноты и направленія наукъ, должно основываться на конспектахъ, которые, по правиламъ,

* Адъюнктъ Н. Д. Брашманъ.

составляются и утверждаются до наступленія академическаго года. Но въ университетѣ казанскомъ не было составлено конспектовъ и г. попечитель не обратилъ должнаго вниманія на столь существенный и важный предметъ; изъ чего легко можно заключить, какое наблюденіе имѣло университетское начальство за преподаваніемъ г.г. профессоровъ.

Г. попечитель, сверхъ наукъ, назначенныхъ уставомъ и инструкціею, ввелъ преподаваніе византійскаго права и конституцій Англіи и Франціи, подъ видомъ публичнаго европейскаго права. Для перваго до сего времени не составлено порядочной системы, даже не опредѣлено періода, съ котораго должно отдѣлить законодательство византійское отъ римскаго.

Конституціи, сіи столь важныя, но, впрочемъ, едва ли нужныя для насъ предметы правовѣдѣнія—преподаются адъюнктовъ, не имѣющимъ ни учебныхъ пособій, ни нужныхъ свѣдѣній по сей части. Въ то время, какъ попечитель вводитъ сіи излишніе предметы, прочія, гораздо существеннѣйшія части наукъ, остаются въ небреженіи; такимъ образомъ оставлены совсѣмъ безъ преподаванія права присоединенныхъ къ Россіи губерній, а политическую экономію и дипломатику читаетъ профессоръ латинской словесности, образовавшійся въ семинаріи.

Выборъ въ званіе профессоровъ высочайшимъ уставомъ предоставленъ совѣту. Дипломы на ученую степень и избраніе совѣта безъ всякаго лицепріятія служили самымъ полезнѣйшимъ средствомъ къ поощренію въ пріобрѣтеніи познаній, ибо не было другой дороги къ высшимъ ученымъ званіямъ, какъ занятія въ наукахъ; такимъ образомъ, соревнованіе ученыхъ имѣло благородную цѣль и званія профессорскія получали люди достойные. Но съ того времени, какъ г. попечитель ознаменовалъ власть свою ниспроверженіемъ столь полезнаго правила и по единому произволу возводилъ многихъ даже на степень ординарныхъ профессоровъ—тогда, по несчастью, жребій сей часто падалъ на людей, не оправдавшихъ избранія г. попечителя ни познаніями, ни нравственностію. Что жъ произошло отъ сего? Возникла—зависть, начались междоусобія; уваженіе, пріобрѣтенное до того ученымъ сословіемъ—начало упадать. Тѣ изъ профессоровъ, которые знаніемъ своимъ, долговременными и успѣшными занятіями по университету,—какъ то Фуксъ и Никольскій,—пользовались всеобщею довѣренностью, наконецъ по возникшимъ интригамъ подверглись разнымъ неудовольствіямъ и самымъ даже оскорбленіямъ въ совѣтѣ отъ профессоровъ, опредѣленныхъ г. попечителемъ. Тогда упало должное уваженіе къ совѣту, сему главному судилищу способностей, обратившемуся, напослѣдокъ, въ сословіе слѣпо-повинующееся волѣ попечителя; тогда упало соревнованіе въ наукахъ; умы изощрялись въ проискахъ достигнуть другими путями до степеней, бывшихъ доселѣ наградою ученыхъ трудовъ. Кандидаты и магистры, видя дорогу къ повышенію

составляются и утверждаются до наступленія академическаго года. Но въ университетѣ казанскомъ не было составлено конспектовъ и г. попечитель не обратилъ должнаго вниманія на столь существенный и важный предметъ; изъ чего легко можно заключить, какое наблюденіе имѣло университетское начальство за преподаваніемъ г.г. профессоровъ.

Г. попечитель, сверхъ наукъ, назначенныхъ уставомъ и инструкціею, ввелъ преподаваніе византійскаго права и конституцій Англіи и Франціи, подъ видомъ публичнаго европейскаго права. Для перваго до сего времени не составлено порядочной системы, даже не опредѣлено періода, съ котораго должно отдѣлить законодательство византійское отъ римскаго.

Конституціи, сіи столь важныя, но, впрочемъ, едва ли нужныя для насъ предметы правовѣденія—преподаются адъюнктовъ, не имѣющимъ ни учебныхъ пособій, ни нужныхъ свѣдѣній по сей части. Въ то время, какъ попечитель вводитъ сіи излишніе предметы, прочія, гораздо существеннѣйшія части наукъ, остаются въ небреженіи; такимъ образомъ оставлены совсѣмъ безъ преподаванія права присоединенныхъ къ Россіи губерній, а политическую экономію и дипломатику читаетъ профессоръ латинской словесности, образовавшійся въ семинаріи.

Выборъ въ званіе профессоровъ высочайшимъ уставомъ предоставленъ совѣту. Дипломы на ученую степень и избраніе совѣта безъ всякаго лицепріятія служили самымъ полезнѣйшимъ средствомъ къ поощренію въ пріобрѣтеніи познаній, ибо не было другой дороги къ высшимъ ученымъ званіямъ, какъ занятія въ наукахъ; такимъ образомъ, соревнованіе ученыхъ имѣло благородную цѣль и званія профессорскія получали люди достойные. Но съ того времени, какъ г. попечитель ознаменовалъ власть свою ниспроверженіемъ столь полезнаго правила и по единому произволу возводилъ многихъ даже на степень ординарныхъ профессоровъ—тогда, по несчастью, жребій сей часто падалъ на людей, не оправдавшихъ избранія г. попечителя ни познаніями, ни нравственностію. Что жъ произошло отъ сего? Возникла—зависть, начались междоусобія; уваженіе, пріобрѣтенное до того ученымъ сословіемъ—начало упадать. Тѣ изъ профессоровъ, которые знаніемъ своимъ, долговременными и успѣшными занятіями по университету,—какъ то Фуксъ и Никольскій,—пользовались всеобщею довѣренностью, наконецъ по возникшимъ интригамъ подверглись разнымъ неудовольствіямъ и самымъ даже оскорбленіямъ въ совѣтѣ отъ профессоровъ, опредѣленныхъ г. попечителемъ. Тогда упало должное уваженіе къ совѣту, сему главному судилищу способностей, обратившемуся, напослѣдокъ, въ сословіе слѣпо-повинующееся волѣ попечителя; тогда упало соревнованіе въ наукахъ; умы изощрялись въ происках достигнуть другими путями до степеней, бывшихъ доселѣ наградою ученыхъ трудовъ. Кандидаты и магистры, видя дорогу къ повышенію

загражденною людьми, присланными по произволу начальства и не имѣющими на сіе права, вмѣсто прилежанія и трудовъ обратились такъ же къ проискамъ. Родители, будучи съ одной стороны свидѣтелями упадка нравственности и наукъ, а съ другой—видя раздоры, дающіе самые вредные примѣры, перестали отдавать дѣтей своихъ, предпочитая другія учебныя заведенія, побуждаясь къ тому еще вышеизложеннымъ внутреннимъ распоряженіемъ г. попечителя и столь торжественною огласкою проступковъ питомцевъ.

Вотъ главная причина паденія университета! Отъ сего то такъ ощутительна разность въ успѣхахъ съ прежнимъ управленіемъ университета, который съ 1819 года образовалъ только двухъ магистровъ, тогда какъ сей же самый университетъ, до 1819 года, съ меньшими способами выпустилъ 17 человѣкъ съ докторскими и магистерскими степенями; достигнувшихъ, большею частью, званія ординарныхъ профессоровъ и съ честію продолжающихъ ученую службу по многимъ университетамъ!

Особенное попеченіе г. попечителя замѣчено въ усовершенствованіи студентовъ въ богословіи. Даже на другихъ кафедрахъ, при всѣхъ возможныхъ случаяхъ, повторяется св. писаніе. Самая золотая медаль назначена г. попечителемъ именно для того, кто болѣе успѣетъ въ богословіи. Наконецъ, на всѣхъ кафедрахъ сдѣлана надпись: „Въ злохудожну душу не внидетъ премудрость, ниже обитаетъ въ тѣлеси, повиннѣмъ грѣху".

Успѣхи въ наукахъ математическихъ и медицинскихъ довольно хороши, въ чемъ можно отдать справедливость профессорамъ, которые съ 1819 года, не смотря на множество бывшихъ перемѣнъ, къ счастью университета удержались на своихъ мѣстахъ. Успѣхи по прочимъ предметамъ—весьма посредственны, а въ языкахъ французскомъ и нѣмецкомъ—чрезмѣрно слабы.

Въ гимназіи успѣхи въ наукахъ такъ же посредственны, а въ языкахъ, особенно въ первыхъ классахъ, по неимѣнію хорошихъ учителей, совершенно ничтожныя, чѣмъ ясно доказывается несоразмѣрная похвала г. попечителя въ пользу университета въ отчетѣ прошлаго сентября мѣсяца, ибо, въ случаѣ отличныхъ успѣховъ университетскихъ воспитанниковъ, мѣста учительскія могли бы замѣщаться казенными студентами.

Внутреннее распоряженіе питомцами гимназіи производится почти такимъ же порядкомъ, какъ и въ университетѣ. При обозрѣніи гимназіи найдено мною тамъ живущихъ по дозволенію попечителя 40 человѣкъ кантонистовъ, которые обѣдать и ужинать ходятъ въ казармы, расположенныя въ дальнемъ разстояніи. Я нахожу весьма неудобнымъ сіе распоряженіе, ибо, вмѣсто того, что бъ по окончаніи ужина дать покой кантонистамъ, они должны, иногда въ сильный морозъ, а иногда по грязи, возвращаться опять въ гимназію, тогда какъ всѣ питомцы и служители гимназіи спятъ.

загражденною людьми, присланными по произволу начальства и не имѣющими на сіе права, вмѣсто прилежанія и трудовъ обратились такъ же къ происками. Родители, будучи съ одной стороны свидѣтелями упадка нравственности и наукъ, а съ другой—видя раздоры, дающіе самые вредные примѣры, перестали отдавать дѣтей своихъ, предпочитая другія учебныя заведенія, побуждаясь къ тому еще вышеизложеннымъ внутреннимъ распоряженіемъ г. попечителя и столь торжественною огласкою проступковъ питомцевъ.

Вотъ главная причина паденія университета! Отъ сего то такъ ощутительна разность въ успѣхахъ съ прежнимъ управленіемъ университета, который съ 1819 года образовалъ только двухъ магистровъ, тогда какъ сей же самый университетъ, до 1819 года, съ меньшими способами выпустилъ 17 человѣкъ съ докторскими и магистерскими степенями; достигнувшихъ, большею частью, званія ординарныхъ профессоровъ и съ честію продолжающихъ ученую службу по многимъ университетамъ!

Особенное попеченіе г. попечителя замѣчено въ усовершенствованіи студентовъ въ богословіи. Даже на другихъ кафедрахъ, при всѣхъ возможныхъ случаяхъ, повторяется св. писаніе. Самая золотая медаль назначена г. попечителемъ именно для того, кто болѣе успѣетъ въ богословіи. Наконецъ, на всѣхъ кафедрахъ сдѣлана надпись: „Въ злохудожну душу не внидетъ премудрость, ниже обитаетъ въ тѣлеси, повиннѣмъ грѣху".

Успѣхи въ наукахъ математическихъ и медицинскихъ довольно хороши, въ чемъ можно отдать справедливость профессорамъ, которые съ 1819 года, не смотря на множество бывшихъ перемѣнъ, къ счастью университета удержались на своихъ мѣстахъ. Успѣхи по прочимъ предметамъ—весьма посредственны, а въ языкахъ французскомъ и нѣмецкомъ—чрезмѣрно слабы.

Въ гимназіи успѣхи въ наукахъ такъ же посредственны, а въ языкахъ, особенно въ первыхъ классахъ, по неимѣнію хорошихъ учителей, совершенно ничтожныя, чѣмъ ясно доказывается несоразмѣрная похвала г. попечителя въ пользу университета въ отчетѣ прошлаго сентября мѣсяца, ибо, въ случаѣ отличныхъ успѣховъ университетскихъ воспитанниковъ, мѣста учительскія могли бы замѣщаться казенными студентами.

Внутреннее распоряженіе питомцами гимназіи производится почти такимъ же порядкомъ, какъ и въ университетѣ. При обозрѣніи гимназіи найдено мною тамъ живущихъ по дозволенію попечителя 40 человѣкъ кантонистовъ, которые обѣдать и ужинать ходятъ въ казармы, расположенныя въ дальнемъ разстояніи. Я нахожу весьма неудобнымъ сіе распоряженіе, ибо, вмѣсто того, что бъ по окончаніи ужина дать покой кантонистамъ, они должны, иногда въ сильный морозъ, а иногда по грязи, возвращаться опять въ гимназію, тогда какъ всѣ питомцы и служители гимназіи спятъ.

Къ числу недостатковъ въ учебныхъ пособіяхъ должно отнести скудное состояніе кабинетовъ: минералогическаго, естественной исторіи, нумизматическаго, лабораторіи и анатомическаго театра; клиника желательно что бы была увеличена и лучше устроена для практическихъ упражненій. Для умноженія физическихъ и медицинскихъ инструментовъ хотя поручено было отправленному въ Парижъ профессору Купферу заказать разныя вещи на счетъ 5000 руб., посланныхъ въ 1823 году къ г. попечителю, но Купферъ не исполнилъ сего порученія потому, что не получилъ отъ г. попечителя денегъ.

Библіотека совершенно не имѣетъ новыхъ сочиненій.

Типографія находится въ самомъ скудномъ положеніи по недостатку способовъ, а еще болѣе по недостатку людей, кои бы могли приготовлять хорошіе пунсоны, матрицы и другія нужныя вещи. Типографія азіатская—въ совершенномъ бездѣйствіи, не имѣя даже способовъ удовлетворить жалованьемъ своихъ служителей.

Оканчивая замѣчанія по учебной части, я долженъ здѣсь упомянуть о произвольномъ распоряженіи г. попечителя въ истребленіи многихъ казенныхъ книгъ, принадлежащихъ библіотекѣ,—впрочемъ предписаніе сіе не выполнено и книги, благоразумнымъ распоряженіемъ профессоровъ, отдѣлены въ особое мѣсто.

III. По части хозяйственной

Г. попечитель, безъ согласія министерства, дозволилъ употребленіе на разные предметы значительныхъ суммъ, принадлежащихъ другимъ капиталамъ, и тѣмъ произведено замѣшательство въ денежныхъ обращеніяхъ и запутанность въ отчетахъ.

Дѣла правленія и строительнаго комитета по денежнымъ расходамъ въ такомъ безпорядкѣ, что за нѣсколько лѣтъ не составлено отчетовъ. Безпорядки же по дѣламъ совѣта выходятъ изъ всякой мѣры. Г. попечитель, во все время пребыванія въ Казани, не ревизовалъ и не свидѣтельствовалъ ни хозяйственной части, ни денежныхъ суммъ. Множество жалобъ, вступившихъ на университетъ отъ разныхъ подрядчиковъ, показываютъ, что университетъ не удовлетворилъ ихъ законнымъ порядкомъ за работы.

Главная причина разстройства хозяйственной части, несохраненія канцелярскаго порядка въ совѣтѣ и въ правленіи и самой запутанности по строительному комитету—происходитъ отъ безпрестанныхъ перемѣщеній чиновниковъ отъ одной должности къ другой. Перемѣны сіи производятся столь скоро, что чиновники не имѣютъ времени сдавать своихъ частей, какъ уже получаютъ новое назначеніе, отчего большая часть исправляетъ должности безъ утвержденія узаконеннымъ порядкомъ. Изъ дѣла видно, что нѣкоторые удаляемые отъ должностей чиновники оставляли мѣста свои не дожидаясь назначаемыхъ на смѣну,

Къ числу недостатковъ въ учебныхъ пособіяхъ должно отнести скудное состояніе кабинетовъ: минералогическаго, естественной исторіи, пумизматическаго, лабораторіи и анатомическаго театра; клиника желательно что бы была увеличена и лучше устроена для практическихъ упражненій. Для умноженія физическихъ и медицинскихъ инструментовъ хотя поручено было отправленному въ Парижъ профессору Купферу заказать разныя вещи на счетъ 5000 руб., посланныхъ въ 1823 году къ г. попечителю, но Купферъ не исполнилъ сего порученія потому, что не получилъ отъ г. попечителя денегъ.

Библіотека совершенно не имѣетъ новыхъ сочиненій.

Типографія находится въ самомъ скудномъ положеніи по недостатку способовъ, а еще болѣе по недостатку людей, кои бы могли приготовлять хорошіе пунсоны, матрицы и другія нужныя вещи. Типографія азіатская—въ совершенномъ бездѣйствіи, не имѣя даже способовъ удовлетворить жалованьемъ своихъ служителей.

Оканчивая замѣчанія по учебной части, я долженъ здѣсь упомянуть о произвольномъ распоряженіи г. попечителя въ истребленіи многихъ казенныхъ книгъ, принадлежащихъ библіотекѣ,—впрочемъ предписаніе сіе не выполнено и книги, благоразумнымъ распоряженіемъ профессоровъ, отдѣлены въ особое мѣсто.

III. По части хозяйственной

Г. попечитель, безъ согласія министерства, дозволилъ употребленіе на разные предметы значительныхъ суммъ, принадлежащихъ другимъ капиталамъ, и тѣмъ произведено замѣшательство въ денежныхъ обращеніяхъ и запутанность въ отчетахъ.

Дѣла правленія и строительнаго комитета по денежнымъ расходамъ въ такомъ безпорядкѣ, что за нѣсколько лѣтъ не составлено отчетовъ. Безпорядки же по дѣламъ совѣта выходятъ изъ всякой мѣры. Г. попечитель, во все время пребыванія въ Казани, не ревизовалъ и не свидѣтельствовалъ ни хозяйственной части, ни денежныхъ суммъ. Множество жалобъ, вступившихъ на университетъ отъ разныхъ подрядчиковъ, показываютъ, что университетъ не удовлетворилъ ихъ законнымъ порядкомъ за работы.

Главная причина разстройства хозяйственной части, несохраненія канцелярскаго порядка въ совѣтѣ и въ правленіи и самой запутанности по строительному комитету—происходитъ отъ безпрестанныхъ перемѣщеній чиновниковъ отъ одной должности къ другой. Перемѣны сіи производятся столь скоро, что чиновники не имѣютъ времени сдавать своихъ частей, какъ уже получаютъ новое назначеніе, отчего большая часть исправляетъ должности безъ утвержденія узаконеннымъ порядкомъ. Изъ дѣла видно, что нѣкоторые удаляемые отъ должностей чиновники оставляли мѣста свои не дожидаясь назначаемыхъ на смѣну,

и теперь никто ни за что не можетъ отвѣчать. Примѣры таковыхъ перемѣнъ можно видѣть изъ приложенной къ дѣлу вѣдомости о чиновникахъ за 1825 годъ.

Не только чиновники, но и самые профессора переводились съ кафедры на кафедру безъ разсмотрѣнія совѣта, а по произволу попечителя. Само собою разумѣется, сколько терпятъ отъ сего науки, ибо преподаватель, собравши нужные матеріалы и вникнувшій въ науку, ему принадлежащую, переходитъ тотчасъ совсѣмъ къ другому предмету, нисколько не предвидя сей перемѣны.

Не могу умолчать объ очевидномъ неудобствѣ въ преподаваніи профессора Купфера физики на французскомъ языкѣ, на которомъ большая часть студентовъ ничего не понимаютъ. Профессоръ Мистаки, преподающій греческую словесность, такъ же не говоритъ почти ни слова по русски. Онъ опредѣленъ въ профессора, не имѣя вида о происхожденіи и потому формулярный объ немъ списокъ составленъ со словъ. Къ ученой службѣ Мистаки причислено и то, что онъ у князя Ипсилантія училъ дѣтей и награжденъ перстнемъ. Вотъ всѣ акты, на основаніи которыхъ попечитель возвелъ Мистаки въ 7-й классъ.

Заключу тѣмъ, что, во время осмотра моего, кромѣ ректора Фукса, утвержденнаго въ сей должности высочайшимъ указомъ, всѣ прочіе суть исправляющіе должности.

Если бы вашему высокопревосходительству угодно было спросить мнѣнія моего по сему предмету, въ такомъ случаѣ, основываясь на извѣстности мѣстныхъ обстоятельствъ, я бы по самой строгой справедливости полагалъ:

1. Г.г. профессоровъ казанскаго университета не подвергать отвѣтственности за безпорядки, допущенные по разнымъ частямъ управленія, ибо они, какъ самый ходъ дѣла показываетъ, были въ семъ случаѣ исполнителями власти, не терпящей никакой отговорки и самопроизвольно управлявшей.

2. Для подробнѣйшаго учета и ревизіи книгъ университета и, въ особенности, строительнаго комитета, приведенія въ извѣстность имущества казанскаго университета, введенія узаконеннаго порядка канцелярскаго и, наконецъ, для разсмотрѣнія всѣхъ просьбъ, вступающихъ на университетъ въ неплатежѣ денегъ—учредить при университетѣ особую коммиссію.

3. Что касается до возстановленія университета на ту степень, на которой онъ долженъ быть по тѣмъ щедротамъ, какія изливаются на него августѣйшимъ покровителемъ наукъ, нужно вмѣнить въ непремѣнную обязанность г. попечителя не отступать отъ высочайше утвержденныхъ правилъ, ограничить власть его въ опредѣленіи профессоровъ безъ выбора совѣта; разсмотрѣть инструкціи ректора и директора въ главномъ правленіи училищъ, уединообразить правила о преподаваніи наукъ, раздѣленіи фа-

и теперь никто ни за что не можетъ отвѣчать. Примѣры таковыхъ перемѣнъ можно видѣть изъ приложенной къ дѣлу вѣдомости о чиновникахъ за 1825 годъ.

Не только чиновники, но и самые профессора переводились съ кафедры на кафедру безъ разсмотрѣнія совѣта, а по произволу попечителя. Само собою разумѣется, сколько терпятъ отъ сего науки, ибо преподаватель, собравши нужные матеріалы и вникнувшій въ науку, ему принадлежащую, переходитъ тотчасъ совсѣмъ къ другому предмету, нисколько не предвидя сей перемѣны.

Не могу умолчать объ очевидномъ неудобствѣ въ преподаваніи профессора Купфера физики на французскомъ языкѣ, на которомъ большая часть студентовъ ничего не понимаютъ. Профессоръ Мистаки, преподающій греческую словесность, такъ же не говоритъ почти ни слова по русски. Онъ опредѣленъ въ профессора, не имѣя вида о происхожденіи и потому формулярный объ немъ списокъ составленъ со словъ. Къ ученой службѣ Мистаки причислено и то, что онъ у князя Ипсилантія училъ дѣтей и награжденъ перстнемъ. Вотъ всѣ акты, на основаніи которыхъ попечитель возвелъ Мистаки въ 7-й классъ.

Заключу тѣмъ, что, во время осмотра моего, кромѣ ректора Фукса, утвержденнаго въ сей должности высочайшимъ указомъ, всѣ прочіе суть исправляющіе должности.

Если бы вашему высокопревосходительству угодно было спросить мнѣнія моего по сему предмету, въ такомъ случаѣ, основываясь на извѣстности мѣстныхъ обстоятельствъ, я бы по самой строгой справедливости полагалъ:

1. Г.г. профессоровъ казанскаго университета не подвергать отвѣтственности за безпорядки, допущенные по разнымъ частямъ управленія, ибо они, какъ самый ходъ дѣла показываетъ, были въ семъ случаѣ исполнителями власти, не терпящей никакой отговорки и самопроизвольно управлявшей.

2. Для подробнѣйшаго учета и ревизіи книгъ университета и, въ особенности, строительнаго комитета, приведенія въ извѣстность имущества казанскаго университета, введенія узаконеннаго порядка канцелярскаго и, наконецъ, для разсмотрѣнія всѣхъ просьбъ, вступающихъ на университетъ въ неплатежѣ денегъ—учредить при университетѣ особую коммиссію.

3. Что касается до возстановленія университета на ту степень, на которой онъ долженъ быть по тѣмъ щедротамъ, какія изливаются на него августѣйшимъ покровителемъ наукъ, нужно вмѣнить въ непремѣнную обязанность г. попечителя не отступать отъ высочайше утвержденныхъ правилъ, ограничить власть его въ опредѣленіи профессоровъ безъ выбора совѣта; разсмотрѣть инструкціи ректора и директора въ главномъ правленіи училищъ, уединообразить правила о преподаваніи наукъ, раздѣленіи фа-

культетовъ и кафедръ, не позволяя нарушать оныя ни попечителю, ни университету. По собраніи отъ всѣхъ университетовъ конспектовъ по преподаваемымъ наукамъ, разсмотрѣть въ правленіи училищъ и, избравъ полезнѣйшія системы или сочиненія, разослать оныя повсемѣстно для единообразнаго руководства, чѣмъ доставится удобство по всей Россіи желающимъ предстать для экзамена на ученыя степени, въ чемъ нынѣ встрѣчаютъ большія затрудненія по разнообразнымъ системамъ преподаваній. И, наконецъ, главнѣйшее, безъ чего никакъ не можетъ быть желаемаго успѣха—прибавить два или, по крайней мѣрѣ, одинъ годъ къ нынѣшнему университетскому курсу, слишкомъ краткому по многочисленности преподаваемыхъ наукъ и по слабымъ познаніямъ поступающихъ изъ гимназій учениковъ.

Въ заключеніе имѣю честь препроводить при семъ въ подлинникѣ все производство по осмотру казанскаго университета.

Подписалъ: Генералъ-Маіоръ Желтухинъ.

(Архивъ министерства народнаго просвѣщенія, 1826, № 76—15433б, листы 83—142).

культетовъ и кафедръ, не позволяя нарушать оныя ни попечителю, ни университету. По собраніи отъ всѣхъ университетовъ конспектовъ по преподаваемымъ наукамъ, разсмотрѣть въ правленіи училищъ и, избравъ полезнѣйшія системы или сочиненія, разослать оныя повсемѣстно для единообразнаго руководства, чѣмъ доставится удобство по всей Россіи желающимъ предстать для экзамена на ученыя степени, въ чемъ нынѣ встрѣчаютъ большія затрудненія по разнообразнымъ системамъ преподаваній. И, наконецъ, главнѣйшее, безъ чего никакъ не можетъ быть желаемаго успѣха—прибавить два или, по крайней мѣрѣ, одинъ годъ къ нынѣшнему университетскому курсу, слишкомъ краткому по многочисленности преподаваемыхъ наукъ и по слабымъ познаніямъ поступающихъ изъ гимназій учениковъ.

Въ заключеніе имѣю честь препроводить при семъ въ подлинникѣ все производство по осмотру казанскаго университета.

Подписалъ: Генералъ-Маіоръ Желтухинъ.

(Архивъ министерства народнаго просвѣщенія, 1826, № 76—15433б, листы 83—142).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

Агафоновъ, Ник. Яковл., знатокъ казанской старины, 540.
Ажи, художникъ, 411.
Алашеевъ, Пав. Серг., секретарь унив. правленія, 393, 403.
Александръ I, императоръ, 49, 64, 65, 82, 339, 342, 356, 359, 360, 369, 370, 451—455, 458, 459, 467—469, 471—473, 478, 479, 487, 492, 496, 506, 507, 521, 523—526, 536, 539, 541, 549, 550, 574.
Александръ, герцогъ Вюртембергскій, 454.
Алексѣевъ, Апол. Вас., студентъ, 103.
Алексѣевъ, почетн. смотритель арзамасскаго училища, 250.
Алферьевъ, директоръ нижегородскихъ училищъ, 500.
Амвросій, архіеп. казанскій, 84, 86, 504, 505, 517, 518, 548, 639, 648.
Амперъ, А., физикъ, 162.
Ананьинъ, чиновникъ, 516.
Анахоретовъ, священникъ, 169, 170.
Анна Іоанновна, императрица, 185.
Апраксинъ, графъ, 416, 417.
Араго, Д., физикъ, 162, 164, 407.
Аракчеевъ, графъ Ал. Андр., 63, 64, 317, 319, 320, 369, 406, 473—476, 478, 480, 481, 483, 495—497, 500, 502, 518, 522—524, 526, 539, 548.
Арнгольдтъ, Адамъ Ив., профессоръ, 78, 227.
Арсеньевъ, К. И., профессоръ с.-петербургскаго университета, 461.
Артемьевъ, Алекс. Ив., 152, 153, 172.
Арцыбышевъ, Ник. Серг., почетный смотритель чебоксарскаго уѣздн. училища, историкъ, 349, 350.
Ахмеровъ, Ибрагимъ, форстмейстеръ, 281.

Баевъ, засѣдатель надв. суда, 624.
Баженовъ, Вас. Мих., профессоръ, 37, 101, 184, 186, 245, 313, 325, 326, 350, 373, 393, 410, 518, 605, 606, 619, 620, 630, 648, 665.
Базилевъ, Ник. Вас., студентъ, 100, 309.
Балахонцевъ, Ив., студентъ, 104.
Баратаевъ, князь Мих. Петр., симбирскій помѣщикъ, 83.

Агафоновъ, Ник. Яковл., знатокъ казанской старины, 540.
Ажи, художникъ, 411.
Алашеевъ, Пав. Серг., секретарь унив. правленія, 393, 403.
Александръ I, императоръ, 49, 64, 65, 82, 339, 342, 356, 359, 360, 369, 370, 451—455, 458, 459, 467—469, 471—473, 478, 479, 487, 492, 496, 506, 507, 521, 523—526, 536, 539, 541, 549, 550, 574.
Александръ, герцогъ Вюртембергскій, 454.
Алексѣевъ, Апол. Вас., студентъ, 103.
Алексѣевъ, почетн. смотритель арзамасскаго училища, 250.
Алферьевъ, директоръ нижегородскихъ училищъ, 500.
Амвросій, архіеп. казанскій, 84, 86, 504, 505, 517, 518, 548, 639, 648.
Амперъ, А., физикъ, 162.
Ананьинъ, чиновникъ, 516.
Анахоретовъ, священникъ, 169, 170.
Анна Іоанновна, императрица, 185.
Апраксинъ, графъ, 416, 417.
Араго, Д., физикъ, 162, 164, 407.
Аракчеевъ, графъ Ал. Андр., 63, 64, 317, 319, 320, 369, 406, 473—476, 478, 480, 481, 483, 495—497, 500, 502, 518, 522—524, 526, 539, 548.
Арнгольдтъ, Адамъ Ив., профессоръ, 78, 227.
Арсеньевъ, К. И., профессоръ с.-петербургскаго университета, 461.
Артемьевъ, Алекс. Ив., 152, 153, 172.
Арцыбышевъ, Ник. Серг., почетный смотритель чебоксарскаго уѣздн. училища, историкъ, 349, 350.
Ахмеровъ, Ибрагимъ, форстмейстеръ, 281.

Баевъ, засѣдатель надв. суда, 624.
Баженовъ, Вас. Мих., профессоръ, 37, 101, 184, 186, 245, 313, 325, 326, 350, 373, 393, 410, 518, 605, 606, 619, 620, 630, 648, 665.
Базилевъ, Ник. Вас., студентъ, 100, 309.
Балахонцевъ, Ив., студентъ, 104.
Баратаевъ, князь Мих. Петр., симбирскій помѣщикъ, 83.

Барсовъ, Ѳед. Петр., инспекторъ студентовъ, 101, 184, 239—242, 245, 247, 289, 304, 306—308, 325, 365, 424.
Бартельсъ, Март. Ѳеод., профессоръ казанскаго университета, 365.
Бартеневъ, Петръ Ив., издатель „Русскаго Архива", 87.
Бахманъ, лаборантъ, 153, 167.
Бахметьевъ, А. Н., генералъ отъ инфантеріи, врем. генералъ-губернаторъ низовыхъ губерній, 407, 547.
Бекетовъ, Влад. Никол., студентъ, 103.
Беллерманъ, I., германскій ученый, 143, 144.
Беллингсгаузенъ, Ѳад. Ѳад., капитанъ-командоръ, 14, 156, 159, 171.
Бенкендорфъ, Алекс. Христоф., командующій гл. императ. квартирою, шефъ жандармовъ, 584, 622, 623.
Березинъ, Ив., университетскій инвалидъ, 200.
Березинъ, Илья Никол., профессоръ, 492.
Березовскій, отставной прапорщикъ, 464.
Бессель, астрономъ, 161, 164, 407.
Бларамбергъ, одесскій археологъ, 599.
Блокманъ, докторъ, 178, 633.
Бобановскій, Евг. Петр., студентъ, 103.
Бовинъ, Алекс., студентъ, 98—100, 105, 327, 568, 579, 581, 654, 668.
Богдановичъ, учитель, 257.
Богдановъ, А. А., помощникъ бухгалтера университета, 607.
Богословскій, инспекторъ уральскихъ горныхъ школъ, 177.
Борда, Ж., французскій математикъ, 634.
Борщевскій, смотритель уѣздн. училища, 186.
Браунъ, Ив. Осип., профессоръ, ректоръ, 131, 201, 202.
Брашманъ, Никол. Дмитр., профессоръ, 10, 101, 102, 106, 137, 500, 501, 560, 569, 570, 642, 645, 649, 668.
Бринъ (фонъ), Ф. А., тобольскій губернаторъ, 227.
Брискорнъ, статскій совѣтникъ, 470, 476, 477.
Бріоски, итальянскій ученый, 162.
Броневскій, командиръ сибирскихъ лин. казачьихъ войскъ, 170, 171.
Броннеръ, Фр. Ксав., профессоръ, 148, 154, 175.
Буваръ, членъ французской академіи, 162, 164, 407.
Булатовъ, повѣтчикъ надв. суда, 624.
Булгаковъ, Алекс. Ал., студентъ, 103.
Булгаковъ, Евграфъ Ал., студентъ, 103.
Булгаковъ, Петръ Ал., студентъ, 103.
Булыгинъ, Влад. Яковл., профессоръ, 32, 37, 42, 81, 101, 137, 261, 290, 313, 365, 373, 393, 518, 562, 563, 576, 606—608, 630.
Бурхановъ, Мухаддинъ Сеитъ, чистопольскій купецъ, 281.
Бухаринъ, И. Я., астраханскій губернаторъ, 227.
Бюрно, Ив. Ив., адъюнктъ, 137.
Бѣлоголововъ, засѣдатель надв. суда, 624.

Барсовъ, Ѳед. Петр., инспекторъ студентовъ, 101, 184, 239—242, 245, 247, 289, 304, 306—308, 325, 365, 424.
Бартельсъ, Март. Ѳеод., профессоръ казанскаго университета, 365.
Бартеневъ, Петръ Ив., издатель „Русскаго Архива", 87.
Бахманъ, лаборантъ, 153, 167.
Бахметьевъ, А. Н., генералъ отъ инфантеріи, врем. генералъ-губернаторъ низовыхъ губерній, 407, 547.
Бекетовъ, Влад. Никол., студентъ, 103.
Беллерманъ, I., германскій ученый, 143, 144.
Беллингсгаузенъ, Ѳад. Ѳад., капитанъ-командоръ, 14, 156, 159, 171.
Бенкендорфъ, Алекс. Христоф., командующій гл. императ. квартирою, шефъ жандармовъ, 584, 622, 623.
Березинъ, Ив., университетскій инвалидъ, 200.
Березинъ, Илья Никол., профессоръ, 492.
Березовскій, отставной прапорщикъ, 464.
Бессель, астрономъ, 161, 164, 407.
Бларамбергъ, одесскій археологъ, 599.
Блокманъ, докторъ, 178, 633.
Бобановскій, Евг. Петр., студентъ, 103.
Бовинъ, Алекс., студентъ, 98—100, 105, 327, 568, 579, 581, 654, 668.
Богдановичъ, учитель, 257.
Богдановъ, А. А., помощникъ бухгалтера университета, 607.
Богословскій, инспекторъ уральскихъ горныхъ школъ, 177.
Борда, Ж., французскій математикъ, 634.
Борщевскій, смотритель уѣздн. училища, 186.
Браунъ, Ив. Осип., профессоръ, ректоръ, 131, 201, 202.
Брашманъ, Никол. Дмитр., профессоръ, 10, 101, 102, 106, 137, 500, 501, 560, 569, 570, 642, 645, 649, 668.
Бринъ (фонъ), Ф. А., тобольскій губернаторъ, 227.
Брискорнъ, статскій совѣтникъ, 470, 476, 477.
Бріоски, итальянскій ученый, 162.
Броневскій, командиръ сибирскихъ лин. казачьихъ войскъ, 170, 171.
Броннеръ, Фр. Ксав., профессоръ, 148, 154, 175.
Буваръ, членъ французской академіи, 162, 164, 407.
Булатовъ, повѣтчикъ надв. суда, 624.
Булгаковъ, Алекс. Ал., студентъ, 103.
Булгаковъ, Евграфъ Ал., студентъ, 103.
Булгаковъ, Петръ Ал., студентъ, 103.
Булыгинъ, Влад. Яковл., профессоръ, 32, 37, 42, 81, 101, 137, 261, 290, 313, 365, 373, 393, 518, 562, 563, 576, 606—608, 630.
Бурхановъ, Мухаддинъ Сеитъ, чистопольскій купецъ, 281.
Бухаринъ, И. Я., астраханскій губернаторъ, 227.
Бюрно, Ив. Ив., адъюнктъ, 137.
Бѣлоголововъ, засѣдатель надв. суда, 624.

Бѣлынскій (Бѣлинскій), Виссар. Григ., воспитанникъ пензенской гимназіи, впосл. знаменитый критикъ, 516.
Бѣлынскій, Григорій, штабъ-лекарь (отецъ предыдущаго), 516.
Бѣльскій, Ив. Онис., студентъ, 104.
Бѣльскій, Ив. Онис., студентъ, 104.

Вакуровъ, саратовскій книгопродавецъ, 262.
Васильевъ, Васил. Павл., профессоръ, 182.
Васильевъ, Петръ Мих., адъюнктъ, 10, 112, 129, 184, 246, 271, 313, 365, 427, 503, 571, 659, 665.
Вейнеръ, факторъ, 47.
Вейсъ, минералогъ, 164, 407.
Вердерамо, Эмм. Осип., профессоръ, 128, 140, 199, 206—209, 365.
Верниковскій, Ив. Ант., кандидатъ, 376, 377.
Вертъ, минералогъ, 178.
Визгаловъ, Вас. Яковл., экзекуторъ университета, 322, 427, 441—444, 446, 654, 659.
Вилье, Я. В., лейбъ-медикъ, 518.
Вильетти, Людвигъ, иностранецъ, 182.
Виноградскій, Алекс., студентъ, 193, 362—364.
Винокуровъ, учитель казанской гимназіи, 619, 620.
Вишневская, жена инспектора студентовъ, 520.
Вишневскій, Гавр. Ѳеод., инспекторъ студентовъ, 93, 101, 322, 325—328, 333, 334, 427, 436, 437, 440, 443, 520, 549, 564, 606, 609.
Владиміровъ, В. В., учитель первой казанской гимназіи, 271.
Владимірскій, Алекс. Павл., директоръ университета, 29, 32, 34, 81, 87, 89, 92, 93, 97, 98, 108, 111—113, 124, 128, 142, 144, 193, 199—201, 205—207, 209, 241, 244, 246, 247, 249—251, 257—259, 261, 264, 271, 276, 287—290, 292—301, 304—309, 311, 312, 323, 339, 340, 358, 362—365, 367, 405, 419, 432, 645.
Владимірскій, директоръ училищъ восточной Сибири, 175.
Влангали, статскій совѣтникъ, 282, 283.
Власовъ, надв. сов., чиновникъ департамента народн. просв., 587, 588.
Воейковъ, А. Ѳ., авторъ памфлета „Домъ сумашедшихъ", 469.
Волковъ, Руфъ Гл., студентъ, впосл. преподаватель, 103.
Волконскій, П. М., князь, военный министръ, 406, 474.
Воронинъ, и. д. смотрителя якутскаго уѣздн. училища, 178.
Вороновъ, учитель, 257.
Воронцовъ, Мих. Сем., графъ, новороссійскій генер.-губернаторъ, 596—598.
Врангель, баронъ, Ег. Вас., профессоръ, 78.
Второвъ, Ник. Ив., 84, 318, 515, 525, 594.
Вурмъ, астрономъ, 165.

Бѣлынскій (Бѣлинскій), Виссар. Григ., воспитанникъ пензенской гимназіи, впосл. знаменитый критикъ, 516.
Бѣлынскій, Григорій, штабъ-лекарь (отецъ предыдущаго), 516.
Бѣльскій, Ив. Онис., студентъ, 104.
Бѣльскій, Ив. Онис., студентъ, 104.

Вакуровъ, саратовскій книгопродавецъ, 262.
Васильевъ, Васил. Павл., профессоръ, 182.
Васильевъ, Петръ Мих., адъюнктъ, 10, 112, 129, 184, 246, 271, 313, 365, 427, 503, 571, 659, 665.
Вейнеръ, факторъ, 47.
Вейсъ, минералогъ, 164, 407.
Вердерамо, Эмм. Осип., профессоръ, 128, 140, 199, 206—209, 365.
Верниковскій, Ив. Ант., кандидатъ, 376, 377.
Вертъ, минералогъ, 178.
Визгаловъ, Вас. Яковл., экзекуторъ университета, 322, 427, 441—444, 446, 654, 659.
Вилье, Я. В., лейбъ-медикъ, 518.
Вильетти, Людвигъ, иностранецъ, 182.
Виноградскій, Алекс., студентъ, 193, 362—364.
Винокуровъ, учитель казанской гимназіи, 619, 620.
Вишневская, жена инспектора студентовъ, 520.
Вишневскій, Гавр. Ѳеод., инспекторъ студентовъ, 93, 101, 322, 325—328, 333, 334, 427, 436, 437, 440, 443, 520, 549, 564, 606, 609.
Владиміровъ, В. В., учитель первой казанской гимназіи, 271.
Владимірскій, Алекс. Павл., директоръ университета, 29, 32, 34, 81, 87, 89, 92, 93, 97, 98, 108, 111—113, 124, 128, 142, 144, 193, 199—201, 205—207, 209, 241, 244, 246, 247, 249—251, 257—259, 261, 264, 271, 276, 287—290, 292—301, 304—309, 311, 312, 323, 339, 340, 358, 362—365, 367, 405, 419, 432, 645.
Владимірскій, директоръ училищъ восточной Сибири, 175.
Влангали, статскій совѣтникъ, 282, 283.
Власовъ, надв. сов., чиновникъ департамента народн. просв., 587, 588.
Воейковъ, А. Ѳ., авторъ памфлета „Домъ сумашедшихъ“, 469.
Волковъ, Руфъ Гл., студентъ, впосл. преподаватель, 103.
Волконскій, П. М., князь, военный министръ, 406, 474.
Воронинъ, и. д. смотрителя якутскаго уѣздн. училища, 178.
Вороновъ, учитель, 257.
Воронцовъ, Мих. Сем., графъ, новороссійскій генер.-губернаторъ, 596—598.
Врангель, баронъ, Ег. Вас., профессоръ, 78.
Второвъ, Ник. Ив., 84, 318, 515, 525, 594.
Вурмъ, астрономъ, 165.

Вяземскій, П. А., князь, авторъ воспоминаній, 515, 594.

Гантимуровъ, князь Александръ, тунгузскій родоначальникъ, 273, 275.
Гапоновъ, директоръ симбирскихъ училищъ, 256, 337, 354.
Гартманъ, И. А., помощникъ архитектора, 444.
Гаттонъ, англичанка, 82.
Гебгардъ, тиролецъ, 178.
Гейнтль (фонъ), австрійскій гофъ-адвокатъ, 164, 408.
Германъ, К. Ѳ., профессоръ петербургскаго университета, 288, 289, 376, 460, 461, 493.
Германъ, совѣтникъ губернскаго правленія, 564.
Германъ, святитель, 258.
Гильденстетъ, путешественникъ, 19.
Гине, учитель гимназіи, 246.
Глазевичъ, Григ. Матв., лаборантъ, 166, 167.
Гмелинъ, путешественникъ, 19.
Голенищевъ-Кутузовъ, П. В., князь, с.-петербургскій генералъ-губернаторъ, 584.
Голицина, А. С., княгиня, 471.
Голицинъ, князь, Алекс. Никол., министръ народнаго просвѣщенія, 31, 46, 59—65, 79, 86, 149, 176, 177, 179, 186—189, 230, 248, 267, 277, 308, 312, 315, 316, 319, 337, 338, 355, 360, 361, 369, 404, 406, 411—415, 421, 425, 433, 451, 453, 457, 459, 460, 462, 464, 467, 468, 470, 472—482, 484, 487—490, 497, 498, 526, 574, 592, 596, 613, 622.
Голицинъ, Дм. Влад., московскій генералъ-губернаторъ, 622.
Голубцовъ, смотритель училища, 275.
Горбуновъ, Алексѣй, воспитанникъ, 97, 564, 569.
Горемыкинъ, студентъ, 561.
Городчаниновъ, Григ. Никол., профессоръ, 9, 16, 18, 32, 36, 42, 57, 58, 78, 81, 124, 181, 238, 288, 290, 313, 344, 365, 373, 378, 515, 517, 518, 561, 562, 576, 601, 603, 630, 647, 648, 665.
Горячевъ, Ник. Ѳед., студентъ, 309.
Госнеръ, пасторъ-проповѣдникъ, 470, 476—478.
Грандидье (де), аббатъ, 170, 633.
Гранпре (графъ де), французскій археологъ, 23.
Грацинскій, Ив. Фрол., преподаватель, 32, 37, 42, 129, 410, 502, 514, 516, 555, 640.
Грегуаръ, Анри, французскій политическій и обществ. дѣятель, 144, 145, 404, 629.
Грефъ, книгопродавецъ, 72, 73.
Гречъ, Н. И., журналистъ, 477.
Грибоѣдовъ, частный приставъ, 441.
Груздевъ, университ. подрядчикъ, 440.
Гумбольдтъ, баронъ Александръ, натуралистъ, 162, 164, 407, 634.

Вяземскій, П. А., князь, авторъ воспоминаній, 515, 594.

Гантимуровъ, князь Александръ, тунгузскій родоначальникъ, 273, 275.
Гапоновъ, директоръ симбирскихъ училищъ, 256, 337, 354.
Гартманъ, И. А., помощникъ архитектора, 444.
Гаттонъ, англичанка, 82.
Гебгардъ, тиролецъ, 178.
Гейнтль (фонъ), австрійскій гофъ-адвокатъ, 164, 408.
Германъ, К. Ѳ., профессоръ петербургскаго университета, 288, 289, 376, 460, 461, 493.
Германъ, совѣтникъ губернскаго правленія, 564.
Германъ, святитель, 258.
Гильденстетъ, путешественникъ, 19.
Гине, учитель гимназіи, 246.
Глазевичъ, Григ. Матв., лаборантъ, 166, 167.
Гмелинъ, путешественникъ, 19.
Голенищевъ-Кутузовъ, П. В., князь, с.-петербургскій генералъ-губернаторъ, 584.
Голицина, А. С., княгиня, 471.
Голицинъ, князь, Алекс. Никол., министръ народнаго просвѣщенія, 31, 46, 59—65, 79, 86, 149, 176, 177, 179, 186—189, 230, 248, 267, 277, 308, 312, 315, 316, 319, 337, 338, 355, 360, 361, 369, 404, 406, 411—415, 421, 425, 433, 451, 453, 457, 459, 460, 462, 464, 467, 468, 470, 472—482, 484, 487—490, 497, 498, 526, 574, 592, 596, 613, 622.
Голицинъ, Дм. Влад., московскій генералъ-губернаторъ, 622.
Голубцовъ, смотритель училища, 275.
Горбуновъ, Алексѣй, воспитанникъ, 97, 564, 569.
Горемыкинъ, студентъ, 561.
Городчаниновъ, Григ. Никол., профессоръ, 9, 16, 18, 32, 36, 42, 57, 58, 78, 81, 124, 181, 238, 288, 290, 313, 344, 365, 373, 378, 515, 517, 518, 561, 562, 576, 601, 603, 630, 647, 648, 665.
Горячевъ, Ник. Ѳед., студентъ, 309.
Госнеръ, пасторъ-проповѣдникъ, 470, 476—478.
Грандидье (де), аббатъ, 170, 633.
Гранпре (графъ де), французскій археологъ, 23.
Грацинскій, Ив. Фрол., преподаватель, 32, 37, 42, 129, 410, 502, 514, 516, 555, 640.
Грегуаръ, Анри, французскій политическій и обществ. дѣятель, 144, 145, 404, 629.
Грефъ, книгопродавецъ, 72, 73.
Гречъ, Н. И., журналистъ, 477.
Грибоѣдовъ, частный приставъ, 441.
Груздевъ, университ. подрядчикъ, 440.
Гумбольдтъ, баронъ Александръ, натуралистъ, 162, 164, 407, 634.

Гундуровъ, А. А., князь, бухгалтеръ университета, 661.
Гурьевъ, Д. А., графъ, министръ финансовъ, 474.
Гурьевъ, Ник. Дан., кандидатъ, 14, 327.

Данилевскій, пензенскій дворянинъ, 101, 235—238.
Даніилъ, архимандритъ, 182.
Дембровскій, студентъ, 326.
Демидовъ, П. Г., извѣстный ревнитель народн. просвѣщенія, 345.
Демуленъ, французскій ученый, 162.
Джанъ-Гуссейнъ, муфтій, 278, 613, 616.
Дибичъ, И. И., начальникъ штаба его величества, 585.
Дмитріевскій, Ив. Степ., студентъ, впосл. врачъ и адъюнктъ, 100, 120, 121, 203.
Дмитріевскій, учитель пензенской гимназіи, 101, 235—237.
Добринскій, П. М., вятскій губернаторъ, 226, 436.
Дончевскій, сенатскій повытчикъ, 618.
Дорнъ, Б. А., академикъ, 48.
Доу, знаменитый художникъ-портретистъ, 339, 452, 453, 608.
Дукъ, астрономъ, 162.
Дунаевъ, Ив. Ив., профессоръ, 9, 32, 37, 59, 141, 165—168, 264, 313, 333, 365, 373, 503, 587, 608.
Дюгуровъ, А. А., профессоръ петербургскаго университета, 405.

Евреиновъ, пароходовладѣлецъ, 21.
Евсевьевъ, казанскій губернскій предводитель дворянства, 436.
Екатерина II, императрица, 82, 147, 513, 539, 667.
Ермоловъ, Ал. Петр., генералъ отъ инф., главноуправляющій Грузіи, 20, 406, 493, 629.
Ероховъ, Ив. Калл., профессоръ, 196, 213, 313, 570, 587, 601, 645.
Есиповъ, колл. сов., чиновникъ особ. порученій при минист. нар. просвѣщ., 536, 542, 545—548, 553—555, 557, 558, 564, 566, 574, 575, 577, 580, 581, 643, 652.
Ефимовичъ, дѣйствит. стат. совѣтникъ, 185, 186, 190.
Ефимовъ, унтеръ офицеръ, 322.

Желтухинъ, Петръ Ѳеодоровичъ, генералъ-маіоръ, ревизоръ казанскаго университета, 24, 29, 76, 93, 96, 98, 102, 104, 106—108, 114, 140—142, 319, 400, 402, 417, 436, 439, 445—447, 462, 468, 500, 508, 536—550, 553—568, 572—578, 581—584, 586, 588, 602, 604, 605, 607, 609, 639.
Желтухинъ, Серг. Ѳеод., генералъ-лейтенантъ, 540.
Желтухинъ, Ѳеод. Ѳеод., казанскій помѣщикъ, 539.
Жмакинъ, Алекс. Яковл., казанскій вице-губернаторъ, 86, 198, 213, 408, 435, 436, 486, 501, 506, 515, 548, 593.

Гундуровъ, А. А., князь, бухгалтеръ университета, 661.
Гурьевъ, Д. А., графъ, министръ финансовъ, 474.
Гурьевъ, Ник. Дан., кандидатъ, 14, 327.

Данилевскій, пензенскій дворянинъ, 101, 235—238.
Даніилъ, архимандритъ, 182.
Дембровскій, студентъ, 326.
Демидовъ, П. Г., извѣстный ревнитель народн. просвѣщенія, 345.
Демуленъ, французскій ученый, 162.
Джанъ-Гуссейнъ, муфтій, 278, 613, 616.
Дибичъ, И. И., начальникъ штаба его величества, 585.
Дмитріевскій, Ив. Степ., студентъ, впосл. врачъ и адъюнктъ, 100, 120, 121, 203.
Дмитріевскій, учитель пензенской гимназіи, 101, 235—237.
Добринскій, П. М., вятскій губернаторъ, 226, 436.
Дончевскій, сенатскій повытчикъ, 618.
Дорнъ, Б. А., академикъ, 48.
Доу, знаменитый художникъ-портретистъ, 339, 452, 453, 608.
Дукъ, астрономъ, 162.
Дунаевъ, Ив. Ив., профессоръ, 9, 32, 37, 59, 144, 165—168, 264, 313, 333, 365, 373, 503, 587, 608.
Дюгуровъ, А. А., профессоръ петербургскаго университета, 405.

Евреиновъ, пароходовладѣлецъ, 21.
Евсевьевъ, казанскій губернскій предводитель дворянства, 436.
Екатерина II, императрица, 82, 147, 513, 539, 667.
Ермоловъ, Ал. Петр., генералъ отъ инф., главноуправляющій Грузіи, 20, 406, 493, 629.
Ероховъ, Ив. Калл., профессоръ, 196, 213, 313, 570, 587, 601, 645.
Есиповъ, колл. сов., чиновникъ особ. порученій при минист. нар. просвѣщ., 536, 542, 545—548, 553—555, 557, 558, 564, 566, 574, 575, 577, 580, 581, 643, 652.
Ефимовичъ, дѣйствит. стат. совѣтникъ, 185, 186, 190.
Ефимовъ, унтеръ офицеръ, 322.

Желтухинъ, Петръ Θеодоровичъ, генералъ-маіоръ, ревизоръ казанскаго университета, 24, 29, 76, 93, 96, 98, 102, 104, 106—108, 114, 140—142, 319, 400, 402, 417, 436, 439, 445—447, 462, 468, 500, 508, 536—550, 553—568, 572—578, 581—584, 586, 588, 602, 604, 605, 607, 609, 639.
Желтухинъ, Серг. Θеод., генералъ-лейтенантъ, 540.
Желтухинъ, Θеод. Θеод., казанскій помѣщикъ, 539.
Жмакинъ, Алекс. Яковл., казанскій вице-губернаторъ, 86, 198, 213, 408, 435, 436, 486, 501, 506, 515, 548, 593.

Жобаръ Ив. А., профессоръ, 82, 233, 234, 288, 313, 375, 378—402, 502, 514, 579—581, 589, 617—621, 624, 640.

Закревскій, графъ, Арс. Андр., финляндскій генералъ-губернаторъ, 154.
Запольскій, Ив. Ипат., адъюнктъ, 154.
Зарницинъ, почетн. смотритель училища, 172, 186, 195
Зибекъ, нѣмецкій физикъ, 164, 407.
Зубовъ, графъ Пав. Алекс., 13.

Ивановъ, Ив. Тим., студентъ, 327.
Илларіоновъ, студентъ (см. „Ларіоновъ").
Илличевскій, Д. В., томскій губернаторъ, 228.
Ильинъ, Ив. Ил., оберъ-секретарь сената, 617, 618.
Ипсиланти, Константинъ, валахскій господарь, 672.
Истоминъ, препараторъ, 21, 172, 173.
Италинскій, Андр. Яковл., русскій посланникъ въ Римѣ, 164, 408

Іоаннесъ, армянскій архіепископъ, 13.

Кабановъ, Яковъ, инвалидъ, 200.
Кавелинъ, Дм. Алекс., директоръ петербургскаго университета, 405, 460, 470.
Кавелли, неаполитанскій профессоръ, 178.
Кавнацкій, Ѳед. Ермил., кассиръ университета, 175, 245, 295, 427, 441, 444.
Каземъ-Бекъ, мирза Алекс. Касим., 137.
Кайсаровъ, Андр. Вас., адъюнктъ, 10, 129, 137, 246, 365, 516, 608.
Калашниковъ, Ив. Григ., членъ университ. строительнаго комитета, 164, 190, 435, 439, 442, 443, 446, 571, 572, 577, 579, 609, 655, 656, 658, 659.
Кальмеръ, Леви, граверъ, 48.
Кальтау, А. И., садовникъ, 196.
Кандаковъ, Ѳеод. Евст., преподаватель, 136, 650.
Кантъ, экономъ казанской гимназіи, 245.
Капцевичъ, П. М., зап.-сибирскій ген.-губернаторъ, 407.
Карабլиновъ, Як. Мин., профессоръ, 9, 403, 464, 562, 570, 576, 587, 608, 640, 644, 645, 647.
Карамзинъ, Н. М., исторіографъ, 523, 533.
Каратаевъ, С. С., студентъ, 331.
Каратыгинъ, П. П., авторъ воспоминаній, 470.
Карбоньеръ, генералъ-маіоръ, 406.
Карейша, Петръ Степ., профессоръ, 120, 202, 203, 212, 290.
Карновичъ, Е. П., историкъ, 475.

Жобаръ Ив. А., профессоръ, 82, 233, 234, 288, 313, 375, 378—402, 502, 514, 579—581, 589, 617—621, 624, 640.

Закревскій, графъ, Арс. Андр., финляндскій генералъ-губернаторъ, 154.
Запольскій, Ив. Ипат., адъюнктъ, 154.
Зарницинъ, почетн. смотритель училища, 172, 186, 195
Зибекъ, нѣмецкій физикъ, 164, 407.
Зубовъ, графъ Пав. Алекс., 13.

Ивановъ, Ив. Тим., студентъ, 327.
Илларіоновъ, студентъ (см. „Ларіоновъ").
Илличевскій, Д. В., томскій губернаторъ, 228.
Ильинъ, Ив. Ил., оберъ-секретарь сената, 617, 618.
Ипсиланти, Константинъ, валахскій господарь, 672.
Истоминъ, препараторъ, 21, 172, 173.
Италинскій, Андр. Яковл., русскій посланникъ въ Римѣ, 164, 408

Іоаннесъ, армянскій архіепископъ, 13.

Кабановъ, Яковъ, инвалидъ, 200.
Кавелинъ, Дм. Алекс., директоръ петербургскаго университета, 405, 460, 470.
Кавелли, неаполитанскій профессоръ, 178.
Кавнацкій, Ѳед. Ермил., кассиръ университета, 175, 245, 295, 427, 441, 444.
Каземъ-Бекъ, мирза Алекс. Касим., 137.
Кайсаровъ, Андр. Вас., адъюнктъ, 10, 129, 137, 246, 365, 516, 608.
Калашниковъ, Ив. Григ., членъ университ. строительнаго комитета, 164, 190, 435, 439, 442, 443, 446, 571, 572, 577, 579, 609, 655, 656, 658, 659.
Кальмеръ, Леви, граверъ, 48.
Кальтау, А. И., садовникъ, 196.
Кандаковъ, Ѳеод. Евст., преподаватель, 136, 650.
Кантъ, экономъ казанской гимназіи, 245.
Капцевичъ, П. М., зап.-сибирскій ген.-губернаторъ, 407.
Карабличовъ, Як. Мин., профессоръ, 9, 403, 464, 562, 570, 576, 587, 608, 640, 644, 645, 647.
Карамзинъ, Н. М., исторіографъ, 523, 533.
Каратаевъ, С. С., студентъ, 331.
Каратыгинъ, П. П., авторъ воспоминаній, 470.
Карбоньеръ, генералъ-маіоръ, 406.
Карейша, Петръ Степ., профессоръ, 120, 202, 203, 212, 290.
Карновичъ, Е. П., историкъ, 475.

Карнѣевъ, Е. В., попечитель харьковскаго уч. окр., 405, 456.
Карнѣевъ, совѣтникъ казанской казенной палаты, 547, 564, 650, 658.
Карташевскій, Григ. Ив., директоръ д-та иностр. исповѣданій, бывшій профессоръ казанскаго университета, 485, 542.
Кафтанниковъ, учитель и директоръ оренб. училищъ, 182, 273.
Каченовскій, М. Т., профессоръ московскаго университета, 484.
Кеппенъ, П. И., статистикъ, 70—72.
Клаусъ, Карлъ Карл., профессоръ, 190.
Клейнмихель П. А., генералъ, 522.
Кноррь, Эрн. Авг., профессоръ, 153.
Князевъ, Анисимъ, статскій совѣтникъ, 147.
Ковалевскій, Ос. Мих., кандидатъ, впосл. профессоръ 182, 376, 377.
Колаковскій, Феликсъ, кандидатъ, 376, 377.
Комаровъ, смотритель училища, 257.
Кондыревъ, Петръ Серг., профессоръ, 127—131, 140, 143, 145, 169, 181, 183, 184, 186, 230, 231, 261, 277, 278, 305. 350, 365, 650, 663.
Константиновъ, Исаакъ, крестьянинъ села Грузино, 496.
Константинъ Павловичъ, цесаревичъ, 523—526, 528, 535, 536.
Коротковъ, Ив. Мих., студентъ, 103.
Котельниковъ, Петръ Ив., профессоръ, 164.
Котурнинскій, С. Ѳ., бухгалтеръ университета, 661.
Кочубей, графъ В. П., управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, 328.
Кочубей, полтавскій помѣщикъ, 49.
Крайтонъ, докторъ, лейбъ-медикъ, 203, 595.
Красновъ, учитель казанской гимназіи, 243.
Краузе, Ив. Ѳеод., адъюнктъ, 37, 45, 81, 129, 135, 136, 140, 142, 246, 288, 556, 560, 563, 577, 650, 665.
Крашенинниковъ, Сем. Ѳед., студентъ, 331, 332.
Крейтонъ, рѣзчикъ, 339, 447, 452, 453.
Кремпинъ, Евгеній Вас., студентъ, 100, 104.
Кругъ, Ф., академикъ, 404.
Крупениковъ, Леонтій, казанскій купецъ и домовладѣлецъ, 217, 431.
Кручининъ, Ник. Гавр., лекарь, 117, 208, 211.
Крюденеръ, баронесса, поборница мистицизма, 471.
Крюковъ, А. С., нижегородскій губернаторъ, 227, 228.
Крюковъ, Левъ Дм., преподаватель, 47, 331.
Крюковъ, студентъ, 331, 507.
Кужелевъ, коллежскій ассесоръ, 73.
Кулаковъ, Ник. Ѳед., адъюнктъ, 20, 110, 196, 246.
Купферъ, Ад. Як., профессоръ, 9, 18, 45, 126, 132, 149, 151—155, 157—162, 164, 167, 168, 179, 213, 407, 570, 571, 603, 631, 633, 645, 647, 649, 650, 665, 667, 671, 672.

Карнѣевъ, Е. В., попечитель харьковскаго уч. окр., 405, 456.
Карнѣевъ, совѣтникъ казанской казенной палаты, 547, 564, 650, 658.
Карташевскій, Григ. Ив., директоръ д-та иностр. исповѣданій, бывшій профессоръ казанскаго университета, 485, 542.
Кафтанниковъ, учитель и директоръ оренб. училищъ, 182, 273.
Каченовскій, М. Т., профессоръ московскаго университета, 484.
Кеппенъ, П. И., статистикъ, 70—72.
Клаусъ, Карлъ Карл., профессоръ, 190.
Клейнмихель П. А., генералъ, 522.
Кнорръ, Эрн. Авг., профессоръ, 153.
Князевъ, Анисимъ, статскій совѣтникъ, 147.
Ковалевскій, Ос. Мих., кандидатъ, впосл. профессоръ 182, 376, 377.
Колаковскій, Феликсъ, кандидатъ, 376, 377.
Комаровъ, смотритель училища, 257.
Кондыревъ, Петръ Серг., профессоръ, 127—131, 140, 143, 145, 169, 181, 183, 184, 186, 230, 231, 261, 277, 278, 305. 350, 365, 650, 663.
Константиновъ, Исаакъ, крестьянинъ села Грузино, 496.
Константинъ Павловичъ, цесаревичъ, 523—526, 528, 535, 536.
Коротковъ, Ив. Мих., студентъ, 103.
Котельниковъ, Петръ Ив., профессоръ, 164.
Котурнинскій, С. Ѳ., бухгалтеръ университета, 661.
Кочубей, графъ В. П., управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, 328.
Кочубей, полтавскій помѣщикъ, 49.
Крайтонъ, докторъ, лейбъ-медикъ, 203, 595.
Красновъ, учитель казанской гимназіи, 243.
Краузе, Ив. Ѳеод., адъюнктъ, 37, 45, 81, 129, 135, 136, 140, 142, 246, 288, 556, 560, 563, 577, 650, 665.
Крашенинниковъ, Сем. Ѳед., студентъ, 331, 332.
Крейтонъ, рѣзчикъ, 339, 447, 452, 453.
Кремпинъ, Евгеній Вас., студентъ, 100, 104.
Кругъ, Ф., академикъ, 404.
Крупениковъ, Леонтій, казанскій купецъ и домовладѣлецъ, 217, 431.
Кручининъ, Ник. Гавр., лекарь, 117, 208, 211.
Крюденеръ, баронесса, поборница мистицизма, 471.
Крюковъ, А. С., нижегородскій губернаторъ, 227, 228.
Крюковъ, Левъ Дм., преподаватель, 47, 331.
Крюковъ, студентъ, 331, 507.
Кужелевъ, коллежскій ассесоръ, 73.
Кулаковъ, Ник. Ѳед., адъюнктъ, 20, 110, 196, 246.
Купферъ, Ад. Як., профессоръ, 9, 18, 45, 126, 132, 149, 151—155, 157—162, 164, 167, 168, 179, 213, 407, 570, 571, 603, 631, 633, 645, 647, 649, 650, 665, 667, 671, 672.

Лажечниковъ, Ив. Ив., директоръ пензенской гимназіи, и. д. инспектора студентовъ, извѣстный романистъ, 84, 86, 101, 223, 236, 238, 245, 248, 252, 253, 255, 256, 329, 330, 333, 334, 360, 361, 368, 377, 417, 443, 454, 476, 502, 506, 535, 594.
Лазаревъ, Ив., студентъ, 104, 333.
Лазаревъ, М. П., адмиралъ, 14, 159.
Ланкастеръ, квакеръ-педагогъ, 355, 356.
Ларіоновъ, А. С., студентъ (см. также „Илларіоновъ"), 561.
Лебедевичъ-Драевскій, Андрей, студентъ, 117.
Лебедевъ, учитель тобольской гимназіи, 606.
Левенгофъ, Алекс., студентъ, 98—100, 105, 568, 579, 581, 664, 668.
Лейтеръ, Ив. Ѳед., лекторъ, 7, 317, 377, 389, 436.
Лентовскій, Алекс. Егор., адъюнктъ, профессоръ, 129, 130, 184, 202, 211, 565, 650, 665.
Лешевичъ-Бородуличъ, А. Я., штабсъ-капитанъ, 432.
Ливенъ, К. А., князь, министръ народн. просвѣщ., 595.
Линдль, пасторъ, 470.
Литтровъ, І. А., профессоръ, 17, 161, 163, 165, 518, 634.
Лихачевъ, Ник. Петр., докторъ русской исторіи, 35, 42.
Лобачевскій, Ал. Ив., адъюнктъ, 129, 175.
Лобачевскій, Ник. Ив., профессоръ, 9, 10, 25, 36, 37, 44, 45, 53—57, 81, 125, 126, ~~128—130~~, 134, 136—138, 140, 146—151, 156—158, 173, 177, 238, 288, 289, 304—306, 313, 365, 373, 376, 379, 387, 423, 427, 437—441, 445, 460, 493, 515, 518, 571, 647, 650, 655, 656, 658, 659, 663, 665.
Лодій, профессоръ петербургскаго университета, 493.
Лодыженскій, лейтенантъ, 22.
Лонгиновъ, М. Н., 496.
Лубкинъ, Викторъ, студентъ, 100, 104, 327.
Лубкинъ, директоръ оренбургскихъ училищъ, 352, 354.
Лубяновскій, Ѳ. Т., пензенскій губернаторъ, 226, 236.
Лукошковъ, коллежскій ассесоръ, 331.
Любимовъ, квартирмейстеръ каз. гимназіи, 240—242, 245.
Любомировъ, Троф. Егор., директоръ университета, 72, 135, 328—330, 333, 334, 439, 444, 514, 517, 544, 545, 583.
Львовъ, Василій, студентъ, 104.
Ляпуновъ В. А., бухгалтеръ университета, 558, 589, 661.

Магницкая, Екатерина Осиповна, жена попечителя округа, 464—467, 533.
Магницкій, Михаилъ Леонтьевичъ, попечитель казанскаго учебнаго округа, 5—8, 10—18, 20, 23—25, 28—31, 34—36, 38, 40—43, 45—48, 51—66, 69—72, 74—87, 89, 92, 96, 98—102, 104, 106—116, 119, 122—123, 125, 127, 128, 130—132, 134, 135, 138—140, 142—149,

Лажечниковъ, Ив. Ив., директоръ пензенской гимназіи, и. д. инспектора студентовъ, извѣстный романистъ, 84, 86, 101, 223, 236, 238, 245, 248, 252, 253, 255, 256, 329, 330, 333, 334, 360, 361, 368, 377, 417, 443, 454, 476, 502, 506, 535, 594.
Лазаревъ, Ив., студентъ, 104, 333.
Лазаревъ, М. П., адмиралъ, 14, 159.
Ланкастеръ, квакеръ-педагогъ, 355, 356.
Ларіоновъ, А. С., студентъ (см. также „Илларіоновъ"), 561.
Лебедевичъ-Драевскій, Андрей, студентъ, 117.
Лебедевъ, учитель тобольской гимназіи, 606.
Левенгофъ, Алекс., студентъ, 98—100, 105, 568, 579, 581, 664, 668.
Лейтеръ, Ив. Ѳед., лекторъ, 7, 317, 377, 389, 436.
Лентовскій, Алекс. Егор., адъюнктъ, профессоръ, 129, 130, 184, 202, 211, 565, 650, 665.
Лешевичъ-Бородуличъ, А. Я., штабсъ-капитанъ, 432.
Ливенъ, К. А., князь, министръ народн. просвѣщ., 595.
Линдль, пасторъ, 470.
Литтровъ, І. А., профессоръ, 17, 161, 163, 165, 518, 634.
Лихачевъ, Ник. Петр., докторъ русской исторіи, 35, 42.
Лобачевскій, Ал. Ив., адъюнктъ, 129, 175.
Лобачевскій, Ник. Ив., профессоръ, 9, 10, 25, 36, 37, 44, 45, 53—57, 81, 125, 126, ~~128—130~~, 134, 136—138, 140, 146—151, 156—158, 173, 177, 238, 288, 289, 304—306, 313, 365, 373, 376, 379, 387, 423, 427, 437—441, 445, 460, 493, 515, 518, 571, 647, 650, 655, 656, 658, 659, 663, 665.
Лодій, профессоръ петербургскаго университета, 493.
Лодыженскій, лейтенантъ, 22.
Лонгиновъ, М. Н., 496.
Лубкинъ, Викторъ, студентъ, 100, 104, 327.
Лубкинъ, директоръ оренбургскихъ училищъ, 352, 354.
Лубяновскій, Ѳ. Т., пензенскій губернаторъ, 226, 236.
Лукошковъ, коллежскій ассесоръ, 331.
Любимовъ, квартирмейстеръ каз. гимназіи, 240—242, 245.
Любомировъ, Троф. Егор., директоръ университета, 72, 135, 328—330, 333, 334, 439, 444, 514, 517, 544, 545, 583.
Львовъ, Василій, студентъ, 104.
Ляпуновъ В. А., бухгалтеръ университета, 558, 589, 661.

Магницкая, Екатерина Осиповна, жена попечителя округа, 464—467, 533.
Магницкій, Михаилъ Леонтьевичъ, попечитель казанскаго учебнаго округа, 5—8, 10—18, 20, 23—25, 28—31, 34—36, 38, 40—43, 45—48, 51—66, 69—72, 74—87, 89, 92, 96, 98—102, 104, 106—116, 119, 122—123, 125, 127, 128, 130—132, 134, 135, 138—140, 142—149,

151, 154, 156—160, 163, 165, 166, 168—171, 173, 174, 176, 177, 178, 180, 181, 183, 185, 187—189, 192, 193, 195, 199—202, 204, 206, 207, 209, 214—234, 237—240, 241, 247, 248, 251—253, 255, 256—269, 271, 272, 275—279, 281—283, 285—295, 297—301, 304—309, 311, 312, 314—327, 329, 330, 334—340, 342, 343, 345—349, 351, 352, 355—359, 361, 362, 364, 365, 369, 370, 373—382, 386, 388, 390, 392—400, 402—404, 406—411, 413—421, 423—425, 429, 431—434, 436—439, 441—465, 467—470, 472, 475—477, 480, 481, 483—492, 494—508, 514—538, 540, 542—550, 554—561, 563—567, 572—578, 580—601, 604—609, 619, 620, 625, 635.

Магницкій, Мих. Мих., сынъ попечителя округа, 596.

Макаровъ, учитель казанской гимназіи, 244.

Маклаковъ, студентъ, учитель тобольск. гимн., 97, 272.

Макшеевъ, Дм. Мих., письмоводитель попечительской канцеляріи, 230—232, 263.

Малѣевъ, почетный смотритель училища, 176.

Мамаевъ, совѣтникъ казанскаго адмиралтейства, 326.

Мамышевъ, корректоръ, 185.

Манасеинъ, Ельпидифоръ Петр., адъюнктъ, 13, 14, 355.

Маньковскій, Ник. Ив., студентъ, 331.

Мари, І. А., архитекторъ университета, 420.

Мари, учитель, 273.

Марія Θеодоровна, императрица, 384, 387, 396, 461, 473.

Марковъ, директоръ астраханскихъ училищъ, 234.

Мартыновъ, Ив. Ив., членъ главнаго правленія училищъ, 265, 266.

Матони, казанскій домовладѣлецъ, 204.

Матюнинъ, Г. П., студентъ, 388, 389, 391.

Меедеръ, служащій канцеляріи попечителя казанск. уч. округа, 534.

Мезенъ, Я. О., садовникъ, 196.

Мейснеръ, учитель казанской гимназіи, 244.

Мельниковъ, Мих. Ив., студентъ, впосл. профессоръ, 103.

Менделѣевъ, Дм. Ив., химикъ, 262.

Менделѣевъ, Ив., директоръ саратовскихъ училищъ, 262, 354.

Миллеръ, Як. Алекс., профессоръ, 101, 325, 329, 373, 410, 505, 570, 579, 638, 644, 645.

Милорадовичъ, М. А., с.-петербургскій военный губернаторъ, 490, 498, 525—528, 530—533, 536.

Милордовъ, законоучитель бугурусланскаго у. училища, 259.

Минкина, Настасья, любовница гр. А. А. Аракчеева, 522, 524.

Мистаки, Серг. Андр., профессоръ казанскаго университета, 386, 410, 515, 569, 570, 631, 645, 646, 672.

Михайловскій, Ал. Иван., лекторъ англійскаго языка, 397, 624.

Михайловъ, Мих., студентъ, 104.

Михаилъ Θеодоровичъ, царь, 190.

151, 154, 156—160, 163, 165, 166, 168—171, 173, 174, 176, 177, 178, 180, 181, 183, 185, 187—189, 192, 193, 195, 199—202, 204, 206, 207, 209, 214—234, 237—240, 241, 247, 248, 251—253, 255, 256—269, 271, 272, 275—279, 281—283, 285—295, 297—301, 304—309, 311, 312, 314—327, 329, 330, 334—340, 342, 343, 345—349, 351, 352, 355—359, 361, 362, 364, 365, 369, 370, 373—382, 386, 388, 390, 392—400, 402—404, 406—411, 413—421, 423—425, 429, 431—434, 436—439, 441—465, 467—470, 472, 475—477, 480, 481, 483—492, 494—508, 514—538, 540, 542—550, 554—561, 563—567, 572—578, 580—601, 604—609, 619, 620, 625, 635.

Магницкій, Мих. Мих., сынъ попечителя округа, 596.

Макаровъ, учитель казанской гимназіи, 244.

Маклаковъ, студентъ, учитель тобольск. гимн., 97, 272.

Макшеевъ, Дм. Мих., письмоводитель попечительской канцеляріи, 230—232, 263.

Малѣевъ, почетный смотритель училища, 176.

Мамаевъ, совѣтникъ казанскаго адмиралтейства, 326.

Мамышевъ, корректоръ, 185.

Манасеинъ, Ельпидифоръ Петр., адъюнктъ, 13, 14, 355.

Маньковскій, Ник. Ив., студентъ, 331.

Мари, І. А., архитекторъ университета, 420.

Мари, учитель, 273.

Марія Өеодоровна, императрица, 384, 387, 396, 461, 473.

Марковъ, директоръ астраханскихъ училищъ, 234.

Мартыновъ, Ив. Ив., членъ главнаго правленія училищъ, 265, 266.

Матони, казанскій домовладѣлецъ, 204.

Матюнинъ, Г. П., студентъ, 388, 389, 391.

Меедеръ, служащій канцеляріи попечителя казанск. уч. округа, 534.

Мезенъ, Я. О., садовникъ, 196.

Мейснеръ, учитель казанской гимназіи, 244.

Мельниковъ, Мих. Ив., студентъ, впосл. профессоръ, 103.

Менделѣевъ, Дм. Ив., химикъ, 262.

Менделѣевъ, Ив., директоръ саратовскихъ училищъ, 262, 354.

Миллеръ, Як. Алекс., профессоръ, 101, 325, 329, 373, 410, 505, 570, 579, 638, 644, 645.

Милорадовичъ, М. А., с.-петербургскій военный губернаторъ, 490, 498, 525—528, 530—533, 536.

Милордовъ, законоучитель бугурусланскаго у. училища, 259.

Минкина, Настасья, любовница гр. А. А. Аракчеева, 522, 524.

Мистаки, Серг. Андр., профессоръ казанскаго университета, 386, 410, 515, 569, 570, 631, 645, 646, 672.

Михайловскій, Ал. Иван., лекторъ англійскаго языка, 397, 624.

Михайловъ, Мих., студентъ, 104.

Михаилъ Өеодоровичъ, царь, 190.

Мордовскій, законоучитель иркутской гимназіи, 258.
Морозовъ, П. Т., авторъ воспоминаній, 77, 84, 597—600.
Моръ, командиръ гранильной фабрики, 178.
Москатильниковъ, Савва Андр., казанскій писатель, 29.
Мосоловъ, заводчикъ, 436.
Мотовиловъ, Н. А., симбирскій помѣщикъ, 110.
Муравьевъ, Ник. Назар., статсъ секретарь, 556, 567, 588.
Мурзакевичъ, Н. Н., авторъ воспоминаній, 596, 598, 600.
Мусинъ-Пушкинъ, Михаилъ Николаевичъ, попечитель казанскаго учебнаго округа, 35, 46, 85, 119, 136, 137, 146, 148, 164, 165, 171, 190, 198, 262, 264, 283, 396, 431, 448, 497, 589, 608, 609.

Наврозовъ, М. А., оренбургскій губернаторъ, 228.
Назарета (въ мірѣ княжна С. Б. Болховская), игуменья казанскаго Богородицкаго монастыря, 198.
Наполеонъ I, императоръ, 479, 550.
Ней, Ѳеод. Петр., механикъ университета, 153.
Некрасовъ, учитель вятской гимназіи, 194.
Нессельроде, графъ Карлъ Вас., министръ иностр. дѣлъ, 163.
Нечаевъ, Алекс. Ив., протоіерей, духовникъ университета, 81, 96, 97, 99, 111, 243, 290, 365, 505, 561, 564, 576.
Никитенко, А. В., авторъ воспоминаній, 476.
Николаевъ, Петръ, студентъ, 103.
Николаевъ, директоръ училищъ казанской губерніи, 365.
Николай I, императоръ, 74, 83, 87, 119, 369, 459, 461, 467, 523—526, 536, 540, 541, 545, 566, 567, 573, 584, 588, 590, 591, 595, 608.
Никольскій, Григ. Борис., профессоръ, ректоръ и директоръ университета, 9, 37, 38, 56, 81, 100, 101, 120, 124, 131, 147, 235, 243, 247, 251, 288, 289, 293—295, 301, 304, 307, 308, 311—314, 320—324, 328, 333—336, 365, 373, 379, 380, 387, 392, 398, 403, 427, 411, 442, 444, 445, 454, 455, 503, 518, 565, 572, 583, 601, 605, 606, 608, 609, 618, 645, 647, 656, 665, 669.
Николь, Карлъ, аббатъ, 160.
Ниловъ, П. А., казанскій губернаторъ, 296, 406.
Новосильцовъ, оберъ-прокуроръ сената, 617, 618.

Огаревъ, Н. И., сенаторъ, 617, 618.
Озерскій, Борисъ, граверъ, 48.
Оріани, ученый, 162.
Орлова-Чесменская, Анна Алексѣевна, графиня, 471—475, 477, 479—481, 547.
Осипова, жена университ. инвалида, 201.
Остолоповъ, Ник. Ѳед., чиновникъ минист. нар. просв., 265.
Отсолигъ, студентъ, 202, 208.

Мордовскій, законоучитель иркутской гимназіи, 258.
Морозовъ, П. Т., авторъ воспоминаній, 77, 84, 597—600.
Моръ, командиръ гранильной фабрики, 178.
Москатильниковъ, Савва Андр., казанскій писатель, 29.
Мосоловъ, заводчикъ, 436.
Мотовиловъ, Н. А., симбирскій помѣщикъ, 110.
Муравьевъ, Ник. Назар., статсъ секретарь, 556, 567, 588.
Мурзакевичъ, Н. Н., авторъ воспоминаній, 596, 598, 600.
Мусинъ-Пушкинъ, Михаилъ Николаевичъ, попечитель казанскаго учебнаго округа, 35, 46, 85, 119, 136, 137, 146, 148, 164, 165, 171, 190, 198, 262, 264, 283, 396, 431, 448, 497, 589, 608, 609.

Наврозовъ, М. А., оренбургскій губернаторъ, 228.
Назарета (въ мірѣ княжна С. Б. Болховская), игуменья казанскаго Богородицкаго монастыря, 198.
Наполеонъ I, императоръ, 479, 550.
Ней, Ѳеод. Петр., механикъ университета, 153.
Некрасовъ, учитель вятской гимназіи, 194.
Нессельроде, графъ Карлъ Вас., министръ иностр. дѣлъ, 163.
Нечаевъ, Алекс. Ив., протоіерей, духовникъ университета, 81, 96, 97, 99, 111, 243, 290, 365, 505, 561, 564, 576.
Никитенко, А. В., авторъ воспоминаній, 476.
Николаевъ, Петръ, студентъ, 103.
Николаевъ, директоръ училищъ казанской губерніи, 365.
Николай I, императоръ, 74, 83, 87, 119, 369, 459, 461, 467, 523—526, 536, 540, 541, 545, 566, 567, 573, 584, 588, 590, 591, 595, 608.
Никольскій, Григ. Борис., профессоръ, ректоръ и директоръ университета, 9, 37, 38, 56, 81, 100, 101, 120, 124, 131, 147, 235, 243, 247, 251, 288, 289, 293—295, 301, 304, 307, 308, 311—314, 320—324, 328, 333—336, 365, 373, 379, 380, 387, 392, 398, 403, 427, 431, 442, 444, 445, 454, 455, 503, 518, 565, 572, 583, 601, 605, 606, 608, 609, 618, 645, 647, 656, 665, 669.
Николь, Карлъ, аббатъ, 160.
Ниловъ, П. А., казанскій губернаторъ, 296, 406.
Новосильцовъ, оберъ-прокуроръ сената, 617, 618.

Огаревъ, Н. И., сенаторъ, 617, 618.
Озерскій, Борисъ, граверъ, 48.
Оріани, ученый, 162.
Орлова-Чесменская, Анна Алексѣевна, графиня, 471—475, 477, 479—481, 547.
Осипова, жена университ. инвалида, 201.
Остолоповъ, Ник. Ѳед., чиновникъ минист. нар. просв., 265.
Отсолигъ, студентъ, 202, 208.

Павелъ I, императоръ, 239, 539.
Павловскій, протодіаконъ, 243.
Палласъ, путешественникъ, 19.
Пальминъ, Мих. Архип., профессоръ, 32, 37, 42, 79, 81, 108—110, 146, 170, 249, 251, 261, 288, 307, 313, 318, 377, 378, 391, 397, 399—402, 502, 514, 579—581, 617, 640.
Пальминъ, Николай Мих., сынъ предыдущаго, 397, 624.
Панаевъ, Влад. Ив., авторъ воспоминаній, 84, 86, 321, 435, 436, 462, 468, 474, 476, 477, 484—490, 495, 498, 499, 501, 514, 515, 518, 520—522, 526, 532, 533, 535, 541, 542, 545, 546—548, 554, 558, 592—594, 596.
Панчулидзевъ, Ал. Дав., саратовскій губернаторъ, 226, 406.
Паповъ, А. В., казанскій домовладѣлецъ, 217.
Парначевъ, Пав. Вас., студентъ, 100.
Парротъ, Г. Ф., физикъ, профессоръ дерптскаго университета, 458, 459.
Патерсонъ, пасторъ, 360.
Пекинъ, казанскій помѣщикъ, 441.
Пелатье, Фр. Ром., адъюнктъ, 84, 166, 570, 632, 645.
Перевощиковъ, Вас. Матв., профессоръ, 12, 32, 238, 261, 290, 365, 484.
Перелешинъ, П. Г., капитанъ-командоръ, 57.
Петровскій, Ст. Серг., адъюнктъ, 264.
Петровъ, Петръ, студентъ, 104.
Петровъ, крестьянинъ, 571.
Петръ I, императоръ, 252, 513.
Пикте, ученый, 162.
Пикторовъ, Ник. Ѳед., студентъ, 327.
Плана, членъ туринской академіи, 164, 407.
Платоновъ, коллежскій ассесоръ, 477.
Платонъ, митрополитъ, 147, 249.
Покровскій, Ал. Тим., кандидатъ, 175.
Полиновскій, Мих. Вас., учитель гимназіи, впосл. адъюнктъ, 129, 214, 246, 268, 503, 516, 563, 564, 576, 607, 608.
Полянцевъ, архиваріусъ университета, 392, 401, 606.
Помаскинъ, учитель тобольской гимназіи, 194.
Поморцовъ, ботаникъ, 21.
Пономаревъ, Ал. Серг., деректоръ казанской гимназіи, 243, 245.
Пономаревъ, Платонъ, студентъ, 104.
Поповъ, Алекс. Вас., профессоръ, 182.
Поповъ, В. И., директоръ департамента народнаго просвѣщенія, 404, 470.
Поповъ, Мих. Максим., педагогъ, авторъ воспоминаній, 481, 525, 591, 595.
Поповъ, Нилъ Алекс., профессоръ, 291.
Поповъ, директоръ астраханскихъ училищъ, 182.
Поповъ, директоръ вятскихъ училищъ, 354.

Павелъ I, императоръ, 239, 539.
Павловскій, протодіаконъ, 243.
Палласъ, путешественникъ, 19.
Пальминъ, Мих. Архип., профессоръ, 32, 37, 42, 79, 81, 108—110, 146, 170, 249, 251, 261, 288, 307, 313, 318, 377, 378, 391, 397, 399—402, 502, 514, 579—581, 617, 640.
Пальминъ, Николай Мих., сынъ предыдущаго, 397, 624.
Панаевъ, Влад. Ив., авторъ воспоминаній, 84, 86, 321, 435, 436, 462, 468, 474, 476, 477, 484—490, 495, 498, 499, 501, 514, 515, 518, 520—522, 526, 532, 533, 535, 541, 542, 545, 546—548, 554, 558, 592—594, 596.
Панчулидзевъ, Ал. Дав., саратовскій губернаторъ, 226, 406.
Паповъ, А В., казанскій домовладѣлецъ, 217.
Парначевъ, Пав. Вас., студентъ, 100.
Парротъ, Г. Ф., физикъ, профессоръ дерптскаго университета, 458, 459.
Патерсонъ, пасторъ, 360.
Пекинъ, казанскій помѣщикъ, 441.
Пелатье, Фр. Ром., адъюнктъ, 84, 166, 570, 632, 645.
Перевощиковъ, Вас. Матв., профессоръ, 12, 32, 238, 261, 290, 365, 484.
Перелешинъ, П. Г., капитанъ-командоръ, 57.
Петровскій, Ст. Серг., адъюнктъ, 264.
Петровъ, Петръ, студентъ, 104.
Петровъ, крестьянинъ, 571.
Петръ I, императоръ, 252, 513.
Пикте, ученый, 162.
Пикторовъ, Ник. Ѳед., студентъ, 327.
Плана, членъ туринской академіи, 164, 407.
Платоновъ, коллежскій ассесоръ, 477.
Платонъ, митрополитъ, 147, 249.
Покровскій, Ал. Тим., кандидатъ, 175.
Полиновскій, Мих. Вас., учитель гимназіи, впосл. адъюнктъ, 129, 214, 246, 268, 503, 516, 563, 564, 576, 607, 608.
Полянцевъ, архиваріусъ университета, 392, 401, 606.
Помаскинъ, учитель тобольской гимназіи, 194.
Поморцовъ, ботаникъ, 21.
Пономаревъ, Ал. Серг., деректоръ казанской гимназіи, 243, 245.
Пономаревъ, Платонъ, студентъ, 104.
Поповъ, Алекс. Вас., профессоръ, 182.
Поповъ, В. И., директоръ департамента народнаго просвѣщенія, 404, 470.
Поповъ, Мих. Максим., педагогъ, авторъ воспоминаній, 481, 525, 591, 595.
Поповъ, Нилъ Алекс., профессоръ, 291.
Поповъ, директоръ астраханскихъ училищъ, 182.
Поповъ, директоръ вятскихъ училищъ, 354.

Поповъ, Н., директоръ пермскихъ училищъ, 354.
Поповъ, учитель астраханской гимназіи, 169, 170, 194.
Потемкинъ, свѣтл. князь, Г. А., 13, 147, 174, 632.
Потоцкій, графъ, Север. Осип., 185.
Потто, владѣлецъ нумизматическаго собранія, 186.
Потѣхинъ, Петръ Алекс., кандидатъ, 332.
Протасовъ, Серг. Ал., адъюнктъ казанскаго университета, 373, 555, 569, 604, 644, 646, 647, 663.
Протопоповъ, Дм. Ив., лекарь, впосл. профессоръ, 121, 122.
Протопоповъ, Ив. Ив., учитель гимназіи, 121, 244.
Пятковъ, кяхтинскій купецъ, 172.
Пятницкій, Петръ Гавр., архитекторъ университета, 420, 423, 424, 432, 433, 438, 441—444, 641, 657.

Разумовскій, графъ Ал. Кир., министръ народнаго просвѣщенія, 77, 196, 632.
Раупахъ, Э., профессоръ петербургскаго университета, 288, 289, 376, 460, 493.
Родде, служащій канцеляріи казанскаго попечителя, 534.
Розановъ, письмоводитель попечительской канцеляріи, 231, 232, 279, 280, 289.
Розенъ, баронъ, казанскій гражданскій губернаторъ, 587, 593.
Романовскій, Вас. Вас., казанскій филантропъ, 83.
Роспини, механикъ, 149, 171, 178.
Румовскій, Степ. Яковл., попечитель казанскаго учебнаго округа, 51, 123, 206, 217, 277, 287, 290, 412, 418.
Румянцевъ, графъ Ник. Петр., государственный канцлеръ, 59, 60, 71, 72, 460, 518.
Руничъ, Д. П., членъ главнаго правленія училищъ, 405, 460, 470, 480, 578.
Руфимскій, служащій канцеляріи попечителя округа, 534.
Рыбушкинъ, Мих. Самс., адъюнктъ, 37, 244, 246, 365, 379, 516.
Рыковъ, засѣдатель надв. суда, 624.
Рындовская, П. И., 520.
Рюминъ, секретарь сената, 618.

Сагитовъ, Искакъ, татаринъ, 281.
Салтыковъ, Михаилъ Александровичъ, попечитель казанскаго учебнаго округа, 290, 412, 413, 418.
Самсоновъ, Дорем. Петр., магистръ, 85.
Сапожниковъ, Дмитрій, студентъ, 104.
Саси (де), Сильвестръ, французскій оріенталистъ, 282.
Саханскій, Григ. Дм., лекарь, 117.
Свистунова, М. А., вдова камергера, 176, 177, 315, 317.

Поповъ, Н., директоръ пермскихъ училищъ, 354.
Поповъ, учитель астраханской гимназіи, 169, 170, 194.
Потемкинъ, свѣтл. князь, Г. А., 13, 147, 174, 632.
Потоцкій, графъ, Север. Осип., 185.
Потто, владѣлецъ нумизматическаго собранія, 186.
Потѣхинъ, Петръ Алекс., кандидатъ, 332.
Протасовъ, Серг. Ал., адъюнктъ казанскаго университета, 373, 555, 569, 604, 644, 646, 647, 663.
Протопоповъ, Дм. Ив., лекарь, впосл. профессоръ, 121, 122.
Протопоповъ, Ив. Ив., учитель гимназіи, 121, 244.
Пятковъ, кяхтинскій купецъ, 172.
Пятницкій, Петръ Гавр., архитекторъ университета, 420, 423, 424, 432, 433, 438, 441—444, 641, 657.

Разумовскій, графъ Ал. Кир., министръ народнаго просвѣщенія, 77, 196, 632.
Раупахъ, Э., профессоръ петербургскаго университета, 288, 289, 376, 460, 493.
Родде, служащій канцеляріи казанскаго попечителя, 534.
Розановъ, письмоводитель попечительской канцеляріи, 231, 232, 279, 280, 289.
Розенъ, баронъ, казанскій гражданскій губернаторъ, 587, 593.
Романовскій, Вас. Вас., казанскій филантропъ, 83.
Роспини, механикъ, 149, 171, 178.
Румовскій, Степ. Яковл., попечитель казанскаго учебнаго округа, 51, 123, 206, 217, 277, 287, 290, 412, 418.
Румянцевъ, графъ Ник. Петр., государственный канцлеръ, 59, 60, 71, 72, 460, 518.
Руничъ, Д. П., членъ главнаго правленія училищъ, 405, 460, 470, 480, 578.
Руфимскій, служащій канцеляріи попечителя округа, 534.
Рыбушкинъ, Мих. Самс., адъюнктъ, 37, 244, 246, 365, 379, 516.
Рыковъ, засѣдатель надв. суда, 624.
Рындовская, П. И., 520.
Рюминъ, секретарь сената, 618.

Сагитовъ, Искакъ, татаринъ, 281.
Салтыковъ, Михаилъ Александровичъ, попечитель казанскаго учебнаго округа, 290, 412, 413, 418.
Самсоновъ, Дорем. Петр., магистръ, 85.
Сапожниковъ, Дмитрій, студентъ, 104.
Саси (де), Сильвестръ, французскій оріенталистъ, 282.
Саханскій, Григ. Дм., лекарь, 117.
Свистунова, М. А., вдова камергера, 176, 177, 315, 317.

Свѣденцовъ, Ив. Сем., студентъ, 561.
Семіонъ, армянскій патріархъ, 13.
Сенковскій, Ос. Ив., профессоръ петербургскаго университета, 52.
Серафимъ, митрополитъ, 63, 70, 72, 369, 472—474, 476, 478.
Сербиновичъ, К. С., авторъ воспоминаній, 523, 525, 533.
Сергѣевъ, Петръ Серг., профессоръ, 100, 131—137, 140, 288, 317—319, 383, 384, 387—390, 392, 396, 398, 401, 402, 570, 579, 580, 618—620, 640, 644, 645, 647.
Симоновичъ, профессоръ одесскаго ришельевскаго лицея, 80, 549.
Симоновъ, Ив. Мих., профессоръ, 9, 14—18, 36, 44, 45, 126, 149—152, 156—165, 169, 172, 178, 180—182, 186, 195, 288, 289, 304—306, 313, 348, 376, 407, 460, 489, 493, 497, 498, 500, 501, 507, 515, 518, 571, 587, 601, 627, 630, 631, 633, 634, 647, 650, 663, 665.
Синюковъ, Н. Г., бухгалтеръ университета, 661.
Скандовскій, Никан. Ал., лекарь, впосл. профессоръ, 37, 120—122, 212.
Скворцовъ, Мих. Вас., адъюнктъ, 244—246.
Скопинъ, Николай, студентъ, 104.
Словцовъ, Петръ Андр., визитаторъ сибирскихъ училищъ, 230—233, 239, 240, 258, 261—263, 348, 628, 633.
Смирновъ, Алекс. Вас., протоіерей, профессоръ богословія, 96, 434, 447, 505.
Смитъ, англійскій купецъ, 170.
Соймоновъ, В. Ю., сенаторъ, 18, 178, 217, 436, 632, 633.
Соколовскій, казанскій комендантъ, 25, 27.
Сокольскій, Никаноръ, студентъ, 103.
Солнцевъ, Гавр. Ил., профессоръ, 7, 8, 11, 51, 81, 84, 108, 113, 123, 127, 193, 261, 293, 312, 318, 336, 362—365, 376, 379, 398, 399, 435, 436, 594.
Соловьевъ, Никаноръ, студентъ, 103.
Соловьевъ, Петръ, студентъ, 103.
Соломонъ, Іосифъ, студентъ, 309.
Сомовъ, Дмитрій, студентъ, 104.
Соронъ, одесскій купецъ, 599.
Сперанскій, Мих. Мих., 233, 406, 486, 487, 496, 533, 594.
Спренгпортенъ, графиня, 176.
Срезневскій, Іос. Евс., профессоръ, 77, 78.
Степановъ, Алекс., студентъ, 103.
Сторль, Макс. Людв., профессоръ, 130, 131.
Стурдза, А. С., 475, 476, 599.
Суворовъ, Порфирій, студентъ, 104.
Суровцовъ, Григ. Степ., профессоръ, 37, 42, 43, 57, 81, 82, 234—238, 377—379, 391, 399—404, 410, 455, 507, 514, 516, 555, 564, 630, 653.
Сухановъ, Гавріилъ, священникъ, 275.

Свѣденцовъ, Ив. Сем., студентъ, 561.
Семіонъ, армянскій патріархъ, 13.
Сенковскій, Ос. Ив., профессоръ петербургскаго университета, 52.
Серафимъ, митрополитъ, 63, 70, 72, 369, 472—474, 476, 478.
Сербиновичъ, К. С., авторъ воспоминаній, 523, 525, 533.
Сергѣевъ, Петръ Серг., профессоръ, 100, 131—137, 140, 288, 317—319, 383, 384, 387—390, 392, 396, 398, 401, 402, 570, 579, 580, 618—620, 640, 644, 645, 647.
Симоновичъ, профессоръ одесскаго ришельевскаго лицея, 80, 549.
Симоновъ, Ив. Мих., профессоръ, 9, 14—18, 36, 44, 45, 126, 149—152, 156—165, 169, 172, 178, 180—182, 186, 195, 288, 289, 304—306, 313, 348, 376, 407, 460, 489, 493, 497, 498, 500, 501, 507, 515, 518, 571, 587, 601, 627, 630, 631, 633, 634, 647, 650, 663, 665.
Синюковъ, Н. Г., бухгалтеръ университета, 661.
Скандовскій, Никан. Ал., лекарь, впосл. профессоръ, 37, 120—122, 212.
Скворцовъ, Мих. Вас., адъюнктъ, 244—246.
Скопинъ, Николай, студентъ, 104.
Словцовъ, Петръ Андр., визитаторъ сибирскихъ училищъ, 230—233, 239, 240, 258, 261—263, 348, 628, 633.
Смирновъ, Алекс. Вас., протоіерей, профессоръ богословія, 96, 434, 447, 505.
Смитъ, англійскій купецъ, 170.
Соймоновъ, В. Ю., сенаторъ, 18, 178, 217, 436, 632, 633.
Соколовскій, казанскій комендантъ, 25, 27.
Сокольскій, Никаноръ, студентъ, 103.
Солнцевъ, Гавр. Ил., профессоръ, 7, 8, 11, 51, 81, 84, 108, 113, 123, 127, 193, 261, 293, 312, 318, 336, 362—365, 376, 379, 398, 399, 435, 436, 594.
Соловьевъ, Никаноръ, студентъ, 103.
Соловьевъ, Петръ, студентъ, 103.
Соломонъ, Іосифъ, студентъ, 309.
Сомовъ, Дмитрій, студентъ, 104.
Соронъ, одесскій купецъ, 599.
Сперанскій, Мих. Мих., 233, 406, 486, 487, 496, 533, 594.
Спренгпортенъ, графиня, 176.
Срезневскій, Іос. Евс., профессоръ, 77, 78.
Степановъ, Алекс., студентъ, 103.
Сторль, Макс. Людв., профессоръ, 130, 131.
Стурдза, А. С., 475, 476, 599.
Суворовъ, Порфирій, студентъ, 104.
Суровцовъ, Григ. Степ., профессоръ, 37, 42, 43, 57, 81, 82, 234—238, 377—379, 391, 399—404, 410, 455, 507, 514, 516, 555, 564, 630, 653.
Сухановъ, Гавріилъ, священникъ, 275.

Сырневъ, секретарь графа А. А. Аракчеева, 496.
Сыромятниковъ, Як. Степ., лекарь, 118—121, 155, 212.

Талантовъ, Флег. Тих., протоіерей, 506.
Телясковъ, чиновникъ университета, 516.
Тенишева, княжна, 541.
Тенишевъ, Дм. Вас., казанскій дворянинъ, 541.
Тимашевъ, Николай, студентъ, 100.
Тимьянскій, Вас. Ив., профессоръ, 17, 32, 37, 112, 144, 173, 177, 184—186, 193—196, 238—240, 242, 246, 247, 264, 290, 297, 307, 313, 365, 424, 427, 632, 633, 663.
Тироль, воспитанникъ, 326.
Тиронъ, художникъ, 266, 267.
Титовъ, И. Т., садовникъ, 196.
Титовъ, служащій канцеляріи попечителя, 534.
Тихоновъ, подрядчикъ, 571, 655.
Толмачевъ, учитель, 257.
Толстой, А. П., одесскій градоначальникъ, 598.
Толстой, графъ, Илья Андр., казанскій губернаторъ, 84, 198.
Трескинъ, Н. И., иркутскій губернаторъ, 226, 227.
Тучковъ, корпусный генералъ, 539.

Уваровъ, Серг. Сем., членъ главнаго правленія училищъ, 457.
Умянцевъ, баронъ, А. П., симбирскій губернаторъ, 228.

Фесслеръ, Игнацъ, суперъ-интендентъ, 493.
Филаретъ, архіепископъ, впосл. митрополитъ московскій, 63—66, 69, 70, 72, 143, 249, 460.
Филиппова, дѣвица, 179.
Финке, Арн. Ив., студентъ, 21, 576.
Финтельманъ, садовникъ, 196.
Фireккъ, И. И., студентъ, впосл. лекарь, 212, 332.
Фитингофъ, баронъ, 356.
Фишеръ, профессоръ московскаго университета, 196.
Фогель, Левъ Лавр., профессоръ, 118, 132, 313, 410, 570, 632, 645.
Фотій, архимандритъ новгородскаго Юрьевскаго монастыря, 63, 369, 471—476, 478—481.
Францъ I, императоръ австрійскій, 163, 407.
Френель, ученый, 162.
Френъ, Хр. Дан., академикъ, 48, 59, 60, 185—188, 277.
Фуксъ, Александра Андреевна, жена профессора и ректора университета, 515.
Фуксъ, Карлъ Ѳеод., профессоръ и ректоръ университета, 9, 18, 25—28, 36, 42, 44, 48, 53, 54, 57, 80, 82—84, 117, 118, 121, 124, 129—

Сыр невъ, секретарь графа А. А. Аракчеева, 496.
Сыромятниковъ, Як. Степ., лекарь, 118—121, 155, 212.

Талантовъ, Флег. Тих., протоіерей, 506.
Телясковъ, чиновникъ университета, 516.
Тенишева, княжна, 541.
Тенишевъ, Дм. Вас., казанскій дворянинъ, 541.
Тимашевъ, Николай, студентъ, 100.
Тимьянскій, Вас. Ив., профессоръ, 17, 32, 37, 112, 144, 173, 177, 184—186, 193—196, 238—240, 242, 246, 247, 264, 290, 297, 307, 313, 365, 424, 427, 632, 633, 663.
Тироль, воспитанникъ, 326.
Тиронъ, художникъ, 266, 267.
Титовъ, И. Т., садовникъ, 196.
Титовъ, служащій канцеляріи попечителя, 534.
Тихоновъ, подрядчикъ, 571, 655.
Толмачевъ, учитель, 257.
Толстой, А. П., одесскій градоначальникъ, 598.
Толстой, графъ, Илья Андр., казанскій губернаторъ, 84, 198.
Трескинъ, Н. И., иркутскій губернаторъ, 226, 227.
Тучковъ, корпусный генералъ, 539.

Уваровъ, Серг. Сем., членъ главнаго правленія училищъ, 457.
Умянцевъ, баронъ, А. П., симбирскій губернаторъ, 228.

Фесслеръ, Игнацъ, суперъ-интендентъ, 493.
Филаретъ, архіепископъ, впосл. митрополитъ московскій, 63—66, 69, 70, 72, 143, 249, 460.
Филиппова, дѣвица, 179.
Финке, Арн. Ив., студентъ, 21, 576.
Финтельманъ, садовникъ, 196.
Фireккъ, И. И., студентъ, впосл. лекарь, 212, 332.
Фитингофъ, баронъ, 356.
Фишеръ, профессоръ московскаго университета, 196.
Фогель, Левъ Лавр., профессоръ, 118, 132, 313, 410, 570, 632, 645.
Фотій, архимандритъ новгородскаго Юрьевскаго монастыря, 63, 369, 471—476, 478—481.
Францъ I, императоръ австрійскій, 163, 407.
Френель, ученый, 162.
Френъ, Хр. Дан., академикъ, 48, 59, 60, 185—188, 277.
Фуксъ, Александра Андреевна, жена профессора и ректора университета, 515.
Фуксъ, Карлъ Ѳеод., профессоръ и ректоръ университета, 9, 18, 25—28, 36, 42, 44, 48, 53, 54, 57, 80, 82—84, 117, 118, 121, 124, 129—

132, 134—136, 140, 142, 154, 166, 173, 177, 178, 186—192, 199, 206—213, 215, 238, 288, 290, 312—320, 323, 333, 353, 365, 376, 377, 379, 380, 382—385, 387—392, 394, 398, 399, 403, 406, 408, 424, 451—453, 494, 515, 517—519, 525, 559, 560, 565, 584, 587, 601, 605—607, 618, 619, 632, 633, 640, 665, 669, 672.
Фурье, ученый, 162, 634.
Фуссъ, Ник. Ник., академикъ, 54, 56.

Ѳедоровъ, А. А., преподаватель, 410, 663.
Ѳедоровъ, секретарь губерн. правленія, 620.
Ѳеофанъ, архимандритъ, 290, 300, 365.

Хальфинъ, Ибрагимъ Ис., лекторъ, 59, 280, 282, 331, 619, 620.
Ходжаевъ, почетный смотритель училища, 276.
Хохловъ, Сем., учитель, 273—275.
Хубовъ, Е., учитель, 13.

Цахъ, баронъ, астрономъ, 17, 162, 164, 407, 634.
Ципсеръ, чл.-корресп. академіи наукъ, 175.
Цитовичъ, секретарь надв. суда, 624.
Циціановъ, князь, 13.
Цыпковъ, Алекс., студентъ, 104.

Часовниковъ, Николай Ал., старшій письмоводитель попечительской канцеляріи, 402, 417, 500, 501, 534, 535, 558, 589.
Чашковъ, учитель, 194.
Черепановъ, профессоръ московскаго университета, 49.
Черкасская, Варв. Сем., княгиня, 620.
Черкасскій, Алекс. Алекс., князь, стат. совѣтникъ, 620.
Чернышевъ, чиновникъ строительнаго кометета, 322.

Шапошниковъ, учитель, 259, 260.
Шевелевъ, яранскій гражданинъ, 51.
Шелаевъ, Ив., студентъ, 104, 272.
Шенигъ, Н. И., авторъ воспоминаній, 74, 87, 201.
Шильдеръ, Н. К., историкъ, 468.
Шимкевичъ, Ѳ. И., бухгалтеръ университета, 661.
Ширинскій-Шихматовъ, князь, Плат. Алекс., директоръ канцеляріи мин. нар. просв., 320—322, 484, 485, 520, 521, 532, 545.
Ширинскій-Шихматовъ, князь, Серг. Алекс., академикъ и поэтъ, 406.
Шишкова, Дарья Ал., жена министра нар. просвѣщенія, 499, 520.
Шишковъ, Александръ Семеновичъ, адмиралъ, министръ народнаго просвѣщенія, 29, 63, 65, 70, 71, 80, 110, 114, 283, 287, 289, 316, 319, 321, 335, 356, 371, 372, 395, 406, 436, 445, 447, 449, 459—462,

132, 134—136, 140, 142, 154, 166, 173, 177, 178, 186—192, 199, 206—213, 215, 238, 288, 290, 312—320, 323, 333, 353, 365, 376, 377, 379, 380, 382—385, 387—392, 394, 398, 399, 403, 406, 408, 424, 451—453, 494, 515, 517—519, 525, 559, 560, 565, 584, 587, 601, 605—607, 618, 619, 632, 633, 640, 665, 669, 672.
Фурье, ученый, 162, 634.
Фуссъ, Ник. Ник., академикъ, 54, 56.

Ѳедоровъ, А. А., преподаватель, 410, 663.
Ѳедоровъ, секретарь губерн. правленія, 620.
Ѳеофанъ, архимандритъ, 290, 300, 365.

Хальфинъ, Ибрагимъ Ис., лекторъ, 59, 280, 282, 331, 619, 620.
Ходжаевъ, почетный смотритель училища, 276.
Хохловъ, Сем., учитель, 273—275.
Хубовъ, Е., учитель, 13.

Цахъ, баронъ, астрономъ, 17, 162, 164, 407, 634.
Ципсеръ, чл.-корресп. академіи наукъ, 175.
Цитовичъ, секретарь надв. суда, 624.
Циціановъ, князь, 13.
Цыпковъ, Алекс., студентъ, 104.

Часовниковъ, Николай Ал., старшій письмоводитель попечительской канцеляріи, 402, 417, 500, 501, 534, 535, 558, 589.
Чашковъ, учитель, 194.
Черепановъ, профессоръ московскаго университета, 49.
Черкасская, Варв. Сем., княгиня, 620.
Черкасскій, Алекс. Алекс., князь, стат. совѣтникъ, 620.
Чернышевъ, чиновникъ строительнаго кометета, 322.

Шапошниковъ, учитель, 259, 260.
Шевелевъ, яранскій гражданинъ, 51.
Шелаевъ, Ив., студентъ, 104, 272.
Шенигъ, Н. И., авторъ воспоминаній, 74, 87, 201.
Шильдеръ, Н. К., историкъ, 468.
Шимкевичъ, Ѳ. И., бухгалтеръ университета, 661.
Ширинскій-Шихматовъ, князь, Плат. Алекс., директоръ канцеляріи мин. нар. просв., 320—322, 484, 485, 520, 521, 532, 545.
Ширинскій-Шихматовъ, князь, Серг. Алекс., академикъ и поэтъ, 406.
Шишкова, Дарья Ал., жена министра нар. просвѣщенія, 499, 520.
Шишковъ, Александръ Семеновичъ, адмиралъ, министръ народнаго просвѣщенія, 29, 63, 65, 70, 71, 80, 110, 114, 283, 287, 289, 316, 319, 321, 335, 356, 371, 372, 395, 406, 436, 445, 447, 449, 459—462,

478, 481—491, 494, 497—499, 508, 518, 520—527, 529—532, 536, 542, 546, 554, 560, 567, 577, 581, 583, 585, 588, 593, 595, 605, 607, 623.
Шляпниковъ, смотритель училища, 194.
Шмаковъ, симбирскій помѣщикъ, 190.
Шмитъ, архитекторъ, 419, 420.
Штифтъ, баронъ, статсъ-секретарь императора австрійскаго, 163.
Штукенбергъ, Алекс. Ант., профессоръ, 174—177, 179, 408.
Шутихинъ, учитель, 272.

Эверсманъ, Эд. Алекс., профессоръ, 173.
Эдлингъ, графиня (сестра А. С. Стурдза), 597, 599.
Эйхвальдъ, Эд. Ив., профессоръ, 19—22, 25—28, 126, 171—173, 196—198, 203, 204, 379, 380, 382—387, 390, 398, 570, 632, 633, 634, 640, 644, 645.
Эйхгорнъ, I. Г., геттингенскій профессоръ, 73, 377, 404.
Эрдманъ, Францъ Ив., профессоръ, 9, 23—25, 51—53, 126, 129, 132, 144, 163, 178, 183, 186, 187, 190, 191, 276, 282, 313, 350, 353, 365, 377, 379, 382, 383, 385—387, 398, 518, 565, 587, 601, 630, 631, 665.
Эрдманъ, Өеод. Христ., профессоръ, 206, 209.
Эренбергъ, столярный мастеръ, 440, 657.
Эрнстъ, герцогъ саксенъ-готскій, 162.
Эссенъ, П. К., оренбургскій военный губернаторъ, 406.

Юнаковъ, Петръ Ал., учитель, 276.
Юферовъ, учитель, 244, 272.

Языковъ, Дм. Ив., директоръ департамента народнаго просвѣщенія, 485, 487—489, 491, 519, 520, 532, 542, 545.
Яковкинъ, Илья Өеод., профессоръ, 51, 78, 184, 192, 217, 287, 312, 410, 411, 477.
Яковлевъ, И. Е., академикъ-художникъ, 608.
Яковлевъ, Ник., университетскій инвалидъ, 200.
Ястребцовъ, Ив. Ив., 476, 484.

478, 481—491, 494, 497—499, 508, 518, 520—527, 529—532, 536, 542, 546, 554, 560, 567, 577, 581, 583, 585, 588, 593, 595, 605, 607, 623.
Шляпниковъ, смотритель училища, 194.
Шмаковъ, симбирскій помѣщикъ, 190.
Шмитъ, архитекторъ, 419, 420.
Штифтъ, баронъ, статсъ-секретарь императора австрійскаго, 163.
Штукенбергъ, Алекс. Ант., профессоръ, 174—177, 179, 408.
Шутихинъ, учитель, 272.

Эверсманъ, Эд. Алекс., профессоръ, 173.
Эдлингъ, графиня (сестра А. С. Стурдза), 597, 599.
Эйхвальдъ, Эд. Ив., профессоръ, 19—22, 25—28, 126, 171—173, 196—198, 203, 204, 379, 380, 382—387, 390, 398, 570, 632, 633, 634, 640, 644, 645.
Эйхгорнъ, I. Г., геттингенскій профессоръ, 73, 377, 404.
Эрдманъ, Францъ Ив., профессоръ, 9, 23—25, 51—53, 126, 129, 132, 144, 163, 178, 183, 186, 187, 190, 191, 276, 282, 313, 350, 353, 365, 377, 379, 382, 383, 385—387, 398, 518, 565, 587, 601, 630, 631, 665.
Эрдманъ, Θеод. Христ., профессоръ, 206, 209.
Эренбергъ, столярный мастеръ, 440, 657.
Эрнстъ, герцогъ саксенъ-готскій, 162.
Эссенъ, П. К., оренбургскій военный губернаторъ, 406.

Юнаковъ, Петръ Ал., учитель, 276.
Юферовъ, учитель, 244, 272.

Языковъ, Дм. Ив., директоръ департамента народнаго просвѣщенія, 485, 487—489, 491, 519, 520, 532, 542, 545.
Яковкинъ, Илья Θеод., профессоръ, 51, 78, 184, 192, 217, 287, 312, 410, 411, 477.
Яковлевъ, И. Е., академикъ-художникъ, 608.
Яковлевъ, Ник., университетскій инвалидъ, 200.
Ястребцовъ, Ив. Ив., 476, 484.

Ссылки и примѣчанія

Ссылки и примѣчанія

[1] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 27.

[2] Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 189.

[3] Архивъ каз. унив., Сов. 1826, № 57.

[4] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 29; Поп. 1820, № 55 (л.л. 1—2).

[5] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 455 (л.л. 54 об., 131 об.); Поп. 1820, № 246.

[6] Архивъ минист. народн. просв., 1819, № 9—18761 («Дѣло объ отправленіи экст. профессора Симонова въ морскую экспедицію»). Архивъ каз. унив., Сов. 1819, № 207, 1823, №№ 137, 339; Поп. 1819, № 32 (л.л. 9—16, 18, 20, 24—30, 34—39, 60, 63—82).

[7] Архивъ каз. унив., Сов. 1823, №№ 126, 378 (л. 486 об.).

[8] Архивъ каз. унив., Сов. 1824, № 399, 1825, №№ 96, 368 (л.л. 7 об.—8 об., 24 об., 58—59, 68 об.—69, 76 об., 125 об., 160—161, 215 об.—216, 217 и об., 229, 231 об., 232, 239, 243, 248, 259, 264, 273 и об., 324 об., 379 об.), 1826, № 334 (312 об., 366 об., 450).

[9] Архивъ каз. унив., Поп. 1820, № 55; Сов. 1825, №№ 373, 368 (л.л. 114 об., 122, 149 и об., 163, 172, 225, 259 об.).

[10] Архивъ каз. унив., 1824, Сов. № 76, Поп. № 99.

[11] Архивъ минист. народн. просв., 1826, №№ 9—18978 (при дѣлѣ № 10497), 76—154336 (л. 102). Архивъ каз. унив., Сов. 1826, № 334 (л. 400 об.); Директ. 1821, № 6.

[12] Архивъ каз. унив., 1820, Сов. № 222, Поп. № 89; Сов. 1823, №№ 265 (л. 5 и сл.), 288, 378 (л. 467), 1824, № 13, 1825, № 16, 1826, № 304. Н. П. Лихачевъ: «Казанскій Вѣстникъ. Исторія изданія и указатель содержанія» (журн. «Книговѣдѣніе», 1894).

[13] Архивъ каз. унив., 1825, Сов. № 260; Поп. № 185.

[14] Архивъ каз. унив., Поп. 1821, № 231.

[15] Архивъ каз. унив., Поп. 1824, № 100, 1825, № 55; Сов. 1825, № 109, 1826, № 156. Лаврскій и Пономаревъ: «К. Ѳ. Фуксъ и его время» (Казанск. Литер. Сборн. 1878, стр. 457.

[1] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 27.

[2] Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 189.

[3] Архивъ каз. унив., Сов. 1826, № 57.

[4] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 29; Поп. 1820, № 55 (л.л. 1—2).

[5] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 455 (л.л. 54 об., 131 об.); Поп. 1820, № 246.

[6] Архивъ министерства народн. просв., 1819, № 9—18761 («Дѣло объ отправленіи экст. профессора Симонова въ морскую экспедицію»). Архивъ каз. унив., Сов. 1819, № 207, 1823, №№ 137, 339; Поп. 1819, № 32 (л.л. 9—16, 18, 20, 24—30, 34—39, 60, 63—82).

[7] Архивъ каз. унив., Сов. 1823, №№ 126, 378 (л. 486 об.).

[8] Архивъ каз. унив., Сов. 1824, № 399, 1825, №№ 96, 368 (л.л. 7 об.—8 об., 24 об., 58—59, 68 об.—69, 76 об., 125 об., 160—161, 215 об.—216, 217 и об., 229, 231 об., 232, 239, 243, 248, 259, 264, 273 и об., 324 об., 379 об.), 1826, № 334 (312 об., 366 об., 450).

[9] Архивъ каз. унив., Поп. 1820, № 55; Сов. 1825, №№ 373, 368 (л.л. 114 об., 122, 149 и об., 163, 172, 225, 259 об.).

[10] Архивъ каз. унив., 1824, Сов. № 76, Поп. № 93.

[11] Архивъ министерства народн. просв., 1826, №№ 9—18978 (при дѣлѣ № 10497), 76—154336 (л. 102). Архивъ каз. унив., Сов. 1826, № 334 (л. 400 об.); Директ. 1821, № 6.

[12] Архивъ каз. унив., 1820, Сов. № 222, Поп. № 89; Сов. 1823, №№ 265 (л. 5 и сл.), 288, 378 (л. 467), 1824, № 13, 1825, № 16, 1826, № 304. Н. П. Лихачевъ: «Казанскій Вѣстникъ. Исторія изданія и указатель содержанія» (журн. «Книговѣдѣніе», 1894).

[13] Архивъ каз. унив., 1825, Сов. № 260; Поп. № 185.

[14] Архивъ каз. унив., Поп. 1821, № 231.

[15] Архивъ каз. унив., Поп. 1824, № 100, 1825, № 55; Сов. 1825, № 109, 1826, № 156. Лаврскій и Пономаревъ: «К. Ѳ. Фуксъ и его время» (Казанск. Литер. Сборн. 1878, стр. 457.

[16] Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 300; Поп. № 68; Директ. № 48; Поп. 1824, №№ 5 (л.л. 4—5, 8—11), 111, 124; Сов. 1826, № 18.

[17] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, № 228; 1821, № 356, 1822, №№ 92, 328, 1824, № 57, 1825, № 186; Поп. 1824, № 62.

[18] Архивъ каз. унив., Сов. 1822, № 324.

[19] Архивъ каз. унив., Поп. 1823, № 12; Сов. 1825, № 253.

[20] Архивъ каз. унив., Поп. 1824, № 76.

[21] Архивъ каз. унив., 1821, Сов. № 74; Поп. № 113. «Русскій Архивъ», 1869 (стр. 621—625).

[22] Архивъ каз. унив., Поп. 1823, № 77.

[23] «Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.», 1861, IV (смѣсь, стр. 162—163).

[24] Архивъ каз. унив., Поп. 1825, № 93.

[25] Архивъ каз. унив., Поп. 1825, № 85. «Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.», 1864, II (стр. 143—161), 1870, IV (стр. 208—210).

[26] Архивъ каз. унив., Поп. 1825, № 82.

[27] Архивъ каз. унив., Сов. 1822, № 362 (л. 310), 1825, № 251; Поп. 1822, № 19. «Русскій Архивъ» 1880, III (стр. 314).

[28] «Воспоминанія В. И. Панаева» (Вѣстн. Европы 1867, IV, стр. 76—77). Архивъ министерства народн. просв. 1826, № 76—154336 (Донесеніе ген.-маіора Желтухина). «Мое знакомство съ М. Л. Магницкимъ», П. Т. Морозова (Русск. Архивъ 1875, III, стр. 244—248).

[29] Архивъ министерства народн. просв., 1826, № 382—127416 (приложено къ № 32—130283) § LII.

[30] Архивъ министерства народн. просв., 1825, № 145—1825.

[31] Архивъ министерства народн. просв., 1826, № 76—154336 (л.л. 161—162). Архивъ каз. унив., Поп. 1820, № 342, 1823, № 83.

[32] Архивъ каз. унив., Поп. 1822, № 110 (особенно л.л. 33—34); Сов. 1824, № 201; Директ. 1823, № 49. Русская Старина 1901, № 3.

[33] «Н. И. Второвъ», М. Ѳ. Де-Пуле (Русск. Арх. 1877, II, стр. 346); «Мое знакомство съ М. Л. Магницкимъ», П. Т. Морозова (Русск. Арх. 1875, III, стр. 243—244); «Какъ я зналъ М. Л. Магницкаго», И. И. Лажечникова (Русск. Вѣстн. 1866, т. 61, стр. 188—189); «Воспоминанія В. И. Панаева» (Вѣстн. Евр. 1867, IV, стр. 77). Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 424.

[34] «Воспоминанія В. И. Панаева» (Вѣстн. Евр. 1867, IV, стр. 77—78); «Какъ я зналъ М. Л. Магницкаго», И. И. Лажечникова (Русск. Вѣстн. 1866, т. 61, стр. 135—136, 139—140, 146) Русскій Архивъ 1875, III (сноска на стр. 243).

[16] Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 300; Поп. № 68; Директ. № 48; Поп. 1824, №№ 5 (л.л. 4—5, 8—11), 111, 124; Сов. 1826, № 18.

[17] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, № 228; 1821, № 356, 1822, №№ 92, 328, 1824, № 57, 1825, № 186; Поп. 1824, № 62.

[18] Архивъ каз. унив., Сов. 1822, № 324.

[19] Архивъ каз. унив., Поп. 1823, № 12; Сов. 1825, № 253.

[20] Архивъ каз. унив., Поп. 1824, № 76.

[21] Архивъ каз. унив., 1821, Сов. № 74; Поп. № 113. «Русскій Архивъ», 1869 (стр. 621—625).

[22] Архивъ каз. унив., Поп. 1823, № 77.

[23] «Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.», 1861, IV (смѣсь, стр. 162—163).

[24] Архивъ каз. унив., Поп. 1825, № 93.

[25] Архивъ каз. унив., Поп. 1825, № 85. «Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.», 1864, II (стр. 143—161), 1870, IV (стр. 208—210).

[26] Архивъ каз. унив., Поп. 1825, № 82.

[27] Архивъ каз. унив., Сов. 1822, № 362 (л. 310), 1825, № 251; Поп. 1822, № 19. «Русскій Архивъ» 1880, III (стр. 314).

[28] «Воспоминанія В. И. Панаева» (Вѣстн. Европы 1867, IV, стр. 76—77). Архивъ минист. народн. просв. 1826, № 76—154336 (Донесеніе ген.-маіора Желтухина). «Мое знакомство съ М. Л. Магницкимъ», П. Т. Морозова (Русск. Архивъ 1875, III, стр. 244—248).

[29] Архивъ минист. народн. просв., 1826, № 382—127416 (приложено къ № 32—130283) § LII.

[30] Архивъ минист. народн. просв., 1825, № 145—1825.

[31] Архивъ минист. народн. просв., 1826, № 76—154336 (л.л. 161—162). Архивъ каз. унив., Поп. 1820, № 342, 1823, № 83.

[32] Архивъ каз. унив., Поп. 1822, № 110 (особенно л.л. 33—34); Сов. 1824, № 201; Директ. 1823, № 49. Русская Старина 1901, № 3.

[33] «Н. И. Второвъ», М. Ѳ. Де-Пуле (Русск. Арх. 1877, II, стр. 346); «Мое знакомство съ М. Л. Магницкимъ», П. Т. Морозова (Русск. Арх. 1875, III, стр. 243—244); «Какъ я зналъ М. Л. Магницкаго», И. И. Лажечникова (Русск. Вѣстн. 1866, т. 61, стр. 188—189); «Воспоминанія В. И. Панаева» (Вѣстн. Евр. 1867, IV, стр. 77). Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 424.

[34] «Воспоминанія В. И. Панаева» (Вѣстн. Евр. 1867, IV, стр. 77—78); «Какъ я зналъ М. Л. Магницкаго», И. И. Лажечникова (Русск. Вѣстн. 1866, т. 61, стр. 135—136, 139—140, 146) Русскій Архивъ 1875, III (сноска на стр. 243).

[35] Архивъ каз. унив., Поп. 1819, № 125.

[36] Архивъ министерства народн. просв., 1826, №№ 32—130283 (л.л. 107—118), 76—154336 (л.л. 17, 50—52).

[37] Архивъ минист. народн. просв., 1826, № 76—154336 (приложеніе I, л.л. 40—47).

[38] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, №№ 332, 424.

[39] Архивъ минист. народн. просв., 1826, № 382—127416 (при дѣлѣ № 32—130283), § XL. Архивъ каз. унив., Сов. 1824, № 124; Поп. 1823, № 7 (л.л. 56—58, 63).

[40] Архивъ каз. унив., Поп. 1823, №№ 7 (л.л. 3—6, 159—160), 76 (л. 6); 1825, №№ 16 (л.л. 70—71), 140.

[41] Архивъ минист. народн. просв., 1826, № 76—154336 (прилож. I, л.л. 18—23, 144—182).

[42] Тамъ же (Донесеніе г.-м. Желтухина, л.л. 130—132).

[43] Архивъ минист. народн. просв., 1826, №№ 32—130283 (л.л. 107—118), № 382—127416 § XXXIX.

[44] Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 156 (л.л. 14, 22, 36); Поп. 1823, № 7 (л.л. 68—70).

[45] Архивъ каз. унив., Сов. 1826, № 229. «Краткая историческая записка по Казанскому университету и его учебному округу за 1821—1822 акад. годъ» (Каз. 1822), стр 39—42. Архивъ минист народн. просв., 1826, № 76—154336 (прилож. I, л.л. 166—167). «Прибавленія къ Каз. Вѣстнику» 1823, № 4. Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 12.

[46] Архивъ каз. унив., Директ. 1820, № 8; «Прибавленія къ Каз. Вѣстнику» 1821, № 9.

[47] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 158, Поп. 1825, №№ 16 (л. 9 об.), 47. «Казанскій Вѣстникъ» 1821, кн. I.

[48] Архивъ каз. унив., Сов. 1826, №№ 275, 229.

[49] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 455 (л.л. 73 об., 74 об., 94 об., 107 об.).

[50] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, №№ 454 (л. 227 об.), 455 (л.л. 43 об., 86 об.), 1821, № 96, 1822, № 29 (л. 11); Поп. 1820, № 235.

[51] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 39, 1821, № 22 (л. 15); Поп. 1820, № 56, 1823, № 51.

[52] Архивъ каз. унив., Сов. 1823, № 37, 1824, № 218, 1825, № 385 (л. 19). «Прибавленія къ Каз. Вѣстнику» 1828, № 46 (любопытное письмо-отчетъ Сыромятникова объ его занятіяхъ въ Берлинѣ).

[53] Архивъ каз. унив., Сов. 1824, №№ 103, 218 (л. 5).

[54] Архивъ каз. унив., Сов. 1825, № 213.

[35] Архивъ каз. унив., Поп. 1819, № 125.

[36] Архивъ министерства народн. просв., 1826, №№ 32—130283 (л.л. 107—118), 76—154336 (л.л. 17, 50—52).

[37] Архивъ министерства народн. просв., 1826, № 76—154336 (приложеніе I, л.л. 40—47).

[38] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, №№ 332, 424.

[39] Архивъ министерства народн. просв., 1826, № 382—127416 (при дѣлѣ № 32—130283), § XL. Архивъ каз. унив., Сов. 1824, № 124; Поп. 1823, № 7 (л.л. 56—58, 63).

[40] Архивъ каз. унив., Поп. 1823, №№ 7 (л.л. 3—6, 159—160), 76 (л. 6); 1825, №№ 16 (л.л. 70—71), 140.

[41] Архивъ министерства народн. просв., 1826, № 76—154336 (прилож. I, л.л. 18—23, 144—182).

[42] Тамъ же (Донесеніе г.-м. Желтухина, л.л. 130—132).

[43] Архивъ министерства народн. просв., 1826, №№ 32—130283 (л.л. 107—118), № 382—127416 § XXXIX.

[44] Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 156 (л.л. 14, 22, 36); Поп. 1823, № 7 (л.л. 68—70).

[45] Архивъ каз. унив., Сов. 1826, № 229. «Краткая историческая записка по Казанскому университету и его учебному округу за 1821—1822 акад. годъ» (Каз. 1822), стр 39—42. Архивъ министерства народн. просв., 1826, № 76—154336 (прилож. I, л.л. 166—167). «Прибавленія къ Каз. Вѣстнику» 1823, № 4. Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 12.

[46] Архивъ каз. унив., Директ. 1820, № 8; «Прибавленія къ Каз. Вѣстнику» 1821, № 9.

[47] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 158, Поп. 1825, №№ 16 (л. 9 об.), 47. «Казанскій Вѣстникъ» 1821, кн. I.

[48] Архивъ каз. унив., Сов. 1826, №№ 275, 229.

[49] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 455 (л.л. 73 об., 74 об., 94 об., 107 об.).

[50] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, №№ 454 (л. 227 об.), 455 (л.л. 43 об., 86 об.), 1821, № 96, 1822, № 29 (л. 11); Поп. 1820, № 235.

[51] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 39, 1821, № 22 (л. 15); Поп. 1820, № 56, 1823, № 51.

[52] Архивъ каз. унив., Сов. 1823, № 37, 1824, № 218, 1825, № 385 (л. 19). «Прибавленія къ Каз. Вѣстнику» 1828, № 46 (любопытное письмо-отчетъ Сыромятникова объ его занятіяхъ въ Берлинѣ).

[53] Архивъ каз. унив., Сов. 1824, №№ 103, 218 (л. 5).

[54] Архивъ каз. унив., Сов. 1825, № 213.

[55] Архивъ каз. унив., Сов. 1825, № 276.

[56] Архивъ каз. унив., 1819, Сов. № 216, Директ. № 13.

[57] Архивъ каз. унив., Сов. 1822, № 69.

[58] Архивъ каз. унив., Сов. 1823, № 331.

[59] Архивъ каз. унив., Сов. 1824, № 287, 1826, № 258.

[60] Архивъ каз. унив., 1819, Сов. № 65 (л. 95), Поп. № 219 (л. 1).

[61] Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 401 (л.л. 1, 11—19, 27—35, 54); Поп. 1819, № 219 (л.л. 2, 24 и об., 32 и об.)

[62] «Краткая историческая записка по казанскому университету за 1821—1822 акад. годъ» (Каз. 1822, стр. 63). Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 401 (л.л. 64—68 об., 118 и об.); Поп. 1819, № 219 (л.л. 42 и об., 57—58, 61—62).

[63] Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 401 (л.л. 66—87); Поп. 1819, № 219 (л.л. 82—84).

[64] Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 401 (л.л. 79—80, 85—86, 106—110 и слѣд., 141, 155—158 об., 178—235), 1825, № 368 (л.л. 358 об.—359, 369 об.); Поп. 1825, №№ 131, 138.

[65] Архивъ каз. унив., Сов. 1823, № 385, 1824, 142, 1826, № 258.

[66] Архивъ каз. унив., 1819, Сов. № 285, Поп. №№ 96, 164.

[67] Архивъ минист. народн. просв., 1826, № 76—154336 (л. 138).

[68] Архивъ министст. народн. просв., 1826, №№ 395—15453 (л.л. 9—10), 32—130283 (л.л. 170—173).

[69] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, № 334, 1820, № 58 (л.л. 5—6).

[70] Архивъ каз. унив., Сов. 1821, №№ 30 (л.л. 29, 31, 34—39, 45, 46, 64), 35, 1822, № 18 (л.л. 1—3). «Прибавл. къ Каз. Вѣстн.» 1821, № 48.

[71] Архивъ каз. унив., Сов. 1824, № 410, 1820, № 442, 1822, №№ 202, 307, 1826, № 217.

[72] «Описаніе торжества, бывшаго въ императорскомъ казанскомъ университетѣ 15 сентября 1825 года» (К., 1825), стр. 128, 144.

[73] Архивъ министст. народн. просв., 1821 № 207—5368. Архивъ каз. унив., Поп., 1820 № 247.

[74] Архивъ каз. унив., Сов. 1823, № 395; Поп. 1820, № 247. «Описаніе торжества и пр.» К., 1825), стр. 133 и слѣд. «Казанскія Губерн. Вѣдом.» 1849, № 25, ч. неофф., стр. 251.

[55] Архивъ каз. унив., Сов. 1825, № 276.

[56] Архивъ каз. унив., 1819, Сов. № 216, Директ. № 13.

[57] Архивъ каз. унив., Сов. 1822, № 69.

[58] Архивъ каз. унив., Сов. 1823, № 331.

[59] Архивъ каз. унив., Сов. 1824, № 287, 1826, № 258.

[60] Архивъ каз. унив., 1819, Сов. № 65 (л. 95), Поп. № 219 (л. 1).

[61] Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 401 (л.л. 1, 11—19, 27—35, 54); Поп. 1819, № 219 (л.л. 2, 24 и об., 32 и об.)

[62] «Краткая историческая записка по казанскому университету за 1821—1822 акад. годъ» (Каз. 1822, стр. 63). Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 401 (л.л. 64—68 об., 118 и об.); Поп. 1819, № 219 (л.л. 42 и об., 57—58, 61—62).

[63] Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 401 (л.л. 66—87); Поп. 1819, № 219 (л.л. 82—84).

[64] Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 401 (л.л. 79—80, 85—86, 106—110 и слѣд., 141, 155—158 об., 178—235), 1825, № 368 (л.л. 358 об.—359, 369 об.); Поп. 1825, №№ 131, 138.

[65] Архивъ каз. унив., Сов. 1823, № 385, 1824, 142, 1826, № 258.

[66] Архивъ каз. унив., 1819, Сов. № 285, Поп. №№ 96, 164.

[67] Архивъ минист. народн. просв., 1826, № 76—154336 (л. 138).

[68] Архивъ минист. народн. просв., 1826, №№ 395—15453 (л.л. 9—10), 32—130283 (л.л. 170—173).

[69] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, № 334, 1820, № 58 (л.л. 5—6).

[70] Архивъ каз. унив., Сов. 1821, №№ 30 (л.л. 29, 31, 34—39, 45, 46, 64), 35, 1822, № 18 (л.л. 1—3). «Прибавл. къ Каз. Вѣстн.» 1821, № 48.

[71] Архивъ каз. унив., Сов. 1824, № 410, 1820, № 442, 1822, №№ 202, 307, 1826, № 217.

[72] «Описаніе торжества, бывшаго въ императорскомъ казанскомъ университетѣ 15 сентября 1825 года» (К., 1825), стр. 128, 144.

[73] Архивъ минист. народн. просв., 1821 № 207—5368. Архивъ каз. унив., Поп., 1820 № 247.

[74] Архивъ каз. унив., Сов. 1823, № 395; Поп. 1820, № 247. «Описаніе торжества и пр.» К., 1825), стр. 133 и слѣд. «Казанскія Губерн. Вѣдом.» 1849, № 25, ч. неофф., стр. 251.

75 Архивъ каз. унив., Сов. 1824, № 378, 1825, №№ 53, 258, 368 (л. 382). 1826, № 38; Поп. 1826, № 67. «Казанскія Губерн. Вѣдом.» 1849, № 25, стр. 252.

76 «Казанскія Губерн. Вѣдом.» 1849, № 25, стр. 251.

77 Архивъ каз. унив., 1825, Сов. № 138; Поп. № 54.

78 Архивъ каз. унив., 1825, Сов. № 385; Поп. № 192; Сов. 1826, №№ 36, 215.

79 Архивъ каз. унив., Поп. 1820, № 247; Сов. 1820, № 336, 1821, № 222.

80 Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 336, 1822, № 166, 1823, № 4.

81 Архивъ минист. народн. просв., 1821, № 207—5368. Архивъ каз. унив., Поп 1820, № 247 («Дѣло касательно устройства обсерваторіи университета»,—основное дѣло на 406-ти листахъ); Сов. 1823, № 395. «Описаніе торжества и пр.» (Каз. 1825), стр. 132—143.

82 Архивъ каз. унив., Сов. 1823, №№ 305, 368, 376, 1825, №№ 128, 369, 381; Поп 1823 № 50. Архивъ минист. народн. просв. 1825, № 41—15398.

83 Архивъ каз. унив., 1826, Сов. № 334 (л. 400); Поп. № 57; Поп 1825, № 95. «Казанскія Губерн. Вѣдом.» 1851 г., №№ 40 (стр. 511), 28 (стр. 269—270).

84 Архивъ каз унив., Сов. 1820, №№ 19 (л.л. 8 и сл.), 419, 1822, № 79; Поп. 1820, № 326.

85 Архивъ каз. унив., Сов. 1823, №№ 327, 370, 1824, № 233, 1825, № 53.

86 Архивъ каз. унив., 1825, Сов. № 66; Поп. № 48.

87 Архивъ каз. унив., Сов. 1825, № 47 (л.л. 13 и сл.).

88 Архивъ каз. унив., Сов 1821, № 30 (л. 63), 1822, №№ 18 (л. 11), 362 (л. 95).

89 Архивъ каз. унив., 1823, Сов. № 398; Поп. № 40. А. А. Штукенбергъ: «Матеріалы для исторіи минералогическаго и геологическаго кабинетовъ императорскаго казанскаго университета, 1805—1865» (Каз., 1901), стр. 13 и слѣд.

90 Архивъ каз. унив., Сов. 1825, № 10, 1824, № 234; Поп. 1825, № 133; Сов. 1824, №№ 62, 235, 391 (л. 26).

91 Архивъ каз. унив., Сов. 1826, № 127. «Описаніе торжества и пр.» (Каз., 1825), стр. 130. «Казанскія Губерн. Вѣдом.» 1849 г., № 13, стр. 113. Архивъ каз. унив., Сов. 1825, № 273.

92 Архивъ каз. унив., Сов. 1826, №№ 17, 1 (л.л. 3, 12—13).

93 Архивъ каз. унив., Сов 1823, №№ 249, 241, 1825, № 36.

94 Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 242, 1824, № 299, см. также ссылки подъ № 100-мъ, въ концѣ II-го тома настоящаго труда, касающіяся доставленныхъ А. И. Лобачевскимъ минеральныхъ собраній. А. А. Штукенбергъ: «Матеріалы для исторіи и пр.» (Каз. 1901), стр. 15—16.

[75] Архивъ каз. унив., Сов. 1824, № 378, 1825, №№ 53, 258, 368 (л. 382). 1826, № 38; Поп. 1826, № 67. «Казанскія Губерн. Вѣдом.» 1849, № 25, стр. 252.

[76] «Казанскія Губерн. Вѣдом.» 1849, № 25, стр. 251.

[77] Архивъ каз. унив., 1825, Сов. № 138; Поп. № 54.

[78] Архивъ каз. унив., 1825, Сов. № 385; Поп. № 192; Сов. 1826, №№ 36, 215.

[79] Архивъ каз. унив., Поп. 1820, № 247; Сов. 1820, № 336, 1821, № 222.

[80] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 336, 1822, № 166, 1823, № 4.

[81] Архивъ минист. народн. просв., 1821, № 207—5368. Архивъ каз. унив., Поп 1820, № 247 («Дѣло касательно устройства обсерваторіи университета»,—основное дѣло на 406-ти листахъ); Сов. 1823, № 395. «Описаніе торжества и пр.» (Каз. 1825), стр. 132—143.

[82] Архивъ каз. унив., Сов. 1823, №№ 305, 368, 376, 1825, №№ 128, 369, 381; Поп 1823 № 50. Архивъ минист. народн. просв. 1825, № 41—15398.

[83] Архивъ каз. унив., 1826, Сов. № 334 (л. 400); Поп. № 57; Поп 1825, № 95. «Казанскія Губерн. Вѣдом.» 1851 г., №№ 40 (стр. 511), 28 (стр. 269—270).

[84] Архивъ каз унив., Сов. 1820, №№ 19 (л.л. 8 и сл.), 419, 1822, № 79; Поп. 1820, № 326.

[85] Архивъ каз. унив., Сов. 1823, №№ 327, 370, 1824, № 233, 1825, № 53.

[86] Архивъ каз. унив., 1825, Сов. № 66; Поп. № 48.

[87] Архивъ каз. унив., Сов. 1825, № 47 (л.л. 13 и сл.).

[88] Архивъ каз. унив., Сов 1821, № 30 (л. 63), 1822, №№ 18 (л. 11), 362 (л. 95).

[89] Архивъ каз. унив., 1823, Сов. № 398; Поп. № 40. А. А. Штукенбергъ: «Матеріалы для исторіи минералогическаго и геологическаго кабинетовъ императорскаго казанскаго университета, 1805—1865» (Каз., 1901), стр. 13 и слѣд.

[90] Архивъ каз. унив., Сов. 1825, № 10, 1824, № 234; Поп. 1825, № 133; Сов. 1824, №№ 62, 235, 391 (л. 26).

[91] Архивъ каз. унив., Сов. 1826, № 127. «Описаніе торжества и пр.» (Каз., 1825), стр. 130. «Казанскія Губерн. Вѣдом.» 1849 г., № 13, стр. 113. Архивъ каз. унив., Сов. 1825, № 273.

[92] Архивъ каз. унив., Сов. 1826, №№ 17, 1 (л.л. 3, 12—13).

[93] Архивъ каз. унив., Сов 1823, №№ 249, 241, 1825, № 36.

[94] Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 242, 1824, № 299, см. также ссылки подъ № 100-мъ, въ концѣ II-го тома настоящаго труда, касающіяся доставленныхъ А. И. Лобачевскимъ минеральныхъ собраній. А. А. Штукенбергъ: «Матеріалы для исторіи и пр.» (Каз. 1901), стр. 15—16.

[95] Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 30 (л.л. 11, 14, 105, 54—56). А. А. Штукенбергъ: «Матеріалы для исторіи и пр.», стр. 15.

[96] Архивъ каз. унив., 1822, Сов. № 370, Поп. № 34. «Прибавленія къ Каз. Вѣстнику» 1823, № 50 (стр. 390). А. А. Штукенбергъ: «Матеріалы для исторіи и пр.», стр. 17—30.

[97] Архивъ каз. унив., Сов. 1823, №№ 10 (л.л. 47, 56), 369; 1825, №№ 205, 247, 377. А. А. Штукенбергъ: «Матеріалы для исторіи и пр.», стр. 30—32.

[98] Архивъ каз. унив., Сов. 1823, № 284, 1826, № 172.

[99] Архивъ каз. унив., 1819, Сов. № 207, Поп. № 32 (л.л. 17, 19, 32); 1820, Сов. № 447 л. 43 и сл.). «Прибавленія къ Каз. Вѣстнику» 1821, № 48.

[100] Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 30 (л. 80), 1823, № 10 (л. 41), 1824, № 131, 1826, № 1 (л.л. 7, 11).

[101] «Казанскія Губ. Вѣдомости» 1849 г., № 5 (стр. 32), № 3 (стр. 23). Архивъ каз. унив., Сов. 1825, № 220.

[102] Архивъ каз. унив., 1821, Сов. № 30 (л. 57), Поп. № 139 (л.л. 1—4, 5—6, 12—16).

[103] Архивъ каз. унив., Поп. 1821, № 139 (л.л. 17—44); Сов. 1822, №№ 144, 18 (л.л. 13 и об., 25 и об., 27, 35), 1823, № 10 (л. 1).

[104] Архивъ каз. унив., Поп. 1821, № 139 (л.л. 51—52, 63—77, 107—108, 116—117); Сов. 1825, № 376.

[105] Архивъ каз. унив., Сов. 1826, № 127; Поп. 1821, № 139 (л.л. 83—97, 99—101); Сов. 1825, №№ 222, 368 (л. 280 об.), 376, 383.

[106] Архивъ каз. унив., Сов. 1823, № 249, 1824, № 287, 1825, № 359.

[107] Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 206.

[108] Архивъ каз. унив., Сов. 1822, №№ 35, 18 (л.л. 27, 47), 1823, № 50, 1824, № 28. «Краткая историческая записка по казанскому университету и пр. за 1821—1822 учебн. годъ» (К. 1822, стр. 102, 107—108).

[109] Архивъ каз. унив., Сов. 1822, №№ 130, 205, 1823, № 32, 1825, № 368 (л. 187), 1826, № 63; Поп. 1823, № 68. «Описаніе торжества, бывшаго въ казанскомъ университетѣ и пр.» (Каз., 1825), стр. 130.

[110] Архивъ каз. унив., Сов. 1824, № 228.

[111] Архивъ каз. унив., 1819, Директ. № 13 (л.л. 18—21), Сов. № 342. «Русскій Архивъ» 1880, кн. III, стр. 313—314.

[112] Архивъ каз. унив., 1820, Сов. №№ 60, 276; Поп. № 248.

[95] Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 30 (л.л. 11, 14, 105, 54—56). А. А. Штукенбергъ: «Матеріалы для исторіи и пр.», стр. 15.

[96] Архивъ каз. унив., 1822, Сов. № 370, Поп. № 34. «Прибавленія къ Каз. Вѣстнику» 1823, № 50 (стр. 390). А. А. Штукенбергъ: «Матеріалы для исторіи и пр.», стр. 17—30.

[97] Архивъ каз. унив., Сов. 1823, №№ 10 (л.л. 47, 56), 369; 1825, №№ 205, 247, 377. А. А. Штукенбергъ: «Матеріалы для исторіи и пр.», стр. 30—32.

[98] Архивъ каз. унив., Сов. 1823, № 284, 1826, № 172.

[99] Архивъ каз. унив., 1819, Сов. № 207, Поп. № 32 (л.л. 17, 19, 32); 1820, Сов. № 447 л. 43 и сл.). «Прибавленія къ Каз. Вѣстнику» 1821, № 48.

[100] Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 30 (л. 80), 1823, № 10 (л. 41), 1824, № 131, 1826, № 1 (л.л. 7, 11).

[101] «Казанскія Губ. Вѣдомости» 1849 г., № 5 (стр. 32), № 3 (стр. 23). Архивъ каз. унив., Сов. 1825, № 220.

[102] Архивъ каз. унив., 1821, Сов. № 30 (л. 57), Поп. № 139 (л.л. 1—4, 5—6, 12—16).

[103] Архивъ каз. унив., Поп. 1821, № 139 (л.л. 17—44); Сов. 1822, №№ 144, 18 (л.л. 13 и об., 25 и об., 27, 35), 1823, № 10 (л. 1).

[104] Архивъ каз. унив., Поп. 1821, № 139 (л.л. 51—52, 63—77, 107—108, 116—117); Сов. 1825, № 376.

[105] Архивъ каз. унив., Сов. 1826, № 127; Поп. 1821, № 139 (л.л. 83—97, 99—101); Сов. 1825, №№ 222, 368 (л. 280 об.), 376, 383.

[106] Архивъ каз. унив., Сов. 1823, № 249, 1824, № 287, 1825, № 359.

[107] Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 206.

[108] Архивъ каз. унив., Сов. 1822, №№ 35, 18 (л.л. 27, 47), 1823, № 50, 1824, № 28. «Краткая историческая записка по казанскому университету и пр. за 1821—1822 учебн. годъ» (К. 1822, стр. 102, 107—108).

[109] Архивъ каз. унив., Сов. 1822, №№ 130, 205, 1823, № 32, 1825, № 368 (л. 187), 1826, № 63; Поп. 1823, № 68. «Описаніе торжества, бывшаго въ казанскомъ университетѣ и пр.» (Каз., 1825), стр. 130.

[110] Архивъ каз. унив., Сов. 1824, № 228.

[111] Архивъ каз. унив., 1819, Директ. № 13 (л.л. 18—21), Сов. № 342. «Русскій Архивъ» 1880, кн. III, стр. 313—314.

[112] Архивъ каз. унив., 1820, Сов. №№ 60, 276; Поп. № 248.

[113] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 258, 1821, № 345, 1822, № 49, 1824, № 310.

[114] Архивъ каз. унив., Сов. 1824, №№ 103, 190, 1825, № 199.

[115] Архивъ каз. унив., Поп. 1825, № 95. См. настоящаго труда томъ III, стр. 147.

[116] Архивъ каз унив, 1819, Сов. № 338, Поп. № 217, Директ. № 13.

[117] Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 22 (л.л. 5—6); 1830, Сов. № 113, Поп. № 129.

[118] Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 339, 1823, №№ 37, 378 (л. 50 об.), 1824, № 231, 1826, № 50.

[119] «Историческая записка И. К. У. за 1823—1824 акад. годъ» (К. 1825), стр. 24; «Описаніе торжества и пр.» (К. 1825), стр. 130—131; «Краткая историческая записка по И. К. У за 1821—1822 акад. годъ» (К. 1822), стр. 108. Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 197, 1822, №№ 63, 75, 1823, № 170, 1824, № 168; Поп. 1820, №№ 247 (л.л. 129—135, 150, 175).

[120] Архивъ каз. унив., Сов. 1824, № 14.

[121] Архивъ каз. унив., Поп. 1821, № 109.

[122] Архивъ каз. унив., 1824, Поп. № 11, Сов. № 193; 1826, Сов. № 16.

[123] Архивъ каз. унив., Сов. 1825, № 76; Поп. 1826, № 44. «Краткая историческая записка по казанскому университету за 1821—1822 акад. годъ», стр. 110—111; «Описаніе торжества бывшаго въ И. Казанскомъ университетѣ 15 сентября 1825 года (Каз. 1825), стр. 111, 143. См. нашего труда томъ III, стр. 179—191, 198 и соотвѣтствующія ссылки.

[124] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, №№ 63, 323. Архивъ минист. народн. просв. 1826, № 32—130283 (л.л. 85—106).

[125] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 139.

[126] Архивъ каз. унив., Поп. 1819, № 203; Сов. 1820, № 285.

[127] Архивъ. каз. унив., Поп. 1819, № 115 (въ четырехъ томахъ подъ литерами A, B, C и D), 1820, № 135; см. также Поп. 1821, № 83.

[128] Архивъ каз. унив., Поп. 1820, № 133 (назначеніе Словцова сибирскимъ визитаторомъ); Сов. 1823, №№ 393 (астраханская визитація Жобара), 155 (кавказско-симбирская визитація Суровцова); 1823, Поп. № 76, Директ. № 90 (пензенская визитація Суровцова).

[129] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 455 (л. 105 об.), 1823, № 84.

[130] Архивъ каз. унив., Поп. 1822, № 48 («Дѣло объ осмотрѣ казанской гимназіи», на 376-ти листахъ); Директ. 1824, № 60; Сов. 1824, № 271.

[131] Архивъ каз. унив., 1819, Поп. № 89, Директ. № 17. Архивъ минист. народн. просв. 1826, № 76—154336 (л. 92). Арх. каз. унив., Сов. 1820, № 459.

[113] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 258, 1821, № 345, 1822, № 49, 1824, № 310.

[114] Архивъ каз. унив., Сов. 1824, №№ 103, 190, 1825, № 199.

[115] Архивъ каз. унив., Поп. 1825, № 95. См. настоящаго труда томъ III, стр. 147.

[116] Архивъ каз унив, 1819, Сов. № 338, Поп. № 217, Директ. № 13.

[117] Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 22 (л.л. 5—6); 1830, Сов. № 113, Поп. № 129.

[118] Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 339, 1823, №№ 37, 378 (л. 50 об.), 1824, № 231, 1826, № 50.

[119] «Историческая записка И. К. У. за 1823—1824 акад. годъ» (К. 1825), стр. 24; «Описаніе торжества и пр.» (К. 1825), стр. 130—131; «Краткая историческая записка по И. К. У за 1821—1822 акад. годъ» (К. 1822), стр. 108. Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 197, 1822, №№ 63, 75, 1823, № 170, 1824, № 168; Поп. 1820, №№ 247 (л.л. 129—135, 150, 175).

[120] Архивъ каз. унив., Сов. 1824, № 14.

[121] Архивъ каз. унив., Поп. 1821, № 109.

[122] Архивъ каз. унив., 1824, Поп. № 11, Сов. № 193; 1826, Сов. № 16.

[123] Архивъ каз. унив., Сов. 1825, № 76; Поп. 1826, № 44. «Краткая историческая записка по казанскому университету за 1821—1822 акад. годъ», стр. 110—111; «Описаніе торжества бывшаго въ И. Казанскомъ университетѣ 15 сентября 1825 года (Каз. 1825), стр. 111, 143. См. нашего труда томъ III, стр. 179—191, 198 и соотвѣтствующія ссылки.

[124] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, №№ 63, 323. Архивъ минист. народн. просв. 1826, № 32—130283 (л.л. 85—106).

[125] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 139.

[126] Архивъ каз. унив., Поп. 1819, № 203; Сов. 1820, № 285.

[127] Архивъ. каз. унив., Поп. 1819, № 115 (въ четырехъ томахъ подъ литерами A, B, C и D), 1820, № 135; см. также Поп. 1821, № 83.

[128] Архивъ каз. унив., Поп. 1820, № 133 (назначеніе Словцова сибирскимъ визитаторомъ); Сов. 1823, №№ 393 (астраханская визитація Жобара), 155 (кавказско-симбирская визитація Суровцова); 1823, Поп. № 76, Директ. № 90 (пензенская визитація Суровцова).

[129] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 455 (л. 105 об.), 1823, № 84.

[130] Архивъ каз. унив., Поп. 1822, № 48 («Дѣло объ осмотрѣ казанской гимназіи», на 376-ти листахъ); Директ. 1824, № 60; Сов. 1824, № 271.

[131] Архивъ каз. унив., 1819, Поп. № 89, Директ. № 17. Архивъ минист. народн. просв. 1826, № 76—154336 (л. 92). Арх. каз. унив., Сов. 1820, № 459.

132 Архивъ каз. унив., Сов. 1819, № 403 (л.л. 96—97, 196), 1821, №№ 263, 331, 1825, №№ 228, 254. «Краткая историческая записка по казанскому университету и его учебному округу за 1821—1822 акад. годъ» (К. 1822), стр. 40—42. Владиміровъ: «Историческая записка о первой казанской гимназіи», ч. II (К. 1868), стр. 96—97.

133 Архивъ каз. унив. 1821, Поп. № 129, Сов. № 232; Поп. 1820, № 30.

134 Архивъ каз. унив. 1820, Сов. № 168, Поп. № 217; Сов. 1821, № 106, Поп. 1822, № 88, Директ. 1822, № 8 (л.л. 26—27, 5, 10, 19 и др.).

135 Архивъ каз. унив., Сов. 1820, №№ 1 (л. 1), 455 (л.л. 45 об., 98); Поп. 1819, № 164 (л.л. 1—5).

136 Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 86 (л.л. 1—2) 1827, № 93; Поп. 1819, № 164 (л.л. 6—13); Сов. 1820, № 448 (л.л. 25—37).

137 Архивъ каз. унив., Поп. 1819, № 164 (л.л. 14—16), 1839, № 61; Директ. 1823, № 6, Сов. 1823, № 378 (л. 15 и об.). Архивъ минист. народн. просв. 1826, № 32—130283 (л.л. 85—106).

138 Архивъ каз. унив., Сов. 1819, № 332, 1820, № 455 (л.л. 14 об., 72 об., 88 об., 120 об., 142 об., 189, 195 об.), 1821, №№ 193, 30 (л.л. 59—60, 96—98) 1822, №№ 7, 25, 76, 177, 183, 201, 285, 1823, №№ 57, 105, 106; Директ. 1823, № 73; Сов. 1824, № 119.

139 Архивъ каз. унив., Поп. 1822, № 48 (л.л. 222 и об., 237—242). Владиміровъ: «Историческая записка о первой казанской гимназіи», II (стр. 99—100, 133 и сл.).

140 Владиміровъ: «Историческая записка и пр.», II (стр. 99, 101).

141 Архивъ каз. унив., Сов. 1821, №№ 154, 348, 1822, № 362 (л.л. 384—385, 393 об.); Директ. 1823, № 85, 1825, № 70.

142 Архивъ каз. унив., Сов. 1822, №№ 152, 362 (л.л. 161 об., 168 об.).

143 Архивъ каз. унив., Директ. 1822, № 8 (л.л. 22—23).

144 Архивъ каз. унив., Сов. 1822, №№ 126, 344, 362 (л. 242 об.); 1823, № 394; 1824, № 91; 1825, № 368 (л. 29).

145 Архивъ минист. народн. просв., 1819, № 126—4903 («Дѣло объ устроеніи въ Казани центральнаго татарскаго училища»). Архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 239, 1821, № 193; Директ. 1820, № 74.

146 Архивъ каз. унив., 1820, Сов. № 328, Попеч. № 336.

147 Архивъ каз. унив., Попеч. 1825, № 98.

148 Архивъ каз. унив., 1821, Сов. № 72, Попеч. №№ 80, 182 (л.л. 10—12, 15—18, 23).

149 Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, дополн. описи № 7, 1825, № 86.

150 Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 260; Попеч. 1820, № 142, 1821, № 228. Архивъ минист. народн. просв. 1821, № 183—5344. См. также въ настоящемъ томѣ стр. 81 и формуляры упоминаемыхъ лицъ.

132 Архивъ каз. унив., Сов. 1819, № 403 (л.л. 96—97, 196), 1821, №№ 263, 331, 1825, №№ 228, 254. «Краткая историческая записка по казанскому университету и его учебному округу за 1821—1822 акад. годъ» (К. 1822), стр. 40—42. Владиміровъ: «Историческая записка о первой казанской гимназіи», ч. II (К. 1868), стр. 96—97.

133 Архивъ каз. унив. 1821, Поп. № 129, Сов. № 232; Поп. 1820, № 30.

134 Архивъ каз. унив. 1820, Сов. № 168, Поп. № 217; Сов. 1821, № 106, Поп. 1822, № 88, Директ. 1822, № 8 (л.л. 26—27, 5, 10, 19 и др.).

135 Архивъ каз. унив., Сов. 1820, №№ 1 (л. 1), 455 (л.л. 45 об., 98); Поп. 1819, № 164 (л.л. 1—5).

136 Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 86 (л.л. 1—2) 1827, № 93; Поп. 1819, № 164 (л.л. 6—13); Сов. 1820, № 448 (л.л. 25—37).

137 Архивъ каз. унив., Поп. 1819, № 164 (л.л. 14—16), 1839, № 61; Директ. 1823, № 6, Сов. 1823, № 378 (л. 15 и об.). Архивъ минист. народн. просв. 1826, № 32—130283 (л.л. 85—106).

138 Архивъ каз. унив., Сов. 1819, № 332, 1820, № 455 (л.л. 14 об., 72 об., 88 об., 120 об., 142 об, 189, 195 об.), 1821, №№ 193, 30 (л.л. 59—60, 96—98) 1822, №№ 7, 25, 76, 177, 183, 201, 285, 1823, №№ 57, 105, 106; Директ. 1823, № 73; Сов. 1824, № 119.

139 Архивъ каз. унив., Поп. 1822, № 48 (л.л. 222 и об., 237—242). Владиміровъ: «Историческая записка о первой казанской гимназіи», II (стр. 99—100, 133 и сл.).

140 Владиміровъ: «Историческая записка и пр.», II (стр. 99, 101).

141 Архивъ каз. унив, Сов. 1821, №№ 154, 348, 1822, № 362 (л.л. 384—385, 393 об.); Директ. 1823, № 85, 1825, № 70.

142 Архивъ каз. унив., Сов 1822, №№ 152, 362 (л.л. 161 об., 168 об.).

143 Архивъ каз. унив., Директ. 1822, № 8 (л.л. 22—23).

144 Архивъ каз. унив., Сов. 1822, №№ 126, 344, 362 (л. 242 об.); 1823, № 394; 1824, № 91; 1825, № 368 (л. 299).

145 Архивъ министст. народн. просв., 1819, № 126—4903 («Дѣло объ устроеніи въ Казани центральнаго татарскаго училища»). Архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 239, 1821, № 193; Директ. 1820, № 74.

146 Архивъ каз. унив., 1820, Сов. № 328, Попеч. № 336.

147 Архивъ каз. унив., Попеч. 1825, № 98.

148 Архивъ каз. унив., 1821, Сов. № 72, Попеч. №№ 80, 182 (л.л. 10—12, 15—18, 23).

149 Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, дополн. описи № 7, 1825, № 86.

150 Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 260; Попеч. 1820, № 142, 1821, № 228. Архивъ министст. народн. просв. 1821, № 183—5344. См. также въ настоящемъ томѣ стр. 81 и формуляры упоминаемыхъ лицъ.

[151] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 435, 1822, №№ 148, 196; Попеч. 1823. №№ 7, 64 1824, №№ 28, 122, 1825, № 16.

[152] Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 260.

[153] Архивъ каз. унив., Попеч. 1820, № 305.

[154] Архивъ каз. унив., Попеч. 1822, № 69 (л.л. 5—6, 9—11, 13—15).

[155] Архивъ каз. унив., Попеч. 1822, № 57 (л.л. 5—7); Директ. 1822, № 8 (л. 34 и об.).

[156] Архивъ каз. унив, 1822, № 57 (л.л. 1—21).

[157] Архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 26, 1822, № 57 (л.л. 63 и сл.).

[158] Архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 26, 1822, № 122; Сов. 1822, № 243. Архивъ минист. нар. просв. 1822, № 160—14610 (подшито къ № 4876—146.

[159] Архивъ минист. нар. просв. 1822, № 14784 (подшито къ № 4876) л.л. 1—9.

[160] Архивъ минист. нар. просв. 1822, № 160—14610 (подшито къ № 4876—146). Архивъ каз. унив., Попеч. 1823, № 29 (л.л. 1—4), Сов. 1823, № 125; Директ. 1823, № 55.

[161] Архивъ каз. унив., Попеч. 1824, № 66, 1830, № 129; Сов. 1825, №№ 56, 368 (л.л. 37 об.—38). Полное Собр. Росс. Зак., т. XL, № 30192.

[162] Архивъ каз. унив., Сов. 1826, № 225, 1830, № 113; Попеч. 1829, № 9, 1830, № 129. См. томъ III настоящаго труда, стр. 470—473, 492 и сл., 504—506.

[163] Архивъ каз. унив., Попеч. 1824, № 28 (л.л. 36—37, 49).

[164] Архивъ каз. унив., Попеч. 1824, № 38.

[165] Архивъ каз. унив., 1824, Сов. № 53, Попеч. № 42.

[166] Архивъ каз. унив., Попеч. 1824, № 54, Сов. 1824, № 379, Попеч. 1825, № 33.

[167] Архивъ каз. унив, Попеч. 1824, № 28 (л.л. 98—99, 104—113), 1825, №№ 33, 35; Сов. 1825, № 90.

[168] Архивъ каз. унив., Попеч. 1822, № 44, 1819, № 141, 1824, № 141 (особенно л.л. 1—6); Сов. 1824, №№ 71, 406.

[169] Архивъ каз. унив., Попеч. 1824, № 182, 1825, № 39; Сов. 1824, № 144, 1825, №№ 246, 368 (л.л. 23 об.—24, 89).

[170] И. И. Лажечникова: «Какъ я зналъ М. Л. Магницкаго» (Русск. Вѣстн. 1866, т. 61, стр. 136—137). Архивъ каз. унив., Сов. 1825, №№ 283, 290 (л. 1); Попеч. 1825, № 179 (л.л 3—4).

[171] Архивъ каз. унив., 1825, Попеч. № 179 (л. 1), Сов. № 303.

[172] Архивъ каз. унив., 1826, Попеч. № 6, Сов. №№ 35, 179, 334 (л. 163).

151 Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 435, 1822, №№ 148, 196; Попеч. 1823. №№ 7, 64 1824, №№ 28, 122, 1825, № 16.

152 Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 260.

153 Архивъ каз. унив., Попеч. 1820, № 305.

154 Архивъ каз. унив., Попеч. 1822, № 69 (л.л. 5—6, 9—11, 13—15).

155 Архивъ каз. унив., Попеч. 1822, № 57 (л.л. 5—7); Директ. 1822, № 8 (л. 34 и об.).

156 Архивъ каз. унив., 1822, № 57 (л.л. 1—21).

157 Архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 26, 1822, № 57 (л.л. 63 и сл.).

158 Архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 26, 1822, № 122; Сов. 1822, № 243. Архивъ минист. нар. просв. 1822, № 160—14610 (подшито къ № 4876—146.

159 Архивъ минист. нар. просв. 1822, № 14784 (подшито къ № 4876) л.л. 1—9.

160 Архивъ минист. нар. просв. 1822, № 160—14610 (подшито къ № 4876—146). Архивъ каз. унив., Попеч. 1823, № 29 (л.л. 1—4), Сов. 1823, № 125; Директ. 1823, № 55.

161 Архивъ каз. унив., Попеч. 1824, № 66, 1830, № 129; Сов. 1825, №№ 56, 368 (л.л. 37 об.—38). Полное Собр. Росс. Зак., т. XL, № 30192.

162 Архивъ каз. унив., Сов. 1826, № 225, 1830, № 113; Попеч. 1829, № 9, 1830, № 129. См. томъ III настоящаго труда, стр. 470—473, 492 и сл., 504—506.

163 Архивъ каз. унив., Попеч. 1824, № 28 (л.л. 36—37, 49).

164 Архивъ каз. унив., Попеч. 1824, № 38.

165 Архивъ каз. унив., 1824, Сов. № 53, Попеч. № 42.

166 Архивъ каз. унив., Попеч. 1824, № 54, Сов. 1824, № 379, Попеч. 1825, № 33.

167 Архивъ каз. унив., Попеч. 1824, № 28 (л.л. 98—99, 104—113), 1825, №№ 33, 35; Сов. 1825, № 90.

168 Архивъ каз. унив., Попеч. 1822, № 44, 1819, № 141, 1824, № 141 (особенно л.л. 1—6); Сов. 1824, №№ 71, 406.

169 Архивъ каз. унив., Попеч. 1824, № 182, 1825, № 39; Сов. 1824, № 144, 1825, №№ 246, 368 (л.л. 23 об.—24, 89).

170 И. И. Лажечникова: «Какъ я зналъ М. Л. Магницкаго» (Русск. Вѣстн. 1866, т. 61, стр. 136—137). Архивъ каз. унив., Сов. 1825, №№ 283, 290 (л. 1); Попеч. 1825, № 179 (л.л. 3—4).

171 Архивъ каз. унив., 1825, Попеч. № 179 (л. 1), Сов. № 303.

172 Архивъ каз. унив., 1826, Попеч. № 6, Сов. №№ 35, 179, 334 (л. 163).

[173] Архивъ минист. народн. просв., 1819, № 13592; 1821, № 192—5353; 1826, № 382—127416 (приложено къ дѣлу № 32—130283), статья LIII. Архивъ каз. унив., Директ. 1821, № 64; Попеч. 1821, № 254, 1823, № 70; Сов. 1822, № 3, 1823, № 331.

[174] Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, № 254 (л.л. 14—24).

[175] Архивъ каз. универ., Попеч. 1821, № 254 (л. 25). Производства по этой статьѣ: Сов. 1822, №№ 113 (л.л. 36, 49), 362 (л. 113 и об., 159, 410 об.), 1823, №№ 267, 378 (л. 64 и об.), 441.

[176] Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, № 254 (л. 25 и об.). Производства по этой статьѣ: Сов. 1822, №№ 112, 362 (л. 114).

[177] Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, № 254 (л. 25 об.). Производства по этой статьѣ: Сов. 1822, №№ 162 (л.л. 7—9, 24 и сл.), 362 (л. 115, 172 об.—173, 189—190, 204; 1823, № 378 (л.л. 2 об., 268).

[178] Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, № 254 (л. 25 об.—26). Производства по этой статьѣ: Сов. 1822, №№ 114, 362 (л. 116).

[179] Архивъ каз. унив., Попеч 1821, № 254 (л. 26). Производства по этой статьѣ: Сов. 1822, № 362 (л. 116), 378 (л. 441).

[180] Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, № 254 (л. 26). Производства по этой статьѣ: Сов. 1822, №№ 98, 362 (л. 116), 378 (л. 441).

[181] Архивъ каз. унив., Попеч. 1821 № 254 (л. 26 и об.). Производства по этой статьѣ: Сов. 1822, №№ 40, 362 (л. 116 об., 176 об., 184, 488 об. и слѣд.).

[182] Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, № 254 (л.л. 26 об.—27). Производства по этой статьѣ: Сов. 1822, №№ 115, 362 (л. 117, 484 об.), 378 (л. 441 об.).

[183] Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, № 254 (л.л. 27—29 об.). Производства по этой статьѣ: Сов. 1822, №№ 96, 362 (л. 117), 378 (л.л. 441 об.—442); Попеч. 1823, № 28.

[184] Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, № 254 (л. 29 об.). Производство по этой статьѣ: Сов. 1822, № 362 (л. 118 об.).

[185] Архивъ каз. унив., Попеч., 1821, № 254 (л.л. 29 об.—30 об.). Производство по этой статьѣ: Сов. 1822, №№ 108, 362 (л. 117 об.), 378 (л. 442).

[186] Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, № 254 (л.л. 30 об.—31). Производство по этой статьѣ: Сов. 1822, №№ 110, 362 (л.л. 117 об., 505 об.), 378 (л. 442).

[187] Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, № 254 (л. 31). Производства по этой статьѣ: Сов. 1822, №№ 97, 362 (л. 118), 378 (л. 442 и об.).

[188] Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, № 254 (л.л. 31 об.). Производства по этой статьѣ: Сов. 1822, №№ 100, 362 (л.л. 118), 378 (л. 442 об.).

[189] Архивъ каз унив, Попеч. 1821, № 254 (л.л. 32—33). Производства и дѣла, относящіяся къ этой статьѣ: Сов. 1822, №№ 101, 362 (л.л. 118 об.), 487 и сл., 378 (л.л. 442 об.—443 об.). Архивъ минист. народн. просв., 1819, №№ 4—18756, 11—18763 23—18775; 1820, № 22—18808; 1021, №№ 1—18810, 4—18813. Архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 118, 1820, №№ 67 (особенно л.л. 33—43).

173 Архивъ минист. народн. просв., 1819, № 13592; 1821, № 192—5353; 1826, № 382—127416 (приложено къ дѣлу № 32—130283), статья LIII. Архивъ каз. унив., Директ. 1821, № 64; Попеч. 1821, № 254, 1823, № 70; Сов. 1822, № 3, 1823, № 331.

174 Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, № 254 (л.л. 14—24).

175 Архивъ каз. универ., Попеч. 1821, № 254 (л. 25). Производства по этой статьѣ: Сов. 1822, №№ 113 (л.л. 36, 49), 362 (л. 113 и об., 159, 410 об.), 1823, №№ 267, 378 (л. 64 и об.), 441.

176 Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, № 254 (л. 25 и об.). Производства по этой статьѣ: Сов. 1822, №№ 112, 362 (л. 114).

177 Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, № 254 (л. 25 об.). Производства по этой статьѣ: Сов. 1822, №№ 162 (л.л. 7—9, 24 и сл.), 362 (л. 115, 172 об.—173, 189—190, 204; 1823, № 378 (л.л. 2 об., 268).

178 Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, № 254 (л. 25 об.—26). Производства по этой статьѣ: Сов. 1822, №№ 114, 362 (л. 116).

179 Архивъ каз. унив., Попеч 1821, № 254 (л. 26). Производства по этой статьѣ: Сов. 1822, № 362 (л. 116), 378 (л. 441).

180 Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, № 254 (л. 26). Производства по этой статьѣ: Сов. 1822, №№ 98, 362 (л. 116), 378 (л. 441).

181 Архивъ каз. унив., Попеч. 1821 № 254 (л. 26 и об.). Производства по этой статьѣ: Сов. 1822, №№ 40, 362 (л. 116 об., 176 об., 184, 488 об. и слѣд.).

182 Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, № 254 (л.л. 26 об.—27). Производства по этой статьѣ: Сов. 1822, №№ 115, 362 (л. 117, 484 об.), 378 (л. 441 об.).

183 Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, № 254 (л.л. 27—29 об.). Производства по этой статьѣ: Сов. 1822, №№ 96, 362 (л. 117), 378 (л.л. 441 об.—442); Попеч. 1823, № 28.

184 Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, № 254 (л. 29 об.). Производство по этой статьѣ: Сов. 1822, № 362 (л. 118 об.).

185 Архивъ каз. унив., Попеч., 1821, № 254 (л.л. 29 об.—30 об.). Производство по этой статьѣ: Сов. 1822, №№ 108, 362 (л. 117 об.), 378 (л. 442).

186 Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, № 254 (л.л. 30 об.—31). Производство по этой статьѣ: Сов. 1822, №№ 110, 362 (л.л. 117 об., 505 об.), 378 (л. 442).

187 Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, № 254 (л. 31). Производства по этой статьѣ: Сов. 1822, №№ 97, 362 (л. 118), 378 (л. 442 и об.).

188 Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, № 254 (л.л. 31 об.). Производства по этой статьѣ: Сов. 1822, №№ 100, 362 (л.л. 118), 378 (л. 442 об.).

189 Архивъ каз унив, Попеч. 1821, № 254 (л.л. 32—33). Производства и дѣла, относящіяся къ этой статьѣ: Сов. 1822, №№ 101, 362 (л.л. 118 об.), 487 и сл., 378 (л.л. 442 об.—443 об.). Архивъ минист. народн. просв., 1819, №№ 4—18756, 11—18763 23—18775; 1820, № 22—18808; 1021, №№ 1—18810, 4—18813. Архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 118, 1820, №№ 67 (особенно л.л. 33—43).

[190] Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, № 254 (л. 33 об.). Производство по этой статьѣ: Сов. 1822, №№ 121, 362 (л.л. 119, 191, 305).

[191] Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, № 254 (л. 34). Производство по этой статьѣ: Сов. 1822, №№ 362 (л. 119), 378 (л. 443).

[192] Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, № 254 (л. 34 и об.). Производство по этой статьѣ: Сов. 1822, №№ 102, 362 (л. 119 об.), 378 (л. 443).

[193] Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, № 254 (л. 34 об.).

[194] Архивъ каз. унив., Сов. 1822, № 362 (л.л. 113—119), Е. И. Ѳеоктистовъ: «Магницкій» СПБ., 1865), стр. 128—129.

[195] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 463.

[196] Архивъ каз. унив., Попеч. 1820, № 92.

[197] Архивъ каз. унив., Попеч. 1820, № 369, Дикект. 1821, № 57, Попеч. 1822, № 2. «Краткая историческая записка по казанскому университету и его учебному округу за 1821—1822 акад. годъ» (Каз., 1822), стр. 63—64. «Отчетъ казанскаго библейскаго комитета за 1822 годъ» (Каз., 1823), стр. 43—44.

[198] Архивъ каз. унив., Попеч. 1823, № 65, 1825, № 16, 47. «Краткая историческая записка и пр.», стр. 63—66.

[199] Архивъ каз. унив., Сов. 1829, № 14.

[200] Архивъ каз. унив., 1825, Сов. № 224, Попеч. № 97 (въ особомъ приложеніи къ этому послѣднему дѣлу—самый проектъ университетскихъ устава и штатовъ).

[201] Архивъ каз. унив. 1824, Сов. № 20, Попеч. № 127.

[202] См. настоящаго труда томы III, стр. 504—506, IV, стр. 53. Архивъ каз. унив., Сов. 1824, №№ 389, 390, Попеч. 1823, № 76 (л.л. 30—31), Сов. 1825, № 251.

[203] Архивъ каз. унив., Попеч. 1823, №№ 76 (л.л. 13—14), 12 (л.л. 1—2).

[204] Архивъ каз. унив., Попеч. 1823, № 83, 1824, №№ 61 (л.л. 1 и сл.), 28 (л. 1); Сов. 1823, № 402.

[205] Архивъ каз. унив., Сов. 1822, № 113 (л.л. 14, 83), 1823, № 397; Попеч. 1824, № 28 (л.л. 34 об.—35 об.).

[206] Архивъ каз. унив., Попеч. 1824, № 61 (особенно листы 1 и об., 16—17, 63—69).

[207] Архивъ каз. унив., Сов. 1823, № 389, Попеч. 1824, № 61 (л.л. 17 об.—18).

[208] Архивъ каз. унив., Попеч. 1824, № 61 (л.л. 18, 83 и сл.).

[209] Архивъ каз. унив., Попеч. 1824, № 61 (л.л. 96 и сл., 110 и сл. и другіе, 18 об.—19, 2—6).

[210] Архивъ каз. унив., Попеч. 1824, №№ 28 (л.л. 23—24), 184.

[211] Архивъ каз. унив., Попеч. 1824, № 61 (особенно листы 11—19); Сов. 1824, № 403.

[190] Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, № 254 (л. 33 об.). Производство по этой статьѣ: Сов. 1822, №№ 121, 362 (л.л. 119, 191, 305).

[191] Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, № 254 (л. 34). Производство по этой статьѣ: Сов. 1822, №№ 362 (л. 119), 378 (л. 443).

[192] Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, № 254 (л. 34 и об.). Производство по этой статьѣ: Сов. 1822. №№ 102, 362 (л. 119 об.), 378 (л. 443).

[193] Архивъ каз. унив., Попеч. 1821, № 254 (л. 34 об.).

[194] Архивъ каз. унив., Сов. 1822, № 362 (л.л. 113—119), Е. И. Ѳеоктистовъ: «Магницкій» СПБ., 1865), стр. 128—129.

[195] Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 463.

[196] Архивъ каз. унив., Попеч. 1820, № 92.

[197] Архивъ каз. унив., Попеч. 1820, № 369, Дикект. 1821, № 57, Попеч. 1822, № 2. «Краткая историческая записка по казанскому университету и его учебному округу за 1821—1822 акад. годъ» (Каз., 1822), стр. 63—64. «Отчетъ казанскаго библейскаго комитета за 1822 годъ» (Каз., 1823), стр. 43—44.

[198] Архивъ каз. унив., Попеч. 1823, № 65, 1825, № 16, 47. «Краткая историческая записка и пр.», стр. 63—66.

[199] Архивъ каз. унив., Сов. 1829, № 14.

[200] Архивъ каз. унив., 1825, Сов. № 224, Попеч. № 97 (въ особомъ приложеніи къ этому послѣднему дѣлу—самый проектъ университетскихъ устава и штатовъ).

[201] Архивъ каз. унив. 1824, Сов. № 20, Попеч. № 127.

[202] См. настоящаго труда томы III, стр. 504—506, IV, стр. 53. Архивъ каз. унив., Сов. 1824, №№ 389, 390, Попеч. 1823, № 76 (л.л. 30—31), Сов. 1825, № 251.

[203] Архивъ каз. унив., Попеч. 1823, №№ 76 (л.л. 13—14), 12 (л.л. 1—2).

[204] Архивъ каз. унив., Попеч. 1823, № 83, 1824, №№ 61 (л.л. 1 и сл.), 28 (л. 1); Сов. 1823, № 402.

[205] Архивъ каз. унив., Сов. 1822, № 113 (л.л. 14, 83), 1823, № 397; Попеч. 1824, № 28 (л.л. 34 об.—35 об.).

[206] Архивъ каз. унив., Попеч. 1824, № 61 (особенно листы 1 и об., 16—17, 63—69).

[207] Архивъ каз. унив., Сов. 1823, № 389, Попеч. 1824, № 61 (л.л. 17 об.—18).

[208] Архивъ каз. унив., Попеч. 1824, № 61 (л.л. 18, 83 и сл.).

[209] Архивъ каз. унив., Попеч. 1824, № 61 (л.л. 96 и сл., 110 и сл. и другіе, 18 об.—19, 2—6).

[210] Архивъ каз. унив., Попеч. 1824, №№ 28 (л.л. 23—24), 184.

[211] Архивъ каз. унив., Попеч. 1824, № 61 (особенно листы 11—19); Сов. 1824, № 403.

[212] Архивъ каз. унив., Сов. 1824, № 408, 1825, № 368 (л.л. 602 об.—603); Попеч. 1824, № 63 (л.л. 105—109).

[213] Архивъ каз. унив., Попеч. 1832, № 173, 1833, № 67.

[214] Архивъ каз. унив., Сов. 1845, № 60.

[215] Архивъ каз. унив., 1824, Попеч. №№ 1, 63 (л.л. 97—105); Сов. №№ 22, 389, 390, 1825, № 368 (л. 602 и об.).

[216] Архивъ минист. нар. просв., 1826, № 76—154336 (л.л. 157 об.) Архивъ каз. унив., Сов. 1824, №№ 389, 390, 1825, № 368 (л. 602 и об.); Попеч. 1824, № 63 (л.л. 97—105).

[217] Архивъ минист. нар. просв., 1826, № 76—154336 (л.л. 156—164).

[218] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, № 307, 1820, № 309; Попеч. 1822, № 41 (л. 5).

[219] См. томъ III нашего труда, стр. 357—358. Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 422, 1821, №№ 67, 72, 313, 1823, №№ 10 (л. 38), 140, 1824, № 49; Попеч. 1821, № 90.

[220] Архивъ каз. унив., Сов. 1824, № 53, 309; Попеч. 1824, № 42.

[221] Архивъ минист. нар. просв., 1819, № 61—4838. Архивъ каз. унив, Сов. 1820, № 236, 1822, № 247, 1824, № 127, 1826, № 173.

[222] Архивъ минист. нар. просв., 1826, № 173—15531. Арх. каз. унив., Сов. 1826, № 152.

[223] Архивъ каз. унив., Попеч. 1823, № 63.

[224] Архивъ каз. унив., Попеч. 1822, № 94.

[225] Архивъ каз. унив., Попеч. 1823, № 35.

[226] И. И. Лажечникова: «Какъ я зналъ М. Л. Магницкаго» (Русск. Вѣстн. 1866 г., т. 61, стр. 136).

[227] Архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 77; 1820, № 145 (л.л. 1, 9—10, 12—14, 18, 22—31, 34).

[228] Архивъ каз. унив., Попеч. 1820, № 145 (л.л. 32—33, 36—38, 44—50, 56—62, 236, 245, 263, 394, 398, 401—404, 446—449, 467, 497—498, 505, 526, 540, 593, 703—704, 716). Сов. 1828, № 127, 1829, № 88.

[229] Архивъ каз. унив., Попеч. 1820, № 145 (л.л. 77, 79, 91, 117, 243, 500—503, 663, 669, 680; Правл. 1823, № 404, 1824, № 78.

[230] Архивъ каз. унив., приложеніе къ дѣлу: Попеч. 1827, № 80.

[231] Архивъ каз. унив., Попеч. 1820, № 145 (л.л. 723 и сл., 725—726, 492—493, 496). Прав. 1823, № 350.

[232] Архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 206, 1820, № 145 (л.л. 40—41); Сов. 1822, № 29 (л.л. 6—7, 12), 1825, №№ 110 (л. 27), 368 (л.л. 275—276); Попеч. 1825, № 16 (л.л. 65—66); Правл. 1821, № 205, 1824, № 11.

[212] Архивъ каз. унив., Сов. 1824, № 408, 1825, № 368 (л.л. 602 об.—603); Попеч. 1824, № 63 (л.л. 105—109).

[213] Архивъ каз. унив., Попеч. 1832, № 173, 1833, № 67.

[214] Архивъ каз. унив., Сов. 1845, № 60.

[215] Архивъ каз. унив., 1824, Попеч. №№ 1, 63 (л.л. 97—105); Сов. №№ 22, 389, 390, 1825, № 368 (л. 602 и об.).

[216] Архивъ минист. нар. просв., 1826, № 76—154336 (л.л. 157 об.) Архивъ каз. унив., Сов. 1824, №№ 389, 390, 1825, № 368 (л. 602 и об.); Попеч. 1824, № 63 (л.л. 97—105).

[217] Архивъ минист. нар. просв., 1826, № 76—154336 (л.л. 156—164).

[218] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, № 307, 1820, № 309; Попеч. 1822, № 41 (л. 5).

[219] См. томъ III нашего труда, стр. 357—358. Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 422, 1821, №№ 67, 72, 313, 1823, №№ 10 (л. 38), 140, 1824, № 49; Попеч. 1821, № 90.

[220] Архивъ каз. унив., Сов. 1824, № 53, 309; Попеч. 1824, № 42.

[221] Архивъ минист. нар. просв., 1819, № 61—4838. Архивъ каз. унив., Сов. 1820, № 236, 1822, № 247, 1824, № 127, 1826, № 173.

[222] Архивъ минист. нар. просв., 1826, № 173—15531. Арх. каз. унив., Сов. 1826, № 152.

[223] Архивъ каз. унив., Попеч. 1823, № 63.

[224] Архивъ каз. унив., Попеч. 1822, № 94.

[225] Архивъ каз. унив., Попеч. 1823, № 35.

[226] И. И. Лажечникова: «Какъ я зналъ М. Л. Магницкаго» (Русск. Вѣстн. 1866 г., т. 61, стр. 136).

[227] Архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 77; 1820, № 145 (л.л. 1, 9—10, 12—14, 18, 22—31, 34).

[228] Архивъ каз. унив., Попеч. 1820, № 145 (л.л. 32—33, 36—38, 44—50, 56—62, 236, 245, 263, 394, 398, 401—404, 446—449, 467, 497—498, 505, 526, 540, 593, 703—704, 716). Сов. 1828, № 127, 1829, № 88.

[229] Архивъ каз. унив., Попеч. 1820, № 145 (л.л. 77, 79, 91, 117, 243, 500—503, 663, 669, 680; Правл. 1823, № 404, 1824, № 78.

[230] Архивъ каз. унив., приложеніе къ дѣлу: Попеч. 1827, № 80.

[231] Архивъ каз. унив., Попеч. 1820, № 145 (л.л. 723 и сл., 725—726, 492—493, 496). Прав. 1823, № 350.

[232] Архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 206, 1820, № 145 (л.л. 40—41); Сов. 1822, № 29 (л.л. 6—7, 12), 1825, №№ 110 (л. 27), 368 (л.л. 275—276); Попеч. 1825, № 16 (л.л. 65—66); Правл. 1821, № 205, 1824, № 11.

[233] Архивъ каз. унив., Попеч. 1820, № 145 (л. 723 об.), 1824, № 153; Сов. 1824. № 142; Попеч. 1824, № 119; Попеч. 1820, № 145 (л. 869); 1825, Попеч. № 99, Сов. № 57.

[234] Архивъ каз. унив, Попеч. 1820, № 145 (л. 189); Сов. 1821, № 401 (л. 86 об.), 1826, № 334 (л.л. 186 об.—187), 1825, № 216.

[235] Архивъ минист. нар. просв., 1826, № 76—154336 (л.л. 105 и сл.). Архивъ каз. унив., Попеч. 1820, № 145 (л.л. 715, 721—722), 1825, №№ 179 (л. 11), 69; Сов. 1825, № 231; Директ. 1823, № 75.

[236] Архивъ каз. унив., 1825, Попеч. №№ 16 (л. 9 об.), 179; Директ. № 66.

[237] Архивъ каз. унив., Попеч. 1820, №№ 145 (л.л. 438—439, 461—462, 472—473, 583—588, 592—604), 1824, № 156 (л. 4 об.); Правл. 1824, №№ 77 (въ особенн. л.л. 32 и об., 38, 46, 86), 78.

[238] Архивъ минист. нар. просв., 1826, №№ 76—154336 (л.л. 105—117); № 32—130283 (см. журналъ Главнаго Правл. Училищъ отъ 13-го апрѣля, ст. XXVI—XXXIV). Архивъ каз. унив., Попеч. 1820, № 145 (л.л. 747 и сл., 820 и сл., 827 и сл., 855, 862—867); Строит. Ком. 1824, №№ 1 и 2.

[239] Архивъ минист. нар. просв., 1826, № 32—130283 (л.л. 85 и сл.). Архивъ каз. унив., Попеч. 1822, № 111 (л.л. 18—28), 1824, № 176 (л.л. 1 и сл.).

[240] Архивъ каз. унив., Попеч. 1823, № 70, 1824, № 17; Сов. 1824, № 385 (л. 24).

[241] Архивъ каз. унив., Попеч. 1824, №№ 28 (л.л. 68—69), 137; Сов. 1824, №№ 244, 272; Директ. 1824, № 62; Правл. 1825, № 229.

[242] Н. К. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе» (СПБ. 1897—1898), т. IV, стр. 298—300; Е. М. Ѳеоктистова: «Магницкій» (СПБ. 1865, стр. 143—152).

[243] «Воспоминанія В. И. Панаева» (Вѣстн. Европы 1867 г., XII, стр. 102).

[244] Архивъ каз. унив., Попеч. 1825, №№ 92, 86.

[245] «Воспоминанія В. И. Панаева» (Вѣстн. Евр. 1867, XII, стр. 80). Архивъ минист. нар. просв. 1819, № 1,592; 1821, № 187—5348; 1826, № 227—15585 (при № 13592). Архивъ каз. унив., Попеч. 1820, № 115, 1826, № 2.

[246] Архивъ минист. нар. просв., 1821, № 187 (по общей нумераціи № 5348); 1826, № 15402 (при № 13592); 1819, № 13592.

[247] Н. К. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе» (СПБ. 1897—1898), т. IV, стр. 294 и примѣчаніе 353-е.

[248] П. П. Каратыгина: «Сѣверная Пчела 1825—1859 г.г.» (Русск. Арх. 1882, кн. II, стр. 254—255).

[249] Е. П. Карновича: «Архимандритъ Фотій» (Русск. Старина 1875, кн. VIII); Миропольскій: «Фотій, юрьевскій архимандритъ» (Вѣстн. Евр. 1878, кн. XI и XII); Н. К. Шильдеръ: «Императоръ Александръ», т. IV, стр. 246 и слѣд.

[250] Н. К. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I», т. IV, стр. 249 и сл., 316—320; Е. П. Карновичъ: «Архимандритъ Фотій, настоятель новгородскаго Юрьевскаго монастыря» (Русск. Старина 1875, кн. VIII, стр. 466—467, 470 и сл.); В. И. Панаевъ: «Воспоминанія» (Вѣстн. Евр. 1867, XII, стр. 79—84; П. П. Каратыгинъ: «Сѣверная Пчела 1825—1859 г.г.» (Русск. Арх. 1882, кн. II, стр. 241 и сл.); Н. И. Гречъ: «О пасторѣ Госнерѣ» (Русск. Арх. 1868, стр. 1403 и сл.); И. И. Лажечниковъ: «Какъ я зналъ М. Л. Магницкаго» (Русск. Вѣстн. 1866, т. 61, стр. 122, 144).

[233] Архивъ каз. унив., Попеч. 1820, № 145 (л. 723 об.), 1824, № 153; Сов. 1824. № 142; Попеч. 1824, № 119; Попеч. 1820, № 145 (л. 869); 1825, Попеч. № 99, Сов. № 57.

[234] Архивъ каз. унив, Попеч. 1820, № 145 (л. 189); Сов. 1821, № 401 (л. 86 об.), 1826, № 334 (л.л. 186 об.—187), 1825, № 216.

[235] Архивъ министерства нар. просв., 1826, № 76—154336 (л.л. 105 и сл.). Архивъ каз. унив., Попеч. 1820, № 145 (л.л. 715, 721—722), 1825, №№ 179 (л. 11), 69; Сов. 1825, № 231; Директ. 1823, № 75.

[236] Архивъ каз. унив., 1825, Попеч. №№ 16 (л. 9 об.), 179; Директ. № 66.

[237] Архивъ каз. унив., Попеч. 1820, №№ 145 (л.л. 438—439, 461—462, 472—473, 583—588, 592—604), 1824, № 156 (л. 4 об.); Правл. 1824, №№ 77 (въ особенн. л.л. 32 и об., 38, 46, 86), 78.

[238] Архивъ министерства нар. просв., 1826, №№ 76—154336 (л.л. 105—117); № 32—130283 (см. журналъ Главнаго Правл. Училищъ отъ 13-го апрѣля, ст. XXVI—XXXIV). Архивъ каз. унив., Попеч. 1820, № 145 (л.л. 747 и сл., 820 и сл., 827 и сл., 855, 862—867); Строит. Ком. 1824, №№ 1 и 2.

[239] Архивъ министерства нар. просв., 1826, № 32—130283 (л.л. 85 и сл.). Архивъ каз. унив., Попеч. 1822, № 111 (л.л. 18—28), 1824, № 176 (л.л. 1 и сл.).

[240] Архивъ каз. унив., Попеч. 1823, № 70, 1824, № 17; Сов. 1824, № 385 (л. 24).

[241] Архивъ каз. унив., Попеч. 1824, №№ 28 (л.л. 68—69), 137; Сов. 1824, №№ 244, 272; Директ. 1824, № 62; Правл. 1825, № 229.

[242] Н. К. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе» (СПБ. 1897—1898), т. IV, стр. 298—300; Е. М. Өеоктистова: «Магницкій» (СПБ. 1865, стр. 143—152).

[243] «Воспоминанія В. И. Панаева» (Вѣстн. Европы 1867 г., XII, стр. 102).

[244] Архивъ каз. унив., Попеч. 1825, №№ 92, 86.

[245] «Воспоминанія В. И. Панаева» (Вѣстн. Евр. 1867, XII, стр. 80). Архивъ министерства нар. просв. 1819, № 1.592; 1821, № 187—5348; 1826, № 227—15585 (при № 13592). Архивъ каз. унив., Попеч. 1820, № 115, 1826, № 2.

[246] Архивъ министерства нар. просв., 1821, № 187 (по общей нумераціи № 5348); 1826, № 15402 (при № 13592); 1819, № 13592.

[247] Н. К. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе» (СПБ. 1897—1898), т. IV, стр. 294 и примѣчаніе 353-е.

[248] П. П. Каратыгина: «Сѣверная Пчела 1825—1859 г.г.» (Русск. Арх. 1882, кн. II, стр. 254—255).

[249] Е. П. Карновича: «Архимандритъ Фотій» (Русск. Старина 1875, кн. VIII); Миропольскій: «Фотій, юрьевскій архимандритъ» (Вѣстн. Евр. 1878, кн. XI и XII); Н. К. Шильдеръ: «Императоръ Александръ», т. IV, стр. 246 и слѣд.

[250] Н. К. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I», т. IV, стр. 249 и сл., 316—320; Е. П. Карновичъ: «Архимандритъ Фотій, настоятель новгородскаго Юрьевскаго монастыря» (Русск. Старина 1875, кн. VIII, стр. 466—467, 470 и сл.); В. И. Панаевъ: «Воспоминанія» (Вѣстн. Евр. 1867, XII, стр. 79—84; П. П. Каратыгинъ: «Сѣверная Пчела 1825—1859 г.г.» (Русск. Арх. 1882, кн. II, стр. 241 и сл.); Н. И. Гречъ: «О пасторѣ Госнерѣ» (Русск. Арх. 1868, стр. 1403 и сл.); И. И. Лажечниковъ: «Какъ я зналъ М. Л. Магницкаго» (Русск. Вѣстн. 1866, т. 61, стр. 122, 144).

[251] «Показанія Магницкаго. Изъ бумагъ М. М. Попова» («Девятнадцатый Вѣкъ», изд. Бартенева, кн. I, стр. 245—246).

[252] Н. К. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I», т. IV, стр. 304—306; «Энциклопедическій Словарь» Брокгауза и Ефрона, полут. 78, стр. 611—615. Архивъ каз. унив., Попеч. 1825, № 93.

[253] В. И. Панаевъ: «Воспоминанія» (Вѣстн. Евр. 1867, XII, стр. 95—104).

[254] Архивъ каз. унив., Попеч. 1825, № 86; Сов. 1825, № 110. Архивъ министъ. народн. просв. 1825, № 157 (приложенъ къ № 13592).

[255] «Матеріалы для біографіи М. Л. Магницкаго», сообщенные М. Н. Лонгиновымъ (Русск. Арх. 1863, стр. 930 и слѣд.); В. И. Панаевъ: «Воспоминанія» (Вѣстн. Евр. 1867, XII, стр. 105). Архивъ каз. унив., Попеч., 1825, № 211; 1827, № 259.

[256] Архивъ министъ. народн просв., 1825, №№ 133 и 157 (приложены къ № 13592). В. И. Панаевъ: «Воспоминанія» (Вѣстн. Евр. 1867, XII, стр. 105—107, 121).

[257] Архивъ каз. унив., 1825, Попеч. № 124; Сов. №№ 270, 277, 368 (л. 253). В. И. Панаевъ: «Воспоминанія» (Вѣстн. Евр. 1867, XII, стр. 107).

[258] Архивъ каз. унив., Попеч. 1825, №№ 128 (дѣло объ осмотрѣ казанской гимназіи), 125 (дѣло объ осмотрѣ университета,—въ особенности л.л. 3 и сл., 48, 50 и сл., 139, 167 и сл., 202); Сов. 1825, №№ 323, 351. «Описаніе торжества, бывшаго въ императорскомъ казанскомъ университетѣ 15-го сентября 1825 года» (Каз. 1825), стр. 3—4.

[259] Архивъ каз. унив., Сов. 1825, №№ 110 (л. 23), 368 (л.л. 156, 275—276); Попеч. 1825, №№ 16 (л.л. 65—66), 125 (л.л. 140, 156). Архивъ министъ. народн. просв., 1826, № 76—154336 (л.л. 11—14). «Описаніе торжества, бывшаго въ императорскомъ казанскомъ университетѣ 15-го сентября 1825 года» (Каз., 1825).

[260] «Описаніе торжества, бывшаго въ императорскомъ казанскомъ университетѣ 15-го сентября 1825 года» (Каз., 1825), стр. 12—26.

[261] Архивъ каз. унив., Сов. 1825, №№ 368 (протоколы совѣта, въ отдѣльности л.л. 602 об.—603), 269, 318; Попеч. 1825, № 125 (л. 139). В. И. Панаевъ: «Воспоминанія» (Вѣстн. Евр. 1867, XII, стр. 107). Де-Пуле: «Николай Ивановичъ Второвъ, выдержки изъ дневника» (Рус. Арх. 1877, II, стр. 346).

[262] Архивъ каз. унив., Попеч. 1825, №№ 125 (л.л. 186 и сл.). 177 (ревизія симбирской гимназіи), 178 (тоже—саратовской), 181 (тоже—пензенской); Сов. 1825, №№ 269, 275, 282, 283, 290, 384, 386 (л. 278 об.); Попеч. 1825, № 168.

[263] Архивъ каз. унив., Попеч. 1825, № 125 (л.л. 201, 204, 208, 216); Сов. 1826, № 18, 1825, № 110 (л.л. 34—36). В. И. Панаевъ: «Воспоминанія» (Вѣстн. Евр. 1867, XII, стр. 107—109).

[264] В. И. Панаевъ: «Воспоминанія» (Вѣстн. Евр. 1867, XII, стр. 110—122); К. С. Сербиновичъ: «Н. М. Карамзинъ» (Рус. Стар. 1874, XI, стр. 236 и сл.); Де-Пуле: «Н. И. Второвъ» (Рус. Арх. 1877, II, стр. 346); «Показанія Магницкаго»,—изъ бумагъ М. М. Попова («Девятнадцатый Вѣкъ» изд. Бартенева, I, стр. 247, сноска).

[265] Архивъ министъ. народн. просв., 1825, № 157—15354 (приложено къ № 13592). Здѣсь соединенъ рядъ дѣлъ, касающихся Магницкаго и относящихся къ 1819—1828 годамъ. Архивъ каз. унив, Попеч. 1825, № 204 (л.л. 1—3).

[251] «Показанія Магницкаго. Изъ бумагъ М. М. Попова» («Девятнадцатый Вѣкъ», изд. Бартенева, кн. I, стр. 245—246).

[252] Н. К. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I», т. IV, стр. 304—306; «Энциклопедическій Словарь» Брокгауза и Ефрона, полут. 78, стр. 611—615. Архивъ каз. унив., Попеч. 1825, № 93.

[253] В. И. Панаевъ: «Воспоминанія» (Вѣстн. Евр. 1867, XII, стр. 95—104).

[254] Архивъ каз. унив., Попеч. 1825, № 86; Сов. 1825, № 110. Архивъ минист. народн. просв. 1825, № 157 (приложенъ къ № 13592).

[255] «Матеріалы для біографіи М. Л. Магницкаго», сообщенные М. Н. Лонгиновымъ (Русск. Арх. 1863, стр. 930 и слѣд.); В. И. Панаевъ: «Воспоминанія» (Вѣстн. Евр. 1867, XII, стр. 105). Архивъ каз. унив., Попеч., 1825, № 211; 1827, № 259.

[256] Архивъ минист. народн. просв., 1825, №№ 133 и 157 (приложены къ № 13592). В. И. Панаевъ: «Воспоминанія» (Вѣстн. Евр. 1867, XII, стр. 105—107, 121).

[257] Архивъ каз. унив., 1825, Попеч. № 124; Сов. №№ 270, 277, 368 (л. 253). В. И. Панаевъ: «Воспоминанія» (Вѣстн. Евр. 1867, XII, стр. 107).

[258] Архивъ каз. унив., Попеч. 1825, №№ 128 (дѣло объ осмотрѣ казанской гимназіи), 125 (дѣло объ осмотрѣ университета,—въ особенности л.л. 3 и сл., 48, 50 и сл., 139, 167 и сл., 202); Сов. 1825, №№ 323, 351. «Описаніе торжества, бывшаго въ императорскомъ казанскомъ университетѣ 15-го сентября 1825 года» (Каз. 1825), стр. 3—4.

[259] Архивъ каз. унив., Сов. 1825, №№ 110 (л. 23), 368 (л.л. 156, 275—276); Попеч. 1825, №№ 16 (л.л. 65—66), 125 (л.л. 140, 156). Архивъ минист. народн. просв., 1826, № 76—154336 (л.л. 11—14). «Описаніе торжества, бывшаго въ императорскомъ казанскомъ университетѣ 15-го сентября 1825 года» (Каз., 1825).

[260] «Описаніе торжества, бывшаго въ императорскомъ казанскомъ университетѣ 15-го сентября 1825 года» (Каз., 1825), стр. 12—26.

[261] Архивъ каз. унив., Сов. 1825, №№ 368 (протоколы совѣта, въ отдѣльности л.л. 602 об.—603), 269, 318; Попеч. 1825, № 125 (л. 139). В. И. Панаевъ: «Воспоминанія» (Вѣстн. Евр. 1867, XII, стр. 107). Де-Пуле: «Николай Ивановичъ Второвъ, выдержки изъ дневника» (Рус. Арх. 1877, II, стр. 346).

[262] Архивъ каз. унив., Попеч. 1825, №№ 125 (л.л. 186 и сл.). 177 (ревизія симбирской гимназіи), 178 (тоже—саратовской), 181 (тоже—пензенской); Сов. 1825, №№ 269, 275, 282, 283, 290, 384, 386 (л. 278 об.); Попеч. 1825, № 168.

[263] Архивъ каз. унив., Попеч. 1825, № 125 (л.л. 201, 204, 208, 216); Сов. 1826, № 18, 1825, № 110 (л.л. 34—36). В. И. Панаевъ: «Воспоминанія» (Вѣстн. Евр. 1867, XII, стр. 107—109).

[264] В. И. Панаевъ: «Воспоминанія» (Вѣстн. Евр. 1867, XII, стр. 110—122); К. С. Сербиновичъ: «Н. М. Карамзинъ» (Рус. Стар. 1874, XI, стр. 236 и сл.); Де-Пуле: «Н. И. Второвъ» (Рус. Арх. 1877, II, стр. 346); «Показанія Магницкаго»,—изъ бумагъ М. М. Попова («Девятнадцатый Вѣкъ» изд. Бартенева, I, стр. 247, сноска).

[265] Архивъ минист. народн. просв., 1825, № 157—15354 (приложено къ № 13592). Здѣсь соединенъ рядъ дѣлъ, касающихся Магницкаго и относящихся къ 1819—1828 годамъ. Архивъ каз. унив., Попеч. 1825, № 204 (л.л. 1—3).

[266] В. И. Панаевъ: «Воспоминанія» (Вѣстн. Евр. 1867, XII, стр. 111—112); К. С. Сербиновичъ: «Н. М. Карамзинъ» (Рус. Стар. 1874, XI, стр. 255—256). Архивъ министˑ народн. просв. 1826, № 15402 (приложенъ къ № 13592). «Показанія Магницкаго» («Девятнадцатый Вѣкъ», I, стр. 246—247). Архивъ каз. унив., Попеч. 1825, № 204 (л.л. 4 и сл.).

[267] В. И. Панаевъ: «Воспоминанія» (Вѣстн. Евр. 1867, XII, стр. 113); И. И. Лажечниковъ: «Какъ я зналъ М. Л. Магницкаго» (Рус. Вѣстн. 1866, т. 61, стр. 145). Архивъ каз. унив., Правл. 1825, №№ 409, 427; Сов. 1825, № 360, 1826, № 9. Архивъ министˑ народн. просв, 1826, № 32—130283 (л. 1-ый, ненумерованный).

[268] В. И. Панаевъ: «Воспоминанія» Вѣстн. Евр. 1867, XII, стр. 114—115). Архивъ министˑ народн. просв, 1826, № 76—154336 (л.л. 1—2).

[269] Архивъ министˑ народн. просв., 1826, №№ 76—154336 (л.л. 15, 20, 21, 48—49, 63 и прилож. I, л. 1); 32—130283 (л.л. 133 и сл.). В. И. Панаевъ: «Воспоминанія» (Вѣстн. Евр. 1867, XII, стр. 116).

[270] В. И. Панаевъ: «Воспоминанія» (Вѣстн. Евр. 1867, XII, стр. 112—113, 118—119). Арх. каз. унив., Попеч. 1826, №№ 1, 24. «Казанскій Вѣстникъ», 1826, ч. XVI, стр. 4—13.

[271] Архивъ министˑ народн. просв., 1826, № 76—154336 (л.л. 11—14).

[272] Архивъ министˑ народн. просв., 1826, № 76—154336 (л.л. 16, 71—76, 156—170, и прилож. I л.л. 3, 5, 7—47, 99—102, 107—125, 144—185, 200—212, 262, 278—284, 310—315).

[273] Архивъ министˑ народн. просв., 1826, № 76—154336 (л.л. 53, 64, 66).

[274] Архивъ министˑ народн. просв., 1826, № 15599 (прилож. къ № 13592); № 78—154336, прилож. I (л.л. 118—125); № 32—130283 (л.л. 125—173). Архивъ каз. унив., Сов. 1826, № 192

[275] Архивъ министˑ народн. просв., 1826, № 76—154336 (л.л. 83—142, 151, 152, 170); № 32—130283 (л.л. 3—8).

[276] Архивъ министˑ народн. просв., 1826, № 32—130283 (л.л. 9—13, 37—43).

[277] Архивъ министˑ народн. просв., 1826, № 32—130283 (л.л. 50—206).

[278] Архивъ министˑ народн. просв., 1826, № 32—130283 (л.л. 207—209).

[279] Архивъ министˑ народн. просв., 1826, № 127416 (приложенъ къ № 32—130283).

[280] Архивъ министˑ народн. просв., 1826, № 15456 (приложенъ къ № 13592).

[281] Архивъ каз. унив., Сов. 1826, №№ 173, 179; архивъ министˑ народн. просв., 1826, № 15456 (см. въ концѣ дѣла). «Русская Старина», 1874, XI, стр. 274.

[282] Архивъ министˑ народн. просв., 1826, № 15469 (приложено къ № 13592).

[283] Архивъ министˑ народн. просв., 1826, № 15469; архивъ каз. унив., 1826, Попеч. № 78 Сов. № 225.

[284] Архивъ каз. универ., 1826, Попеч. № 82 (основное дѣло), Сов. № 240. Архивъ министˑ народн. просв., 1826, № 15599.

[285] Архивъ министˑ народн. просв., 1828, № 16042. «Девятнадцатый Вѣкъ» Бартенева, кн. I («Показанія Магницкаго»), стр. 249—252.

[266] В. И. Панаевъ: «Воспоминанія» (Вѣстн. Евр. 1867, XII, стр. 111—112); К. С. Сербиновичъ: «Н. М. Карамзинъ» (Рус. Стар. 1874, XI, стр. 255—256). Архивъ министъ. народн. просв. 1826, № 15402 (приложенъ къ № 13592). «Показанія Магницкаго» («Девятнадцатый Вѣкъ», I, стр. 246—247). Архивъ каз. унив., Попеч. 1825, № 204 (л.л. 4 и сл.).

[267] В. И. Панаевъ: «Воспоминанія» (Вѣстн. Евр. 1867, XII, стр. 113); И. И. Лажечниковъ: «Какъ я зналъ М. Л. Магницкаго» (Рус. Вѣстн. 1866, т. 61, стр. 145). Архивъ каз. унив., Правл. 1825, №№ 409, 427; Сов. 1825, № 360, 1826, № 9. Архивъ министъ. народн. просв., 1826, № 32—130283 (л. 1-ый, ненумерованный).

[268] В. И. Панаевъ: «Воспоминанія» Вѣстн. Евр. 1867, XII, стр. 114—115). Архивъ министъ. народн. просв., 1826, № 76—154336 (л.л. 1—2).

[269] Архивъ министъ. народн. просв., 1826, №№ 76—154336 (л.л. 15, 20, 21, 48—49, 63 и прилож. I, л. 1); 32—130283 (л.л. 133 и сл.). В. И. Панаевъ: «Воспоминанія» (Вѣстн. Евр. 1867, XII, стр. 116).

[270] В. И. Панаевъ: «Воспоминанія» (Вѣстн. Евр. 1867, XII, стр. 112—113, 118—119). Арх. каз. унив., Попеч. 1826, №№ 1, 24. «Казанскій Вѣстникъ», 1826, ч. XVI, стр. 4—13.

[271] Архивъ министъ. народн. просв., 1826, № 76—154336 (л.л. 11—14).

[272] Архивъ министъ. народн. просв., 1826, № 76—154336 (л.л. 16, 71—76, 156—170, и прилож. I л.л. 3, 5, 7—47, 99—102, 107—125, 144—185, 200—212, 262, 278—284, 310—315).

[273] Архивъ министъ. народн. просв., 1826, № 76—154336 (л.л. 53, 64, 66).

[274] Архивъ министъ. народн. просв., 1826, № 15599 (прилож. къ № 13592); № 78—154336, прилож. I (л.л. 118—125); № 32—130283 (л.л. 125—173). Архивъ каз. унив., Сов. 1826, № 192

[275] Архивъ министъ. народн. просв., 1826, № 76—154336 (л.л. 83—142, 151, 152, 170); № 32—130283 (л.л. 3—8).

[276] Архивъ министъ. народн. просв., 1826, № 32—130283 (л.л. 9—13, 37—43).

[277] Архивъ министъ. народн. просв., 1826, № 32—130283 (л.л. 50—206).

[278] Архивъ министъ. народн. просв., 1826, № 32—130283 (л.л. 207—209).

[279] Архивъ министъ. народн. просв., 1826, № 127416 (приложенъ къ № 32—130283).

[280] Архивъ министъ. народн. просв., 1826, № 15456 (приложенъ къ № 13592).

[281] Архивъ каз. унив., Сов. 1826, №№ 173, 179; архивъ министъ. народн. просв., 1826, № 15456 (см. въ концѣ дѣла). «Русская Старина», 1874, XI, стр. 274.

[282] Архивъ министъ. народн. просв., 1826, № 15469 (приложено къ № 13592).

[283] Архивъ министъ. народн. просв., 1826, № 15469; архивъ каз. унив., 1826, Попеч. № 78 Сов. № 225.

[284] Архивъ каз. универ., 1826, Попеч. № 82 (основное дѣло), Сов. № 240. Архивъ министъ. народн. просв., 1826, № 15599.

[285] Архивъ министъ. народн. просв., 1828, № 16042. «Девятнадцатый Вѣкъ» Бартенева, кн. I («Показанія Магницкаго»), стр. 249—252.

[286] Архивъ минист. народн. просв., 1826, №№ 15528 и 15469; В. И. Панаевъ: «Воспоминанія» (Вѣстн. Евр. 1867, XII, стр. 120; «Русск. Архивъ» 1874, № 1, стр. 182; «Русск. Вѣстникъ» 1866, т. 61, стр. 146.

[287] «Русск. Архивъ», 1877, кн. II, стр. 346; «Русская Старина», 1874, т. XI, стр. 274—275. Архивъ минист. народн. просв., 1828, № 101—16042. «Девятнадцатый Вѣкъ», изд. Бартенева, кн. I, стр. 235 и сл., 238 и сл. В. И. Панаевъ: «Воспоминанія» (Вѣстн. Евр. 1867, XII, стр. 120—121).

[288] П. Т. Морозовъ: «Изъ одесскихъ воспоминаній» («Русск. Архивъ» 1877, III, стр. 324—330); его же: «Мое знакомство съ М. Л. Магницкимъ» («Русск. Арх.» 1875, III, стр. 241—244, 249—250); Де-Пуле: «Н. И. Второвъ» («Русск. Архивъ» 1877, кн. II, стр. 346—347); В. Ѳ. Кеневичъ и Н. Н. Мурзакевичъ: «М. Л. Магницкій» (Русск. Старина» 1874, XI, стр. 274—275).

[289] Архивъ минист. народн. просв., 1826, № 98—15455; архивъ каз. унив., 1826, Сов. № 178, Попеч. № 26.

[290] Архивъ каз. унив., Попеч. 1826, № 26 (л. 5).

[291] Архивъ каз. унив., 1826, Сов. №№ 226, 228, 233, 304, 334 (л.л. 217, 400 об.); Попеч № 26 (л.л. 7, 9, 11, 38, 55). Архивъ минист. народн. просв., 1826, № 9—18978.

[292] Архивъ каз. унив., 1826, Сов. №№ 275, 229; Попеч. № 26 (л.л. 3, 23, 33).

[293] Архивъ каз. унив., 1826, Сов. №№ 259, 291, 334 (л. 449), 247; Попеч. № 26 (л.л. 18, 75).

[294] Архивъ каз. унив., 1826, Попеч. №№ 26 (л.л. 13, 20, 39, 53—54, 58—85), 61; Сов. № 334 (л.л. 272 об., 283 и сл., 383, 419 об. и др.).

[295] Архивъ каз. унив., Попеч. 1826, № 26 (л.л. 16, 27—28, 42 и сл.).

---

[286] Архивъ минист. народн. просв., 1826, №№ 15528 и 15469; В. И. Панаевъ: «Воспоминанія» (Вѣстн. Евр. 1867, XII, стр. 120; «Русск. Архивъ» 1874, № 1, стр. 182; «Русск. Вѣстникъ» 1866, т. 61, стр. 146.

[287] «Русск. Архивъ», 1877, кн. II, стр. 346; «Русская Старина», 1874, т. XI, стр. 274—275. Архивъ минист. народн. просв., 1828, № 101—16042. «Девятнадцатый Вѣкъ», изд. Бартенева, кн. I, стр. 235 и сл., 238 и сл. В. И. Панаевъ: «Воспоминанія» (Вѣстн. Евр. 1867, XII, стр. 120—121).

[288] П. Т. Морозовъ: «Изъ одесскихъ воспоминаній» («Русск. Архивъ» 1877, III, стр. 324—330); его же: «Мое знакомство съ М. Л. Магницкимъ» («Русск. Арх.» 1875, III, стр. 241—244, 249—250); Де-Пуле: «Н. И. Второвъ» («Русск. Архивъ» 1877, кн. II, стр. 346—347); В. Ѳ. Кеневичъ и Н. Н. Мурзакевичъ: «М. Л. Магницкій» (Русск. Старина» 1874, XI, стр. 274—275).

[289] Архивъ минист. народн. просв., 1826, № 98—15455; архивъ каз. унив., 1826, Сов. № 178, Попеч. № 26.

[290] Архивъ каз. унив., Попеч. 1826, № 26 (л. 5).

[291] Архивъ каз. унив., 1826, Сов. №№ 226, 228, 233, 304, 334 (л.л. 217, 400 об.); Попеч № 26 (л.л. 7, 9, 11, 38, 55). Архивъ минист. народн. просв., 1826, № 9—18978.

[292] Архивъ каз. унив., 1826, Сов. №№ 275, 229; Попеч. № 26 (л.л. 3, 23, 33).

[293] Архивъ каз. унив., 1826, Сов. №№ 259, 291, 334 (л. 449), 247; Попеч. № 26 (л.л. 18, 75).

[294] Архивъ каз. унив., 1826, Попеч. №№ 26 (л.л. 13, 20, 39, 53—54, 58—85), 61; Сов. № 334 (л.л. 272 об., 283 и сл., 383, 419 об. и др.).

[295] Архивъ каз. унив., Попеч. 1826, № 26 (л.л. 16, 27—28, 42 и сл.).

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

Часть третья

ЭПОХА ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА МАГНИЦКАГО

(1819—1826)

(Окончаніе)

ГЛАВА III

ЧЕРТЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ВЪ ЭПОХУ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА МАГНИЦКАГО

(1819—1826)

А

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ УНИВЕРСИТЕТА ВЪ ЭПОХУ МАГНИЦКАГО. ЦЕНЗУРНО-ОХРАНИТЕЛЬНЫЯ НАЧИНАНІЯ ПОПЕЧИТЕЛЯ

Аттрофированное положеніе научно-литературной дѣятельности университета въ эпоху Магницкаго.—Попытки привлеченія къ этой дѣятельности членовъ университета.—Важнѣйшія научныя начинанія этой эпохи.—Собраніе данныхъ историко-археологическихъ.—Проектъ розысканія памятниковъ древней армянской письменности.—Кругосвѣтное плаваніе И. М. Симонова.—Несостоявшееся американское путешествіе В. И. Тимьянскаго.—Уральская экскурсія К. Ѳ. Фукса.—Прикаспійское путешествіе Э. И. Эйхвальда.—Кельтическія древности и путешествіе Ф. И. Эрдмана.—Санитарное свидѣтельствованіе военнаго госпиталя.—Общество любителей отечественной словесности.—Издательская дѣятельность университета эпохи Магницкаго.—Новый повременный органъ казанскаго университета—«Казанскій Вѣстникъ».—Исторія возникновенія и условія изданія этого журнала.—Вопросъ о печатаніи ученыхъ записокъ.—Университетское типографское дѣло и состояніе его при Магницкомъ 5

Цензура въ эпоху попечительства Магницкаго.—Цензурныя ограниченія общаго характера.—Вторженія попечителя въ область университетской цензурной компетенціи.—Цензурныя злоключенія проф. Эрдмана.—Инцидентъ съ курсомъ «Геометріи» Н. И. Лобачевскаго.—«Матросское горе» проф. Городчанинова.—Цензурно-охранительныя неистовства Магницкаго.—Конфликтъ попечителя съ графомъ

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

Часть третья

ЭПОХА ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА МАГНИЦКАГО

(1819—1826)

(Окончаніе)

ГЛАВА III

ЧЕРТЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ВЪ ЭПОХУ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА МАГНИЦКАГО

(1819—1826)

А

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ УНИВЕРСИТЕТА ВЪ ЭПОХУ МАГНИЦКАГО. ЦЕНЗУРНО-ОХРАНИТЕЛЬНЫЯ НАЧИНАНІЯ ПОПЕЧИТЕЛЯ

Аттрофированное положеніе научно-литературной дѣятельности университета въ эпоху Магницкаго.—Попытки привлеченія къ этой дѣятельности членовъ университета.—Важнѣйшія научныя начинанія этой эпохи.—Собраніе данныхъ историко-археологическихъ.—Проектъ розысканія памятниковъ древней армянской письменности.—Кругосвѣтное плаваніе И. М. Симонова.—Несостоявшееся американское путешествіе В. И. Тимьянскаго.—Уральская экскурсія К. Ѳ. Фукса.—Прикаспійское путешествіе Э. И. Эйхвальда.—Кельтическія древности и путешествіе Ф. И. Эрдмана.—Санитарное свидѣтельствованіе военнаго госпиталя.—Общество любителей отечественной словесности.—Издательская дѣятельность университета эпохи Магницкаго.—Новый повременный органъ казанскаго университета—«Казанскій Вѣстникъ».—Исторія возникновенія и условія изданія этого журнала.—Вопросъ о печатаніи ученыхъ записокъ.—Университетское типографское дѣло и состояніе его при Магницкомъ 5

Цензура въ эпоху попечительства Магницкаго.—Цензурныя ограниченія общаго характера.—Вторженія попечителя въ область университетской цензурной компетенціи.—Цензурныя злоключенія проф. Эрдмана.—Инцидентъ съ курсомъ «Геометріи» Н. И. Лобачевскаго.—«Матросское горе» проф. Городчанинова.—Цензурно-охранительныя неистовства Магницкаго.—Конфликтъ попечителя съ графомъ

Н. П. Румянцевымъ.—Вылазка противъ повременнаго органа министерства народнаго просвѣщенія.—Обличеніе россійскаго библейскаго общества.—Дерзкая выходка противъ преосвящ. Филарета и обличеніе іерарха въ анти-православномъ направленіи.—Извѣтъ на «Библіографическіе Листки» Кеппена.—Обличеніе сборника «Real Encyclopaedie».—Отголоски охранительныхъ неистовствъ казанскаго попечителя 48

II

УЧАЩІЕ И УЧАЩІЕСЯ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ВЪ ЭПОХУ МАГНИЦКАГО.—ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ УНИВЕРСИТЕТА

I. Учащіе казанскаго университета.—Общая характеристика отношеній Магницкаго къ преподавательскому персоналу университета.—Непослѣдовательность попечителя въ сужденіяхъ о профессорахъ.—Мѣры воздѣйствія его на личный составъ университета.—Требованіе подписокъ о непринадлежности къ масонству и тайнымъ обществамъ.—Мѣры водворенія абсолютной трезвости 75

II. Учащіеся казанскаго университета—Дисциплинарный строй университета въ воспоминаніяхъ современниковъ.—Первыя мѣропріятія по регламентаціи быта студенчества.—«Общее начертаніе благоповеденія» и «Обычаи по воспитанію студентовъ», составленные директоромъ университета Владимірскимъ.—Изложеніе содержанія этихъ актовъ.—«Наставленіе директору университета» попечителя Магницкаго.—Картина жизни струденчества, возстановляемая «Наставленіемъ».—Чрезвычайныя мѣры взысканій, самовольно введенныя попечителемъ.—Студенческіе проступки и наказанія.—Регистрація студентовъ по нравственности и поведенію ихъ.—Отзывъ Желтухина о системѣ Магницкаго и полемика съ нимъ попечителя.—Мѣры водворенія въ студентахъ благочестія.—Другія мѣры по устроенію внутренней жизни студенчества.—Судьба дисциплинарныхъ начинаній Магницкаго 85

III. Педагогическій институтъ въ эпоху Магницкаго.—Условность вопроса.—Мѣры по подготовленію питомцевъ университета къ ученой дѣятельности.—Ученыя командировки: Лебедевичъ-Драевскій, Соханскій, Кручининъ, Сыромятниковъ, Дмитріевскій, Скандовскій, Протопоповъ.—Изъ области фантастическихъ предположеній Магницкаго 115

В

УЧЕБНО-ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ УНИВЕРСИТЕТА

Нѣкоторыя данныя общаго характера относительно состоянія учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета въ эпоху попечительства Магницкаго 122

I.

БИБЛІОТЕКА

Мѣры къ благоустройству библіотеки въ начальную пору попечительства Магницкаго.—Библіотечные комитеты 1819 и 1821 годовъ.—Результаты дѣятельности этихъ комитетовъ.—Новыя мѣропріятія попечителя по приведеніи библіотеки въ порядокъ.—Попытки его привлечь къ дѣлу этому весь наличный преподавательскій персоналъ университета.—Мѣропріятія, вызванныя перемѣщеніемъ библіотеки въ вновь отстроенный главный университетскій корпусъ.—Хаотическое состояніе библіотеки къ концу лѣта 1825 года.—Новыя, принятыя на мѣстѣ, мѣры попечителя къ благоустройству библіотеки.—Дѣятельность по библіотекѣ проф. Н. И. Лобачевскаго.—Вопросъ о публичности университетской библіотеки.—Мѣры обезпеченія благонамѣренности библіотеки.—Распоряженія Магницкаго объ исключеніи и истребленіи «вредныхъ» книгъ.—Ревизія генералъ-маіора Желтухина и

Н. П. Румянцевымъ.—Вылазка противъ повременнаго органа министерства народнаго просвѣщенія.—Обличеніе россійскаго библейскаго общества.—Дерзкая выходка противъ преосвящ. Филарета и обличеніе іерарха въ анти-православномъ направленіи.—Извѣтъ на «Библіографическіе Листки» Кеппена.—Обличеніе сборника «Real Encyclopaedie».—Отголоски охранительныхъ неистовствъ казанскаго попечителя 48

Б

УЧАЩІЕ И УЧАЩІЕСЯ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ВЪ ЭПОХУ МАГНИЦКАГО.— ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ УНИВЕРСИТЕТА

I. Учащіе казанскаго университета.—Общая характеристика отношеній Магницкаго къ преподавательскому персоналу университета.—Непослѣдовательность попечителя въ сужденіяхъ о профессорахъ.—Мѣры воздѣйствія его на личный составъ университета.—Требованіе подписокъ о непринадлежности къ масонству и тайнымъ обществамъ.—Мѣры водворенія абсолютной трезвости 75

II. Учащіеся казанскаго университета—Дисциплинарный строй университета въ воспоминаніяхъ современниковъ.—Первыя мѣропріятія по регламентаціи быта студенчества.—«Общее начертаніе благоповеденія» и «Обычаи по воспитанію студентовъ», составленные директоромъ университета Владимірскимъ.—Изложеніе содержанія этихъ актовъ.—«Наставленіе директору университета» попечителя Магницкаго.—Картина жизни струденчества, возстановляемая «Наставленіемъ».—Чрезвычайныя мѣры взысканій, самовольно введенныя попечителемъ.—Студенческіе проступки и наказанія.—Регистрація студентовъ по нравственности и поведенію ихъ.—Отзывъ Желтухина о системѣ Магницкаго и полемика съ нимъ попечителя.—Мѣры водворенія въ студентахъ благочестія.—Другія мѣры по устроенію внутренней жизни студенчества.—Судьба дисциплинарныхъ начинаній Магницкаго 85

III. Педагогическій институтъ въ эпоху Магницкаго.—Условность вопроса.—Мѣры по подготовленію питомцевъ университета къ ученой дѣятельности.—Ученыя командировки: Лебедевичъ-Драевскій, Соханскій, Кручининъ, Сыромятниковъ, Дмитріевскій, Скандовскій, Протопоповъ.—Изъ области фантастическихъ предположеній Магницкаго 115

В

УЧЕБНО-ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ УНИВЕРСИТЕТА

Нѣкоторыя данныя общаго характера относительно состоянія учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета въ эпоху попечительства Магницкаго 122

I.

БИБЛІОТЕКА

Мѣры къ благоустройству библіотеки въ начальную пору попечительства Магницкаго.—Библіотечные комитеты 1819 и 1821 годовъ.—Результаты дѣятельности этихъ комитетовъ.—Новыя мѣропріятія попечителя по приведеніи библіотеки въ порядокъ.—Попытки его привлечь къ дѣлу этому весь наличный преподавательскій персоналъ университета.—Мѣропріятія, вызванныя перемѣщеніемъ библіотеки въ вновь отстроенный главный университетскій корпусъ.—Хаотическое состояніе библіотеки къ концу лѣта 1825 года.—Новыя, принятыя на мѣстѣ, мѣры попечителя къ благоустройству библіотеки.—Дѣятельность по библіотекѣ проф. Н. И. Лобачевскаго.—Вопросъ о публичности университетской библіотеки.—Мѣры обезпеченія благонамѣренности библіотеки.—Распоряженія Магницкаго объ исключеніи и истребленіи «вредныхъ» книгъ.—Ревизія генералъ-маіора Желтухина и

отношеніе ревизора къ библіотечнымъ мѣропріятіямъ Магницкаго.—Инцидентъ адъюнкта Краузе.—Отдѣльные факты гоненія Магницкаго на книги (инциденты Беллермана и Грегуара).—Къ вопросу о пополненіи библіотеки въ годы попечительства Магницкаго.—Общія данныя о состояніи университетской библіотеки за эту эпоху. 127

II

ФИЗИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ

Положеніе университетскаго физическаго кабинета ко времени ревизіи Магницкаго.—А. Я. Купферъ, новый профессоръ физики въ казанскомъ университетѣ.—Профессора Купферъ и Симоновъ въ Петербургѣ (1821 г.) и обсужденіе здѣсь мѣропріятій къ лучшему устройству ввѣренныхъ имъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій.—Ассигнованіе 40 тысячъ рублей на пріобрѣтеніе физическихъ и астрономическихъ инструментовъ.—Заграничное путешествіе съ этою цѣлью А. Я. Купфера и И. М Симонова.—Дѣятельность проф. Купфера по пріобрѣтенію физическихъ инструментовъ.—Мѣропріятія по приведенію въ лучшее устройство физическаго кабинета университета.

Метеорологическія и магнитныя наблюденія при казанскомъ университетѣ.—Зарожденіе мысли о магнитной обсерваторіи. 148

III

АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ОБСЕРВАТОРІЯ

Астрономическая обсерваторія казанскаго университета въ начальную пору попечительства Магницкаго.—Возвращеніе проф. И. М. Симонова изъ кругосвѣтнаго плаванія и предположенія относительно приведенія обсерваторіи въ состояніе лучшаго устройства.—Назначеніе 40 тысячъ рублей на пріобрѣтеніе астрономическихъ и физическихъ инструментовъ.—Заграничное путешествіе И. М. Симонова 1823—1824 годовъ.—Задачи, возложенныя на него въ этомъ путешествіи.—Дѣятельность И. М. Симонова въ чужихъ краяхъ.—Установленіе связей съ иностранными учеными.—Возведеніе австрійскаго императора въ степень почетнаго доктора правъ и новые почетные члены университета.—Судьба старой Литтровской обсерваторіи и временная обсерваторія проф. Симонова. 156

IV

ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Номинальное почти существованіе химической лабораторіи въ эпоху ревизіи Магницкаго.—Адъюнкты Дунаевъ и Пелатье и ихъ дѣятельность по лабораторіи.—Профессоръ А. Я. Купферъ и его мѣропріятія по устроенію химической лабораторіи.—Новыя пріобрѣтенія лабораторіи.—Химическая лабораторія къ концу эпохи попечительства Магницкаго . 165

V

КАБИНЕТЪ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ ИЛИ НАТУРАЛЬНЫЙ

Университетскій кабинетъ естественной исторіи въ началѣ 1819 года.—Составъ этого учебно-вспомогательнаго учрежденія.—Хронологическій перечень приращеній кабинета за промежутокъ времени 1820—1826 годовъ.—Ученое путешествіе проф. Э. И. Эйхвальда въ Прикаспійскій край.—Исключенія предметовъ изъ коллекцій кабинета.—Черты внѣшней организаціи кабинета естественной исторіи. 168

отношеніе ревизора къ библіотечнымъ мѣропріятіямъ Магницкаго.—Инцидентъ адъюнкта Краузе.—Отдѣльные факты гоненія Магницкаго на книги (инциденты Беллермана и Грегуара).—Къ вопросу о пополненіи библіотеки въ годы попечительства Магницкаго.—Общія данныя о состояніи университетской библіотеки за эту эпоху. 127

II

ФИЗИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ

Положеніе университетскаго физическаго кабинета ко времени ревизіи Магницкаго.—А. Я. Купферъ, новый профессоръ физики въ казанскомъ университетѣ.—Профессора Купферъ и Симоновъ въ Петербургѣ (1821 г.) и обсужденіе здѣсь мѣропріятій къ лучшему устройству ввѣренныхъ имъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій.—Ассигнованіе 40 тысячъ рублей на пріобрѣтеніе физическихъ и астрономическихъ инструментовъ.—Заграничное путешествіе съ этою цѣлью А. Я. Купфера и И. М Симонова.—Дѣятельность проф. Купфера по пріобрѣтенію физическихъ инструментовъ.—Мѣропріятія по приведенію въ лучшее устройство физическаго кабинета университета.

Метеорологическія и магнитныя наблюденія при казанскомъ университетѣ.—Зарожденіе мысли о магнитной обсерваторіи. 148

III

АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ОБСЕРВАТОРІЯ

Астрономическая обсерваторія казанскаго университета въ начальную пору попечительства Магницкаго.—Возвращеніе проф. И. М. Симонова изъ кругосвѣтнаго плаванія и предположенія относительно приведенія обсерваторіи въ состояніе лучшаго устройства.—Назначеніе 40 тысячъ рублей на пріобрѣтеніе астрономическихъ и физическихъ инструментовъ.—Заграничное путешествіе И. М. Симонова 1823—1824 годовъ.—Задачи, возложенныя на него въ этомъ путешествіи.—Дѣятельность И. М. Симонова въ чужихъ краяхъ.—Установленіе связей съ иностранными учеными.—Возведеніе австрійскаго императора въ степень почетнаго доктора правъ и новые почетные члены университета.—Судьба старой Литтровской обсерваторіи и временная обсерваторія проф. Симонова. 156

IV

ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Номинальное почти существованіе химической лабораторіи въ эпоху ревизіи Магницкаго.—Адъюнкты Дунаевъ и Пелатье и ихъ дѣятельность по лабораторіи.—Профессоръ А. Я. Купферъ и его мѣропріятія по устроенію химической лабораторіи.—Новыя пріобрѣтенія лабораторіи.—Химическая лабораторія къ концу эпохи попечительства Магницкаго . 165

V

КАБИНЕТЪ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ ИЛИ НАТУРАЛЬНЫЙ

Университетскій кабинетъ естественной исторіи въ началѣ 1819 года.—Составъ этого учебно-вспомогательнаго учрежденія.—Хронологическій перечень приращеній кабинета за промежутокъ времени 1820—1826 годовъ.—Ученое путешествіе проф. Э. И. Эйхвальда въ Прикаспійскій край.—Исключенія предметовъ изъ коллекцій кабинета.—Черты внѣшней организаціи кабинета естественной исторіи. 168

VI

МИНЕРАЛОГИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ

Выдѣленіе минералогическаго кабинета изъ кабинета естественной исторіи.—Сибирское путешествіе адъюнкта А. И. Лобачевскаго и его минералогическія пріобрѣтенія.—Приращенія минералогическаго собранія университета.—Покупка обширнаго минералогическаго собранія М. А. Свистуновой.—Исторія покупки этого собранія и его послѣдующая судьба.—Позднѣйшія пріобрѣтенія минералогическаго кабинета и предложенія коллекцій къ покупкѣ 174

VII

КАБИНЕТЪ РѢДКОСТЕЙ

Начальное зарожденіе университетскаго кабинета рѣдкостей.—Принесеніе проф. И. М. Симоновымъ университету въ даръ вещей, вывезенныхъ имъ изъ кругосвѣтнаго плаванія.—Списокъ предметовъ, поступившихъ отъ проф. Симонова въ даръ кабинету рѣдкостей.—Дальнѣйшія пріобрѣтенія кабинета.—Кабинетъ рѣдкостей въ послѣдній годъ попечительства Магницкаго 179

VIII

МИНЦЪ-КАБИНЕТЪ

Начало нумизматическаго собранія университета при его библіотекѣ.—Первыя болѣе крупныя приращенія собранія и выдѣленіе его въ самостоятельное учебно-вспомогательное учрежденіе.—Предположенія проф. В. И. Тимьянскаго относительно минцъ-кабинета университета.—Покупка минцъ-кабинета д. с. с. Ефимовича.—Дальнѣйшія пріобрѣтенія кабинета.—Покупка въ 1824 г. собранія восточныхъ монетъ у проф. К. Ѳ Фукса.—Исторія этого пріобрѣтенія.—Мѣры къ приведенію университетскаго минцъ-кабинета въ благоустройство.—Попытки его описаній. 183

IX

БОТАНИЧЕСКІЙ САДЪ

Неудовлетворительное состояніе университетскаго ботаническаго сада въ эпоху попечительства Магницкаго.—Мѣры къ пополненію сада растеніями и сѣменами.—Доставленіе училищнымъ персоналомъ округа «семянъ дикорастущихъ произрастеній» и судьба этого начинанія.—Сношенія казанскаго ботаническаго сада съ другими учрежденіями того же рода.—Возбужденіе проф. Э. И. Эйхвальдомъ вопроса объ изысканіи новаго мѣста для устройства университетскаго ботаническаго сада.—Судьба этого вопроса. 192

X

АНАТОМИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ

Недовольство Магницкаго найденнымъ имъ въ 1819 году состояніемъ университетскаго анатомическаго театра.—«Заводъ для добыванія скелетовъ» и мѣропріятія по отношенію къ нему директора университета Владимірскаго.—Переходное положеніе кафедры анатоміи послѣ кончины проф И. О. Брауна.—Новый представитель кафедры анатоміи П. С. Карейша и его мѣропріятія къ улучшенію состоянія анатомическаго театра.—Заботы объ обезпеченіи снабженія анатомическаго театра трупнымъ матеріаломъ.—Учрежденіе должности помощника провектора.—Анатомическій театръ къ концу эпохи попечительства Магницкаго. 199

VI

МИНЕРАЛОГИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ

Выдѣленіе минералогическаго кабинета изъ кабинета естественной исторіи.—Сибирское путешествіе адъюнкта А. И. Лобачевскаго и его минералогическія пріобрѣтенія.—Приращенія минералогическаго собранія университета.—Покупка обширнаго минералогическаго собранія М. А. Свистуновой.—Исторія покупки этого собранія и его послѣдующая судьба.—Позднѣйшія пріобрѣтенія минералогическаго кабинета и предложенія коллекцій къ покупкѣ 174

VII

КАБИНЕТЪ РѢДКОСТЕЙ

Начальное зарожденіе университетскаго кабинета рѣдкостей.—Принесеніе проф. И. М. Симоновымъ университету въ даръ вещей, вывезенныхъ имъ изъ кругосвѣтнаго плаванія.—Списокъ предметовъ, поступившихъ отъ проф. Симонова въ даръ кабинету рѣдкостей.—Дальнѣйшія пріобрѣтенія кабинета.—Кабинетъ рѣдкостей въ послѣдній годъ попечительства Магницкаго 179

VIII

МИНЦЪ-КАБИНЕТЪ

Начало нумизматическаго собранія университета при его библіотекѣ.—Первыя болѣе крупныя приращенія собранія и выдѣленіе его въ самостоятельное учебно-вспомогательное учрежденіе.—Предположенія проф. В. И. Тимьянскаго относительно минцъ-кабинета университета.—Покупка минцъ-кабинета д. с. с. Ефимовича.—Дальнѣйшія пріобрѣтенія кабинета.—Покупка въ 1824 г. собранія восточныхъ монетъ у проф. К. Ѳ Фукса.—Исторія этого пріобрѣтенія.—Мѣры къ приведенію университетскаго минцъ-кабинета въ благоустройство.—Попытки его описаній. 183

IX

БОТАНИЧЕСКІЙ САДЪ

Неудовлетворительное состояніе университетскаго ботаническаго сада въ эпоху попечительства Магницкаго.—Мѣры къ пополненію сада растеніями и сѣменами.—Доставленіе училищнымъ персоналомъ округа «семянъ дикорастущихъ произрастеній» и судьба этого начинанія.—Сношенія казанскаго ботаническаго сада съ другими учрежденіями того же рода.—Возбужденіе проф. Э. И. Эйхвальдомъ вопроса объ изысканіи новаго мѣста для устройства университетскаго ботаническаго сада.—Судьба этого вопроса. 192

X

АНАТОМИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ

Недовольство Магницкаго найденнымъ имъ въ 1819 году состояніемъ университетскаго анатомическаго театра.—«Заводъ для добыванія скелетовъ» и мѣропріятія по отношенію къ нему директора университета Владимірскаго.—Переходное положеніе кафедры анатоміи послѣ кончины проф И. О. Брауна.—Новый представитель кафедры анатоміи П. С. Карейша и его мѣропріятія къ улучшенію состоянія анатомическаго театра.—Заботы объ обезпеченіи снабженія анатомическаго театра трупнымъ матеріаломъ.—Учрежденіе должности помощника провектора.—Анатомическій театръ къ концу эпохи попечительства Магницкаго. 199

XI

КЛИНИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ

Суровый отзывъ Магницкаго о положеніи клиническаго института университета въ началѣ 1819 года.—Осмотръ клиники директоромъ университета Владимірскимъ и отрицательные выводы его относительно этого учрежденія.—Тенденціозность заключеній директора и отпоръ, встрѣченный имъ со стороны членовъ врачебнаго отдѣленія.—Общія мѣры по упорядоченію клиническаго дѣла.—Дѣятельность клиническаго института въ 1820-мъ и въ послѣдующіе годы.—Учрежденіе при институтѣ ординатуры. Первые ординаторы.—Матеріальныя пріобрѣтенія клиническаго института.—Къ вопросу о пользованіи въ клиникѣ городскихъ больныхъ.

Проектъ учрежденія при университетѣ особаго медицинскаго института.—Къ исторіи этого вопроса.—Вопросъ о медицинскомъ институтѣ въ годы попечительства Магницкаго. 204

Г

УЧИЛИЩНЫЯ ОТНОШЕНІЯ УНИВЕРСИТЕТА

Казанскій учебный округъ въ началѣ попечительства Магницкаго.—Движеніе училищнаго дѣла за 1821—1828 годы.—Недовѣріе Магницкаго къ казанскому университету и первыя административно-педагогическія мѣропріятія его по округу.—Дѣло о взиманіи платы за право ученія.—Сношенія по училищному дѣлу съ губернаторами учебнаго округа и результаты этого начинанія.—Генеральная ревизія округа въ 1820—1821 годахъ.—Визитаціи позднѣйшихъ годовъ.—Извѣтъ дворянина Данилевскаго и визитація проф. Суровцовымъ пензенской гимназіи.—Ревизія казанской гимназіи 1822 года.—Ходъ этой ревизіи и ея результаты.—Условія внутренней жизни училищъ округа въ эпоху попечительства Магницкаго.—Мѣры насажденія въ училищахъ духа благочестія.—Отдѣльные факты изъ училищной жизни того времени.—Директоръ университета Владимірскій въ роли блюстителя благочестія въ округѣ.—Ревизія училищныхъ библіотекъ съ точки зрѣнія благонамѣренности ихъ состава.—Гоненіе на «вредныя» книги.—Условія быта учащихся и учащихъ.—Дисциплинарно-карательныя мѣры по отношенію къ преподавательскому персоналу.—Отношеніе Магницкаго къ вопросу о просвѣщеніи мусульманскаго населенія края и проектъ основанія центральнаго татарскаго училища.—Проектъ учрежденія въ Казани института восточныхъ языковъ.—Общій взглядъ на училищную дѣятельность университета. 218

ГЛАВА IV

КОЛЛЕГІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ПОДЪ ЭГИДОЮ МАГНИЦКАГО.—МѢРЫ ВНѢШНЯГО УСТРОИТЕЛЬСТВА УНИВЕРСИТЕТА

(1820—1826)

А

КОЛЛЕГІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ПОДЪ ЭГИДОЮ МАГНИЦКАГО

Важнѣйшіе моменты административной жизни казанскаго университета.—Абсентеизмъ Магницкаго въ Казани и мѣры вліянія его на университетскія дѣла.—Ректоръ университета Никольскій и директоръ Владимірскій въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ.—Черты административной дѣятельности директора Владимір-

V

XI

КЛИНИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ

Суровый отзывъ Магницкаго о положеніи клиническаго института университета въ началѣ 1819 года.—Осмотръ клиники директоромъ университета Владимірскимъ и отрицательные выводы его относительно этого учрежденія.—Тенденціозность заключеній директора и отпоръ, встрѣченный имъ со стороны членовъ врачебнаго отдѣленія.—Общія мѣры по упорядоченію клиническаго дѣла.—Дѣятельность клиническаго института въ 1820-мъ и въ послѣдующіе годы.—Учрежденіе при институтѣ ординатуры. Первые ординаторы.—Матеріальныя пріобрѣтенія клиническаго института.—Къ вопросу о пользованіи въ клиникѣ городскихъ больныхъ.

Проектъ учрежденія при университетѣ особаго медицинскаго института.—Къ исторіи этого вопроса.—Вопросъ о медицинскомъ институтѣ въ годы попечительства Магницкаго. 204

Г

УЧИЛИЩНЫЯ ОТНОШЕНІЯ УНИВЕРСИТЕТА

Казанскій учебный округъ въ началѣ попечительства Магницкаго.—Движеніе училищнаго дѣла за 1821—1828 годы.—Недовѣріе Магницкаго къ казанскому университету и первыя административно-педагогическія мѣропріятія его по округу.—Дѣло о взиманіи платы за право ученія.—Сношенія по училищному дѣлу съ губернаторами учебнаго округа и результаты этого начинанія.—Генеральная ревизія округа въ 1820—1821 годахъ.—Визитаціи позднѣйшихъ годовъ.—Извѣтъ дворянина Данилевскаго и визитація проф. Суровцовымъ пензенской гимназіи.—Ревизія казанской гимназіи 1822 года.—Ходъ этой ревизіи и ея результаты.—Условія внутренней жизни училищъ округа въ эпоху попечительства Магницкаго.—Мѣры насажденія въ училищахъ духа благочестія.—Отдѣльные факты изъ училищной жизни того времени.—Директоръ университета Владимірскій въ роли блюстителя благочестія въ округѣ.—Ревизія училищныхъ библіотекъ съ точки зрѣнія благонамѣренности ихъ состава.—Гоненіе на «вредныя» книги.—Условія быта учащихся и учащихъ.—Дисциплинарно-карательныя мѣры по отношенію къ преподавательскому персоналу.—Отношеніе Магницкаго къ вопросу о просвѣщеніи мусульманскаго населенія края и проектъ основанія центральнаго татарскаго училища.—Проектъ учрежденія въ Казани института восточныхъ языковъ.—Общій взглядъ на училищную дѣятельность университета. 218

ГЛАВА IV

КОЛЛЕГІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ПОДЪ ЭГИДОЮ МАГНИЦКАГО.—МѢРЫ ВНѢШНЯГО УСТРОИТЕЛЬСТВА УНИВЕРСИТЕТА

(1820—1826)

А

КОЛЛЕГІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ПОДЪ ЭГИДОЮ МАГНИЦКАГО

Важнѣйшіе моменты административной жизни казанскаго университета.—Абсентеизмъ Магницкаго въ Казани и мѣры вліянія его на университетскія дѣла.—Ректоръ университета Никольскій и директоръ Владимірскій въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ.—Черты административной дѣятельности директора Владимір-

скаго.—Конфликтъ директора съ попечителемъ и паденіе Владимірскаго.—Университетскіе выборы 5-го мая 1823 года.—К. Ѳ. Фуксъ, въ качествѣ ректора университета.—Г. Б. Никольскій, въ качествѣ директора университета.—Разрывъ между Магницкимъ и директоромъ Никольскимъ.—Преемники проф. Никольскаго въ должности директора университета.—Г. Ѳ. Вишневскій.—Т. Е. Любомировъ и тенденція къ усиленію директорской власти.—Упраздненіе университетскаго двоевластія. 286

Важнѣйшія проявленія коллегіальной жизни казанскаго университета въ годы попечительства Магницкаго.—Тщетныя ожиданія прибытія Магницкаго въ 1821 и 1822 годахъ въ Казань.—«Бесѣда» Магницкаго съ совѣтомъ, присланная взамѣнъ личнаго посѣщенія имъ университета.—Обзоръ 18-ти статей попечительской «Бесѣды».—Фантастическія предначертанія Магницкаго.—Проектъ насажденія востоковѣдѣнія и ученыхъ сношеній съ востокомъ.—Мѣры къ устройству передвижныхъ школъ и къ насажденію взаимнаго (ланкастерскаго) метода обученія.—Заботы Магницкаго въ области насажденія библейскаго дѣла въ учебномъ округѣ.—Университетское «библейское сотоварищество» и дальнѣйшая судьба этого начинанія.—Разработка проекта новаго университетскаго устава.—Проектъ устава.—Вопросъ о новыхъ штатахъ. 335

Черты внутренней, интимной, жизни университетской коллегіи.—Общая характеристика этой жизни.—Мѣры противъ «горячности» въ совѣтѣ.—Дѣло профессора И. А. Жобара.—Скандальные инциденты Жобара въ университетскомъ совѣтѣ.—Борьба между профессорами Сергѣевымъ и Жобаромъ.—Комитетъ по дѣлу Жобара и дальнѣйшая судьба этого дѣла.—Къ вопросу о партіяхъ въ совѣтѣ.—Дѣло профессора Г. С. Суровцова и его обличительная «записка». 375

Почетные члены казанскаго университета.—Общая характеристика условій избранія ихъ въ эпоху попечительства Магницкаго 403

II

МѢРЫ ВНѢШНЯГО УСТРОИТЕЛЬСТВА УНИВЕРСИТЕТА И ТОРЖЕСТВО МАГНИЦКАГО

Заботы Магницкаго о привлеченіи общественнаго интереса къ жизни обновленнаго имъ университета.—Торжественные университетскіе акты.—Борьба съ затрудненіями финансоваго характера.—Проектъ оброчныхъ статей для казанскаго университета.—Строительныя начинанія Магницкаго.—Ходатайства объ отпускѣ суммъ на переустройство университетскихъ зданій.—Общій планъ и смѣта строительныхъ работъ.—Проектъ устройства главнаго университетскаго корпуса.—Учрежденіе строительнаго комитета.—Выполненіе плана намѣченныхъ работъ.—Сооруженіе университетской церкви.—Препятствія на пути строительныхъ работъ.—Н. И. Лобачевскій, въ качествѣ члена и предсѣдателя строительнаго комитета.—Недочеты и злоупотребленія по постройкамъ.—Освидѣтельствованія произведенныхъ работъ и отчетность по нимъ. 408

Торжество Магницкаго.—Его отчеты по управленію университетомъ.—Тенденціозность попечителя.—Мѣры увѣковѣченія совершеннаго Магницкимъ обновленія казанскаго университета.—Неосуществившееся ожиданіе посѣщенія университета императоромъ Александромъ I. 418

ГЛАВА V

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ОТНОШЕНІЯ МАГНИЦКАГО И ПОСЛѢДНІЯ ПОРЫ ЕГО ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА

(1819—1825)

Жизнь Магницкаго въ столицѣ.—Сила авторитета казанскаго попечителя.—Записка проф. Г. Ф. Паррота.—Вмѣшательство Магницкаго въ постороннія ему сферы вѣдомствъ

скаго.—Конфликтъ директора съ попечителемъ и паденіе Владимірскаго.—Университетскіе выборы 5-го мая 1823 года.—К. Ѳ. Фуксъ, въ качествѣ ректора университета.—Г. Б. Никольскій, въ качествѣ директора университета.—Разрывъ между Магницкимъ и директоромъ Никольскимъ.—Преемники проф. Никольскаго въ должности директора университета.—Г. Ѳ. Вишневскій.—Т. Е. Любомировъ и тенденція къ усиленію директорской власти.—Упраздненіе университетскаго двоевластія. 286

Важнѣйшія проявленія коллегіальной жизни казанскаго университета въ годы попечительства Магницкаго.—Тщетныя ожиданія прибытія Магницкаго въ 1821 и 1822 годахъ въ Казань.—«Бесѣда» Магницкаго съ совѣтомъ, присланная взамѣнъ личнаго посѣщенія имъ университета.—Обзоръ 18-ти статей попечительской «Бесѣды».—Фантастическія предначертанія Магницкаго.—Проектъ насажденія востоковѣдѣнія и ученыхъ сношеній съ востокомъ.—Мѣры къ устройству передвижныхъ школъ и къ насажденію взаимнаго (ланкастерскаго) метода обученія.—Заботы Магницкаго въ области насажденія библейскаго дѣла въ учебномъ округѣ.—Университетское «библейское сотоварищество» и дальнѣйшая судьба этого начинанія.—Разработка проекта новаго университетскаго устава.—Проектъ устава.—Вопросъ о новыхъ штатахъ. 335

Черты внутренней, интимной, жизни университетской коллегіи.—Общая характеристика этой жизни.—Мѣры противъ «горячности» въ совѣтѣ.—Дѣло профессора И. А. Жобара.—Скандальные инциденты Жобара въ университетскомъ совѣтѣ.—Борьба между профессорами Сергѣевымъ и Жобаромъ.—Комитетъ по дѣлу Жобара и дальнѣйшая судьба этого дѣла.—Къ вопросу о партіяхъ въ совѣтѣ.—Дѣло профессора Г. С. Суровцова и его обличительная «записка». 375

Почетные члены казанскаго университета.—Общая характеристика условій избранія ихъ въ эпоху попечительства Магницкаго 403

II

МѢРЫ ВНѢШНЯГО УСТРОИТЕЛЬСТВА УНИВЕРСИТЕТА И ТОРЖЕСТВО МАГНИЦКАГО

Заботы Магницкаго о привлеченіи общественнаго интереса къ жизни обновленнаго имъ университета.—Торжественные университетскіе акты.—Борьба съ затрудненіями финансоваго характера.—Проектъ оброчныхъ статей для казанскаго университета.—Строительныя начинанія Магницкаго.—Ходатайства объ отпускѣ суммъ на переустройство университетскихъ зданій.—Общій планъ и смѣта строительныхъ работъ.—Проектъ устройства главнаго университетскаго корпуса.—Учрежденіе строительнаго комитета.—Выполненіе плана намѣченныхъ работъ.—Сооруженіе университетской церкви.—Препятствія на пути строительныхъ работъ.—Н. И. Лобачевскій, въ качествѣ члена и предсѣдателя строительнаго комитета.—Недочеты и злоупотребленія по постройкамъ.—Освидѣтельствованія произведенныхъ работъ и отчетность по нимъ. 408

Торжество Магницкаго.—Его отчеты по управленію университетомъ.—Тенденціозность попечителя.—Мѣры увѣковѣченія совершеннаго Магницкимъ обновленія казанскаго университета.—Неосуществившееся ожиданіе посѣщенія университета императоромъ Александромъ I. 418

ГЛАВА V

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ОТНОШЕНІЯ МАГНИЦКАГО И ПОСЛѢДНІЯ ПОРЫ ЕГО ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА

(1819—1825)

Жизнь Магницкаго въ столицѣ.—Сила авторитета казанскаго попечителя.—Записка проф. Г. Ф. Паррота.—Вмѣшательство Магницкаго въ постороннія ему сферы вѣдомствъ

й отношеній. Извѣтъ на членовъ императорской фамиліи.—Проекты попечителя казанскаго учебнаго округа.—Попеченія Магницкаго объ устройствѣ своего личнаго матеріальнаго благосостоянія.—Письмо Е. О. Магницкой къ государю императору. 456

Министръ народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицинъ и попечитель Магницкій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.—Зарожденіе оппозиціи противъ князя Голицина.—Архимандритъ Фотій и его роль въ борьбѣ съ министромъ народнаго просвѣщенія.—Участіе въ интригѣ графа А. А. Аракчеева.—Измѣна Магницкаго князю А. Н. Голицину.—Торжество оппозиціи и увольненіе князя Голицина.—А. С. Шишковъ, новый министръ народнаго просвѣщенія.—Начальныя отношенія казанскаго попечителя къ вновь назначенному министру.—Образованіе при министерствѣ враждебной Магницкому партіи.—Успѣхи борьбы противъ попечителя казанскаго учебнаго округа.—Оправданіе Магницкаго по обвиненію въ непосѣщеніи ввѣреннаго ему округа.—Заискиванія передъ графомъ Аракчеевымъ.—Пребываніе попечителя въ с. Грузинѣ и «сонъ» его здѣсь. 467

Выѣздъ Магницкаго въ Казань и осмотръ имъ университета.—Университетскія торжества 13-го–15-го сентября 1825 года.—Тенденціозная рѣчь попечителя.—Отъѣздъ Магницкаго изъ Казани и рядъ предложеній его совѣту университета.—Положеніе, занятое Магницкимъ по выѣздѣ его изъ Казани.—Недовольство министра Шишкова и продолженіе министерскихъ подкоповъ подъ казанскаго попечителя.—Кончина императора Александра I и смутные петербургскіе дни.—Роль Магницкаго въ событіяхъ этихъ дней.—Подневольный выѣздъ попечителя изъ столицы и начало его злоключеній.—Свидѣтельства объ этомъ событіи современниковъ и самого Магницкаго.—Прибытіе опальнаго попечителя въ Казань.—Первое извѣстіе о назначеніи ревизіи генералъ-маіора П. Ѳ. Желтухина. 497

ГЛАВА VI

РЕВИЗІЯ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА П. Ѳ. ЖЕЛТУХИНА И ПАДЕНІЕ МАГНИЦКАГО

(1826)

Біографическія данныя о П. Ѳ. Желтухинѣ.—Обстоятельства, сопровождавшія назначеніе его ревизоромъ казанскаго университета.—Докладъ государю и «Записка о директорѣ казанскаго университета».—Назначеніе ревизіи казанскаго университета.—Магницкій въ Казани.—Актъ «обновленія» 17-го января 1826 года.—Инструкція для ревизіи казанскаго университета.—Ходъ ревизіи и предварительное донесеніе ревизора.—Махинаціи Магницкаго противъ Желтухина.—Донесенія о посѣщеніи Желтухинымъ университетскихъ лекцій. 538

Окончательное донесеніе Желтухина о произведенной имъ ревизіи.—Извлеченія изъ отчета о ревизіи казанскаго университета.—Всеподданнѣйшія письма Магницкаго и его объясненія по предъявленнымъ Желтухинымъ обвиненіямъ.—Дѣло Магницкаго въ главномъ правленіи училищъ.—Заключенія главнаго правленія училищъ.—Записка А. С. Шишкова «О попечителѣ казанскаго учебнаго округа».—Увольненіе Магницкаго отъ службы.—Самовольная поѣздка Магницкаго въ Петербургъ и обратная высылка его въ Казань.—Министерская записка «О дѣйствит. стат. совѣтникѣ Магницкомъ».—Назначеніе коммиссіи для обревизованія счетовъ казанскаго университета.—Дѣло Магницкаго въ сенатѣ.—Новыя домогательства бывшаго попечителя.—Высылка Магницкаго въ Ревель.—Ревельскіе и одесскіе годы жизни Магницкаго и его кончина 566

Министерскія распоряженія, послѣдовавшія за увольненіемъ Магницкаго.—Назначеніе М. Н. Мусина-Пушкина и. д. попечителя округа. . . . . 60[illegible]

й отношеній. Извѣтъ на членовъ императорской фамиліи.—Проекты попечителя казанскаго учебнаго округа.—Попеченія Магницкаго объ устройствѣ своего личнаго матеріальнаго благосостоянія.—Письмо Е. О. Магницкой къ государю императору. 456

Министръ народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицинъ и попечитель Магницкій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.—Зарожденіе оппозиціи противъ князя Голицина.—Архимандритъ Фотій и его роль въ борьбѣ съ министромъ народнаго просвѣщенія.—Участіе въ интригѣ графа А. А. Аракчеева.—Измѣна Магницкаго князю А. Н. Голицину.—Торжество оппозиціи и увольненіе князя Голицина.—А. С. Шишковъ, новый министръ народнаго просвѣщенія.—Начальныя отношенія казанскаго попечителя къ вновь назначенному министру.—Образованіе при министерствѣ враждебной Магницкому партіи.—Успѣхи борьбы противъ попечителя казанскаго учебнаго округа.—Оправданіе Магницкаго по обвиненію въ непосѣщеніи ввѣреннаго ему округа.—Заискиванія передъ графомъ Аракчеевымъ.—Пребываніе попечителя въ с. Грузинѣ и «сонъ» его здѣсь. 467

Выѣздъ Магницкаго въ Казань и осмотръ имъ университета.—Университетскія торжества 13-го–15-го сентября 1825 года.—Тенденціозная рѣчь попечителя.—Отъѣздъ Магницкаго изъ Казани и рядъ предложеній его совѣту университета.—Положеніе, занятое Магницкимъ по выѣздѣ его изъ Казани.—Недовольство министра Шишкова и продолженіе министерскихъ подкоповъ подъ казанскаго попечителя.—Кончина императора Александра I и смутные петербургскіе дни.—Роль Магницкаго въ событіяхъ этихъ дней.—Подневольный выѣздъ попечителя изъ столицы и начало его злоключеній.—Свидѣтельства объ этомъ событіи современниковъ и самого Магницкаго.—Прибытіе опальнаго попечителя въ Казань.—Первое извѣстіе о назначеніи ревизіи генералъ-маіора П. Ѳ. Желтухина. 497

ГЛАВА VI

РЕВИЗІЯ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА П. Ѳ. ЖЕЛТУХИНА И ПАДЕНІЕ МАГНИЦКАГО

(1826)

Біографическія данныя о П. Ѳ. Желтухинѣ.—Обстоятельства, сопровождавшія назначеніе его ревизоромъ казанскаго университета.—Докладъ государю и «Записка о директорѣ казанскаго университета».—Назначеніе ревизіи казанскаго университета.—Магницкій въ Казани.—Актъ «обновленія» 17-го января 1826 года.—Инструкція для ревизіи казанскаго университета.—Ходъ ревизіи и предварительное донесеніе ревизора.—Махинаціи Магницкаго противъ Желтухина.—Донесенія о посѣщеніи Желтухинымъ университетскихъ лекцій. 538

Окончательное донесеніе Желтухина о произведенной имъ ревизіи.—Извлеченія изъ отчета о ревизіи казанскаго университета.—Всеподданнѣйшія письма Магницкаго и его объясненія по предъявленнымъ Желтухинымъ обвиненіямъ.—Дѣло Магницкаго въ главномъ правленіи училищъ.—Заключенія главнаго правленія училищъ.—Записка А. С. Шишкова «О попечителѣ казанскаго учебнаго округа».—Увольненіе Магницкаго отъ службы.—Самовольная поѣздка Магницкаго въ Петербургъ и обратная высылка его въ Казань.—Министерская записка «О дѣйствит. стат. совѣтникѣ Магницкомъ».—Назначеніе коммиссіи для обревизованія счетовъ казанскаго университета.—Дѣло Магницкаго въ сенатѣ.—Новыя домогательства бывшаго попечителя.—Высылка Магницкаго въ Ревель.—Ревельскіе и одесскіе годы жизни Магницкаго и его кончина 566

Министерскія распоряженія, послѣдовавшія за увольненіемъ Магницкаго.—Назначеніе М. Н. Мусина-Пушкина и. д. попечителя округа. . . . . 60[illegible]

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ЧЕТВЕРТОМУ ТОМУ

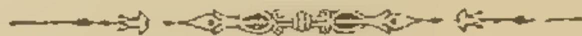
I. Представленіе муфтія Джанъ-Гуссейна относительно постановки дѣла мусульманскаго образованія 613
II. Документы, касающіеся дѣла профессора А. К. Жобара 617
III. Отчетъ Магницкаго по Казанскому университету за 1824-й годъ 625
IV. Счетъ расходамъ, произведеннымъ по угощенію почетныхъ посѣтителей университетскихъ торжествъ 13—15 сентября 1825 года 637
V. Донесеніе генералъ-маіора П. Ѳ. Желтухина о произведенной имъ ревизіи Казанскаго университета 639

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ 675
ССЫЛКИ И ПРИМѢЧАНІЯ I

Портреты и снимки къ четвертому тому

(Съ указаніемъ мѣстъ ихъ въ текстѣ книги)

1. Императоръ Александръ I—«Обновитель» Казанскаго Университета 5
2. Профессоръ астрономіи И. М. Симоновъ 161
3. Общій видъ главнаго университетскаго корпуса, по соединеніи въ одно домовъ Гимназическаго и Тенишевскаго 421
4. Планъ нижняго этажа главнаго университетскаго корпуса 425
5. Планъ верхняго и средняго этажей главнаго университетскаго корпуса 429
6. Университетская домовая церковь 433
7. Видъ съ озера Кабана на Казань и на университетскія зданія (1830-го года) . . 449
8. Адмиралъ А. С. Шишковъ, министръ народнаго просвѣщенія 481
9. Актовый залъ Казанскаго университета 509
10. Протоколъ о прибытіи въ Казань М. Л. Магницкаго и о первомъ посѣщеніи имъ университета 501
11. Клятвенное обѣщаніе на вѣрность императору Константину Павловичу 537
12. Генералъ-маіоръ П. Ѳ. Желтухинъ, ревизоръ Казанскаго университета 567



ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ЧЕТВЕРТОМУ ТОМУ

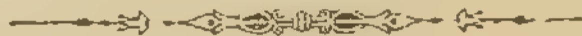
I. Представленіе муфтія Джанъ-Гуссейна относительно постановки дѣла мусульманскаго образованія . . . 613
II. Документы, касающіеся дѣла профессора А. К. Жобара . . . 617
III. Отчетъ Магницкаго по Казанскому университету за 1824-й годъ . . . 625
IV. Счетъ расходамъ, произведеннымъ по угощенію почетныхъ посѣтителей университетскихъ торжествъ 13—15 сентября 1825 года . . . 637
V. Донесеніе генералъ-маіора П. Ѳ. Желтухина о произведенной имъ ревизіи Казанскаго университета . . . 639

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ . . . 675
ССЫЛКИ И ПРИМѢЧАНІЯ . . . 1

Портреты и снимки къ четвертому тому

(Съ указаніемъ мѣстъ ихъ въ текстѣ книги)

1. Императоръ Александръ I—«Обновитель» Казанскаго Университета . . . 5
2. Профессоръ астрономіи И. М. Симоновъ . . . 161
3. Общій видъ главнаго университетскаго корпуса, по соединеніи въ одно домовъ Гимназическаго и Тенишевскаго . . . 421
4. Планъ нижняго этажа главнаго университетскаго корпуса . . . 425
5. Планъ верхняго и средняго этажей главнаго университетскаго корпуса . . . 429
6. Университетская домовая церковь . . . 433
7. Видъ съ озера Кабана на Казань и на университетскія зданія (1830-го года) . . 449
8. Адмиралъ А. С. Шишковъ, министръ народнаго просвѣщенія . . . 481
9. Актовый залъ Казанскаго университета . . . 509
10. Протоколъ о прибытіи въ Казань М. Л. Магницкаго и о первомъ посѣщеніи имъ университета . . . 501
11. Клятвенное обѣщаніе на вѣрность императору Константину Павловичу . . . 537
12. Генералъ-маіоръ П. Ѳ. Желтухинъ, ревизоръ Казанскаго университета . . . 567



2007098460

2007098460